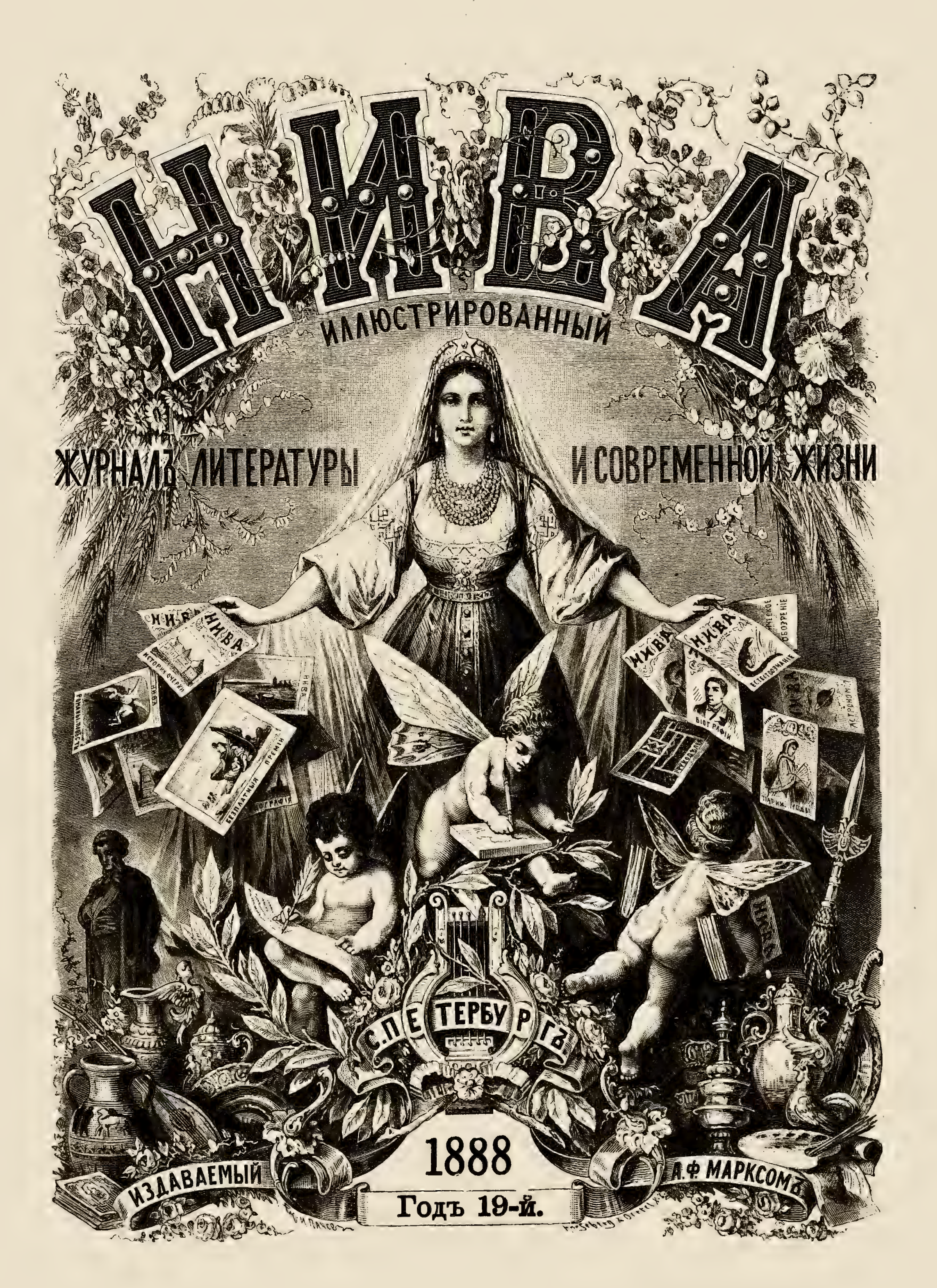

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1888
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 19-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1888 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, комедіи, стихотворенія, очерки и пр.

II. Біографіи и характеристики.

III. Историко-археологическіе очерки.

IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

V. Естествознаніе.

VI. Новыя изобрѣтенія и технологія.

VII. Архитектура и скульптура.

VIII. Современность.

IX. Литературный альбомъ.

X. Популярно-медицинскіе очерки.

XI. Библіографія.

XII. Парижскія моды.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

(Въ подписи къ рисунку на стр. 1120 вкралась опечатка: вмѣсто *Оружейная палата* слѣдуетъ читать: *Окрестности Оружейной палаты*).

XIX г. | № 1 | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 января 1888 г. — Цѣна этого № 25 к., съ перес. 30 к.

Начиная печатать новое произведеніе И. А. Гончарова, считаемъ своевременнымъ помѣстить въ этомъ же № „Нивы“ новѣйшій портретъ его и напомнить читателямъ нѣкоторыя даты, не вдаваясь въ подробности его всѣмъ извѣстной литературной дѣятельности.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ родился въ 1812 году на Волгѣ, въ Симбирскѣ, кончилъ курсъ въ 1834 году по филологическому факультету Московскаго университета, а въ 1835, переселясь въ Петербургъ, вступилъ на службу въ министерство финансовъ, переводчикомъ съ иностранныхъ языковъ при одномъ изъ департаментовъ. Еще студентомъ онъ занимался литературой и перевелъ романъ Сю, отрывокъ изъ котораго напечаталъ въ *Телескопѣ* 1832 г. Въ Петербургѣ же, продолжая службу, онъ въ свободное время занимался переводами, компиляціями и разборами въ нѣкоторыхъ журналахъ. Въ 1847 г. появился романъ его *Обыкновенная исторія*, который обратилъ на себя общее вниманіе и сразу сдѣлалъ имя Гончарова извѣстнымъ. Въ 1849 г. напечатанъ былъ отрывокъ изъ большаго романа, подъ заглавіемъ „Сонъ Обломова“. Въ 1852 г. И. А. Гончаровъ отправился на фрегатѣ *Паллада*, въ качествѣ секретаря при начальникѣ экспедиціи въ Японію, въ кругосвѣтное плаваніе, отрывки изъ описаній коего появлялись въ разныхъ журналахъ. По возвращеніи Гончарова изъ двухлѣтняго плаванія, очерки этого путешествія, подъ заглавіемъ *Фрегатъ Паллада* вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ въ 1856 и 1857 годахъ. 1857 годъ И. А. Гончаровъ провелъ на водахъ заграницей и тамъ въ лѣтнее время докончилъ *Обломова*, который и былъ напечатанъ въ 1859 году въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Въ 1869 г. появился въ *Вѣстникѣ Европы* новый его романъ *Обрывъ*. Затѣмъ нѣсколько статей и этюдовъ вошли въ общее собраніе его сочиненій отдѣльнымъ томомъ подъ названіемъ *Четыре очерка.*

И. А. Гончаровъ. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

Слуги.

(Изъ домашняго архива).

И. А. Гончарова.

Вмѣсто предисловія. Мнѣ нерѣдко дѣлали и доселѣ дѣлаютъ нѣчто въ родѣ упрека или вопроса, зачѣмъ я, выводя въ своихъ сочиненіяхъ лицъ изъ всѣхъ сословій, никогда не касаюсь крестьянъ, не стараюсь изображать ихъ въ художественныхъ типахъ, или не вникаю въ ихъ бытъ, экономическія условія и т. п. Можно вывести изъ этого заключеніе, можетъ-быть и выводятъ, что я умышленно устраняюсь отъ „народа“, не люблю, т. е. „не жалѣю“ его, не сочувствую его судьбѣ, его трудамъ, нуждамъ, горестямъ, словомъ—не болѣю за него. Это-де брезгливость, барство, эпикуреизмъ, любовь къ комфорту, чѣмъ, всего болѣе послѣднимъ, нѣкоторые пробовали объяснить мое мнимое равнодушіе къ народу.

На это можно бы многое отвѣчать, но у меня есть одинъ отвѣтъ, который устраняетъ необходимость всѣхъ другихъ, а именно: я не знаю быта, нравовъ крестьянъ, не знаю сельской жизни, сельскаго хозяйства, подробностей и условій крестьянскаго существованія, или если знаю что-нибудь, то это изъ художественныхъ и другихъ очерковъ и описаній нашихъ писателей. Я не владѣлъ крестьянами, не было у меня никакой деревни, земли; я не сѣялъ, не собиралъ, даже не жилъ никогда по деревнямъ. Ребенкомъ девяти и десяти лѣтъ я прожилъ въ деревнѣ два года и ни въ какое общеніе съ крестьянами, конечно, входить не могъ.

Откуда же мнѣ было знать, такъ сказать, лично крестьянъ, ихъ жизнь, бытъ, нравы, горести, заботы, и какъ было заразиться живою (а не литературною), личною любовью и печалованіемъ о нихъ? Сознаніе человѣческаго долга къ ближнему, безъ сомнѣнія, живетъ въ сердцѣ каждаго развитаго человѣка—и въ моемъ также, — тѣмъ болѣе долга въ отношеніи „меньшой братіи“.

Я не только не отрекаюсь отъ этого сознанія, но питаю его въ себѣ и—то съ грустью, то съ радостью, смотря по обстоятельствамъ, наблюдаю благопріятный или неблагопріятный ходъ народной жизни. Но отъ этого сознанія далеко до участія дѣломъ, особенно перомъ, въ народной жизни. Описывать, при томъ еще изображать художественно, типы и нравы крестьянъ, могутъ тѣ, кто жилъ среди нихъ, непосредственно наблюдалъ ихъ вблизи, рисовалъ ихъ съ натуры: тѣмъ и книги въ руки. Я вѣкъ свой провелъ въ городахъ, больше всего въ Москвѣ, гдѣ учился, потомъ въ губернскомъ городѣ на родинѣ, потомъ болѣе полувѣка живу въ Петербургѣ, откуда отлучался нерѣдко на многіе мѣсяцы, за границу и года два провелъ въ кругосвѣтномъ плаваніи. Внутрь Россіи я заглядывалъ мало и не надолго.

Простой народъ, т. е. крестьянъ, земледѣльцевъ, я видалъ за ихъ работами больше изъ вагона желѣзной дороги. Видѣлъ, какъ идутъ за плугомъ наши мужики, безъ шапокъ, въ рубашкахъ, въ лаптяхъ, обливаясь потомъ; видалъ какъ въ Германіи, съ коротенькой трубкой въ зубахъ, крестьяне пашутъ, крестьянки жнутъ въ соломенныхъ шляпкахъ; во Франціи гомозятся въ поляхъ въ синихъ блузахъ, въ Англіи въ плисовыхъ курткахъ, сѣютъ, косятъ, или везутъ по дорогѣ продукты въ города. Далѣе, видалъ работающихъ въ поляхъ негровъ, Индійцевъ, Китайцевъ, на чайныхъ, кофейныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ. Проѣздомъ черезъ Сибирь—видалъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ, Якутовъ, Бурятъ и другихъ — и все это издали, со стороны, катясь по рельсамъ, ѣдучи верхомъ, иногда съ борта корабля, и не вступалъ ни въ какія сношенія: не приходилось, случая не было.

Слѣдовательно, описывать или изображать крестьянъ, было бы съ моей стороны претензіей, которая сразу обнаружила бы мою несостоятельность. Зачѣмъ же мнѣ было напрашиваться на явную, ненужную неудачу? „Зачѣмъ не шелъ въ народъ, не искалъ случая сблизиться, узнать, изучить его? Эпикуреизмъ, чопорность, любовь къ комфорту мѣшали“, иногда слышались или чудились мнѣ обращенные по моему адресу упреки.

Что̀ на это сказать? Я знавалъ нѣкоторыхъ народниковъ, поэтовъ, повѣствователей. Они тоже любили больше сближаться съ народомъ издали, сидя у себя въ деревенскомъ кабинетѣ, заходили въ крестьянскія избы отдохнуть, спрятаться отъ непогоды, словомъ барски, привозя съ собой всѣ принадлежности такого утонченнаго комфорта, передъ которымъ блѣднѣлъ мой скромный „эпикуреизмъ“.

Въ ходившихъ въ народъ собирателяхъ пѣсенъ я видѣлъ—можетъ быть я грѣшу, говоря это—болѣе влеченіе къ самымъ странствіямъ. Они собирали и записывали что̀ попадалось, иногда дѣйствительно втягивались въ крестьянскую среду. Собираніе пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, конечно, полезно. Многіе обогатили послѣдними русскую литературу. И спасибо имъ! Но на это надо имѣть не только охоту и своего рода подготовку, но и способности. А если послѣднихъ нѣтъ: что̀ же дѣлать? Все-таки идти?

Упрекая меня въ невѣдѣніи народа и мнимомъ къ нему равнодушіи, замѣчаютъ, въ противоположность этому, что я не мало потратилъ красокъ на изображеніе дворовыхъ людей, слугъ.

Это правда. На это бы прежде всего можно было замѣтить, что слуги, дворовые люди, особенно прежніе крѣпостные—тоже „народъ“, тоже принадлежатъ къ меньшой братіи. Стало быть я повиненъ только въ безучастіи собственно къ сельчанамъ, земледѣльческому и мелкопромышленному деревенскому люду. Это вѣрно: я его вовсе не знаю — какъ сказалъ—и отъ того не берусь не за свое дѣло, не описываю и не изображаю, чего не знаю.

Другое дѣло дворня, дворовые люди—теперь тоже явленіе отходящее мало-по-малу, вмѣстѣ съ помѣщиками и дворами.

Но слуги остаются и, повидимому, останутся навсегда или надолго. Отъ нихъ не отдѣлаться современному обществу. Говорятъ, въ Соединенныхъ Штатахъ уже почти совершилась отмѣна класса слугъ, демократія сама служитъ себѣ—всякій самъ себѣ слуга. Но вѣроятно тутъ есть огромныя исключенія. Богачи имѣютъ слугъ, и по многу, какъ видно изъ описаній. Потомъ торговыя и другія заведенія, разныя общества тоже, далѣе—рестораны, отели, кишатъ слугами, иначе вся общественная машина остановится. Слѣдовательно и тамъ слуги есть: только тамъ вчерашній лакей въ гостиницѣ—завтра, съ поворотомъ колеса фортуны, превращается въ господина и покупаетъ себѣ домъ, экипажи, нанимаетъ слугъ, а разорившійся банкиръ, фабрикантъ, землевладѣлецъ, поступаетъ работникомъ на ферму, или лакеемъ къ состоятельному купцу. Это отчасти проникло и въ Европу.

У насъ слуги пока еще, какъ волны, ходятъ около насъ: и не только въ большихъ, богатыхъ домахъ, не только въ буржуазіи, въ семейныхъ хозяйствахъ, но даже у холостыхъ и небогатыхъ—есть слуга, такъ-называемый лакей, или женщина для прислуги.

Я, родившійся при крѣпостномъ правѣ и воспитанный среди слугъ того времени, жилъ сначала дома въ провинціи среди многочисленной дворни, потомъ въ

Петербургѣ, и какъ всѣ мнѣ подобные, имѣлъ постоянно слугу. Въ пятьдесятъ лѣтъ, что я прожилъ здѣсь, слуги не переводились, смѣняясь одинъ другимъ.

Въ большихъ домахъ слуги, лакеи, la valetaille, составляютъ родъ хора, которымъ управляетъ капельмейстеръ изъ нихъ же, старшій, или наемный дворецкій, иногда ловкій, плутоватый, но расторопный и услужливый передъ господиномъ—и полновластный шефъ лакейской команды. Она безлична и никакіе типы не выдѣляются изъ толпы. Шефъ смѣняетъ ихъ, нанимаетъ новыхъ по своему произволу и отвѣчаетъ за все.

Не такъ въ скромныхъ небольшихъ хозяйствахъ—и у холостяковъ особенно. Тутъ слуги на виду, каждый формируется въ типъ или характеръ и дѣлается, или врагомъ дома, или другомъ, смотря по своимъ качествамъ, но вообще онъ въ своемъ родѣ членъ семейства, близкій къ дѣламъ, заботамъ, горю или радостямъ дома, а у холостяка — невольный его сожитель, ближайшій свидѣтель всего, что̀ у того дѣлается, участникъ въ его секретахъ, если они есть, иногда и кошелька, при беззаботности хозяина.

Я иногда отмѣчалъ на клочкахъ наиболѣе выдающіяся фигуры моихъ слугъ, ихъ характерныя черты, нравы, привычки — и забрасывалъ эти клочки далеко въ столъ, въ свой домашній архивъ, не думая дѣлать изъ нихъ какое-нибудь, всего менѣе литературное употребленіе. Когда клочки попадались подъ руку, я пробѣгалъ глазами эти портреты, припоминалъ черты лицъ, и смѣялся, хотя нѣкоторые оригиналы этихъ копій въ свое время не мало причиняли мнѣ заботъ, ставили меня въ критическое, иногда беззащитное положеніе.

Клочки эти образовали довольно объемистую пачку. Я, правду сказать, еще не знаю, что̀ буду съ ней дѣлать. Прежде попробую прочитать кое-что пріятелямъ, „свѣдущимъ людямъ“ — и если они найдутъ въ нихъ нѣкоторую дозу общаго интереса, я могу иные, наиболѣе характерные наброски отобрать—и пожалуй напечатать, остальные бросить въ огонь.

Обработки почти никакой не требуется, такъ какъ я, старый домосѣдъ, сидя въ небольшихъ холостыхъ квартирахъ, съ-глазу-на-глазъ со своими слугами, рисовалъ ихъ, такъ-сказать, съ натуры. Они прямо выходили готовые изъ-подъ пера. Годятся-ли на что-нибудь эти эскизы, займутъ-ли кого-нибудь—пусть рѣшатъ „свѣдущіе люди“.

Впрочемъ въ наше, не строгое литературное время, многое и многимъ сходитъ легко съ рукъ: можетъ быть и мнѣ сойдетъ.

I.

Валентинъ.

Ко мнѣ явился, по рекомендаціи одного моего пріятеля, человѣчекъ низенькаго роста, плѣшивый, лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью на рѣдкихъ волосахъ, оригинальной, даже смѣшной наружности.

У него былъ маленькій, едва замѣтный, величины и цвѣта вишни носъ, голубые безъ всякаго оттѣнка глаза и яркій старческій румянецъ на щекахъ. Голубые, безъ примѣси глаза, по моему наблюденію, были почти несомнѣнно печатью наивности, граничащей съ глупостью, чаще просто глупости.

Онъ вошелъ, поклонился, кокетливо шаркнувъ ножкой, которую тотчасъ поднялъ немного, прижалъ къ другой ногѣ и подалъ мнѣ свой паспортъ и рекомендательную записку отъ моего пріятеля. Послѣ обычныхъ объясненій о его обязанности у меня, уговора о жалованьѣ, я показалъ ему свою квартиру, его комнату, шкапы съ платьемъ, комоды съ бѣльемъ и прочія вещи, и предложилъ ему поскорѣе вступить въ должность.

Къ вечеру онъ водворился у меня и на другой день все вошло въ обычную колею. Онъ оказался очень учтивымъ, исправнымъ, хорошо выдрессированнымъ слугой. Красный носъ и румяныя щеки приводили меня въ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ его воздержанія, но къ счастію—это не подтвердилось.

Проходили недѣли, мѣсяцы, на пьянство не было и намёка. Онъ исполнялъ свою должность аккуратно, шмыгалъ мимо меня по комнатамъ, какъ воробей, ступая на одну ногу легче, нежели на другую, едва касаясь ею пола. Я думалъ, что она у него короче другой, но потомъ замѣтилъ, что онъ дѣлалъ это, чтобъ придать своей походкѣ нѣкоторую грацію. Вообще онъ былъ кокетливъ; носилъ розовыя и голубыя шейныя косынки, вышитыя манишки съ розовой подкладкой, цвѣтные воротнички. Въ карманѣ онъ держалъ миніатюрное зеркальце съ гребенкой и я зачастую заставалъ, что онъ глядится въ него и старается собрать жидкія космы волосъ съ затылка и висковъ воедино. Проходя мимо зеркалъ въ моихъ комнатахъ, онъ непремѣнно поглядится въ нихъ и иногда улыбнется. Я изподтишка забавлялся этимъ невиннымъ кокетствомъ, но не давалъ ему этого замѣтить. Я даже поощрялъ его, отдавалъ ему свои, почти совсѣмъ новые галстухи, перчатки, обѣщая отдавать и всѣ свои отслужившія платья, что впрочемъ дѣлалъ всегда и прежде.

Такъ мы привыкали все больше и больше другъ къ другу и наконецъ совсѣмъ привыкли. Онъ очень рѣдко отлучался со двора, у него я почти никого не видалъ въ гостяхъ, впрочемъ раза два-три, возвращаясь домой, замѣчалъ мелькомъ какихъ-то невзрачныхъ женщинъ, которыя при мнѣ исчезали. „Землячки“, говорилъ онъ, когда мнѣ случалось встрѣчать ихъ.

Словомъ, я былъ очень доволенъ имъ и не разъ благодарилъ своего пріятеля за рекомендацію.

Но вотъ чего я никакъ не подозрѣвалъ: что онъ былъ прикосновенъ къ литературѣ. Проходя черезъ его комнату въ ванну, я видалъ у него не помню какія-то старыя, полуразорванныя книги, съ остатками переплета, или вовсе безъ переплета, иныя въ листкахъ, пожелтѣвшихъ отъ времени и употребленія. Однажды я полюбопытствовалъ и протянулъ было руку, чтобъ взять и посмотрѣть одну изъ книгъ. Но Валентинъ (такъ звали его) поспѣшилъ стать между ними и мной, повидимому недовольный моимъ любопытствомъ. Я не настаивалъ.

— Какія это у тебя тамъ книги на полкѣ? Вонъ и какія-то тетрадки? спросилъ я: — Ужь не сочиняешь-ли ты?

— Куда мнѣ! сказалъ онъ, отвернувшись въ сторону.—А книжки эти у меня отъ одного барина остались: старыя, ненужныя ему, онъ и отдалъ мнѣ.

При этомъ онъ отодвинулъ ихъ отъ меня подальше въ уголъ, чтобъ я не трогалъ ихъ.

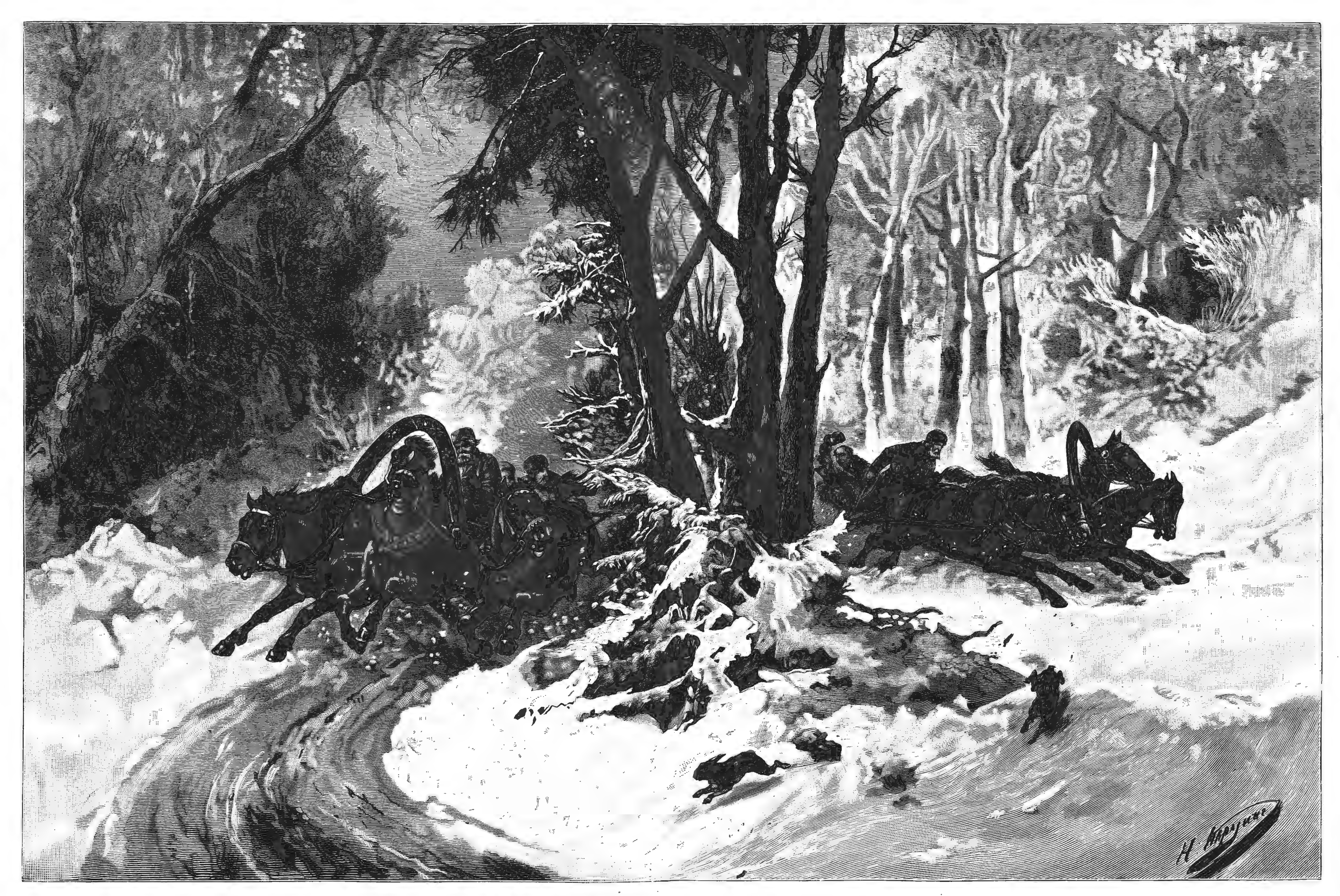
Я и забылъ про это. Не бывая дома днемъ, я возвращался вечеромъ, садился работать и часто просиживалъ часовъ до четырехъ и до пяти утра. Онъ уже спалъ, и я не зналъ, какъ онъ проводитъ день, съ кѣмъ видится, какія „землячки“ ходятъ къ нему и какія книги онъ читаетъ.

Все мало-по-малу объяснилось случайно.

Бывали дни, когда у меня являлись сильные припадки дѣятельности. Тогда я обѣдалъ дома, или напротивъ моей квартиры въ клубѣ, спалъ послѣ обѣда, чтобъ освѣжиться на ночную работу, и запирался почти на всю ночь. Я—то садился за письменный столъ, то ходилъ взадъ и впередъ по своей небольшой залѣ, и опять брался за перо.

Въ залѣ было слышно, при ночной тишинѣ, что̀ дѣлалось въ передней и за перегородкою въ ней, рядомъ съ помѣщеніемъ человѣка.

Однажды, прохаживаясь еще не поздно ночью, послѣ вечерняго чаю, я услыхалъ его говоръ. Онъ что-то говорилъ. Сначала я не обратилъ на это вниманія,



Изъ гостей въ гости на перегонки. Эпизодъ святочной жизни въ деревнѣ.
Ориг. рис. (собственность „Нивы") Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

думалъ, что онъ разсуждаетъ вслухъ, какъ есть у нѣкоторыхъ привычка, или молится. Но, ступая по ковру легче, я услышалъ мѣрное, плавное чтеніе, почти пѣніе, какъ будто стиховъ. Я остановился у полуотворенной двери и вслушался.

„И зри-мо ей въ мину-ту стало
Незри-мое съ давнишнихъ поръ“...

читалъ онъ нараспѣвъ, съ амфазомъ, почти всхлипывая.

Я сталъ припоминать, чьи это стихи, и наконецъ припомнилъ, что это романсъ Жуковскаго, только забылъ, какъ онъ начинается.

„Валентинъ читаетъ стихи, знаетъ Жуковскаго! Стало быть и Пушкина и другихъ! Да онъ развитой, образованный человѣкъ! Ужь не инкогнито-ли онъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ. И если-бъ не эти безтѣнные голубые глаза, не этотъ красненькій носъ, не розовенькіе галстучки и граціозные шажки, съ поджимаемой ножкой, я остановился-бы на своемъ предположеніи.

Я осторожно вышелъ въ переднюю, неслышно отворилъ къ нему дверь и остановился. Онъ сидѣлъ задомъ къ двери и за звуками своего голоса не слыхалъ моего прихода.

„Душѣ шепну-лъ привѣ-ѣтъ бываа-лый
„Душѣ блеснуу-лъ знакомый вз-о-о-ръ...“

заливался онъ все нараспѣвъ.

И опять:

„И зри-и-мо ей въ мину-ту ста-ло
„Незри-и-мое съ давнишнихъ поръ...“

Онъ растягивалъ слова и ударялъ голосомъ на нѣкоторыхъ. Я сдѣлалъ шагъ къ нему, онъ вскочилъ, сконфузился, проворно снялъ очки и хотѣлъ закинуть книгу на полку. Но я удержалъ его и взялъ книгу. Это былъ небольшой томъ стихотвореній Жуковскаго, съ оторванными листами начала и конца.

— Что̀ ты читалъ сейчасъ? спросилъ я.

— Да вотъ это самое.—Онъ указалъ на книгу:—сочиненіе господина Жуковскаго.

— Тебѣ нравится? спросилъ я.

— А какъ же-съ: кому такое не понравится!

— Почитай, пожалуйста, послѣднее, вотъ что ты сейчасъ читалъ, попросилъ я.

— Зачѣмъ вамъ: чтобъ смѣяться!..

— Нѣтъ, какъ можно! Напротивъ, я очень доволенъ, что ты занимаешься, читаешь, не такъ какъ другіе...

Онъ замѣтно смягчился: ему понравилось и польстило мое замѣчаніе. Онъ взялъ книгу и надѣлъ очки. Они еле держались на его крошечномъ носу. Онъ былъ невыразимо смѣшонъ—и мнѣ не малаго труда стоило удержаться отъ смѣха.

— Это самое, или сначала прикажете? спросилъ онъ.

— Пожалуй, сначала.

И онъ началъ:

„Мину-вшихъ дне-й очароваа-нье,
„Зачѣмъ (тутъ онъ взялъ высокую ноту, почти вскрикнулъ) опя-ть вос-кре-сло ты?
„Кто̀ (опять удареніе голосомъ) пробудилъ воспомина-нье
„И замолча-вшія мечты!
„Душѣ шепнулъ (тоненькимъ нѣжнымъ голоскомъ запѣлъ онъ) привѣ-тъ быва-лый,
„Душѣ блесну-лъ знако-мый взо-ръ
„И зри-и-мо ей въ мину-ту стало
„Незри-мое съ давни-шнихъ поръ.“

Послѣднія слова онъ съ умиленіемъ какъ будто допѣлъ и кончилъ почти плачемъ; голубые глаза увлажились; губы сладко улыбались.

Онъ поглядѣлъ на меня, что̀ я? Я чувствовалъ, что мнѣ лицо прожигалъ смѣхъ, но я старался не улыбнуться.

— Ты все понимаешь? спросилъ я, любопытствуя узнать, какъ онъ объясняетъ себѣ отвлеченныя выраженія Жуковскаго.

— А вы понимаете? вдругъ скороговоркой спросилъ онъ. Онъ живо снялъ очки, положилъ книгу и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Какъ-же: конечно понимаю! отвѣтилъ я, озадаченный его вопросомъ.

Онъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Вы и это тоже понимаете? насмѣшливо спросилъ онъ, взялъ книгу, надѣлъ очки и порывшись въ листахъ, началъ читать:

„Земли жил-е-е-цъ безвы-ы-ходный—страд-анье,
„Ему судьбы на ча-сть насъ обрекли;
„Здѣсь ра-дости не наше облада-нье...

Я за него продолжалъ наизусть:

„Пролетные плѣнители земли
„Лишь по пути заносятъ намъ преданье
„О благахъ, намъ обѣщанныхъ вдали.“

— Вѣрно! сказалъ онъ, слѣдя по книгѣ за мной.— Чтожь, вы и это понимаете? насмѣшливо повторилъ онъ.

— Да разумѣется. Что-жь тутъ непонятнаго?

— А вотъ извольте-ка сказать, что́ это за „жилецъ“ такой „безвыходный“ и что́ это за „часть“ такая тутъ попала, да еще какое слово „обрекли ему“: кому „ему“? А тутъ вдругъ „радости“ пошли, да „обладанье“ какое-то! Вы такъ все это и понимаете? Полноте, сударь!

— А ты развѣ этого не понимаешь? спросилъ я озадаченный.—Зачѣмъ же ты читаешь?

Онъ тоже оторопѣлъ на минуту и замялся.

— Если все понимать—такъ и читать не нужно: что̀ тутъ занятнаго! отозвался онъ.—Иныя слова понимаешь—и то слава Богу! Вонъ тутъ написано „радости“, „страданье“—это понятно. А вотъ какіе-то „пролетные плѣнители“, еще „на часть насъ обрекли“— поди-ка пойми кто!

— Постой! погоди! сказалъ я и взялъ съ его полки одну книгу, другую—онъ уже не мѣшалъ мнѣ: книги были больше безъ переплета, съ оторванными заглавіями. Тутъ были и календари, и духовнаго содержанія, и „новѣйшій“, но старый, престарый пѣсенникъ: все рухлядь. Наконецъ я увидалъ какую-то хрестоматію безъ заглавія, кажется Греча, поискалъ что-нибудь понятное и какъ разъ подвернулось стихотвореніе Шишкова, и я сталъ читать:

„Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и въ стужѣ
Намъ не хуже.
Въ долгу ночку
Къ огонечку
Всѣ сберутся,
Старый, малый,
Точатъ балы
И смѣются.
А какъ матки
Придутъ Святки,
Тутъ-то грохотъ,
Игры, хохотъ...“ и т. д.

Я все дочиталъ.

— Вотъ, если ты любишь стихи, это бы и читалъ!

Онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ слушалъ мое чтеніе.

— Это каждый мальчишка пойметъ, или деревенская баба! сказалъ онъ, глядя въ сторону.—Прочиталъ разъ, понялъ, да и бросилъ: что-жь тутъ занятнаго? То-ли дѣло это?

Онъ надѣлъ очки, схватилъ свою любимую книгу и началъ опять заливаться нараспѣвъ, съ чувствомъ:

„Земли жилецъ безвыходный—страданье,
„Ему судьбы на часть насъ обрекли...

— Вотъ поймите-ка это! Какой такой „жилецъ“—и кому ему „обрекли“ какія-то „судьбы“? Не угодно ли растолковать? вызывающимъ голосомъ добавилъ онъ.

— Изволь! снисходительно сказалъ я, наслаждаясь про себя его непониманіемъ.—„Жилецъ безвыходный земли“—и есть „страданье“: вотъ ему на „часть“, или на долю, что-ли, и обрекла насъ „судьба“... Все понятно!

Онъ положилъ книгу и снялъ очки.

— Вы, можетъ быть, и Покалипсъ понимаете? ѣдко спросилъ онъ.

— Апокалипсисъ, хочешь ты сказать, поправилъ я.

— Ну, Покалипсисъ! съ неудовольствіемъ добавилъ онъ.

— А что же: понимаю, храбро сказалъ я, чтобъ посмотрѣть, что онъ.

Я еще не успѣлъ докончить своего отвѣта, какъ мой Валентинъ завизжалъ пронзительнымъ смѣхомъ, воротя лицо, изъ почтенія ко мнѣ, въ сторону, къ стѣнѣ. „Хи-хи! хи-хи!“ визжалъ онъ. Потомъ оборотился мелькомъ ко мнѣ, взглянулъ на меня и, быстро отвернувшись, опять завизжалъ, напрасно стараясь почтительно сдержаться.

— Что тутъ забавнаго? сказалъ я, самъ весело глядя на него.

— Какъ же-съ... хи... хи... хи!.. заливался онъ.

Наконецъ мало-по-малу унялся, отдышался, откашлялся.—Извините меня, сударь, право не могу... хи, хи, хи!

— Это у насъ въ селѣ былъ дьяконъ Еремѣй... началъ онъ съ передышкой.—Онъ не Еремѣй, а отецъ Никита, да его прозвали Еремѣемъ. Онъ тоже хвастался, что понимаетъ Покалипсъ...

— Апокалипсисъ, поправилъ я.

— Ну, Покалипсисъ, нехотя вставилъ Валентинъ.— Архіерей объѣзжалъ губернію, пріѣхалъ и въ наше село. Нашъ священникъ послѣ обѣдни, за завтракомъ, и указалъ на отца Никиту: „вотъ“, говоритъ, „святой владыка: дьяконъ нашъ Никита похваляется, что понимаетъ Покалипсъ...“

— Апокалипсисъ! поправилъ я.

Валентинъ только сморщился, но не повторилъ поправки.

— „Дерзновенно!“ сказалъ архіерей: такъ и сказалъ „дерзновенно!“ Дьяконъ не зналъ куда дѣться изъ-за стола: „провалился бы“, разсказывалъ послѣ, „лучше сквозь землю. И кулебяка, говоритъ, такъ и заперла мнѣ горло“... „А ну-ка, дьяконе, скажи“... это архіерей-то говоритъ дьякону: „скажи, говоритъ, что значитъ блудница, о которой повѣствуетъ Св. Іоаннъ Богословъ въ Покалипсѣ“...

— Въ Апокалипсисѣ, поправилъ я.

— Вы не извольте сбивать меня съ толку, съ сердцемъ замѣтилъ Валентинъ:—а то я перепутаю архерейскую рѣчь. Я ее наизусть затвердилъ,—и всѣ тогда затвердили въ селѣ. Я буфетчикомъ былъ у господъ и меня послали служить за этимъ самымъ завтракомъ: нашъ поваръ и готовилъ. Вотъ дьяконъ—самъ послѣ сказывалъ—не разжевавши хорошенько, почесть цѣликомъ цѣлую корку кулебяки съ семгой проглотилъ. „Ну, говори, коли понимаешь!“ нудилъ архерей. „Блудница... святой владыко... это... это...“ мямлилъ дьяконъ, „это Св. Іоаннъ Богословъ пророкаетъ о заблудшейся западной римской католической церкви“... Мы всѣ слушаемъ, не дохнемъ, я за самымъ стуломъ архерейскимъ стоялъ, все слушалъ и запомнилъ до слова... Такъ дьяконъ и замолчалъ. „А далѣе?“ говоритъ архерей. А у дьякона и дыханіе перехватило, молчитъ. Всѣ молчали, носы уткнули въ тарелки. Архерей посмотрѣлъ на него, да и проговорилъ, такъ важно проговорилъ, словно въ церкви изъ алтаря голосъ подалъ...

— Что-жъ онъ проговорилъ?

— „Всякій“, говоритъ, „Еремѣй про себя разумѣй“! Всѣ и замолчали, такъ и изъ-за стола разошлись. Вотъ съ тѣхъ поръ во всемъ селѣ всѣ, даже мужики, дьякона Никиту и прозвали Еремѣемъ, а подъ сердитую руку и блудницей дразнили. А вы изволите говорить, что и вы тоже понимаете Покалипсъ... Хи-хи-хи!

— Апокалипсисъ! поправилъ я.—Если дьяконъ не понималъ, это еще не причина, чтобы я не понималъ...

— Полноте, грѣхъ, сударь! не на шутку сердился Валентинъ. — Дьяконъ или священникъ всю жизнь церковныя книги читаютъ — кому бы и понимать, какъ не имъ? А вотъ никто не понимаетъ. Одинъ только святой схимникъ въ кіевскихъ пещерахъ понималъ, одинъ! Всѣ допытывались отъ него, и самъ митрополитъ уговаривалъ, да никому не открывалъ. Передъ кончиной его вся братія три дня на колѣняхъ молила открыть, а онъ не открылъ, такъ и скончался. А вы—понимаете!

Онъ опять захихикалъ въ сторону, глядя на меня почтительно и насмѣшливо. Это очень развлекало меня. Я пошелъ къ себѣ, порылся въ шкафѣ, чтобы подыскать что-нибудь подходящее для его пониманія, нашелъ между книгами „Юрія Милославскаго“, „Конька-Горбунка“ и подарилъ ему.

— Вотъ читай и скажи мнѣ, какъ тебѣ понравится!

Онъ очень былъ доволенъ моимъ подаркомъ и обѣщалъ читать.

Пока онъ разсматривалъ мой подарокъ, я взялъ съ полки у него какую-то тетрадку и прочелъ сверху кривую надпись: „Сенонимы“. Подъ этой надписью, попарно, иногда по три слова, тѣмъ же кривымъ, вѣроятно его почеркомъ, написаны были однозвучныя слова. Напримѣръ, рядомъ стояли: „эмансипація и конституція“, далѣе „конституція и проституція“, потомъ „тлетворный и нерукотворный“, „нумизматъ и кастратъ“, и такъ безъ конца.

— Что это такое? спросилъ я.

— Тутъ написано что: сенонимы! сказалъ онъ.

— Да что такое „синонимы“?

— Это похожія другъ на друга слова.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Да тотъ же дьяконъ Еремѣй: онъ былъ ученый. Вотъ когда я завелъ эту самую тетрадку и сталъ записывать туда изъ книгъ непонятныя похожія слова, я и спросилъ его, что, молъ, значатъ похожія другъ на друга слова? Онъ и говоритъ „сенонимы, говоритъ, это называется“. Я такъ и записалъ и заношу туда такія слова.

— Да это совсѣмъ не то: онъ тебѣ не то сказалъ, или ты не такъ понялъ, замѣтилъ я.—Синонимы совсѣмъ не то значитъ...

Онъ рѣшительно взялъ у меня изъ рукъ тетрадку и положилъ на полку.

— Пожалуйте, сказалъ онъ,—вы вѣдь все изволите лучше знать, чѣмъ другіе, даже лучше самого господина Жуковскаго: вонъ и Покалипсъ понимаете...

— Апокалипсисъ! поправилъ я.

— А намъ гдѣ понимать!

Онъ ѣдко улыбнулся и смотрѣлъ на меня такъ, чтобы я ушелъ. Я разсмѣялся и ушелъ, а онъ съ сердцемъ затворилъ за мной дверь.

Я потомъ не вмѣшивался въ его литературныя занятія, даже радовался, что они не отвлекаютъ его отъ дѣла и не ведутъ къ чему-нибудь дурному. Лишь изрѣдка, среди вечерней тишины, доходило до моихъ ушей:

„И зри-и-и-мо ей въ мину-у-ту стало
Незри-и-и-мое съ давнишнихъ поръ“.

Не то онъ вдругъ громко заголоситъ:

„Боги гнѣва и Ерева,
Въ страшный часъ,
Ахъ, пошлите солнца лучъ,
Разгоните мраки тучъ.“

Въ другой разъ слышу:

„Глаго-о-о-лъ временъ, мета-а-а-лла звонъ,
Твой страшный гла-а-а-съ меня смущаетъ.
Зове-е-е-тъ меня, зове-е-е-тъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гро-о-о-бу приближаетъ“.

„Вотъ поди-ко, пойми это!“ однажды насмѣшливо прибавилъ онъ вслухъ, вѣроятно намекая на меня и не подозрѣвая что я хожу по сосѣдней комнатѣ и что мнѣ слышно. „А еще хочетъ понимать Покалипсъ!“

— Апокалипсисъ! поправилъ я, тихо отворяя дверь. Онъ сконфузился.

Такъ онъ читалъ все больше изъ той же хрестоматіи Греча, или другое что-нибудь, лишь бы звучное и малопонятное ему.

Я тутъ убѣдился въ томъ, что̀ наблюдалъ и прежде: что русскій человѣкъ не всегда любитъ понимать что̀ читаетъ. Я видѣлъ какъ простые люди зачитываются до слезъ священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, ничего не понимая, или понимая только „иныя слова", какъ мой Валентинъ. Помню, какъ матросы на кораблѣ слушали такую книгу, не шевелясь по цѣлымъ часамъ, глядя въ ротъ чтецу, лишь бы онъ читалъ звонко и съ чувствомъ. Простые люди не любятъ простоты.

Валентинъ прожилъ у меня нѣсколько лѣтъ, и можетъ быть прожилъ-бы еще долго, еслибъ я не перемѣнилъ родъ службы и отчасти образъ жизни. Я сталъ большую часть дня, а иногда и вечера, заниматься дома.

Оказалось, что это стѣсняло его. Я никогда не справлялся, какъ онъ проводитъ время безъ меня, а теперь мнѣ открытъ былъ каждый его шагъ. „Землячки" не могли бывать у него свободно при мнѣ—и онъ оставался больше одинъ и скучалъ. Повидимому, онѣ безъ меня посѣщали его часто. Мало-по-малу открылось, что онъ отчаянный донъ-жуанъ, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ.

Склонность его къ нѣжному полу проявлялась и прежде, но слегка. Когда у меня бывали въ гостяхъ дамы, особенно молодыя и красивыя, онъ какъ-то суетливо лебезилъ, подавая чай, фрукты, кокетливо поджималъ ножку, шаркалъ, приподнимался на цыпочкахъ, чтобъ придать себѣ росту, взглядывалъ мимоходомъ въ зеркало, украдкой зачесывалъ пальцами волосы съ затылка. Я перемигивался съ гостьями и мы нерѣдко награждали эти маневры дружнымъ хохотомъ. Тогда онъ злобно краснѣлъ и бросалъ на насъ гнѣвные взгляды.

Однажды, воротясь домой и найдя дверь запертою, я сошелъ внизъ спросить у дворниковъ, гдѣ онъ, и замѣтивъ около каретнаго сарая—кучку дворни, особенно женщинъ, пошелъ туда. И что̀ же вижу: Валентинъ стоитъ посреди сарая, закинувъ голову вверхъ, разряженный въ желтые нанковые панталоны, черную плисовую жакетку, въ розовомъ галстухѣ и съ желтымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, поетъ:

„Во селѣ-селѣ Покроо-вскомъ,
Среди уу-лицы большой...
Разыграа-лись, раа-сплясались
Дѣвки краа-сны межъ соо-бой..."

разливался онъ сладкимъ теноромъ, закатывая глаза подъ лобъ, разводя далеко въ стороны руками и притопывая.

Всѣ смотрѣли на него съ улыбкой, дѣвушки съ неудержимымъ хохотомъ. А онъ глядѣлъ на нихъ сладостно, какъ сатиръ. Я тоже захохоталъ. Увидавъ меня, онъ сконфузился, застыдился и опрометью бросился впередъ меня домой.

— Что̀ это тебѣ вздумалось пѣть среди дворни? спросилъ я.

— Барышни просили, сказалъ онъ:—я хотѣлъ сдѣлать имъ удовольствіе....

— Какія барышни?

— А тѣ самыя, что̀ тамъ стояли.

Это горничныя.

— Да вѣдь онѣ помирали со смѣху надъ тобой: развѣ ты не замѣтилъ?

Глядя на него въ его изысканномъ нарядѣ, я опять невольно засмѣялся.

— Онѣ смѣялись отъ удовольствія, а вотъ вы, сударь, не знаете сами чему смѣетесь! Нельзя повеселиться человѣку? развѣ это грѣхъ?

— Веселись сколько хочешь—это даже иногда нужно, здорово... Я не упрекаю тебя.

Я опять засмѣялся.

— Чему-жь вы смѣетесь? сказалъ онъ съ сердцемъ и ушелъ къ себѣ.

Случаи донъ-жуанства стали повторяться и наконецъ доходили до меня въ видѣ жалобъ. Однажды вдругъ отворила ко мнѣ дверь въ переднюю молодая дѣвушка съ растрепанной косой, держа шейную косынку въ рукахъ.

— Что̀ это, баринъ, отъ вашего лакея прохода нѣтъ! голосила она сердито, указывая на Валентина.

— Подите! подите! торопливо говорилъ онъ, стараясь выпроводить ее за дверь.—Не хорошо-съ!

Я остановилъ его.

— Что̀ вамъ угодно? обратился я къ ней.

— Да вотъ онъ прохода не даетъ. Я живу вверху съ барыней, тихо и скромно, а онъ давно ужь—какъ встрѣтитъ на лѣстницѣ, сейчасъ начнетъ глупые „канплименты" говорить, зоветъ на чашку шеколаду,—поди, да поди я къ нему сюда! Съ ума, что-ли, я сошла! За кого онъ меня принимаетъ! Воля ваша: это обидно!

— Я тутъ еще большой вины не вижу, сказалъ я,—что онъ скажетъ вамъ „канплиментъ". Запретить это ему я не въ правѣ...

— А вы бы, барышня, заговорилъ Валентинъ,—чѣмъ барина безпокоить, поговорили-бы прежде со мной...

— Стану я съ вами разговаривать! остановила она его, измѣряя его съ ногъ до головы насмѣшливымъ взглядомъ.

— За честь должны считать!.. съ азартомъ отгрызался Валентинъ, замѣтивъ этотъ взглядъ.

Я велѣлъ ему замолчать.

— Такъ что-же дальше? обратился я къ ней.

— Какъ только заслышитъ что я по лѣстницѣ спускаюсь, продолжала она: — вынесетъ на подносѣ гостинцы, апельсины, орѣхи, изюмъ, и загородитъ мнѣ дорогу. Я прошу дать пройти, онъ не слушается. Одинъ разъ я толкнула подносъ зонтикомъ, гостинцы его разсыпались по полу, а ему сказала, чтобъ онъ не безпокоилъ меня—скажу, молъ, барину. Такъ онъ не унялся: „баринъ мнѣ, говоритъ, не указъ!" Пойдешь по лѣстницѣ, онъ подкараулитъ, да старается за руку взять...

— Не правда, не правда! оспаривалъ горячо Валентинъ:—не вѣрьте ей, сударь, барышня вретъ!

— Сами вы врунъ! Афимья, чай, видала вонъ изъ тѣхъ дверей, какъ вы ловили меня за руку...

— Зачѣмъ-же ты безпокоишь ее, если она не хочетъ слушать твои любезности? сказалъ я ему.

— Я обращаюсь всегда благородно и деликатно... защищался онъ.—А вамъ, сударь, хорошему господину, надо-бы барышень въ шею отсюда, а не слушать, что̀ онѣ врутъ!..

— Вы врете, а не я! вставила она.

— Это мои дѣла, а не ваши! обратился Валентинъ опять ко мнѣ.—Я службу мою справляю у васъ, какъ слѣдуетъ... Не пью, не шляюсь, господское добро берегу...

— Это такъ: твои амуры—не мое дѣло, да зачѣмъ жалобы доходятъ до меня.

— На что-же вы теперь жалуетесь? спросилъ я ее.

— Да вотъ сейчасъ, когда я мимо вашихъ дверей по лѣстницѣ шла, онъ подкараулилъ, хотѣлъ обнять меня... Я не далась, попятилась. Вонъ извольте посмотрѣть: коса у меня свалилась, и платокъ съ шеи... Не прикажите ему озорничать! Я живу скромно, всѣ знакомые мои, и въ домѣ здѣсь тоже меня знаютъ честной, аккуратной дѣвушкой: могутъ, пожалуй, подумать, что я нарочно слушаю его „канплименты..."

— Слышишь, Валентинъ—это правда, что̀ „барышня" говоритъ! Она скромна... дорожитъ своей репутаціей, не хочетъ чтобъ ее компрометтировали... заговорилъ было я, но остановился, вспомнивъ о его тетрадкѣ съ

Какъ я похожа! Съ карт. Шмихенъ, грав. Бренд'амуръ.

„сенонимами:“ слова „репутація“ и „компрометтировали“, какъ мудреныя и ему непонятныя, навѣрно попали-бы туда.—Она скромна, бережетъ себя, дорожитъ своимъ честнымъ именемъ: не безпокой-же ее! дополнилъ я въ новой редакціи.

Я успокоилъ ее какъ могъ—она поблагодарила меня, извинилась за „безпокойство“, прибавивъ, что и барыня ея посовѣтовала ей обратиться ко мнѣ. Она взялась за ручку двери, бросивъ на Валентина ядовито-насмѣшливый взглядъ.

— Чему смѣяться-то! шипѣлъ онъ на нее.—Такія „дряни“ какъ вы—должны за счастье почитать, если съ ними благородно и деликатно обращается этакій кавалеръ!—Онъ поднялся на цыпочки и началъ руками собирать съ затылка волосы на макушку...

При словѣ „такой кавалеръ“ дѣвушка разразилась неудержимымъ, визгливымъ хохотомъ и бросилась вонъ. Онъ съ трескомъ заперъ за ней дверь.

Я тоже не утерпѣлъ и покатился со смѣху. Онъ ощетинился, какъ звѣрь, злобно посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но удержался и ушелъ къ себѣ за перегородку, хлопнувъ дверью.

Все пошло своимъ порядкомъ. Верхнюю дѣвушку онъ, повидимому, не безпокоилъ, жалобъ не было, и я забылъ объ этомъ. Я замѣчалъ только, что когда я сидѣлъ въ теченіе утра дòма, мой Валентинъ сталъ отлучаться куда-то: надо было изъ окна покричать дворника, чтобъ отъискалъ его. „Землячки“ при мнѣ тоже не являлись больше.

Но вотъ, однажды, недѣль шесть спустя, когда онъ вышелъ куда-то, ко мнѣ явился дворникъ и подалъ записку.

— Отъ кого это? спросилъ я.

— А вотъ отъ той жилицы, что напротивъ: у ней прачешное заведеніе, она хозяйка.

— Ко мнѣ-ли эта записка? Я вовсе не знаю этой жилицы: что̀ ей нужно?

— Не могу знать: велѣла вамъ въ руки самимъ, а лакею, говоритъ, не давай.

Я взялъ записку. Она была не запечатана.

„Милостливый Государь“, читалъ я: „Вашъ лакей Валентъ самый низкій мужчина: онъ все таскается подъ окнами у насъ и какетничаетъ съ моими мастерицами и дѣлаетъ разныя низости: вонъ какую записку онъ подалъ Лизѣ — извольте прочитать. Мы просимъ васъ унять его. Если онъ не перестанетъ какетничать, ходить подъ окна и бросать записки—я тогда приду сама и раздеру ему всю лицо.

„Готовая ко услугамъ
„Анна Прохорова
„прачешная хазяйка“.

Подъ фразой „раздеру всю лицо“—была другая зачеркнутая редакція: „раздеру ему поганую харю“. Должно быть эта фраза показалась ей грубою относительно меня и она изъ учтивости смягчила ее. Къ письму приложенъ былъ клочекъ бумаги, на которомъ, должно быть, рукой Валентина написано: „О милое творенье, прости мнѣ восхищенье, Лизокъ, голубочка, ангелъ, чмокъ, чмокъ тебя. Приди, серафима моя, на второй дворъ подъ ворота. Принесу гостинцевъ много, много, и подарочекъ, чмокъ! чмокъ!“

Валентинъ пришелъ.

— А у тебя опять амуры завелись? сказалъ я ему.

— Какіе, сударь, такіе амуры?

— А вотъ смотри, какія письма пишутъ ко мнѣ.

Я прочиталъ ему прачкино письмо и показалъ его записку. Онъ вспыхнулъ, даже побагровѣлъ отъ смущенія и злости, и хотѣлъ вырвать у меня письмо. Я не далъ.

— Ишь ты, старый селадонъ! шутилъ я:—не унимаешься! Смотри, дождешься чего-нибудь!..

— Не ваше дѣло! почти грубо отрѣзалъ онъ:—а эту дрянь—вѣдь она мужичка—плетьми мало сѣчь! Пожалуйте мнѣ мою записку!

Я отдалъ ему.

— Я съ ними раздѣлаюсь, злобно ворчалъ онъ:—Я имъ дамъ „раздеру лицо“, я имъ всѣ косы истреплю! Раздавлю! кричалъ онъ разъяренно. — Онѣ за честь должны считать, что я съ ними обращаюсь...

— Послушай, дѣлай, какъ хочешь, сказалъ я:—я въ твои амуры не вмѣшиваюсь, но повторяю тебѣ: устраивай такъ, чтобъ до меня жалобъ не доходило и чтобъ никакого „трепанья косъ“ не было. Если выйдетъ какой-нибудь скандалъ, я держать тебя не стану.

— Хорошо-съ, я сдѣлаю, ядовито сказалъ онъ:—будутъ онѣ довольны! Если-бы она, эта Прохорова, не безпокоила васъ, а со мной поговорила-бы благородно и деликатно—я бы и ничего, отсталъ-бы! А если она полѣзла къ вамъ, да еще грозитъ мнѣ, такъ нарочно, на зло ей, буду ходить, буду, буду, буду! Вы, сударь, не извольте безпокоиться: жаловаться не станутъ. Я же ей, дряни эдакой: погоди она у меня! ворчалъ онъ, уходя къ себѣ.

Донъ-жуанство Валентина добромъ не кончилось—ни для него, ни для меня. Онъ потерпѣлъ пораженіе, а я лишился въ немъ честнаго и усерднаго, хотя и смѣшнаго слуги.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этихъ писемъ, когда, возвратясь вечеромъ домой, я позвонилъ у дверей, Валентинъ, противъ обыкновенія, медленно отворилъ мнѣ дверь, не снялъ съ меня пальто и ушелъ въ свою комнату. Я заглянулъ къ нему. Онъ лежалъ на постели.

— Что̀ съ тобой: ты нездоровъ? спросилъ я съ испугомъ.

— Ничего-съ, я полежу немного, отдохну... голова болитъ немножко.

Подлѣ него былъ графинъ съ водой, пахло уксусомъ.

— Ты скажи: что̀ такое? спрашивалъ я.

— Не безпокойтесь... извольте ложиться, я ушибся, отдохну, пройдетъ...

— Гдѣ ушибся, какъ? доктора надо позвать...

— Ради Бога, не надо ничего-съ: завтра отдохну...

Я однако-жь не удовольствовался этимъ, спустился внизъ и узналъ, на дворѣ, что съ Валентиномъ случилась исторія. Дворники разсказали мнѣ, что онъ въ сумерки пошелъ-таки „какетничать“ съ Лизой, здоровой мастерицей-прачкой, вызвалъ ее на второй дворъ. Хозяйка замѣтила это—и исполнила надъ нимъ свою угрозу, съ помощію какого-то, должно быть, соперника Валентина, кажется, жениха Лизы, и если и не „разодрала ему всю лицо“, однако значительно исцарапала. Соперникъ тоже напалъ на него, ругался, сбилъ съ Валентина фуражку и старался схватить его за воротъ. Валентинъ мужественно отражалъ нападеніе, не давался, кричалъ.

Дворники старались рознять ихъ. Словомъ, вышелъ скандалъ.

Наконецъ ихъ розняли. Валентинъ, измятый, съ разорваннымъ платьемъ, съ расцарапаннымъ лицомъ, удалился, при общемъ хохотѣ дворни, къ себѣ въ комнату.

На утро онъ, по обыкновенію, принесъ мнѣ чай. Щеки и носъ у него побѣлѣли почти совсѣмъ, на одной щекѣ и на лбу была царапина, впалые глаза смотрѣли тускло.

— Что̀ такое было вчера? спросилъ я.

— Пожалуйте мнѣ расчетъ и паспортъ! тихо сказалъ онъ въ отвѣтъ на мой вопросъ.

— Вотъ тебѣ на̀! Да ты разскажи, что̀ такое...

— Позвольте мнѣ паспортъ, настойчиво повторилъ онъ:—Я сейчасъ извозчика приведу и уѣду...

— Дворники говорили, что у тебя вышла исторія... разскажи!

— Нечего разсказывать-съ: это мое дѣло. Только въ этомъ разбойничьемъ домѣ я и дня не проживу... Еще

убьютъ, чего добраго! Позвольте расчетъ и паспортъ...

— Это рѣшительно?

— Да-съ, рѣшительно, уныло прибавилъ онъ.

— Но вѣдь я имѣю право задержать тебя три дня, пока пріищу кого-нибудь на твое мѣсто: нельзя же мнѣ оставаться одному!

— Я ужь это сдѣлалъ: когда вы почивали, я сходилъ къ знакомому человѣку: онъ сейчасъ придетъ и побудетъ, пока вы пріищите другаго. А меня, сдѣлайте милость, отпустите сейчасъ-же.

Онъ почти со слезами кончилъ эту просьбу. Я съ глубокимъ сожалѣніемъ согласился, и когда пришелъ человѣкъ, я отдалъ Валентину паспортъ и сверхъ жалованья прибавилъ награду. Онъ поцѣловалъ меня въ плечо и прослезился.

— Да ты подумай... можетъ быть, обойдется, я спрашивать не стану! ты такой исправный и честный слуга!.. Мнѣ жаль разставаться съ тобой, право! пробовалъ я уговорить его.—Исторія эта забудется. Ты получилъ жестокій урокъ и конечно больше за женщинами ухаживать не станешь...

— Какъ можно! Стану-съ. Только не съ такимъ необразованнымъ мужичьемъ, какъ здѣсь. Буду выбирать по себѣ, гдѣ благородно и деликатно...

— Подумай, удерживалъ я:—все перемелется... Мнѣ жаль тебя!

— Покорнѣйше благодарю—нѣтъ, нѣтъ-съ, я уйду!

Онъ былъ такъ разстроенъ, что я больше не настаивалъ. Онъ быстро собралъ свои пожитки и уѣхалъ. Долго еще послѣ него, по привычкѣ, по вечерамъ, у меня иногда звучало въ ушахъ:

„И зри-мо ей въ минуту ста-ло
Незри-мое съ давни-шнихъ поръ“.

(Продолженіе будетъ).

Повѣсть о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой.

Я. П. Полонскаго.

1.

Протрубила труба въ Старомъ городѣ—
Зазвонили у Спаса на Трубежѣ,
На высокомъ валу, надъ бойницами,
Сторожа стоятъ, молча глядючи,
Какъ въ пыли блестятъ копья острыя,
Какъ по вѣтру стягъ развивается:
То проѣхалъ домой, съ поля ратнаго,
Богатырь Иванъ Богуслаевичъ;
И дрожала земля подъ копытами,
Какъ въѣзжалъ онъ въ ворота тесовыя
На широкій дворъ, на муравчатый;
А какъ слѣзъ онъ съ коня богатырскаго
У столба, у крылечка узорчатаго,
Посылалъ онъ сказать своей матушкѣ,—
Мать честной вдовѣ, Марѳѣ Савишнѣ,
Что вернулся-де съ поля ратнаго
Къ ней и цѣлъ, и здравъ, сынъ Иванушка,
И вернулся съ великою славою,
И привезъ ей добычу не малую.

Выбѣгала тутъ его матушка,
Мать честна вдова Марѳа Савишна,
Обнимала его, цѣловала его,
Повела его въ сѣни кленовыя,
Во палаты свои новобранныя,
Говорила ему рѣчи сладкія:
„Поживи у меня ненаглядный мой,
Ѣшь и пей на здоровьеце,
Задавай пиры на полгорода,
Чтобы я на тебя, свѣтъ мой, глядючи,
Молодые года свои вспомнила.
А соскучишься—я женю тебя...
Будемъ жить поживать—малыхъ дѣтокъ качать“...

Годъ прошелъ, два прошло—богатырь Иванъ
Поникъ, захирѣлъ, сталъ кручиниться;
То по гриднѣ столовой похаживаетъ,
То на мягкихъ коврахъ отъ зари до зари
Въ одиночной свѣтелкѣ полеживаетъ.
Тамъ, въ простѣнкѣ виситъ на желѣзномъ крюкѣ
Его мечъ кладенецъ, старый, дѣдовскій,
Окропленный водою крещенскою
Изъ того ли Днѣпра, что подъ Кіевомъ
Былъ великой купелью народною;
На булатѣ его отчеканенъ былъ
Краснымъ золотомъ православный крестъ,
Желтымъ золотомъ вязью писаны
Не простыя слова—чудодѣйныя...
И лежитъ Иванъ Богуслаевичъ,
И угрюмо на мечъ свой поглядываетъ,
Иногда головою покачиваетъ,
Спитъ не спитъ, а не слушаетъ,
Какъ неволитъ его мать родимая,
Какъ невѣсту ему сваха сватаетъ,
Не простую невѣсту—богатую,
Мало ѣстъ, мало пьетъ, думу думаетъ.

И вотъ снится Ивану недобрый сонъ:
Будто вышелъ онъ во чисто поле,
А на встрѣчу ему по межѣ идетъ
Въ золотомъ вѣнцѣ красна дѣвица
Красоты непостижной, невиданной...
Увидала его, встрепенулася,
Подняла на него очи ясныя
И сквозь слезы ему улыбнулася.
И дивится Иванъ Богуслаевичъ,
Что на солнцѣ сквозитъ, словно свѣтится
Ея голое тѣло; и видитъ онъ,
Что прикрыта она ветхимъ вретищемъ
И идетъ босикомъ, словно нищая.
— Ты куда идешь, красна дѣвица?
— А иду, сударь, я ко Господу,
Къ самому Христу, Царю небесному,
Въ путь далекій иду, въ царство Божіе.
Не жилица я, знать, на святой Руси:
Прогнала меня Кривда лукавая...
— А какъ звать тебя, красна дѣвица?
— А зовутъ меня Правдой истинной.
И пошла, пошла Правда истинная,
Не межой пошла, а по воздуху,
И все выше, все выше, и скрылася,
Словно небо за ней затворилося.
Просыпается Иванъ Богуслаевичъ,
Протираетъ глаза соколиные.

2.

И сзываетъ дружину онъ вольную,
Удалыхъ стрѣльцовъ—добрыхъ молодцевъ,
И взываетъ къ нимъ зычнымъ голосомъ:
„Гой вы други мои, сотоварищи,
Земляки, удалые ребятушки,
Далъ намъ Богъ силу не малую,
За нее намъ придется отвѣтъ держать
Въ страшный, судный день передъ Господомъ.
Чай слыхали про Кривду лукавую,
Что плодитъ на святой Руси
Лиходѣевъ, воровъ, злу споспѣшниковъ,
Дѣлу честному сопротивниковъ;
И поклялся я предъ иконою
Пресвятой честной Богородицы
Заступиться за Правду истинную—
Одолѣть силу Кривды поганую,

Общій видъ Татевскаго монастыря, въ Зангезурскомъ уѣздѣ, Елисаветпольской губ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Русская скульптура. Домой съ базара. Лѣпная работа П. А. Сомонова, съ фотогр. грав. Г. Флюгель.

Разорить и гнѣздо ея подлое,
Чтобъ и духу отъ ней не осталося...
Кто со мной, тотъ за мной, други милые,
А кто труситъ, пусть дома сидитъ,
На печи лежитъ—съ бабьёмъ возится".

Тутъ дружина его призадумалась,
Какъ тутъ быть?—отвѣчать позамѣшкалась.
— Ой сильна стала Кривда лукавая,
А Кулакъ ея сынъ и того сильнѣй.
Вотъ одни изъ нихъ, повернувъ коней,
Почесали затылки—уѣхали,
А другіе другъ съ другомъ поспорили
И сказали Ивану Богуслаевичу:
„Твоя воля, пожалуй и мы съ тобой"...
Остальные, что были моложе всѣхъ,
Всѣхъ моложе, смѣлѣй, неразумнѣе,
Разгорѣлись сердцами, воскликнули:
„Какъ за мѣсяцемъ звѣзды плывутъ,
За орлами орлята летятъ,
Такъ и мы за тобой на край свѣта пойдемъ!"
И Иванъ богатырь, просіявъ лицомъ,
Осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

3.

А лукавая Кривда, у кума въ гостяхъ,
Пировала весь день, вдоволь тѣшилася,
И когда захмѣлѣла отъ фряжскихъ винъ,
Кумъ въ свѣтелкѣ велѣлъ ей постель постлать,
Самъ подушки ей взбилъ, самъ шелкòвую
Занавѣску отдернулъ—самъ спать уложилъ
Дорогую куму—гостью милую.
Вотъ лежитъ кума Кривда лукавая,
Съ боку на бокъ ворочается;
Плохо спится ей—плохо можется,
Знать не даромъ у ней ноетъ все нутро;
Чуть закроетъ глаза—черти грезятся,
А откроетъ—въ углу шевелится, кряхтитъ
Домовой, въ сѣрой шубѣ навыворотъ.
Ночь прошла; занялась зорька ясная,
И пронесся церквей гулкій благовѣстъ.
Поднялась Кривда съ зѣвотою,
Пожимаясь, подсѣла къ окошечку
И на улицу стала поглядывать.
Видитъ Кривда ворота тесовыя,
Теремъ тотъ, гдѣ живетъ богатырь Иванъ,
Удалой боецъ—добрый молодецъ,
И дивится, зачѣмъ вдоль по улицѣ
Спозаранку къ воротамъ народъ бѣжитъ,
Добѣжавъ до воротъ, шапки скидываетъ.
Притаясь, смотритъ Кривда лукавая,
Навострила глаза, шею вытянула.
Слышитъ Кривда: подковы стучатъ,
И земля, и дома словно вздрагиваютъ;
А изъ тѣхъ-ли воротъ, со двора со широкаго,
Выѣзжаетъ Иванъ Богуслаевичъ.
Его конь богатырскій похрапываетъ,
Золоченая сбруя позвякиваетъ;
На Иванѣ шишакъ словно колоколъ,
Боевая кольчуга подъ латами,
На боку-то виситъ его мечъ кладенецъ,
За плечами-то стрѣлы побрякиваютъ,
А лицо у него такъ и свѣтится,
Словно Божья заря имъ любуется.
Выѣзжаетъ за нимъ и дружина его
И колышутся копья булатныя—
А за ними пошелъ по народу гулъ:
„Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
Одолѣнье на Кривду лукавую!"
И по праздничному звонитъ колоколъ:
По церквамъ за нихъ видно молятся.—
Мигомъ Кривда смекнула, провѣдала,
Что Иванъ богатырь со дружиною
Воевать съ ней идетъ, Богу клятву далъ
Извести ее Кривду, живота лишить,
И все, чтó она нахватала, награбила,
По рукамъ раздать, аль на дымъ пустить,
Чтобъ и духу отъ ней не осталося.

4.

Кривда сжала кулакъ, ногой топнула:
„Ишь невѣжа, мужикъ!.. Богатырь какой
Проявился!—туда-жь захотѣлъ
Воевать со мной!—Сломя голову
Поскакалъ на край свѣта искать меня,
А того и не знаетъ—не вѣдаетъ,
Что я здѣсь, у него сижу подъ бокомъ!
Ишь дружину набралъ голоштанную,
Горы золота чай посулилъ онъ ей!
Да скорѣе Волга вспять побѣжитъ,
А пѣтухъ соловьемъ запоетъ,
Чѣмъ добромъ моимъ поживишься ты!
Не тебѣ, вахлаку, со мной вѣдаться!.."
И наряженая, нарумяненая
Покатила она изъ дома въ домъ;
Горожанамъ, смѣясь, стала жаловаться
И такія имъ рѣчи подсказывать:
„Жить безъ Кривды нельзя, и не видано,
Чтобъ кто жилъ по закону, по совѣсти;
Этакъ жить, все равно, что послѣднимъ быть.
Не намъ кланяются... сами будемъ мы
Спину гнуть передъ тѣмъ, кто заважничаетъ".
И ругали Ивана Богуслаевича
На чемъ свѣтъ стоитъ—только трусили...
Да и Кривда лукавая струсила:
— А что если Правда истинная,
Что куда-то слѣды свои спрятала,
Богатырскимъ-то духомъ надышется,
Да въ-очью на Руси вдругъ проявится,
Чай не мало хлопотъ ей надѣлаетъ.

5.

И въ задоръ вошла Кривда лукавая,
И пошла, поплыла къ своему сынку—
Кулаку, по народному прозвищу,
И сказала ему: „не зѣвай, Кулакъ,
А возьми съ собой, что ни есть простой,
Что ни есть посконный, простой мѣшокъ,
И насыпь въ него денегъ семь горстей,
Пять-то горстей чиста серебра,
Да еще горсти двѣ красна золота;
Положи тотъ мѣшокъ ты за пазуху,
И гони, погоняй по слѣдамъ его—
По слѣдамъ Ивана Богуслаевича,
А догонишь его—поступай къ нему
Въ ту дружину его голоштанную,
Что поѣхала съ нимъ кличъ прокликати
По всѣмъ весямъ, по всѣмъ городамъ,
Чтобъ не вѣрили Кривдѣ—не слушалися,
А чтобъ слушалися Правды истинной—
Ей одной на вѣку поклонялися.
А какъ примутъ тебя въ сотоварищи,
Подкупи ты дружину—повѣдай ей,
Что-де добрые люди изъ жалости
Слезно молятъ ихъ не губить себя,
А вернуться скорѣй ко дворамъ своимъ,
Не съ пустыми руками,—съ гостинцами.
А не то де, въ пути позамѣшкавшись,
Во-свояси вернутся не въ добрый часъ,
На порогѣ-то Горе-злосчастье
Они встрѣтятъ... усидчивое,
Привязчивое, неотвязчивое.
Кто жены не найдетъ—въ кабалу пошла,
Кто дѣтей не найдетъ—пошли по міру.
Пусть Иванъ-богатырь ѣдетъ драться одинъ,
Да отъ скуки воронъ бьетъ—пострѣливаетъ".

Поклонился Кулакъ Кривдѣ-матушкѣ,
Повалился ей въ ноги и молвилъ ей:
„Радъ служить я тебѣ, государыня,
Да отколѣ-же я возьму тебѣ
Пять большихъ горстей чиста серебра,
Да еще горсти двѣ красна золота,
Не себя-же обидѣть—въ конецъ разорить...
Не обидь, государыня, смилуйся!“
Разозлилася Кривда лукавая:
„Вотъ тебѣ деньги, собачій сынъ!
Вотъ и конь—осѣдлай его,
Да смотри не зѣвай—будешь плакаться.“

6.

Не успѣли Петровки пройти—утромъ въ Пятницу,
Прибѣжалъ Кулакъ къ Кривдѣ-матушкѣ,
Бухъ ей въ ноги и такъ голоситъ:
„Не кори ты меня... государыня, матушка,
Разорили меня—разобидѣли
Удалые стрѣльцы, содружинники
Лиходѣя твово Богуслаевича:
Какъ пронюхали, да провѣдали,
Что за пазухой-то въ мошнѣ моей
Словно деньги лежатъ—чуть побрякиваютъ,
Навалились, и ну меня бить,
Били-били, трясли-трясли,
И казну твою всю повытрясли,
И забили-бъ они меня до смерти,
Кабы я не хитеръ, не увертливъ былъ;
Вотъ гляди: и рубаха разорвана,
Кафтанишка и тотъ еле держится“...
Разозлилася Кривда лукавая:
„Чтобъ ихъ прорвало, окаянные!
Нѣтъ изводу имъ—нѣтъ креста на нихъ,
Сами грабятъ, да сами и жалуются.
Да и ты дуракъ... Убирайся вонъ!..“

Обманулъ Кулакъ Кривду лукавую,
Онъ съ дороги свернулъ—плетку выхватилъ,
Стеганулъ коня по крутымъ бокамъ
И всю ночь пробирался болотами
До озеръ, до села разореннаго,
Гдѣ стояла изба его новая
Съ вырѣзными дубовыми ставнями,
Съ рыбной лавкой, съ клѣтями, амбарами;
Тамъ въ подполье свое пробрался Кулакъ
И въ сундукъ свой, желѣзомъ окованный,
Всыпалъ пять горстей чиста серебра,
Да пригоршни двѣ красна золота,
А конька велѣлъ въ свой табунъ угнать
Отгулялся-бъ конекъ въ заливныхъ лугахъ.

7.

На закатъ ушло солнце красное,
На траву мураву роса канула,
А у Кривды въ саду соловей поетъ;
А того и не знаетъ соловушекъ,
Что подъ кленами, подъ березами
Сама Кривда сидитъ, думу думаетъ.

По верхамъ темныхъ липъ, между яблоньками,
По шиповнику, по малиннику,
По тычинкамъ, куда хмѣль взбирается,
Теплый вѣтеръ тихонько похаживаетъ,
Вѣсти сказываетъ, приговариваетъ:
„Правда истинная! Правда истинная!“
А того и не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что подъ кленами, подъ березами
Сама Кривда сидитъ—ночь подслушиваетъ.

И подслушала Кривда, что яблочко
Недалеко отъ яблоньки падаетъ,
Что Кулакъ, вражій сынъ, обманулъ ее—
Самъ припряталъ, пригрѣлъ ея денежки.
И подумала, пригорюнившись:
„Ну такъ что-жъ! Не чужой онъ,—пускай себѣ
Вволю ѣстъ, вволю пьетъ, вволю тѣшится,
Мнѣ-же скажетъ спасибо великое,
Да закажетъ и дѣтямъ, и внукамъ своимъ,
Какъ имъ жить поживать, да добро наживать,
Какъ молиться за Кривду-кормилицу,
За лукавую Кривду-поилицу.“

Ночь темна и ни зги не видать.
Только листья кой-гдѣ тихо шепчутся,
Съ вѣтеркомъ потайную бесѣду ведутъ,
И подслушала Кривда лукавая,
Что не съ бою, не кровавымъ путемъ
Богатырь Иванъ со дружиною
До гнѣзда ея добирается,
Что онъ камни ворочаетъ, строитъ мосты,
Роетъ колодцы глубокіе,
И добра своего не жалѣючи,
На разживу даетъ даже висѣльникамъ,
Что споила она, отуманила,
Чьи гроши себѣ прикарманила,
Чтобъ имъ пить было нѐ на что,
Пропивать было нѐчего,
Чтобъ за это они поклонялись ей
Говорили: спасибо родимая!
И подумала Кривда разгнѣванная:
„Не боюсь я Ивана милостиваго,
Не боюсь я дружины юродивой;
И не страхъ разбираетъ меня—
Разбираетъ досада великая,
Что невѣжамъ такимъ будутъ кланяться,
Ихъ въ народныя святцы записывать,
Имъ кадить, какъ святымъ иль угодникамъ—
Не бывать тому!“—она вскрикнула:
„Скорѣй свѣтъ наизнанку я выворочу!“

И притихъ соловей и испуганный
Прошумѣлъ вѣтерокъ, улетая въ степь,
А у Кривды глаза загорѣлися,
Какъ у дикаго звѣря, когтистаго,
Каленой стрѣлой оцарапаннаго.

(Продолженіе будетъ).

На морѣ.

Разсказъ **Вильгельма Іенсена.**

— Что-то сильно покручиваетъ съ востока, Ольдъ-Пееръ *); должно быть къ ночи что-нибудь соберется.

Съ этими словами ввалился въ комнату, широко разставляя кривыя ноги и почти касаясь головою низкаго потолка, Іоостъ Сöкеландъ, рыбакъ изъ Ольде-Вера. Съ его приходомъ, въ сильно хлопнувшую на блокѣ дверь, ворвался въ комнату порывъ вѣтра, бушевавшаго снаружи.

На толстой шерстяной одеждѣ рыбака, представлявшей вмѣстѣ куртку и панталоны, такъ называемый *ганзупъ*, тамъ и сямъ виднѣлись еще клочья желтой морской пѣны, прибитой вѣтромъ отъ бьющихся о берегъ волнъ.

— Соберется?... Ну, спустить всѣ паруса! проговорилъ старый Петръ Шюддекопъ, кивнувъ головой.

*) Старый Петръ, на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи.

Могучая, широкоплечая фигура старика, сидѣвшаго на лавкѣ у печки, казалась однако малозамѣтною подставкой къ его львиной головѣ, покрытой густою, сѣрожелтою, отстоящею на цѣлую пядь, гривой и прорѣзанной широкимъ почти отъ уха до уха ртомъ, съ двумя рядами бѣлыхъ, острыхъ какъ у акулы, зубовъ. Крошечный, сравнительно съ головой, вздернутый на концѣ носъ и свѣтлые, пронзительные, цвѣта морской воды, глаза, дополняли физіономію стараго рыбака. Передъ нимъ дымилась глиняная чашка съ какимъ-то питьемъ; по всей вѣроятности водка съ горячей водой, потому что въ глубинѣ комнаты надъ очагомъ кипѣло что-то въ висячемъ котелкѣ, а на дворѣ стояла морозная ноябрская ночь. Закопченыя стѣны комнаты освѣщались кромѣ пламени пылающихъ дровъ, еще висящею на стѣнѣ, жировою лампой.

Хижина стояла на югозападномъ берегу острова Рюгена, въ мѣстечкѣ Ольде-Веръ, какъ-разъ напротивъ города Штральзунда, отдѣляясь отъ него только узкимъ проливомъ. Дѣло было въ началѣ зимы 1628 года. Лишь годъ тому назадъ, появились здѣсь въ первый разъ свирѣпствовавшія уже 10 лѣтъ въ верхне-

Кокетка. Съ карт. проф. К. Е. Маковскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

нѣмецкихъ земляхъ, имперскія скопища войскъ; но и этого короткаго промежутка было достаточно, чтобы города и деревни Бранденбурга, нижней Помераніи и Мекленбурга ознакомились со всѣми ужасами непріятельскаго нашествія. Всѣ были разорены: не оставалось ни скота, ни утвари, ни хозяйственныхъ припасовъ, ни денегъ въ кошеляхъ. Сабля и мечъ, кулакъ и дубина господствовали безнаказанно. Тотъ, кому удавалось остаться цѣлымъ и невредимымъ, съ женой и дочерьми, могъ считать себя счастливымъ и возносить горячія молитвы къ Богу. Всѣ орудія пытки пускались въ ходъ, чтобы вырвать у жителей признаніе гдѣ они скрывали цѣнныя вещи и деньги. Привязывали къ тѣлу горящіе фитили, подымали людей на дыбу, ломали ребра, руки и ноги, поджаривали въ печахъ, спускали на цѣпяхъ въ колодезь, увозили красивыхъ дѣвушекъ всѣхъ сословій въ лагерь—все это неизмѣнно повторялось во всѣхъ сѣверныхъ протестантскихъ провинціяхъ, куда проникали имперскія войска. А между тѣмъ, провинціи эти составляли даже не непріятельскую землю, а собственныя владѣнія побѣдителя. Императоръ Фердинандъ II изгналъ герцоговъ Мекленбургъ-Гюстровскаго Адольфа-Фридриха и Мекленбургъ-Шверинскаго Іоганна-Альбрехта, которые соединились противъ него съ датскимъ королемъ Христіаномъ IV, и отнялъ ихъ княжества, которыя передалъ генералиссимусу своему, Альбрехту фонъ-Валленштейну.

Новый герцогъ Мекленбургскій немедля занялъ своею побѣдоносною арміей отданныя ему земли и въ то же время вторгся съ войсками въ герцогство Померанію, гдѣ правилъ въ то время слабый и нерѣшительный герцогъ Богиславъ XIV. Предлогомъ вторженія послужило то обстоятельство, что за годъ передъ тѣмъ, черезъ Померанію прошелъ въ Пруссію, съ высадившимися изъ Швеціи войсками, шведскій король Густавъ-Адольфъ. Имперскій полководецъ наложилъ на города и земли Помераніи непомѣрно высокую контрибуцію; съ города Штральзунда, главнаго города Помераніи-Вольгастъ, онъ требовалъ 150,000 талеровъ или открытія воротъ, для впуска имперскихъ войскъ. Штральзундъ, надѣясь на свои естественныя укрѣпленія, одинъ изъ всѣхъ сѣверныхъ городовъ имѣлъ мужество отказать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ и противиться силой Валленштейновскимъ полчищамъ. Въ качествѣ вѣковаго, славнаго союзника „Нѣмецкой Ганзы“, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, городъ обратился за помощью къ членамъ стараго, все еще существовавшаго по имени, союза; но отъ прежней Ганзы осталось именно одно только имя, одно громкое слово безъ содержанія, туманный призракъ, подобно „кораблю призраку“, исчезающій безслѣдно при малѣйшемъ прикосновеніи. Вся помощь, когда-то славной „владычицы морей“ ограничилась робкою, покорною просьбой, обращенною къ импер-

Хуланъ (Asinus Kiang). Изъ коллекціи Н. М. Пржевальскаго въ Имп. Акад. Наукъ.
Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **А. Земцова**, грав. **М. Рашевскій**.

скимъ полководцамъ Тилли и Валленштейну и посланной тайно въ Штральзундъ ссудой въ 5000 талеровъ, въ которой къ тому-же ганзейцы видѣли выгодную сдѣлку, такъ какъ потребовали 5% годовыхъ. Доблестная, старая Ганза сохранила только умѣнье обдѣлывать коммерческія дѣлишки. Лѣтомъ 1628 года, Альбрехтъ фонъ-Валленштейнъ окружилъ Штральзундъ своими войсками. Городъ не безъ основанія рѣшилъ сопротивляться, такъ какъ имѣлъ надежную защиту противъ нападенія сухопутныхъ силъ. Съ сѣвера, черезъ востокъ, на югъ, Штральзундъ былъ прикрытъ заливомъ Стрелазундомъ; съ материка, стѣны города были окружены широкимъ поясомъ озеръ и болотъ, въ высшей степени затруднявшихъ доступъ непріятелю. Новый герцогъ Мекленбургскій зналъ уже по роковому опыту какъ трудно побѣждать на водѣ не имѣя кораблей. Тѣмъ не менѣе, опасаясь своей изолированности въ виду всей имперской арміи, жители Штральзунда сначала согласились уступить въ видѣ контрибуціи небольшой островъ Денгольмъ, лежащій напротивъ Штральзундской гавани, съ условіемъ чтобы на немъ не воздвигали никакихъ укрѣпленій. Но такъ какъ этотъ пунктъ договора былъ тотчасъ-же нарушенъ, то городъ не допускалъ доставки съѣстныхъ припасовъ на островъ и находившіяся тамъ войска были рады-радешеньки, когда ихъ высадили съ острова обратно на материкъ, не давъ имъ умереть съ голоду. Такая дерзость возбудила, въ высшей степени, гнѣвъ Валленштейна и онъ поклялся сломить Штральзундъ „хотя бы онъ былъ прикрѣпленъ къ небу цѣпями". Что, въ такомъ случаѣ, предстояло-бы городу, можно было судить по страшной участи, постигшей три года спустя Магдебургъ, хотя и безъ этого примѣра никто не сомнѣвался въ ожидавшей городъ судьбѣ.

Но Штральзундъ имѣлъ союзника еще болѣе надежнаго чѣмъ небо, и союзникомъ этимъ явилось море. Когда осажденный городъ былъ позорно и трусливо покинутъ старыми ганзейскими собратьями, онъ нашелъ другую помощь, о которой на этотъ разъ просилъ не напрасно. Городъ заключилъ союзъ съ королями Густавомъ-Адольфомъ и Христіаномъ IV и вскорѣ шведскіе и датскіе корабли подвезли подкрѣпленія войскомъ, военнымъ матеріаломъ и съѣстными припасами. Послѣдними Штральзундъ снабдилъ со своей стороны близлежащій, большой плодоносный островъ Рюгенъ, который, благодаря защитѣ Зунда, одинъ изо всѣхъ померанскихъ владѣній, избѣгъ до сихъ поръ ужасовъ опустошенія.

Такимъ образомъ Штральзунду удалось, въ теченіе всего лѣта, съ успѣхомъ обороняться противъ неисчислимыхъ полчищъ осаждающихъ. Скрежеща зубами отъ безсильной злобы, Валленштейнъ все болѣе и болѣе убѣждался, что ему не удастся сдержать своей клятвы, пока онъ не успѣетъ отрѣзать городъ отъ его главной силы—моря. До сихъ поръ оставалось пустымъ звукомъ, данное ему вмѣстѣ съ герцогскимъ достоинствомъ, званіе „*генерала Балтійскаго моря*" и „генералъ-капитана армады и ея экипажа"; какъ тѣмъ, такъ и другимъ онъ былъ по примѣру архіепископовъ in partibus infidelium и до сихъ поръ на Балтійскомъ морѣ не плавало ни одного имперскаго челнока, ни одной орѣховой скорлупки.

„Фридландецъ" принялся съ несокрушимой энергіей за сооруженіе флота, который далъ-бы содержаніе его пустымъ титуламъ, сломивъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрямое сопротивленіе Штральзунда. Съ лихорадочною поспѣшностію началъ онъ вооружать въ Висмарской гавани, подъ прикрытіемъ защищавшихъ ее сильныхъ бастіоновъ, военныя суда, число которыхъ, достигнувъ двухъ дюжинъ, образовало-бы армаду, имѣвшую назначеніемъ напасть на Штральзундъ со стороны моря. Но возможность въ короткій срокъ, нѣсколькихъ недѣль, вооружить цѣлый флотъ, не находилась въ зависимости отъ его воли; наступила осень и Валленштейнъ въ безсильной ярости долженъ былъ сознаться, что каждый челнъ плавающій по Балтійскому морю смѣетъ издѣваться надъ его владычествомъ...

Холодный ноябрскій вѣтеръ, вздымая морскія волны, бушевалъ на плоскомъ берегу мѣстечка Ольде-Вера (на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи Старый-Паромъ), получившаго свое названіе отъ парома, который со времени основанія Штральзунда составлялъ удобнѣйшее сообщеніе между городомъ и островомъ Рюгеномъ. Уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ на мѣстѣ этомъ возникла деревушка, жители которой исключительно занимались ловлей сельдей.

Какъ молодые, такъ и старые, жители Ольде-Вера отличались могучимъ, крѣпкимъ сложеніемъ, напоминавшимъ буковыя деревья ихъ роднаго острова, изъ которыхъ предки ихъ выдалбливали свои первые челноки, ставя на нихъ паруса изъ звѣриныхъ шкуръ, и смѣло пускались въ открытое море на промыселъ. Толстые *ганзупы* какъ сѣрая кора покрывали ихъ отъ шеи до колѣнъ, гдѣ эта своеобразная одежда заканчивалась тяжелыми сапогами изъ тюленьей кожи. Цѣлая дюжина такихъ фигуръ вошла одна за другой, вслѣдъ за Іостомъ Сёкеландомъ, въ хижину стараго Петра.

Такой ужъ установился обычай, сходиться каждый вечеръ въ домѣ старика, для того чтобы побесѣдовать или лучше сказать помолчать. Петръ Шюддекопъ говорилъ каждому входящему: „Садись!" и затѣмъ, если старикъ былъ въ духѣ, гость получалъ такую-же чашку съ горячимъ напиткомъ, какая стояла предъ нимъ. Петръ могъ быть гостепріимнымъ хозяиномъ: толстый дубовый сундукъ подъ кроватью ломился отъ мѣшковъ съ серебряною монетой всѣхъ странъ и городовъ, береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, отъ Ревеля до Лондона, и лучшее, самое большое и ходкое судно въ Штральзундской гавани принадлежало ему. Все это доставилъ Петру сельдяной промыселъ, по примѣру богатаго города Амстердама, который, какъ говоритъ пословица, весь стоитъ на селедкахъ. Добромъ и богатствомъ, видомъ и почетомъ, старый Петръ напоминалъ тѣхъ древнихъ морскихъ царей, которые 1000 лѣтъ тому назадъ сидѣли на этихъ самыхъ берегахъ.

Въ описываемый вечеръ старикъ былъ въ хорошемъ настроеніи и потому, когда входилъ новый гость, онъ не только говорилъ: „Садись!" но и прибавлялъ: „Сванке, пить!" Послѣднія слова говорились по направленію къ очагу, гдѣ въ огромномъ котлѣ шумно кипѣлъ горячій напитокъ. Возлѣ очага хозяйничала молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, дочь старика, Сванеке Шюддекопъ, единственное женское существо въ комнатѣ и во всемъ домѣ. Она была такого-же сильнаго сложенія, какъ и мужчины—высокая и широкоплечая; одной рукой подымала она полный котелъ, какъ будто въ немъ ничего не было, и только сильные мускулы ея руки напруживались подъ темносинею домашнею тканью. При дыханіи и работѣ грудь ея высоко подымалась, снабженная здоровыми, крѣпкими легкими. Только лицо ея не было такъ обвѣтрено какъ у мужчинъ. Зачесанные назадъ, съ широкаго бѣлаго лба, волосы, такіе-же густые, какъ у старика, падали также въ видѣ гривы на затылокъ, но цвѣтъ ихъ былъ не сѣрый, а скорѣе напоминалъ золотисто-желтый янтарь. Пламя очага бросало на дѣвушку то свѣтъ, то тѣни,—то скрывая верхнюю часть ея корпуса и выказывая, сквозь плотно облегавшую шерстяную юбку, крутыя бедра, то освѣщая крѣпкія, не закрытыя чулкомъ икры, видимыя изъ-подъ короткой юбки. Но вотъ тѣнь измѣнялась, голова оставалась въ свѣту и изъ-подъ бровей свѣтились два глубоко лежащіе глаза, цвѣта морской воды, словно отливающая на солнцѣ морская трава, подъ тихой водяной поверхностью. Губы ея алѣли словно кораллы и сквозь нихъ свѣтились влажнымъ блескомъ, какъ кварцъ, бѣлые зубы. Если старый Петръ Шюддекопъ напоминалъ древняго морскаго царя, то въ дочери его Сванеке, не смотря на массивность и грубость формъ, было что-то русалочье. Ея древнее имя *) невольно приводило на память лебедей—дѣвъ Одина, которыя, то, подобно валкиріямъ, увлекались дикой жаждой битвъ,—то, порабощенныя любовью къ смертному, теряли въ его объятіяхъ свою божественную силу, свое безсмертіе и становились слабыми, земными женами. Это случалось, когда кто-нибудь похищалъ ихъ лебединую одежду, которую онѣ сбрасывали на пустынномъ морскомъ берегу; тогда лебедь-дѣва подпадала власти похитившаго и слѣдовала за нимъ какъ жена къ его очагу.

Сванеке разносила гостямъ дымящіяся глиняныя чашки и въ низкой комнатѣ раздавался только звукъ прихлебываемаго напитка, а на дворѣ свистѣлъ вѣтеръ и слышался прибой волнъ. Тишина въ комнатѣ изрѣдка прерывалась сказаннымъ сквозь зубы словомъ и затѣмъ всѣ опять погружались въ молчаніе. Имъ нечего было сообщать другъ другу, такъ какъ думали они и немного, и всѣ одно и то же. По временамъ раздавалось что-то съ юга изъ-за пролива и слышался глухой, развѣянный вѣтромъ звукъ, но тѣмъ не менѣе болѣе рѣзкій и опредѣленный, чѣмъ ревъ вѣтра и воды. Звукъ этотъ былъ знакомъ здѣсь уже цѣлыхъ полгода; это были выстрѣлы осадныхъ орудій, съ непріятельскихъ верковъ, по ту сторону города.

Вотъ снова послышался тотъ-же звукъ, на этотъ разъ яснѣе донесенный вѣтромъ. Петръ Шюддекопъ поднялъ свою сѣдую гриву и обратился къ дочери:

— Достань книгу, съ полки, Сванке, и почитай намъ вслухъ! Знаешь, про стараго Класа; это все равно что Библія.

— Не нужно мнѣ; я знаю наизусть, отвѣтила дѣвушка низкимъ груднымъ голосомъ, какого и надо было ожидать при ея сильномъ сложеніи. Она уперлась колѣномъ въ край скамейки, сильнымъ движеніемъ вскочила на нее и достала книгу съ высокой полки стѣннаго шкафа. Это была единственная книга въ домѣ; она была переплетена въ свиную кожу и представляла перепечатку съ древней штральзундской хроники; но, какъ и сказала Сванеке, ей не было надобности открывать ее. Подойдя къ столу и облокотившись о закрытую книгу обѣими руками, какъ пасторъ о Библію, Сванеке начала пересказывать содержаніе наизусть.

— „Это было 200 лѣтъ тому назадъ", заговорила она нижненѣмецкимъ нарѣчіемъ: „Въ то время датскій король Эрихъ вооружилъ большія морскія силы, противъ нѣмецкой Ганзы. Около 70 судовъ, большихъ и малыхъ, съ полутора тысячью вооруженныхъ людей, въ ночи и въ туманѣ, прошли чрезъ заливъ и на разсвѣтѣ подошли къ Штральзундской гавани. Все что нашли тамъ, они разграбили, сожгли и уничтожили и крикомъ своимъ разбудили горожанъ, мирно почивавшихъ въ своихъ домахъ за стѣнами города. Жители выбѣжали на городскія стѣны, но не будучи подготовлены къ нападенію столь многочисленной непріятельской силы, должны были не сопротивляясь переносить насмѣшки, бросаемыя имъ снизу датчанами. „Tydske Garper"—древнее бранное слово — кричали имъ на-

*) Schwan, swan—лебедь.

нападающіе и вызывали невооруженныхъ на бой. Но съ самымъ городомъ они ничего не могли сдѣлать и, когда наступилъ вечеръ, возвратились на свои корабли. Вѣтеръ въ это время измѣнился и не выпустилъ нападающихъ изъ пролива съ западной стороны, а потому они направились на югъ черезъ Стрелазундъ. Въ ту же ночь возвратилось съ моря въ Штральзундскую гавань полъ-дюжины купеческихъ судовъ. Бургомистръ Клаасъ фонъ-деръ-Липпе снабдилъ ихъ поспѣшно людьми и бомбардами и превратилъ въ одну ночь въ военные корабли. Между тѣмъ вѣтеръ опять подулъ съ востока, такъ что датчане должны были повернуть назадъ и пройти проливомъ мимо города. Но тутъ штральзундскія вооруженныя суда внезапно бросились на нихъ и весь датскій флотъ частію потопили, частію взяли въ плѣнъ. Только адмиральскій корабль, со своими закованными въ броню рыцарями, успѣлъ уйти и привезти въ Данію извѣстіе какъ „нѣмецкія гарпіи" оправдали данную имъ бранную кличку. Это было близъ острова Стрела, который съ тѣхъ поръ называется Денгольмъ. Датскій король Эрихъ, послѣ такого погрома, покинулъ свое государство и бѣжалъ со всѣми своими сокровищами".

Дѣвушка окончила пересказъ часто читавшейся хроники и въ комнатѣ снова все стихло; одинъ только Ольдъ Пееръ проговорилъ: „То была нѣмецкая Ганза". При этихъ словахъ, глаза старика расширились и, казалось, метали молніи. Ударивъ кулакомъ по столу: „куда она дѣлась?" воскликнулъ онъ — „я вижу только воду да вѣтеръ! Куда дѣлась нѣмецкая Ганза? Не знаешь ли ты, Тилеманъ Лухтергандъ?"

Послѣдній вопросъ, обращенный наудачу къ первому попавшемуся, относился къ вошедшему въ эту минуту въ горницу молодому рыбаку, который, повидимому, едва успѣлъ вернуться съ открытаго моря, такъ какъ одежда его была не только обрызгана пѣной, но и мокра насквозь.

Входя въ комнату, онъ наклонилъ нѣсколько голову, вѣроятно зная по опыту, что выпрямившись во весь ростъ, онъ бы коснулся головою въ потолочныя балки. Настоящее имя вошедшаго было Тилеманъ Даубъ, но его съ дѣтства всѣ называли Лухтергандъ, такъ какъ онъ былъ лѣвша. Несмотря на исполинскія плечи, голова молодаго матроса возвышалась на болѣе стройной шеѣ чѣмъ у остальныхъ, точно также, какъ и въ лицѣ его было замѣтно выраженіе, отличавшее его отъ прочихъ; но въ чемъ оно заключалось трудно было опредѣлить пока, при неясномъ, колеблющемся свѣтѣ лампы и очага.

— Что съ вами, Ольдъ-Пееръ? спросилъ онъ, не понявъ вопроса старика.

Но Сванеке, предупреждая отвѣтъ отца, сама воскликнула на его вопросъ:

— Куда дѣлись Ганзейцы? Батюшка! Они все еще живы, но имъ уже не поднять больше правой руки.

Слова эти повидимому выражали вообще отсутствіе силы въ теперешнихъ потомкахъ старыхъ ганзейцевъ, но одинъ изъ присутствующихъ усмотрѣлъ намѣренно колкій намекъ въ сопоставленіи правой руки съ лѣвой; по крайней мѣрѣ Тилеманъ Лухтергандъ быстро повернулся къ молодой дѣвушкѣ и проговорилъ, полусмѣясь, сквозь зубы:

— Ты думаешь, Сванке? А можетъ быть у нихъ и сердце не съ той стороны.

При этихъ словахъ стало ясно, чѣмъ лицо его отличалось отъ другихъ. Это „что-то" лежало въ лучезарной синевѣ его глазъ, не столь пронизывающихъ, какъ у Петра Шюддекона, а напоминавшихъ скорѣе лазурь яркаго солнечнаго неба, надъ слегка волнующимся моремъ, въ ту минуту, когда они, заискрившись, погрузились въ зеленые глаза молодой дѣвушки. Произошелъ быстрый обмѣнъ сверкающихъ взглядовъ, въ одно и то же время довѣрчивыхъ и упрямо вызывающихъ.

— Небойсь, мучитъ жажда? проговорила Сванеке.

Въ вопросѣ этомъ какъ бы заключалось приглашеніе выпить, но въ тонѣ слышалось что-то пренебрежительное, какъ будто намекъ на то, что онъ приходитъ только затѣмъ, чтобы утолить жажду. Кромѣ того, вопросъ этотъ, казалось, имѣлъ еще другой, насмѣшливый смыслъ и намекалъ на иную жажду—его устъ. Тилеманъ отвѣчалъ коротко:

— Для этого мнѣ тебя не надо!

И подошелъ къ очагу въ глубинѣ комнаты. Видно было, что онъ хорошо знакомъ въ домѣ старика, потому что непринужденно взялся за котелъ, чтобы самому приготовить себѣ питье, но дѣвушка поспѣшно послѣдовала за нимъ и сказала:

— Развѣ ты сынъ здѣсь въ домѣ? а если нѣтъ, такъ руки прочь!

Въ словахъ этихъ опять послышалась насмѣшка, отъ которой кровь бросилась въ лицо молодаго человѣка. Она сказала „сынъ", но надо было понимать—„зять". Тилеманъ сдѣлалъ однако видъ, что понялъ въ буквальномъ смыслѣ.

— Кабы ты была моя сестра, проговорилъ онъ,—ты бы лучше умѣла держать языкъ за зубами.

— Ты думаешь, кажется, что я боюсь тебя?

Сванеке выпрямилась вызывающе во весь ростъ, и глаза ихъ снова смѣрили другъ друга съ какимъ-то блескомъ. Она схватила ручку котелка, чтобы вырвать его изъ рукъ Тилемана, но тотъ не выпускалъ его и между ними завязалась борьба. Тилеманъ былъ сильнѣе и долженъ былъ въ концѣ концовъ одержать верхъ; но Сванеке, неожиданнымъ движеніемъ, быстро наклонила котелокъ и струя горячей воды обдала его правую руку. Темно-красное пятно залило обожженное мѣсто и молодой человѣкъ невольно выпустилъ ручку котелка, которую Сванеке дернула къ себѣ. Онъ ни звукомъ не выразилъ страшной боли, которую долженъ былъ причинить обжогъ, и хладнокровно отошелъ отъ очага къ серединѣ комнаты. Дѣвушка съ удивленіемъ проводила его глазами. Она знала, какое страданіе причиняетъ обжогъ гораздо меньшимъ количествомъ воды, и сознавала, что сама вскрикнула бы отъ боли. Смѣшавъ водку съ горячей водой въ глиняной чашкѣ, Сванеке молча поставила ее на лавку, на которой сидѣлъ Тилеманъ. Онъ точно также молча взялся за чашку обожженной рукой, какъ будто ничего не произошло. Петръ Шюддеконъ все это время мрачно смотрѣлъ предъ собой:

— Теперь уже не датчане, а другіе, проговорилъ онъ,—но старика Класа нѣтъ больше съ нами...

При этихъ словахъ снова послышался отдаленный, глухой звукъ выстрѣловъ со стороны Штральзунда и въ то же время въ комнату вошелъ новый гость. Онъ походилъ на всѣхъ остальныхъ, но въ лицѣ его замѣчалось какое-то возбужденіе.

— Идутъ; идутъ уже моремъ!

— Кто идетъ, Берндтъ? спросилъ старикъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Изъ гостей въ гости на перегонки. (Рис. на стр. 4 и 5).

Морозный день. Неподвижный воздухъ наполненъ серебристой пылью. Въ густомъ лѣсу пушистый снѣгъ насѣлъ бахромой на безлистныя вѣтви деревьевъ и покрылъ мягкою пеленою промерзлую землю. Отъ холода птицы попрятались и звѣри зарылись въ свои норы и логовища. Лѣсъ какъ-бы вымеръ. Тихо, холодно, неуютно. Вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ, за нимъ другой, раздался конскій топотъ и съ шумомъ и гикомъ влетѣли въ неподвижный лѣсъ двѣ лихія тройки. Одна изъ нихъ, стараясь обогнать другую, взяла всторону отъ дороги въ объѣздъ, и сѣдоки, заранѣе торжествуя побѣду, раскланиваются съ остальными... Спугнутые зайцы стрѣлой пронеслись черезъ дорогу. Чуткая бѣлочка перескочила съ одной вѣтки на другую, стряхнувъ бѣлую нить нависшаго на ней инея... Мало-по-малу все успокоилось. Стало попрежнему тихо; только вдали, все замирая, звякали колокольчики, словно торопясь къ званому святочному обѣду...

Какъ я похожа. (Рис. на стр. 9).

„Ахъ, какъ похожа я! Какъ-будто
Я передъ зеркаломъ стою",
Такъ наша крошка говорила,
Смотря на карточку свою.
Отъ счастья щечки раскраснѣлись
Глазенки весело горятъ
И губки тихо: „какъ похожа,
Какъ я похожа!" говорятъ.

Общій видъ Татевскаго монастыря въ Зангезурскомъ уѣздѣ, Елизаветпольской губ. (Рис. на стр. 12).

Татевскій армянскій монастырь расположенъ въ центрѣ Зангезурскаго уѣзда, въ ущельѣ, на высотѣ 4000 фут. надъ уровнемъ рѣки Баргушетъ. Чрезъ одинъ изъ притоковъ этой горной рѣчки, по дорогѣ ведущей къ монастырю, перекинутъ знаменитый „Чортовъ мостъ". Онъ состоитъ изъ огромной каменной глыбы, по всей вѣроятности скатившейся съ высоты ущелья. Скала упала чрезвычайно удачно, такъ что создался натуральный висячій мостъ, оставивъ свободнымъ проходъ глубокому руслу рѣки. Мостъ этотъ внушаетъ суевѣрный страхъ окрестнымъ жителямъ и о немъ создалось множество чудовищныхъ разсказовъ. Поднявшись отъ описываемаго моста по скалистому склону ущелья, тропинка ведетъ къ монастырю, знаменитому гробницею Св. Ѳаддея и основанному, какъ видно изъ древнихъ надписей, еще въ началѣ VIII вѣка. Святыня эта около половины XVII ст. и позже нѣсколько разъ подвергалась разграбленію со стороны персовъ, о чемъ сохранились преданія въ народѣ. Несмотря на то, въ монастырѣ хранится теперь много драгоцѣнностей. Въ монастырѣ находится каменная колонна, обладающая, по словамъ богомольцевъ, какою-то невидимою силой. Говорятъ что колонна эта воздвигнута въ XII стол. въ память посѣщенія церкви однимъ изъ армянскихъ царей, изъ династіи Багратидовъ. Она высѣчена изъ мягкаго песчаника, а внутри ея находится круглое отверстіе, въ которомъ помѣщаются нѣсколько иконъ. Высота колонны до 20 футовъ и нѣсколько фут. въ окружности. Монастырь сильно клонится къ разрушенію; глубокія разсѣлины въ стѣнахъ и поко-

сившійся видъ предсказываютъ скорое разрушеніе одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ Арменіи. Окрестныя вершины представляютъ дикую, фантастическую картину. Но на днѣ ущелья характеръ мѣстности мѣняется, долины и пологіе склоны покрыты роскошною растительностью.

Домой. (Рис. на стр. 13).

Посѣтители русскихъ художественныхъ выставокъ, безъ сомнѣнія, давно замѣтили, что скульптурныхъ произведеній изъ-года-въ-годъ становится все меньше, да и тѣ, которыя появляются передъ публикой, за немногими исключеніями, не выходятъ изъ уровня посредственности. Наши корифеи скульптуры что-то очень рѣдко стали выставлять свои талантливыя произведенія, а работы молодыхъ ваятелей заставляютъ желать многаго. Счастливымъ исключеніемъ является группа возвращающихся домой съ базара хохловъ, изображенная на стр. 13. Художникъ очень удачно передалъ безпечное добродушіе и апатію малороссовъ и медленную, лѣнивую походку воловъ.

Кокетка.

(Рис. на стр. 16).

Профессоръ живописи, Константинъ Егоровичъ Маковскій, находящійся въ настоящее время въ Парижѣ, гдѣ онъ работаетъ надъ плафономъ для роскошнаго дома барона Д., хорошо извѣстенъ читателямъ „Нивы“. Блестящая манера его кисти, чрезвычайная колоритность и неподдающіеся описанію свѣтовые эффекты его произведеній очень удачно переданы въ цѣломъ рядѣ его картинъ-факсимиле, служившихъ приложеніями къ нашему журналу. Но и простая гравюра съ его картины, эскиза или наброска производитъ прекрасное впечатлѣніе. Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ рисунокъ, помѣщенный на стр. 16.

Хуланъ (Asinus kiang). (Рис. на стр. 17).

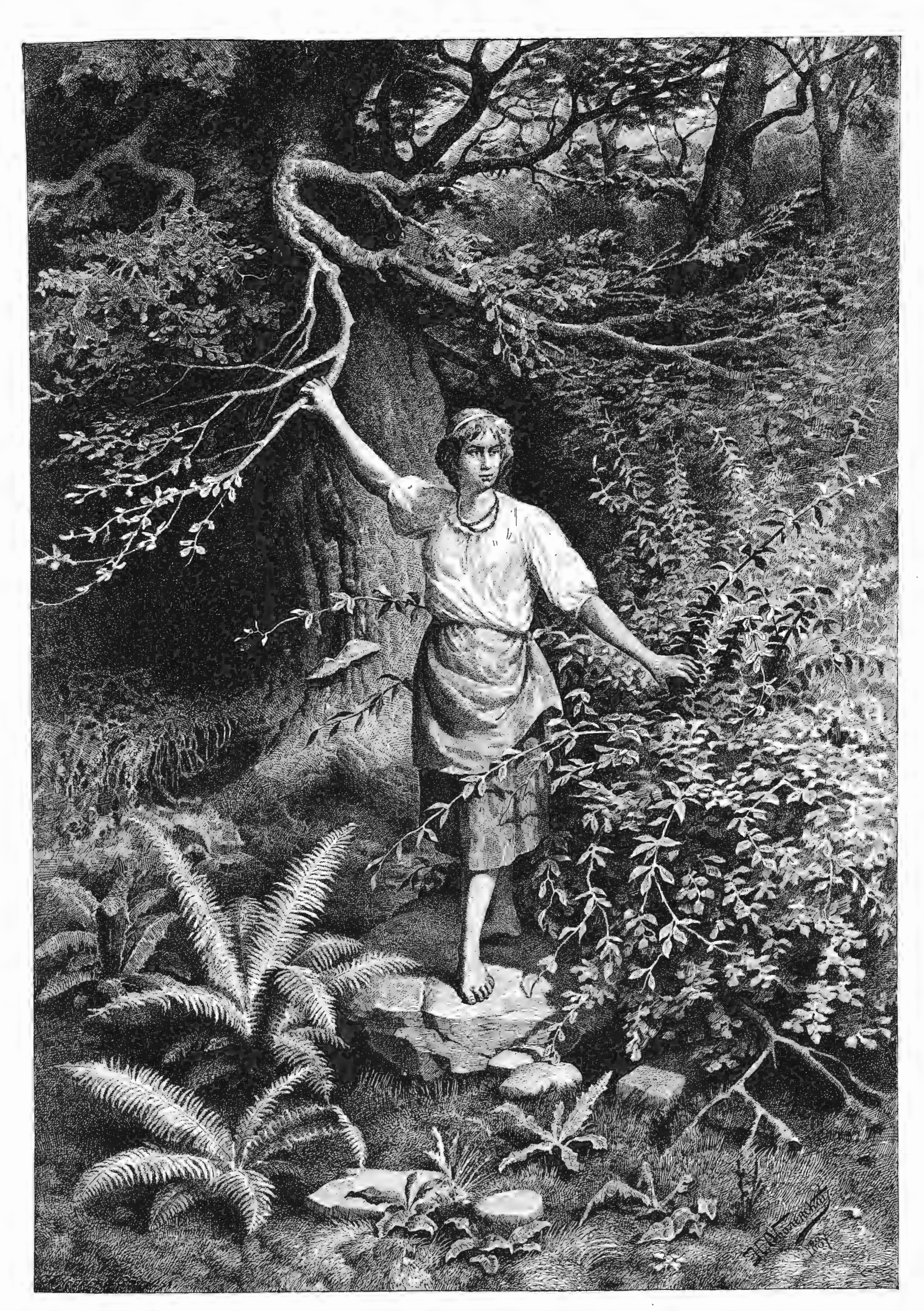
Хуланъ или *куланъ* у киргизовъ, *Джигетай* монголовъ, *Джанъ* тунгузовъ, *кіангъ* тибетцевъ *(Equus hemionus, polyodon* или *kiang; Asinus polyodon* или *kiang)* былъ впервые научно описанъ Палласомъ, который говоритъ, что „этихъ джигетаевъ нельзя собственно назвать ни лошадью, ни осломъ. Въ общемъ они представляютъ нѣчто среднее между тою и другимъ въ такой же степени, какъ мулы; поэтому-то Мессершмидъ, впервые замѣтившій это, и называлъ ихъ „не-безплодными мулами“. Почти до самаго послѣдняго времени оставалось въ полной силѣ Палласово описаніе этого животнаго. Лишь съ 50-хъ годовъ свѣдѣнія наши о хуланѣ обогатились новыми изслѣдованіями Годжсона, Гея, Эверсмана, Сѣверцова и Пржевальскаго. Джигетай или хуланъ—дитя степей и хотя предпочитаетъ окрестности озеръ и рѣкъ, но не брезгаетъ и безводными пустынями, а также и горами, лишь бы эти послѣднія не были покрыты лѣсомъ. Благодаря этой разнохарактерности мѣстопребыванія прежде и различали зоологи (братья Шлагинтвейтъ и др.) джигетая отъ кіанга. По мнѣнію это было блистательно опровергнуто Пржевальскимъ, который несомнѣнно видѣлъ хулановъ пасущимися на высокихъ горахъ сѣвернаго Тибета и въ роскошныхъ луговыхъ степяхъ у озера Куку (Кукуноръ).

Это-то животное и считается прародителемъ нашей лошади. Прирученіе его потомковъ приписывается обыкновенно Гиксамъ, кочевому народу, въ глубокой древности покорившему Египетъ, куда и были имъ приведены первые кони. Теперь куланы водятся стадами (нерѣдко въ нѣсколько сотъ головъ), начиная отъ Акмолинской области, въ узкой степной полосѣ между Алтайскими горами и озеромъ Зайсанъ, а отсюда распространены по всѣмъ подходящимъ по условіямъ мѣстностямъ южной Сибири и Туркестана, хотя и не въ столь громадномъ количествѣ какъ въ степяхъ Монголіи, сѣверо-западнаго Китая и горахъ Тибета.

Хуланъ ведетъ повидимому кочевую жизнь, постоянно переходя съ мѣста на мѣсто, побуждаемый къ тому то недостаткомъ пастбищъ, то непогодами. Съ наступленіемъ зимы отдѣльныя лѣтнія стайки собираются въ громадные табуны, которые, напр. отъ Акмоллинска, двигаются съ каждымъ мѣсяцемъ все далѣе вглубь такъ-называемой Голодной степи; какъ только снѣгъ начинаетъ таять, они возвращаются на лѣтнія кочевья и снова разбиваются на небольшія группы въ 6—15 кобылъ подъ водительствомъ одного жеребца. Движенія ихъ легки, быстры, увѣренны и красивы. Всего удивительнѣе видѣть какъ они карабкаются по горамъ или мчатся внизъ по карнизу горной тропинки, никогда не спотыкаясь. Куланы не особенно пугливы и часто сами набѣгаютъ изъ любопытства на выстрѣлъ. Въ стадѣ они впрочемъ осторожны и, чуя человѣка издали, тотчасъ обращаются въ бѣгство. На рану куланъ весьма выносливъ и только безусловно смертельная кладетъ его на мѣстѣ.

Тунгусы охотятся за куланомъ, выѣзжая рано утромъ въ горы на свѣтложелтой лошади. Завидѣвъ кулановъ, охотникъ

Папа Левъ XIII (по поводу 50-лѣтняго юбилея). Съ фотогр. грав. Флюгель.



Заблудилась. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

подвязываетъ своему коню хвостъ, чтобъ онъ не развѣвался по вѣтру, и отводитъ коня на вершину горы, а самъ ложится на землю шагахъ во ста отъ него. Куланъ замѣчаетъ лошадь, принимаетъ ее за кобылу своей породы, и быстро скачетъ къ ней. Но подбѣжавъ ближе, нѣсколько озадачивается, останавливается и стоитъ. Это самое удобное время для выстрѣла. Тунгусъ чаще всего цѣлитъ въ грудь и нерѣдко убиваетъ животное на мѣстѣ. Но иногда куланъ падаетъ лишь послѣ пяти пуль.

Выгода отъ такой охоты немалая: мясо считается тунгусами лакомствомъ, за шкуру хорошо платятъ монголы, а въ кожѣ хвоста, по мнѣнію инородцевъ, заключается цѣлебная сила: если кусокъ этой кожи жечь на угляхъ и дать вдохнуть дымъ больному животному, то оно будто-бы выздоравливаетъ.

Папа Левъ XIII. (Портр. на стр. 20).

Глава католическаго міра праздновалъ на-дняхъ пятидесятилѣтній юбилей своего епископскаго служенія. Джоакино Печчи родился 2 марта (18 февраля) 1810 года, въ Карпинето близь Ананьи, воспитывался въ Римѣ въ Collegio romano, затѣмъ учился въ духовной Академіи, и въ качествѣ папскаго протонотарія вступилъ на службу Куріи. Въ 1837 году Григорій XVI назначилъ его папскимъ придворнымъ прелатомъ и делегатомъ (правителемъ) въ Беневентъ. Впослѣдствіи молодой прелатъ получилъ легаціи Сполетскую, Перуджійскую, сдѣланъ былъ архіепископомъ Даміеттскимъ in partibus, а въ 1843 году папскимъ нунціемъ въ Брюсселѣ. Здѣсь онъ весьма ловко сумѣлъ обратить въ пользу католической церкви ея отдѣленіе отъ государства. Въ 1846 году онъ былъ назначенъ архіепископомъ Перуджійскимъ и возведенъ въ санъ кардинала, хотя новый папа Пій IX утвердилъ его въ этомъ санѣ лишь въ 1853 г. Онъ превосходно управлялъ своею епископіей и даже послѣ политическаго переворота сумѣлъ сохранить добрыя отношенія къ италіанскому правительству. Въ 1876 г., призванный въ Римъ, онъ въ ноябрѣ 1877 года назначенъ былъ папскимъ камерлингомъ, и въ этомъ званіи, по смерти Пія IX (7 февраля 1878), управлялъ дѣлами Куріи до 20 февраля 1878 г., когда коллегія кардиналовъ избрала его папой и онъ торжественно короновался тіарой 3 марта подъ именемъ Льва XIII.

Общественное мнѣніе приписывало новому папѣ вообще миролюбивыя наклонности и ожидало что онъ вскорѣ уладитъ несогласія папскаго престола съ Италіей и Пруссіей. Ожиданія эти въ значительной степени оправдались, хотя въ первой своей энцикликѣ, 1878 г., онъ потребовалъ возстановленія Папской области какъ государства, а затѣмъ повидимому желалъ оставить споръ о принципіальныхъ вопросахъ неразрѣшеннымъ и находить modus vivendi въ переговорахъ по каждому отдѣльному случаю. Статсъ-секретаремъ своимъ онъ назначилъ впрочемъ весьма умѣреннаго и покладливаго кардинала Франки, который умеръ въ томъ же 1878 году. За нимъ слѣдовалъ кардиналъ Нина. Въ адресованномъ этому послѣднему письмѣ отъ 27 (15) августа 1878 г. папа весьма сдержанно говорилъ объ италіанскомъ правительствѣ. Точно также, при помощи мюнхенскаго нунція Мазеллы и вѣнскаго нунція Якобини, онъ завязалъ переговоры съ Пруссіей. Прусское правительство, со своей стороны, сдѣлало также нѣсколько примирительныхъ шаговъ навстрѣчу папѣ, запасшись широкими полномочіями отъ ландтага относительно непримѣненія такъ-называемыхъ майскихъ законовъ (направленныхъ противъ строптиваго католическаго духовенства) и щедро пользуясь этими полномочіями. Возстановлена была и прусская миссія при Ватиканѣ. Въ посланіи къ Мельхерсу, бывшему архіепископу Кельнскому, отъ 24 (12) февраля 1880, Левъ считалъ даже возможнымъ извѣщать прусскаго оберпрезидента о назначеніи духовныхъ лицъ на епископскія должности. Хотя отъ этого заявленія онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отрекся, но тѣмъ не менѣе оказалъ содѣйствіе по замѣщенію нѣкоторыхъ духовныхъ должностей остававшихся вакантными. Благодаря этой мудрой политикѣ, такъ-называемая культурная борьба почти прекратилась, особенно послѣ безпристрастнаго третейскаго суда папы, высказавшагося за Германію въ вопросѣ о Каролинскихъ островахъ. Но тамъ гдѣ надо—Левъ XIII умѣетъ быть твердымъ. Въ Бельгіи законъ 1 іюля 1878 года изъялъ изъ вѣдѣнія духовенства надзоръ за народными школами и предоставилъ преподаваніе закона Божія родителямъ и церкви. Папа сначала тайно, потомъ явно сталъ на сторону духовенства, что повело за собой перерывъ его дипломатическихъ сношеній съ Брюсселемъ и Римомъ. Во Франціи онъ съ достоинствомъ велъ борьбу противъ безумныхъ декретовъ 30 (18) марта 1880 года, коими изгонялись многія духовныя конгрегаціи и отмѣнялось преподаваніе закона Божія въ школахъ, причемъ рьяные исполнители декретовъ производили возмутительныя насилія и кощунства въ самыхъ школахъ при малолѣтнихъ дѣтяхъ, выбрасывая на улицы распятія и иконы, которыя они называли „религіозными эмблемами". Тѣмъ не менѣе самымъ радикальнымъ министрамъ не удалось до сихъ поръ отмѣнить конкордата съ папскимъ престоломъ. Въ Испаніи Левъ XIII порвалъ съ карлистами и обязалъ духовенство содѣйствовать законному правительству, точно также какъ и въ Англіи по ирландскому вопросу. Что касается отношеній Ватикана къ итальянскому правительству, то и здѣсь Левъ XIII, требуя на словахъ попрежнему возстановленія свѣтской власти папы, на дѣлѣ признаетъ всѣ національныя стремленія правительства и не отказываетъ ему въ своемъ „апостолическомъ благословеніи". Словомъ, глава католическаго міра мудро и съ достоинствомъ управляетъ своей обширною паствой, и лучшимъ доказательствомъ всеобщаго съ ея стороны сочувствія служатъ тѣ внѣшнія его заявленія, которыми сопровождалось празднованіе юбилея папы. Подарки къ юбилею стекались десятками тысячъ со всѣхъ концовъ свѣта; такъ, между прочимъ, маститому юбиляру было поднесено около 40,000 церковныхъ облаченій, и т. д.

Заблудилась. (Рис. на стр. 21).

Густой, дремучій лѣсъ. Вѣтвями
Сплелись деревья и кусты.
Покрыли влажный мохъ мѣстами
Съ деревъ опавшіе листы.
Кой-гдѣ тропинки одинокой
Мелькалъ едва примѣтный слѣдъ
И вдругъ исчезъ въ травѣ высокой...
Какъ выбраться на Божій свѣтъ?
Кругомъ зеленою стѣною
Стоитъ—шумитъ дремучій лѣсъ
И въ чащѣ, сквозь листву, порою
Не видно синевы небесъ...

Двухголовыя животныя. (Рис. на стр. 24).

Многочисленными изслѣдованіями анатомы доказали что такъ-называемые уроды отличаются такою-же правильною организаціей какъ и нормально развитыя животныя. Эта правильность позволила Исидору и Этьену Жоффруа-Сентъ-Илерамъ установить естественную классификацію аномалій и уродствъ и основать особую науку—тератологію (уродословіе), коей происхожденіе такимъ образомъ является чисто-французскимъ. Д-ръ Камиллъ Дарестъ произвелъ даже нѣсколько одиночныхъ уродовъ искусственнымъ путемъ, положивъ такимъ образомъ начало экспериментальной тератологіи. Что касается такъ-называемыхъ *двойныхъ*, т. е. сросшихся наподобіе извѣстныхъ сіамскихъ близнецовъ, то искусственное произведеніе ихъ до сихъ поръ еще не удавалось, но наука находится уже на вѣрномъ пути къ осуществленію и этой возможности.

Наши рисунки представляютъ интересныхъ уродовъ именно этого послѣдняго рода. Вторая фигура изображаетъ двухголоваго теленка, родившагося 11 апрѣля 1887 года въ Бюнангѣ (департаментъ Пюй-де-домъ во Франціи) и почти вслѣдъ затѣмъ издохшаго. Обѣ особи составлявшія срростокъ были совершенно нормально организованы въ переднихъ половинахъ тѣла, какъ снаружи, такъ и внутри, причемъ только легкія лѣвой стороны были болѣе развиты чѣмъ на правой. Брюшная полость была общею, однако желудковъ было два съ двумя кишками, которыя соединялись лишь у такъ-называемый двѣнадцатиперстной; двѣ печени, двѣ селезенки, но только одна пара почекъ. Оба позвоночные столба шли раздѣльно до самыхъ хвостовъ включительно.

Этотъ видъ уродства, называемый по классификаціи Сентъ-Илеровъ *псодиміей*, довольно рѣдокъ и встрѣчается у людей, телятъ и акулъ. Большая часть псодимовъ умираетъ тотчасъ по рожденіи, но въ 1722 г. родившіяся въ такомъ сросткѣ двѣ дѣвочки прожили болѣе двухъ мѣсяцевъ.

На первомъ рисункѣ изображена взрослая двухголовая корова, относящаяся по классификаціи къ *иніодимамъ*; она показывается въ одномъ изъ цирковъ въ Америкѣ. Здѣсь уродство состоитъ только въ двухъ головахъ, сросшихся затылочными и височными частями черепа. Собственно говоря, функціонируетъ (т. е. производитъ всѣ жизненныя отправленія) только лѣвая половина; впрочемъ, во время жеванія, ротъ правой также наполняется слюной. Всѣ четыре глаза нормальны. Иніодимія также весьма рѣдка и констатирована пока лишь у человѣка, кошки, оленя, овцы, быка, цыпленка, змѣи и черепахи.

Новая лампа. (Рис. на стр. 23).

Въ настоящее время, когда газовое освѣщеніе ведетъ упорную борьбу со своимъ, несомнѣнно болѣе сильнымъ, противникомъ, электричествомъ и начинаетъ уступать этому послѣднему первенство,—казалось-бы, что керосиновое освѣщеніе уже отжило свой вѣкъ и должно окончательно сойти со сцены. На самомъ же дѣлѣ мы замѣчаемъ, что, въ особенности за послѣднее время, вопросъ о керосиновомъ освѣщеніи снова выдвинулся. Насколько серьезно его появленіе, видно изъ того, что освѣщеніе керосиномъ вновь примѣняется съ громаднымъ успѣхомъ даже тамъ, гдѣ уже успѣли перебывать и газовое, и электрическое освѣщенія. Чему приписать подобное явленіе? Входить въ подробности намъ не позволяютъ размѣры настоящей статьи, а потому мы укажемъ только на двѣ главныя причины. Первая—необыкновенная дешевизна керосина, и вторая, болѣе важная—постоянное стремленіе къ улучшенію лампъ разныхъ системъ, которое наконецъ достигло совершенства въ послѣднемъ американскомъ изобрѣтеніи.

Долгое время фабриканты и техники-спеціалисты Америки,

Франціи, Бельгіи и даже Россіи добивались побѣды на этомъ полѣ, пока въ концѣ концовъ она осталась таки за первою, благодаря замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ лампѣ Гичкока, распространеніемъ которой у насъ занялась извѣстная въ Россіи фирма, имѣющая постоянныя торговыя сношенія съ Америкой. Описаніемъ этой лампы мы надѣемся оказать услугу нашимъ читателямъ.

Керосиновая лампа Гичкока предназначена для сожиганія простѣйшихъ сортовъ керосина и его разновидностей, безъ употребленія стеколъ, постоянно лопающихся и бьющихся въ рукахъ нашей прислуги, для которой тщетно изыскиваются прислугоупорныя вещи, наподобіе существующихъ уже огнеупорныхъ.

Основана эта остроумная лампа на особаго рода механическомъ вентиляторѣ, вдувающемъ съ довольно большой силой воздухъ въ пламя, которое, вслѣдствіе значительнаго притока кислорода, горитъ очень ярко и горячо, а потому и сжигаетъ всѣ составныя части керосина безъ малѣйшаго выдѣленія дыма. Этимъ вентиляторомъ обусловливается то, что пламя, даваемое лампой Гичкока, имѣетъ бѣлый цвѣтъ, котораго, какъ извѣстно, не имѣетъ обыкновенный освѣтительный газъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ выдѣлывается и очищается не такъ плохо, какъ газъ петербургскій и московскій. Исключеніемъ служитъ лишь сожиганіе газа въ особыхъ, крайне остроумныхъ, регенеративныхъ лампахъ Сименса, основанныхъ также на вентиляціи. Собственно лампа Гичкока есть не болѣе, какъ обыкновенная керосиновая лампа съ плоскимъ фитилемъ. Она состоитъ изъ резервуара, имѣющаго горѣлку и винтъ для управленія плоскимъ фитилемъ, дающимъ громадное пламя, не покрываемое стекломъ и похожее, по формѣ, на пламя газовыхъ рожковъ. Суть же особенностей этой интересной лампы заключается въ ея пьедесталѣ. Этотъ пьедесталъ пустой внутри. Внизу его, у самаго почти дна, сдѣлано множество дырочекъ, чрезъ которыя воздухъ поступаетъ внутрь пьедестала. Въ колонкѣ пьедестала укрѣплена сильная упругая часовая пружина, заводящаяся снизу ключемъ, сдѣланнымъ въ родѣ баранчика. Эта пружина приводитъ въ движеніе, посредствомъ часоваго механизма, горизонтальный вентиляторъ-вертушку, сдѣланный въ родѣ обыкновенныхъ комнатныхъ вентиляторовъ. Воздухъ, поступающій чрезъ помянутыя дырочки, идетъ по проходу въ вентиляторъ, и выгоняется по обѣимъ сторонамъ резервуара и чрезъ горѣлку въ пламя, причемъ опять замѣщается новымъ воздухомъ, стремящимся внутрь пьедестала. Теперь перейдемъ къ тѣмъ условіямъ, при соблюденіи коихъ эта лампа можетъ дѣйствовать хорошо и продолжительное время. Ключемъ слѣдуетъ заводить механизмъ лампы предъ каждымъ ея зажиганіемъ, причемъ нужно заводить вполнѣ, пока это дозволяетъ пружина. Чѣмъ чаще и полнѣе это дѣлается, тѣмъ лучше для механизма. Для наполненія лампы керосиномъ слѣдуетъ вынуть резервуаръ, отвинтить горѣлку и налить его не совсѣмъ полно. Лампа, снабженная новымъ фитилемъ, не такъ хорошо горитъ въ первый разъ, пока фитиль не получитъ нагара и не пропитается керосиномъ. Срѣзавъ же нагаръ и зажегши лампу вторично, получаютъ яркое бѣлое пламя.

Сила свѣта равняется 20 свѣчамъ. Заводится механизмъ на 10 часовъ. Устройство весьма сходно съ часовымъ механизмомъ, который сдѣланъ замѣчательно точно и чисто. Такъ какъ всѣ части изготовлены спеціальными машинами, то, въ случаѣ какой либо порчи, можно легко замѣнить старыя части новыми, выписанными для этой цѣли вмѣстѣ съ лампами.

Новая лампа Гичкока.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше утвержденъ проектъ штата состоящаго при канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ СПБ.

— Государственный банкъ доводитъ до свѣдѣнія владѣльцевъ облигацій 4% внутренняго займа 1887 года, что ссуды подъ эти облигаціи на сроки не далѣе 30 іюня 1888 г. банкъ будетъ выдавать изъ 5% годовыхъ.

— *Нов. Время* сообщаетъ что Комитетъ Министровъ одобрилъ представленіе объ учрежденіи фактическаго контроля на дорогахъ: Ряжско-Вяземской, Моршанско-Сызранской, Закавказской, Динабурго-Витебской, и нѣкоторыхъ линіяхъ Западнаго края.

— Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ выработаны правила относительно подчиненія благотворительныхъ обществъ особому контролю. Мотивомъ для этого послужило то обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ изъ круга своей дѣятельности, расходуя пожертвованныя имъ деньги на дѣла не соотвѣтствующія филантропическимъ цѣлямъ.

— Общее поступленіе государственныхъ доходовъ къ 1 октября 1887 года опредѣлилось въ 520,926,287 руб., а къ тому-же сроку 1886 г.—въ 487,859,518 руб., или въ настоящемъ году болѣе на 33,066,769 руб.

Дѣла церкви.

— Въ видахъ улучшенія быта сельскаго духовенства, Св. Синодомъ разрѣшено духовенству учреждать во всѣхъ епархіяхъ общества взаимнаго вспомоществованія и ссудо-сберегательныя кассы. Въ настоящее время къ устройству такихъ кассъ уже приступлено въ епархіяхъ Харьковской и Полтавской.

— 16 декабря въ Св. Синодѣ состоялось нареченіе архимандрита Владиміра во епископа Алеутскаго и Аляскинскаго.

— *Петербургскій Листокъ* сообщаетъ что между петербургскими раскольниками ходитъ по рукамъ рукописное посланіе одного изъ московскихъ раскольничьихъ „іерарховъ“, вызванное устраиваемыми у насъ собесѣдованіями со старообрядцами. Посланіе это высказываетъ осужденіе хранителямъ старой вѣры за участіе въ упомянутыхъ собесѣдованіяхъ, и приглашаетъ воздерживаться отъ него.

Морское дѣло.

— Въ Ревелѣ происходитъ самое оживленное движеніе судовъ. Теперь прибыло до 50 громадныхъ пароходовъ съ хлопкомъ прямо изъ Америки, каждый вмѣстимостью не менѣе 75,000 пудовъ.

— 20 и 21 ноября на всемъ пространствѣ Прибалтійскаго края свирѣпствовала сильная буря, причинившая много кораблекрушеній и большіе убытки въ селеніяхъ и лѣсахъ. Во многихъ мѣстахъ буря сопровождалась сильною грозою.

— Въ ночь на 18 декабря въ Одессѣ и на Черномъ морѣ разразился сильнѣйшій штормъ, продолжавшійся до утра при снѣжной мятели. Поѣзда стали прибывать лишь поздно вечеромъ, срочные пароходы не отходили; въ городѣ повреждено много домовъ, поломаны деревья и телеграфныя линіи.

Народное просвѣщеніе.

— По словамъ *С.-П. Вѣдомостей*, въ скоромъ времени должно послѣдовать открытіе цѣлаго ряда профессіональныхъ школъ въ различныхъ губерніяхъ, по особой программѣ, выработанной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Школы будутъ приготовлять мастеровъ различныхъ ремеслъ, практически знающихъ свое дѣло и обладающихъ необходимыми прикладными знаніями. Одновременно съ этимъ, какъ слышно, предполагается осуществить и давно проектируемую реформу реальныхъ училищъ. Предполагается отнять у послѣднихъ характеръ средне-учебныхъ заведеній и сообщить имъ программу школъ долженствующихъ подготовлять помощниковъ инженеровъ и свѣдущихъ механиковъ.

Искусства изобразительныя.

— Надняхъ вышелъ въ свѣтъ иллюстрированный каталогъ произведеній покойнаго академика портретной живописи И. Н. Крамскаго.

— Академикъ акварельной живописи С. Ѳ Александровскій окончилъ въ настоящее время заказанный ему Его Императорскимъ Величествомъ третій выпускъ альбома акварельныхъ „Портретовъ кавалеровъ знака Военнаго Ордена, присутствовавшихъ при освященіи Памятника Славы, въ С.-Петербургѣ, 12-го октября 1886 года“.

— Въ мастерской академика Имп. академіи художествъ Ю. Ю. Клевера посѣтители нынѣ любуются живописными работами пейзажей по зеркалу. Такъ, въ настоящее время г. Клеверомъ окончена картина масляными красками по зеркалу, мастерски изображающая поэтическій заливъ Днѣпра, гдѣ между южныхъ роскошныхъ камышей видны плавающія по прозрачной водѣ красивыя водяныя лиліи и купавки. Большой эффектъ придаетъ картинѣ изображеніе прозрачно-хрустальной воды—на зеркальномъ стеклѣ.

— Въ Варшавѣ, въ Европейской гостиницѣ, нѣсколько недѣль тому назадъ открыта выставка воспитанника петербургской академіи художествъ Л. Веселовскаго. Кромѣ многихъ эскизовъ и небольшихъ работъ, выставлены слѣдующія картины большаго размѣра: „Жертвы Тиверія“, „Грѣшница предъ Христомъ“, „Авраамъ, изгоняющій Агарь“, „Подаяніе бѣднымъ пищи въ Римѣ монахами капуцинами“, „Сирены, зазывающія своимъ пѣніемъ корабль Одиссея“.

Пути сообщенія.

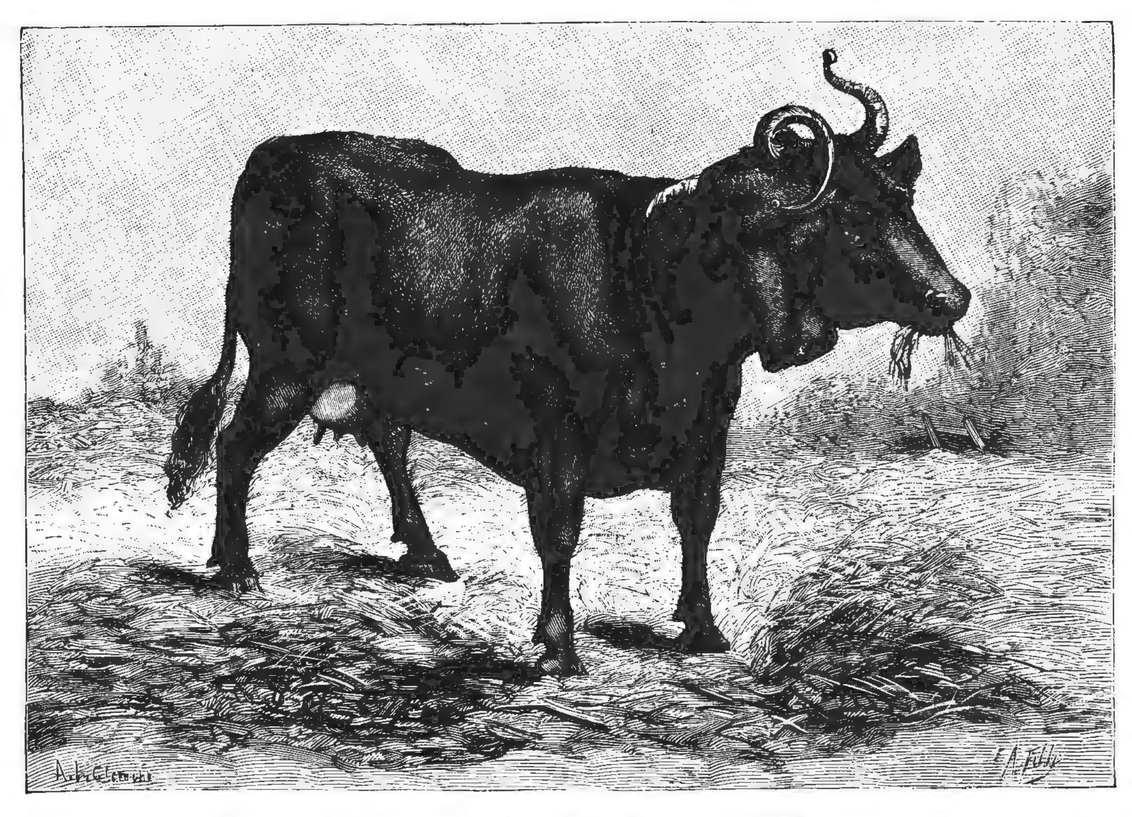
— По словамъ *Новаго Времени*, лѣтомъ будетъ приступлено къ кореннымъ работамъ по сооруженію новой желѣзнодорожной линіи отъ Уфы до Златоуста, которую впослѣдствіи предполагается продолжить еще далѣе на востокъ.

— По словамъ одесскихъ газетъ, проектъ соединенія одесскаго Тилигульскаго лимана съ моремъ близокъ къ осуществленію. Утвержденіе концессіи на прорытіе канала ожидается въ январѣ. Стоимость проектируемыхъ работъ исчислена въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Политическое обозрѣніе.

Сообщеніе *Имперскаго Указателя*.—Сербскій кризисъ.

Истекшая недѣля ознаменовалась долго ожидавшимся опубликованіемъ текста извѣстныхъ подложныхъ документовъ, приписываемыхъ орлеанистской интригѣ и въ свое время будто бы поведшихъ къ недоразумѣніямъ между Россіей и Германіей. Какъ сообщаетъ берлинская телеграмма отъ 31 (19) декабря: „По требованію русскаго правительства, имперскій канцлеръ распорядился провѣркою содержанія и происхожденія полученныхъ подложныхъ документовъ относительно болгарскаго вопроса и сегодня по этому предмету въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатано слѣдующее сообщеніе:



Фиг. 1. Двухголовая корова. Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

„Документы были измышлены съ исключительною цѣлью возбудить подозрѣніе къ германской политикѣ и вызвать сомнѣніе относительно ея честности. На это имѣлось бы право, если бы содержаніе документовъ основано было на истинѣ, но германская политика съ самаго начала всегда считала и считаетъ предпріятіе принца Кобургскаго въ Болгаріи противнымъ существующимъ договорамъ и въ этомъ именно смыслѣ дѣлала офиціальныя заявленія всѣмъ кабинетамъ, особенно Русскому. Еслибы означенные документы, особенно приписываемое германскому послу въ Вѣнѣ письмо, оказались подлинными и заключающіяся въ поддѣльныхъ письмахъ указанія — основанными на истинѣ, то можно было бы справедливо обвинить германскую офиціальную политику въ двуличности, а ея офиціальныя заявленія въ безчестности. Германское правительство, стремящееся естественнымъ образомъ къ поддержанію въ дружественныхъ державахъ чувства довѣрія къ его благонамѣренности и откровенности, было, слѣдовательно, весьма заинтересовано въ томъ, чтобы поддѣлка документовъ была установлена и чтобы объ этомъ можно было заявить офиціальнымъ путемъ. Произведеннымъ разслѣдованіемъ обнаружено, что между графинею Фландрскою и принцемъ Кобургскимъ никогда никакой переписки не было и что приписываемыя принцу Рейсу предложенія никогда имъ не были сдѣланы; приписываемыя другимъ высокопоставленнымъ особамъ сношенія тоже оказались вымышленными. Изъ этого видно, что документы эти, составленные лицами, которыя до сихъ поръ не обнаружены, имѣли исключительно цѣлью вызвать взаимное недовѣріе между европейскими державами и что они лишены всякой фактической подкладки и вымышлены".

Journal de St.-Pétersbourg, говоря о сообщеніяхъ *Имперскаго Указателя* о подложныхъ документахъ, пишетъ: „Это сообщеніе бросаетъ свѣтъ на прискорбный инцидентъ, такъ долго волновавшій умы Европы. Мы можемъ съ этимъ себя только поздравить. Только свѣтъ истины можетъ разсѣять недовѣріе и сомнѣніе, порождаемыя тьмою. Инцидентъ этотъ исчерпанъ. Однимъ раскаяніемъ больше для клеветниковъ, заинтересованныхъ въ сѣяніи раздоровъ между народами. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать прямодушіе и лояльность, съ которыми было устранено это недоразумѣніе".

Фиг. 2. Двухголовый теленокъ. Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

Со своей стороны, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* говоритъ въ своемъ обозрѣніи газетъ: „Опубликованіе подложныхъ документовъ несомнѣнно составляетъ самое знаменательное для нашего времени событіе. Въ опубликованіи ихъ является убѣдительное доказательство прямодушныхъ воззрѣній Русскаго Императора и расчищается дорога для самаго вѣрнаго пониманія общаго положенія дѣлъ".

Между тѣмъ, подъ громъ этихъ разоблаченій, въ Сербіи нежданно-негаданно разыгрался министерскій кризисъ. Въ палатѣ, радикалы настаивали на выходѣ министра внутреннихъ дѣлъ Милойковича въ отставку. Въ виду солидарности кабинета съ этимъ министромъ, требованіе радикаловъ не могло

Открыта подписка. **1888** г. Открыта подписка.

1888 г. „НИВА“ 1888 г.

еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни,

издаваемый подъ редакціею В. П. КЛЮШНИКОВА,

при участіи: Д. В. Аверкіева, Н. Д. Ахшарумова, К. А. Бороздина, П. В. Быкова, Максима Бѣлинскаго, П. И. Вейнберга, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, И. А. Гончарова, Г. П. Данилевскаго, В. П. Желиховской, Н. Н. Каразина, В. В. Крестовскаго, М. В. Крестовской, Н. К. Лебедева (Морскаго), А. Н. Майкова, А. Я. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, П. Н. Полеваго, Я. П. Полонскаго, гр. Е. А. Саліаса, Н. Северина, Н. Станицкаго, К. В. Тхоржевскаго, кн. Д. Н. Цертелева и проч.

Въ художественномъ отдѣлѣ „НИВЫ“ принимаютъ участіе извѣстнѣйшіе русскіе художники:

проф. И. К. Айвазовскій, акад. С. Ѳ. Александровскій, акад. А. Н. Бенуа, акад. В. А. Бобровъ, проф. К. Б. Венигъ, проф. В. П. Верещагинъ, проф. Г. П. Виллевальде, акад. М. Я. Вилліе, акад. П. Н. Грузинскій, проф. Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, акад. Ф. С. Журавлевъ, А. Е. Земцовъ, Зиновьевъ, акад. М. А. Зичи, Н. Н. Каразинъ, акад. А. Д. Кившенко, проф. Ю. Ю. Клеверъ, акад. М. П. Клодтъ, проф. П. О. Ковалевскій, акад. А. И. Корзухинъ, проф. Н. А. Кошелевъ, П. П. Куріаръ, К. Я. Крыжицкій, проф. Л. Ф. Лагоріо, К. Лебедевъ, акад. К. В. Лемохъ, Лоренцъ, Лосевъ, акад. И. К. Макаровъ, акад. В. Е. Маковскій, проф. К. Е. Маковскій, проф. А. И. Мещерскій, Н. Оболенскій, проф. В. Д. Орловскій, Х. П. Платоновъ, проф. Л. О. Премацци, проф. А. А. Риццони, Н. С. Самокишъ, проф. Н. Е. Сверчковъ, проф. Г. И. Семирадскій, акад. Ю. О. Томашевичъ-Бонча, акад. К. А. Трутовскій, акад. Ю. И. Феддерсъ, акад. А. А. Харламовъ, Ціонглинскій, акад. Ѳ. П. Чумаковъ, Н. Шаховской, проф. А. I. Шарлемань, Юмудскій и друг.

Кромѣ начатыхъ печатаніемъ въ этомъ № **„Слугъ“ И. А. ГОНЧАРОВА** и поэмы **Я. П. ПОЛОНСКАГО „Повѣсть о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой“**, въ „НИВѢ“ 1888 г. будутъ помѣщены между прочимъ еще слѣдующія произведенія:

Д. В. Аверкіева, „Вѣчу не быть“, историческая повѣсть, въ трехъ частяхъ, изъ жизни древняго Новгорода, временъ Мареы Посадницы.

П. Н. Полеваго, „Братья соперники“, историческій романъ изъ эпохи правленія царевны Софіи.

Графа **Е. А. Саліаса, „Бригадирская внучка“,** историческій романъ временъ Екатерины II.

Далѣе рядъ повѣстей, разсказовъ и проч.

Н. Д. Ахшарумова, „Невѣрный слуга“, разсказъ.

К. А. Бороздина, „Попался невзначай“, изъ кавказскихъ воспоминаній.

Максима Бѣлинскаго (I. I. Ясинскаго), „Американцы“, разсказъ.

П. И. Вейнберга, „Василекъ“, поэма.

Н. К. Лебедева (Морскаго), „Лизочка“, повѣсть.

Н. Северина, „Познакомились“, драматическая сцена для домашняго спектакля.

Н. Станицкаго (автора знаменитаго романа „Три страны свѣта“) **„Исторія одного таланта“.**

К. В. Тхоржевскаго, „Рекогносцировка“, разсказъ.

Кн. Д. Н. Цертелева, „Мятель“, сцены.

В. Р. Щиглева (автора „Помолвки въ Галерной гавани“), **„За рюмочку“.**

Сверхъ того будутъ помѣщены новыя произведенія **Всев. В. Крестовскаго, В. И. Немировича-Данченко, М. В. Крестовской, В. П. Желиховской, Н. Н. Каразина, А. Я. Максимова** и пр.

Далѣе, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе **1888 года „НИВА“** дастъ болѣе 50 портретовъ **русскихъ** общественныхъ дѣятелей съ біографіями, цѣлый рядъ копій съ картинъ выставляемыхъ **РУССКИМИ художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ,** болѣе сотни видовъ **русскихъ** городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей съ описаніемъ, изображенія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событій современной **русской** жизни, популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія съ пояснительными рисунками, равно какъ и обзоръ важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ явленій въ Россіи и заграницей.

Кромѣ разныхъ **ЭКСТРЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,** выдаваемыхъ отъ времени до времени въ теченіе года, при журналѣ **„Нива“** выдается **особое безплатное ежемѣсячное приложеніе** „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“—въ немъ до **500 модныхъ** гравюръ въ годъ, до **350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ,** до **400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину** и множество **буквъ, вензелей и т. п. для мѣтки—словомъ полный модный журналъ.**

Что же касается обычной главной преміи **„Нивы“ 1888 года,** то она, надѣемся, превзойдетъ самыя смѣлыя ожиданія и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ удовлетворитъ желанію нашихъ подписчиковъ—имѣть въ премію **ПЕЙЗАЖЪ.** Картина написана нашимъ извѣстнымъ художникомъ-пейзажистомъ, профессоромъ Импер. Акад. Художествъ **ЮЛІЕМЪ КЛЕВЕРОМЪ** и имѣетъ названіе:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“.

Такая картина, какъ по высокой художественности выполненія, такъ и **по своей громадной величинѣ ($14^3/_4$ вершк. вышины и 24 вершк. или $1^1/_2$ аршина ширины),** превосходитъ все что когда либо было даваемо „Нивою“ въ видѣ безплатной преміи.

Мы выставили картину въ книжныхъ магазинахъ всѣхъ большихъ городовъ Россіи, гдѣ желающіе и могутъ убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами о ней.

☛ Подписная цѣна обозначена на первой страницѣ. ☚

Требованія и подписку на „Ниву“ 1888 года просятъ адресовать въ **Главную Контору Редакціи „НИВЫ“** (А. Ф. Марксу), въ **С.-Петербургъ,** Невскій проспектъ, д. № 6.

Редакція и издатель „НИВЫ“.

быть удовлетворено и все министерство Ристича вышло въ отставку. Такимъ образомъ союзъ либераловъ съ радикалами распался при условіяхъ устраняющихъ возможность сближенія между этими партіями. Король принялъ отставку министерства.

По извѣстіямъ изъ Бѣлграда, составъ новаго кабинета слѣдующій: президентъ совѣта и военный министръ Сава Груичъ, иностранныхъ дѣлъ—Франасовичъ, внутреннихъ дѣлъ—Милославлевичъ, земледѣлія—Велимировичъ, народнаго просвѣщенія—Новаковичъ, юстиціи—Гурвичъ (?), финансовъ—Вуичъ. Всѣ радикалы.

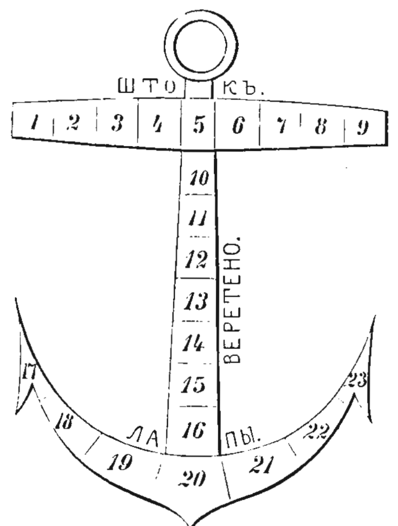
Въ *Presse* телеграфирують изъ Бѣлграда: „Новое министерство никого не удовлетворяетъ и вызвало даже въ радикальныхъ кружкахъ сильное разочарованіе. Либералы и напредняки предсказываютъ ему лишь недолговѣчное существованіе. Хотя либералы и рѣшились на энергическую оппозицію, но у нихъ замѣчается сильный упадокъ духа“.

Библіографія.

Н. В. Гербель. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное подъ редакціей П. Полевого. СПБ. Больш. 8°, 8 + 581 + IX страницъ.

Полезный и практически составленный сборникъ русской поэзіи, изданный покойнымъ Н. В. Гербелемъ и выдержавшій при жизни его два изданія, въ настоящее время вышелъ третьимъ изданіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, подъ редакціей П. Н. Полевого. Въ этомъ третьемъ изданіи, матеріалъ сборника подвергнутъ болѣе строгой критикѣ, а въ планъ внесено болѣе соразмѣрности и правильности; біографіи дополнены запасомъ новыхъ свѣдѣній и самое количество образцовъ поэзіи увеличено произведеніями новѣйшихъ русскихъ поэтовъ, между которыми мы отмѣтимъ С. А. Андреевскаго, С. Я. Надсона, В. И. Немировича-Данченко, И. З. Сурикова, кн. Д. Н. Цертелева, А. К. Шеллера (А. Михайловъ), С. Г. Фруга. Сверхъ того, внесены еще біографіи и образцы стихотвореній покойнаго Н. В. Гербеля и Н. В. Берга (переводчика и туриста). Недостаетъ лишь очень немногихъ именъ (гр. А. А. Голенищева-Кутузова и еще двухъ-трехъ), которыя вѣроятно войдутъ въ слѣдующее изданіе сборника. Вообще говоря, книга Гербеля, въ новомъ изданіи представляется намъ болѣе полною по внутреннему содержанію и можетъ служить полезною справочною книгою для ознакомленія съ лучшими произведеніями русской поэзіи.

Задача № 1.

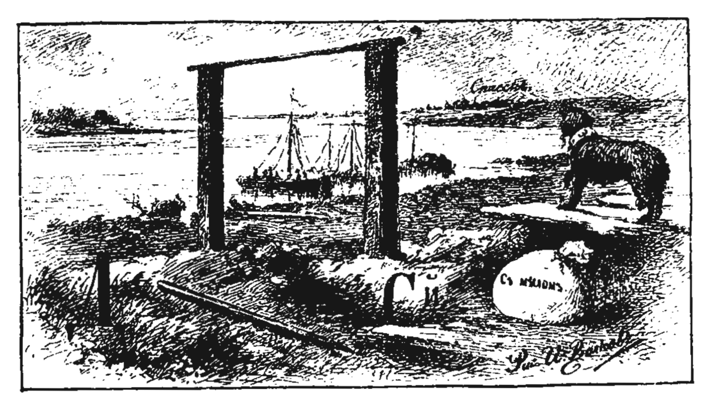


Найти слѣдующихъ 6 словъ:

1) Частица фамиліи 10, 2, 3.
2) Птица сѣвера 1, 5, 13, 14, 6, 18.
3) Горный продуктъ 8, 21. 11, 9.
4) Вѣсъ 19, 7, 15, 16.
5) Насѣкомое 17, 4, 12, 20, 23.
6) Согласная буква 22.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить въ якорѣ такимъ образомъ, чтобы въ штокѣ якоря получилась фамилія извѣстнаго русскаго писателя, а въ веретенѣ и лапахъ названіе одного изъ его произведеній.

Ребусъ. Задача № 2.



Смѣсь.

Одинъ Австраліецъ, по имени Макъ-Иворъ, нашелъ въ рудникахъ Мальдона (Викторія) и именно въ гранитныхъ залежахъ, черное золото, т. е. природное соединеніе золота съ висмутомъ. Названная руда имѣетъ 64% золота и около 34½% висмута. (с.)

Любовное посланіе Наполеона I. Наполеонъ I страстно любилъ свою первую жену, Жозефину, доказательствомъ чему служатъ многочисленныя письма, написанныя къ ней императоромъ. Изъ наиболѣе пылкихъ посланій можно указать на письмо отъ 17 октября 1796 года изъ Модены, гдѣ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія строки: „Третьяго дня я весь день провелъ въ полѣ, вчера-же пролежалъ въ постели. Я совсѣмъ нездоровъ: у меня лихорадка и головная боль, но это не мѣшаетъ мнѣ писать къ тебѣ, моя радость, моя дорогая. Твои письма я получилъ и, прижимая ихъ къ губамъ, забылъ на мгновенье о нашей разлукѣ и о тѣхъ ста миляхъ, которыя отдѣляютъ меня отъ тебя. Въ мечтахъ моихъ ты представлялась мнѣ, въ ту минуту, доброю, любящею, кроткою, безъ причудъ и капризовъ, словомъ такою, какою умѣетъ быть только моя Жозефина. Но это былъ лишь сонъ. Ты видишь, что лихорадочный бредъ еще не оставилъ меня... Твои письма такія холодныя, какъ-будто тебѣ 50 лѣтъ, или мы 15 лѣтъ женаты; они дышатъ не любовью, но лишь дружескимъ и материнскимъ чувствомъ. О, Жозефина! это очень несправедливо, очень дурно, очень вѣроломно съ твоей стороны. Зачѣмъ ты даешь мнѣ столько поводовъ для жалобъ? Или ты меня больше не любишь? Можетъ быть ты меня ненавидишь?.. Ахъ, я предчувствую нѣчто подобное... Тысячу, тысячу разъ цѣлую тебя, такъ нѣжно, сколько любви и нѣжности къ тебѣ въ моемъ сердцѣ. Завтра я выступаю отсюда. Англичане покидаютъ Средиземное море. Хорошая новость для Франціи и для арміи“. (с.)

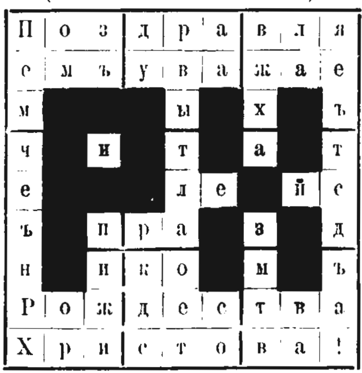
Рѣшеніе задачи № 96 (помѣщ. въ № 52 1887 г.).

ителя. Поздрав

		-18	+1	-4	-3	-5	-13	-2	-2	+6	-2	+11	-15	-18		
+5	14	19	18	10	15	14	13	18	17	2	7	6	16	21	20	-8
-12	21	17	13	17	13	9	20	16	12	9	5	1	23	19	15	+18
+8	16	15	20	12	11	16	15	14	19	4	3	8	18	17	22	-16
+3	3	8	7	7	12	11	11	16	15	9	14	13	12	17	16	-3
+18	10	6	2	14	10	6	18	14	10	16	12	8	19	15	11	+16
+9	5	4	9	9	8	13	13	12	17	11	10	15	14	13	18	0
+10	4	9	8	6	11	10	15	20	19	8	13	12	5	10	9	+18
-5	11	7	3	13	9	5	22	18	14	15	11	7	12	8	4	+10
+13	6	5	10	8	7	12	17	16	21	10	9	14	7	6	11	+4
		+19	+5	+8	+20	+1	-2	-11	-6	-6	+18	-1	+21	-3		

Поздравляемъ съ Новымъ Годомъ, почтенные читатели!

Рѣшеніе Рождественской задачи № 97
(помѣщ. въ № 52 1887 г.).



П	о	з	д	р	а	в	л	я
с	м	ъ	у	в	а	ж	а	е
м				ы		х		ъ
ч		и		т		а		т
е				л	е		й	с
ъ		п	р	а		з		д
н		и	к	о		м		ъ
Р	о	ж	д	е	с	т	в	а
Х	р	и	с	т	о	в	а	!

(Должно быть отнято число 14).

„Поздравляемъ уважаемыхъ читателей съ праздникомъ Рождества Христова!“

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

КРЫШКИ для переплета „**Нивы**“ 1887 г. изъ лучшаго англійск. коленк. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „**Нивы**“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1886 г. по той же цѣнѣ.

МОЛЬДАКОТЪ

АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „**Мольдакотъ**“ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „**Мольдакотъ“ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ и **холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ.** „**Мольдакотъ**“ вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ „**Полиграфъ**“, Моросейка, д. Комитета. № 2961

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Н. Н. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и франко КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, **500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ** и оранжерейнымъ, **Георгинамъ, Гвоздикамъ,** цвѣточн. луковицамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 2962 **ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ,** растительн. **гигрометрамъ** (предсказыв. перемѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1887 года,

заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гр. **Е. А. Саліаса**—„**Яун-Кундзе**“, большую повѣсть **В. И. Немировича-Данченко**—„**Патмосъ**“, разсказъ **Вс. Крестовскаго**—„**Мой собратъ**“, разсказъ **А. Я. Максимова**—„**Скиталецъ**“, большую повѣсть **Н. Д. Ахшарумова**—„**Темная карта**“ и его же разсказъ „**Ванзамія**“, разсказы **К. Тхоржевскаго**—„**За дупелями**“ и „**Неожиданный случай**“, сцену **Виктора Крылова**—„**Секретное предписаніе**“, разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева)**—„**Въ пансіонѣ**“, большую повѣсть **В. Желиховской**—„**Кавказскій легіонъ**“, разсказы **Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова,** князя **Д. Н. Цертелева, Эвальда, Захеръ-Мазоха** и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„БАБУШКИНА СКАЗКА“.

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ каленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

Съ требован. обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ПРОФЕССОРЪ Л. КЕЛЕРЪ пишетъ:

„Для домашней музыки особенно можно рекомендовать фисгармонію. Было бы желательно, чтобы въ каждомъ семействѣ, въ которомъ любятъ музыку и средства позволяютъ пріобрѣсть фисгармонію, былъ такой инструментъ. Кто играетъ на фортепіано хотя народныя пѣсни и простыя пьесы, тотъ, играя на фисгармоніи, можетъ доставить большое удовольствіе въ своемъ семейномъ кружкѣ“.

АМЕРИКАНСКІЯ

ФИСГАРМОНІИ

весьма пріятнаго, пѣвучаго тона, простой и прочной конструкціи и роскошной отдѣлки въ 185, 250, 300, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

ФРАНЦУЗСКІЯ ФИСГАРМОНІИ, въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 руб.

ФИСГАРМОНІИ СЪ ОРГАНОМЪ съ 1-мъ валомъ, 325 р., добавочные валы, играющіе 7 пьесъ, по 40 р. за каждый.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. Пересылка на счетъ покупателя.

Ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ; спеціальный каталогъ ихъ по 20 коп.

(Америк. фисгармонія въ 300 р.)

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ, № 2959

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ. Б. Морская, № 36 и 42. **Москва,** Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (2) № 2946

ПОЛНЫЙ

КУРСЪ ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ

большой томъ съ 1007 рис., въ роскошномъ англ. переплетѣ, продается по 3 р. безъ пер. и 4 р. съ пер., въ ред. „Вѣстника Моды“ (Бол. Итальянская, д. 8). № 2947 3—2

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ.

ШВЕДСКІЙ

Зубной эликсиръ и зубной порошокъ для чистки зубовъ и освѣженія полости рта. Получить можно въ С.-Петербургѣ, **Демидовъ пер., № 1,** и во всѣхъ большихъ аптек. и косметич. магаз. Россіи. Флаконъ Эликсира 80 коп. Зубной порошокъ 50 коп. № 2927

Л. ЛИНЕВИЧЪ.

Имѣю честь увѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ художественныя вещи, какъ-то: бронзовые часы, канделябры и группы. Фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскія) вазы, сервизы и фигуры, мебель съ бронзою, вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзою, серебро и золотыя табакерки съ эмалью и миніатюры, гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII, XVIII столѣтій. Лично видѣть и письменно обращаться ежедневно отъ 10 ч. утра до 6 вечера. Фонтанка, собств. домъ, № 53, С.-Петербургъ. № 2914 6—4

ДОМЪ

продается безъ посредниковъ. Вас. Остр. Тучковъ переулокъ № 7. № 2954

ПОЛЕЗНО

красиво и дешево!

Красная краска и чернила для прочной мѣтки бѣлья, изобрѣт. 1850 г. химикомъ А. Герке.

Мѣтка эта весьма прочна на льняныхъ, бумажныхъ, шелковыхъ и пеньковыхъ тканяхъ, не блѣднѣетъ, сберегаетъ время и обходится значительно дешевле вышивки.

Получить можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ, парфюмерныхъ и бумажныхъ магазинахъ. № 2960

НОВОСТЫ!

ТОЛЬКО 10 р.

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать портреты съ натуры, съ пробн. снимкомъ и руковод. Пересылка за 15 фунт. Складъ новыхъ изобрѣтеній, **4, Невскій просп., 4,** рядомъ съ Главн. Штабомъ. **С.-Петербургъ.** № 2955

Только подлинно съ этою фабричн. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты.

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ. *)

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

*) **Цѣна:** за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у **В. Ауриха,** Стремянная № 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. № 2712 36—20

Бандонеоны, чудесные музык. инструменты. **Аккордеонъ-Гармоники** лучшей фабрикаціи. **Гармоніумы.** Ноты для этихъ инструментовъ. **Герофоны,** механическіе таперы, **скрипки, цитры,** гитары, мандолины и духовые инструменты. Прейсъ-курантъ безплатно и франко.

Фабрика инструментовъ

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ

4—1 **въ Висбаденѣ.** Р. № 2952

Самыя дешевыя оптовыя цѣны.

XIX г. | № 2 | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 января 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Графъ Е. А. Саліасъ-де-Турнемиръ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ январьской книжкѣ „Библіотеки для чтенія“, появилась повѣсть начинавшаго писателя „Ксаня-чудная“, посвященная Евгеніи Туръ и подписанная псевдонимомъ *Вадимъ*. За нею слѣдовали въ разныхъ журналахъ и другія повѣсти того же автора: „Тьма“, „Манжажа (Monjoujou) и „Еврейка“. Не смотря на массу беллетристическихъ произведеній, которыми наполнялись тогда наши журналы, повѣсти эти были замѣчены публикой. Онѣ носили на себѣ всѣ признаки юнаго дарованія. Въ повѣсти „Ксаня-чудная“, напримѣръ, разсказывалась трогательная, кончившаяся трагически, исторія одной дѣвушки съ довольно страннымъ, мистическимъ образомъ мыслей, кѣмъ-то брошенной въ Крыму на произволъ судьбы; присутствіе „искры Божіей“ въ несчастной сироткѣ, дѣлало Ксаню-чудную еще болѣе привлекательною, интересною. Повѣсть была написана хорошимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ, обличавшимъ въ авторѣ солидное образованіе и весьма основательное знакомство съ произведеніями корифеевъ отечественной литературы, а главное, въ ней чувствовался несомнѣнный талантъ, который сквозилъ и въ картинахъ крестьянской природы, написанныхъ нерѣдко мастерски, и въ поэтической прелести разсказа. Этими достоинствами отличались и остальныя повѣсти „Манжажа“ и „Еврейка“, особенно послѣдняя, въ которой молодой авторъ, изображая картины природы сѣверной Африки, является настоящимъ художникомъ. Вслѣдъ за этими повѣстями авторъ началъ помѣщать въ одной изъ газетъ свои „Путевые очерки Испаніи“, отличавшіеся оригинальностью, новизною, яркостью красокъ и заставившіе заговорить о себѣ; въ нихъ сказывался молодой, даровитый беллетристъ, и публика съ удовольствіемъ узнала, что очерки, подпи-

Гр. Е. А. Саліасъ (по поводу 25-лѣтія его литературной дѣятельности).
Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

санные тѣмъ же псевдонимомъ *Вадимъ*, принадлежатъ перу автора „Ксани-чудной“ и „Тьмы“.

Какъ это всегда бываетъ, личностью автора заинтересовались, и публика, по слухамъ, которые шли изъ литературныхъ кружковъ, узнала, что подъ псевдонимомъ *Вадима* пишетъ молодой человѣкъ, еще не достигшій тогда двадцатипятилѣтняго возраста и что онъ сынъ знаменитой нашей писательницы, графини Елизаветы Васильевны Саліасъ-де-Турнемиръ, болѣе извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Евгеніи Туръ*. Талантъ матери какъ бы по наслѣдству перешелъ къ сыну, которому замѣчательно образованная писательница старалась съ самыхъ раннихъ лѣтъ внушить любовь ко всему изящному и сумѣла передать лучшія литературныя традиціи и дорогія преданія о такихъ глубоко симпатичныхъ дѣятеляхъ, какъ Грановскій и Кудрявцевъ, съ которыми графиня Саліасъ находилась въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Гр. Евгеній Андреевичъ Саліасъ получилъ блестящее образованіе, воспитываясь въ Россіи и заграницей, и росъ подъ благотворнымъ вліяніемъ матери, съ самаго дѣтства вращаясь въ прекрасной литературной средѣ, такъ какъ въ домѣ его родителей перебывали едва ли не всѣ корифеи отечественной словесности сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, всѣ уважаемые представители науки и искусства, публицисты, артисты, художники. Здѣсь онъ слышалъ всегда живое слово и вкусъ его естественно долженъ былъ развиваться и крѣпнуть, а продолжительныя путешествія давали богатый матеріалъ его молодому воображенію, обогащая умъ его разнообразными впечатлѣніями. Такимъ образомъ, гр. Саліасъ былъ вполнѣ подготовленъ къ литературной дѣятельности, а потому и не удивительно, что даже съ самыхъ первыхъ, робкихъ шаговъ своихъ на этомъ поприщѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе и публики, и критики. Однако послѣ удачнаго литературнаго дебюта, гр. Саліасъ почему-то смолкъ на нѣкоторое время и снова выступилъ въ литературѣ, уже подъ своимъ настоящимъ именемъ, только въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Съ этого времени имя гр. Саліаса получаетъ все бо́льшую и бо́льшую извѣстность и его обширный романъ „Пугачевцы“, отрывки котораго печатались въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ заглавіями „Бѣгуны“ и „Земцы и нѣмцы“, заставилъ говорить о себѣ очень много. Авторъ не мало поработалъ надъ своимъ произведеніемъ, не только рылся по архивамъ, изучая ту интересную эпоху, изъ которой взятъ его романъ, но и предпринималъ поѣздки по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ безчинствовалъ знаменитый разбойникъ. Въ общемъ романъ представляетъ грандіозную, яркую картину блестящей Екатерининской эпохи, давшей столько крупныхъ характеровъ, которые авторъ изобразилъ превосходно; эти лица вышли у автора вполнѣ живыми, а самая эпоха освѣщена имъ поистинѣ художественно. Кто разъ прочелъ этотъ замѣчательный романъ, у того навсегда останутся въ памяти возсозданные авторомъ образы Бибикова, Рейнсдорпа, Суворова, Фреймана и подручниковъ пугачевскихъ Лыскова и Чумакова и др. Помимо всѣхъ достоинствъ романа, онъ замѣчателенъ еще своимъ колоритнымъ языкомъ, въ которомъ авторъ сумѣлъ сохранить всѣ особенности архаической рѣчи, свойственныя этой эпохѣ.

Другое крупное произведеніе гр. Саліаса, романъ „Петербургское дѣйство“, въ которомъ также весьма живо переданы нѣкоторыя черты изъ временъ императрицы Екатерины, было встрѣчено также весьма сочувственно. Затѣмъ небольшія два произведенія даровитаго автора: „Los Novios“, очеркъ изъ испанскихъ нравовъ, и простой безыскусственный разсказъ о русскомъ Робинзонѣ, жившемъ въ лѣсу, называющійся „Избушка на курьихъ ножкахъ“,—произвели сильное впечатлѣніе и были прочтены съ большимъ наслажденіемъ всѣми поклонниками художественнаго повѣствованія, однимъ изъ лучшихъ представителей коего является у насъ гр. Саліасъ. Кромѣ названныхъ произведеній, онъ напечаталъ еще слѣдующія повѣсти, очерки и статьи: „Мадонна“, „Найденышъ“, „Поэтъ Державинъ“, „Братья Орловы“, „Волга“, „Испанія“, „Андалузскія легенды“, большая часть которыхъ появилась въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Затѣмъ въ *Огонькѣ* 1879—1881 гг. появились его крупные историческіе романы „Моръ“ и „Принцесса Володимірская“ и повѣсть „Графъ Тятинъ-Балтійскій“, а въ *Нивѣ* 1885—1887 гг. его историческіе романы „Милліонъ“, „Кудесникъ“ и „Лунъ-Кундзе“, имѣвшіе большой успѣхъ среди читателей нашего журнала. Въ 1881 г. гр. Саліасъ предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго литературнаго журнала *Полярная Звѣзда*, гдѣ, между прочимъ, былъ напечатанъ романъ самого издателя, подъ заглавіемъ „Вольнодумцы“, составляющій продолженіе „Пугачевцевъ“. Въ настоящее время гр. Евгенію Андреевичу Саліасу сорокъ семь лѣтъ. Талантъ графа слишкомъ хорошо извѣстенъ русскому обществу, которое въ правѣ ожидать отъ него еще многаго и которое, вѣроятно, съ живымъ интересомъ прочтетъ новый романъ его „Бригадирская внучка“, имѣющій появиться въ текущемъ году на столбцахъ нашего журнала.

П. Б—въ.

Слуги.

(Изъ домашняго архива).

И. А. Гончарова.

(Продолженіе).

II.

Антонъ.

Служившій у меня временно, вмѣсто Валентина, человѣкъ объявилъ дня черезъ три, что онъ долго оставаться не можетъ, что господинъ его вернется съ дачи и онъ вступитъ въ свою должность. Онъ обѣщалъ привести мнѣ другаго слугу, недавно пріѣхавшаго изъ деревни, отпущенника изъ крѣпостныхъ.

— Да каковъ онъ? Здѣсь его не знаютъ: какъ же безъ рекомендаціи взять? сомнѣвался я.

— Онъ на вольной квартирѣ уголъ нанималъ до мѣста: тамъ одобряютъ, говорятъ: деревенскій, смирный, непорченный. Изъ себя видный, Антономъ зовутъ.

— Ну, хорошо!

На другой же день онъ прислалъ мнѣ молодца колоссальнаго роста, брюнета лѣтъ сорока пяти, съ лохматой головой, съ здоровыми, длинными мускулистыми руками, съ такими же здоровыми крѣпкими ногами. Онъ былъ одѣтъ въ длинномъ, широкомъ нескладномъ сюртукѣ, очевидно сшитомъ не по немъ. Онъ сталъ у дверей, какъ вкопаный, смотрѣлъ на меня покорно, почти со страхомъ, тупымъ, апатичнымъ взглядомъ, изъ котораго не только не прорѣзывалось иглы, луча свѣта, но даже искры не было.

— Тебя Антономъ зовутъ? Ты изъ деревни? спрашивалъ я, разсматривая его билетъ.

— Точно такъ-съ, тихо, покорнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ,—у господъ служилъ, теперь отпущенъ на оброкъ.

— Въ какой же ты должности служилъ?

— При столѣ-съ, съ господами тоже выѣзжалъ по гостямъ и по егерской части...

— Ты, значитъ, хорошій стрѣлокъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Дичь стрѣляли другіе у насъ, тѣ и по псовой части служили, а я больше насчетъ волковъ...

— Волковъ! Да развѣ ихъ много у васъ?

— Страсть сколько въ нашемъ уѣздѣ! Все лѣса, вотъ они и разводились: много скота рѣзали! Баринъ насъ троихъ—здоровыхъ, какъ я же...—Онъ мелькомъ взглянулъ на свои руки и шевельнулъ кулаками слегка:—и посылалъ, да человѣкъ пять изъ мужиковъ, тоже которые поздоровѣе—на этихъ самыхъ волковъ...

— Вѣдь съ ружьями же посылали васъ, не съ голыми руками?

— Никакъ нѣтъ-съ: съ дубьемъ.

— Какъ же на волковъ съ дубьемъ?

— Такъ точно-съ. Какъ услышатъ, что волки прибѣжали въ наши лѣса, насъ и пошлютъ съ тенетами. Мы человѣкъ пять кругомъ раскинемъ тенета и ждемъ. А съ другой стороны ихъ начнутъ пужать трещетками, свистками, они и бросаются, словно угорѣлые, да въ тенетахъ и запутаются. Тутъ мы ихъ и примемъ въ дубье... вонъ такъ...

Онъ вытянулъ руку, точно бревно, и махнулъ. Вылитый Илья Муромецъ! Кого ударитъ, у того рука прочь. „Ну“, думалъ я, „если онъ не приметъ меня самого въ дубье, то будетъ надежнымъ моимъ тѣлохранителемъ и стражемъ дома: этакій съ цѣлой шайкой воровъ справится“.

— Какъ же съ волками: тутъ же и убивали ихъ? спрашивалъ я дальше.

— Точно такъ-съ: по головѣ надо наровить его, а то, если по чему другому, такъ не ошалѣетъ сразу и печется: того и гляди обдеретъ скрозь тенета.

— И много на твою долю приходилось убивать?

— Много-съ, до полста я считалъ, а послѣ ужь и счетъ потерялъ!..

— Ну, оставайся у меня, и если волки заведутся, такъ ты ихъ... хорошенько...

— Какіе здѣсь волки! наивно замѣтилъ онъ и какъ будто хотѣлъ улыбнуться, но улыбки не вышло.

— Другой породы, сказалъ я:—здѣшніе волки забираются на чердаки, проникаютъ тоже въ комоды, шкапы... въ карманы...

Я оставилъ его у себя, и онъ, какъ по машинѣ, сталъ исправлять немудреную службу.

Ходилъ онъ, не смотря на громоздкость свою и на огромную ступню, тихо, ступалъ мягко, осторожно, какъ котъ, или пожалуй какъ волкъ, убиралъ комнаты не слышно, пока я спалъ, и дрова приносилъ, прижимая къ груди, какъ родныхъ дѣтей, и складывалъ каждое полѣно у печки, какъ перышко, какъ мать кладетъ дитя въ колыбель: ни одно полѣно у него не стукнетъ. Никогда не заговаривалъ самъ и на вопросы мои всегда отвѣчалъ тихо, робко.

„Есть же за нимъ какія-нибудь художества: но, какія?“ спрашивалъ я боязливо, слѣдя, какъ онъ тихо, въ видѣ тѣни, скользилъ по комнатамъ.

— Не пьешь ли ты, Антонъ? спросилъ я его однажды мягко, ласково.

Онъ помолчалъ немного.

— Нынче курица—и та пьетъ-съ, уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Да, еслибы пить только то̀, что̀ пьетъ курица...

Я не кончилъ потому, что онъ, подъ предлогомъ взять щетку, тихо ускользнулъ въ переднюю, къ себѣ.

Проходили недѣли, наконецъ мѣсяцы, я ничего не замѣчалъ, никакихъ „художествъ“—и про себя радовался пріобрѣтенію смирнаго и исправнаго слуги.

Иногда я замѣчалъ неважныя уклоненія отъ исправности, свойственныя особенно крѣпостнымъ людямъ, въ барскихъ дворняхъ. Я не обѣдалъ дома, но иногда завтракалъ, т. е. пилъ чай съ какой-нибудь холодной закуской, сыромъ, икрой и т. п. Велишь, бывало, на другой день, когда Антонъ подавалъ чай, принести вчерашній сыръ или икру.

— Сейчасъ, скажетъ онъ и пойдетъ въ буфетъ.

— Сыру тамъ нѣтъ-съ... скажетъ тихо, воротясь.

— Гдѣ же онъ? Вчера большой кусокъ оставался...

— Я... употребилъ... стыдливо скажетъ, потупивъ глаза.

Точно также въ другой разъ бывало и съ икрой, съ сардинками, холоднымъ мясомъ. Когда спросишь, сначала всегда пойдетъ какъ будто справиться, а потомъ тихо скажетъ: „Употребилъ!“

Я совѣстился замѣчать что-нибудь о неумѣстности такого „употребленія“, думалъ, что ради своего скуднаго питанія гдѣ-нибудь въ лавочкѣ, или сосѣдней харчевнѣ, онъ дополняетъ свой столъ моей закуской—и молчалъ. Я охотно готовъ былъ дѣлиться съ нимъ этими кусочками.

Но однажды остались отъ вечерняго чаю варенье, фрукты, печенье. Я на другой день, вечеромъ, вспомнилъ о нихъ и велѣлъ подать себѣ къ чаю. Онъ по обыкновенію пошелъ въ буфетъ, позвенѣлъ тамъ посудой и принесъ двѣ штучки печенья и банку, гдѣ на днѣ едва осталась чайная ложка варенья.

— Вчера я только-что початъ банку и печенья былъ цѣлый подносъ, замѣтилъ я.—Гдѣ же это все?

Онъ помялся на мѣстѣ, помолчалъ.

— Употребилъ-съ... чуть-чуть слышно прошепталъ онъ.

Мнѣ все-таки совѣстно было дѣлать ему замѣчаніе, и я придумалъ другую мѣру. Когда мнѣ хотѣлось оставить что-нибудь отъ закуски до другого раза, я ему говорилъ:—Вотъ это оставь мнѣ, не „употребляй“!

Онъ на это приказаніе не отвѣчалъ мнѣ ни слова и не „употреблялъ“ никогда. А что̀ я не считалъ нужнымъ оставлять, я говорилъ ему:—Вотъ это употреби, если хочешь!

— Слушаю-съ, говорилъ онъ и „употреблялъ“. Такимъ образомъ установился порядокъ и по закусочной части.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ: все было хорошо. Тишина у насъ въ квартирѣ была невозмутимая. Отлучался Антонъ изъ дома рѣдко, недѣли въ двѣ разъ. Днемъ я его мало видѣлъ, а по вечерамъ онъ раздѣвалъ меня, уходилъ къ себѣ—я до утра его не видалъ и не зналъ, что̀ онъ дѣлалъ. Скучалъ ли онъ, нѣтъ ли, безъ меня—ходилъ ли къ нему кто—я ничего не зналъ и былъ очень доволенъ. Но „на счастье прочно, всякъ надежду кинь!“ поетъ намъ неумолимую правду извѣстная пѣсня.

Воротясь какъ-то къ себѣ часовъ въ семь вечера зимой, помнится, въ декабрѣ, я сѣлъ за спѣшную работу и велѣлъ Антону подать мнѣ чай въ десять часовъ.

Долго я сидѣлъ за письмомъ и до четверти одиннадцатаго Антонъ не являлся съ чаемъ. Между тѣмъ изъ передней доходилъ до меня какой-то шорохъ, шуршанье, будто тихіе шаги. Очевидно онъ не спалъ. Я позвонилъ, отвѣта не было. Черезъ пять минутъ я опять позвонилъ, и опять, и опять.

Наконецъ дверь тихо отворилась, вошелъ или скорѣе протискался въ нее совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ—и не весь, а только головой и плечами.

— Что̀ прикажете-съ? спросилъ онъ почтительно.

— Какъ что̀? Чаю! Гдѣ Антонъ? Что онъ нейдетъ?

— Сейчасъ! былъ отвѣтъ и голова съ плечами скрылась.

Я думалъ, что Антонъ отлучился куда-нибудь, въ кухню, на лѣстницу, раздуваетъ тамъ самоваръ, что-ли, и что это входилъ какой-нибудь его знакомый, гость. Я опять углубился въ свое писаніе.

Прошло около получаса, никого нѣтъ. Я позвонилъ изо всей мочи. Опять послѣ нѣкоторой паузы полуотворилась дверь и показалась большая голова и плечи другого человѣка, не того который входилъ прежде, и повторила вопросъ:

— Что̀ вамъ угодно?

— Что же чай? Гдѣ Антонъ? съ нетерпѣніемъ повторилъ я.

— Сейчасъ! сказала голова и скрылась.

Когда черезъ десять минутъ ни чаю, ни Антона не показывалось, я скорыми шагами направился въ переднюю посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, и остолбенѣлъ.

Въ тѣсной комнатѣ Антона биткомъ набито было народу, человѣкъ шесть. Они сидѣли на двухъ стульяхъ, на табуреткѣ, на скамьѣ, одинъ взгромоздился на край стола, двое тѣснились на краю постели Антона, именно тѣ самые, которые входили ко мнѣ. На столѣ стояли штофы, бутылки, тарелки съ пирогомъ, ветчиной, колбасой, огурцами и прочей закуской. Тутъ же были яблоки, винныя ягоды.

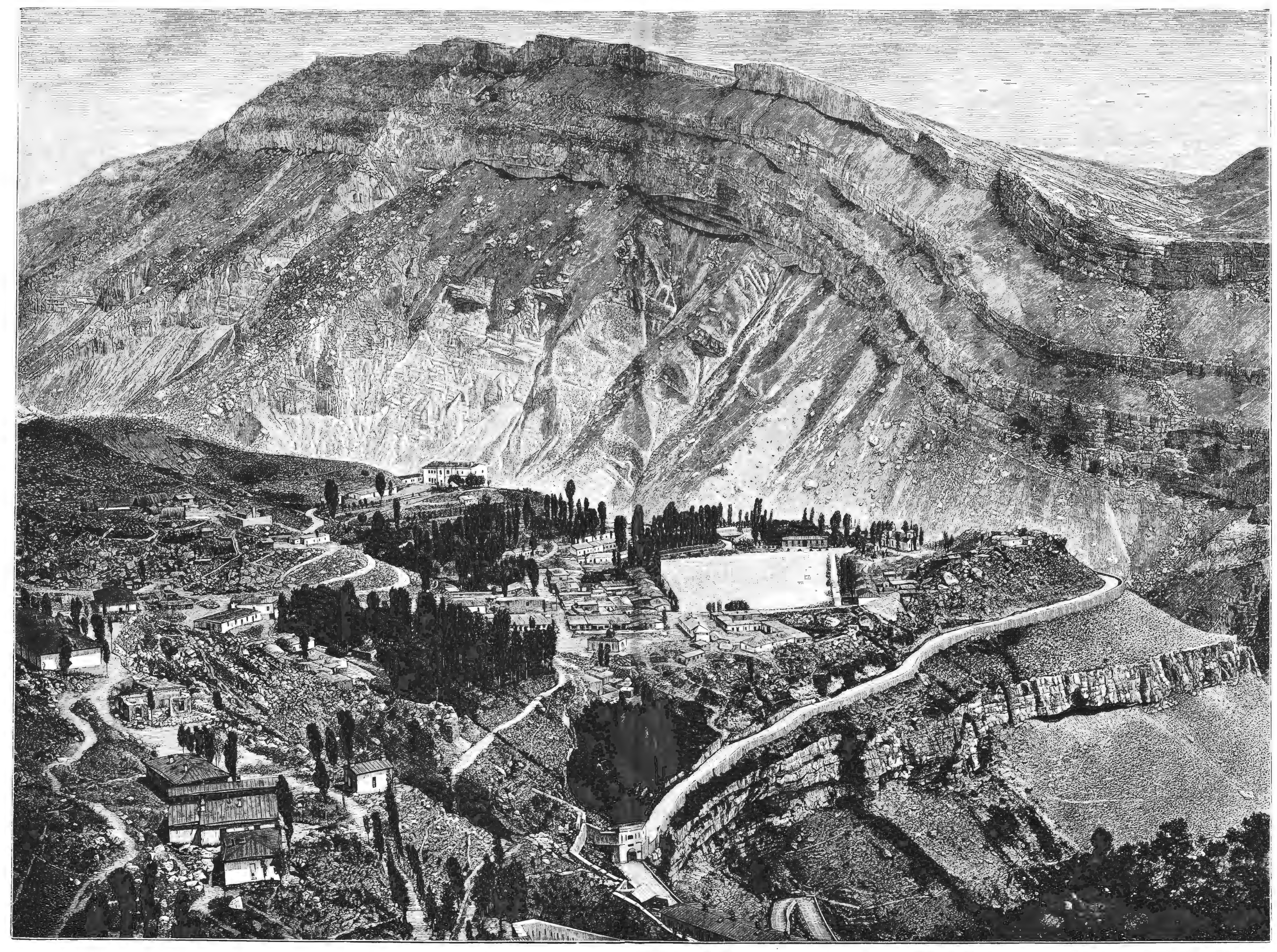
Самъ Антонъ лежалъ навзничь во весь свой гигантскій ростъ на постели, безъ чувствъ, со свѣсившимися на полъ ногами, съ открытымъ ртомъ и открытыми глазами. Были видны только два бѣлка, зрачки закатились подъ лобъ.

— Ну, „употребилъ“ же ты! вырвалось у меня невольно.—Ахъ, ты, тихоня, тихоня!.. Что это, кабакъ, что-ли здѣсь? грозно вопросилъ я всю компанію:—Кто вы такіе? Зачѣмъ сюда пришли толпой?

— Именины сегодня Антона Тихоныча! сказалъ одинъ пьянымъ, сладенькимъ голоскомъ:—Мы и собрались... проздравить...

— Пирожекъ... пирожекъ... принесли! старался другой выговорить твердо, но ему не удавалось.

Третій указывалъ на сласти, яблоки, изюмъ и молча тыкалъ себя въ грудь: „это, молъ, я принесъ“.



Казармы. Военный госпиталь. Домъ начальника округа. Ворота Барятинскаго. Площадь. Православный храмъ.

Аулъ Гунибъ. Видъ гунибскихъ горъ отъ верхн. Гуниба. Съ фотогр. Роинова, грав. Рашевскій.

— Ступайте! ступайте!

Я указалъ имъ на дверь.

— Поми...луй...те... мы... силился говорить одинъ:—мы... не то... чтобы...

Я махнулъ имъ рукой.

Они похватали свои шапки и кучей тискались въ дверь, толкая другъ друга. По лѣстницѣ, какъ каменьями, стучали они сапогами, стараясь уйти въ перегонку.

— Дворника пришлите сюда скорѣе! крикнулъ я одному отставшему.

Пришелъ дворникъ. Я показалъ ему на Антона, лежавшаго все навзничь, съ бѣлыми зіяющими глазами, открытымъ ртомъ, безъ чувствъ.

— Пожалуйста, приведи его какъ-нибудь въ себя: посмотри!

— Онъ мяниппикъ нонвче, сказалъ дворникъ:—такъ и... подгулялъ. Давича и намъ съ Акимомъ поднесъ. Утромъ къ ранней обѣднѣ ходилъ.

— Уложи же его какъ слѣдуетъ, сказалъ я:—я тебѣ завтра на чай дамъ.

— Гдѣ же мнѣ, баринъ! Одному не сладить, вонъ онъ какой: безъ малаго сажень будетъ—я схожу за Акимомъ.

Дворникъ привелъ товарища. Они вдвоемъ принялись оправлять „мянинника", облили ему голову водой, намочили виски и темя уксусомъ, раздѣли и уложили.

„О, ты", вздыхалъ я съ грустью про себя, ходя взадъ и впередъ по залѣ:—„о, ты, зелено вино, ты иго, горшее крѣпостного права, кто и когда изведетъ тебя, матушка Русь, изъ-подъ него? Князь Владиміръ великій сказалъ: „веселіе Руси—есть пити!" и это слово стало тяжкою вѣчною заповѣдью для русскаго народа! Зачѣмъ онъ не прибавилъ: „пити, но не упиватися!"

На другой день Антонъ своимъ волчьимъ шагомъ вошелъ, клоня голову и мутныя глаза внизъ. Я пристально поглядѣлъ на него. Онъ пошелъ было къ себѣ.

— Постой: чтó это вчера было? спросилъ я его.

Онъ сталъ мяться на мѣстѣ.

— Именинникъ былъ! тихо сказалъ онъ.

— Хорошо, но ты мнѣ ничего не сказалъ, не предупредилъ, что назовешь гостей, что у васъ тутъ будетъ попойка! Я ушелъ бы куда-нибудь, не видалъ бы этого безобразія.

— Я не зналъ, что они придутъ. Это они принесли вина, закусокъ, пирога... я и...

— „Употребилъ" это все... добавилъ я.

— Они почесть все сами употребили... тихо договорилъ онъ.

— Я не зналъ, что у тебя такое обширное знакомство! Чтó это за люди?

— Это со мной на квартирѣ жили до мѣста, а теперь они всѣ по мѣстамъ живутъ.

— Ты часто такъ употребляешь?

— Никакъ нѣтъ-съ: въ рѣдкость. Вотъ именины случились, они и пришли. Кабы не пришли, такъ я бы не того-съ...

Я подумалъ, что именины бываютъ однажды въ годъ—и рѣшилъ оставить дѣло безъ послѣдствій, а его опять до именинъ.

— Чтобъ это было въ послѣдній разъ, сказалъ я:—не то уволю тебя. Ты одинъ здѣсь—пожалуй, бѣда какая-нибудь случится. Ступай!

Все пошло попрежнему, но я уже не довѣрялъ этому тихому омуту—и не даромъ.

Прошла зима, стало таять, въ воздухѣ запахло весной, т. е. навозомъ съ каналовъ и грязью съ улицъ. Тогда еще не скалывали ледъ заблаговременно и по улицамъ стояли цѣлыя моря грязи, съ горбами, провалами—ни конному, ни пѣшему не было проходу. Въ апрѣлѣ наступила жара на улицахъ, а на рѣкѣ и въ каналахъ не трогался ледъ.

Такова была и Святая недѣля. Я въ четвергъ предложилъ Антону воспользоваться цѣлымъ днемъ, предупредивъ, что вернусь поздно вечеромъ. Съ пятницы у меня начинались занятія по службѣ и надо было сидѣть дома, чтобъ принимать пакеты, письма, газеты, посѣтителей по дѣламъ и прочее. Онъ отнѣкивался, сказалъ что дойдетъ развѣ до балагановъ, которые тогда были на Адмиралтейской площади, посмотрить, да и домой.

— Какъ хочешь! сказалъ я и далъ ему денегъ, чтобъ онъ побывалъ и въ балаганахъ.

Вечеромъ, часу въ двѣнадцатомъ, когда я возвращался, дворникъ, сидѣвшій у воротъ, сказалъ мнѣ, что въ дворнической есть казенный пакетъ на мое имя.

— Вотъ я сейчасъ принесу...

— Отчего въ дворнической, а не у меня? спросилъ я.

— Должно быть вашего человѣка не было, такъ разсыльный и отдалъ намъ.

Я взялъ пакетъ и сталъ подниматься на лѣстницу. Я жилъ тогда въ томъ же домѣ, гдѣ и теперь живу. У меня былъ особый ходъ на улицу, ни швейцаромъ, и никѣмъ не охраняемый и никогда не запираемый. По этой лѣстницѣ, подъ моей квартирой, жила какая-то древняя старушка-фрейлина, должно быть „Екатерины первой"—и никого больше.

Я безпечно подымался вверхъ, позвонилъ, но никто не пошевелился, дверь не отпиралась. Я еще позвонилъ и еще. Никого. Я тронулъ за ручку и дверь отворилась. Я вошелъ: въ передней никого. Рядомъ въ комнатѣ Антона виденъ былъ свѣтъ. Я отворилъ къ нему дверь и ахнулъ.

На столѣ догорала, вся оплывши, свѣча, надъ нею, въ близкомъ разстояніи, висѣли на протянутой веревкѣ полотенца, платки, какія-то тряпки.

Самъ Антонъ лежалъ въ растяжку на полу діагонально, навзничь, опять съ открытымъ ртомъ, съ закатившимися подъ лобъ зрачками, безъ чувствъ.

— „Употребилъ"! не выдержалъ! сказалъ я съ тоской и злостью, потрогивая его за плечи, стараясь поднять его голову. Напрасный трудъ: онъ не шевелился, не подавалъ голоса, не открывалъ глазъ. „Это называется праздникъ, Святая недѣля! Святая! Вотъ ужь, чтó называется, „святыхъ вонъ выноси!" думалъ я злобно, даже, кажется, зубы сами невольно скрежетали у меня.

Но сюрпризъ этимъ не кончился. Я взялъ со стола свѣчку, вышелъ въ переднюю и второй разъ ахнулъ, вошелъ въ залу, въ кабинетъ, въ спальню—и все ахалъ и ахалъ.

„Что это, погромъ!" Всѣ мои чемоданы, картонки, корзинки, узлы, были вытащены въ залу и переднюю, всѣ набиты моими платьями, бѣльемъ, вещами. Изъ корзинъ съ бѣльемъ торчали подсвѣчники, лампы, посуда, на полу валялись зеркала, мелкія вещи. Въ кабинетѣ мой письменный столъ былъ взломанъ, также книжный шкафъ и шкафчикъ съ папками. Все это было сдвинуто съ мѣста и стояло посреди комнаты.

По полу разсѣяны были письма, пакеты, рукописи и между послѣдними до тридцати большихъ тетрадей „Обломова", приготовленнаго совсѣмъ для печати.

Полное разрушеніе! Волки были, какъ я предсказывалъ Антону. А онъ лежитъ, какъ мертвый: и дубье не помогло! У меня сердце сжалось тоской. Я чувствовалъ, что не живу подъ знаменемъ охраны, благоустроенности, порядка. Я предоставленъ самому себѣ, я беззащитенъ. Будь я помоложе, я, можетъ быть, заплакалъ бы. Никого около меня—нѣтъ опоры, нѣтъ защиты!

— Вотъ не женились—и наказаны! Вотъ вамъ прелести холостой жизни! „Свобода, независимость!" говорила мнѣ потомъ одна пріятельница, Анна Петровна, страстная охотница устраивать свадьбы.—Была бы жена, волки-то и не забрались бы... Женитесь-ка—еще

время не ушло! я бы вамъ славную невѣсту сосватала!

— Еслибъ женился, можетъ быть, забрались бы другіе волки, злѣе этихъ! съ печалью отвѣтилъ я.

— Ну-у! протяжно и нерѣшительно протестовала она загадочнымъ тономъ, глядя не на меня, а куда-то въ пространство, съ загадочной улыбкой и съ загадочнымъ же взглядомъ.

Я замѣчалъ, что такой взглядъ бываетъ у всѣхъ женщинъ, умныхъ и не умныхъ, потертыхъ жизнью и непорочныхъ, начиная отъ многоопытныхъ матронъ, до „пола нѣжнаго стыдливыхъ херувимовъ" включительно. Онъ является въ разные моменты ихъ жизни: когда, напримѣръ, онѣ хотятъ замаскировать мысль, чувство, секретное желаніе или намѣреніе, или когда имъ говорятъ о какомъ-нибудь чужомъ грѣшкѣ, который и за ними водится, или когда надо выразить кому-нибудь участіе, а участія нѣтъ и т. д.

Тогда взглядъ становится стекловиднымъ, точно прозрачнымъ; глазная влага, выразительница психическихъ процессовъ, куда-то исчезаетъ—и взглядъ ничего не говоритъ,—становится, какъ я выше назвалъ, загадочнымъ, или, если угодно, дипломатическимъ. Назвать его фальшивымъ не хочу: это грубо противъ милыхъ дамъ.

Такимъ взглядомъ и сопровождалось восклицаніе Анны Петровны—„ну!" Я позволилъ себѣ угадывать въ этомъ ея дипломатическомъ взглядѣ затаенный отвѣтъ: „да, конечно, это бываетъ (т. е. „волки", нарушители супружескаго спокойствія), можетъ случиться и съ вами—да что же мнѣ до этого за дѣло, когда вы ужь женитесь"...

Прошу извинить меня за это отступленіе—и обращаюсь къ своему „инциденту".

Я ничего не тронулъ изъ моего разбросаннаго добра, только собралъ тетради „Обломова", повѣрилъ, что онѣ всѣ цѣлы, и успокоился. Воры шарили вездѣ, очевидно искали денегъ, и не нашли. А деньги были: нѣсколько сотенныхъ ассигнацій были разложены между листами разныхъ старыхъ рукописей, плотно уложенныхъ въ небольшой шкафикъ съ папками. Ворамъ долго бы пришлось добираться до нихъ.

Они очевидно были застигнуты врасплохъ и разбѣжались. Ихъ засталъ, какъ я послѣ узналъ, тотъ самый разсыльный, который принесъ мнѣ пакетъ. Онъ не дозвонился у дверей и, полагая что Антона нѣтъ, отдалъ пакетъ дворникамъ, а воры, услыхавъ неоднократный звонокъ, подумали что воротился хозяинъ квартиры, т. е. я, бросили все собранное въ чемоданы и узлы, и скрылись заднимъ ходомъ, черезъ дворъ.

Мнѣ худо спалось. Я проснулся раньше Антона и, услыхавъ что онъ тоже всталъ, я вышелъ въ переднюю. Онъ пришелъ въ себя, намочилъ голову, одѣлся—и ждалъ, когда войти ко мнѣ. Увидя меня, онъ привсталъ съ постели, стараясь не смотрѣть на меня.

— Гдѣ ты былъ вчера, Антонъ? спросилъ я.

— Въ балаганѣ-съ, какъ вы приказали, невнятно шепталъ онъ.

— А еще гдѣ?

Онъ молчалъ.

— Кто у тебя былъ въ гостяхъ?

— У меня никого-съ, довольно живо отвѣчалъ онъ.

— Не та ли твоя зимняя компанія, что на именины къ тебѣ приходила?..

— Никакъ нѣтъ-съ: я ее съ тѣхъ поръ и не вижу-съ! твердо говорилъ онъ.

— Такъ волки, что-ли, приходили?

— Какіе волки-съ? Никого не было.

Онъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ на меня. Видно было, что онъ дѣйствительно не понимаетъ моего вопроса.

— Поди сюда, полюбуйся: это что?

Я вывелъ его въ переднюю и въ залу, указывая на узлы, чемоданы съ моимъ добромъ, разбросаннымъ на мебель...

— Господи, Боже Ты мой—Господи! Господи Владыко! говорилъ онъ, оборачиваясь около себя, таращa глаза и разводя руками, потомъ вдругъ заплакалъ и сталъ на колѣни.

— Самъ Христосъ видитъ: вѣдать не вѣдаю, сударь! Виноватъ тѣмъ, что захмѣлѣлъ...

— Встань и разскажи, что было вчера, а я запишу и дамъ знать полиціи.

Онъ разсказалъ, что ходилъ въ балаганъ, тамъ, рядомъ съ нимъ, сидѣли какія-то три личности, не то торговцы, не то служащіе у господъ. Сначала читали вмѣстѣ афишку, потомъ разговорились, потомъ гуляли около качелей, и наконецъ пошли въ трактиръ и его позвали, пили чай и прочее... Они разспрашивали его, кто онъ, гдѣ живетъ, у кого служитъ, каково ему на мѣстѣ, бываетъ-ли баринъ дома, богатъ-ли онъ?—и все вывѣдали. А сами все угощали его и сами пили. Одинъ простился и ушелъ, а вмѣсто его пришли еще двое—и опять стали пить и пить и его угощали—пока...

— Я къ вечеру очень охмѣлѣлъ, заключилъ Антонъ:—и... и... не помню что было... какъ попалъ домой...

Онъ опять съ ужасомъ сталъ осматриваться кругомъ и опять хотѣлъ стать на колѣни. Я удержалъ его и велѣлъ разобрать и уложить платье, бѣлье и всѣ вещи по мѣстамъ.

Пропавшими оказались дюжины двѣ столовыхъ ложекъ, дешевые деревянные столовые часы и отличный тулупъ на бѣличьемъ мѣху, привезенный мною изъ Сибири, крытый китайскимъ атласомъ.

Все украденное оказалось мнѣ ненужнымъ. Я дома не обѣдалъ, и ложки, стариннаго фасона, семейныя, взятыя мною изъ дома такъ на всякій случай, лежали у меня безъ употребленія въ письменномъ столѣ. Столовые часы ходили невѣрно и мало служили мнѣ. Тулупъ изъ отборныхъ бѣлокъ, сдѣланный въ Якутскѣ, я тоже никогда не надѣвалъ, чтобъ не пріучать тѣло къ излишнему теплу. Но мнѣ все-таки было жаль его: такъ онъ былъ хорошъ.

Такимъ образомъ пропажа была нечувствительная, но я все-таки объявилъ о ней полиціи, больше для острастки, чтобы знали хоть на дворѣ, что есть живые люди въ квартирѣ.

Ничего изъ этого, какъ водится, не вышло. Пришелъ квартальный надзиратель, снялъ показаніе, Антона вызывали къ допросу. Потомъ вызвали въ часть и меня, показали какіе-то окрашенные въ черную краску столовые часы, спросили не мои ли? Я отозвался, что мои были пальмовые, желтаго цвѣта. Предъявили тоже столовую ложку, съ вопросомъ, не моя ли? А я своихъ ложекъ лѣтъ десять не вынималъ изъ стола и забылъ, какія онѣ—и потому и ложку не призналъ своею.

Тѣмъ все и кончилось. Съ Антономъ я простился, убѣдившись окончательно, что онъ не воръ, что его напоили мошенники, привезли замертво домой и хотѣли обокрасть квартиру.

Я перекрестился, что дешево отдѣлался.

(До слѣд. №).

Повѣсть о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой.

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

8.

Не на пиръ-ли съ сынками боярскими,
Не на свадьбу-ли къ сыну купеческому
Собирается Кривда лукавая;
Затворилась она въ своемъ теремѣ,
Свои темныя кудри расчесываетъ,

Свои кольца—сережки примѣриваетъ...
Вдругъ вошло къ ней въ дверь что-то сѣрое,
Неприглядное, непричесанное,
А на тѣлѣ-то хоть бы ниточка—
Только лыкомъ оно подпоясано...
Испужалася Кривда лукавая,—
Видитъ въ теремъ къ ней затесалося
Злое, грязное Горе-злосчастіе.
„Какъ ты смѣло войти неодѣтое?
Не спросясь войти—бездокладочно!
Помеломъ я велю тебя вымести,
Натравить на тебя стаю злыхъ собакъ!.."
Поклонилось ей Горе и молвило:
„Ты тутъ кольца да серги примѣриваешь
А бѣды надъ собой и не вѣдаешь.
Эхъ, не даромъ земля слухомъ полнится...
Какъ прослышало я, что какой-то шутъ,
По прозванью Иванъ Богуслаевичъ,
По святой Руси рыщетъ, путаетъ,
И, добра своего не жалѣючи,
До гнѣзда твоего добирается,
Захотѣлось и мнѣ на него поглазѣть,
Позѣвать на Ивана—какой такой?
Забѣжало впередъ, да и встрѣтило
За лѣснымъ курганомъ, у большой рѣки:
Вижу, ѣдетъ Иванъ—семь пядей во лбу,
Промежъ плечъ-то косая сажень,
При бедрѣ-то виситъ его мечъ-кладенецъ,
За плечами-то стрѣлы побрякиваютъ...
„„Прочь съ дороги!"" кричитъ, какъ труба трубитъ.
Тутъ я, Горе, не вытерпѣло,
Подскочило и хвать за узду коня.
Захрипѣлъ его бѣлый косматый конь,
Замоталъ головой, поднялся на дыбы;
На ремянной уздѣ я повиснуло
И кричу: „„хоть убей... голыхъ любитъ Богъ,
„Сяду я въ раю между нищими,
„А ограбишь меня—ничего не возьмешь,
„Ни одежи, ни шапки, ни обуви...""
Провѣщалъ тутъ Иванъ таковы слова:
„„Хоть и нѣтъ на тебѣ ни одежи, ни обуви,
„Ты не нищая, ты проклятое
„Богомъ зелье, ты горе народное,
„Какъ привяжешься, не отвяжешься.""
— „„Отвяжусь, говорю,—только ты меня
„Угости. Сирота я бездомная,
„Будь мнѣ братцемъ роднымъ, напои меня!""
Стало звать я его во царевъ кабакъ,
Не поѣхалъ Иванъ во царевъ кабакъ.
Чтобъ унять его сердце гнѣвливое—
Ретивое—слезами разжалобить,
На тебя, Кривда, стало я плакаться.
„„А поди, говоритъ, ты, лукавое
„Зелье, къ лукавой роднѣ своей:
„Знаешь чай, гдѣ гнѣздо ея,
„Да за ней походи, да поплачь, да повой,
„А мы поглядимъ хоть однимъ глазкомъ,
„Какъ слезами ее ты разжалобишь.""
Тутъ дружина его понадвинулась—
И, брани не брани, ослабѣло я,
Упустило уздечку ременную
И дорогу тутъ имъ очистило,
И побѣгло къ тебѣ, государыня.
Вотъ, бѣгу я лѣскомъ да оглядываюсь—
Чую, скачутъ за мной—индо сучья трещатъ,
Индо гулъ идетъ—земля вздрагиваетъ,
По оврагамъ звѣрье разбѣгается.
Я въ село и они въ село,
Я бѣгу слободой и они слободой,
Я по рѣчкѣ плыву и они плывутъ—
До гнѣзда твоего добираются.
Да, какъ видно, меня нагоняючи,
Пріустали маленько, замаялися,
У Капчай-рѣки станъ раскинули,
Недалече отсюда,—рукой подать..."
Поблѣднѣла тутъ Кривда лукавая,
„Такъ и быть, говоритъ,—я тебя напою,
На одну тебѣ ногу лапоть дамъ,
На другую сапогъ—хоть и штопанный,
Да попробуй—авось и обуешься.
Только дай ты за это мнѣ лыко свое,
Да не бойся, тебѣ я верну его."
Повязалась тутъ лыкомъ Кривда лукавая,
Превратилась въ убогую старицу.

9.

Близь опушки лѣсной рѣчка быстрая,
Бережокъ не высокъ, да трава зелена.
Тутъ съ коня слѣзалъ богатырь Иванъ,
Напоилъ его ключевой водой,
И пустилъ на траву неразсѣдланнаго.
А стрѣльцы-удальцы, содружинники,
Нарубили дровъ, разложили костеръ
И, раскинувъ шатры полосатые,
Полегли, отдыхаютъ—помалчиваютъ.
Далеко кругомъ мгла колышется,
За рѣкой заря, и въ рѣкѣ заря,
За рѣкою лѣсъ—и въ рѣкѣ дрожитъ
Та-жъ лѣсная темь съ тѣми-жъ просвѣтами.
Вдоль опушки кони похаживаютъ,
Травку-муравку похапываютъ,
Стременами тихонько позвякиваютъ;
У шатровъ торчатъ копья воткнутыя
И костеръ трещитъ—да не весело—
Изъ ума нейдетъ Горе сѣрое,
Горе встрѣчное. Опершись на мечъ,
Говоритъ имъ Иванъ Богуслаевичъ:
„Горе-то ходитъ за Кривдой лукавою,
А вѣдь мы противъ Кривды за Истину—
Гдѣ-жъ ей насъ изловить, добрыхъ молодцевъ!"
Говорятъ ему добры молодцы:
„Незамѣтно прошло лѣто красное,
Наступаютъ и ночи осенніе—
Ночи темныя, непроглядныя,
А мы Кривды еще и не видѣли,
Только видѣли, гдѣ прошла она,
Да какіе слѣды, гдѣ оставила...
И ужъ многіе изъ насъ-бойцовъ
По своимъ молодухамъ соскучилися,
Кто усталъ, а кого и недугъ сломилъ;
Легче намъ быть во честномъ бою,
Биться день и ночь съ супостатами—
Со врагами заклятыми,
Чѣмъ бороться намъ съ Кривдой лукавою,
Что насъ водитъ кругомъ да около,
Какъ лѣсная Кикимора."
Отвѣчаетъ Иванъ Богуслаевичъ:
„Не кручиньтесь, друзья, не печалуйтесь:
Половину мы Руси обрыскали
И вездѣ-то слѣды Кривды видѣли:
Кумовство, жидовство и кулачество,
И поджоги, и взятки, и нищенство,
И повальный развратъ, и разбой кругомъ.
Да не мало добра мы надѣлали,
И не мало чего мы пастроили,
Насадили, вспахали, на умъ навели—
Правда истинная въ-очью помогала намъ."

10.

Въ это время Иванъ Богуслаевичъ
Увидалъ—изъ-за лѣса дремучаго,
По травѣ шелестя, къ нимъ, какъ тѣнь, идетъ
Въ ветхомъ рубищѣ нѣкая старица,
Головой трясетъ и прихрамываетъ,
На кривую клюку опирается...
Подходя, въ поясъ кланяется,

Забытый узелокъ. Съ карт. Лерхе, грав. Бонгъ.

Подойдя, таковы слова
Говоритъ нараспѣвъ тихимъ голосомъ:
„Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
Одолѣнье на Кривду лукавую!
Охъ отцы мои, многомилостивцы!
Не калика я перехожая,
Не раба, а княжая дочь—
Кривдой лукавой обиженная.
Какъ была я молоденькая,
Безъ труда, безъ заботы, безъ горюшка
Между нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ
Я у батюшки въ терему росла,
И не токмо умѣла шелками шить,
Вышивать полотенца узорчатыя,
А умѣла и книги священныя
Переписывать по церковному...
Такъ росла и цвѣла я, какъ маковъ цвѣтъ.
А какъ померъ родимый—осталась я
Сиротѣть съ вѣдьмой-мачихою,
Да съ ея сыновьями злодѣями.
Обобрали они меня до-чиста,
Долго гнали, корили, сутяжили,
По всему околотку безчестили,
Что-де я, молодая, съ нечистымъ вожусь,
Навожу на скотину падежъ—
На людей злую хворь навожу.
И хотѣли они меня въ темный подвалъ
Засадить, чтобъ я свѣту не видѣла,—
Да старуха одна надоумила—
Принесла мнѣ одежу крестьянскую...
А когда я изъ дома тайкомъ ушла,
Распустила молву, что нечистый унесъ...
Долго, долго по свѣту я маялася,
Рыбакамъ плела сѣти-неводы,
У хозяевъ, въ проѣзжихъ домахъ,
Словно дѣвка-чернавка, прислуживала,
Стариковъ, старухъ въ банькахъ парила,
Малыхъ дѣтокъ укачивала;
И узнала я отъ проѣзжихъ гостей,
Гдѣ живетъ-проживаетъ та Кривда лукавая,
Что меня сироту обездолила"...
И сказалъ ей Иванъ Богуславичъ:
„Коли знаешь гдѣ, такъ и намъ скажи."
— „Охъ отцы мои, многомилостивцы!
Что скажу я вамъ, что̀ повѣдаю:
Согрѣшила я передъ Господомъ—
Молода была, малоопытна!
Тамъ на свѣтлыхъ горахъ, на раскатистыхъ,
Блестятъ маковками золочеными,
Въ голубыхъ озерахъ отражаются
Этой Кривды палаты стекольчатыя,
На запорѣ ворота желѣзныя,
И крюки, и засовы серебряные".
—„А велика ли стража?"—„Пять сотъ человѣкъ,
Съ бердышами, съ рогатинами,
День и ночь караулятъ гнѣздо ея,
Ну, да я... ахъ отцы мои!
Я не силой, а лаской да подкупомъ,
Въ тѣ палаты вошла,—и въ свѣтелку къ ней
Пробралась и ей въ ноги ударилась:
„„Такъ и такъ, говорю, я такая-то...
„Безъ призора брожу, чужой хлѣбъ жую.
„Вороти ты меня, государыня,
„Въ старый теремъ мой—къ сѣннымъ дѣвушкамъ,
„Къ старымъ мамушкамъ, да усовѣсти,
„Усмири какъ нибудь сводныхъ братцевъ моихъ—
„Пусть воротятъ мнѣ хоть приданое,
„Коли чести моей не хотятъ воротить...
—„„Ахъ ты глупая, безтолковая,""
Отвѣчала мнѣ Кривда лукавая.—
„„Да ступай ты къ купцу Парамонову,
„Ко тому ли Ѳадею Демьяновичу,
„Что гоняетъ все лѣто суденышки
„По широкой рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ,
„Съ хлѣбомъ, солью, съ мѣшками рогожными,
„Что торгуетъ смолой, промышляетъ и рыбою.
„У него, говорятъ, сундуки полны,
„Серебра, жемчугу—непочатый край.
„Околдуй его, свою дѣвичью
„Красоту продай,—а ужъ я о тебѣ
„Такъ и быть позабочусь, красавица.
„Будешь ты ходить, дѣвка, въ золотѣ,
„На лебяжьемъ пуху спать-полеживать,
„Душегрѣйку носить изъ цвѣтной камки,
„А къ обѣднѣ пойдешь аль къ заутрени—
„За меня будешь Богу молебны пѣть""...
Охъ отцы мои, многомилостивцы!
Соблазнила меня Кривда лукавая,
Продалась я купцу Парамонову,
Разорила его и семью его,
Загубила и душу его многогрѣшную:
Посередь рѣки, въ черной проруби
Утопился Ѳадей, свѣтъ Демьяновичъ.
Собрала я пожитки, поѣхала,
А меня на дорогѣ ограбили
Душегубцы, ночные разбойнички,
И побили они дроворубными
Топорами моихъ бѣдныхъ спутничковъ,
А меня безъ рубашки оставили,
Надо мной насмѣялись и въ лѣсъ ушли...
Съ той поры я по свѣту скиталася,
До сѣдыхъ волосъ побиралася".

11.

Тутъ присѣла къ огню эта старица,
Попросила напиться—и, охая,
Нараспѣвъ, тѣмъ же ласковымъ голосомъ,
Повела дальше рѣчь свою:
„Охъ, чего-то, чего не видала я!
И чего-то, чего не наслушалася!
Разскажу вамъ про Кривду лукавую,
Про дѣла ея богомерзкія, срамныя,—
Только вы, братцы, старуху послушайте,
А послушаете—не укрыться ей
Отъ такихъ удальцовъ, добрыхъ молодцевъ
Ни на днѣ рѣчномъ, ни въ морской глубинѣ.
На ладонь я всю правду вамъ выложу,
Покажу вамъ Кривду во всей красѣ".
И тутъ старица, пригорюнившись,
Стала всякія были имъ сказывать,
И причитывать, и размазывать
Таково красно, что заслушаешься.
То мутила ихъ души—томила ихъ,
Про дѣла потайныя, кровавыя,
Наводящія ужасъ, разсказывала;
То смѣшила ихъ, повѣряла имъ,
Какъ лукавая Кривда дурачила
И князей, и бояръ, и торговыхъ людей,
Какъ сводила ихъ женъ съ полюбовниками.
И во всей красѣ, во всей наготѣ
Рисовала имъ ночи бѣсовскія,
Сладострастныя ночи—похмѣльныя,
Поводила руками, расписывала,
Какъ голодный мякину пожевывалъ
И какъ пьяница-безпробудица
Билъ-терзалъ жену неповинную,
И какъ блудный сынъ—сынъ купеческій
Въ кабакѣ заложилъ душу дьяволу,
Какъ за это его бѣсы тѣшили.
И чудна же была эта старица!
Ужь давно погасъ ихъ ночной костеръ,
Ужь и мѣсяцъ зашелъ въ тучу темную,
Ужь и звѣзды куда-то попряталисъ,
А они все сидѣли да слушали.
Къ утру сталъ дремать богатырь-Иванъ,

А ребята его и не думали...
А чѣмъ больше они въ нее всматривались,
Тѣмъ пригожѣй она становилася.
Кто поближе къ ней присосѣдился,
Тотъ ужь чуялъ въ ней что-то знойное,
Сквозь морщины ея, такъ и чудилось,
Красотой и соблазномъ просвѣчиваетъ.
Темный глазъ горитъ молодымъ огнемъ,
А сѣдые, косматые волосы
Свѣтлорусой косой разсыпаются.

Вотъ, разсказы ея стали жалобнѣе,
И печальнѣе, и пѣвучѣе,
О неволѣ, невзгодѣ, тоскѣ-змѣѣ,
Что сосетъ ретивое, что давитъ грудь,
Какъ доска гробовая, тяжелая...
И чѣмъ дальше ночка подъ утро шла,
Чѣмъ тошнѣй на душѣ становилося
У Ивана свѣтъ Богуславича,
Тѣмъ сильнѣе клонилъ его тихій сонъ.
И все тише, все тише—плачевнѣе
Свою рѣчь вела Кривда лукавая,
Что прикинулась нищей старицей,
Про себя безъ утайки разсказывая,
Про дѣлишки свои имъ докладывая,
Сиротой-горемыкой прикидываясь.
И склонясь головой на широку грудь,
Выпуская изъ рукъ мечъ родительскій,
Заснулъ богатырь непробуднымъ сномъ;
А стрѣльцы-удальцы, добры молодцы,
Точно хмѣль сталъ бродить въ ихъ головушкахъ,
Разгорѣлись душой, распалилися:

Не старуха мелькала въ глазахъ у нихъ,
А красавица бѣлолицая,
Съ соболиною бровью, съ густой косой,
Съ лебединою грудью—зыбучею.
И ревнуя другъ къ другу и злобствуя,
Другъ на друга они озиралися.

Да ловка была Кривда лукавая:
Одному въ ухо шепчетъ: „приходи въ лѣсокъ"...
Другому—„у рѣчки меня подожди"...
А иному—„постой, погоди,
Уведу я тебя во свѣтлицу свою,
Уложу на кроватку тесовую,
А ревниваго мужа виномъ накачу,
Уведу въ чуланъ, на замокъ запру"...
Такъ со всѣми она пошепталася,
Всѣхъ своей красотой подзадорила.
И казалось имъ, что ушла она
Не то въ темный лѣсъ, не то въ кустики,
Не то на дорогу проселочную,
Не то вдоль по рѣкѣ, по песочку разсыпчатому;
И они въ темнотѣ расходилися,
Другъ отъ друга, какъ вороги, прятались.
Кто пошелъ вдоль рѣки, кто въ дремучій лѣсъ,
Кто, нащупавъ дорогу проселочную,
Увидалъ вдали—огонекъ горитъ,
Самъ горитъ, самъ лукаво подмигиваетъ,
На ночлегъ въ теплый теремъ заманиваетъ;
Кто въ болото зашелъ, съ Лихоманками
Повстрѣчался—молиться сталъ,
Обуянный невѣдомымъ ужасомъ...

(Оконч. въ слѣд. №).

На морѣ.

Разсказъ **Вильгельма Іенсена.**

(Окончаніе).

Берндтъ Арендъ, вновь пришедшій, заговорилъ съ непривычной быстротой: Онъ тянулъ сѣти на южной сторонѣ острова Хидденсъ-э, какъ вдругъ въ сумеркахъ показалось съ запада что-то чернѣющееся вдали; какое-то высоко-мачтовое судно, но на первый взглядъ ни датчанинъ, ни шведъ. „Что бы это было?" сказалъ про себя Берндтъ Арендъ; поставилъ парусъ на свою лодку и выѣхалъ посмотрѣть на незнакомое судно. Когда онъ подошелъ ближе, не оставалось сомнѣнія, что это одно изъ вооружавшихся въ Висмарской гавани военныхъ судовъ „генералъ-капитана Армады Балтійскаго моря", которое подъ прикрытіемъ ночи и бури вышло осмотрѣть положеніе Штральзунда съ моря и убѣдиться нельзя-ли что-либо предпринять противъ города съ этой стороны.

Затаивъ дыханіе выслушали присутствовавшіе важное извѣстіе; лихорадочная дѣятельность на Висмарскомъ рейдѣ выказывала первые признаки угрожавшей опасности. Между присутствовавшими послышались возгласы: „Идутъ!.. Если справятся съ моремъ, то это нашъ конецъ".

Только Тилеманъ Лухтергандъ воскликнулъ, вскочивъ съ мѣста:

— Развѣ мы изъ камня или дерева, чтобы ждать, пока они прійдутъ къ намъ?

Но его слова были заглушены страшнымъ ударомъ кулака по столу, отъ котораго все въ домѣ задрожало. Ольдъ-Пееръ стоялъ съ широко раскрытыми глазами и разметавшейся гривой, подобно грозной пѣнящейся волнѣ бушующаго моря.

— Ты видѣлъ ихъ, Берндтъ? Ну, такъ они узнаютъ, что Ганзейцы еще живы! За мной, ребята, на Валленштейнцевъ! Кто со мной? Старый Класъ будетъ съ вами!..

Тишина въ низкой комнатѣ сразу превратилась въ громкій говоръ. Громче всѣхъ выдавался голосъ Тилемана:

— Идемъ съ Ольдъ-Пееромъ! Тотъ баба, кто останется дома!

И не нашлось никого, кто бы словомъ или движеніемъ противорѣчилъ ему.

Неожиданная подвижность проявилась въ долговязыхъ, казавшихся неуклюжими, членахъ; какъ при внезапномъ толчкѣ во время бури, руки и ноги невольно пришли въ движеніе. Не говорилось уже ничего. Только молчаливая суматоха происходила въ дверяхъ, сообщаясь остальнымъ домамъ и хижинамъ Ольде-Вера и сосредоточиваясь главнымъ образомъ у парома. Когда собрались туда всѣ желавшіе идти за Ольдъ Пееромъ, составилось двойное приблизительно число противъ бывшихъ раньше въ хижинѣ Шюддекона. Каждый несъ въ рукахъ топоръ или острогу. Не произнося почти ни слова, темные силуэты размѣстились по лодкамъ, послышались удары веселъ и черныя, колеблющіяся тѣни потянулись по проливу. Ночь была темная, но съ востока виднѣлось уже нѣсколько свѣтлыхъ пятенъ обѣщавшихъ появленіе луны, изъ-за быстро несущихся облаковъ. Маленькія суденышки держались вмѣстѣ, быстро ныряя по клокочущимъ, покрытымъ пѣной волнамъ; но вотъ передъ ними вырисовался въ темнотѣ чернѣвшій корпусъ какого-то судна. Это была рыбачья шкуна Ольдъ-Пеера. Съ быстротою молніи вскарабкались на нее рыбаки; еще минута и лодки были втащены на ванты, якорь поднятъ, хлопавшіе по мачтамъ паруса надулись и судно двинулось къ сѣверо-западу. Съ лѣвой стороны виднѣлись темные силуэты башенъ св. Николая и св. Маріи въ Штральзундѣ, а за ними красными пятнами выдѣлялись сторожевые огни осаждающихъ. На колокольнѣ Св. Іакова пробило 10 часовъ, и вѣтеръ донесъ звукъ боя въ слѣдъ удаляющемуся судну. Оно лавировало нѣкоторое время между плоскими берегами Рюгена и Померапіи, пока не вышло изъ узкаго пролива въ открытое море, гдѣ съ попутнымъ вѣтромъ быстро пошло далѣе. Мѣсяцъ поднялся выше, становилось свѣтлѣе. По временамъ весь такелажъ освѣщался блѣднымъ, нерѣшительнымъ свѣтомъ, вырисовываясь въ воздухѣ подобно растянутой сѣти, потомъ снова исчезалъ, какъ бы разорванный и унесенный вѣтромъ. Небо снова затягивалось сплошными тучами и все погружалось во мракъ. На сторожевой мачтѣ сидѣлъ Іостъ Сёкеландъ, неутомимо поджидая появленія темнаго пятна въ туманномъ ночномъ воздухѣ. Находившіеся на палубѣ также пристально всматривались вдаль.

Ольдъ-Пееръ стоялъ на рулѣ. Тилеманъ Даубъ сновалъ взадъ и впередъ по палубѣ, поспѣвая вездѣ, гдѣ было какое-либо дѣло.

— Ставь бугшпритъ! крикнулъ онъ на ходу одному изъ матросовъ. Лучъ свѣта вырвался въ эту минуту изъ-за тучи и освѣтилъ голову матроса съ янтарно-желтыми, закрученными на затылкѣ волосами.

Тилеманъ остановился пораженный—и изъ-подъ широкихъ полей шляпы блеснули ему навстрѣчу зеленые глаза Сванеке-Шюддеконъ. Онъ и не замѣтилъ когда молодая дѣвушка присоединилась къ нимъ. Сванеке, видомъ своимъ, совершенно не отличалась отъ другихъ: на ней былъ толстый, отцовскій *ганзупъ* и въ рукахъ блестѣла острога.

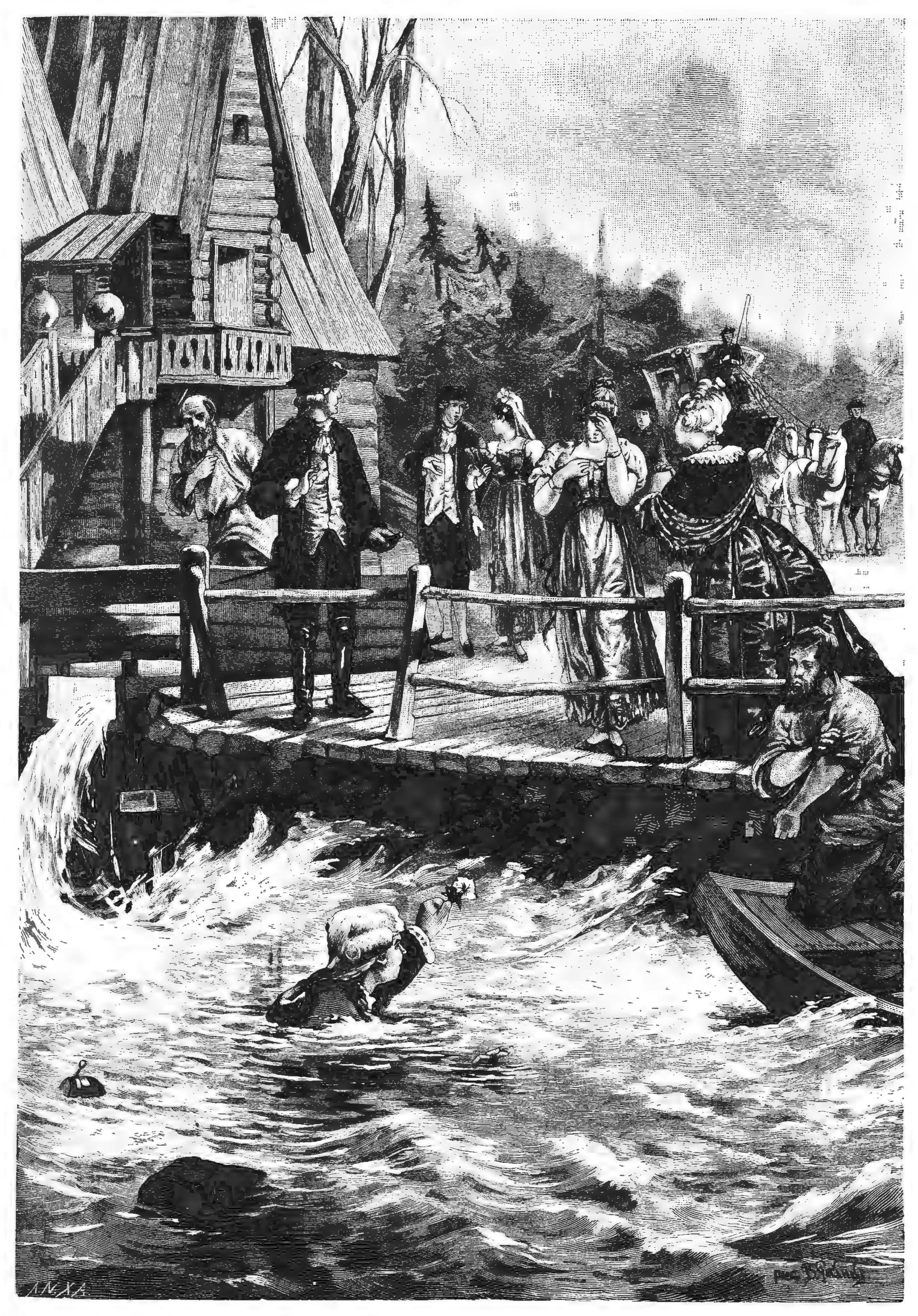
Не вѣря своимъ глазамъ, Тилеманъ вскричалъ:

— Ты здѣсь! Зачѣмъ это? Чего тебѣ здѣсь надо?

Она отвѣчала задорно:

— Ты самъ сказалъ, что только бабы остаются дома. Развѣ ты думаешь—я баба?

Русскій сторожевой постъ въ средніе вѣка. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Каразина, грав. Флюгель.



Литерат. альбомъ. „Бабушка и внучекъ“, А. Н. Майкова. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Рейнке, грав. Нейманъ.

— Не нужно намъ такого балласта! отвѣчалъ сердито Тилеманъ.—Сидѣла бы себѣ дома съ молочными горшками!

Не отвѣчая ни слова, молодая дѣвушка повернулась и ловкимъ движеніемъ поставила клюверную мачту, какъ будто дѣлала какую-нибудь домашнюю женскую работу.

Въ эту минуту, сквозь шумъ вѣтра и воды, раздался сверху голосъ Іоста Сокеланда:

— Ужъ видно. Идутъ! идутъ!..

Всѣ взоры устремились въ одну сторону, но нѣсколько времени ничего нельзя было различать, какъ вдругъ широкій снопъ свѣта, отъ выплывшаго изъ-за тучъ полнаго мѣсяца, (который, казалось, высушилъ всѣ водяные пары, висѣвшіе надъ моремъ) освѣтилъ въ недалекомъ разстояніи большое мачтовое судно, съ высокими шканцами на кормѣ и шкафутѣ. Судно шло не на всѣхъ парусахъ. Очевидно, не имѣя знающихъ лоцмановъ, оно нерѣшительно лавировало въ незнакомыхъ водахъ, въ ожиданіи разсвѣта. Новый герцогъ Мекленбургскій имѣлъ много сухопутныхъ войскъ, но моряковъ для своего флота долженъ былъ отыскивать и обучать самъ.

Ни звука, ни движенія не слышно было на рыбачьей шкунѣ. Она быстро приближалась къ непріятельскому судну и подошла уже настолько, что можно было разсмотрѣть вахтенныхъ. Они полусонно, полуудивленно смотрѣли на маленькое, въ сравненіи съ ихъ кораблемъ ничтожное, суденышко, которое казалось намѣрено было близко пройти мимо. Но вотъ Петръ Шюддеконъ круто повернулъ руль и, какъ чайка, быстрымъ поворотомъ крыла, шкуна примкнула къ борту непріятельскаго судна. О палубу корабля загремѣли брошенные туда абордажные крючья и послышался сквозь свистъ вѣтра и шумъ волнъ, громкій голосъ Ольдъ-Пеера: „Dudesche Hanser“.

Застигнутые врасплохъ, часовые закричали: „Mordrio!“ и на палубу полѣзли изъ трюма вооруженные воины Валленштейна. Бердыши и алебарды заблистали при свѣтѣ луны. Непріятельское судно заключало въ себѣ по крайней мѣрѣ въ шесть разъ большее число людей, противъ безумно-дерзкой горсти нападающихъ. Но рюгенскіе моряки знали, что имѣютъ дѣло съ береговыми крысами. Они не бросились прямо на ожидавшаго ихъ непріятеля, а съ неимовѣрной быстротой стали карабкаться по стѣнамъ корабля и повисли со всѣхъ сторонъ на борту. Заглушая общій шумъ и суматоху, раздался въ эту минуту громовый голосъ Ольдъ-Пеера:

— Кто первый будетъ на суднѣ, тому отдамъ свою шкуну, домъ, дочь и все что онъ пожелаетъ!..

Съ непокрытой головой и развѣвающейся по вѣтру бѣлой гривой, со взглядомъ мечущимъ искры и выражающимъ почти безуміе, Ольдъ-Пееръ походилъ на древнихъ морскихъ царей, которые могучей и сильной рукой захватывали и сдерживали непріятельскія суда.

— Я прежде всѣхъ, Ольдъ-Пееръ! послышался голосъ сверху.

И Тилеманъ Лухтергандъ уже стоялъ на палубѣ осажденнаго судна. Но въ ту же минуту недалеко отъ него съ ванты спрыгнула другая фигура и голосъ Сванеке Шюддеконъ закричалъ:

— Хвастунишка! Я прежде тебя! Волосы ея распустились и, какъ расплавленный золотисто-желтый янтарь, падали на спину и на бедра. Со сверкающею въ правой рукѣ желѣзною острогою, она, какъ валкирія Одина, бросилась впередъ, не обращая вниманія на поднимавшихся снизу враговъ. Дикая схватка началась на маленькой корабельной палубѣ среди широкаго морскаго простора. Словно мохнатые медвѣди лѣзли со всѣхъ сторонъ штральзундскіе рыбаки, дѣйствуя разрушительно своими короткими топорами и палицами, тогда какъ вооруженные длинными бердышами воины не могли свободно дѣйствовать въ тѣснотѣ. Вскорѣ средняя часть палубы загромоздилась полудюжиною непріятельскихъ труповъ; оставшіеся въ живыхъ старались взобраться на шканцы, откуда они могли-бы свободнѣе дѣйствовать своими длинными копьями, но грозныя фигуры рыбаковъ Ольде-Вера слѣдовали за ними по пятамъ. Спавшіе, во время нечаяннаго нападенія, въ трюмѣ тщетно старались выбраться по узкой, крутой лѣстницѣ на палубу; выходъ стерегли Петръ Шюддеконъ и Тилеманъ Лухтергандъ. Съ одной стороны, на каждую показывавшуюся голову тяжело опускался топоръ, управляемый лѣвой рукой Тилемана; съ другой—въ зіяющемъ, темномъ отверстіи трюма, сверкала какъ молнія алебарда Петра Шюддекона, снятая имъ съ одного изъ убитыхъ воиновъ. Какъ только старикъ чувствовалъ, что наносимый имъ ударъ попадалъ въ цѣль, онъ съ дикимъ смѣхомъ кричалъ:—Вотъ вамъ старый Класъ изъ Денгольма! Вылазьте, вылазьте, коли есть охота, помѣряться съ нѣмецкими гарпіями.

Безсильный, яростный ревъ отвѣчалъ ему снизу, гдѣ сотни вооруженныхъ воиновъ толпились къ узкому выходу, стѣсненному еще падавшими тѣлами убитыхъ товарищей. Если-бы они были настоящими морскими крысами, подобно своимъ противникамъ, они попытались-бы выбраться чрезъ люки; но неловкія, незнакомыя съ моремъ—крысы береговыя тѣснились, безпомощно скрежеща зубами, въ темномъ, душномъ пространствѣ. Пока оба рыбака стерегли такимъ образомъ выходъ, одинъ глазъ Тилемана безпрестанно направлялся въ ту сторону, гдѣ длинные, янтарные волосы бросали вокругъ себя свѣтъ. Но вотъ онъ быстрымъ скачкомъ оставилъ свой постъ и ударомъ топора положилъ на мѣстѣ ратника, который намѣревался пронзить своимъ копьемъ спину Сванеке. При паденіи, ратникъ концемъ копья задѣлъ ее; молодая дѣвушка обернулась и увидѣла, отъ какой опасности спасъ ее Тилеманъ. Тѣмъ не менѣе она проговорила пренебрежительно. „Это-бы я и безъ тебя могла сдѣлать! Оставайся пожалуйста на своемъ мѣстѣ и не заботься обо мнѣ!“ Съ этими словами она снова ринулась въ схватку, усердно работая своимъ оружіемъ, на которомъ алѣли капли крови.

Вся битва продолжалась не болѣе пяти минутъ. Около 30 человѣкъ изъ экипажа судна, успѣвшихъ выбраться вначалѣ изъ трюма, лежали, пораженные на смерть, на палубѣ и шканцахъ. Пощады не давали и не просили; эпоха кровожадныхъ инстинктовъ не знала состраданія, а сотни тысячъ убитыхъ на сушѣ взывали объ отмщеніи. Изъ рыбаковъ только двое были поражены копьями въ грудь насквозь и четверо ранены. Дюжины двѣ свободныхъ рукъ перетащили поспѣшно съ рыбачьей шкуны два челнока и завалили ими выходъ на палубу изъ трюма, такъ чтобы не имѣть надобности охранять его, и такимъ образомъ корабль Валленштейнской Армады, со всѣми запертыми внизу воинами, достался въ руки побѣдителей. Съ ловкостью и увѣренностью людей, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ, они распустили всѣ паруса и, взявъ свою шкуну на буксиръ, повернули по направленію къ Штральзунду. Имъ приходилось теперь бороться противъ западнаго вѣтра и лавировать между берегомъ Помераніи и островомъ Гидденсъ-э.

Сердца сильно и гордо бились подъ толстыми *ганзунами*, но, по обычаю отцовъ и нравамъ страны, рыбаки не выражали вслухъ своихъ чувствъ. Каждый спокойно исполнялъ свое дѣло; убитые враги были выброшены за бортъ и ничто не свидѣтельствовало о той дикой борьбѣ на жизнь и на смерть, которая недавно происходила здѣсь, между шканцами. Точно безобидное, торговое судно, мирно двигалась шкуна со своимъ оригинальнымъ грузомъ по направленію къ проливу.

Тилеманъ Лухтергандъ подошелъ къ старому Петру, который царственно возсѣдалъ на палубѣ, неподвижно глядя передъ собою широко раскрытыми глазами, подобно старинному изваянію, на носъ корабля. Въ лицѣ его было что-то призрачное, отрѣшившееся отъ земнаго. Губы его громко шептали: „Нѣмецкая Ганза! Еще жива нѣмецкая Ганза“.

Тилеманъ заговорилъ спокойно:

— Я первый взошелъ сюда, Ольдъ Пееръ. Вы помните свое обѣщаніе?

Старикъ повелъ на Тилемана своими пронзительными, блестящими глазами и—проговорилъ:

— Ты былъ здѣсь первый изъ ганзейцевъ? Это я видѣлъ и слышалъ! Что я обѣщалъ тому, кто взойдетъ первый?

— Ваше судно, вашъ домъ и все что онъ захочетъ.

— Если старый Класъ фон-де-Линнъ обѣщалъ, то слово его твердо, какъ мачта!

Петръ Шюддеконъ говорилъ не отъ своего имени. Онъ смѣшивалъ себя съ бургомистромъ Клаусомъ фон-дер-Линне, который, 200 лѣтъ тому назадъ, отмстилъ датчанамъ за оскорбленія, нанесенныя ими „нѣмецкимъ гарпіямъ“ въ Штральзундѣ.

Тилеманъ возразилъ спокойно:

— Судно и домъ есть у меня самого, а жены нѣтъ. Мнѣ ничего не нужно, кромѣ вашей дочери, которую вы мнѣ обѣщали.

— Тебѣ дѣвку надо? возразилъ старикъ съ прежнимъ безучастнымъ выраженіемъ въ лицѣ.—Ты говоришь, старый Класъ обѣщалъ? Бери дѣвку.

Тилеманъ повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ стояла молодая дѣвушка, и сказалъ:

— Слышишь, Сванеке? Ты моя теперь.

Сказанными словами рѣшалась участь дѣвушки: отцовская власть могла распоряжаться судьбою дочери безапелляціонно. Но Сванеке отвѣтила только кивкомъ головы, отъ котораго волосы ея разсыпались по плечамъ.

— Онъ сегодня не въ своемъ умѣ, не помнитъ что говоритъ. Тотъ, кто хочетъ заполучить меня, долженъ дѣйствовать правой рукой, Тилеманъ Лухтергандъ!

Потрясая топоромъ, которымъ она работала во время битвы, Сванеке отошла въ сторону и только ироническій смѣхъ ея донесся до слуха Тилемана. Молодой матросъ ничего не отвѣтилъ и попрежнему продолжалъ свое дѣло. Мѣсяцъ, какъ будто принимая участіе въ людскихъ дѣлахъ, освободившійся было изъ-за тучъ, теперь снова скрылся, и въ наступившей темнотѣ слегка бѣлѣлъ только вдали датскій берегъ острова Хидденсъ-э, да у борта корабля взглядъ Тилемана видѣлъ янтарный блескъ волосъ, разметавшихся по спинѣ молодой дѣвушки, задумчиво глядѣвшей на пѣнящіяся волны. Она была одна и не замѣтила какъ Тилеманъ подошелъ къ ней.

— Это твое послѣднее слово, Сванеке? спросилъ онъ, положивъ руку ей на плечо.

Молодая дѣвушка вздрогнула, и строптиво обернулась къ нему:

— Не трогай меня, а то тебѣ будетъ худо!

Старинная, слѣпая ярость предковъ овладѣла молодымъ человѣкомъ. Съ быстротою молніи обхватилъ онъ лѣвой рукой ея станъ и со словами: „ты мнѣ принадлежишь и я могу дѣлать съ тобою, что хочу!“ вмѣстѣ съ нею бросился черезъ

бортъ въ море. Подъ наружнымъ спокойствіемъ кровь его въ эту ночь бушевала въ жилахъ и если Сванеке не хотѣла жить для него, то должна умереть съ нимъ.

За темнотой и свистомъ вѣтра никто не замѣтилъ ихъ паденія и когда они всплыли на поверхность, корабль уже былъ далеко.

Тилеманъ при паденіи не выпустилъ изъ рукъ стана дѣвушки. Она машинально, изъ чувства самосохраненія, дѣйствовала руками, и видно было, что въ искусствѣ плавать она поспоритъ съ любымъ рюгенскимъ рыбакомъ. Сдѣлавъ нѣсколько взмаховъ, Сванеке пришла въ себя, и, съ силой вырвавшись изъ рукъ Тилемана, поплыла дальше. Говорить не было возможности. Водяныя горы то поднимали обоихъ на свои гребни, то снова бросали ихъ въ пучину. Но янтарный блескъ указывалъ Тилеману направленіе и волосы дѣвушки длиннымъ золотистымъ слѣдомъ стлались за ней.

Хотя никто не могъ поспорить съ Тилеманомъ въ искусствѣ переплывать проливъ, но и онъ понялъ, когда къ нему вернулась способность размышленія, что ему трудно будетъ достигнуть Хидденсъ-э. Плывя стоя, онъ отсталъ нѣсколько отъ Сванеке, съ трудомъ освободился отъ своей тяжелой одежды, потомъ еще съ большими усиліями снялъ сапоги и, блестя при лунномъ свѣтѣ подобно золотистой рыбкѣ, поплылъ вслѣдъ за дѣвушкой. Она успѣла далеко опередить его, но волосы продолжали указывать ему путь, и Тилеманъ, получивъ большую свободу движенія, быстро нагналъ ее. Теперь Сванеке уже глубже держалась въ водѣ, чѣмъ прежде, видимо напрягая всѣ силы шейныхъ мускуловъ, чтобы держать надъ водою носъ и ротъ. Тяжелая, мокрая одежда тянула ее книзу. Тилеманъ подплылъ къ молодой дѣвушкѣ и закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Раздѣнься! Я помогу тебѣ.

Сванеке слышала его слова, видимо поняла ихъ, но, повернувшись на спину, она съ силой оттолкнула его ногами и поплыла дальше. Тилеманъ слѣдовалъ за ней; такъ плыли они нѣкоторое время. Признаки утомленія молодой дѣвушки начали усиливаться: она все чаще и чаще переворачивалась со спины на грудь и обратно. Затылокъ уже не подымался изъ воды; она почти начинала захлебываться.

— Ты тонешь! закричалъ снова Тилеманъ, схвативъ ее за плечо.

Мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучъ; Сванеке повернула голову и ея зеленые глаза упрямо блеснули. Взглядъ ея выражалъ, что она видитъ намѣреніе Тилемана и убьетъ его, если онъ коснется до нея. Но Тилеманъ не колебался болѣе. Онъ вцѣпился ногтями правой руки въ куртку Сванеке и между ними завязалась борьба на жизнь и на смерть. Тилеманъ обхватилъ дѣвушку лѣвой рукой и, чтобы лишить возможности сопротивляться, нагнулъ ея голову подъ воду, такъ что одни лишь желтые волосы остались на поверхности. Когда онъ выпустилъ ее, чтобы дать вздохнуть, она уже была почти освобождена отъ одежды. Сванеке подняла кулакъ, чтобы ударить его въ лицо, но онъ опять нѣсколько разъ опустилъ ея голову подъ воду, пока она не потеряла сознанія. Сверхъестественнымъ напряженіемъ ногъ, онъ поддерживалъ себя и ее на водѣ, между тѣмъ какъ руки докончивали начатое дѣло. Вскорѣ разорванный сѣрый *ганзупъ* уже плылъ вслѣдъ за ними по волнамъ и черезъ минуту совсѣмъ погрузился въ воду. Освободившись отъ тяжелой одежды, Сванеке, по инстинкту самосохраненія, снова вынырнула на поверхность. Тилеманъ схватилъ ее за ноги и, послѣ долгихъ усилій, успѣлъ стащить съ нея сапоги. Ему не удалось бы сдѣлать это, еслибъ Сванеке, попрежнему, сопротивлялась; но она не противилась больше, хотя и не помогала сама. Видно было, какъ силы возвращаются къ ней. Съ сильнымъ ударомъ поплыла она, блестя плечами какъ русалка при лунномъ свѣтѣ, и волоча за собою длинный золотой снопъ волосъ.

Тилеманъ Даубъ дѣйствовалъ не помня себя, подъ вліяніемъ сильно возбужденнаго состоянія; и только теперь, въ холодныхъ волнахъ моря, онъ понялъ, что сдѣлалъ и какой опасности подвергалъ жизнь Сванеке Шюддекопъ. Онъ зналъ ея силу и искусство въ плаваніи, зналъ, что освобожденная отъ тяжелой одежды, она навѣрное достигнетъ Хидденсъ-Э; но онъ зналъ также, что, выйдя на берегъ, она схватитъ первый попавшійся камень, чтобы размозжить ему голову.

Вдругъ новая мысль блеснула у него: узкій островъ былъ знакомъ ему вдоль и поперекъ, точно также какъ жители маленькихъ, разсѣянныхъ по берегу рыбачьихъ хижинъ. Съ удвоенной силой принялся онъ разсѣкать руками волны; вблизи острова волненіе было слабѣе, вода стала мельче и вскорѣ ноги его коснулись мягкаго песчанаго дна. Тилеманъ быстро выбѣжалъ на берегъ и черезъ нѣсколько минутъ уже стучался въ дверь одной изъ бѣдныхъ хижинъ. Ему отворилъ старый рыбакъ безъ всякаго удивленія, такъ какъ появленіе среди ночи потерпѣвшихъ крушеніе не было здѣсь рѣдкою случайностію. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ охотно отдалъ Тилеману свой собственный ганзунъ и старый плащъ своей, давно умершей, жены; наскоро одѣвшись, молодой рыбакъ побѣжалъ обратно къ морю.

Берегъ, залитый луннымъ свѣтомъ, блисталъ раковинами и камешками. Слегка пѣнясь, правильно и спокойно катились волны; бѣлогрудыя чайки сновали надъ водой и съ крикомъ исчезали въ отдаленіи. Но вотъ съ сѣвера, облитая лучами мѣсяца, показалась на берегу человѣческая фигура, съ головы до колѣнъ обвитая какъ бы золотыми нитями. Тилеманъ Даубъ остановился, бросилъ навстрѣчу ей принесенный плащъ и закричалъ:

— Вотъ тебѣ платье, согрѣйся.

Но фигура спокойно подвигались къ нему. Она не подняла камня, какъ онъ ожидалъ, но положила руку ему на шею и проговорила:

— Ты сватался за меня и отецъ обѣщалъ меня тебѣ. Прими отъ меня поцѣлуй невѣсты, Тилеманъ Лухтергандъ.

И, потянувшись къ нему, она, сквозь янтарныя пряди волосъ, коснулась губами его губъ. Голосъ ея былъ мягокъ и нѣженъ; въ немъ какъ бы появилась новая жалобная нота; она стояла не помня себя и не похожая на себя. Она показалась ему такой маленькою; мощь членовъ ея исчезла, вмѣстѣ съ упрямымъ выраженіемъ лица. Это была уже не валкирія, а дѣва-лебедь Одина, у которой смертный похитилъ сброшенную на пустынномъ берегу одежду и тѣмъ пріобрѣлъ надъ ней власть.

Тилеманъ Даубъ стоялъ очарованный, какъ во снѣ. Онъ также вспомнилъ старое, часто повторявшееся сказаніе, и тихо, едва слышно, произнесъ:

— Я овладѣлъ тобою, бѣлая лебедь! Оттого тебя и назвали Сванеке, что ты родилась лебедью.

Потомъ онъ проговорилъ поспѣшно:

— Тебѣ холодно! Одѣнься!

Онъ быстро нагнулся, поднялъ плащъ съ земли, накинулъ его на плечи молодой дѣвушки и—удивительное видѣніе исчезло...

— Пойдемъ!

И онъ взялъ ее за руку. Но она бросилась передъ нимъ на колѣна, схватила его правую руку, которую вечеромъ передъ тѣмъ обварила кипящей водой, и прежнимъ, жалобнымъ тономъ произнесла:

— Больно еще? Твоя рука жгла меня въ холодной водѣ, какъ огонь.

И она кротко прижалась губами къ обожженному мѣсту.

Молодые люди направились вмѣстѣ къ рыбачьей хижинѣ, гдѣ дѣвушка достала полное одѣяніе. Таинственное очарованіе лунной ночи исчезло, и когда она вышла къ Тилеману, одѣтая съ ногъ до головы, краска стыда покрывала ея лицо. Вмѣстѣ со старымъ рыбакомъ, они сѣли въ его лодку, поставили парусъ и направились къ югу.

Легкое суденышко быстро понеслось вдоль берега Хидденсъ-э и вскорѣ заходящій мѣсяцъ освѣтилъ знакомое судно, которое, съ трудомъ борясь съ противнымъ вѣтромъ, едва успѣло достигнуть входа въ узкій проливъ Штральзунда. Бѣлый свѣтъ ночи исчезъ и только на востокѣ показалась блѣдно-желтая полоса утренней зари. Сидящіе въ лодкѣ воспользовались минутой когда судно остановилось, лавируя, и маленькій челнокъ, какъ темная тѣнь, скользнулъ подъ фальрепы судна. Схватясь за канатъ, Тилеманъ и Сванеке, какъ бѣлки, вскарабкались на бортъ, и чрезъ минуту маленькая лодка уже летѣла обратно.

Въ темнотѣ ночи никто на суднѣ не замѣтилъ ихъ отсутствія. Петръ Шюддекопъ сидѣлъ попрежнему на палубѣ и неподвижно глядѣлъ въ темноту. Тилеманъ Даубъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я говорилъ со Сванеке; она согласна.

— Хорошо, сынъ мой, отвѣтилъ старикъ;—она получитъ шкуну въ приданое.

Больше не было сказано ни слова. Начинало свѣтать. Тилеманъ и Сванеке стояли рука объ руку у борта. Они тоже молчали. Наконецъ Тилеманъ проговорилъ, смѣясь:

— А жарко было въ холодной водѣ?

Она отвѣчала:

— Ты взялъ мое сердце лѣвой рукой, Тилеманъ, но тебѣ помогло море.

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто снова хотѣлъ увлечь ее въ воду.

— Хочешь еще разъ?

— Нѣтъ! ты и то чуть не утопилъ меня.

Съ правой стороны въ утреннемъ свѣтѣ появились уже башни Штральзунда. Еще одинъ поворотъ и судно подошло къ городской пристани. Народъ толпился на берегу, съ удивленіемъ глядя на незнакомое военное судно. Ольдъ-Пееръ поднялся на ноги. Съ развѣвающимися волосами, смотря пронизывающимъ взглядомъ на стоящихъ на берегу, онъ выпрямился, подобно древнему морскому царю, во весь свой исполинскій ростъ, и закричалъ, обращаясь къ Штральзунду:

— Старый Класъ фонъ-де-Линнъ идетъ съ Денгольма!

. . . .

Изъ Армады генералъ-капитана Балтійскаго флота не появлялось больше ни одного корабля. Густавъ-Адольфъ высадился въ Узедомѣ, на Померанскомъ берегу; новый герцогъ Мекленбургскій покинулъ тронъ и царство, а освобожденный городъ Штральзундъ оказался прикрѣпленнымъ цѣпями, если не къ небу, то къ морю.

(переводъ С.).

Первая помощь при внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ.

Лекція профессора д-ра **Нуссбаума.**

При внезапныхъ заболѣваніяхъ и несчастныхъ случаяхъ въ дорогѣ, на улицѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и т. д., у каждаго невольно рождается желаніе помочь заболѣвшему: но одной доброй воли недостаточно: часто, при *незнаніи*, можно принести своею помощью больше вреда чѣмъ пользы. Такъ, напр., когда кто-либо падаетъ въ **обморокъ**, окружающіе нерѣдко бросаются поднимать больнаго и стараются привести его въ сидячее положеніе. Такая помощь совершенно нераціональна. При обморокѣ, какъ извѣстно, кровь отливаетъ отъ головы и приливаетъ къ сердцу. Поэтому никогда не слѣдуетъ поднимать больному головы, а напротивъ стараться опустить ее по возможности ниже; лучше всего положить лишившагося чувствъ на столъ или на скамейку и свѣсить его голову черезъ край, или помѣстить его такъ, чтобы ноги и руки были выше головы, для того чтобы больше крови приливало къ мозгу. Только при такомъ положеніи кровь можетъ отлить отъ сердца и больной черезъ нѣсколько минутъ придетъ въ себя. Во многихъ болѣзняхъ природа сама даетъ средство первоначальной помощи: такъ напр. лишившійся чувствъ *падаетъ* и это именно самое лучшее въ его состояніи. Положивъ больнаго, какъ мы указали раньше, на столъ, ему распускаютъ платье, вспрыскиваютъ холодной водою и даютъ понюхать такъ-называемыхъ *солей*. Когда заболѣвшій станетъ приходить въ себя, весьма полезно дать ему глотокъ холодной воды, хорошаго вина, коньяку или небольшой стаканъ пива.

Изученіе красокъ. Съ карт. Рейхерта, грав. Пейне.

При нечаянныхъ **паденіяхъ и ушибахъ**, какъ напр. при паденіи съ балкона, ушибѣ упавшимъ деревомъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда является послѣдствіемъ сотрясеніе мозга, которое можетъ произойти одинаково какъ отъ паденія на что-нибудь твердое, такъ и отъ удара чѣмъ-нибудь твердымъ, слѣдуетъ употреблять тѣ же самыя средства, какъ и при обморокѣ; опытомъ дознано, что и здѣсь причиною является отливъ крови отъ мозга, почему больные блѣднѣютъ и холодѣютъ. Сотрясеніе мозга чаще является у людей взрослыхъ и даже пожилыхъ чѣмъ у дѣтей; это объясняется тѣмъ, что дѣтскій черепъ своею эластичностью умѣряетъ ударъ, тогда какъ черепъ взрослыхъ прямо передаетъ ударъ мозгу.

Въ послѣднее время дознано, что сотрясеніе мозга можетъ быть вызвано не только однимъ сильнымъ ударомъ, но и рядомъ легкихъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ. Въ видѣ опыта производилось искусственное сотрясеніе мозга у собакъ, что достигалось рядомъ легкихъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ, ударовъ по черепу молоткомъ. По вскрытіи черепа не оказывалось никакихъ поврежденій и разрывовъ мозга, а только совершенное отсутствіе крови; изъ этого ясно, что достаточно устранить такое отсутствіе крови, и больной выздоровѣетъ. Все леченіе состоитъ въ томъ, чтобы *своевременно* привести пострадавшаго въ указанное выше положеніе. Если имѣются подъ рукою теплыя вещи (платки, пледы), полезно также обложить ими больному грудь, желудокъ, руки и ноги, или поставить на названныхъ частяхъ тѣла горчичники.

Точно также не слѣдуетъ поднимать **эпилептиковъ**, т. е. страдающихъ **падучею болѣзнью**. Припадки эпилепсіи заключаются въ томъ, что больной судорожно подергивается, бьется руками и ногами и т. д. Очень часто окружающіе стараются въ подобныхъ случаяхъ поднять больнаго, держать ему руки и ноги, и т. д.; но этого никогда не слѣдуетъ дѣлать, ибо насильственно прерванный припадокъ возобновляется вскорѣ опять. Необходимо также удалять въ этихъ случаяхъ дѣтей, потому что отъ испуга съ ними можетъ сдѣлаться такой же припадокъ. Надо предоставить болѣзнь ея собственному теченію и заботиться только о томъ, чтобы больной не причинилъ себѣ ушиба. Такъ напр., если припадокъ случается въ домѣ, то можно больному подложить матрацъ или подушку подъ голову, или для того, чтобы эпилептикъ не прикусилъ себѣ языкъ или губы, втиснуть ему между зубами пробку или кусокъ дерева.

У женщинъ и дѣвушекъ случаются часто **истерическіе припадки**, весьма сходные съ эпилептическими; но ихъ не трудно отличить, такъ какъ здѣсь сознаніе не вполнѣ покидаетъ больныхъ. Въ этихъ случаяхъ можно смѣло оказывать заболѣвшимъ всякую нужную помощь.

И такъ, при внезапныхъ заболѣваніяхъ, есть четыре случая, когда больныхъ не слѣдуетъ поднимать съ пола: лишившихся чувствъ, упавшихъ съ высоты, ушибленныхъ чѣмъ-либо и эпилептиковъ.

Совершенно противоположныя средства надо употреблять при **апоплексическомъ ударѣ**. Здѣсь не только полезно, но въ высшей степени необходимо поднять больнаго. Апоплексическій ударъ есть приливъ крови къ головѣ; больной синѣетъ и краснѣетъ въ лицѣ, щеки трясутся, жилы вздуваются и кровь давитъ на мозгъ, причемъ происходитъ разрывъ мозговыхъ жилъ и онѣмѣніе противуположной стороны тѣла. Если оставить больнаго въ лежачемъ положеніи, приливъ крови можетъ настолько усилиться, что послѣдуетъ смерть. Поэтому, еще разъ повторяемъ, необходимо поднять больному голову, обмыть лицо и вспрыскивать его холодной водой, распустить платье и, если руки и ноги холодѣютъ, растирать ихъ щетками и обернуть во что-нибудь теплое.

Артисты Имп. русской оперы въ СПБ. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Ю. Шюблеръ.

М. А. Славина. Э. Ф. Направникъ, капельмейстеръ. Э. К. Павловская.
Медея Мей. И. А. Мельниковъ. Н. Н. Фигнеръ. М. А. Дейша-Сіоницкая.
Е. К. Мравина. М. М. Корякинъ. Ѳ. И. Стравинскій. М. И. Долина.
М. И. Михайловъ. Н. А. Фриде. М. Д. Ва[illegible]

Перейдемъ теперь къ весьма часто встрѣчающемуся виду несчастныхъ случаевъ, а именно когда кого-нибудь **переѣзжаютъ** на улицѣ. Пострадавшихъ, и въ особенности дѣтей, поднимаютъ нерѣдко похолодѣвшими и безжизненными, но безъ малѣйшихъ наружныхъ поврежденій. Это можетъ случиться, когда напр. перерѣзана печень, селезенка или повреждены кишки. Кожа, по своей эластичности, послѣ удара и нажима успѣла придти въ первоначальное состояніе, а между тѣмъ жизнь пострадавшаго можетъ находиться въ опасности. Для непосвященныхъ есть въ этомъ случаѣ только одно средство—холодные компрессы, которыми удается иногда остановить внутреннее кровоизліяніе и пострадавшій можетъ быть спасенъ, такъ какъ опытомъ доказано, что люди жили 30—40 лѣтъ послѣ такого несчастнаго случая и по вскрытіи оказывалось, что поврежденная печень заростала. Наружныя поврежденія на груди или головѣ легко распознаются, и до прибытія врачебной помощи потеря крови прекращается простымъ придавливаніемъ ранки рукою.

Не менѣе часто случается, что дѣти, играя на берегу пруда или ручья, по неосторожности **падаютъ въ воду и тонутъ.** Для этого вовсе не требуется, чтобы вода была глубока; бывали случаи, что дѣти тонули въ совершенно мелкихъ ручьяхъ. Такъ называемые утонувшіе—въ сущности умираютъ очень часто отъ испуга, отъ быстраго охлажденія, отъ удара, или просто задыхаются отъ недостатка воздуха. Какъ же слѣдуетъ поступать въ данномъ случаѣ? Точно такъ же, какъ и съ задохнувшимися, повѣсившимися, задушенными или засыпанными при обвалѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ умираютъ отъ недостатка воздуха, а потому, надо прежде всего очистить носъ и ротъ отъ грязи и ила, разстегнуть и распустить платье и, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ искусственному дыханію. Послѣднее дѣлается чрезвычайно просто: желающій оказать помощь накладываетъ обѣ руки на грудь пострадавшаго ниже сосцовъ, то нажимая, то отпуская руки равномѣрно черезъ каждыя двѣ секунды, и вызывая такимъ образомъ движенія грудной клѣтки, сходныя съ имѣющими мѣсто при естественномъ дыханіи. Благодаря искусственному дыханію, пострадавшій нерѣдко начинаетъ снова дышать и возвращается къ жизни. Если утонувшій сильно закоченѣетъ, то полезно обертывать его горячими простынями и растирать щетками руки и ноги. Также съ успѣхомъ можно щекотать носъ перышкомъ или свернутой бумажкой, или давать нюхать что-либо острое. Самымъ дѣйствительнымъ возбуждающимъ и оживляющимъ средствомъ служитъ электричество и вспрыскиваніе эфиромъ. Но средства эти, къ сожалѣнію, бываютъ рѣдко подъ рукою, до прибытія врача.

Разсмотримъ теперь случаи, когда человѣкъ задыхается въ зараженномъ **вредными газами** воздухѣ; тутъ можно сказать, что пострадавшій скорѣе отравляется, чѣмъ задыхается. Въ этихъ случаяхъ прежде всего надо поступать съ осторожностью, чтобы не пострадать самому. Такъ, напр., если кто-либо лишился чувствъ отъ **угара**, слѣдуетъ немедленно отворить или разбить окна и двери, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху; затѣмъ уже войти въ комнату и перенести больнаго на чистый воздухъ, а далѣе употреблять искусственное дыханіе и обливать голову холодною водою. Еще опаснѣе угара дѣйствуетъ воздухъ, насыщенный **свѣтильнымъ газомъ.** Если войти въ такое помѣщеніе съ горящею свѣчею, можетъ произойти взрывъ; поэтому необходима величайшая осторожность. Средства при этомъ употребляютъ тѣ же какъ и при заболѣваніи отъ угара. Неменьшія предосторожности надо принимать при спасеніи человѣка, **упавшаго въ колодецъ, яму** и т. д. Нерѣдко случается, что спасающіе, ошеломленные исходящими оттуда газами, падаютъ сами въ колодецъ и задыхаются. Необходимо и здѣсь дать сначала доступъ свѣжему воздуху. Если опущенная въ колодецъ свѣча продолжаетъ горѣть, это служитъ признакомъ, что количество воздуха достаточно для дыханія человѣка.

Подобно отравленію дѣйствуетъ и **опьяненіе**. Въ этомъ случаѣ лучшимъ средствомъ является рвота, которую можно вызвать раздражая перышкомъ гортань. Опьянѣвшему надо распустить платье, вспрыснуть лицо и облить голову холодною водою. Полезно также дать ему ложку уксусу, соли, лимоннаго соку или крѣпкаго чернаго кофе, затѣмъ уложить, закрывъ потеплѣе, въ прохладной комнатѣ и дать проспаться.

При **несвареніи желудка**, которое происходитъ по большей части отъ неумѣреннаго употребленія пищи или неудобоваримыхъ веществъ, или несовмѣстимыхъ между собою продуктовъ, природа иногда сама приходитъ на помощь: является рвота и больной чувствуетъ облегченіе. Если же этого не произошло, надо стараться усилить дѣятельность желудка. Съ этою цѣлью полезно предпринимать продолжительныя прогулки, по возможности по гористой мѣстности, или же заниматься врачебною гимнастикой. Цѣль подобнаго моціона заключается въ томъ, чтобы дать работу одновременно возможно большему числу мускуловъ; такъ напр. можно ходить по комнатѣ на кончикахъ пальцевъ, съ разставленными руками, неся въ нихъ какую-нибудь тяжесть или дѣлая руками движенія, или наконецъ можно растирать полость желудка одеколономъ, или положить изъ одеколона компрессъ. Весьма полезно также дать выпить больному рюмку коньяку или ликёру. Если несвареніе происходитъ отъ отравленія (ядовитыми грибами, испорченною пищей и т. д.), дѣло гораздо серьезнѣе, такъ какъ симптомы отравленія наступаютъ лишь по совершеніи пищеваренія, когда ядъ проникъ уже въ кишки.

При всѣхъ отравленіяхъ, каковы бы они ни были, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы ядъ былъ разжиженъ или вывести его изъ организма. Лучшее средство для этого: пить, какъ можно больше, крѣпкаго чаю. Можно также употреблять съ успѣхомъ горячую воду или ромашку; но чай возбуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность сердца, которая, вслѣдствіе отравленія, бываетъ ослаблена. Ядъ можетъ также проникнуть въ организмъ черезъ **пораненіе**, какъ напр. **укушеніемъ** насѣкомаго, змѣи или бѣшеной собаки. Чтобы не дать яду дойти до сердца, часть тѣла выше раны крѣпко перевязываютъ, благодаря чему съ одной стороны, закрывается доступъ къ сердцу, а съ другой—отравленная кровь выгоняется вонъ. Затѣмъ уже рану обмываютъ и накладываютъ повязку съ карболовой кислотой и т. п. Когда все это сдѣлано, не мѣшаетъ продолжать давать больному крѣпкій чай, такъ какъ онъ разжижаетъ ядъ и содѣйствуетъ его выходу изъ организма.

При **ожогахъ** непосвященные не могутъ оказать большой помощи. Можно только посовѣтовать не переносить обожженнаго раньше, чѣмъ раны перевязаны и боль утихла.

До прибытія врача полезно также, устранивъ притокъ сквознаго вѣтра, обложить раны тонкими, старыми полотняными тряпками, намоченными лѣтнею водою.

Вообще же говоря, если обгорѣло болѣе третьей части тѣла, то для пострадавшаго нѣтъ спасенія. Если небольшая часть кожи даже обуглена, это не представляетъ еще опасности для жизни. Въ первомъ же случаѣ выдѣленія кожи на большомъ пространствѣ частью прекращаются вовсе, частью смѣшиваются съ гноемъ ранъ, и вновь всасываясь организмомъ, производятъ зараженіе крови. Въ этомъ случаѣ никакое леченіе не можетъ принести пользы.

Еще одинъ видъ отравленія или зараженія крови есть **замерзаніе**. Когда кровь замерзнетъ и потомъ оттаетъ въ теплѣ, она окажется зараженною. Вслѣдствіе этого обмороженнаго человѣка нельзя быстро отогрѣвать; надо, чтобы замерзшая кровь лишь понемногу проникала въ организмъ. Замерзшаго надо оттирать сначала на воздухѣ снѣгомъ, или положить въ холодную ванну или въ холодную постель, растирать щетками и только черезъ нѣсколько часовъ можно перенести его въ теплую комнату, гдѣ можно уже растирать теплою фланелью, а когда онъ въ состояніи будетъ глотать, дать ему коньяку, чаю или бульону. Состояніе замерзанія можетъ длиться 5 — 6 до 14 дней, а смерть все еще не наступаетъ. Внѣшнимъ образомъ замерзшій человѣкъ проявляетъ всѣ признаки смерти, но незамѣтная дѣятельность сердца и легкихъ еще продолжается. Чтобы констатировать присутствіе жизни, прикладываютъ ухо къ полости сердца, выслушивая его біеніе. Сильные, здоровые съ хорошимъ питаніемъ и твердымъ характеромъ люди могутъ безъ вреда выносить холодъ до — 50° R.

При всѣхъ заболѣваніяхъ постель является однимъ изъ главныхъ помощниковъ врача. Въ постели внутренній жаръ извлекается изъ тѣла и распространяется по его поверхности. Часто мы сами не знаемъ что у насъ болитъ и не видимъ никакой причины къ заболѣванію; чувствуемъ только ознобъ, лихорадочное состояніе и т. д. Въ такихъ случаяхъ лучше всего припомнить слова, сказанныя величайшимъ практикомъ-врачемъ нынѣшняго вѣка Геймомъ и завѣщанныя имъ своимъ тремъ сыновьямъ, которые всѣ избрали врачебную дѣятельность: „Во всѣхъ лихорадочныхъ заболѣваніяхъ“, говорилъ онъ, „слѣдуетъ держать голову въ холодѣ, ноги въ теплѣ и желудокъ необремененнымъ“. (С.)

Къ рисункамъ.

Гунибъ. (Рис. на стр. 32 и 33).

На безпредѣльномъ пространствѣ нашего отечества разбросано множество такихъ мѣстъ, съ именами которыхъ связываются неизгладимыя въ памяти народной историческія воспоминанія. Не говоря уже о Куликовомъ полѣ, Полтавѣ, Бородинѣ, самой Москвѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Березинѣ и многихъ другихъ городахъ, селахъ, урочищахъ, по именамъ которыхъ можно читать исторію образованія и сплоченія ядра русскаго государства, югъ и востокъ Россіи, принявшіе въ предѣлы свои Крымъ, Кавказъ, Среднюю Азію и Сибирь, изобилуютъ массою такихъ пунктовъ, гдѣ совершались событія величайшей исторической важности, на вѣки оставшіяся памятными народу. Такъ напр., на Кавказѣ, этомъ базисѣ нашего могущества на Востокѣ, доставшемся намъ цѣною неисчислимыхъ жертвъ и денежныхъ затратъ, возможно-ли игнорировать одну изъ неприступнѣйшихъ вершинъ Дагестанскаго хребта, носящую названіе Гуниба?

Этой вершинѣ, имѣющей форму громадной, конической скалы, со всѣхъ сторонъ неприступной и на маковкѣ которой умѣстился незначительный горскій аулъ Гунибъ, суждено было пріобрѣсти громадное значеніе въ лѣтописяхъ русской исторіи. Въ 1859 г., 26 августа, тутъ, послѣ почти шестидесятилѣтней кавказской войны, закончилась первая и самая важная ея фаза—покореніе Дагестана; Шамиль, окруженный со всѣхъ сторонъ нашими доблестными кавказскими войсками, принужденъ былъ намъ сдаться. Въ теченіе слишкомъ четверти вѣка этотъ замѣчательный человѣкъ безгранично властвовалъ надъ неприступною страною, населенною воинственными горскими племенами, исповѣдующими исламъ; сумѣлъ разжечь среди нихъ и сосѣднихъ съ ними чеченцевъ пламя священной войны (газавата), ихъ централизовать, дать имъ правильную военную и гражданскую организацію, и во все это время держалъ въ постоянномъ напряженіи всѣ мѣстныя русскія военныя силы, стремившіяся къ покоренію Дагестана. Войскамъ нашимъ, окружавшимъ со всѣхъ сторонъ своими стратегическими линіями эту страну, приходилось при своемъ наступленіи брать съ боя каждый аулъ, каждую скалу, каждый большой камень, могущій скрывать за собою горцевъ и служить имъ естественною защитою. И долговременная осада этой величайшей въ мірѣ крѣпости тянулась десятки лѣтъ, кольцо ея все болѣе и болѣе суживалось, пока не заставило Шамиля искать послѣдняго себѣ убѣжища на Гунибѣ. Войска наши, подъ главнымъ командованіемъ самого намѣстника, князя Барятинскаго, обложили его тутъ со всѣхъ сторонъ, уйти Шамилю куда-либо сдѣлалось немыслимымъ. Наступила минута критическая; а какъ въ предшествовавшихъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ съ дагестанскими горцами не было примѣра, чтобы они сдавались намъ живыми, то и тутъ ожидалась кровавая развязка съ имамомъ и съ пятьюстами преданнѣйшихъ ему мюридовъ, его окружавшихъ. Палатка его видна была изъ нашего лагеря. Но чтобы передать съ полною жизненностью всѣ подробности этой чрезвычайно интересной исторической минуты, прибѣгнемъ къ выдержкамъ изъ письма о ней одного изъ очевидцевъ и участниковъ всего дѣла, гр. Орлова-Давыдова, бывшаго тогда адъютантомъ при кн. Барятинскомъ.

„25-го августа ночью слышна была перестрѣлка, и утромъ мы узнали, что кн. Тархановъ на разсвѣтѣ добрался до верхней площадки горы; Шамиль бросилъ свою палатку и бѣжалъ въ аулъ, гдѣ и заперся съ остатками мюридовъ, семействомъ и имуществомъ.

„Князь Барятинскій ѣдетъ самъ и мы за нимъ на Гунибъ. Чтобы Шамиль какъ-нибудь не убѣжалъ, или не былъ убитъ, онъ (князь) обѣщаетъ 10 тыс. тому, кто приведетъ его живаго. Подъемъ на гору, по которому мы взъѣзжаемъ, покрытъ ранеными и убитыми во время штурма кн. Тарханова. Подъѣзжаемъ наконецъ къ аулу, отъ котораго отдѣлены глубокимъ оврагомъ: *Шамиль тамъ.*

„Онъ присылаетъ своего приближеннаго, Януса, чтобы удостовѣриться здѣсь ли самъ главнокомандующій, и вступаетъ въ переговоры. Ему велѣно передать, чтобы онъ тотчасъ самъ явился, что его жизнь, семейство и имущество обезпечены и что другихъ условій нѣтъ. Шамиль говоритъ, что его убьютъ, если не удалятъ войска. Ему говорятъ что этого быть не можетъ. Проходитъ цѣлый часъ. Шамиль не выходитъ. Генералы просятъ штурмовать аулъ; но Барятинскій говоритъ, что хоть до завтра надо дожидаться...

„Вдругъ по всей горѣ грянуло восторженное *ура*. Шамиль выходитъ изъ аула, а за нимъ человѣкъ 60 вооруженныхъ мюридовъ. На половинѣ дороги мюридовъ останавливаютъ и Шамиля ведутъ одного, при оружіи. Барятинскій жалѣлъ старика, крестился и благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Онъ сидѣлъ на скалѣ, мы всѣ стояли возлѣ, а кругомъ цѣпь драгунъ.

„Шагахъ въ шести остановили Шамиля. Лицо у него прекрасное, ростъ мужественный, большая борода; онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ, съ хвостомъ. (Сцена эта превосходно изображена на картинѣ даровитаго художника Горшельда). Лицо Шамиля было очень блѣдно и губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. Онъ сталъ припоминать старое, объ томъ что русскіе его обманывали и что вѣроятно и теперь убьютъ. Его успокоивали и говорили, что неприлично и неосновательно такъ о русскихъ отзываться. Торжественно и страшно было слышать этотъ разговоръ, иногда дерзкій со стороны Шамиля. Имамъ въ нашихъ рукахъ; не сонъ ли это?

„Барятинскій представилъ ему Тромповскаго, какъ своего друга, которому поручилъ его доставить въ Петербургъ и присовокупилъ: „Ты можешь теперь надѣяться только на милость твоего Государя".

„Затѣмъ Барятинскій сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Шамиль сдѣлалъ намазъ (молитву), прощаясь вѣроятно со своею горою. Его окружали драгуны. Солнце закатывалось за горою, и картина была хороша. Шамилю подали лошадь, мы послѣдовали за нимъ..." („Русскій Архивъ", 1869 г., кн. 6).

И такъ вотъ свидѣтелемъ какого крупнаго историческаго событія, ошеломившаго тогда всю дружественную намъ европейскую печать, положительно отрицавшую возможность покоренія Шамиля и Дагестана,—былъ изображенный на нашемъ рисункѣ настоящій Гунибъ, расположенный среди округа, носящаго его имя, заключающаго въ себѣ 47,916 душъ обоего пола, мирнаго и трудолюбиваго населенія аварцевъ, принадлежащихъ къ суннитскому толку. Въ Гунибѣ теперь православная церковь, резиденція окружнаго начальника, штабъ-квартира батальона и казачьей сотни, госпиталь, лавки и вся обстановка полувоеннаго городка. Отъ него проведены двѣ прекрасныя дороги: одна черезъ Дешлагаръ, на Петровскъ, къ Каспійскому морю; другая, горная—на Темиръ-Ханъ-Шуру. При взглядѣ на нашъ рисунокъ невольно напрашивается мысль: какъ было бы умѣстно на широкой площади Гуниба воздвигнуть покорителю Дагестана—князю Барятинскому—памятникъ.

К. Бороздинъ.

Узелокъ. (Рис. на стр. 37).

Кому не случалось завязывать на память узелокъ или видѣть, какъ это дѣлаютъ другіе? Откуда повелось это — сказать трудно; но дѣлается это издавна и почти повсемѣстно. Встрѣчаются люди, которые вѣрятъ, что завязанный узелокъ дѣлаетъ человѣка памятливѣе. Конечно, оно не такъ. Узелокъ на платкѣ, всегда находящемся подъ руками, только напоминаетъ, что надо что-то припомнить. Это не трудная задача для людей съ хорошею памятью: невольно припоминается, при какой обстановкѣ былъ завязанъ узелокъ, кто при этомъ присутствовалъ, о чемъ говорилось, и такъ мало-по-малу добираются до сути узелка; но у кого память плоха или кто разсѣянъ, тотъ сколько бы узелковъ ни завязывалъ, ничего не вспомнитъ. Къ числу послѣдняго рода людей должно-быть принадлежалъ и тотъ старичекъ въ костюмѣ прошлаго вѣка, котораго такъ типично изобразилъ на своей картинѣ В. Сен-Лерхе (рис. на стр. 37). Съ какимъ озабоченнымъ и, въ то же время, недоумѣвающимъ видомъ онъ смотритъ на злополучный узелокъ, тщетно стараясь припомнить что-то, но это „что-то" никакъ не припоминается.

Русскій сторожевой постъ въ средніе вѣка.

(Рис. на стр. 40).

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ на границахъ русской государственной области, преимущественно на юго-восточныхъ, за которыми начинались такъ-называвшіяся *дикія поля*, а впослѣдствіи ногайская и крымская стороны, населенныя кочевниками и бѣглымъ сбродомъ, велась постоянная борьба съ этими хищниками, ставились острожки, сторожевые городки, куда посылались особые воеводы, обязанные зорко и неусыпно править тяжелую сторожевую службу, разсылая по степи разъѣзды для развѣдокъ о врагѣ. Бойкій рисунокъ нашего талантливаго сотрудника изображаетъ двухъ всадниковъ изъ такого разъѣзда, въ тогдашнемъ вооруженіи, повстрѣчавшихъ на своемъ пути старца калику-перехожаго и вмѣстѣ съ нимъ заподозрившихъ что-то на степи, съ высоты бугра, быть-можетъ могильнаго кургана.

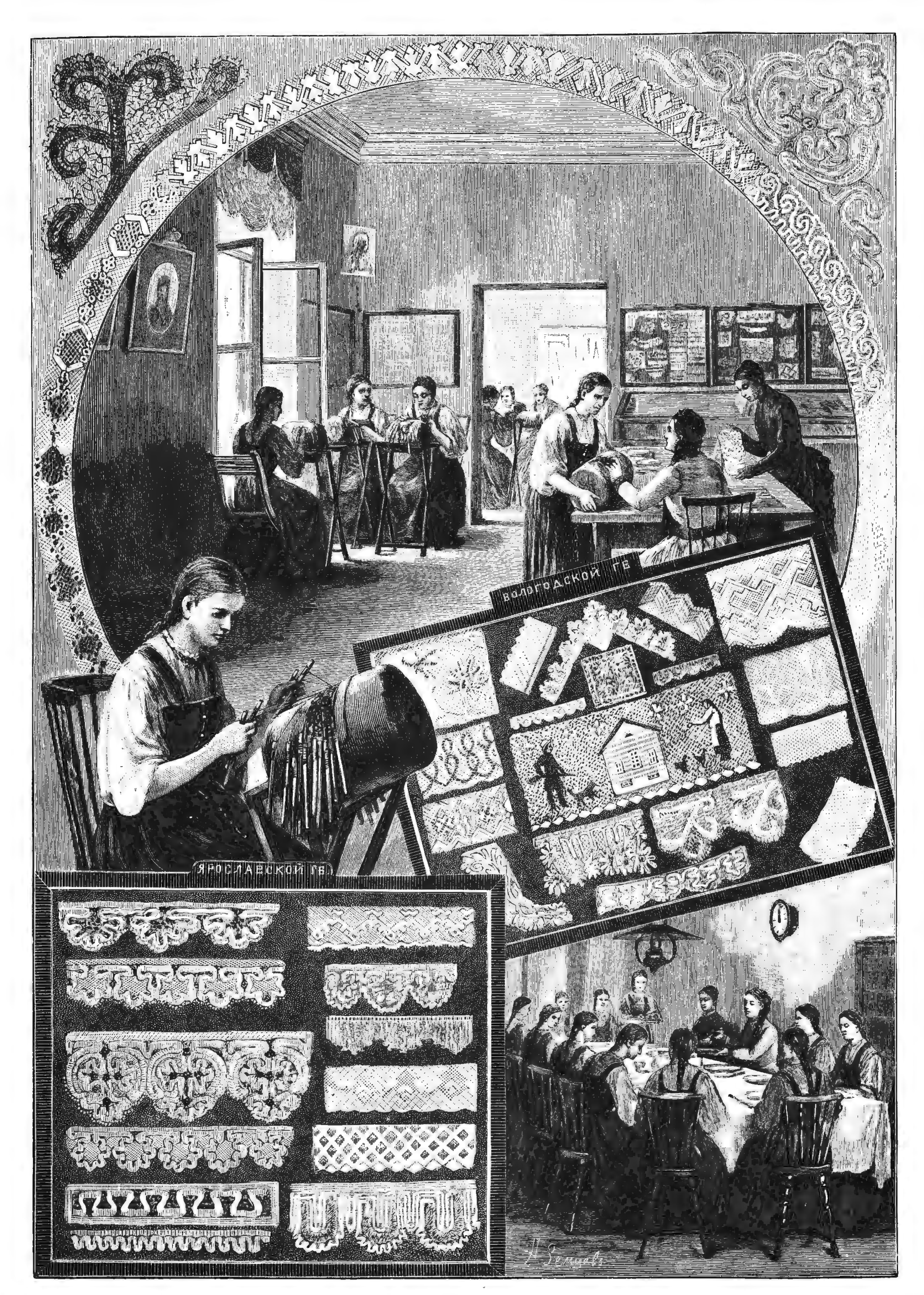
Бабушка и внучекъ. (Рис. на стр. 41).

Темою для этого рисунка послужилъ разсказъ бабушки въ извѣстномъ стихотвореніи А. Н. Майкова „Бабушка и внучекъ" (полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова, изд. А. Ф. Маркса, т. II, стр. 137).

...Ѣздили разъ мы весной,
Въ ранній уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной...
Батюшка... много гостей...
Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту,—
Что тутъ на умъ не взбредетъ?
Мельница такъ и дрожитъ;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Ходенемъ ходитъ, кипитъ,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!
Въ воду и кинь я цвѣтокъ!..
„Кто" говорю я „спрыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,
Тотъ мнѣ и есть кавалеръ!"
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и—бухъ!
Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ,—онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...
Мнѣ подаетъ:—я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!—
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!
Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда...

Изученіе красокъ. (Рис. на стр. 44).

Какой сюрпризъ приготовили для художника эти два шаловливые мопсика! Одинъ, забравшись въ ящикъ съ красками,



Маріинская практическая школа кружевницъ въ СПБ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") А. Земцова, грав. Барановскій.

Чеглокъ (Falco subbuteo) преслѣдуемый ласточками. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. К. Шпехтъ.

съ ворчаніемъ разбрасываетъ ихъ, а другой важно усѣлся на палитру съ красками и удивленно смотритъ на продѣлки своего товарища. Но нѣтъ худа безъ добра. Шалости мопсиковъ послужили сюжетомъ для хорошенькой картинки, помѣщенной нами на стр. 44.

Артисты русской оперы въ СПБ. (Портр. на стр. 45).

Помѣщая въ настоящемъ нумерѣ портреты выдающихся пѣвицъ и пѣвцовъ русской оперы въ СПБ., считаемъ нелишнимъ присовокупить нѣкоторыя біографическія даты, начавъ съ капельмейстера.

Эдуардъ Францовичъ Направникъ — дѣятельный и талантливый капельмейстеръ русской оперной труппы, сынъ учителя, родился близъ Королевца (Кёнигсгреца) въ Чехіи. Онъ очень рано обнаружилъ музыкальныя способности, которыя старался развить въ немъ товарищъ отца его, Пугонный. Воспитывался Направникъ въ реальномъ училищѣ города Пардубица и, не окончивъ курса по недостатку средствъ, посвятилъ себя музыкѣ, для чего ходилъ въ органную пражскую школу и фортепіанный институтъ Майделя, гдѣ сдѣлался скоро преподавателемъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ, благодаря кн. Юсупову, поручившему ему управлять его домашнимъ оркестромъ, въ 1861 г. Здѣсь онъ изучалъ характеристику русскихъ народныхъ напѣвовъ и въ маѣ 1867 г. былъ назначенъ вторымъ, а въ 1869 г. первымъ капельмейстеромъ русской оперы. Дѣятельность его, полная энергіи и добросовѣстности, на этомъ поприщѣ достаточно оцѣнена: онъ имѣетъ много цѣнныхъ подарковъ отъ Императорской Фамиліи, публики и артистовъ. Какъ композиторъ, Направникъ написалъ, между прочимъ, двѣ оперы: „Нижегородцы" и „Гарольдъ", симфоническую поэму „Демонъ" и нѣсколько квартетовъ.

Марія Александровна Славина — примадонна меццо-сопрано, родилась въ Петербургѣ 5 іюня 1858 г. и воспитаніе получила въ театральномъ училищѣ, куда поступила на 8-мъ году. Здѣсь, когда ей исполнилось всего 15 лѣтъ, она обнаружила весьма красивый голосъ, и баронъ Кистеръ поручилъ Направнику прослушать ее и дать свое заключеніе. Вслѣдствіе его благопріятнаго отзыва, начальство училища пригласило для занятій съ ней преподавателя пѣнія Гамміери, а затѣмъ г-жу Ирецкую, нынѣ состоящую профессоромъ консерваторіи нашей; вмѣстѣ съ тѣмъ за успѣхами ея музыкальнаго образованія слѣдилъ и Направникъ. Выйдя въ 1877 году изъ училища, Славина поступила въ здѣшнюю консерваторію, на казенный счетъ, гдѣ занималась съ г-жой Ирецкой, а потомъ перешла въ классъ Эверарди. Здѣсь же она училась итальянскому языку, а французскому и нѣмецкому въ пансіонѣ г-жи Турба. Дебютировала Славина ролью Амнерисъ въ „Аидѣ", въ 1879 году, и имѣла значительный успѣхъ; тѣмъ не менѣе она продолжала учиться подъ руководствомъ Джонсонъ, ученицы г-жи Маркези. У М. А. Славиной прелестный голосъ и безспорный драматическій талантъ. Репертуаръ ея весьма обширенъ. Она поетъ: въ „Аидѣ", „Вражьей силѣ", „Ріенци", „Фаустѣ", „Демонѣ", „Гугенотахъ", „Севильскомъ Цирюльникѣ", „Рогнѣдѣ", „Лоэнгринѣ", „Мазепѣ" и друг.

Эмилія Карловна Павловская — примадонна-сопрано, родилась въ 1856 году и была принята въ петербургскую консерваторію, стипендіаткой Вел. Кн. Елены Павловны, благодаря музыкальнымъ способностямъ и голосу, который поразилъ всѣхъ ея близкихъ. До 16 лѣтъ она училась въ фортепіанномъ классѣ, а потомъ перешла въ классъ пѣнія Эверарди. Окончивъ курсъ консерваторіи въ 1873 г., она уѣхала въ Италію, гдѣ голосъ ея, упавшій было, значительно поправился. Она пѣла въ Равеннѣ, Асти, Туринѣ и другихъ мѣстахъ, а въ 1876 г., вернувшись въ Россію, дебютировала въ Кіевѣ, въ оперной труппѣ Сѣтова, въ „Севильскомъ цирюльникѣ" съ громаднымъ успѣхомъ. Въ Кіевѣ она прослужила три зимы, причемъ исполняла самыя трудныя роли; затѣмъ пѣла въ Одессѣ, Тифлисѣ, Харьковѣ, Москвѣ — и всюду встрѣчала восторженный пріемъ. Въ маѣ 1884 г. она дебютировала на сценѣ Большого театра въ „Севильскомъ цирюльникѣ" и сразу стала любимицей публики. Ангажированная на русскую оперную сцену, въ сезонъ 1884—85 г., она съ тѣхъ поръ пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ. У нея гибкій, превосходно обработанный голосъ, много теплоты въ игрѣ; сцену она знаетъ прекрасно и обладаетъ не меньшимъ знаніемъ музыкальной техники.

Иванъ Александровичъ Мельниковъ — заслуженный артистъ, составляющій украшеніе, гордость и славу русской оперы. Его голосъ — баритонъ — необыкновенно красивъ и чаруетъ мягкостью тембра съ теноровымъ оттѣнкомъ, ровенъ и одинаково силенъ на всемъ протяженіи. Пѣніе Мельникова отличается рѣдкой членораздѣльностью и ясностью фразировки, обнаруживающими хорошую школу. Превосходный пѣвецъ, онъ замѣчателенъ также какъ драматическій артистъ, исполняющій своеобразно и сильныя драматическія, и спокойныя роли. Сколько ролей создалъ онъ! Мельникъ, Демонъ, Русланъ, Валентинъ, Борисъ Годуновъ, — все это яркіе типы, мастерски изображаемые Мельниковымъ и лучшіе въ его обширномъ репертуарѣ. По происхожденію купецъ, Мельниковъ родился въ 1831 г., въ Петербургѣ, и воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ, гдѣ весьма успѣшно окончилъ курсъ въ 1850 году. Выйдя изъ училища, онъ, по желанію родителей, занялся коммерческимъ дѣломъ, но любовь къ музыкѣ и пѣнію взяла свое. Мельниковъ сталъ посѣщать безплатную музыкальную школу Ломакина, участвовалъ съ большимъ успѣхомъ въ одномъ концертѣ въ 1860 г. и, благодаря принцу П. Г. Ольденбургскому, пѣлъ при Дворѣ. Въ 1866 г. онъ началъ брать уроки пѣнія у Репетто, профессора Петерб. консерваторіи, а въ октябрѣ 1867 г. состоялся его первый дебютъ на Маріинской сценѣ. Черезъ два года имя его стало настолько извѣстнымъ, что онъ былъ приглашенъ къ участію въ концертахъ, въ лондонскій Хрустальный дворецъ; своимъ пѣніемъ онъ приводилъ англичанъ въ неописанный восторгъ. Въ истекшемъ году Мельниковъ праздновалъ двадцатипятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности. Онъ страстно преданъ искусству и съ его именемъ тѣсно связаны лучшія воспоминанія о цвѣтущей порѣ нашей русской оперы.

Николай Николаевичъ Фигнеръ — первый теноръ нашей оперы, внукъ знаменитаго партизана Фигнера, родился 29 января 1857 г. въ Казани и учился въ мѣстной гимназіи. Отсюда поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1878 г., офицеромъ. Совершивъ заграничное плаваніе и возвратясь въ Петербургъ, въ силу своего призванія къ музыкѣ, вышелъ въ отставку и началъ учиться пѣнію у Евгеніева, Корси, Прянишникова, а затѣмъ поступилъ въ консерваторію, гдѣ занимался у Самуся, впрочемъ всего три мѣсяца. Послѣ этого докончилъ музыкальное образованіе за-границей, гдѣ и дебютировалъ. Еще до возвращенія въ Россію и дебюта на петербургской сценѣ, онъ составилъ себѣ прекрасную репутацію искуснаго пѣвца, пожавъ лавры не только на многихъ итальянскихъ сценахъ, но и на подмосткахъ театровъ испанскихъ и южно-американскихъ. Въ Петербургѣ Фигнеръ дебютировалъ, ролью Радамеса въ „Аидѣ", 13 апрѣля 1887 г. и произвелъ настоящій фуроръ. Затѣмъ въ текущемъ сезонѣ онъ, съ одинаковымъ успѣхомъ, пѣлъ въ „Фаустѣ", „Гугенотахъ", „Травіатѣ" и „Отелло"; въ послѣдней оперѣ, недавно поставленной, онъ имѣлъ успѣхъ колоссальный. Голосъ Фигнера — лирическій теноръ, не отличается силой, но полонъ изящества, piano его необыкновенно мягкое, чарующее. Манера его пѣнія, изящная и напоминающая итальянскія традиціи bel canto, говоритъ о той отличной школѣ, которую усвоилъ себѣ вполнѣ молодой артистъ. Если прибавить къ этому весьма эффектную сценическую наружность и хорошую артистическую технику, то становится вполнѣ понятнымъ то увлеченіе, съ какимъ наша столичная публика относится къ этому пѣвцу.

Медея Мей — примадонна сопрано русской оперы, внучка одного изъ первыхъ флорентійскихъ музыкантовъ, Джирол. Мей, родилась въ 1860 г. во Флоренціи, и музыкальное образованіе получила въ мѣстной консерваторіи. Дебютировала артистка, въ „Гамлетѣ" и „Травіатѣ", въ томъ же городѣ въ 1881 г. Затѣмъ пѣла въ Генуѣ, Мадридѣ, а съ 1883 г. во всѣхъ тѣхъ городахъ Стараго и Новаго свѣта, гдѣ гастролировалъ Н. Н. Фигнеръ. У насъ г-жа Мей дебютировала, ролью Валентины, въ „Гугенотахъ", въ апрѣлѣ 1887 г. У г-жи Мей прекрасное, высокое меццо-сопрано, въ которомъ медіумъ сохраняетъ звуковую силу и ровность; весьма красивая фигура и вполнѣ сценическая наружность и, наконецъ, отличная, полная чувства и увлеченія, игра. У насъ она имѣетъ огромный успѣхъ.

Марія Адріановна Дейша-Сіоницкая — примадонна сопрано, родилась въ купеческой семьѣ, въ Черниговѣ, въ 1860 г. Получивъ образованіе домашнее и въ мѣстномъ пансіонѣ Рклицкой, она пріѣхала въ 1878 г. въ Петербургъ и поступила въ консерваторію, гдѣ пробыла два года. Благодаря нѣсколькимъ курскимъ помѣщикамъ, Евреиновымъ, Жикулинымъ, Изъѣдиновымъ и Кологривовымъ, она получила возможность продолжать музыкальное образованіе за границей, гдѣ училась пѣнію у Маркези. Ранѣе дебюта на нашей сценѣ, она нигдѣ не пѣла и выступила у насъ, 29 апрѣля 1883 г., въ „Аидѣ". До настоящаго времени она спѣла двѣнадцать партій: въ „Русалкѣ", „Мазепѣ", „Русланѣ", „Фрейшицѣ", „Тангейзерѣ", „Робертѣ", „Мефистофелѣ", „Жизни за Царя" и „Чародѣйкѣ". Она обладаетъ красивымъ, чистымъ, превосходно поставленнымъ голосомъ и настоящимъ драматическимъ талантомъ.

Евгенія Константиновна Мравина — примадонна-сопрано, родилась въ 1864 году въ Петербургѣ; воспитывалась въ Екатерининской гимназіи и училась пѣнію подъ руководствомъ артиста Прянишникова, лѣтомъ 1885 года пѣла въ Италіи, на сценѣ театра Витторіо, а въ январѣ 1886 г. дебютировала, ролью Джильды въ „Риголетто", на императорской сценѣ и сразу завоевала симпатіи публики. Голосъ ея свѣжъ, звученъ, прекрасно обработанъ и вполнѣ гармонируетъ съ ея очаровательною наружностью. Мравина прелестна въ роляхъ Маргариты („Фаустъ"), Эльзы („Лоэнгринъ"), Людмиллы („Русланъ"), Эльвиры („Фенелла") и друг., гдѣ она обнаружила несомнѣнный драматическій талантъ.

Михаилъ Михайловичъ Карякинъ — басъ русской оперы, родился въ 1850 г., въ Чугуевѣ, гдѣ отецъ его, харьковскій помѣщикъ и гусарскій ротмистръ, стоялъ со своимъ полкомъ. Музыкальныя способности Карякинъ проявилъ еще во Владимірской гимназіи, гдѣ онъ воспитывался и дирижировалъ церковнымъ хоромъ. Затѣмъ онъ окончилъ курсъ врачемъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ участвовалъ въ ежегодныхъ студенческихъ концертахъ. Первоначально учился пѣть у проф.

Московск. консерваторіи г-жи Александровой, у которой бралъ уроки и по поступленіи въ консерваторію, въ 1875 г.; окончилъ курсъ въ 1879 г. Еще ранѣе онъ дебютировалъ въ московскомъ Большомъ театрѣ, въ роли Сусанина, а черезъ мѣсяцъ и на нашей Маріинской сценѣ. Для усовершенствованія, онъ бралъ уроки пѣнія, декламаціи и сценической игры въ Италіи, у Буцци и Ронкони, и пѣлъ въ Миланѣ и Мальтѣ. Голосъ его рѣдкаго тембра, исполненъ силы и звучности.

Ѳедоръ Игнатьевичъ Стравинскій — басъ русской оперной труппы, родился въ 1843 года въ Черниговской губерніи, по происхожденію дворянинъ. Воспитаніе получилъ въ Нѣжинской гимназіи, Кіевскомъ университетѣ и лицеѣ кн. Безбородко. Въ 1869 г. прибылъ въ СПБ., чтобы причислиться къ Министерству юстиціи, но, чувствуя призваніе къ музыкѣ, поступилъ въ консерваторію, изучалъ здѣсь пѣніе подъ руководствомъ Ренетто, Эрритъ Віардо и Ниссенъ Саломанъ, а затѣмъ Эверарди, и окончилъ курсъ въ 1873 г. Еще до окончанія экзаменовъ служилъ три года въ кіевской оперной труппѣ, а въ апрѣлѣ 1876 г. ангажированъ Петерб. дирекціей на оперную сцену, гдѣ дебютировалъ въ „Фаустѣ"—ролью Мефистофеля, въ которой онъ до сихъ поръ производитъ большое впечатлѣніе. Его репертуаръ чрезвычайно обширенъ; Стравинскимъ исполнено до 40 ролей, которыя онъ игралъ въ Петербургѣ и Кіевѣ; лучшія изъ нихъ, это—роли: Фальстафа, Донъ-Базиліо, Мефистофеля, милорда во „Фрадіаволо" и странника въ „Рогнѣдѣ". Дикція у него весьма отчетливая и манера пѣнія носитъ всѣ признаки прекрасной школы. Стравинскій, подобно Мельникову, составляетъ украшеніе нашей оперной сцены.

Марія Ивановна Долина—контральто русской оперной сцены, свое музыкальное образованіе получила на курсахъ г. Рангофа и дебютировала въ сезонѣ 1886--87 г. Это еще довольно молодая артистка, голосъ которой не поражаетъ силою звука, но постоянно совершенствуется, такъ какъ артистка усердно работаетъ надъ собою. Она поетъ очень вѣрно, отчетливо и до сихъ поръ не испортила ни одной роли, а въ роли Ратміра („Русланъ и Людмила") она производитъ прекрасное впечатлѣніе и въ сценическомъ отношеніи.

Михаилъ Ивановичъ Михайловъ — теноръ, обладаетъ совсѣмъ не сильнымъ, но довольно пріятнымъ голосомъ, надъ обработкой котораго ему нужно еще достаточно потрудиться. Г. Михайловъ родился въ 1858 г., въ Вильнѣ, и задатками своего музыкальнаго образованія обратилъ на себя вниманіе Столыпина, подъ руководствомъ котораго и началъ изучать музыку, въ виленской музыкальной школѣ. На его же средства онъ отправленъ былъ и въ московскую консерваторію, гдѣ пробылъ три года, стипендіатомъ Н. Г. Рубинштейна, учась пѣнію у профессора Гальвани. Окончивъ курсъ, пѣлъ, не безъ успѣха, въ Кіевѣ и Тифлисѣ. Дебютировалъ на императорской сценѣ ролью Радамеса въ „Аидѣ", въ концѣ сезона 1883 г. Это артистъ весьма полезный.

Нина Александровна Фриде—примадонна контральто, общее образованіе получила въ петербургской гимназіи княгини Оболенской, а спеціальное — въ здѣшней консерваторіи подъ руководствомъ г-жи Ирецкой. Уѣхавъ для поправленія здоровья заграницу, продолжала учиться пѣнію у г-жи Маркези два года. Дебютировала во Флоренціи въ „Линдѣ", пѣла въ Барселонѣ, концертировала въ Москвѣ и ангажирована была на петерб. оперную сцену въ 1884 г., гдѣ появилась въ роли Амнерисъ въ „Аидѣ". Артистка обладаетъ небольшимъ, но очень симпатичнымъ голосомъ и наиболѣе выдается въ спокойныхъ роляхъ. Зибель, пажъ въ „Гугенотахъ", Ольга и няня („Евгеній Онѣгинъ")—ея наиболѣе выдающіяся роли.

Михаилъ Дмитріевичъ Васильевъ 3-й—теноръ. Изъ духовнаго званія, родился въ Бѣлградѣ, Курск. губ., въ 1853 г. и готовился въ священники, но, ради прекраснаго голоса, выбралъ иную карьеру. Дебютъ его состоялся совершенно случайно, имѣлъ успѣхъ, послѣ чего Васильевъ пѣлъ въ труппѣ Сѣтова, въ Кіевѣ, гдѣ, собственно, и получилъ музыкальное образованіе. Послѣ этого онъ совершенствовался за-границей, пробывъ тамъ безъ малаго годъ. Въ Петербургѣ дебютировалъ въ 1872 г., ролью герцога, въ „Риголетто". За все время пребыванія своего на сценѣ Васильевъ пѣлъ слишкомъ въ шестидесяти операхъ. Теноръ его голоса пріятный, но особенной силы не имѣетъ.

Маріинская практическая школа кружевницъ въ С.-Петербургѣ. (Рис. на стр. 48).

Не только въ провинціи, но и въ Петербургѣ, мало кому извѣстно о существованіи школы кружевницъ. Между тѣмъ, это учрежденіе, какъ по своей идеѣ, такъ и по той практической пользѣ, которую оно приноситъ дѣлу кружевнаго производства въ Россіи, заслуживаетъ полнаго вниманія. „Маріинская практическая школа кружевницъ" основана въ августѣ 1883 г., по желанію Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, благоволившей обратить Свое высокое вниманіе на такую, чисто народную, отрасль промышленности, какъ плетеніе кружевъ.

На Руси плетеніе кружевъ было извѣстно еще въ XII вѣкѣ и принесено къ намъ съ Востока. Подъ названіемъ „кружива" были извѣстны плетеныя нашивки на богатыхъ одеждахъ царей и бояръ—кованыя, тканыя или низанныя, иногда съ драгоцѣнными камнями, бисеромъ и жемчугомъ. Старинное русское кружево замѣчательно по тонкости работы, богатству и художественности рисунковъ и орнаментовъ. Образцы этихъ кружевъ можно теперь найти только въ музеяхъ и у любителей русской старины.

Въ настоящее время кружевное производство составляетъ одну изъ крупныхъ отраслей кустарной промышленности. Имъ занимаются тысячи женщинъ въ губерніяхъ: Тверской, Московской, Ярославской, Новгородской, Рязанской, Нижегородской, Вологодской, Вятской, Пермской и нѣкоторыхъ другихъ. Чтобы дать понятіе о количествѣ выплетаемаго въ Россіи кружева, приведемъ нѣкоторыя весьма любопытныя цифры. Въ городахъ Калязинѣ и Торжкѣ, Тверской губерніи, плетеніемъ кружева занято болѣе 2000 женщинъ. Въ теченіе 7-ми-мѣсячнаго рабочаго сезона, ими вырабатывается болѣе 700,000 аршинъ кружева, на сумму свыше 102,000 рублей. Кромѣ того здѣсь же изготовляется штучнаго кружева болѣе 54,000 вещей, на сумму около 30,000 руб.

О степени развитія кружевнаго производства въ Рязанской губерніи можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ трехъ центрахъ этого производства — рязанскомъ, монинскомъ и михайловскомъ, гдѣ почти исключительно плетется кружево изъ бумаги, — работаетъ до 7,730 кружевницъ, изготовляющихъ въ годъ свыше 4 милліоновъ аршинъ кружевъ, на сумму болѣе 350,000 руб. въ годъ. Общее количество производимаго въ Россіи плетенаго кружева доходитъ до громадной цифры около $5^1/_2$ милліоновъ аршинъ, на сумму свыше 750,000 рублей.

Все это громадное количество кружевъ изготовляется по преимуществу въ нашихъ деревняхъ крестьянками, при помощи самыхъ незатѣйливыхъ орудій производства: *подушки* изъ холста, туго набитой мохомъ, соломой, мочалкой, и т. п. *коклюшекъ, сколковъ*, т. е. бумажныхъ полосъ съ наколотыми узорами, и *булавокъ*. Тяжелый трудъ кружевницы вознаграждается очень скудно. Дневной заработокъ кружевницы колеблется отъ 10 до 30 к. и какъ рѣдкость до 40 к. И это за 14 иногда за 16 часовъ работы въ сутки!

Типы кружевъ разнообразятся смотря по центрамъ производства, отличаясь различными названіями: „бараньи рожки", „куличики", „города", „кудрявчики", и проч. Въ одной Тверской губерніи насчитывается до ста названій и сортовъ кружевъ.

Всѣ эти различныя манеры плетенія передаются, по преданію, отъ одной мастерицы другой, и кромѣ этого никакихъ школъ плетенія кружевъ не существуетъ. Между тѣмъ, отсутствіе правильно организованной школы не можетъ не отразиться неблагопріятно на производствѣ. Старинные образцы съ теченіемъ времени утрачиваются, и хотя нѣкоторыя мастерицы и проявляютъ большую изобрѣтательность въ отношеніи узоровъ, но это явленія случайныя, на которыхъ не можетъ основываться прочное существованіе и развитіе дѣла.

Такимъ образомъ идея основанія школы кружевницъ, съ цѣлью усовершенствованія кружевнаго производства въ Россіи, въ высшей степени плодотворна. Цѣль названной школы—усовершенствованіе мастерицъ въ техническихъ пріемахъ плетенія кружевъ, хорошая подготовка ихъ къ составленію узоровъ и сколковъ съ кружевъ, а также развитіе въ мастерицахъ понятія объ изящномъ.

Школа, находящаяся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ надзирательницы, высоко образованной особы и всесторонне изучившей кружевное дѣло, разрабатываетъ новые пріемы плетенія кружевъ по составляемымъ и выбираемымъ въ школѣ узорамъ, матеріаломъ для которыхъ служитъ богатая коллекція образцовъ кружевной работы разныхъ временъ и центровъ производства. Коллекція эта постоянно пополняется новыми образцами. Многія лица, познакомившіяся со школой, выказываютъ живое участіе къ ея развитію, доставляя рѣдкія кружева для заимствованія рисунковъ и техники работы.

Маріинская школа кружевницъ, на содержаніе которой Министерство финансовъ отпускаетъ 3000 р. ежегодно, находится подъ общимъ наблюденіемъ Попечительнаго Комитета, состоящаго изъ трехъ лицъ, приглашенныхъ министромъ финансовъ. Началась она въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. При ея открытіи находились всего четыре мастерицы, выписанныя изъ Тверской и Вологодской губерній; въ слѣдующемъ году число это увеличилось вдвое, а къ началу 1887 года оно возросло уже до 14-ти.

Выпущенныя мастерицы, по возвращеніи на родину, дѣятельно принялись за улучшеніе мѣстнаго производства. Кружевница изъ Вологодской губерніи скоро сформировала у себя на родинѣ до 60-ти хорошихъ кружевницъ. Одна мастерица, выписанная изъ Воткинскаго завода, Вятской губерніи, по возвращеніи домой, устроила небольшую школу кружевницъ. Одна изъ мастерицъ, возвратившаяся въ Торжокъ, получила немедленно въ г. Твери мѣсто учительницы кружевнаго дѣла, въ мастерской, принадлежащей благотворительному обществу, находящемуся подъ Высокимъ покровительствомъ Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны.

Успѣхъ преподаванія въ школѣ былъ настолько значителенъ, что въ февралѣ 1885 г. школа могла устроить первую выставку

работъ и рисунковъ своихъ ученицъ. Эта выставка была осчастливлена высокимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Такое Высочайшее благоволеніе къ молодому учрежденію освятило, въ скромныхъ представительницахъ кустарной промышленности, великую идею народнаго труда, послуживъ новымъ доказательствомъ той любви и заботливости, съ какими Царственная Чета относится къ своему народу.

Особеннаго вниманія на выставкѣ заслуживали рисунки мастерицъ, не говоря уже о кружевахъ, исполненныхъ дѣйствительно прекрасно, какъ въ школѣ, такъ и въ провинціи, мастерицами выбывшими изъ школы по окончаніи обученія, а также кружевницами Вологодской губ., пользовавшимися только рисунками, образцами и указаніями школы и достигнувшими при такихъ условіяхъ значительно бóльшихъ изящества и точности въ исполненіи.

Въ томъ же году школа участвовала на бывшей въ Петербургѣ Ремесленной выставкѣ въ Соляномъ Городкѣ и удостоилась полученія малой серебряной медали; кромѣ того, Техническое общество выдало школѣ весьма лестный отзывъ „за стремленіе къ улучшенію производства русскаго кружева“.

Сочувствіе общества къ новому, небывалому еще у насъ учрежденію выразилось не только заказами кружева, но и крупнымъ денежнымъ пожертвованіемъ. Дѣйств. ст. совѣтн. М. Е. Комаровъ пожертвовалъ 5000 руб. для расширенія помѣщенія школы и увеличенія числа обучаемыхъ въ ней мастерицъ, желая этимъ ускорить по возможности благодѣтельное вліяніе школы, распространивъ его на большее число центровъ кружевной промышленности въ Россіи.

Какихъ блистательныхъ результатовъ можно достигнуть талантливымъ веденіемъ дѣла, доказала вторая выставка устроенная Маріинскою школой кружевницъ въ февралѣ 1887 г. Здѣсь впервые посѣтители увидѣли возобновленіе металлическаго золотаго кружева, рисунки и техника котораго принадлежатъ XVII вѣку. Образцы такого кружева были разнообразны: нѣкоторыя плелись изъ золота съ серебромъ, другія изъ золота съ жемчугомъ; были также изъ золотой мишуры съ бѣлымъ и чернымъ бисеромъ. Кружево изъ бѣлой нитки поражало всѣхъ посѣтителей роскошью рисунковъ, составленныхъ и нарисованныхъ мастерицами въ школѣ. Эта вторая выставка была также осчастливлена посѣщеніемъ Государыни Императрицы, причемъ Ея Величеству благоугодно было выразить свое удовольствіе успѣхами школы.

Наша картинка знакомитъ съ внутреннею жизнью школы, имѣющею вполнѣ семейный характеръ.

Въ школу принимаются мастерицы уже опытныя въ плетеніи кружевъ, изготовляемыхъ на мѣстѣ ихъ производства въ провинціи. Имѣя въ виду распространеніе улучшенныхъ пріемовъ плетенія кружевъ посредствомъ мастерицъ, возвращающихся на родину, по окончаніи обученія въ школѣ, ученицами въ школу принимаются мастерицы въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, и только въ особенныхъ случаяхъ моложе 20 лѣтъ.

Мастерицы, принятыя въ школу, пользуются помѣщеніемъ и содержаніемъ. Кромѣ того, онѣ получаютъ помѣсячную плату въ размѣрѣ 48 р. въ годъ на бѣлье, обувь, одежду и пр.

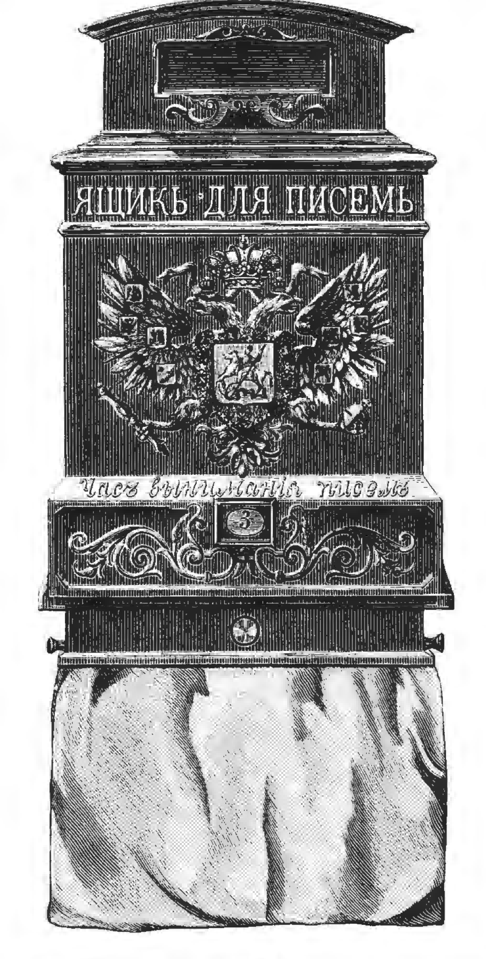
Пребываніе мастерицъ въ школѣ продолжается отъ одного года до полутора, смотря по способностямъ мастерицъ и успѣхамъ въ плетеніи и рисованіи. Такой срокъ назначенъ въ виду того, чтобы мастерицы не отвыкали отъ своей семьи и жизни, которую вели до поступленія въ школу.

Занятія мастерицъ въ школѣ, не превышающія въ общей сложности больше $8^1/_2$ час. въ день, заключаются: въ плетеніи кружевъ по данному образцу; въ изученіи начальнаго рисованія въ Рисовальной школѣ барона Штиглица, находящейся вблизи Маріинской школы кружевницъ; въ спеціальномъ рисованіи кружевъ, преподаваемомъ въ самой школѣ кружевницъ; въ составленіи узоровъ для кружевъ, и, наконецъ, въ обученіи плетенію кружевъ, подъ руководствомъ надзирательницы, приходящихъ въ школу ученицъ. Съ приходящихъ ученицъ взимается плата по 6 руб. въ мѣсяцъ, или по 75 к. за каждый 2-хъ-часовой урокъ плетенія кружева. Въ теченіе 1886 г. въ школѣ было 28 приходящихъ ученицъ.

Имѣя въ настоящее время достаточно обширное помѣщеніе въ школѣ, попечительный комитетъ находитъ возможнымъ принимать стипендіатокъ съ платою по 150 р. въ годъ. Изъ этой суммы 102 р. назначается на содержаніе мастерицы и ея обученіе; 48-же руб. выдаются стипендіаткѣ на руки, на ея платье, обувь и пр. и на уплату расходовъ по паспорту.

Школа помѣщается въ частномъ домѣ, по Гагаринской ул.

Школа получаетъ много заказовъ и, становясь такимъ образомъ посредницей между обществомъ и производительницами, можетъ положить начало лучшему экономическому положенію кружевницъ. Завѣдуетъ школой г-жа Давыдова, извѣстная своими обширными изслѣдованіями кружевнаго промысла въ Россіи. Благодаря просвѣщенному взгляду, неутомимымъ трудамъ и энергіи, вносимымъ г-жой Давыдовой въ это дѣло, кружевному производству въ Россіи открывается широкій путь къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію.



Новоизобрѣтенный почтовый ящикъ съ контрольнымъ аппаратомъ системы Аквадро.

Чеглокъ (Falco subbuteo).

(Рис. на стр. 49).

Чеглоки, самые быстрые изъ нашихъ благородныхъ соколовъ, водятся въ умѣренной Азіи и во всей Европѣ, начиная отъ сѣверной Швеціи; только въ южной Европѣ ихъ замѣняетъ другой, родственный имъ видъ. Это чрезвычайно веселыя, ловкія и смѣлыя хищныя птицы, около 12-ти-дюймовъ длины и 30-ти въ ширину съ распростертыми крыльями. Чеглокъ никому не уступитъ въ быстротѣ полета, въ которомъ много сходнаго съ ласточьимъ. Самецъ и самка живутъ неразлучно и осенью вмѣстѣ пускаются въ отлетный путь, хищничаютъ тоже вмѣстѣ, но въ этомъ отношеніи завидуютъ другъ другу и нерѣдко ссорятся изъ-за добычи. Чеглокъ составляетъ ужасъ полевыхъ жаворонковъ, но отнюдь не пренебрегаетъ и другими птицами и даже опасенъ для быстрыхъ ласточекъ. Жаворонки до того боятся своего смертельнаго врага что преслѣдуемые имъ бросаются къ людямъ, попадаютъ между ногъ лошадей и хлѣбопашцевъ и до того бываютъ ошеломлены испугомъ что ихъ можно брать руками. Чеглокъ летаетъ обыкновенно быстро и низко надъ землею. Увидавъ его издалека, жаворонки быстро поднимаются на такую высоту съ которой человѣческій глазъ едва можетъ различить ихъ, и тамъ беззаботно распѣваютъ свою пѣсенку, зная что чеглокъ тамъ не можетъ повредить имъ. Подняться выше ихъ стóило бы ему слишкомъ много труда, а бьетъ онъ добычу всегда низвергаясь сверху. Ласточки сильно шумятъ при его появленіи, собираются въ стаю, чирикая летятъ вверхъ и кружатся надъ нимъ съ крикомъ. За отдѣльно и низко летающими ласточками чеглокъ охотится на открытомъ мѣстѣ и ловитъ ихъ послѣ четырехъ-десяти ударовъ; при частыхъ промахахъ онъ утомляется и отступаетъ.

Новоизобрѣтенный почтовый ящикъ италіянской системы Аквадро. (Рис. на этой стр.).

Это остроумное изобрѣтеніе, представленное г. Альфонсомъ Галлико на усмотрѣніе русскаго почтоваго вѣдомства, соединяетъ въ себѣ полную сохранность писемъ вмѣстѣ съ аппаратомъ контролирующимъ службу почталіоновъ. При посылкѣ почтальона за выниманіемъ писемъ изъ почтовыхъ ящиковъ, ему вручается парусинный мѣшокъ (изображенный на нашемъ рисункѣ подъ ящикомъ) съ желѣзною рамой на открытомъ концѣ, которая заперта желѣзною же крышкой съ секретнымъ замкомъ. Подъѣхавъ къ почтовому ящику, почтальонъ вдвигаетъ раму въ пазы на днѣ ящика. Какъ только рама вдвинута, автоматически открывается гнѣздо контрольнаго аппарата, въ которомъ находится металлическая пластинка съ цифрою обозначающею часъ выниманія писемъ (на нашемъ рисункѣ: 3); почтальонъ вынимаетъ эту пластинку и беретъ съ собою для доказательства что онъ дѣйствительно былъ у такого-то ящика и вынулъ письма. На мѣсто вынутой пластинки почтальонъ вставляетъ новую, на которой обозначенъ часъ слѣдующей затѣмъ очереди выниманія. Далѣе, при нажатіи рукой на рычаги, дно ящика и крышка мѣшка открываются, и такимъ образомъ письма изъ ящика падаютъ въ мѣшокъ. Вынуть раму

изъ ящика нѣтъ никакой возможности прежде чѣмъ опять запрутъ ее и дно ящика рычагами. Когда же это сдѣлано и мѣшокъ съ запертой рамою выдвинутъ изъ ящика, нѣтъ никакой возможности отперетъ мѣшка. Выдвинувъ запертый мѣшокъ, почтальонъ ѣдетъ къ слѣдующему ящику—и тамъ повторяется та же исторія, такъ какъ всѣ ящики сдѣланы по одному образцу и рама подходитъ ко всѣмъ одинаково. Такимъ образомъ почтальонъ привозитъ въ почтамтъ запертый мѣшокъ, набитый письмами изо всѣхъ объѣханныхъ имъ почтовыхъ ящиковъ, причемъ привезенныя имъ контрольныя пластинки указываютъ контролеру какіе именно ящики были посѣщены почтальономъ. Въ почтамтѣ, рама вводится пріемщикомъ писемъ въ особый станокъ съ механизмомъ отпирающимъ ее. Такимъ образомъ почтальонъ не имѣетъ возможности вынуть изъ мѣшка ни одного письма иначе какъ разрѣзавъ мѣшокъ, но въ такомъ случаѣ улика будетъ на лицо.

Политическое обозрѣніе.

31 декабря 1887 г.

Открытіе засѣданій французскихъ палатъ.—Болгарскій вопросъ.

29 декабря возобновились засѣданія французскихъ палатъ послѣ перерыва, вызваннаго праздниками Рождества Христова. Засѣданія открылись въ предсѣдательствѣ старѣйшихъ по лѣтамъ (présidents d'âge) г. Карно, отца нынѣшняго президента республики, въ сенатѣ и Пьера Блана въ палатѣ депутатовъ. Въ своей рѣчи Карно-отецъ указалъ, что конгрессъ выразилъ избраніемъ президента республики желаніе обезпечить Франціи внутренній и внѣшній миръ и вмѣстѣ съ тѣмъ проявилъ свое уваженіе къ господствующимъ порядкамъ. Существенная перемѣна, происшедшая съ такою легкостью, должна-де внушить довѣріе къ здравомыслію страны и къ ея государственнымъ учрежденіямъ. Пьеръ Бланъ высказалъ между прочимъ надежду что сессія эта будетъ плодотворнѣе предшествовавшей, и увѣщевалъ республиканцевъ сплотиться, чтобы осуществить предположенныя реформы. Затѣмъ, когда приступили къ выборамъ президента палаты депутатовъ, изъ 351 участвовавшихъ въ баллотировкѣ 258 голосами былъ избранъ Флоке. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ депутатовъ, онъ доказывалъ необходимость устойчиваго единенія между законодательною и исполнительною властями и также выставилъ на видъ, что строгая справедливость во внутреннихъ дѣлахъ и безусловная лояльность во внѣшнихъ являются условіями національной силы; Франція должна-де быть сильною, если она хочетъ, чтобы ее желали имѣть союзникомъ и страшились имѣть ее врагомъ. Затѣмъ Бали внесъ предложеніе объ амнистіи и потребовалъ неотложности. Тираръ рѣшительно высказался противъ амнистіи, послѣ чего предложеніе о неотложности было отвергнуто большинствомъ 265 голосовъ противъ 107. Многіе небезпричинно боялись, что предложеніе Бали вызоветъ безпорядки, но вышеприведенное разрѣшеніе предложенія въ отрицательномъ смыслѣ указываетъ, что Франція желаетъ спокойно и миролюбиво заниматься текущими дѣлами. Не меньшимъ подтвержденіемъ желанія внѣшняго мира служитъ извѣстіе изъ Константинополя. По полученнымъ тамъ дипломатическимъ донесеніямъ, французскому послу въ Берлинѣ было поручено президентомъ Карно выразить императору Вильгельму на пріемѣ по случаю Новаго года увѣреніе, что Карно проникнутъ сознаніемъ необходимости мира и пока онъ будетъ состоять президентомъ Французской республики, ни одинъ французскій кабинетъ не предприметъ воинственной политики.

Желаніе мира въ настоящее время является всеобщимъ. Постоянныя угрозы войной привели Европу въ какое-то угнетенное состояніе и нынѣ всякое событіе, которое можетъ быть разъяснено въ смыслѣ благопріятномъ для сохраненія мира, тщательно передается и истолковывается почти всею печатью. Только тѣ, кому живется лучше и выгоднѣе въ смутное время, продолжаютъ смотрѣть пессимистически на настоящее положеніе вещей и застращивать войною. Но, какъ справедливо замѣчаетъ брюссельскій *Nord*, „пессимизмъ этотъ лишенъ всякаго основанія, потому что всѣ державы дѣлаютъ заявленія самаго миролюбиваго свойства, а такъ какъ со стороны Германіи и Австро-Венгріи заявленія эти столько же искренни, сколько со стороны Россіи, то опасность войны можно считать устраненною. Россія желаетъ мира и принятыя ею мѣры имѣютъ оборонительный характеръ.“

Въ *National Zeitung* пишутъ: „Со всѣхъ сторонъ подтверждается, что нарушенія всеобщаго мира не предвидится; упроченіе его на долгое время зависитъ отъ рѣшенія болгарскаго вопроса“. Рѣшеніе это, можно думать, близко. Въ *Times* телеграфируютъ изъ Берлина, что по предложенію державъ, Порта приняла на себя порученіе обратиться къ принцу Фердинанду съ требованіемъ оставить Софію. Впрочемъ, *Presse* заявляетъ, что въ вѣнскихъ дипломатическихъ кружкахъ лондонское извѣстіе, будто державы уже сдѣлали совмѣстное предложеніе Портѣ потребовать удаленія принца Кобургскаго, не встрѣчаетъ подтвержденія. Въ этихъ кружкахъ рѣшительно ничего не извѣстно о дипломатическихъ переговорахъ по болгарскому вопросу, а тѣмъ менѣе о послѣдовавшихъ уже совокупныхъ мѣрахъ по этому дѣлу. „По группировкѣ державъ и по историческому развитію дипломатическаго положенія со времени Берлинскаго конгресса“, говорится въ *National Zeitung*, „почина въ разрѣшеніи этого вопроса можетъ исходить только отъ Россіи. Если она, изъ недовѣрія—на мотивы котораго опубликованіе подложныхъ документовъ бросило рѣзкій свѣтъ—до сихъ поръ не взяла на себя почина, то это можно считать съ ея стороны за пробу довѣрія между державами и за доказательство, что наиболѣе заинтересованная въ Болгаріи держава приближается къ разрѣшенію текущихъ въ этой странѣ вопросовъ“. Если Россія отказывается до сихъ поръ открыто предъявить свои требованія относительно Болгаріи, то въ этомъ отнюдь нельзя видѣть желанія войны, какъ это думаетъ *Presse*. „Подобное заключеніе“, замѣчаетъ *Nord*, „не логично. Требованія Россіи относительно Болгаріи вовсе не тайна. Она требуетъ уваженія къ Берлинскому трактату, который самымъ дерзкимъ образомъ нарушенъ занятіемъ болгарскаго престола принцемъ Фердинандомъ Кобургскимъ. Еслибы другія державы желали уничтоженія названнаго договора, то соглашеніе въ такомъ случаѣ оказалось бы, конечно, невозможнымъ; но вѣдь подобнаго предположенія допустить нельзя, такъ какъ всѣ державы желаютъ сохранить въ силѣ этотъ договоръ, какъ основу организаціи балканскихъ государствъ. Въ этомъ именно направленіи, т. е. въ смыслѣ соблюденія постановленій конгресса 1878 года, слѣдуетъ искать улаженія болгарской смуты. Платоническими заявленіями въ пользу Берлинскаго трактата довольствоваться, однако, нельзя, въ особенности если притомъ будутъ продолжать оказывать поддержку тѣмъ, кто его нарушаетъ, а слѣдуетъ съ искренностью и рѣшимостью стремиться къ полному его примѣненію. Россія требуетъ уваженія къ трактатамъ и больше ничего. Это самая благопріятная для сохраненія мира политика.“

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ Высочайше изволилъ повелѣть, по случаю кончины матери владѣтельнаго герцога Саксенъ-Мейнингенскаго, вдовствующей герцогини Маріи Саксенъ-Мейнингенской, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на десять дней.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: Открываемые государственными, общественными и частными кредитными установленіями, а также банкирскими конторами, спеціальные текущіе счеты подъ закладъ процентныхъ бумагъ обложить съ 1 января, взамѣнъ пропорціональнаго гербоваго сбора (ст. 15 уст. о герб. сборѣ), особымъ сборомъ, взимаемымъ соотвѣтственно времени и суммѣ позаимствованій по спеціальному текущему счету, считая 0,216% въ годъ.

— Увеличенъ государственный поземельный налогъ по 22 губерніямъ.

— Московская контора адресовъ упраздняется съ 1 января.

— Обнародована роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1888 годъ, въ коей исчислено: обыкновенныхъ доходовъ 851.767,628 рублей; чрезвычайныхъ ресурсовъ 33.724,895 и оборотныхъ поступленій 2.589,587; всего 888.082,110. Обыкновенныхъ расходовъ 851.242,423; чрезвычайныхъ (на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ) 34.250,100 и оборотныхъ 2.589,587; всего 888.082,110.

— 27 декабря, Министерство Государственныхъ Имуществъ праздновало пятидесятилѣтній юбилей своего учрежденія.

Торговля.

— Въ гор. Мензелинскѣ, Уфимской губерніи, открыто на время ярмарки, съ 26 декабря 1887 по 11 января 1888 года, временное отдѣленіе Государственнаго банка.

— Въ Одессу съ заграничныхъ рынковъ поступаютъ большія требованія на спиртъ, цѣна на который значительно повысилась; въ городѣ запасы спирта незначительны.

Искусства образовательныя.

— 28 декабря 1887 г. въ рисовальной школѣ Императорскаго общества поощренія художествъ въ Петербургѣ открылась выставка ученическихъ работъ за 1887 годъ.

— Въ настоящее время въ Кіевѣ, въ биржевой залѣ, открыта интересная художественная выставка. Выставлены: нѣкоторыя картины изъ минувшей войны, В. Верещагина, а также картины изъ путешествія этого художника по Индіи, этюдъ знаменитаго Иванова, портреты кисти Брюллова, Кипренскаго, Боровиковскаго и др.

Театръ и музыка.

— Въ субботу, 19 декабря, былъ данъ концертъ учащихся въ СПБ. консерваторіи, подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна, въ пользу вспомогательной кассы музыкальныхъ художниковъ.

Литература и наука.

— 29 декабря, происходило торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ.

— 17 декабря, въ засѣданіи Император-

скаго московскаго общества испытателей природы профессоръ Бредихинъ сообщилъ о результатахъ наблюденій надъ послѣднимъ солнечнымъ затменіемъ въ Костромской губерніи.

— 21 декабря, въ актовой залѣ Спб. духовной академіи исправляющій должность доцента академіи по каѳедрѣ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, іеромонахъ Антоній (Храповицкій), публично защищалъ представленную имъ на соисканіе ученой степени магистра богословія диссертацію, подъ заглавіемъ: „Психическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности".

Пути сообщенія.

— Уральская горнозаводская и Екатеринбурго-Тюменская желѣзныя дороги съ 1 января 1888 года соединяются въ одну, подъ общимъ управленіемъ и наименованіемъ „Уральской желѣзной дороги".

— 17 декабря состоялось открытіе движенія по вновь проложенной Ярославско-Костромской желѣзной дорогѣ. Торжество открытія происходило въ г. Костромѣ.

— Вслѣдствіе продолжавшихся метели и снѣжныхъ заносовъ на *юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ*, опоздали прибытіемъ многіе поѣзда 20, 21 и 22 декабря.

Спортъ.

— На бывшемъ въ Вѣнѣ 27 декабря 1887 г. международномъ состязаніи на конькахъ въ разрядѣ на призъ, дающій право считаться лучшимъ конькобѣжцемъ по скорости въ Австріи (Flachlaufen um die Meisterschaft in Oesterreich), побѣду одержалъ одинъ изъ конькобѣжцевъ „Петербургскаго общества любителей бѣга на конькахъ въ Юсуповомъ саду"—А. П. Паншинъ. Онъ пробѣжалъ 1½ версты въ 3 м. 35 с., опередивъ своего соперника, вѣнскаго конькобѣжца А. Блаттера на 17 сек. Остальные конкуренты отъ состязанія отказались.

Открытія.

— Въ Крыму, въ шести верстахъ отъ Космо-Даміановскаго монастыря, въ мѣстности, называемой Чарда-Каламъ или Чардаклы, находящейся въ Пиковской казенной дачѣ, недавно отысканы залежи каменнаго угля.

Некрологъ.

— 18 декабря скончался въ Ниццѣ сенаторъ, присутствовавшій въ межевомъ департаментѣ, тайный совѣтникъ Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

Изъ губерній и областей.

— 16 декабря, вечеромъ, въ Николаевѣ разразился ураганъ небывалой силы. Къ угру Бугъ выступилъ изъ береговъ, причемъ водою причинено немало бѣдствій по берегу. Между прочимъ, на Спасскомъ рейдѣ волны почти затопили каменный пакгаузъ Русскаго общества пароходства и торговли; стоявшая на рейдѣ землечерпательная машина была быстро сорвана съ якорей, налетѣла на пристань и снесла ее до основанія.

— Въ ночь на 17 декабря, надъ Одессою разразилась необыкновенно сильная буря со снѣжною метелью, продолжавшаяся съ 11 часовъ ночи до самаго утра. Во многихъ мѣстахъ города буря произвела довольно значительныя опустошенія и разрушенія. Снесено много крышъ и поломаны деревья на многихъ улицахъ. Довольно сильный вѣтеръ продолжался почти до самаго вечера. По дошедшимъ въ Одессу извѣстіямъ, между Очаковымъ и Одессою въ открытомъ морѣ погибли три баржи, нагруженныя лѣсомъ; буксировавшій же ихъ пароходъ остался невредимъ.

— Въ Ростовѣ-на-Дону, 19 декабря, при сильномъ низовомъ вѣтрѣ разразилась буря. На правой сторонѣ Дона вода выступила изъ береговъ и залила всю низменную сторону; мостъ разорвало и части его унесло вверхъ по рѣкѣ; хлѣбъ, сложенный въ бунтахъ, подмочило, нѣсколькихъ пѣшеходовъ снесло водой. О двухъ паровыхъ баржахъ съ зерномъ, бывшихъ на рейдѣ — нѣтъ извѣстій.

— Въ Вѣрномъ, съ 18 по 23 декабря были ежедневные подземные толчки, сопровождавшіеся гуломъ. Въ ночь на 27 декабря послѣдовалъ сильный ударъ.

Смѣсь.

Асфальтовый фундаментъ. Инженеръ М. Мало въ концѣ 1886 года объявилъ Обществу гражданскихъ инженеровъ въ Парижѣ, что онъ построилъ фундаментъ особаго рода,— именно асфальтовый. Этотъ фундаментъ замѣчателенъ по своимъ размѣрамъ: длина его 4 метра, ширина 1,25 метровъ и вышина 4 метра; онъ поддерживаетъ паровую машину въ 100 лошадиныхъ силъ и сдѣланъ изъ нетесанныхъ камней, промежутки между которыми залиты асфальтомъ. Если машина дѣйствуетъ со скоростью 75 оборотовъ въ минуту, то она не причиняетъ этому основанію даже самаго легкаго сотрясенія. Это въ особенности важно въ городахъ, при употребленіи различныхъ машинъ, производящихъ большое сотрясеніе фундамента и почвы, такъ какъ при употребленіи вышесказанной системы фундамента, нѣтъ никакого риска имѣть процессы съ сосѣдями. (н.)

Подводное электрическое освѣщеніе. Не разъ уже производились опыты подводнаго электрическаго освѣщенія или для цѣлей рыбной ловли, или же для работъ, подъ водой. „The scientific American" сообщаетъ о проектѣ подводнаго электрическаго освѣщенія для защиты броненосцевъ во время войны отъ торпедъ. Этотъ проектъ былъ предложенъ Г. Жели и состоитъ въ томъ, что въ подводной части броненосца имѣются отверстія трехъ родовъ. Отверстія перваго рода, снабженныя двояковыпуклымъ стекломъ, пропускаютъ лучи электрической лампы, направляемые сильнымъ рефлекторомъ и освѣщающіе массу воды вокругъ броненосца. Отверстія втораго рода, закрытыя толстымъ стекломъ, служатъ для постояннаго наблюденія подводнаго горизонта. Отверстія третьяго рода представляютъ собою устья трубъ, метающихъ торпеды; эти трубы снабжены особыми приспособленіями для того чтобы дать желаемое направленіе метаемому снаряду, и въ нихъ постоянно заготовлены торпеды, могущія быть выпущенными каждую минуту. Какъ только въ освѣщенномъ подводномъ пространствѣ появится взрывающій снарядъ, тотчасъ на него направляютъ торпеды, взрывающія его, конечно на такомъ разстояніи, чтобы не причинить никакого вреда броненосцу. (Св.)

Статистика пожаровъ. Число пожаровъ въ Парижѣ, включая сюда и воспламененія сажи въ трубахъ, въ періодъ времени отъ 1878 года и кончая 1885 г., указывается слѣд. таблицею:

	воспламен. сажи	пожары	въ общемъ
1878 . .	1432	775	2207
1879 . .	1856	878	2734
1880 . .	1309	786	2095
1881 . .	1585	945	2530
1882 . .	1656	982	2638
1883 . .	1668	905	2593
1884 . .	1671	869	2440
1885 . .	1674	884	2538

1879 годъ, въ которомъ насчитывается наибольшее число пожаровъ, особенно отличался низкою температурой. Кромѣ того въ 1885 году насчитываютъ 6 театровъ, въ которыхъ было начало пожаровъ. Въ этомъ-же году погибшихъ на пожарахъ было только двое. (Св.)

Новая электрическая лампа. Альбертъ Фридлендеръ въ Берлинѣ изобрѣлъ переносную электрическую лампу очень простаго устройства. Это маленькая лампа съ раскаленіемъ проволоки добѣла, силы 3-хъ нормальныхъ свѣчей, снабженная рефлекторомъ и стекляннымъ колпакомъ, помѣщающимся на маленькомъ ящикѣ, въ которомъ находится баттарея. Ящикъ этотъ, вмѣстимости 18×11×11 кубическихъ сантиметровъ, сдѣланъ изъ твердаго каучука. Онъ раздѣленъ внутри перегородками, такъ что каждое отдѣленіе представляетъ собою элементъ. Электроды изъ цинка и мѣди. Жидкая часть прибора представляетъ растворъ въ водѣ хлористаго цинка и двухромокислаго поташа и дѣйствуетъ регулярно, не выдѣляя ни газа, ни пара. Растворъ, необходимый для 3-хъ или 4-хъ часовъ освѣщенія, стоитъ немного болѣе 60 сантимовъ. Когда растворъ потеряетъ силу, отвинчиваютъ крышку, выливаютъ его и замѣняютъ свѣжимъ. Чтобы зажечь лампу — стоитъ только повернуть небольшую пуговку, находящуюся сбоку; вмѣстѣ съ тѣмъ ею же регулируютъ силу и продолжительность свѣта, погружая болѣе или менѣе электроды и вынимая ихъ совершенно, когда желаютъ потушить лампу. Когда цѣпь не замкнута, тогда между составными частями баттареи не происходитъ никакого взаимодѣйствія и слѣдовательно матеріалы расходуются только во время пользованія лампой. Старый цинкъ можетъ быть легко безъ особыхъ инструментовъ извлеченъ изъ баттареи и замѣненъ новымъ, стоющимъ около 60 сантимовъ. Механизмъ очень простъ и въ то-же время настолько солиденъ, что нечего бояться порчи и поправокъ. Конечно, въ долговѣчности эта лампа уступаетъ лампѣ Эдисона, но она стоитъ немного болѣе 3-хъ франк. Какъ утверждаетъ „Revue internationale de l'électricité", она не представляетъ рѣшительно никакой опасности въ отношеніи пожара. (Св.)

Статистика желѣзныхъ дорогъ. Длина желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ въ верстахъ была слѣдующая къ концу 1884 и 1885 годовъ:

	1884 году.	1885 году.
Россія	25,393	26,483
Германія	36,735	37,535
Австро-Венгрія	22,073	22,613
Франція	31,222	32,491
Великобританія и Ирландія . .	30,461	30,983
Бельгія	4,298	4,410
Данія	1,942	1,942
Испанія	8,673	9,185
Португалія	1,527	1,529
Румынія	1,602	1,660
Греція	166	322
Италія	9,916	10,354
Нидерланды и Люксембургъ . .	2,655	2,800
Сербія	244	244
Швеція и Норвегія	8,161	8,454
Швейцарія	2,753	2,758
Турція, Болгарія, Румелія . . .	1,394	1,394
Итого	189,216	195,158

Общее увеличеніе въ 1885 году равно 5,942 верстъ, т. е. 3,04 верстъ на 100 верстъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, бывшихъ въ 1884 году. Сѣть французскихъ желѣзныхъ дорогъ увеличилась на 4,06 для каждыхъ 100 верстъ, процентъ, превосходящій процентъ увеличенія всей Европы.

Величайшая глубина морскаго дна. Наиболѣе высокія горы находятся въ Азіи и принадлежатъ къ цѣпи Гималайскаго хребта. Величайшею возвышенностью въ настоящее время считается вершина Гауризанкаръ, называемая англичанами Маунтъ-Эверестъ. Впрочемъ, нельзя сказать утвердительно, что не будутъ открыты еще бо-

лѣе высокія вершины въ Гималайскомъ хребтѣ и въ горахъ центральной Азіи вообще. Нѣкоторыя изъ вершинъ (какъ напр. Чимборазо) перестали уже считаться самыми высокими и должны были уступить эту честь другимъ.

Такъ же точно и глубину морскаго дна начали серьезно изслѣдовать лишь за послѣднія двадцать лѣтъ. Съ тѣхъ поръ открыты и измѣрены такія глубины, о которыхъ прежде не имѣли никакого понятія и которыя почти столь-же значительны, какъ и величайшія вершины нашей планеты. Наиболѣе значительная, извѣстная доселѣ, глубина лежитъ на востокѣ отъ Японіи; она достигаетъ 8½ верстъ и такимъ образомъ лишь на 150 сажень менѣе величайшей возвышенности. Другія значительныя глубины найдены въ Атлантическомъ океанѣ, какъ напр. у Вестъ-Индскихъ острововъ, гдѣ онѣ также достигаютъ 8 верстъ.

Въ то время какъ горныя вершины, видимыя глазомъ, измѣряются тригонометрически, морскія глубины измѣрить и выразить въ метрахъ гораздо труднѣе. За послѣднее время механика сдѣлала однако такіе успѣхи, что можно не только съ извѣстною точностью измѣрить глубины морскаго дна, но и вытащить на поверхность воды частицы почвы и даже опредѣлить температуру воды на днѣ. На морскихъ судахъ, занимающихся подобными измѣреніями, употребляется тонкая бичевка въ палецъ толщины, могущая выдержать грузъ около 14 центнеровъ. Одно изъ судовъ, производившихъ значительныя изслѣдованія глубины, имѣло такого каната 72,000 футовъ. Канатъ накатанъ въ задней части корабля; при употребленіи въ дѣло, конецъ его перекидываютъ черезъ блокъ на реѣ и прикрѣпляютъ къ нему лотъ. Послѣдній состоитъ изъ желѣзнаго полаго цилиндра, на который насажены тарелкообразныя гири съ отверстіемъ посерединѣ. Гири эти спадаютъ со стержня, какъ только лотъ коснется дна моря и получитъ черезъ это толчокъ кверху. Цилиндръ вонзается въ дно, большею частію мягкое, наполняется иломъ и при поднятіи самъ закрывается клапаномъ; такимъ образомъ получается возможность вытащить на поверхность образцы почвы и заключающихся въ ней организмовъ. Но какимъ же образомъ распознается, что лотъ дошелъ до дна? Съ этою цѣлью, чрезъ каждые 50 метровъ въ канатъ вплетены цвѣтные лоскутки, а чрезъ каждые 200 метровъ имѣется особый знакъ. Первые 200 метровъ спущеннаго каната проходятъ въ 40 секундъ; на 2,000 метровъ глубины и болѣе—въ 75 секундъ, на 4,000 метровъ—въ 110 секундъ. Такое измѣненіе скорости обусловливается треніемъ спущенной веревки въ водѣ. Такимъ образомъ, слѣдя съ секунднымъ указателемъ въ рукахъ за движеніемъ лота и отмѣчая, когда значки коснутся поверхности воды, находятъ опредѣленную математическую зависимость, между длиной спущенной веревки и промежуткомъ времени, которая однако всякій разъ нарушается, когда гиря сваливается съ цилиндра; это объясняется тѣмъ, что бичевка начинаетъ спускается медленнѣе, въ силу одного только собственнаго вѣса. Провѣрочными измѣреніями доказано, что методъ этотъ даетъ сравнительно точные результаты.

Для опредѣленія температуры, на разныхъ глубинахъ, къ бичевкѣ прикрѣпляютъ особаго устройства термометры, могущіе выдержать сильный напоръ воды, а также особые аппараты, которые при поднятіи закрываются сами и приносятъ на поверхность образцы воды. Надо замѣтить, что на глубинѣ 3000 — 4000 метровъ температура всегда колеблется между + 2,5° и 0° Ц. Такая глубина (4000 метр.) достигается лотомъ въ ¾ часа, тогда какъ поднятіе лота, даже совершаемое при помощи пароваго двигателя, требуетъ нѣсколькихъ часовъ времени. (с.)

О пространствахъ и численности народонаселенія различныхъ государствъ земнаго шара имѣлись до половины нынѣшняго вѣка весьма смутныя понятія. Предполагали, что общее населеніе земнаго шара простирается до 1000 милліоновъ душъ, число, которое въ 1840 году было низведено фонъ-Роономъ до 864 мил. Съ тѣхъ поръ народныя переписи дали въ Европѣ, Америкѣ, Австраліи и частью въ Азіи и Африкѣ новыя цифры, которыя далеко оставили за собою предполагавшіяся раньше. Одновременно съ вопросами о народонаселеніи, получилъ болѣе точное рѣшеніе и вопросъ о протяженіи материковъ. Г-нъ Левассеръ въ Парижѣ, совмѣстно съ директоромъ Королевскаго Итальянскаго статистическаго бюро, Бодіо, собралъ разсѣянныя повсемѣстно оффиціальныя статистическія данныя и замѣтки путешественниковъ, и далъ общую статистику протяженія и народонаселенія различныхъ частей нашей планеты. Результаты его обширныхъ трудовъ собраны имъ въ одну книгу, которую онъ поднесъ въ даръ Французской академіи наукъ. По сдѣланнымъ имъ выводамъ, всѣ пять частей свѣта имѣютъ поверхность въ 136,000,000 квадратныхъ верстъ, при населеніи въ одинъ миллиардъ и 483 милліона душъ. Двѣ трети этого числа живутъ на пространствѣ 11,000,000 квадр. верстъ., что составляетъ около одной двѣнадцатой доли всего протяженія. На Европу, за исключеніемъ Россіи и Скандинавскихъ государствъ, приходится 245 милліоновъ; на одну Индію—254 милліона и на Китай съ Японіей—430 мил. душъ. (с.)

Число существующихъ на земномъ шарѣ религій трудно опредѣлить съ точностію. Собственно говоря, религіозныя вѣрованія всѣхъ народовъ можно раздѣлить на семь главныхъ группъ, а именно: Вѣроисповѣданія православное, римско-католическое, протестантское; іудейство; исламъ; буддизмъ и язычество. Вопросъ въ томъ, на сколько отдѣльныхъ классовъ эти группы подраздѣляются. Англійскій писатель Симмсъ, въ своемъ „словарѣ вѣроисповѣданій" выражаетъ мнѣніе, что сосчитать существующія формы многоразличныхъ религіозныхъ культовъ нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе что существуетъ огромное число совершенно неизвѣстныхъ намъ религіозныхъ формъ. По тщательно произведеннымъ изысканіямъ, Симмсъ приводитъ перечень 700 религіозныхъ культовъ, расположенныхъ имъ въ алфавитномъ порядкѣ; но весьма возможно, что на земномъ шарѣ найдется еще столько же, неизвѣстныхъ изслѣдователю, видовъ поклоненія божеству. (с.)

Населеніе Греко-Римскаго міра. Въ недавнее время профессоромъ древней исторіи въ римскомъ университетѣ г. Белохомъ произведены изслѣдованія о численности населенія въ древней Греціи и Римѣ, которыми мы, въ виду ихъ общаго интереса, считаемъ нелишнимъ подѣлиться съ нашими читателями.

По изслѣдованіямъ Белоха, общее населеніе Греческаго полуострова, со включеніемъ Македоніи, достигало въ началѣ Пелопонезской войны 3 милліоновъ, что соотвѣтствуетъ 26 душамъ на квадр. версту. Это отношеніе немногимъ разнится отъ современнаго, такъ какъ нынѣшнее королевство Греція (безъ Македоніи) насчитываетъ 2 мил. жителей. Относительно колоній не имѣется достовѣрныхъ данныхъ. До Александра Великаго, населеніе Греціи постоянно возростало. Уже Платонъ и Аристотель были озабочены опасностью слишкомъ сильнаго увеличенія греческаго населенія, а Исократъ указывалъ (346 г.) на необходимость открыть выходъ избытку населенія, посредствомъ покоренія и колонизаціи Азіи. Двѣнадцать лѣтъ спустя Александръ привелъ эту мысль въ исполненіе и положилъ начало образованію мало-азійскихъ колоній; эллинство разлилось по всему Востоку и вскорѣ Александрія и Антіохія затмили блескъ Аѳинъ и Коринѳа.

Замѣтное уменьшеніе населенія Греціи началось во II вѣкѣ до Р. Х. и продолжалось до эпохи императоровъ; оно обусловливалось постоянными войнами, театромъ которыхъ служила Греція. Между тѣмъ населеніе Египта, съ 300 года до Р. Х. по 70 годъ послѣ Р. Х. возрасло съ трехъ милліоновъ на восемь; тогда какъ въ нынѣшнемъ Египтѣ насчитываютъ лишь отъ шести до восьми милліоновъ.

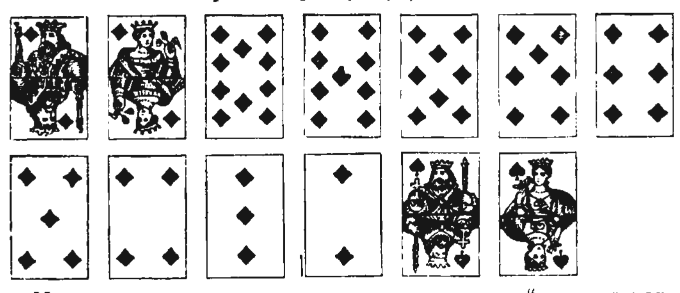
Перейдемъ къ Италіи. На всемъ полуостровѣ до начала войнъ Ганнибала имѣлось три милліона жителей (въ настоящее время двадцать четыре милліона). Войны Ганнибала произвели значительное уменьшеніе населенія: число римскихъ гражданъ, доходившее въ 229 году до 273,000, упало въ 203 году до 214,000. Убыль эта вскорѣ снова пополнилась и въ 163 году до Р. Х. число гражданъ доходило уже до 337,000, что соотвѣтствуетъ населенію по крайней мѣрѣ въ милліонъ душъ. Что касается всей Италіи временъ Августа, то Белохъ насчитываетъ въ ней 5½ мил. жителей. Въ мирный періодъ эпохи первыхъ императоровъ число это увеличилось и достигло при Клавдіи 7 мил. Что же касается движенія римскаго населенія въ завоеванныхъ, лежащихъ къ западу и сѣверу, варварскихъ странахъ, то объ нихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго, хотя Белохъ и даетъ приблизительныя цифры всего населенія цивилизованнаго міра и земель лежащихъ по Средиземному морю. По его вычисленіямъ, общая цифра населенія Римской имперіи во время смерти Августа можетъ быть предположена въ 50—60 мил. жителей, около ⅕ которыхъ приходилось на европейскія провинціи. Во всей Европѣ, въ началѣ нашего лѣтосчисленія, было едва 30 мил. жителей, тогда какъ теперь населеніе Европы въ десять разъ превосходитъ эту цифру (с.).

По составленному германскимъ имперскимъ почтамтомъ отчету о дѣятельности почтъ и телеграфовъ въ 1886 году, въ Германіи имѣется 16,589 почтовыхъ отдѣленій, 12,065 правительственныхъ конторъ для продажи почтовыхъ марокъ и 61,144 почтовыхъ ящиковъ. Служебный персоналъ состоитъ изъ 30,956 почтовыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ, 49,194 низшихъ чиновъ, 1014 почтмейстеровъ и 4294 почтальоновъ; всего: 85,458 человѣкъ. Общая цифра посылокъ: исходящихъ 1.710,536,017; входящихъ 1.644,423,489. Писемъ открытыхъ и закрытыхъ и бандерольныхъ отправленій (печатныхъ произведеній, дѣловыхъ бумагъ, образчиковъ товаровъ и т. п.) отправлено: 1.091,069,660; получено: 1.075,230,990. На каждаго отдѣльнаго человѣка среднимъ числомъ приходится: 27,8 входящихъ и 27,7 исходящихъ почтовыхъ отправленій. Газетъ получено: 415.828,273, послано: 433.530,746. Денежныхъ переводовъ сдѣлано 55.344,565, на сумму 3.269,218,518 марокъ; получено: 55.707,951 переводовъ на сумму 3.292,022,764 марокъ. Протяженіе воздушныхъ телеграфныхъ линій въ имперіи (за исключеніемъ городской телеграфной сѣти) достигало въ 1886 году 69.029,16 верстъ; протяженіе всѣхъ проводовъ 223.268,84 верстъ. Общее число правительственныхъ телеграфныхъ учрежденій было 8841, причемъ въ дѣйствіи находилось 16,596 телеграфныхъ аппаратовъ. Принято телеграммъ 15.055,322; подано: 14.817,661. Общій доходъ почтоваго вѣдомства достигалъ 177.856,001 марокъ, а общій расходъ 150.440,181 марокъ; итого, чистаго дохода: 27.415,820 марокъ. По количеству входящихъ и исходящихъ почтовыхъ отправленій первое мѣсто, изъ 40 почтовыхъ округовъ, занимаетъ Берлинскій округъ (159.578,355 входящихъ и 268.582,529 исходящихъ); второе мѣсто выпадаетъ на долю Лейпцигскаго округа (97.489,716 входящихъ и 105.492,195 исходящихъ); слѣдующіе по количеству округа располагаются въ такомъ порядкѣ: Дюссельдорфъ, Гамбургъ, Эрфуртъ, Бреславль, Дрезденъ, Магдебургъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Арнсбергъ и Кельнъ. По отношенію къ количеству *входящихъ* телеграммъ Берлинъ занимаетъ первое, Гамбургъ второе, Франкфуртъ-на-Майнѣ третье и Лейпцигъ четвертое мѣсто; по отношенію къ *исходящимъ* телеграммамъ порядокъ слѣдующій: Берлинъ, Гамбургъ и Лейпцигъ. Наибольшій доходъ почтово-телеграфнаго

Задача игры въ винтъ № 3.

(Игра втроемъ).

Первый партнеръ (А) имѣетъ:

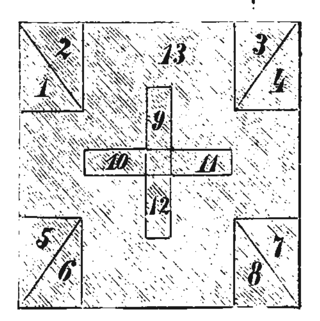


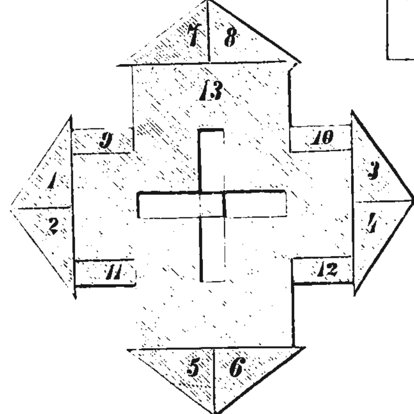
Не разсматривая картъ своего „деревяннаго“, у котораго, вдобавокъ, оказались тузы трефъ и червей, А объявляетъ „пять бубенъ“ и при розыгрышѣ остается безъ одной.

Предлагается распредѣлить остальныя карты между партнерами, причемъ, ни у одного изъ нихъ, ни у „деревяннаго“, не должно быть репонса ни въ одной изъ мастей, т. е. каждой изъ нихъ должно находиться не менѣе двухъ картъ?

Рѣшеніе геометрической задачи № 94

(помѣщенной въ № 50 1887 г.).

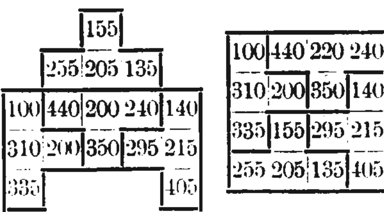




Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — А. Ребовалова, Ф. Михель, Д. Малина, **Москва** — З. В. Кудрявцева, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Яновъ** — А. А. Эбергъ.

Ребусъ. Задача № 4.

Рѣшеніе задачи № 93 (помѣщенной въ № 50 1887 года



Вѣрныя рѣшенія этой зада присланы отъ гг.: **Спб.** — Н. Л бавина, А. Струтинскаго, Ф. Р ронина, Ф. Михель, Ѳ. Студе ва, А. Самохвалова, Д. Сосни А. Шварикова, В. Конвалевска К. Ш., Д. Штейнъ, Н. И Ти мирова, **Москва** — А Блохина, Зазвонова, А. Самсонова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Бологое** — А. Карасева, **Вязьма** — А. Серневой, **Кострома** — Колодкина, **Медвѣдево** — Никольскаго, **Петроковъ** — М. Цунге, **Рязань** — Александрова. **Ц. Село** — Н. Сабиръ.

1-й заемъ 1864 года. 46-й тиражъ 2-го января 1888 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
173	28	500	2225	35	500	5463	12	1000	7700	19	500	10052	21	500	12340	11	500	14781	33	500	17197	32	500
233	38	1000	2251	13	500	5554	31	500	7974	44	500	10141	50	500	12424	38	1000	14805	34	500	17293	1	500
236	6	500	2260	16	500	5582	43	1000	8019	23	500	10244	23	500	12457	41	500	14885	50	500	17419	40	500
236	9	10000	2415	40	500	5641	46	500	8099	13	500	10282	38	500	12487	26	1000	14957	5	500	17428	17	1000
247	10	500	2424	13	500	5670	3	500	8182	36	500	10283	3	40000	12487	27	500	15013	40	500	17575	9	500
324	50	500	2431	4	500	5799	41	500	8449	41	5000	10385	11	500	12509	44	500	15044	16	1000	17647	11	500
333	28	500	2460	33	500	6084	3	500	8462	37	500	10411	40	500	12625	38	500	15130	47	25000	17696	24	500
356	3	500	2601	50	500	6116	3	500	8515	17	500	10443	12	500	12650	24	500	15182	6	500	17745	28	500
447	13	500	2641	5	500	6119	1	500	8557	49	500	10498	27	500	12653	43	500	15189	45	500	17750	41	500
449	4	500	2668	25	500	6188	32	500	8578	50	8000	10549	9	500	12707	20	500	15278	16	500	17756	5	500
473	36	500	2765	2	500	6289	50	500	8593	38	500	10573	34	500	12799	45	500	15309	29	500	17957	33	5000
493	11	500	3025	7	500	6293	8	500	8643	7	500	10638	7	500	12906	2	500	15376	17	500	18010	13	500
511	13	500	3064	34	500	6295	23	500	8657	37	500	10721	38	500	12930	27	500	15589	50	500	18018	30	500
538	37	500	3077	29	1000	6301	47	8000	8689	50	200000	10775	31	500	12948	34	500	15625	26	500	18190	48	500
740	50	500	3078	23	1000	6330	30	500	8728	9	500	10800	27	5000	13131	34	500	15746	16	500	18223	14	500
750	8	500	3367	25	500	6375	35	8000	8802	9	500	10821	17	500	13229	44	500	15751	14	500	18224	43	5000
756	50	500	3404	21	500	6487	41	500	8874	20	75000	10874	41	500	13274	27	500	16041	46	500	18235	2	500
1065	4	500	3474	18	500	6501	25	500	8876	3	500	10875	46	500	13320	21	500	16201	3	500	18388	50	500
1080	13	500	3529	47	1000	6519	29	1000	8896	50	500	11018	5	500	13497	14	500	16250	23	500	18628	41	500
1159	48	500	3695	37	8000	6607	24	500	8904	4	500	11034	47	500	13535	7	500	16254	32	500	18633	19	500
1162	43	500	3826	47	500	6769	11	500	8993	9	1000	11093	35	500	13735	25	500	16277	39	500	18726	34	500
1199	50	500	3906	43	500	6794	49	500	9074	42	500	11112	48	1000	13766	2	500	16301	4	500	18845	17	500
1329	20	500	4003	45	500	6889	9	500	9100	30	500	11177	7	500	13837	21	500	16315	39	500	18933	32	500
1377	10	500	4004	31	500	6936	37	5000	9193	23	500	11191	19	500	14025	34	500	16543	43	500	19156	41	5000
1436	21	500	4039	15	500	6961	8	500	9337	45	500	11229	3	1000	14155	48	500	16590	39	500	19172	49	500
1536	21	500	4169	30	500	6980	32	500	9445	33	500	11324	31	500	14176	3	500	16714	31	8000	19217	28	500
1557	12	500	4177	37	500	6982	22	500	9485	16	500	11337	3	5000	14184	39	500	16783	21	500	19255	2	500
1582	43	500	4241	7	500	7000	40	500	9506	19	500	11419	36	500	14218	41	500	16791	37	1000	19291	15	500
1647	1	500	4574	10	500	7003	11	1000	9535	29	500	11425	26	500	14232	27	500	16822	13	500	19318	16	500
1693	15	500	4671	23	500	7162	1	500	9541	41	500	11427	28	500	14307	18	500	16901	40	500	19390	43	500
1799	48	500	4729	32	500	7197	39	500	9550	40	500	11672	34	500	14465	6	500	16907	23	500	19470	50	500
1906	9	500	4755	13	500	7211	29	500	9583	19	500	11677	38	500	14473	6	500	16958	31	500	19505	11	500
1971	30	500	4813	19	500	7312	42	500	9616	22	500	11876	22	500	14510	1	500	16981	19	500	19525	8	500
1972	34	500	4829	39	500	7329	36	1000	9621	21	500	11897	48	1000	14563	29	500	17025	40	500	19632	30	500
1996	7	5000	5042	21	500	7368	8	500	9704	28	500	12171	27	500	14640	41	500	17121	37	500	19793	18	500
2062	2	500	5058	8	500	7510	1	10000	9816	42	500	12296	4	500	14652	5	10000	17169	8	500	19924	33	500
2165	18	1000	5126	27	500	7617	48	500	9819	4	500	12306	41	500	14694	13	500	17181	38	500	19951	32	500
2196	39	500	5368	31	500	7661	43	1000	9903	36	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

67, 233, 599, 703, 876, 1353, 1427, 1544, 1582, 2251, 2664, 2763, 2784, 2824, 3365, 3491, 3627, 4231, 4448, 4952, 4954, 4960, 5467, 5909, 6064, 6390, 6501, 6513, 7308, 7360, 7467, 7706, 7844, 8114, 8157, 8572, 8892, 9243, 9791, 9846, 10011, 10173, 10317, 10413, 10948, 11063, 11066, 11778, 11812, 12020, 12029, 12324, 12634, 12673, 12719, 13262, 13642, 13880, 14101, 14484, 14589, 14844, 14876, 15000, 15151, 15287, 15519, 15724, 15969, 16111, 16340, 16368, 16527, 16988, 17243, 17585, 17762, 17812, 17943, 17986, 18011, 18539, 18662, 19116, 19247, 19565, 19707, 19866.

вѣдомства представляетъ берлинскій округъ: 22.011,844 марокъ (включая сюда-же разницу по разсчетамъ съ иностранными почтово-телеграфными учрежденіями); слѣдующій по величинѣ доходъ даетъ Лейпцигскій округъ: 11.383,824 марокъ; затѣмъ слѣдуетъ Гамбургъ, доставляющій 10.182.142 марокъ. (с.)

Черепица изъ бумаги. Въ Америкѣ съ помощью особыхъ формъ дѣлаютъ черепицу изъ бумажнаго тѣста. Эту черепицу пропитываютъ затѣмъ специальнымъ растворомъ, который дѣлаетъ ее непроницаемой для воды, а затѣмъ подвергаютъ просушкѣ, въ особыхъ печахъ. Большое достоинство этой черепицы то, что она чрезвычайно легка; покрывая ее пескомъ различныхъ цвѣтовъ, можно ей дать прекрасный декоративный видъ. (н.)

Количество хлѣба на земномъ шарѣ въ 1886 г. Въ Европѣ это количество достигаетъ 413.459,554 гектолитровъ. Франціи принадлежитъ первенствующая цифра, равная 105 милліонамъ гектолитровъ; затѣмъ идутъ Россія—75 м. г.; Испанія—46 м. г.; Италія—45,6 м. г.; Венгрія—37,4 м. г.; Германія—29 м. г.; Ирландія, Шотландія и Великобританія—23 м. г.; Турція—14,5 м. г.; Австрія—11,1 м. г.; Швеція и Норвегія—870,000 гектолитровъ и Швейцарія 580,000 гектолитровъ. Количество хлѣба въ Америкѣ достигаетъ 184.389,021 гектолитровъ, изъ которыхъ на долю Соединенныхъ Штатовъ приходится 101.123,623 гект.; на долю Канады 43.116,058 гект.; на долю Аргентинской республики и Чили 10.149,340 гект. Количество хлѣба въ Индіи достигаетъ 91.031,134 гект., т. е. на 13 милліоновъ меньше, чѣмъ въ 1885 году. Въ средней Азіи было 15.224,010 гект.; въ Австраліи 7.843,770 гект.; въ Алжирѣ 11.600,000 гект.; въ Египтѣ 5.800,000 гект.; въ Персіи 9.424,388 гект.; въ Сиріи 5.769,628 гект.; около мыса Доброй Надежды 2.899,811 гектолитровъ. Въ общемъ все количество достигаетъ болѣе 740 милліоновъ гектолитровъ. (н.)

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, № 6.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

П. П. Гнѣдича.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 12 разсказовъ, на 486 стран., напечат. на хорош. велен. бум. и украшенный массою виньетокъ. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII в., въ 3-хъ частяхъ. Романъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ИЗГНАННИКЪ.

Вс. С. Соловьева.

Историческій романъ изъ временъ царствованія Императора Николая I. Въ 2-хъ частяхъ. СПБ. 1885 г. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 25 к.; **для гг. подписч. „НИВЫ“ брош. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.**

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Вс. Соловьева.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII вѣкѣ, во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПБ. 1886. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ВЪ КАМЫШАХЪ,

повѣсть **Н. Н. Каразина,**

съ 39 рисунками автора. Изданіе 2-е. Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр., и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

П. П. ГНѢДИЧА.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Кузина Бетси. Изъ случайныхъ встрѣчъ. Дуся. По домашнимъ обстоятельствамъ. На морскомъ берегу. Въ южной глуши. Сельская школа. Академическія студіи: I. Лемтюжниковъ. II. Пейзажистъ съ лодочкой. III. Силоамская купель. Подъ снѣгомъ. Передъ баломъ. Музыкальный вечеръ. Литературное чтеніе. Наши педагоги.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 485 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенный массой виньетокъ. Всѣ повѣсти и разсказы написаны живымъ, легкимъ языкомъ и читаются съ большимъ интересомъ. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

СОЧ. ВС. СОЛОВЬЕВА.

Историческій романъ конца XVIII вѣка. Здѣсь очерчены характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. СПБ. 1882 года. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Саліаса.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Это произведеніе знаменитаго нашего романиста можно назвать однимъ изъ лучшихъ. Въ 2-хъ ч. СПБ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ коленк. перепл. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Старый домъ.

Вс. Соловьева.

Историческій романъ изъ временъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I. Въ 2-хъ част., 693 стр. СПБ. 1884 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; **для гг. подписч. „НИВЫ“ брош. за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.**; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ 3 р. 75 к., съ перес. 4 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и воцаренія Елисаветы. **Изданіе. 3-е.** СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.; въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НАВОЖДЕНІЕ.

Вс. С. Соловьева.

Романъ изъ современной жизни. Напечатанъ на хорошей веленевой бумагѣ. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ, Н. Н. КАРАЗИНА,

съ 20 рис. автора. Изд. 2-е. Печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ. Романъ этотъ представляетъ продолженіе романа „Въ Камышахъ“. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к., въ каленк. пер. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ.

Изданіе ВТОРОЕ,

дополненное новыми рисунками и между прочимъ рисункомъ **„Туалетнаго зеркала со шкатулкой“** (на который мы имѣли массу требованій).

Весьма быстрая распродажа перваго изданія „АЛЬБОМА“ служитъ лучшей рекомендаціей изящному исполненію рисунковъ и практическому примѣненію ихъ, а потому, мы надѣемся, что и это ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ, будетъ также сочувственно принято публикою.

Цѣна въ изящной обертнѣ 1 руб., съ пересылкою 1 р. 30 к.

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ

П. П. ГНѢДИЧА.

ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** Комед. въ 2 дѣйств.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйст.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенный виньетками. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. Морскаго (Лебедева),

СЪ 118 РИСУНКАМИ И ВИНЬЕТКАМИ Н. Н. КАРАЗИНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ: 1) Дяденька. 2) Уличная пѣвица. 3) Ночь. 4) Обезьянка. 5) Грѣхъ-ли это? 6) Кувшинчикъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 75 к., съ пересылкою 3 р. 50 к. Разсказы написаны живымъ увлекательнымъ языкомъ и могутъ быть смѣло отнесены къ однимъ изъ наилучшихъ произведеній этого талантливаго беллетриста.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Вс. Крестовскаго

(автора „Петерб. трущобъ“).

3-е изданіе.

Цѣна 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ.

ВС. СОЛОВЬЕВА.

Историческій романъ-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ 2-хъ частяхъ. 711 стр. СПБ. 1883. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. коленк. пер. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ брошюрованный за 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника VIII вѣка Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только 3 года. СПБ. 1885 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к.; съ пер. 3 р 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.

Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русск. исторіи XVI в. Томъ этотъ украшенъ 20 рис. художника И. С. Панова. Изданіе III. СПБ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Всѣ вышеозначенныя книги можно получить въ СПБ., въ конторѣ журнала «НИВА», Невскій пр., № 6; въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Дозвол. цензур., СПБ. 5 января 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIX г. № 3 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 января 1888 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ѳ. К. Арнольдъ.

Третьяго апрѣля 1888 года минетъ 50 лѣтъ дѣятельности тайнаго совѣтника Ѳ. К. Арнольда, оставившей глубокіе и плодотворные слѣды, какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи русскаго лѣсоводства.

Ѳедоръ Карловичъ принадлежитъ къ семьѣ уже давно извѣстной въ Россіи. Отецъ его основалъ въ 1804 году въ Москвѣ „Практическую Коммерческую Академію“, существующую и донынѣ; старшій братъ, Иванъ, основалъ, также въ Москвѣ, извѣстное „Арнольдовское училище для глухонѣмыхъ“, а другой братъ, Юрій, извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ какъ композиторъ и авторъ многихъ сочиненій по теоріи музыки и изслѣдованіямъ русскаго церковнаго пѣнія.

Ѳедоръ Карловичъ родился въ Петербургѣ 1819 г., окончилъ курсъ въ Лѣсномъ Институтѣ въ 1838 г. и былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, откуда вернулся въ 1842 году. Въ этомъ году начато было, въ первый разъ въ Россіи, правильное устройство лѣсовъ и часть этихъ работъ была поручена Арнольду. Съ 1844 по 58 г. онъ исправлялъ должность начальника отдѣленія Лѣснаго Департамента. Занимая послѣднюю должность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1847 года читалъ лекціи въ Лѣсномъ Институтѣ; въ ноябрѣ 1857 года вышелъ онъ изъ Департамента и посвятилъ себя исключительно учебной службѣ, сперва въ Лѣсномъ Институтѣ, а затѣмъ перешелъ профессоромъ въ Земледѣльческій Институтъ, гдѣ онъ былъ избранъ деканомъ. Въ 1876 г. былъ назначенъ въ Москву директоромъ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, гдѣ также читалъ лекціи. Въ 1883 г. его назначили членомъ Совѣта Министра Государственныхъ Имуществъ и онъ переѣхалъ опять въ Петербургъ. Нѣкоторое время съ 1868—72 г. онъ въ качествѣ главноуправляющаго завѣдывалъ громадными имѣніями и лѣсами князя Н. Б. Юсупова. Почти всѣ нынѣшніе чины корпуса лѣс-

Ѳ. К. Арнольдъ (по поводу 50-лѣтія его дѣятельности).
Съ фот. Шерера и Набгольца въ Москвѣ, грав. Ю. Шюблеръ.

ничихъ — ученики Арнольда или учились по его руководствамъ, которыхъ имъ написано не мало: 1) „Руководство къ лѣсоводству“ 1854 г., потребовавшее второго изданія уже въ 1856 г.; 2) „Лѣсная таксація“ 1858 г., представленная на конкурсъ и удостоенная преміи въ 1200 р.; 3) та же книга въ новомъ, совершенно передѣланномъ изданіи 1868 г.; 4) „Лѣсоводство“ 1861 г., болѣе подробный курсъ; 5) Справочная книга для землевладѣльца и лѣсничаго, 1862 г.; 6) „Хозяйство въ русскихъ лѣсахъ“, 1880 г.; 7) „Оцѣнка дѣйствующихъ въ лѣсахъ капиталовъ и достигаемыхъ ими результатовъ“ 1884 г. Кромѣ того, подъ его редакціей вышли переводы: „Учебникъ древоизмѣренія“, соч. Кунца, и „Лѣсъ“, соч. Россмеслера; последняя книга собственно не переводъ, а изложеніе „русскаго лѣса“, въ духѣ Россмеслера. Сверхъ того, Арнольдъ написалъ еще массу статей въ различныхъ спеціальныхъ журналахъ. Кромѣ того, онъ основалъ „Газету Лѣсоводства и Охоты“, редакторомъ которой былъ съ 1855 — 1857. Первый же ученый трудъ исполненъ имъ уже въ 1844 г., „Инструкція для таксаціонныхъ работъ въ лѣсныхъ дачахъ, избираемыхъ для веденія правильнаго лѣснаго хозяйства“. По этой инструкціи, удостоенной спеціальнымъ по лѣсной части комитетомъ преміи, производилось устройство казенныхъ лѣсовъ до 1859 г. Чтобы вполнѣ оцѣнить заслуги Арнольда, необходимо припомнить, что съ 1844 по 1858 г. всѣ начинанія въ администраціи казенныхъ лѣсовъ проходили чрезъ его руки. Весь строй лѣснаго управленія, въ особенности: введеніе правильнаго лѣснаго хозяйства, охраненіе лѣсовъ, ихъ разведеніе, лѣсныя учебныя заведенія и искорененіе всякаго зла, перешедшаго на первыхъ порахъ въ наслѣдіе ко вновь учрежденному Министерству Государственныхъ Имуществъ, обязаны поэтому многимъ, если не всѣмъ, неутомимой дѣятельности и иниціативѣ Арнольда. Принимаясь энергически за каждое дѣло, зорко слѣдя за нимъ и настойчиво проводя его, онъ умѣлъ достигать успѣховъ, главнымъ образомъ, своимъ нравственнымъ вліяніемъ на сотрудниковъ и сослуживцевъ. Надо видѣть этого ветерана среди толпы чиновъ корпуса лѣсничихъ, чтобы убѣдиться, съ какою любовью и уваженіемъ относятся къ нему и молодежь, и старѣйшіе товарищи.

Пожелаемъ и мы ему отъ души еще много лѣтъ здравія и умственной свѣжести, чтобы онъ еще много могъ сдѣлать для нашего отечества.

Слуги.

(Изъ домашняго архива).

И. А. Гончарова.

(Окончаніе).

III.

Матвѣй.

Послѣ Антона слѣдовала еще цѣлая группа пьющихъ слугъ. Я всегда смотрѣлъ косо на пьяницъ—во всякомъ быту. А мнѣ, какъ нарочно, выпало терпѣть ихъ около себя. Я никогда не былъ покоенъ: пьянство—вѣдь это перемежающееся умопомѣшательство, иногда опасное, разрѣшающееся какой-нибудь неожиданной катастрофой, какъ уже отчасти и было съ Антономъ, а нерѣдко и большой бѣдой.

Мои безпокойства длились слишкомъ два года: мнѣ, во что̀ бы то ни стало, хотѣлось сбыть это домашнее иго. Для этого прежде всего нужно было рѣшить вопросъ: гдѣ искать трезваго слугу?

Задумчивый, печальный, направился я къ Аннѣ Петровнѣ, своей пріятельницѣ, охотницѣ устраивать свадьбы.

— Что̀ это васъ давно не видать? встрѣтила она меня.—Да что̀ вы такой невеселый?

Я молча опустился на диванъ, подлѣ нея, около ея рабочаго столика.

— Отъ чего быть веселымъ? вяло замѣтилъ я, въ раздумьѣ о томъ, какъ мнѣ устроить свой уголъ такъ, чтобъ не мучиться—въ ожиданіи то воровъ, то пожара отъ пьяной прислуги. Меня занималъ одинъ вопросъ: есть ли непьющіе слуги на свѣтѣ?

— Вы чѣмъ-то поглощены, сказала она, пристально глядя мнѣ въ глаза:—у васъ есть какая-то забота...

— Это правда: я ищу феномена...

— Ахъ, какъ вы хорошо сдѣлали, что зашли! вдругъ встрепенулась она, отложила свое вязанье въ сторону и подвинулась поближе ко мнѣ.—Представьте, у меня именно есть настоящій феноменъ! Красота, грація, воспитаніе, и какая душа, какое сердце!..

— И не пьетъ? разсѣянно спросилъ я—и самъ разсмѣялся.—Не можетъ быть!

— Да вы о комъ? Какой вамъ нуженъ феноменъ? спросила она, равнодушно отодвигаясь отъ меня на свое мѣсто.

— Мнѣ нуженъ... трезвый, совсѣмъ не пьющій слуга. Я сомнѣваюсь, чтобы нашелся такой—и въ этомъ моя забота и печаль.

— Женитесь, помолчавъ запѣла она свое:—и тогда...

— Прислуга не будетъ пить, вы думаете?

— Вы не будете замѣчать этого: напьется лакей и уйдетъ, тамъ будетъ поваръ или кухарка, не то такъ горничная: домъ никогда не останется пустымъ.

— Значитъ, мнѣ надо жениться, кромѣ жены, еще на горничной, на кухаркѣ, на лакеѣ... „Огромная опека“... Не шутя, Анна Петровна, не знаютъ ли ваши люди такого человѣка? Домъ у васъ большой, семейный, людей много: у нихъ между прислугой есть знакомства. И если найдутъ мнѣ такой феноменъ, я назначилъ бы премію.

— Хорошо, я скажу, и если что̀ найдется, дамъ вамъ знать, а вы дня черезъ три зайдите. Да вотъ, въ среду, придите обѣдать. У меня будутъ Катринь, Иванъ Карлычъ—мы составимъ вистикъ, а я между тѣмъ разспрошу.

Я ушелъ.

Но еще до среды, ко мнѣ какъ-то утромъ пришелъ отъ нея буфетчикъ, степенный, сѣдовласый, почтенной наружности слуга.

— Отъ Анны Петровны, сказалъ онъ:—кланяться приказали. Вы изволили спрашивать на счетъ слуги, чтобъ не пилъ?

— Да, а развѣ есть такой? спросилъ я.

— Есть-съ... только...

— Мало пьетъ?

— Ничего-съ, ни капли въ ротъ не беретъ, только...

— Только что̀? Скажите откровенно: грубіянъ, или лѣнивъ... не воруетъ ли?..

— Нѣтъ-съ, нѣтъ! съ усмѣшкой говорилъ буфетчикъ.—Только, пожалуй, посмотрите на него и не возьмете... Смѣшной ужь очень!

Я удивился.

— Смѣшной! Чѣмъ же смѣшной?

— Такъ, ужь очень смѣшной...

— На видъ, собой, что-ли? допытывался я.

— И собой, да и такъ: смѣшно говоритъ, и все не по-людски дѣлаетъ.

— Да умѣетъ ли онъ служить, быть въ комнатахъ, убирать, подавать чай, чистить платье, сапоги... словомъ, знаетъ ли должность слуги?

— Умѣетъ-съ: какъ не умѣть. Онъ у господина своего долго служилъ. Онъ крѣпостной; кажется, и до сихъ поръ еще не освободился. А только смѣшной! И жаденъ тоже.

— До пищи, что-ли?

Буфетчикъ засмѣялся.

— Никакъ нѣтъ-съ, онъ не ѣстъ совсѣмъ.

— Какъ не ѣстъ? Подлинно феноменъ!

— На деньгу жаденъ: копитъ!

— Это не бѣда: „скупость, говорятъ, не глупость“. Если онъ свои деньги бережетъ и не беретъ чужихъ...

Буфетчикъ опять засмѣялся.

— Никакъ нѣтъ-съ: свои скорѣй отдастъ, чѣмъ чужія возьметъ. Онъ честный-пречестный, серьезно прибавилъ онъ:—только смѣшной. Выходили ему мѣста—посмотрятъ, посмотрятъ господа на него и не берутъ.

Мы послали за нимъ; если угодно, пришлемъ, только врядъ ли и вы возьмете, сударь. Смѣшной ужь очень!

— Пожалуйста, пришлите! Я возьму, какой бы ни былъ: я безъ слуги въ настоящую минуту. Мнѣ пока прислуживаетъ женщина отъ сосѣдей.

Буфетчикъ пошелъ было.

— Да-съ, вотъ забылъ сказать, прибавилъ онъ:— Матвѣй... этотъ самый человѣкъ—не русскій, а изъ поляковъ, и господинъ его въ Польшѣ живетъ. Только Матвѣй по-польски не разговариваетъ, молиться ходитъ въ свою церковь, на Невскомъ...

— Ну, это все равно. Пришлите, пожалуйста, поскорѣе. Благодарите Анну Петровну, и я васъ благодарю. Не пьетъ, не воруетъ—это кладъ!

На другой день утромъ явился и Матвѣй. Я готовился засмѣяться, судя по описанію буфетчика, но когда посмотрѣлъ на него, смѣхъ замеръ у меня на губахъ.

Это былъ довольно длинный, лѣтъ сорока пяти, человѣкъ, худощавый, даже чахлый, будто только-что вставшій со смертнаго одра: кости да кожа. Небольшая голова, глаза впалые, бѣлесоватые, какъ у чухонца, безъ выраженія, большія, настежъ отворенныя губы, которыхъ онъ, кажется отъ слабости, не могъ сжать, лицо съ нависшими складками точно пожелтѣвшей отъ ветхости лайки; волосы жидкіе, подъ цвѣтъ старой рогожки. Одѣтъ въ сѣрый, длинный, поношенный сюртукъ, съ полинялымъ бархатнымъ воротникомъ. На шеѣ былъ старый вязаный шарфъ.

У меня сердце сжалось, глядя на него. Онъ, казалось, едва держался на ногахъ. Онъ прямо смотрѣлъ на меня—и будто съ трудомъ мигалъ и тяжело дышалъ. Ноги у него, начиная съ колѣнъ, были какъ будто не свои, не натуральныя, а деревянныя, приставленныя, вмѣсто оторванныхъ. Руки длинныя не по корпусу, какъ у орангъ-утанга.

„Смѣшной! Онъ не смѣшной, онъ жалкій!“ думалъ я, осматривая его.

— Ты боленъ? спросилъ я.

Онъ точно проснулся.

— Никакъ нѣтъ-съ! торопливо сказалъ онъ.—Я, слава Богу, здоровъ.

— Отчего же ты такой худой и блѣдный? Развѣ ты всегда былъ такой?

Онъ широко улыбнулся, губы распахнулись и обнаружили блѣдныя десны. Въ нижней челюсти недоставало зуба.

— Съизмалу, можетъ быть, былъ другой, говорилъ онъ тихо, съ передышкой, нещернымъ голосомъ, какъ умирающій.—А съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя—я все такой, какъ теперь...

— Ты не пьешь, сказываютъ? продолжалъ я.

— Нѣтъ-съ, не пивалъ и не пью ничего, кромѣ чаю да воды!

— Это хорошо, а вотъ, говорятъ, что ты и не ѣшь: это ужь не хорошо. Оттого ты и такой худой...

— Нѣтъ-съ, это не отъ того, съ жалкой усмѣшкой замѣтилъ онъ:—это отъ другаго...

— Отъ чего же?

— Битъ больно бывалъ.

Онъ какъ-то жалко, болѣзненно, взглянулъ на меня.

— Кѣмъ битъ?

— Извѣстно, бариномъ.

— А кто твой баринъ?

Онъ назвалъ польскую фамилію, которую я теперь забылъ.

— Онъ служилъ въ военной службѣ, въ гусарахъ, продолжалъ Матвѣй:—денщиковъ не бралъ, получалъ за нихъ деньгами, а я былъ у него вмѣсто денщика. Вотъ онъ и бивалъ меня, крѣпко бивалъ!

Онъ съ трудомъ, всей грудью дохнулъ, точно въ изнеможеніи.

— За что же?

— Такъ: вздумается и побьетъ. Извѣстно, баринъ за все можетъ бить, отвѣта нѣтъ ему. Чуть что не потрафишь, и начнетъ: и кулаками, по головѣ, и колѣнками тоже, а иной разъ саблей ударитъ, или сапогомъ..

Я съ ужасомъ слушалъ этотъ разсказъ и повѣрялъ, глядя на него, жестокую правду этихъ истязаній.

— Иной разъ не въ мочь было ѣздить съ нимъ на перекладной телѣгѣ, по тряской дорогѣ, онъ спихнетъ съ телѣги и велитъ придти до мѣста пѣшкомъ... Я съ годами и ослабъ. Вотъ онъ и взялъ казеннаго денщика, а меня отпустилъ на оброкъ. Пятьдесятъ рублей оброку положилъ...

Все это онъ разсказывалъ съ передышкой, умирающимъ голосомъ, медленно открывая и закрывая глаза.

„Боже мой, какой жалкій! А тѣ находятъ его смѣшнымъ!“ думалъ я, съ глубокимъ состраданіемъ слушая его.

— Все хочу откупиться на волю, да дорого проситъ, продолжалъ онъ:—семьсотъ рублей! Я давалъ четыреста—не беретъ.

— А у тебя есть столько денегъ? спросилъ я,

— Теперь ужь нѣтъ: осталось меньше трехсотъ, почти шепотомъ прибавилъ онъ.—Безъ мѣста долго былъ, платилъ за уголъ, и въ долгахъ тоже рублей шестьдесятъ пропадаетъ: не отдаютъ.

Онъ вздохнулъ.

— Да я прикоплю и выкуплюсь! довольно живо заключилъ онъ. У него даже глаза засвѣтились. Видно было, что выкупиться на волю было его завѣтной мечтой.

„Такъ вотъ отчего онъ жаденъ на деньги! думалъ я: „свободу хочетъ купить! Бѣдный, жалкій, жалкій!“

— Ты не торопись: можетъ быть и даромъ отпустятъ. Теперь идутъ толки объ этомъ... сказалъ я.

Тогда дѣйствительно въ высшихъ сферахъ былъ затронутъ этотъ вопросъ. Наступившія политическія событія въ Европѣ отодвинули его на второй планъ. Но онъ не заглохъ—и толки принимали уже довольно опредѣленный характеръ. Пока тихо, подъ спудомъ, но что-то готовилось...

— Богъ съ нимъ, съ бариномъ: я внесу, вотъ только понакоплю денегъ! заключилъ Матвѣй.—Можетъ быть баринъ и правовъ-то не имѣетъ: никакихъ, говорятъ, бумагъ у него на насъ нѣтъ, а держитъ!

Онъ тяжело вздохнулъ.

Жалкій! Жалкій!

— Гдѣ же накопить такую большую сумму? спросилъ я.—Изъ жалованья трудно, не ѣсть совсѣмъ—нельзя...

— Я наживу, баринъ, наживу: годокъ, другой—третій, семьсотъ рублей, и больше наживу...

— Чѣмъ же? спросилъ я въ недоумѣніи.—У тебя ремесла никакого нѣтъ...

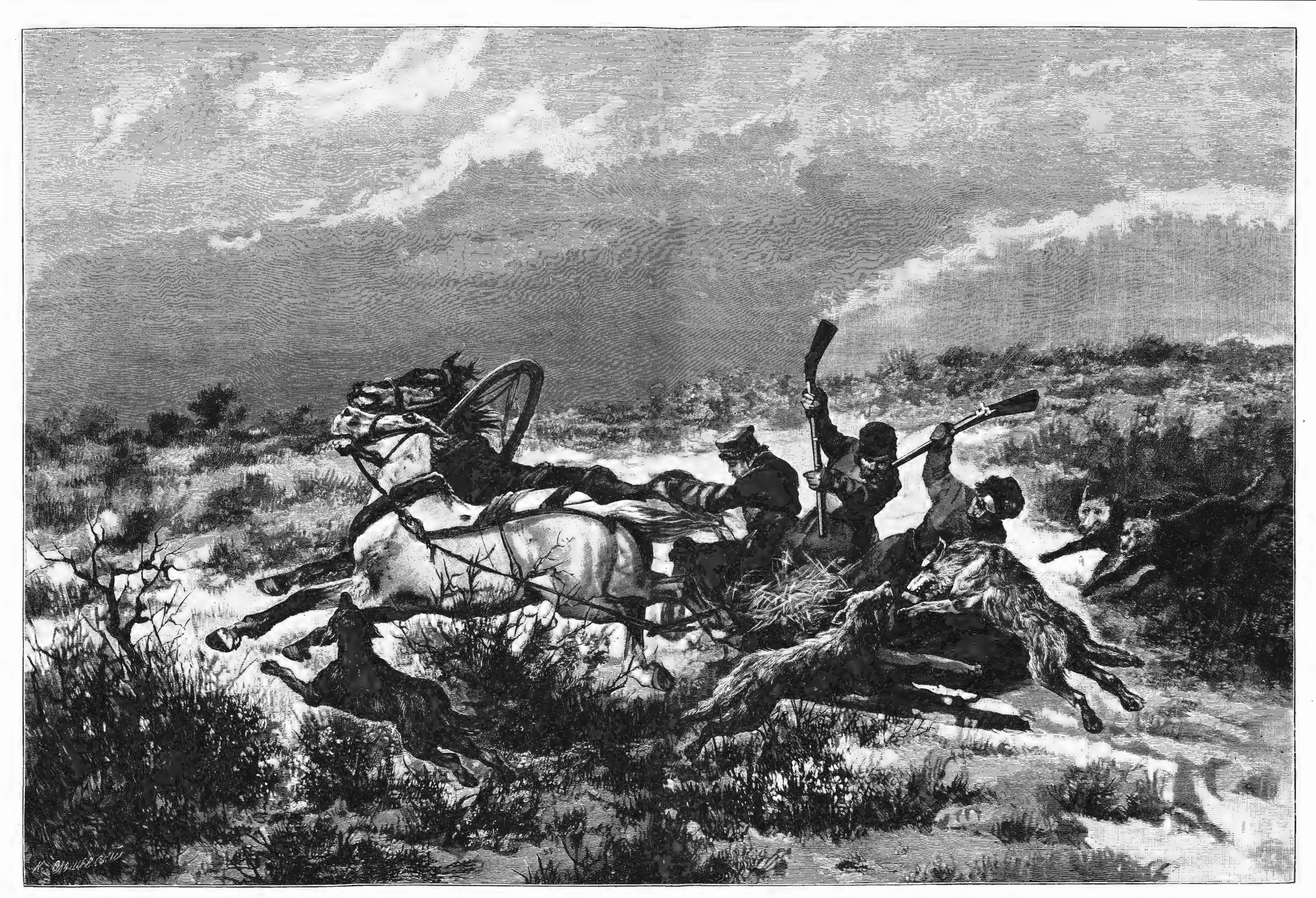
— Процентами, тихо, почти съ лукавой улыбкой, сказалъ онъ.—Въ долгъ деньги берутъ, подъ залогъ—и хорошіе проценты платятъ. Кому 50, кому 70 рублей нужно: даютъ по два, иногда по три процента въ мѣсяцъ.

„Ты... мелкій ростовщикъ!..“ хотѣлъ я сказать, но удержался. Онъ былъ такъ жалокъ. Я даже мысленно оправдывалъ его: онъ искалъ свободы!

— Какъ же ты можешь служить! сомнѣвался я.— Хоть у меня и не Богъ знаетъ какая служба, однако все же надо и дровъ въ печку положить, и затопить, и убрать комнаты, чистить платье. Случается иногда послать куда-нибудь... А ты такой слабый, щедушный... гдѣ же тебѣ?..

Къ удивленію моему, Матвѣй вдругъ ожилъ, точно я его своими словами вспрыснулъ какъ живой водой. Глаза и лицо просіяли, губы раздвинулись въ широкую улыбку, обнаруживъ десны. Онъ зорко осмотрѣлъ всю комнату, мебель, шкафы съ книгами, зашевелилъ руками, ногами.

— Все это могу-съ, все сдѣлаю: и печки буду то-



Встрѣча съ волками. Ориг. рис. (собственность „Нивы") проф. **Н. Е. Сверчкова**, грав. К. Ольшевскiй.

пить, комнаты убирать, платье чистить, самоваръ ставить и чай готовить, и въ лавочку ходить, за булками, и куда еще пошлете—и все прочее... все исправлю...

Онъ говорилъ не прежнимъ потухшимъ голосомъ, а твердо, скороговоркой. При этомъ губы и носъ его, съ каждымъ словомъ, описывали круги. Онъ даже молодцовато тряхнулъ головой.

— Ну, я очень радъ. Вотъ тебѣ денегъ, ступай, вези свои вещи, сказалъ я.

Онъ отступилъ.

— Нѣтъ-съ, баринъ, покорнѣйше благодарю... у меня есть... Какъ можно спервоначалу, еще не заслужилъ, а вамъ убытокъ! Нѣтъ-съ, нѣтъ! сказалъ онъ и къ удивленію моему денегъ не взялъ. Это какъ-то противорѣчило съ его жадностью къ наживѣ.

— Я часа черезъ два на извощикѣ все привезу... заключилъ онъ.

Я ему показалъ его помѣщеніе и всѣ мои комнаты.

— Вотъ твои, а это мои владѣнія. Держи въ порядкѣ, чистотѣ. Ты часто ходишь со двора?

— Только въ церковь, въ воскресенье, не каждое, а то никуда-съ.

— А знакомые есть?

— Есть кумъ у меня женатый: онъ рѣдко, въ мѣсяцъ разъ зайдетъ, больше никогда, никого-съ...

— Вотъ и бѣлье мое, и шкафъ съ платьемъ. Тамъ, въ той комнатѣ, посуда, серебро...

— Пожалуйте „ерестрикъ“: я все повѣрю и приму, сказалъ онъ.

— У меня никакого реестра нѣтъ: я тебѣ вѣрю.

— Такъ я самъ все запишу; безъ ереестра нельзя: Боже оборони—пропадетъ что-нибудь! сказалъ онъ и ушелъ, двигая ногами въ стороны, какъ деревянными.

Устроившись самъ, онъ дня два-три все разбиралъ мое добро. Записалъ платье, бѣлье, серебро, каждую чашку, ни одной тарелки не забылъ, и скрѣпилъ своей подписью: „такого-то числа принялъ Матвѣй“.

Онъ принесъ мнѣ этотъ „ерестръ“. Я хотѣлъ было бросить его въ корзинку, подъ столъ. Но онъ сдѣлалъ такую умоляющую мину и такъ жалостно просилъ меня провѣрить, такъ ли и все ли онъ записалъ, и спрятать въ столъ, что я на послѣднее согласился, а провѣрять отказался на-отрѣзъ.

— Если что износится, или разобьется, вы извольте отмѣтить на „ерестрикѣ“, приставалъ онъ ко мнѣ:—а если я что̀ разобью или потеряю, такъ изъ жалованья у меня вычтите!.

— Если ты меня будешь безпокоить этими пустяками, такъ я твой „ерестрикъ“ въ клочки разорву—слышишь? внушительно сказалъ я ему.—Я даю тебѣ полную свободу бить посуду, ломать или терять вещи—и никогда съ тебя за то ни гроша не взыщу. Прошу только объ одномъ: не пей!

— На этотъ счетъ будьте покойны, баринъ! сказалъ онъ, показавъ улыбкой обѣ десны.

„На этотъ счетъ: а на какой счетъ мнѣ не слѣдуетъ быть покойнымъ?“ думалъ я.

Наблюдая за нимъ еще нѣсколько дней, я видѣлъ, что онъ все какъ-то двоился: когда молчалъ, не двигался, слушалъ что̀ ему говоришь—онъ сохранялъ свой видъ изнеможеннаго, забитаго человѣка. Не сжималъ губъ, отвѣчалъ будто съ трудомъ и еле дышалъ. То вдругъ просыпался точно отъ сна и обнаруживалъ признаки жизни. Каждый вечеръ я однако ложился съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: доживетъ ли онъ до утра?

Я сказалъ ему, между прочимъ, чтобы онъ убиралъ мои комнаты по утрамъ, когда все тихо кругомъ, пока я еще въ спальнѣ.

Утромъ слѣдующаго же за тѣмъ дня, вставши, я только хотѣлъ позвонить, какъ услыхалъ ужасную суматоху, возню, стукотню въ комнатахъ. Падали вещи, что-то звенѣло, валилось.

Я заглянулъ туда. Вижу, мой Матвѣй, безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ, раскидывая нескладныя ноги врозь и простирая длинныя руки въ стороны, бѣгаетъ, скачетъ по моему кабинету, точно ловитъ курицу по двору. Въ комнатѣ все было не на своемъ мѣстѣ: мебель сдвинута, все раскидано, книги въ кучѣ на полу, мелкія вещи на окнахъ и т. д.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ я.

— Убираю-съ! сказалъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ и обнаруживая десны.—Вотъ лѣстницу у дворниковъ досталъ, печку вымылъ, со шкаповъ соръ смелъ, теперь лампы перетру, остались только книги!.. хвастался онъ.

Я отвернулся, чтобъ не захохотать: такъ онъ былъ смѣшонъ! Ни изнеможенія, ни вялости, ни мертваго вида,—просто смѣшонъ, невыразимо смѣшонъ!

— Что же тутъ стукнуло, зазвенѣло? спросилъ я.

— А вотъ, какъ я шкапы обтиралъ, такъ книжки свалились сверху, да вотъ еще стекло отъ лампы упало, разбилось... Я, баринъ, другое куплю, на свой счетъ...

Онъ схватилъ одной рукой щетку, другой тряпку и началъ опять бѣгать, скакать, ловить курицу, сшибъ со стола пепельницу, щеткой стукнулъ по зеркалу.

— Оставь! довольно убирать! сказалъ я, опять отворачиваясь, чтобъ не захохотать. Но онъ какъ будто не слыхалъ и долго еще возился, ставилъ все на свое, или лучше сказать, не на свое мѣсто. Тяжелые фоліанты грудой навалилъ на хрупкую этажерку, назначенную для фарфора и разныхъ легкихъ вещей: она гнулась подъ тяжестью книгъ. А легкія вещи, между прочимъ статуэтки, пресъ-папье, занесъ на шкафъ.

— Такъ будетъ лучше, баринъ: тамъ цѣлѣе будутъ! хвастливо прибавилъ онъ и очень удивился, когда я велѣлъ сію же минуту сдѣлать все наоборотъ: снять книги съ легкой этажерки и поставить опять на шкафы, а легкія вещи разложить на столѣ.

— Видишь, что ты надѣлалъ: почти совсѣмъ раздавилъ этажерку,—вонъ она шатается!

Онъ посмотрѣлъ на погнувшуюся этажерку, въ недоумѣніи, разиня ротъ, вздохнулъ и поставилъ нѐхотя все, какъ я велѣлъ.

Въ воскресенье, часа въ четыре дня, онъ попросился у меня въ свою церковь.

— Какая же у васъ служба теперь, въ эти часы? спросилъ я.

— Сегодня у насъ „супликація“ будетъ!

— А кромѣ супликаціи, еще что̀ бываетъ?

— А въ слѣдующее воскресенье будетъ „наука“, потомъ, черезъ недѣлю, еще „проповѣдь“.

Кромѣ этихъ выходовъ въ церковь, онъ не отлучался ни шагу. О винѣ и помину не было. Къ сожалѣнію, онъ воздерживался, повидимому, и отъ пищи: по крайней мѣрѣ я не замѣчалъ у него ничего съѣстнаго, кромѣ остатка селедки, огурца, рѣдьки, такъ что я почти принуждалъ его „употреблять“ остатки моего завтрака, совѣтовалъ протапливать печь, варить себѣ какой-нибудь супъ, предлагалъ ему денегъ купить мяса. Мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ вошелъ что называется въ тѣло.

— Нѣтъ-съ, баринъ, нѣтъ, зачѣмъ стану я вамъ убытокъ дѣлать! Богъ дастъ проживу! говорилъ онъ медленно, съ передышкой, и денегъ на провизію не бралъ.

— Вотъ дождемся праздника, тогда запеку окорочекъ, весело прибавлялъ онъ:—сдѣлаю пасху на сметанѣ, накрашу яицъ; придетъ кумъ и разговѣемся!

У него даже глаза блестѣли и явилась смачная улыбка. Онъ почти облизывался. Чуть румянецъ не заигралъ на щекахъ. Потомъ онъ внезапно опять принялъ свой мертвый видъ.

Жалкое и смѣшное мѣшалось въ немъ такъ слитно, что и мнѣ приходилось поминутно двоиться въ моемъ взглядѣ на него. Только что расхохочешься невольно, глядя на его ужимки, прыжки, на эту наивную улыбку съ обнаженными деснами, какъ вдругъ сердце со-

жмется отъ боли, когда онъ прерветъ свою рѣчь тяжелымъ вздохомъ и закроетъ потухшiе глаза. На этомъ, обвисшемъ въ складкахъ, блѣдно-желтомъ лицѣ, опять прочтешь неизгладимую исторiю перенесенныхъ имъ истязанiй.

— Ты много страдалъ, Матвѣй? сказалъ я ему однажды, когда онъ принесъ мнѣ подносъ съ чаемъ, и съ участiемъ глядя на него.—Какiя жестокiя боли ты вынесъ, ты просто мученикъ! Тебя надо въ календарь, въ Святые включить: вонъ какъ худъ! Преждевременно сколько морщинъ!

— Нѣтъ-съ, баринъ, это чтò за боли: это ничего! молодцовато отговаривался онъ.—Такiя-ли бываютъ! Это легко... а тѣ вотъ страшныя!

— Какiя-же еще есть такiя страшныя боли? спросилъ я.

— Ихъ три, три мученическiя муки, сказалъ онъ съ убѣжденiемъ.—Нашъ ксёндзъ, отецъ Iеронимъ, сказывалъ: „Нѣтъ, говоритъ, тяжелѣ этихъ самыхъ мукъ: когда, говоритъ, зубы болятъ, когда женщина родитъ и когда человѣкъ помираетъ“.

— А онъ почему-же знаетъ, твой ксендзъ? Про зубную боль, пожалуй, еще такъ, если у него болѣли зубы. А про рòды, какъ онъ можетъ знать: вѣдь онъ не родилъ самъ и не умиралъ тоже?

— Ксендзы все знаютъ! съ благоговѣнiемъ произнесъ Матвѣй, закрывая глаза:—Все-съ. Знаютъ, что съ душой человѣческой въ шестой и девятый день послѣ смерти дѣлается и по какимъ „мутарствамъ“ ходитъ она. Да-съ! со вздохомъ заключилъ онъ.

Кто-то въ эту минуту позвонилъ. Матвѣй мой вдругъ вспрянулъ, куда дѣвалось изнеможенiе! почти бросилъ подносъ съ чаемъ и однимъ прыжкомъ очутился въ передней, отперъ дверь.

— Дома-съ, пожалуйте! бодро и живо говорилъ онъ и такъ усердно стаскивалъ съ гостя пальто, точно грабилъ его. Тотъ, входя, покосился на него съ улыбкой.

— У васъ новый слуга? спросилъ онъ.

— Да. И не пьющiй, подивитесь!

— Въ самомъ дѣлѣ? Поздравляю: это рѣдкость. Только, какой онъ... смѣшной! заключилъ онъ, глядя, какъ Матвѣй ухватилъ съ обезьяньимъ проворствомъ подносъ со стола и, раскидывая ноги врозь, понесъ въ буфетъ, задѣвъ плечами за дверь.

Я вскорѣ къ свойствамъ „жалкiй“, найденнымъ въ Матвѣѣ мною, и „смѣшной“, какимъ находили его другiе, долженъ былъ прибавлять новые эпитеты, по мѣрѣ того какъ наблюдалъ его. Онъ становился для меня весьма сложнымъ и любопытнымъ этюдомъ характера. Я затруднялся найти въ немъ преобладающую черту, чтобы подвести его подъ какую-нибудь категорiю общечеловѣческихъ видовъ. Пока я замѣтилъ выдающимся—страхъ передъ „убытками“. Это слово являлось чаще всего у него въ рѣчи.

Между прочимъ онъ былъ неумолимо аккуратенъ и безпощадно честенъ. Первымъ онъ причинялъ мнѣ не мало досадъ. Потомъ былъ еще упрямъ, какъ волъ, и этимъ иногда выводилъ изъ себя. Я понималъ, какъ это должно было бѣсить его барина, молодаго, горячаго гусара.

— Поди отнеси эту книгу и отдай швейцару, скажешь ему: тутъ недалеко, въ такомъ-то домѣ.

— Я, баринъ, лучше ужò снесу, вотъ когда посуду перемою и когда вы уйдете...

— Теперь, сейчасъ снеси! надо приказать строго. Иначе не пойдетъ.

— Отнеси эти письма и посылку на почту, приказалъ я ему разъ:—сдай, потомъ зайди къ портному и заплати ему по этому счету: вотъ деньги, да не забудь взять росписку.

Воротясь вечеромъ, я нашелъ посылку и письма въ передней на столѣ. Я удивился.

— Что-же ты не отдалъ? строго спросилъ я.

— Опоздалъ, баринъ, жалкимъ голосомъ оправдывался онъ:—Портной какимъ-то господамъ примѣривалъ платья: я, почесть, часъ ждалъ. На почтѣ прiема ужь не было...

— Вѣдь я тебя прежде на почту послалъ!

— Я думалъ—по дорогѣ зайду прежде лучше къ портному...

И такъ на каждомъ шагу: какая-то страсть къ противорѣчiямъ!

Однажды, имѣя спѣшную работу—это было уже мѣсяца четыре спустя, какъ онъ поступилъ ко мнѣ,—я нà-строго велѣлъ ему никого не принимать въ теченiе нѣсколькихъ дней. Я слышалъ не разъ звонокъ: приходили, онъ отказывалъ, подавалъ потомъ мнѣ карточки—все какъ слѣдуетъ.

Но вдругъ слышу однажды онъ кого-то усердно проситъ. „Пожалуйте, дома-съ!“ говоритъ.

Я съ изумленiемъ жду. Входитъ одинъ скучный, болтливый господинъ, котораго я и въ свободное время избѣгалъ. Когда онъ ушелъ, я спросилъ Матвѣя, почему онъ, несмотря на мое приказанiе, принялъ гостя?

— У него двѣ звѣзды на обѣихъ грудяхъ: какъ-же эдакаго барина не принять: онъ „винералъ!“ оправдывался Матвѣй. Генераловъ онъ называлъ „винералами“ и питалъ къ нимъ какое-то суевѣрное почтенiе, или боялся, какъ большихъ собакъ, Богъ его знаетъ!

Послѣ того пропустилъ нѣсколько человѣкъ въ теченiе двухъ-трехъ дней. Я работалъ въ тишинѣ неутомимо, никто не мѣшалъ. Вдругъ опять слышу однажды громкiй звонокъ, въ самый разгаръ моей работы, и опять приглашенiе Матвѣя: „Дома-съ, пожалуйте!“

Раздался шумный шелестъ женскаго платья, точно вѣтеръ пробѣжалъ по лѣсу, влетѣла барыня, frou-frou, и разсѣлась, закрывъ юбками весь диванъ.

— Чтò вы тутъ дѣлаете, такая погода—а вы сидите за работой! Бросьте, бросьте! зачастила она.—Я прiѣхала похитить васъ; дачу ѣду смотрѣть: поѣдемте, поѣдемте безъ отговорокъ!

У меня утро пропало. Я, какъ только воротился, сейчасъ обратился съ вопросомъ къ Матвѣю, зачѣмъ онъ принялъ гостью?

— Барыня! говорилъ онъ въ свое оправданiе:—Я думалъ, какъ-бы вы не разгнѣвались, если не приму...

— Наканунѣ однако ты не принялъ одной барыни: зачѣмъ-же эту пустилъ? Кто тебѣ позволилъ? строго приставалъ я.

— Та, баринъ, пѣшкомъ приходила, одѣта не важно: я думалъ, на бѣдность просить пришла... боялся, вамъ убытокъ будетъ—и не принялъ...

— Вѣдь тебя твой баринъ, пожалуй, побилъ-бы за это непослушанiе, какъ ты думаешь? спросилъ я.

Онъ горестно вздохнулъ.

— Голову-бы проломилъ, съ жалкой улыбкой отозвался онъ:—Однажды до крови разбилъ, вотъ тутъ...

Онъ указалъ на затылокъ.

— Зачѣмъ-же не слушаешься: принялъ барыню!

— Да у ней, баринъ, на козлахъ кучеръ въ ливреѣ сидитъ и по-русски не говоритъ: агличанинъ, что-ли, какой... Я и подумалъ, какъ не принять!

Я сталъ привыкать и къ этой новой чертѣ. Но вотъ къ чему нельзя было привыкнуть—это къ его аккуратности. Дашь ему рублей десять, двадцать, на расходы: чай, сахаръ, булки, сливки и прочее. Когда деньги израсходуются, онъ является ко мнѣ съ запачканнымъ листкомъ на сѣрой бумагѣ, гдѣ все записано до послѣдней мелочи, и требуетъ, чтобъ я повѣрилъ. Тутъже принесетъ и остатокъ, какой-нибудь двугривенный, или мѣдныя. При этомъ никогда не преминетъ помянуть, чтò стало дороже, чтò дешевле.

— Сахаръ двумя копѣйками на фунтъ дешевле, баринъ! съ сiяющими глазами скажетъ, или, наоборотъ, съ унынiемъ объявитъ, какъ о сердечной утратѣ:—На черный хлѣбъ, баринъ, копѣйку набавили!

Онъ переносилъ все—и побои своего барина, терпѣлъ постоянную голодуху, падалъ силами отъ работы, но не падалъ духомъ. Только страхъ „убытковъ" превозмогалъ въ немъ все.

Я дѣлалъ видъ, будто просматриваю счетъ, потомъ дамъ опять денегъ, а счетъ брошу тихонько подъ столъ. Но онъ замѣтитъ, достанетъ его и тихонько-же подложитъ ко мнѣ въ бумаги, пока я не разорву.

Иногда вдругъ онъ суетъ мнѣ подъ носъ 10 или 20 копѣекъ. „Это лишекъ" скажетъ: „въ прошломъ счетѣ ошибкой два раза записано у меня за однѣ булки, такъ вотъ извольте..."

Взглядывая иногда мелькомъ въ эти счеты—я не могъ воздержаться отъ улыбки отъ его орѳографіи, а онъ принималъ эту улыбку за одобреніе и тоже улыбался отъ удовольствія. Орѳографія эта была своеобразная. Онъ признавалъ буквы *ѣ* и *ы*, но никогда не употреблялъ ихъ гдѣ надо: напримѣръ, писалъ „свѣкла", „смѣтана" „свечы", а слова „хлѣбъ", „хрѣнъ" писалъ „хлеб", „хрен" и т. п. Букву *ъ* онъ считалъ, кажется, совершенно лишнею, или „игнорировалъ", какъ говорятъ у насъ печатно нѣкоторые... знатоки французскаго языка.

Иногда Матвѣй лѣзъ ко мнѣ съ этими счетами среди занятій. Я молча смахивалъ со стола, и счетъ, и мелочь, и взглядывалъ на него, должно быть, звѣроподобно, потому что онъ тотчасъ со вздохомъ удалялся къ себѣ.

Онъ жилъ у меня уже года два—и я все болѣе и болѣе успокоивался. Онъ былъ вѣрнымъ моимъ, хотя и смѣшнымъ хранителемъ и опорою моего холостаго гнѣзда. Мои гости тоже привыкли къ нему и только улыбались, глядя на него, и особенно на его длинный, сѣрый сюртукъ. Я ему отдавалъ всѣ свои платья, но никогда не видалъ, чтобъ онъ носилъ какое-нибудь изъ нихъ. Куда онъ ихъ дѣвалъ, я не зналъ и теперь не знаю. Я настоялъ, послѣ упорной борьбы, на одномъ, чтобъ онъ при гостяхъ иначе не входилъ въ комнаты, какъ въ черномъ, почти новомъ сюртукѣ, который я подарилъ ему, вмѣстѣ съ панталонами, галстухами—и даже далъ перчатки, чтобъ подавать чай. Насилу я добился этого. Но когда онъ одѣлся во все это, я долженъ былъ сознаться, что онъ сталъ еще смѣшнѣе.

Были въ немъ еще нѣкоторыя, несвойственныя ему, такъ сказать, эпизодическія черты, какъ-то мало идущія къ его измученному, больному организму. Это были какія-то шаловливыя, почти ребяческія выходки, но онѣ мгновенно, гальванически, пробуждали тлѣвшую въ больномъ тѣлѣ искру жизни и тоже превращали этотъ ходячій трупъ—въ живое, прыгающее, скачущее, какъ обезьяна, существо.

Бывало онъ, когда я одѣваюсь, держитъ передо мной сапоги, или полотенце, или готовится подать сюртукъ—или несетъ подносъ съ завтракомъ—словомъ въ полномъ отправленіи своей обязанности, и вдругъ услышитъ ударъ барабана съ улицы, проходящую мимо музыку. Онъ мгновенно бросаетъ все, что́ у него въ рукахъ, и исчезаетъ. Я только слышу стукъ будто катящихся съ лѣстницы каменьевъ—это его убѣгающихъ ногъ. Я остаюсь съ однимъ сапогомъ въ рукѣ, или съ намыленной щекой и жду.

Окликнуть его, воротить—былъ-бы напрасный трудъ: онъ, какъ испуганная, закусившая удила лошадь, ничего не видитъ и не слышитъ. Минутъ черезъ десять онъ возвращается, почти всегда сіяющій, удовлетворенный.—„Винерала" (т. е. генерала) или князя такого-то везутъ хоронить, донесетъ онъ и разскажетъ, какой полкъ шелъ провожать, или „антирерія", кто ѣхалъ верхомъ, кто шелъ пѣшкомъ, сколько каретъ было и т. д.

Я пробовалъ сердиться, увѣщевать—ничего не помогало. Заиграетъ завтра музыка, онъ опять исчезаетъ. Однажды онъ такъ же исчезъ, хотя и музыки не было. Но у него былъ такой чуткій слухъ, что онъ мигомъ схватывалъ ухомъ всякое необычное движеніе или звукъ, шумъ на улицѣ, или на дворѣ. Онъ прибѣжалъ все-таки сіяющій, потому что какое-то зрѣлище было, но и съ недоумѣніемъ на лицѣ.

— Что̀ тамъ такое случилось? спросилъ я:—и зачѣмъ ты бросился, какъ мальчишка?

— Арестантовъ казнить повезли! выпалилъ онъ, сіяя отъ новости небывалаго случая.

Я смотрѣлъ на него, не сошелъ ли онъ съ ума.

— Какъ казнить, какихъ арестантовъ? Что ты городишь?

— Правда, баринъ—жандары, казаки, полиція съ ними, а они въ зеленыхъ каретахъ ѣдутъ... женщины кучей идутъ за каретами, все сморкаются, потому плачутъ: жалко мужей, сыновьевъ...

Это оказалась отчасти правда. Дѣйствительно по Литейной улицѣ провезли партію осужденныхъ, только не на казнь, какъ говорилъ Матвѣй, а просто ссыльныхъ.

Еще другое обстоятельство вызывало жизнь въ моемъ мертвенно-блѣдномъ слугѣ. Это ловля воровъ и расправа съ ними. Никогда, ни въ какомъ охотникѣ, мнѣ ни прежде, ни послѣ, не случалось замѣчать такой лихорадки страстности въ погонѣ за самой интересной дичью, какъ у Матвѣя за ловлей воровъ, и главное за битьемъ ихъ.

Не разъ онъ, сіяющій, блещущій жизнью, какъ внезапно расцвѣтшій цвѣтокъ, доносилъ мнѣ, что въ домѣ, иногда даже по сосѣдству, поймали гдѣ-нибудь на чердакѣ, въ подвалѣ, или застали въ квартирѣ, или въ лавкѣ, вора.

— Что же, въ полицію отвели? спрашивалъ я равнодушно.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно! Изъ полиціи его завтра выпустятъ. Нѣтъ, мы сами его отколошматили:—будетъ помнить!

— „Мы": да развѣ ты былъ тамъ?

— Какъ же-съ, баринъ, былъ! одушевленно, скороговоркой, добавлялъ онъ, показывая десны.—Какъ только дворники схватили, я, почесть, первый прибѣжалъ и помогалъ держать. Славно „наклали" ему: въ кровь все лицо!

— И ты билъ? спросилъ я, самъ боясь отвѣта.

— Самую малость, баринъ· я больше за шею его держалъ, за галстухъ, вотъ такъ, чтобъ не убѣгъ!

— И тебѣ не стыдно, не грѣхъ? наступалъ я на него.

— А онъ зачѣмъ чужое беретъ, баринъ? Какой „убытокъ" тому, кого обокралъ! Такъ ему и надо! энергически подтверждалъ онъ.

Случилась такая ловля однажды на дачѣ, на Выборгской сторонѣ. Я занималъ съ однимъ пріятелемъ верхъ на дачѣ протоіерея, а хозяинъ съ семействомъ жилъ внизу. Домъ стоялъ среди густаго сада. У насъ вверху было четыре комнаты и въ сторонѣ особое помѣщеніе для Матвѣя.

Мы съ пріятелемъ сидѣли однажды у длиннаго стола, передъ открытымъ окномъ, въ темную ночь, въ концѣ августа. Въ домѣ и въ саду была безмятежная тишина. Хозяинъ отбывалъ въ городѣ свою очередную недѣлю. Семейство было съ нимъ, и домъ былъ пустъ.

Я читалъ, сожитель мой сидѣлъ за казенными бумагами. Ночь тихая, ни зги не видать. Только я вижу, пріятель мой пристально всматривается во что-то изъ окна въ темноту. Наконецъ спрашиваетъ кого-то:—Что̀ ты тутъ дѣлаешь? что́ тебѣ нужно? Зачѣмъ ты влѣзъ на дерево?

— Съ кѣмъ вы разговариваете? спросилъ я.

— Да вотъ кто-то на деревѣ сидитъ.

Я выглянулъ въ окно и ничего не могъ разглядѣть.

Но этотъ разговоръ моего пріятеля съ кѣмъ-то въ темнотѣ—и мои вопросы уже разбудили вниманіе Матвѣя. Онъ почуялъ что-то необычное. „Воръ, воръ!" проговорилъ онъ, вихремъ мчась мимо насъ, почти не-

Кавказскіе типы. „Сазандаръ“. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.

одѣтый, въ рубашкѣ, съ накинутымъ сверху своимъ сѣрымъ сюртукомъ, затопалъ по лѣстницѣ и скрылся въ саду.

Я шутилъ надъ моимъ сожителемъ, обратившимся къ вору съ вопросомъ: „зачѣмъ онъ влѣзъ ночью на дерево и что тамъ дѣлаетъ?“

Черезъ добрые полчаса вернулся Матвѣй, радостный, торжествующій, и донесъ, что вправду воры были. Онъ разбудилъ сторожа, двухъ садовниковъ—и всѣ погнались за ворами, но двое убѣжали, а третій зацѣпился полой за плетень и былъ ими захваченъ.

— Что же вы? спросилъ я.

— „Наклали“ порядкомъ! хвастался онъ: — будетъ помнить! Какъ выпустили, такъ и бѣжать не могъ... Идетъ по переулку, да проситъ: „отпустите, Христа ради!“ А мы идемъ, да кто его въ шею, кто по скулѣ...

Онъ показывалъ какъ били.

— И ты тоже? спросилъ я съ омерзѣніемъ.

— Нѣтъ, баринъ, я только за шиворотъ его крѣпко держалъ и велъ, а вотъ сторожъ, тотъ больно билъ...

— И тебѣ не грѣхъ это?

— Они, баринъ, собирались у насъ внизу всю дачу обокрасть: тутъ и тачка у нихъ была припасена... изъ сосѣдняго сада взяли, и мѣшки принесли... Еслибъ обокрали дачу, на сторожа подумали бы... Ему досталось бы. Попъ-то строгій, скупой... Какой ему убытокъ!

Пріятель мой засмѣялся.

— Какой смѣшной, этотъ Матвѣй! сказалъ онъ.

А мнѣ онъ казался нераздѣльно и смѣшной, и жалкій, а въ этой ловлѣ воровъ отчасти и гадкій.

Шли годы. Я жилъ точно семейный: безопасно, уютно, не заботясь о цѣлости своего гнѣзда и добра, и благословлялъ случай, пославшій мнѣ такого друга-слугу. Да, друга, потому что въ немъ обнаруживались признаки—хотя рабской, т. е. лакейской, оставшейся отъ крѣпостнаго права, но живой преданности ко мнѣ и къ моимъ интересамъ, матеріальнымъ разумѣется. Другіе интересы были не по его разумѣнію и онъ въ нихъ не могъ входить. Ему, напримѣръ, непонятно было, какъ это я, сидя за „книжкой“, или за какой-нибудь „бумагой“, могу пренебрегать его „ерестромъ“, или счетомъ изъ лавокъ, гдѣ забрано разнаго товара рублей на двадцать, и не отрывая глазъ отъ книги, рву счетъ и бросаю подъ столъ, а сдачу, иногда 20, 30 копѣекъ, смахиваю ладонью со стола, какъ соръ! Убытокъ!

Еще онъ частенько надоѣдалъ мнѣ, кромѣ своего упрямства и подачи счетовъ, тѣмъ, что старался втягивать меня въ интересы своей наживы или копленья денегъ. Нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ явится съ золотыми часами и цѣпочкой спрашивать, можно ли дать „подъ нихъ“ 25 или 30 рублей. Стоятъ ли они того? Не то принесетъ брошку съ каменьями.

— Баринъ, стоитъ ли брошка 75 рублей? Клара проситъ подъ нее 30 рублей на три мѣсяца?

Клара—это какая-то жилица того же дома, гдѣ жилъ и я—жившая, по словамъ Матвѣя, богато. Я ее никогда не видалъ.

Я забылъ сказать, что у него была цѣлая кладовая разнообразныхъ предметовъ, напримѣръ, шубъ, женскихъ платьевъ, офицерскихъ пальто, лисьихъ салоповъ, бархатныхъ мантилій, развѣшанныхъ по стѣнамъ его комнаты и по корридору, тщательно прикрытыхъ простынями, частью лежащихъ на полкахъ, иногда на полу. То англійское сѣдло высовывается изъ-подъ кровати, то пара пистолетовъ виситъ на гвоздяхъ. Золотыя и серебряныя вещи онъ хранилъ — кажется — въ моихъ шкапахъ съ платьемъ и посудой.

Онъ принялъ за какое-то роковое правило тащить ко мнѣ и показывать всякую закладываемую ему вещь.

— Можно ли, баринъ, дать за эту шаль 25 рублей: говорятъ, она стоитъ 100 рублей? спрашивалъ онъ.

Или: „Вотъ просятъ 70 рублей подъ эту шубу: соболья ли она, не крашеная ли? Можно ли дать до зимы? Зимой хотѣли выкупить!“ и т. д. Такъ, что я приблизительно зналъ, что у него хранится подъ залогомъ.

На его стереотипные вопросы о стоимости вещей, получался мой стереотипный отвѣтъ: „Пошелъ вонъ, не мѣшай!“ Или: „Я твои вещи въ форточку выкину, если станешь приставать!“

Но, не смотря на мой, въ нѣкоторомъ родѣ, собачій отвѣтъ, черезъ день, черезъ два, его вопросы повторялись, и мои отвѣты тоже.

— Ты вѣдь незаконное дѣло дѣлаешь, говорилъ я ему не разъ:—на право давать въ ссуду деньги подъ закладъ надо имѣть особое свидѣтельство! Кромѣ того, тѣ, которые берутъ у тебя деньги, могутъ подумать, что и я съ тобой участвую въ этомъ дѣлѣ, или покрываю тебя. Вѣдь это гадость!

Онъ какъ будто немного терялся.

— Этого никто не знаетъ: я по знакомству даю, жаловаться никто не пойдетъ, торопливо, шепотомъ оправдывался онъ.—И господа это дѣлаютъ, тихонько, черезъ человѣка. Въ Гороховой одинъ баронъ этимъ занимается: онъ „винералъ“, а потихоньку, черезъ своего камердинера, даетъ взаймы подъ залогъ. Говорятъ, въ годъ тысячъ шесть наживаетъ! съ восторженнымъ ужасомъ добавилъ онъ.—У него страсть сколько денегъ!

— Вотъ видишь, про него уже говорятъ, а я не хочу, чтобъ, по твоей милости, даже подумали на меня! Ты, Матвѣй, лучше прекрати эту наживу, а то я, пожалуй, побоюсь держать тебя: это гадость!

— Это не грѣхъ, баринъ: и нашъ ксендзъ—я исповѣдался ему—сказалъ: „ничего, говоритъ, если не жмешь очень! Только на церковь не жалѣй!“ Я, что-же, самую малость беру: 2% въ мѣсяцъ и впередъ вычитаю только половину.

— Вотъ ты какой!

— Да-съ, это немного: другіе сто на сто берутъ... Одинъ купецъ—онъ торгуетъ въ лавкѣ, и деньги тоже дастъ...

Я махнулъ ему рукой, чтобъ шелъ вонъ.

— У меня ужь опять четыреста накопилось! торжествующимъ шепотомъ прибавилъ онъ, уходя.

Вниманіе его ко мнѣ, заботливость о моемъ спокойствіи и добрѣ, его неподкупная честность—онъ, не смотря на жадность, не продалъ бы меня ни за какіе милліоны—потомъ его трезвость и аккуратность—все это, если не привязывало, то располагало меня къ нему и заставляло дорожить имъ. Потеряй я его, онъ былъ бы незамѣнимъ.

Однако, я чуть было не лишился этого примѣрнаго слуги. И это по милости праздниковъ. Праздники, конечно, святое дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великое зло для Руси. Святые дни омрачаются такою тѣнью, позорятся такою грязью, какой не смоютъ никакія молитвы и посты. Это всѣ знаютъ—и всѣ покорно несутъ добровольное иго.

Однажды наступала Пасха. Я замѣтилъ еще на Страстной недѣлѣ какую-то особую суетливость и оживленіе у Матвѣя. Онъ куда-то уходилъ, что-то приносилъ, опять уходилъ: я постоянно слышалъ его скаканье по лѣстницѣ. Постъ онъ держалъ, не только католическій, но строже православнаго: буквально ничего не ѣлъ. Пилъ только послѣ меня чай съ булкой.

— Что ты суетишься? спросилъ я его.

— Окорочекъ купилъ, далъ запечь, и пасху тоже заказалъ на томъ дворѣ повару „винерала“ такого-то. Можетъ, баринъ, откушаете моей пасхи и окорочка!

Я далъ ему денегъ, чтобъ онъ купилъ и мнѣ яицъ, заказалъ куличей, пожалуй, пасху, чтобъ избавить его отъ „убытка“.

— Куличъ, если приказываете, закажу, а пасхи моей покушайте! почти умолялъ онъ.—Ветчина, колбаса и пирожекъ будетъ: и кумъ обѣщалъ придти. Вамъ не нужно заказывать: вы дома не кушаете!

— Да ты теперь, до Пасхи-то ѣшь: постъ для католиковъ не обязателенъ. Ты можешь ѣсть яица, молоко... Смотри, на что̀ ты похожъ!

— Не долго, два дня всего осталось! отвѣчалъ онъ, обнажая десны.

Дѣйствительно, пасха его была хорошая, т. е. менѣе запирающая горло, чѣмъ другія, и ветчина не совсѣмъ жесткая. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, что я попробовалъ того и другаго.

Въ праздники меня съ утра до вечера не бывало дома, и я не зналъ, что̀ онъ дѣлалъ. На четвертый день вотъ что̀ случилось.

Я, проснувшись, позвонилъ. Снурокъ отъ звонка висѣлъ подлѣ моей постели. Матвѣй не являлся, по обыкновенію, на мой зовъ. Я думалъ, что онъ вышелъ куда-нибудь, и подождалъ немного, потомъ опять позвонилъ сильнѣе. Никого. Только до меня донесся какой-то стонъ, издали, казалось, со двора. Я не обратилъ на это вниманія и позвонилъ еще сильнѣе. Стонъ послышался явственнѣе, какъ будто у меня въ квартирѣ. Въ то же время что-то шелестило въ корридорѣ, кто-то будто медленно двигался. Я быстро вскочилъ съ постели, накинулъ шлафрокъ и ждалъ. Шелестъ приближался. Дверь медленно отворилась и на фонѣ темноты явилась фигура...

Кто это: ужели Матвѣй?.. Нѣтъ, это... Лазарь, грядущій изъ гроба въ пеленахъ...

— Что̀ ты, что̀ съ тобой? едва я могъ проговорить, охваченный ужасомъ.

— У...и...а...ю!.. стоналъ онъ, шатаясь, трясясь, и держась за обѣ стѣны руками.

Губы у него не сжимались, отъ слабости онъ не могъ выговорить согласныхъ буквъ.

„Умираю“ хотѣлъ онъ сказать и не могъ, и съ этимъ словомъ пошелъ было къ себѣ, и тоже дойти не могъ. Я его довелъ и онъ безъ чувствъ рухнулъ на постель. Я наскоро одѣлся и побѣжалъ вверхъ, къ доктору, который жилъ этажемъ выше, и иногда пользовалъ меня. Мы съ нимъ сбѣжали внизъ, подняли шторы, занавѣсы. Онъ осмотрѣлъ больнаго и нашелъ, что у него начало горячки, только не могъ еще рѣшить, какой горячки и отъ чего: простудился ли онъ, или отъ невоздержанія.

Обличители, то есть „окорочекъ“, пасха, колбасы, были отчасти тутъ, на лицо. Я вкратцѣ объяснилъ доктору объ аскетическомъ воздержаніи Матвѣя и потомъ о разговѣньѣ.

— Я зайду ужо̀, послѣ обѣда, сказалъ докторъ,—я нынче дежурный въ больницѣ. Если онъ разнеможется—ему здѣсь неудобно, тѣсно и воздуху мало, надо его къ намъ, въ палату...

— Ради Бога! сказалъ я: — сдѣлайте все, докторъ, какъ для меня самого—ничего не жалѣйте!

— Будьте покойны, а теперь, вотъ дайте ему принять это питье.—Онъ наскоро начертилъ рецептъ.— Въ пять часовъ я зайду, а теперь велю въ больницѣ оставить свободную кровать.

Между тѣмъ мы кое-какъ привели Матвѣя въ чувство. Увидя меня, онъ заплакалъ.

— Какое вамъ безпокойство, баринъ, я надѣлалъ, Господи! стоналъ онъ, хватаясь за голову, за животъ.— Умираю, умру! Дворника бы ко мнѣ, Егора! молилъ онъ.

Я сошелъ внизъ, отыскалъ Егора и привелъ, а самъ пошелъ въ аптеку, за лекарствомъ, купилъ мяты, гофманскихъ капель, и того что̀ велѣлъ докторъ.

Дворникъ поставилъ самоваръ и по просьбѣ Матвѣя куда-то ушелъ. Оказалось, что Матвѣй, среди своей агоніи, позаботился опять-таки обо мнѣ.

Дворникъ привелъ какого-то, очень приличнаго молодаго лакея, пріятеля Матвѣя, который соглашался на время заступить его мѣсто.

Послѣ обѣда докторъ осмотрѣлъ больнаго и рѣшилъ, что его надо перенести въ больницу. Боли въ животѣ не унимались, также, какъ и рвота и поносъ.

— Умру, умру! стоналъ Матвѣй, и когда заступившій его мѣсто человѣкъ пошелъ за извощикомъ перевезти его въ больницу, онъ подозвалъ меня къ себѣ, вытащилъ изъ-подъ тюфяка у себя пакетъ и едва шевеля губами, говорилъ мнѣ чуть слышно:

— Здѣсь, баринъ, 443 рубля—пересчитайте, спрячьте эти деньги, и когда я умру...

Онъ залился слезами.

— Перестань! почти строго сказалъ я:—отъ чего умирать? Вздоръ какой! Объѣлся и умирать!

— Нѣтъ, баринъ, умру, охъ, охъ—у меня всѣ жилы тянетъ!.. Онъ хватался за животъ, за грудь.

— Что̀ же съ деньгами дѣлать? спросилъ я, пересчитавъ наскоро.

— Какъ умру половину ксендзамъ, баринъ, отдайте, на поминовеніе души... а другую... куму—онъ знаетъ...

Онъ схватилъ меня за руку, старался цѣловать, плакалъ, какъ ребенокъ. Къ вечеру его увезли и положили въ Маріинскую больницу, на Литейной. Я жилъ тогда рядомъ.

На другой день я пошелъ навѣстить его. Онъ плохо провелъ ночь, метался, бредилъ. Докторъ еще не могъ опредѣлить, какой оборотъ приметъ болѣзнь, выдержитъ-ли горячку его истощенный организмъ? Надъ кроватью его на дощечкѣ написано было: dysenteria.

Я старался ободрить его, но онъ плакалъ, твердилъ, что умираетъ, просилъ прислать новаго человѣка, чтобъ разсказать ему, гдѣ что̀ лежитъ, какъ надо мнѣ служить, что̀ и когда подавать.

Я чуть самъ не заплакалъ отъ этой заботливости обо мнѣ въ его положеніи.

„Нѣтъ, онъ не смѣшной!“ думалъ я, удерживая слезы.

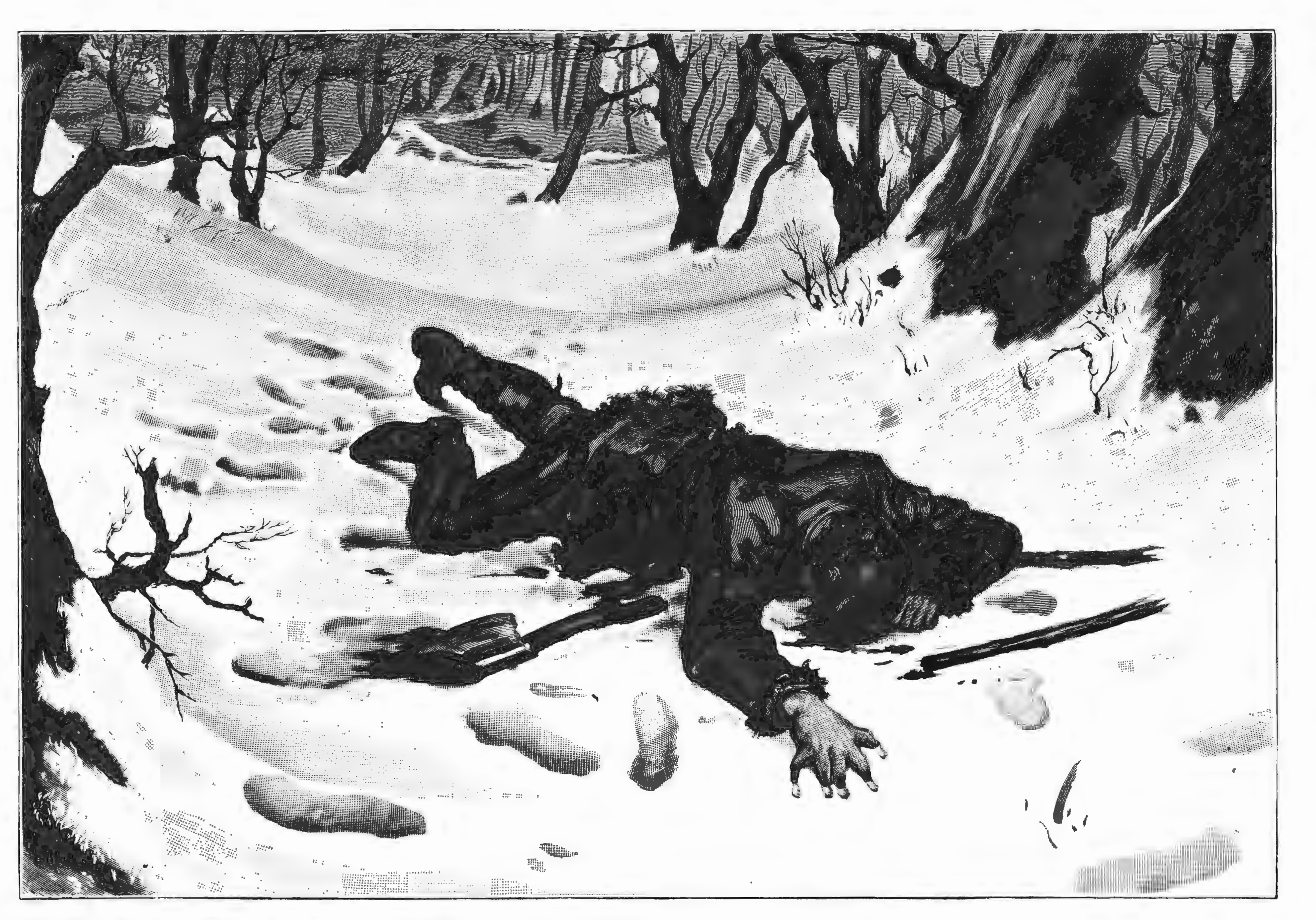
Черезъ три недѣли онъ, блѣдный, шатающійся, пришелъ домой и, не смотря на мои увѣщанія, вступилъ въ должность, чтобъ избавить меня отъ „убытка“ платить лишнее его замѣстителю. За эту „жадность“, онъ поплатился вторичною болѣзнью: опять припадки, больница, лекарства. Онъ оправился совсѣмъ, когда уже наступило лѣто, съ ясной и теплой погодой.

Онъ жилъ у меня долго послѣ того, лѣтъ шесть, если не больше. Онъ снарядилъ меня и въ дальнее кругосвѣтное плаваніе.

Тонкость его вниманія ко мнѣ простиралась до мелочей. Корабль нашъ не сразу вышелъ въ море. Насъ, собиравшихся въ путь, созывали въ Кронштадтъ, и потомъ откладывали выходъ въ море на два, на три дня— и мы уѣзжали въ Петербургъ. Мой небольшой багажъ былъ уже на кораблѣ и я поручилъ Матвѣю сдать мою городскую квартиру. Мебель моя и разныя вещи были отданы—теперь не помню кому. Оставался въ пустой квартирѣ одинъ Матвѣй.

Какую суету и усердіе выказывалъ онъ, когда я внезапно являлся, за отсрочкой отплытія, въ мои опустѣвшія комнаты! Онъ не допустилъ никоимъ образомъ, чтобъ я ночевалъ въ гостинницѣ. Онъ, Богъ его знаетъ, гдѣ и какъ, досталъ мнѣ постель, тюфякъ, подушки, одѣяло, даже принесъ откуда-то, какъ теперь помню, какую-то женскую горностаевую кацавейку, вмѣсто шлафрока, устроивалъ мнѣ ложе, поилъ утромъ и на ночь чаемъ, и съ тоскливой, жалкой миной, опять прощался со мною, такъ что я готовъ былъ заплакать. Но тутъ-же онъ прибавилъ сквозь слезы:—Я помолюсь за васъ, баринъ, и отца Іеронима попрошу помолиться, чтобъ воротились... здорово, благополучно... „винераломъ!“

Я проплавалъ два года, да возвращаясь Сибирью, ѣхалъ около полугода, и рѣками, и сухимъ путемъ, съ августа до февраля. Съ дороги, помнится изъ Казани, я писалъ друзьямъ въ Петербургъ, чтобы отыскали мнѣ квартиру, нашли какого-нибудь слугу и дали-бы мнѣ знать въ Москву.



Литерат. альбомъ. „Въ деревнѣ“, стих. Некрасова. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **Н. Кравченко**, грав. Ю. Шюблеръ.

Имп. Гатчинскій Николаевскій Сиротскій Институтъ (по поводу 50-й годовщины его основанія).
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Это было въ 1855 году. Тогда уже открыта была Николаевская желѣзная дорога. Я получилъ извѣстіе, что подходящая мнѣ квартира найдена на Невскомъ проспектѣ, съ обозначеніемъ № дома.

Не безъ волненія подъѣзжалъ я съ багажемъ, въ наемномъ экипажѣ, къ означенному дому, думая о томъ, сколько мнѣ предстоитъ хлопотъ устраиваться на новой квартирѣ, заводиться тѣмъ-другимъ — вмѣсто отдыха послѣ такого длиннаго пути!

Робко я позвонилъ у двери новой своей квартиры, сопровождаемый дворникомъ. Дверь отворилась и на порогѣ явился—Матвѣй!!

Я ахнулъ отъ изумленія, отъ радости.

— Баринъ! Баринъ! оралъ во все горло, обнажая десны, Матвѣй, какъ будто кричалъ: „пожаръ! караулъ!“ и бросился цѣловать мнѣ руки, плечи, смѣялся, скакалъ, рвалъ у дворника и у меня мѣшки, пледъ, вещи изъ рукъ.

— Все готово-съ, пожалуйте, баринъ! Богъ услышалъ мои молитвы—отецъ Іеронимъ... обѣдню ему закажу... И постель уже пятый день готова... дровъ купилъ... уголь, свѣчи... все есть... чай, сахаръ два фунта...

Проговоривъ это скороговоркой, разинувъ ротъ, задыхаясь, онъ опять скакалъ около меня, буквально рвалъ съ меня платье.

— Успокойся, другъ мой! просилъ я, но напрасно.

— Вещи гдѣ, чемоданъ, платье, бѣлье?..

— Тамъ, въ каретѣ все... дворники принесутъ, погоди! унималъ я.

— Пойдемъ, пойдемъ, Василій! тащилъ онъ дворника. Насилу я могъ сунуть ему деньги заплатить за карету.

Все принесли. Черезъ часъ я уже сидѣлъ за чаемъ, въ своемъ креслѣ, съ сигарой—какъ будто никуда не выѣзжалъ.

А Матвѣй разбиралъ мое платье, бѣлье, разложилъ груды по стульямъ, столамъ, диванамъ.

Просто умилительно!

„Добрый, славный, честный, но и какой смѣшной Матвѣй!“ думалъ я, глядя какъ онъ суетится. Не даромъ лакеи смѣялись надъ нимъ! Какъ же не смѣшной: не лжетъ, бережетъ и свои, и чужія деньги и все что̀ ему довѣряютъ, мало ѣстъ, не пьетъ вина, не обманываетъ, преслѣдуетъ воровъ, и не съ злобой, а съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о побояхъ барина, да еще ищетъ свободы! Какъ же не смѣшной! Такимъ, глядя на него, и считаютъ его всѣ: но не замѣчаютъ въ немъ эти всѣ то̀ не-смѣшное, чего у нихъ самихъ нѣтъ, что̀ свѣтится въ этомъ чахломъ, измученномъ тѣлѣ и неожиданными искрами прорывается наружу. Донъ-Кихотъ тоже былъ смѣшной!

Матвѣй разложилъ платье, бѣлье, вещи, конечно не на свои мѣста, руководствуясь не моими, а своими соображеніями. Но я просилъ его отложить все до утра. Утромъ, лишь только я всталъ, онъ явился... съ „ерестромъ“ привезеннаго мною платья, бѣлья и вещей и со счетомъ купленнаго имъ къ моему пріѣзду сахару, чаю, дровъ и прочаго. „Хлеб“, „свечы“, „мило (мыло)“ опять запестрѣли въ глазахъ.

— Дрова 75-ю копѣйками дороже прошлогодняго! горестно замѣтилъ онъ.—За то сахаръ и свѣчи дешевле, прибавилъ онъ и просіялъ, суя мнѣ счетъ и „ерестръ“.

Я въ отчаяніи всплеснулъ было руками, потомъ расхохотался. И онъ показалъ десны.

— Ты все такой-же, Матвѣй: неисправимъ!

Онъ стоялъ передо мной, все въ своемъ сѣромъ сюртукѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, но съ примѣсью тихой радости въ глазахъ, о томъ, что я опять у себя, а онъ у меня. Онъ, кажется, любовался мною.

— Тебѣ цѣны нѣтъ: знаешь-ли ты, Матвѣй?

Онъ понялъ это буквально.

— Баринъ мой сбавилъ цѣну, соглашается теперь на пятьсотъ! захлебываясь отъ радости, сказалъ онъ:—Прикащику велѣлъ написать ко мнѣ, а я послалъ письмо, что скоро деньги вышлю... Четыреста у меня ужь есть, довѣрчиво, шепотомъ прибавилъ онъ:—Мѣсяца черезъ три, Богъ дастъ, прикоплю и остальное.

— Какъ четыреста: вѣдь у тебя еще до моего отъѣзда была ужь эта сумма! Теперь должно быть вдвое. Развѣ ты не копилъ безъ меня, или прожилъ?

Лицо у него помрачилось, приняло такой мертвый видъ, какого я и прежде не замѣчалъ.

— Тѣхъ денегъ ужь нѣтъ, баринъ... сказалъ онъ съ передышкой, глядя въ сторону.

— Куда же онѣ дѣлись: украли что ли, воры были?

Онъ вдругъ ожилъ, десны показалъ.

— Никакъ нѣтъ, баринъ: куда ворамъ! Я бы изловилъ ихъ... и вотъ какъ...

Онъ показалъ руками, какъ бы онъ истерзалъ вора.

— Ногъ бы не унесли, не токма денегъ...

— Куда-жъ онѣ дѣлись?

Онъ помолчалъ минуту.

— Кумъ пропилъ! съ глубокимъ вздохомъ, зажмуривъ глаза, прошепталъ онъ.

— Пропилъ! Зачѣмъ же ты давалъ: ты бы въ банкъ положилъ...

— Въ банкѣ нельзя держать: деньги часто нужно давать взаймы—куда въ банкъ бѣгать! Я и отдалъ куму на сбереженіе: они съ женой живутъ одни на квартирѣ, комната у нихъ не бываетъ пустая: то онъ, то жена всегда дома. У нихъ я и мои закладныя вещи держалъ. Только я да они двое и знали объ деньгахъ... Самъ я уголъ нанималъ; въ углу, извѣстно, баринъ, всякій народъ толчется... утащатъ. Я и отдалъ куму спрятать!.. прибавилъ онъ шепотомъ, съ тяжкимъ вздохомъ.—Онъ держалъ ихъ въ трубѣ, въ горшечкѣ, чтобъ не замѣтили, да не украли—и все таскалъ, сначала понемногу, а потомъ взялъ все и мѣсяца три пропадалъ... все пилъ!

Опять глубокій вздохъ и изнеможенный видъ. „Жалкій, жалкій!“ ворочалось у меня въ головѣ.

— Такъ и не отдалъ? спросилъ я.

— Гдѣ отдать! Обнищалъ весь: я ему, какъ пришелъ, свои старые сапоги далъ, да отъ васъ панталоны оставались, нечего надѣть ему, отдалъ, деньгами тоже рубль далъ... добавилъ онъ, закрывъ глаза.

— Какіе же это теперь у тебя четыреста рублей—гдѣ ты взялъ?

Онъ вдругъ ожилъ, глаза засвѣтились...

— Опять накопилъ, баринъ! торжествуя, скороговоркою, обнажая десны, сказалъ онъ.—Дѣла шибко, хорошо пошли. Въ домѣ, гдѣ я жилъ, молодые господа были: вотъ они часто бирали, проценты, какіе хочешь, давали. Иногда брали безъ залога и все отдавали аккуратно! Года въ полтора я все, почесть, воротилъ. Теперь опять много заложенныхъ вещей здѣсь у меня лежатъ...

Прошелъ съ годъ, Матвѣй мой сталъ поговаривать, что онъ хочетъ снять квартиру, пускать жильцовъ... Я съ болѣзненнымъ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Ты хочешь покинуть меня! почти горестно воскликнулъ я.

— Теперь нѣтъ-съ, нѣтъ! заторопился онъ говорить,—а вотъ къ осени, баринъ, отпустите меня (это было въ апрѣлѣ)!.. Онъ такъ жалостно просилъ.—Къ осени прикащикъ мнѣ вышлетъ отпускную, когда я деньги пришлю въ контору, не всѣ, половину, а другую послѣ... У меня еще пятьсотъ останется, таинственно прибавилъ онъ.

Я вздохнулъ.

— Что жъ дѣлать—простимся! сказалъ я.

— Я вамъ другаго поставлю, баринъ, такого же...

— Нѣтъ, Матвѣй, такого мнѣ не найти!

Тутъ онъ повѣдалъ мнѣ неожиданную вѣсть, что у него есть женщина на примѣтѣ и что она не прочь за него замужъ...

Я не дослушалъ и всталъ въ изумленіи съ креселъ.

— Ты... жениться хочешь?... Неправда!.. Я не договорилъ и закатился хохотомъ.

И онъ показалъ десны.

— Правда, баринъ, правда... заторопился онъ и будто застыдился.

— Ты—семейный человѣкъ, съ женой, съ дѣтьми... Я опять захохоталъ.

— Богъ съ ними, съ дѣтьми! Какія, баринъ, дѣти! Куда мнѣ: это баловство, тьфу!

Онъ пошелъ, плюнулъ въ уголъ и воротился.

— Она почти старушонка! продолжалъ онъ.

— Тебѣ-то что за охота связать себя!..

— У ней деньги есть, шепотомъ говорилъ онъ;—говорятъ, за тысячу будетъ и больше, двѣ, можетъ-быть. Она знаетъ, что и у меня тоже есть... Мы будемъ вмѣстѣ дѣла дѣлать: снимемъ большую квартиру, кухмистерскую откроемъ, жильцовъ пустимъ. Залу станемъ отдавать подъ свадьбы, подъ балы... Какъ наживемся—страсть! Вотъ, баринъ, безъ хозяйки этихъ дѣловъ нельзя дѣлать.

Осенью мы съ нимъ простились—оба съ сожалѣніемъ. Онъ дѣйствительно женился, открылъ заведеніе, столовую, приходилъ звать меня „откушать“ его стряпни. Но я не былъ, а слышалъ отъ знакомыхъ что кухня у него недурная и дѣла идутъ, хотя онъ еще не выкупился у барина. Залу снимали дѣйствительно подъ свадебные балы и ужины.

Въ Новый Годъ и Пасху онъ года три сряду являлся ко мнѣ, во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, съ часами. Боже мой, какъ онъ былъ смѣшонъ! Когда я, по старой памяти, вынималъ изъ бумажника ассигнацію и хотѣлъ подарить „на красное яичко“—онъ, какъ раненый волкъ, отскочитъ и съ упрекомъ обращается ко мнѣ:

— Я не за тѣмъ, баринъ, не затѣмъ. Боже оборони! Я молюсь за васъ... и никогда васъ не забуду!

„За что?“ думалъ я, глядя на него, и со смѣхомъ, и со слезами.

Въ послѣдній разъ онъ пришелъ ко мнѣ, услыхавъ что меня произвели въ чинъ. Какъ онъ вскочилъ ко мнѣ, какъ прыгалъ, какими сіяющими глазами смотрѣлъ на меня!

— Я вамъ говорилъ, баринъ, говорилъ, я зналъ что будете „винераломъ“—я молился! торопливо и радостно поздравлялъ онъ меня, цѣлуя въ плечо.

— Графомъ дай Богъ вамъ быть! почти съ визгомъ произнесъ онъ, уходя.—Я помолюсь!

Очень сожалѣю, что я не дослужился до этого титула, хотя бы затѣмъ, чтобъ опять увидать Матвѣя (онъ бы прибѣжалъ, если живъ еще) и посмотрѣть, что̀ онъ сдѣлаетъ, какъ будетъ прыгать и что̀ скажетъ!

P. S. Я послѣ слышалъ, что Матвѣй откупился, внесъ деньги и получилъ отпускную, незадолго до Манифеста 19 февраля.

Сказка о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой.

Я. П. Полонскаго.

(Окончаніе).

12.

Засмѣялася Кривда лукавая—
И такъ громко она засмѣялася,
Что отъ страха великаго
Богатырскіе кони осѣдланные
Сорвались,—кто куда разбѣжалися;
Изъ насиженныхъ гнѣздъ, съ дикимъ карканьемъ,
Поднялось воронье, а изъ темныхъ водъ,
Изъ рѣки что-то вынырнуло,
Забѣлѣлось какъ пѣна и поплыло—
Расплескало волну и зашлепало...
Подошла Кривда къ мечу-кладенцу,
Приподняла его и, натужившись,
Потащила въ кусты по сырой землѣ:
Борозда прошла по сырой землѣ—
Не по силамъ ей былъ богатырскій мечъ.
Не смогла она, Кривда лукавая,
Изъ ножонъ его вынуть-вытащить,
И пока надъ нимъ она маялася,
Свою женскую силу надсаживала,
На востокѣ заря зарумянилась.
Но Ивану, въ лицо его сонное
Не одинъ день тоскливо заглядывалъ,
На него даже Кривда заглядывалась:
„Эхъ! Дѣтина ты, глупый дѣтинушка!
Будь не глупый ты парень—покладистый,
Я-бъ охотно съ тобою слюбилася,
Былъ бы ты у меня въ большой чести,
Я дала бы тебѣ королевскій санъ,
Далеко бы, по всѣмъ странамъ
Твою мощь, твою силу прославила.
А теперь, волчья снѣдь—травяной мѣшокъ,
Спи-лежи невидимкою,
Дожидайся втораго пришествія!“
Тутъ она лыкомъ его опоясала,
Чтобъ ему только Горе и снилося,
Чтобъ и сны его были нерадостны.
И пошла домой Кривда лукавая,
По камнямъ идетъ—спотыкается:
Непривычно ей по камнямъ ходить;
По тропинкѣ идетъ—оглядывается,
И мерещится ей, что за ней идетъ
Что-то голое, зябкое, сѣрое
И вопитъ умоляющимъ голосомъ:
„Ой, отдай ты мнѣ, Кривда, хоть лыко мое!“

13.

За недѣлю недѣля—какъ трава ростетъ,
Годъ за годомъ—какъ рѣка течетъ,
Тяжко спитъ, бредитъ, вздрагиваетъ
Святорусскій богатырь Иванъ Богуслаевичъ,
И земля подъ нимъ стала вздрагивать,
И мутилась вода, и рѣдѣли лѣса,
И шелъ моръ на людей, и травой-лебедой
Проростали посѣвы крестьянскіе,
А съ пожарищъ несло горькой копотью.
И взмолилася Правда истинная
Самому Христу Сыну Божію:
„Ужъ пусти ты меня, Царь небесныхъ силъ,
Изъ Рая, изъ Царства Небеснаго
Походить по землѣ, кровью политой,
Орошенной слезами горючими,
Всю насквозь гнилью труповъ упитанной
И къ Тебѣ за спасеньемъ взывающей:
Спаси Господи люди Твоя!“
И глаголетъ ей Сынъ Человѣческій:
„Не простыла, видно, любовь твоя
Къ людямъ, вѣчно Меня распинающимъ...
Да возрадуется сердце твое!
Въ міръ гряди—искра мысли Моей,
Капля крови Моей—Правда истинная—
Да возрадуется сердце твое!
Какъ придешь въ міръ скорбей, повтори ему:
Гдѣ любовь, тамъ и свѣтъ, тамъ и Царство Мое—
Да возрадуется сердце твое!“

И подвигнулись силы небесныя
Отъ божественныхъ словъ Искупителя,
Заиграли лучами и сладостными
Голосами запѣли: „Святъ, святъ, святъ Господь!“
И на землю сошла Правда истинная,

Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣнцѣ,
И десницей она прикоснулася
Къ молодому бойцу, что состарѣлся,
Досыпая свой вѣкъ, подпоясанный
Лыкомъ стараго Горя-злосчастія.

И проснулся Иванъ Богуслаевичъ
И протеръ глаза; сталъ искать меча—
Не нашелъ меча, сталъ дружину звать—
Никого не дозвался, не докликался.
И, шатаясь, пошелъ онъ на родину,
Не узналъ богатырь милой родины.

Тутъ увидѣло Горе-злосчастіе,
Что идетъ по дорогѣ Иванъ-богатырь,
Закричало ему въ свою голову:
„Помоги мнѣ, родимый Иванушка,
Побороть эту Кривду лукавую,
Да постой—погляди на себя:
На тебѣ мое лыко мотается.
Ты сними это лыко поганое,
Ни въ какомъ бою непригодное,
Да бѣги поскорѣй за мечемъ своимъ:
Гдѣ ты спалъ въ лѣску,—подъ ракитою,
Онъ засыпанъ землей, онъ травой поросъ,

Пріемъ цесарскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (1661 г.). Съ современ. рис. грав. А. Шлиперъ.

14.

Помутился день, лѣсъ нахмурился,
Прогудѣлъ вдали перекатный громъ
И вотъ слышитъ Иванъ Богуслаевичъ
Недалеко въ лѣсу шумъ и бабій крикъ.
Прибѣжалъ—видитъ сѣрое,
Неприглядное Горе-злосчастіе,
Какъ мужикъ съ бороденкой общипанной,
Въ рукопашномъ бою бьется-борется
Съ бѣлотѣлой растрепанной бабою.
Онъ вцѣпился ей въ косы длинныя,
Не жалѣетъ ея женскихъ прелестей—
А она его бьетъ, приговариваетъ:
„Знай, сверчокъ, свой шестокъ, не тебѣ меня
Повалить, мужику сиволапому".
—„Ахъ ты... Ты Кривда лукавая,
Продаешь ты врагамъ нашу отчину,
Да еще и пиры задаешь...
А меня, Горе хмѣльное, Горе вольное
Въ кабалу хочешь взять, а не думаешь,
Что я чадо твое, чадо блудное,
Непрощеное, нелюбимое..."

Да все тотъ же на немъ православный крестъ,
Та же сила въ немъ чудодѣйная...
Ты бѣги за мечемъ, а я Кривду лукавую
За виски придержу, пусть колотитъ меня
По лицу—по чему ей захочется.
Ахъ, ты дьяволъ! змѣя подколодная,
Разъ попалась мнѣ въ лапы—не выпущу!
А ты что̀ стоишь? аль не видывалъ,
Какъ дерется бабье, какъ царапается!"
Побѣжалъ Иванъ Богуслаевичъ
За мечемъ—и нашелъ свой мечъ...
„Уложу ихъ обоихъ," подумалъ онъ...
Но ни Кривды, ни Горя-злосчастія
Не нашелъ онъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ они такъ дрались, такъ ругалися,
Словно въ землю они провалилися,
Аль бѣду надъ собою почуяли,
Аль съ просонокъ ему померещились.

15.

Поклонилась земля золотому тельцу,
Встало царство на царство, народъ на народъ...
Изъ-за синяго моря, изъ-за сизыхъ горъ

Спасенная. Группа А. Брюта, грав. Р. Бонгъ.

Не тяжелыя тучи грозу несутъ—
На святую Русь надвигаются,—
Надвигаются силы вражескія...
Отъ ихъ полчищъ вода замутилася,
Пошатнулись лѣса, почернѣли поля,
А сквозь паръ, что какъ дымъ потянуло вверхъ,
Отъ походныхъ костровъ, отъ людей и коней
Тускло свѣтитъ на Русь солнце красное.
Ужь не Кривда ли, что по всей землѣ
Разнесла свои рѣчи лукавыя,
Намъ такую бѣду вдругъ накликала?
Вотъ навстрѣчу бѣдѣ просыпаются,
Страшно-медленно собираются
Богатырскія силы родной земли,
Съ Волги, съ Дону, съ Днѣпра крутояраго.
Сѣлъ Иванъ на коня богатырскаго,
И помчался онъ быстрѣй сокола
Въ ту сторонушку, гдѣ раскинулось—
Развернулося поле бранное,
Тамъ, гдѣ стрѣлы дождятъ, мечъ о мечъ звенитъ,
Гдѣ ломаются копья булатныя.
Бьется день и ночь богатырь Иванъ,
И дружина его рвется въ смертный бой—
Неотступчивая, неоглядчивая.

А что̀ дѣлаетъ Кривда лукавая?
Отъ заботъ, отъ тоски, отъ безвременья
Плохо спится ей, плохо можется:
Ей такая война, вишь, не по сердцу
Много-де даромъ изводится
И добра, и всего, что̀ ей дорого.
Похудѣла она, даже слезы льетъ
По боярскимъ сынкамъ, добрымъ молодцамъ,
Что несутъ свою силушку въ смертный бой,—
Какъ бы силушка та не сломилася...
И идетъ она въ церковь Божію
Набѣленая, нарумяненая,
Пудовую свѣчу ставитъ къ образу,
Она крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклоны творитъ по ученому,
На колѣнкахъ, въ полъ головой стучитъ,
Чтобъ всѣ видѣли, какъ она сокрушается
И какъ любитъ она Русь несчастную.

А что̀ дѣлаетъ Горе-злосчастіе,
Кѣмъ и чѣмъ оно пробавляется?
Какъ услышало Горе—въ трубу трубятъ,
Какъ узнало отъ Кривды, что врагъ идетъ,
Покидаетъ оно голь кабацкую
И садится на клячу заѣзженную,
Дескать надо и мнѣ покуражиться,
Поглядѣть на кровавое пиршество.
Ѣдетъ голое Горе—мочальною
Погонялкой лѣниво помахиваетъ;
На одной ногѣ лапоть, на другой сапогъ,
То одна нога, то другая нога
Заморёную клячу подталкиваетъ.
Кляча шагомъ идетъ—спотыкается,
А какъ рысью бѣжитъ—задыхается.
Охъ, ты Горе, Горе-гореваньеце!
Проспалось ты не скоро—поздно выѣхало,
Не догнало ты боевыхъ дружинъ,
На одни ихъ обозы наѣхало,
На возу съ винной бочкой усѣлося.
Долго, долго обозы тѣ ѣхали,
Но до мѣста того не доѣхали,
Гдѣ борцы за Русь, у большой рѣки,
На просторѣ шатры свои ставили,
Вспоминали убитыхъ товарищей,
Поджидали обозы скрипучіе,
Чтобъ имъ было чѣмъ за побѣду пить—
За Ивана свѣтъ Богуславича,
Что поставилъ свой стягъ на край земли,
Оберегъ нашу землю крестьянскую.

16.

А въ тѣ поры Иванъ богатырь
Покидалъ свой воинскій станъ,
И одинъ-одинехонекъ
Ѣхалъ въ Кіевъ—во стольный градъ,
Не пиры пировать и не хвастаться
Своей силой, своимъ молодечествомъ,
А у мучениковъ, у сподвижниковъ
Божьей правды искать себѣ помощи.
На его конѣ сбруя позвякиваетъ,
За его плечомъ стрѣлы побрякиваютъ,
Да одна-то рука перевязана,
Налокотники-то посѣчены,
Сердце-то инъ по убитымъ болитъ,
И своихъ ему жаль, и враговъ ему жаль,
И болятъ его раны тяжелыя.
Вдругъ въ глазахъ его замутилося:
Увидалъ онъ... Горе-злосчастіе;
На возу сидитъ, бражку потягиваетъ,
А кругомъ лежатъ кони подохлые,
Мертвымъ сномъ спятъ обозники пьяные,
Бочка съ выбитымъ дномъ во рву лежитъ.—
Вскрикнулъ Иванъ зычнымъ голосомъ:
„Вотъ ты гдѣ, проклятый ты выродокъ!
Полно тебѣ слезить отцовъ, матерей,
Полно тебѣ вдовить женъ молодыхъ,
Сокрушать сиротъ—малыхъ дѣтушекъ...
Издыхай, какъ собака! пришелъ твой часъ—
Твой послѣдній часъ,—кайся Господу!..“
И хотѣлъ Иванъ мечъ свой выхватить,
Да застрялъ въ ножнахъ его мечъ-кладенецъ.
Поблѣднѣлъ Иванъ Богуславичъ,
А Горе-то знать испужалося,
Соскочило на землю и ну бѣжать;
Потеряло свой лапоть, въ одномъ сапогѣ,
Словно заяцъ косой, улепетываетъ,
За осокой, во рву, ежась, прячется,
За кустами хоронится,
И шипитъ, на дорогу выглядывая:
„Мать твоя померла, и хоромы твои
Провалились, и дворъ твой бурьяномъ заросъ“...
Смутенъ ѣдетъ Иванъ Богуславичъ.
Вотъ, и ночь пришла, свѣтелъ мѣсяцъ всталъ,
Звѣзды по небу стали разсаживаться.

На крутоярѣ стоитъ коренастый дубъ,
Распростеръ свои сучья, зоветъ его:
Отдохни, прилягъ, добрый молодецъ,
Успокой ты свой сиротливый духъ,
Убаюкай сердце ретивое!—
И съ коня слѣзъ Иванъ Богуславичъ,
Снялъ съ головы свой тяжелый шеломъ,
Разстегнулъ свои латы кольчужныя,
На песокъ прилегъ и забылся сномъ.
Не простой то былъ сонъ, а пророческій.
Видитъ онъ: Кривда лукавая,
Черноокая, бѣлогрудая,
Прилегаетъ къ нему и, приласчиваясь,
Сладко шепчетъ ему таковы слова:
„Полюбила я тебя, добрый молодецъ,
А ты клятву далъ извести меня...
Не изжить тебѣ Горя-злосчастія,
И твой мечъ-кладенецъ не убьетъ меня.
Только Правда одна—Правда истинная,
Поборовшись со мной, извела бы меня.
Да и той нѣтъ—ушла, въ небеса...
Попалили-бъ меня только Ангелы,
Да и тѣхъ нѣтъ—поютъ славу Божію“.

— „Я сойду съ небесъ,“ словно Божій громъ,

Раздался вѣщій гласъ Правды истинной:
И предстала она вся сіяющая
Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣнцѣ
И промолвила таковы слова:
„Ты права—права, Кривда крещеная:
Не мечъ—грѣшный мечъ, окровавленный—
Посѣчётъ твою голову,
И не палица богатырская
Сокрушитъ твое чадо блудное,
Чадо хмѣльное—Горе-злосчастіе;
Но когда просіяетъ колючій тёрнъ
На челѣ Христа паче всѣхъ вѣнцовъ
И когда вмѣстѣ съ Нимъ я сойду съ небесъ,
Не одна сойду, а со ангелы,
Возвеселится тогда и возрадуется
Тотъ, кто ни разу за сребрянники
Какъ Іуда не предалъ Спасителя—
Ты-жъ лукавая Кривда восплачешься
И въ смертельной тоскѣ воззовешь къ горамъ:
„„Упадите вы горы на главу мою
„Раздавите меня горы каменныя!
„Разступись и ты мать сыра-земля,
„Разступись—поглоти меня!““
Кто не вѣруетъ въ Правду истинную,
Не увидитъ тотъ Царства праведнаго...“
И почудилось Ивану Богуславичу:
Оперлась Кривда цѣпкой рукой
На плечо его наболѣвшее,
Поднялась, и какъ желтый осиновъ листъ
На вѣтру, вся дрожа и едва дыша,
Тяжело говоритъ—выговариваетъ:
„Попустилъ меня Богъ жить неправдою
И живу я пока попускаетъ Богъ...
Не пытай же меня, не томи,—дай пожить,
Дай пожить!.. Уходи!..“ И закрывъ глаза
Она стала отъ Правды отмахиваться...
И почудилось Ивану Богуслаевичу
Будто Правда отъ Кривды лице свое
Отвратила и съ нимъ обручилася,
И пошла-пошла какъ по воздуху
И все выше, все выше, и скрылася
Словно небо за ней затворилося.

На востокѣ заря загоралася,
Пробуждался отъ сна богатырь Иванъ;
Всталъ онъ радостный и свой тяжкій мечъ,
Приподнявшись, повѣсилъ на верхній сукъ
Коренастаго дуба развѣсистаго
И, крестясь, онъ сказалъ дубу старому,
Заповѣдному дубу, нетронутому
Ни грозой, ни пилой, ни сѣкирою:
„Сбереги, старина, ты мой мечъ-кладенецъ,
Спрячь его, отъ лукаваго глаза—спрячь!
Не ровенъ часъ и Кривда лукавая
Соберетъ полки и пойдетъ на насъ...
Пригодится тогда мой могучій мечъ.
Не отдай лишь его въ руки нечистыя,
А отдай тому, кто увѣруетъ,
Что спасетъ имъ отъ бѣдъ Русь великую
И землѣ принесетъ обновленіе,
Миръ и благоволеніе“....

Поклонился тутъ Иванъ-богатырь
И дремучему дубу и дѣдовскому
Мечу, на которомъ изсѣченъ былъ
Краснымъ золотомъ православный крестъ,
Желтымъ золотомъ были писаны
Не простыя слова—чудодѣйныя.

И пошелъ богатырь...
И до смерти своей
Безъ меча, безъ кольчуги, безъ лука и стрѣлъ
Въ простомъ одѣяньи—по всей Руси
Проходилъ онъ—и слово его
Было сильное слово—сильнѣй меча:
Въ его словѣ была Правда истинная.

Да воскреснетъ то слово и въ наши дни!

Къ рисункамъ.

Встрѣча съ волками. (Рис. на стр. 64 и 65).

Встрѣча на пути со стаей волковъ еще въ недавнее время была почти повсемѣстнымъ и однимъ изъ самыхъ заурядныхъ явленій русской сельской жизни зимою. Съ истребленіемъ лѣсовъ на желѣзныя дороги, громаднымъ приростомъ населенія и проч., волки до извѣстной степени вытѣснены изъ среднихъ губерній Европейской Россіи, по крайней мѣрѣ проѣзжія дороги отъ нихъ совершенно безопасны. Но на окраинахъ, преимущественно сѣверо-восточной и юго-западной, въ глухихъ мѣстахъ еще частенько происходятъ сцены подобныя набросанной несравненнымъ русскимъ изобразителемъ животныхъ, проф. Сверчковымъ. Зимній голодъ до того измѣняетъ обычно осторожные пріемы волковъ, что они забываютъ всякую осмотрительность и дѣлаются безумно смѣлыми. Въ такую пору почти нѣтъ средствъ испугать волка, и стая такихъ разъяренныхъ голодомъ звѣрей въ высшей степени опасна для человѣка. Рисунокъ проф. Сверчкова переноситъ насъ въ тотъ моментъ погони, когда отстрѣливавшіеся отъ стаи путники, растратили уже всѣ заряды и отбиваются только прикладами отъ освирѣпѣвшихъ волковъ, насѣдающихъ на самыя сани, между тѣмъ какъ самый матерой звѣрь, забѣжавъ впередъ, наровитъ вцѣпиться въ горло обезумѣвшей отъ страху пристяжной, и поваливъ ее такимъ образомъ остановить весь поѣздъ... Вся надежда въ такихъ случаяхъ на быстроту и нестомчивость лошадей: вынесутъ ретивые—на скаку еще можно кое-какъ отбиться даже прикладами и стволами; не вынесутъ—пиши пропало. Излишнимъ считаемъ обращать вниманіе читателей на ту бездну движенія, которую вложилъ художникъ въ свое созданіе. Тройки и вообще лошади Сверчкова извѣстны каждому русскому и до сихъ поръ никому еще изъ нашихъ живописцевъ не удалось поровняться съ почтеннымъ профессоромъ въ мастерствѣ ихъ изображенія.

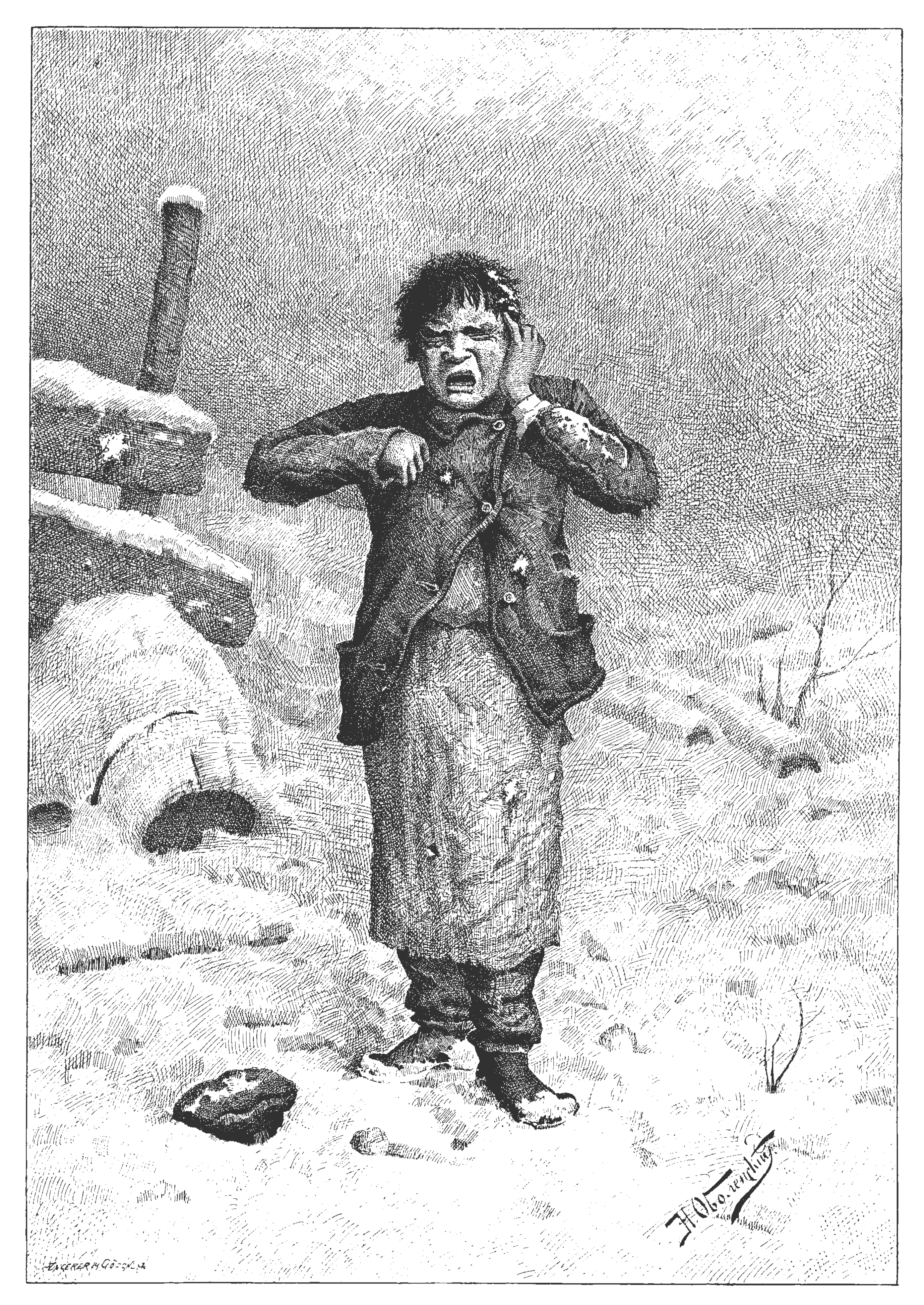
Сазандаръ (грузинскій пѣвецъ-импровизаторъ).

(Рис. на стр. 69).

Нѣкоторые думаютъ, что человѣкъ, прежде чѣмъ говорить, началъ выражать свои чувства и желанія пѣніемъ, имъ дошелъ онъ постепенно до членораздѣльности звуковъ и создалъ себѣ свой языкъ. Этимъ и объясняютъ врожденность музыкальнаго чувства, присущаго всѣмъ народамъ, безъ различія ступеней ихъ цивилизаціи, причемъ выраженіе этого чувства, внѣшняя его форма, всегда сохраняли оригинальность, свойственную каждому народу. Менестрели, трубадуры, миннезингеры, гусляры, бандуристы, кобзари и пр., а въ рядахъ ихъ и грузинскій пѣвецъ-импровизаторъ — сазандаръ, при всемъ разнообразіи своихъ музыкальныхъ пріемовъ—всѣ братья по пѣснетворчеству. Сазандаръ аккомпанируетъ себѣ на особомъ инструментѣ, сочетающемъ волынку съ цѣвницей, имѣющемъ сходство съ инструментомъ итальянскаго пиферари. Речитативомъ, состоящимъ обыкновенно изъ четверостишія, онъ скандируетъ свою импровизацію, кончаетъ протяжнымъ припѣвомъ и сливаетъ его съ фіоритурами своего инструмента. Родина его исключительно Имеретія, но онъ необходимъ всѣмъ грузинамъ и его можно встрѣтить постоянно странствующимъ отъ Чернаго моря до Алазанской долины. Онъ поетъ обо всѣхъ дѣлахъ своего племени. Прежде, когда Грузія не выходила изъ боевой тревоги, онъ воспѣвалъ военные подвиги сыновъ ея, героевъ; потомъ когда пора эта миновала и выступили на сцену иные жизненные интересы, сазандаръ, посвященный въ нихъ, умѣетъ дать имъ мѣсто въ своихъ речитативахъ. Они имѣютъ обыкновенно форму апологій, но среди нихъ блещетъ юморъ и аттическая соль; хвалитъ, хвалитъ сазандаръ, да и скажетъ такое мѣткое, затрогивающее, остроумное словцо, что всѣ помираютъ со смѣху. Безъ сазандара не обходится ни одинъ народный или семейный праздникъ, онъ вездѣ нуженъ, и на нашемъ рисункѣ художникъ сумѣлъ передать тотъ моментъ, когда, поздравляя съ новымъ годомъ, онъ своимъ речитативомъ выражаетъ какое-то остроумное пожеланіе, исполненное добродушія.

Императорскій Гатчинскій Николаевскій Сиротскій Институтъ. (Рис. на стр. 73).

Указомъ Императора Николая I отъ 25 іюня 1837 года, положено при Воспитательныхъ Домахъ въ Петербургѣ, Москвѣ



Подъ снѣжками. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго. грав. Ангереръ.

и въ Гатчинѣ основаніе Сиротскимъ Институтамъ въ Имперіи,—для призрѣнія и воспитанія въ нихъ преимущественно круглыхъ сиротъ, т. е. лишившихся отца и матери. Помѣстивъ въ № 49 нашего журнала, въ статьѣ: „С.-Петербургскій Николаевскій Институтъ“ (на стр. 1243), краткія свѣдѣнія какъ о пятидесятилѣтней жизни этого полезнаго учрежденія для воспитанія сиротъ-дѣвицъ, такъ и объ основаніяхъ послужившихъ поводомъ къ преобразованію учебныхъ классовъ при вышеупомянутыхъ Воспитательныхъ Домахъ въ Сиротскіе Институты, пользуемся случаемъ сообщить читателямъ также и нѣкоторыя данныя о протекшемъ пятидесятилѣтіи Императорскаго Гатчинскаго Института, видъ зданій котораго (съ высоты птичьяго полета), расположенныхъ въ г. Гатчинѣ (въ 42 верстахъ отъ Петербурга), на Большомъ проспектѣ, въ сосѣдствѣ съ дворцовымъ садомъ, даемъ на стр. 73. Императорскій Гатчинскій Николаевскій Сиротскій Институтъ пользовался особымъ благорасположеніемъ императора Николая Павловича и, будучи съ 1847 по 1863 годъ, по его личной иниціативѣ, спеціальнымъ институтомъ для образованія гражданскихъ чиновниковъ (какъ училище Правовѣдѣнія—для образованія представителей суда), далъ государству достаточное число честныхъ и полезныхъ слугъ, приносящихъ и въ настоящее время пользу своему отечеству на различныхъ, даже высокихъ, ступеняхъ гражданской іерархіи.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ (по поводу 50-й годовщины со дня его смерти). Съ современ. портр. грав. Шюблеръ.

Со времени основанія Института въ 1837 году, за все 50-лѣтіе его существованія, развитіе учебно-воспитательнаго строя представляетъ 4 періода: до 1847 года Гатчинскій Институтъ былъ *спеціальнымъ* заведеніемъ *для приготовленія домашнихъ наставниковъ* и, будучи единственнымъ, кажется, мужскимъ учебнымъ заведеніемъ этой спеціальности, заключалъ въ себѣ пансіоны со школой для малолѣтнихъ сиротъ, принимаемыхъ въ Институтъ съ 4-лѣтняго возраста, и гимназію, не считая классовъ: писарскаго и музыкальнаго—для малоуспѣвающихъ въ наукахъ сиротъ. Словомъ, педагогическій строй Института за этотъ періодъ, иниціаторомъ и энергичнымъ представителемъ котораго до 1840 года былъ извѣстный педагогъ того времени, инспекторъ классовъ Е. О. Гугель, всецѣло принаровленъ былъ къ тому, чтобы дѣйствительно „призрѣть сироту“ и устроить ему возможно-лучшее будущее. Наиболѣе способные и успѣшно окончившіе курсъ институтской гимназіи воспитанники-сироты переводились Институтомъ въ Университеты и въ Медико-Хирургическую Академію, причемъ Институтъ не оставлялъ своего надзора и за этими воспитанниками-студентами.

Такъ продолжалось до 2 января 1847 года, когда императоръ Николай Павловичъ, видѣвшій, что со смертью Гугеля его любимый Институтъ уже не идетъ предначертаннымъ ему съ основанія путемъ, и что, вообще, мужскіе Сиротскіе Институты въ Гатчинѣ и Москвѣ мало удовлетворяютъ своему назначенію, лично взялъ на себя задачу поставить воспитаніе въ нихъ сиротъ на прочную почву. И дѣйствительно, точно опредѣливъ, въ собственноручной запискѣ къ статсъ-секретарю Гофману, цѣль воспитанія въ Институтахъ и, давъ рамки для объемовъ преподаванія какъ общеобразовательныхъ предметовъ, такъ и спеціальныхъ-юридическихъ, императоръ Николай I уже ко 2 марта того-же года, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, увидѣлъ осуществленіе задуманнаго имъ преобразованія, въ теченіе 17 лѣтъ, до 1864 года, доставлявшаго сиротѣ обезпеченную будущность на гражданской службѣ,—штатное мѣсто въ губернскихъ учрежденіяхъ Имперіи или ежегодное содержаніе въ 170 руб. до полученія штатнаго мѣста, если-бы таковаго не довелось сразу получить при окончаніи курса. И въ этомъ періодѣ, попрежнему, успѣшно оканчивавшіе курсъ въ Институтѣ сироты продолжали высшее свое образованіе въ Университетахъ и въ Медико-Хирургической Академіи, а частію—и въ другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каковы: Академія Художествъ и др. Въ третьемъ періодѣ своего развитія, съ 1863 по 1878 годъ, Гатчинскій Институтъ, въ которомъ за это время стали воспитываться почти исключительно „круглые сироты“, т. е. не имѣющіе отца и матери, потерялъ нѣсколько свой характеръ благотворительно-воспитательнаго учрежденія,—такъ какъ съ 29 марта 1863 года „не способныхъ къ окончанію курса“ уже предположено „возвращать на попеченіе родителей или родственниковъ“,—и пріобрѣлъ значеніе общеобразовательнаго средняго учебнаго заведенія—семиклассной гимназіи, съ однимъ латинскимъ языкомъ.

Хотя преобразованіе Института въ этомъ періодѣ и завершилось уставомъ 31 іюля 1865 года и, въ виду благотворительнаго характера заведенія, Институтъ вмѣщалъ въ себѣ, кромѣ школы и пансіоновъ для малолѣтнихъ сиротъ и гимназіи, еще и „учительское отдѣленіе“, но въ отдѣленіи этомъ за все время его существованія было только три ученика, изъ коихъ всего одинъ или двое окончили курсъ отдѣленія, а самый Институтъ болѣе чѣмъ

Мазини, первый теноръ СПБ. итальянской оперы. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Барановскій.

когда-либо стоялъ на зыбкой почвѣ проектовъ всякаго рода преобразованій.

Съ 1 августа 1878 года и по настоящій годъ Институтъ имѣетъ временное устройство, въ видѣ опыта, и вмѣщаетъ въ себѣ, собственно говоря, два учебныя заведенія, не считая подготовительныхъ классовъ „школы малолѣтнихъ" и „особаго отдѣленія" для неуспѣвающихъ въ наукахъ, именно: а) классическую прогимназію по уставу Министерства Народнаго Просвѣщенія и б) училище реальнаго характера, съ курсомъ бывшихъ военныхъ гимназій. Въ теченіе пятидесятилѣтія въ Гатчинскомъ Институтѣ окончило курсъ около 1400 воспитанниковъ.

„Въ деревнѣ". (Рис. на стр. 72).

Къ числу лучшихъ поэтическихъ произведеній Н. А. Некрасова безспорно принадлежитъ извѣстное стихотвореніе „Въ деревнѣ", впервые напечатанное имъ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Чрезвычайно правдиво и трогательно переданъ въ немъ, подслушанный поэтомъ разговоръ двухъ старушонокъ, сошедшихся у колодца. Съ глубокою скорбью жалуется одна изъ нихъ на свое горемычное и сиротское житье послѣ смерти сына, погибшаго на медвѣжьей охотѣ:

—Вѣдь наскочилъ-же на экую гадину!
Сынъ ли мой не былъ удалъ?
Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину—
На сорокъ-первомъ сплошалъ!
Росту большого, рука что желѣзная—
Плечи —косая сажень,
Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная—
Вотъ ужъ тринадцатый день!

Этотъ-то богатырь, бездыханно лежащій на мѣстѣ схватки съ медвѣдемъ, и изображенъ на стр. 72 нашего журнала.

Пріемъ цесарскаго посольства царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1661 г. (Рис. на стр. 76).

Баронъ Августинъ Мейербергъ (также Мейернъ), замѣчательный австрійскій дипломатъ (р. 1612,†1688), ѣздившій въ Россію посломъ отъ императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1661—63 годахъ, издалъ подробное описаніе этого путешествія подъ заглавіемъ „Iter in Moscoviam". Въ этой книгѣ много свѣдѣній о русскомъ дворѣ и о состояніи Россіи, но всего драгоцѣннѣе собраніе составленныхъ авторомъ рисунковъ, которые служатъ однимъ изъ лучшихъ пособій для изученія русскихъ древностей. Прилагаемъ одинъ изъ этихъ рисунковъ, изображающій самый пріемъ посольства Алексѣемъ Михайловичемъ.

24 апрѣля послы Мейербергъ и Калауччи со свитой приглашены были въ собственную царскую палату.

Во внутреннія покои царскіе шли по лѣстницѣ и переходамъ, въ коихъ по обѣимъ сторонамъ стояли стражи рядами въ богатомъ вооруженіи, и все такъ было убрано обоями, что не видно было ни пола, ни стѣнъ, ни печей, ни потолка; а самъ Царь находился во второмъ покоѣ, освѣщенномъ множествомъ восковыхъ свѣчъ, сидя на богатѣйшихъ курульскихъ креслахъ, поставленныхъ въ углу подлѣ оконка; на немъ была шапочка, блистающая жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, въ правой рукѣ держалъ онъ жезлъ изъ слоновой кости съ большими бриліантами, облокотясь на правую руку. Полъ и скамьи палаты были покрыты коврами. Стѣны между окнами и противъ нихъ, гдѣ видна нарядная изразцовая печь, обиты нидерландскими обоями изъ тисненой кожи съ золотыми украшеніями. На картинѣ надъ окнами изображена, повидимому, драка фламандскихъ крестьянъ. Висящее посреди комнаты паникадило было сдѣлано изъ позолоченаго серебра. Великій Князь (какъ называетъ царя Мейербергъ) привсталъ дабы пить здоровье Римскаго императора; отдавъ лѣвою рукою свою шапку и жезлъ кн. Долгорукому, онъ правою беретъ чашу изъ рукъ кн. Воротынскаго, который какъ и всѣ прочіе придворные чины стоятъ съ покрытою головою. Великій Князь одѣтъ въ кафтанъ изъ богатой парчи съ цвѣтами, опушенный соболями, съ богатыми застежками. На груди большой крестъ висящій на широкой цѣпи. Стоящіе за Долгорукимъ стольники, имѣя шапки на головѣ, держатъ въ рукахъ большіе бокалы съ крышками. За ними у стѣны 4 боярина. Посланники и еще два члена посольства (переводчикъ и священникъ) представлены стоящими спиной къ зрителю, такъ что ихъ лицъ не видно. Видны только лица стоящихъ справа: секретаря посольства Михаила Гаммера и живописца Сторно. Всѣ члены посольства одѣты въ придворные германскіе костюмы того времени. Слѣва, между послами и кн. Иваномъ Алексѣевичемъ Воротынскимъ, виденъ безъ шапки канцлеръ Лопухинъ, введшій пословъ.

Привѣтствуя де-Майерна, держа въ рукѣ хрустальный бокалъ, Царь выпилъ за здоровье Римскаго императора; тогда надѣвъ шапку сѣлъ, и самъ своею рукою поднесъ де-Майерну большой вызолоченный кубокъ. Такъ онъ поступилъ и со свитой.

Спасенная. (Рис. на стр. 77).

На послѣдней берлинской художественной выставкѣ обращала на себя всеобщее вниманіе талантливая работа молодаго ваятеля Адольфа Брютта „Спасенная". Эта группа, съ которой гравюра помѣщена на стр. 77, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Въ особенности хороша фигура стараго моряка по своей жизненной правдѣ и простотѣ. Бережно поддерживая своими сильными, мускулистыми руками холодѣющее тѣло дѣвушки, онъ осторожно выноситъ его на берегъ.

Родившись въ 1855 г. въ Гузумѣ, въ Шлезвигѣ, Брютгъ впачалѣ былъ простымъ каменотесомъ. Но природный талантъ скоро далъ себя замѣтить и года 3 тому назадъ Брюттъ переѣхалъ въ Берлинъ. Тамъ онъ поступилъ въ академію и занимался подъ руководствомъ Тапера и Эберлейна.

Подъ снѣжками. (Рис. на стр. 80).

Всю ночь завывала вьюга и мела метель. Къ утру стихло; земля, крыши домовъ, вѣтви деревьевъ, все, все было покрыто рыхлымъ снѣгомъ, ослѣпительно сверкавшимъ при солнечныхъ лучахъ. Какое раздолье: наступила пора играть въ снѣжки, строить горы, дѣлать снѣгурки... Весело выбѣжалъ нашъ шалунъ на улицу—и ну бросать въ проходившихъ мальчиковъ снѣжками. Спачала все шло благополучно, но потомъ, когда противники соединенными силами напали на него, онъ изъ нападавшаго превратился въ защищающагося и скоро ему *запалили* въ свою очередь.

А. И. Полежаевъ. (Портр. на стр. 81).

Между второстепенными поэтами Пушкинской эпохи ярко выдѣляется имя Полежаева, автора прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ многія были положены на музыку и, получивъ большую популярность, спасли имя ихъ автора отъ полнаго забвенія. Въ тридцатыхъ годахъ, русское общество, не смотря на то, что оно было избаловано поэзіею Пушкина, весьма живо интересовалось произведеніями Полежаева, на которыхъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта, загубленнаго необузданною жизнью и печальной судьбой, постигшей безвременно угасшаго поэта; его стихотворенія читались нарасхватъ и ходили по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ; ими въ особенности увлекалась молодежь, сочувственно относившаяся къ личности поэта, который слишкомъ дорогой цѣной искупилъ заблужденія и грѣхи своей молодости и дѣйствительно былъ достоинъ и участія, и сострада̀нія. Эта молодежь сдѣлала изъ своего любимца даже какого-то героя, мученика, каковымъ онъ на самомъ дѣлѣ не былъ, хотя ему и пришлось достаточно выстрадать и вести неравную борьбу съ своимъ суровымъ жребіемъ. Лучшія произведенія Полежаева, представляющія поэтическую исповѣдь его безумной, страдальческой жизни, служатъ яснымъ доказательствомъ, что онъ не былъ жертвою судьбы и, — какъ справедливо говоритъ Бѣлинскій, — кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Одна изъ жертвъ своего времени, Полежаевъ считалъ такъ-называемое освобожденіе отъ предразсудковъ освобожденіемъ отъ всякой нравственности, и поклонялся этой буйной свободѣ. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимою риѳмою,—и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволіе, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчиненный человѣкъ. Эта самая „къ шумной волѣ любовь" и погубила поэта, „погребла миръ души" его и вполнѣ отразилась на большей части его произведеній, изъ которыхъ многія можно назвать похоронными пѣснями всей грустной жизни поэта. Какъ бы то ни было, но Полежаевъ представляетъ явленіе значительное въ литературѣ; онъ и въ паденіи своемъ сохранилъ силу и прелесть своего недюжиннаго таланта, и его „буйная и страдающая" муза дала не мало поэтическихъ образцовъ, благородныхъ по мысли, выразительныхъ, безукоризненно-прекрасныхъ по чувству, каковы, напримѣръ, его пьесы „Живой мертвецъ", „Цѣпи", „Ожесточенный", „Вечерняя заря", „Море", „Грѣшница", „Грусть", „Цыганка", „Пѣснь плѣннаго Ирокезца", „Ночь на Кубани" и мног. другія. Отчаяніе и глубокая грусть въ соединеніи съ необыкновенной энергіей выраженія и отсутствіе расплывчатости составляютъ главныя свойства Полежаевской музы; онъ чрезвычайно свободно владѣлъ и языкомъ, и стихомъ, умѣлъ въ нѣсколькихъ короткихъ строкахъ вполнѣ ясно выразить цѣлую драму души, поражая иногда глубиной и силой чувства, искренняго, полнаго страсти, то тихаго, безгранично унылаго, то могучаго, безшабашно-дикаго. Даже его невыдержанныя, страдающія небрежностью отдѣлки, стихотворенія, напримѣръ, „Погребеніе", „Узникъ", „Раскаяніе", „Отрывокъ", „Прощаніе", исполнены одушевленія, истиннаго чувства и производятъ сильное, неотразимое впечатлѣніе. Большая часть стихотвореній Полежаева посвящена тяжелымъ, страшнымъ признаніямъ поэта, который „не расцвѣлъ — и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней; что любилъ, въ томъ нашелъ гибель жизни своей", но поэтъ-несчастливецъ черпалъ вдохновеніе не въ однихъ только терзаніяхъ своего паденія, „съ энергической и мощной лиры его — по выраженію его критика — слетали не одни диссонансы, проклятія и вопли, но и гармонія благословеній". Лучшую характеристику поэзіи Полежаева далъ намъ Бѣлинскій, который находитъ, что, при всемъ своемъ дарованіи, Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ себѣ, всегда вертится около самого себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражется въ одно-

образныхъ формахъ. „Талантъ Полежаева, говоритъ Бѣлинскій— могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія, но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому недостаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ. Полежаевъ никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній и оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвысилъ его, наукою и размышленіемъ, до вкуса". Натура Полежаева, — замѣчаетъ далѣе тотъ-же критикъ — была чисто субъективная, поэтому настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма неудачны.

Вся жизнь Полежаева, начиная отъ самой колыбели, носитъ на себѣ романическій характеръ. Онъ былъ „дитя любви" и родился въ 1805 году, въ сельцѣ Покрышкинѣ, близъ Саранска, Пензенской губерніи; его отецъ принадлежалъ къ фамиліи дворянъ Струйскихъ, однимъ изъ представителей которой былъ богатый баринъ екатерининскихъ временъ, Николай Еремѣевичъ Струйскій, такой-же метроманъ, какъ и извѣстный Хвостовъ, и отъ него, Полежаевъ, которому онъ приходился роднымъ дѣдомъ, быть можетъ, и унаслѣдовалъ страсть къ поэзіи. Петръ Николаевичъ Струйскій, отецъ нашего поэта, назвалъ своего побочнаго сына Александромъ, а фамилію и отчество Ивановича далъ ему, вѣроятно, по крестному отцу. Александръ Ивановичъ Полежаевъ ничего не говоритъ о своей матери, а потому и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ кто она была; но объ отцѣ своемъ и о первоначальномъ воспитаніи онъ подробно и довольно безцеремонно упоминаетъ въ поэмѣ-пародіи „Сашка", героемъ которой онъ выставляетъ самого себя, не скрывая своей фамиліи. Записанный въ мѣщане, онъ, не смотря на любовь къ нему отца, вскорѣ разорившагося, воспитаніе получилъ въ лакейской и первымъ учителемъ его былъ смышленый и „Соломонъ во французскомъ языкѣ" лакей изъ дворни Струйскаго, имѣвшій на своего воспитанника самое пагубное вліяніе. На одиннадцатомъ году „Покрышкинскій шалунъ", какъ самъ себя называетъ Полежаевъ, былъ отправленъ въ Москву и отданъ въ модный французскій пансіонъ, гдѣ проявилъ хорошія способности и оказалъ прекрасные успѣхи въ наукахъ, но былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставленъ рѣшительно самому себѣ. Достаточно подготовленный, и съ достаточно шаткими понятіями о нравственности, онъ изъ пансіона, поступилъ, 15 октября 1820 года, въ Московскій университетъ, на словесное отдѣленіе, вольнослушающимъ, посѣщалъ лекціи въ теченіе шести лѣтъ и велъ жизнь разгульную и поистинѣ безобразную. Онъ считался уже окончившимъ курсъ, и ему оставалось, для полученія аттестата, исходатайствовать у Сената увольненіе изъ податнаго сословія, когда за свою безобразвую поэму „Сашка" онъ былъ отданъ, въ 1826 г., въ солдаты. Еще ранѣе появленія этой поэмы въ рукописи, Полежаевъ получилъ извѣстность какъ поэтъ, и его стихи помѣщались въ нѣкоторыхъ изданіяхъ; къ этому времени относятся: его переводъ новѣсти Байрона „Оскаръ Д'Альва" и два стихотворенія, одно оригинальное — „Постоянство" и другое переводъ изъ Оссіана „Марпи или тѣнь Кармала". Отданный въ солдаты, Полежаевъ тянулъ суровую служебную лямку цѣлые два года. Истомившись непривычной для него жизнью, онъ, одно за другимъ, подавалъ прошенія о помилованіи, но отвѣта на нихъ не послѣдовало. Тогда, предполагая, что его просьбы не доходятъ по назначенію, пылкій, малодушный и легкомысленный Полежаевъ бѣжалъ изъ полка, чтобы подать прошеніе государю лично. Однако по пути, въ Москвѣ, онъ видѣлся съ прежними товарищами-студентами, пировалъ съ ними, велъ себя крайне неосторожно и въ Твери былъ схваченъ. Отсюда его, какъ бѣглаго солдата, отправили въ полкъ, пѣшкомъ и въ кандалахъ, и затѣмъ надъ нимъ наряжено было слѣдствіе; военно-судная коммисія приговорила его прогнать сквозь строй, при чемъ приговоръ о немъ, какъ о бывшемъ студентѣ университета, былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе. Въ отчаяніи Полежаевъ рѣшился на самоубійство, но милость государя спасла его, и злополучный поэтъ былъ отправленъ въ войска Кавказскаго корпуса. На Кавказѣ онъ написалъ почти всѣ лучшія свои стихотворенія, большая часть которыхъ отличается мрачнымъ колоритомъ. Онъ не въ состояніи былъ вынести тоски своего душевнаго одиночества, солдатской жизни и, все больше падая духомъ, сталъ пить. Безумная жизнь въ конецъ разстроила здоровье поэта, и 16 января 1838 года, онъ скончался отъ злѣйшей чахотки, въ Москвѣ, куда онъ былъ переведенъ, по его просьбѣ, въ стоявшій тамъ карабинерный полкъ, еще за шесть лѣтъ до смерти. По свидѣтельству Сахарова, извѣстнаго археолога, Полежаевъ былъ очень друженъ съ поэтомъ 30-хъ годовъ, Л. А. Якубовичемъ, который хлопоталъ о томъ чтобы поставить памятникъ на могилѣ своего друга. Стихотворенія Полежаева были издаваемы въ 1832, 1838, 1842, 1857 и 1859 годахъ и всегда быстро расходились въ публикѣ. **П. Б—ковъ.**

Анджело Мазини. (Портр. на стр. 81).

Анджело Мазини, вновь приглашенный первый теноръ частной итальянской оперы въ С.-Петербургѣ (театръ Панаева), не новичекъ въ Петербургѣ. Онъ пѣлъ у насъ уже съ большимъ успѣхомъ въ 1875 и 1877 годахъ на сценѣ бывшей итальянской оперы. Мазини родился въ Кремонѣ въ 1848 году. Родители его, люди зажиточные, старались дать сыну образованіе, готовя его къ торговой или ремесленной дѣятельности. Но художественная натура и рано проявившійся голосъ увлекли артиста на иную дорогу. Онъ учился пѣнію въ Миланѣ подъ руководствомъ лучшихъ преподавателей и дебютировалъ на сценѣ въ 1872 году. Съ первыхъ шаговъ блестящій успѣхъ доставилъ ему ангажементы на всѣ главныя оперныя сцены въ Европѣ. Лучшими ролями его считаются: Іоаннъ Лейденскій въ *Пророкѣ* и Радамесъ въ *Аидѣ*. Обладая такъ-называемымъ tenore di forza, Мазини свободно располагаетъ своимъ превосходно обработаннымъ голосомъ и въ сильно драматическихъ мѣстахъ обнаруживаетъ замѣчательный сценическій талантъ. Въ нынѣшній свой пріѣздъ къ намъ г. Мазини дебютировалъ ролью герцога въ *Риголетто* Верди.

Политическое обозрѣніе.

7 января.

Увѣренность, что миръ не будетъ нарушенъ, постоянно возрастаетъ и миролюбивое настроеніе съ каждымъ днемъ усиливается. Въ жизни каждой изъ великихъ европейскихъ державъ за послѣдніе дни можно встрѣтить не мало фактовъ, служащихъ тому подтвержденіемъ. „Но ни одна изъ европейскихъ державъ", какъ справедливо замѣчаетъ брюссельскій *Nord*, „не представила за послѣднее время такихъ обильныхъ доказательствъ своего миролюбія какъ Россія. Русскія военныя мѣропріятія, вызвавшія такое возбужденіе въ австрійской и въ германской печати, имѣли исключительно оборонительный характеръ; тѣмъ не менѣе Петербургскій кабинетъ поспѣшилъ не только дать успокоительныя объясненія, но, вслѣдствіе увольненія старослужилыхъ солдатъ гвардіи и войскъ одесскаго округа ранѣе установленнаго срока, отстранилъ отъ себя даже и тѣнь какого либо дѣйствія, враждебнаго европейскому миру".

Вслѣдъ затѣмъ докладъ министра финансовъ о бюджетѣ Россіи на 1888 г., заключенномъ безъ дефицита, произвелъ на западноевропейскую прессу сильное впечатлѣніе. *Post*, *Vossische Zeitung*, *Reichsbote* и многія другія выдающіяся газеты обстоятельно и благопріятно обсуждаютъ бюджетъ Россіи на 1888 годъ, при чемъ указываютъ проявленную министромъ финансовъ бережливость и достигнутые имъ успѣхи, именно поднятіе народнаго благосостоянія и улучшеніе экономическаго положенія. На публику наибольшее впечатлѣніе произвело сокращеніе русскаго военнаго бюджета. „Докладъ министра финансовъ", говоритъ *Presse*, „содержитъ золотыя слова относительно необходимости спокойнаго развитія народнаго труда, охраны его государствомъ и упроченія такимъ образомъ русскаго народнаго хозяйства". Но среди фактовъ свидѣтельствующихъ о мирномъ характерѣ русской политики первенствующее мѣсто должно быть предоставлено Высочайшему рескрипту, данному 2 января текущаго года на имя московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, принесшаго 1 января Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее поздравленіе отъ жителей Москвы съ Новымъ Годомъ.

Вотъ это знаменательное державное слово:

„Князь Владиміръ Андреевичъ! Мнѣ пріятно и на сей разъ въ вашемъ привѣтствіи на Новый годъ слышать голосъ Москвы и благопожеланія, несущіяся изъ сердца Россіи. Не сомнѣваюсь въ искренности русскаго чувства, коимъ они внушены, и увѣренъ, что вся Россія вмѣстѣ со Мною въ нынѣшній день молитъ Бога направить силы наши къ утвержденію порядка, на вѣрѣ и правдѣ основаннаго, и къ умноженію народнаго благосостоянія. Къ сей цѣли направлены и всѣ Мои желанія, въ вѣрной надеждѣ, что миръ, коимъ благословляетъ насъ Провидѣніе, дозволитъ и въ наступившій годъ, и въ грядущіе годы посвятить всѣ силы государства и всѣ усилія вѣрноподданныхъ сыновъ его на дѣло внутренняго преуспѣянія.

„Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный".

„АЛЕКСАНДРЪ".

„Мирныя заявленія", говоритъ *National Zeitung*, „въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя московскаго генералъ-губернатора вызвали знаменательно благопріятное впечатлѣніе". Въ *Fremdenblatt* пишутъ: „Выраженная въ рескриптѣ Русскаго Императора на имя московскаго генералъ-губернатора надежда на миръ вполнѣ соотвѣтствуетъ повсюду существующему живому желанію, чтобы миръ былъ сохраненъ". Благопріятное впечатлѣніе, произведенное рескриптомъ Государя Императора, отразилось и на берлинскій фондовый рынокъ, который открылся 6 января при твердомъ настроеніи.

Все это говоритъ въ пользу миролюбивыхъ намѣреній Императорскаго Правительства и объ его вѣрѣ въ возможность на-

долго сохранить миръ, сохраняя притомъ честь, достоинство и интересы России. „Конечно", замѣчаетъ далѣе *Journal de St.-Pétersbourg* въ своей замѣткѣ о бюджетѣ на 1888 г., „ни одно правительство не можетъ безусловно гарантировать сохраненіе мира на опредѣленный срокъ. Болѣе сильныя, чѣмъ его самая твердая воля, обстоятельства могутъ заставить его уклониться отъ программы самымъ тщательнымъ образомъ обдуманной и самымъ рѣшительнымъ образомъ установленной. Оговорки эти слишкомъ естественны для того, чтобы мы могли считать своимъ долгомъ о нихъ распространяться. Какъ бы то ни было, но политика мира Императорскаго Правительства была засвидѣтельствована и провозглашена при условіяхъ, важность которыхъ должна быть для всѣхъ очевидна. Телеграфъ извѣщаетъ, что произведенное заграницею впечатлѣніе оказалось весьма благопріятнымъ; желательно только, чтобы оно нѣсколько продолжалось и чтобы наши собратья по ту сторону границы и ихъ читатели соблаговолили не приносить себя въ жертву первому встрѣчному слуху самаго нелѣпаго вымысла, который какому-нибудь алармисту или спекулятору угодно будетъ пустить въ обращеніе".

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 1 января, въ день Новаго Года и празднованія рожденія Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣя Александровича, въ Зимнемъ Дворцѣ происходилъ Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ Большую церковь Зимняго Дворца.

— 6 января, въ день праздника Богоявленія Господня, въ Зимнемъ Дворцѣ происходили установленные въ этотъ день торжественное богослуженіе и крещенскій парадъ въ Высочайшемъ присутствіи.

— Первый балъ при Высочайшемъ дворѣ, въ Николаевской залѣ Зимняго дворца, имѣетъ быть 14 января. За этимъ большимъ баломъ послѣдуетъ цѣлый рядъ баловъ: 24 января въ Концертной залѣ Зимняго Дворца, 28 января въ Аничковомъ дворцѣ, 7 февраля въ Концертной залѣ Зимняго дворца, 14 февраля въ Аничковомъ дворцѣ, 28 февраля въ Концертной залѣ, 3 марта въ Императорскомъ эрмитажѣ и 6 марта за городомъ.

Дѣла церкви.

— 20 декабря происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія бывшаго инспектора Холмской духовной семинаріи, архимандрита *Владиміра* въ санъ епископа Алеутскаго и Аляскинскаго.

Промышленность.

— 28 декабря, въ Политехническомъ музеѣ, въ Москвѣ, открылась частная періодическая выставка по электричеству и электротехникѣ, въ коей участвуютъ электро-техническія фирмы братьевъ Трындиныхъ, В. Ребикова, Стефана и Лемана, Лоевскаго, Рейнмана, Усагина и Бюксемейстера, изъ Кинешмы.

— Мурманскіе промыслы были въ 1887 г. далеко неудовлетворительны, особенно по сравненію съ предшедшими годами. Главныя причины неудачи промысловъ заключались: въ недостаткѣ наживки (песчанки и мойвы), безъ которой не могутъ обойтись рыбопромышленники; въ появленіи у береговъ въ большомъ количествѣ звѣря „лысуна" (по мѣстному — „кожа"), и въ частыхъ буряхъ промысловаго сезона. Общія же валовыя цифры для всего мурманскаго промысла: судовъ 408, хозяевъ 438, рабочихъ 1,385, затрата 51,914 р., рыбы добыто на 164,161 р., изъ которыхъ чистой прибыли получилось 112.247 р. Первымъ товариществомъ китоловства убито 85 китовъ, изъ коихъ добыто всѣхъ продуктовъ на сумму 43,000 руб.

Торговля.

— Въ Харьковѣ, 6 января, послѣдовало оффиціальное открытіе Крещенской ярмарки. Виды хорошіе; съѣздъ, повидимому, будетъ большой.

— Общій ходъ международной торговли въ 1887 году до извѣстной степени оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія. Многіе важные въ международномъ обмѣнѣ товары пользовались лучшимъ противъ непосредственно предшедшихъ лѣтъ сбытомъ, причемъ и цѣны выручались соотвѣтственно повышенныя. Такимъ образомъ, можно отмѣтить улучшеніе дѣлъ съ шерстью, хлопкомъ, металлами, частью съ сахаромъ, керосиномъ и другими товарами.

Что касается собственно хлѣбной торговли во второй половинѣ декабря (ст. ст.), то вначалѣ настроеніе и цѣны держались хорошо, но заключительныя отмѣтки обнаружили нѣкоторую слабость.

Искусства изобразительныя.

— Въ послѣднее время Имп. Эрмитажъ обогатился нѣкоторыми интересными пріобрѣтеніями. Куплены по случаю, двѣ створки триптиха, относящагося къ начальной порѣ итальянской живописи, а именно къ XIII столѣтію. На одной створкѣ изображено Распятіе съ предстоящими Богородицею и ап. Іоанномъ; на другой — фигуры двухъ святыхъ, какъ надо полагать, св. Константина и св. Іеронима. Другое пріобрѣтеніе составляетъ портретъ И. С. Тургенева, писанный академикомъ А. А. Харламовымъ.

— На спб. литейномъ заводѣ А. Морана оконченъ, въ прошломъ мѣсяцѣ отливкою изъ бронзы бюстъ Пушкина по модели г-жи Полонской, для памятника, который будетъ поставленъ великому поэту въ Севастополѣ. Кромѣ того, на заводѣ г. Морана отлито въ послѣднее время еще нѣсколько скульптурныхъ произведеній, между прочимъ, бюстъ Екатерины II, вылѣпленный г. Оберомъ, по заказу Петербургской городской управы.

— Въ г. Тамбовѣ открыта выставка картинъ И. И. Фреймана. Имя этого почтеннаго художника, пользуется значительною извѣстностью. Первое мѣсто среди пейзажей занимаетъ самая большая картина выставки — „Лѣсное приволье", затѣмъ „Лунная ночь" и „Этюдъ болота".

— Почетный вольный общникъ Им. Ак. художествъ, І. К. Гоффертъ, воспользовавшись Высочайше предоставленнымъ ему правомъ фотографировать и издавать въ свѣтъ военно-историческія картины украшающія Зимній Дворецъ, предпринялъ изданіе въ геліо-гравюрахъ „Галлереи русскихъ войнъ", начиная съ эпохи Петра Великаго и кончая послѣднею войною съ Турціей.

Литература и наука.

— Экспедиціею подъ начальствомъ профессора И. В. Мушкетова, посѣтившаго нынѣшнимъ лѣтомъ Семирѣченскую область для изслѣдованія на мѣстѣ землетрясенія въ городѣ Вѣрномъ, добыты интересныя свѣдѣнія. Центромъ землетрясенія оказалась мѣстность, лежащая въ разстояніи двѣнадцати верстъ къ югу отъ гор. Вѣрнаго. Область наибольшаго разрушенія имѣетъ форму эллипсиса, поперечникъ котораго около 20 верстъ длиною; вся площадь, захваченная землетрясеніемъ, простирается до 700 верстъ, съ одного конца до другаго. Ея предѣлы опредѣляются пространствомъ, лежащимъ между городами: Сергіополемъ, Кашгаромъ, Урумчи, Ташкентомъ и др. пунктами Туркестана.

Пути сообщенія.

— Изъ Чарджуя телеграфируютъ, что 6 января, послѣ водоосвященія на Аму-Дарьѣ, прошелъ первый поѣздъ по только-что оконченному желѣзно-дорожному мосту. Вся длина моста 972 сажени, изъ коихъ 808 перекинуто чрезъ главное русло Аму-Дарьи.

— Въ настоящее время туннель черезъ Сурамскій перевалъ проведенъ со стороны Ципы уже на разстояніи 1 версты 70 саженъ. Послѣдніе снѣга и морозы весьма мало повліяли на скорость работъ, которыя до сихъ поръ производились безостановочно.

Спортъ.

— Въ Москвѣ, 2 января, Общество размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты, открыло въ манежѣ очередную выставку собакъ и охотничьихъ лошадей.

— Въ Омскѣ, 3 января, въ присутствіи предсѣдателя и членовъ вновь открытаго общества любителей конскаго бѣга состоялось первое состязаніе. Первый призъ взяла лошадь, пробѣжавшая 20 верстъ въ 41 минуту.

Некрологъ.

— 28 декабря СПБ. университетъ понесъ крупную утрату въ лицѣ бывшаго своего сочлена, ординарнаго профессора по каѳедрѣ греческаго языка и словесности *Карла Іоакимовича Люгебиля*. Покойный получилъ высшее образованіе въ Петербургскомъ университетѣ и въ немъ же 22 года состоялъ преподавателемъ греческой словесности.

Изъ губерній и областей.

— Въ Гельсингфорсѣ, 5 января, состоялось открытіе сейма.

— Въ Новочеркаскѣ, 1 января, войсковой атаманъ на представленіи генералитета объявилъ о состоявшемся присоединеніи къ Донской области Ростова и Таганрога.

— Въ Иркутскѣ, А. К. Трапезниковъ пожертвовалъ въ Новый годъ 30.000 р. на образованіе и воспитаніе дѣтей, 25.000 на призрѣніе престарѣлыхъ больныхъ, 10.000 на усиленіе хлѣбнаго капитала и 10.000 на устройство народныхъ школъ

— Во всемъ Мервскомъ оазисѣ выпалъ глубокій снѣгъ. Въ Чарджуѣ открыта первая русская народная школа.

Смѣсь.

Въ десяти округахъ Бенгаліи въ 1885—86 году не менѣе 11,823 лицъ было умерщвлено дикими звѣрями или погибло отъ укушенія ядовитыми змѣями. Это наибольшее число случаевъ за послѣднія пять лѣтъ. Девять десятыхъ смертныхъ случаевъ произошло по обыкновенію отъ укушенія змѣями; 548 лицъ было заѣдено звѣрями, 221 крокодилами и алигаторами, 22 умерщвлено слонами, 12 буйволами и 2 умерло отъ укушенія выхухолями, которое вызываетъ столбнякъ. Въ видѣ вознагражденія за уничтоженіе дикихъ звѣрей и ядовитыхъ змѣй было уплачено въ названномъ году лишь 29,884 рупій, тогда какъ въ предшедшемъ году было уплачено — 42,374 (с.).

Французскій инженеръ Рикуръ изыскалъ способъ уменьшить поверхность подверженную дѣйствію вѣтра у локомотивовъ и вагоновъ, съ цѣлью значительно увеличить силу машины. Изобрѣтенный имъ котелъ, паровой колоколъ и будка машиниста имѣютъ коническую форму и потому лучше разсѣкаютъ воздухъ, чѣмъ при обыкновенной системѣ. Пространство между спицами наполнено деревомъ, такъ что спицамъ, при быстромъ движеніи, не приходится преодолѣвать никакого сопротивленія. Наконецъ, посредствомъ особыхъ щитовъ, достигается то удобство, что вѣтеръ въ меньшемъ количествѣ попадаетъ между вагонами (с.).

Изъ Верчелли сообщаютъ: Во время путешествія германскаго наслѣднаго принца, съ семьею и свитою, на пути въ Санъ-Ремо, былъ заказанъ въ Александріи, по телеграфу, обѣдъ, который пришелся высокимъ путешественникамъ очень по вкусу—пока дѣло не

дошло до счета, который оказался на сумму 1600 франковъ. „Принцъ Фрицъ“, какъ называютъ теперь и итальянцы германскаго наслѣднаго принца, найдя цѣны черезчуръ высокими, хладнокровно положилъ счетъ въ карманъ и сказалъ ошеломленному хозяину буфета: „Я уплачу по этому счету, когда его утвердитъ главное управленіе желѣзныхъ дорогъ. Изъ принципа я не желаю платить за вещь дороже, чѣмъ она стòитъ. Мое имя и безъ того обходится мнѣ достаточно дорого“. И принцъ вошелъ въ вагонъ, оставивъ буфетчика въ невыразимомъ смущеніи. (с.)

Одинъ изъ живущихъ въ Римѣ дипломатовъ сообщилъ итальянскому иллюстрированному журналу „L' Italia evangelica“ слѣдующій перечень доходовъ папы. Доходы эти трехъ родовъ: 1) проценты съ огромнаго, оставленнаго папой Піемъ IX капитала, помѣщеннаго въ Англіи. Проценты эти достигаютъ до трехъ милліоновъ въ годъ; 2) приносящая ежегодно почти столько же лепта Св. Петра, хотя надо замѣтить, что доходъ этотъ постепенно уменьшается; 3) случайные доходы, поступающіе изъ такъ-называемой Cancelleria apostolica и заключающіе въ себѣ побочные поборы за дворянскіе титулы, пожалованные ордена, благословеніе умершихъ, разрѣшеніе грѣховъ и церковныя почетныя званія. Эти доходы даютъ ежегодно $2^1/_2$ милліона и находятся въ личномъ распоряженіи папы. Доходы перваго и втораго разряда поступаютъ въ распоряженіе мажордома, который даетъ изъ нихъ жалованье кардиналамъ (25,000 фун. стерл. ежегодно каждому), содержитъ дворъ папы, секретарей, нунціевъ, стражу и т. д. (с.)

Борьба броненосцевъ съ торпедами. Въ виду успѣховъ, сдѣланныхъ за послѣднее время кораблестроеніемъ, какъ по отношенію къ скорости, такъ и толщинѣ и неуязвимости брони, а въ особенности съ цѣлью чтобы противодѣйствовать защитѣ судовъ сѣтями, берлинскимъ акціонернымъ машиностроительнымъ обществомъ произведены испытанія 4-хъ новыхъ типовъ торпедъ, которыя вполнѣ оправдали, возлагавшіяся на нихъ, надежды. Въ противоположность существовавшимъ до сихъ поръ, имѣвшимъ, при 20 килогр. взрывнаго вещества, скорость 22—23 узла, новые типы, заключая 40, 53, 73 и до 115 килограммовъ взрывной хлопчатой бумаги, достигаютъ скорости 27,5, 26,75, 26 и 29 узловъ, вслѣдствіе чего получается не только бòльшая сила дѣйствія, но увеличивается и вѣрность прицѣла. Благодаря различнымъ нововведеніямъ во внутренней конструкціи послѣднихъ четырехъ типовъ, скорость ихъ и вѣрность прицѣла значительно увеличились, причемъ дѣйствіе торпедной машины начинается или черезъ извѣстный желаемый срокъ, или въ то время, когда торпеда попадаетъ въ воду. Италія, которая вообще

не жалѣетъ никакихъ жертвъ для пріобрѣтенія военноморскаго матеріала, вѣроятно не замедлитъ сдѣлать заказъ на новыя торпеды, а можетъ быть и другія государства, такъ какъ берлинское судостроительное общество обладаетъ секретомъ изготовленія различныхъ бронзовыхъ сплавовъ, безъ которыхъ, какъ учитъ опытъ, трудно построить прочную и сильную торпеду. Употребляемыя названнымъ обществомъ бронзы обладаютъ, помимо своей упругости и твердости, еще свойствомъ не подвергаться порчѣ отъ дѣйствія морской воды, между тѣмъ какъ стальныя торпеды скоро ржавѣютъ и становятся негодными къ употребленію. (с.)

Прахъ Наполеона I-го развѣянъ по вѣтру, гробница въ церкви Дома Инвалидовъ осквернена—вотъ сенсаціонное извѣстіе, переданное парижскими газетами, которое произвело величайшій переполохъ въ столицѣ Франціи и привлекло вниманіе всего міра къ мраморному саркофагу, въ которомъ покоится вѣчнымъ сномъ прахъ великаго императора. По словамъ газетъ, Французское правительство получило оффиціальное увѣдомленіе о совершенномъ преступленіи отъ чиновника, который первый открылъ его. Начальника инвалиднаго дома, генерала Зумпта, посѣдѣвшаго на службѣ воина, которому подъ Седаномъ гранатой оторвало обѣ руки, буквально осаждали сотни лицъ, приходившихъ за справками; но всѣмъ онъ могъ дать только одинъ отвѣтъ, что извѣстіе, переданное газетами, вымышлено. „Всякая попытка къ оскверненію могилы встрѣтила-бы неодолимыя препятствія. Кто когда-либо посѣщалъ Домъ Инвалидовъ, знаетъ, что помѣщенный въ глубокомъ склепѣ саркофагъ можетъ быть виденъ только съ галлереи ротонды. Склепъ недоступенъ никому и всегда запертъ. Чтобы спуститься внизъ, преступники должны были-бы разрушить мраморную баллюстраду и двѣ тяжелыя бронзовыя двери. Крышка гроба сдѣлана изъ порфира, вѣсомъ въ 12,000 килограммовъ, и привинчена къ гробу большими бронзовыми лапами. Чтобы сдвинуть съ мѣста огромный камень, составляющій крышку, потребовались-бы особые лѣса съ весьма сложнымъ подъемнымъ механизмомъ, для чего въ продолженіе нѣсколькихъ дней должны были-бы работать не менѣе 15 человѣкъ.“ Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ I похороненъ въ склепѣ, нога рабочаго не ступала въ часовню. Даже во времена Коммуны не дѣлалось попытокъ удалить изъ Инвалиднаго Дома останки императора. Коммунники удовольствовались старыми доспѣхами и серебромъ, принадлежащимъ Дому Инвалидовъ. Сабля, которую носилъ императоръ при Ватерлоо, и золотой шарфъ лежатъ въ хранилищѣ для реликвій, рядомъ съ гробницей. Незадолго передъ осадой Парижа, ихъ вмѣстѣ со знаменами и трофеями вывезли изъ часовни и перевезли тайно въ Гавръ. Никто, никогда не прикасался къ гробу Наполеона. Однорукіе и безногіе инвалиды, сѣдовласые стражи могилы, свидѣтельствуютъ, что съ 8 мая 1861 года рука человѣка не прикасалась къ гробу императора. Въ этотъ день, при торжественной церемоніи, на которой присутствовали императоръ Наполеонъ III, его сынъ, президенты государственнаго совѣта, законодательнаго корпуса и многіе другіе сановники, прахъ великаго корсиканца былъ открытъ въ послѣдній разъ и заключенъ въ мраморный саркофагъ. И такъ великій императоръ почіетъ попрежнему въ своемъ мраморномъ ложѣ, среди торжественнаго молчанія склепа, согласно его послѣдней волѣ: „на берегахъ Сены, среди французскаго народа, который онъ такъ любилъ (sur les bords de la Seine au milieu de ce peuple français que j 'ai tant aimé)“. (с.)

Въ индійскомъ племени Сенека существуетъ весьма поэтическій обычай. Когда умираетъ молодая дѣвушка, родственники ея сажаютъ въ клѣтку молодую птичку и держатъ ее до тѣхъ поръ, пока она не начнетъ пѣть. Тогда они ставятъ клѣтку на могилу умершей и, поручивъ птичкѣ передать ей поклоны, поцѣлуи и нѣжные привѣты, открываютъ клѣтку. Если птичка высоко взовьется въ воздухъ и улетитъ, окружающіе вѣрятъ, что она не сложитъ крыльевъ и не сомкнетъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ въ страну духовъ и не передастъ по назначенію всѣхъ поклоновъ, поцѣлуевъ и т. д., порученныхъ ей родственниками умершей. (С).

Консерваторъ берлинскаго музея Нансенъ намѣренъ предпринять съ научной цѣлью путешествіе на лыжахъ черезъ Гренландію, о которомъ онъ уже имѣлъ совѣщаніе съ профессоромъ Норденшельдомъ. Экспедиція двинется отъ мыса Данъ—на восточномъ берегу Гренландіи—съ тѣмъ, чтобъ по внутреннимъ льдамъ достигнуть бухты Дирко на западномъ берегу. Пространство это имѣетъ по крайней мѣрѣ 90 географическихъ миль протяженія. Сопровождать Нансена будутъ два лапландца и одинъ норвежецъ. Для перевозки необходимыхъ жизненныхъ припасовъ будутъ служить сани, легкой конструкціи. Нансенъ полагаетъ, что наибольшія опасности и затрудненія встрѣтятся ему вблизи береговъ. На внутренней, плоской возвышенности (лежащей на высотѣ 1560 метровъ надъ поверхностью моря), онъ надѣется найти твердый снѣгъ, по которому хорошій ходокъ можетъ сдѣлать 20 километровъ въ день хорошій норвежскій лыжникъ—180, а привычный лапландецъ даже 200 и до 250 километровъ въ день. Если принять во вниманіе задержку отъ болѣе медленнаго движенія саней, и положить лишь по сорока километровъ въ день, то на все путешествіе потребуется отъ шестнадцати до семнадцати дней. По мнѣнію Нансена, срокъ этотъ не можетъ представлять опасности для здоровья, такъ какъ Норденшельдъ безъ вреда для себя провелъ уже тридцать одинъ день на внутреннихъ льдахъ. Необходимыя для путешествія 5000 кронъ Нансенъ надѣется получить изъ общественныхъ средствъ. (С.)

Ранніе браки въ Америкѣ. Шотландскій юристъ Дугальдъ Банатейнъ, практикующій въ Нью-Іоркѣ въ качествѣ адвоката, издалъ недавно книгу подъ заглавіемъ: „Справочная книжка республиканскихъ учрежденій въ Америкѣ“, бросающую неожиданный свѣтъ на общественную жизнь республики. Между прочимъ, онъ говоритъ, что на 25 лицъ, имѣющихъ свыше 21-го года отъ роду, приходится одно лицо, состоящее въ формальномъ разводѣ. Но есть разведенные супруги и ниже этого возраста, что можно заключить изъ приводимыхъ ниже фактовъ, свидѣтельствующихъ о ранней зрѣлости американскихъ дѣвушекъ. Одно должностное лицо въ штатѣ Георгія, приглашенное для совершенія бракосочетанія, нашло въ пріемной магистрата, ожидавшихъ его 50 человѣкъ школьной молодежи, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, и среди нихъ 14-ти-лѣтняго жениха и его 15-ти-лѣтнюю невѣсту. Мальчикъ, при первомъ посѣщеніи дѣвочки, просилъ ея руки, при второмъ заявилъ объ этомъ ея матери, а при третьемъ получилъ согласіе ея отца. Отецъ жениха рѣшительно противился дать свое согласіе. Такъ какъ у мальчика не было карманныхъ денегъ для уплаты необходимыхъ пошлинъ, то 50 школьниковъ сложились вмѣстѣ, чтобы внести требуемыя деньги, послѣ чего молодая чета была обвѣнчана. Тотъ же адвокатъ приводитъ случай, что бойкая, хорошенькая дѣвочка изъ штата Кентукки, имѣвшая ровно 7 лѣтъ 4 мѣсяца и 15 дней отъ роду и 45 дюймовъ росту, была обвѣнчана съ 70-ти-лѣтнимъ старикомъ пасторомъ. Впрочемъ, случай этотъ надѣлалъ такъ много шуму, что объ немъ было оффиціально заявлено прокурорскому надзору, *grand jury*. (С.)

Задача буквъ (Ходъ короля) № 5.

Н. С. Даржана.

Найти слѣдующія 12 словъ:

1) Одна изъ партій въ Англіи 12, 47, 36, 38.
2) Пословица о бѣдности 22. 50. 56. 44. 5. 29. 14. 16.—4. 11.—1. 35. 63. 57. 53. 39.
3) Ночная птица 25. 19. 54. 41.
4) Награда 61. 10. 27. 49. 55.
5) Игра и холодное оружіе 51. 60. 23. 31. 48.
6) Прозваніе малороссовъ 9. 62. 46. 26. 21.
7) Еврейскій учитель 15. 18. 43. 34. 17. 13. 37.
8) Сверхъестественное событіе 33. 58. 59. 32.
9) Частоколъ 20. 28. 42. 3.
10) Видъ поэзіи 24. 40. 45.
11) Напитокъ и нарѣчіе 7. 52. 2.
12) Глазъ 6. 30. 8.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, но такъ, чтобы можно было прочитать *посредствомъ хода короля*—отрывокъ изъ произведенія извѣстнаго русскаго писателя.

Шашечная задача № 6.

Н. Ржепишевской.

Черныя.

A B C D E F G H

A B C D E F G H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 2 дамки черныхъ.

Шахматная задача № 7.

Ф. Тилковскаго.

Черные.

A B C D E F G H

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Только подлинно съ этою фабричн. маркою.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты.

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ. *)

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

*) **Цѣна:** за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо. **Главный складъ** для Россіи въ **С.-Петербургѣ, у В. Ауриха,** Стремянная № 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. № 2712 36—22

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ
А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА

Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ.

НОВОСТЬ! Занятная для общества, интересно и забавно,—карикатурные силуэты и картины:

Цѣна за 5 конв. (50 карт.). . . . 3 р.
„ 10 „ (100 „) . . . 5 р.

Торговцамъ уступка.

Получать можно за наличныя или наложеннымъ платежемъ по почтѣ.

Большая Садовая, 12, **ОСКАРУ ЛЕССЕРУ.**

РОЯЛИ и ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

І. Ѳ. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ **безплатно.** (10) Р. № 2808

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для чистки зубовъ. Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для полосканія рта. Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER — Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

DENTIFRICES PELLETIER — Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob, Paris. Pt. № 2974

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива“.** № 2405

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“
НА КАРТАХЪ,

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее въ теченіи **недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ.**

Цѣна каждой книжки съ пересылкой **во всѣ** города и мѣста Россіи **1 рубль.**

Адресоваться въ г. Хвалынскъ, **Ивану Комисарову.** № 2969

Требованія высылаются немедленно съ первой почтой.

На 1888 (третій годъ)

съ 1 ноября 1887 года, журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“,
К. Маслянникова.

Обширная программа. Много рисунковъ. Безплатно: **Альбомъ типовъ лошадей, скота, собакъ, куръ и яхтъ.** Проекты: **свинарни, зерносуш., птичника, дома-дачи, 2-хъ дачъ, бани, прачешной, сушильни. Разосланы проекты: вѣтрянаго двигателя, русск. печи съ вентиляц., крас ами.** № 2972

6 р. годъ съ пер. Спб. Надеждинская, № 39.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (4) № 2946

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр., и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

КАПСЮЛИ ГЮЙО
CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2835 16—7

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

приготовляемой

19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

E. Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ
Н. А. ЛЕЙКИНА.

Содержаніе: Апраксинцы. Кусокъ хлѣба. Ямская въ будни и въ праздникъ. Крестины въ Ямской. Похороны. Сивая борода за галстукомъ. Театроманія. Критика. Дружественная лотерея. Учебный день въ нѣмецкой школѣ. Биржевые артельщики. Наши питерскіе (12 типовъ). Разсказы о хорошихъ людяхъ: И я да не я. Ласковый человѣкъ. Отецъ и сынъ. Прикащикъ на отчетѣ. Водогрѣйщикъ. Искусъ. Тесть и зять. Драматическ. пьесы: Рукобитіе. Ряженые. 2 большихъ тома въ 813 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. **Подписчики „Нивы“ за пересылку не платятъ.**

Съ требованіями обращаться: **Въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій, № 6, въ С.-Петербургѣ.**

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ.
ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

DEPOSÉ

Употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ.

Въ виду многихъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку.

Цѣна: флакону Рб. 1.65; Бензоевое мыло 35 и 50 к.; Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 рб.

Упаковка и пересылка 50 коп., для Европ. Россіи 70 к.; для Сибири 1 р.

Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ,** Стремянная, 4. № 2713 52—21

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Клеймо.

Продажа во всѣхъ почти **Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за коробку.** Р. № 2951 5—3

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ,** Большая Морская, № 23, С.-Петербургъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края **Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е,** дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. **Цѣна 2 руб.,** съ перес. **2 р. 50 к.;** въ роскошн. коленк. пер. **2 р. 75 к.,** съ перес. **3 р. 25 к.** Съ требов. прос. обращ. въ **Контору журнала „Нива“** (СПБ., Невскій, д. 6).

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ" 1887 года,

заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гр. **Е. А. Саліаса**—**„Яун-Кундзе"**, большую повѣсть **В. И. Немировича-Данченко**—**„Патмосъ"**, разсказъ **Вс. Крестовскаго**—**„Мой собратъ"**, разсказъ **А. Я. Максимова**—**„Скиталецъ"**, большую повѣсть **Н. Д. Ахшарумова**—**„Темная карта"** и его же разсказъ **„Ванзамія"**, разсказы **К. Тхоржевскаго**—**„За дупелями"** и **„Неожиданный случай"**, сцену **Виктора Крылова**—**„Секретное предписаніе"**, разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева)**—**„Въ пансіонѣ"**, большую повѣсть **В. Желиховской**—**„Кавказскій легіонъ"**, разсказы **Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова**, князя **Д. Н. Цертелева, Эвальда, Захеръ-Мазоха** и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

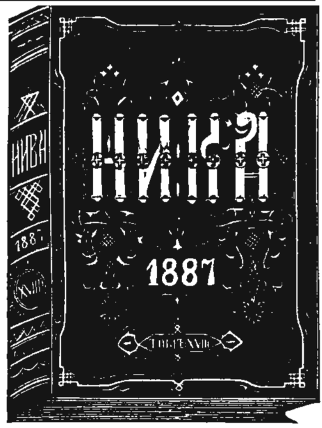
„БАБУШКИНА СКАЗКА".

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ коленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

Съ требован. обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр. № 6.



КРЫШКИ для переплета „**НИВЫ**" 1887 г. изъ лучшаго англійск. коленк. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. **Каждый** простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву" въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „**Нивы**" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1886 г. по той же цѣнѣ.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част., соч. **Вс. Соловьева.** Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вторая жена. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

XIX г. | № 4 — г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 января 1888 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Постоялый дворъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) **Н. Кравченко**, грав. Флюгель.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

I.

Зима 1686 года въ Москвѣ была что называется „сиротская“. Легкіе морозцы перемежались частыми оттепелями и уже къ концу февраля согнало снѣгъ съ кривыхъ и узкихъ улицъ „бѣлокаменной“. Всѣ ждали ранней весны; но погода вдругъ круто измѣнилась: завернули холода, задули рѣзкіе вѣтры, повалилъ мокрый снѣгъ, грязь развело невылазную. Вотъ и апрѣль наступилъ, и къ половинѣ сталъ близиться, а тепло все не приходило: даже ветлы стояли голыя, и ни одна травка не показывалась изъ земли.

Дивились Москвичи такой напасти: „въ былые годы объ эту пору листъ развертывался въ полушку, черемуха зацвѣтала, а тутъ и похожаго нѣтъ!“ Но еще болѣе москвичей дивились непогодѣ польскіе послы, уже второй мѣсяцъ гостившіе въ Москвѣ и напропалую ругавшіе „пшеклентыхъ Москалей“ за ихъ ослиное упрямство и непомѣрную требовательность. Сидя въ четырехъ стѣнахъ Посольскаго Двора на Покровкѣ, они съ досадою вспоминали между собою, что „въ ихъ-то благословенной Польшѣ или хоть бы въ той же Литвѣ — теперь сущій рай: яблони и груши какъ снѣгомъ осыпаны цвѣтомъ! Красота и ароматъ! А въ Варшавѣ, пожалуй, ужъ отцвѣли и каштаны ... а тутъ! Видно самъ Богъ отвернулся отъ этихъ схизматиковъ — въ насмѣшку даетъ имъ такую вёсну!“ Но какъ ни досадно было, а приходилось сидѣть въ Москвѣ и ждать у моря погоды.

А между тѣмъ Москва давно уже не видала такого блестящаго посольства! Цвѣтъ польской знати былъ присланъ королемъ Яномъ Собѣскимъ для переговоровъ съ великими государями Московскими о дѣлѣ первостепенной важности: о заключеніи вѣчнаго мира и крѣпкаго союза противъ врага всѣхъ христіанъ, Турецкаго султана. Во главѣ посольства стояли старые воины и опытные дипломаты: князь Марціанъ-Александръ Огинскій, великій канцлеръ Литовскій, и Криштофъ Гримультовскій, воевода Познанскій; а при нихъ были въ товарищахъ — князь Николай Огинскій, мечникъ княжества Литовскаго, да Александръ Присскій, да знаменитый богачъ и красавецъ Александръ-Янъ Потоцкій, да свита человѣкъ изъ пятидесяти шляхтичей, все самыхъ родовитыхъ, изъ самыхъ отборныхъ и старыхъ польскихъ и литовскихъ фамилій, да столько-же гайдуковъ, слугъ и всякой челяди. Секретаремъ при посольствѣ состоялъ тайный іезуитъ Бартоломей Меллеръ — тонкая лиса, на которую возлагались поляками большія надежды. И несмотря на весь блескъ посольства, несмотря на всѣ полномочія, данныя ему королемъ, дѣло подвигалось впередъ черепашьимъ ходомъ, бояре и думные люди ни на шагъ не отступали отъ требованій, предъявленныхъ посламъ съ самаго начала переговоровъ, настаивали на уступкѣ Кіева Россіи, а подъ конецъ еще добавили къ условіямъ вѣчнаго мира весьма важную статью, которую рѣшено было прочесть и обсудить въ засѣданіи, назначенномъ на 18 апрѣля.

Въ день, назначенный для этого рѣшительнаго засѣданія, погода, казалось, была еще хуже, чѣмъ во всѣ предшедшіе дни. Мгла, сырая и непроглядная, съ утра, бѣлымъ саваномъ повисла надъ Москвою и скрыла отъ глазъ не только золотую шапку Ивана Великаго и островерхія кровли кремлевскихъ башенъ, но окутала даже главы кремлевскихъ соборовъ, затянула даже причудливо-раскрашенныя и вызолоченныя вышки царскаго Теремнаго дворца. Изрѣдка, словно сквозь сито, сѣялъ дождикъ, покрывая стѣны зданій сѣроватымъ, матовымъ оттѣнкомъ сырости и насквозь пронизывая холодомъ боярскихъ слугъ и челядинцевъ, которые толклись въ грязи на Ивановской площади, сплошь заставленной каретами, колымагами, колясками старыхъ бояръ и сотнями верховыхъ коней. Продрогшіе кони жались и ёжились подъ своими попонами, щепетливо переступая ногами и потряхивая головой; люди кутались въ армяки и полушубки, похлопывали рукавицами и сердито поглядывали искоса на сторожевыхъ стрѣльцовъ, которые, въ видѣ почетной охраны, окружали посольскія кареты и посольскихъ челядинцевъ, такъ плотно укутанныхъ въ темные плащи съ куколемъ, что изъ-подъ куколя видны были только носы да усы. Нигдѣ — ни смѣху, ни говору, ни обычныхъ шутокъ и заигрываній; всѣ были утомлены и голодны, потому что топтались на холоду и въ грязи отъ ранняго утра, и напряженно сосредоточивали все свое вниманіе на Государевомъ Дворѣ (насколько онъ былъ виденъ черезъ рѣшетку съ площади), стараясь уловить признаки, предвѣщавшіе близкое окончаніе „боярскаго сидѣнья“. Но этихъ-то именно признаковъ и не было видно. У воротъ двора попрежнему стояли караульные жильцы съ бердышами и копьями, по двору степенно расхаживали стрѣлецкіе десятники, поспѣшно перебѣгала отъ палатъ къ палатамъ дворцовая служня и съ озабоченнымъ видомъ шагали, отъ приказовъ къ дворцу и обратно, подьячіе, съ большими свитками столбцовъ подъ мышкою...

Подъ навѣсомъ главнаго дворцоваго крыльца, на широкой площадкѣ, толпилась густая масса дворянъ, гостей и низшихъ придворныхъ — такъ-называемыхъ *площадныхъ*. Здѣсь, на площадкѣ-то, собственно и была главная биржа всѣхъ дворскихъ слуховъ, вѣстей, интригъ и сплетенъ. Всѣ эти стольники, стряпчіе и дворяне, собираясь сюда ежедневно, какъ на обязательную службу, толкались здѣсь иногда десятки лѣтъ, въ ожиданіи „пожалованія“ должностью или „повышенія“ въ своемъ дворскомъ положеніи; всѣ знали другъ-друга въ лицо и могли одинъ о другомъ разсказать всю подноготную. Понятно, что и въ этотъ день, на площадкѣ, главнымъ предметомъ всѣхъ толковъ было то „сидѣнье съ польскими послами“, которое происходило въ Отвѣтной Палатѣ. Между отдѣльными группами шелъ такой оживленный и непрерывный говоръ, что общій гулъ его доносился даже и за ограду двора: нѣсколько сотъ человѣкъ говорили въ полъ-голоса, и рѣчь ихъ сливалась въ какое-то нестройное жужжанье громаднаго, растревоженнаго улья.

— И чего они тамъ разсиживаютъ, словно тѣсто въ квашнѣ! слышалось въ одной изъ группъ. — Ну порѣшили-бы ужъ чѣмъ-нибудь разомъ, да шли бы по домамъ щи хлебать!

— Ишь-ты, прытокъ больно! Это вѣдь не Алтыннаго царя послы пришли, что можно сказать: „поцѣлуй пробой да ступай домой!“ Тутъ, братъ, я думаю, у самого боярина Василья Голицына, отъ думъ-то, голова трещитъ!.. А кажется, ужъ на всѣ руки ловокъ?..

— Что́ и говорить! Не даромъ братецъ-то его, кравчій Борисъ Алексѣевичъ, себѣ въ бороду посмѣивается да поговариваетъ: „Какъ-бы тутъ князь Василій себѣ шеи не свернулъ!“

— Свернуть не свернетъ; а повозиться съ ними еще таки придется. Король Янъ зналъ, кого въ послахъ отправилъ.

— Да пойми-же ты, Иванъ-свѣтъ, слышалось въ другой группѣ, — что нашимъ теперь уступить никакъ не гоже! У великихъ государей осталось съ королемъ Польскимъ всего только девять перемирныхъ лѣтъ, а

поляки насъ въ войну съ Турскимъ салтаномъ тянутъ... Вотъ имъ и предлагаютъ.

— Что̀ предлагаютъ?!... нетерпѣливо перебилъ собесѣдника сановитый Московскій дворянинъ, — предлагаютъ такое, на что̀ поляки ни въ жисть не согласятся! Не лучше-ли бы ужъ вовсе разойтись, чѣмъ столько времени въ пустыхъ рѣчахъ проводить?

— Нельзя разойтись-то! Мы имъ теперь во̀-какъ нужны. Кесарь-то Римскій на Польшу налегъ, чтобы въ союзъ насъ звала — нами правую руку у салтана удержать хочетъ. Вотъ князь-то Василій Васильевичъ (тутъ говорившій понизилъ голосъ) и уперся на своемъ: коли хочешь вѣчнаго мира да союза—отдай намъ Кіевъ да Запороги...

— Ну, вотъ подъ Кіевомъ и сидимъ семь недѣль, ни разу не доспавши, да не поѣвши во время...

— Какой тамъ вѣчный миръ съ Польшей? Что̀ они толкуютъ! слышалось въ третьей группѣ. — Ляхъ Русскому первый врагъ — хуже лютого татарина. По моему, повалнѣе съ Татариномъ на Ляха̀ идти, нежели съ Ляхо̀мъ на Татарина!

— Экъ ты хватилъ! Настоящій хохолъ! Да вѣдь намъ-бы великій стыдъ и зазоръ учинился, кабы мы теперь отъ иныхъ христіанскихъ государей отстали, потому и кесарь Римскій, и Виниція...

— Какіе тамъ христіанскіе государи! Поди, полюбуйся, что̀ у насъ подъ бокомъ Польскій король дѣлаетъ! Все православіе по Литвѣ раззорилъ и церкви Божьей отъ него житья нѣтъ! А тоже, поди, христіанскимъ государемъ слыветъ!

— Какъ поглядишь поближе на людей-то, братецъ мой, перешептывались тѣмъ временемъ въ дальнемъ углу площадки два старые дьяка,—ажно и страшно станетъ! Словно звѣри лютые другъ на друга смотрятъ—который котораго въ клочья разорветъ! Вѣдь вотъ хоть-бы и межъ бояръ-то нашихъ, два братца—князья-то Голицыны! Князь Василій изъ силъ выбивается, чтобы царевнѣ Софьѣ потрафить; а князь-то Борисъ только того и смотритъ, какъ бы его въ лужѣ утопить, да царицу Наталью Кириловну съ царемъ Петромъ потѣшить... Страшное дѣло, братецъ ты мой...

Но тутъ дверь наверху крыльца хлопнула, и вся площадка смолкла разомъ... Изъ двери вышелъ на крыльцо думный дьякъ Возницынъ, тучный и красный какъ ракъ, и сталъ поспѣшно спускаться по ступенькамъ, насколько позволяла ему его тучность и ослабѣвшія старыя ноги. Къ нему, впрочемъ, тотчасъ-же подскочило нѣсколько человѣкъ знакомцевъ изъ числа стоявшихъ на площадкѣ, подхватили милостивца подъ руки и почтительно и бережно помогли ему сойти съ крыльца, на пути его разспрашивая и на лету ловя отрывочныя его фразы. И въ то время, какъ дьякъ Возницынъ, грузно переваливаясь, поплелся черезъ Государевъ Дворъ, мимо соборовъ, къ Приказамъ, площадка уже во всѣхъ концахъ гудѣла только-что полученными свѣжими вѣстями. „Дѣло не клеится“... „дьяка въ Посольскій приказъ на̀-спѣхъ послали...“ „сказки Донскихъ казаковъ о польскихъ подговорахъ требуютъ...“ „въ Отвѣтной палатѣ духота такая, что хоть съ ногъ вались...“ „Поляки-то крикомъ кричатъ. Бутурлинъ съ паномъ Криштофомъ такъ было сцѣпились, что хоть водой разливай...“

Но минуемъ площадку, минуемъ завѣтную „преграду“ дворцоваго крыльца, строго охраняемую карауломъ и, чрезъ Золотую палату, пройдемъ прямо туда, гдѣ въ настоящую минуту вершится „дѣло государское“ и ведутся „разговоры пространные“ и „споры многіе“.

II.

Посольская или Отвѣтная палата, гдѣ обычно происходили переговоры бояръ съ иноземными послами, была не обширна, но за то отдѣлана—на славу. Незадолго до пріѣзда великихъ и полномочныхъ пословъ ее всю подновили, а потолокъ расписали въ ней синими облаками, по которымъ разметали частыя золотыя звѣзды. Стѣны палаты раскрасили подъ разноцвѣтный мраморъ, а поверхъ этого мрамора пустили серебряныя травы съ золотыми цвѣтами. Въ двухъ углахъ палаты, на массивныхъ львиныхъ лапахъ, стояли печи изъ пестрыхъ поливныхъ изразцовъ. Полъ палаты былъ устланъ мягкими войлоками и цвѣтными нѣмецкими сукнами, а стѣны, кругомъ, до половины завѣшаны дорогими персидскими коврами. Кругомъ стѣнъ стояли рундуки и лавки, покрытыя мягкими тюфяками, а въ переднемъ углу поставленъ былъ длинный столъ на точеныхъ золоченыхъ ножкахъ, съ расписною доскою. Около стола — два богатыя кресла, обитыя заморскою золотною кожею и нѣсколько стульевъ и стульцевъ съ подушками, обшитыми золотымъ кружевомъ. На стѣнѣ въ переднемъ углу, висѣлъ небольшой деисусъ, въ богатой золотой ризѣ, усаженной крупными каменьями, которые играли, переливаясь лучами при свѣтѣ горѣвшей лампады: на двухъ другихъ стѣнахъ, какъ разъ противуположныхъ, вывѣшены были писанныя масляными красками *персоны* (или портреты) покойнаго царя Алексѣя Михайловича и Польскаго короля Яна III Собѣскаго,—оба въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ. Первый изъ этихъ портретовъ, краемъ рамы почти прикрывалъ рѣшетчатое окно *тайника*, изъ котораго особы царскаго семейства нерѣдко слушали посольскія рѣчи.

Въ переднемъ углу, по обѣ стороны стола, засѣдали польскіе послы и бояре, назначенные быть съ ними „въ отвѣтѣ“. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ ближній бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, „царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“—высокій, статный мужчина лѣтъ сорока-пяти, съ замѣчательно-умнымъ, пріятнымъ и выразительнымъ лицомъ. Рядомъ съ нимъ—ближніе бояре: Борисъ Петровичъ Шереметевъ, да Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ; далѣе—ближніе окольничіе, Скуратовъ и Чаадаевъ. Рядомъ съ княземъ Голицынымъ стоялъ первый дѣлецъ Московскаго Государства, думный дьякъ Посольскаго Приказа, Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, человѣкъ весьма пожилой, съ большою просѣдью въ длинной и жидкой бородѣ.

По другую сторону стола, на первомъ мѣстѣ, помѣщался князь Марціанъ Огинскій — старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, сѣдой и величавый; рядомъ съ нимъ сидѣлъ его товарищъ, Криштофъ Гримультовскій — типичный представитель короннаго шляхетства, полный, атлетически - сложенный мужчина, съ огромными русыми усами, упадавшими на бархатный контушъ, съ энергическими движеніями и весьма выразительною мимикой. Далѣе помѣщались около стола почетнѣйшіе представители свиты посла — младшій Огинскій, Потоцкій и Присскій. Между Марціаномъ Огинскимъ и Гримультовскимъ (какъ разъ напротивъ Украинцева), почтительно нагибаясь то къ канцлеру, то къ воеводѣ, стоялъ секретарь польскаго посольства, Бартоломей Меллеръ, человѣкъ самыхъ тонкихъ свѣтскихъ манеръ, мягкій и вкрадчивый въ обращеніи.

Въ глубинѣ палаты, на лавкахъ около стѣнъ, чинно и неподвижно сидѣли, по одну сторону, думные дворяне въ своихъ длинныхъ и величавыхъ становыхъ кафтанахъ, а по другую—польскіе шляхтичи, въ роскошныхъ контушахъ съ откидными рукавами, въ пестрыхъ поясахъ, расшитыхъ шелками, и въ щегольскихъ сафьянныхъ сапогахъ, подбитыхъ серебряными подковами. По бокамъ входной двери, завѣшенной тяжелымъ ковромъ, словно два каменныя изваянія, стояли, опершись на саженные протазаны, два жильца въ красныхъ кафтанахъ и въ бархатныхъ шапкахъ, опушенныхъ соболемъ.

Палата была освѣщена очень скудно, десятью небольшими окошками. Да и откуда было взяться свѣту?

Неистовства испанцевъ въ Антверпенѣ. Картина Оомса, грав. Брендамуръ

Сквозь частый фигурный свинцовый переплетъ и расписную слюду съ надворья проникалъ въ палату только сумракъ и, казалось, на всѣхъ и на все налагалъ свой оттѣнокъ. Притомъ въ палатѣ, по русскому обычаю жарко-натопленной, было душно и смрадно: въ воздухѣ стоялъ паръ отъ дыханія и пота присутствовавшихъ, засѣдавшихъ уже нѣсколько часовъ сряду.

И всѣ засѣдавшіе были видимо утомлены, изнурены тягостнымъ „сидѣньемъ". И съ польскихъ пословъ, и съ бояръ градомъ катился потъ. Князь Голицынъ и князь Огинскій внимательно прислушивались къ горячему спору, завязавшемуся между Гримультовскимъ и Бутурлинымъ, между тѣмъ какъ Украинцевъ, вытянувъ ладонь лѣвой руки и положивъ на нее узкій и длинный листокъ бумаги, быстро и четко записывалъ въ столбецъ посольскія рѣчи, то и дѣло помакивая перо въ чернильницу, привѣшенную къ поясу.

Гримультовскій говорилъ съ какимъ-то особеннымъ, напускнымъ паѳосомъ.

— Уступаетъ крулевское величество и Рѣчь Посполитая *Москевскимъ* государямъ на-вѣчно гóроды—Черниговъ, Стародубъ, Новградъ-Сѣверскій, Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Полтаву и всю Малую Россію — а вамъ все замàло!.. Вамъ пулъ-крулевства нужно! То не можно, панове!

Бутурлинъ отвѣчалъ ему не менѣе запальчиво:

— Пусть ваше при васъ и останется! Вы намъ только наше-то верните! Кіевъ—святая отчина и дѣдина нашимъ великимъ государямъ, „мàти городовъ Русскихъ!" А вашего полъ-королевства намъ не нужно...

— Прошу наияснѣйшаго пана великаго печатника, чтобы повелѣлъ еще разъ намъ читать изъ вашей грамоты, какъ тамъ о Кіовѣ написано?—обратился Гримультовскій къ Голицыну.

„Оберегатель" кивнулъ головою въ сторону дьяка Украинцева и тотъ, истово, толково и внятно прочелъ слѣдующее:

...„Да на той сторонѣ рѣки Днѣпра, богоспасаемый градъ Кіевъ, съ Печерскимъ и Межигорскимъ и съ иными монастыри... Тако-жъ и внизъ рѣки Днѣпра отъ Кіева до Кадака, и тотъ городъ Кадакъ, и Запорожскій Кошъ, городъ Сѣчу и даже до Чернаго лѣса и до Чернаго-жъ моря, со всѣми земли и рѣки, и рѣчки, и угодьи, чѣмъ изстари владѣли запорожцы, и со"...

Князь Огинскій не дослушалъ и, обращаясь къ Голицыну, сказалъ:

— Въ великомъ-то у меня есть подивленіи, панъ великій печатникъ, что вы уже совсѣмъ въ наши рубежи вобрались!..

— Любительно прошу вашу милость, брата моего, спокойно и съ достоинствомъ отвѣчалъ Голицынъ,—прошу припомнить, что его величество король Польскій по Журавинскимъ договорамъ уже уступилъ всю Украйну Турскому салтану, а салтанъ Турскій переуступилъ Кіевъ и украинскіе городы и все Запорожье въ сторону царскаго величества. О какихъ-же *вашихъ рубежахъ*, ваша милость, изволишь говорить?

Огинскій, не ожидавшій этого возраженія, не нашелся ничего отвѣтить, а Голицынъ продолжалъ:

— Кіева въ польскую сторону никакъ отдать нельзя и не будетъ отданъ, потому у малороссійскаго народа съ поляками за утѣсненіе вѣры и за другія обиды великія ссоры и брани идутъ, и никогда успокоенія ожидать нельзя. О какомъ-же вѣчномъ мирѣ разсуждать станемъ, коли своихъ братьевъ вамъ на утѣсненіе отдадимъ? Если-же король польскій уступитъ царскимъ величествамъ городъ Кіевъ и Приднѣпровье по тотъ рубежъ, какой у насъ въ грамотѣ указанъ, то ихъ царскія величества готовы и вѣчный миръ заключить, и въ союзѣ съ королемъ войну противъ Крымскаго хана вести.

Вопросъ поставленъ былъ такъ ясно, что дальше и обсуждать было нечего. Ударъ нанесенъ былъ мѣтко и сильно. Голицынъ это сознавалъ, и въ то время, когда въ палатѣ на мгновеніе водворилось молчаніе, а польскіе послы стали о чемъ-то перешептываться между собою, Голицынъ невольно поднялъ взоры къ портрету царя Алексѣя Михайловича: онъ чувствовалъ, что изъ-за его рѣзной рамы, сквозь частую рѣшетку тайника, на него привѣтливо смотрятъ чьи-то черныя, пламенныя очи...

Молчаніе нарушилъ Гримультовскій.

— Ясновельможный панъ печатникъ упомянулъ объ обидахъ великихъ и ссорахъ и браняхъ между малороссійскимъ и польскимъ народомъ, которыя, будто-бы, не уступивъ Кіевъ, и примирить не можно. Объяви, ваша милость, въ чемъ, *на пшикладъ*, такія обиды?

Вмѣсто Голицына, Гримультовскому сталъ опять-таки возражать Бутурлинъ, которому „Оберегатель" охотно уступалъ мѣсто въ этомъ спорѣ, припасая къ концу свое вѣское слово.

— Панъ воевода, не мудрено намъ будетъ объяснить тебѣ польскія обиды къ малороссійскому народу и за прикладами ходить недалече. Еще недавно присыланы съ польской стороны на Украйну черезъ лазутчиковъ прелестныя письма, и тѣ лазутчики всѣ изыманы, и пытаны, и въ своемъ воровствѣ повинились. А коли хочешь больше знать, такъ вотъ гетманъ Иванъ Самойловичъ доноситъ, что въ приднѣпровскіе городы даже и чернецовъ съ польской стороны пускать не велѣлъ, опасаясь отъ нихъ всякой смуты, да онъ-же Самойловичъ и жалуется, что поляки, за его вѣрность великимъ государямъ, многажды, его всячески извести хотѣли...

Гримультовскій круто повернулся на своемъ креслѣ и рѣзко перебилъ боярина Бутурлина:

— Вельможный панъ воевода Бутурлинъ, какъ видно, позабылъ, что *concordia parvae res crescunt*, *discordia et maximae dilabuntur!*... Позабылъ, вельможный панъ, что мы здѣсь собрались къ договариванью о вѣчномъ мирѣ и союзѣ и можемъ слушать только то, что къ святому покою обоимъ государствамъ належитъ, а не противности и покой нарушающія рѣчи!..

— Какому тутъ быть святому покою, когда съ Украйны вопль до Москвы доходитъ отъ вашихъ утѣсненій святой нашей Церкви! Вотъ, полюбуйся, панъ воевода, что въ Посольскій Приказъ пишетъ князь Гедеонъ Четвертинскій, что въ Луцкѣ епископомъ былъ!..

— Что-же онъ можетъ писать? Зачѣмъ ему вѣрить? Онъ королевскому величеству измѣнникъ, перебѣжчикъ!

— И всякій побѣжитъ, панъ воевода, какъ станутъ приневоливать въ римскую вѣру либо въ уніаты. Не даромъ-же онъ и епархію бросилъ, и отъ доходовъ отказался и живетъ теперь простымъ инокомъ въ Батуринѣ. Лучше ужъ въ Батуринѣ укрыться, чѣмъ на вѣчное заточеніе въ Маріенбургъ угодить!

Тутъ Гримультовскій, Потоцкій и Огинскій младшій разомъ и такъ громко заговорили и по-польски, и по-русски, и такъ яростно стали возражать Бутурлину, что Голицынъ попросилъ князя Марціана унять крикуновъ и, когда возстановлено было молчаніе, сказалъ совершенно спокойно и твердо:

— На все то противное и вредительное братской любви между государствомъ Московскимъ и короною Польскою, о чемъ бояринъ Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ пану воеводѣ высказалъ, присланы намъ подлинныя письма епископа Луцкаго и гетмана Ивана Самойловича, которыя здѣсь подъ рукою имѣются и могутъ быть панамъ посламъ предъявлены...

Поляки молча переглянулись между собою и пожали плечами.

— Но ясновельможный панъ Гримультовскій былъ правъ, продолжалъ Голицынъ,—напомнивъ намъ, что

мы здѣсь собрались совѣщаться объ умноженіи крѣпчайшія между великими государями дружбы и къ тому должны всякихъ средковъ и способовъ изыскивать. Въ этихъ видахъ, великіе государи положили его королевское величество умильно просить, дабы во всей корунѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ всѣмъ живущимъ людямъ греко-россійскаго закона никакого утѣсненія не чинить... Емельянъ Игнатьевичъ, прочти это мѣсто въ грамотѣ...

Украинцевъ отложилъ столбецъ на столъ, перо заложилъ за ухо и, взявъ со стола грамоту, прочелъ въ ней слѣдующее:

...„всѣмъ живущимъ людямъ утѣсненія не чинить и чинить не велѣть; но, по давнимъ правамъ, во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ блюсти..."

— Вотъ чего добиваются проклятые схизматики! прошипѣлъ на ухо Гримультовскому Бартоломей Меллеръ.

...„А благословеніе и рукоположеніе, и постановленіе всему духовенству православному, которое въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтается, — принимать въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, отъ преосвященнаго Кіевскаго митрополита, безъ всякаго препинанія и вредительства"...

Послы польскіе такъ и привскочили на своихъ мѣстахъ. Между ними явственно послышался шепотъ:

„Такъ вотъ для чего москалямъ Кіевъ нуженъ! Москали и насъ хотятъ окрестить въ свою схизму!"

Но Огинскій подалъ знакъ, и говоръ смолкъ. Положивъ руку на королевскую грамоту, великій канцлеръ обратился къ Голицыну и сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Вижу, что намъ не придется нашего святаго дѣла завершить, и къ общему добру вмѣстѣ поднять оружіе на враговъ всего христіанства. *Але* одно скажу милости вашей, брату моему, и вамъ, панове воеводы государства Москевскаго, что *сжели* враги Церкви Божіей, турки и татары, цезаря Римскаго и круля Польскаго *зничтожать*, то потомъ и на васъ встанутъ войною, и вамъ съ ними воевать будетъ трудно.

Голицынъ не далъ Огинскому докончить и сказалъ строго и чинно:

— Такихъ рѣчей, милость ваша, намъ здѣсь вести не пригоже. Государство у ихъ царскихъ величествъ пространное и многолюдное, и оборониться отъ всякихъ враговъ можетъ, ни у кого не прося ни союза, ни помощи. И я прошу у твоей милости прямаго отвѣта на главныя статьи договора, о вѣчномъ мирѣ...

— Прямого отвѣта? отозвался Огинскій сухо и холодно.—Панъ-секретаріушъ! Пиши, что̀ я тебѣ укажу!

Бартоломей Меллеръ и Украинцевъ разомъ взялись за перья; а въ палатѣ воцарилась такая тишина, какъ будто всѣ притаили дыханіе. Огинскій продиктовалъ: „Наияснѣйшаго и великаго государя Яна III Божіею милостью круля Польскаго, великаго князя Литовскаго, Русскаго и иныхъ, его величества канцлеръ великій Марціанъ-Александръ князь съ Козельска Огинскій, Мстибовскій, Радимовскій, Сидричинскій и проч. старо̀ста—на уступку Кіева Москевскому государству не изволяемъ."

Въ окнѣ тайника яркимъ пламенемъ блеснули тѣже черные глаза и за рѣшеткой его занавѣска задернулась такъ порывисто, что князь Голицынъ явственно разслышалъ, какъ звякнули кольца занавѣски о мѣдный прутъ. Послы и свита ихъ поднялись со своихъ мѣстъ; за ними встали и всѣ сидѣвшіе „въ отвѣтѣ". Послы обмѣнились съ боярами чиннымъ и холоднымъ поклономъ и горделиво вышли изъ палаты.

Взоръ, брошенный во слѣдъ имъ Голицынымъ „съ товарищами", былъ слишкомъ краснорѣчивъ и выразителенъ.

III.

„Большой дворъ" князя Василія Васильевича Голицына занималъ, невдалекѣ отъ Кремля, лучшую часть Бѣлаго города, между Тверскою и Дмитровкою, какъ разъ противъ Моисеевскаго монастыря. Но палатъ князя Василія съ Тверской не было видно, потому что все его владѣніе было обнесено высокой каменной стѣной; изъ-за нея протягивались на улицу зеленыя вѣтви вѣковыхъ густолиственныхъ липъ, клеповъ и ясеней, среди которыхъ только мѣстами выступали вышки и кровли боярскаго дома, крытыя заморскимъ бѣлымъ желѣзомъ, да возвышался куполъ церкви Живоначальнаго Воскресенія, построенный во дворѣ князя Василія, направо отъ въѣздныхъ воротъ, выходившихъ на Тверскую.

Эти ворота представляли собою цѣлое зданіе, съ жильемъ наверху, съ высокою черепичною кровлею, надъ которою высился большой желѣзный прапоръ (флюгеръ) съ гербомъ Голицыныхъ. Тяжелые дубовые створы воротъ, обитые лужеными гвоздями и вырѣзными скобами, отпирались настежь только для хозяевъ дома и почетнѣйшихъ гостей, пользовавшихся правомъ въѣзда во дворъ княжихъ палатъ. Всѣ остальные смертные должны были входить во дворъ калиткою, оставляя верховыхъ коней и повозки на улицѣ около коновязей, нарочно для того устроенныхъ вдоль всего забора княжаго двора.

Вошедшему во дворъ, налѣво, бросались въ глаза широкія крытыя крыльца боярскихъ палатъ, направо— расписная паперть надворной церкви, соединенной особыми переходами на столбахъ съ главнымъ домомъ. За церковью тянулся огромный флигель оружейной и конюшенной палаты—домашній арсеналъ и складъ конской сбруи,—и громадныя конюшни, въ которыхъ постоянно стояло не менѣе полутораста коней, всякихъ мастей и породъ, отъ бѣлыхъ какъ снѣгъ высокихъ голштинскихъ возниковъ, до приземистыхъ иноходцевъ и степныхъ аргамаковъ. Налѣво, противъ оружейной, тянулось огромное зданіе общей людской палаты, подъ которою помѣщались каретные сараи и особыя конюшни для самыхъ дорогихъ и любимыхъ княжескихъ коней. Далѣе, среди зелени, виднѣлись крыши и трубы мастерскихъ палатъ и всякихъ остальныхъ службъ.

На дворѣ, конечно, было вѣчное движеніе, потому что въ усадьбѣ князя Василія постоянно жило по меньшей мѣрѣ 300—400 человѣкъ всякаго рода слугъ, мастеровыхъ, подручниковъ, приспѣшниковъ, приживальщиковъ, стариковъ и захребетниковъ. На половинѣ супруги князя, княгини Авдотьи Ивановны, тоже было не меньше сотни всякихъ служанокъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, мастерицъ, старухъ, богомолицъ, юродивыхъ, карлицъ и ду̀рокъ. Каждый, даже и самый послѣдній изъ слугъ князя Василія понималъ его значеніе и силу, понималъ, что за его спиной, какъ за каменной стѣной, можно жить припѣваючи и дѣлать все что̀ вздумается, не опасаясь ни спросу, ни сыску. Часть этой праздной и сытой челяди вѣчно толпилась и балагурила за воротами и благодаря этому, по Тверской, даже среди бѣла дня, не было ни проходу, ни проѣзду отъ буйства и грубыхъ шутокъ голицынской дворни, которая не давала спуску ни конному, ни пѣшему; а подъ вечеръ... всѣ предпочитали отправляться чрезъ Бѣлый городъ окольнымъ, но менѣе опаснымъ путемъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ третьяго дня князь Василій вернулся изъ дворца темнѣе грозовой тучи, весь домъ, весь многолюдный дворъ его словно замеръ. Ни толпы за воротами, ни шума, ни движенія во дворѣ... Всѣ навострили уши и вытянулись въ струнку. Въ дворнѣ только шепотомъ передавали другъ дру̀гу на ухо, что князь въ тотъ день не обѣдалъ и не ужиналъ, и никого, даже изъ семейныхъ, къ себѣ не допускалъ. На другой день князь не поѣхалъ ни во дворецъ, ни въ Приказы, сказался больнымъ, даже посылалъ за дохтуромъ-нѣмцемъ въ Нѣмецкую слободу и съ тѣмъ нѣмцемъ бесѣдовалъ болѣе часа.

На третій день, рано утромъ, къ князю явился за при-

казаніями дьякъ Украинцевъ. Встрѣченный на крыльцѣ низкими поклонами многочисленной челяди, онъ тотчасъ былъ проведенъ особыми сѣнями, обитыми червчатымъ англійскимъ сукномъ, прямо въ Шатровую палату князя.

Шатровая палата была любимымъ домашнимъ покоемъ князя Василія. Названіе свое она получила отъ того, что потолокъ ея имѣлъ видъ купола. Въ немъ было пробито нѣсколько круглыхъ просвѣтовъ, забранныхъ слюдяными оконцами. Сверхъ того, палата освѣщалась цѣлымъ рядомъ небольшихъ стекольчатыхъ оконъ, выходившихъ въ садъ. Стѣны этого покоя были обтянуты краснымъ сукномъ, а снизу, въ видѣ широкой панели, почти въ ростъ человѣка, обиты нѣмецкими золочеными кожами и расписными холстами въ золоченыхъ рамахъ. На этой панели очень красиво выдѣлялись черные рѣзнаго дѣла нѣмецкіе шкафы и пузатые комоды, съ серебряными кольцами и скобами и черные стулья съ подушками, обитыми алымъ бархатомъ. У двухъ стѣнъ стояли два стола со врѣзанными въ нихъ оловянными узорами и личинами. Надъ однимъ изъ столовъ, на стѣнѣ, висѣли французскіе часы безъ гирь, въ футлярѣ съ перламутромъ и бронзою, а по бокамъ стола два зеркала въ роскошныхъ рамахъ съ серебряными фигурами и углами. На противуположной стѣнѣ красовался цѣлый рядъ нѣмецкихъ гравюръ за стекломъ и въ рамахъ. Убранство палаты дополняли высеребренные шанданы (канделябры) на стѣнахъ и хрустальное виницейское паникадило (люстра), съ цвѣтными подвѣсками, спускавшееся съ середины купола.

Весь передній уголъ палаты блисталъ и горѣлъ богатѣйшими иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, осыпанныхъ каменьями, золочеными кіотами, янтарными крестами, цѣпными панагіями и складнями—дарами, приношеніями и благословеніями, которыя сыпались на Оберегателя со всѣхъ концовъ Россіи и ежегодно переполняли „крестовыя палаты“ князя, княгини и ихъ семейства.

Дьякъ, войдя въ палату, засталъ князя Василія въ креслѣ у стола, съ толстымъ фоліантомъ въ рукахъ. Украинцеву показалось, что за два дня князь Василій успѣлъ и поблѣднѣть, и похудѣть. Перекрестившись на иконы и отвѣсивъ князю обычный поясной поклонъ, дьякъ освѣдомился о здравіи.

— Тѣломъ здравъ, Емельянъ Игнатьевичъ, а духомъ нѐмощенъ! Каковы у тебя вѣсти?.. не утѣшишь-ли чѣмъ?

— Добрыхъ вѣстей нѣтъ. Куранты *) вчера изъ Смоленска получены—такъ и въ нихъ тоже ничего для насъ подходящаго не пишутъ. А послы-то польскіе точно, что въ дорогу собираются... Поговариваютъ, будто завтра хотятъ просить, чтобы поскорѣе „у руки“ быть.

Князь сердито топнулъ ногой и отвернулся. Помолчавъ немного, онъ снова обратился къ дьяку съ вопросомъ:

— А *тѣмъ-то путемъ* ты ихъ обойти не пробовалъ?

— Какъ не пробовать, князь-батюшка, когда ты мнѣ самъ приказалъ! Подсылалъ я къ этому Варѳоломею Меллеру и пристава нашего (ужъ на что̀ продувной малый!), и нѣмку одну изъ нѣмецкой слободы подставлялъ (а вѣдь эти езовиты до женскаго пола во̀-какъ люты!), такъ нѣтъ же: все неймется. „Я“, говоритъ, „своего короля ни за какія тысячи не продамъ“. А слышно, этотъ самый Варѳоломей душою Огинскаго какъ своимъ майонткомъ **) владѣетъ.

— Ну, какъ-же быть теперь, по твоему-то разумѣнію? спросилъ князь, пристально вглядываясь въ умное лицо стараго и опытнаго дьяка. И сразу понялъ, что задалъ напрасный вопросъ: лицо Емельяна Игнатьевича выражало только недоумѣніе.

— Задержать бы ихъ немного, рѣшился онъ только процѣдить сквозь зубы.—Узнать бы, что́ за вѣсти имъ гонецъ привезъ...

— Какой гонецъ? когда? Что-жъ ты мнѣ не скажешь!.. вскрикнулъ князь, вскакивая съ мѣста.

— Прошу прощенья, запамятовалъ... А вѣсти-то, должно-быть, немаловажныя; потому что послы того гонца тотчасъ на ключъ въ чуланѣ заперли—и стерегутъ...

— И неужели-же ты, старая, ношеная птица, не могъ узнать... подкупить... подслушать!?.

— Государь мой милостивый, отозвался нѣсколько обиженнымъ тономъ Украинцевъ,—все подкуплено! Каждый шагъ ихъ вѣдомъ: тро̀жды въ день доклады съ Покровки получаю. А какъ же ты узнаешь, какую грамотку послы съ гонцомъ получили, когда они ее заперши́сь, промежь себя, читать станутъ? Да кабы ту грамотку и въ рукахъ держать—что́ проку? Писана цыфирью—безъ ихней азбуки не разберешь! Чай самъ вѣдаешь, какъ крюками пишутъ? На всякое дѣло свой крюкъ! Знаю только, милостивецъ...

— Ну, ну, что́ знаешь? говори скорѣй!

— Знаю, что, получивши вѣсти отъ гонца, послы велѣли всѣмъ готовиться къ отъѣзду и на-спѣхъ въ путь собираться... И вся ихъ шляхта на радостяхъ перепилась до страсти! Самъ Потоцкій въ плясъ пустился... Такъ вотъ позадержать-бы, позамедлить...

— У тебя, Емельянъ Игнатьевичъ, всегда одна пѣсня! *Позадержать-бы, позамедлить!*—Да вѣдь это не грамота, не писанная отповѣдь, что подъ сукно положить можно,—а живые люди! Если ихъ „къ рукѣ“ не допускать подольше, такъ хуже можетъ выйти—„безъ руки“ уѣдутъ. Имъ не до̀роги подарки! А ежели уѣдутъ, не справивъ дѣла, да ежели безъ насъ салтана одолѣютъ—что̀ скажутъ наши *пріятели, сосѣдушки-то Преображенскіе?* Что зашипятъ Нарышкины, да Шереметевы, да Черкасскіе, да Долгорукіе?! Какъ станетъ надо мной глумиться братецъ-то почтенный, Борисъ-то Алексѣевичъ! А? Да они меня со свѣту сживутъ!..

Дьякъ упорно и сосредоточенно молчалъ; онъ очень хорошо понималъ, въ какую опасную и трудную игру игралъ Оберегатель, а зная характеръ князя Василія, еще лучше понималъ, что совѣтовать, въ данную минуту, было бы опасно...

Между тѣмъ, Голицынъ, пройдясь нѣсколько разъ по палатѣ, успѣлъ совладать съ собою настолько, что могъ уже сказать Украинцеву совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Я и сегодня не поѣду во дворецъ... Жду дохтура—такъ и скажи тамъ, *на Верху*, чтобъ знали. А самъ зайди ко мнѣ сегодня подъ-вечеръ, попозже, ты мнѣ будешь нуженъ.

Украинцевъ низенько поклонился князю Василію и вышелъ изъ палаты. Онъ хорошо понялъ, что Оберегатель принялъ какое-то важное рѣшеніе. Но какое?.. Это даже и умному Емельяну Игнатьевичу не приходило въ голову.

Тотчасъ по удаленіи Украинцева, Голицынъ свиснулъ. Вошелъ старый дворецкій, Кирилычъ.

— Никого не принимать до моего приказа! Обѣдать мнѣ велишь подать въ моей столовой. Да распорядись ко мнѣ послать Кузёмку.

Дворецкій поклонился, но не уходилъ, переминаясь съ ноги на ногу на порогѣ.

— Ну, что̀ тебѣ еще?

— Матушка княгиня Евдокія Ивановна приказала у милости твоей о многолѣтнемъ здравіи спросить, а сынъ твой, князь Алексѣй, княжъ Васильевичъ, твоихъ пресвѣтлыхъ очей видѣть желаетъ.

— Попозже... не́когда теперь... А княгинѣ передай, что мнѣ полегчало... помогъ-де дохтуръ-нѣмецъ травнымъ зельемъ. Такъ посылай живѣй Кузёмку!

Дворецкій поклонился молча и удалился неслышными шагами.

*) Газеты.
**) Имѣніемъ

Швейка. Картина академика барона **М. Клодта**, грав. Барановскій. 2

Нѣсколько минутъ спустя, въ сѣняхъ послышался скрипъ сапогъ и легкій кашель.

— Войди! крикнулъ князь Василій.

На порогѣ появился высокій, сухощавый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, смуглый и рябой, съ цѣлой копной черныхъ волосъ на головѣ, съ курчавой бородкой, въ которой кое-гдѣ серебрилась сѣдина. Большие сѣрые глаза — глаза хищной птицы—зорко и смѣло глядѣли изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей. На немъ былъ вишневый суконный чекмень, подтянутый щегольскимъ черкесскимъ поясомъ съ серебряными бляхами; а изъ-подъ чекменя выглядывало лазоревое тафтяное полукафтанье съ серебряными пуговицами. Въ рукахъ онъ держалъ суконный колпакъ, отороченный пухомъ. Это и былъ Кузёмка Крыловъ, старшій ловчій князя, пользовавшійся большимъ его довѣріемъ.

— Съѣзди къ Гваксанію! За тѣмъ-же дохтуромъ-нѣмчиномъ. Проведешь его черезъ часовню! Да мигомъ будь обратно!

Куземка отличался тѣмъ, что ему не нужно было повторять приказаній.

IV.

Гваксаній, итальянецъ по происхожденію, свѣтскій іезуитъ и іезуитскій агентъ по профессіи, давно уже поселился въ Москвѣ и жилъ подъ видомъ флорентскаго купца. Въ 1685 г., воспользовавшись пребываніемъ въ Москвѣ цесарскаго посла Курцея, Гваксаній, при его посредствѣ, купилъ даже домъ въ Нѣмецкой слободѣ — приготовилъ гнѣздо для іезуитовъ въ Бѣлокаменной. Къ нему, въ томъ-же году пробрался изъ-за польскаго рубежа іезуитъ Шмитъ, который, пользуясь кое-какими свѣдѣніями въ медицинѣ, выдавалъ себя за дохтура, съумѣлъ втереться въ дома вліятельнѣйшихъ лицъ, и прежде всего, конечно, вошелъ въ сношенія съ Оберегателемъ. Онъ привлекъ вниманіе Голицына тонкимъ умомъ, блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ и основательными свѣдѣніями въ различныхъ областяхъ знанія. Въ бесѣдахъ своихъ съ княземъ Василіемъ Шмитъ не скрывалъ того, что онъ принадлежитъ, по религіознымъ убѣжденіямъ, къ ордену іезуитовъ; съ паѳосомъ, достойнымъ превосходнаго актера, разсказывалъ онъ о могуществѣ и всемірномъ значеніи ордена, и не упускалъ случая, искренно пожалѣть о томъ, что только въ Россію еще закрытъ іезуитамъ путь. Князь Василій все это слушалъ и моталъ на усъ; онъ видѣлъ въ Шмитѣ ловкаго агента, которымъ можно будетъ воспользоваться въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Европой, и не приказывалъ тревожить „дохтура“ слишкомъ пристальнымъ надзоромъ за его дѣятельностью. А эта дѣятельность особенно усилилась съ тѣхъ поръ, какъ прибыло въ Москву польское посольство и при немъ въ секретаряхъ — Бартоломей Меллеръ, одинъ изъ важныхъ іезуитскихъ агентовъ, совершенно опутавшій старшаго Огинскаго. Меллеръ и Шмитъ по цѣлымъ вечерамъ проводили вмѣстѣ, въ какихъ-то тайныхъ совѣщаніяхъ, и уже послѣ первыхъ засѣданій съ послами, Шмитъ дерзнулъ предложить Голицыну свое посредничество...

Князь Василій отклонилъ его довольно сурово. Шмитъ стушевался и не показывался на глаза Оберегателю до тѣхъ поръ, покамѣстъ, въ день полной „разрухи“ съ послами, Голицынъ самъ о немъ вспомнилъ. Тогда ужъ Шмитъ, явившись, предложилъ свои условія. Князь Василій не далъ ему никакого отвѣта и сказалъ, что подумаетъ... На томъ они и разстались. И дѣйствительно, онъ выжидалъ весь слѣдующій день. Черезъ Украинцева и агентовъ Посольскаго Приказа онъ пустилъ въ ходъ всѣ пружины, которыми, казалось, можно было повернуть дѣло на настоящій путь и побудить Огинскаго къ возобновленію переговоровъ. Но всѣ усилія ни къ чему не привели, а ждать не хватало силы... Отовсюду приходили вѣсти недобрыя — враги Оберегателя уже торжествовали заранѣе его несомнѣнную неудачу; а двоюродный братъ его, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, не стѣсняясь, осмѣивалъ дипломатическія уловки и тонкости, пущенныя въ ходъ княземъ Василіемъ въ переговорахъ съ Поляками, и все-же окончившіяся „разрухой“.

Князь Василій, отъ ранней юности избалованный счастіемъ, привыкшій къ легкой удачѣ и къ легкой наживѣ, выросшій и созрѣвшій среди интригъ и ожесточенной борьбы дворскихъ партій, безпощадно губившихъ другъ друга, рано былъ вознесенъ на верхъ славы прихотливою судьбою. Между тѣмъ какъ другіе около него боролись и гибли, то проливая кровь, то пачкаясь въ грязи, онъ съумѣлъ, незапятнанный ничѣмъ, возвыситься надъ всѣми, только благодаря своему уму, своимъ блестящимъ способностямъ и обворожительному умѣнію всѣхъ прельщать и всѣмъ нравиться. Сблизившись съ царевной Софьей, онъ сталъ первымъ изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ. И вотъ, теперь, когда царевна ожидала, что онъ какъ и всегда, восторжествуетъ надъ всѣми препятствіями и прославитъ ея имя заключеніемъ выгоднѣйшаго мира съ Польшей — его надежды, вдругъ, готовы были рушиться... Онъ понималъ, что если послы уѣдутъ, не заключивъ „вѣчнаго мира“, всѣ обвинятъ въ неудачѣ его, Оберегателя. Позабывъ всѣ его прежнія заслуги, всѣ закричатъ, что „молъ, управленіе дѣлами Посольскаго Приказа — не его ума дѣло!..“ А что̀ скажетъ, что̀ подумаетъ царевна, привыкнувшая ему вѣрить!.. При этихъ мысляхъ вся кровь бросалась въ голову князю Василію; онъ судорожно сжималъ кулакъ и грозилъ какому-то незримому врагу.

— Нѣтъ! будь что̀ будетъ! Поневолѣ пойдешь окольною дорогою, коли нельзя идти прямымъ путемъ... А тамъ съ помощью царевны съумѣемъ какъ-нибудь поправить дѣло и схоронить концы въ воду!

(Продолженіе будетъ).

Сорванецъ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ

Виктора Крылова (Александрова).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Закрутинъ, Иванъ Христофоровичъ, землевладѣлецъ-номѣщикъ.

Вѣра, **Надя**, **Люба** — его дочери.

Сурамская, Александра Николаевна, княгиня.

Борисъ Николаевичъ (Боби), ея сынъ.

Осетровъ, Петръ Николаевичъ, братъ Сурамской, отставной генералъ.

Гриша, дворовый мальчикъ у Закрутиныхъ.

Семенъ, лакей княгини.

Горничная у Закрутиныхъ.

Маланья, крестьянская дѣвушка, работница у Закрутиныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни, въ деревнѣ Закрутина.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Садъ передъ домомъ въ деревнѣ. Слѣва домъ, почти паралельно рампѣ. Небольшая терраса (сходъ въ садъ) устроена между двумя выступами дома, изъ коихъ лѣвый и часть террасы исчезаютъ въ кулисахъ. Правый виденъ цѣликомъ. Въ немъ окно, оно закрыто. Красивый садъ, садовая мебель.

Справа, подъ деревьями, за накрытымъ столомъ, завтракаютъ **княгиня, Боби, Осетровъ, Закрутинъ, Вѣра, Надя и Люба.** *Имъ прислуживаютъ* **Семенъ** *и* **горничная.**

Явленіе I.

Княгиня, Боби, Осетровъ, Закрутинъ, Вѣра, Надя, Люба, Семенъ и горничная.

Закрутинъ. Ужъ извините, княгиня, что мы вамъ все куръ да куръ подаемъ; въ деревнѣ вѣдь, что̀ достанешь...

Княгиня. Ахъ, любезный другъ, завтракъ безподобный. Вы думаете, мы въ Петербургѣ куръ не ѣдимъ?

Закрутинъ. Да ужъ очень угодить вамъ хочется за вашу любезность. Вѣдь ужъ какая это мнѣ радость, что вы сюда къ намъ въ деревню пожаловали, и съ сын-

комъ, и братецъ тоже... Такая радость...

Осетровъ. Я не по своей волѣ. Меня привезли.

Закрутинъ. Все равно... Утѣшили,—такъ утѣшили!.. Да я васъ скоро не отпущу. На три недѣли?.. Нѣтъ-съ, попали ко мнѣ, такъ все лѣто живите.

Осетровъ. Ну, ужъ благодарю. Если мнѣ тутъ все лѣто прожить, я совсѣмъ одичаю. Я кусаться буду.

Надя. Княгиня, обращаю ваше вниманіе на картофель. Это особый сортъ, называется бѣлый слонъ. Мы выписали изъ Риги и онъ у насъ отлично принялся.

Закрутинъ. У нея восемь сортовъ картофеля на огородѣ.

(Боби хочетъ налить себѣ вина).

Княгиня. Боби, мой другъ, ты, кажется, лишнюю рюмку вина себѣ наливаешь. *(Боби отставляетъ бутылку).* Восемь сортовъ.. Развѣ есть столько сортовъ картофеля?

Надя. Гораздо больше есть. Позвольте мнѣ, княгиня,—я вамъ завтра новый сортъ въ шкуркахъ сварю; подъ названіемъ „ранняя роза“. Онъ такой розовенькій, продолговатенькій и нѣжный на вкусъ.

Закрутинъ. Ужасная у нея страсть къ хозяйству, у Нади; не выгонишь изъ огорода.

Княгиня. Хорошая страсть. Трудиться—это такъ пріятно! *(Сыну)* Боби, мой другъ, что ты себѣ глазъ трешь?

Боби. Не знаю, maman, попало что-то. Вѣрно муха.

Осетровъ. Совсѣмъ не муха, а въ тебя вотъ эта маленькая плутовка шарикомъ стрѣльнула.

Закрутинъ. *(Укоризненно).* Ахъ, Люба!..

Люба. Что вы, что вы?.. Я такая тихенькая дѣвочка, смирная; сижу, сложивши ручки... Вотъ клевета!..

Княгиня. *(Надѣ).* Нѣтъ, ma chère, merci, довольно. Вѣдь я уже ѣла.

(Прислуга мѣняетъ тарелки).

Вѣра. У Любы ужъ такая дурная привычка: стрѣлять шариками.

Люба. Я стрѣльнула?.. Княгиня, вы видѣли, какъ я стрѣльнула?

Княгиня. Я не видала, mon enfant. Но еслибъ я и видѣла, это такъ неприлично кидать хлѣбные шарики, что я бы постаралась не замѣтить.

Люба. Слышите, генералъ? Надо стараться не замѣчать; а вы на весь столъ объявляете.

Княгиня. Лучше не дѣлать того, чего не слѣдуетъ замѣчать.

Осетровъ. А вы въ нихъ не стрѣляйте, коли они обижаются. Вы въ меня стрѣляйте—я не обижусь.

Княгиня. *(Укоризненно).* Mon frère!..

(Семенъ приноситъ блюдо съ земляникой).

Люба. *(Восторженно).* Земляника!.. Моя милая ягодка! въ первый разъ подаютъ. *(Накладываетъ себѣ).*

Закрутинъ. Люба, дай старшимъ взять прежде.

Надя. Люба, Люба!.. Довольно, довольно...

Люба. *(Отнимая тарелку).* Оставьте!—не отдамъ. Землянику въ первый разъ подаютъ. *(Отходитъ влѣво).*

Закрутинъ. Ну, скажите... Ну что вы будете съ ней дѣлать?

Люба. Никого я не обездолила. Это у Нади хозяйская скупость только. Ей хочется, чтобы половина блюда осталась, она къ обѣду изъ остатка земляничный пирогъ сдѣлаетъ.. И совсѣмъ это не нужно. Пускай всю съѣдятъ.

Закрутинъ. Любочка, перестань. Отецъ твой проситъ: будь какъ всѣ...

Люба. Ну, коли вамъ жалко, я пожалуй, подѣлюсь. Борисъ Алексѣевичъ, подите сюда.

Княгиня. Зачѣмъ же ему идти отъ стола?

Люба. Вы ему запрещаете?

Княгиня. Что онъ маленькій, что-ли? Ничего я ему не запрещаю.

Боби. *(Подойдя).* Что вамъ угодно?

Люба. Садитесь, кушайте, я вамъ подержу тарелку.

Боби. Зачѣмъ? Полноте...

Вѣра. Какія ты глупости дѣлаешь!..

Люба. Это васъ не касается. *(Къ Боби)* Кушайте, говорятъ вамъ. *(Боби ѣстъ).*

Закрутинъ. Ну вотъ, княгиня, сладьте съ ней.

Княгиня. Я бы сладила.

Закрутинъ. Нѣтъ, я не берусь. Что же съ ней сдѣлаешь? вѣдь вонъ она какая выросла,—въ гимназіи курсъ кончила. На колѣни въ уголъ ее не поставишь. Какъ тутъ управляться?.. Себѣ на грѣхъ мы ихъ учимъ, ей Богу. Попробуйте съ ней теперь поговорить, ее и не переспоришь.

Вѣра. Гдѣ тебѣ кого-нибудь переспорить!

Княгиня. Главное, что нужно въ обращеніи съ дѣтьми, это—твердость. Сказалъ: такъ надо—и уступки ни на шагъ. А у насъ все вѣдь родители какъ дѣлаютъ?—прикажутъ, а потомъ сами откажутся... Вы знаете, этотъ извѣстный педагогъ нашъ... какъ его... Боби, какъ зовутъ этого извѣстнаго педагога?..

Боби. *(Встаетъ).* Что, maman?

Люба. Сидите, отсюда отвѣтите.

Княгиня. Поди сюда, мой другъ. Не могу я кричать.

Закрутинъ. *(Подходя къ Любѣ).* Любочка, прошу тебя.

Люба. Папа, зачѣмъ ты уходишь отъ стола,—это неприлично. *(Ѣстъ).*

Княгиня. *(Тихо брату).* Спаси ты его... Что она съ нимъ дѣлаетъ!..

Осетровъ. А вотъ я ее сейчасъ... *(Вставъ, Надѣ).* Благодарю... Можно сигару закурить?

Надя. Пожалуйста... Если княгиня позволитъ.

Княгиня. Боби, мой другъ...

Люба. Послѣднюю ложку вамъ, остатки младенцамъ.

Боби. Merci. *(Отходитъ къ столу. Закрутинъ уноситъ тарелку къ столу. Подаютъ кофе).*

Осетровъ. *(Беретъ кофе. Не глядя на Любу)* Что-жъ это вы, баловница, обижаете нашего сахарнаго князя? *(Глядитъ).* Ахъ, вы его отпустили... Что? испугалась?

Люба. Какъ же не испугаться, когда на меня такая цѣлая армія выступила, какъ вы?

Осетровъ. Вы лучше меня обижайте... Ха, ха, ха!..

(Надя подала Боби кофе).

Княгиня. Боби, мой другъ, ты знаешь, какъ я не люблю этихъ фамильярностей. Ты конечно, свободенъ дѣлать что хочешь, но ты бы долженъ думать, что пріятно и что непріятно твоей матери.

Боби. Maman, какъ же мнѣ...

Вѣра. Вы, князь, если будете такъ поддаваться Любѣ, вы свою судьбу проклянете. Она неотвязчива, какъ комаръ.

Люба. Кто это? Я—комаръ?

Княгиня. *(Переходя).* Я не пью кофе, merci. *(Подходитъ къ Любѣ).* Милое дитя мое, позвольте мнѣ, во имя давней дружбы съ вашимъ семействомъ... я знала вашу покойную мать... я видѣла васъ въ колыбели...

Люба. Извините, княгиня, я этого не помню.

Княгиня. Вы не можете помнить, вамъ было тогда два мѣсяца. Позвольте мнѣ, старухѣ...

Закрутинъ. Да, да, княгиня, сдѣлайте милость, скажите.

Люба. Папа, ты не знаешь, о чемъ княгиня проситъ, а ужъ говоришь: сдѣлайте милость.

Закрутинъ. Опять не кстати сунулся.

Княгиня. Позвольте по старой дружбѣ дать вамъ совѣтъ. Вамъ еще предстоитъ много жить.

Люба. Не знаю, княгиня.

Княгиня. Этого никто не знаетъ; но такъ надо предполагать. Вы вѣрно хотите быть счастливою.

Люба. Не знаю, княгиня.

Княгиня. Хотите, конечно. Всѣ хотятъ. Такъ чтобъ быть счастливою, дитя мое, надо стараться всѣмъ быть пріятною, а не надоѣдать людямъ.

Люба. Совершенно съ вами согласна, княгиня. Я вотъ постоянно папашѣ говорю: никогда не надо надоѣдать. А онъ мнѣ ужасно надоѣдаетъ своими наставленіями. Совсѣмъ вотъ какъ вы теперь...

Закрутинъ. Люба, Люба...

Княгиня. *(Со злобнымъ смѣхомъ).* Если не хотите моихъ наставленій, mon enfant, такъ вѣдь какъ угодно. Я не навязываю... я не навязываю...

Закрутинъ. *(Тихо Любѣ).* Смилуйся ты надо мной...

Княгиня. Боби, мой другъ, ты, кажется, хотѣлъ сегодня начать твои занятія къ диссертаціи?

Люба. Бѣдный мальчикъ! — и лѣтомъ учиться заставляютъ.

Княгиня. Никто не заставляетъ, онъ можетъ дѣлать что хочетъ. Но онъ знаетъ, что пріятно и что непріятно его матери.

Боби. Я, maman, сейчасъ.

Княгиня. А меня ты найдешь потомъ въ рощѣ. Я вотъ только мою работу возьму. *(Уходитъ въ домъ).*

Боби. Дядюшка, у васъ, кажется, въ чемоданѣ полицейское право?

Осетровъ. Какое полицейское право? Что за намекъ?

Боби. Книги мои.

Осетровъ. Ахъ, книги... я про нихъ и забылъ. Я думалъ ты это намекаешь... что я тутъ... присматривать долженъ... *(Рѣзко обрывая).* Нѣтъ, я это спуталъ.

Боби. Позвольте мои книги.

Осетровъ. Вотъ вамъ удовольствія деревенской жизни!.. Въ городѣ книги въ шкафу стоятъ: отперъ и возьми; а тутъ, весь чемоданъ тормоши; сюртуки швыряй, рейтузы швыряй...

Боби. Дядюшка, да я самъ.

Осетровъ. Нѣтъ, нѣтъ... ты не умѣешь платья сложить.

(Уходитъ, Боби за нимъ).

Явленіе II.

Закрутинъ, Вѣра, Надя, Люба, Семенъ и горничная. *(Семенъ и горничная убираютъ со стола).*

Закрутинъ. *(Любѣ со злобой).* Спасибо! спасибо! добрая дочь — щадишь отца...

Вѣра. Папа... Devant Семенъ...

Закрутинъ. *(Путаясь).* Конечно, съ другой стороны... *(Семену).* Ну что, Семенушка, какъ тебѣ нравится наша деревня?

Семенъ. Что-жъ?—деревня какъ есть настоящая.

Закрутинъ. Ты ужъ извини, что пріѣхалъ съ княгиней, у нея служишь, а вотъ нашей прислугѣ помогаешь за столомъ.

Семенъ. Да мнѣ что княгиня прикажутъ. Мнѣ все равно.

Закрутинъ. Я твоей службы не забуду; да. *(Напѣваетъ, слѣдя глазами за уходящимъ Семеномъ).*

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный сарафанъ...

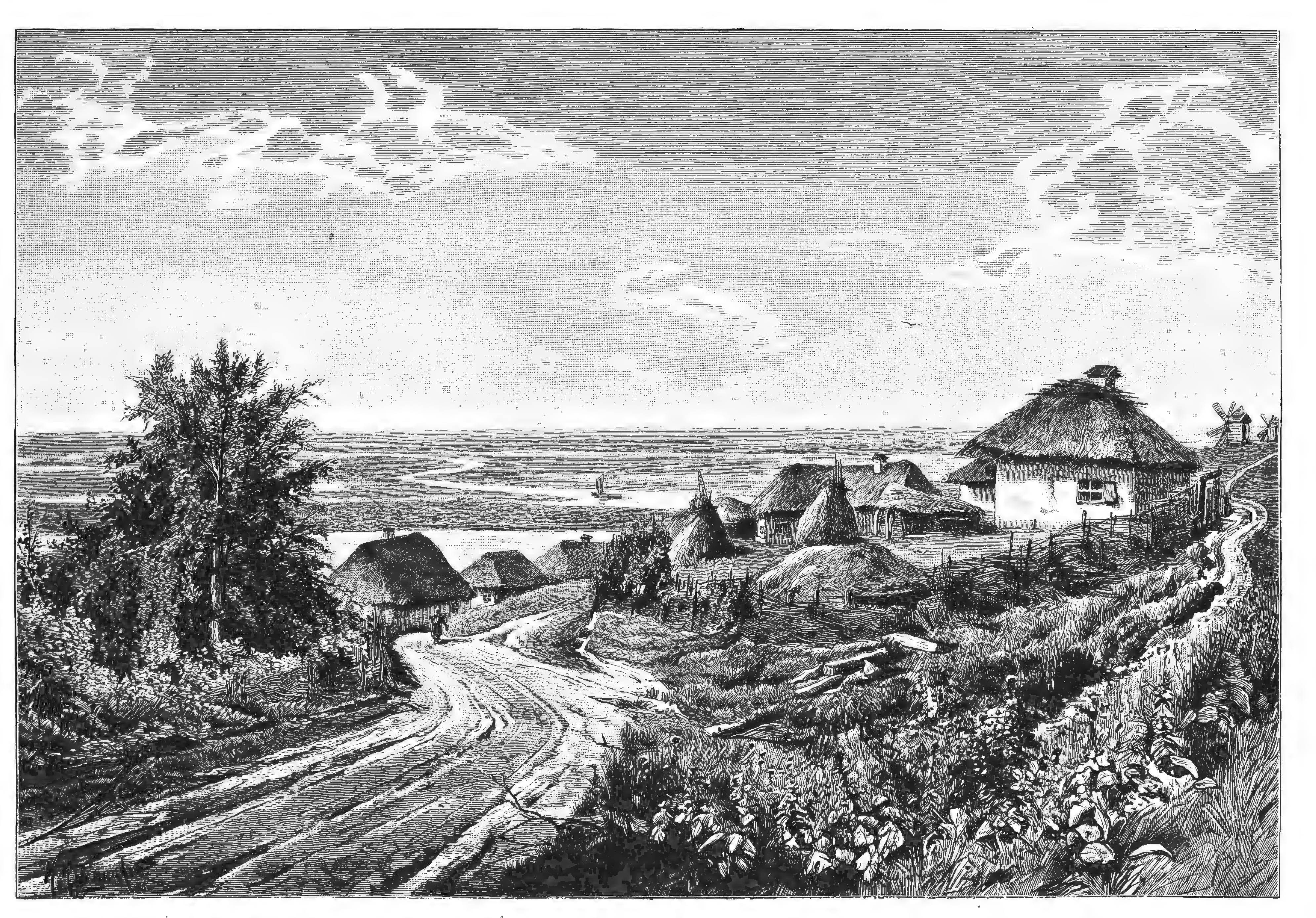
(Семенъ ушелъ. Любѣ укоризненно). Я радуюсь, я счастливъ, что княгиня у насъ гоститъ, а ты какого-то сорванца разыгрываешь: насмѣхаешься надъ молодымъ княземъ, грубишь... Ну, если тебѣ самой не важно, какъ на тебя смотрятъ такіе почтенные люди, ты бы хоть изъ участья къ своему семейству, къ сестрамъ, не срамила бы насъ. Коли ужъ такое мое несчастіе, что двѣ дочери у меня задались, а третья...

Люба. Что? ужъ договаривайте... Никуда не годится, ну?

Закрутинъ. Нѣтъ, я этого не говорю.

Вѣра. Ну вотъ, сейчасъ и на попятный... Ахъ, папаша!

Закрутинъ. Я что хочу сказать... *(Любѣ).* Конечно, какое въ тебѣ утѣшеніе отцу? Вонъ Надя въ гимназіи хоть „Подарокъ молодымъ хозяйкамъ“ получила... хоть



Село Павловка на Днѣпрѣ въ Кіевской губ. Акварель **К. Крыжицкаго** (собственность „**Нивы**"), грав. М. Рашевскій.

Русскіе свадебные обряды. Ряженые. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **И. Волкова**, грав. Ангерерь.

книгу въ награду... А у нея твоихъ способностей нѣтъ.

Надя. Merci.

Закрутинъ. Ты бы должна была, вотъ какъ Вѣра, съ золотой медалью выдти, если-бъ не плохой баллъ изъ поведенія. По наукамъ-то у тебя отмѣтки лучше, чѣмъ у Вѣры.

Вѣра. У меня по рукодѣлью больше, чѣмъ у нея.

Закрутинъ. Ты можетъ-быть и умнѣе, и талантливѣе твоихъ сестеръ...

Вѣра и **Надя.** Что̀ такое?... Папа...

Закрутинъ. Я вѣдь ее не хвалю... я не хвалю. Я выговариваю ей. Вѣдь ее на все взять; вѣдь другая бы блестѣла. А она своимъ характеромъ всѣ свои качества убиваетъ. (*Надя хочетъ говорить*). Нѣтъ, постой, — какъ она намъ третьяго дня при батюшкѣ всѣ Крестовые походы разъяснила?... Вонъ Вѣра-то все путала: Бульонскій, да Бульонскій, — а она такъ все разложила, точно сама тамъ разгуливала по Палестинѣ. (*Вѣра хочетъ говорить*). А какъ она на планѣ поля разбила? — въ четверть часа... Надя полъ-дня билась, у нея все не выходило, а она...

Вѣра. Ну, папашечка, если вы ужь такъ ею восхищаетесь, ея геніальностью, что насъ унижаете...

Надя. Прекрасно. Я въ среду два часа въ амбарѣ стояла, возы съ сѣномъ записывала, это все ничего.

Вѣра. Намъ никакой цѣны... Мы что? Мы дуры, мы...

Закрутинъ. Ахъ, Господи Боже мой, что̀ за напасть... Сжальтесь вы надо мной: всѣ три на меня накинулись.

Люба. Я молчу.

Вѣра. Ты въ миленькихъ, тебѣ чего обижаться?

Закрутинъ. Гдѣ-жъ она въ миленькихъ? Я ее распекаю. Понимаете, я распекаю. Что̀ въ ея талантахъ, когда она сорванецъ? (*Любѣ*). Ты сорванецъ, вотъ ты что!.. Этакій случай: молодой князь, образованный, милый, красивый, богатѣйшей семьи единственный наслѣдникъ, — у меня три дочери, живемъ въ бѣдности, одно наше богатство—нравственное... Вѣдь надо пожалѣть отца. Можетъ-быть тутъ счастье для всѣхъ насъ... Вѣдь развѣ легко мнѣ всю жизнь хлопотать, заниматься хозяйствомъ, стоять носъ-кверху, на небо глядя: „Ахъ, дай Богъ дождика.. Ахъ, не дай Богъ дождика..." Вѣдь я измаялся.

Надя. Ужь пожалуйста, папаша, не хвастайся. Ты, дѣйствительно, только на небо глядишь, а совсѣмъ ты хозяйствомъ не занимаешься; только газеты читаешь. Мы же за тебя въ поле ѣздимъ.

(*Семенъ возвращается и убираетъ остальное*).

Вѣра. Pas devant Семенъ.

Закрутинъ. (*Мѣняя разговоръ*). Да, я надѣюсь, что погода установится. (*Напѣваетъ*).

Не шей ты мнѣ, матушка,
Красный...

Зачѣмъ ты, Семенушка, самъ пришелъ? ты бы Анисью послалъ. Что̀ она тамъ лѣнтяйничаетъ!

Семенъ. Мнѣ все равно-съ. Мнѣ княгиня приказали вамъ прислуживать, я и долженъ. Что-же-съ? (*Уходитъ*).

Закрутинъ (*Напѣваетъ*).

Красный сарафанъ...

Люба. Ну, теперь онъ ушелъ. Упреки разные я выслушала, дайте и мнѣ сказать свое слово. Такъ вы это, папенька, не потому на меня сердитесь, что я сорванецъ... вы въ другое время за это не очень сердитесь... а потому вы сердитесь, что вы на князиньку разсчитываете: авось, молъ, онъ на одной изъ моихъ дочерей женится?.. хоть одну изъ насъ съ рукъ сбыть хотите?

Закрутинъ. Вотъ какія выраженія... Сбыть съ рукъ!.. Самый любящій отецъ сбываетъ съ рукъ. Это ваше дѣвичье назначеніе. Ты ужь сейчасъ съ подковыркой. Сбыть не сбыть, а счастливо пристроить; что же тутъ дурнаго?

Люба. Съ чего-же это вы взяли, что княгиня позволитъ своему Боби жениться на одной изъ насъ?

Закрутинъ. Есть такія причины думать.

Люба. Такъ извольте намъ ихъ сказать.

Закрутинъ. И не подумаю. Я далъ честное слово никому не говорить; и особенно вамъ.

Люба. Стало быть, никакихъ причинъ нѣтъ.

Закрутинъ. Анъ-есть!

Люба. Анъ-нѣтъ.

Закрутинъ. Есть!

Люба. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Закрутинъ. Есть, есть, есть, есть! Мнѣ сама княгиня призналась, что она именно за этимъ и пріѣхала.

Люба. Ну ужь это вы, папашенька, сочинили.

Закрутинъ. Нисколько не сочинилъ.

Люба. Повѣрю я, что княгиня пріѣдетъ въ нашу глушь выбирать невѣсту своему птенчику, когда она на него не надышется. Да я думаю, и царевны такой нѣтъ, на которую бы она для него польстилась.

Закрутинъ. И разсуждаешь ты такъ оттого, что ты сорванецъ. Анъ вотъ и польстилась. Потому именно и польстилась, что заботливая мать. Ахъ, какая мать!.. какая мать!..

Люба. Я бы отъ такой въ воду кинулась.

Закрутинъ. Ну, ужь извини. Она его каждое движеніе видитъ, каждую мысль чувствуетъ. А ужь забота какая!.. Оттого и пріѣхала. Петербургъ что̀? — омутъ. Такая чистая душа въ немъ погибнетъ. Невѣсту тамъ взять? — лгуньи! Всѣ Петербургскія барышни—лгуньи, ихъ этому въ пансіонѣ учатъ. Княгиня и поняла, что надо для князя невѣсту найти въ мѣстахъ неиспорченныхъ. Первое дѣло, невѣсту можно выбрать нравственную, правдивую, чтобы всю ее на ладони было видно; второе дѣло, можно взять жену бѣдную и будетъ она тоже для княгини дочь покорная. А такъ какъ губернаторъ нашъ, бывши въ Петербургѣ, ей очень рекомендовалъ васъ... (*Опомнясь*). Да что-жь это я вамъ все разсказываю?.. подите вонъ!.. (*Любѣ*). Все ты, все ты!—и отца-то подведешь. Этакая, право. Нужно все знать.

Люба. Никакой нужды нѣтъ. Я на этого вашего Боби ни малѣйшихъ разсчетовъ не имѣю. Уступаю сестрицамъ.

Вѣра. Скажите, какое великодушіе!

Надя. Поневолѣ уступаешь. Знаешь, что онъ тебя не возьметъ.

Люба. Еще я-то его возьму-ли? вопросъ... Что̀ въ немъ такого? Кукла, какъ есть кукла. Куда княгиня дернетъ, туда онъ и идетъ. „Другъ мой Боби, не пей вина"— не пьетъ. „Другъ мой Боби, иди учиться"—идетъ. Никакой самобытности. Этакъ всю жизнь быть подъ командой у княгини?.. нѣтъ ужь, благодарю покорно.

Закрутинъ. А ты бы, небось, сама командовать хотѣла?

Люба. И буду.

Закрутинъ. Старой дѣвой... Вотъ ты чѣмъ будешь: старой дѣвой. Кому охота такую бѣшеную себѣ на шею навязать? Проживешь весь вѣкъ безъ мужа.

Люба. Ну что-жъ? тебѣ же лучше. Вѣдь когда нашъ первый сортъ замужъ выйдетъ, съ кѣмъ же ты останешься?—одинъ-одинешенекъ, бобылемъ. Вотъ я и буду съ тобой.

Закрутинъ. Ухъ!—упаси Боже!.. Еще при сестрахъ-то все легче; все нѣтъ, нѣтъ, да и на нихъ ты налетишь; а какъ безъ нихъ то, коли некого будетъ дергать, кромѣ меня?.. Ты меня въ мочалку истреплешь.

Люба. Ну что̀ ты притворяешься? кого ты хочешь обмануть?.. да ты безъ меня умрешь со скуки. Вѣдь ты меня больше всѣхъ на свѣтѣ любишь.

Закрутинъ. Ой, ой, ой, ой!.. Вотъ не было печали.

Люба. Любишь, любишь... Что̀ ты тамъ ни разсказывай.

Закрутинъ. Не люблю...

Люба. Любишь, любишь, любишь!.. вотъ тебѣ. Любишь! (*Убѣгаетъ*).

Явленіе III.

Тѣ-же безъ Любы.

Закрутинъ. Вотъ язва... этакая язва!.. Постой... (*Дочерямъ*) Ну, было бы вамъ сказано: проврался я, такъ чуръ меня не выдавать. Чтобы и помину не было, что вы знаете!—вамъ же хуже будетъ. Княгиня тогда сейчасъ заподозритъ, что вы подъ нее подѣлываетесь и хвостовъ ея не увидите. Я пока пойду Любу уговаривать... упрашивать буду, только чтобъ не мѣшала. (*Уходитъ*).

Явленіе IV.

Надя и Вѣра.

Надя. Вѣра, что онъ тебѣ нравится?

Вѣра. (*Ходитъ въ раздумьи*). Про это я знаю.

Надя. Я тебѣ откровенно скажу: ужасно онъ мнѣ нравится. (*Пауза*). Вѣрочка, милая, коли тебѣ все равно,—уступи ты мнѣ его, ради Бога.

Вѣра. Ахъ, Надя, какой странный разговоръ. Развѣ онъ намъ принадлежитъ, что мы его дѣлить будемъ? Можетъ-быть онъ ни одной изъ насъ не захочетъ... это не отъ насъ зависитъ.

Надя. Ну ужъ, позволь... если княгиня насъ намѣтила, я теперь такъ за ней буду ухаживать, вся на мелкіе кусочки расшибусь... и за этимъ дядюшкой, и за нимъ буду ухаживать... Еслибъ тебя то не было, я бы ужь ихъ съумѣла пріобрѣсти.

Вѣра. Чѣмъ же я-то могу мѣшать?

Надя. Какъ же чѣмъ? ты у насъ ученая, ты съ золотой медалью... начнешь съ нимъ разговаривать обо всѣхъ его предметахъ,—развѣ за тобой угоняешься?.. Конечно, онъ будетъ счастливѣе, если женится на мнѣ. Я ему книжки оставлю; но за то, ужь ему заботъ никакихъ ни объ чемъ не будетъ, я все сама. Не придется ему говорить: „пришей вотъ тутъ пуговку", или: „потри тамъ бензиномъ",—все будетъ предусмотрѣно. Но вѣдь онъ этого впередъ чувствовать не можетъ.

Вѣра. Какое у тебя мѣщанское представленіе о семейномъ счастьи!

Надя. Ну вотъ, ужь ты меня подрываешь.

Вѣра. Разумѣется—мѣщанское. Будто вся жизнь только въ томъ, чтобъ бѣлье чинить, да платье чистить? У него довольно денегъ, чтобъ для этого прислугу нанять. Я думаю, есть болѣе высокія потребности.

Надя. Ну вотъ, ну вотъ... Такъ и знала. Пойдешь свои термины пускать, да еще за фортепіано сядешь, ты меня, конечно, оттѣснишь. Милочка, Вѣрочка, уступи ты мнѣ его, голубушка!.. Ты вѣдь у насъ самая умная, самая представительная, ты себѣ всегда жениха найдешь. Ты всегда будешь на-расхватъ. А мнѣ развѣ когда нибудь еще такой случай выдастся? За помѣщика за стараго выходить—только.

Вѣра. Ахъ, оставь меня, пожалуйста. Ну что ты какія глупости говоришь? Точно Любочка, право... Что̀ мнѣ его подарили, что-ли?

Надя. Ужь я вижу, что ты планы обдумываешь, какъ княгинѣ понравиться. Пойми-же, Вѣрочка, пойми.... я еще ничего такого не подозрѣвала, а ужь во снѣ я его называла „Боби"... Коли ты мнѣ его уступишь, я не знаю что̀... ну проси, что̀ хочешь... Ну, что̀ хочешь проси, Вѣра...

Вѣра. Да ты съ ума сходишь, Надя. Что̀ за мѣновая торговля?... Я тебѣ жениха, а ты мнѣ что̀?—булку сдобную, что-ли? или платочекъ шелковый?

Надя. Ты не хочешь? Ну, такъ ужь извини. Я тебѣ заявила, что я влюблена.

Вѣра. Почемъ же ты мое-то сердце знаешь?

Надя. Все равно. Я первая сказала, мои

первыя права. Если ты мнѣ хочешь мѣшать—и я тебѣ буду мѣшать.

Явленіе V.

Тѣ-же, Закрутинъ и Осетровъ.

Осетровъ. Да, хваленое ваше деревенское блаженство!.. Ну, вотъ мы теперь позавтракали, книгу я ему вынулъ,— ну, теперь что же прикажете дѣлать?

Закрутинъ. Что угодно, ваше превосходительство.

Осетровъ. Эко сказалъ какъ умно!.. Я знаю, что мнѣ никто не запретитъ хоть колесомъ по лужайкѣ пройтись. Я васъ спрашиваю: что я теперь долженъ для себя выдумать?.. Въ Петербургѣ, я бы зналъ, что дѣлать.

Вѣра. Что жъ бы вы дѣлали въ Петербургѣ?

Надя. *(Вѣрѣ тихо).* Ужъ и къ дядюшкѣ подъѣзжаешь?

Осетровъ. Въ Петербургѣ?.. О!.. тамъ дѣла не оберешься. Ну, во-первыхъ, я выхожу на улицу, дворники улицу поливаютъ: брызжутъ такъ тебѣ, что того гляди, окатятъ съ головы до ногъ... ну, надо смотрѣть, надо сторониться... и иду я, первымъ дѣломъ, черезъ весь Петербургъ на Васильевскій островъ, въ табачную лавку, табаку купить.

Закрутинъ. Развѣ ближе-то у васъ нѣтъ лавки?

Осетровъ. Сколько угодно. Да вѣдь ближе-то я бы сейчасъ назадъ домой пришелъ; а вѣдь такъ-то, я часа три прохожу.

Закрутинъ. Такъ вѣдь и здѣсь, если гулять угодно, сдѣлайте милость, хоть вплоть до обѣда.

Осетровъ. Куда-жъ это гулять?

Закрутинъ. Ну, къ рѣкѣ, или въ рощу...

Осетровъ. Что-же тамъ интереснаго? деревьевъ вашихъ, что-ли, я не видалъ? сосны вашей, или березы?.. Я по Петербургу-то иду, я пять разъ остановлюсь. Вдругъ какія-нибудь похороны навстрѣчу,—сейчасъ можно спросить: кого хоронятъ? кареты сосчитаешь, сколько проѣхало сзади... какъ родственники относятся, за гробомъ идутъ: плачутъ или такъ, смѣются... Вѣнки тамъ, или что,—ордена несутъ. Иной разъ даже такъ, что съ музыкой.

Вѣра. А вы любите музыку?

Надя. *(Вѣрѣ тихо).* Ты ужь и ему хотѣла своего Бетховена разыграть?

Осетровъ. А то, при счастьи, иной разъ на какой-нибудь случай натолкнешься: городовой мошенника поймалъ. *(Какъ бы спрашиваетъ городоваго).* „Что тутъ такое?“ *(Голосомъ городоваго).* „Да вотъ, ваше превосходительство, чужой зонтикъ украсть хотѣлъ, такъ остановили“. *(Своимъ распекающимъ голосомъ).* „Ахъ ты такой-сякой“... *(Жалобнымъ голосомъ вора).* „Да я, ваше превосходительство“.. *(Своимъ строго).* „Врешь!.. И что ты, братецъ, за дуракъ?—ну на что тебѣ зонтикъ? Тебя, вѣдь, этакаго, если и насквозь дождемъ промочитъ, ты и не замѣтишь. Ты бы ужъ лучше портмонэ укралъ“.

Закрутинъ. И въ самомъ дѣлѣ, на что ему зонтикъ?

Осетровъ. А то, вдругъ гдѣ-нибудь лошадь упала, народъ собрался... Кучеру наставленіе прочитаешь: „Ахъ ты, кучеръ, кучеръ! — Какой ты кучеръ? распрягать не умѣешь?.. Ты, братецъ, постромку затянулъ. Отпусти... Охъ, глупый какой!.. отпусти...“ Да этакъ-то какъ пройдешься, да придешь домой, глядишь — ужь и обѣдать пора... не видалъ, какъ время прошло... А здѣсь что?

Закрутинъ. Если вы, ваше превосходительство, на счетъ воровства любите, такъ воровства у насъ тоже довольно... очень даже довольно.

Осетровъ. Гдѣ-жь это мнѣ за нимъ бѣгать? у становаго за пазухой сидѣть, что-ли?.. Ну что я буду здѣсь до обѣда дѣлать?

Надя. Ваше превосходительство, я вамъ придумала дѣло, совсѣмъ по васъ.

Осетровъ. Воображаю.

Надя. Ей-богу... У насъ теперь сѣнокосъ идетъ, трава уродилась прекрасная, народу собрано много, и мужиковъ, и бабъ... ступайте на сѣнокосъ.

Осетровъ. Какъ это для меня можетъ быть интересно?.. Что же я въ этомъ дѣлѣ понимаю? Я скажу мужику: „ты не такъ косу держишь“... А онъ мнѣ: „ну-ка, попробуйте сами...“ Что-жь я съ косой сдѣлаю? — сапогъ себѣ разрѣжу, или палецъ на ногѣ отхвачу, только и будетъ... Скажетъ тоже, ей-богу! на сѣнокосъ...

Вѣра *(Надѣ).* Это ты очень удачно попала. *(Смѣется).*

Явленіе VI.

Тѣ-же и Княгиня.

Княгиня. Весь погрузился въ науку... Я сейчасъ къ нему заходила: голову на руку положилъ, читаетъ и даже не оглянулся. Я на цыпочкахъ ушла.

Вѣра. Какую тему онъ разрабатываетъ, княгиня?

Княгиня. Очень интересную, ma chère. Объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ по разнымъ законодательствамъ.

Вѣра. Какая глубокая тема, княгиня!

Надя. А ты откуда это поняла? Ты законодательству не училась?

Вѣра. Всякій можетъ понять, въ комъ есть душа и уваженіе къ семейному началу. У всѣхъ на свѣтѣ были родители.

Осетровъ. Разумѣется у всѣхъ. Что-жь тутъ такого удивительнаго?

Вѣра. Стало быть, всякій можетъ чувствовать, какая великая задача — эти святыя отношенія къ старшимъ, которымъ обязаны мы всѣмъ своимъ существованіемъ.

Княгиня. Такъ, такъ, ma chère, вѣрно.

Надя *(Про себя).* Нѣтъ, она меня загоняетъ,—она меня совсѣмъ загоняетъ.

Княгиня. Только теперь уйдемте отсюда. Вотъ его окно: если ему будетъ жарко, онъ отворитъ и мы можемъ его развлечь. Когда такъ погруженъ человѣкъ, то малѣйшій шорохъ можетъ иногда разбить мысли.

Закрутинъ. Я вамъ въ рощѣ чудесный уголокъ покажу.

Надя. Княгиня, позвольте спросить, вы цвѣтную капусту съ какимъ соусомъ больше любите: сабайонъ или масло въ сухаряхъ, или...

Княгиня. Голубушка, какъ она обо мнѣ хлопочетъ!.. Все равно, мое дитя; что вы подадите, я во всемъ буду видѣть ваше доброе желаніе.

Вѣра. Княгиня, если вы будете работать, вы мнѣ позволите что-нибудь громко вамъ почитать?

Княгиня. Ахъ, милая, съ удовольствіемъ.

Вѣра. У меня есть интересная книга: философскія мысли Паскаля.

Княгиня. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Я теперь не такъ настроена. Что-нибудь полегче... романъ какой-нибудь.

Вѣра. Я нѣсколько романовъ принесу, княгиня, на выборъ.

Княгиня. Хорошо. Въ рощу.

(Вѣра уходитъ).

Надя. Я вамъ велю кушетку туда вашу любимую принести, княгиня, и столикъ. Вамъ будетъ удобнѣе. *(Убѣгаетъ).*

Княгиня. Какія милыя, заботливыя!.. Ну, Иванъ Христофоровичъ, поздравляю: мнѣ не даромъ ихъ нахвалили. Я не ошиблась: и умны, и рачительны, и скромны. Благодарю васъ, мой другъ, что вы ихъ такими воспитали.

Закрутинъ. Княгиня, вѣдь собственная кровь! — какъ не приложить все стараніе!

Княгиня. Да, да... и очень удачно. Для насъ, для матерей, вѣдь это какой важный вопросъ... Гдѣ вы найдете хорошую невѣсту сыну, не испорченную? Да, мнѣ кажется, я не ошибусь въ нихъ. Pierre, которая тебѣ больше изъ нихъ нравится?

Закрутинъ. Генералъ сегодня что-то особенно озлобленъ на деревню, такъ ужь я боюсь, что...

Осетровъ. Нѣтъ, что-же? меня сестра просила принести ей эту жертву, пріѣхать съ ней сюда; я обѣщалъ, такъ ужъ...

Княгиня. Которая тебѣ изъ нихъ больше нравится?

Осетровъ. Мнѣ?.. Мнѣ—самая младшая... Любовь она у васъ, что-ли?

Княгиня. Что ты, что ты?—въ насмѣшку говоришь!.. Это Иванъ Христофоровичъ, одна у васъ неудача, не досмотрѣли, милый.

Закрутинъ. Трудно досмотрѣть; ужь характеръ этакій.

Осетровъ. А мнѣ нравится.

Княгиня. Да ты это мнѣ на смѣхъ говоришь, братъ. Я тебя просила со мной пріѣхать, потому что жду отъ тебя серьезнаго совѣта.

Осетровъ. Матушка моя, вѣдь ты меня спрашиваешь, которая мнѣ нравится? Что-же мнѣ лгать? — Она мнѣ больше всѣхъ нравится, съ ней хоть весело. Она меня вчера козломъ травила, такъ онъ чуть-чуть меня не забодалъ.

Княгиня. Перестань, пожалуйста, что это такое! вѣдь я ищу невѣсту моему Боби. Вѣра такая развитая дѣвушка, солидная такая; Надя такъ распорядительна... у обѣихъ строгій умъ...

Осетровъ. Я въ этомъ ничего не понимаю. Ты бы тогда лучше учителя взяла изъ гимназіи, или повара тамъ, огородника... они бы все это тебѣ провѣрили. Это не моя спеціальность.

Княгиня. Я думала, что сердце дяди подскажетъ.

Осетровъ. Ну вотъ, сердце дяди и говоритъ: мнѣ Люба нравится. Что ты со мной сдѣлаешь? Хочешь, чтобъ я лгалъ, — я пожалуй, солгу; что толку?.. Нравится мнѣ вотъ эта! ну, рѣжь меня пополамъ.

Княгиня. Жалѣю, что я тебя взяла.

Осетровъ. А ужъ я-то какъ жалѣю...

(Входитъ Вѣра съ книгами).

Вѣра. Вотъ книги, княгиня.

Княгиня. Пойдемте. *(Брату и Закрутину).* Пожалуйста, не мѣшайте Боби. *(Уходитъ съ Вѣрой).*

Закрутинъ. Ну что-же? На сѣнокосъ не пойдете? Я туда иду.

Осетровъ. Нѣтъ, вы лучше мнѣ прикомандируйте эту вашу попрыгушку.

Закрутинъ. А кто ее знаетъ, гдѣ она? Вѣрно тоже на сѣнокосѣ, она это любитъ.

Осетровъ. *(Съ отчаяніемъ).* Ну, пойдемте на сѣнокосъ, ужь если моя такая судьба, что безъ этого сѣнокоса мнѣ не жить.

(Уходятъ оба. На террасѣ появляется Люба).

Явленіе VII.

Люба, потомъ Боби.

(Мимическая сцена. Люба слѣдитъ за уходящими, оглядывается, потомъ срываетъ большую вѣтку съ дерева, быстро ею нѣсколько разъ ударяетъ по окну, и прячется на террасѣ. Боби отворяетъ окно и осматривается кругомъ).

Боби. *(Глядя вверхъ).* Птица, что-ли, толкалась въ окно?

(Боби глядитъ нѣкоторое время, потомъ скрывается. Люба подкрадывается, сильно хлопаетъ оконной рамой и снова скрывается. Боби опять появляется съ книгой).

Боби. Какой вѣтеръ странный... *(Укрѣпляетъ раму крючками).* А хорошенькій здѣсь садъ. Вотъ и опять тихо, совсѣмъ вѣтру нѣтъ. Какая погода хорошая!

(Боби садится у окна, спиной къ террасѣ; сперва такъ глядитъ въ окно, потомъ начинаетъ читать. Люба съ террасы большой вѣткой его задѣваетъ по спинѣ. Онъ сперва отстраняетъ вѣтку рукой, но она опять его задѣваетъ).

Боби. *(Оглядываясь).* Откуда эта вѣтка высунулась?.. Срѣзать ее развѣ? *(Идетъ въ глубину за ножемъ; возвращаясь, вѣтки не видитъ).* Гдѣ же это?.. *(Люба бросаетъ ему въ лицо букетъ розановъ).* Кто такой?

(*Люба смѣется и выступаетъ*). Ахъ, это вы тутъ... А я-то все на вѣтеръ, да на птицу сваливаю...

Люба. Что̀ сваливаете?

Боби. Это вы тутъ окномъ да вѣткой шалите?

Люба. Перекреститесь!—что̀ вы?..

Боби. И букетъ не вы кинули?

Люба. Букетъ съ неба свалился вамъ въ награду за ваше прилежаніе. Много выучились?

Боби. Да, выучишься тутъ!

Люба. Вольно же!.. Надо быть жесткимъ, какъ старый сафьянный переплетъ, чтобы сидѣть надъ скучною книгой, когда вся природа цвѣтетъ, и смѣется, и зоветъ на воздухъ, въ зелень, въ поле, въ ширь!

Боби. Меня можетъ-быть и тянетъ въ поле, но я имѣю силу характера подавить свое желаніе, когда долгъ велитъ.

Люба. Какой тамъ долгъ велитъ? — говорите ужъ лучше прямо: мамаша велитъ.

Боби. Нѣтъ, я самъ сознаю, что надо...

Люба. Что̀ такое надо? что̀?.. Много вы проиграете, если день-другой пропустите? Все равно — вы сидите, читаете, а вѣдь вы ничего не понимаете изъ прочитаннаго.

Боби. Почему вы думаете?

Люба. Да потому что нельзя понимать, когда душа въ другомъ мѣстѣ. Нельзя двоиться. Мысли здѣсь, а желаніе тамъ.

Боби. Правда, что иное приходится по два раза перечитывать.

Люба. Ну видите? Ваша мамаша постарше васъ — и та въ рощу пошла, и Вѣра ей нѣжный романъ читаетъ о любви двухъ сердецъ. А васъ засадили за... покажите-ка вашу книгу, что̀ это такое? (*Онъ подаетъ ей книгу въ окно, она читаетъ*). „Международное право“ — фу!.. Какое теперь можетъ быть международное право? Одно только право: пользоваться чистымъ воздухомъ и солнцемъ; право, котораго не лишены самые несчастные нищіе, но котораго вы сами себя лишаете, жалкій рабъ непонятнаго долга!.. (*Кладетъ книгу на столъ*). Фу!.. страшно дотронуться; въ руки не возьму этой книги.

Боби. Дайте ее сюда.

Люба. Нѣтъ, возьмите сами. Я боюсь, что она меня сразу сдѣлаетъ старухой.

(*Боби скрывается, она въ это время прячетъ книгу въ кусты. Боби выходитъ съ террасы. Онъ ищетъ книгу*).

Боби. Куда вы дѣвали?

Люба. Что̀?

Боби. Книгу.

Люба. Какую книгу?

Боби. Ну полноте, отдайте. Куда вы спрятали мою книгу?

Люба. Она въ пыль обратилась и зефиры ее сдунули со злобы, что она мучаетъ такого хорошаго мальчика.

Боби. Что̀ это у васъ за тонъ разговора? Вѣдь вы, кажется, не маленькая.

Люба. Какъ не маленькая? Я ростомъ только въ два аршина три вершка.

Боби. Скажите мнѣ, пожалуйста, что̀ вы за человѣкъ? Серьезный вы человѣкъ, или бабочка вертопрашная? Слушаешь васъ и никакъ этого понять не можешь... то вдругъ блеснетъ и умное словечко, и задушевная мысль, а то опять стала вихремъ вертѣться. Я вотъ пять дней къ вамъ присматриваюсь...

Люба. Неужели?—Скажите, какая честь.

Боби. И не могу себѣ дать отчета, откуда у васъ эти блестки? Случайно, что-ли, онѣ на языкъ попадаютъ, или вы подслушали ихъ и повторяете зря, какъ попугай?.. или въ самомъ дѣлѣ у васъ тамъ въ душевной глубинѣ руда золотая, а вы на зло всѣмъ ее съ пескомъ, да съ иломъ мѣшаете?

Люба. Вотъ сидите вы надъ учеными книгами, а какія вы глупости спрашиваете. Многому вы научитесь изъ вашихъ книгъ, если вы къ людямъ присматриваться не станете и понимать людей не научитесь. Если вы на все, всегда будете глядѣть глазами вашей мамаши и свой разумъ и свои желанія не заговорятъ, — куда вы будете годиться? что̀ изъ васъ выйдетъ? —бездарный педантъ—и больше ничего.

Боби. (*Обиженно*). Я васъ прошу не затрогивать maman. И вообще, я вижу, вамъ угодно говорить настолько непріятныя мнѣ вещи, что лучше мнѣ уйти. (*Серьезно*). Полноте шутить... Пожалуйста, отдайте мою книгу.

Люба. Фу, какой скучный, какой злой, гадкій!

Боби. (*Сердито*). Отдайте, пожалуйста, мою книгу.

Люба. Извольте, пожалуйста, вашу книгу... (*Идя за книгой, ворчитъ*). Злой... (*Подаетъ книгу*). Вотъ извольте... (*Боби хочетъ взять книгу, но она быстро прячетъ ее за спину и смѣется*). Вы сердитенькій?

Боби. Ну, что̀ это за шалости?

Люба. Неужели вы злой? У васъ глаза совсѣмъ не злые и я бы никогда не повѣрила, еслибъ мнѣ про васъ сказали...

Боби. Что̀ вамъ за охота...

Люба. Смѣяться?.. Оттого, что это весело. Развѣ вы не любите смѣяться?

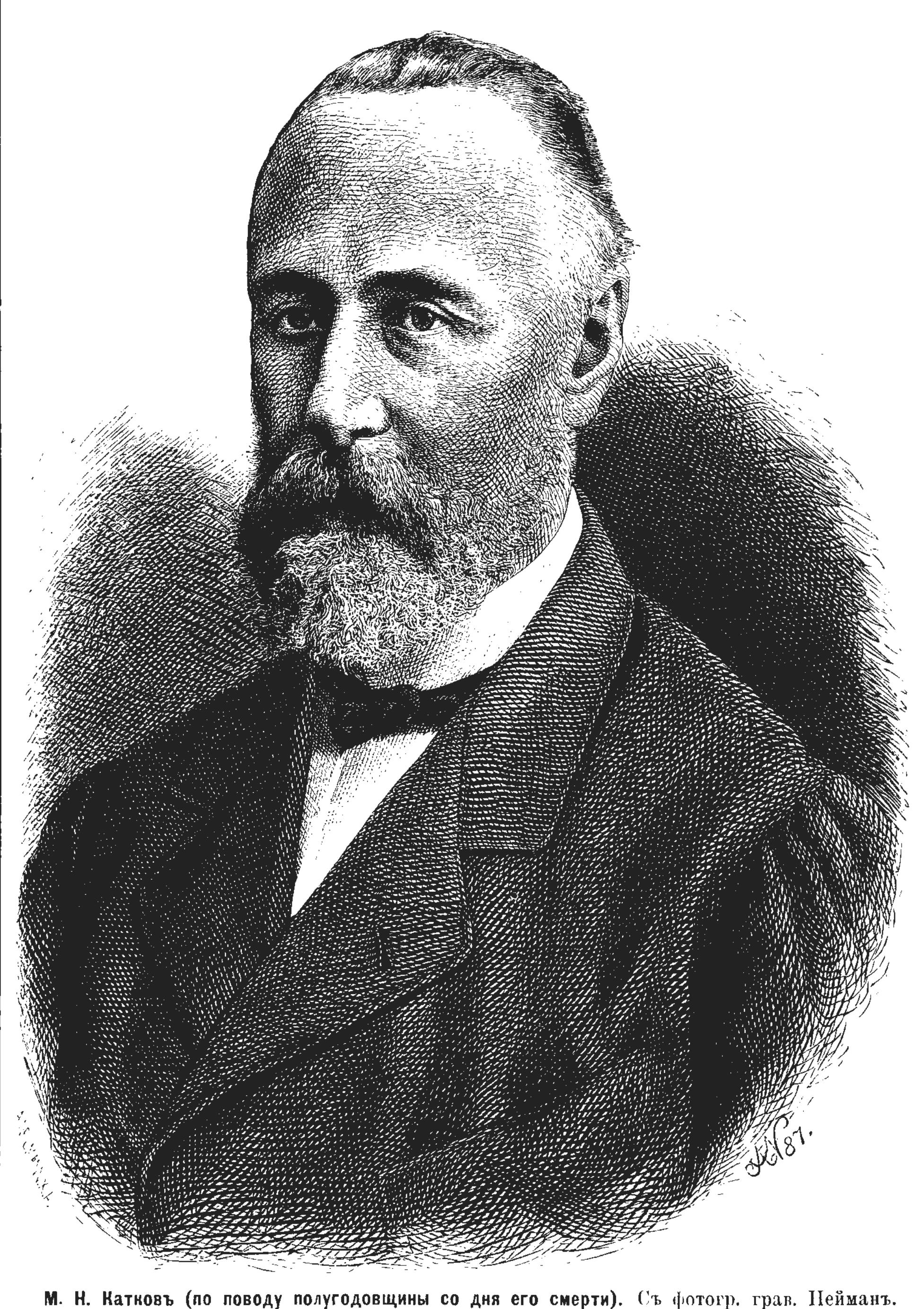
Боби. Чему смѣяться?

Люба. Ничему... такъ. Оттого, что весело, оттого, что пріятно жить па свѣтѣ... оттого, что макъ краснаго цвѣта, и васильки синіе, и небо голубое. Оттого, что глаза у васъ какъ угольки разгорѣлись. Не отдамъ вашей книги,—вотъ вамъ и все... Сейчасъ въ рѣку ее кину.

Боби. Нѣтъ, ужъ въ рѣку-то не надо.

Люба. Въ пропасть, въ печку, въ огонь!.. Не хочу, чтобъ у васъ въ груди застой крови сдѣлался. Меня солнышко прислало выгнать васъ изъ комнаты. Проститесь съ этой книжкой, — вы ее больше не увидите.

Боби. Зачѣмъ же книгу-то уничтожать? Отдайте, я не буду читать.



М. Н. Катковъ (по поводу полугодовщины со дня его смерти). Съ фотогр. грав. Нейманъ.

Лордъ Джорджъ Гордонъ Байронъ (по поводу сотой годовщины его рожденія).
Съ современнаго портрета грав. Шюблеръ.

Люба. Ни за что... (*Убѣгаетъ*).

Боби. Погодите... послушайте!.. (*Убѣгаетъ за ней. Съ противуположной стороны входятъ Закрутинъ и Осетровъ*).

Явленіе VIII.

Закрутинъ, Осетровъ, Княгиня, Вѣра, *потомъ* Люба *и* Боби.

Закрутинъ. Кто-жь ее знаетъ? Она безпрестанно на работы ходитъ. Вѣрно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Осетровъ. Ужь разумѣется гдѣ-нибудь въ другомъ, коли тамъ нѣтъ... Оставьте. Только напрасно заставили на вашъ дурацкій сѣнокосъ ходить.. Я самъ сыщу. (*Кричитъ*). Семенъ, Семенъ!.. Не видалъ молодой барышни?.. Семенъ!..

Княгиня. (*Входя*). Тсс!.. Pierre, ты знаешь, Боби погруженъ въ науку, а ты кричишь. Вонъ онъ и окно отворилъ. Я вспомнила одну мысль, хотѣла ему сказать, да вотъ боюсь, какъ бы не потревожить. (*Подходитъ къ окну*). Боби, мой другъ... (*Громче.*) Боби!.. (*Пауза*).

Осетровъ. Да онъ спитъ, должно быть, надъ книгой-то... (*Кричитъ*) Боби!

Княгиня. Pierre! такъ можно испугать...

Осетровъ. Что-же съ нимъ — родимчикъ сдѣлается?

Княгиня. Боби, мой другъ, позволь...

Вѣра. Да его должно-быть тамъ нѣтъ.

Закрутинъ. Я взгляну... (*Идетъ въ домъ*).

Княгиня. Куда-жь ему уйти? что за пустяки?.. Боби!..

Закрутинъ (*Въ окно*). Нѣту... Ушелъ.

Княгиня. Куда?

Закрутинъ. Кто-жь его знаетъ? Я съ генераломъ на сѣнокосъ ходилъ.

Вѣра. Можетъ-быть и онъ пошелъ прогуляться.

Княгиня. Нѣтъ, я вамъ говорю, онъ весь былъ погруженъ въ науку. Ахъ, я знаю... Онъ вѣрно пошелъ въ мою комнату взять бумаги. Я совсѣмъ забыла ему бумаги дать.

Осетровъ. Ну, ступайте къ нему, а я пойду искать... (*Въ глубинѣ, смѣясь и размахивая книгой, бѣжитъ Люба.*) Вотъ она!

(*За Любой, смѣясь, бѣжитъ Боби. Оба убѣгаютъ*).

Княгиня (*Пораженная*). Вотъ онъ!.. Что это такое?..

Осетровъ. Погруженъ въ науку...

(*Занавѣсъ быстро опускается*).

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ.

(По поводу полугодовщины со дня его смерти).

(Портр. на стр. 104).

20 января 1888 года русскіе люди на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества творили послѣднее предъ годичнымъ поминовеніе одного изъ величайшихъ печальниковъ и подвижниковъ за благо Россіи. Не настало еще время для всесторонняго изложенія жизни и дѣятельности почившаго, но великое его значеніе и теперь уже указано съ достаточною ясностію какъ русскою, такъ и заграничною печатью, преимущественно же людьми стоявшими болѣе или менѣе близко къ покойному. Собрать эти отзывы разсѣянные въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ не позволилъ бы намъ объемъ нашего журнала, да это уже и сдѣлано въ личномъ органѣ покойнаго, *Русскомъ Вѣстникѣ*, его прежнею, московскою редакціей. Къ счастію, мы имѣемъ среди нихъ блестящую характеристику, такъ-сказать резюмирующую всѣ эти отзывы и написанную однимъ изъ сотрудниковъ почившаго, Д. В. Аверкіевымъ. Воспользуемся выдержками изъ этой статьи, которая по истинѣ есть достойное поминовеніе великаго дѣятеля земли Русской.

Для того, чтобы уяснить значеніе дѣятельности Каткова, авторъ предварительно напоминаетъ намъ тѣ условія, среди которыхъ происходила эта дѣятельность. Она началась почти одновременно со вступленіемъ на престолъ Царя-Освободителя. Предшедшая, „наружно спокойная эпоха носила однако въ себѣ бурные зачатки, была чревата грядущею смутой. Придавленная крайностями всяческой цензуры, мысль, не находя приложенія къ живой дѣйствительности, становилась отвлеченнѣе и отважнѣе въ своихъ блужданіяхъ и мечтаніяхъ; она все больше и больше становилась отрицательною, питалась ненавистью къ настоящему (и къ прошедшему, какъ его производителю) родной земли; искала утѣшенія въ чуждыхъ идеалахъ, увлекалась самыми химерными и разнузданными ученіями западныхъ революціонеровъ. По условіямъ времени, эти отвлеченныя ученія, подъ видомъ литературныхъ критикъ, легче проходили сквозь игольное ухо цензуры, чѣмъ мысли трезвенныя, искавшія опоры въ родныхъ преданіяхъ. Затрудненная въ печати, революціонная мысль проникала въ школы, и добрая половина юношества воспитывалась въ духѣ отрицанія и ненависти. Неудачи Крымской войны, хотя и богатой геройскими подвигами, какъ бы оправдывали отрицаніе существующихъ порядковъ и самого государственнаго строя."

„Вотъ при какихъ обстоятельствахъ началось царствованіе покойнаго Государя, нелицемѣрно названнаго Царемъ-Освободителемъ. Вѣяніе свободы почувствовалось всѣми, и каждый спѣшилъ выразить свое ученіе, провести въ жизнь свои убѣжденія, снаряжался на борьбу ради торжества своей мысли или доктрины. Общество, въ началѣ дружное, восторженное при первомъ свободномъ вздохѣ, вскорѣ разчленилось и распалось. Явилось вавилонское смѣшеніе мыслей; неустойчивость и шаткость умовъ; отсутствіе мужества; люди въ душѣ не раздѣлявшіе модныхъ „идей", даже ихъ ненавидѣвшіе, спѣшили выражать имъ сочувствіе изъ боязни показаться отсталыми, изъ страха быть освистанными или обруганными; старцы стали глядѣть въ ротъ юношей, какъ птенцы маткѣ, въ надеждѣ получить благое даяніе; отцы не смѣли останавливать и наставлять дѣтей, а ждали отъ нихъ полезнаго назиданія. Художникъ, желавшій образно живописать состояніе Россіи, сравнилъ ее съ хаосомъ, надъ которымъ носится великое царское слово „свобода".

„Подобное же замѣчалось и въ правительственныхъ сферахъ; и тамъ господствовали неустойчивость и неувѣренность... Русскіе сановники сумѣли сочетать вѣрноподданическую присягу съ конституціонными тенденціями и даже съ соціалистическими увлеченіями. Отправляясь въ государственныя засѣданія, они по дорогѣ заѣзжали къ передовымъ дѣятелямъ набраться прогрессивнаго духа. Люди во власти стали стыдиться ея проявленія, сомнѣваться въ ея необходимости и законности."

А между тѣмъ „проповѣдь крайнихъ ученій велась запальчиво и неутомимо; она стала приносить плоды. Анархія, первыя проявленія которой считались безумною случайностью, пользуясь шаткостью общественной и правительственной мысли, стала разростаться и становиться наглою и дерзкою. Покушенія слѣдовали за покушеніями, стали какимъ-то обычнымъ явленіемъ. Власть казалась безсильною предупреждать государственныя преступленія. Требовались чрезвычайныя мѣры. Явилась диктатура, прозванная ея поклонниками диктатурой не ума, а сердца, и надо прибавить слабаго сердца. Она думала умиротворить общество и искоренить крамолу при помощи уступокъ и поблажекъ разнымъ „недовольнымъ элементамъ", начиная съ невыдержавшихъ экзаменъ гимназистовъ и кончая пособниками и соумышленниками государственныхъ преступленій. Она уже была увѣрена въ побѣдѣ. Увы! дорогую, неисчислимую жертву принесла Россія этой опрометчивой самоувѣренности. Россія опамятовалась на краю пропасти, обрызганной священною царскою кровью.

„Вотъ обстоятельства, при которыхъ пришлось по преимуществу жить и дѣйствовать Каткову.

„Во имя чего же велась его борьба, столь ненавистная для всѣхъ „партій"? Очевидно, что расшатанности, раздробленности и доктринерской отвлеченности должно было быть противопоставлено нѣчто незыблемое, цѣльное, живое.

„Основы эти были старинныя, всѣмъ извѣстныя, но далеко не всѣми постигаемыя: православіе, самодержавіе, народность.

„Катковъ былъ всегда истинно вѣрующимъ сыномъ православной церкви. Ему ли было не знать ея просвѣтительнаго вліянія, ея священныхъ доблестей, ея животворнаго дѣланія въ годины народныхъ испытаній? Ему ли было не вѣровать въ ея непоколебимость до скончанія вѣка.

„Стремленіе къ осуществленію идеала самодержавной власти наполняетъ собою всю Русскую исторію. Еще недавно самодержавіе полагалось чѣмъ-то отъ вѣка предуставленнымъ въ Русской Землѣ. Болѣе точныя изслѣдованія старины показываютъ, что развитіе и утвержденіе этой идеи было дѣломъ долгой, упорной кровавой борьбы. Еще Карамзинъ искалъ объясненія жестокостей Грознаго въ его личномъ характерѣ; теперь мы знаемъ источникъ его казней. Народъ давно зналъ это, сказавъ въ пѣснѣ, что Грозный царь „выводилъ измѣну" изъ Великаго Новагорода и каменной Москвы. Первымъ Русскимъ самодержцемъ въ полномъ смыслѣ слова былъ Петръ Великій.

„Катковъ зналъ Русскую исторію, зналъ исконныя стремленія своего народа къ осуществленію идеала Самодержавной Власти, и не могъ отступиться отъ него, не могъ не видѣть гибели России въ потрясеніи, даже посягновеніи на эту Власть.

„Наконецъ, вся Русская исторія несомнительно свидѣтельствуетъ что ее строилъ не иной, а Русскій народъ, свободно претворяя подвластныхъ ему иноземцевъ въ Русскихъ и столь же свободно охраняя ихъ вѣрованія и обычаи. И было ли время когда Русскій народъ не выдѣлялъ изъ своей среды потребныхъ дѣятелей, великановъ храбрости, мысли, дѣла и слова? Какимъ же чудомъ Имперія, созданная вѣковымъ потомъ и кровью этого народа, можетъ вдругъ превратиться въ механическій конгломератъ разныхъ народностей? Въ самомъ дѣлѣ, осуществленіе такого абсурда мыслимо только подъ эгидой олигарховъ, раздирающихъ Россію въ клочки. И исторія подтверждаетъ, что толки о равноцѣнности всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, подымались именно тогда какъ у насъ заводилась олигархія или верховничество.

„Заслуга Каткова не въ томъ, что онъ исповѣдывалъ эти основы; большинство Русскихъ, хотя бы въ темномъ и безсознательномъ видѣ, исповѣдуетъ ихъ. Заслуга его въ томъ, что онъ явился ихъ мощнымъ выразителемъ, властнымъ глашатаемъ

молчаливыхъ думъ Русскаго народа, его сердцевинныхъ вѣрованій, его духовныхъ правъ на самобытное и великое существованіе.

„Во имя чего же боролся Катковъ, во имя чего онъ безбоязно обличалъ отщепенство отъ русскаго духа и строя, гдѣ бы оно ни являлось, въ правительственныхъ ли сферахъ или въ печати? Вся его дѣятельность была проникнута вѣрой въ незыблемость сказанныхъ основъ, ими дышала каждая его строка. Предположите ихъ отсутствіе въ любой статьѣ Каткова, хотя-бы въ мнѣніи о закавказскомъ транзитѣ, и она потеряетъ свое значеніе, силу и убѣдительность. Дѣло въ томъ, что для Каткова эти основы не были отвлеченными принципами или доктринерскими понятіями, а конкретными истинами, плотью и кровью Русскаго народа, непререкаемыми фактами, оправдываемыми всѣмъ ходомъ нашей исторіи, живущими въ сердцѣ всякаго истинно Русскаго человѣка.

„Указавъ на основы его дѣятельности, обратимся къ вопросу, чѣмъ же онъ былъ, что было стимуломъ его неустанной энергіи?

„Говорятъ, онъ былъ „лидеромъ партіи“. Какой? И на это имѣется готовый отвѣтъ: „русской“. Въ Россіи могутъ быть и дѣйствительно существуютъ *не-русскія* партіи; но признавать въ ней существованіе русской *партіи* могутъ только члены нерусскихъ партій. Развѣ мыслимо называть партіей то чему имя вся Россія? Самое наименованіе русской партіи въ первый разъ встрѣчается въ запискахъ служилаго иностранца Петровскихъ временъ; впрочемъ, изобрѣтатель этой партіи долженъ былъ сознаться, что къ ней принадлежалъ самъ царь. Удивительная партія, имѣющая своимъ главой самодержца! Катковъ во всю свою дѣятельность всемѣрно открещивался ото всякихъ партій какъ консервативныхъ, такъ и либеральныхъ; то же онъ совѣтовалъ и правительственнымъ лицамъ; не онъ ли остерегалъ членовъ Государственнаго Совѣта отъ опасной и нерусской игры въ большинство и меньшинство? Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы доктринеры насъ ни поучали, что существованіе партій есть признакъ прогресса, сколько бы они ни доказывали необходимость завести ихъ во что бы то ни стало, тамъ гдѣ ихъ не имѣется налицо — слово „партія“ на русскомъ языкѣ имѣетъ особое значеніе. Подъ партіей разумѣется клика выдѣляющаяся изъ множества, обособляющаяся отъ единства, ради своихъ эгоистическихъ интересовъ. Когда не спорится какое-нибудь дѣло, то развѣ мы не говоримъ: какого-же лада хотите вы когда все распалось на партіи? Наша сила въ ладѣ, въ единогласіи, пожалуй въ отдѣльномъ мнѣніи, но никакъ не въ партіонномъ большинствѣ или меньшинствѣ; партія знаменуетъ для насъ разладъ, неурядицу, распаденіе, гибель дѣла.

„Еще нелѣпѣе видѣть въ Катковѣ воплощенную оппозицію, хотя бы и лояльную, на англійскій маніеръ, именуемую *оппозиціей его (или ея) величества*. Въ Англіи до послѣдняго времени попеременно правили всего *двѣ* великія историческія партіи, имѣвшія глубокіе корни въ народѣ; каждая спокойно ожидала своей очереди. Какъ-же могла именоваться партія не у дѣлъ, какъ не „оппозиціей величества“, когда ея чередъ быть въ правительствѣ могъ настать завтра, и она знала, что король или королева поручитъ составленіе своего правительства никому иному, какъ ея лидеру? Есть ли что подобное въ Россіи? Когда Катковъ, находясь во мнимой оппозиціи, думалъ о томъ, что по сверженіи соперника онъ самъ будетъ во власти? Нѣтъ, если ему приходилось противорѣчить сильнымъ міра и обличать въ нихъ стремленія вредныя для Русской государственности, то онъ дѣлалъ это не изъ чувства оппозиціи, а просто и прямо, исполняя вѣрноподданническій долгъ, какъ въ былыя времена Вассіанъ, князь Яковъ Долгорукій, Карамзинъ. Да, это простое дѣло; но какого строгаго самовоспитанія оно требуетъ, какого мужества и какой свободы духа!

„Именно глубокое сознаніе вѣрноподданническаго долга было стимуломъ дѣятельности Каткова. Безъ него она является непонятною, странною, случайною. Катковъ былъ вѣрноподданнымъ въ самомъ прямомъ смыслѣ слова; и „государево и земское дѣло“ было дѣломъ всей его жизни; о немъ онъ жилъ и двигался. Онъ былъ на его стражѣ, являлся его недреманнымъ охранителемъ; онъ боролся за него со внутренними и внѣшними врагами. Не было сколько-нибудь значительнаго момента въ нашей современной исторіи, который засталъ бы его небодрымъ и неготовымъ.

„Наши сверстники живо помнятъ время когда Русскіе люди, видя что затѣвается или творится нѣчто неладное въ родной землѣ, говорили въ полной вѣрѣ въ царское правосудіе: „еслибъ нашелся человѣкъ который доложилъ бы или разъяснилъ это Государю!“ Во время дѣятельности Каткова, они знали что есть кому говорить правду, не взирая на лица; что есть вѣрный стоялецъ за Русскіе интересы. Утверждаютъ, что покойный Государь потому только даровалъ Каткову свободу слова что любилъ знать различныя мнѣнія. Но вокругъ него шумѣлъ и кружился цѣлый рой различнѣйшихъ мнѣній, почему-же избранъ былъ Катковъ? Потому, догадываемся мы, что Катковъ *прямилъ* своему Государю; что имъ двигало высокое чувство вѣрноподданническаго долга, ничѣмъ не стѣсненное, ничѣмъ не затемненное, вполнѣ свободное.

„Ставъ на эту точку зрѣнія, мы легко поймемъ такъ-называемое „вліяніе“ Каткова которому дивятся иностранцы. Имъ непонятна простота и прямота отношеній между Государемъ и его подданнымъ, составляющая нашу народную особенность. Если Катковъ, по ихъ выраженію, былъ одновременно и совѣтникомъ Царя и народнымъ трибуномъ, то потому что дѣйствовалъ въ странѣ гдѣ есть единство Царя и народа. Удивляться ли что нѣкоторыя мѣры, предлагавшіяся человѣкомъ чьи геніальныя политическія способности нынѣ всѣми признаны, получали осуществленіе, освящались Верховною Властью? Въ I томѣ Свода Русскихъ Законовъ есть статья, въ силу которой всякій вѣрноподданный имѣетъ право представлять на усмотрѣніе Верховной Власти не только соображенія о неудобствѣ примѣненія даннаго закона, но и предложенія о законодательныхъ реформахъ,—право исключительно русское. Поданіе такихъ прошеній было обставлено различными неудобными формальностями. Слава Богу, мы дожили до времени когда явилась возможность высказывать прямо и во всеуслышаніе свои соображенія по вопросамъ государственной важности. Русская Самодержавная Власть абсолютно свободна въ выборѣ мнѣній для утвержденія; она вольна освятить свое собственное мнѣніе или мнѣнія большинства или меньшинства или одного изъ призванныхъ ею совѣтниковъ, равно какъ и мнѣніе любаго вѣрноподданнаго, какъ скоро сочтетъ его за благое и полезное. Такой Власти немыслимо бояться чьего-нибудь „вліянія“: она равно высока надъ всѣми. Гдѣ полная свобода выбора, тамъ нѣтъ „вліянія“ въ обиходномъ значеніи этого слова.

„Въ послѣдніе годы дѣятельности Каткова русское общество замѣтно отрезвѣло и успокоилось; власть вступила въ свои права. Заслуги Каткова, какъ публициста, были оцѣнены и удостоились Высочайшей награды. Онъ попрежнему бодро стоялъ на стражѣ государева и земскаго дѣла, давая отпоръ врагамъ, настаивая на необходимости согласовать реформы прошлаго царствованія съ коренными основами нашей государственности. Онъ умеръ, по выраженію чешскаго писателя, какъ Моисей „на рубежѣ земли обѣтованной“.

„Онъ совершилъ свое дѣло, выполнилъ свою задачу: русское государственное самосознаніе нашло своего выразителя. Оно написано перомъ и его не вырубишь топоромъ. Имя Каткова останется на вѣкъ въ Русской исторіи и займетъ мѣсто на ряду съ именами великихъ двигателей нашего просвѣщенія: Ломоносова, Пушкина, Карамзина.“ **(Д. Аверкіевъ).**

Къ рисункамъ.

Постоялый дворъ. (Рис. на стр. 89).

....Дождь льетъ какъ изъ ведра. Дорога вся измыта.
Я ѣду цѣлый день, измученъ и разбитъ.
По лужамъ шлепаютъ усталыя копыта
И отъ колесъ грязь комьями летитъ.
Сквозь сѣть дождя, вдали, уединенный,
Вотъ показался домикъ небольшой—
„Дворъ постоялый“.—Путникъ утомленный,
Въ немъ можетъ отдохнуть и тѣломъ, и душой.
Ему я радъ былъ, какъ странѣ обѣтованной...
„Пошелъ ямщикъ, гони изо всѣхъ силъ!“
Въ надеждѣ отдохнуть, и дождикъ непрестанный,
И скуку, и толчки—я все забылъ...

Неистовства испанцевъ въ Антверпенѣ.

(Рис. на стр. 92 и 93).

Ничто не вѣчно подъ луною и нѣкогда богатѣйшій Антверпенъ, главный городъ бельгійской провинціи того-же имени, въ настоящемъ своемъ видѣ, мало чѣмъ напоминаетъ о своемъ прежнемъ величіи. А было время, когда Антверпенъ считался первымъ торговымъ городомъ всего свѣта. Говорили, что весь міръ—кольцо, украшенное алмазомъ—Антверпеномъ. Во времена Крестовыхъ походовъ, Антверпенъ, уже давно славившійся своими полотняными издѣліями, вмѣстѣ съ Брюгге и Гентомъ, считался самымъ богатымъ городомъ Фландріи. Съ начала XVI вѣка въ немъ находились склады Ганзейскаго союза, а въ 1516 году въ него переселились всѣ купцы, за исключеніемъ испанскихъ, изъ Гента и Брюгге. Изготовленіе полотняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей, ковровъ, оружія, стеклянныхъ и золотыхъ издѣлій, достигло высокой степени совершенства. На ряду съ торговлей и ремеслами значительно развился и денежный рынокъ. Антверпенская биржа послужила прототипомъ Лондонской. Знаменитѣйшіе художники и архитекторы, Рубенсъ, Ванъ-Дикъ, Массейсъ и много другихъ, способствовали украшенію города. Во времена Карла V, это былъ едва-ли не лучшій городъ всего христіанскаго міра. Товары и въ особенности произведенія Фландріи и Брабанта, распространялись отсюда до Аравіи, Персіи и Индіи. Когда развилась португальско-остиндская торговля, Антверпенъ сталъ складочнымъ мѣстомъ для восточныхъ товаровъ. Много зна-

Пума въ борьбѣ съ муравьѣдомъ. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. К. Шпехтъ.

менитыхъ торговыхъ домовъ изъ Флоренціи, Пизы, Генуи, Аугсбурга переселились въ Антверпенъ. Городъ насчитывалъ въ это время 240 тысячъ жителей; до 2000 повозокъ и около 4500 кораблей развозили повсюду антверпенскіе товары. Это благосостояніе и богатство было поколеблено освобожденіемъ Нидерландовъ отъ испанскаго владычества. Не мало бѣдствій и несчастій пришлось пережить антверпенцамъ. Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ ужаснѣйшимъ опустошеніемъ и разгромомъ, какимъ подвергся городъ со стороны испанскихъ наемныхъ войскъ. Не получая жалованья, они производили изъ занятой ими цитадели опустошительные набѣги на городъ и 4 ноября 1576 г. неистовства ихъ достигли невѣроятной степени. Жителей безпощадно истязали, пытали, убивали. Дома были разграблены, имущества расхищены. Городская ратуша и до 600 городскихъ домовъ сгорѣли до тла. Около 10,000 жителей погибло во время этихъ неистовствъ. Только 1 августа 1577 г. антверпенцы, заплативъ громадный выкупъ, освободились отъ постоянныхъ угрозъ смертью и разореніемъ. Испанскія войска очистили цитадель и удалились изъ Антверпена.

Ужасающую картину испанскихъ неистовствъ талантливо передалъ въ своемъ произведеніи бельгійскій историческій и жанровый художникъ Карель Оомсъ. Уроженецъ Дешеля (Deschel), Оомсъ учился подъ руководствомъ де-Кейзера въ Антверпенской академіи. Для своего дальнѣйшаго образованія онъ много путешествовалъ по Голландіи, Англіи, Германіи, Франціи и Италіи. Въ настоящее время Оомсу 43 года.

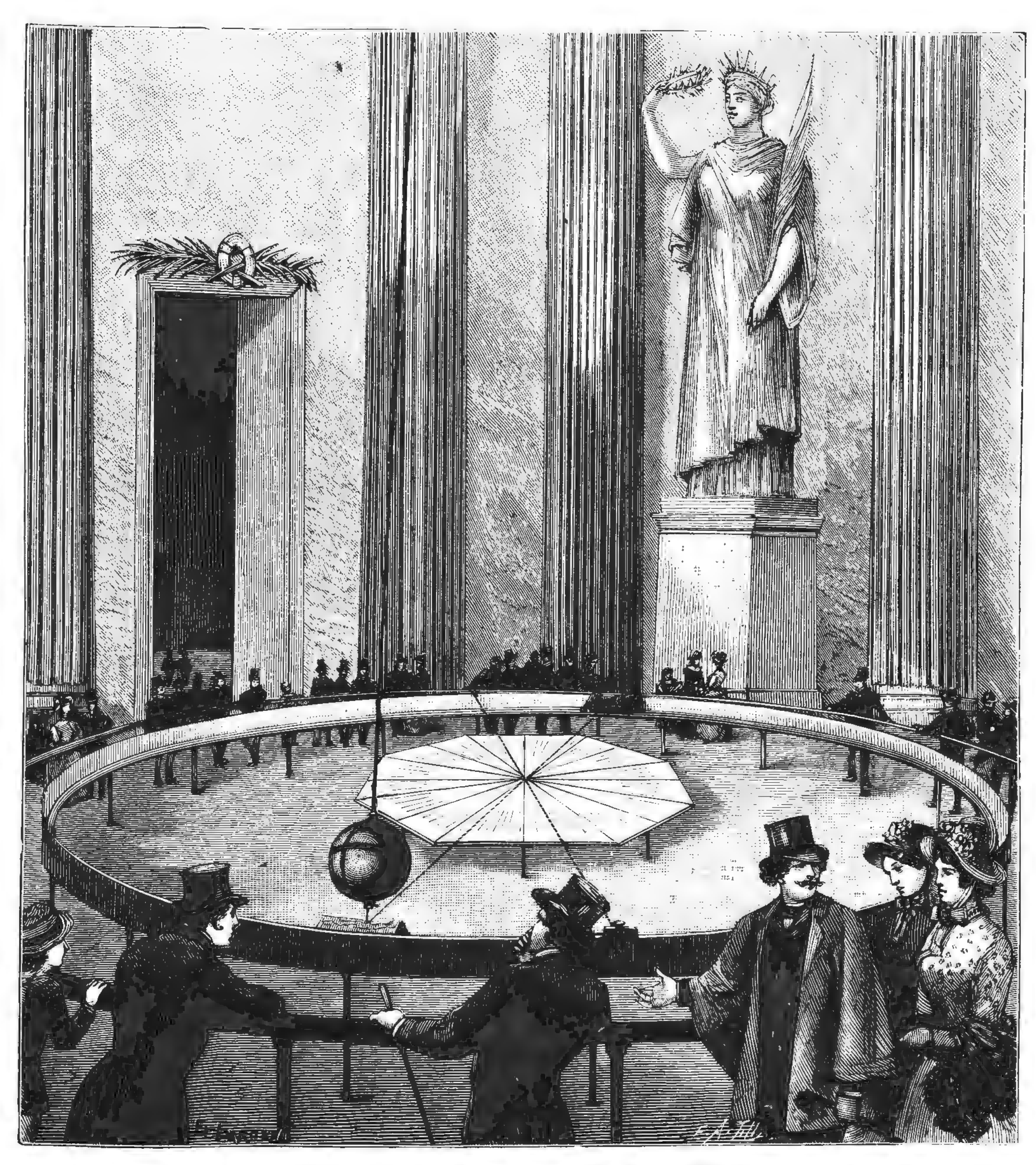
Швейка. Картина барона М. Клодта.

(Рис. на стр. 97).

Прекрасныя произведенія кисти бар. М. Клодта давно знакомы постояннымъ читателямъ „Нивы". Помѣщаемъ еще одно изъ нихъ, изображающее труженицу-швею, проработавшую всю ночь до бѣла свѣта надъ какимъ-то нарядомъ по заказу.. Тихая, усталая покорность незавидной долѣ превосходно передана художникомъ въ лицѣ и позѣ швеи.

Село Павловка. (Рис. на стр. 100).

Изящныя акварели г. Крыжицкаго не разъ появлялись на страницахъ „Нивы". Прилагаемая на этотъ разъ изображаетъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ поселковъ Малороссіи. На пригоркѣ, обрамленныя зеленью вишневыхъ садовъ, тѣснятся бѣлыя хатки съ высокими соломенными крышами, гумнами и огородами. Поодаль отъ селенія высятся характерные, восьмикрылые *вѣтряки* (мельницы), а задній планъ картины занятъ необозримою зеленѣющей равниной, по которой вьется степная рѣка—въ данномъ случаѣ Днѣпръ.



Опытъ Фуко въ парижскомъ Пантеонѣ въ 1851 г.

Русскіе свадебные обряды. Ряженые.

(Рис. на стр. 101).

Свадебные обряды безконечно разнообразны на Руси. Между прочими обычаями, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пензенской и другихъ губерній есть обыкновеніе рядиться какъ на Святкахъ и цѣлою процессіей ряженыхъ ходить по улицамъ села съ пѣснями. Маскарадъ, конечно, самый незатѣйливый. Дѣвушки изъ подростковъ и молодки побойчѣе — переодѣваются парнями въ мужскія рубахи, шаровары и сапоги; является классическій *старикъ* съ посконною бородою, въ лаптяхъ и съ клюкой; цы-

ганъ и арапъ вымазанный сажей... Въ серединѣ шествія ѣдетъ невѣста на конѣ съ толпой провожающихъ ее подругъ, сватовъ и дружекъ, и все это, подъ звуки балалаекъ, гармоникъ и хоровой пѣсни, обходитъ село. Бойкое перо И. Волкова мастерски передаетъ разгулъ участниковъ свадебнаго веселья.

Лордъ Байронъ. (Портр. на стр. 105).

Это—Атлантъ, поднявшій на свои мощныя рамены страданія цѣлаго человѣчества. Душа его была бездонная пропасть; его притязанія на жизнь были огромны, и жизнь отказала ему въ его требованіяхъ. Онъ оперся на самого себя, и новый Прометей, терзаемый коршуномъ—ненасытимою жаждою своего безпокойнаго духа, вопли гордой души своей передалъ въ чудныхъ, художественныхъ образахъ. Это былъ поэтъ гордаго самимъ собою отчаянія. Сынъ XVIII вѣка, онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ отъ себя его бѣдныя радости, его нищенскія наслажденія —и не узналъ истинныхъ радостей, истинныхъ наслажденій, того богатства духа, котораго ни ржа не точитъ, ни тать не похищаетъ. Въ аравійской пустынѣ желѣзнаго стоицизма нашелъ онъ свое убѣжище отъ карающей и презираемой имъ судьбы, и не достигъ обѣтованной земли благодати, гдѣ открывается вѣчная истина, разрѣшаются въ гармонію диссонансы бытія и мерцаетъ таинственнымъ блескомъ заря безконечнаго блаженства.

Такими вдохновенными строками Бѣлинскій характеризуетъ Байрона, одного изъ геніальныхъ, міровыхъ поэтовъ, со дня рожденія котораго нынѣ исполнилось ровно сто лѣтъ. Великій знатокъ человѣческаго сердца, страстный борецъ во имя свѣта и свободы, истинный властитель думъ своего вѣка, Байронъ имѣлъ такое громадное, неотразимое вліяніе на всю европейскую литературу и на общественное развитіе, какого не имѣли ни Шекспиръ, ни Данте, ни Гете и Шиллеръ, ни другія свѣтила поэзіи, хотя по силѣ и блеску творчества онъ былъ слабѣе многихъ изъ нихъ, не говоря уже о четырехъ поименованныхъ. Не перестававшій скорбѣть о глубокомъ паденіи человѣка, изливая свое безутѣшное настроеніе въ неподражаемыхъ строфахъ, Байронъ былъ создателемъ цѣлаго характернаго направленія мысли и чувства, направленія болѣзненнаго, мрачнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ могучаго и обаятельнаго. Въ поэтическихъ твореніяхъ Байрона, такъ ярко отразившихъ въ себѣ стремленія его вѣка, вполнѣ воплотилось все то, что терзаетъ и мучитъ насъ, и оттого то его направленіе, извѣстное подъ именемъ „байронизма", пришлось такъ по душѣ и его современникамъ, и позднѣйшимъ ихъ потомкамъ. Подъ обаяніемъ „байронизма" явилась поэзія Альфреда-де-Мюссе во Франціи, Гейне—въ Германіи и Мицкевича—у поляковъ. Плѣняя умы и чувства русскаго общества двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, Байронъ подчинилъ себѣ временно Пушкина и едва-ли не всецѣло Лермонтова; онъ вліялъ въ большей или меньшей степени на Козлова и даже Жуковскаго, поэтовъ столь различныхъ между собою по складу и силамъ ихъ дарованій; подпалъ подъ это вліяніе и безвременно погибшій Полежаевъ, на которомъ оно отразилось такъ трагически. Необыкновенно сильное вліяніе поэзіи Байрона и широкое распространеніе созданнаго имъ направленія, конечно, объясняется тѣмъ мощнымъ вдохновеніемъ, какимъ обладалъ авторъ „Донъ-Жуана". Будучи великимъ виртуозомъ на нѣкоторыхъ струнахъ души человѣческой, онъ умѣлъ извлекать изъ своей лиры звуки, которые „ударяли по сердцамъ съ невѣдомою силой", потрясали натуру человѣка вообще, и естественно, что онъ дѣйствовалъ магически на тѣхъ, у кого чуткость этихъ струнъ была особенно развита. Замѣчательный лирикъ по преимуществу, Байронъ обладалъ также и удивительной эпическою силой и пластикой. Его фантазія поражаетъ своимъ великолѣпіемъ, которымъ, по справедливому мнѣнію Шерра, поэтъ доказалъ, что ему равно доступны какъ высочайшія области, такъ и самыя глубокія бездны бытія, Югъ и Сѣверъ, Западъ и Востокъ, и потаеннѣйшіе уголки человѣческаго сердца, и самыя своеобразныя черты чужихъ нравовъ, и ученія древней и новой исторіи; если прибавить къ этому поэтическій оригинальный стиль, доходящій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ его до невыразимой степени совершенства, которое заставило Берне воскликнуть: „Какъ нѣжно и сильно онъ гремитъ громомъ на флейтѣ!" — то станетъ вполнѣ понятнымъ тотъ, можно сказать, пламенный восторгъ, съ какимъ вездѣ и всюду привѣтствовались творенія этого могучаго генія, изумлявшаго и своихъ современниковъ, и дальнѣйшія поколѣнія. О Байронѣ исписаны цѣлые томы на Западѣ, немало написано и у насъ, гдѣ въ числѣ коментаторовъ великаго поэта и истолкователей байронизма былъ даровитый, чуткій и, къ стыду нашему, забытый критикъ Аполлонъ Григорьевъ, очень любившій поэзію Байрона и глубоко ее понимавшій. Вотъ что, между прочимъ, онъ говоритъ о любимомъ поэтѣ: „Байронъ есть поэтическое воплощеніе протеста и въ этомъ — и его сила, и его слабость: сила его въ томъ, что протесту, вызываемому всегда болѣе или менѣе неправдою, душа горячо сочувствуетъ; слабость въ томъ, что протестъ этотъ есть протестъ слѣпой, протестъ безъ идеала, протестъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Байронъ ничего иного не дѣлаетъ какъ срываетъ благопристойную маску съ дикаго по существу эгоизма, вѣнчаетъ его не въ тихомолку уже, а прямо; но, какъ поэтъ истинный и глубокій, — вѣнчаетъ его съ тоской и ироніей."

Родъ Байрона ведется отъ нормандскихъ Бюруновъ (Bürun), получившихъ отъ Вильгельма Завоевателя, при которомъ они основались въ Англіи, земли въ Нотингемскомъ графствѣ. Дѣдъ поэта, Джонъ Байронъ, храбрый воинъ и отличный морякъ, командовалъ англійскимъ флотомъ, а отецъ, получившій прозвище „неистоваго Джека", кромѣ своего безпутства ничѣмъ не былъ замѣчателенъ. Онъ былъ женатъ два раза; вторая его супруга, миссъ Екатерина Гордонъ-Гигъ, находилась въ родствѣ съ шотландскимъ королевскимъ домомъ Стюартовъ, происходя отъ Вильяма Гордона, третьяго сына графа Гютлея, состоявшаго въ бракѣ съ дочерью Іакова I. Отъ этого послѣдняго брака „неистоваго Джека" и родился въ Лондонѣ, 22 января 1788 года, Джоржъ Ноэль Гордонъ Байронъ, сдѣлавшій свою фамилію еще болѣе знаменитою. Обобравъ свою вторую жену, отецъ Байрона бѣжалъ во Францію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Почти безъ всякихъ средствъ, молодая мать будущаго поэта удалилась въ Абердинъ, въ Шотландіи, гдѣ юный Байронъ, пяти лѣтъ отъ роду, началъ посѣщать школу Боверса. Когда въ началѣ лѣта 1799 г., онъ заболѣлъ, мать взяла его съ собою для поправленія здоровья въ шотландскія горы. Здѣсь поэтъ, подобно Данте, влюбился въ дочь своего крестнаго отца, Мери Дѣфъ, имя которой нерѣдко встрѣчается въ его стихотвореніяхъ. „Любовь къ этой дѣвочкѣ — говоритъ самъ поэтъ — была такъ сильна, что я сомнѣваюсь иногда, любилъ-ли я истинно когда-нибудь послѣ... Когда однажды мать, трунившая надъ этой любовью моей, сказала мнѣ: „Байронъ, я получила письмо изъ Абердина: предметъ твоей старинной страсти, Мери Дѣфъ, вышла замужъ," — я упалъ при этихъ словахъ чуть не въ судорогахъ." Въ исходѣ того же 1799 года, Байронъ переѣхалъ съ матерью въ Лондонъ и поступилъ въ училище доктора Глени, гдѣ учился превосходно, при изумительныхъ способностяхъ своихъ весьма рѣдко выучивая уроки. Докторъ Глени, очень любившій своего воспитанника, свидѣтельствуетъ, что Байронъ по нѣскольку разъ перечитывалъ книги изъ его библіотеки, приходившіяся ему по вкусу, и по исторіи и поэзіи обладалъ такими познаніями, которыя далеко превосходили границы знаній этого возраста. Довольно безразсудная, своенравная, со страстнымъ темпераментомъ, мать Байрона сильно тормозила ходъ его ученія; слишкомъ заботясь объ отдыхѣ сына, она оставляла его у себя дома по цѣлымъ недѣлямъ и при этомъ окружала его большимъ обществомъ, въ своихъ знакомствахъ ни мало не хлопочо выборѣ. Затѣмъ поэтъ перешелъ въ знаменитую школу Гарро, гдѣ онъ былъ зачинщикомъ всѣхъ игръ и шалостей, всегдашнимъ побѣдителемъ въ кулачныхъ бояхъ и прослылъ лѣнивцемъ, въ чемъ онъ и самъ признается. Но лѣнивецъ этотъ, однако, поглощалъ массу книгъ и все то, что онъ прочелъ до пятнадцати лѣтъ обнимаетъ едва-ли не всѣ роды литературы, поражая своимъ разнообразіемъ и количествомъ. Еще въ этой школѣ, гдѣ онъ пробылъ шесть лѣтъ, Байронъ обнаружилъ много тщеславія — этой самой замѣтной изъ его слабостей, сильно развившейся въ немъ впослѣдствіи и проблески презрѣнья къ міру и людямъ. Когда на каникулахъ 1804 г. онъ въ домѣ матери своей, въ Нотингемѣ, страстно влюбился въ миссъ Мери Чавортъ, и она, не оцѣнивъ этой любви „хромого юноши", вышла замужъ, Байронъ, гордый и тщеславный, страшно оскорбился и очень долго не могъ забыть этого. По выходѣ изъ школы Байронъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ, гдѣ весь ушелъ въ шумную разгульную жизнь студенчества, ужасая своими подвигами ученыхъ университетскихъ мужей, которые были очень довольны, когда Байронъ, не достигнувъ еще девятнадцатилѣтняго возраста, покинулъ святилище науки. Уступая настоятельнымъ просьбамъ друзей, Байронъ, въ 1807 г., издалъ маленькій сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Часы Досуга". Публика относилась къ нимъ довольно сочувственно, но *Эдинбургское Обозрѣніе* напечатало пренебрежительный и несправедливый отзывъ о литературномъ дебютѣ автора „Часовъ Досуга". Это взорвало Байрона и, живя по выходѣ изъ университета, въ своемъ родовомъ замкѣ Ньюстидъ-Аббей, онъ написалъ, въ отвѣтъ на критику *Эдинбургск. Обозрѣнія*, сатиру: „Англійскіе барды и Шотландскіе газетчики"; изданная безъ имени автора, она произвела сенсацію и „Эдинбургскіе критики должны были сознаться, что пробудили спящаго льва". Въ замкѣ Ньюстидъ Байронъ велъ весьма оригинальный образъ жизни, окруживъ себя собаками, волками и медвѣдями, вскормленными въ замкѣ. Одѣтый въ иноческую хламиду, окруженный вѣтренными друзьями, Байронъ пировалъ съ ними цѣлыя ночи вплоть до разсвѣта и изобрѣталъ такія странныя и нелѣпыя развлеченія, что порою казался сумасшедшимъ. Но вотъ въ одну ночь замокъ опустѣлъ: Байронъ сталъ искать славы на литературномъ поприщѣ, затѣмъ добился мѣста въ палатѣ лордовъ, но недовольный своимъ отечествомъ, вскорѣ отправился путешествовать на Востокъ; во время путешествія онъ началъ своего „Чайльдъ-Гарольда" и окончилъ эту поэму по возвращеніи на родину въ 1811 г.; поэма имѣла успѣхъ неслыханный, первые 14,000 экз. ея были раскуплены въ одинъ день. Затѣмъ Байронъ издалъ

съ 1812 по 1815 г.: „Гяура“, сатиру „Вальсъ“, поэмы „Абидосскую невѣсту“, „Корсара“, „Лару“, „Осаду Коринѳа“, „Паризину“ и „Еврейскія мелодіи“. 2 января 1815 г. Байронъ женился на миссъ Мильбанкъ, но ровно черезъ годъ разстался съ нею, выхлопотавъ потомъ формальный разводъ. Высшее общество, достаточно лицемѣрное, и большинство печати напали на поэта и съ этого времени началась травля его... Преслѣдуемый грязными клеветами и мелкою ненавистью, онъ рѣшился покинуть навсегда отечество; въ апрѣлѣ 1816, продавъ Ньюстидскій замокъ, онъ сѣлъ на корабль отплывавшій въ Голландію и сдѣлался настоящимъ странникомъ, посѣтилъ Бельгію, Швейцарію, Венецію, Равенну, Пизу, Геную и, наконецъ, Грецію. Проживая то здѣсь, то тамъ, онъ написалъ остальныя свои произведенія, въ которыхъ сказался его необыкновенный геній: „Шильонскій узникъ“, „Беппо“, „Мазепу“, „Донъ-Жуана“, „Марино Фальери“, „Двухъ Фоскари“, „Сарданапала“, „Каина“, мистерію „Небо и Земля“, блестящую сатиру „Видѣніе Суда“ и проч. Во время этихъ странствій онъ почти не переставалъ страдать душевно, въ особенности когда потерялъ горячо любимыхъ имъ друга Шелли и побочную дочь свою Аллегру. Желая утишить душевныя муки, онъ бросался въ вихрь бѣшеныхъ удовольствій, искалъ сильныхъ ощущеній, принимая участіе въ замыслахъ карбонаріевъ, искалъ любви, переходя довольно скоро отъ одной женщины къ другой и быстро охладѣвая, и, наконецъ, какъ будто нашелъ свое счастье въ Греціи, принявъ живѣйшее и идеально-безкорыстное участіе въ ея политическихъ дѣлахъ. Но хлопоча объ освобожденіи своей любимой страны, онъ разстроилъ свое здоровье—и 19 апрѣля 1824 года навѣки успокоился отъ своихъ душевныхъ терзаній. Тѣло великаго поэта было перевезено въ Англію и погребено его друзьями въ родовомъ склепѣ Байрона, въ деревенской церкви близь Ньюстида. **П. Быковъ.**

Муравьѣдъ и пума. (Рис. на стр. 108).

Къ замѣчательнѣйшимъ и уже одною внѣшностью поражающимъ звѣрямъ принадлежатъ муравьѣды, водящіеся въ степяхъ южной и средней Африки, южной Азіи и большей части южной Америки. Это — робкія, безвредныя животныя, весьма неуклюжія, лѣнивыя и какъ бы сонныя въ своихъ движеніяхъ. Ихъ вытянутое въ длину, покрытое длинными волосами и щетиной тѣло покоится на приземистыхъ крѣпкихъ ногахъ, изъ коихъ переднія вооружены страшными когтями; шея коротка и толста, голова длинная, хвостъ большею частью пышно пушистый, морда узкая, а беззубый ротъ до того малъ что кажется кругленькой дырочкой, изъ которой вытягивается и снова скрывается необычайно длинный, червеобразный языкъ. Этому замѣчательному устройству органовъ хватанія пищи соотвѣтствуетъ и странный способъ кормленія муравьѣдовъ. Они разрываютъ когтями постройки термитовъ или муравейныя кучи, вытягиваютъ туда свой клейкій языкъ и даютъ раздраженнымъ насѣкомымъ облѣпить его со всѣхъ сторонъ, затѣмъ быстро втягиваютъ его въ ротъ со всею добычей. Самый крупный и извѣстнѣйшій видъ этихъ млекопитающихъ есть гривистый муравьѣдъ, въ Бразиліи называемый *тамандy*, а въ Парагваѣ *юруми*. Мѣхъ этого муравьѣда, имѣющаго 2 аршина длины, не считая огромнаго мохнатаго хвоста въ полтора аршина, состоитъ отчасти изъ непельносѣрыхъ, отчасти черныхъ жесткихъ волосъ, и только на бокахъ представляетъ блѣдносѣрыя полосы. Это чрезвычайно некрасивое, даже смѣшное на видъ животное водится исключительно въ безлюдныхъ пустыняхъ, питаясь термитами, муравьями и ихъ личинками. Такъ какъ онъ никогда не нападаетъ на млекопитающихъ, то у него только два врага: человѣкъ и пума или кугуаръ. Этотъ послѣдній, ближайшій кольву американскій хищникъ, необыкновенно свирѣпъ и до того кровожаденъ, что нападаетъ на всѣхъ встрѣчающихся ему слабѣйшихъ животныхъ даже тогда когда совершенно сытъ. Великолѣпный рисунокъ Шпехта изображаетъ борьбу пумы съ муравьѣдомъ. Гибкая, ловкая кошка, отличающая маленькою, безбородою и безгривою головой, мягкою красножелтою шерстью и круглыми зрачками, однимъ прыжкомъ бросилась на муравьѣда и сбивъ его съ ногъ, подмяла подъ себя. Но какъ ни безвреденъ самъ по себѣ муравьѣдъ, онъ умѣетъ энергически защищать свою жизнь когда его къ тому принудятъ; онъ пускаетъ въ ходъ страшныя когти мускулистыхъ переднихъ лапъ, вонзая ихъ въ затылокъ своему врагу, и пумѣ нерѣдко приходится выходить изъ этой борьбы съ такими тяжкими ранами, которыя надолго отбиваютъ у нея охоту нападать на муравьѣда.

Опытъ Фуко въ парижскомъ Пантеонѣ въ 1851 году.

(Рис. на стр. 109).

Повторенный на-дняхъ въ Парижѣ, знаменитый опытъ Фуко, какъ извѣстно, даетъ намъ наглядное доказательство суточнаго вращенія земли, т. е. того что земля въ теченіе 24 часовъ обращается вокругъ своей оси по направленію съ запада на востокъ.

Жанъ-Бернаръ Леонъ Фуко родился 6 (18) сентября 1819 г. въ Парижѣ, изучалъ медицину, но окончательно посвятилъ себя физикѣ, и произвелъ много цѣнныхъ для науки работъ по оптикѣ и фотографіи, нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ съ физиками Донне и Физо Между прочимъ онъ облегчилъ приложеніе электрическаго свѣта, устроивъ цѣлесообразные аппараты; изслѣдовалъ скорость распространенія свѣта въ воздухѣ и въ водѣ, а также опредѣлилъ абсолютную скорость свѣта въ безвоздушномъ пространствѣ, благодаря чему стало возможно вычислить разстояніе земли отъ солнца; старался улучшить астрономическіе телескопы; производилъ изслѣдованія теплоты и магнетизма. Но самый популярный памятникъ себѣ (Фуко умеръ въ 1868 году) воздвигъ онъ своимъ знаменитымъ опытомъ, который мы здѣсь и напомнимъ читателямъ.

Опытъ основанъ на томъ что плоскость качанія простаго маятника, напр. тяжелаго шарика на нити, не измѣняется, даже въ томъ случаѣ если вертится точка его привѣса. Проще всего пояснить себѣ этотъ законъ качанія маятника можно слѣдующимъ примѣромъ. Поставимъ на столъ большую круглую птичью клѣтку (напримѣръ попугайную). Изъ середины ея свода повѣсимъ на шелковинкѣ свинцовый шарикъ (пулю), такъ чтобы онъ почти касался дна клѣтки, отведемъ его къ стѣнкѣ клѣтки и пустимъ его качаться. Проведемъ подъ клѣткою на столѣ мѣломъ линію по направленію которой шарикъ качается; потомъ начнемъ поворачивать клѣтку на столѣ вокругъ центра ея дна. (Чтобы дѣлать это правильно, не сдвигая клѣтки въ сторону, можно очертить ея дно на столѣ мѣломъ и вертѣть клѣтку такъ чтобъ она не выходила изъ мѣловаго круга). Шарикъ при этомъ будетъ качаться попрежнему по направленію начерченной на столѣ мѣловой линіи и не выйдетъ изъ нея ни вправо, ни влѣво. Теперь представьте себѣ металлическій шаръ въ пудъ или болѣе вѣса, прикрѣпленный на металлической проволокѣ къ куполу очень высокой залы (напр. въ башнѣ, храмѣ и т. п.)—и вы получите опытъ Фуко такъ-сказать въ натуральную величину, т. е. какъ онъ былъ произведенъ въ Парижѣ и др. мѣстахъ.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ залу парижскаго Пантеона, гдѣ опытъ Фуко впервые былъ произведенъ при большомъ стеченіи публики въ 1851 году. Круглая зала эта, особенно благодаря колоннамъ, даже внѣшнимъ видомъ своимъ напоминаетъ только что приведенный нами примѣръ круглой клѣтки. Съ середины ея всемірно-знаменитаго купола на ровной стальной проволокѣ въ 34 сажени длины повѣшенъ мѣдный шаръ около двухъ пудовъ вѣса. Когда шаръ находится въ покоѣ, онъ занимаетъ центръ кольцеобразной галереи, раздѣленной на градусы черными черточками и видимой на рисункѣ внутри наружной загородки, на которую облокачивается публика. При началѣ опыта, шаръ отводятъ изъ центра къ стѣнкѣ галереи и привязываютъ къ ней бичевкой, охватывающей его какъ-бы поясомъ или петлей; затѣмъ бичевку пережигаютъ пламенемъ спички и шаръ начинаетъ качаться. Благодаря своей тяжести и длинѣ проволоки онъ можетъ качаться въ теченіе 5—6 часовъ не останавливаясь. Но такъ какъ размахи этого маятника съ каждымъ качаніемъ становится все короче и онъ все болѣе удаляется отъ кольца градусной галереи къ центру, то въ центрѣ залы установленъ на подставкѣ шестиугольникъ съ такими же градусами какъ на кольцѣ галереи, и съ проведенными черезъ нихъ меридіанальными линіями, по одной изъ которыхъ и качается маятникъ. На противуположныхъ концахъ этой линіи (какъ видно на рисункѣ) насыпаны два песчаные валика, которыхъ качающійся шаръ касается небольшимъ остріемъ придѣланнымъ къ нему снизу, производя съ каждымъ прикосновеніемъ небольшую брешь въ гребнѣ валика. Вотъ и всѣ приспособленія.

Какимъ же образомъ опытъ Фуко доказываетъ суточное вращеніе земли вокругъ оси? Чтобы понять какъ это происходитъ въ нашихъ широтахъ (напр. въ европейской Россіи или во Франціи), надо сначала произвести мысленно опытъ на полюсѣ. Вообразимъ (смотрите на рисунокъ) что маятникъ Пантеона повѣшенъ надъ сѣвернымъ полюсомъ, который такимъ образомъ придется въ центрѣ градуснаго шестиугольника на рисункѣ. Вслѣдствіе вращенія земли около оси, весь полъ Пантеона вмѣстѣ съ поверхностью земли и со всею публикой вертится вокругъ сказаннаго центра (или полюса) съ запада на востокъ, точно такъ какъ мы вертѣли попугайную клѣтку. Вертится и куполъ Пантеона, т. е. и точка привѣса маятника, но это, какъ мы знаемъ, не измѣняетъ плоскости качанія маятника, и онъ продолжалъ бы качаться все по той же первоначальной линіи своего направленія, еслибъ она сама не уходила изъ-подъ него, вращаясь вокругъ своей средины вмѣстѣ съ поломъ и публикой, уклоняясь все далѣе къ востоку, точно такъ какъ и въ клѣткѣ отступала бы отъ плоскости качанія шарика мѣловая линія начерченная не на столѣ, а на самомъ днѣ клѣтки. Но такъ какъ люди не замѣчаютъ движенія земли, считая себя и ее неподвижными, то и публикѣ въ Пантеонѣ у полюса будетъ казаться что не полъ вмѣстѣ съ нею и начерченною на немъ линіею направленія маятника вращается съ запада на востокъ, а сама плоскость качанія маятника отступаетъ отъ первоначальнаго положенія въ противуположномъ направленіи съ востока на западъ, подобно солнцу, лунѣ и прочимъ свѣтиламъ, имѣющимъ то же кажущееся движеніе. Въ опытѣ Фуко уклоненіе это скажется прежде всего тѣмъ что

остроконечный штифтъ подъ маятникомъ, касаясь гребней песчаныхъ валиковъ, будетъ проходить уже не въ первоначально пробитыя имъ бреши, а все подвигаться вправо, обсыпая новыя бреши, какъ видно на рисункѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шаръ начнетъ качаться уже не по первоначальной линіи своего направленія (начерченной на рисункѣ отъ одного песчанаго валика къ другому), а по слѣдующей за нею лежащей лѣвѣе и т. д., такъ что въ 24 часа совершитъ полный кругъ. Повторяемъ что явленіе это только кажущееся: въ дѣйствительности кругъ этотъ описала земля вращаясь вмѣстѣ съ поломъ Пантеона, съ укрѣпленнымъ на немъ шестиугольникомъ и начерченною на немъ линіею качанія маятника; маятникъ же продолжалъ качаться по первоначальному направленію, не смотря на вращеніе точки его привѣса въ куполѣ Пантеона. И такъ это кажущееся измѣненіе плоскости качанія маятника въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ и есть доказательство суточнаго движенія земли.

Но въ такомъ чистомъ и простомъ видѣ опытъ возможенъ лишь подъ полюсомъ, который при вращеніи земли самъ остается въ покоѣ. Въ нашихъ широтахъ явленіе сложнѣе, такъ какъ у насъ каждая точка земной поверхности, на которой мы вздумали бы произвести опытъ, описываетъ по паралели своей широты кругъ вокругъ земной оси. Движеніе это можно разсматривать какъ двоякое; а именно какъ вращательное вокругъ вертикальной оси и поступательное отъ запада къ востоку. Очевидно что только первое имѣетъ вліяніе на маятникъ, такъ какъ во второмъ онъ и самъ участвуетъ вмѣстѣ съ данною точкой земной поверхности. Было бы излишне вдаваться въ математическія подробности этого опыта въ нашихъ широтахъ: достаточно сказать что и у насъ кажущееся движеніе плоскости маятника описываетъ полный кругъ, но уже не въ 24 часа, а въ тѣмъ большее время чѣмъ ближе къ экватору производится опытъ. Въ Берлинѣ, напр., полный кругъ завершается въ 30 часовъ и 15 минутъ, въ Москвѣ скорѣе, въ Петербургѣ еще скорѣе, въ Парижѣ гораздо медленнѣе чѣмъ въ Берлинѣ и т. д. На самомъ же экваторѣ опытъ невозможенъ.

Политическое обозрѣніе.

14 января.

Послѣ перваго впечатлѣнія, вызваннаго Высочайшимъ рескриптомъ на имя московскаго генералъ-губернатора, заграничныя газеты, должно быть, позабывъ, что первое впечатлѣніе бываетъ самымъ лучшимъ и, какъ-бы, устыдясь своей искренности, перемѣнили тонъ и, вмѣсто содѣйствія успокоить умы, продолжаютъ пессимистически относиться къ настоящему положенію дѣлъ. Вѣнскій *Fremdenblatt*, въ статьѣ о манифестѣ, между прочимъ говоритъ, что, несмотря на усилія направленныя къ сохраненію мира, тяготѣющее надъ всѣми безпокойство и сомнѣнія относительно того, какъ сложится будущее, все еще не устраняются. Въ отвѣтъ на эти газетныя статьи брюссельскій *Nord* говоритъ: „Несмотря на Высочайшій рескриптъ на имя московскаго генералъ-губернатора и на всеподданнѣйшій докладъ г. Вышнеградскаго, въ Вѣнѣ упорно продолжаютъ тревожно относиться къ политическому положенію. Отказываясь видѣть въ этихъ заявленіяхъ серьезныя гарантіи европейскаго спокойствія, утверждаютъ, будто Россія, въ финансовыхъ видахъ, желаетъ усыпить существующія опасенія и выиграть время для завершенія военныхъ своихъ приготовленій. Такое истолкованіе миролюбивыхъ заявленій русскаго правительства совершенно неумѣстно. Заявленія эти настолько явственны, что не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ искреннемъ стремленіи Россіи къ сохраненію мира. Всѣ русскія вооруженія были уже приведены въ извѣстной статьѣ *Русскаго Инвалида*. Въ то время вооруженія эти не вызывали никакихъ опасеній; неужели они вызовутъ ихъ теперь? Высказываемое въ Вѣнѣ безпокойство по преимуществу поддѣльное".

Но не однѣ австрійскія газеты выказываютъ такое поддѣльное безпокойство. Германская печать, во главѣ со *Всеобщей газетой*, въ этомъ отъ нихъ не отстаетъ. Но если миролюбію русскаго правительства они не могутъ или не хотятъ повѣрить, то, можетъ быть, ихъ безпокойства нѣсколько поутихнутъ послѣ извѣстія, что императоръ Вильгельмъ при пріемѣ 8 января президентовъ и вице-президентовъ обѣихъ палатъ прусскаго сейма выразилъ, между прочимъ, надежду на сохраненіе мира. Вслѣдъ затѣмъ, черезъ 4 дня, телеграфъ принесъ извѣстіе изъ Берлина, что относительно неоднократно обсуждаемыхъ заявленій, сдѣланныхъ за обѣдомъ княземъ Бисмаркомъ въ Фридрихсруэ одному гостю изъ Гамбурга, сообщаютъ теперь изъ заслуживающаго довѣрія источника, будто князь Бисмаркъ, разсуждая о послѣднихъ событіяхъ, сказалъ: „Надѣюсь, что въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ опасаться войны не слѣдуетъ; такую надежду на нынѣшній годъ я могу высказать съ достаточною опредѣленностью". Но тутъ-же съ осторожностью, присущею желѣзному канцлеру, прибавилъ: „Правда, что и въ 1870 г. я тоже такъ думалъ, а на дѣлѣ вышло иначе".

Рядомъ съ этими надеждами на миръ, изъ Болгаріи получаются тревожныя извѣстія о нескрываемомъ недовольствѣ правительствомъ и попыткахъ къ возстанію. Таковая была недавно неудачно произведена въ Бургасѣ и послѣ того нѣсколько небольшихъ партій повстанцевъ пытались вторгнуться въ Восточную Румелію. Нѣсколько человѣкъ были задержаны еще турками, другіе были обезоружены при вступленіи въ Восточную Румелію. Всего взято въ плѣнъ 50 человѣкъ. Приготовленія къ дальнѣйшимъ попыткамъ вторженія производятся, повидимому, Аѳонѣ.

Вслѣдствіе неоднократно получаемыхъ донесеній, что въ Болгаріи замышляются дальнѣйшія революціонныя попытки, на побережьѣ и вдоль сухопутной границы приняты болѣе строгія мѣры предосторожности?

Внутри страны, въ Филиппополѣ, 7 января, между офицерами и полицейскими чиновниками произошла кровопролитная драка. Принцъ Кобургскій, увѣдомленный по телеграфу о случившемся, отложилъ свою поѣздку въ Филиппополь 11 января, принцъ Фердинандъ и его мать принцесса Клементина однако выѣхали въ этотъ городъ, въ сопровожденіи Муткурова, Стамбулова и Пачевича, причемъ на участкѣ между Софіей и Филиппополемъ всѣ желѣзнодорожныя станціи были заняты войсками и жандармами для огражденія личной безопасности принца Кобургскаго.

Во Франціи послѣдніе дни были встревожены двумя событіями во внѣшней ея политической жизни. Во Флоренціи итальянскій преторъ (мировой судья), подъ предлогомъ дѣла о наслѣдствѣ французскаго подданнаго Гуссейнъ-паши, тунисскаго уроженца, произвелъ обыскъ во французскомъ консульствѣ, вопреки всѣмъ положеніямъ международнаго права и существующихъ трактатовъ, считающихъ консульство мѣстомъ неприкосновеннымъ. Послѣ такого поступка претора Итальянское правительство съ самаго начала хотѣло-было дать удовлетвореніе Франціи, устранивъ не въ мѣру усерднаго судью отъ должности, по потомъ что-то позамедлило со своимъ рѣшеніемъ и дѣло затянулось. На послѣднемъ дипломатическомъ пріемѣ у министра иностранныхъ дѣлъ, какъ сообщаетъ *Новое Время*, итальянскій посолъ, генералъ Менабреа, замѣтилъ *мимоходомъ*, что Италія, разумѣется, готова „сдѣлать выговоръ" своему чиновнику, если Франція съ своей стороны „согласится отозвать своего консула". На это г. Флурансъ отвѣтилъ, что дѣло идетъ не о ссорѣ двухъ чиновниковъ, а объ оскорбленіи французскаго консульства; что прежде, чѣмъ говорить о чемъ бы то ни было, нужно дать удовлетвореніе по этому вопросу о нарушеніи международнаго права.

Послѣ того, 9 января, итальянскій посолъ былъ у Флуранса. Флорентійскій преторъ Тозини будетъ перемѣщенъ на другую должность, гдѣ уже не будетъ приходить въ соприкосновеніе съ французскимъ консуломъ. Дѣло о наслѣдствѣ послѣ Гуссейна будетъ улажено на основаніи итальянско-тунисской конвенціи 1868 года, которую Франція никогда не оспаривала, тѣмъ болѣе, что договоромъ, заключеннымъ въ Бордо, признаны всѣ предшествовавшіе международные договоры и конвенціи. Французскому консулу во Флоренціи не будетъ высказано никакого порицанія.

Но вопросъ этотъ нельзя еще считать оконченнымъ, такъ какъ еще неизвѣстно приведено-ли въ исполненіе это рѣшеніе и отмѣнено ли постановленіе претора о снятіи печатей съ документовъ касающихся наслѣдства Гуссейнъ-паши, и только извѣстно, что итальянскій посолъ заявилъ Флурансу, что оно отложено на неопредѣленное время. — Это событіе во Флоренціи вызвало ожесточенную чернильную войну между французскою печатью и итальянскими газетами. Возбужденіе страстей пошло дальше печати и многія опасаются столкновеній между французскими и итальянскими рабочими въ южной Франціи. Нерѣшительность и мѣшкотность Криспи въ этомъ дѣлѣ наводитъ нѣкоторыхъ политиковъ на мысль, что онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ не самостоятельно, и они стараются прослѣдить, откуда идутъ тѣ нити, которыя въ этомъ случаѣ приводятъ Криспи въ движеніе.

Второй инцидентъ прошелъ гораздо скорѣе и благополучнѣе. 11-го января *Агентству Гаваса* телеграфировали изъ Нанси: „Одинъ изъ жителей Оденъ-Лeромана, Барберо, отправился на охоту въ округъ Бріэ, на германской территоріи. Знакъ, поданный ему германскимъ таможеннымъ стражникомъ, принятъ былъ охотникомъ за приглашеніе подойти къ нему; когда же онъ подошелъ, то стражникъ, видя его на германской территоріи, хотѣлъ отнять у него ружье. Барберо воспротивился, вслѣдствіе чего стражникъ вынужденъ былъ отнять ружье силою. Послѣ этого стражникъ отправился въ Померанжъ, гдѣ находится его постъ".

Рядомъ съ этою телеграммой появилось извѣстіе въ *Lothringer Zeitung*: „Въ субботу утромъ пограничный стражникъ Ганеманъ замѣтилъ охотившагося на германской территоріи, между Поммерингеномъ и Тенчемъ, нѣкоего Барберо. Ганеманъ, намѣреваясь задержать Барберо, пустился за нимъ въ погоню и догналъ его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ границы, на германской территоріи. Такъ какъ Барберо оказалъ энергическое

сопротивленіе, то произошла борьба, завершившаяся обезоруженіемъ Барберо. Окружной директоръ и комиссаръ изъ Диденгофена отправились на мѣсто происшествія для производства слѣдствія".

Изъ Франціи подпрефектъ округа Бріэ отправился, по приказанію префекта и согласно инструкціямъ министра внутреннихъ дѣлъ Сарьена, на мѣсто происшествія, чтобы выяснить подробности столкновенія между французскимъ смотрителемъ охоты и германскимъ таможеннымъ стражникомъ.

Вслѣдъ затѣмъ было получено донесеніе нансійскаго префекта о недавнемъ происшествіи на франко-германской границѣ и въ немъ заявлено, что нарушенія неприкосновенности границы не было. Наиболѣе заинтересованное въ дѣлѣ лицо никакихъ претензій не заявляетъ. При такихъ условіяхъ—сказано въ концѣ доклада — нѣтъ повода требовать какихъ-либо дипломатическихъ разъясненій.

Въ Сербіи распущена скупщина. Въ *Politische Correspondenz* телеграфируютъ изъ Бѣлграда: „Распущеніе скупщины вызвано образомъ дѣйствій, который преданная Ристичу либеральнаго фракція рѣшилась, повидимому, принять по отношенію къ правительству. Правительственная партія отнеслась къ распущенію благопріятно. Она располагала и въ нынѣшней скупщинѣ сильнымъ большинствомъ, а теперь съ увѣренностью разсчитываетъ одержать на предстоящихъ выборахъ полную побѣду и вполнѣ одолѣть либераловъ. Въ промежутокъ времени до созванія новой скупщины, правительство займется подготовленіемъ обѣщанныхъ законопроектовъ".

Но многіе полагаютъ, что скупщина обязана своимъ распущеніемъ не дѣйствіямъ партіи Ристича, а стараніямъ радикальной партіи, чтобы въ сербскомъ законодательномъ собраніи, имѣющемъ 40 членовъ, назначаемыхъ короною, эти послѣдніе, до того выбиравшіеся изъ среды либераловъ, были бы выбраны въ будущее собраніе изъ среды радикальной партіи, какъ стоящей у кормила правленія.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Разъяснено, что гербовый сборъ, по существу и способу взиманія его, составляетъ сборъ актовый или документный, взыскиваемый съ отдѣльно совершаемыхъ актовъ и подаваемыхъ или выдаваемыхъ документовъ, вслѣдствіе чего разнаго рода надписи, дѣлаемыя на совершаемыхъ актахъ и на выданныхъ уже документахъ, оплатѣ гербовымъ сборомъ не подлежатъ, за исключеніемъ надписей на контрактахъ о передачѣ контрактныхъ обязанностей на сумму не менѣе 50 р. и о полученіи контрактныхъ платежей на сумму болѣе 5 р., подчиненныхъ оплатѣ означеннымъ сборомъ.

— Дубликаты желѣзно-дорожныхъ накладныхъ, какъ замѣнившіе собою прежнія квитанціи въ принятіи грузовъ къ отправкѣ, должны быть оплачиваемы 5 коп. гербовымъ сборомъ, когда провозная плата болѣе 5 р., и свободны отъ гербоваго сбора, когда размѣръ провозной платы не превышаетъ 5 руб.

Военное и морское дѣло.

— Съ 1887/8 учебнаго года, во Владикавказскомъ городскомъ николаевскомъ училищѣ введено обученіе учащихся военному строю и ружейнымъ пріемамъ. Съ этою цѣлью, для учениковъ сдѣланы деревянныя ружья и приглашенъ въ качествѣ учителя офицеръ расположеннаго въ городѣ Тенгинскаго полка. Всѣ ученики раздѣлены на роты и взводы, и нынѣ уже довольно хорошо усвоили пріемы различныхъ военныхъ построеній.

— Предписано зачислить слѣдующія суда Аму-Дарьинской флотиліи въ списокъ судовъ флота: пароходы — „Царь", „Царица" и баржи — „Петербургъ" и „Москва".

— Господствовавшіе повсемѣстно во второй половинѣ минувшаго декабря на европейскихъ моряхъ штормы причинили въ одномъ лишь Черномъ морѣ убытка отъ крушенія судовъ, гибели грузовъ, затѣмъ аварій и поврежденій судовъ, задержки товаровъ, несвоевременнаго прибытія въ порты назначенія, и проч., по крайней мѣрѣ на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ Черномъ морѣ наиболѣе пострадали паровыя суда; парусныя-же потерпѣли сравнительно меньше, такъ какъ со времени начала штормовъ парусныхъ судовъ въ плаваніи было немного.

Промышленность.

— Чтобы положить въ водахъ Охотскаго моря начало русскому китобойному промыслу, бывшій офицеръ рус. флота Дыдымовъ, въ концѣ 1886 года, заказалъ на собственныя средства въ Христіаніи заводу „Nyland и К°" спеціальный китобойный пароходъ „Геннадій Невельскій", на которомъ, въ минувшемъ году, и отправился въ Охотское море для изученія условій промысла и личнаго руководства послѣднимъ. Г. Дыдымовъ разсчитываетъ открыть съ началомъ навигаціи 1888 года правильное веденіе этого дѣла и, кромѣ того, заняться торговлею съ мѣстнымъ населеніемъ Восточнаго побережья. До сихъ поръ торговля съ чукчами производилась исключительно американцами.

Торговля.

— На недѣлѣ къ 3 января (ст. ст.) въ хлѣбной торговлѣ преобладало тихое, отчасти даже вялое, настроеніе, при слабыхъ, хотя и мало измѣнившихся, цѣнахъ. На *русскихъ* внутреннихъ рынкахъ хлѣбная торговля на отчетной недѣлѣ проходила спокойно. Торговая дѣятельность въ портахъ одесскомъ, ростовскомъ и либавскомъ, наоборотъ, отмѣчена оживленіемъ.

— Въ 1886 году было вывезено изъ Россіи за-границу 332.764,000 яицъ, на 5.364,000 рублей. Въ минувшемъ же году только по 1 сентября было вывезено уже 324 мил. штукъ, на сумму около 5 мил. рублей, такъ что вывозъ яицъ этого года увеличился противъ вывоза прошлаго года за то же время почти на 100 мил. штукъ, или на 1½ мил. руб. Главными потребителями яицъ являются: Австрія, куда вывезено 157 мил. штукъ, и Германія — 148 мил. шт., а затѣмъ Англія — 22 мил. шт. и, наконецъ, Бельгія—2 мил. шт.

Народное просвѣщеніе.

— Учебныя занятія въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ возобновятся 21 января, причемъ порядокъ открытія лекцій и практическихъ занятій будетъ опредѣленъ начальствомъ сего университета.

— Къ началу 1886—87 учебнаго года въ вѣдѣніи петербургской думы находилось 230 начальныхъ училищъ, въ томъ числѣ 128 для мальчиковъ и 102 для дѣвочекъ, — причемъ вновь было открыто 23 училища (12 мужскихъ и 11 женскихъ). Изъ числа этихъ 230 учебныхъ заведеній — 87 училищъ имѣли по три отдѣленія, въ 130-ти было по 2 отдѣленія, а остальныя 13 состояли только изъ одного младшаго отдѣленія.

Искусства изобразительныя.

— Представителемъ отечественнаго зодчества — замѣстителемъ покойнаго А. И. Резанова — избранъ заслуж. проф. по архитектурѣ т. сов. Давидъ Ивановичъ Гриммъ. Общество Архитекторовъ, въ засѣданіи своемъ 12 января, предоставило ему предсѣдательское кресло; Академія Художествъ возвела его въ званіе ректора — руководителя архитектурными классами.

— Открытая 25 декабря въ Московскомъ училищѣ живописи, зодчества и ваянія ученическая выставка картинъ заключала въ себѣ 210 нумеровъ по каталогу и болѣе 60 картинъ, не вошедшихъ въ каталогъ. Преобладающее большинство картинъ принадлежало пейзажу и жанру. Наиболѣе интересны были карандашные рисунки г. Нестерова.

Литература и наука.

— Недавно въ Виленской губерніи открыты древніе, очень цѣнные документы, имѣющіе важное значеніе какъ для исторіи Литвы, такъ равно для археологіи и археографіи. Эти документы, относящіеся къ 1543 и 1551 годамъ,—писаны на русскомъ языкѣ на пергаментѣ. Они найдены при архивахъ нѣкоторыхъ церквей и составляютъ такъ-называемыя фундушевыя записи.

— VIII Археологическій съѣздъ въ Москвѣ будетъ открытъ 8 января 1890 года и продлится до 24 того-же января.

Медицина.

— Въ виду полученныхъ свѣдѣній о прекращеніи холерной эпидеміи какъ на материкѣ Италіи и Сициліи, такъ и въ Сардиніи, одесскимъ генералъ-губернаторомъ, съ 5 января, сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ всѣхъ карантинныхъ мѣръ для судовъ, вышедшихъ изъ портовъ означенныхъ мѣстностей послѣ 30 декабря минувшаго года.

— 19 января профессоръ Доброславинъ откроетъ въ Педагогическомъ музеѣ рядъ научныхъ бесѣдъ о водѣ и о ея значеніи для здоровья. Бесѣды будутъ обставлены опытами и демонстрированіемъ таблицъ, рисунковъ и приборовъ, въ цѣляхъ полнѣйшаго выясненія вопроса какъ о признакахъ, по которымъ можно судить о степени доброкачественности воды, такъ и о средствахъ дѣлать ее безвредною для здоровья.

Некрологъ.

— 30 декабря, въ Петербургѣ скончался инспекторъ каѳедральнаго Исаакіевскаго собора, членъ техническо-строительнаго комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія, профессоръ архитектуры, тайный совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Штромъ.

Смѣсь.

Пауперизмъ въ Лондонѣ. По вычисленіямъ Статистическаго Лондонскаго бюро, въ Лондонѣ, при населеніи въ 3.815,000 душъ, насчитывалось въ августѣ 1883 года не менѣе 85,791 совершенно неимущихъ бѣдняковъ, т. е. свыше 2%. Въ томъ-же мѣсяцѣ 1881 года число бѣдныхъ достигало 84,383; въ 1880--82,681, а въ 1879—79,868. Нищихъ, просящихъ милостыню, было въ 1882 году 37,465, въ 1881—36,733, въ 1880--36,491 и въ 1879—36,333. Изъ этого видно, что число явныхъ нищихъ за трехлѣтній промежутокъ времени значительно увеличилось (с.).

Европейскія моды въ Японіи. Съ тѣхъ поръ какъ императрица Японіи рѣшилась появиться на торжественномъ пріемѣ въ европейской одеждѣ, всѣ придворныя японскія дамы получили разрѣшеніе одѣваться въ такихъ случаяхъ по послѣдней европейской модѣ. Прежде ставилось непремѣннымъ условіемъ появляться на придворныя торжества не иначе какъ въ традиціонномъ старояпонскомъ костюмѣ. Такъ какъ императрица сама подала первый примѣръ, то европейская одежда вскорѣ войдетъ, между знатными японскими дамами, во всеобщее употребленіе (с.).

Одинъ изъ служащихъ въ парижскомъ комитетѣ общественнаго здравія вычислилъ количество крысъ, населяющихъ столицу Франціи. Онъ основываетъ свое исчисленіе на количествѣ этихъ животныхъ, убиваемыхъ ежегодно на общественныхъ бойняхъ и рынкахъ и доходящемъ до 1.720,000 штукъ. По приблизительному разсчету, онъ предполагаетъ, что Парижъ имѣетъ крысиное населеніе въ два съ половиною милліона (с.).

Длина телеграфныхъ линій на земномъ шарѣ—не включая кабелей—составляетъ въ настоящее время 900,000 верстъ протяженія, при 1.540,000 верстъ проволоки. Проволоки этой было-бы достаточно, чтобы обвить земной шаръ 38 разъ или провести на луну двѣ самостоятельныя телеграфныя линіи. Число всѣхъ телеграфныхъ столбовъ достигаетъ 14 милліоновъ (с.).

Проектъ соединенія мостомъ Франціи съ Англіей начинаетъ разрабатываться не на шутку. Предполагавшееся прежде соединеніе тоннелемъ, какъ извѣстно, оставлено, вслѣдствіе опасенія англичанъ утратить выгоды своего положенія на островѣ, въ случаѣ войны съ континентальными державами. Противники тоннеля указываютъ въ особенности на то обстоятельство, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій тоннель можетъ быть взорванъ, наполненъ водою и такимъ образомъ всѣ громадныя затраты будутъ сдѣланы даромъ. Въ виду такой возможности трудно найти капиталиста, который рѣшился бы взять предпріятіе на свой рискъ. Совсѣмъ иное, когда соединеніе будетъ сдѣлано посредствомъ надводной постройки, т. е. моста. Въ этомъ случаѣ достаточно, при объявленіи войны, разрушить по одному быку съ каждой стороны, чтобы сдѣлать невозможнымъ стратегическое пользованіе мостомъ. Послѣднее соображеніе было рѣшающимъ въ выборѣ способа соединенія, хотя техническія условія менѣе благопріятствуютъ соединенію мостомъ, нежели тоннелемъ. Парижская газета *Evénement* сообщаетъ, что планъ сооруженія моста поддерживается адмираломъ Клуэ, при одобреніи извѣстныхъ инженеровъ Герсента, Фаулера и Бэкера. Чертежи желѣзныхъ частей уже проектируются инженерами сталелитейнаго завода Крёзо, близь Отёна. Величайшая трудность заключается въ томъ обстоятельствѣ, что настилка моста должна быть поднята на 56 метровъ надъ уровнемъ воды, для того, чтобы дать возможность свободно проходить высокомачтовымъ судамъ. Предполагаютъ возвести каменные устои на десять метровъ надъ водою и на нихъ утвердить желѣзную систему съ пролетомъ въ 273 сажени. (Новый строящійся мостъ чрезъ рѣку Фортъ, имѣетъ при той же высотѣ два пролета по 281 саж.). Мостъ будетъ соединять Cran-aux-oeufs,—въ трехъ верстахъ къ югу отъ мыса Griz-Nez,—съ Фолькстономъ. Это направленіе, имѣющее 35 верстъ протяженія, избрано для того, чтобы избѣжать слишкомъ большой глубины. Глубина моря на французскомъ берегу въ первой трети линіи имѣетъ около 50 метровъ, потомъ мостъ перейдетъ двѣ отмели (Кольбаръ и Варнъ) въ 6 метровъ глубиною и снова пройдетъ черезъ болѣе глубокія мѣста въ 30—35 метровъ. Чтобы пройти черезъ названныя мелкія мѣста, линія получитъ два малыхъ изгиба. Адмиралъ Клуэ имѣлъ уже совѣщаніе съ министромъ общественныхъ работъ Эредіа, а въ скоромъ времени начаты будутъ переговоры и съ Англіею (с.).

Библіографія и художественныя извѣстія.

Двадцать третій списокъ сортамъ плодовыхъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолѣтнихъ растеній находящихся въ Помологическомъ саду и питомникѣ для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ Д-ра Э. Л. Регеля и Кессельринга въ СПБ.

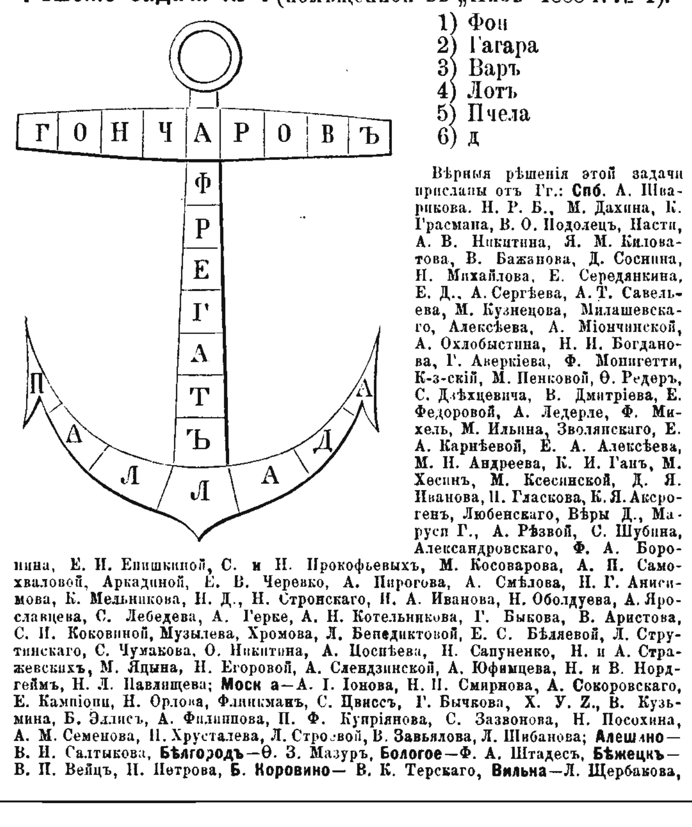
Рекомендуемъ любителямъ садоводства этотъ прекрасный каталогъ, содержащій много новостей и высылаемый издателемъ безплатно по первому требованію. Покупатели и заказчики растеній благоволятъ адресовать свои письма не въ Помологическій садъ, а лично: тайн. сов. Д-ру Эдуарду Лудвиговичу Регелю, въ Имп. Ботаническій садъ, на Аптекарскомъ островѣ, въ СПБ.

Грѣшница. Геліогравюра съ картины Г. Семирадскаго. Изданіе А. Беггрова въ СПБ. (Невскій, № 2).

Этотъ роскошно-исполненный, громадный эстампъ, воспроизведенный геліографическимъ способомъ съ знаменитой картины Г. Семирадскаго, передаетъ ея художественное впечатлѣніе во всей полнотѣ доступной монохромному рисунку. Всѣ группы, какъ пирующей еврейской молодежи среди солимскихъ гетеръ такъ и христіанъ съ ихъ Божественнымъ Учителемъ во главѣ, рельефно выдѣляются законченностью своей отдѣлки. Цѣна этого эстампа сравнительно съ его величиной и совершенствомъ работы весьма умѣренная: *Avant la lettre* (художественные оттиски)—35 руб., обыкновенные продажные оттиски 30 руб.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Рѣшеніе задачи № 1 (помѣщенной въ „Нивѣ" 1888 г. № 1).



1) Фон
2) Гагара
3) Варъ
4) Лотъ
5) Пчела
6) д

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **Спб.** А. Шварикова. Н. Р. Б., М. Дахина, К. Грасмана, В. О. Подолецъ, Насти, А. В. Никитина, Я. М. Киловатова, В. Бажанова, Д. Соснина, Н. Михайлова, Е. Середянкина, Е. Д., А. Сергѣева, А. Т. Савельева, М. Кузнецова, Милашевскаго, Алексѣева, А. Міончинской, А. Охлобыстина, Н. И. Богданова, Г. Аверкіева, Ф. Монигетти, К-з-скій, М. Пенковой, Θ. Редеръ, С. Дзѣхцевича, В. Дмитріева, Е. Федоровой, А. Ледерле, Ф. Михель, М. Ильина, Зволянскаго, Е. А. Карнѣевой, Е. А. Алексѣева, М. Н. Андреева, К. И. Ганъ, М. Хеснъ, М. Ксесинской, Д. Я. Иванова, Н. Гласкова, К. Я. Аксрогенъ, Любенскаго, Вѣры Д., Маруси Г., А. Рѣзвой, С. Шубина, Александровскаго, Ф. А. Боронина, Е. И. Енишкиной, С. и Н. Прокофьевыхъ, М. Косоварова, А. П. Самохваловой, Аркадиной, Е. В. Черевко, А. Пирогова, А. Смѣлова, Н. Г. Анисимова, К. Мельникова, Н. Д., Н. Стронскаго, Н. А. Иванова, Н. Оболдуева, А. Ярославцева, С. Лебедева, А. Герке, А. Н. Котельникова, Г. Быкова, В. Аристова, С. И. Коковиной, Музылева, Хромова, Л. Бенедиктовой, Е. С. Бѣляевой, Л. Струтинскаго, С. Чумакова, О. Никитина, А. Цосиѣева, Н. Сапуненко, Н. и А. Стражевскихъ, М. Яцына, Н. Егоровой, А. Слендзинской, А. Юфимцева, Н. и В. Нордгеймъ, Н. Л. Павлищева; **Москва**—А. I. Іонова, Н. П. Смирнова, А. Сокоровскаго, Е. Кампіони, Н. Орлова, Фликманъ, С. Цвиссъ, Г. Бычкова, X. Y. Z., В. Кузьмина, Б. Эллисъ, А. Филиппова, П. Ф. Купріянова, С. Зазвонова, Н. Посохина, А. М. Семенова, Н. Хрусталева, Л. Строевой, В. Завьялова, Л. Шибанова; **Алешино**—В. Н. Салтыкова, **Бѣлгородъ**—Θ. З. Мазуръ, **Бологое**—Ф. А. Штадесъ, **Бѣжецкъ**—В. П. Вейцъ, Н. Петрова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Вильна**—Л. Щербакова, Θ. Фонъ-Розенкампфъ, Н. Тельшевскаго, А. Гассенбаумъ, М. А. Якубовскаго, Е. Генцъ, Н. Н. Калкунчикова, **Витебскъ**—Н. А. Мачало, **Варшава**—В. М. Г., В. Мишуниной, **Вязники**—А. П. Пономарева, **Воронежъ**—И. Маслова, Д. Шицъ, **Гатчино**—Е. Дуплицкой, **Гродно**—Сырейщикова, **Дмитровъ**—И. М. Павлова, **Егорьево**—В. Дербенева, **Кіевъ**—Г. Болсуновской, А. Бобика, С. Я. Галперина, Л. Е. Шилохвастова, А. Н. Шульженко, Воскресенскаго, **Ковно**—В. Гиршфельдъ, **Колпино**—Н. Е. Денисова, **Карабанова**—Н. А. Алексѣевскаго, **Кострома**—Володкина, Н. Козлова, **Либава**—А. Вессель, **Минскъ**—Н. Сомова, **Мценскъ**—Н. П. Цурикова, **Моршанскъ**—И. Кекишева, **Н. Новгородъ**—С. Ненюкова, Пестова, Е. Березиной, **Одесса**—П. Стефани, Е. Ф. Анцыферова, **Петергофъ**—А. Крумбмиллера, **Паричи**—Г. Рахмилевичъ, **Рыбинскъ**—Л. Высоцкаго, **Рига**—Рудницкаго, **Свеаборгъ**—Поруч. Ананьева, **Сапожокъ**—Щекина, **Самара**—Н. И. Барышникова, **Судогда**—С. Н. Голубева, В. Голубева, **Тверь**—А. Истомина, **Тула**—Л. Бѣлоусовой, **Харино**—Θ. Кирсанова, **Ц. Село**—Ю. Цедербаумъ, И. Недошивина, **Царицынъ**—П. Калашникова.

Задача—Ходъ коня № 8.

чи	дос	ди	че	клѣ	сять	и	чей
на	ты	же	об	ва	да	тонъ	де
всю	ска	ку	ды	да	шесть	у	за
рыхъ	ря	ре	конь	клѣт	и	ска	тѣхъ
то	мой	клѣ	мо	чи	гонъ	резъ	кра
тонъ	пест	бою	ле	въ	ку	но	ска
смѣлъ	предъ	ни	ды	пря	ши	сит	че
ва	хо	и	ре	ся	бокъ	четъ	не

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“,

соч. **В. А. Кокорева**, № 2963 4—4

продающіеся въ пользу учащагося юношества, можно получать: въ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ПОВТОРЕНІЕ

ЗАКАЗОВЪ:

М. Г. г. Шлемензонъ! Принося вамъ искреннюю благодарность за полученный мною въ 1885 г. снарядъ „Американка“, оказавшійся вполнѣ пригоднымъ въ домашнемъ хозяйствѣ, прошу выслать мнѣ еще такой же по адресу: г. Юрьевъ, Владимірск. губ., въ с. Петровское, учителю Д. А. Ухову. Пять р. прилагаю. Готовый къ услугамъ, учит. Д. Уховъ. 6 іюля 1887 г. № 2984

Подлинн. заказъ хранится при дѣлахъ газеты „Свѣтъ“ въ С.-Петербургѣ.

Цѣна снаряда съ перес. по почтѣ 5 р., Сибирь 8 р. Прилагается наставленіе. Адресъ: **Веніамину Ильичу Шлемензону, Одесса.**

МОЛЬДАКОТЪ

АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ **и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ. „Мольдакотъ“** вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“**, Моросейка, д. Комитета. № 2985

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ВЪ ПАМЯТЬ ДЕВЯТИСОТЛѢТІЯ КРЕЩЕНІЯ РУСИ,

имѣющаго совершиться въ 1888 году, С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество издаетъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ житіе св. равноапостольнаго Князя Владиміра, составленное профессоромъ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскимъ. Житіе будетъ напечатано in 4°, въ два столбца, на 14 стран. Къ житію будетъ приложено изображеніе св. Владиміра, роскошно отпечатанное въ хромо-литографіи В. В. Комарова, 17-ю красками, по оригиналу, исполненному профессоромъ Н. А. Кошелевымъ. Житіе будетъ сброшюровано въ хромолитографированную 3-мя красками обложку, на которой будутъ изображены въ медальонахъ: 1) Храмъ св. Владиміра въ Херсонесѣ, 2) Храмъ св. Владиміра въ Кіевѣ, 3) Развалины „Десятинной церкви“, 4) Церковь Спаса-на-Берестовѣ, 5) Памятникъ св. Владиміру въ Кіевѣ—и 6) Крещатикъ – памятникъ въ Кіевѣ же. Цѣна „житія“ св. Владиміра съ его изображеніемъ назначена по 15 к. за экз. съ пересылкою. Цѣна отдѣльно „житія“ св. Владиміра и отдѣльно „изображенія“ равноапостольнаго князя назначена по 10 коп. за экз., съ пересылкою же. Совѣтъ Славянскаго Общества приглашаетъ учрежденія и отдѣльныхъ лицъ, желающихъ пріобрѣсти вышеозначенныя изданія, въ томъ или другомъ количествѣ экземпляровъ, присылать о томъ **заблаговременно** заявленія въ помѣщеніе Совѣта (площадь Александринскаго театра, № 7). № 2988

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ.**

Клеймо.

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Продажа во всѣхъ почти Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за коробку. Р. № 2951 5—4

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ,** Большая Морская, № 23, С.-Петербургъ.

„ДРУГЪ ДѢТЕЙ“

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ для дѣтей школьнаго возраста.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1888 годъ.

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ книгами въ 4 листа со множествомъ рисунковъ, иллюстрацій, виньетокъ и отдѣльныхъ раскрашенныхъ картинъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ, редакція котораго поручена **А. В. Круглову**, писателю хорошо извѣстному въ дѣтской литературѣ, примутъ ближайшее участіе: **Н. Н. Каразинъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Чеховъ, Е. Киселевъ, А. Догановичъ, А. Кругловъ, О. Н. Чюмина, проф. А. А. Исаевъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, Н. Соловьевъ-Несмѣловъ** и мн. др. литературныя силы.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ: **5 РУБ. ВЪ ГОДЪ. 3 РУБ. ВЪ ПОЛГОДА.**

Поднявъ литературный отдѣлъ на приличествующую для дѣтскаго изданія высоту, редакція **новаго журнала** обратитъ свое особенное вниманіе и силы для того, чтобы придать изданію безукоризненно художественную внѣшность, воспитывающую въ молодомъ поколѣніи вкусъ и любовь къ изящному.

Имѣя подъ руками собственныя мастерскія, артистическое ателье и типографію приспособленную для роскошной печати, редакція твердо увѣрена, въ томъ, что новый журналъ явится дорогимъ и неразлучнымъ „ДРУГОМЪ ДѢТЕЙ“ въ каждой русской семьѣ. П. № 2976 2—1

Адресъ редакціи и конторы журнала „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“: Москва, Арбатъ, д. Каринской.

Редакторы-Издатели **М. и Е. Вернеръ.**

№ 4711 ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

получили извѣстность, благодаря своимъ качествамъ; значительное содержаніе глицерина, большая экономія, обиліе пѣны и тонкій ароматъ составляютъ отличительныя ихъ свойства. Спеціально рекомендую:

№ 4711 Роза — Хрустальное мыло,
№ 4711 Ландышъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Резеда—Хрустальное мыло,
№ 4711 О-де-колонъ — Хрустальное мыло,
№ 4711 Монополь — Глицериновое мыло,

а также

КАКЪ НОВОСТЬ:

№ 4711 Фіалка—Глицериновое мыло,
№ 4711 Бензоевое Глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 2991 3—1

ГЛАВНОЕ ДЕПО

у АЛЕКС. ТИСЪ и К°.

Пушкинская, № 4.

Только подлинно съ этою фабричн. маркою.

Huste-Nicht

Gericht. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты.

Л. Г. ПИТШЪ и К°.

въ Бреславлѣ. *)

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

*) **Цѣна:** за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, у **В. Ауриха**, Стремянная № 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз и аптекахъ Россіи. № 2712 36—23

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки! № 2747 15—10

Румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ **магазинахъ Россіи.**

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у **В. Ауриха**, Стремянная, 4. С.-Петербургъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТЪ ЧАЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПАВЛА БѢЛУГИНА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, **Mt. № 2989**

Пушкинская ул., домъ № 6.

Торговля производится преимущественно

КЯХТИНСКИМИ ЧАЯМИ

Цѣны за фунтъ 1 р. 60, 1 р. 80, 2 р., 2 р. 20, 2 р. 40, 2 р. 60 и 3 р.

КОФЕ и САХАРЪ

по существующимъ биржевымъ цѣнамъ.

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2835 16—8

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

приготовляемой

19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

E. Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

МОРСКОЙ МУЗЕЙ

(въ зданіи Главнаго Адмиралтейства)

ОТКРЫТЪ ДЛЯ ОБЗОРА ПУБЛИКИ

съ 1-го Сентября по 1-е Мая

По Вторникамъ . . } Съ 11 ч. до 3-хъ пополудни.
„ Четвергамъ . . }
„ Воскресеньямъ. Съ 12 ч. до 3-хъ попол.

ВХОДЪ БЕЗПЛАТНЫЙ.

Только что отпечатаны и поступили въ продажу, въ двухъ томахъ, сочиненія **Ю. А. Давыдовъ-Гунаропуло**, подъ общимъ заглавіемъ:

„ЧИТАТЬ — СМѢЯТЬСЯ ДО СЛЕЗЪ“.

Изданіе Ф. Н. Константинова.

Въ эти два тома, представляющіе собою довольно объемистую книгу болѣе 600 печатныхъ страницъ, вошли самые интересные и лучшіе юмористическіе разсказы, сцены, водевили, шутки, поэмы, сатиры и стихотворенія. Складъ изданія въ Конторѣ Константинова, г. Харьковъ, близъ Биржи.

Цѣна каждаго тома 90 к., съ перес. 1 руб.

Книгопродавцамъ обыкновенная уступка.

Гг. иногородные, выписывающіе книги, благоволятъ подробно и четко писать свой адресъ. № 2981

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА

еженедѣльное изданіе. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева

◆ *Совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и на 100 особыхъ листахъ) разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства.* ◆ *Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ и для школъ.* № 2979

◆ КРАЙНЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

5 РУБ. ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕС. И ДОСТАВКОЙ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи (адр. см. выше).

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Генриха Блокка въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ. 20 января 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

№ 5 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 января 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ФЕВРАЛЬ 1888 г., съ 35 гравюрами и отд. листъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 15 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Г. Н. Потанинъ.

Григорій Николаевичъ Потанинъ родился въ Ямышевской станицѣ, на прежней сибирской пограничной линіи, 21 сент. 1835 г. Отецъ его, Николай Ильичъ, эсаулъ казачьяго сибирскаго войска, былъ человѣкъ выдающійся по своимъ дарованіямъ. Онъ оказалъ несомнѣнныя услуги географической наукѣ своими обстоятельными маршрутами и глазомѣрными съемками въ Киргизской степи, которую объѣзжалъ многократно въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, во главѣ посылаемыхъ туда развѣдочныхъ партій.

Дѣтство Г. Н. Потанинъ провелъ въ Прѣсновской и Семіярской станицахъ—въ виду разстилающейся за Иртышомъ безпредѣльной Киргизской степи; воспитаніе получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1852 году.

Въ 1853 и 1854 гг. молодой хорунжій принялъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край въ отрядѣ полковника Перемышльскаго и участвовалъ въ закладкѣ города Вѣрнаго. Когда военная экспедиція переходила впервые рѣку Или, передъ воспріимчивымъ юношей поднялась внезапно изъ тумана величественная цѣпь Заилійскаго Алатау, съ ея сѣдыми снѣжными вершинами; никому неизвѣстная, никѣмъ невиданная, а между тѣмъ одна изъ величественнѣйшихъ альпійскихъ странъ Стараго Свѣта возбудила въ талантливомъ юношѣ жажду познаній и стремленіе къ изслѣдованію странъ невѣдомыхъ.

Въ 1855 г. Потанинъ увидѣлъ впервые и цвѣтущія долины Алтая, гдѣ онъ былъ со ввѣренною ему сотней казаковъ. Это была та страна, въ которой долго жили его предки — въ казачьихъ станицахъ Бійской линіи. Послѣ такихъ интересныхъ поѣздокъ, какъ не сдѣлаться было талантливому юношѣ географомъ! Интересовала его и исторія постепеннаго заселенія и подчиненія русскимъ человѣкомъ этихъ красивыхъ обѣтованныхъ земель. Съ юношескимъ пыломъ принялся Пота-

Григорій Николаевичъ Потанинъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

нинъ въ 1856 г. въ Омскѣ за разборъ пыльныхъ сибирскихъ архивовъ, въ которыхъ со свойственнымъ ему трудолюбіемъ онъ успѣлъ открыть не мало интересныхъ для исторіи Сибири данныхъ. За этими работами засталъ его въ томъ же году дѣйствит. членъ (нынѣ вице-предсѣдатель) Имп. Русскаго Геогр. Общ. П. П. Семеновъ на пути своемъ въ до тѣхъ поръ недоступную для научныхъ изслѣдованій горную страну Тянь-Шаня. Юный талантливый труженикъ существовалъ въ то время однимъ своимъ скуднымъ жалованьемъ (рублей 90 въ годъ), не считая себя въ правѣ пользоваться какими-бы то ни было посторонними доходами, въ которыхъ у жившихъ на линіи казачьихъ офицеровъ, при близости отъ нихъ кочеваго населенія, въ то время недостатка не было. Тяготила честнаго труженика не одна бѣдность, но и сознаніе своей недостаточной подготовки, особливо въ области естественныхъ наукъ, для какихъ бы то ни было научныхъ изслѣдованій въ странахъ невѣдомыхъ. Единственною мечтою Потанина было добраться до университетскаго города.

Этой завѣтной мечтѣ черезъ два года суждено было осуществиться. Въ 1858 г. Потанинъ, согласно своему желанію, былъ уволенъ отъ обязательной службы въ казачьихъ войскахъ. Оставалось только добраться до Петербурга, на что впрочемъ юноша не имѣлъ ни малѣйшихъ средствъ. Въ Томскѣ его приняли въ караванъ ежегодно доставляющій золото изъ Сибири въ Петербургъ. Безъ этого благодѣтельнаго каравана Потанину пришлось бы добираться изъ Томска до Петербурга тѣми же средствами какими добрался Ломоносовъ изъ Холмогоръ въ Москву.

По прибытіи въ Петербургъ въ 1858 г., Потанинъ встрѣтилъ первое теплое участіе въ знакомомъ уже ему П. П. Семеновѣ и К. Д. Кавелинѣ, которые доставили талантливому труженику заработки обезпечившіе его существованіе. 1859, 1860 и 1861 годы Потанинъ всецѣло посвятилъ слушанію лекцій въ СПБ. университетѣ, но во время лѣтнихъ вакацій на свои возраставшія средства отправлялся на ботаническія и геологическія экскурсіи, которыя въ 1859 г. довели его по Волхову до Ильменя, а въ 1860 г. по Уралу до города Гурьева.

Въ 1861 году СПБ. университетъ былъ закрытъ, а въ 1862 г. Потанинъ вернулся на родину, гдѣ знанія его нашли себѣ полное примѣненіе. Въ 1863—64 годахъ Потанинъ былъ приглашенъ къ участію въ состоявшей подъ начальствомъ астронома К. В. Струве (нынѣ русскаго посланника въ Соединенныхъ Штатахъ) разграничительной экспедиціи съ Китайскою Имперіею въ области озера Зайсана. Географическія изслѣдованія малоизвѣстныхъ долинъ Тарбагатая, почти совершенно неизвѣстнаго горнаго озера Маркакуль, части теченія Чернаго Иртыша, обстоятельное изслѣдованіе зайсанскаго рыболовства и превосходныя ботаническія коллекціи, были результатами самостоятельныхъ трудовъ Г. Н. Потанина.

Въ 1865 г. Потанинъ былъ опредѣленъ секретаремъ Губернскаго Статистическаго Комитета въ Томскѣ. Здѣсь, можно сказать—впервые, онъ вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью, представлявшею въ то время, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ Западною Сибирью, въ тамошнихъ низшихъ административныхъ сферахъ непригля́дную картину цѣлаго ряда злоупотребленій и полнаго нерадѣнія о пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія. Подъ вліяніемъ непосредственныхъ столкновеній съ такими жизненными явленіями, Потанинъ сдѣлался центромъ группы недовольныхъ сибиряковъ, съ одной стороны ставшихъ самыми рѣзкими обличителями злоупотребленій, а съ другой вовлекшихся въ пропаганду сибирскаго сепаратизма.

Привлеченный вмѣстѣ съ тѣми изъ своихъ единомышленниковъ, которые своими дѣйствіями вышли изъ предѣловъ законности, къ слѣдствію въ 1866 году и военному суду въ Омскѣ, Потанинъ, послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія, былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и крѣпостнымъ работамъ.

Не избалованный жизнью, Потанинъ со свойственнымъ ему выносливостью и кротостью съ 1869 по 1872 искупалъ увлеченія своей молодости, усердно отбывая крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ, а по отбытіи срока крѣпостныхъ работъ онъ былъ препровожденъ для водворенія ссыльно-поселенцемъ въ городъ Никольскъ, Вологодской губерніи.

Къ счастію, въ 1874 году послѣдовало Всемилостивѣйшее полное помилованіе Потанина, съ возвращеніемъ ему всѣхъ правъ состоянія. Въ томъ же году онъ вступилъ въ бракъ, найдя въ женѣ своей неразлучную и достойную подругу всѣхъ своихъ тяжелыхъ трудовъ и лишеній, въ особенности во время своихъ далекихъ путешествій, поставившихъ его имя такъ высоко въ ряду дѣятелей русской науки.

Но прежде чѣмъ приступить къ этимъ путешествіямъ, Потанину необходимо было привести свои научныя свѣдѣнія въ достаточное соотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ географическихъ наукъ.

Съ этою цѣлью, возвратясь въ Петербургъ въ 1874 году, Потанинъ, по приглашенію вице-предсѣдателя Имп. Русск. Геогр. общества, принялъ совмѣстно съ нимъ участіе въ обширной работѣ составленія цѣлаго тома дополненій къ III тому перевода Риттеровой *Азіи*, а лѣтомъ 1875 г. Потанинъ совершилъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Иностранцевымъ, геологическую поѣздку въ Крымъ.

Подготовясь такимъ образомъ, Г. Н. Потанинъ въ январѣ 1876 года подалъ въ совѣтъ Общества предложеніе заняться изслѣдованіемъ сѣверозападной Монголіи въ теченіе двухъ лѣтъ подъ-рядъ, въ виду того, что эта часть Монголіи была еще весьма мало извѣстна и почти совершенно не изслѣдована во всѣхъ отношеніяхъ. Совѣтъ Общества, горячо принявъ предложеніе Г. Н. Потанина, употребилъ всѣ усилія къ осуществленію этого путешествія. Въ маѣ 1876 г. экспедиція въ составѣ Г. Н. Потанина, члена-сотрудника Общества А. М. Позднѣева, натуралиста М. М. Березовскаго и топографа, подпоручика Рафаилова, двинулась въ путь изъ Петербурга.

Маршрутъ экспедиціи охватилъ сѣверо-западную Монголію какъ бы кольцомъ. Выйдя изъ Зайсанскаго поста въ концѣ іюля 1876 г., Г. Н. Потанинъ посѣтилъ города: Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголъ, монастырь Уланкомъ, откуда экспедиція снова прошла въ Кобдо и далѣе въ предѣлы Россіи на Кошъ-агачъ, куда и прибыла 17 декабря 1877 г. На всемъ этомъ пути Потанинъ неутомимо собиралъ всякія свѣдѣнія и между прочимъ дѣлалъ барометрическія наблюденія. Экспедиція собрала богатыя коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и геологіи. Кромѣ того, Г. Н. Потанинъ вывезъ изъ края драгоцѣнныя этнографическія свѣдѣнія, а также весьма обстоятельныя замѣтки о русской торговлѣ въ сѣверо-западной Монголіи.

Только-что закончивъ это богатое по своимъ результатамъ путешествіе, неутомимый труженикъ на полѣ географическихъ изслѣдованій—задумалъ уже новую экспедицію въ ту-же страну, для посѣщенія и изученія тѣхъ мѣстностей центральной части сѣверо-западной Монголіи, которыхъ ему не удалось увидать во время предшествовавшаго путешествія 1876—1877 годовъ. Въ составъ экспедиціи, кромѣ самого путешественника, вошли еще членъ-сотрудникъ Общества А. В. Адріановъ и топографъ Орловъ.

Выступивъ изъ Кошагача 9 іюня 1879 г., экспедиція направилась въ монастырь Уланкомъ, далѣе къ озеру Киргизъ-норъ, посѣтила городъ Кобдо, откуда вернулась въ Уланкомъ а затѣмъ направилась на востокъ къ озеру Теръ-норъ и далѣе черезъ Дархатскій курень, къ озеру Косоголъ и мѣстности Монъ въ долинѣ р. Иркута; 1 декабря 1879 г. экспедиція прибыла въ Иркутскъ со всѣми богатыми матеріалами, собранными въ путешествіи.

Въ 1880 году Г. Н. Потанинъ, возвратясь въ Петербургъ, употребилъ на обработку этихъ матеріаловъ все время до половины 1883 г. Результаты трудовъ Потанина были обнародованы подъ скромнымъ заглавіемъ „Очерки Сѣверо-западной Монголіи“, послѣдній томъ которыхъ вышелъ въ 1883 году.

Этотъ объемистый, свыше 115 печатныхъ листовъ, трудъ является чрезвычайно драгоцѣннымъ вкладомъ въ географическую науку.

Въ 1883 г. вниманіе Русскаго Географическаго Общества обратилось на китайскую восточную окраину нагорной центральной Азіи, еще весьма мало извѣстную. Эта окраина представляла высокій научный интересъ въ физическомъ и біологическомъ отношеніи, какъ переходная полоса между холодными континентальными нагорьями (почти недоступными для культуры и осѣдлости) и плодородными, теплыми, осѣдло населенными подгорьями и равнинами Срединной Имперіи, Китая.

Вотъ почему Императорское Русское Геогр. Общество въ 1883 г. задумало снарядить экспедицію именно на эту окраину, преимущественно въ обитаемыя осѣдлымъ населеніемъ долины и подгорья обширной сѣверо-западной Ганьсуйской провинціи Срединной Имперіи. Г. Н. Потанинъ и въ 1883 г. былъ поставленъ совѣтомъ Общества во главѣ снаряжаемой экспедиціи; для производства геодезическихъ и астрономическихъ работъ вошелъ въ составъ экспедиціи достойный и опытный геодезистъ надв. сов. Скасси, а для составленія коллекціи птицъ и млекопитающихъ натуралистъ Березовскій, спутникъ Потанина въ монгольской экспедиціи.

Сверхъ того къ экспедиціи присоединилась и достойная подруга жизни Г. Н. Потанина, сопровождавшая его неотлучно и въ двухъ монгольскихъ экспедиціяхъ и оказывавшая мужу дѣятельную помощь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, веденіи дневниковъ, сборѣ и сохраненіи коллекцій.

Высочайшему Покровителю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Государю Императору благоугодно было не только соизволить на доставленіе Г. Н. Потанина, его жены и спутниковъ на китайское прибрежье на военномъ фрегатѣ „Мининъ“, но и повелѣть назначить Потанину и женѣ его офицерскій паекъ во все продолженіе ихъ плаванія, начавшагося 15 авг. 1883 года.

Выйдя изъ Пекина весною 1884 г. и двигаясь безъ торопливости, Потанинъ употребилъ все лѣто на достиженіе окраины Амдосскаго нагорья. Лѣто 1885 г. экспедиція употребила на главную свою задачу, изслѣдованіе въ разныхъ направленіяхъ Ганьсуйской окраины Тибетскаго нагорья. Зимовала экспедиція въ знаменитомъ Гунъ-бумскомъ буддійскомъ монастырѣ на самой границѣ Амдосскаго нагорья, весною 1886 г. была уже на Голубомъ озерѣ (Хуху-норѣ), а затѣмъ по р. Эдзинъголу углубилась въ самую внутренность Монголіи, которую пересѣкла въ меридіанѣ озера Косогола по совершенно неизвѣстному доселѣ пути и наконецъ, спустившись

по р. Орхону къ русской границѣ, позднею осенью 1886 г. достигла наконецъ Кяхты.

Научные результаты экспедиціи Потанина чрезвычайно обширны и представляютъ высокій научный интересъ. 69 астрономическихъ пунктовъ, болѣе 6000 верстъ съемки, большею частью мензульной, представляютъ блестящій геодезическій и картографическій результатъ трудовъ превосходнаго геодезиста и астронома Скасси. Не менѣе богаты привезенныя имъ коллекціи геологическія, зоологическія и ботаническія, а также драгоцѣнный этнографическій матеріалъ.

Русское Географическое Общество единодушно оцѣнило заслуги для науки Г. Н. Потанина присужденіемъ ему, съ утвержденія Августѣйшаго своего Предсѣдателя, въ истекшемъ году высшей своей награды—Константиновской медали.

Нынѣ Г. Н Потанинъ находится въ Иркутскѣ, гдѣ онъ занимаетъ должность правителя дѣлъ Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и со свойственнымъ ему трудолюбіемъ занимается разработкою богатыхъ научныхъ матеріаловъ, собранныхъ во время послѣдней его экспедиціи.

П. Семеновъ.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

Часа три прошло съ тѣхъ поръ, какъ Кузёмка поѣхалъ за дохтуромъ. Князь Василій послѣ обѣда не пошелъ отдыхать—ему не до отдыха было. Онъ заперся на ключъ въ своей шатровой палатѣ и тревожно ходилъ по ней взадъ и впередъ, углубленный въ думы.

Вдругъ послышался легкій стукъ въ стѣнѣ. Князь нажалъ пружину въ панели: одна изъ расписныхъ рамъ откинулась и обнаружила скрытую за шпалерами потайную дверку. Князь Василій отперъ дверь висѣвшимъ на его поясѣ ключемъ и сказалъ вполголоса: „входи".

Дверь тихо скрипнула и въ нее, сгорбившись и наклонивъ голову, вошелъ Кузёмка Крыловъ, ведя за руку дохтура-нѣмца, закутаннаго въ плащъ, съ башлыкомъ, надвинутымъ на самый подбородокъ.

Кузёмка помогъ дохтуру раскутаться и исчезъ за дверкой, а рама сама собою стала на прежнее мѣсто.

Когда Шмитъ (а это былъ онъ), ослѣпленный свѣтомъ палаты, протеръ себѣ глаза и осмотрѣлся кругомъ, то увидѣлъ передъ собою князя,—за столомъ, въ роскошномъ креслѣ, обитомъ яркою камкою.

Шмитъ поспѣшилъ раскланяться и почтительно приблизился къ князю. Это былъ маленькій человѣчекъ, съ весьма заурядной физіономіей, гладко выбритый, живой и подвижной. Онъ былъ одѣтъ не только опрятно, но даже щеголевато, въ черный, нѣмецкаго покроя, кафтанъ и камзолъ, изъ-подъ котораго выставлялась наружу тонкая батистовая манишка.

Когда князь Василій указалъ ему на стулъ около себя, Шмитъ расшаркался и сказалъ, очень кстати, какую-то любезность по-латыни.

Голицынъ отвѣтилъ ему на томъ же языкѣ и весь дальнѣйшій разговоръ продолжался по-латыни, такъ какъ князь владѣлъ этимъ языкомъ въ совершенствѣ.

— Ваша высокоименитость, конечно, призвали меня потому, что обдумали мои условія и желаете изъявить на нихъ согласіе? вкрадчиво и сладко проговорилъ іезуитъ.

— Вы человѣкъ умный и смѣтливый! отвѣчалъ ему князь съ улыбкой.—Но прежде моего согласія на ваши условія, я желалъ бы знать, чѣмъ я могу быть обезпеченъ въ успѣшномъ исходѣ моихъ переговоровъ съ вами?

— Высокоименитый князь Огинскій, полномочный посолъ его величества короля Польскаго, ревнуя ко благу святой Римско-Католической церкви и преклоняясь передъ могуществомъ ордена Іисусова, передалъ мнѣ на сегодняшній день всѣ свои полномочія, а потому вы, князь, можете трактовать со мною какъ съ самимъ княземъ Марціаномъ. Въ удостовѣреніе этого, онъ вручилъ мнѣ и свою княжескую печать, довѣривъ приложить ее къ тому документу, который мы заключимъ.

И Шмитъ, снявъ перчатку, показалъ князю Василію драгоцѣнный золотой перстень съ гербомъ Огинскимъ, осыпанный крупными сапфирами, изумрудами и рубинами.

— Какой же документъ мы съ вами заключимъ?

— Документъ, въ которомъ будетъ отъ имени князя Огинскаго выражено, что онъ желаетъ возобновить съ вами переговоры о вѣчномъ мирѣ и союзѣ противъ турокъ, соглашаясь на предложенныя вами условія.

— И на уступку Кіева, и на условіе о кіевской митрополіи!?

— На всѣ условія вашей грамоты.

Глаза Голицына на мгновеніе загорѣлись торжествомъ побѣды; но затѣмъ его брови насупились, во взорѣ выразилось недовѣріе, и на устахъ мелькнула даже насмѣшливая улыбка.

— Видно, тотъ гонецъ, о пріѣздѣ котораго вы не сказали мнѣ ни слова, привезъ князю Огинскому не слишкомъ пріятныя новости?

— О пріѣздѣ гонца, спокойно отвѣчалъ Шмитъ,—я никакъ не могъ сообщить вашей высокоименитости, потому что онъ пріѣхалъ третьяго дня въ ночь, какъ разъ въ то время, когда я былъ у васъ. Къ сожалѣнію, я ничего не могу сказать вамъ и о вѣстяхъ, привезенныхъ гонцемъ, потому что ихъ не знаю; но я, впрочемъ, уполномоченъ показать вамъ документъ, заготовленный на тотъ случай, еслибы мы съ вами не поладили сегодня...

Шмитъ бережно вынулъ изъ кармана листокъ бумаги, обернутый въ зеленую тафту, и почтительно подалъ его князю Василію. То было оффиціальное извѣщеніе Посольскаго Приказа о томъ, что послы его королевскаго величества не могутъ долѣе оставаться въ Москвѣ и просятъ о назначеніи дня...

Какъ ни старался князь быть спокойнымъ, но ему большаго труда стоило не скомкать этотъ оффиціальный актъ, на которомъ была четко выставлена подпись Огинскаго.

Шмитъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ его лица.

— Какъ изволите видѣть, ваша высокоименитость, мои полномочія на лицо. А въ вашихъ мы не сомнѣваемся: мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ могущественнѣйшимъ вельможею Московіи, удостоеннымъ высокаго довѣрія державной правительницы. Притомъ, мои условія такія скромныя, такія исполнимыя...

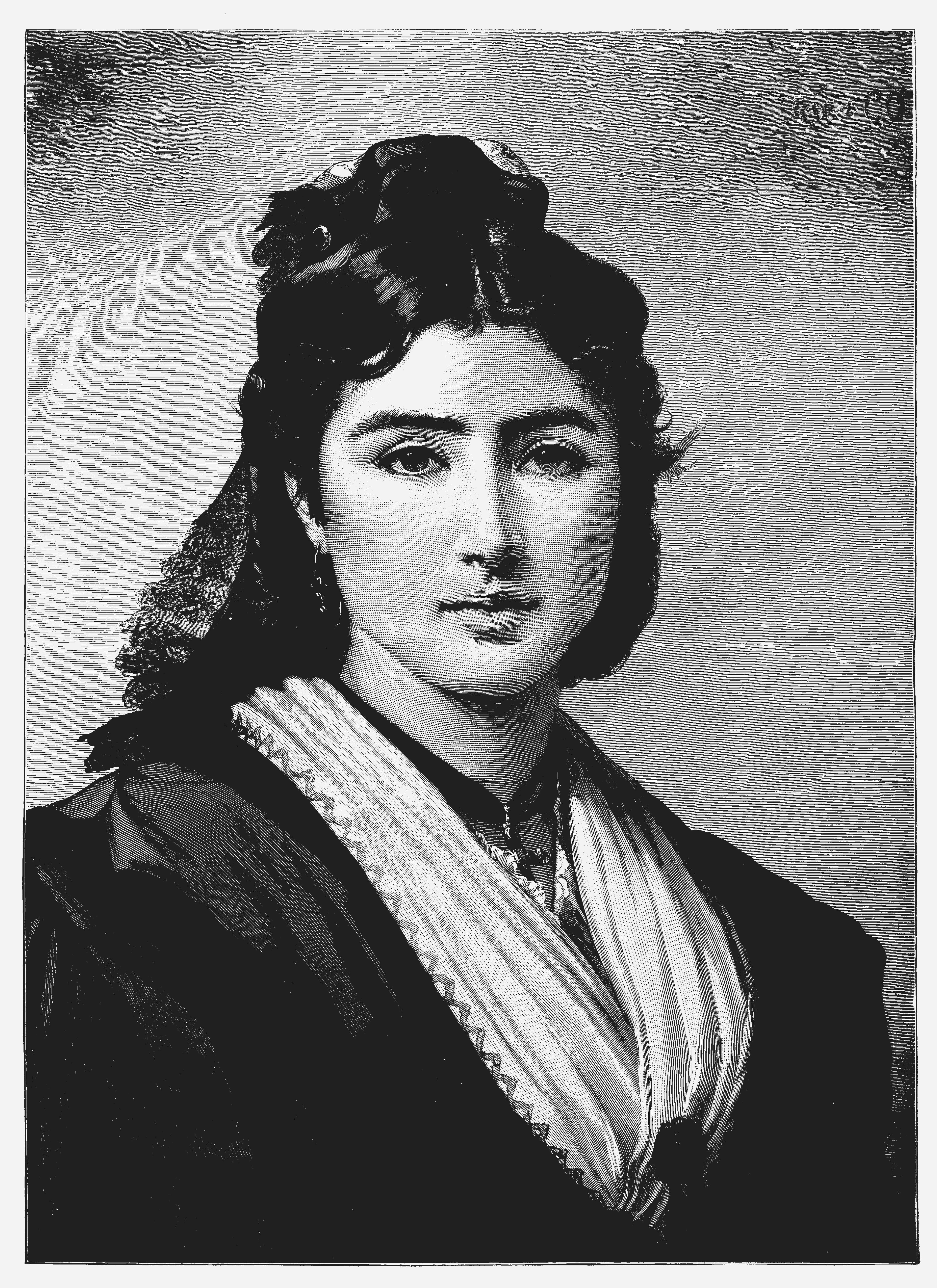
— Но я вѣдь выставлялъ уже вамъ на видъ, что еслибы даже царевна на нихъ согласилась, то патріархъ никогда не дастъ своего согласія.

— Я имѣлъ уже честь вамъ докладывать, что его согласія намъ не нужно; что мы поведемъ свое дѣло тихонько и скромненько. Мы никого не станемъ силою принуждать къ признанію правоты нашихъ догматовъ, не будемъ гласно проповѣдывать... Да притомъ, вѣдь святѣйшій отецъ патріархъ—не безсмертенъ! Вѣдь рано или поздно онъ будетъ же замѣненъ другимъ лицомъ болѣе просв.... болѣе мягкимъ и вѣротерпимымъ, которое, можетъ быть, не захочетъ гнать бѣдныхъ іезуитовъ? Я повторяю вамъ: намъ нужно только ваше согласіе...

„Оберегатель", слушая доводы Шмита, видимо что-то соображалъ, и наконецъ спросилъ его:

— Но въ какомъ же видѣ я могу вамъ выразить мое согласіе?

— Въ видѣ простаго письма къ папскому нунцію въ



Типъ арелатки. Рис. П. А. Ко, грав. Робертсъ

Вѣнѣ, въ которомъ вы только упомянете, что не станете тѣснить насъ. А впрочемъ, если вамъ угодно, я даже заготовилъ это письмо, и вамъ стоитъ только подписать его.

И Шмитъ, изгибаясь, подалъ князю неизвѣстно откуда явившееся въ рукахъ его письмо къ нунцію, въ которомъ онъ, Оберегатель, отъ своего лица, конфиденціально извѣщалъ нунція, что іезуиту Шмиту разрѣшено устроить въ Москвѣ, въ домѣ Гваксанія, домашнюю церковь, пригласить въ помощь священника іезуитскаго же ордена, и открыть при церкви школу для русскаго юношества.

И между тѣмъ какъ князь Голицынъ читалъ это письмо, Шмитъ вкрадчиво и подобострастно ему нашептывалъ:

— Вамъ только стоитъ подписать это письмо и приложить къ нему печать!.. И я тотчасъ же вручу вамъ собственноручное письмо Огинскаго о возобновленіи переговоровъ.

На минуту, князь Василій испыталъ странное впечатлѣніе: ему почудилось, что самъ дьяволъ, въ образѣ Шмита, стоитъ надъ его душою и подсовываетъ ему свое рукописаніе... Но затѣмъ ему пришли на память его прежнія думы, въ ушахъ раздались насмѣшки его враговъ, и онъ сказалъ себѣ:

„А ну, хоть бы и самъ дьяволъ былъ! Еще молоды! Авось отмолимся! Главное—враговъ одолѣть, супостатовъ! Раздавить ихъ,—„преклонить подъ позѣ!“

И онъ быстро взялъ со стола большое лебяжье перо, обмакнулъ его въ чернильницу и четко вывелъ подъ письмомъ къ нунцію свою полную подпись. Затѣмъ положивъ на него свою большую, красивую руку и обернувшись къ Шмиту, повелительно произнесъ:

— Давайте письмо Огинскаго!

Шмитъ передалъ ему письмо канцлера, въ которомъ тотъ очень любезно извѣщалъ Оберегателя, что хотя послы уже и совсѣмъ изготовились къ отъѣзду, но онъ не прочь возобновить переговоры, „не желая столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять“.

Голицынъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія и восторга.

— Ставьте скорѣе печать! торопилъ онъ іезуита.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, но покажите мнѣ примѣръ, язвительно замѣтилъ іезуитъ, указывая на письмо къ нунцію.

Князь Василій снялъ съ руки перстень съ печатью и оттиснулъ его на готовой восковой лепешкѣ, привѣшенной къ письму.

Тоже сдѣлалъ и Шмитъ на письмѣ канцлера къ Оберегателю, и, подавая его лѣвою рукою, правую протянулъ за письмомъ къ нунцію.

Получивъ его, онъ почтительно поцѣловалъ руку князя, потомъ подпись его на письмѣ, и бережно засовывая его во внутренній карманъ камзола, произнесъ торжественно:

— Великодушный поступокъ, достойный вѣчныхъ похвалъ и признательности потомства! Позвольте мнѣ въ свою очередь пожелать вашей высокоименитости, чтобы заключенный вами вѣчный миръ съ Польшей заслужилъ вамъ прозваніе *Великаго* въ исторіи вашей страны!

И вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту тираду, на улицѣ раздался свистъ, хохотъ, крикъ, топотъ бѣшеной скачки, стукъ колесъ и звяканье колокольцевъ. Какая-то пьяная ватага съ визгомъ, пѣснями и присвистомъ, подкатила къ воротамъ дома князя Василія и стала, не стѣсняясь, стучать въ нихъ, что есть мочи...

Князь Голицынъ, поспѣшно открывъ потайную дверку, и передавъ іезуита на руки Кузёмкѣ, захлопнулъ дверку и задвинулъ ее рамой; затѣмъ онъ отперъ дверь палаты въ сѣни.

Передъ нимъ какъ изъ земли выросъ старый Кирилычъ.

— Что́ тамъ за шумъ?

— Братецъ твой, бояринъ князь Борисъ Алексѣевичъ къ тебѣ съ гостями въ гости пожаловалъ. На пяти тройкахъ прикатили. Прикажешь-ли принять?

А между тѣмъ стукъ въ ворота и шумъ все усиливались; явственно слышался то громкій хохотъ, то крупная ругань.

— Вели отперетъ ворота, прими князя Бориса Алексѣевича съ почетомъ; да сыну скажи, чтобы шелъ встрѣчать его на верхнюю ступеньку. Пусть проситъ ихъ пожаловать въ свою столовую палату. Да ключниковъ пришли ко мнѣ скорѣе!

И между тѣмъ какъ старикъ опрометью бросился исполнять приказанія, князь Василій вернулся въ шатровую палату, заперъ письмо Огинскаго въ кованный ларецъ устюцкаго дѣла и, горделиво выпрямившись, высоко поднявъ голову, почти вслухъ произнесъ:

— Ну, кстати ты пожаловалъ, гость дорогой! Есть чѣмъ передъ тобой похвастать! Теперь посмотримъ— чья возьметъ.

V.

Когда старый Кирилычъ передалъ молодому князю Алексѣю Васильевичу приказанія его батюшки, тотъ поспѣшилъ гостямъ навстрѣчу, приказавъ слугамъ отперетъ свою столовую палату и все въ ней приготовить для пріема. Въ то время, какъ толпа слугъ чинно выстроивалась по обѣ стороны воротъ и по ступенькамъ крыльца, а воротные сторожа отмыкали желѣзные засовы и открывали настежь обѣ створчатыя половинки, князь Алексѣй стоялъ на верхней ступенькѣ крыльца, съ нѣкоторой тревогой прислушиваясь къ нестройному гаму пріѣхавшей хмѣльной братіи. Воспитанный подъ строгимъ началомъ и еще не испорченный жизнью, этотъ двадцатилѣтній юноша, хотя и занималъ уже видное положеніе при дворѣ, благодаря отцу, но не въ отца былъ недалекъ, не боекъ на слова и неходчивъ; а потому онъ не любилъ бывать на людяхъ, всему на свѣтѣ предпочиталъ охоту съ соколами и терпѣть не могъ веселыхъ пировъ и шумныхъ празднествъ. И вдругъ — ему поручено принять хмѣльныхъ гостей, играть роль хозяина...

Но вотъ ворота распахнулись настежь и три лихія тройки, взмыленныя до ушей и окруженныя цѣлымъ облакомъ пара, подкатили къ крыльцу, звеня бубенцами и колокольцами и позвякивая богатымъ наборомъ сбруи. Слуги стали высаживать бояръ изъ колымагъ и почтительно взводить ихъ на крыльцо, поддерживая съ двухъ сторонъ подъ мышки, между тѣмъ какъ Кирилычъ, стоя на нижней ступени лѣстницы, отвѣшивалъ каждому гостю низкіе поклоны и передъ всѣми извинялся въ томъ, что ихъ молъ такъ долго задержали у воротъ.

Тутъ былъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ съ двумя братьями, князь Юрій Ромодановскій, князь Юрій Трубецкой, да князья Куракинъ и Щербатый, да бояринъ Исай Квашнинъ, да человѣкъ пять-шесть окольничьихъ и все изъ первой знати. Виднѣе и бодрѣе всѣхъ на видъ были князь Борисъ и Ромодановскій — высокіе, здоровенные, плечистые мужчины, сложенные богатырями и недаромъ прославленные во всей Москвѣ своими пьянственными подвигами.

Всѣхъ, на-верху крыльца, съ поклонами встрѣчалъ князь Алексѣй Васильевичъ и всѣмъ повторялъ то же стереотипное привѣтствіе:

— Милости просимъ, гости дорогіе, добро пожаловать!..

— Здорово, Алешка! кричалъ ему еще снизу князь Борисъ Алексѣевичъ. — Что вы съ отцомъ — спать что-ли полегли? У насъ у всѣхъ нутро горитъ — медку холодненькаго до смерти хочется, а вы у воротъ дер-

жите... Смотри, братъ, я это тебѣ припомню, какъ ко мнѣ пріѣдешь! Хе! хе!

— Прощенья просимъ, дядюшка! Отцу, второй день, неможется, такъ никого онъ и принимать не велѣлъ; вотъ холопы-то и не посмѣли, вишь, безъ спросу... Да и признали васъ не сразу...

— Холопы, братецъ, не признали насъ затѣмъ, что не въ своемъ мы видѣ! Такъ что-ли? Ха, ха, ха! Ну, чтожь, племянничекъ — и точно: хмѣльны! Ну, и во славу Божію! Да полно цѣловаться — веди скорѣй въ столовую палату!

Но это было легче сказать, чѣмъ выполнить, потому что каждый встрѣчаемый княземъ Алексѣемъ гость лѣзъ къ нему съ объятіями, съ лобзаніями, съ разспросами и, не слушая отвѣтовъ, начиналъ безъ всякой видимой причины смѣяться и задавать новые вопросы.

Наконецъ, между двумя рядами слугъ, поставленныхъ по обѣ стороны сѣней и отвѣшивавшихъ гостямъ низкіе поклоны, всѣ пріѣхавшіе гости, съ великимъ шумомъ, съ непрерывающимся говоромъ и смѣхомъ, прошли на половину князя Алексѣя Васильевича, еще недавно только законченную отдѣлкой, такъ какъ князь Василій собирался вскорѣ женить сына и ужъ высмотрѣлъ ему невѣсту въ богатой и родовитой семьѣ боярина Исая Квашнина.

На порогѣ столовой палаты князь Алексѣй опять встрѣчалъ гостей, всѣмъ кланяясь и всѣмъ опять твердилъ все то же, что̀ и прежде: „Добро пожаловать къ намъ, гости дорогіе!“

Какъ ни были хмѣльны многіе изъ пріѣхавшихъ гостей, но всѣ, переступивъ порогъ столовой князя Алексѣя — остановились, сбились въ кучу и залюбовались красотою высокаго, причудливо отдѣланнаго двусвѣтнаго покоя.

Въ верхнемъ поясу палаты пробито было 12 круглыхъ оконъ съ оконницами изъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ стеколъ; въ нижнемъ поясу 12 оконъ съ оконницами изъ фигурной мелкой слюды. По стѣнамъ и потолку вся палата была обита выписными заморскими шпалерами, изображавшими: „человѣческія и птичьи и звѣриныя персоны“. Въ простѣнкахъ между нижними окнами повѣшены были зеркала въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ; а на другой, противуположной отъ входа сторонѣ, висѣло большое зеркало въ черной рамѣ, и по сторонамъ — другія два поменьше, въ черепаховомъ окладѣ. На мѣсто поставца, обычнаго во всѣхъ тогдашнихъ столовыхъ, стоялъ превосходный рѣзной орѣховый шкафъ, въ стилѣ Возрожденія, съ представленными, рѣзью, сценами охотничьей жизни и фигурами звѣрей, а направо и налѣво отъ входа, на особыхъ возвышеніяхъ, поставлены были два органа. По стѣнамъ, гдѣ не было зеркалъ, развѣшаны были въ золоченыхъ рамахъ писанныя масляными красками картины, изображавшія библейскія притчи, и гравированные портреты европейскихъ государей, и между ними на первомъ планѣ, на почетнѣйшемъ мѣстѣ — портреты короля Польскаго и его королевы, присланные въ подарокъ Оберегателю.

Вся мебель въ палатѣ — столы и столики, кресла и стулья — была орѣховая, подъ-стать рѣзному шкафу, и была покрыта, около стѣнъ, темнозеленымъ трипомъ, а посрединѣ, около стола, косматымъ бархатомъ того же цвѣта. Только по угламъ, для игроковъ-любителей, поставлены были расписные столики съ тавлейными досками. Убранство палаты дополнялось фигурнымъ оловяннымъ паникадиломъ, спускавшимся на цѣпочкѣ надъ столомъ, и высокими англійскими стѣнными часами въ углу.

Всѣ гости были въ первый разъ въ палатѣ и всѣ ее хвалили хоромъ:

— Ну, братъ Алешенька! балуетъ же тебя отецъ! Какую онъ тебѣ палату соорудилъ! Да этакой и въ Теремномъ дворцѣ не найдешь, пожалуй, не токмо что въ нашихъ старыхъ домишкахъ! Ай, да палата!

Но князь Борисъ и на этотъ разъ смутилъ племянника:

— Ну, точно хороша твоя палата! Видимъ, что красна углами, а красна-ли другимъ чѣмъ? Показывай, каковъ хозяинъ у палаты?

Князь Алексѣй безпомощно заметался изъ стороны въ сторону, не зная, какія распоряженія сдѣланы на этотъ счетъ отцомъ; но на выручку юноши явился самъ князь Василій.

Въ ферези изъ голубой дорожчатой камки, подтянутой кованымъ серебрянымъ поясомъ съ крупными яхонтами въ большихъ выпуклыхъ гнѣздахъ, въ мурмолкѣ съ запоной изъ бурмицкихъ зеренъ, князь Василій вошелъ въ палату боковою дверью и съ привѣтливою улыбкой подошелъ къ гостямъ, которые всѣ обратились къ нему, кто съ объятіями и лобзаніями, кто съ дружескимъ привѣтомъ. Одинъ только князь Юрій Трубецкой не тронулся съ мѣста, по той простой причинѣ, что онъ, какъ вошелъ въ палату, такъ грузно опустился на первый попавшійся стулъ и заснулъ непробудным богатырскимъ сномъ.

— Поклонъ вамъ, дорогіе гости! Спасибо, что не обошли моего убогаго домишка.

— Ну, князь, не обезсудь — не хотѣли мимо проѣхать! говорилъ Голицыну, плохо владѣя языкомъ, князь Константинъ Щербатый.

— Не обезсудьте вы, что долго вамъ воротъ не отпирали! Князь Алексѣй, да что̀ же ты гостей ничѣмъ не потчуешь? Пошевелись, да потoропи холопей!

— Чего тамъ обезсудить? Знаемъ, почему не отпирали! сказалъ князь Борисъ, выдвигаясь на передній планъ и отводя рукою князя Щербатаго. — Племяшъ-то мой недаромъ проговорился!

— Что, братецъ, могъ тебѣ сказать Алёшка?

— То и сказалъ: холопамъ де тебя не признать было, потому... не въ своемъ ты видѣ, дядя, въ люди ѣздишь!

— Не вѣрится мнѣ, братецъ, чтобы Алёша такъ сказалъ... Шутить изволишь! съ улыбкой отозвался князь Василій.

— Чего шутить! и точно, что не въ своемъ видѣ! Алёша правъ... Я, точно, пьяница всѣмъ извѣстный. Давно во всей Москвѣ прославленъ! Кто чѣмъ, а я все этимъ грѣшенъ... И отъ вина меня мудрено отвадить или оберечь, коли я запилъ...

— Зачѣмъ оберегать-то, князь Борисъ? По-моему и пей во здравіе, коли пьется... Ты знаешь, „пьянъ да уменъ“...

— А тебѣ, небось, и любо, что я пьянъ! отозвался князь Борисъ, видимо придираясь къ князю Василію.— Любо? Ну да я вѣдь ума-то не пропью... Меня и во хмѣлю не скоро обойдешь! И на твои приманки не скоро поддамся—не какъ другіе...

— А знаешь, гдѣ мы такъ наугощались? заговорили разомъ, обращаясь къ князю Василію, старинные его друзья, Головины и князь Ѳедоръ Куракинъ.

— Да, вѣрно, вотъ у кого? отвѣтилъ князь Василій, подмигивая на князя Юрія Ромодановскаго, который стоялъ съ нимъ рядомъ, упершись въ бока и съ небреженіемъ поглядывалъ на охмѣлѣвшую братію.—Князь Юрій мастеръ угостить! Со всѣми пьетъ, и всѣхъ положитъ лоскомъ, а самъ стоитъ какъ столбъ—не ворохнется.

— Нѣтъ, нѣтъ! не угадалъ, Оберегатель! вступился снова князь Борисъ. — Насъ всѣхъ употчивалъ твой зятенёкъ, князь Трубецкой, да онъ же сманилъ насъ и къ тебѣ поѣхать.

— Спасибо, князю Юрью! Да гдѣ же онъ самъ?

— Вонъ, вонъ онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ, среди общаго взрыва хохота.—Поилъ, поилъ насъ—и теперь за всѣхъ насъ пріѣхалъ къ тебѣ спать!

Но между тѣмъ какъ всѣ окружили князя Трубецкаго и тщетно старались разбудить его, дверь палаты отворилась, и слѣдомъ за Кирилычемъ, попарно, чинно, вошли въ палату десять человѣкъ холопей, неся корчаги со льдомъ и ведерные оловянники со всевозможными квасами: малиновымъ, вишневымъ, грушевымъ и яблочнымъ; за ними также чинно шли другіе десять человѣкъ, неся въ серебряныхъ братинахъ медъ липовый, черемховый, гвоздичный; за ними еще пятеро несли на расписныхъ подносахъ массивные серебряные сосуды и серебряныя торели съ моченою морошкою и яблоками, сливами въ уксусѣ и лимонами въ сахарѣ. Ароматъ внесенныхъ прохладительныхъ напитковъ тотчасъ привлекъ гостей къ столу, уже покрытому скатертью и уставленному ковшами, стопками и достаканами. Усадивъ гостей, по старшинству и сану, а съ собой рядомъ посадивъ князя Юрья Ромодановскаго да боярина Исая Квашнина, князь Василій сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ. Противъ него усѣлись три его двоюродные брата: князь Борисъ, Иванъ и Яковъ Алексѣевичи Голицыны. Князь Алексѣй Васильевичъ, въ качествѣ хозяина дома, сначала распорядился, чтобы князь Юрій Трубецкой былъ отнесенъ въ опочивальню, а затѣмъ и не присѣлъ къ столу, а все ходилъ кругомъ да потчивалъ гостей, кланяясь особо передъ каждымъ. Но гости и не заставили себя просить: холодные квасы и медъ пришлись имъ по-путру и стали осушаться такъ быстро, что расторопные слуги еле поспѣвали удовлетворять гостей, то и дѣло подливая холоднаго питья въ ковши и достаканы. Всѣ такъ дружно и такъ жадно набросились на прохладительное, что даже перестали шумѣть и смѣяться; слышны были только вздохи да возгласы: „давай еще!“ или „вотъ квасъ, такъ квасъ!“ „А медъ каковъ!“ И снова кряканье, и вздохи, и звяканье ковшей о достаканы.

— А почему-жъ ты думалъ, что напились мы у Ромодановскаго Юшки? спросилъ князь Борисъ у князя Василія, когда первый приступъ жажды былъ утоленъ и гости обратились къ фруктамъ и моченью.

— Да думалъ, ужъ не онъ-ли васъ зазвалъ справлять канунъ кануна именинъ своихъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.—Насъ къ себѣ князь Юрій Ромодановскій не заманитъ! Намъ памятны остались именины!..

— Когда? какія? что̀ такое? забасилъ князь Юрій, обращая въ сторону кричавшихъ свое неподвижное, багрово-красное лицо и поглядывая искоса своими маленькими, заплывшими, черными глазками.

— Небось забылъ? крикнулъ ему князь Иванъ Алексѣевичъ Голицынъ.—Мы собрались къ нему, какъ добрые, къ обѣду, продолжалъ онъ, обращаясь къ князю Василію,—ну и понагрузились; ужинать остались; спать полегли, и утромъ поотрезвясь, хотѣли было въ путь. А онъ и говоритъ: „держать не смѣю, гости дорогіе! дѣла̀ дѣлами! поѣзжайте съ Богомъ... Да только вы едва-ли проберетесь нынче черезъ мой дворъ!“ И точно: сунулся тамъ кто-то на крыльцо; а ему навстрѣчу—медвѣдь! Онъ на другое—и тамъ косматый дьяволъ! Да такъ три дня насъ и держалъ въ усадьбѣ покамѣстъ мы весь погребъ не осушили... Ха! ха! ха! Вотъ онъ каковъ!

— Штука недурная! замѣтилъ князь Василій.

— Все небывальщину плетутъ! пробасилъ князь Ромодановскій;—имъ и медвѣди, чай, причудились отъ перепоя?

Всѣ, конечно на него напали, и стали вспоминать, въ видѣ доказательствъ, о такихъ эпизодахъ трехдневной богатырской попойки, что князь Алексѣй поспѣшно подошелъ къ иконамъ, и, набожно перекрестясь, задернулъ ихъ завѣсой. А между тѣмъ, среди общаго шума и смѣха, слуги, исполняя приказанія Кирилыча,—не дремали. Убравъ ковши, стопы и достаканы, они разставили передъ гостями чарки и кружки, а на столѣ явились три громадныя мисы съ „кипяченымъ зельемъ“—горячимъ виномъ, приправленнымъ пряностями, корицей, гвоздикой, кардамономъ и ванилью. Въ то же время, по знаку князя Василія, который очень мало принималъ участія въ попойкѣ, но очень зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы гости пили—у органовъ явились игрецы и раздалась громкая, торжественная музыка какъ-то нѣмецкаго застольнаго гимна, покрывшая рѣзкими звуками трубъ и густыми нотами фаготовъ нестройный шумъ и гамъ разгоравшейся попойки...

А вслѣдъ за „кипяченымъ зельемъ“ князь Василій сталъ хвастать князю Борису и князю Ромодановскому своимъ погребнымъ запасомъ. Слуги, то-и-дѣло, разносили въ кубкахъ то романею, то алканъ, то мушкатель, то мальвазею, то сладкое катнарское вино, какъ рѣдкость присланное Оберегателю въ подарокъ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ. Но чѣмъ болѣе хмѣлѣли гости, чѣмъ веселѣе становился ихъ говоръ и смѣхъ, тѣмъ рѣзче и яснѣе бросалось въ глаза князю Василію явное намѣреніе князя Бориса — затѣять ссору, вызвать Оберегателя на объясненіе. То онъ порицалъ намѣреніе царевны Софіи вступить въ союзъ съ кесаремъ и Польшей противъ султана и Крымцевъ, то привязывался къ словамъ, то прямо говорилъ, что и не ждетъ порядка, покамѣсть „баба дѣлами правитъ“.

— Князь Борисъ, замѣтилъ ему на это князь Василій,—между нами здѣсь нѣтъ предателей, не донесутъ; а все не го̀же намъ эти рѣчи слушать...

— Дивлюсь я тебѣ, князь Василій! сказалъ въ отвѣтъ на это князь Борисъ.—Уменъ, хитеръ и ловокъ ты, и мастеръ на всѣ руки, а не можешь понять того, что̀ и малому ребенку ясно? И все слѣпитъ тебя твоя гордыня! Она тебя и сгубитъ, коль не опомнишься да не отстанешь отъ Милославскаго отродья...

— Да уймись-же, князь Борисъ! Я говорю тебѣ: не го̀же мнѣ эти рѣчи въ моемъ домѣ слушать!

— Не го̀же? Да развѣ я тебѣ обязанъ потрафлять да ластиться къ тебѣ! Пусть передъ тобою другіе ползаютъ... А я еще не то скажу тебѣ!...

— Да полно вамъ, князья! вступился было князь Куракинъ.—Ну, о чемъ тутъ спорить? Мы всѣ здѣсь великимъ государямъ вѣрные и преданные слуги... И васъ обоихъ—ей Богу—уважаемъ...

— Нѣтъ! крикнулъ князь Борисъ.—Знаю я, какую пѣсню пою; знаю и кому пою!.. Не всѣ мы великимъ государямъ вѣрные слуги.... Да если правду-то сказать, такъ вѣдь, изъ государей, царь Іоаннъ ни во вѣки вѣковъ не будетъ править; царевнины часы изочтены—ну, три-четыре года ей еще провластвовать... А тамъ...

— Должно быть такъ у Нарышкиныхъ въ Преображенскомъ порѣшено, рѣзко перебилъ Бориса князь Василій,—да и тебѣ такъ пѣть заказано?

— Ты колешь мнѣ глаза Нарышкиными? Пусть такъ! Знай—я дружу имъ, я, въ случаѣ чего... готовъ за нихъ стоять, я грудью защищать ихъ стану! Иль ты забылъ, что отъ Нарышкиной ростетъ у насъ законный государь? Да вѣдь еще какой! Разумникъ, богатырь! Надёжа наша и крѣпость! А ты кому дружишь? ты за кого стоишь?

Князь Василій поднялся со своего мѣста и крикнулъ громко: „Алёшка! выди вонъ и выведи холопей!“ Затѣмъ, обратившись къ князю Борису, сказалъ съ волненіемъ:

— О какомъ *законномъ государѣ* ты говорить изволишь? У насъ *нѣтъ государя*, а есть *государи*, и есть при нихъ державная сестра ихъ, *государыня царевна*, а мы, рабы ихъ, всѣмъ должны равно служить.

— Красно̀ поешь, князь Василій! Да подыгрышь не тотъ берешь на гусляхъ! Давно-ль царевна-то *державною* стала? Кто ей вручилъ державу? ужъ не ты-ли?

— Ты вѣрно позабылъ, какъ всѣ мы... весь народъ просилъ ее принять державство?..

Литературный альбомъ. „Мцыри“, Лермонтова. Борьба съ барсомъ.
Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Барановскій.

— Должно быть, ты позабылъ, что мы не дѣти здѣсь собрались? Всѣ помнимъ мы, какъ было дѣло—и лучше ужъ о томъ не вспоминать... Да не къ тому и рѣчь! Я знаю, *кому* ты служишь!..

— Князь Борисъ, не ты одинъ, всѣ знаютъ, что я вѣрою и правдою служу великимъ государямъ и государынѣ царевнѣ!

— Ну, пусть будетъ такъ! А я все-же, князья и бояре, предлагаю выпить кубокъ во здравіе и честь моего питомца, великаго государя Петра Алексѣевича—и да разразитъ Господь всѣхъ его враговъ и супостатовъ!

— Нѣтъ, я съ тобой не пью! громко крикнулъ князь Василій.—И я тебѣ напомню, что ты здѣсь гость, а не хозяинъ...

— Не пьешь? сказалъ князь Борисъ, подымаясь со своего мѣста и ставя кубокъ на столъ.—Ну, такъ знай-же, что отнынѣ у насъ съ тобою все врозь! Вижу, что мы разными дорогами идемъ—и не сойдемся больше *никогда*! А чтобы ты не зазнавался, не возносился передъ людьми, такъ на прощанье вотъ тебѣ мой сказъ! Ты говоришь, что служишь вѣрою и правдою великимъ государямъ и государынѣ царевнѣ? А я тебѣ скажу, что служишь ты себѣ, своей утробѣ—мамонѣ служишь!

И онъ, не простясь съ хозяиномъ, шатаясь направился къ двери; а князь Василій, по уходѣ его, поднялся съ мѣста и сказалъ гостямъ:

— Дорогіе гости, предлагаю выпить во здравіе великихъ государей и государыни царевны Софіи Алексѣевны!

Всѣ гости встали съ мѣстъ, всѣ кубки разомъ поднялись и осушились.

— Эй, Кирилычъ! крикнулъ князь Василій, стараясь скрыть свое волненіе.—Давай еще вина намъ!—да пѣсенниковъ, плясуновъ сюда!—живѣе! Чтобы шли съ волынками, съ зурнами, съ бубномъ... Пусть гостей моихъ потѣшатъ!

(Продолженіе будетъ).

Сорванецъ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ

Виктора Крылова (Александрова).

(Продолженіе).

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Другая часть сада. Домъ съ правой стороны. Въ глубинѣ заборъ. За заборомъ роща. Входятъ княгиня и Осетровъ въ сильномъ спорѣ.

Явленіе I.

Княгиня *и* Осетровъ.

Осетровъ. Да ты погоди, погоди горячиться-то... дай сказать...

Княгиня. Помилуй, батюшка, на чтò это похоже? Ну, ужь если ты помогать не можешь, такъ хоть бы не мѣшалъ.

Осетровъ. Какъ я не помогаю? Я отъ всей души. Ты мнѣ велѣла при Любочкѣ состоять, ну я отъ нея и не отхожу,—даже и на дерево за ней лазилъ, чего же больше!.. Вѣдь изъ-за этого вашего „золотая медаль" вчера Боби свое сочиненіе прочитала. Вѣдь еслибы мы въ лѣсу не замѣшкались, ужъ Любочка бы не дала Вѣрѣ сочиненіе читать.

Княгиня. Такъ зачѣмъ портить сегодня? Я вчера такъ радовалась, мы такъ строгимъ семейнымъ кружкомъ сидѣли чинно: Вѣра читала, Боби дѣлалъ ей свои замѣчанія; такъ дѣльно, такъ глубокомысленно... Онъ ей цѣлую лекцію прочиталъ объ антропофагахъ.

Осетровъ. Объ чемъ?

Княгиня. Объ антропофагахъ... Объ людоѣдахъ.

Осетровъ. Наше мѣсто свято!.. Слава Богу, что меня тутъ не было.

Княгиня. Такъ и сквозило, что между ними была эта невидимая связь мысли и чувства. Я потомъ съ нимъ цѣлый часъ наединѣ говорила. Боби признаетъ, что Вѣра свѣтлая головка. Я его настроила самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ такъ горячо меня поцѣловалъ, идя спать, что я въ этомъ поцѣлуѣ чувствовала трепетъ молодаго сердца и еще неясной, но зародившейся, привязанности.

Осетровъ. Напрасно чувствовала. Послѣ такого чтенія да разговора о людоѣдахъ, да если еще и ты битый часъ ему „золотую медаль" въ глаза втирала, я думаю онъ радъ-радешенекъ былъ съ тобой проститься. Какъ тутъ не расцѣловать горячо,—отпусти только.

Княгиня. Это ты помогаешь?

Осетровъ. Постой, вѣдь надо говорить правду...

Княгиня. Разумѣется, если ты тутъ являешься съ разными глупыми разсказами о Любѣ, ея выходки восхваляешь... Боби молодъ, ему не легко сосредоточиться, это его отвлекаетъ... А ужъ ты до чего дошелъ, срамъ сказать: глазки ея расхваливать сталъ. Я краснѣла за тебя. Туфельками ея восхищаешься. Хоть бы ты объ своихъ годахъ вспомнилъ.

Осетровъ. Чтò-же? Я при моихъ годахъ еще не слѣпой. А коли туфельки хороши, такъ отчего не сказать... И глаза чудесные, плутовскіе такіе, канальскіе.

Княгиня. Вотъ ужъ похвала!

Осетровъ. Это намъ, мужчинамъ, всегда очень нравится.

Княгиня. Не знаю какимъ. Надо имѣть особенный вкусъ. Я надѣюсь, что у Боби онъ еще не такъ испорченъ, и мнѣ больно, что ты объ этомъ стараешься... (*Ходитъ*). Не понимаю, не понимаю!.. Ужъ я не буду говорить объ ея несчастномъ характерѣ, о легкомысліи, о капризахъ. Ну, хоть бы съ внѣшней стороны, ну можно-ли Любу сравнить съ сестрами? Вѣра и Надя красавицы, а Люба вѣдь только что не уродъ... мизерная какая-то!..

Осетровъ. А мнѣ вотъ такія женщины всегда нравились.

Княгиня. Не знаю. Мнѣ кажется, что у маленькой и душенка маленькая.

Осетровъ. Ты въ этомъ не судья, ты женщина. У насъ въ этомъ отношеніи бываютъ такіе вкусы!..

Княгиня. Это ужъ твое дѣло, только думай ты объ этихъ вкусахъ про себя, не развивай ихъ передъ Боби. Онъ еще ребенокъ, ты можешь спутать его натуральный здравый смыслъ.

(*Входитъ Закрутинъ*).

Явленіе II.

Тѣ-же *и* Закрутинъ.

Закрутинъ. Я, княгиня, вашу мысль исполнилъ.

Княгиня. Чтò такое?

Закрутинъ. Придумалъ такой способъ, чтобы удалить Любу отсюда на цѣлые три дня, а можетъ быть и больше.

Осетровъ. Куда? Зачѣмъ?

Княгиня. Чтобъ она никого тутъ не смущала; ни старыхъ, ни малыхъ.

Закрутинъ. Я вотъ чтò придумалъ: Люба у насъ цѣлительницей слыветъ. Коли изъ крестьянъ кто захвораетъ, особенно если расшибется или руку тамъ порѣжетъ, она сейчасъ помощь оказываетъ. Когда докторъ пріѣзжаетъ къ намъ, она все его разспрашиваетъ, и понаучилась таки.

Осетровъ. Ишь она какой молодецъ!..

Княгиня. Петръ Николаевичъ, умѣрь восторги.

Закрутинъ. И есть у меня тутъ одна дѣвка деревенская, Маланья, во дворѣ служитъ; взята къ намъ изъ дальней деревни, верстъ за пятнадцать. Тамъ подлѣ имѣнья моей тетки ея отецъ кузнецомъ. Я сейчасъ подговорилъ эту Маланью, чтобъ она голосила, что ея отца бревномъ зашибло. Понимаете, будто мужикъ оттуда пришелъ, ей сказалъ, что ея отецъ боленъ. Люба, конечно, сейчасъ будетъ свои услуги предлагать; у меня ужъ дрожки запряжены,—мы ее и отправимъ къ бабушкѣ.

Осетровъ. Къ какой бабушкѣ?

Закрутинъ. Къ моей теткѣ. Она вѣдь Любѣ бабушкой приходится. А теткѣ я написалъ письмо.

Осетровъ. Какой теткѣ?

Закрутинъ. Да все той же, Любиной бабушкѣ. Я написалъ письмо, чтобъ она Любу нѣсколько дней задержала у себя. Она умѣетъ: то лошадей не дастъ, то займетъ чѣмъ-нибудь...

Княгиня. А если кузнецъ-то этотъ нисколько не расшибся?

Закрутинъ. Да онъ и не расшибся.

Княгиня. Такъ она увидитъ, что ее обманули?

Закрутинъ. Ничего не увидитъ. Мало-ли что мужикъ могъ наврать Маланьѣ. У насъ вѣдь иной разъ какія вѣсти-новости разносятся по уѣзду!.. а Маланья дѣвка шустрая, я ей рубль цѣлковый подарилъ, да еще платокъ посулилъ. Она эту исторію разъиграетъ чудесно... Вы чтò задумались, генералъ?

Осетровъ. Да я думаю вотъ чтò: я тоже къ теткѣ поѣду.

Закрутинъ. Къ какой теткѣ?

Осетровъ. Фу, Господи!—самъ сейчасъ говорилъ... ну, къ бабушкѣ... къ вашей теткѣ.

Закрутинъ. Зачѣмъ?

Осетровъ. Какъ же? Вонъ скоро темно будетъ, какъ же такая маленькая дѣвочка вдругъ одна поѣдетъ за пятнадцать верстъ? еле къ ночи доберется. Я буду вмѣсто конвоя.

Закрутинъ. Вотъ стòитъ! Люба весь уѣздъ одна изъѣздила; ее вездѣ знаютъ и всюду у нея друзья. Ее только тронь, такъ пять деревень за нее подымется.

Осетровъ. Нѣтъ, все-таки, я тамъ теткѣ помогать буду. Самъ захвораю, если нужно; пускай она меня лѣчитъ.

Княгиня. Вы видите, онъ просто не можетъ съ Любой разстаться. На старости лѣтъ посмѣшищемъ людей хочетъ быть. Пускай ѣдетъ, онъ намъ здѣсь только помѣха.

Закрутинъ. Такъ теперь, давайте разойдемся, чтобъ, сохрани Богъ, Люба не за-

мѣтила, что мы сговариваемся. Она тутъ въ бесѣдкѣ кухаркина сына грамотѣ учитъ.

Княгиня. Я буду подлѣ Боби. (*Глядя на Осетрова*). Смѣшно!.. ахъ, какъ смѣшно!.. Какой, подумаешь, Адонисъ!..

(*Уходитъ*).

Осетровъ. Меня, матушка, этакими шпильками не проберешь... не проберешь!..

Закрутинъ. Ну, вы тутъ какъ хотите, а я пойду напишу письмо тетенькѣ.

(*Входятъ Люба и Гриша*).

Явленіе III.

Тѣ-же, Люба *и* Гриша.

Люба. Смотри же, если ты завтра этого не будешь знать, ты ко мнѣ и не приходи.

Гриша. Я буду знать. Я еще сегодня одинъ читать-то буду. (*Уходитъ*).

Закрутинъ (*Тихо Осетрову*). Отойдите отъ меня, чтобы она не заподозрила.

Люба. Генералъ, что это вы разстроенный какой?

Осетровъ (*Тихо Закрутину*). А зачѣмъ вы мнѣ шепчете? (*Ей*). Я сейчасъ, я сейчасъ вернусь... Я пойду уложить кой-какія вещи, чтобъ съ собой взять.

Люба. Куда съ собой? развѣ вы куда ѣдете?

Осетровъ. Да, я тоже съ вами... (*Закрутину, который его дергаетъ*). Что? (*Опомнясь*). Ахъ да... нѣтъ... я такъ только...

Закрутинъ (*Любѣ*). Ну, что ты пристаешь? Генералъ любитъ порядокъ, а у него тамъ вещи въ безпорядкѣ валяются, — онъ хочетъ уложить въ сундукъ... Да идите же, генералъ, что ее слушать? она вѣдь все должна знать.

Осетровъ (*Любѣ*). Я скоро вернусь.

Люба. Пожалуй, не надо. Я безъ васъ не соскучусь.

Осетровъ. А! если такъ; ну такъ я тоже вамъ...

Закрутинъ (*Досадливо*). Ахъ ты Господи!.. (*Подхватываетъ его подъ руку и уводитъ*).

Осетровъ (*Уходя*). Погодите, я только одно слово... погодите... (*Оби уходятъ*).

Явленіе IV.

Люба *и* Маланья.

Люба. Что-то у нихъ тайкомъ переговорено. Ну, да ужъ генералъ мнѣ это все выболтаетъ.

Маланья (*Изъ кустовъ*). Шш!!. Шш!!...

(*Люба оглядывается. Маланья ей машетъ рукой*).

Люба. Что ты, ополоумѣла, что-ли?

Маланья. Подьте сюда! подьте сюда! подьте сюда!

Люба. Маланья, да кто тебя пришибъ? (*Идетъ къ ней*).

Маланья. Подьте, говорятъ, — ну.

Люба. Что съ тобой?

Маланья. Барышня, слышьте-ка, какую штуку затѣяли... слышьте-ка. Вотъ приходитъ ко мнѣ нашъ баринъ и говоритъ: „Малашка, хошь я тебѣ рубъ подарю?..“ Я говорю: „давайте, баринъ, спасибо“... Пущай даетъ, барышня, ничего, пущай даетъ, не раззорится, нѣтъ... и платокъ посулилъ. Пущай даетъ... Съ него не взять, такъ съ кого взять? Ничего, барышня, пущай...

Люба. Да что: „пущай, пущай...“ Чего ты растораторилась?

Маланья. Слышьте-ка... вдругъ это чтобъ я вамъ сейчасъ въ ноги бросилась,—приказываютъ. „Реви, говорятъ, скажи, что тятеньку твоего бревномъ пришибло; быдто мужикъ изъ деревни сказывалъ“. Анъ, ничего не пришибло, не бывало такого, а чтобъ только реви передъ вами, сокрушайся, — ну!

Люба. Да зачѣмъ же это ему нужно?

Маланья. А зачѣмъ нужно-то? Вона—ужь дрожки запрягли, на-готовѣ стоятъ. Проси, значитъ, что тятенька помираетъ; чтобъ молъ вамъ со мной ѣхать туда-то, въ деревню-то...тятеньку моего пользовать... Ахъ ты Господи! а онъ здоровешенекъ...

Люба. Вотъ что? Хотятъ меня отсюда удалить? — понимаю.

Маланья. А я думаю, какъ же такъ? чтобъ чего не вышло. Нѣшто я мою барышню за рубъ цѣлковый продамъ? Она меня, дуру, лучше батюшки попа наставляетъ, а я ее продамъ! — не бывало этакого.

Люба (*Обдумывая*). Ну, хорошо.

Маланья. Кабы не барышня-то, я бы о Святкахъ за Ѳедьку сапожника безпремѣнно замужъ вышла. А онъ, Ѳедька-то, вона теперь, совсѣмъ спился, ужъ въ острогѣ посидѣлъ. Вѣрно вы говорили, что онъ бы бить меня сталъ, я бы теперь самая пренесчастная была. Такъ я думаю: какъ же вотъ? Меня барышня ругала, ругала, ругала, ругала, ругала, ругала, а я ее продамъ? этакого не бывало.

Люба. Слушай...

Маланья. А что рубъ-то я взяла, это ничего; пущай, коли даетъ...

Люба. Да замолчи ты, трещотка. Слушай. Я пойду вонъ въ бесѣдку, а ты будто меня и не видѣла.

Маланья. Такъ, такъ, такъ, такъ...

Люба. Бѣги сюда къ окну, реви да причитывай, да меня зови: гдѣ, молъ, барышня? А тамъ я выйду, ты все такъ и сдѣлай, какъ тебѣ папаша приказалъ... ничего, ни гугу... сядемъ мы съ тобой и поѣдемъ. Я ужъ знаю, какъ потомъ.

Маланья. Такъ и сдѣлать?

Люба. Да.

Маланья. Ну, ладно. Коли ты говоришь, такъ и сдѣлаю.

Люба. Да смотри, и виду не подавай, что тутъ обманъ; слышишь? (*Тихо уходитъ налѣво*).

Маланья. Ну, да ужь меня на это взять... Постой, коли такъ. (*Оглядывается на всѣ стороны и начинаетъ громко причитывать*). Охъ ты батюшки! охъ ты матушки! какъ мнѣ, бѣдной быть, горемычной?!. Ой, ой, ой, ой!!.. (*Идетъ къ окну*). Барышня, барышня!!. Гдѣ она, наша голубушка?.. Ой, ой, ой, ой, ой, ой!...

(*Въ окнѣ появляется Надя*).

Явленіе V.

Маланья, Надя, *потомъ* Вѣра, Закрутинъ, Княгиня, Боби, Люба *и* Осетровъ.

Надя. Что ты кричишь?

Маланья. Ой, ой, ой!.. Что только со мной будетъ? Тятенька мой помираетъ... Гдѣ барышня-то, Любовь-то Ивановна?

(*Вѣра появляется подлѣ Нади*).

Вѣра. Отецъ твой захворалъ?

Маланья. Мужикъ приходилъ, говоритъ... ой, ой, ой... помретъ тятенька...

Закрутинъ. (*Входя*). Маланья, что ты кричишь?

Надя. Она говоритъ, отецъ ея боленъ.

Вѣра. Гдѣ же Любочка? (*Скрывается*).

Надя. Я ее сейчасъ найду. (*Скрывается*).

Закрутинъ. Молодецъ, Малашка, молодецъ!.. Такъ и реви, такъ и реви...

Маланья. Ахъ я горемычная! на кого-то онъ меня оставитъ?.. (*Ему, обычной рѣчью*). Вы мнѣ платокъ-отъ красный, съ каймой.

Закрутинъ. Да ужъ будетъ, будетъ.

Маланья. То-то—красный... (*Причитываетъ*). Барышня-то наша гдѣ?.. гдѣ барышня то?..

(*Входятъ княгиня и Боби*).

Княгиня. Что случилось? кто это плачетъ?

Надя. (*Входя*). Должно-быть въ саду Люба.

Маланья. Пропала я, совсѣмъ пропала я, матушки!..

Закрутинъ. Сейчасъ тутъ была... Люба!.. Любаша!.. Любочка!

Вѣра. (*Входя*). Что? не нашли?

Люба. (*Входя*). Кто зоветъ?

Маланья. Матушка ты моя! родная ты моя! голубушка ты моя!.. тятенька мой помираетъ!..

Боби. (*Надѣ*). Отчего она къ вашей сестрѣ обращается?

Надя. Люба у насъ врачиха.

Боби. Неужели?

Люба. (*Маланьѣ*). Откуда ты узнала?

Маланья. Мужикъ приходилъ изъ деревни, сказывалъ тятеньку моего бревномъ пришибло; до утра-то доживетъ ли, нѣтъ ли.

Люба. Надо скорѣй доктора къ нему послать.

Закрутинъ. Я распоряжусь; я сейчасъ распоряжусь.

Надя. Кучера послать въ городъ.

Закрутинъ. Да... Впрочемъ, погоди... нѣтъ... Ахъ, Боже мой! —теперь ихъ не сыщешь, гляди, ни одного въ городѣ. Они у Анисьева на именинахъ, за пятьдесятъ верстъ.

Маланья. На кого-то онъ меня покинетъ?!..

Люба. Такъ я поѣду покамѣстъ, первую помощь оказать.

Боби. А вы можете?

Маланья. Барышня-то? Да она у насъ лучше доктора справляется. Она пастуху Прохору глазъ заклеила, съ тѣхъ поръ смотрѣть сталъ. Матушка, спаси, помоги,— на тебя одна надежда, къ тебѣ я и шла. (*Падаетъ въ ноги*).

Люба. Встань, встань, не валяйся.

Маланья. (*Встаетъ*). Матушка ты моя!..

Надя. Я велю закладывать.

Закрутинъ. Да что закладывать? У меня пролетка готова. Я хотѣлъ въ дальній хуторъ ѣхать.

Люба. Ну и прекрасно. Сейчасъ соберу вещи и поѣдемъ.

Закрутинъ. Ты у бабушки почуй. Да вотъ какъ кстати. У меня три дня лежитъ письмо готовое къ ней, свезешь. Надя, тамъ въ кабинетѣ.

Надя. Хорошо, папаша. (*Уходитъ*).

Княгиня. (*Любѣ*). Погодите, мое дитя, дайте мнѣ васъ поцѣловать. Смотрите, какъ я справедлива: когда вы рѣзкости показываете, я не могу васъ хвалить. Но когда порывъ добродѣтели въ васъ является, дайте мнѣ васъ поцѣловать. (*Цѣлуетъ ее*).

Люба. За этимъ не стоило меня останавливать. (*Уходитъ*).

Княгиня. Нѣтъ, ее и ласка не исправитъ.

Закрутинъ. (*Тихо Маланьѣ*). Ты что же замолчала? (*Громко ей же*). Какъ же это случилось-то? что мужикъ разсказывалъ?

Маланья. Да какъ случилось?—Господи!.. Онъ кузнецъ тятенька-то, долго ли до грѣха? Глянь-ка, какой молотокъ-отъ у него. Шибани имъ только, сейчасъ духъ вонъ вылетитъ. Мнѣ и не поднять его, молотокъ-отъ. А въ кузницѣ-то что? огонь какой... огонь—страсти Божія... и мѣхъ-то пыхтитъ, пыхтитъ!.. Зимой туда войти въ морозъ, и то жарко станетъ, такъ долго ли?.. Ахъ, батюшки, что со мной горемычной будетъ? пропала моя головушка!..

Вѣра. Какъ отца пришибло-то?

Маланья. Пришибетъ, всякаго пришибетъ, не токма что чего... Глянь-ка!—одинъ держитъ, двое молоткомъ бьютъ, а огонь-то такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ.

Вѣра. Что ты все вздоръ говоришь? Я тебя не о кузницѣ спрашиваю.

Боби. Она говорила, бревномъ его ударило.

Маланья. Ну, коли бревномъ, такъ бревномъ—не легше это. Долбони-ка тебя по затылку...

Закрутинъ. (*Вѣрѣ*). Что ты пристала? Вы видите, она одурѣла совсѣмъ.

Вѣра. Я хочу, чтобъ она разсказала.

Маланья. Что разсказывать, когда тятенька ни руками, ни ногами не дрыгнетъ?

Закрутинъ. Вѣрно балка какая въ кузницѣ упала да задѣла.

Маланья. Вѣрно, что она его, окаянная, задѣла.

Закрутинъ. (*Тихо, отводя ее*). Плачь тутъ въ сторонѣ, не ври ужъ; только путаешь. (*Люба возвращается, одѣтая къ отъѣзду*).

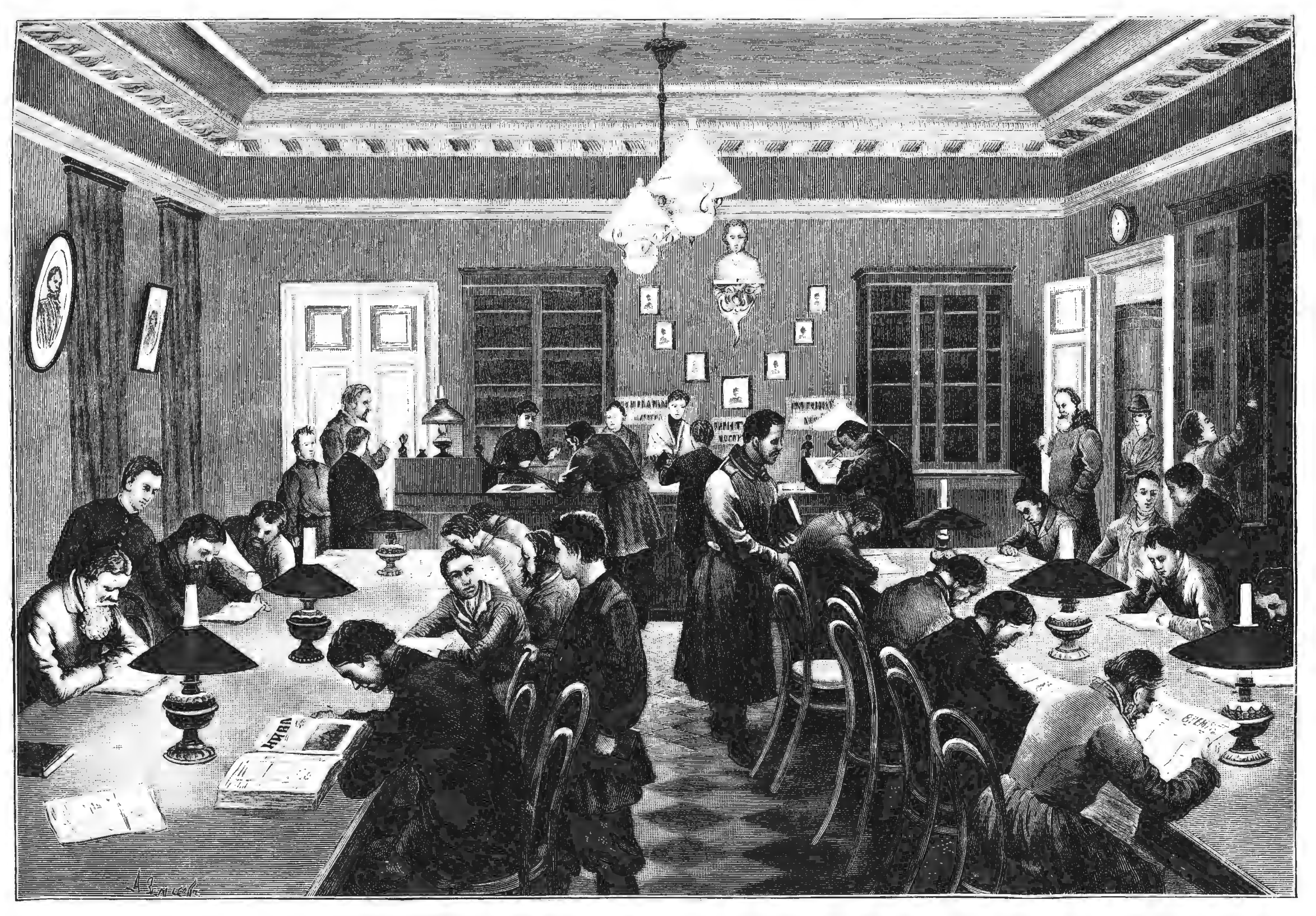
Люба. Ну, прощайте. Иди, Маланья, садись. Накинь платокъ.

Маланья. А будетъ красный платокъ-отъ... съ каймой?..

Люба. Что?

Маланья. (*Опомнясь и снова завывая*). Ахъ ты, злосчастная моя судьба!..

Никольскій погостъ близь дер. Карлуха (Арханг. губ.). Ориг. рис. (собств. „Нивы") проф. **Шарлеманя.** грав. Барановскій



Первая безплатная городская читальня въ СПБ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **А. Земцова**, грав. Шюблеръ.

Люба. Я только думаю, я напрасно ѣду. Если его въ самомъ дѣлѣ бревномъ ударило, врядъ ли мнѣ помочь.

Княгиня. Нѣтъ, поѣзжайте, поѣзжайте...

Закрутинъ. Кто вѣдь ихъ знаетъ? можетъ и не бревномъ, можетъ быть такъ разнемогся. Аптеку свою возьми.

Надя. (*Входя*). Я ужъ положила на дрожки.

Осетровъ. (*Входя*). Вотъ и я уложился,—готовъ. Ѣдемте, и я съ вами.

Люба. И вы со мной? И даже уложились? еще Маланья и не плакалась, и мы ничего не знали, а ужъ вы укладываться начали?—какое у васъ предчувствіе!

Осетровъ. (*Путаясь*). Потому что... оттого что... для того что...

Закрутинъ. Долго ли ему уложиться? онъ слышитъ кутерьму, ну и мигомъ.

Люба. А ты здѣсь стоишь и обо всемъ догадываешься?

Закрутинъ. Понятное дѣло. Малашка такъ тутъ орала, что за горой было слышно. Какъ же ему не слышать тутъ рядомъ? (*Осетрову*). Вѣдь правда, что вы слышали?

Осетровъ. Слышалъ.

Закрутинъ. И если генералъ такъ добръ, что готовъ тебя проводить, остается только поблагодарить и садиться.

Люба. Съ генераломъ? да куда же? на дрожкахъ мѣста нѣтъ. Маланья рядомъ сядетъ.

Закрутинъ. Маланья можетъ на козлахъ...

Люба. Что вы? посмотрите, она такъ убита... (*Тихо Маланьѣ*). Реви.

Маланья. Пропала моя головушка!..

Люба. Двадцать верстъ на козлахъ?

Вѣра. Всего восемнадцать.

Осетровъ. Я на козлы сяду.

Люба. Нѣтъ-съ, ужъ этакой жертвы я ни за что не допущу: чтобъ изъ за-меня... да вы разсыплетесь дорогой; что я съ вами буду тогда дѣлать?

Осетровъ. Я не разсыплюсь, я право не разсыплюсь.

Люба. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—я съ вами не поѣду. Если вы поѣдете, я не поѣду.

Осетровъ. А!—послѣ этого, значитъ, мнѣ остается въ Петербургъ уѣхать.

Княгиня. (*Ему тихо*). Перестань, братъ, пожалуйста. Ты видишь, какъ она капризна. Вѣдь ты для меня сюда пріѣхалъ. (*Княгиня и Закрутинъ уговариваютъ Осетрова; въ это время Боби подходитъ къ Любѣ*).

Боби. Дай Богъ, чтобъ вамъ тамъ удалось... помочь, чтобъ всегда вамъ все удавалось...

Люба. Ахъ, какой взволнованный голосъ!..

Боби. До свиданья. Вѣдь вы скоро вернетесь?

Люба. Не могу обѣщать.

Боби. Я надѣюсь.

Люба. (*Быстро*). Во всякомъ случаѣ скорѣй, чѣмъ вы надѣетесь. (*Отходитъ*).

Боби. Что?

Люба. Иди, Маланья. (*Тихо*). Да реви, глупая.

Маланья. Куда ужъ теперь ѣхать? да чтожъ ужъ теперь мнѣ дѣлать?!..

Люба. Ну, ну, полно убиваться. Богъ милостивъ, все обойдется. (*Тихо*). Реви, реви, ничего.

Маланья. Ахъ ты желанная моя, благодѣтельница!..

Люба. (*Всѣмъ*). До свиданья, прощайте.

Маланья. И куда то мнѣ головушку приклонить?—злосчастную!..

(*Маланья реветъ и уходитъ съ Любой. Боби, Надя и Вѣра ихъ провожаютъ*).

Явленіе VI.

Княгиня, Закрутинъ, Осетровъ, *потомъ* **Боби.**

Осетровъ. Это мнѣ обидно. Это прямое оскорбленіе. Что я, мальчикъ, что-ли? Или какой-нибудь ловеласъ?—шаркунъ салонный? отчего нельзя со мной ѣхать?

Закрутинъ. Вы видите, генералъ, она изъ участья къ вамъ. Она боится, что вы устанете.

Осетровъ. Вздоръ. Я сорокъ лѣтъ тому назадъ весь Кавказъ походомъ исходилъ, а теперь я устану? вздоръ! И какой вы отецъ? вы позволяете ей одной ѣхать. Никакой у васъ власти родительской нѣтъ. Что вы за фефела?..

Княгиня. Братъ, братъ... Pierre!

Закрутинъ. Да, посмотрѣлъ бы я, какъ бы вы съ ней...

Осетровъ. А вотъ сейчасъ увидите. Что ее слушать? пойду да насильно сяду на козлы,—вотъ и все. (*Идетъ и встрѣчается съ Боби*). Уѣхала?

Боби. Уѣхала.

Осетровъ. Ну, погоди... Такъ я знаю, что я сдѣлаю. (*Закрутину*). Пойдемте.

Закрутинъ. Куда?

Осетровъ. Пойдемте, коли я говорю.

Закрутинъ. Послушайте, генералъ, я васъ боюсь. Вы немножко въ возбужденномъ настроеніи.

Осетровъ. Я не въ возбужденномъ, я въ рѣшительномъ.

Закрутинъ. Это еще хуже.

Осетровъ. А когда я въ рѣшительномъ настроеніи, мнѣ противорѣчить нельзя. Давеча вы меня тащили отсюда, теперь я васъ. Пожалуйте. (*Беретъ его за руку, и тащитъ насильно*).

Закрутинъ. Генералъ, вы прежде успокойтесь. Успокойтесь пожалуйста!.. (*Оба уходятъ*).

Явленіе VII.

Княгиня *и* **Боби.**

Княгиня. Боби, мой другъ, а гдѣ Вѣра и Надя?

Боби. Вѣра Ивановна пошла опять выписки дѣлать для меня, а Надежду Ивановну остановила какая-то баба съ грибами.

Княгиня. Хорошо. Мнѣ кстати нужно съ тобой наединѣ поговорить. Садись. (*Боби садится*). Поговорить объ очень важномъ вопросѣ.

Боби. (*Про себя*). Батюшки, что такое?

Княгиня. Боби, конечно, ты мальчикъ серьезный, держишь себя скромно, примѣрно... не смотря на твои годы, на женщинъ почти не глядишь...

Боби. Ахъ, maman!

Княгиня. Не краснѣй, дитя мое, я совсѣмъ не хочу смущать. Но ты долженъ помнить, что назначеніе всякой дѣвушки все-таки семья и что рано, или поздно, ты долженъ выдти замужъ?

Боби. Какъ это замужъ?

Княгиня. Ахъ, я все забываю, что ты не дочь, а сынъ. Я хотѣла сказать, что и тебѣ придется жениться—и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; потому что женатый человѣкъ, онъ ужъ какъ въ цѣпяхъ, какъ въ тюрьмѣ запертъ. Увлеченія жизни не могутъ на него такъ вліять.

Боби. Какъ тюрьмѣ, maman? это очень хорошо.

Княгиня. Я знаю, наши великосвѣтскія петербургскія партіи это не твой вкусъ. Тебѣ надо подругу солидную, которая бы тебѣ замѣнила мать, когда меня не будетъ съ тобой.

Боби. О, maman, зачѣмъ этотъ разговоръ?

Княгиня. Дитя мое, это законъ природы, ему поневолѣ покоряешься. Тебѣ нужна подруга почтенная, которая бы строго тебя вела.

Боби. Какъ это почтенная, maman?

Княгиня. Не бойся, я тебѣ не навязываю старухи... но почтенная по характеру и по требованіямъ; умная, которая бы поняла твою нѣжную, деликатную, женственную натуру. Ну, теперь я могу сказать тебѣ прямо: я нарочно для этого сюда и пріѣхала; я стороной долго узнавала про дочерей Ивана Христофоровича и получила самые удовлетворительные отзывы. Наконецъ, вотъ я уже больше недѣли живу съ ними и нахожу, что и Вѣра, и Надя отвѣчаютъ моимъ желаніямъ.

Боби. Но, maman!

Княгиня. Не краснѣй, дитя, это законъ природы. Я замѣтила, что Вѣра произвела на тебя впечатлѣніе, я за это не сержусь.

Боби. Но, maman, вы ошибаетесь.

Княгиня. Неужели?.. Ты съ такимъ увлеченіемъ разговаривалъ съ ней объ антропофагахъ. Стало быть, Надя тебѣ больше нравится?

Боби. Нѣтъ, maman.

Княгиня. Боби, мой другъ, я тебя не неволю. Мое правило: въ дѣлахъ сердца полная свобода. Онѣ обѣ готовы сдѣлать тебѣ предложеніе; выбирай ту или другую. Дѣлай, какъ подскажетъ тебѣ твоя душа.

Боби. Но, maman, я думаю... я думаю... что мнѣ еще рано жениться.

Княгиня. Милый!.. какъ онъ это сказалъ... точно шестнадцатилѣтняя институтка. Ахъ! къ несчастью, ты все таки взрослый мужчина и я не хочу умереть, не пристроивши тебя. Боби, мой другъ, ты меня этимъ очень огорчаешь, ты мнѣ показываешь, что не довѣряешь мнѣ. Не затѣмъ я тебя воспитала такимъ, чтобъ отдать тебя въ руки какой нибудь интригантке или вообще женѣ, которая не оцѣнитъ ни твоихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, ни моихъ стараній сохранить тебя въ строгой чистотѣ. Тѣмъ больше не для того, чтобъ видѣть тебя старымъ холостякомъ.

Боби. Увѣряю васъ, maman!..

Княгиня. Не увѣряй, не увѣряй... Боби, мой другъ, ты знаешь, я тебя ни въ чемъ не стѣсняю. Но если ты мнѣ будешь противорѣчить, я этого не вынесу. Я для тебя отыскала двухъ прекрасныхъ дѣвушекъ, ты въ эти десять дней сто разъ могъ ихъ изучить и провѣрить свое чувство. Я тебѣ даю цѣлый день на размышленіе. Сегодня твоего отвѣта я не требую. Я предоставляю тебѣ полную свободу. Но завтра ты будешь объявленъ женихомъ. Ты мой идеалъ, въ моемъ идеалѣ должно быть строгое уваженіе къ заботамъ матери. Боби, мой другъ, пожалуйста, не разбивай моего идеала. (*Уходитъ*).

Явленіе VIII.

Боби, *потомъ* **Вѣра.**

Боби. Вотъ те разъ... Именно когда я начинаю чувствовать себя человѣкомъ, свои мысли, свои желанія чувствовать, я долженъ жениться на одной изъ этихъ барышень!.. Онѣ обѣ согласны... Вижу, вижу,—обѣ только и ждутъ, какъ бы броситься мнѣ на шею; а у меня совсѣмъ другое въ головѣ. Но свое я долженъ подавить и жениться безъ любви, чтобъ не разбить мамашинаго идеала?—Нѣтъ... мнѣ кажется, что за эти дни я очень пересталъ быть ея идеаломъ и, если говорить правду, такъ и слава Богу, что я пересталъ быть ея идеаломъ.

Вѣра. (*Входя*). Я кончила ваши выписки по международному праву, Борисъ Алексѣевичъ. Вотъ ваша книга и вотъ выписки.

Боби. Благодарю васъ. (*Про себя*). Погоди, я тебя отъучу навязываться. (*Ей*). Скажите, Вѣра Ивановна, вы просто такъ переписывали только, или вникали въ смыслъ того, что писали?

Вѣра. Какое странное подозрѣніе, князь,—я была первой ученицей въ гимназіи, я получила...

Боби. Золотую медаль, знаю.

Вѣра. Я никогда ничего не дѣлаю не вникая. Я не Люба.

Боби. Зачѣмъ такое пренебреженіе къ вашей сестрѣ?

Вѣра. Я не хочу, чтобъ вы думали, что я такая же легкомысленная, какъ она.

Боби. Такъ если вы вникали, вы, вѣроятно, замѣтили, что положеніе каждаго отдѣльнаго человѣка можно сравнить съ положеніемъ цѣлаго отдѣльнаго государства?

Вѣра. Да. И сношенія государствъ между собой очень похожи на сношенія отдѣльныхъ людей между собой.

Боби. Прекрасно. Такъ не приходило ли вамъ въ голову, что и отдѣльный человѣкъ, какъ и отдѣльное государство, можетъ имѣть желаніе распоряжаться какъ ему угодно внутри себя?

Вѣра. Несомнѣнно. Но въ общемъ концертѣ націй, князь, ни единое государство не должно оставаться одинокимъ, изолированнымъ, и международныя общенія необходимы для блага договаривающихся государствъ.

Боби. (*Показывая то на себя, то на Вѣру*). Но если одно государство видитъ, что, какъ вы остроумно замѣтили, это общеніе съ другимъ государствомъ принесетъ больше выгодъ этому другому государству, неужели первое государство должно отказаться отъ своихъ прерогативъ и обязанностей относительно своего внутренняго міра, своихъ субъективныхъ желаній?

Вѣра. Надо серьезно обсудить свои выгоды. Государство, какъ юридическое лицо, должно понимать, что жизнь не во всемъ слагается какъ на первый взглядъ желаешь, что иногда бываетъ полезно и пріятно поступиться своими правами и интересами.

Боби. А если чувствуешь, что навсегда навяжешь себѣ сосѣда, который съ каждымъ годомъ все больше и больше будетъ выказывать стремленіе къ захвату нашей самобытности, пожелаетъ нами распоряжаться, какъ своей собственностью и, подъ покровомъ охраны своихъ законныхъ требованій, захочетъ широко пользоваться правомъ принужденія?

Вѣра. (*Указывая на себя*). Разумное государство никогда этого не захочетъ, князь. Реторсію вызываетъ только крайняя нужда.

Боби. Что?

Вѣра. Реторсію. Вы забыли что называется реторсіей? Это значитъ—примѣненіе однимъ государствомъ къ другому принципа тальона, отплаты равнымъ за равное, несправедливымъ за несправедливое, согласно римскому правилу: quod quisque in alterum statuerit, ut ipse eadem jure utatur.

Боби. (*Про себя*). Батюшки! зачѣмъ я давалъ ей эту книгу?

Вѣра. Это то правило, которое въ еврейскомъ законодательствѣ сказалось изрѣченіемъ: око за око, зубъ за зубъ; которое мудрость народная формулировала поговоркой: какъ аукнется, такъ и откликнется. Но если два государства, достойныя другъ друга, глубоко уяснятъ себѣ всю прелесть международныхъ сношеній и не будутъ вызывать реторсіи, конвенція между ними поведетъ только къ взаимному счастью.

Боби. (*Про себя*). Зачѣмъ я съ ней затѣялъ этотъ международный разговоръ?!

Вѣра. (*Экзальтированно*). Повѣрьте, князь, нѣтъ больше счастья ни на землѣ, ни на небѣ, какъ...

(*Входитъ Надя*).

Явленіе IX.

Тѣ-же *и* Надя.

Надя. Чай пить. Пожалуйте.

Вѣра. Фу, Надя, кто же это такъ влетаетъ, какъ бомба?—можно испугать.

Надя. Ваши мысли были вѣрно гдѣ нибудь очень далеко, оттого это такъ поразило васъ.

Вѣра. Да, у насъ былъ научный разговоръ. Ступай, мы сейчасъ придемъ.

Надя. Вы хотите, князь, чтобъ мы съ чаемъ подождали?

Боби. Нѣтъ, нѣтъ... Напротивъ, я очень радъ.

Надя. Какія я вамъ сдобныя лепешечки поставила! горячія; у насъ дома пекутъ.

Вѣра. Князь, прошу васъ подарить мнѣ еще пять минутъ, чтобъ покончить нашъ интересный разговоръ. Ступай, Надя.

Надя. Ты не хочешь, чтобъ я слушала что вы будете говорить?

Вѣра. Я тебя прошу уйти. Это научный разговоръ, это тебя не будетъ интересовать. Пять минутъ, клянусь тебѣ...

Надя. Хорошо, я уйду, но съ условіемъ: послѣ чая ты отдашь князя мнѣ и ужь больше на него никакихъ претензій имѣть не будешь весь вечеръ.

Вѣра. Хорошо... Обѣщаю.

Есби. (*Про себя*). Онѣ мною какъ вещью распоряжаются.

Надя. Помни же, Вѣра: послѣ чаю онъ мой. (*Уходитъ*).

Явленіе X.

Боби *и* Вѣра.

Вѣра. Итакъ, Борисъ Алексѣевичъ, еще одно послѣднее слово: если государство...

Боби. Нѣтъ, пожалуйста, довольно этого государственнаго разговора...

Вѣра. Хорошо, я буду говорить прямо. Я имѣла счастье замѣтить, князь, что въ разговорѣ со мной объ антропофагахъ, вы показали большое участье ко мнѣ. Я говорила объ этомъ съ вашей мамашей, она намъ сочувствуетъ, она видитъ, насколько ваши стремленія, ваши научныя занятія находятъ откликъ во мнѣ. Надя хотѣла о чемъ-то поговорить съ вами послѣ чаю... что общаго у васъ съ ней? вы выше этой повседневной прозы. Не бойтесь, я хоть и обѣщала, но я васъ ей не отдамъ. Я вамъ скажу откровенно...

Боби. Не продолжайте, я предчувствую, что вы скажете... но простите, я не могу еще вамъ дать теперь рѣшительнаго отвѣта. Я еще такъ молодъ...

Вѣра. Не надо. Съ меня довольно ужь того, что дорогое для меня государство не отклоняетъ моихъ международныхъ желаній, что оно колеблется. Есть такія государства, которыя, когда колеблятся, это значитъ, что они уступятъ. Я не буду ставить ультиматума, — я надѣюсь, что мы придемъ къ мирнымъ договорамъ... Вы любите музыку?

Боби. Я люблю... Я не знаю...

Вѣра. Сказалъ: люблю — и струсилъ... О, какое еще вы дитя! какъ вы сами еще не отдаете себѣ отчета въ вашихъ желаньяхъ, пугаетесь будущности и не видите въ чемъ гарантія вашего благополучія.

Боби. (*Про себя*). Ахъ я, несчастный!

Вѣра. Останьтесь здѣсь одну минуту, сосредоточьтесь въ вашихъ мысляхъ,—я вамъ съиграю что-нибудь на фортепьяно. Можетъ быть, эти звуки будутъ добрыми посланниками въ чудную страну вашей души; можетъ быть, дорогое мнѣ государство почуетъ гдѣ духовное родство ему и не замедлитъ сдѣлать декларацію. (*Уходитъ*).

Явленіе XI *).

Боби, *потомъ* Осетровъ.

Боби. Она меня убьетъ своимъ международнымъ правомъ... Ахъ, я несчастный! что же мнѣ дѣлать?.. Я совсѣмъ не этого хочу, совсѣмъ не этого; я знаю, чего я хочу, но я такой слабый... „Когда колеблется государство, значитъ оно уступитъ“... А! Бисмаркъ въ юбкѣ — какъ она меня поняла!.. Но неужели они меня женятъ?.. Неужели?.. (*Въ глубинѣ появляется Осетровъ, верхомъ на лошади*). Дядюшка!.. (*Осетровъ останавливается*). Куда это ты ночью собрался?

Осетровъ. Не задерживай, пожалуйста. Некогда.

***) Варіантъ.**

На небольшихъ сценахъ, гдѣ неудобно пустить лошадь, явленіе 11-е можетъ быть измѣнено слѣдующимъ образомъ:

(*Осетровъ выходитъ изъ дому въ пальто и съ хлыстомъ въ рукѣ*).

Боби. ...Дядюшка, куда ты это?

Осетровъ. Не задерживай пожалуйста. Некогда.

Боби. Ты уѣзжаешь?

Осетровъ. Верхомъ. Что дѣлать? она не хотѣла меня на козлы взять, такъ я велѣлъ осѣдлать какого-то рысака. Ѣду за ней.

Боби. За Любой?

Осетровъ. Не могу же я ее оставить. Не задерживай, пожалуйста, не задерживай.

(*Уходитъ въ глубину*).

Боби. Куда ты ѣдешь?

Осетровъ. Что же дѣлать? Она не хотѣла меня на козлы взять, такъ я лошадь осѣдлалъ; ѣду за ней.

Боби. За Любой?

Осетровъ. Не могу же я ее оставить. Не задерживай, пожалуйста, не задерживай... (*Уѣзжаетъ*).

Явленіе XII.

Боби, *потомъ* Люба *и* Гриша.

Боби. О, какой же я ничтожный человѣкъ!.. Старикъ, не щадя себя, ѣдетъ за моимъ сокровищемъ, ничѣмъ не стѣсняется, прямо доказываетъ, что ему нравится; а я, молодой, вижу и чувствую—и веду здѣсь дурацкіе дипломатическіе разговоры... я колеблюсь, я боюсь, что буду уступать... Ну ужь нѣтъ, извините... если на меня нападаютъ, за мной останется еще одно международное право — право войны.

(*Входятъ Люба и Гриша*).

Люба. Ты войди въ комнату и погляди, съ кѣмъ онъ разговариваетъ.

Боби (*Прислушиваясь*). Кто это? (*Подходитъ*). Любовь Ивановна, вы вернулись?

Люба (*Нѣсколько смѣшавшись*). Да... я... я... (*Ободряясь*). Я встрѣтила на первомъ перекресткѣ доктора, онъ ѣхалъ туда, къ бабушкѣ... Я посадила съ нимъ Маланью, отдала письмо и... и вернулась.

Боби. Какъ я радъ...

Люба. Наши чай пьютъ?

Боби. Да... то есть... нѣтъ... Только что подали; не спѣшите. Они тамъ всѣ заняты. Побудьте немножко со мной.

Люба. А коли я васъ дразнить начну? (*Садится*).

Боби. (*Садясь къ ней*). Ничего, все равно... дразните, только побудьте со мной.

(*За сценой музыка*).

Люба. Нѣтъ, я дразнить не стану. Я не такъ настроена.

Боби. Что это за мальчикъ у васъ?

Люба. Это мой ученикъ. Я его грамотѣ учу.

Боби. Такъ поздно?

Люба. Нѣтъ, теперь мы шли... впрочемъ да, такъ поздно... развѣ не все равно?.. Стой тутъ, Гриша, ты не мѣшаешь. Онъ пользуется каждою свободной минутой и пристаетъ, чтобъ я его учила; такой ужъ любознательный мальчикъ. (*Цѣлуетъ Гришу*).

Боби. А какой маленькій!.. Какъ это должно быть пріятно, когда такой ученикъ... (*Цѣлуетъ Гришу*).

Люба. Да, онъ мнѣ много удовольствія доставляетъ. (*Цѣлуетъ Гришу*).

Боби. И онъ любитъ васъ, конечно; Гриша, скажи, ты любишь тетю?

Гриша. Ужасно люблю.

Боби. Какъ онъ это хорошо сказалъ: ужасно люблю! Какъ хорошо!.. Люби, Гриша, люби ее; она добрая тетя, чудная, прекрасная тетя...

Люба. Скажи ему, Гриша, что этого въ глаза не говорятъ.

Гриша. Не говорятъ этого.

Боби. Скажи, Гриша, что, напротивъ, всегда надо говорить правду. Только слѣпой этого не видитъ. Вонъ на что ужь дядя, — старикъ, и онъ до того очарованъ, что поскакалъ за вами слѣдомъ.

Люба. Какъ поскакалъ? Куда?

Боби. Верхомъ за вами.

Люба. (*Встаетъ*). Надо его вернуть.

Боби. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — оставьте. Теперь ужь не догонишь... Погодите, ради Бога, погодите!.. благо ужъ я разошелся, дайте мнѣ откровенно высказать вамъ...

Люба (*Опускается на скамейку*). Это очень нехорошо, что мы его оставляемъ скакать.

Боби. Ничего ему не сдѣлается. Устанетъ, такъ сбережетъ себя. Онъ умѣетъ себя беречь.

Люба. Что-жъ вы такое хотите мнѣ откровенно высказать?

Боби. Разное. Я такъ много объ этомъ думалъ. Вотъ, напримѣръ, я хотѣлъ спросить: по какому праву ваши сестры отзы-

ваются объ васъ съ пренебреженіемъ?

Люба. Это не правда.

Боби. Нѣтъ, правда. Онѣ васъ считаютъ пустою дѣвочкой, потому что вы веселая, не напускаете на себя ненужной важности.

Люба. Мнѣ непріятно, что вы такъ говорите о моихъ сестрахъ.

Боби. А за что онѣ стараются васъ унизить? Сорванцемъ называютъ... что̀ такое?

Люба. Можетъ быть у нихъ есть особыя причины.

Боби. Можетъ быть и у меня тоже есть особыя причины на нихъ сердиться. Вы, шутя и смѣясь, дѣлаете больше хорошаго и говорите умнѣй, чѣмъ онѣ при всемъ своемъ стараніи.

Люба. Гриша, скажи, чтобъ онъ замолчалъ.

Гриша. Молчи!

Боби. А если я...

Люба. Гриша, какой чудесный вечеръ сегодня, правда?

Боби. Конечно, правда. Отвѣчай, Гриша, что правда. Лучшій вечеръ всей моей жизни.

Люба. Странно какъ... отчего сегодня больше это чувствуется, чѣмъ всегда? И тепло, и воздухъ, и все? Гриша, отчего?

Гриша. Я не знаю.

Люба. Вѣдь тысячу вечеровъ бывало такихъ же хорошихъ, а не то... Странно какъ это... (*Жадно цѣлуетъ Гришу*). Гриша, помни объ этомъ вечерѣ, долго помни.

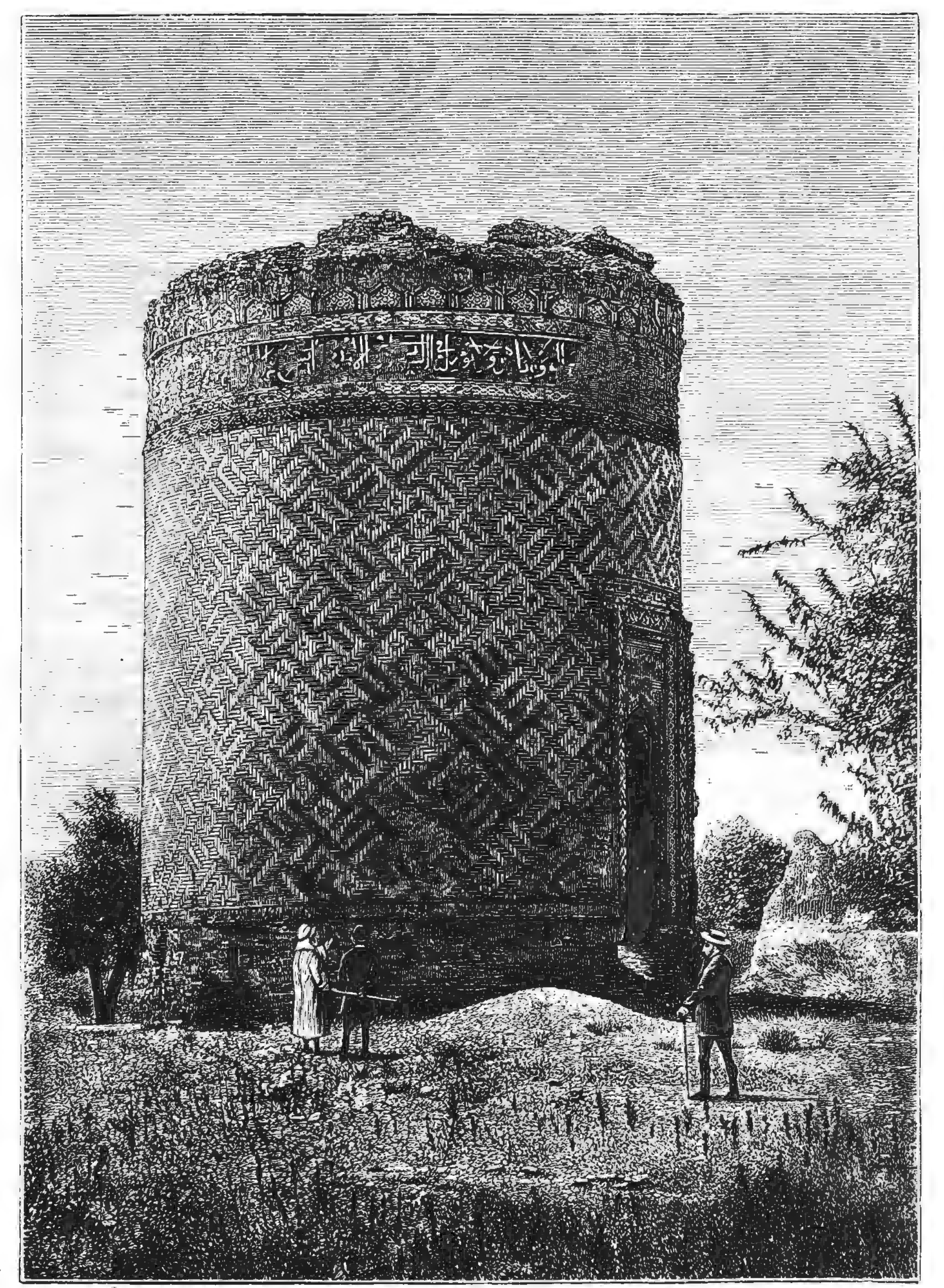
Боби. Никогда не забуду. (*Цѣлуетъ Гришу*).

Люба. Я не вамъ.

Боби. И я Гришѣ.

Люба. Хорошій мой мальчикъ! (*Цѣлуетъ Гришу*).

Боби. Милый... (*Хочетъ поцѣловать Гришу, но она быстрымъ движеніемъ подставляетъ ему щеку, такъ что онъ цѣлуетъ ее*).



Развалины афганскаго храма въ Партовѣ, Елизаветпольской губ., Шушинскаго уѣзда.
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Люба. Ай!.. (*Онъ встаетъ сконфуженный*). Вы, кажется, меня поцѣловали?

Боби. Извините...

Люба (*Про себя съ досадой*). Извиненья просить! (*Встаетъ, громко*). Гриша, иди домой.

(*Гриша уходитъ*).

Боби (*Про себя*). Обидѣлась. (*Ей*). Я, право, не хотѣлъ...

Люба. Вы не хотѣли? Стало быть, это вамъ непріятно?

Боби (*Все больше конфузясь*). Мнѣ очень... но... я... я... думалъ...

Люба. Вы... вы... злой человѣкъ. Вы такъ зло шутите со мной... оттого, что я сорванецъ... Вы...

Боби. Да нѣтъ же, нѣтъ... ей Богу...

Люба. Постойте... дайте руку... какъ кровь бросилась въ голову!.. что̀ это со мной?.. кажется, мнѣ дурно... поддержите меня... (*Падаетъ ему на руки*).

Боби. Что-жъ это я надѣлалъ?.. Милая, красотка моя... Люблю тебя... люблю... Да что-жъ я совсѣмъ обезумѣлъ... Воды, скорѣй воды... (*Кладетъ ее въ садовое кресло и бѣжитъ за водой въ домъ*).

Люба (*Мгновенно оживая, глядитъ ему вслѣдъ*). Вотъ глупенькій мальчикъ: я ему даю такой прекрасный случай расцѣловать меня, а онъ бѣжитъ за водой... Идетъ... (*Снова падаетъ въ обморокъ*).

Боби. Милая... что̀ это съ ней?

(*Только что онъ подходитъ къ Любѣ, она внезапно вскакиваетъ*).

Люба. Какъ же это мы генерала-то забываемъ? Вѣдь онъ скачетъ,—его надо догнать.

(*Убѣгаетъ. Боби стоитъ пораженный, вода льется изъ стакана на землю*).

(Оконч. въ слѣд. №).

Бытовые наброски
Русской исторіи до временъ Петра Великаго.
П. Н. Полевого.

Господинъ Великій Новгородъ.

(XIII, XIV и XV вв.).

Цвѣтущій періодъ исторіи Новгорода.—Планъ города и его раздѣленіе на *концы* и *стороны*.—Внутреннее устройство и управленіе: вѣче и выборныя городскія власти.—Князь и его необходимость для Новгорода.—Борьба партій и сословій между собою. Усобицы.—Владыко и его значеніе. Выборы владыки.—Новгородская торговля.—Иванское купечество.—Иноземные гости и нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ.—Удалые добрые молодцы.—Ушкуйники и ихъ набѣги.—Успѣхи образованія въ Новгородѣ; мѣстная письменность и иконописаніе.

Въ то время, когда надъ всѣмъ Сѣверо-Востокомъ Руси тяготѣло татарское иго, а Сѣверо-Западныя русскія княжества, одно за другимъ, подпадали вліянію Литвы и Польши—на Сѣверѣ Руси, ни отъ кого независимый, привольный и богатый, продолжалъ процвѣтать Великій Новгородъ, со своими пригородами, продолжалъ жить шумно и весело, сносясь и торгуя съ Западной Европой, воюя со Швеціей и нѣмецкими рыцарями, разбрасывая свои колоніи по всему Востоку и Сѣверу Русской земли.

Географическое положеніе Новгорода было чрезвычайно выгоднымъ въ томъ смыслѣ, что доставляло ему всѣ удобства для торговыхъ сношеній по воднымъ путямъ, которые отъ него

Тайное прощаніе. Съ карт. Швенингера, грав. Швейгель.

расходились во всѣ стороны—и, въ то же время, защищало его отъ всякаго вражескаго нашествія непроходимыми топями и лѣсными трущобами. Благодаря этому положенію, Новгородъ, въ теченіе многихъ вѣковъ своей исторической жизни, ни разу не былъ осажденъ и взятъ непріятелемъ, и даже грозная орда Батыя не рѣшилась приблизиться къ нему ближе, какъ на сто верстъ: непривычный путь по лѣсамъ и болотамъ напугалъ Монголовъ, и они, дойдя до нынѣшняго города Крестцовъ, повернули обратно на югъ...

Благодаря этому, чрезвычайно выгодному, положенію и своей удаленности отъ главныхъ центровъ русской жизни, Новгородъ не только сохранилъ на-долго въ своихъ стѣнахъ древнее вѣчевое устройство, но еще и развилъ его до крайнихъ предѣловъ, и достигъ такого могущества и богатства, что покорить его и подчинить общему ходу Русской Исторіи могли уже только великіе князья Московскіе, не даромъ именовавшіе себя князьями „*всея Руси*“.

Жильберъ де Ланноа, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV вѣка, дивится его обширности и многолюдству, дивится и мудреному плану, по которому городъ построенъ. Дѣйствительно, этотъ планъ и расположеніе частей города были настолько же своеобразны, насколько и его внутреннее управленіе. Новгородъ, построенный по обоимъ берегамъ Волхова (немного ниже его истока изъ озера Ильменя), раздѣлялся самою рѣкою на двѣ *стороны: Софійскую* и *Торговую* [1]). Первая получила свое названіе отъ того, что на ней, среди особаго *Дѣтинца* (или крѣпости), огражденнаго стѣнами и башнями, находился великолѣпный соборъ Св. Софіи—главная святыня всего Новгородскаго края и гордость каждаго истаго новгородца, который любилъ связывать съ воспоминаніемъ о Св. Софіи идею своей самостоятельности. Недаромъ Новгородцы восклицали: „съ нами Богъ и Св. Софья!“—и говорили съ увѣренностью: „гдѣ Св. Софья, тамъ и Новгородъ!“

Торговая сторона называлась такъ потому, что здѣсь находился *торгъ* или *торговая площадь*. Обѣ стороны соединялись широкимъ и крѣпкимъ пловучимъ мостомъ, который игралъ немаловажную роль въ исторіи новгородской жизни.

Населеніе Софійской стороны и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи, совершенно отличалось отъ населенія Торговой стороны. На Софійской сторонѣ жилъ *владыко* (архіепископъ) новгородскій, у котораго, внутри Дѣтинца, около Софійскаго собора, были построены великолѣпныя хоромы, окруженныя садами и службами и домами *Софьянъ* (соборнаго причта). Внѣ стѣнъ Дѣтинца, въ просторныхъ и богатыхъ домахъ, сосредоточивалось наиболѣе богатое и родовитое населеніе города—всѣ мѣстные сановники и представители власти, все боярство. На Торговой—напротивъ того, скучивалось все торговое, ремесленное и промышленное населеніе, а по окраинамъ—весь низшій и бѣднѣйшій людъ. Здѣсь же помѣщались всѣ лавки и склады товаровъ, и круглый годъ, на берегу Волхова и на торгу кипѣла дѣловая жизнь, не прекращалось движеніе. Здѣсь же, рядомъ съ торговою площадью, на такъ-называемомъ *Ярославскомъ Дворищѣ*, по звону *вѣчеваго колокола*, собиралось новгородское *вѣче*, для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія и внѣшней политики „Господина Великаго Новгорода“.

Какъ Софійская, такъ и Торговая сторона раздѣлялись, по отношенію къ управленію, на *концы* (отдѣльныя части города); такихъ концовъ въ Новгородѣ было пять [2]), и каждый изъ нихъ вѣдался своимъ особымъ выборнымъ *старостою*. Главными же правительственными лицами въ Новгородѣ были *посадникъ* и *тысяцкій*. Посадникъ былъ представителемъ высшаго класса (*большихъ* или *вячшихъ* [3]) людей) и, вмѣстѣ съ новгородскимъ княземъ, вѣдалъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами Новгорода; тысяцкій былъ начальникомъ земской рати и представителемъ низшихъ классовъ населенія (*меньшихъ людей*), которые дѣлились на *сотни* [4]), съ *сотскими* во главѣ.

И посадникъ, и тысяцкій, и сотскіе, и старосты, и всѣ власти новгородскія—были *выборными*. Всѣ эти власти, избираемыя изъ новгородскихъ гражданъ, могли имѣть и, конечно, имѣли свои мѣстные интересы, свои счеты, привязанности и пристрастія, отъ которыхъ имъ мудрено было отрѣшиться; вотъ почему, во главѣ управленія, новгородцамъ необходимо было постороннее, чуждое мѣстнымъ интересамъ лицо, которое могло бы являться безпристрастнымъ третейскимъ судьею при рѣшеніи тяжбъ и споровъ. Такимъ лицомъ и представлялся въ Новгородѣ *князь*, приглашаемый новгородскимъ вѣчемъ изъ сосѣднихъ княжескихъ родовъ, такъ какъ своихъ, мѣстныхъ князей у Новгорода никогда не бывало. Главною обязанностью князя и въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ княжествахъ, былъ *судъ*, на основаніи законовъ и мѣстныхъ новгородскихъ обычаевъ, и *защита* новгородскихъ владѣній отъ нападеній внѣшняго врага.

Въ качествѣ воеводы князя могъ замѣнить или посадникъ, или тысяцкій; но какъ безпристрастный, третейскій судья, князь былъ для Новгорода незамѣнимъ, и въ тѣ короткіе промежутки, когда новгородцы сидѣли безъ князя, въ городѣ вспыхивала никогда вполнѣ не прекращавшаяся борьба партій и сословій и дѣло нерѣдко кончалось страшной усобицей.

Усобица начиналась на вѣчѣ или на торгу и вся Торговая сторона поднималась на Софійскую, или Софійская на Торговую. Во всѣхъ церквахъ били набатъ, призывая гражданъ къ оружію, и все населеніе, до малыхъ ребятъ, въ доспѣхахъ и съ оружіемъ, собиралось на берегу Волхова. Каждая изъ сторонъ спѣшила занять мостъ, чтобы не допустить вторженія противниковъ, и если разумные люди не успѣвали разломать мостъ, то жители обѣихъ сторонъ схватывались на мосту, и здѣсь происходила жестокая сѣча. Если же мостъ удавалось разломать во-время, то дѣло не доходило до кровопролитія, хотя всякая мирная дѣятельность и прерывалась на нѣсколько дней, и во всѣхъ *концахъ* происходили шумныя сборища. Иногда усобица кончалась еще печальнѣе: одна изъ *сторонъ* (Софійская или Торговая) брала верхъ въ борьбѣ и предавала побѣжденныхъ противниковъ жестокому грабежу и разоренію. Но, въ такихъ случаяхъ, добрый ангелъ Новгорода не дремалъ: съ высоты стѣнъ Дѣтинца, охраняемаго крѣпкою стражею, владыко новгородскій съ сердечною скорбью слѣдилъ за волненіемъ согражданъ и, когда одна изъ сторонъ обращалась къ нему съ мольбою о помощи, онъ выходилъ изъ Дѣтинца съ Христовымъ воинствомъ, съ крестами и древними иконами, безстрашно протѣснялся въ толпу неистово-сражающихся и разлучалъ враждующихъ, благословляя и ту, и другую сторону.

Но владыко новгородскій выдвигался на первый планъ не въ однихъ только крайнихъ случаяхъ, не только тогда, когда къ нему прибѣгали съ мольбою о спасеніи: постоянный ходатай за побѣжденныхъ передъ побѣдителями, заступникъ за слабыхъ передъ сильными, первый помощникъ на все доброе и благое — владыко былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во всемъ Новгородѣ, первымъ гражданиномъ вольнолюбиваго города. Пользуясь обширною властью и значеніемъ во всей Новгородской землѣ, обладая правомъ безотчетнаго распоряженія громадными богатствами, стекавшимися отовсюду въ *Софійскую казну* [1]), владыко всюду поспѣвалъ со своимъ участіемъ, совѣтомъ и помощью. Онъ давалъ средства на поддержку укрѣпленій города, чинилъ своими рабочими Волховскій мостъ, часто разбиваемый осенними бурями, раздавалъ щедрую милостыню погорѣльцамъ послѣ опустошительныхъ пожаровъ, самоотверженно выступалъ съ врачующимъ словомъ любви и милосердія при жестокихъ моровыхъ повѣтріяхъ, неоднократно повергавшихъ въ печаль и сокрушеніе весь Новгородъ. Въ случаѣ войны съ сосѣдними князьями, Тверскими и Суздальскими, когда подвозъ хлѣба съ Волги въ Новгородъ прекращался—владыко открывалъ гражданамъ свои богатыя житницы и давалъ средства на покупку хлѣба за моремъ; въ случаѣ войны съ Литвою и Нѣмцами, снаряжалъ *свой полкъ*, а при военной неудачѣ, понесенной Новгородомъ, пособлялъ въ уплатѣ окупа, требуемаго побѣдителемъ, и улаживалъ дѣло. При такомъ значеніи владыки, понятно, ни одно важное рѣшеніе не принималось на вѣчѣ безъ вѣдома владыки, и всѣ вѣчевыя грамоты писались не иначе, какъ съ его благословенія и за его печатью. [2]).

Какъ на весьма любопытную черту новгородскаго быта слѣдуетъ указать на то, что и владыко новгородскій былъ также лицомъ выборнымъ. Когда владыко умиралъ, не назначивъ себѣ преемника, который былъ бы любъ всему Новгороду, духовенство и граждане, сообща, совѣщались на вѣчѣ о томъ, кому быть владыкою въ Новгородѣ. При этомъ обыкновенно указывали на трехъ достойнѣйшихъ представителей мѣстнаго духовенства и монашества, писали ихъ имена на трехъ жребіяхъ и возлагали эти жребіи на престолѣ въ св. Софіи. На другой день, послѣ торжественнаго богослуженія, вводили въ алтарь невиннаго младенца или слѣпца съ торга и предлагали ему вынять одинъ изъ трехъ жребіевъ. Чей жребій вынимался, того и считали свыше-избраннымъ владыкою, и если этотъ избранникъ присутствовалъ при богослуженіи въ соборѣ, то его торжественно возводили на *владычнія сѣни* и показывали всенародному множеству [3]).

Главною силою Новгорода и прочнымъ основаніемъ его могущества являлась издревле-начавшаяся новгородская торговля, которая, съ первыхъ вѣковъ существованія города, велась Новгородцами по Днѣпру съ Южной Русью и Греціей, по Волгѣ съ болгарами и азіятскимъ Востокомъ, по Невѣ и Балтійскому морю съ нѣмцами и шведами. Предпріимчивые новгородцы не довольствовались тѣмъ, что свозили въ Новгородъ чужой товаръ и здѣсь его продавали и мѣняли: они еще и сами добывали товары путемъ своихъ промысловъ, и для того чтобы свободно заниматься ими, захватывали на Сѣверѣ и на Востокѣ Русской земли обширныя области, богатыя лѣсами, водами и всѣми угодьями. Основывая здѣсь свои колоніи, они отсюда-то и вывозили *закамское* серебро, драгоцѣнные *печор-*

[1]) Софійская сторона лежитъ на лѣвомъ, а Торговая на правомъ берегу р. Волхова.
[2]) *Три* на Софійской сторонѣ, и *два*—на Торговой.
[3]) *Вячшій*—тоже что *лучшій*.
[4]) *Сотню* здѣсь слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ опредѣленнаго количества, а въ смыслѣ извѣстной единицы населенія.

[1]) Такъ называлась сокровищница, въ которую собирались громадные доходы архіепископа Новгородскаго со всѣхъ новгородскихъ волостей, торговли, промысловъ и церковнаго суда. Казна Софійская хранилась въ особой потайной кладовой при соборѣ.
[2]) Послѣ владыки къ грамотамъ прилагали печати посадники, тысяцкій и другія лица, причастныя къ управленію.
[3]) Послѣ этого, новоизбранный владыко долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ или Москву, къ митрополиту, для хиротоніи во епископскій санъ; но и до того онъ уже вступалъ во всѣ права своего предшественника.

скіе и югорскіе мѣха (главнымъ образомъ—соболей, горностаевъ и чернобурыхъ лисицъ), дорогіе моржевые клыки и богатый запасъ рыбнаго товара. Постоянныя сношенія съ отдаленными колоніями, разбросанными по Бѣлому морю и Пермскому краю, а также и дальнія странствованія за-море, сопряженныя съ тысячами опасностей—выработали въ новгородцѣ такую отвагу и такое твердое мужество, при которомъ купецъ-воинъ спокойно шелъ въ дебри и пустыни, и если не могъ мирнымъ путемъ достигнуть своей цѣли, то прорубалъ къ ней путь мечемъ. Въ древнихъ былинахъ новгородскихъ, подъ именемъ „Садко, богатаго гостя"—воспѣвался именно такой купецъ-воинъ, который даже и въ морскую пучину спускается безстрашно, даже и въ палаты грознаго царя морскаго входитъ какъ къ себѣ „на широкій дворъ".

Главнымъ центромъ всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и купеческихъ собраній въ Новгородѣ была ограда церкви *св. Іоанна Предтечи-на-Опокахъ* (близь Торга). Здѣсь засѣдалъ избранный совѣтъ купеческихъ старшинъ, такъ-называемое *Иванское* купечество, пользовавшееся большими правами; здѣсь хранились подъ смотрѣніемъ церковнаго причта и благословеніемъ владыки образцы мѣръ и вѣсовъ, допускаемыхъ въ торговлѣ; здѣсь-же, подъ предсѣдательствомъ посадника и тысяцкаго, происходило судебное разбирательство русскихъ купцовъ между собою и русскихъ купцовъ съ иноземными.

Средоточіемъ иноземной торговли въ Новгородѣ былъ *Нѣмецкій торговый дворъ*, состоявшій изъ разныхъ домовъ и амбаровъ, окруженныхъ прочнымъ тыномъ и заборомъ, за сохранностью котораго нѣмцы очень зорко наблюдали. Внутри двора, на особыхъ доскахъ, была вывѣшена такъ-называемая *скра*—постановленіе о внутреннемъ управленіи нѣмецкаго двора. На срединѣ двора находилась нѣмецкая церковь или, какъ ее называли новгородцы, *варяжская божница*.

Отношенія новгородцевъ къ нѣмцамъ и готландцамъ [1]) основывались на весьма опредѣленныхъ и подробныхъ договорахъ, которые чрезвычайно любопытны. Изъ нихъ узнаемъ, что иноземные купцы раздѣлялись на *лѣтнихъ* и *зимнихъ;* первые пріѣзжали *водою*, вторые—*сухимъ* путемъ. Новгородскій приставъ и купцы должны были встрѣчать иноземныхъ гостей на островѣ *Котлинѣ* (на мѣстѣ нынѣшняго *Кронштадта*) и новгородскіе лоцманы должны были проводить ихъ суда через Невскіе и Волховскіе пороги. Пошлины съ ввозныхъ нѣмецкихъ товаровъ брали въ *Гостинопольской* пристани (пониже станціи Волховъ на Никол. жел. дорогѣ); сверхъ того, по пріѣздѣ въ Новгородъ, иноземные гости обыкновенно подносили подарки владыкѣ; а посаднику, сверхъ подарковъ, привозили пару *перстатыхъ рукавицъ* (т. е. перчатокъ). Съ каждымъ пріѣздомъ иноземныхъ гостей пріѣзжалъ и священникъ, который не оставался на житье въ Новгородѣ, а уѣзжалъ вмѣстѣ со своими спутниками, какъ только тѣ оканчивали свои торговыя дѣла. Гости каждаго пріѣзда выбирали себѣ *альдермана* (старшину), который пользовался чрезвычайною властью: за убійство русскаго нѣмцемъ, если родные убитаго не соглашались мириться, альдерманъ могъ казнить нѣмца смертью. Право суда и разбора недоразумѣній, возникавшихъ между зимними и лѣтними гостями, принадлежало новгородскому посаднику и тысяцкому.

Страшнымъ врагомъ торговли, какъ и вообще врагомъ тишины и мирныхъ занятій, были въ Новгородѣ *удалые добрые молодцы*; ихъ типомъ является *Васька Буслаевъ* въ извѣстной новгородской былинѣ. Подъ этимъ общимъ названіемъ разумѣли всю ту гульливую и праздную молодежь изъ боярскихъ и богатыхъ купеческихъ семействъ, которая, въ періоды продолжительной тишины и полнаго мира съ сосѣдями, не находила ни примѣненія своимъ силамъ, ни простора своей удали. Набирая себѣ дружину такихъ же удальцовъ и вербуя ее безъ разбора во всѣхъ слояхъ населенія, удалые добры молодцы проводили жизнь въ шумныхъ попойкахъ и буйныхъ потѣхахъ, то затѣвая драки въ самыхъ людныхъ частяхъ Новгорода, то принимая горячее участіе въ борьбѣ вѣчевыхъ партій. Всего хуже было то, что подъ рукою этихъ молодыхъ гулякъ и буяновъ, разные недобрые люди производили грабежи на пожарахъ, разбивали лавки съ товаромъ и позволяли себѣ дерзкія насилія. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка изъ этихъ же „удалыхъ добрыхъ молодцевъ" набирались тѣ лихіе *ушкуйники,* которые наводили своими набѣгами ужасъ на все Поволжье и причиняли немалыя затрудненія Господину Великому Новгороду въ его отношеніяхъ къ сосѣднимъ княжествамъ и къ хану.

Своеобразная новгородская жизнь, полная шума и движенія, слагавшаяся подъ такими разнообразными впечатлѣніями, нечуждая вліяній европейскаго Запада и Польши, должна была найти себѣ отголоски въ искусствѣ и въ литературѣ. Дѣйствительно, древне-русская литература сохранила намъ цѣлую массу спеціально новгородскихъ *житій* и *сказаній*, указывающихъ на то, что грамотность и образованіе книжное были въ Новгородѣ достояніемъ не одного только духовенства, но всѣхъ классовъ общества. Знаемъ, что многія частныя лица собирали книги и составляли *сборники* статей. До насъ дошло нѣсколько описаній странствованія новгородцевъ по чужимъ землямъ; изъ нихъ особенно любопытно описаніе Царьграда, составленное какимъ-то Стефаномъ Новгородцемъ, который наивно замѣчаетъ, что „въ Царьградъ входишь, какъ въ дубраву какую, и безъ добраго проводника въ немъ ходить нельзя." Особенно замѣчательно было по богатству своему собраніе рукописныхъ книгъ при Софійскомъ соборѣ, отчасти уцѣлѣвшее и до настоящаго времени. При дворѣ новгородскихъ владыкъ велась особая лѣтопись новгородскихъ событій, и многіе изъ сосѣднихъ князей присылали къ владыкѣ малолѣтнихъ княжатъ для обученія грамотѣ. Самые писцы новгородскіе славились во всей Руси красотою своего письма и рукописи новгородскія поэтому особенно цѣнились.

Не менѣе новгородскихъ писцовъ славились и мѣстные иконописцы. Ихъ произведенія, по строгости рисунка и по близости къ византійскимъ древнимъ подлинникамъ, настолько отличались отъ московскихъ иконъ, что важнѣйшія мѣстныя иконы Софійскаго собора, послѣ разгрома Новгорода Іоанномъ Грознымъ, были увезены въ Москву и тамъ оставлены, а на мѣсто ихъ въ Новгородъ присланы впослѣдствіи точныя копіи съ нихъ.

[1]) Сначала Новгородъ вошелъ въ торговыя сношенія съ гор. *Висби*, на Готландѣ, а потомъ уже съ Любекомъ, Ригою и другими городами Ганзейскаго союза.

Къ рисункамъ.

Типъ арелатки. (Рис. на стр. 120 и 121).

Не послѣднее мѣсто между картинами французскаго историческаго живописца Пьера Ко (Cot) занимаютъ портреты, въ особенности женскіе. Будучи ученикомъ Кабанеля и Бугро, онъ художественно проявляетъ въ своихъ произведеніяхъ и блестящую красочность перваго изъ нихъ, и мягкій, изящный рисунокъ втораго. Гравюра съ одной изъ его картинъ, помѣщенная на стр. 120 и 121, изображаетъ красивую, молодую арелатку съ прекрасными, серьезными глазами, задумчивый взглядъ которыхъ невольно приковываетъ вниманіе зрителя.

„Мцыри". (Рис. на стр. 125).

Помѣщенный на стр. 125 рисунокъ А. Земцова, представляетъ одинъ изъ эпизодовъ въ разсказѣ Лермонтовскаго „Мцыри" о приключеніяхъ и ощущеніяхъ, испытанныхъ имъ на волѣ:

...Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови....
Я ждалъ. И вотъ, въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хоть лила изъ раны кровь
Густой широкою волной—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.

И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,

Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ

Человѣкъ за бортомъ. Карт. франц. художн. Гакета, грав. Гофманъ.

Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ

Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

Никольскій погостъ. (Рис. на стр. 128).

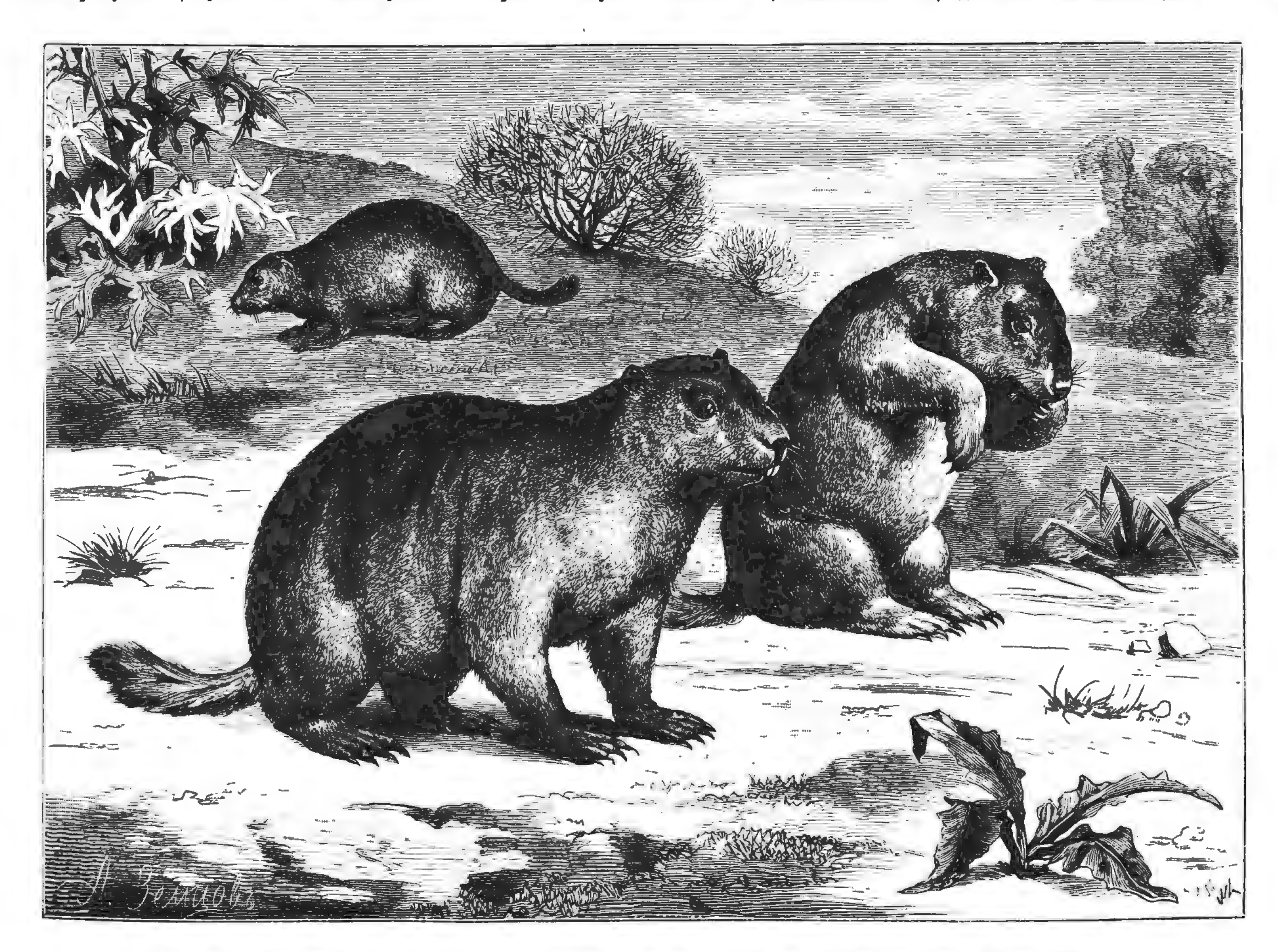
Извѣстный русскій художникъ, профессоръ исторической живописи, Адольфъ Іосифовичъ Шарлемань родился въ Петербургѣ въ 1825 г. и учился въ здѣшней Академіи Художествъ подъ руководствомъ Вилевальде. 17-ти лѣтъ онъ былъ награжденъ 1-ою серебряною медалью за выдающуюся работу, представляющую эпизодъ изъ войны 1805 г. Получивъ черезъ 3 года, въ 1855 г., за прекрасную картину „Монахи Августинскаго ордена встрѣчаютъ фельдмаршала Суворова на вершинѣ Сенъ-Готарда (1799 г.)“ 1-ю золотую медаль, онъ уѣхалъ въ Италію пансіонеромъ академіи. Здѣсь написано имъ лучшее его произведеніе „Торжественный пріемъ Суворова въ Миланѣ (19 апрѣля 1790 г.)“. Съ этого времени за Шарлеманемъ установилась репутація даровитаго историческаго живописца. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, какъ большихъ картинахъ, такъ и простыхъ рисункахъ, художникъ всегда умѣетъ сохранить строгую историческую правду передаваемаго событія, большое портретное сходство дѣйствующихъ въ немъ лицъ, при красивой композиціи и бойкомъ рисункѣ. Кромѣ сценъ изъ исторіи, Шарлемань съ большимъ талантомъ занимается и другими родами живописи. Какъ образчикъ пейзажа работы художника, читатели „Нивы“ найдутъ на стр. 128, красивый видъ Никольскаго погоста, написанный имъ во время одной изъ поѣздокъ на крайній Сѣверъ Россіи.

Первая безплатная городская читальня въ Петербургѣ. (Рис. на стр. 129).

Во вторникъ, 24 ноября прошлаго года, состоялось въ Петербургѣ открытіе первой городской безплатной читальни въ память А. С. Пушкина. Читальня помѣщается на углу Рузовской улицы и Обводнаго канала, въ домѣ № 43, противъ церкви Св. Мирона. Передъ небольшимъ деревяннымъ домикомъ, въ которомъ пріютилась читальня, съ полудня толпился народъ, въ ожиданіи открытія. Около трехъ часовъ въ помѣщеніи читальни собрались члены училищной коммиссіи и гласные городской думы, съ городскимъ головой В. И. Лихачевымъ во главѣ. Послѣ благодарственнаго молебствія съ водосвятіемъ и окропленія помѣщенія святою водою, произошло оффиціальное торжество открытія и съ 5 часовъ въ читальню начали допускать посѣтителей. Помѣщеніе читальни состоитъ изъ 4 комнатъ; изъ нихъ двѣ назначены подъ кладовую и для служащихъ, а остальныя двѣ отведены для посѣтителей. Изъ этихъ послѣднихъ меньшая предназначена спеціально для женщинъ. Заниматься въ читальнѣ могутъ безъ стѣсненія до 60 человѣкъ. Библіотека заключаетъ въ себѣ, не считая газетъ, болѣе 3,700 томовъ, въ томъ числѣ до 1,700 пожертвованныхъ разными лицами. Администрація читальни состоитъ изъ библіотекарши, О. Б. Барсуковой и ея помощницы. Ведется строгая отчетность, какъ относительно количества читателей, такъ и относительно требуемыхъ къ чтенію книгъ. Устройство читальни обошлось городу до 2,200 рублей. Въ первые дни наплывъ посѣтителей былъ такъ значителенъ, что приходилось многимъ отказывать по недостатку мѣстъ. Всего за декабрь мѣсяцъ читальню посѣтило до 4,000 человѣкъ. Для ознакомленія съ количествомъ посѣтителей за день и родомъ читаемыхъ книгъ приводимъ бюллетень читальни за 3 января 1888 года. Было посѣтителей 145, изъ нихъ: мужчинъ 60; женщинъ 9; мальчиковъ 70; дѣвочекъ 6. Взято для чтенія книгъ 234, изъ нихъ: 69 оригинальныхъ беллетристическихъ, 21 переводныхъ, 40 дѣтскихъ книжекъ, 45 иллюстрированныхъ изданій.

Порядокъ для посѣщенія читальни установленъ слѣдующій: посѣтитель при входѣ получаетъ билетъ, на которомъ обозначаетъ желаемую книгу. За одинъ разъ можно взять не болѣе 2 книгъ. По окончаніи занятія, на входномъ билетѣ выставляется штемпель въ знакъ того, что книга сдана обратно. Выходя изъ читальни, посѣтитель предъявляетъ входной билетъ швейцару, который, удостовѣрившись по наложенному штемпелю, что книги сданы, выдаетъ одежду.

Въ декабрѣ открыта вторая безплатная читальня на Выборгской сторонѣ, по Самсоніевскому проспекту. За двѣ послѣднія недѣли прошлаго года ее посѣтило до 1,180 человѣкъ.



Сурки (Arctomys). Изъ коллекціи **М. Пржевальскаго**, съ чучелъ рис. **А. Земцовъ**, грав. Рашевскій.

Развалины афганскаго храма близь Партова.

(Рис. на стр. 132).

Шушинскій уѣздъ Елисаветпольской губ., подобно многимъ мѣстностямъ Закавказья, заключаетъ въ себѣ памятники глубочайшей древности, къ которымъ, между прочимъ, принадлежатъ и остатки помянутаго храма близъ Партова. Храмъ этотъ былъ облицованъ изразцами бирюзоваго цвѣта. Узоръ на кирпичахъ башни состоитъ изъ повторенія слова *Аллахъ*. Башня имѣетъ 8—9 саженъ высоты и внутри также облицована израз-

цами того же цвѣта. Древности ея никто еще не могъ опредѣлить. Около башни, саженяхъ въ 30—40, находятся развалины подземной постройки со сводчатымъ потолкомъ изъ разноцвѣтныхъ изразцевъ, на 7 сводахъ. Здѣсь ростетъ небольшой кустъ, почитаемый священнымъ, колючаго репейника, на который больные вѣшаютъ свое платье во исцѣленіе отъ недуговъ.

Тайное прощаніе. (Рис. на стр. 133).

Семейство Швенингеръ представляетъ замѣчательный примѣръ наслѣдственности въ искусствѣ, весьма впрочемъ не рѣдкой у живописцевъ и музыкантовъ и почти никогда не встрѣчающейся у поэтовъ. Карлъ Швенингеръ старшій, родившійся въ 1818 въ Вѣнѣ, замѣчательный пейзажистъ, прославившійся преимущественно тонами воздуха. Сынъ его, Карлъ Швенингеръ младшій, посвятилъ себя преимущественно жанру. Прилагаемъ одну изъ его граціозныхъ картинъ, которыя обыкновенно понятны съ перваго взгляда и не требуютъ комментаріевъ.

Человѣкъ за бортомъ. (Рис. на стр. 136).

Нигдѣ опасность, нерѣдко смертельная, не бываетъ столь близкою и непредвидѣнною, какъ на морѣ. Не даромъ говорится: „кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался“. Много гибнетъ людей въ безпощадныхъ волнахъ, и всего больше — рыбаковъ. Неудивительно, что они, проводя почти всю свою жизнь на водѣ, подвергаются сплошь и рядомъ разнымъ случайностямъ, нерѣдко грозящимъ имъ смертью въ водахъ бурнаго моря. Одинъ изъ подобныхъ случаевъ въ жизни рыбаковъ изображенъ на стр. 136. Былъ туманный, холодный день. Высокія волны, завиваясь пѣнистыми гребнями, съ шумомъ ходили рядами по темному морю. Крѣпкій вѣтеръ дулъ порывами. Вышедшіе на ловлю рыбаки спѣшили возвратиться домой и пользуясь попутнымъ вѣтромъ шли на всѣхъ парусахъ. Вдругъ на одной изъ лодокъ, рыбакъ, поправляя сѣти на грязной и скользкой палубѣ, поскользнулся и упалъ за бортъ. Въ тотъ-же мигъ его товарищи повернули ботъ, приспустили паруса и спѣшатъ всѣми средствами придти на помощь погибающему. Одинъ изъ нихъ, крѣпко ухватясь за рулевое весло, направляетъ лодку въ сторону утопающаго, а другой, стоя на носу бота, готовится бросить ему спасательный кругъ.

Сурки. (Рис. на стр. 137).

Наиболѣе извѣстный и распространенный по всему югу Европейской Россіи и въ южной Сибири до Амурскаго края видъ сурка—это такъ-называемый *байбакъ* (Arctomys bobak). Н. М. Пржевальскій во время его путешествій по восточной и центральной Азіи наблюдалъ еще три вида сурковъ, водящіеся почти во всѣхъ большихъ хребтахъ центральной Азіи и преимущественно Тибета. Изъ привезенныхъ имъ шкурокъ были сдѣланы чучела, украшающія нынѣ зоологическую его коллекцію въ музеѣ Имп. Академіи Наукъ. Виды эти называются: A. himalayanus, A. robustus и A. dichrous. Всѣ эти небольшія животныя (длина сурка около полуаршина) водятся въ степяхъ и альпійскихъ долинахъ, гдѣ живутъ многочисленными обществами въ норахъ, которыя они выкапываютъ себѣ крѣпкими когтями, воздвигая надъ каждою норою родъ холмика или насыпи, что при ихъ многочисленности придаетъ степи волнистую поверхность. По внѣшней формѣ всѣ эти холмики и входы въ норы похожи другъ на друга, но внутри нора имѣетъ весьма различное протяженіе. Главный коридоръ отъ входа до логовища, отъ трехъ до шести саженъ длины, развѣтвляется подъ землей вилообразно на два или на три рукава, изъ коихъ нерѣдко каждый въ свою очередь даетъ вѣтви. Рукава эти большею частію не имѣютъ другаго выхода, оканчиваясь какъ-бы слѣпымъ мѣшкомъ, и доставляютъ матеріалъ для закупориванія главнаго входа на зиму. Тѣ-же галереи которыя не оканчиваются тупикомъ—ведутъ въ просторное помѣщеніе для зимней спячки, особое отъ лѣтняго логовища. Зимнее логовище устилается мягкимъ сѣномъ. Главный входъ закупоривается на зиму какъ-бы пробкой въ полтора аршина толщины и состоящей изъ камней, песку, травы и помета сурковъ. Внутри закупореннаго такимъ образомъ жилища температура стоитъ всегда выше точки замерзанія.

Что касается образа жизни и нравовъ сурка, то они повсюду одинаковы. Въ теченіе лѣта сурки ведутъ весьма подвижную, можно сказать, веселую жизнь. Народившееся съ весны (обыкновенно въ апрѣлѣ, самое позднее въ маѣ) молодое поколѣніе къ этому времени на половину выростаетъ и ведетъ жизнь взрослыхъ, хотя и не имѣя еще ихъ опытности. Съ восходомъ солнца всѣ выбѣгаютъ изъ норъ, жадно лижутъ росу, единственное питье ихъ въ безводныхъ степяхъ, пасутся на травѣ, весело играютъ другъ съ другомъ по холмикамъ норъ, дремлютъ въ теченіе жаркаго полдня на мягкомъ логовищѣ норы, и къ вечеру снова выходятъ покормиться на ночь. Пасутся они всегда саженяхъ въ двадцати отъ жилища, но дальше тоже не любятъ забираться, чтобы опасность не захватила ихъ вдали отъ норы. Какъ только раздается рѣзкій предостерегающій свистъ бдительнаго сторожа, тотчасъ подхватываемый остальными изъ старшихъ, всѣ кидаются сломя голову къ норамъ и тотчасъ исчезаютъ въ нихъ. Это случается обыкновенно при появленіи волка, собаки, орла или коршуна, и въ особенности человѣка. Съ іюня начинаютъ они запасать на зиму провіантъ, стаскивая въ норы сѣно и коренья, но вначалѣ дѣло идетъ лѣниво, зато тѣмъ съ большимъ рвеніемъ къ осени. По мѣрѣ наступленія зимы они становятся все сонливѣе въ своихъ движеніяхъ; прежняго лѣтняго веселья нѣтъ и въ поминѣ; въ началѣ сентября они уже едва бродятъ пошатываясь послѣ холодныхъ утренниковъ и въ половинѣ сентября окончательно закупориваются въ норы, гдѣ ведутъ уже полусонное существованіе до декабря, когда впадаютъ въ полную спячку съ тѣмъ чтобы проснуться лишь въ февралѣ вмѣстѣ со всею природой.

Съ весны имъ приходится довольно плохо. Оставленная вокругъ жилищъ ихъ трава съѣдена скотомъ, за исключеніемъ жесткихъ сухихъ стеблей крапивы и ревеню. Когда же выростаетъ новая, они съ голодухи накидываются на нее и почти сплошь заболѣваютъ разстройствомъ пищеваренія. Вслѣдствіе всего этого они быстро тощаютъ, едва держатся на ногахъ, и легко становятся добычей не только орловъ, но и волковъ. Тунгузы, буряты и другіе кочевники охотятся за ними ради вкуснаго мяса и, послѣ зимней голодухи въ юртахъ, подолгу подкарауливаютъ ихъ съ ружьемъ въ рукѣ, неподвижно лежа на выстрѣлъ отъ норъ.

Политическое обозрѣніе.

Отвѣтъ Тиссы на запросы Гельфи и Перчеля.—Дамасскій инцидентъ.

30 декабря въ палатѣ депутатовъ венгерскаго сейма г. Гельфи сдѣлалъ запросъ по поводу вооруженій Россіи и спросилъ: обращалось-ли министерство иностранныхъ дѣлъ къ Русскому правительству съ запросомъ относительно цѣли неожиданныхъ приготовленій съ его стороны? продолжаетъ-ли правительство непоколебимо держаться заявленной имъ въ 1886 г. программы относительно Болгаріи? не считаетъ-ли оно умѣстнымъ, согласно смыслу этой программы, созвать для разрѣшенія болгарскаго вопроса международную конференцію? наконецъ, въ случаѣ, если стремленія, направленныя къ сохраненію мира, окажутся безуспѣшными, можетъ-ли Австро-Венгерская монархія разсчитывать на союзъ Германіи? Другой депутатъ, Перчель, спросилъ: не считаетъ-ли правительство умѣстнымъ попросить Россію, чтобы она уменьшила численность своихъ войскъ на границѣ до размѣра, соотвѣтствующаго безопасности Австріи?

Болѣе двухъ недѣль понадобилось министру-президенту Тиссѣ для того чтобы изготовить на эти запросы пространный отвѣтъ, который, однако, кажется никого, кромѣ самихъ Гельфи и Перчеля, вполнѣ не удовлетворилъ. 15 января вечеромъ г. Коломанъ Тисса сообщилъ содержаніе своего отвѣта либеральному клубу, а на другой день въ засѣданіи палаты депутатовъ министръ-президентъ, отвѣчая на запросы Гельфи и Перчеля, выставилъ прежде всего на видъ, что не слѣдовало-бы вѣрить различнымъ телеграммамъ и слухамъ, распускаемымъ газетами. Министръ не желаетъ изслѣдовать, распространяются-ли эти слухи ради биржевыхъ спекуляцій, или изъ желанія произвести сенсацію, или, наконецъ, какъ пробные шары, предназначенные для того, чтобы вызвать внутри государства тревогу или расколъ или поколебать взаимное довѣріе союзныхъ державъ другъ къ другу. Онъ не желаетъ также возражать подробно на предъявленные ему запросы и предполагаетъ ограничиться краткимъ заявленіемъ. Изъ компетентнаго источника объявлено было уже черезъ газеты, что слухи о томъ, будто графу Кальноки, при принимаемыхъ имъ политическихъ рѣшеніяхъ, приходилось наталкиваться на вмѣшательства и столкновенія—невѣрны. То же можно сказать и о заявленіи, что военный министръ потребовалъ кредитовъ на военныя приготовленія, но что вслѣдствіе его, Тиссы, противодѣйствія, въ этихъ кредитахъ было военному министру отказано,—равно какъ и о вопросѣ, который, впрочемъ, уже самъ по себѣ наводитъ на сомнѣнія, можетъ-ли Австро-Венгрія быть увѣрена въ томъ, что союзники ея исполнятъ то, чего отъ нихъ въ правѣ ожидать монархія. Если правительство замѣчаетъ, что сегодня ему совѣтуютъ быть на-сторожѣ, такъ какъ довѣріе его къ союзникамъ можетъ-де ввести его въ заблужденіе, а завтра доказываютъ послѣднимъ, что имъ слѣдуетъ быть осторожными, такъ какъ они могутъ ошибиться въ своихъ разсчетахъ относительно Австро-Венгріи; если, сверхъ того, распускаютъ слухъ, что правительство намѣревается заключить сепаратное соглашеніе, а потомъ заявляютъ, что такъ намѣревается поступить тотъ или другой изъ союзниковъ,—то для всякаго станетъ очевиднымъ, что чьи-то интересы требуютъ расторженія лиги мира или по крайней мѣрѣ того, чтобы въ союзникахъ было поколеблено чувство довѣрія одного къ другому, а въ народахъ ихъ было посѣяно тревожное настроеніе, тормозящее ихъ энергію. Всему этому можно противопоставить въ Австро-Венгріи фактъ, что нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться во взаимной добросовѣстности державъ, заключившихъ между собою союзъ для

сохраненія мира и ради собственной своей безопасности. Что Россія приступаетъ къ врѣзывающейся дислокаціи и передвиженію своихъ войскъ въ западномъ направленіи—это положительно извѣстно, равно какъ и то, что этотъ давно уже существующій планъ за послѣднее время приводится въ исполненіе въ большихъ размѣрахъ по направленію къ границамъ нашей монархіи. Именно по этой причинѣ, не выражая притомъ никакихъ сомнѣній относительно миролюбивыхъ заявленій Русскаго правительства и его доброжелательныхъ намѣреній, а равно потому, что сама Австро-Венгрія допускаетъ сдѣланныя съ русской стороны заявленія, въ которыхъ, правда, относительно передвиженія войскъ, оспаривается существованіе всякихъ агрессивныхъ или воинственныхъ замысловъ, лишь постольку, поскольку это согласуется съ заботами о собственной безопасности,—долгъ правительства требуетъ, чтобы, избѣгая всего того, что̀ могло-бы казаться хотя бы тѣнью вызова, сдѣлано было все необходимое для огражденія предѣловъ Австро-Венгріи и обезпеченія боевой пригодности ея арміи. Цѣли и принципы, коими руководится иностранная политика Австро-Венгріи, извѣстны какъ ея народамъ, такъ и всему міру. Въ этомъ именно смыслѣ имъ, Тиссою, сдѣланы были заявленія; въ этомъ же смыслѣ высказывался также министръ иностранныхъ дѣлъ. Всякому извѣстно, что Австро-Венгрія не требуетъ ничего рѣшительно для распространенія своего вліянія противнаго договорамъ и не требуетъ какого бы ни было территоріальнаго приращенія, какъ то было несправедливо приписано правительству. Стоя на почвѣ международныхъ договоровъ, правительство желаетъ прежде всего сохраненія мира и въ интересахъ мира будетъ всегда готово дѣйствовать въ примирительномъ духѣ совмѣстно съ прочими европейскими державами, ради сохраненія соотвѣтствующихъ договорамъ порядковъ. Онъ, Тисса, можетъ повторить лишь то, что̀ было неоднократно заявляемо правительствомъ; а именно, что союзъ среднеевропейскихъ державъ есть не болѣе какъ союзъ заключенный на чисто оборонительныхъ условіяхъ и чуждый поэтому какъ насильственнаго разрѣшенія извѣстныхъ политическихъ цѣлей, такъ и всякихъ агрессивныхъ дѣйствій. Такъ какъ и въ Россіи съ руководящей стороны заявляется о миролюбивѣйшихъ намѣреніяхъ, то правительство, охраняя притомъ жизненные интересы страны, можетъ, не смотря на нѣкоторые стремящіеся къ раздору и войнѣ элементы, питать надежду, что миролюбивымъ монархамъ и правительствамъ удастся сохранить миръ и освободить Европу отъ гнетущаго ее чувства неопредѣленности.

Палата приняла отвѣтъ Тиссы со знаками одобренія къ свѣдѣнію, а авторы запросовъ, кромѣ того, заявили, что въ Венгріи войны никто не желаетъ.

Вышеприведенная рѣчь Коломана Тиссы не производитъ опредѣленнаго впечатлѣнія и положительнаго въ ней ничего не сказано. Онъ говоритъ много какъ будто для того чтобы сказать какъ можно меньше. Въ Берлинѣ, гдѣ отвѣтъ Тиссы ожидался съ особеннымъ нетерпѣніемъ, онъ произвелъ чувство разочарованія. Тѣмъ не менѣе германская оффиціозная печать называетъ рѣчь Тиссы манифестаціей въ пользу мира. Замѣчательно въ этой миролюбивой манифестаціи то, что, не смотря на теперешнее спокойное положеніе, въ ней упоминается о жертвахъ которыхъ требуетъ оборона монархіи. Слова эти, какъ нѣкоторые полагаютъ, относятся къ законопроекту о снаряженіи милиціи, который будетъ внесенъ въ маѣ въ делегаціи.

Но быть-можетъ и въ ближайшемъ будущемъ будутъ потребованы эти жертвы въ силу требованій пресловутой „лиги мира“. Въ *Кельнской газетѣ* уже появилось сообщеніе, что Австрійскому правительству необходимо позаботиться о реализаціи новаго кредита на военныя надобности. Извѣстіе это произвело самое тяжелое впечатлѣніе въ Вѣнѣ, что̀ легко становится понятнымъ въ виду затруднительнаго финансоваго положенія Австро-Венгріи. Другое дѣло Германія. Подъ шумокъ извѣстій самаго успокоительнаго свойства, она легко реализуетъ громадный заемъ на военныя нужды. Законопроектъ объ этомъ займѣ уже внесенъ въ рейхстагъ и первое чтеніе ожидается еще въ концѣ этой недѣли. Какъ сообщаютъ телеграммы, въ законопроектѣ о новомъ германскомъ государственномъ займѣ требуется до 278.335,562 марки, необходимыхъ на пополненіе военныхъ принадлежностей для предположеннаго военнымъ законопроектомъ усиленія численности войскъ. Постоянные расходы по денежному довольствію администраціи воинскихъ управленій и на канцелярскіе расходы составятъ въ общей сложности 414,975 марокъ. Сюда же должны быть причислены и 280,000 марокъ процентовъ за 1888—89 годъ по предположенному займу. Единовременные расходы простираются до 281.550.536 марокъ. Изъ этой суммы 3.214,974 марки будутъ покрыты матрикулярными взносами, остальная же сумма должна быть покрыта путемъ заключенія займа. Поспѣшность въ проведеніи этого законопроекта въ рейхстагѣ и притомъ въ настоящее время, когда умы только что начинаютъ успокоиваться отъ постоянныхъ запугиваній войною, является нѣсколько странною и поразительною.

Франція не успѣла еще развязаться съ флорентійскимъ инцидентомъ, который, если не обострился, то только благодаря личному вмѣшательству короля Гумберта черезъ посредство графа Менабреа,—какъ по извѣстіямъ изъ Дамаска, турецкій полицейскій офицеръ насильно ворвался, въ сопровожденіи 15-ти вооруженныхъ агентовъ, въ мѣстное французское консульство и взялъ подъ арестъ французскаго подданнаго, который послѣдовалъ за Абдель-Кадеромъ въ изгнаніе. Консулъ тотчасъ же обратился съ письменнымъ протестомъ къ генералъ-губернатору. Было телеграфировано президенту Карно и французскій посолъ графъ Монтебелло энергически потребовалъ удовлетворенія.

Вслѣдствіе этого Порта предписала произвести строгое слѣдствіе по дѣлу о нарушеніи неприкосновенности французскаго консульства въ Дамаскѣ. Адмиралъ Ольри, командующій морскимъ отрядомъ въ Смирнѣ, получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Бейрутъ съ броненосцемъ „Vauban“ и двумя вѣстовыми судами для огражденія французскихъ подданныхъ отъ ярости мусульманскаго населенія.

Черезъ два дня послѣ этихъ сообщеній, 20 января изъ Константинополя получено увѣдомленіе, что, „по извѣстіямъ, идущимъ отъ дамасскаго губернатора, арестованное лицо обвиняется въ четырнадцати преступленіяхъ. Арестовано оно было не въ помѣщеніи консульства, а внѣ его. Французское правительство, по соглашенію съ Портой, рѣшило назначить комиссара, который, совмѣстно съ комиссаромъ турецкимъ, будетъ вести слѣдствіе, направленное къ тому, чтобы съ точностью выяснить условія, при коихъ состоялось арестованіе. Слѣдствіе, которое должно начаться 8 февраля, коснется также положенія алжирцевъ въ Сиріи и, такимъ образомъ, будетъ имѣть общій характеръ, въ тѣхъ видахъ, чтобы можно было поправить положеніе дѣлъ, на которое Франціи часто приходилось жаловаться. Французскимъ комиссаромъ будетъ совѣтникъ французскаго консульства въ Константинополѣ Эмберъ, находящійся въ настоящее время въ Парижѣ“.

Библіографія.

Новыя изданія А. С. Суворина:

Дмитрій Кайгородовъ. Изъ зеленаго царства. (Со многими рисунками. СПБ. 1888).

Подъ этимъ заглавіемъ почтенный авторъ, профессоръ С.-Петербургскаго Лѣснаго Института, написалъ цѣлый рядъ очерковъ изъ міра растеній, рисующихъ то въ живомъ, интересномъ разсказѣ, то въ формѣ волшебной сказочки, то въ популярно-научной общедоступной бесѣдѣ, полную жизнь безконечно разнообразныхъ органическихъ существъ, совокупность которыхъ составляетъ растительное царство. Избирая преимущественно представителей русской флоры, авторъ по необходимости касается и чужестранныхъ, для уясненія, напр., такихъ явленій какъ насѣкомоядныя растенія, или для полной характеристики такихъ обширныхъ семействъ, какъ напр. пасленовыя или злаки. Книга написана живымъ, блестящимъ, нерѣдко образно-прекраснымъ языкомъ и читается съ большою легкостью. Нѣкоторое понятіе о содержаніи даютъ уже самыя заглавія ея отдѣловъ; напр.: *Мысли во время листопада. Подъ снѣгомъ. Лѣсная сказка. Цвѣточный календарь. У камина* (что̀ такое дрова?) *За ягодами! Какъ надо поливать комнатные цвѣты* и проч.

Дешевая библіотека:

Три выпуска *Повѣстей и разсказовъ Н. С. Лѣскова (I. Скоморохъ Памфалонъ (Спасеніе погибавшаго. II. Очарованный странникъ. III. Запечатлѣнный ангелъ) по 20 коп.*

Два выпуска *Семейной старины. Г. П. Данилевскаго (I. Прабабушка. Тѣнь прадѣда. II. Дѣдовъ лѣсъ. Бабушкинъ рай). 10 и 15 коп.*

Шиллеръ. Духовидецъ. Переводъ М. Коршъ. 15 к.

Перечисленныя произведенія слишкомъ извѣстны читающей публикѣ для того, чтобы нужно было распространяться объ ихъ достоинствахъ. Можно только поздравить издателя съ такимъ прекраснымъ выборомъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 14 января, въ Николаевской залѣ Зимняго Дворца, состоялся ежегодно даваемый въ зимнемъ сезонѣ большой придворный балъ, на который было разослано 3.148 приглашеній высшимъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, съ ихъ супругами и дочерьми, начальникамъ управленій и частей и офицерамъ гвардіи и флота.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно освободить жителей города Вѣрнаго и Вѣрненскаго уѣзда, Семирѣченской области, отъ отбыванія воинской повинности на пять лѣтъ.

— Высочайше повелѣно учредить съ 1-го января 1888 года, на три года, по числу полицейскихъ участковъ города Москвы, дол-

жности 41 полицейскаго надзирателя, съ содержаніемъ по 600 рублей въ годъ.

— Высочайше повелѣно для обезпеченія участи престарѣлыхъ тружениковъ почтово-телеграфнаго вѣдомства и ихъ семействъ, образовать эмеритальную кассу сего вѣдомства, начавъ съ 1 января 1888 года производство 6% вычетовъ изъ жалованья и столовыхъ денегъ чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, и означенные вычеты обращать въ эмеритальный фондъ одновременно въ началѣ каждаго года.

Финансы.

— Въ теченіи десяти первыхъ мѣсяцевъ истекшаго года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 582.668,325 руб., болѣе предшествовавшаго года на 33.841,179 руб., или почти на 6,2%.

— По 1 января 1888 года въ совѣтъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка представлено отдѣленіями банка 5,704 дѣла о ссудахъ. Изъ сего числа разрѣшено 5,140 дѣлъ на сумму 152.360,200 рублей.

Промышленность.

— Въ теченіе минувшаго года, Обществомъ куяльницкихъ соляныхъ промысловъ продано и вывезено съ промысла около 900 т. пудовъ соли, въ томъ числѣ 300 т. пудовъ изъ урожая 1887 года, а остальное количество изъ урожая 1886 года. Выволочка соли въ 1887 году дала около 1.800,000 пуд.

Торговля.

— На международномъ хлѣбномъ рынкѣ въ теченіе недѣли 4—10 января (ст. ст.) преобладало вялое настроеніе. Главнѣйшіе торговые пункты работали тихо, при общей неохотѣ какъ къ покупкамъ, такъ и къ продажамъ; цѣны слегка колебались и заключались съ наклонностью къ пониженію. *Русскіе* рынки, въ зависимости отъ общаго настроенія, держались, по преимуществу, тихо; подвозы повсемѣстно затруднены и потому невелики.

— Въ Харьковѣ, Крещенская ярмарка идетъ оживленно, дѣла хороши. Въ большомъ спросѣ дешевая мануфактура. Каменный уголь все еще въ большой цѣнѣ, подвозъ его незначителенъ; мѣстная администрація принимаетъ всѣ мѣры къ устраненію кризиса.

Народное просвѣщеніе.

— Учебныя занятія въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ начались 21 января.

— Въ Харьковѣ 17 января, профессоръ В. Ф. Грубе праздновалъ тридцатипятилѣтіе своей педагогической дѣятельности. Юбиляръ получилъ множество поздравленій, адресовъ и подарковъ. Врачи устроили профессору обѣдъ.

Искусства изобразительныя.

— Въ Имп. академіи художествъ устраивается СПБ. Обществомъ Архитекторовъ выставка въ пользу вдовъ и сиротъ его бывшихъ членовъ и вообще русскихъ зодчихъ. На этой выставкѣ, обѣщающей быть богатою и весьма интересною, будутъ находиться коллекція рисунковъ и чертежей, относящихся до постройки и украшенія московскаго храма Спасителя, нѣкоторыя, особенно замѣчательныя работы членовъ общества, а также картины и рисунки извѣстныхъ художниковъ, собранные отъ частныхъ лицъ.

Пути сообщенія.

— 17 января, шедшій изъ Кіева въ Одессу почтовый поѣздъ, входя на станцію Мигаево, не замѣтилъ, по случаю метели, сигналовъ и наскочилъ на стоящій на станціи товарный поѣздъ. Пострадали первые два багажные и одинъ пассажирскій вагонъ третьяго класса. Убиты два неизвѣстные крестьянина; ранены: жена судебнаго слѣдователя Е. Ф. Попель (переломъ берцовой кости), капитанъ Н. Н. Экскузовичъ (ушибъ), отставной поручикъ Е. П. Ларп (вывихъ лѣвой голени); остальные пассажиры отдѣлались незначительными ушибами и царапинами. Изъ поѣздной прислуги убитъ багажный кондукторъ Нечаевъ и тяжело ранено двое младшихъ кондукторовъ, М. Грибиневичъ и П. Власовъ.

— Между Гибралтаромъ и Тангеромъ (Марокко) проложенъ подводный кабель и въ Тангерѣ учреждена телеграфная станція.

Некрологъ.

— 10 января скончался, на 75 году отъ рожденія, преосвященный Наѳанаилъ, епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій.

Судебныя извѣстія.

— По Высочайшему повелѣнію 6 октября 1887 года были преданы суду особаго присутствія Сената: мѣщанинъ Одессы Оржихъ, 23 лѣтъ, грушевскій мѣщанинъ—Петровскій, 26 лѣтъ, состоящій на льготѣ сотникъ войска Донскаго — Черновъ, 25 лѣтъ, дворянинъ Аликсандринъ, 24 лѣтъ, таганрогскій мѣщанинъ Сигида, 24 лѣтъ, жена его, Сигида, 25 лѣтъ, жена отставнаго чиновника Тринитатская, 36 лѣтъ, и аккерманская мѣщанка Ѳедорова, 22 лѣтъ, по обвиненію что, вступивъ въ тайное революціонное сообщество, именующееся „партіей народной воли“ и поставляющее своею задачей ниспроверженіе, путемъ насильственнаго переворота, существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, хранили у себя, въ видахъ совершенія цѣлаго ряда задуманныхъ означеннымъ сообществомъ террористическихъ фактовъ, вполнѣ приспособленные къ дѣйствію разрывные метательные снаряды, причемъ нѣкоторые изъ сихъ поименованныхъ лицъ устроили, кромѣ того, въ городѣ Таганрогѣ для цѣлей противоправительственной пропаганды тайную типографію, обнаруженную 23 января 1886 года. Отложивъ сужденіе объ Оржихѣ, вслѣдствіе его болѣзни, впредь до выздоровленія, особое присутствіе Правительствующаго Сената приговоромъ 8—9 декабря 1887 года признало: Петровскаго, Чернова, Аликсандрина, Акима и Надежду Сигида, Тринитатскую и Ѳедорову виновными въ преступныхъ дѣяніяхъ предусмотрѣнныхъ 249 ст. Ул. о Нак. и приговорило ихъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни чрезъ повѣшеніе; при этомъ Сенатъ постановилъ, въ виду обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ особыхъ обстоятельствъ, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ Чернову, Аликсандрину, Тринитатской, Надеждѣ Сигида и Ѳедоровой назначеннаго наказанія каторжными работами на различные сроки. По воспослѣдованіи приговора, отъ Петровскаго, Акима Сигида, Чернова, Аликсандрина и Надежды Сигида поступили всеподданнѣйшія прошенія о помилованіи, въ коихъ означенные осужденные, выражая чистосердечное раскаяніе и ссылаясь на то, что они были вовлечены въ преступленіе другими болѣе опытными злоумышленниками, всеподданнѣйше ходатайствовали о смягченіи ихъ участи. Его Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть: замѣнить Петровскому, Сигида, Аликсандрину, Чернову, Тринитатской, Надеждѣ Сигида и Ѳедоровой опредѣленное по приговору Сената 8—9 декабря 1887 года наказаніе ссылкой въ каторжныя работы: Петровскаго и Сигида безъ срока, Аликсандрина на 18 лѣтъ, Чернова на 15 лѣтъ, Тринитатскую на 12 лѣтъ и Сигида и Ѳедорову на 8 лѣтъ, съ лишеніемъ, всѣхъ ихъ, всѣхъ правъ состоянія.

Изъ губерній и областей.

— Въ Баку, 17 января, ночью пойманъ извѣстный разбойникъ, бѣглый каторжникъ Ага-Ами-Гаджи-Баба, съ четырьмя товарищами, во время ограбленія этой шайкой дома бакинца Аллахверды. Разбойники отчаянно сопротивлялись, поранили домохозяина и перестрѣливались съ полиціею.

Смѣсь.

Карлъ V за обѣдомъ. Бартоломей Застровъ, посланный Померанскими герцогами, послѣ битвы при Мюльбергѣ, къ императору Карлу V, сообщаетъ о своемъ пребываніи при императорскомъ дворѣ слѣдующее: „Я часто присутствовалъ при обѣдахъ императора. За столомъ прислуживали молодые графы и князья. Передъ императоромъ ставилось сразу четыре перемѣны кушаній,—причемъ каждая состояла изъ шести блюдъ. Крышки снимались одна за другой, и если содержимое не нравилось императору, онъ отрицательно качалъ головой; если же онъ желалъ отвѣдать чего-либо, то кивалъ головой и подвигалъ блюдо къ себѣ. Прекраснѣйшіе паштеты, дичина и другія превосходно приготовленныя лакомыя блюда уносились нетронутыми; императоръ выбиралъ обыкновенно или жаренаго поросенка или телячью голову или что-нибудь подобное; не приказывая предварительно разрѣзывать кушанья и самъ почти не употребляя ножа, онъ рѣзалъ только хлѣбъ на такіе кусочки, которые могъ сразу класть въ ротъ. Кушанья-же лишь *надрѣзывалъ* съ той стороны, которая казалась ему наиболѣе вкусной, затѣмъ намѣченный кусокъ разрывалъ на части пальцами, подносилъ блюдо къ подбородку и ѣлъ самымъ первобытнымъ способомъ, но такъ опрятно и аппетитно, что пріятно было смотрѣть. Когда императоръ хотѣлъ пить—онъ пилъ во время обѣда только три раза—онъ дѣлалъ знакъ своимъ *doctoribus medicinae*, ожидавшимъ его приказаній. Доктора подходили къ буфету, на которомъ стояли двѣ серебряныя бутылки и хрустальный стаканъ,—вмѣщавшій не менѣе полутора семинъ—и наполняли стаканъ изъ обѣихъ бутылокъ. Стаканъ этотъ Карлъ V выпивалъ до дна (!), хотя и долженъ былъ два или три раза переводить дыханіе, не отводя стакана отъ рта. За столомъ Карлъ V не говорилъ ни слова, хотя за нимъ стояли шуты, продѣлывавшіе всякія штуки; но онъ даже не оборачивался, изрѣдка только складывая ротъ въ полуулыбку, когда шуты говорили что-нибудь черезчуръ забавное. Онъ охотно допускалъ въ столовую постороннихъ, приходившихъ смотрѣть какъ ѣстъ императоръ. У Карла V былъ прекрасный хоръ пѣвчихъ и оркестръ, которыхъ можно было слышать въ церквахъ, но не въ его покояхъ. Обѣдъ продолжался менѣе часа, затѣмъ все убиралось, столы и стулья складывались, такъ что ничего не оставалось, кромѣ четырехъ стѣнъ, убранныхъ дорогими тканями. По прочтеніи молитвы, императору подавали зубочистку, потомъ онъ умывался и становился въ углу комнаты у окна; сюда могъ приходить всякій подавать просьбу или просить императора устно. Онъ каждому указывалъ путь, гдѣ тотъ могъ найти удовлетвореніе.“ (С.)

Температура солнца. Профессоръ Эриксонъ произвелъ за послѣднее время рядъ изслѣдованій температуры солнца, для чего онъ пользовался такъ-называемымъ солнечнымъ пирометромъ (огнемѣромъ). Конечнымъ результатомъ его работъ явилась огромная цифра 1,700,404° по Цельсію, выражающая собою температуру солнца. (С.)

Странный видъ докторскаго гонорара существуетъ въ г. Пальмѣ, на испанскомъ островѣ Майоркѣ. Домашній врачъ является ежедневно въ предобѣденное время и направляется прямо въ гостиную. Здѣсь онъ находитъ на столѣ три пезеты (серебряная монета, равняющаяся приблизительно франку), которыя кладетъ въ карманъ и, взявъ шляпу, уходитъ тѣмъ же путемъ, никого не повидавъ и не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова. Такъ продолжается дни, недѣли, иногда цѣлые мѣсяцы. Ежедневный гонораръ въ три пезеты аккуратно получается и добросовѣстно исполняющій свои обязанности домашній врачъ можетъ быть увѣренъ, что всѣ члены пользуемой имъ семьи находятся въ вожделѣнномъ здравіи. И только, не найдя при своемъ визитѣ, обычнаго гонорара, врачъ узнаетъ, что кто-нибудь въ домѣ нуждается въ его помощи и направляется во внутренніе покои. Во все продолженіе болѣзни докторъ

не получаетъ вознагражденія; когда же паціентъ выздоровѣетъ и все въ домѣ придетъ въ должный порядокъ, обычныя три пезеты снова появятся на столѣ гостиной. Такимъ образомъ на Майоркѣ доктора больше всего зарабатываютъ тогда, когда ничего не дѣлаютъ. Во всякомъ случаѣ такой обычай побуждаетъ ихъ заботиться о скорѣйшемъ выздоровленіи своихъ паціентовъ. (С.)

Чтобы приготовить зеркало, берутъ стеклянную доску, полируютъ ее тщательно съ обѣихъ сторонъ и кладутъ на совершенно ровный, устойчивый, большею частію каменный столъ, который, подобно билліарду, имѣетъ кругомъ борты. Затѣмъ доску покрываютъ оловянной фольгой, которую укрѣпляютъ на стеклѣ осторожнымъ нажиманіемъ, и смазываютъ ртутью, тотчасъ-же превращающеюся, вмѣстѣ съ фольгой, въ амальгаму. Послѣ того какъ лишняя ртуть сбѣжитъ прочь, на наргученную сторону стекла кладутъ сукно и нажимаютъ его четыреугольными желѣзными гирями такимъ образомъ, чтобы каждый квадратный дюймъ находился подъ давленіемъ 2—3 фунтовъ. По прошествіи сутокъ, гири и сукно снимаются и стекло кладется на деревянный столъ съ подъемной доской, которой придаютъ сначала самый незначительный наклонъ. Наклонъ этотъ постепенно увеличиваютъ до тѣхъ поръ пока не стечетъ остальная жидкая ртуть и на стеклѣ останется лишь твердый слой амальгамы. Чтобы приготовить зеркало большей или меньшей величины требуется отъ 18 до 30 дней. (С.)

Углекопы въ Европѣ. Около семисотъ тысячъ человѣкъ заняты постоянно въ Европѣ работами въ угольныхъ копяхъ и половина всего этого числа приходится на долю одной только Англіи. (С.)

Мѣры предосторожности. Король французскій Лудовикъ XIV говорилъ однажды въ кругу своихъ придворныхъ о неограниченной власти, которую короли имѣютъ надъ своими подданными. Графъ де-Гишъ позволилъ себѣ замѣтить, что и власть королей имѣетъ свои границы. Но король вспыльчиво перебилъ его: „если я прикажу вамъ кинуться въ море, то вы должны повиноваться немедля и броситься внизъ головой". Графъ не отвѣтилъ ни слова, но повернулся и направился къ дверямъ. Удивленный король спросилъ куда онъ идетъ. „Учиться плавать" былъ отвѣтъ. Лудовикъ XIV разразился громкимъ смѣхомъ и этимъ закончился споръ. (С.)

Высота волнъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ глубже морское дно, чѣмъ больше представляется простора вѣтру и чѣмъ менѣе солона, а слѣдовательно и менѣе тяжела вода. Средняя высота волнъ въ Средиземномъ морѣ достигаетъ 3—4 метровъ, штормовыя-же волны доходятъ до 4—5½, а въ исключительныхъ случаяхъ даже до 9 метровъ. Въ Сѣверо-Атлантическомъ океанѣ средняя высота волнъ имѣетъ 5—8 метровъ и достигаетъ иногда 13 метровъ, тогда какъ у мыса Доброй Надежды встрѣчаются волны 14—18 метровъ. Утверждаютъ даже, что удавалось измѣрять валы въ 33 метра высотою, но во всякомъ случаѣ волны свыше 10 метровъ составляютъ рѣдкое исключеніе, даже въ Антарктическомъ океанѣ, гдѣ, вслѣдствіе малаго специфическаго вѣса воды, сильныхъ бурь и постоянно дующихъ въ одномъ направленіи вѣтровъ, встрѣчаются наиболѣе высокія волны. (С.)

Живучесть улитки. У большинства животныхъ жизнь концентрируется въ головѣ; поэтому если отнять эту важную часть тѣла, жизнеспособность прекращается вовсе или же жизнь проявляется въ видѣ предсмертныхъ судорогъ, длящихся нѣсколько минутъ. Исключеніе представляютъ угри и нѣкоторыя близкія къ нимъ породы рыбъ, которые, будучи обезглавлены, продолжаютъ двигаться въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Еще далѣе въ этомъ направленіи идутъ улитки; онѣ почти напоминаютъ миѳъ о лернейской гидрѣ, у которой когда Геркулесъ отрубалъ ей голову — тотчасъ выростала другая. Обыкновенной садовой или полевой улиткѣ можно смѣло отрѣзать голову, не боясь умертвить ее. Если голова и не выростаетъ сразу какъ у миѳической гидры, то во всякомъ случаѣ возобновляется въ двухлѣтній промежутокъ времени. Однажды видѣли какъ саламандра оторвала голову улиткѣ, которая — съ быстротой опровергающей установившееся мнѣніе о медлительности ея движеній—спряталась въ свою раковину. Въ первый моментъ считали ее мертвою, но, къ удивленію, замѣтили, что она черезъ нѣсколько минутъ выползла изъ раковины и съ помощью другихъ присасывающихся органовъ присосалась къ растенію. Улитку взяли, вмѣстѣ съ растеніемъ, домой, чтобы водворить въ акваріумѣ, населенномъ всевозможными животными и растеніями. Наблюдая улитку съ величайшимъ вниманіемъ, замѣтили по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, что то мѣсто, гдѣ была голова, затянулось тонкою бѣловатою кожицей, которая все уплотнялась и темнѣла, пока не стала черносинею какъ и все тѣльце улитки. На это превращеніе потребовалось около трехъ мѣсяцевъ; затѣмъ, на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, образовалось крошечное черное пятнышко, которое съ каждымъ мѣсяцемъ становилось больше, пока по прошествіи полутора года по обезглавленіи улитки—она не получила вполнѣ развившейся головы, отличавшейся отъ прежней лишь нѣсколько болѣе короткими рожками... Впослѣдствіи замѣчали и на другихъ экземплярахъ улитки, что отнятая голова замѣнялась новою. (С.)

Гора Араратъ, на которой по свидѣтельству Библіи остановился во время потопа Ноевъ ковчегъ, превышаетъ на 6000 футовъ Этну и на 1528 ф. высочайшую гору Европы—Монбланъ. Эта столь памятная и чтимая по связаннымъ съ нею воспоминаніямъ глубокой древности гора оканчивается двумя остроконечными вершинами, которыя придаютъ ей видъ корабля. Послѣднее обстоятельство послужило основаніемъ многочисленнымъ преданіямъ, сохранившимся въ окрестныхъ деревушкахъ и охотно сообщаемымъ путешественникамъ. По одному изъ преданій, остатки ковчега до сихъ поръ еще существуютъ на вершинѣ Арарата. Опровергнуть это тѣмъ болѣе трудно, что никому еще не удавалось достигнуть вершины горы, не смотря на неоднократныя попытки. Громадныя облака сыпучаго песку грозятъ засыпать смѣлаго путешественника, острые каменья рѣжутъ ему обувь и ноги, страшныя пропасти препятствуютъ дальнѣйшему восхожденію, но наибольшую опасность представляютъ змѣи, которыя въ огромномъ количествѣ водятся на горѣ и ежеминутно угрожаютъ ядовитымъ укушеніемъ. Самые безстрашные путешественники, остановленные опасностями, возвращались съ полъ-пути, вынужденные отказаться отъ желанія видѣть тѣ чудеса, которыя, какъ говорятъ, скрыты на вершинѣ горы. (С.)

Недавно съ успѣхомъ произведенные близъ Фолькстона въ Англіи опыты усмиренія морскихъ волнъ посредствомъ масла, служатъ новымъ доказательствомъ того, какъ многое было уже извѣстно въ древности. Уже Ѳеофилактъ, византійскій патріархъ и историкъ VI вѣка, упоминаетъ объ этомъ способѣ. Въ діалогѣ озаглавленномъ „Вопросы о природѣ" между прочимъ разсматривается вопросъ: „какимъ образомъ масло успокаиваетъ волны". Отвѣтъ гласитъ такъ: „Вѣтеръ легокъ и подвиженъ, масло же цѣпко, гладко и мазко; вѣтеръ скользитъ по покрытой масломъ водѣ не захватывая ея и не поднимая волнъ". (С.)

Тоннель въ Скалистыхъ горахъ. Въ Америкѣ возникъ недавно проектъ прорыть тоннель въ Скалистыхъ горахъ, подъ вершиною Трейсъ-Пикъ, достигающею 14,441 футовъ высоты. Тоннель будетъ имѣть протяженія 25,000 футовъ и проходить на глубинѣ 4,441 футовъ ниже вершины горы. Если сказанный планъ будетъ приведенъ въ исполненіе, то покатости къ Атлантическому и Тихому океанамъ соединятся непосредственно, и разстояніе между Денверомъ въ Колорадо и городомъ Соленаго Озера въ Утахѣ сократится почти на 300 англійскихъ миль. Мѣстность отъ Миссури до Скалистыхъ горъ постепенно поднимается, достигая наконецъ 5,200 футовъ надъ поверхностью моря. Изъ двадцати извѣстнѣйшихъ горныхъ проходовъ, только семь лежатъ ниже 10,000 футовъ, между тѣмъ какъ пять расположены выше 12,000 футовъ, а одинъ даже на высотѣ 13,000 футовъ. Тотъ пунктъ, гдѣ предполагается начало тоннеля, находится въ 60 миляхъ къ западу отъ Денвера. Хотя Трейсъ-Пикъ одна изъ высочайшихъ вершинъ, но она представляетъ ту выгоду, что имѣетъ наименьшую окружность по своей подошвѣ, среди прочихъ исполиновъ великаго американскаго водораздѣла. (С.)

Дорогой споръ. Евреи въ Константинополѣ затѣяли однажды споръ съ мусульманами о загробной жизни и утверждали, что они одни попадутъ въ рай. „Если вамъ это такъ хорошо извѣстно, то, скажите, куда-же попадемъ мы?" спросили турки. Евреи не посмѣли сказать что турки будутъ вовсе исключены изъ рая, и потому отвѣчали: „вы получите мѣсто за стѣнами рая и будете имѣть возможность видѣть насъ внутри". Этотъ своеобразный споръ дошелъ до слуха великаго визиря, который давно искалъ благовиднаго предлога, чтобы наложить на евреевъ новый налогъ. „Если жиды не желаютъ пускать насъ въ рай", сказалъ визирь, „то справедливость требуетъ, чтобы они по крайней мѣрѣ доставили намъ палатки, въ которыхъ мы могли бы укрыться отъ непогоды". И дѣйствительно, съ этого времени, кромѣ обыкновенныхъ налоговъ, евреи должны были вносить подушную подать на пріобрѣтеніе палатокъ!.. (С.)

Въ 1877 году. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки находилось въ дѣйствіи лишь 780 телефонныхъ аппаратовъ. Въ февралѣ 1880 года число ихъ возрасло уже до 60,800; въ 1883 году—до 249,700; въ 1884—до 307,010, а въ 1885 насчитывали уже 325,574 аппарата. Одна Канада имѣетъ 18,000 телефоновъ, тогда какъ количество ихъ въ Великобританіи простирается лишь до 13,000. Число изустныхъ бесѣдъ съ 1880 по 1885 годъ возрасло со 100 до 782 на каждый аппаратъ. Въ прошломъ январѣ телефонные проводы Соединенныхъ Штатовъ имѣли протяженія 137,223 англійскихъ миль (220,433 версты). На телефонныхъ станціяхъ безостановочно работало 5,186 лицъ, и число выданныхъ на устройство телефоновъ патентовъ далеко превышаетъ количество таковыхъ по всѣмъ другимъ изобрѣтеніямъ: за послѣднія десять лѣтъ такихъ патентовъ взято 1,521. (с.)

Рыбныя блюда, по словамъ одного извѣстнаго англійскаго врача, полезны всѣмъ ведущимъ сидячій образъ жизни, хотя эта пища доставляетъ мало матеріала для питанія мозга. Вотъ почему совѣтъ знаменитаго американскаго юмориста Марка Твэна одному изъ молодыхъ писателей представляется неосновательнымъ. „Такъ какъ рыба питаетъ мозгъ", сказалъ Твэнъ, „то, судя по вашимъ уважаемымъ литературнымъ трудамъ, вамъ не вредно было бы употребить въ пищу нѣсколько китовъ, хоть и не самыхъ большихъ, но все же средней величины." (С.)

Однимъ изъ самыхъ дорогихъ и въ то-же время самыхъ художественныхъ юбилейныхъ подарковъ папѣ Льву XIII, надо признать тіару, подносимую парижскимъ архіепископствомъ. Эта тіара, сдѣланная по образцу написанныхъ Рафаэлемъ на его картинѣ „Споръ (La disputa)", состоитъ изъ 3 коронъ. Первая изъ нихъ изображаетъ господство надъ всѣмъ земнымъ, вторая—господство надъ небомъ, а третья—надъ преисподней. Короны сдѣланы изъ золота и украшены 11 сафирами, 19 изумрудами, 32 рубинами, 529 брилліантами и 252 жемчужинами. (х.)

Свѣтящіяся краски. На Филиппинскихъ островахъ и въ дру-

гихъ мѣстностяхъ, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ, существуетъ обычай окрашивать свѣтящимися красками ручки и другія части дверей, чтобы внезапно разбуженные опасностью жители могли легко найти выходъ изъ домовъ. (С.)

Произведенными недавно опытами при помощи инструментовъ наибольшей точности доказано, что электричество движется съ быстротою 15,744 километровъ въ секунду, что равняется 944,645 километрамъ въ минуту. Такимъ образомъ электрическій токъ обошелъ бы вокругъ земли въ двѣ съ половиною секунды. (С.)

Извѣстной фирмѣ Стантіенъ и Беккеръ удалось найти способъ соединять мелкіе куски янтаря въ одну общую массу, которая можетъ быть употребляема на всякаго рода изделія. Эта искусственная масса обладаетъ большею твердостью и прочностью, чѣмъ натуральный янтарь. Способъ соединенія составляетъ пока секретъ фирмы; извѣстно только, что соединяемые кусочки янтаря, сначала до извѣстной степени нагрѣваются, потомъ подвергаются сильному гидравлическому давленію (с.).

Торпедною станціей въ Нью-Портѣ, въ Сѣверной Америкѣ, произведены недавно успѣшные опыты освѣщенія моря на различныхъ глубинахъ, посредствомъ электрическихъ солнцъ. Солнца эти, имѣющія силу около 100 свѣчей, опускались на глубину 20 футовъ и освѣщали пространство въ 150 футовъ въ окружности, причемъ можно было ясно различать мельчайшіе предметы. Торпедныя лодки Соединенныхъ Штатовъ будутъ, по слухамъ, снабжены подобными освѣтительными приборами. (с.)

Анекдотъ о Талейранѣ. Нѣкій молодой парижанинъ обратился къ Талейрану съ просьбой объ его автографѣ. Знаменитый дипломатъ долго заставлялъ ждать отвѣта. Наконецъ написалъ слѣдующее: „Милостивый государь, будьте добры, не откажите посѣтить меня завтра вечеромъ; я пригласилъ нѣсколькихъ умныхъ людей и не хотѣлъ-бы оставаться среди нихъ единственнымъ глупцомъ". Съ этого дня у собирателя автографовъ прошла всякая охота надоѣдать кому-либо просьбами о подписяхъ. (с.)

Сибирскія древности, до сихъ поръ хранившіяся въ отдѣльныхъ собраніяхъ, въ различныхъ мѣстахъ Сибири, будутъ, по словамъ *Москов. Вѣд.*, вскорѣ сгруппированы въ историческомъ музеѣ въ Тобольскѣ. Музей этотъ, какъ извѣстно, основанъ по случаю 300-лѣтняго существованія города Тобольска. (С.)

Задача № 9.

и	у	б	з	ж	ѣ
ъ	с	н	т	е	з
о	д	в	с	г	а
ы	ѣ	а	ч	д	в
т	о	н	о	е	а
н	ш	т	о	к	ь

Раздѣлить квадратъ на **6** частей такъ, чтобы, беря по порядку частей: сперва первыя буквы каждой части, затѣмъ—вторыя **и т. д.,** получить одну пословицу.

Алгебраическая задача № 10.

Одна русская пословица состоитъ изъ 10 буквъ. Если эти буквы замѣнить числами согласно алфавиту русской азбуки, то получимъ слѣдующія между ними соотношенія:

1) Четвертое относится къ восьмому, какъ сумма девятаго и перваго къ суммѣ пятаго и седьмаго числа.

2) Разность десятаго и перваго относится къ шестому, какъ сумма втораго и седьмаго къ суммѣ четвертаго и восьмаго числа.

3) Девятое относится къ разности четвертаго и перваго, какъ разность восьмаго и седьмаго къ пятому числу.

4) Разность четвертаго и девятаго относится къ седьмому, какъ разность восьмаго и пятаго къ первому числу.

5) Четвертое въ пять разъ болѣе седьмаго числа.

6) Сумма втораго и перваго равна шестому числу.

7) Десятое число равно суммѣ четвертаго, восьмаго и седьмаго чиселъ.

8) Третье число равно суммѣ пятаго и одной трети девятаго числа.

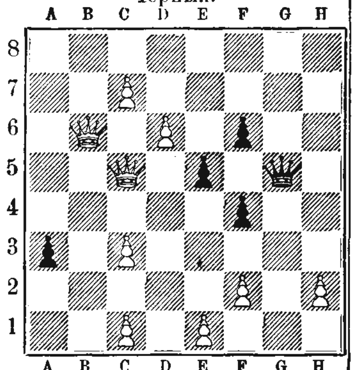
9) Сумма перваго, втораго и седьмаго равна десятому числу.

10) Десятое относится къ суммѣ шестаго и перваго, какъ сумма четвертаго, восьмаго и седьмаго къ суммѣ втораго и половинѣ девятаго числа.

Шашечная задача № 11.

В. Шошина.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и 2 простыхъ черныхъ.

Шахматная задача № 12.

С. Шетъ.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Издатель **А. Марксъ** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТРИЦА ГЕРМАНСКАЯ КОРОЛЕВА ПРУССКАЯ, соизволила передать въ распоряженіе IV международной конференціи Обществъ Краснаго Креста, собравшейся въ сентябрѣ 1887 г. въ Карлсруэ, 6,000 марокъ, три золотыхъ и девять серебряныхъ медалей съ своимъ изображеніемъ. Цѣлью этого щедраго дара было дать возможность конференціи устроить что-либо въ интересахъ международнаго учрежденія Краснаго Креста, преимущественно на пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Въ связи съ такимъ назначеніемъ милостиваго дара Ея Величества, конференція постановила учредить конкурсъ на лучшее внутреннее приспособленіе переноснаго лазарета, т. е. на указаніе предметовъ наиболѣе соотвѣтствующихъ, и при самыхъ удобныхъ способахъ ихъ пріобрѣтенія, для устройства и приведенія въ дѣйствіе переноснаго лазарета, предназначеннаго для опредѣленнаго числа раненыхъ и больныхъ.

Редактированіе программы было возложено на Германскій Центральный Комитетъ, который остановился на нижеслѣдующей.

§ 1. Предполагается, что въ отдаленной мѣстности, гдѣ не имѣется въ распоряженіи ни одного свободнаго зданія, необходимо устроить въ возможно-непродолжительномъ времени лазаретъ на 60 больныхъ или раненыхъ.

Съ этою цѣлью выстроены три барака въ 15 метровъ длины и 5 метр. ширины, со стѣнками въ 2,25 метр. высоты и въ 3,65 метр. высоты до конька крыши. Внутренность зданія не раздѣлена и предназначена для больныхъ, въ ней можетъ быть помѣщено 18 и въ крайнемъ случаѣ 20 кроватей.

Ко внѣшней стѣнѣ каждаго барака приспособлено отхожее мѣсто, входъ въ которое возможенъ лишь извнѣ.

Одинъ или два другихъ барака, снабженные внутренними перегородками, предназначены для медицинскаго персонала, сестеръ милосердія и разной госпитальной прислуги, а также для всего, что касается административной и хозяйственной службъ лазарета.

Предполагается, что персоналъ состоитъ изъ 2 врачей, 2 чиновъ администраціи госпиталя, 1 повара и 6 лицъ для ухода за больными.

На основаніи такихъ данныхъ требуется наилучшимъ образомъ приспособить лазаретъ для обезпеченія удобствъ подачи помощи раненымъ и больнымъ.

Принимающіе участіе въ конкурсѣ не обязываются, однако, въ ихъ проектахъ приспособленій или устройства лазарета, ограничиваться санитарными бараками вышеуказаннаго плана. Они могутъ пользоваться системами переносныхъ бараковъ, примѣняемыхъ въ странѣ участниковъ конкурса, если бы даже размѣръ и подраздѣленія были отличны отъ выше данныхъ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ они обязуются представить объяснительные чертежи.

Предметы предназначенные для приспособленія лазарета къ дѣйствію, должны быть такого рода, чтобы они могли удобно укладываться, перевозиться какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и въ крестьянскихъ телѣгахъ. Такимъ образомъ должно быть обращено вниманіе на возможное уменьшеніе вѣса и объема.

§ 2. Что касается способа распредѣленія и размѣщенія предметовъ госпитальнаго устройства въ лазаретѣ, то изобрѣтательности конкурентовъ предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода.

Предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, относятся къ устройству постелей и всей меблировки пространства, предназначеннаго для больныхъ, считая въ томъ числѣ освѣщеніе и отопленіе, приспособленія для подачи помощи и пользованія больныхъ, хирургическіе инструменты, медикаменты, бандажные аппараты, бѣлье, одежду, кухню, посуду и, наконецъ, запасы съѣстныхъ припасовъ и напитковъ на три дня.

Особенное вниманіе будетъ обращено на раціональную установку печей, предназначенныхъ для отопленія бараковъ и, между прочимъ, желательно изыскиваніе лучшаго способа нагрѣванія половъ. Всѣ предметы должны быть доставлены въ натуральную величину, но лишь въ одномъ экземплярѣ каждый предметъ. Что касается моделей уменьшеннаго размѣра, то онѣ на конкурсъ приняты не будутъ.

§ 3. Къ этому должна быть приложена объяснительная записка на одномъ изъ слѣдующихъ языковъ: нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ или итальянскомъ, и, если встрѣтится надобность, объяснительные чертежи.

Въ этой запискѣ должны заключаться: a) планъ построекъ, предназначенныхъ для административнаго персонала; b) списокъ разныхъ предметовъ для приспособленія лазарета съ указаніемъ соотвѣтствующаго числа больныхъ и персонала, предназначеннаго для ухода за ними; c) точное указаніе цѣнъ и мѣстъ происхожденія разныхъ предметовъ, а также списокъ и стоимость ихъ упаковки; d) указаніе порядка, въ которомъ вещи должны быть упакованы и нагружены, а также приблизительный разсчетъ числа тюковъ, ихъ размѣровъ, вѣса, лучшаго способа нагрузки въ желѣзнодорожные вагоны или на крестьянскія телѣги, въ родѣ употребляемыхъ въ западной Европѣ, съ помѣткою о необходимомъ числѣ повозокъ.

Такъ какъ должно предположить, что не всегда придется снаряжать полный лазаретъ, но иногда достаточно будетъ ограничиться отправкою лишь части переноснаго лазарета для расширенія уже существующаго, желательно, чтобы матеріалъ, предназначенный для каждаго изъ бараковъ, былъ упакованъ отдѣльно.

§ 4. Предметы предназначенные для конкурса должны быть доставлены въ Брюссель до 15 августа 1888 г. въ Исполнительный Комитетъ „Общей и международной выставки знаній и промышленности", которая будетъ имѣть мѣсто въ это время. Адресъ долженъ быть слѣдующій: Au Comité exécutif du grand concours international des sciences et de l'industrie. Rue du Palais, 22, à Bruxelles.

Всякій участвующій въ конкурсѣ, сверхъ того, долженъ по тому же адресу послать до 15 іюля 1888 г. извѣщеніе о мѣстѣ, которое ему необходимо, но за отводъ котораго онъ не понесетъ никакихъ издержекъ.

§ 5. Рѣшеніе вопроса по присужденію награды будетъ предоставлено международному жюри. Это жюри опредѣлитъ имѣющія быть распредѣленными награды, и если между выставленными предметами окажутся такіе, которые, по его мнѣнію, не будутъ заслуживать преміи, оно опредѣлитъ какія изъ премій не будутъ выданы.

Если нѣсколько лицъ будутъ участвовать въ конкурсѣ сообща, предварительнымъ извѣщеніемъ должно быть разъяснено, которому изъ этихъ лицъ должна быть назначена премія въ случаѣ, если выставленные предметы удостоятся таковой.

Лица, которыя не были бы въ состояніи выставить полное приспособленіе лазарета, но которыя пожелали бы принять участіе въ конкурсѣ, выставивъ лишь нѣкоторые отдѣльные предметы, предназначенные для указанной цѣли, могутъ выслать таковые и получить награду сообразно значенію выставленныхъ предметовъ.

§ 6. Выставка предметовъ конкурса, соединенная съ международною Брюссельскою выставкою, будетъ продолжаться съ 1 по 30 сентября 1888 г.

Съ 3 октября выставленные предметы могутъ быть обратно получаемы экспонентами. Тѣ предметы, которые до 15 октября не будутъ взяты обратно, поступятъ въ собственность Бельгійскаго Общества Краснаго Креста.

§ 7. Жюри представитъ Центральному Комитету Германскихъ Обществъ Краснаго Креста подробный докладъ съ изложеніемъ мотивовъ въ подтвержденіе его рѣшенія. Названнымъ комитетомъ докладъ этотъ будетъ опубликованъ.

§ 8. За разъясненіями, относящимися до участія въ конкурсѣ, надлежитъ обращаться въ Центральный Комитетъ Германскихъ Обществъ Краснаго Креста, Wilhelmstrasse, 73, à Berlin.

Относительно же всего, что касается помѣщенія предметовъ на выставкѣ, участники конкурса имѣютъ обращаться къ Исполнительному Комитету выставки въ Брюссель, какъ о томъ упомянуто въ § 4.

XIX г. | № 6 | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 6 февраля 1888 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Муллей-Гассанъ, султанъ марокскій. Рис. Вудвиль, грав. Ольшевскій.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

VI.

Ссора, происшедшая между княземъ Василіемъ Васильевичемъ и его двоюроднымъ братомъ, княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ, не была простою случайностью: она готовилась уже издавна, и, не смотря на продолжавшіяся, повидимому, родственныя отношенія, должна была, рано или поздно, разразиться. И Василій, и Борисъ Голицыны—дѣти родныхъ братьевъ—принадлежали одинаково къ одному изъ знаменитѣйшихъ княжескихъ родовъ и одинаково выдавались въ ряду остальныхъ вельможъ обширнымъ умомъ и замѣчательными своими способностями. Будучи почти ровесниками, они оба получили, по тому времени, хорошее образованіе, оба почти одновременно начали службу при дворѣ „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича и оба стали быстро возвышаться по ступенямъ дворской и служебной лѣстницы; оба, почти одновременно, достигли боярства, въ царствованіе царя Ѳедора Алексѣевича. Тѣсная дружба связывала, въ ту пору, князей Бориса и Василія, которые умѣли цѣнить другъ-друга и съ одинаковою непріязнью и суровымъ осужденіемъ относились къ тѣмъ непорядкамъ и нестроеніямъ, которые видѣли кругомъ себя въ русской жизни. Дружбу братьевъ нѣсколько охладила женитьба князя Бориса на княжнѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ Хворостининой, которая до замужества была пріѣзжею боярыней при царицѣ Натальѣ Кириловнѣ и, еще въ дѣвичествѣ, очень съ нею сдружилась. Жена, умная, молодая и красивая, привлекла, конечно, и мужа на сторону несчастной вдовствующей царицы, когда, по воцареніи Ѳедора Алексѣевича, та очутилась въ такомъ печальномъ положеніи среди царскаго семейства, недружелюбно относившагося къ мачихѣ. Царь Ѳедоръ, благоволившій къ Борису Алексѣевичу, назначилъ его воспитателемъ къ малолѣтнему царевичу Петру. Уже тогда Борисъ и Василій Голицыны очутились какъ бы на двухъ разныхъ берегахъ: одинъ откровенно и прямо держалъ сторону Нарышкиныхъ и сына Нарышкиной, царевича Петра; другой, не выказывая непріязни къ Нарышкинымъ, держался однако-же болѣе партіи Милославскихъ, хотя предпочтеніе, которое онъ имъ оказывалъ, и не могло выражаться слишкомъ явно, потому что большую часть царствованья Ѳедора князь Василій Васильевичъ Голицынъ провелъ на югѣ Россіи, — въ Кіевѣ, въ Путивлѣ, въ Сѣвскѣ и Чигиринѣ, то сражаясь противъ татаръ и турокъ, то улаживая раздоры и смуты въ Малороссіи. Тутъ-то и выказалъ онъ свои блестящія дипломатическія способности и задумалъ провести обширный планъ реформъ, который долженъ былъ начаться со введенія новыхъ порядковъ и лучшаго устройства въ войскахъ, а кончиться — сожженіемъ мѣстническихъ книгъ, по повелѣнію царя Ѳедора и рѣшенію собора, воспрещавшаго всякіе дальнѣйшіе мѣстническіе счеты „подъ страхомъ клятвы и смертной казни“. И когда князю Василію, не смотря на всѣ препятствія и озлобленія противъ него старѣйшихъ боярскихъ родовъ, удалось провести это трудное дѣло въ жизнь — князь Борисъ радовался его успѣхамъ, гордился братомъ своимъ и не завидовалъ его быстрому возвышенію и обогащенію. Но уже во время болѣзни царя Ѳедора, князь Борисъ замѣтилъ, что князь Василій сблизился съ Софіей, очаровалъ ее и овладѣлъ ея сердцемъ... Замѣтилъ и то, что князь Василій сталъ отдаляться отъ него — даже явно избѣгать его... Но онъ не помѣшалъ Борису и партіи Нарышкиныхъ возвести на престолъ малолѣтняго царевича Петра, помимо старшаго, болѣзненнаго Іоанна; а немного спустя, не помѣшалъ и партіи Милославскихъ, съ Софіей во главѣ, разыграть страшную трагикомедію майскихъ дней 1682 года и, по волѣ Софіи, вдругъ сталъ первымъ вельможею въ Московскомъ государствѣ. Онъ съумѣлъ обойти заговоры обѣихъ партій, съумѣлъ выйти сухъ изъ воды и чистъ изъ крови; съумѣлъ всего добиться одною игрою ума и холоднаго, спокойнаго разсчета... Но умный и прямой Борисъ не поддался соблазну, не захотѣлъ пасть ницъ передъ Вааломъ. Онъ предвидѣлъ, что рано или поздно, партіи Петра и Софіи еще придется столкнуться и вступить въ борьбу, и что при той борьбѣ ужъ нельзя будетъ пустить въ ходъ *игру ума*, а нужно будетъ прямо идти противъ присяги, противъ клятвы... Между братьями наступило охлажденіе, а потомъ глухая вражда. Князь Борисъ не упускалъ случая вызвать князя Василія на непріятныя для него объясненія, и наконецъ добился ссоры и разрыва, давно уже назрѣвшихъ въ сердцѣ братьевъ-соперниковъ.

„Ну, Богъ тебѣ судья!“ подумалъ князь Борисъ, покидая домъ князя Василья: „но я клянусь всѣми святыми, что сумѣю охранить царское дѣтище отъ твоей царевны!“

„Оно и лучше, что мы съ нимъ сшиблись наконецъ“, думалъ съ другой стороны и князь Василій. „Пусть каждый идетъ своею дорогою! Но князь Борисъ напрасно думаетъ, что мы ему уступимъ поле!.. Посмотримъ, чья возьметъ!“

И въ этихъ мысляхъ онъ на другое утро поѣхалъ во дворецъ, къ обычному утреннему пріему, до ранней обѣдни. Когда его карета, запряженная шестерикомъ караковыхъ одномастныхъ коней, подкатила къ воротамъ Государева Дворца, и онъ, поддерживаемый своими служилыми гайдуками, степенно вышелъ изъ кареты, а затѣмъ, снявъ шапку, твердою, мѣрною поступью направился черезъ Дворъ къ Постельному крыльцу, на *площадкѣ* произошло смятеніе и давка: такъ всѣ усердно спѣшили очистить дорогу Оберегателю. Величаво и привѣтливо кивая головою на обѣ стороны, въ отвѣтъ на низкіе поклоны площадныхъ придворныхъ, князь Василій поднялся на крыльцо, вошелъ въ широко распахнувшіяся двери и направился, всюду встрѣчаемый низкими поклонами, на половину царевенъ, соединенную съ каменнымъ корпусомъ Теремнаго Дворца особыми переходами. Здѣсь, въ трехъ-этажномъ зданіи, недавно отстроенномъ и отдѣланномъ послѣ пожара, была устроена „комната“, гдѣ царевна Софья Алексѣевна ежедневно принимала бояръ для сидѣнья съ ними и слушанья всякихъ дѣлъ. Передъ этою „комнатою“ была обширная *передняя* (по нашему: пріемная), въ которой князь Василій нашелъ уже всѣхъ комнатныхъ и ближнихъ бояръ въ сборѣ. Бояре ждали выхода царевны, которая принимала докладъ отъ Шакловитаго, служившаго дьякомъ въ Приказѣ Тайныхъ дѣлъ. Князя Василія окружили, осыпали привѣтствіями, поздравленіями съ успѣшнымъ окончаніемъ переговоровъ, разспросами о здоровьѣ и лестью во всѣхъ видахъ и способахъ проявленія. У князя Василія для всѣхъ и на все былъ готовый отвѣтъ и либо острое, либо ласковое слово; но онъ спѣшилъ отдѣлаться отъ докучныхъ разспросовъ и, пользуясь правомъ входа въ „комнату“ безъ доклада, прямо вошелъ къ царевнѣ.

Въ палатѣ, убранной довольно просто, но роскошно расписанной „притчами“ и сценами изъ житія Пресвятой Богородицы, на богатомъ рѣзномъ и золоченомъ креслѣ съ высокою спинкою, сидѣла царевна Софья и внимательно слушала то, что̀ читалъ ей дьякъ Шакловитый

тый—высокій и плечистый, темноволосый крѣпышъ, лѣтъ 35, съ большими и выразительными карими глазами и рѣзкими чертами лица, въ которыхъ явно сказывалось его малороссійское происхожденіе. Онъ былъ одѣтъ въ цвѣтной охабень съ двойными серебряными нашивками и рѣшетчатыми серебряными пуговицами; платье сидѣло на немъ ловко и щеголевато обрисовывало его крѣпкую и видную фигуру.

Царевна Софія была одѣта въ темно-мосоковую алтабасную ферязь съ жемчужными пуговицами и въ такой же треухъ, опушенный соболемъ и едва покрывавшій ея роскошные волосы. Цвѣтъ матеріи ея наряда до нѣкоторой степени смягчалъ излишнюю смуглоту ея лица и сглаживалъ значительную полноту всего ея стана. Царевна была далеко не красавица: темноволосая, съ огненными черными глазами и мощно развитыми формами, рано созрѣвшая, какъ и всѣ брюнетки, она казалась гораздо старше своихъ лѣтъ *), и, при первомъ взглядѣ, ея наружность не производила пріятнаго впечатлѣнія. Въ лицѣ ея было что-то жесткое и суровое, а во всей ея внѣшности слишкомъ много силы и мало женственности; но когда она начинала говорить, то сдвигая, то поднимая свои густыя черныя брови, когда она отъ времени до времени скрашивала рѣчь своею прекрасною, привѣтливою улыбкой, и глазамъ придавала бархатную мягкость и нѣгу — она казалась очень привлекательною и могла нравиться. А глубокій и сильный взглядъ ея умныхъ глазъ, полныхъ огня и страсти, способныхъ выражать малѣйшее движеніе ея тревожной души — надолго оставался въ памяти тѣхъ, кому случалось видѣть царевну хоть разъ въ жизни.

Царевна Софья встрѣтила Оберегателя привѣтливо и допустила къ рукѣ. Дьякъ Шакловитый прекратилъ чтеніе „памяти“ и, низко поклонившись Голицыну, отошелъ почтительно въ сторону.

— Здоровъ-ли ты, князь Василій? Два дня сряду я за тобой посылала и два дня мнѣ докладывали, что ты со своего „большаго двора“ никуда не съѣзжаешь и у дохтура-нѣмца лѣчишься.

— По просьбѣ моей истинно тебѣ дьякъ Украинцевъ докладывалъ, великая государыня. Крѣпко мнѣ недужилось... Да ужь позволь мнѣ, вѣрному слугѣ твоему, всю правду молвить: еслибъ и здравъ былъ, не посмѣлъ бы передъ твои свѣтлыя очи предстать не исполнивъ дѣла государскаго...

— Князь Василій, твое усердіе намъ вѣдомо, но вѣдомо и то, что не всякую службу и при усердіи сослужить можно. Однако, вижу по лицу твоему, что ты сегодня съ добрыми вѣстями пришелъ. Готова слушать...

— Великая государыня-царевна, послы его королевскаго величества, короля Яна Польскаго, послѣ вчерашняго сидѣнья нашего, на всѣ наши договорныя статьи согласье изъявили. Когда угодно тебѣ повелѣть боярскому сидѣнью быть и весь договоръ о вѣчномъ мирѣ прослушать и одобрить?

Софья поднялась со своего мѣста, перекрестилась на иконы и, сложивъ на высокой груди свои красивыя руки, проговорила:

— Благодареніе и хвала Создателю въ Троицѣ славимой! Великое свершилось дѣло! Недаромъ потеряны труды, и неисчислима польза Россійскому царству принесенная!

Затѣмъ, опустившись въ кресло, Софья обратила лицо свое въ сторону Шакловитаго и, вся сіяя радостью женщины, гордой успѣхами любимаго человѣка, сказала:

— Каковъ нашъ князь Василій! Какую одержалъ побѣду! Да мы сто лѣтъ боролись съ Польшей: кровь проливали и разоренья сколько приняли — а такой прибыли и славы державѣ нашей не пріобрѣли, какую князь Василій однимъ своимъ умомъ взялъ? Өедоръ Леонтьевичъ, наведи въ Посольскомъ Приказѣ справки о томъ, какъ великіе государи въ прежніе годы за такую службу награждали, чтобы и намъ отъ нихъ не отстать и даже превзойти ихъ въ щедрости настолько, насколько и служба ближняго нашего боярина и Оберегателя превосходитъ прежнія посольскія службы!

— Если дозволишь, государыня, мнѣ слово молвить, сказалъ Шакловитый, — то я скажу одно: радуюсь за прибыль и славу Русскаго царства и за попраніе польской гордыни, достигнутое радѣтельною службою и великимъ умомъ князя Василія Васильевича Голицына, но еще того болѣе радуюсь за попраніе злыхъ навѣтовъ со стороны твоихъ недруговъ, великая государыня! Теперь придется имъ, пожалуй, и прикусить языкъ!

— Я чай, они ужь вѣрить не хотѣли тому, что мы одолѣемъ упрямыхъ ляховъ!

— Вчерась, князь Михаилъ Черкасскій прямо говорилъ въ твоей передней, что польскіе послы уѣдутъ, что не будетъ мира съ Польшей и весь тотъ неуспѣхъ отъ нерадѣнья князь Васильева...

Оберегатель улыбнулся, а Софья съ гордымъ сознаніемъ достоинства сказала:

— Вотъ, завтра и услышатъ въ думѣ о „неуспѣхѣ“, котораго добился князь Василій „нерадѣньемъ“... Завтра, съ великими государями-братьями моими и съ государемъ патріархомъ, и съ ближними боярами и думными людьми—мы будемъ слушать договоръ о вѣчномъ мирѣ и союзѣ съ Польшей, и его одобримъ. Такъ всѣмъ и объяви сегодня, Өедоръ Леонтьевичъ; да сейчасъ ступай, добудь мнѣ справки изъ Посольскаго Приказа.

Шакловитый поклонился царевнѣ и вышелъ изъ комнаты въ переднюю; Софья и князь Василій остались наединѣ.

Софья взглянула прямо въ глаза своему любимцу и спросила его:

— Ты писалъ, князь Василій, что долженъ мнѣ открыться въ какомъ-то дѣлѣ, предупредить о чьихъ-то козняхъ? Говори-жъ скорѣе!

— Государыня-царевна, рабъ твой виноватъ передъ тобою въ лукавствѣ...

— Въ какомъ лукавствѣ? тревожно переспросила Софья, насупивъ брови. Ей пришли въ голову тѣ сомнѣнія, которыя такъ часто терзаютъ всякое любящее сердце.

— Искусилъ меня лукавый въ сношеніяхъ съ Поляками, и я, радѣя о твоемъ успѣхѣ, покривилъ душою...

— А! да! ты о Полякахъ... сказала Софья, проясняясь, — такъ что-же? Разскажи, какими чарами ты ихъ заколдовалъ?

— Понадѣявшись на милость на твою, рѣшился дать обѣщанье езовитамъ... отъ себя, а не отъ имени великихъ государей... что имъ препятствія не будетъ на житье въ Москвѣ.

— Да развѣ-жъ ты не знаешь, князь Василій, что патріархъ на это не дастъ согласья, а безъ него не только ты, но даже я не могу того имъ разрѣшить!

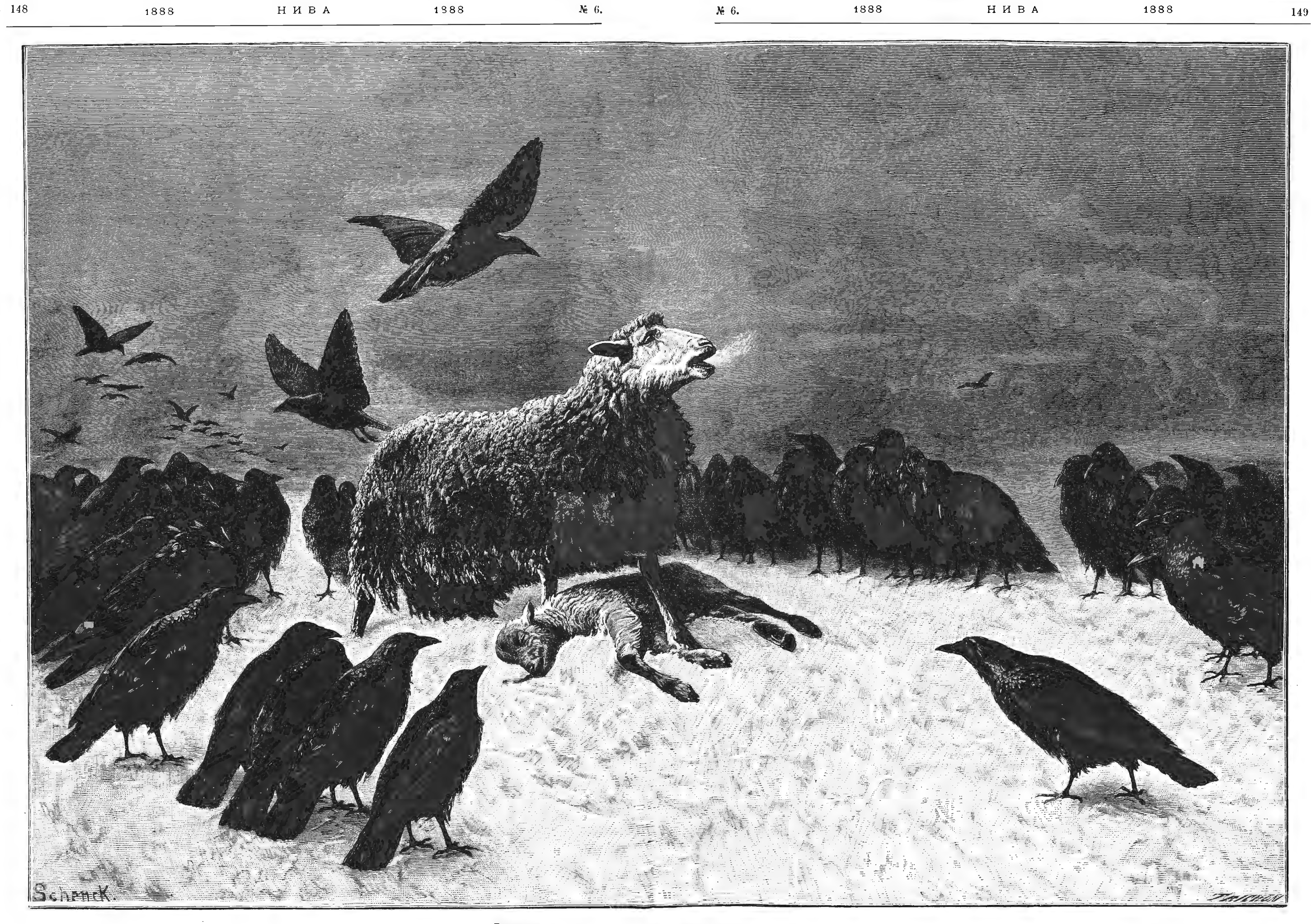
— Знаю, государыня-царевна, но тутъ все дѣло было въ ихъ рукахъ проклятыхъ! Послы ужь сладились къ отъѣзду, ужь уложились въ путь и мнѣ прислали извѣщенье о томъ. Тогда я вздумалъ, что лучше лишній грѣхъ возьму на душу, да лишь-бы дѣло государское не потерять, да ворогамъ твоимъ Преображенскимъ ротъ замазать!

— Спасибо, князь Василій, за службу вѣрную. Въ тебѣ я не ошиблась! Но разскажи, какъ было дѣло— и что̀ ты обѣщалъ?

Голицынъ въ двухъ словахъ объяснилъ Софіи всю исторію своихъ отношеній къ Шмиту, изложилъ его „скромныя“ требованія и разсказалъ о своемъ письмѣ къ нунцію.

— И только-то всего? спросила Софія, видимо облег-

*) Ей въ это время было 29 лѣтъ.



Вороньё. Картина французскаго художника Шенка, грав. Тришонъ.

ченная и обрадованная.—И за это ты выманилъ у нихъ такой договоръ! Такую учинилъ свободу православной церкви отъ Римскаго утѣсненія! Въ чемъ же тутъ лукавство противъ насъ? Тутъ противъ нихъ лукавство!

— Суди какъ хочешь, государыня! А я такъ мыслилъ, что еслибъ на меня и всѣ поднялись, еслибъ мнѣ и головою за это дѣло поплатиться—оно еще не скоро наружу выйдетъ, а договоръ-то завтра будетъ ужъ подписанъ и останется на-вѣчно утвержденнымъ. Но я не дерзнулъ отъ тебя укрывать все это!

— Ты правильно судилъ, бояринъ, да еслибы ты и былъ виновенъ—ты знаешь, что повинной головы мечъ не сѣчетъ. Но я все-же въ толкъ не возьму, что̀ этимъ езовитамъ нужно? Что̀ имъ за прокъ—имѣть здѣсь церковь и школу? Ну, самъ посуди, кого они туда заманятъ?

— Они все это строютъ, царевна, для гордости одной, для прославленія папежскаго. „Вотъ“, говорятъ, „у насъ въ Китаѣ попы ужъ сколько лѣтъ живутъ, только вотъ въ Россійскомъ государствѣ гнѣзда у насъ не свито“. Такъ и пытаются... А если правду-то сказать, что̀ это за гнѣздо? Сосудъ скудельный! Не угодятъ тебѣ, такъ завтра же велишь ихъ взять за приставы да за рубежъ перевезти...

— И вѣстимо! А покамѣсть ихъ никто не видитъ и не слышитъ—пускай живутъ. Ты только прикажи за ними наблюдать, чтобы съ Польшею какихъ не учинилось пересылокъ... Такъ это-то и есть тѣ козни, о которыхъ ты писалъ мнѣ?

— Нѣтъ, государыня. Тѣ козни пострашнѣе. Былъ у меня „Бориско“, да съ пьяну мнѣ насказалъ такихъ чудесъ...

— А! вотъ что̀? Вѣрно, то, что̀ ему „медвѣдица“ преображенская надула въ уши!

— Не безъ того, великая государыня! Онъ все на томъ настаивалъ, зачѣмъ я твою руку держу, а не руку „законнаго“ царя.

— Ахъ онъ, крамольникъ! о какомъ законномъ царѣ смѣетъ онъ говорить? Да онъ у меня въ Сибири мѣста не найдетъ! гнѣвно заговорила Софья, измѣняясь въ лицѣ отъ негодованія.

— Дозволь сказать мнѣ слово, государыня. „Борискѣ“ мы должны сказать спасибо за откровеніе его. Пускай его прямитъ тому царю, который кажется ему законнымъ! Но дѣло вотъ въ чемъ: Нарышкины ему напѣли, что „твои часы изочтены“.

— Что-жъ? известь меня хотятъ они—что-ли? Или какой предѣлъ мнѣ положить?

— Нѣтъ, государыня, не къ тому они рѣчь клонятъ! А къ тому, что молъ государю Петру Алексѣевичу ужь скоро можно будетъ вручить бразды правленія...

— Мальчишкѣ!? Гдѣ-же ему управить: у него лишь игры на умѣ, да конюхи потѣшные, да барабаны... Не вижу я, чтобъ изъ него и послѣ вышелъ какой толкъ. Не даромъ люди говорятъ, что его матушка еще недавно въ Смоленскѣ у себя, „въ лаптяхъ ходила!“ Оттого и сыну дастъ холопьими потѣхами тѣшиться!

Голицынъ выслушалъ весь этотъ потокъ словъ гнѣвной царевны и затѣмъ сказалъ:

— А все-же, великая государыня, отъ Нарышкиныхъ можно всякаго худа ожидать, и я бы думалъ, что слѣдуетъ принять кое-какія мѣры!..

— Давно я это думаю. мрачно сказала Софья, предполагая, что Голицынъ угадываетъ ея тайные замыслы,— и есть у меня люди, готовые на дѣло...

Голицынъ поспѣшно перебилъ ее:

— Нѣтъ, государыня, я не о томъ... теперь еще не время... Да и дай Богъ избѣгнуть крови! Мнѣ думается, что ихъ проще можно убѣдить и въ силѣ, и въ крѣпости твоей...

— Что-жъ ты придумалъ?

— По моему, теперь, при заключеньи вѣчнаго замиренья съ Польшей, слѣдуетъ тебѣ, яко правительницѣ, при отпускѣ пословъ явиться, допустить ихъ къ рукѣ, а затѣмъ велѣть себя вписать въ титулѣ договора. Если противъ того никто не возразитъ, то мы во всѣ концы Россійскаго Государства отъ имени и твоего, и великихъ государей разошлемъ извѣщеніе о благополучномъ окончаніи переговоровъ съ Польшей и союзѣ съ нею, и тогда всѣ увидятъ, что царскій титулъ преумноженъ и твоимъ именемъ!

— Ну, а дальше—что же?

— А далѣе, когда привыкнутъ видѣть твое имя рядомъ съ именами государей малолѣтнихъ и къ правленію неспособныхъ, то уразумѣютъ, чьей мудростью достаются столь прибыльныя для Россійскаго государства пріобрѣтенья, уразумѣютъ, *кто* Русскою землею правитъ, и должно будетъ...

— Ну, ну, что̀ должно будетъ?..

— Тебѣ вѣнчаться вмѣстѣ съ братьями на царство...

Софья пристально и вдумчиво посмотрѣла въ лицо любимцу своему.

— А братья?

— Тебѣ они не могутъ быть помѣхой! Не имъ тягаться въ умѣ съ тобой, государыня! Одинъ пусть тѣшиться лошадками, другой — потѣшными огнями да солдатами... Ты будешь править, какъ державная царевна—и кто-жъ тогда посмѣетъ разинуть ротъ!

— Спасибо, князь Василій, За службу вѣрную и за совѣтъ. Но мы объ этомъ съ тобою поговоримъ еще сегодня, вечеркомъ. Ты сдѣлай видъ, что просишься на именины... Ужь, вѣрно, есть Юрій въ роднѣ?.. Я объявлю походъ въ Новодѣвичій монастырь къ вечернѣ... И жди меня на своемъ Загородномъ дворѣ.

Князь Василій низко поклонился царевнѣ и вышелъ изъ комнаты въ переднюю, гдѣ выхода царевны уже такъ давно ожидали бояре и вельможи. Широко распахнувъ дверь, онъ громко провозгласилъ:

— Государыня царевна Софія Алексѣевна изволитъ жаловать въ переднюю.

Затѣмъ сталъ о-бокъ двери и вмѣстѣ со всѣми остальными боярами почтительно и низко поклонился, касаясь перстами пола, между тѣмъ какъ Софья, шурша тяжелымъ шелковымъ нарядомъ, съ царственнымъ величіемъ, переступала порогъ и входила въ палату.

VII.

Добрый совѣтъ Оберегателя былъ принятъ царевною къ свѣдѣнію и примѣненъ на дѣлѣ. Три дня спустя трактатъ, въ титулѣ котораго красовалось имя царевны Софіи на ряду съ именами братьевъ — былъ подписанъ, и затѣмъ списки его размѣнены обѣими сторонами. Въ тотъ-же день братья-цари подтвердили его въ присутствіи всѣхъ бояръ и вельможъ торжественною присягою въ Грановитой палатѣ, передъ самими послами, и посламъ объявленъ былъ отпускъ.

На другой день, 27-го апрѣля, по царскому указу, послы были „приватнымъ обычаемъ“ приглашены *въ комнату* — и были „у руки“ государей, которые спрашивали пословъ о здоровьѣ, черезъ думнаго дьяка Украинцева, угощали ихъ виномъ и пили за здоровье королевское. Затѣмъ, противъ всѣхъ дворскихъ обычаевъ былаго времени, послы допущены были къ рукѣ и царевны Софіи Алексѣевны, которая сказала имъ отъ себя краткое привѣтствіе и сама жаловала кубками съ виномъ.

Подъ вечеръ этого дня, когда улицы Москвы начинали уже пустѣть и „бѣлокаменная“ стала затихать, отдыхая отъ дневной суеты, какой-то всадникъ, закутанный въ кобенякъ съ высоко поднятымъ воротникомъ, въ бархатной шапкѣ нахлобученной на глаза, подъѣхалъ мелкой рысцой къ воротамъ Спасскаго монастыря, что за Иконнымъ рядомъ на Никольской улицѣ, соскочилъ съ коня и брякнулъ воротнымъ кольцомъ.

Воротный сторожъ окликнулъ его, и, вѣроятно, тот-

часъ узналъ по голосу, потому что поспѣшно распахнулъ калитку настежъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ, проговорилъ:

— Пожалуй, батюшка, пожалуй, милостивецъ! А о лошадкѣ не изволь тревожиться: поставимъ къ мѣсту и обережемъ.

И онъ принялъ поводъ изъ рукъ пріѣзжаго, который, не останавливаясь въ воротахъ, прошелъ сначала въ лѣвый уголъ двора, а потомъ, видимо знакомый съ мѣстностью, направился по узкой деревянной лѣстницѣ къ дверямъ одной изъ келій.

— Милосердія отверзи ми двери, произнесъ пріѣзжій вполголоса, постучавшись.

— Вниди въ храмину убожества моего, отвѣчалъ изнутри чей-то звучный и громкій голосъ; задвижка щелкнула и дверь отворилась.

Пріѣзжій, наклонившись, прошелъ въ низенькую дверь и очутился въ свѣтлой и просторной комнатѣ, скорѣе похожей на кабинетъ ученаго, нежели на келью инока.

— Земляку преименитому, Ѳедору Шакловитому! воскликнулъ хозяинъ кельи.

— Отцу Сильвестрію, латинщику и книжнику! привѣтливо отозвался Шакловитый.

И оба земляка обмѣнялись крѣпкимъ дружескимъ рукопожатіемъ.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ лѣтъ на десять старше Шакловитаго и значительно ниже его ростомъ; но его умное и энергическое лицо также носило на себѣ несомнѣнные признаки южно-русскаго происхожденія. Сухой и коренастый, нѣсколько сутуловатый, отъ постоянной и страстной привычки къ книжнымъ занятіямъ, Сильвестръ, судя по его внѣшности и движеніямъ, принадлежалъ къ тѣмъ неутомимымъ и неугомоннымъ натурамъ, которыя никогда не довольствуются однимъ какимъ-нибудь родомъ дѣятельности, а любятъ одновременно заниматься нѣсколькими дѣлами заразъ, и всю жизнь свою творятъ, созидаютъ и изобрѣтаютъ, пока смерть не наложитъ „печати храненія“ на уста ихъ. О дѣятельности Сильвестра ясно свидѣтельствовали пòлки, тѣсно-заставленныя книгами, аналои, съ разложенными на нихъ лексиконами, столы, заваленные грамматиками, свитками, столбцами и кипами бумагъ, и корзины, въ которыя онъ складывалъ писанныя на отдѣльныхъ бумажныхъ лоскуткахъ выписки и замѣтки. Небольшое Распятіе въ углу первой кельи, замѣняло икону; а въ сосѣдней келейкѣ, служившей Сильвестру спальнею, три лампады ярко горѣли передъ большимъ кіотомъ съ образами.

Усадивъ гостя, Сильвестръ задвинулъ задвижку входной двери, досталъ изъ маленькаго стѣннаго поставца сулею и двѣ серебряныя чарки и, поставивъ ихъ передъ Шакловитымъ, сказалъ:

— Вотъ ужь, именно, какъ царь Давидъ, могу возгласить: „ждахъ, иже со мною поскорбитъ, и не бѣ утѣшающаго“ — а мнѣ тебя Богъ послалъ, Ѳедоръ Леонтьевичъ! Благодареніе Ему!

— А ты что же, Сильвестрій, все воюешь небось? все своихъ букварей съ Лихудьями подѣлить не можешь? насмѣшливо спросилъ Шакловитый у своего собесѣдника.

— Какіе тамъ буквари! Эти самобратіи совсѣмъ на меня насѣли! Имъ уже мало показалось одной школы греческаго языка въ Богоявленскомъ монастырѣ! Позавиствовали они моему настоятельству, дерзнули всякія ложныя клеветы на меня передъ отцомъ-патріархомъ разсѣвати — и мнѣ учинилось вѣстно, что онъ этимъ гречишкамъ, этимъ хищникамъ, этимъ волкамъ новопотаеннымъ...

— Да полно ругать-то ихъ! Аль еще не надоѣло? Говори въ чемъ суть!

— Мòченьки моей не стаётъ! Душа изныла! Сколько лѣтъ труждаюсь! Сколько силъ потратилъ! А тутъ вдругъ наѣхали эти Лихудьищи — душу святѣйшаго патріарха напрасно помутили, и побуждаютъ его мою-то школу закрыть, и ту, что на Печатномъ дворѣ — тоже; а имъ чтобы дозволено было здѣсь, въ самыхъ стѣнахъ моей обители, свое осиное гнѣздо завести.

— Какъ такъ? Вѣдь ты, кажется, патріарху угождалъ и ученіемъ въ твоей школѣ онъ бывалъ доволенъ?

— Вначалѣ взысканъ былъ его милостью, и награды удостоился, когда учениковъ своихъ къ нему привелъ, и еще, помнишь, одинъ изъ нихъ ему „орацію“ въ Крестовой палатѣ говорилъ?

— Ну, такъ что же это вдругъ съ нимъ сталось?

— А то и сталось, что заспорилъ я сначала съ его любимымъ справщикомъ Евѳиміемъ да съ ризничимъ Акинѳомъ о богословскихъ нашихъ дѣлахъ, а онъ-то святѣйшій — человѣкъ по себѣ и добрый, да ученъ-то мало и рѣчей богословскихъ не смыслитъ, — вотъ онъ на меня за тотъ споръ и осердился. А тутъ эти проклятые эллины вступились — прости Господи! — и давай ему нашептывать, что латинскія школы будто бы папежскимъ духомъ заражены и надлежитъ быть въ Москвѣ однимъ „эллинскимъ школамъ“, будто бы и благій учитель мой, Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій, тѣмъ же папежскимъ духомъ зараженъ былъ; и про меня разныя душевредныя пакости стали ему наводить... Вотъ онъ и поддался имъ, и здѣсь... здѣсь собирается строить имъ каменныя палаты и академію Эллино-Словенскую имъ учреждать! Видно мнѣ послѣднія времена пришли!

Шакловитый презрительно улыбнулся, и ничего не отвѣчая Сильвестру, отхлебнулъ изъ своей чарки.

— Счастливъ ты, Сильвестрій, что въ глубинѣ своей кельи схорониться можешь, да всю душу полагать въ борьбу съ Лихудьями! А что бы ты запѣлъ, кабы тебѣ пришлось тò видѣть, что у меня на Верху государскомъ каждый день на глазахъ?

— Велики твои тягости, Ѳедоръ Леонтьевичъ! И я, нищетный инокъ, не промѣняю своей ряски на твой богатый терликъ.

— Ну, вотъ хоть бы сегодня: послы прощаться съ государями явились и встрѣчать ихъ въ Крестовой палатѣ назначенъ былъ я съ князь Алексѣемъ Голицынымъ; а его отецъ, князь Василій, являть ихъ долженъ былъ въ комнатѣ. И этотъ молокососъ, щенокъ полуграмотный, который безъ году недѣлю и читать-то выучился — повелъ пословъ къ царямъ, а меня въ Крестовой оставилъ—ихъ челядь угощать! Онъ вотъ въ бояре мѣтитъ, а меня и въ гробъ окольничимъ положатъ! А ты изъ-за своихъ счетовъ съ Лихудьями ужь и вопишь, что послѣднія времена для тебя пришли... Гнѣвишь ты Бога! То-ли ждетъ насъ впереди, когда у насъ царевны-то не будетъ?

— Государыни царевны? что же бы это такое! Ты меня пугаешь, Ѳедоръ! На нее вся и надежда моя возложена — я за нее вѣчный молитвенникъ!

— Что твои молитвы! Можетъ онѣ и доходны до Господа, да тутъ молитвами ужь не поправишь дѣла! Тутъ другое нужно...

— Да говори же, противниче! Къ чему ты рѣчь клонишь? серьезно сказалъ Сильвестръ, хватая Шакловитаго за руку.

— А вотъ къ чему! Съ нынѣшняго дня царевна на тотъ путь вышла, чтобы ей съ братьями соцарствовать и быть, какъ и они же, самодержицей. Такъ ее князь Василій надоумилъ! Подбиваетъ ее къ тому вести дѣло, чтобы и ей тоже вѣнчаться на царство...

— Тонко придумалъ царедворецъ!

— Тонко придумалъ, да объ одномъ позабылъ, что это прежде-бъ догадаться сдѣлать! А теперь нужно одно помнить (тутъ Шакловитый понизилъ голосъ): что кровью начато, кровью и кончать надо...

— Съ нами крестная сила! прошепталъ Сильвестръ.—

Неужто-же на помазанниковъ Божіихъ руку дерзнете поднять?

— И въ головѣ этого нѣтъ! А главныя вѣтви отъ корня отсѣчь потребно, пока корень то не окрѣпъ, да не заматерѣлъ...

— Кого же ты подъ этимъ разумѣешь?

— Вѣстимо кого! Около младшаго царя есть два всему злу заводчика: Бориско-пьяница да Нарышкинъ Левъ. Стоитъ ихъ принять, такъ „старой медвѣдицѣ“ съ нами не справиться будетъ!

— А что же князь Василій тебѣ на это скажетъ?

— Что скажетъ, коли мы его не спросимъ!? Развѣ ты его не знаешь? Замутить да надоумить—его дѣло; а на ножъ полѣзть—другихъ подставитъ. Вѣстимо, если дѣло до крови дойдетъ—онъ не помога намъ.

— Но какъ же безъ него? Развѣ она рѣшится, не спросясь его совѣта...

— Вѣстимо нѣтъ! Она ему вѣритъ какъ Богу... И какъ любитъ его! Души въ немъ не чаетъ... Но вѣдь скоро ему придется идти въ походъ...

— Въ походъ! Въ какой походъ? Такъ это точно правда, что онъ въ походъ пойдетъ?

— Чему же ты дивишься? Ну, да! въ походъ на крымцевъ. Мы вѣдь обязались договоромъ съ Польшей зачать съ ними войну! А онъ кого-же пуститъ въ воеводы, кромѣ себя?.. Такъ вотъ — и скатертью дорога! Какъ онъ въ походъ, такъ мы сейчасъ примемся за дѣло... И мы должны его обладить втихомолку...

— Недурно ты придумалъ, Өедоръ!.. Но...

— Но это дѣло безъ стрѣльцовъ не обойдется! Ихъ мы должны опять поднять; а и нѣтъ у меня людей такихъ надежныхъ, подходящихъ... кому бы я могъ довѣриться... черезъ кого могъ бы ихъ на умъ наставить... могъ бы путь имъ указать! Ну, словомъ, ты мнѣ нуженъ, Сильвестрій! Понимаешь? Ты мнѣ нуженъ...

— Но чѣмъ могу тебѣ помочь? Я смиренный инокъ и крови трепещу...

— Да не въ томъ и дѣло! У тебя между стрѣльцами есть благопріятели, есть старые знакомцы, съ которыми ты водишься издавна... Ну, словомъ, помоги! Вѣдь все равно,—сегодня царевна потеряетъ власть, и мы съ тобой пропали! Тебя съѣдятъ Лихуды, доведутъ до покаянья, до позора — а мнѣ и въ Сибири не найдется мѣста! Такъ лучше ужь дерзнемъ!..

— О! Лишь бы заградить уста этимъ глаголющимъ неистовыя бреханія, я готовъ помочь тебѣ, другъ Өедоръ! Знаю, что ты и въ славѣ меня не позабудешь...

— Если царевну Софью намъ удастся узрѣть державною, вѣнчанною, соцарствующею братьямъ царямъ, то ты изъ этой кельи переѣдешь въ Патріаршія палаты.

Глаза Сильвестра загорѣлись недобрымъ огнемъ.

— А если не узримъ, другъ Өедоръ? спросилъ онъ Шакловитаго, пристально вперивъ взоръ въ лицо его.

— Ну, такъ пойдемъ на плаху вмѣстѣ!

И оба друга, обмѣнявшись крѣпкимъ рукопожатіемъ, смолкли на мгновенье...

Потомъ Сильвестръ, какъ будто припомнивъ что-то, наклонился къ Шакловитому и тихо сказалъ ему:

— Другъ Өедоръ, я и самъ къ тебѣ хотѣлъ идти и разсказать диковину. Есть человѣкъ одинъ (не къ ночи будь помянутъ!)—сильный и страшный человѣкъ... въ волхвованіяхъ и въ чарахъ зѣло искусный! А ты... какъ? Ты въ это вѣришь?

— Случалось слышать много... и видать чудного не мало приходилось... А самъ не пробовалъ...

— А вотъ князь Василій — тотъ всего попробовалъ! Ты знаешь-ли, какъ онъ добился милостей царевны?

— Какъ? Неужели чарами?

— Волхва сыскалъ, своего холопа, который въ ѣствахъ клалъ корешки „для прилюбленія“, и относилъ тѣ ѣствы къ царевнѣ Софьѣ.

Шакловитый вскочилъ со своего мѣста, схватилъ Сильвестра за плечи и стиснулъ его какъ въ желѣзныхъ тискахъ:

— Неужели это правда! Ахъ, еслибы я могъ найти такого волхва чего бы я не далъ ему!

— Ну, такъ, видишь-ли, есть же у меня такой человѣкъ! Я отъ него-то и узналъ о корешкахъ, а онъ про это слышалъ отъ князь-Васильевыхъ людей... Такъ, видишь-ли, вотъ этотъ самый человѣкъ...

— Да гдѣ-же онъ? Кто онъ такой! Веди меня къ нему! Подай мнѣ его сюда!

— Теперь не время... Да ты-жъ его и на Верху видалъ, и знаешь!.. Тотъ самый знахарь-то, что изъ-за польскаго рубежа вызванъ лѣчить царевича Ивана Алексѣевича отъ глазной скорби...

— Митька Силинъ!?

— Тсс!.. тише, тише! Не называй его по имени — не надо! прошепталъ Сильвестръ, махая руками и опасливо оглядываясь по угламъ потемнѣвшей кельи.— Да, онъ самый! У-у! силища большая! Съ самимъ нечистымъ водится! Гадать умѣетъ на всѣ лады, и отъ болѣзней разныхъ лѣчитъ снадобьями, и въ солнце смотритъ, и по солнцу узнавать гораздъ — кому что будетъ!

— Ну, такъ что-же?

— Я о тебѣ и о себѣ его заставилъ гадать, не сказывая о комъ гадаю: и онъ смотрѣлъ по зодіямъ и по кругамъ небеснымъ, и по звѣздамъ, и говоритъ: „великіе-де государи недолговѣчны; перво-де, говоритъ, одинъ къ Богу пойдетъ, а потомъ и другой; а послѣ того великое будетъ смущеніе, какого еще въ Московскомъ государствѣ не бывало; и кто-де, говоритъ, наверху теперь—тотъ на низу окажется“; а про насъ съ тобою сказалъ, что мы... въ большіе князи произойдемъ.

— Не возьму я въ толкъ...

— Ты слушай дальше! Я вѣдь ничего не вѣдалъ о походѣ, а просилъ его на князь Василья погадать, молъ будетъ-ли тому удача въ дѣлѣ, въ посольскомъ-то? И онъ влѣзалъ на колокольню Ивановскую съ чернецомъ Арсеньемъ и въ солнце черезъ черное стекло смотрѣлъ! И говоритъ потомъ: ему теперь удача будетъ, и честь великая, а потомъ его за тридевять земель пошлютъ войною, и въ той войнѣ не быть удачи,— только казну государскую истратитъ, да людей изомнетъ.

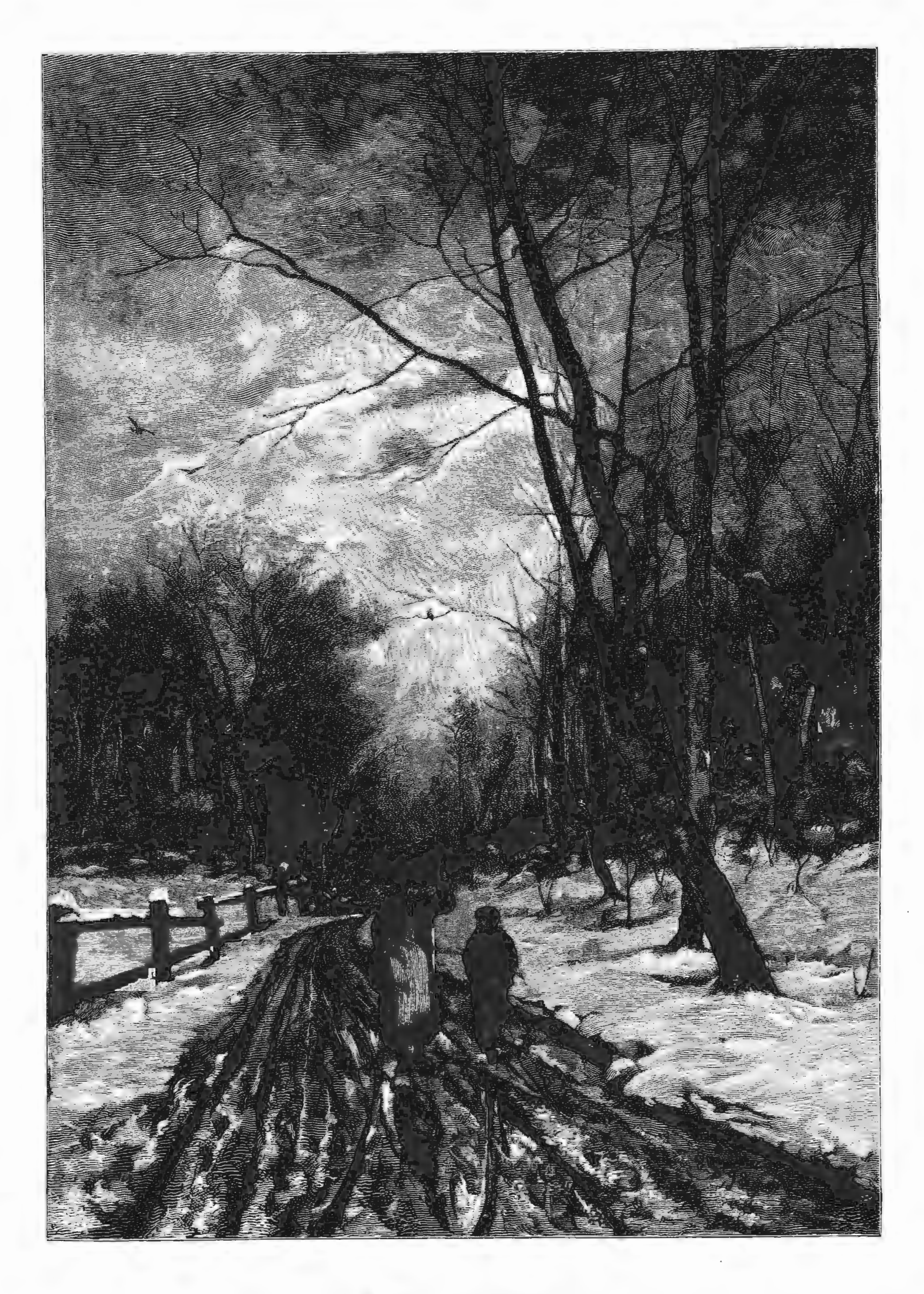
— Диковинно! Какъ могъ онъ объ этомъ провѣдать?..

— Чего онъ не знаетъ! Такъ вѣришь-ли теперь, что онъ тебѣ, пожалуй, окажетъ помощь и въ сердечномъ дѣлѣ? Онъ говорилъ, что женъ съ мужьями и помутить, и развести, и вновь свести—все это можетъ... А во дворецъ онъ вхожъ...

— Охъ, другъ Сильвестрій! Пусть онъ все возьметъ: мнѣ ничего не жаль... Лишь бы... Да что объ этомъ толковать? Тутъ дѣло дѣлать нужно! Поразузнай покамѣстъ подъ рукою, поразспроси своихъ пріятелей между стрѣльцами—согласны-ли они помочь намъ въ нашемъ дѣлѣ? А какъ только князь Василья сбудемъ, такъ ужь прямо, на проломъ пойдемъ, чтобъ ужь и ей не было возврату... И если точно будетъ удача, пусть ей вѣнецъ не изъ его руки, а изъ моей достанется! Такъ, буду ждать твоихъ вѣстей!

Друзья разстались. Шакловитый, сопровождаемый Сильвестромъ, вышелъ во дворъ, гдѣ воротный сторожъ дожидался, держа подъ уздцы его коня. Легко и ловко вскочилъ Шакловитый въ сѣдло, сунулъ сторожу въ руки серебряную монету и выѣхалъ за ворота, не оглядываясь. А Сильвестръ долго стоялъ на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, въ глубокомъ раздумьѣ, прислушиваясь къ удаляющемуся топоту коня, звонко отдававшемуся въ стѣнахъ давно-заснувшей обители.

(Продолженіе будетъ).



Зима. Съ картины Мюнте

Сорванецъ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ
Виктора Крылова (Александрова).
(Окончаніе).

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Декорація перваго дѣйствія.

Явленіе I.

Осетровъ *сидитъ за чаемъ;* **Люба** *приноситъ ромъ.*

Люба. Вотъ и ромъ. *(Наливаетъ стаканъ).*

Осетровъ. Будетъ, будетъ, будетъ... *(Глотаетъ чай).* Уфъ!.. Точно рай небесный по всѣмъ жилкамъ разлился... Ангелъ вы мой! умеръ бы безъ васъ... ручку въ знакъ благодарности.

Люба. Не стоите; такъ вамъ и надо, за ваше непослушаніе. Сказано вамъ было не ѣхать со мной,—нѣтъ, надо сдѣлать по своему, непокорное дитя. Какъ же это вы попали въ Спасское село? вѣдь къ бабушкѣ дорога совсѣмъ въ другую сторону.

Осетровъ. Да, разбери ихъ въ деревнѣ, эти дороги. Мнѣ вашъ кучеръ очень обстоятельно объяснилъ: все, говоритъ, прямо поѣзжайте, все прямо версты четыре, а тамъ деревня будетъ съ бѣлой церковью, направо надо взять, а тамъ черезъ рѣчку переѣдете и опять все прямо, все прямо. Скакалъ я, скакалъ,—Христосъ небесный! какое ужь четыре версты... Ну, думаю, русскія версты не мѣреныя... нѣтъ церкви, да и полно,—что за напасть? Взялъ направо наудачу отъ какой-то деревни, опять-таки никакой рѣчки не встрѣчается... и названія всѣхъ деревень перезабылъ... И дадутъ же, прости Господи, какія: Горбатое, Мохнатое, Посатое... А тутъ, гляжу, и ночь... да еще дождикъ... Тьма такая, ни зги не видать. А ужь тутъ слышу, мой конь по водѣ шлепаетъ; стало быть въ болото попалъ. И какъ я тамъ не увязъ, Богъ его знаетъ.

Люба. Вотъ куда ведетъ непослушаніе!

Осетровъ. Нѣтъ, это не непослушаніе, а ваши нелѣпыя дороги. Вы мнѣ разскажите въ Петербургѣ, какъ идти, я вамъ ощупью куда угодно дойду. Тутъ калачная, тамъ колбасная, домъ какой-нибудь съ фигурами, или мужикъ съ яблоками стоитъ. Все можно запомнить и хоть ночью все видно. А тутъ что это? Ты думаешь она, дорога, подъ тобой идетъ прямо, а она ужь пять разъ повернулась да вывернулась, и на поди куда тебя завела. Какъ это здѣсь люди живутъ, не понимаю.

Люба. Гдѣ же вы ночевали?

Осетровъ. Въ амбарѣ. Добродѣтельный поселянинъ смиловался, заперъ меня.

Люба. Какъ заперъ?

Осетровъ. Боялся вѣрно, что я у него тамъ что-нибудь стащу. Платье мое сушить унесъ подъ навѣсъ, а меня заперъ. Сперва-то я не замѣтилъ, радъ былъ протянуться. Кожи тамъ какія-то лежали. Даже было задремалъ. Только проснулся— и кончено: кожами пахнетъ—силъ нѣтъ!.. Кричу, стучу, какъ будто все вымерло. Такъ всю ночь подъ арестомъ просидѣлъ.

Люба. Я ужь въ три стороны крестьянъ послала васъ разъискивать, насилу нашли.

Осетровъ. Спасительница моя! отыскала, отогрѣла, напоила, накормила...

Люба. Ну какъ же можно дѣлать такія глупости въ столь почтенные годы?

Осетровъ. Вы виноваты. Я не могъ васъ покинуть.

Люба. Вы должно-быть, генералъ, меня ужасно полюбили?

Осетровъ. То-есть не полюбилъ, а.. люблю...

Люба. Это ваша первая любовь?

Осетровъ. Не ваше дѣло. Можетъ быть и не первая.

Люба. Неужели вы никогда не хотѣли жениться?

Осетровъ. Сохрани Господи и помилуй!.. Что вы какія страшныя вещи говорите!..

Люба. Ай, ай, какъ нехорошо вы сказали!.. Неужели вамъ не было бы пріятно, чтобъ у васъ была этакая маленькая, миленькая женка, которая бы заботилась объ васъ? вамъ бы чай съ ромомъ готовила? когда плечо ломитъ, растирала бы его бѣленнымъ масломъ?..

Осетровъ. Припарку бы приготовила!.. *(Вздохнувъ).* Да; только такая за меня не пойдетъ.

Люба. Неизвѣстно.

Осетровъ. Послушайте, Любовь Ивановна, я всѣ ваши насмѣшки терплю безропотно. Когда вы меня Наполеономъ назвали, я стерпѣлъ; когда вы меня козломъ травили, я даже съ удовольствіемъ стерпѣлъ; когда вы меня заставили на дерево влѣзать, я и тутъ... Но если ужь вы такихъ тонкихъ сторонъ касаетесь, то такія насмѣшки...

Люба. Почему же это насмѣшки?

Осетровъ. Положимъ, что у меня добрый, покладистый характеръ и я хорошо сохранился; но все-таки мнѣ... шестьдесятъ лѣтъ... будетъ скоро.

Люба. За то вы генералъ.

Осетровъ. Въ отставкѣ.

Люба. Все-таки *превосходительство.* Вѣдь и ваша жена тоже будетъ *превосходительство.*

Осетровъ. Молодежь мало на это вниманія обращаетъ.

Люба. Какъ кто.

Осетровъ. Неужто обращаетъ? *(Входитъ Боби).* Фу, ты!.. Что ему надо?

Явленіе II.

Тѣ-же *и* **Боби.**

Боби. Любовь Ивановна, помогите... спасите... скажите, что мнѣ дѣлать? Мамаша мнѣ прямо объявила, что хочетъ, чтобы я женился на одной изъ вашихъ сестеръ. Она пошла въ рощу и требуетъ, чтобы я ей черезъ четверть часа сказалъ, кого я беру: Вѣру или Надю.

Люба. Мнѣ-то зачѣмъ вы это объявляете?

Боби. Да я не хочу... Что дѣлать? Господи, что дѣлать?

Люба. Что дѣлать?.. А вотъ: опустить глазки и, какъ умный мальчикъ, сказать: „Милая душа моя мамаша, какую вы мнѣ предназначите невѣсту, ту я и возьму. Потому, никакой у меня воли нѣтъ, окромя той воли, которую, маменька, вы мнѣ прикажете имѣть“. Потомъ—поцѣловать ручку и ждать рѣшенія.

Боби. Стыдно вамъ надо мной смѣяться.

Люба. Чего тутъ смѣяться? Послушаніе есть первая добродѣтель благовоспитаннаго мальчика; я сейчасъ объ этомъ съ генераломъ говорила. Вотъ онъ—мальчикъ непослушный, за это и просидѣлъ подъ арестомъ въ амбарѣ. А вы... Ахъ, генералъ, посмотрѣли бы вы вчера,—я налюбоваться не могла вечеромъ... Надя говоритъ: „Борисъ Алексѣевичъ, сюда подите“,—бѣжитъ. Она ему про капусту, про огурцы, про морковь,—слушаетъ. Вѣра говоритъ: „Борисъ Алексѣевичъ, сюда“,— идетъ. Она ему про Римскую имперію, да про Грековъ, да про Мараѳонское сраженіе. Папа говоритъ: „ко мнѣ“,—онъ къ папа. Княгиня говоритъ: „Боби, мой другъ,“ —онъ ужь стремится. Маланья говоритъ..... Нѣтъ, Маланья была такъ добра, что оставила его въ покоѣ, а то бы онъ и къ ней побѣжалъ, потому что онъ мальчикъ послушный. И вотъ съ кого вамъ надо брать примѣръ.

Боби. Богъ съ вами!

Люба. Хотите, я вамъ, въ награду за послушаніе, сказку разскажу?

Боби. Я, кажется, теперь то сдѣлаю, что не будутъ мной довольны.

Осетровъ. Мнѣ разскажите, мнѣ... своему генералу.

Люба. Хорошо. Ну вотъ: въ нѣкоторыемъ царствѣ, въ нѣкоторыемъ государствѣ, жилъ былъ мужикъ; и было у него три дочери; какъ обыкновенно бываетъ: старшая умная, средняя и такъ-и-сякъ, а младшая вовсе дура.

Осетровъ. И, какъ всегда, дура была умнѣе умныхъ.

Люба. Не перебивайте. Сидите, какъ примѣрное дитя, сложивши ручки на животикѣ и слушать. Хорошо... Только, прослышала про этихъ дочерей принцесса Отрава Строговна и говоритъ своему сыну: „Милый другъ Боби“... Ахъ, что это я завралась!.. Говоритъ: „Милый мой сынъ единственный, Арнульфъ Адамантовичъ, поѣдемъ изъ этихъ сестеръ тебѣ невѣсту выбирать“... *(Боби).* Что вы подсаживаетесь?

Боби. Говорите, говорите.

Люба. Хорошо... Пріѣхали. Умная тянетъ принца къ себѣ, средняя тянетъ принца къ себѣ, а младшая надъ нимъ свои дуровы штуки продѣлывать начала. Видитъ принцесса: попадетъ ея сынъ дурѣ въ лапки и давай придумывать, какъ бы дуру спровадить съ глазъ долой.

Боби. Что? она старалась?...

Люба. Согласилась она съ братцемъ, да съ родителемъ этихъ самыхъ невѣстъ,—и говорятъ они: „Разлюбезная ты наша дура, уѣзжай ты за сине-море, добродѣтель оттуда привези“. Послушалась дура, ѣхать собралась; а дѣвка-чернавка ей шепчетъ: „смотри, милая, это подвохъ,—поѣдешь ты за добродѣтелью,—и никому она не нужна; а тутъ тебѣ безъ всякой добродѣтели носъ утрутъ“... И такъ-то грустно стало дурѣ, что этотъ самый принцъ, Арнульфъ Адамантовичъ, какъ чумичка какая ненужная, какъ вѣникъ-голикъ половой, кто захотѣлъ, его взялъ и швырнулъ—и все... И жаль его стало. Полюбился онъ дурѣ, этотъ Арнульфъ Адамантовичъ... оцѣнила она его добрую душу и чудное чувство охватило ее.

Боби. Ну, ну... дальше...

Люба. Дальше нѣтъ ничего. Развѣ вотъ генералъ что слышалъ, это его касающее, а я не знаю. Мнѣ еще надо черную кошку спросить, чтобъ она мнѣ сказку досказала. Прощайте. По усамъ текло, да въ ротъ не попало!—вотъ что. *(Убѣгаетъ).*

Явленіе III.

Осетровъ *и* **Боби.**

Боби. Какъ, дядя? такъ тутъ была даже интрига?.. Когда замѣтили, что именно эта дѣвушка мнѣ нравится, ее насильно хотѣли удалить?

Осетровъ. Да нѣтъ, слушай...

Боби. И можете вы мнѣ теперь прямо въ глаза глядѣть?.. и вы были въ заговорѣ? и противъ кого?—противъ лучшей дѣвушки въ мірѣ.

Осетровъ. Да нѣтъ, нѣтъ...

Боби. Вы скажете, она не лучшая дѣвушка въ мірѣ? Ну, ужь если на то пошло, я больше этого терпѣть не въ состояніи. Мамаша можетъ мнѣ сватать кого угодно, но я женюсь на Любѣ и знать ничего не хочу.

Осетровъ. Нѣтъ-ли здѣсь холодной воды? окатить бы его, что-ли?

Боби. Не поможетъ.

Осетровъ. Да погоди, не торопись. Что завтра свѣтопредставленье, что-ли?—выслушай...

Боби. Вы хотите ее унижать...

Осетровъ. Ни малѣйшимъ образомъ. Любочка дѣвица первый сортъ. Откровенно говоря, мнѣ даже очень обидно, что такой алмазъ въ глуши деревенской валяе-

ся, а не выставленъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ на восхищеніе гвардейскимъ офицерамъ. Тамъ бы изъ-за нея, все-таки, хоть бы на дуэли подрались, убили бы кого-нибудь, или, по меньшей мѣрѣ, какіе-нибудь два друга разбранились бы и одинъ другому какую-нибудь пакость устроилъ.

Боби. Merci, дядя, merci.

Осетровъ. Но, милый другъ, тебѣ она совсѣмъ не годится. Ты характера серьезнаго, твое общество—книжки. Ты, такъ сказать... если фигурально, ты покрытъ корой учености. Она живая птичка, веселая, легкомысленная, сорванецъ. Ей нуженъ человѣкъ, надъ которымъ бы она надсмѣхалась, шутила, а я бы... а онъ бы хохоталъ. Ты слишкомъ скученъ для нея.

Боби. А вотъ я вамъ сейчасъ покажу, какъ я съ моими книжками буду обращаться, коли такъ.

Осетровъ. Потомъ, она не потерпитъ мамаши; она сама себѣ господинъ. А ты безъ мамаши что?—рыба безъ хвоста, никуда не уплывешь.

Боби. А вотъ я покажу сейчасъ, куда я уплыву безъ мамаши.

Осетровъ. Наконецъ, она тщеславна... я сегодня замѣтилъ кое-что... Ей нуженъ мужъ этакій... *(Пыжится)* въ чинахъ, заслуженный...

Боби. Ну ужъ это пустяки, извините.

Осетровъ. Позволь, братецъ, ты хоть и ученый, все-таки съ дядей не смѣешь такъ разговаривать... И съ чего ты взялъ, что если тебѣ понравилась дѣвица, такъ она сейчасъ за тобой и побѣжитъ?

Боби. А вотъ увидите.

Осетровъ. Можетъ-быть она сама тебя не захочетъ.

Боби. А вотъ сейчасъ... Мамаша ждетъ въ рощѣ, хорошо, сейчасъ я ей объявлю. Merci, дядя, вы вашими похвалами подлили послѣднюю каплю масла въ огонь и теперь меня не остановишь.

Осетровъ. Да я совсѣмъ этого и не хотѣлъ. Погоди, погоди!

Боби. Нѣтъ, ужъ теперь меня не остановишь. *(Уходитъ).*

Осетровъ. Ахъ ты Господи! что я надѣлалъ! *(Убѣгаетъ).*

Явленіе IV.

Вѣра, Надя и Закрутинъ.

(Надя выходитъ первая, очень взволнованная, за ней Закрутинъ, потомъ Вѣра).

Надя. Ничего больше слушать не хочу, ничего.

Закрутинъ. Куда ты? можешь съ ними встрѣтиться...

Надя. Мнѣ все равно. Когда такъ несправедливо со мной поступаютъ, мнѣ все равно. Я справедлива: Вѣра вчера просила уйти, я ушла. *(Вѣрѣ).* Но, повторяю, если ты мнѣ обѣщала, что послѣ чаю ты мнѣ его отдашь, ты не должна была подходить, когда я съ нимъ разговаривала.

Вѣра. Онъ самъ меня подозвалъ.

Надя. Неправда. Мы въ это время говорили о цвѣтахъ, а ты нарочно подошла, чтобы сказать, что терпѣть не можешь душистаго горошка.

Вѣра. Онъ глазами меня подозвалъ.

Надя. Чудесно! — она ужь его взгляды изучила.

Закрутинъ. Надя, образумься, ради Бога.. Сжальтесь же вы, наконецъ, надо мной. Что это за отецъ несчастный, никакого вниманія на него не обращаютъ. Добьетесь вы, что князь уѣдетъ и ни одну изъ васъ не возьметъ.

Надя. И прекрасно. Это будетъ наказаніемъ Вѣрѣ за ея несправедливость.

Закрутинъ. А я то за что же буду наказанъ.

Надя. За то, что ты за нее заступаешься.

Закрутинъ. Помиритесь вы, ради Бога, еще есть время. Я и такъ убитъ, что Маланья меня выдала: теперь Любочка надъ нами можетъ такъ издѣваться... Малашку гоню со двора долой, а она только смѣется; Любочка дразнить станетъ... Ахъ ты Господи!—но всѣмъ швамъ рвется, а еще и вы тутъ ссоритесь!

Вѣра. *(Надѣ).* Ну хорошо, изволь: я сейчасъ сяду тутъ въ бесѣдку и оставляю тебѣ его, даже не покажусь. Говори съ нимъ, сколько хочешь.

Закрутинъ. Вотъ спасибо, вотъ умная сестра.

Надя. Ну, конечно! — она геніальная у васъ.

Закрутинъ. И добрѣе тебя, да. *(Цѣлуетъ Вѣру).*

Вѣра. Папа, ты мнѣ прическу сомнешь. *(Уходитъ).*

Надя. Добрѣе!.. Она, вѣрно, князю что-нибудь про меня нехорошее наговорила и теперь увѣрена, что я ей не опасна. Она себѣ почву подготовила, оттого и великодушничаетъ.

Закрутинъ. Надя,—милая ты моя...

Надя. Я вамъ не милая, Вѣра милая.

Закрутинъ. И ты милая. Но, разсуди, пожалуйста...

Надя. Вонъ онъ идетъ... уйдите, папаша.

Закрутинъ. Не безпокойся.

Явленіе V.

Тѣ-же и Боби.

Боби. Иванъ Христофоровичъ, не видали ли вы мамаши? Мы съ дядей ее въ рощѣ искали, нѣтъ. Дядя къ рѣкѣ пошелъ, а я сюда.

Закрутинъ. Она у рѣки и сидитъ.

Боби. Благодарю васъ. *(Хочетъ уйти въ ту же сторону, откуда пришелъ).*

Надя. Князь, позвольте и мнѣ хоть разокъ съ вами побесѣдовать. Меня давно тяготитъ одна мысль.

Закрутинъ. Разговаривайте, разговаривайте, я въ дѣла молодежи не впутываюсь, я ухожу. Похвалите же меня, князь!—какой я отецъ: свобода всѣмъ. Да вѣдь какъ же иначе? Я вѣдь помню, я самъ былъ молодъ, я самъ тоже... Я бы въ свое время этакого отца какъ бы цѣнилъ!.. Оставляю васъ. *(Уходитъ).*

Явленіе VI.

Надя и Боби.

Боби. Я сейчасъ... Мнѣ надо только два слова мамашѣ...

Надя. Князь, за что вы меня избѣгаете?

Боби. Я не избѣгаю, напротивъ... *(Про себя).* А!.. если ужъ вы такъ ко мнѣ пристаете... вы хотѣли спровадить Любу, такъ и я же... хорошо...

Надя. Вѣра вамъ, конечно, выставила меня самымъ ничтожнымъ существомъ. Я, правда, золотой медали не получила, но скажите, неужели для васъ важнѣе голова, чѣмъ сердце?

Боби. Какъ можно!—помилуйте.

Надя. Я такъ считаю: что область мужчины голова, область женщины сердце,—женщина сердцемъ чуетъ, что мужчина обсуживаетъ головой... и оттого...

Боби. Я бы...

Надя. *(Перебивая его).* Дайте мнѣ кончить. Вы князь человѣкъ ученый и талантъ; у васъ своего ума слишкомъ много, вамъ не нужно, чтобы и въ близкихъ вашихъ было тоже... но чего вамъ не достаетъ—это сердца.

Боби. Какъ?

Надя. Сердца, которое бы понимало что необходимо для вашего счастья. Вы, при своей учености, очень непрактичны. Для васъ унизительно думать обо всякихъ житейскихъ мелочахъ. Вѣра увѣряетъ, что это дѣло прислуги; нѣтъ, князь, на какую прислугу въ наше время можно положиться? Вонъ у Алферьевыхъ какая вѣрная старуха горничная, а сожгла же она утюгомъ совсѣмъ новое платье. Вы видите у насъ все къ обѣду подаютъ вкусно, акуратно: неужели вы думаете, что кухарка бы все это одна справила, еслибъ я безпрестанно не ходила въ кухню?.. у насъ на птичникѣ...

Боби. Надежда Ивановна...

Надя. Дайте мнѣ кончить.

Боби. Только не здѣсь. Вы меня ужасно интересуете этимъ разговоромъ, но здѣсь намъ могутъ помѣшать.

Надя. Правда, того гляди Вѣра откуда нибудь явится.

Боби. Куда бы намъ уйти?

Надя. Вотъ куда. За скотнымъ дворомъ, тамъ на краю сада, гдѣ рѣшетка, сдѣлана у насъ скамеечка. Туда никто не заходитъ.

Боби. Такъ ступайте туда, я приду. Я сейчасъ приду... Ждите меня полъ-часа... нѣтъ, часъ... полтора часа... Я приду можетъ-быть раньше, но уже черезъ полтора часа непремѣнно.

Надя. Вы не обманете?

Боби. Какъ можно, — мнѣ самому хотѣлось-бы съ вами объясниться; вы мнѣ столько участья показываете...

Надя. Такъ зачѣмъ объясняться? Пойдемте лучше прямо къ мамашѣ...

Боби. Нѣтъ, вы должны знать...

Надя. Хорошо, хорошо, — какъ вы скажете такъ и будетъ.

Боби. Вы не соскучитесь ждать меня полтора часа?

Надя. *(Патетически).* Нѣтъ, мой князь... *(Просто).* Я возьму съ собой вязанье княгини. Тутъ будетъ двѣ пользы: займу себя и подвину работу вашей мамаши, сдѣлаю ей удовольствіе...

Боби. Очень разсчетливо.

Надя. *(Патетически).* Я всегда разсчетлива... *(Мѣняя тонъ).* Вы идите тропинкой за скотнымъ дворомъ. Чтобъ никто не замѣтилъ. Да смотрите, тамъ много крапивы, и высокая такая, не обожгите себѣ ручки.

Боби. Постараюсь.

Надя. Такъ до скораго свиданья, мой князь! Я надѣюсь... Я буду ждать васъ какъ солнышка во время сѣнокоса... *(Нетерпѣливое движенье Боби).* Иду, иду! — до скораго свиданья...

Явленіе VII.

Боби и Вѣра.

Боби. Ну, теперь...

Вѣра. *(Появляется, зоветъ).* Ст!.. Ст!.. Князь!

Боби. *(Про себя).* А, и эта тоже... Ну, и тебѣ тоже будетъ... *(Подходитъ къ ней).* Я васъ искалъ.

Вѣра. Я такъ и думала. Вы оттого и удалили ее...

Боби. У меня къ вамъ просьба: я не знаю, что со мной сдѣлалось, но мнѣ кажется, что моя работа, моя диссертація не ладится.

Вѣра. Это очень естественно. Когда мысли заняты другимъ...

Боби. Вотъ я только что кончилъ четвертую главу, но я въ ней не увѣренъ... прочитайте ее... У васъ есть и знаніе, и способности. Сдѣлайте мнѣ на этотъ счетъ ваши замѣчанія.

Вѣра. Я говорила, что вы когда-нибудь меня оцѣните.

Боби. Я всегда васъ цѣнилъ, Вѣра Ивановна. Я болѣе того... я... но нѣтъ, прежде всего работа.

Вѣра. Зачѣмъ же прежде работа? Лучше прежде то, что начали говорить.

Боби. Наука прежде всего.

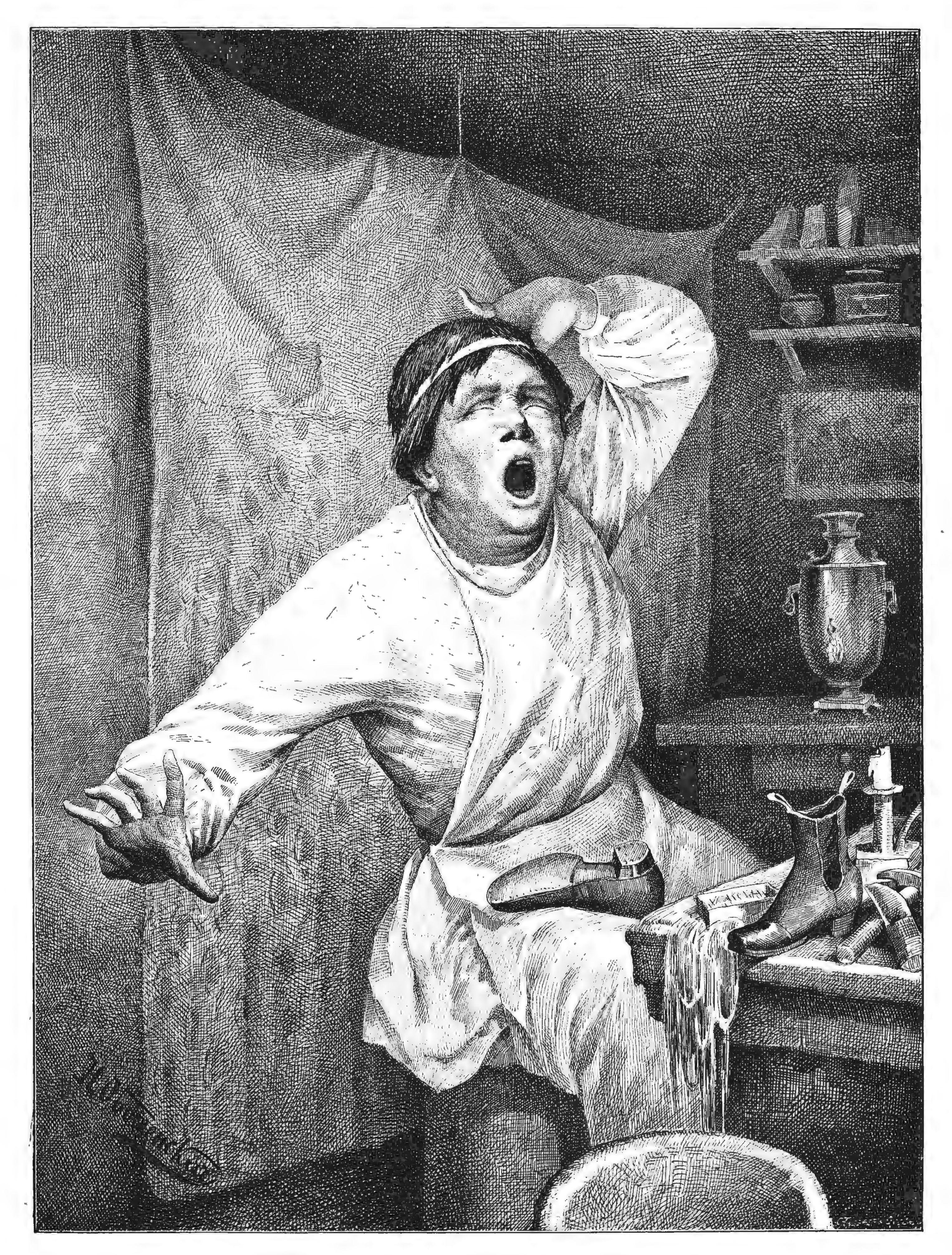
Вѣра. Да, это правда. Хорошо, сейчасъ иду исполнить вашу волю.

Боби. Только не торопитесь. Если вы будете торопиться, я подумаю, что вы не достаточно вникли. Перечитайте эту главу пять разъ, шесть разъ, посидите надъ ней часъ, два часа... За это время, я надѣюсь, рѣшится моя судьба...

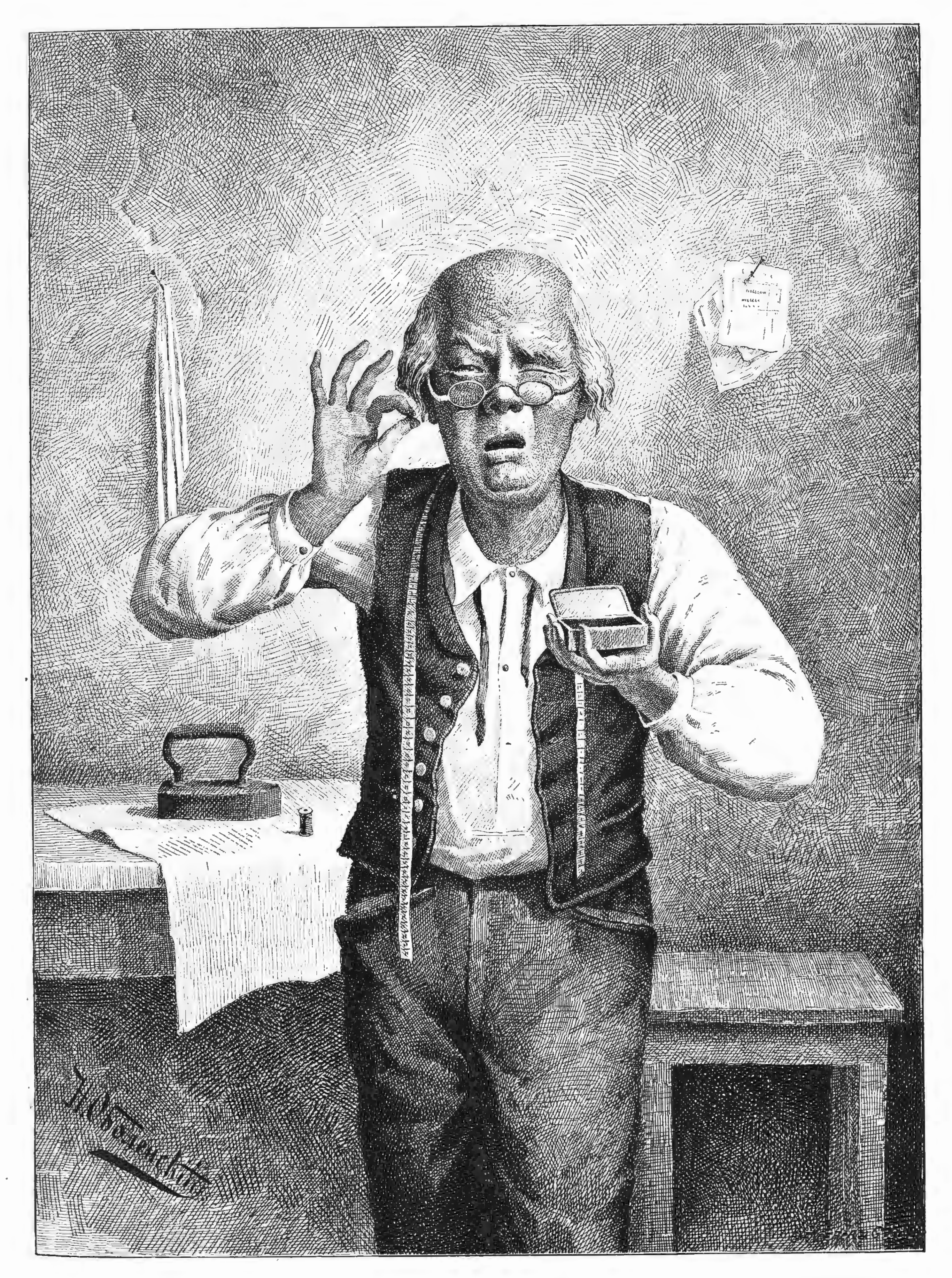
Вѣра. Не лучше ли прежде рѣшить судьбу? Какъ бы рада была ваша мамаша... Пойдемте къ ней.

Боби. Повторяю же вамъ, Вѣра Ивановна, наука прежде всего.

Вѣра. Понимаю. Это мнѣ дѣлается послѣднее испытаніе.



Зѣвота одолѣла! Ориг. рис. (собственн. „**Нивы**“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.



Забористый табакъ! Ориг. рис. (собственн. „**Нивы**“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Боби. Можетъ быть.

Вѣра. И послѣ этого...

Боби. Судьба моя рѣшится. И даже раньше этого.

Вѣра. Постараюсь, чтобъ вы остались мной довольны, мой повелитель. (*Уходитъ*).

Явленіе VIII.

Боби, Закрутинъ, Княгиня, Осетровъ.

Боби. Ну, теперь я отъ нихъ освобожденъ по крайней мѣрѣ на полтора часа. Этимъ временемъ надо воспользоваться и поговорить съ мамашей.

(*Идетъ, но встрѣчается со входящей княгиней и останавливается. За княгиней входятъ Осетровъ и Закрутинъ*).

Княгиня. Боби, мой другъ, вообрази, дядя твой какой смѣшной, что̀ выдумалъ: будто ты, мой Боби, серьезный ученый, влюбился въ этого шаловливаго сорванца, въ Любу.

Боби. Это правда, maman.

Княгиня. Ахъ ты шалунъ... и онъ продолжаетъ шутку. Вы сговорились, что-ли, надо мной насмѣхаться?.. Ошиблись, ошиблись, я васъ угадала.

Боби. Это не шутка, maman. И я сейчасъ шелъ къ тебѣ, чтобы сказать, что, исполняя твое желаніе, я рѣшилъ: если Люба захочетъ взять меня, я женюсь на ней.

Осетровъ. Вотъ вамъ.

Боби. Maman, я всегда тебѣ былъ во всемъ послушенъ... даже слишкомъ послушенъ.

Княгиня. Какъ бы сынъ ни былъ послушенъ матери, это никогда не бываетъ слишкомъ.

Боби. Я жилъ твоимъ умомъ, твоей волей...

Княгиня. Это тебѣ послужило на пользу.

Осетровъ. А онъ недоволенъ, — вотъ чудакъ!

Боби. Не знаю, можетъ быть... Но теперь этого довольно. Я чувствую, что это выше силъ моихъ, я не могу такъ больше, я не могу...

Княгиня. Иванъ Христофоровичъ, у него лихорадка... Онъ простудился, онъ внѣ себя... За докторомъ, другъ мой, за докторомъ!

Боби. Остановитесь, — я не шучу. (*Матери*). Теперь ты хочешь, чтобы я и жену взялъ ту, которая тебѣ нравится, а не мнѣ. Такъ я тебѣ объявляю, что этого не будетъ. Я люблю Любу и женюсь на ней, а если ты теперь, сейчасъ не дашь своего согласія на этотъ бракъ, я... я... я... брошу всякія занятія, я... уйду куда глаза глядятъ... я то надъ собой сдѣлаю, чего ты и не ожидаешь. Теперь я жду твоего рѣшенія и посмотрю, какъ ты дорожишь своимъ сыномъ, и его работой, и его жизнью, и всѣмъ. (*Уходитъ*).

Осетровъ. Ай да серьезный ученый!

Княгиня. (*Быстро Закрутину*). Стойте! — у васъ, кажется, въ кабинетѣ пистолетъ лежитъ?

Закрутинъ. Онъ безъ курка, изъ него стрѣлять нельзя.

Княгиня. Боби, Боби! — Я его никогда такимъ не видывала... Да у вашего сорванца, должно быть, есть приворотный корешокъ: и старый, и малый отъ нея безъ ума.

Осетровъ. Вотъ вамъ! — не настояли тогда, чтобъ я съ ней ѣхалъ къ бабушкѣ. Ужъ если бъ я на козлахъ сидѣлъ, я бы не позволилъ ей вернуться. А тамъ, чѣмъ бы это кончилось — неизвѣстно.

Княгиня. Пожалуйста, не хвались твоей помощью. Ты же твоими восторгами заразилъ мальчика.

Закрутинъ. Тише, княгиня, онъ вошелъ въ свою комнату.

Княгиня. (*Тихо*). Вошелъ?.. Крикните ему, что я въ обморокъ упала... суетитесь возлѣ меня.

(*Полуложится въ кресло*).

Осетровъ. (*У окна*). Боби, съ твоей мамашей дурно!.. смотри, Боби, она безъ чувствъ.

(*Боби подбѣгаетъ къ окну*).

Княгиня. Что онъ?

Закрутинъ. (*Машетъ на нее платкомъ*). Къ окну подбѣжалъ.

Княгиня. Вотъ мой спиртъ, давайте мнѣ нюхать.

(*Закрутинъ даетъ нюхать*).

Осетровъ. Иди же, братецъ!.. Мать умираетъ, а онъ...

(*Боби махнулъ рукой и скрывается*).

Княгиня. Ну, что онъ?

Закрутинъ. Махнулъ рукой и скрылся.

Княгиня. Сейчасъ сюда прибѣжитъ.

Осетровъ. (*Подходя*). Нѣтъ, не прибѣжитъ. Я видѣлъ въ окно, что онъ бросился въ кресло и заплакалъ.

Княгиня. Заплакалъ!.. Бѣдный Боби... Неужели ужъ онъ такъ влюбился?

Закрутинъ. Княгиня, что̀ же вамъ такъ печалиться? Вѣдь Любочка хоть и вѣтрена немножко, но дѣвушка она хорошая, училась не хуже сестеръ и характера не злаго.

Осетровъ. По характеру-то ей бы сестрой милосердія надо быть; вотъ она что̀, — всякому въ нуждѣ отвѣтить. Да вѣдь развѣ наша княгиня можетъ въ душу глядѣть и видѣть?

Княгиня. Я очень вижу. Если бы въ ней не было хорошаго, Боби ею бы не плѣнился. Но она должна исправить свои недостатки. (*Закрутину*). Позовите ее ко мнѣ.

Закрутинъ. Извините, княгиня, я къ ней не пойду. Я передъ ней провинился, она меня такъ задразнитъ, я ее боюсь.

Княгиня. Ну ты, братъ.

Осетровъ. Я пожалуй, извольте, пойду. Только сюда я ее не приведу; а напротивъ, я съ ней уйду дальше куда-нибудь.

Княгиня. Фу, какіе..,

(*Входитъ Маланья, напѣвая*).

Маланья. А мы, лебеди, наплавалися,
А мы, дѣвушки, наплакалися...
А, наплакавшись, пошли мы домой,
А за нами офицеръ молодой...

Закрутинъ. Что̀ это за концертъ? мѣсто нашла...

Маланья. Прощайте... Вы меня гоните вонъ — и прощайте. Я сейчасъ съ моей барышней прощалась, съ Любовь Ивановной. Она говоритъ: „ничего, Малаша, я замужъ выду, я тебя къ себѣ возьму“. Вотъ-те и нате... а до тѣхъ поръ — прощайте. (*Поетъ*).

А за нами офицеръ молодой...

(*Хочетъ идти*).

Княгиня. Погоди, милая, погоди...

Маланья. Нѣтъ, ужъ будетъ... Мнѣ вона красный платочекъ съ каймой обѣщали, а замѣсто этого срамъ одинъ.

Княгиня. Я тебѣ подарю красный платокъ, слушай только... (*Въ глубинѣ Боби прислушивается*). Ступай ты опять къ Любовь Ивановнѣ, гдѣ она тамъ, и скажи ей, княгиня, молъ, проситъ, чтобъ она сюда пришла. Княгиня-молъ ей очень пріятную вещь хочетъ сказать.

Маланья. Чтожъ? Я, пожалуй, пойду. Трудно мнѣ, чтоль?

А за нами офицеръ молодой,
Сталъ заигрывать, пошучивать со мной...

(*Уходитъ*).

Явленіе IX.

Княгиня, Закрутинъ, Осетровъ, Боби (*въ окнѣ*), *потомъ* **Маланья.**

Осетровъ. Ты что̀ же это, сестрица, значитъ на уступки пошла?

Княгиня. Я съ Любой поговорю. Если она подчинится моимъ требованіямъ, я возьму ее къ себѣ на годъ на испытаніе, постараюсь отшлифовать и, если ея пороки сгладятся, а достоинства выйдутъ наружу...

Осетровъ. Ну, этакую никакими утюгами не разгладишь.

(*Боби прислушивается въ окнѣ*).

Княгиня. Если она любитъ Боби, она сумѣетъ подавить...

Осетровъ. Сумѣть-то она все сумѣетъ; но на счетъ желанія, это отложи попеченіе. Она еще и тобой командовать будетъ. Ты лучше эту затѣю брось.

Закрутинъ. Генералъ, это чувство матери въ нашей княгинюшкѣ говоритъ, а вы останавливаете. Вдругъ, коли князь изъ-за этого да всякое ученіе броситъ, да кутить пойдетъ...

Княгиня. Охъ, не пугайте, ради Бога!

Закрутинъ. Можетъ-быть они самимъ Богомъ другъ для друга предназначены.

Осетровъ. Вы же говорили, что они не пара.

Княгиня. А ты ее хвалилъ. Ты считаешь ее лучше сестеръ.

Осетровъ. Конечно лучше. Такъ если лучше, сейчасъ ее и отдай твоему Боби?.. (*Указывая на Закрутина*). Ему-то, конечно, все равно, какую бы ни сбыть дочь, только бы сбыть.

Закрутинъ. А вы изъ-за чего кипятитесь?

Осетровъ. Я?.. Я знаю, изъ-за чего.

Маланья. (*Возвращаясь*). Не желаютъ. Не придутъ.

Княгиня. Что?

Закрутинъ. Что?

Маланья. Барышня сказала, что не придутъ. Коли, говоритъ, княгинѣ что̀ нужно, пущай, говоритъ, сама ко мнѣ придетъ, а я кланяться не буду.

Осетровъ. Молодецки отвѣтила! — отлично.

Закрутинъ. Позвольте, княгиня. Я рискну, я пойду самъ.

Княгиня. Нѣтъ, ужъ это черезчуръ... Нѣтъ, ужъ тогда никакихъ разговоровъ съ ней не нужно.

(*Боби ударяетъ кулакомъ по подоконнику и скрывается*).

Осетровъ. Ай-да Любочка!.. Ну какъ же послѣ этого она не лучше всѣхъ? А ты ее еще разглаживать хотѣла... (*Хохочетъ*).

Княгиня. Братъ, это даже неделикатно съ твоей стороны.

(*Изъ-за окна летитъ большая книга*).

Осетровъ. Что̀ такое?

(*Всѣ поражены. Летитъ другая книга, третья и четвертая*).

Княгиня. Онъ книги свои бросаетъ.

Закрутинъ. Порывъ отчаянія.

Осетровъ. (*Поднимая книгу*). Международное право въ дребезги... (*Еще книга летитъ*). Осторожнѣе!.. Что̀ за бомбардировка?

Закрутинъ. Княгиня, онъ подслушалъ, что вы отказываетесь идти къ Любѣ. Я говорилъ: броситъ ученіе, а потомъ кутежъ и...

Княгиня. Я не переживу этого... Боби, мой другъ, поди сюда!.. поговоримъ серьезно... Боби!..

(*Изъ окна вылетаетъ цѣлая кипа исписанныхъ листковъ бумаги, которые разлетаются фейерверкомъ*).

Княгиня. Что̀ это онъ выкинулъ еще?

Закрутинъ. (*Подобравъ одну бумажку читаетъ*). „Послушаніе дѣтей родителямъ цѣнилось въ древности, какъ высшая добродѣтель...“

Осетровъ. А теперь, видно, не цѣнится.

Княгиня. Это его диссертація... Боже, онъ свое сочиненіе въ клочки рветъ!.. ужъ это не отчаяніе, это сумасшествіе... Спасите его, спасите!..

Закрутинъ. Тутъ можетъ спасти только Люба.

Княгиня. Да, я бѣгу къ ней, — она добра, она сжалится надъ несчастной матерью.

Осетровъ. Ты пойдешь ее упрашивать?

Княгиня. Чтобъ спасти сына, я на все рѣшусь. (*Уходитъ*).

Боби. (*Появляется у окна*). Согласилась? (*Скрывается*).

Осетровъ. Ну, ужъ этого я отъ тебя не ожидалъ.

Закрутинъ. (*Замѣтивъ, что Маланья подобрала съ полу нѣсколько листковъ и прячетъ ихъ въ карманъ*). Зачѣмъ ты берешь? Кто тебя проситъ?

Маланья. Вѣдь йоны брошены; я робятамъ на папироски отдамъ.

Закрутинъ. Какія тамъ папироски? — уче-

ную диссертацію на папиросы!—оставь.

Боби. (*Вышелъ съ балкона*). Иванъ Христофоровичъ, помогите уговорить Любу. Я безъ нея... я не знаю что... Дядюшка...

Осетровъ. Оставь меня.

Явленіе X.

Закрутинъ, Осетровъ. Боби, Маланья, Надя и Вѣра.

Надя. (*Входя*). Князь, пожалуйте сюда на два слова. (*Отводитъ его*). Я пришла сказать, что теперь тамъ подлѣ скотнаго двора не пройдете. Тамъ возы стоятъ.

Боби. Благодарю.

Надя. Вы ужъ идите въ обходъ, черезъ садъ, по аллеѣ. (*Входитъ Вѣра*). Кажется, Вѣра слѣдитъ.

Вѣра. Князь, я хотѣла спросить, можно мнѣ перенумеровать страницы?

Боби. (*Беретъ у нея рукопись*). Не нужно. И это туда же! (*Кидаетъ рукопись*).

Вѣра. Что съ вами, князь?

Боби. А вотъ сейчасъ узнаете.

Надя. Что случилось?

Осетровъ. Умными дѣвицами слывете, а не можете понять, что онъ васъ въ отставку безъ прошенія спустилъ.

Вѣра. Папа, что онъ говоритъ?

Закрутинъ. Милыя мои, я не виноватъ... Я, ей-Богу, ни въ чемъ не виноватъ... не напускайтесь на меня, ради Христа...

Явленіе XI.

Тѣ-же. Княгиня и Люба.

Княгиня. Спасите его... Посмотрите, что онъ сдѣлалъ со своей диссертаціей!

Люба. Ай, ай, ай... Маланья, подбери бумаги и книжки.

(*Маланья и Закрутинъ подбираютъ бумаги*).

Надя. Понимаешь ты что-нибудь въ этомъ? Ты, съ золотою медалью, понимаешь?

Вѣра. Кажется, что начинаю понимать.

Люба. (*Тономъ княгини*). Боби, мой другъ, что это значитъ? — вы такой образецъ добродѣтели и вдругъ высказываете такое непослушаніе вашей мамашѣ?.. И какой мамашѣ? — чувствуете-ли, до чего она васъ любитъ?.. Она противъ собственнаго желанія идетъ къ какому-то сорванцу, къ дѣвчонкѣ, которую терпѣть не можетъ...

Княгиня. Ну, это не совсѣмъ справедливо.

Люба. Все-таки, скрѣпя сердце, подчиняется капризамъ сумасбродной шалуньи, только чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе; а вы кидаете ей подъ ноги уставъ гражданскаго судопроизводства и чуть было не расшибли генеральскую голову международнымъ правомъ... Ай,, ай, какъ не хорошо... Ай, ай!..

Боби. Люба!—геній мой легкокрылый!—геній моего счастья!.. будь моею. Ничего не хочу, никого не хочу,—тебя... тебя хочу... чтобъ мой геній...

Осетровъ. Вотъ этакіе-то всегда такъ: тихій, тихій, а ужъ какъ прорветъ его...

Люба. Нѣтъ... Если мамаша меня не хочетъ...

Княгиня. Хочу, хочу... Вы видите, онъ весь дрожитъ, съ нимъ можетъ сдѣлаться первый ударъ.

(*Люба бросается въ объятія Боби*).

Вѣра. Однако, ты измѣнчива, Люба. Ты, кажется, еще недавно находила, что князь никуда не годится.

Люба. Да вѣдь и я никуда не гожусь. Мы другъ друга стòимъ.

Надя. Ну ужъ, князь, Богъ съ вами... Но за это вы должны будете мнѣ...

Закрутинъ. Найти жениха... Она всегда съ разсчетомъ.

Люба. Мамаша, вы какъ будто недовольны? А, между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ счастливъ, какъ сіяетъ. И, повѣрьте, всегда будетъ такой... Ужъ если случилось такъ со мной что я его полюбила, такъ это будетъ прочно, на всю жизнь... и у него тоже... Отъ вашихъ рукъ онъ отбился, но отъ моихъ не отобьется. Я ему не позволю увлекаться какимъ-нибудь сорванцемъ и швырять книжки по воздуху. Вы увидите, какой онъ у меня будетъ... Вы будете рады видѣть...

Боби. Правда, правда...

Княгиня. Да... Я можетъ-быть немножко ошибалась. У васъ въ характерѣ много того, что ему нужно. Обними меня. (*Цѣлуетъ Любу*).

Осетровъ. Благодарю... И меня провела... О превосходительствѣ толковала, а сама... (*Любѣ*) Ну ужъ вы... Вотъ и выходитъ по моему, что дура-то умнѣе умныхъ.

Люба. Какая дура?

Осетровъ. А вы.

Люба. Развѣ я дура?

Всѣ. Что съ нимъ такое? Что онъ говоритъ?

Осетровъ. Это въ сказкѣ!.. это въ сказкѣ такъ.

Къ рисункамъ.

Мулей-Гассанъ, султанъ Мароккскій.

(Портр. на стр. 145).

Шерифъ Сиди-Мулей-Гассанъ, султанъ Феца и Марокко, Тафилета и Суса, родился въ 1831 году и вступилъ на тронъ 20 (8) сентября 1873 года, по смерти султана Сиди-Мулей-Магомета. Султанъ принадлежитъ къ такъ-наз. *шерифамъ*, т. е. прямымъ потомкамъ Пророка, но въ жилахъ его течетъ много черной крови, такъ какъ матерями его предшественниковъ были всегда рабыни-негритянки. Ростомъ онъ свыше шести футовъ и весьма дороденъ; но на видъ кажется, какъ будто онъ нѣкогда былъ непомѣрно тученъ и затѣмъ похудѣлъ. Цвѣтъ лица его блѣдный, щеки отвислыя, а глубокія морщины намекаютъ на страданія печени. Одежду его дòма составляетъ обыкновенный нарядъ мавровъ: бѣлая фрелаба и чалма — поверхъ которыхъ при выходѣ надѣвается гаикъ и плащъ съ башлыкомъ, да простыя желтыя туфли. На платьѣ нѣтъ ни малѣйшей вышивки золотомъ, такъ какъ мавры не долюбливаютъ золотыхъ украшеній; даже сѣдла ихъ расшиваются только шелками всевозможныхъ, художественно подобранныхъ оттѣнковъ.

Вступивъ на тронъ, султанъ весьма прочно укрѣпился на немъ, ловко отдѣлавшись, по-восточному, отъ прочихъ претендентовъ. У него было нѣсколько братьевъ, и большая часть ихъ погибла насильственною смертью. Одного закололи въ мечети; другой, любимецъ султана, былъ отравленъ рабыней-черкешенкой. Эта дѣвушка, купленная въ Триполи, была главною фавориткой султана, который и подарилъ ее брату въ знакъ величайшей почести: вскорѣ затѣмъ несчастный былъ найденъ мертвымъ. Султанъ приказалъ молиться о немъ въ мечети, а рабыню привели назадъ во дворецъ, гдѣ она была осыпана величайшими милостями. Болѣе ста тысячъ рублей было потрачено въ тотъ-же вечеръ на пиръ лейбъ-гвардіи султана. Одинъ изъ братьевъ султана все еще находится въ живыхъ.

Мулей-Гассанъ отличается ото всѣхъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что сравнительно охотно вводитъ европейскую цивилизацію въ свои владѣнія. За время его правленія состоялось полное преобразованіе марокской арміи: пѣхота вооружена казно-зарядными ружьями Мартини-Генри, а кавалерія Винчестерскими винтовками; куплены Круппновскія пушки; выписано много машинъ для выдѣлки ружей и патроновъ, хотя большая часть ихъ никогда не употребляется, а куски громаднаго паровика лежатъ засыпанные песками на пути изъ Могадора въ столицу Марокко. Султанъ посылалъ также нѣсколькихъ своихъ подданныхъ въ Европу и Америку для изученія машиннаго дѣла; но эти люди, познакомясь съ европейскими обычаями, возненавидѣли Марокко, и частію бѣжали изъ отечества, частію были заключены въ тюрьму за то, что имѣли дерзость утверждать будто Марокко сильно отстало отъ другихъ странъ и требуетъ нѣкоторыхъ реформъ.

Большимъ вліяніемъ пользуются при султанѣ англичане каидъ-Макъ-Линъ и братъ его каидъ-Аланъ, организовавшіе марокскую армію по европейскому образцу. Великій визирь, Сиди-Гарнитъ, корыстолюбивый, лукавый мздоимецъ, вымогающій въ теченіе года до двухъ сотъ тысячъ рублей своими поборами вмѣстѣ съ жалованьемъ; впрочемъ, онъ и проживаетъ все до копейки на пиры, музыку и танцовщицъ, зная, что если бы до султана дошло, что онъ копитъ, султанъ тотчасъ бы отобралъ все, а самого визиря сгноилъ въ тюрьмѣ. Съ другой стороны, султанъ очень добръ и великодушенъ, не смотря на свой восточный деспотизмъ. Такъ напр., въ послѣднюю голодуху, торговцы-евреи заняли значительную сумму у правительства съ съ тѣмъ, чтобы ежегодно выплачивать по частямъ. Въ прошломъ 1886 году коммерческій кризисъ не позволилъ имъ сдѣлать своевременной уплаты. Каково же было ихъ удивленіе, когда Мулей-Гассанъ, узнавъ о плохомъ ходѣ торговыхъ дѣлъ, вычеркнулъ изъ счетовъ не только платежъ этого года, но и еще за два впередъ!

Вороньё. (Рис. на стр. 148 и 149).

Къ числу самыхъ популярныхъ художниковъ парижскаго салона безспорно принадлежитъ Августъ Шенкъ. Среди многихъ тысячъ картинъ, появляющихся ежегодно на весенней художественной выставкѣ въ Palais de l' Industrie, его картины привлекаютъ всегда цѣлую толпу любопытныхъ своимъ прекраснымъ исполненіемъ, а главное своимъ интереснымъ и умнымъ содержаніемъ, нерѣдко полнымъ глубокаго драматизма при всей простотѣ сюжета. Такой успѣхъ объясняется легко. При громадномъ развитіи, какого достигло искусство въ послѣдней четверти настоящаго вѣка, Шенкъ отвелъ себѣ въ живописи небольшой уголокъ, гдѣ онъ является полнымъ хозяиномъ и господиномъ. Съ какимъ знаніемъ и правдивостью написана, напр., прилагаемая сцена: въ зимнюю пургу палъ ягненокъ; овца въ отчаяніи оберегаетъ его трупъ отъ стаи слетѣвшихся вороновъ, которые правильной шеренгой сомкнули кругъ около намѣченной жертвы и наступаютъ со всѣхъ сторонъ пощипывая овцу...

Шенкъ родился въ 1828 г. въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. 14 лѣтъ онъ былъ посланъ родителями въ Англію, гдѣ изучалъ торговое дѣло; позже переселился въ Португалію и прожилъ тамъ 5 лѣтъ. Живописью Шенкъ сталъ заниматься сравнительно поздно. Первая его картина была выставлена въ португальскомъ отдѣлѣ на всемірной выставкѣ 1855 г. Въ Салонѣ онъ началъ выставлять съ 1861 г. и съ тѣхъ поръ каждый годъ искусство обогащается однимъ или нѣсколькими его произведеніями.

Менуэтъ. Картина Рейнеке, грав. Джемсъ.

Менуэтъ. Картина Рейнеке, грав. Джемсъ.

Зима. (Рис. на стр. 153).

Замѣчательно тонкая гравюра съ картины Мюнте передаетъ впечатлѣніе зимнихъ сумерокъ въ лѣсу, съ послѣдними, какъ бы умирающими отблесками свѣта въ темнѣющихъ облакахъ и въ колеяхъ запорошенной снѣгомъ дороги... Самая атмосфера, сырая, туманная, вѣетъ чѣмъ-то унылымъ на двухъ путниковъ, пожимающихся въ ея холодкѣ.

„Зѣвота одолѣла" и „Забористый табакъ", типы Н. Оболенскаго. (Рис. на стр. 156 и 157).

Эти два бойкіе рисунка à pendant говорятъ сами за себя. Все дѣло здѣсь въ мускульной игрѣ лицъ, изъ которыхъ одно растянуто зѣвкомъ, а другое съежилось предъ чиханьемъ. На первое изъ нихъ, принадлежащее сапожному подмастерью, которому, подъ вліяніемъ непрошедшаго еще воскреснаго похмѣлья, очень скучно приниматься за работу въ такой тяжелый день какъ понедѣльникъ, — почти невозможно смотрѣть безъ того, чтобы не зѣвнуть самому: до того вѣрно схваченъ художникомъ весь процессъ зѣвоты. Другое, не менѣе типическое лицо, напоминающее портнаго Петровича изъ Гоголевской „Шинели", какъ бы ошеломлено значительною понюшкой *березинскаго* — и вотъ-вотъ сейчасъ чихнетъ, не смотря на всю привычку къ „хранительному былію, мерзкому зелію, сже есть" табаку.

Менуэтъ. Кавалеръ (рис. на стр. 160) **и дама** (рис. на стр. 161).

Лѣтъ сто тому назадъ, все, даже самые танцы, было какъ-то важнѣе, медлительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнѣе. Посмотрите на этихъ дѣтей прошлаго вѣка, маленькаго пажа и его подругу, танцующихъ менуэтъ — степенный танецъ, которымъ въ XVII и XVIII столѣтіи обыкновенно открывались балы при дворахъ Лудовиковъ XIV, XV и XVI. Сколько граціи въ ихъ плавныхъ, нетороцливыхъ движеніяхъ! Танецъ былъ тогда тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ — т. е. искусствомъ выражать пластикой тѣла, изящными позами и красивыми тѣлодвиженіями разныя ощущенія удовольствія или одушевленія. Было гдѣ развернуться, показать красоту ноги, величественный жестъ руки, лебединый изгибъ стана и шеи. Нынѣ все это смѣнилось простымъ хожденіемъ или какимъ-то факирскимъ круженьемъ съ болѣе или менѣе смѣшными подскакиваніями, отъ которыхъ только рябитъ въ глазахъ, когда смотришь на танцующихъ современниковъ.

Руанскій соборъ. (Рис. на стр. 164).

Въ 140 верстахъ отъ Парижа по желѣзной дорогѣ, въ Нормандіи, лежитъ на правомъ берегу Сены одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Франціи, Руанъ. Еще до появленія римлянъ въ Галліи, этотъ городъ былъ извѣстенъ въ странѣ подъ именемъ Ротомага и считался главнымъ городомъ Велокассіевъ. Среди множества знаменитыхъ, древнихъ построекъ Руана, первое мѣсто занимаетъ соборъ (Notre Dame), построенный въ стилѣ XIII вѣка, носящій на себѣ слѣды зодчества различныхъ эпохъ вплоть до настоящаго столѣтія и представляющій, можетъ быть, противное законамъ изящнаго, но смѣлое и искусное сочетаніе готическаго стиля съ металлическими постройками новѣйшаго времени. На томъ мѣстѣ, гдѣ находится соборъ, уже въ концѣ III вѣка была построена церковь, исчезнувшая въ V вѣкѣ. Построенная вновь, она была свидѣтельницею насильственной смерти архіепископа Претекстата, умерщвленнаго въ самомъ храмѣ по приказанію Фредегонды. Съ тѣхъ поръ не мало бѣдствій пришлось пережить Руанскому собору. Гнѣвъ Божій какъ-бы тяготѣетъ надъ нимъ, и не проходитъ столѣтія чтобы пожаръ, ураганъ, буря или человѣкъ, въ своемъ неистовствѣ, не разрушалъ зданія. Отъ XVII вѣка въ храмѣ сохранилась только капелла Св. Дѣвы. Ужасная буря 1509 г. почти совсѣмъ уничтожила соборъ, который выстроенъ вновь въ 1530 г. Съ тѣхъ поръ главное зданіе сохранилось, хотя и пострадавъ отъ времени и людей, но и въ такомъ видѣ Руанскій соборъ производитъ сильное впечатлѣніе своимъ величіемъ и замѣчательными, но, къ сожалѣнію, почти наполовину разрушенными скульптурными украшеніями и статуями. Соборъ увѣнчанъ 3 башнями, изъ которыхъ средняя, надъ срединою церкви (Tour de Pierre), построена въ началѣ настоящаго вѣка изъ желѣза, на мѣстѣ разрушенной въ 1822 г., и достигаетъ высоты 70 саженъ. Такимъ образомъ соборъ является однимъ изъ величайшихъ зданій въ мірѣ. Внутренность храма поражаетъ своею обширностью и гармоніею своихъ частей. Она освѣщается 3 розетками и 130 окнами, большею частію украшенными цѣнною живописью на стеклѣ. Въ соборѣ находятся среди другихъ достопримѣчательностей нѣсколько намогильныхъ памятниковъ, изъ которыхъ достоинъ вниманія великолѣпный памятникъ, работы Леру (около 1500 г.), воздвигнутый Діаной де-Пуатье своему супругу, Лудовику Брезе. Кромѣ того замѣчательны 2 главные мраморные алтаря съ чудесными изваяніями Богоматери и Св. Цециліи и превосходный органъ.

Закаспійская желѣзная дорога. (Рис. на стр. 165).

Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ центральной Азіи безспорно является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашего времени. Русское правительство дало этимъ работамъ грандіозное развитіе и постройка Закаспійской дороги, конечно, займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи желѣзныхъ дорогъ; дорога эта строится съ такою быстротою, что оставляетъ далеко за собою все, что было сдѣлано по этой части въ Европѣ и, по всей вѣроятности, даже въ Америкѣ. Надо, между прочимъ, замѣтить, что эта линія, подвигающаяся при своей постройкѣ съ быстротою 4 верстъ ежедневно, проходитъ по пустынямъ, лишеннымъ всякихъ средствъ сообщенія и продовольствія. Первая часть дороги была начата въ 1880 г. отъ порта Михайловскаго, на Каспійскомъ морѣ, до деревни Кизиль-Арватъ, впереди оазиса Ахалъ-Теке. Этотъ участокъ былъ длиною въ 217 верстъ. Послѣ покоренія Геокъ-Теке Скобелевымъ въ 1881 году и подчиненія Мерва русскому владычеству, было рѣшено продолжить дорогу далѣе въ глубь туркменскихъ степей, которыя со временемъ она пересѣчетъ во всю ихъ длину. Къ продолженію дороги было приступлено въ іюнѣ 1885 г. подъ главнымъ завѣдываніемъ и наблюденіемъ генерала Анненкова. Отъ оазиса Ахалъ-Теке, она проходитъ чрезъ Атекъ, на Теджендъ, образующемъ верхнее теченіе Герируда, протекающаго по Герату, и достигаетъ плодоноснаго Мервскаго оазиса орошаемаго Мургабомъ. Знаменитый городъ Мервъ, такъ долго считавшійся недостигаемымъ и бывшій чѣмъ-то въ родѣ символа независимости туркменскихъ степей, соединенъ теперь съ Каспійскимъ моремъ и отсюда, со всею Русскою землею. Дорога отъ Ахалъ-Теке до Мерва, длиною въ 527 верстъ, была построена и вполнѣ готова для эксплоатаціи въ теченіе одного года. Послѣ 6-недѣльнаго отдыха, было вновь приступлено къ работамъ и въ ноябрѣ она была доведена, по несчанымъ пустынямъ, до Чарджуя, лежащаго на берегу Аму-Дарьи, на границѣ съ Бухарой. Отсюда дорога направляется далѣе и уже изысканія произведены до Самарканда. Тогда длина ея достигнетъ 1350 верстъ, начиная отъ Узунъ-Ада, исходной точки на Каспійскомъ морѣ. До іюня 1886 года, дорога начиналась отъ порта Михайловскаго, но вслѣдствіе незначительной глубины (всего 7 футовъ) и несчанаго подвижнаго дна, была продолжена на 25 верстъ до острова Узунъ-Ада, гдѣ глубина достигаетъ 12 футовъ. Отъ этого мѣста до Самарканда на всемъ протяженіи пути будетъ расположено до 60 станцій, на разстояніи 20—30 верстъ одна отъ другой; большинство изъ нихъ, не лежащихъ посреди оаизовъ, построены въ совершенно пустынныхъ мѣстностяхъ, часто совершенно лишенныхъ воды. По дорогѣ попадаются разстоянія до 160 верстъ безъ воды, куда все необходимое доставляется желѣзно-дорожными поѣздами. Къ сожалѣнію, такъ какъ дорога построена съ военными цѣлями, на закаспійской линіи купцы и промышленники встрѣчаютъ не мало затрудненій по отправкѣ грузовъ, вслѣдствіе высокаго тарифа и частыхъ недоразумѣній между отправителями и желѣзно-дорожною администраціею. Поэтому неудивительно, что, при существованіи болѣе удобнаго пути, товары отправляются на верблюдахъ и караваны успѣшно конкурируютъ съ желѣзною дорогою. Можно надѣяться, что это только вопросъ времени и Закаспійская дорога въ недалекомъ будущемъ принесетъ русской торговлѣ въ средней Азіи тѣ же помощь и содѣйствіе, какія она оказала въ ней русскому оружію.

Первый изъ помѣщенныхъ на стр. 165 рисунковъ изображаетъ разрѣзъ нѣсколькихъ вагоновъ поѣзда, служащаго помѣщеніемъ для лицъ, занимающихся постройкою дороги. Этотъ подвижной лагерь состоитъ изъ 34 вагоновъ, двѣ трети которыхъ двухъэтажные. Весь составъ работающихъ раздѣленъ на 2 смѣны, изъ которыхъ каждая ежедневно проводитъ до 2 верстъ дороги. Необходимые для постройки матеріалы доставляются каждый вечеръ поѣздомъ въ составѣ 45 вагоновъ. На второмъ рисункѣ виденъ ходъ работы по проложенію пути.

Къ вопросу о Голубиной почтѣ.

Какимъ образомъ почтовые голуби находятъ дорогу домой?

Г. Х. Шнейдера.

О дѣятельности почтовыхъ голубей господствуетъ въ публикѣ совершенно превратное понятіе. Большинство непосвященныхъ думаютъ, что доставленіе голубями писемъ на далекія разстоянія производится безъ всякой предварительной подготовки. Мнѣ приходилось даже слышать мнѣніе такого рода, что голубей можно *посылать*, по желанію, въ любой городъ, что, очевидно, совершенно невозможно.

Вся тайна голубиной почты заключается въ томъ, что го-

луби питаютъ сильнѣйшую привязанность къ своей родинѣ и даже, послѣ долгаго пребыванія на чужбинѣ, при первой возможности возвращаются домой. А потому, для поддержанія, напр., сообщенія съ какою-нибудь крѣпостью во время войны, голубей предварительно привозятъ въ эту крѣпость изъ другихъ городовъ, точно такъ же какъ голубей изъ крѣпости перевозятъ въ другіе города.

Письмо въ маленькой сумочкѣ прикрѣпляется къ среднему перу хвоста.

Другое заблужденіе публики состоитъ въ предположеніи, что голуби могутъ сами, безошибочно, находить дорогу домой съ большихъ разстояній. А между тѣмъ, голуби должны постепенно пріучаться къ оріентированію, для чего необходимы по пути какіе-нибудь выдающіеся предметы, которые облегчали-бы имъ нахожденіе дороги. Поэтому голубей не посылаютъ сразу въ дальніе города, а заставляютъ дѣлать предварительные полеты на небольшія разстоянія (3—8 килом.); и не смотря на это, многіе голуби все-таки не прилетаютъ къ мѣсту назначенія.

Нѣкоторые извѣстные орнитологи и занимающіеся обученіемъ почтовыхъ голубей полагаютъ, впрочемъ, что предварительные полеты имѣютъ лишь цѣлью пріучить голубей летать, тогда какъ упражненіе въ оріентированіи для нихъ совершенно излишне, въ виду, яко-бы, врожденнаго голубямъ инстинкта. Насколько подобное мнѣніе ошибочно, увидимъ сейчасъ.

Особенно большое развитіе голубиная почта получила со времени Франко-Прусской войны (1870 г.). Въ настоящее время одно прусское военное министерство содержитъ 6,000 почтовыхъ голубей; кромѣ того частными нѣмецкими обществами содержится до 100,000. Какой процентъ пріученныхъ голубей пропадаетъ ежегодно, можно судить по опыту, произведенному недавно въ Вюрцбургѣ. Было выпущено 3,000 голубей. Изъ первыхъ 2,000, вернулось на родину 25%, изъ третьей тысячи— только 10%; слѣдовательно, въ одинъ этотъ полетъ пропало въ пути 2,400 голубей.

Положимъ, большинство посылаемыхъ голубей гибнетъ отъ нападенія хищныхъ птицъ и отъ руки праздныхъ охотниковъ; но очевидно, что наибольшей опасности въ этомъ отношеніи подвергается тотъ голубь, который собьется съ пути и цѣлые дни и недѣли не можетъ найти дорогу домой. Случалось, что голуби возвращались на родину черезъ мѣсяцы и даже годы. Хорошій почтовый голубь достигаетъ мѣста назначенія въ тотъ-же день. Онъ напрягаетъ всѣ свои силы въ свѣтлыя, лунныя ночи, летитъ даже ночью и ѣстъ только въ случаѣ крайняго голода.

Въ Пёснекѣ, въ продолженіе восьми дней, наблюдали голубя, который ежедневно съ разсвѣтомъ улеталъ искать дорогу и каждый вечеръ возвращался снова, проводя ночь на фабричной трубѣ. На девятый день онъ исчезъ. По всей вѣроятности, онъ или нашелъ дорогу домой, или сдѣлался жертвою пернатыхъ хищниковъ.

Несмотря на ежегодную значительную потерю голубей, вопросъ о томъ, какъ они находятъ путь, до сихъ поръ не былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію, такъ какъ большинство орнитологовъ до сихъ поръ продолжаютъ держаться разъ принятаго мнѣнія о существованіи у животныхъ инстинкта, недоступнаго человѣческому изслѣдованію. Еслибъ это мнѣніе было вполнѣ справедливо, то всѣ голуби, не погибшіе въ пути, рано или поздно должны были бы возвратиться домой.

Причина большой потери птицъ заключается прежде всего въ нераціональномъ съ ними обращеніи, которое въ свою очередь происходитъ отъ недостаточности нашихъ свѣдѣній о способѣ оріентировки голубей. Мы все еще вѣримъ какому-то мистическому инстинкту животныхъ и эта вѣра не могла быть разсѣяна, не смотря на новѣйшія наблюденія.

Многія дѣйствія животныхъ не могутъ быть объяснены разсужденіемъ, какъ не соотвѣтствующія ихъ потребностямъ, что лучше всего прослѣдить въ жизни насѣкомыхъ. Личинка заботится о будущемъ насѣкомомъ, и наоборотъ, развившееся насѣкомое заботится о будущей личинкѣ, а между тѣмъ заботы эти идутъ иногда совершенно въ разрѣзъ съ личною жизнью насѣкомаго. Всѣ подобныя дѣйствія мы привыкли объяснять инстинктомъ, хотя въ сущности понятіе это нисколько не объясняетъ намъ самаго явленія.

Въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію (изъ труда Шейдера, „Воля животныхъ". Лейпцигъ, 1880 г.), что *ни одно изъ такъ-называемыхъ инстинктивныхъ дѣйствій не совершается безъ участія умственной дѣятельности* и что у высшихъ животныхъ всѣ поступки объясняются функціонированіемъ извѣстныхъ намъ пяти чувствъ. Точно также мы не имѣемъ никакого основанія предполагать у почтовыхъ голубей существованіе какого-то неизвѣстнаго „инстинкта направленія", тѣмъ болѣе, что, зная нервную систему птицъ, мы не можемъ допустить присутствія такого инстинкта.

Цѣлесообразныя дѣйствія не основанныя на разсужденіи, но тѣмъ не менѣе ведущія къ цѣли, присущи не однимъ животнымъ; ихъ исполняетъ и человѣкъ не только въ младенческомъ возрастѣ, но и во всю свою жизнь. Это объясняется тѣмъ, что извѣстныя воспріятія чувствъ вызываютъ извѣстныя ощущенія и побужденія. Такія цѣлесообразныя побужденія выработались на основаніи общаго закона развитія. Но ни у человѣка, ни у животныхъ, ни одно изъ этихъ дѣяній не совершается безъ участія соотвѣтственной умственной дѣятельности; слѣдовательно, надо предположить, что и оріентированіе есть слѣдствіе умственной дѣятельности: слѣпой голубь можетъ найти горошину, но не найдетъ дороги домой.

Съ развитіемъ органовъ чувствъ идетъ параллельно и развитіе силы умственныхъ способностей. При несовершенныхъ чувствахъ, умственныя проявленія будутъ ничтожны, и наоборотъ. Но развитіе чувствъ у животныхъ неравномѣрно; то чувство развивается всегда на счетъ другихъ, которое имѣетъ наибольшее значеніе для существованія даннаго животнаго; такъ напр., у собакъ и насѣкомыхъ—обоняніе, у другихъ животныхъ — осязаніе, у птицъ — зрѣніе. Иногда извѣстный органъ чувствъ обладаетъ особо тонкою чувствительностью къ одному какому-либо возбужденію; такъ напр., обоняніе верблюда, не отличающееся вообще тонкостію, удивительно чувствительно къ содержанію воды въ воздухѣ, потому что отъ способности чуять присутствіе воды на дальнемъ разстояніи, зависитъ существованіе верблюда въ пустынѣ. Точно также и у большинства насѣкомыхъ обоняніе развито односторонне и направлено только на извѣстные запахи. При такихъ условіяхъ становятся понятными единичныя проявленія тонкости чувствъ при низкой общей ступени развитія.

Низшія животныя оріентируются исключительно посредствомъ осязанія и потому движенія ихъ весьма медленны и совершенно ничтожны. У большинства позвоночныхъ животныхъ главнымъ органомъ оріентированія служитъ зрѣніе, но подспорьемъ къ нему являются слухъ, обоняніе и осязаніе. У млекопитающихъ, которымъ приходится преслѣдовать добычу въ кустарникахъ и высокой травѣ и совершать самые запутанные переходы, безъ возможности осмотрѣть мѣстность, развивается кромѣ того весьма тонкое чувство памяти къ направленію движенія и къ перемѣнѣ направленія. Благодаря такому чувству памяти, собаки и кошки находятъ дорогу домой, даже если ихъ унести въ мѣшкѣ. Индійцы и другіе дикари также обладаютъ этой способностью въ большей мѣрѣ чѣмъ культурные народы.

Въ жизни птицъ умѣнье оріентироваться посредствомъ зрѣнія составляетъ важнѣйшее жизненное условіе, и способность эта развита именно *въ той степени,* которая необходима для ихъ существованія. Птицы, летающія очень высоко и далеко, какъ напр. орлы, соколы, чайки, почтовые голуби, обладаютъ очень острымъ зрѣніемъ, между тѣмъ какъ птицы бѣгающія и семейство куриныхъ, живущія большею частію на землѣ, обладаютъ несравненно болѣе слабымъ зрѣніемъ. Почтовый голубь отличается лучшимъ зрѣніемъ и бо́льшимъ глазомъ, чѣмъ всѣ другіе голуби, что́ также находится въ зависимости отъ высоты и продолжительности полета.

По существовавшимъ до сихъ поръ воззрѣніямъ, не только почтовые голуби, но и насѣкомыя должны-бы были руководиться, при отысканіи своихъ гнѣздъ, все тѣмъ-же таинственнымъ „инстинктомъ направленія". Между тѣмъ, въ новѣйшее время, опытами двухъ англійскихъ естествоиспытателей Джона Лёббока и Романеса несомнѣнно установлено, что пчелы, осы и муравьи опираются, для отысканія пути, на свои органы чувствъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ какихъ-либо предметовъ для оріентированія, они не могутъ найти дорогу къ своему гнѣзду или улью. Помимо того, изысканіями шведскаго естествоиспытателя Пальмена дознано, что перелетныя птицы руководятся при своихъ перелетахъ топографическими условіями земли, вмѣсто того чтобы, соотвѣтственно своему „инстинкту", направляться прямо на югъ.

Въ доказательство того, что и почтовые голуби оріентируются также посредствомъ зрѣнія, привожу нѣсколько опытовъ, сдѣланныхъ мною въ теченіе прошлаго лѣта въ окрестностяхъ Пёснека. Я выпустилъ изъ 12 различныхъ пунктовъ извѣстное число молодыхъ почтовыхъ голубей, которые еще не вывозились изъ Пёснека, и, слѣдя за ихъ полетомъ, изобразилъ его на чертежѣ.

Во время опытовъ я выпустилъ молодыхъ птицъ вблизи Пёснека на разстояніи 45 минутъ отъ голубятни, на Описцкой гипсовой горѣ. Отсюда голуби, не поднявшись на извѣстную высоту, не могли видѣть города, закрытаго отъ нихъ другой горой, но они видѣли окружающія Пёснекъ деревни и поля, въ которыхъ раньше не разъ находили кормъ.

Всѣ голуби полетѣли, почти не уклоняясь отъ прямаго пути, вдоль по долинѣ, по направленію къ городу. Чтобы убѣдиться, имѣетъ-ли вліяніе на полетъ голубей направленіе, въ которомъ ихъ выпускаютъ, я выпустилъ однихъ на востокъ, другихъ на югъ, третьихъ на западъ. Но это почти вовсе не сбивало голубей съ толку; нѣкоторые дѣлали предварительно нѣсколько круговъ, другіе прямо летѣли по направленію къ дому.

Въ другой разъ я выпустилъ голубей на разстояніи 10 километровъ отъ родной голубятни, при пасмурной погодѣ и низко ползущихъ облакахъ. Голуби, въ этотъ разъ, дѣлали самые запутанные круги и поднимались на значительную высоту, скрываясь иногда за облаками. Нѣкоторые улетали такъ далеко въ противуположномъ дому направленіи, что исчезали изъ глазъ.

Чѣмъ-же объяснить такіе долгіе и запутанные полеты? Дѣй-

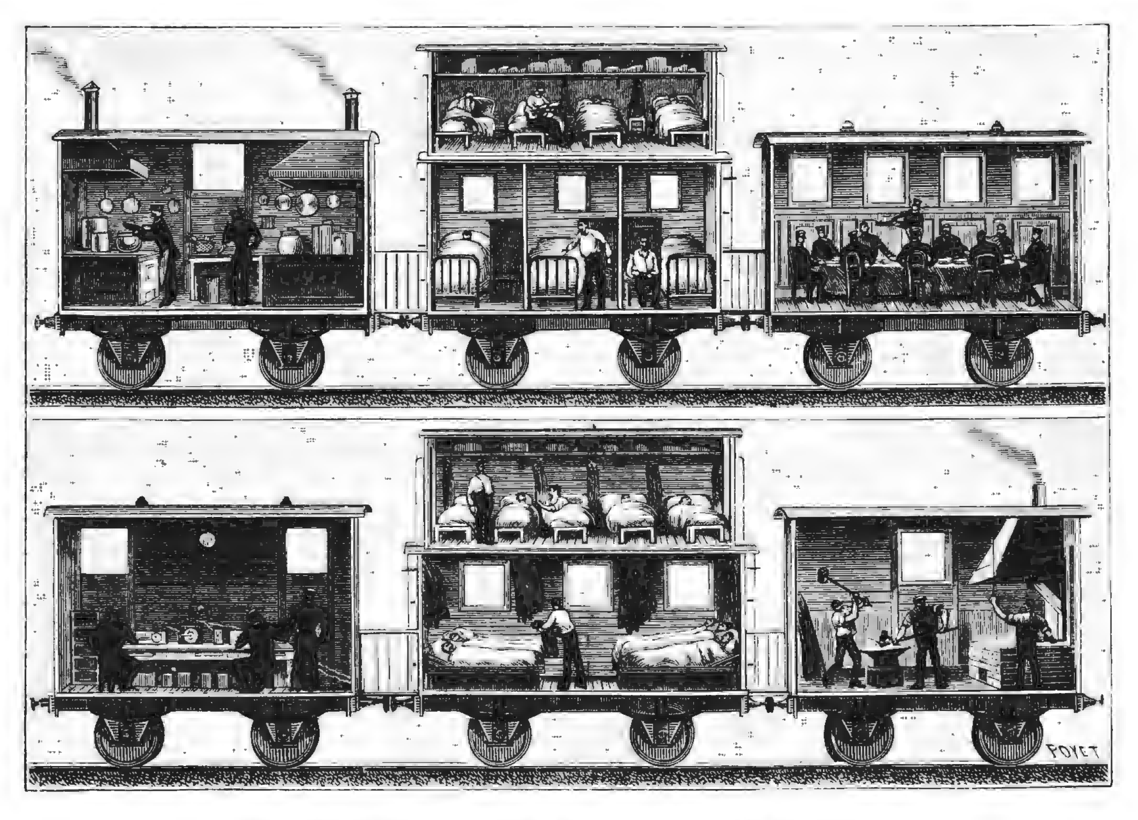
Руанскій соборъ. Рис. Барклай, грав. Коль.

ствительно-ли голуби не могли сразу найти дороги домой или причина заключалась просто въ потребности движенія?

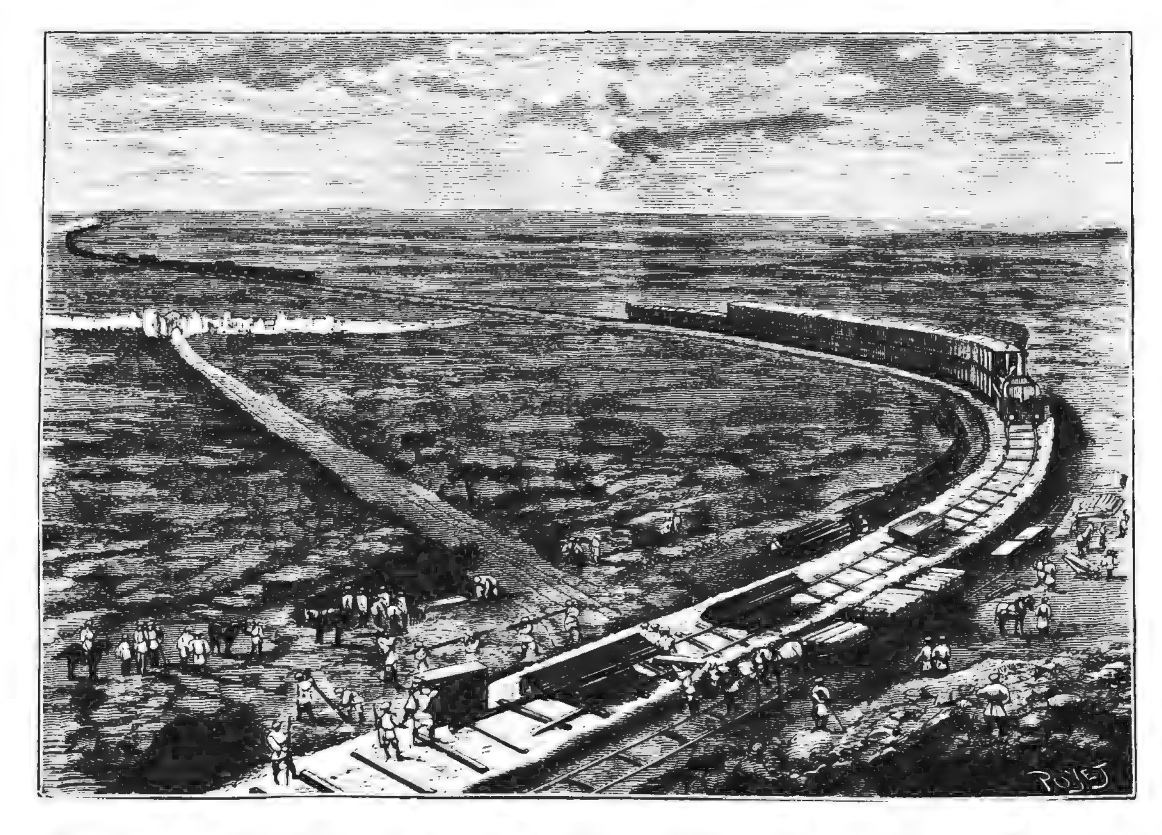
Опытный въ этомъ дѣлѣ владѣлецъ почтовыхъ голубей, Адольфъ Дитрихъ въ Пёснекѣ, предполагалъ послѣднее, и мнѣніе его повидимому подтверждалось однимъ обстоятельствомъ, которое я приведу сейчасъ. А именно, при первыхъ опытахъ я бралъ голубей послѣ обѣда, когда они успѣли побывать въ полѣ и удовлетворить свою потребность движенія; при послѣднемъ, напротивъ того, птицы были взяты изъ голубятни рано утромъ, не успѣвъ еще полетать въ этотъ день.

Оставалось сдѣлать противуположный опытъ, чтобы убѣдиться имѣетъ-ли дѣйствительно какое-либо значеніе потребность движенія. Съ этою цѣлью я взялъ голубей рано утромъ изъ голубятни и при ясной погодѣ выпустилъ ихъ на Опицкой гипсовой горѣ, въ разстояніи всего 3 километровъ отъ голубятни, и въ такомъ пунктѣ, съ котораго они могли видѣть только сѣверо-западную часть города, между тѣмъ какъ остальная часть была закрыта Опицкою скалистою горой.

Надо замѣтить, что голуби болѣе склонны къ полетамъ для прогулки находясь вблизи отъ дома, чѣмъ когда окрестности имъ неизвѣстны. Слѣдовательно, при данномъ опытѣ голуби должны были, зная что находятся вблизи дома и не испытывая чувства безпокойства, удовлетворить съ особенною охотой свою потребность движенія.



Закаспійская желѣзная дорога. Разрѣзъ важнѣйшихъ вагоновъ.



Закаспійская желѣзная дорога. Выгрузка рельсъ и другихъ матеріаловъ при устройствѣ желѣзной дороги.

Между тѣмъ опытъ показалъ противное. Всѣ голуби полетѣли прямо домой и если въ началѣ полета уклонились влѣво, то потому что отсюда, не поднимаясь на большую высоту, они могли видѣть весь городъ.

Въ такомъ случаѣ чѣмъ-же объяснить то обстоятельство, что при разстояніи всего 10 километровъ отъ дома голуби такъ долго не могли найти дорогу.

Причина, какъ вскорѣ выяснилось, лежала въ топографическихъ условіяхъ мѣстности, не представлявшей удобныхъ пунктовъ оріентированія, и въ пасмурной погодѣ.

Опыты эти, какъ намъ кажется, несомнѣнно доказываютъ, что почтовые голуби, при отысканіи дороги, руководятся не чѣмъ инымъ, какъ своимъ зрѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ тѣхъ-же опытовъ, видно, какъ легко молодые голуби могутъ потеряться, даже при весьма незначительномъ разстояніи, если погода и топографическія условія мѣстности не благопріятны. Вслѣдствіе этого нерѣдко случается, что при небольшихъ предварительныхъ полетахъ теряется больше голубей, чѣмъ при весьма значительныхъ.

А потому, на часто подымавшійся въ органахъ голубиной почты вопросъ о томъ, сколько предварительныхъ полетовъ необходимо для воспитанія почтоваго голубя, можно отвѣтить, что это зависитъ вполнѣ отъ присутствія на большемъ или меньшемъ разстояніи какого-либо предмета, который помогаетъ голубямъ найти дорогу или сбиваетъ ихъ съ толку, или же отъ полнаго отсутствія подобныхъ предметовъ. (С).

Политическое обозрѣніе.

Обнародованіе австро-германскаго союзнаго договора 1879 г.—Рѣчь Бисмарка.

Минувшая недѣля ознаменовалась двумя событіями столь крупнаго политическаго значенія, что на ряду съ ними всѣ другія явленія политическаго міра отступаютъ на второй планъ или совершенно стушевываются. 25 января въ засѣданіи рейхстага князь Бисмаркъ произнесъ рѣчь, которой съ нетерпѣніемъ ожидали, а за три дня до того въ *Имперскомъ Указателѣ* и оффиціальной *Wiener Abendpost*, былъ опубликованъ совсѣмъ неожиданно австро-германскій союзный трактатъ 1879 года. Оба эти событія, кромѣ тѣхъ цѣлей, которыя прямо выражены въ самой рѣчи германскаго канцлера и въ словахъ, сопровождающихъ въ *Имперскомъ Указателѣ* текстъ договора, имѣли, какъ это и оказалось на дѣлѣ, сильное вліяніе на принятіе военнаго законопроекта въ германскомъ рейхстагѣ и, быть можетъ, повліяютъ и въ будущемъ на ассигнованіе значительныхъ суммъ для военныхъ потребностей, такъ какъ теперь стало очевиднымъ на что будутъ израсходованы просимыя денежныя средства. Вотъ что было напечатано въ *Имперскомъ Указателѣ:*

„Правительства Германіи и Австро-Венгріи пришли къ рѣшенію обнародовать заключенный ими 7 октября 1879 г. союзъ, дабы прекратить сомнѣнія, высказываемыя и эксплуатируемыя, относительно чисто оборонительныхъ его намѣреній. Оба правительства руководятся стремленіемъ сохранить миръ и дать отпоръ нарушеніямъ его, и они убѣждены, что опубликованіе союзнаго договора разсѣетъ всякія въ этомъ отношеніи сомнѣнія.

„Союзный договоръ гласитъ: Статья 1-я. Если, паче чаянія и желанія договаривающихся сторонъ, одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію со стороны Россіи, то договаривающіяся стороны обязаны помочь другъ другу всѣми своими вооруженными силами и заключить миръ не иначе, какъ сообща и съ полнаго взаимнаго согласія.

„Статья 2-я. Если одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію какой-нибудь другой державы, то другая договаривающаяся сторона обязуется не помогать нападающему и соблюдать доброжелательный нейтралитетъ. Если, однако, нападающему будетъ оказана помощь со стороны Россіи, то вступаютъ въ силу опредѣленныя ст. 1-ю обязательства. Война должна быть ведена и миръ долженъ быть заключенъ сообща.

„Статья 3-я. Договоръ долженъ носить мирный характеръ и во избѣжаніе недоразумѣній сохраняться въ тайнѣ. Третьимъ сторонамъ онъ можетъ быть сообщенъ не иначе, какъ со взаимнаго согласія. Обѣ договаривающіяся стороны, въ виду чувствъ, выраженныхъ Императоромъ Александромъ при встрѣчѣ въ Александровѣ, питаютъ надежду, что вооруженія Россіи дѣйствительно не примутъ для нихъ угрожающаго характера и не имѣютъ пока никакого повода дѣлать такое сообщеніе. Если, однако, паче чаянія, надежда эта окажется ошибочною, то обѣ договаривающіяся стороны признаютъ долгомъ лояльности увѣдомить Императора Александра, что нападеніе на одну сторону будетъ признано за нападеніе на обѣ стороны".

Обнародованіе этого дипломатическаго документа само за себя говоритъ о серьезности политическаго положенія вещей. Большинство заграничной печати, сознавая важное значеніе этой мѣры, полагаютъ, что обнародованіе трактата 1879 года произведетъ успокоительное значеніе въ настоящее тревожное время и усилитъ „русское миролюбіе", уже потому, что союзъ Германіи и Австріи имѣетъ чисто миролюбивый и оборонительный характеръ.

Еще большее впечатлѣніе произвела рѣчь князя Бисмарка. 25 января, какъ извѣстно, происходило въ рейхстагѣ первое чтеніе законопроекта о займѣ.

Въ засѣданіи рейхстага присутствовали прусскіе принцы Вильгельмъ и Леопольдъ, а также многіе высшіе военные и придворные чины. Въ ложѣ, предназначенной для иностранныхъ дипломатовъ, были заняты всѣ мѣста. Тамъ находились послы: австрійскій, испанскій и итальянскій, посланники датскій и шведско-норвежскій, а также старшіе совѣтники посольствъ.

Послѣ того, какъ президентъ рейхстага изложилъ законопроектъ о займѣ, князь Бисмаркъ произнесъ, какъ передаетъ телеграфъ, слѣдующую рѣчь: „Я не думаю, чтобы я могъ содѣйствовать увеличенію большинства въ пользу настоящаго проекта. Я буду говорить не ради этого, а для того, чтобы высказаться объ общемъ положеніи Европы. Могу ограничиться указаніемъ на то, что было сказано мною здѣсь годъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ немногое измѣнилось. Тогда мы опасались войны съ Франціей, но послѣ того во Франціи избранъ миролюбивый президентъ и проявилось мирное настроеніе. И такъ, я могу успокоить общественное мнѣніе въ томъ отношеніи, что виды по направленію къ Франціи стали болѣе мирными. Относительно Россіи я тоже остался при томъ же мнѣніи, какъ тогда, когда я говорилъ, что намъ нечего опасаться нападенія со стороны Россіи. О положеніи дѣлъ нельзя судить по газетнымъ заявленіямъ". Далѣе имперскій канцлеръ продолжалъ: „Русской печати я не вѣрю, но слову Императора Александра вѣрю безусловно. Положеніе дѣлъ въ сущности таково же, какимъ оно было въ 1879 г. Я допускаю, что сосредоточеніе русскихъ войскъ на границѣ можетъ казаться опаснымъ, но не вижу основаній и никакого предлога для русской или европейской войны. Россіи нѣтъ интереса завоевывать прусскія или австрійскія провинціи. Въ моемъ довѣріи я дохожу даже до того, что говорю: даже война съ Франціей не вызвала бы еще войны съ Россіей; скорѣе было бы напротивъ. Конечно, я не могу потребовать отъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ объясненій относительно сосредоточенія войскъ; но, будучи всю жизнь близко знакомъ съ иностранною политикой, я все-таки могу имѣть сужденія. Я думаю, что русскій кабинетъ намѣренъ, при слѣдующемъ европейскомъ кризисѣ, придать силу и вѣсъ голосу Россіи. Поэтому Россія желала бы выдвинуть свои боевыя силы по возможности далѣе на западъ. Быть можетъ, Россія разсчитываетъ на скорый поворотъ Восточнаго вопроса, чтобы при этомъ немедленно же выступить съ большею увѣренностью. Можетъ быть, дипломатическимъ требованіямъ хотятъ придать болѣе дѣйствительности тѣмъ, что за ними будетъ стоять готовая къ войнѣ армія; насъ же въ Восточномъ вопросѣ во всякомъ случаѣ отодвигаютъ на второй планъ".

Затѣмъ князь Бисмаркъ бросилъ взглядъ на взаимныя отношенія Пруссіи и Россіи съ 1848 года, причемъ указалъ на то, какъ часто положеніе Пруссіи по отношенію къ Россіи казалось угрожающимъ. „Однако", продолжалъ канцлеръ, „спокойствіе и добросовѣстность прусскихъ министровъ предотвращали бѣду въ виду угрожающихъ условій, о которыхъ за-границей не имѣли никакого понятія. Уже въ 1863 г. дѣла были таковы, что весь міръ настаивалъ, чтобы я посовѣтовалъ начать войну. Я спокойно выждалъ, пока другіе ударили на насъ, и думаю, что поступилъ хорошо. Несмотря на всѣ признаки бури, благодаря близкимъ отношеніямъ между тремя Императорами, наступило извѣстное успокоеніе. Однако, и тогда, какъ теперь, намъ нужно было увеличить наши силы и организовать ихъ такъ, чтобы мы, въ случаѣ надобности, оказались націею сильною, которая въ состояніи собственными силами проявить свое могущество и отстоять свое вліяніе, достоинство и территорію. Для этого никакая жертва не можетъ и не должна казаться намъ слишкомъ тяжкою. Воинственныя поползновенія Франціи и Россіи заставляютъ насъ обороняться; щуки во Франціи и Россіи вынуждаютъ насъ быть карасями. Мы успѣшнѣе, чѣмъ всякая другая нація, въ состояніи дать нашимъ противникамъ сильный отпоръ. Отношенія наши къ Россіи не были нарушены нашими успѣхами въ 1866 году. Пруссія всегда была предупредительна по отношенію къ Россіи и оказала Россіи не мало услугъ, за что могла требовать признательности, которую и встрѣтила. Пруссія всегда старалась сохранить хорошія отношенія къ Россіи, хотя Россія не поддержала насъ въ Ольмюцѣ. Я самъ, когда былъ посланникомъ въ Россіи, поработалъ въ пользу укрѣпленія хорошихъ отношеній и достигъ успѣха. Я всегда съ любовью заботился о развитіи этихъ традиціонныхъ отношеній, но тѣмъ не менѣе, дружественное настроеніе Россіи охладѣло. Я говорю это для того, чтобы было понятнымъ, почему мы заключили союзъ съ Австріей. Требованія, предъявленныя къ намъ Россіею передъ послѣднею восточною войной, были отклонены нами; потомъ Россія тщетно обращалась къ Австріи, затѣмъ началась война. Мы радовались, что гроза миновала насъ. На конгрессѣ,

устроить который мнѣ удалось не безъ большаго труда, я старался, чтобы осуществились всѣ желанія Россіи. Я дѣйствительно думалъ, что пріобрѣлъ право на признательность Россіи. Но я не могъ, да и не хотѣлъ отвращать отъ насъ Австрію. Еслибы я сдѣлалъ это, то мы были бы изолированы въ Европѣ и очутились бы въ безусловной зависимости отъ Россіи. Въ опубликованіи договора о союзѣ нѣкоторые усматриваютъ ультиматумъ и угрозу, но на дѣлѣ ничего этого нѣтъ: договоръ этотъ служитъ выраженіемъ общности интересовъ обѣихъ договорившихся сторонъ; это-то и слѣдовало узнать міру. Но не только этотъ договоръ, а также и договоръ нашъ съ Италіей является лишь выраженіемъ общихъ интересовъ и стремленій отвратить общія опасности и постоять сообща за сохраненіе мира. Австрія слѣдовала этой обдуманной политикѣ въ 1870 г., воспротивившись заискиваніямъ Франціи и держась Германіи. Австрія — наша естественная союзница въ опасностяхъ, угрожающихъ намъ со стороны Россіи и Франціи. Ненависти Россіи бояться нечего; изъ ненависти войнъ не ведутъ, иначе Франція должна бы воевать съ Италіей и со всѣмъ міромъ. Могущество, которымъ мы обладаемъ, можно надѣяться, успокоить наше общественное мнѣніе, а также нервность биржъ и печати...

„Усилить это могущество—вотъ наша задача. Что мы должны имѣть наилучшее оружіе, для отцовъ семействъ—понятно само собою. При помощи внесенныхъ теперь законопроектовъ мы будемъ въ состояніи выставить на каждой изъ нашихъ границъ по милліону хорошихъ солдатъ; а за ними стоятъ наши резервы. Пусть не говорятъ, будто то же самое могутъ сдѣлать и другіе; имъ это не по силамъ. У насъ есть матеріалъ для того, чтобы не только образовать громадную армію, но и снабдить ее офицерами. Корпусъ офицеровъ у насъ такой, какого нѣтъ ни у какой другой державы. Если мы начнемъ войну, то она должна быть войною народною, которой будутъ сочувствовать у насъ всѣ, какъ было въ 1870 году. Если на насъ нападутъ, то возгорится гнѣвъ Тевтоніи, съ которымъ никто бороться не можетъ. Ни сознаніе нашей силы, ни сознаніе нашей надежды на побѣду не отклонятъ насъ, однако, отъ прежнихъ мирныхъ стремленій. Мы не поддадимся запугиванію угрозами. Я надѣюсь, что мы останемся въ мирѣ съ нашими сосѣдями, особенно съ Россіей, которая не имѣетъ никакого повода къ войнѣ. Исторію съ Франціей изъ-за шпіоновъ принимать въ разсчетъ нечего: изъ-за мелочей никто войны не начинаетъ. Въ такихъ случаяхъ говорится, что кто умнѣе, тотъ и уступаетъ. Мы пробовали сохранить прежнія отношенія къ Россіи, но мы ни за кѣмъ не бѣгаемъ. По отношенію къ Болгаріи мы остались совершенно послѣдовательными. Россія, конечно, имѣетъ полное основаніе признать честный образъ дѣйствій Германіи въ болгарскомъ вопросѣ. Какъ только Россія потребовала бы отъ насъ, чтобы мы поддержали передъ султаномъ ея притязанія въ Болгаріи, основанныя на постановленіяхъ Берлинскаго конгресса, я не поколебался бы исполнить это. Мы опираемся на наши вооруженныя силы; если намъ ихъ не нужно—тѣмъ лучше, но мы должны устроиться такъ, чтобы онѣ были у насъ на-готовѣ. Угрозы насъ не устрашаютъ; угрозы печати—безпредѣльная глупость: ими насъ ни къ чему не побудишь. Мы, нѣмцы, боимся Бога и никого больше на свѣтѣ. Страхъ Божій побуждаетъ насъ желать мира и заботиться о его сохраненіи; кто же, несмотря на то, нарушитъ миръ, тотъ убѣдится, что любовь къ отечеству, готовая на бой и собравшая въ 1813 году подъ знамена все населеніе Пруссіи, составляетъ общее достояніе всей германской націи и что кто сдѣлаетъ нападеніе на германскій народъ, тотъ встрѣтитъ его одѣтымъ въ броню, а каждаго воина,—съ твердою вѣрой въ сердцѣ: „Съ нами Богъ!“ По окончаніи рѣчи князя Бисмарка, Франкенштейнъ заявилъ, что предложитъ принять военный законопроектъ цѣликомъ, не входя въ обсужденіе подробностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду политическихъ соображеній, связанныхъ съ этимъ закономъ, воздержаться также отъ преній и по поводу законопроекта о государственномъ займѣ. Гельдорфъ, Беннигсенъ, Беръ и Риккеръ поддержали предложеніе относительно законопроекта о государственномъ займѣ. Затѣмъ рейхстагъ приступилъ ко вторичному обсужденію военнаго законопроекта. Франкенштейнъ предложилъ принятіе его цѣликомъ безъ преній. Беннигсенъ поддержалъ его предложеніе. Князь Бисмаркъ заявилъ тогда: „Могу засвидѣтельствовать, что германскія правительства будутъ благодарны за предупредительность, въ которой усмотрятъ не только доказательство довѣрія къ нимъ со стороны рейхстага, но также и существенное упроченіе гарантій европейскаго мира“. Послѣ этого заявленія законопроектъ былъ принятъ во второмъ чтеніи, среди общаго восторженнаго одобренія, цѣликомъ, безъ обсужденій его подробностей. Послѣ засѣданія князь Бисмаркъ отправился пѣшкомъ домой, сопровождаемый многочисленной толпой народа, привѣтствовавшей его громкимъ „ура!“ Полиція была не въ силахъ сдержать народныя массы.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 24 января, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Концертной залѣ состоялся второй балъ, на который было приглашено до 700 лицъ.

Около 10 часовъ, Ихъ Императорскія Величества вышли изъ Малахитовой гостиной въ Концертную залу. Государь Императоръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Вальсы чередовались съ кадрилями и въ срединѣ бала началась мазурка. Ея Величество изволила танцовать ее съ исправляющимъ должность оберъ-церемоній-мейстера княземъ Долгорукимъ.

По окончаніи мазурки, въ половинѣ перваго часа послѣдовалъ ужинъ.

Послѣ ужина танцы возобновились и продолжались до третьяго часа по-полуночи, когда Ихъ Величества удалились во внутреннія комнаты и начался разъѣздъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Полтавское общество сельскаго хозяйства недавно принято подъ высокое покровительство Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михаиловны.

— Полтавское общество сельскаго хозяйства устроило между сельскими хозяевами Полтавской, Харьковской и нѣкоторыхъ другихъ губерній подписку, съ цѣлью послать въ Бухару специалиста для покупки стада каракульскихъ овецъ.

— Во время бывшаго въ минувшемъ декабрѣ урагана, а ранѣе—ливней—пострадали многіе соляные промыслы на югѣ Россіи. Между прочимъ, на Кинбургскомъ промыслѣ затоплено около 300 тыс. пудовъ соли. Затопило также промыселъ Карабашъ, на Тилигульскомъ лиманѣ, гдѣ находилось около 60 тыс. пудовъ соли. Затѣмъ, наводнило озеро Аджи-Байчи, близъ Евпаторіи, гдѣ было около 300 тыс. пудовъ соли, и Потіевскій промыселъ, недалеко отъ Перекопа.

— Согласно распоряженію Крымскаго филоксернаго комитета, были произведены изслѣдованія виноградниковъ въ Крыму, на пространствѣ отъ Ливадіи до мыса Ласпи. Осмотръ начался съ Ливадіи, имѣнія Его Императорскаго Величества. Присутствіе заразы было обнаружено въ Айюрахъ, имѣніи г. Пустошкина, и приняты самыя рѣшительныя мѣры къ ея уничтоженію.

— Въ послѣднемъ засѣданіи Имп. Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи, профессоръ И. И. Мечниковъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на новые труды д-ра Пастера по вопросу объ истребленіи кроликовъ и вообще грызуновъ. Профессоръ Мечниковъ производилъ опыты зараженія куриною холерою грызуновъ и пришелъ къ заключенію, что она дѣйствуетъ на нихъ губительно, но всего губительнѣе — на сусликовъ, почему и предложилъ: не пожелаютъ-ли хозяева принять участіе въ опытахъ.

Торговля.

— На недѣлѣ 11—17 января (ст. ст.) въ общемъ положеніи хлѣбной торговли особыхъ перемѣнъ не произошло и вялое настроеніе попрежнему господствовало на большинствѣ руководящихъ рынковъ; обороты оставались весьма ограниченными и цѣны клонились къ пониженію. Затишье замѣчалось и на русскихъ рынкахъ, какъ внутреннихъ, такъ и портовыхъ, за исключеніемъ, однако, одесскаго, на которомъ было весьма оживленно; цѣны измѣнились мало, слегка къ пониженію.

— Грузка хлѣба на всѣхъ станціяхъ Харьково-Николаевской, а также Ромны-Кременчугской желѣзныхъ дорогъ, въ послѣднее время значительно усилилась. Весь хлѣбъ, въ виду закрывшейся навигаціи въ Николаевѣ, направляется теперь въ Одессу.

Народное просвѣщеніе.

— Лекціи въ Московскомъ университетѣ открылись 26 января на всѣхъ факультетахъ и курсахъ; въ Харьковскомъ — 25 января. Учебныя занятія въ Новороссійскомъ университетѣ открылись 29 января.

— По распоряженію министра народнаго просвѣщенія, начальство СПБ. университета, открывая учебныя занятія въ университетѣ, считаетъ нужнымъ указать студентамъ, что, дорожа временемъ для своего образованія въ университетѣ и сознавая всю необходимость въ сохраненіи порядка, они обязаны воздерживаться отъ участія въ сходкахъ и сборищахъ. Посему благоразумные и желающіе продолжать свое ученіе студенты, каковыхъ, безъ сомнѣнія, огромное большинство, должны нравственно воздѣйствовать на увлекающихся своихъ товарищей и противостоять всякимъ попыткамъ къ нарушенію спокойствія. Если бы, вслѣдствіе безпорядковъ, мѣшающихъ чтенію лекцій, пришлось прекратить учебныя занятія, то, независимо отъ наказанія виновныхъ въ безпорядкахъ, всѣмъ студентамъ полугодіе не будетъ зачтено и производство стипендій прекратится.

Литература и наука.

— 20 января въ торжественномъ годовомъ общемъ собраніи членовъ Имп. Рус. Географ. Общества были доложены отзывы о трудахъ лицъ удостоенныхъ высшихъ наградъ Общества, а также объявлены имена лицъ, получившихъ другія награды. Высшая награда общества—*Константиновская медаль* была присуждена дѣйствительному члену общества, профессору Г. Д. Романовскому, за его обширные труды по геологіи Туркестанскаго края. Отзывъ о трудахъ Г. Д. Романовскаго составленъ профессоромъ И. Лагузеномъ.

— 18 января, въ залахъ Дерптскаго университета происходило торжество празднованія пятидесятилѣтняго юбилея дѣятельности Эстонскаго ученаго общества, одного изъ старѣйшихъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, заявившаго себя въ теченіе полустолѣтія неутомимою и плодотворною дѣятельностью на пользу науки. 18 января 1838 года, небольшой кружокъ (19 человѣкъ) мѣстныхъ ученыхъ дѣятелей, заботившихся объ исторіи своего края, основалъ общество, посвятивъ себя съ этой минуты разработкѣ прошлаго Эстонскаго края. Въ настоящее время Эстон-

ское общество обладаетъ прекрасно организованною библіотекою, состоящею почти изъ 10,000 томовъ и 500 рукописей. Оно находится въ сношеніяхъ болѣе чѣмъ съ 150 европейскими и русскими учеными обществами.

— 12 января, въ селѣ Соловьевкѣ, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, наблюдалось интересное метеорологическое явленіе. При восходѣ солнца, чрезъ все небо, отъ точки восхода до горизонта сѣверо-западной части неба, образовалась свѣтлая дуга, шириною въ обыкновенную радугу, причемъ отъ сѣверо-западнаго горизонта, куда упиралась концомъ эта свѣтлая дуга, исходили свѣтлые лучи, а въ срединѣ этихъ лучей красовалась величественная радуга, какая бываетъ лѣтомъ во время утренняго дождя.

Пути сообщенія.

— Новороссійская желѣзная дорога окончена вчернѣ на всемъ протяженіи, и такимъ образомъ черноморское прибрежье примкнуло теперь къ общей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Зданія вокзала въ Новороссійскѣ уже выстроены и имѣютъ весьма красивый видъ. Полное движеніе по линіи откроется, какъ сообщаетъ газета *Кавказъ*, не раньше половины марта текущаго года.

— 27 января, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ на Ивангородо-Домбровской желѣзной дорогѣ прекращено пассажирское и товарное движеніе, а по Карло-Лудвиговской дорогѣ, на участкахъ ея Ярославъ-Соколъ и Дембица-Росводовъ, прекращено товарное движеніе. На Варшавско-Вѣнской и Варшавско-Бромбергской желѣзныхъ дорогахъ полное прекращеніе движенія. На Курско-Кіевской и Харьково-Николаевской дорогахъ отказываются принимать грузы. Всѣ южныя и юго-западныя желѣзныя дороги, по которымъ еще возможно движеніе, сняли съ себя отвѣтственность за срочную доставку грузовъ.

Изобрѣтенія и открытія.

— 17 января, ночью, кіевскою телефонною станціею были произведены опыты телефонированія на дальнее разстояніе. Для этой цѣли былъ взятъ прямой телеграфный проводъ между Кіевомъ и Житоміромъ и въ него поочередно включались телефоны системы Беля, Охоровича, Голубицкаго и Эриксона. Опыты производились помощникомъ начальника кіевскаго почтово-телеграфнаго округа, г. Андерсомъ, и старшимъ механикомъ того же округа, г. Рейхомъ. Протяженіе линіи для опытовъ было взято въ 128 верстъ— „Кіевъ—Житоміръ". При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ испытанія, аппаратъ д-ра Охоровича, при 12 элементахъ батареи Мейдингера, далъ слѣдующіе результаты: Звуки обыкновеннаго человѣческаго говора не только были слышны въ Житомірѣ отчетливо, но даже по голосу былъ узнаваемъ житомірцами знакомый кіевскій телефонистъ. Отчетливо можно было слышать музыку пружинной столовой шарманки, а также ходъ карманныхъ часовъ. Вообще опытъ удался какъ нельзя лучше.

— 17 января, въ Москвѣ, въ домѣ Московскаго Военнаго Округа, производились опыты надъ новою хлѣбопекарною печью системы инженера Ревенскаго. Печи его системы могутъ быть приспособлены не только ко всѣмъ видамъ и разновидностямъ каменнаго угля, торфа и дровъ, но и къ отопленію нефтяными остатками. Произведенные въ этомъ отношеніи опыты имѣютъ весьма серьезное значеніе, такъ какъ устраняютъ довольно распространенный предразсудокъ, что хорошій хлѣбъ можно печь только на дровахъ. Разница-же въ стоимости печенія хлѣба оказывается весьма значительною, а именно: стоимость печенія пуда хлѣба на дровахъ обходится въ среднемъ 4 коп. въ обыкновенныхъ хлѣбопекарныхъ печахъ; при употребленіи-же минеральнаго топлива въ печахъ новой системы—лишь 1¼ коп., то есть слишкомъ въ три раза дешевле.

Некрологъ.

— 23 января въ СПБ. скончался генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфатеріи графъ Н. В. Левашовъ.

— 25 января, въ Одессѣ, скончался генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Николай Николаевичъ Мосоловъ.

— 23 января, скончался чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ главнаго штаба, тайный совѣтникъ Семенъ Никитичъ Акимовъ.

Смѣсь.

Поднятіе обелиска. Какія средства употребляли египтяне чтобы поднять на заранѣе сооруженное основаніе огромные монолиты, иногда достигающіе высоты до 30 метровъ и вѣсящіе сотни тоннъ? Многія невѣроятныя и неудовлетворительныя теоріи и объясненія были предложены относительно этого вопроса. Самое вѣроятное объясненіе это то, что египтяне при поднятіи монументовъ пользовались водой. Въ „Revue scientifique" объ этомъ была написана прекрасная статья предложенная Г. Арнудо. Предварительно около обелиска, расположеннаго горизонтально и основаніемъ къ приготовленному для него пьедесталу, возводили до высоты обелиска валъ въ видѣ окружности, центромъ которой служилъ пьедесталъ монолита. Затѣмъ покрывали обелискъ, главнымъ образомъ въ верхней части, кусками дерева и тѣлами, легко плавающими въ водѣ. По мѣрѣ того какъ повышали уровень воды въ огромномъ чанѣ, центръ тяжести, находясь у основанія обелиска, заставлялъ его подниматься верхнею частью до вертикальнаго положенія. Эта гипотеза поясняетъ многое — и въ дѣйствительности ея можно убѣдиться при помощи очень простаго опыта, который каждымъ можетъ быть легко исполненъ и на которомъ главнымъ образомъ основана теорія автора. Возьмите винтъ съ плоской головкой, длиною отъ 5 до 6 сантиметровъ; насадите на вершину нашего обелиска въ миніатюрѣ половину обыкновенной пробки, положите затѣмъ винтъ въ бассейнъ, который вы будете наполнять водой. Вы увидите, что нашъ монолитъ (желѣзный) будетъ медленно подниматься и когда вода достигнетъ достаточной высоты, онъ приметъ вертикальное положеніе. (Св.)

Когда, вслѣдствіе неоднократно повторявшихся во Франціи случаевъ отравленія трескою, было издано министерское постановленіе, запрещавшее употребленіе этой рыбы въ пищу, основнымъ мотивомъ къ запрещенію была ссылка на вредную для здоровья окраску рыбы въ красный цвѣтъ. По этому поводу докторомъ Моріакомъ въ Страсбургѣ произведены были изслѣдованія съ цѣлью найти дѣйствительную причину отравленія, которая, по его словамъ, заключалась не въ окраскѣ, а въ значительной степени гнилости поступавшей въ продажу рыбы. Во многихъ случаяхъ оказалось, что рыба, помимо искусственной окраски, имѣла разрушившіяся мускульныя волокна и представляла другіе признаки значительной степени разложенія. Къ тому-же были случаи отравленія вслѣдствіе употребленія неокрашенной рыбы, что служитъ уже яснымъ указаніемъ на другую причину отравленія. Кромѣ того, красная окраска, которая происходитъ отъ развитія безчисленныхъ микрококовъ, не могла-бы вызвать обыкновенныхъ симтомовъ отравленія. На Антильскихъ островахъ, гдѣ употребленіе трески весьма распространено, никогда не встрѣчается случаевъ отравленія, хотя находящаяся въ продажѣ рыба тотчасъ же покрывается красною окраской; но рыба продается тамъ всегда свѣжею. (С.)

Открытіе грибка рака. На-дняхъ, однимъ изъ ассистентовъ королевской клиники Charité сдѣлано весьма важное открытіе. Послѣ долгихъ изслѣдованій, докторъ Шейерленъ открылъ *бациллу рака*, существованіе которой, какъ причины одной изъ злокачественныхъ болѣзней, давно уже предполагалось врачами, но до сихъ поръ не могло быть съ точностью констатировано. Вновь открытый микроорганизмъ имѣетъ яйцевидную форму. Значеніе новаго открытія чрезвычайно важно. Теперь можно надѣяться найти и средство противъ бациллы рака, хотя, съ другой стороны, грибокъ воспаленія легкихъ открытъ уже два года тому назадъ, а средство противъ него до сихъ поръ не отъискано. (С.)

По извѣстіямъ изъ Нью-Іорка, Эддисономъ изготовлено нѣсколько экземпляровъ его усовершенствованнаго фонографа. Послѣдній отличается отъ стараго аппарата главнымъ образомъ тѣмъ, что слуховая воронка, которая принимаетъ сказанныя въ фонографъ слова, не служитъ въ то же время къ передачѣ послѣднихъ, а замѣняется для этой цѣли особымъ аппаратомъ. Фонограммы продаются въ видѣ небольшихъ цилиндровъ въ 1¼ дюйма въ діаметрѣ и отъ 1—4 дюймовъ длиною; фонограммы въ 1 дюймъ длиною, могущія принять 200 словъ, стоятъ 15 центовъ; большія-же, на 800—1000 словъ—36 центовъ за дюжину. Двигатель закрытъ футляромъ и отъ всего аппарата, занимающаго вообще очень мало мѣста, видны только цилиндръ и говорная трубка. Аппаратъ приводится въ дѣйствіе нажиманіемъ рычага. Такъ какъ цѣна фонограммъ относительно высока, то при аппаратѣ имѣется ножикъ, который, съ употребленной уже въ дѣло цинковой пластинки, снимаетъ 0,007 дюйма, и такимъ образомъ фонограмма, которую не предполагаютъ сохранить, можетъ быть употреблена въ дѣло до 12 разъ. Фонограммы пересылаются по почтѣ въ маленькихъ, круглыхъ деревянныхъ ящичкахъ, которые, какъ надѣется Эддисонъ, будутъ впослѣдствіи пересылаться съ тою-же вѣсовою платою, какъ обыкновенныя письма. Въ настоящее время, при употребленіи фонографа, приходится прикладывать говорную трубку къ губамъ, но Эддисонъ уже работаетъ надъ изготовленіемъ звукопріемника, который могъ-бы принимать звукъ съ большаго разстоянія. (С.)

При раскопкахъ въ Акрополѣ найдена статуя, представляющая обнаженнаго человѣка, болѣе натуральной величины. Она вполнѣ сохранилась, за исключеніемъ головы. Статуя найдена въ стѣнѣ, съ сѣверной стороны Акрополя, на глубинѣ около 10 метровъ. Чтобы освободить статую, предполагаютъ или снести находящуюся надъ ней часть стѣны, или подвести подъ стѣну сводъ. Но такъ какъ въ послѣдней предполагаются задѣланными и другія древности, то есть намѣреніе разобрать всю стѣну. (С.)

Населеніе Японіи. На конференціи Географическаго Общества въ Эдинбургѣ признано, что населеніе Японіи простирается до 37.868,989 чел., изъ которыхъ 16.157,877 мужч. и 18.711,110 женщ. Рабочій классъ достигаетъ 35.297,395 душъ. Населеніе иностранное— европейцы и американцы; ихъ около 2,300 чел., изъ коихъ только 200 французовъ. Китайцевъ до 4,000 чел. Бюджетъ доходовъ Японіи достигаетъ до суммы 311.230,900 франковъ, а бюджетъ расходовъ 317.204,225 франковъ. Общественный долгъ равенъ 1.022,613,375 франковъ, а число бумажныхъ денегъ, находящихся въ обращеніи, достигаетъ цыфры 281.030,375 франковъ. Главные источники дохода—это поземельный налогъ, налогъ на Сакè (японскій ликеръ), налогъ на табакъ, таможенная пошлина и почта. (Св.)

Воспитаніе царственныхъ дѣтей. Чрезвычайно интересна слѣдующая черта изъ жизни покойнаго англійскаго принца Альберта. Малолѣтній принцъ Уэльскій стоялъ однажды у окна загороднаго дворца, которое, какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ

зданіяхъ, доходило до-полу. Мальчикъ долженъ былъ выучить наизусть какой-то урокъ, но разсѣянно смотрѣлъ въ садъ и колотилъ пальцами по стеклу. Воспитательница его, миссъ Гилліардъ, замѣтивъ это, ласково попросила мальчика вспомнить объ заданномъ урокѣ. Принцъ отвѣчалъ:

— Не могу!

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала миссъ Гилліардъ,—я принуждена буду поставить васъ въ уголъ.

— А я не хочу учиться, упрямо отвѣчалъ мальчикъ,—и не встану въ уголъ, потому что я принцъ Уэльскій.

Говоря это, онъ выбилъ оконное стекло ногой.

Миссъ Гилліардъ поднялась съ мѣста и повторила:

— Ваше высочество, вы должны выучить урокъ, или я поставлю васъ въ уголъ!

— Не хочу, сказалъ упрямый мальчикъ, и выбилъ другое стекло.

Воспитательница позвонила и велѣла вошедшему камердинеру доложить отцу принца — принцу Альберту, что она проситъ его королевское высочество пожаловать къ ней, такъ какъ имѣетъ поговорить съ нимъ по нетерпящему отлагательства дѣлу.

Принцъ Альбертъ тотчасъ-же явился, разспросилъ о всемъ случившемся и, указывая сыну на маленькую скамеечку, обратился къ нему со словами: „сядь сюда и оставайся на мѣстѣ, пока я не приду". Затѣмъ онъ ушелъ въ свою комнату и возвратился оттуда съ Библіей въ рукахъ:

— Послушай, сказалъ онъ, обращаясь къ принцу Уэльскому,—что̀ говоритъ апостолъ Павелъ тебѣ и подобнымъ тебѣ дѣтямъ.

Онъ прочелъ 4 главу Посланія къ Галатамъ, ст. 1-й, 2-й: „Еще скажу: „наслѣдникъ, доколѣ въ дѣтствѣ, ничѣмъ не отличается отъ раба, хотя и господинъ всего. Онъ подчиненъ попечителямъ и домоправителямъ до срока, отцемъ назначеннаго".

— Положимъ, продолжалъ принцъ Альбертъ,—ты дѣйствительно принцъ Уэльскій, и если будешь соотвѣтственно вести себя, можешь занять современемъ высокій постъ, можешь, послѣ смерти твоей матери,—да сохранитъ намъ ее Господь на долгіе годы!—сдѣлаться королемъ Англіи; но пока ты просто маленькій мальчикъ, который долженъ слушаться старшихъ и наставниковъ. Слушай еще, что̀ говоритъ объ этомъ мудрый Соломонъ: Притчи 13, 25: „Кто жалѣетъ розги своей, тотъ ненавидитъ сына, а кто любитъ, тотъ съ дѣтства наказываетъ его".

Вслѣдъ затѣмъ отецъ досталъ розгу и угостилъ будущаго наслѣдника могущественной имперіи доброю порціей ударовъ; потомъ поставилъ его въ уголъ и сказалъ:

— Ты будешь стоять въ углу и учить урокъ до тѣхъ поръ, пока миссъ Гилліардъ не выпуститъ тебя. Можешь думать о томъ, что будешь когда-нибудь королемъ Англіи, но не забывай при этомъ притчи Соломона.

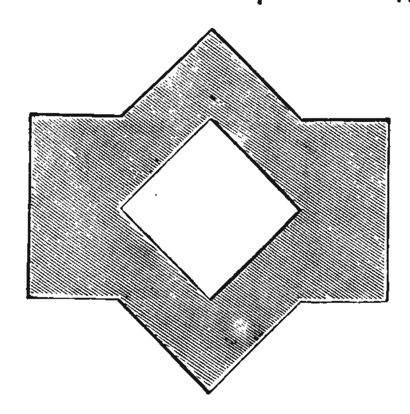
Дипломатическія ноты въ древности. Во время побѣдоноснаго шествія Александра Великаго на Персію, его встрѣтили въ Малой Азіи посланные персидскаго царя Дарія и передали ему, отъ имени своего повелителя, письмо, мячъ, розгу и шкатулку съ золотомъ. Письмо гласило такъ: „Я, Дарій, царь царей, сынъ боговъ и богъ, приказываю и повелѣваю тебѣ, Александру, моему слугѣ: возвратись къ своимъ родителямъ, а моимъ рабамъ, и пусть твоя мать понянчитъ тебя. Посылаю тебѣ розгу, мячикъ и нѣсколько золота. Розга должна показать тебѣ, что ты, юноша, еще нуждаешься въ обученіи; мячикъ, что тебѣ еще въ пору играть со своими сверстниками; золото-же я посылаю тебѣ затѣмъ, чтобы было на что̀ возвратиться къ себѣ на родину. Если-же ты дерзнешь ослушаться моихъ приказаній, я пошлю къ тебѣ моихъ сыщиковъ; они схватятъ тебя и ты будешь наказанъ уже не розгами, какъ мальчикъ, а какъ бунтовщикъ будешь казненъ". Черезъ три дня Александръ прислалъ слѣдующій отвѣтъ: „Царь Александръ шлетъ царю Дарію свой привѣтъ. Не позорно-ли, что ты, Дарій, такой могущественный властелинъ, сынъ боговъ и богъ, въ скоромъ времени станешь жалкимъ рабомъ ничтожнаго мальчишки, по имени Александръ? Я иду на тебя, но не какъ на бога, а какъ на самаго зауряднаго хвастуна. Ты черезчуръ легкомысленно показалъ намъ золото,—мы тѣмъ храбрѣе будемъ сражаться, чтобы добыть его. Побѣда надъ тобой прославитъ меня, какъ побѣда надъ великимъ царемъ, божественнымъ Даріемъ. Если-же ты побѣдишь меня, тебѣ нечѣмъ будетъ и кичиться, ибо что̀ значитъ побѣда надъ глупымъ мальчишкой? Твои дары я принялъ охотно, какъ добрыя предзнаменованія: розгой я побью твоихъ варваровъ, а мячъ служитъ знакомъ того, что я овладѣю всѣмъ міромъ."— Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, мать, жена и дочери Дарія попали въ руки побѣдоноснаго Александра и самъ царь царей три года спустя радъ былъ бы передаться, въ качествѣ плѣннаго, въ руки благороднаго македонянина, но ему было суждено умереть подъ кинжаломъ измѣнника. (с.)

Задача № 13.

1	5	6	0
3	0	1	5
0	3	2	4
3	0	4	0
0	5	2	5
2	1	4	1
0	3	4	2
2	6	1	2
1	0	3	3

Раздѣлить данный *прямоугольникъ* на 2 части, которыя сложить такъ, чтобы изъ нихъ составился *квадратъ*. Въ полученномъ квадратѣ сложить числа каждаго вертикальнаго столбца и суммы замѣнить соотвѣтствующими въ азбукѣ буквами; при чемъ должно получиться слово, обозначающее то, изъ-за чего люди часто гибнутъ.

Геометрическая задача № 14.



Разрѣзать данную фигуру прямыми линіями на 10 частей такъ, чтобы составить изъ нихъ прямоугольный треугольникъ.

Рѣшеніе ребуса № 2 (помѣщеннаго въ № 1).
„За правое дѣло—стой смѣло".

Рѣшеніе задачи—игры въ винтъ № 3
(помѣщенной въ № 2).

Второй партнеръ (X) имѣетъ туза, валета бубенъ и двѣ маленькія пики.

Четвертый партнеръ (Y) имѣетъ туза самъ-третей пикъ. Остальныя карты (въ прочихъ мастяхъ) — безразлично какія.

X выходитъ въ пику, Y не кладетъ туза, а пропускаетъ; *A* беретъ дамой и ходитъ съ короля бубенъ, X беретъ тузомъ и идетъ въ пику; Y кроетъ тузомъ, *A* сноситъ даму; Y ходитъ третью пику и *A*, попадая подъ сюркупъ, долженъ отдать третью взятку на валета бубенъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **Спб.**—Скворцова, К. С. Жардиныхъ, Митенскаго, Н. Скугаревскаго, Н. Астромова, А. Л. Вѣкшина, М. Поземковскаго, Щеніовскаго, А. Амброжевича, Н. Рязанцева, С. Неелова, Е. В. Тихомірова, А. Грибановой, Мазель; **Москва** — Пуговкина, Н. С. Яковлева, Л. Л. Шпоръ; **Витебскъ**—Каганъ, **Вильна**—Р. Ф. Галецкаго, **Гапсаль** — Н. Соколова, **Комягино**—В. А. Горчаковскаго, **Н.-Новгородъ**—Н. Алексѣева, **Пенза** — К. К. Гарфъ, **Полтава**—Л. Холминской, **Спасская Полисть**—Дьякова, **Сестренка**—В. Палкина.

Рѣшеніе ребуса № 4 (помѣщеннаго въ № 2).
„Шутки до добра не доведутъ".

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!

ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

карргикатуръ, силуэтовъ и картинъ, очень интересно и забавно. какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.). . . . 3 р.
„ 10 „ (100 „) . . . 5 р.
съ пересылкою во всѣ города Россіи.

Торговцамъ значительная уступка.

Можно получать въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ.

Главный складъ: С.-Пбургъ, Большая Садовая, 12. **О ЛЕССЕРЪ.** Р. №3001
2—1

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ДЕПО ЧАСОВЪ
Ю. ЭРГАРДТЪ
СПБ. Офицерская ул., № 18. 10—5
№ 2871

Рекомендуетъ **цѣпочки нов. зол.** отъ 1½ до 8 р. Спеціалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.

Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

ДЛЯ ГЛУХИХЪ.

Лицо, избавившееся отъ глухоты, продолжавшейся 23 года, посредствомъ очень простаго средства, готово присылать описаніе его безплатно всѣмъ желающимъ. Адресъ: Д-ръ **Никольсонъ,** 4 rue Drouot, Парижъ (Франція). № 3008

Новая книга:

ВЪ ЕВРОПѢ.

(Москва.—Альпы.—Біаррицъ).
Впечатлѣнія и мысли туриста
Гр. **Джаншіева.** № 3006
Цѣна **2** руб.

Роскошно изданный томъ, удобный для дорожнаго чтенія, а также для подарка (отзывъ см. „Новое Время“ № 4247).
Складъ изданія въ **Москвѣ у Е. Н. Гербекъ.** (Петровка, д. Рудакова).

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,
W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается безплатно.
Р. № 2691 26—15

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ

А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (7) № 2946

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр., и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,
въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки! № 2747 15—11
Румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
Главное депо для Россіи у **В. Ауриха,** Стремянная, 4. **С.-Петербургъ.**

ИМПЕРАТОРСКІЙ

ТУЛЬСКІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

симъ извѣщаетъ, что заказы на охотничьи ружья, какъ гладкоствольныя шомпольныя и центральнаго боя, такъ и нарѣзныя и на штуцера экспрессъ, а равно на принадлежность къ ружьямъ, принимаются по вновь утвержденной разцѣнкѣ. Желающіе могутъ получать разцѣнку безплатно по требованію съ приложеніемъ двухъ семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ. № 3009

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ.

Изданіе ВТОРОЕ,

дополненное новыми рисунками
и между прочимъ рисункомъ **„Туалетнаго зеркала со шкатулкой“** (на который мы имѣли массу требованій).

Весьма быстрая распродажа перваго изданія „АЛЬБОМА“ служитъ лучшей рекомендаціей изящному исполненію рисунковъ и практическому примѣненію ихъ, а потому, мы надѣемся, что и это ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ, будетъ также сочувственно принято публикою.

Цѣна въ изящной оберткѣ 1 руб., съ пересылкою 1 р. 30 к.

До свѣдѣнія нашего дошло, что нашими недоброжелателями распространяются слухи о невозможности **пріобрѣтенія нашего товара.** Считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія господъ торговцевъ **о неосновательности** подобныхъ слуховъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ обращаться за всѣми справками, касающимися нашего производства, **непосредственно къ нашему представителю въ Россіи,**

Г-нъ АРЧИБАЛЬДЪ КОАТСЪ,

склады котораго находятся:
1) въ МОСКВѢ, Черкасскій пер., д. Гуськова.
2) „ ВАРШАВѢ, Длуга, № 55.
3) „ ОДЕССѢ, Троицкая улица, д. Эгиза.
4) „ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, внутри гостинаго двора, № 101.
5) „ РИГѢ, Herrenstrasse, № 19.
6) „ РОСТОВѢ н/Д., Темерницкая ул., бл. Таганрогск. ул.
7) Въ ТИФЛИСѢ, Дворцовая, домъ бывш. Арцруни.

НА ЯРМАРКАХЪ: Нижегородской—Пушной рядъ, № 35, лит. Б.
Ирбитской—Торговая ул., д. насл. Шальковыхъ.

Мы пользуемся случаемъ обратить вниманіе уважаемой публики на нашъ этикетъ, носящій изображеніе **МЕДВѢДЯ,** на нѣкоторыхъ-же сортахъ товара—**ЦѢПИ.** Одновременно предостерегаемъ отъ поддѣлокъ этикета, состоящихъ въ замѣнѣ медвѣдя изображеніемъ другихъ животныхъ, съ обдуманною цѣлью, ввести тѣмъ гг. потребителей въ заблужденіе. Ц. № 3015 3—1

Фабриканты швейной бумаги на катушкахъ и бумаги Кроше

И. и П. КОАТСЪ,

ВЪ ПАЙСЛЕЙ, ШОТЛАНДІЯ.

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРА.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

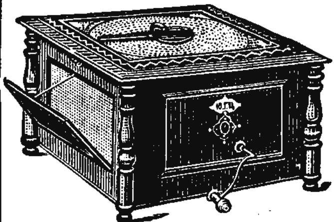
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года. ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, АНТВЕРПЕНЪ—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650 и 750 руб. Салонные рояли 900 и 1,000 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.
№ 3014

ДЕШЕВАЯ и ПРАКТИЧНАЯ МУЗЫКА

ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.



НОВЫЙ ГЕРОФОНЪ

съ приспособленіемъ для игры piano и „forte“. Цѣна съ 10-ю пьесами по выбору **35** руб. Большое число добавочныхъ пьесъ по **60 коп.** за каждую. За пересылку прошу приложить за 50 фунт.

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

цѣна съ 10-ю пьесами по выбору **28 руб.** Большое количество добавочныхъ пьесъ по 60 коп. за каждую. За пересылку прошу приложить за 45 фунтовъ.

Каталоги пьесъ для герофона и для аристона безплатно.

Вышеозначенные инструменты и ноты къ нимъ продаются у меня только патентованные; поддѣльныхъ, которые легко портятся, не имѣю. № 3016

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

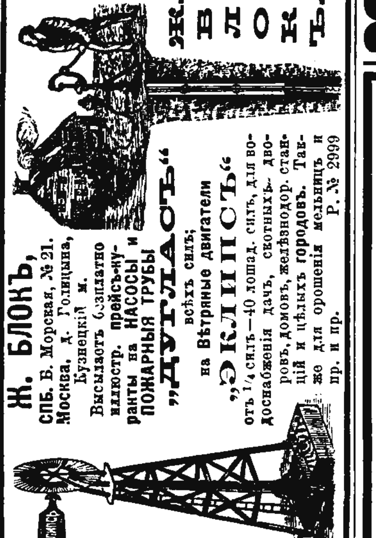
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м. д. Торлецкаго.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекція изъ 25 сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ (пестрыхъ) розъ за 10 руб. Коллекція изъ 12 сорт. 5 руб. съ пересылкою.

Минскъ, губерн. садовое заведеніе **Н. Н. Голиневича.** № 2719 10—6

Подробные каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки.



ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1887 года,

заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гр. **Е. А. Саліаса**—„**Яун-Кундзе**“, большую повѣсть **В. И. Немировича-Данченко**—„**Патмосъ**“, разсказъ **Вс. Крестовскаго**—„**Мой собратъ**“, разсказъ **А. Я. Максимова**—„**Скиталецъ**“, большую повѣсть **Н. Д. Ахшарумова**—„**Темная карта**“ и его же разсказъ „**Ванзамія**“, разсказы **К. Тхоржевскаго**—„**За дупелями**“ и „**Неожиданный случай**“, сцену **Виктора Крылова**—„**Секретное предписаніе**“, разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева)**—„**Въ пансіонѣ**“, большую повѣсть **В. Желиховской**—„**Кавказскій легіонъ**“, разсказы **Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова**, князя **Д. Н. Цертелева, Эвальда, Захеръ-Мазоха** и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„БАБУШКИНА СКАЗКА“.

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ каленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою	**6** „	Съ пересылкою.	**7** „ **50** „

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

РЕКОМЕНДУЮТСЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4

(Экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода специіальная по 90 коп.
Туалетная вода Шипръ по 1 руб.

Туалетный уксусъ по 60 коп.
Уксусъ Віолетъ де-Паримъ по 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

по 80 к. и 1 р. 60 к.

Иксора Бреони. Буке Императрисъ. Шампака. Жокей Клубъ. Кадзура. Опопонаксъ. Віолетъ де-Пармъ. Бѣлая Роза.

ЛѢСНАЯ ВОДА ДЛЯ КУРЕНІЯ по 50 к.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Духи самаго высшаго качества по 1 руб.

Бѣлый Геліотропъ.—Ландышъ.—Лила бланъ.—Эссъ Буке.—Эссъ Віолетъ.

НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ по 2 р.

ХИМИЧЕСКАЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ. Рt. № 3013

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Рt. № 2835 16—9

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО
PATE REGNAULD
приготовляемой
19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.
Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

МОЛЬДАКОТЪ

АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ и **холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ. „Мольдакотъ“** вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“**, Моросейка, д. Комитета. № 2985

БАНДОНЕОНЫ, чудесные музык. инструменты. **Аккордеонъ-Гармоники** лучшей фабрикаціи. **Гармоніумы.** Ноты для этихъ инструментовъ. **Герофоны**, механическіе таперы, **скрипки, цитры**, гитары, мандолины и духовые инструменты. Прейсъ-курантъ безплатно и франко.

Фабрика инструментовъ

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ

4—2 **въ Висбаденѣ.** Р. № 2952
Самыя дешевыя оптовыя цѣны.

№ 3011 2—1

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ,
изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
НА СКЛАДѢ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ

В. АККЕРМАНА,

СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 2921 4—3

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ, наискось прежняго помѣщенія.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 2998 10—2
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

КРАСОЧНЫЙ заводъ. ТОЛЕВЫЙ заводъ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франке.
12—1 **Москва.** М. № 3003
Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова.

Дозвол. цензур., СПБ. 3 февраля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. ... ч., д. 1.

XIX г. | г. XIX

№ 7 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 13 февраля 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. вис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Видъ острова Мадейры.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

VIII.

Наконецъ, въ половинѣ мая собраны были всѣ подлежащія справки въ Приказахъ о томъ, какъ въ прежніе годы награждались бояре за свои службы при посольствахъ и при заключеніи договоровъ, и всѣмъ лицамъ участвовавшимъ въ заключеніи вѣчнаго мира съ Польшей, князю Василію Васильевичу „съ товарищи“, назначены были награды, щедростью своею далеко превосходившія всякія чаянія и упованія. Эта щедрость, какъ всѣ очень хорошо понимали, вызвана была желаніемъ царевны наградить своего любимца такъ, какъ еще никто не бывалъ награжденъ до него; но само собою разумѣется, что на это никто изъ его товарищей не жаловался: напротивъ, по особому свойству человѣческой природы, всѣ ощущали даже нѣкоторую признательность по отношенію къ вельможѣ, на счастіи котораго созидалось и ихъ общее благополучіе.

И вотъ закипѣла работа въ Приказахъ: пошли подьячіе выводить свои крючки и росчерки и писать съ дьяческихъ черняковъ жалованныя грамоты краснымъ почеркомъ и краснымъ слогомъ. И значилось въ тѣхъ грамотахъ, послѣ подробнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе вѣчнаго мира, что „великіе государи и самодержцы, для того вѣчнаго мира и святаго покою пожаловали такого-то, за службы предковъ и отца его, и за его, которыя службы, ратоборство и храброе и мужественное ополченіе, и крови, и смерти, предки и отцы его, и онъ самъ показали въ прошедшую войну въ Корунѣ Польской“ и всю „тое службу похваляя“ утвердили за нимъ такое-то „помѣстье въ вотчину“. Любопытно, что такая грамота дана была между прочимъ и Емельяну Игнатьевичу Украинцеву, который никогда на своемъ вѣку не проливалъ никакихъ *кровей* и воевалъ только со своими подчиненными, уча ихъ дѣловитости и порядку.

Раздача наградъ и чтеніе грамотъ въ присутствіи великихъ государей и всей боярской думы назначены были на 22 мая; но уже за недѣлю всѣмъ было извѣстно, какія кому сверхъ вотчинъ и грамотъ будутъ выданы подарки въ видѣ серебряныхъ сосудовъ, шубъ, дорогихъ матерій на платье и соболей. Никто не зналъ только, что̀ будетъ назначено, сверхъ вотчинъ и прибавки жалованья, Оберегателю, потому что подарокъ ему еще не былъ избранъ царевною Софіею изъ Большой Государевой Казны. На всезнающей „площадкѣ“ на этотъ счетъ только втихомолку подсмѣивались и острили:

— Хоть и не вѣдомо, что̀ ему подарятъ, одначе вѣдомо, что не обидятъ.

— Хорошо тому, братцы, на свѣтѣ жить, кто въ сорочкѣ родился! говорили на это одни.

— Ну, что̀ тамъ пустое толковать о сорочкѣ, братцы! — у него *царь* въ головѣ, потому и удача ему во всемъ.

— *Царь*-то у него въ головѣ есть, да удача не отъ „царя“; а оттого, что *его богъ въ кикѣ* ходитъ, — лукаво добавляли другіе.

Какъ только стало извѣстно, что награды будутъ раздаваться 22 мая, князь Василій рѣшился въ этотъ день позвать къ себѣ на обѣдъ патріарха, всю знать, и всю родню: онъ зналъ, что всѣ и безъ того къ нему, какъ къ первому вельможѣ, явятся поздравить съ царскою милостью, что всѣхъ и безъ того придется угощать и дарить, а потому задумалъ придать этому празднеству, по возможности, блестящій и торжественный характеръ. И поводъ къ празднеству былъ давно готовъ: дѣло о свадьбѣ сына Алексѣя съ дочерью боярина Исая Квашнина было совсѣмъ слажено и на 22 мая можно было назначить сговоръ. Какъ только это рѣшеніе созрѣло въ головѣ князя Василія, онъ сообщилъ о немъ для свѣдѣнія и исполненія своей супругѣ-княгинѣ и сыну-князю, а самъ озаботился о важнѣйшихъ приготовленіяхъ къ празднеству.

И заботы эти были настолько значительны, что отняли не мало времени у Оберегателя. Подобное празднество, въ то время, было не легко устроить, и мы это поймемъ если примемъ во вниманіе существовавшіе въ то время обычаи. Князю Василію предстояло принять у себя не менѣе тысячи человѣкъ гостей изо всѣхъ слоевъ общества и каждаго изъ нихъ угостить, сообразно его положенію, да сверхъ того, посадить за столъ человѣкъ 200 почетнѣйшихъ гостей и родни, и, кромѣ обѣда въ 50—60 блюдъ, каждому изъ этихъ гостей — поднести подарокъ, соотвѣтствующій его состоянію и служебному положенію.

Князю Василію предстояло рѣшить очень нелегкую задачу, не смотря на всѣ громадныя матеріальныя средства, бывшія въ его распоряженіи. Василій Васильевичъ Голицынъ, въ описываемое нами время, былъ уже страшно богатъ и любилъ жить широко, любилъ блескъ и роскошь въ своей домашней обстановкѣ; но, при этомъ, онъ все-жъ былъ расчетливъ и, какъ истый русскій бояринъ XVII вѣка, не пренебрегалъ никакими средствами для увеличенія своего богатства. Кромѣ доходовъ съ громадныхъ имѣній, которыя почти ежегодно разростались отъ новыхъ придачъ, прирѣзокъ и пріобрѣтеній, кромѣ большаго по тому времени жалованья и безпрестанныхъ подарковъ отъ великихъ государей (то въ видѣ дорогихъ мѣховъ и платья, то въ видѣ мебели, то въ видѣ золотой и серебряной посуды), Оберегатель получалъ добровольные дары и приношенія со всѣхъ концовъ Россіи. По общему обычаю времени, онъ не брезгалъ не только „благодарностью“, со стороны людей которымъ доставлялъ мѣста и должности, но даже и остатками казенныхъ дворцовыхъ кормовыхъ и погребныхъ запасовъ. Когда же случался пожаръ въ одномъ изъ его четырехъ московскихъ домовъ или въ одномъ изъ его двѣнадцати подмосковныхъ имѣній, то онъ безъ всякаго стѣсненія подавалъ государямъ челобитную и получалъ отъ нихъ пособіе на „погорѣлое“.

При такой запасливости и такихъ способностяхъ къ пріобрѣтенію, князь Василій былъ прекраснымъ хозяиномъ, всему зналъ цѣну и не любилъ тратить деньги по-пустому. Даже и во время своихъ долговременныхъ отлучекъ изъ Москвы, по дѣламъ службы, князь Василій получалъ самыя подробныя свѣдѣнія о каждой мелочи въ своемъ хозяйствѣ, и всѣмъ распоряжался самъ черезъ близкихъ и довѣренныхъ людей. Въ домѣ его былъ образцовый порядокъ, и всей его громадной движимости велись весьма подробныя переписныя книги, въ которыя заносилась каждая, даже и самая незначительная, вещь. Сверхъ того, за многіе годы сохранялись смѣты и записи расходовъ, произведенныхъ по поводу семейныхъ празднествъ, освященія домашней церкви, большихъ пріемовъ и другихъ случаевъ ежегоднаго обихода, сопряженныхъ съ угощеніями и затратами.

И вотъ, за нѣсколько дней до празднества, князь Василій, предоставивъ своей матушкѣ Татьянѣ Ивановнѣ и своей супругѣ Авдотьѣ Ивановнѣ вѣдаться съ поварами и всякаго рода приспѣшниками, позвалъ къ себѣ главнаго своего прикащика Матюшку Боева (человѣка весьма ловкаго, оборотливаго, опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ и уже обладавшаго довольно кругленькимъ достаткомъ), чтобы, при его помощи, ознако-

миться съ количествомъ всякаго рода запасовъ, хранившихся въ его княжескихъ кладовыхъ, погребахъ и на житныхъ дворахъ, и составить приблизительную смѣту предстоящимъ расходамъ.

Матюшка (всѣмъ извѣстный при дворѣ князя подъ именемъ Матвѣя Ивановича) немедленно предсталъ предъ князя со связкою ключей на поясѣ и съ полудюжиной толстыхъ записныхъ книгъ и тетрадей подъ мышкою.

— По нонѣшнему весеннему времени, обратился къ нему князь,—есть-ли у насъ достаточно запасовъ, чтобы къ сговору сына такое же угощенье учинить, какъ на дочкиныхъ крестинахъ было или на освященіи нашей церкви?

— Какъ, государь, запасу не быть? У тебя домъ— море; гдѣ ни черпни, все полно.

— Да вотъ мнѣ кажется мы рыбой-то небогаты, да и запасъ-то такой, что похвалиться нечѣмъ! А вѣдь тутъ самъ святѣйшій будетъ...

— Помилосердуй, государь! У насъ-ли рыбѣ не быть, когда нашимъ новгородскимъ Приказомъ и при государскомъ дворѣ вся рыба держится — вся черезъ наши руки на кормовой дворецъ поступаетъ. Какъ былъ тутъ ономнясь нижегородскій цѣловальникъ Логинка Брызгаловъ съ товарищи и оханную рыбу великимъ государямъ привезъ, такъ и твоей милости двумя бочками поклонился; а въ нихъ—и мякотные осетры косяки, и хрящевые, и тёшки, и башки бѣлужьи, и осетрики просольные. Да онъ же привезъ двѣ кадки икры, пудовъ по пяти, да вязиги, да клею, да пудъ молокъ, да два пуда пупковъ бѣлужьихъ и осетрьихъ. Да двинскій цѣловальникъ Петко Онѣгинъ, какъ привозилъ государямъ десятинную красную рыбу семгу просольную—тоже твоей милости двумя бочками челомъ ударилъ. Да въ прудѣ нашемъ, на Загородномъ дворѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, есть еще съ прошлаго года запасъ живой рыбы—стерляди мѣрныя шехонскія, (что съ Шексны бѣлозерцы на стругахъ привезли), да сырти новгородскія, которыхъ митрополитъ Корнилій тебѣ въ даръ прислалъ.

— Это рыбный запасъ! А мяснаго-то да живности хватитъ-ли?

— Если-бы ты, князь, и завтра затѣялъ своихъ гостей созвать, такъ и тогда бы всѣхъ ублаготворили; а какъ тутъ до сговора князь Алексѣева пять дней осталось, такъ мы еще изъ двухъ мѣстъ обозы живности получимъ, потому я во всѣ твои ближнія вотчины грамотки съ нарочными посыльщиками отправилъ и въ нихъ именно прописалъ: „какъ только ся моя грамота придетъ, собрали бы съ крестьянъ на нашъ обиходъ, въ счетъ денежныхъ доходовъ, столько-то быковъ, да барановъ, да гусей, да утокъ, да поросятъ, да куровъ индѣйскихъ, да куровъ русскихъ, да столько-то тысячъ яицъ, да сыровъ самыхъ добрыхъ, да...“

— Ну, хвалю за обычай! Запасъ бѣды не чинитъ. Такъ вотъ теперь пораскинуть бы умомъ надо: кого чѣмъ угостить? кому что̀ подавать? кого чѣмъ дарить? Чай у тебя сохранны записи за прошлые годы, чтобы намъ и теперь противъ тѣхъ записей поступать.

— Какъ не сохранны, государь! И теперь съ собой захвачены... Вотъ, примѣрно, если съ духовенства начать, какъ мы ихъ прежде угащивали и даривали, хоть бы при освященіи церкви. Такъ вотъ тутъ у меня въ записи значится, что тогда отцу патріарху одинъ сорокъ соболей поднесенъ цѣною въ 50 рублевъ, а пестрымъ властямъ *) 37 рублевъ 7 алтынъ, да 2 деньги розданы. А питей про пестрыхъ властей и про всякихъ святѣйшаго патріарха чиновныхъ людей — полтретья ведра ренскаго, да романеи тожъ...

— Не много-ли будетъ? И того, и другаго имъ по ведру довольно?

*) Т. е. духовенству черному и бѣлому.

— Не маловато-ли будетъ? Потому вѣдь пить-то они всѣ не плохи!.. Развѣ что будетъ ихъ нынче поменьше?

— А дальше что̀?

— Вина церковнаго семь ведръ...

— И трехъ довольно...

— Да двойнаго два ведра, да простаго восемь; а пивъ и медовъ, сколько ты самъ, государь, укажешь.

— По десяти пива и меда за глаза съ нихъ будетъ. И то сказать: утробисты!

— А ѣствы на нихъ записано: 20 осетровъ просольныхъ, да четыре пуда икры черной, да провѣсной рыбы...

Но тутъ любопытная запись Матвѣя Ивановича, свидѣтельствовавшая о гомерическомъ аппетитѣ пестрыхъ властей, была прервана приходомъ Кирилыча, который доложилъ, что золотописецъ Карпъ Золотаревъ закончилъ свою работу на подволокѣ Большой Столовой Палаты и проситъ князя взглянуть „на его дѣло“. Князь приказалъ Матюшкѣ подождать своего возвращенія, а Кирилычу велѣлъ принести въ Большую Столовую Палату изъ особой ка̀зенки верхняго жилья всю сложенную тамъ серебряную и вызолоченую посуду.

Карпъ Золотаревъ, спеціальный золотописецъ Посольскаго Приказа, великій мастеръ и художникъ своего дѣла, благодаря современной модѣ, былъ постоянно занятъ работами въ Теремномъ дворцѣ и въ другихъ загородныхъ дворцахъ, гдѣ, вмѣстѣ съ артелью своихъ рабочихъ, расписывалъ стѣны и потолки хоро̀мъ подъ различные мраморы, золотилъ карнизы и рамы, покрывалъ золотыми лучами и травами притолки дверей и амбразуры оконъ. Ему же поручалось золоченіе мебели и расписываніе ея разными цвѣтами по золоту, если ей хотѣли придать особенную цѣнность и изящество; а между дѣломъ, онъ успѣвалъ исполнять и заказы Посольскаго Приказа, разрисовывая заголовки и прописныя буквы грамотъ или поля священныхъ книгъ, подносимыхъ царевнами и вельможами въ даръ различнымъ храмамъ и обителямъ. Ему-то и поручилъ князь Василій расписать стѣны и подволоку въ своей большой столовой палатѣ — самомъ обширномъ и самомъ видномъ изъ покоевъ его громаднаго дома.

Эта палата, освѣщенная сорока шестью окнами расположенными въ два ряда, свободно могла вмѣстить въ себѣ 250—300 человѣкъ гостей. Князь вступилъ въ это громадное зало и, отвѣтивъ на поклонъ Карпа Золотарева привѣтливымъ кивкомъ головы, бросилъ бѣглый взглядъ кругомъ.

Большая столовая палата производила очень пріятное общее впечатлѣніе, потому что все въ ней свидѣтельствовало о тонкомъ вкусѣ хозяина, и побывавшіе въ ней иноземцы недаромъ говорили, что она могла бы украсить собою дворецъ любаго итальянскаго принца. Стѣны палаты были съ трехъ сторонъ расписаны подъ мраморы различныхъ цвѣтовъ, а съ четвертой, украшенной девятью портретами русскихъ государей, — обиты золочеными нѣмецкими кожами. Въ окнахъ всѣ оконницы были не только стеклянныя (что̀ было большою рѣдкостью и диковинкой по тому времени), но, въ двухъ крайнихъ окнахъ, стекла были даже расписныя. Вся мебель состояла изъ *опрометныхъ* скамей, обитыхъ краснымъ сукномъ, и двухъ огромныхъ столовъ съ мраморными досками. Надъ столами спускалось съ потолка изумительное по рѣзьбѣ большое костяное паникадило о пяти поясахъ. Около одной изъ стѣнъ стояли органы и басистая домра въ футлярѣ; около другой, увѣшанной зеркалами, возвышались раскрашенные и раззолоченные поставцы, уставленные серебряною и хрустальною посудой и нѣмецкими кувшинами и кружками самыхъ причудливыхъ формъ. И все это роскошное убранство столовой палаты завершалось пестрою и оригинальною живописью потолка, на которомъ по угламъ и вокругъ, въ двадцати медальонахъ, были

Дѣти моря. Съ карт. франц. художн. Делобба, грав. Брендамуръ

писаны по золотому фону „пророки“ и „пророчицы“, а въ серединѣ, по одну сторону — солнце, съ лучами, ярко вызолоченное, по другую — блѣдный мѣсяцъ посеребренный, а вокругъ солнца „бѣги небесные съ зодіями и съ планеты, писаны живописью“.

Князь Василій залюбовался затѣйливымъ рисункомъ и почти не слушалъ доклада Карпа Золотарева, который подробно пояснялъ ему, какъ онъ выполнилъ его заказъ, какъ покрывалъ холстъ левкасомъ и золотилъ по левкасу и сколько недѣль, потомъ, лежа навзничь на подмосткахъ, расписывалъ по золоту „лики“ и „бѣги небесные“.

А въ то время какъ князь осматривалъ свою столовую палату, Кирилычъ со слугами вносилъ корзину за корзиной и, вынимая изъ нихъ серебряные чарки, чаши, кубки, стопы и ковши, разставлялъ ихъ въ рядъ по столамъ, для осмотра боярскаго. Но боярину было не до того...

Подъ впечатлѣніемъ всего, что было испытано и пережито за послѣдніе дни, подъ впечатлѣніемъ ожиданій предстоящаго торжества, князь Василій представлялъ себѣ эту палату залитою свѣтомъ, полною бояръ и первѣйшихъ сановниковъ, въ аксамитахъ и алтабасахъ, въ жемчугахъ и каменьяхъ, за столами, которые гнутся подъ тяжестью золотой и серебряной посуды... И себя онъ видѣлъ между ними на первомъ мѣстѣ. И слышалъ онъ кругомъ себя веселый шумъ и говоръ и почтительный шепотъ удивленья передъ тѣмъ, чего *онъ* достигнулъ—что онъ совершилъ! А вонъ, сквозь толпу, съ трудомъ протѣсняясь, шествуютъ дьяки въ золотахъ, держатъ писанную на пергаментѣ грамоту жалованную, несутъ торжественно чашу золотую, обсыпанную каменьями, несутъ шубу атласную на безцѣнныхъ соболяхъ... А въ той грамотѣ четко прописано, что *имъ, княземъ Василіемъ*, „преславному имени Царскаго Величества учинено многое повышеніе, а православной вѣрѣ — умноженіе, а державѣ Россійской великая прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала“...

„Слышите-ли вы, враги и противники? Сознаете-ли вы свое ничтожество?!“...

И поднимаются съ мѣстъ царевичи крещеные и все боярство, и кланяются ему, князю, въ поясъ, и громко славятъ его имя, его безкровную побѣду! И гремитъ музыка, гудятъ колокола церковные — и шумно ликуетъ кругомъ его свѣтлыхъ боярскихъ палатъ всенародное множество, выхваляя щедрость и милость боярскую. А почему ликуетъ? Кто виновникъ всего этого торжества и ликованья? *Онъ — князь Василій*... Да то-ли еще будетъ, когда онъ выступитъ во главѣ всего воинства русскаго на попраніе исконныхъ враговъ христіанства — на злыхъ татаровей... Онъ одолѣетъ ихъ, сотретъ ихъ съ лица земли— онъ долженъ вернуться побѣдителемъ! И тогда онъ оживитъ пустыни, населитъ ихъ, проложитъ въ нихъ пути мирному землепашцу и предпріимчивому купцу...

И вдругъ, золотая нить мечтаній князя порвалась столкновеніемъ съ дѣйствительностью...

— Государь всемилостивый, раздался сзади голосъ стараго Кирилыча,—изволь самъ назначить, какіе кому золотые и серебряные сосуды даровать изволишь, чтобы потомъ какихъ оглядокъ не вышло.

И князь Василій, пробужденный отъ обаятельныхъ грёзъ тщеславія, перешелъ къ разсматриванью и взвѣшиванью серебряной и вызолоченой посуды, дѣлая указанія Кирилычу и тщательно соразмѣряя цѣнность назначаемаго дара съ значеніемъ и вѣсомъ лица, которому даръ предстояло поднести.

Въ суетномъ мечтателѣ и ненасытномъ честолюбцѣ опять проявился практическій и смѣтливый московскій бояринъ.

IX.

Дня три спустя послѣ того шумнаго и блестящаго празднества, которымъ Оберегатель отпраздновалъ и полученіе щедрыхъ царскихъ милостей, и свою семейную радость—сговоръ сына Алексѣя съ боярышней Марѳой Исаевной Квашниной—длинный поѣздъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ каретъ, колясокъ и колымагъ, тащился по изрытой колеями и грязной дорогѣ отъ Москвы къ Преображенскому. Въ каретахъ и повозкахъ сидѣли участники послѣднихъ переговоровъ съ Польшею, князь Василій Васильевичъ Голицынъ „съ товарищи“. Наканунѣ, всѣ они были на поклонѣ у царевны Софіи и царя Іоанна Алексѣевича и допущены были „къ рукѣ“; и дворскій этикетъ требовалъ того, чтобы съ тою-же цѣлью, они побывали и въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ юный царь Петръ проводилъ большую часть года, подъ крыломъ своей матери. И вотъ Оберегатель съ товарищами ѣхалъ благодарить великаго государя Петра Алексѣевича за тѣ милости, награды и подарки, въ которыхъ Петръ, собственно говоря, не принималъ никакого участія.

Впереди поѣзда ѣхали, „для береженья“, человѣкъ тридцать боярскихъ слугъ, съ саблями черезъ плечо и съ пистолями за поясомъ; да человѣкъ двадцать точно такъ же вооруженныхъ слугъ ѣхали на хвостѣ поѣзда. По обѣимъ сторонамъ повозокъ, на борзыхъ аргамакахъ, гарцовали служилые гайдуки князя Василія, въ пестрыхъ кафтанахъ съ откидными рукавами; а по правую руку кареты Оберегателя ѣхалъ неизмѣнный спутникъ всѣхъ выѣздовъ князя — Куземка Крыловъ, на поджаромъ ворономъ конѣ, выступавшемъ бойкою дробною ходой. Въ передней, расписной каретѣ, запряженной шестерикомъ рослыхъ и сильныхъ гнѣдыхъ коней, сидѣлъ, развалясь на подушкахъ, князь Василій, а противъ него, на передней скамьѣ, помѣщался дьякъ Украинцевъ.

Дорога въ Преображенское шла, извиваясь, глухими, привольными мѣстами, то пересѣкая топкіе и низменные луга, поросшіе гривами камышей и кустовъ, то пролегая по густой и темной чащѣ. Трудно было даже и повѣрить, чтобы такая глушь, такой „охотничій рай“, могъ начинаться почти у самой московской городской заставы! Недаромъ оцѣнилъ и облюбовалъ эти мѣста страстный охотникъ, царь Алексѣй Михайловичъ, и откупивъ ихъ для своей царской потѣхи, сдѣлалъ ихъ заповѣдными... Въ этой-то благословенной, зеленой глуши построилъ онъ и свое любимое село Преображенское, въ которое пріѣзжалъ нерѣдко раннею весною и позднею осенью, и вмѣстѣ со своимъ царскимъ семействомъ тѣшился охотой во всѣхъ видахъ, потому что въ сосѣднихъ съ Преображенскимъ лѣсахъ водилось великое множество всякой птицы и звѣря, а часть лѣса около самаго села была даже отведена подъ искусственный звѣринецъ, для содержанія запаснаго звѣря, или же звѣря дикованнаго, рѣдкостнаго, привознаго.

Уже въ царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича село Преображенское было указано вдовствующей царицѣ Натальѣ Кириловнѣ *какъ удобное для нея мѣстопребываніе*, и она туда охотно переселилась, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ Петромъ Алексѣевичемъ и маленькою дочкою, Натальею Алексѣевною. Здѣсь, вдали отъ непріятнаго ей Двора, царица Наталья Кириловна посвятила себя заботамъ о воспитаніи дѣтей и ихъ будущности. Но когда царь Ѳеодоръ скончался, а черезъ двѣ недѣли послѣ его кончины такъ нежданно разразились ужасы стрѣлецкаго бунта, и, на глазахъ царицы, такъ позорно и такъ безжалостно были умерщвлены ея друзья и братъ; когда такъ открыто и такъ нагло выступили на сцену главные дѣятели заговора и Софья захватила власть въ свои руки... О, тогда Преображенское стало для царицы еще болѣе дорогимъ и привлекательнымъ! Только здѣсь, среди ближайшихъ родныхъ и друзей, окруженная вѣрными и преданными слугами, она не трепетала за дѣтей и могла свободно преда-

ваться то скорбнымъ воспоминаніямъ, то отдаленнымъ надеждамъ и упованіямъ.

При переѣздѣ черезъ одинъ изъ ручьевъ, пересѣкавшихъ дорогу, карету Голицына тряхнуло такъ сильно, что онъ ударился плечомъ объ одну изъ стѣнокъ ея и, не остерегшись, чуть не выбилъ стекла локтемъ.

— Ну, ужь дорога къ царскому селу! Хуже всякаго проселка, проворчалъ онъ досадливо.

— Да! таки потряхиваетъ! отозвался Емельянъ Игнатьевичъ.—Да впрочемъ на этомъ ручьѣ, что изъ *Лосинаго острова* течетъ, и всегда такъ было! А мнѣ этотъ ручей еще и тѣмъ памятенъ, что я тутъ однажды чуть живота не лишился!

— Какимъ-же это случаемъ?

— А посланъ я былъ, въ самый канунъ Аграфенина дня, съ грамоткой къ покойному царю Алексѣю Михайловичу, отъ боярина Ртищева. Поѣхалъ я для скорости верхомъ и лошадь мнѣ съ дворцовой конюшни дали такую, что еле ноги волочила. И только бы мнѣ къ этому ручью подъѣхать, какъ вижу передо мной, на полянкѣ, взмылъ изъ-за лѣсу коршунъ, а на него, какъ камень, палъ сверху красный кречетъ,—да какъ черкнетъ его!.. Коршунъ отъ него—на утёкъ, черезъ дорогу, къ лѣсу; а кречетъ—за нимъ. Не успѣлъ я оглянуться, какъ вдругъ вижу, прямо на меня, со стороны полянки, что есть духу, мчатъ человѣкъ тридцать царскихъ сокольниковъ, а впереди самъ батюшка-царь... И всѣ вверхъ глядятъ, и кричатъ во весь голосъ, и шапками вверхъ машутъ—а меня и не видятъ! Налетѣли, коня съ ногъ срѣзали и всѣ черезъ меня, какъ вьюга, промчались къ лѣсу, за кречетомъ! Какъ я очнулся отъ испуга, какъ всталъ—и самъ не знаю! Да ужь насилу-то, насилу пѣшкомъ добрёлъ до Преображенскаго. А государь-то-батюшка—блаженной памяти!—и говоритъ потомъ: „счастливъ твой Богъ, что мы только коня подъ тобой помяли! Иль ты не вѣдаешь, что въ лѣсу повадиѣе съ медвѣдемъ повстрѣчаться, чѣмъ въ полѣ поперекъ дороги охотнику стать?..“ Да вотъ ужь мы и подъѣзжаемъ.

Поѣздъ князя Василія Голицына „съ товарищи“ остановился у рогатокъ, которыми были огорожены ворота околицы села Преображенскаго, и передовые слуги боярскіе уже вступили въ переговоры съ карауломъ изъ солдатъ и жильцовъ, охранявшихъ ворота. Пришлось боярамъ вылѣзть изъ повозокъ, и объявить о цѣли пріѣзда въ Преображенское, затѣмъ оставить за околицей всѣхъ коней и всю свиту, а самимъ—брести пѣшкомъ до дворца, между тѣмъ какъ старшій изъ караула побѣжалъ докладывать дворцовой служнѣ о пріѣздѣ бояръ изъ Москвы.

Шествуя ко дворцу, бояре съ любопытствомъ осматривались кругомъ, и многому дивились не на шутку. Какъ разъ передъ дворцомъ на разчищенной лужайкѣ, человѣкъ пятьдесятъ потѣшныхъ конюховъ, съ мушкетами на плечо, маршировали, подъ тактъ барабана, довольно неуклюже поворачиваясь всѣмъ строемъ по командѣ нѣмца-капрала, который осыпалъ ихъ безцеремонной бранью и кричалъ на нихъ осипшимъ голосомъ: „лѣфой, прафой! Слюшай команта! Лѣфой, лѣфой!“ Далѣе, на той-же лужайкѣ, человѣкъ десять потѣшныхъ, въ самыхъ разнообразныхъ полукафтаньяхъ и шапкахъ, возились около двухъ небольшихъ желѣзныхъ пушекъ, обучаясь пріемамъ заряжанія и наводки, и живо дѣйствуя банникомъ. Видно было, что это ужь не новички въ дѣлѣ. Поправѣе дворца и ближе къ берегу Яузы возводилась какая-то постройка: двѣ большія избы обносились высокою зубчатою стѣною изъ толстыхъ бревенъ, а надъ воротами ихъ воздвигалась башня съ высокой шатровой кровлей. Въ то же время, вдоль стѣны, одни землекопы рыли глубокій ровъ, а другіе отвозили землю на тачкахъ и насыпали высокій валъ между рвомъ и стѣною. Работали, повидимому, спѣшно, и работа кипѣла: звонкій стукъ топоровъ сливался съ крикомъ сотни голосовъ и отдавался гулкимъ эхомъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Гдѣ-то далѣе слышно было, какъ пѣли „дубинушку“—должно быть били сваи или накатывали тяжелыя бревна на постройку. А среди этого шума, изъ лѣсу доносилась по временамъ трескотня мушкетной пальбы, то въ видѣ залповъ, то одинокими выстрѣлами.

У входа на дворцовое крыльцо князь Василій и его товарищи были встрѣчены боярами-князьями Прозоровскимъ и Троекуровымъ, которые, обмѣнявшись съ нимъ обычными привѣтствіями, пригласили ихъ въ „переднюю“ государеву.

— Государынѣ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ о твоемъ прибытіи уже доложено, сказалъ Троекуровъ Голицыну,—ну, а государя-то Петра Алексѣевича вамъ пожалуй немало времени подождать придется...

— А почему бы такъ, князь Иванъ Борисовичъ? спросилъ князь Василій.— Иль государь въ отлучкѣ? Походъ что-ли куда затѣялъ?

— Какой тамъ походъ! Онъ никуда отсель не отлучается. А вотъ и дома, да негдѣ взять. Иной день съ ногъ собьешься, его искавши...

— Да что-же онъ—отъ васъ нарочно хоронится, что-ли? вступился Шереметевъ.

— И не хоронится, а не сыскать!.. Вѣдь онъ у насъ какъ молонья... То здѣсь, на стройкѣ, то тамъ на земляныхъ работахъ, то съ Зоммеромъ-то, съ иноземскимъ капитаномъ, на стрѣльбу за двѣ версты укатитъ, да все пѣшкомъ...

— Какъ! неужели пѣшкомъ?—воскликнули съ изумленіемъ всѣ пріѣзжіе бояре.

— А какъ-же? Да сюда вернется-то иной разъ весь въ грязи, въ пыли, въ поту—и никто не смѣй ему и слова молвить, чтобы онъ перемѣнить изволилъ обувь или другой кафтанъ надѣть. Сейчасъ отрѣжетъ: „не суйся подъ руку! Я *самъ* все знаю!“ Да, онъ у насъ бѣдовый!

— И неужели-жъ государыня пускаетъ государя повсюду одного — и не тревожится? спросилъ Голицынъ съ недоумѣніемъ.

— А какъ его не пустишь? продолжалъ Троекуровъ.— Заладилъ: „хочу!“ чтобъ было—и конецъ! Одной лишь матушки-царицы и слушаетъ... Ну, а какъ та разсердится, прикрикнетъ, онъ сейчасъ къ ней съ ласкою; уговоритъ ее, умаслитъ, и таки поставитъ на своемъ. И государыня-царица ужь привыкла — не боится теперь. Да онъ же не одинъ: съ нимъ, неотступно, всюду ходятъ трое Нарышкиныхъ, да Никитка Зотовъ, а то и самъ князь Борисъ Голицынъ. И ужь какъ онъ ихъ иной разъ загоняетъ—посмотришь, право, ну и смѣхъ, и грѣхъ!

Словоохотливый бояринъ вѣроятно и далѣе продолжалъ бы занимать гостей своими любопытными разсказами о преображенскомъ баловнѣ; но дверь въ комнату отворилась, изъ нея чинно вышелъ ближній бояринъ царицы, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и произнесъ громко:

— Благовѣрная государыня-царица Наталья Кириловна изволитъ жаловать въ переднюю. Князь Иванъ Борисовичъ, тебѣ бояръ являть повелѣно.

И въ то время, какъ бояре и дьяки выстраивались по старшинству и сану, а князь Василій становился впереди ихъ съ княземъ Троекуровымъ, царица Наталья Кириловна въ темномъ лѣтникѣ съ золотыми пуговицами и въ широкой темной теплогрѣѣ, обшитой золотымъ кружевомъ, вошла въ палату. На головѣ ея былъ темный же каптуръ, низанный жемчугомъ. Позади ея вступили въ переднюю двѣ ближнія боярыни, а двое молодыхъ стряпчихъ внесли кресло, на которое царица опустилась, отвѣтивъ на земной поклонъ бояръ.

Высокая, стройная и статная, государыня на видъ

казалась значительно моложе Софьи Алексѣевны, хотя, въ сущности, была лѣтъ на пять старше царевны. И она была все еще прекрасна, и лицомъ своимъ напоминала типъ той чисто-русской красоты, которой въ пѣсняхъ приписываются „брови соболиныя, очи соколиныя и поступь лебединая“... Но тяжкія испытанія и незаслуженные удары судьбы, но пережитыя ею горести и утраты — наложили на ея прекрасное лицо печать грусти и унынія, а безсонныя ночи, проведенныя въ смертномъ страхѣ и горькихъ слезахъ, отуманили блескъ ея очей и смѣнили прозрачною блѣдностью прежній яркій румянецъ щекъ. Къ тому же, потрясенія, испытанныя царицею во время майскихъ дней 1682 года, оставили такой глубокій и неизгладимый слѣдъ въ душѣ царицы Натальи, что она всегда тревожно и вопросительно оглядывала каждаго подходившаго къ ней, прежде нежели обращалась къ нему съ рѣчью.

Князь Троекуровъ явилъ пріѣзжихъ бояръ, которые всѣ, издавна, были извѣстны царицѣ лично, и при этомъ объяснилъ, что князь Голицынъ „съ товарищи“ прибыли въ Преображенское благодарить великаго государя Петра Алексѣевича за полученныя милости и награды и просятъ о допущеніи ихъ „къ рукѣ государской“.

— Рада видѣть васъ, князья и бояре; рада бы и просьбу вашу исполнить, да не знаю, скоро-ли нашъ посланный отыщетъ государя сына моего! сказала Наталья Кириловна. — А благородная царевна Софія Алексѣевна все по здорову-ли?

— Великая государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна по сей день по милости Божіей здравствовать изволитъ и тебѣ великой государынѣ съ нами поклонъ и привѣтъ шлетъ, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ Оберегатель. За этимъ первымъ офиціальнымъ вопросомъ о здравіи правительницы послѣдовалъ рядъ такихъ же вопросовъ о здравіи всѣхъ шести сестеръ и двухъ тетокъ ея, и князь Василій на всѣ эти офиціальные вопросы правилъ такіе же отвѣты съ низкими поклонами.

Этотъ скучный церемоніалъ еще не былъ вполнѣ оконченъ, какъ въ сѣняхъ послышался шумъ и говоръ и стукъ шаговъ, потомъ дверь распахнулась настежъ и государь Петръ Алексѣевичъ вбѣжалъ въ переднюю, а за нимъ поспѣшно вошли младшіе братья царицы — Левъ, Мартемьянъ и Ѳедоръ Нарышкины — и дядька царевича, дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ.

Четырнадцатилѣтній Петръ, не по лѣтамъ высокій и плечистый, смотрѣлъ семнадцатилѣтнимъ юношей, и тогда уже обѣщалъ въ будущемъ быть богатыремъ. Голицынъ и бояре съ перваго взгляда на царевича успѣли убѣдиться въ томъ, что въ разсказахъ о немъ Троекурова не было ничего преувеличеннаго. На царѣ былъ потасканный, полинялый кафтанъ изъ зеленой объяри, обшитый золотымъ, плетенымъ, сильно потертымъ галуномъ; изъ такого же галуна были и нашивки съ кистями на груди. Высокіе смазные сапоги его были забрызганы грязью. Густыя черныя кудри были всклочены и спускались на самыя брови. Потъ крупными каплями катился по его лицу, пылавшему румянцемъ здоровья. Но и въ лицѣ, и въ насупленныхъ бровяхъ выражалось неудовольствіе и досада взрослаго ребенка, не въ пору оторваннаго отъ любимой забавы.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на поклоны бояръ и князя Василія, Петръ стремительно подошелъ къ матери, поцѣловалъ ее въ руку, потомъ въ щеку, и сталъ рядомъ съ ея кресломъ, сердито надувши губы и потупившись.

— Садись! спокойно и твердо сказала ему царица, указывая на кресло, которое пододвинули ему сзади стряпчіе.

— Могу и постоять — я не усталъ.

— Приказываю тебѣ сѣсть! повторила тѣмъ же голосомъ Наталья Кириловна.

И Петръ повиновался ей, продолжая твердить вполголоса:

— Да мнѣ некогда сидѣть... у меня тамъ работа стоитъ...

— Князь Иванъ Борисовичъ, обратилась царица къ Троекурову, — изволь являть князей и бояръ государю Петру Алексѣевичу.

Троекуровъ дословно повторилъ царю то же, что̀ говорилъ царицѣ, и когда дошелъ до того, что „бояре просятъ о допущеніи ихъ къ рукѣ великаго государя“, то лицо юноши вдругъ прояснилось и онъ, улыбаясь очень добродушно, обратился къ матери:

— Матушка, ужь этого совсѣмъ нельзя — я такъ прытко бѣжалъ сюда, по твоему приказу, что не успѣлъ и рукъ вымыть!

И онъ показалъ матери свои большія, крѣпкія руки, перепачканныя смолою.

Наталья Кириловна такъ и всплеснула руками.

— Гдѣ это ты такъ перепачкаться изволилъ? Какъ тебѣ не стыдно!

— Не брани, матушка! Да отпусти скорѣе... Ей-же ей — дѣло есть! Мы тамъ карбусъ да шняку на Яузѣ оснащиваемъ... Ихъ мастеръ изъ нѣмецкой слободы смолитъ; а я ему помогаю...

— Успѣешь все это и послѣ сдѣлать... ты теперь обязанъ принять бояръ и запросить у нихъ о здравіи сестрицъ и тетушекъ.

Петръ опять насупился, однакожъ сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Ну, какъ тамъ всѣ мои сестрицы и тетушки, по здорову-ль?

Оберегатель отвѣчалъ царю тѣми же обычными фразами, какими отвѣчалъ и на вопросы царицы, и Петръ уже готовъ былъ подняться съ мѣста, когда мать, наклонившись къ нему, шепнула ему что-то на ухо. Петръ вдругъ блеснулъ на князя Василія своими большими черными глазами и спросилъ его въ упоръ:

— Правда-ли, князь Василій, что сестра Софія Алексѣевна пословъ отдѣльно принимала, послѣ нашего пріема, и къ рукѣ ихъ жаловала?

— Истинная правда, великій государь, отвѣчалъ царю князь Василій, совершенно спокойно.

Петръ, видимо недоумѣвая, зачѣмъ его заставили задать этотъ вопросъ, молча переглянулся съ матерью.

— А случалось-ли то прежде, чтобы царевны отпуски посламъ давали и къ рукѣ ихъ жаловали? спросила Наталья Кириловна, обращая на Оберегателя пристальный взглядъ.

— Случалось, государыня. Когда супруга великаго князя Василія Іоанновича, Елена, была правительницею въ малолѣтствѣ сына своего, то ей не разъ случалось принимать пословъ. И теперь, великая государыня царевна посламъ давала отпускъ, какъ правительница. При томъ послы объ этомъ просили и отказать имъ было бы...

— По-моему, такъ это не по обычаю.. перебила князя Василія царица, и поднялась со своего мѣста, видимо не желая продолжать непріятный для нея разговоръ.

Петръ также поспѣшилъ подняться съ мѣста и, обращаясь къ матери, сказалъ:

— Ну, чтожъ?.. Коли послы ее просили!..

Мать строго на него взглянула и сказала сурово:

— Молчи! Ты этого не смыслишь!

И тотчасъ же взяла Петра за руку и увела съ собою во внутренніе покои. За ними послѣдовали Нарышкины, Зотовъ и Троекуровъ.

Черезъ минуту Троекуровъ вышелъ снова и объявилъ боярамъ, что царь Петръ сейчасъ вернется и допуститъ ихъ къ рукѣ, а затѣмъ проситъ ихъ къ столу своему государскому, а дьяковъ повелѣваетъ угостить дьяку Никитѣ Зотову.

Волчья вязка. Изъ жизни въ горахъ Туркестана. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

2

И точно: царь явился вскорѣ припаряженный, въ богатомъ бархатномъ полукафтанѣ, въ сафьянныхъ сапогахъ, расшитыхъ золотомъ и жемчугами. Кудри его были гладко расчесаны и руки тщательно вымыты. Онъ допустилъ бояръ къ рукѣ и затѣмъ пошелъ съ ними въ столовую палату.

За обѣдомъ Петръ засыпалъ бояръ разспросами о Крымѣ, о Туркахъ и Татарахъ, о предстоящей войнѣ. Мало-по-малу князь Василій овладѣлъ бесѣдой и съумѣлъ высказать передъ юношей-царемъ, съ самой выгодной стороны, свои обширныя свѣдѣнія и въ политикѣ, и въ военномъ дѣлѣ. Онъ набросалъ передъ Петромъ яркую картину того томленія и тѣхъ страданій, среди которыхъ живутъ подъ властью Турскаго салтана народы православной греческой вѣры — и только того и ждутъ, только тѣмъ и утѣшаются, что когда-нибудь получатъ отраду и облегченіе — отъ русскихъ государей. Затѣмъ онъ намекнулъ и на то, что Россійскому Государству война необходима, такъ какъ многіе люди, а въ особенности казаки, ищутъ и желаютъ службы, и безъ войны даже прокормить себя не умѣютъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что трудная война, предпринимаемая во славу Божію, въ союзѣ съ государями европейскими, противъ общаго врага всего христіанства, должна будетъ принести великую честь и хвалу Россійской державѣ.

Петръ такъ внимательно и жадно слушалъ умную и красивую рѣчь Оберегателя, что на время позабылъ даже о своихъ судахъ на Яузѣ. Когда бояре, послѣ стола, откланялись и простились съ царемъ, Петръ, оставшись наединѣ съ Зотовымъ, сказалъ ему:

— Мосеичъ! А вѣдь князь-то Василій всѣмъ взялъ: и уменъ, и ученъ, и говорить гораздъ...

— Еще бы! Заговоритъ — заслушаешься! Что твои гусли-самогуды!

— За что же его такъ матушка не любитъ и все меня отъ него остерегаетъ?

— А за то, что онъ лукавитъ, да въ руку твоей сестрицы гнетъ; а кабы не это...

— Такъ что-бы было?

— Кабы не это, такъ былъ бы онъ у тебя изо всего царства первымъ человѣкомъ!

— Все ты врешь, Мосеичъ. Первымъ долженъ быть царь — и никто другой! Ну, пойдемъ на Яузу карбусъ домазывать.

(Продолженіе будетъ).

Защита Нарвы.

Повѣсть **Ар. Захарова**.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Громы Севастопольскіе раздавались не только во всей Россіи, но и во всей Европѣ, когда я, прямо со школьной скамейки, былъ отправленъ въ Нарву, небольшую крѣпость въ стапятидесяти верстахъ отъ Петербурга. Я долженъ былъ отправиться туда съ саперною ротой изъ Царскаго Села, подъ начальствомъ капитана Симоновскаго. Этотъ маленькій походъ ничего интереснаго не представилъ и мы совершили его безъ всякихъ приключеній.

Нарва, какъ извѣстно, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Наровы, верстахъ въ двѣнадцати отъ впаденія ея въ море. Это была (теперь она уже срыта) небольшая, старинная шведская крѣпость, бастіонной системы, прославленная подвигами Петра Великаго, во время борьбы его съ Карломъ XII, но въ наше время не могла уже имѣть никакого военнаго значенія и надо было удивляться, что во время Крымской войны ее рѣшили вооружать, опасаясь англійскаго дессанта.

Въ старину Нарва играла большую роль въ русской исторіи, когда принадлежала ливонскимъ рыцарямъ, съ которыми новгородцы, а потомъ Москва, вели безпощадныя войны. Слѣды этой борьбы сохранились до нашихъ дней, въ видѣ каменной крѣпости Иванъ-городъ, выстроенной русскими по сю сторону рѣки Наровы, какъ разъ противъ Нарвы, такъ что эти двѣ, въ старину враждебныя крѣпости, раздѣляла только рѣка.

Иванъ-городская крѣпость вѣроятно древнѣе Нарвской, такъ какъ выстроена въ формѣ высокихъ каменныхъ стѣнъ, съ зубцами и круглыми башнями, какъ строились всѣ крѣпости до изобрѣтенія пороха и въ первое время по изобрѣтеніи его, когда еще стрѣлы и луки спорили съ фитильными ружьями, а баллисты и катапульты *) во многомъ превосходили дѣйствіе пушекъ стрѣлявшихъ каменными ядрами.

На другой день по приходѣ въ Нарву, мы представились коменданту, генералу Ярмерштедту, невысокаго роста сѣдому старику, который буквальное исполненіе приказаній начальства ставилъ выше всего на свѣтѣ и только въ этомъ и видѣлъ всю заслугу служащаго человѣка. Такой узкій взглядъ на служебныя обязанности почтеннаго генерала, какъ увидимъ ниже, иногда очень дорого обходился государству и приводилъ къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ. Но онъ былъ человѣкъ добрый, не желавшій и не дѣлавшій никому намѣренно зла, а потому съ нимъ мирились, и относились къ нему добродушно.

Принялъ насъ онъ очень привѣтливо и меня назначилъ инженеромъ въ Иванъ-городъ, подъ команду полковника Зиновьева, командира батальона петербургскаго ополченія.

Воротившись отъ коменданта въ отведенную мнѣ квартиру у какихъ-то двухъ старыхъ дѣвъ шведскаго происхожденія, я только что началъ снимать мундиръ, какъ въ комнату мою вошелъ незнакомый офицеръ, въ формѣ кавказскихъ саперъ.

— Здравствуйте! сказалъ онъ прямо.—Я—капитанъ Иванъ Николаевичъ Одинцовъ и желаю съ вами познакомиться. Васъ какъ зовутъ?

Я назвался: прапорщикъ такой-то.

— Очень радъ (чему онъ былъ радъ?). Вы отъ коменданта?

— Да.

— Ну, что онъ вамъ сказалъ хорошаго?

— Назначилъ меня въ Иванъ-городъ.

— А! Къ Зиновьеву? Что-жъ, это хорошо, вы будете тамъ совершенно самостоятельны, какъ единственный инженеръ. Зиновьевъ отличнѣйшій человѣкъ, онъ вѣдь состоитъ комендантомъ Иванъ-города, въ случаѣ осады, конечно. Напрасно вы снимаете мундиръ.

— Отчего?

— Да я бы васъ сейчасъ-же свелъ къ Зиновьеву, познакомить съ нимъ. Пойдемте!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Я снова одѣлся и мы вышли.

— Такъ-то лучше, говорилъ дорогою Одинцовъ,—скорѣе ознакомитесь со всѣми. Тутъ все отличный народъ собрался въ Нарвѣ. Правда, есть и со всячинкой, ну да гдѣ-же ихъ не бываетъ, а то ничего. За то есть и прекраснѣйшіе люди, хотя бы вотъ этотъ Зиновьевъ. Да вы сами увидите. А вотъ и кондитерская Тиле, это у насъ въ родѣ клуба. Зайдемте выпить по рюмкѣ. Тутъ вѣчно кто-нибудь торчитъ.

Мы зашли и дѣйствительно застали двухъ-трехъ офицеровъ, съ которыми Одинцовъ меня познакомилъ. Выйдя оттуда, мы пошли дальше. Солнце сильно пекло, мы шли берегомъ рѣки. Завидѣвъ купальню, Одинцовъ предложилъ выкупаться.

— Послѣ похода это тѣмъ болѣе необходимо вамъ, говорилъ онъ.—Да и къ Зиновьеву явитесь болѣе свѣжимъ, во всей красѣ, такъ сказать.

Предложеніе это было очень кстати. Въ купальнѣ было двое какихъ-то военныхъ. Они уже плавали когда мы вошли. Одинцовъ былъ съ ними знакомъ и тотчасъ же вступилъ въ бесѣду о разныхъ городскихъ новостяхъ. Раздѣвшись, я вошелъ въ воду и плавалъ въ сторонкѣ одинъ; Одинцовъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ купавшихся, имѣвшимъ рубецъ на щекѣ. Вдругъ онъ спохватился и подозвалъ меня. Я подплылъ.

— Экая башка у меня разсѣянная, сказалъ онъ.—Андрей Васильичъ, обратился онъ къ своему собесѣднику,—позвольте вамъ представить только что назначеннаго къ вамъ инженера. Онъ именно къ вамъ шелъ представиться. Это полковникъ Зиновьевъ, прибавилъ Одинцовъ, обратясь ко мнѣ.

Положеніе было въ высшей степени комическое и затруднительное. Какъ представляться начальнику въ костюмѣ Адама и въ водѣ? Военный артикулъ не предвидѣлъ подобнаго случая и потому не указалъ для него какого-нибудь порядка. Я совершенно сконфузился, приложилъ было руку ко лбу, потомъ опустилъ ее и рѣшительно не зналъ что мнѣ дѣлать... Хоть въ воду нырнуть, да тамъ и остаться...

Видя мое замѣшательство, Зиновьевъ расхохотался и дружелюбно протянулъ мнѣ руку.

— Что за представленья ко мнѣ, да еще въ мундирѣ! сказалъ онъ.—Вы, Иванъ Николаичъ, просто привели бы его ко мнѣ обѣдать. Пожалуйста, прійдя домой, снимите вашъ мундиръ и приходите ко мнѣ. Я обѣдаю часа въ четыре.

Затѣмъ мы продолжали купаться очень весело, такъ какъ случай такого необычайнаго представленія начальству, подалъ поводъ ко всякаго рода шуткамъ и остротамъ.

Къ четыремъ часамъ я пріѣхалъ къ Зиновьеву. Это былъ красивый мужчина, лѣтъ сорока, не болѣе, съ умными и вы-

*) Метательныя орудія древнихъ, бросавшія большіе камни и стрѣлы (изъ цѣлыхъ бревенъ) при посредствѣ скрученныхъ канатовъ.

разительными глазами, съ мужественнымъ лицомъ, котораго красный рубецъ на щекѣ не только не портилъ, но еще придавалъ ему оттѣнокъ удальства. Въ концѣ зала была стойка съ батальоннымъ знаменемъ, облокотясь на которую стоялъ Зиновьевъ, разговаривая съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ, въ то время какъ я вошелъ. Онъ тотчасъ-же подошелъ ко мнѣ навстрѣчу, взялъ за руку и, подведя къ группѣ товарищей, назвалъ сначала меня, а потомъ началъ перечислять другихъ:

— Графъ Шуваловъ, графъ Бобринскій, свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, Семевскій, графъ Сиверсъ, князь Трубецкой, Голубцевъ, Карамзинъ, князь Мещерскій, Зееле...

Съ каждымъ я поклонился и пожалъ руку. Признаюсь, у меня даже духъ захватило отъ такого количества громкихъ именъ: все это были наши петербургскіе дворяне, одинъ другаго богаче, которыхъ патріотическое чувство побудило надѣть ополченскій сѣрый мундиръ и добровольно принять на себя тяготу гарнизонной и походной службы. Ко мнѣ всѣ они отнеслись какъ къ будущему товарищу по службѣ и тутъ же, одинъ за другимъ, приглашали къ себѣ. Такимъ образомъ, благодаря Одинцову, а потомъ Зиновьеву, я сразу попалъ въ лучшій кружокъ нарвскаго общества, въ средѣ котораго и провелъ все время своего пребыванія въ этомъ городкѣ.

Вечеромъ того же дня, ко мнѣ явился вѣстовой отъ коменданта, съ приглашеніемъ прибыть къ нему на другое утро въ десять часовъ.

Являюсь. Въ кабинетѣ нахожу Зиновьева.

— Отдохнули съ дороги? спросилъ меня комендантъ, подавая руку.

— Отдохнулъ, ваше превосходительство.

— Ну, теперь надо за работу. Время не терпитъ. Мы каждый день можемъ ожидать непріятеля. Пойдемте въ Иванъ-городъ, посмотримъ что тамъ можно будетъ сдѣлать.

Втроемъ мы отправились пѣшкомъ, такъ какъ отъ квартиры коменданта было очень недалеко до моста, соединяющаго Нарву съ Иванъ-городомъ.

Представьте себѣ огромный дворъ, окруженный съ четырехъ сторонъ высокими каменными стѣнами—и вотъ вамъ то, что называлось Иванъ-городскою крѣпостью. Если къ этому прибавить, что стѣны отъ времени вывѣтрились, что во многихъ мѣстахъ вывалились камни цѣлыми рядами и подъ образовавшимися пустотами висѣли глыбы, ежеминутно грозившія паденіемъ—то понятно станетъ мое изумленіе, когда комендантъ пресерьезно началъ толковать со мною объ укрѣпленіи и вооруженіи такой *крѣпости*. Посреди двора стояла такая же развалина старинной церкви, а затѣмъ о жизни напоминали только деревянные бараки, въ которыхъ помѣщался батальонъ Зиновьева.

По лѣстницѣ въ одной изъ башенъ мы вошли на верхъ стѣны и начали обходить кругомъ по грудамъ мусора, обломковъ камней и извести, накопившихся за два или за три столѣтія отъ разрушавшихся зубцовъ крѣпостной стѣны, безпрерывно спотыкаясь, скользя и шатаясь. Но добрый комендантъ какъ будто ничего не замѣчалъ или считалъ что это все такъ и должно быть и, храбро идя впереди, объяснялъ то Зиновьеву, то мнѣ свои предположенія.

Зиновьевъ, какъ бывшій кавалеристъ, не могъ, конечно, дѣлать серьезныхъ возраженій или замѣчаній, хотя по взглядамъ бросаемымъ иногда на меня, видимо понималъ что вся затѣя укрѣплять и вооружать Иванъ-городъ не стоитъ выѣденнаго яйца. Я же выслушивалъ молча, удерживаясь отъ замѣчаній, пока мы не осмотримъ всю крѣпость и только иногда переглядывался съ Зиновьевымъ.

Пройдя всѣ стѣны кругомъ, мы подошли къ одной башнѣ у рѣки.

— Тутъ, я думаю, можно и спуститься, сказалъ комендантъ.

Мы вошли въ башню, но тамъ оказалось такъ же темно, какъ въ душѣ отчаяннаго ростовщика.

— Позвольте, ваше превосходительство, я пойду впередъ, предложилъ я свои услуги.

— Пойдите, пойдите, но надо бы огня зажечь.

— У меня есть спички.

Я чиркнулъ одной, и при слабомъ свѣтѣ ея, едва разглядѣлъ первую ступеньку витой каменной лѣстницы, спускавшейся внизъ. Осторожно, держась за стѣну, а ногами ощупывая слѣдующія ступени, я началъ спускаться, предложивъ моимъ спутникамъ подождать наверху. Спустился я такимъ образомъ ступеней двадцать, въ совершеннѣйшемъ мракѣ, какъ вдругъ поскользнулся о что-то мягкое и сѣлъ на ступеньку такимъ образомъ, что ноги мои свѣсились въ пустое пространство. Очевидно, лѣстница кончалась и я висѣлъ надъ какой-то бездной. Упершись лѣвою рукою о стѣну, а правою о послѣднюю ступень на которой сидѣлъ, я хотѣлъ приподняться, но почувствовалъ что отъ этого усилія ступень подо мною крошится и обламывается. Меня даже въ холодный потъ ударило отъ мысли провалиться чортъ знаетъ куда! Какъ можно осторожнѣе досталъ я спичечницу, чиркнулъ огонь и кое-какъ осмотрѣлся: дѣйствительно, я сидѣлъ на послѣдней ступени, которая вывѣтрилась слоями и меня поддерживалъ очень тонкій слой хрупкаго известняка. При малѣйшемъ неосторожномъ движеніи—моя подпора могла треснуть и тогда аминь будущему защитнику Иванъ-города...

— Андрей Васильичъ! позвалъ я Зиновьева.

— Что? глухо послышался его голосъ наверху.

— Спускайтесь осторожнѣе ко мнѣ! Надо помочь! Идите съ огнемъ!

Послышались его медленные шаги и безпрерывное чирканье спичекъ. Всѣ ступени были завалены болѣе или менѣе мусоромъ и надо было соблюдать большую осторожность чтобъ не поскользнуться. Когда онъ дошелъ ступеней за пять до меня, я просилъ его остановиться, чтобъ объяснить свое положеніе.

— Тутъ очень опасно, Андрей Васильичъ. Я чуть было не провалился куда-то и сижу на очень тонкой ступени, которая трещитъ подо мной. Когда вы спуститесь до меня ступени за двѣ, то упритесь хорошенько о стѣну и дайте мнѣ руку, иначе я не могу подняться.

— А если мы оба полетимъ туда?

— Тогда лучше не подходите, а пришлите человѣкъ трехъ вашихъ ополченцевъ съ веревкой, я тутъ подожду.

— Ну, Богъ милуетъ, сказалъ Зиновьевъ,—попробую и одинъ.

Онъ подошелъ ко мнѣ при свѣтѣ спичекъ и съ трудомъ оглядѣвъ положеніе мѣста, устроился попрочнѣе и подалъ мнѣ руку. Со всею осторожностью я повернулся немного, прилегъ грудью на верхнюю ступень, приподнялъ ноги и, наконецъ, всталъ на болѣе прочную плиту.

— Слава Богу! сказали мы оба.

— Что же тутъ такое? спросилъ Зиновьевъ.

— А Богъ знаетъ! лѣстницы дальше нѣтъ.

— Да куда же она дѣвалась?

— Или вывѣтрилась, или ее и не было дальше. Вотъ попробуемъ.

Я подобралъ нѣсколько камней и началъ кидать внизъ: всѣ они летѣли довольно долго и булькали въ воду...

— Это чортъ знаетъ что такое! сказалъ Зиновьевъ.

— Очевидно тутъ никогда и не было лѣстницы, сказалъ я.

— А эти-то, верхнія ступени зачѣмъ?

— Это трудно сказать. Можетъ быть онѣ кончались площадкой и вся эта башня служила колодцемъ для добыванія воды; а можетъ быть сюда кидали осужденныхъ, своихъ или плѣнныхъ непріятелей; мало ли что дѣлалось въ старину!

Мы поднялись наверхъ и какъ я былъ радъ увидѣть опять этотъ свѣтъ, это солнце, съ которыми чуть было не разстался навсегда!

— Что вы тамъ нашли? спросилъ комендантъ.

Я разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Это очень хорошо, сказалъ онъ.—Въ случаѣ осады вы будете знать гдѣ можно воду добыть. Только надо разслѣдовать какая тамъ вода: колодезная или рѣчная.

— Слушаю, ваше превосходительство, я разслѣдую.

— Да, да, и доложите мнѣ.

Окончивъ обходъ крѣпости и предложивъ мнѣ представить свои соображенія о ея вооруженіи, комендантъ направился домой, а Зиновьевъ мигнулъ мнѣ чтобъ я остался.

— Ну что скажете, другъ мой? спросилъ онъ взявъ меня подъ руку и направляясь къ баракамъ ополченцевъ.

— Откровенно скажу вамъ, полковникъ, что если сюда явятся англичане (въ возможность чего, впрочемъ, я не вѣрю), то нѣсколькихъ выстрѣловъ ихъ будетъ достаточно, чтобы подъ развалинами этихъ стѣнъ похоронить весь вашъ батальонъ.

Зиновьевъ нахмурился.

— Хоть я въ инженерномъ дѣлѣ и ничего не понимаю, сказалъ онъ,—но это самое и мнѣ казалось. Что же вы думаете дѣлать?

— Рѣшительно не знаю. Комендантъ хочетъ, какъ вы слышали, укрѣпить и вооружить эту развалину, а по-моему отсюда надо вывести вашъ батальонъ, уничтожить бараки и предоставить эти стѣны англичанамъ, еслибъ они ухитрились какъ-нибудь сюда забраться: тогда десяткомъ выстрѣловъ изъ Нарвы мы засыплемъ ихъ каменьями. Да впрочемъ, едва-ли и они будутъ такъ глупы чтобы засѣсть въ эту вѣрную могилу.

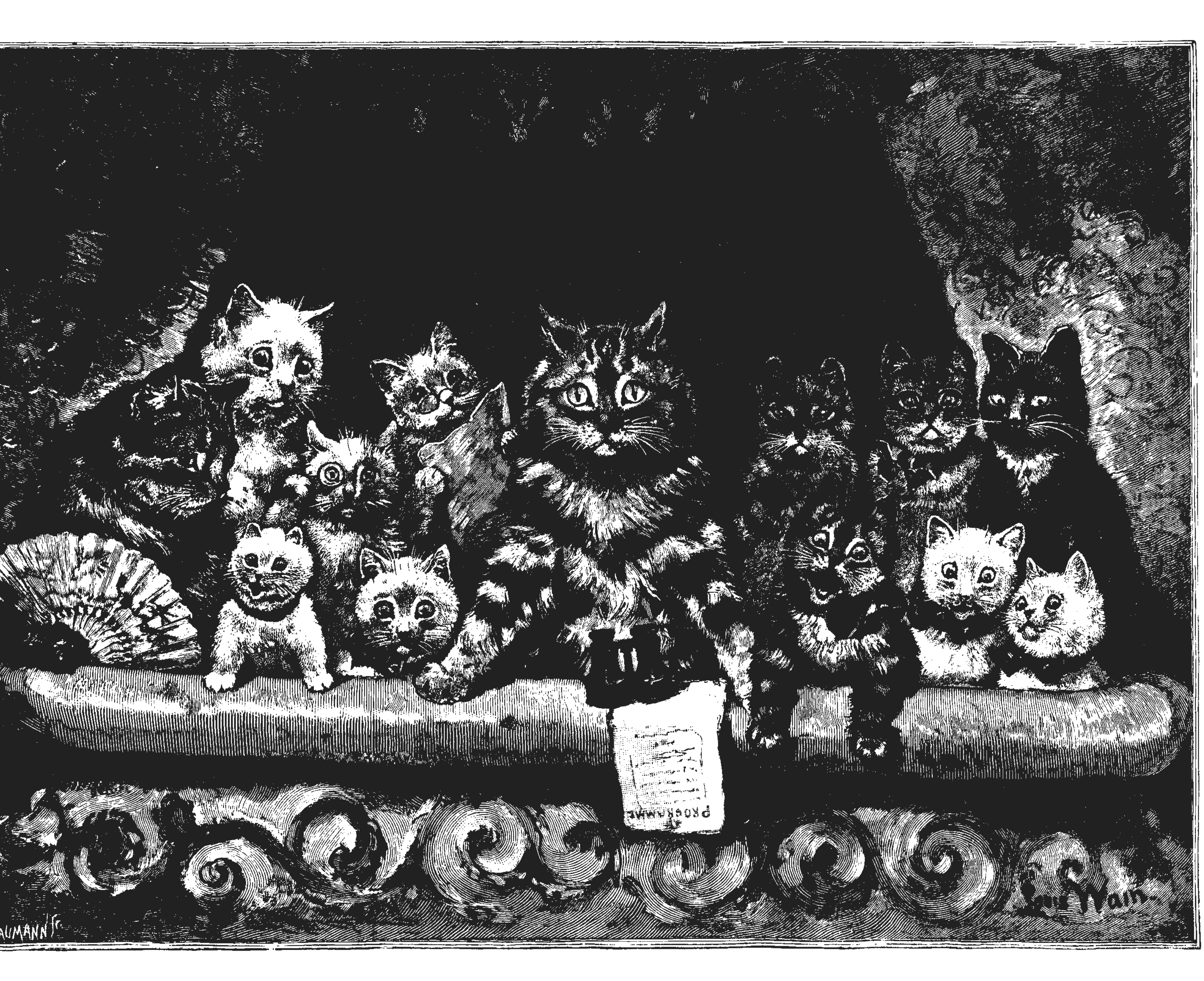
— Любопытно, какія же соображенія вы представите коменданту?

— Да вотъ такія и представлю, а васъ, полковникъ, попрошу поддержать меня.

— О, въ этомъ не сомнѣвайтесь. Я уже и раньше говорилъ объ этомъ, но, не имѣя инженера, не рѣшался настаивать, а теперь, съ вашею поддержкой, буду говорить смѣлѣе.

Говоря такимъ образомъ, мы подошли къ развалинамъ церкви. Это очень небольшой храмъ, сохранившійся лучше крѣпостныхъ стѣнъ. Ни дверей, ни оконъ, конечно, не было, только отверстія для нихъ. Внутри я замѣтилъ въ стѣнѣ вывалившійся камень и всунулъ туда руку: оказалось что вывалившійся камень прикрывалъ какую-то искусственную пустоту, шедшую вдоль стѣны. Засунувъ руку какъ можно дальше я нащупалъ человѣческія кости и вытащилъ сначала черепъ, а потомъ кусокъ плечевой кости.

Черепъ былъ старый, съ тремя всего зубами и съ трехугольнымъ проломомъ въ теменной кости, какъ бы отъ удара трехграннымъ оружіемъ. Кому онъ принадлежалъ? Кто былъ замуравленъ въ этой церковной стѣнѣ? Вотъ любопытные вопросы, на которые негдѣ было найти отвѣта. Всего вѣроятнѣе предположить, что это былъ какой-нибудь или воевода, защитникъ



Кисеньки въ театрѣ: трагедія. Рис. англ. художн. Уайна, грав. Науманъ.

Кисеньки въ театрѣ: комедія. Рис. англ. художн. Уайна, грав. Пауманъ.

крѣпости, или вообще знатное и почетное лицо, убитое въ одной изъ битвъ съ ливонцами, котораго благодарные современники похоронили въ церкви.

На другой день я отправился къ коменданту и вмѣсто всякихъ проектовъ объ укрѣпленіи Иванъ-города, высказалъ ему то же что Зиновьеву, полагая что онъ благоразумно согласится со мною. Но онъ не только не согласился, но еще разсердился.

— Какъ вы можете такъ говорить? почти кричалъ онъ на меня.—Вы совершенно понятія не имѣете объ осадѣ крѣпостей! Какъ можно передъ самой крѣпостью, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, оставить для непріятеля такое прикрытіе какъ толстыя каменныя стѣны Иванъ-города?

— Но, ваше превосходительство, эти стѣны развалятся отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ... пробовалъ я возразить.

— Какъ развалятся? Отчего развалятся? Никогда не развалятся! Столько вѣковъ простояли, а теперь вдругъ развалятся!

— Въ старину не было такихъ орудій, какія у насъ... Иванъгородъ представляетъ обширную цѣль, въ которую можно бить изъ-за пяти верстъ.

— Что̀ вы мнѣ говорите! Тутъ надо подвезти осадныя орудія, а откуда ихъ возьмутъ англичане? Во всякомъ случаѣ не ваше дѣло разсуждать—нужно или не нужно что̀-нибудь дѣлать, а исполнять то что̀ приказываютъ...

— Извольте, я составлю проектъ какъ укрѣпить стѣны чтобъ онѣ не развалились, но это будетъ очень дорого стоить...

— Когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, то о расходахъ не говорятъ! На-дняхъ сюда пріѣдетъ изъ Петербурга начальникъ инженернаго штаба, генералъ Цурмиленъ, вы знаете его, надѣюсь?

— Имѣю честь.

— Такъ вотъ что̀... мы подождемъ лучше его пріѣзда и тогда поговоримъ. Ступайте!

„Съ этого-бы и начать“, невольно подумалъ я, раскланиваясь съ комендантомъ.

Въ Нарвѣ я вращался въ двухъ, совершенно различныхъ обществахъ. Одно изъ нихъ было общество офицеровъ ополченскаго батальона Зиновьева, состоявшее въ большинствѣ изъ богатыхъ петербургскихъ дворянъ, съ ихъ семействами. Другое—общество офицеровъ другихъ родовъ оружія: саперовъ, артиллеристовъ, мѣстныхъ инженеровъ, пѣхотнаго полка стоявшаго въ Нарвѣ и гарнизонныхъ. Понятно что всѣ эти послѣдніе были люди бѣдные, жившіе на одно казенное содержаніе, совсѣмъ съ другими понятіями, взглядами и привычками (хотя и въ ополченіи было нѣсколько офицеровъ незнатныхъ и бѣдныхъ, державшихся въ сторонѣ отъ своихъ богатыхъ сослуживцевъ).

Каждый день былъ для меня настоящимъ праздникомъ. Бывало, не успѣешь утромъ глаза продрать, какъ уже является отъ кого-нибудь посыльный, или письмо, или даже готовый экипажъ, съ приглашеніемъ то на завтракъ, то на обѣдъ, то на вечеринку, то на загородную прогулку, то, наконецъ, на охоту. Охота была любимѣйшимъ развлеченіемъ Зиновьева, и онъ ихъ устраивалъ довольно часто, на зайцевъ или на медвѣдя. Собиралась большая компанія, верхами, за нѣсколько верстъ отъ города, въ какое-нибудь мѣсто гдѣ уже заранѣе была приготовлена облава, и куда отправлялась еще наканунѣ прислуга съ поварами. Поручикъ Семевскій, очень полный, даже тучный мужчина, хотя и молодой, ѣздилъ обыкновенно въ коляскѣ, въ которой и оставался все время охоты, съ ружьемъ въ рукѣ, чѣмъ не мало смѣшилъ записныхъ охотниковъ. Онъ всегда увѣрялъ что будетъ стрѣлять только по тому зайцу, который самъ прискочитъ къ коляскѣ, ибо заяцъ не стоитъ того, чтобы изъ-за него безпокоить свои благородныя ноги.

На одной изъ этихъ охотъ мы расположились въ канавѣ, вдоль шоссе, такъ какъ съ противуположной стороны облавщики гнали на насъ зайцевъ. Я стоялъ за кучею камня, приготовленнаго для ремонта дороги. Вдругъ слышу съ правой руки у себя выстрѣлъ: изъ лѣсу выскочилъ заяцъ и поскакалъ вдоль шоссе, въ мою сторону. Я поднялъ ружье, готовясь выстрѣлить. Но добѣжавъ до меня, по другой сторонѣ шоссе, заяцъ вдругъ остановился, сѣлъ на заднія лапы, и передними началъ махать на меня... Я было хотѣлъ выстрѣлить, но не хватило духу: какъ убить невиннаго звѣренка, который какъ будто проситъ пощады? Ружье у меня опустилось; это движеніе спугнуло зайца и онъ поскакалъ далѣе, все по шоссе. Раздался одинъ выстрѣлъ, другой, третій... съ замираніемъ сердца я слѣдилъ за участью моего пріятеля, но, къ великому моему удовольствію—заяцъ удралъ цѣлый и невредимый. Охотники сдѣлавшіе промахи (хотя промахнуться было очень трудно на такомъ близкомъ разстояніи, черезъ шоссе) сорвали свою злобу на мнѣ.

— Какъ-же вы не стрѣляли, когда онъ сидѣлъ прямо противъ васъ? кричали они на меня.

— Да вѣдь лежачаго не бьютъ, господа, отвѣчалъ я.—А вотъ какъ вы-то промахнулись на разстояніи трехъ саженъ?

— Я не ожидалъ его увидѣть передъ собой, отвѣчалъ стоявшій ближе другихъ ко мнѣ.

— А я стрѣлялъ уже въ догонку, оправдывался другой.—Но вамъ-то непростительно!

— Мнѣ было-бы непростительно промахнуться, но я вовсе не стрѣлялъ, потому-что не хотѣлъ! Что за удовольствіе убить сидячаго зайца, въ двухъ шагахъ отъ ружья. Это была-бы ужь не охота, а бойня.

Споры эти прекратилъ Зиновьевъ, сказавъ что на моемъ мѣстѣ онъ поступилъ-бы точно также. Въ добрый часъ!

Другой разъ мы поѣхали на медвѣдя. Зиновьевъ, зная что я еще никогда не бывалъ на такой охотѣ, приставилъ ко мнѣ мужика, стараго и опытнаго охотника, приказавъ ему не отходить отъ меня ни на шагъ. Этотъ мужиченко былъ замѣчательный охотникъ. На правой рукѣ у него не было четырехъ пальцевъ, отгрызенныхъ когда-то медвѣдемъ, съ которымъ онъ боролся. Ружье у него было самодѣльное: гдѣ-то онъ добылъ одинъ стволъ, безъ приклада и ложа, и самъ къ нему придѣлалъ веревками какую-то палку, даже не изогнутую, и съ этою-то пищалью хаживалъ одинъ бить медвѣдей!

— Я, вашеско благородіе, говорилъ онъ мнѣ,—поставлю тебя въ такое мѣсто, куда медвѣдь безпремѣнно выйдетъ...

— А ты почемъ знаешь гдѣ онъ выйдетъ?

— Какъ-же мнѣ-то не знать? Вѣдь это я высмотрѣлъ его и далъ знать вашему полковнику. Станемъ вонъ тутъ. Какъ облавщики загогочатъ, онъ безпремѣнно выйдетъ вонъ изъ-за этого куста. Онъ теперь, каналья, на полѣ, овесъ сосетъ, а приходитъ вонъ изъ того лѣса. Ему какъ разъ тутъ дорога домой. Только въ лобъ не пали, а надо выждать когда ёнъ подниметси на заднія лапы, тогда и норови въ самое сердце.

— А если онъ не поднимется?

— Безпремѣнно поднимется, потому какъ у него сноровка такая чтобы обланить.

Мы стали и ждемъ. Издали слышались крики облавщиковъ, все ближе и ближе. Мужиченко мой внимательно прислушивался ко всякому звуку и всматривался въ кустарникъ.

— Идетъ, шепнулъ онъ мнѣ, немного погодя.

Дѣйствительно, я увидалъ медвѣдя, довольно небрежно подвигавшагося на насъ между кустами, то скрываясь за ними, то снова показываясь. Видимо недовольный что его потревожили за вкуснымъ завтракомъ, онъ шелъ глухо ворча и поворачивая голову то вправо, то влѣво.

— Готовь ружье, снова шепнулъ мой охотникъ.

Я осмотрѣлъ капсюль и взвелъ курокъ. Медвѣдь замѣтилъ насъ и остановился. Это былъ небольшой звѣрь, такъ-называемый овсянникъ, бурый и неопрятно лохматый. Поглядѣвъ на насъ немного, сидя на заднихъ лапахъ, онъ заворчалъ и пошелъ снова впередъ. Я было прицѣлился.

— Что̀ ты дѣлаешь? Нельзя еще стрѣлять! Забылъ? шепотомъ крикнулъ на меня мужиченко.—Подожди когда будетъ ближе!

Медвѣдь былъ всего въ тридцати шагахъ. Какой-же еще близости ожидать? Но я послушался и не спустилъ курка. Тогда медвѣдь поднялся на заднія лапы, смѣшно перекачиваясь съ-боку-на-бокъ, полѣзъ прямо на меня, растопыривъ переднія лапы, которыми готовился принять меня въ свои нѣжныя объятія.

— Пали! шепнулъ мнѣ мой менторъ.

Увы! Я нацѣлился, но ружье у меня качалось и я потерялъ всякое понятіе о томъ что̀ мнѣ надо дѣлать? Еслибъ я былъ одинъ, то вѣроятно медвѣдь такъ и обланилъ-бы меня, вмѣстѣ съ ружьемъ. Я не сдѣлалъ выстрѣла даже тогда, когда онъ былъ отъ меня въ трехъ шагахъ... но въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ изъ-подъ моей руки и медвѣдь кувырнулся вверхъ тормашкой...

— Ишь ты, какая исторія, проговорилъ мой охотникъ.—Что-жь ты не палилъ въ его?

— Чортъ знаетъ что̀ такое! сказалъ я въ свою очередь, опуская ружье.—На меня столбнякъ нашелъ.

— Столбнякъ и есть. Это бываетъ, вашеско благородіе, спервоначалу; опосля пріобыкнешь и обойдешься. И медвѣженокъ-то неважный, сказалъ онъ подходя къ покойнику и поворачивая его съ-боку-на-бокъ.—А ловко я хватилъ, какъ разъ въ самое сердце, не шелохнулся даже. Что, братъ, не будешь больше по овсамъ ходить? Шабашъ теперь! О-го-го-го! закричалъ онъ.

По его крику замолкли крики облавщиковъ и къ намъ стали собираться охотники. Нѣкоторые, вполнѣ увѣренные что это я убилъ медвѣдя, начали поздравлять меня съ успѣхомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ былъ ихъ разочаровать, откровенно разсказавъ, какъ было дѣло.

Прислуга разостлала на мѣстѣ ковры, разставила посуду, бутылки, и мы усѣлись завтракать, причемъ, конечно, я служилъ мишенью для всевозможныхъ шутокъ и остротъ. Но дѣлать было нечего и надо было терпѣливо отбояриваться отъ вполнѣ заслуженной атаки острякковъ...

(Продолженіе будетъ).

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

I.

Изъ мѣднаго жерла пушки съ форта Принцъ Фридрихъ въ Вельтевреденѣ — одномъ изъ европейскихъ кварталовъ Батавіи, главнаго города острова Явы — раздается выстрѣлъ, возвѣ-

щающій приближеніе ночи, и оглушительно раскатываясь, проносится надъ волнующеюся поверхностью Зондскаго пролива.

Прибрежье Малайскаго архипелага еще покоится въ солнечномъ сіяніи. Умирающій день еще не перестаетъ окрашивать алымъ румянцемъ воды продолговатаго залива. Горизонтъ блещетъ золотомъ и пурпуромъ. Дивный ландшафтъ залитъ роскошными красками и сверкаетъ очаровательными переливами свѣта.

Томительно жарко: такого дня еще не было съ начала бездожднаго сезона 1859 г. На Батавскомъ рейдѣ величаво покоится на якорѣ вновь прибывшая изъ Гамбурга трехмачтовая шкуна „Сиріусъ“. Отъ массивнаго корпуса судна отдѣляется шлюпка и, движимая сильными ударами веселъ, направляется къ пристани.

Гребутъ два дюжихъ матроса и шлюпка постепенно приближается къ цѣли. У руля, подъ парусиннымъ навѣсомъ, сидитъ владѣлецъ шкуны, широкоплечій, плотный, но хорошо сложенный мужчина. Къ нему очень присталъ свѣтлый, соотвѣтственно климату легкій костюмъ, состоящій изъ бѣлыхъ панталонъ и жилета, желтой шелковой куртки и круглой, съ широкими полями, бѣлой соломенной шляпы. „Славный малый съ громовымъ голосомъ и стойкимъ, какъ скала, сердцемъ“ — такъ однажды кто-то характеризовалъ капитана Бастіана. И дѣйствительно, стоило только взглянуть на него, чтобы согласиться съ этимъ: его открытое, смуглое лицо съ курчавой бородкой дышало истиннымъ мужествомъ и непреклонной рѣшимостью.

Капитанъ сидѣлъ погруженный въ задумчивость. Его ясные, проницательные глаза, лишь изрѣдка, обращались въ сторону гавани, отыскивая зданіе таможни, и тогда рука его слегка налегала на руль, чтобъ сообщить лодкѣ еще болѣе правильное движеніе и вѣрнѣе направить ее къ цѣли, которой и безъ того, почти съ непогрѣшимой точностью держались его „молодцы“.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, вода становилась мутнѣе, а воздухъ тяжелѣй и удушливѣе. Шлюпка, скользя мимо столпившихся въ устьѣ рѣки китайскихъ джонокъ, въ заключеніе врѣзалась въ грязныя, коричневаго цвѣта струи канала, соединяющаго морской берегъ съ рейдомъ.

Пылающій дискъ солнца медленно погрузился въ волны. Точно на прощанье ему, съ расположенныхъ на рейдѣ судовъ послышался дребезжащій звукъ колоколовъ. Шлюпка тихо причалила къ пристани.

— Здорово оставаться, ребята! выйдя на берегъ крикнулъ капитанъ Бастіанъ матросамъ, которые немедленно поплыли къ „Сиріусу“.

Къ капитану подошли два таможенные чиновника. Онъ отстранилъ ихъ улыбкой и легкимъ пожатіемъ плечъ и торопливо направился къ стоявшему по близости старомодному наемному экипажу.

Извощикъ, толстый малаецъ, въ длинномъ красно-синемъ балахонѣ и щитообразной, черной съ золотымъ позументомъ, лакированной шляпѣ, глубокимъ сномъ покоился на козлахъ. Онъ проснулся только, когда капитанъ Бастіанъ сильно потрясъ его за плечо.

— Ступай на Муленвліетъ, въ гостиницу „Для моряковъ“! Понимаешь? сказалъ капитанъ довольно бѣгло по-малайски.

— Sayah tawan, слушаю, господинъ! пробормоталъ разбуженный. Онъ съ перепугу выпустилъ изо рта трубку, поискалъ ее, потомъ задергалъ возжами и сталъ понукать своихъ тощихъ клячъ.

Со скрипомъ и визгомъ покатилась наемная коляска, вздымая по дорогѣ клубы пыли.

Тѣмъ временемъ на горизонтѣ потухли послѣдніе лучи солнца и почти мгновенно наступила ночь. Кротко засіяли звѣзды и мягкій, но сильный свѣтъ луны, подобный которому можно видѣть только подъ тропиками, дрожащимъ блескомъ озарилъ окрестность. Появились миріады, будто теперь только вызванныхъ къ жизни, сверчковъ, лягушекъ и ящерицъ. Улицы города огласились однообразнымъ жужжаніемъ безчисленнаго множества насѣкомыхъ.

Коляска миновала расположенное на обширной лужайкѣ, среди гигантскихъ банановъ, огромное зданіе ратуши въ старо-голландскомъ стилѣ, проѣхала нѣсколько пыльныхъ улицъ съ тѣсными рядами полуразвалившихся лачугъ, украшенныхъ разнообразными надписями, и свернула на пустынную, песчаную дорогу, вдоль мутнаго канала.

То былъ Китайскій кварталъ Батавіи. Справа по улицѣ тянулись низенькія, деревянныя строенія съ крошечными отверстіями въ видѣ оконъ. Почти надъ каждой дверью торчали ярко-красныя бумажныя вывѣски, а на нихъ рѣзко выдѣлялись въ лунномъ свѣтѣ буквы китайскаго письма. На заднемъ планѣ живописно рисовались на темно-синемъ небѣ стройныя пальмы съ неподвижными, вѣерообразными листьями и кокосовыми орѣхами на верхушкахъ. По мѣрѣ приближенія къ европейскому кварталу, улицы становились оживленнѣе. Вотъ и молъ съ нарядными виллами. Мимо мчатся щегольскіе экипажи; ихъ сопровождаютъ слуги съ горящими факелами. Они то и дѣло обгоняютъ дребезжащій извощичій рыдванъ. Капитанъ Бастіанъ уже видитъ издали большое, опоясанное широкой верандой бѣлое зданіе, въ окнахъ котораго, отражаясь, дробится лунный свѣтъ.

Еще немного, колеса его экипажа заскрипѣли по свѣжему неукатанному щебню и онъ остановился у воротъ гостиницы „Для моряковъ“.

Изъ тѣни зеленой бесѣдки вынырнулъ малайскій слуга, но не успѣлъ подбѣжать къ коляскѣ, какъ изъ нея уже выскочилъ капитанъ Бастіанъ, торопливо расплатился съ извощикомъ и направился въ гостиницу.

Пройдя веранду, онъ вступилъ въ просторную, вымощенную мраморными плитами, прохладную залу. Тамъ привѣтствовалъ его хозяинъ — дородный мужчина въ бѣломъ костюмѣ.

— Добро пожаловать въ Батавію, капитанъ! Вы, если не ошибаюсь, еще третьяго дня прибыли?

— Такъ точно, подтвердилъ капитанъ Бастіанъ, превосходно выражаясь по-голландски: — но меня задержали на суднѣ дѣла. Готова моя комната?

— Какъ-же, капитанъ, давно готова! И сундуки ваши — ихъ привезли сегодня въ полдень — тамъ.

Хозяинъ указалъ на примыкавшую къ залѣ открытую галерею, гдѣ въ боковыхъ пристройкахъ были расположены нумера для пріѣзжихъ.

— Довольны вы нынче вашимъ плаваніемъ, капитанъ?

— Мы на этотъ разъ пробыли въ морѣ ровно сто дней.

— Сто! Гм!.. долгонько! Вы не находите, капитанъ?

— Да: вѣтеръ все время былъ непопутный. Предпослѣдній рейсъ „Сиріусъ“ совершилъ всего въ девяносто дней.

— Какъ время-то идетъ: еще года какъ не бывало! Гамбургъ— Батавія, Батавія — Гамбургъ: все одна и та же пѣснь, капитанъ! Вѣдь вы уже шестой разъ мой гость, не правда-ли?

— Седьмой! поправилъ капитанъ. — Я изъ-году-въ-годъ уже седьмой разъ подъ-рядъ совершаю это плаваніе.

Хозяинъ улыбнулся и одобрительно кивнулъ головой.

— Вы, замѣтилъ онъ, — и нынче останетесь нами довольны, капитанъ. Вы опять недѣль шесть пробудете здѣсь?

— Врядъ-ли. Мнѣ для выгрузки вполнѣ достаточно четырнадцати дней, а на обратный путь я намѣренъ взять грузъ олова и индиго: съ нимъ не долго справиться. Но кто на этотъ разъ будетъ мнѣ здѣсь служить? Нельзя-ли, чтобы опять Кетгилъ?

— Къ сожалѣнію, никакъ нельзя, капитанъ.—Кетгилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ служитъ вашему соотечественнику, господину Гроттеру...

— А!.. какъ поживаетъ Гроттеръ? оживляясь перебилъ капитанъ словоохотливаго хозяина.

— Прекрасно! съ самодовольной улыбкой отвѣчалъ тотъ: — мои гости всегда отлично себя чувствуютъ, какъ вамъ извѣстно, капитанъ. Но господинъ Гроттеръ съ нетерпѣніемъ васъ ожидаетъ. Вы найдете его въ галереѣ: онъ, вѣроятно, теперь тамъ одинъ.

— Я радъ буду свидѣться съ нимъ, проговорилъ капитанъ и направился въ галерею.

Тамъ дѣйствительно почти никого не было. Капитанъ сталъ озираться. Вдругъ, съ одной изъ качалокъ быстро поднялся молодой человѣкъ и радостно, торопливо, уже издали протягивая ему обѣ руки, устремился навстрѣчу къ вошедшему.

Гербертъ Гроттеръ былъ почти цѣлой головой выше капитана Бастіана, плотная фигура котораго раздалась больше въ ширину. Легкій, бѣлый костюмъ отлично обрисовывалъ его мощную фигуру, которая, вмѣстѣ со свѣжимъ, полнымъ лицомъ, свидѣтельствовала о здоровьѣ, не поддававшемся вредному вліянію климата. Выразительные глаза смотрѣли открыто и весело, а длинная, пепельнаго цвѣта борода и такіе же волосы — слегка волнистые и безъ пробора на лбу — живописно обрамляли его смуглое лицо, сильно загорѣлое послѣ годоваго пребыванія подъ тропическимъ солнцемъ.

Гамбургскій уроженецъ, Гербертъ Гроттеръ происходилъ изъ почтенной купеческой семьи. Въ Батавію онъ пріѣхалъ съ сильной рекомендаціей и поступилъ волонтеромъ въ старинный торговый домъ, подъ фирмою „Таддеусъ Аделунгъ и К°“. Онъ хотѣлъ лично, на мѣстѣ ознакомиться съ торговымъ и промышленнымъ положеніемъ Явы: это было весьма важно, почти необходимо, для будущаго главы обширнаго торговаго предпріятія въ Гамбургѣ. Въ виду этого, и престарѣлые родители Герберта не противились тягостной для нихъ разлукѣ съ единственнымъ сыномъ. Они вполнѣ полагались на его характеръ и желѣзное здоровье. Молодой человѣкъ съ дѣтства отличался отвагой и обнаруживалъ страсть къ опаснымъ, почти безумнымъ предпріятіямъ, къ которымъ его неодолимо влекли избытокъ энергіи и сознаніе собственной силы. Это не могло подъ-часъ не смущать его родителей, но съ другой стороны они были увѣрены въ томъ, что здравый смыслъ и доброе сердце ихъ любимца никогда не допустятъ его ни до нравственной, ни до физической гибели.

Съ теченіемъ времени, однако, разлука показалась имъ ужъ черезчуръ продолжительною и они стали звать сына обратно. Капитанъ Бастіанъ собирался въ новое плаваніе и они ему поручили подвигнуть Герберта на немедленное возвращеніе домой — съ первымъ же отплывающимъ въ Гамбургъ пароходомъ. Родители молодого человѣка тѣмъ сильнѣе добивались этого, что, по послѣднимъ письмамъ сына, заподозрили его въ нѣжной страсти и въ помыслахъ о бракѣ, на который едва-ли

могли бы дать свое согласіе. Зная, какое вліяніе имѣлъ на Герберта капитанъ Бастіанъ, они во всемъ на него положились.

Капитанъ дружески отвѣчалъ на нѣсколько шумное привѣтствіе Герберта и немедленно сообщилъ ему и о желаніи его родителей, и объ ихъ опасеніяхъ. Собесѣдники стояли рядомъ, опираясь о перила галереи, и капитанъ пытливо смотрѣлъ въ глаза своему молодому пріятелю: Гербертъ былъ лѣтъ на двадцать моложе его.

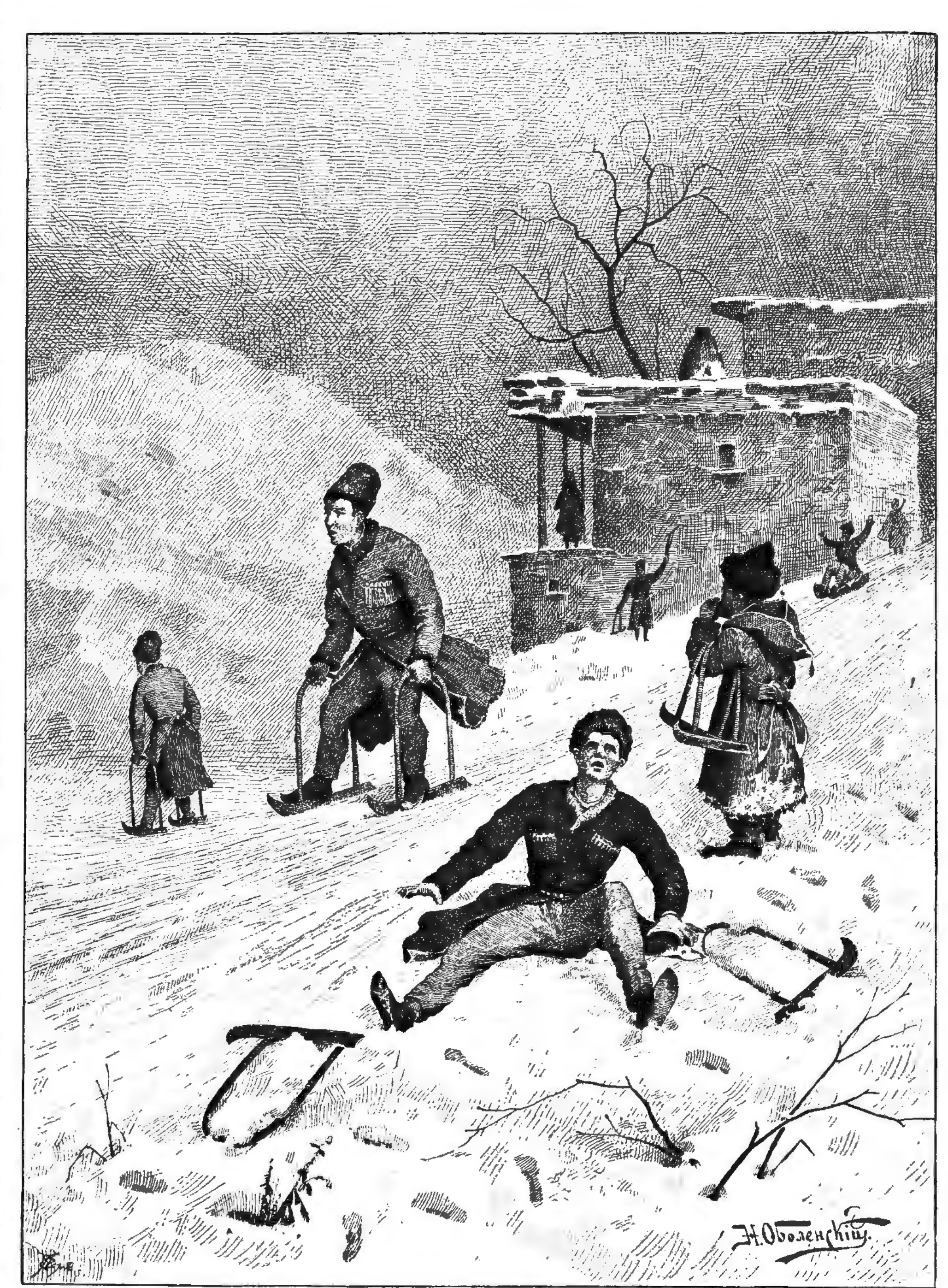
Атлетическая, но изящная наружность молодаго Гроттера, а всего больше простота и искренность его обращенія сразу расположили въ его пользу обычно сдержаннаго моряка. Между обоими, въ предшедшее пребываніе капитана въ Батавіи, завязалась дружба, которая, при значительной разницѣ лѣтъ, хотя и была далека отъ юношескаго пыла, тѣмъ не менѣе прочно покоилась на взаимномъ довѣріи и уваженіи, свойственномъ только натурамъ честнымъ и возвышеннымъ.

Капитанъ Бастіанъ прямо, безъ околичностей, передалъ Герберту порученіе родителей, вполнѣ увѣренный, что и отъ него получитъ не менѣе прямой и откровенный отвѣтъ.

Гербертъ спокойно выдержалъ испытующій взглядъ друга и только на губахъ его мелькнула слегка смущенная улыбка.

— Никому, кромѣ васъ, капитанъ, да развѣ моихъ родителей, не позволилъ бы я коснуться этого вопроса... началъ онъ послѣ продолжительной паузы.

— Значитъ ваши родители правы? Ихъ опасенія основательны? съ участіемъ перебилъ его капитанъ.



Зимнія забавы осетинской молодежи. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

— Нисколько: все это уже давно прошло! съ горечью возразилъ Гербертъ. — Пусть успокоятся мои родители: имъ больше нечего бояться. На мое счастье, у меня во время открылись глаза. Кстати, не были ли вы здѣсь знакомы съ семействомъ Франсенъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Не стоитъ сожалѣнія, съ горькой усмѣшкой возразилъ Гербертъ. — Глава семейства, годъ тому назадъ, объявилъ себя банкротомъ и застрѣлился. Онъ постыдно велъ дѣла. Къ несчастью, я слишкомъ поздно о томъ узналъ, иначе поостерегся бы и не завязалъ, по примѣру большинства здѣшней молодежи, сношеній съ его семьей. Франсены жили очень открыто. Но никому изъ насъ и въ голову не приходило, что мы забавляемся на счетъ ихъ обманутыхъ довѣрителей. Вдова и дочь банкрота остались, послѣ постигшей ихъ катастрофы, буквально съ тѣмъ только, что было на нихъ: онѣ рѣшительно все потеряли. О нихъ жалѣли, но никто не пришелъ къ нимъ на помощь — никто, кромѣ одного — и этотъ одинъ, былъ я, капитанъ. Дочь, уже до меня, многимъ кружила голову. Она ослѣпительно хороша, но у ней нѣтъ ни сердца, ни тѣни честности — какъ мнѣ пришлось нѣсколько поздно убѣдиться. То же самое слѣдуетъ сказать и о матери, которая на красотѣ дочери строила всю ея будущность и безсовѣстно ставила ее на карту...

— А какъ было дѣвичье имя вдовы Франсенъ? перебилъ Герберта капитанъ: — не Рюйтеръ-ли она урожденная?

— Такъ точно. А вы почемъ знаете?

— Я былъ знакомъ съ ея братомъ Корнеліемъ, старымъ Рюйтеромъ, который уже лѣтъ пять тому назадъ умеръ. Онъ долго здѣсь жилъ и здѣсь нажилъ себѣ состояніе. Я познакомился съ нимъ въ мой первый пріѣздъ сюда. Первоначально дѣла насъ свели, но мы скоро сблизились подъ вліяніемъ взаимной симпатіи. Пріѣзжая сюда, я, въ теченіе двухъ лѣтъ, бывалъ почти ежедневнымъ гостемъ его.

— Значитъ вы знакомы и съ его женой — со вдовой ванъ-Рюйтеръ? живо спросилъ Гербертъ.

— И очень коротко! подтвердилъ капитанъ. — Она взяла съ меня слово, что я въ каждый мой пріѣздъ въ Батавію непремѣнно буду навѣщать ее. Но, развѣ вы не помните, какъ я въ прошломъ году хотѣлъ васъ познакомить съ ней, а вы отказались, подъ предлогомъ, что у васъ и безъ того множество знакомыхъ?

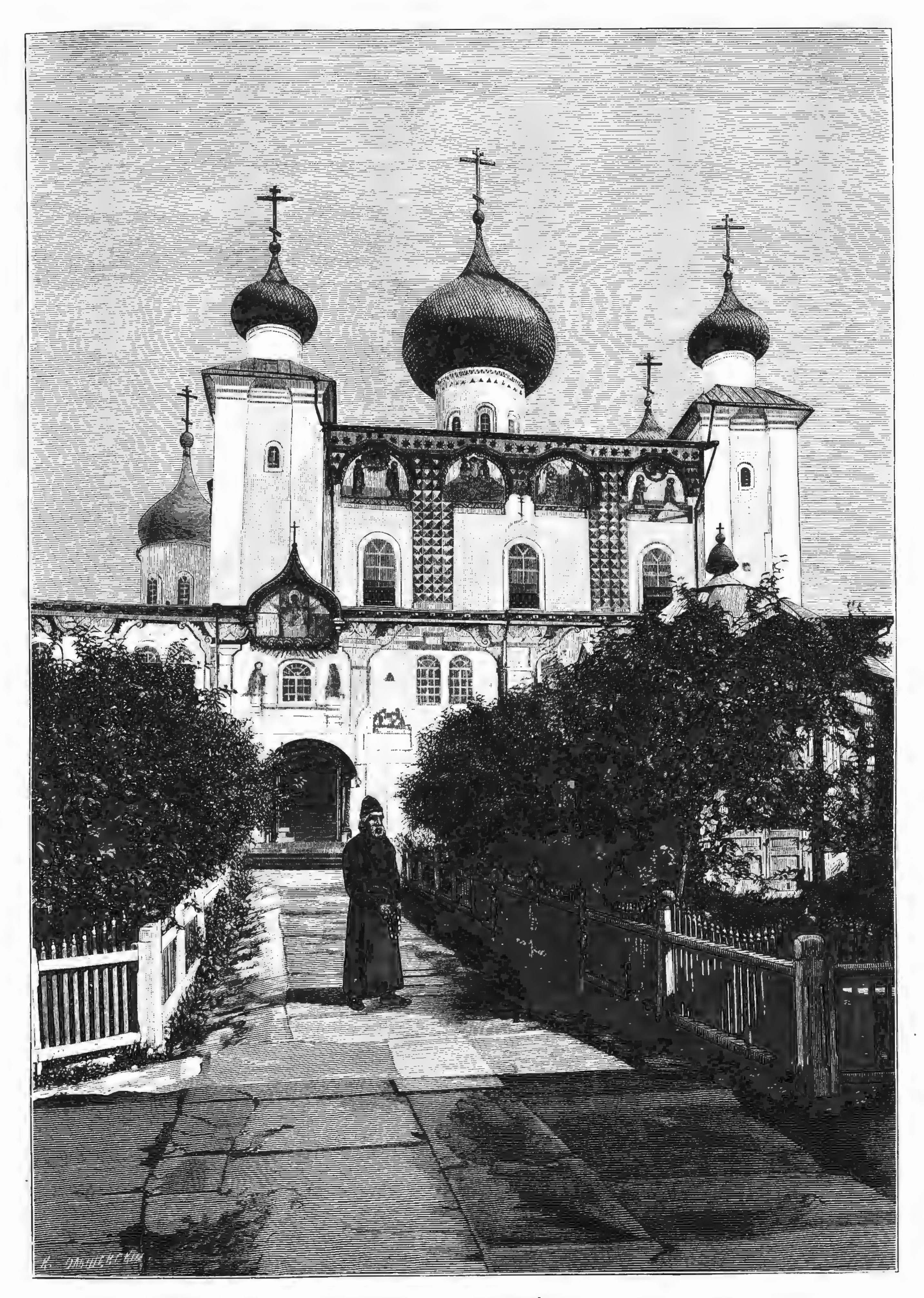
— Я и не подозрѣвалъ, что тогда дѣло шло о свояченицѣ Франсеновъ! Вы, конечно, знаете, что вдову ванъ-Рюйтеръ на Королевской площади величаютъ отшельницей? Нѣтъ? Это меня удивляетъ. Вилла ея совсѣмъ заглохла, а садъ превратился въ настоящій тропическій дѣвственный лѣсъ.

— Такъ было уже и въ прошломъ году. Госпожа ванъ-Рюйтеръ со смерти мужа ведетъ очень уединенную жизнь.

— Ее никто не видитъ. Она не имѣетъ никакихъ сношеній даже съ Франсенами: но этого я, конечно, не поставлю ей въ вину. Она, можетъ быть, и знаетъ, какъ недружелюбно относятся къ ней сестра ея покойнаго мужа и дочь послѣдней.

— Въ самомъ дѣлѣ? А какъ удивились бы Франсены, мать и дочь, еслибъ узнали то, что извѣстно только мнѣ, да вдовѣ покойнаго Рюйтера!

— Вы очень таинственно улыбаетесь, капитанъ, замѣтилъ Гербертъ, — но это меня, честное слово, нисколько не тро-



Видъ собора въ Соловецкомъ монастырѣ. Съ фот. грав. Ольшевскій.

гаетъ. Я не нарадуюсь, что мои старанія забыть Франсеновъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

— Но вѣдь вы любили же молодую дѣвушку? спросилъ капитанъ.

— Ни чуть не бывало! съ жаромъ воскликнулъ Гербертъ: — да и сама красавица не способна ни на какую привязанность. Я уже говорилъ, что послѣ банкротства и смерти самого Франсена, его вдова и дочь остались совсѣмъ безъ средствъ. Не хотѣла имъ помочь госпожа ванъ-Рюйтеръ, или къ ней не обращались за помощью — я не знаю. Только мнѣ вдругъ стало ужасно жаль бѣдныхъ и, я долженъ признаться, мать сумѣла въ теченіе немногихъ недѣль выманить у меня нѣсколько тысячъ гульденовъ. Она должно-быть знала, что я могу свободно располагать значительнымъ имуществомъ, недавно доставшимся мнѣ отъ дѣда. Не ускользнуло отъ нея и участіе, какое мнѣ внушала ея дочь. Эти два мотива и были двигателями всѣхъ ея поступковъ. Въ одинъ прекрасный день она мнѣ призналась, что ея дочь меня любитъ, а сама она благосклонно относится къ моему ухаживанью, тѣмъ болѣе, что мы, благодаря моимъ частымъ посѣщеніямъ, уже давно стали предметомъ общихъ толковъ. Можете себѣ представить, какъ я былъ озадаченъ, капитанъ! Вдобавокъ эти признанія матери сопровождались такъ искусно разыгранною комедіей упрековъ и просьбъ, улыбокъ и слезъ, и въ заключеніе такимъ своевременнымъ появленіемъ на сцену стыдливо-краснѣющей дочери, что я въ конецъ растерялся. Но будемъ говорить короче. Нечаянно подслушанный мною разговоръ матери съ дочерью внезапно разсѣялъ мою слѣпоту. Передо мной вдругъ разверзлась бездна всякихъ низостей и непроходимой пошлости. Изъ собственныхъ устъ этихъ двухъ женщинъ привелось мнѣ услышать, что все въ нихъ было ложь и притворство. Онѣ вели со мной — да и не со мной однимъ — хитрую игру, съ намѣреніемъ отъ меня отдѣлаться, какъ скоро достаточно пообчистятъ мой кошелекъ, а затѣмъ выбрать новую жертву и начать съ нею тѣ-же продѣлки. Постепенно узналъ я еще больше. Эта несчастная женщина, руководимая постыдной жадностью къ наживѣ, и была главной причиной безчестія и смерти своего мужа, котораго подстрекала на самыя отчаянныя спекуляціи. Мнѣ это стало ясно изъ весьма прозрачныхъ упрековъ, которыми ее осыпала собственная дочь. Вы легко поймете, капитанъ, что я послѣ того немедленно прервалъ сношенія съ этими дамами. Съ тѣхъ поръ мнѣ только еще одинъ разъ пришлось о нихъ слышать на-дняхъ. Онѣ, должно-быть, сочли за лучшее измѣнить тактику: по крайней мѣрѣ дочь недавно вышла замужъ за разбогатѣвшаго лавочника и теперь проводитъ съ нимъ медовый мѣсяцъ въ его загородномъ домѣ. Но довольно объ этомъ, капитанъ. Вы видите, что опасенія моихъ родителей отнынѣ лишены всякихъ основаній и я охотно повинуюсь ихъ волѣ. Съ моимъ принципаломъ, старикомъ Аделунгомъ, я уже объяснился: онъ предупрежденъ. Слѣдующій пароходъ отходитъ черезъ четыре недѣли — не правда-ли?

— Такъ точно, подтвердилъ капитанъ.

— Слѣдовательно, я могу со спокойной совѣстью еще разъ здѣсь поохотиться. Скажите, капитанъ, ходили вы когда-нибудь на тигра?

— Вы не шутите? Вы серьезно собираетесь охотиться на тигра?

— Какъ нельзя серьезнѣе! Насъ будетъ десять охотниковъ и мы беремъ съ собой до пятисотъ туземцевъ, вооруженныхъ пиками. Охота предполагается въ Гароэтѣ. Я могу васъ познакомить съ плантаторомъ, который меня и прошлый годъ приглашалъ на эту въ высшей степени интересную охоту. Хотите и вы съ нами?

— Охота на тигра! пробормоталъ капитанъ.—Шутка-ли! Такого рода удовольствіе не каждый день встрѣчается. Если еще есть возможность включить меня въ вашу партію — я охотно къ ней присоединюсь.

— Вотъ и отлично! со смѣхомъ воскликнулъ Гербертъ. — О подробностяхъ условимся послѣ. Что вы намѣрены дѣлать завтра и въ ближайшіе за тѣмъ дни? Въ Гароэтъ мы отправляемся еще черезъ недѣлю.

— Завтра я намѣренъ исполнить мое обѣщаніе и навѣстить госпожу ванъ-Рюйтеръ: я уже предупредилъ ее, что буду у нея къ ужину.

— Правда, что она живетъ такъ уединенно?

— Правда. И потому я просилъ бы васъ меня сопровождать. Старушка будетъ рада съ вами познакомиться.

— Не хочется мнѣ, капитанъ!

— Не добрый-же вы товарищъ, любезный Гроттеръ! не то шутя, не то съ досадой проворчалъ капитанъ.—Изъ уваженія къ памяти покойнаго Рюйтера, который оказывалъ мнѣ столько дружбы и вниманія, я считаю своей обязанностью, пока здѣсь остаюсь, всѣ свои вечера отдавать его вдовѣ. Но, говоря откровенно, это меня уже и въ прошломъ году тяготило. Это немолодая, но еще и не совсѣмъ старая дама—ей всего за сорокъ—отличается большой молчаливостью и многими странностями, но дѣло не въ томъ, а... гм!... какъ бы это сказать?.. Вы порядочный человѣкъ, любезный Гроттеръ, и конечно не выдадите меня. Госпожа ванъ-Рюйтеръ, видите-ли, не прочь, чтобы я ей по всѣмъ правиламъ сдѣлалъ предложеніе. Понимаете-ли вы меня?

— Ахъ, чортъ возьми, вотъ такъ исторія! со смѣхомъ воскликнулъ Гербертъ.—Если дѣло идетъ объ услугѣ вамъ, я, капитанъ, конечно, на все согласенъ и готовъ присутствовать на вашихъ молчаливыхъ вечерахъ. Даю вамъ слово, что буду вести себя вполнѣ пристойно. Къ тому-же, я увѣренъ, что госпожа ванъ-Рюйтеръ не имѣетъ никакого понятія о моемъ несчастномъ знакомствѣ съ ея родственницами.

— Само собой разумѣется, подтвердилъ капитанъ Бастіанъ:— она здѣсь ни съ кѣмъ не знается и не водится, а Франсены, съ самой смерти отца, не вступали съ ней въ сношенія по причинѣ, о которой я не имѣю права говорить. Но не судите фальшиво о госпожѣ ванъ-Рюйтеръ на основаніи мною сказаннаго. Я не знаю другой болѣе достойной и почтенной женщины. А вы, къ тому-же, найдете у нея и вознагражденіе для себя.

— А именно?

— Въ лицѣ двухъ молодыхъ людей, брата и сестры туземнаго происхожденія, которые съ дѣтства составляютъ принадлежность дома Рюйтеръ и одни прислуживаютъ вдовѣ. Молодая дѣвушка—диво красоты и граціи. Она васъ очаруетъ...

— Полноте! со смѣхомъ перебилъ его Гербертъ: — вы надо мной издѣваетесь. Я ненавижу рабовъ и рабство, съ которымъ, надѣюсь скоро будутъ сведены всѣ счеты *). Но развѣ красавица моложе своей госпожи?

— Смѣйтесь, смѣйтесь, а все-таки молодая дѣвушка вамъ понравится и братъ ея тоже: славный юноша! Однако поздно, прибавилъ капитанъ, посмотрѣвъ на часы:—Мы остались здѣсь послѣдними. Слуги, я думаю, съ тоской ждутъ, чтобы и мы удалились.

Собесѣдники поднялись съ мѣстъ; въ ту же минуту къ нимъ почтительно приблизились два малайскіе служителя съ зажженными свѣчами и повели ихъ въ назначенныя для нихъ комнаты.

Было почти за полночь, когда наконецъ удалились на покой и эти запоздалые обитатели гостинницы „Для моряковъ“. Надъ густою тропическою листвой сада сіялъ мѣсяцъ, таинственно играя на бѣловатыхъ стволахъ и темныхъ верхушкахъ пальмъ и тамариндовъ. Ничто не возмущало ночной тишины, кромѣ однообразнаго стрекотанья кузнечиковъ и по временамъ хриплаго, пронзительнаго свиста ящерицъ.

(Продолженіе будетъ).

Руанъ и смерть Орлеанской Дѣвы.

(Адольфа Когута).

Орлеанская Дѣва, цинично закиданная грязью Вольтеромъ, но впослѣдствіи возстановленная во всей своей чистотѣ Шиллеромъ, составляетъ одно изъ наиболѣе поэтическихъ и трогательныхъ явленій XV вѣка. Не удивительно, что какъ исторія, такъ и изящная литература соперничали между собою, возстановляя поруганную честь знаменитой Дѣвственницы. Семнадцати лѣтъ отъ роду, не умѣя ни читать, ни писать, она явилась въ Орлеанъ и, во главѣ 10,000 человѣкъ, принудила англичанъ снять осаду города; 18 іюня 1429 года она разбила ихъ на-голову; короновала въ Реймсѣ короля французовъ Карла VII; вдохновила и пробудила къ новой дѣятельности весь французскій народъ,—все это представляетъ поистинѣ величественное явленіе, единственное въ исторіи.

Свершается неслыханное чудо:
Изъ глубины густой, дубовой рощи,
Выходитъ къ намъ дѣвица, яркій шлемъ
На головѣ; идетъ, какъ божество,
Прекрасная и страшная на взглядъ,
И темными кудрями по плечамъ
Летаютъ волосы... и вдругъ чело
Сіяніемъ небеснымъ обвилося... **)

Но еще выше Іоанны-побѣдительницы стоитъ поэтическій образъ Іоанны-мученицы. Ея страданія и смерть представляютъ поистинѣ потрясающую драму. Мы перескажемъ ихъ здѣсь, руководясь изслѣдованіями французскихъ и нѣмецкихъ писателей: Земмига, Мишле и др. Мученическая кончина, завершившая чистую и славную жизнь Іоанны д'Аркъ, должна служить вѣчнымъ укоромъ какъ англичанамъ, такъ главнымъ образомъ и неблагодарному королю Карлу VII, обязанному ей всѣмъ: престоломъ и жизнью. Какъ извѣстно, Орлеанская Дѣва была взята въ плѣнъ, союзными англичанамъ, бургундцами 23 мая 1430 года, во время осады Компьена. Сначала она содержалась въ Кротуа, затѣмъ была переведена въ Боревуаръ; здѣсь, услыша, что ее хотятъ выдать англичанамъ, она бросилась съ башни, но осталась въ живыхъ. Больная, разбитая и страдающая, она, дѣйствительно, была пре-

*) Рабство было, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, отмѣнено въ Голландской Индіи только 1 января 1860 года.

**) Шиллеръ, переводъ Жуковскаго.

дана въ Руанѣ англичанамъ. Герцога Бургундскаго, подобно Іудѣ, продавшаго Іоанну, постигъ гнѣвъ Божій: сынъ герцога, Карлъ Смѣлый, погибъ 5 января 1477 года въ болотахъ при Нанси и гордое Бургундское королевство распалось;—всѣ происки и старанія предателя оказались напрасными.

Въ началѣ декабря 1430 года Іоанна д'Аркъ была заключена въ башню Руанскаго замка. Слесарный мастеръ Этьенъ Кастильонъ получилъ приказаніе изготовить для нея желѣзную клѣтку, въ которой страдалица была прикована за шею, руки и ноги. Такъ томилась она до начала суда надъ нею. Грубые англійскіе солдаты, постоянно ее оскорблявшіе, безотлучно находились при ней, въ ея темницѣ. Мстительные англичане хотѣли сначала судить молодую дѣвушку за колдовство и чародѣйство, но руанскіе юристы не нашли къ тому достаточныхъ поводовъ. Тогда епископу города Бове, Пьеру Кошону, другу англичанъ, пришло на мысль обвинить чистую, героическую дѣвушку въ *ереси*.

Король Карлъ VII не сдѣлалъ ничего для ея спасенія. Въ объятіяхъ своей фаворитки, Агнессы Сорель, онъ забылъ объ Орлеанской Дѣвѣ. Одинъ лишь храбрый и честный Потонъ де-Ксентрайль, въ декабрѣ 1430 года, предпринялъ вмѣстѣ съ маршаломъ де-Руссакъ осаду Руана, но тщетно: Потонъ де-Ксентрайль былъ взятъ въ плѣнъ. Герцогъ же Бургундскій, этотъ чуждый рыцарскихъ доблестей государь, на другой день послѣ начала суда надъ Іоанной, 10 января 1431 года, *вѣнчался* со своей третьей женой, инфантой Португальской, *англичанкой* по матери, хотя имѣлъ уже двадцать-четыре любовницы и шестнадцать незаконныхъ дѣтей. И въ тотъ же день, о, иронія судьбы!.. онъ основалъ орденъ Золотаго Руна.

Допросъ, производившійся съ неслыханною казуистикой и утонченною жестокостью, представляетъ тяжелую драму. Среди вопросовъ обращенныхъ къ молодой дѣвушкѣ, былъ, напримѣръ, такой: одѣтымъ-ли являлся къ ней Архангелъ Михаилъ? Она отвѣчала съ дѣтской наивностью: „неужели вы думаете, что у Господа Бога не было средствъ одѣть его?"...

Весь процессъ былъ веденъ въ высшей степени пристрастно и недобросовѣстно; нѣкоторые благородные и честные люди—какъ напримѣръ юристъ Іоаннъ Логье—не смотря на ненависть къ французамъ, пытались протестовать противъ столь незаконнаго веденія дѣла; но они принуждены были бѣжать, чтобы избавиться отъ вѣрной смерти. Однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ обвиненій противъ Іоанны было ношеніе ею мужской одежды. Когда ее спросили—желаетъ ли она надѣть женское платье, чтобы въ день Св. Пасхи идти къ причастію, она отвѣчала: „нѣтъ, я не сниму этого платья: я не дѣлаю разницы между тою и другою одеждой, собираясь принять моего Христа".

Какъ и слѣдовало ожидать, жертва національной ненависти и фанатизма была приговорена къ мучительной смерти на кострѣ. 30 мая 1431 года Іоанна д'Аркъ была сожжена въ Руанѣ. Когда ей объявили, что она приговорена къ сожженію, она разразилась надрывающими душу рыданіями и воскликнула: „О, какъ ужасно, какъ жестоко со мной поступаютъ! Неужели мое чистое, никѣмъ не оскверненное тѣло должно быть сожжено и превращено въ пепелъ! Горе, горе!.. Я лучше согласилась бы семь разъ быть обезглавленною, нежели сожженною!.. Я взываю къ Богу, Великому Судьѣ, о несправедливости и страданіяхъ, причиняемыхъ мнѣ".

По обычаямъ тѣхъ мрачныхъ временъ, она была привязана къ столбу въ шапкѣ, надѣваемой обыкновенно на еретиковъ, съ надписью, „еретичка, богоотступница, идолопоклонница и измѣнница". Геройская жизнь Орлеанской Дѣвы закончилась геройской смертью. Не смотря на всѣ оскорбленія, ни одного жесткаго слова не вырвалось изъ ея устъ; только, когда палачи наложили на нее руки, она проговорила: „о, Руанъ, ты будешь моей могилою"!.. „Десять тысячъ человѣкъ", говоритъ Земмигъ, „плакали; лишь нѣсколько англичанъ смѣялись или старались дѣлать видъ что смѣются. Одинъ изъ нихъ поклялся, что подброситъ собственноручно вязанку дровъ въ костеръ. Но въ ту минуту, какъ онъ бросалъ дрова, онъ лишился чувствъ и былъ отведенъ товарищами въ ближайшую таверну. Внѣ себя, онъ повторялъ безпрестанно: „я видѣлъ, какъ изъ устъ ея, съ послѣднимъ вздохомъ, вылетѣлъ голубь". Вскорѣ затѣмъ онъ умеръ. Секретарь англійскаго короля, возвратясь съ мѣста казни, восклицалъ: „мы погибли: мы сожгли святую"!.. Всѣ судившіе Іоанну д'Аркъ умерли вскорѣ безславною смертью. Епископъ Кошонъ испустилъ духъ во время Базельскаго Собора, подъ рукой своего цирюльника. Гильомъ де-Флави, первый предавшій Іоанну, былъ задушенъ въ постели своею женой. Вице-инквизаторъ Жанъ-ле-Метръ исчезъ безъ слѣда... Людовикъ XI совершилъ тò, чего не сдѣлалъ его кузенъ Карлъ VII. Оставшихся въ живыхъ виновниковъ смерти Іоанны онъ приказалъ заключить подъ стражу и предать той же казни, къ какой присуждена была ихъ жертва.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Іоанны д'Аркъ, по ходатайству ея матери, братьевъ и другихъ родственниковъ, былъ возбужденъ процессъ о ея реабилитаціи, и въ іюлѣ 1456 года былъ произнесенъ въ Руанѣ приговоръ о возстановленіи чести и памяти мученицы. Орлеанскія женщины и дѣвушки воздвигли ей на свой счетъ прекрасный памятникъ на мосту. Точно также ей былъ поставленъ памятникъ и въ Руанѣ. На родинѣ Іоанны, въ Домреми, гдѣ стоялъ старый, непохожій бюстъ ея, при Людовикѣ XVIII была воздвигнута часовня, а въ 1843 году—памятникъ, для котораго Людовикомъ-Филиппомъ была подарена бронзовая статуя.

Въ 1433 году Іоанна д'Аркъ была воспѣта монахиней-писательницей Кристиной де-Пизонъ; это единственное, дошедшее до насъ, современное Іоаннѣ и посвященное ей поэтическое произведеніе. Благодаря Шиллеру, Орлеанская Дѣва получила тотъ ореолъ величія и чистоты, котораго она заслуживаетъ. Она близка человѣческому сердцу, ибо соединяетъ въ себѣ смѣлый, геройскій духъ со всѣмъ очарованіемъ дѣвственности и женственной прелести. (с.)

(Окончаніе будетъ).

Къ рисункамъ.

Мадейра. (Рис. на стр. 173).

Мадейра или Мадера, одинъ изъ острововъ группы того-же имени, лежитъ въ 802 верстахъ отъ Лиссабона и 544 верстахъ къ западу отъ сѣверной Африки, подъ 12°37' В. долготы и 32°45' С. широты. Въ XIV вѣкѣ острова Мадейра уже встрѣчаются показанными на картахъ того времени подъ именемъ Isola di Legname, хотя въ первый разъ островъ посѣтили только въ 1419 г. португальцы Гонзалесъ, Сарко, Техейра и Парестрелло. Съ этого времени островъ считается принадлежащимъ Португаліи и понемногу колонизуется. Своимъ именемъ (Madeira—значитъ лѣсъ) островъ обязанъ громаднымъ лѣсамъ, покрывавшимъ его въ то время. Въ 1421 г. они были подожжены и горѣли 7 лѣтъ, а нынѣ отъ нихъ не осталось и слѣда; зато почва, удобренная пепломъ сгорѣвшихъ лѣсовъ, сдѣлалась чрезвычайно плодородною на этомъ каменистомъ островѣ вулканическаго происхожденія. Мадейра имѣетъ въ длину 45, и около 20 верстъ въ ширину, и представляетъ высоко подымающійся изъ океана островъ съ обрывистыми, крутыми берегами, постепенно возвышающійся къ серединѣ и достигающій вершиною Пико-Руиво 5682 футовъ высоты. Глубокія, живописныя долины пересѣкаютъ Мадейру въ разныхъ направленіяхъ и раздѣляютъ ее на нѣсколько частей. Островъ совершенно лишенъ гаваней, и корабли пользуются, какъ рейдомъ, плоскими бухтами, которыя суда бываютъ вынуждены покидать при сильныхъ береговыхъ вѣтрахъ, что, впрочемъ, встрѣчается довольно рѣдко на южной сторонѣ острова. Климатъ Мадейры въ высшей степени мягокъ, тепелъ и равномѣренъ: средняя годовая температура немного болѣе 15° по Реомюру, причемъ разница между самыми жаркими и самыми холодными мѣсяцами не превышаетъ 5°. Вслѣдствіе этихъ прекрасныхъ свойствъ климата на Мадейру посылаютъ больныхъ грудью и слабосильныхъ. Почва острова, какъ было сказано выше, очень плодородна. Среди произведеній, доставляемыхъ Мадейрою, первое мѣсто занимаетъ вино. Въ 1421 году на Мадейру были привезены съ острова Крита и посажены виноградныя лозы, которыя въ прежнее время доставляли до 20000 пипъ отличнаго вина; изъ нихъ вывозилось только около половины. Извѣстнѣйшими сортами были мальвазія (Malmsey), мадейра, тинта и др. Съ 1840 г. винодѣліе сильно упало, вслѣдствіе болѣзни виноградниковъ, но въ настоящее время оно снова нѣсколько улучшилось, хотя выдѣлываемое количество вина едва составляетъ шестую часть того, что доставлялось прежде. Рядомъ съ винодѣліемъ съ 1852 г. жители успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ и разведеніемъ сахарнаго тростника и маиса. На сѣверномъ берегу острова можно встрѣтить всѣ сорта европейскихъ овощей и фруктовъ, а на южномъ берегу растутъ бананы, ананасы и даже кофе. Число жителей въ 1882 г. простиралось до 133.955; большинство изъ нихъ потомки португальскихъ переселенцевъ, кромѣ того не мало встрѣчается мулатовъ, негровъ и англичанъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается почти вся торговля острова. Острова Мадейра, образуя особый округъ, съ 1836 г. находятся въ непосредственной зависимости отъ Португаліи и ею управляются.

Дѣти моря. (Рис. на стр. 176 и 177).

Въ ясный день двѣ молодыя рыбачки, послѣ ловли плоскихъ паукообразныхъ краббовъ подъ скользкими, мшистыми камнями пологаго берега, прилегли на убитомъ волнами пескѣ и невольно отдались отдыху подъ палящими лучами полуденнаго солнца. Мертвая тишина царила въ неподвижномъ воздухѣ, только изрѣдка нарушаемая плескомъ прибоя или шагами прохожаго, случайно попавшаго въ этотъ уединенный уголокъ прибрежья. Тогда молодыя дѣвушки, приподнявшись, молчаливо слѣдили взглядомъ за нарушителемъ ихъ dolce far niente. Чуть слышный теплый вѣтерокъ, налеталъ порывами и слегка рябилъ водяную поверхность синяго моря, погоняя небольшія рыбачьи лодки, едва примѣтныя вдали...

Строитель Суэцкаго канала, Фердинандъ Лессепсъ и его семейство. Съ фот. грав. Берингъ.

Волчья вязка. (Рис. на стр. 181).

Когда волки выходятъ на добычу, послѣ заката солнца, они, обыкновенно,—держатся другъ за другомъ, стараясь путать такимъ образомъ слѣдъ, а значитъ и скрывать свое количество. Такой разбойничій кортежъ называется волчьею вязкою. Горцы, разбойничая по ночамъ, соблюдаютъ тотъ-же обычай. Гуськомъ, другъ за другомъ, осторожно пробираются бандиты, выбирая по возможности укромныя, едва проходимыя тропинки. Впереди, обыкновенно, идетъ вожакъ воровской партіи—особенно зоркій, чуткій и опытный. Въ движеніи соблюдается полная тишина. Привычные кони и тѣ понимаютъ въ чемъ дѣло: не ржутъ, не фыркаютъ, словно раздѣляя со своими всадниками инстинктъ самосохраненія. Это обычное явленіе у всѣхъ горцевъ, какъ на Кавказѣ, такъ и въ Туркестанѣ. Рисунокъ Н. Н. Каразина представляетъ такую волчью вязку, пробирающуюся чрезъ бурный горный потокъ, на коняхъ, по тремъ связаннымъ бревнамъ.

Кисеньки въ театрѣ. Трагедія и комедія.

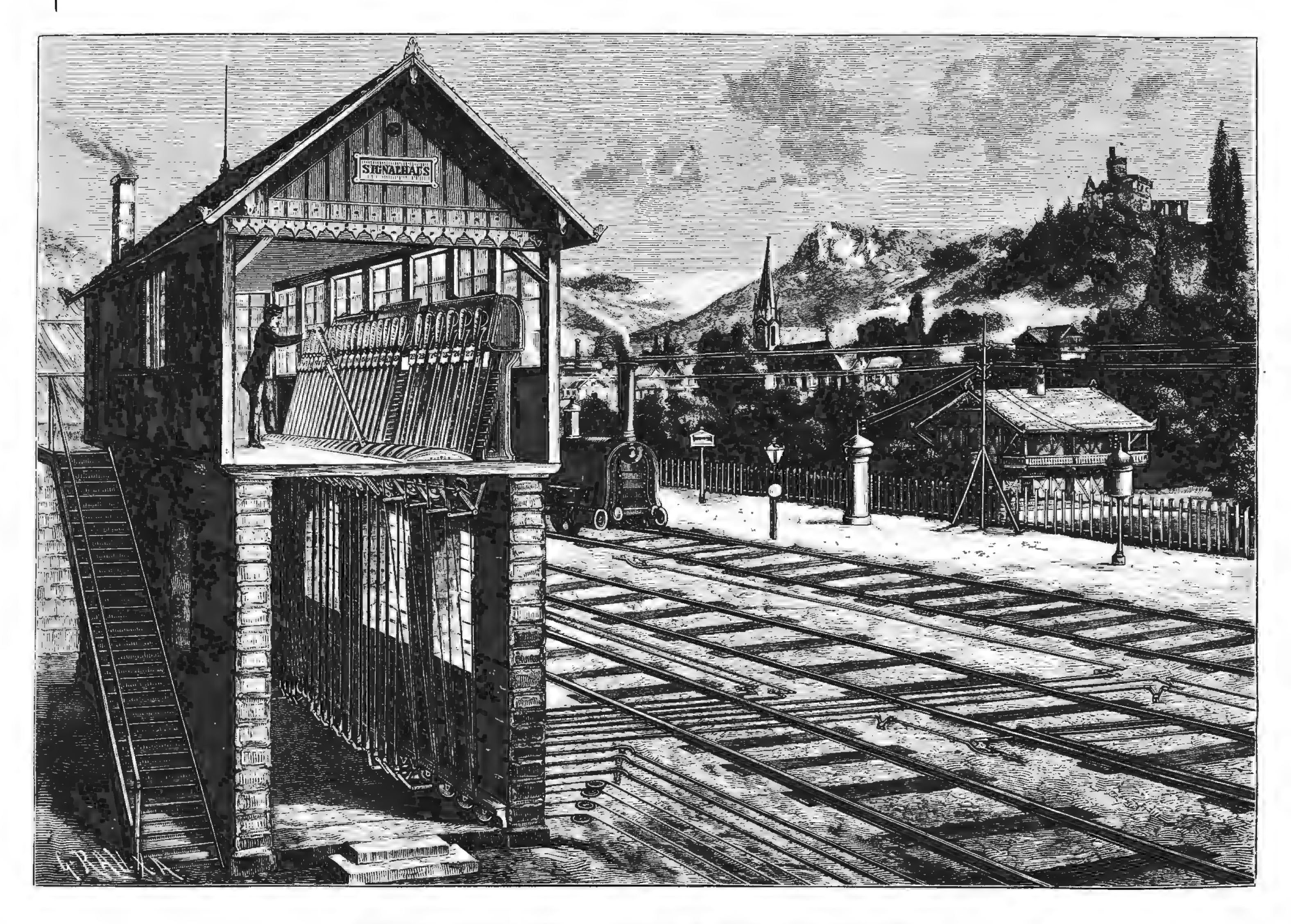
(Рис. на стр. 184 и 185.)

Игра физіономіи у животныхъ всегда интересовала не только живописцевъ, но и художниковъ слова. У Тургенева и гр. Л. Н. Толстаго есть превосходныя описанія улыбокъ (въ буквальномъ смыслѣ слова), лукавыхъ взглядовъ, задумчивости и т. п., подмѣченныхъ знаменитыми писателями, какъ охотниками, у лягавыхъ собакъ. Великій нѣмецкій живописецъ, Каульбахъ, иллюстрировалъ Гётевскаго „Рейнеке-Лиса" изумительными сценами изъ жизни самыхъ разнообразныхъ животныхъ, — сценами въ которыхъ не знаешь чему больше удивляться: тонкой-ли игрѣ физіономіи доведенной почти до человѣческаго выраженія лицъ или зоо-анатомической вѣрности изображенія звѣриныхъ мордъ, соблюденной до малѣйшей подробности. Англійскій художникъ, Луисъ Уайнъ, въ прилагаемыхъ двухъ картинкахъ, задался мыслю изобразить всѣ печальные и всѣ радостные оттѣнки выраженія столь знакомой намъ кошачьей мордочки, соединивъ первые въ ложѣ на представленіи трагедіи, а послѣдніе въ такой же ложѣ на представленіи комедіи. Кому случалось наблюдать рѣзвящихся или озадаченныхъ кошекъ и въ особенности котятъ (занимающихъ въ обѣихъ ложахъ весь первый рядъ), тотъ конечно оцѣнитъ безспорное мастерство живописца.

Зимнія юношескія забавы осетинъ.

(Рис. на стр. 188).

Зима на среднихъ грядахъ Кавказскаго хребта, среди которыхъ расположена и большая часть Осетіи, становится не сразу, а имѣется одинъ или два зазимка. Выпадаетъ иногда снѣгъ очень рано, въ концѣ октября, валитъ безпрерывно, нѣсколько дней къ ряду крупными хлопьями (подобнаго снѣга у насъ не бываетъ), засыпаетъ всѣ пути, всѣ дома, и наконецъ прекращается. Люди тогда вылѣзаютъ изъ своихъ жилищъ, сгребаютъ снѣгъ со своихъ крышъ, пролагаютъ не безъ труда тропинки, устанавливающія сообщеніе между ихъ домами, и отправляются на охоту за звѣремъ. Его тоже захватилъ снѣгъ врасплохъ и онъ застрялъ теперь въ грудахъ его. Живьемъ берутъ тогда множество козъ, зайцевъ и даже лисицъ и тащутъ ихъ въ видѣ трофеевъ. Но рыхлый снѣгъ спустя два-три дня начинаетъ таять съ необыкновенной быстротой. Эта-то пора и вызываетъ у осетинскихъ юношей любимую забаву—катанье съ обледенѣлыхъ горъ на особаго устройства лыжахъ; въ этой забавѣ принимаютъ нерѣдко участіе и большіе. Паденіе случается тутъ конечно очень часто и вызываетъ общій хохотъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ между прочимъ и одинъ изъ такихъ неловкихъ юношей, неудачно распорядившійся со своими лыжами.



Домикъ для общаго перевода стрѣлокъ на желѣзнодорожной станціи.

Соборъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

(Рис. на стр. 189).

Группа Соловецкихъ острововъ расположена посрединѣ Онежской губы Бѣлаго моря, въ 350 верстахъ отъ Архангельска. Соловецкій островъ, на которомъ расположенъ монастырь, наибольшій изъ этой группы, въ длину 25, въ ширину до 16 и въ окружности болѣе 100 верстъ. Первыми поселенцами острова были преп. Германъ и св. Савватій, постриженецъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Они прибыли сюда въ 1429 г. и положили основаніе монастырю. Соловецкій монастырь (въ про-

сторѣчія: Соловки) быстро разросся и занялъ первенствующее положеніе на дальнемъ Сѣверѣ Россіи, служа проводникомъ православія и оплотомъ разростающейся жизни на бѣломорскомъ побережьи. Монастырь выдержалъ не одну осаду шведами и неоднократно былъ опустошаемъ пожарами. Соловки часто служили мѣстомъ ссылки. Сюда былъ сосланъ руководитель Іоанна Грознаго, священникъ Благовѣщенскаго Московскаго собора—Сильвестръ. Изъ числа иноковъ многіе были патріархами, митрополитами и епископами; здѣсь, въ числѣ иноковъ, былъ и патріархъ Никонъ. Въ XVII в. здѣсь принялъ иночество и погребенъ Авраамій Палицынъ, сподвижникъ кн. Пожарскаго. Въ настоящее время въ монастырѣ 6 церквей, изъ нихъ два собора: одинъ во имя Преображенія, другой во имя Успенія Богородицы. Преображенскій соборъ, представленный на нашемъ рисункѣ, начатъ постройкою въ 1558 г. и оконченъ въ 1566 г. Надъ входомъ въ него помѣщается образъ Знаменія Божіей Матери, пробитый въ двухъ мѣстахъ непріятельскими ядрами въ 1855 г., когда монастырь храбро отражалъ нападеніе англичанъ. Въ соборѣ на южной сторонѣ особый придѣлъ во имя Архистратига Михаила, а вверху подъ угловыми главами—четыре малыя церкви. Особенно поражаетъ въ храмѣ внутреннее благолѣпіе; всѣ стѣны въ немъ отъ помоста до купольнаго свода украшены въ 1861—82 гг. художественною живописью, изображающею земную жизнь Іисуса Христа. Хорошъ пятиярусный иконостасъ Византійскаго стиля, устроенный по повелѣнію Петра Великаго. Въ одномъ изъ придѣловъ покоятся мощи основателей монастыря преп. Зосима и Савватія, а въ находящейся близь собора часовнѣ, находится гробница преп. Германа. Въ соборѣ хранится также много частицъ мощей многихъ Святыхъ и нѣсколько чудотворныхъ иконъ. Монастырская ризница одна изъ богатѣйшихъ; въ ней, какъ святыня, сохраняются облаченія св. Зосима и Филиппа. Тутъ-же сохраняются древнія рукописи, грамоты и оружіе. Монастырскія строенія и церкви охватываетъ крѣпостная стѣна, старинной постройки, окружность болѣе версты, съ крытымъ ходомъ. По угламъ расположены восемь башенъ съ бойницами для орудій. Поверхность острововъ, въ противоположность сосѣднимъ бѣломорскимъ берегамъ, гористая, поросшая сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Между горами разбросаны озера, ручейки и луга; общій видъ чрезвычайно живописенъ. У береговъ производится рыбная ловля и промыслы нерпъ и лысуновъ. Продукты рыболовства частію идутъ въ пищу братіи и богомольцевъ, частію-же вмѣстѣ съ саломъ и кожею морскихъ звѣрей продаются. Ловъ рыбы производится братіею и усердствующими поклонниками, которыхъ стекается до 8000 человѣкъ; а морскихъ звѣрей — промышленниками изъ ближайшихъ деревень за половину добычи.

Фердинандъ де-Лессепсъ. (Рис. на стр. 192).

Прорытіе Суэцкаго перешейка, соединяющаго Африку съ Азіей, и созданіе такимъ образомъ канала открывающаго новый болѣе удобный и короткій путь на Востокъ, есть одно изъ величайшихъ твореній человѣческаго ума и энергіи въ настоящемъ вѣкѣ. Успѣхъ и слава этого предпріятія тѣсно связаны съ именемъ Фердинанда де-Лессепса, который осуществилъ его среди цѣлаго ряда невзгодъ и затрудненій, будучи уже въ такихъ лѣтахъ, когда другіе, утомившись на пройденномъ жизненномъ пути, ищутъ отдохновенія и удаляются отъ дѣлъ. Но для Лессепса не существуетъ лѣтъ. Послѣ Суэцкаго канала онъ продолжалъ и продолжаетъ работать надъ разными грандіозными проектами и въ настоящее время 82-лѣтній старецъ занятъ проведеніемъ канала по Панамскому перешейку, долженствующаго слить воды Атлантическаго и Тихаго океановъ.

Родившись 7 ноября 1815 г. въ Версалѣ, Лессепсъ въ 1825 г. былъ назначенъ состоящимъ при генеральномъ консульствѣ въ Лиссабонѣ и съ этого времени въ теченіе 24 лѣтъ занималъ разные дипломатическіе посты въ различныхъ городахъ Европы и Африки до 1849 года, когда онъ былъ отозванъ въ Парижъ изъ Рима, гдѣ состоялъ при французскихъ войскахъ, занимавшихъ въ то время вѣчный городъ. Съ этого времени, онъ, выйдя въ отставку, отказался отъ дипломатической карьеры. Въ 1854 году онъ отправился по предложенію вице-короля Магометъ-Саидъ-паши въ Египетъ, гдѣ, раньше того, прожилъ 7 лѣтъ съ 1831 по 1838 годъ. Во время путешествія съ Саидъ-пашой по Ливійской пустынѣ изъ Александріи въ Каиръ, Лессепсъ сообщилъ вице-королю свой проектъ о прорытіи Суэцкаго канала. Проектъ былъ сочувственно принятъ Саидъ-пашой и Лессепсъ, имъ поощренный и поддерживаемый, энергически принялся за осуществленіе своего плана. Но съ первыхъ же шаговъ ему пришлось натолкнуться на цѣлый рядъ затрудненій. Враждебное отношеніе англичанъ, дипломатическія уловки Порты, не дававшей своего разрѣшенія на прорытіе канала, заявленія знаменитыхъ инженеровъ—людей науки—и глубокомысленныхъ политиковъ о неосуществимости и даже вздорности проекта затянули начало работъ. Частная предпріимчивость недовѣрчиво относилась къ предпріятію, которое, въ то же время, требовало громадныхъ затратъ. Лессепсъ дѣйствовалъ неутомимо, разъѣзжалъ по Европѣ, писалъ брошюры, читалъ лекціи и въ концѣ концовъ собралъ до 200 милліоновъ франковъ. Въ 1859 г. было приступлено къ работамъ, а черезъ десять лѣтъ каналъ былъ оконченъ и 20 ноября 1869 г. послѣдовало его открытіе. Послѣ того пропагандированіе и проведеніе грандіозныхъ проектовъ не покидало Лессепса. Между прочимъ, въ 1873 году онъ предлагалъ русскому правительству проектъ проведенія желѣзной дороги чрезъ Азію въ Индію. Въ настоящее время онъ занятъ прорытіемъ Панамскаго канала. Предпріятіе это уже поглотило до 1600 милліоновъ франковъ, а до сихъ поръ вырыто только около четверти необходимыхъ для канала 135 милліоновъ кубическихъ метровъ почвы. Въ виду громадныхъ трудностей и расходовъ, первоначальный проектъ нынѣ нѣсколько измѣненъ инженеромъ Эйфелемъ, такъ что остается вырыть еще всего 40 милліоновъ вмѣсто ранѣе предполагаемыхъ 105 мил. Можно надѣяться, что энергія и популярность Лессепса, а также масса затраченнаго труда и капитала не дадутъ заглохнуть этому предпріятію и черезъ нѣсколько лѣтъ свѣтъ увидитъ новое чудо инженернаго искусства.

Рисунокъ на стр. 192 изображаетъ Фердинанда де-Лессепса въ кругу его многочисленной семьи. Овдовѣвъ, Лессепсъ женился вторично, вскорѣ послѣ открытія Суэцкаго канала въ 1869 г., на замѣчательной красавицѣ-креолкѣ Еленѣ Отаръ-де-Брагаръ (Autard de Bragard). Старшему сыну отъ втораго брака, Матвѣю, нынѣ 17 лѣтъ, а младшему изъ изображенныхъ на рисункѣ, Роберту, 5 лѣтъ. Кромѣ того, послѣ Роберта у Лессепса родилось еще двое дѣтей: Жакъ и Жизель; первому теперь 4, а второй—2 года.

Приборъ для перевода стрѣлокъ. (Рис. на стр. 193).

Въ Германіи на болѣе значительныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ пытаются передать уходъ за стрѣлками и принадлежащими сюда сигналами не нѣсколькимъ отдѣльнымъ стрѣлочникамъ, а одному, который управлялъ-бы ими посредствомъ общаго для всѣхъ стрѣлокъ прибора (Centralweichenstellungsapparate). Такимъ приборомъ, уже неоднократно испытаннымъ на практикѣ, является изображенный на нашемъ рисункѣ аппаратъ Шнабеля и Геннинга, машинныхъ фабрикантовъ въ Брухсалѣ (Патентъ Ф. Геннингъ). Онъ помѣщается на станціи въ отдѣльномъ сигнальномъ домикѣ (налѣво на рисункѣ) и управленіе имъ поручено особому сторожу въ верхнемъ этажѣ, получающему приказанія непосредственно отъ дежурнаго станціоннаго чиновника (агента) при посредствѣ блочнаго аппарата (Blockapparat—особой системы блоковъ). Послѣдній находится или на самой станціи въ конторѣ управленія, или въ отдѣльномъ домикѣ вблизи конторы, и снабженъ такимъ количествомъ рукоятокъ, сколько рельсовыхъ путей должны быть переставлены посредствомъ стрѣлокъ. Эти рукоятки при посредствѣ проволочныхъ канатовъ соединены со столькими же барабанами въ ящикѣ центральнаго аппарата, снабженномъ круглыми отверстіями. Если центральному сторожу въ сигнальномъ домѣ надо, напримѣръ, поставить стрѣлки такимъ образомъ, чтобы пропустить поѣздъ, тогда станціонный агентъ даетъ приказаніе поворачивая соотвѣтствующую рукоятку на своемъ блочномъ приборѣ на полъ-круга. Вслѣдствіе этого поворачивается также соотвѣтствующій барабанъ въ ящикѣ центральнаго прибора и одновременно съ этимъ выставляется свѣтлый кружокъ передъ отверстіемъ въ ящикѣ надъ соотвѣтствующимъ рычагомъ и въ ту-же минуту раздается электрическій звонокъ. Центральный аппаратъ содержитъ рычаги двоякаго рода: рычаги стрѣлокъ и для сигналовъ. Рычагъ подъ упомянутымъ свѣтлымъ кружкомъ всегда бываетъ сигнальнымъ рычагомъ, на которомъ указано, какой рычагъ стрѣлки сторожъ долженъ переставить, чтобы привести всѣ стрѣлки въ надлежащее положеніе на путяхъ, по которымъ долженъ пройти поѣздъ. Когда это сдѣлано, тогда приводится въ движеніе сигнальный рычагъ подъ кружкомъ и тогда, одновременно съ этимъ, дается на соединенномъ проволокою съ этимъ рычагомъ оптическомъ телеграфѣ станціи—знакъ что путь свободенъ. Это можетъ послѣдовать только тогда, когда всѣ стрѣлки поставлены правильно и въ этомъ-то и заключается достоинство новаго прибора для перевода стрѣлокъ.

Политическое обозрѣніе.

Операція трахеотоміи у германскаго наслѣднаго принца.—Толки о германо-австро-италіанскомъ договорѣ и русско-франко-англійскомъ союзѣ. — Открытіе сессіи британскаго парламента.—Обѣдъ у Карно.

Германскому наслѣдному принцу произведена операція трахеотоміи (разрѣзъ дыхательнаго горла и вставленіе въ него серебряной трубочки для дыханія чрезъ нее, а не ртомъ и носомъ). Операція была сдѣлана въ большомъ салонѣ виллы Чиріо. Принцъ лежалъ на диванѣ. Передъ нимъ находились всѣ врачи: Меккензи, Гоуэль, Краузе, Шрадеръ и Браманнъ. Изъ семейства принца никто не присутствовалъ. Его высочество сказалъ спокойнымъ голосомъ, что если врачи признаютъ операцію необходимою, то пусть они приступятъ къ ней немедленно.

Докторъ Браманнъ сдѣлалъ большой разрѣзъ серебрянымъ инструментомъ, специально изготовленнымъ для принца. Разрѣзъ былъ сдѣланъ въ нижней части шеи, съ тѣмъ чтобы вставленная трубка была какъ можно дальше отъ гортани или вѣрнѣе отъ того ея мѣста, гдѣ находится воспаленный хрящъ. Паціенту дали вдыхать хлороформъ. Вся операція продолжалась не болѣе десяти минутъ, причемъ врачами были соблюдены самыя тщательныя предосторожности. Тотчасъ послѣ операціи, которая удалась вполнѣ, принцъ почувствовалъ значительное облегченіе и дыханіе у него сдѣлалось свободнѣе. Какъ Мекензи, такъ и прочіе медики остались вполнѣ довольны результатомъ операціи, но притомъ предписали принцу безусловный покой въ продолженіе нѣсколькихъ дней, которые его высочество и проведетъ въ постели.

Профессоръ Шрётеръ, на-дняхъ заявилъ, что онъ еще въ ноябрѣ предсказывалъ принцессѣ Викторіи то, что теперь сбылось; протоколъ объ этомъ былъ тогда-же представленъ въ государственный архивъ. Трахеотомія облегчитъ де болѣзнь наслѣднаго принца, но не будетъ въ состояніи предотвратить роковой развязки—самое большое—года черезъ два.

Со своей стороны, профессоръ Петерсъ заявляетъ, что хирургія сдѣлала за послѣднее время столь значительные успѣхи, что совершенное удаленіе гортани не представляетъ нынѣ никакихъ затрудненій; но если у принца ракъ, то черезъ годъ или два и даже болѣе болѣзнь можетъ возобновиться въ органахъ прилегавшихъ къ удаленной гортани, и въ такомъ случаѣ смерть неизбѣжна.

Политическіе круги за истекшую недѣлю занимались преимущественно толками о среднеевропейской коалиціи и возможности противовѣса ей въ формѣ русско-франко-англійскаго союза.

Вѣнскій корреспондентъ газеты *Berl. Tagebl.*, отъ 11 февраля, подтверждаетъ сообщеніе *Neue fr. Presse* о существованіи письменнаго договора между Италіею, Австро-Венгріею и Германіею; по словамъ-же венгерскихъ газетъ, въ томъ числѣ и газеты *Pester Lloyd*, итальянское правительство заключило съ Австро-Венгріею и Германіею два отдѣльные договора. Одинъ изъ нихъ заключенъ Италіею и Германіею, но съ вѣдома и согласія Австро-Венгріи, и его текстъ совершенно тождественъ съ текстомъ опубликованнаго на-дняхъ австро-германскаго союзнаго трактата, съ тою только разницею, что его условія примѣнены не къ Россіи, а къ Франціи. Въ договорѣ сказано, что обѣ державы должны помогать другъ другу всѣми своими силами, но о численности войскъ, которыя договаривающіяся стороны обязаны въ крайнемъ случаѣ выставить въ поле, не упоминается ни слова. Другой договоръ заключенъ Италіею одновременно съ Австро-Венгріею и Германіею. Этимъ вторымъ договоромъ взаимно обезпечиваются территоріальныя владѣнія всѣхъ трехъ державъ и на договаривающіяся стороны возлагается обязательство соблюдать дружественный нейтралитетъ и не заключать сепаратныхъ соглашеній съ другими государствами. Въ случаѣ нападенія Россіи на Австро-Венгрію или Германію, Италія должна выставить армію на французской границѣ; если же Франція аттакуетъ Германію или Италію, Австро-Венгрія должна выставить армію на русской границѣ; въ случаѣ же франко-русской коалиціи, всѣ три державы должны будутъ выдвинуть противъ нея всѣ свои вооруженныя силы.

Что касается этой послѣдней предполагаемой коалиціи, то газета *Morning Post* опровергаетъ слухи о переговорахъ, которые будто-бы ведутся съ цѣлью присоединенія Англіи къ русско-французскому союзу, чтобы составить такимъ образомъ противовѣсъ коалиціи средне-европейскихъ державъ. По словамъ газеты, такого рода комбинація была-бы чрезвычайно опасна для европейскаго мира, не подвергающагося никакой опасности до тѣхъ поръ, пока Англія и Турція оказываютъ поддержку тройственному союзу.

Standard, со своей стороны, утверждаетъ, что не требовалось никакой формальной конвенціи, обязывающей Англію защищать итальянское и австрійское прибрежья отъ непріязненнаго дессанта. Англія не можетъ заключать союзовъ, имѣющихъ оборонительный и наступательный характеръ. Она готова, однако-же, отстаивать трактаты, скрѣпленные ея подписью. До тѣхъ поръ, пока тройственный союзъ служитъ гарантіей сохраненія мира—онъ можетъ разсчитывать на поддержку Англіи. Въ случаѣ нарушенія мира какою-либо державой, непринадлежащею къ тройственному союзу, Англія положитъ свое вліяніе на вѣсы противъ нападающей стороны. Такова де, по крайней мѣрѣ, политика маркиза Салисбери.

Сессія англійскаго парламента была открыта 9 февраля тронною рѣчью, изъ коей заимствуемъ начало, какъ особенно интересное для насъ, русскихъ. „Милорды и джентльмены! Я (королева) продолжаю получать отъ другихъ державъ сердечныя увѣренія въ ихъ дружественныхъ ко мнѣ чувствахъ, а равно и объ ихъ искреннемъ желаніи сохранить всеобщій миръ. Мои офицеры, трудившіеся сообща съ офицерами русской службы, окончили работы по опредѣленію афганской границы, согласно условіямъ конвенціи, заключенной въ прошломъ году. Надѣюсь, что оконченная такимъ образомъ работа устранитъ возможность дальнѣйшихъ недоразумѣній между обѣими державами относительно ихъ азіятскихъ владѣній“.

Въ Парижѣ, 1 февраля, на обѣдѣ у президента палаты депутатовъ присутствовали президентъ республики и весь дипломатическій корпусъ. За столомъ Флоке помѣстился противъ Карно, имѣя по правую руку г-жу Карно; а по лѣвую—графиню Гойосъ и русскаго посла барона Моренгейма. Во время обѣда Флоке и баронъ Моренгеймъ относились другъ къ другу съ самою радушною привѣтливостью.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 1 февраля, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили Своимъ посѣщеніемъ Первый кадетскій корпусъ, а 4 февраля, удостоили Своимъ посѣщеніемъ Спб. консерваторію.

Правительственныя распоряженія.

— Постановлено, что усыновленіе казаками, не пользующимися правами потомственнаго дворянства, лицъ неказачьяго сословія, за исключеніемъ потомственныхъ дворянъ, допускается не иначе, какъ по зачисленіи усыновляемыхъ, на общемъ основаніи, въ составъ того войска, къ которому принадлежатъ усыновители.

— Разрѣшено содержать телефонное сообщеніе на счетъ казны въ городахъ Кіевѣ, Харьковѣ и Казани.

— Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ получила заказъ на изготовленіе въ нынѣшнемъ году бандеролей по питейному и табачному сборамъ до 40 милліоновъ листовъ. Кромѣ того, заказано экспедиціи 40,000 экз. заграничныхъ паспортовъ въ книжкахъ, 35 милліоновъ штукъ гербовыхъ марокъ, 4 милліона квитанціонныхъ бланковъ, 400,000 штукъ табачныхъ марокъ и 20,000 листовъ бланковъ паспортовъ, употребляемыхъ въ Польшѣ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Среди варшавскихъ промышленниковъ и спеціалистовъ часового дѣла возникла мысль объ устройствѣ въ Варшавѣ фабрики отдѣльныхъ частей часовыхъ механизмовъ, съ цѣлью доставлять ихъ мѣстнымъ часовыхъ дѣлъ мастерамъ. Кромѣ того, на фабрикѣ будутъ выдѣлываться и цѣльные часы.

— Ткацкая промышленность въ привислинскихъ губерніяхъ, судя по образцамъ, находящимся на открытой въ настоящее время варшавской ткацкой выставкѣ, во многихъ своихъ видахъ достигла настолько успѣшныхъ результатовъ, что смѣло можетъ конкурировать въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ заграничнымъ производствомъ. Изъ выставленныхъ предметовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе продукты крестьянскаго ткацкаго промысла, какъ по работѣ, такъ и по доброкачественности матеріала — не уступающіе издѣліямъ фабричнаго производства.

— Въ Варшавѣ, 2 февраля, на сталелитейномъ акціонерномъ заводѣ (въ Новой-Прагѣ) взорвало паровую машину въ 50 силъ, причемъ снесло крышу и разрушило половину зданія. Во время взрыва на фабрикѣ былъ одинъ только сторожъ, который, замѣтивъ слишкомъ скорое движеніе машины, ушелъ за машинистомъ и потому спасся.

— Губернское земское собраніе, бывшее въ Полтавѣ, въ декабрѣ минувшаго года, постановило, между прочимъ, открыть въ Полтавской губерніи 3 профессіональныя школы.

— Табачныя плантаціи въ Бессарабской губерніи въ послѣднее время обратили на себя особенное вниманіе ученыхъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда поврежденій, наносимыхъ нѣкоторымъ табачнымъ плантаціямъ различными, поселившимися на нихъ, насѣкомыми.

— На открывшуюся въ городѣ Кіевѣ, съ 8 сего февраля, выставку сѣмянъ прислано въ настоящее время около 140 образцовъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ.

Торговля.

— Международный хлѣбный рынокъ и на недѣлѣ 18—24 минувшаго января (ст. ст.) держался слабо, при выжидательномъ, по преимуществу, настроеніи какъ покупателей, такъ и продавцевъ. Цѣны колебались и частью вновь ослабѣли; обороты попрежнему незначительны.

— Изъ Харькова отъ 31 января сообщаютъ, что мѣстные отправители хлѣба въ Севастопольскій портъ терпятъ огромные убытки, вслѣдствіе недостатка подвижнаго состава на Лозово-Севастопольской дорогѣ.

— *Волжско-Донской Листокъ* сообщаетъ, что Нобель понизилъ на 7 коп. цѣну на керосинъ и продаетъ его по 33 коп.

— Въ 1887 году изъ Одесскаго порта вывезено: пшеницы — 3.818,262 четв., ржи — 1.035,611 четв., ячменя — 2.047,383 четв., овса — 2.274,426 четв., кукурузы — 2.268,790 четв., гороху—27,871 четв., фасоли—30,814 четв., маслобойныхъ сѣмянъ—359,522 четв., муки—1.006,180 пуд., отрубей—391,091 пуд., крупы—36,746 пуд.

Искусства изобразительныя.

— Открытіе годичной выставки въ Имп. Академіи Художествъ послѣдуетъ 18 марта. Предназначаемые для этой выставки картины, скульптурныя произведенія, архитектурные чертежи, и проч., должны быть доставлены въ Академію не позже 1 марта и сданы хранителю академическихъ музеевъ, подъ росписку, особую для каждаго предмета.

— 21 января открылась въ Тифлисѣ художественная выставка Казанскаго общества поощренія изящныхъ искусствъ, которая видимо интересуетъ мѣстныхъ жителей.

— Молодые архитекторы гг. Померанцевъ и Трамбицкій, находившіеся въ чужихъ краяхъ, въ качествѣ пенсіонеровъ Имп. Акаде-

м'и Художествъ, возвратились изъ путешествія и представили Академіи результаты своихъ занятій: первый — чертежи и рисунки знаменитой Палатинской капеллы, въ Палермо, а второй — рядъ исполненныхъ на мѣстѣ чертежей и изображеній замѣчательныхъ зданій въ Италіи и ихъ деталей.

— Извѣстный акварелистъ Вилье-де-Лиль-Аданъ, проживающій нынѣ въ Одессѣ, посылаетъ въ Петербургъ, на предстоящую выставку новоучрежденнаго Общества акварелистовъ, рядъ новыхъ произведеній своей кисти. Другой одесскій художникъ, скульпторъ Эдуардсъ, намѣренъ привезти въ Петербургъ, ко времени открытія годичной выставки въ Академіи Художествъ, избранныя изъ числа своихъ произведеній, а именно: статую „Нежданныя вѣсти", бюстъ г-жи Рубинштейнъ, матери знаменитаго музыканта, и бюстъ Пастера, исполненный минувшимъ лѣтомъ въ Парижѣ.

— 2 февраля, въ Петербургѣ, въ зданіи Соляного Городка происходило открытіе фотографической выставки, устроенной въ помѣщеніи художественно промышленнаго музея и состоящей подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Михаиловича. Цѣль выставки — ознакомленіе общества со степенью совершенства, достигнутаго въ различныхъ отрасляхъ и примѣненіяхъ фотографіи. На выставкѣ собрано все, что относится до примѣненія фотографіи къ потребностямъ практической жизни и въ наукѣ.

Пути сообщенія.

— Высочайше повелѣно: сдѣлать надлежащее распоряженіе о соединеніи къ 1 января 1888 года Уральской Горнозаводской желѣзной дороги съ Екатеринбурго-Тюменскою, съ учрежденіемъ одного общаго управленія для обѣихъ дорогъ. Соединяемымъ линіямъ присвоить наименованіе „Уральской желѣзной дороги".

— Сооруженіе Самаркандской желѣзной дороги быстро подвигается впередъ. Уже пройдено пространство за аму-дарьинскіе пески и укладка рельсоваго пути началась по долинѣ Заравшана. 26 января открыто движеніе до второй станціи Ходжа-Довлеты.

— Правильное пассажирское движеніе по Юго-западнымъ дорогамъ возстановлено; надъ очисткой снѣга работаютъ усиленно на участкѣ Одесса-Бирзула; въ скоромъ времени будетъ также вполнѣ востановлено и грузовое движеніе. Количество груза, находящагося нынѣ по линіямъ Юго-западныхъ дорогъ, опредѣляется до шести милліоновъ пудовъ.

— 1 февраля, на 468 верстѣ С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги пассажирскій поѣздъ № 5, идя двойною тягою, сошелъ на насыпи, высотою въ тридцать сотыхъ сажени—съ рельсовъ. Передній паровозъ остался на рельсахъ, а второй и слѣдующіе за нимъ три багажныхъ вагона и два вагона III класса—сошли съ рельсовъ, остальные—два вагона II класса, вагонъ I класса и четыре вагона III класса наклонились на бокъ. Несчастій съ людьми, кромѣ незначительнаго ушиба главнаго кондуктора—не было. Путь поврежденъ на 232 саж. Лопнувшихъ колесъ и рельсовъ не оказалось; шпалы же новыя, укладки 1887 года. Правильное движеніе поѣздовъ возстановлено, въ тотъ-же день, въ 3 часа ночи.

— 29 января въ севастопольскомъ вокзалѣ сгорѣли багажная и пассажирская кассы, почтовое и жандармское отдѣленія.

Археологія и древности.

— Въ засѣданіи Имп. московскаго Археологическаго общества, состоявшемся 22-го минувшаго января, профессоромъ Д. Н. Анучинымъ было сдѣлано весьма интересное сообщеніе относительно употребленія различными народами саней, лодокъ и коней при погребеніи умершихъ.

— Г. Ронновъ, показывавшій, въ концѣ минувшаго года, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Солодовниковскаго пассажа, собранный имъ „Кавказскій музей" древностей и художественныхъ предметовъ, пріѣхалъ съ коллекціями этого музея въ Петербургъ и остановился въ гостиницѣ Бельвю, гдѣ желающіе могутъ ихъ осматривать.

Некрологъ.

— 1 февраля скончался, послѣ кратковременной болѣзни, отъ воспаленія легкихъ, генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Карловичъ Мандерштернъ.

— 31 января скончался состоявшій въ запасѣ армейской пѣхоты генералъ-лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Шелашниковъ.

— Во вторникъ, 2 февраля, происходило погребеніе тѣла скоропостижно скончавшагося, 30-го минувшаго января, бельгійскаго генеральнаго консула барона К. К. Фелейзена. Покойный, распоряжаясь похоронами бельгійскаго посланника графа Эррамбо-де-Дюдзеель, вдругъ почувствовалъ себя дурно. Уѣхавъ, вслѣдствіе этого, изъ церкви домой, онъ, входя къ себѣ на лѣстницу—упалъ и скончался отъ разрыва сердца.

Смѣсь.

Новое изобрѣтеніе. Газета *Daily News* напечатала сообщеніе своего Нью-Іоркскаго корреспондента о *разговорѣ*, который онъ имѣлъ *съ Эддисономъ*. По словамъ корреспондента, Эддисонъ сдѣлалъ въ своемъ фонографѣ такое улучшеніе, которое превосходитъ всѣ самыя смѣлыя надежды и ожиданія, возлагавшіяся на этотъ аппаратъ. Какъ извѣстно, первый фонографъ былъ изготовленъ знаменитымъ американцемъ десять лѣтъ тому назадъ; но многочисленныя постороннія занятія въ области электро-техники долго мѣшали Эддисону заняться усовершенствованіемъ своего изобрѣтенія и только въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ ему удалось дополнить этотъ пробѣлъ.

Первые 500 приборовъ усовершенствованнаго типа будутъ выпущены въ концѣ января. Употребленіе новаго аппарата по простотѣ своей не оставляетъ желать ничего лучшаго. Чтобы сдѣлать какое-либо сообщеніе при помощи фонографа, въ него говорятъ совершенно обыкновеннымъ голосомъ, безъ всякаго напряженія; окончивъ рѣчь, снимаютъ съ валька пластинку или такъ-сказать фонограмму, — какъ называетъ ее Эддисонъ — укладываютъ ее въ маленькій ящичекъ и отправляютъ по почтѣ. Пластинки эти изготовляются разныхъ величинъ: на 800 словъ, на 1000, 2000 и до 4000 словъ. Получатель фонограммы вставляетъ ее въ свой фонографъ, приводитъ его въ движеніе и выслушиваетъ слова своего корреспондента явственнѣе и понятнѣе, чѣмъ могъ бы передать любой телефонъ.

„Оба изготовленные мною фонографа", говоритъ Эддисонъ, „передаютъ такъ отчетливо оттѣнокъ голоса, что каждое изъ двадцати лицъ сказавшихъ по нѣсколько словъ, можно было безъ труда узнать по голосу. Главное удобство представляемое фонографомъ состоитъ въ томъ, что письмо можетъ быть повторено по желанію безчисленное количество разъ: фонограмма нисколько не портится отъ частаго употребленія; она можетъ прослужить сто лѣтъ и все-таки будетъ годна попрежнему. Точно также продиктованная, напр., въ фонографъ послѣдняя воля умирающаго представляетъ то преимущество, что не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній относительно достовѣрности документа. Стоимость фонографа едва-ли превышаетъ стоимость обыкновеннаго самопишущаго прибора. Написанное повторяется аппаратомъ съ той же скоростью, съ какой было продиктовано.

„Я пробовалъ заставлять наборщиковъ работать прямо подъ диктовку фонографа," говоритъ Эддисонъ, „и могу сказать утвердительно, что это вполнѣ возможно: а именно, каждый разъ, какъ наборщикъ подавитъ ногой рычагъ — пластинка издаетъ отъ 5—10 словъ. Если что-нибудь не разобрано съ перваго раза, можно заставить повторить еще. Для музыкантовъ фонографъ неоцѣнимъ, по крайней дешевизнѣ металлическихъ пластинокъ и удивительной точности, съ которой онѣ передаютъ музыкальные звуки. Даже прежніе, изготовлявшіеся десять лѣтъ тому назадъ, неусовершенствованные приборы поражали той необыкновенной вѣрностью, съ которой они воспроизводили музыкальные тоны. Фонографъ гораздо лучше насвистывалъ и пѣлъ чѣмъ говорилъ, и это свойство осталось за нимъ и теперь.

„Я собралъ звуки цѣлаго оркестра," продолжалъ Эддисонъ, „и результатъ получился поразительный: каждый инструментъ сохранялъ свою индивидуальность. Струнные инструменты ясно выдѣлялись; скрипки и віолончели, духовые и деревянные инструменты также легко отличались одинъ отъ другого; слышны были даже голоса пѣвцовъ; они не покрывались оркестромъ. Верхнія ноты скрипки также ясно распознаются привычнымъ ухомъ. Пьесы для одного инструмента или цѣлаго оркестра, или даже цѣлые акты оперы, — съ голосами пѣвцовъ и инструментами — могутъ быть записаны и повторены фонографомъ съ необычайной красотой и ясностью звука."

Говоря далѣе объ устройствѣ аппарата, Эддисонъ выражается слѣдующимъ образомъ:

„Мой первый фонографъ состоялъ просто изъ валика, приводимаго въ движеніе рукой. Валикъ былъ покрытъ пластинкой изъ листоваго олова; пріемная пластинка снабжена штифтикомъ, который обозначалъ сказанное на оловянной пластинкѣ. Новый фонографъ гораздо сложнѣе, но за то даетъ совершенно иные результаты. Приборъ приводящій валикъ въ движеніе, состоитъ изъ маленькаго электро-мотора, дѣйствующаго при помощи небольшаго количества элементовъ. Удивительнѣе всего то, что при устройствѣ аппарата наибольшую трудность представляло изготовленіе соотвѣтственнаго двигателя. Я дѣлалъ опытъ съ различными часовыми механизмами, но ходъ ихъ оказывался слишкомъ неправильнымъ и шумнымъ. Употребленные мною теперь двигатели работаютъ совершенно равномѣрно и беззвучно. Принципъ новаго фонографа остался тотъ же, который былъ положенъ въ основаніе прежняго: пріемная пластинка, снабженная короткимъ штифтикомъ, наноситъ при своихъ колебаніяхъ знаки на тонкую металлическую полоску; знаки эти вполнѣ соотвѣтствуютъ колебаніямъ, въ которыя была приведена пластинка произнесенными возлѣ нея звуками." (С.)

Растенія компасы. Въ американскихъ преріяхъ растетъ родъ небольшихъ подсолнечниковъ (Silphium laciniatum), листья которыхъ постоянно обращаются своими краями къ сѣверу и югу; тоже самое замѣчается и въ колючемъ латукѣ. Въ лѣсахъ Новой Шотландіи также существуетъ особый видъ дерева, называемаго „компасъ охотника", листья котораго почти неизмѣнно обращены къ сѣверу и югу. Эта особенность объясняется тѣмъ, что при такомъ поворотѣ листья равномѣрно освѣщаются солнцемъ съ обѣихъ сторонъ. (С.)

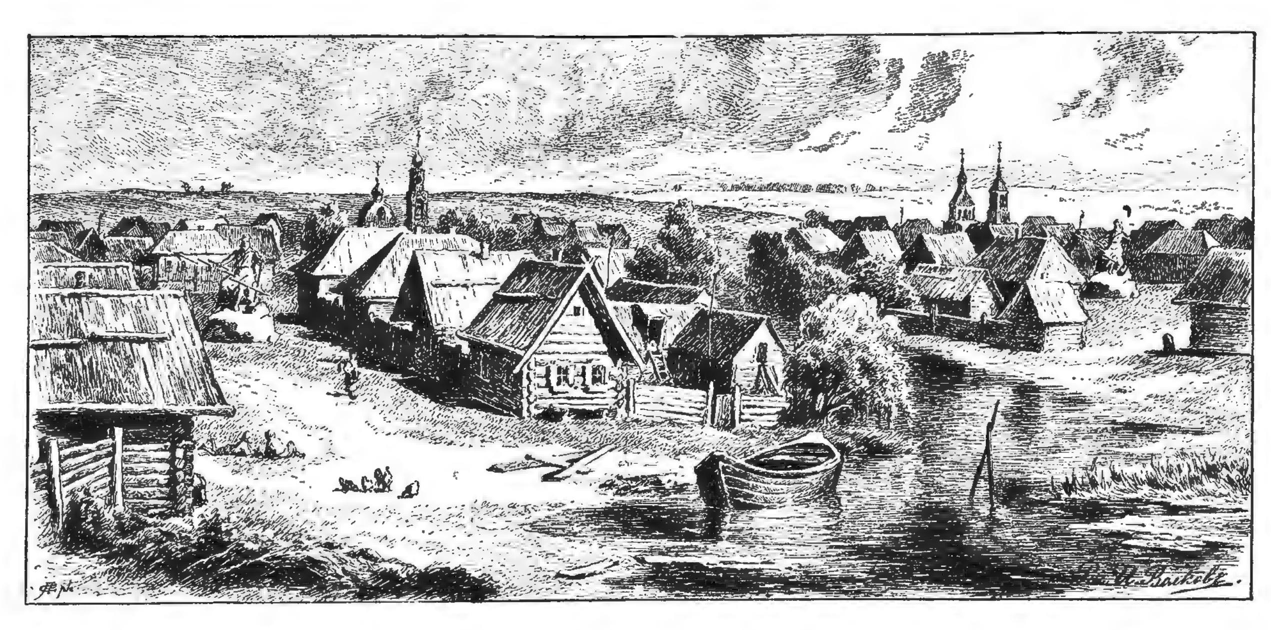
По поводу выхода въ свѣтъ мемуаровъ бывшаго президента Гранта, Нью-Іоркская *Торговая газета* приводитъ слѣдующія, хотя не представляющія особой важности, но тѣмъ не менѣе не лишенныя интереса данныя, которыя были обнародованы въ Гардфордѣ (Коннектикутъ) во время торжествъ въ память генерала Гранта. На переплетеніе книгъ употреблено 44,359 квадр. ярдовъ коленкору. Изъ золота, употребленнаго на отпечатаніе обложки, на золотой обрѣзъ и т. д., можно было бы вычеканить 15.446 долла-

ровъ; позолотчикамъ заплачено 21.639 долларовъ; клейстеру пошло 276 кадокъ, вѣсомъ 69,000 фунтовъ. Употреблено 27,882 бараньихъ шкуръ, 7,221 козьихъ и 138 телячьихъ; наконецъ бумаги было издержано 1.813,880 фунтовъ. Если всѣ томы изданія поставить рядомъ, какъ бы на книжную полку, то они заняли бы 19½ миль въ длину. При печатаніи дѣйствовало 40 паровыхъ машинъ, работавшихъ день и ночь. Распространялось сочиненіе при помощи 9,000 агентовъ, большею частью старыхъ солдатъ и солдатскихъ вдовъ. Выручено при продажѣ свыше 1.000,000 долларовъ. (с.)

По новѣйшимъ извѣстіямъ, Шлиманъ испрашиваетъ у греческаго правительства разрѣшенія начать новыя раскопки въ Цериго, въ древней Цитерѣ, на южномъ берегу Лаконіи, противъ мыса Малія. Разрѣшеніе это, какъ говорятъ, уже послѣдовало, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы найденныя древности поступали въ собственность Греціи. Островъ Цитера замѣчателенъ тѣмъ, что съ него начался и распространился по всей Греціи культъ Афродиты. Такъ какъ островъ перебывалъ въ различныхъ рукахъ, начиная съ финикіянъ и кончая венеціанцами, то можно надѣяться найти на немъ слѣды всѣхъ этихъ народностей. (С.)

Большая картина Мункачи „Послѣднія минуты Моцарта“ продана за 50 тысячъ марокъ генералу Росселю А. Альджеру, губернатору Мичигана. (с.)

Ребусъ. Задача № 15.



Рѣшеніе задачи буквъ (Ходъ короля) № 5.

(помѣщенной въ № 3 „Нивы“).

1. Виги.
2. Бѣдность не порокъ.
3. Сова.
4. Призъ.
5. Шашки.
6. Хохлы.
7. Раввинъ.
8. Чудо.
9. Тынъ.
10. Ода.
11. Чай.
12. Око.

43 и	42 й	39 ъ	40 н	37 о	34 о	35 ч	28 о	27 х
	44 р	41 е	38 в	33 п	36 т	29 р	26 ь	
	45 и	■	■	32 а	30 о	■	25 т	
	47 ы	46 б	■	31 ш	■	23 о	24 с	
	48 л	49 и	■	■	19 ы	20 с	22 к	
	50 к	51 о	■	12 ч	■	18 в	21 о	
	52 г	■	■	11 ъ	13 и	■	17 ѣ	
	53 д	54 а	55 н	10 в	14 н	15 а	16 х	
			56 и		9 и			
			57 з		8 ѣ			
	62 ш	63 а	58 к	1 в	2 ъ	7 д	4 о	
61 у	60 д	59 а				3 п	6 о	5 р

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

И. А. Крыловъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— Н. Н. Богданова, Ф. А. Боронина, А. Иосифева, А. А. Юфимцева, С. Шубина, М. Косоварова, Ф. Михель, М. В. Ильина, Миримановой, Н. Сапуненко; **Б. Коровино**— Ѳ. Мазуръ; В. К. Терскаго, **Бобруйскъ**—Е. Мольской; **Бр цлавъ**— Рабиновича; **Гатчино**—Львова; **Кіевъ**— Л. Е. Шилохвастова, Н. С. Баранова; **Лебедянь** — В. Н. Чурилина; **Минскъ**—Сомова; **Николаевъ**— Н. С. Даржана; **Одесса**— К. Б. Хвитія: **Рыбинскъ** — Любителя; **Шацкъ**—С. Н. Попова.

Ариѳмогрифъ. Задача № 16.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12.

1) Притокъ Урала 9. 2. 10. 6. 2. 3. 2.
2) Племя въ Остъ-Индіи 10. 2. 3. 7.
3) Иностранная мѣра вмѣстимости и жидкостей 6. 5. 1. 8. 11. 5.
4) Имя многихъ персидскихъ царей 1. 2. 3. 11. 12.
5) Островъ въ Балтійскомъ морѣ 1. 2. 4. 5.
6) Названіе попугая 8. 5. 10. 5.
7) Послѣдній римскій властитель въ Галліи 9. 11. 2. 4. 3. 11. 12.
8) Аѳинскій медицинскій вѣсъ 4. 3. 2. 6. 6. 2.
9) Индѣйскій богъ добродѣтели и правосудія 1. 2. 3. 6. 2.
10) Садъ въ Едемѣ 3. 2. 12.
11) Рѣденькая шелковая ткань 1. 7. 6. 10. 2.
12) Городокъ въ Швеціи 4. 2. 4. 2.

Рѣшеніе шахматной задачи № 7 (помѣщенной въ № 3).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф a8 — h8	К h2 — g4
2) Ф h8 — h1 +	Кр. d5 — d4
3) Ф h1 — e4 ++	
1)	c6 — c5
2) Ф h8 — a8 +	Кр. d5 — d4
3) Ф a8 — e4 ++	
1)	e6 — e5
3) Кр b2 — c3	Куда угодно.
2) Ф h8 — g8 или a8 ++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг. **СПб.**—Н. А. К., Н. Лялина, А. Сухихъ, П. Вульфъ, **Москва**—В. Н. Войденова, **Вильно**—А. А. Гассельбаумъ, **Кіевъ**—А. Ульянова, А. Н. Шульженко, Л. Е. Шилохвастова, **Климовъ** — В. Золотарева, **Кишиневъ** — А. Стримбанъ, Берляндъ, **Лодзь** — Боровскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 6 (помѣщен. въ № 3).

Бѣлыя.	Черныя.
1) f8 — e7	1) d6 — h6
2) a3 — f8	2) b6 — g1
3) f6 — g7	3) g1 Куда угодно.
4) a7 — g1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **СПб.** Ф. А. Боронина, И. Мосалова, В. Н. Шошина, С. Грибова, Е. Хватова, К. Т. Макарова, **Москва**—А. Бабаносова, Э. И. И., Ф. П. Чернышева, Н. Н. Смирнова, А. В. Морозова, Н. Куницына, Н. А. Алексѣева, **Алферово**—Д. И. Иванова, **Борисоглѣбскъ** — Мямлина, **Бѣжица**—Е. П. Смирнова, **Витебскъ**—Каганъ, **Голта** — И. Яновскаго, **Дубровна** — Л. Марьясина, **Орелъ** — Н. П. Крадецкаго, **Рязань**—Н. Солодова, **Рига**—Н. А. Томилина, **Сестренка**—В. Палкина, **Самара** — В. Летягина, **Тифлисъ**—Н. И. Баратова, **Тверь**—Н. Мамкина, **Царское Село** — Д. Корстъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Р. № 2966 4—2

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1888 годъ на ВѢСТНИКЪ
ТИРАЖЕЙ
№ 2995 **ГОДЪ 3-й.** 5—3

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера съ № 1.

Насколько извѣстно, всѣ % бумаги, государственныя и частныя, суть въ сущности долговыя обязательства, которыя постепенно должны быть погашены. Погашеніе это производится для большинства бумагъ жеребьевкой или тиражемъ тѣхъ номеровъ, которые въ данную очередь должны быть выкуплены. Послѣ тиража капиталъ, когда-то внесенный, возвращается полностью, а теченіе % прекращается.

Почему необходимо не позже 6-ти мѣс. послѣ тиража предъявить вышедшую бумагу къ оплатѣ.

Никакого измѣненія отъ выхода въ тиражъ въ облигаціи или билетѣ не происходитъ и купоны отъ нея дѣйствительны попрежнему, если ихъ отрѣзываютъ. Если же когда-либо придется эту облигацію продать, то владѣлецъ получаетъ свой капиталъ, но за вычетомъ всѣхъ купоновъ срѣзанныхъ со дня тиража. Если пропущено 5 лѣтъ, то убытокъ составитъ на 1000 рублевый билетъ **250** р. процентовъ, а за 10 лѣтъ теряется кромѣ 500 р. % еще и всѣ 1000 р. капитала.

Были даже въ Госуд. Банкѣ **факты** потери цѣлыхъ десятковъ тысячъ рублей процентовъ, вслѣдствіе пропуска тиража.

Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма трудно, чтобы не сказать – невозможно, услѣдить за тиражами, производящимися въ разныхъ городахъ и постоянно въ разное время. Хотя таблицы публикуются Госуд. Банкомъ и правленіями въ нѣсколькихъ газетахъ и даже раздаются желающимъ, но все это появляется отдѣльно и ускользаетъ отъ публики. Посему очень много % бумагъ, тиражныхъ, не предъявлены къ оплатѣ и находятся въ обращеніи, нанося своимъ владѣльцамъ и покупающимъ ихъ значительные убытки.

„Вѣстникъ Тиражей“ собираетъ всѣ тиражи всѣхъ % бумагъ, обращающихся въ Россіи.—Еженедѣльно онъ даетъ всѣ тѣ тиражи, которые произведены за истекшіе 7 дней.

Прибавляются также всѣ №№, непредъявленные къ оплатѣ изъ прежнихъ тиражей.

Таблицы „Вѣстника“ **безусловно вѣрныя**, сличенныя съ подлинниками такъ, что исключаютъ всякую возможность ошибки.

Кромѣ того онъ даетъ еще всѣ необходимыя свѣдѣнія о тѣхъ банкахъ и учрежденіяхъ, бумаги которыхъ находятся въ рукахъ публики.

Въ концѣ года „Вѣстникъ“ представляетъ собою томъ для справокъ по всѣмъ русскимъ бумагамъ, могущій предотвратить значительные убытки и во всякомъ случаѣ окупающій съ излишкомъ скромную плату на его подписку.

Цѣна за полный годъ:

за 52 №№	4 р.
съ дост. въ СПБ.	5 „
„ „ во всѣ гор. Имп. . .	6 „
на ½ года	3 „

Подписка принимается въ Банкирскомъ домѣ **Генрихъ Блокъ**, СПБ. Невскій, 57, собств. домъ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ:
СКРИПКИ
а также всѣ другіе струнные инструменты, **неподражаемы по тону и качеству**, отъ 6—300 марокъ. **Нѣмая скрипка** для упражненій (патент.). **Цитры всѣхъ формъ** 16—300 м. **Гитары** 6—50 м. **Смычки** и **футляры**. Всѣ **деревянные** и **мѣдные духовые** инструменты. Знаменитая **мастерская для починокъ**. Рекомендаціи отъ **Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ, Леонаръ** и пр. Полнѣйшая гарантія. Продавцамъ скидка. Подр. прейсъ-куранты безплатно. Р. 2792 8—7

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ
ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Крейцнахъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ВСЕРОСС. АДРЕСНАГО СЛОВАРЯ.

Существованіе насущной необходимости изыскать дѣйствительныя средства для сближенія жизненныхъ интересовъ множества людей, побудило насъ приступить къ изданію книги, подъ заглавіемъ **Всероссійскій Адресный Словарь**, куда каждый можетъ помѣстить свой адресъ, съ желаемыми подробностями о своей профессіи, своихъ требованіяхъ, цѣнахъ, гонорарѣ, залогахъ, рекомендаціяхъ и проч.

Книга будетъ подраздѣляться на 3 части: 1) **Общій Алфавитъ** фамилій, съ именами, адресами и краткими опредѣленіями профессій; 2) **Подробности** о профессіяхъ (свѣдѣнія помѣщенныя въ этой части будутъ подобраны по спеціальнымъ отдѣламъ, съ особымъ алфавитомъ фамилій въ каждомъ); 3) **Собраніе объявленій**, на манеръ газетныхъ.

Съ помощью такого подраздѣленія, нуждающійся въ адресѣ уже **знакомаго лица** найдетъ его въ 1-й части, ищущій **просто** нужнаго человѣка, учрежденіе, товаръ, коммиссіонера, спеціалиста, встрѣтитъ, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ 2-й части, цѣлый рядъ однородныхъ дѣятелей и учрежденій, между которыми можетъ сдѣлать выборъ, по опубликованнымъ ими цѣнамъ и условіямъ; объявленія въ 3-й части могутъ содержать еще больнія подробности о фирмахъ и краткіе прейсъ-куранты.

Желающіе помѣстить себя въ **1-й** или **двухъ** первыхъ частяхъ книги платятъ **по 3 коп. за слово** и высылаютъ **составленные тексты** (записки) **для каждой** части; въ 3-й части цѣна **10 коп.** за строку петита или ея мѣсто.

Счетъ словъ какъ **въ телеграммахъ.**

Издаваемая нами книга явится **дѣйствительнымъ, простѣйшимъ** и **дешевѣйшимъ** средствомъ сближенія огромнаго числа лицъ и учрежденій. За маленькія деньги каждый пользуется публикаціей до новаго изданія книги, рѣшительно необходимой всякому, для успѣшнаго выбора лицъ и учрежденій въ своихъ частныхъ и дѣловыхъ сношеніяхъ.

Пріемъ текстовъ и подписки на **самую книгу** будетъ продолжаться до **1-го марта** настоящаго года; для Кавказа и Сибири до **1-го мая**. Книга выйдетъ въ концѣ лѣта. Какъ бы она ни вышла толста, подписавшіеся до 1-го марта получатъ ее **за 1 руб.** съ пересылкой. По окончаніи сказаннаго срока, цѣна книги опредѣлится и будетъ измѣнена. № 3018

Подписка: для иногородныхъ, въ С.-Петербургѣ, у издателя, **Н. Н. Карманова**, Коломенская ул., д. № 1, кв. 36, куда и слѣдуетъ адресовать тексты и деньги; для жителей столицы – въ книжномъ магазинѣ **М. В. Попова**. Невскій пр., рядомъ съ пассажемъ.

КАПСЮЛИ ГЮЙО
CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2835 16--10

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться **ПАСТОЙ РЕНЬО** PATE REGNAULD приготовляемой 19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ!

Коллекція изъ 25 сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ (пестрыхъ) розъ за 10 руб. Коллекція изъ 12 сорт. 5 руб. съ пересылкою.

Минскъ, губерн. садовое заведеніе **Н. Н. Голиневича.** № 2719 10—7

Подробные каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки.

CRÈME-SIMON

(Кремъ - Симонъ) произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся и обладающее тоническими и мягчительными свойствами.

La POUDRE SIMON и мыло à la Crème-Simon имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON, 36, rue de Provence. PARIS.

Въ розницу прод. у парикмахер., парфюм. и аптекарей. 6--2

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (8) № 2946

СѢМЕНА

настоящей гаагской, ранней, карликовой, цвѣтной капусты собственнаго производства, вмѣсто 5 р., продаются только по 1 р. за лотъ съ пересылкой. **Г. Горки,** Могилевской губерніи, у **Х. Козель.** № 3021

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:
МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ,
изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
НА СКЛАДѢ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ
В. АККЕРМАНА,
СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 2921 4--4

ПЕРЛЫ
СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ
Д-ра КЛЕРТАНА.
Pt. № 2856 6—3

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.
Могутъ быть замѣнены углемъ **Д-ра БЕЛЛОКА.**
Требовать на этикетѣ подпись

Скипидарная эссенція, заключающаяся **въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА**, химически чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подпись

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

Только подлинно съ этою фабричн. маркою.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты.
Л. Г. ПИТШЪ и К°.
въ Бреславлѣ. *)

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

*) **Цѣна:** за бутылку 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к., конфекты 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ, у В. Ауриха,** Стремянная № 4.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз и аптекахъ Россіи. № 2712 36—26

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шипилыгина.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ПРОДАЮ ИКОНЫ собственной мастерской, фольговаго убора, и разныя. Принимаю заказы по умѣренн. цѣн. Прейсъ-кур. безплатно. Слоб. Мстера, Владимірск. г., **Іосифъ Понкрышевъ.**

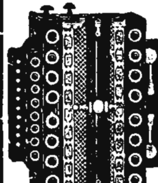
ДАЧА въ 4-хъ верстахъ отъ г. Харькова, при шоссе, прекрасно устроенная, въ здоровой мѣстности, приспособленная для жилья въ ней и зимою, продается. Адресовать: Харьковъ, Ф. Н. Константинову.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес.. 3 руб. 25 коп.

ИЩУТЪ желающихъ участвовать въ товариществѣ для разработки каменной соли. Шахта уже устроена, машины установлены; условія самыя выгодныя. Адресовать: Харьковъ, Ф. Н. Константинову.

ГАРМОНИИ

новые очень хорошіе сорта.



Однорядныя въ 3, 5, 6, 8, 10, 12, 15, 18 и 24 р.

Двухрядныя въ 14, 20, 22, 25, 28, 30, 35 р.

Трехрядныя въ 30, 50, 60, 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 руб.

Ноты его же по 75 коп. и 1 руб. за тетрадь.

НѢМЕЦКІЯ КОНЦЕРТИНО

въ 3, 5, 6, 8, 10, 15 и 20 р. Самоучит. 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.

Требованія изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3023

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго

№ 3025

15-е изданіе 53-я тысяча

L'ENFANT PIANISTE
„ДИТЯ ПІАНИСТЪ".

Собраніе легкихъ піесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ, съ цѣлью возбудить въ малюткахъ охоту къ музыкѣ. **Посвящается добрымъ матерямъ,** которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепіанной игры.

М. БЕРНАРДА.

Цѣна 1 руб. II. № 3017

Часть II-я (продолженіе). Цѣна 1 руб.

„Les enfants au piano". „Дѣти за фортепіано". Собраніе 25 маленькихъ піесъ въ четыре руки. Продолженіе къ „Дитя-піанистъ" М. Бернарда. Цѣна 1 руб.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА

и во всѣхъ музыкальныхъ торговляхъ въ Россіи.

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ
А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

НЕБЫВАЛАЯ НОВОСТЬ!
ЖИВОПИСЬ ОГНЕМЪ

карикатуръ, силуэтовъ и картинъ, очень интересно и забавно, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Цѣна за 5 конв. (50 карт.) . . . . 3 р.
„ 10 „ (100 „) . . . 5 р.
съ пересылкою во всѣ города Россіи.

Торговцамъ значительная уступка.

Можно получать въ игрушечныхъ, писчебумажныхъ и табачныхъ магазинахъ.

Главный складъ: С.-Пбургъ, Большая Садо-
2-2 вая, 12, **О. ЛЕССЕРЪ.** Р. №3001

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1887 года,

заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гр. **Е. А. Саліаса**—**„Яун-Кундзе"**, большую повѣсть **В. И. Немировича-Данченко**—**„Патмосъ"**, разсказъ **Вс. Крестовскаго**—**„Мой собратъ"**, разсказъ **А. Я. Максимова**—**„Скиталецъ"**, большую повѣсть **Н. Д. Ахшарумова**—**„Темная карта"** и его же разсказъ **„Ванзамія"**, разсказы **К. Тхоржевскаго** — **„За дупелями"** и **„Неожиданный случай"**, сцену **Виктора Крылова**—**„Секретное предписаніе"**, разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева)**—**„Въ пансіонѣ"**, большую повѣсть **В. Желиховской**—**„Кавказскій легіонъ"**, разсказы **Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова,** князя **Д. Н. Цертелева, Эвальда, Захеръ-Мазоха** и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„БАБУШКИНА СКАЗКА".

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ каленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . . **6** „ Съ пересылкою. . **7** „ **50** „

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА ЛЕНГИЛЯ.
ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ.
Въ виду многихъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку.

Цѣна: флакону Рб. 1.65; Бензоевое мыло 35 и 50 к.; Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 рб.

Упаковка и пересылка 50 коп., для Европ. Россіи 70 к.; для Сибири 1 р.

Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРИХА, въ С.-Петербургѣ,** Стремянная, 4. № 2713 52—25

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

До свѣдѣнія нашего дошло, что нашими недоброжелателями распространяются слухи о невозможности **пріобрѣтенія нашего товара.** Считаемъ долгомъ довести до свѣдѣнія господъ торговцевъ **о неосновательности** подобныхъ слуховъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ обращаться за всѣми справками, касающимися нашего производства, **непосредственно къ нашему представителю въ Россіи,**

Г-нъ АРЧИБАЛЬДЪ КОАТСЪ,

склады котораго находятся: 1) въ МОСКВѢ, Черкасскій пер., д. Гуськова.

2) „ ВАРШАВѢ, Длуга, № 55.
3) „ ОДЕССѢ, Троицкая улица, д. Эгиза.
4) „ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, внутри гостинаго двора, № 101.
5) „ РИГѢ, Herrenstrasse, № 19.
6) „ РОСТОВѢ н/Д., Темерницкая ул., бл. Таганрогск. ул.
7) Въ ТИФЛИСѢ, Дворцовая, домъ бывш. Арцруни.

НА ЯРМАРКАХЪ: Нижегородской—Пушной рядъ, № 35, лит. Б.
Ирбитской—Торговая ул., д. насл. Шальковыхъ.

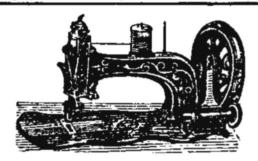
Мы пользуемся случаемъ обратить вниманіе уважаемой публики на нашъ этикетъ, носящій изображеніе **МЕДВѢДЯ**, на нѣкоторыхъ-же сортахъ товара—**ЦѢПИ.** Одновременно предостерегаемъ отъ поддѣлокъ этикета, состоящихъ въ замѣнѣ медвѣдя изображеніемъ другихъ животныхъ, съ обдуманною цѣлью, ввести тѣмъ гг. потребителей въ заблужденіе. Ц. № 3015 3—2

Фабриканты швейной бумаги на катушкахъ и бумаги Кроше
И. и П. КОАТСЪ,

ВЪ ПАЙСЛЕЙ, ШОТЛАНДІЯ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 240



Прейсъ-курантъ и пробныя работы высылаетъ безплатно
3—3 Р. № 2967

А. ШТЕЙНЪ

Большая Морская, д. № 26, С.-Петербургъ.
Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ

№ 3011 2—2

МОЛЬДАКОТЪ
АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ"** не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ" доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ,** равно какъ и **холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ. „Мольдакотъ"** вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ,** въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ"**, Маросейка, д. Комитета. № 3024

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 2998 10—3

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕГОДНАЯ ПРОДАЖА

ОСТАТКОВЪ, КУПОНОВЪ, CONFECTIONS, МѢХОВЪ, КОСТЮМОВЪ и проч.
ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

ОТКРОЕТСЯ

СЪ 15-го ФЕВРАЛЯ ПО 1-е МАРТА с. г.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ АНТОНОВЪ и К°.

С.-Петербургъ, 38, Невскій проспектъ. № 3027

Дозвол. цензур., СПБ. 10 февраля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. — г. XIX

№ 8 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 20 февраля 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Александръ Васильевичъ Елисѣевъ.

А. В. Елисѣевъ родился въ Свеаборгѣ, 1 августа 1858 г. Сынъ бѣднаго армейскаго офицера, онъ выросъ въ казармахъ и въ лагерѣ у своего отца, принимая участіе во всѣхъ странствованіяхъ и перемѣщеніяхъ при тогдашней кочевой жизни армейца. Тутъ же, на лонѣ природы, среди суровой обстановки военной жизни, Елисѣевъ получилъ первые уроки какъ грамоты, такъ и скитальческой жизни. Въ 1868 г. онъ поступилъ въ Кронштадтскую гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1876 году. Каждыя каникулы, пріучаясь къ странствованіямъ и путешествіямъ, которыя онъ еще мальчикомъ поставилъ себѣ цѣлью жизни, онъ съ ружьемъ и сумкой бродилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ лѣсахъ Финляндіи, Новгородской, Псковской и Олонецкой губерній. Эти первыя пробы путешествій научили его переносить всѣ лишенія и невзгоды бродячей жизни, находить въ ней особую заманчивую прелесть, научили надѣяться на свои собственныя силы и придали ему самостоятельность и энергію; онѣ же развили и способность, и страсть наблюдать природу и жизнь во всѣхъ проявленіяхъ, такъ что ихъ можно считать лучшею школою Елисѣева — приготовительнымъ періодомъ позднѣйшихъ болѣе серьезныхъ путешествій. Послѣ гимназіи А. В. Елисѣевъ поступилъ въ СПБ. университетъ на естественный факультетъ и тамъ окончательно пристрастился къ наукѣ о природѣ, подъ руководствомъ такихъ профессоровъ, какъ покойный Кесслеръ, Бекетовъ, Иностранцевъ и др. Изъ университета онъ перешелъ въ Император. Медико-Хирург. Академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1882 году. По окончаніи курса, избравъ себѣ спеціальностью хирургію, Елисѣевъ служилъ военнымъ врачемъ на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, Финляндіи и Эстляндской губ.; въ званіи военнаго врача путешественникъ пребываетъ и донынѣ.

Александръ Васильевичъ Елисѣевъ. По снимку Русской Фотогр. грав. Шюблеръ.

Кромѣ первыхъ попытокъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько болѣе длинныхъ поѣздокъ въ первый періодъ жизни Елисѣева, до путешествія на Востокъ.

Въ 1875 г., будучи гимназистомъ, Елисѣевъ совершилъ экскурсію въ глубину Финляндіи до Каяны, собирая остатки финскихъ пѣсенъ и преданій; въ 1876 г. былъ заграницею, объѣхалъ Германію, Данію, Австрію, Францію и Швейцарію; въ 1877 г. совершилъ экскурсію въ Вологодскую губернію до Ношульской пристани, а въ 1878 г. былъ на антропологической выставкѣ, которая пристрастила его къ антропологіи, ставшей любимымъ его предметомъ, ради котораго онъ совершилъ позднѣйшія путешествія. Въ 1879 г. А. В. Елисѣевъ путешествовалъ на Уралѣ, отыскивая чудскіе могильники и изучая черепа пріуральцевъ, а въ 1880 г. изслѣдовалъ курганы Ильменскаго бассейна.

Подготовившись такимъ образомъ къ болѣе обширной дѣятельности въ теченіе почти 8 лѣтъ непрерывныхъ скитаній, Елисѣевъ въ 1881 г. отправился на Востокъ. Съ 420 руб. въ кармане онъ пробрался въ Египетъ, прошелъ на осликѣ и пѣшкомъ по Нилу до первыхъ пороговъ и развалинъ Ѳивъ; оттуда тѣмъ же путемъ вернулся въ Каиръ; съ небольшою практикою въ арабской рѣчи, изъ Суэца пошелъ на Синай черезъ Аравійскую пустыню, а потомъ, слѣдуя пути евреевъ, съ книгою Исхода въ рукахъ, послѣ 70-ти дневнаго перехода черезъ пустыню въ лѣтніе жары, посѣтивъ Петру и Моавію, добрался до Іерусалима. Отсюда, объѣхавъ всю Палестину, А. В. Елисѣевъ черезъ Дамаскъ вернулся въ Сирію, а оттуда кругомъ Малой Азіи, домой. Въ 1882 г. онъ, вмѣстѣ съ покойнымъ товарищемъ Высоцкимъ, на 300 руб. совершилъ поѣздку поперекъ Швеціи и Норвегіи, посѣтилъ норвежскую Лапландію и бассейнъ озера Енаре, а оттуда пробрался на Мурманъ и перешелъ русскую Лапландію отъ Колы до Кандалакши. Въ 1883 г. Елисѣевъ занимался антропологическими изслѣдованіями финновъ, во время службы въ Финляндіи и Эстляндской губ.; въ 1884 г. онъ отправился по порученію Палестинскаго Общества въ Святую Землю, для изученія быта и положенія русскаго паломничества. Подъ видомъ сѣраго мужичка-поклонника, онъ познакомился со всѣми ужасами встрѣчающими паломника въ Палестинѣ; плодомъ этой поѣздки была книга: „Съ русскими паломниками на Святой Землѣ“, измѣнившая положеніе русскаго паломничества въ Палестинѣ, но вызвавшая громы со стороны Іерусалимской Патріархіи.

Объѣхавъ снова всю Святую Землю, Елисѣевъ черезъ Грецію, Италію и Сицилію пробрался въ Триполи, думая оттуда пройти въ Феццанъ, но, задержанный возстаніемъ махди, поѣхалъ въ Тунисъ и Алжирію. Познакомившись съ древностями и антропологическими типами Алжиріи, Елисѣевъ изъ Урглы сдѣлалъ 65-дневную экскурсію въ Сахару, для изученія туареговъ. Изъ Алжира черезъ Марокко, Испанію и поперекъ всей Европы, онъ вернулся въ Россію, употребивъ на все путешествіе около 800 рублей. Въ 1886 г., Елисѣевъ, по порученію Географическаго и Палестинскаго Обществъ, перешелъ поперекъ Малую Азію отъ Алеппо, причемъ возстаніе курдовъ и рано наступившая зима помѣшали ему пробраться на Кавказъ. Въ это путешествіе онъ изучалъ сухой путь изъ Россіи въ Палестину и довершалъ свои антропологическія наблюденія надъ народами Востока. Сдѣлавъ еще экскурсіи въ Троаду, на Аѳонъ и къ русскимъ малоазійскимъ колоніямъ, Елисѣевъ въ февралѣ 1887 г. вернулся домой. Въ настоящее время онъ замышляетъ четвертое путешествіе на Востокъ, намѣреваясь отъ Кавказа пройти къ Персидскому заливу черезъ Месопотамію.

Помимо ряда публичныхъ лекцій и ученыхъ сообщеній въ различныхъ обществахъ, Елисѣевъ рано началъ свою литературную дѣятельность. Съ 1878 г. имъ написано въ разныхъ спеціальныхъ и общественныхъ журналахъ и изданіяхъ до 70 статей и замѣтокъ. Изъ отдѣльныхъ работъ слѣдуетъ еще назвать кромѣ помянутой уже книги: 1) „Путь къ Синаю“; 2) „Обитатели Каменистой Аравіи“; 3) „Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна“; 4) „Антропологическая экскурсія въ Сахару“; 5) „Основанія раціональной географіи“; 6) „Поперекъ Малой Азіи“; 7) „Къ вопросу о хвостатыхъ людяхъ“ и др. А. В. Елисѣевъ состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ Парижскаго Географическаго, и однимъ изъ основателей зарождающагося Русскаго Антропологическаго общества.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

X.

Минуло лѣто. Въ концѣ августа, слѣдовательно, въ концѣ 194-го (1686) года, князь Василій поспѣшилъ отпраздновать свадьбу сына Алексѣя, готовясь въ наступающемъ году къ тяжелымъ воинскимъ трудамъ и заботамъ. 1 сентября великіе государи и государыня Софія Алексѣевна принимали вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, патріархомъ и высшимъ духовенствомъ обычное участіе въ торжественномъ празднованіи *новолѣтія*, и вся Москва не безъ тревоги встрѣтила наступавшій новый, 1687 годъ.

3-го сентября, на постельномъ крыльцѣ Теремнаго дворца сказанъ былъ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и жильцамъ и „иныхъ всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ“ указъ великихъ государей и государыни Софіи Алексѣевны о томъ, „что ханъ Крымскій имѣетъ намѣреніе приходить войною къ ихъ государскимъ Украйнымъ и Малорусскимъ городамъ“,—и по тѣмъ вѣстямъ указывалося всѣмъ быть готовыми къ государской службѣ.

Точно такіе же указы были посланы съ нарочными гонцами въ уѣзды Замосковные, Заоцкіе и на Украйну. Городовые воеводы читали тамъ указы по приказнымъ избамъ, передъ всѣми мѣстными начальными людьми, съ подобающимъ внушеніемъ, а для большаго распространенія свѣдѣній о сборахъ въ походъ въ средѣ народа, приказали тотъ указъ биричамъ выкликать въ торговые дни на базарахъ и на площадяхъ. Изъ городовъ разсылались указы по уѣздамъ, во всѣ волости и станы, ближніе и дальніе, черезъ воеводскихъ стрѣльцовъ, которымъ поручено было всюду объявлять, чтобы ратные люди къ государевой службѣ готовились, запасъ полный припасали, коней откармливали, никуда не разъѣзжались и не отлучались, въ ожиданіи послѣдующаго царскаго указа, по которому, „ничѣмъ не отговариваясь и безъ всякаго перевода“, всѣ должны были явиться въ опредѣленные сборные пункты, на конѣ, съ полнымъ доспѣхомъ и вооруженіемъ. И потянулась та безконечная канитель, которая называлась въ старину *сборомъ войскъ въ походъ*, и, при необъятныхъ пространствахъ Русской земли, при отсутствіи путей сообщенія и укоренившихся привычкахъ самоуправства всякихъ властей и начальныхъ людей, была великимъ народнымъ бѣдствіемъ,

Въ то же самое время, на Верху, въ Теремномъ дворцѣ, ежедневно собиралась царская Дума, въ полномъ своемъ составѣ, и постепенно выработывала общій планъ предстоящей войны, обсуждала, сколько полковъ нужно набрать, гдѣ имъ собраться, къ какому сроку выступать, а главное — откуда взять деньги на жалованье ратнымъ людямъ и военные расходы.

Наконецъ, въ видѣ особенной милости къ Оберегателю, великіе государи, въ одномъ изъ наиболѣе торжественныхъ засѣданій Думы, лично объявили князю Василію Васильевичу Голицыну о назначеніи его Воеводою Большаго Полка, иначе сказать—главнокомандующимъ надъ тою сто-тысячною арміей, которую предполагалось собрать и двинуть противъ татаръ.

Дня два спустя послѣ этого назначенія, по установившемуся обычаю времени, князь Василій отправился, раннимъ утромъ, къ патріарху Іоакиму, за благословеніемъ, которое всегда и всѣми испрашивалось у отца-патріарха передъ началомъ каждаго новаго или важнаго дѣла.

Палаты патріарха были расположены въ Кремлѣ, позади Соборовъ, и настолько близко отъ Теремнаго дворца, что многія зданія и службы, лежавшія въ чертѣ обширнаго Патріаршаго владѣнія, сходились стѣна-объ-стѣну со зданіями и службами Теремнаго дворца. Каждый, переступавшій порогъ патріаршихъ палатъ,

вступалъ въ особое государство, которое вѣдалось своими законами и вполнѣ самостоятельно существовало среди окружавшаго его государства мірскаго. Въ чертѣ патріаршихъ владѣній были свои Приказы, своя казна, свои громадные доходы и расходы, свой судъ, даже своя тюрьма для тѣхъ, которые требовали смиренія; въ этомъ государствѣ былъ и свой „государь святѣйшій патріархъ", окруженный своимъ дворомъ, въ которомъ были и такъ-называемые *патріаршіе* бояре, стольники, стряпчіе, и весь тотъ же придворный чинъ и служня, какіе окружали великихъ государей въ Теремномъ дворцѣ.

Но всѣ богатства и вся пышность, окружавшія патріарха, всѣ тѣ почести, которыя ему воздавались, ни мало не отдаляли его отъ народа, не дѣлали его недоступнымъ. Богатства, широкою рѣкою стекавшіяся въ его казну, такою же широкою рѣкою изливались на дѣла благотворенія и милосердія, а двери его палатъ круглый годъ стояли настежъ отворенными для каждаго, кто приходилъ къ отцу-патріарху подѣлиться своею радостью или поискать утѣшенія въ своемъ горѣ. Членъ царской семьи и бѣдный крестьянинъ, бояринъ и нищій, богатѣйшій купецъ и простой рабочій — шли къ патріарху безпрепятственно, находили къ нему открытый доступъ, и каждый получалъ по заслугамъ и потребностямъ: привѣтливое слово, радушное угощеніе и пастырское благословеніе.

Когда Оберегатель переступилъ порогъ патріаршихъ палатъ, онъ былъ встрѣченъ въ сѣняхъ патріаршимъ бояриномъ, который поклонился ему въ поясъ, и, послѣ обычныхъ привѣтствій и вопросовъ о здравіи, сказалъ ему:

— Батюшка князь Василій Васильевичъ! Государь святѣйшій киръ-Іоакимъ патріархъ въ Крестовой палатѣ обрѣтается, и народу у него тамъ многое множество — каждый со своимъ дѣломъ — такъ не пожалуешь-ли прямо въ Столовую палату ко святѣйшему, а мы ему о твоемъ приходѣ особо доложимъ.

— Нѣтъ, бояринъ, не тревожь святѣйшаго; я къ нему за тѣмъ же дѣломъ, что и другіе, такъ я въ Крестовую къ нему и пойду.

— Твоя воля, князь. Кстати сказать, святѣйшій сегодня походъ въ Симоновъ монастырь объявилъ, такъ должно быть въ Крестовой долго и не останется.

Когда князь Василій вошелъ въ Крестовую палату патріарха—обширное, свѣтлое, благолѣпно-украшенное зало—у дверей и около стѣнъ, стояло по крайней мѣрѣ, человѣкъ шестьдесятъ всякаго званія людей, выжидавшихъ своей очереди, чтобы подойти подъ благословеніе патріарха. Тутъ были бояре, и стольники, и простые крестьяне. Въ толпѣ видно было нѣсколько именинниковъ съ именинными пирогами и калачами; тутъ же стоялъ придворный ключникъ съ привознымъ изъ Астрахани виноградомъ; былъ и простой рыбакъ съ огромнымъ лещомъ въ лоханкѣ, и какой-то мужичекъ съ чудовищной рѣдькой на деревянномъ блюдѣ, и греки съ Аѳона, и монахини изъ какого-то дальняго монастыря. Въ переднемъ углу, подъ образами, на особомъ возвышеніи или амвонѣ изъ трехъ ступеней, обитыхъ краснымъ сукномъ, сидѣлъ въ креслѣ патріархъ Іоакимъ, старецъ лѣтъ подъ семьдесятъ, убѣленный сѣдинами, но еще бодрый и благообразный на видъ. Около патріарха стоялъ его ризничій Аѳиноій, высокій и плечистый мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, а немного далѣе — любимый ключарь его Іаковъ, суетливый и подвижной старичокъ, рябой и подслѣповатый. Позади патріарха и по бокамъ амвона, тѣснилось нѣсколько лицъ изъ клира. На ступеняхъ амвона стояли передъ Іоакимомъ — стольникъ Поливановъ и окольничій Лопухинъ — оба съ молодыми женами. Недавно-повѣнчанныя парочки пришли къ отцу-патріарху за благословеніемъ и принесли ему *свадебные овощи* въ красиво-раззолоченныхъ корзинахъ, прикрытыхъ искусно-расшитыми ширинками.

Въ то время, когда князь Василій вступалъ въ палату, патріархъ благословлялъ молодыхъ супруговъ иконами и, по поводу одной изъ иконъ, вспоминалъ приснопамятное ему обрѣтеніе правой руки апостола Андрея Первозваннаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ отысканной въ серебряномъ ковчегѣ, между многими другими мощами патріаршей ризницы при церкви Св. апостола Филиппа. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушали то, что̀ говорилъ патріархъ, и князь Василій смиренно сталъ въ сторонкѣ, выжидая окончанія рѣчи святѣйшаго, который продолжалъ:

— Обрѣтенная нами св. рука богопроповѣдника вселенскаго, особно-же Всероссійскаго, имѣетъ сложеніе перстовъ по обычаю матери нашей православной церкви, якоже и всѣ христіане крестъ изображаютъ: три перста совокупные, два же пригнутые зѣло явно; видимо, что Св. апостолъ Андрей, мучимый безбожнымъ Анѳипатомъ Егеатомъ, при смерти своей крестъ святый на себѣ знаменалъ, и тако сложены и замерли, и окрѣпли персты его...

И затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ находившимся въ палатѣ, возвысилъ голосъ и произнесъ громко:

— Помните вы всѣ, православные, что сіе троеперстное сложеніе обрѣтенной десницы богопроповѣдника обличаетъ явно раскольниковъ Св. церкви безумство и непокорство!

Когда патріархъ окончилъ свою рѣчь, князь Василій подошелъ къ нему подъ благословеніе, и въ то время какъ цѣловалъ его руку, святѣйшій сказалъ ему вполголоса:

— Радъ тебя видѣть, князь Василій, и дѣло у меня до тебя есть; долженъ наединѣ съ тобою побесѣдовать. Повремени, пока отпущу православныхъ.

И между тѣмъ какъ князь Василій отошелъ съ княземъ Троекуровымъ и его зятемъ, окольничимъ Лопухинымъ, къ окну, патріархъ поднялся со своего кресла, и вся стоявшая въ глубинѣ палаты толпа, тѣснясь, двинулась къ нему подъ благословеніе. Прежде всѣхъ, почти подбѣжалъ къ амвону придворный истопникъ Максимко Гавриловъ, и разомъ повалившись въ ноги передъ Іоакимомъ, заголосилъ на всю палату:

— Смилуйся, святѣйшій патріархъ! Яви мнѣ грѣшному свое милосердіе! Вчера былъ я къ тебѣ посланъ отъ великой государыни царевны Евдокіи Алексѣевны со столомъ, понесъ тебѣ блюдо прикрошки тѣльной, да блюдо левашниковъ, да грѣшнымъ дѣломъ поскользнулся и на-земь палъ, и блюда̀ тѣ въ грязь уронилъ! И велѣно меня за ту провинность передъ твоими палатами бить батогами нещадно...

— Жалѣю, что ты не донесъ до меня царское жалованье, сказалъ Іоакимъ. — На сей разъ попрошу тебя отъ наказанія избавить. Но помни, что царское велѣніе слѣдуетъ исполнять не съ небреженіемъ, а со вниманіемъ и усердіемъ.

Максимко поспѣшно ударилъ еще земной поклонъ и отошелъ къ сторонѣ. Затѣмъ подошли именинники со своими приношеніями, и всѣхъ ихъ патріархъ поздравилъ и отослалъ въ свой кормовой дворецъ, съ приказаніемъ угостить ихъ — кого пивомъ, кого медомъ. За ними подошелъ *степенный* ключникъ Сергѣй Боховъ, съ астраханскимъ виноградомъ отъ царевны Софіи Алексѣевны. Патріархъ приказалъ принять виноградъ и благодарить царевну, а подателя ея даровъ благословилъ небольшимъ образкомъ, который взялъ изъ рукъ ризничаго.

Вслѣдъ за придворнымъ истопникомъ подошла къ амвону ветхая старушеночка, сморщенная и сгорбленная (судя по одеждѣ, клирошанка). Она подала патріарху небольшой конецъ тончайшаго домотканнаго холста, и, низко кланяясь, проговорила:

Казнь гадателей у древнихъ скиѳовъ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) барона **М. Клодта**, грав. Шюблеръ.

Репетиторъ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **В. Рейнке.** грав. Шюблеръ.

— Прими, государь, моего тканья холстъ! Сама тебѣ на онучки выткала.

— Спасибо за усердіе, честная вдова Варварица! Снеси холстъ казначею, скажи, чтобы принялъ, а тебѣ твое жалованье *) выдавалъ противъ прежняго.

За старушкой-клирошанкой подошелъ мужичекъ въ сѣрой свиткѣ, съ чудовищной рѣдькой на деревянномъ блюдѣ. Лицо его сіяло добродушнѣйшею улыбкою самодовольствія, когда онъ, поклонившись въ землю патріарху, поднесъ ему свой даръ:

— Не побрезгай, святѣйшій патріархъ, прими отъ своего подмастерья каменныхъ дѣлъ Бориски Семенова. На своемъ огородѣ экую выростилъ... Больно ядрена нонѣ уродилась...

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, за рѣдьку, сказалъ съ ласковой улыбкой Іоакимъ; — рѣдька съ квасомъ хороша! Такъ пойди отъ меня къ ключнику Семену, да вели себя угостить моимъ любимымъ малиновымъ квасомъ.

А между тѣмъ какъ за Борисомъ Семеновымъ потянулись къ Іоакиму греки съ Аѳона, монахини и крестьяне, и всякій иной людъ, къ князю Василію подошелъ съ поклономъ ключарь Іаковъ и сообщилъ, что патріархъ проситъ его пожаловать въ „малую“ келью, и тамъ подождать его. Провожая князя по владычнимъ покоямъ, ключарь все что-то бормоталъ себѣ подъ носъ вполголоса, такъ что даже и князь Василій, давно уже знавшій этого добраго и очень безтолковаго старика, обратилъ наконецъ вниманіе на его бормотанье:

— Что ты это, отецъ Іаковъ? молитву что-ли новую складываешь, или канонъ какой на память твердишь?

— Нѣтъ, батюшка князь! На меня бѣда пришла... съ моей памятью!

— Какая же твоя бѣда, отецъ Іаковъ?

— Да вотъ, приказалъ святѣйшій колоколамъ на Ивановской колокольнѣ прозванья перемѣнить. Какъ докладываемъ мы ему о благовѣстѣ, такъ велѣно намъ въ докладѣ новый-то большой называть *Успенскимъ*, а старый Успенскій *Воскреснымъ*, а *Реутъ — по-лі-елейнымъ*... Вотъ я и путаюсь при докладѣ святѣйшему: хочу сказать „Успенскій“, а говорю „Воскресенскій“, а вмѣсто „поліелейнаго“ все — Реутъ да Реутъ!.. Даже прогнѣвалъ святѣйшаго!.. И твержу теперь на память, въ которые колокола благовѣстъ заказанъ!

Князь Василій невольно улыбнулся и подумалъ: „видно, у каждаго своя забота, и каждому Богъ даетъ ее по силѣ!“

Въ „малой“ кельѣ патріарха, выходившей окнами въ такъ-называемый „комнатный садикъ“, устроенный въ видѣ террасы надъ сводами патріаршей казенной палаты, князю Василію пришлось недолго ожидать. Іоакимъ вступилъ въ палату черезъ нѣсколько минутъ и, опустившись въ кресло около столика, на которомъ былъ золотомъ и красками писанъ патріаршій гербъ, пригласилъ и Оберегателя сѣсть.

— Святѣйшій отецъ-патріархъ, сказалъ князь Василій, почтительно преклоняя голову передъ Іоакимомъ, — я пришелъ къ твоему архіерейству просить благословенія на предстоящіе мнѣ многотрудные подвиги.

— Я ожидалъ тебя, князь Василій. Знаю, что ты, чадо вѣрное и нелицемѣрное, не забудешь о нашемъ благословеніи даже и среди твоихъ заботъ государственныхъ, и приготовилъ тебѣ благословеніе... Но прежде, чѣмъ передамъ, я долженъ говорить съ тобой о тайномъ дѣлѣ.

— О тайномъ? переспросилъ князь Василій.

— Да, сынъ мой возлюбленный, и молю тебя и заклинаю никому не передавать бесѣды нашей. Я назвалъ тебя чадомъ вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ, ибо знаю, что не лежитъ въ тебѣ сердце къ мрачнымъ ковамъ и злохитростнымъ мечтаніямъ... Но ты насъ покидаешь... Ты бѣжишь во слѣдъ воинской славѣ... На кого-же ты насъ покидаешь? кому вручаешь судьбу малолѣтнихъ государей и всего государства?

— Святѣйшій отецъ-патріархъ, не я государствомъ правлю — благовѣрная царевна Софія Алексѣевна...

— Не говори со мною, какъ царедворецъ! Насъ здѣсь слышитъ только Богъ единый, а отъ Него и помысла не скроешь! Царевна-правительница государствомъ правитъ, а ты *ею правишь*, князь Василій. Молю Всесильнаго Творца, чтобы Онъ простилъ тебѣ твой грѣхъ за то, что ты насъ отъ ея властолюбія оберегаешь... ея клевретамъ воли не дашь! А безъ тебя-то что̀ будетъ?

— Какъ буду я въ полку, такъ государыня дозволила мнѣ передать дѣла Посольскаго Приказа сыну Алексѣю...

— Да я не о дѣлахъ посольскихъ! Ими и малолѣтокъ твой управитъ, при такомъ хорошемъ дядькѣ, какъ Емельянъ Украинцевъ... Ну, а при *ней*-то, при *самой*-то кто тебя замѣнитъ?

Князь Василій молчалъ, потупившись.

— По душѣ скажу тебѣ, князь Василій, боюсь я твоего Шакловитаго! Онъ человѣкъ опасный!.. Ему царевна довѣряетъ всѣ свои затѣи... А у него въ умѣ недобрые замыслы!..

— Я Ѳедора Леонтьевича знаю, сказалъ князь Василій, — и готовъ за него ручаться...

— Не ручайся, князь Василій! Я дольше тебя живу на свѣтѣ — и больше видывалъ людей, и съ этими хохлами я съ молоду живалъ въ однѣхъ стѣнахъ, какъ былъ еще инокомъ въ Межигорской обители. Хохла — какъ ни выворачивай, все изнанка: до лица не доберешься... А сказываютъ мнѣ, что Ѳедоръ Шакловитый и по вся дни, по вечерамъ, у Сеньки въ Спасскомъ монастырѣ бываетъ, и будто Сенька (а это злой латинщикъ!) успѣлъ уже свести его съ пріятелями-то со своими...

— Съ какими пріятелями?

— А со стрѣлецкими начальниками, съ Никиткой Гладкимъ, да со Стрижемъ, да съ Чермнымъ, да съ Цыклеромъ... А развѣ ты не знаешь, что̀ это за люди?.. Развѣ ты не видишь крови на ихъ рукахъ?

— Но дозволь-же мнѣ, владыко, замолвить слово въ пользу Ѳедора Леонтьевича. Съ тѣхъ поръ, какъ порученъ ему Стрѣлецкій Приказъ — не онъ-ли обуздалъ эту „надворную пѣхоту“? Не онъ-ли первый съумѣлъ взять стрѣльцовъ въ руки, послѣ Хованскаго?

— Чего-жъ теперь-то ищетъ онъ въ стрѣльцахъ? Зачѣмъ съ ними якшается? Зачѣмъ поитъ и угощаетъ ихъ на своемъ загородномъ подворьѣ подъ Дѣвичьимъ?

— Не вѣдаю, святѣйшій патріархъ.

— Я потому и говорю съ тобой, что ты не вѣдаешь, а *долженъ вѣдать!* И долженъ мѣры принять къ тому, чтобы спасти насъ отъ новой смуты... Помни, что не кто другой, а ты отвѣтишь Богу! Пока ты здѣсь еще, остереги царевну отъ замысловъ. Вѣдь ты не Шакловитый! Нечего тебѣ искать — ты взысканъ всѣмъ, и отъ Бога, и отъ великихъ государей! Останови царевну! Не къ добру она идетъ!.. И наблюди за Шакловитымъ; а я уже велѣлъ слѣдить за Сенькой, и если я увижу, что онъ мѣшается въ мірскія дѣла — я его по-своему уйму и приведу къ смиренію.

Тутъ патріархъ постучалъ въ полъ своимъ посохомъ: явился ризничій Акинѳій съ образомъ Успенія въ прекрасной серебряной басменной ризѣ.

Патріархъ поднялся со своего мѣста, взялъ образъ, благословилъ имъ князя Василья и, прикоснувшись краемъ иконы къ его наклоненной головѣ, сказалъ твердо:

— Не измѣни своему долгу и святой присягѣ! И да пошлетъ тебѣ Богъ на враги побѣду и одолѣніе! Акинѳій, отправь икону къ князю съ нарочнымъ.

*) Жалованье — въ смыслѣ пособія, пенсіи.

Простившись съ патріархомъ, князь Василій въ глубокомъ раздумьѣ шелъ изъ „малой“ кельи и почти столкнулся съ ключаремъ Іаковомъ, который, ничего кругомъ себя не видя, бѣгалъ взадъ и впередъ по сѣнямъ, и все бормоталъ вполголоса:

— Господи, что же это будетъ? *Успенскій*-то помню, что *Воскреснымъ* звать! А *Реутъ*-то, *Реутъ*-то какъ? Просвѣти и настави, Господи!

XI.

Бесѣда съ патріархомъ сильно подѣйствовала на князя Василія. Святѣйшій никогда прежде не говорилъ съ нимъ такъ искренно, не касался такъ прямо щекотливыхъ вопросовъ современности, не высказывалъ такъ открыто своихъ желаній. Князь Василій нѣсколько разъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что Іоакимъ благоволилъ къ нему, но ему представлялось весьма естественнымъ, что этимъ благоволеніемъ патріарха онъ обязанъ, главнымъ образомъ, своему высокому положенію и обширной власти, сосредоточенной въ рукахъ Оберегателя. Тѣмъ болѣе былъ онъ пораженъ, когда услышалъ отъ патріарха, что тотъ цѣнилъ въ немъ его личныя качества и въ зависимость отъ его личнаго вліянія ставилъ внутреннее спокойствіе государства... Въ пору сказанное слово пробило толстую кору эгоистическихъ разсчетовъ царедворца и запало въ душу князя Василія—онъ съ тревогою взглянулъ въ ближайшее будущее и самъ невольно задалъ себѣ вопросъ о томъ, что можетъ произойти въ Москвѣ во время его отсутствія. Онъ видѣлъ, что поданный имъ совѣтъ пришелся по душѣ Софіи, и что она стремилась поскорѣе осуществить его на дѣлѣ, спѣшила сравняться съ братьями во власти и въ значеніи; и не безъ страха замѣчалъ князь Василій, что Софья полагаетъ достигнуть намѣченной имъ цѣли не постепеннымъ, медленнымъ но вѣрнымъ путемъ строго разсчитанныхъ дипломатическихъ ходовъ и уловокъ, а весьма опаснымъ путемъ насильственнаго переворота, въ помощь которому, на всякій случай, подготовлялось движеніе между стрѣльцами. А такъ какъ Софьѣ было извѣстно нерасположеніе князя Василія ко всѣмъ крупнымъ и жестокимъ мѣрамъ, то она, повидимому, предоставляла руководство въ подготовкѣ переворота человѣку болѣе рѣшительному и менѣе разборчивому въ средствахъ—Шакловитому. Но князь Василій хорошо зналъ Шакловитаго: онъ понималъ, что этотъ человѣкъ, глубоко преданный Софьѣ и ею выдвинутый изъ ничтожества на важный постъ думнаго дьяка, можетъ быть пригоденъ только какъ дѣятель второстепенный, какъ надежный и точный исполнитель чужихъ предписаній... Князь Василій зналъ и то, что Шакловитому нельзя было довѣрить важное государственное дѣло, его нельзя было поставить во главѣ извѣстнаго движенія, какъ человѣка неродовитаго, случайно выдвинутаго изъ низшаго слоя общества, ни съ кѣмъ не связаннаго никакими отношеніями и притомъ мелочночестолюбиваго, заносчиваго и не кстати горячаго. Еще съ большимъ недовѣріемъ относился князь Василій къ другу и совѣтнику Шакловитаго — Сильвестру Медвѣдеву, который также основывалъ всѣ свои упованія на торжествѣ Софіи, и готовъ былъ ей содѣйствовать во что бы то ни стало. Князь Василій зналъ, что, дѣйствительно, только черезъ Сильвестра могъ Шакловитый сблизиться со стрѣльцами, которыхъ вооружилъ противъ себя крупными мѣрами и чрезвычайною строгостью отношеній къ нимъ, когда, послѣ казни князей Хованскихъ, принялъ на себя управленіе Стрѣлецкимъ Приказомъ. Изъ словъ патріарха, князь Василій замѣтилъ, что отношенія Сильвестра Медвѣдева къ стрѣльцамъ извѣстны святѣйшему и, слѣдовательно, легко могутъ обратить на себя вниманіе „Преображенскихъ пріятелей“ и даже вызвать съ ихъ стороны такой отпоръ, какого, конечно, не ожидала Софья. Оберегатель, при первомъ удобномъ случаѣ, рѣшился переговорить съ Шакловитымъ и предостеречь правительницу.

Дня два спустя послѣ свиданія съ патріархомъ, князь Василій зазвалъ къ себѣ Шакловитаго обѣдать и послѣ стола, за чаркой добраго вина, спросилъ, какъ будто-бы случайно, о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ.

— Эхъ, князь Василій Васильевичъ, въ пору ты о немъ вспомянулъ! На Сильвестрія мнѣ смотрѣть жалко: такъ его тѣснитъ и гнететъ святѣйшій. Теперь Лихудьямъ строитъ у него въ обители каменныя палаты подъ ихъ школу, а Сильвестріеву школу собирается закрыть.

— Что-жъ такъ? вѣдь, кажется, святѣйшій благоволилъ къ нему—не даромъ и справщикомъ его поставилъ на Печатный дворъ.

— Да все навѣты этихъ грековъ, да споры съ инокомъ Арсеніемъ...

— А не то-ли вредитъ Сильвестрію, что онъ, попрежнему, дружитъ съ стрѣлецкими начальными людьми? замѣтилъ Оберегатель, пристально вглядываясь въ лицо Шакловитому.

— Не знаю, право... я что-то не слыхалъ объ этомъ... Мнѣ говорили, что между стрѣльцами есть земляки Сильвестрія... Такъ, можетъ, съ ними?

— Не знаю, земляки-ли? Мнѣ называли даже его пріятелей: Петровъ Обросимъ, да Кузьма Чермный, да Никита Гладкій, да Цыклеръ... Все изъ тѣхъ, что въ 190 году на площадь выходили. И говоришь ты—земляки. Какой-же Цыклеръ ему землякъ? Вѣдь онъ же иноземецъ?..

— Ну, можетъ быть, и кромѣ земляковъ, есть у него знакомцы...

— Вотъ то-то я и слышалъ, что у Сильвестрія между стрѣльцами есть и знакомцы, и пріятели, что онъ и принималъ ихъ у себя въ обители, и будто это именно святѣйшему не нравится. Вѣдь ты, Ѳедоръ Леонтьевичъ, съ Сильвестріемъ пріятель и землякъ, такъ ты бы предупредилъ, предостерегъ его...

Шакловитый, въ свою очередь, пристально посмотрѣлъ на князя Василія, который понялъ значеніе его взгляда и продолжалъ:

— Сказать по правдѣ, слышалъ я еще, будто и тебя отецъ Сильвестрій свелъ съ этими людьми, и ты съ ними тоже часто видишься и даже у себя ихъ принимаешь и угощаешь.

Шакловитый сверкнулъ глазами, какъ лезвіемъ ножа, и, стараясь улыбнуться, проговорилъ не безъ смущенія:

— Людей послушай, такъ всего наскажутъ. Сильвестрій не сводилъ меня ни съ Цыклеромъ, ни съ другими полковниками стрѣлецкими, а самъ я съ ними сталъ сходиться и чаще видѣться... затѣмъ что...

— Затѣмъ, что думаешь—не пригодятся-ли они царевнѣ? спокойно добавилъ князь Василій.

Шакловитый нахмурилъ брови и, опустивъ глаза, проговорилъ нерѣшительно:

— А развѣ ты самъ, князь Василій Васильевичъ, думаешь, что мы безъ нихъ съумѣемъ обойтись?

— Не только думаю, но твердо вѣрю въ то, что царевна утвердится на престолѣ не кровью, не насиліемъ, а мудростью, какъ истинная *Софія*. Не забудь, что мы ужь поднимали землю на стрѣльцовъ, и сбили имъ рога! Такъ развѣ-же не съумѣютъ и другіе сдѣлать то же?

Шакловитый отвѣчалъ сумрачнымъ молчаніемъ.

— И ужь если пошло на правду, продолжалъ князь Василій,—такъ я тебѣ скажу, Ѳедоръ Леонтьевичъ, что эти замыслы нужно бросить. Оставь, не шевели стрѣльцовъ—не поднимай ихъ! Противъ этой силы найдутся силы еще и не такія... Надо всѣхъ заставить вѣрить, что никто, кромѣ царевны, не управится съ землею, не снесетъ всей тяготы правленія, не съумѣетъ всѣхъ примирить и успокоить и оградить отъ всякихъ золъ и внутри, и внѣ, а потому и слѣдуетъ ей братьямъ со-

царствовать. Пусть каждый получитъ равное участіе въ правленіи — Софія все-же будетъ преобладать, и, правя за себя и за царя Ивана, не дастъ воли царю Петру и всѣмъ, кто за его спиною хоронится. А тогда, конечно, и бояре, и патріархъ—всѣ будутъ за нее... И только этимъ мирнымъ путемъ мы можемъ дѣло довести благополучно до цѣли. А прежними путями теперь ужъ не дойдешь, Ѳедоръ Леонтьевичъ! И я прошу тебя и заклинаю оставить всякій помыселъ объ этомъ: дай мнѣ слово, что ничего не предпримешь до возвращенія моего, что ничего не сдѣлаешь, не совѣщавшись со мной!

— Помилуй, князь! Да что-же я смѣю дѣлать безъ тебя? И помысловъ не можетъ быть... Я только думалъ, что не мѣшаетъ заручиться на всякій случай...

— Заручиться можешь. Но поднимать, мутить стрѣльцовъ не думай. Знай, что въ этомъ я былъ бы первый врагъ тебѣ, Ѳедоръ Леонтьевичъ! И мудрено-ли силой взять? Нѣтъ, ты умомъ возьми! Съумѣй перехитрить врага, съумѣй заставить въ тебѣ нуждаться!

— Хорошо-бы, князь, кабы и всѣхъ враговъ можно было умомъ одолѣть, лукаво замѣтилъ Шакловитый.— Да ты и самъ чай разумѣешь, что не со всѣми такъ легко поладить?

— Пусть такъ! Но не спѣши хвататься за ножъ: все дѣло можешь загубить. Дай справиться съ татарами... А какъ вернемся мы съ побѣдой, какъ будетъ въ нашихъ рукахъ вся сила воинская, и всѣ начальные люди изъ рукъ царевны будутъ ожидать наградъ и милостей— тогда какъ разъ настанетъ время завести рѣчь и о вѣнчаніи царевны. Такъ-ли?

— Конечно такъ, князь Василій Васильевичъ. И какъ ты порѣшилъ, пусть такъ и будетъ! Гряди въ славу Божію на общаго врага. Дозволь мнѣ осушить чару во здравіе твое и пожелать тебѣ счастливаго пути и безпрепятственнаго возвращенія въ Москву!

И онъ, поднявшись съ мѣста съ кубкомъ въ рукахъ, поклонился князю Василію и, разомъ осушивъ свой кубокъ, поставилъ его на столъ.

Какъ разъ въ это время вошелъ въ палату Кирилычъ и съ низкимъ поклономъ подалъ князю письмо, запечатанное маленькою черною печатью, слишкомъ хорошо ему знакомою. Князь быстро вскрылъ письмо, и пробѣжавъ его глазами, спросилъ Кирилыча:

— А кто принесъ письмо?

— Старикъ какой-то.

— Пусть обождетъ; я скоро позову его. Онъ будетъ мнѣ нуженъ.

Кирилычъ направился къ дверямъ, чтобы исполнить приказаніе князя, а Шакловитый взялся за шапку и сталъ откланиваться. Князь не удерживалъ его, и только что остался одинъ, какъ снова развернулъ письмо и и сталъ его внимательно читать, вдумываясь въ каждое слово. Царевна извѣстнымъ ему крюкомъ писала слѣдующее:

„Свѣтъ мой, братецъ Васенька! Какъ къ тебѣ сія моя грамотка дойдетъ, прикажи послать къ себѣ того посыльщика, который ту грамотку подастъ. Буде ты свою судьбу узнать хочешь, онъ тебѣ ее какъ по книгѣ разскажетъ. По семъ, здравствуй, мой свѣтъ, на вѣки неисчетные“.

Перечитавши письмо, князь приказалъ позвать къ себѣ подателя его.

Черезъ нѣсколько минутъ Кирилычъ ввелъ въ палату какого-то старца въ темной свиткѣ, который, переступивъ порогъ, отвѣсилъ низкій поклонъ и молча сталъ у дверей. Князь Василій сдѣлалъ Кирилычу знакъ рукою и тотъ, выйдя изъ комнаты, приперъ за собою дверь.

Тогда Оберегатель взглянулъ на старца и съ удивленіемъ замѣтилъ, что тотъ смѣло и пристально смотритъ на него своими большими, темными очами. И князю Василію вдругъ стало жутко отъ этого сильнаго, остраго, прямо на него направленнаго взгляда. Чтобы не выказать этого непріятнаго чувства, князь поднялся со своего мѣста и прошелся взадъ и впередъ по палатѣ. Но даже и въ то время, когда онъ поворачивался къ старику спиною, онъ ощущалъ на себѣ тотъ же взглядъ, испытывалъ ту же обаятельную его силу.

— Кто ты? спросилъ наконецъ князь Василій, быстро обернувшись и подходя къ старику.

— Отъ благовѣрной государыни-царевны присланъ къ твоей милости. Зовутъ меня Митькой Силинымъ, а кормлюсь я отъ знахарскаго мастерства.

— Отъ болѣзней лѣчишь—наговоромъ или травами какими?

— И травами, и всяко лѣчимъ. Какъ прійдется.

— И гадать умѣешь?

— И гадаемъ—и на бобахъ, и на водѣ, и по ладони смотримъ, кому что суждено..

— Ну, посмотри мнѣ на ладонь, скажи, что ты увидишь?

Старикъ положилъ бѣлую, красивую, выхоленную руку князя на свою корявую и морщинистую руку, внимательно всмотрѣлся въ линіи его ладони, потомъ насупилъ брови, соображая что-то про себя, и сказалъ:

— Многолѣтенъ ты будешь, князь... доживешь до глубокой старости, а много горя увидишь—жизнь твоя неспокойная будетъ. Вотъ одна напасть, а вотъ другая... продолжалъ старикъ, указывая пальцемъ на пересѣченія и скрещиванія побочныхъ линій ладони съ главною линіею жизни. И до конца жизни въ любви и согласіи съ женою проживешь. Видишь, какъ эти рытвины сошлись, да сойдясь то протянулись.

Князь Василій недовѣрчиво взглянулъ на колдуна, и подумалъ про себя:

„Много ты знаешь, старый плутъ!“

Старикъ понялъ значеніе взгляда, брошеннаго Оберегателемъ, и, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ взглядъ, проговорилъ сквозь зубы:

— Теперь-то, можетъ, ты и чужбинку любишь, бояринъ; ну, а вѣдь самъ, чай, знаешь поговорку: „къ костямъ мясо слаще, подъ старость—жена милѣе.“

— Ну, а еще что скажешь? перебилъ его князь Василій, стараясь скрыть впечатлѣніе, произведенное на него неожиданнымъ замѣчаніемъ Митьки.

— По ладони я тебѣ больше ничего не могу сказать; а если правду-то молвить, такъ я о тебѣ и многое знаю, да говорить не смѣю.

— Говори все, что знаешь. Не бойся — я тебѣ приказываю.

— Приказываешь? лукаво прищурившись переспросилъ старикъ.—Намъ приказывать никто не воленъ. Царевна посильнѣе тебя будетъ, а и та меня проситъ да жалуетъ! Такъ вотъ, коли я сказалъ тебѣ, князь-батюшка, что говорить не смѣю, такъ не изъ боязни передъ твоею силою и властью, а потому что огорчить тебя не хочется.

— Огорчить?! Ужь ты, смотри, не очень-ли высоко носъ дерешь! Не мало я видалъ на своемъ вѣку какъ вашего брата батожьемъ бьютъ да въ срубахъ на Болотѣ сожигаютъ.

— Это точно, князь! Насъ и пытать и жечь можно; ну, а силы-то нашей ни пыткой, ни огнемъ перевести нельзя. И сила наша не малая: за многія версты по вѣтру мы и порчу насылаемъ, и присухи наводимъ, и душою мутимъ... Самъ, небось, изволилъ пробовать, каковы коренья-то бываютъ, которые для прилюбленія въ ѣства кладутъ? Хе, хе, хе!

— Что ты бредишь такое—кто тебѣ наболталъ объ этихъ кореньяхъ? Съ чего ты взялъ?.. быстро отозвался князь Василій, невольно мѣняясь въ лицѣ и стараясь казаться спокойнымъ.

— Никто ничего не наболталъ мнѣ, я это *самъ* узналъ, князь! многозначительно отвѣчалъ старикъ.—И ты не

Литературный альбомъ. „Евангелина“, поэма Лонгфелло. Рис. Гравье, грав. Науманъ.

гнѣвайся и не стращай меня, коли я что̀ и не такъ скажу. Не ко вреду тебѣ, а къ твоей же пользѣ я о тебѣ гадалъ, по приказу государыни-царевны. И не нашею силой прозналъ я то, что̀ съ тобою сбудется. Что̀ знаю, то и скажу—безъ утайки, безъ обману!

— Да говори-же скорѣе, что̀ ты знаешь? — и вотъ на̀-тебѣ—языкъ позолотить! нетерпѣливо проговорилъ князь Василій, суя въ руку колдуну три золотыхъ.

— Много доволенъ твоею милостью и твоимъ жалованьемъ. А будешь-ли ты моимъ сказомъ доволенъ, князь—того не вѣдаю.

— Ну, скорѣе къ дѣлу!

— Старецъ Сильвестрій, что въ Спасскомъ монастырѣ живетъ, умѣетъ какъ-то по звѣздамъ смотрѣть—и сказывалъ мнѣ, что смотрѣлъ, и будто по звѣздамъ выходитъ, что быть на Москвѣ кровопролитію великому... Не повѣрилъ я ему и самъ влѣзалъ на Ивановскую колокольню съ Андрюшкою Бурмистровымъ, стрѣлецкимъ головою, и въ солнце смотрѣлъ—и точно видѣлъ, что всѣ вы по колѣно въ крови ходите... и ты, и царевна... И оба вы ликомъ темны—и ты, и царевна; а цари сидятъ свѣтлы и радошны, и вѣнцы на головахъ у нихъ какъ жаръ горятъ.

Князь Василій, слушая эти странныя рѣчи, опять почувствовалъ себя подъ обаяніемъ взгляда стараго колдуна и невольно вздрогнулъ.

— И думается мнѣ, продолжалъ старикъ, понижая голосъ,—что не будетъ *вамъ удачи въ вашемъ дѣлѣ*, и что цари васъ одолѣютъ и будетъ послѣ того кровавое смущеніе, какого еще на Московскомъ государствѣ прежъ сего не бывало... Гадалъ я и на счетъ похода твоего, князь, и выходитъ...

— Ну, ну—что̀ выходитъ...

— Выходитъ, что тебѣ и тутъ не будетъ удачи. И мой совѣтъ: тебѣ-бы не ходить...

— Что̀ выдумалъ еще! Небось,—не страшно!

— На то есть твоя воля, бояринъ, а я, что̀ знаю, то и баю. Тебѣ *здѣсь* нужно быть! Пока ты тамъ съ врагами будешь биться, тутъ на твое мѣсто много найдется охотниковъ, и *корешковъ* поищутъ посильнѣе...

— Опять ты путаешь о какихъ-то корешкахъ, сердито перебилъ его князь Василій.

— Что̀ дѣлать? сердце женское и прилюбчиво, и измѣнчиво... Съ глазъ долой, и изъ сердца вонъ! Не ходи въ походъ — другаго за себя пошли! Пойдешь, много нужды примешь, а бѣды не избудешь.

Князь Василій слушалъ нахмурившись и нетерпѣливо крутя усъ. Когда колдунъ замолчалъ, онъ спросилъ его:

— Все-ли ты сказалъ? не укрылъ-ли чего?

— Нѣтъ, князь! Ничего не укрылъ: сказалъ тебѣ то, чего ни царевнѣ не скрывалъ, ни старцу Сильвестрію. Знаю, что не угодилъ тебѣ моимъ гаданіемъ: дурное никому не любо! Вотъ и Θедоръ Леонтьевичъ тоже набросился на меня, какъ я ему сказалъ, что видѣлъ его въ солнцѣ безъ головы. А чѣмъ я виноватъ: по моему гаданью выходитъ, что не сносить ему буйной головушки на плечахъ. Хе, хе, хе!

Князя Василія покоробилъ этотъ лукавый и противный смѣхъ. Онъ поспѣшилъ спровадить колдуна, сунувъ ему нѣсколько золотыхъ въ руку и молча указавъ ему на двери.

Старикъ поклонился князю и уже повернулся было къ дверямъ, но пріостановился на порогѣ и, оглянувшись на князя Василія, сказалъ:

— Чуть было не запамятовалъ еще одно сказать тебѣ, князь! Берегись Септемврія мѣсяца—и ничего въ Септемвріи не начинай! Прощенья просимъ...

И сверкнувъ въ полутьмѣ сумерокъ своими большими, темными глазами, старикъ поспѣшно перешагнулъ черезъ порогъ и скрылся за дверью, оставивъ князя Василія въ тревожномъ раздумьи и странномъ недоумѣніи. Многое въ рѣчахъ колдуна его поразило, многое показалось непонятнымъ, и многое заставило его невольно содрогнуться при одной мысли о томъ, что предсказанное возможно, исполнимо, осуществимо!.. Настоящее было такъ свѣтло и величаво, такъ полно всякихъ земныхъ благъ и соблазновъ, что самая мысль о возможности какихъ-то неудачъ и бѣдствій въ будущемъ уже смущала и бѣсила князя Василія.

— Нѣтъ! быть не можетъ! Вретъ старый колдунъ... Съ Божьей помощью одолѣемъ враговъ внѣшнихъ, а тамъ уже помѣряемся и со здѣшними...

А между тѣмъ сердце его ныло и билось тревожно...

(Продолженіе будетъ).

Защита Нарвы.

Повѣсть Ар. Захарова.

(Продолженіе).

У одного изъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона были три сестры: одна уже старая дѣва, но очень добрая и милая особа; а двѣ другія помоложе, лѣтъ около двадцати, красивыя брюнетки, за которыми ухаживали на-перебой рѣшительно всѣ офицеры (а такихъ было много) имѣвшіе доступъ въ этотъ почтенный домъ. Офицеръ этотъ, Шведовъ, служилъ въ комендантскомъ управленіи и отъ него зависѣло распредѣленіе *нарядовъ*, т. е. назначеніе войскъ для отправленія разныхъ служебныхъ обязанностей. Не зная этого, я, по приходѣ въ Нарву, не сдѣлалъ ему визита, и вѣроятно эта недогадливость послужила поводомъ къ тому, что Шведовъ безпрестанно сталъ назначать меня по службѣ, безъ всякой очереди и безъ всякой справедливости. Такъ, напримѣръ, онъ два воскресенья подърядъ назначалъ меня въ церковный парадъ. Думая что теперь уже надолго отдѣлался отъ этой церемоніи, на третье воскресенье я расположилъ свое время иначе, какъ вдругъ, рано утромъ, въ самое воскресенье, получаю повѣстку опять парадировать. Меня это взорвало, и на-скоро одѣвшись, я пошелъ къ Шведову объясниться и выругаться, но его уже не было дома и никто не могъ сказать гдѣ онъ. Такимъ образомъ, волей-неволей, мнѣ пришлось явиться на парадъ. Отъ скуки на эти парады собирался почти весь городъ и комендантъ любилъ производить ихъ наиболѣе торжественнымъ образомъ. Во время прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, я замѣтилъ, что Шведовъ, стоявшій за плечомъ коменданта, злобно улыбнулся и, для бо̀льшаго уязвленія меня, отдалъ честь. Чтобы понять эту ядовитую выходку, надо знать что, по военному уставу, отдавать честь можетъ только старшій по чину, въ настоящемъ случаѣ комендантъ; слѣдовательно Шведовъ, отдавая мнѣ честь (за спиною коменданта, конечно), хотѣлъ этимъ показать что я салютовалъ какъ бы ему. Это уже переполнило чашу моего долготерпѣнія. Когда парадъ окончился, я, вмѣсто того чтобъ отвести солдатъ въ казармы, отправилъ ихъ съ унтеръ-офицеромъ, а самъ остался на площади, замѣшавшись въ толпу другихъ офицеровъ, присутствовавшихъ на парадѣ, и улучивъ удобную минуту, подошелъ къ Шведову.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ онъ меня.

— Мнѣ угодно вамъ замѣтить, дрожащимъ отъ злобы голосомъ сказалъ я,—что вы не можете занимать то мѣсто, которое, вѣроятно по ошибкѣ, занимаете.

— Что̀ это значитъ, милостивый государь?! вспылилъ онъ въ свою очередь.

— То, что̀ я сказалъ: вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о военныхъ порядкахъ и дисциплинѣ, и ваше мѣсто не въ комендантскомъ управленіи, а развѣ что...

Я не договорилъ, потому что насъ окружило нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и капитанъ Одинцовъ, мой добровольный покровитель.

— Что такое, что̀ такое? спрашивалъ онъ, вмѣстѣ съ другими.

— Да вотъ, господа, будьте судьями, обратился я ко всѣмъ:— г. Шведовъ третій разъ назначилъ меня въ церковный парадъ, безъ очереди, точно я провинился въ чемъ-нибудь, и сегодня, когда я салютовалъ коменданту, онъ отдалъ мнѣ честь, за спиною коменданта, разумѣется, желая этимъ показать, вѣроятно, что я салютую не коменданту, а ему...

— Я приложился вовсе не вамъ, а одной знакомой дамѣ стоявшей по другой сторонѣ... оправдывался Шведовъ.

— Нѣтъ, вы смотрѣли на меня, возразилъ я.

— Да во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Одинцовъ,—тутъ не время было раскланиваться со знакомыми. А почему же вы назначили его три раза подъ-рядъ на службу? Развѣ нѣтъ другихъ офицеровъ?

— Господа, назначаетъ комендантъ, а не я! снова оправдывался Шведовъ.

— Онъ утверждаетъ, а наряды составляете вы, возразилъ Одинцовъ.—Да вотъ мы спросимъ коменданта.

Комендантъ въ это время удалялся съ площади со своими дамами. Одинцовъ пошелъ за нимъ въ догонку, а я направился домой. Исторія эта могла разыграться очень непріятно и я не безъ волненія ожидалъ какого-нибудь извѣстія отъ Одинцова. Но онъ не являлся цѣлый день. Вечеромъ, часу въ седьмомъ, денщикъ неожиданно докладываетъ что пріѣхалъ г. Шведовъ.

— Какъ Шведовъ? Да ты не ошибся-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ хорошо знаю.

— Проси!

„Зачѣмъ онъ ко мнѣ? Ужь не арестовать ли по приказанію коменданта? Да за что? Развѣ за то, что я не отвелъ солдатъ и бросилъ команду? Правда, это преступленіе серьезное. Вѣроятно Одинцовъ ничего не могъ сдѣлать (оттого и не показывается), а Шведовъ нашпіонилъ коменданту о моемъ проступкѣ. Да, несомнѣнно это такъ“. Всѣ эти мысли мгновенно мелькнули у меня въ головѣ, въ ту минуту когда денщикъ отворилъ дверь и на порогѣ ея показался Шведовъ.

Я всталъ, но не пошелъ къ нему навстрѣчу, готовясь къ очень бурному объясненію. Шведовъ вошелъ ласково улыбаясь и протягивая мнѣ руку.

— Что̀ вамъ угодно, капитанъ? спросилъ я оффиціальнымъ тономъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, началъ онъ,—просить извиненія если невольно сдѣлалъ какую-нибудь непріятность. Будьте увѣрены что во всемъ, на что̀ вы имѣете претензіи, я очень мало виноватъ. Сегодняшній случай, съ отданіемъ чести, было просто недоразумѣніемъ...

— Вѣроятно я и парадировалъ третій разъ, тоже по недоразумѣнію?

— Назначаетъ комендантъ...

— Полноте, капитанъ, перебилъ я,—мы очень хорошо понимаемъ другъ друга... Но я готовъ забыть прошлое, съ тѣмъ чтобы оно не повторилось въ будущемъ.

— Будьте увѣрены въ этомъ: впередъ я буду какъ можно тщательнѣе слѣдить за очередью, а теперь, въ доказательство что вы искренно извиняете мои невольныя ошибки, будьте такъ добры пріѣхать сегодня ко мнѣ на чашку чая...

— Но я слышалъ, капитанъ, что вы живете не одни, а съ семействомъ.

— Отъ имени котораго я и приглашаю васъ. Моя матушка и сестры настоятельно просятъ васъ пожаловать къ намъ и будутъ очень огорчены, если вы не исполните эту ихъ просьбу. Онѣ употребятъ всѣ усилія чтобы вы не проскучали.

„Вотъ тебѣ на!“ подумалъ я. „Что̀ же такое случилось, что произвело въ этомъ Шведовѣ такую метаморфозу? И куда дѣвался Одинцовъ?“

Отказаться отъ приглашенія переданнаго отъ имени дамъ было невозможно, не нанося серьезнаго оскорбленія, а потому я и обѣщалъ пріѣхать. По отъѣздѣ Шведова я началъ потихоньку одѣваться, мысленно браня Одинцова, какъ наконецъ онъ явился ко мнѣ.

— Былъ у васъ Шведовъ? спросилъ онъ, прежде всего.

— Былъ, и пригласилъ сегодня къ себѣ. Какъ это случилось? Знаете вы что-нибудь?

— Разумѣется, знаю. Давеча, какъ я пошелъ догонять коменданта, Шведовъ нагналъ и остановилъ меня. Онъ видимо струсилъ и сталъ просить не впутывать коменданта, а посовѣтовать лучше—какъ помириться съ вами. Я ему отвѣтилъ что всего проще пріѣхать прямо къ вамъ и извиниться. Сдѣлалъ онъ это?

— Сдѣлалъ.

— Ну, вотъ!

— Что-жъ вы не зашли предупредить меня?

— Да некогда было. Комендантъ пригласилъ меня къ завтраку, а потомъ мнѣ захотѣлось спать и я только что изъ дому и прямо къ вамъ. Идете вы къ Шведову?

— Надо пойти, что̀ же дѣлать?

— Конечно, и я пойду съ вами. Кончайте вашъ туалетъ.

Появленіе мое въ семействѣ Шведовыхъ произвело нѣкоторую сенсацію, такъ какъ столкновеніе съ нимъ было всѣмъ извѣстно. И мать, и сестры его приняли меня въ высшей степени предупредительно и въ самомъ дѣлѣ ухаживали за мною, какъ бы за самымъ дорогимъ гостемъ. Но на нѣкоторыхъ офицеровъ появленіе мое въ этомъ домѣ произвело неблагопріятное впечатлѣніе, какъ лишняго конкурента въ свитѣ ухаживателей за красавицами, сестрами Шведова.

Еслибы я могъ предвидѣть къ какой страшной драмѣ приведетъ все это, то, конечно, не смотря на соблазнительныя глазки Марины, имѣлъ бы мужество бѣжать отъ искушенія. Но намъ, смертнымъ, не дано дара предвидѣнія и я отдавался теченію жизни, нисколько не думая о томъ, что̀ можетъ выйти завтра изъ того что̀ дѣлается сегодня.

Дѣло въ томъ что въ первый же вечеръ я замѣтилъ что главнымъ и серьезнымъ поклонникомъ Марины, младшей сестры Шведова, былъ молодой артиллерійскій офицеръ Руденко. Весь вечеръ онъ, какъ говорится, не отходилъ отъ нея, а такъ какъ Марина, вѣроятно по порученію своего брата (какъ мнѣ думалось), старалась все время занимать меня, то Руденко видимо былъ взволнованъ ревностью, что̀ и не стѣснялся высказывать. Меня, въ свою очередь, забавляло бѣсить его, изъ простаго самолюбія. Какъ ни хороша была Марина, но она не могла возбудить во мнѣ серьезнаго чувства, единственно потому, что я еще былъ слишкомъ молодъ для такого чувства и ухаживалъ за нею безъ всякой цѣли; она была хорошенькая и очень не глупая. Мнѣ льстило ея вниманіе, мнѣ льстило то, что я отбилъ ее отъ другихъ и, наконецъ, мнѣ было весело съ нею. Послѣдствія показали что и она относилась ко мнѣ такъ же, такъ что въ этомъ отношеніи мы были съ нею на одинхъ правахъ, если это выраженіе тутъ кстати.

Во время вечера кто-то предложилъ такую игру: изъ перышка былъ сдѣланъ свистокъ, въ который надо было свиснуть и быстро передать его сосѣду, а стоящій въ срединѣ круга играющихъ, долженъ отыскивать у кого находится перышко. Игра эта тянулась очень скучно, ничего интереснаго не представляя, и мнѣ пришла несчастная мысль сдѣлать ее болѣе забавною. Для этого я приготовилъ другой свистокъ и соединилъ его ниткой съ булавкой, загнутой крючкомъ, посовѣтовавъ Маринѣ незамѣтно прикрѣпить его къ платью того, кто находится въ срединѣ круга. На грѣхъ случилось такъ, что въ эту минуту искателемъ свистка былъ Руденко, которому Марина и прицѣпила свистокъ. Понятно что онъ никогда не могъ найти свистка, такъ какъ его ни у кого не было и свистокъ болтался на его спинѣ. Это возбуждало всеобщій хохотъ и несчастный Руденко долго метался въ кругѣ какъ угорѣлый котъ, пока, наконецъ, при одномъ быстромъ движеніи, свистокъ перекинулся ему черезъ плечо на грудь и секретъ открылся. Онъ былъ страшно сконфуженъ и оскорбленъ и, разумѣется, старался разузнать кто это сыгралъ съ нимъ такую злую шутку. Сдѣлать это было не трудно, такъ какъ ни я, ни Марина не скрывались.

На другой день утромъ ко мнѣ явился какой-то, совершенно еще незнакомый офицеръ мѣстной гарнизонной команды.

— Что̀ вамъ угодно?

— Я пришелъ къ вамъ по очень непріятному порученію отъ г. Руденко, сказалъ онъ.—Сегодня, рано утромъ, онъ былъ у меня и настойчиво просилъ быть его секундантомъ, въ чемъ я ему не могъ отказать. Потрудитесь назначить вашего, съ которымъ я могъ бы переговорить.

— Не объяснилъ вамъ Руденко причины этого вызова? спросилъ я.

— Нѣтъ. Но я полагаю что вы сами должны знать.

— Еще менѣе вашего. Вчера вечеромъ я первый разъ видѣлъ г. Руденко и не имѣлъ съ нимъ никакого столкновенія, которое могло бы служить поводомъ для дуэли. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ правѣ узнать хотя бы причину, по которой я долженъ рисковать своей жизнью?

Секундантъ немного замялся.

— Да, это ваше право, сказалъ онъ.—Сколько я понялъ, вы, кажется, позволили себѣ очень неприличную шутку съ нимъ...

— А! вотъ въ чемъ дѣло! Ну, такъ знайте же и передайте отъ меня г. Руденко, что эту шутку я приготовилъ вовсе не для него, а вообще для кого бы то ни было, кто былъ бы въ эту минуту избранъ. Если жребій упалъ на г. Руденко, то это было дѣломъ простаго слѣпаго случая. Но это я вамъ говорю не для того, чтобы отказаться отъ дуэли, вызовъ на которую принимаю и часа черезъ два пришлю къ вамъ своего секунданта.

Одѣвшись на̀-скоро, я пошелъ къ Одинцову, единственному человѣку, котораго могъ пригласить секундантомъ.

— Что̀ за вздоръ! сказалъ онъ.—Драться изъ-за пустой шутки, да еще направленной вовсе не на него! Тутъ дѣло вовсе не въ этой шуткѣ, а просто въ ревности.

— Я самъ такъ думаю.

— Конечно! Ну, этой дуэли не бывать!

— Бога ради, Иванъ Николаевичъ, не отказывайтесь. Кромѣ васъ мнѣ некого пригласить!

— Да я и не отказываюсь. Руденко самъ откажется.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Я поставлю такія строгія условія, которыхъ онъ испугается. Идите домой и ждите меня.

Часа черезъ два Одинцовъ пришелъ ко мнѣ и съ хохотомъ ввалился въ комнату.

— Ну, батенька, сказалъ онъ,—дѣло кончено! Ха-ха-ха!

— Какъ и чѣмъ? Говорите скорѣе!

— Да очень просто. Я предложилъ такія условія: вы станете на третій бастіонъ, Руденко на четвертый. Оружіе—пятипудовыя мортиры. Часъ—шесть часовъ утра... Ха-ха-ха-ха!

И Одинцовъ покатился смѣхомъ.

— Нужно было видѣть рожу этого секунданта, продолжалъ онъ, — когда я высказалъ все это самомъ серьезнымъ тономъ. „Вы шутите?“ спросилъ онъ меня. „Нисколько не шучу. Потрудитесь передать мои условія г. Руденко“. Онъ пошелъ къ нему и вернулся съ предложеніемъ выбора между пистолетомъ и шпагой. На это я возразилъ что съ этими ору-

Идетъ! идетъ! Съ картины Эммануила Шпитцера, грав. Веберъ.

діями дуэли бо́льшей частью кончаются ничѣмъ, или легкими царапинами, изъ-за которыхъ не стоитъ и мараться. При пятипудовыхъ же бомбахъ, да еще на такомъ близкомъ разстояніи, какъ съ одного бастіона на другой, промаха не можетъ быть и одинъ изъ противниковъ непремѣнно ляжетъ на мѣстѣ. Тутъ я развилъ ему длинную теорію о дуэляхъ, что съ такими дѣлами шутить не слѣдуетъ и если вызывать, то не иначе какъ на смерть и т. д. Выходить же на дуэль по всякому пустяку, для того только чтобы отдѣлаться царапиной и потомъ хвастаться своей храбростью, я считаю неприличнымъ для офицера, и самъ я не соглашусь играть роль секунданта въ подобной глупой комедіи. Однимъ словомъ, наговорилъ здо́рово. Онъ опять пошелъ совѣщаться съ Руденко и воротясь объявилъ что Руденко несогласенъ принять моихъ условій. Тѣмъ дѣло и кончилось.

— Что́ же теперь будетъ?

— Да ничего. Руденко вѣроятно молится теперь за мое здоровье. Неужели вы думаете что онъ серьезно хотѣлъ драться?

— Думаю.

— Повѣрьте что нѣтъ. Онъ просто хотѣлъ пофорсить передъ этой Мариной, разсчитывая что вы откажетесь отъ дуэли.

Говоря такъ, ни я, ни Одинцовъ, не подозрѣвали, какъ далеки отъ истины. О! еслибы мы могли проникать въ человѣческую душу!..

Между тѣмъ, дѣла по оборонѣ крѣпости продолжались своимъ чередомъ. При впаденіи рѣки Наровы въ море, комендантъ приказалъ выстроить двѣ баттареи, по обоимъ ея берегамъ. Баттареи эти строилъ поручикъ Зигернъ-Корнъ, и вооружали ихъ орудіями, подъ командою Руденко. Когда все было готово, комендантъ назначилъ смотръ этимъ баттареямъ, на который пріѣхали изъ Нарвы многіе офицеры, въ томъ числѣ и майоръ пѣхотнаго полка Бокаевъ. При началѣ стрѣльбы, комендантъ, со всей своей свитой, стоялъ на самомъ валу лѣваго фланга баттареи, чтобы лучше слѣдить за полетомъ снарядовъ. Но послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ, стоять тутъ оказалось неудобнымъ, такъ какъ дымъ отъ орудій гнало вѣтромъ въ эту сторону. Комендантъ перешелъ на правый флангъ, а за нимъ потянулись и всѣ другіе. Немного отсталъ ото всѣхъ майоръ Бокаевъ и въ ту минуту, когда онъ проходилъ мимо одного изъ орудій, раздался выстрѣлъ—и майоръ Бокаевъ исчезъ...

Можно вообразить себѣ какая поднялась суматоха. Первою мыслью всѣхъ было отыскать погибшаго. Всѣ бросились съ вала ко взморью и скоро нашли въ одномъ мѣстѣ ноги, въ другомъ голову съ верхней частью туловища несчастнаго... Какъ это случилось—никто не могъ добиться. Канониръ показывалъ потомъ на допросѣ что выстрѣлилъ по командѣ поручика Руденко. Руденко показывалъ что отдалъ команду по знаку коменданта и въ этотъ моментъ Бокаевъ былъ еще по лѣвой сторонѣ орудія. Понятно что умысла тутъ никакого не могло быть и вѣроятно Бокаевъ думалъ что успѣетъ перебѣжать передъ орудіемъ до выстрѣла, но ошибся въ разсчетѣ. Какъ бы то ни было, но этотъ случай навелъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе, и въ особенности сильно подѣйствовалъ на Руденко, волей-неволей принимавшаго часть вины на себя.

Кромѣ постройки этихъ двухъ баттарей, комендантъ распорядился, для вящщаго охраненія Нарвы отъ вторженія непріятеля водою, расположить поперекъ рѣки подводныя мины (или фугасы), что поручено было исполнить Одинцову, какъ начальнику гальванической команды. Эти мины, или фугасы, состояли просто изъ деревянныхъ осмоленныхъ ящиковъ, начиненныхъ порохомъ. Не смотря на представленія Одинцова, что такія мины не годятся для воды, комендантъ приказалъ приготовить одну и бросить ее въ воду, недѣли на двѣ, для опыта. Приказаніе это было исполнено и къ минѣ привязанъ былъ поплавокъ, для отысканія ея. Но кто-то, вѣроятно рыбаки, украли поплавокъ на растопки. Однажды Одинцовъ прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ объ этой пропажѣ. Мы взяли съ нимъ челнокъ и длинный багоръ, выѣхали на рѣку, на то мѣсто гдѣ приблизительно была брошена мина; искали, искали ее по всѣмъ направленіямъ, но напрасно. Вѣроятно она была унесена теченіемъ далѣе. Что́ дѣлать? А между тѣмъ на завтра комендантъ назначилъ произвести опытъ взорванія этой мины и на этотъ, очень красивый спектакль, пригласилъ многихъ дамъ. Сказать правду Одинцовъ не рѣшился и придумалъ схитрить. Пообѣщавъ своимъ солдатамъ водки и пироговъ, онъ посадилъ ихъ за работу и вотъ за ночь новая мина была приготовлена. Въ четвертомъ часу утра, чуть забрезжило солнце, мы съ нимъ выѣхали на рѣку, приладили проводники, бросили мину въ воду и благополучно вернулись домой, а на берегу оставили патруль, караулить поплавокъ.

(Продолженіе будетъ).

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

(Продолженіе).

II.

На слѣдующій вечеръ, незадолго до восьми, Гербертъ и капитанъ „Сиріуса“ усѣлись въ экипажъ, который уже давно ожидалъ ихъ у воротъ гостиницы, и отправились на виллу къ госпожѣ ванъ-Рюйтеръ. Былъ пріятный, прохладный вечеръ. Легкій вѣтеръ колыхалъ густыя вершины пальмъ и бананов по обѣимъ сторонамъ Муленвліета, весьма оживленнаго въ это время дня и куда, немедленно по отбытіи, свернулъ и экипажъ съ двумя сѣдоками.

Обширное, залитое огнями зданіе клуба „Гармонія“, мѣсто сборища высшаго батавскаго общества, уже осталось позади. Капитанъ обратилъ вниманіе своего спутника на большой домъ за высокими воротами въ саду: домъ былъ погруженъ въ мракъ и казался необитаемымъ.

— Онъ принадлежитъ, какъ я случайно узналъ, одному непомѣрно богатому купцу изъ китайцевъ, который, кромѣ нѣсколькихъ милліоновъ, обладаетъ еще кучей домовъ.

— Вотъ какъ! равнодушно откликнулся Гербертъ.

— Вамъ не безъинтересно будетъ узнать, что этотъ узкоглазый, желтокожій сынъ Небесной Имперіи, слывущій за самаго пустаго и негоднаго малаго, предлагалъ огромную сумму за красавицу Элиму: такъ зовутъ невольницу госпожи ванъ-Рюйтеръ.

— Вотъ какъ! съ оживленнымъ интересомъ повторилъ Гербертъ.

— Но, продолжалъ капитанъ Бастіанъ,—г-жа ванъ-Рюйтеръ рѣшительнымъ отказомъ отвѣчала на всѣ, много разъ повторявшіяся предложенія этого китайскаго женолюбца, про котораго, однако, нельзя не сказать, что у него, во всякомъ случаѣ, не дурной вкусъ. Тогда хитрый китаецъ задумалъ иное. Онъ постарался заманить къ себѣ брата Элимы. Госпожа ванъ-Рюйтеръ какъ-то разъ послала Сидина съ порученіемъ въ городъ. Онъ очень долго не возвращался, а возвратясь далъ очень странное объясненіе своему промедленію. Оказалось, что китаецъ убѣждалъ его, вмѣстѣ съ Элимой, уйти отъ ихъ госпожи и укрыться у него въ домѣ, гдѣ обѣщалъ имъ привольное, счастливое житье. Но Сидинъ наотрѣзъ отказался и не поддавался никакимъ, ни даже самымъ соблазнительнымъ обѣщаніямъ. Госпожа ванъ-Рюйтеръ была возмущена, но что́ могла она сдѣлать? Ссора съ такимъ опаснымъ человѣкомъ какъ Ли-Тчунгъ была ей не подъ-силу. Ходили слухи, будто его жена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершая при крайне странныхъ обстоятельствахъ, погибла насильственною смертью. Это казалось тѣмъ правоподобнѣе, что вслѣдъ за тѣмъ безслѣдно исчезли и двѣ невольницы покойной, которыя однѣ могли дать показанія о ея смерти. Китаецъ, тѣмъ не менѣе, переплатилъ много денегъ чтобъ прекратить начатое слѣдствіе. Какъ бы то ни было, а послѣ приключенія съ ея братомъ, Элима остерегается выходить изъ дому: она боится преслѣдованій и даже похищенія.

Гербертъ слушалъ все внимательнѣе. Въ его выразительныхъ глазахъ загорѣлся огонь нетерпѣнія. Онъ обратился къ спутнику съ видомъ человѣка, въ памяти котораго внезапно проснулось воспоминаніе и теперь еще полное для него прелести.

— Когда это было? съ живостью спросилъ онъ.

— Годъ тому назадъ, отвѣчалъ капитанъ, — во время моего прошлогодняго пребыванія здѣсь. Госпожа ванъ-Рюйтеръ сама мнѣ все разсказала. Я совѣтовалъ ей немедленно отпустить на волю молодыхъ людей, къ которымъ она такъ расположена. Но, вообще чуждая предразсудковъ, вдова на этотъ разъ меня и слушать не хотѣла. Она, правда, дала мнѣ слово обезпечить ихъ свободу на случай своей смерти, но я сильно сомнѣваюсь, чтобъ она и это исполнила. У этой въ сущности доброй женщины слишкомъ холодный и флегматическій темпераментъ.

Гербертъ задумался и долго молчалъ.

— Невольничество—это національный грѣхъ! вдругъ заговорилъ онъ.—Хороша политика, нечего сказать, которая боится нанести ударъ гнусному предразсудку! Какъ будто съ невольничествомъ непремѣнно должны погибнуть и земледѣліе, и промышленность, и само колоніальное могущество! Видѣли-ли вы когда-нибудь публичный торгъ невольниками: это здѣсь, чуть не каждый день продѣлывается. Нѣтъ, не видѣли? Значитъ вамъ еще предстоитъ испытать нѣчто, отъ чего у васъ сердце перевернется. Яванцы смирный, кроткій народъ, иначе такой порядокъ вещей не могъ-бы до сихъ поръ держаться.

Экипажъ, тѣмъ временемъ, достигъ главной улицы Батавіи, миновалъ генералъ-губернаторскій дворецъ, круто повернулъ въ аллею Секретарей и покатилъ по широкой Королевской площади въ Вельтевреденъ. Окаймленная со всѣхъ четырехъ сторонъ роскошными виллами, площадь эта поражала оживленіемъ.

Вечеромъ, при мерцапіи звѣздъ, она кажется чѣмъ-то волшебнымъ. По ней мчатся экипажи, снуютъ пѣшеходы—преимущественно малайцы съ горящими факелами въ рукахъ и китайцы въ національномъ костюмѣ: соломенной шляпѣ, длинной косичкѣ, бѣломъ балахонѣ и голубыхъ шароварахъ: они въ этомъ неизмѣнномъ видѣ ужь больше вѣка толпятся по улицамъ главнаго города Явы. Тамъ звенитъ колокольчикъ мороженщика,

здѣсь раздаются пронзительные возгласы продавцевъ фруктовъ и другихъ мелкихъ торговцевъ. Залитыя огнями виллы тонутъ среди роскошныхъ, тщательно содержимыхъ садовъ съ тропической растительностью и пышными живыми изгородями. Иныя изъ нихъ оглашаются звуками веселой музыки въ перемежку съ барабанной дробью: это знакъ, что тамъ танцуютъ.

Площадь, со своимъ свѣтомъ и оживленіемъ, имѣетъ видъ огромнаго увеселительнаго мѣста сборищъ. Но въ одномъ изъ угловъ ея царила непроницаемая мгла. Красноватый отблескъ фонарей отъ проѣзжавшихъ мимо экипажей, мелькомъ падалъ на садъ, за которымъ, какъ за живой стѣной, скрывалась вилла госпожи ванъ-Рюйтеръ: садъ походилъ скорѣй на дѣвственный лѣсъ, недоступный ни людямъ, ни свѣту.

У входа, по обѣимъ сторонамъ рѣшетчатыхъ воротъ, какъ два гигантскіе стража, стояли два высокія толстыя дерева.

Экипажъ остановился. Онъ всего въ десять минутъ совершилъ переѣздъ сюда отъ гостиницы „Для моряковъ". Первый вышелъ капитанъ. Онъ расплатился съ извощикомъ и направился къ воротамъ. Гербертъ слѣдовалъ за нимъ.

Гостей, должно быть, ждали, или слышали, какъ подъѣхалъ экипажъ, по крайней мѣрѣ въ садовой чащѣ немедленно замелькалъ и сталъ быстро приближаться свѣтъ факеловъ. Изъ массы бамбуковыхъ кустарниковъ выступилъ малайскій слуга съ повязкой на головѣ и въ длинномъ до пятъ темнокрасномъ одѣяніи. Онъ отворилъ ворота, подозрительнымъ взглядомъ окинулъ богатырскую фигуру Герберта, со свойственной его расѣ униженностью поклонился капитану и молча пошелъ впереди, факеломъ освѣщая путь.

Заглохшія дорожки сада, по которымъ они шли, имѣли видъ тропинокъ, безпорядочно проложенныхъ въ непроходимой чащѣ кустарниковъ, среди дѣвственнаго тропическаго лѣса. Висячія вѣтви нерѣдко хлестали Герберта по лицу. Немного спустя, однако, показался просвѣтъ и изъ окружающей тьмы рѣзко выдѣлилась вилла госпожи ванъ-Рюйтеръ. Двери и окна одноэтажнаго дома, казалось, были тщательно заперты.

Проводникъ остановился у задняго фасада виллы и высоко поднялъ факелъ. Капитанъ, хорошо знакомый съ обычаями дома, продолжалъ путь и по тремъ мраморнымъ ступенькамъ взошелъ въ галерею. Гербертъ не отставалъ. Завидѣвъ почтительно спѣшившаго къ нимъ навстрѣчу слугу, капитанъ шепнулъ своему спутнику:

— Это братъ Элимы: молодецъ и ловкій, какъ кошка! Какъ поживаешь, Сидинъ? прибавилъ онъ громко, обращаясь къ туземцу, черные, блестящіе глаза котораго вопросительно устремились на внушительную фигуру Герберта.

— Отлично, господинъ! отвѣчалъ молодой слуга на вопросъ капитана. Лицо его озарилось счастливой улыбкой, обнаружившею два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ.—Да благословитъ васъ Небо за ваше участіе.

Гербертъ съ удивленіемъ слушалъ и смотрѣлъ въ глаза Сидину, оживленное лицо и гибкіе члены котораго подтверждали благопріятный о немъ отзывъ капитана. Молодой туземецъ былъ одѣтъ въ длинный пестрый балахонъ, съ поясомъ вокругъ таліи. Черные, курчавые волосы вокругъ смуглаго лица, чуть-чуть вздутыя ноздри, пухлыя, пунцовыя губы и продолговатые глаза съ ястребинымъ взглядомъ изъ-подъ густыхъ бровей обнаруживали его туземное происхожденіе.

— Въ первый разъ я слышу малайца, говорящаго по-нѣмецки! съ изумленіемъ замѣтилъ Гербертъ. Сидинъ шелъ впереди, указывая путь гостямъ въ отворенную дверь на внутреннюю галерею, которая была слабо освѣщена и уставлена покойными креслами и диванами.

— Въ настоящемъ случаѣ ничего удивительнаго, улыбаясь возразилъ капитанъ.—Мать госпожи ванъ-Рюйтеръ была нѣмка: она не говорила и не хотѣла говорить ни по-голландски, ни по-малайски, хотя много лѣтъ, до самой смерти,—прожила подъ этой самой крышей, у своего зятя. По ея иниціативѣ господинъ ванъ-Рюйтеръ купилъ брата и сестру, когда они были еще дѣтьми. Старушка, вопреки здѣшнимъ нравамъ, съ материнской нѣжностью привязалась къ сиротамъ и сама учила ихъ родному языку, въ надеждѣ воспитать себѣ слугъ, которые говорили бы съ ней по-нѣмецки. Трудно найти учениковъ болѣе благодарныхъ, прилежныхъ и даровитыхъ. Чѣмъ больше обнаруживалась ихъ способность все схватывать на лету, тѣмъ ревностнѣе занималась ихъ обученіемъ добрая старушка. Въ заключеніе молодые невольники достигли такой степени развитія и образованія, что могли съ честью вести разговоръ съ людьми лучшаго круга. Были-ли они отъ того счастливѣе—это другой вопросъ. Я знаю только, что, по смерти благодѣтельницы, которая относилась къ нимъ не какъ къ слугамъ, а какъ къ воспитанникамъ, жизнь ихъ получала совсѣмъ иную окраску. Покойный ванъ-Рюйтеръ былъ прекрасный человѣкъ, но къ слугамъ очень строгъ и, слѣдуя старой традиціи, требовалъ отъ нихъ рабской покорности. Почти то же слѣдуетъ сказать и о теперешней госпожѣ ванъ-Рюйтеръ.

— Странные люди! съ усмѣшкой замѣтилъ Гербертъ, внимательно слушавшій капитана.

Сидинъ, тѣмъ временемъ, распахнулъ передъ ними стеклянную дверь и они вступили въ открытую галерею дома, крыша которой покоилась на стройныхъ желѣзныхъ колоннахъ со спущенными занавѣсами въ промежуткахъ. Бѣлый мраморный полъ галереи былъ почти сплошь покрытъ узорчатыми матами и уставленъ стульями, качалками, диванами и маленькими столиками съ вазами цвѣтовъ. Въ концѣ прохладной, съ трехъ сторонъ открытой галереи, подъ большой висячей лампой стоялъ роскошно сервированный на двѣ персоны ужинъ.

Капитанъ поспѣшилъ навстрѣчу хозяйкѣ, которая, при входѣ гостей, поднялась съ дивана, расположеннаго по сосѣдству съ накрытымъ столомъ. Гербертъ остался позади. Госпожа ванъ-Рюйтеръ съ удивленіемъ на него смотрѣла, очевидно не совсѣмъ пріятно озадаченная появленіемъ незнакомаго гостя.

Капитанъ, какъ другъ дома, повидимому пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобъ оправдать посѣщеніе Герберта и отрекомендовать друга съ наилучшей стороны. По крайней мѣрѣ взглядъ хозяйки, скользя по немъ, становился все привѣтливѣе. Она имѣла усталый видъ и была странно одѣта, по давно отжившей модѣ.

Въ заключеніе капитанъ съ нѣкоторой торжественностью представилъ вдовѣ своего друга, Гроттера. Какъ ни былъ приготовленъ Гербертъ къ причудливому обращенію госпожи ванъ-Рюйтеръ и хотя вовсе не разсчитывалъ на горячій съ ея стороны пріемъ, онъ, тѣмъ не менѣе, смутился, когда она, молча и не смотря на него, протянула ему руку.

Гербертъ поклонился и пробормоталъ нѣсколько учтивыхъ словъ.

— Она очень измѣнилась... ужъ здорова-ли она? шепнулъ ему капитанъ, повинуясь безмолвному приглашенію вдовы и направляясь къ столу, гдѣ Сидинъ поставилъ третій приборъ.

Гербертъ не имѣлъ времени остановиться на замѣчаніи своего друга относительно болѣзненной перемѣны въ нѣкогда красивомъ лицѣ госпожи ванъ-Рюйтеръ: теперь она сильно посѣдѣла и согнулась. Все вниманіе его было поглощено появленіемъ изъ сосѣдней комнаты молодой дѣвушки. Она вошла, опустивъ глаза, и помѣстилась противъ него, за кресломъ своей госпожи, готовая ей служить. Гербертъ мгновенно узналъ въ ней чудную красавицу, которую, годъ тому назадъ, два вечера подъ-рядъ встрѣчалъ на Королевской площади, но съ тѣхъ поръ больше не видалъ. Сегодня только узналъ онъ отъ капитана, что Элима, со времени попытки китайца овладѣть ею, не выходила изъ дому: это и было причиной, почему онъ, не смотря на всѣ свои усилія, съ ней больше не встрѣчался.

И такъ, это прелестное существо, эта дѣвушка съ нѣжной, бархатистой кожей не смуглѣе той, какою отличаются европейскія брюнетки, была — туземка, невольница! Этотъ ангелъ красоты и невинной граціи—невольница! Гербертъ не могъ отвести глазъ отъ прелестнаго образа чудной дѣвушки. Живописный костюмъ въ совершенствѣ обрисовывалъ ея стройныя формы. Расшитый цвѣтнымъ узоромъ сангъ—юбка съ тяжелыми складками до пятъ—былъ стянутъ у таліи серебрянымъ поясомъ. На тонкихъ рукахъ сверкали браслеты. Еслибъ зрѣніе Герберта не было отуманено, онъ могъ бы замѣтить еще красные бархатные, разукрашенные золотомъ башмачки на безукоризненной формы ногахъ. Но всего больше восхищали его чудная посадка головы и очаровательное личико этой всего восемнадцати-лѣтней дѣвушки. Блестящія черныя косы тяжелою массой лежали вокругъ ея чистаго лба, а темные глаза сверкали жизнью и огнемъ. Какою холодною казалась ему теперь, въ сравненіи съ этой невольницей, ослѣпительная кокетка, еще такъ недавно увлекавшая его. Красота туземки была совсѣмъ другаго рода: въ ней сіяла душа; отъ нея вѣяло сердечною теплотой и неувядаемою прелестью, которая сообщается только непорочностью чувствъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Казнь гадателей у древнихъ скиѳовъ.

(Рис. на стр. 204).

Предшественники славянъ на обширныхъ при-черноморскихъ равнинахъ, древніе скиѳы, интересовали еще отца исторіи, Геродота, который посвятилъ имъ цѣлыя страницы своего обширнаго труда. Заимствуемъ изъ прекраснаго перевода Геродотовой исторіи Ѳ. Г. Мищенка нѣсколько строкъ, къ которымъ рисунокъ бар. М. П. Клодта служитъ иллюстраціей.

„Гадателей у скиѳовъ много, и гадаютъ они по многочисленнымъ ивовымъ прутьямъ слѣдующимъ образомъ: приносятъ съ собою большіе пучки ивовыхъ прутьевъ, кладутъ ихъ на землю и располагаютъ врозь; потомъ, перекладывая одинъ прутикъ за другимъ, они прорицаютъ; пока изреченія произносятся, гадатели снова собираютъ прутья въ пучки и снова кладутъ одинъ прутъ за другимъ. Это исконный способъ гаданія у скиѳовъ.

„Въ случаѣ болѣзни скиѳскій царь приглашаетъ трехъ наиболѣе знаменитыхъ гадателей, которые производятъ гаданіе упомянутымъ выше способомъ. При этомъ напчаще они объявляютъ,

что такой-то или иной изъ народа, называя его по имени, ложно клялся божествами царскаго очага, а у скиѳовъ существуетъ правило—давать торжественнѣйшую клятву во имя царскихъ домашнихъ божествъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ представить священнѣйшую клятву. Человѣка, обвиняемаго въ клятвопреступленіи, тотчасъ схватываютъ и доставляютъ на судъ; засимъ гадатели уличаютъ его въ томъ, что онъ по свидѣтельству гаданія виновенъ въ клятвопреступленіи противъ божествъ царскаго очага, и что вслѣдствіе этого и болѣетъ царь. Обвиняемый возражаетъ, настойчиво увѣряя, что онъ не нарушилъ клятвы.

„Если обвиняемый отрицаетъ вину, царь призываетъ другихъ гадателей, числомъ вдвое больше противъ прежняго. Если и эти гадатели, на основаніи своего искусства, уличаютъ подсудимаго въ клятвопреступленіи, ему немедленно отсѣкаютъ голову, а имущество его достается на долю первыхъ гадателей. Но если бы вторые гадатели оправдали подсудимаго, въ такомъ случаѣ призываются новые и опять новые гадатели. Если большинство гадателей оправдаетъ подсудимаго, то постановляется, что первоначальные гадатели должны погибнуть сами.

„Казнятъ ихъ такимъ образомъ: повозку наполняютъ хворостомъ и запрягаютъ въ нее быковъ; сковываютъ гадателямъ ноги, а руки связываютъ на спинѣ, затыкаютъ рты и въ такомъ видѣ вкладываютъ гадателей въ средину хвороста, потомъ зажигаютъ хворостъ, пугаютъ быковъ и гонятъ. Множество быковъ гибнетъ въ пламени вмѣстѣ съ гадателями; другіе быки хотя и опаляются, спасаются бѣгствомъ, когда сгоритъ дышло. Этимъ способомъ сожигаютъ гадателей и за разныя другія провинности, причемъ они называются лживыми гадателями. Царь не оставляетъ въ живыхъ и дѣтей казненныхъ гадателей; все мужское поколѣніе ихъ онъ велитъ казнить, а женское не трогаетъ.“

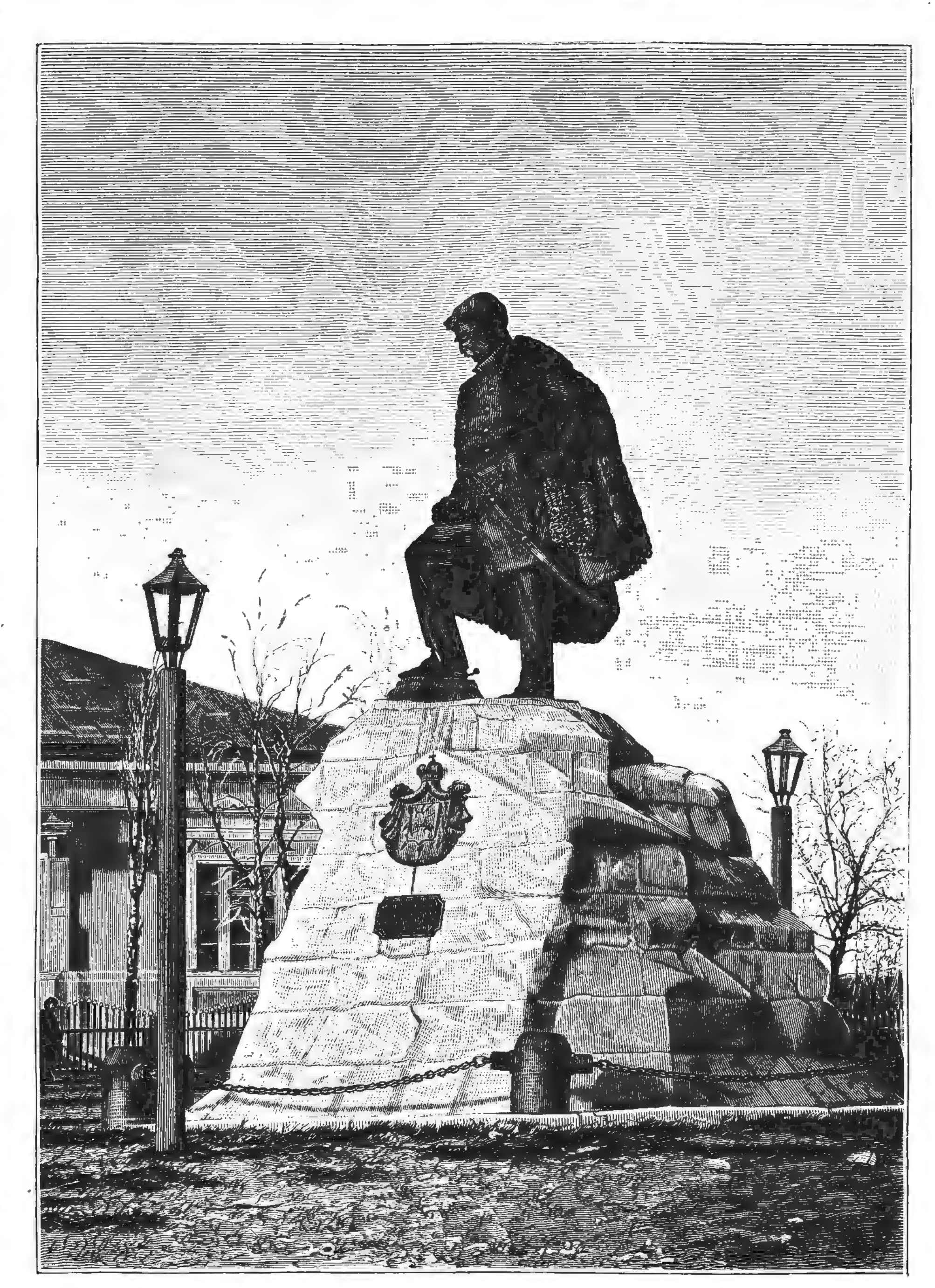
Репетиторъ. (Рис. на стр. 205).

Въ небольшой, опрятно убранной комнаткѣ, слабо освѣщенной высокой лампой подъ большимъ абажуромъ, у стола сидитъ мальчуганъ-гимназистъ со своимъ репетиторомъ и приготовляетъ уроки. Тутъ-же присутствуетъ и старушка-мать гимназиста, внимательно прислушиваясь къ отвѣтамъ своего любимца. Но удрученный видъ мальчика ясно говоритъ, что репетиція идетъ не совсѣмъ хорошо. Ему надо что-то припомнить, но это что-то никакъ не идетъ на умъ, а вмѣсто того въ его головкѣ мелькаетъ, какіе у ученія большіе и горькіе корни.

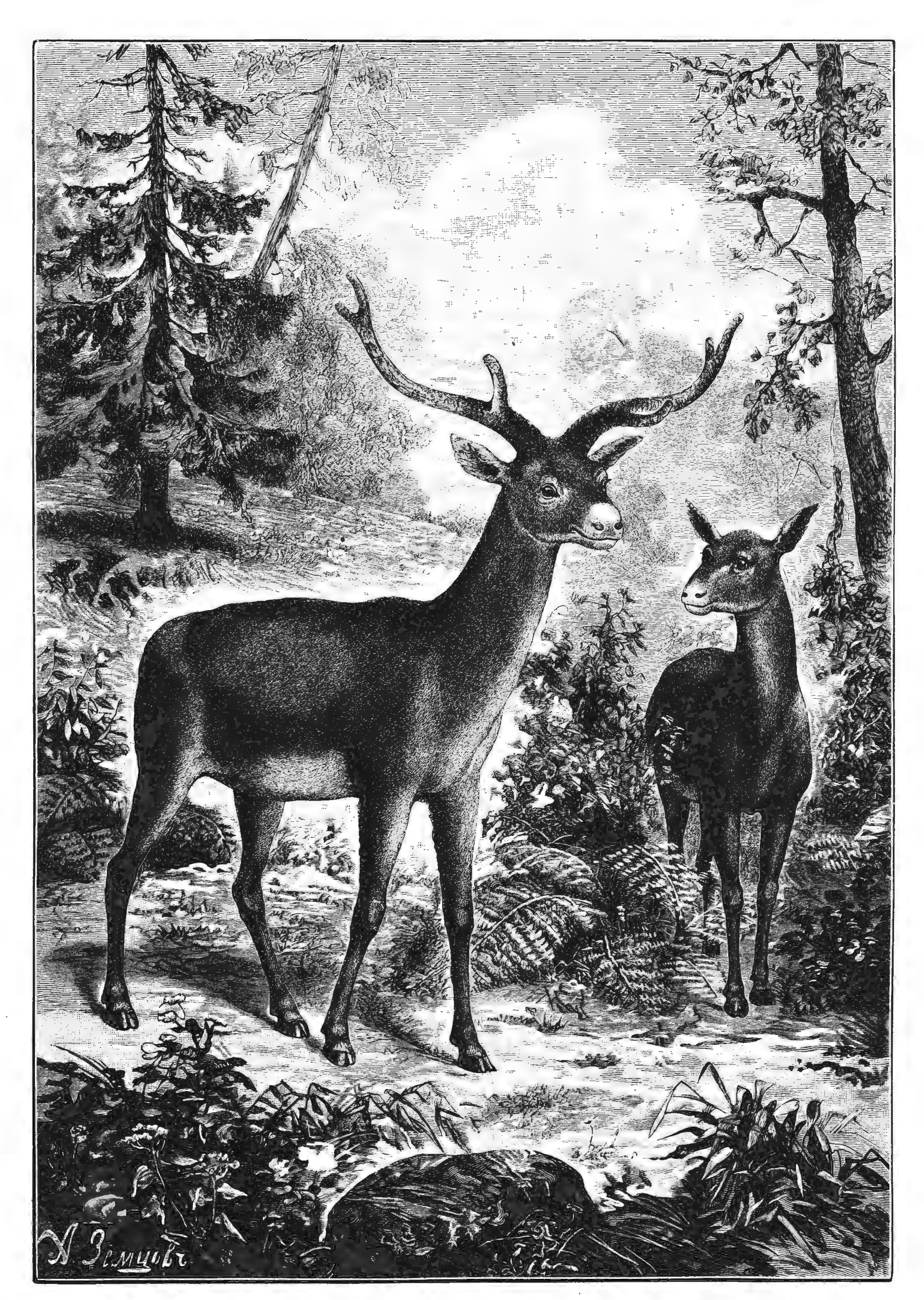
Евангелина. (Рис. на стр. 209).

Прелестная поэма Лонгфелло, дышащая свѣжестью первобытныхъ лѣсовъ Америки, первобытною свѣжестью чувства неиспорченнаго такъ-называемыми „благами цивилизаціи“, переноситъ насъ въ начало прошлаго вѣка, задолго до объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1713 году французская колонія въ С. Америкѣ, Акадія (нынѣ Новая Шотландія) была уступлена Франціей Англіи. При этомъ желанія Акадійцевъ не спрашивали, а потому стоило не малаго труда заставить ихъ присягнуть на вѣрность Британскому правительству. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время англо-французской войны въ Канадѣ, Акадійцы были заподозрѣны англичанами въ помощи французамъ провіантомъ и аммуниціей. Правдивость этого обвиненія никогда не была доказана; тѣмъ не менѣе Британское правительство, судившее ихъ въ Лондонѣ, рѣшило наказать Акадійцевъ съ безпримѣрною жестокостью...

Поэма начинается описаніемъ мирной жизни ничего не ожидавшихъ Акадійцевъ въ поселкѣ Большой Лугъ (Гранъ-Пре). Въ этомъ счастливомъ уголкѣ царило общее довольство, самый богатый могъ назваться по теперешнимъ понятіямъ бѣднякомъ, а самый бѣдный жилъ въ полномъ достаткѣ. Главное богатство фермеровъ составляли стада, множившіяся на обширныхъ дѣвственныхъ пастбищахъ, окружавшихъ поселокъ. Въ этомъ патріархальномъ бытѣ всѣ жили въ ладу между собою, но особенно тѣсная дружба издревле связывала дома самаго зажиточнаго фермера Бенедикта Бельфонтена и кузнеца Василія Лажёнесъ. У фермера была красавица-дочь Евангелина, у кузнеца — сынъ Габріэль. Дѣти росли вмѣстѣ, но пришла пора и они полюбили другъ друга иначе, со всѣмъ пыломъ непочатыхъ чувствъ. Старики ударили по рукамъ, пригласили сельскаго нотаріуса и подписали свадебный контрактъ. Вечеромъ подписали контрактъ, а на утро съ пришедшихъ наканунѣ въ гавань Большаго Луга англійскихъ кораблей послѣдовалъ приказъ всѣмъ жителямъ мужскаго пола собраться въ церковь. Тамъ имъ былъ объявленъ приговоръ королевскаго суда: земли, жилища и скотъ ихъ конфисковать, самихъ-же Акадійцевъ разсѣять по дальнимъ колоніямъ. Поднялась невообразимая су-



Памятникъ кн. Аргутинскому-Долгорукову въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дагестанской области.
Съ фотогр. Ройнова, грав. Шюблеръ.



Маралъ бѣломордый (Cervus albirostris). Изъ коллекціи **Н. М. Пржевальскаго**, рис. съ чучелы **А. Земцовъ**, грав. Флюгель.

матоха. Согнанныхъ на берегъ жителей солдаты хватали какъ попало, сажали въ лодки и перевозили на корабли для отправленія въ ссылку. Такимъ образомъ Василій и сынъ его были разлучены и попали на разныя суда, между тѣмъ какъ молодая невѣста съ отцомъ оставались на берегу въ ожиданіи своей очереди. Поселокъ былъ сожженъ на глазахъ его обитателей. Бенедиктъ Бельфонтенъ не пережилъ всесторонняго потрясенія и не дождался своей ссылки: цѣлый день онъ не выходилъ изъ столбняка, а къ вечеру внезапно скончался на рукахъ дочери и сельскаго священника и былъ погребенъ тутъ-же на берегу. Евангелина съ этимъ добрымъ пастыремъ попала на третій корабль, была водворена въ дальней колоніи... И вотъ начинаются ея поиски за Габріэлемъ. Изрѣдка доходитъ до нея слухъ, что его видѣли тамъ-то въ преріяхъ *трапперомъ* (звѣроловомъ) или тамъ-то въ Луизіанѣ странствующимъ торговцемъ. Молодежь уговариваетъ Евангелину забыть жениха и отдать свою руку другимъ искателямъ. Но молодая дѣвушка рѣшается отыскать его во что бы то ни стало. Проходятъ годы, дѣло Акадійцевъ забыто, Евангелина получаетъ возможность свободно мѣнять мѣсто жительства и снаряжается въ долгій путь по бѣлу-свѣту громаднаго материка Сѣверной Америки. Неутомимо странствуетъ она изъ-года-въ-годъ, изъ поселка въ поселокъ, изъ миссіонерскаго дома въ вигвамъ краснокожаго индійца,—и наконецъ, отчаявшись, дѣлается сестрой милосердія въ большомъ городѣ пораженномъ моровымъ повѣтріемъ. Здѣсь-то въ больницѣ находитъ она своего жениха сѣдымъ, изнуреннымъ болѣзнью, при послѣднемъ издыханіи; они узнаютъ другъ друга и умираютъ вмѣстѣ, счастливые въ послѣднюю минуту жизни.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ Евангелину въ счастливые дни ея молодости, среди родной обстановки Большаго Луга.

Идетъ! идетъ! (Рис. на стр. 212 и 213).

Звонокъ прозвонилъ, урокъ кончился и наступила рекреація или, какъ чаще называютъ—перемѣна. Только-что учительница успѣла выйти изъ классной комнаты, куда дѣвались тишина и порядокъ, до того царствовавшіе въ классѣ! Всѣ воспитанницы повскакали со своихъ мѣстъ и наперерывъ, одна передъ другой, стараются чѣмъ-нибудь развлечься, послѣ напряженнаго вниманія во время урока. Одна изъ нихъ забралась на каѳедру и, надѣвъ очки, передразниваетъ учительницу, которая только-что поставила ей плохую отмѣтку за дурное знаніе урока; другая, любительница живописи, можетъ-быть въ будущемъ замѣчательная художница, изрисовала мѣломъ всю доску; третья показываетъ своей подругѣ альбомъ съ фотографическими карточками, сопровождая поясненіями портреты каждаго своего родственника или знакомаго. Въ одной сторонѣ класса нѣсколько учениць играютъ, перекладывая одна другой сдѣланный на пальцахъ изъ веревочки „колодецъ“; въ другой — устроился импровизированный балъ, чѣмъ не даютъ возможности тутъ-же сидящей товаркѣ повторить урокъ. Но перемѣна кончилась, веселая четверть часа незамѣтно пролетѣла и въ классъ вдругъ вбѣжало нѣсколько учениць съ крикомъ: „Идетъ! идетъ!“ Идетъ учительница—конецъ веселью—всѣ разбѣгаются въ страшномъ переполохѣ, наскоро уничтожая слѣды безпорядка. Эту-то сцену и передалъ Шнитцеръ въ своей картинѣ, помѣщенной на стр. 212 и 213. Съ доски поспѣшно стираются всѣ рисунки. Шаловливая пересмѣшница некрасивой учительницы, пригнувшись какъ кошечка, старается поскорѣе убѣжать съ каѳедры. Впопыхахъ альбомъ съ фотографіями упалъ, и всѣ карточки разсыпались по полу. Но пройдетъ нѣсколько секундъ, и весь классъ приметъ тихій и степенный видъ и никому въ голову не придетъ, что здѣсь могло происходить за нѣсколько минутъ.

Памятникъ князю М. З. Аргутинскому-Долгорукому, въ Темир-ханъ-Шурѣ. (Рис. на стр. 216).

Въ лѣтописяхъ шестидесятилѣтней кавказской войны нашей съ горцами кн. Моисей Захаровичъ Аргутинскій-Долгорукій занимаетъ видное мѣсто своимъ замѣчательнымъ военнымъ талантомъ и продолжительною боевою дѣятельностью, значительно подвинувшею впередъ окончательное покореніе Кавказа. Человѣкъ желѣзной воли, при высокихъ душевныхъ качествахъ, онъ производилъ неотразимое обаяніе не только на своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, но и на враговъ своихъ, горцевъ: доступность, прямодушіе, безкорыстіе и твердость въ словѣ князя Моисея Захаровича вошли въ пословицу, а глубокое знаніе имъ солдата, умѣніе его беречь, не переставая подвергать опасностямъ, дѣлали изъ него вождя, за которымъ шли войска не задумываясь на самыя невѣроятныя по своей трудности боевыя предпріятія и выполняли ихъ всегда съ блестящимъ успѣхомъ. Всѣ знали, что у Аргутинскаго не бываетъ неудачи, что у него все взвѣшено, предусмотрѣно, обдумано и что каждый шагъ его ведетъ безошибочно къ намѣченной цѣли.

Онъ происходилъ изъ стариннаго рода грузинскихъ князей Мхаргдзели (Долгорукихъ), берущаго начало отъ древняго армянскаго рода Аргуты; родился въ 1797 году въ Тифлисѣ, росъ въ домѣ своего отца, бывшаго роднымъ племянникомъ патріарха Іосифа (пользовавшагося особою милостію императрицы Екатерины II) и когда князь Цаціановъ въ 1806 году открылъ въ Тифлисѣ первое русское „благородное“ училище, юный Аргутинскій поступилъ въ это заведеніе. Въ училищѣ, обратившемся впослѣдствіи въ гимназію, князь Цаціановъ сумѣлъ подобрать очень удачный составъ учителей, а ученикамъ выдавалось по 75 коп. суточныхъ, чѣмъ приманивали, какъ родителей, такъ и ихъ самихъ къ ученію на русскомъ языкѣ, мало тогда кому понятномъ. Девятнадцати лѣтъ, владѣя уже хорошо этимъ языкомъ, молодой Аргутинскій поѣхалъ въ Петербургъ по вызову своего богатаго дяди, постоянно тамъ жившаго, поступилъ юнкеромъ въ конногвардію и въ 1817 году, т. е. 20 лѣтъ, произведенъ въ корнеты. Въ 1824 году онъ былъ уже штабсъ-ротмистромъ и оставаясь въ полку до 1827 года, свободное время отъ служебныхъ занятій посвящалъ восполненію своего образованія и въ особенности изученію военныхъ наукъ. Персидская война сманила его на Кавказъ, онъ переведенъ былъ туда маіоромъ въ Грузинскій гренадерскій полкъ, находился въ дѣйствовавшихъ отрядахъ подъ командою Бенкендорфа, Фридрихса, Сухтелена и за отличіе произведенъ въ подполковники. За Персидскою слѣдовала Турецкая война 1829 года; въ ней князь принимаетъ участіе уже батальоннымъ командиромъ и получаетъ за храбрость Георгія 4 ст. Въ 1830 году имѣетъ первое дѣло съ кавказскими горцами близъ Закаталъ и разбиваетъ большое ихъ скопище. Въ 1832 году назначается командиромъ Тифлисскаго полка. Въ 1832 году усмиряетъ въ мусульманскихъ провинціяхъ взбунтовавшихся курдовъ. Въ 1837 году, подъ начальствомъ барона Розена, дѣлаетъ экспедицію въ Цебельду и произведенъ въ полковники. Въ 1838 году наноситъ пораженіе лезгинамъ, сдѣлавшимъ нападеніе на г. Нуху. Въ 1839 году назначается управляющимъ Ахалцыхскою провинціею; получаетъ бригаду грузинскихъ линейныхъ батальоновъ и съ нею усмиряетъ возстаніе въ Гуріи. Въ 1842 году получаетъ командованіе Самурскимъ отрядомъ, направленнымъ на усмиреніе Казикумыкскаго ханства, передавшагося Шамилю; разбиваетъ Шамиля, усмиряетъ ханство, за что производится въ генералъ-маіоры и получаетъ Георгія 3 класса. Князю поручаютъ Самурскій округъ и въ 1844 году—командованіе всѣми войсками въ южномъ Дагестанѣ. Въ этомъ званіи открывается широкое поле его военному таланту. Въ теченіе девяти лѣтъ кругъ его дѣятельности тутъ постепенно растетъ по мѣрѣ расширенія сферы его командованія. Къ Самурскому округу присоединяютъ сначала Кубанскій и Дербентскій уѣзды, дѣлаютъ затѣмъ Аргутинскаго дербентскимъ губернаторомъ и въ заключеніе подчиняютъ ему всѣ войска Каспійской области. Въ это время онъ получаетъ орденъ Св. Анны 1 ст., чинъ генералъ-лейтенанта, орденъ Св. Александра Невскаго, шпагу осыпанную брилліантами, званіе генералъ-адъютанта и наконецъ орденъ Св. Владиміра 1 ст. И всѣ эти отличія и награды получались имъ не даромъ.

Онъ постоянно находился между двухъ огней. Съ тылу имѣлъ мусульманское населеніе, живущее на плоскости, считавшееся мирнымъ и намъ преданнымъ, на самомъ-же дѣлѣ всегда готовое при каждой нашей неудачѣ дѣйствовать противъ насъ, а спереди у него были неприступнѣйшія трущобы Дагестана, въ которыхъ Шамиль, деспотически властвовавшій надъ горцами, безпрестанно собиралъ большія ихъ скопища и подъ водительствомъ своихъ отчаянныхъ наибовъ высылалъ ихъ противъ насъ. При такомъ трудномъ и крайне напряженномъ положеніи военный геній кн. Аргутинскаго создалъ цѣлую тактику горской войны и при помощи ея постоянно ставилъ преграды всякому замыслу Шамиля, мѣшалъ дружнымъ движеніямъ большихъ его скопищъ и наносилъ безпрестанныя имъ пораженія. Экспедиціи Аргутинскаго всѣ уже занесены въ военную исторію, какъ образцы горной тактики, и всѣ онѣ служили школою для людей впослѣдствіи прославившихся на боевомъ поприщѣ; князь Барятинскій, Евдокимовъ, Бриммеръ, Кесслеръ, Радецкій, Манюкинъ, Мищенко, Лорисъ-Меликовъ, Лазаревъ и многіе другіе вышли изъ этой школы и были учениками Моисея Захаровича. Непосильные труды однако сломили героя. Во время экспедиціи 1853 г., когда нужно было помѣшать Шамилю спуститься въ Закатальскій округъ и оттуда на Алазанскую долину,—экспедиціи которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ,—у Аргутинскаго сдѣлался параличъ и его полуживаго привезли въ Шуру. Это и было концомъ его карьеры; два года послѣ того влачилъ онъ одинокимъ холостякомъ-калѣкой свою жизнь и скончался 20 февраля 1855 года, въ Тифлисѣ. Благодарные кавказцы воздвигли ему памятникъ въ резиденціи начальника Дагестанской области, городѣ Темир-ханъ-Шурѣ. На памятникѣ представленъ онъ во всегдашнемъ своемъ костюмѣ, съ буркою на плечахъ и съ папахою въ рукѣ, взбирающимся на скалу.

Маралъ бѣломордый (Cervus albirostris).

(Рис. на стр. 217).

Открытый Н. М. Пржевальскимъ въ экспедицію 1879—80 годовъ и украшающій нынѣ его коллекцію чучелъ въ Академіи Наукъ, новый видъ марала (оленя), принадлежитъ къ довольно крупнымъ: общая длина отъ конца носа до хвоста около сажени; высота у загривка болѣе 4 футовъ. Рога у добытаго нашимъ путешественникомъ экземпляра въ длину по изгибу имѣютъ около полусажени; такъ какъ звѣрь былъ застрѣленъ въ іюлѣ, то

сравнительно молодые рога эти (олени скидываютъ старые рога обыкновенно раннею весной) оказались еще кровянистыми и сверху были покрыты пушистою грязно-сѣрою шерстью. Подобные, не вполнѣ еще выросшіе, кровянистые рога всѣхъ азіатскихъ мараловъ, такъ-называемые у насъ въ Сибири „панты“, имѣютъ огромный сбытъ въ Китай, гдѣ они идутъ на приготовленіе какихъ-то возбудительныхъ лекарствъ, тщательно скрываемыхъ китайцами отъ европейцевъ. Лучшими считаются не слишкомъ старые, не начинающіе еще твердѣть и не слишкомъ молодые панты. Если они притомъ велики, имѣютъ, напр., по пяти или по шести боковыхъ отростковъ, то китайцы платятъ за пару такихъ пантовъ 80—100, иногда даже 150 руб. Такая приманка заставляетъ всѣхъ сибирскихъ охотниковъ, русскихъ и инородцевъ, усердно преслѣдовать мараловъ въ пору назрѣванія ихъ молодыхъ роговъ, т. е. въ маѣ и іюнѣ. Тысячи громадныхъ самцовъ убиваются въ это время въ громадныхъ лѣсахъ Сибири и отчасти Туркестана. Тысячи паръ пантовъ закупаются въ различныхъ мѣстахъ нашей китайской границы и прямо отправляются внутрь Небесной Имперіи или свозятся, обыкновенно на почтовыхъ, въ Кяхту и отсюда отсылаются въ Пекинъ.

Въ центральной Азіи, какъ и въ Сибири, звѣри эти встрѣчаются не только въ лѣсныхъ гористыхъ мѣстностяхъ (Тянь-шань и др.), но и въ горахъ совершенно безлѣсныхъ (часть Нань-шаня, хребетъ Шуга и горы за Тань-ла въ С. Тибетѣ).

Вездѣ маралы очень чутки и осторожны. Образъ жизни сообразуется, конечно, съ мѣстными условіями. Въ долинѣ Тарима, напр., гдѣ маралъ, за неимѣніемъ лѣсовъ, держится въ тростникахъ съ кабанами и тиграми, онъ ѣстъ свѣжіе побѣги тростника, джингилъ и тамарискъ; въ альпійской области высокихъ горъ пасется на превосходныхъ лугахъ, а въ лѣсахъ Тянь-шаня лакомится яблоками вмѣстѣ съ медвѣдями.

Армянскій архимандритъ Хоренъ Степанэ.

(Портр. на стр. 220).

Недавно прихожане Армянской церкви въ СПБ. проводили на Кавказъ любимаго своего пастыря и проповѣдника архимандрита Степанэ, вызваннаго по телеграммѣ верховнымъ католикосомъ, для назначенія ему высшей должности. Архимандритъ родился въ Тифлисѣ въ 1840 г., сперва обучался въ мѣстной академіи Нерсесянъ, но въ 1855 повезли его въ Москву и опредѣлили въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, гдѣ, кончивъ курсъ блистательно, онъ былъ записанъ въ числѣ первыхъ учениковъ на золотую доску; поступивъ затѣмъ въ Московскій университетъ по филологическому факультету, кончилъ курсъ кандидатомъ и поѣхалъ на родину въ Тифлисъ. Здѣсь онъ былъ преподавателемъ всеобщей исторіи во многихъ казенныхъ училищахъ, пользовался большимъ уваженіемъ своихъ учениковъ, и редижировалъ основанный имъ журналъ *Айкаканъ Ашхаръ*. Но скромная дѣятельность учителя не удовлетворяла его и, по приглашенію католикоса Георга IV посвятить себя духовной дѣятельности, онъ постригся въ монастырѣ Эчміадзинъ въ монахи. Вскорѣ послѣ онъ былъ отправленъ за-границу для обозрѣнія духовныхъ школъ въ З. Европѣ, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ и вернулся съ большимъ запасомъ свѣдѣній для вновь учрежденной коммисіи по преобразованію духовныхъ школъ, занимая въ то же время должность преподавателя французскаго языка и педагогики въ Эчміадзинской духовной академіи. При многостороннемъ образованіи, умѣнья владѣть европейскими языками, онъ переписывался постоянно съ богословами и проповѣдниками европейскихъ столицъ. Письменный столъ его украшали сочиненія Филарета, Полисадова, которыхъ онъ глубоко уважалъ, и другихъ видныхъ духовныхъ дѣятелей. Проповѣди его, всегда проникнутыя высокимъ религіознымъ чувствомъ, увлекали его слушателей. Замѣчательны также литературные труды его: въ послѣднее время онъ былъ занятъ переводомъ историческаго сочиненія, которое черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выйдетъ въ свѣтъ.

А. А. Бичурина. † 5 февраля.

(Порт. на стр. 220).

Въ пятницу, 5 февраля, скоропостижно скончалась отъ удара, бывшая артистка Императорской русской оперы, Анна Александровна Бичурина. Покойная не такъ давно покинула сцену, которой она долго была украшеніемъ, и талантъ ея еще въ памяти у всѣхъ. Обладая сильнымъ, красивымъ, звучнымъ контральто, Бичурина совершенствовалась съ каждымъ годомъ, не только какъ пѣвица, но и какъ исполнительница сценической части своихъ ролей. Репертуаръ артистки былъ довольно обширенъ и хотя въ него входили всѣ вообще контральтовыя партіи оперъ и русскихъ, и иностранныхъ композиторовъ, но особенно выдавалась она въ роляхъ бытовыхъ, нерѣдко создавая довольно яркіе типы, и нѣкоторыя изъ этихъ ролей, не исключая и комическихъ, исполняла неподражаемо. И разбитная, бѣдовая Спиридоновна во „Вражьей силѣ“, и шустрая корчмарка въ „Борисѣ Годуновѣ“, и симпатичная, душевная старая няня Филипьевна въ „Евгеніи Онѣгинѣ“—всѣ эти типы, созданные ею, такъ еще памятны постояннымъ посѣтителямъ оперы нашей. Не менѣе артистически исполняла она роли Ратмира въ „Русланѣ и Людмиллѣ“, Вани въ „Жизни за царя“, Марты въ „Фаустѣ“, Ліи въ „Маккавеяхъ“ Рубинштейна. Многіе серьезные знатоки искусства находили, что и въ этихъ роляхъ она была вполнѣ прекрасна.

Анна Александровна умерла еще довольно молодою; она родилась въ 1853 году, въ Тифлисѣ, гдѣ провела и дѣтскіе, и юные годы свои. Воспитаніе она получила въ Закавказскомъ институтѣ для дѣвицъ и здѣсь уже обнаружила и свой голосъ, и музыкальный талантъ, причемъ была регентомъ институтскаго хора. По окончаніи курса, она уѣхала въ Петербургъ и поступила въ консерваторію, гдѣ числилась четыре года стипендіаткой Великаго Князя Михаила Николаевича. Сперва она занималась въ профессорскомъ классѣ Ниссенъ-Саломанъ, нынѣ тоже покойной, и отъ нея-то и получила прекрасную манеру пѣнія, а затѣмъ училась у Корси. Ея успѣхи въ консерваторіи были настолько осязательны, голосъ, дарованіе и всѣ данныя высказались настолько рельефно, что молодая пѣвица могла появиться на Императорской сценѣ безъ всякихъ затрудненій. Дебютъ ея состоялся 8 декабря 1875 года, въ партіи Вани, въ „Жизни за царя“, и имѣлъ положительный успѣхъ; публика сразу оцѣнила и полюбила артистку, которая въ теченіе десяти лѣтъ доставляла ей такое эстетическое наслажденіе. Первые шаги ея на сценѣ были все-таки робки, артистка не обладала особенно ясной дикціей, дѣлала промахи въ сценическомъ исполненіи, а голосъ ея рѣзко дѣлился сперва на три регистра, причемъ ноты средняго регистра были у нея достаточно слабы, а верхній регистръ отличался большой силой. Но Бичурина была одною изъ немногихъ пѣвицъ, горячо любившихъ свое искусство; она много работала надъ собой, и голосъ ея сталъ ровнымъ, дикція и декламація получили желаемое развитіе, ясность, выразительность, и вообще артистка усовершенствовалась до неузнаваемости, а при исполненіи такихъ партій, какъ роль Ліи въ „Маккавеяхъ“, она обнаружила значительный драматическій талантъ. Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ А. А. Бичурина вынуждена была покинуть сцену и заняться преподавательскою дѣятельностью. Съ ея кончиной сошла со сцены одна изъ послѣднихъ представительницъ школы Ниссенъ-Саломанъ. **Б.**

Операціи при горловыхъ болѣзняхъ.

(Рис. на стр. 221).

По поводу болѣзни Германскаго наслѣднаго принца, интересующей весь образованный міръ, приводимъ выдержки изъ статьи, написанной по этому случаю знаменитымъ хирургомъ Нуссбаумомъ, профессоромъ высшей медицинской школы въ Мюнхенѣ:

Гортань, переходящая затѣмъ въ дыхательное горло, есть хрящевидная трубка, которая, начинаясь во рту, раздѣляется ниже шеи на двѣ части, правую и лѣвую, которыя входятъ въ оба легкія (см. фиг. 1). Позади гортани начинается во рту другая плевистая трубка, такъ-называемое, пищепріемное горло, которое проводитъ пищу и питье въ желудокъ. Дыхательное горло снабжено крышкою, надгортаннымъ хрящемъ, который плотно прикрываетъ его отверстіе въ то время, какъ пища проходитъ мимо въ пищепріемное горло, для того чтобы частицы пищи не могли попасть въ легкія. Когда, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ—болѣзни или операціи—часть надгортанника уничтожается и онъ не можетъ плотно прикрывать гортань, частицы пищи попадаютъ въ легкія и больные умираютъ черезъ нѣсколько дней, вслѣдствіе особаго вида воспаленія легкихъ, вызваннаго присутствіемъ постороннихъ тѣлъ.

Въ верхней части гортани помѣщены голосовыя связки, которыя, при прохожденіи воздуха во время говора или пѣнія, производятъ звукъ. Когда эти связки вспухаютъ или покрываются мелкими грануляціями, голосъ становится хриплымъ или совершенно беззвучнымъ. Связки заполняютъ почти всю гортань и оставляютъ только узкую щель, сквозь которую мы вдыхаемъ воздухъ. Самой незначительной опухоли достаточно, чтобъ затруднить притокъ воздуха и стѣснить дыханіе. Подобныя опухоли встрѣчаются при различныхъ заболѣваніяхъ, иногда при простыхъ катаррахъ, и могутъ такъ же легко исчезнуть, какъ появились, не оказывая особаго вліянія на ходъ самой болѣзни. Если опухоль увеличится, то она можетъ совсѣмъ заложить гортанное отверстіе; отъ недостатка воздуха больной синѣетъ въ лицѣ и подвергается опасности задохнуться; но опасность эту можно легко устранить въ каждый данный моментъ. Если опухоль не уничтожена во-время, посредствомъ прижиганія или вдыханія лекарственныхъ веществъ и является дѣйствительная опасность задушенія, то прибѣгаютъ къ *трахеотоміи*, т. е. прорѣзу дыхательнаго горла—операціи, которую опытный хирургъ можетъ сдѣлать въ полминуты. Прорѣзъ этотъ дѣлается на шеѣ, ниже опухшихъ голосовыхъ связокъ, и въ отверстіе вставляютъ двойную серебряную трубочку (фиг. 2 и 3) въ палецъ толщиною, которая не позволяетъ сдѣланному отверстію затянуться. Больной, который за минуту передъ тѣмъ задыхался, начинаетъ спокойно и свободно дышать; но дыханіе происходитъ уже не черезъ ротъ, носъ и гортанное отверстіе, а черезъ серебряную трубку, ниже гортаннаго отверстія (фиг. 4). Трубочка дѣлается двойною для того, чтобы внутреннюю ея часть можно было выдвигать, какъ показано на фиг. 3, и вытащивъ изъ внѣшней, чистить, ибо она запотѣваетъ и загрязняется отъ дыханія. Такъ какъ здоровые люди дышатъ воздухомъ, согрѣтымъ при прохожденіи черезъ носъ и ротъ, то и при трахеотоміи, вблизи

серебряной трубки помѣщаютъ губки, напитанныя горячей водою, для того чтобы черезчуръ холодный воздухъ не произвелъ воспаленія легкихъ. Когда опухоль уменьшится и гортанное отверстіе откроется настолько, что въ состояніи будетъ пропускать достаточное количество воздуха, серебряную трубку вынимаютъ и прорѣзъ заживаетъ.

Иногда, какъ напр. при болѣзни кронъ-принца, приходится прибѣгать къ трахеотоміи и по другимъ причинамъ. А именно, не только съ тѣмъ, чтобы въ виду стѣсненнаго дыханія увеличить притокъ воздуха, какъ было выше объяснено, но въ особенности чтобы облегчить возможность выжиганія или вырѣзыванія опухоли и злокачественныхъ нарощеній, которыя могутъ разрушить самую гортань и угрожаютъ величайшею опасностью для жизни. Когда подобныя образованія находятся ниже гортаннаго отверстія, проникнуть до нихъ нельзя иначе, какъ посредствомъ прорѣза въ дыхательномъ горлѣ.

Опухоли или нарощенія, сидящія выше гортанной трубки, въ послѣднее время нашли возможнымъ удалять прямо черезъ ротъ, безъ разрѣза дыхательнаго горла, при помощи маленькихъ щипчиковъ, ножницъ и въ особенности петлеобразной платиновой проволоки, которая находится въ соединеніи съ гальванической баттареей. Петлю тщательно накладываютъ на желаемое мѣсто, затѣмъ нажиманіемъ пальца смыкаютъ токъ и проволока моментально накаливается. Подобныя операціи получили въ послѣднее время весьма широкое распространеніе, благодаря употребленію *кокаина*, который притупляетъ чувствительность слизистыхъ оболочекъ и даетъ возможность проникнуть въ горло, не вызывая удушливаго кашля. Въ прежнее время спеціалисты по горловымъ болѣзнямъ должны были въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ постепенно пріучать паціента, чтобы получить возможность прикоснуться инструментомъ къ гортанному отверстію, не вызывая мучительнѣйшаго припадка удушья. Мы всѣ знаемъ по опыту, какое сильное дѣйствіе производитъ капля жидкости или крошка хлѣба, попавшія въ гортань („не въ то горло", какъ говорятъ въ общежитіи). Въ настоящее же время докторъ смазываетъ всю чувствительную область кокаиномъ и уничтожаетъ чувствительность въ такой степени, что можетъ тотчасъ же приступить къ операціи посредствомъ щипчиковъ, ножницъ или проволоки.

Впрочемъ, вышеуказанная операція не всегда бываетъ возможна. Отверстіе, оставляемое голосовыми связками, такъ узко, что нѣсколько глубже сидящія образованія не только не могутъ быть чрезъ него удалены, но даже видимы. Здѣсь снова выступаетъ на сцену дѣятельность хирурга. И такъ, если образованія и нарощенія появляются ниже гортаннаго отверстія, и, заполняя собою дыхательное горло, угрожаютъ задушеніемъ, или если являются злокачественныя образованія, которыя грозятъ, посредствомъ гнойнаго зараженія, разрушить самое дыхательное горло, то хирургъ приступаетъ къ описанной выше трахеотоміи, дабы получить возможность ясно видѣть и изслѣдовать помянутыя образованія. Если хирургъ можетъ надѣяться на полное ихъ удаленіе посредствомъ вырѣзыванія или прижиганія раскаленной платиной, то онъ приступаетъ къ операціи чрезъ сдѣланный въ горлѣ трахеотомическій прорѣзъ, и пока ранки не заживутъ, оставляетъ въ прорѣзѣ серебряную трубку. Когда же образованія настолько злокачественны, что поразили уже и грозятъ разрушить самую хрящевидную гортанную трубку, а можетъ быть и прилегающія части, то хирургъ, съ согласія больнаго, отнимаетъ пораженную часть хрящевидной трубки, а иногда всю ее, обращая величайшее вниманіе на то, чтобы при извлеченіи гортани не осталось злокачественныхъ зародышей, которые въ короткій срокъ могли бы вызвать новое заболѣваніе.

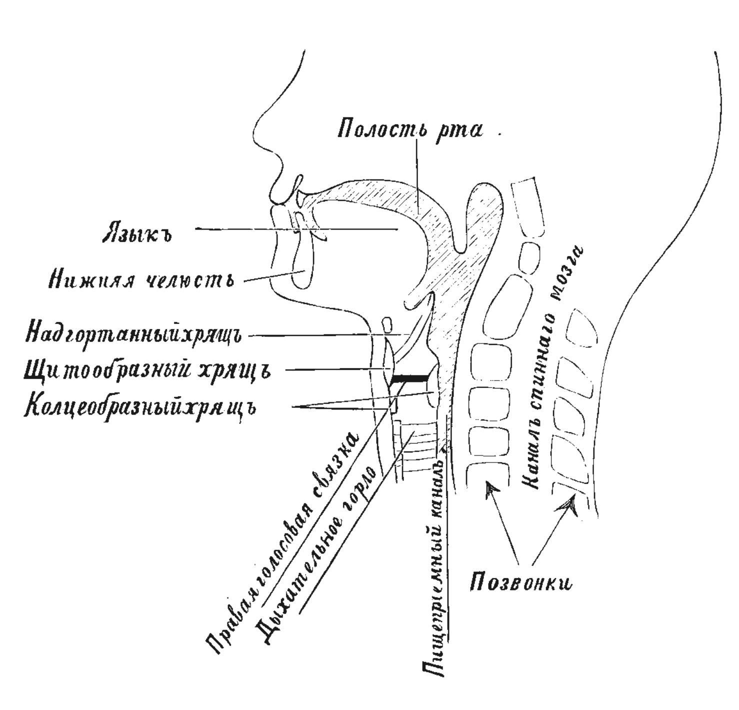
Бильротъ первый отважился произвести трудную операцію извлеченія гортани. Теперь операція эта дѣлается уже большинствомъ хирурговъ, но во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ наиболѣе труднымъ и опаснымъ. Добросовѣстный операторъ долженъ откровенно объяснить больному, или окружающимъ его, всѣ обстоятельства дѣла, прежде чѣмъ приступить къ операціи. Не говоря о томъ, что многіе больные умираютъ черезъ нѣсколько дней послѣ операціи, — даже и тѣ, которые перенесли ее, выигрываютъ въ лучшемъ случаѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ жизни, если только образованія были дѣйствительно злокачественныя и раковидныя. Въ большинствѣ случаевъ опухоли или появляются снова на томъ-же мѣстѣ, или рядомъ, или на другихъ благородныхъ органахъ, и больные умираютъ. Къ тому же и сохраненная такимъ образомъ жизнь—не завидна. Сдѣланная изъ тонкаго серебра искусственная гортань, замѣняющая природную, такъ неудобна для ношенія, что большинство больныхъ пользуется ею только часа два-три въ сутки, хотя безъ нея лишаются

Архимандритъ Хоренъ Степанэ, бывшій настоятель армянской церкви въ СПБ.
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

А. А. Бичурина. † 5 го февр. 1888 г.

возможности говорить. Голосъ искусственной гортани звучитъ непріятно и напоминаетъ звукъ деревянной, игрушечной трубы. Но со всѣмъ этимъ можно бы еще было помириться, если-бы было больше шансовъ на благопріятный исходъ операціи и продолжительность послѣдующей жизни. Чѣмъ позднѣе сдѣлана операція и чѣмъ дальше успѣло распространиться зараженіе, тѣмъ короче будетъ эта жизнь.

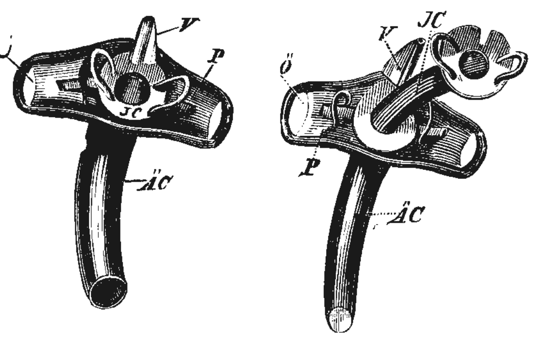
Впрочемъ, есть возможность и вполнѣ благопріятнаго исхода операціи. Это тотъ случай, когда, по предварительно произведенной трахеотоміи, нарощенія окажутся не злокачественными. Въ такомъ случаѣ можно разсчитывать на полное излѣченіе и долгую, здоровую жизнь. (с.)



Фиг. 1. Строеніе гортани и дыхательнаго горла.

Политическое обозрѣніе.

Опасность войны какъ будто минула и дипломатія опять принялась за безконечныя пренія по болгарскому вопросу. Изъ Берлина сообщаютъ въ *Indép. Belge* отъ 5 февраля: „Теперь уже положительно извѣстно, что графъ Шуваловъ, при своемъ послѣднемъ свиданіи съ княземъ Бисмаркомъ, сдѣлалъ весьма точныя предложенія по болгарскому вопросу, которыя и были приняты берлинскимъ кабинетомъ. Дѣло остановилось теперь за Австріею, и по общему мнѣнію, князю Бисмарку понадобится употребить не малыя усилія, чтобы заставить ее одобрить ихъ". Предложенія Россіи сводятся къ общему воздѣйствію на Порту, которой будетъ предложено принять мѣры противъ незаконнаго пребыванія принца Фердинанда Кобургскаго въ Болгаріи. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вѣны, въ настроеніи вѣнскихъ оффиціальныхъ сферъ относительно болгарскаго вопроса произошли существенныя измѣненія и если до прежде всякое непосредственное воздѣйствіе русскаго правительства считалось за *casus belli*, то теперь, хотя Австрія озабочена, попрежнему, огражденіемъ самостоятельности (?) Болгаріи и сохраненія въ ней извѣстнаго (?) положенія дѣлъ, но—не пожертвуетъ ни однимъ солдатомъ. Подобныя же свѣдѣнія идутъ и изъ Лондона, и изъ Рима. По слухамъ, графъ Шуваловъ заявилъ въ Берлинѣ, что Россія не предприметъ никакихъ мѣръ за свой счетъ. Нѣтъ дыма безъ огня, и въ настоящее время ведутся конечно переговоры, но о чемъ, откуда истекаетъ инціатива—все это неизвѣстно и только недалекое будущее покажетъ насколько болгарскій вопросъ повиненъ въ тяжеломъ кризисѣ переживаемомъ Европою. Всѣ эти болгарскія дѣла не болѣе какъ повтореніе задовъ, такъ какъ Россія и ранѣе не находила нужнымъ предпринимать что-либо непосредственно по болгарскимъ неурядицамъ, а сохраняла и сохраняетъ выжидательное положеніе. Переговоры-же какіе-бы то ни было и ранѣе не приводили къ положительнымъ результатамъ и лишь давали возможность недругамъ Россіи устраивать постоянные водевили, такъ дорого стоющіе Русскому народу съ финансовой, а тѣмъ болѣе съ нравственной стороны.



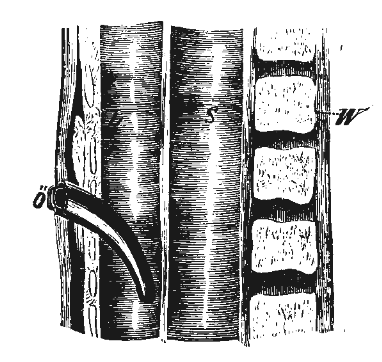
Фиг. 2 и 3. Двойная серебряная трубка, вставляемая въ разрѣзъ дыхательнаго горла. Фиг. 2, со вдвинутой внутренней трубкой. Фиг. 3, съ выдвинутой внутренней трубкой. Ö—ушки; P—пластинка; ÄC—внѣшняя трубка; IC—внутренняя трубка; V—замочекъ.

По поводу слуховъ о сдѣланномъ русскимъ правительствомъ предложеніи въ Берлинѣ относительно Болгаріи, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось 11 февраля слѣдующее сообщеніе:

„Для вѣрнаго пониманія настоящаго положенія дѣлъ, необходимо имѣть въ виду первоначально высказанный Императорскимъ Правительствомъ взглядъ на болгарскій вопросъ. Берлинскій трактатъ служитъ основаніемъ установившагося, по общему соглашенію державъ, на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей, и въ немъ заключается единственная международная гарантія противъ потрясеній, опасныхъ для будущности юныхъ государствъ полуострова. Съ этой именно точки зрѣнія Императорское Правительство и отнеслось къ событіямъ, совершившимся въ Болгаріи, со времени отреченія ея перваго князя. Пріѣздъ принца Фердинанда Кобургскаго въ Софію и захватъ имъ княжеской власти совершились вопреки постановленіямъ трактата, почему Императорское Правительство тогда же заявило, что оно не намѣрено признавать принца законнымъ правителемъ Болгаріи, и одновременно попыталось склонить и другіе кабинеты высказаться въ томъ же смыслѣ. Нынѣ, имѣя въ виду повсемѣстно выражаемое желаніе положить конецъ существующему тревожному состоянію, корень коего кроется преимущественно въ двусмысленномъ положеніи Болгаріи, Императорское Правительство сочло долгомъ сдѣлать вновь попытку, съ цѣлью вызвать заявленіе державъ о неприкосновенности трактатныхъ постановленій, касающихся Болгаріи, и необходимости возвратить ее на путь законности. Естественнымъ послѣдствіемъ такого заявленія державъ должны быть представленія въ Константинополѣ, съ цѣлью склонить Султана — объявить болгарамъ, что лицо носящее нынѣ названіе князя не законный правитель Болгаріи, а только похититель власти.

„По мнѣнію Императорскаго Правительства, инціатива такого объявленія, безспорно принадлежитъ Султану, права коего, какъ сюзерена, непосредственно затрогиваются незаконнымъ положеніемъ дѣлъ въ Софіи.

„Не предрѣшая будущаго, Императорское Правительство, въ видахъ устраненія какихъ-бы то ни было сомнѣній, относительно его цѣлей и намѣреній, не находитъ нисколько нужнымъ скрывать образа дѣйствій, котораго оно твердо рѣшилось держаться въ болгарскомъ вопросѣ, въ случаѣ устраненія причинъ, способствующихъ продленію кризиса. Болгарія обязана своимъ существованіемъ жертвамъ и усиліямъ Россіи, которая уже въ силу одного этого продолжаетъ съ участіемъ относиться къ этой странѣ и съ прискорбіемъ взираетъ на переживаемыя ею испытанія. Оставаясь одинаково чуждымъ какъ предубѣжденіямъ, такъ и пристрастіямъ, и не считая поэтому совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ вмѣшиваться во внутренніе раздоры, Императорское Правительство далеко въ то же время и отъ мысли подвергать кого-либо отвѣтственности за минувшее; одно чистосердечное сознаніе заблужденій послужитъ въ глазахъ его залогомъ поворота къ лучшему. Россія желаетъ исключительно блага Болгаріи и, по удаленіи похитителя власти, она будетъ ожидать перваго искренняго заявленія со стороны болгарскаго народа, выраженнаго чрезъ посредство его представителей, чтобы предать забвенію прошлое и позаботиться о возстановленіи сношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣріи. Притомъ Императорское Правительство чуждо также и намѣренія въ чемъ бы то ни было стѣснить свободу болгаръ, обезпеченную за ними трактатомъ во всемъ, что касается внутренняго устройства страны и управленія ею; оно не можетъ позабыть, что этою свободою Болгарія обязана преимущественно Россіи



Фиг. 4. Трубка вставленная въ дыхательное горло. Ö — отверстіе трубки; L—дыхательное горло; S—пищепріемное горло; W—позвоночный столбъ.

и что никакъ не въ попраніи, а въ защитѣ правъ Болгарскаго народа заключается наше прямое призваніе, лишь бы, со своей стороны, лица, призванныя руководить судьбою народа, умѣли разумно пользоваться этими правами. Пусть болгары, умудренные опытомъ, сознаютъ, наконецъ, необходимость отрѣшиться отъ личныхъ стремленій и разсчетовъ и объединить свои усилія, съ цѣлью вывести свою родину на путь законности и благоустройства, и въ такомъ случаѣ всякое постороннее вмѣшательство окажется безцѣльнымъ и излишнимъ и водвореніе будущаго князя безпрепятственно совершится въ условіяхъ, опредѣленныхъ трактатомъ.

„Вышеизложенными соображеніями Императорское Правительство не переставало руководствоваться, съ самаго начала болгарскаго кризиса, и они-то и побудили его на первыхъ порахъ отвергнуть мысль о возможности возстановленія законности при помощи мѣръ насилія.

„При всемъ этомъ, само собою разумѣется, что до удаленія изъ Болгаріи похитителя власти Императорское Правительство будетъ продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ, оставаясь при убѣжденіи, что въ устраненіи этого положенія заключается наиболѣе благонадежное средство упрочить всеобщее спокойствіе".

Надежды на Болгарскій народъ, высказанныя въ этомъ сообщеніи, начали оправдываться: принцъ Фердинандъ, во время послѣдней поѣздки по странѣ, отовсюду видѣлъ непріязненныя къ нему отношенія населенія; кромѣ того, въ Восточной Румеліи всюду началось броженіе.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 4 февраля, въ Концертной залѣ Зимняго дворца, состоялся балъ, на который отъ Высочайшаго Двора было разослано болѣе 600 приглашеній. Балъ открылся вальсомъ, въ 9 ч. 40 м. вечера, когда въ залу вступили Ихъ Величества, прослѣдовавъ черезъ Малахитовую гостиную изъ внутреннихъ комнатъ. Государь Императоръ былъ въ артиллерійскомъ мундирѣ. Въ три четверти перваго часа, состоялся ужинъ, накрытый въ Николаевской залѣ, Аванъ-залѣ и Посольскомъ подъѣздѣ. Залы были превращены въ зимній садъ. Небольшіе, на 11 человѣкъ, столы для приглашенныхъ были окружены красиво расположенными группами тропическихъ растеній, пальмъ и латаній. Полъ залы былъ устланъ сукномъ песочнаго цвѣта, такъ что казалось, будто желтыя дорожки извиваются между кустами и группами деревьевъ.

Народное просвѣщеніе.

— 4 февраля, въ Петербургѣ, въ залѣ Педагогическаго музея военно - учебныхъ заведеній, предсѣдатель коммиссіи музея, генералъ-маіоръ Каховскій, открывая засѣданіе, заявилъ собранію, что 2 февраля Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, осчастливили Своимъ посѣщеніемъ Педагогическій музей, гдѣ онъ, генералъ-маіоръ Каховскій, имѣлъ счастіе показать Ихъ Величествамъ гигіеническій кабинетъ и библіотеку Общества распространенія духовно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви. Выслушавъ объясненія о дѣятельности названнаго Общества и Педагогическаго музея, Его Величество Государь Императоръ дважды высказалъ Свое одобреніе и, оставляя музей, милостиво простился съ предсѣдателемъ коммисіи Педагогическаго музея и съ священникомъ Вѣтвеницкимъ, предсѣдателемъ общества распространенія духовно - нравственнаго просвѣщенія.

— 7 февраля, въ Москвѣ происходило освященіе и открытіе постояннаго помѣщенія Александровскаго коммерческаго училища, основаннаго въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II. Училище помѣстилось въ пріобрѣтенномъ у Министерства Юстиціи за 200,000 руб. и вновь передѣланномъ домѣ, въ которомъ прежде помѣщался архивъ Министерства Юстиціи.

— При спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института въ Москвѣ предполагается въ скоромъ времени сдѣлать весьма полезное нововведеніе,—учредить вечерніе курсы для желающихъ изучать восточные языки. На этихъ курсахъ будутъ преподаваться языки: арабскій, турецкій, со всѣми главнѣйшими его нарѣчіями, персидскій, армянскій и грузинскій.

— Двухклассныя русско-киргизскія училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Тургайской области причисляются, для окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній по отбыванію воинской повинности.

— Вдова полковника Николаева завѣщала Московскому университету 15,900 рублей въ пользу недостаточныхъ студентовъ.

Театръ и музыка.

— 3 февраля, вечеромъ, въ Александринскомъ театрѣ, на спектаклѣ въ бенефисъ артиста Имп. театровъ г. Сазонова, данный ему за 25-ти-лѣтнюю артистическую службу, присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и Вел. Кн. Георгій Александровичъ, Вел. Кн. Ксенія Александровна, Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ съ Супругою Маріею Павловною и Сергѣй Александровичъ съ Супругою Елисаветою Ѳеодоровною. Даны были: комедія въ 5-ти дѣйств. „Испорченная жизнь" (Чернышева) и комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Сорванецъ" (Крылова).

Спортъ.

— Недавно, въ лѣсахъ Слободской волости, Порѣчскаго уѣзда, Смоленской губерніи, появились дикіе кабаны. Во время сдѣланной крестьянами облавы былъ убитъ одинъ кабанъ, въ которомъ оказалось до 18 пудовъ вѣсу. Въ прежнее время, по сообщенію *Смол. Вѣстн.*, въ мѣстныхъ лѣсахъ кабановъ было много, но, по разсказамъ старжиковъ-охотниковъ, съ 60-хъ годовъ они начали появляться все рѣже и рѣже и, наконецъ, пропали совсѣмъ.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Продолжается подписка на дѣтскій иллюстрированный журналъ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ"

VIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.
(Январская и февральская книги вышли).

Журналъ выходитъ книжками большаго формата, отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ. Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Н. Безобразовъ, М. В. Киселева, В. Каннеровъ, В. Немировичъ-Данченко, М. Невѣжинъ, Ольга N., Н. Островская, А. Н. Плещеевъ, Ѳ. Сѣриковъ, Евгенія Туръ, К. Шиловскій и мног. друг.

Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой 6 р., на полгода 3 р. 50 к., безъ доставки (исключительно въ конторѣ Н. Печковской) 5 р. 50 к.

Иногородные обращаются исключительно въ контору редакціи: Москва, Большой Аѳанасьевскій пер., д. Ганепфельдъ.

П. 3032 Редакторы-Издательницы: **Е. Сарачева, Е. Напалкова.**

Соденскія Минеральныя Лепешки

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Клеймо.

Продажа во всѣхъ почти **Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп.** за коробку. Р. № 3026 10—2

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ,** Большая Морская, № 23, С.-Петербургъ.

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки! № 2747 15—12

Румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у **В. Ауриха,** Стремянная, 4. **С.-Петербургъ.**

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2835 16—11

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

приготовляемой

19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

„ДРУГЪ ДѢТЕЙ"

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ для дѣтей школьнаго возраста.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1888 ГОДЪ.

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ книгами въ 4 листа со множествомъ рисунковъ, иллюстрацій, виньетокъ и отдѣльныхъ раскрашенныхъ картинъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ, редакція котораго поручена **А. В. Круглову,** писателю хорошо извѣстному въ дѣтской литературѣ, примутъ ближайшее участіе: **Н. Н. Каразинъ, Д. Д. Минаевъ, А. П. Чеховъ, Е. Киселевъ, А. Догановичъ, А. Кругловъ, О. Н. Чюмина,** проф. **А. А. Исаевъ, П. В. Быковъ, К. С. Баранцевичъ, Н. Соловьевъ-Несмѣловъ** и мн. др. литературныя силы.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:
5 РУБ. ВЪ ГОДЪ. | 3 РУБ. ВЪ ПОЛГОДА.

Поднявъ литературный отдѣлъ на приличествующую для дѣтскаго изданія высоту, редакція **новаго журнала** обратитъ свое особенное вниманіе и силы для того, чтобы придать изданію безукоризненно художественную внѣшность, воспитывающую въ молодомъ поколѣніи вкусъ и любовь къ изящному.

Имѣя подъ руками собственныя мастерскія, артистическое ателье и типографію приспособленную для роскошной печати, редакція твердо увѣрена въ томъ, что новый журналъ явится дорогимъ и неразлучнымъ „ДРУГОМЪ ДѢТЕЙ" въ каждой русской семьѣ. П. № 2976 2—2

Адресъ редакціи и конторы журнала „ДРУГЪ ДѢТЕЙ":
Москва, Арбатъ, д. Каринской.
Редакторы-Издатели **М. и Е. Вернеръ.**

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 3040

Лѣтній курсъ начинается въ понедѣльникъ, 9 апрѣля **с. г.** Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію безплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ

Гогенгеймъ въ Февралѣ мѣс. 1888 г. **Vossler.**

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-РА ЛЕНГИЛЯ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ.

Употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ.
Въ виду многихъ поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку.

Цѣна: флакону Рб. 1.65; Бензоевое мыло 35 и 50 к.; Оппо Помада (лучше кольдъ-крема) 1 рб.

Упаковка и пересылка 50 коп., для Европ. Россіи 70 к.; для Сибири 1 р.

Главный складъ для всей Россіи у **В. АУРИХА,** въ **С.-Петербургѣ,** Стремянная, 4. № 2713 52—26

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

ДЛЯ ГОСПОДЪ ИНОГОРОДНЫХЪ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

книгопродавца А. М. ЗЕМСКАГО,

въ Москвѣ, въ зданіи Славянскаго базара, на Никольской улицѣ,

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Только что вышелъ 5-мъ дополненнымъ изданіемъ

НОВЫЙ, ВСЕНАРОДНЫЙ, ДРАГОЦѢННЫЙ, РОССІЙСКІЙ, ДОМАШНІЙ, СЕЛЬСКІЙ

ЛѢЧЕБНИКЪ.

Лѣчебникъ этотъ предлагается сельскому духовенству, помѣщикамъ и деревенскимъ жителямъ.

Съ приложеніемъ двухъ новыхъ лѣчебниковъ, лѣченіе массажемъ и гомеопатіей. Въ первомъ помѣщено описаніе о вновь открытомъ способѣ, имѣющемъ въ настоящее время огромный успѣхъ, какъ лѣчить массажемъ, съ подробнымъ указаніемъ пріемовъ, какъ поступать съ больнымъ. Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщено описаніе лѣченій съ замѣчательнымъ успѣхомъ многихъ трудныхъ болѣзней гомеопатическими средствами (лекарствами).

Эта книга для всякой семьи полное СОКРОВИЩЕ ОТКРЫТЫХЪ ВЕЛИКИХЪ ТАЙНЪ къ возстановленію потеряннаго здоровья и къ сохраненію жизни до глубокой старости, или книга—полная ШКОЛА домашняго самолѣченія безъ помощи врача, съ приложеніемъ домашней аптеки, съ разъясненіемъ о томъ, какъ составлять домашнимъ образомъ всякія лекарства, безъ указанія доктора, отъ разныхъ болѣзней, и лѣченіе ихъ народными средствами, съ указаніемъ совѣтовъ и способовъ, какъ можно всегда сохранять и предохранять себя отъ всякихъ болѣзней, съ описаніемъ **1000** рѣдкихъ случайныхъ открытій къ исцѣленію всякихъ упорныхъ, до сихъ поръ считавшихся неизлѣчимыми, как хроническихъ, такъ и другихъ извѣстныхъ болѣзней.— Составленъ практикующими врачами **Славинскимъ и Лопатинымъ,** дополнилъ своими новыми статьями **Ильинскій,** по методамъ лѣченія **Флоринскаго** (удостоенъ отъ учебнаго комитета министерства Народнаго Просвѣщенія полной преміи Императора **Петра Великаго**).

А также по методамъ знаменитыхъ докторовъ: **Генера, Тиссо, Траппа, Бока** и л.-мед. **Боткина,** доктора медицины **Захарьина,** старшаго шт.-лѣк. Голицинской больницы, члена разныхъ ученыхъ обществъ **Иноевса,** съ нѣкоторыми дополненіями методовъ по лѣчебникамъ князя Енгалычева и Залуговскаго. Съ приложеніемъ **домашней аптеки,** въ которой указываются средства: какъ приготовлять и составлять у себя дома тѣ же самыя лекарства, которыя покупаются въ аптекахъ, для многихъ такъ дорого стоющія, прописываемыя докторами въ рецептахъ. Лекарства эти составляются изъ тѣхъ домашнихъ предметовъ, которые у себя дома всегда могутъ найтись, какъ напримѣръ: изъ овощей, масла деревяннаго, молока, огородныхъ и садовыхъ плодовъ, ягодъ, лѣсныхъ травъ и другихъ предметовъ, которые имѣются даже у каждаго сельскаго жителя, каковые предметы и указаны здѣсь; вѣсъ и мѣра медицинскіе, которые рѣшительно для насъ непонятны, какъ непосвященныхъ въ медицинскія науки, они переложены на нашъ русскій вѣсъ и мѣру, напримѣръ: чему равняется фунтъ нашъ русско-торговый? Онъ равняется 12 унціямъ. Медицинскій фунтъ равняется 84 золотникамъ. Чему равняется драхма, скрупулъ, гранъ? Все это переложено на фунты, золотники, лоты и т. д. и съ простой ясностью, до мельчайшихъ подробностей, изложено въ ономъ лѣчебникѣ.

Нѣсколько словъ о лѣчебникѣ. Книга эта имѣетъ важное значеніе для всякаго, а именно въ отношеніи: въ ней описаны тысячи самыхъ разнообразныхъ простыхъ и домашнихъ средствъ, завсегда подъ рукой находящихся, которыя могутъ излѣчивать самыя важныя и упорныя болѣзни, не поддающіяся даже самымъ извѣстнымъ врачамъ, напримѣръ—кто же не знаетъ въ простомъ народѣ лекарей и лекарокъ самоучекъ? Правда, изъ нихъ есть и шарлатаны, но мы говоримъ объ истинно-преданныхъ изученію цѣлебныхъ силъ природы, которые съ удивительною и невѣроятно упорною настойчивостью ищутъ тайной и цѣлительной силы, какъ-то: въ полевыхъ цвѣтахъ, въ огородныхъ и лѣсныхъ травахъ, водяныхъ растеніяхъ и даже не исключая огородныхъ плодовъ и овощей, а также и ихъ разсоловъ, что и производитъ не въ рѣдкихъ случаяхъ чудеса совершенно полнаго исцѣленія таковыхъ важныхъ болѣзней, въ которыхъ сами свѣтила науки цѣлительныхъ силъ становились въ тупикъ недоумѣнія.— Въ лѣчебникѣ собраны всѣ таковыя открытія исцѣленія, а поэтому онъ и названъ по справедливости **истинно полною, настольною для всѣхъ**

ЛѢЧЕБНОЮ КНИГОЮ.

(Смотри объ этой книгѣ краткое извлеченіе о болѣзняхъ).

Описаніе какъ хроническихъ, такъ и другихъ болѣзней; болѣзни кожи: лишаи и сыпи на лицѣ, лѣченіе ихъ; золотуха, лѣченіе ея; болѣзни печени и желчи; ипохондрія, истерика; боль селезенки; желтуха; застой въ животѣ, трудное испражненіе; недостаточное пищевареніе; отсутствіе аппетита; судороги желудка; вѣтры; лѣченіе этихъ болѣзней; геморрой, лѣченіе его во всѣхъ его видахъ; головокруженіе, головная боль, лѣченіе этой болѣзни; нервныя болѣзни, лѣченіе ихъ; упорный кашель, одышка, кровохарканіе, отъ которыхъ бываетъ быстрый переходъ къ чахоткѣ, и истощеніе всего тѣла; предохранительныя средства къ излѣченію этой болѣзни; венерическая болѣзнь; лѣченіе ея; сортировка болѣзней и какія болѣзни лѣчить травами; появленіе припадка подагры; золотуха; лѣченіе ея; о познаніи сокровенной золотушной болѣзни; о надежнѣйшихъ средствахъ противъ золотушной болѣзни и объ употребленіи каждаго изъ нихъ въ особенности.— Здѣсь помѣщаемъ кратное извлеченіе изъ книги.

ВРАЧЕБНЫЯ ПОЛЬЗОВАНІЯ:

Рвотныя, слабительныя, разбивательныя; свѣжіе соки изъ травъ, горькіе экстракты и сгущенные соки травъ, воды—внутреннія, промывательныя, искусственныя, гнойныя раны, ванны, гемморой, распознаваніе этой болѣзни, предсказаніе объ окончаніи этой болѣзни и лѣченіе ея; тучность, лѣченіе ея новымъ способомъ; средства успокоительныя, наружное лѣченіе, внутреннее лѣченіе; о худобѣ; лѣченіе сгущающейся крови, слабость желудка, испорченное пищевареніе, желчные камни и боли, происходящія отъ нихъ; накожныя болѣзни, сыпи.— Полный сборникъ всѣхъ лѣчебныхъ средствъ: о баняхъ и вообще ваннахъ; вообще лѣченіе минеральными водами; хроническія болѣзни; лѣченіе холодомъ и тепломъ, лѣченіе холодной водой; врачебное средство отъ холеры; цынга и средства къ исцѣленію ея, кровотеченіе, зобъ и ракъ, средства и лекарства отъ нихъ, ревматизмъ и ломота; лѣченіе этихъ болѣзней новыми средствами; лѣченіе отъ укушенія бѣшеными собаками и другими животными; сибирскія язвы, злокачественный прыщъ; лѣченіе молокомъ, кумысомъ; лѣченіе всѣхъ секретныхъ болѣзней новооткрытыми средствами; описаніе множества разныхъ хроническихъ и другихъ болѣзней и лѣченіе ихъ.— Москва, 1888. Цѣна 3 р., въ роскошномъ французскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 р. съ пересылкою во всѣ города и мѣстечки Россійской Имперіи.

Примѣчаніе. За высылку этого лѣчебника получаю отъ иногородныхъ покупателей множество благодарственныхъ писемъ. № 30 8

Дозвол. ценз., СПБ. 17 февраля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. .

XIX г. | № 9 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 27 февраля 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

О. Н. Бетлингъ.

Въ концѣ января текущаго года, членъ Императорск. Академіи Наукъ, извѣстный санскритологъ, О. Н. Бетлингъ скромно праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей ученой дѣятельности. Почтенный академикъ прославился многими серьезными трудами по своей спеціальности, изслѣдованіями по грамматикѣ и лексикологіи санскритскаго языка, изданіемъ нѣсколькихъ классическихъ произведеній санскритской литературы, а также работами по изученію всѣхъ тюрко-татарскихъ языковъ. Но самый важный трудъ Бетлинга, надъ которымъ онъ проработалъ большую часть своей жизни, это—объемистый санскритскій словарь, составляющій весьма цѣнный вкладъ въ науку и служащій однимъ изъ краеугольныхъ камней для основъ санскритологіи и для сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ.

Академикъ О. Н. Бетлингъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея его ученой дѣятельности).
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Оттонъ Николаевичъ Бетлингъ (Boethling) происходитъ отъ тѣхъ Бетлинговъ, которые переселились въ Россію изъ Любека еще въ царствованіе Петра I. Въ 1718 году ими основанъ былъ большой торговый домъ, существовавшій болѣе ста лѣтъ; независимо отъ торговой дѣятельности, многіе члены этой семьи отличались любовью къ просвѣщенію и старались дать своимъ дѣтямъ высшее образованіе. Фамилія Бетлинга встрѣчается поэтому въ спискахъ студентовъ разныхъ университетовъ германскихъ и голландскихъ. Послѣдній представитель этого торговаго дома, Николай Бетлингъ, также получилъ блестящее образованіе, окончивъ курсъ Іенскаго университета; когда, вслѣдствіе континентальной системы, торговый домъ долженъ былъ закрыться, Бетлингъ посвятилъ свои досуги наукѣ и, между прочимъ, составилъ историческій очеркъ Венеціи. Сестра его была въ замужествѣ съ знаменитымъ воспитателемъ Александра I, Лагарномъ. У Николая Бетлинга было нѣсколько сыновей и младшій изъ нихъ, Оттонъ

Николаевичъ, нынѣшній академикъ, родился 30 мая 1815 г. въ Петербургѣ. Получивъ первоначальное образованіе въ Петропавловской школѣ, онъ поступилъ оттуда въ Дерптскій университетъ и по окончаніи курса предполагалъ заняться восточными языками въ Петербургскомъ университетѣ, но вскорѣ уѣхалъ заграницу. Сперва онъ слушалъ лекціи знаменитаго основателя науки сравнительнаго языкознанія, профессора Боппа въ Берлинѣ, а затѣмъ работалъ усердно подъ руководствомъ А. В. фонъ-Шлегеля и Лассена въ Боннѣ. Удостоенный, въ 1838 году, степени доктора филологическихъ наукъ, Оттонъ Николаевичъ издалъ въ 1839—1840 годахъ свой первый большой трудъ—восемь томовъ грамматическихъ правилъ извѣстнаго Панини, съ учеными комментаріями, посвятивъ его гр. С. С. Уварову. Императорская Академія Наукъ обратила вниманіе на этотъ трудъ молодаго ученаго и выбрала его, 5 марта 1842 г., въ адъюнкты; черезъ три года онъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а въ 1855 году ординарнаго академика.

Получивъ званіе академика, Оттонъ Николаевичъ издалъ, въ 1845 году, санскритскую христоматію, которая введена была, какъ руководство по санскритскому языку, въ разныхъ германскихъ университетахъ и сдѣлалась потомъ библіографическою рѣдкостью. Когда въ 1846 г. А. Ѳ. Миддендорфъ вернулся изъ своей сибирской экспедиціи, академикъ Бетлингъ занялся обработкой матеріаловъ, собранныхъ Миддендорфомъ для изученія якутскаго нарѣчія; причемъ онъ воспользовался, во время этихъ занятій, указаніями одного Русскаго, сибирскаго уроженца, долго жившаго среди якутовъ. Далѣе, въ 1847 году, Оттонъ Николаевичъ, въ сотрудничествѣ съ Шарлемъ Ріэ, выпустилъ въ свѣтъ словарь Хемачандры и грамматику ученаго брамина Госвами, прозваннаго Вападевой, а въ слѣдующемъ году и позднѣе печаталъ замѣтки и статьи по вопросамъ тюрко-татарской грамматики. Долговременныя занятія Оттона Николаевича по изученію звуковыхъ отношеній санскритскаго и тюрко-татарскаго языковъ, дали ему возможность познакомить образованную публику со своими открытіями въ русской фонологіи. При этомъ ученый главнымъ образомъ задался цѣлью представить настоящее число звуковъ встрѣчающихся въ русскомъ говорѣ независимо отъ письменнаго ихъ изображенія и выяснить причину различныхъ оттѣнковъ и измѣненій. Объ этомъ онъ печаталъ статьи въ академическихъ бюллетеняхъ въ 1851 г., гдѣ помѣщались также его замѣтки о языкѣ русскихъ цыганъ.

Всѣ эти работы не отвлекали однако Оттона Николаевича отъ его главнаго труда, который онъ поставилъ своей жизненной задачей, составленія санскритскаго словаря. Къ участію въ этомъ трудѣ онъ привлекъ знаменитаго изслѣдователя Ведъ, профессора тюбингенскаго университета Рудольфа Рота, берлинскаго профессора Альбрехта Вебера, профессора лейденскаго университета Керна, американскаго ученаго Уитнея и другихъ; этотъ огромный словарь началъ печататься съ 1852 года, а послѣдній, седьмой томъ его вышелъ въ 1875 году и изданъ на счетъ нашей академіи. По окончаніи изданія своего словаря, Оттонъ Николаевичъ выпустилъ переводъ санскритской драмы „Глиняная повозка“ (Мриччакати), принадлежащей къ классическому періоду санскритской литературы. Кромѣ помянутыхъ трудовъ Оттона Николаевича, существуютъ еще сборники индійскихъ изреченій, изданныхъ имъ съ критическими примѣчаніями и исправленіями испорченныхъ мѣстъ, въ 1863—65 и 1870—73 годахъ; а еще въ бытность его въ Боннѣ, имъ издана классическая драма знаменитаго индійскаго поэта Калидазы „Сакунтала“ (Боннъ, 1842). Въ настоящее время академику Бетлингу слишкомъ семьдесятъ два года, онъ проживаетъ въ Лейпцигѣ и, не смотря на свои преклонные годы, продолжаетъ трудиться на пользу науки.

П. В. Б.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XII.

Въ теченіе всей осени и большей части зимы, въ Москвѣ велись самыя дѣятельныя приготовленія къ предстоящему походу. Наибольшая часть работы выпадала на долю того изъ Приказовъ, который въ Московскомъ Государствѣ именовался *Разрядомъ* и вѣдалъ всѣхъ служилыхъ людей. Въ Разрядѣ велись имъ списки, по особымъ разборнымъ описямъ, ежегодно присылаемымъ отъ городовыхъ воеводъ и изъ другихъ Приказовъ, вѣдавшихъ отдѣльными частями войска. И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду, день и ночь, неутомимо скрипѣли перья дьяковъ и подьячихъ Разряда, изготовляя десятки тысячъ столбцовъ, и въ нихъ подробно обозначали имена и прозвища тѣхъ ратныхъ людей, которые должны были явиться не позже марта мѣсяца на службу въ Большой полкъ къ князю Василію Васильевичу Голицыну или въ другіе полки, подъ начальство бояръ: Шеина, князя Долгорукова и окольничаго Неплюева. Изъ Москвы, то-и-дѣло, скакали гонцы въ Украйну, къ гетману Самойловичу, побуждая его спѣшить приготовленіями къ походу и сборомъ запасовъ и всего воинскаго снаряда въ опредѣленные пункты. Къ Украинскимъ городамъ, со всѣхъ концовъ Россіи, тянулись длинныя вереницы служилыхъ людей, — въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ и доспѣхахъ, съ самымъ разнороднымъ вооруженіемъ. Богатые помѣщики-дворяне двигались по дорогамъ большими поѣздами, окруженные многочисленною конною свитой, съ запасными поводными конями, съ цѣлымъ обозомъ повозокъ, нагруженныхъ запасомъ; бѣдные — ѣхали самъ-другъ либо самъ-третей на дрянныхъ кляченкахъ, плохо-вооруженные, съ двумя-тремя слугами, которые шлепали по снѣгу и грязи пѣшкомъ, около какой-нибудь телѣжонки съ рогожнымъ покрытомъ, на которой сложена была вся ихъ рухлядишка. Многіе изъ такихъ голяковъ, вынуждаемые къ выступленію въ походъ особыми выбойщиками, пускались въ дорогу безъ всякихъ средствъ и запасовъ, и, соединяясь партіями человѣкъ въ тридцать и болѣе, шли по дорогамъ, питаясь, чѣмъ-Богъ-пошлетъ, не брезгая и возможностью стянуть, что плохо лежало, добывая себѣ пропитаніе то силою, то хитростью, а иногда прибѣгая даже къ открытому грабежу и разбою. Но, какъ бы то ни было, хоть и медленно и не совсѣмъ стройно и ладно, однако же вся эта масса людей стекалась постепенно къ указаннымъ пунктамъ и во всей Русской землѣ было замѣтно то усиленное броженіе и движеніе, которое всегда предшествовало всякой войнѣ. Наконецъ, къ половинѣ февраля, вся канцелярская работа въ Москвѣ была окончена, всѣ распоряженія сдѣланы и всѣ мѣры приняты; — требовалось присутствіе главнаго воеводы на мѣстѣ, для окончательнаго устройства рати и послѣднихъ приготовленій къ войнѣ. И вотъ, на 22 февраля 1687 года назначено было торжественное выступленіе воеводъ изъ Москвы и проводы тѣхъ святынь, которыя должны были сопровождать ихъ въ походѣ противъ невѣрныхъ.

Уже задолго до назначеннаго срока на Большомъ дворѣ князя Василія Голицына шли дѣятельныя приготовленія къ походу, но въ послѣднюю недѣлю, передъ выступленіемъ князя изъ Москвы, дворъ его обширныхъ палатъ обратился въ настоящій воинскій таборъ. Изъ оружейной палаты къ мастерскимъ палатамъ и обратно, то и дѣло таскали охапками всякое оружіе, — шеломы, ерихонки съ мисюрками, доспѣхи досчатые и кольчужные, конскую сбрую и сѣдла. Съ утра и до ночи надъ всѣмъ этимъ запасомъ работали кузнецы и оружейники, сѣдельщики и шорники. Стукъ кузнечныхъ молотовъ и лязгъ стали, оттачиваемой на колесѣ, не прекращались и нерѣдко сливались съ залпами выстрѣловъ, раздававшихся на заднемъ дворѣ, гдѣ пробовали и пристрѣливали пищали и мушкеты. Весь дворъ былъ заставленъ повозками, и крытыми, и открытыми, на которыя укладывались шатры и наметы, съѣстные припасы, сундуки съ казною и посудою, коробьи съ платьемъ и всякою домашнею рухлядью. Лошадей, назначенныхъ въ походъ подъ князя и его многочисленную свиту, то про-

ѣзжали, то подковывали, то внимательно осматривали, то пробовали и подъ сѣдломъ, и въ упряжи. Въ людской палатѣ тоже происходила суета страшная: всѣ отъѣзжавшие съ княземъ на службу пригоняли доспѣхи, примѣряли походное платье, упражнялись въ умѣньи владѣть оружіемъ и управлять конемъ. Наканунѣ выступленія вся эта суетня прекратилась, весь этотъ шумъ, стукъ и гомонъ стихли: все было готово, и все словно замерло въ ожиданіи завтрашняго многознаменательнаго дня.

Вечеръ наканунѣ выступленія князь Василій провелъ на своемъ подворьѣ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, а возвратясь домой, призвалъ къ себѣ сына Алексѣя и долго бесѣдовалъ съ нимъ, запершись въ своей шатровой палатѣ. Въ четыре часа утра, на другой день, князь Василій былъ уже на ногахъ и поспѣшно одѣвался въ богатѣйшій золотный турскій кафтанъ съ изумрудными застежками; онъ спѣшилъ во дворецъ, къ обычному раннему выходу, за которымъ должно было слѣдовать „боярское сидѣнье", назначенное въ Грановитой Палатѣ, а затѣмъ — торжественное богослуженіе, раздача знаменъ воеводамъ и проводы святынь въ походъ.

Когда князь Василій вступилъ въ *комнату* царевны Софіи, она сидѣла за столомъ съ перомъ въ рукѣ и перечитывала небольшой лоскутокъ бумаги, четко исписанный ея почеркомъ. Съ перваго-же взгляда, князь замѣтилъ, что Софія сильно взволнована: ея глаза были заплаканы, а по лицу было замѣтно, что она провела безсонную и тревожную ночь. Поздоровавшись съ Оберегателемъ, царевна взяла со стола лоскутокъ бумаги и сказала:

— Вотъ тебѣ, князь Василій, на память отъ меня, вирши, что вчера мною были написаны къ гербу твоему. Не осуди—пишу, какъ умѣю...

И она прочла вслухъ слѣдующее восьмистишие:

Камо бѣжиши, воинъ избранный *),
Многажды славне честію вѣнчанный!
Трудовъ сицевыхъ и воинской брани,
Вѣчной ты славы дотекши, престани,
Не ты, но образъ князя преславнаго
Во всякихъ странахъ, здѣ начертаннаго
Отнынѣ будетъ славно сіяти,
Честь Голицыновъ вездѣ прославляти.

Прочитавъ свои вирши, Софія подала ихъ князю Василію, который, принявъ ихъ изъ рукъ царевны, низко ей поклонился, почтительно приложилъ къ устамъ ея рукописаніе, и, бережно его сложивъ, спряталъ на груди своей.

— Тяжко мнѣ съ тобою разставаться, князь Василій! проговорила, послѣ нѣкотораго молчанія, царевна Софья.—Я привыкла тебѣ довѣрять и видѣть въ тебѣ надежную опору... Теперь, я остаюсь одна, безъ совѣтника, безъ главнаго думца моего — среди неистовыхъ враговъ и зложелателей!

И она печально опустила голову на руки.

— Да хранитъ тебя Богъ, государыня, отъ злыхъ навѣтовъ со стороны враговъ и отъ излишняго усердія твоихъ *вѣрныхъ слугъ*! сказалъ князь Василій съ особеннымъ удареніемъ на послѣднихъ словахъ.

— Буду помнить твои совѣты, князь Василій, и не дамъ воли Ѳедору Леонтьевичу... Онъ мнѣ преданъ всею душею — я это знаю—но онъ слишкомъ скоръ и горячъ...

— Твое дѣло, государыня, какъ утлое судно въ пучинѣ морской, можно вести только медленно и съ великою осторожностью. Спѣхомъ всѣ благія начинанія испортить можно. И я молю тебя, государыня, не предпринимать, до моего возврата, никакихъ рѣшительныхъ дѣяній, и ни Сильвестрію Медвѣдеву, ни Ѳедору Шакловитому не дозволять никакихъ нападокъ противъ патріарха или противъ твоихъ „Преображенскихъ супротивниковъ".

— Такъ что-же, по твоему? Я все отъ нихъ терпѣть должна?

— Государыня, сила на твоей сторонѣ, и терпѣть тебѣ отъ нихъ не прійдется. Но не придавай вѣры извѣтамъ—не слушай тѣхъ словъ, что переносятъ сюда изъ Преображенскаго постельницы Сенюкова да Нелидова... Отъ слова не станется!..

— Ну, есть и слова такія, что стоютъ дѣла! произнесла Софья многозначительно.—Но я тебѣ обѣщаю, что пока ты тамъ на службѣ будешь—я безъ тебя, ни на что не рѣшусь! Проси мнѣ у Бога терпѣнія и обузданія: ужь больно люта противъ меня мачиха! И далъ бы мнѣ Богъ поскорѣе тебя увидѣть, тебя дождаться...

Слезы навернулись у ней на глазахъ и отозвались въ ея голосѣ... Но она быстро совладала съ собою, и, поднявшись со своего мѣста, сказала:

— Пора сбираться въ думу! Мы должны разстаться,— ступай съ Богомъ, князь Василій, и возвращайся къ намъ съ побѣдою.

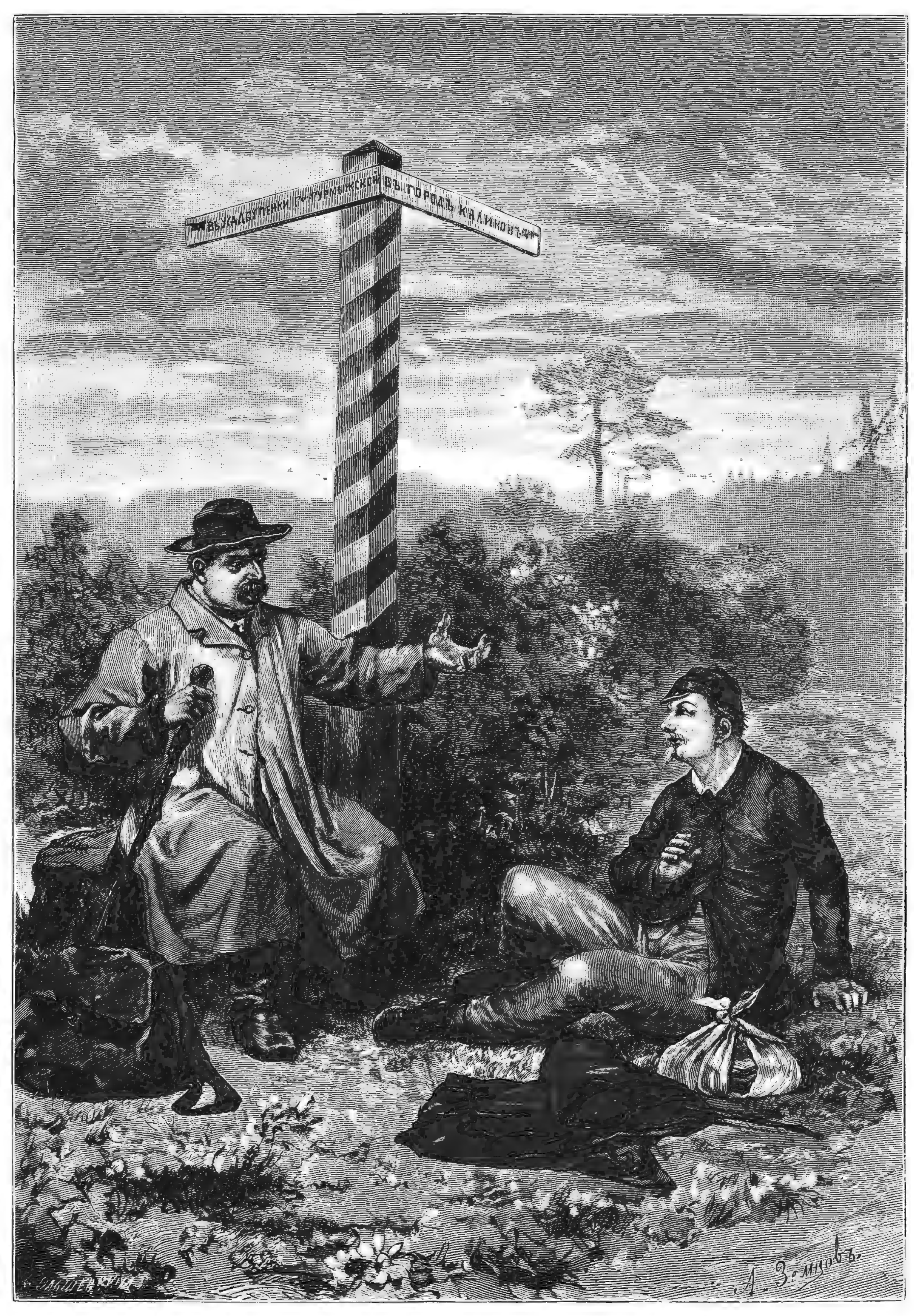
Не далѣе какъ полчаса спустя послѣ этой бесѣды, великіе государи, въ золотыхъ опашняхъ, съ жемчужною нашивкою, осыпанною каменьями, и въ шапкахъ меньшаго наряда—вступали въ Грановитую Палату, въ торжественное засѣданіе боярской думы, и садились на свой двойной, сребро-позлащенный тронъ. Рядомъ съ ними, на особомъ раззолоченномъ креслѣ, занимала мѣсто Софія, „сія великаго ума и тонкихъ проницательствъ исполненная дѣва". На царевнѣ была великолѣпная ферязь изъ серебряной обьяри съ золотыми разводами, съ листьями и травами разныхъ шелковъ; головнымъ уборомъ ей служилъ высокій столбунецъ изъ той же матеріи, покрытый частою жемчужною сѣткою. Бѣлила и румяна скрыли на лицѣ ея слѣды внутренней тревоги и недавнихъ слезъ, и она, твердо и мужественно, въ цвѣтистой рѣчи, обращенной къ собранію, заявила отъ лица великихъ государей о намѣреніи вести упорную борьбу съ Крымскимъ ханомъ.

— Нигдѣ, говорила Софія,—ни въ какой странѣ, злочестивые бусурмане не берутъ въ полонъ столько народа, какъ въ нашемъ царствѣ; православныхъ христіанъ продаютъ, какъ скотъ, въ неволю; храмы Божіи разрушаютъ; святую вѣру поносятъ, а проклятаго и богомерзкаго лжепророка Маамефа величаютъ своимъ заступникомъ и помощникомъ... Стыдятъ и укоряютъ насъ сосѣдніе государи, говорила далѣе царевна, — что мы, имѣя многочисленное войско, ежегодно платимъ бусурманамъ дань, чего ни одно царство не дѣлаетъ; а между тѣмъ, не смотря на дань, не смотря на многократные договоры и клятвы, Крымскій ханъ продолжаетъ разорять нашу страну попрежнему. И вотъ, великіе государи, испрося у Бога помощи, рѣшились послать на Крымъ бояръ и воеводъ съ полками...

Окончивъ рѣчь, Софія поднялась со своего мѣста одновременно съ государями-братьями и пригласила всѣхъ слѣдовать за собою въ соборъ для присутствованія при торжественномъ служеніи напутственнаго молебна отправлявшимся въ походъ воеводамъ. Обычнымъ порядкомъ двинулось длинное и блестящее шествіе изъ Грановитой Палаты по Красной лѣстницѣ, къ Успенскому собору. На рундукѣ той лѣстницы стряпчіе приняли отъ государей ихъ шапки съ крестами и каменьями, и подали имъ шубы и горлатныя шапки, и шествіе двинулось дальше. Впереди шли стольники и стряпчіе дворяне, и дьяки и гости, въ „золотахъ" и въ шапкахъ горлатныхъ; а слѣдомъ за великими государями и царевной шли назначенные въ походъ воеводы и ближніе бояре и окольничіе.

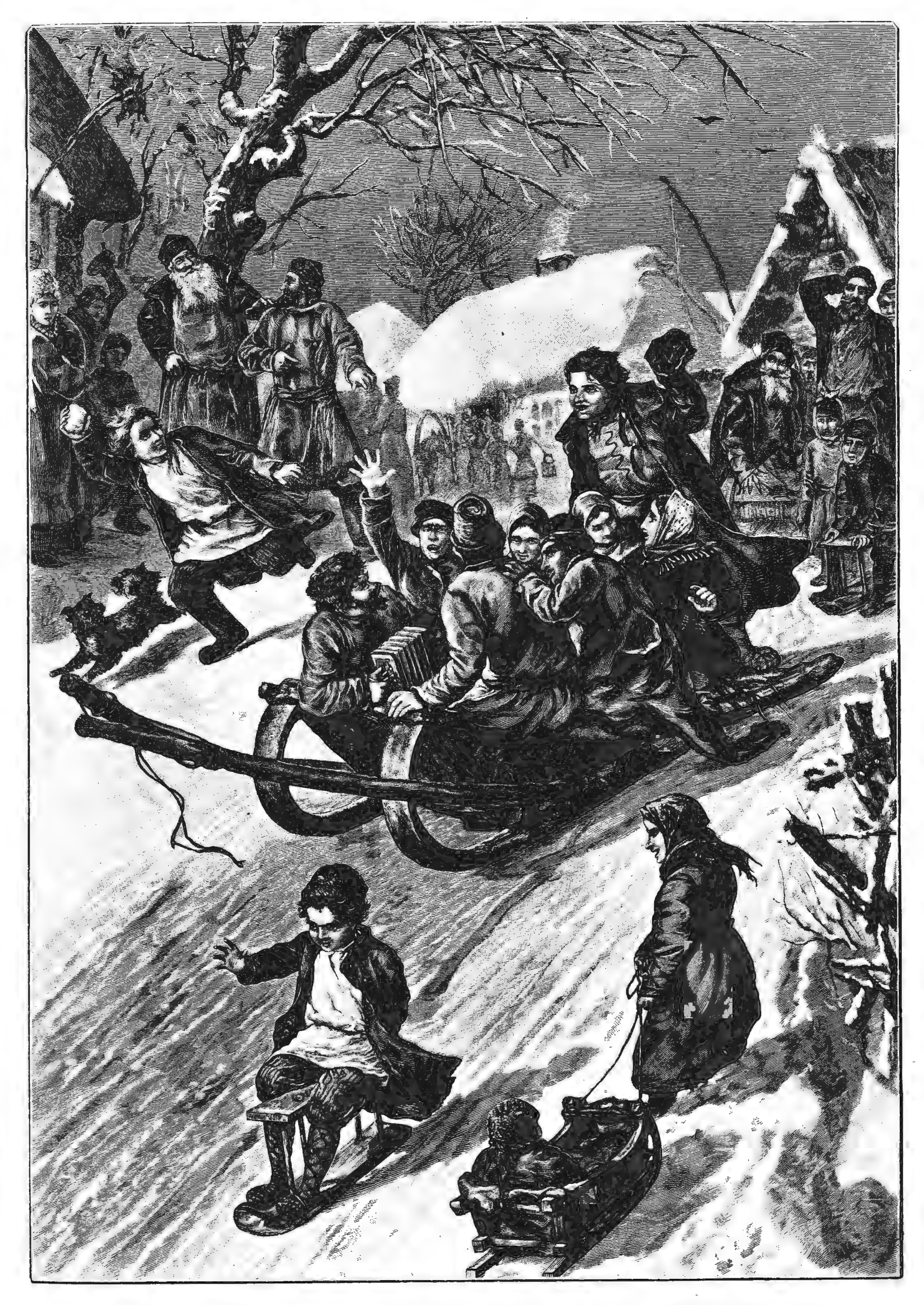
Когда шествіе вступило въ соборъ, загудѣли коло-

*) Гербъ В. В. Голицына изображалъ вооруженнаго всадника, скачущаго на конѣ.



Литературный альбомъ. „Лѣсъ“, Островскаго. Несчастливцевъ и Счастливцевъ.

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) **А. Земцова**, грав. Ольшевскій.



Масляничное катанье съ горъ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **Н. Шаховскаго**, грав. Флюгель.

кола на Ивановской колокольнѣ, раздалось громкое и стройное пѣніе патріаршаго хора пѣвчихъ, и начался долгій напутственный молебенъ. И между тѣмъ, какъ въ церкви шло торжественное богослуженіе, послѣ котораго патріархъ, посовѣщавшись съ царевною Софіею, говорилъ обращенное къ воеводамъ напутственное слово, стрѣлецкіе головы и полуголовы разставляли стрѣльцовъ съ ружьемъ и жильцовъ съ протазанами въ два ряда по сторонамъ мостковъ, проложенныхъ отъ южныхъ дверей собора къ Никольскимъ воротамъ и устланныхъ цвѣтными нѣмецкими сукнами. Но вотъ наконецъ снова загудѣли колокола, въ громадной толпѣ собравшагося въ Кремль народа пронесся говоръ: „идутъ! идутъ!“ — и отъ собора двинулось шествіе съ хоругвями, крестами и иконами, съ пѣвчими, дьяками и духовенствомъ во главѣ. День былъ теплый, ясный — чуть что не оттепель — и февральское солнце освѣщало своими мягкими лучами разнообразную и величавую картину этой массы медленно двигавшихся людей въ дорогихъ одеждахъ, въ митрахъ, усыпанныхъ каменьями, — эту толпу царедворцевъ, залитую золотомъ и серебромъ, безмолвно шествовавшую за государями... Народъ видѣлъ, какъ государи и царевна остановились въ концѣ мостковъ, какъ они прикладывались къ святымъ иконамъ, отправляемымъ въ походъ съ воеводами, какъ потомъ жаловали къ рукѣ Оберегателя и другихъ его товарищей, какъ принимали отъ окольничаго знамена и передавали ихъ воеводамъ, и какъ наконецъ, сѣли въ нарядныя сани и тѣми же воротами вернулись въ Теремной дворецъ, между тѣмъ какъ шествіе съ иконами и знаменами двинулось далѣе къ Большому двору князя Василья Васильевича Голицына. Туда же хлынула и вся толпа народа изъ Кремля — посмотрѣть, какъ духовенство дворовой церкви Оберегателя будетъ встрѣчать святыни, какъ хозяинъ будетъ угощать въ своихъ палатахъ „пестрыя власти“, и какъ, проводивъ его, совершитъ торжественный выѣздъ въ походъ со всею своею блестящею свитой и челядью. Многіе въ толпѣ утверждали даже, будто Оберегатель и народу выкатитъ на прощанье нѣсколько бочекъ пива и меду изъ своего погреба.

Часа три спустя послѣ описанной нами сцены, царь Петръ Алексѣевичъ, съ братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ и съ княземъ Борисомъ Голицынымъ стояли на переходахъ, соединявшихъ одинъ изъ флигелей Теремнаго дворца съ главнымъ зданіемъ. Съ переходовъ открывался видъ на Кремль, съ его древними соборами, зубчатыми стѣнами и причудливыми башнями, и на часть Замоскворѣчья, освѣщеннаго красноватыми лучами солнца, склонявшагося къ западу. Государи стояли на переходахъ не даромъ: имъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ проѣзжать черезъ Кремль князь Василій Васильевичъ со своею свитою. Особенно нетерпѣливо ожидалъ этого зрѣлища царь Иванъ — страстный охотникъ до лошадей, много наслышавшійся о чудесныхъ коняхъ Оберегателя. Опершись обѣими руками о подоконникъ, онъ пристально вперялъ взоръ въ тѣ ворота, изъ которыхъ долженъ былъ показаться главный воевода со своею свитою, и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на тѣ отрывки изъ курантовъ, которые князь Борисъ вслухъ читалъ Петру Алексѣевичу.

„Салтану Турскому“, читалъ князь,—„въ Адринополѣ пришла вѣдомость, что Ассирьяне, Мессопотамія и Вавилоненя учинились непослушны, не хотятъ идти на войну, и на будущій подъемъ не чаютъ людей, токмо изъ Палестины, которые годнѣйшіе суть ко грабежу, нежели къ войнѣ...“ „Въ Италіи-же, видится, никогда безъ войны не будетъ, потому что посолъ папинъ у короля Французскаго ничего не получилъ, а король Французскій хощетъ удовольствованія...“

— А знаешь-ли ты, князь Борисъ, вдругъ перебилъ царь Петръ, быстро оборачиваясь къ своему воспитателю, — знаешь-ли ты, что вчера обѣщалъ мнѣ князь Яковъ Өедоровичъ, какъ приходилъ ко мнѣ откланиваться передъ отъѣздомъ во Францію?

— Не вѣдаю, государь, меня при той бесѣдѣ не было.

— Онъ обѣщалъ мнѣ вывезти оттуда такой струментъ, которымъ можно мѣрить землю и, не сходя съ мѣста, — вотъ хоть бы отсюда, — сказать безъ ошибки, сколько до той башни будетъ сажень? Вѣдь любопытно...

— Оно, конечно, любопытно... Да только, государь, не перепуталъ-ли чего князь Долгорукій?

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ говорилъ мнѣ, что былъ у него этотъ струментъ, и что зовется онъ „астрелябіей“ — да кто-то у него укралъ... Такъ я просилъ его, чтобы непремѣнно мнѣ, такой-же точно, изъ Франціи привезъ...

— Ѣдутъ! ѣдутъ! Вотъ они! вонъ!.. И впереди-то все на караковыхъ... засуетился царь Иванъ, теребя за рукава то брата, то князя Бориса.

Дѣйствительно, изъ-за угла соборной колокольни на площадь выѣзжали передовые ряды свиты князя Голицына, человѣкъ пятьдесятъ его слугъ въ мисюркахъ съ бармицами и въ легкихъ кизылбашскихъ пансыряхъ съ нàручами, съ саблями на боку и саадаками за сѣдломъ. Вслѣдъ за ними ѣхалъ самъ Оберегатель, въ желобчатомъ нѣмецкомъ шеломѣ и въ такихъ же латахъ, съ булавою въ рукѣ. Чудный сѣрый въ яблокахъ конь величаво выступалъ подъ увѣсистымъ всадникомъ, круто собравъ шею, раздувая кровавыя ноздри и потряхивая серебряными гремячими цѣпями великолѣпной сбруи. За княземъ ѣхали два человѣка съ его копьемъ и рогатиной и Кузёмка Крыловъ, въ малиновомъ бархатномъ чекменѣ, съ другою булавою. Далѣе вели четырехъ вороныхъ коней, осѣдланныхъ богатыми черкесскими сѣдлами, съ золоченой оправой, съ пестро расшитыми чепраками, съ уздечками, усаженными бирюзой и кораллами; за ними — еще четырехъ сѣрыхъ коней, подъ богатыми бархатными попонами, и гнѣдаго иноходца, покрытаго персидскимъ ковромъ съ длинными кистями. За конями ѣхали литаврщики и трубачи; за ними двѣ парадныя расписныя кареты князя, запряженныя шестериками, а въ каретахъ сидѣли священники и держали на колѣняхъ святыя иконы, отправляемыя въ походъ изъ Москвы. За каретами ѣхали иноземскіе начальные люди, а за ними бодро выступалъ отрядъ рейтаръ, съ длинными копьями. Шествіе заключалось другимъ отрядомъ княжескихъ слугъ, въ пансыряхъ, съ копьями въ рукахъ и съ мушкетами за спиною, на крѣпкихъ и бойкихъ гнѣдыхъ коняхъ. Впереди этого отряда ѣхали пѣсенники; запѣвало — ражій, русоволосый дѣтина, ловко потряхивалъ бубномъ и вытягивалъ начальныя слова пѣсни, оборачиваясь къ хору, который лихо подхватывалъ и вторилъ запѣвалѣ. Покрывая и топотъ коней, и звяканье оружія, на самые переходы до слуха государей явственно долетали слова пѣсни:

„Ахъ, кого бы мнѣ нанять, — за сударушкой послать.
Коли стараго нанять, грѣха на душу принять:
До ней старъ не дойдетъ — во дорожкѣ пропадетъ.
Коли малаго нанять — малъ не знаетъ, что сказать;
Коли ровнюшку нанять — рòвня любитъ самъ гулять...
Ужь какъ, знать-то, молодцу подниматься самому,
Подниматься самому, по сударушку свою...“

Когда послѣдній всадникъ скрылся за угломъ и потянулся одинъ безконечный княжескій обозъ, царь Иванъ развелъ руками и сказалъ:

— Вотъ такъ кони! Такихъ и у меня на конюшнѣ нѣтъ! Пойти было разсказать сестрицамъ, какъ князь Василій въ походъ поѣхалъ.

И онъ направился къ царевнамъ.

Петръ и не слыхалъ того, что говорилъ братъ. Прислонившись лбомъ къ узорному переплету окна, онъ

все еще смотрѣлъ на опустѣвшую площадь, и ничего передъ собою не видѣлъ—мысли его были гдѣ-то далеко, далеко... Князь Борисъ проникъ въ его думы, и, слегка прикоснувшись къ плечу его, сказалъ:

— О чемъ, государь Петръ Алексѣевичъ, задуматься изволилъ?

Петръ поглядѣлъ на него пламенными очами, и какъ бы очнувшись отъ думъ, произнесъ медленно:

— Ахъ, кабы воля моя была!..

— Не тужи, государь! Возьми терпѣнья на часъ— не далеко и до твоей воли. Скоро ты и самъ станешь водить войска къ побѣдамъ!..

Петръ стремительно бросился на шею къ князю Борису и крѣпко, крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ.

XIII.

Въ самомъ началѣ мая 1687 года, въ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ и теплыхъ вечеровъ, когда такъ легко живется и дышется, когда все цвѣтетъ и благоухаетъ, когда воздухъ наполненъ ароматомъ черемухи и первыхъ весеннихъ цвѣтовъ, а соловьи заливаются своими звонкими пѣснями въ густыхъ, старыхъ московскихъ рощахъ—два всадника, въ нѣмецкомъ платьѣ и въ шляпахъ съ широкими полями, ѣхали изъ Нѣмецкой слободы по дальнимъ улицамъ и закоулкамъ Бѣлокаменной, направляясь къ Дѣвичьему монастырю. Въ одномъ изъ нихъ не трудно было узнать нашего стараго знакомца—дохтура Шмита; другой, также іезуитъ, повидимому, недавно прибывшій въ Москву, былъ молодой и очень красивый брюнетъ, съ правильными чертами лица, покрытаго матовою блѣдностью. Разговоръ между обоими іезуитами происходилъ по-французски (на языкѣ, тогда мало извѣстномъ въ Москвѣ) и, судя по оживленной мимикѣ собесѣдниковъ, былъ очень занимателенъ и веселъ.

— Да, достопочтеннѣйшій отецъ Товія, говорилъ Шмитъ, обращаясь къ своему собесѣднику,—я могу сказать, что честь этой побѣды надъ тупымъ упрямствомъ Московитовъ принадлежитъ всецѣло мнѣ одному...

— Мнѣ это тѣмъ болѣе пріятно слышать, отозвался собесѣдникъ Шмита,—что отецъ Бартоломей, пріѣхавъ въ Вѣну и явившись къ нунцію, напротивъ, все приписывалъ себѣ.

— Отецъ Бартоломей! Помилуй, да онъ здѣсь только и занимался, что любовными дѣлами!.. Могу тебя увѣрить,—онъ до сихъ поръ даже и не знаетъ, какъ удалось мнѣ добыть разрѣшеніе на твой пріѣздъ въ Московію!—А между тѣмъ тутъ была пущена въ ходъ такая плутня, которая, если и удалась, то развѣ только потому, что я на нее рѣшился во славу Божію и ради приращенія могущества нашего ордена...

— Забавенъ ты со своими понятіями о славѣ Божіей! Но въ чемъ-же была плутня-то? Ты не сказалъ мнѣ...

— О! единственная въ своемъ родѣ! И не забудь, удалась по отношенію къ двумъ такимъ тонкимъ лисицамъ, какъ князь Василій и его правая рука, секретарь Украинцевъ (а такой умной бестіи и между вѣнскими дипломатами не сыщешь!). Имъ, видишь-ли, удалось такъ утомить и опутать нашего безмозглаго Огинскаго и крикуна Гримультовскаго, что тѣ увидѣли себя вынужденными подписать самый глупый договоръ, какой когда-либо могъ прійти въ голову полякамъ. Всѣ выгоды упустили изъ виду и половину своихъ владѣній изъ-рукъ-въ-руки Московитамъ отдали!.. Недаромъ старый король Янъ, говорятъ, плакалъ, когда его подписывалъ!.. И вотъ на этомъ-то глупомъ договорѣ я и съумѣлъ основать наше благополучіе!

— Какъ такъ? Я этого ужь совсѣмъ понять не могу!

— Еще-бы, достопочтеннѣйшій отецъ Товія, и не поймешь, пока я тебѣ не объясню моей продѣлки: отецъ Бартоломей едва-ли съумѣлъ-бы тебѣ это объяснить?.. Передъ самымъ подписаніемъ своего глупаго трактата, поляки вздумали испугать Московскихъ бояръ и очень крупно поговорили съ ними—даже сдѣлали видъ, что готовы прервать переговоры. И какъ разъ въ этотъ же день прискакалъ къ нимъ гонецъ отъ короля Яна, съ приказаніемъ кончать поскорѣе, немедленно, во что̀ бы то ни стало!.. А надо тебѣ сказать, что я зналъ немного положеніе дѣлъ при здѣшнемъ Дворѣ—фавориту царевны Софіи было необходимо поскорѣе заключить выгодный миръ съ поляками, чтобы прославить мудрость правительницы и доказать свою опытность въ дѣлахъ! Онъ даже настолько опасался разрыва, что присылалъ за мною, посовѣтоваться... Я хотѣлъ было заставить Огинскаго и Гримультовскаго—повременить, замедлить переговоры; но они оба потеряли голову и такъ одурѣли отъ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ, что не захотѣли слушать моихъ совѣтовъ. Тогда я упросилъ Огинскаго, чтобы, по крайней мѣрѣ, онъ дозволилъ мнѣ самому отвезти къ князю Голицыну его канцлерское письмо о возобновленіи переговоровъ... Получилъ его письмо и печать! Но прежде, чѣмъ поѣхать къ князю, заѣхалъ къ Гваксанію, и тамъ, въ нашей тайной каморкѣ, поддѣлалъ другое письмо, будто-бы написанное Огинскимъ къ князю Василію о томъ, что онъ считаетъ переговоры прерванными и проситъ объ отпускѣ пословъ. Ну, а ты знаешь, отецъ Товія, какъ превосходно я умѣю поддѣлывать почерки? Могу сказать, что подпись Огинскаго подъ этимъ фальшивымъ письмомъ была, въ своемъ родѣ, чудомъ искусства! Ха, ха, ха!

— Ну, ну,—что̀ же далѣе?

— Вотъ и являюсь къ московскому канцлеру и говорю ему—такъ и такъ: привезъ къ вамъ на всякій случай два письма отъ Огинскаго. Если вы согласны дать нѣкоторыя льготы іезуитамъ, то имѣю передать вамъ одно письмо; а не согласитесь—то другое. Извольте, молъ, видѣть: оба подписаны! Стоитъ только печать приложить. И что̀ бы ты думалъ? Поймалъ его на этомъ фокусѣ, и добился того, что онъ подписалъ извѣстное тебѣ письмо къ нунцію... Хотя онъ и очень уменъ и то̀нокъ! Не дурна вѣдь штука—не правда-ли?

— Достойна тебя, reverendissimus!

— Да вѣдь это еще не все! Я этимъ письмомъ, собственно говоря, убилъ двухъ зайцевъ. Московскій канцлеръ поступилъ очень неосторожно, подписавъ актъ, противный всѣмъ религіознымъ законамъ и понятіямъ своей страны. Если узнаютъ объ этомъ патріархъ или цари, то ему придется потерпѣть не на шутку—и я это буду имѣть въ виду. Покамѣстъ, онъ мнѣ нуженъ, и я только воспользуюсь его вліяніемъ противъ нашихъ враговъ—лютеранъ и кальвинистовъ... Не слѣдуетъ вообще намъ упускать изъ виду, что мы должны оказывать всякую поддержку партіи царевны Софьи и сколько возможно питать раздоръ и смуту между ею и партіею царя Петра. Divide et impera, отецъ Товія! Эти раздоры могутъ, я полагаю, кончиться такою же кровавою развязкою, какъ и въ 1682 году... Пускай себѣ ссорятся! кто-бы ни побѣдилъ,—мы, во всякомъ случаѣ, постараемся извлечь себѣ пользу изъ побѣды!

— Но кто-же этотъ генералъ Теодоръ, къ которому ты меня везешь теперь, въ качествѣ гравера?

— Это Теодоръ Шакловитовъ, секретарь царевны— онъ же и начальникъ стрѣльцовъ... Человѣкъ горячій, недалекій, безъ всякаго характера и выдержки! стоитъ только задѣть его за живое—и онъ способенъ сдѣлать величайшую глупость! Такихъ людей я очень люблю и всегда готовъ для нихъ на всякую услугу... Надо тебѣ сказать, по секрету, что онъ влюбленъ въ царевну, и воображаетъ себѣ, будто можетъ со временемъ попасть на мѣсто Голицына. Но эти его desiderata, конечно, никогда не сбудутся: царевна видитъ въ немъ не болѣе, какъ вѣрнаго слугу, который очень пригоденъ для черной работы;—никакъ не болѣе. Пока здѣсь нѣтъ Голицына—этому Теодору полная воля дѣйствовать по его уразумѣнію, и вотъ онъ, кажется, замышляетъ нѣчто

въ родѣ заговора... и преглупаго! Надо, впрочемъ, надѣяться, что изъ этого ничего не выйдетъ, потому что канцлеръ скоро вернется и положитъ конецъ всѣмъ его затѣямъ. Но вотъ мы и доѣхали... Вотъ его домъ.

Загородный дворъ Өедора Леонтьевича расположенъ былъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, недалеко отъ загороднаго двора князя Василія, и представлялъ собою довольно обширное владѣніе, состоявшее изъ большихъ деревянныхъ хоромъ въ два жилья, окруженныхъ съ трехъ сторонъ, густымъ, стариннымъ и запущеннымъ садомъ и огородомъ, спускавшимся по косогору къ Москвѣ-рѣкѣ; четвертою, лицевою своей стороной, домъ выходилъ на обширный дворъ, огражденный высокимъ заборомъ и обстроенный службами и людскими избами. Положеніе этого загороднаго двора, примыкавшаго къ пустынному Дѣвичьему полю и къ обширнымъ огородамъ сосѣдняго монастыря, а съ остальныхъ сторонъ почти всюду огибаемаго рѣчкою — было чрезвычайно благопріятно для тѣхъ многолюдныхъ сборищъ, которыя устраивалъ у себя Шакловитый, то созывавшій сюда выборныхъ людей отъ разныхъ сословій, то принимавшій къ себѣ стрѣлецкихъ начальниковъ, для тайныхъ совѣщаній о государскомъ дѣлѣ, то удалявшійся сюда для шумныхъ попоекъ въ кружкѣ своихъ ближайшихъ друзей и пріятелей изъ числа подьячихъ различныхъ приказовъ или изъ слугъ царевны Софіи и царя Ивана Алексѣевича. Сюда-то и являлся Өедоръ Леонтьевичъ каждый вечеръ и оставался здѣсь до поздней ночи, а иногда и до ранняго утра, если обязанности придворной службы не требовали его присутствія во Дворцѣ при утреннемъ пріемѣ. Само собою разумѣется, что сюда-же собирались каждый вечеръ, во множествѣ, всѣ тѣ лица, которыя имѣли нужду въ Өедорѣ Леонтьевичѣ или заискивали милостей думнаго дьяка, который, въ отсутствіи князя Василія, съумѣлъ забрать всю исполнительную власть въ свои руки и пользовался весьма большимъ значеніемъ при Дворѣ царевны Софіи.

Въ то время какъ достопочтенные отцы-іезуиты подъѣзжали ко двору Шакловитаго, привязывали своихъ коней къ коновязи у воротъ и пробирались къ хоромамъ среди толпы разнаго люда, самъ хозяинъ дома сидѣлъ со своимъ пріятелемъ Сильвестріемъ, въ моленной, и, „сокровенно отъ зрѣнія людскаго", совѣщался съ нимъ о какомъ-то, повидимому, немаловажномъ дѣлѣ. На столѣ, передъ собесѣдниками, разложенъ былъ гравированный листъ, который они внимательно разсматривали во всѣхъ его подробностяхъ, обсуждая каждую изъ нихъ послѣдовательно и до мелочей.

— Вотъ это и есть тотъ самый листъ, который съ доски Ивана Перекреста напечатанъ, говорилъ Сильвестру Өедоръ Леонтьевичъ, указывая на гравюру.

— Напечатано не важно... Да гдѣ-же ты его велѣлъ напечатать?

— Вѣстимо не у васъ на печатномъ дворѣ! Здѣсь у меня есть тайная каморка такая, въ саду, за банею... Такъ вотъ въ ней и печатаютъ... Недѣли двѣ, какъ тамъ надъ этимъ дѣломъ работаютъ два черкашенина, которыхъ Перекрестъ сыскалъ въ Черниговѣ, по моему приказу. Сначала-то онъ началъ-было у себя въ Ахтыркѣ съ этой доски печатать, да дѣло не клеилось... Онъ доску-то прислалъ съ черкасами сюда, ко мнѣ... и здѣсь нейдетъ у нихъ на ладъ. Такъ вотъ ужь дохтуръ-нѣмецъ, что князю Василію помогъ поляковъ облапошить — тотъ обѣщалъ прислать мнѣ мастера-печатника изъ иноземцевъ...

— Да чтò, Өедоръ Леонтьевичъ, какъ посмотрю я... Не ладно какъ-то этотъ листъ назнаменованъ...

— Ну, чтò еще? сердито спросилъ Шакловитый: — Чѣмъ онъ тебѣ не нравенъ?

— Да какъ-же, самъ посуди! Наверху тутъ вырѣзанъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, а ниже того персоны великихъ государей, какъ бы къ сторонѣ отставлены, а на главномъ мѣстѣ государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна и на одну ея персону изливаются седмь даровъ Духа Святаго...

— Такъ и подобаетъ! А по-твоему-то какъ-же?

— Не подобаетъ такъ-то, Өедоръ Леонтьевичъ! Надо бы ихъ царскія величества въ единый рядъ назнаменовать, яко соцарственныхъ и равно-державныхъ — да и такъ показать, чтобы седмь даровъ Духа Святаго не на одну государыню-царевну изливались. А то ей похвала вся и честь написана большая, а имъ...

— Много ты смыслишь! запальчиво крикнулъ Шакловитый. — Да коли приведетъ Богъ государынѣ-царевнѣ вѣнчаться на царство, такъ вся честь, вѣстимо, къ ней перейдетъ!

Въ это время раздались два легкіе удара въ дверь, и слуга доложилъ Шакловитому о пріѣздѣ дохтура съ другимъ нѣмчиномъ.

— Приведи ихъ сюда! крикнулъ Өедоръ Леонтьевичъ; и черезъ нѣсколько минутъ оба иноземца были введены въ моленную палату.

— Ясновельможный панъ секретаріушъ! обратился Шмитъ, по-польски, къ Шакловитому, — я поспѣшилъ исполнить твое повелѣніе и привезъ къ тебѣ отличнаго мастера-печатника, который недавно прибылъ изъ Польши и нуждается въ работѣ; онъ какъ разъ поможетъ твоимъ неискуснымъ черниговскимъ друкарямъ и окончитъ ихъ дѣло къ великому твоему удовольствію. А чтобы ты могъ судить объ его искусствѣ, такъ взгляни какъ онъ самъ прекрасно умѣетъ чертить и какую въ честь царевны Софіи набросалъ картину.

И онъ бережно развернулъ на столѣ, передъ Шакловитымъ и Медвѣдевымъ, тщательно исполненный перомъ рисунокъ, изображавшій царевну въ *„орлѣ"*, т. е. въ овалѣ, окруженномъ семью символическими изображеніями добродѣтелей; наверху два летящіе генія трубили славу царевны, а внизу четко и красиво были прописаны хвалебныя вирши въ честь царевны, изображенной въ царскомъ большомъ нарядѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, со скиптромъ въ одной и державою — въ другой рукѣ.

Сильвестръ и Шакловитый залюбовались ловко составленнымъ рисункомъ, а Шмитъ замѣтилъ имъ, что идея рисунка заимствована съ гравированнаго портрета кесаря римскаго, у котораго, кругомъ, въ особыхъ медальонахъ помѣщены его семь курфюрстовъ.

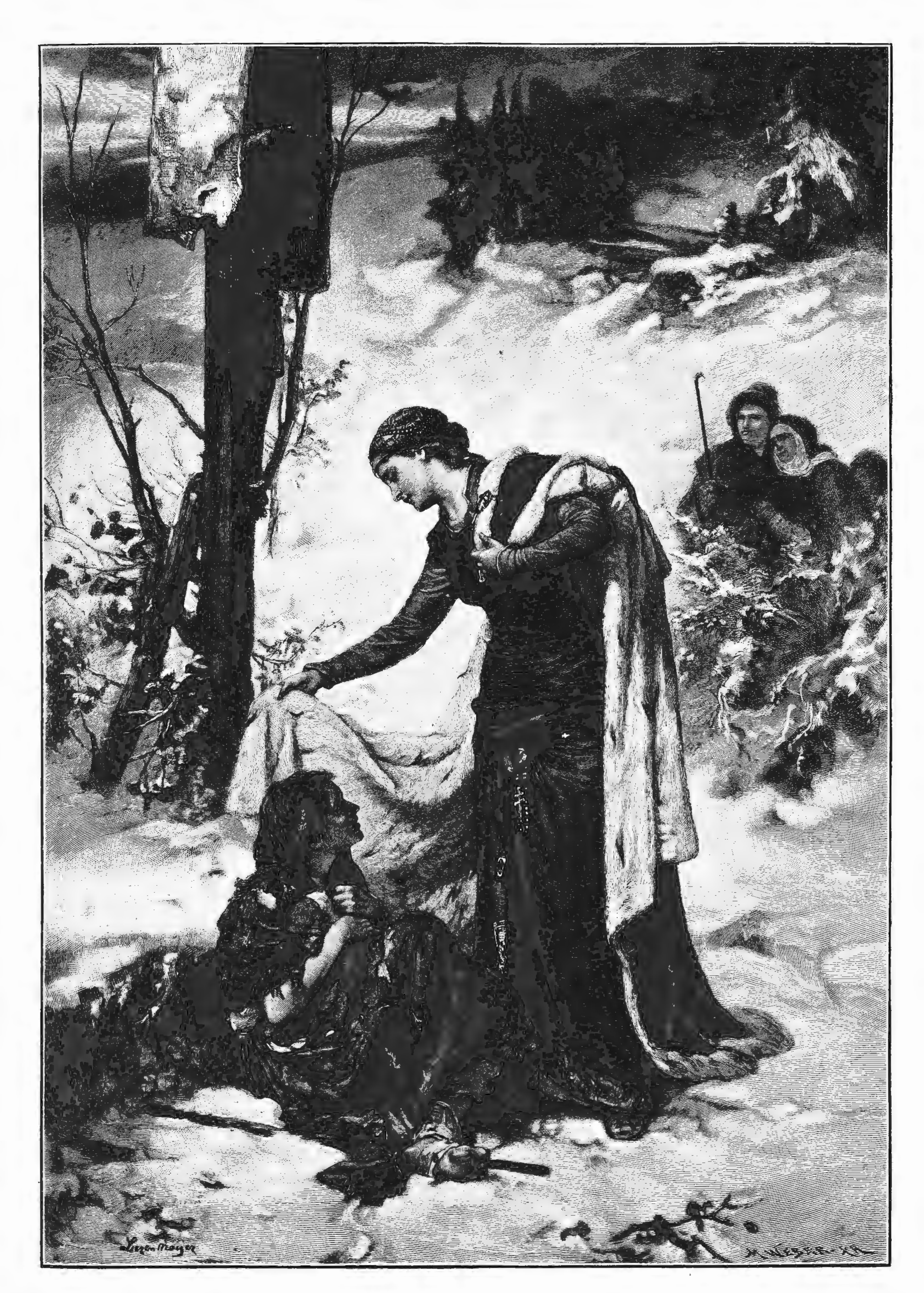
— Но я предпочелъ, продолжалъ Шмитъ, — окружить царевну изображеніями тѣхъ добродѣтелей, которыми она сіяетъ. Вотъ, здѣсь *„благочестіе"*, а здѣсь *„цѣломудріе"*, а здѣсь *„щедрость"*... Ну, а тутъ внизу, я осмѣлился добавить стихи своего сочиненія, и въ нихъ превозношу великую царевну, сравнивая ее съ Семирамидой и съ греческой Пульхеріей, и съ Елисаветой Британской... Надѣюсь, что не оскорбятъ ее эти сравненія...

— Да, этотъ листъ почище будетъ, чѣмъ Перекрестовъ! сказалъ Шакловитый, внимательно вглядываясь въ іезуитскій рисунокъ.

— И вирши латинскія куды какъ ловко написаны! замѣтилъ съ улыбкой Сильвестръ. — Видно, что мастеромъ сдѣланы! Вотъ этотъ листъ хоть кому такъ нестыдно поднести!

— Что-жъ? Одинъ другому мѣшать не долженъ... И затѣмъ, обратившись къ Шмиту по-польски, сказалъ: — я твоимъ рисункомъ доволенъ — проси за него сколько тебѣ нужно. Да и за мастера спасибо. . Сведи его туда, гдѣ печатаютъ черкасы свою доску. Вѣдь ты знаешь, какъ туда пройти?

— Знаю, знаю, ясновельможный панъ секретаріушъ! Не изволь безпокоиться — сведу его туда, все укажу, какъ сдѣлать, и затѣмъ вернусь сюда — поговорить объ этомъ листѣ.



Ландграфиня Елизавета Тюрингенская отдаетъ свою мантію нищей. Съ картины **Лиценмайера**, грав. Веберъ. 2

И съ этими словами, достопочтенные отцы, раскланявшись Шакловитому и Сильвестру, удалились изъ моленной.

Когда дверь за ними захлопнулась, Шакловитый подошелъ къ Сильвестру и сказалъ:

— А возьмешься-ли ты, Сильвестрій, подписать на томъ иноземномъ листѣ полную титлу царевнину и вирши на добродѣтели ея русскимъ языкомъ перевести?

— Отчего не взяться? Это нашихъ рукъ дѣло.

— Ну, коли такъ, то я велю и этотъ нѣмецкій листъ на доскѣ за моремъ вырѣзать и въ Галандіи отпечатать. По тѣмъ листамъ, что у меня на дворѣ печатаны, пусть будетъ слава царевнѣ въ Московскомъ государствѣ, а по тѣмъ листамъ, что за моремъ станутъ печатать, — пусть прославится она и въ другихъ государствахъ...

Новые два удара въ дверь заставили Шакловитаго смолкнуть и прислушаться.

— Обросимъ Петровъ пришелъ къ твоей милости... Проситъ тебя повидать безъ всякаго мотчанья...

Шакловитый тревожно оглянулся, насупилъ брови, проворчалъ сквозь зубы: „что-бы это значило?“ — и вышелъ въ смежную комнату.

Навстрѣчу Шакловитому, изъ полутемнаго угла комнаты, поспѣшно отдѣлилась высокая фигура въ стрѣлецкомъ строевомъ кафтанѣ, съ саблею на поясѣ. Обросимъ Петровъ былъ богатырь и ростомъ, и сложеньемъ; но его рыжіе волосы и густая рыжая борода, его весноватое лицо и быстрые черные глаза производили чрезвычайно-непріятное впечатлѣніе на каждаго, кому впервые приходилось съ нимъ встрѣчаться. И въ лицѣ, и во всей его наружности крылось что-то недоброе, зловѣщее... Жутко было-бы сойтись съ такимъ человѣкомъ въ темномъ, глухомъ переулкѣ или на пустынномъ проселкѣ...

Шакловитый отошелъ съ Петровымъ въ самый дальній уголъ комнаты.

— Не добрыя вѣсти тебѣ принесъ, Өедоръ Леонтьевичъ! шепнулъ приставъ Шакловитому на ухо.

— Ну, что такое? Говори скорѣе!

— *Преображенскіе* пошевеливаться стали... Вчера, въ дому у стольника Григорія Павлова Языкова ночное собранье было... Дворянъ собралось человѣкъ съ десятокъ, и Льва Нарышкина прикащикъ былъ. Пили и шумѣли, и про государское дѣло говорили; и самъ-то Языковъ кричалъ, что де „великаго государя, царя Петра Алексѣевича имя въ челобитныхъ видимъ, а бить челомъ ни о чемъ ему, государю, не смѣемъ“. И про царевну Софію Алексѣевну всякія непристойныя рѣчи говорилъ и тебя ругалъ ругательски. И согласились они, будто-бы, и на сегодня у него-жъ, Языкова, собраться...

— Посади на-конь человѣкъ тридцать стрѣльцовъ и отправь немедленно къ его дому. Да чтобы до темноты держались въ скрытѣ... А чуть только стемнѣетъ, пусть въ домъ войдутъ и заберутъ Гришку Языкова и всѣхъ, кто будетъ у него въ гостяхъ — и всѣхъ людей его. Дня три велѣть ихъ выдержать въ подвалѣ, что за садомъ—а тамъ и къ розыску... Спознается онъ у меня съ виловатою сосною, что въ Марьиной рощѣ... Мигомъ все исполни! А на завтра не забудь созвать сюда всѣхъ нашихъ — попозже ночью. Надо намъ рѣшать скорѣе!

(Продолженіе будетъ).

Защита Нарвы.

Повѣсть **Ар. Захарова.**

(Продолженіе).

Около полудня, комендантъ, съ большою свитой приглашенныхъ офицеровъ и дамъ, явился на бастіонъ, гдѣ приготовлена была гальваническая баттарея. Всѣ военные очень интересовались этимъ опытомъ, а дамы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія фонтана. Одной изъ нихъ комендантъ любезно предложилъ соединить проволоки. Едва она исполнила это, какъ изъ рѣки поднялся гигантскій столбъ воды, брызгъ и дыма, что, при сильномъ солнечномъ свѣтѣ, было очень эффектно. Всѣ такъ и ахнули отъ восторга... кромѣ Одинцова, конечно.

— Ну что, Иванъ Николаевичъ, обратился къ нему комендантъ;—вотъ вы все спорили противъ этихъ минъ, а видите какъ онѣ дѣйствуютъ?

— Вижу, ваше превосходительство, угрюмо отвѣтилъ Одинцовъ.

— То-то же и есть, а вы еще спеціалистъ, гальванеръ, хе-хе-хе! Молодые люди всегда любятъ спорить съ нами, стариками, обратился комендантъ къ окружавшимъ его.—Сколько времени эта мина лежала въ водѣ? Недѣли двѣ, кажется?

— Поменѣе того, уклончиво отвѣтилъ Одинцовъ.

— Ну, немного менѣе, немного болѣе, это разницы особой не сдѣлаетъ. Такъ вотъ вы теперь заготовьте такихъ минъ побольше, десятка три или четыре. Въ минуту надобности мы расположимъ ихъ въ рѣкѣ, въ шахматномъ порядкѣ, понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Посмотримъ тогда, какъ-то пройдутъ къ намъ англичане, хе-хе-хе!

И комендантъ ушелъ со своими дамами, очень довольный успѣхомъ будущаго истребленія англичанъ подводными минами.

Пріѣхалъ и давно ожидаемый начальникъ штаба инженернаго корпуса, генералъ-лейтенантъ фонъ-Цурмиленъ, почтенный человѣкъ, временъ начала царствованія императора Николая. Вмѣстѣ съ комендантомъ и свитой инженерныхъ офицеровъ, онъ обходилъ всю крѣпость, осматривалъ ея вооруженія и давалъ совѣты что и какъ нужно еще сдѣлать.

Между прочимъ, ему захотѣлось посмотрѣть стрѣльбу изъ крѣпостныхъ ружей.

— Практиковались ли солдаты въ этой стрѣльбѣ? спросилъ онъ гарнизоннаго офицера, завѣдывавшаго мѣстной командой.

— Точно такъ, ваше превосходительство! смѣло отвѣтилъ тотъ.

— И хорошо стрѣляютъ?

— Очень удовлетворительно, ваше превосходительство!

— Покажите мнѣ ихъ завтра, такъ, часовъ въ двѣнадцать.

— Слушаю-съ!

Я очень удивился увѣреніямъ этого офицера, такъ какъ въ теченіе уже двухъ мѣсяцевъ, что былъ въ Нарвѣ, ни разу не слыхалъ ни одного выстрѣла изъ крѣпостныхъ ружей и даже не видалъ ихъ нигдѣ. Поэтому меня очень заинтересовалъ предстоявшій смотръ стрѣльбы.

Въ назначенный часъ, на другой день, начальникъ штаба, комендантъ, плацъ-майоръ, плацъ-адъютантъ и множество офицеровъ всѣхъ войскъ собрались на бастіонъ, съ котораго назначена была стрѣльба. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ эти крѣпостныя ружья; устройство ихъ было такое же какъ и обыкновенныхъ, только величина ихъ была громадна. Чтобы стрѣлять, ихъ надо было класть на что-нибудь. Впереди бастіона, на полѣ, видны были три новенькія мишени.

— Начинайте, приказалъ Цурмиленъ.

Первый солдатъ выстрѣлилъ; всѣ взглянули на мишень, изъ-за которой выскочилъ махальный и краснымъ флагомъ сдѣлалъ три оборота.

— Каково! воскликнулъ Цурмиленъ;—въ третій кругъ угодилъ! Отлично. Ну-ка, слѣдующій...

Выстрѣлилъ другой солдатикъ. Опять у мишени выскочилъ махальный и обозначилъ пятый кругъ. Выстрѣлилъ третій солдатикъ и попалъ во второй кругъ. Одинъ за другимъ они стрѣляли и одинъ лучше другого. Я просто диву дался. Нужно сказать, что богатые офицеры ополченія Зиновьева выписали на свой счетъ для всего батальона бельгійскія ружья и каждый день усердно обучали стрѣльбѣ, но и тамъ далеко не достигли такого успѣха. А эти гарнизонныя крысы (какъ мы ихъ называли), все лѣто не сдѣлавшіе ни одного выстрѣла, такъ и садили, пуля за пулей, около центра мишени. „Неужели изъ крѣпостныхъ ружей настолько легче стрѣлять?“ думалъ я. „Положимъ, онѣ держатся не на рукѣ, а лежатъ на твердой опорѣ, что очень облегчаетъ прицѣливаніе, но все-таки... Надо будетъ потомъ попробовать самому“. Начальникъ штаба былъ очень доволенъ и очень благодарилъ коменданта и всю гарнизонную команду. По уходѣ начальства я отозвалъ въ сторону Одинцова.

— Скажите пожалуйста, Иванъ Николаевичъ, откуда тутъ явились такіе стрѣлки?

— А! ха-ха-ха! разсмѣялся онъ.—Что, вы очень удивились?

— Еще бы!

— Пойдемте къ мишенямъ, и я покажу вамъ секретъ.

— Вотъ видите въ чемъ дѣло, говорилъ онъ мнѣ дорогой.— Наша исторія съ подводной миной получила нѣкоторую огласку между офицерами. Поэтому, вчера, когда Цурмиленъ выразилъ желаніе посмотрѣть стрѣльбу гарнизонныхъ солдатъ, командиръ ихъ пришелъ ко мнѣ и просилъ какъ-нибудь его

выручить. Сначала я было думалъ отъискать нѣсколькихъ хорошихъ стрѣлковъ въ другихъ частяхъ войскъ, одѣть ихъ въ гарнизонные мундиры и представить на смотръ. Но потомъ передумалъ, такъ какъ для этого надо было входить въ соглашеніе со многими лицами, изъ которыхъ кто-нибудь могъ-бы выдать секретъ. Я нашелъ лучшее средство. Взявши своихъ двухъ гальванеровъ съ однимъ крѣпостнымъ ружьемъ, я отправился къ мишенямъ и съ разстоянія двухъ шаговъ разстрѣлялъ ихъ около центра самымъ наилучшимъ образомъ. Вы слышали вчера выстрѣлы?

— Слышалъ. Но я думалъ что это практикуются гарнизонные, наканунѣ смотра.

— Вѣроятно то же самое думалъ и Цурмиленъ съ комендантомъ, если слышали мою пальбу. Ну-съ, надѣлавши порядочное количество дыръ, я велѣлъ настрогать деревянныхъ затычекъ по величинѣ отверстій, и когда это было готово, затычки вставлены и мишень закрашена какъ слѣдуетъ. Затѣмъ махальными я одолжилъ тѣхъ-же двухъ своихъ гальванеровъ, такъ какъ они уже посвящены были въ секретъ. Вы понимаете теперь что гарнизонные стрѣляли зря, а махальный при осмотрѣ мишени вытолкнетъ пальцемъ одну изъ моихъ затычекъ и дастъ надлежащій знакъ флагомъ.

Тутъ я, въ свою очередь, расхохотался.

— Господи, какъ это просто!

— Просто-то, просто, да придумать надо было.

— Затѣмъ-же мы теперь идемъ къ мишенямъ: мнѣ уже не зачѣмъ ихъ смотрѣть.

— Нѣтъ, пойдемте. Мнѣ любопытно узнать попала-ли хоть случайно одна гарнизонная пуля въ мишень.

Мы подошли къ мишенямъ. Два ловкіе солдатика, лукаво улыбаясь, встрѣтили насъ.

— Ну что, ребята, хорошо стрѣляли гарнизонныя крысы? спросилъ Одинцовъ.

— Чудесно, ваше благородіе! смѣясь отвѣтилъ одинъ солдатъ.

— Безъ промаха били, поддакнулъ другой.

— Въ самомъ дѣлѣ: неужели ни одна шальная ихъ пуля не попала?

— Ни одна, ваше благородіе, какъ есть чисто.

Одинцовъ внимательно осмотрѣлъ мишени и дѣйствительно не нашелъ ни одного отверстія, кромѣ сдѣланныхъ наканунѣ имъ самимъ.

— Спасибо, други! сказалъ онъ солдатикамъ.—Вотъ вамъ по три рубля, только смотрите: никому и ни гу-гу!

— Будьте покойны, Иванъ Николаичъ! Покорнѣйше васъ благодаримъ.

— Бѣгите домой!

Солдатики взяли флаги и, счастливые подаркомъ, побѣжали къ крѣпости.

Понятно что начальникъ гарнизонной команды не зналъ какъ и благодарить Одинцова, такъ какъ безъ этой его помощи, нажилъ-бы себѣ очень крупныя непріятности. По правдѣ сказать, только Одинцовъ и могъ продѣлывать подобныя штуки и только ему одному онѣ и могли сходить съ рукъ. Онъ принадлежалъ къ числу очень немногихъ офицеровъ, которые умѣютъ обходиться со своими солдатами. Гальваническая команда буквально обожала его и для него готова была всегда и все сдѣлать. Онъ не только не былъ формалистомъ или педантомъ, но обращался съ солдатами больше какъ старшій товарищъ, чѣмъ начальникъ. Его солдаты понимали его съ полуслова. Онъ не только не пользовался какими-либо солдатскими деньгами (что очень водилось въ то время, среди начальниковъ отдѣльныхъ частей), но еще безпрестанно давалъ имъ свои. За всякую услугу—онъ платилъ. Каждый праздникъ — угощалъ солдатъ пирогами и водкой или пивомъ. Никогда не придирался къ пустякамъ, но въ то же время относился и строго къ исполненію своихъ приказаній. Бывало собственноручно и отколотитъ солдата, но только сгоряча, безъ злости, и сейчасъ-же чѣмъ-нибудь побалуетъ его. Однимъ словомъ его отношенія къ солдатамъ были чисто патріархальныя и вполнѣ сердечныя. Солдаты его и боялись, и любили, и всякое приказаніе или даже малѣйшее желаніе его исполняли какъ-бы священный какой завѣтъ. Они вѣрили его уму, знаніямъ, опытности, а главное—его доброму и честному сердцу, а потому и сами относились къ нему честно и съ любовью.

По отъѣздѣ начальника штаба, комендантъ прислалъ за мною, чтобы показать мнѣ новую предстоявшую работу. Начальникъ штаба нашелъ нужнымъ построить сомкнутую баттарею на шесть орудій на правомъ берегу Наровы, въ мѣстѣ, гдѣ она могла-бы быть обстрѣливаема какъ изъ крѣпости, такъ и изъ Иванъ-города. Для этого надо было въ Иванъ-городской стѣнѣ пробить двѣ амбразуры *) и срыть до основанія нѣсколько дачъ стоявшихъ въ этомъ мѣстѣ предъ Иванъ-городомъ.

Когда мы пришли къ тому мѣсту гдѣ предположена была будущая баттарея, я увидѣлъ пять высокихъ кольевъ (вѣхъ).

— Вотъ, сказалъ комендантъ,—тутъ должна стоять баттарея. Самъ начальникъ штаба поставилъ эти вѣхи, обозначающія ея углы. Пожалуйста неотлагательно приступите къ работѣ. Составьте чертежъ ея сегодня-же и завтра утромъ покажите мнѣ. Баттарея должна быть барбетная *) и вся минирована. Понимаете?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Всѣ эти дачи, закрывающія отсюда Иванъ-городъ, вы сроете и пробьете тамъ двѣ амбразуры. Я потомъ самъ покажу вамъ мѣсто для нихъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, такъ принимайтесь-же сейчасъ за работу и завтра къ десяти часамъ принесите мнѣ чертежъ.

Взявъ нѣсколько своихъ саперъ, я смѣрилъ разстояніе между вѣхами, углы образуемые ими, и вернулся домой, чтобъ составить чертежъ. Вышла у меня какая-то нелѣпость: оказалось что если выстроить баттарею въ томъ размѣрѣ какъ она обозначена вѣхами на мѣстѣ, то въ нее нельзя будетъ поставить не только шесть, но даже и двухъ орудій.

„Не сдѣлалъ-ли я ошибки при измѣреніи?" мелькнуло у меня въ головѣ.

Въ виду спѣшности дѣла я не полѣнился и тотчасъ-же переѣхалъ снова на тотъ берегъ, провѣрить. Нѣтъ, слава Богу, смѣрено совершенно вѣрно. Тогда я догадался что начальникъ штаба поставилъ вѣхи только для того чтобы обозначить направленіе фасовъ баттареи, предоставляя, конечно, инженеру расширить предѣлы насколько нужно, для помѣщенія шести орудій. Однако, имѣя уже хорошее понятіе о взглядахъ коменданта, я нашелъ нужнымъ спросить его, прежде чѣмъ составлять подробный проектъ.

Являюсь къ нему и разсказываю въ чемъ дѣло.

— Что вы, что вы? даже испуганно закричалъ онъ.—Какое право мы имѣемъ передвигать вѣхи, поставленныя собственноручно начальникомъ штаба?

— Но, ваше превосходительство, вѣдь тогда шесть орудій не помѣстятся тамъ.

— Помѣстятся, будьте покойны! Неужели вы думаете что генералъ Цурмиленъ, такой опытный военный инженеръ, могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Я не считаю это ошибкой, ваше превосходительство, а полагаю что опредѣлить размѣры баттареи онъ предоставилъ строителю...

— Онъ ничего объ этомъ не говорилъ мнѣ, а прямо приказалъ выстроить баттарею по поставленнымъ вѣхамъ.

— Нельзя-ли, ваше превосходительство, пробовалъ я еще предложить,—обождать дня три-четыре и спросить объ этомъ начальника штаба письмомъ?

Комендантъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Что вы все думаете учить меня! крикнулъ онъ.—Дѣлайте что вамъ приказано и помните что чѣмъ меньше вы будете разсуждать, тѣмъ будетъ лучше. Ступайте!

Нечего было дѣлать, вернувшись домой, я засѣлъ за составленіе проекта. Вечеромъ засталъ меня за этой работой Одинцовъ, которому я разсказалъ это смѣшное и глупое приключеніе.

— Это невозможно! воскликнулъ онъ.—Вы, вѣроятно, не умѣете говорить съ комендантомъ и очевидно что онъ васъ не понялъ. Подождите полчаса, я схожу къ нему и объяснюсь.

Ладно. Черезъ часъ времени Одинцовъ вернулся обратно, хмурый и взбѣшенный такъ, какъ я его рѣдко видалъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! кричалъ онъ, швырнувъ свою фуражку и ходя по комнатѣ, какъ тигръ въ клѣткѣ.—Можно-же быть такимъ педантомъ, такимъ слѣпымъ исполнителемъ приказаній!

— Что же онъ вамъ сказалъ?

— Да то-же что и вамъ! И слушать не хочетъ никакихъ разсужденій! Я ему доказывалъ что если въ баттарею влѣзутъ два орудія вмѣсто шести, то вѣдь тогда приказаніе начальника штаба не будетъ выполнено, такъ какъ онъ ясно сказалъ о шести орудіяхъ. Но онъ ничего не слушаетъ и только твердитъ о томъ что начальникъ штаба собственноручно поставилъ вѣхи и никто не имѣетъ права перемѣщать ихъ. Я предложилъ ему, также какъ и вы, списаться объ этомъ, но онъ возражаетъ что если обо всемъ переписываться, то вооруженіе крѣпости никогда не окончится и англичане застанутъ насъ врасплохъ; да, наконецъ, онъ и права не имѣетъ переспрашивать о приказаніи отданномъ совершенно категорически!

— Какъ-же быть теперь, Иванъ Николаевичъ?

— Да какъ быть? Стройте какъ онъ велитъ... противъ рожна не переть. Одно я вамъ посовѣтую: не начинать работу, пока онъ своей подписью не утвердитъ проекта. Такъ ему и заявите завтра.

— Правда ваша.

На другое утро я отправился съ чертежами къ коменданту.

— Готово? спросилъ онъ.

— Готово, ваше превосходительство.

— По вѣхамъ, поставленнымъ начальникомъ штаба?

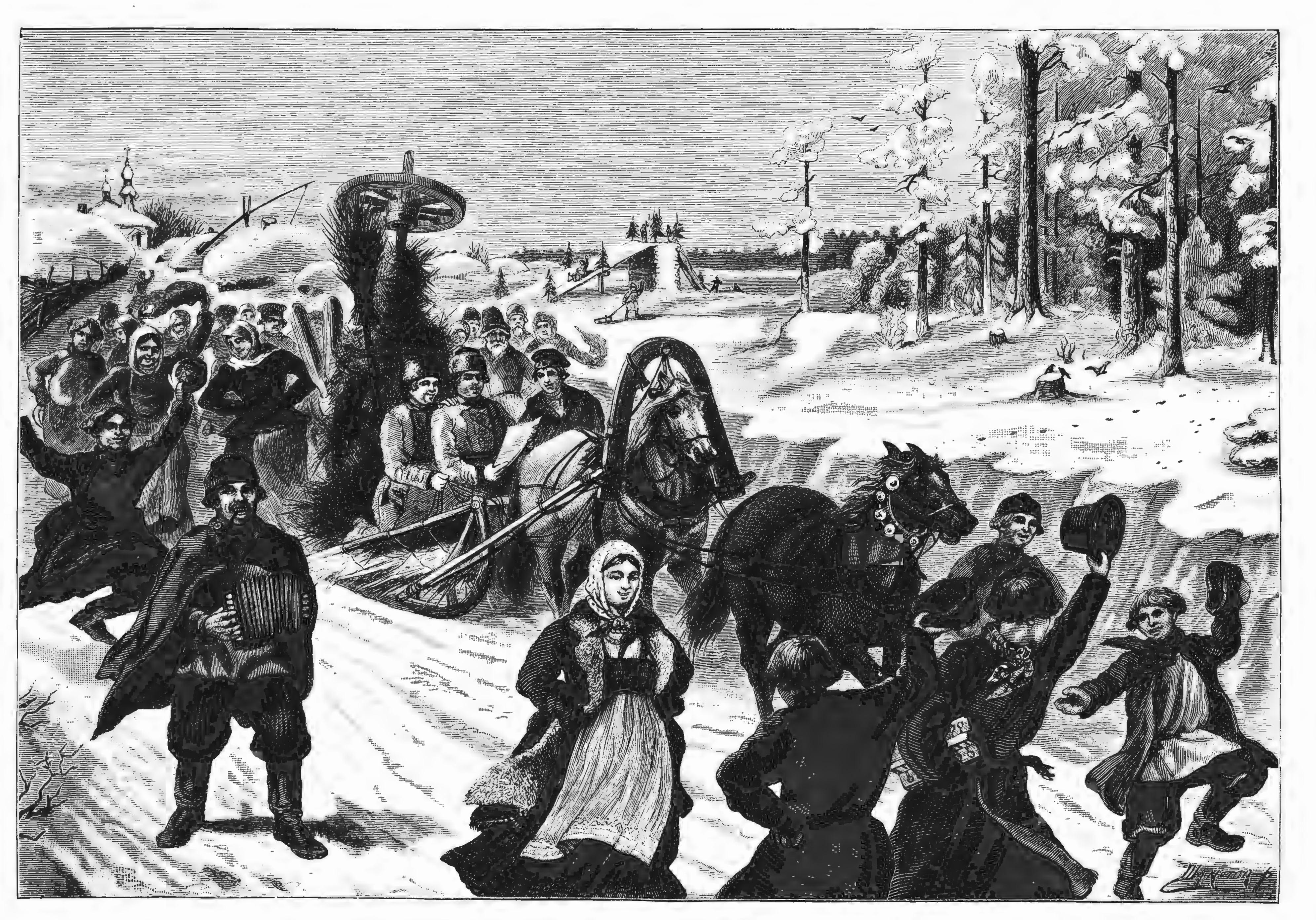
— Математически точно, ваше превосходительство.

Комендантъ осмотрѣлъ чертежи и остался очень доволенъ.

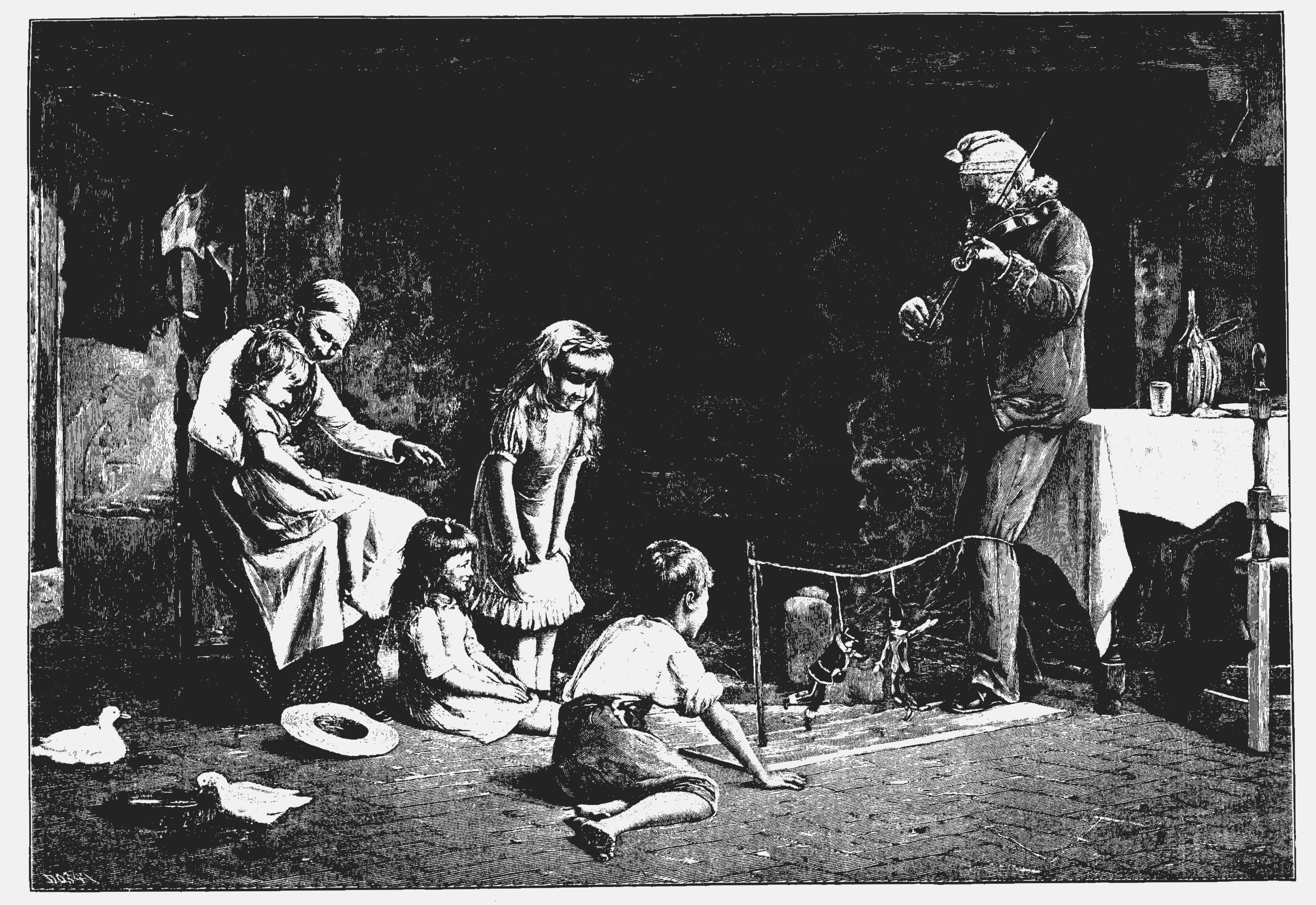
— Вотъ такъ-то лучше, сказалъ онъ, совершенно ласковымъ тономъ.—Знайте, молодой человѣкъ, и крѣпко запомните навсегда, что въ военной службѣ вообще, а въ особенности во время войны, все основано только на строжайшей точности

*) Два окна для пушекъ.

*) Барбетомъ называется насыпь, дѣлаемая для того чтобы орудіе стояло выше.



Сожженіе чучела масляницы. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **А. Шамоты**, грав. Барановскій.



Веселая комедія. Съ карт. Александра Сани, грав. Доссъ.

исполненія приказаній. Отъ этого зависитъ успѣхъ всякаго предпріятія. Если каждый офицеръ будетъ себѣ позволять разсужденія, то вся армія расползется по швамъ, какъ старый, никуда не годный, кафтанъ. Вчера тутъ капитанъ Одинцовъ также приходилъ ко мнѣ толковать объ этой баттареѣ...

— Да, я знаю, ваше превосходительство.

— Удивляюсь ему, удивляюсь! говорилъ комендантъ.—Что можетъ быть простительно еще вамъ, какъ едва сошедшему со школьной скамейки, то уже совсѣмъ непростительно старому капитану. Я былъ поставленъ въ очень непріятное положеніе прочесть ему нотацію о дисциплинѣ. Хотя я очень люблю и уважаю Ивана Николаича, но все-таки не могу позволить и ему разсуждать о приказаніяхъ начальства! Вы видите: я такой-же генералъ-лейтенантъ какъ и начальникъ штаба, но я развѣ разсуждаю о его приказаніяхъ? Нѣтъ! Я только исполняю ихъ въ точности! Тѣмъ болѣе не могу позволить разсуждать офицерамъ далеко моложе меня и возрастомъ, и чиномъ. Не правда-ли?

Я молча поклонился.

— Ну, да будетъ объ этомъ. Я надѣюсь что впередъ вы не заставите меня говорить съ вами иначе какъ любящій отецъ говоритъ съ сыномъ. Ступайте-же на работу и исполните ее съ успѣхомъ. Я уже отдалъ приказаніе о выдачѣ вамъ всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и инструментовъ.

Началъ я строить эту знаменитую баттарею... Не буду разсказывать о мало интересномъ процессѣ саперныхъ работъ; довольно сказать что недѣли черезъ двѣ она была готова, со всѣми минными надъ ней галереями, и я доложилъ коменданту объ окончаніи постройки.

На другой-же день онъ приказалъ пріѣхать полевой баттареѣ, назначенной для защиты возведеннаго мною укрѣпленія. Вкатили первое орудіе; затѣмъ двинули второе... но, увы! хоботъ перваго орудія мѣшалъ въѣхать второму... Кое-какъ, приподнявъ хоботъ втораго орудія, вкатили и его. О постановкѣ третьяго и слѣдующихъ орудій — нечего было и думать, да и первыя два, при откатахъ отъ выстрѣловъ, должны были мѣшать другъ другу.

— Что-же это значитъ? Какъ-же это такъ? горячился комендантъ.

— Вамъ докладывали, ваше превосходительство, вмѣшался бывшій тутъ Одинцовъ,—что размѣры баттареи не годятся...

— Какъ не годятся, когда самъ начальникъ штаба ставилъ вѣхи!

— Да вѣдь онъ, вѣроятно, думалъ только опредѣлить...

— Что онъ думалъ — этого никто не знаетъ и не имѣетъ права о томъ разсуждать! перебилъ комендантъ.—Вы, вѣроятно, сами измѣнили размѣры? обратился онъ ко мнѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Вотъ, извольте взглянуть на чертежъ.

Я подалъ планъ баттареи, подписанный имъ самимъ. Комендантъ осмотрѣлъ его, приказалъ веревочкой смѣрить размѣры въ натурѣ—все оказалось въ порядкѣ.

— Тутъ должно быть произошла непостижимая ошибка! говорилъ онъ, покачивая головой.—Ну, что-же дѣлать! Поставимъ только два орудія.

Но противъ этого возсталъ баттарейный командиръ.

— Я не могу оставить здѣсь два орудія, тѣмъ болѣе безъ всякаго прикрытія, говорилъ онъ.

— Какъ безъ всякаго прикрытія? возразилъ комендантъ.—Эта баттарея будетъ обстрѣливаться съ бастіоновъ крѣпости и изъ Иванъ-Города!

— Это не составляетъ прикрытія, ваше превосходительство. Въ случаѣ аттаки на баттарею, нужна будетъ пѣхота для защиты ея. А я тутъ нигдѣ не вижу даже простаго ложемента для пѣхоты...

Комендантъ совсѣмъ смутился...

— Ну да, хорошо, говорилъ онъ.—Мы все это обсудимъ и устроимъ. А вы, обратился онъ ко мнѣ,—нанесите эту баттарею на общій планъ крѣпости.

Прекрасно. Взялъ я топографическіе инструменты, произвелъ съемку и отправился въ комендантское управленіе начертить свою баттарею на планѣ крѣпости. Отмѣриваю тамъ циркулемъ и своимъ глазамъ не вѣрю. Баттарея моя приходится на планѣ совсѣмъ не тамъ, гдѣ она стоитъ въ натурѣ! Что за чертовщина! Навралъ, должно быть, при съемкѣ. Пошелъ еще разъ и снова произвелъ съемку, для вѣрности даже двумя различными способами. Наношу опять на планъ и опять выходитъ то же: баттарея никакъ не попадаетъ на надлежащее ей мѣсто!

(Продолженіе будетъ).

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

(Продолженіе).

Герберту казалось, что онъ попалъ въ какой-то новый волшебный міръ. Мысли и чувства его были поглощены обворожительнымъ видѣніемъ и онъ забылъ все окружающее.

Разсѣянно касался онъ блюдъ, которыя Сидинъ молча ставилъ и опять снималъ со стола. Не поражало его больше и странное, безучастное отношеніе къ своимъ гостямъ хозяйки. Онъ вовсе не слышалъ ея рѣдкихъ, односложныхъ обращеній къ нимъ.

Сидинъ поставилъ на столъ огромную раковину съ тропическими плодами. Гербертъ любовался ловкостью, съ какой Элима чистила и раздѣляла на части апельсинъ для своей госпожи. Вдругъ галерея огласилась сдавленнымъ крикомъ и Гербертъ мгновенно очнулся. Вниманіе его впервые обратилось на окружающихъ.

Госпожа ванъ-Рюйтеръ съ ужасомъ на что-то косилась на полу. Она, казалось, совсѣмъ обезумѣла отъ страха. Очевидно происходило что-то необычайное.

— Въ чемъ дѣло? прошепталъ Сидинъ и его сверкающій взглядъ послѣдовалъ за направленіемъ глазъ госпожи ванъ-Рюйтеръ.

— Тише, ради Бога, не шевелитесь! скороговоркой промолвилъ капитанъ, обращаясь къ Герберту.—Если ее не раздразнить, она можетъ-быть сама уйдетъ.

Тогда только замѣтилъ Гербертъ, на разстояніи всего трехъ метровъ отъ нихъ, распростертое на полу тѣло огромной змѣи. Она лежала неподвижно съ легка приподнятой головой и только по зловѣщему блеску ея глазъ да по дрожанію точно расщепленнаго языка можно было догадываться, что она жива.

— Смотрите: она свертывается кольцомъ!

Присутствующіе точно окаменѣли. Никто не двигался. Всѣ, притаивъ дыханіе, замерли на мѣстѣ.

На госпожу ванъ-Рюйтеръ страшно было смотрѣть. Ужасъ ея съ каждой секундой возросталъ: ея широко раскрытые глаза были безумно устремлены на одну точку. Между тѣмъ ей меньше всѣхъ слѣдовало бы за себя бояться. По одну сторону ея стоялъ Сидинъ, рѣшительный видъ и мрачный взглядъ котораго ясно говорили, что онъ принесетъ себя въ жертву, но не допуститъ ядовитую гадину нанести вредъ госпожѣ. По другую сторону ея находилась Элима. Послѣдней угрожала наибольшая опасность: она была всѣхъ ближе къ змѣѣ. Бѣдная дѣвушка вполнѣ сознавала невыгоду своего положенія. Ея большіе, какъ звѣзды, горящіе глаза безотчетно устремились на Герберта: точно она ему въ руки отдавала свою участь и отъ него одного ждала спасенія.

Змѣя, до сихъ поръ спокойно лежавшая на полу, свернутая кольцомъ, вдругъ, безъ всякой видимой причины, вытянулась и приподнялась на хвостѣ. Голова ея очутилась почти въ уровень со столомъ. Она озиралась и точно изучала мѣстность, гдѣ внезапно очутилась и которая такъ мало походила на бамбуковую чащу, откуда она очевидно выползла. Медленно, едва замѣтно, прямая какъ свѣча, подвигалась она на хвостѣ.

Гербертъ видѣлъ, какъ вздрогнула и затрепетала Элима. Она не спускала съ него довѣрчиваго, но въ то же время полнаго смертельной тоски взгляда. Ему стало невыразимо жаль ее. У него въ глазахъ мелькнулъ огонекъ; лицо его озарилось свѣтомъ неудержимой отваги: онъ рѣшился, во что бы то ни стало, не щадя себя, спасти молодую дѣвушку.

Змѣя не мѣняла положенія. Она точно все продолжала осматриваться. Гербертъ, не спуская съ нея глазъ, осторожно вынулъ изъ кармана пару бѣлыхъ перчатокъ, какія носятся въ Батавіи, надѣлъ ихъ и еще другую пару, которая до тѣхъ поръ лежала возлѣ прибора капитана.

Змѣя точно почуяла, что противъ нея затѣваютъ недоброе. Она обратила на Герберта зловѣщій взглядъ и свирѣпо на него зашипѣла. Онъ-же попрежнему въ упоръ на нее смотрѣлъ, медленно расправилъ на правой рукѣ перчатки и вытянулъ эту руку по направленію къ змѣѣ.

Она очевидно готовилась къ нападенію: сначала присѣла, свернулась спиралью, потомъ вдругъ вспрянула, шипя и свистя откинула назадъ голову и раскрыла пасть.

Блѣдный, какъ смерть, Гербертъ однако не потерялъ присутствія духа. Онъ видѣлъ, какъ страшная гадина движеніемъ челюсти обнаружила до тѣхъ поръ скрытые въ мѣшечкѣ зубы. Рука его теперь находилась на разстояніи одного только фута отъ нея. Каждую секунду могла она на него броситься. По едва замѣтному движенію челюсти, Гербертъ зналъ, что она готовится укусить. Отъ слѣдующей страшной минуты зависѣла жизнь или смерть одного, а можетъ-быть и нѣсколькихъ людей.

Гербертъ не ошибся: змѣя внезапно кинулась — прямо на него.

Элима рванулась впередъ, точно хотѣла удержать своего отважнаго и великодушнаго защитника, и у нея изъ груди вырвался раздирающій стонъ.

Змѣя, должно быть, испугалась ея крика и промахнулась. Впрочемъ Гербертъ и безъ того вышелъ бы побѣдителемъ изъ страшной борьбы. Онъ съ изумительной ловкостью на лету

схватилъ змѣю за шею и, какъ въ тискахъ, сжалъ ее въ своей мускулистой рукѣ.

Не теряя минуты, Гербертъ со всего размаху хватилъ животное о мраморную плиту пола: разможженая голова превратилась въ безформенную массу.

Все это произошло такъ быстро, что подоспѣвшему на помощь Сидину уже ничего больше не оставалось дѣлать. Даже изуродованное, но все еще отвратительно извивавшееся туловище змѣи—и то уже было за окномъ. Гербертъ схватилъ его и, отдернувъ занавѣсъ, выбросилъ въ садъ.

— Фитиль! задыхаясь отъ волненія, воскликнулъ Сидинъ. — Скорѣй сюда фитиль!

И онъ опрометью бросился за нимъ.

Гербертъ тѣмъ временемъ торопливо подошелъ къ столу. Онъ повидимому не слышалъ похвалъ, которыми его осыпалъ капитанъ, и не замѣтилъ удаленія госпожи ванъ-Рюйтеръ. Онъ даже какъ будто позабылъ объ Элимѣ. А она, вся трепещущая, стояла въ одной изъ нишъ и со слезами на глазахъ смотрѣла на своего избавителя. Гербертъ быстро сдернулъ перчатки и, поднеся руку къ лампѣ, тщательно осматривалъ ее.

— Ничего! прошепталъ онъ.—А это, здѣсь? Гм!.. одно подозрительное пятнышко! Можетъ быть оно и ничего не значитъ, а все-же—кто знаетъ?

Спокойно взялъ онъ изъ рукъ Сидина принесенный фитиль, какой употребляется въ Батавіи для закуриванія сигаръ. Болѣзненная усмѣшка искривила его губы. Онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, только по вздрагиванью его мощныхъ плечъ, можно было догадаться объ операціи какую онъ надъ собой производилъ.

Хладнокровно прижегъ онъ фителемъ подозрительное пятнышко, которое—хотя и было не болѣе булавочнаго укола— однако могло таить въ себѣ отраву.

— Это во всякомъ случаѣ радикальное, хотя мучительное средство! замѣтилъ капитанъ, ласково трепля Герберта по плечу.

Гербертъ утвердительно кивнулъ головой и попросилъ Сидина достать ему корпіи, полотна и, если можно, побольше ваты. Теперь только замѣтилъ онъ отсутствіе хозяйки.

— Гдѣ госпожа ванъ-Рюйтеръ? спросилъ онъ. — Надѣюсь, испугъ не повредилъ ей?

— Она удалилась, любезный Гроттеръ. Ее ноги не держали: она шаталась, какъ пьяная. Да и приключеніе-же было, въ самомъ дѣлѣ, ужасное! Когда вы перевяжете рану, я думаю, и намъ пора отсюда убираться.

— Да, если только все это не имѣло дурныхъ послѣдствій для г-жи ванъ-Рюйтеръ.

Капитанъ пожалъ плечами.

— Конечно, ей могло сдѣлаться дурно. Но съ ней Элима и это меня успокаиваетъ... Ахъ нѣтъ, перебилъ онъ себя: Элима здѣсь!

Ни капитанъ, ни Гербертъ не замѣтили, какъ молодая дѣвушка въ истомѣ опустилась на скамью въ нишѣ и сидѣла тамъ, судорожно сжимая на груди руки. Они и не подозрѣвали всей силы охватившаго ее волненія: оно даже заставило ее забыть о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи госпожи. Она не спускала глазъ съ Герберта, точно хотѣла навѣки запечатлѣть въ сердцѣ образъ своего избавителя. Непреодолимая, почти стихійная сила влекла ее къ этому человѣку, отъ геройскаго подвига котораго она была внѣ себя. Въ ней внезапно зародилась и мгновенно выросла безграничная признательность: влекомая ею, она, едва сознавая что дѣлаетъ, бросилась къ Герберту, схватила его лѣвую руку, крѣпко прижала къ губамъ и мгновенно скрылась, съ быстротой испуганной лани.

Ошеломленный, Гербертъ безмолвно смотрѣлъ ей въ слѣдъ. Онъ опомнился лишь, когда капитанъ, съ усмѣшкой хлопнувъ его по плечу, замѣтилъ:

— Эти сверкающіе глаза и пылающія щеки, любезный Гроттеръ, чего добраго, причинятъ вамъ головную боль. Намъ, право, пора домой. Вотъ и Сидинъ! Дайте скорѣй вашу руку: мы тотчасъ перевяжемъ ее и рана скоро заживетъ.

Гербертъ молча смотрѣлъ, какъ хлопоталъ около него капитанъ, и въ заключеніе едва поблагодарилъ его разсѣяннымъ кивкомъ головы. Затѣмъ морякъ взялъ его подъ руку и друзья покинули домъ ванъ-Рюйтеръ, но первоначально освѣдомились у Сидина, какъ чувствуетъ себя его госпожа.

Дорогой Гербертъ не вымолвилъ ни слова; капитанъ не нарушалъ теченія его мыслей. Только пожимая ему на ночь руку, онъ сказалъ:

— Замѣчательный вечеръ. Надѣюсь, никто изъ насъ отъ него не пострадаетъ.

III.

По дорогѣ, которая почти прямой линіей стремится съ гористаго юга Явы въ Батавію, мчалась коляска, запряженная парой великолѣпныхъ сѣрыхъ въ яблокахъ рысаковъ.

Усталый видъ кучера и сидѣвшаго рядомъ съ нимъ на козлахъ малайскаго слуги съ двумя ручными чемоданами, взмыленные и дымящіеся бока лошадей, густой слой пыли на изящномъ экипажѣ и на сѣдокахъ, все свидѣтельствовало о дальнемъ путешествіи.

Сидѣвшіе въ коляскѣ двое мужчинъ, въ длинныхъ полотняныхъ плащахъ и съ легкими зонтиками въ рукахъ, также повидимому вынесли по крайней мѣрѣ суточную ѣзду внутри Явы. Сильный загаръ на ихъ лицахъ говорилъ о долгомъ пребываніи подъ открытымъ небомъ и подъ палящими лучами тропическаго солнца. Разнаго рода охотничьи снаряды и двѣ винтовки на ремняхъ, за козлами, не безъ основанія заставляли предполагать въ путешественникахъ — охотниковъ. У старшаго была на перевязи лѣвая рука.

Дорога потянулась вдоль узкой полосы воды — знакъ приближенія къ столицѣ, которая прорѣзывается цѣлою сѣтью каналовъ. Скоро замелькали первыя бамбуковыя хижины туземцевъ, во множествѣ населяющихъ предмѣстія Батавіи.

— Вотъ что называется хорошей ѣздой! наконецъ прервалъ молчаніе господинъ съ рукой на перевязи, предварительно справившись съ часами. — Не говорили-ли вы, что отъ Буитенсорга до дому еще добрыхъ восемь миль? Мы проѣхали ихъ менѣе чѣмъ въ четыре часа. Другъ вашего начальника оказалъ намъ большую любезность, отдавъ въ наше распоряженіе свой экипажъ. Въ злополучномъ рыдванѣ, который насъ сегодня утромъ доставилъ изъ Гароэта въ Буитенсоргъ, мы проѣхали бы эти восемь миль по крайней мѣрѣ столько же часовъ. Онъ очень гостепріименъ — другъ вашего начальника. А какая у него тонкая кухня... Ахъ, чортъ возьми!

Капитанъ крѣпко стиснулъ зубы: его послѣднее восклицаніе очевидно не имѣло ничего общаго съ пріятными кулинарными воспоминаніями.

— Боль опять вернулась? съ участіемъ спросилъ Гербертъ.

— Да, адски ноетъ! отвѣчалъ капитанъ съ кислой улыбкой и здоровой рукой коснулся той, которая была на перевязи. — Но объ этомъ не стоитъ говорить. Раны, само собой разумѣется, никогда не бываютъ пріятны, да и нашъ сельскій хирургъ — просто-напросто верблюдъ! Въ одномъ только могу васъ увѣрить: это въ томъ, что меня теперь не скоро заманишь стрѣлять тигровъ, даже въ обществѣ такого милаго и храбраго товарища, который, какъ вы, любезный Гроттеръ, одаренъ особенною способностью къ роли спасителя.

Гербертъ почти сурово отдернулъ руку, которую, въ порывѣ благодарности хотѣлъ пожать его спутникъ.

— Видите вы, поспѣшилъ онъ перемѣнить разговоръ, — флагъ на городской больницѣ? Вонъ тамъ, за пальмами! Мы черезъ четверть часа будемъ на Муленвліетѣ. Какъ время бѣжитъ! Просто не вѣрится, что уже три недѣли прошло съ того достопамятнаго вечера, который мы вмѣстѣ съ вами провели у г-жи ванъ-Рюйтеръ.

— Поистинѣ достопамятнаго! съ комической важностью подтвердилъ капитанъ, — но, главнымъ образомъ, для васъ. Ужь сколько разъ упрекалъ я себя за то, что ввелъ васъ въ домъ г-жи ванъ-Рюйтеръ! Но могъ-ли я ожидать, что вы сразу по уши влюбитесь въ очаровательную Элиму! Къ чему это поведетъ? Даете-ли вы себѣ въ томъ отчетъ?

Гербертъ задумчиво смотрѣлъ передъ собой и ничего не возражалъ на краснорѣчивыя замѣчанія капитана.

— Я хотѣлъ васъ просить, началъ онъ наконецъ,—завтра же сопровождать меня къ г-жѣ ванъ-Рюйтеръ. Элима непремѣнно должна быть освобождена. Я, съ вашей помощью, на все готовъ, чтобъ этого достигнуть. Меня сегодня весь день преслѣдуетъ мысль: что станется съ Элимой въ случаѣ внезапной смерти ея госпожи?

— Она перейдетъ къ ея наслѣдникамъ, задумчиво отвѣчалъ капитанъ: — ее быть-можетъ продадутъ... съ публичнаго торга. Варварскій порядокъ вещей! Но, будемъ надѣяться, что въ настоящемъ случаѣ до этого не дойдетъ... Ужь не думаете-ли вы на ней жениться?

Гербертъ взглянулъ прямо въ глаза своему спутнику.

— А почему бы и нѣтъ? спросилъ онъ.

— Почему бы и нѣтъ? повторилъ озадаченный капитанъ. — Въ умѣ-ли вы, любезный Гроттеръ? Вы говорите серьезно?

— Какъ нельзя серьезнѣе! выразительно подтвердилъ Гербертъ. — Увѣряю васъ, что мои помыслы и намѣренія вполнѣ чисты. Вы, безъ сомнѣнія, при этомъ думаете о моихъ родителяхъ. Не безпокойтесь, я сумѣю передъ ними оправдаться, если только всѣ ихъ предубѣжденія не разсѣятся сами собой при первомъ же взглядѣ на дѣвушку. А до того какъ отнесется къ этому общество, мнѣ рѣшительно все равно. Я вполнѣ независимъ и никому ничѣмъ не обязанъ.

Капитанъ принялъ серьезный видъ. Онъ былъ озадаченъ и не зналъ, что ему отвѣчать на смѣлую выходку друга. Пробормотавъ что-то непонятное и безсвязное, онъ погрузился въ мрачное раздумье.

Экипажъ покатился по такъ-называемой Казарменной улицѣ, мимо обширнаго зданія городской больницы, проѣхалъ предмѣстіе Вельтевреденъ съ его Ватерлоосскимъ паркомъ, обогнулъ западную часть цитадели и, миновавъ Рійсвикъ, наконецъ достигъ расположеннаго по каналу того же имени Муленвліета, съ его фруктовыми садами и тонущими въ зелени домами, гдѣ уже начинали зажигаться огни.

Коляска подкатила къ гостиницѣ „Для моряковъ“ съ такою быстротою, которая дѣлала честь усталому кучеру и лошадямъ.

Хозяинъ случайно былъ у воротъ. Онъ поспѣшилъ навстрѣчу къ вновь прибывшимъ и горячо ихъ привѣтствовалъ. Одновре-

менно выбѣжали изъ дома слуги и потащили въ комнату багажъ и охотничьи снаряды.

— Что новенькаго? спросилъ капитанъ. Гроттеръ шелъ немного впереди.—Нѣтъ-ли писемъ? Не пріѣзжалъ-ли кто со шкуны?

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ. — Но я совѣтовался за васъ съ

— Госпожа ванъ-Рюйтеръ умерла.

— Быть не можетъ! воскликнулъ испуганный капитанъ. — Умерла!

— Вы съ ума сошли! почти закричалъ Гербертъ и пошатнулся, какъ отъ удара.

Древнеиталіанскій пажъ. Съ карт. Тобіаса, грав. Гейеръ.

корабельнымъ маклеромъ. Онъ увѣряетъ, что съ нагрузкой не будетъ замедленія. И такъ, вы въ этомъ году всего четыре недѣли у насъ прогостите. Мнѣ суждено одновременно лишиться двухъ пріятныхъ гостей. Слѣдующій пароходъ выходитъ въ море черезъ недѣлю. Неужели господинъ Гроттеръ въ самомъ дѣлѣ намѣренъ отплыть съ первымъ пароходомъ?

— Кажется, но лучше спросите у него самого. Кстати, не присылала за мной г-жа ванъ-Рюйтеръ? Она не знала, что мы такъ надолго уѣдемъ отсюда.

— Г-жа ванъ-Рюйтеръ?! повторилъ хозяинъ, внезапно останавливаясь и озираясь на капитана. — Да развѣ вы не знаете?..

— Что такое? воскликнулъ Гербертъ, до слуха котораго долетѣли эти слова. — Что такое, говорите скорѣй!

Хозяинъ пожалъ плечами.

— Кетгиль! позвалъ онъ находившагося по близости слугу: — принеси намъ сюда сегодняшній номеръ *Промышленнаго Листка*. Г-жу ванъ-Рюйтеръ, продолжалъ онъ, обращаясь къ капитану, — вчера похоронили. Черезъ восемь дней назначенъ аукціонъ на оставшееся послѣ нея имущество. Сегодня это напечатано во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ. Наслѣдники, какъ видно, торопятся.

— Это невозможно, просто невозможно! все еще сомнѣвался капитанъ. — Разскажите все, что знаете: это такъ внезапно!

— Не много могу я вамъ разсказать, капитанъ, отвѣчалъ хозяинъ. — Все, что мнѣ извѣстно, я узналъ отъ слуги г-жи ванъ-Рюйтеръ, который здѣсь былъ въ самый день ея смерти.

Соболи. Ссора изъ-за добычи. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. К. Шпехтъ.

Онъ очень опечалился, не заставъ васъ дома. Отъ него выпыталъ я, что старая барыня захворала вскорѣ послѣ вашего отъѣзда. Болѣзнь ея — горячка — не уступала ни лекарствамъ, ни самому тщательному уходу. Она все время была безъ памяти и въ бреду воображала, что ее преслѣдуетъ отвратительная змѣя. Утромъ въ день смерти, ей какъ-будто стало лучше, по крайней мѣрѣ къ ней вернулось сознаніе. Часъ спустя, однако, когда послали за нотаріусомъ, она испустила духъ не дождавшись его. Но что съ вами, капитанъ? Я только сейчасъ замѣтилъ, что у васъ рука на перевязи.

— Пустая царапина, пріобрѣтенная на охотѣ — пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить... Такъ ее вчера похоронили?

— Да, вчера! А вотъ... дай сюда, Кетгиль!.. Здѣсь въ *Батавскомъ Промышленномъ Листкѣ* объявленіе объ аукціонѣ. Видите?

Притаивъ дыханіе и едва сдерживая себя, Гербертъ заглянулъ черезъ плечо капитана въ газету, которую передъ ними развернулъ хозяинъ. Сколько разъ и прежде читалъ онъ подобныя объявленія, обыкновенно печатающіяся крупными буквами, и даже лично присутствовалъ на аукціонахъ, но никогда еще не испытывалъ онъ такого подавляющаго чувства, какъ теперь: у него буквально кружилась голова и буквы передъ нимъ прыгали.

Объявленіе между прочимъ гласило, что въ числѣ разныхъ предметовъ продавалась и „рѣдкой красоты восемнадцатилѣтняя невольница", которой суждено достаться тому, кто больше за нее заплатитъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Лѣсъ", комедія Островскаго. (Рис. на стр. 228).

Напомнимъ читателю нѣсколько строкъ нашего незабвеннаго драматурга, которыя со свойственнымъ ему мастерствомъ вполнѣ обрисовываютъ двухъ героевъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ, съ перваго ихъ появленія на сцену.

Лѣсъ; двѣ неширокія дороги идутъ съ противуположныхъ сторонъ изъ глубины сцены и сходятся близь авансцены подъ угломъ. На углу крашеный столбъ, на которомъ по направленію дорогъ прибиты двѣ доски съ надписями. У столба широкій низенькій пень. Вечерняя заря.

Съ правой стороны изъ глубины показывается Несчастливцевъ. Ему лѣтъ 35, но на лицо онъ гораздо старѣе, брюнетъ, съ большими усами. Въ то же время съ другой стороны показывается Счастливцевъ; ему лѣтъ за 40, лицо какъ будто нарумяненное, волосы на головѣ въ родѣ вытертаго мѣха; усы и эспаньолка, тонкіе, жидкіе, рыжевато-пепельнаго цвѣта, глаза быстрые, выражающіе и насмѣшливость, и робость въ одно и то же время. На немъ голубой галстухъ, коротенькій пиджакъ, коротенькіе панталоны въ обтяжку, цвѣтные полусапожки, на головѣ дѣтскій картузикъ — все очень поношенное.

(*Сходятся*).

Несч. (*мрачно*). Аркашка!

Счас. Я, Геннадій Демьянычъ. Какъ есть весь тутъ.

Несч. Куда и откуда?

Счас. Изъ Вологды въ Керчь-съ, Геннадій Демьянычъ. А вы-съ?

Несч. Изъ Керчи въ Вологду. Ты пѣшкомъ?

Счас. На своихъ-съ, Геннадій Демьянычъ. (*Полузаискивающимъ, полунасмѣшливымъ тономъ*). А вы-съ, Геннадій Демьянычъ?

Несч. (*густымъ басомъ*). Въ каретѣ. (*Горячо*). Развѣ ты не видишь? Что спрашиваешь? Оселъ!

Счас. (*робко*). Нѣтъ, я такъ-съ...

Несч. Сядемъ, Аркадій!

Счас. Да на чемъ-же-съ?

Несч. (*указывая на пень*). Я здѣсь, а ты гдѣ хочешь. (*Садится, снимаетъ чемоданъ и кладетъ подлѣ себя*).

Счас. Что это у васъ за ранецъ-съ?

Несч. Штука отличная. Самъ, братецъ, сшилъ для дороги. Легко и укладисто.

Счас. (*Садится на землю подлѣ пня*). Хорошо, кому есть что класть. Что-же у васъ тамъ-съ?

Несч. Пара платья, братецъ, хорошаго, въ Полтавѣ еврей сшилъ. Тогда я въ Ильинскую, послѣ бенефиса, много платья сдѣлалъ. Складная шляпа, братецъ, два парика, пистолетъ тутъ у меня хорошій, у черкеса въ карты выигралъ въ Пятигорскѣ. Замокъ попорченъ; какъ-нибудь, когда въ Тулѣ буду, починить прикажу. Жаль, фрака нѣтъ; былъ фракъ, да я его въ Кишиневѣ на костюмъ Гамлета вымѣнялъ.

Счас. Да на что-же вамъ фракъ-съ?

Несч. Какъ ты еще глупъ, Аркашка, какъ погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь въ Кострому, въ Ярославль, въ Вологду, въ Тверь, поступлю въ труппу, долженъ я къ губернатору явиться, къ полиціймейстеру, по городу визиты сдѣлать? Комики визитовъ не дѣлаютъ, потому что они шуты, а трагики — люди, братецъ. А у тебя что въ узлѣ?

Счас. Библіотека-съ.

Несч. Большая?

Счас. Піесъ тридцать и съ нотами.

Несч. (*басомъ*). Драмы есть?

Счас. Только двѣ-съ, а то все водевили.

Несч. Зачѣмъ ты такую дрянь носишь?

Счас. Денегъ стоитъ-съ. Бутафорскія мелкія вещи есть, ордена...

Несч. И все это ты стяжалъ?..

Счас. И за грѣхъ не считаю, жалованье задерживаютъ.

Несч. А платье у тебя гдѣ-жъ?

Счас. Вотъ, что на мнѣ-съ, а то ужъ давно никакого нѣтъ-съ.

Несч. Ну, а как-же ты зимой?

Счас. Я, Геннадій Демьянычъ, обдержался-съ. Въ дальнюю дорогу точно трудно-съ; такъ, вѣдь, кто на что, а голь на выдумки. Везли меня въ Архангельскъ, такъ въ большой ковёръ закатывали. Привезутъ на станцію, раскатаютъ, а въ повозку садиться, опять закатаютъ.

Несч. Тепло?

Счас. Ничего, доѣхалъ-съ, а много больше тридцати градусовъ было. Зимняя дорога-то. Двиной, между береговъ-то тяга; вѣтеръ-то съ сѣвера, встрѣчу. Такъ вы въ Вологду-съ? Тамъ теперь и труппы нѣтъ.

Несч. А ты въ Керчь? И въ Керчи тоже, братъ, труппы нѣтъ.

Счас. Что-жь дѣлать-то-съ, Геннадій Демьянычъ, пройду въ Ставрополь, или въ Тифлисъ, тамъ ужъ неподалеку-съ.

Несч. Мы съ тобой въ послѣдній разъ въ Кременчугѣ видѣлись?

Счас. Въ Кременчугѣ-съ.

Несч. Ты тогда любовниковъ игралъ; что-же ты, братецъ, послѣ дѣлалъ?

Счас. Послѣ я въ комики перешелъ-съ. Да ужъ очень много ихъ развелось; образованные одолѣли: изъ чиновниковъ, изъ офицеровъ, изъ университетовъ — все на сцену лѣзутъ. Житья нѣтъ. Изъ комиковъ-то я въ суфлеры-съ. Каково это для человѣка съ возвышенной душой-то, Геннадій Демьянычъ? Въ суфлеры!..

Несч. (*со вздохомъ*). Всѣ тамъ будемъ, братъ, Аркадій.

Вотъ она, вся на лицо, судьба провинціальнаго актера средней руки!..

Масляничное катанье съ горъ. (Рис. на стр. 229).

Одинъ изъ неизбѣжныхъ аттрибутовъ масляничнаго разгула — катанье съ горъ — въ деревнѣ устраивается чрезвычайно просто. Пользуются естественными, не особенно крутыми склонами, преимущественно къ рѣкѣ или пруду, на которыхъ въ такомъ случаѣ разчищается ледъ на возможно дальнее разстояніе. Катаются тоже на чемъ Богъ пошлетъ: большими ватагами на саняхъ съ поднятыми и подвязанными оглоблями; въ розницу — на салазкахъ (у кого есть), а то на скамьяхъ, прилаженныхъ къ загнутой доскѣ или лубку; удальцы нерѣдко скатываются и попросту присѣвъ на снѣжокъ въ тулупѣ. Катается, кромѣ дѣтей, конечно, молодежь или ужъ очень загулявшіе изъ пожилыхъ — съ пѣснями подъ гармонику или балалайку... Старики только любуются, припоминая молодые годы. Все это весьма типично передаетъ рисунокъ Н. Шаховскаго.

Ландграфиня Тюрингенская Елизавета. (Рис. на стр. 233).

Различныя событія изъ жизни св. Елизаветы, ландграфини Тюрингенской, какъ въ Средніе Вѣка, такъ и въ современной живописи и поэзіи служатъ для художниковъ и поэтовъ прекраснымъ и неисчерпаемымъ сюжетомъ. Дочь короля Андрея Венгерскаго, она четырехъ лѣтъ, въ 1211 г., была помолвлена съ Лудовикомъ, сыномъ ландграфа Германа Тюрингенскаго, за котораго впослѣдствіи и вышла замужъ. Живя въ Вартбургѣ, Елизавета старалась подражать своей теткѣ, св. Гедвигѣ, и доброе сѣмя благочестія и любви къ ближнему, зароненное въ ея горячее сердце и христіанскую душу, дало богатый плодъ. Всю свою недолголѣтнюю жизнь (Елизавета умерла въ Марбургѣ 7-го ноября 1231 года) она беззавѣтно отдавала себя дѣламъ благотворительности, нерѣдко наперекоръ суровымъ требованіямъ тогдашней придворной жизни и посреди множества препятствій со стороны окружавшихъ ее. Одно изъ добрыхъ дѣлъ ландграфини изображаетъ нашъ рисунокъ на стр. 233. Въ зимній вечеръ, въ сопровожденіи двухъ приближенныхъ, ландграфиня Елизавета возвращалась торопливо во дворецъ, принеся помощь страждущему или бѣдняку. По дорогѣ, гдѣ она проходила, у подножія креста, въ снѣгу, она увидѣла окоченѣлую отъ холода нищую, тщетно старавшуюся отогрѣть своего ребенка у холодѣющей груди. Видя это, ландграфиня поспѣшила снять съ себя мантію и бережно окутала ею едва прикрытое лохмотьями тѣло бѣдной женщины.

Сожженіе чучела Масляницы. (Рис. на стр. 236).

Масляная недѣля (или проще *Масляница*) принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ народныхъ празднествъ, которыя до

сихъ поръ еще носятъ на себѣ слѣды язычества. Масляною заканчиваются тѣ зимнія веселья, которыя начинаются съ наступленія Святокъ и тянутся до Великаго Поста; Масляною заканчиваются и *зимнія народныя празднества*, а послѣ Великаго Поста наступаютъ ужъ *празднества весеннія*, и ни въ пѣсняхъ, ни въ обрядахъ, сопровождающихъ эти празднества, о зимѣ нѣтъ уже и помину. И такъ Масляница, въ народныхъ понятіяхъ, олицетворяетъ собою окончаніе зимы, переходъ къ тому времени, когда благотворная сила солнечнаго тепла вновь торжествуетъ надъ злою, вредною силою Мрака и Холода, сковывающаго природу ледяными цѣпями, покрывающаго землю снѣжнымъ саваномъ. Только припомнивъ эту главную основу нашихъ древнихъ языческихъ вѣрованій, въ которыхъ такъ наглядно олицетворялась непрерывная борьба Мрака, Холода и Смерти со Свѣтомъ, Тепломъ и Жизнью, мы можемъ понять тѣ обряды, которыми, во многихъ мѣстахъ, еще и донынѣ, сопровождаются проводы Масляницы. Обряды эти, главнымъ образомъ, заключаются въ томъ, что изъ деревни или изъ города вывозятъ на саняхъ уродливое пугало — чучело, свитое изъ соломы и обверченное пестрымъ тряпьемъ. Около саней поютъ и пляшутъ, то жалобно сокрушаясь о проводахъ „широкой Масляницы", то подтрунивая надъ тѣмъ, что ей пришелъ конецъ, что и „ей поютъ славу до-вѣку". Вывезя чучело за деревню, его снимаютъ съ саней, ставятъ на полѣ и сожигаютъ при громкихъ крикахъ и пѣсняхъ провожавшей его толпы. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что здѣсь народъ провожаетъ собственно не Масляницу, а Зиму; сожигая ея изображеніе, онъ наглядно указываетъ на приближающееся торжество Тепла и Свѣта.

На рисункѣ нашего художника, набросанномъ съ натуры въ одномъ изъ уѣздовъ Вятской губерніи, вышеуказанный характеръ и значеніе Масляницы, какъ народнаго празднества, высказывается особенно ясно въ томъ, что соломенное чучело помѣщено на саняхъ около шеста, на который насажено *колесо*— символическое олицетвореніе солнца (не только у насъ, но и у всѣхъ родственныхъ намъ народовъ германскихъ и славянскихъ). Въ сани запряжена пара лошадей *гусемъ*. Около нихъ, веселой гурьбой, подпѣвая и приплясывая, идутъ мужики и бабы. Въ саняхъ сидитъ парень съ листомъ бѣлой бумаги въ рукахъ, по которому онъ важно вычитываетъ указъ: пора-молъ покончить съ Масляницей, со всѣмъ ея шумомъ, гамомъ и разгуломъ, а самимъ пробавляться постными сухарями да водицей. Большая или меньшая забавность этого „указа" конечно зависитъ отъ личнаго остроумія чтеца.

Веселая комедія. (Рис. на стр. 237).

Посреди небольшой комнаты, въ небогатомъ итальянскомъ домѣ, старикъ, со своими маріонетками, даетъ представленіе собравшимся около него дѣтямъ. Подъ звуки скрипки и незатѣйливой пѣсни танцуютъ передъ ними двѣ куклы. Сцена, на которой происходитъ это представленіе, устроена крайне просто. Въ концѣ неширокой доски прикрѣплена палка, съ верхней части которой протянутъ шнуръ къ колѣну старика. Притопывая ногою, онъ заставляетъ своихъ актеровъ выдѣлывать различные движенія и прыжки, что вызываетъ неудержимый смѣхъ у ребятишекъ.

Пажъ. (Рис. на стр. 240).

Уже у древнихъ римлянъ былъ обычай держать въ числѣ прислуги красивыхъ и богато одѣтыхъ отроковъ, которые воспитывались подъ надзоромъ старыхъ рабовъ и поэтому носили названіе paedagogianus puer, откуда и произошло итальянское слово *paggio*—пажъ. У римлянъ заимствовали этихъ отроковъ и Средніе Вѣка. Когда рыцарство окончательно отлилось въ свои замкнутыя формы, должность пажей, избиравшихся изъ благородныхъ фамилій, была сопряжена съ особымъ званіемъ, которое было первою ступенью къ рыцарству. Каждый, желавшій впослѣдствіи стать рыцаремъ, необходимо долженъ былъ начать службу пажемъ. Какъ только мальчику исполнялось семь лѣтъ, его брали изъ-подъ женскаго надзора и давали ему мужское воспитаніе при дворѣ или въ рыцарскомъ замкѣ. Обязанности пажа ничѣмъ не отличались отъ обыкновеннаго прислуживанія, почему во Франціи, напр., онъ назывался и слугой (varlet, valet); онъ сопровождалъ своего господина и на охоту, и въ странствія, былъ у него на посылкахъ, прислуживалъ за столомъ. Дамамъ предоставлено было учить его катехизису, установленнымъ формамъ свѣтской вѣжливости, особенно такъ-называемому культу дамъ. Съ возведеніемъ въ оруженосцы, большею частію на 14-мъ—18-мъ году, юноша становится воиномъ. Пажество пало съ развитіемъ постояннаго войска. Съ Тридцатилѣтней войны пажи остаются уже лишь при дворахъ коронованныхъ особъ.

Соболь (Martes zibellina). (Рис. на стр. 241).

Соболь въ наши дни принадлежитъ къ животнымъ вымирающимъ. Было время, когда онъ въ изобиліи водился даже въ Печорскомъ краѣ и лучшими считались соболи югорскіе, т. е. съ сѣвернаго Урала. Но уже въ XVII вѣкѣ къ царскому двору требовались исключительно сибирскіе соболи, изъ коихъ лучшими были якутскіе. Количество соболей на Печорѣ и вообще на Сѣверѣ Россіи въ XVII в. уменьшилось до такой степени, что Вогуличи (главные добытчики) не могли платить обычнаго *ясака* (по 5 соболей *съ лука*) и переселялись за Уральскія горы. Въ своихъ челобитныхъ царю они безпрестанно жалуются на то, что у нихъ „*нынѣ лѣшіе промыслы не издались*", и прямо указываютъ на то, что „въ коихъ мѣстахъ напередъ сего соболи бывали, и въ тѣхъ мѣстахъ изъ давнихъ лѣтъ *соболиные промыслы вышли*". Лѣтней добычи соболи „въ ясакъ великаго государя не годились". На Ленѣ собирался въ государевой таможнѣ главный ясакъ, и тамъ пушному товару устанавливалась „Ленская цѣна", которая считалась нормальною.

Въ частныя руки и вообще въ торговлю лучшіе и самые дорогіе соболи не поступали: ихъ приказано было отбирать въ казну Государеву и, наложивъ на нихъ печать царскую, выплачивать немедленно за нихъ деньги изъ ясачной казны, по оцѣнкѣ присяжныхъ оцѣнщиковъ (цѣловальниковъ). Соболи цѣнились обыкновенно *сороками*, и цѣна полагалась за 40 штукъ соболей одна, общая. Но бывали между соболями необыкновенные экземпляры, такъ-называемые *соболи одинцы*, которымъ полагалась цѣна единичная, по-штучная.

Какъ велика была эта цѣна, можно судить по тому, что въ Государевой казнѣ хранились *сорока соболей* по 300, 250, 210, 200, 190, 160, 130, 140, 120, 105, 90, 75 и до 40, 30 и 25 р. *Соболи-одинцы* выходили цѣною до 10 и 15 рублей за штуку. Не слѣдуетъ забывать, что тогдашній рубль равнялся по цѣнѣ нынѣшнимъ *восьми рублямъ minimum*. Хвосты собольи продавались *тысячами*. Цѣна ихъ стояла по 80 р. за тысячу. Вообще же въ соболѣ было три предмета для торга: *хребтина, пупокъ* и *хвостъ*. Въ заграничную торговлю соболи поступали „*не пдроты, и съ пупки, и съ ногты*", потому что такихъ „*нѣмецкія жены на вороту носятъ*".

Награды, жалованье служилымъ людямъ, подарки и единовременныя уплаты (напр. духовенству за требы, совершаемыя во дворцѣ государевомъ) производились изъ царской казны, черезъ Сибирскій Приказъ, соболями. На жалованье иноземцамъ, уѣзжавшимъ изъ Россіи домой, кромѣ денегъ и серебряной посуды, шли также соболи, но не выше 40 р. за сорокъ. Въ иноземную торговлю, черезъ Архангельскую таможню, дозволялось выпускать соболей не дороже 25 р. за сорокъ.

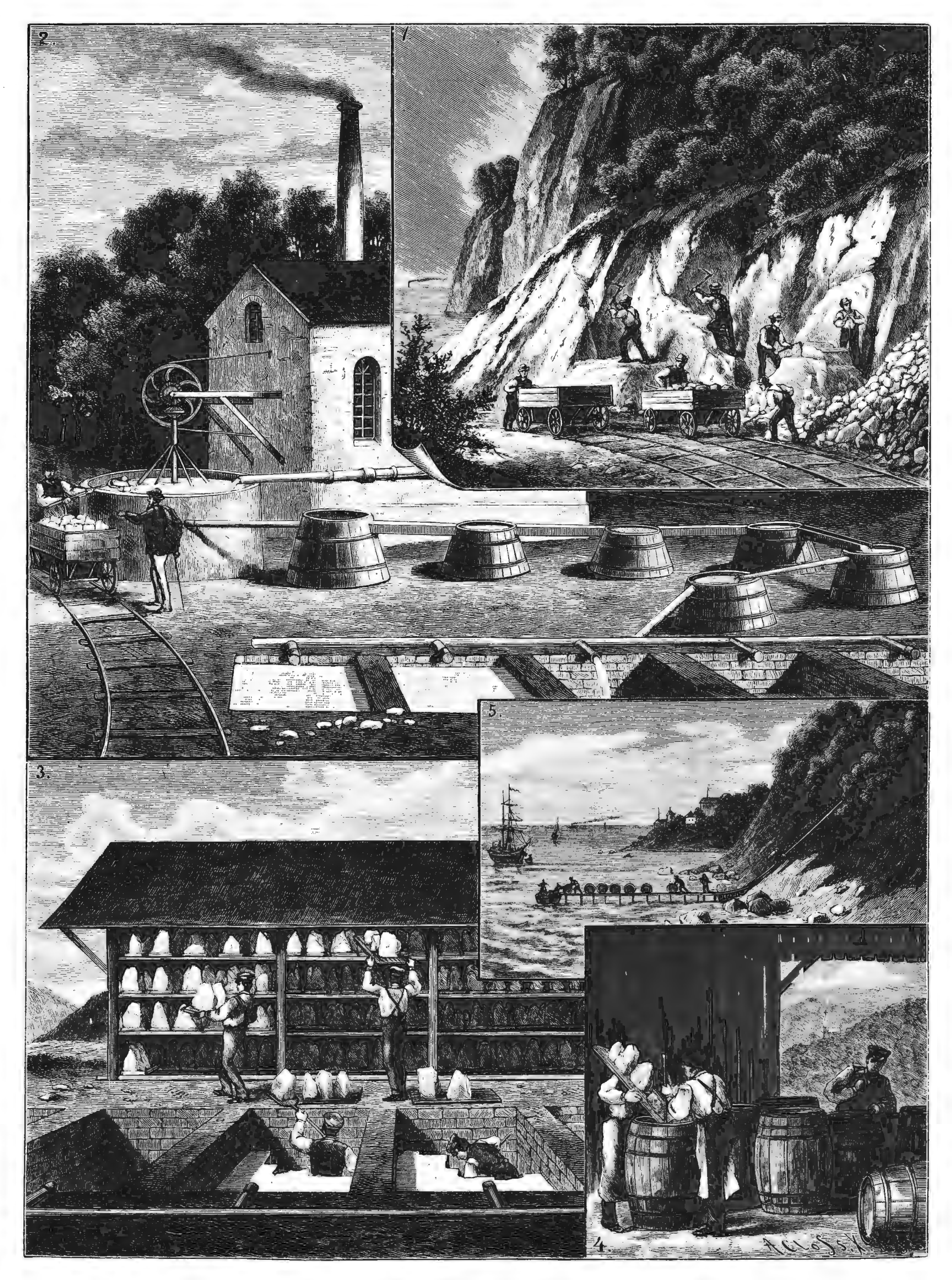
Частные люди, бояре и зажиточные купцы, со своей стороны, покупали множество второстепенныхъ соболей для подарковъ новобрачнымъ, новорожденнымъ и т. п. Истребленіе драгоцѣннаго пушнаго звѣря развивалось въ возрастающей прогрессіи и наконецъ кончилось тѣмъ, что первоначальная область распространенія соболей отъ Урала до Берингова пролива и отъ южныхъ предѣловъ Сибири до 68° с. ш., мало-по-малу сузилась до крайне незначительныхъ размѣровъ. Нынѣ соболь водится лишь въ самыхъ дремучихъ горныхъ лѣсахъ сѣверо-восточной Азіи, да и тамъ становится рѣдокъ. „Въ Камчаткѣ", пишетъ Штеллеръ, „во время ея завоеванія, водилось столько соболей, что камчадаламъ не стоило никакого труда набирать мѣха для уплаты податей; туземцы смѣялись даже надъ глупымъ казакомъ, который мѣнялъ свой ножъ на соболью шкурку. Охотникъ безъ всякихъ усилій могъ въ зиму набить 60, 80 и болѣе соболей. Изъ Камчатки отправлялось невѣроятное количество собольихъ мѣховъ, и всякій купецъ, скупавшій ихъ мѣной на жизненные припасы, наживалъ 5,000 рублей на сто". Такія опустошительныя охоты уменьшили число звѣря настолько, что во времена Штеллера, т. е. черезъ сто лѣтъ по завоеваніи полуострова, изъ Камчатки не вывозилось уже и десятой части прежняго количества мѣховъ. Однако и въ тѣ времена, о которыхъ говоритъ Штеллеръ, самая лучшая соболья шкурка стоила на мѣстѣ не болѣе рубля, весьма хорошая полтинникъ, тогда какъ теперь цѣнность ея увеличилась въ 60 разъ. Несмотря на все это, Камчатка и теперь остается страной самою богатою соболями, потому что тамъ, благодаря частымъ и недоступнымъ горамъ, истребленіе животныхъ не можетъ принять такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Сибири. Впрочемъ, они и здѣсь мало-по-малу исчезаютъ.

По роду жизни соболь имѣетъ большое сходство съ куницами. Онъ истребляетъ всѣхъ животныхъ, съ которыми можетъ справиться: вѣкшъ (бѣлокъ), зайцевъ, маленькихъ птицъ; но ѣстъ также ягоды и плоды. Онъ храбръ, хитеръ и жестокъ какъ вся его родня. Соболи охотно держатся близь береговъ рѣкъ, но это потому лишь, что въ бѣдной ихъ родинѣ къ водѣ собирается и большинство животныхъ, которыми соболь питается. На нашемъ рисункѣ изображены два соболя, готовые вступить въ драку изъ-за добычи—изъ-за бѣлки, которую загрызъ одинъ изъ нихъ.

Добываніе мѣла на островѣ Рюгенѣ.

(Рис. на стр. 244).

Противъ Стральзунда, невдалекѣ отъ померанскаго берега, лежитъ на Балтійскомъ морѣ островъ Рюгенъ, принадлежащій Пруссіи. Вся сѣверо-восточная часть его покрыта мѣловыми горами, часть коихъ, называемая Штубенкаммеръ (Ступень-Камень), въ самомъ высокомъ своемъ мѣстѣ (Кенигштуль)



Добываніе мѣла на островѣ Рюгенѣ. Рис. Вольпглегеръ, грав. Клоссъ.

1. Мѣловыя ломки. 2. Отмучиваніе мѣла. 3. Сушка мѣла. 4. Упаковка мѣла. 5. Нагрузка мѣла.

достигаетъ 409 футовъ высоты. Эти живописныя, отлогія горы, густо покрытыя деревьями и кустами, служатъ источникомъ дохода для обитателей острова, добывающихъ изъ горъ мѣлъ. Рисунокъ 1 изображаетъ ломку мѣла, лежащую на берегу Балтійскаго моря между Штубенкаммеромъ и Засницомъ. Выламываютъ кирками и ломами сырой мѣлъ, который здѣсь попадается въ довольно чистомъ видѣ, накладываютъ куски его въ небольшія тачки и по рельсамъ перевозятъ или на мѣловую мельницу на островѣ, или перекладываютъ въ мѣшки и тутъ же грузятъ ими суда. Мѣловая мельница, внѣшній видъ которой изображенъ на рисункѣ 2, лежитъ къ сѣверу отъ Засница, извѣстнаго прекрасными морскими купаньями. Доставляемый туда изъ ломокъ сырой мѣлъ, видомъ похожій на бѣлую землю, очень мягокъ и легко распускается въ водѣ. Изъ тачекъ его сваливаютъ въ мѣсильный чанъ, изображенный слѣва на рисункѣ. Въ немъ двигается, при помощи пара, валъ съ желѣзными скребами, который размельчаетъ куски мѣла и взбалтываетъ ихъ съ водою, проведенною въ чанъ съ одной стороны; съ другой стороны, чрезъ продѣланную тамъ трубу вытекаетъ мѣловое молоко. Чтобы отдѣлить заключающіяся въ этой мѣловой жидкости землистыя и минеральныя частицы, поставлены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, песочные ящики, чрезъ которые протекаетъ разведенный въ водѣ мѣлъ. Очищенное отъ всякихъ примѣсей мѣловое молоко вытекаетъ подъ конецъ въ четырехугольныя ямы. Въ нихъ сообщенная мѣлу вода частію испаряется, частію просачивается и въ ямѣ остается чистый мѣлъ, въ видѣ вязкой глиновидной массы. Этотъ мѣлъ, уже довольно плотный, но еще сырой, выкапывается и выставляется для просушки въ кускахъ или глыбахъ въ особыхъ сараяхъ (рис. 3). Когда мѣлъ станетъ совершенно сухимъ, его укладываютъ въ бочки (рис. 4) и отправляютъ на суда.

Политическое обозрѣніе.

Газетные толки по поводу Правительственнаго Сообщенія. — Представленіе г. Нелидова. — Роль Германіи и Австро-Венгріи. — Франція и Италія. — Ватиканъ.

Правительственное сообщеніе, приведенное нами въ послѣднемъ №, произвело сильное впечатлѣніе за-границей и хотя мнѣнія о немъ раздѣлились, но большинство высказалось въ пользу примирительнаго образа дѣйствій Россіи. Впечатлѣніе было особенно сильно въ Вѣнѣ и Пештѣ, гдѣ, по полученіи о немъ извѣстія, императоръ Францъ-Іосифъ тотчасъ же вызвалъ графа Кальноки. Обсужденіе заграничною печатью этого сообщенія породило множество разнорѣчивыхъ предположеній и слуховъ; по мнѣніямъ нѣкоторыхъ, Россіи трудно будетъ добиться выѣзда принца Фердинанда изъ Болгаріи, и это мнѣніе довольно основательно, такъ какъ Австро-Венгрія до сихъ поръ продолжаетъ играть ему въ руку, не высказывая никакихъ положительныхъ взглядовъ на положеніе и умиротвореніе болгарскихъ неурядицъ. Русскій посолъ В. Ф. Нелидовъ вручилъ Портѣ представленіе обращающее ея вниманіе на незаконность положенія принца Фердинанда въ Болгаріи и на то что оно противорѣчитъ постановленіямъ Берлинскаго трактата. Французскій посолъ, гр. Монтебелло, и германскій, г. Радовицъ, также были въ Портѣ съ подобными же заявленіями, но австрійскій, англійскій и итальянскій воздержались отъ заявленій, какъ не получившіе никакихъ инструкцій. 14 февраля въ Константинополѣ былъ собранъ совѣтъ министровъ, обсуждавшій сообщеніе г. Нелидова; къ какимъ результатамъ пришелъ совѣтъ — неизвѣстно, но трудно предположить чтобы шагъ сдѣланный Россіею остался безъ послѣдствій, хотя съ мыслью объ единичномъ самостоятельномъ шагѣ Порты, безъ согласія всѣхъ прочихъ державъ, приходится разстаться. По свѣдѣніямъ изъ турецкихъ источниковъ, Порта не отвѣтитъ отказомъ по поводу требуемаго отъ нея заявленія, но подъ условіемъ, чтобы этому заявленію предшествовало соглашеніе между всѣми державами, подписавшими Берлинскій трактатъ, а это и есть камень преткновенія, такъ какъ взгляды Австро-Венгріи, поддерживаемой Италіею, болѣе или менѣе извѣстны: установленіе принципа невмѣшательства, что равносильно для Россіи отказу отъ Болгаріи и предоставленію ея исключительному вліянію Австріи, а также чтобы державы условились относительно послѣдствій проектируемаго шага. По сообщеніямъ *Times*, Петербургскій кабинетъ на запросъ Англіи и Италіи отвѣтилъ, что онъ никогда не одобритъ избранія въ князья Болгаріи лица римско-католическаго вѣроисповѣданія, а это уже прямой отвѣтъ австрійской дипломатіи. Заявленіе Россіи Портѣ произвело глубокое впечатлѣніе въ Софіи и сильно подорвало сторонниковъ принца Кобургскаго. Къ чему приведутъ всѣ эти дипломатическіе ходы и выходы — трудно предвидѣть, такъ какъ въ Берлинѣ при каждомъ удобномъ случаѣ даютъ понять о своемъ сочувствіи австрійской политикѣ. Игра съ русскимъ рублемъ, доведшая его до неслыханнаго паденія, лучше всего доказываетъ какъ мало еще существуетъ надеждъ на миролюбивый исходъ; общественное настроеніе въ Германіи далеко не въ пользу Россіи. Отношенія Италіи къ Франціи нельзя также назвать миролюбивыми: постоянныя стягиванія войскъ по обѣ стороны границы, не разъ уже вызывали запросы въ палатахъ обоихъ государствъ. На югѣ Франціи господствуетъ возбужденіе противъ итальянцевъ, особенно среди рабочаго класса, чему не мало способствуетъ конкуренція, представляемая итальянскими работниками во Франціи и развитіемъ мануфактурной дѣятельности въ Италіи. Сенатъ принялъ законопроектъ уполномочивающій правительство возвысить пошлины на итальянскія произведенія; торговый договоръ между Франціею и Италіею до сихъ поръ не приведенъ къ концу и на этой недѣлѣ будутъ введены боевыя пошлины противъ Италіи, если только она въ послѣдній моментъ не пойдетъ на уступки. Общественное мнѣніе во Франціи, вопреки незначительной части печати, постоянно высказываетъ сочувствіе Россіи и ея политикѣ. На послѣднихъ дополнительныхъ выборахъ во Франціи выдающуюся побѣду одержалъ генералъ Буланже, получившій множество голосовъ; вся Франція спѣшила доказать независимость своего отечества и высказать свое довѣріе человѣку необходимому при томъ случаѣ, еслибы Франціи было отказано отъ той роли, какую она всегда играла въ общеевропейскомъ строѣ.

Вопросъ о примиреніи Россіи съ Ватиканомъ снова выплываетъ на первый планъ. Сближеніе это представляетъ интересъ чисто внѣшней политики, какъ противовѣсъ новому тройственному союзу, и находитъ не мало защитниковъ; при новой роли Ватикана въ католическихъ славянскихъ земляхъ—этотъ союзъ не совсѣмъ безвыгоденъ, но насколько искренни стремленія папской политики къ примиренію—судить мудрено.

Положеніе наслѣднаго германскаго принца почти безнадежно, его положеніе ухудшается со-дня-на-день.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 9 февраля, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили Своимъ посѣщеніемъ первое военное Павловское училище.

— 10 февраля, во дворцѣ Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича былъ балъ, на которомъ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другія особы Императорской фамиліи.

Дѣла церкви.

— 14 февраля, въ Свято-Троицкой Александро-Невской лаврѣ, въ большомъ соборѣ, происходила хиротонія архимандрита Митрофана во епископа Ладожскаго, втораго викарія С.-Петербургской епархіи.

— 14 февраля, московское православное Кирилло-Меѳодіевское братство, имѣющее своею цѣлью попеченіе о церковно-приходскихъ школахъ, праздновало вторую годовщину своей дѣятельности.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: предварительно разсмотрѣнія внесеннаго Министромъ Финансовъ въ Государственный Совѣтъ представленія о разрѣшеніи совершенія сдѣлокъ на металлическую валюту, подвергнуть таковое обсужденію въ особомъ, подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Финансовъ, совѣщаніи, изъ представителей отъ биржевыхъ комитетовъ: двухъ отъ С.-Петербургскаго, двухъ отъ Московскаго и по одному отъ Кіевскаго, Харьковскаго, Одесскаго, Варшавскаго и Рижскаго комитетовъ, съ участіемъ управляющаго Государственнымъ банкомъ и директора особенной канцеляріи по кредитной части.

— Разрѣшено временно пріостановить отводъ рыбопромышленникамъ участковъ подъ ватаги и заключеніе на оные контрактовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ береговой полосы Каспійскаго моря, гдѣ существованіе ватагъ, Министромъ Государственныхъ Имуществъ, будетъ признано вреднымъ для рыбопромышленности.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Товарищество А. Ауэрбахъ и К°, начавъ въ прошломъ году выплавку ртути на своемъ заводѣ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, изъ мѣстныхъ ртутныхъ рудъ, выплавило въ теченіе года 3,911 пуд. ртути. Все это количество сполна поступило на внутренніе рынки Россіи и лишь незначительная часть вывезена за границу.

— Съ 1 марта 1888 года, въ с. Зозулинцахъ, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи А. И. Червонной, дочерью владѣлицы М. Н. Гриневою, открывается низшая практическая школа сельскаго хозяйства и домоводства для женщинъ. Школа будетъ состоять въ вѣдомствѣ Министерства Гос. Имуществъ, отъ котораго ей разрѣшена субсидія въ размѣрѣ 1,500 р. въ годъ.

Торговля.

— Извѣстія о положеніи главнѣйшихъ хлѣбныхъ рынковъ за недѣлю 1—7 февраля (ст. ст.) указываютъ на продолжающійся застой въ дѣлахъ; равнымъ образомъ, и цѣны за отчетное время держались попрежнему слабо и замѣтно клонились къ пониженію. Послѣднее обстоятельство естественно заставляетъ продавцевъ быть по возможности сдержанными въ предложеніи своихъ товаровъ, тѣмъ болѣе, что и по настоящимъ низкимъ цѣнамъ становится очень трудно найти покупателей на большія партіи. *Русскіе* рынки работали тихо.

Рѣшеніе задачи Ходъ коня № 8 (помѣщ. въ № 4 „Нивы").

47	50	53	42	35	40	55	58
52	43	48	45	54	57	36	39
49	46	51	34	41	38	59	56
30	33	44	1	16	11	18	37
25	2	31	10	19	6	15	60
32	29	26	5	12	17	20	7
3	24	63	28	9	22	61	14
64	27	4	23	62	13	8	21

Конь мой смѣлъ и легокъ,
Скачетъ прямо и въ бокъ;
Черезъ клѣтку скачи не шире.
Предъ тобою ходы
Пестрыхъ клѣтокъ ряды —
Клѣтокъ тѣхъ шестьдесятъ да четыре.
Обскачи же всю доску на-диво
И задачей украсится „Нива".

Я. Бутковскій.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** С. Чумакова, А. П. Охлобыстина, Ф. Михель, Н. Н. Богданова, Н. Г. Вульфъ, А. Смолякова, Вака, Н. Стронскаго, Н. Илькевича, М. В. Ильина, Ососова, Сиверса, А. Крюковой; **Москва**—Н. Хрусталева, Н. Щеголева, Коко и К°, Н. Орлова, **Бѣлгородъ**—Ф. З. Мазуръ, **Б. Коровино**—В. Терскаго, **Городецъ**—Н. Салова, **Городище**—Д. Орлова, **Гродно**—В. Левитскаго, **Касимовъ**—Н. Д. Климентова, **Кіевъ**—А. В. Воскресенскаго, Л. Е. Шилохвастова, **Калишъ**—В. В. Комаровской, **Карабаново**—Н. А. Алексѣевскаго, **Межирѣчье**—Л. Лисневской; **Новочеркаскъ**—Д. Н. Жигмановскаго, **Нахичевань**—М. Мишустовой. **Саратовъ**—А. Григорьевой, **Таруса**—Н. Е. Введенскаго, **Тула**—Е. А. Громеницкой, **Харьковъ**—Ф. Веракса, Н. Н. Тарасова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Образецъ гравюръ помѣщаемыхъ въ журналѣ „Малютка".

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

МАЛЮТКА

ДЛЯ САМЫХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ,

крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, со множествомъ превосходно исполненныхъ гравюръ.

ДВѢНАДЦАТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ,

состоящихъ изъ разнообразныхъ занимательныхъ игрушекъ для склеиванія, вырѣзыванія и раскрашиванія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1888:

Безъ доставки въ Москвѣ . . . . . **1 р. 50 к.**

Съ доставкой на домъ и пересылкой во всѣ города Россіи . . . . . **2 р. 50 к.**

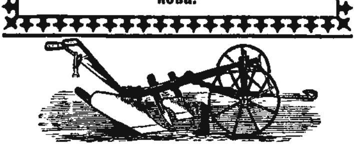
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА *„МАЛЮТКА"*
(Москва, Кузнецкій Мостъ, пассажъ Попова, № 39),
и въ конторѣ Н. Печковской.

Иногородные обращаются исключительно:
Въ МОСКВУ, въ редакцію журнала *„МАЛЮТКА"*.

Въ 1887 году къ журналу „МАЛЮТКА" были приложены слѣдующія безплатныя преміи:

1) Картонная штампованная мебель для куколъ.
2) Комната для куколъ.
3) Альбомъ для раскрашиванія.
4) Шашечница.
5) Домикъ и конюшня (для склеиванія).
6) Домино.
7) Дикія животныя (для вырѣзыванія).
8) Двѣ мельницы (для склеиванія).
9) Домашнія животныя (для вырѣзыванія).
10) Китайская головоломка.
11) Игрушки изъ спичекъ.
12) Домики (для склеиванія).



При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ московскихъ) объявленіе отъ Книжнаго магазина Тузова въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ. 24 февраля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 5 марта 1888 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1888 г., съ 34 гравюрами и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 31 рис. выпильныхъ работъ.

Генер.-лейтенантъ В. Д. Коссинскій.

Имя это, съ 1883 г., извѣстно всей русской арміи, благодаря составленному Коссинскимъ „Систематическому сборнику приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба съ 1 января 1869 года по 1 октября 1882“. Сборникъ былъ раскупленъ нарасхватъ и въ началѣ 1887 г. появился вторымъ изданіемъ, въ которое вошли всѣ четыре дополненія, появлявшіяся ежегодно съ 1883—87 гг.

Для людей военныхъ не требовалось-бы никакихъ поясненій: достаточно было-бы сказать: „*В. Д. Косинскій*, составитель Систематическаго сборника“, не упоминая даже какого; но остальной читающей публикѣ необходимо пояснить причину популярности помянутаго сборника.

До его появленія, справки въ военныхъ законахъ были сопряжены съ такими трудностями, что въ нихъ могли оріентироваться только опытные военно-канцелярскіе дѣльцы, да и то каждый по части своей отрасли дѣлопроизводства. Дѣло въ томъ, что у насъ до сихъ поръ дѣйствуютъ одновременно два свода военныхъ постановленій—разныхъ системъ: *новый сводъ*, системы *1869 г.*, далеко не весь вышелъ, а вслѣдствіе этого *старый сводъ 1859 года* нельзя весь изъять изъ употребленія. Составленіе „продолженій“ къ старому своду 1859 г. (т. е. систематическихъ сборниковъ измѣненій и дополненій къ законамъ) было пріостановлено съ 1869 г., въ разсчетѣ на скорое изданіе полнаго свода новой системы; а затѣмъ, когда стало очевидно, что этотъ разсчетъ не оправдается—накопилась такая масса новыхъ законовъ, что приведеніе ихъ въ систему, по установленной формѣ, не могло быть до настоящаго времени исполнено Главнымъ Военно-Кодификаціоннымъ Комитетомъ, заваленнымъ текущими занятіями по законодательной части.

Генералъ-лейтенантъ В. Д. Коссинскій. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Генералъ Коссинскій, одинъ, безъ всякой по-

мощи, разобралъ и привелъ въ систематическій, удобный для справокъ видъ всю массу военныхъ постановленій, накопившихся съ 1869 по 1887 г., т. е. за 19 лѣтъ. Во второмъ изданіи „Сборника“ (1887 г.) сведено въ два толстые тома все, что до появленія этого капитальнаго труда надо было разыскивать въ 19-ти томахъ приказовъ и 19-ти же томахъ циркуляровъ, гдѣ законы были расположены въ простомъ хронологическомъ порядкѣ.

Понятно, что *Сборникъ Коссинскаго* (таково утвердившееся за нимъ въ просторѣчіи названіе), сдѣлался настольною книгою во всѣхъ штабахъ, военныхъ управленіяхъ и канцеляріяхъ и у всѣхъ военныхъ, которымъ приходится справляться съ законами.

Монументальная работа, исполненная В. Д. Коссинскимъ, была оцѣнена по достоинству и свыше.

Въ настоящее время генералъ-лейтенантъ Коссинскій (произведенный въ этотъ чинъ въ 1883 году) состоитъ членомъ главнаго военно-госпитальнаго комитета.

Во время войны 1877—78 г. онъ занималъ трудную и отвѣтственную должность инспектора госпиталей дѣйствующей арміи и былъ награжденъ: за переправу черезъ Дунай — орденомъ Св. Анны 1 степени съ мечами, а за энергическую дѣятельность въ трудные Шипкинскіе дни — орденомъ Св. Владиміра 2 ст. съ мечами.

Въ должности инспектора госпиталей В. Д. непрерывно трудился съ первыхъ дней мобилизаціи (ноябрь 1876 г.) до тѣхъ поръ, пока его не постигла тяжкая болѣзнь: весною 1878 г., подъ Санъ-Стефано, онъ заразился госпитальнымъ тифомъ, едва живой былъ привезенъ въ Петербургъ и оправился лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжкихъ страданій.

Владиміръ Дмитріевичъ Коссинскій родился въ 1830 г., воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ оттуда въ 1849 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій полкъ.

Во время Крымской войны онъ пожелалъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, перешелъ для этого капитаномъ въ армію, командовалъ ротою въ Могилевскомъ пѣхотномъ полку, участвовалъ въ незабвенной оборонѣ Севастополя, находясь пять мѣсяцевъ на четвертомъ бастіонѣ, гдѣ былъ раненъ въ руку и контуженъ въ бедро.

По окончаніи Крымской войны Коссинскій возвратился поручикомъ въ родной л.-гв. Литовскій полкъ. Тамъ онъ командовалъ ротою до 1861 г., когда былъ привлеченъ въ качествѣ дѣлопроизводителя въ Высочайше учрежденный подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта фонъ-деръ-Лауница комитетъ для опредѣленія довольствія армейскихъ войскъ и затѣмъ въ 1862 г. въ составъ комиссіи, Высочайше учрежденной для улучшеній по военной части. Съ этого времени началась его военно-административная дѣятельность, продолжавшаяся 15 лѣтъ (до начала послѣдней войны). Изъ помянутой комиссіи онъ былъ перечисленъ въ Главный комитетъ по устройству и образованію войскъ, а оттуда — въ канцелярію Военнаго министерства, гдѣ онъ прослужилъ десять лѣтъ дѣлопроизводителемъ, и съ этой должности, уже въ чинѣ генералъ-маіора, получилъ помянутое выше назначеніе инспекторомъ госпиталей дѣйствующей арміи.

Изъ этого краткаго очерка видно, что В. Д. Коссинскій по характеру своей прежней службы имѣлъ ту солидную подготовку, безъ которой немыслимо было-бы исполненіе работы по истинѣ египетской. Онъ одинъ имѣлъ смѣлость взяться за эту работу и при томъ уже въ такомъ возрастѣ, когда обыкновеннымъ людямъ не подъ силу столь тяжелый трудъ. Нельзя поэтому не согласиться съ одною изъ многочисленныхъ привѣтственныхъ рецензій „Сборника“, въ которой между прочимъ было сказано: „трудъ, задуманный и доведенный до конца генералъ-лейтенантомъ Коссинскимъ, можетъ служить образцовымъ примѣромъ для дѣятельности не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ учрежденій“ (*Русскій Инвалидъ* 1887 года, № 125).

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XIV.

Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, двадцатилѣтній красавецъ-юноша, — по должности спальника, безотлучно находившійся при юномъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ,—въ одинъ изъ описанныхъ нами чудныхъ майскихъ дней, встосковался въ Преображенскомъ по Москвѣ, и отпросился у государя Петра Алексѣевича и у сестры своей, царицы Натальи Кириловны, на два дня въ городъ.

Соскучился бояринъ не даромъ... Близёхонько отъ Москвы, въ подмосковной усадьбѣ, которая лежала верстахъ въ трехъ за Марьиной рощей, жила боярыня Настасья Тихоновна Апраксина, красавица-вдовушка, лѣтъ двадцати, къ которой давно уже былъ неравнодушенъ Левъ Кириловичъ. Давно уже придумывалъ онъ, какъ бы ему повидаться со своей зазнобой, которую зорко стерегла ея суровая свекровушка... И вдругъ отъ вдовушки приходитъ вѣсточка, что ея свекровушка уѣзжаетъ на богомолье, на нѣсколько деньковъ, а потому... Неизвѣстно, дочиталъ-ли Левъ Кириловичъ ея грамотку; только часа два спустя послѣ ея полученія, онъ уже мчался во всю конскую прыть въ Москву, въ сопровожденіи двухъ конныхъ слугъ и стараго своего дядьки, Ивана Пелепёлки, который былъ повѣреннымъ всѣхъ его сердечныхъ тайнъ. Но въ грамоткѣ Настасьи Тихоновны было, между прочимъ, постановлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы ея милый другъ Левъ Кириловичъ, прежде чѣмъ къ ней пріѣхать, предувѣдомилъ ее черезъ вѣрнаго человѣка о своемъ посѣщеніи, и только получивъ отъ нея условный отвѣтъ—пускался въ путь къ завѣтной усадьбѣ.

Уговоръ—лучше денегъ! И вотъ, пріѣхавъ подъ вечеръ въ свои городскія хоромы на Варваркѣ, Левъ Кириловичъ немедленно отправилъ Ивашку къ своей зазнобѣ, съ радостною вѣстью о предстоящемъ свиданіи: а самъ, въ трепетномъ ожиданіи страстнаго призыва—сошелъ съ крыльца въ садъ и совершенно машинально сталъ бродить взадъ и впередъ по запущенной дорожкѣ передъ домомъ. Сначала онъ могъ думать только объ одномъ:

„На поѣздку Ивашки до подмосковной усадьбы и обратно, потребуется не болѣе двухъ часовъ, да на переѣздъ мой до усадьбы—менѣе часа... А затѣмъ...“

Мысли его путались и какіе-то красные круги начинали у него играть передъ глазами... Онъ мысленно уже сжималъ въ крѣпкихъ объятіяхъ свое безцѣнное сокровище. Но потомъ, утомившись волненіемъ и ожиданіемъ, прискучивъ своею безцѣльною и однообразною прогулкою по одной и той же дорожкѣ, Левъ Кириловичъ, для сокращенія времени, задалъ себѣ задачу—обойти весь садъ, по которому онъ давно уже не хаживалъ, такъ какъ вообще рѣдко бывалъ въ этомъ старомъ отцовскомъ домѣ. И вотъ онъ сталъ кружить по саду, заглядывая во всѣ его темные уголки, обходя цвѣтники, заросшіе сорной травой и лопухами, минуя небольшія лужайки, расчищенныя среди гущи бузинныхъ и сиреневыхъ кустовъ. Затѣмъ, обогнувъ небольшой прудокъ, весь затянутый тиной, онъ присѣлъ подъ старою, развѣсистою березой, на скамьѣ, поросшей мягкимъ, зеленымъ мхомъ, и сталъ глядѣть на заснувшія воды.

„Здѣсь, бывало, любилъ сиживать отецъ—смотрѣть на наши дѣтскія игры“, подумалъ невольно Левъ Кириловичъ. „Здѣсь любовался онъ на наши судёнки, которыя спускалъ на воду братъ Иванъ... Братъ Иванъ!“ повторилъ Левъ Кириловичъ какъ-то невольно, еще не въ силахъ будучи отрѣшиться отъ своихъ страстныхъ вожделѣній, и поднялся со скамьи, видимо не желая поддаться грустнымъ воспоминаніямъ о погибшемъ товарищѣ дѣтства.

Но когда онъ поднялся со скамьи и обернулся къ березѣ, ему прямо бросилась въ глаза четко-вырѣзанная на ней надпись: „лѣта 7190 маія 17 дня“—и въ концѣ ея крестъ... Отецъ, на память о погибшемъ своемъ сынѣ, вырѣзалъ эту надпись на той самой березѣ, подъ которою любовался его играми. Левъ Кириловичъ это понялъ...

— О, бѣдный, бѣдный братъ Иванъ! воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками.—О, несчастный, ни въ чемъ неповинный мученикъ и страдалецъ! Жертва злодѣевъ и честолюбцевъ, которымъ не дорого ни чье счастье!

И онъ вдругъ такъ неудержимо отдался воспоминаніямъ о братѣ, что на минуту забылъ обо всемъ окружающемъ. Всплескъ крупной рыбы въ прудѣ, звонко раздавшійся среди глубокой тишины заглохшаго сада, заставилъ Льва Кириловича вздрогнуть. Тревожно озираясь, онъ поспѣшилъ удалиться отъ пруда: ему показалось, что отъ воды, отъ березы, отъ скамьи, на которой онъ сидѣлъ, вѣетъ мертвящимъ холодомъ могилы... Онъ поспѣшилъ къ дому; но за нимъ слѣдомъ, по пятамъ, уже тянулась туманная вереница скорбныхъ, ужасныхъ воспоминаній о братѣ и пережитыхъ въ ранней юности кровавыхъ впечатлѣніяхъ, которыя ничто и никогда уже не могло изгладить изъ его памяти. Передъ нимъ опять возставали, облекаясь въ живые образы, всѣ ужасы майскихъ дней 1682 года... Онъ слышалъ завываніе набата, неистовые крики пьяной и буйной толпы стрѣльцовъ, вопли несчастныхъ, терзаемыхъ злодѣями, онъ видѣлъ слезы и отчаянье сестры-царицы, и блѣдныя, съ трясущимися губами и подбородками лица обезумѣвшихъ отъ страха бояръ и придворной служни... Онъ вспоминалъ до мелочей тѣ два безконечные дня и тѣ двѣ напролетъ безсонныя ночи, которыя онъ провелъ, вмѣстѣ съ братьями и юнымъ Матвѣевымъ, скитаясь по чуланамъ и темнымъ закоулкамъ Теремнаго Дворца, прячась подъ пуховиками и перинами, въ которыя стрѣльцы мимоходомъ тыкали своими копьями. Онъ не былъ очевидцемъ страшной мучительной смерти брата, но зналъ о ней все, до мельчайшихъ подробностей,—все могъ бы передать, какъ очевидецъ, потому что двадцать разъ, изъ двадцати устъ, слышалъ о томъ какъ низко, какъ безжалостно былъ преданъ Иванъ Кириловичъ на растерзаніе опьянѣвшимъ отъ крови злодѣямъ, и какъ твердо, съ какимъ истиннымъ геройствомъ принялъ смерть изъ ихъ рукъ, не измѣнивъ себѣ, не издавъ ни одного стона... Онъ вспоминалъ и о томъ, какъ, много мѣсяцевъ спустя, не могъ спать ночью безъ лампады, и какъ вздрагивалъ при первомъ ударѣ колокола, ожидая набата...

Даже и теперь, думая объ этомъ, онъ невольно вздрогнулъ: на сосѣдней колокольнѣ ударилъ колоколъ, мѣрно и звучно отбивая часы... И каждый ударъ, потрясая воздухъ, дребезжа разносился далеко по окрестности, среди вечерней тишины и полумрака, одѣвавшаго кусты и деревья трепетными тѣнями.

Этотъ бой часовъ заставилъ очнуться Льва Кириловича отъ обуявшихъ его воспоминаній. Онъ вспомнилъ объ Ивашкѣ и о томъ, что ему уже давно слѣдовало бы вернуться... „Ужь не случилось-ли съ нимъ бѣды какой?.. Или съ Настасьей Тихоновной?..“

Но эти думы только мелькнули въ головѣ юноши. Грустныя и тягостныя воспоминанія о прошломъ застилали, загораживали настоящее—влекли его къ себѣ неудержимо. Ему показалось жутко оставаться долѣе въ темнѣвшемъ саду, и онъ вошелъ въ домъ по скрипучимъ, расшатаннымъ ступенямъ крыльца. И едва переступилъ онъ порогъ, едва успѣлъ слуга засвѣтить ему свѣчи въ мѣдномъ шанданѣ и затеплить лампаду въ его спальномъ покоѣ, какъ опять тѣ же воспоминанія о братѣ цѣлымъ роемъ нахлынули на Льва Кириловича и постепенно, болѣзненно настраивая его воображеніе, рисовали ему и настоящее, и будущее въ мрачныхъ, страшныхъ краскахъ...

„А Ивашки все нѣтъ!“ съ удивленіемъ говорилъ себѣ юноша, снова прислушиваясь къ колоколу, отбивавшему часы на сосѣдней колокольнѣ.

Наконецъ, утомленный ожиданіемъ и душевною тревогой, Левъ Кириловичъ задремалъ въ креслѣ, склонившись надъ столомъ... Возбужденное воображеніе не переставало работать и среди одолѣвавшей его дремоты. То ему представлялось, что онъ подъѣзжаетъ къ усадьбѣ своей милой—и видитъ, какъ ея домъ вдругъ вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ... Слышитъ вопли отчаянія людей, которые горятъ въ домѣ, бросается на помощь къ нимъ... А ему дорогу загораживаютъ стрѣльцы. „Куда лѣзешь?“ кричитъ ему высокій рыжій дѣтина, замахиваясь на него бердышемъ: „или къ брату въ застѣнокъ захотѣлъ?..“ То вдругъ видитъ онъ себя среди площади, залитой кровью, заваленной трупами изувѣченныхъ бояръ, среди разнузданной и буйной толпы стрѣльцовъ, которые нагло торжествуютъ свою побѣду и горланятъ пьяныя пѣсни, приплясывая вокругъ столба, воздвигнутаго въ память кровавыхъ подвиговъ „надворной пѣхоты“... И среди ихъ криковъ, ему явственно слышится голосъ Ивашки, который надъ самымъ его ухомъ твердитъ: „Батюшка-бояринъ, смилуйся! ей-Богу не виноватъ!..“

И вдругъ Левъ Кириловичъ очнулся отъ тяжелой дремоты, почувствовавъ, что кто-то его теребитъ за рукавъ. Очнулся... и при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшихъ и наплывшихъ свѣчей видитъ передъ собою какую-то темную фигуру наклонившагося къ нему человѣка, который весь дрожитъ съ головы до ногъ и лепечетъ невнятныя слова неповинующимися ему устами...

— Кто ты?!. Кто ты?!. вскричалъ во весь голосъ бояринъ, цѣпенѣя отъ ужаса, въ безсознательномъ порывѣ хватая стоявшаго передъ нимъ за руки и потрясая его изо всей силы.

— Ба-ба-батюшка бо...ббб...ояринъ! смилуйся! проговорилъ знакомый голосъ.

Тутъ только Левъ Кириловичъ узналъ Ивашку—и опустилъ руки...

Ивашка стоялъ передъ нимъ блѣдный какъ смерть и дрожалъ какъ осиновый листъ. Глаза его бѣгали тревожно и безцѣльно изъ стороны въ сторону — губы и подбородокъ тряслись... Левъ Кириловичъ вспомнилъ, что видѣлъ Ивашку съ такимъ-же точно лицомъ, въ тотъ день, когда, вбѣжавъ въ опочивальню Кирилла Полуэктовича, онъ могъ, запинаясь, произнести только два слова: „Стрѣльцы... идутъ!“

А теперь онъ твердилъ только одно:

— Смилуйся! ей-Богу не виноватъ!

Очевидно, онъ былъ чѣмъ-то пораженъ и перепуганъ на смерть и не могъ связать мыслей со словами.

— Что̀ съ тобою? тревожно спросилъ его юноша. — Кто тебя напугалъ? Нѣтъ-ли *тамъ* бѣды какой? Да говори-же скорѣе!

Но Ивашка заговорилъ не скоро. Льву Кириловичу пришлось сначала успокоить стараго слугу, потомъ отпоить его водою, и наконецъ услышать отъ него страшный, нежданный разсказъ.

— Съ нами крестная сила! прошепталъ, приходя въ себя и крестясь, Ивашка Пелепёлка.—Что̀ я видѣлъ... и что̀ я слышалъ... такъ ажно и до сей поры дрожь такъ и пробираетъ...

— Что̀-же такое? Все-ли тамъ по-здорову? съ безпокойствомъ переспросилъ Левъ Кириловичъ.

— Тамъ-то все по-здорову... тебѣ поклонъ шлютъ и просятъ жаловать... Да вотъ какъ оттедова-то я поѣхалъ... у! у! какого страхованья натерпѣлся!

— Да будешь-ли ты говорить наконецъ, старый хрычъ! закричалъ юноша, ударяя по столу кулакомъ.

— Изволь слушать, бояринъ, только не подумай, что это мнѣ съ пьяныхъ глазъ пригрезилось. Въ усадьбѣ меня позадержали съ отвѣтомъ, и какъ я оттоль поѣхалъ, да сталъ къ Марьиной рощѣ подъѣзжать—совсѣмъ уже стемнѣлось... Только-бы мнѣ на среднюю тропочку, на знакомую, выѣхать... вдругъ слышу стонъ... Думаю: почудилось либо сычъ въ дуплѣ гукнулъ. Еще попроѣхалъ... Опять стоны, вопли, словно рѣжутъ, мучатъ кого... Вижу: дѣло не ладно! Думалъ, не ночные-ли какіе работнички душегубствуютъ. Привязалъ коня къ дереву, пистоли за поясъ сунулъ, ножъ за голенищемъ ощупалъ и побрелъ потихоньку крадучись въ ту сторону, откуда крикъ-то слышенъ былъ... Долго

Императоръ Петръ II въ Петергофѣ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) проф. **Шарлеманя**, грав. Шюблеръ.

Репетиція маскарада. Картина А. Швенингера, грав. Гейеръ и Кирмзе.

слышались вопли — и смолкли; долго и я крался, и вдругъ вижу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ рощи — свѣтъ между деревъ мелькаетъ и отъ людей тѣни большущія ходятъ... Я и поползъ на брюхѣ... и приползъ на край буерака; а въ томъ буеракѣ—виловатая сосна, и около нея человѣкъ съ двадцать, на коняхъ съ бердышами, съ копьями. И двѣ повозки съ кровлями въ сторонкѣ. А на той соснѣ, какъ на дыбѣ, вздернутъ человѣкъ за локти, голъ весь, окровавленъ... Около него два человѣка пѣшіе, съ плетьми; да третій, на конѣ, видно изъ бояръ (лицо башлыкомъ закрыто)—того человѣка разспрашиваетъ, а дьякъ его рѣчи въ столпъ пишетъ. И вижу я, что это не разбойники, а стрѣльцы, и нàбольшій-то что надъ ними—должно-быть розыскъ чинитъ, пытаетъ человѣка. Тутъ-то вотъ я и обомлѣлъ отъ страха... Вижу, что пропала моя головушка, если меня замѣтятъ. Я и приникъ, завалился между двухъ кочекъ, и пролежалъ тамъ во все время пытки, и дрожалъ, какъ въ лихоманкѣ... и теперь еще дрожу...

— И не узналъ ты этого нàбольшаго-то ихняго?

— Да гдѣ же тутъ разобрать его въ лицо? Слышалъ только, что заплечные мастеры величали его Ѳедоромъ Леонтьевичемъ...

— Шакловитый!

— А онъ одного изъ мастеровъ-то Оброськой звалъ...

— И за что̀-же они пытали... и мучили?..

— Того, что на дыбѣ-то висѣлъ, пытали за дерзкія рѣчи противъ царевны Софьи; а потомъ татаръ какихъ-то жгли и мучили, и все допрашивали, для чего-де они въ домъ къ князю Борису ходили и зачѣмъ къ государю Петру Алексѣевичу въ комнату званы были... И кабы ты видѣлъ, бояринъ, какъ ихъ мучили!.. кабы ты слышалъ, какъ они вопили отъ боли!.. Господи! все мнѣ ихъ крикъ слышится! въ ушахъ звучитъ... И ужь я самъ не помню, какъ я назадъ къ коню приползъ, какъ въ сѣдло вскочилъ, какъ верстъ двѣнадцать крюку далъ, чтобы въ городъ попасть... Изволишь видѣть—вѣдь ужь свѣтаетъ!

Но Левъ Кириловичъ уже не слыхалъ его послѣднихъ словъ. Стиснувъ зубы, судорожно сжавъ кулаки, блѣдный, съ горящими очами, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ остановился на минуту, что-то обдумывая, и вдругъ топнулъ ногою и крикнулъ Ивашкѣ:

— Сѣдлай коней! Чтобы мигомъ было готово! Ѣдемъ въ Преображенское!

— Да лошади и посейчасъ стоятъ осѣдланы! Буде изволишь—садись, и ѣдемъ!

XV.

Чудесное майское утро только разгоралось надъ Преображенскимъ. Густой туманъ, предвѣщавшій жаркую ведренную погоду, только что разсѣялся, и косые лучи солнца едва успѣли озолотить кресты на маковицахъ дворцовой церкви, какъ на мостовой раздался конскій топотъ, и четыре всадника прорысили мимо дворца къ тому флигельку, въ которомъ помѣщался князь Борисъ Алексѣевичъ. Въ то время какъ они подъѣхали къ крыльцу флигелька, на церковной колокольнѣ раздался первый ударъ колокола. Всѣ всадники разомъ сняли шапки и набожно перекрестились, обернувшись къ церкви.

— Левъ Кирилычъ? Что̀ ты такъ скоро обернулъ? воскликнулъ выходившій въ это время на крыльцо князь Борисъ.

— Такъ... позабылъ тутъ... дѣльце одно есть... отвѣчалъ уклончиво Левъ Кириловичъ, пока слуги убирали коней. А затѣмъ, поднявшись на крыльцо и здороваясь съ княземъ Борисомъ, шепнулъ ему на ухо:

— Страшныя дѣла! Такихъ новостей тебѣ привезъ, что и теперь еще опомниться не могу.

— Такъ войдемъ ко мнѣ... Перемолвимся словечкомъ...

— Нѣтъ, не войду; благо увидѣлъ тебя... Я только заѣхалъ прежде къ тебѣ, сказать, что послѣ обѣдни надо мнѣ съ тобою и съ сестрой-царицей поговорить да посовѣтовать... Сейчасъ переодѣнусь и пойду въ церковь. Вонъ, ужь всѣ и такъ пошли.

Дѣйствительно, отъ дворца къ церкви уже потянулось въ обычномъ порядкѣ ежедневное шествіе: впереди царь Петръ Алексѣевичъ и за нимъ его свита—братья Нарышкины, Зотовъ, Троекуровъ и Прозоровскій. За ними царица Наталья съ маленькою дочкой, и ея свита изъ стряпчихъ, боярынь, богомолицъ, карликовъ и карлицъ.

— Ну, ладно, бояринъ! Такъ свидимся послѣ обѣдни въ комнатѣ великой государыни... Посмотримъ, что̀ ты привезъ...

Бояринъ направился къ себѣ, въ свои покои во дворцѣ, рядомъ съ опочивальней государя, а князь Борисъ пошелъ въ церковь, и все ломалъ себѣ голову, что̀-бы могло заставить юношу вернуться такъ поспѣшно изъ Москвы, тѣмъ болѣе, что онъ, Голицынъ, зналъ, съ какою цѣлью Нарышкинъ туда поѣхалъ.

Въ церкви всѣ обратили вниманіе на то, что царь Петръ Алексѣевичъ стоялъ за службой какъ-то особенно безучастно, даже разсѣянно. То онъ смотрѣлъ на верхъ иконостаса, то невпопадъ начиналъ поспѣшно креститься и кланяться, то заглядывалъ въ окошко въ то время, когда всѣ кругомъ него крестились и кланялись. Видно было, что его мысли были гдѣ-то далеко... Оглянувшись назадъ и замѣтивъ стоявшаго позади него Льва Кириловича, Петръ выразилъ удивленіе на лицѣ своемъ и, улучивъ минуту, наклонился къ нему и шепнулъ ему на ухо:

— Ну, Лёвушка, что̀ я нашелъ... кабы ты зналъ!..

Наконецъ служба кончилась, и царь Петръ такъ быстро повернулся къ выходу, что даже позабылъ взять поднесенную ему просфору. Онъ ухватилъ Льва Кириловича за плечо и опираясь на него вышелъ изъ церкви.

— Какъ ты вчера уѣхалъ, поспѣшилъ онъ сообщить Льву Кириловичу,—я былъ въ Измайловскомъ, и рылся тамъ въ амбарахъ, что около пруда. И что̀ за диковину отрылъ... А ну-ка, угадай?

— Не вѣдаю... Вѣдь тамъ амбары биткомъ набиты всякимъ хламомъ.

— Хла-момъ! Я тебѣ говорю—диковинку!.. Самъ посуди: галанское суденко легкое, *верейкою* зовется, раззолочено, расписано; и вовсе не похоже на наши карбасы и шняки... Бока крутые, днище острое, все сведено въ единый брусъ, а около кормы придѣлано такое... какъ это называется?.. чтобы ворочать судно?..

— Ну, по̀тесь—что-ли?

— Какая тамъ по̀тесь... Это особое такое прилажено... Да! руль! руль!.. И это суденко для батюшки покойнаго здѣсь, по заказу, дѣлалъ старикъ одинъ... онъ и теперь живетъ въ нѣмецкой слободѣ! Такъ я велѣлъ его сыскать... и судно перевезти сюда на Яузу... И вотъ, жду не дождусь, когда оно прибудетъ... Приходи ко мнѣ отъ матушки скорѣе...

Послѣднія слова царь добавилъ потому, что Левъ Кириловичъ, увидѣвъ выходившую изъ церкви сестру-царицу, спѣшилъ къ ней подойти и послѣдовалъ за нею въ ея покои.

— Что̀ такъ скоро обернулъ, соколикъ? ласково спросила царица, когда осталась съ братомъ наединѣ.—Ужь, видно, что-нибудь не даромъ... что-нибудь не ладно? съ нѣкоторою тревогою добавила она, заглядывая въ глаза брату.

— Еще какъ неладно-то! Я такія вѣсти привезъ что и не приведи Господи! Да только не пугайся, государыня... Намъ, здѣсь, не грозитъ никакая опасность... Но ужь за то, что̀ за дѣла въ Москвѣ творятся!

Левъ Кириловичъ и руками развелъ.

— Что̀-же? что̀ такое? Разскажи скорѣе!

— Нѣтъ, здѣсь слишкомъ много толчется всякаго люду, и уши лишнія вездѣ, куда ни обернись... А вотъ сейчасъ придетъ сюда нашъ князь Борисъ—тогда пойдемъ въ твою крестовую палату, запремся тамъ и все обсудимъ... Знаю только, что надо принять мѣры... долѣе нельзя терпѣть!

Въ это время вошелъ въ комнату царицы князь Борисъ съ Троекуровымъ, и всѣ, вслѣдъ за царицею, ушли въ ея крестовую палату и заперлись въ ней, поставивъ у дверей двоихъ стряпчихъ, съ приказаніемъ никого не впускать и не подпускать къ дверямъ. Затѣмъ царица сѣла на стоявшую у стѣны лавку, а бояре ее обступили, и Левъ Кириловичъ, понизивъ голосъ, разсказалъ имъ съ большимъ волненіемъ о вчерашнемъ похожденіи Ивашки Пелепёлки. Левъ Кириловичъ заключилъ свой разсказъ, обращаясь къ царицѣ:

— Воля твоя, государыня! А такихъ злодѣйствъ терпѣть нельзя.

— Что̀-же я могу сдѣлать?

— Ты—государыня! царица! мать государя!

— Что̀ вы скажете, бояре? спросила Наталья Кириловна, обращаясь къ Троекурову и князю Борису.

— Страшныя дѣла! проговорилъ Троекуровъ.—Поосадить-бы надобно...

Князь Борисъ ничего не сказалъ и только перебиралъ свою густую бороду.

— Что-же ты молчишь, князь Борисъ Алексѣевичъ! обратилась къ нему государыня.

— Да, правду-то молвить, я думалъ, что Левъ Кирилычъ пострашнѣе что-нибудь привезъ намъ...

— Какъ? Это-ли не страшно? Истязуютъ, мучатъ людей за то только, что были позваны къ царю Петру въ комнату, или за то, что у тебя побывали?..

— Что̀ говорить! Не хороши дѣла; а все-же намъ въ нихъ путаться не слѣдъ, Левъ Кирилычъ. Ну, положимъ, холопъ твой все это видѣлъ и могъ-бы подтвердить—да не теперь намъ *съ ними* начинать! Не время—и не рука!

— Чего-же ждать еще? вспылила царица.—Чтобы сюда пришли, чтобы и здѣсь учинили расправу!

— Сюда они не придутъ, государыня. Царевна теперь не сдѣлаетъ ни шагу; знаетъ, что мы тогда кличъ кликнемъ... Ну, а Шакловитому намъ надо дать подурить, пока онъ самъ себѣ не сломитъ шеи.

— Да вѣдь ты слышишь, князь, что люди гибнутъ? почти вскричалъ Левъ Кириловичъ.

— Слышу, бояринъ, совершенно спокойно отвѣчалъ князь Борисъ,—и напрасно ты думаешь, что отъ тебя отъ перваго слышу. Пропадаютъ люди безъ вѣсти—невѣдомо какъ... Вотъ хоть бы стольникъ Языковъ Григорій! Собралъ къ себѣ пріятелей, поговорилъ съ ними что-то громко за ужиномъ, что молъ „царя Петра только по имени знаемъ, а всѣмъ правитъ царевна“ — а на другой день ночью пришли стрѣльцы, забрали и его, и всѣхъ людей его, и—былъ таковъ! Слышалъ, что и ссылаютъ нынче, и языки урѣзываютъ—безъ государева указа... И этихъ татаръ что жгли—я тоже знаю; это тѣ самые мурзы Ибраимко съ Кондаралейкой, которые у насъ здѣсь въ Преображенскомъ были, и ко всѣмъ намъ хаживали...

— Неужели тѣ, что невѣстку мою лѣчили травами? перебилъ Троекуровъ.

— И царю Петру зубъ заговаривали, продолжалъ князь Борисъ.—Я слышалъ, что ихъ тотчасъ-же схватили, какъ только они пришли въ Москву отсюда...

— И неужели-же это все терпѣть, сносить? спросила Наталья Кириловна, складывая руки и вглядываясь въ лицо Бориса Алексѣевича.

— До поры до времени, государыня. Да и вступиться-то нельзя—вѣдь съ челобитною никто къ намъ нейдетъ? А самимъ ввязываться въ дѣло и розыски начинать—избави Боже! Мы же окажемся въ виновныхъ. И такъ изволишь знать, государыня, что на меня да вотъ на Льва Кирилыча давно ужъ зубы точатъ царевнины прислужники? Да къ тому-же есть у меня и поважнѣе вѣсти, Левъ Кирилычъ!

Всѣ переглянулись между собою, и затѣмъ обратились къ князю Борису, приготовляясь его слушать.

— Шакловитый похвалялся патріаршему ризничему Акинѳію, что у него, подъ Новодѣвичьимъ, печатаютъ пріѣзжіе черкасы какую-то персону царевнину—и будто бы на той персонѣ она изображена съ вѣнцомъ на головѣ, со скиптромъ и съ державой. Да слышалъ, что такія-же персоны и за море отправлены печатать... Ясно, что это не спроста... Давно уже ходитъ слухъ такой, что она сбирается соцарствовать братьямъ, вѣнчаться думаетъ, какъ и они-же, на царство... И будто ужъ и челобитная готова отъ стрѣльцовъ и ото всѣхъ людей московскихъ... Вотъ это точно страшно!

Всѣ внутренно соглашались со взглядомъ князя Бориса, и молчали. Онъ это понялъ и продолжалъ:

— Да! этого нельзя дозволить... Смута можетъ произойти великая! И мы должны держаться на-сторо̀жѣ и на-готовѣ. И я бы думалъ, государыня, что, ни въ какія дѣла не впутываясь, намъ надо, покамѣстъ, въ сторонѣ держаться, какъ будто ничего не видимъ и не знаемъ; а вотъ не мѣшало-бы подумать, какъ здѣсь поберечь себя...

— Да развѣ-же мы здѣсь не безопасны? тревожно спросила царица.

— Безопаснѣй, чѣмъ въ Москвѣ; но все-же надо помнить, что у насъ едва-ли наберется, со всѣми слугами и съ конюхами потѣшными — одинъ полкъ. А у царевны ихъ двадцать...

— Но какъ-же быть, по-твоему?

— Да я бы думалъ, что нужно намъ сюда затребовать побольше пушекъ—будто-бы для огненной потѣхи, и для пальбы, во время именинъ царя Петра Алексѣевича, а потомъ и кличъ кликнуть—звать охотниковъ въ потѣшные къ царю; да обучить ихъ, да составить и другой полкъ. Тамъ не спохватятся, что это намъ въ защиту, и все смѣяться будутъ—все будутъ думать, что царь Петръ еще дитя и тѣшиться изволитъ... И пусть ихъ думаютъ! А съ будущаго года... надо царю Петру почаще бывать въ Москвѣ, и съ нами въ думѣ засѣдать, и въ управленіе понемногу вступаться... Напоминать, что онъ есть царь!

Царица глубоко вздохнула, при этихъ словахъ; Троекуровъ и Нарышкинъ молчали. Князь Борисъ продолжалъ:

— И вотъ тогда ужь нужно быть на все готовымъ... Тогда пожалуй и въ борьбу съ царевной придется вступить—въ открытую. Да и бояться будетъ нечего: царю пойдетъ семнадцатый годъ и ужь правительницѣ дѣлать будетъ нечего. А до тѣхъ поръ намъ надо поберечь себя и зорко смотрѣть за ними, чтобы какого дурна не приключилось...

— Ну, пусть такъ и будетъ! сказала царица.—Я въ тебя вѣрю, князь Борисъ, и на тебя надѣюсь.

— До конца живота, государыня, буду служить царю Петру и вѣрою, и правдою... И тамошнія козни не упущу изъ виду: мнѣ все извѣстно, что̀ тамъ затѣваютъ (есть такой другъ-пріятель!). Вотъ только надо-бы мнѣ изъ стрѣлецкихъ-то головъ, что съ Шакловитымъ водятся и шашни затѣваютъ... надо-бы изъ нихъ-то языка добыть... Да мы добудемъ!

Царица встала со своего мѣста и вмѣстѣ съ боярами вышла изъ крестовой палаты въ комнату.

— Что̀ это за шумъ? что̀ за суетня на улицѣ? спросила она у окружающихъ, заглянувъ въ окошко.

— А это вѣрно привезли изъ села Измайловскаго то суденко, которое вчера отрылъ тамъ государь Петръ Алексѣевичъ, въ амбарѣ, сказалъ улыбаясь Троекуровъ.

Не успѣлъ еще онъ досказать этихъ словъ, какъ въ

комнату вбѣжалъ царь Петръ Алексѣевичъ, и крикнулъ Льву Кириловичу:

— Что-жъ, Левушка? Ты скоро-ли? Вѣдь ужь везутъ верейку-то—и мастера сыскали, который строилъ-то ее! Пойдемъ скорѣе!

Затѣмъ, впопыхахъ, подбѣжалъ къ матери, и сказалъ ей скороговоркою:

— Какъ спустимъ, матушка, да оснастимъ, какое будетъ судно—чудесное! Да мастеръ говоритъ, что надобно чинить его и конопатить... Дѣла пропасть! А нѣмчинъ—старикъ такой хорошій... Онъ умѣетъ даже и большіе корабли строить... Ну, Левушка, пойдемъ скорѣе.

И схвативъ Нарышкина за руку, Петръ мигомъ выбѣжалъ изъ комнаты. Царица печально и любовно посмотрѣла ему вслѣдъ:

— Вотъ тебѣ и царь! сказала она съ улыбкою, обращаясь къ боярамъ.—Дитя сущее!.. Какъ ты его заставишь въ думѣ-то сидѣть?

— Великая государыня! сказалъ князь Борисъ.—У царя Петра огонь въ крови: куда его ни оберни, онъ все спалитъ! Онъ въ дѣлѣ такой-же, какъ въ потѣхѣ.. И на потѣху смотритъ какъ на дѣло. Съ нимъ шутить не приведи Господь! Вотъ почему, я думаю, что надобно повременить, и дать ему окрѣпнуть, окрылиться... А тамъ онъ и одинъ всей землей управитъ!

(Продолженіе будетъ).

Защита Нарвы.

Повѣсть **Ар. Захарова.**

(Продолженіе).

На третій день, я уже позвалъ на помощь своего пріятеля Одинцова. Произвели мы съемку съ нимъ, примѣрили на планѣ—все то же!

— Не врутъ-ли инструменты? замѣтилъ Одинцовъ. — Повѣримъ-ка сначала ихъ.

Вывѣрили всѣ инструменты, сдѣлали снова съемку, и опять тоже: баттарея ложится на планѣ всякій разъ на одно мѣсто (значитъ всѣ разы съемка была сдѣлана вѣрно), но никакъ не туда гдѣ ей надо быть по натурѣ.

Думали мы, думали—ничего не могли придумать. Планъ крѣпости былъ оффиціальный, утвержденный, притомъ на немъ значилось что весною этого года онъ былъ, по приказанію коменданта, провѣренъ съ натурою поручикомъ Алопеусомъ.

— Больше ничего не можетъ быть, сказалъ Одинцовъ,—какъ планъ не вѣренъ.

— Возможное-ли это дѣло? возразилъ я.—Какъ-же можетъ быть не вѣренъ планъ крѣпости, на основаніи котораго производятся всѣ оборонительныя работы? Вѣдь это оффиціальный планъ; притомъ-же, какъ видите, тутъ еще надпись о томъ что онъ былъ провѣренъ...

— Да, конечно, странно было-бы еслибъ въ крѣпости, у коменданта, былъ ея планъ не вѣрный. Трудно, невозможно это допустить. Сдѣлаемъ еще разъ съемку..

— И пригласимъ еще кого-нибудь...

— Хорошо.

Мы пригласили еще одного инженера, сдѣлали съемку втроемъ, отправились въ комендантское управленіе, примѣрили—все то же!

— Ну, очевидно планъ не вѣренъ! воскликнулъ Одинцовъ.— Подождите тутъ немного, я сейчасъ доложу объ этомъ коменданту.

Комендантъ не хотѣлъ вѣрить подобному абсурду и, обозвавъ всѣхъ насъ троихъ невѣждами въ азбукѣ инженернаго дѣла, сказалъ что завтра самъ пойдетъ сдѣлать съемку. Дѣйствительно, онъ ее произвелъ со всевозможной тщательностью и когда самъ-же началъ наносить на планъ, то и у него баттарея очутилась на томъ-же мѣстѣ, какъ и у насъ.

— Позвать поручика Алопеуса! приказалъ онъ, сильно смущенный оказавшимся фактомъ.

Черезъ полчаса Алопеусъ явился. Это былъ уже старый офицеръ, полусѣдой, полулысый, одинъ изъ тѣхъ многихъ неудачниковъ по службѣ, о существованіи которыхъ судьба какъ будто совсѣмъ забываетъ.

— Вы провѣряли планъ крѣпости? грозно спросилъ его комендантъ, указывая рукою на его подпись на планѣ.

— Виноватъ, ваше превосходительство... пробормоталъ Алопеусъ, догадавшись по тону коменданта и по присутствію трехъ инженеровъ, что случилось что-нибудь неладное съ планомъ.

— Что это значитъ—виноватъ? То есть вы не провѣряли его?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство... я не смѣлъ думать чтобы въ комендантскомъ управленіи крѣпости могъ находиться не вѣрный планъ и потому...

— И потому, перебилъ комендантъ,—не исполнили моего приказанія? Да вѣдь оно для чего-же нибудь было отдано? Какъ вы думаете? Или я такъ, зря, по глупости своей, отдаю приказанія? А? Вы, конечно, умнѣе меня: вы разсуждаете; а старый генералъ, комендантъ, не разсуждаетъ! Такъ-ли я долженъ понять ваше неповиновеніе?

— Ваше превосходительство!

— Безъ отговорокъ! Ни отговорокъ, ни оправданій тутъ не можетъ быть! Я долженъ буду отдать васъ подъ военный судъ! А пока, прямо отсюда, ступайте на гауптвахту!

— Ваше превосходительство...

— Ни слова болѣе! На гауптвахту!

Несчастный Алопеусъ, убитый горемъ, повернулся и вышелъ. Комендантъ долго не могъ успокоиться отъ волненія и ходилъ по комнатѣ, разговаривая то самъ съ собою, то обращаясь къ намъ съ отрывочными возгласами и замѣчаніями.

Онъ поручилъ провѣрку плана другимъ офицерамъ, причемъ оказалось что этотъ планъ ровно ни къ чему не годился. Все на немъ было невѣрно, не только какія-нибудь мелочи, но даже такія вещи какъ цѣлые бастіоны, размѣры и формы которыхъ были совсѣмъ другіе чѣмъ въ натурѣ... Кто и когда составлялъ этотъ планъ, я не могъ узнать, но онъ существовалъ въ комендантскомъ управленіи какъ неоспоримый документъ, на основаніи котораго дѣлались всѣ соображенія и разсчеты по оборонѣ крѣпости.

Я навѣстилъ старика Алопеуса на гауптвахтѣ, и между прочимъ разспрашивалъ его о планѣ. Онъ мнѣ говорилъ что хотя и виноватъ что не исполнилъ приказанія коменданта, но сдѣлалъ это именно въ силу тѣхъ соображеній, что не допускалъ возможности существованія въ крѣпости невѣрнаго и почти фантастическаго ея плана, отчего и не сдѣлалъ повѣрку, а только подписалъ его.

— Вѣроятно такія возможности существуютъ у насъ въ Россіи, замѣтилъ я,—и надо думать что нашъ комендантъ, въ теченіе своей долгой службы, встрѣчалъ подобные случаи, почему и поручилъ вамъ провѣрку. Вы сдѣлали огромную ошибку, не исполнивъ его порученія...

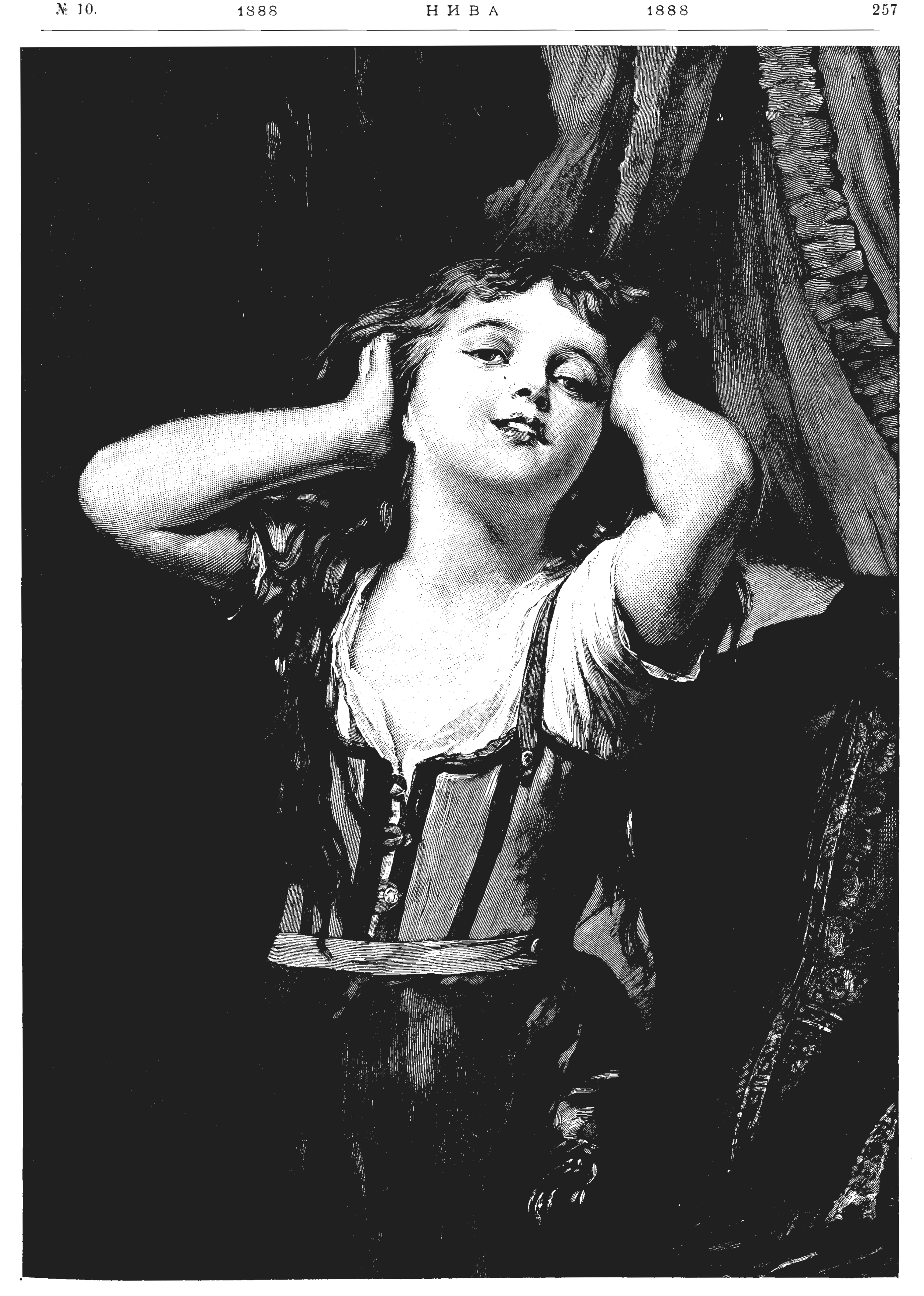
— Да ужъ я знаю что виноватъ, но что прикажете дѣлать... довѣрился оффиціальному документу... Видно суждено мнѣ пропасть ни за грошъ...

Жаль было бѣднаго старика, имѣвшаго при томъ не малое семейство. Черезъ нѣсколько дней, когда комендантъ немного успокоился, всѣ инженерные офицеры явились къ нему просить за Алопеуса. Онъ сначала долго противился, но, наконецъ, его доброе сердце восторжествовало надъ служебнымъ педантизмомъ и Алопеусъ отдѣлался только двухнедѣльнымъ арестомъ на гауптвахтѣ. Новый планъ былъ составленъ съ натуры и представленъ коменданту.

Если служебныя мои дѣла шли не совсѣмъ гладко, за то сердечныя или, лучше сказать, житейскія—преуспѣвали какъ нельзя лучше. Зиновьевъ и Одинцовъ сами собою явились какъ-бы моими покровителями или даже опекунами. Во всѣхъ случаяхъ служебныхъ отношеній моихъ къ коменданту, Одинцовъ являлся моимъ защитникомъ и помощникомъ; онъ высказывалъ ему иногда рѣзкую правду, и добрый комендантъ выслушивалъ иногда отъ Одинцова такія вещи, которыхъ не дозволилъ-бы никому другому, даже поставленному гораздо выше его. Одинцовъ являлся къ нему во всякое время и былъ у него въ домѣ своимъ человѣкомъ. Многіе шутя говорили что комендантъ даже боялся Одинцова, по крайней мѣрѣ боялся того, чтобы онъ не брякнулъ чего-нибудь рѣзкаго въ присутствіи другихъ. Это очень возможно.

Зиновьеву не приходилось покровительствовать мнѣ по службѣ, но за то онъ ввелъ меня въ кругъ богатыхъ офицеровъ съ ихъ семействами, которые, изъ угожденія къ нему, оказывали мнѣ всегда величайшее вниманіе. Ни одно развлеченіе, какъ обѣдъ, вечеринка, пикникъ или охота, не обходились безъ приглашенія меня. Никогда, ни прежде, ни послѣ, въ своей жизни я не веселился такъ, какъ во время моего пребыванія въ Нарвѣ. Я очень хорошо понималъ что для всѣхъ этихъ господъ я представляю интересъ только въ смыслѣ новинки, которою они забавляются отъ скуки, за неимѣніемъ обычныхъ столичныхъ развлеченій. Но такъ какъ я былъ молодъ, то меня нисколько не стѣсняли мотивы оказываемаго мнѣ вниманія и я предавался веселой жизни со всѣмъ увлеченіемъ, на какое былъ способенъ.

Впрочемъ, у молодыхъ супруговъ Семевскихъ меня принимали болѣе искреннимъ и сердечнымъ образомъ. Не проходило почти дня, чтобы они не присылали за мною свою коляску, то къ вечеру, то къ обѣду, то даже съ утра, и время, проведенное съ ними, оставило во мнѣ самое отрадное воспоминаніе. У нихъ я отдыхалъ и отъ службы, и отъ разгула, про-



Со сна. Карт франц. художн. Бюлера, грав. Руссо.

водя время очень скромно: большею частью послѣ обѣда или вечерняго чая, мы располагались въ маленькой гостиной; Семевскій курилъ и дремалъ, жена его вышивала по канвѣ, а я читалъ вслухъ романъ изъ фельетоновъ какой-нибудь французской газеты.

Мои частыя посѣщенія Семевскихъ возбуждали иногда маленькую ревность въ Маринѣ Шведовой, что, впрочемъ, никогда не приводило къ крупнымъ ссорамъ, такъ-какъ ни она ко мнѣ, ни я къ ней не питали особенно глубокихъ чувствъ. Мы только нравились другъ другу и обоимъ намъ льстило взаимное ухаживанье. Эти чувства или эти отношенія очень часто принимаются за любовь и вводятъ въ заблужденіе обѣ стороны, увлекая ихъ въ узы гименея, которыя потомъ, и даже въ скорости, оказываются кандалами, хуже каторжныхъ. Къ счастію, этого не случилось со мною и Мариной, и мы впослѣдствіи разошлись по разнымъ дорогамъ жизни, безъ всякихъ страданій.

Но вотъ явилась на сцену моей жизни женщина, которая оставила во мнѣ болѣе глубокій слѣдъ, хотя вовсе не амурный.

Однажды приходитъ ко мнѣ Одинцовъ и, по своей привычкѣ, прямо огорашиваетъ вопросомъ:

— Отчего вы до сихъ поръ не были у баронессы Арбсъ-Ховенъ?

— Да я ее вовсе не знаю! Видалъ только въ окнѣ, проходя мимо ея дома, и только по слухамъ знаю что существуетъ какая-то баронесса Арбсъ-Ховенъ.

— Надо вамъ къ ней сходить и познакомиться.

— Съ какой радости? Зачѣмъ?

— Да какъ же: вы вездѣ бываете, кромѣ нея. Какъ хотите, вѣдь это ей нѣсколько обидно.

— Какой вы чудакъ, Иванъ Николаевичъ! вѣдь если я у многихъ бываю, то потому что они меня приглашали, а баронессу я даже нигдѣ не встрѣчалъ. И почемъ я могу знать желаетъ-ли она меня принимать или нѣтъ?

— Конечно желаетъ, если я вамъ говорю. Сегодня она выбранила меня за то, что я до сихъ поръ не представилъ васъ ей. Теперь второй часъ, какъ разъ время. Одѣвайтесь и поѣдемъ къ ней съ визитомъ.

— О, нѣтъ! Такъ я не поѣду, хоть и съ вами. Нѣтъ ничего глупѣе, по-моему, какъ являться къ кому-нибудь ни съ того, ни съ сего: честь имѣю рекомендоваться, позвольте съ вами быть знакомымъ, ха-ха-ха!

— Такъ какъ же быть?

— Да никакъ, по-моему. Случится съ ней познакомиться—я не откажусь; не случится—ни она, ни я, надѣюсь, не будемъ въ потерѣ.

— Какъ хотите, а только она уже не первый разъ попрекаетъ меня вами...

Случай подвернулся на выручку Одинцова. Вздумалось обществу офицеровъ устроить балъ, причемъ въ число распорядителей былъ выбранъ и я. Одни приняли на себя декорировать помѣщеніе мѣстнаго клуба, другіе — организовать угощеніе и ужинъ, третьи — музыку, четвертые — приглашенія и т. д. Зиновьевъ, бывшій предсѣдателемъ этого бала, просилъ меня и еще одного офицера съѣздить къ нѣкоторымъ, болѣе почетнымъ гостямъ, лично вручить имъ пригласительные билеты, для чего далъ намъ свою коляску. Въ числѣ такихъ лицъ была записана и баронесса Алина Арбсъ-Ховенъ, которую Одинцовъ наканунѣ предупредилъ о нашемъ посѣщеніи.

Баронесса Алина была дѣвушка лѣтъ двадцати-пяти, дочь генерала еще Александровской эпохи, больнаго и слѣпаго старика, уходу за которымъ она посвятила свою молодость. По разсказамъ Одинцова, она мечтала выйти замужъ, но не иначе какъ сдѣлавъ приличную партію, и въ данное время интересовалась командиромъ полка В. — Дѣйствительно, какъ я потомъ замѣтилъ, полковникъ В. очень часто бывалъ у Арбсъ-Ховенъ, а иногда и гулялъ съ баронессой вдвоемъ.

Заставивъ насъ прождать въ залѣ минуты двѣ или три, Алина вышла къ намъ держа въ рукахъ только-что полученныя въ городѣ депеши изъ Крыма. Тутъ я въ первый разъ имѣлъ случай разглядѣть ее: это была блондинка, средняго роста, съ сѣрыми, очень умными глазами, прекрасно и такъ-сказать пышно сложенная; въ лицѣ и во всей ея фигурѣ ярче всего высказывалась гордость и надменность — качества, за которыя въ городѣ ее никто не любилъ.

Когда мы представились и заявили о цѣли своего посѣщенія, она просила насъ сѣсть и, протянувъ мнѣ депеши, сказала:

— Вы читали это?

— Депеши? Нѣтъ еще.

— Такъ потрудитесь прочесть.

Пробѣжавъ глазами послѣднія извѣстія изъ Крыма, въ которыхъ сообщалось не помню о какомъ-то побоищѣ, окончившемся сильнымъ пораженіемъ нашихъ войскъ, я взглянулъ на Алину.

— Мнѣ кажется, сказала она, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ,—что было бы крайне неприлично танцовать и веселиться въ такую горестную для всей Россіи минуту.

— Частью вы правы, баронесса, отвѣтилъ я.—Но съ другой стороны военное счастье такъ перемѣнчиво, что сегодняшнее пораженіе можетъ съ избыткомъ покрыться завтрашнею побѣдою. Никогда не надо предаваться отчаянію и горю въ случаѣ неудачи, или излишней радости—въ случаѣ удачи. Вѣдь конецъ вѣнчаетъ дѣло, а текущіе эпизоды войны, счастливые или несчастные, не имѣютъ особаго значенія...

— Какъ не имѣютъ? Съ самаго начала этой кампаніи мы только теряемъ и теряемъ; въ суммѣ это не можетъ привести къ хорошему концу.

— Отчего нѣтъ? Позволю себѣ напомнить вамъ Двѣнадцатый Годъ, въ которомъ, какъ я слышалъ, вашъ батюшка принималъ дѣятельное участіе. Тогда мы также все отступали и теряли, а въ концѣ концовъ побѣдили Наполеона.

— Тогда никто не танцовалъ во время шествія Наполеона къ Москвѣ, замѣтила Алина, улыбнувшись.

— Почему вы знаете? По дорогѣ его — можетъ быть, такъ какъ всѣ бѣжали и некому было танцовать; а въ сторонѣ, вдали отъ нашествія, повѣрьте, жили какъ всегда. Напротивъ, будемъ веселиться не только теперь, но даже когда англичане явятся къ самой Нарвѣ. Зачѣмъ намъ показывать врагамъ свои постныя физіономіи? Чтобы тѣшить ихъ самолюбіе? Это было бы совсѣмъ не политично.

— Однако, вы порядочный казуистъ, сказала Алина, засмѣявшись.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я разсуждаю просто какъ военный: сегодняшній день нашъ, а что завтра будетъ—того никто не знаетъ.

Алина подумала немного.

— Хорошо, сказала она,—я пріѣду. Поблагодарите отъ меня всѣхъ вашихъ товарищей за приглашеніе.

Въ день бала, около восьми часовъ вечера, я и мой товарищъ по визитамъ, стояли на площадкѣ лѣстницы, чтобы встрѣчать пріѣзжающихъ гостей. Зиновьевъ и другіе ожидали ихъ выше, при входѣ въ залъ. Вотъ внизу слышно подъѣхала карета, отворяется наружная дверь, швейцаръ бросается навстрѣчу и сталкивается съ лакеемъ въ ливреѣ.

— Кто-нибудь есть? спрашиваетъ лакей.

— Господа офицеры всѣ собравшись.

— Нѣтъ, изъ дамскаго пола?

— Никого еще.

Лакей исчезаетъ и мы слышимъ стукъ отъѣзжающей кареты...

Черезъ минуту подкатываетъ другая. Въ швейцарской показывается горничная.

— Уже есть пріѣхамшія?

— Есть, отвѣчаетъ швейцаръ, предупрежденный нами.

— Анъ врешь! А гдѣ же ихныя платья? замѣчаетъ шустрая дѣвчонка, оглядывая швейцарскую.

— Да я убралъ ихъ вонъ въ ту комнату... догадывается отвѣтить швейцаръ.

— Покажи!

— Чего тебѣ показывать, дура! Говорятъ толкомъ. Зови своихъ господъ.

— Не таковскія онѣ, чтобы первымъ войти...

Горничная исчезаетъ, а съ нею уѣзжаетъ и карета. Это повторяется далѣе: еще подъѣзжаютъ три или четыре экипажа и узнавъ что никого нѣтъ, удаляются обратно. Я пошелъ наверхъ, къ Зиновьеву.

— Вотъ такъ исторія! говорю ему.

— Что такое?

— Да никто не хочетъ войти первымъ: узнаютъ что никого нѣтъ и поворачиваютъ оглобли назадъ.

— Ха-ха-ха! разсмѣялся онъ.—Вотъ она, провинція-то! То-то я слышу, что экипажи подъѣзжаютъ и удивляюсь, что никто не входитъ. Какъ же намъ быть? Иванъ Николаичъ! позвалъ онъ Одинцова.

— Что прикажете?

— Вы, голубчикъ, лучше насъ знаете всѣхъ здѣшнихъ. На кого можно разсчитывать уговорить пріѣхать первою; никто не входитъ.

— Хороши, нечего сказать! отозвался Одинцовъ.—Конечно надо попросить болѣе умную.

— Кого же вы такою считаете?

— Поѣзжайте къ Арбсъ-Ховенъ, обратился ко мнѣ Одинцовъ;—разскажите ей въ чемъ дѣло и попросите поторопиться.

Я не заставилъ себя ждать и, взявъ коляску Зиновьева, поѣхалъ къ баронессѣ. Она уже была совершенно готова и вышла ко мнѣ одѣтая вся въ бѣломъ. На ней не было ни одного драгоцѣннаго украшенія: ни серегъ, ни брошки, ни браслетъ, ни колецъ, ни ожерелья. Бѣлый цвѣтокъ въ волосахъ, бѣлая шелковая ленточка на шеѣ и бѣлый же бантикъ на груди,—болѣе ничего.

— Я къ вамъ посланникомъ отъ всего общества офицеровъ, баронесса.

— По какому случаю? спросила она, удивленно.

— Будьте такъ любезны выручите насъ изъ бѣды...

И я разсказалъ ей въ чемъ дѣло. Баронесса отъ души расхохоталась.

— Здѣсь это всегда такъ, сказала она.—Я бы давно была у васъ, да меня папа задержалъ, почувствовалъ себѣ дурно... Но теперь онъ оправился. Подождите минутку, я только зайду къ нему проститься, и поѣдемте.

Минуты черезъ три она вышла ко мнѣ, закутанная въ сорти-

де-баль, и мы поѣхали. Дѣйствительно, съ появленіемъ Алины залъ клуба началъ наполняться дамами и скоро балъ открылся вальсомъ. Скажу, между прочимъ, для характеристики провинціальныхъ нравовъ, что въ средѣ дамскаго общества Алина же подверглась осужденію за то, что явилась первою. Я самъ слышалъ какъ ее называли выскочкою, желающею играть роль хозяйки бала, гордячкою и т. д. Осуждали даже и за то, что она явилась на балъ одна, безъ дамы, хотя всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что кромѣ больнаго и слѣпаго старика-отца, у нея никого не было. Осуждали, наконецъ, ея туалетъ, за отсутствіе всякихъ ювелирныхъ украшеній, въ чемъ также видѣли желаніе выставиться. Никто изъ этихъ строгихъ судей въ юбкахъ не оглядывался на себя, совершенно забывая, что еслибъ не Алина, то всѣ онѣ, по своей же собственной глупости, лишены были бы сегодня удовольствія танцовать. Къ сожалѣнію и къ моему великому разочарованію, даже хорошенькая и вообще довольно не глупая Марина Шведова, танцуя со мною кадриль, также не удержалась, чтобы бросить нѣсколько колкихъ замѣчаній по адресу баронессы... Впрочемъ, ею руководила можетъ-быть маленькая ревность, когда она узнала, что баронесса пріѣхала на балъ со мною. Но... еслибы только знали женщины какъ много онѣ теряютъ въ глазахъ мужчинъ, когда, изъ ревности или зависти предаются своему злословію! Такъ было и теперь: Марина не только не оттолкнула меня отъ баронессы, но, напротивъ, еще болѣе возбудила во мнѣ желаніе сблизиться съ нею.

— У васъ вкусъ не дуренъ, сказала Алина, когда, окончивъ кадриль съ Мариной, я подошелъ къ ней поболтать.

— Въ какомъ отношеніи?

— Въ выборѣ предметовъ поклоненія. Марина—дѣйствительно красивѣе всѣхъ нашихъ дамъ. Она сегодня настоящая царица бала. Вы давно съ нею знакомы?

— Уже болѣе мѣсяца...

— И часто видаетесь?

— Чуть-ли не каждый день.

— Съ успѣхомъ, конечно?

— О, баронесса, какая вы злая! Развѣ можно дѣлать такіе вопросы?

— Я спрашиваю это вовсе не изъ желанія кольнуть ее или васъ, а просто изъ самаго искренняго участія къ ней и къ вамъ. Изъ васъ двоихъ вышла бы прелестная парочка.

— Боже мой, какъ вы далеко мѣтите! У меня, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго въ головѣ нѣтъ, да, я думаю, и у Марины тоже.

— Однако вы съ нею неразлучны, какъ я слышала, а теперь и вижу.

— Вы даже слышали! Есть же люди, которыхъ это можетъ занимать?

— Мнѣ говорилъ это вашъ пріятель Одинцовъ; я не скрываю это.

— Слушайте его, баронесса! Онъ болтаетъ собственныя фантазіи.

— Такъ вы серьезно не имѣете никакихъ видовъ на Марину?

— Меньше чѣмъ на кого бы то ни было.

— Честное слово?

— Самое честнѣйшее.

Алина взглянула на меня какъ-то особенно, точно будто хотѣла разглядѣть меня на-сквозь, потомъ замѣтила:

— А развѣ хорошо безъ всякой цѣли кружить голову дѣвушкѣ?

Я пожалъ плечами.

— Не думаю, чтобы я былъ способенъ кому-нибудь вскружить голову: на это есть особые мастера,—я не изъ ихъ числа. Затѣмъ Марина, сколько я ее понимаю, тоже не такая, чтобы могла закружиться; она сама скорѣе завертитъ двадцать человѣкъ. Спросите того же Одинцова: кто изъ офицеровъ не влюбленъ въ нее?

— Да, я слышала объ ея побѣдахъ... но къ вамъ она особенно благоволитъ.

— Можетъ быть именно оттого, что я меньше другихъ вздыхаю у ея ногъ.

— А! Вы, значитъ, придерживаетесь стиха:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей?

— Я не придерживаюсь этого по разсчету, но иногда это такъ бываетъ.

Алина вспыхнула. Сѣрые глаза ея сверкнули гордымъ и злымъ огонькомъ. Мои слова она, очевидно, приняла на свой счетъ.

— Вы ужасно дерзки! сказала она, и вставши пошла черезъ залу, къ какой-то дамѣ.

Послѣ этого разговора, окончившагося для меня такъ печально, я не подходилъ къ баронессѣ, ни говорить, ни танцовать съ нею. Она тоже избѣгала даже взглядовъ моихъ. Въ одномъ изъ антрактовъ сошелся въ буфетѣ съ Одинцовымъ.

— Что-же, юноша, выпьемъ что-ли? предложилъ онъ.

— Выпьемъ съ горя!

— Съ какого?

— Да у меня съ баронессой бѣда вышла.

— Какая тамъ бѣда?

— Озлилась она на меня, а за что, ей Богу, самъ не знаю. Сказалъ я фразу вообще, а она приняла должно быть на свой счетъ, назвала меня дерзкимъ, и вотъ, весь вечеръ отворачивается.

— Э! дитя, на всякое чиханье не наздравствуешься. За здоровье баронессы!

Какъ разъ въ это время вошелъ въ буфетъ одинъ офицерикъ, отыскивая кого-то, и увидавъ Одинцова, подошелъ къ нему.

— Иванъ Николаичъ, баронесса Арбсъ-Ховенъ васъ проситъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Ну, пойдемъ. Подождите меня тутъ, сказалъ онъ мнѣ.

Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся.

— Знаете зачѣмъ меня звала баронесса?

— Почемъ же мнѣ знать?

— Жаловалась на васъ, что вы весь вечеръ ни разу не танцовали съ нею! Неужели, говоритъ, я ужь такъ противна ему, что онъ не сдѣлалъ со мною ни одного тура вальса?

— Вотъ тебѣ на! Да вѣдь она же меня выбранила и отворачивается потомъ весь вечеръ!

— Эхъ вы, юноша, юноша! Да вѣдь она женщина! У нихъ надо все понимать наоборотъ. Ступайте сейчасъ же и ангажируйте ее на мазурку.

— Не могу, я уже имѣю для мазурки даму.

— Кого?

— Марину Шведову.

— Все Марина да Марина! Угораздило же ее всѣхъ съ ума свести! Ну, протанцуйте съ баронессой что-нибудь. Есть у васъ свободная кадриль?

— Есть, слѣдующая. Но я хотѣлъ ее просидѣть тутъ въ буфетѣ. Надо же вѣдь и отдохнуть немного.

— Э, пустяки, какіе тутъ отдыхи на балу. Идите просить баронессу!

— Одинъ я не пойду.

— Вотъ ребенокъ тоже! Нянька ему нужна. Ну, идемте вмѣстѣ, что-ли!

Взявъ меня за руку, Одинцовъ потащилъ черезъ весь залъ къ Алинѣ.

— Вотъ веду вамъ плѣннаго офицера, сказалъ онъ,—желающаго искупить свою вину.

— Да, вы много виноваты передо мною, сказала она, взглянувъ на меня.

— Въ чемъ же, баронесса?

— Какъ въ чемъ? Вы были такъ любезны, что сами приглашали меня на этотъ балъ, потомъ пріѣзжали за мною и ввели сюда, а теперь бросили на произволъ судьбы! Могла я разсчитывать на нѣкоторое ваше вниманіе, какъ одного изъ хозяевъ бала, или нѣтъ?

— Но, баронесса, вы сами отнеслись ко мнѣ нѣсколько враждебно, и я не осмѣливался безпокоить васъ.

Оркестръ заигралъ вальсъ. Алина поднялась.

— Я васъ сама ангажирую, сказала она, протягивая лѣвую руку ко мнѣ на плечо.

Мы понеслись по паркету. Танцовала она превосходно, не слышно было держишь ли ее на рукѣ или нѣтъ. Случайно ли это вышло, или намѣренно, но только ни одна пара танцующихъ не послѣдовала за нами и мы сдѣлали три тура кругомъ зала совершенно одни. Всѣ сидѣли и стояли глядя на насъ, точно на театральной сценѣ, а какъ только мы сѣли, то многіе, какъ по командѣ, завертѣлись.

— Вы больше не сердитесь на меня? спросилъ я Алину.

Она улыбнулась такъ ласково и добродушно, точно рублемъ подарила.

— Я и не думала сердиться, сказала она.

— Такъ могу я васъ просить на слѣдующую кадриль, если вы свободны?

— Я обѣщала ее, но... хорошо, я буду съ вами танцовать.

— Ради Бога, не отказывайте другому, мало ли что можетъ выйти изъ этого.

— Но какъ же быть? Я на всѣ танцы ангажирована.

— Я устрою экстренный кадриль: въ программѣ нѣтъ кадриля-монстръ, а мы его устроимъ теперь же, не въ очередь. Никто и не будетъ въ претензіи.

Пригласивъ офицера, распоряжавшагося танцами, въ буфетъ, гдѣ Одинцовъ поджидалъ меня за бутылкою вина, я началъ ему доказывать всѣ прелести кадриля-монстръ, устроеннаго сюрпризомъ для всѣхъ. Онъ сначала не соглашался, увѣряя что эта затѣя собьетъ многихъ со счета кадрилей и выйдутъ только непріятности, но Одинцовъ помогъ мнѣ убѣдить его и дѣло уладилось. Распорядитель пошелъ объявить всѣмъ танцующимъ о нашемъ рѣшеніи, а мы съ Одинцовымъ остались допивать бутылку. Когда раздался ритурнель кадриля, то у меня въ головѣ было очень весело... Алина это тотчасъ же замѣтила.

— Вы, кажется, въ буфетѣ долго сидѣли, сказала она, когда мы заняли мѣста.

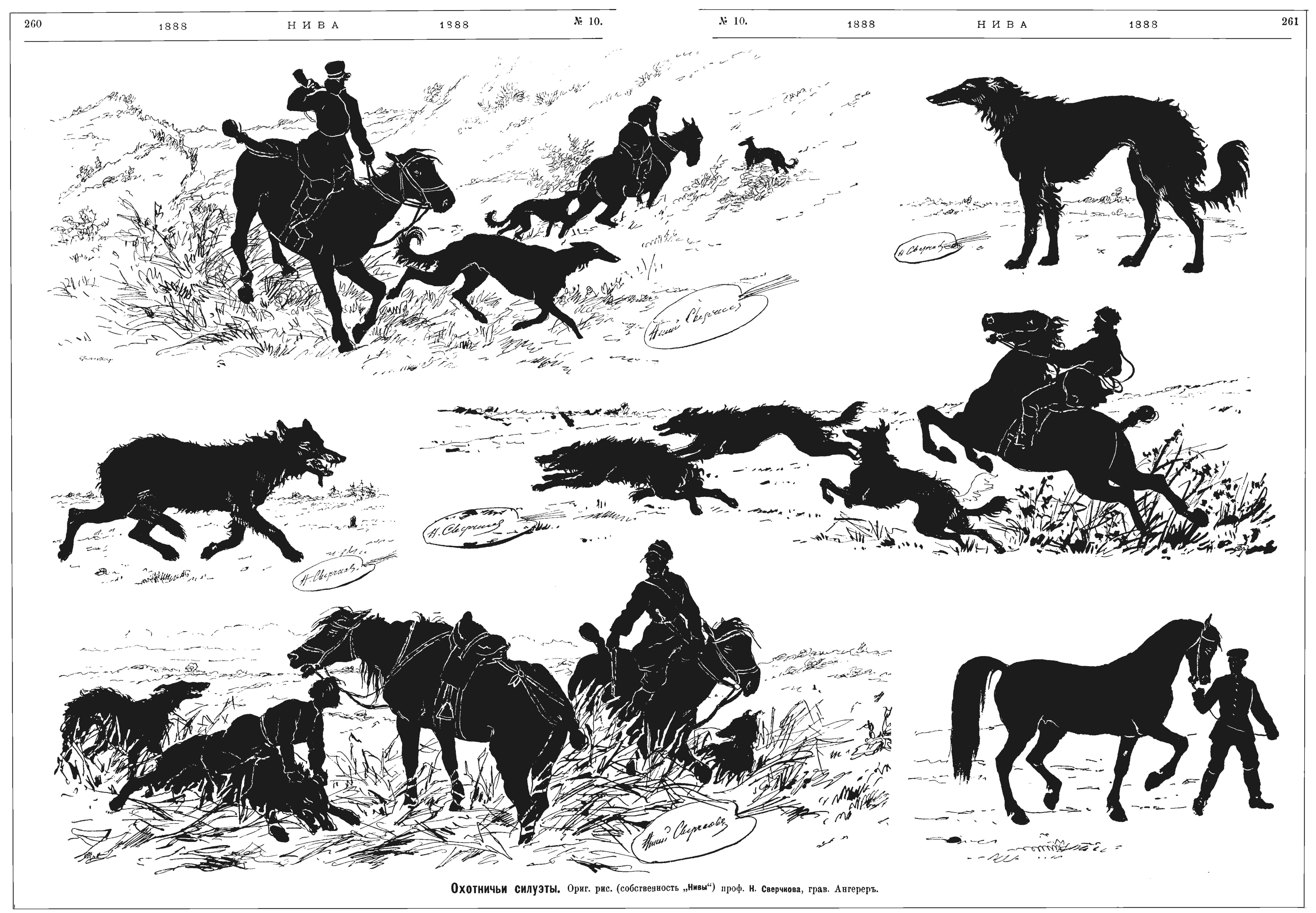
— Да, немножко засидѣлся... для храбрости.

— Неужели я такая страшная? А если вы меня уроните?

— Я могу самъ упасть... къ вашимъ ногамъ, баронесса, но васъ никогда не уроню!

Отвѣтъ мой очень понравился Алинѣ. Она весело засмѣялась. Протанцовали мы вполнѣ благополучно и разстались на этотъ разъ вполнѣ довольные другъ другомъ.

(Продолженіе будетъ).



Охотничьи силуэты. Ориг. рис. (собственность „Нивы") проф. Н. Сверчкова, грав. Ангереръ.

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

(Продолженіе).

Гербертъ провелъ рукою по глазамъ, точно хотѣлъ отогнать дурной сонъ. Онъ всѣмъ тѣломъ дрожалъ. Его охватило невыразимое чувство ужаса, гнѣва, горечи и тоски. У него на лбу выступили крупныя капли пота. Онъ, шатаясь, подошелъ къ ближайшему столу, тяжело опустился въ кресло и погрузился въ глубокую думу.

Въ галереѣ больше никого не было. Хозяинъ еще немного поговорилъ съ капитаномъ и отправился хлопотать объ ужинѣ для вновь прибывшихъ. Гербертъ, до тѣхъ поръ сидѣвшій неподвижно, быстро всталъ и съ рѣшимостью во взорѣ подошелъ къ хозяину.

— Прошу васъ, сказалъ онъ, — немедленно послать за экипажемъ. Я только пойду въ мою комнату переодѣться и желалъ бы, возвратясь, уже найти карету готовою.

— Какъ приказываете, такъ и будетъ, отвѣчалъ хозяинъ и поспѣшно удалился.

— Что вы намѣрены дѣлать, любезный Гроттеръ? съ озабоченнымъ видомъ освѣдомился капитанъ.

— Не поѣдете-ли вы со мной? вмѣсто отвѣта, спросилъ его Гербертъ. — Я сію минуту ѣду въ домъ г-жи ванъ-Рюйтеръ. Хочу лично посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Вы этого не сдѣлаете! рѣшительно замѣтилъ капитанъ.

— Я васъ не понимаю.

— Вы поймете, когда я вамъ скажу, кто наслѣдники г-жи ванъ-Рюйтеръ. Смерть снимаетъ съ меня обѣтъ молчанія. Я въ правѣ сказать вамъ сегодня то, о чемъ теперь говоритъ весь городъ.

— Не терзайте меня, говорите скорѣй!

— Покойный Корнелій ванъ-Рюйтеръ, незадолго до своей внезапной смерти, завѣщалъ все свое движимое и недвижимое имущество дѣтямъ своей сестры, по мужу Франсенъ — и это безъ вѣдома жены. Нынѣ тоже умершая госпожа ванъ-Рюйтеръ была очень удивлена и смущена, когда, по смерти мужа, узнала, что ей назначено только пожизненное пользованіе оставшимся послѣ него имуществомъ. Корнелій мнѣ одному довѣрилъ тайну своего завѣщанія, да и то потому только, что я былъ ему необходимъ въ качествѣ свидѣтеля. Да еще зналъ объ этомъ нотаріусъ, призванный для составленія духовной и уже своимъ званіемъ обязанный къ молчанію. Покойный ванъ-Рюйтеръ желалъ, чтобы, пока жива его вдова, никто не зналъ о его посмертныхъ распоряженіяхъ и чтобы всѣ считали ее безусловной наслѣдницей всѣхъ его богатствъ, которыя, сказать къ слову, вовсе не такъ велики, какъ полагаютъ. Онъ имѣлъ въ виду этимъ предупредить искательство со стороны дѣтей сестры и оградить отъ униженій свою жену. Послѣдняя, само собой разумѣется, не выдавала тайны, но завѣщаніе, тѣмъ не менѣе, было отравой ея жизни. Два племянника Корнелія — цвѣтущіе юноши — нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ вамъ извѣстно, пали жертвой эпидеміи. Такимъ образомъ единственной наслѣдницей всего имущества Рюйтеровъ является дочь вдовы Франсенъ.

По мѣрѣ того какъ говорилъ капитанъ, возбужденіе Герберта все усиливалось. При имени наслѣдницы ироническая улыбка исказила его лицо и вся фигура приняла угрожающій видъ.

— Я полагаю, послѣ продолжительнаго молчанія снова началъ капитанъ, — что встрѣча со вдовою Франсенъ или ея дочерью, была бы для васъ крайне тягостна.

— Но развѣ онѣ переселились въ домъ г-жи Рюйтеръ?

— Врядъ-ли. Тѣмъ не менѣе я считаю безразсуднымъ посѣщеніе этого дома въ такой поздній часъ.

— И не смотря на это, я все-таки поѣду! быстро вскакивая съ мѣста, объявилъ Гербертъ. — Вы меня здѣсь подождете, не правда-ли? За меня не бойтесь: я буду крайне остороженъ. И такъ до свиданья: и впрямь мнѣ лучше ѣхать одному!

Онъ кивнулъ головой и быстро удалился. Капитанъ остался въ печальномъ раздумьѣ.

Четверть часа спустя, Гербертъ уже былъ на Королевской площади. Не желая обнаружить цѣли своего путешествія, онъ вышелъ изъ экипажа на нѣкоторомъ разстояніи отъ виллы ванъ-Рюйтеръ и приказалъ кучеру себя ждать. Осторожно, украдкой пробирался онъ дальше, безотчетно стараясь держаться тѣневой стороны улицы.

Зеленыя вершины пальмъ слегка колыхались подъ дуновеніемъ вечерняго вѣтра. Надъ ними сіяло звѣздное небо — картина вѣчнаго мира. Въ сердцѣ Герберта, напротивъ, происходила жестокая борьба. Оно пылало негодованіемъ; въ немъ кипѣла злоба; оно сжималось отъ тоски при мысли, что Элима, по злой игрѣ судьбы, очутилась во власти тѣхъ, которыя его ненавидѣли, а ему самому внушали одно презрѣніе. Нечего было разсчитывать на ихъ состраданіе ни къ себѣ, ни къ возлюбленной: безсердечныя и скупыя, онѣ, конечно, не захотятъ отказаться ни отъ малѣйшей выгоды при продажѣ своей невольницы.

Въ нерѣшимости остановился Гербертъ у рѣшетки сада виллы. За ней, въ безпорядочной чащѣ деревъ и кустарниковъ, точно все вымерло. Тщетно искалъ онъ живаго существа, которому могъ бы объяснить свое положеніе. Онъ уже не разъ протягивалъ руку ко звонку у калитки и опять ее отдергивалъ. Пытливо осматривалъ онъ высокую желѣзную рѣшетку: она повидимому не представляла непреодолимаго для него препятствія. Но онъ все-таки не рѣшался черезъ нее перелѣзть: улица была не довольно пуста чтобъ онъ могъ это сдѣлать незамѣтно.

Но вдругъ его поразила новая мысль. Быстро отошелъ онъ отъ рѣшетки, свернулъ съ площади въ боковую улицу и углубился въ глухой переулокъ, гдѣ скоро наткнулся на стѣну, вышиной съ человѣческій ростъ, которая, по его соображеніямъ, очевидно окружала виллу ванъ-Рюйтеръ со стороны хозяйственныхъ пристроекъ.

Легко взобрался онъ на стѣну и безъ малѣйшаго шороха перекинулся на противоположную сторону.

Онъ очутился среди густой массы бамбуковъ, прямые стебли которыхъ окружали его, какъ рѣшеткой. Удостовѣрясь, что вокругъ все было тихо, онъ сильными ударами кулака сталъ раздвигать кусты и пролагать себѣ путь во внутрь сада.

Ему удалось скорѣй, чѣмъ онъ ожидалъ, попасть на усыпанную пескомъ дорожку. Впереди мелькнулъ огонекъ и Гербертъ осторожно къ нему направился. Очевидно никто не замѣтилъ его прибытія на виллу.

Но у открытой галереи, съ задней стороны дома, Гербертъ вдругъ въ испугѣ остановился: слуха его коснулся громкій и оживленный разговоръ.

Озадаченный, онъ осторожно заглянулъ въ отверстіе спущеннаго занавѣса и увидѣлъ двухъ полицейскихъ чиновниковъ, которые играли въ карты, безцеремонно потягивая вино. На другомъ концѣ онъ замѣтилъ фигуру совершенно незнакомой ему женщины за шитьемъ.

Герберту не хотѣлось, чтобъ эти люди его видѣли, и онъ ощупью побрелъ дальше. Минуту спустя, вниманіе его было привлечено слабо освѣщеннымъ узкимъ окномъ съ толстой желѣзной рѣшеткой. Неслышными шагами подкрался онъ къ окну: оно было открыто и на фонѣ комнаты передъ нимъ выдѣлялась человѣческая фигура, въ которой онъ, къ великой радости, узналъ Сидина, брата Элимы.

Гербертъ тихонько его окликнулъ. Сидинъ въ изумленіи отвелъ глаза отъ книги, которую читалъ, и его выразительное лицо мгновенно оживилось, при видѣ того, кто уже разъ спасъ Элиму.

— Мое появленіе здѣсь тебя удивляетъ, Сидинъ, шепотомъ заговорилъ Гербертъ. — Я пробрался сюда тайкомъ, иначе врядъ-ли бы могъ увидѣть тебя и Элиму.

— Великое горе, великая бѣда постигла насъ, господинъ! такимъ-же точно шепотомъ отвѣчалъ Сидинъ, почти касаясь губами желѣзной рѣшетки у окна. — Какая перемѣна!

— Да, Сидинъ, я знаю! Но я не могъ раньше сюда явиться: я всего часъ тому назадъ вернулся съ охоты изъ Гароэта. Гдѣ Элима?

— Мы пережили тяжелые дни, господинъ, и насъ ожидаютъ еще худшіе. Надо-же было умереть нашей доброй госпожѣ! Новая госпожа скупа и жестока. Элима тамъ, въ каморкѣ. Онѣ насъ заперли изъ опасенія, чтобъ мы не убѣжали. Насъ сторожатъ два полицейскихъ и одна отвратительная колдунья.

— Если можешь, приведи скорѣй сюда сестру! нетерпѣливо перебилъ его Гербертъ.

— Я могу. Она грозила, что убьетъ себя, если насъ разлучатъ. Имъ пришлось уступить. Но мы порѣшили лишить себя жизни прежде чѣмъ насъ продадутъ.

— Я васъ спасу, Сидинъ, шепталъ Гербертъ все больше и больше волнуясь. — Я употреблю на то всѣ усилія. Я затѣмъ и пришелъ сюда, чтобъ сговориться съ вами. Но не уйдешь-ли ты въ каморку, пока я объяснюсь съ твоей сестрой? прибавилъ онъ запинаясь: — Согласенъ ты оставить насъ наединѣ?

— Охотно, господинъ.

Минуту спустя, мѣсто у рѣшетки заняла Элима. На лицѣ ея боролись противоположныя чувства страха и радости, нерѣшимости и безграничной преданности.

Она очевидно плакала. Ея длинныя рѣсницы и большіе блестящіе глаза носили несомнѣнные слѣды слезъ. Она устремила на Герберта такой трогательный взглядъ, что онъ былъ до глубины души потрясенъ, но въ то же время и счастливъ.

Съ того достопамятнаго вечера, воспоминаніе о которомъ ему всю жизнь предстояло носить въ видѣ маленькаго рубца на рукѣ, Гербертъ еще три раза видѣлъ молодую дѣвушку, но всегда въ присутствіи капитана и хозяйки дома. Ему ни разу не привелось говорить съ нею наединѣ. Неохотно исполнилъ онъ свое обѣщаніе и отправился на охоту. Образъ молодой дѣвушки и днемъ и ночью неотступно преслѣдовалъ его въ разлукѣ. Стремленіе къ ней въ немъ ежедневно росло и онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія излить передъ ней то, чѣмъ переполнено было его сердце. И вотъ Элима передъ нимъ, такъ близко

отъ него, что онъ, кажется, слышитъ каждое біеніе ея сердца и видитъ насквозь всѣ ея мысли и чувства.

Внѣ себя, схватилъ онъ и осыпалъ поцѣлуями ея маленькую, изящную руку.

— Элима, страстно шепталъ онъ, — вѣдь я могу тебя такъ звать, не правда-ли? Могу, потому что горячо, безпредѣльно тебя люблю и знаю, что и ты меня любишь съ первой минуты нашего знакомства. Ты тогда удостоила поцѣлуемъ мою руку: теперь я хочу съ избыткомъ тебѣ за то отплатить, вотъ такъ, такъ... И онъ снова прижималъ къ губамъ ея дрожащіе пальцы.—Я отсюда не могу ни обнять тебя, ни прижать къ сердцу, но знай, что съ этой минуты считаю тебя своей невѣстой.

Точно вихрь счастья охватилъ все существо молодой дѣвушки и на мгновеніе унесъ ее за предѣлы горькой дѣйствительности. На ея щекахъ то вспыхивалъ, то пропадалъ румянецъ, грудь высоко подымалась. Въ упоеніи, обезсиленная, Элима едва держалась на ногахъ.

— Скажи, что ты меня любишь, нѣжно шепталъ Гербертъ.— Скажи, что ты моя, моя на-вѣки!

Съ невыразимымъ чувствомъ взглянула на него Элима. Съ ея рѣсницъ упали двѣ слезы и медленно скатились по пылающимъ щекамъ; на губахъ заиграла полная блаженства улыбка. Но слова ей не повиновались. И только въ ея сіяющемъ взорѣ могъ Гербертъ прочесть самый пылкій отвѣтъ на свои пламенныя признанія.

Они не могли отвести другъ отъ друга глазъ; ихъ сердца бились за-одно; для нихъ на мгновеніе исчезло время и пространство.

Ихъ привело въ себя внезапное появленіе Сидина.

— Будьте осторожны, тихо сказалъ онъ.—Я слышалъ, какъ тамъ задвигали стульями. Старая колдунья, чего добраго, подслушаетъ у дверей. Я уже не разъ это за ней замѣчалъ.

— Послушай, Сидинъ, воскликнулъ Гербертъ, подъ вліяніемъ внезапной рѣшимости:—приди сюда поближе и постарайся меня понять. Всего лучше желалъ бы я немедленно васъ отсюда похитить. Скажи, эта рѣшетка очень крѣпка?

— Къ сожалѣнію, да, господинъ. Но къ завтрашнему вечеру, я могу съ нею справиться—несомнѣнно!

— Послѣдуешь-ли ты за мной, Элима, куда-бы я тебя ни повезъ? шепнулъ Гербертъ краснѣющей дѣвушкѣ.

— Повсюду!

Радостный огонь сверкнулъ въ глазахъ Герберта. Это было первое, слышанное имъ отъ Элимы слово и оно прозвучало для него небесной музыкой.

— Сидинъ, сказалъ онъ, тяжело переводя духъ и съ трудомъ сдерживаясь.—Сидинъ, да неужто-же всѣ двери заперты?

— Всѣ, всѣ до одной, господинъ, двойными и тройными запорами. Еслибъ я попытался хоть одну отпереть, это непремѣнно услышали бы.

Гербертъ убѣдился, что толстые, глубоко всаженные желѣзные прутья у оконной рѣшетки потребовали-бы по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ часовъ усилій, пока уступили-бы напору даже его руки. Ничего больше не оставалось, какъ отложить до слѣдующаго вечера освобожденіе любимой дѣвушки. Онъ слишкомъ хорошо это видѣлъ. Надо было надѣяться, что къ тому времени Сидинъ успѣетъ устранить главное препятствіе.

— Будьте готовы завтра къ этому самому часу! сказалъ Гербертъ.—Ты успѣешь подпилить прутья, Сидинъ?

— Да, господинъ. Но теперь уходите, пора!

— А ты, Элима, обратился Гербертъ къ ней:—дай мнѣ слово... нѣтъ, поклянись, что ничего надъ собой не сдѣлаешь, доколѣ останется хоть искра надежды на наше соединеніе.

Дѣвушка утвердительно кивнула головой. Тоска и страхъ отчетливо отразились на ея прекрасномъ лицѣ.

Герберту дѣйствительно пора было удалиться. Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ назадъ по дорожкѣ, какъ услышалъ шумъ растворяющейся двери и дребезжащій старческій голосъ съ бранью обрушившійся на только что оставленныхъ имъ молодыхъ людей.

— Ага, вы тутъ вздумали шушукаться, негодные! явственно долетѣло до него: — да еще при открытомъ окнѣ! А это что? Чьи это шаги? Въ этомъ проклятомъ домѣ, ей Богу, не ладно! Провались я на мѣстѣ, если тамъ не шуршитъ кто-то въ листвѣ... Эй вы, скорѣй, сюда! Полиція откроетъ по горячимъ слѣдамъ. Ахъ, вы, бездѣльники!

Гербертъ почти бѣгомъ пустился по дорожкѣ и едва успѣлъ не безъ труда подняться на стѣну, какъ увидѣлъ свѣтъ двухъ факеловъ, быстро подвигавшихся въ его направленіи.

Неслышно соскользнулъ онъ на противоположную сторону и поспѣшилъ къ ожидавшему его экипажу.

Четверть часа спустя, онъ уже сидѣлъ въ комнатѣ капитана, который съ участіемъ слушалъ его разсказъ.

Въ заключеніе Гербертъ объявилъ о своемъ намѣреніи укрыть молодыхъ людей на „Сиріусѣ“, для чего и просилъ капитана записать ихъ и себя въ число пассажировъ. Лицо капитана мгновенно вытянулось и онъ поспѣшилъ, по крайней мѣрѣ на этотъ вечеръ, отложить рѣшеніе непріятнаго для него вопроса.

— Все, что я, по чести и совѣсти, могу для васъ сдѣлать, любезный Гроттеръ, будетъ сдѣлано, сказалъ онъ.—Мы завтра утромъ еще разъ спокойно обсудимъ дѣло и тогда я откровенно скажу вамъ свое мнѣніе. Сегодня я слишкомъ усталъ и не поручусь за правильное рѣшеніе столь труднаго вопроса. И вамъ тоже необходимъ отдыхъ. Завтра я къ вашимъ услугамъ.

IV.

На слѣдующее утро Гербертъ получилъ извѣстіе, которое жестоко поразило его, а капитана избавило отъ необходимости рѣшать трудный вопросъ.

На основаніи возникшихъ подозрѣній, что Элима готовится къ побѣгу, ее, для большей безопасности, перевели въ домъ господина ванъ-деръ-Пулле — такъ звали зятя вдовы Франсенъ — гдѣ она и должна была оставаться подъ строгимъ надзоромъ до самаго аукціона.

Таково было содержаніе, очевидно впопыхахъ написанной, или вѣрнѣе нацарапанной записки, которую доставилъ небольшой мальчикъ, ничего не знавшій ни о происхожденіи ея, ни о содержаніи. Сидинъ изъ осторожности писалъ по-нѣмецки и въ заключеніе сообщалъ, что поручаетъ свою записку одному товарищу-слугѣ, котораго, относительно, не такъ строго стерегли. Гербертъ не сомнѣвался, что этотъ, отчасти ему извѣстный, слуга воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и отправилъ записку по назначенію съ однимъ изъ уличныхъ мальчишекъ, бѣгающихъ по Королевской площади.

Это извѣстіе, отнимавшее у него почти всякую надежду на спасеніе Элимы, повергло Герберта въ глубокое уныніе. Мысли его перепутались и онъ долго ничего не могъ сообразить. Наконецъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ капитаномъ, ему пришло въ голову попытаться купить молодую дѣвушку еще до аукціона.

— А вы, капитанъ, умоляющимъ голосомъ сказалъ онъ въ заключеніе, — надѣюсь не откажете мнѣ въ дружеской услугѣ и возьмете на себя всѣ переговоры по этому поводу съ наслѣдниками г-жи ванъ-Рюйтеръ. Черезъ посредство и за поручительствомъ Аделунга и К°, я всегда могу достать, подъ залогъ моего личнаго имущества, до тридцати пяти тысячъ гульденовъ. Отъ пяти до десяти тысячъ мнѣ повѣритъ въ долгъ мой начальникъ. Такимъ образомъ я могу смѣло располагать пятьюдесятью тысячами гульденовъ. Но наслѣдники, безъ сомнѣнія, удовлетворятся десятой частью этой суммы. Во всякомъ случаѣ, я считаю излишнимъ васъ предупреждать, что готовъ все отдать, лишь бы Элима была свободна.

Молча и задумчиво, склонивъ голову на руку, слушалъ капитанъ горячую рѣчь Герберта. „Наслѣдникамъ и въ голову не придетъ,“ думалъ послѣдній, „что капитанъ подставное лицо, а за нимъ кроется другой—онъ, Гербертъ“. Капитанъ разсѣянно улыбнулся, еще подумалъ и въ заключеніе согласился.

— Не предполагалъ я, любезный другъ, сказалъ онъ съ грустной улыбкой, — что когда-нибудь буду, хоть косвенно, причастенъ къ торговлѣ людьми. Но въ угоду вамъ, я и на это готовъ. Пошлите за экипажемъ и узнайте у хозяина адресъ господина ванъ-деръ-Пулле. Я сейчасъ отправлюсь къ доктору — надѣюсь, сегодня мой послѣдній визитъ къ нему — и дорогою все обдумаю.

Воодушевленный желаніемъ видѣть Элиму свободною, Гербертъ не сомнѣвался въ успѣхѣ своего предпріятія. Если ему, послѣ отъѣзда капитана, и приходили въ голову кое-какія опасенія, онъ тѣмъ не менѣе далеко не былъ подготовленъ къ горькому разочарованію, которое его ожидало.

Переговоры оказались вполнѣ безплодными. Вдова Франсенъ, отъ имени дочери, коротко и сухо отклонила всѣ предложенія. Это была уже не первая попытка, говорила она, купить у ней невольницу еще до аукціона. Одинъ очень богатый китаецъ, между прочимъ, предлагалъ за нее огромныя деньги. Но интересы наслѣдницы требовали осмотрительности и, ради нихъ, не слѣдовало упускать изъ виду выгодъ, какія могла доставить на аукціонѣ конкуренція.

Грозное проклятіе было отвѣтомъ Герберта на разсказъ капитана.

Молодой человѣкъ пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ не поддавался никакимъ утѣшеніямъ и повидимому не слышалъ, что еще говорилъ ему капитанъ. Тотъ, желая отвлечь его мысли, между прочимъ сообщилъ ему о результатѣ своихъ совѣщаній съ докторомъ, который нашелъ его раны въ отличномъ состояніи и сулилъ ихъ скорое и полное излѣченіе. Это было очень пріятно капитану, потому что нагрузка его „Сиріуса“ подходила къ концу и онъ намѣревался отплыть не позже, какъ черезъ недѣлю.

У Герберта внезапно вырвалось судорожное рыданіе, которое глубоко отозвалось въ сердцѣ капитана. Молодой человѣкъ не выдержалъ: онъ вскочилъ и, грозно потрясая кулаками, выбѣжалъ изъ комнаты. Конецъ вечера онъ провелъ одинъ.

Слѣдующіе за тѣмъ дни прошли для Герберта въ совѣщаніяхъ съ адвокатами и разнаго рода дѣльцами. Онъ былъ готовъ на всѣ средства, лишь бы избавить свою возлюбленную отъ позора публичнаго торга. Обращался онъ и въ канцелярію генералъ-губернатора. Ему въ отвѣтъ вездѣ равнодушно пожимали плечами: дѣло твердо стояло на почвѣ закона и противъ него ничего нельзя было предпринять.

(Продолженіе будетъ).

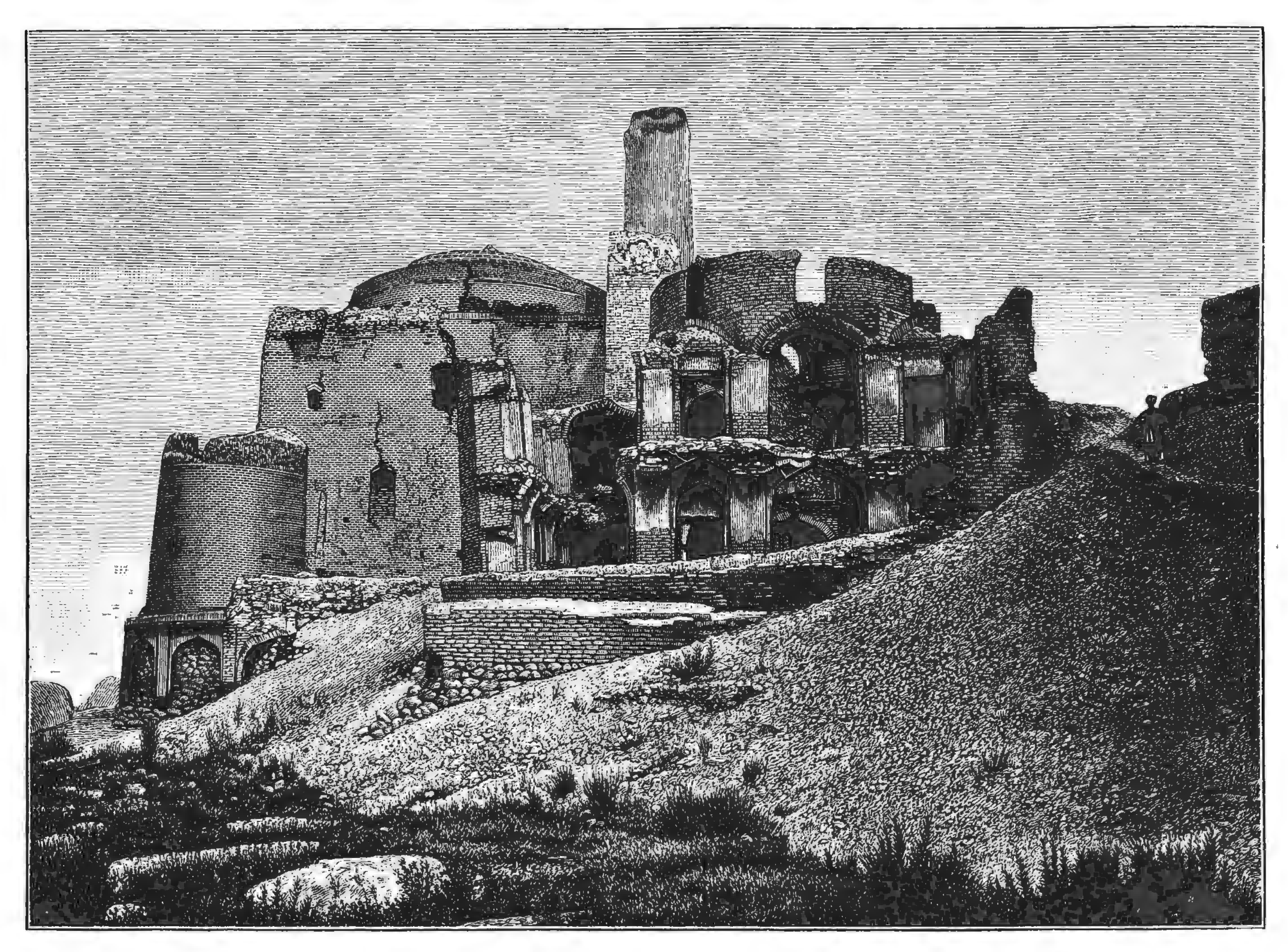
Къ рисункамъ.

Петръ II въ Петергофѣ. (Рис. на стр. 252).

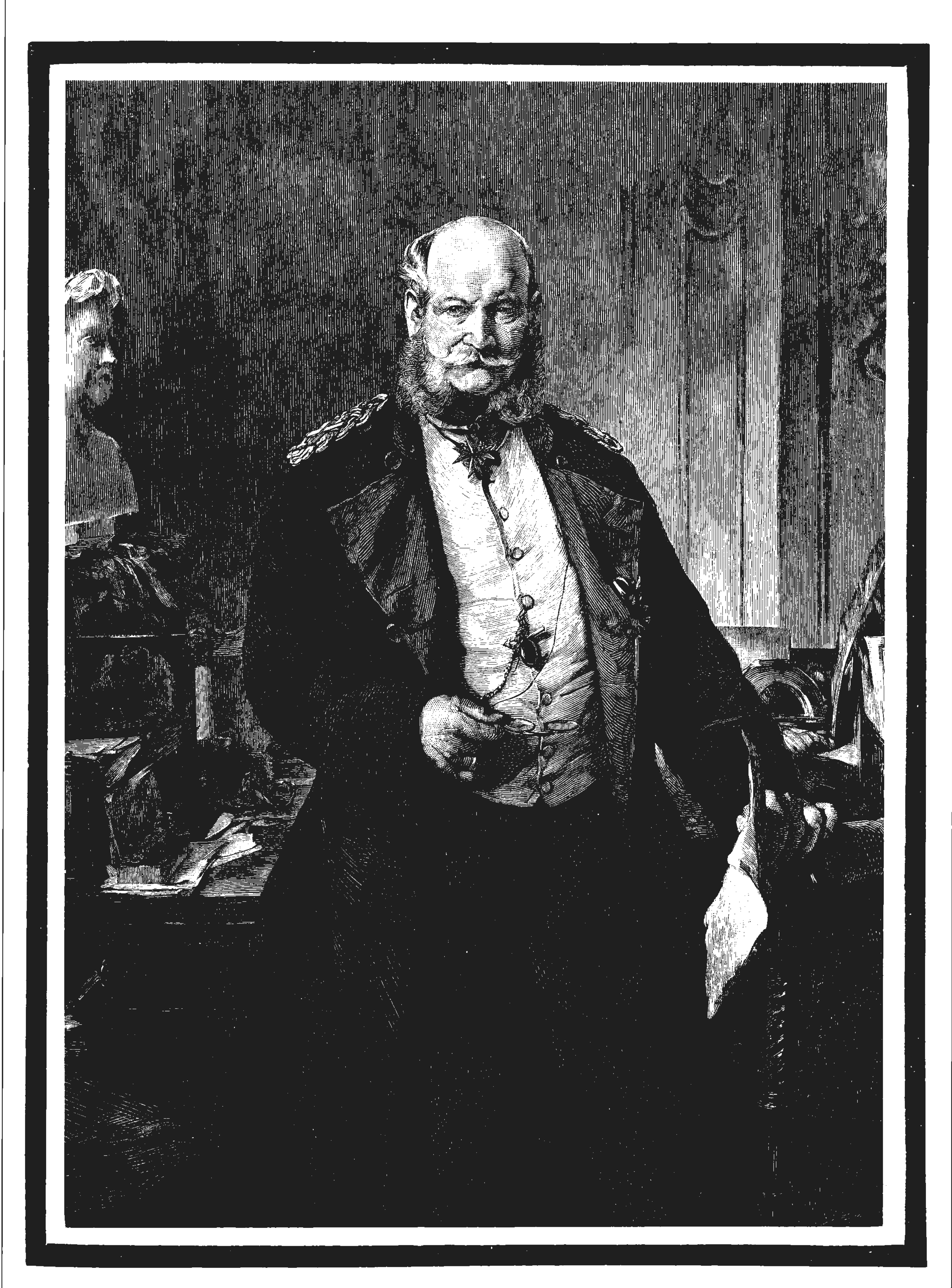
6 мая 1727 года, супруга Петра Великаго, императрица Екатерина I Алексѣевна скончалась и сильнѣйшій временщикъ ея царствованія, знаменитый князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, сталъ во главѣ партіи, которая рѣшилась возвести на престолъ внука Петра Великаго, 12-ти-лѣтняго Петра II Алексѣевича. 7 мая, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ прочтено было при торжественномъ собраніи важнѣйшихъ вельможъ завѣщаніе покойной императрицы, въ которомъ юный великій князь именовался „сукцессоромъ со всѣми правами и прерогативами". Подъ рукою ходили слухи, что все завѣщаніе было дѣломъ рукъ всесильнаго Меньшикова, которому пріятнѣе было видѣть на престолѣ императора-отрока, нежели одну изъ взрослыхъ дочерей Петра или одну изъ его племянницъ; но все же, всѣ были очень рады вступленію на престолъ наслѣдника „отъ Петрова корени".

Юный императоръ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, былъ перевезенъ Меньшиковымъ на Васильевскій островъ, въ роскошныя Меньшиковскія палаты (нынѣ домъ 1 кадетскаго корпуса) и тамъ поселенъ подъ ближайшимъ надзоромъ всемогущаго временщика, который присвоилъ себѣ званіе правителя и поспѣшилъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы породниться съ царскимъ семействомъ. Уже 25 мая было объявлено о томъ, что царственный отрокъ обрученъ съ дочерью Меньшикова, княжною Маріею Александровною, которая была ровно на четыре года старше своего жениха. Первою заботою тестя императора было подысканіе такого человѣка, который по уму, способностямъ и образованію могъ бы быть достоинъ высокаго назначенія воспитателемъ Петра II. Выборъ временщика палъ на хитраго и дальновиднаго Остермана, котораго онъ считалъ вполнѣ для себя безвреднымъ и полезнымъ для будущаго властелина Россіи. Былъ выработанъ строгій планъ преподаванія важнѣйшихъ предметовъ, заключавшійся, главнымъ образомъ, въ изученіи исторіи древней и новой, географіи „по глобусу и по ландкартамъ" и „математическихъ операцій по ариѳметикѣ и геометріи". При изученіи исторіи предполагалось „особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдовавшими потомъ пользою и славою представлять". Сверхъ этихъ предметовъ предполагалось еще обучать императора двумъ новѣйшимъ языкамъ, такъ какъ съ латинскимъ онъ уже успѣлъ ознакомиться въ дѣтствѣ, отъ перваго своего учителя, настолько, что могъ съ Остерманомъ переписываться по-латыни. Выработку программы Закона Божія принялъ на себя знаменитый проповѣдникъ Петровскаго времени Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ общемъ планѣ воспитанія не были забыты и забавы: „концертъ музическій, стрѣльба, игра подъ названіемъ *вальянтенштиль* (нѣчто въ родѣ примѣрнаго боя), бильярдъ и ловы на острову". Сохранилась любопытная записка, подписанная самимъ Петромъ II, въ которой онъ, распредѣляя занятія свои по днямъ недѣли, удѣляетъ болѣе всего времени „обученію солдатъ" и „охотѣ съ птицами и собаками въ полѣ".

Но не прошло и полугода, какъ Меньшиковъ палъ. Враги временщика очень ловко сумѣли вооружить юнаго императора противъ его будущаго тестя и покорить отрока своей волѣ. Вся власть перешла въ руки Долгорукихъ. Главную силу при дворѣ забралъ князь Алексѣй Долгорукій. Его сынъ, Иванъ Алексѣевичъ, ловкій и красивый юноша, очаровалъ юнаго императора и сдѣлался любимцемъ, съ которымъ тотъ почти не разлучался. Вліяніе Долгорукихъ пагубно подѣйствовало на Петра: онъ бросилъ ученье и совершенно предался любимымъ забавамъ. Охота, катанье верхомъ, дальнія прогулки съ веселыми товарищами и сверстниками и шумные пиры съ разнаго рода забавами и потѣхами — совершенно вскружили голову юношѣ. Онъ почти не замѣтилъ, какъ изъ-подъ опеки Меньшикова попалъ подъ еще болѣе несносную и болѣе своекорыстную опеку Долгорукихъ. Мало-по-малу, юный императоръ отдалилъ отъ себя и Остермана, и всѣхъ другихъ вельможъ, и почти все время проводилъ въ семьѣ Долгорукихъ, гдѣ пышно расцвѣтали двѣ красавицы-дочери. Князь Алексѣй одну изъ нихъ прочилъ въ невѣсты юному императору; и дѣйствительно, добился этого впослѣдствіи. 9 января 1728 года Петръ II со всѣмъ дворомъ отправился на коронацію въ Москву и бѣлокаменная такъ ему полюбилась, что онъ не хотѣлъ возвращаться въ Петербургъ и послѣ коронаціи. Праздники, охота, балы, карусели — непрерывно слѣдовали одни за другими. Долгорукіе старались всѣхъ, не только вельможъ, но и родныхъ отдалить отъ юнаго царя и ни съ кѣмъ не давали ему говорить наединѣ. Иногда они



Закаспійская область. Развалины персидской крѣпости въ Анау. Съ фотогр. грав. Рашевскій.



Императоръ Германскій Вильгельмъ I. † 26 февраля (9 марта) 1888 г.

Съ картины Павла Бюлова, грав. Шюблеръ.

увозили его изъ Москвы на охоту въ свои помѣстья и Петръ проводилъ нѣсколько недѣль въ отсутствіи, не заглядывая въ столицу. Послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ было объявлено о томъ, что государь женится на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. 30 ноября 1729 года происходило торжественное обрученіе; а пять недѣль спустя, простудившись на Крещенскомъ парадѣ, при водоосвященіи на Москвѣ-рѣкѣ, юный императоръ заболѣлъ оспою. Болѣзнь пошла такъ быстро, что уже на 10-й день не было никакой надежды, и въ ночь на 19 января 1730 г., императора не стало.

Извѣстный художникъ нашъ, проф. Шарлемань избралъ предметомъ своей картины одну изъ тѣхъ блестящихъ прогулокъ по обширному Петергофскому парку, которыя такъ любилъ юный императоръ. Вотъ онъ лихо мчится на рѣзвомъ скакунѣ, перескакивая канавы и рытвины. Около него несутся его любимыя собаки. Направо, красивымъ курцъ-галопомъ въѣзжаетъ на мостъ его будущая невѣста, красавица-княжна, Екатерина Алексѣевна Долгорукая, а далѣе, за нею слѣдомъ, зорко за всѣмъ наблюдая, ѣдетъ отецъ княжны. На заднемъ планѣ, роскошная коляска, въ которой ѣдетъ княгиня Долгорукая съ другою дочерью. Коляска окружена блестящею конною свитою, которая оглашаетъ веселыми криками, смѣхомъ и говоромъ, и звонкимъ топотомъ коней молчаливыя и тѣнистыя сѣни Петергофскаго парка.

Репетиція маскарада. (Рис. на стр. 253).

Въ уютномъ уголкѣ роскошнаго будуара, семья или тѣсный кружокъ друзей готовятся на костюмированный балъ: какихъ только нѣтъ здѣсь нарядовъ: вотъ на правой сторонѣ усердно гримируется двугорбый пульчинель; неразлучный товарищъ его, пьерро, какъ бы осѣняетъ длинными рукавами хорошенькаго пажа, котораго полъ впрочемъ отнюдь не замаскированъ, не смотря на всю сложность средневѣковаго наряда. На лѣвой сторонѣ черноволосая гитана (цыганка) и напудренная маркиза вмѣстѣ со своимъ чопорнымъ супругомъ любуются будущими сподвижниками...

Со сна. (Рис. на стр. 257).

Проснуться-то она проснулась, но такая лѣнь еще, такъ не хочется умываться, чесаться, одѣваться, право, хоть бы опять поскорѣе въ теплую постельку... Вотъ моментъ граціозно переданный на картинѣ талантливаго французскаго художника. Фредерикъ Цуберъ-Бюлеръ родился въ Локлѣ (швейцарскій кантонъ Нёшатель), переселился въ Парижъ и учился живописи у Пико и своего земляка Гроклода. Его жанровыя картинки, а также миѳологическіе сюжеты отличаются превосходною техникой.

Охотничьи силуэты. Проф. Сверчкова.

(Рис. на стр. 260 и 261).

Прилагаемые силуэты нашего знаменитаго живописца коней и охотничьихъ сценъ изображаютъ одинъ изъ эпизодовъ псовой охоты—травлю волка—съ самаго ея начала до заключительной сцены. Вотъ охотники съ борзыми на сворахъ занимаютъ мѣста—лазы—на которыя по всей вѣроятности будетъ выгнанъ звѣрь гончими. Рядомъ изображена такъ-называемая густопсовая борзая собака, отличающаяся волнистою псовиной (шерстью на ногахъ и хвостѣ). Слѣдующій рядъ силуэтовъ открывается фигурой матераго волка, котораго порядкомъ-таки уже загоняли гончія по лѣсамъ и буеракамъ. Поджавъ хвостъ и высунувъ языкъ, онъ не спѣша удираетъ отъ нихъ рысцей, значительно опередивъ ихъ сначала вскачь. Но вотъ его почуяли борзыя, воззрились охотники—ату его! ату его! и пошла потѣха. Послѣ двухъ или трехъ угонокъ, борзыя взяли волка, притиснули его къ землѣ, и доѣзжачій, соскочивъ съ лошади, кинулся на звѣря плашмя, схватилъ его за уши и держитъ, поджидая товарища, чтобы съ его помощью *сострунить*, т. е. взять волка живьемъ, связавъ его. Въ заключеніе охоты рейткнехтъ вываживаетъ утомленнаго коня.

Развалины персидской мечети и крѣпости въ Анау. (Рис. на стр. 264 и 269).

Развалины персидской мечети въ Анау, въ 15 верстахъ отъ Асхабада, представляютъ въ настоящее время одинъ изъ немногихъ сохранившихся памятниковъ былой культуры народа, обитавшаго въ Закаспійской области нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Эти развалины какъ бы служатъ историческимъ документомъ, освѣщающимъ исторію происхожденія племени, нынѣ извѣстнаго подъ именемъ Ахалъ-Текинскаго. Сюда издревле стекались различные бѣглецы: тотъ, кого ужъ больно прижала судьба, уходилъ въ пески; бѣжалъ туда хивинецъ, бухарецъ, афганецъ, рабъ и узбекъ (князь), преступникъ, избѣгающій кары, и несчастный, не вынесшій рабской доли. Все это бѣжало въ пустыню, рѣшивъ переносить всѣ невзгоды, подвергаться опасностямъ, лишь бы отстоять свою независимость. Безспорно, многіе бѣглецы и погибали, застигнутые ураганомъ, погребенные песочными заносами, но многіе и спасались, мало-по-малу сплачиваясь, составляли шайки, средствомъ для жизни которыхъ служили аламаны (набѣги съ цѣлью грабежа), на мирныхъ персовъ, обитавшихъ у подножія Копетъ-Дага и занимавшихся земледѣліемъ, насколько позволяла мало-плодородная почва. Шайки эти, не имѣя сперва строгой организаціи, не зная старшинства одного надъ другимъ, принимали въ свой составъ всякаго безъ отказа, требуя лишь, подобно запорожцамъ, удали и молодечества; здѣсь были всѣ равны: и бывшій рабъ, и богатый узбекъ (князь), и цѣнились лишь по заслугамъ, оказаннымъ въ походахъ. Вскорѣ суровая природа и безплодіе песковъ, не давая возможности обитать въ нихъ и дѣлать быстрые переходы въ набѣгахъ, понудили молодое племя передвинуться къ югу. Они покорили обитавшихъ тамъ персовъ, разрушили ихъ города и затѣмъ слились съ ними въ одно цѣлое, образовавъ такимъ образомъ ту народность, которую мы видимъ теперь въ оазисѣ, и которая въ то время получила впервые названіе „ахалъ-теке", что значитъ „новое племя". Переселеніе и окончательное формированіе племени совершились, какъ надо полагать, лѣтъ триста тому назадъ, подтвержденіемъ чему служатъ развалины персидской мечети въ Анау, разрушенной текинцами при нашествіи. Мечеть эта, какъ гласитъ сохранившаяся персидская надпись на мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну, была возобновлена, по нашему счисленію, 375 лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно въ то время текинцы не могли владѣть еще этою полосою, а завладѣли ею позже.

Мечеть эта расположена внутри Анауской крѣпости, нынѣ представляющей также развалины, на высокомъ холмѣ. Высотою 28 саж., шириною съ придѣлами 17½ саж.; сложена изъ замѣчательно крѣпкаго кирпича, въ родѣ нашего межирицкаго (по величинѣ) съ тою только разницею, что онъ представляетъ плотную лакированную массу съ почти незамѣтными порами. Весь фронтъ мечети испещренъ изразцами и изреченіями изъ корана; какъ первые, такъ и вторые выложены глазурью. Плита пола каменная; въ правомъ и лѣвомъ придѣлахъ уцѣлѣли жертвенники, причемъ въ подвалѣ сохранилась еще до настоящаго времени груда турьихъ роговъ, еще 300 лѣтъ тому назадъ приносимыхъ въ жертву. Посрединѣ же залы съ купола спускается большая желѣзная цѣпь, придерживавшая нѣкогда лампаду; цѣпь эта, какъ говорятъ, вѣситъ около 600 лѣтъ. Въ настоящее время развалины эти окружены пяти-футовою глинобитною стѣной; при нихъ имѣется сторожъ — старикъ-текинецъ, давно уже присматривающій за могилой народнаго богатыря Али, находящеюся внутри ограды.

Развалины персидской крѣпости въ Анау сложены изъ саманнаго кирпича, т. е. кирпича съ примѣсью самана (разновидность клевера), и смазаны глиною, стоятъ около 500 лѣтъ. Крѣпость эта была разрушена текинцами, при покореніи культурной полосы лѣтъ двѣсти тому назадъ.

Крокодилъ и пеликанъ. (Рис. на стр. 268).

Всякій бывавшій въ Египтѣ или Сѣверной Африкѣ конечно дивился безчисленному множеству пеликановъ, оживляющихъ тамошнія воды и часто носящихся въ воздухѣ стаями въ нѣсколько сотъ штукъ. На всемъ протяженіи Нила, далеко за Хартумъ, на приморскихъ озерахъ Египта, какъ и на громадныхъ экваторіальныхъ озерахъ Внутренней Африки, пеликанъ (Pelecanus onocrotalus) или баба-птица—преобладающій и самый характеристичный представитель пернатаго міра, населяющаго берега неглубокихъ водъ, преимущественно на отмеляхъ. Дѣло въ томъ, что пеликанъ, величайшая изъ плавающихъ птицъ, превосходно плаваетъ, но нырять не можетъ, а потому, не смотря на свою прожорливость, вынужденъ ловить добычу своимъ безобразнымъ клювомъ лишь въ мелкой водѣ и слѣдовательно часто перелетать съ мѣста на мѣсто. Людямъ пеликанъ не доставляетъ ни пользы, ни вреда (если не считать истребленія рыбы, которую онъ изводитъ въ значительныхъ количествахъ), а потому человѣкъ рѣдко преслѣдуетъ его. Вслѣдствіе этого пеликанъ вовсе не пугливъ, не слетаетъ завидя человѣка и въ гаваняхъ Краснаго моря до того сживается съ людьми, что позволяетъ матросамъ кормить себя и своей тяжелой походкой, въ переваличку, преспокойно расхаживаетъ между гуляющими. Когда-же раздастся выстрѣлъ, пеликаны тотчасъ чуютъ опасность и шумно хлопая крыльями улетаютъ. Впрочемъ, это рѣдко случается, такъ какъ для мусульманъ пеликанъ священная птица. Коранъ защищаетъ ее отъ преслѣдованій, благодаря слѣдующей легендѣ. Когда при постройкѣ Каабы въ Меккѣ надо было возить воду издалека и каменьщики часто принуждены бывали останавливать работу, Аллахъ повелѣлъ пеликанамъ носить рабочимъ воду въ своихъ подклювныхъ мѣшкахъ, что они и исполняли, слетаясь тысячами. Одинъ только крокодилъ частенько подкрадывается къ пеликанамъ сидящимъ въ гнѣздѣ, и благодаря тупому обонянію этихъ птицъ, которыя не чуютъ противно-мускуснаго запаха громадной ящерицы, нерѣдко захватываетъ ихъ врасплохъ, какъ изображено на нашемъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

Болѣзнь императора Вильгельма и кронпринца.—Русское предложеніе и отвѣтъ на него Турціи.

Чрезвычайно тревожныя извѣстія получаются изъ Санъ-Ремо и Берлина. Собравшіеся въ виллѣ Чиріо медицинскія знаменитости продолжаютъ спорить о родѣ болѣзни наслѣднаго германскаго принца, но въ то-же время не скрываютъ, что положеніе августѣйшаго больнаго чрезвычайно опасно, если не безнадежно. Подобнаго рода извѣщенія произвели удручающее впечатлѣніе на престарѣлаго германскаго монарха и его супругу, императрицу Августу. Слабое въ послѣдніе дни здоровье императора Вильгельма окончательно пошатнулось. 24 февраля въ *Имперск. Указатель* было напечатано: „Къ общимъ явленіямъ простуды, обнаружившимся у императора съ субботы и осложнившимся страданіемъ слизистой оболочки горла и раздраженіемъ соединительной ткани вѣкъ, присоединилась въ послѣдующіе дни боль въ нижней части живота, припадки которой повторяются часто. Со вчерашняго дня у императора значительно уменьшился и аппетитъ, вслѣдствіе чего появился замѣтный упадокъ силъ". 25 февраля телеграфъ принесъ удручающее извѣстіе: „По свѣдѣніямъ отъ часа пополудни, императоръ былъ спокойнѣе, но силы его не востановляются. Отъ 12½ час. до часа былъ у императора главный проповѣдникъ Кегель. Принцъ Вильгельмъ съ супругою находятся во дворцѣ съ 8 час. утра. Князь Бисмаркъ пріѣхалъ во дворецъ въ 12 час. и имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ принцемъ Вильгельмомъ. Находящіеся въ Берлинѣ принцы королевскаго дома были тоже во дворцѣ. Незадолго до двухъ часовъ императора посѣтили императрица и великая герцогиня Баденская. Въ 2 часа императоръ принималъ княгиню Бисмаркъ и бесѣдовалъ съ нею. Въ состояніи императора никакихъ перемѣнъ не произошло. Князь Бисмаркъ уѣхалъ изъ дворца въ 2¾ часа. Вывѣшены объявленія, гласящія, что сегодня представленія въ королевскихъ театрахъ не будетъ. Въ седьмомъ часу вечера разнесся слухъ, что императоръ Вильгельмъ скончался. Уже съ утра публика толпилась у дворца. Извѣстіе о кончинѣ императора носило всѣ признаки достовѣрности, такъ какъ было передано публикѣ служащими при дворѣ. Попозже вечеромъ недоразумѣніе разъяснилось. Вслѣдствіе крайняго упадка силъ, съ больнымъ случился обморокъ, продолжавшійся болѣе часа. Врачи констатировали полное прекращеніе сердцебіенія, къ тому-же температура конечностей стала понижаться. Врачи заключили, что по всей вѣроятности наступила смерть. Въ восьмомъ часу вечера императоръ очнулся".

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ *Листкѣ Имперскихъ Законовъ* и *въ Собраніи Прусскихъ Узаконеній* опубликовано слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Въ виду перемѣнчиваго моего здоровья, вынуждающаго меня временно воздерживаться отъ занятій дѣлами и по случаю болѣзни и отсутствія сына моего, наслѣднаго принца, уполномочиваю ваше королевское высочество, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ потребуется, по моему мнѣнію, замѣщать меня въ текущихъ правительственныхъ дѣлахъ и особенно въ подписаніи приказаній, на такое замѣстительство, при томъ безъ того, чтобы понадобилось особое приказаніе для всякаго отдѣльнаго случая. Берлинъ, 17 ноября 1887". Подписано: *Вильгельмъ*, контрасигнировалъ Бисмаркъ. Повелѣніе дано на имя его королевскаго высочества принца Вильгельма.

Блистательной Портѣ около двухъ недѣль понадобилось, чтобы заявить о незаконности княженія принца Кобургскаго въ Болгаріи, — въ отвѣтъ на предложеніе Русскаго правительства, появившагося 11 февраля въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Эта задержка, столь свойственная турецкому правительству во всѣхъ его дѣйствіяхъ, дала возможность недругамъ Россіи возвѣстить неудачу русскаго предложенія, къ которому, какъ носились слухи, Австрія, Италія и Англія отказываются присоединиться. Отсутствіе соглашенія между этими державами дало возможность Портѣ отложить свой отвѣтъ на русское предложеніе, а слѣдовательно отсрочить и какія-либо рѣшительныя мѣры къ разрѣшенію тягостнаго для всѣхъ болгарскаго вопроса. Но въ Берлинѣ „не думаютъ, какъ сообщаетъ телеграмма отъ 16 февраля, чтобы сдѣланный Россіей шагъ остался безъ результатовъ". „Германскій посолъ Радовицъ", пишутъ изъ Берлина въ *Correspondance de l'Est*, „далъ понять Портѣ, что ея отказъ принять предложеніе Россіи былъ бы равносиленъ отказу отъ исполненія Берлинскаго договора." Таковъ же и смыслъ заявленій *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*. Подобный отказъ со стороны Порты далъ бы Россіи поводъ также освободить себя отъ обязательствъ по Берлинскому договору. Не нарушая мира въ Европѣ, Россія могла бы отвѣтить Турціи репрессивными мѣрами въ Малой Азіи.

Между тѣмъ, еще 15 февраля, статсъ-секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, графъ Гербертъ-Бисмаркъ уѣхалъ въ Англію. Нѣкоторые полагаютъ, что сыну германскаго канцлера поручено расчистить въ Лондонѣ почву для созыва международнаго конгресса или конференціи съ цѣлію разрѣшить Восточный вопросъ; по другимъ же извѣстіямъ, миссія графа Герберта Бисмарка вовсе не касается вопроса о конгрессѣ, но имѣетъ въ виду склонить Лондонскій кабинетъ въ пользу предложенія Россіи. Во всякомъ случаѣ поѣздка эта возбуждаетъ большой интересъ и Порта, будто-бы, заявила, что прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе, она хочетъ выждать результата миссіи графа Герберта Бисмарка въ Лондонѣ.

Равнымъ образомъ въ Берлинѣ увѣрены, что переговоры князя Бисмарка съ Римскимъ кабинетомъ относительно присоединенія къ русскому предложенію обѣщаютъ увѣнчаться успѣхомъ, и такимъ образомъ, если Австрія будетъ попрежнему уклоняться, она рискуетъ оказаться въ одиночествѣ.

Вслѣдствіе того, что переговоры по болгарскому вопросу затягиваются, брюссельская *Nord* замѣчаетъ: „Уже тотъ фактъ, что переговоры эти продолжаются, доказываетъ неосновательность воззрѣнія, будто отказъ Австріи, Италіи и Англіи присоединиться къ дипломатическому шагу Россіи долженъ считаться окончательнымъ. Можно надѣяться, что помянутыя три державы не сказали еще послѣдняго своего слова и что, получивъ отъ Петербургскаго кабинета желаемыя ими дальнѣйшія разъясненія, онѣ въ свою очередь тоже одобрятъ русскія предложенія. Коллективный шагъ всей Европы необходимъ для возстановленія въ Болгаріи законнаго порядка вещей безъ принудительныхъ насильственныхъ мѣръ. Можно съ увѣренностью разсчитывать, что такому совмѣстному дѣйствію Европы не будетъ оказано сопротивленія. Радость, выказанная друзьями принца Кобургскаго, когда они увидѣли, что только Франція и Германія поддержали въ Портѣ шагъ сдѣланный Россіей, показываетъ, до какой степени они были бы напуганы, еслибы шагъ этотъ былъ сдѣланъ не двумя, или тремя, а всѣми великими державами. Правительство узурпатора не можетъ и помышлять о сопротивленіи такому коллективному предпріятію Европы".

Повидимому самозваное болгарское „правительство" въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, что ему дѣлать. Обращеніе русскаго посла къ Портѣ произвело въ Софіи глубокое впечатлѣніе. Сторонники „правящей" шайки замѣтно упали духомъ, хотя и продолжаютъ еще говорить о сопротивленіи. Въ дипломатическихъ кружкахъ господствуетъ убѣжденіе, что болгары спокойно дадутъ принцу Кобургскому уѣхать, если всѣ державы серьезно потребуютъ его удаленія изъ Болгаріи.

Съ другой стороны, извѣщаютъ что принцъ Кобургскій намѣренъ оставаться въ Болгаріи до послѣдней возможности и принцесса Клементина всячески старается отстоять за сыномъ захваченный имъ престолъ, для чего прилагаетъ отчаянныя усилія къ тому, чтобы улаживать раздоры между главными его совѣтниками и руководителями, а кромѣ того собирается ѣхать въ Пештъ, чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ среди венгерской аристократіи, сохранить какъ можно долѣе своего сына для Болгаріи. Но Болгаріи и даже ближайшимъ своимъ сторонникамъ принцъ Фердинандъ, кажется, набилъ оскомину и газетѣ *Hannoverscher Courier* пишутъ изъ Софіи, будто Стамбуловъ сказалъ софійскому градоначальнику: „Если отреченіемъ отъ принца Кобургскаго мы можемъ расположить къ себѣ Россію (!!!), то я берусь въ нѣсколько дней удалить его отсюда безъ всякихъ затрудненій".

Можно думать, во всякомъ случаѣ, что минуты пребыванія принца Фердинанда въ Болгаріи сочтены. 22 февраля отправлена изъ Константинополя Стамбулову, за подписью великаго визиря, депеша заявляющая о незаконности пребыванія принца Кобургскаго въ Болгаріи.

Фактъ объявленія о незаконности дѣйствій принца Кобургскаго произвелъ на вѣнскую публику и печать глубокое впечатлѣніе. По отзыву газетъ, Австрія нисколько не заинтересована въ томъ, чтобы принцъ Кобургскій оставался въ Софіи. Большая часть органовъ печати высказывается въ миролюбивомъ смыслѣ и выражаетъ желаніе, чтобы державы подписавшія берлинскій договоръ, дѣйствовали сообща, такъ какъ въ противномъ случаѣ заявленіе о незаконности правленія принца Фердинанда останется сомнительнымъ. Въ населеніи— прибавляютъ газеты — продолжаютъ держаться слухи, будто принцъ Кобургскій уже изгнанъ изъ Болгаріи. Въ дипломатическихъ кружкахъ ходятъ извѣстія о томъ, что итальянскій и вѣнскій кабинеты обѣщали принять участіе въ дипломатическихъ дѣйствіяхъ съ цѣлью поддержать предложенія направленныя къ сохраненію мира, и что начаты конфиденціальные переговоры.

Въ Лондонѣ большинство утреннихъ газетъ полагаетъ, что принцъ Фердинандъ Кобургскій, вслѣдствіе объявленія о незаконности его княженія, вскорѣ удалится изъ Болгаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, будто болгарскій вопросъ вступитъ послѣ того въ еще болѣе острый и опасный фазисъ.

Въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Бѣлграда: „Нота, посланная Турціей въ Софію, возбудила здѣсь живѣйшую радость. Въ политическихъ кружкахъ обсуждается вопросъ о личномъ объединеніи Сербіи съ Болгаріей подъ управленіемъ короля-князя Милана".

Той-же газетѣ сообщаютъ изъ Салоникъ: „Разбои въ Македоніи принимаютъ все болѣе серьезные размѣры".

Крокодилъ нападающій на пеликана. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. К. Шпехтъ.

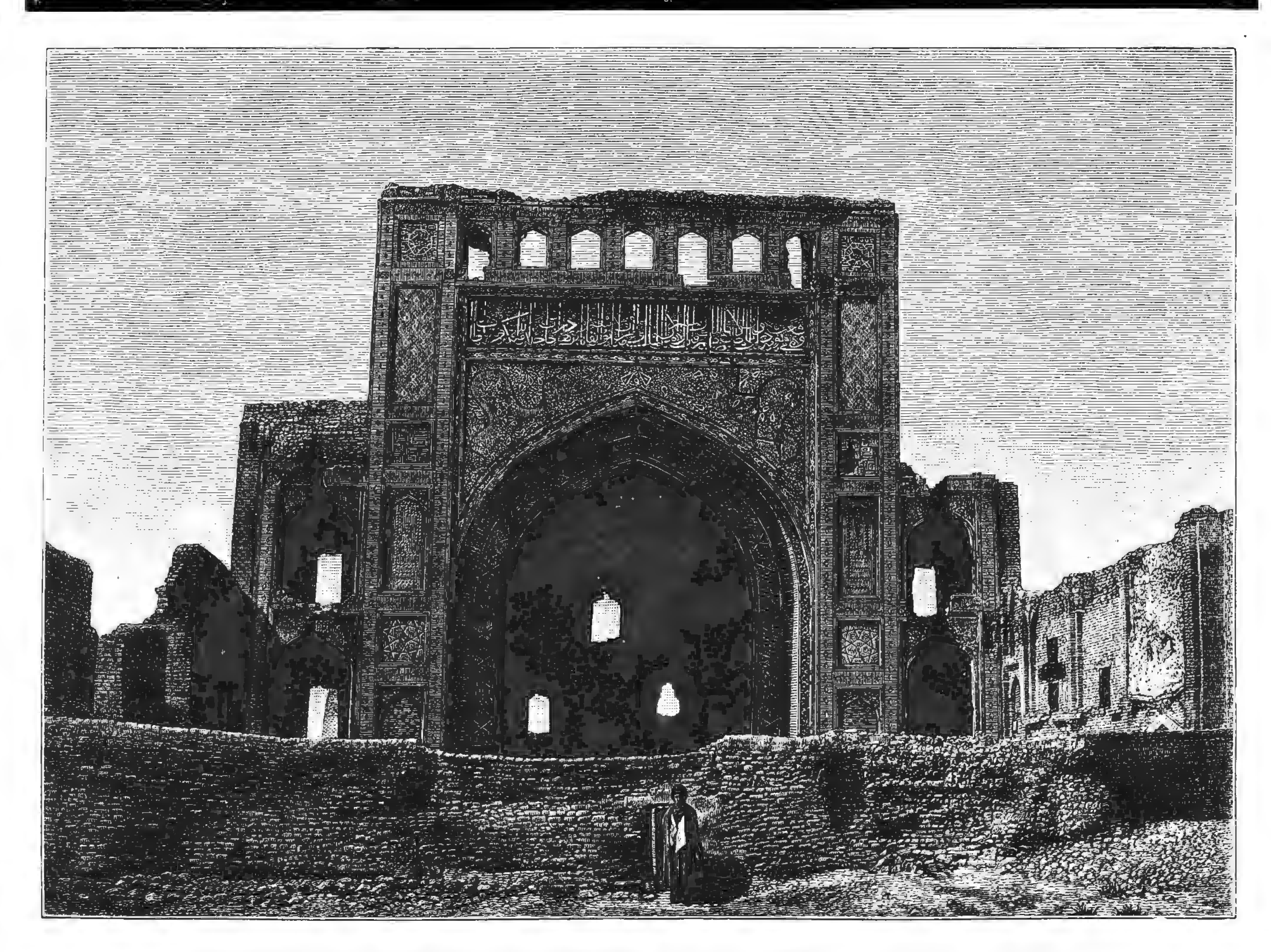
Императоръ Вильгельмъ.

(† 26 февраля 1888).

(Портретъ на стр. 265).

При заключенiи настоящаго № „Нивы", телеграфъ принесъ намъ удручающее извѣстiе. Скончался маститый Императоръ Германскiй, старѣйшiй изъ монарховъ Европы, лучшiй и честнѣйшiй другъ Россiи, неоднократно доказывавшiй эту дружбу въ теченiе своей долголѣтней жизни. Еще въ послѣднiе часы передъ кончиною Императоръ Вильгельмъ высказался объ отношенiяхъ къ Россiи въ такомъ смыслѣ: онъ убѣжденъ, что войны съ Россiей не будетъ и что къ Государю Императору нужно стать въ самыя дружественныя отношенiя. Какъ бы предчувствуя близкую кончину, среди обстоятельствъ затруднявшихъ вопросъ объ управленiи страной, Императоръ уполномочилъ внука своего, принца Вильгельма, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ потребуется, замѣщать его въ текущихъ правительственныхъ дѣлахъ.

Глубокая скорбь о смерти любимаго внука, принца Лудвига Баденскаго, и о болѣзни наслѣднаго принца окончательно истощили силы Августѣйшаго больнаго. Въ одну изъ послѣднихъ ночей Императоръ послалъ за своимъ лейбъ-медикомъ, 80-лѣтнимъ врачемъ Лауеромъ, который нашелъ его сидящимъ на постели и плачущимъ. Императоръ умолялъ доктора разрѣшить ему поѣздку къ больному сыну въ С. Ремо, и только съ трудомъ убѣдили престарѣлаго монарха отказаться отъ этого намѣренiя. Съ этого времени силы Императора постепенно падали, и 26 февраля, въ 8½ часовъ утра, его не стало. Нѣтъ сомнѣнiя, что кончина монарха, бывшаго дядею почившаго Императора Александра II и дѣдомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ теченiе 70-ти лѣтъ шефомъ Калужскаго полка и лично искреннимъ доброжелателемъ Россiи, глубоко опечалитъ всѣхъ истинно русскихъ. Императоръ Вильгельмъ родился (10) 22 марта 1797 г. и такимъ образомъ ему оставалось лишь нѣсколько дней до вступленiя въ 92 годъ его жизни. Подробный некрологъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № „Нивы".



Закаспiйская область. Развалины персидской мечети въ Анау, бл. Асхабада. Съ фот. грав. Рашевскiй.

Разныя извѣстiя.

Придворныя извѣстiя.

— 21 февраля, въ Собственномъ Его Величества (Аничковомъ) Дворцѣ состоялся второй балъ, на который было разослано до 300 приглашенiй.

— 23 февраля, во Дворцѣ Е. Имп. В. Вел. Кн. Сергѣя Александровича состоялся второй балъ, на который было разослано около 600 приглашенiй. Балъ посѣтили Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другiя особы Императорской Фамилiи.

Правительственныя распоряженiя.

— Вслѣдствiе замѣченнаго недостатка въ окраскѣ существующихъ почтовыхъ марокъ, заключающагося въ томъ, что при вечернемъ освѣщенiи весьма трудно отличить *синiй* цвѣтъ 7 коп. марокъ отъ *зеленаго* 2 коп. и *красный* цвѣтъ 3 коп. марокъ отъ *оранжеваго* 1 коп., составъ и цвѣтъ красокъ на этихъ маркахъ нѣсколько измѣнены, причемъ нынѣ онѣ явственно отличаются одна отъ другой какъ при дневномъ, такъ и при вечернемъ освѣщенiи. Существующiя почтовыя марки прежняго, неизмѣненнаго образца — продолжаютъ сохранять свою силу.

Военное и морское дѣло.

— 24 февраля, въ 12 часовъ дня, на площади Зимняго Дворца состоялся Высочайшiй смотръ второй очереди войскъ гвардiи и петербургскаго военнаго округа. По окончанiи смотра, въ Зимнемъ Дворцѣ былъ поданъ завтракъ, къ которому были приглашены лица Императорской Свиты, начальники дивизiй, командиры полковъ и отдѣльныхъ частей.

— Въ Одесскомъ портѣ хотя ледъ еще и держится, но расчищены пути для пароходовъ и навигацiя открыта.

Некрологъ.

— 21 февраля, скончался оберъ-шталмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, шефъ 4 эскадрона лейбъ-гвардiи коннаго полка, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалерiи, свѣтлѣйшiй князь Владимiръ Дмитрiевичъ Голицынъ.

Задача буквъ (Ходъ коня) № 19.

Н. С. Даржана.

Найти 11 словъ; буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова, но такъ, чтобы можно было прочесть *посредствомъ хода коня* — отрывокъ изъ извѣстнаго произведенія Кольцова.

1) Высшее духовное лицо въ Японіи 23. 15. 33. 44. 10. 20.
2) Дикая коза 45. 11. 26. 40. 7. 19.
3) Одна изъ четырехъ странъ свѣта 4. 43. 34. 39. 5. 41.
4) Хлѣбное растеніе 2. 12. 3. 42.
5) Французскій писатель 32. 36. 37. 25.
6) Отрава 9. 13. 1.
7) Отраженіе 29. 8. 38. 30.
8) Монета 27. 31.
9) Кормъ домашняго скота 35. 18. 6. 22.
10) Птица и ложь 14. 24. 16. 17.
11) Предлогъ 28. 21.

1	2				3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
	19	20	21	22	23	
	24	25	26	27	28	
		29	30	31		
	32	33	34	35	36	
		37	38	39		
40	41	42		43	44	45

Рѣшеніе задачи № 9 (помѣщенной въ № 5).

	(1)			(2)			
	1	7	13	2	8	14	
	3	19	25	20	26	4	
	9	15	31	32	10	16	
(3)	21	27	5	6	22	28	(4)
	33	11	17	12	18	34	
	23	29	35	24	30	36	
	(5)			(6)			

„Изъ-за чужого обѣда не стыдно не ѣвши встать“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—А. Поспѣева, **Москва** — Н. Хрусталева, Н. Романова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Велична**— И. В. Фандѣева, **Вильна**—В. Кравчукъ, **Гродно**—В. Левитскаго, **Кіевъ**—К. В. Ржевскаго, **Кѣльцы**—Е. А. Чеканъ, **Кронштадтъ**—Е. Федотьевой, **Мелитополь** — А. Чулокъ, **Плонскъ** — К. Н. Шебалина, **Рыбинскъ**—Дор-ова.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При семъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписч. (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ Чайной торговли К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ. 2 марта 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, уг. Перевоз... ч., д. 1.

XIX г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XIX

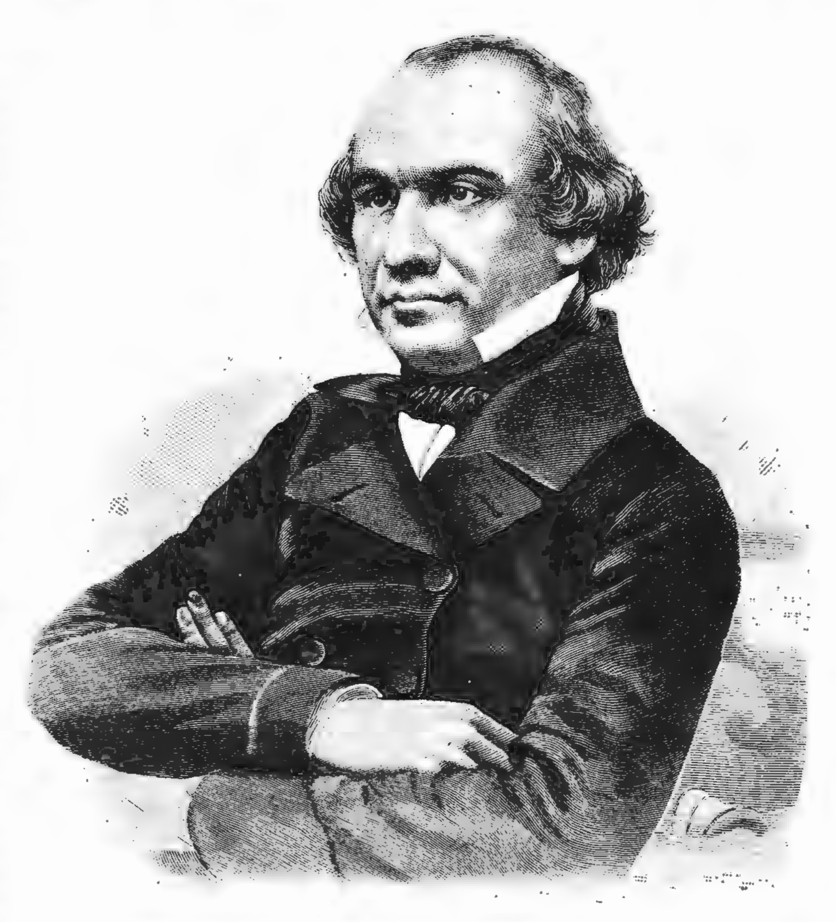
№ 11 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 12 марта 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Т. Н. Грановскій.

Есть разные герои; одни, во имя любви къ отечеству, безкорыстно и доблестно проливаютъ за него свою кровь на полѣ брани и умираютъ славною смертію; другіе, во имя той-же любви къ родинѣ, въ силу сознанія долга, отдаютъ всѣ свои способности и силы, весь умъ и душу на служеніе дѣлу просвѣщенія. Они свято хранятъ въ своихъ сердцахъ пламя лучшихъ человѣческихъ вѣрованій, и не взирая ни на какія препятствія, твердо идя къ избранной цѣли, бережно проносятъ свѣтильникъ науки и знанія въ окружающемъ непріязненномъ мракѣ. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежалъ и Тимоѳей Николаевичъ Грановскій, профессоръ Московскаго университета, извѣстный своими учеными трудами и горячею любовью къ наукѣ, человѣкъ необыкновенно симпатичный, одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которыхъ, — какъ говоритъ профессоръ Соловьевъ — встрѣтясь съ ними разъ, нельзя забыть, — сощедшись съ которыми, тяжело разстаться. Онъ обладалъ тайной покорять сердца и имѣть сильное и обширное вліяніе на людей, — и разгадка этой тайны заключалась въ самой личности Грановскаго. Чуждый всякаго честолюбія, не любя тщеславія и лести, онъ отличался необыкновенною скромностью, былъ кротокъ и уступчивъ всегда, если дѣло не касалось его убѣжденій, которыя берегъ онъ какъ зеницу ока, не поступаясь ими ни для самыхъ близкихъ друзей; ложь была ему ненавистна и всякую несправедливость, несмотря на свой добрый, незлобивый характеръ, онъ преслѣдовалъ безъ малѣйшей пощады. Его сердце, ощущавшее потребность чистой, святой любви, способно было горячо привязаться къ человѣку; ради этой любви, онъ готовъ былъ принесть всякія жертвы, считая ихъ дѣломъ самымъ естественнымъ. „Отъ него, по словамъ Тургенева, вѣяло чѣмъ-то возвышенно чистымъ; ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденьями, не доводами, а собственною душевною кра-



Т. Н. Грановскій (по поводу 75-ой годовщины его рожденія). Съ современнаго портрета, грав. Шюблеръ.

сотой возбуждать прекрасное въ душѣ другаго; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова...“ Когда нужно было сдѣлать доброе дѣло, оказать помощь, этотъ любвеобильный человѣкъ отдавалъ часто послѣднее и въ этихъ случаяхъ у него не было ничего завѣтнаго. Люди самыхъ различныхъ партій отдавали должное его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ; даже относившіеся враждебно къ убѣжденіямъ даровитаго профессора, не могли не питать къ нему личной симпатіи. Мнѣніями его чрезвычайно дорожили, всѣ искали его знакомства, его вниманія, и впослѣдствіи на связи съ нимъ основывали свою извѣстность. „Грановскій обладалъ удивительною силою притяженія,“ говоритъ М. Н. Катковъ. „Его всегда ровный, всегда ясный и общительный характеръ дѣйствовалъ освѣжительно на всѣхъ приближавшихся къ нему.“ Но не личнымъ своимъ характеромъ, не одними только высокими качествами души своей пріобрѣлъ Грановскій ту блестящую извѣстность, которою онъ пользовался при жизни, пользуется и нынѣ, по смерти своей. Его слава главнымъ образомъ зиждется на его преподаваніи, на его вдохновенныхъ лекціяхъ, которыя приводили въ энтузіазмъ его слушателей. Грановскій не претендовалъ на званіе спеціалиста, ученаго въ строгомъ смыслѣ этого слова, но обладалъ обширнымъ образованіемъ, зналъ много языковъ и могъ поэтому изучать лучшіе историческіе источники въ подлинникахъ. При своемъ свѣтломъ, чрезвычайно логичномъ умѣ, онъ съ особеннымъ искусствомъ пользовался своими знаніями въ преподавательской дѣятельности и не путаясь въ ихъ лабиринтѣ, пользовался для историческихъ лекцій своихъ лишь тѣмъ, что было живо, рельефно, характеристично; онъ не пренебрегалъ живописными выраженіями, но предпочиталъ вѣрное и мѣткое слово, чуждаясь громкихъ и пышныхъ фразъ. При своей громадной учености, онъ былъ ненавистникомъ ученаго педантизма и передавалъ науку, которую уважалъ глубоко, какъ самъ принималъ ее, не искажая ея, не силясь втиснуть ее въ узкія, тѣсныя рамки системы. Излагая предметъ, онъ старался всегда сохранить самый историческій духъ, вмѣсто того, чтобы размѣщать отдѣльныя явленія исторической жизни по группамъ; онъ любилъ соприкасаться съ самыми живыми сторонами исторіи. Онъ былъ, по словамъ Каткова, созданъ для своей науки. Его обширная, изумительная память сохраняла всѣ подробности событій; онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ возсоздавать ихъ для созерцанія; мысль его всегда была согрѣта нравственнымъ убѣжденіемъ, которое и сообщало такую прелесть его слову. Чудные образы вставали передъ слушателями изъ историческихъ могилъ, съ своими завѣтными думами, съ своею скорбію, съ своимъ торжествомъ. Нерѣдко два-три магическія слова вызывали великую историческую тѣнь и оживляли далекую эпоху. Какъ историкъ, онъ, въ созерцаніи человѣческихъ дѣлъ, преимущественно одушевлялся идеалами нравственной красоты, и видѣлъ въ своей наукѣ могущественное средство для воспитанія нравственнаго чувства. Онъ былъ исполненъ любви; мысль его была рыцарски великодушна. Знакомство его съ литературою предмета было весьма обширно, и едва-ли оставался въ ней такой довольно темный уголокъ, въ который бы онъ не успѣлъ заглянуть. Что касается оцѣнки историческихъ сочиненій, то навыкъ его въ этомъ былъ настолько великъ, что „часто по нѣсколькимъ страницамъ онъ могъ довольно-вѣрно опредѣлить характеръ и достоинство произведенія“. Лекціи Грановскаго, это — были уроки основательные, въ высшей степени полезные и вмѣстѣ исполненные высокой поэзіи, и немудрено, что любовь къ нему его слушателей доходила до какого-то восторженнаго благоговѣнія.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій родился 9 марта 1813 года, въ Орлѣ, а дѣтскіе годы провелъ большею частью въ сельцѣ Погорѣльцѣ, Болховскаго уѣзда, Орловской губерніи, въ домѣ дѣда, пользовавшагося въ Орлѣ репутаціей отличнаго законника и ходатая по дѣламъ. Профессоръ Кудрявцевъ, преемникъ Грановскаго по каѳедрѣ всеобщей исторіи, съ горячей любовью занявшійся біографіей своего предшественника и за смертію не окончившій ея, подробно и обстоятельно знакомитъ съ обстановкою первыхъ лѣтъ дѣтства и юности Грановскаго. Изъ этой біографіи мы узнаемъ, что отецъ историка, человѣкъ добрый и благородный, мало занимался своимъ сыномъ, за недосугомъ, и изъ личныхъ вліяній дѣйствовавшихъ на Грановскаго въ дѣтствѣ, самое значительное принадлежало его матери. Анна Васильевна Грановская, урожденная Черныкъ, малороссіянка родомъ, была женщина рѣдкаго сердца; для дѣтей своихъ она была не только матерью, но и истиннымъ другомъ; она была первою совѣтницею и повѣренною всѣхъ тайнъ Тимоѳея Николаевича и къ ея вліянію, какъ къ первоначальному источнику, онъ впослѣдствіи относилъ все, что было въ немъ лучшаго. Первое образованіе онъ получилъ дома подъ руководствомъ гувернеровъ, которые хотя и мѣнялись не разъ, но ходъ занятій оставался одинъ и тотъ-же. По словамъ самого Грановскаго, ученіе было несвязно и недостаточно, однако и не было совершенно безуспѣшно. Еще не совсѣмъ вышедши изъ дѣтства, онъ уже довольно бѣгло говорилъ по-французски и по-англійски. Это дало ему возможность удовлетворить одну изъ сильныхъ потребностей своихъ— потребность чтенія, которая очень рано въ немъ пробудилась и стала его страстью. Когда Тимоѳею Николаевичу исполнилось тринадцать лѣтъ, его отвезли въ Москву и отдали въ одно изъ лучшихъ въ то время частныхъ учебныхъ заведеній, пансіонъ доктора Кистера, гдѣ Грановскій пользовался всеобщею любовью. Окончивъ тамъ курсъ, онъ нѣсколько времени жилъ въ деревнѣ; затѣмъ, на девятнадцатомъ году, семейный совѣтъ рѣшилъ отправить его въ Петербургъ, для опредѣленія въ гражданскую службу. Поселившись въ домѣ дяди своего, Бодиско, онъ, въ 1831 году, поступилъ въ какой-то департаментъ. Но эта служба была ему не по душѣ, и Грановскій, послѣ нѣкоторыхъ препятствій, поступилъ въ 1832 году на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Около этого времени онъ лишился матери, а съ нею и нѣкоторой матеріальной поддержки и, пока вышелъ въ люди, онъ прошелъ довольно тяжелую школу труда и лишеній. Это однако не помѣшало ему уступить сестрамъ имѣніе, доставшееся ему отъ матери. Въ 1835 г. Тимоѳей Николаевичъ оставилъ университетъ, по окончаніи котораго, не имѣя достаточныхъ средствъ къ жизни, онъ поступилъ на службу въ Морское министерство и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ работать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но его душа жаждала иной дѣятельности, и вотъ, благодаря содѣйствію В. К. Ржевскаго, одного изъ своихъ товарищей, онъ былъ отправленъ за границу для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ. Въ 1839 году онъ возвратился въ Россію и былъ назначенъ преподавателемъ средней и новой исторіи въ Московскомъ университетѣ. Свою магистерскую дисертацію „Юлинъ, Іомбургъ и Винетта“ онъ защищалъ въ 1845 г., а другую, на степень доктора, называвшуюся „Аббатъ Сугерій“, въ 1849 г.; тогда-же утвержденъ онъ былъ и ординарнымъ профессоромъ. Весною 1843 года онъ открылъ публичный курсъ исторіи средневѣковой Франціи и Англіи, и на эти лекціи его стекалась вся блестящая Москва. Грановскій умеръ 4 октября 1855 года, въ пору лучшихъ надеждъ и усиленной работы своей, когда онъ задумывалъ періодическое изданіе литературно-историческаго характера и цѣлый рядъ „Историческихъ Писемъ“. Смерть его горько оплакивали всѣ: и литераторы, и учащаяся молодежь, и общество. „Онъ унесъ съ собою — говоритъ Катковъ—столько сокровищъ, это обаяніе избранной природы, эту ясность и юность духа, эту чистоту убѣжденій, эту возвышенность помысловъ, этотъ даръ возбужденія, эту чарующую прелесть слова!“

П. Б—овъ.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XVI.

Между тѣмъ, какъ въ Преображенскомъ, по совѣту князя Бориса Алексѣевича, принимались необходимыя мѣры предосторожности *на всякій случай*, въ стрѣлецкихъ слободахъ въ Москвѣ замѣчалось какое-то, довольно странное броженіе. Во всѣхъ полкахъ стрѣльцы собирались кружками, то около съѣзжихъ избъ, то на улицахъ, передъ домами наиболѣе зажиточныхъ стрѣльцовъ, то у начальныхъ людей. На всѣхъ этихъ сборищахъ изъ толпы замѣтно выдѣлялись нѣсколько задорныхъ крикуновъ, нѣсколько воротилъ, употреблявшихъ, очевидно, чрезвычайныя усилія на то, чтобы увлечь толпу, примапить большинство на свою сторону. Но горячія, запальчивыя рѣчи этихъ доморощенныхъ ораторовъ, видимо, не производили ожидаемаго дѣйствія: ихъ выслушивали очень спокойно, въ глубокомъ молчаніи, переминаясь съ ноги на ногу, почесывая въ затылкѣ, вопросительно переглядываясь между собою, а затѣмъ, когда говорившій къ толпѣ заканчивалъ и въ заключеніи обращался къ слушателямъ, ожидая одобренія или согласія, кто-нибудь изъ толпы непремѣнно обращался къ оратору съ совершенно неожиданнымъ вопросомъ:

— А великіе государи о томъ вѣдаютъ-ли?

— Чего тамъ вѣдаютъ? грубо и съ досадою отзывался смущенный ораторъ: — ну, вѣдаетъ одинъ государь, а другой еще въ малыхъ лѣтахъ!

— Какое тамъ въ малыхъ! отзывалось уже нѣсколько голосовъ: — чай, самъ знаешь, что онъ ужь, на Кокуй ѣздя, ни одной нѣмкѣ проходу не даетъ! Этого малаго, небось, ужь и женить пора-бы!

— А ну васъ къ дьяволу! Пропадай же вы всѣ пропадомъ! выкрикивалъ выведенный изъ терпѣнія ораторъ и, отвернувшись отъ товарищей, спѣшилъ удалиться, оставляя собранный имъ кружокъ въ великомъ недоумѣніи.

— Многіе вотъ такъ-то плевелы въ мірѣ сѣютъ, отзывался кто-нибудь изъ толпы довольно угрюмо,—а межь великими государями ссоры заводятъ...

— Не доброе, братцы, дѣло учиняется быть у насъ... слышались голоса.

И кружокъ расходился, видимо недовольный и сумрачно настроенный. Нежеланіе принять на себя дѣятельную роль въ борьбѣ партій, сгруппировавшихся около Петра и Софіи, высказывалось совершенно ясно. Стрѣльцы, проученные горькими разочарованіями прежнихъ лѣтъ, очевидно, не довѣряли ни Софьѣ, ни Шакловитому, тѣмъ болѣе, что усердный приверженецъ царевны и его клевреты ужь слишкомъ явно вели дѣло къ какому-то крутому перевороту; а стрѣльцы—народъ зажиточный, торговый и промышленный — болѣе всего боялись за свой достатокъ и старались охранить свое спокойное, вполнѣ обезпеченное, существованіе отъ всякихъ случайностей.

Пособники Шакловитаго дѣятельно распространяли между стрѣльцами разныя сплетни и небылицы о Нарышкиныхъ и о князѣ Борисѣ Алексѣевичѣ, толковали, что эти бояре „благовѣрную царевну Софью изгоняютъ и надъ нею наругаются и извести ее хотятъ“ и заключали свои навѣты словами:

— А какъ царевны-то не будетъ, такъ всѣмъ вамъ будетъ плохо...

— Хорошо-бы о такомъ дѣлѣ побить челомъ великимъ государямъ, вобче о розыскѣ, согласно отзывались стрѣльцы на эту угрозу.

— Чѣмъ великихъ государей челобитьемъ тревожить, можно-бы вамъ и самимъ тѣхъ злодѣевъ царевниныхъ убрать! подсказывалъ клевретъ Шакловитаго.

— Ну, нѣтъ, братцы! тотчасъ же отзывалось нѣсколько голосовъ въ толпѣ:—такого дѣла учинить намъ ни которыми дѣлы невозможно.

— А почему-же бы невозможно?

— А потому и невозможно, поясняли стрѣльцы съ непререкаемою ясностью,—что по великихъ государей указу все учинимъ, а самовластно дѣлать не будемъ.

Пробовалъ неоднократно и самъ Өедоръ Леонтьевичъ собирать у себя выборныхъ людей изъ различныхъ полковъ и всякихъ начальныхъ стрѣлецкихъ людей, и говорилъ съ ними о томъ, что „слѣдовало-бы подать челобитную государямъ — просить ихъ, чтобы и на великую государыню Софью Алексѣевну положить царскій вѣнецъ...“ Но и выборные, и начальники стрѣлецкіе отвѣчали ему на этотъ вопросъ глубочайшимъ молчаніемъ.

— Что же вы мнѣ ничего не скажете? съ нѣкоторою тревогою допрашивалъ Шакловитый.

— Да какъ тебѣ сказать, Өедоръ Леонтьевичъ? вызывался говорить кто-нибудь постарше да посмышленнѣе:—дѣло это государское великое. И тутъ не то чтобы челобитьемъ, а развѣ только вотъ... слезми плакать Богу; что де изволитъ Богъ, то пусть и сотворится...

— Да вѣдь это я васъ отъ себя спрашиваю, спохватывался Шакловитый — а великая государыня про то не вѣдаетъ. И что вы скажете, то я великой государынѣ и доложу.

— А что же мы сказать можемъ, батюшка Өедоръ Леонтьевичъ? подхватывало уже нѣсколько голосовъ:— вѣстимо, наше дѣло такое, чтобы великимъ государямъ добра хотѣть.

И неловко затѣянный разговоръ срывался еще болѣе неловко, къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ.

Болѣе успѣшно шла между стрѣльцами пропаганда другаго рода. Многіе изъ нихъ внимательно слѣдили за спорами старца Сильвестра съ братьями Лихудами, и, по давнимъ своимъ связямъ съ настоятелемъ Спасскаго монастыря, принимали въ этомъ спорѣ его сторону, совершенно упуская изъ виду, что въ данномъ случаѣ онъ прямо шелъ противъ древнихъ преданій Восточной церкви и отстаивалъ латинскія заблужденія. Они очень охотно брали у Сильвестра писанныя тетрадки, въ которыхъ тотъ безпощадно громилъ ученыхъ Грековъ; эти тетрадки перечитывались и переписывались и распространялись среди стрѣльцовъ.

— Новые у насъ учители завелись, толковали между собою стрѣльцы.—Далъ намъ Селиверстъ тетрадки — надо по тѣмъ тетрадкамъ патріарху челобитную изготовить.

Но на этихъ пожеланіяхъ дѣло и кончалось, и Шакловитый долженъ былъ прійти къ тому убѣжденію, что стрѣльцовъ едва-ли удастся поднять поголовно за дѣло царевны. Тогда онъ нѣсколько измѣнилъ тактику. Онъ очень зорко сталъ наблюдать за всѣми, кто рѣшался на сходкахъ поднимать голосъ въ пользу царя Петра и его партіи: такихъ смѣльчаковъ Шакловитый старался удалить изъ Москвы или, при первомъ удобномъ случаѣ, строго наказывалъ за самую ничтожную вину. Тактика была понятна сразу, и большинство, зная неограниченную власть, которою облеченъ былъ Шакловитый въ отсутствіи князя Василія Голицына, стало относиться еще осторожнѣе и сдержаннѣе прежняго къ тому, что подготовлялось дьякомъ Шакловитымъ и его клевретами.

Въ виду всего этого, стрѣльцы были очень встревожены, когда въ канунъ Петрова дня, приставы и головы стрѣлецкіе пошли стучать по окошкамъ стрѣлецкихъ слободъ, созывая всѣхъ къ съѣзжимъ избамъ для выслушанья указа государскаго. Когда всѣ собрались, объявленъ былъ указъ великой государыни о томъ, что она на завтра назначаетъ походъ въ Преображенское, для поздравленія брата своего государя Петра Алексѣевича съ его тезоименитствомъ, а въ томъ походѣ приказываетъ быть съ собою человѣкамъ двадцати изъ каждаго полка.

— Куда же это такое многолюдство? разсуждали стрѣльцы. — Въ прежнее время, государыня хаживала въ Преображенское съ пятьюдесятью человѣками, а нонче слишкомъ триста человѣкъ съ собою беретъ!

Но еще болѣе были удивлены, когда увидали, что изъ числа назначенныхъ въ походъ, шестьдесятъ человѣкъ были посажены на коней, въ видѣ почетной стражи, для сопровожденія правительницы, ея сестеръ и тетокъ, отправлявшихся въ Преображенское, къ державному имениннику, а остальные, около 300 человѣкъ, были посажены на телѣги и поспѣшно отправлены, еще наканунѣ, задолго до выѣзда государыни изъ Кремля, на дорогу къ Преображенскому.

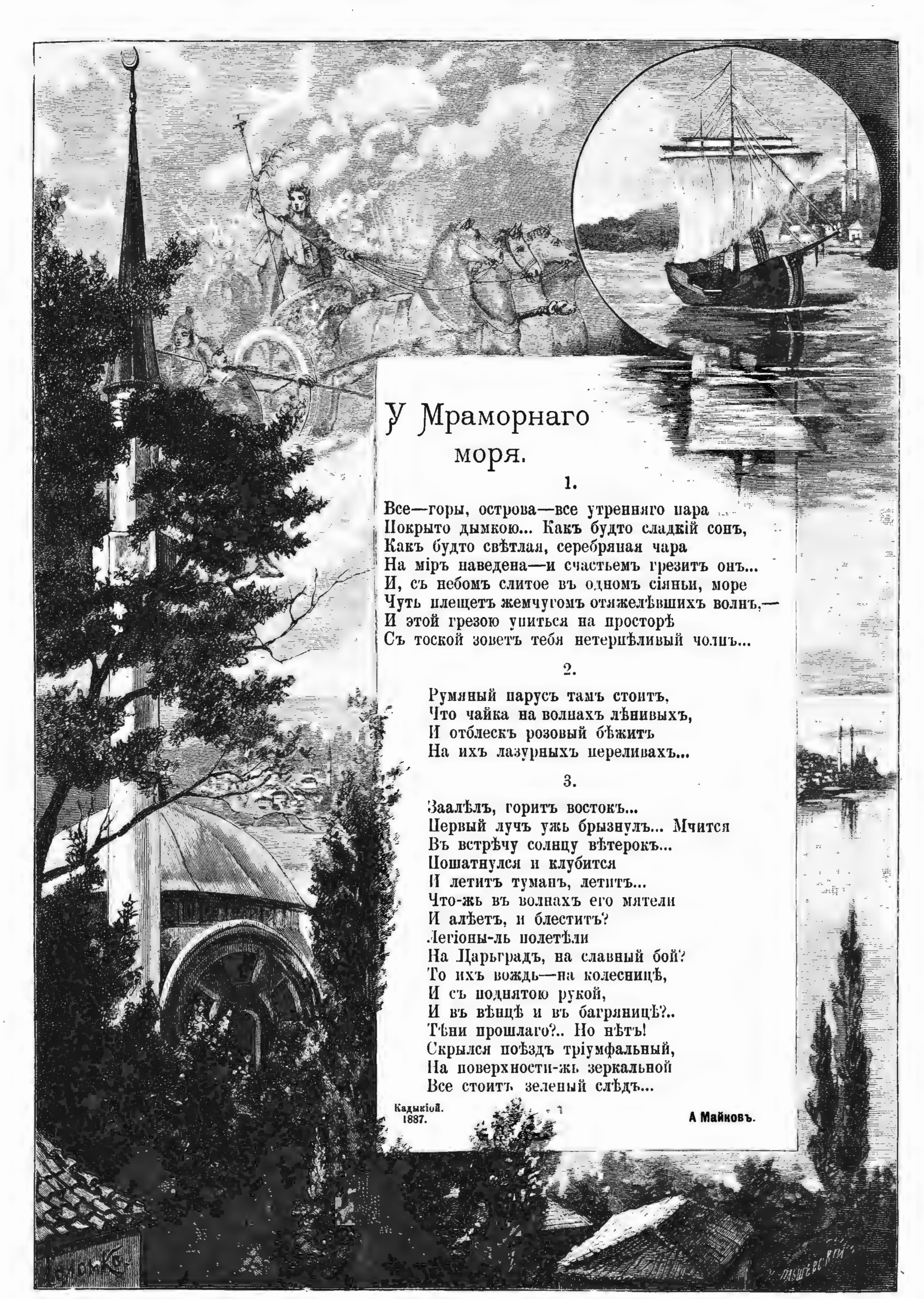
— Что за притча? толковали между собою тѣ, кто не попалъ въ нарядъ.—Поѣхали многолюдствомъ и во всемъ оружіи—даже и пищали зарядить приказано; а кто съ бердыши, у тѣхъ спрошено: давно-ли у нихъ бердыши не точены?

— Правда-ли, нѣтъ-ли, а говорятъ, будто на дорогу нашего брата послали, для береженья государыни, чтобы ей, грѣшнымъ дѣломъ, отъ потѣшныхъ конюховъ какого дурна не учинилось...

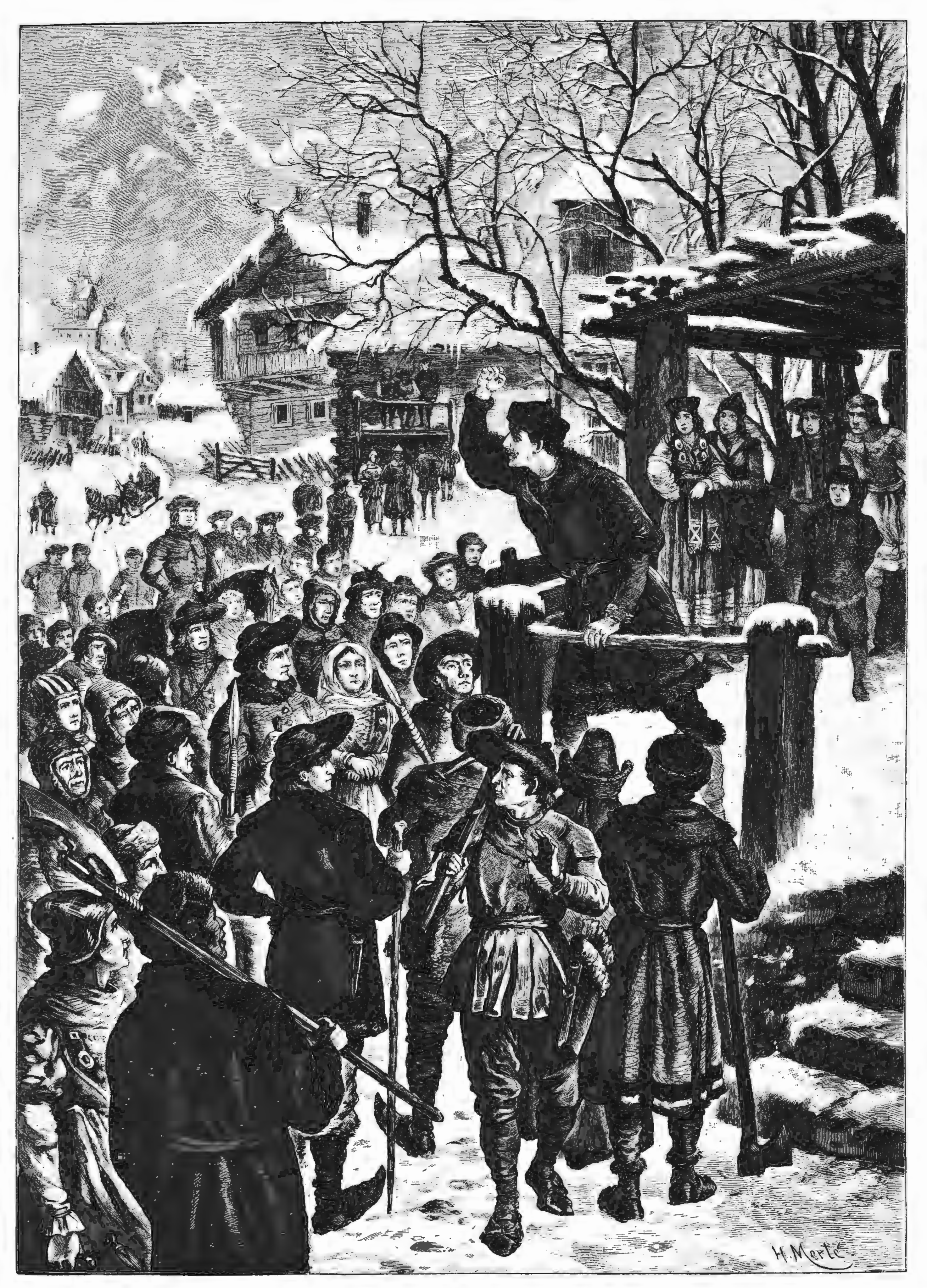
— Что тамъ пустое молоть! перебивали другіе, постарше да поопытнѣе:—знамое дѣло—не затѣялъ-ли всего этого нашъ-то Өедоръ Леонтьичъ, чтобы Нарышкиныхъ попугать?

И всѣ разошлись, въ недоумѣніи, покачивая головами.

Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ и толкахъ, какъ



„У Мраморнаго моря". Стих. А. Н. Майкова. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Соломко, грав. Ольшевскій.



Густавъ Ваза въ Далекарліи. Рис. Мерте, грав. Бренд'амуръ.

ни казались они на первый разъ неправдоподобны, была своя доля правды. Опасаясь Нарышкиныхъ и князя Бориса, Шакловитый въ то же время воображалъ себѣ, что еслибы вышло какое-нибудь непріятное столкновеніе между Софьей и Нарышкиными, то его стрѣлецкой засады было бы достаточно, чтобы „поучить“ братьевъ государыни и при первой возможности даже наложить на нихъ свою тяжелую руку. Но онъ жестоко ошибался: его самого опасались въ Преображенскомъ, а отъ стрѣльцовъ по старой памяти ожидали всякихъ бѣдъ и потому приняли всевозможныя мѣры предосторожности.

Около десяти часовъ утра (по нашему разсчету времени) блестящій поѣздъ царевенъ, предшествуемый великолѣпною каретою Софіи, запряженною восьмерикомъ бѣлыхъ какъ снѣгъ голштинскихъ возниковъ, въ шорахъ, обвитыхъ червчатымъ бархатомъ, съ золотыми бляхами и съ перьями на головахъ, приближался къ Преображенскому. До околицы села оставалось не болѣе версты.

Шакловитый, ѣхавшій впереди на прекрасномъ вороном конѣ, увѣшанномъ золочеными гремячими цѣпями, и покрытомъ, вмѣсто чапрака, кожею пардуса, отъѣхалъ нѣсколько въ сторону отъ стрѣлецкаго конвоя, подозвалъ къ себѣ Обросима Петрова, также ѣхавшаго въ числѣ прочихъ стрѣльцовъ Стремяннаго полка, и сказалъ ему вполголоса:

— Надежны-ли у тебя люди?

— Ужь чего надежнѣе! молодецъ къ молодцу подобраны, и все такіе, что за царевну и въ огонь, и въ воду!

— Такъ ты ихъ спѣшишь, да около каретъ, поближе къ крыльцу дворцовому поставишь; и чуть какой шумъ учинится во дворцѣ—чтобъ были на-готовѣ!

— Понимаемъ.

— Да двоихъ здѣсь, на дорогѣ, поближе къ околицѣ оставишь, верхами-же; чуть услышатъ, какъ затрублю я въ рогъ, чтобы сейчасъ скакали въ лѣсъ, къ тѣмъ, что тамъ попрятаны, и мигомъ бы ихъ согнали ко дворцу... намъ на выручку.

— Исполнимъ.

— А своимъ ребятамъ скажи, что... въ случаѣ чего, не дали бы маху... тотчасъ бы рубили всѣхъ, кто за меня примется...

— Скажемъ обинякомъ...

Поѣзда царевны въ Преображенскомъ ожидали и пріемъ ему приготовили довольно своеобразный. Софія была очень непріятно поражена тѣмъ, что у воротъ Преображенскаго ее встрѣтили человѣкъ сто „потѣшныхъ“, одѣтыхъ въ однообразные зеленые кафтаны съ золотымъ галуномъ и выстроенныхъ шпалерою, подъ ружьемъ, при двухъ офицерахъ изъ нѣмцевъ. Народъ былъ рослый, дюжій, прекрасно-обученный и очень ловко владѣвшій ружьемъ. На полупути отъ дворца царевну встрѣтили бояре и самъ царь Петръ Алексѣевичъ, наряженный „потѣшнымъ“. Пришлось Софіи и царевнамъ выходить изъ каретъ, и, послѣ обычныхъ привѣтствій, шествовать пѣшкомъ до дворца, гдѣ на крыльцѣ ожидала гостей сама царица Наталья Кириловна со своими боярынями. И около крыльца опять человѣкъ пятьдесятъ потѣшныхъ, подъ ружьемъ, которые, по командѣ Петра, лихо отдали честь правительницѣ, блеснувъ на солнцѣ стволами ружей. Затѣмъ, царицы и вся свита ихъ вошли во дворецъ, и около коней и экипажей остались только спѣшенные стрѣльцы Стремяннаго полка, которые очутились лицомъ-къ-лицу съ отрядомъ потѣшныхъ, по крайней мѣрѣ втрое посильнѣе ихъ числомъ.

Обросимъ Петровъ, насупивъ брови и теребя свою густую рыжую бороду, злобно посматривалъ на этихъ молодцовъ, которые заграждали ворота и охраняли входъ во дворецъ, стоя стройными, плотно-сомкнутыми рядами и свободно держа ружье на плечѣ. Онъ попытался было выѣхать за околицу для переговоровъ съ тѣми, которые были скрыты въ лѣсу; но едва онъ подъѣхалъ къ воротамъ, потѣшные скрестили передъ нимъ ружья, а ихъ капралъ объяснилъ Обросиму Петрову, что безъ приказа боярина Льва Кириловича Нарышкина никого изъ села выпускать не приказано.

„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ подумалъ Обросимъ, и, волей-неволей, вернулся на прежнее мѣсто, къ каретамъ.

Немного спустя, онъ увидѣлъ, что на крыльцо дворца вышелъ Шакловитый, смотритъ въ его сторону и дѣлаетъ ему какіе-то знаки, какъ-бы подзывая его къ себѣ. Обросимъ Петровъ и двинулся было къ нему; но за спиною Шакловитаго, какъ изъ земли, выросла осанистая фигура князя Бориса Алексѣевича, и еще двухъ какихъ-то бояръ, и дружески подхвативъ Ѳедора Леонтьевича подъ руки, князь Борисъ шутливо и весело сказалъ ему громко, такъ что всѣ слышали:

— Куда-же ты, Ѳедоръ Леонтьевичъ, отъ государева угощенья уходишь? Сейчасъ намъ на столъ подаютъ—просимъ милости!

Потомъ, обращаясь въ сторону стрѣльцовъ, бояринъ приказалъ одному изъ стольниковъ:

— Иванъ Петровичъ! озаботься и объ этихъ нашихъ гостяхъ... Ребята! государь нашъ всемилостивѣйшій Петръ Алексѣевичъ и великая государыня-царица Наталья Кириловна жалуютъ васъ погребомъ для сегодняшнихъ именинъ государевыхъ!

Стрѣльцы въ одинъ голосъ отвѣчали: „благодарствуемъ на государскомъ жалованьѣ“.

И ихъ дѣйствительно угостили на славу! А ужь какъ Ѳедора Леонтьевича ласкалъ и угощалъ Борисъ Алексѣевичъ у себя во флигелѣ, такъ этого и сказать нельзя. Только при навыкѣ Шакловитаго можно было выдержать такое угощенье... Но и у него въ головѣ шумѣло, какъ ни старался онъ отговариваться отъ упрашиваній и потчиваній князя Бориса.

— Ну, выпьемъ по послѣдней чаркѣ, да больше и просить не стану! уговаривалъ Шакловитаго князь Борисъ,—чай скоро и къ вечернѣ ужь ударятъ?

— Ну, по послѣдней—такъ и быть!

Выпили, и встали изъ-за стола. Но князь Борисъ и тутъ не выпустилъ Шакловитаго изъ рукъ: повелъ его на Яузу—показалъ ему верейку нѣмецкаго дѣла, что противъ вѣтру ходитъ; повелъ въ звѣринецъ, который все еще содержали при селѣ, отъ временъ царя Алексѣя, а затѣмъ вернулся съ нимъ въ садъ, гдѣ подъ бесѣдкою ожидали ихъ разные прохладительные напитки, и повелъ рѣчь о томъ, какъ великіе государи должны быть ему, Шакловитому, признательны за то, что онъ такъ ловко и умно правитъ стрѣльцами и вовсе между ними вывелъ ихъ мятежный духъ.

Шакловитый только морщился и сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ. Какъ разъ въ это время къ князю Борису подошелъ одинъ изъ царицыныхъ стряпчихъ, отозвалъ его въ сторону, и сталъ ему что-то, съ видимой тревогой, шептать на ухо. Тонкій слухъ Ѳедора Леонтьевича далъ ему возможность разслышать въ шепотѣ стряпчаго слова: „стрѣльцы...“ „въ лѣсу“. Но князь Борисъ, выслушавъ стряпчаго, преспокойно похлопалъ его по плечу, и сказалъ:

— Вижу, что у страха глаза велики! Скажи тамъ на Верху, что нечего бояться — все пустое! Про добрыхъ гостей припасено у насъ всякаго добра... да и про недобрыхъ тоже свинцоваго гороха хватитъ... Небось, пусть сунутся!

И возвратясь къ Шакловитому, сталъ извиняться передъ нимъ, что отвлекли его по пустякамъ, и снова разсыпался въ похвалахъ твердости и распоряженіямъ Шакловитаго по отношенію къ стрѣльцамъ.

Ѳедоръ Леонтьевичъ, возвращаясь вечеромъ въ городъ,

во всю дорогу ни съ кѣмъ не промолвилъ слова, а какъ пришелъ къ себѣ домой, то со всей силы хватилъ шапкою о-земь и разразился потокомъ краснорѣчивѣйшей ругани. Къ кому относилась она—то было извѣстно только самому Ѳедору Леонтьевичу.

XVII.

Со времени выѣзда князя Василія Васильевича Голицына въ Крымскій походъ прошло уже около полугода. Такъ какъ извѣстія съ похода въ Москву доходили очень туго, сначала въ Москвѣ знали только, что всѣ воеводы московскіе и самъ гетманъ Самойловичъ выступили въ походъ противъ Крымскаго хана, а затѣмъ уже о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій узнавали только то, что̀ князь Василій оффиціально доносилъ царевнѣ и великимъ государямъ. А между тѣмъ гонцы изъ войска прибывали очень часто и каждый разъ привозили, кромѣ оффиціальныхъ донесеній, неоффиціальныя письма Оберегателя къ Софьѣ Алексѣевнѣ, писанныя крюкомъ, и такія-же письма къ Шакловитому, съ которымъ князь Василій поддерживалъ весьма оживленную переписку. Но эти грамотки привозимыя гонцами, хранились въ глубочайшей тайнѣ, а для того, чтобы самый гонецъ не могъ ни о чемъ проговориться, надежнѣйшіе изъ клевретовъ Шакловитаго перехватывали гонца верстъ за 20 отъ Москвы, отбирали отъ него всѣ письма и документы, а самого гонца держали подъ строгимъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока не привозились изъ Москвы отвѣтныя грамоты. Однако, не смотря на всѣ эти предосторожности, въ Москвѣ все же узнали о неудачахъ Голицына и его неладахъ съ гетманомъ Самойловичемъ, который и въ оффиціальныхъ донесеніяхъ выставлялся главнымъ виновникомъ неуспѣха всего предпріятія. Пошли всякіе толки и пересуды; посыпались на Оберегателя обвиненія и нареканія, не на шутку оскорблявшія Софью. Къ Голицыну былъ немедленно отправленъ, въ качествѣ почетнаго и довѣреннаго посла, Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитый съ милостивымъ словомъ за службу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему данъ былъ тайный наказъ къ Голицыну, смѣнить гетмана „буде онъ малороссійской старшинѣ негоденъ.“ Въ началѣ іюля Ѳедоръ Леонтьевичъ выѣхалъ изъ Москвы, и пробылъ въ отлучкѣ болѣе мѣсяца...

Свиданіе съ Голицынымъ значительно ободрило Шакловитаго: онъ засталъ любимца въ чрезвычайно мрачномъ настроеніи, сильно потрясеннаго военными неудачами, упавшаго духомъ, опутаннаго интригами малороссійской старшины. Тотчасъ по возвращеніи въ Москву, въ началѣ августа 1687 года, онъ сталъ все приготовлять къ выполненію своего плана, твердо увѣренный, что избраніе новаго гетмана и устройство малороссійскихъ дѣлъ еще надолго задержитъ Оберегателя на югѣ.

Въ самомъ концѣ августа, хотя погода и стояла еще прекрасная, но уже чувствовалось приближеніе осени. Теплые вечера смѣнились очень прохладными ночами: листья пожелтѣли; въ прозрачномъ воздухѣ, на солнцѣ, потянулись и заблестѣли длинныя серебристыя нити паутинъ, медленно колеблемыя вѣтеркомъ; ласточки собрались въ дальній путь, посидѣли стаями на крышахъ и заборахъ, и улетѣли. Москва готовилась къ наступленію новаго года и собиралась праздновать „новолѣтіе“, ожидая того блестящаго „дѣйства“, которымъ всегда ознаменовывался день 1 сентября въ Кремлѣ.

Какъ разъ за два дня до этого обычнаго торжества, рано утромъ, отъ Тверской заставы прискакалъ къ воротамъ Большаго двора князя Голицына всадникъ въ буркѣ и въ шапкѣ съ малиновымъ верхомъ, проворно соскочилъ со взмыленнаго коня и властною рукою застучалъ кольцомъ въ ворота. Воротные сторожа выглянули сверху воротъ, изъ своей башенки, и хотѣли было обрушиться на стучавшаго выразительною бранью, какъ вдругъ, къ крайнему своему изумленію, услыхали снизу знакомый имъ звонкій и рѣзкій голосъ, крикнувшій громко:

— Да отворяйте, что-ли? Черти, дьяволы сонные!

— Ахъ, батюшки-свѣты! Да это никакъ самъ Кузьма Ивановичъ ругаться изволитъ! засуетились воротные сторожа и побѣжали внизъ, отмыкать калитку.

Дѣйствительно, за воротами стоялъ старшій княжескій ловчій, Кузёмка Крыловъ.

— Наконецъ-то возвратился, Кузьма Ивановичъ! Добро пожаловать! По тебѣ судя — и князь нашъ, кормилецъ, недалеко!.. Ужь вѣдомое дѣло: гдѣ Кузьма Ивановичъ, тамъ и князь; гдѣ князь — тамъ и Кузьма Ивановичъ!

Между тѣмъ какъ сумрачный Кузёмка что-то бурчалъ сквозь зубы въ отвѣтъ на привѣтствіе привратниковъ, вводя въ калитку своего измученнаго коня, необычный стукъ въ ворота и говоръ у калитки уже привлекли вниманіе челяди на Большомъ дворѣ, и со всѣхъ концовъ его, изо всѣхъ флигелей и людскихъ избъ спѣшили и сбѣгались къ воротамъ различные представители княжеской дворни, кто поспѣшно натягивая армякъ, кто накидывая душегрѣйку. Кузёмку окружили, засыпали привѣтствіями и вопросами, на которые онъ отвѣчалъ, впрочемъ, очень лаконично, привязывая своего коня къ коновязи, ослабляя его подпруги и заботливо вытирая суконкой, вынутой изъ тороковъ.

Вѣсть о пріѣздѣ Кузёмки Крылова тотчасъ разлетѣлась во всѣ концы Большаго двора, проникла въ опочивальню княгини Авдотьи Ивановны, въ покои князя Алексѣя... На крыльцѣ показался Кирилычъ; самъ Матвѣй Ивановичъ соблаговолилъ выйти на дворъ, подошелъ къ Кузёмкѣ и трижды съ нимъ облобызался, справляясь о здравіи государя всемилостиваго, князя Василья Васильевича.

— Князь за мною слѣдомъ часа черезъ три будетъ. Онъ меня впередъ послалъ, чтобы матушку-княгиню не испугать своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ. На-легкѣ сюда ѣдетъ — на̀-скоро. А обозъ-то нашъ сюда черезъ недѣлю еще дотащится-ли...

Эти свѣдѣнія, прослышанныя дворнею, почтительно отступившею отъ бесѣдовавшихъ пріятелей, подѣйствовали на всѣхъ, какъ электрическая искра. Прежде, чѣмъ Матвѣй Ивановичъ успѣлъ обернуться къ людямъ и отдать имъ кое-какія приказанія, всѣ уже разсыпались по своимъ угламъ и во всемъ домѣ поднялась такая суматоха, такая усиленная, лихорадочная дѣятельность, о какой трудно дать даже и отдаленное понятіе...

И между тѣмъ, какъ Кузёмку, во всемъ его дорожномъ безнарядьѣ, торжественно повели сначала въ покои княгини, которая изъ своихъ рукъ его потчивала медомъ и сама разспрашивала о князѣ Василіи, а потомъ въ покои князя Алексѣя, который тоже разспрашивалъ Кузёмку о князѣ и угостилъ двумя кубками вина, — на дворѣ мели и чистили, крыльца посыпали бѣлымъ пескомъ, дворню наряжали въ лучшее платье. На кухнѣ стучали ножами и готовили десятка два „самыхъ любимыхъ“ княжескихъ блюдъ; а на погребѣ наряжали къ столу княжескому самыя дорогія вина въ братины и кубки, какъ будто князь могъ все это успѣть отвѣдать. Въ то же время не менѣе всѣхъ домашнихъ князя, суетился и причетъ его придворной церкви: въ церкви развѣшивали къ образамъ праздничныя пелены, зажигали лампады и свѣчи; передъ настежь растворенными западными дверьми разстилали на паперти богатый коверъ.

Когда, часа два спустя, примчался другой верховой и возвѣстилъ, что князь ужь долженъ быть верстахъ въ трехъ отъ Москвы, — на дворѣ и въ домѣ князя все уже было готово къ пріему хозяина.

Духовенство съ крестомъ и святою водою, въ блестящихъ праздничныхъ облаченіяхъ, стояло у входа въ церковь. Вся дворня была выстроена на дворѣ; на хоромномъ крыльцѣ стояли сынъ Оберегателя—князь Алексѣй, дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ съ хлѣбомъ-солью, тесть—бояринъ Стрѣшневъ, да еще человѣкъ пять-шесть пріятелей и родственниковъ. Теща, жена-княгиня и княгиня-невѣстка ожидали его на своей половинѣ.

Наконецъ, съ воротъ раздался крикъ: „Ѣдетъ! ѣдетъ!“ Толпа дѣвокъ хлынула отъ воротъ въ сторону, послышался топотъ коней, и князь въ легкой нѣмецкой дорожной полуколяскѣ подкатилъ къ воротамъ, распахнутымъ настежь, окруженный почетною свитою изъ вершниковъ и гайдуковъ, которые, быстро спѣшившись, помогли Оберегателю выйти изъ повозки. Едва ступилъ онъ на землю, какъ шапки разомъ полетѣли съ головъ и все народное множество въ одинъ голосъ крикнуло: „здравіе князю Василію Васильевичу!“

Обнаживъ голову и привѣтливо раскланиваясь на обѣ стороны, князь Василій прежде всего двинулся къ церковной паперти, набожно приложился къ крестамъ и иконамъ, и принялъ окропленіе святою водою, а потомъ уже повернулся къ крыльцу... Князь Алексѣй встрѣтилъ его слезами радости... Поднялся говоръ, восклицанія, лобзанія, объятія... Сама княгиня Авдотья Ивановна не выдержала солидной роли хозяйки дома и матери, не дождалась своей очереди и, противъ всякихъ правилъ этикета, бросилась мужу на шею. И князь Василій крѣпко ее обнялъ и поцѣловалъ...

Но не успѣли еще улечься впечатлѣнія радостнаго свиданія, не успѣли разъѣхаться родственники и пріятели, прибывшіе для привѣтствованія Оберегателя, какъ онъ уже позвалъ къ себѣ въ шатровую палату князя Алексѣя и дьяка Украинцева и заперся въ ней для дѣловой бесѣды съ ними.

— Ну, какъ дѣла, Емельянъ Игнатьевичъ? спросилъ князь Василій, усаживаясь въ свое любимое кресло и оглядывая стѣны палаты.

— Коё хорошо, а коё и совсѣмъ худо, батюшка-князь! уклончиво отвѣчалъ Украинцевъ.

— Ну, говори откровенно—что̀ хорошо и что̀ худо? За хорошее похвалю; за худое бранить не стану,—авось либо еще и поправить можно...

— Да вотъ, въ нѣмецкой слободѣ у насъ не ладно, издалека началъ ловкій дьякъ.—Наѣхалъ сюда невѣдомо отколь иноземецъ, Квилинко Кульманъ,—юродивый что-ли тамъ, или такъ Божій человѣкъ?—и мутитъ всю слободу... Съ попами люторскаго и кальвинскаго закону ссору затѣялъ и езовитамъ тоже поперекъ горла сталъ: всѣ на него гору несутъ, потому, говорятъ, отъ него многое преніе бываетъ и онъ изъ ихней паствы многихъ въ свою руку гнетъ...

— Ну, это въ нѣмецкой слободѣ! А что̀ въ Преображенской—по сосѣдству-то творится?

— Да тамъ-то ничего... Кажись, все тихо было... Царь Петръ отрылъ какое-то судёнко старое въ амбарѣ, да мастера сыскалъ, который то судёнко строилъ и вычинилъ ему... Не разстается ни съ мастеромъ, ни съ этимъ самымъ судёнкомъ-то...

— Ну, пусть и тѣшится на здоровье! А больше что̀?

— Изъ Оружейной палаты, по его приказу, еще два воза всякаго оружія свезли въ Преображенское... Потѣшныхъ тамъ теперь многонько... Почти что два полка. Ужь имъ и тѣсно стало въ Преображенскомъ; такъ въ Семеновское часть ихъ помѣстили...

— Ну, это не дѣло! Тутъ изъ потѣхи не было-бы помѣхи... Гм!..

— Князь Борисъ такую тамъ забралъ силу, что всѣмъ распоряжается, и всѣ у него какъ по стрункѣ ходятъ...

— Ну, еще бы! Человѣкъ онъ умный!.. А каково тутъ у царевны съ царицею?

— Да какъ будто ничего. Вначалѣ-то, царица было посердилась на государыню-царевну и даже тетушкамъ-царевнамъ, Татьянѣ Михайловнѣ и Аннѣ Михайловнѣ, жаловалась, „зачѣмъ, молъ, она вздумала въ титулѣ съ братьями писаться—ей это даромъ не сойдетъ; у насъ молъ люди есть“... Однако, послѣ-то пообошлось...

— Тутъ нашъ Ѳедоръ Леонтьевичъ чуть не надѣлалъ всѣмъ хлопотъ... рѣшился вступить въ бесѣду князь Алексѣй.

— А что̀-жъ бы такое? Въ чемъ дѣло? обратился князь Василій къ Украинцеву.

Украинцевъ разсказалъ о неосторожномъ поведеніи Шакловитаго во время похода царевны въ Преображенское, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя были тамъ приняты противъ стрѣльцовъ. Затѣмъ, очень осторожно и уклончиво, Емельянъ Игнатьевичъ сообщилъ Оберегателю, что къ Шакловитому въ послѣднее время и приступу нѣтъ; что онъ все водится съ стрѣльцами, что приблизилъ къ себѣ изъ нихъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, что проситъ у царевны разрѣшенія вернуть изъ ссылки тѣхъ, которые по его-же указанію были высланы изъ Москвы послѣ казни князей Хованскихъ.

Оберегатель, слушая это, нахмурилъ брови.

— Этому не бывать—напрасно Ѳедоръ Леонтьевичъ и хлопочетъ! Я этого не допущу.

— Да то-ли еще о немъ разсказываютъ! добавилъ Емельянъ Игнатьевичъ.—Иное и разсказать-то страшно... Развѣ-что по̀-пусту болтаютъ...

И не смотря на эту оговорку, думный дьякъ подробно сообщилъ князю всѣ слухи о ссылкахъ, о розыскахъ и пыткахъ, которымъ подвергалъ Шакловитый всѣхъ опасныхъ и подозрительныхъ ему людей, не дожидаясь на то указа государева.

Князь Василій слушалъ, насупившись и не говоря ни слова. Украинцевъ не успѣлъ еще докончить своего доклада, какъ Кирилычъ доложилъ, что князю принесли два письма, и на одно изъ нихъ ждутъ отвѣта.

Князь Алексѣй пріотворилъ дверь палаты, принялъ письма отъ дворецкаго и передалъ ихъ отцу.

Одно изъ нихъ—письмо царевны—князь пробѣжалъ глазами и положилъ въ боковой внутренній карманъ; другое—четко и прекрасно писанное по-латыни—заключало въ себѣ слѣдующее:

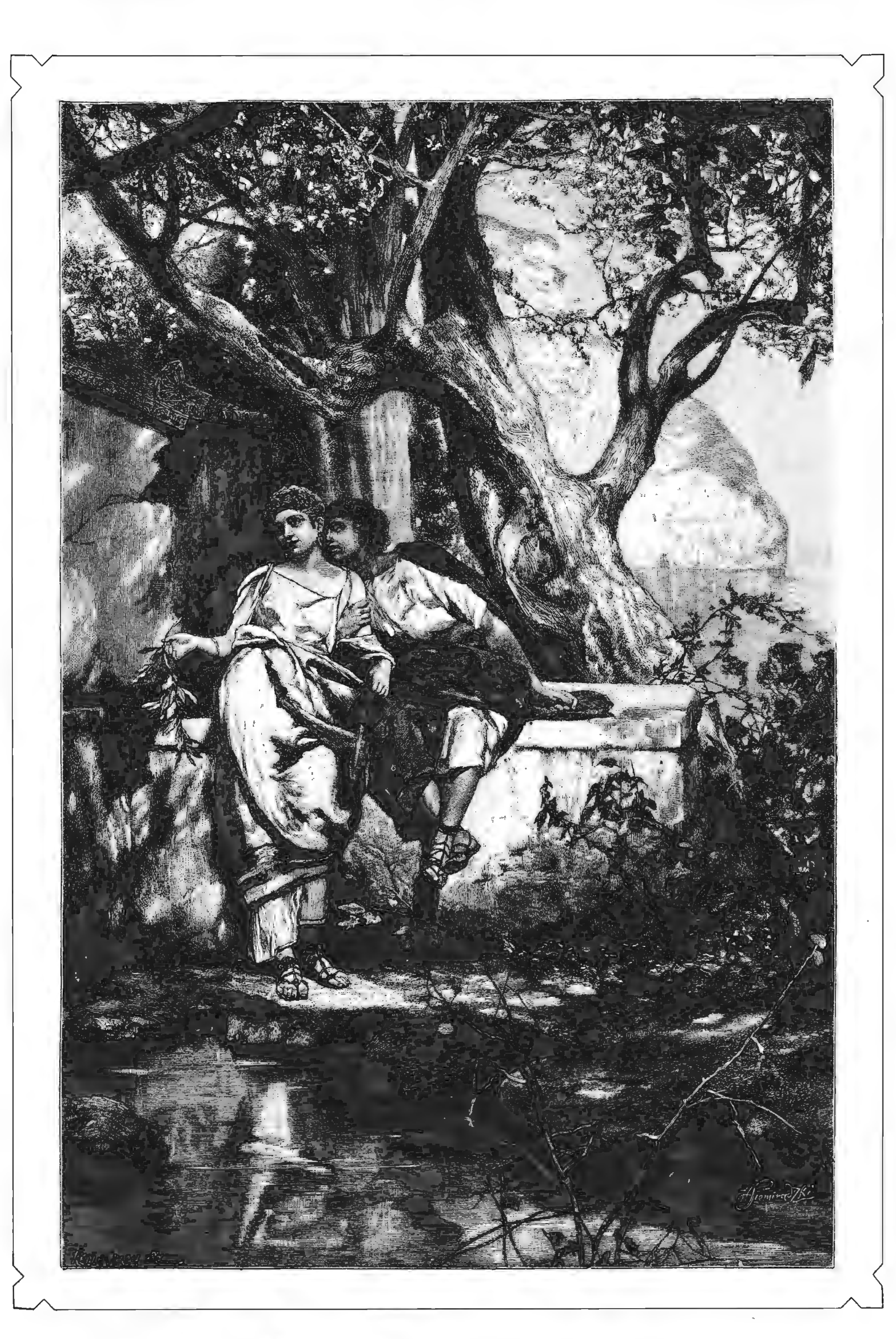
„Illustrissima Celsitudo! Если вы не удѣлите мнѣ сейчасъ-же нѣсколько минутъ вашего драгоцѣннаго времени, то вы въ этомъ жестоко раскаетесь. Тайна, которую я собираюсь вамъ открыть, должна быть передана вамъ безъ малѣйшаго отлагательства. Только изъ глубочайшей преданности и по безпредѣльному уваженію къ вамъ, я рѣшаюсь тревожить васъ дурными вѣстями въ минуты, столь необходимыя для вашего душевнаго и тѣлеснаго отдыха. Д-ръ Ш.“

Князь Василій попросилъ своихъ собесѣдниковъ удалиться изъ палаты и приказалъ позвать къ себѣ подателя письма.

Черезъ минуту Кирилычъ ввелъ въ палату низенькаго человѣчка, въ большихъ зеленыхъ очкахъ, въ нѣмецкомъ, довольно поношенномъ кафтанѣ, рыжаго, и съ длинной рыжей бородой.

— Ваша высокоименитость! сказалъ по-латыни человѣчекъ, низко кланяясь князю,—вы не изволили узнать меня, потому что я нарочно переодѣлся, для безопасности... Но вышлите вашего слугу, и я передъ вами явлюсь въ моемъ настоящемъ видѣ.

Князь Василій кивнулъ Кирилычу, чтобы тотъ удалился и притворилъ дверь. Когда дверь была притворена, рыжій человѣчекъ опасливо оглянулся на нее, а затѣмъ снялъ съ себя очки, парикъ и накладную бо-



Онъ и она. Картина Г. **Семирадскаго**, грав. Келленбахъ.

роду—и передъ княземъ Васильемъ предсталъ въ видѣ хорошо извѣстнаго намъ дохтура Шмита.

— Не удивляйтесь моему переодѣванію... Если бы господинъ Теодоръ Шакловитый могъ узнать, что я открою вамъ его тайну — мнѣ бы не мѣшало запастись духовнымъ завѣщаніемъ.

— Пожалуйста, скорѣе къ дѣлу, торопилъ іезуита князь, встревоженный всею этою таинственностью.

— Въ ту минуту, когда мы говоримъ съ вами, на загородномъ дворѣ Шакловитаго большое собраніе... и очень, очень тайное... Онъ раздаетъ сегодня послѣднія приказанія тѣмъ лицамъ, которыя должны дѣйствовать послѣ-завтра, на площади, у соборовъ, въ вашемъ московскомъ Кремлинѣ...

— Какъ дѣйствовать?! Что̀ это значитъ!

— Не удивляюсь, что вамъ это неизвѣстно, illustrissimus! Вы только что пріѣхали и не успѣли еще войти во всѣ тайны... А господинъ Теодоръ не ожидалъ, что вы вернетесь такъ скоро, и на послѣ-завтра, на самое празднованье новаго года, назначилъ коронованіе царевны... во что̀ бы то ни стало!

— Вы лжете! Вы меня обманываете—какъ вы смѣете! вскричалъ князь, вскакивая въ бѣшенствѣ со своего мѣста.

— Если я васъ обманываю, спокойно произнесъ іезуитъ,—то вѣдь я въ вашихъ рукахъ: вы можете меня выдать, какъ клеветника, тому-же Шакловитому... Но въ томъ-то и дѣло, что я васъ не обманываю, а только хочу оберечь отъ непріятной неожиданности! Не забудьте, что если попытка и не удастся Шакловитому, то васъ все-же обвинятъ въ соучастіи съ нимъ, и даже скажутъ, что вы нарочно спѣшили въ Москву, чтобы...

— Говорите, говорите скорѣе, объясните, что̀ онъ затѣялъ?

— Онъ и его пріятели изъ стрѣлецкихъ начальниковъ, сговорились нарядить на торжество человѣкъ по 60 стрѣльцовъ, особенно преданныхъ Шакловитому, изъ каждаго полка, и ко всѣмъ воротамъ поставить своихъ людей... При помощи этихъ молодцовъ Кремлинъ будетъ запертъ, а царямъ и патріарху будетъ вручено прошеніе стрѣльцовъ о томъ, чтобы короновать царевну...

— А если они не захотятъ принять прошеніе?.. Не захотятъ читать его?..

— Тогда рѣшено ихъ къ этому принудить, схвативъ Нарышкиныхъ и князя Бориса и смѣнивъ патріарха...

— И онъ задумалъ все это выполнить съ горстью стрѣльцовъ! Безмозглая башка!

— Господинъ Теодоръ—человѣкъ смѣлый! язвительно замѣтилъ Шмитъ.—Онъ уже давно играетъ своею головою.

Но князь Голицынъ уже не слушалъ его; онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ, обдумывая, какъ ему поступить, что̀ предпринять... Потомъ, остановившись передъ Шмитомъ, онъ сказалъ ему:

— Если вы мнѣ сказали правду, то оказали большую услугу. Я ее не забуду. Но нельзя терять времени... Прощайте!

Шмитъ поклонился князю, быстро вздѣлъ парикъ, наложилъ бороду, надѣлъ очки и проворно выскользнулъ за дверь. А князь Василій велѣлъ позвать къ себѣ Кузёмку, и приказалъ ему немедленно осѣдлать двухъ коней, и вывести ихъ, задами, „къ часовнѣ“.

— Да не забудь подъ чекмень надѣть кольчугу—и прихвати съ собой запасъ, который посподручнѣе...

— Безъ запаса по ночамъ не ѣздимъ, сурово отозвался Кузёмка.

Затѣмъ князь Василій обратился къ Кирилычу, сказалъ, что желаетъ отдохнуть и никого не приказалъ пускать на свою половину; а самъ, прійдя въ опочивальню, отперъ стоявшую въ углу скрыню, вынулъ изъ нея превосходную персидскую кольчугу, надѣлъ ее подъ опашень, сунулъ за пазуху кинжалъ, а въ глубокіе карманы опустилъ пару турецкихъ пистолей. Затѣмъ, накинувъ на себя легкую бурку и прикрывъ лицо башлыкомъ, князь вернулся въ шатровую палату и тихо вышелъ изъ дому знакомою намъ потайною дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже скакалъ во всю конскую прыть къ Теремному дворцу, въ сопровожденіи своего неизмѣннаго Кузёмки.

(Продолженіе будетъ).

Защита Нарвы.

Повѣсть Ар. Захарова.

(Продолженіе).

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого бала, ко мнѣ явился отставной генералъ Коньевъ, прихрамывавшій отъ старой раны въ ногѣ и проживавшій въ Нарвѣ на покоѣ. Я съ нимъ изрѣдка встрѣчался, но наше знакомство ограничивалось одними поклонами, почему я не мало удивился его посѣщенію. Впрочемъ онъ не замедлилъ объяснить причину своего визита.

— Я хотя и старикъ, сказалъ онъ,—но очень люблю молодежь и душевно радуюсь когда она около меня веселится. Вашъ офицерскій балъ соблазнилъ меня устроить небольшую вечеринку съ танцами, но такъ какъ я живу холостякомъ, то и просилъ баронессу Арбсъ-Ховенъ быть у меня хозяйкой вечера, а она, въ свою очередь, хотя и согласилась, но подъ условіемъ, чтобы я попросилъ васъ быть хозяиномъ.

— А вы-то причемъ же будете, ваше превосходительство?

— А я буду состоять при васъ адъютантомъ, сказалъ онъ, добродушно засмѣявшись.—Будьте такъ любезны, не откажите доставить всѣмъ удовольствіе.

Мнѣ понравилась эта оригинальная затѣя и польстило требованіе баронессы, такъ что я тотчасъ же согласился.

Въ день этого маленькаго бала я пораньше заѣхалъ за баронессой и вмѣстѣ съ ней явился къ Коньеву. У него все уже было приготовлено, такъ что онъ только ввелъ насъ такъ-сказать въ курсъ своего хозяйства и мы совершенно вошли въ свои роли: я распорядился порядкомъ танцевъ, закусокъ и ужина; баронесса—чаемъ и картами для пожилыхъ гостей.

Не буду описывать подробности этого вечера, со всѣми его маленькими исторійками, скажу только что роль хозяина и хозяйки очень сблизила меня съ баронессой и изъ этого выросли тѣ удивительныя, странныя, но въ высшей степени изящныя между нами отношенія, которыя до сего времени составляютъ самую свѣтлую полосу въ моей разнообразной и полной всякихъ приключеній жизни.

Въ баронессѣ было что-то двойственное. Съ одной стороны, это была женщина со всѣми слабостями и стремленіями свойственными ея полу. Такъ я зналъ очень хорошо, изъ разсказовъ Одинцова и потомъ изъ собственныхъ наблюденій, что она жаждала выйти замужъ и въ мое время замѣтно ухаживала за однимъ командиромъ полка В. Но въ этомъ не было ни тѣни любви, а простой разсчетъ устроиться въ жизни какъ можно приличнѣе.

Съ другой стороны, и въ противуположность этимъ матеріальнымъ разсчетамъ, баронесса умѣла окружить себя ореоломъ душевной и нравственной красоты, предъ которымъ преклонялись не только мужчины, но и женщины. Ее не многіе любили, потому что она держала себя со всѣми слишкомъ гордо и не любила подчиняться мелкимъ условіямъ провинціальной жизни, но ее боялись, относились къ ней съ уваженіемъ и о каждомъ событіи ждали ея мнѣнія: что̀ скажетъ баронесса Арбсъ-Ховенъ?

Живя очень уединенно, съ больнымъ и слѣпымъ отцомъ, она большую часть времени проводила въ чтеніи и поэтому принадлежала къ тѣмъ, очень рѣдкимъ въ нашемъ обществѣ, женщинамъ которыя все знали, всѣмъ интересовались и обо всемъ умѣли говорить. Она не сдѣлалась ни педанткой, ни синимъ чулкомъ, и всякую серьезную или сухую тему разговора умѣла смягчить, округлить и сдѣлать пріятною.

Что̀ она нашла во мнѣ—я не знаю, но только очень скоро, въ особенности послѣ вечера у Коньева, намъ обоимъ было скучно другъ безъ друга. Тутъ не было любви, той любви которую принято называть романическою, ни съ моей, ни съ ея стороны, но когда мы бывали вмѣстѣ, то чувствовали себя очень хорошо. Я ей разсказывалъ о всѣхъ своихъ похожденіяхъ, даже о сердечныхъ дѣлахъ; она принимала искреннее и теплое участіе въ моихъ отношеніяхъ къ Маринѣ, давала совѣты, выводила разныя заключенія, никогда не выказывая ни малѣйшихъ признаковъ ревности, и въ свою очередь посвящала меня во всѣ свои дѣла, спрашивая мнѣнія или совѣта, ни-

сколько не стѣсняясь разочаровать меня въ себѣ. Я не скажу чтобъ это была дружба между нами, нѣтъ, это было нѣчто болѣе дружбы, но и не романическая любовь.

Когда ея старику-отцу дѣлалось худо, она тотчасъ присылала за мной, хотя бы ночью; мы, то вмѣстѣ, то по-очереди, ухаживали за нимъ и она относилась къ моей услугѣ безъ всякой аффектаціи, зная что я въ этомъ не откажу, этимъ не стѣсняюсь и за это ничего не буду требовать; иначе быть не могло, иначе я не могъ съ ней поступить. Въ свою очередь, когда я однажды захворалъ, простудившись въ купальнѣ, и не могъ пріити къ ней, она явилась ко мнѣ, не побоясь толковъ и пересудовъ провинціальныхъ сплетниковъ, и просидѣла у меня часа три. На другой день, когда я, еще больной, пріѣхалъ къ ней, она заставила меня лечь на кушетку, пичкала лекарствами, сама подавала мнѣ ѣсть и пить. Все это у нея выходило такъ просто и естественно, какъ будто иначе и не могло, и не должно было быть.

Много я прожилъ, много зналъ людей, но никогда и ни съ кѣмъ, тѣмъ болѣе съ женщинами, у меня не было такихъ простыхъ, естественныхъ, могу сказать изящныхъ и поэтическихъ отношеній, какъ съ баронессой. Что въ ней было особенно привлекательно, это полнѣйшее отсутствіе сентиментальности, чего-нибудь напускнаго, неестественнаго. Она всегда была весела, всегда остроумна, и даже мнѣ не прощала ни малѣйшаго поползновенія къ рисовкѣ въ чемъ бы то ни было: острое и злое слово, какъ змѣиное жало—было всегда у нея на-готовѣ.

Большимъ ея расположеніемъ пользовался также Одинцовъ, но къ нему она питала именно вполнѣ дружескія чувства. Она его уважала какъ умнаго, энергичнаго и безукоризненно честнаго человѣка, а во мнѣ видѣла, какъ мнѣ кажется, нѣчто въ родѣ дѣтской игрушки.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, съ батарей на устьѣ Наровы, пришло извѣстіе, что на горизонтѣ появились три англійскія судна. Пошелъ переполохъ по всей Нарвѣ. Комендантъ тотчасъ же распорядился запереть всѣ крѣпостныя ворота, безъ пароля никого не пропускать, всѣмъ быть на своихъ мѣстахъ, зарядить орудія, зажечь фитили, а самъ отправился на устье осмотрѣть положеніе непріятельской эскадры.

Отправляясь въ Иванъ-городъ, мѣсто своего служенія, я зашелъ къ баронессѣ.

— Вы куда? спросила она.

— Защищать Иванъ-городъ.

Баронесса, знавшая о положеніи этой руины и ея военномъ значеніи, изъ разсказовъ Одинцова и моихъ, презрительно улыбнулась и покачала головой.

— Неужели, сказала она,—комендантъ серьезно разсчитываетъ на возможность тамъ защищаться?

— Какъ видите.

— А вы? Вы не боитесь быть тамъ?

— Нисколько, потому что англичане никогда не высадятся здѣсь и не будутъ осаждать Нарву.

— Зачѣмъ-же ее укрѣпляютъ и даже этотъ несчастный Иванъ-городъ?

— Я думаю для того только чтобы напугать англичанъ или показать что мы готовы вездѣ имъ дать отпоръ, даже въ Нарвѣ.

Баронесса засмѣялась.

— Ну, въ такомъ случаѣ ступайте смѣло на брань... съ комендантомъ, съострила она.

Въ Иванъ-городѣ я нашелъ все уже на чеку: на башняхъ были разставлены часовые, ворота заперты. Батальонъ ополченцевъ выстроился передъ бараками и Зиновьевъ обходилъ его, осматривая аммуницію и вооруженіе.

— Вотъ и инженеръ нашъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.— Ну, какъ-то мы съ вами будемъ отсиживаться тутъ?

— Да такъ-себѣ, Андрей Васильичъ; посидимъ, покуримъ, попьемъ чайку... Что-жъ тутъ больше дѣлать въ этомъ картонномъ укрѣпленіи!

— А если англичане придутъ и начнутъ ядрами катать?

— Будемъ отстрѣливаться... а не то, всего лучше, чтобы намъ не погибнуть отъ разрушающихся стѣнъ, какъ только появятся англичане, вы прикажите развернуть знамя да съ барабаннымъ боемъ и выйдемъ въ ворота, вылазкой на нихъ.

Я шутилъ, а Зиновьевъ серьёзно задумался.

— А знаете-ли, господа, обратился онъ ко всѣмъ офицерамъ,— вѣдь вылазка дѣйствительно будетъ для насъ единственнымъ исходомъ: въ чистомъ полѣ мы все-таки будемъ безопаснѣе чѣмъ тутъ.

Многіе согласились съ нимъ.

— А разрѣшитъ-ли вылазку комендантъ? спросилъ кто-то.

Зиновьевъ насупился и строго отвѣтилъ:

— Вы забыли что здѣсь—комендантомъ я!

Распустивъ ратниковъ съ позволеніемъ лечь спать, но не раздѣваясь, Зиновьевъ пригласилъ офицеровъ въ свою палатку, къ чаю. Просидѣли мы такъ часовъ до одиннадцати, когда отъ коменданта пріѣхалъ вѣстовой, съ приглашеніемъ Зиновьева и меня на совѣщаніе.

Комендантъ уже вернулся съ устья. Мы застали у него плацъ-маіора, плацъ-адъютанта и Одинцова. Они сидѣли по кресламъ, а комендантъ ходилъ изъ-угла-въ-уголъ.

— Что хорошаго, ваше превосходительство, на устьѣ? спросилъ Зиновьевъ, когда мы раскланялись со всѣми.

— Три судна пришли и встали на якоря, во флангъ нашимъ батареямъ, отвѣтилъ комендантъ.—Расположеніе ихъ показываетъ, что они желаютъ обстрѣливать батареи и, вѣроятно, начнутъ это если не ночью, то раннимъ утромъ. Если имъ удастся сбить батареи — то мы будемъ совершенно открыты; возможенъ будетъ десантъ и осада Нарвы. Я оттого и послалъ за вами. Надо ко всему притотовиться. Вотъ что, Андрей Васильичъ...

Комендантъ взялъ Зиновьева за руку, подвелъ къ плану разостланному на столѣ и сдѣлалъ мнѣ головою знакъ тоже подойти.

— Вотъ что, говорилъ онъ, указывая карандашемъ на планѣ;— въ этомъ мѣстѣ надо будетъ поставить два орудія... вѣдь вы, пока, совсѣмъ безъ артиллеріи?

— Да, кромѣ моего батальона, въ Иванъ-городѣ ничего нѣтъ, отвѣтилъ Зиновьевъ.

— Я вамъ дамъ артиллерію... два орудія... больше мнѣ нельзя вамъ дать. Мы поставимъ ихъ тутъ, чтобъ обстрѣливать рѣку внизъ по теченію. Вы понимаете какъ ихъ поставить? обратился онъ ко мнѣ.

— Понимаю, ваше превосходительство. Но только тутъ нельзя пробивать амбразуры...

— Отчего?

— Какъ разъ передъ нами будутъ стоять дачи... одна даже баварскаго консула.

— Вы ихъ сроете... все что есть тутъ передъ Иванъ-городомъ, все должно быть снято, чтобъ не мѣшало обстрѣлу. Кстати, повернулся онъ къ плацъ-маіору—не медля увѣдомьте владѣльцевъ дачъ и жильцовъ ихъ о нашемъ рѣшеніи. Имъ будетъ заплачено по оцѣнкѣ, и чтобы завтра всѣ живущіе тамъ перебрались въ городъ.

Плацъ-маіоръ молча кивнулъ головой. Комендантъ снова обратился ко мнѣ.

— Сейчасъ прямо отъ меня вы пройдете къ поручику Деревнину, завѣдующему матеріальной частью—вы знаете его?

— Знаю, ваше превосходительство.

— Спросите у него всѣ инструменты и матеріалы, какіе вамъ понадобятся, возьмите вашихъ саперъ и ополченцевъ и завтра, рано утромъ, приступите къ работѣ. Все это должно быть сдѣлано въ однѣ сутки, не болѣе!

— Едва-ли успѣемъ такъ скоро, ваше превосходительство.

— Надо успѣть!

— Амбразуры пробить не долго, но разобрать солидные дома, хотя и деревянные—довольно мѣшкотно.

— Если не успѣете, то сожгите ихъ!

— Не будетъ-ли опасно жечь? замѣтилъ Одинцовъ.—Вѣдь Нарова не широка: угли и даже головешки можетъ перебросить на бастіоны и въ городъ... у насъ много пороху.

Комендантъ взглянулъ на Одинцова и подумалъ немного.

— Да, вы правы, сказалъ онъ.

— Если позволите, продолжалъ Одинцовъ,—я помогу, такъ какъ завтра у меня не предвидится особенной работы.

— Я былъ-бы очень обязанъ, сказалъ я.

— Вы займитесь амбразурами и установкою орудій, а я разниму дачи. Вы согласны, ваше превосходительство? спросилъ онъ коменданта.

— Да, да, отчего-же... А у васъ все готово?

— Все рѣшительно: ямы для фугасовъ вырыты, какъ вы приказали; фугасы готовы и снабжены всѣми принадлежностями. Закопать ихъ не долго, когда только прикажете.

— Ну, хорошо, хорошо. Такъ вотъ, господа, такъ и распорядитесь; я надѣюсь на вашу энергію. Идите-же, вамъ надо торопиться, сказалъ онъ мнѣ.

Отъ коменданта я отправился къ поручику Деревнину. Это былъ старый служака, чуть-ли не изъ писарей дослужившійся до офицерскаго чина, но такой хорошій малый, что всѣ его любили. Небольшаго роста, широкоплечій, съ огромною лысою головой, всегда веселый, гостепріимный и любившій выпить въ компаніи съ другими. Не проходило вечера чтобы у него не пировали то тѣ, то другіе офицеры. Такъ какъ онъ завѣдывалъ матеріальною частью, то водку ему не приходилось покупать... Въ казематахъ крѣпости хранились цѣлыя бочки спирта для войскъ. Какъ всегда, такъ и на этотъ разъ, я засталъ у Деревнина цѣлую компанію пирующихъ.

— Ура! закричалъ онъ, увидавъ меня.—Нашего полку прибыло, господа! Садись сюда, душенька, и догоняй. Мы уже по седьмой прошлись.

— По шестой, замѣтилъ кто-то.

— По шестой или по седьмой, не все-ли равно! Катай, душенька, поскорѣе!

Онъ выставилъ передъ мною шесть рюмокъ и всѣ налилъ водкою.

— Постойте! сказалъ я.—Какая тутъ водка, когда я къ вамъ по дѣлу.

— Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ, а водка можетъ усохнуть, ха-ха-ха! Вали!

— Да не могу, чортъ васъ возьми! Меня комендантъ послалъ къ вамъ.

Выкупъ дороги. Свадебный обычай. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **Шаховскаго**, грав. Шюблеръ.

Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ. Ориг. рис. (собствепность „**Нивы**“) **Э. Гюбнеръ.** грав. Шюблеръ.

— Что ему, старому, нужно? Водки? Такъ я могу цѣлый боченокъ послать.
— Инструменты нужны и лѣсъ, въ Иванъ-городъ.
— Городъ городить? Ха-ха-ха! Теперь-то, ночью?
— Если не ночью, то очень рано утромъ.
— Ну тогда и приходи, а теперь пей! Можетъ-быть последній разъ передъ смертью. Вспомнишь меня какъ будешь лежать въ могилкѣ, да ау! туда ужъ Деревнинъ тебѣ не принесетъ чарочки. А теперь вотъ цѣлая шестерка передъ тобой стоитъ. Ты, душенька, присядь тутъ честнымъ манеромъ, да одну за другой и пропусти, такъ, ласточками.
— Право-же не могу, голубчикъ, Иванъ Ильичъ. Вотъ прогонимъ англичанъ, тогда буду пить сколько хочешь, а теперь освободи. Завтра, съ утра, у меня спѣшная работа... надо въ одинъ день вооружить Иванъ-городъ артиллеріей.
— Еще что выдумалъ! Да весь Иванъ-городъ отъ одного собственнаго выстрѣла развалится. Когда я хожу тамъ, то чихнуть боюсь, а не то чтобы... Поэтому выпей! Англичане тебя не убьютъ, а что ты будешь раздавленъ Иванъ-городскими стѣнами—это вѣрно, душа моя. Господа, простимся съ нимъ на вѣки-вѣковъ, обратился Деревнинъ къ гостямъ;—аминь ему, хорошій былъ человѣкъ и погибъ во цвѣтѣ юности! Бери, братъ, рюмку и чокайся со всѣми передъ смертью; не видать намъ тебя какъ ушей своихъ...
Онъ такъ уморительно грустно проговорилъ эту эпитафію мнѣ, что я невольно разсмѣялся и выпилъ одну рюмку, но отъ другихъ наотрѣзъ отказался.
Подтвердивъ Деревнину, что утромъ въ пять часовъ явлюсь къ нему съ командой за матерьялами, я направился къ Шведовымъ, у которыхъ всѣ комнаты были ярко освѣщены и изъ открытыхъ оконъ, еще далеко по улицамъ, въ ночной тишинѣ, разносились громкій говоръ, смѣхъ и музыка.
— Противный! Гдѣ вы такъ долго пропадали? встрѣтила меня въ передней Марина.
— Позвольте, сейчасъ пересчитаю по пальцамъ: въ Иванъ-городѣ, у коменданта, у Деревнина, теперь у васъ... окончательно пропаду.
— Что вы тамъ дѣлали?
— Службу дѣлалъ, безъ отдыху служилъ...
— И водку пили, слышно вѣдь...
— Виноватъ, одну рюмку выпилъ и не откажусь отъ другой, только изъ вашихъ рукъ.
Веселая Марина разсмѣялась, потащила меня за руку въ маленькую буфетную и сама поднесла мнѣ къ губамъ рюмку... Затѣмъ мы вошли въ залу, гдѣ самое веселое общество, молодое, радостное, полное всякихъ силъ и надеждъ — готовилось пиромъ встрѣчать англичанъ. Во всей Нарвѣ было очень немного людей, которые были увѣрены, что англичане не могутъ сдѣлать десанта и осаждать крѣпость. Напротивъ, большинство было убѣждено, что они пришли къ устью съ рѣшительными цѣлями и не сегодня — завтра начнутъ бомбардировку. Поэтому всѣ собравшіеся какъ у Деревнина, такъ и у Шведовыхъ, пировали дѣйствительно какъ на вулканѣ.
Танцы и игры чередовались одни за другими, перерываемые то чаемъ, то закусками, то ужиномъ, сервированнымъ уже въ пятомъ часу утра. Я не помню ночи проведенной болѣе весело и одушевленно. Всѣ какъ будто находились подъ однимъ общимъ впечатлѣніемъ и щеголяли другъ передъ другомъ заразительною веселостью и остроуміемъ. Старуха Шведова, женщина полная, тяжелая и всегда довольно серьезная, и та, на этотъ разъ, измѣнила себѣ и хохотала до слезъ, всецѣло подчинившись общему веселью. За ужиномъ, когда Шведовъ распорядился шампанскимъ, для достойной встрѣчи англичанъ, всѣ пристали къ поручику Звѣнигрaдскому, чтобы онъ сказалъ спичъ.
— Миледи и джентльмены! началъ онъ импровизовать, коверкая языкъ на англійскій ладъ.—Мы поднимаемъ эти бокалы, а-о, въ честь нашихъ почтенныхъ и многоуважаемыхъ враговъ, а-о, чтобъ имъ пусто было...
— Да что вы все *а-о* говорите! Англичане вовсе не такъ говорятъ! перебили его...
— Не такъ? А то какъ-же?
Чрезвычайно кстати въ эту самую минуту донесся до насъ отдаленный пушечный выстрѣлъ съ устья. Всѣ поднялись съ мѣстъ и молча переглянулись между собою, какъ бы спрашивая другъ друга: что это значитъ?
— Вотъ какъ говорятъ англичане, замѣтилъ Шведовъ, подходя къ окну.
Инстинктивно всѣ бросились за нимъ къ разнымъ окнамъ. Солнце уже было довольно высоко, на улицахъ началось легкое движеніе. Раздался другой выстрѣлъ, третій, четвертый, потомъ уже и считать нельзя было, такъ какъ выстрѣлы участились, перекрещивались, гремѣли то залпами, то въ одиночку, то дробно—очевидно между англійскими судами и нашими батареями завязалась горячая канонада. Правда, до Нарвы звуки выстрѣловъ доходили слабо, но все-таки можно было слѣдить за степенью горячности битвы.

(Оконч. въ слѣд. №).

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

(Продолженіе).

Такъ время шло среди тревожныхъ ожиданій и безнадежныхъ усилій. День аукціона насталъ, а Гербертъ еще ни на шагъ не подвинулся къ цѣли, ничего еще не сдѣлалъ для освобожденія Элимы.
Съ каждымъ часомъ росло его волненіе, но въ рѣшительную минуту ему ничего больше не оставалось, какъ, послушавшись капитана, предоставить все случаю. И онъ ухватился за случай, какъ за единственный якорь спасенія.
Въ состояніи страшнаго раздраженія — гнѣва, тоски и отчаянія — отправился Гербертъ вмѣстѣ съ капитаномъ въ домъ ванъ-Рюйтеръ, гдѣ на открытой площадкѣ передъ верандой уже съ утра происходилъ торгъ.
Было около трехъ часовъ. Уже издали слышался глухой звукъ бубна, въ который съ правильными промежутками ударялъ одинъ изъ туземныхъ служителей: это обычный знакъ, что аукціонъ начался и продолжается. И прежде Гербертъ слышалъ эти звуки, но никогда не волновали они его такъ тяжело, какъ теперь: въ настоящемъ случаѣ они имѣли для него значеніе набатнаго колокола, предвѣщавшаго конецъ всякому счастью на землѣ.
Садовая калитка стояла настежь растворенною. Дорожки были расчищены. Обычно пустынная и безмолвная вилла представляла пестрое, оживленное зрѣлище.
Гербертъ, въ сопровожденіи капитана, прошелъ на веранду и выбралъ на ея ступеняхъ мѣсто, съ котораго могъ все удобно обозрѣвать.
Онъ стоялъ, небрежно опираясь на колонну, но тщетно пытался скрыть свое волненіе. Его выдавали и необычайная блѣдность лица, и безпокойно блуждающій, сверкающій взоръ, и дрожаніе крѣпко стиснутыхъ губъ.
Среди площадки передъ верандой высился массивный, грубой работы столъ, заваленный разнаго рода домашней утварью. Рядомъ стояла мебель, помѣченная нумерами и ярлыками.
Вокругъ толпились покупщики и масса зрителей — голландцевъ, нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и американцевъ, но преимущественно китайцевъ и только отчасти армянъ, арабовъ и яванцевъ. Всѣ они болѣе или менѣе критически относились къ выставленнымъ на продажу предметамъ.
Аукціоны въ Батавіи въ свое время составляли нѣчто въ родѣ общественныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ, на которыя публика стекалась не столько покупать, сколько поглазѣть и посплетничать. Публичная распродажа имущества покойной г-жи ванъ-Рюйтеръ привлекла особенно много праздныхъ зѣвакъ; всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на „рѣдкую красавицу“, невольницу, составлявшую часть продаваемаго добра.
Настоящіе покупатели толпились вокругъ аукціонера, состоявшаго подъ охраной нѣсколькихъ полицейскихъ. Большинство же любопытныхъ стремилось мимо Герберта на веранду и въ домъ. Изъ этого слѣдовало заключить, что тамъ были выставлены для осмотра Сидинъ и Элима.
Ни за что на свѣтѣ не согласился бы Гербертъ присоединиться къ этимъ любопытнымъ и среди нихъ предстать Элимѣ. Его появленіе могло бы до того взволновать бѣдняжку, что она, пожалуй, не совладала бы съ собой и при всѣхъ обнаружила бы свою любовь. Эта мысль была невыносима Герберту. Онъ весь трепеталъ; его душили слезы безсильной ярости при видѣ безжалостнаго любопытства толпы и дерзкихъ, наглыхъ взглядовъ, которые должны были такъ глубоко оскорблять скромность и святую невинность дѣвушки.
— Она, конечно, невыразимо страдаетъ, шепнулъ онъ только что вернувшемуся изъ залы капитану.
Тотъ утвердительно кивнулъ головой.
— Что за позорное дѣло, этотъ торгъ людьми! сказалъ онъ.— Особенно упорно глазѣетъ тамъ на нее одинъ старый китаецъ,— должно быть Ли-Тчунгъ — негодяй! У меня пальцы чесались его поколотить. Впрочемъ, тамъ не мало и другихъ гадкихъ, отталкивающихъ фигуръ. Только достойныхъ господъ Франсенъ не видѣлъ я нигдѣ. Но не падайте духомъ, любезный Гроттеръ. Я предупредилъ Элиму о вашемъ присутствіи и увѣрилъ, что вы во всякомъ случаѣ ее выкупите. Вы ничего противъ этого не имѣете, не правда-ли?
Гербертъ знакомъ поблагодарилъ его, но ни слова не вымолвилъ.
Аукціонъ тѣмъ временемъ шелъ своимъ чередомъ. Непрерывно раздавались однообразныя и хриплыя восклицанія аукціонера, равнодушно и механически отправлявшаго свои обязанности. Предметъ за предметомъ исчезалъ подъ молоткомъ и переходилъ въ руки ловкихъ, усердныхъ *кули*, которые немедленно уносили вещи изъ сада въ жилище новаго владѣльца. Очередь постепенно дошла до всего находившагося на пло-

щадкѣ добра. Тогда были вызваны пятеро невольниковъ, описаніе которыхъ за послѣдніе дни наполняло всѣ мѣстные листки и газеты.

— Наконецъ! воскликнулъ капитанъ, то и дѣло поглядывавшій на часы. — Ужъ больше пяти! Мнѣ надо еще засвѣтло добраться до судна. Ровно въ шесть меня будетъ ждать у пристани шлюпка. Я не люблю долго томить своихъ людей. Съ попутнымъ вѣтромъ я въ полночь надѣюсь уже быть въ морѣ! А вотъ и мѣсяцъ! продолжалъ онъ, отвѣчая на вопросительный взглядъ Герберта. — Полный мѣсяцъ! Не будь яснаго неба, мнѣ пришлось бы ждать до утра. Здѣшній берегъ не безопасенъ.

— Развѣ вы не можете еще немножко отложить ваше отплытіе? спросилъ Гербертъ. — Мнѣ сдается, что меня ждетъ бѣда и что мнѣ нужна будетъ ваша помощь.

Капитанъ пытливо взглянулъ на своего собесѣдника: тотъ уныло смотрѣлъ въ землю. Отвѣтъ замеръ на губахъ капитана: въ эту минуту появились невольники.

Несчастные медленно, съ опущенными глазами, приблизились къ подмосткамъ, гдѣ имъ надлежало подвергнуться публичному осмотру.

Взоры всѣхъ съ любопытствомъ устремились на дорогой товаръ — особенно на Элиму, при появленіи которой въ толпѣ пронесся ропотъ невольнаго удивленія и одобренія.

Элима въ смятеніи не замѣтила Герберта, когда проходила мимо него по верандѣ. И теперь она стояла не поднимая глазъ и опираясь правой рукой о подмостки, точно нуждалась въ поддержкѣ.

Но Гербертъ не спускалъ съ нея пламеннаго взора, полнаго любви и негодованія, тоски и невыразимой нѣжности. Онъ едва удерживался отъ стона при каждой слезѣ, которая, дрогнувъ у ней на рѣсницахъ, медленно скатывалась по щекѣ.

— На подмостки! скомандовалъ аукціонеръ, дѣлая шагъ назадъ.

Кухарка, пожилая женщина, которая, какъ хорошо помнилъ капитанъ, знала еще родителей Элимы, съ покорнымъ видомъ повиновалась.

— Развѣ ихъ не всѣхъ вмѣстѣ продаютъ? равнодушно освѣдомился чопорный голландецъ, указывая на двухъ другихъ невольниковъ, сыновей старухи, изъ объятій которыхъ послѣдняя только что вырвалась.

— Нѣтъ, по одиночкѣ! возразилъ аукціонеръ.

Нѣсколько минутъ спустя, мать и дѣти перешли во владѣніе трехъ разныхъ лицъ и разошлись съ горестнымъ сознаніемъ, что можетъ-быть никогда больше не увидятся.

Очередь дошла до Сидина. Съ гордой осанкой вступилъ онъ на подмостки. Его черные глаза были устремлены на Герберта. Тотъ едва замѣтно кивнулъ ему головой.

Стройная фигура молодаго человѣка многимъ приглянулась и цѣна на него быстро росла. Но Гербертъ мгновенно прекратилъ состязаніе между покупщиками, сразу возвысивъ надбавку на пятьсотъ гульденовъ.

Съ громкимъ крикомъ презрѣнія и оскорбленной гордости, но въ то же время и живой радости бросился Сидинъ къ Герберту, осыпалъ поцѣлуями его руки и въ почтительной позѣ сталъ позади него.

Гербертъ, казалось, вовсе не замѣтилъ бурныхъ выраженій благодарности Сидина. Онъ вдругъ вздрогнулъ, пошатнулся, точно земля подъ нимъ заходила, и обѣими руками охватилъ колонну, о которую до сихъ поръ опирался.

На подмостки взошла Элима. Съ низко опущенной головой и полными слезъ глазами она была блѣдна, какъ смерть. Но красота ея отъ того не умалилась. Многіе изъ тѣхъ, которые пришли сюда позѣвать и полюбоваться хорошенькой невольницей, смущенно отвернулись, когда Элима, въ порывѣ стыда и отчаянія, упала на колѣни и закрыла лицо руками.

— Элима Мелати, все тѣмъ же невозмутимо холоднымъ, сухимъ и дѣловымъ тономъ произнесъ аукціонеръ, — восемнадцати лѣтъ, сирота, рѣдкой красоты. Говоритъ на четырехъ языкахъ, прекрасно образована, имѣетъ всѣ права на званіе учительницы и воспитательницы. Она играетъ на фортепіано, поетъ, искусна въ ручныхъ работахъ и съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ ухаживала въ болѣзни за своей покойной госпожей, которая любила ее, какъ дочь. Кто хочетъ?

Мертвая тишина. Аукціонеръ въ изумленіи оглянулся: никто не рѣшался сдѣлать первый шагъ и предложить свою цѣну.

— Но красоты-то ея и не видно! вдругъ замѣтилъ изъ толпы молодой щеголь, собственная красота котораго была весьма сомнительнаго свойства. — Дѣвушкѣ слѣдовало бы приказать, чтобъ она заложила руки за спину.

— Чортъ побери молокососа! въ негодованіи на всю площадку крикнулъ капитанъ. — Пусть онъ держитъ языкъ за зубами, не то я ему заткну глотку!

— Тише, господа, тише! вмѣшался аукціонеръ: — прошу васъ не нарушать порядка. И такъ, кто предлагаетъ и сколько?

— Двѣ тысячи гульденовъ! на ломанномъ голландскомъ языкѣ вырвалось изъ устъ долговязаго англичанина, который только что подошелъ. Онъ самодовольно оглянулъ толпу, считая предложенную сумму непомѣрною, и, заранѣе увѣренный, что товаръ останется за нимъ, уже полѣзъ за деньгами въ карманъ.

— Три тысячи! пропищалъ крошечный французъ, непремѣнный посѣтитель всѣхъ аукціоновъ.

— Четыре тысячи! пробасилъ англичанинъ.

Французъ пожалъ плечами и скрылся въ толпѣ.

— Кто предлагаетъ сверхъ четырехъ тысячъ гульденовъ? отрывисто спросилъ аукціонеръ.

— Четыре тысячи пятьсотъ! воскликнулъ арабъ, протѣснившійся къ самымъ подмосткамъ: ему очень по вкусу пришелся рѣдкій товаръ.

— Пять тысячъ гульденовъ! подхватилъ опять англичанинъ, засунувъ руки въ карманъ и съ прежнею невозмутимостью.

— ...И пятьсотъ! прокричалъ арабъ.

— Шесть тысячъ гульденовъ — и больше ничего, сказалъ англичанинъ.

— Шесть тысячъ гульденовъ! повторилъ аукціонеръ, устремляя испытующій взоръ на одного стоявшаго по близости китайца. — Кто даетъ больше?

Настала продолжительная пауза.

— Семь тысячъ гульденовъ! вдругъ произнесъ изъ толпы чей-то необыкновенно хриплый голосъ. Элима вздрогнула.

Несчастная заломила руки и у нея вырвался отчаянный вопль. Орошенное слезами лицо ея то покрывалось яркой краской, то смертельно блѣднѣло.

Всѣ присутствующіе невольно обернулись въ ту сторону, откуда послышался роковой для Элимы голосъ. Но публика была заинтересована, не столько значительностью надбавки, заставившей отступиться всѣхъ другихъ покупщиковъ, сколько самою личностью, отъ которой она исходила.

И Гербертъ тоже, до сихъ поръ неподвижно стоявшій со скрещенными на груди руками и упорно смотрѣвшій въ землю, вдругъ встрепенулся.

Состязаніе между покупщиками, предметомъ котораго была Элима, пока мало трогало его и онъ хранилъ угрюмое молчаніе. Онъ зналъ, что ему предстоитъ борьба съ однимъ, который до сихъ поръ еще не выступалъ на сцену. Но теперь, хотя китаецъ, уже болѣе года старавшійся пріобрѣсти Элиму, и не былъ ему знакомъ въ лицо, Гербертъ ни минуты не сомнѣвался, что всѣхъ поразившій голосъ принадлежалъ ему.

— Семь тысячъ гульденовъ! воскликнулъ аукціонеръ: — Ли-Тчунгъ предлагаетъ семь тысячъ; никто не даетъ больше?

При этомъ имени въ толпѣ произошло новое движеніе. Гербертъ еще сильнѣе поблѣднѣлъ. Онъ отлично понималъ, что всеобщее вниманіе, обращенное на китайца, вовсе не было данью его достоинствамъ или даже его богатству—какъ ни падки на послѣднее люди—а проистекало единственно изъ любопытства къ человѣку, который пользовался крайне дурной славой.

Онъ съ ногъ до головы оглядѣлъ сухую, неприглядную фигуру китайца и бросилъ ему вызывающій взглядъ: между ними завязывалась борьба на жизнь или смерть. Между противниками было всего шаговъ десять разстоянія. На китайцѣ былъ обычный бѣлый балахонъ и голубыя шаровары. На пальцахъ сверкали брильянты. Съ маковки угловатой головы спускалась длинная коса; верхнюю губу покрывала жидкая щетина. Желтое лицо было изборождено складками и морщинами, изъ которыхъ каждая, не менѣе его косыхъ глазъ, свидѣтельствовала о дурныхъ наклонностяхъ и о порочной душѣ человѣка извѣдавшаго всю глубину разврата.

— Ли-Тчунгъ предлагаетъ семь тысячъ гульденовъ! повторилъ аукціонеръ. — Семь тысячъ въ первый разъ...

— Не выступить-ли мнѣ теперь за васъ, любезный Гроттеръ? шепнулъ капитанъ.

Гербертъ утвердительно кивнулъ головой.

— Восемь тысячъ гульденовъ! спокойно провозгласилъ капитанъ.

Всѣ взгляды обратились на новаго покупщика; всѣ лица приняли напряженное выраженіе. Одинъ китаецъ сохранилъ хладнокровіе: онъ повидимому зналъ, кто былъ его противникъ.

— Десять тысячъ гульденовъ! сказалъ онъ и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ у него въ лицѣ.

Толпа заволновалась. Многіе вытягивали шеи и становились на цыпочки, чтобъ лучше видѣть и слышать. Кромѣ Герберта и китайца, всѣ очевидно отступились.

— Попробуемъ его запугать! немного подумавъ замѣтилъ Герберту капитанъ. — Двадцать тысячъ гульденовъ! громко прибавилъ онъ.

Присутствующими овладѣло безпокойство. Такая сумма за невольницу была неслыханна.

— Тише, господа, прошу васъ! обратился аукціонеръ къ публикѣ. — Предлагаютъ двадцать тысячъ гульденовъ!

Ли-Тчунгъ съ минуту молчалъ, точно соображая, что ему теперь предпринять.

— Двадцать и одна тысяча! сказалъ онъ наконецъ и обернулся въ сторону своего противника.

Элима не могла даже больше плакать. Она стояла прямо во весь ростъ, неподвижная, точно окаменѣлая. Только большіе глаза ея, съ невыразимой тоской устремленные на Герберта, свидѣтельствовали о страшномъ напряженіи ея души.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Густавъ Ваза. (Рис. на стр. 277).

Однимъ изъ самыхъ популярныхъ и любимыхъ шведами народныхъ героевъ почитается король Густавъ Эриксонъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Густава Вазы по той причинѣ, что въ гербѣ его предковъ былъ изображенъ клубокъ нитокъ. Ставъ королемъ въ тяжелые для Швеціи года порабощенія страны датчанами, онъ освободилъ свою родину отъ тягостнаго ига иноземцевъ, почему Густавъ Ваза и понынѣ горячо чествуется какъ спаситель родины и государь, счастливо соединявшій въ себѣ блестящія качества замѣчательнаго военачальника съ мудростію и разсудительностью глубокаго политика и государственнаго дѣятеля. Историческое обаяніе его личности увеличивается еще полными чудесныхъ приключеній и романическихъ треволеній юношескими годами Вазы. Родившись 29 февраля 1496 г. въ Линдгольмѣ въ Упландѣ, Густавъ Эриксонъ былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ государственнаго совѣтника и рыцаря Эриха Іогансена, женатаго на дѣвушкѣ изъ знатнаго рода Стуре. Въ 1512 г. Густава взялъ къ своему двору въ Упсалу Стенъ Стуре младшій, поручившій заняться воспитаніемъ и образованіемъ молодаго Эриксона Линчепингскому епископу. Одновременно съ тѣмъ Густавъ занимался и военнымъ искусствомъ и въ 1518 г. могъ уже блестящимъ образомъ выказать на дѣлѣ свою отвагу и знанія въ битвѣ при Бренкюркѣ, гдѣ Стенъ Стуре одержалъ побѣду надъ войсками датскаго короля Христіана II. Но событія проходили съ перемѣннымъ счастіемъ и вскорѣ Густавъ Эриксонъ вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами былъ посланъ заложникомъ къ датчанамъ, которые, вопреки данному слову, предательски схватили и увели ихъ плѣнниками въ Ютландію. Здѣсь, въ Каллö, несчастный юноша томился въ домѣ одного изъ своихъ родственниковъ, Эриха Банера, подъ самымъ строгимъ присмотромъ, можно сказать въ заключеніи. Болѣе года находился въ такомъ положеніи Густавъ. Дошедшіе до него слухи о новомъ большомъ походѣ, предпринимаемомъ датчанами, чтобы окончательно покорить Швецію, переполнили чашу терпѣнія молодаго Эриксона и онъ, обманувъ бдительность Банера, переодѣвшись крестьяниномъ, убѣжалъ 18 сентября 1519 г. изъ Каллö, и достигъ благополучно съ погонщиками скота города Любека. Пользуясь защитой и покровительствомъ городскаго совѣта, онъ скрывался тамъ нѣкоторое время. Весною слѣдующаго года онъ перебрался на любекскомъ кораблѣ въ Швецію и высадился у Кольмара 19 мая 1520 г. Переодѣтый, посреди тысячи опасностей, онъ скитался по проселочнымъ дорогамъ своей родины, постоянно преслѣдуемый датскими шпіонами, отъ которыхъ онъ ускользалъ какимъ-то чудомъ. Наконецъ, добравшись до Далекарліи, ему удалось пристроиться поденщикомъ въ Ранкхюттѣ, гдѣ и по-днесь сохраняется то гумно, на которомъ Густавъ Ваза молотилъ хлѣбъ. Но и отсюда Эриксону пришлось удалиться изъ боязни попасть въ руки датчанъ. Въ это время въ Стокгольмѣ произошло событіе, извѣстное подъ названіемъ Кровавой Бани, при чемъ въ числѣ другихъ патріотовъ были казнены отецъ и зять Густава. Извѣстіе о неистовствѣ датчанъ возбудило среди шведовъ жажду мести и непреодолимое желаніе свергнуть чужеземное иго. Тогда-то, во время Рождества, въ 1520 г., на рыночной площади въ Морѣ, куда собрались по случаю праздниковъ крестьяне изъ разныхъ мѣстъ, мужественный и красивый Густавъ Эриксонъ произнесъ пламенную рѣчь, въ которой передалъ тѣ страданія, какія испытываетъ шведскій народъ подъ гнетомъ датчанъ, и призывалъ ихъ взяться за оружіе, чтобы свергнуть порабощеніе и достичь свободы (рис. на стр. 277). Его слова воодушевили слушателей, нѣсколько храбрецовъ изъ далекарлійскихъ крестьянъ послѣдовали за нимъ, и безстрашные передъ опасностями, начали борьбу противъ датчанъ. Съ первыми же успѣхами число сторонниковъ Вазы быстро росло и вскорѣ вся страна, какъ одинъ человѣкъ, поднялась на датчанъ. Болѣе двухъ лѣтъ длилась борьба, пока датчане не были вынуждены возвратить Швеціи свободу. Избранный 25 іюня 1523 года королемъ, послѣ 37-лѣтняго царствованія, Густавъ Ваза умеръ въ 1560 году, горячо любимый своими подданными.

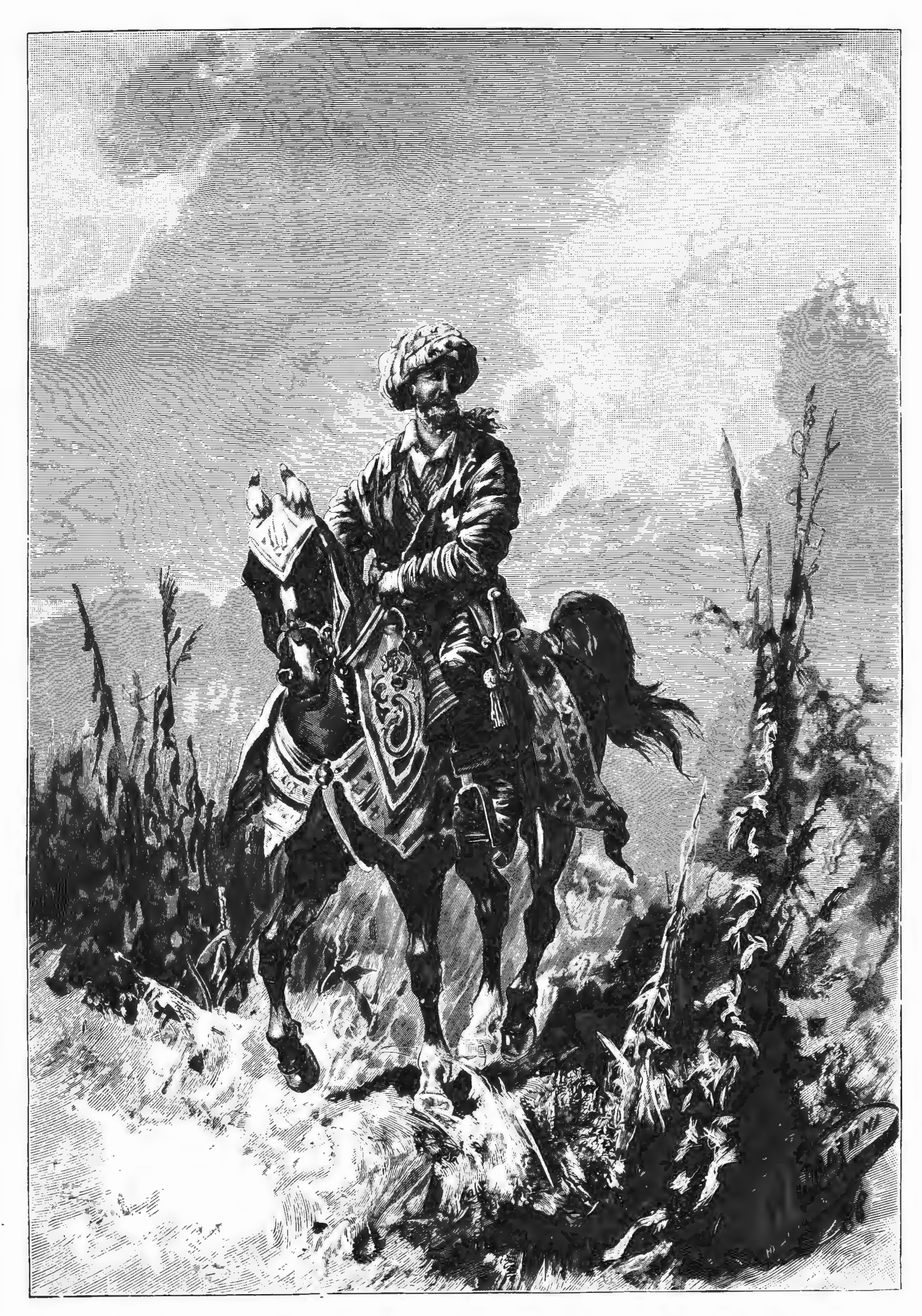
І. Эйхендорфъ (по поводу 100-й годовщины его рожденія).

Онъ и она. (Рис. на стр. 281).

Ты помнишь, милая, вечерней встрѣчи часъ,
На мраморной скамьѣ, подъ старою оливой,
Когда закатъ, румяный прихотливо,
Даль моря золотя, неуловимо гасъ;
И какъ затѣмъ темнѣлъ молоденькій лѣсокъ,
Гдѣ стрекотали къ вечеру цикады,
Куда я шелъ съ тобой, пока лампады
Блестящій Весперъ въ небѣ не зажегъ;
Какъ въ сумракѣ туманъ—клубился между скалъ,
Въ потокахъ нимфы присмирѣли
И только въ чащѣ на свирѣли
Лукавый фавнъ игралъ...

Выкупъ дороги. (Рис. на стр. 284).

Во многихъ мѣстахъ средней Россіи, между прочими подробностями свадебной обстановки, есть обычай останавливать свадебный поѣздъ, бросая поперекъ дороги, подъ ноги лошадямъ, шестикъ или хворостинку. Это значитъ что путь не свободенъ, устроена де застава и надо оплачивать проѣздъ пошлиной. Все населеніе окрестныхъ избъ, старый и малый высыпаютъ на улицу, загораживая дорогу; дружки спѣшатъ уладить дѣло, угощая взрослыхъ стаканчикомъ винца, а ребятишекъ пряниками; затѣмъ хворостинку убираютъ и поѣздъ съ веселыми пѣснями мчится далѣе.



Абдуррахманъ-Автобачи. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **Н. Н. Каразина**, грав. Шюблеръ.

Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ.

(Рис. на стр. 285).

Девять вѣковъ царитъ свѣтъ христіанства въ Россіи. Девять вѣковъ тому назадъ совершилось одно изъ величайшихъ событій въ исторіи нашей родины — крещеніе Руси. Произошло оно въ княженіе Св. Владиміра, котораго церковь православная именуетъ Равноапостольнымъ. Въ началѣ-же правленія этого князя на Руси господствовалъ глубокій мракъ язычества, доживавшаго свои послѣдніе годы. Всѣ попытки поднять его, все рвеніе въ борьбѣ съ христіанствомъ, подавлявшимъ его своимъ величіемъ, только пуще выказывали несостоятельность безсодержательнаго язычества.

Къ этому печальному времени и относится событіе, изображенное на стр. 285. Вотъ что мы читаемъ о немъ въ исторіи Россіи С. Соловьева (т. I, стр. 160): Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на Ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ, и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: „кинемъ жребій па отроковъ и дѣвицъ: на кого надетъ, того принесемъ въ жертву богамъ“. Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою: на этого-то молодаго Варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому Варягу и сказали ему: „палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его къ себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву“. Варягъ отвѣчалъ: „у васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ Греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!“ Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: „дай сына своего богамъ“. Онъ отвѣчалъ: „если они боги, то пусть пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?“ Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ Варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ. Несмотря на то, что смѣлый Варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: „ваши боги дерево; Богъ одинъ, Которому кланяются Греки, Который сотворилъ все, — и безотвѣтны стояли кумиры Владиміра передъ этими словами...“ Варягъ Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ были первые мученики христіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша причла ихъ къ лику Святыхъ.

І. фонъ-Эйхендорфъ. (Портр. на стр. 288).

Въ числѣ представителей Германской лирики одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ баронъ Эйхендорфъ, со дня рожденія котораго нынѣ минуло ровно сто лѣтъ. Весьма симпатичный, даровитый поэтъ, онъ принадлежитъ къ романтическому періоду въ нѣмецкой литературѣ новѣйшаго времени и давно прозванъ „послѣднимъ рыцаремъ романтизма“.

Баронъ Іосифъ-Карлъ-Бенедиктъ Эйхендорфъ родился 10 марта 1788 года, въ Верхней Силезіи, въ родовомъ своемъ помѣстьѣ Любовицъ, близъ Ратибора. Первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ учился въ Бреславльской католической гимназіи, откуда поступилъ въ 1805 году въ университетъ города Галле, избравъ своею спеціальностью юридическія науки. Онъ продолжалъ изученіе въ Гейдельбергскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1807 году. Будучи студентомъ, онъ очень сблизился съ поэтами Морицомъ Арндтомъ, пѣвцомъ войны за независимость, и Климентомъ Брентано, оригинальнымъ романтикомъ, которые имѣли не малое вліяніе, особенно послѣдній, на развитіе и міросозерцаніе Эйхендорфа. Побывавъ, по окончаніи университета, въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ познакомился съ Фридрихомъ Шлегелемъ, онъ, въ февралѣ 1813 г., поступилъ въ военную службу, рядовымъ прусской арміи, мѣсяцевъ восемь спустя произведенъ въ офицеры и въ 1815 году, послѣ битвы подъ Ватерлоо и возстановленія Бурбонской династіи па французскомъ престолѣ, вышелъ въ отставку и вернулся въ Германію. Послѣ этого онъ служилъ въ гражданской службѣ, въ 1821 году совѣтникомъ въ Данцигѣ, 1824—въ Кёнигсбергѣ, 1830—въ Берлинѣ при католическомъ отдѣленіи министерства духовныхъ дѣлъ и въ 1844 году оставилъ службу, проживъ лѣтъ пятнадцать въ кругу семейства своей дочери. Онъ скончался 26 ноября 1857 года, въ Нейссе. Свое литературное поприще Эйхендорфъ началъ стихотвореніями, печатавшимися въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, подъ псевдонимомъ *Флоренсъ*. Окончивъ военное поприще въ 1815 году, онъ издалъ свой первый романъ „Предчувствіе и дѣйствительность“, съ предисловіемъ извѣстнаго автора поэмы „Ундина“ Де-ла-Моттъ-Фукэ. Этотъ романъ „Ahnung und Gegenwart“ имѣлъ успѣхъ, но лучшимъ произведеніемъ Эйхендорфа считается повѣсть „Aus dem Tagebuch eines Taugenichts“, изданная въ 1824 году. Кромѣ этой повѣсти и стихотвореній, выдержавшихъ много изданій, Эйхендорфъ написалъ повѣсти: „Мраморная статуя“, „Поэтъ и его подмастерье“, „Много шуму изъ ничего“, „Замокъ Дюронде“, „Рыцарь-счастливецъ“ и „Похищеніе“, нѣсколько драматическихъ пьесъ, перевелъ много драмъ Кальдерона и напечаталъ три критическіе этюда о нѣмецкомъ романѣ. Всѣ его оригинальныя произведенія и въ стихотворной, и въ повѣствовательной формѣ, и въ драматической проникнуты одной и той-же мыслью, выясняютъ одинъ и тотъ-же идеалъ и отличаются субъективностью, лиризмомъ, католицизмомъ и свѣжестью чувствъ.

Абдуррахманъ Автобачи. (Рис. на стр. 289).

Извѣстный борецъ за независимость Ферганы (Кокандскаго ханства) — суровый противникъ Кауфмана, а потомъ Скобелева, вождь народныхъ ополченій организованныхъ послѣ разбитія главныхъ армій эмира Худояръ-хана, уже нашего плѣнника, Абдуррахманъ-Автобачи былъ также захваченъ въ плѣнъ, но послѣ годовой борьбы съ отрядами Скобелева. Въ 1875 году, онъ былъ привезенъ въ Москву, потомъ поселенъ въ Оренбургѣ, наконецъ, отпущенъ съ почетомъ на свободу, и вскорѣ умеръ на родинѣ. Герой народныхъ пѣсенъ и легендъ, сложившихся, конечно, уже въ послѣднее время, ибо Абдуррахманъ до завоеванія Кокана былъ обыкновенный юсъ-баши, сотникъ коннаго кокандскаго войска, и ничѣмъ особеннымъ въ государственной дѣятельности не выдавался.

Изъ Лифляндіи. (Рис. на стр. 292).

Въ числѣ прибалтійскихъ губерній Лифляндія занимаетъ первое мѣсто по своей красотѣ и количеству старинныхъ замковъ. Если вамъ придется ѣхать отъ Дерпта до Риги, то вы несомнѣнно замѣтите разницу какъ въ поверхности почвы, такъ и въ растительности. Чѣмъ ближе къ Ригѣ, тѣмъ поверхность Лифляндіи становится все гористѣе и красивѣе; хвойныя деревья замѣняются лиственою, и природа. вообще, принимаетъ другой видъ. Самая красивая часть Лифляндіи находится на разстояніи пяти часовъ ѣзды отъ Риги и вполнѣ справедливо названа Лифляндскою Швейцаріей. Здѣсь три красивѣйшіе замка: Тройденъ, Крымонъ и Зегиволтъ, живописно расположены на самыхъ вершинахъ горъ, круто спускающихся къ раздѣляющей ихъ рѣкѣ Аа. Въ Крымонѣ устроена гостиница, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники и художники на все лѣто.

Самый старый замокъ Ливонскаго ордена находится въ Венденѣ въ семидесяти-пяти верстахъ отъ Риги. Замокъ этотъ на разстояніи восьми верстъ соединенъ съ другимъ замкомъ посредствомъ подземныхъ ходовъ. Окруженъ онъ старымъ паркомъ; въ паркѣ озеро и весело бьющій фонтанъ. Тутъ-же, около парка, русская и лютеранская церкви. Жаль только, что въ послѣднее время, красивые національные костюмы латышей стали замѣняться какими-то сѣрыми куртками, что отнюдь не оживляетъ пейзажа.

Еще годъ—строющаяся здѣсь желѣзная дорога будетъ окончена, и Лифляндія, съ каждымъ годомъ, будетъ все больше и больше посѣщаться туристами, художниками и путешественниками.

Изъ Эйхендорфа.

I.

Казалось, небо передъ сномъ
Поцѣловало землю нѣжно,
Чтобъ только грезила о немъ
Она средь ночи безмятежной...
Вечерній, теплый вѣтерокъ
Лѣниво гналъ по жатвѣ волны,
Шептались травы... Былъ глубокъ
Лазурный сводъ, звѣздами полный...
И въ этотъ часъ душа моя,
Взмахнувъ могучими крылами,
Неслась въ родные ей края
Надъ мирно спавшими долами.

II.

Повита сумракомъ земля,
Долина, лѣсъ, — все миромъ дышетъ,
Въ дремотѣ сладостной поля —
И вѣтеръ жатвы не колышетъ.
Чу! Громкій, мѣрный бой часовъ
Донесся издали... Вздрогнула,
Затрепетала лань,—и вновь,
Забывъ испугъ, глаза сомкнула...
Сосновый, горный лѣсъ гудёгъ,
Верхушки чуткія пригнувши:
То по горамъ Господь грядетъ,
Благословляя край уснувшій.

П. Быковъ.

Вильгельмъ I, императоръ Германскій.

(Портретъ помѣщенъ въ № 10, на стр. 265).

Весною 1797 года, 10 (22) марта, въ Берлинѣ родился принцъ, которому суждено было долгое и славное царствованіе, хотя въ началѣ своего жизненнаго поприща онъ повидимому не имѣлъ никакихъ надеждъ на престолъ. Это былъ второй сынъ Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы, Вильгельмъ-Фридрихъ-Лудвигъ. Воспитываясь подъ руководствомъ Дельбрюка, молодой принцъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ выказывалъ огромный практическій смыслъ, любовь къ порядку и твердый характеръ. Королева Луиза, горячая патріотка, сердце которой было разбито бѣдствіями отечества въ годину Наполеоновскаго нашествія, имѣла рѣшающее вліяніе на всю жизнь принца Вильгельма, какъ ни былъ онъ молодъ въ то время, когда потерялъ мать. „Самымъ горячимъ желаніямъ ея“, по собственнымъ ея словамъ, „было воспитать въ своихъ дѣтяхъ истинныхъ друзей человѣчества“. Уже въ молодыхъ лѣтахъ принцу Вильгельму пришлось испытать впечатлѣнія, которыя никогда не могли изгладиться: печальное бѣгство родителей, заносчивость Наполеона, уменьшеніе на половину прусской территоріи, хищничество враговъ. Королева Луиза говорила своимъ сыновьямъ: „Не довольствуйтесь одпѣми слезами! Дѣйствуйте—развивайте свои силы! Можетъ быть геній-хранитель Пруссіи снизойдетъ на васъ; тогда освободите вашъ народъ отъ позора и униженія, въ которомъ онъ томится. Не дайте заразить себя мелочностью нашего вѣка, дѣти мои! Будьте мужами и стремитесь къ славѣ великихъ полководцевъ и героевъ!..“

Принцъ Вильгельмъ какъ-бы принялъ эти слова за руководящую нить въ своей жизни и оправдалъ свыше всякой мѣры ожиданія своей матери.

Произведенный въ офицеры еще въ 1807 г., онъ въ чинѣ капитана принялъ участіе въ походахъ 1813 и 1814 гг. противъ Наполеона и въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ 26 февраля (н. с.), въ войскахъ Горчакова, съ нашимъ Калужскимъ полкомъ первый занявъ Мальценскую высоту, заслужилъ русскій орденъ Св. Георгія 4-й степени и прусскій Желѣзнаго Креста. Въ Россіи принцъ Вильгельмъ въ первый разъ былъ въ 1817 году, сопровождая свою сестру, принцессу Шарлотту, невѣсту Великаго Князя Николая Павловича, впослѣдствіи императрицу Александру Ѳеодоровну. Въ маѣ 1820 года онъ былъ назначенъ командиромъ 1 прусской гвардейской дивизіи, а въ 1825 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, командиромъ гвардейскаго корпуса. Въ іюнѣ 1829 года онъ вступилъ въ супружество съ принцессой Августой Саксенъ-Веймарской, и отъ этого брака 6 (18) октября 1831 родился принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (нынѣ императоръ Германскій Фридрихъ III). Въ теченіе всего этого времени принцъ Вильгельмъ неоднократно пріѣзжалъ въ Петербургъ ко двору, съ порученіями по государственнымъ и семейнымъ дѣламъ. Въ 1834 году онъ былъ представителемъ Пруссіи на открытіи въ Петербургѣ памятника Александру I. Только со смертью отца въ 1840 г. и по вступленіи на престолъ старшаго своего брата, Фридриха-Вильгельма IV, принцъ Вильгельмъ, за малолѣтіемъ наслѣдника, былъ объявленъ предполагаемымъ наслѣдникомъ престола и принялъ титулъ принца Прусскаго, былъ назначенъ губернаторомъ Помераніи и шефомъ многихъ полковъ прусскихъ и иностранныхъ. Въ 1849 году, избранный для подавленія возстаній въ Южной Германіи, онъ командовалъ войсками, покорившими въ нѣсколько недѣль Пфальцъ и Баденъ. По Восточному вопросу предъ Севастопольской кампаніей онъ былъ сторонникомъ Россіи и желалъ болѣе дѣятельной политики направленной противъ притязаній западныхъ державъ. Еще въ 1854 году, возведенный въ званіе фельдмаршала, онъ съ 9 октября 1858 года, по случаю неизлѣчимой болѣзни короля, принялъ правленіе съ титуломъ принца-регента, а 2 января 1861 вступилъ на тронъ Пруссіи.

Нельзя не удивляться послѣдовательности и спокойной энергіи, съ которой онъ выполнялъ отдѣльныя части своей государственной задачи—въ 1864, 1866 и 1870 гг. Императоръ Вильгельмъ создалъ прусское войско. Безъ этого войска, германское единство оставалось бы лишь мечтою поэтовъ и мыслителей. И при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при какомъ отчужденіи лучшихъ силъ государства онъ проводилъ въ первые годы своего царствованія то, что считалъ полезнымъ и необходимымъ! Онъ крѣпко стоялъ за свою военную реформу, хотя весь народъ не сочувствовалъ ей и парламентъ отказывалъ въ средствахъ; онъ крѣпко держался за своихъ совѣтчиковъ, значеніе и силу которыхъ онъ первый сумѣлъ оцѣнить.

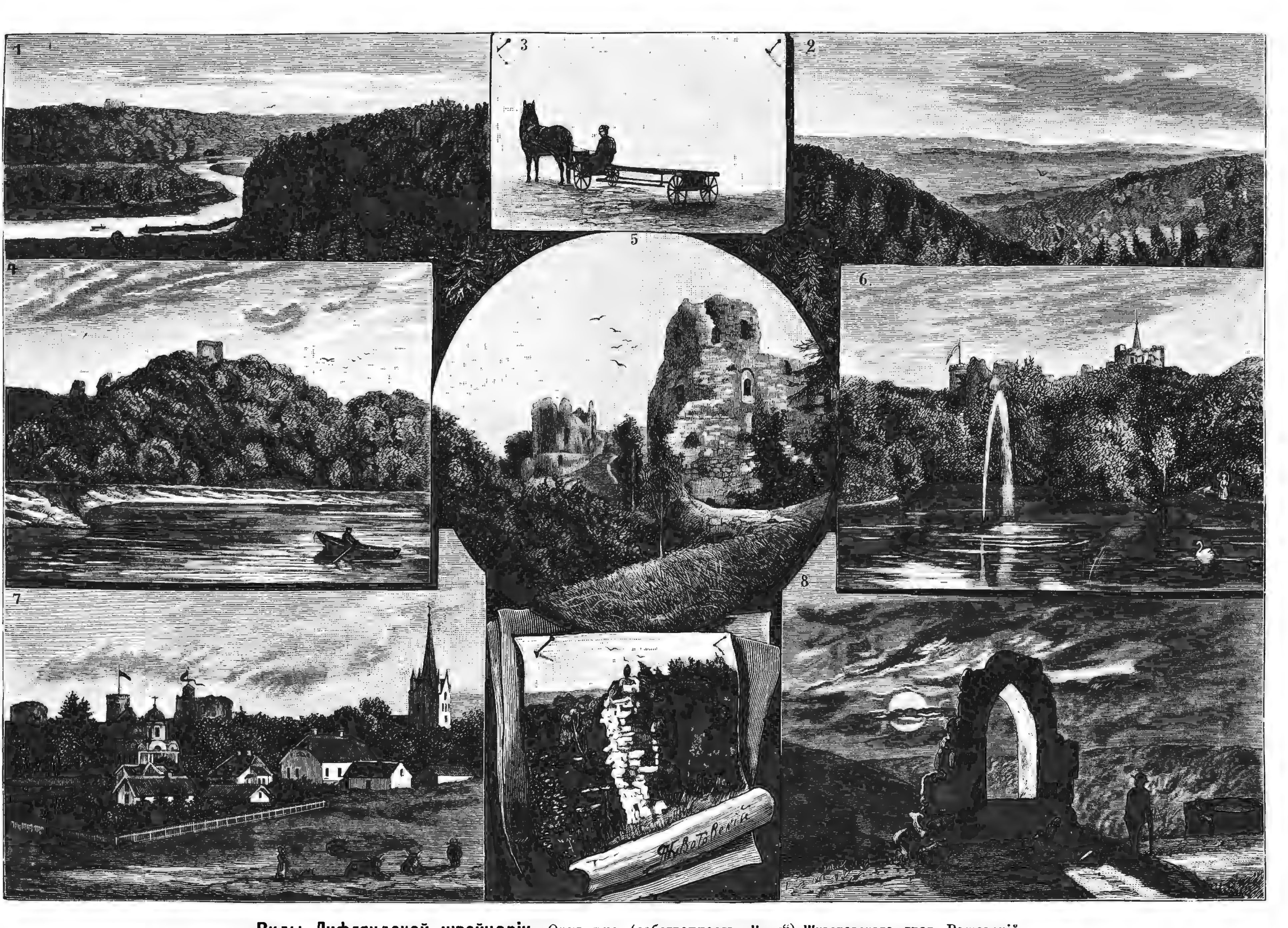
Судьбы Божіи неисповѣдимы. Трудно было представить себѣ, что жизнь этого благочестиваго и взысканнаго Богомъ старца должна окончиться при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ. Тяжкая безнадежная болѣзнь сына, ранняя скоропостижная смерть внука (второй сынъ его дочери, великой герцогини Баденской) омрачили послѣдніе дни маститаго императора, подрывая его жизненныя силы...

25 февраля къ вечеру императоръ Вильгельмъ почувствовалъ себя гораздо лучше. Послѣ того какъ Августѣйшій больной очнулся изъ обморока и подкрѣпилъ свои силы принятіемъ пищи и вина, онъ довольно долго бесѣдовалъ съ принцемъ Вильгельмомъ. Спокойно и твердымъ голосомъ онъ говорилъ съ любимымъ внукомъ о настоящемъ политическомъ положеніи и о военныхъ учрежденіяхъ Германіи, причемъ замѣтилъ, что во Франціи стали подражать произведеннымъ имъ военнымъ реформамъ. Затѣмъ императоръ сталъ обстоятельно говорить о Россіи. Онъ заявилъ, между прочимъ, свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что войны съ Россіей быть не можетъ. Великая герцогиня Баденская, опасаясь, какъ-бы столь продолжительная бесѣда не утомила императора, обратилась къ нему съ просьбою не говорить такъ много. — „Теперь мнѣ болѣе не за чѣмъ думать объ утомленіи“,—отвѣтилъ ей императоръ. Немного спустя онъ впалъ въ глубокій, спокойный сонъ и проснулся только въ 8 час. вечера. Императоръ всталъ съ постели, перемѣнилъ бѣлье безъ всякой посторонней помощи, отъ которой онъ упорно отказывался, и затѣмъ опять легъ спать. Онъ спалъ нѣсколько часовъ совершенно спокойно, съ короткими, впрочемъ, перерывами, во время которыхъ ему давали, по его желанію, немного шампанскаго.

Во дворцѣ всѣ надѣялись, что на слѣдующее утро императору станетъ еще лучше, но, къ сожалѣнію, ожиданіямъ этимъ суждено было не осуществиться. Было около 4 час. утра. Императоръ проснулся и заявилъ, что чувствуетъ себя не хорошо. Врачи констатировали весьма слабое біеніе пульса и крайне слабое дыханіе. Черезъ нѣсколько минутъ Августѣйшій больной впалъ въ забытье. Тогда дежурившіе врачи, лейбъ-медики Лауеръ и Лейтгольдъ, рѣшили созвать членовъ императорской фамиліи. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ вовсе не ложились спать, другіе пріѣхали во дворецъ еще въ 3 часа утра. Немного спустя послѣ 4 часовъ вся императорская фамилія была уже въ полномъ сборѣ; съѣхались также всѣ генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты. Затѣмъ пріѣхалъ старшій придворный проповѣдникъ Кегель. Всѣ съ выраженіемъ глубокаго горя на лицѣ окружили умирающаго монарха. Пульсъ становился все слабѣе. Отъ времени до времени изъ устъ умирающаго вырывались невнятные звуки. Великая герцогиня Баденская опустилась на колѣна передъ родителемъ и сказала ему на ухо нѣсколько словъ, но ни малѣйшихъ признаковъ самосознанія не обнаружилось. Тогда именно и былъ изданъ послѣдній бюллетень, гласившій, что слабость достигла крайнихъ предѣловъ. Все это время императрица Августа сидѣла на стулѣ у постели и держала свою руку въ рукѣ отходящаго въ вѣчность супруга. Даже крайняя слабость, съ которою подчасъ ему трудно было совладать, не могла заставить его выпустить изъ своей руки руку императрицы. Дыханіе становилось слабѣе. Пасторъ Кегель началъ читать отходную. Еще одинъ послѣдній вздохъ—и все было кончено... Всѣхъ поразило, что при послѣднемъ движеніи голова императора очутилась въ такомъ положеніи, что глаза покойнаго казались устремленными въ ту сторону комнаты, гдѣ стоялъ мраморный бюстъ нѣжно имъ любимой родительницы его, королевы Луизы.

29 февраля (12 марта), въ полночь происходило перенесеніе смертныхъ останковъ императора Вильгельма въ соборъ. Императоръ, согласно предсмертному завѣщанію, одѣтъ въ гвардейскій мундиръ и положенъ въ гробъ съ орденами: лентой Чернаго Орла, Желѣзнымъ Крестомъ, Георгіевскимъ крестомъ и русскою медалью. Эта послѣдняя дань почившаго Россіи, вызвала раздраженіе вѣнскихъ газетъ, которыя негодуютъ, что на груди покойнаго императора, кромѣ прусскихъ орденовъ, возложены одни только русскіе; газеты находятъ, что сообразно политическому положенію слѣдовало бы возложить ордена австрійскіе и итальянскіе. Императоръ Вильгельмъ будетъ похороненъ въ сѣрой военной шинели, походной фуражкѣ и вообще въ походной формѣ.

Спальня императора Вильгельма, въ которой онъ скончался, находится рядомъ съ его извѣстнымъ рабочимъ кабинетомъ, въ окнѣ котораго ежедневно появлялась фигура престарѣлаго монарха когда происходила смѣна дворцоваго караула. Комната выходитъ окнами во дворъ и отдѣлена отъ улицы библиотекой, такъ что уличный шумъ не тревожилъ сна императора. Своею простою обстановкой спальня напоминаетъ комнаты императоровъ Николая I и Александра II. Постель императора разбита на складной походной кровати, которая всюду слѣдовала за престарѣлымъ монархомъ, куда бы онъ ни отправлялся: въ походъ, на воды или на свиданіе съ другими монархами.



Виды Лифляндской швейцаріи. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **Животовскаго**, грав. Рашевскій.

1 и 2) Мотивы природы. 3) Извощикъ. 4) За̀мокъ Тройденъ. 5) За̀мокъ Венденъ. 6) Паркъ и за̀мокъ въ Венденѣ. 7) Часть г. Вендена Русская и лютеранская церкви. 8) Развалины за̀мка Зегивольтъ.

Политическое обозрѣніе.

Вступленіе на престолъ императора Фридриха III.

26 февраля въ половинѣ девятаго утромъ, почилъ вѣчнымъ сномъ старѣйшій изъ европейскихъ монарховъ, императоръ Германскій и король Прусскій Вильгельмъ I. Смерть престарѣлаго вѣнценосца была для всѣхъ неожиданною. Взоры всей Европы были устремлены на его сына, нынѣшняго императора, который, будучи одержимъ тяжкимъ недугомъ, проживалъ въ Санъ-Ремо—и вдругъ весь міръ былъ удрученъ печальными извѣстіями изъ Берлина: „императоръ Вильгельмъ боленъ, императоръ Вильгельмъ скончался.“ Дѣло исторіи достойно оцѣнить великія дѣянія усопшаго, которому Германія обязана своею теперешнею военною славою и своимъ политическимъ единствомъ...

Нынѣ императорская корона перешла на чело сына его Фридриха, высокія добродѣтели котораго дѣлаютъ его достойнымъ преемникомъ отца. Сынъ императора Вильгельма и императрицы Августы — Фридрихъ-Вильгельмъ-Николай-Карлъ, нынѣ король Прусскій, императоръ Германскій, родился въ Потсдамѣ 6 октября 1831 года. 57-лѣтній императоръ Фридрихъ, какъ извѣстно, страдаетъ въ настоящее время тяжелою болѣзнью горла. Можно себѣ представить какое невыразимоскорбное впечатлѣніе произвела на Августѣйшаго больнаго вѣсть о кончинѣ обожаемаго имъ родителя. Но преодолѣвъ всѣ физическія страданія и скорбь, новый императоръ твердою рукою принялъ бразды правленія и поспѣшилъ въ горячо любимое имъ отечество.

Въ *Имперскомъ Указателѣ* было 26 февраля напечатано: Имперскому канцлеру доставлена слѣдующая телеграмма изъ Санъ-Ремо: „„Въ минуту глубочайшей скорби о кончинѣ императора и короля, моего любезнаго родителя, выражаю вамъ и „министерству признательность за вѣрность и преданность, съ „которыми вы всѣ служили ему. Въ предстоящей мнѣ тяжелой „задачѣ я разсчитываю на содѣйствіе всѣхъ васъ. Я выѣзжаю „10 марта (27 февр.) утромъ въ Берлинъ *Фридрихъ*.““

Для встрѣчи новаго императора прибыли въ Лейпцигъ князь Бисмаркъ, оберъ-камергеръ министръ королевскаго двора графъ Отто Штольбергъ-Вернигероде, всѣ прочіе министры, статсъ-секретарь графъ Бисмаркъ и нѣкоторыя другія лица.

На станціи въ Санъ-Шеръ д'Арено германская императорская чета была встрѣчена королемъ Гумбертомъ. Встрѣча эта имѣла самый сердечный характеръ. Императоръ нѣсколько разъ принимался благодарить за пожеланія высказанныя ему итальянскою палатой и всѣмъ населеніемъ. Въ Лейпцигъ императорскій экстренный поѣздъ прибылъ вечеромъ, въ три четверти седьмаго; имперскій канцлеръ и министры вошли въ имперскій салонный вагонъ. Императоръ нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ князя Бисмарка и весьма милостиво поздоровался съ другими министрами, а также съ статсъ-секретаремъ графомъ Бисмаркомъ. Императрица тоже весьма милостиво поздоровалась съ имперскимъ канцлеромъ и съ министрами. Князь Бисмаркъ ѣдетъ до самаго Шарлоттенбурга въ императорскомъ салонномъ вагонѣ.

Въ Шарлоттенбургѣ, лежащемъ около самаго Берлина, гдѣ Фридрихъ III думаетъ поселиться, императора встрѣтили на вокзалѣ Германскій наслѣдный принцъ съ супругою, принцъ Генрихъ и наслѣдный принцъ Мейнингенскій съ супругой. Несмотря на сильную вьюгу, все пространство отъ вокзала до дворца было залито густою толпой народа. Тотчасъ по прибытіи поѣзда, ожидавшія его Августѣйшія особы вошли въ салонный вагонъ и сердечно привѣтствовали императорскую чету. Императоръ, въ военной шинели и фуражкѣ, имѣлъ довольно здоровый видъ. Принцы поцѣловали руку императора. Ихъ величества прошли прямо изъ салоннаго вагона черезъ украшенный цвѣтами павильонъ въ приготовленный для нихъ экипажъ и прослѣдовали во дворецъ. Впереди и позади экипажа ѣхалъ почетный конвой отъ королевской прусской лейбъ-гвардіи. На всемъ пути громадныя толпы народа радостно привѣтствовали императорскую чету.

На другой день послѣ прибытія, въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатанъ слѣдующій бюллетень изъ Шарлоттенбурга отъ 29 февраля (12 марта): „Несмотря на утомительную поѣздку и душевное возбужденіе, императоръ провелъ ночь очень хорошо и не ощущаетъ сегодня никакихъ страданій. Дыханіе у него безпрепятственное; въ мѣстныхъ явленіяхъ никакихъ перемѣнъ не произошло“. Вообще, по отзывамъ очевидцевъ, общее состояніе здоровья императора Фридриха гораздо лучше, чѣмъ ожидали на основаніи послѣднихъ извѣстій. Все германское населеніе относится къ нему съ величайшимъ энтузіазмомъ. Выдающіяся дѣйствія правительства ожидаются лишь послѣ погребенія тѣла покойнаго императора. Политика отодвинулась, впрочемъ, теперь на второй планъ, такъ какъ господствуетъ полная увѣренность, что царствованіе императора Фридриха будетъ мирное.

Подтвержденіемъ этой увѣренности служитъ рескриптъ на имя князя Бисмарка и обнародованный въ вечернемъ изданіи *Имперскаго Указателя*, помѣченный 29 февраля, императорскій манифестъ. Въ манифестѣ заявляется: „Съ увѣренностью разсчитывая на собственныя силы, Германія пользуется уваженіемъ въ сонмѣ народовъ. Она желаетъ для себя лишь дальнѣйшаго мирнаго развитія. Этимъ мы обязаны императору Вильгельму. Проникнувшись величіемъ этой задачи, я буду всѣми силами стремиться къ продолженію его дѣла въ томъ духѣ, въ которомъ оно начато, дабы Германія была стражемъ мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я буду пещись о благосостояніи германской земли, согласуясь какъ съ германскими союзными правительствами, такъ и съ конституціонными органами Германской имперіи и прусскаго правительства“.

Въ императорскомъ рескриптѣ на имя князя Бисмарка высказывается горячая благодарность князю, какъ вѣрному и безстрашному совѣтнику престола. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рескриптѣ излагаются руководящіе основные принципы правительственной власти. Имперскіе и прусскіе законы и конституціонныя постановленія должны пользоваться общимъ уваженіемъ и вполнѣ сродниться съ народнымъ сознаніемъ. Конституціонныя права союзныхъ германскихъ государствъ и рейхстага должны уважаться одинаково добросовѣстно. Императоръ считаетъ себя въ правѣ на этомъ настаивать. Въ рескриптѣ заявляется о необходимости сохранить въ цѣлости вооруженныя силы государства. Императоръ твердо рѣшилъ управлять какъ въ имперіи, такъ и въ Прусскомъ королевствѣ, при строгомъ соблюденіи имперской и прусской конституцій и руководствѣ принципами религіозной терпимости ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Императорское правительство будетъ содѣйствовать всѣмъ стремленіямъ на пользу экономическаго преуспѣянія, не вызывая этимъ, однако, ожиданій, будто путемъ государственнаго вмѣшательства можно положить конецъ всѣмъ общественнымъ бѣдствіямъ. Особенное вниманіе будетъ обращено на воспитаніе юношества, чтобы возрастить въ богобоязненности и простотѣ нравовъ молодое поколѣніе.

По этому поводу *Daily News* говоритъ, что императоръ Фридрихъ умѣетъ цѣнить нужды своего народа. *Standard* воздаетъ должное безъискусственному и дѣйствительно серьезному содержанію манифеста, причемъ замѣчаетъ, что онъ произведетъ впечатлѣніе. *Times* выставляетъ на видъ, что перемѣна царствованія не произведетъ никакой перемѣны въ политикѣ Германіи; сынъ будетъ такимъ же стражемъ мира, какимъ былъ отецъ.

При торжественномъ погребеніи тѣла императора Вильгельма будутъ присутствовать: Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи; короли: Бельгійскій, Саксонскій и Румынскій; наслѣдные принцы: Австрійскій, Греческій, Итальянскій, принцъ Уэльскій, принцы Георгъ и Фридрихъ-Августъ Саксонскіе, принцы Лудвигъ и Леопольдъ Баварскіе, великій герцогъ Ольденбургскій, герцогъ Коимбра, великій герцогъ и наслѣдный великій герцогъ Гессенскіе, герцогъ Альбрехтъ, принцъ Вильгельмъ, принцъ Николай Виртембергскій, великій герцогъ и наслѣдный великій герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, принцы Александръ, Генрихъ и Фридрихъ-Карлъ Гессенскіе, герцогъ Кобургскій, наслѣдный великій герцогъ и принцъ Германъ Саксенъ-Веймарскіе, принцы Карлъ и Вильгельмъ Баденскіе, герцогъ и наслѣдный принцъ Ангальтскій, герцогъ Альтенбургскій, герцогъ Мейнингенскій, оба князя Рейссъ, оба князя Шварцбургскіе и принцы Христіанъ и Юлій Шлезвигъ-Гольштинскіе.

Чтобы отдать послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему государю въ Берлинъ съѣхалось много тысячъ иностранцевъ и иногороднихъ нѣмцевъ. Подробности погребенія будутъ помѣщены въ слѣдующемъ политическомъ обозрѣніи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 1 марта Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Вел. Кн. Георгіемъ Александровичемъ отправились, въ 10 час. 45 мин. утра, въ Петропавловскій соборъ, гдѣ присутствовали при заупокойной литургіи и панихидѣ по Императорѣ Александрѣ II.

— Того же числа, на экстренномъ поѣздѣ, въ 2 часа 30 м. пополудни, по Варшавской желѣзной дорогѣ отправились въ Берлинъ, для присутствованія при погребеніи тѣла Императора Германскаго, Короля Прусскаго Вильгельма I, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Августѣйшіе Генералъ-Фельдмаршалы Вел. Кн. Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: По случаю кончины его величества Императора Германскаго Вильгельма I, имѣть пріѣздъ 4 марта, въ 11 часовъ утра, къ богослуженію въ Петропавловскую лютеранскую церковь госпожамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, гофмейстеринамъ и фрейлинамъ, а также членамъ Государственнаго Совѣта, министрамъ, сена-

торамъ, первымъ и вторымъ чинамъ Двора и проч.

Торговля.

Настроеніе международнаго хлѣбнаго рынка остается тихимъ и малодѣятельнымъ. Правда, на недѣлѣ 15—21 минувшаго февраля (ст. ст.) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчалось болѣе твердости; но, не сопровождаясь ни усиленіемъ оборотовъ, ни сколько-нибудь серьезною поправкою цѣнъ— это обстоятельство не могло имѣть существеннаго вліянія на общій ходъ дѣлъ.

Литература и наука.

— Въ текущемъ 1888 году исполнится пятидесятилѣтіе литературно-поэтической дѣятельности Аполлона Николаевича Майкова. Литературно-драматическое Общество, совмѣстно съ представителями періодической печати въ С.-Петербургѣ, въ виду общественнаго значенія предстоящаго юбилея, возложило его устройство на избранный изъ своей среды, въ общемъ собраніи 7 минувшаго февраля, комитетъ. Празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности А. Н. Майкова назначено на субботу, 30 апрѣля текущаго года. Всѣ общества, учрежденія и лица, которыя пожелали-бы принять какое либо участіе въ этомъ торжествѣ, благоволятъ поставить о семъ въ извѣстность предсѣдателя комитета, Якова Петровича Полонскаго (Знаменская ул., № 22, д. Раля), не позже 23 апрѣля.

— Въ послѣднемъ собраніи Императорскаго русскаго географическаго общества было сдѣлано интересное сообщеніе Н. Н. Розановымъ объ одесскихъ оползняхъ, которые неоднократно бывали причиною разрушенія многихъ строеній и построекъ. Эти оползни и въ настоящее время угрожаютъ нѣкоторымъ частямъ города, и потому является необходимость принять какія либо мѣры для обезпеченія города Одессы отъ опасности, постоянно ему угрожающей то въ той, то въ другой его части.

Пути сообщенія.

— Туркестанскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Розенбахъ довелъ до свѣдѣнія Военнаго Министра, что 26 февраля, при большомъ стеченіи бухарцевъ—открыто временное движеніе по Закаспійской дорогѣ до станціи Бухара.

Некрологъ.

— 25 февраля скончался главный священникъ арміи и флота, протоіерей Петръ Евдокимовичъ Покровскій.

— Въ ночь на 24 февраля внезапно скончался въ Москвѣ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей учебнаго дѣла, Александръ Ѳедоровичъ Малининъ, директоръ Московскаго учительскаго института.

2-й заемъ 1866 года. 44-й тиражъ 1-го марта 1888 года.

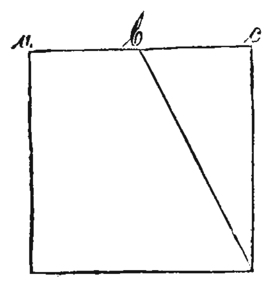
ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
112	16	500	2266	27	5000	4327	3	500	7470	49	500
113	3	500	2283	25	500	4381	41	1000	7635	11	500
114	37	5000	2431	48	500	4446	50	1000	7676	10	500
176	40	500	2475	34	500	4812	30	500	7732	9	500
238	33	1000	2623	7	500	4894	35	500	7740	34	500
264	31	500	2722	12	500	4902	19	500	7785	30	500
267	40	500	2744	48	500	5017	2	500	7871	7	500
420	9	500	2868	17	500	5054	3	1000	7960	23	500
420	19	500	2932	42	1000	5057	50	500	8080	50	500
471	31	500	2966	5	500	5066	7	500	8092	37	500
545	49	500	3005	45	500	5192	1	500	8155	38	500
557	20	500	3032	28	500	5259	45	8000	8164	31	500
613	20	500	3032	39	500	5549	5	500	8201	4	500
661	7	500	3296	50	500	5658	23	500	8203	11	10000
702	36	500	3302	25	500	5794	41	500	8214	44	500
731	6	500	3320	37	5000	5902	50	500	8310	2	500
738	40	500	3356	36	500	6041	33	500	8310	27	500
742	31	5000	3417	34	500	6072	36	1000	8317	50	500
765	41	1000	3473	33	500	6078	9	500	8331	47	500
803	34	500	3551	23	500	6107	16	500	8374	44	500
914	45	500	3570	8	500	6161	27	500	8427	10	500
941	34	5000	3646	6	500	6175	44	500	8441	31	500
981	11	500	3653	12	500	6209	29	500	8787	31	500
982	41	500	3744	28	500	6355	21	500	8865	38	500
1062	37	500	3770	46	500	6399	22	500	9045	15	500
1238	13	500	3848	3	500	6443	8	500	9134	43	500
1473	17	500	3898	12	500	6511	42	500	9203	26	500
1522	37	500	3937	41	500	6668	23	500	9210	37	500
1539	41	500	3977	45	500	6680	14	500	9235	46	500
1581	35	5000	4000	42	500	6767	5	500	9283	33	40000
1603	15	500	4005	18	500	6768	6	200000	9285	24	1000
1636	16	500	4096	41	500	6806	15	500	9545	42	500
1745	29	8000	4193	49	500	7084	34	500	9671	41	500
2020	20	500	4213	20	500	7211	7	500	9899	29	500
2143	25	500	4256	46	500	7280	32	1000	10042	30	500
2187	44	500	4290	45	500	7360	16	500	10068	48	500
2209	20	500	4291	25	500	7384	11	500	10192	44	1000
2261	26	500	4295	15	500	7395	11	500	10196	33	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10202	10	500	12696	27	500	15135	45	1000	17360	35	500
10238	10	500	12712	32	500	15139	30	500	17397	31	500
10241	18	500	12833	11	500	15245	47	500	17428	38	25000
10284	16	500	12850	35	500	15362	9	500	17428	50	500
10447	6	500	12912	12	500	15390	7	500	17802	41	500
10551	21	500	12922	45	500	15504	1	500	17842	33	75000
10563	6	500	12998	12	500	15638	4	500	17971	26	500
10606	44	500	13050	17	500	15713	48	500	18047	29	1000
10703	21	500	13070	34	500	15729	14	5000	18221	9	500
10893	25	500	13080	13	10000	15770	20	1000	18276	2	500
10920	18	500	13160	34	500	15881	15	500	18279	39	500
10941	42	10000	13199	40	500	15919	36	500	18296	45	500
10960	35	500	13332	39	500	15966	36	500	18408	34	500
10965	11	1000	13429	21	500	16064	25	500	18521	2	500
11002	3	500	13483	25	500	16110	30	500	18600	28	500
11107	5	500	13600	32	500	16119	23	500	18696	3	500
11112	46	500	13609	29	500	16127	8	500	18711	18	500
11233	12	500	13689	10	1000	16218	29	500	18726	35	500
11314	44	500	13783	8	500	16233	21	500	18989	2	500
11327	45	500	13931	11	500	16272	32	500	18999	19	500
11375	24	500	13941	37	8000	16278	14	500	19133	2	500
11422	2	500	14001	42	500	16368	34	500	19160	19	500
11482	1	500	14089	36	500	16422	34	500	19312	29	500
11614	42	1000	14143	18	500	16443	7	500	19369	8	500
11792	28	1000	14155	8	500	16533	23	500	19424	36	8000
11922	35	500	14217	33	500	16564	33	500	19426	32	500
11960	44	500	14232	43	500	16634	27	5000	19451	14	1000
12046	50	500	14422	21	500	16689	37	500	19470	17	500
12268	49	500	14508	46	500	16707	19	500	19526	43	500
12279	47	500	14742	15	500	16756	3	500	19661	40	500
12300	39	8000	14759	45	500	16766	44	500	19667	24	500
12409	37	500	14813	11	500	16867	22	500	19668	40	500
12469	37	500	14853	5	500	16883	26	500	19713	29	500
12529	40	500	14899	30	500	17009	47	500	19752	16	500
12558	15	500	14964	8	500	17023	4	500	19841	5	500
12685	18	500	15060	1	500	17026	24	500	19893	47	500
12694	46	500	15089	9	1000	17280	34	500	19901	43	1000

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

4, 102, 134, 283, 311, 397, 879, 1012, 1577, 2293, 2507, 3290, 3526, 3748, 4336, 4714, 4786, 4935, 5202, 5526, 5637, 5646, 5840, 6024, 6074, 6176, 6460, 6531, 7022, 7044, 7161, 7212, 7300, 7546, 7615, 7864, 8052, 8064, 8126, 8783, 9749, 10032, 10599, 10871, 11018, 11534, 11583, 12101, 12497, 12798, 12966, 13161, 13177, 13460, 13420, 13965, 14226, 14278, 14994, 15213, 15466, 15615, 15707, 16373, 16491, 16673, 17128, 17526, 17568, 17660, 17774, 18159, 18212, 18561, 18914, 19028, 19054, 19339, 19380, 19613, 19747, 19815, 19963, 19980.



Геометрическая задача № 20 (проф. Клагеса).

Требуется составить квадратъ изъ пяти квадратовъ, разрѣзанныхъ какъ на прилагаемомъ чертежѣ, въ которомъ *a b* должна быть равна *b c*.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 10 (помѣщ. въ № 5).

1) a $d : x = y + a : c + g$
2) b $z - a : f = b + g : d + x$
3) c $y : d - a = x - g : e$
4) d $d - y : g = x - e : a$
5) e $d = 5g$
6) f $a + b = f$
7) g $z = d + x + g$
8) x $c = e + \frac{y}{3}$
9) y $a + b + g = z$
10) z $z : f + a = d + x + g : в + \frac{y}{2}$

1) a = 3 = **В**
2) b = 27 = **Ъ**
3) c = 16 = **П**
4) d = 15 = **О**
5) e = 12 = **Л**
6) f = 30 = **Ѣ**
7) g = 3 = **В**
8) x = 15 = **О**
9) y = 12 = **Л**
10) z = 33 = **Я.**

„Въ полѣ — воля".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **СПб.**—М. Дахина, Ф. А. Боронина, А. Г. Грундштремъ, Н. Панькова, М. М. Ицигсонъ, **Москва**— Н. С. Вольфсонъ, **Бѣлгородъ**—О. З. Мазуръ, **Б. Коровино**— В. К. Терскаго, **Городецъ**— Н. Сомова, **Кіевъ** — Н. С. Баранова, **Кронштадтъ** — Кирилова, **Лебедянь** — В. Н. Чурилина, **Льговъ** — Д. Н. Воздвиженскаго, **Медвѣдево** — Лейцингеръ, **Минскъ** — Н. Сомова, **Одесса**—Н. Н. Стефани, **Симферополь**—Л. Я. Гусякова, **Юрьевъ**— М. Пашкова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 11 (помѣщенной въ № 5).

Бѣлыя.	Черныя.
C 3 — D 4	E 5 — C 3
H 2 — G 3	F 4 — H 2
C 1 — D 2	G 5 — C 1
F 2 — G 3	H 2 — F 4
C 5 — E 3	F 4 — D 2
D 6 — E 7	F 6 — D 8
B 6 — A 7	D 8 — B 6
A 7—D4-B2	заперты дамка и двѣ простыя.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Н. Куницына, Т. Воронкова, А. Блохина, Ф. К. Сухова, **Дубровка**—Л. Марьясина, **Егорьевскъ**—Н. Н. Матвѣева, **Исады**—В. Кожина, **Молога**—М. Н. Неустроева, **Медвѣдева**—Лейцингеръ, **Рязань**—Н. Солодова, **Середа**—М. В. Лундышева, **Самара**—Н. М. Старостина, **Ярославль**—Н. Курочкина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 12 (помѣщенной въ № 5).

Бѣлые.	Черные.
1) Кр. g 2 — g 1	1) Кр. e 5 — d 4
2) Ф f 1 — a 1 +	Кр. куда угодно
3) Ф a 1 — f 3 ++	
1)	1) g 3 — g 2
2) Ф f 1 — f 2	2) К куда угодно
3) Ф f 2 — f 6 ++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—А. К. Клостерманъ, А. Крюковой, Н. Г. Вульфъ, **Гродно**- Н. Лобшицъ, **Кронштадтъ**— Н. Даржанъ, **Кіевъ**—Л. Д. Диманисъ, **Межирѣчье** — Л. Лесневской, **Уральскъ**—Г. Розова, **Чугуевъ**—М. Полумордвинова, **Черница**—А. М. Френкель, **Ямполь**—Фтурскаго, **Ядринъ**—Е. Абакумова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ИНТЕРЕСНЫЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ.

☛ **Бразильская муха** (металлическая) съ механизм. для летанія, за шт. 2 р. 10 к.

☛ **Автоматически-движущаяся черепаха,** удивительно дешевая и новая игрушка.

Пересылка не меньше 5 шт. 2 р.

Цѣны съ пересылкой.

Продавцамъ уступка, по желанію съ правомъ исключительной продажи во всѣхъ городахъ. Условіе безплатно.

С.-Петербургъ, Б. Садовая, 12.

Оскаръ Лессеръ, Игрушечная фабрика.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!

№ 3068

только 10 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч., съ пробн. снимкомъ и руковод. Пересылка за 15 фунт. Складъ новыхъ изобрѣтеній, **4, Невскій просп., 4,** рядомъ съ Главн. Штабомъ. **С.-Петербургъ.**

Р. № 2966 4—3

ОГРОМНЫЙ ЗАПАСЪ.

Питомникъ имѣетъ для продажи болѣе 3,000,000 фруктовыхъ и лѣсныхъ деревъ. Цѣна фруктовымъ привитымъ отъ 5 коп. за дерево, лѣснымъ отъ 1 р. за 1000 деревъ. Прейсъ-курантъ по требованію высылаетъ садоводство **В. В. Быханова въ Липецкѣ, Тамбовск. губ.** № 3069

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ, наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 2998 10—7

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ".

Правленіе имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава и утвержденныхъ 20-го іюля 1887 г. Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ правилъ, Общество „Россія" ввело нынѣ въ кругъ своихъ операцій

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Этимъ новымъ родомъ страхованія Общество „Россія" гарантируетъ при несчастныхъ случаяхъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ **во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на охотѣ, на водѣ, на льду, при пожарахъ, взрывахъ, и т. п., вообще вездѣ, дома и внѣ дома:**

1. въ случаѣ смерти застрахованнаго— **уплату капитала наслѣдникамъ или указанному лицу;**
2. въ случаѣ увѣчья или вообще инвалидности на всю жизнь — **уплату пожизненной пенсіи застрахованному;**
3. въ случаѣ временной неспособности застрахованнаго къ труду—**суточное вознагражденіе на леченіе и возмѣщеніе заработка.**

Кромѣ отдѣльныхъ лицъ, Общество „Россія" страхуетъ также коллективно **служащихъ и рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, постройкахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п.** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти при исполненіи ими служебныхъ обязанностей.

Пріемъ страхованій и всякаго рода объясненія производятся **въ Главной Конторѣ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.**

Брошюры по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ **выдаются и высылаются,** по требованію, **безплатно.** № 3053 3—3

Соденскія Минеральныя Лепешки

Клеймо.

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Продажа во всѣхъ почти **Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за коробку.** Р. № 3026 10—5

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ,** Большая Морская, № 23, С.-Петербургъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ.	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183	126	62	59
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . **45** р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . **32** р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . **22** р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ **С.-Петербургѣ:** у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Въ **Троице-Сергіевской лаврѣ:** у о. Агапита, въ Новой гостиницѣ.

Въ **Москвѣ:** у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.

Въ **Кіевѣ:** у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ.

Въ **Воронежѣ:** у іеромонаха Платона, въ Митрофаніевскомъ монастырѣ.

Въ **Перми**—у Аркадія Александровича Малдѣева.

Въ **Казани:** у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ.

Въ **Одессѣ:** у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли", по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до **Яффы и обратно,** отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и объясненіями, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, обращаться еще: въ **Одессѣ:** къ протоіерею Александру Николаевичу Кудрявцеву, въ Университетъ; въ **Константинополѣ:** къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 3057 3—2

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ,** приводовъ, **вѣялокъ,** сортировокъ, **плуговъ,** боронъ, **сѣялокъ,** непрерывно **дѣйствующихъ сѣнныхъ прессовъ,** механическихъ **зерносушилокъ,** предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика,** сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ,** Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ,** Рыбная улица. № 3041

Иллюстрированные каталоги безплатно.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ:

СКРИПКИ

а также всѣ другіе струнные инструменты, **неподражаемы по тону и качеству,** отъ 6—300 марокъ. **Нѣмая скрипка** для упражненій (патент.). **Цитры всѣхъ формъ** 16—300 м. **Гитары** 6—50 м. **Смычки и футляры.** Всѣ **деревянные и мѣдные духовые** инструменты. Знаменитая **мастерская для починокъ.** Рекомендаціи отъ **Вильгельми, Саразате, Сорз, Зингеръ, Леонаръ** и пр. Полнѣйшая гарантія. Продавцамъ скидка. Подр. прейсъ-куранты безплатно. Р. 2792 8—8

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Крейцнахъ.

МОЛЬДАКОТЪ

АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ"** не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ,** какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ" доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ,** равно какъ **и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ. „Мольдакотъ"** вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ,** въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ",** Моросейка, д. Комитета. № 3070

Дозвол. ценз., СПБ. 9 марта 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. № 12 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 19 марта 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Графъ П. Д. Киселевъ.

При погребеніи одного знаменитаго римскаго гражданина, древній ораторъ сказалъ: „Мы должны благодарять безсмертныхъ боговъ за то, что сей мужъ родился именно въ нашемъ государствѣ". Эти слова примѣнимы и къ замѣчательному русскому гражданину, горячо и разумно любившему свое отечество, графу П. Д. Киселеву, со дня рожденія котораго нынѣ исполнилось ровно сто лѣтъ. Дѣйствительно, это былъ замѣчательный государственный дѣятель царствованія императора Николая, потрудившійся не мало и на военномъ, и на гражданскомъ поприщѣ на пользу родины, одинъ изъ тѣхъ людей жизнь которыхъ проходитъ въ постоянномъ стремленіи къ достиженію нравственныхъ идеаловъ. У графа Киселева, говоритъ одинъ изъ біографовъ, такой идеалъ состоялъ въ водвореніи законности и правды въ тѣхъ сферахъ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать. Изъ государственныхъ людей Киселевъ едва-ли не первый сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей; поставленный во главѣ управленія государственными имуществами, землями, оброчными статьями и лѣсами, онъ, прежде всего, заботился объ охраненіи государственнаго достоянія отъ расхищенія и неутомимо слѣдилъ за успѣхами и развитіемъ новой вѣтви государственнаго богатства, части имъ созданной. Въ качествѣ дипломата, онъ въ самое трудное время твердою и опытною рукою поднялъ и держалъ съ честью знамя своего отечества, вполнѣ доказавъ свои многостороннія способности, свѣтлый умъ, твердый и благородный характеръ.

Графъ П. Д. Киселевъ (по поводу 100-й годовщины его рожденія).
Съ современнаго портрета, грав. Шюблеръ.

Родъ Киселевыхъ принадлежитъ къ древнему русскому дворянству; въ числѣ предковъ графа былъ, между прочимъ, извѣстный въ исторіи XVII столѣтія посредникъ

между Польшей, Малороссіей и Москвой, поборникъ православія, Адамъ Кисель, отличавшійся умомъ и краснорѣчіемъ и умершій кіевскимъ воеводою. Изъ великорусскихъ Киселевыхъ, многіе, съ XV вѣка, служили въ разныхъ городахъ воеводами. При Петрѣ I одинъ изъ Киселевыхъ, Алексѣй, былъ бригадиромъ; его внукъ, Дмитрій Ивановичъ, занималъ должность главноприсутствующаго въ Московской мастерской оружейной палатѣ, сокровища которой въ 1812 году вывозилъ въ Нижній-Новгородъ. Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Петровнѣ Урусовой и отъ этого брака имѣлъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей. Старшій сынъ его, графъ Павелъ Дмитріевичъ, родился въ Москвѣ, 8 января 1788 года и воспитаніе получилъ домашнее, подобно большинству тогдашнихъ дворянскихъ дѣтей, подъ руководствомъ гувернера-француза. Нравственно вліяла на ребенка его умная, добрая мать, старавшаяся окружить сына достойными сверстниками; въ числѣ ихъ, между прочимъ, находились Александръ Ивановичъ Тургеневъ и извѣстный впослѣдствіи поэтъ и критикъ князь П. А. Вяземскій, съ которымъ П. Д. Киселевъ былъ друженъ до конца жизни. Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что семья Киселевыхъ принадлежала къ высшему московскому кругу, находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ, и въ домѣ Киселевыхъ бывали многія лица, стоявшія тогда во главѣ московскаго образованнаго общества, въ томъ числѣ И. И. Дмитріевъ и Н. М. Карамзинъ. Гр. П. Д. Киселевъ поступилъ на службу „по именному Высочайшему указу коллегіи юнкеромъ“ въ январѣ 1805 г., въ томъ же году переведенъ въ канцелярію генералъ-интенданта кн. Волконскаго, а въ слѣдующемъ 1806 г. опредѣленъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ походѣ 1807 г., въ войнахъ 1812—1815 гг., былъ подъ Бородинымъ, находился адъютантомъ при Милорадовичѣ, а 2 апрѣля 1814 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ императору Александру I и сопровождалъ его на конгрессъ въ Вѣну. Здѣсь и въ Парижѣ графъ свелъ знакомство со многими извѣстнѣйшими политическими дѣятелями той эпохи и изучалъ пріемы дипломатіи, къ которой призванъ впослѣдствіи. Передъ отъѣздомъ изъ Берлина, въ ноябрѣ 1815 года, государь послалъ гр. Киселева на югъ Россіи, а гр. Аракчеевъ вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему одно разслѣдованіе въ Крыму. Съ этихъ поръ начался рядъ порученій, поставившихъ Киселева въ непосредственное сношеніе съ тою средою, въ которой мало-по-малу развилась его государственная дѣятельность. Киселевъ раскрылъ въ помянутую поѣздку многія злоупотребленія въ Новороссійскомъ краѣ, и возвратясь въ Петербургъ, назначенъ былъ состоять при государѣ, съ которымъ ѣздилъ въ 1816 г. въ Варшаву. Въ 1817 г. гр. Киселевъ былъ командированъ во 2-ую южную армію для разслѣдованія безпорядковъ по интендантскимъ дѣламъ и другимъ, послѣ чего назначенъ, въ 1819 г., начальникомъ штаба 2-ой арміи и въ этой должности заявилъ себя дѣятельнымъ и разумнымъ администраторомъ. Свои военныя способности онъ особенно выказалъ въ войнѣ съ Турціей, въ качествѣ командующаго войсками, подъ Браиловымъ, Журжею и при переходѣ черезъ Балканы, причемъ отличался всегда и личной храбростью. По заключеніи мира и подписаніи Адріанопольскаго трактата, гр. Киселевъ сдѣланъ былъ начальникомъ войскъ и правителемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи. Занимая этотъ отвѣтственный постъ, онъ работалъ неутомимо и благотворно. Онъ способствовалъ скорѣйшему прекращенію чумной заразы, уничтожилъ беззаконные поборы, восстановилъ силу древней забытой грамоты господаря Ипсиланти, которою запрещалось евреямъ арендное управленіе крестьянами, принялъ самыя строгія мѣры противъ бродягъ, разбоевъ, злоупотребленій по сборамъ, энергично заботился о развитіи хлѣбопашества и торговли и вообще преобразовалъ несчастный, разоренный край; какъ честный, добросовѣстный и разумный правитель-реформаторъ, онъ заслужилъ общую любовь въ этой странѣ и, уѣхавъ, въ 1834 г., въ Россію, оставилъ по себѣ истинно добрую память. Не меньшимъ трудолюбіемъ, знаніемъ дѣла, энергіей и терпѣніемъ, ознаменовалъ гр. Киселевъ и свою дѣятельность въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, продолжавшуюся безъ малаго двадцать лѣтъ (1837—1856). Онъ во время управленія этою частью, окружалъ себя талантливыми, достойными сотрудниками, и сдѣлалъ все, что было въ его силахъ по улучшенію сельскаго хозяйства, уравненію податей, отправленію земскихъ повинностей, обезпеченію народнаго продовольствія, врачебной части, лѣсного хозяйства. Улучшеніе нравственности среди крестьянъ и развитіе ихъ составляло также одну изъ серьезныхъ заботъ графа. Устройство богадѣленъ, вспомогательныхъ кассъ, учрежденіе Корпуса лѣсничихъ, Лѣснаго института, Лисинскаго учебнаго лѣсничества, Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, тринадцати сельско-хозяйственныхъ обществъ, основаніе *Газеты Лѣсоводства,* упорядоченіе сбора податей, замѣна очередной системы рекрутской повинности жеребьевою, приведеніе въ извѣстность количества земель, постройка нѣсколькихъ тысячъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, — вотъ факты изъ дѣятельности гр. Киселева, по управленію министерствомъ, которые весьма краснорѣчивы и говорятъ сами за себя. Въ 1856 г. гр. Киселевъ былъ призванъ къ иной дѣятельности — дипломатической. Назначенный чрезвычайнымъ полномочнымъ посломъ при императорѣ французовъ, онъ участвовалъ въ парижскихъ конференціяхъ по случаю заключенія мира послѣ Восточной войны и, какъ дипломатъ, оказался на высотѣ своего призванія. Императоръ и императрица Французскіе питали особенное расположеніе къ графу Киселеву и нерѣдко высказывали ему свои сокровенныя мысли. Утомленный дипломатической службою, семидесятилѣтній графъ принужденъ былъ подать просьбу императору объ отставкѣ, которую и получилъ въ іюнѣ 1862 года. Переставъ быть посломъ, онъ все-таки, ради климата и разныхъ удобствъ, остался жить въ Парижѣ, гдѣ онъ и скончался утромъ 14 ноября 1872 года. Тѣло его перевезено въ Москву и погребено тамъ 24 декабря, въ Донскомъ монастырѣ. Графъ былъ женатъ на дочери генералъ-аншефа, графинѣ Софіи Потоцкой. Послѣ П. Д. Киселева остались записки, интересныя какъ матеріалъ для его біографіи и имѣющія также не малое значеніе для политической исторіи Европы.

П. Б—въ.

Завѣтъ.

(Посв. **А. Я. П**—му).

Усовершенствуй то что есть —
Себя, свой даръ, свой трудъ, и вотъ,
Живой предметъ твоихъ заботъ,
Твоя единственная честь.

* * *

Люби науку—это плодъ
Усовершенствованныхъ думъ,
Надъ ней пытай свой шаткій умъ
И свѣтъ ея неси впередъ.

* * *

За вѣкомъ, не спѣша, слѣди,
Къ его жъ мольбамъ склоня свой слухъ,
Не къ разрушенію свой духъ
А къ созиданію веди.

* * *

Умѣя пламенно любить —
Восторженно благоговѣть —
Ты поневолѣ будешь пѣть
И красоту въ душѣ носить.

* * *

Усовершая свой языкъ,
Пойми, что можетъ быть и онъ
Подчасъ, какъ благовѣстный звонъ,
Уймётъ страстей безумный крикъ.

* * *

Къ неправдамъ вѣковой судьбы
Негодованья не скрывай.
Стремясь къ добру, не избѣгай
Самоотверженной борьбы.

* * *

Будь вѣренъ родинѣ своей.
Да просіяетъ и она —
Коль Богомъ сила ей дана
Усовершенствовать людей.

1888. Февраль.

Я. П. Полонскій.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XVIII.

Возвращеніе князя Василія Васильевича Голицына въ Москву было такою неожиданностію, что о немъ не многіе узнали въ тотъ же день. Даже и на всевѣдущей „площадкѣ“, утромъ, событіе это было неизвѣстно, и Шакловитый, уѣхавъ прямо изъ дворца на свой загородный дворъ, не зналъ о прибытіи князя Василія до самаго вечера. Только уже вечеромъ, когда стали у него собираться на окончательное совѣщаніе его пріятели изъ стрѣлецкихъ начальныхъ людей, онъ услышалъ, что князь Василій возвратился.

— Чортъ его не въ пору принесъ! пробормоталъ Шакловитый себѣ подъ носъ.

Онъ, менѣе чѣмъ кто-либо другой, ожидалъ, что князь Василій успѣетъ такъ скоро управиться со своими хлопотами и поладить съ малороссійскою старшиною. Еще не далѣе, какъ въ началѣ прошлой недѣли, Шакловитый получилъ отъ него письмо, въ которомъ князь просилъ его о разныхъ дѣлахъ и ни единымъ словомъ не упоминалъ, что думаетъ вернуться къ концу августа.

„Ну, да благо ужь у меня все готово“, подумалъ Шакловитый, „все налажено.. Такъ онъ и самъ въ ловушку попадется! Запляшетъ, небось, по нашей дудкѣ, поневолѣ!“

Въ томъ же духѣ говорилъ онъ и со своими пріятелями, когда они подъ вечеръ собрались у него въ заднихъ хоромахъ, на послѣднее тайное совѣщаніе. Тутъ были на лицо всѣ тѣ, которымъ были розданы наиболѣе важныя роли въ „дѣйствѣ“ новолѣтія, на 1 сентября: и рыжій Обросимъ Петровъ, и быстроглазый Ларіонъ Елизарьевъ, и суровый Алексѣй Стрижевъ, и буйный Никита Гладкій, и Егоръ Романовъ, и еще человѣкъ десять стрѣлецкихъ начальныхъ людей, да человѣкъ пять подьячихъ, между которыми болѣе другихъ обращали на себя вниманіе Агапъ Петровъ да Матвѣй Шошинъ — высокіе, здоровые и красивые ребята.

Весь этотъ людъ сидѣлъ на лавкахъ, кругомъ стола, накрытаго браною скатертью и заставленнаго всякою соленою снѣдью, оловянниками съ пивомъ и медомъ, и сулеями съ виномъ. Гости сидѣли безъ чиновъ, наливали себѣ, не спрашивая хозяина—каждому была душа мѣра. На одномъ концѣ стола, Агапъ Петровъ, подъ надзоромъ самого Ѳедора Леонтьевича, заканчивалъ на столбцѣ общій списокъ людей изъ стрѣлецкихъ полковъ, назначенныхъ въ нарядъ къ Кремлевскимъ воротамъ на время „дѣйства“; а Матвѣй Шошинъ переписывалъ на отдѣльные столбцы списки людей по полкамъ для передачи ихъ въ руки начальнымъ людямъ.

— Ты сколько написалъ стрѣльцовъ къ Никольскимъ-то воротамъ? спросилъ Шакловитый Агапа Петрова.

— А вотъ погоди, Ѳедоръ Леонтьевичъ, сочту сейчасъ!.. Пятнадцать... двадцать, сорокъ—всѣхъ восемьдесятъ три человѣка...

— Ну, и полно будетъ! А къ остальнымъ воротамъ—по сту?

— Нѣтъ, къ Боровицкимъ больше ста!

— Ну, ладно.. Оттуда, значитъ, и отбавишь для Никольскихъ.

Агапъ принялся отсчитывать людей поимянно и распредѣлять по полкамъ, дѣлая указаніе Шошину, между тѣмъ какъ Шакловитый поднялся со своего мѣста и подошелъ къ другому концу стола, гдѣ бесѣда становилась шумною и пьяною.

— Ѳедоръ Левонтьичъ! Голубка моя! обратился къ нему порядкомъ охмѣлѣвшій Никита Гладкій, — вотъ тутъ споръ у насъ идетъ... Какъ порѣшишь ты?

— О чемъ-же споръ-то?

— А вотъ о чемъ! Вишь этотъ, Стрижъ-то, говоритъ, что животовъ боярскихъ не будемъ трогать, коли и побить бояръ пріидется... А я-то говорю, что и въ боярскіе дворы, и въ лавки заглянемъ...

Шакловитый усмѣхнулся лукаво и подмигнулъ на Алексѣя Стрижова:

— Грабить никого не станемъ, сказалъ онъ,—ну, а если что̀ подъ руку кому и подвернется—сыскивать не будемъ.

— Вотъ видишь, видишь! набросился Никита Гладкій на Стрижова.

— Кто-жь тебѣ мѣшаетъ, грабь пожалуй, коли любо! огрызнулся суровый Алексѣй Стрижовъ.—Я грабить не стану—я не затѣмъ пойду!

— Знаю я, зачѣмъ ты пойдешь! Чуть только наша возьметъ, ты сейчасъ полѣзешь въ Патріаршія палаты да перерубишь тамъ всѣ новаго письма иконы, да книги Никоновскія изорвешь...

— И порублю, и изорву — да! это точно! попрежнему сурово отозвался Стрижовъ.

— А если тамъ розыщешь старую икону, *съ двуперстнымъ-то*, такъ и прикарманишь ее, пожалуй!? засмѣялись кругомъ Стрижова товарищи.

— За это не поручусь! отозвался Стрижовъ, разглаживая свою черную густую бороду и отворачиваясь въ сторону.

— Ну вотъ! подхватилъ Гладкій,—ты себѣ бери иконы старыя! А я-то высмотрѣлъ, близь моего двора, на Рязанскомъ-то подворьѣ, у боярина Бутурлина, больно добры и вѣски, въ конюшенной палатѣ есть гремячихъ шестьдесятъ чѣпей... Ужь ихъ навѣрно приберу къ рукамъ... Одну пожалуй и тебѣ пожертвую на старую икону...

Всѣ засмѣялись, а Алексѣй Стрижовъ плюнулъ и отвернулся.

Въ это самое мгновеніе на дворѣ раздался громкій, ожесточенный лай собакъ, которыя такъ и заливались, такъ и рвались на кого-то къ воротамъ.

Смѣхъ и говоръ смолкли сразу...

— Кто-бы это могъ быть? тревожно спросило нѣсколько голосовъ. Всѣ переглянулись между собою.

— Да здѣсь у насъ еще двоихъ недостаетъ: Андрюшки Бурмистрова да Ивашки Шестакова. Быть-можетъ, не они-ли?

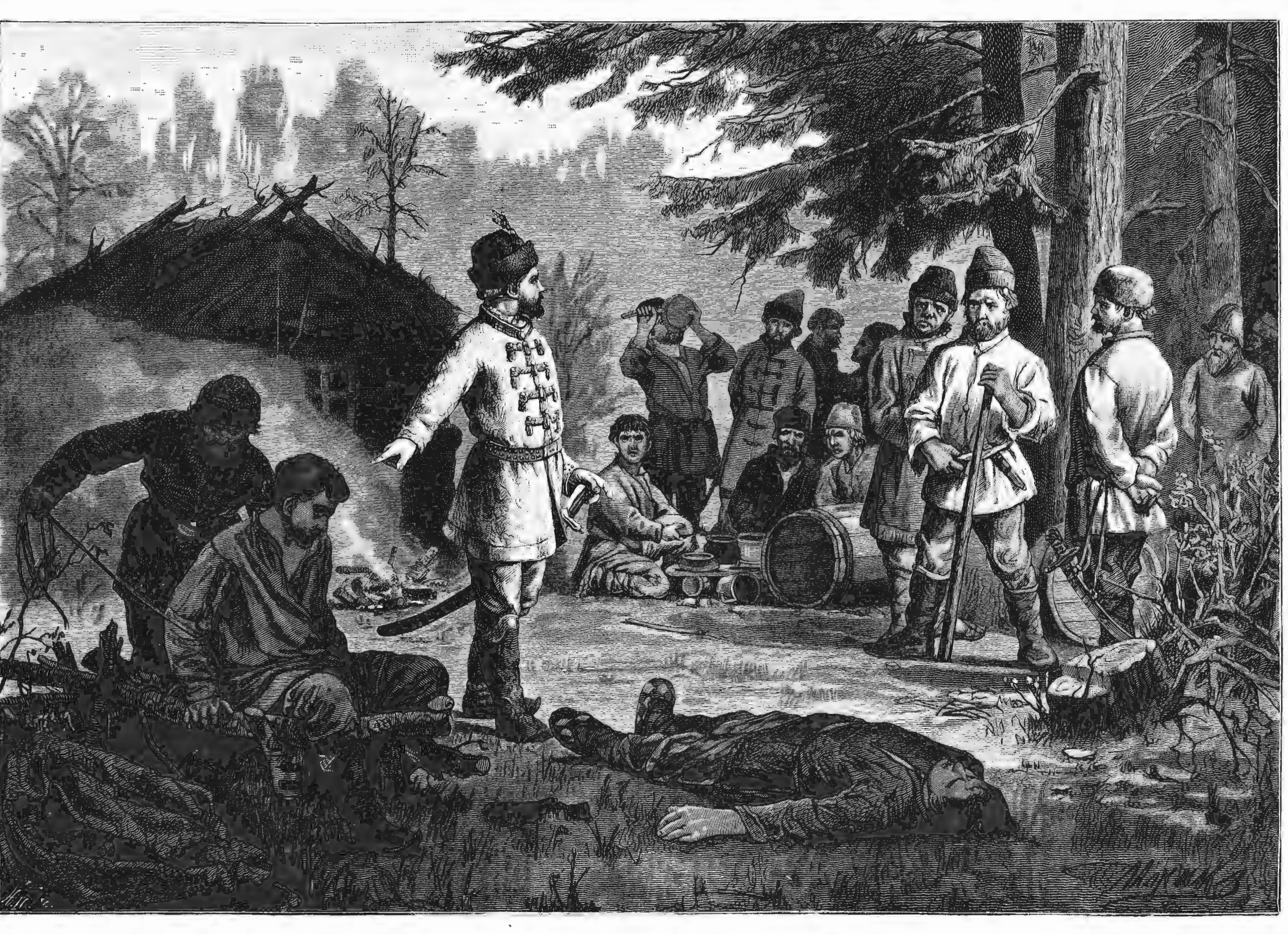
— Нѣтъ, братцы, это кто-нибудь чужой! отвѣтилъ Шакловитый, опуская на столъ свою чару и прислушиваясь къ лаю собакъ.—Да чего же вы переполошились? Вѣдь насъ никто рукою не достанетъ: вездѣ поставлены такіе сторожа, что не дадутъ никому ни спуску, ни пропуску; и будь не свой—затравятъ собаками на-смерть.

Но онъ еще не успѣлъ договорить, какъ изъ-за двери показалась голова его брата, Любима Леонтьевича, который дѣлалъ ему какіе-то знаки.

— Да говори, что̀ тамъ такое? Здѣсь вѣдь все люди добрые — бояться нечего! крикнулъ Шакловитый брату.

— У воротъ какой-то конный... Тебя желаетъ видѣть... говоритъ, что отъ царевны присланъ съ тайнымъ порученьемъ.

— Ну, коли отъ царевны, такъ вѣрно тоже свой человѣкъ? Введи его сюда! Да вели сначала всѣхъ собакъ на-цѣпь посадить—а то вѣдь изорвутъ... Что̀-бы



Литературный альбомъ. „Князь Серебряный“, гр. А. К. Толстого. Серебряный у станичниковъ.

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Ижакевича, грав. Барановскій.

Шутъ. Съ картины А. Савини, грав. Рейманъ.

это значило? сказалъ Шакловитый, обращаясь къ товарищамъ.—Въ такую глухую ночную пору...

Никто не отвѣчалъ ему ни слова и не притрогивался къ кубкамъ. Молчаніе воцарилось такое, что слышно было, какъ сторожа разгоняли собакъ и сажали ихъ на цѣпь, какъ заскрипѣли ворота, какъ застучали подковы коня по деревянной мостовой двора.

Черезъ минуту, дверь растворилась настежь и на порогѣ показалась высокая, сановитая фигура, въ башлыкѣ и буркѣ. Прежде чѣмъ Шакловитый и его гости успѣли всмотрѣться въ вошедшаго, тотъ ловкимъ движеніемъ плечъ сбросилъ съ себя бурку, сдернулъ башлыкъ—и изумленнымъ очамъ всей братіи предсталъ не кто иной, какъ самъ Оберегатель.

— Князь Василій Васильевичъ Голицынъ! разомъ вскрикнули всѣ сидѣвшіе за столомъ и словно по приказу повскакали со своихъ мѣстъ и вытянулись въ струнку...

Изумленіе и тревога были написаны на всѣхъ лицахъ. Шакловитый спохватился первый.

— Добро пожаловать, князь Василій Васильевичъ! нашелся онъ сказать, подходя къ князю съ поклономъ. — Какими судьбами, въ этакую пору?..

— Видно, не въ пору гость, точно, что хуже татарина, Өедоръ Леонтьевичъ! сказалъ, шутя и смѣясь, князь Василій. — Вонъ посмотри-ка на своихъ гостей, какъ они мнѣ рады — каждый, кабы могъ, готовъ-бы тылъ мнѣ показать... Проси ихъ сѣсть — вѣдь мы не чужіе съ тобою.

— Садитесь, гости дорогіе, обратился Шакловитый къ гостямъ, стараясь казаться бодрымъ, хотя голосъ ему не совсѣмъ повиновался. — Князь-батюшка, дозволь намъ выпить за твое здоровье и за счастливое возвращеніе...

— Спасибо! Но прежде того, я самъ выпью за твое здоровье и за здоровье твоихъ гостей! сказалъ князь, подошелъ къ столу и наливъ себѣ вина въ чару, высоко ее поднялъ надъ головою. Всѣ взялись за кубки и за чарки—и такъ и впились въ него взорами.

— Тебѣ, Өедоръ Леонтьевичъ, и твоимъ гостямъ, звучно и громко сказалъ князь Василій, — здоровье *нужнѣе*, чѣмъ мнѣ! Пью за ваши головы — чтобы вы ихъ на плечахъ сносили!

Всѣ дрогнули разомъ и отшатнулись отъ князя Василія. Чья-то чарка выпала изъ рукъ и звонко покатилась по полу...

— Онъ все знаетъ! пронесся шепотъ между стрѣльцами.

— Что же вы не пьете? Өедоръ Леонтьевичъ — и ты тоже? Или ты думаешь, что у тебя голова на плечахъ крѣпче держится, чѣмъ у другихъ?

Шакловитый поставилъ свою чару на столъ, скрестилъ на груди руки, и исподлобья взглянувъ на Оберегателя, проговорилъ медленно и глухо:

— Загадки загадывать изволишь, князь Василій Васильевичъ.

— Нѣтъ, Өедоръ Леонтьевичъ, это ты безъ меня загадалъ — да не вышло... Но съ тобою я еще поговорить успѣю завтра; а теперь — къ нимъ рѣчь, къ твоимъ гостямъ!

И не удостоивъ вниманіемъ Шакловитаго, князь обратился къ стрѣльцамъ и подьячимъ, и сказалъ имъ:

— Я знаю, зачѣмъ вы здѣсь собрались; и пріѣхалъ вамъ сказать, что государыня-царевна всѣхъ васъ благодаритъ за вѣрность и усердье къ ней... Всѣмъ вамъ, стрѣлецкимъ начальнымъ людямъ, жаловать изволитъ по 25 рублей на человѣка; а тѣмъ стрѣльцамъ, что у васъ здѣсь на послѣ-завтра назначены въ нарядъ (князь указалъ на бумаги, лежавшія на столѣ), по два рубля на человѣка. Но государыня-царевна *дѣла вашего дѣлать вамъ не указала*, и приказала вамъ сказать, что нынѣ царскаго вѣнца воспріять не желаетъ.

Глухой ропотъ прошелъ между стрѣльцами; а Шакловитый такъ и впился глазами въ князя Василія.

— Не желаетъ? съ злобной усмѣшкой сказалъ онъ, — не желаетъ? А когда же ты успѣлъ это услышать?

— Я успѣлъ услышать се-вечеръ; а ты услышишь завтра утромъ! твердо отвѣтилъ Шакловитому Оберегатель. — Завтра мы и будемъ говорить съ тобою въ комнатѣ царевны... А вы, повелительно обратился онъ къ стрѣльцамъ, — вы помните, что слышали здѣсь отъ меня о волѣ государыни-царевны. И если кто-нибудь изъ васъ дерзнетъ ослушаться, тотъ помни, что я всѣхъ васъ знаю имянно и что ослушникъ не сноситъ головы на плечахъ. Помните, что не настало еще время ваше... Когда настанетъ — *я вамъ* скажу; *я самъ* васъ поведу... воскликнулъ князь, ударяя себя въ грудь, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ. — Ну, а теперь — еще разъ, знайте,—пью за ваши головы!

И онъ, осушивъ свою чарку, поставилъ ее на столъ; затѣмъ величаво повернулся къ дверямъ, взялъ брошенные на лавку башлыкъ и бурку, и вышелъ изъ комнаты. Черезъ минуту послышался лай собакъ и скрипъ воротъ, и топотъ коня на мостовой двора...

А Шакловитый и его гости все еще стояли около стола въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Изумленіе и тревога были написаны на всѣхъ лицахъ. Агапъ Петровъ и Матвѣй Шошинъ, которымъ ближе всѣхъ пришлось стоять къ князю Василію, были на смерть перепуганы и тряслись какъ въ лихорадкѣ.

Шакловитый тоже трясся, но отъ злобы, которая его душила. Его лицо было покрыто смертною блѣдностью, глаза дико блуждали по сторонамъ, ноздри раздувались, грудь тяжело дышала.

— И зачѣмъ я его не задушилъ! Зачѣмъ я не всадилъ ему ножа въ бокъ! прошепталъ онъ, судорожно сжимая кулаки и безсильно опускаясь на лавку у стола.

— Не много бы ножемъ ты сдѣлалъ! презрительно замѣтилъ ему Обросимъ Петровъ. — Развѣ ты не слышалъ, какъ звякнула на немъ кольчуга, когда онъ въ грудь-то себя ударилъ?

Молчаніе было нарушено. Всѣ заговорили разомъ.

— Кто-же изъ насъ предатель? мрачно произнесъ Стрижовъ, — тому-бы ножъ-то всадить въ глотку!

— Ужъ не Бурмистровъ-ли? Или не Шестаковъ-ли? Ихъ здѣсь нѣтъ... послышалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, за этихъ я ручаюсь, сказалъ Егоръ Романовъ; — я ихъ сегодня видѣлъ: оба головы поднять не могутъ отъ перепоя...

— Но какъ-же? Кто могъ все это знать? Кто предувѣдомилъ?

— И какъ вѣдь прытокъ! Сегодня только прибылъ — и ужъ вездѣ поспѣлъ!

— Да быть не можетъ! Кто-нибудь ему еще въ походъ писалъ! Не даромъ же такъ вдругъ онъ поспѣшилъ...

— Ну, ужъ одно скажу вамъ, братцы! воскликнулъ Никита Гладкій, — одно скажу про князя Василья — молодецъ!.. Всѣмъ взялъ! Какъ есть орелъ! И поступка сановитая — и рѣчь смѣлая! Сказалъ слово, такъ словно шестоперомъ ударилъ... Молодецъ!

Шакловитый все это время сидѣлъ молча, опершись локтями на столъ и опустивъ голову на руки; онъ былъ совершенно убитъ неожиданнымъ ударомъ, который разрушилъ всю его затѣю... Онъ вспоминалъ каждое слово Оберегателя, вспоминалъ каждый шагъ его, каждый оттѣнокъ его рѣчи — и сердце его обливалось кровью и желчью. Немного спустя, гости стали браться за шапки, прощаться съ хозяиномъ и разъѣзжаться. Каждый спѣшилъ въ свой уголъ, и всѣ такъ хорошо понимали душевное настроеніе Шакловитаго, что ни одинъ изъ нихъ ни единымъ словомъ не напомнилъ ему о неудавшихся приготовленіяхъ къ „дѣйству“ предстоящаго новолѣтія. Наконецъ, за столомъ, кромѣ

Шакловитаго, остались еще только: Обросимъ Петровъ, Ларіонъ Елизарьевъ, Никита Гладкій, Алексѣй Стрижовъ и Кузьма Чермный. Всѣ они пили молча, пили съ какимъ-то остервенѣніемъ, пили безъ роздыха, не обмѣниваясь ни словомъ, ни взглядомъ, точно старались потопить въ винѣ свои черныя думы — пили мертвую чашу. И больше всѣхъ ихъ пилъ Ѳеодоръ Шакловитый — и чѣмъ болѣе пилъ, тѣмъ становился мрачнѣе. И вдругъ онъ устремилъ неподвижный, потухшій взоръ въ пространство, и заговорилъ, какъ бы отвѣчая на чьи-то, никому неслышные вопросы:

— Знаю, знаю, что не сносить мнѣ головы на плечахъ! А ты-то самъ сносишь-ли ее?—Такъ я, по крайности ужь и натѣшусь — я даромъ своей головы не отдамъ! — я и самъ много головъ снесу съ плечъ... Вонъ, посмотри, и эти что за столомъ сидятъ — всѣ тоже безъ головъ... Куда вы ихъ дѣвали, братцы!..

— Полно околесную-то нести! сумрачно замѣтилъ ему Алексѣй Стрижовъ, хватая его за плечо и сильно встряхивая.

Шакловитый и точно какъ будто бы очнулся. Оглядѣвшись кругомъ себя, онъ поднялъ голову, обвелъ всѣхъ мутными, налившимися кровью глазами и, ударивъ кулакомъ по столу, вскочилъ со своего мѣста.

— Не задалось! Въ рукахъ была птица, да выпорхнула! закричалъ онъ дикимъ, хриплымъ голосомъ.—Не робѣйте, братцы, будетъ и у насъ ярмонка... Ему жаль стало своего братца двоюроднаго, кравчаго Бориса Алексѣевича, жаль стало Нарышкиныхъ... Онъ, вишь ты, нѣженъ очень—крови не жалуетъ! Ну, такъ мы же ему покажемъ! Здѣсь ихъ пришибить не удалось, такъ въ самое гнѣздо ихъ проберемся,—въ Преображенское, да запалимъ его съ четырехъ концовъ... Да и не только Бориску-пьяницу и всѣхъ Нарышкиныхъ, и самое медвѣдицу-то старую убьемъ, а если даже... если самъ царь Петръ... вздумаетъ ихъ защищать... Онъ, говорятъ, охочъ, тушить пожары-то!... И если вздумаетъ тушить... если за нихъ вступится, такъ и его туда-же!.. И всѣхъ ихъ... коли! руби! чтобы никому пощады... Слышите! Никому!.. Всѣхъ въ лоскъ!..

Тутъ голосъ его оборвался... Силы не выдержали — и онъ грузно рухнулъ на столъ, опрокидывая сулеи и братины; голова его опустилась на грудь, и онъ потерялъ сознаніе.

XIX.

Дѣйство „новолѣтія“ было справлено торжественно и спокойно. Оберегатель своевременно принялъ такія мѣры предосторожности, что если-бы даже Шакловитый и его сообщники вздумали упрямиться, то имъ бы пришлось самимъ попасться въ ловушку. Но всѣ эти мѣры оказались не нужными: Шакловитый и его пріятели были совершенно озадачены тѣмъ, что ихъ сокровенныя думы были такъ легко разгаданы; они понимали, что борьба съ Оберегателемъ была имъ не подъ силу, потому что на его сторонѣ во всякомъ случаѣ оказались-бы люди всѣхъ партій, и Шакловитый съ горстью своихъ стрѣльцовъ явились-бы простыми мятежниками и нарушителями общественнаго порядка, съ которыми, конечно, расправа была-бы очень короткою.

Какъ отнеслась къ этому Софія? Она знала о смѣломъ и безразсудномъ замыслѣ своего усерднаго поклонника, и даже вѣрила въ возможность успѣха его до тѣхъ поръ, пока князь Василій не явился и не истолковалъ ей всего безразсудства подобной попытки. Его логическіе доводы, подкрѣпленные болѣе вѣскими доводами долго-сдерживаемой страсти, сразу побудили царевну отвернуться отъ Шакловитаго и предоставить князю Василію распорядиться въ данномъ случаѣ по усмотрѣнію. Шакловитый, захворавшій отъ всей перенесенной имъ нравственной передряги, не являлся во дворецъ нѣсколько дней сряду; а когда явился, то встрѣченъ былъ такою ледяною холодностью, которая говорила ему слишкомъ ясно, откуда опять подулъ вѣтеръ. Объясненій не требовали, и онъ былъ очень радъ уже тому, что его по крайней мѣрѣ избавили отъ унизительной роли отвѣтчика; однакоже довѣріе къ нему было въ такой степени подорвано, что всѣ важнѣйшія дѣла пошли мимо его рукъ...

Но если не потребовала его къ отвѣту царевна, то не такъ мягко отнеслось къ нему боярство и весь тотъ людъ, съ которымъ ему приходилось ежедневно сталкиваться во дворцѣ. На „площадкѣ“, не стѣсняясь толковали о томъ, что Шакловитаго слѣдовало-бы засадить въ тюрьму, а о его злоумышленіяхъ на государское здоровье слѣдовало-бы начать розыскъ.

Съ „площадки“ слухи и толки, все возростая, переходили въ разные слои городскаго населенія, а съ другой стороны, черезъ пріѣзжихъ боярынь, переносились и въ кружокъ царицы Натальи Кириловны, которая, съ нѣкотораго времени, не могла хладнокровно слышать имени дьяка Шакловитаго, и не стѣсняясь выражала увѣренность въ томъ, что, рано или поздно, онъ не минуетъ плахи.

Но за то князь Василій, съумѣвшій такъ ловко и твердо устранить грозившую общественному порядку опасность, съумѣвшій оберечь государское спокойствіе и здоровье — вдругъ выросъ въ глазахъ большинства и сдѣлался положительно героемъ дня. Никому даже и въ голову не приходило, что Шакловитый былъ только неловкимъ и не по разуму усерднымъ исполнителемъ плана, набросаннаго княземъ Василіемъ... „Оберегателю“ были признательны даже въ Преображенскомъ. Даже и тамъ его довольно ласково приняли и довольно охотно согласились на щедрыя награды, которыя, по желанію царевны, назначены были за Крымскій походъ и Голицыну, и всѣмъ подручнымъ его воеводамъ, и даже простымъ служилымъ людямъ.

Одинъ только князь Борисъ понималъ сущность дѣла яснѣе другихъ, и когда его пріятели, осуждая и проклиная Шакловитаго, старались доказать, что между нимъ и княземъ Василіемъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, князь Борисъ сомнительно покачивалъ головою и говорилъ: „оба хороши—однимъ муромъ мазаны! Только у одного—ума палата, а у другаго и на подклѣть его не наберется—зато дерзости на всѣхъ насъ хватитъ“.

Осыпанный почестями и наградами, обласканный царевной, Оберегатель и послѣ своего неудачнаго похода занялъ прежнее первенствующее положеніе при дворѣ Софіи; но во внутреннемъ мірѣ его происходила никому не замѣтная перемѣна. Неудача и тяжелые удары его самолюбію, нанесенные за послѣднее полугодіе, поколебали въ немъ вѣру въ самого себя, открыли сомнѣнію доступъ въ его гордую душу... Онъ пересталъ вѣрить въ свое счастье, въ свою постоянную, неколебимую удачу. Ему уже не казалось болѣе, что онъ съумѣетъ одинъ справиться со всѣми окружавшими его затрудненіями, что онъ преодолѣетъ всѣ препятствія и до конца дней удержитъ за собою то высокое положеніе, которое онъ уже много лѣтъ сряду занималъ при Дворѣ. При томъ, и его послѣднее свиданіе съ Петромъ, и все то что̀ онъ о Петрѣ слышалъ—убѣждало его, что̀ въ этомъ юношѣ кроется свѣтлый, обширный умъ и зрѣютъ громадныя силы, еще не опредѣлившіяся, не нашедшія себѣ надлежащаго выраженія, но много обѣщающія въ будущемъ... „Петръ будетъ царемъ—и царемъ единодержавнымъ; онъ не потерпитъ около себя ничьей власти; онъ всѣхъ преклонитъ подъ свою грозную десницу...“ „Бориско правъ: дни царевны дѣйствительно изочтены... Много-много еще два года, и Петръ, властною рукою, вырветъ изъ слабыхъ женскихъ рукъ бразды правленія, и станетъ править самъ... Что̀ тогда будетъ съ царевной? Что̀ со мною? У *его* престола мнѣ не найдется мѣста!“ „Но такъ-ли думаетъ царевна? Такъ-ли смотритъ она

на Петра?—Нѣтъ, она вѣритъ въ то, что постоянно будетъ преобладать надъ братьями, что никогда не разстанется съ властью, что раздѣлитъ ее съ Петромъ только для виду... Она не хочетъ заглянуть въ будущее, не хочетъ въ подростающемъ юношѣ видѣть созрѣвающаго мужа! И не онъ-ли самъ, Оберегатель, внушилъ ей это? Не онъ-ли обнадежилъ ее возможностью удержать за собою если не всю ея теперешнюю власть, то значительную долю ея... А она ему вѣрила и вѣритъ—и въ ея ошибкахъ, въ ея заблужденіяхъ онъ-же дастъ отвѣтъ Богу! Она возвела его на высокую степень могущества, славы и богатства—она ничего не пожалѣла для его блага и счастья. А что̀ онъ для нея сдѣлалъ? Точно-ли онъ былъ ея вѣрнымъ слугою, преданнымъ ея другомъ, ея добрымъ совѣтникомъ?“ И на всѣ эти тревожные вопросы онъ долженъ былъ себѣ отвѣтить отрицательно; долженъ былъ сознаться, что тотъ самый Шакловитый, котораго онъ осуждалъ и обуздывалъ, былъ прямѣе, былъ искреннѣе его, былъ преданнѣе его...

А вслѣдъ за этими мыслями ему приходили на память тѣ страшныя, загадочныя рѣчи волхва, которыя, отчасти, по отношенію къ его походу, уже сбылись, какъ предсказанія. Дѣйствительно, походъ былъ неудаченъ, и лучше было-бы ему не ходить въ походъ и послать другихъ, вмѣсто себя. Тогда на нихъ-бы легла вся отвѣтственность за неудачу, которую онъ такъ неловко, такъ неискусно старался прикрыть и оправдать, сваливая всю вину на смѣщеннаго имъ гетмана Самойловича. И опять мысль тревожно устремлялась въ будущее, а воображеніе рисовало ему образъ того-же стараго колдуна съ его смѣлыми, глубокими, острыми глазами, и слышались его предсказанія о грядущихъ бѣдахъ... „Неужели-же и они должны осуществиться на дѣлѣ, и оправдаться такъ же, какъ оправдались его предсказанія о походѣ?“

Въ то же самое время, женскій умъ работалъ въ совершенно иномъ, противоположномъ направленіи. Царевна, ослѣпленная страстью къ своему любимцу, забывала и о прошедшемъ, и о будущемъ — она всею душою жила въ настоящемъ; и въ этомъ настоящемъ она старалась отдалить отъ мыслей своихъ все то, что̀ не имѣло отношенія къ предмету ея страсти; она способна была думать только о томъ, что́, въ ея воображеніи, составляло его ореолъ, украшало его, возвышало его значеніе—и вся отдавалась думамъ и заботамъ о его благѣ, его счастіи, его выгодахъ и удобствахъ. Ея измышленіемъ и промысломъ, кромѣ обычныхъ и въ прежнее время наградъ — тяжеловѣснаго золоченаго кубка съ кровлею, золотнаго кафтана на черныхъ соболяхъ и увеличенья оклада жалованья — Оберегатель былъ награжденъ еще великолѣпною золотою медалью въ 300 червонцевъ, украшенною алмазами, и на золотой цѣпи для ношенія на шеѣ. На одной сторонѣ медали—изображеніе братьевъ-царей; на другой — одна Софія.

А на Большомъ Дворѣ князя Василія, на половинѣ Авдотьи Ивановны, вся ближайшая къ княгинѣ часть женскаго населенія предавалась заботамъ совсѣмъ инаго рода.

Неожиданный пріѣздъ князя Василія нарушилъ мирное теченіе жизни на Большомъ Дворѣ, заставилъ всѣхъ выйти изъ обычной колеи, отвлекъ отъ хозяйственныхъ заботъ, взбаламутилъ, вызвалъ толки, разговоры, предположенія. И если отъ Кузёмки Крылова мудрено было добиться слова или даже отвѣта на заданный вопросъ, то другіе слуги, прибывшіе изъ похода съ Оберегателемъ, за словомъ въ карманъ не лѣзли и въ день успѣли столько насказать чудесъ о претерпѣнныхъ въ походѣ страхахъ и бѣдствіяхъ, что отголоски этихъ разсказовъ доносились даже и до самой княгини Авдотьи Ивановны черезъ окружавшихъ ее приживалокъ-богомолицъ и наиболѣе довѣренныхъ лицъ изъ женской половины дворни.

— Что̀ это, матушка-княгиня,—говорила ей одна изъ любимыхъ ея старухъ-богомолицъ, сидя подъ вечерокъ въ ея опочивальнѣ, на низенькой скамеечкѣ около богатой княгининой кровати,—что̀ это, княгинюшка, твой соколъ-то ясный вернулся изъ похода не веселъ?

— Ума не приложу, Ѳоминишна! Кажется и здоровья Богъ далъ, и въ тѣлѣ — въ добрый часъ сказать—и ужь царской милостью такъ взысканъ, что и Господи! Что ни день, то новый посолъ изъ Дворца, съ новымъ жалованьемъ отъ великихъ государей... То вина заморскаго бочку прислали, то полдюжины стульевъ, крытыхъ рытымъ бархатомъ, то кровать вчера государи пожаловали богатѣйшую... Ну, кажется, жить-бы да радоваться! А онъ все хмурый да понурый ходитъ... Что̀ за притча—и не понять!

— Ужь не зазноба-ли какая? Не черкашенка-ли тамъ приглянулась ему, не приворожила-ли его? пытливо допрашивала княгиню Ѳоминишна, видимо желая уяснить себѣ мрачное настроеніе князя, чтобы принять противъ него какія-нибудь свои, женскія мѣры.

— Что́ ты, что́ ты, Ѳоминишна! почти съ досадою отозвалась княгиня. — Князя Василія мудрено нашей сестрѣ приворожить... Онъ и самъ великія присухи знаетъ... А мнѣ вотъ что̀ сдается...

— Ну, ну, что̀ тебѣ сдается, матушка? нетерпѣливо перебила княгиню старуха, пододвигая скамью къ ея изголовью.

— Мнѣ сдается, Ѳоминишна, что князь-то мой испорченъ...

— Испорченъ! А кѣмъ-же, матушка? И какая порча—надо-бы дознаться.

— А какъ дознаться-то? Вѣдь онъ самъ этого не скажетъ... Знаю я только отъ Алёшеньки, что передъ походомъ, незадолго, приходилъ къ нему отъ царевны колдунъ, и по рукѣ ему гадалъ и про все, что́ съ нимъ приключится, говорилъ-же... Ну, съ тѣхъ поръ мы его веселымъ ужь и не видали...

— Что̀-жь онъ ему—бѣдами какими грозилъ... что-ли?

— Ничего я не знаю, и сказать не могу... Только Алёшенька мнѣ сказывалъ, что онъ этого самаго колдуна и у царя Іоанна Алексѣевича въ покояхъ видалъ, какъ онъ тамъ знахарствовалъ...

— Ужь коли этотъ колдунъ при государѣ знахарствовалъ, такъ вѣрно и на князя Василія Васильевича никакой порчи нагнать не можетъ... А вотъ этотъ-то дохтуръ-нѣмецъ, что изъ нѣмецкой слободы сюда ѣздитъ, вотъ этотъ-то нехристь чего не далъ-ли ему выпить?..

— Этотъ точно что князя Василія какими-то травами поилъ въ позапрошломъ году... Да неужли-же отъ этого статься можетъ?

— Еще-бы, матушка-княгиня! съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ поспѣшила отвѣтить Ѳоминишна.—Вѣдь онъ, нехристь, свои травы, небось, варилъ не благословясь!.. Ну, да противъ этого, матушка, можно помо̀чь... Есть такое средствіе... Четверговой соли подъ порогъ опочивальни князя Василія изволь насыпать (да чтобы онъ о томъ не провѣдалъ!), да его коробью съ бѣльемъ прикажи тою солью съ жаровни окурить. А къ его угоднику на икону повѣсь въ ладонкѣ молитву такую я тебѣ дамъ—на четыре конца крестомъ писана — и отъ сглазу, и отъ порчи исцѣляетъ.

— Спасибо, Ѳоминишна, спасибо, голубушка! Принеси, принеси мнѣ эту молитву-то... Да и сама за моего сокола яснаго молись—не забывай! Моей грѣшной молитвы Господь не слышитъ; а я бы, кажется, готова на себя всѣ бѣды принять, лишь бы онъ опять, голубчикъ мой, свѣтелъ да радошенъ былъ попрежнему...

— И-и, что̀ Бога гнѣвить, княгинюшка! Вернутся опять красные дни... Будешь жить да радоваться на мужа и на дѣтокъ глядя...

Тяжелый и глубокій вздохъ былъ отвѣтомъ на пожеланія Ѳоминишны.

(Продолженіе будетъ).

Молодая шведка изъ Далекарліи. Акварель (собственность „**Нивы**") академика **С. Александровскаго**, грав. Голевинскій.

Защита Нарвы.

Повѣсть **Ар. Захарова.**

(Окончанiе).

Марина, воспользовавшись общимъ волненiемъ, отвела меня въ другую комнату.

— Вы уйдете сейчасъ? спросила она.

— Да, я и безъ того уже немного опоздалъ.

— Мнѣ будетъ страшно безъ васъ, говорила она, крѣпко сжимая мои руки.

— Полноте волноваться, ничего не будетъ, утѣшалъ я.—Сюда англичанамъ не добраться. Пострѣляютъ немного, да и уйдутъ.

— Приходите опять къ намъ, какъ освободитесь.

— Непремѣнно, это ужь какъ водится.

— Смотрите-же, я буду ждать.

Простившись съ нею и со всѣми другими, я почти побѣжалъ на матерiальный дворъ, сильно безпокоясь о томъ, что пришли-ли мои саперы и ополченцы, а также найду-ли я тамъ Деревнина, котораго оставилъ ночью въ положенiи далеко не пригодномъ для службы. Издали я уже замѣтилъ у воротъ двора солдатъ и ополченцевъ. „Слава Богу! это главное. Если-же Деревнинъ спитъ дома непробуднымъ сномъ, то въ крайности обойдусь и безъ него“, думалъ я дорогою. „Приглашу двухъ-трехъ офицеровъ, отворимъ склады и составимъ о томъ протоколъ“. Но къ моей великой радости ничего такого не пришлось дѣлать: ворота двора были отворены и самъ Деревнинъ уже распоряжался тамъ.

— Ай да Иванъ Ильичъ! сказалъ я.—Вотъ ужь не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь, да еще такимъ молодцомъ! Какими это судьбами?

— А ты что̀ думалъ? Что Иванъ Ильичъ лыка теперь не вяжетъ, ха-ха-ха!? Нѣтъ, братъ, мы не таковскiе! Въ четыре часа я пошелъ на рѣку да и выкупался. Ахъ, братъ, какъ хорошо было: ужь и плавалъ-то я и нырялъ и все такое: весь хмѣль въ рѣкѣ оставилъ, какъ рукой все сняло! А ужь урѣзали-же мы здорово муху! Жаль что ты не присталъ къ нашей компанiи.

— Оборони Богъ! У меня ни отъ какого купанья хмѣль не проходитъ и я въ цѣлыя сутки не оправился-бы. Но, однако, некогда разговаривать. Давайте-ка мнѣ товару.

— Да чего тебѣ нужно?

— Бревенъ или брусьевъ, досокъ, гвоздей, ломовъ, чего тамъ еще? Эй! ребята! крикнулъ я солдатамъ.—Идите сюда!

— Да нельзя-же, братъ, такъ. Надо все записывать.

— Ну вы и записывайте, что̀ мы будемъ брать. Ребята! Тащи сначала вотъ эти брусья. По четыре на штуку. На доски по двое, живо! Саперы, бери ломы и гвозди, пилы прихватите, да топоры,—въ хозяйствѣ все пригодится. Бѣгомъ!

Саперы и ополченцы начали быстро поднимать на плечи бревна и доски, такъ что Иванъ Ильичъ едва успѣвалъ отмѣчать и черезъ четверть часа длинная процессiя потянулась къ Иванъ-городу. Когда послѣднiе вышли за ворота, я взялъ извозщика и, обогнавъ ихъ, поѣхалъ впередъ. Въ Иванъ-городѣ все было уже на ногахъ. Зиновьевъ лично провѣрялъ караульные посты. Предъ Иванъ-городомъ Одинцовъ, съ командою саперъ и ополченцевъ, усердно разрушалъ хорошенькiя дачи, въ то время какъ жильцы ихъ еще укладывали остатки своихъ пожитковъ на возы. Особенно жалко было смотрѣть на безполезное разрушенiе щегольской дачи баварскаго консула...

Когда явилась моя команда съ матерiалами, я велѣлъ попробовать пробивать амбразуры ломами, но черезъ пять минутъ долженъ былъ остановить эту работу, такъ какъ почти при каждомъ ударѣ лома, сверху сыпались камни и куски извести такой величины, что могли пришибить рабочихъ. Надо было сначала выстроить твердый блиндажъ (навѣсъ или крышу) надъ мѣстомъ будущихъ амбразуръ. Пустили въ дѣло плотниковъ и застучали топоры.

Не буду здѣсь описывать всѣхъ подробностей работы, скажу только что къ полудню навѣсы были готовы и когда, подъ ихъ прикрытiемъ, начали снова пробивать амбразуры, то эту работу аккомпанировалъ постоянный дождь камней, сыпавшихся сверху и грохотавшихъ по деревянной крышѣ.

Но такъ или иначе, а провозившись цѣлый день за этою работой, къ шести часамъ вечера мы окончили ее и двѣ амбразуры были готовы, съ платформами для орудiй.

Уходя, чтобы доложить коменданту объ окончанiи его порученiя, я зашелъ на работу Одинцова и на мѣстѣ нѣсколькихъ дачъ, нашелъ только однѣ жалкiя развалины, груды мусора, бревенъ и досокъ.

— Экое безобразiе мы съ вами сотворили сегодня! сказалъ онъ мнѣ, указывая на безобразныя груды остатковъ дачъ, еще утромъ такъ щеголевато глядѣвшихся въ волны Наровы.

— Да, чортъ возьми! Сами англичане могли-бы намъ позавидовать въ дѣлѣ разрушенiя. А каковы мои амбразуры-то? Полюбуйтесь-ка!

— Ничего, хороши. Счастливъ вашъ Богъ, что стѣны-то еще не развалились. Вы къ коменданту идете?

— Да.

— Узнайте-ка тамъ чѣмъ кончилось дѣло на устьѣ? Я слышалъ канонаду почти до полудня, потомъ она вдругъ прекратилась. Любопытно знать отчего и цѣлы-ли наши баттареи?

— Хорошо, разузнаю, что̀ можно. До свиданья.

Коменданта я нашелъ дома. Онъ только что вернулся съ устья, куда ѣздилъ по окончанiи канонады, и обѣдалъ, но когда ему доложили о моемъ приходѣ, то онъ пригласилъ меня въ столовую. По первому взгляду на него, я увидѣлъ что онъ чѣмъ-то очень доволенъ.

— Что̀ скажете? спросилъ онъ, сдѣлавъ знакъ денщику подать мнѣ стулъ подлѣ себя.

— Амбразуры съ платформами и блиндажами готовы, ваше превосходительство, сказалъ я, садясь.—Капитанъ Одинцовъ дачи уже снялъ и теперь занятъ уборкою мусора. Гласисъ можно будетъ сдѣлать завтра,

— Прекрасно, прекрасно. Завтра утромъ я пришлю вамъ два орудiя. Благодарю васъ что сдѣлали такъ скоро.

— Ваше превосходительство были на устьѣ? рѣшился я спросить.

— Да, да, я сейчасъ оттуда. Мы одержали маленькую побѣду!

— Серьезно?

— Какъ-же! Чуть было не утопили одинъ непрiятельскiй фрегатъ, по крайней мѣрѣ настолько повредили его, что другой фрегатъ долженъ былъ взять его на буксиръ и отвести. Поручикъ Руденко лихо командовалъ батареей и заслужилъ Георгiя.

— А раненыхъ и убитыхъ у насъ нѣтъ?

— Есть, къ сожалѣнiю: два солдата убиты, и представьте какая странность: убиты они не непрiятельскимъ снарядомъ, а винградомъ *) отъ нашей-же пушки!

— Какъ-же это такъ?

— Ядро отбило винградъ; само-то пролетѣло далѣе, никого не задѣвъ, а винградъ отскочилъ всторону и убилъ двухъ солдатъ.

— Это дѣйствительно странно. Болѣе никакого вреда не было, ваше превосходительство?

— Особеннаго ничего. Разбили два-три домика, не болѣе. Сами-же англичане должно быть пострадали сильно, такъ какъ взятiе фрегата на буксиръ, показываетъ, что онъ получилъ порядочную рану и, вѣроятно, долженъ будетъ уйти домой.

— Съ этимъ можно поздравить ваше превосходительство.

— Да, да, благодарю васъ.

Старый комендантъ такъ добродушно принялъ мое поздравленiе, точно онъ самъ всадилъ въ англiйскiй фрегатъ то ядро, которое заставило его выйти изъ фронта. Но это все равно, кто-бы ни приписывалъ себѣ честь побѣды, лишь-бы побѣда была одержана. Отъ коменданта я зашелъ къ Шведову, который ѣздилъ съ нимъ на устье. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: такъ какъ комендантъ думалъ, что съ моря англичане будутъ стрѣлять во фронтъ, то наши двѣ батареи были выстроены безъ фланговъ **). Но англiйскiя суда, имѣвшiя какъ видно хорошiя свѣдѣнiя о нашихъ дѣлахъ, стали именно во флангъ батареямъ. Саперный поручикъ Зигернъ-Корнъ, строившiй батареи, долженъ былъ, подъ сильнымъ огнемъ непрiятеля, насыпать фланги, чтобы прикрыть батареи, что̀ ему и удалось исполнить, пока шла канонада.

Затѣмъ Шведовъ передалъ мнѣ слѣдующiе два случая. Денщикъ Зигернъ-Корна такъ перепугался, что забился въ уголъ комнаты и долго тамъ сидѣлъ. Но, наконецъ, ему сдѣлалось невыносимо страшно одному и онъ рѣшился пойти на батарею, къ своему барину. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ отъ дома, какъ англiйское ядро врѣзалось именно въ тотъ самый уголъ дома, гдѣ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ денщикъ и, разумѣется, разбило все вдребезги! Говорите послѣ того, что не бываетъ предчувствiй...

Въ селенiи на устьѣ былъ небольшой трактиръ. Хозяинъ его съ перепугу забился въ кровать, подъ перину, и все время канонады пролежалъ тамъ. А жена его, все время продолжала работать, пекла для солдатъ пироги и сама, подъ выстрѣлами, носила ихъ на батарею угощать солдатъ. Объ этой мужественной и великодушной женщинѣ было сообщено при донесенiи и она получила награду, не помню только какую.

Съ этими вѣстями я вернулся въ Иванъ-городъ, гдѣ Одинцовъ уже окончилъ свою разрушительную работу и сидѣлъ, вмѣстѣ со всѣми офицерами ополченiя, въ шатрѣ Зиновьева. Громкое ура заключило мой разсказъ о разбитiи непрiятельскаго фрегата и на радостяхъ Зиновьевъ разрѣшилъ выкатить ополченцамъ нѣсколько боченковъ водки.

Серебристая луна тихо поднималась по совершенно безоблачному небу, играя въ струйкахъ Наровы переливавшимися блест-

*) У прежнихъ орудiй, заряжавшихся съ дула, сзади была шишка, называвшаяся винградомъ и служившая для удобства маневровъ съ орудiемъ при установкѣ его на лафетъ.

**) То есть безъ насыпей, защищающихъ отъ боковыхъ выстрѣловъ.

ками и пятнами. Воздухъ не шевелился, какъ-бы желая дать людямъ вполнѣ отдохнуть послѣ тревожнаго дня. Наступала ночь, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ сѣверныхъ ночей, которыя заставляютъ забывать невзгоды цѣлаго года и располагаютъ человѣка предаваться мечтательному или философскому настроенію.

Я сидѣлъ съ Алиной Арбсъ-Ховенъ въ амбразурѣ бастіона, выходившей на берегъ рѣки.

По окончаніи моего разсказа объ утреннихъ событіяхъ на устьѣ, баронесса глубоко задумалась. Мнѣ тоже не говорилось, отъ усталости-ли, или подъ вліяніемъ красоты ночи. Да впрочемъ, когда сидишь съ женщиной, которой отдаешь всѣ свои симпатіи, то словъ не нужно: одно ея присутствіе, тутъ, вблизи, одно ощущеніе ея дыханія, иногда встрѣченный взглядъ — достаточно наполняютъ все ваше существо, чтобы желать или требовать чего-нибудь бо́льшаго отъ жизни и людей... Иногда только мы обмѣнивались какими-нибудь короткими, ничего не значущими, фразами.

— Я думаю, Руденко счастливъ, что его представили къ Георгію? спросила она.

— Да, вѣроятно.

— А вамъ не завидно?

— Нѣтъ, я не честолюбивъ.

Молчаніе.

— Какая ночь! снова заговорила она.

— Да, такія рѣдко бываютъ.

— Но вы вчера совсѣмъ не спали. Пошли-бы домой.

— Еще успѣю выспаться; завтра мнѣ не надо рано вставать, а эти часы не повторятся въ жизни.

— Я эту ночь никогда не забуду, сказала она, — а вы?

— Думаю что и я.

— Честное слово?

— Зачѣмъ?

— Чтобы я могла спокойнѣе лежать въ гробу.

— Господи! Какія у васъ мрачныя мысли. И что́-же вамъ въ томъ, буду-ли я помнить эту ночь или нѣтъ?

— Да оттого, что я васъ люблю и вы меня любите. Моя любовь къ вамъ такъ безкорыстна и чиста, что я хотѣла-бы чтобъ вы меня никогда не забывали.

Она положила свою руку на мою и немного наклонившись продолжала:

— Я бы очень рада была видѣть васъ счастливымъ съ другою, любимою вами женщиной, и еслибъ это случилось на моихъ глазахъ, я и ее любила-бы за то счастье, которое она вамъ дала-бы. У меня къ вамъ даже не материнская любовь, потому что всякая любящая мать ревнуетъ своего сына къ его женѣ. Нѣтъ, я люблю васъ гораздо лучше.

Я молча пожалъ и поцѣловалъ ея руку.

Дня черезъ два, когда у меня въ Иванъ-городѣ амбразуры были окончательно отдѣланы, пушки поставлены, а Одинцовъ разчистилъ мѣсто передъ ними, уничтоживъ всѣ слѣды бывшихъ дачъ и устроивъ на ихъ мѣстѣ гласисъ *), комендантъ назначилъ пробную стрѣльбу, для чего велѣлъ поставить мишень передъ той самой батареей, которую я выстроилъ на правомъ берегу Наровы. Такъ какъ для двухъ орудій не откуда было взять особаго артиллерійскаго офицера, то командованіе ими поручено было мнѣ-же.

На это зрѣлище собрались всѣ свободные отъ службы офицеры. Осмотрѣвъ произведенныя работы, комендантъ приказалъ мнѣ начинать пальбу.

— Прикажете, ваше превосходительство, сначала холостыми зарядами? спросилъ я.

— Зачѣмъ?

— Чтобы испробовать крѣпость стѣны. Когда мы работали, то отъ ударовъ ломами, сверху сыпались камни.

Комендантъ нахмурился.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ. — Командуйте!

Орудія зарядили.

— Первое... пли! скомандовалъ я.

Грянулъ выстрѣлъ, и вслѣдъ за нимъ посыпались на крышу навѣса довольно крупные камни, произведя такой сильный грохотъ, что комендантъ и нѣкоторые другіе, стоявшіе подъ навѣсомъ у самаго орудія, невольно выскочили оттуда, осматривая стѣну.

— Второе, приказалъ комендантъ, желая со стороны посмотрѣть какъ осыпается стѣна.

— Второе... пли!

Опять тоже; камни посыпались какъ градъ.

— Вы не очищали стѣну наверху? спросилъ меня комендантъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не очищалъ.

— Напрасно, это надо сдѣлать. Камни сыпятся сверху, съ площадки, гдѣ они, конечно, вывѣтрились.

— Во всякомъ случаѣ это показываетъ, что сотрясеніе слишкомъ велико для этихъ стѣнъ, замѣтилъ Одинцовъ.

— Отчего для этихъ велико, а для другихъ не велико? сердито возразилъ комендантъ.

— Да оттого, ваше превосходительство, что эта крѣпость строилась когда нашей артиллеріи еще не было, спокойно отвѣтилъ Одинцовъ.

— Заряжайте ядрами, приказалъ мнѣ комендантъ, вмѣсто отвѣта Одинцову.

— Готовы-ли часовые и махальные? спросилъ я унтеръ-офицера, который разставлялъ ихъ по направленію стрѣльбы, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ.

— Готовы, ваше благородіе!

— Готовы, готовы, всѣ на мѣстахъ, подтвердилъ комендантъ. — Командуйте!

Я самъ навелъ орудіе въ мишень и скомандовалъ:

— Первое... пли!

Раздался грохотъ выстрѣла, болѣе сильный чѣмъ при стрѣльбѣ безъ ядра, и сверху посыпался опять, также болѣе сильный, градъ каменьевъ.

— Второе... пли!

Каменья... и каменья сверху! Хотя я самъ строилъ навѣсы надъ орудіями и былъ увѣренъ въ ихъ прочности, но этотъ грохотъ производилъ крайне непріятное впечатлѣніе, особенно на солдатъ, съ видимымъ страхомъ посматривавшихъ на меня. Отъ сдѣланныхъ двухъ выстрѣловъ, одно ядро пролетѣло около мишени, взрывъ землю, а другое оторвало верхній ея уголъ.

— Залпомъ! приказалъ снова комендатъ.

Зарядили оба орудія и выстрѣлили. Но при этомъ случилось печальное приключеніе, которое, не смотря на произведенное потомъ слѣдствіе, такъ и осталось не разъясненнымъ. Дѣло въ томъ, что на батареѣ, которую я выстроилъ, и передъ которой поставлена была мишень, находилась команда саперъ, человѣкъ пятнадцать. Предупрежденные о стрѣльбѣ, они сидѣли за валомъ батареи и спокойно покуривали себѣ трубочки, зная, что за такимъ прикрытіемъ ядра для нихъ безопасны. Но въ числѣ зарядовъ доставленныхъ для этой пробной стрѣльбы, какимъ-то образомъ попала вполнѣ снаряженная граната. Выстрѣлъ, какъ на грѣхъ, былъ очень удачный: граната попала какъ разъ на дворъ батареи, разорвалась и осыпала осколками несчастныхъ саперъ. Одинъ былъ убитъ наповалъ, а трое ранены въ руки и ноги. Тревожные знаки съ батареи показали, что тамъ случилось какое-то несчастіе. Я глядѣлъ въ амбразуру, чтобы замѣтить сигналъ о томъ куда попали ядра, какъ замѣтилъ взрывъ.

— Ваше превосходительство, на батареѣ взрывъ! сказалъ я.

— Какъ взрывъ?

— Да, мы слышали, подтвердили другіе. — Что-то взорвало.

Всѣ стѣснились около амбразуръ, стараясь что-нибудь разглядѣть. Около батареи и мишени бѣгали солдаты, отчаянно махая руками и флагами, чтобы прекратить пальбу. Комендантъ приказалъ подать себѣ экипажъ и поѣхалъ туда. Къ нему сѣли Зиновьевъ и Одинцовъ. Другіе побѣжали пѣшкомъ. Я не могъ оставить своего поста и съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій, пославъ одного солдата узнать что́ случилось. Черезъ полчаса онъ прибѣжалъ запыхавшись и разсказалъ въ чемъ дѣло. Меня ударило въ холодный потъ.

„Господи! Вѣдь это я убійца!“ мелькнуло у меня въ головѣ. „Но какимъ образомъ попала тутъ граната? Какъ это я не осмотрѣлъ заряды? Да какъ ихъ было разсмотрѣть, когда они привезены были передъ самой стрѣльбой.“

— Кто изъ васъ сунулъ гранату? спросилъ я артиллеристовъ, заряжавшихъ орудія.

— Не знаемъ, ваше благородіе...

— Какъ не знаемъ? Запалъ-то должны были видѣть!

— Не замѣтили, ваше благородіе. Тутъ все ядра, извольте сами осмотрѣть.

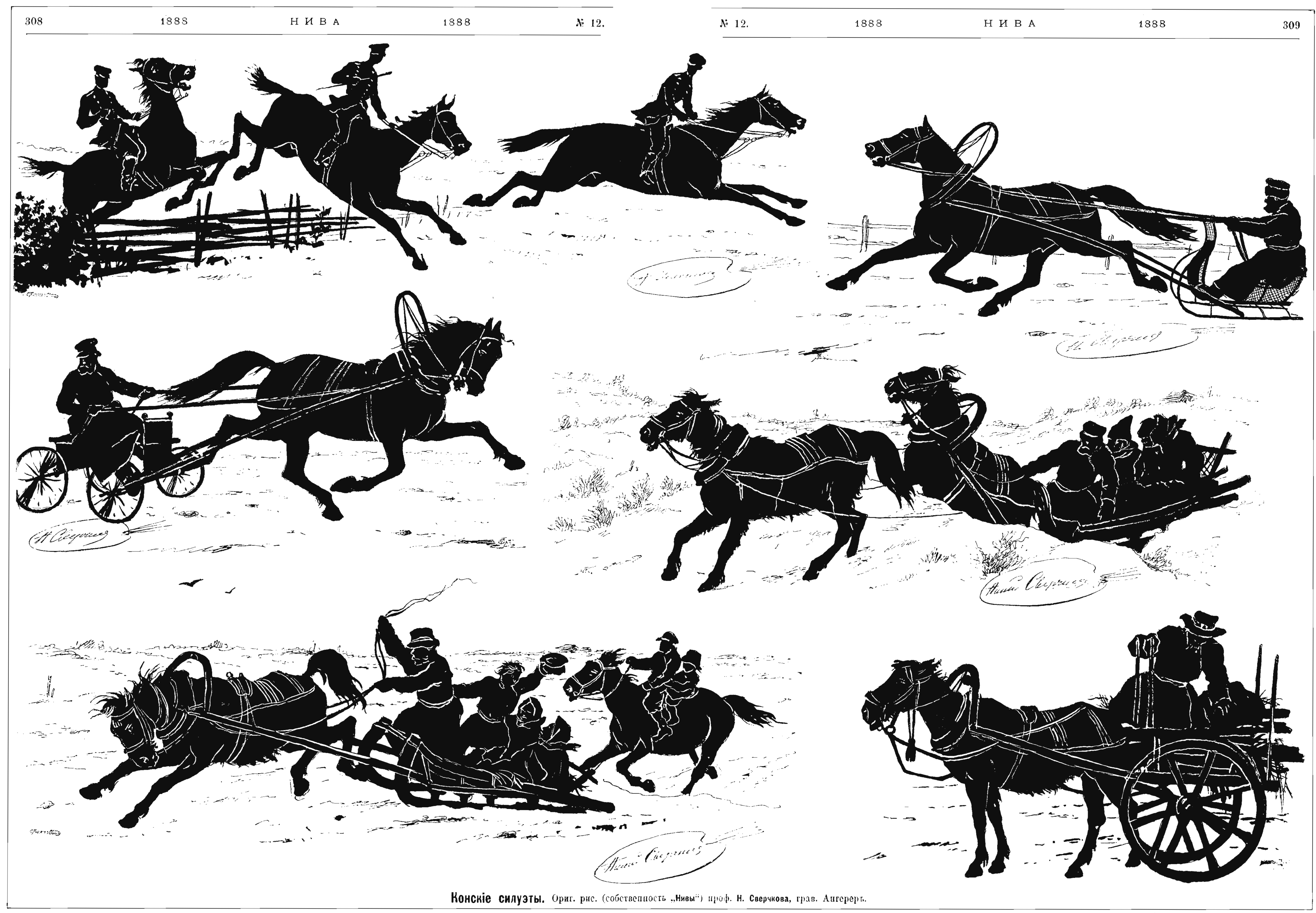
Я велѣлъ перебрать всю кучу снарядовъ и, дѣйствительно, все были одни только ядра: это такъ какъ-то попала одна шальная граната. Очевидно ошибка была сдѣлана на артиллерійскомъ дворѣ. Но, какая роковая ошибка!

Это несчастное событіе сильно охладило восторгъ отъ побѣды надъ англичанами. Наряжено было слѣдствіе, по которому оказалось, что на артиллерійскомъ дворѣ кучи ядеръ лежали рядомъ съ кучами гранатъ, и потому не мудрено, что одна изъ гранатъ могла закатиться къ ядрамъ или рабочіе, при укладкѣ, положили ее по ошибкѣ съ ядрами и такимъ путемъ она попала не въ свое мѣсто. Виновнаго не было и дѣло было прекращено.

Недѣли черезъ двѣ изъ Петербурга были присланы награды защитникамъ Нарвы. Руденко получилъ Георгіевскій крестъ. Заслуживъ эту высшую военную награду, онъ пріѣхалъ съ устья, гдѣ жилъ, въ городъ, и тотчасъ послѣ визита къ коменданту, направился къ Шведовымъ. Онъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что его подвигъ и награда полученная имъ, произведутъ свое впечатлѣніе на Марину и она вернется къ нему. Но, какъ мнѣ говорили, Марина встрѣтила его вѣжливо, поздравила и... только. Сердце женщины не покупается ничѣмъ. Холодность ея такъ сильно повліяла на Руденко, что онъ впалъ въ меланхолію и мѣсяца черезъ два кончилъ жизнь самоубійствомъ... Случилось это когда уже ни меня, ни Шведовыхъ не было въ Нарвѣ и о его печальной кончинѣ я узналъ изъ приказовъ „Русскаго Инвалида“.

Въ сентябрѣ нашему саперному батальону приказано бы-

*) Гласисъ — покатая плоскость или отлогость, устраиваемая передъ крѣпостями для того, чтобы удобнѣе обстрѣливать подходящаго противника.



Конскіе силуэты. Ориг. рис. (собственность „Нивы") проф. Н. Сверчкова, грав. Ангереръ.

ло выступать въ Царское Село. По этому поводу меня опять начали приглашать то на обѣды, то на охоты, и послѣднія двѣ недѣли предъ выступленіемъ я провелъ въ какомъ-то непрерывавшемся угарѣ веселья, пріѣзжая иногда только отдыхать къ баронессѣ Арбсъ-Ховенъ. Она была очень огорчена предстоявшею разлукой и какъ будто предчувствовала, что мы никогда болѣе не увидимся.

Странная игра случая: я не встрѣтился впослѣдствіи ни съ кѣмъ изъ своихъ добрыхъ друзей въ Нарвѣ, хотя многіе изъ нихъ переселились, также какъ и я, въ Петербургъ. Баронесса осталась въ Нарвѣ со своимъ умирающимъ отцемъ. Черезъ годъ, кажется, послѣ его смерти, она вышла замужъ за какого-то гвардейскаго офицера; была, говорятъ, въ замужествѣ очень несчастлива, и умерла въ родахъ.

Марина Шведова, вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, вышла замужъ за какого-то остзейскаго барона.

Такимъ образомъ окончилась эпопея защиты Нарвы, противъ соединеннаго англо-французскаго флота.

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

(Продолженіе).

Капитанъ собирался сдѣлать новую надбавку, но Гербертъ его перебилъ.

— Тридцать тысячъ гульденовъ! рѣзко, едва владѣя собой, крикнулъ онъ.

— Тридцать тысячъ! повторилъ аукціонеръ среди все возраставшаго волненія въ публикѣ.—Прошу васъ, господа, обратить вниманіе на то, что плата должна быть произведена немедленно, или не позже трехъ дней за вѣрнымъ поручительствомъ.

— Сорокъ тысячъ гульденовъ! объявилъ Ли-Тчунгъ съ притворнымъ спокойствіемъ. Однако его голосъ дрогнулъ и желтая кожа приняла оливковый оттѣнокъ.

— Вы видите, съ принужденнымъ спокойствіемъ сказалъ онъ аукціонеру, — никто не даетъ больше.

Дѣйствительно съ минуту длилось общее молчаніе.

— Никто не даетъ больше, повторилъ китаецъ. — Присуждайте же мнѣ.

— Ли-Тчунгъ предлагаетъ сорокъ тысячъ гульденовъ! Никто не даетъ больше? крикнулъ аукціонеръ.

Элима разразилась неудержимыми рыданіями.

— Оставь меня, не бери меня! съ отчаянной мольбой обратилась она къ китайцу. — Я все равно не пойду къ тебѣ? Я убью себя!

— Ого! съ циническимъ хохотомъ отвѣчалъ Ли-Тчунгъ. — Мнѣ не страшны твои угрозы. За мной право и я найду поддержку въ полиціи.

— Ли-Тчунгъ предлагаетъ сорокъ тысячъ гульденовъ! продолжалъ свои возгласы аукціонеръ. — Сорокъ тысячъ гульденовъ во второй разъ, сорокъ тысячъ...

— Пятьдесятъ тысячъ! на всю площадку крикнулъ Гербертъ. Его голосъ дрожалъ и самъ онъ весь трясся.

Притворное спокойствіе китайца очевидно лопнуло. Онъ точно не вѣрилъ своимъ ушамъ и въ недоумѣніи смотрѣлъ на Герберта. Въ толпѣ раздались крики одобренія послѣднему. Тогда Ли-Тчунгъ не выдержалъ. Имъ овладѣла ярость. Его глаза налились кровью и готовы были выскочить изъ головы; лицо сдѣлалось землянаго цвѣта, а складки и морщины на немъ судорожно запрыгали; костлявые пальцы сжались въ кулаки.

— Поздравляю, любезный Гроттеръ! шепнулъ капитанъ. — Негодяй побѣжденъ.

Дѣйствительно, Ли-Тчунгъ, казалось, не рѣшался еще выше поднять цѣну, и то достигшую небывалыхъ размѣровъ.

— Пятьдесятъ тысячъ гульденовъ первый разъ! началъ аукціонеръ.

Голосъ его пропалъ среди оглушительнаго шума въ публикѣ.

— Невольница за нимъ, за нимъ! слышалось съ разныхъ сторонъ.

— И во второй! продолжалъ аукціонеръ, поднявъ молотокъ.

Гербертъ трепеталъ. Онъ судорожно сдерживалъ дыханіе; всѣ нервы его были натянуты. Такое же точно состояніе овладѣло и Элимой. Разъ только лицо ея освѣтилось болѣзненной улыбкой и опять замерло въ мучительномъ ожиданіи.

Аукціонеръ уже готовился произвести рѣшающій ударъ молоткомъ и вопросительно смотрѣлъ на китайца. Тотъ вдругъ его остановилъ движеніемъ руки.

Если самообладаніе быстро покинуло Ли-Тчунга, оно также быстро вернулось къ нему. И надо сказать правду, чѣмъ оскорбительнѣе и злѣе сыпались на него замѣчанія изъ толпы, тѣмъ невозмутимѣе становился онъ. Хитрые глаза его насмѣшливо перебѣгали отъ Герберта къ Элимѣ и обратно: онъ намѣревался нанести имъ рѣшительный ударъ.

Онъ еще разъ махнулъ рукой и съ дьявольской улыбкой посмотрѣлъ на аукціонера, который очевидно былъ подкупленъ.

— Тише, господа, тише! возвышая голосъ, обращался тотъ къ публикѣ. — Пятьдесятъ тысячъ гульденовъ въ...

— Шестьдесятъ тысячъ! прохрипѣлъ Ли-Тчунгъ.

— Что онъ говоритъ? пронеслось въ толпѣ.

— Шестьдесятъ тысячъ гульденовъ! изо всей мочи крикнулъ аукціонеръ: онъ первый разъ въ жизни разгорячился при отправленіи своихъ обязанностей. — Ли-Тчунгъ предлагаетъ шестьдесятъ тысячъ. Кто даетъ больше?

Шумъ и гамъ въ толпѣ мгновенно стихли. Всѣ точно замерли: каждый съ удивленіемъ оглядывался на сосѣда. Непомѣрность послѣдней надбавки, казалось, всѣхъ испугала, смутила и сковала изумленіемъ всѣ уста.

— Шестьдесятъ тысячъ гульденовъ — въ первый разъ! воскликнулъ аукціонеръ и голосъ его зловѣще прозвучалъ среди всеобщей тишины: — во второй разъ... Онъ вопросительно повелъ глазами: — и... въ... третій!

Молотокъ упалъ.

Ли-Тчунгъ злобно засмѣялся: онъ былъ законнымъ владѣтелемъ невольницы. Отнынѣ она, и тѣломъ, и душой безспорно принадлежала ему. Еслибъ она отказалась за нимъ слѣдовать, ее къ тому принудилъ бы законъ.

Съ паденіемъ молотка и Элима упала на колѣни, точно сраженная громомъ. Къ ней подошелъ Ли-Тчунгъ. Она съ отвращеніемъ отъ него отшатнулась.

V.

Никто не подозрѣвалъ, что въ эту самую минуту капитанъ съ трудомъ удерживалъ Герберта отъ шага, который могъ бы оказаться для него роковымъ.

— Успокойтесь, Гроттеръ, ради Бога! Вы внѣ себя. Васъ ослѣпляетъ страсть. Опомнитесь, иначе вы станете убійцей!

Послѣдняя надбавка Ли-Тчунга нанесла Герберту страшный ударъ. Тщетно хотѣлъ онъ говорить. Слова ему не повиновались. Онъ задыхался отъ наплыва потрясающихъ чувствъ.

Гербертъ склонился на перила веранды и скрывъ лицо въ рукахъ, старался придти въ себя. Онъ не видѣлъ, что происходило вокругъ. Элима была въ обморокѣ и очнулась только отъ нѣжныхъ ласкъ Сидина. Братъ и сестра, не смотря на усилія китайца имъ помѣшать, трогательно простились. Не видѣлъ Гербертъ и того, какъ его возлюбленная внезапно оправилась и довольно спокойно послѣдовала за своимъ новымъ господиномъ. Площадка передъ верандой постепенно опустѣла.

Гербертъ сильно вздрогнулъ, когда его окликнулъ Сидинъ.

— Скорѣй, господинъ, говорилъ молодой невольникъ, — скорѣй! Ни минуты не теряйте. Я знаю, куда спрячутъ Элиму. Я слышалъ, какъ Ли-Тчунгъ о томъ сообщалъ полицейскимъ. У китайца есть дача за Кампонгбали, на самомъ берегу Тчиливунга. Положеніе ея очень уединенно и мы легко ее найдемъ. Элиму туда повезутъ!

— Ты увѣренъ? спросилъ Гербертъ и весь преобразился. Съ надеждой вернулись къ нему и силы, и самообладаніе. Онъ мгновенно и тѣломъ и духомъ, оправился. — Я отлично помню это мѣсто.

— Я говорю, что слышалъ, торопливо возразилъ Сидинъ. — И мы найдемъ возможность оттуда похитить Элиму! Я ей это шепнулъ, когда она, обвивъ меня руками за шею, прильнула мнѣ къ груди... всѣ думали, что мы прощаемся. Это ее значительно ободрило, особенно, когда я прибавилъ, чтобъ она была на-готовѣ, такъ какъ ея освобожденіе должно состояться сегодня же вечеромъ — черезъ часъ, или два.

— Но возможно-ли это? спросилъ Гербертъ въ сильномъ волненіи. — Вы думаете Ли-Тчунгъ не приметъ мѣръ?..

— Нѣтъ, господинъ, точно отрѣзалъ Сидинъ и лицо его приняло выраженіе непреклонной рѣшимости. — Ли-Тчунгъ и его люди будутъ заняты другимъ.

— Говори яснѣе, Сидинъ! прошепталъ Гербертъ, сжимая руки на груди: — Ты замышляешь на его жизнь?

Сидинъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, господинъ, но я охотно отдамъ свою жизнь, чтобъ избавить сестру отъ страшной участи, которая ее ожидаетъ. Противъ насъ безчеловѣчный законъ. Не наша, значитъ, вина если мы, для огражденія нашихъ человѣческихъ правъ, прибѣгаемъ къ насилію. Ни о чемъ больше не спрашивайте меня, господинъ, но, какъ только стемнѣетъ, будьте съ лодкой у дачи китайца. Я спасу Элиму, или умру въ попыткѣ.

Гербертъ схватилъ за руку Сидина и съ невыразимымъ чувствомъ взглянувъ на него сказалъ:

— Если ты мнѣ поможешь похитить Элиму, Сидинъ, я на всю жизнь твой должникъ. Я буду любить тебя, какъ брата.

Сидинъ печально кивнулъ головой и мгновенно скрылся въ кустарникахъ по направленію къ Кампонгбали — самому южному изъ предмѣстій Батавіи, гдѣ живутъ туземцы. Его огибаетъ мелководная рѣчка Тчиливунгъ, которая доступна только лодкамъ и на далекое пространство извивается среди искусственно орошаемыхъ рисовыхъ полей.

— Пойдемте, капитанъ! сгорая нетерпѣніемъ воскликнулъ

Гербертъ. — Дорогой я вамъ объясню, о чемъ хочу васъ просить. Теперь уже больше шести часовъ, продолжалъ онъ, вмѣстѣ съ капитаномъ пересѣкая поперекъ Королевскую площадь. — Лодка уже ожидаетъ васъ у пристани. Сколько на ней людей?

— Четыре гребца и одинъ рулевой.

— Тамъ хватитъ мѣста еще на четверыхъ?

— О, да: яликъ довольно великъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, капитанъ, опять началъ Гербертъ. — Моя просьба, конечно, васъ не удивитъ. Вы слышали, что говорилъ Сидинъ?

— Слышалъ, безпокойно озираясь, отвѣчалъ капитанъ, — и знаю, о чемъ вы намѣрены меня просить, любезный другъ. Вмѣсто того, чтобы на-дняхъ отплыть отсюда на пароходѣ, вы хотите сегодня же вечеромъ отправиться въ Гамбургъ на моей шкунѣ — и не одинъ, а съ Элимой, которую намъ предстоитъ похитить и на яликѣ доставить на судно. Это на васъ похоже. Но вы и не думаете о послѣдствіяхъ. Допустимъ, что мы найдемъ и похитимъ дѣвушку. Пусть за нами не будетъ погони и мы ее незамѣтно провеземъ мимо таможни. Но какой отвѣтъ мы дадимъ потомъ, передъ судомъ? Какъ оправдаемся передъ консульствомъ? Наконецъ, съ какими глазами покажусь я здѣсь опять? А вѣдь шкуна моя ежегодно совершаетъ рейсъ въ Батавію. Затѣмъ, предпріятіе наше можетъ и не удаться — что гораздо вѣроятнѣе. Съ нами затѣютъ процессъ. Мы, кромѣ потерь, подвергнемся еще и оскорбленіямъ. Мы, чего добраго, угодимъ въ смирительный домъ. Что же касается третьей возможности, а именно, чтобъ наше похищеніе осталось незамѣченнымъ — я этого рѣшительно не допускаю.

Гербертъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и не сразу отвѣчалъ. Капитанъ поспѣшилъ прибавить:

— По должномъ размышленіи, любезный другъ, вы, конечно, согласитесь, что я правъ. Какъ мнѣ ни грустно, какъ ни тяжело, но я долженъ...

— Стойте! рѣзко перебилъ его Гербертъ. — Довольно. Я признаю справедливыми ваши основанія и вполнѣ согласенъ съ вашими доводами. Но при этомъ случаѣ мнѣ вспоминается одно событіе, очень давнишнее — такое давнишнее, что вы, одинъ изъ присутствовавшихъ при немъ моихъ пріятелей, конечно, уже давно о немъ позабыли. Мы охотились на тигровъ. Я съ другомъ стоялъ на опушкѣ лѣса. Вдругъ кусты зашевелились; передъ нами скользнула тѣнь и другъ мой очутился въ когтяхъ тигра. Я выстрѣлилъ и мой выстрѣлъ на этотъ разъ оказался самымъ удачнымъ въ моей жизни. Когда я могъ дать себѣ отчетъ въ происшедшемъ, тигръ въ предсмертныхъ судорогахъ корчился на землѣ, а другъ мой — окровавленный отъ легкихъ царапинъ, но помимо того невредимый — висѣлъ у меня на шеѣ. Онъ клялся, что никогда не забудетъ этой минуты и что, если мнѣ когда-либо встрѣтится въ немъ нужда, онъ, въ какомъ бы положеніи ни былъ, немедленно, безъ разсужденій...

— Это правда! въ сильномъ волненіи воскликнулъ капитанъ. — Я отлично помню все, что вамъ тогда говорилъ. Съ моей стороны было непростительно хоть на минуту это позабыть. Но я заглажу свою вину. Отдаю себя въ ваше полное распоряженіе: дѣлайте со мной, что хотите.

Гербертъ ласково заглянулъ ему въ глаза и, взявъ его за плечи, сказалъ:

— Не сердитесь на меня, капитанъ, за то, что я припоминаю такой старый вздоръ и бросьте всякія опасенія. Мы не дадимъ себя поймать, а если вамъ впослѣдствіи будетъ изъ-за меня закрытъ доступъ въ Батавію, я берусь обезпечить вашу будущность всѣмъ, что только имѣю. Порукою вамъ въ томъ мое честное слово. Ну, а теперь къ дѣлу! Немедленно отправляйтесь съ вашими людьми вверхъ по теченію Тчиливунга, къ дачѣ китайца. Тамъ спрячьтесь сами, скройте по возможности яликъ и ждите меня съ Сидиномъ. Затѣмъ увидимъ, что дѣлать. Я же теперь проберусь въ гостиницу, соберу свои пожитки, отправлю ихъ на „Сиріусъ" и поспѣшу къ вамъ. Постараюсь быть на мѣстѣ одновременно съ вами. Вы можете быть тамъ черезъ часъ.

— Такъ тому и быть! воскликнулъ капитанъ. — Изо всѣхъ силъ буду вамъ помогать, а тамъ — будь, что будетъ!

— Благодарю васъ, капитанъ! И такъ до свиданья на водахъ Тчиливунга!

. . . .

Хозяинъ гостиницы „Для моряковъ" сначала очень удивился внезапному отъѣзду своего гостя. Но потомъ онъ сообразилъ, что, при дружбѣ Герберта къ капитану, не было ничего необычайнаго въ его желаніи воспользоваться отплытіемъ „Сиріуса" и совершить переѣздъ въ Европу на шкунѣ своего друга и въ его обществѣ.

Съ пожеланіями добраго пути проводилъ онъ Герберта до экипажа и собирался еще разъ подтвердить ему, что его багажъ будетъ немедленно отправленъ на судно. Но вдругъ онъ остановился на полъ-словѣ и сталъ испуганно прислушиваться и озираться.

Въ воздухѣ стоялъ какой-то особенный гулъ — точно отъ людскихъ голосовъ въ перемежку съ барабаннымъ боемъ.

— Пожаръ! воскликнулъ хозяинъ.

Гербертъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ подъ вліяніемъ внезапно осѣнившей его догадки.

— Должно быть жарко горитъ, замѣтилъ хозяинъ: — вся южная часть неба пылаетъ.

— Пошелъ! крикнулъ Гербертъ извощику. — Прощайте!

— Счастливаго пути, господинъ Гроттеръ. — Вотъ вамъ и фейерверкъ на прощанье: его, право, точно въ вашу честь зажгли. Счастливаго пути!

Шумъ колесъ помѣшалъ Герберту разслышать послѣднія слова хозяина. Онъ безпрестанно погонялъ извощика. Но лишь только потеряли они изъ виду гостиницу, Гербертъ привсталъ и дернулъ за балахонъ усердно хлеставшаго свою клячу малайца.

— Я передумалъ, сказалъ онъ. — Везите меня не на пристань, а въ Вельтевреденъ. Я выйду тамъ около моста, гдѣ шлюзы. Слышите!

— Такъ точно, господинъ!

— Но не надо ѣхать назадъ. Сверните здѣсь вправо.

Экипажъ углубился въ одну изъ поперечныхъ улицъ Муленвліета, потомъ взялъ направо, прослѣдовалъ вдоль длинной прямой аллеи и, четверть часа спустя, очутился въ Вельтевреденѣ.

Гербертъ щедро наградилъ извощика. Онъ быстрыми шагами направился по тропинкѣ, которая шла, извиваясь по лѣвому берегу Тчиливунга, и огибала предмѣстіе Кампонгбали.

Солнце уже зашло и сумерки быстро превращались въ ночную темноту. Но въ Кампонгѣ еще кипѣла дѣятельная жизнь. Тамъ всѣ были на ногахъ по случаю пожара: зарево яркимъ пламенемъ охватывало полъ-неба. По улицамъ сновали взадъ и впередъ кучки китайцевъ и малайцевъ съ зажженными факелами; лаяли собаки; обитатели жалкихъ бамбуковыхъ хижинъ жестикулировали передъ дверьми своихъ жилищъ.

Гербертъ прибавилъ шагу: онъ, казалось, не шелъ, а летѣлъ. Наконецъ онъ выбрался изъ Кампонга на гладкую, широкую дорогу.

Вдругъ онъ остановился, объятый ужасомъ, и невольно ухватился за стволъ попавшагося ему на пути дерева. Широко раскрытыми глазами смотрѣлъ онъ прямо на югъ, черезъ рѣку. Передъ нимъ разстилался широкій горизонтъ.

Тамъ, гдѣ еще недавно амфитеатромъ тянулись рисовыя поля съ колыхающимися подъ дуновеніемъ вѣтра колосьями, теперь свирѣпствовало, грозно вздуваясь и клубясь безконечное море огня. Къ небу стремились цѣлыя массы огненныхъ сноповъ и взвивались клубы густаго бѣловатаго дыма.

Въ своихъ случайныхъ прогулкахъ по этимъ полямъ Герберту не разъ приходилось слышать шелестъ листьевъ и стеблей, изсушенныхъ палящими лучами тропическаго солнца. Здѣсь очевидно достаточно было одной крошечной искры, чтобы зажечь неугасимый пожаръ, который могъ прекратиться только за недостаткомъ пищи, послѣ того какъ всю ее пожралъ.

Грозное зрѣлище до глубины души потрясло Герберта. Оно имѣло для него еще особенное, личное значеніе, такъ какъ никто, кромѣ Сидина, не могъ быть его виновникомъ.

Силою оторвался Гербертъ отъ мыслей и ощущеній, которыя поднялись у него изъ глубины души при видѣ потрясающаго великолѣпнаго зрѣлища этой волнующейся массы огня. Онъ еще быстрѣе зашагалъ, какъ бы съ цѣлью нагнать потерянное время. Путь его по временамъ лежалъ сквозь лѣсную чащу, но пожарное зарево и туда проникало, бросая на все красный, зловѣщій оттѣнокъ: деревья казались кровавыми привидѣніями.

Попавъ въ непроницаемую массу бамбуковыхъ кустовъ, Гербертъ подумалъ, что сбился съ пути. Но вотъ онъ опять очутился на открытомъ мѣстѣ и съ тревогой озирался и прислушивался.

Вдругъ слуха его коснулись мѣрные удары веселъ и черезъ минуту передъ нимъ сверкнула водная поверхность Тчиливунга.

Онъ сосчиталъ число людей сидѣвшихъ въ лодкѣ, которая усердно пролагала себѣ путь противъ теченія.

— Эй, вы! осторожно позвалъ онъ. — Мнѣ хотѣлось бы къ вамъ. Узнаете вы меня?

— Узнаемъ! отвѣчалъ ему хорошо знакомый голосъ. — Подождите, мы сейчасъ причалимъ.

Минуту спустя, Гербертъ сидѣлъ въ лодкѣ рядомъ съ капитаномъ и плылъ дальше.

Впопыхахъ сообщили они другъ другу свои догадки на счетъ пожара. Капитанъ тоже не сомнѣвался, что онъ вспыхнулъ на плантаціи Ли-Тчунга и находился въ связи съ планомъ спасенія Элимы. Друзья едва успѣли обмѣняться нѣсколькими словами, какъ съ берега раздался новый окликъ и на этотъ разъ съ противуположной, обращенной къ пожару стороны.

— Это Сидинъ! шепнулъ Гербертъ своему сосѣду. — Я узнаю его голосъ. Говори по-нѣмецки, — громче крикнулъ онъ по направленію къ берегу. — Ты хочешь къ намъ, въ лодку?

— Нѣтъ, господинъ, отвѣчалъ голосъ. — Нельзя терять времени. Сестра въ большой опасности. Китаецъ вернулся съ пожара. Въ немъ, кажется, возникли подозрѣнія. Къ счастью, у него въ домѣ страшный хаосъ. Большинство его слугъ, какъ я и ожидалъ, на пожарѣ. Позади самаго дома есть мостъ:

причальте подлѣ, за акаціями. Я буду васъ тамъ ждать. Но, ради Бога, торопитесь, торопитесь, нужда велика!

Сидинъ все это проговорилъ на ходу и стрѣлой помчался дальше, къ своей цѣли. Лодка тоже быстрѣе понеслась.

— Проворнѣй, ребята! приказалъ капитанъ своимъ людямъ. Но Гербертъ, котораго слова Сидина наполнили новой тревогой, на минуту совсѣмъ растерялся. — Гдѣ веревки, Клаусъ? продолжалъ капитанъ, обращаясь къ рулевому.

— Позади васъ, капитанъ, отвѣчалъ тотъ.

— Мы во всякомъ случаѣ избѣжимъ кровопролитія, любезный Гроттеръ. Кто будетъ намъ помѣхой, тому мы просто-напросто свяжемъ руки.

Гербертъ только молча кивнулъ головой. Лодка тѣмъ временемъ достигла мѣста, назначеннаго Сидиномъ, и причалила. Гроттеръ первый выскочилъ на берегъ.

Два гребца и рулевой остались на яликѣ для охраны его. Остальные послѣдовали за Сидиномъ, который, осторожно крадучись, повелъ ихъ къ дому Ли-Тчунга.

правилъ свои члены и сверкающимъ взглядомъ окинулъ Сидина: онъ прочелъ на его лицѣ ту же необузданную рѣшимость, которая воодушевляла его самого.

— Ты запасся веревками? шепотомъ спросилъ Гербертъ, останавливаясь передъ стеклянной дверью.

Сидинъ утвердительно кивнулъ головой.

— Но прошу тебя, безъ пролитія крови, съ сильно бьющимся сердцемъ замѣтилъ Гербертъ. — Довольно и одного жестокаго дѣла, на которое тебя натолкнула необходимость. Ну, отворяй дверь!

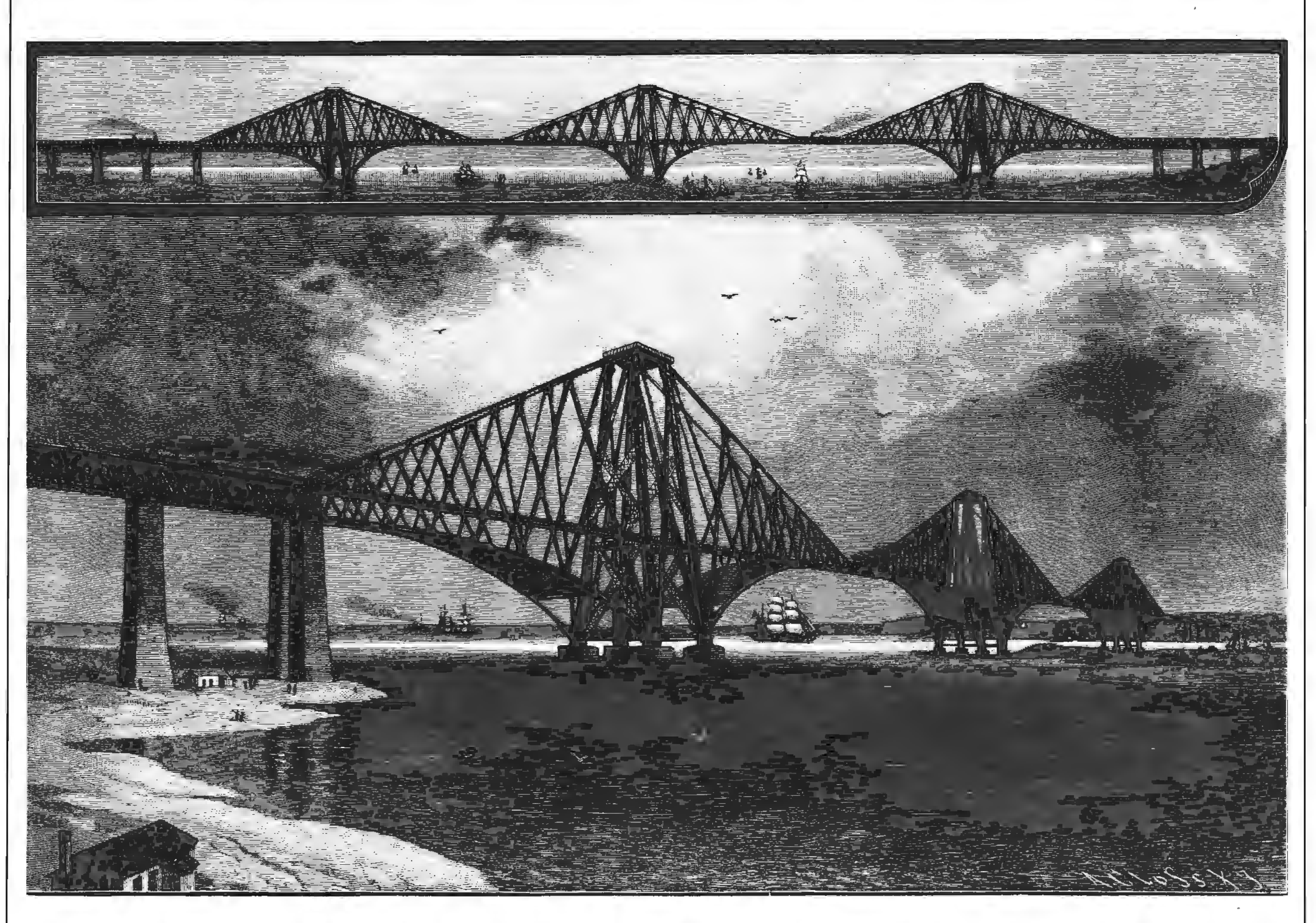
— Она заперта, господинъ!

— Первая, замкнутая дверь на нашемъ пути! Но нѣтъ-ли въ замкѣ ключа?

— Да, но съ той стороны.

— Въ такомъ случаѣ, выбьемъ стекло, Сидинъ, и отопремъ изнутри.

Съ дребезгомъ полетѣли стекла. Но едва Гербертъ проникъ за дверь и очутился въ сѣняхъ, откуда граціозно вилась къ



Новый мостъ (второй по величинѣ во всемъ мірѣ) чрезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи. Рис. В. Штеверъ, грав. Клоссъ.

Ночь была темная. Ни одна звѣзда не сіяла на небѣ, точно завѣшенномъ непроницаемымъ пологомъ изъ густыхъ клубовъ дыма съ багровыми полосами. Но бѣлый фронтонъ уединенной дачи ярко выдѣлялся на темномъ фонѣ окрестности. На немъ матовыми пятнами игралъ отблескъ пожара, зарево котораго, просвѣчивая сквозь деревья, обливало его болѣе мягкимъ свѣтомъ.

Калитка сада была открыта. Ее въ суматохѣ забыли запереть слуги, убѣжавшіе на пожаръ.

— Сидинъ, конечно, заслуживаетъ порицанія, замѣтилъ капитанъ Герберту, когда они, ни души не встрѣтивъ, уже вступили на галерею, со всѣхъ сторонъ окружавшую домъ, — но онъ во всякомъ случаѣ обнаружилъ рѣдкое пониманіе людей. Смотрите: всѣ разбѣжались.

Гербертъ энергически кивнулъ головой.

— Если Ли-Тчунгъ, терзаемый подозрѣніемъ, дѣйствительно вернулся, онъ долженъ быть сильно озлобленъ на своихъ слугъ, шепотомъ продолжалъ капитанъ. — Будемъ надѣяться, что никто изъ нихъ не остался въ домѣ.

— Ждите меня здѣсь, капитанъ, съ вашими людьми, сказалъ Гербертъ: — у входа въ галерею: это для нашей безопасности. Я пойду одинъ съ Сидиномъ и мы вдвоемъ, конечно, безъ труда справимся съ китайцемъ.

Съ сознаніемъ собственной необычайной силы Гербертъ расверху лѣстница, изъ верхняго этажа вдругъ послышались пронзительные вопли и крики о помощи.

— Бога ради! въ свою очередь завопилъ Гербертъ. — Это голосъ Элимы.

Онъ внѣ себя бросился на лѣстницу.

Крики замолкли. Но вмѣсто того у самыхъ дверей слышалось тяжелое дыханіе, слабые стоны и заглушаемыя восклицанія, точно тамъ происходила ожесточенная борьба. Гербертъ сильно потрясъ дверь.

— Отворите! кричалъ онъ: — сейчасъ отворите, или я выбью дверь!

Отъ гнѣва и напряженія голосъ его казался хриплымъ.

— Тамъ стихло! прошепталъ не менѣе взволнованный Сидинъ. — Ужь не убилъ-ли ее злодѣй!

Гербертъ съ такимъ бѣшенствомъ налегъ на дверь, что та съ трескомъ передъ нимъ распахнулась.

При зрѣлищѣ, которое представилось молодому человѣку, вся кровь хлынула ему къ сердцу.

Элима, безъ признаковъ жизни, лежала распростертая на полу. Широко раскрытые глаза ея были неподвижны и роскошная коса въ безпорядкѣ струилась по плечамъ. Ей очевидно была не подъ силу борьба съ китайцемъ, который теперь еще, какъ въ тискахъ, сжималъ нѣжную кисть одной изъ ея рукъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Придворный проповѣдникъ Кегель.

Великая герцогиня Баденская. Императрица Августа. Принцесса Брауншвейгская. Принцъ-регентъ Брауншвейгскій. Д-ръ Лауеръ. Князь Бисмаркъ. Графъ Мольтке. Принцъ Вильгельмъ. Супруга принца Фридриха-Карла. Великій герцогъ Баденскій.

Комната въ которой скончался императоръ Вильгельмъ.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Князь Серебряный", гр. А. К. Толстаго. (Рис. на стр. 300).

Изображенный на нашемъ рисункѣ эпизодъ знаменитаго романа гр. А. К. Толстаго, представляетъ ту сцену, когда Серебряный освобождаетъ царевича Іоанна Іоанновича, сына Грознаго царя, изъ рукъ Малюты Скуратова. Царевичъ, не любившій этого злѣйшаго изъ опричниковъ, какъ-то на пиру подшутилъ надъ Малютой и оскорбилъ его своими насмѣшками. Злопамятный Малюта, ловкими навѣтами, оклеветалъ его предъ царемъ, будто царевичъ затѣваетъ крамолу противъ отца и хочетъ самъ сѣсть на его мѣсто. Всегда подозрительный и легко распалявшійся гнѣвомъ, Грозный, сгоряча отдалъ Малютѣ приказъ схватить царевича на охотѣ и тайно предать смерти. Злобный Малюта спѣшилъ воспользоваться этою первою вспышкой гнѣва и боясь чтобы царь не передумалъ, въ тотъ же день вмѣстѣ со стремяннымъ своимъ, Хомякомъ, и нѣсколькими опричниками, схватили царевича одиноко стоявшаго въ лѣсу, накрыли ему лицо чернымъ башлыкомъ и повезли съ собою въ дремучую трущобу называемую Поганой Лужей. Объ этомъ, съ одной стороны, узнаетъ молодой князь Никита Романовичъ Серебряный, отъ своего слуги видѣвшаго какъ везли царевича, и тотчасъ пускается въ погоню за Малютой одинъ-одинешенекъ; а съ другой стороны, дозорные станичниковъ (разбойниковъ), грабившихъ въ окрестностяхъ Поганой Лужи, доносятъ своему атаману Перстню, что по лѣсу ѣдутъ какіе-то невѣдомые люди въ золотыхъ кафтанахъ, на дорогихъ аргамакахъ (это и были опричники съ царевичемъ), и Перстень рѣшается перехватить незваныхъ гостей.

Малюта слышитъ за собою погоню Серебрянаго и серчаетъ на коней.

— Ахъ, вы волчья сыть, травяные мѣшки! Ой, не было-бъ за нами погони!

Вдругъ слышитъ Малюта за собой:

— Стой, Григорій Лукьянычъ!

Серебряный былъ у Скуратова за плечами. Не выдалъ его старый конь водовозный.

— Стой, Малюта! повторилъ Серебряный и, нагнавъ Скуратова, ударилъ его въ щеку рукою могучею.

Малюта свалился съ сѣдла. Бѣдный старый конь Никиты Романовича спотыкнулся, покатился и испустилъ духъ.

— Малюта! вскричалъ князь, вскочивъ на ноги: — не за свой ты кусъ принимаешься! Ты этимъ кусомъ подавишься!

И, вырвавъ изъ ноженъ саблю Малюты, онъ замахнулся разрубить ему черепъ.

Внезапно другая сабля свистнула надъ головою князя. Матвѣй Хомякъ прилетѣлъ господину на помощь. Завязался бой межъ Хомякомъ и Серебрянымъ. Опричники напали съ голыми саблями на князя, но деревья и ломъ защитили Никиту Романовича, не дали всѣмъ вдругъ окружить его.

„Вотъ, — думалъ князь, отбивая удары, — придется животъ положить, не спася царевича! Кабы далъ Богъ хоть съ полчаса подержаться, авось подоспѣла бы откуда-нибудь подмога."

И лишь только онъ подумалъ, какъ пронзительный свистъ раздался въ лѣсу; ему отвѣчали громкіе окрики. Одинъ опричникъ, уже занесшій саблю на князя, упалъ съ раздробленною головой, а надъ трупомъ его явился Ванюха Перстень, махая окровавленнымъ чеканомъ. Въ тотъ же мигъ разбойники, какъ стая волковъ, бросились на Малютиныхъ слугъ, и пошла между ними рукопашная...

Кончилась битва. Не съ кѣмъ было болѣе драться — всѣ опричники легли мертвые, одинъ Малюта спасся на лихомъ аргамакѣ.

Стали разбойники считать своихъ, и многихъ не досчитались. Было и между ними довольно урону.

— Вотъ, сказалъ Перстень, подходя къ Серебряному и стирая потъ съ лица, — вотъ, бояринъ, гдѣ довелось свидѣться! (Серебряный однажды спасъ Перстня отъ опричниковъ, не зная что онъ разбойникъ).

Серебряный, съ первымъ появленіемъ разбойниковъ, бросился къ царевичу и отвелъ его коня въ сторону; царевичъ былъ привязанъ къ сѣдлу. Серебряный саблею разрѣзалъ веревки, помогъ царевичу сойти и снялъ платокъ, которымъ ротъ его былъ завязанъ. Во все время сѣчи князь отъ него не отходилъ и заслонялъ его собою.

— Царевичъ, сказалъ онъ, видя, что станичники уже принялись грабить мертвыхъ и ловить разбѣжавшихся коней: — битва кончена; всѣ твои злодѣи полегли, одинъ Малюта ушелъ, да, я чаю, и ему не сдобровать, когда царь велитъ сыскать его!

При имени царевича Перстень отступилъ назадъ.

— Какъ? сказалъ онъ: — это самъ царевичъ? Сынъ государевъ? Такъ вотъ за кого Богъ привелъ постоять! Такъ вотъ кого, они, собаки, связамши, везли!

И атаманъ повалился Іоанну Іоанновичу въ ноги.

Шутъ. (Рис. на стр. 301).

Въ обширной комнатѣ стариннаго замка собралось большое общество въ блестящихъ костюмахъ начала XVII вѣка. У громаднаго камина, на низенькомъ табуретѣ, усѣлся шутъ въ своей пестрой одеждѣ и дурацкомъ колпакѣ, увѣшанномъ побрякушками. Подъ звуки мандолины онъ напѣваетъ веселую пѣсенку, которую присутствующіе слушаютъ, улыбаясь. Только трое изъ нихъ, двѣ молодыя дѣвушки и блестящій кавалеръ, повидимому, не особенно интересуются ею, и, какъ кажется, красавицамъ пришлись болѣе по сердцу слова статнаго юноши, которыя онъ, подъ шумокъ шутокъ забавника, нашептываетъ своимъ очаровательнымъ слушательницамъ.

Шведка изъ Далекарліи. (Рис. на стр. 305).

Живопись водяными красками пріобрѣтаетъ за послѣдніе годы все больше и больше распространенія. Не такъ далеко еще то время, когда на ежегодныхъ художественныхъ выставкахъ не насчитывалось и десятка акварельныхъ рисунковъ, на которые публика, среди множества картинъ масляными красками, не обращала никакого вниманія или смотрѣла на нихъ какъ на работы красивыхъ ручекъ прекраснаго пола, которому не подъ-силу болѣе серьезное искусство, или какъ на плоды досуга художниковъ, иногда занимающихся акварелью между дѣломъ, т. е. писаніемъ картинъ масляными красками. Блестящіе успѣхи живописи водяными красками и цѣлый рядъ даровитыхъ художниковъ, посвятившихъ себя исключительно этому роду живописи, разсѣяли ошибочный взглядъ на акварель. Для достиженія еще большихъ успѣховъ въ немъ, акварелисты, какъ на западѣ Европы, такъ и у насъ въ Россіи, соединились въ общества и ежегодно устраиваютъ интересныя выставки своихъ работъ. 2 марта въ Петербургѣ открылась уже восьмая выставка „Общества Русскихъ Акварелистовъ". Среди корифеевъ акварельной живописи, Л. О. Премацци, М. Я. Вилье, А. Н. Бенуа, Н. Н. Каразина, А. П. и П. П. Соколова, безспорно выдающееся мѣсто принадлежитъ академику С. Ѳ. Александровскому. Его портреты, въ особенности женскіе, пользуются заслуженною извѣстностью. Мало уступая въ блескѣ и колоритѣ портретамъ, писаннымъ масляными красками, они превосходятъ ихъ мягкостью, нѣжностью и прозрачностью тоновъ. Помѣщенный въ настоящемъ № рисунокъ этого художника, въ прекрасной гравюрѣ Голевинскаго, передаетъ всю прелесть оригинала, изображающаго молодую, цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку изъ Далекарліи или Даларне, суровой, но величественной и живописной области въ Швеціи.

Конскіе силуэты, профессора Сверчкова.

(Рис. на стр. 308 и 309).

Помѣщаемъ новую серію силуэтовъ почтеннаго профессора, изображающихъ на этотъ разъ исключительно лошадей въ различныхъ отправленіяхъ ихъ службы. Вотъ, въ лѣвомъ верхнемъ углу, офицерская скачка на чистокровныхъ англійскихъ скакунахъ, легко берущихъ барьеръ (препятствіе); справа — Орловскій рысакъ, запряженный въ легкія бѣговыя санки. Второй рядъ силуэтовъ открывается тѣмъ-же рысакомъ, но уже на лѣтнемъ иподромѣ, въ бѣговыхъ дрожкахъ; правѣе, зимняя ѣзда гусемъ. Въ третьемъ ряду — масляничное катанье подгулявшихъ крестьянъ и чухонская одноколка.

Второй по длинѣ мостъ въ свѣтѣ. (Рис. на стр. 312).

Два самые длинные въ свѣтѣ моста, перекинутые чрезъ воду, находятся въ настоящее время въ Шотландіи, а именно открытый для движенія 9 іюня 1887 года мостъ чрезъ Тэй (Тау) близъ Дэнди, имѣющій болѣе 3 верстъ протяженія, и слѣдующій затѣмъ по длинѣ новый мостъ чрезъ Фортъ (Forth) (рис. на стр. 312), постройка котораго близится къ окончанію. Это замѣчательное произведеніе современной техники переброшено надъ такъ-называемымъ „Firth of Forth", морскимъ заливомъ на восточномъ берегу Шотландіи, недалеко отъ города Эдинбурга; въ постройкѣ моста, производимой подъ наблюденіемъ инженеровъ Джона Фаулера и Б. Бакера, принимаютъ участіе три большія англійскія желѣзнодорожныя общества: Сѣверо-Восточное, Сѣверо-Западное и Внутреннее (Midland), и сооруженіе это возложено на фирму „Танкредъ Арролъ и К°." Небольшой эскизъ наверху нашего рисунка передаетъ общій видъ оконченнаго моста, у котораго (благодаря островку лежащему въ заливѣ посреди того мѣста, гдѣ перекинутъ мостъ) устои такъ поставлены, что мостъ имѣетъ въ серединѣ два пролета, каждый длиною въ 243 сажени; затѣмъ два, примыкающіе къ нимъ справа и слѣва, длиною въ 100 саженъ, и потомъ цѣлый рядъ небольшихъ пролетовъ надъ сушею. Такимъ образомъ два среднее пролета по своему протяженію превосходятъ знаменитый мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ, достигающій 230 саж. длины и построенный по системѣ висячихъ мостовъ. Мостъ черезъ Фортъ, для котораго матеріаломъ должна служить только сталь въ количествѣ 2.700,000 пудовъ, строится по такъ-называемой рѣшетчатой системѣ. Устройство крѣпкихъ устоевъ моста, изъ которыхъ у каждаго четыре соединенныя наверху колонны для поддержки моста, отчетливо видно на ри-

сункѣ. Высота пролетовъ при высокой водѣ равняется 152 футамъ, такъ что подъ мостомъ могутъ безпрепятственно проходить самые большіе корабли. Нижняя часть устоевъ построена исключительно изъ гранита, базальта и лучшаго портландскаго цемента и покоится на чрезвычайно благопріятной почвѣ. Постройка моста начата въ 1882 году; въ настоящее время до 3600 рабочихъ заняты надъ окончаніемъ этого гигантскаго предпріятія; имъ уплачивается ежемѣсячно за работу до 360,000 рублей; вся-же постройка должна обойтись свыше 19 милліоновъ рублей.

Комната въ которой скончался императоръ Вильгельмъ. (Рис. на стр. 313).

Императоръ Вильгельмъ лежалъ больнымъ и умеръ въ той комнатѣ, которая въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ служила ему спальней, во время пребыванія его въ Берлинѣ. Возлѣ рабочаго кабинета покойнаго императора съ историческимъ угловымъ окномъ, расположена комната выходящая на улицу „Подъ Липами“ двумя окнами, изъ которыхъ въ эту зиму императоръ нерѣдко раскланивался съ народомъ. За рабочимъ кабинетомъ находится библіотека, примыкающая своею длинною стороною къ верандѣ, выходящей на Оперную площадь. Изъ библіотеки другая дверь ведетъ въ спальню, которая такимъ образомъ расположена за упомянутой выше комнатой въ два окна и выходитъ своими окнами во внутренній дворъ дворца; поэтому уличный шумъ не достигаетъ до нея.

Обстановка спальни самая простая. Едва-ли нужно упоминать о желѣзной походной кровати, сопутствовавшей императору во всѣхъ его странствованіяхъ. Она была при немъ и въ Главной квартирѣ, и на полѣ сраженія; на водахъ, куда императоръ ѣздилъ подкрѣплять свои разстроенныя силы, и на свиданіяхъ монарховъ, гдѣ общими усиліями удавалось разсѣивать грозныя тучи, угрожавшія общему миру. Эта походная постель свидѣтельствуетъ о спартанской простотѣ и непритязательности императора и указываетъ также, какъ неохотно онъ разставался съ вещами къ которымъ привыкалъ. Походная кровать и старая сѣрая шинель, замѣнить которую новою не удавалось камердинеру, несмотря на всѣ его старанія,—вполнѣ соотвѣтствовали прочему убранству комнаты. Вся мебель въ ней изъ краснаго дерева, какая употреблялась повсюду въ началѣ настоящаго столѣтія.

Кровать стоитъ не вдоль стѣны, а по серединѣ комнаты, за полу-откинутой занавѣской. Въ головахъ кровати, на стѣнѣ виситъ деревянное распятіе; влѣво у стѣны помѣщается краснаго дерева шкапъ со стеклянными дверцами и зелеными шелковыми занавѣсками; въ немъ хранятся полученные отъ членовъ семьи различные подарки и иныя реликвіи, которымъ императоръ придавалъ особенное значеніе, какъ воспоминаніямъ молодости. Простое, скромное зеркало, служившее еще отцу императора, Фридриху - Вильгельму III, платяной шкапъ тоже изъ краснаго дерева, комодъ, умывальникъ, старинные часы и такой-же коверъ дополняютъ убранство комнаты, въ которой почилъ маститый императоръ. (С.).

Императоръ Фридрихъ III и императрица Викторія.

(Портреты на стр. 316 и 317).

18 октября 1831 года громъ пушекъ возвѣстилъ Берлину о рожденіи принца королевской крови, и въ тотъ-же день *Правительственная Газета* сообщала о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени супруги принца Вильгельма Прусскаго. 13 ноября происходило крещеніе маленькаго принца, воспитательницей котораго была въ первые годы его жизни супруга пастора, г-жа Годе, подъ наблюденіемъ г-жи Клаузевицъ; а въ 1840 г. воспитаніе принца было ввѣрено военному воспитателю, полковнику Унруэ. Съ семилѣтняго возраста маленькій принцъ началъ заниматься военными упражненіями, и 18 октября 1841 г., въ день рожденія короля Фридриха-Вильгельма IV, былъ назначенъ подпоручикомъ въ 1 гвардейскій пѣхотный полкъ, хотя на дѣйствительную службу поступилъ лишь 3 мая 1849 года. Научнымъ образованіемъ принца занимались лучшіе умы страны: Эрнстъ Курціусъ и др. На музыку, танцы, верховую ѣзду, гимнастику и фехтованіе было также обращено должное вниманіе. Уже въ ранней юности принцъ, путешествуя по Германіи и Швейцаріи, посѣтилъ наиболѣе достопримѣчательныя и красивыя мѣстности. 19 сентября 1848 года принцъ конфирмовался въ дворцовой часовнѣ Шарлоттенбурга. При вступленіи принца Фридриха на дѣйствительную службу, въ маѣ 1849 года, отецъ его, въ присутствіи цѣлаго корпуса офицеровъ, выразилъ надежду, что его сынъ „исполнитъ свой долгъ“. Молодой принцъ оправдалъ ожиданія отца и въ самый короткій срокъ былъ произведенъ въ чинъ поручика. Въ день совершеннолѣтія, которое торжественно праздновалось 18 октября 1849, король Фридрихъ - Вильгельмъ IV возложилъ на своего Августѣйшаго племянника знаки ордена Чернаго Орла, и въ произнесенной при этомъ рѣчи далъ завѣтъ молодому принцу быть „образцомъ христіанскаго смиренія, рыцарской мощи, высокаго духа и вѣрности...“ 7 ноября 1849 года, въ сопровожденіи Эрнста Курціуса, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ отправился въ Боннскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи государственныхъ и историческихъ наукъ, дѣлая по временамъ небольшія экскурсіи на Рейнъ. Болѣе серьезное путешествіе было имъ предпринято на слѣдующій годъ въ Италію, въ сообществѣ съ наслѣднымъ принцемъ Мейнингенскимъ. Но гораздо болѣе важныя послѣдствія имѣла поѣздка его въ Англію въ 1851 году, гдѣ принцъ встрѣтился въ первый разъ со своею будущею супругой, принцессой Викторіей. Въ томъ же году онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, посѣтилъ своего дядю, императора Всероссійскаго Николая I, и былъ имъ назначенъ шефомъ Изюмскаго гусарскаго полка.

Весною 1852 г. принцъ окончилъ свои занятія въ Боннскомъ университетѣ, посвятивъ себя затѣмъ главнымъ образомъ военной службѣ; въ августѣ 1855 года онъ былъ произведенъ въ полковники. Въ этотъ же промежутокъ времени было совершено новое путешествіе въ Италію, гдѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго архитектора Штрака, изучались сокровища искусствъ „вѣчнаго города“. Въ сентябрѣ 1855 года принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ еще разъ посѣтилъ Англію въ сопровожденіи человѣка стяжавшаго себѣ впослѣдствіи неувядаемую славу — полковника Мольтке. Въ замкѣ Бальмораль, въ Шотландіи, 20 сентября было сдѣлано торжественное предложеніе родителямъ принцессы Викторіи, принятое ими весьма охотно; 29 числа принцъ Фридрихъ получилъ согласіе и отъ самой принцессы. Во время прогулки въ горахъ, принцъ слѣзъ съ лошади и, нарвавъ букетъ бѣлыхъ полевыхъ цвѣтовъ, подалъ его Викторіи; молодая дѣвушка, краснѣя, приняла цвѣты, служащіе въ Шотландіи символомъ любви, и со слезами на глазахъ выслушала признаніе принца Фридриха, съ которымъ впослѣдствіи искренно дѣлила радости и горе.

Во время поѣздки на открытіе Суэцкаго канала, нынѣшній императоръ Фридрихъ III посѣтилъ Египетъ и Палестину; описавъ свои впечатлѣнія, онъ издалъ ихъ для избраннаго кружка читателей въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Первую боевую опытность императоръ Фридрихъ III пріобрѣлъ въ 1864 г., въ Шлезвигѣ, хотя и не принималъ непосредственнаго участія въ сраженіяхъ. События 1866 г. хорошо извѣстны каждому. Принцъ Фридрихъ - Вильгельмъ рѣшилъ битву при Кенигrрецѣ. Когда въ 1870 году вспыхнула Франко-Прусская война, императоръ Фридрихъ, тогда наслѣдникъ Прусскаго престола, принялъ главное начальствованіе надъ третьей арміей и вмѣстѣ съ тѣмъ надъ южно-нѣмецкими войсками. Первоначальные успѣхи въ этой войнѣ выпали на его долю. Въ его глазахъ третья армія одержала блестящую побѣду при штурмѣ Вейсенбурга. Послѣ многихъ другихъ успѣшныхъ дѣлъ, онъ вмѣстѣ съ кронпринцемъ Саксонскимъ, подъ главнымъ начальствомъ Прусскаго короля, разбилъ французовъ при Седанѣ. 6 сентября онъ обратился съ воззваніемъ къ Нѣмецкому народу, объ учрежденіи Инвалиднаго дома для ветерановъ германской арміи. Оставшись при главной квартирѣ Прусскаго короля въ Версалѣ, кронпринцъ вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ былъ возведенъ 28 октября въ званіе генералъфельдмаршала, которое, по старинному семейному обычаю Бранденбургскаго и Прусскаго Домовъ, до тѣхъ поръ не давалось принцамъ. По предварительномъ подписаніи мира, 7 марта 1871 года, Фридрихъ-Вильгельмъ оставилъ Версаль и вступилъ 20 марта въ Берлинъ, съ титуломъ наслѣднаго принца Германской Имперіи, дарованнымъ ему по указу 18 января 1871 года, въ день торжественнаго провозглашенія короля Вильгельма Германскимъ императоромъ. 22 марта наслѣдный принцъ Германскій получилъ большой знакъ ордена Желѣзнаго Креста.

Мирная дѣятельность наслѣднаго принца Фридриха-Вильгельма была также весьма разносторонюю. Онъ былъ президентомъ коммисіи національной обороны. Горячо относился къ процвѣтанію наукъ и искусствъ. Его просвѣщенному содѣйствію обязаны своимъ началомъ раскопки въ Олимпіи. Замѣщая покойнаго императора въ дѣлахъ представительства, онъ посѣтилъ Австро-Венгрію, Швецію, Италію и въ 1881 году присутствовалъ въ Петербургѣ при погребеніи императора Александра II.

Ведя съ юности жизнь солдата, императоръ Фридрихъ III тѣмъ не менѣе воспитывался какъ наслѣдникъ престола и получилъ выдающееся научное образованіе, подъ руководствомъ знаменитыхъ учителей. Императоръ съ любовью продолжаетъ заниматься наукой и имѣетъ званіе доктора Кенигсбергскаго университета, ректоромъ котораго онъ состоитъ, равно какъ и университетовъ: Боннскаго и Оксфордскаго.

Императрица Германская и королева Прусская Викторія, старшая дочь Викторіи, королевы Великобританской и Ирландской и ея супруга принца Альберта Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, родилась въ Бокингамскомъ дворцѣ 9 (21) ноября 1840 г. Крещеніе перваго ребенка королевской четы было тамъ-же отпраздновано 29 января слѣдующаго года. Одна изъ залъ замка была обращена съ этою цѣлью въ капеллу, гдѣ предъ устроеннымъ алтаремъ, на мраморномъ столѣ, красовалась серебряная купель. Послѣдняя была сдѣлана по заказу для этого торжества и представляла большую водяную лилію, поддерживаемую тремя херувимами и наполненную водою изъ Іордана. Вокругъ купели стояли королева съ супругомъ, духовенство и свидѣтели торжественнаго обряда: вдовствующая королева, герцогиня

Фридрихъ III императоръ Германскій.

Грав. Бонгъ.

Викторія императрица Германская.

Грав. Барановскій.

Глостерская и Кентская, король Бельгійскій, герцогъ Сус-сексскій и герцогъ Веллингтонъ. Вдовствующая королева дала крещаемой имена Викторіи-Аделаиды-Маріи-Луизы. Уже съ самаго ранняго возраста принцесса Викторія стала обнаруживать блестящія способности, которыми щедро надѣлила ее природа. Когда ей исполнилось 2 года, принцъ Альбертъ писалъ своему другу, барону Штокмару: „*Пусси* (котеночекъ) бѣгло говоритъ по-англійски и по-французски и, притомъ, въ изысканныхъ выраженіяхъ.“ Позднимъ лѣтомъ 1844 г. увидѣлъ маленькую Викторію въ первый разъ принцъ, впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ, во время пребыванія въ Лондонѣ и лично могъ убѣдиться въ прелести и умѣ ребенка, сдѣлавшагося спустя 14 лѣтъ супругою его сына. О роли, которую играла молодая принцесса въ жизни своихъ родителей, хорошо извѣстно изъ писемъ принца-супруга къ упомянутому выше барону Штокмару и недавно обнародованнаго дневника королевы Викторіи.

Въ нихъ очень часто упоминается имя маленькой „Вики“ и о разныхъ эпизодахъ ея жизни передается съ большою любовью. Королевская чета съ особенною заботливостію занималась воспитаніемъ и образованіемъ маленькой принцессы. Первою гувернанткою молодой Викторіи и ея младшаго брата, принца Вельскаго, была лэди Сара Литльтонъ, дочь графа Спенсера. Маленькая „Вики“ постоянно сопровождала своихъ родителей въ ихъ поѣздкахъ въ Шотландію и другія мѣста, но на публичномъ торжествѣ она появилась впервые при освященіи лондонской угольной биржи, происходившемъ въ присутствіи Двора въ 1849 году. Черезъ два года, при открытіи всемірной выставки въ Лондонѣ, она въ первый разъ увидѣла принца Фридриха-Вильгельма, своего будущаго супруга. Спустя четыре года онъ получилъ согласіе принцессы, но помолвка совершилась только въ 1857 году. 7 мая 1857 года Британскій парламентъ назначилъ принцессѣ въ приданое единовременно 40,000 фунтовъ стерлинговъ и ежегодно по 8,000. 1 іюля, въ томъ-же году, принцъ-женихъ, при посѣщеніи имъ Лондона, былъ избранъ въ почетные граждане этого города при особенно торжественной обстановкѣ. Въ слѣдующемъ году, 13 (25) января состоялось бракосочетаніе принцессы Викторіи и принца Фридриха-Вильгельма, въ Сент-Джемской церкви въ Лондонѣ. 21 января простилась молодая чета съ Англіею, и спустя 4 дня прибыла въ Потсдамъ, гдѣ была радостно встрѣчена народонаселеніемъ. 27 января молодые супруги переселились въ замокъ Бель-вю, откуда и состоялся торжественный въѣздъ четы въ столицу Пруссіи. Восторгъ, съ какимъ ее встрѣтило населеніе Берлина, превзошелъ все, что могла ожидать молодая принцесса, и она писала своимъ родителямъ „что она была встрѣчена въ своемъ новомъ отечествѣ въ высшей степени сердечно и любовно“. Съ этого времени принцесса Викторія проживала въ полномъ супружескомъ счастіи, которое только въ послѣдніе годы омрачилось болѣзнью ея Августѣйшаго супруга.

Королева Луиза съ дѣтьми. (Рис. на стр. 320).

Въ некрологѣ императора Вильгельма мы указывали то руководящее вліяніе, которое имѣла королева Луиза на развитіе доблестей своего сына. Въ день рожденія будущаго императора, отецъ его (позже въ томъ-же 1796 году наслѣдовавшій прусскій престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма III) былъ еще наслѣднымъ принцемъ, а кронпринцесса Луиза, дочь великаго герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, славилась уже во всей Европѣ, какъ самая красивая и умнѣйшая женщина Германіи. По вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма III, родители принца Вильгельма, несмотря на свой высокій санъ, жили необычайно просто. Лѣто они проводили обыкновенно въ замкѣ Парецѣ, и королева Луиза любила, чтобы ее называли „парецкою барынею“, а супруга ея „парецкимъ помѣщикомъ“. Принцъ Вильгельмъ воспитывался вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ, кронпринцемъ Фридрихомъ (который родился годомъ ранѣе его), подъ непосредственнымъ присмотромъ любящихъ родителей. Воспитаніе имѣло старинный прусскій характеръ.

Рисунокъ нашъ представляетъ королеву Луизу держащую малолѣтняго принца Вильгельма на рукахъ, между тѣмъ какъ старшій братъ его отваживается уже на первые шаги, придерживаясь одною ручонкой за мать, а другой за кресло.

Императоръ Вильгельмъ у окна угловой комнаты дворца. (Рис. на стр. 320).

Это окно стало историческимъ. Ежедневно, во время смѣны дворцоваго караула, послѣдній проходилъ съ музыкой мимо окна въ кабинетѣ; императоръ, очень любившій своихъ солдатъ, при этомъ каждый разъ отрывался отъ занятій, подходилъ къ окну и, отодвинувъ портьеру, смотрѣлъ на проходившій отрядъ. Населеніе Берлина такъ привыкло къ этому, что въ извѣстный часъ предъ дворцомъ собиралась большая толпа, ожидавшая когда императоръ покажется въ окнѣ. Такимъ образомъ ежедневное появленіе маститаго монарха въ угловомъ окнѣ какъ-бы вошло въ составъ неизбѣжныхъ требованій придворнаго этикета, и въ дни случайныхъ недуговъ маститаго монарха, толпа съ искреннимъ огорченіемъ покидала дворцовую площадь, не видавъ „своего императора“.

Мавзолей въ Шарлоттенбургѣ. (Рис. на стр. 321).

Въ пяти верстахъ къ западу отъ Берлина, на рѣкѣ Шпреэ, расположенъ городъ Шарлоттенбургъ, въ которомъ находится временная резиденція нынѣшняго императора Германскаго Фридриха III и усыпальница почившаго на-дняхъ Вильгельма I. Королевскій замокъ, благодаря которому возникъ самый городъ, былъ выстроенъ въ 1696 году для Софіи-Шарлотты, второй супруги курфюрста, впослѣдствіи короля Фридриха I, близъ селенія Лицепъ (Люцовъ), почему и назывался первоначально Лиценбургъ. По смерти Софіи-Шарлотты король далъ ему настоящее имя, а въ началѣ XVIII вѣка началъ строиться и городъ. Къ замку примыкаетъ обширный паркъ, окаймляемый рѣкою Шпреэ, въ которомъ, между прочимъ, находится знаменитый мавзолей изъ гранита, усыпальница королевы Луизы и короля Фридриха-Вильгельма III, а нынѣ и сына ихъ, императора Вильгельма I. Надгробные памятники Августѣйшихъ родителей послѣдняго, изображенные на нашемъ рисункѣ, исполнены Раухомъ изъ каррарскаго мрамора. Проходящій сквозь синія стекла свода свѣтъ обдаетъ мраморъ и внутренность мавзолея какъ-бы луннымъ освѣщеніемъ. Въ ногахъ изваяній поставлена гранитная урна, заключающая въ себѣ сердце Фридриха-Вильгельма III.

Прусскій королевскій домъ не имѣетъ еще фамильной усыпальницы, въ которой были-бы погребены останки всѣхъ принадлежавшихъ къ нему монарховъ. Почившіе короли Пруссіи покоятся въ различныхъ мѣстахъ: Фридрихъ I и Фридрихъ-Вильгельмъ II въ Берлинскомъ соборѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ I и Фридрихъ Великій въ Потсдамской гарнизонной церкви, Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ кладбищенской церкви Потсдама, и наконецъ императоръ Вильгельмъ со своими родителями въ Шарлоттенбургскомъ мавзолеѣ.

Послѣдняя подпись императора Вильгельма.

Всегда и во всемъ непреклонное и строгое выполненіе своихъ обязанностей и долга по отношенію къ родинѣ! Этою неоцѣнимою добродѣтелью обладалъ почившій императоръ Вильгельмъ въ высшей мѣрѣ. Одержимый недугомъ, погасившимъ его долгую жизнь, онъ сохранилъ еще достаточно силы воли, чтобы подписать повелѣніе о распущеніи рейхстага. „Въ послѣдніе дни дѣятельности императора, которая прекратилась только вмѣстѣ съ его жизнью“, говорилъ князь Бисмаркъ рейхстагу, опечаленному внезапною кончиною своего государя, „мнѣ удалось получить лежащую предо мною подпись его о распущеніи рейхстага, которое должно состояться сегодня или завтра. Я просилъ выставить только начальную букву его августѣйшаго имени, но его величество возразилъ, что онъ вѣроятно будетъ въ силахъ подписать полное имя.“ Эта подпись, выведенная дрожащею рукою умиравшаго императора, воспроизведена здѣсь. „Эту послѣднюю подпись,“ прибавилъ тогда-же князь Бисмаркъ, „я передаю палатѣ какъ историческій документъ.“

Послѣдняя подпись Императора Вильгельма.

Политическое обозрѣніе.

Погребеніе императора Вильгельма. — Здоровье императора Фридриха III. — Императорскій манифестъ. — Инцидентъ Буланже.

4 марта тѣло почившаго императора Вильгельма предано землѣ. Громадное стеченіе иностранцевъ и иногородныхъ въ Берлинѣ ясно свидѣтельствуетъ о горячей любви, искренней преданности и глубокомъ уваженіи, какими пользовалась личность покойнаго монарха не только среди подданныхъ, но и далеко за предѣлами его государства. Присутствіе королей, наслѣдниковъ престоловъ, многихъ принцевъ и герцоговъ на печальной церемоніи погребенія, служитъ очевиднымъ изъявленіемъ глубокаго соболѣзнованія сосѣднихъ съ Германіею державъ по поводу утраты, понесенной ею. Съ особеннымъ удовольствіемъ было встрѣчено въ Берлинѣ представительство Русскаго Монарха — Наслѣдникомъ Россійскаго престола и Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. Почившій Гер-

манскій императоръ и король прусскій Вильгельмъ былъ тѣсно связанъ дружескими и родственными отношеніями съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ. Привязанность и расположеніе къ Россіи маститый монархъ сохранилъ до послѣднихъ дней его жизни. За нѣсколько времени до своей кончины императоръ говорилъ своему внуку, нынѣшнему кронпринцу, о необходимости сохраненія дружественныхъ отношеній къ Россіи. Эту любовь вся Россія, во главѣ съ Державнымъ Вождемъ, достойно оцѣнила, и глубокое, непритворное соболѣзнованіе русскихъ по поводу понесенной Германіей утраты не прошло незамѣченнымъ въ Германіи.

Въ придворныхъ кружкахъ возбудилъ оживленные толки пріемъ Государя Наслѣдника Цесаревича императоромъ и императрицею и произведенное пріемомъ взаимное впечатлѣніе.

Въ тѣхъ-же кружкахъ считаютъ блестящее и успѣшное выполненіе Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Князьями возложенной на нихъ миссіи благодѣтельнымъ залогомъ для будущихъ русско-германскихъ отношеній. Члены русскихъ военныхъ депутацій, принятые императоромъ Фридрихомъ, съ восторгомъ разсказываютъ о милостивомъ его обращеніи съ каждымъ изъ нихъ. Газеты, обсуждая горячее участіе русскаго общественнаго мнѣнія къ понесенной Германіей утратѣ, замѣчаютъ, что нынѣ желанія Русскаго и Нѣмецкаго народовъ относительно возстановленія дружественныхъ отношеній между Германіей и Россіей отождествляются. Эти сердечныя отношенія и обмѣнъ сочувственныхъ заявленій между Берлиномъ и Петербургомъ обращаютъ въ Вѣнѣ на себя серьезное вниманіе. На нихъ указывается въ *Neue Freie Presse* и другихъ газетахъ. Въ письмѣ изъ Берлина въ *Correspondance de l'Est* говорится, что сердечныя отношенія между Германскимъ императоромъ и Государемъ Императоромъ, опирающіяся на традиціи и взаимные интересы, являются наилучшей и надежнѣйшей гарантіей мира.

Другія газеты, въ разглагольствованіяхъ, полныхъ ревности и эгоизма, заявляютъ, что императоръ Фридрихъ принадлежитъ исключительно союзникамъ. *Neue Freie Presse* въ своей статьѣ говоритъ въ гнѣвномъ тонѣ, что всѣ попытки отвлечь императора Фридриха отъ Австро-Венгріи окажутся тщетными.

Эти указанія на близость и даже неразрывность Германіи къ Австріи и навязываніе своей дружбы „во имя тройственнаго союза", ясно указываютъ на безсиліе Австріи, не прикрываемой щитомъ Германіи, что особенно для нея печально при постоянномъ тяготѣніи имперіи Габсбурговъ къ Балканскому полуострову.

Состояніе здоровья императора Фридриха, несмотря на усиленныя занятія и тяжелыя минуты, которыя пришлось пережить въ послѣдніе дни одержимому недугомъ вѣнценосцу, совершенно удовлетворительно и гораздо лучше, чѣмъ сообщаетъ *Kölnische Zeitung*. Эти безосновательныя тревожныя сообщенія газеты всѣми порицаются. Благопріятныя извѣстія о здоровьѣ императора Фридриха повсюду радостно привѣтствуются и пожеланія долгой жизни являются непритворно искренними. Съ первыхъ-же шаговъ его царствованія повѣяло миролюбіемъ, которое успокоительно повліяло на умы, угнетенные страхами „лиги мира", созданной, какъ-бы, для уничтоженія его.

Императорскій манифестъ произвелъ самое глубокое впечатлѣніе. Возвышенныя воззрѣнія, высказываемыя въ немъ съ такимъ достоинствомъ, возбуждаютъ общее почтительное удивленіе. Особенное значеніе придаютъ заключительнымъ словамъ манифеста. Они истолковываются въ томъ смыслѣ, что императоръ употребитъ всѣ усилія для избѣжанія даже и такихъ войнъ, которыя могли-бы покрыть славой германское оружіе, а взамѣнъ того будетъ стараться о развитіи народнаго благосостоянія мирнымъ путемъ.

Газета *Nord*, обсуждая манифестъ и рескриптъ императора Фридриха, замѣчаетъ, что поддержаніе спокойствія и порядка составляетъ программу иностранной политики Германіи. Лучше этого новый императоръ не могъ, конечно, заручиться симпатіями всей Европы, и онъ дѣйствительно пріобрѣлъ эти симпатіи.

Въ эти минуты всеобщаго миролюбиваго настроенія, во Франціи произошло событіе, обѣщающее имѣть немаловажныя послѣдствія. Въ *Journal Officiel* опубликовано донесеніе военнаго министра, въ коемъ генералъ Ложеро говоритъ, что генералъ Буланже былъ въ Парижѣ три раза, а именно 24 февраля, 2 и 10 марта, при томъ оба послѣдніе раза переодѣтымъ, въ темныхъ очкахъ и прикидываясь хромымъ. Далѣе въ донесеніи констатируется важность подобныхъ нарушеній военной дисциплины со стороны генерала, предлагается лишить Буланже мѣста и такимъ образомъ исключить его изъ дѣйствительной службы. Донесеніе утверждено президентомъ республики.

Отрѣшеніе генерала Буланже отъ должности корпуснаго командира и переводъ его въ запасъ послужили для его сторонниковъ и вообще всѣхъ недовольныхъ настоящею администраціей предлогомъ къ противуправительственной агитаціи. Находясь на дѣйствительной службѣ, Буланже, въ силу военныхъ законовъ, долженъ былъ оставаться въ сторонѣ отъ всякой политической роли. Теперь-же, по словамъ *XIX Siècle*, генералъ Буланже заявилъ, что онъ присоединится къ избирательной агитаціи своихъ единомышленниковъ, такъ какъ не считаетъ уже себя связаннымъ никакими соображеніями военной службы.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— По случаю похоронъ Императора Вильгельма, Его Величеству Государю Императору благоугодно было возложить представительство на этомъ печальномъ торжествѣ на Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. На Его Императорское Высочество впервые выпала обязанность явиться за границею въ качествѣ представителя Своего Августѣйшаго Родителя. Помимо желанія Государя Императора воздать должное уваженіе памяти почившаго Монарха, настоящая поѣздка Наслѣдника Россійскаго Престола въ Берлинъ свидѣтельствуетъ и о томъ, что узы тѣсной дружбы и взаимнаго довѣрія, издавна соединяющія оба Царствующіе Дома и каковымъ Императоръ Вильгельмъ оставался вѣренъ до послѣдняго дыханія — останутся не менѣе прочными и при его Августѣйшемъ преемникѣ. Этимъ узамъ суждено, попрежнему, служить залогомъ прочныхъ мирныхъ отношеній между Россійскою и Германскою Имперіями, — отношеній, столь необходимыхъ для ихъ обоюднаго благосостоянія и для предотвращенія какихъ-бы то ни было международныхъ осложненій.

Его Императорское Высочество Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ благополучно прибылъ въ Берлинъ 3 марта въ 8 ч. 15 м. утра, и былъ встрѣченъ на станціи Германскимъ наслѣднымъ принцемъ, почетнымъ карауломъ и многими генералами. Со станціи Ихъ Высочества отправились прямо въ церковь, для поклоненія бреннымъ останкамъ Императора Вильгельма.

Затѣмъ Ихъ Высочества, которыхъ Германскій наслѣдный принцъ проводилъ до дома русскаго посольства, принимали тамъ съ визитами принцевъ Генриха, Александра и Георгія Прусскихъ, а также князя Бисмарка. Въ полдень Великіе Князья посѣтили вдовствующую императрицу, послѣ чего проslѣдовали въ Шарлоттенбургъ для посѣщенія императорской четы. По возвращеніи изъ Шарлоттенбурга, Ихъ Высочества сдѣлали визитъ фельдмаршалу Мольтке. Съ визитами къ Великимъ Князьямъ пріѣзжали короли Саксонскій и Румынскій, принцъ Вельскій и Австрійскій наслѣдный принцъ Рудольфъ, которымъ Ихъ Императорскія Высочества впослѣдствіи отдали визитъ.

— 7 марта, въ 7 час. вечера, съ экстреннымъ поѣздомъ Варшавской желѣзн. дор. прибыли изъ Берлина въ Петербургъ Ихъ Импер. Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Вел. Кн. Генералъ-Фельдмаршалъ Николай Николаевичъ Старшій.

Военное и морское дѣло.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: передовой фортъ „Нагорникъ" въ крѣпости Ивангородъ именовать „Фортъ Ванновскій".

— Высочайше повелѣно: всѣмъ офицерамъ и гражданскимъ чинамъ морскаго вѣдомства, по случаю кончины Императора Вильгельма I — въ теченіе четырехъ недѣль съ 27 февраля носить обыкновенный трауръ на лѣвомъ рукавѣ.

Торговля.

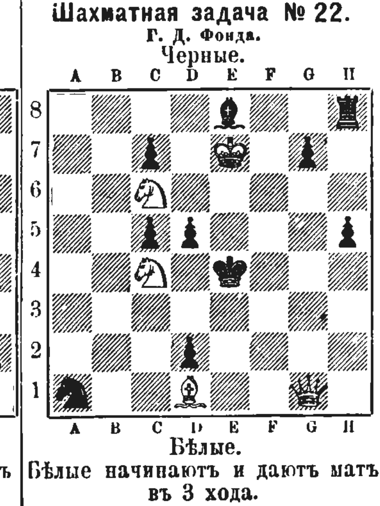
— За недѣлю 22—28 февраля (ст. ст.) въ общемъ положеніи хлѣбныхъ рынковъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ не послѣдовало. Въ началѣ настроеніе держалось относительно тверже, хотя сколько-нибудь значительныхъ оборотовъ, попрежнему, не происходило; подъ конецъ оно стало слабѣе. Колебаніе цѣнъ имѣло мѣсто лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ.

ПОПРАВКА: Въ № 11 „Нивы" на стр. 291, въ первомъ столбцѣ, въ строкѣ 31-ой снизу, вкралась слѣдующая опечатка: вмѣсто слова „малолѣтіемъ", слѣдуетъ читать: „неимѣніемъ".

Шашечная задача № 21.
К. О. Ц.
Черныя.

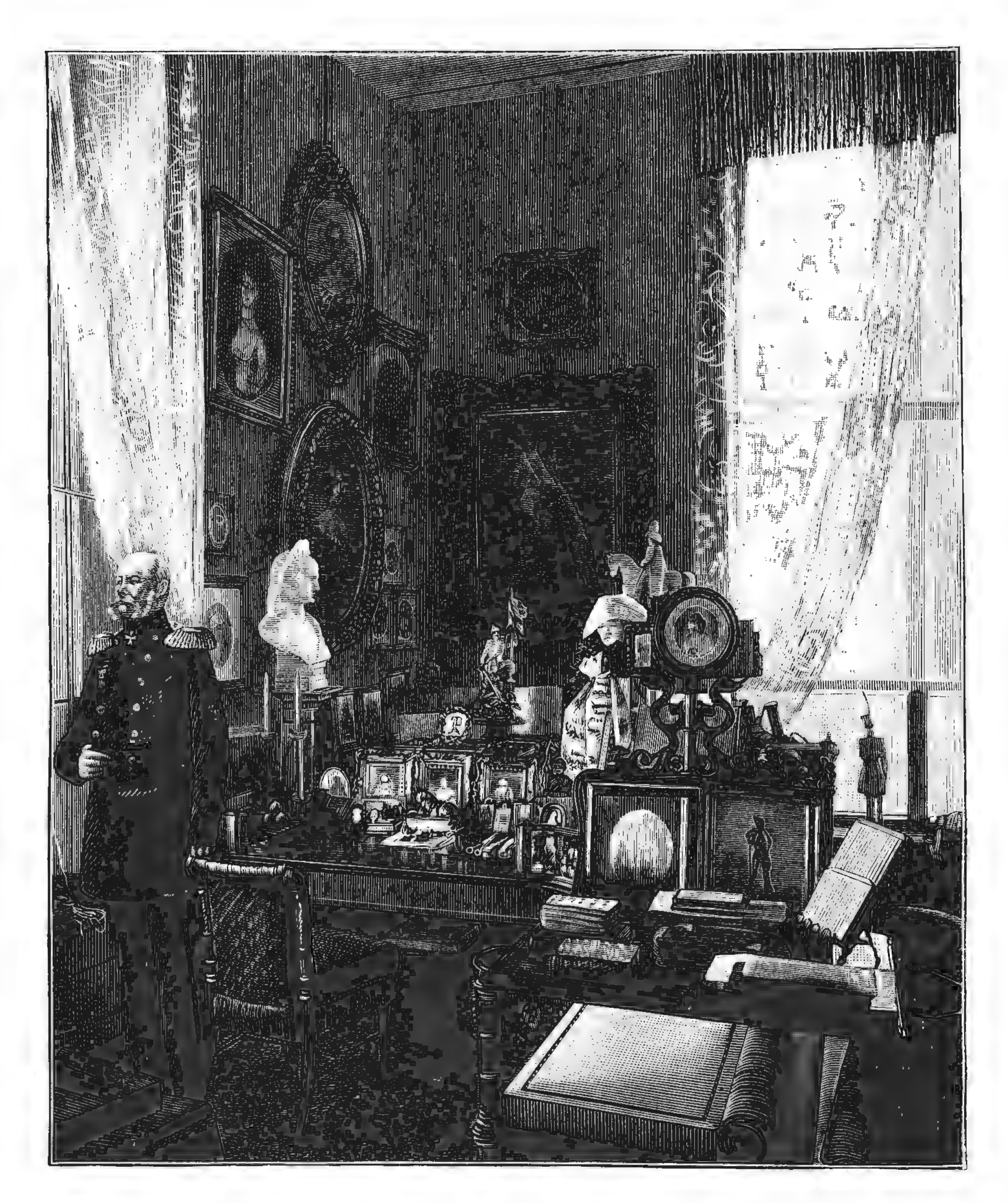
Бѣлыя.
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Шахматная задача № 22.
Г. Д. Фонда.
Черные.

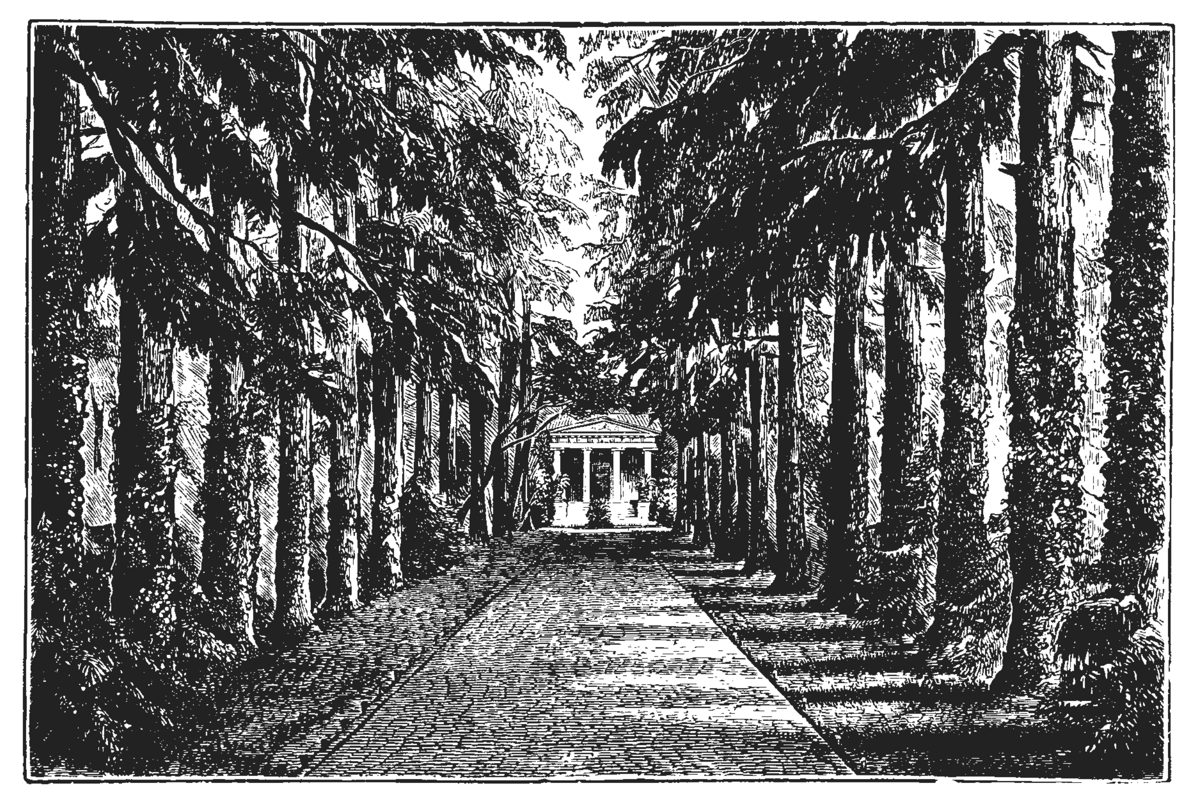


Бѣлые.
Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

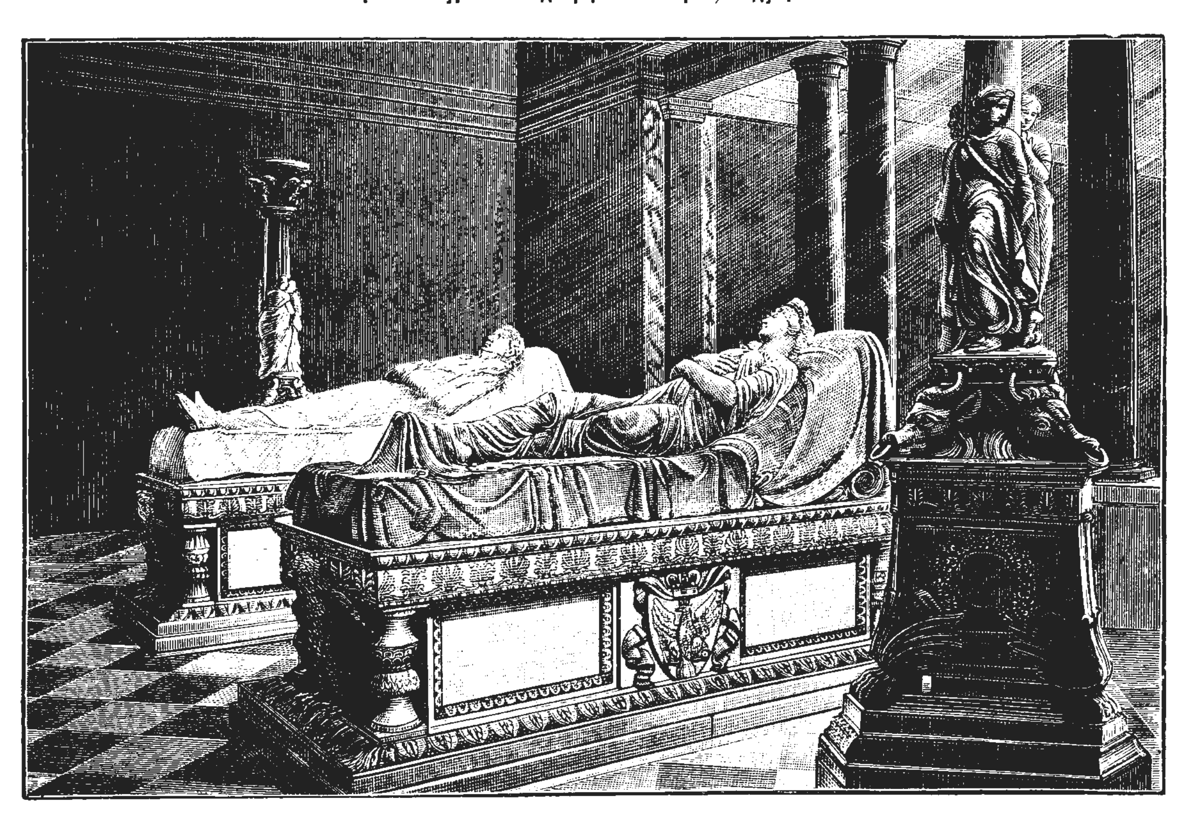
Королева Луиза съ малолѣтними сыновьями. Грав. Шюблеръ.



Императоръ Вильгельмъ у окна угловой комнаты дворца. Грав. Шюблерт.



Аллея въ Шарлоттенбургскомъ дворцовомъ паркѣ, ведущая къ мавзолею.



Внутренность мавзолея въ Шарлоттенбургскомъ дворцовомъ паркѣ.
Надгробные памятники короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

МАГАЗИНЪ БЮЛЕРЪ
(основанъ въ 1845 г.) № 3087
СПБ., Бол. Морская, д. № 9—13.

БРИЛЛІАНТОВЫЯ И ЗОЛОТЫЯ ВЕЩИ.

Заказы гг. иногородныхъ покупателей исполняются добросовѣстно и вещи высылаются тотчасъ-же по полученіи за нихъ денегъ. На всѣ запросы магазинъ отвѣчаетъ немедленно, для чего и проситъ прилагать почт. марку. Въ магазинѣ всегда имѣются **готовые жетоны** Никол. Кавалер. Учил. и Импер. Пажеск. Корпуса.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для чистки зубовъ.
Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

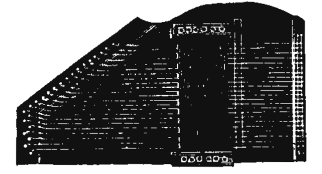
ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для полосканія рта.
Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER — Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris. А. № 2974 3—2
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER — Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга**, въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, 46, близь пассажа, продается новая книга:
ОЧЕРКИ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ
2—1 въ Енисейской тайгѣ, № 3079
А. Уманьскаго.
Цѣна 1 рубль, съ пересылкой 1 р. 20 коп.



Ц. № 3078 (1)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ 3½, 4, 5 и 8 руб. **со школой и нот.**, на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.
За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ** всѣмъ инструментамъ **безплатно.**

CREME-SIMON

(Кремъ-Симонъ) произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся и обладающее тоническими и мягчительными свойствами.
La POUDRE SIMON и мыло à la Crème-Simon имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.
J. SIMON, 36, rue de Provence. PARIS.
Въ розницу прод. у парикмахер., парфюм. и аптекарей. 6—5

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива"**. № 2405

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова.
Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ **безплатно.** (1) Ц. № 3077

MOMENT-PHOTOGRAPHIEN
für Künstler nach lebenden Modellen (Aktstudien), Thiere, Landschaften & schönste Collection! 200 Miniatur-photogr. u. 4 Originalbilder versend. geg. 5 Rubel franco
Adolf Estinger phot. Anstalt, Budapest I
№ 3029 6—5 (Ungarn).

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,
W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается Р. № 2691 безплатно. 26—18

ПОСРЕДСТВОМЪ **ЛЕКЦІЙ И ПЕРЕПИСКИ**, СОВЕРШЕННО ЗАМѢНЯЮЩЕЙ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. **ПОЛНѢЙШЕЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА УСПѢХЪ.** ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ **БЕЗПЛАТНО.**
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ, ВЪ МОСКВѢ.
адресъ:
Плющиха, д. Грасманъ.
Ц. № 3076 1—1

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ
орѣховаго или краснаго дерева для кабинетныхъ (12×16½ сант.). картъ, съ коленкоровымъ мѣхомъ, двойной кассетой, объективомъ съ діафрагмами и складнымъ штативомъ, всего **30 рублей.** Богатѣйшій выборъ французскихъ и англійскихъ камеръ.
Прейсъ-куранты безплатно. Mt. № 3088 2—1

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ
А. Я. ПАНАФИДИНА
СПБургъ, Большая Итальянская, № 8, поступила въ продажу слѣдующая книга:

ПРИНЦИПЫ ЖИЗНИ КИТАЯ

Сочиненіе СЕРГѢЯ ГЕОРГІЕВСКАГО
Спб. 1888 г. 494 стран. и 16 таблицъ. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкой.
СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. Глава I. Примитивное вѣрованіе въ продолжаемость существованія души человѣка послѣ его смерти.—II. Храмы предковъ.—III. Храмы предковъ (продолженіе). — IV. Бракъ. — V. Права первородства. Paterfamilias. Родъ. — VI. Развитіе многобожія и заслоненіе послѣднимъ культа предковъ.—VII. Разрушеніе философіею примитивной вѣры и древняго принципа жизни.—VIII. Конфуціанство и Конфуцій.—IX. Ученіе Конфуція.—X. Развитіе Конфуціевой доктрины въ книгахъ классическихъ. Значеніе послѣднихъ въ дѣлѣ управленія имперіею.—XI. Развитіе Конфуціевой доктрины вообще въ китайской литературѣ.—XII. Проведеніе Конфуціанскаго принципа въ жизнь законодательствомъ. Заключеніе. № 3080

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ СКЛАДЪ
ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
при технической конторѣ
С.-Петербургъ. **Ѳ. ІОХИМЪ и К°.** Малая Морская, 4.
Телефонъ № 250.
рекомендуетъ **англійскія сухія пластинки „ИЛЬФОРДЪ"**, завода **Британнія Воркс въ Лондонѣ.**
Имѣются постоянно на складѣ: **ОБЪЕКТИВЫ Дальмейера, Росса,** Штейнгейля, Деражи, Франсе и др. **Камеры** новѣйшихъ системъ и **всѣ прочія принадлежности для фотографіи.** Полные сборы для **любительскихъ** занятій отъ 35 р. и дороже. № 3075

М. № 2977 6—5

PILULES DE VALLET

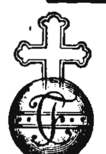
ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЯНЫ
Онѣ бѣлыя и имя Валлэ находится на каждой пилюлѣ.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикетѣ не находится мое имя и мой адресъ:
19, RUE JACOB.
Продается во всѣхъ аптек.

А. № 3064 5—2

Соденскія Минеральныя Лепешки



Клеймо.

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней
приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ.**
Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.
Продажа во всѣхъ почти **Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за коробку.** Р. № 3026 10—6
Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ,** Большая Морская, № 23, С.-Петербургъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГИТАРЫ

въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. (отъ 8 р. и дор. съ механизмомъ для струнъ). Самоучитель Соколова по 1 р. 50 к. и 3 р.

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 25, 35, 50, 60 75, 100 и 150 р. Самоучитель Келера 2 руб.

Пересылка на счетъ покупателя.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО № 3084

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ

А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА

Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ.

Продается по случаю великолѣпный аппаратъ для туманныхъ картинъ, освѣщается водо- и кислородомъ; къ нему коллекція астрономич. и геологич. карт. съ объясненіемъ; виды, движущіеся и комическія картины, переливъ цвѣтовъ (хромотрофы). Подробно узнать письменно въ ламповомъ магазинѣ **К. Бурковскаго**, въ Твери.

КНИГИ СТАРЫЯ покупаю. Заротная ул., 9, кв. 19.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 3041

Иллюстрированные каталоги безплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ, наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.

Ссуды подъ всѣ % бумаги.

Страхованіе выигрышныхъ займовъ.

Переводы на всѣ города.

Оплата купоновъ. № 2998 10—8

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГАРМСЕНЪ и К°.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, №№ 131 и 144, С.-ПЕТЕРБУРГЪ

(существуетъ съ 1840 г.)

Честь имѣютъ извѣстить о полученіи полнаго выбора

НОВОСТЕЙ ДЛЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ,

какъ шерстяныхъ, такъ и бумажныхъ для весенняго и лѣтняго сезона.

Всегда имѣютъ большой выборъ русскаго и голландскаго **полотна, готоваго мужскаго и дамскаго, а также столоваго бѣлья, чулочнаго товару** и пр. и пр.

Цѣны весьма умѣренныя. Товаръ лучшаго качества. № 3073 2—1

Прейсъ-курантъ и образцы высылаются безплатно, но необходимо точно опредѣлить, какого рода товаръ требуется и примѣрно на какую цѣну.

ПРАВОСЛАВНОЕ

ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183	126	62	50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . **45** р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . **32** р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . **22** р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ **С.-Петербургѣ:** у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Въ **Троице-Сергіевской лаврѣ:** у о. Агапита, въ Новой гостиницѣ.

Въ **Москвѣ**: у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія

Въ **Кіевѣ:** у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; о. іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ.

Въ **Воронежѣ**: у іеромонаха Платона, въ Митрофаніевскомъ монастырѣ.

Въ **Перми**—у Аркадія Александровича Маллѣева.

Въ **Казани:** у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ.

Въ **Одессѣ:** у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли“, по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, **до Яффы и обратно,** отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Православное Палестинское Общество проситъ за необходимыми свѣдѣніями и объясненіями, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, обращаться еще: въ **Одессѣ:** къ протоіерею Александру Николаевичу Кудрявцеву, въ Университетъ; въ **Константинополѣ** къ Іосифу Петровичу Юговичу, главное Агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли. № 3057 3—3

МОДНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Л. КЮТНЕРЪ въ МОСКВѢ,

СУЩЕСТВУЮЩАЯ, СЪ 1877 ГОДА,

ПЕРЕВЕДЕНА

близъ Кузнецкаго моста, въ Газетный переулокъ,

ДОМЪ ФУЛЬДА.

СЛОВОЛИТНЯ О. ГЕРБЕКА, ВЪ МОСКВѢ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (12) № 2946

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

Le *MAGNIFIQUE ALBUM ILLUSTRÉ* renfermant *554 gravures inédites* de Robes, Confections, Articles pour toilettes de Dames et Enfants, Vêtements pour Hommes, etc., ainsi que la nomenclature de tous les tissus en Soieries, Lainages, Indiennes, Toiles etc. etc., qui

Vient de Paraître.

L'envoi en est fait *GRATIS ET FRANCO* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
à Paris

Sont également envoyés *franco* les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*. (Bien spécifier les genres et prix.)

Expéditions franco de port à partir de *25* fr. jusqu'à la frontière Russe, ou jusqu'à destination, moyennant une augmentation de *10* 0/0, pour toute commande dépassant *100* fr.

А. № 3085 3—1

МОЛЬДАКОТЪ

АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ **и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ. „Мольдакотъ“** вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“**, Моросейка, д. Комитета. № 3089

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различнымъ запахомъ:

Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, геліотропъ, ландышъ, оппопонаксъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая.

Превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые духи для платка.

Цѣна за флаконъ

содержащій ¼ фунта

1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Р. № 3000 2—2

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

у Алекс. ТИСЪ и К°.

Пушкинская, № 4.

Дозвол. ценз., СПБ. 16 марта 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. № 13

г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 26 марта 1888 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. С. Даргомыжскій.

Семья русскихъ музыкальныхъ дѣятелей не можетъ похвастаться своей численностью, но за то въ ней есть такія даровитыя личности, которыми поистинѣ можетъ гордиться русское искусство. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и Даргомыжскій, авторъ множества, замѣчательныхъ своей мелодичностью, романсовъ, пользующихся у насъ и до сихъ поръ огромнымъ успѣхомъ и сдѣлавшихъ имя этого композитора едва ли не самымъ популярнымъ послѣ имени Глинки. Даргомыжскій обладалъ несомнѣннымъ талантомъ и отличался страстною любовью къ дѣлу, которому онъ служилъ всю свою жизнь безкорыстно, беззавѣтно. Музыка его носитъ на себѣ печать изящества и оригинальности; правда, въ первыхъ крупныхъ произведеніяхъ композитора и даже въ первыхъ романсахъ его нельзя не замѣтить слѣдовъ французскаго вліянія, но послѣдующія произведенія Даргомыжскаго совершенно самостоятельны и вполнѣ самобытны. Довольно тѣсное, постоянное общеніе съ пѣвцами и пѣвицами самыхъ разнородныхъ дарованій дало возможность Даргомыжскому всесторонне изучить искусство пѣнія, а частая обработка стихотвореній при сочиненіи романсовъ направила его вниманіе на самый текстъ, такъ-наз. *слова*, и на возможно близкое оттѣненіе намѣреній поэта—въ музыкѣ. Вотъ почему его романсы пользуются такой любовью публики: въ нихъ музыка вполнѣ гармонируетъ съ текстомъ, въ которомъ композиторъ умѣетъ передавать весьма вѣрно, тонко и выразительно всѣ изгибы, всѣ оттѣнки чувства. Въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ весьма мало соперниковъ. Способность Даргомыжскаго прислушиваться къ изгибамъ русской рѣчи, улавливать ихъ и такимъ образомъ получать совершенно новые, свойственные только русской рѣчи и декламаціи—музыкальные мотивы, дѣлаетъ заслуги его на этомъ поприщѣ громад-

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (по поводу 75-й годовщины его рожденія).
Съ современнаго портр. грав. Шюблерт.

ными. Какая-то странная судьба тяготѣла надъ произведеніями этого композитора при его жизни; его оперы долго лежали безъ движенія или обставлялись весьма убого—и эта судьба не могла не отразиться на серьезномъ творчествѣ Даргомыжскаго: онъ написалъ только два крупныя произведенія, двѣ оперы—„Русалка" и „Каменный Гость". Что касается его первыхъ произведеній, оперъ „Эсмеральда" и „Торжество Вакха", то онѣ прекрасны въ отрывкахъ, но въ цѣломъ серьезнаго значенія не представляютъ. Въ „Русалкѣ" нѣкоторыя мѣста проникнуты истиннымъ вдохновеніемъ и глубоко драматичны, особенно речитативы. Другая опера Даргомыжскаго, которую онъ не успѣлъ окончить вполнѣ, „Каменный гость", написана на текстъ Пушкина безъ малѣйшихъ измѣненій и сокращеній и представляетъ, помимо своихъ музыкальныхъ достоинствъ, интересъ какъ попытка отказаться отъ обычной оперной формы и совершенно слить музыку съ текстомъ.

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій родился въ дворянской семьѣ, въ Смоленской деревнѣ отца своего, Сергѣя Николаевича Даргомыжскаго, отъ брака его съ княжною Козловской, 2 февраля 1813 года. Только пяти лѣтъ отъ роду Даргомыжскій началъ говорить, а до тѣхъ поръ родители его думали, что онъ будетъ нѣмымъ. Вмѣстѣ съ даромъ слова явился у него и другой даръ — способности къ музыкѣ, такъ что съ шестилѣтняго возраста Александра Сергѣевича начали учить играть на фортепіано; это было въ Петербургѣ, куда перевезли его еще въ 1817 году. Первымъ учителемъ его была дѣвица Луиза Вольгеборнъ, а потомъ весьма хорошій музыкантъ Адріанъ Трофимовичъ Данилевскій, занимавшійся съ нимъ съ 1821 года. Въ слѣдующемъ году онъ началъ брать уроки игры на скрипкѣ у музыканта изъ оркестра Юшкова. По свидѣтельству В. В. Стасова, обнародовавшаго крайне интересные матеріалы для біографіи Даргомыжскаго, нашъ даровитый композиторъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ рѣшительную наклонность къ искусствамъ и особенно къ театрамъ. Онъ самъ мастерилъ маленькія кукольныя сцены и сочинялъ для нихъ пьесы водевильнаго характера. „Страсть и прилежаніе мое къ музыкѣ—говоритъ Даргомыжскій въ своей автобіографической запискѣ—были такъ сильны, что я, не смотря на многочисленные уроки, которые долженъ былъ приготовлять для приходящихъ русскихъ и иностранныхъ учителей, на 11-мъ и 12-мъ году моего возраста уже сочинялъ самоучкой разныя фортепіанныя пьесы и даже романсы. Забавно, что Данилевскій не любилъ поощрять меня къ этому". Общее образованіе Даргомыжскій получилъ, согласно тогдашней модѣ, полу-французское и воспитывался исключительно дома. Послѣднимъ его преподавателемъ игры на фортепіано былъ извѣстный ученикъ Іоганна Гуммеля, отличный музыкантъ Шоберлехнеръ, а правиламъ вокальнаго искусства обучалъ его учитель пѣнія Цейбихъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Даргомыжскій уже пользовался извѣстностью какъ піанистъ и авторъ многихъ блестящихъ сочиненій для скрипки и фортепіано и цѣлой серіи романсовъ; изъ нихъ нѣкоторые были тогда-же изданы и не потеряли своей прелести и понынѣ; таковы, напримѣръ, романсы: „Голубые глаза", „Владыко дней моихъ", „Дѣва и роза", „Камень тяжелый", „O ma charmante", „Ты хорошенькая" и друг. Въ это же время Даргомыжскій поступилъ на службу въ министерство Двора по контрольной части, гдѣ служилъ до 1835 года.

Знакомство съ М. И. Глинкой (въ 1833 г.), съ которымъ онъ былъ друженъ до самой кончины послѣдняго, съ Пушкинымъ, и благотворное вліяніе литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, не могли не отразиться на эстетическомъ развитіи композиторской дѣятельности Даргомыжскаго. Онъ занялся серьезно изученіемъ теоріи музыки и принялся писать оперу. Подъ вліяніемъ своего полуфранцузскаго воспитанія и тогдашнихъ стремленій, онъ захотѣлъ подражать Галеви и Мейерберу и взялъ сюжетомъ Лукрецію Борджіа; имъ уже было написано нѣсколько нумеровъ, когда, по совѣту поэта Жуковскаго, онъ оставилъ этотъ сюжетъ, въ то время невозможный въ Россіи, и началъ писать музыку на сюжетъ „Эсмеральды" Виктора Гюго. Опера эта была окончена въ 1839 году, но, не смотря на всѣ хлопоты и старанія автора поставить ее на сцену, пролежала въ портфелѣ у него цѣлыхъ восемь лѣтъ. Эти восемь лѣтъ ожиданія и при томъ въ самые кипучіе годы жизни, по словамъ самого Даргомыжскаго, „легли тяжелымъ бременемъ на всю его артистическую дѣятельность." Въ ожиданіи постановки своей оперы, Даргомыжскій усиленно сочинялъ романсы и предпринялъ поѣздку за границу; здѣсь онъ познакомился съ тогдашними музыкальными свѣтилами и ближе всѣхъ сошелся съ Фетисомъ въ Брюсселѣ и Галеви въ Парижѣ. По возвращеніи изъ-за-границы, въ 1845 г., благодаря сочувственнымъ отзывамъ заграничныхъ газетъ о музыкальной дѣятельности Даргомыжскаго, онъ выхлопоталъ, наконецъ, дозволеніе на постановку „Эсмеральды" въ Москвѣ. Она шла въ первый разъ 5 декабря 1847 г. и имѣла успѣхъ; еще съ бо́льшимъ успѣхомъ шла она въ Петербургѣ, въ 1851 году, не смотря на урѣзки и жалкую обстановку. Знаменитый тогдашній итальянскій пѣвецъ Тамбурини хотѣлъ поставить „Эсмеральду" на итальянской сценѣ въ свой бенефисъ, но получилъ отказъ. Не посчастливилось Даргомыжскому и въ отношеніи другой оперы „Торжество Вакха", довольно широко имъ задуманной и оконченной въ 1848 г.; дирекція отказалась поставить ее, не объяснивъ даже причинъ отказа. Быть-можетъ та же судьба постигла бы и „Русалку", если бы дѣлу не помогъ успѣхъ концерта Даргомыжскаго, устроеннаго въ 1853 г. кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и А. Н. Карамзинымъ, въ Дворянскомъ Собраніи. Эта опера окончена въ 1855 г. и въ слѣдующемъ году поставлена въ театрѣ-циркѣ (нынѣ Маріинскій театръ); она имѣла тогда успѣхъ умѣренный и большаго впечатлѣнія на массу не произвела, будучи оцѣнена весьма немногими, истинными знатоками, въ томъ числѣ и Ѳ. М. Толстымъ (Ростиславомъ), который помѣстилъ прекрасный разборъ ея. Трудно было предвидѣть, что лѣтъ черезъ десять этотъ chef-d'oeuvre Даргомыжскаго сдѣлается одною изъ любимыхъ оперъ. „Русалка" исполнялась второстепенными артистами, давалась рѣдко и то въ лѣтніе мѣсяцы. Въ декабрѣ 1865 г. она была поставлена вновь въ бенефисъ Комиссаржевскаго, съ г-жой Платоновой въ роли Наташи, и съ этого времени сразу завоевала симпатіи публики. Послѣ „Русалки" Даргомыжскій написалъ много вокальныхъ пьесъ, началъ было волшебно-комическую оперу и обратился къ сочиненіямъ симфоническимъ; успѣхъ „Русалки", по возобновленіи ея, ободрилъ упавшаго духомъ композитора, и онъ принялся за своего „Каменнаго Гостя"; смерть помѣшала ему довести до конца эту оперу. А. С. Даргомыжскій скончался 5 января 1869 года.

П. Б—въ.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XX.

О дорогихъ подаркахъ и пожалованьяхъ Оберегателю „площадка" говорила нѣсколько дней сряду, справедливо замѣчая, что никого и за побѣды такъ не награждали, какъ князь Василій награжденъ за неудачный походъ. Болѣе осторожные и болѣе сдержанные люди сурово осуждали излишнее увлеченіе царевны; а сторонники князя Василія утверждали даже, что онъ и самъ не зналъ, какъ отпестись къ излившимся на него милостямъ великихъ государей...

Но болѣе всѣхъ раздраженъ былъ наградами Оберегателя Ѳедоръ Леонтьевичъ, и безъ того уже пылавшій гнѣвомъ противъ князя Василія. Въ послѣднихъ пожалованіяхъ царевны онъ увидѣлъ новое доказательство равнодушія къ себѣ, новое доказательство того явнаго предпочтенія, которое царевна будто бы хотѣла именно ему, Шакловитому, поставить на видъ.

— Такъ! такъ! твердилъ про себя Шакловитый. — Ништо тебѣ! Ему-то *все*, а тебѣ-то — *дуля*!.. Это значитъ: ты, молъ, дрянь, — за все твое усердіе болѣе того и не сто́ишь!.. Да только погоди же, голубушка, и меня вспомнишь... И я тебѣ къ именинамъ подарокъ подготовлю! Увидишь, что и Ѳедоръ что-нибудь значитъ!

Въ день именинъ Софьи, 17 сентября, выхода въ Теремномъ дворцѣ не было: царевна была больна, лежала въ постели и не принимала никакихъ оффиціальныхъ поздравленій. Однако-же, послѣ обѣдни, Петръ пріѣхалъ изъ Преображенскаго со своею обычною свитою, прошелъ на половину сестры, чтобы ее поздравить, былъ очень оживленъ и веселъ, разсказалъ ей о томъ, что думаетъ перевезти свою верейку на Плещеево озеро, что задумываетъ даже тамъ построить новое, большое судно, „если матушка дозволитъ". Затѣмъ, пробывъ часа два въ Москвѣ, повидавъ и брата, и другихъ сестеръ, и тетокъ своихъ, Петръ, въ сопровожденіи братьевъ Нарышкиныхъ, князя Бориса и Никиты Зотова да почетной стражи человѣкъ въ шестьдесятъ вершниковъ и потѣшныхъ конюховъ, двинулся

обратно къ Преображенскому. Всѣ ѣхали верхами, не спѣша, чтобы не мучить лошадей, потому что, не смотря на половину сентября, было очень жарко и солнце палило по-лѣтнему.

— Какъ пріѣдемъ, всѣ пойдемъ купаться! обратился Петръ къ братьямъ Нарышкинымъ, снимая шапку и вытирая убрусомъ лобъ, по которому потъ катилъ крупными каплями. — А потомъ, отстоявъ вечерню, хочу еще сегодня въ Нѣмецкую слободу махнуть.

— Нѣтъ, государь, уволь всѣхъ насъ! заговорили Нарышкины, — мы всѣ сегодня обѣщали князю Борису, что будемъ къ нему на ужинъ... У него, вишь, тоже именинница сегодня...

— Именинница? Кто же бы такая? Сестра иль дочь— я что-то не слыхалъ, князь Борисъ? обратился Петръ къ своему воспитателю.

— Да коли правду-то сказать, государь Петръ Алексѣевичъ, отозвался смѣясь князь Борисъ Алексѣевичъ, — такъ и не сестра, и не дочь, а бочка романеи, которая ужь съ годъ стоитъ въ подвалѣ непочатая. Она Нарышкинымъ покоя не даетъ... Вотъ я, чтобъ отвязаться, и говорю имъ: ну вотъ, на Софью, приходите ужинать — мы эту бочку и отвѣдаемъ... Хе, хе!

Петръ и Нарышкины расхохотались.

— Такъ если сегодня мнѣ въ Нѣмецкую-то слободу не ѣхать, зови ужь и меня къ себѣ, князь Борисъ, — и я твой гость! сказалъ Петръ.

Князь Борисъ погладилъ бороду и плутовато посмотрѣлъ искоса на Петра.

— И радъ бы звать-то! Да что̀ матушка-то скажетъ мнѣ завтра? Какъ начнетъ корить...

— Да вѣдь я-жъ не малолѣтокъ, обиженнымъ тономъ отозвался Петръ. — Меня ужь кубкомъ ренскаго не удивишь...

— Я не о томъ, государь, спохватился князь Борисъ: — знаю, что ты не охмѣлѣешь и отъ пяти кубковъ ренскаго; да того боюсь, что матушка-царица будетъ думать...

— Будетъ думать, что ты меня спаиваешь?.. Пустое! Вѣдь вотъ съ нѣмцами я пью же каждый разъ, какъ въ слободѣ бываю — и матушкѣ я сказывалъ, и не бранила... Лучше пить на людяхъ, чѣмъ за угломъ...

— Вѣстимо, государь! Такъ милости прошу пожаловать... Вотъ только этого не приводи съ собою! съ улыбкою добавилъ князь Борисъ, подмигивая на Зотова.

— Мосеича-то? А почему-бы такъ?

— Онъ — гость невыгодный! Одинъ всю бочку опорожнитъ! Намъ не останется! замѣтилъ Ѳедоръ Нарышкинъ.

— Вотъ еще! забасилъ Никита Зотовъ: — стану-ли я себѣ утробу наполнять вашею заморскою дрянью? Князь Борисъ, мнѣ чтобъ была настойка, та самая, помнишь... завѣтная! А то и вправду не приду.

И въ этихъ шутливыхъ разговорахъ, они стали приближаться къ Преображенскому. До села оставалось не болѣе полуверсты. Но едва только всадники достигли того мѣста пути, гдѣ густой сосновый боръ, съ обѣихъ сторонъ, подходилъ къ самой дорогѣ, какъ лошадь Петра насторожила уши, стала храпѣть и коситься въ сторону лѣса, потомъ вдругъ шарахнулась такъ неожиданно, что Петръ едва усидѣлъ на ней — и понесла къ Преображенскому. Всѣ спутники царя пріударили за нимъ слѣдомъ и, мигомъ нагнавши его, вскачь подскакали къ воротамъ околицы.

— Что̀-бы это значило? спросилъ Петръ у князя Бориса, слѣзая съ лошади у дворцоваго крыльца. — Кажется, никогда она не бывала пуглива, а вдругъ какого козла дала!

— Лошадь старая; еще батюшкѣ твоему въ отъѣзжемъ полѣ служила, отвѣчалъ князь Борисъ.

— Должно быть, звѣря близко отъ дороги почуяла: вѣдь ихъ тутъ по островамъ-то не мало рыщетъ...

Но — странно сказать! — какое-то сомнѣніе запало въ душу князя Бориса. „Можетъ быть звѣрь, а можетъ быть и человѣкъ такой, что хуже лютаго звѣря?“ подумалъ онъ, направляясь къ своему флигельку. Когда онъ подходилъ къ крыльцу, то увидѣлъ свою любимую собаку, Угора̀я, которая лежала вытянувшись на солнцѣ. Князя Бориса поразило то, что Угорай еще издалека не почуялъ его приближенія, не бросился къ нему; но, подойдя къ собакѣ, князь Борисъ понялъ въ чемъ дѣло... Собака лежала съ широко-раскрытыми, мутными глазами на-выкатѣ; вся ея морда была въ пѣнѣ; ея тѣло вытянулось въ послѣдней, предсмертной судоргѣ.

Князь Борисъ крикнулъ слугъ, сталъ допрашивать, и тѣ, послѣ долгихъ увертокъ и разныхъ уклончивыхъ отвѣтовъ, рѣшились наконецъ сказать ему, что черезъ село проходили послѣ обѣда какіе-то нищіе, и что собаки не давали имъ проходу—а потомъ и пріумолкли...

— Ну!

— Должно быть, они ихъ обкормили, батюшка-князь, потому вѣдь и другой-то, цѣпной нашъ песъ, издохъ-же...

— Какъ!? и тотъ тоже?

Слуги молчали, ничего не отвѣчая на восклицаніе князя.

— Хороши вы всѣ, какъ посмотрю! Какъ смѣли этакихъ мерзавцевъ проворо̀нить? Ну, погодите же: я завтра рано утромъ такъ угощу васъ батожьемъ, что вы и внукамъ закажете, какъ за боярскимъ добромъ смотрѣть слѣдуетъ!..

И разгнѣванный, раздосадованный этимъ эпизодомъ, князь Борисъ вошелъ къ себѣ въ домъ, занятый вопросомъ: что̀-бы могло значить это отравленіе его собакъ? Тутъ не могло быть простой случайности — тутъ была явная преднамѣренность, явное желаніе избавиться отъ вѣрныхъ и докучныхъ стражей дома. „Кто же это? холопямъ, что-ли, это нужно, чтобы ночью было имъ свободнѣе — или это воры, со стороны, прокладываютъ ко мнѣ дорожку? Ну, коли простые воры— добро пожаловать! Такъ примемъ, что въ другой разъ сюда ходить не повадно будетъ.“

И передъ тѣмъ, какъ идти къ вечернѣ, князь Борисъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія относительно ужина; а послѣ службы самъ обошелъ кругомъ дворца, осмотрѣлъ всѣ караулы, въ своемъ саду разставилъ сторожей, и въ шутку, заглянувъ въ жилыя избы потѣшныхъ, намекнулъ, что царь Петръ Алексѣевичъ къ нему сегодня на ужинъ пожалуетъ, а потомъ, какъ съ ужина домой пойдетъ, такъ къ нимъ заглянетъ, и сдѣлаетъ тревогу — посмотритъ, какъ они сповхатливы, и какъ проворны, какъ ихъ со сна подымешь...

— Спасибо, князь-батюшка, загалдѣли въ отвѣтъ ему потѣшные, — спасибо что сказалъ намъ! Мы теперь и глаза не сомкнемъ!

Спустились сумерки на Преображенское. Мало-помалу смолкла въ немъ обычная жизнь; затихла дневная суета. Всѣ разошлись по домамъ; въ окнахъ дворца и окрестныхъ домахъ засвѣтились огоньки. Улица опустѣла и стала окутываться темнотою, которую какъ-будто наносило отъ сосѣднихъ лѣсовъ; съ рѣки потянуло сыростью — надъ нею всталъ туманъ и бѣлымъ облакомъ окуталъ ближайшія постройки. Вотъ наконецъ и огоньки въ окнахъ домовъ стали потухать одинъ за другимъ, и дворецъ погрузился въ мирный сонъ. Мракъ воцарился всюду. И ночь, послѣ ведренаго дня, была холодная и темная - претемная: ни звѣздочки не видно было на небѣ... Только въ одномъ флигелькѣ

Великое переселеніе народовъ. Готы на пути. Съ картины В. Линденшмита, грав. Гедау.

князя Бориса, который стоялъ отдѣльно отъ другихъ, окруженный фруктовымъ садомъ и службами, всѣ окна были ярко освѣщены и открыты настежь, и изъ нихъ далеко разносился веселый говоръ и звонкій смѣхъ гостей, собравшихся къ князю на ужинъ, который, благодаря радушію хозяина, позатянулся далеко за полночь...

А между тѣмъ, за оградой сада, въ той части лѣса, которая отдѣлялась отъ него лишь небольшой полянкой, между кустовъ опушки, копошились въ темнотѣ какія-то мрачныя фигуры, и шепотомъ вели между собой бесѣду.

— Теперь ужь наши тамъ, на сѣновалѣ...

— Вонъ, и Ларька поползъ туда-же... къ амшенику... Тамъ запуститъ краснаго пѣтуха, прошепталъ другой голосъ. — Тогда вишь съ трехъ сторонъ обхватитъ домъ-то Бориски...

— А кто на сѣновалѣ?

— Кто-жъ какъ не Микитка Гладкій! Самъ вызвался... А на конюшнѣ Куземка Чермный.

— Ну, слушайте же, братцы! Какъ займется пожарче, да пойдетъ чесать... Чуръ не зѣвать! Всѣ разомъ туда, къ крыльцу!.. да двери на запоръ! Пока сбѣгутся да суета поднимется — всѣхъ разомъ порѣшимъ! Не отставать — за мною всей кучей!.. Гдѣ я — тамъ вы. И ма̀ху не давать!

— Не-бось, Обросимъ Петровичъ! отозвалось въ темнотѣ нѣсколько голосовъ. — Охулки на руку не положимъ!

И всѣ опять смолкли въ ожиданіи. Вдругъ, въ темнотѣ изъ-за деревьевъ что-то сверкнуло—засвѣтилось... Надъ одной изъ крышъ въ двухъ мѣстахъ мелькнулъ огонь. Красноватые языки пламени показались изъ-подъ стрѣхъ, потомъ раздѣлились еще на нѣсколько языковъ, синими огоньками пробѣжали по соломенной крышѣ — и сѣновалъ загорѣлся какъ свѣчка, освѣщая одну сторону дома князя Бориса. Почти одновременно, огонь показался и съ другой стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ, на крышѣ конюшни, которая также вспыхнула разомъ, обливая яркимъ свѣтомъ окрестность и освѣщая до малѣйшихъ подробностей каждое деревцо сада, каждое бревно въ ближайшихъ домахъ.

— Пожаръ! Пожаръ! Горимъ! раздался отчаянный вопль всполошившихся людей, которые вдругъ засуетились и забѣгали какъ мураши во дворѣ князя Бориса, безъ толку бросаясь во всѣ углы. „Пожаръ! Огонь!" отдалось по всему селу, словно изъ одной груди, между тѣмъ какъ зарево заиграло въ ночныхъ облакахъ и кровавымъ отблескомъ отразилось на крестахъ дворцовой церкви.

Поднялась та ужасная суматоха, которая и составляетъ главное бѣдствіе пожара. Народъ сбѣгался отовсюду, кричалъ, шумѣлъ, толкался, суетился около горящихъ зданій и ничего не дѣлалъ, чтобы остановить быстрые успѣхи огня... Но суматоха продолжалась не долго. Изъ первыхъ на пожаръ явился князь Борисъ съ гостями, и съ ними Петръ.

Пока Нарышкины побѣжали во дворецъ, чтобы успокоить царицу, а князь Борисъ съ остальными гостями бросился къ конюшнѣ, помогая людямъ поскорѣе выводить лошадей, Петръ мигомъ подбѣжалъ къ избамъ потѣшныхъ и поднялъ тамъ тревогу. Черезъ минуту, по барабану, нѣсколько сотъ человѣкъ разомъ высыпали на площадь передъ городкомъ и построились въ правильныя шеренги.

— Впередъ! за мной! зазвучалъ какъ труба, среди общаго шума, молодой, звонкій голосъ Петра. — Воды сюда! крючьевъ! лѣстницъ! Ломай, круши все кругомъ, что̀ не горитъ!

И съ топоромъ въ рукахъ, онъ лѣзъ въ самый огонь, онъ всѣхъ велъ за собою, онъ указывалъ, онъ повелѣвалъ... Онъ былъ прекрасенъ и страшенъ. Его дядька, Никита Зотовъ, вздумалъ было сунуться къ нему и закричать:

— Государь! побереги себя — вѣдь тамъ сгоришь!

Но Петръ крикнулъ на него: „прочь!"—однимъ ударомъ кулака сбилъ его съ ногъ, и полѣзъ дальше... Впереди всѣхъ, работая за десятерыхъ, онъ подрубалъ стропила, разбрасывалъ горящія бревна! Никто изъ окружающихъ уже не смѣлъ его удерживать: въ немъ вдругъ сказалась та страшная, стихійная сила, которая потомъ проявлялась во всѣхъ его дѣлахъ, въ его неотразимой, желѣзной волѣ. Горящія зданія оцѣпили, мигомъ разрушили кругомъ ихъ всѣ службы и заборы, по совѣту иноземцевъ установили до рѣки двойную цѣпь людей, передававшихъ ведра изъ рукъ въ руки (какъ въ ихъ городахъ бывало на пожарахъ) и быстро совладали съ огнемъ. Сгорѣли только двѣ пелевни да конюшня и флигелекъ князя Бориса, который съ двухъ сторонъ охватывало пламенемъ... Два часа спустя, на мѣстѣ горѣвшихъ зданій дымилась и тлѣла груда обгорѣлыхъ бревенъ, которую усердно поливали и растаскивали потѣшные.

Только тутъ, когда миновала всякая опасность, Петръ почувствовалъ утомленіе и сдался на уговоры окружающихъ, которые совѣтовали ему удалиться съ пожарища и опочить отъ трудовъ. Князь Борисъ и братья царицы увѣрили Петра въ томъ, что они до свѣта не сомкнутъ очей, сдѣлаютъ всѣ распоряженія, необходимыя для общей безопасности, и проводили его до дворцоваго крыльца. И точно: Ѳедоръ и Мартемьянъ Нарышкины, посадивъ на-конь человѣкъ пятьдесятъ потѣшныхъ, устроили кругомъ всего села разъѣзды и сами поѣхали во главѣ ихъ; а Левъ Кириловичъ и князь Борисъ, убѣдившись въ томъ, что потѣшные дѣятельно наблюдаютъ за пожарищемъ, рѣшились переночевать въ амшеникѣ.

По ихъ приказу холопы натаскали туда сѣна, накрыли сѣно коврами и попонами, и бояре съ большимъ наслажденіемъ протянулись на этомъ мягкомъ ложѣ.

Первымъ словомъ Льва Кириловича къ князю Борису было:

— А вѣдь это — поджогъ?

— Вѣстимо!.. Не даромъ же они, злодѣи, и собакъ моихъ перетравили!

— Они, небось, еще съ утра сюда забрались и дожидались ночи, чтобы все село спалить...

— И это дѣло Ѳедькиныхъ-же рукъ... Онъ, окаянный, затѣялъ всю эту штуку! Да штука-то не удалась! Ужь очень ловко тутъ царь Петръ потѣшными огонь-то потушилъ... А только это вѣрно, что Ѳедька подослалъ сюда своихъ головорѣзовъ—чтобы похозяйничали среди пожарной суматохи... А тамъ: сгорѣло все, и слѣдъ простылъ... И концы въ воду!

— А что̀ ты думаешь! Пожалуй что и такъ.

Не успѣлъ Левъ Кириловичъ произнести этихъ словъ, князь Борисъ крѣпко схватилъ его за руку и шепнулъ ему:

— Слышишь... тамъ кто-то дышетъ въ углу?!.

Нарышкинъ затаилъ дыханіе, и точно, услыхалъ въ темномъ углу амшеника какой-то странный шорохъ...

— Да это мышь! сказалъ онъ.

— Не мышь, а красный звѣрь! вдругъ вскрикнулъ князь Борисъ, должно быть уже успѣвшій разглядѣть фигуру человѣка, притаившагося въ углу, и быстро вскочивъ на ноги, мигомъ устремился туда.

Нарышкинъ услыхалъ борьбу, возню, глухіе удары, кряхтѣніе, и голосъ князя Бориса, который хрипло и злобно говорилъ:

— Врешь... не вывернешься... шалишь... не выпущу... не увернешься!..

И опять хрустѣли суставы... и опять слышно было чье-то хрипѣніе и возня... Наконецъ чей-то глухой стонъ...

— Вотъ такъ-то! Лежи смирнѣй, не то я тебѣ колѣномъ грудь раздавлю... Левъ Кирилычъ! давай сюда кушакъ... вяжи злодѣя...

Все это произошло такъ быстро, что Нарышкинъ не успѣлъ даже отдать себѣ отчета въ томъ, что̀ около него происходило... Черезъ минуту, онъ, вмѣстѣ съ княземъ Борисомъ, туго-натуго уже крутилъ руки какому-то человѣку, котораго князь Борисъ, сильный какъ медвѣдь, держалъ за горло, ставъ ему на грудь колѣномъ.

— Ну, Левъ Кирилычъ, давай теперь сюда огня! сказалъ князь Борисъ поднимаясь съ земли. — Кажись, мы языка поймали... Только смотри, не растревожь тамъ никого, пока мы здѣсь его сами не допросимъ!

Вскорѣ Нарышкинъ вернулся съ фонаремъ, и при свѣтѣ его бояре увидѣли въ углу рослаго и здороваго мужчину въ сермяжномъ кафтанѣ, суконныхъ портахъ и высокихъ сапогахъ. Шапка-курпейка валялась около него на землѣ. Волосы и борода его были страшно всклочены, лицо покрыто смертною блѣдностью... Глаза блуждали испуганно... Грудь тяжело дышала...

— Ба! ба! ба! воскликнулъ князь Борисъ, вглядѣвшись въ лицо лежавшаго на землѣ. — Старый знакомецъ! Да! Это Ларька Елизарьевъ—стрѣлецкій пятисотный... Я говорилъ тебѣ, Левъ Кирилычъ, что подожгли насъ Ѳедькины головорѣзы.

Ларіонъ Елизарьевъ лежалъ на землѣ ни живъ, ни мертвъ.

— Ну, пріятель, сказалъ князь Борисъ, ставя фонарь на землю и складывая на груди руки,—ты, видно, лѣзъ въ овчарню, да попалъ на псарню... Такъ говори ужъ—все равно!—какъ было дѣло? Кто тебя послалъ?

— Прости... помилуй... смилуйся, бояринъ! Для ради жены и малолѣтокъ... отпусти душу на покаяніе...

— Ты мнѣ дѣло говори, а не Лазаря пой! гнѣвно произнесъ князь Борисъ,—все равно заговоришь завтра, какъ примутся за тебя заплечные мастеры! Кто подослалъ тебя? Кто былъ еще съ тобою?

— Все скажу, батюшко-князь, во всемъ покаюсь... и такое тебѣ открою, что никому не вѣдомо... отпусти только меня... смилуйся!.. Вѣкъ тебѣ служить буду, не забуду твоей милости!

И Ларіонъ Елизарьевъ все по порядку разсказалъ князю Борису и Льву Кириловичу.

Выслушавъ его исповѣдь, бояре отошли отъ него въ противуположный темный уголъ амшеника, и долго еще совѣщались между собою.

На смерть перепуганный Елизарьевъ слышалъ только долетѣвшія до него слова князя Бориса:

— Я говорю тебѣ, Левъ Кирилычъ, что еще не время *съ ними* начинать...

И потомъ опять, послѣ разныхъ возраженій Нарышкина:

— Всегда его успѣемъ вздернуть, а теперь пусть намъ послужитъ... Пригодится...

Вѣроятно, князю Борису удалось склонить боярина на сторону своего мнѣнія, потому что они оба снова подошли къ Ларіону Елизарьеву, развязали ему руки, принесли ему перо и бумагу, и заставили его что-то долго и много писать и скрѣпить написанное своею подписью. Взявъ изъ рукъ его эту бумагу, князь Борисъ сказалъ ему:

— Ну, видно, такъ Богъ судилъ, чтобы тебѣ еще пожить на свѣтѣ! Но знай и помни, что жизнь твоя у насъ въ рукахъ, и что отъ насъ не укроешься на днѣ морскомъ—вездѣ розыщемъ! Коли сослужишь службу вѣрную, безъ всякаго шатанья — будешь награжденъ щедрѣе щедраго: а чуть задумаешь хвостомъ вилять—очутишься на плахѣ! Слышалъ?..

— Слышалъ, батюшко-князь! И заслужу твоей милости—твоихъ злодѣевъ и вороговъ не укрою! бормоталъ, все еще трепеща всѣмъ тѣломъ, Елизарьевъ, кланяясь боярамъ въ ноги.

На разсвѣтѣ князь Борисъ вывелъ его, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, черезъ свой садъ за околицу—и указалъ ему дорогу къ лѣсу.

XXI.

Князь Василій и царевна Софія, прослышавъ о подробностяхъ Преображенскаго переполоха, ни на одну минуту не усомнились въ томъ, что это дѣло не миновало рукъ Ѳедора Леонтьевича, и рѣшились во что бы то ни стало на время удалить его изъ Москвы. Ему придумано было почетное порученіе: боярамъ поставлена на видъ необходимость отправить Шакловитаго въ Малороссійскіе города, для наблюденія за дѣйствіями новаго гетмана, Ивана Мазепы.

Все еще злобствуя на Оберегателя, Шакловитый однако-же былъ почти признателенъ ему за ловко-придуманный для него выходъ изъ положенія, которое становилось затруднительнымъ и даже небезопаснымъ; къ тому-же, эта поѣздка на Югъ, съ тайнымъ и важнымъ порученіемъ отъ лица великихъ государей, сулила ему въ малороссійскихъ городахъ торжественныя встрѣчи, радушные пріемы, обильное угощеніе и богатые подарки — сулила полное удовлетвореніе оскорбленному самолюбію и дьяческой корысти.

Когда Шакловитый уѣхалъ, Оберегатель вздохнулъ свободнѣе. Онъ начиналъ надѣяться, что въ отношеніяхъ между царевной и „преображенскими сосѣдушками“ наступитъ довольно продолжительное и давножеланное затишье...

Но, какъ разъ въ это время, случилось одно, въ сущности, весьма незначительное событіе, которому однако суждено было, въ будущемъ, оказать громадное вліяніе на исторію Россіи, а въ настоящемъ—измѣнить установившуюся систему отношеній „преображенскихъ сосѣдушекъ“ къ царевнѣ Софьѣ и ея партіи.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда Шакловитаго, поздно вечеромъ, князю Василію доложили о томъ, что его желаетъ видѣть комнатный служитель царевны, Степанъ Евдокимовъ.

Степанъ Евдокимовъ, когда-то служившій въ стрѣльцахъ, а послѣ 1682 года взятый царевною во Дворецъ, успѣлъ очень быстро втереться въ ея довѣріе, и, не смотря на свою скромную должность истопника, умѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе и значеніе при Дворѣ.

Хитрый, ловкій, пронырливый Евдокимовъ превосходно зналъ всѣ тайны Теремнаго дворца и умѣлъ ихъ хранить; а при помощи своихъ агентовъ успѣвалъ всегда первый узнавать обо всемъ, что̀ происходило при Дворѣ царицы Натальи Кириловны.

Отъ времени до времени, Евдокимовъ являлся съ докладомъ о важнѣйшихъ новостяхъ на Большомъ Дворѣ Голицына, и князь Василій умѣлъ щедро награждать умнаго вѣстовщика. Онъ и встрѣчалъ Евдокимова обыкновенно вопросомъ: „что̀ новенькаго?“ Съ этимъ-же вопросомъ обратился онъ къ нему и теперь.

— Что̀, батюшка-князь, новенькаго? Ничего новенькаго—все по-старому, какъ мать поставила... Только вотъ развѣ, что благовѣрный государь Петръ Алексѣевичъ изъ Преображенскаго укатилъ съ нѣмцами на Переяславское озеро — корабликами тѣшиться. Такъ вотъ матушка-то царица очень за его государское здоровье опасается и задумала его къ дому привязать... женить его ладитъ...

— На комъ-же? Какъ слышно?

— Да говорятъ, будто на дочери ближняго окольничаго Илларіона *) Абрамова Лопухина—красавица да скромница такая... Мѣсяца черезъ два и окрутятъ молодца... Говорятъ, что ужъ полно ему гулять — пора ему во всѣ дѣла государскія вступаться...

*) Илларіонъ Лопухинъ, послѣ женитьбы Петра на его дочери, наименованъ былъ *Ѳеодоромъ*, отчего и супруга Петра именовалась не *Илларіоновною*, а *Ѳеодоровною*.

— Кто-же это говорилъ? не безъ тревоги спросилъ Оберегатель.

— А вотъ, на прошлой недѣлѣ, какъ у нихъ тамъ домашній совѣтъ былъ, такъ рѣшили, что царь Петръ съ нынѣшней зимы и въ Думѣ засѣдать станетъ, и во все самъ входить... А на другой день послѣ того совѣта князь Борисъ Алексѣевичъ и Левъ Кирилычъ и у святѣйшаго были и съ нимъ совѣщались тайно, и святѣйшій будто-бы очень на царевну и на тебя гнѣвался... Имъ будто-бы сказалъ: „я ихъ на чистую воду выведу“.

Изъ дальнѣйшей бесѣды оказалось, что этими свѣдѣніями и ограничивался весь запасъ свѣжихъ новостей Степана Евдокимова; убѣдившись въ этомъ, Оберегатель велѣлъ угостить его старымъ медомъ, а серебряный ковшъ, въ которомъ медъ подносили, приказалъ ему положить за пазуху.

Но изъ немногаго сообщеннаго Степаномъ Евдокимовымъ Оберегатель вывелъ совершенно правильное заключеніе, что „преображенскіе сосѣдушки“ хотятъ отъ слова перейти къ дѣлу, и что отъ нихъ слѣдуетъ многаго ожидать и опасаться, тѣмъ болѣе, что имъ удалось и святѣйшаго патріарха склонить на сторону политики дѣйствія... Предположенія князя Василія на другой-же день получили себѣ подтвержденіе.

Во время утренняго пріема въ Теремномъ дворцѣ, передъ боярскимъ сидѣньемъ, когда Оберегатель читалъ царевнѣ письмо сверженнаго Константинопольскаго патріарха Діонисія, умолявшаго великихъ государей поспѣшить избавленіемъ христіанства отъ турокъ,—царевнѣ доложили, что святѣйшій патріархъ Іоакимъ желаетъ ее видѣть и бесѣдовать съ нею о важномъ дѣлѣ.

Вскорѣ послѣ того, дверь изъ передней въ комнату царевны отворилась настежь, и государь-патріархъ, поддерживаемый подъ руки своимъ ризничимъ Акинѳіемъ и келаремъ, переступилъ порогъ комнаты, благословляя правою рукою, а лѣвою опираясь на превосходный рѣзной посохъ изъ слоновой кости.

Царевна поднялась навстрѣчу патріарху и поспѣшила къ нему подъ благословеніе. За нею подошелъ Оберегатель и всѣ бывшія въ комнатѣ лица, между тѣмъ какъ стряпчіе царевны пододвигали патріарху кресло и ставили рядомъ съ кресломъ царевны.

Іоакимъ опустился въ кресло, передалъ посохъ келарю и оправилъ на груди своей драгоцѣнную панагію, осыпанную крупными рубинами и изумрудами.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и вопроса, со стороны патріарха „о здравіи“, а со стороны царевны—„о спасеніи“, патріархъ, обратившись къ царевнѣ, сказалъ:

— Тяжкія времена приходятъ, государыня! Змій главу подъемлетъ! За батогъ и жезлъ пастырю Церкви Россійскія приняться должно — ранъ требуютъ непокорные... Скорблю о томъ, что приходится мнѣ бить челомъ тебѣ, великая государыня, на людей тебѣ приближенныхъ, но вынужденъ твоего суда надъ ними требовать, прежде нежели предамъ ихъ въ руки судей „градскихъ...“

— Святѣйшій отецъ-патріархъ, почтительно отвѣтствовала царевна,—назови мнѣ дерзновенныхъ, и судъ мой не замедлитъ...

— Знаю твое усердіе къ Церкви Божіей, благовѣрная царевна, и тольми паче скорблю, что ближніе тебѣ люди не слѣдуютъ твоему примѣру и дерзаютъ посягать на власть, дарованную мнѣ Всемогущимъ Богомъ и утвержденную великими государями. Бью челомъ на старца Селиверста и на окольничаго Ѳеодора Шакловитаго.

Софья, не ожидавшая такого прямаго нападенія на одного изъ ближайшихъ къ ней людей, вспыхнула и проговорила не совсѣмъ спокойно:

— Въ чемъ-же вина окольничаго Шакловитаго, государь? Объяви, я желаю знать...

— Вины его предо мною многія и великія, государыня, но и терпѣніе къ прегрѣшеніямъ его у меня не малое. Въ силу данной мнѣ власти, я бы могъ требовать суда надъ нимъ, но зная, коль онъ полезенъ тебѣ, государыня, прошу лишь о строгомъ внушеніи ему и наложеніи на него наказанія, какое заблагоразсудишь. Посуди сама, великая государыня! Въ прошломъ, государыня, во 195 году, по зимѣ сысканы были въ Спасскомъ монастырѣ у дьякона Аѳанасья да у чернеца Семіона тетради, писаны полууставомъ, подлежащія къ расколу, и я приказалъ того дьякона и чернца взять и къ себѣ привести и о тѣхъ тетрадяхъ разспросить. И стрѣльцы окольничаго Шакловитаго, его понаровкою, по согласію со старцемъ Селиверстомъ, тѣхъ людей не сыскали. Когда-же Шакловитый, по указу великихъ государей, изъ Москвы въ малороссійскіе города отбылъ, Стрѣлецкаго Приказа подьячій Петръ Исаковъ тѣхъ людей къ моему тіуну привелъ. И они показали, что укрыты были по приказу Шакловитаго, а тетради получили отъ старца Селиверста...

— Государь, святѣйшій патріархъ, нетерпѣливо перебила Софья, — это дѣло требуетъ розыска, и когда окольничій Ѳеодоръ Шакловитый вернется...

— Дозволь мнѣ рѣчь мою окончить, государыня! съ неудовольствіемъ замѣтилъ патріархъ.—Не велики были-бы вины Шакловитаго, кабы онъ только этою понаровкою повинился, да укрывательствомъ Селиверстовыхъ блудо-писаній. Но онъ дерзнулъ безъ моего вѣдома сослать верховаго дьякона Никифора въ Сибирь, въ Дауры, а за какую вину—не вѣдомо; и къ митрополиту грамоту послалъ, яко-бы по указу великихъ государей и по моему патріаршему благословенію. Значитъ, и грамота вся писана облыжно?

Софія, видимо затрудняясь отвѣтомъ на прямо поставленный вопросъ, только покачала головой. Затѣмъ, обратясь къ патріарху, произнесла почтительно:

— Будь увѣренъ, государь, что я велю объ этомъ дѣлѣ строгій розыскъ учинить. Князь Василій Васильевичъ, розыщи немедленно объ этой грамотѣ, что́ отъ имени великихъ государей и государя патріарха въ Дауры отправлена?

Князь Василій Васильевичъ молча поклонился, а патріархъ продолжалъ:

— Вотъ и о старцѣ Селиверстѣ рѣчь поведу. За всѣ его писанія придется мнѣ, великая государыня, его обуздать. Вижу я, что съ нимъ добромъ не кончишь: мужи смиренные ему отъ Св. Отецъ Церкви внушаютъ, а онъ только лается, да силлогизмами и аргументами имъ отвѣтствуетъ. Я уже приказалъ удалить его изъ справщиковъ; а если не уймешь его, государыня, то предамъ его суду церковному.

— Постараюсь слабымъ словомъ моимъ направить отца Сильвестра на смиреніе и преклоненіе передъ твоимъ архіерействомъ, сказала Софья, видимо стараясь поскорѣе покончить непріятную для нея бесѣду съ патріархомъ.

— Но и это еще не все, продолжалъ Іоакимъ.—И около тебя самой, государыня, вижу плевелы сѣющихъ: вижу мужей именитыхъ, волхвованіямъ вѣрующихъ, волѣ Божіей гаданіями посмѣвающихся... Вотъ, объявилось у меня на сихъ дняхъ, въ палатахъ, подметное письмо, и въ немъ всѣ волхвы въ Москвѣ сущіе, названы имянно, и всѣ волхвованія ихъ исчислены. Тамъ и твой холопъ, князь Василій Васильевичъ, въ волхвованіяхъ и чарахъ уличается, и говорится о немъ, что онъ всякими кореньями промышляетъ... и даже — страшно сказать!— будто и тебѣ тѣ коренья давалъ...

— Это клевета, святѣйшій отецъ патріархъ! воскликнулъ князь Василій, стараясь скрыть свое волненіе.— Ни съ какими волхвами я никогда не водился!..

— Вѣрю тебѣ, и велю поближе разслѣдовать дѣло... Пошлю за тѣмъ холопомъ... Акинѳій, тамъ въ письмѣ,

Этюдъ женской головки. Съ карт. (собственность „**Нивы**") академика **Ѳ. П. Чуманова**, грав. Пааръ.

кажется, и вотчина князь Васильева указана, гдѣ тотъ волхвъ живетъ... Какъ бишь ее?

— Село Большія Можоры, пробасилъ Акинѳій, наклоняясь къ Іоакиму.

— Ну вотъ, видишь, князь Василій!.. Пошлю, пошлю туда, велю его забрать и допросить, чтобы на тебя не смѣли клеветать... Знаю, что ты—добрый сынъ церкви; но и я, какъ пастырь добрый, долженъ плевелы выводить, дабы не заглохло на нивѣ сѣмя доброе.

И съ этими словами патріархъ поднялся со своего мѣста, благословилъ царевну и князя Василія и, поддерживаемый подъ руки ризничимъ и келаремъ, медленно вышелъ изъ комнаты въ переднюю.

(Продолженіе будетъ).

Въ Айя-Софіи.

Боже мой! что тамъ за шумъ? что за люди? Какое смятенье?
Храмъ весь, алтарь, оба клироса, хоры—все полно народомъ!
Крики... стенанья... Волной непрерывной толпа прибываетъ...
Женщины, дѣти... лохмотья и бархатъ разшитый орлами....
Въ затканной золотомъ тогѣ — старикъ — голова безъ покрова —
Очи на-выкатъ—бѣжитъ озираясь и за руку тащитъ
Внука-малютку — другой ему крѣпко сжалъ шею... Вонъ—быстро
Словно царицу въ носилкахъ проносятъ... Вотъ юноша-воинъ:
Шлемъ опрокинутъ—густою волной изъ-подъ шлема разсыпались кудри —
Взоры блуждаютъ—„Пустите“ кричитъ онъ несущимъ и кровью
Облиты латы, и кровь изъ-подъ нихъ такъ и льется на мраморъ...
Въ окна, въ раскрытыя двери весь храмъ наполняется дымомъ—
Свѣчъ предъ иконами тускнетъ сіянье—и крики и стоны—
Здѣсь и извнѣ — все слилось съ возрастающимъ грохотомъ пушекъ...
Но „ворвались! ворвались!.. Императоръ убитъ!“ отдается
Въ пушечномъ гулѣ однимъ потрясающимъ зданіе визгомъ!
Кровью облитые воины въ храмъ отступаютъ сражаясь:
„Двери закладывать! Турки за нами!“... Захлопнулись двери...
Слышу: тараны стучатъ; вся толпа на мгновенье стихаетъ,
Всѣ къ алтарю воздѣваютъ съ молитвеннымъ возгласомъ руки—
Тамъ же—идетъ литургія: діаконъ, іерей сѣдовласый
Съ чашей выходитъ народъ причастить Святыхъ Таинъ... Мгновенье—
Рухнули двери—и въ бѣлыхъ чалмахъ янычары—ужь всюду—
Рубятъ направо, налѣво, на хорахъ—и валятся трупы
Съ хоръ, съ галерей, сюда внизъ, въ эту общую свалку... и горы
Труповъ ростутъ... „Сторонись! убирайте тѣла! очищайте дорогу—
Самъ падишахъ!“ возглашаетъ проворно вбѣгающій евнухъ:
Спѣшно швыряютъ тѣла къ сторонамъ, очищая средину;
Мертвыхъ, живыхъ, умирающихъ вдругъ двѣ стѣны взгромоздились —
И на конѣ онъ въѣзжаетъ — и — радостный взоръ устремивши подъ куполъ,—
Мечъ обнаженный въ рукѣ, а въ другой Магометово знамя —
„Слава Аллаху!“ гласитъ, пораженный величіемъ храма...
Старецъ-іерей между тѣмъ, продолжая служенье, подъемлетъ
Съ пѣньемъ Святые Дары — и идетъ — и предъ нимъ вдругъ разверзлась
Арка въ алтарной стѣнѣ — и вошелъ онъ — и арка замкнулась...

Вотъ что мнѣ видѣлось въ Айя-Софіи... И правдой казалось
Дней тѣхъ преданье: въ тотъ мигъ какъ уже разрушенье свершилось
Въ храмѣ послѣднихъ святынь, и иконъ, и крестовъ, и покрылись
Известью лики святые на стѣнной златой мусикіи, —
Въ оную ночь въ окна купола, вдругъ, освѣтивши весь городъ,
Свѣтъ необычный изшелъ, и раскрылося небо — и тихо
Свѣтъ сей пріявши, закрылось опять — и сей свѣтъ былъ — Господня
Храму сему благодать, отошедшая паки на небо...
И по ся дни стоятъ голыя стѣны — чертогъ опустѣлый,
Гдѣ, за отбытьемъ владыки, вселилися пришлые люди.
Гдѣ-же владыко?... Искалъ я глазами — гдѣ арка, въ которой
Скрылся съ дарами іерей,—и когда же разверзнется, ждалъ я,
И — какъ предсказано было — онъ выйдетъ опять съ той же Чашей,
Прерванный чинъ литургіи окончить, при возгласахъ славы,
Свѣтлый воскресный канонъ воспѣвая... и известь исчезнетъ,
И — уже тонко сквозящійся нынѣ — Спасителя обликъ
Купно со всѣми Святыми опять просіяетъ на златѣ
Вкругъ загорѣвшейся вновь мусикіи...

Кадыкіой.
20 ноября 1887 г.

А. Майковъ.

Невольница.

Повѣсть **Альфреда Штельцнера.**

(Окончаніе).

При внезапномъ появленіи Герберта, Элима ожила. Легкій трепетъ пробѣжалъ по ея членамъ; уста полуоткрылись и изъ нихъ вырвалось одинъ за другимъ нѣсколько слабыхъ криковъ радости. Она провела свободной рукой по глазамъ, по лбу, по волосамъ, и разразилась страшными рыданіями.

Ли-Тчунгъ, съ трудомъ переводя духъ, поднялся съ пола. Лицо его было искажено и блѣдно отъ ужаса, охватившаго его, когда вслѣдъ за выломанною дверью, въ комнату ворвался его соперникъ. Но онъ быстро оправился и выхватилъ изъ-за пазухи кинжалъ. Въ его хитрыхъ, узкихъ глазахъ сверкала ярость.

— Элима! вскрикнулъ Гербертъ. — Берегись! И онъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ китайца, на котораго уже успѣлъ броситься Сидинъ. Съ быстротою молніи былъ выбитъ изъ рукъ злодѣя кинжалъ, который, отъ силы толчка, нѣсколько разъ подпрыгнулъ на полу и покатился въ уголъ. А самъ Ли-Тчунгъ получилъ такой ударъ кулакомъ въ голову, что, какъ снопъ, повалился на спину.

Все это было дѣломъ одной минуты.

Сидинъ уже собирался связать лежащаго на полу обезоруженнаго врага и тѣмъ самымъ сдѣлать его совсѣмъ безопаснымъ. Но китаецъ вдругъ рванулся и выскользнулъ у него изъ рукъ съ ловкостью, какую, при его лѣтахъ, въ немъ трудно было подозрѣвать. Ли-Тчунгъ бросился къ занавѣсу, скрывавшему входъ въ сосѣднюю комнату, отдернулъ его, толкнулъ дверь и мгновенно за нею скрылся.

Сидинъ хотѣлъ за нимъ послѣдовать, но слишкомъ поздно: дверь уже была заперта снутри.

— Оставь его! воскликнулъ Гербертъ. — Пусть онъ бѣжитъ, но мы должны быть быстрѣе его.

Съ нѣжной заботливостью наклонился онъ надъ Элимой. Глубоко потрясенная всѣмъ пережитымъ, она бросилась на грудь возлюбленнаго и смотрѣла на него влажными отъ счастья глазами. Онъ схватилъ ее, какъ ребенка, въ свои мощныя объятія и осыпалъ ее ласками и поцѣлуями.

Сидинъ съ умиленіемъ на нихъ любовался. Легкій шорохъ, точно отъ отодвигаемаго засова заставилъ его мгновенно обернуться. Молодой человѣкъ невольно отступилъ назадъ: на него прямо въ упоръ было направлено два пистолета.

— Проклятые воры! заревѣлъ Ли-Тчунгъ, внезапно появляясь на порогѣ сосѣдней комнаты съ пистолетомъ въ каждой рукѣ.—Эта дѣвушка моя! Пусть же она теперь съ вами умретъ! И онъ направилъ оружіе на дрожащую дѣвушку. Сидинъ, какъ пантера, бросился на китайца.

Раздался выстрѣлъ. Сидинъ окровавленный боролся на полу съ китайцемъ, который оглашалъ воздухъ отчаянными криками о помощи.

Гербертъ въ ужасѣ выпустилъ изъ рукъ Элиму и бросился къ борющимся. Но было уже поздно. Сидинъ вырвалъ изъ рукъ китайца длинный ножъ, которымъ тотъ былъ еще вооруженъ, и воткнулъ его въ самое сердце.

Въ сѣняхъ раздался шумъ. На лѣстницѣ послышались тяжелые, поспѣшные шаги.

— Что здѣсь такое, Гроттеръ? врываясь въ комнату спросилъ капитанъ. — Не мѣшкайте, пойдемте!

Онъ быстро приблизился къ Сидину, который лежалъ неподвижно, прижавъ руку къ груди.

— Живъ онъ? спросилъ капитанъ.

— Не знаю! отвѣчалъ Гербертъ, за обѣ руки поднимая Элиму и сжимая ее въ объятіяхъ, — Но вотъ и ваши люди! Пусть они снесутъ несчастнаго въ лодку.

— Живо, молодцы! скомандовалъ капитанъ.—Онъ открываетъ глаза. Несите его осторожнѣе, но торопитесь. Этому — ужъ не поможешь, прибавилъ онъ, склоняясь надъ китайцемъ. — Ну, дружно, впередъ, молодцы!

Бѣглецы, никого не встрѣтивъ, тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, вернулись къ лодкѣ.

Никто не говорилъ. Молча спустили они въ лодку сначала тяжело-раненаго. За нимъ послѣдовалъ Гербертъ со своей трепетной ношей и въ заключеніе капитанъ со своими людьми.

Яликъ во-время отчалилъ. Едва скрылся онъ въ тѣни береговыхъ кустовъ и, выбравшись на середину рѣчки, поплылъ быстрѣе, какъ вдали послышались голоса и замелькали факелы, которые медленно приближались къ дачѣ.

— Скорѣй, скорѣй! командовалъ капитанъ четыремъ матросамъ, которые и безъ того съ такой силой налегали на весла, что яликъ мчался съ быстротой стрѣлы. — Лишь бы шлюзы не были заперты!

Гербертъ, тѣмъ временемъ, заботливо склонился надъ раненымъ. Голова несчастнаго покоилась у него на колѣняхъ, а дрожащая Элима безмолвно къ нему жалась.

— Мой бѣдный Сидинъ! со слезами на глазахъ шепталъ Гербертъ: — Ты своею кровью спасъ сестру!

Онъ гладилъ его по головѣ и съ трепетомъ слѣдилъ за капитаномъ, который, сомнительно качая головой, принялся за перевязку раны — подъ самымъ сердцемъ.

Лодка мчалась все такъ же быстро. Гребцы попрежнему неутомимо дѣйствовали веслами. Отблескъ все еще свирѣпѣвшаго пожара въ достаточной мѣрѣ освѣщалъ путь бѣглецамъ.

Шлюзы не были заперты и лодка благополучно по нимъ спустилась. Она удачно миновала и сторожевой постъ Базаръ-Барое и проникла въ каналъ Мулендвлиета. Старый городъ становился все ближе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и столь страшная таможня.

Но вотъ и она. Яликъ уже скользитъ мимо каменнаго зданія, гдѣ она помѣщается. Гребцы съ новой силой налегаютъ на весла, въ надеждѣ проскользнуть мимо незамѣченными. Кругомъ снуютъ китайскія джонки, оригинальнаго вида рыбачьи лодки съ цвѣтами на носу, и другія суда всевозможныхъ формъ и назначеній. Бѣглецы уже думали, что, благодаря шуму и движенію на каналѣ, имъ удалось избѣжать бдительности таможенныхъ чиновниковъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Внезапно раздался громкій окликъ и приглашеніе ялику остановиться.

— Впередъ, братцы! крикнулъ капитанъ. — Мы не пустимъ ихъ къ себѣ!

Четыре матроса напрягли свои силы. Яликъ съ новой быстротой понесся по мутному каналу къ устью рѣки.

Гербертъ съ Элимой, притаивъ дыханіе, слѣдили за движеніемъ гребцовъ. Капитанъ самъ взялся за руль, а рулевой, бывшій китоловъ, держалъ на-готовѣ канаты.

— Стой! раздалось съ носа сторожевой лодки.—Тамъ стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, таможенный чиновникъ. У него въ рукахъ была винтовка, внушительно направленная на бѣглецовъ. — Стой! повторилъ онъ: — или я буду стрѣлять!

Въ то же мгновеніе въ воздухѣ промелькнулъ канатъ съ петлей на концѣ, брошенный рукою бывшаго китолова. Послѣдовалъ толчокъ, послышался плескъ падающаго въ воду тѣла: отъ таможеннаго чиновника съ винтовкой и слѣдъ простылъ.

— Это ему не повредитъ, замѣтилъ рулевой: — они всѣ плаваютъ, какъ крысы.

Если у таможенныхъ чиновниковъ и было намѣреніе преслѣдовать бѣглецовъ, они скоро отъ него отказались. Пославъ имъ вслѣдъ нѣсколько проклятій, они понемногу отстали и вскорѣ совсѣмъ скрылись изъ виду.

Въ воздухѣ уже чувствовалась близость моря. Минутъ десять спустя показался рейдъ. Повѣяло свѣжестью.

На „Сиріусѣ“ все было готово къ отплытію. Капитанъ Бастіанъ еще съ ялика отдалъ приказъ сниматься съ якоря. Послѣдній изъ сопровождавшихъ его людей благополучно вступилъ на палубу судна и шкуна съ распущенными парусами медленно, величаво тронулась въ путь. Паруса все больше и больше надувались и ходъ шкуны ускорялся.

Сидина бережно отнесли въ каюту и окружили самыми нѣжными попеченіями. Капитанъ не хотѣлъ омрачать первыхъ минутъ счастья Герберта и Элимы и скрылъ отъ нихъ безнадежное состояніе раненаго. Подъ предлогомъ, что ему нуженъ безусловный покой, всѣ были удалены изъ каюты.

Молодые люди, встрѣтившіеся и полюбившіе другъ друга при столь необычайныхъ условіяхъ, стояли на палубѣ, полные невыразимаго счастья и глубокой признательности за свое избавленіе. Шкуна величественно разсѣкала волны. У ногъ влюбленныхъ простиралась необозримая пелена моря. Надъ ихъ головами необъятнымъ шатромъ раскинулось звѣздное небо. А въ нихъ самихъ все было свѣтъ и радость.

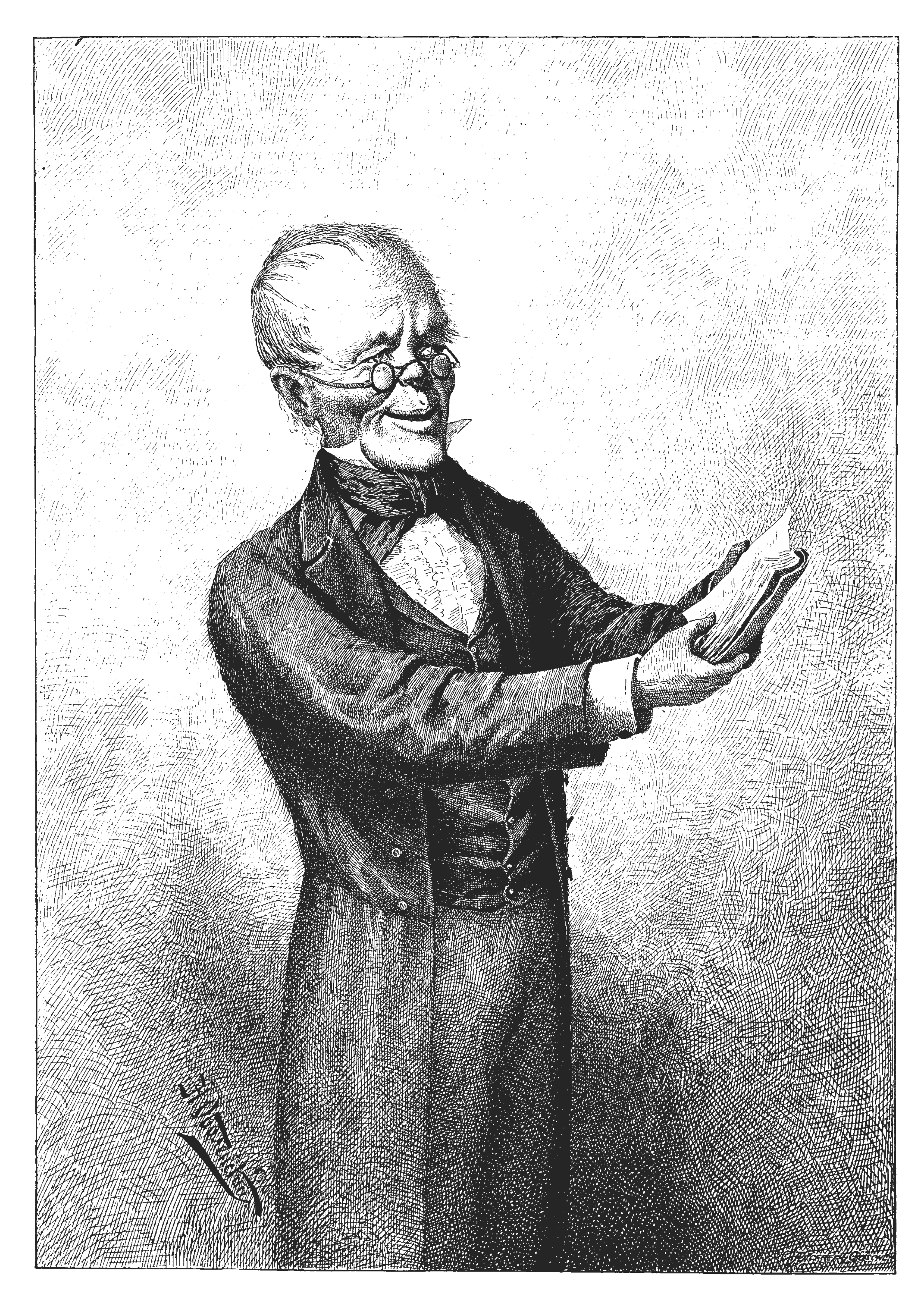
— Наконецъ ты моя! прерывая долгое молчаніе въ упоеніи промолвилъ Гербертъ. Онъ притянулъ къ себѣ молодую дѣвушку и осыпалъ горячими поцѣлуями ея щеки, лобъ и волосы. — Элима, продолжалъ онъ, — я тебя, какъ нѣжный цвѣтокъ, вырвалъ изъ родной почвы и переношу въ совершенно новый, незнакомый для тебя міръ. Но клянусь тебѣ: я буду неизмѣнно тебя любить, всегда о тебѣ заботиться и не перестану облегчать тебѣ всѣ трудности жизни. Согласна-ли ты быть моею на всю жизнь, всѣми твоими чувствами и помышленіями?

— Да, да, милый! Я твоя навсегда и вѣчно!

Оба замолкли. Чудная заря тропическаго утра уже давно загорѣлась надъ моремъ и облила нѣжнымъ свѣтомъ все далекое пространство, а они еще не сходили съ палубы и продолжали любоваться отраженіемъ другъ на другѣ ихъ взаимнаго счастья.

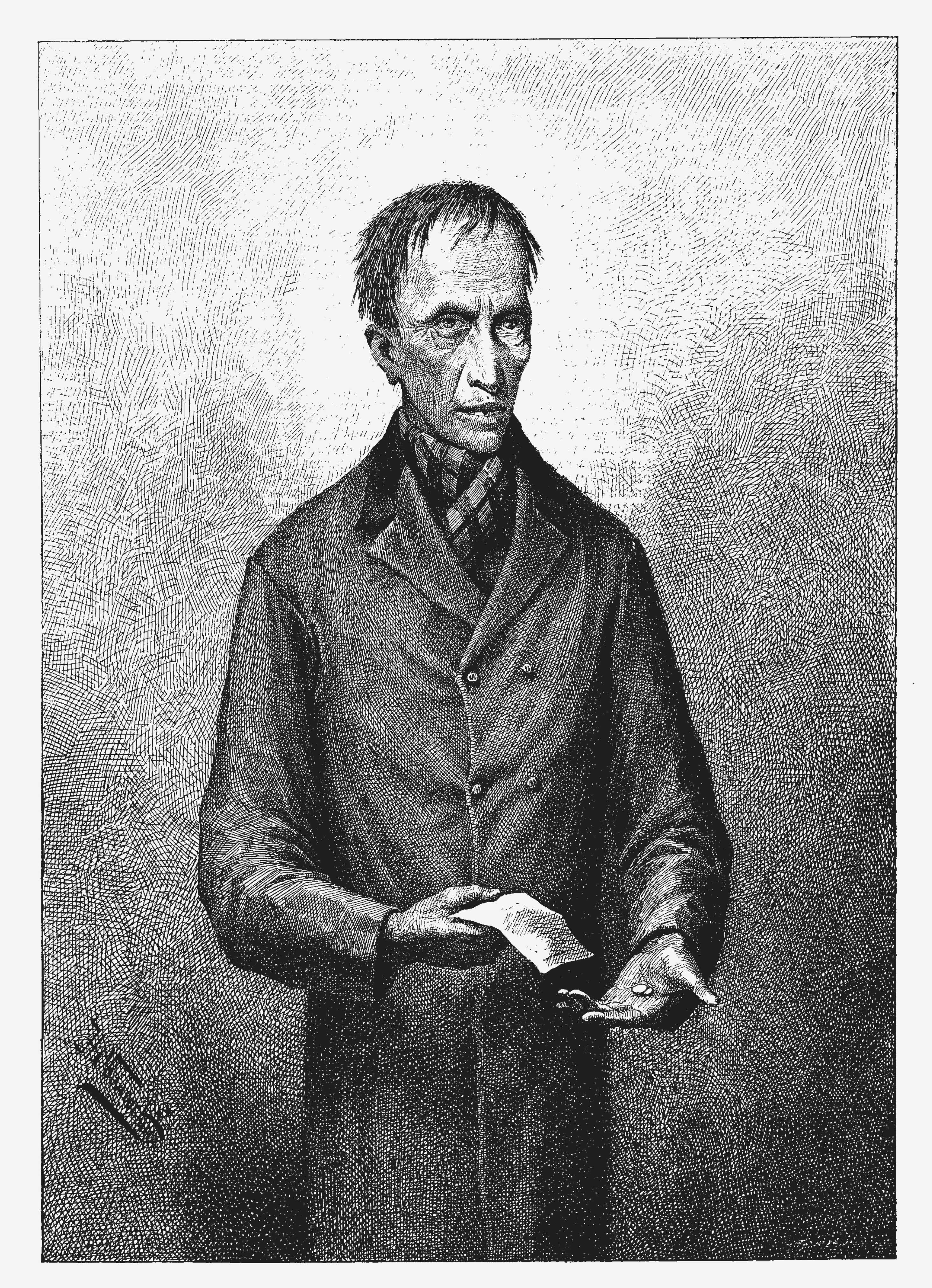
* * *

Осенью того же года состоялась свадьба Герберта и Элимы. Они вѣнчались въ церкви св. Михаила въ Гамбургѣ. Желѣзная воля молодаго мужа, а еще больше чудная красота и душевныя качества Элимы въ заключеніе побѣдили предубѣжденіе старыхъ родителей Герберта и превратили въ любовь ихъ первоначальное нерасположеніе къ бывшей невольницѣ. Въ день свадьбы одна только тѣнь омрачала счастье новобрачныхъ — это воспоминаніе о Сидинѣ, который умеръ еще во



Литературный альбомъ. „Слуги“, Гончарова. Валентинъ. ...И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...

Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.



Литературный альбомъ. „Слуги", Гончарова. Матвѣй — „съ ерестрикомъ и лишкой денегъ".

Ориг. рис. (собственность **„Нивы"**) **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.

время плаванія и теперь покоился вѣчнымъ сномъ на чужой сторонѣ—на мысѣ Доброй Надежды. Тамъ они его похоронили и воздвигли на его могилѣ простой, но изящный памятникъ.

Неизмѣннымъ изъ-года-въ-годъ свидѣтелемъ благополучія молодой четы былъ честный капитанъ „Сиріуса“. Онъ отнынѣ положилъ избрать новую цѣль для своихъ рейсовъ и тщательно избѣгать въ своихъ плаваніяхъ Батавіи. Но предосторожность эта оказалась излишнею. Въ столицѣ Явы такъ никогда и не разъяснилась тайна загадочной смерти китайца Ли-Тчунга и исчезновенія Элимы. Капитанъ однажды слышалъ въ Калькутѣ отъ одного голландскаго штурмана, что вдова Франсенъ съ дочерью и зятемъ весьма неблаговидно распоряжались наслѣдствомъ г-жи ванъ-Рюйтеръ. Лучшій кругъ общества въ Батавіи не хотѣлъ принимать ихъ въ свою среду.

Много пріятныхъ часовъ проводилъ ежегодно добрый капитанъ въ гостепріимномъ домѣ Герберта Гроттера. Толкуя съ нимъ о своемъ семейномъ счастьѣ, Гербертъ не называлъ Элиму иначе, какъ невольницей своего сердца.

Русская Офелія.

Дѣйствительное происшествіе.

С. В—ой.

На-дняхъ случилось мнѣ быть въ гостяхъ у моего пріятеля М., талантливаго, молодаго литератора. У него часто собирался кружокъ товарищей и друзей. Радушіе хозяина, его прямой, открытый нравъ, всегда занимательная бесѣда влекли къ нему всѣхъ знавшихъ его; кромѣ того, всякій былъ увѣренъ встрѣтить у него разнообразное, интересное общество. Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, онъ обѣщалъ познакомить меня съ молодымъ французомъ, недавно пріѣхавшимъ въ Россію. Мой пріятель случайно встрѣтился съ нимъ и упросилъ посѣтить его, на что молодой человѣкъ наконецъ согласился, хотя видимо избѣгалъ общества. Гастонъ Веранжъ произвелъ на всѣхъ присутствовавшихъ самое пріятное впечатлѣніе: благородная, красивая наружность и изящная простота обращенія—признакъ принадлежности къ лучшему обществу—расположили къ нему всѣхъ. Только тѣ изъ насъ, которые ожидали найти въ немъ свойственную французамъ живость, блестящее остроуміе и горячую, бойкую рѣчь — ошиблись. Онъ говорилъ мало, былъ сдержанъ и серьезенъ; по временамъ выраженіе его красиваго лица становилось даже печальнымъ. Изъ вниманія къ иностранному гостю, разговоръ шелъ конечно на французскомъ языкѣ. Говорили о всевозможныхъ предметахъ: о политической злобѣ дня, о текущихъ событіяхъ городской жизни; разбирали литературныя новости, толковали о послѣднихъ научныхъ открытіяхъ, вспоминали объ общихъ знакомыхъ, съ которыми не видѣлись за лѣто. Дѣло происходило осенью.

— Гдѣ же Петровъ? отчего его такъ давно не видно? спросилъ хозяина одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Петровъ? да развѣ вы не знаете? Онъ, бѣдный, сошелъ съ ума и вотъ уже три мѣсяца, какъ находится въ больницѣ для умалишенныхъ.

— Сошелъ съ ума! Петровъ! что за причина? Онъ такой безпечный, веселый! Ужь не отъ любви-ли онъ помѣшался? Прошлую зиму говорили, что онъ сильно увлекался одной изъ нашихъ театральныхъ звѣздъ.

— Нѣтъ, какое отъ любви! Онъ потерялъ все состояніе, разсчитывалъ на повышеніе по службѣ, на какія-то спекуляціи. Надежды его не оправдались; онъ сталъ грустить, впалъ въ меланхолію, а меланхолія развилась въ неизлѣчимую душевную болѣзнь. Кто-же въ нашъ положительный, матеріальный вѣкъ сходитъ съ ума отъ любви? Полноте, времена Абеляровъ и Офелій, Джульетъ и Ромео и всякихъ мучениковъ любви давно прошли. Мы сходимъ съ ума отъ другихъ причинъ. Чрезмѣрное напряженіе мозга, больное честолюбіе, жажда наживы и слабость нашего физическаго организма—вотъ мотивы частыхъ случаевъ помѣшательства въ наше время, а ужь никакъ не любовь.

— Вы думаете, что нѣтъ больше Офелій на свѣтѣ, что прошло время любви всепоглощающей, неотразимой какъ смерть? сказалъ вдругъ, неожиданно для всѣхъ Гастонъ Веранжъ. — Вы ошибаетесь. Любовь безсмертна; она въ наши дни такъ же самовластно царитъ надъ людьми, какъ царила съ начала міра, какъ будетъ царить до послѣдняго вздоха послѣдняго человѣка на землѣ. Пока міръ стоитъ, не избавиться людямъ отъ чаръ этой плѣнительной фата-морганы. Вы скептически улыбаетесь, Вы, кажется, принимаете мои слова за романтическія бредни; а между тѣмъ современная Офелія, ваша русская Офелія, была причиной моего пріѣзда въ Россію, причиной страшнаго горя, поразившаго мою семью.

Крайне взволнованный, молодой человѣкъ замолчалъ. Мы всѣ, въ высшей степени заинтересованные драмой, скрытой въ его словахъ, съ участіемъ окружили его; но изъ понятнаго чувства деликатности и уваженія къ чужому горю, никто не рѣшился просить его, разсказать намъ свою печальную повѣсть. Вѣроятно всеобщее участіе не ускользнуло отъ него. Пересиливъ свое волненіе, онъ извинился за то, что назвалъ своей выходкой.

— Господа, сказалъ онъ, — я такъ потрясенъ недавно пережитымъ, горе мое еще такъ свѣжо, что я не могу владѣть собой. Я почти не знаю васъ, но такъ какъ я невольно уже началъ говорить и вы всѣ, повидимому, отнеслись ко мнѣ съ сочувствіемъ, то я готовъ разсказать вамъ печальную исторію, исторію любви, жертвой которой палъ мой несчастный братъ.

Понятно, что всѣ присутствующіе стали просить его объ этомъ. Хозяинъ усадилъ его въ удобное кресло, прибавилъ угля въ каминъ, и Гастонъ Веранжъ, вокругъ котораго размѣстились всѣ мы, началъ свой разсказъ.

„У меня былъ братъ, ему было бы теперь 30 лѣтъ. До крайности нервный и впечатлительный, Рауль съ дѣтства отличался блестящими способностями. За что онъ ни брался, все удавалось ему; учился онъ необыкновенно легко, но больше всего его манило искусство. Еще юношей стремился онъ посвятить себя живописи, но, уступая желанію отца, сталъ изучать медицину. Наука на время всецѣло поглотила его пытливый умъ. Больше всего занимали его душевныя болѣзни и, когда пришлось ему избрать спеціальность, онъ рѣшился сдѣлаться психіатромъ. За годъ до полученія имъ докторскаго диплома, мать наша по слабости здоровья должна была переселиться въ южную Италію. По окончаніи курса Рауль отправился навѣстить ее. Очутившись подъ благодатнымъ небомъ Италіи, окруженный со всѣхъ сторонъ красотами природы и чудесами искусства, молодой докторъ опять почувствовалъ страсть къ живописи; художникъ проснулся въ немъ съ новой силой. Онъ забылъ свой дипломъ, забылъ годы посвященные наукѣ и со всѣмъ жаромъ молодости предался наслажденію искусствомъ.

„Въ нѣмомъ восторгѣ стоялъ онъ часами передъ божественными мадоннами Рафаэля, передъ ночью Микель-Анджело, передъ живымъ мраморомъ дивныхъ античныхъ статуй.

„Время его отпуска пролетѣло какъ волшебный сонъ; надо было возвратиться во Францію. Съ грустнымъ чувствомъ простился онъ съ матерью и со своей духовной родиной, какъ онъ сталъ называть Италію. Возвратившись въ Парижъ, Рауль, сначала въ свободное отъ ученыхъ занятій время, сталъ изучать живопись и наконецъ бросилъ все и исключительно занялся ею. И тутъ успѣхъ не измѣнилъ ему: черезъ 3 года первая его картина предстала на судъ публики; онъ удостоился почетнаго отзыва со стороны строгаго жюри и приглашенія усердно разрабатывать свой богатый талантъ. Сначала онъ увлекался исторической живописью, но сынъ вѣка, реалистъ скоро сказался въ немъ. Современное человѣчество влекло его къ себѣ и наконецъ, благодаря, вѣроятно, его прежней профессіи и его интересу къ душевнымъ болѣзнямъ, онъ почти исключительно сталъ писать помѣшанныхъ. Ученый продолжалъ дѣлать наблюденія надъ больными, художникъ облекалъ эти наблюденія въ живые образы. Избравъ такую странную спеціальность, обратившуюся почти въ манію, Рауль не переставалъ однако слѣдить за искусствомъ вообще, а также и за всѣмъ, что въ данный моментъ занимало общество. Вы знаете, какъ за послѣднее время французы стали интересоваться Россіей и всѣмъ русскимъ. Вашихъ авторовъ переводятъ, ваши картины выставляютъ, вашъ языкъ начинаютъ изучать. Чуткій ко всему, Рауль не остался чуждъ и этому движенію. По мѣрѣ возможности онъ слѣдилъ за всѣмъ, что могло дать ему понятіе о Россіи и наконецъ до того увлекся этимъ сказочнымъ богатыремъ, столько вѣковъ прожившимъ своей самобытной жизнью, выработавшимъ столько оригинальнаго, сильнаго и новаго для Европы, шедшей другимъ историческимъ путемъ, до того увлекся, что рѣшилъ побывать въ Россіи и на мѣстѣ познакомиться съ русскимъ искусствомъ. Черезъ полгода ему удалось осуществить свое желаніе. Онъ уѣхалъ. Вскорѣ мы стали получать отъ него восторженныя письма изъ Петербурга. Его плѣняла грустная прелесть сѣверной природы; ему нравились радушные, симпатичные люди, которыхъ онъ встрѣчалъ; красота города поражала его, а отъ русскаго искусства онъ былъ въ восторгѣ и пророчилъ ему самую блестящую будущность. Наконецъ онъ написалъ намъ, что видѣть Петербургъ не значитъ еще видѣть Россію и что, для ознакомленія съ ней, онъ намѣренъ сдѣлать съ однимъ извѣстнымъ русскимъ живописцемъ путешествіе по Россіи, проѣхать по Волгѣ, посѣтить Кавказъ и Крымъ и черезъ Москву вернуться къ осени домой. Изъ С., одного изъ приволжскихъ городовъ, онъ писалъ намъ между прочимъ, что чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ и обществомъ своего товарища. Въ С. они намѣревались остановиться на самое короткое время. Недѣли черезъ двѣ пришла отъ него странная записка: въ нѣсколькихъ словахъ онъ извѣщалъ насъ, что товарищъ его отправился дальше, онъ же остался въ С., гдѣ нашелъ сюжетъ для картины. И ничего больше. Дни проходили за днями, потомъ недѣли и мѣсяцы,—отъ брата не было извѣстій. Всѣ наши письма оставались безъ отвѣта. Наконецъ родители мои, доведенные до от-

чаянія, рѣшились обратиться къ администраціи города С. и вскорѣ получили ужасный отвѣтъ: Рауль Веранжъ около года тому назадъ пріѣхалъ въ С. Въ скоромъ времени стали замѣчать въ немъ странности; оказалось, что онъ душевно боленъ и его вынуждены были помѣстить въ городскую больницу умалишенныхъ. Здоровье его очень плохо и проживетъ онъ вѣроятно не долго.

„Родители мои были готовы услышать печальныя вѣсти; тѣмъ не менѣе *эта* вѣсть поразила ихъ какъ громомъ. Рауль, несчастный Рауль! лишенный разсудка, одинъ, въ этой страшной больницѣ, гдѣ-то тамъ, на краю свѣта! Не буду описывать ихъ отчаянія. Бѣдные старики! Я наскоро собрался и полетѣлъ къ брату, за братомъ; но мнѣ не пришлось увезти его на родину, это было невозможно. Онъ тихо угасалъ и наконецъ скончался у меня на рукахъ, не узнавъ меня.

„Главный врачъ больницы разсказалъ мнѣ печальную исторію моего брата.

„Подъѣзжая на пароходѣ къ С., Рауль изъ разговора пассажировъ узналъ, что въ этомъ городѣ есть больница для умалишенныхъ. Одержимый своей маніей, онъ выразилъ желаніе увидѣть находящихся тамъ больныхъ. Одинъ изъ пассажировъ предложилъ ему познакомить его съ главнымъ врачемъ, которому приходился родственникомъ. На другой день Рауль со своимъ проводникомъ отправился въ больницу. Докторъ, почтенный ученый, очень любезно принялъ его и тотчасъ же предложилъ ему осмотрѣть заведеніе. Они прошли по нѣсколькимъ палатамъ. Одинъ старикъ произвелъ на Рауля такое впечатлѣніе, что онъ тутъ же набросалъ его портретъ. Послѣ обхода они спустились въ нижній этажъ, въ кабинетъ доктора. Стоялъ чудный, лѣтній день; окна, выходившія въ садъ, были открыты. Новые знакомые расположились отдохнуть и побесѣдовать, какъ вдругъ, въ рамѣ одного изъ оконъ, обвитаго дикимъ виноградомъ, показалась прелестная молодая дѣвушка. Она облокотилась на подоконникъ и равнодушнымъ взглядомъ обвела комнату; когда большіе глаза ея остановились на Раулѣ, она отшатнулась съ испугомъ, потомъ стала пристально всматриваться и нѣсколько мгновеній простояла какъ-бы въ недоумѣніи; вдругъ она улыбнулась, глаза загорѣлись радостнымъ блескомъ и молодое лицо засіяло выраженіемъ восторга, нѣжности, несказаннаго счастья. У нея въ рукѣ былъ букетъ цвѣтовъ; она бросила его къ ногамъ Рауля со словами: „Андрей! милый, желанный!“ и, какъ бы не въ силахъ совладать съ внезапно нахлынувшимъ блаженствомъ, схватилась обѣими руками за голову, и убѣжала.

„— Ради Бога! докторъ, что̀ это? воскликнулъ Рауль, очарованный красотою молодой дѣвушки, потрясенный и тронутый ея привѣтомъ и всѣмъ ея обращеніемъ. — Что̀ все это значитъ? неужели она... помѣшана?

„Въ первый разъ въ жизни это слово показалось ему такимъ ужаснымъ, что онъ съ трудомъ произнесъ его.

„— Да это больная, это наша Офелія. Бѣдная, она слишкомъ сильно любила и, когда возлюбленный ея умеръ, лишилась разсудка.

„— Что̀ она мнѣ сказала?

„Докторъ объяснилъ моему брату, что она приняла его за своего погибшаго жениха, перевелъ ему значеніе ласкательныхъ словъ, которыми она его привѣтствовала, и разсказалъ ему исторію несчастной дѣвушки. Впослѣдствіи онъ передалъ ее и мнѣ, а я повторю вамъ то, что̀ слышалъ отъ него.

„Она родомъ изъ большаго, торговаго села на берегу Волги, недалеко отъ С. Не даромъ Наташа Р. считалась первой красавицей, не только въ родномъ селѣ, но и на много верстъ кругомъ. Вы видѣли ее больную, измѣнившуюся, говорилъ мнѣ докторъ, и были поражены ея красотой; а надо было видѣть ее, когда она, бывало, въ праздникъ идетъ изъ церкви нарядная (она дочь богатаго купца), стройная какъ молодой тополь, спокойная и гордая, равнодушно внимая изъявленіямъ восторга; или же въ ея родномъ селѣ, когда ей вздумается порѣзвиться съ подругами. Какимъ невыразимымъ весельемъ звучалъ тогда ея серебристый смѣхъ! а какъ она пѣла, что̀ за голосъ былъ у нея! Да, родятся иногда такія совершенныя созданія, но родятся, какъ-то, не на радость себѣ и другимъ; слишкомъ ужъ они хороши; совершенству не мѣсто на землѣ. Докторъ, въ числѣ другихъ, тоже не разъ ѣздилъ въ то село полюбоваться на красавицу, а молодежь, по его словамъ, вся поголовно была отъ нея безъ ума. Но Наташа, казалось, не замѣчала этого; она равно холодно, равно гордо обращалась со всѣми. Однако пробилъ и ея часъ. У отца ея былъ пріятель, тоже богатый купецъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отправилъ своего сына въ Астрахань для изученія рыбнаго промысла. Наконецъ сынъ этотъ, Андрей, вернулся, увидѣлъ Наташу и, подобно всѣмъ другимъ, безъ памяти влюбился въ нее. На этотъ разъ молодая красавица не осталась равнодушной; въ свою очередь она полюбила счастливца, полюбила такъ, какъ умѣютъ любить только подобныя ей натуры. Гордыя, сдержанныя, презрительно-холодныя, пока не коснется ихъ страсть, однажды полюбивъ, онѣ отдаются ей всецѣло, безъ разсчета, безъ оглядки, отдаются на жизнь и смерть. Все улыбалось влюбленнымъ: родители — давнишніе пріятели, съ радостью благословили молодыхъ людей. Въ августѣ Андрей долженъ былъ уѣхать на недѣлю по дѣламъ отца; по возвращеніи его собирались отпраздновать свадьбу. Все было готово. Съ горькими слезами проводила Наташа своего возлюбленнаго и всю недѣлю ходила какъ потерянная. Наконецъ насталъ желанный день возвращенія жениха; въ полдень долженъ былъ прійти пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ. Наташа съ утра ожидала его на пристани; но назначенный часъ прошелъ, прошелъ весь день, а парохода все не было. Вскорѣ разнесся слухъ, что произошло столкновеніе пароходовъ, при чемъ много людей погибло; а черезъ нѣсколько времени обнаружилось, что и Андрей былъ въ числѣ жертвъ катастрофы.

„Наташа не убивалась, не плакала; она застыла въ нѣмомъ отчаяніи, на нее нашелъ какой-то столбнякъ. Каждое утро приходила она на пристань и просиживала тамъ цѣлый день, пока ее насильно не уводили домой. Она, казалось, не сознавала того, что̀ дѣлалось вокругъ нея, ничего не слышала, ни на что̀ не отвѣчала и все только ждала своего погибшаго друга. „Вы видѣли ее здѣсь и знаете теперь, куда привела эту чудную дѣвушку ея беззавѣтная любовь.“

„Этими словами докторъ заключилъ біографію Наташи. Когда онъ передавалъ то же самое Раулю, послѣдній слушалъ его молча, наконецъ всталъ, не говоря ни слова простился со старикомъ и уѣхалъ. Цѣлый день образъ Наташи преслѣдовалъ его, ночью онъ не могъ уснуть. Неотступно, какъ живая, стояла она передъ нимъ въ рамкѣ вьющейся зелени. Свѣтлые волосы тяжелыми косами лежали по плечамъ, строгія черты антично-прекраснаго лица напоминали древнія камеи, а черные глаза ея, большіе, глубокіе, глядѣли на него съ выраженіемъ восторга и безпредѣльной любви. На другое утро Рауль опять былъ въ больницѣ, признался доктору, что образъ дѣвушки не давалъ ему покоя и, со свойственной ему пылкостью, просилъ разрѣшенія написать съ нея Офелію.

„— Нигдѣ, ни у себя на родинѣ, ни въ классической Италіи, говорилъ онъ, — не встрѣчалъ я ничего подобнаго. Эта безумная дѣвушка хороша какъ вдохновенная мечта поэта; грѣшно было бы допустить, чтобы такая красота погибла безслѣдно.

„Докторъ, желая видѣть какое дѣйствіе произведетъ на Наташу второе свиданіе съ Раулемъ, согласился на просьбу послѣдняго. Онъ надѣялся, что иллюзія больной можетъ быть послужитъ ей на пользу и конечно намѣревался присутствовать при свиданіи, незамѣтно для дѣйствующихъ лицъ. Рауль взялъ съ собою все нужное для рисунка и его провели въ садъ, принадлежащій къ квартирѣ главнаго врача. Наташѣ докторъ уже давно разрѣшилъ проводить въ хорошую погоду цѣлые дни въ его саду. Онъ замѣтилъ, что общество другихъ больныхъ страшно тяготило ее и что бѣдная дѣвушка чувствовала себя менѣе несчастною на чистомъ воздухѣ, одна среди цвѣтовъ и деревьевъ. Добрый старикъ дѣлалъ что̀ могъ для облегченія ея участи.

„Пройдя по нѣсколькимъ аллеямъ, Рауль увидѣлъ Наташу. Она сидѣла на скамейкѣ въ тѣни густаго клена и плела вѣнокъ. Онъ остановился залюбовавшись на прелестную картину. Наконецъ дѣвушка подняла глаза, вскрикнула, бросилась къ нему, и обнявъ его, зарыдала у него на груди. Съ этой минуты участь моего бѣднаго брата была рѣшена, съ этой минуты несчастный погибъ безвозвратно. Болѣзненно-впечатлительный, уже раньше увлеченный красотою Наташи, Рауль отвѣтилъ на нее всей душой. Онъ не сознавалъ, что она любитъ не его, и весь отдался охватившему его чувству. Весь міръ пересталъ существовать для него: онъ забылъ о цѣли своего прихода, о томъ, гдѣ находился, забылъ о своемъ искусствѣ, о родинѣ, о славѣ къ которой стремился, забылъ, что держалъ въ своихъ объятіяхъ безумную, и только всѣмъ существомъ своимъ сознавалъ, что любитъ ее. Бережно и нѣжно, какъ мать больное дитя, старался онъ ласками успокоить ее и былъ счастливъ не менѣе ея самой, когда наконецъ встрѣтилъ ея лучезарный взглядъ и увидѣлъ блаженную улыбку на миломъ лицѣ.

„Впослѣдствіи, въ горячечномъ бреду, онъ выдалъ всѣ свои ощущенія, однако на этотъ разъ сохранилъ еще настолько самообладанія, чтобы повиноваться, когда появившійся докторъ отозвалъ Наташу и сдѣлалъ ему знакъ удалиться. На слѣдующій день онъ явился въ больницу уже съ настойчивымъ требованіемъ видѣть Наташу; тутъ только у доктора открылись глаза: онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что по неосторожности сдѣлался причиной непоправимой бѣды и мысленно не разъ назвалъ себя старымъ дуракомъ. Рауль настаивалъ на своемъ требованіи и экзальтація его дошла да такихъ предѣловъ, что доктору пришлось употребить все свое искусство, все умѣніе обращаться съ нервно-больными, чтобы нѣсколько успокоить его и убѣдить вернуться къ себѣ. Докторъ сдѣлалъ приказаніе не пускать Рауля въ больницу. Отъ швейцара онъ узналъ, что тотъ нѣсколько разъ приходилъ, что не пускать его было трудно, такъ какъ онъ чуть не силой пытался ворваться; однако послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ онъ наконецъ пересталъ показываться. Такъ прошло дней 5—6. Старый докторъ вздохнулъ свободно, но успокоиться ему пришлось не на долго. Вскорѣ онъ получилъ предписаніе отъ полиціи явиться въ гостиницу N. для изслѣдованія одного изъ

постояльцевъ. Хозяинъ гостиницы донесъ полиціи, что съ однимъ изъ его жильцовъ творится что-то неладное. Цѣлыя ночи напролетъ ходитъ, самъ съ собою разговариваетъ, какую-то картину затѣялъ рисовать; что ему ни говори, не отвѣчаетъ, никакого толку добиться нельзя. Наконецъ, когда однажды, слуга, убирая его комнату, хотѣлъ передвинуть картину, онъ какъ бѣшеный бросился на него. Въ больномъ докторъ узналъ Рауля и нашелъ его въ такомъ состояніи, что оказалось необходимымъ немедленно помѣстить его въ больницу. Передъ моимъ несчастнымъ братомъ открылись двери страшнаго дома, въ который онъ такъ стремился, открылись для того, чтобы выпустить его только мертвымъ. Организмъ Рауля, не сильный отъ природы и разстроенный непривычнымъ климатомъ, не вынесъ нравственнаго потрясенія. Онъ заболѣлъ и, какъ вы уже знаете, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ смерть сжалилась надъ нимъ и избавила его отъ ужасовъ безумія.

„Наташа еще жива. Судьба неслыханно жестоко обошлась съ ней: эта бѣдная дѣвушка дважды похоронила свое счастье; но любитъ она попрежнему, попрежнему цѣлыми днями бродитъ по саду или по длиннымъ переходамъ больницы и все ищетъ своего Андрея, все ждетъ своего милаго...“

Гастонъ Веранжъ замолчалъ. Нѣсколько минутъ молчали и мы подъ впечатлѣніемъ его разсказа.

— Бѣдная Офелія! вырвалось наконецъ у моего пріятеля М. Всѣ мы встали, съ истиннымъ участіемъ пожали руку брата несчастнаго Рауля и тихо разошлись по домамъ.

Къ рисункамъ.

Великое переселеніе народовъ. Готы на пути.

(Рис. на стр. 324 и 325).

Одиннадцать слишкомъ вѣковъ существовала уже Западная Римская имперія, когда на нее, въ половинѣ V столѣтія по Р. Х., хлынули волны варварскихъ нашествій, которыя въ совокупности называются „великимъ переселеніемъ народовъ“; это рядъ передвиженій германскихъ и другихъ племенъ на западѣ и югѣ Европы, которыя довершили паденіе Западной Римской имперіи и ознаменовали конецъ древней исторіи и начало среднихъ вѣковъ. Вслѣдствіе этихъ нашествій на юго-западную Европу, появилось въ ней новое населеніе, которое, еще на пути или въ своихъ новыхъ мѣстопребываніяхъ, приняло христіанство, смѣшалось съ древнимъ римскимъ населеніемъ и образовало государства съ новымъ общественнымъ строемъ и особымъ языкомъ. Въ Германіи, въ свою очередь, оставшіяся племена частію разселились, частію перекочевали въ другія мѣста, а тамъ, откуда удалились германцы, поселились славяне и другія племена. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока приливъ различныхъ народностей постепенно не ослабѣлъ и не прекратился, причемъ многія туземныя племена совершенно погибли или исчезли, смѣшавшись съ пришельцами. Началомъ переселенія народовъ обыкновенно считается вторженіе гунновъ въ Европу въ 375 г., но движеніе началось еще ранѣе, а прекратилось лишь послѣ 568 года, когда лонгобарды вторглись въ сѣверную Италію. Римская имперія со времени Рождества Христова являлась варварамъ, жившимъ на ея сѣверныхъ границахъ, какою-то обѣтованною страною. Римъ сначала постепенно, а потомъ вдругъ, увидѣлъ въ самомъ сердцѣ и провинціяхъ своей имперіи малорослыхъ, худощавыхъ и смуглыхъ людей, или исполиновъ съ зеленоватыми глазами, русыми волосами, омытыми въ известковой водѣ, намазанными горькимъ масломъ, или посыпанными ясеневымъ пепломъ; одни, нагіе, украшенные ожерельями, желѣзными кольцами, золотыми браслетами; другіе покрытые кожами, бронею, въ широкихъ шароварахъ, узкихъ и пестрыхъ туникахъ; на головахъ у иныхъ шлемы, сдѣланные наподобіе пасти дикихъ звѣрей; другіе съ бритымъ подбородкомъ и затылкомъ, или съ длинной бородой и усами. Одни, пѣшіе, размахивали палицами, дубинами, молотами, копьемъ, съ однимъ и двумя крючками, обоюдоострыми сѣкирами, пращами, стрѣлами съ костянымъ наконечникомъ, веревочными и кожаными арканами, длинными и короткими мечами; другіе на рослыхъ боевыхъ коняхъ, покрытыхъ желѣзными бляхами или на уродливыхъ и тощихъ, но быстрыхъ какъ орелъ, лошаденкахъ. Когда плоды высокой римской цивилизаціи, удовольствія и роскошь римской жизни дошли до свѣдѣнія варваровъ, то насладиться ими стало горячимъ желаніемъ не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ родовъ, и они охотно вступали на службу къ римлянамъ и, съ согласія государства, мирно поселялись въ римскихъ владѣніяхъ. По другія племена стремились войною или грабежемъ завладѣть римскими богатствами или завоевать обработанные плодородные земельные участки. За исключеніемъ Британіи, гдѣ язычники англосаксы вытѣснили обримлянившихся бриттовъ изъ ихъ государства, да Рейнскихъ земель, гдѣ негустое романское населеніе отступило предъ волною варварскаго нашествія, римляне были оставлены въ своихъ жилищахъ, при своемъ языкѣ и своихъ обычаяхъ, и должны были уступить только 1/3, рѣдко

Цвѣточекъ. Съ пастели Іосси Коппе, грав. Кнезингъ.

Литературный альбомъ. „Слуги“, Гончарова. Антонъ — „у господъ служилъ по волчьей части“.
Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

болѣе, своихъ поземельныхъ владѣній германскимъ завоевателямъ, которые съ этого времени образовали въ покоренномъ германскимъ королемъ государствѣ военное дворянство. Это всеобщее передвиженіе германцевъ къ юго-западу, полнѣйшее наводненіе Римской имперіи массами варваровъ, было вызвано нашествіемъ гунновъ, которые вначалѣ покорили алановъ и разорили въ 375 г. сильное государство готовъ. Эти послѣдніе господствовали на югѣ нынѣшней Россіи, отъ нижняго Дуная до самыхъ береговъ Дона, покоривъ сосѣдніе народы славянъ и финновъ, и дѣлились на два государства: остъ-готовъ и вестъ-готовъ. Остъ-готы тщетно пытались остановить вторженіе орды гунновъ; престарѣлый король ихъ Германарихъ былъ два раза разбитъ гуннами и въ отчаяніи пронзилъ себя мечемъ. Остъготы принуждены были покориться. Вестъ-готы двинулись на западъ, и съ дозволенія римскаго императора Валента, поселились на Балканскомъ полуостровѣ (375 г. по Р. Х.). Часть ихъ въ то время уже исповѣдовала христіанскую вѣру. Они недолго ужились въ мирѣ съ римлянами, производили возстанія и опустошенія во Ѳракіи, самъ Валентъ погибъ въ бою съ ними при Адріанополѣ (378 г.). Преемникъ его, Ѳеодосій, старался привлечь готовъ въ римскую службу какъ наемныя войска. Но при слабыхъ сыновьяхъ Ѳеодосія, Аркадіи и Гоноріи, вождь готовъ Аларихъ вторгнулся въ Италію, взялъ и разграбилъ Римъ, а родственникъ и преемникъ его, Атаульфъ, провелъ готовъ въ южную Галлію, гдѣ и было основано ими Вестъ-готское королевство. Что касается внѣшняго вида ихъ, *Сидоній Аполлинарій*, такъ описываетъ совѣтъ готскихъ старѣйшинъ: „Слѣдуя древнему обычаю, ихъ старцы сошлись при восходѣ солнца; ледъ ихъ возраста скрывалъ подъ собою пламя юности. Нельзя смотрѣть безъ отвращенія на холстину, покрывающую ихъ тощее тѣло; кожи которыми они одѣты, едва спускаются до колѣнъ. Они носятъ башмаки изъ лошадиной кожи, которые простымъ узломъ привязываются посрединѣ ноги, остающейся большею частію открытою". Во время своихъ переселеній они двигались, подобно всѣмъ германцамъ, съ множествомъ повозокъ, въ которыхъ ѣхали женщины и дѣти, окруженныя отрядами вооруженныхъ всадниковъ; а для развѣдки пути высылались разъѣзды.

Этюдъ женской головки, Ѳ. П. Чумакова.

(Рис. на стр. 333).

Прелестныя произведенія плодовитой кисти Ѳ. П. Чумакова пользуются большою извѣстностью въ Лондонѣ и особенно въ Парижѣ, гдѣ уже давно поселился нашъ художникъ. Это почти исключительно женскія головки, писанныя масляными красками на деревѣ (большею частью красномъ), весьма небольшихъ размѣровъ. Рисунокъ нашъ передаетъ въ натуральную величину fac-simile одной изъ нѣсколькихъ картинъ, пріобрѣтенныхъ нами за послѣдній пріѣздъ Ѳ. П. Чумакова въ Петербургъ, осенью прошлаго года.

Литературный альбомъ. „Слуги", Гончарова.

(Рис. на стр. 336, 337 и 341).

Читатели вѣроятно не безъ удовольствія встрѣтятъ на страницахъ „Нивы" это воспроизведеніе живописью типовъ созданныхъ художникомъ слова. Молодой иллюстраторъ, набросавшій ихъ по прочтеніи „Слугъ" И. А. Гончарова, получилъ самый лестный отзывъ автора, которому были предварительно представлены рисунки. Особенно удался г. Оболенскому „Матвѣй". Взглянувъ на рисунокъ, Иванъ Александровичъ Гончаровъ позвалъ одного изъ старѣйшихъ своихъ домочадцевъ, и прикрывъ рукою подпись, обратился къ нему съ вопросомъ: „кто это?" — „Ахъ, батюшки, да это нашъ полякъ Матвѣй", было отвѣтомъ. Такимъ образомъ, оказалось, что живописецъ, прочтя „Матвѣя", уловилъ даже портретное сходство. Sapienti sat.

Цвѣточекъ. (Рис. на стр. 340).

Блуждая по саду, она у цвѣтника
Остановилась, и любимаго цвѣтка
Глазами бѣглыми разсѣянно искала;
И наконецъ нашла любимца своего,
И майскимъ запахомъ его,
Полузажмурившись, медлительно дышала...

(Я. Полонскій).

Погребеніе императора Вильгельма.

(Рис. на стр. 344, 345 и 348).

Въ субботу, 5 марта, ровно въ полночь, темныя улицы Берлина, по которымъ завывали вѣтеръ и сильная метель, огласились погребальнымъ перезвономъ колоколовъ, и отъ дворца къ собору двинулась печальная процессія. Гробъ съ останками почившаго императора несли на плечахъ заслуженные офицеры, съ военнымъ конвоемъ, въ сопровожденіи членовъ королевской фамиліи, между двухъ рядовъ войска, выстроеннаго шпалерами по всему пути, причемъ у каждаго пятаго солдата пламенѣлъ въ рукѣ погребальный факелъ. За шпалерами войска тѣснились громадныя толпы народа. По прибытіи въ соборъ, гробъ былъ встрѣченъ придворнымъ духовенствомъ и помѣщенъ на катафалкѣ противъ алтаря (см. рис. на стр. 344).

Катафалкъ былъ обитъ темномалиновымъ бархатомъ и обставленъ съ каждой стороны тремя массивными канделябрами, а вокругъ на табуретахъ разложены были подушки съ орденами почившаго императора, прусскою короной, имперскимъ скипетромъ и державой и прочими королевскими инсигніями. Предъ катафалкомъ виднѣлись горы цвѣточныхъ вѣнковъ, крестовъ и девизовъ, послѣдняя дань любви и уваженія отъ всѣхъ дворовъ Европы. Съ одной стороны гроба караулъ состоялъ изъ офицеровъ берлинскаго гарнизона, по другую сторону его составляли рослые ветераны дворцовой гвардіи въ мундирахъ потсдамскихъ великановъ Фридриха Великаго.

Тѣло императора было одѣто въ генеральскій мундиръ 1-го прусскаго пѣхотнаго гвардейскаго полка, въ шинели, съ фуражкой на головѣ, съ русскими орденами и Желѣзнымъ Крестомъ на груди. На лицѣ почившаго какъ бы мерцало выраженіе кротости и любви.

Въ теченіе четырехъ дней, пока тѣло оставалось въ соборѣ, тысячныя толпы непрерывнымъ потокомъ стремились въ соборъ поглядѣть въ послѣдній разъ на возлюбленнаго императора, причемъ многимъ приходилось часовъ по шести дожидаться очереди на улицѣ, па страшномъ вѣтру, среди метели. Войдя въ соборъ, толпа отъ самыхъ дверей вступала на высокій помостъ, устроенный на подобіе моста посреди храма, откуда удобно было видѣть катафалкъ и самое лицо почившаго, между тѣмъ какъ тихіе звуки органа усиливали впечатлѣніе этого зрѣлища, а массы душистыхъ цвѣтовъ еще рѣзче выдѣляли контрастъ съ суровой атмосферой улицъ.

Между тѣмъ приготовленія къ погребальной процессіи шли своимъ чередомъ. На всемъ пути ея отъ собора до Шарлоттенбургскаго мавзолея дома были задрапированы чернымъ и воздвигнуты траурныя арки. День и ночь трудились рабочіе, и наконецъ къ знаменательному утру 4 марта вся главная улица Берлина „Подъ Липами" облеклась въ трауръ.

Уличные фонари едва мерцали сквозь окутывавшій ихъ черный крепъ; повсюду возвышались пьедесталы съ траурными флагами и гирляндами зелени. У входа подъ „Липы" воздвигнуты были двѣ пирамиды увѣнчанныя погребальными урнами, въ которыхъ горѣли факелы. Предъ академіей художествъ былъ устроенъ великолѣпный апоѳеозъ императора; на баркахъ по каналу подняты были черные паруса съ бѣлыми коймами на подобіе плёрёзъ; на улицѣ часто встрѣчались высокіе столбы съ горящими урнами на вершинѣ. Предъ военнымъ музеемъ высились двѣ монументальныя постройки на подобіе алтарей съ трофеями изъ оружія и знаменъ. На Оперной площади четыре павильона были задрапированы чернымъ сукномъ, такъ же какъ и подножіе статуи Фридриха Великаго. Бранденбургскія ворота были закутаны трауромъ вплоть до исторической бронзовой колесницы, такъ же какъ и траурная арка на перекресткѣ улицъ „Подъ Липами" и „Фридриховой" (см. рис. на стр. 345). Эта послѣдняя арка представляла родъ балдахина, увѣнчаннаго императорскою короной въ крепѣ, съ четырьмя опахалами изъ громадныхъ черныхъ перьевъ по угламъ; карнизъ арки сдѣланъ изъ вѣтокъ кипариса съ черною драпировкой, украшенной серебряными имперскими орлами.

Въ пятницу утромъ гробъ усопшаго императора былъ закрытъ въ присутствіи принцевъ, а въ полдень началось торжественное заупокойное богослуженіе.

Вокругъ гроба стоялъ караулъ съ примкнутыми штыками или саблями на-голо. Передъ гробомъ генералъ фонъ-Папе держалъ бѣлое шелковое имперское знамя съ вышитымъ чернымъ орломъ. Справа стоялъ любимый адъютантъ императора графъ Лендорфъ. слѣва — князь Антонъ Радзивилъ, оба съ обнаженными саблями. Въ изголовьи гроба, на которомъ высился шлемъ Гогенцоллерновъ съ черными и бѣлыми перьями, стоялъ табуретъ съ королевскою короной. Вокругъ гроба полукружіемъ стояли: наслѣдный принцъ Германскій съ братомъ, принцемъ Генрихомъ; короли Саксонскій, Румынскій и Бельгійскій; Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, принцъ Вельскій съ сыномъ и принцъ Альбертъ-Викторъ, герцогъ Кембриджскій и наслѣдные принцы Шведскій, Австрійскій, Греческій, Италіанскій и Датскій и прочіе члены владѣтельныхъ фамилій. Въ сторонѣ, на королевскомъ мѣстѣ находились императрица Викторія, великая герцогиня Баденская, королева Румынская, супруга наслѣднаго принца Шведскаго и другія принцессы королевскаго дома. Въ толпѣ дипломатическаго корпуса, военныхъ и статскихъ сановниковъ недоставало князя Бисмарка и графа Мольтке. По окончаніи богослуженія, dr. Кёгель произнесъ трогательное надгробное слово, благословилъ гробъ, и громъ ружейныхъ залповъ вокругъ собора возвѣстилъ о началѣ похороннаго шествія.

Гробъ несли 12 полковниковъ съ помощью столькихъ-же сержантовъ. Во главѣ процессіи двинулся эскадронъ гусаръ, а затѣмъ отрядъ за отрядомъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи, подъ звуки похороннаго марша или приглушенныхъ барабановъ, первый гвардейскій полкъ въ мундирахъ Фридриха Великаго. Передъ катафалкомъ шелъ д-ръ Кёгель и одиннадцать пасторовъ, толпа пажей и придворныхъ служителей, и министры несшіе инсигніи. Погребальную колесницу везли 12 лошадей, каждую велъ подъ уздцы свитскій полковникъ, по угламъ четверо кавалеровъ Чернаго Орла, а балдахинъ надъ

гробомъ держали 12 генералъ-майоровъ. За колесницей слѣдовалъ любимый конь почившаго императора, и затѣмъ генералъ Папе съ имперскимъ знаменемъ. Принцъ Вильгельмъ шелъ одинъ, какъ заступающій мѣсто своего державнаго отца, за нимъ слѣдовали три короля шедшіе рядомъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и наслѣдные принцы другихъ государствъ. Наконецъ, густая толпа пословъ и сановниковъ. Два батальона съ похоронною музыкой замыкали шествіе. Когда оно прошло Бранденбургскія ворота (см. рис. на стр. 348), которыми почти ежедневно проѣзжалъ почившій императоръ, и достигло Тиргартена, сдѣлана была остановка. Коронованныя особы, ихъ представители и другія высокопоставленныя лица размѣстились по экипажамъ и поѣхали въ Шарлоттенбургъ, гдѣ снова присоединились къ процессіи у Мавзолея.

Императоръ Фридрихъ III смотрѣлъ на шествіе изъ окна. Заключительное богослуженіе въ Мавзолеѣ было весьма кратко. Гробъ поставили на невысокой платформѣ между мраморными памятниками родителей почившаго императора, короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, д-ръ Кёгель прочелъ заключительную молитву и Молитву Господню, благословилъ смертные останки и затѣмъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ, что Вильгельму I, императору Германскому и королю Прусскому, отдана послѣдняя почесть.

Въ лицѣ императора Вильгельма отошелъ въ вѣчность старѣйшій изъ европейскихъ монарховъ. Старшій изъ нѣмецкихъ принцевъ, находящихся нынѣ въ живыхъ — 70-лѣтній князь Адольфъ Липпе-Шаумбургъ; затѣмъ слѣдуютъ 69-лѣтніе: герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій и великій герцогъ Карлъ-Александръ Саксенъ-Веймарскій, далѣе: 68-лѣтній великій герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ Мекленбургъ-Стрелицкій и 67-лѣтній принцъ-регентъ Луитпольдъ Баварскій. Изъ остальныхъ высокихъ особъ старѣйшій 78-лѣтній папа Левъ XIII. Изъ владѣтельныхъ государей первымъ по возрасту стоитъ 71-лѣтній король Нидерландскій Вильгельмъ III; за нимъ слѣдуетъ 69-лѣтній король Датскій Христіанъ IX и 69-лѣтняя королева Великобританская Викторія. Затѣмъ ближайшіе по возрасту (за исключеніемъ императора Бразильскаго донъ-Педро) будутъ 59-лѣтній король Шведскій и Норвежскій Оскаръ II и 57-лѣтній императоръ Австрійскій Францъ-Іосифъ I. Самый младшій изъ европейскихъ государей — 2-хъ-лѣтній король Испанскій.

Въ теченіе 90-лѣтней жизни императора Вильгельма сошли со сцены 72 коронованныя особы: 8 императоровъ, 52 короля, 6 папъ и 6 султановъ, а именно:

Четыре императора Всероссійскихъ: Павелъ I, Александръ I, Николай I и Александръ II.

Два императора австрійскихъ: Францъ I и Фердинандъ I.

Два императора французскихъ: Наполеонъ I и Наполеонъ III.

Три короля прусскихъ: Фридрихъ-Вильгельмъ II, Фридрихъ-Вильгельмъ III и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

Два короля ганноверскихъ: Эрнстъ-Августъ и Георгъ V.

Два короля виртембергскихъ: Фридрихъ I и Вильгельмъ I.

Четыре короля баварскихъ: Максимиліанъ-Іосифъ I, Лудвигъ I, Максимиліанъ II и Лудвигъ II.

Король вестфальскій Іеронимъ, король бельгійскій Леопольдъ I и король греческій Оттонъ I.

Три короля голландскихъ: Лудвигъ, Вильгельмъ I и Вильгельмъ II.

Три короля англійскихъ Георгъ III, Георгъ IV и Вильгельмъ IV.

Три короля французскихъ: Лудовикъ XVIII, Карлъ X и Лудовикъ-Филиппъ.

Пять королей шведскихъ: Густавъ IV, Карлъ XIII, Карлъ-Іоаннъ XIV (Бернадотъ), Оскаръ I и Карлъ XV.

Четыре короля датскихъ: Христіанъ VII, Фридрихъ VI, Христіанъ VIII и Фридрихъ VII.

Семь королей испанскихъ: Карлъ IV, Фердинандъ VII, Іосифъ, Изабелла, Амедей и Альфонсъ XII.

Три короля португальскихъ: Іосифъ, Іоаннъ, Марія да-Глоріа.

Пять королей сардинскихъ: Карлъ-Эмануилъ, Викторъ-Эмануилъ I, Карлъ-Феликсъ, Карлъ-Альбертъ и Викторъ-Эмануилъ II.

Шесть королей неаполитанскихъ: Фердинандъ I, Іосифъ, Іоахимъ-Мюратъ, Францискъ I, Фердинандъ II и Францискъ II.

Шесть султановъ: Селимъ III, Мустафа IV, Махмудъ II, Абдулъ-Меджидъ, Абдулъ-Азисъ и Мурадъ V.

Шесть папъ: Пій VI, Пій VII, Левъ XII, Пій VIII, Григорій XVI и Пій IX.

Двадцать одинъ президентъ Соединенныхъ штатовъ: Джоржъ Вашингтонъ, Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Мадисонъ, Монроэ, І. Квинси Адамсъ, Джэксонъ, Ванъ-Буренъ, Гаррисонъ, Тейлеръ, Полкъ, Тэйлоръ, Филльморъ, Франклинъ-Пирсъ, Букананъ, Линкольнъ, Джонсонъ, Грантъ, Гейсъ, Гарфильдъ и Арчеръ.

Изъ всѣхъ названныхъ 94 владѣтельныхъ особъ и президентовъ остаются въ живыхъ лишь четыре лишенныхъ трона монарха: Амедей и Изабелла испанскіе, Францискъ II неаполитанскій и султанъ Мурадъ V, остальные 90 умерли раньше императора Вильгельма. (с.)

Политическое обозрѣніе.

Пребываніе Наслѣдника Цесаревича въ Берлинѣ. — Здоровье императора Фридриха. — Инцидентъ Буланже. — Дѣло Вильсона.

Въ нѣмецкихъ газетахъ появился цѣлый рядъ замѣтокъ и отзывовъ о пребываніи въ Берлинѣ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и объ выполненіи возложенной на Его Высочество миссіи. Помѣщенный въ *Hamburger Correspondent* отзывъ по этому предмету перепечатанъ на видномъ мѣстѣ въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, гдѣ читаемъ:

„Присутствіе Наслѣдника Русскаго Престола, Великаго Князя Николая Александровича, при погребеніи тѣла въ Бозѣ почившаго императора, сопровождалось такими обстоятельствами, которыя могутъ служить доказательствомъ дружескихъ и сердечныхъ отношеній, связывавшихъ въ теченіе многихъ поколѣній царствующіе дома обоихъ сосѣднихъ государствъ. Радостное впечатлѣніе произвелъ тотъ фактъ, что, по волѣ Русскаго Императора, трудную зимнюю поѣздку въ Берлинъ совершили не только Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, братья родителя Императора, извѣстные въ Петербургѣ своею особою привязанностью къ почившему монарху, но и Наслѣдникъ Престола, первый изъ всѣхъ русскихъ Великихъ Князей, чтобы въ качествѣ замѣстителя Его Величества воздать послѣдній долгъ Германскому императору. Особенное значеніе поѣздка Русскаго Наслѣдника въ Берлинъ пріобрѣла вслѣдствіе того, что это было первая миссія его къ иностранному двору и при этомъ съ удовольствіемъ припоминали, что года четыре тому назадъ принцъ Вильгельмъ, нынѣшній Германскій наслѣдный принцъ, передалъ Цесаревичу, по случаю его совершеннолѣтія, поздравленія императора Вильгельма и вручилъ ему знаки высшаго прусскаго ордена.

„Въ какомъ духѣ юный Великій Князь выполнилъ возложенную на него миссію, доказываетъ слѣдующій фактъ. По пріѣздѣ въ Берлинъ Цесаревичъ рѣшительно отклонилъ предложеніе отправиться въ домъ русскаго посольства, гдѣ для Его Высочества были приготовлены аппартаменты и, несмотря на усталость, прослѣдовалъ прямо съ вокзала въ соборъ, гдѣ были выставлены бренные останки почившаго монарха. Здѣсь онъ подошелъ къ покойному императору, приподнялъ его руку, поцѣловалъ ее и затѣмъ долго молился у гроба. Это произвело, какъ разсказываютъ, столько-же трогательное, сколько потрясающее впечатлѣніе, и во всякомъ случаѣ послужило блистательнымъ доказательствомъ воспитанія, деликатныхъ чувствъ и рыцарскаго образа мыслей Наслѣдника Русскаго Престола. До какой степени публика имперской столицы интересовалась особою Наслѣдника Русскаго Престола, „гетмана казаковъ“, видно ужь изъ того, что во время пребыванія его въ Берлинѣ домъ русскаго посольства „Подъ Липами“ осаждали постоянно густыя толпы народа“.

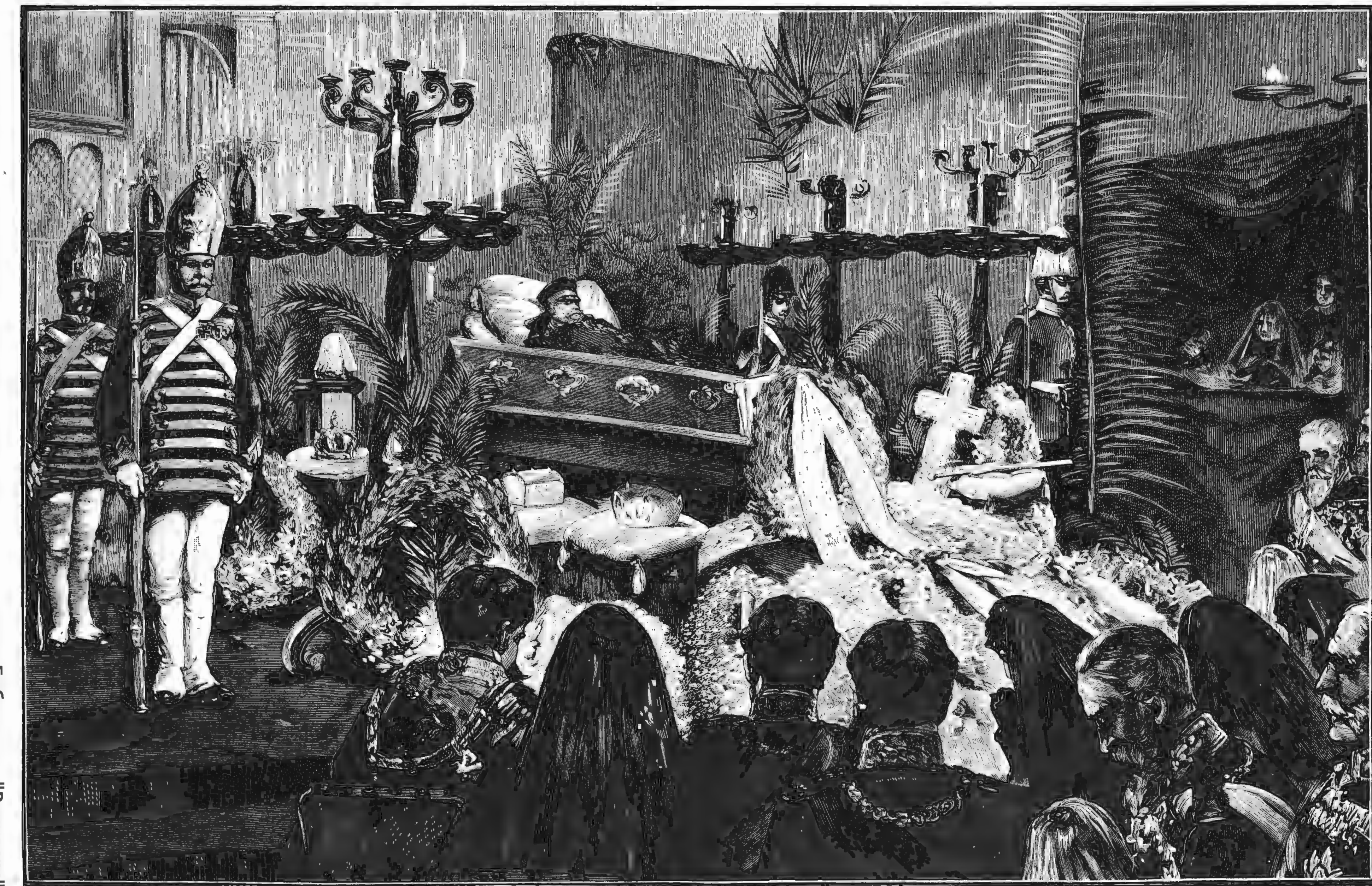
Искреннее и глубокое русское соболѣзнованіе по поводу утраты, понесенной Германіей, и впечатлѣніе произведенное имъ въ Берлинѣ смутили многихъ, полагавшихъ, что русско-германскія отношенія должны измѣниться съ новымъ царствованіемъ. По этому поводу *Journal de St. Pétersbourg* замѣчаетъ:

„Въ настоящее время мы присутствуемъ при весьма странномъ зрѣлищѣ. Многія иностранныя газеты, кажется, разочаровались, убѣдившись, что кончина императора Вильгельма не привела къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должно было имѣть это печальное событіе. Изъ того, что почившій государь былъ горячимъ сторонникомъ дружбы съ Россіей, газеты эти вывели заключеніе, что исчезновеніе его приведетъ къ ухудшенію отношеній между Россійской имперіей и Германіей. Изъ того, что этого монарха справедливо считали одним изъ столбовъ европейскаго мира, тѣ-же газеты заключили, что смерть его разнуздаетъ страсти и народы ринутся другъ на друга.

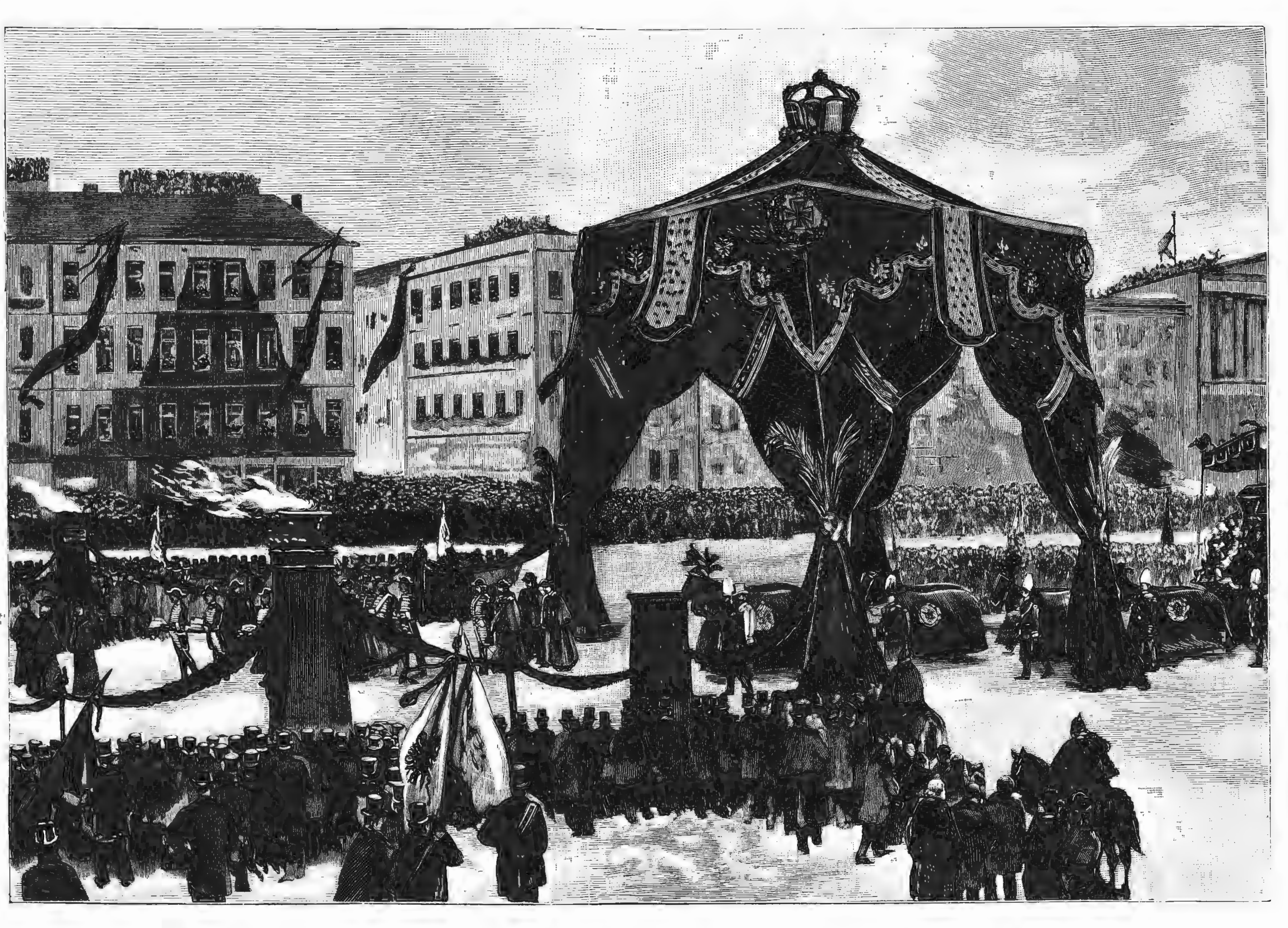
„Между тѣмъ ничего такого не произошло. Чувство глубокаго сожалѣнія, которое смерть императора Вильгельма вызвала во всѣхъ слояхъ русскаго общества, доказало, что дружескія отношенія между обоими царствующими домами и обоими сосѣдними народами пустили слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы вышеупомянутые разсчеты могли осуществиться“.

„Напротивъ, мирное настроеніе съ каждымъ днемъ все становится прочнѣе“, пишутъ изъ Петербурга въ брюссельскій *Nord*, „по мѣрѣ того, какъ здоровье императора Фридриха поправляется и какъ появляются доказательства благоразумія этого монарха и существеннаго миролюбія политической его программы. Общественное мнѣніе въ Россіи питаетъ къ императору Фридриху глубокое уваженіе. Чѣмъ меньше тревожныхъ опасеній, тѣмъ болѣе вѣроятности достигнуть такой комбинаціи, которая въ состояніи будетъ предохранить Европу отъ грозныхъ столкновеній“.

Здоровье Германскаго императора чрезвычайно благопріятно, если принять во вниманіе перенесенную имъ продолжительную болѣзнь, а также операцію и отсутствіе моціона на свѣжемъ воздухѣ. Фридрихъ III дѣятельно занимается дѣлами государ-



Похороны императора Вильгельма. Тѣло императора въ соборѣ. По рисунку „I. Z.“ грав. Шюблеръ.



Похороны императора Вильгельма. Погребальное шествіе на перекресткѣ улицъ „Подъ Липами“ и Фридриховой.

По рисунку „I. Z.“, грав. Ю. Барановскій.

ства и вскорѣ послѣ погребенія своего Августѣйшаго родителя онъ фактически принялъ бразды правленія страною, предсѣдательствуя 11 марта на совѣтѣ министровъ. Но руководимый мудрою предусмотрительностью, императоръ издалъ 9 марта рескриптъ на имя наслѣднаго принца, въ которомъ высказывается желаніе, чтобы наслѣдный принцъ ознакомлялся съ государственными дѣлами путемъ непосредственнаго участія въ нихъ. Вслѣдствіе этого принцу поручается заниматься выработкою и разрѣшеніемъ тѣхъ изъ государственныхъ дѣлъ, которыя будутъ указываемы ему императоромъ. При этомъ наслѣдному принцу предоставляется подписывать за императора бумаги безъ особаго на каждый разъ уполномоченія.

Инцидентъ съ генераломъ Буланже принимаетъ грандіозные размѣры. Для обсужденія его поступковъ была назначена военная слѣдственная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генерала Февріе. Въ то время когда коммиссія разсматривала дѣйствія генерала Буланже, въ Марсели и въ Ліонѣ онъ былъ баллотируемъ въ депутаты.

Въ Марсели полиція конфисковала избирательные бюллетени съ именемъ Буланже, подъ предлогомъ, что на нихъ не выставлено названія типографіи; тѣмъ не менѣе за него было подано 983 голоса. Большинство голосовъ получилъ старый анархистъ и коммунистъ Феликсъ Піа. За то въ Ліонѣ за Буланже было подано 45,089 голосовъ. Черезъ два дня, по предложенію военнаго министра и по разсмотрѣніи дѣла совѣтомъ министровъ, президентъ Карно подписалъ декретъ, коимъ генералъ Буланже, согласно единогласному мнѣнію слѣдственной коммиссіи, уволенъ въ отставку безъ прошенія. *Petit Journal* говоритъ, что карательная мѣра, которой подвергли генерала Буланже, является несоотвѣтственно строгою. Министерство-де завязало теперь борьбу, въ которой побѣда, вѣроятно, не будетъ на его сторонѣ.

Подъ шумъ этихъ событій едва не прошло незамѣченнымъ окончаніе пресловутаго дѣла о торговлѣ орденами. Замѣшанный въ это дѣло Вильсонъ оставался на свободѣ, пока его тесть Греви былъ президентомъ, но какъ только онъ отказался отъ президентства, „первый зять республики“, какъ величали Вильсона, былъ привлеченъ къ отвѣтственности, въ качествѣ сообщника Ратацци и другихъ, обвиняемыхъ въ цѣломъ рядѣ неблаговидныхъ поступковъ. Исправительный судъ департамента Сены приговорилъ Вильсона къ строгому наказанію: кромѣ денежнаго штрафа, онъ былъ лишенъ права пользоваться гражданскими правами въ теченіе 5 лѣтъ. Этотъ черезчуръ строгій приговоръ далъ неожиданныя послѣдствія. Общественное мнѣніе, возбужденное противъ Вильсона, пока онъ былъ обвиняемымъ, нѣсколько перемѣнилось. Благомыслящіе люди видѣли полное несоотвѣтствіе между наказаніемъ и неблаговидными поступками Вильсона, которые, въ сущности, вовсе не наказуемы по французскимъ законамъ. Поэтому неудивительно, что апелляціонный судъ постановилъ рѣшеніе, которымъ отмѣнилъ приговоръ исправительнаго суда и призналъ Вильсона оправданнымъ, хотя въ приговорѣ суда выражено строгое осужденіе дѣяній, приписанныхъ Вильсону и другимъ обвиняемымъ по дѣлу о торговлѣ орденами.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 11 марта, въ два часа дня, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили своимъ посѣщеніемъ Петербургскій воспитательный домъ.

— 13 марта, Ихъ Императорскія Величества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и другія особы Императорской Фамиліи посѣтили Имп. Академіи Художествъ. Августѣйшіе Посѣтители подробно осматривали выставку, причемъ Ихъ Величества пріобрѣли нѣсколько картинъ художника Каразина изъ туркестанской войны; художника Кившенко, проф. Айвазовскаго, г. Васильковскаго, проф. Орловскаго, художниковъ Писемскаго, Сергѣева, Бакаловича и Степанова.

Дѣла церкви.

— 14 марта, въ квартирѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, россійскій императорскій консулъ въ Сѣверной Норвегіи, Д. Н. Островскій, прочелъ лекцію „о Печенгскомъ монастырѣ“.

— 26 февраля и 2 марта, въ селѣ Волковыи, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, совершилось присоединеніе къ православію 41 человѣка мѣстныхъ жителей, чеховъ.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайшимъ рескриптомъ на имя члена Государственнаго Совѣта, кіевскаго, подольскаго, волынскаго и временно черниговскаго и полтавскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта, генерала отъ-инфантеріи Дрентельна, пожалованъ ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго за полувѣковое служеніе престолу и отечеству.

Военное и морское дѣло.

— Высочайше повелѣно исключить изъ списковъ судовъ флота корветъ „Богатырь“, обращенный въ блокшивъ.

— 10 марта, въ собраніи офицеровъ генеральнаго штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, капитанъ генеральнаго штаба Епанчинъ сдѣлалъ сообщеніе „О переходѣ черезъ Балканы отряда генералъ-адъютанта Гурко“. Это сообщеніе удостоили Своимъ присутствіемъ Н. Имп. Выс. Главнокомандующій Велик. Кн. Владиміръ Александровичъ, Генералъ-Фельдмаршалъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ Старшій и Кн. Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій Евгеній Максиміліановичъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ виду предстоящей въ 1889 г. всемірной выставки въ Парижѣ, русскимъ фабрикантамъ и заводчикамъ, пожелавшимъ послать на выставку свои произведенія, разрѣшено учредить для сношеній съ выставочной администраціей особый комитетъ, совершенно частнаго характера, который будетъ дѣйствовать черезъ своихъ выборныхъ уполномоченныхъ, въ качествѣ посредниковъ между русскими экспонентами и коммисаромъ выставки.

— Владѣлецъ нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ въ Телавскомъ уѣздѣ, Тифлисской губ., г. Коргановъ, приступаетъ къ устройству въ Телавѣ ректификаціоннаго завода.

— Уральскій каменный уголь съ каждымъ годомъ, видимо, пріобрѣтаетъ все бóльшее и бóльшее число потребителей и вытѣсняетъ дровяное отопленіе. Большія фабрики и заводы Казани, какъ, напр., бр. Крестовниковыхъ, Алафузова, табачно-махорочныя фабрики Гейста и Русскихъ, — ввели его у себя въ употребленіе, находя это выгоднымъ. Кромѣ Казани, уральскій каменный уголь находитъ себѣ потребителей и въ низовьяхъ Волги.

— Сѣмянное отдѣленіе кіевскаго Общества сельскаго хозяйства занято въ настоящее время отправкою заказовъ въ разныя хозяйства Юго-Западныхъ губерній сѣмянъ яровыхъ хлѣбовъ и кормовыхъ травъ. Самый большой спросъ существуетъ теперь на сѣмена люцерны и тимоѳеевки; довольно значителенъ также спросъ на кормовую свеклу и кормовую морковь.

Сооруженія.

— Недавно окончено буреніе артезіанскаго колодца въ гор. Мелитополѣ, Таврической губерніи, которое продолжалось болѣе года и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Колодецъ имѣетъ глубину въ 926 футовъ и даетъ въ сутки 80,000 ведеръ весьма чистой воды.

Наука.

— По ходатайству Императорскаго русскаго Географическаго Общества, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть назначить извѣстному русскому путешественнику по Монголіи и Китаю, члену-сотруднику Г. Н. Потанину, пожизненную пенсію въ размѣрѣ 800 рублей въ годъ.

Археологія и древности.

— Имп. Эрмитажъ получилъ новое значительное приращеніе своихъ коллекцій. Съ Высочайшаго соизволенія, недавно пріобрѣтено для Эрмитажа отъ графини Блудовой собраніе классическихъ древностей, составленное покойнымъ графомъ А. Д. Блудовымъ. Въ этомъ собраніи насчитывается до 110 предметовъ, въ томъ числѣ 8 мраморныхъ скульптуръ, 12 бронзъ, 35 терракоттовыхъ фигуръ, 39 расписныхъ вазъ и нѣсколько вещей изъ серебра и слоновой кости.

Изобрѣтенія.

— 13 марта, въ Москвѣ, въ домѣ Шибаева, на Новой Басманной, въ присутствіи техниковъ городской управы, страховыхъ агентовъ и нѣкоторыхъ фабрикантовъ, производилось испытаніе новоизобрѣтеннаго г. Ивановскимъ аппарата, имѣющаго своею задачею автоматически давать знать о началѣ пожара.

Некрологъ.

— 12 марта скончался генералъ-отъ-инфантеріи Григорій Даниловичъ Бабкинъ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Екатеринославѣ, 14 марта, вскрылся Днѣпръ. Разливъ воды невеликъ.

— 16 марта, ледъ на Волгѣ противъ Царицына тронулся. Погода весенняя.

— Изъ Баку, отъ 15 марта, сообщаютъ, что навигацію открыло товарищество „Лебедь“, отправивъ первую товаро-пассажирскую шхуну въ Астрахань.

— Изъ Харькова, отъ 17 марта сообщаютъ, что рѣки вскрылись, половодье будетъ среднее.

— Пароходство Россійскаго общества страхованія и транспортированія кладей (1844 года) открыло съ 16 марта срочные рейсы по портамъ Чернаго моря. Первымъ срочнымъ рейсомъ вышелъ пароходъ „Николай“.

— Въ Чарджуй прибылъ изъ Бухары уполномоченный средне-азіятскаго товарищества Кудринъ и Ко—Пакорскій, съ цѣлью приступить къ посѣву хлопка на землѣ пожалованной товариществу Бухарскимъ эмиромъ, по берегу Аму-Дарьи, въ числѣ тысячи десятинъ. Въ этомъ году товарищество засѣетъ американскими сѣмянами сто десятинъ.

Смѣсь.

Черты изъ жизни покойнаго императора Вильгельма. Когда яркое дневное свѣтило какъ-бы угаснетъ за чертой небосклона, небо еще долго залито багрянцемъ зари. Каждое облачко еще окрашено отсвѣтомъ угасшаго и каждый предметъ отражаетъ это мерцаніе. Такъ и въ мірѣ долго еще не замолкнутъ отголоски, порожденные громкою славой дѣяній одного изъ величайшихъ монарховъ въ новѣйшей исторіи. Вполнѣ возсоздать его мощный образъ, дать его полное жизнеописаніе — конечно дѣло историковъ, но одной изъ благороднѣйшихъ главъ этого монументальнаго труда будетъ та, въ которой императоръ Вильгельмъ выступитъ

предъ потомствомъ какъ человѣкъ сердечный и любвеобильный. У каждаго бывшаго съ нимъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ есть что поразсказать о всегда свѣтломъ настроеніи и неистощимомъ добродушіи почившаго монарха.

Подобно своему царственному брату, онъ былъ чрезвычайно остроуменъ, но остроуміе его никого не оскорбляло и проявлялось большею частью въ видѣ безобидной шутки. Такъ, нѣкогда въ Берлинѣ служилъ поручикомъ гвардіи наслѣдный принцъ одного изъ средне-германскихъ княжествъ, котораго полковые товарищи прозвали „аркадскимъ принцемъ“. Титулъ этотъ впрочемъ предали забвенію тотчасъ какъ только принцъ наслѣдовалъ необширный отчій престолъ. Весьма естественно, что новый владѣтельный князь счелъ своимъ долгомъ представиться въ своемъ новомъ санѣ императору и съ этою цѣлью отправился въ Эмсъ. Случайно встрѣтивъ императора на прогулкѣ, принцъ тотчасъ подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ и сообщилъ о своемъ „восшествіи“, при чемъ почтительно держалъ шляпу въ рукѣ. Императоръ принялъ все это чрезвычайно добродушно, говоря: „ну чтожь, душевно радъ, но пожалуйста, коллега, надѣньте-же свою корону“, и показалъ на шляпу князя.

Другой примѣръ. Это было въ самый разгаръ дутыхъ Струсберговскихъ предпріятій. „Желѣзнодорожный король“ только что пустилъ въ ходъ одно изъ нихъ и снискалъ себѣ покровителя въ лицѣ герцога Уеста. Это возбудило много толковъ въ Берлинѣ, особенно въ консервативныхъ кругахъ, гдѣ не слишкомъ благосклонно относились къ такому сліянію знати и финансовъ. Разъ гдѣ-то на вечерѣ императоръ встрѣчаетъ герцога и добродушно говоритъ ему: „добрый вечеръ, Dr. Уестъ, что подѣлываетъ герцогъ Струсбергъ?“

Но императоръ былъ не только самъ мастеръ на остроты, онъ умѣлъ ихъ и выслушивать. Одна графиня при дворѣ отличалась необыкновенно роскошною шевелюрой, но злые языки прибавляли, что не всѣ эти волосы неподдѣльные. Какъ-то на балѣ императоръ шутя спрашиваетъ: „Боже мой, графиня, откуда это у васъ такіе великолѣпные волосы?“ „Божіею милостію, ваше величество“, отвѣтила та. Императоръ засмѣялся и сдѣлалъ ей комплиментъ за находчивость.

Императоръ, между прочимъ, особенно интересовался орденами. Когда Наполеонъ III, проигравъ Седанское сраженіе, прислалъ побѣдоносному королю Прусскому свою шпагу съ генераломъ Рейлемъ, этотъ послѣдній, исполняя порученіе, отъ котораго зависѣла судьба двухъ имперій, замѣтилъ во время своей рѣчи, что король пристально смотритъ въ одно мѣсто на груди генерала. Выслушавъ порученіе, король сказалъ Рейлю, переходя въ разговорный тонъ: „какъ видите, генералъ, я нѣсколько удивленъ; я замѣтилъ у васъ на груди такой орденъ, какого никогда еще не видывалъ“. На генералѣ въ самомъ дѣлѣ былъ рѣдко уже въ наше время встрѣчающійся знакъ отличія какого-то полу-духовнаго рыцарскаго ордена.

У императора была одна забавная черта, которую онъ часто проявлялъ съ видимымъ удовольствіемъ, какъ-бы нарочно въ противоположность своему высокому сану. Охотившіеся съ нимъ въ Грюневальдѣ конечно никогда не забудутъ веселыхъ партій на бильярдѣ, которыми обыкновенно заканчивались вечера въ охотничьемъ замкѣ. Императоръ охотно игралъ на бильярдѣ, но ставка была всегда по 5 грошей, не болѣе; выигрывая, онъ съ видимымъ удовольствіемъ пряталъ эти гроши въ карманъ.

Изреченія императора Вильгельма. Я никогда не забуду, что государь тоже человѣкъ, а передъ Богомъ—только человѣкъ.

Я буду постоянно работать надъ совершенствованіемъ моего сердца и жизни...

Льстецовъ и безнравственныхъ людей я буду рѣшительно отдалять отъ себя. Самые прямодушные и искренніе останутся для меня самыми дорогими. Я тѣхъ буду считать своими истинными друзьями, кто говоритъ мнѣ правду, даже если она можетъ быть мнѣ непріятна...

Я счастливъ, когда счастливъ прусскій народъ.

Истинная религіозность обнаруживается въ каждомъ поступкѣ человѣка; это слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду и умѣть отличать отъ наружныхъ, чисто внѣшнихъ проявленій.

Мои обязанности къ Пруссіи совпадаютъ съ моими обязанностями къ Германіи.

Какъ наслѣдникъ прусской короны, я чувствую себя сильнымъ въ сознаніи, что всѣ успѣхи Пруссіи суть ступени къ возстановленію нѣмецкаго могущества и чести.

Всякая нетерпимость въ религіозномъ отношеніи противорѣчитъ моимъ чувствамъ и образу мыслей.

Въ моемъ государствѣ каждое исповѣданіе должно пользоваться полной свободой, если оно не нарушаетъ чьихъ-либо правъ и равенства всѣхъ передъ закономъ.

Отъ поколѣнія къ поколѣнію переходитъ и будетъ переходить свѣтлый образъ моей матери со всѣми ея добродѣтелями, съ твердымъ упованіемъ на Божье правосудіе, съ любовью къ Германскому народу, какою она являлась при всѣхъ превратностяхъ жизни.

Все зиждется Божіимъ благословеніемъ. Это было любимымъ изреченіемъ моего отца, и я также держусь его. (С).

Уже вечеромъ 8 марта (н. с.) число осаждавшихъ главное телеграфное бюро было необычайно велико. Когда около 5 часовъ распространился ложный слухъ о кончинѣ императора, въ самое короткое время было подано нѣсколько сотъ телеграммъ по поводу этого событія, которыя однако были задержаны по приказанію начальника телеграфа, такъ какъ не послѣдовало еще оффиціальнаго подтвержденія печальнаго извѣстія. Обмѣнъ телеграммъ 8 числа достигъ 29,878, составившихъ 799,926 словъ. 9 марта число это возрасло до 36,615 телеграммъ при 1,115,551 словъ написанныхъ на различныхъ языкахъ и отправленныхъ во всѣ части свѣта. Всѣ свободные въ этотъ день чиновники были привлечены къ дѣлу, всѣ аппараты, даже закрытаго въ этотъ день биржеваго бюро, находились въ дѣйствіи для передачи страшной массы депешъ. Въ самое горячее время дня въ большой аппаратной залѣ было занято одновременно 346 чиновниковъ, при 230 аппаратахъ. Само собою разумѣется, что потребовалось работать день и ночь безъ отдыха, чтобы справиться съ такимъ накопленіемъ. Всѣ работали изъ послѣднихъ силъ. Вечеромъ втораго дня, когда самая главная масса телеграммъ была уже передана, директоръ телеграфовъ, статсъ-секретарь Стефанъ, неоднократно посѣщавшій въ теченіе двухъ дней аппаратную залу, приказалъ на время пріостановить работу и обратился къ служащимъ со слѣдующими словами:

„Господа! въ нашемъ дѣлѣ дорога каждая секунда, а потому я выскажу вамъ въ самыхъ короткихъ, но тѣмъ не менѣе горячо прочувствованныхъ словахъ мою благодарность, сознавая вполнѣ то чрезмѣрное напряженіе, которое потребовалось отъ васъ въ эти тяжелые дни. Намъ приходилось переживать не мало трудныхъ дней, но такого труднаго еще не было. Я никогда не сомнѣвался, что вы добросовѣстно выполните возложенную на васъ обязанность, но та полная готовность, съ которой вы это сдѣлали, приноситъ новую честь прусскимъ чиновникамъ. Такимъ честнымъ выполненіемъ долга, мы лучше всего чтимъ память великаго усопшаго, слѣдуя тому высокому примѣру, который онъ самъ подавалъ намъ въ жизни. Дай Богъ чтобы подобное отношеніе къ дѣлу всегда сохранялось среди васъ“. (С).

Электрическій ударъ. Подобно тому какъ до сихъ поръ приходилось слышать о солнечномъ ударѣ, въ скоромъ времени заговорятъ вѣроятно объ ударѣ электрическомъ, производимомъ сильнымъ свѣтомъ электрической дуги. Д-ръ Дефонтенъ, состоящій врачемъ при механическихъ мастерскихъ въ Крёзо, имѣлъ случай производить довольно подробные опыты, о которыхъ докторъ Террье дѣлалъ сообщенія въ засѣданіи Хирургическаго Общества въ Парижѣ. Сказанное относится лишь къ весьма сильному электрическому свѣту, соотвѣтствующему 10,000 карсельскихъ лампъ или 100,000 свѣчей. Въ десяти метрахъ разстоянія отъ такого источника свѣта, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени ощущается сильная боль, хотя не чувствуется теплоты. Одинъ изъ молодыхъ ассистентовъ сравниваетъ это чувство съ испытаннымъ имъ прошлымъ лѣтомъ отъ обжога при солнечномъ ударѣ, но безъ ощущенія жара. Ассистентъ благоразумно удалился съ опаснаго пункта, но тѣмъ не менѣе ощутилъ тѣ-же болѣзненныя явленія, какъ и при солнечномъ ударѣ. Дефонтенъ почти всегда наблюдалъ, что, по прошествіи одного, двухъ часовъ, даже при прерывающемся электрическомъ токѣ, ощущается жаръ на шеѣ, лицѣ и въ особенности на лбу; кожа становится краснаго или мѣдно-краснаго цвѣта, является въ глазахъ яркій желтый субъективный свѣтъ, какъ при отравленіи сантониномъ или при долгомъ глядѣніи на снѣгъ; соединительныя перепонки въ глазу воспалены. Температура вовсе не повышается, даже на разстояніи пяти метровъ отъ источника свѣта, между тѣмъ какъ указанныя явленія происходятъ уже на разстояніи десяти метровъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ активной роли свѣта въ біологическихъ феноменахъ. Вызываются-ли эти явленія красными и желтыми свѣтовыми лучами, или такъ-называемыми химическими, т. е. фіолетовыми и ультрафіолетовыми, Дефонтенъ не объясняетъ. Онъ констатируетъ только красноту кожи, вслѣдъ затѣмъ болѣе или менѣе сильный зудъ, потомъ ощущеніе сильнаго ожога; на третій день явленія эти ослабѣваютъ. Рабочіе на заводѣ закрываютъ себѣ лицо и шею. Чтобы предохранить глаза отъ воспаленія, Дефонтенъ рекомендуетъ красныя или сѣрыя очки, подобно тому, какъ носятъ инженеры на металло-плавильныхъ заводахъ. (с.)

Дешевое антисептическое средство. Пастёръ утверждаетъ, что сѣрнистый углеродъ или сѣрнистый алкоголь есть наиболѣе дѣйствительное изъ всѣхъ антисептическихъ (противугнилостныхъ) средствъ и въ то же время одно изъ наиболѣе дешевыхъ. Оно извѣстно также, какъ прекрасное средство противъ насѣкомыхъ и можетъ быть съ успѣхомъ употребляемо для сохраненія лѣсовъ въ тропическихъ странахъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о распространеніи этого средства, достаточно сказать, что 3½ милліона килограммовъ его употребляется ежегодно на уничтоженіе филлоксеры. Въ сыромъ видѣ сѣрнистый углеродъ хотя имѣетъ товратительный запахъ, но можетъ быть настолько очищенъ, что запахъ этотъ совершенно исчезаетъ и жидкость можетъ быть смѣшана съ какимъ-либо благовоннымъ веществомъ. (с.)

Сдѣланное богачемъ Ньюберри въ Чикаго завѣщаніе въ пользу народной библіотеки представляетъ,—за исключеніемъ завѣщанія Тильдена,—наибольшую сумму когда-либо завѣщанную для подобной цѣли. Мистеръ Ньюберри умеръ въ 1868 году и завѣщалъ съ нѣкоторыми ограниченіями половину своего состоянія на сооруженіе общественной библіотеки. Сумма эта достигаетъ по меньшей мѣрѣ 400,000 фунтовъ стерлинговъ (5.000,000 руб.). (с.)

Стальное гнѣздо. Въ Золотурнѣ (въ Швейцаріи), центральномъ пунктѣ часоваго производства, найдено недавно птичье гнѣздо, свитое безъ малѣйшаго участія растительныхъ волоконъ, изъ однихъ только остатковъ стальныхъ спиральныхъ пружинъ. Гнѣздо это передано мѣстному музею. (с.)

Похороны императора Вильгельма. Процессія выходящая изъ Бранденбургскихъ воротъ.

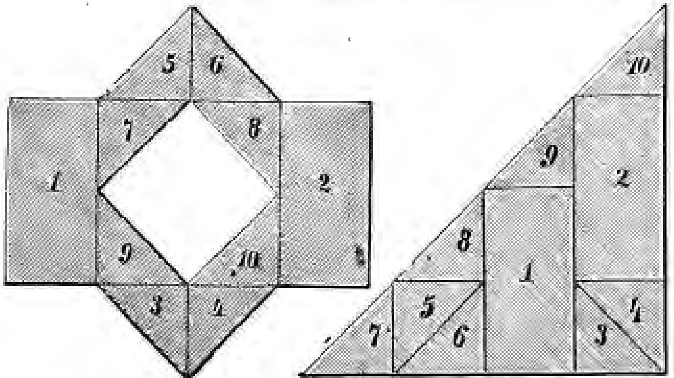
По рисунку „Gr.“, грав. Шюблеръ.

Ребусъ. Задача № 23.

Рѣшеніе ребуса № 15 (помѣщеннаго въ № 7).
„Въ селѣ-то работа все лѣто".

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Одесса**—П. Н. Стефани и **Шацкъ**—А. А. Тюменева.

Рѣшеніе геометрической задачи № 14 (помѣщ. въ № 6).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— М. Косоварова, А. Веселаго, М. Габовича, А. А. Юфимцева, Н. Баженова, С. О. Фридманъ, М. Никифорова, Демутъ-Малиновскаго, Е. Матвѣева, И. Мещерянова, К. И. Ганъ, Д. Ф. Соснина, Л. Струтинскаго, М. Дахина, А. Н. Никольскаго, В. Давыдова, А. Сыромятова, А. Земанъ, Л. М. Скоповскаго, Е. Шеферъ, Ѳ. Немазанова-Колесова, Н. Сапуненко, П. Арнольдъ, А. Ф. Алексѣева, В. Хонъ, Н. Н. Сазонова, Ф. Михель, И. Заборовскаго, И. Е. Иванова, Н. Панкова, М. Итцигсонъ, В. Леонова, Н. Г. Вульфъ, Л. Гринвальдъ, В. Преображенскаго, Б. К. Жебровскаго, Яшнева, М. Nilli, **Москва** — С. Лебедева, С. М. Левшина, Е. Сыромятникова, Е. Семеновской, Сергѣева, Н. Шилова, И. Г. Лебедева, В. Розанова, З. В. Кудрявцева, О. Кацъ, Д. Сергѣева, **Архангельскъ** — З. Калашникова, **Б. Коровино**— В. К. Терскаго, **Бѣла** — Б. Маслова, **Бѣлгородъ**— Ѳ. Мазуръ, **Величка** — И. Фандѣева, **Вильно**— И. Куликова, **Дерптъ**— И. Яксъ, **Екатеринославъ**— А. Авчинникова, Г. К. Хотина, **Ефремовъ** — М. Рыжикова, **Кишиневъ** — И. Е. Стырча, Р. Красильщика, В. Моргунова. **Кіевъ**— К. В. Ржевскаго, А. Каневцева, П. А. Негара, Н. С. Баранова, Л. Е. Шилохвастова, **Козельскъ** — В. Безсаренко, **Кременчугъ** — М. В., **Лебедянь** — В. Чурилина, **Льговъ**—П. С. Вишнякова, **Медвѣдево**— П. Никольскаго, **Мервъ**— Ф. Садовникова **Минскъ**--Н. Сліозбергъ, **Моршанскъ**—Смыслова, **Н. Новгородъ**—Ненюкова, **Нижнетагиль**—А. Протовскаго, **Николаевъ**— З. Федорова, Г. Фрумкина, **Одесса**— Л. Шаповалова, **Пенза**—Г. И. Капралова, **Перновъ**—Виндеръ, **Полтава**—Лухина, Кострубскаго, **Рыпинъ**— Ермолаева, **Севастополь** — М. Свириденко, **Софія**— Р. Діамандлевой, **Ставрополь**— К. Головачевскаго, **Судогда**— В. И. Голубева, **Тамбовъ**—І. Роткорскаго, Н. Зотова, **Тифлисъ**—А. Е. Мирзоевыхъ, **Токсово**—Д. Д. Лапина, **Уфа**— Н. Бѣлокурова, **Харьковъ**— И. Л. Штамъ, **Царское Село**— Лебедева и Павловичъ, **Чудины**—Зосимовскаго, **Ярославль**—Соловьева.

Алгебраическая задача № 24.

Извѣстная пословица состоитъ изъ 18 буквъ: если вмѣсто буквъ поставить числа, соотвѣтственно мѣстамъ ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то между этими числами будутъ слѣдующія соотношенія:

1) Четвертое равно квадрату тринадцатаго.

2) Кубическій корень изъ пятнадцатаго безъ втораго съ седьмымъ равенъ удвоенному девятому.

3) Шестое равно суммѣ восьмаго и трети перваго.

4) Разность между восемнадцатымъ и семнадцатымъ равна разности между десятымъ и шестнадцатымъ.

5) Восьмое и девятое равны четверти одиннадцатаго въ кубѣ.

7) Разность между восьмымъ и седьмымъ равна $\sqrt[7]{410.338,673}$.

8) Полуразность шестаго и перваго равна одиннадцатому безъ тринадцатаго.

9) Пятое съ четвертымъ равно четырнадцатому съ пятнадцатымъ.

10) Учетверенное тринадцатое равно разности шестаго и перваго.

11) Восемнадцатое и второе равны числу дней февраля въ високосномъ году.

12) Квадратный корень изъ разности между восьмымъ и двѣнадцатымъ равенъ седьмому безъ тринадцатаго.

13) Одиннадцатое равно произведенію третьяго на тринадцатое.

14) Произведеніе втораго и четвертаго равно произведенію четырнадцатаго и девятаго.

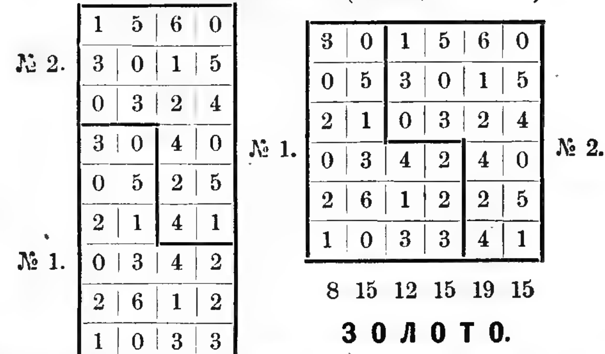
15) Первое съ восемнадцатымъ равно суммѣ шестаго и одиннадцатаго.

16) Корень второй степени изъ десятаго равенъ квадратному корню изъ суммы третьяго и перваго безъ двѣнадцатаго.

17) Семнадцатое такъ относится къ первому, какъ тринадцатое къ третьему.

18) Отношеніе между четвертымъ и седьмымъ равно отношенію четырнадцатаго къ шестнадцатому.

Рѣшеніе задачи № 13 (помѣщ. въ № 6).



	1	5	6	0
№ 2.	3	0	1	5
	0	3	2	4
	3	0	4	0
	0	5	2	5
	2	1	4	1
№ 1.	0	3	4	2
	2	6	1	2
	1	0	3	3

	3	0	1	5	6	0	
	0	5	3	0	1	5	
	2	1	0	3	2	4	
№ 1.	0	3	4	2	4	0	№ 2.
	2	6	1	2	2	5	
	1	0	3	3	4	1	
	8	15	12	15	19	15	

ЗОЛОТО.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**: Е. А. Алексѣева, Н. Маркова; А. Шинкаренко, Н. Ѳ. Архангельскаго, В. Верентинова, Сергачева, М. А. Евдокимова, М Косоварова, Н. Панкова, С. О. Фридманъ. Н. И. Богданова, И. Куфельдтъ, Г. Аверкіева, Ф. А. Кузьмина, Е. М. Тяпкина, Ѳ. Студенова, А. Демутъ-Малиновскаго, М. Итцигсонъ, В. Живулина, Н. И. Буланова, К. И. Ганъ, А. Сиверсъ, Н. И. Долганова, А. Герке, В. Леонова, А. Н. Никольскаго, В. Давыдова, П. А. Гласкова, В. П. Леонова, Н. Стронскаго, А. Быковой, П. Плотникова, А. Ильинскаго, С. Корпусенко, Тюша, М. Г. Васильева, Зелениной, П. Вульфъ, Л. Гринвальдъ, В. Преображенскаго, И. О. Школина, А. Промышленникова, Ф. А. Боронина, Н. М. Данилевскаго, М. Nilli, С. Савельева, А. Ососова, Б. К. Жебровскаго, М. Г., Яшнева, И. А. Андреева, Ф. Михель, Л. Земанъ, О. Шелудченко, С. Семенова, А. Пулло, А. Шепшелевича, А. Мѣхова, П. В. Григорьева, В. С. Зыбина, И. Е. Иванова, Ю. Колбасьева, А. Берендсонъ, Н. Сомова, П. К. Минкевичъ, Н. Марковой; **Москва**: Л. Курилова, С. Цвиссъ, Бычкова-Федоровскаго, В. А. Земскаго, Н. Пашкова, С. М. Левшина, А. Лебедева, И. Я. Романова, В. В. Кузьмина, И. Варешкова, А. И. Журавлева, П. К. Десницкаго, Д. Эфросъ, А. Очаговской, Е. М. Глѣбовой, А. Алексѣева, А. Головина, А. А. Козакова, Г. Гурьянъ, А. Квартальскаго, А. Ф. Воронцова, П. Ф. Купріянова, Н. Орлова, З. Кучина, В. Завьялова, Н. Хрусталева, М. Уткина, Н. Шилова, П. Епанешникова, А. А. Боголѣпова, В. Фролова, А. Петрова, Н. Щеголева, Л. Строевой, В. Я. Кононова, А. Алабина, О. Кацъ, Ф. Рощинина, Бр. Вонримсъ, Д. Сергѣева, С. Смирдина, А. И. Сокоровскаго, А. Кривцова, С. Мазурова, Л. Шпоръ, Дессъ, М. Зарубиной; **Александрія**—И. Красноголоваго, **Альтъ-Салисъ**—Я. Червинко, **Ананьевъ**—И. Точидловскаго, **Астрахань**—М. И. Шлейнъ, **Балта**—Б. Щербиль, **Бердянскъ**—А. Пергаментъ, **Битолія**—Д. Маймукова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бологое**—Ф. А. Штадесъ, А. Карасева, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Браиловъ**—А. Зингманъ, **Боровскъ**—Е. Шевелева, **Быково**—П. Очкина, **Бѣжецкъ**—С. Н. Вейцъ, **Бѣлгородъ**—Ф. З. Мазуръ, Ж. Г. Ефремова, **Бѣлостокъ** — Е. Заблудовскаго; **Варшава**—Е. И. Любарскаго, Н. Магитъ, **Величко**—Фандѣева, **Вильномиръ**—Ю. И. Гефенъ, **Воронежъ** — А. Степанова, **Вязьма** — М. С. Чернаго, М. Гусева, **Вильно**—фонъ-Ризенкампфъ, В. А. Кушкова, А. Гассельбаумъ, М. Якубовскаго, В. Кравчукъ, **Витебскъ**—Каганъ, **Винница**—С. Рабиновича, **Верхнеднѣпровскъ**—Ѳ. Гегелло, **Волчанскъ**—С. Г. Попова, **Гатчино**—С. Феронъ, **Гдовъ**—А. Ксентицкаго, **Георгіевскъ**—М. Полисадовой, **Геническъ**—А. Попова, **Городня**—С. Писарева, **Городное**—В. Трушина, **Добринка**—А. Любвиной, **Дубно**—Гловацкаго, **Евпаторія**—Р. Безековича, **Екатеринбургъ**—И. С. Клинскихъ, **Екатеринославъ**—П. Бакумова, Хмѣльницкаго, С. Максимаджи, Г. Хотина, **Жабинка**—Д. Грушникова, И. Горскаго, **Жиздра**—А. Азарова, **Казань**—П. Комлева, Селецкой, **Касимовъ**—Б. Воскресенскаго, **Каргополь**—В. Вишнякова, **Керчъ**—Д. Блаватскаго, **Кирсановъ**—И. Троицкаго, **Кіевъ**—М. А. Чешко, Шефтъ, Л. Е. Шилохвастова, Л. Аринштейнъ, Н. Н. Волкова, К. В. Ржевскаго, С. Штильмана, Н. С. Баранова, Н. С. Авчинкина, В. Пересвѣта, А. Н. Шульженко Г. М. Хелемской, **Козельскъ** — Н. Безсаренко, **Козловъ** — Д. А. Баженова, Н. Н. Васильева, **Коломна**—А. Звукова, **Кострома**—графа Аморп-де-Нойе, **Кременчугъ**—М. Виткина, **Кромы**—А. Д. Казимирова, **Кронштадтъ**—Г. Е. Лапина, Е. Феодотьевой, А. Я. Егорьева, **Крюковъ**—В. Михайлова, **Кукарка**—Н. И. Стрижова, **Кѣльцы** — П. Д. Гуглинскаго, **Лихвинъ**—Ферапонтова, **Лукошкино**—Е. П. Волковой, **Льговъ**—Д. Н. Воздвиженскаго, **Мелитополь**—А. Чулокъ, **Мервъ**—Ф. Садовникова, **Минскъ**—О. Ф. Маркевичъ, М. Рабиновича, Н. Сліезбергъ, **Могилевъ** — Коганъ, **Молога**—С. Мусинъ-Пушкина, **Моршанскъ**—П. П. Смыслова, **Мценскъ**—Б. Г. Максимова, **Мѣдниково**—Н. И. Суханова, **Н.-Новгородъ** — Тишкова, Л. Бейтнеръ, М. Варварской, Н. Моздовской, А. Федосѣевой, И. Д. Пестова, **Нижне-Исетскій заводъ** — Служащихъ въ конторѣ, **Николаевъ**—С. Беклешовой, Дульцина, **Новогригорьевская**—С. Кашинцева, **Новочеркаскъ**—А. Кашина, **Одесса**—Л. И. Шаповалова, Д. Черкесъ, Е. Ф. Анциферова, А. Бартолича, Р. Енкуватовой, Я. Бараца, Э. Куппа, Е. Н. Стефани, **Оргѣевъ** — Покатиловой, **Орелъ**—А. Т. Прутковскаго, **Оторша**—Н. А. Алгасовскаго, **Паричи**—А. А. Лебедева, **Пенза** — **М.** Ѳ. Капралова, В. Е. Гази, **Петергофъ** — А. Крумбмиллеръ, О. Ботъ, **Петроковъ**—М. Цуяге, **Пермь**—С. К. Моисеева, **Плонск** — К. Н. Шебалина, **Подольскъ**—Н. Полякова, **Полтава**—Кострубскаго, **Поти**—В. П—скаго, **Радомъ**—де-Лазари, **Рига**—Н. Архипова, Земченко, Н. Терентьева, **Ростовъ на Дону**—М. Гольфандъ, **Рыльскъ** — А. Каренской, **Рязань**—бр. Солодовыхъ, **Самара**—Сурошникова, **Севастополь**—Рябошапко, С. Свириденко, **Сестренка** — В. И. Палкина, **Сестрорѣцкъ**—А. Кузьминой, **Сима**—А. Миронова, **Симферополь**—Л. Гусикова, **Ставрополь**—Головачевскаго, М. Киршенблатъ, **Станиславчикъ**—Л. Линшицъ, **Старая Русса**—Шебаршина, **Судогда**—С. Голубцова, **Таганрогъ**—Ландсдорфъ, В. Бернатовича, **Тверь**—И. Макарьевскаго, С. Долгова, И. Мамкина, **Терны**—Краснопольскаго, **Тифлисъ**—Мириманова, А. Мирзоевой, Н. Чудинова, **Тифлисская**—Карягина, **Тула**—А. Сапунова, А. Гольтякова; **Устюжна**—В. Поздѣева, **Харьковъ**—Т. Е. Тимофѣева, А. Д. Ивановой, Н. И. Тарасова, К. Евсюкова, **Хвалынскъ**—А. О. Хрущова, А. А. Іоновой, **Царицынъ**—П. Ф. Калашникова, **Царское Село**—Я. Виленкина, **Чернь**—П. С. Головина, **Чудины** — Засимовскаго, **Шавли**—К. Коваленко, **Шацкъ**—А. Филимоновича, **Юхновъ**—В. Алексѣева, **Ярославль**—П. Мослягина.

MOMENT-PHOTOGRAPHIEN

für Künstler nach lebenden Modellen (Aktstudien), Thiere, Landschaften & schönste Collection! 200 Miniatur-photogr. u. 4 Originalbilder versend. geg. 5 Rubel franco

Adolf Estinger phot. Anstalt, Budapest I
№ 3029 6—6 (Ungarn).

Въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерли** въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, 46, близъ пассажа, продается новая книга:

ОЧЕРКИ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ
2—2 въ Енисейской тайгѣ, № 3079
А. Уманьскаго.
Цѣна 1 рубль, съ пересылкой 1 р. 20 коп.

ЛЕНИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ **безплатно.** (2) Ц. № 3077

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

ВЪ КАМЫШАХЪ.

Повѣсть **Н. Н. КАРАЗИНА.**

Изданіе второе.

Съ 39 рис. автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ пер. **2 р. 30 к.**

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

СѢМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦА.

Москва, Мясницкая ул., д. Пѣгова.

Имѣю честь увѣдомить Гг. покупателей, что въ настоящее время имѣются въ Депо новаго урожая, лучшаго качества и испытанной всхожести: **огородныя, цвѣточныя, пальмовыя** и разныя **экономическія сѣмена** по умѣреннымъ цѣнамъ.

Садовые инструменты лучшихъ англійскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ отпускаются по прейсъ-куранту, который высылается безплатно. М. № 3082 3—2

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Управленія.

Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ:

BERTHA RIES

DENTALINE MOUSSEUSE

SPRITT

Дѣйствительное средство для чистки зубовъ.

Сообщаетъ рту пріятную свѣжесть, удаляетъ съ зубовъ винный камень.

Употребленіе: Намочивъ зубную щетку въ водѣ, накапать на нее отъ 6—8 капель Денталина и чистить зубы. Во рту образуется пѣна, которая должна проникнуть во всѣ мѣста рта, послѣ чего ротъ выполоскать свѣжей водой.

Приложенную коробку съ Poudre Dentaline употреблять два раза въ недѣлю, какъ всякій другой зубной порошокъ.

Цѣна флакону 2 рубля. № 3086 2—1

1) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE

для волосъ. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ объ употребленіи, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

2) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПОМАДА

на перуанскомъ бальзамѣ, для волосъ. Ц. банки 2 руб.

3) ПОДЛИННИКЪ PASTA-EUGÉNIE

средство для лица. Ц. банки 1 р. 60 к.

4) БАЛЬЗАМЪ EUGÉNIE

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для лица, шеи и рукъ, съ благоуханіемъ лиліи и розъ. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ.

5) РУМЯНА EUGÉNIE

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. за флаконъ 1 р. 50 к. съ наставленіемъ какъ употреблять.

6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка **„амуръ“** и подпись изобрѣтательницы *„Bertha Ries“*.

7) ПОДЛИННИКЪ „POUDRE EUGÉNIE“

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к.; безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

Трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Ц. коробки **3 р.**

Краска фабриканта **РИСЪ ГУТМАНЪ.**

ДЕПО НАХОДИТСЯ:

Въ Москвѣ: во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ, у Теодора, также у Кача, на Кузнецкомъ мосту и въ Александровскомъ Пассажѣ, противъ Большаго театра; **въ С.-Петербургѣ:** Главн. Общ. Торг. аптек. тов., на Казанской ул., собств. домъ; Невскій аптекарскій маг., Невскій пр., № 47—2.; Центральное аптекарское депо, Невскій, 27, Милютинъ рядъ, уг. Казанскаго моста; въ Гостинномъ Дворѣ, во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и А. Сіу и К°, Невскій пр., № 16 и также въ Москвѣ на Тверской улицѣ и у Луи Буисъ.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курильченко.
„ **Козловѣ**, магазинъ бр. Поповыхъ.
„ **Пензѣ**, маг. Кликунова.
„ **Кіевѣ**, маг. Parisien Auguste & C°.
„ **Одессѣ**, магазинъ Гельдеръ и К°, Петрококинъ, Гуммель и Одесскій парфюмерный магазинъ.
„ **Елисаветградѣ**, Г. А. Трестера насл.
„ **Полтавѣ**, магаз. Фердинандъ Трепке.
„ **Харьковѣ**, В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Главн. Общ. торговли аптекарск. товар.
„ **Таганрогѣ**, магазинъ М. Майкапаръ.
„ **Ростовѣ на Дону**, А. Эдельбергъ, бывш. Биркле.
„ **Новочеркасскѣ**, магазинъ З. Петрова.
„ **Саратовѣ**, маг. Матейсена.
„ „ маг. Роб. Штроль.
„ **Самарѣ**, Сарептскій магазинъ Кристенсонъ.

Въ Казани, магазинъ Мурзаева.
„ **Ставрополѣ**, у парикмахера К. Курильченко.
„ **Тифлисѣ**, въ музык. маг. П. Ланко, въ д. ген. Лацарони.
„ **Томскѣ**, маг. Ненашева.
„ **Перми**, маг. Н. Перетцъ.
„ **Екатеринбургѣ**, апт. магаз. Гельмихъ и К°.
„ **Варшавѣ**, Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье.
„ **Кременчугѣ**, Закъ.
„ **Ригѣ**, у братьевъ Ваденанъ, Купеческая улица, № 15.
„ **Вильно**, маг. Гружевскаго,
„ **Ревелѣ**, магазинъ Христіана Келлеръ.
„ **Гельсингфорсѣ**, маг. Сванъ.
„ **Екатеринославлѣ**, у Ефанова.
„ **Астрахани**, маг. Фадѣева.
„ **Курскъ**, Аптекар. маг. Скворчевскаго.

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2835 16—15

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

приготовляемой

19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

Возлюбленные о Христѣ братья и сестры!

Иверія, то-есть нынѣшняя Грузія, составляющая земной удѣлъ Пречистой Богоматери, въ коей церковь Христова впервые основана, по повелѣнію Божіей Матери, Свв. Апостолами Андреемъ и Симономъ Кананитомъ, а затѣмъ обновлена и распространена Святою Равноапостольною Ниною, двоюродною сестрою Св. великомученика Георгія Побѣдоносца, будучи окружена страшными врагами Креста Христова, въ теченіи почти пятнадцати вѣковъ твердо хранила св. вѣру, преподанную ей издревле и съ мечемъ въ рукахъ защищала православное исповѣданіе, все это время принося всяческія жертвы для торжества православія у себя дома и внѣ своихъ предѣловъ, въ Греціи и Палестинѣ. Православная Грузинская церковь была богата нравственно и вещественно; но, по разнымъ историческимъ обстоятельствамъ нашего времени, она обѣднѣла; этимъ враги православія пользуются; католичество и другія неправославныя исповѣданія болѣе и болѣе умаляютъ ея силу и распространеніе евангельскаго свѣта между нехристіанами.

Въ виду сего, за послѣднее время, древнія завѣтныя святыни, свидѣтели Апостольскаго православія, стали обращать на себя особенное вниманіе сыновъ православной церкви Иверской, которые возстановленіемъ ихъ изъ упадка, стараются полагать предѣлъ непрошеннымъ учителямъ лжи.

Къ числу главныхъ свидѣтелей православія первыхъ вѣковъ христіанства, относится храмъ-усыпальница Св. Нины, основанный еще въ 342 г., гдѣ и почиваетъ сама Просвѣтительница страны. Нынѣ признано крайне необходимымъ и полезнымъ для церкви возстановить изъ упадка это древнѣйшее православное святилище, и привести его въ надлежащій порядокъ и благолѣпіе и непремѣнно устроить при немъ маленькій русско-грузинскій общежительный женскій монастырь съ рукодѣльною школою для бѣдныхъ дѣтей заброшенной Кахетинской области; для собиранія-же на это святое дѣло денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій, Его Высокопреосвященствомъ Палладіемъ, Экзархомъ Грузіи, выдана мнѣ, какъ попечителю вышеупомянутой святыни, установленная сборная книга, для вписыванія въ нее доброхотныхъ подаяній.

Сообщая обо всемъ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, я, по принятой на себя обязанности, заботясь о скорѣйшемъ совершеніи истинно благаго дѣла, молю всѣхъ добрыхъ христіанъ, коимъ дорога вообще святыня православія и просвѣщеніе иновѣрцевъ, обратить благосклонное вниманіе на просьбу Св. Церкви Иверской, впервые прибѣгающей чрезъ меня за помощью къ сынамъ и дщерямъ Св. Церкви Россійской.

Всякое даяніе будетъ принято во благо и можетъ быть доставляемо ко мнѣ лично: въ С.-Петербургъ, Троицкій переулокъ, д. № 32, кв. № 7, для немедленной пересылки по назначенію, или же въ Канцелярію Его Высокопреосвященства Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Исидора, въ Александро-Невскую Лавру, а также Старостѣ Владимірской церкви въ С.-Петербургѣ, Григорію Димитріевичу Яковлеву, для передачи Сабинину.

Попечитель храма-усыпальницы Святой Нины, просвѣтительницы Иверіи, кандидатъ богословія *Михаилъ Сабининъ.* № 3039

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (13) № 2946

Казацкое сѣдло № 1-й, роскошно-тисненое, шагренированной кожи, съ уздечкою и остальн. полн. приборомъ 20 р. Тоже № 2 16 руб. Пересылка въ Европ. Россіи 3 руб. Сибирь и Кавказъ за 35 ф. Фабрика

М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ Саратовъ

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины **ЧЕРЕПЕННИКОВА** будутъ получены къ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ
ОКОРОКА

приготовленія Петра Степановича **Моргусова** въ Тамбовѣ. 2—1 № 3091

ИНТЕРЕСНЫЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ.

Бразильская муха (металлическая) съ механизм. для летанія, за шт. 2 р. 10 к.

Автоматически-движущаяся черепаха, удивительно дешевая и новая игрушка.

Пересылка не меньше 5 шт. 2 р.

Цѣны съ пересылкой.

Продавцамъ уступка, по желанію съ правомъ исключительной продажи во всѣхъ городахъ. Условіе безплатно.

С.-Петербургъ, Б. Садовая, 12.

Оскаръ Лессеръ. Игрушечная фабрика.

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ
А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА

Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

ДРУСКЕНИКСКІЯ
МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
(Русскій Крейцнахъ)

Гродненской губерніи и уѣзда, отъ ст. Порѣчье С.-Петербургско-Варшавской ж. д. въ 17-ти верстахъ. Сообщеніе почтовыми лошадьми въ колясках, омнибусахъ, бричкахъ и другихъ экипажахъ. Лечебное заведеніе расположено въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу, на берегу рѣки Нѣмана; въ тѣнистомъ паркѣ воксалъ, музыка ежедневно утромъ и вечеромъ.

Лечебный сезонъ съ 5-го мая по 15-е сентября, а послѣ смотря по состоянію погоды.

Воды солено-бромо-іодистыя.

Употребленіе воды показано при слѣдующихъ болѣзняхъ: **ревматизмѣ, артритизмѣ, англійской болѣзни, золотухѣ во всѣхъ** ея проявленіяхъ и во всякомъ возрастѣ, **параличѣ, разнаго рода онѣмѣніяхъ, нервныхъ страданіяхъ, хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, хроническихъ воспаленіяхъ мочевыхъ путей, катаррѣ желудка и кишекъ, сухихъ лишаяхъ и мокнущихъ обусловливаемыхъ золотухой.** Въ Друскеникахъ имѣется гимнастическій врачебный залъ и массажъ; **три раза въ день парное молоко, кумысъ натуральный, приготовляемый татарами, кефиръ,** всѣ натуральныя иностранныя воды. Пріѣзжающихъ до найма квартиръ, приглашаютъ останавливаться въ меблированныхъ комнатахъ и гостинницѣ, принадлежащихъ Управленію водъ. Кромѣ постоянно практикующихъ на Друскеникскихъ Минеральныхъ Водахъ, Гг. врачей: **Беркмана, Буяковскаго, Ибянскаго, Маркевича и Фина,** Правленіемъ приглашены на сезонъ 18 8 г. по женскимъ болѣзнямъ, **профессоръ Военно-Медицинской Академіи К. Ѳ. СЛАВЯНСКІЙ,** и по внутреннимъ болѣзнямъ **профессоръ Варшавскаго Университета Я. Я. СТОЛЬНИКОВЪ.** Штатнымъ врачемъ водъ состоитъ докторъ медицины **Д. А. Каменскій,** къ которому, до 20-го апрѣля, просятъ обращаться за свѣдѣніями въ Петербургѣ, Преображенская улица, д. № 52, кв. 9, ежедневно отъ 3 до 5 часовъ. За справками обращаться письменно въ м. Друскеники, контора Минеральныхъ Водъ, ст. Порѣчье, С.-Петербургско-Варшавской ж. д., словесно: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 35, у Аничкова Дворца, домовая контора, отъ 10 до 3 час.

ДРУСКЕНИКСКАЯ СОЛЬ И МАТОЧНЫЙ РАЗСОЛЪ

продаются въ **С.-Петербургѣ:** у **Штоль и Шмитъ;** въ **Складѣ Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами** и у **Рульковіусъ и Гольмъ.** Въ **Варшавѣ** у **Гейнриха** и въ **Москвѣ** у **Феррейна.** № 3095

СЛАБИТЕЛЬНОЕ — СЛАБИТЕЛЬНОЕ

ПОРОШОКЪ РОЖЕ

Флаконы, содержащіе ПОРОШОКЪ РОЖЕ закрыты съ каждой стороны здѣсь приложенною печатью обозначенною **4 цвѣтами.**

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ROGÉ — Tout flacon ne portant pas ce cachet imprimé en quatre couleurs devra être considéré comme ne sortant pas de la fabrique de l'inventeur. — PARIS

ПОРОШОКЪ РОЖЕ пріятное изъ слабительныхъ.

ПРОИЗВОДСТВО

Maison **L. FRÈRE**

19, rue Jacob, ПАРИЖЪ.

А. № 3071 5—2

CREME-SIMON

(Кремъ-Симонъ) произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся и обладающее тоническими и мягчительными свойствами.

La POUDRE SIMON и **мыло à la Crème-Simon** имѣютъ тотъ же запахъ и дополняютъ его дѣйствія.

J. SIMON, 36, rue de Provence. PARIS.

Въ розницу прод. у парикмахер., парфюм. и аптекарей. 6—6

Изданіе А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій просп, № 6.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края

Н. Н. Каразина.

Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунками автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

ГАРМСЕНЪ и К°.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, №№ 131 и 144, С.-ПЕТЕРБУРГЪ

(существуетъ съ 1840 г.)

Честь имѣютъ извѣстить о полученіи полнаго выбора

НОВОСТЕЙ ДЛЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ,

какъ шерстяныхъ, такъ и бумажныхъ для весенняго и лѣтняго сезона.

Всегда имѣютъ большой выборъ русскаго и голландскаго **полотна, готоваго мужскаго и дамскаго, а также столоваго бѣлья, чулочнаго товару** и пр. и пр.

Цѣны весьма умѣренныя. Товаръ лучшаго качества. № 3073 2—2

Прейсъ-курантъ и образцы высылаются безплатно, но необходимо точно опредѣлить, какого рода товаръ требуется и примѣрно на какую цѣну.

ШЕРСТНИЧЕСТВО!

Отлично обезпечиваетъ: зимою отъ холода, а лѣтомъ отъ жары:

проф. медиц. Д-ра ЕГЕРА

настоящее нормальное шерстяное бѣлье

ЮЛІЯ ПАНЦЕРА,

ЕДИНСТВЕННАГО для Россійской Имперіи, Проф. медиц. Д-мъ Егеромъ въ Штутгартѣ концессіонированнаго **ФАБРИКАНТА.**

Эти настоящія шерстяныя издѣлія удостоились на всѣхъ выставкахъ наградами и лестнымъ отзывомъ со стороны гг. врачей и публики.

Фабрика и контора: въ г. Лодзи.

Магазинъ: въ Варшавѣ, Вѣржбовая, № 1 № 3099 26—1

Подробный каталогъ съ прейсъ-курантомъ высылаю безплатно.

•Соденскія Минеральныя Лепешки•

Клеймо.

противъ легочныхъ, грудныхъ и горловыхъ болѣзней

приготовляемыя подъ надзоромъ **Сан. Сов. Д-ра Штельцингъ** изъ солей знаменитыхъ цѣлебныхъ источниковъ № 3 и 18, **СОДЕНЪ.**

Ввозъ этихъ лепешекъ въ Россію разрѣшенъ Медицинскимъ Департаментомъ въ С.-Петербургѣ.

Продажа во всѣхъ почти **Аптекахъ и Аптекарскихъ магазинахъ по 70 коп. за** коробку. Р. № 3026 10—7

Оптовая продажа у **М. МОРГЕНШТЕРНЪ,** Большая Морская, № 23, С.-Петербургъ.

Заново отстроенное заведеніе

СТОЛЫПИНСКИХЪ
МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, ГРЯЗЕЙ И КУМЫСОЛЕЧЕНІЯ.

Самарской губ., въ 50 вер. отъ пароходной прист. с. Балакова (на р. Волгѣ).

Обильные соляно-сѣрные источники. Желѣзные родники. Соляная вода. Минеральная грязь. Степной кумысъ. Открытіе кумысолечебницы—10 мая, леченія ваннами—20 мая. Лечатся: ревматизмъ, золотуха, англійская болѣзнь, меркуріализмъ, застарѣлый сифилисъ, воспаленіе надкостной плевы, опухоли суставовъ, хроническія накожныя болѣзни, застой крови въ брюшныхъ органахъ (завалы печени и селезенки, геморрой), невральгіи (въ особенности — сѣдалищнаго нерва), параличи, хроническія женскія болѣзни (въ особенности — экссудативныя), блѣдная немочь, малокровіе и зависящія отъ него страданія. — Для развлеченія публики — курзалъ, оркестръ бальной музыки, танцовальные вечера, сцена для любительскихъ спектаклей и артистическихъ представленій, билліарды, гимнастика, библіотека, журналы, газеты. Квартиры одиночныя и семейныя (до 6 комнатъ). Цѣны умѣренныя. Полный курсъ леченія ваннами, со включеніемъ квартиры (съ прислугою, самоварами и посудою), обѣда и ежедневныхъ врачебныхъ консультацій, обходится около 110 р. (1½ мѣс.) и дороже, смотря по величинѣ и удобству занимаемой квартиры. За болѣе подробными свѣдѣніями просятъ обращаться по почтѣ „въ контору Столыпинск. минер. водъ, Самарской губ., почт. станц. Криволучье." № 3098

ПЕРЛЫ
СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ
Д-ра КЛЕРТАНА.

Pt. № 2856 6—6

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ. Могутъ быть замѣнены углемъ **Д-ра БЕЛЛОКА.** Требовать на этикетѣ подпись *Dr Belloc*

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ **Д-ра КЛЕРТАНА,** химически чиста. Требовать на каждомъ флаконѣ подпись *Clertan Dr*

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО, 19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

Дозвол. ценз., СПБ. 23 марта 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. — г. XIX

№ 14 — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 апрѣля 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1888 г., съ 40 гравюрами и отд. листъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 18 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Ѳ. Г. Волковъ.

Въ то время когда въ новой россійской столицѣ, которая перенесена была изъ Москвы въ Петербургъ, нѣмецкіе и французскіе „комедіанты“ тѣшили публику театральными представленіями на иностранныхъ языкахъ, нашъ національный театръ все еще ожидалъ своего основателя. И вотъ онъ, наконецъ, явился въ лицѣ купеческаго сына Волкова, послужившаго безкорыстно и усердно этому общественному дѣлу. Изъ исторіи театра на Руси мы знаемъ, что до Волкова дѣло заведенія у насъ постояннаго театра подвигалось совсѣмъ плохо, какъ-то не клеилось. Для того, чтобы дѣло довести до конца, требовался человѣкъ смѣтливый, бойкій, терпѣливый, который искренно и безкорыстно любилъ-бы театръ и не страшился никакихъ препятствій, а Волковъ и былъ именно такимъ человѣкомъ. Многіе изъ русскихъ людей того времени смотрѣли еще на театръ какъ на „потѣху діавола“, и Волкову поэтому пришлось немало поработать для достиженія своей цѣли, борясь и съ невѣжествомъ, и съ равнодушіемъ массы. Безъ сомнѣнія, онъ заслужилъ вполнѣ признательность потомства и долженъ быть памятенъ намъ, русскимъ. Вотъ отчего по поводу исполнившагося нынѣ стадвадцатипятилѣтія со дня кончины Волкова, мы считаемъ умѣстнымъ освѣжить въ памяти читателей личность основателя русскаго театра и перваго актера. Онъ былъ человѣкъ образованный, зналъ языки, прекрасно игралъ на гусляхъ, на скрипкѣ и другихъ инструментахъ, недурно рисовалъ, занимался съ успѣхомъ рѣзьбою и скульптурой. Въ одной изъ ярославскихъ церквей сохранился иконостасъ, сдѣланный по его рисункамъ; въ другой церкви можно видѣть рѣзныя царскія двери его работы; послѣ него остался также бюстъ Петра I изъ мрамора и нѣсколько картинъ. Кромѣ того онъ занимался и сочинительствомъ: онъ писалъ простонародныя пѣсни, началъ „Оду Пе-

Ѳ. Г. Волковъ, основатель русскаго театра (по поводу 125-й годовщины со дня его смерти). Съ современнаго портр. А. Лосенкова, грав. Шюблеръ.

тру Великому", про которую извѣстный Н. И. Новиковъ говоритъ, что она „достойна великой похвалы"; по его-же свидѣтельству, Волковъ писалъ много стихотвореній. Авторъ „Недоросля", Фонъ-Визинъ, въ своемъ „Признаніи" относится о Волковѣ, какъ о „мужѣ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, имѣвшемъ большія знанія, и который могъ-бы быть человѣкомъ государственнымъ".

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ родился въ Костромѣ, 9 февраля 1729 года, въ купеческой семьѣ; отецъ его вскорѣ умеръ, и мать Волкова вышла замужъ за ярославскаго купца Ѳедора Полушкина, имѣвшаго селитряные и сѣрные заводы, и переселилась съ дѣтьми своими въ Ярославль. Въ дѣтствѣ Волковъ обнаружилъ способность къ наукамъ и художествамъ, а потому отчимъ отправилъ его учиться въ Москву, въ школу при Заиконоспасскомъ монастырѣ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, но больше наукъ и всѣхъ искусствъ, которымъ онъ обучался, полюбилъ искусство театральное. Въ Заиконоспасскомъ училищѣ по праздникамъ давались представленія духовнаго характера, и Волковъ принималъ въ нихъ участіе съ особенною охотой. Впрочемъ, еще дома онъ имѣлъ склонность къ театральнымъ представленіямъ: набравъ себѣ однолѣтковъ изъ приказныхъ служителей, онъ разыгрывалъ драматическія произведенія Св. Димитрія Ростовскаго и съ каждымъ разомъ совершенствовался болѣе и болѣе. Волковъ былъ очень доволенъ, когда отчимъ, по окончаніи Ѳедоромъ Григорьевичемъ курса, въ 1746 году, отправилъ его въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы онъ поучился тамъ въ одной нѣмецкой конторѣ веденію торговыхъ книгъ. Не уклоняясь отъ занятій этого рода, Волковъ посѣщалъ театры и, увидѣвъ впервые представленія на настоящей сценѣ, пришелъ въ восторгъ неописанный. Страсть его къ театру еще болѣе усилилась, когда онъ побывалъ на домашнемъ театрѣ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ первый разъ услыхалъ со сцены русскую рѣчь. Этотъ спектакль рѣшилъ судьбу Волкова. Онъ задумалъ, во что бы то ни стало, устроить театръ на родинѣ и для этого перезнакомился съ итальянскими актерами, съ живописцами, музыкантами и другими спеціалистами, состоявшими при итальянской императорской труппѣ. Онъ все высмотрѣлъ, отъ архитектуры театральнаго зданія до машинъ, до всевозможныхъ мелочей; сдѣлалъ много чертежей, рисунковъ и моделей; выспросилъ актеровъ „о правилахъ и совершенствѣ театральной игры и, наконецъ, вообразивъ себѣ изъ всего того планъ сценическихъ представленій въ возможномъ совершенствѣ", уѣхалъ въ Ярославль. Сперва онъ устроилъ театральныя представленія, при помощи братьевъ, въ своей комнатѣ, потомъ въ кожевенномъ сараѣ отчима и мало-по-малу привлекъ вниманіе публики, пріохотивъ ее къ этимъ представленіямъ. Ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ, видѣвшіе импровизованный театръ Волкова съ кулисами, машинами и всякими приспособленіями, уговорили предпріимчиваго молодаго человѣка расширить начатое имъ дѣло и помогли ему сами въ хлопотахъ объ устройствѣ публичнаго театра. Въ 1750 году, при содѣйствіи дворянства и купечества, на берегу Волги было, наконецъ, возведено деревянное зданіе для театра, который могъ вмѣщать въ себѣ до тысячи зрителей. При его строеніи Волковъ исполнялъ должность и архитектора, и живописца, и машиниста, и костюмера, а когда все было готово, сдѣлался главнымъ директоромъ и первымъ актеромъ театра, на сценѣ котораго подвизались, между прочимъ, Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій и Михайло Поповъ. Слухъ объ успѣхахъ Волковской труппы дошелъ вскорѣ и до императорскаго двора и, по повелѣнію государыни Елисаветы Петровны, основатель театра вмѣстѣ съ труппою былъ, въ 1752 г., доставленъ ко двору. Труппа играла на придворномъ театрѣ „Грѣшника", „Хорева, Синава и Трувора" и „Гамлета" и была обласкана императрицею. Затѣмъ Елизавета повелѣла нѣсколько доморощенныхъ артистовъ труппы опредѣлить въ кадетскій корпусъ для обученія наукамъ и языкамъ, а остальныхъ отправить обратно въ Ярославль; тѣмъ временемъ Волковъ занимался чтеніемъ, музыкой, рисованіемъ и въ свободные часы сталъ мастерить кукольный театръ, въ ожиданіи постройки настоящаго — и дождался-таки. По именному указу, 30 августа 1756 года, учрежденъ публичный, постоянный россійскій театръ; директоромъ его былъ назначенъ А. П. Сумароковъ, а первымъ актеромъ сдѣланъ Волковъ. На этомъ театрѣ Волковъ проявилъ свой талантъ въ полномъ блескѣ и былъ признанъ великимъ актеромъ даже иностранными гостями, посѣщавшими Россію. Въ 1759 г. онъ посланъ былъ въ Москву для учрежденія и тамъ постояннаго театра. Въ 1763 году, хлопоча о постановкѣ сочиненнаго имъ публичнаго маскарада „Торжествующая Минерва", по случаю коронаціи императрицы Екатерины II, Ѳедоръ Григорьевичъ простудился и умеръ, 4 апрѣля. Тѣло его, какъ разсказываютъ, погребено было съ великолѣпной церемоніей, въ присутствіи знатнѣйшихъ придворныхъ и при большомъ стеченіи народа, въ московскомъ Андроньевѣ монастырѣ. Екатерина II жаловала его россійскимъ дворяниномъ, но Волковъ уступилъ эту честь своему брату (семейному) и просилъ позволенія остаться тѣмъ лишь чѣмъ былъ—русскимъ актеромъ. **П. Б—въ.**

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XXII.

„Не долго-же дули тихіе вѣтры!" думалъ князь Василій, возвращаясь изъ Дворца домой. „Теперь жди отъ нихъ всякихъ напастей и пакостей! Пока есть время, надо принять мѣры!" И въ тотъ-же вечеръ приказалъ къ себѣ въ Шатровую прислать Кузёмку.

Кузёмка Крыловъ — кстати сказать—былъ человѣкъ исполнительный: князь Василій зналъ, что ему можно было смѣло довѣрить всякое порученіе и ожидать, что онъ, если живъ будетъ, порученіе выполнитъ. При томъ онъ принадлежалъ къ той (давно уже вымершей породѣ) старинныхъ русскихъ слугъ, которые не раздѣляли своихъ интересовъ отъ интересовъ барскихъ и сживались со всѣми привычками, недостатками, прихотями, даже пороками своихъ баръ, потому что никакъ не могли представить себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ нихъ, а только „кровью отъ крови" и „плотью отъ плоти" ихъ. Къ этимъ общимъ свойствамъ чистокровнаго боярскаго холопа, въ Кузёмкѣ Крыловѣ примѣшивалось еще и особое чувство глубочайшей признательности къ князю Василью за избавленіе его, Кузёмки, отъ великихъ бѣдъ и напастей. Дѣло въ томъ, что Кузёмка, выросши при дворѣ князя Василія и постоянно находясь при особѣ молодаго боярина, вдругъ на 25-мъ году задурѣлъ: влюбился въ поповскую дочку и задумалъ на ней жениться. Поповна была не прочь за него выйти замужъ; но ея отецъ и мать воспротивились этому браку и тутъ-же просватали ее за причетника въ томъ-же приходѣ. Кузёмка поповну выкралъ и ушелъ съ нею въ бѣги... Отецъ съ матерью долго разыскивали бѣглецовъ, наконецъ разузнали о ихъ мѣстопребываніи, явились къ нимъ со стрѣльцами и съ понятыми, отняли у Кузёмки свою дочку, а его засадили въ тюрьму. Кузёмка подкупилъ сторожей и бѣжалъ изъ-подъ затворовъ. Попъ съ попадьею не успѣли вернуться домой: на одномъ изъ постоялыхъ дворовъ подъ Москвою, они были ночью зарѣзаны, а дочка ихъ пропала безъ вѣсти. Прошло лѣтъ съ десять, и о Кузёмкѣ не было ни слуху, ни духу. Въ бытность князя Василія въ Малороссійскихъ городахъ, во время какихъ-то военныхъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ, князь потребовалъ отъ Самойловича, чтобы тотъ далъ ему надежнаго человѣка для выполненія весьма опаснаго порученія. Нужно было проѣхать верстъ пятьдесятъ по мѣстности, въ которой хозяйничали крымцы, перебраться за Днѣпръ на Турецкую сторону, собрать тамъ свѣдѣнія и вернуться тѣмъ-же путемъ назадъ... Гетманъ приказалъ кликнуть охотниковъ. Вызвался на это смѣлое дѣло только одинъ молодецъ—и выполнилъ порученіе блистательно. Князь захотѣлъ видѣть этого смѣльчака и наградить его изъ своихъ рукъ. Каково-же было его удивленіе, когда приведенный къ нему казакъ вдругъ повалился ему въ ноги и прошепталъ:

— Батюшка-бояринъ! Не погуби...

Смѣльчакомъ оказался Кузёмка Крыловъ. Онъ отказывался отъ всякихъ наградъ и молилъ только о томъ, чтобы князь принялъ его подъ свою защиту, дозволилъ ему ѣздить у своего стремени и опять у него быть на службѣ. Князь Василій охотно принялъ его къ себѣ, не разставался съ нимъ ни въ походахъ, ни во время пребыванія въ Москвѣ, и не раскаялся въ томъ, что его къ себѣ приблизилъ: Кузёмка былъ преданъ ему

какъ собака, былъ готовъ за него и въ огонь, и въ воду. А такъ какъ Кузёмка, видимо, не потерялъ даромъ тѣхъ десяти лѣтъ, которыя онъ провелъ въ бѣгахъ и прошелъ хорошую школу, побывавъ и на Дону, и въ Запорожьѣ, и въ разныхъ концахъ земли Русскія, отлично умѣлъ владѣть и конемъ, и оружiемъ, могъ свободно не спать по нѣскольку ночей подъ-рядъ и пробираться по степямъ и лѣсамъ безъ всякихъ дорогъ, то онъ, конечно, былъ для князя Василія слугой незамѣнимымъ.

Когда Кузёмка явился къ князю Василію, тотъ сказалъ ему:

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, поѣзжай въ село Большія Можары, свези къ прикащику грамотку на продажу тамошнихъ пожень сосѣду моему, дворянину Лыкову, а которыя за это получатся деньги—привези сюда ко мнѣ.

Кузёмка слушалъ молча, выжидая, что будетъ приказано далѣе... Онъ понималъ, что его посылаютъ не для передачи грамоты и полученія денегъ за пожни.

— Да тамъ-же, въ Большихъ Можарахъ, живетъ на моей землѣ холопъ мой Васька Иконникъ, тотъ, что лѣтъ пять тому назадъ, здѣсь у меня въ Москвѣ жилъ и кормился коновальствомъ... Ты его знаешь?

— Колдуна-то? какъ не знать? Его тамъ на сто верстъ кругомъ всѣ знаютъ.

— Такъ вотъ, скажи ему, чтобъ онъ сейчасъ-же убирался вонъ оттуда, коли не хочетъ попасть въ застѣнокъ и угодить на Болото! За нимъ прiѣдутъ отсюда и его захватятъ... Пусть тотчасъ уходитъ въ бѣги... и скроется въ такой трущобѣ, чтобъ ни слуху, ни духу не было о немъ...

— А ежели онъ не захочетъ въ бѣги? Онъ вѣдь— мужикъ богатый... И бòрти тамъ у него, и мельница своя-же...

— Такъ тогда его схватить сейчасъ-же и припрятать куда-нибудь подальше... И какъ прiѣдутъ отсюда... для сыску и допросу... сказать, что безъ вѣсти пропалъ... Понялъ?

— Какъ не понять? Припрячемъ! мрачно отвѣчалъ Кузёмка.

— Туда, пожалуй, верстъ двѣсти наберется... Такъ ты, для скорости, вездѣ по вотчинамъ моимъ бери себѣ коней съ моей конюшни. Да живо...

— Послѣ-завтра и на мѣстѣ будемъ.

Князь выдалъ Кузёмкѣ изъ ларца грамоту, сунулъ ему въ руки небольшой свертокъ съ деньгами, и сказалъ:

— Коли все толково справишь—еще награжу.

— Много доволенъ твоею милостью, отвѣтилъ Кузёмка и, отвѣсивъ низкiй поклонъ, скрылся за дверью.

И точно,—на другое утро, чѣмъ свѣтъ, Кузёмка осѣдлалъ своего завѣтнаго аргамака, подвязалъ къ сѣдлу порядочный мѣшокъ съ дорожнымъ запасомъ и съѣхалъ со своего двора задàми, ни съ кѣмъ не простившись и никому не сказавши, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ онъ посланъ.

Не прошло и пяти дней, какъ „преображенскiе сосѣдушки" подготовили царевнѣ Софьѣ и Оберегателю непрiятность другаго рода. По поводу освященія новаго храма въ обители Св. Саввы Сторожевскаго, назначенъ былъ Правительницею походъ туда и въ томъ походѣ должны были принять участье всѣ царевны-сестры, одна изъ престарѣлыхъ тетокъ ихъ, царевна Татьяна Михайловна, и царь Иванъ Алексѣевичъ съ молодою супругой.

Дня за два до назначеннаго дня, по Звенигородской дорогѣ, скакали взадъ и впередъ нарочные съ приказаньями, двигались обозы съ провизiей и крытыя повозки съ перинами и подушками, около которыхъ шла вооруженная стража, пѣшая и конная, и ѣхали царскiе спальники, стряпчiе и слуги, обязанные блюсти царское добро не только отъ хищенія, но и отъ *глаза*, и отъ всякой *порчи*.

Въ день назначенный для похода, огромный поѣздъ царевенъ, состоявшій не менѣе чѣмъ изъ двадцати каретъ, колясокъ и колымагъ, запряженныхъ шестериками и восьмериками коней, двигался по дорогѣ изъ Москвы, предшествуемый коннымъ отрядомъ стрѣльцовъ Стремяннаго полка, а по бокамъ дороги сопровождаемый пѣшими стрѣльцами въ полномъ вооруженiи, съ бердышами и пищалями. Каждая изъ царевенъ ѣхала со своими ближними боярынями, съ карликами и карлицами; съ царевною Татьяною Михайловною ѣхали двѣ старушки-боярыни и двѣ богомолицы, призрѣваемыя ею. Впереди поѣзда, въ великолѣпной раззолоченной и расписной каретѣ, ѣхалъ Оберегатель съ дьякомъ Украинцевымъ и съ приближенными своими, окольничими Венедиктомъ Змѣевымъ и Васильемъ Нарбековымъ. Князь Алексѣй Васильевичъ и нѣсколько молодыхъ стольниковъ, верхами, ѣхали о-бокъ каретъ царевны Софiи и ея сестеръ.

Не смотря на половину октября, день былъ сухой, ясный и довольно теплый. Царевнамъ, закутаннымъ въ легкiя шубки и въ теплыя каптуры, было душно въ каретахъ: имъ хотѣлось поскорѣе добраться до ближайшей кормежки. Деревня, въ которой кормежка и роздыхъ были назначены, уже виднѣлась вдали на косогорѣ, какъ вдругъ, въ сторонѣ, на желтомъ фонѣ жнивья, зачернѣлась медленно приближавшаяся толпа народа, видимо двигавшаяся на перерѣзъ пути царскаго поѣзда. Толпа была большая и отъ нея, еще издали, доносилось не то пѣнiе, не то вой...

Передовые конники переполошились и, слегка сдерживая шагъ коней, послали впередъ верховыхъ—разузнать, чтó это за люди идутъ, и заставить ихъ поскорѣе очистить дорогу.

Верховые подъѣхали къ толпѣ, перекинулись съ нею нѣсколькими словами, потомъ крикнули что-то и вскачь возвратились къ товарищамъ.

— Бѣда! кричали они еще издали.—Шереметьевскiе вотчинники гурьбой идутъ къ дорогѣ, своихъ покойниковъ везутъ на погостъ—хотятъ ихъ на дорогѣ поставить — великимъ государямъ челобитную подать...

Прослышали это стольники и стряпчiе, перепугались; и всѣ порѣшили въ одинъ голосъ:

— Ну, братцы, это къ худу! Нехорошая примѣта! Убрать ихъ, прогнать съ дороги! А пока чтò... прiостановить поѣздъ!

Остановили поѣздъ. Поскакали впередъ стольники и стряпчiе, прихвативъ человѣкъ тридцать стрѣльцовъ Стремяннаго полка.

Всѣ сидѣвшiя въ экипажахъ царевны были озадачены остановкой. Раздались вопросы:

— Чтò это значитъ? Прiѣхали—что-ли? Не случилось-ли бѣды какой?..

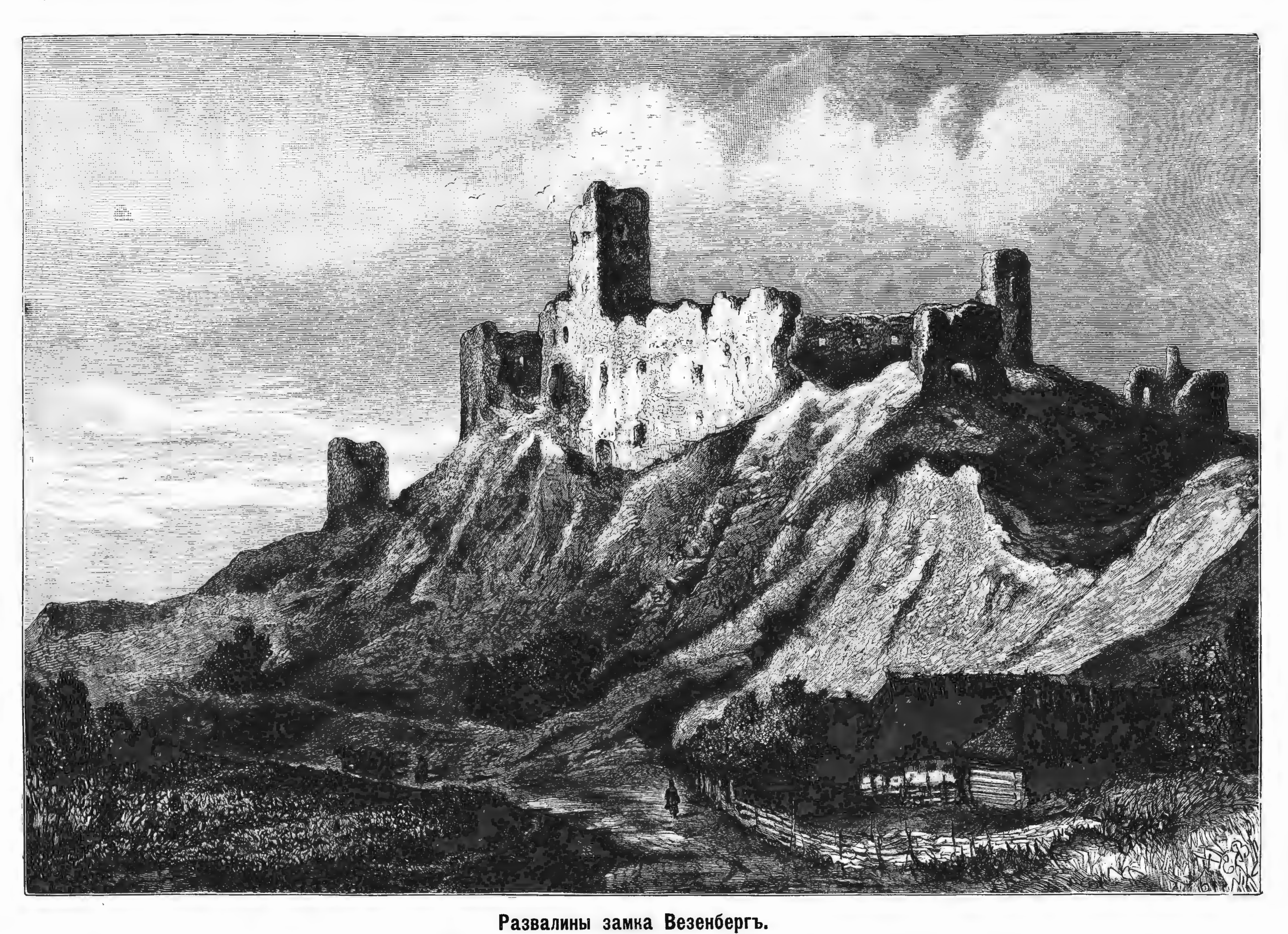
Любопытныя лица стали высовываться изъ повозокъ.

Но на вопросы не получалось отвѣтовъ или получались отвѣты уклончивые, и, мало-по-малу, любопытство на всѣхъ лицахъ смѣнилось тревогою.

— Батюшка, сказалъ князь Алексѣй, подъѣзжая къ каретѣ Оберегателя:—благовѣрная государыня изволитъ спрашивать, зачѣмъ мы стали? А я не смѣю ее встревожить... Тамъ впереди не ладно что-то..

— А чтò такое тамъ? и точно!—зачѣмъ мы стали? спросилъ, поднимаясь съ своего мѣста, Оберегатель, только что передъ этимъ задремавшiй. — Венедиктъ Андреичъ! обратился онъ къ Змѣеву,—ты человѣкъ толковый... Поди и разузнай, въ чемъ дѣло; и мнѣ доложишь. А ты, князь Алексѣй, ступай къ великой государынѣ и доложи—что послано узнать.

Змѣевъ взялъ лошадь у одного изъ дворянъ и поскакалъ къ толпѣ, отъ которой теперь уже явственно



Развалины замка Везенбергъ.

Ориг. рис. съ натуры (собств. „Нивы“) баронессы Е. К. Врангель, вольнаго общника Академіи Художествъ, грав. М. Рашевскій.

Михаилъ Глинскій и мать Іоанна Грознаго. Карт. Неврева, грав. Ю. Барановскій.

доносились то крики, то громкій говоръ, то какой-то вопль, въ родѣ причитанья.

Не прошло и десяти минутъ, какъ Змѣевъ возвратился блѣдный и перепуганный и шепотомъ сообщилъ Оберегателю, что мужики стоятъ на своемъ и хотятъ подать челобитную великимъ государямъ.

— Пробовали гнать ихъ батожьемъ и въ плети принимали—нейметь!

Въ поѣздѣ произошелъ переполохъ. Всѣ толковали что-то шепотомъ, переглядываясь между собою и указывая вдаль, гдѣ темнымъ пятномъ залегла на дорогѣ толпа сѣраго люда. Боярыни, царевны и вся придворная свита были внѣ себя отъ страха; всѣ крестились и тревожно вопрошали: „Что̀ тамъ такое? что̀ случилось? Что̀ за напасть такая, Господи! Да говорите-же, что̀ тамъ такое?“

Одна Софія сохраняла полное спокойствіе и, перебирая свои жемчужныя четки, выслушивала равнодушно докладъ подъѣхавшаго къ каретѣ князя Алексѣя.

Оберегатель приказалъ подвести къ себѣ запасную верховую лошадь, въ роскошномъ конскомъ уборѣ, съ кистями и съ перьями, съ бубенцами на бабкахъ и расшитыми золотомъ покровцами поверхъ бархатнаго чалдара... Вскочивъ въ сѣдло, суровый и гнѣвный, онъ поѣхалъ къ толпѣ со своими окольничими и дьякомъ Украинцевымъ.

Его взорамъ представилась невеселая картина. Поперекъ дороги, сплошною стѣной стояло нѣсколько сотъ мужиковъ и бабъ, босыхъ, оборванныхъ и грязныхъ. У многихъ мужиковъ были подвязаны кушаками руки, у другихъ—головы обвязаны окровавленными убрусами и платками, а ноги обмотаны какими-то тряпками. Впереди толпы, на дрянныхъ дровнишкахъ, стояли три колоды съ покойниками, къ которымъ поочередно припадали и жалобно голосили бабы. Настроеніе толпы было мрачное и сосредоточенное.

— Что̀ вы за люди? громко и повелительно крикнулъ толпѣ князь Василій.

Толпа вдругъ, какъ одинъ человѣкъ, рухнула на колѣни и завопила въ одинъ голосъ:

— Батюшка-бояринъ, пресвѣтлыя очи! Не вели насъ этимъ озорникамъ бить... смилуйся, кормилецъ! И такъ мы Богомъ побиты!

— Что̀ вы за люди? еще громче крикнулъ Оберегатель.

— Шереметьевскіе вотчинники, государь, села Горицы крестьянишки, хотимъ бить челомъ великимъ государямъ на ихъ дворцоваго воеводу, что разорилъ насъ, ограбилъ, билъ смертнымъ боемъ и увѣчилъ!.. Трое вотъ ужь и живота отошли... И другіе многіе еле живы! Смилуйся, батюшка, яви насъ предъ государскія пресвѣтлыя очи! Прикажи за себя вѣчно Богу молить!

— Великихъ государей я тревожить не стану, а челобитную отъ васъ принять и передать могу! сказалъ Оберегатель.—А на кого же вы челомъ-то бьете?

— На дворцоваго села Дунилова воеводу Шишкина. Онъ съ головою таможеннаго да кружечнаго двора, со всѣми крестьянами и съ солдатами, и съ топоры, и съ бердыши, и съ копьи, и съ ослопы—къ намъ въ село ворвался, въ самый Евлампьевъ день, да на боярскомъ дворѣ, что сборной казны было, все грабежомъ побралъ безъ остатка, и насъ всѣхъ билъ и увѣчилъ, и что у кого денегъ и одёжи было—все взялъ. Мы было къ боярину нашему Петру Васильевичу пошли жалиться и защиты просить, да онъ насъ прогналъ, говоритъ: „дворцоваго воеводу завсегда князь Василій Голицынъ прикроетъ, потому онъ мнѣ нѐ-другъ и мы съ нимъ не въ ладахъ живемъ. Ищите, говоритъ, милости у самихъ великихъ государей!“ Смилуйся, бояринъ, яви насъ предъ свѣтлыя очи государскія. Не выдай насъ головою князю Василію Голицыну али дьяку Щегловитому!

И вся толпа разомъ ударила земной поклонъ Оберегателю. Сердце у него дрогнуло:

— Я вамъ сказалъ: тревожить великихъ государей не смѣю. Челобитную отъ васъ приму и дѣло ваше разберу по совѣсти. Если прознаю, что воевода Шишкинъ разбойнымъ промысломъ на васъ наѣхалъ и безъ вины васъ разбивалъ и грабилъ, такъ ему и въ Сибири не найдется мѣста. Животы у васъ взятые велю вамъ вернуть на будущей недѣлѣ, и за всѣ ваши убытки и увѣчья заплатить, а покамѣсть всѣмъ вамъ, на поминъ вашихъ покойниковъ, жалую по алтыну на душу. Емельянъ Ивановичъ, запиши ихъ жалобу, да назначь по ихъ дѣлу строгій розыскъ; а ты, Венедиктъ Андреевичъ, возьми у меня въ каретѣ мѣшокъ съ мѣдными деньгами, да одѣли ихъ всѣхъ поголовно.

— Дай тебѣ Богъ многолѣтняго здоровья, батюшка бояринъ, золотыя твои уста! зашумѣла толпа и ударила новый земной поклонъ.—Да дозволь, кормилецъ, узнать твое святое имя, чтобы знать намъ, за кого Бога молить?

Князь Василій и самъ не зналъ, какъ сорвалось у него съ языка:

— Помолитесь, православные, за многогрѣшнаго боярина князя Василія Голицына!

И снявъ шапку, Оберегатель отвѣсилъ толпѣ низкій поклонъ.

— Князь Василій Голицынъ! Ближній бояринъ! Нашего-то боярина супротивникъ! Первый вельможа! пронеслось по толпѣ, между тѣмъ какъ князь Василій медленно поворачивалъ коня къ царскому поѣзду... И вся толпа разомъ поднялась съ земли и такъ быстро хлынула въ сторону отъ дороги, увозя за собою и колоды съ покойниками, что ужь окольничій Змѣевъ еле могъ настигнуть этихъ несчастныхъ за поворотомъ проселка, для раздачи имъ денегъ, пожалованныхъ Оберегателемъ.

Путь былъ чистъ, и поѣздъ тронулся впередъ, между тѣмъ какъ Оберегатель, подъѣхавъ къ каретѣ царевны Софіи, въ краткихъ словахъ объяснилъ сущность жалобы крестьянъ.

Царевна запылала гнѣвомъ, когда Оберегатель передалъ ей слова Шереметева къ жалобщикамъ:

— Князь Василій Васильевичъ, всѣмъ имъ на зло, разбери это дѣло построже, и накажи виновныхъ—пусть знаютъ всѣ, что мы и своихъ воровъ не кроемъ. А я, какъ увижу князя Петра Васильевича, такъ скажу ему спасибо: вижу, что онъ тебѣ и мнѣ на зло выслалъ сюда на дорогу своихъ крестьянъ съ челобитной! Видно и Шереметевы тоже противъ насъ съ преображенскими сосѣдушками стакнулись, какъ и святѣйшій!

Князь Василій совершенно раздѣлялъ взглядъ царевны, и, точно такъ же какъ она, полагалъ, что эта непріятная дорожная встрѣча была нарочно подготовлена Шереметевыми и Нарышкиными. Но и сознавая это, онъ не могъ отдѣлаться отъ тяжкаго впечатлѣнія, которое произвела на него эта грязная, оборванная, избитая толпа людей; эти страшные покойники, еле прикрытые своими жалкими саванами въ тѣсныхъ колодахъ; эти бабы, окутанныя грязными лохмотьями и воющія по усопшимъ.

„И вѣдь они точно правду говорили о насъ и о нашемъ судѣ: мудрено имъ судиться съ дворцовымъ воеводой! И онъ, точно, съумѣлъ бы обойти меня и на тѣхъ же крестьянъ нажаловаться, еслибъ не пришлось мнѣ самому на нихъ наткнуться! Нашлись же люди, что и послѣдней ихъ одежёнкой не побрезгали!.. Видно намъ всего мало—ненасытной утробѣ нашей нѣтъ утоленія! Господи, прости мнѣ мои грѣхи тяжкіе! Помолитесь, люди добрые, за спасеніе души боярина Голицына!“

XXIII.

Сумраченъ вернулся Оберегатель изъ похода на бо-

гомолье. Онъ понялъ, что теперь его положеніе день-ото-дня будетъ становиться все болѣе и болѣе труднымъ. Тактика враговъ совершенно измѣнилась: они уже не обороняются, не сторонятся, а наступаютъ, готовятся вести открытую борьбу. Ихъ много; у нихъ есть опора въ настоящемъ; есть свое знамя—законный государь Петръ Алексѣевичъ, который, рано или поздно, захватитъ всю власть въ свои руки; у нихъ, слѣдовательно, есть и будущее... А онъ—одинъ; онъ самъ—опора горячей, страстной, подвижной женщины, привыкнувшей жить болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, руководиться болѣе впечатлѣніемъ, чѣмъ разумомъ; она способна создать заговоръ, способна стать во главѣ его, способна ловко руководить имъ извѣстное время — но она не способна упрочить за собою власть, доставшуюся ей случайно; не способна уже потому, что при всемъ ея умѣ, ея блестящихъ способностяхъ — у нея нѣтъ ни выдержки, ни спокойствія... У нея, какъ правительницы, нѣтъ будущаго; слѣдовательно и у него также нѣтъ будущаго. Петръ долженъ одолѣть Софію современемъ; и одинъ князь Василій не въ силахъ будетъ поддержать Софью.

Къ этимъ тягостнымъ соображеніямъ примѣшиваются въ душѣ Оберегателя другія черныя думы, которыя не даютъ ему покоя со времени его крымскихъ неудачъ. Въ душѣ избалованнаго счастіемъ вельможи, эти неудачи залегли неизгладимымъ темнымъ пятномъ, которое на все бросало свои мрачныя тѣни и побуждало ожидать отовсюду какихъ-то невѣдомыхъ невзгодъ и бѣдствій... Въ настоящемъ онъ видѣлъ кругомъ себя лишь козни враговъ, которыхъ приходилось опасаться на каждомъ шагу; въ будущемъ — надъ его головою, какъ Дамокловъ мечъ, висѣла неизбѣжность втораго крымскаго похода, который, такъ или иначе, долженъ былъ рѣшить его судьбу и судьбу Софіи...

Болѣе и болѣе поддаваясь этому мрачному настроенію, князь Василій становился неузнаваемъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ. Онъ мало съ кѣмъ видѣлся, почти никуда не выѣзжалъ и у себя принималъ очень немногихъ. Но за то почти каждый день принималъ доклады Степана Евдокимова и два-три раза въ недѣлю видѣлся съ дохтуромъ Шмитомъ. Прежняя любезность, остроуміе и мягкость въ обращеніи, которыми князь Василій славился не только въ своемъ кругу, но и между всѣми иноземцами—исчезли безслѣдно... Какой-то сумракъ не сходилъ съ лица Оберегателя. Замѣчали даже, что онъ ко всѣмъ окружающимъ относился съ недовѣріемъ, поступалъ иногда очень круто и рѣзко, и проявлялъ небывалую суровость въ отношеніи къ подчиненнымъ.

Мрачному настроенію князя много способствовали „преображенскіе пріятели“, которые не упускали ни одного случая, чтобы схватиться съ Оберегателемъ въ Думѣ. Каждый вопросъ, который поднимался во время боярскаго сидѣнья царевною Софіею или княземъ Василіемъ, непремѣнно вызывалъ возраженіе со стороны Черкасскихъ, Шереметевыхъ, князя Бориса Голицына, Прозоровскихъ или Троекуровыхъ. Безконечныя пренія длились долго, затягивали рѣшеніе дѣла, побуждая къ собиранію справокъ и свѣдѣній по Приказамъ — и разстраивали иногда даже самыя благія, самыя разумныя начинанія или приводили къ сильному раздраженію, которое вынуждало стороны обмѣниваться рѣзкостями и намеками самаго недвусмысленнаго свойства.

Послѣ одного изъ такихъ сидѣній, въ которомъ Оберегателю, не смотря на всѣ усилія противной партіи, удалось отстоять и провести свое мнѣніе, онъ собрался уѣзжать изъ дворца домой, на свой Большой Дворъ. Но на пути отъ палаты, въ которой происходило „сидѣнье“, къ выходу на площадку, нѣсколько разныхъ лицъ—то дьяки, то бояре—задерживали князя Василія различными вопросами, и, по мѣрѣ приближенія его къ „площадкѣ“, за нимъ образовалась группа разныхъ лицъ, человѣкъ въ десять. На „площадкѣ“, которая обыкновенно сторонилась и провожала князя Василія низкими поклонами, къ сопровождавшей его группѣ присоединилось еще человѣкъ двадцать разныхъ досужихъ людей изъ стольниковъ и дворянъ, заискивавшихъ въ Оберегателѣ, и потому не упускавшихъ возможности проводить его до кареты и при этомъ попасться ему на глаза. Въ то время, какъ князь Василій, уже накинувъ шубу на плечи, съ шапкою въ рукихъ, переходилъ со своею свитою черезъ Дворцовый дворъ къ воротамъ,—въ двухъ шагахъ позади его, произошло что-то странное... Одинъ изъ сопровождавшихъ его дворянъ упалъ ничкомъ на-земь, съ судорожною поспѣшностью собралъ и зажалъ въ кулаки мокрую землю, и, не поднимаясь съ земли, сталъ произносить какія-то невнятныя слова, между тѣмъ какъ все его тѣло подергивалось конвульсіями.

Поднялся крикъ, переполохъ... Никто не рѣшался подступиться къ упавшему—и всѣ суетились, всѣ говорили, никто никого не слушалъ.

— Онъ колдуетъ! волшебствуетъ!.. Бери, держи его!.. Я самъ видѣлъ, какъ онъ слѣдъ князя Василія Васильевича вынялъ... И теперь еще землю въ рукахъ держитъ!..

— Враки! кричали другіе: — онъ больной; видишь, какъ бьетъ его, словно въ лихоманкѣ; это утинъ! *) Его еще не такъ шибаетъ...

Около упавшаго собралась такая толпа и поднялся такой шумъ, что Оберегатель невольно повернулъ отъ кареты обратно и освѣдомился о причинѣ всей этой сумятицы:

— Изъ дворянъ такой человѣкъ объявился, который надъ слѣдомъ твоимъ колдуетъ, объяснилъ Оберегателю досужій человѣкъ.

Князь Василій измѣнился въ лицѣ и нахмурился.

„Вѣрно, *оттуда* подосланъ! Мало они меня донимаютъ—еще колдовствомъ известь хотятъ!“ подумалъ онъ.

И онъ подошелъ къ толпѣ, все еще стоявшей надъ упавшимъ дворяниномъ. Толпа почтительно разступилась передъ княземъ Васильемъ; но въ ней не прекращался споръ и крики: „взять его! за приставы его! Колдуетъ—да еще на Государскомъ дворѣ!.. Нѣтъ! онъ больной! не троньте—отлежится!“

А несчастный все еще лежалъ ничкомъ; его все еще било и подергивало какими-то конвульсіями; и въ судорожно сжатыхъ кулакахъ онъ, попрежнему, крѣпко держалъ по горсти земли.

— Кто ты? спросилъ Оберегатель.—Какъ тебя зовутъ?

Лежавшій взглянулъ на князя Василія испуганнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ и опять опустилъ голову, ничего не отвѣчая.

Другіе отвѣтили за него:

— Это здѣшній дворянинъ, Ивашка Бунаковъ.

— Онъ больной должно-быть... добавили нѣсколько голосовъ нерѣшительно.

— Враки! яростно закричали другіе.—Прикидывается больнымъ! Сами видѣли! Слѣдъ твой вынялъ и нашептывалъ надъ нимъ невѣдомо-какія слова. За приставы его!

Оберегатель сумрачно окинулъ взглядомъ собравшуюся около Бунакова толпу, и приказалъ взять его за приставы. Толпа смолкла. Подошли стрѣлецкіе десятники и жильцы, подняли Бунакова съ земли, поставили его на ноги; но онъ опять повалился на землю и забормоталъ какія-то невнятныя слова.

Его подняли на руки, но чуть только хотѣли разжать ему кулаки и высыпать оттуда землю, какъ несчастный завопилъ такъ громко, что его поспѣшили унести съ Государскаго Двора.

Оберегатель приказалъ отправить его въ Стрѣлецкій Приказъ и тамъ допросить его „съ пристрастіемъ“,—

*) Т. е. падучая болѣзнь.

зачѣмъ онъ его слѣдъ вынималъ, а если окажется, что онъ точно *утиномъ* боленъ, то какъ смѣлъ онъ, знаючи за собою болѣзнь, являться съ тою болѣзнью на дворъ великихъ государей и стоять на площадкѣ.

И затѣмъ, пріѣхавъ домой, князь Василій долго не могъ успокоиться, и все ходилъ взадъ и впередъ по Шатровой Палатѣ, и все думалъ невеселыя свои думы.

„И за что они меня гонятъ? Что я имъ сдѣлалъ? за что напускаютъ на меня всѣ эти напасти? Мало имъ вражды и всякихъ подвоховъ—къ волхвованію прибѣгать стали! Ну, такъ пусть и розыщутъ — кто его подослалъ мой слѣдъ вынимать? Пусть его пытаютъ—доходятъ до правды!..“

Но, при мыслѣ о пыткѣ, князь Василій невольно вздрогнулъ...

„А если онъ ни въ чемъ не виноватъ? Если онъ, точно, больной, страждущій... И его-же еще изъ-за меня станутъ мучить, бить, истязать... Не послать-ли туда?.. Не остановить-ли розыскъ?.. Да нѣтъ, теперь ужъ поздно — теперь ужъ пошло дѣло... Ужъ попался онъ въ руки заплечныхъ мастеровъ немилостивыхъ...“

Подъ вечеръ того-же дня, Кирилычъ доложилъ, что Кузёмка вернулся и ждетъ приказаній князя.

— Зови, зови... Позови его поскорѣй ко мнѣ! вдругъ спохватился князь и еще тревожнѣе зашагалъ по своей палатѣ.

Кузёмка явился немедленно на зовъ князя, и, переступивъ порогъ, тщательно приперъ за собою дверь.

Князю вдругъ почему-то стало неловко, даже жутко съ нимъ быть съ-глазу-на-глазъ. Онъ ждалъ доклада и подробностей—но Кузёмка молчалъ, какъ могила.

— Ну! говори—какъ тамъ... уладилъ? спросилъ наконецъ князь, остановившись передъ Кузёмкой и нарушая тягостное молчаніе.

Но Кузёмка, должно быть, или не понялъ вопроса, или не спѣшилъ на него отвѣтомъ.

— Пожни-то Лыковскія? переспросилъ онъ князя, нерѣшительно, переминаясь съ-ноги-на-ногу и оправляя кованый поясъ.

— Какія тамъ пожни! нетерпѣливо крикнулъ князь.— Я тебя о Васькѣ Иконникѣ спрашиваю, а ты мнѣ о пожняхъ!

— Васьки.... тамъ.... теперь, государь, ужъ нѣтъ больше...

— То есть, какъ-же *нѣтъ?* Сбѣжалъ?..

— Не то, чтобы сбѣжалъ... а такъ, значитъ, *совсѣмъ* его нѣтъ...

— Куда-же онъ дѣвался?!

— Сгорѣлъ... глухо отвѣтилъ Кузёмка, хмуря брови и искоса поглядывая по сторонамъ.

— Какъ сгорѣлъ?! тревожно переспросилъ князь Василій.

— Да такъ... Хмѣльной пошелъ въ баню колдовать... Должно быть, заронилъ...

— Ты врешь! закричалъ князь Василій, въ изступленіи сжимая кулаки и подступая къ Кузёмкѣ.—Ты его самъ сжегъ... ты его убилъ!

Кузёмка не тронулся съ мѣста и только, понуривъ голову, произнесъ какъ-то нехотя:

— Я его и пальцемъ не тронулъ... А только,—какъ баня занялась,—я, точно что, дверь у ней коломъ подперъ! Твой приказъ исполнилъ... Прости, государь, своего холопа за усердіе!

И Кузёмка низко поклонился князю, съ растеряннымъ видомъ разводя руками...

(Продолженіе будетъ).

„Альбомъ барышни“.

Стихотворенія **Сергѣя Кречетова.**

(Посвящается **С. В. Лавровой.**)

„Все тотъ-же толкъ, и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ...“
(**Грибоѣдовъ** — „Горе отъ ума“.)

„Завела, какъ всѣ дѣвицы,
„Я хорошенькій альбомъ;
„И исписаны страницы
„Всѣ почти, признаться, въ немъ.
„Съ кѣмъ я только ни знакома,
„Каждый пишетъ что-нибудь...
„Можетъ-быть въ листы альбома
„Вы хотите заглянуть?
„Посмотрите, посмотрите,
„Онъ открытъ для васъ всегда;
„Да ужъ кстати и черкните
„Сами что-нибудь туда...“
Такъ мнѣ барышня сказала;
Этой барышни милѣй
И столица не видала...
Отказать возможно-ль ей?
Я, конечно, согласился,
Взялъ изъ милыхъ рукъ тетрадь
И перомъ вооружился,
Чтобъ стихи туда вписать...
Но красавицы-дѣвицы
Тайны я узнать желалъ,
И сначала всѣ страницы
Въ томъ альбомѣ пробѣжалъ.
Хоть „измѣнника“ названье
И придется мнѣ нести,
Не могу сдержать желанье,
Чтобъ ихъ здѣсь не привести.
Но, боясь рѣчей нескромныхъ,
И довѣріе цѣня,
Вмѣсто подписей альбомныхъ
Буду точки ставить я...

Страница 1.

Терпѣнье — женщинъ добродѣтель;
Ты помни это, дочь моя.
Мнѣ пятьдесятъ: Господь свидѣтель,
Чего не вытерпѣла я!
За то терпѣньемъ я съумѣла
Достать и счастье и покой...
Когда бы въ этомъ захотѣла
Ты подражать мнѣ, ангелъ мой!
Высоко наше назначенье:
Терпѣть, любить и *все прощать!..*
За небольшое наставленье
Прости свою старуху мать!

....

Страница 2.

Хочу тебѣ, въ часы досуга,
Я написать десятокъ строкъ;
Прими совѣтъ сестры и друга:
Не вѣрь мужчинамъ, мой дружокъ!
Ты молода, ты все хохочешь;
Въ головкѣ бродитъ вѣтерокъ...
Но если плакать ты не хочешь,
Не вѣрь мужчинамъ, мой дружокъ!
У нихъ сердца такъ ровно бьются:
Страданья наши имъ не впрокъ;
Они надъ нами лишь смѣются...
Не вѣрь мужчинамъ, мой дружокъ!
Коль ты имъ только вѣрить будешь,
Такой дадутъ тебѣ урокъ,
Что никогда не позабудешь!..
Не вѣрь мужчинамъ, мой дружокъ!
Пускай они тебѣ клянутся,
Грозятъ спустить въ себя курокъ...
Пускай на части разорвутся...
Не вѣрь мужчинамъ, мой дружокъ!
Болтай, кокетничай немного
(Кокетство, право, не порокъ);
Но только... только, ради Бога,
Не вѣрь мужчинамъ, мой дружокъ!

....

Страница 3.

Увы! перо твоей сестрицы,
Признаться долженъ, слишкомъ зло:
Не пожалѣвши и страницы
Оно насъ, бѣдныхъ, разнесло!
Такой стремительной аттаки
Не часто встрѣтишь и въ бою;
Но, не любя чернильной драки,
Въ отвѣтъ тревоги я не бью...
Пускай ее! въ степяхъ Туркменскихъ
Я жажду, зной переносилъ...
Ужель теперь насмѣшекъ женскихъ
Мнѣ перенесть не хватитъ силъ?
Меня другое занимаетъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилъ я твой взглядъ,
Любовь мнѣ сердце разрываетъ
Какъ порохъ тысячи гранатъ!

Изъ міра чашекъ, чайниковъ и тарелокъ. Тарелки, исполненныя фарфоровымъ заводомъ бр. Корниловыхъ по рис. Н. Н. Каразина. Изъ предметовъ на международной выставкѣ въ Копенгагенѣ въ 1888 г. Съ фот. грав. Флюгель.

Ты страстью грудь мою пронзила
Больнѣе всякаго штыка;
Ты въ плѣнъ корнета захватила
Кавалерійскаго полка!
Но чтобъ назвать тебя своею,
Поставлю душу я *„на пè!“*
Ужель тобой не овладѣю
Когда я бралъ Геокъ-Тепè?!

....

Страница 4.

Что написать тебѣ въ альбомъ?
Что ты умна, что ты прелестна?..
Не стòитъ говорить о томъ,
Чтò всѣмъ давно уже извѣстно.
Толпа тебѣ наперерывъ
Не даромъ это заявляетъ;
Ея естественный порывъ
Тебя, какъ видно, забавляетъ...
О, погоди! Года пройдутъ,
Любовь въ твое сердечко взглянетъ;
Мечты въ головку снизойдутъ;
Смѣяться ротикъ перестанетъ...
Твой видъ задумчивъ будетъ, тихъ,
Но друга сердца не обманетъ,
И торжествующій женихъ
Предъ алтаремъ съ тобою станетъ.

....

Страница 5.

Сказать по правдѣ, въ наши лѣта,
Давно пора забыть любовь:
И если въ жилахъ стынетъ кровь,
То значитъ, пѣсенка ужь спѣта!
Но видя васъ, признаться смѣю,
Я что-то чувствую опять:
Какъ будто сердцемъ молодѣю...
Хочу любить... хочу мечтать...
Такъ корни плющъ порой пускаетъ
Среди могильныхъ старыхъ плитъ;
Ползетъ, трепещетъ, обвиваетъ,
И камни мертвые живитъ!

....

Страница 6.

Я люблю васъ за вашу игривость,
За младой, впечатлительный умъ,
За характера рѣзвую живость,
За наивность ребяческихъ думъ...
За святое служенье искусству,
За порывы души огневой,
За слова ваши полныя чувства...
Я за все васъ люблю, ангелъ мой!

* * *

Я люблю васъ за вашу улыбку,
За изгибы роскошныхъ бровей,
И за грацію таліи гибкой,
И за музыку вашихъ рѣчей...
Я люблю васъ за стройную ножку
И за взглядъ, полный страсти живой...
Я люблю васъ за все понемножку,
И за все вообще, ангелъ мой!

....

Страница 7.

Другъ, не иди ты дорогой избитою,
Полною пестрой толпой!
Пусть клеветою тебя ядовитою
И провожаютъ порой!...

* * *

Жесткимъ терновникомъ пусть окруженная,
Мало увидишь ты розъ...
Пусть ты до цѣли дойдешь утомленная,
Не безъ страданій и слезъ...

* * *

Все перенесши душой терпѣливою,
Надъ изумленной толпой
Станешь владычицей ты горделивою,
А не презрѣнной рабой!

....

Страница 8.

Сердце я на той недѣлѣ
Въ вашемъ домѣ потерялъ;
Вы теперь имъ завладѣли...
Признаюсь, не ожидалъ!
Вы любуетесь находкой,
Ей играя, какъ дитя...
Берегитесь, другъ мой кроткій,
Разорвать ее шутя!

....

Страница 9.

Вы не вѣрите горю сердечному,
Непонятно вамъ слово „страдать“...
Да и гдѣ-жъ вамъ, ребенку безпечному,
Горечь жизни теперь понимать?..

* * *

Въ добрый часъ!.. Пусть живетъ невредимою
Хоть одна молодая душа!..
Пусть останется вѣчно любимою,
Непорочна, чиста, хороша...

* * *

Никакое вліяніе вредное
Пусть не губитъ ея красоты!..
Въ наше время, невинностью бѣдное,
Погибаютъ о ней и мечты!..

....

Страница 10.

Свѣжа, роскошна и прекрасна,
Ты пышной розой разцвѣла,
И мать природа не напрасно
Тебѣ шипы ея дала..
Ты ими колешься безпечно,
Ты не даешь себя сорвать...
Смотри, все въ мірѣ скоротечно:
Должна и роза отцвѣтать!
Увянешь ты... подъ гнетомъ прозы,
Замолкнетъ вдругъ восторгъ толпы...
И отъ осыпавшейся розы
Одни останутся... шипы!..

....

Страница 11.

Вмѣстѣ съ рѣзвостью свободной,
Страстью пламенной мечты,
Неприступности холодной
Замѣчаю въ васъ черты.
Нрава вашего загадкой
Вы смутите мудреца;
То рыдаете украдкой,
То смѣетесь безъ конца...
Для сердецъ большой приманкой
Вы, конечно, быть должны,
Коль весталкой и вакханкой
Въ то же время созданы!

....

Страница 12.

Когда вы замужъ захотите,
Примите дружескій совѣтъ:
Въ мужья поэта не берите,
Въ немъ постоянства вовсе нѣтъ!
Когда клянется онъ до смерти
Принадлежать лишь вамъ одной, —
Онъ въ тотъ же день готовъ, повѣрьте,
Въ любви признаться и другой!...
Поэтъ—созданіе безъ воли...
Ложь не зоветъ порокомъ онъ...
И, коль поетъ про глазки Оли,
Пожалуй, въ Катеньку влюбленъ!

....

Страница 13.

Je suis esclave de votre beauté,
Et vous êtes mon déspote farouche...
Eh bien, nous sommes extrémités:
Et les extrémités se touchent!..

....

Страница 14.

Все въ ней мило, ловко;
Въ глазкахъ—небеса;
Обвила головку
Русая коса;
Чудною улыбкой
Губки сложены;
А на шейкѣ гибкой
Жилки всѣ видны;
Носикъ вверхъ немного
Смотритъ... ну, такъ что-жъ?
Поразмысливъ строго
Вѣдь и онъ пригожъ!

....

Страница 15.

Сердце дѣвушки имѣетъ
Алтаря златаго видъ,
Гдѣ порой, увы, нерѣдко,
Идолъ глиняный стоитъ!...

....

Страница 16.

Чуднымъ взглядомъ твоихъ глазокъ
Вѣкъ хочу я любоваться,
И одной твоей улыбкѣ
Безъ конца повиноваться!..

....

Страница 17.

Побѣдивъ на полѣ брани
Племена сосѣднихъ странъ,
Съ нихъ сбирали много дани
Предки грозные Славянъ.
Были жадны ихъ натуры;
Все несли они съ собой:
Медъ и рыбу, соль и шкуры,
Даже „вѣники“ порой!...
О послѣдней этой дани
Мы съ насмѣшкой говоримъ;
Но тогда для русской бани
Вѣникъ былъ необходимъ...

* * *

Также какъ и ваши дѣды
Вы воинственны подчасъ;

После битвы и победы
Также дань берете съ насъ...
И, боясь навлечь угрозу,
Всё несемъ мы безъ конца
Вамъ поэзію и прозу,
Комплименты и сердца...
Но сказать вамъ втихомолку:
Все-жъ я въ вѣникахъ драпныхъ
Вдвое больше вижу толку,
Чѣмъ, увы, въ сердцахъ иныхъ!

....

Страница 18.

Тотъ женщинъ очень мало знаетъ,
Кто хвалитъ ихъ всегда, во всемъ;
Но кто ихъ вѣчно осуждаетъ,
Тотъ вовсе съ ними незнакомъ!

....

Страница 19.

Вашъ милый взоръ меня манитъ
Но онъ меня погубитъ, знаю:
Я потерялъ ужь аппетитъ,
А тамъ... разсудокъ потеряю!

....

Страница 20.

Въ живомъ и смѣломъ разговорѣ,
Одну лишь истину любя,
Бичуй погрязшихъ въ лжи, позоръ...
Но меньше всѣхъ щади себя!

* * *

Не вѣрь обманчивымъ привѣтамъ
Столь расточаемымъ тебѣ...
Не вѣрь льстецамъ, ни ихъ совѣтамъ...
Но меньше всѣхъ ты вѣрь себѣ!

* * *

Въ движеньяхъ сердца справедливыхъ,
На вѣки гордость погубя,
Люби всѣхъ умныхъ и правдивыхъ...
Но меньше всѣхъ люби себя!

....

Страница 21.

Ваши черненькіе глазки
Яркимъ пламенемъ горятъ;
Все насмѣшки, рѣдко ласки
Эти глазки намъ дарятъ...
Ваши губки—пурпуръ точно;
Ваша шейка такъ нѣжна;
Ваша талья, какъ нарочно,
Всѣмъ на диво сложена!..
Но сердечко бьется ровно...
Право, слишкомъ вы умны:
До сихъ поръ вы, безусловно,
Ни въ кого не влюблены..
Погодите, потускнѣютъ
Эти чудные глаза;
Губки быстро поблѣднѣютъ
Порѣдѣютъ волоса...
И на лобъ, какъ мраморъ, гладкій
Тьма морщинокъ набѣжитъ;
Огрубѣетъ голосъ сладкій;
Станъ согнется, задрожитъ...
Пожелтѣетъ ваша шейка..
Язычекъ начнетъ ворчать...
А любовь тогда злодѣйка
Станетъ въ сердце къ вамъ стучать!

И подъ той любви напѣвы
Умъ заглохнетъ безъ слѣда...
Ахъ! надъ чувствомъ „старой дѣвы“
Посмѣемся мы тогда!

....

Страница 22.

Взоръ вашъ въ сердце проникаетъ;
(Кто того не испыталъ?)
Человѣка убиваетъ
На-поваль!
Какъ то встрѣтился я съ вами:
Быстро такъ вы подошли
И прицѣлились глазами
Разъ... два... и-ли!..
Зашатался я немножко
Но собралъ остатокъ силъ...
И свободу къ вашимъ ножкамъ
Положилъ!..

....

Страница 23.

Кабы змѣйкѣ изумрудной
Не отравленное жало!
Кабы дѣвушкѣ прелестной
Не жестокое сердечко!

....

Страница 24.

Хотѣлъ я много написать
Тебѣ перомъ своимъ шутливымъ;
Но жаль! Восторгомъ справедливымъ
Уже полна твоя тетрадь,—
Пришлось-бы все мнѣ повторять...
Прикрывшись случаемъ счастливымъ,
Спѣшу перо свое сдержать...
Вѣдь стоитъ вовремя смолчать,
Чтобы прослыть краснорѣчивымъ!..

....

Страница 25.

Зачѣмъ я раньше васъ не зналъ?!
Зачѣмъ всѣ силы страсти знойной
Другой я женщинѣ отдалъ,
Коварной, злой и недостойной?!
Мой умъ безвременно погасъ;
Пропали лучшіе задатки...
Едва какіе-то я спасъ
Отъ сердца жалкіе остатки...
Не ихъ-ли вамъ мнѣ предложить?
Нѣтъ, это было-бы нечестно!
Вамъ—полной жизнью надо жить,
Мнѣ—пропадать должно безвѣстно!

....

Страница 26.

Я, какъ вѣрная подруга,
Занята твоей судьбой:
Ахъ, какого то супруга
Ты возьмешь себѣ, другъ мой?

* * *

Мильонера-ль словишь въ сѣти
Побѣжденнаго тобой,
Или есть ужь на примѣтѣ
Генералъ какой сѣдой?

* * *

Увлечетъ тебя, быть можетъ,
Камеръ-юнкерскій мундиръ,
Или сердце растревожитъ
Черноусый кирасиръ?

* * *

Или, дань неся таланту,
Музыканта схватишь ты?
Иль ученому педанту
Ты отдашь свои мечты?

* * *

Адвокатъ краснорѣчивый
Прикуетъ къ себѣ твой взоръ,
Иль заманитъ рѣчью льстивой
Хитроумный прокуроръ?

* * *

Иль, сдружившися съ периной
И „чаями“ безъ конца,
Ты дражайшей половиной
Будешь русскаго купца?

* * *

Иль морякъ тебя безстрашный
Къ аналою поведетъ?
Иль кутила безшабашный,
Свѣтскій левъ и идіотъ?

* * *

Мельпомены-ль юнымъ другомъ
Ты прельстишься сгоряча,
Иль возьмешь себѣ супругомъ
Знаменитаго врача?

* * *

Иль, въ отчаяньи капризномъ
Въ захолустье попадешь,
И въ чиновникѣ акцизномъ
Мужа вѣрнаго найдешь?

* * *

Или, случаемъ нежданнымъ
Рокъ тебя соединитъ
Съ проходимцемъ иностраннымъ
И отъ родины умчитъ?..

* * *

Этотъ самый иностранецъ
Будетъ націи какой?
Сладкозвучный итальянецъ
Иль французъ, какъ ртуть живой?

* * *

Англичанинъ сухопарый,
Нѣмецъ, турокъ или грекъ?..
Иль, быть можетъ, „дѣвой старой“
Ты останешься на-вѣкъ?..

....

Тутъ альбомъ уже кончался;
И одинъ несчастный листъ
Для меня лишь оставался
Гладокъ, бѣлъ, изященъ, чистъ...
Осѣненный вдохновеньемъ,
Я перо скорѣе взялъ,
И, почти однимъ мгновеньемъ,
Шесть куплетовъ написалъ...
Но, чтобъ планъ исполнить точно,
Я, съ другими на ряду,
И свои стихи досрочно
Здѣсь на судъ вашъ приведу.
Что потомъ происходило:
Приняла-ли дѣва ихъ?
Улыбнулась очень мило,
Иль нахмурилась на мигъ?
Это вамъ не интересно;
И, признаться вамъ притомъ,
Самому мнѣ неизвѣстно
Что случилося потомъ...

Урокъ танцевъ. Съ картины Л. Шмуцлера, грав. Веберъ.

Страница 27.

Пылкихъ чувствъ, и звучныхъ словъ,
Вамъ, право, сказано довольно;
И рядъ талантливыхъ стиховъ
Мнѣ зажимаетъ ротъ невольно...

* * *

Недаромъ здѣсь мнѣ отвели
Лишь двѣ послѣднія страницы...
Вы лучше мѣста не нашли
Для скромныхъ струнъ моей цѣвницы!

* * *

Но, слишкомъ трудъ друзей цѣня,
Вы-бъ удивились, коль узнали,
Что эти мысли у меня
Они, признаться вамъ, украли!..

* * *

Почти что каждый здѣсь изъ нихъ,
Какимъ-то рокомъ чрезвычайнымъ,
Желаній, думъ и чувствъ моихъ
Былъ выразителемъ случайнымъ...

* * *

И я просить васъ полагалъ
Руководиться убѣжденьемъ,
Что *я* все это написалъ,
За очень малымъ исключеньемъ...

* * *

Пускай, незримо для очей,
Вамъ въ сердце каждый стихъ проникнетъ,
И въ тайный смыслъ моихъ рѣчей
Головка ваша глубже вникнетъ!

Сергѣй Кречетовъ.

Фарфоръ и его значеніе.

(Рис. на стр. 357).

Искусство приготовлять изъ глины сосуды для домашняго обихода извѣстно человѣку съ незапамятныхъ временъ, но много времени ушло прежде, чѣмъ ему удалось приготовить фарфоръ, этотъ превосходнѣйшій по своимъ свойствамъ матеріалъ. Плотность, непроницаемость, въ извѣстной степени прозрачность, нечувствительность къ быстрымъ и значительнымъ измѣненіямъ температуры, бѣлизна и блескъ глазури — дѣлаютъ фарфоръ незамѣнимою принадлежностью домашняго хозяйства, химическихъ лабораторій и проч. Способность-же къ воспріятію разнообразныхъ украшеній живописью придаетъ фарфору значеніе и въ искусствѣ. Исторія изобрѣтенія фарфора и возникновенія первыхъ фарфоровыхъ заводовъ въ Европѣ и у насъ въ Россіи весьма интересна.

Честь изобрѣтенія фарфора принадлежитъ китайцамъ. Имя изобрѣтателя и время первыхъ попытокъ производства—достовѣрно неизвѣстны. Есть вѣроятность, что фарфоръ уже умѣли дѣлать при династіи Ханъ, за 206 лѣтъ до Р. Х. Первое письменное указаніе по этому поводу встрѣчается въ книгахъ города Феу-Леонгъ, въ которыхъ упоминается о томъ, что въ 442 году по Р. Х. этотъ городъ удостоенъ былъ отличія поставлять фарфоръ императорскому дворцу въ Пекинѣ, по случаю чего въ Феу-Леонгъ были назначены два мандарина спеціально для наблюденія за производствомъ.

Въ Европу впервые фарфоръ былъ привезенъ около 1500 г. португальцами изъ Китая и Японіи. По своей страшно высокой цѣнѣ, этотъ привозный фарфоръ былъ доступенъ только королямъ и другимъ владѣтельнымъ особамъ. Усилія множества людей были направлены къ тому, чтобы открыть секретъ приготовленія фарфора. Такъ Панчиролли, въ XVI столѣтіи, въ своей книгѣ „Rerum memorabilium libri duo“ (Венеція 1593 г.) сообщалъ, что фарфоръ есть составъ изъ гипса, яичнаго бѣлка и морскихъ раковинъ, который, передъ обработкою, въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ, сохранялся подъ землею. Въ 1695 г. въ Сенъ-Клу, близь Парижа, удалось изготовить продуктъ, по внѣшнему виду походившій на китайскій фарфоръ, но рознившійся отъ него совершенно въ отношеніи прочности состава и способа приготовленія. Это былъ такъ называемый „porcelaine tendre“ (мягкій фарфоръ). Только въ началѣ XVIII столѣтія удалось открыть секретъ фарфора и притомъ совершенно случайно.

У аптекаря Цорна, въ Берлинѣ, находился въ числѣ учениковъ Іоганъ-Фридрихъ Бётгеръ, родившійся въ Шлейцѣ въ 1682 году. Какъ и многіе люди того времени, Бётгеръ усердно занимался отыскиваніемъ способа приготовлять золото, завѣтной мечты всѣхъ алхимиковъ. Съ разными неблаговидными цѣлями ему удалось прослыть въ народѣ за человѣка, разрѣшившаго эту задачу. Король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ II, намѣревался схватить его дабы воспользоваться самому столь выгоднымъ искусствомъ Бётгера, но послѣднему удалось бѣжать въ Виттенбергъ, въ Саксоніи. Курфюрстъ Саксонскій Августъ I оказался не глупѣе короля Прусскаго, и засадилъ Бётгера подъ строгимъ присмотромъ, въ лабораторію своего придворнаго совѣтника Чирнгаузена, который служилъ королю для той-же цѣли—изысканія способовъ приготовленія изъ ничего благороднѣйшаго металла, и на ряду съ этимъ добивался открытія тайны приготовленія фарфора.

Потребные для этихъ работъ плавильные тигли Бётгеръ приготовлялъ изъ огнеупорной глины. Чирнгаузенъ, который много путешествовалъ по Саксоніи и хорошо зналъ саксонскія глины, доставилъ Бётгеру хорошую красную глину изъ Окрилла, близъ Мейсена. Изъ этой глины, при плавильныхъ работахъ, у Бётгера получилось красное, твердое, непрозрачное вещество съ фарфоровиднымъ изломомъ. Чирнгаузенъ и Бётгеръ назвали его „краснымъ фарфоромъ“ (хотя это все-таки былъ не фарфоръ, а красный опакъ). Для фабрикаціи этого краснаго фарфора, получившаго большой спросъ въ публикѣ, по повелѣнію короля, былъ устроенъ въ Дрезденѣ заводъ, гдѣ Чирнгаузенъ и Бётгеръ были главными руководителями, и гдѣ они продолжали трудиться надъ изысканіемъ способа приготовленія бѣлаго фарфора. Теперь они уже стояли на вѣрномъ пути, такъ какъ изобрѣтеніе „краснаго фарфора“ показало имъ, что для приготовленія бѣлаго фарфора надо искать соотвѣтствующаго состава бѣлую глину. Чирнгаузену не удалось найти такую глину; онъ умеръ въ 1707 году. Бётгеръ (все еще продолжавшій находиться подъ постояннымъ арестомъ) оказался счастливѣе и, опять-таки благодаря случаю. Нѣкто Шноръ ѣхалъ однажды возлѣ мѣстечка Ауэ (въ Саксоніи) и замѣтилъ, что лошадь его увязла въ какую-то бѣлую жирную землю. Шноръ былъ человѣкъ наблюдательный и разсчетливый. Головные уборы того времени поглощали пропасть пудры, приготовлявшейся изъ крахмала. Замѣною послѣдняго какимъ-нибудь другимъ болѣе дешевымъ веществомъ можно сдѣлать хорошій гешефтъ. Задумано — сдѣлано. Шноръ сталъ продавать эту бѣлую землю подъ видомъ пудры. Такая-то пудра попала однажды и къ Бётгеру, который обратилъ вниманіе на большій удѣльный вѣсъ ея сравнительно съ прежнею пудрою, изслѣдовалъ ее, нашелъ что она имѣетъ всѣ свойства глины и, къ великой своей радости, приготовилъ изъ нея фарфоръ, ничѣмъ не отличавшійся отъ китайскаго. Это случилось въ началѣ 1709 года.

Августъ I приказалъ построить большой заводъ въ Альбрехтсбургѣ, у Мейсена. Директоромъ завода былъ назначенъ Бётгеръ. Добываніе бѣлой глины (каолина) въ Ауэ было частнымъ лицамъ воспрещено. Каждый рабочій давалъ клятву хранить тайну производства подъ страхомъ пожизненнаго заключенія, въ случаѣ ея нарушенія. Напоминанія объ этомъ были вывѣшены во всѣхъ мастерскихъ. Старшіе мастера возобновляли клятву каждый мѣсяцъ. Входъ въ заводъ постороннимъ лицамъ, конечно, былъ строго воспрещенъ. Но бѣжавшіе съ завода рабочіе быстро разносили тайну по всей Европѣ.

Уже въ 1718 году возникаетъ фарфоровый заводъ въ Вѣнѣ, въ 1720 году въ Хохстѣ. Въ 1747 году въ Нимфенбургѣ; въ 1765 году въ Севрѣ, въ 1780 году въ Копенгагенѣ.

У насъ въ Россіи фарфоровое производство возникаетъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, основавшей въ С.-Петербургѣ, около 1745 г., Императорскій фарфоровый заводъ. Изъ частныхъ-же заводовъ первымъ по времени основанія былъ заводъ основанный англичаниномъ Гарднеромъ въ 1754 году, въ селѣ Вержбилкахъ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда. До начала нынѣшняго столѣтія развитіе фарфороваго производства шло туго. Императоръ Павелъ, интересовавшійся фарфоромъ, построилъ маленькій заводъ въ Гатчинѣ, который, однако, просуществовалъ всего три года. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ селѣ Гжели, Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда, гдѣ имѣются залежи огнеупорной глины, начинаютъ довольно быстро возникать небольшіе фарфоровые заводы. Въ настоящее время въ Гжели фарфоровое производство имѣетъ характеръ кустарнаго промысла, но имѣются также и большіе заводы. Въ Черниговской губерніи, въ мѣстахъ добыванія извѣстной своею пластичностью Глуховской глины, было также устроено нѣсколько заводовъ; въ настоящее время, однако, ни одного изъ нихъ не существуетъ. Въ Петербургѣ, кромѣ Императорскаго завода, въ двадцатыхъ годахъ существовалъ, но недолго, заводъ Батенина (на Выборгской сторонѣ, въ Батениномъ переулкѣ) и наконецъ въ 1835 г. основанъ былъ въ Петербургѣ фарфоровый заводъ „Братьевъ Корниловыхъ“, которому впервые удалось поставить фарфоровое производство въ Россіи на такую высоту, какой не достигъ еще и до сихъ поръ ни одинъ изъ русскихъ фарфоровыхъ заводовъ. По бѣлизнѣ, прочности и блеску глазури, фарфоръ завода бр. Корниловыхъ едва ли превосходитъ фарфоръ нѣмецкихъ и австрійскихъ заводовъ и можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшимъ французскимъ фарфоромъ. Качества Корниловскаго фарфора, оригинальность формъ, разнообразіе и изящество живописи, наконецъ оригинальность украшеній — давно уже пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Производитъ заводъ не одну только посуду или мелкія изящныя украшенія нашихъ комнатъ; въ Петербургѣ, въ Спасо-Бочарской церкви (на Выборгской сторонѣ) уже много лѣтъ существуетъ большой фарфоровый иконостасъ завода бр. Корниловыхъ; кромѣ сего, дѣйствительно изящныя вещи, какъ напримѣръ чашки оригинальныхъ формъ съ русскимъ орнаментомъ, ковшички, въ основаніе коихъ взята форма русскихъ старинныхъ ковшей, находящихся въ Московской оружейной палатѣ, тарелки съ разными сценами изъ

русской жизни, исполненныя специально для завода Н. П. Карзинымъ (см. прилагаемый рис. на стр. 361), превосходные телеграфные и телефонные изоляторы, самая обыкновенная аптекарская посуда, славящаяся своей прочностью, изящные столовые и чайные сервизы, дають этому заводу, въ мірѣ фарфороваго производства, одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Россіи, но даже и за-границей. Въ будущемъ 1888 году этотъ заводъ приметъ участіе на Всемірной выставкѣ въ Брюсселѣ и на художественно-промышленной въ Копенгагенѣ.

Весьма чувствительный недостатокъ большинства русскихъ заводовъ заключается въ полномъ отсутствіи самостоятельности, слѣпомъ копированіи по чужимъ, почти всегда иностраннымъ образцамъ. При всей готовности произвести что-либо новое и изящное, частные заводы, за недостаткомъ умѣлыхъ рисовальщиковъ для данной цѣли, вынуждены копировать изделія иностранныя.

Въ Европейской Россіи (безъ привислинскихъ и Финляндскихъ губерній) всѣхъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ въ 1884 г, по оффиціальнымъ даннымъ указателя Орлова, — числилось 42 (изъ нихъ фарфоровыхъ 32), съ числомъ рабочихъ въ 7698 и съ производствомъ въ 3.554,000 руб. сер. Въ привислянскихъ губерніяхъ, въ томъ-же году, было 8 заводовъ, почти всѣ фаянсовые, съ 389 рабочими и съ производствомъ въ 797,000 руб.

Въ будничной жизни фарфоръ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Фарфоровую посуду можно признать дѣйствительно гигіеническою; всѣ-же другіе сорта посуды, за исключеніемъ стекляной, могутъ быть вредны для здоровья непосредственно, или косвеннымъ образомъ, содѣйствуя распространенію заразительныхъ болѣзней. Въ гигіеническомъ смыслѣ, конечно, полезенъ только фарфоръ хорошаго качества, покрытый глазурью *очень твердою*. Фарфоръ съ глазурью непрочною, на которой сталь ножа производитъ черту,— нельзя назвать гигіеническимъ. Фаянсъ положительно вреденъ для здоровья. Вотъ что говоритъ о фаянсовой посудѣ химикъ Пейрюссонъ (Peyrusson) въ запискѣ, представленной имъ въ Парижскую Академію Наукъ: „Англійскій и французскій фаянсъ *) покрытъ свинцовою глазурью, которая растворяется въ нѣкоторыхъ кушаньяхъ и тогда надѣляетъ нашъ обѣдъ свинцомъ, количество котораго хотя и не велико, однако все-же его вполнѣ достаточно, чтобы, при продолжительномъ употребленіи фаянсовой посуды, могло произойти опасное отравленіе. Свинцовыя соли принадлежатъ къ сильнѣйшимъ ядамъ и производятъ мучительныя боли въ пищеварительныхъ органахъ. Свинецъ гораздо ядовитѣе мѣди и всѣхъ другихъ металловъ. Удалить его изъ организма чрезвычайно трудно; трудно, слѣдовательно, и избавиться отъ страданій, вызванныхъ отравленіемъ. Фаянсовая посуда отравляетъ медленно; долго не замѣчается болѣзненныхъ припадковъ, когда-же они станутъ мучительны, то помочь бѣдѣ бываетъ уже трудно или совсѣмъ невозможно.“ Затѣмъ Пейрюссонъ разсматриваетъ посуду съ совершенно новой точки зрѣнія; именно, онъ обращаетъ вниманіе на способность нѣкоторыхъ сортовъ посуды распространять заразу.

Фаянсовая глазурь мягка; обыкновенный столовый ножъ легко дѣлаетъ на ней царапины, иногда довольно глубокія. Такія царапины, а также и трещины всегда замѣчаются на глазури фаянсовой посуды, на тарелкахъ напр., даже если онѣ и не слишкомъ долго употреблялось. На плохомъ, нетвердомъ фарфорѣ глазурь тоже повреждается очень легко. Цѣлымъ рядомъ остроумныхъ изслѣдованій Г. Пейрюссонъ доказалъ, что въ трещинахъ и царапинкахъ глазури нерѣдко можно найти зародыши низшихъ организмовъ. Промываніемъ ихъ невозможно удалить; кипятокъ ихъ не убиваетъ. Имѣется достаточно наблюденій (изслѣдованія Пастера), что заразительныя болѣзни переносятся черезъ посредство мельчайшихъ органическихъ тѣлъ: разными путями эти тѣла или ихъ зародыши проникаютъ въ организмъ человѣка и переносятъ заразу съ больнаго на здороваго. Невозможно сомнѣваться, что, употребляя плохую посуду, мы легко подвергаемся опасности заболѣть. Трудно лѣчить болѣзни; гораздо легче избѣгать ихъ, принимая надлежащія гигіеническія предосторожности. Поэтому Г. Пейрюссонъ и рекомендуетъ замѣнять фаянсъ фарфоромъ или стекломъ. Вопросъ о вредности посуды съ растрескавшеюся и исцарапанною глазурью, къ тому-же еще и содержащею свинецъ, въ послѣдніе годы, всесторонне обсуждался французскою печатью. Вредность плохой посуды признана почти единогласно и не было заявлено ни одного серьезнаго возраженія, которое могло-бы заставить сомнѣваться въ справедливости мнѣнія высказаннаго Пейрюссономъ.

М. Вавиловъ.

*) Который, замѣтимъ, гораздо лучше нашего русскаго.

Къ рисункамъ.

Городъ и зàмокъ Везенбергъ. (Рис. на стр. 356).

Гор. Везенбергъ въ Вирляндскомъ округѣ Эстляндской губ. былъ основанъ королемъ Даніи, Вольдемаромъ II, въ 1223 году, почти одновременно съ городами Ревелемъ и Нарвою, и пользовался въ XIII столѣтіи одинаковыми съ ними правами и привилегіями. Въ тѣ времена Везенбергъ, защищенный сильно укрѣпленнымъ зàмкомъ, построеннымъ на крутомъ холмѣ, состоялъ изъ 400 дворовъ, нѣсколькихъ церквей, монастыря и больницы; имѣлъ собственный магистратъ, состоявшій изъ двухъ бургомистровъ, шести ратсгеровъ, и владѣлъ гаванью Тольсбургъ. Въ 1347 г. Везенбергъ перешелъ во владѣніе Нѣмецкаго Ордена, и былъ управляемъ намѣстниками (Vogte), подъ управленіемъ которыхъ, въ теченіе двухъ столѣтій, пріобрѣлъ еще различныя льготы, привилегіи и большое пространство земли въ собственность. Въ 1558 г. отрядъ русскихъ воиновъ завладѣлъ зàмкомъ, усилилъ укрѣпленія и владѣлъ до 1584 года. Въ теченіе этого времени, а именно въ 1568 г., на зàмокъ было сдѣлано нападеніе, такъ-называемыми „Лифляндскими дворовыми людьми“, которые, по обычаю того времени, составляли вольный отрядъ, причемъ зàмокъ былъ совершенно разрушенъ. Затѣмъ въ 1574 и 1579 годахъ зàмокъ Везенбергъ отбилъ нападенія со стороны Шведовъ и лишь 4 мая 1584 г. былъ взятъ приступомъ шведскими войсками, подъ предводительствомъ Понтуса де-ла-Гарди. 11 іюля 1618 года король Швеціи Густавъ-Адольфъ даровалъ голландскому послу Рейнгарту Бредераде, за особыя его заслуги, дарственною грамотою прилегающія къ зàмку Везенбергъ земли, всего 20 гокеновъ, и водяную мельницу въ потомственное его владѣніе, возвелъ его въ потомственные дворяне и пожаловалъ ему титулъ „барона Везенбергскаго“. 16 мая 1629 года второю дарственною грамотой, король Густавъ-Адольфъ даровалъ Бредераде въ собственность и королевскій зàмокъ Везенбергъ, а затѣмъ, въ 1631 году, третьею дарственною грамотою и самый городъ Везенбергъ. Когда Бредераде, на основаніи этой третьей дарственной грамоты, хотѣлъ вступить въ свои права, то граждане города Везенберга стали сопротивляться. Споръ этотъ былъ рѣшенъ въ то время вновь учрежденнымъ въ городѣ Дерптѣ „гофъ-герихтомъ“, который въ 1632 г. призналъ грамоту недѣйствительною, въ виду того, что означенная грамота, выданная во время военныхъ дѣйствій въ лагерѣ, оставалась въ рукахъ Бредераде и не была официально занесена въ правительственный архивъ. Въ томъ же году умеръ король Густавъ-Адольфъ, и спустя три года, 16 марта 1635 г., депутатамъ города удалось исходатайствовать отъ Шведскаго правительства утвержденіе всѣхъ бывшихъ ихъ правъ и привилегій и возвращеніе имъ отобранныхъ владѣльцемъ замка земель. 25 мая 1669 года наслѣдники Рейнгольта Бредераде продали, согласно продажной записи составленной въ Грейфенгагенѣ, за 30,000 талеровъ, эстляндскому ландрату Гансу Фридриху фонъ-Тизенгаузенъ, замокъ и городъ Везенбергъ со всѣми прилегающими землями, каковая запись была утверждена Шведскимъ правительствомъ 14 сентября 1672 года, на основаніи полученныхъ къ тому времени изъ Голландіи копій съ хранившихся тамъ, въ оригиналѣ, трехъ дарственныхъ грамотъ короля Густава-Адольфа. Такимъ образомъ г. Везенбергъ перешелъ въ собственность семейства Тизенгаузенъ.

По заключеніи Ништадскаго мира, въ 1721 г., вся Эстляндія перешла во владѣніе Россіи, причемъ городъ Везенбергъ, согласно резолюціи отъ 10 апрѣля 1728 г. и указа Правительствующаго Сената отъ 25 февраля 1771 г., былъ признанъ, на основаніи дарственныхъ грамотъ короля Густава-Адольфа и купчей записи между Бредераде и Тизенгаузеномъ, собственностью семейства Тизенгаузенъ. Между тѣмъ граждане города Везенберга продолжали отстаивать свои прежнія права и отказывались подчиняться новому владѣльцу до тѣхъ поръ, пока ея императорское величество императрица Екатерина II, резолюціею отъ 6 сентября 1774 года, благоволила предписать гражданамъ Везенберга подчиниться ихъ владѣльцу, въ то время гакенрихтеру, барону Якову фонъ-Тизенгаузенъ, и впредь Везенбергъ не именовать городомъ. Въ 1783 г. Русское правительство откупило владѣнія барона Тизенгаузенъ и назначило Везенбергъ уѣзднымъ городомъ Вирляндскаго округа, Эстляндской губерніи.

Православная церковь устроена въ 1839 г. Лютеранская церковь построена въ XVII вѣкѣ шведами. Городская больница существуетъ съ 1795 г. Податное управленіе учредило въ 1828 г. богадѣльню. Уѣздное училище учреждено въ 1805 г. и преобразовано съ 1 іюля 1886 г. въ городское училище съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ.

Около самаго города Везенберга находится имѣніе того же имени, принадлежащее въ настоящее время, какъ и руина зàмка, баронамъ Ренненкампфъ.

Михаилъ Глинскій и мать Іоанна Грознаго.

(Рис. на стр. 357).

Въ 1526 году случилось въ Москвѣ событіе, важное по своимъ послѣдствіямъ. Могущественный Великій князь Московскій Василій III Іоанновичъ, разведясь со своею первою женою Соломоніею Юрьевною (изъ рода Сабуровыхъ), женился на второй женѣ, Еленѣ Васильевнѣ (изъ рода Глинскихъ).

Князю Василію Іоанновичу было въ это время уже за пятьдесятъ; молодой супругѣ его не было и двадцати, и она ему такъ полюбилась, такъ понравилась, что онъ измѣнилъ даже для нея старому русскому обычаю и, вопреки всякимъ предразсудкамъ, обрилъ себѣ бороду, съ очевиднымъ желаніемъ *казаться моложе.* Старый мужъ и вообще старался всячески утѣшить и развлечь молодую жену и, между прочимъ, выпустилъ изъ темницы ея дядю, знаменитаго вельможу, Михаила Васильевича Глинскаго, выѣхавшаго изъ Литвы на Русь въ 1508 году, вмѣстѣ со своими родными братьями, Васильемъ и Иваномъ, вмѣстѣ съ огромною свитою и огромными богатствами Глинскихъ, которые владѣли въ Литвѣ чуть-ли не пятою частью всѣхъ земель и угодій. Впослѣдствіи, онъ не поладилъ съ Великимъ княземъ и собирался бѣжать въ Литву обратно; но его успѣли схватить, заключили въ темницу и забыли въ ней... О немъ вспомнили только тогда, когда его племянница Елена вышла замужъ за Великаго князя и стала просить за дядю. Михаилъ Глинскій, выпущенный вчера изъ темницы, назавтра сдѣлался уже первымъ изъ первыхъ вельможъ при дворѣ Василія III; онъ былъ человѣкъ умный, бывалый, долго жившій въ Германіи, Италіи, Испаніи, знакомый съ западными обычаями. Когда (семь лѣтъ спустя) Василій заболѣлъ и лежалъ на смертномъ одрѣ, онъ указывалъ своей молодой супругѣ на ея стараго дядю, какъ на лучшаго совѣтника и руководителя. Но у молодой красавицы-княгини было не то на умѣ: ей хотѣлось жить, хотѣлось дѣйствовать, хотѣлось править по всей своей волѣ. У ней былъ и умъ, и характеръ — не женскіе; а кровь въ ея жилахъ лилась горячая. Она выбрала себѣ совѣтника по возрасту, по нраву, по обычаю—молодаго красавца-князя Ивана Ѳедоровича Овчину-Теленнева-Оболенскаго, который былъ при ея дворѣ „ближнимъ конюшимъ бояриномъ“. Не полюбилось это старому дядѣ и онъ сталъ укорять свою племянницу въ томъ, что она дала волю сердцу и приблизила къ себѣ Оболенскаго, позабывъ о своихъ обязанностяхъ правительницы и о малолѣтнемъ сынѣ своемъ, Іоаннѣ Васильевичѣ. Но мать Іоанна Грознаго не захотѣла долго сносить укоровъ стараго ворчуна-дяди: 19 августа 1534 г. князь Михаилъ Глинскій, по приказанію своей племянницы Елены, былъ заключенъ въ тюрьму и не выходилъ изъ нея болѣе... Полагаютъ, что онъ былъ тайно умерщвленъ...

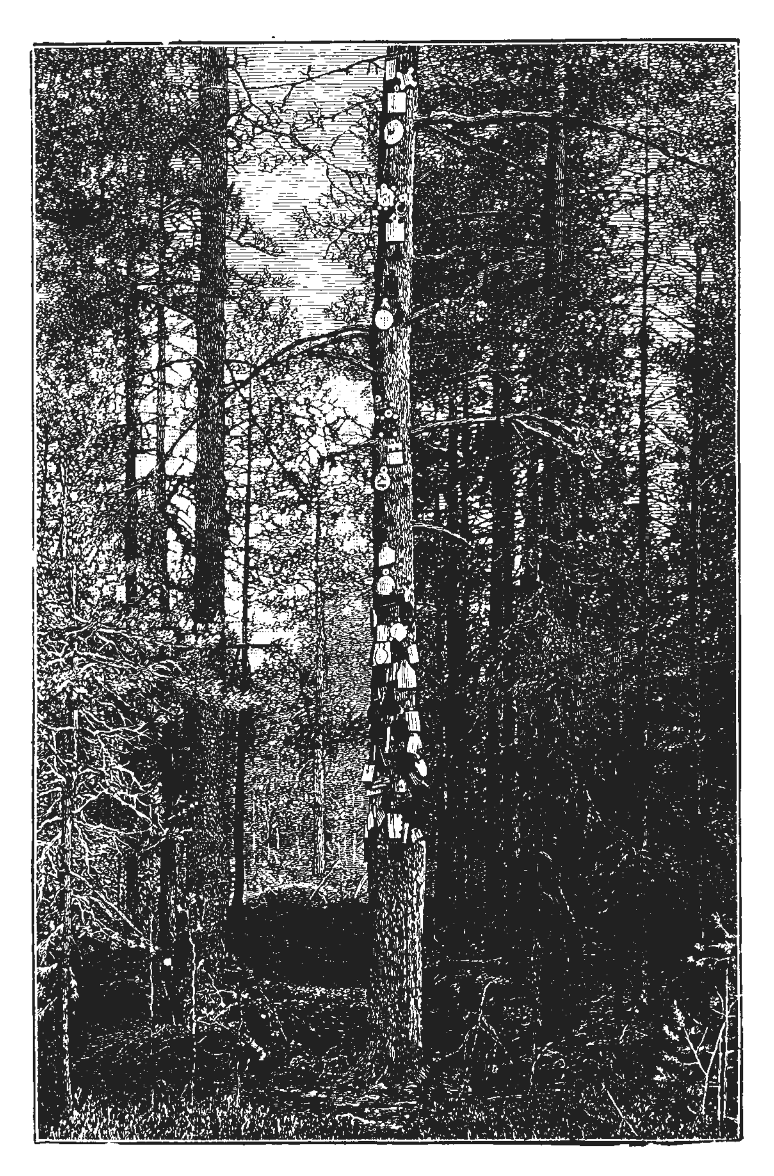
Нашъ извѣстный историческій живописецъ Н. В. Неврѳвъ избралъ темою для своей картины одну изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, которыя происходили между дядей и племянницей въ то время, когда Елена еще впервые вырвалась на волю. Она еще выслушиваетъ дядю, еще смущается тою правдою, которая слышится ей въ его рѣчахъ. Но у ней уже закипаетъ на сердцѣ недоброе чувство и ея брови хмурятся сурово... А молодой любимецъ ея, невольный свидѣтель сцены между дядей и племянницей, молчитъ и не знаетъ, что ему молвить въ отвѣтъ суровому обличителю.

Урокъ танцевъ. (Рис. на стр. 364 и 365).

Расцвѣтающая красавица повторяетъ свой урокъ танцевъ въ присутствіи своихъ сестеръ и подругъ. Тутъ же, немного въ сторонѣ, сидитъ ея дѣдушка и въ восхищеніи слѣдитъ за не совсѣмъ увѣренными, но полными прелести движеніями своей любимицы. Одна изъ товарокъ молодой дѣвушки играетъ на клавикордахъ, и подъ звуки одного изъ любимыхъ въ то время менуэтовъ Экзоде или Гретри послѣдняя старательно выдѣлываетъ па этого величаваго танца, бывшаго очень распространеннымъ во Франціи при Людовикахъ XIV, XV и XVI. Около полутораста лѣтъ танцовали плавный и неторопливый менуэтъ, пока, мало-по-малу, онъ не былъ вытѣсненъ болѣе оживленнымъ гавотомъ.

Дерево предковъ. (Рис. на этой стр.).

Дерево это—сосна—стоитъ въ 4 верстахъ отъ погоста Новая Кирка (Ny-kirka, Uuti-kirkko), верстахъ въ 70 отъ Петербурга, при дорогѣ въ погостъ Куомма-ярви той-же Выборгской губ. Дерево, какъ видно на рисункѣ, унизано дощечками разной формы, крашеными и не крашеными, и на каждой изъ этихъ дощечекъ вырѣзана или намалевана четырехъ-значная цифра и фигура въ родѣ Андреевскаго креста; нѣсколько такихъ крестовъ вырѣзано и на корѣ дерева.



Дерево предковъ, близь Новой Кирки, въ Финляндіи.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

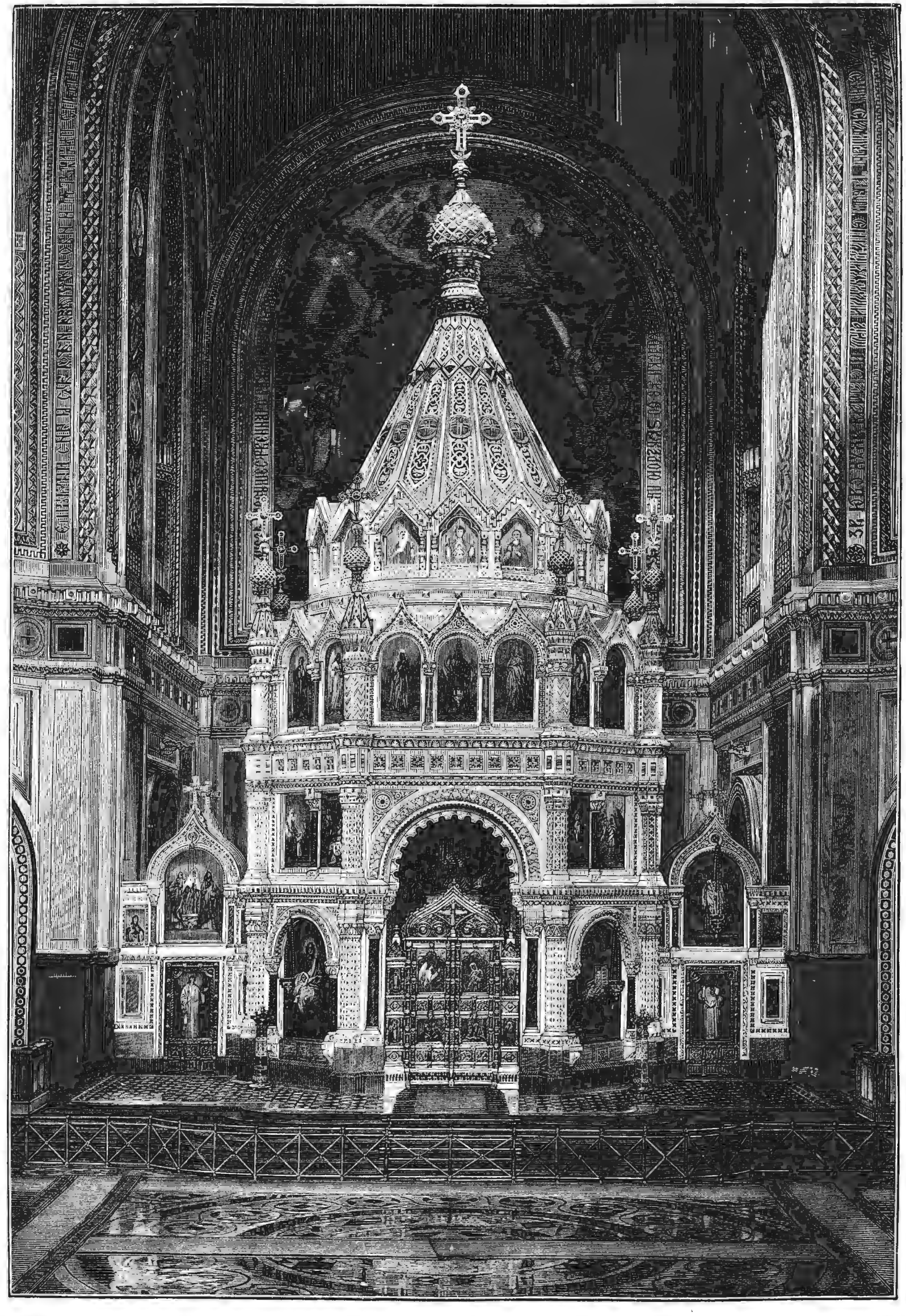
Дощечки вѣшаются родственниками покойника, котораго везутъ по этой дорогѣ на кладбище; цифры означаютъ годъ смерти.

Обычай этотъ очень древній и теперь мало-по-малу забывается въ Финляндіи, гдѣ про него знаютъ еще въ восточныхъ частяхъ Саволакса и въ Кареліи; интересно, что у многихъ другихъ народовъ урало-алтайскаго происхожденія (Мордва, Весь, но Буху—Вотяки) существуетъ обычай вбивать гвоздь въ дерево, стоящее на перекресткѣ къ кладбищу. Въ Саволаксѣ и въ центральныхъ частяхъ Кареліи (отъ Іоенсуу до Падановы) срѣзаютъ кору съ дерева и вырѣзаютъ тавро умершаго, полагая, что пока тавро видно, онъ не можетъ возвратиться въ домъ и мучить односельчанъ; такое дерево называется „juku-polreidenpuu“, т. е. дерево предковъ, родни. Срубить это дерево—значитъ навязать себѣ на шею этихъ мертвецовъ, которые не преминутъ наказать виновнаго. Иногда желающій насолить кому либо изъ своихъ односельчанъ срѣзаетъ tunnusmerkki“ (мѣта, тавро) его семейскихъ, но бѣда, если онъ не укажетъ имъ дорогу вплоть до ихъ жилища, идя и проливая на земь по капелькѣ молока, такъ какъ вся эта компанія стала бы мучить его самого. Иногда тутъ-же на этихъ деревьяхъ можно увидѣть ленты, кусочки матеріи, табакъ и т. п.—это жертвы, въ которыхъ однако никто не сознается изъ протестантскихъ финновъ, и только корелякъ простодушно станетъ увѣрять, что это очень полезно для домашняго покоя и благосостоянія.

Главный алтарь въ храмѣ Христа Спасителя.

(Рис. на стр. 369).

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ сооруженъ въ память великой и знаменательной для Россіи войны 1812 года и чудеснаго спасенія нашей родины отъ нашествія двунадесяти языковъ. Первоначальное предположеніе построить его на Воробьевыхъ горахъ было оставлено и храмъ воздвигнутъ вблизи священнаго Кремля, на лѣвомъ берегу рѣки Москвы, на мѣстѣ до того занятомъ Алексѣевскимъ женскимъ монастыремъ, переведеннымъ въ 1837 году въ Красное село, близь Сокольниковъ. Подробное описаніе возникновенія и постройки храма съ двумя изображеніями его помѣщено въ № 13 „Нивы“ за 1879 г. Главный алтарь храма Христа Спасителя и прилегающія къ нему части устроены согласно съ правилами, соблюдаемыми православною церковью, и сообразно съ указаніями,



Видъ главнаго алтаря въ храмѣ Спасителя въ Москвѣ. Съ фотогр. Папова, грав. М. Рашевскій.

сдѣланными митрополитомъ Московскимъ Иннокентіемъ и викаріемъ его, Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ. Оба эти іерарха полагали, что въ прилегающихъ къ главному алтарю галерейныхъ пролетахъ вполнѣ умѣстно было бы устроить отдѣльныя помѣщенія для жертвенника и діаконника и въ особенности освободить возвышенное и обширное пространство для святыни Горняго мѣста.

Помѣщеніе жертвенника въ корридорѣ храма имѣло цѣлію сдѣлать алтарь доступнымъ только для священнодѣйствующихъ, между тѣмъ какъ жертвенникъ, по примѣру древнихъ храмовъ, долженъ быть доступенъ и для мірянъ, которые бы со своими приношеніями подходили къ нему безъ опасенія быть остановленными, подобно тому какъ древніе христіане приносили хлѣбъ и вино для литургіи.

Галерейные пролеты около алтаря представляли для этого безусловное удобство: жертвеннику отдѣлялась вполнѣ достаточная мѣстность, и для діаконника полагалось особое помѣщеніе съ отдѣльнымъ къ нему ходомъ, такъ что духовенство могло бы облачаться и выжидать начала священнодѣйствія въ особомъ отдѣленіи. Такимъ образомъ самый алтарь сохранилъ бы свое величіе и недоступность свойственную его святынѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ и распредѣленіемъ алтарныхъ частей, получалась позади главнаго алтаря обширная и замкнутая ризница.

Главный иконостасъ храма представляетъ восьмигранную часовню, сооруженную изъ бѣлаго мрамора, съ орнаментами и инкрустаціей изъ различныхъ породъ мрамора, увѣнчанную бронзовымъ вызолоченнымъ шатромъ, кверху съуживающимся, и состоящую изъ четырехъ ярусовъ, предназначенныхъ для помѣщенія иконъ. Внутри этой часовни находится престолъ, такъ что она вмѣстѣ служитъ и напрестольною сѣнью, каковыя обыкновенно устроивались въ древнихъ христіанскихъ храмахъ. Съ лицевой стороны часовни находится пролетъ для Царскихъ дверей, вышиною въ 7 арш. 11 верш. и шириною въ 3 арш. 13¹/₄ верш., и пролеты Сѣверныхъ и Южныхъ дверей въ особыхъ двойныхъ мраморныхъ стѣнкахъ, примыкающихъ къ стѣнамъ храма.

Сообщаемыя свѣдѣнія почерпнуты изъ интересной исторіи храма Христа Спасителя въ Москвѣ, составленной М. Мостовскимъ.

Серебряная свадьба принца и принцессы Вельскихъ. (Портреты на стр. 372).

Альбертъ Эдвардъ, герцогъ Корнвельскій — какъ титулуется старшій сынъ Британскаго монарха въ моментъ рожденія — родился 29 октября (9 ноября) 1841 г. въ Бокингамскомъ дворцѣ, отъ брака Англійской королевы Викторіи съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ. Новорожденному не было еще четырехъ недѣль, когда онъ получилъ титулы принца Вельскаго и графа Честерскаго, данные ему королевинымъ патентомъ отъ 22 ноября (4 декабря); такъ какъ первый изъ этихъ двухъ титуловъ никогда не переходитъ по простому праву наслѣдства, но долженъ быть каждый разъ подтверждаемъ особо. Юный принцъ получилъ блестящее воспитаніе, учился въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, совершилъ путешествія въ 1860 году по Америкѣ и въ 1862 г. по Востоку. 10 марта (26 февраля) 1863 г. онъ сочетался бракомъ съ принцессой Александрой Датской, сестрой Государыни Императрицы, дочерью короля Христіана IX. На-дняхъ въ Лондонѣ праздновалась серебряная свадьба принца и принцессы Вельскихъ. Отъ этого брака произошли: принцы Альбертъ-Викторъ (род. 8 января н. с. 1864), Георгъ (р. 3 іюня 1865), принцессы Луиза (р. 16 февраля 1867), Викторія (р. 6 іюля 1868) и Маудъ (р. 26 ноября 1869). Что касается общественной дѣятельности принца Вельскаго, то онъ началъ военную службу полковникомъ и достигъ фельдмаршальскаго жезла; въ прусской арміи состоитъ шефомъ Блюхеровыхъ гусаръ. Въ 1875—76 году онъ совершилъ поѣздку въ Индію, гдѣ былъ принятъ съ величайшимъ энтузіазмомъ и встрѣченъ рядомъ блестящихъ празднествъ.

Принцъ проводитъ большую часть времени въ Мальбороскомъ дворцѣ въ Лондонѣ и въ Фрогморѣ близъ Виндзора. Но любимою резиденціею его служитъ имѣніе Сандрингамъ-Голлъ, окруженное садами, прекраснымъ паркомъ и удобными мѣстами для охоты. Принцъ особенно заботливо относится къ своимъ фермерамъ и улучшаетъ культуру.

Генералъ-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ.

(Портр. на стр. 373).

На-дняхъ праздновался юбилей пятидесятилѣтней службы члена Государственнаго совѣта, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи Дрентельна, числящагося въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, занимающаго постъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа. Александръ Романовичъ Дрентельнъ, изъ дворянъ Кіевской губерніи, родился въ 1820 г. Воспитаніе получилъ онъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, куда былъ опредѣленъ десяти лѣтъ отъ роду и гдѣ окончилъ курсъ въ 1838 году. Выпущенный прапорщикомъ, онъ поступилъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ и черезъ годъ былъ произведенъ въ подпоручики; въ 1841—въ поручики; въ 1845—въ штабсъ-капитаны; въ 1847—въ капитаны. Когда въ Австріи вспыхнулъ мятежъ и войска не въ состояніи были сладить со взбунтовавшимися венгерцами, а императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ государю Николаю Павловичу съ просьбой о помощи,—А. Р. Дрентельну пришлось участвовать въ походѣ войскъ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи, въ 1849 году. По окончаніи кампаніи, онъ получилъ чинъ полковника и при этомъ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, а черезъ годъ—снова въ прежній полкъ.

Въ 1854 году А. Р. Дрентельнъ былъ назначенъ командиромъ запасной бригады 12-й пѣхотной дивизіи и въ первой половинѣ слѣдующаго года находился со своей бригадой въ Очаковѣ и на берегахъ Чернаго моря, послѣ чего вскорѣ командовалъ гренадерскимъ эрцгерцога Франца-Карла полкомъ (нынѣ 7-й гренадерскій Самогитскій полкъ). Спустя четыре года Дрентельнъ получилъ чинъ генералъ-маіора и должность командира лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, а въ 1865 году состоялъ командиромъ войскъ, которыя были расположены въ Виленской губерніи. Въ это время ему пришлось участвовать въ подавленіи польскаго мятежа, причемъ онъ выказалъ замѣчательную дѣятельность и неутомимую энергію. Черезъ годъ А. Р. Дрентельну повелѣно находиться въ свитѣ государя императора, а еще годъ спустя онъ произведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденъ въ должности начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Въ 1867 году, получивъ званіе генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества, онъ назначенъ въ помощники къ Е. И. Высочеству, предсѣдателю главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, и въ 1869 году, по дѣламъ того же комитета, Высочайшимъ повелѣніемъ командированъ въ Пруссію. Въ 1872 г. А. Р. Дрентельнъ былъ назначенъ на постъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и, занимая этотъ постъ, состоялъ, съ начала послѣдней турецкой кампаніи, начальникомъ военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи и командующимъ войсками находившимися въ тылу послѣдней. На долю его выпала тяжелая обязанность исправлять пути и содержать ихъ въ лучшемъ видѣ,—тяжелая потому, что наши желѣзнодорожныя управленія не могли похвалиться порядками, въ Румыніи царствовала неурядица, а дороги въ Болгаріи находились въ самомъ плохомъ состояніи. Но генералъ Дрентельнъ, проявившій огромную энергію и распорядительность, поборолъ всѣ преграды и оказалъ несомнѣнно большія услуги нашей арміи, при ея передвиженіи.

16 апрѣля 1878 года А. Р. Дрентельнъ произведенъ въ полные генералы и спустя нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ шефомъ жандармовъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія Собств. Е. И. Вел. Канцеляріи на мѣсто, убитаго гнусными злодѣями, генерала Мезенцова. На этомъ посту, на которомъ онъ пробылъ недолго, онъ также подвергся опасности: 13 марта 1879 г., когда генералъ Дрентельнъ проѣзжалъ по пути къ Зимнему дворцу, вдоль Лѣтняго сада, одинъ изъ негодяевъ террористической шайки, оказавшійся потомъ Мирскимъ, выстрѣлилъ изъ револьвера въ карету шефа жандармовъ, но пуля не причинила ему никакого вреда. Годъ спустя, генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности (28 февраля 1880 года). Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ имѣетъ ордена: Св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны 1-й степени съ императорскою короной, Св. Станислава 1-й степени съ короной и друг., а также состоитъ кавалеромъ прусскаго ордена Краснаго Орла 1-й степени. Въ настоящее время генералъ-адъютанту Дрентельну исполнилось 68 лѣтъ, но онъ, со свойственной ему энергіей, неутомимо исполняетъ свои обязанности.

В. П. Гаевскій. (Портр. на стр. 373).

2 марта, послѣ долгой и тяжкой болѣзни, на 62 году жизни, скончался Викторъ Павловичъ Гаевскій—одинъ изъ основателей „Общества для пособія нуждающимся ученымъ и литераторамъ“, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ почти со всею плеядой нашихъ выдающихся писателей періода 50-хъ годовъ. В. П. Гаевскій, по званію адвокатъ, былъ еще болѣе извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ столицы, какъ человѣкъ утонченно образованный, какъ умный и опытный цѣнитель искусствъ, какъ большой меломанъ. Въ ранней молодости, окончивъ курсъ въ Лицеѣ (еще въ 40-хъ годахъ), онъ со страстью предался занятіямъ литературою и много писалъ въ журналахъ по отдѣлу критики, библіографіи и исторіи словесности. Охотно занимаясь Екатерининскимъ періодомъ нашей литературы, В. П. Гаевскій, главнымъ образомъ, былъ извѣстенъ какъ отличный знатокъ Пушкинскаго періода, надъ которымъ онъ долго трудился. Въ свое время, его монографія о Дельвигѣ была единственнымъ пособіемъ для изученія этого поэта. Въ послѣдніе годы, покинувъ адвокатуру и собираясь отдыхать на старости, покойный снова принялся за литературныя занятія и приготовилъ для печати отдѣлъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина (въ изданіи Литературнаго фонда) и помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ статей въ *Вѣстникѣ Европы* (за два послѣдніе года). Онъ собралъ въ теченіе жизни прекрасную

библіотеку, хорошую картинную галерею и довольно богатую коллекцію любопытныхъ рукописей. Въ своемъ завѣщаніи онъ не забылъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ въ теченіе жизни былъ дѣятельнымъ членомъ: онъ оставилъ имъ крупные вклады.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 18 марта, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили общину сестеръ милосердія Св. Георгія (на Выборгской сторонѣ).

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: Московскую сохранную казну упразднить съ 1 мая 1888 г. Завѣдываніе ссудами, выданными изъ оной, возложить на Петербургскую сохранную казну.

— Высочайше утвержденъ проектъ правилъ, подлежащихъ соблюденію по касающимся возвращеннаго отъ Румыніи, по Берлинскому трактату 1 (13) іюля 1878 г., участка Бессарабіи дѣламъ брачнымъ, а также объ удостовѣреніи событія браковъ и рожденія отъ законнаго брака дѣтей.

Дѣла церкви.

— Въ состоявшемся 18 марта засѣданіи коммисіи по участію города Кіева въ празднованіи 900-лѣтія крещенія Руси, между прочимъ, постановлено: 1) во время празднованія устроить народныя гулянья; 2) угощеніе для войскъ; 3) обѣдъ для гостей и разныхъ представителей; 4) открыть, въ память Св. князя Владиміра, городское училище, наименовавъ его „Владимірскимъ“; 5) устроить въ день празднованія иллюминацію города; 6) устроить на счетъ города хоругвь, которую, послѣ процессіи, передать во Владимірскій соборъ, и 7) выпустить жетоны въ память празднованія.

— 4 марта, въ гор. Нѣжинѣ, Черниговской губерніи, праздновался рѣдкій юбилей. Въ этотъ день исполнилось шестьдесятъ лѣтъ служенія протоіерея Іоанна Андреевича Чернявскаго въ санѣ священника при нѣжинской соборной церкви.

Искусства изобразительныя.

— С.-Петербургскій комитетъ о сестрахъ Краснаго Креста устраиваетъ для усиленія своихъ средствъ выставку картинъ современныхъ французскихъ художниковъ, начиная въ 2 по 21 апрѣля включительно.

В. А. Ратьковъ-Рожновъ, членъ означеннаго Комитета, весьма любезно предложилъ для этой цѣли даровое помѣщеніе въ принадлежащемъ ему домѣ (Дворцовая набережная, 8).

Выставка обѣщаетъ быть интересною, такъ какъ выборъ присланныхъ картинъ для оной былъ сдѣланъ въ Парижѣ особою коммисіею, состоявшею изъ лучшихъ французскихъ живописцевъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго художника Гильома.

Открытіе выставки предполагается 2 апрѣля по особымъ приглашеніямъ.

— Въ непродолжительномъ времени въ Кіевѣ открывается выставка картинъ профессора И. К. Айвазовскаго. Всѣхъ картинъ будетъ выставлено 20, въ томъ числѣ замѣчательная по композиціи и мастерству исполненія картина „Нашествіе Олега на Босфоръ“.

Литература и наука.

— 25 марта въ Москвѣ праздновался 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности нашего высоко-талантливаго сотрудника, графа Е. А. Саліаса де-Турнемиръ. На обѣдѣ въ ресторанѣ „Эрмитажъ“ собралось болѣе 150 литераторовъ, ученыхъ, артистовъ и дамъ. Юбиляру Высочайше пожалованъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени, о чемъ была прислана телеграмма отъ министра Двора, прочтенная за обѣдомъ. Отъ почитателей его таланта поднесенъ графу Саліасу адресъ покрытый слишкомъ двумя стами подписей, адресъ отъ издателя и редакціи журнала *Нивы*, привѣтственные телеграммы отъ Министра Народнаго Просвѣщенія и отъ многихъ органовъ періодической печати, богатая серебряная чернильница и проч.

— Въ засѣданіи Имп. Московск. Общ. испытателей природы, 17 марта, президентъ общества, профессоръ Ѳ. А. Бредихинъ, сдѣлалъ сообщеніе о видѣнной въ южномъ полушаріи въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года большой кометѣ. По вычисленіямъ астрономовъ, комета находилась въ разстояніи 3,500 географическихъ миль отъ поверхности солнца; это разстояніе въ 14 разъ менѣе разстоянія луны отъ земли. При такомъ близкомъ (сравнительно) разстояніи кометы отъ солнца и при страшной поступательной ея быстротѣ (скорость ея движенія равнялась 560 верстамъ въ секунду), естественно должна была получиться и страшно высокая температура, при которой части массы ея придатка (хвоста), если это были водороды, углеводороды и другія подобныя составныя части, должны были отъ дѣйствія солнца уничтожиться.

Театръ и музыка.

— 21 марта, въ институтѣ Е. И. В. Принцессы Терезіи Ольденбургской происходило празднованіе юбилея 50-ти-лѣтней музыкальной дѣятельности извѣстнаго піаниста и композитора, инспектора по музыкальной части въ институтахъ и учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, д. с. с. Адольфа Львовича Гензельта. Юбиляръ, 50 лѣтъ тому назадъ, 21 марта 1838 года, далъ въ Петербургѣ свой первый концертъ, и тогда же былъ приглашенъ преподавателемъ музыки въ Императорское училище правовѣдѣнія.

— 20 марта, состоялся въ Маріинскомъ театрѣ большой вокальный и инструментальный концертъ военныхъ хоровъ въ пользу инвалидовъ. На концертѣ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и другія особы Императорской фамиліи.

Торговля.

— О ходѣ дѣлъ на ирбитской ярмаркѣ текущаго года получаются весьма благопріятныя извѣстія. Ярмарка отличается такимъ оживленіемъ, какого не замѣчалось уже много лѣтъ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Слонимѣ, Шара и Огинскій каналъ выступили изъ береговъ. Низменныя части города затоплены. Вода прибываетъ. Поѣзды до здѣшней станціи не доходятъ вслѣдствіе разрушенія мостиковъ близъ вокзала. Пріемъ товаровъ прекращенъ.

Политическое обозрѣніе.

Внезапная кончина императора Вильгельма отодвинула на второй планъ всѣ событія политической жизни Европы за послѣдній мѣсяцъ. Но время идетъ, и прискорбная утрата государя, „въ которомъ всѣ націи видѣли оплотъ мира“, перешла на страницы исторіи, уступивъ мѣсто злобамъ дня. Императоръ Фридрихъ III, несмотря на свой недугъ, самолично правитъ страною „ободренный къ исполненію тяжелой задачи управленія, какъ говорится въ напечатанномъ *Имперскимъ Указателемъ*, указѣ императора канцлеру,—многочисленными трогательными доказательствами истинной скорби, по поводу раны, нанесенной сердцу сына“. Признавая неудобнымъ установившійся въ послѣднее время порядокъ отвѣтственности каждаго министра отдѣльно лишь по ввѣренной ему отрасли государственнаго управленія, императоръ рѣшилъ возстановить принципъ коллективной отвѣтственности всего министерства, вслѣдствіе чего всѣ важныя дѣла будутъ обсуждаться теперь въ совѣтѣ министровъ. На происходившемъ 11 марта засѣданіи перваго коронняго совѣта, подъ предсѣдательствомъ императора, князь Бисмаркъ, какъ сообщаетъ *National Zeitung*, представилъ докладъ о международномъ положеніи. Высказанные при этомъ канцлеромъ взгляды и сдѣланныя имъ предложенія были вполнѣ одобрены его величествомъ, который кромѣ того выразилъ князю Бисмарку свою особую признательность.

Это сообщеніе, какъ предполагаетъ *Journal de St. Pétersbourg*, и послужило поводомъ къ слѣдующей телеграммѣ въ *Correspondance de l'Est* изъ Берлина: „Въ происходившемъ въ Шарлоттенбургѣ подъ предсѣдательствомъ императора совѣтѣ министровъ, князь Бисмаркъ изложилъ программу внѣшней политики Германіи, которая была вполнѣ одобрена императоромъ. Имперскій канцлеръ сказалъ, что Германія стремится къ сохраненію мира, Россіи она окажетъ поддержку въ предѣлахъ существующихъ договоровъ, не пренебрегая, однако, интересами Австріи. „Мы будемъ пріятны Россіи, но останемся вѣрны Австріи—вотъ лозунгъ. Австріи извѣстно, что проявленіе дружбы между Берлиномъ и Петербургомъ не есть причина, которая могла бы заставить перемѣнить ея политику въ болгарскомъ вопросѣ въ большей степени, нежели требуютъ ея интересы и интересы мира“.

—„*Correspondance de l'Est*,“ замѣчаетъ та же петербургская французская газета—„имѣетъ притязаніе знать не только взгляды, изложенные княземъ Бисмаркомъ своему государю, но даже подлинныя слова, послужившія ему для выраженія его идей. Не трудно угадать цѣли этихъ странныхъ комментаріевъ, отвѣтственность за которые возлагаемъ на вѣнское агентство“.

Тревожныя извѣстія получаются изъ Франціи и Румыніи. Отставка генерала Буланже стоила жизни министерству Тирара. Превратившись изъ генерала въ простаго „monsieur“ Буланже, онъ выступаетъ кандидатомъ въ депутаты. Забытый нѣсколько времени тому назадъ, онъ снова сталъ кумиромъ народной толпы, которая отчаянно подаетъ за него голоса въ различныхъ департаментахъ Франціи. Отказавшись отъ кандидатуры въ департаментахъ Энскомъ, Одскомъ и Дордоньи, онъ принялъ кандидатуру въ Сѣверномъ департаментѣ, считая, между прочимъ, избраніе себя въ депутаты, манифестацією и протестомъ противъ правительства. „Манифестація, отстаивающая національное достоинство и неприкосновенность французской территоріи, и протестъ противъ клеветы и напраслины, взводимыхъ на республиканца солдата, который имѣлъ всегда лишь одно—защищать свою родину“. — Пока происходитъ избраніе Буланже въ депутаты, сторонникамъ его очень ловко удалось устроить паденіе министерства. 18 марта Лагерръ предложилъ безотлагательно приступить къ отложенному нѣсколько времени тому назадъ предложенію о пересмотрѣ конституціи, что было поддержано многими депутатами различныхъ группъ. Министръ-президентъ Тираръ заявилъ, что если палата приметъ предложеніе во вниманіе, то правительство не пожелаетъ нести отвѣтственности, такъ какъ это было-бы новымъ аргументомъ въ пользу бывшихъ дерзкихъ манифестацій.

Но Палата большинствомъ 268 голосовъ противъ 237, вотировала безотлагательность предложенія о пересмотрѣ конститу-

Принцесса Викторія. Принцесса Луиза. Принцесса Маудъ. Принцесса Вельская. Принцъ Вельскій. Принцъ Альбертъ-Викторъ. Принцъ Георгъ.

Семейство принца Вельскаго (по поводу его серебряной свадьбы). По рис. „Graphic", грав. Шюблеръ.

ціи и министерство вышло въ отставку. По этому поводу оппортунистскія газеты говорятъ, что воля Буланже исполнена: коалиція изъ непримиримыхъ и приверженцевъ цезаризма одержала побѣду надъ республиканскимъ большинствомъ.

Новое министерство составилось подъ главентствомъ Флоке, бывшаго президента палаты депутатовъ, мѣсто котораго въ ней занялъ Мелинъ, бывшій въ 1883 г. министромъ земледѣлія въ кабинетѣ Ферри. Министерство Флоке 22 марта обратилось къ палатѣ съ заявленіемъ, въ которомъ высказываетъ надежду что палата не откажетъ ему въ поддержкѣ въ такое время, когда обстоятельства требуютъ единенія республиканцевъ. „Вопросъ о пересмотрѣ конституціи, — далѣе говорится въ заявленіи, — „долженствующій быть внесеннымъ на разсмотрѣніе палаты, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые требуютъ полнѣйшаго спокойствія и осмотрительности. Тѣ члены кабинета, которые показали себя сторонниками пересмотра конституціи, не могутъ желать, чтобы дѣло столь первостепенной важности, долженствующее привести нашу политическую организацію въ полное согласованіе съ республиканскими принципами, было предпринято при условіяхъ могущихъ его компрометировать. Вотъ почему правительство предложитъ вамъ предоставить его усмотрѣнію выборъ благопріятнаго момента для подготовки соглашенія между обѣими палатами“.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Александръ Романовичъ Дрентельнъ. (По поводу 50-лѣтняго юбилея). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Кромѣ того, въ палату будетъ внесенъ рядъ законопроектовъ касающихся государственныхъ финансовъ, промышленности, торговли, быта рабочихъ, военныхъ порядковъ, международныхъ отношеній. „Въ виду этого, на ваше разсмотрѣніе и будетъ внесенъ рядъ законопроектовъ, касающихся этихъ великихъ вопросовъ. За обсужденіемъ ихъ правительство будетъ внимательно слѣдить и будетъ всегда поддерживать такія рѣшенія, которыя наиболѣе согласуются съ демократическими интересами“.

За послѣднее время Бухарестъ былъ театромъ еще большихъ безпорядковъ чѣмъ Парижъ. Причинами ихъ считаютъ недовольство съ одной стороны дѣйствіями министерства непопулярнаго Братіано и опасенія, какъ бы Румынія не заключила на случай войны конвенцій съ Австріей и Германіей. Сдѣланный по этому поводу запросъ въ палатѣ ничего не разъяснилъ; напротивъ депутатъ Бларамбергъ доказывалъ, что Румынія сдѣлалась какъ бы подвассальнымъ государствомъ Германіи, нѣмецкій элементъ сталъ преобладающимъ и за послѣднее время довели онѣмеченіе до того, что теперь румынскую армію можно считать составною частью германской.

Броженіе умовъ стало увеличиваться и перешло въ открытое неудовольствіе народа. Начались сходки, которыя войска разгоняли штыками. Дѣло дошло до кровопролитія. Чтобы прекратить безпорядки, министерство должно было выйти въ отставку и на его мѣсто составлено другое, подъ президентствомъ Розетти.

Болгарскій вопросъ все въ томъ же положеніи. „Вслѣдствіе кончины императора Вильгельма—говоритъ брюссельская *Nord*—переговоры на нѣкоторое время пріостановились, но теперь не замедлятъ возобновиться. Разъѣзды приближенныхъ принца Фердинанда свидѣтельствуютъ, что правительство узурпатора не безъ опасенія ожидаетъ исхода этихъ переговоровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Германія будетъ попрежнему оказывать поддержку русской политикѣ въ Болгаріи, а потому можно заранѣе предвидѣть, что политика эта хотя не тотчасъ, по все-же увѣнчается успѣхомъ.

Смѣсь.

Ночная радуга. Поразительное лунное явленіе наблюдалось недавно въ Штетинѣ. Вскорѣ послѣ полуночи, луна покрылась легкимъ облакомъ, которое однако почти не уменьшало ея яркости; дискъ луны былъ окруженъ ослѣпительно бѣлымъ вѣнцомъ и вокругъ него образовались два концентрическіе круга радужныхъ цвѣтовъ. Цвѣтъ внутренняго круга доходилъ только до желтаго, между тѣмъ какъ внѣшній кругъ представлялъ всѣ цвѣта спектра, почти такой-же яркости, какъ при обыкновенной радугѣ. Явленіе продолжалось около минуты и повторялось нѣсколько разъ, но уже съ меньшей ясностью и съ менѣе рѣзкими очертаніями, такъ какъ проносившіяся облака становились все гуще и неправильнѣе. Термометръ показывалъ — 10° по Реомюру. (С.)

Королева Викторія должна была однажды заплатить штрафъ. Она не внесла своего сына, принца Альфреда, родившагося въ замкѣ Виндзоръ, въ метрическую книгу деревенскаго прихода, къ которому принадлежитъ замокъ. Мѣстный пасторъ потребовалъ съ королевы семь шиллинговъ штрафа, который она и уплатила.

Новое средство противъ безсонницы. Профессоръ Iегеръ утверждаетъ, что своеобразный запахъ верблюжьяго волоса производитъ на нервы успокаивающее дѣйствіе; а потому, лица страдающія безсонницей, могутъ очень легко освободиться отъ этого недуга, употребляя подушки изъ верблюжьей ткани, набытыя верблюжьимъ волосомъ. (С.)

В. П. Гаевскій. († 2 марта 1888). Съ фотогр. грав. Зубчаниновъ.

Чувство состраданія у животныхъ. Прекрасный, трогательный примѣръ чувства состраданія у собакъ сообщаетъ г. де-Тарадъ, со словъ г. Леонса Гина, въ Парижѣ. Недалеко отъ улицы de la Grande-Arche, двое уличныхъ мальчишекъ бросили въ Сену старую, слѣпую, полумертвую отъ голода собаку, съ намѣреніемъ утопить ее и, чтобы лучше достигнуть своей цѣли, бросали въ нее каменьями. Возмутительное зрѣлище привлекло множество любопытныхъ, которые, въ ту самую минуту, какъ г. Гинъ хотѣлъ закрыть окно, чтобы не быть долѣе свидѣтелемъ тяжелой сцены, разразились восторженными кликами и рукоплесканіями. Но что же произошло? Собака г. Гина, кличка Вальянъ, явилась въ качествѣ защитника и бросилась въ рѣку на помощь погибавшему собрату. Подплывъ къ несчастной жертвѣ, собака подставила ей спину, такъ чтобы та могла ухватиться зубами за ея длинную шерсть и добралась вмѣстѣ съ нею обратно до берега. Мальчишки, не желавшіе отказаться отъ своего намѣренія, хотѣли прогнать смѣлаго защитника палками, но Вальянъ очень рѣшительно показалъ имъ зубы и они оставили его въ покоѣ. Остальные зрители осыпали собаку ласками и похвалами, а г. Гинъ, опасаясь какой-либо случайности, позвалъ его къ себѣ. Но Вальянъ въ первый разъ въ жизни отказался повиноваться своему хозяину, не желая оставить спасеннаго имъ собрата на произволъ судьбы. Только, когда послѣдняго отнесли въ его конуру, Вальянъ удалился съ арены своего прекраснаго подвига, чтобы оказать ласковый пріемъ гостю. Точно также ничѣмъ инымъ, какъ чувствомъ состраданія, нельзя объяснить поступокъ цапли, о которомъ сообщаетъ докторъ Бодинусъ („Зоологическій садъ“ 1862 г.). Цапля, которая находилась въ непримиримой и постоянной враждѣ съ бѣлымъ аистомъ, начала обращаться къ нему съ величайшимъ вниманіемъ и лаской, послѣ того какъ аистъ ослѣпъ. Прошло лишь нѣсколько часовъ послѣ одного изъ жестокихъ нападеній на аиста, отъ котораго послѣдній былъ спасенъ лишь благодаря вмѣшательству г. Бодинуса, и цапля, увидѣвшая что врагъ ея слѣпъ, уже мирно сидѣла возлѣ своего недавняго врага, стараясь всѣми средствами быть ему полезной. Когда аисту приносили пищу, она побуждала его ѣсть и не подпускала никого, пока онъ не кончитъ. Когда наконецъ были вынуждены умертвить ослѣпшую птицу, цапля выражала величайшее огорченіе, тщательно избѣгала того мѣста, гдѣ помѣщался раньше ея несчастный другъ, и удалялась въ глухой уголокъ сада. (с.)

Вознагражденіе тореадоровъ. Обыкновенно считаютъ, что наиболѣе высокую плату за свое искусство получаютъ знаменитые пѣвцы; но это не совсѣмъ вѣрно. Ни одинъ теноръ въ свѣтѣ—какъ бы непомѣрны ни были его притязанія — не дерзнетъ потребовать такую сумму, какая выговорена недавно знаменитымъ тореадоромъ, г. Фраскуоло, за нѣсколько представленій въ Мексикѣ. За четыре выхода онъ получаетъ 80,000 марокъ и кромѣ того бенефисъ, который, по всей вѣроятности, дастъ ему еще половину названной суммы. Мексиканцы не только съ радостью платятъ это громадное жалованье, но считаютъ себя еще счастливыми, что могли ангажировать столь великаго артиста за такую ничтожную сумму. (с.)

Однимъ изъ наиболѣе привлекательныхъ проявленій американской общительности могутъ считаться такъ-называемыя Surprise-parties, которыя иногда служатъ и благотворительнымъ цѣлямъ. Поздно вечеромъ, около полуночи, кружокъ близко знакомыхъ семействъ является въ какой-либо домъ, сговорившись предварительно съ прислугой или съ однимъ изъ членовъ семьи. Разставляютъ потихоньку столы, свѣчи и лампы, достаютъ изъ привезенныхъ корзинъ ножи и вилки, скатерти и ложки, пирожное, печенье, холодное мясо, лимонадъ, варенье, цвѣты и вазы; нерѣдко привозятъ даже мѣшки съ мукой, ящики сахару, пряности, орѣхи, овощи, вино, самоваръ, посуду и всевозможныя кухонныя принадлежности. Когда все разставлено по мѣстамъ, будятъ хозяина дома и его семью, и начинается веселый пиръ, смѣхъ и разговоръ; все привезенное становится собственностью хозяина. Такимъ образомъ достойныя семьи, пользующіяся всеобщимъ уваженіемъ, но не надѣленныя земными благами, или недавно поженившіяся молодыя четы, не успѣвшія еще обзавестись хозяйствомъ, получаютъ подъ благовиднымъ предлогомъ подарки и припасы на зиму. Иногда въ этой-же безобидной и пріятной формѣ получаютъ поддержку семейства, которыхъ постигло какое-нибудь несчастье. Впрочемъ, надо замѣтить, что и въ Америкѣ эти сюрпризы не принадлежатъ къ числу ежедневныхъ явленій. (с.)

Докторскій гонораръ въ Китаѣ. Плата за визитъ доктору въ Китаѣ не превосходитъ обыкновенно двадцати пяти копѣекъ. Казалось бы, что при такой дешевизнѣ врачебнаго совѣта, никто не долженъ отказывать себѣ въ немъ. На самомъ же дѣлѣ, это не такъ. Китаецъ рѣдко обращается къ совѣту врача, можетъ быть вслѣдствіе тѣхъ отвратительныхъ веществъ, которыя монгольскіе доктора примѣшиваютъ къ своимъ лекарствамъ. Въ спискахъ китайскихъ медикаментовъ встрѣчаются между прочимъ экстракты изъ различныхъ гадовъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если ихъ рѣшаются принимать только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Можно подумать, что китайскіе доктора намѣренно, изъ чувства самосохраненія, уснащаютъ свои лекарства такими отвратительными примѣсями, такъ какъ практиковать по 25 коп. за визитъ—трудъ черезчуръ тяжелый. Если-бы не отталкивающіе декокты изъ майскихъ жуковъ, кузнечиковъ и т. п., многимъ изъ докторовъ, можетъ быть, пришлось-бы кончить самоубійствомъ. Большинство изъ нихъ предпочитаетъ бѣдствовать ничего не дѣлая, чѣмъ бѣдствовать—работая день и ночь. (С.)

Чтобы сохранить срѣзанные цвѣты въ свѣжемъ видѣ, ихъ опускаютъ два-три раза въ растворъ гуммиарабика въ водѣ, давая имъ каждый разъ совершенно обсохнуть. Цвѣтокъ покрывается тонкимъ слоемъ клея, который предохраняетъ его отъ вліянія воздуха и не даетъ завянуть. Розы, обработанныя такимъ способомъ, сохраняютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ видъ только что сорванныхъ. (С.)

Заботливыя хозяйки, жалующіяся на табачный дымъ, отъ котораго страдаетъ мебель и занавѣсы на окнахъ, отнесутся вѣроятно болѣе снисходительно къ куренію, когда узнаютъ, что табачная зола представляетъ прекрасное средство для чистки золота, серебра, мѣдныхъ и цинковыхъ вещей. Кромѣ того, чтобы избавиться отъ табачнаго запаха зимою, когда нельзя открывать окна, достаточно повѣсить въ комнатѣ мокрую губку, которая вбираетъ въ себя весь табачный дымъ. Губку слѣдуетъ постоянно поддерживать влажною, поставивъ подъ нее какой-нибудь сосудъ, въ который могла бы стекать вода. (С.)

Задача (ходъ коня) № 25.

шумъ	со	ско	ньемъ	на	серд	ня	пу
ю	ный	даръ	ю	то	сто	то	денъ
умъ	ни	мнѣ	прас	взвол	умъ	це	ме
даръ	од	стью	жиз	мно	митъ	праз	и
стра	ный	до	но		судь	иль	
но	слу	что	бо	за	валъ	нѣтъ	
ни	нилъ	звуч	ре	ли	на	чѣмъ	
чай	же	ю	да		пе	цѣ	
пол	изъ	ный	ства	тай	ня	суж	кто
жизнь	воз	чѣмъ	мнѣ	мнѣ	на	на	враж
стью	на	ду	ной	ной	о	ме	де
звалъ	за	вла	ты	шу	ты	деб	казнь

Рѣшеніе задачи — Ариѳмогрифа № 16 (помѣщ. въ № 7).

„Даргомыжскій“.

1) Сакмара	7) Сіагрій
2) Кары	8) Грамма
3) Моджіо	9) Дарма
4) Дарій	10) Рай
5) Даго	11) Дымка
6) Жоко	12) Гага

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 1893 лицъ, а потому, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе шашечной задачи № 17 (помѣщенной въ № 8).

Бѣлыя:	Черныя:
1) E 3 — F 4	1) D 4 — G 1
2) F 4 — C 7	2) B 8 — D 6
3) A 3 — B 2	3) C 5 — A 3
4) H 6 — G 7	4) H 8 — F 6
5) H 4 — B 4	5) A 3 — C 5
6) B 2 — D 4	6) C 5 — E 3
7) E 1 — F 2	7) E 3 — D 2
8) C 1 — E 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Ф. А. Боронина, С. Т. Грибова, Н. Н. Мосалова, С. О. Фридманъ, А. А. Поспѣева, С. Пуцко; **Москва**—Ф. Н. Чернышева, Э. Н. Ишлинскаго, К. Лебедева, Н. Воронкова; **Борисоглѣбскъ**—Мямлина; **Гороховецъ** — К. Н. Ширма, **Дрохово**— Е. и В. Федутовыхъ; **Дмитровъ**— В. Г. Макарова; **Завидово** — Ѳ. И. Чуркина; **Краснослободскъ** — Н. С. Дубровскаго; **Медвѣдево**—Лейцингеръ; **Окулово** — Алиханова; **Ромоданово**—А. И. Филатова; **Самара** — И. М. Старостина; **Старая Рязань**—В. Н. Кожина; **Тифлисъ**—И. И. Баратова; **Ялта**—Г. Г. Послова; **Ярославль**—Н. Курочкина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 18 (помѣщенной въ № 8).

Бѣлые.	Черные.
1) К c 5 — d 7	1) f 6 — e 5
2) Кр. e 3 — e 2	2) e 4 — e 3
3) f 2 — f 3	3) e 5 — e 4
4) f 3 — e 4++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб** —Н. Г. Вульфъ, С. Цѣпова, А. Крюковой, **Москва** — В. Никольскаго, **Вологда** — Н. В. Изюмова, **Жмеринка** — В. К. Шнейдеръ, **Кишиневъ**— С. Берляндъ, **Молога** — М. Н. Неустроева, **Полоцкъ** — С. Каганъ, **Перновъ**— Виндеръ, **Стар. Рязань** — В. Н. Кожина, **Севастополь** — Н. Хршановскаго, **Ядринъ** — Е. Абакумова.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Страховаго Общества „Россія" въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ., 30 марта 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.**

XIX г. | г. XIX
№ 15 | 1888

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 9 апрѣля 1888 г.
Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Г. П. Павскій.

7 апрѣля текущаго года минуло двадцатипятилѣтіе со дня кончины одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей, Герасима Петровича Павскаго, знаменитаго богослова-филолога, члена императорской академіи наукъ и бывшаго воспитателя покойнаго государя Александра Николаевича. Историкъ Погодинъ называетъ Павскаго ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени, а А. И. Тургеневъ, отзываясь о его филологическихъ изысканіяхъ, говоритъ, что Павскій „единственный у насъ Гриммъ и Жонсонъ въ одно время“. Дѣйствительно, труды протоіерея Павскаго по филологіи значительно обогатили русскую науку и съ появленіемъ ихъ въ печати началось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка—ими положено основаніе русской филологіи. Не менѣе цѣнны и его работы по переводу библейскихъ книгъ на русскій языкъ съ подлинника, то есть съ еврейскаго текста, а также его богословскія сочиненія, которыя печатались въ *Христіанскомъ Чтеніи*, *Духъ Христіанина* и другихъ изданіяхъ; переводъ библіи, по замѣчанію профессора Чистовича, представляетъ историческій памятникъ, который, для науки никогда, даже теперь, когда сдѣланы новые переводы, не потеряетъ своей цѣны. Еще въ началѣ своей служебной дѣятельности протоіерей Павскій написалъ руководства для изученія еврейскаго языка и составилъ хрестоматію, которыя и до сихъ поръ остаются у насъ единственнымъ пособіемъ къ первоначальному познанію еврейскаго языка. Его философскія статьи, помѣщавшіяся въ *Библіотекѣ для Чтенія*, также въ свое время обращали на себя вниманіе и отличались богатою эрудиціей; не даромъ Бѣлинскій выразился о Павскомъ, что этотъ ученый „одинъ стóитъ цѣлой академіи!“ Кромѣ того, онъ былъ замѣчательнымъ педагогомъ, обладавшимъ рѣдкимъ даромъ передавать ученикамъ какія бы то ни было свѣдѣнія сжато,

Герасимъ Петровичъ Павскій (по поводу 25-й годовщины его смерти).
Съ современнаго портрета, грав. Нейманъ.

ясно и понятно. Въ качествѣ профессора духовной академіи, лицея, университета и преподавателя другихъ учебныхъ заведеній, онъ снискалъ себѣ и любовь, и уваженіе. Онъ удивлялъ слушателей обширностью своихъ познаній, глубиною мысли, но знаніями своими не кичился и даже какъ будто скрывалъ свою ученость. Въ немъ не было, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, той нестерпимой заносчивости, по которой, иные, весьма посредственные писатели присвояютъ себѣ незаконное право все осмѣивать или унижать, считая себя умнѣе другихъ. Не смотря на всю свою ученость, онъ совершенно былъ чуждъ того самолюбія, по которому иные не терпятъ никакихъ противорѣчій, не считалъ себя непогрѣшимымъ и съ благодарностью выслушивалъ всякія замѣчанія.

Будучи замѣчательнымъ ученымъ, протоіерей Павскій былъ не менѣе замѣчателенъ и какъ человѣкъ, отличаясь высокими нравственными качествами. Не любившій притворства, презиравшій лицемѣріе, онъ нерѣдко трогалъ своею искренностью, простосердечіемъ самаго суроваго, сухаго человѣка. Строгій къ своимъ ошибкамъ, онъ являлъ безпримѣрную снисходительность къ погрѣшностямъ другихъ. Въ немъ никогда не замѣчали зависти или недоброжелательства, не слыхали, чтобы онъ роптал на свою судьбу и когда дѣйствительно его подвергали гоненіямъ и опалѣ совершенно незаслуженно, онъ старался винить себя. Всѣ дѣла его показывали христіанскую чистоту этого рѣдкаго человѣка и непритворную набожность. Онъ жилъ для добра, на себя тратилъ мало и добрую половину своего достаточнаго содержанія раздавалъ бѣднымъ, или тратилъ на книги, и послѣ него, кромѣ книгъ, почти ничего не осталось. Онъ прекрасно понималъ, что такое бѣдность, нужда, потому что съ самыхъ раннихъ лѣтъ испыталъ весь гнетъ нужды.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника петербургской епархіи, Герасимъ Петровичъ Павскій родился 4 марта 1787 года, въ погостѣ Павы, Лугскаго уѣзда. Всѣ учебныя занятія его до десятилѣтняго возраста ограничивались чтеніемъ Часослова, Псалтири и Святцевъ, такъ что ученіе ему, совсѣмъ не подготовленному, давалось не легко, когда отецъ отдалъ его, въ 1798 г., въ семинарію,—по однимъ источникамъ въ петербургскую, по другимъ—во псковскую. Отъ природы даровитый, онъ много работалъ надъ своимъ образованіемъ, особенно успѣвая въ философіи и богословіи; къ языкамъ онъ выказалъ особенную способность, знакомясь съ ними легко и скоро: въ короткое время онъ выучился языкамъ еврейскому, греческому, нѣмецкому и, самоучкою, французскому. Бѣдность порядкомъ тормозила ходъ его занятій; онъ, нуждавшійся въ приличной одеждѣ, конечно терпѣлъ большую нужду и въ учебныхъ пособіяхъ. За свои отличные успѣхи и благонравную жизнь, обратившіе на него вниманіе начальства, Павскій получилъ мѣсто священника въ одномъ изъ селъ Лужскаго уѣзда и съ этого времени имѣлъ возможность продолжать любимыя занятія, такъ какъ съ этого священническаго мѣста было получаемо все нужное для содержанія талантливаго семинариста. Передъ окончаніемъ семинарскаго курса онъ обладалъ уже такими разнообразными свѣдѣніями, что могъ занимать съ честію каѳедру въ семинаріи. Однако судьба устроила иначе. Въ 1808 году основана была Петербургская духовная академія, и Павскій былъ принятъ въ нее однимъ изъ первыхъ. Въ академіи онъ занимался усердно всѣми науками, и въ особенности богословскими; чтобы вполнѣ усвоить Священное Писаніе, онъ употребилъ массу старанія на изученіе его въ первоисточникѣ, для чего ему пришлось усидчиво и долго заниматься еврейскимъ языкомъ. Блестяще окончивъ семинарію въ 1814 году, Герасимъ Петровичъ былъ возведенъ въ степень магистра богословія и сдѣланъ наставникомъ Петербургской академіи. Ученые труды его оказались настолько полезными для академіи, что духовное вѣдомство почти каждый годъ поручало ему новыя должности; въ томъ-же году, когда онъ началъ службу, его избрали въ члены академической конференціи; въ слѣдующемъ сдѣлали священникомъ Казанскаго собора; черезъ годъ назначили членомъ цензурнаго комитета и тогда-же опредѣлили законоучителемъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ онъ пробылъ не болѣе года. По выходѣ изъ него, Павскій былъ рекомендованъ въ члены военной коммиссіи для составленія учебныхъ пособій кантонистамъ. Вскорѣ онъ былъ приглашенъ въ комитетъ для разсмотрѣнія переводовъ священныхъ книгъ съ греческаго и еврейскаго языковъ, гдѣ, до самаго окончанія перевода новозавѣтныхъ книгъ, состоялъ главнымъ пересмотрщикомъ и исправителемъ всѣхъ частныхъ переводовъ. За свои труды въ этой области, Павскій получилъ каѳедру еврейскаго языка, въ 1818 году, возведенъ въ степень доктора богословія (1821) и награжденъ орденомъ. Въ 1819 году Герасимъ Петровичъ занялъ каѳедру богословія, а въ концѣ 1826 года, будучи протоіереемъ Андреевскаго собора, вышелъ изъ университета, оставшись только его почетнымъ членомъ, сдѣланъ былъ законоучителемъ цесаревича Александра Николаевича и въ слѣдующемъ году—законоучителемъ и духовникомъ великихъ княженъ. Тогда-же сдѣлали его и протоіереемъ Большаго собора въ Зимнемъ дворцѣ. Уволившись въ 1835 году отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, Павскій отдался почти всецѣло философскимъ, богословскимъ и филологическимъ трудамъ и издалъ, въ 1841—1843 годахъ, свое знаменитое сочиненіе „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка“, надъ которымъ проработалъ около десяти лѣтъ; Академія Наукъ присудила автору за этотъ трудъ полную Демидовскую премію. Въ 1858 году академія избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ по русскому отдѣленію. На покой Герасимъ Петровичъ удалился еще въ 1855 году, при чемъ за нимъ были оставлены все содержаніе и всѣ преимущества по службѣ, въ качествѣ придворнаго протоіерея. Онъ скончался 7 апрѣля 1863 года. Павскій, по словамъ профессора Чистовича, своимъ характеромъ и своею жизнію внушалъ довѣріе къ людямъ и осуществлялъ лучшія, можно сказать, идеальныя стороны человѣческой жизни.

П. Быковъ.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XXIV.

Медвѣжья услуга, оказанная Оберегателю его вѣрнымъ и черезчуръ усерднымъ слугою, произвела на него такое удручающее впечатлѣніе, что онъ заболѣлъ и нѣсколько дней никуда не выходилъ изъ дому. Мрачно настроенное воображеніе все рисовало князю Василію этого несчастнаго, заживо сожженнаго только ради того, чтобы избавить его, князя, отъ всякой отвѣтственности. Ему безпрестанно казалось, что онъ слышитъ его отчаянные вопли, заглушаемые трескомъ горящаго зданія, что онъ видитъ, какъ тотъ задыхается отъ дыма и слабые звуки голоса замираютъ въ его гортани, между тѣмъ какъ тѣло его корчится послѣдними предсмертными судорогами... Едва закрывалъ онъ глаза, этотъ страшный кошмаръ представлялся ему во всей своей ужасающей правдѣ, и князь Василій метался на своей раззолоченной постели и тщетно призывалъ къ себѣ покинувшій его сонъ.

А приготовленія къ походу шли своимъ чередомъ, отнимая у князя Василія бо́льшую часть его времени и каждый день напоминая ему о томъ, что роковой срокъ отправленія въ этотъ проклятый походъ приближается быстро и неизбѣжно, какъ смертный часъ. Отовсюду, между тѣмъ, шли недобрыя и неутѣшительныя вѣсти. Шакловитый, возвратившись изъ Малороссіи, сообщилъ, что новымъ гетманомъ тамъ недовольны, что ему не довѣряютъ и подозрѣваютъ его въ сношеніяхъ съ Польскимъ королемъ. Съ другой стороны, изъ-за рубежа доходили свѣдѣнія о томъ, что кесарь Римскій и король Польскій, удовлетворенные послѣдними своими военными успѣхами, собираются заключить съ Турскимъ салтаномъ отдѣльный миръ, предоставляя Московскимъ государямъ воевать съ нимъ или мириться—и этимъ ставя Россійское государство въ крайне опасное положеніе. Озабоченный этимъ, Оберегатель быстро создалъ цѣлый планъ воздѣйствія на Польскаго короля и на кесаря Римскаго; по его настоянію, рѣшено было отправить въ Вѣну дьяка Возницына съ напоминаніемъ о томъ, что миръ не можетъ быть заключенъ съ Турціей безъ согласія Московскихъ государей. Какъ разъ около того-же времени, нѣмецкая слобода надѣлала новыхъ хлопотъ Оберегателю.

— По твоему, государь, приказу, сказалъ однажды Оберегателю дьякъ Украинцевъ,—тѣ самые люди-иноземцы, что нѣмецкую слободу замутили, давно уже взяты и допрашиваны... Ты о нихъ не изволилъ-ли забыть? Въ тюрьмѣ сидятъ вторую недѣлю...

— Какіе люди?

— Квиринусъ Кульманъ да Кондратей Нордерманъ.

— А! да! припоминаю—читалъ ихъ допросныя рѣчи, и ничего въ нихъ вредительнаго не вижу.

— Квиринусъ — тотъ и впрямь блаженный; несетъ такую околесную, что—и Господи! Толкуетъ все о какихъ-то тайнахъ Божіихъ, да о новой какой-то вѣрѣ; пророчествуетъ по видѣнію и откровенію о какихъ-то войнахъ, которыя впредь будутъ... По-моему, онъ давно уже рехнулся...

— Такъ что-же намъ съ нимъ путаться? Отправить его за рубежъ да и все тутъ...

— И я бы такъ думалъ... Да чтò скажутъ нѣмцы?.. Вотъ, напримѣръ, езовиты и самъ генералъ Гордонъ—тѣ крикомъ кричатъ, что Квиринусъ—еретикъ и чернокнижникъ, и что его безпремѣнно въ срубѣ сжечь потребно.

— Ну, мало-ли чтò они кричать станутъ? Намъ ихъ и слушать—изъ-за нихъ на себя кровь брать!?

— Такъ какъ-же порѣшишь, князь Василій Васильевичъ? Выслать, такъ выслать...

— Выслать, конечно, и съ книгами, и съ письмами ихъ дурацкими... О томъ и указъ заготовить.

Не прошло и двухъ дней послѣ этого разговора, какъ къ князю Василію явился Шмитъ и спросилъ его: справедливъ-ли слухъ, будто заготовленъ указъ о высылкѣ изъ Москвы злыхъ еретиковъ и чернокнижниковъ, Квиринуса Кульмана и Конрада Нордермана.

— Да, я велѣлъ заготовить подобный указъ, и думаю его провести у великихъ государей.

— Ваша высокоименитость вѣроятно не изволили прочесть тѣхъ еретическихъ книгъ и соблазнительныхъ писаній, которыя эти злые ересіархи осмѣливались здѣсь, въ Москвѣ, распространять? Не изволили заглянуть, напримѣръ, въ *Прохладительную Псалтирь* этого Кульмана?

— Зачѣмъ стану я его книги читать, когда я изъ его словъ вижу, что онъ полоумный?

— Нѣтъ, не могу съ этимъ согласиться, ваша высокоименитость! Это не безумецъ—это зловредный еретикъ, достойный костра, и государи Московскіе, какъ добрые христіане, должны повелѣть его сжечь во славу Божію.

— Я не допущу такого злодѣйства! Жечь сумасшедшаго, который никому не сдѣлалъ никакого зла своими бреднями... И какое намъ дѣло путаться въ церковныя дѣла люторовъ и кальвиновъ?

— Ваша высокоименитость, язвительно и злобно замѣтилъ Шмитъ,—вѣдь вы однакожъ подвергли пыткѣ дворянина Бунакова—а онъ можетъ-быть тоже больной или сумасшедшій! Но вы изволили поступить совершенно правильно и законно: надо было непремѣнно пытать его, чтобы добиться правды. Такъ-же точно и въ этомъ случаѣ, Кульмана и Нордермана слѣдуетъ пытать...

Оберегатель нахмурилъ брови при упоминаніи о Бунаковѣ.

— Я знаю, чтò дѣлаю, сказалъ онъ сухо,—и ни въ какихъ указаніяхъ не нуждаюсь...

— Позволю себѣ напомнить вашей высокоименитости, что и весьма высокопоставленныя лица нуждаются иногда въ насъ, маленькихъ людяхъ... Смѣю думать, что я имѣлъ уже случай оказать вамъ нѣкоторыя услуги... и въ будущемъ еще могу вамъ пригодиться... Но я прошу и заклинаю непремѣнно отмѣнить указъ о высылкѣ этихъ еретиковъ... Ихъ надо пытать, пытать непремѣнно—и сжечь.

— Я ни за чтò не соглашусь на это.

— Прошу васъ только о томъ, чтобы вы этому не противились... Тогда дѣло сдѣлается само собою. А не то вы дадите этимъ поводъ вашимъ врагамъ распространять о васъ что вы покровительствуете еретикамъ, которые надругаются надъ всемогуществомъ Божіимъ и насмѣхаются надъ государями Московскими.

— Чтò такое!? Откуда вы это взяли? Они, напротивъ, относятся къ великимъ государямъ съ величайшимъ почтеніемъ и желаютъ имъ всякаго благополучія!

— Съ почтеніемъ! Благополучія желаютъ! Такъ не угодно-ли вашей высокоименитости прочесть слѣдующее обращеніе этого еретика Кульмана къ государямъ Московскимъ?

И Шмитъ подалъ Оберегателю печатанный въ Амстердамѣ листокъ, въ которомъ Кульманъ побуждалъ великихъ государей воевать противъ папства, и восклицалъ:

„Возстаньте, цари Московскіе! Возстаньте! Послушайте Кульмана, котораго самъ Христосъ прислалъ къ вамъ для проповѣди. Хотя папство и Римъ ищутъ постыдно прельстить васъ, но посмотрите на исходъ вашего союза! Впередъ, цари, подъ одно знамя съ турками и татарами! Будьте за-одно съ народомъ, у котораго голова обращена назадъ—и да будетъ разрушена папская глава! Пусть камня на камнѣ не останется отъ Рима и Вѣны..."

Князь Василій разсмѣялся и бросилъ листокъ на столъ:

— Я понимаю, что вамъ непріятно читать этотъ листокъ... Но гдѣ-же тутъ осмѣяніе царей Московскихъ?

— Какъ? Развѣ вы тутъ не видите богохульства? Развѣ не видите, что этотъ Кульманъ совѣтуетъ Московскимъ государямъ войти въ союзъ съ погаными противъ христіанскихъ государей?

— Повторяю вамъ, что я вижу тутъ безсмысленныя рѣчи человѣка, который давно потерялъ всякій разсудокъ!

— Въ такомъ случаѣ — я удаляюсь и не буду васъ больше утруждать моими просьбами. Но предупреждаю, что я не оставлю этого дѣла, и что всѣ будутъ на моей сторонѣ. А ваша высокоименитость, можетъ быть, пожалѣете, что потеряли во мнѣ вѣрнаго слугу...

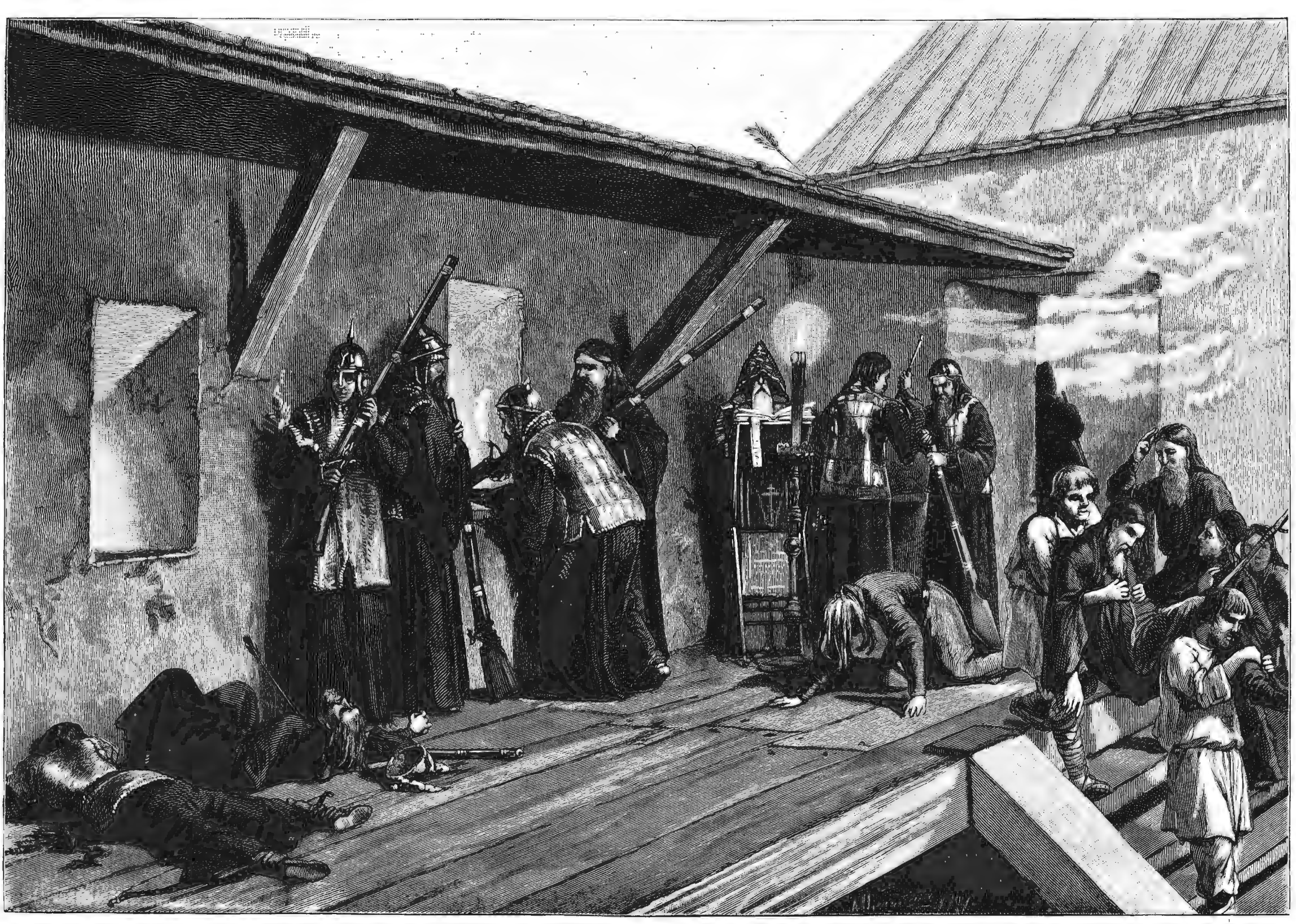
Оберегатель поднялся со своего мѣста, пожавъ плечами—и Шмитъ удалился.

Не прошло и недѣли, какъ, дѣйствительно, всѣ въ Москвѣ заговорили о потворствѣ князя Голицына нѣмецкому еретику, который смѣетъ свои пророчества за моремъ, „въ Амстрадамѣ и въ иныхъ городахъ", печатать и въ нихъ о Московскихъ государяхъ всякія небылицы писать. „Ихъ, молъ, пытать да сжечь надобно, а Оберегатель имъ мирволитъ — хочетъ ихъ за море отослать на великій стыдъ и позоръ Московскому государству, потому тотъ нѣмецкій еретикъ уже многіе народы возмутилъ". Листки Кульмана съ воззваніемъ къ Московскимъ государямъ явились и въ рукахъ патріарха, и въ рукахъ князя Бориса Алексѣевича. Пасторы нѣмецкой слободки, не соглашавшіеся между собою ни въ какихъ вопросахъ, за-одно подали свои заявленія въ Посольскій Приказъ о томъ, что Квиринъ Кульманъ и его товарищи не могутъ быть терпимы въ средѣ нѣмецкой паствы. Вопросъ о Кульманѣ былъ поднятъ въ Думѣ, возбудилъ горячія пренія, и, не смотря на всѣ старанія Оберегателя, огромнымъ большинствомъ рѣшенъ былъ въ пользу того, что „сей Квилинко Кульманъ есть прелестникъ и чернокнижникъ и возмутитель" и что его не за рубежъ отпускать, а пытать слѣдуетъ и „доподлинно отъ него дознать, зачѣмъ онъ въ Московское государство прибылъ?"

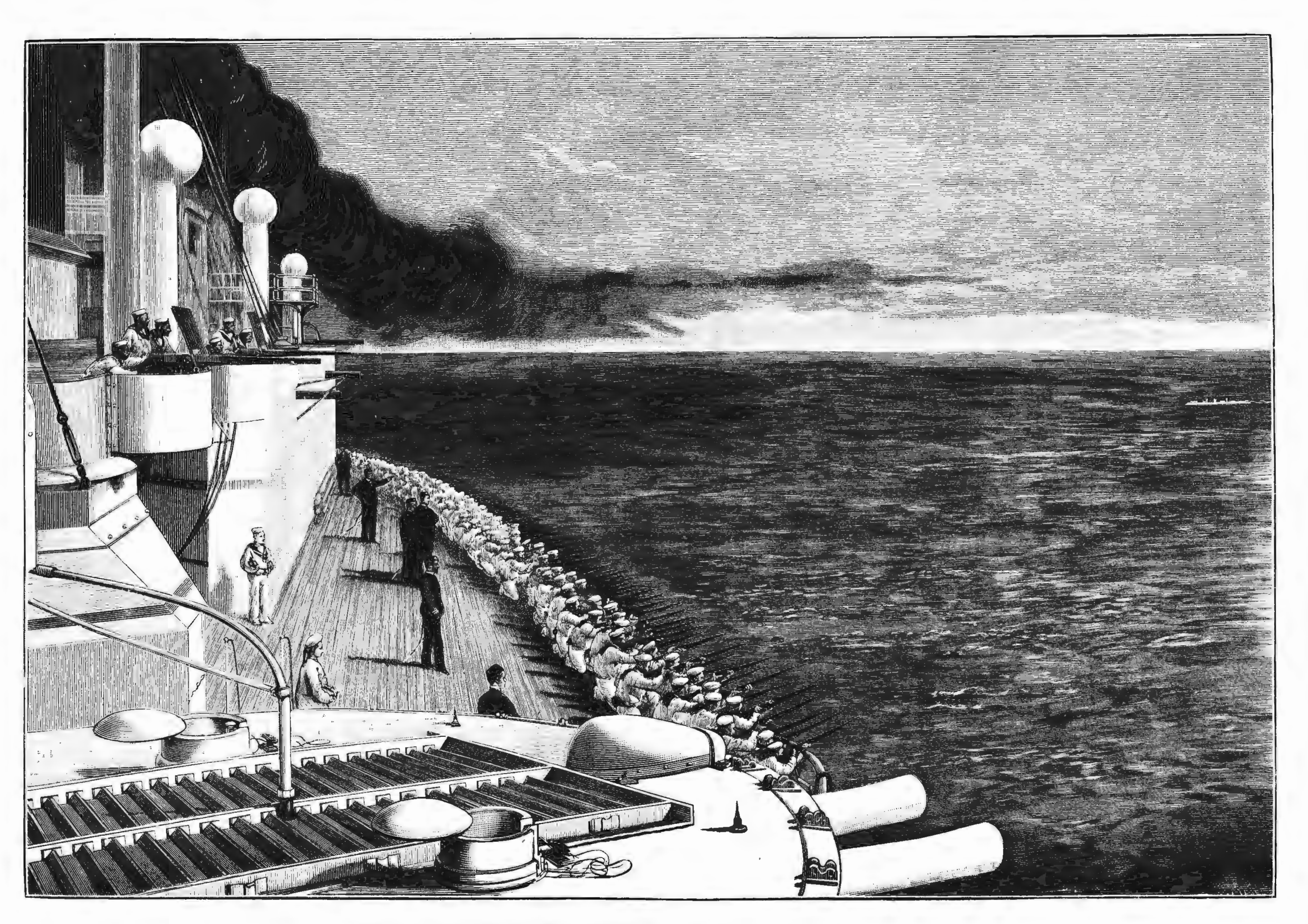
Черезъ нѣсколько дней дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, во время присутствія князя Василія Васильевича въ Посольскомъ Приказѣ, доложилъ ему, что „Квилинко Кульманъ и Кондратъ Нордерманъ пытаны и съ пытки ни въ какомъ воровствѣ не повинились".

Князь Василій нахмурился и долго молчалъ.

— И чтò ихъ больше пытали, то они только громче молитвы свои читали, а Кондратъ и пѣть началъ... А какъ ихъ съ дыбы сняли, такъ Квилинко опять за



Защита Троице-Сергіевой лавры монахами отъ поляковъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") бар. М. П. Клодта, грав. Барановскій.



Оборона броненосца отъ миноноски. По рис. Graphic, грав. М. Рашевскій.

свое-же: „пророчествомъ и видѣніемъ", говоритъ, „знаю я, что отъ нынѣшней войны будетъ великое дѣло—премѣненіе въ вѣрѣ наступитъ, и будетъ едино стадо и единъ пастырь".

— И ничего другаго не говорилъ?

— Говорилъ и еще, да такое все несуразное, что и записать было невозможно; а какъ мы стали ему говорить, что прежніе его учители и прелестники кажнены и сожжены и съ книгами, и онъ довелся того же, такъ онъ улыбнулся и говоритъ: „во всемъ полагаюсь на волю Божію; отъ многихъ бѣдъ меня Богъ избавлялъ, и отъ потопа морскаго—такъ и отъ вашихъ рукъ свободитъ-же".

— Какъ хочешь, Емельянъ Игнатьевичъ, не приму я на себя его крови! Умываю въ ней руки! Затяни какъ-нибудь дѣло... Дай мнѣ въ походъ уѣхать.

И, дѣйствительно, дѣло затянули, приказавъ разсмотрѣть внимательно всѣ книги и писанія Кульмана, отдавъ ихъ для перевода переводчикамъ Посольскаго Приказа.

Но князь Василій видѣлъ, что іезуитская интрига широко раскинула свои сѣти и съумѣла придать жалкому фанатику и сумасброду значеніе человѣка, умышляющаго на Московское государство; онъ понималъ, что Кульмана будетъ невозможно спасти отъ казни, и заботился уже только о томъ, чтобы это кровавое дѣло миновало его рукъ и совершилось въ его отсутствіи... Онъ былъ утомленъ тягостными впечатлѣніями послѣднихъ мѣсяцевъ борьбы и безплодныхъ усилій, былъ удрученъ тѣми невольными жестокостями, которыя тяжелымъ камнемъ ложились ему на душу.

Царевна Софія неоднократно спрашивала его о причинѣ его мрачнаго настроенія, его унынiи, его тревожныхъ помысловъ о будущемъ... и онъ не рѣшался сообщать ей свои опасенія и сомнѣнія. Онъ боялся напугать ее, боялся отнять и у нея вѣру въ грядущее—эту единственную основу всякой человѣческой энергіи.

Его тяготила и дворская обстановка, и многосложныя его обязанности, и отношенія къ Софьѣ, въ которыя онъ не вносилъ прежней горячности, прежней самоувѣренной твердости—не вносилъ свѣтлой надежды...

Его тяготила даже ослѣпительная роскошь его палатъ, требовавшая столькихъ заботъ, хлопотъ, суеты... Ему чаще и чаще приходили на память тѣ Горицкіе мужики, у которыхъ отняли послѣднюю одежонку, и онъ съ досадою думалъ о своихъ несмѣтныхъ богатствахъ... „Что̀ въ томъ толку, что у меня четыреста кафтановъ—а покоя въ сердцѣ все нѣтъ! Вотъ, при всей моей силѣ и славѣ, не могу я человѣка отъ сруба спасти... Да и меня самого развѣ спасутъ мои богатства, коли моимъ ворогамъ надо будетъ меня къ плахѣ привесть! Господи, прости мнѣ мои прегрѣшенія!"

И князь Василій почти съ удовольствіемъ помышлялъ объ ожидающихъ его трудностяхъ похода, о военныхъ тревогахъ и опасностяхъ. „Авось хоть тамъ отдохну!" думалось ему.

На побѣду, на торжество надъ врагами—онъ не смѣлъ уже и надѣяться.

XXV.

Выполняя задуманный планъ, Борисъ Алексѣевичъ, въ декабрѣ 1688 года, сталъ мало-по-малу завлекать Петра въ засѣданія Думы, побуждать его къ тому, чтобы онъ заглядывалъ въ Приказы и чаще показывался въ народѣ. Съ этою цѣлью князь Борисъ уговорилъ царицу Наталью Кириловну переѣхать на зимніе два мѣсяца въ ту половину Теремнаго Дворца, которая была незадолго передъ тѣмъ отдѣлана для царя Петра Алексѣевича.

Надо однакожь сказать правду, что Преображенскій баловень, въ это время, относился еще совершенно равнодушно къ стараніямъ ввести его въ дѣла управленія—такъ же равнодушно, какъ и къ подготовляемой ему женитьбѣ: его голова была занята главнымъ образомъ тѣми кораблями, которые онъ, раннею весною, собирался строить на Переяславскомъ озерѣ. Но Петръ вѣрилъ князю Борису и потому слѣдовалъ его совѣтамъ. Ему досаждали только придворныя церемоніи, въ которыхъ онъ вынужденъ былъ принимать участіе и выполнялъ свою роль весьма неохотно, въ угоду матери, подчиняясь требованіямъ этикета. И вотъ, въ одинъ изъ декабрскихъ дней, въ то время когда Петръ занятъ былъ съ Тиммерманомъ рѣшеніемъ какой-то трудной геометрической задачи, явился Никита Зотовъ и доложилъ о приходѣ думнаго дьяка по дѣлу.

— Мнѣ некогда—видишь, я занятъ! рѣзко отвѣчалъ Петръ, не отрываясь отъ своей тетради, исписанной его крупнымъ и неровнымъ почеркомъ.

Прошло сколько-то времени. Никита Зотовъ напомнилъ вторично о думномъ дьякѣ.

— Убирайся со своимъ дьякомъ! громко крикнулъ Петръ, оборачиваясь къ Зотову.—Сказалъ тебѣ, что некогда!

— Тебѣ некогда, государь, да вѣдь и ему не досугъ: у него—дѣлъ беремя́! Побольше твоего!

Петръ, вѣроятно, согласился съ этимъ доводомъ, потому что сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Ну, позови его сюда!

Вошелъ думный дьякъ—человѣкъ пожилой, степенный и благообразный; чинно перекрестился онъ на образа, чинно отвѣсилъ поклонъ государю, и сталъ у порога въ ожиданіи приказаній.

— Читай, что̀ принесъ!

— Принесъ тебѣ, великій государь, роспись какъ на завтрее вашимъ царскимъ величествамъ мать гетмана Мазепы являть будемъ, и что̀ при томъ говорить положено.

— Читай скорѣе!

Дьякъ развернулъ столбецъ и прочелъ въ немъ слѣдующее:

„Думный дьякъ скажетъ: „Вашего царскаго величества богомолицы, Кіевопечерскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря игуменья, а подданнаго вашего царскаго величества гетмана Ивана Степановича Мазепы мать, Марія Магдалыня съ сестрами вамъ великимъ государямъ челомъ ударила." И подастъ игуменья великимъ государямъ листъ..."

— Какой листъ? перебилъ Петръ.

— Листъ—а въ томъ листѣ похвала великимъ государямъ и молитва о здравіи ихъ, пояснилъ дьякъ и продолжалъ чтеніе:

„Да она-жь игуменья великимъ государямъ челомъ бьетъ въ подносъ: великому государю царю и великому князю Іоанну Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу—просвиру и полотенце, шито золотомъ. И тебѣ государь—просвиру-жь и полотенце-жь, шито золотомъ," добавилъ дьякъ, отрываясь отъ чтенія и отвѣшивая низкій поклонъ Петру.

— Только и всего? Или еще что̀ есть? нетерпѣливо допрашивалъ Петръ.

— Еще есть малая толика, государь, отвѣчалъ дьякъ и продолжалъ чтеніе:

„И великіе государи укажутъ у ней принять листъ и подносъ, а игуменью съ сестрами пожалуютъ къ рукѣ, и укажутъ игуменью съ сестрами спросить о спасеніи. И думный дьякъ скажетъ: „игуменья и сестры! Великіе государи, ихъ царскія величества, жалуютъ васъ,—велѣли спросить о вашемъ спасеніи." А потомъ скажетъ онъ игуменьѣ: „великіе государи, ихъ царское величество жалуютъ тебя, игуменья, вмѣсто стола, кормомъ." И отпуститъ на подворье."

— Ну, теперь все?

— Все, государь,—отвѣчалъ дьякъ съ низкимъ поклономъ.

— Ну, такъ и я отпускаю тебя на твое подворье.

И когда дьякъ вышелъ за двери, Петръ съ досадою ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ, обращаясь къ Тиммерману и Зотову:

— И вотъ изъ-за этихъ дьячихъ рѣчей да изъ-за ея шитаго полотенца у меня завтра цѣлое утро пропадетъ!.. Да и сегодня помѣха въ ученьи вышла! Вонъ, смотри, Францъ, я тутъ углы-то вѣрно взялъ, и аддицію вѣрно сдѣлалъ, а въ мультипликаціи навралъ... Давай все сызнова передѣлывать.

Въ тотъ же день вечеромъ, князь Борисъ Алексѣевичъ, на своемъ Московскомъ подворьѣ, принималъ и угощалъ дорогаго гостя—Емельяна Игнатьевича Украинцева, угощалъ его наединѣ, и съ-глазу-на-глазъ велъ съ нимъ бесѣду, прихлебывая заморское винцо изъ дѣдовскихъ кубковъ:

— Такъ ты говоришь, Емельянъ Игнатьевичъ, что князь Василій въ уныніе впалъ?

— Совсѣмъ буйную головушку ниже могучихъ плечъ повѣсилъ! Гложетъ его червь какой-то — даже и не понять, со стороны-то глядя...

— Чего тутъ не понять? Видитъ теперь, что я ему правду говорилъ: опомнись, молъ, куда ты гнешь — дни ея изочтены, не миновать ей монастыря... Гдѣ-жъ ей управить! Вотъ это самое и мутитъ теперь его...

— Нѣтъ, тутъ и другое есть: ее покинуть жалко, а съ *нею*-то самъ видитъ, что добромъ не кончить... Ну и тоскуетъ, и ходитъ сумрачнѣе ночи. Намедни, гетманскіе казаки — что съ матерью Мазепиной пріѣхали — принесли ему при мнѣ письмо отъ гетмана и десять тысячъ рублей въ червонныхъ золотыхъ, въ серебряныхъ копѣйкахъ да въ талерахъ битыхъ. А въ письмѣ Мазепа проситъ „принять приношеніе милостиво и ховать его въ отческой ласкѣ и заступленіи.“ Такъ что-бы ты думалъ, князь? На деньги князь Василій даже не взглянулъ—не приказалъ пересчитать—велѣлъ снести въ подвалъ... И только!

— Что̀ же такъ? Или не любы стали?

— Говоритъ: „все прахъ и тлѣнъ! Съ собою въ гробъ не возьмешь“. И все-то опротивѣло ему! Бывало все ему подавай, все въ руки забрать хочетъ, всего ему мало! Изъ-за моря ему привозятъ нѣмцы всякія диковинки, то часы, то клевикорты, то фонтаны, а онъ у нихъ мѣняетъ, покупаетъ! А теперь на всѣ свои сокровища даже и не смотритъ... Какъ-то разъ сказалъ мнѣ: „все бы бросилъ — въ монастырь ушелъ-бы“.

— И хорошо-бы сдѣлалъ, кабы ушелъ до времени! А то, пожалуй, такъ его запутаютъ, что угодитъ и подальше монастыря...

— Да! Шакловитый, чай, только и ждетъ его отъѣзда. Какъ князь Василій въ походъ, такъ онъ опять за шашни...

— Ну, этого мы скрутимъ! Съ нимъ разсчетъ короткій!.. А брата, князь Василья, мнѣ жалко... Хотя мы съ нимъ и врагами другъ на друга смотримъ и на разныхъ берегахъ стоимъ, да знаю я, чего онъ сто̀итъ, съ его умомъ-то! Вѣдь царевна только имъ и держится!.. Отшатнись онъ отъ нея — она-бы не чинилась намъ противной... Сдалась бы сразу, — съ Шакловитымъ да съ Сильвестромъ въ совѣтникахъ не далеко уѣдешь!

— А все же Шакловитый вамъ хлопотъ еще надѣлаетъ—вѣдь онъ шальной! Вѣдь онъ на все пойдетъ...

— Я говорю тебѣ: онъ мнѣ не страшенъ! Есть люди у насъ, къ нему приставлены... Такіе, что такъ по пятамъ за нимъ и ходятъ. А на тебя надежда, что ты намъ замыслы царевнины, какіе будутъ — не замедлишь проявить...

— Ужь это — какъ передъ Истиннымъ! Ужь будь спокоенъ, князь Борисъ Алексѣевичъ! Ужь и на тебя надѣюсь, что въ случаѣ чего, не дашь пропасть мнѣ... Вѣдь *вашъ-то* говорятъ — у-ухъ! крутéнекъ...

— Крутéнекъ — что̀ и говорить! Да зато и голова! И взглядъ какой — орлиный!.. все разомъ схватитъ... Съ этакимъ царемъ-то не задремлешь, не ляжешь на боковую — сумѣетъ разбудить! И самъ зато работникъ; все смыслитъ сдѣлать — и съ топоромъ, и съ долотомъ, и съ молотомъ. Намедни—лошадь самъ подковалъ! А тутъ еще Лука Хабаровъ (такой у насъ есть въ потѣшныхъ) заболѣлъ-было нарывомъ — на ногѣ; большущій — ни встать, ни колѣна согнуть. Онъ видѣлъ какъ дохтуръ-нѣмецъ взрѣзывалъ нарывы: тотчасъ взрѣзалъ, гной выпустилъ, и самъ перевязалъ ему — ногу-то! Пошелъ опять Лука въ здоровыхъ. Но зато ужь если кто его не понялъ, не дослышалъ или не исполнилъ, какъ онъ велѣлъ — тутъ ужь жди бѣды! Сейчасъ расправа... Точно, что крутéнекъ!

И князь Борисъ, смолкнувъ, задумался надъ кубкомъ... Вдругъ вбѣжалъ слуга, впопыхахъ, и только успѣлъ проговорить: „царь Петръ, а съ нимъ Нарышкины и Зотовъ къ тебѣ пожаловали!“ какъ уже распахнулись настежь ворота и двѣ тройки, въ расписныхъ и раззолоченныхъ саняхъ, заскрипѣли полозьями у крыльца княжихъ хоромъ.

— Не въ пору гости! намъ еще бы надо побесѣдовать съ тобою, Емельянъ Игнатьевичъ! проговорилъ князь Борисъ, вскакивая изъ-за стола и спѣша навстрѣчу гостямъ.

Черезъ минуту онъ вернулся въ комнату, предшествуя гостямъ, которые возвращались изъ нѣмецкой слободы и всѣ были веселы...

Петръ, какъ вошелъ въ палату, какъ увидалъ Украинцева, отвѣсившаго низкій поклонъ, такъ уперся въ бока кулачищами и пристально вперилъ въ лицо дьяка свои большія черныя очи.

— Онъ *свой* или *чужой!* спросилъ онъ князя Бориса вполголоса.

— *Свой, свой!* громко отвѣтилъ ему князь Борисъ,— и человѣкъ надежный, *нужный.*

— Ну, коли свой да нужный — такъ здравствуй, Емельянъ Игнатьичъ! сказалъ Петръ, отвѣчая на поклоны Украинцева. — И безъ чиновъ садись съ нами за столъ... А еслибы не *свой* былъ—мигомъ бы я тебя спровадилъ!

— Нѣтъ, государь, сказалъ князь Борисъ, смѣло глядя въ глаза Петру:—моихъ гостей нельзя такъ-то... Здѣсь я хозяинъ — а ты здѣсь мой гость. Вѣдь мы тебѣ не нѣмцы дались — у насъ на все обычай и порядокъ! Милости прошу!

— Хорошъ обычай! Хорошъ порядокъ! воскликнулъ Петръ, усаживаясь за столъ и пропуская мимо ушей нравоученіе князя Бориса. — Вотъ завтра будетъ дьякъ съ тобою вмѣстѣ являть игуменью — Марію, мать Мазепину — и будемъ мы съ братомъ сидѣть какъ истуканы каменные, а дьякъ станетъ за насъ рѣчи говорить... „Великіе молъ государи сказали то-то... да великіе государи пожаловали то-то...“ А я все дѣло разомъ бы повернулъ! Сто̀итъ-ли на это время терять?.. Ну, за твое здоровье, князь Борисъ!

И Петръ осушилъ кубокъ.

— Вотъ у нѣмцевъ должно быть славное житье! продолжалъ Петръ, оживляясь, — какъ поразскажутъ... Какой у нихъ вездѣ порядокъ! Какая чистота во всемъ, какая работа вездѣ кипитъ! Не даромъ они и насмѣхаются надъ нами...

— Насмѣхаются? гнѣвно вымолвилъ князь Борисъ.— А чего-жъ они къ намъ лѣзутъ? Развѣ мы безъ нихъ не можемъ прожить?

— Мы имъ должны сказать спасибо! горячо продолжалъ Петръ. — Должны у нихъ перенимать, у нихъ учиться — и дай мнѣ только волю забрать, я васъ всѣхъ отдамъ къ нимъ въ науку... Всѣхъ! Не посмотрю, что ты тамъ князь или бояринъ! Прикажу — такъ долженъ будешь колесомъ ходить...

— Ну, государь! замѣтилъ, лукаво улыбаясь, князь Борисъ: — въ нашихъ шубахъ да кафтанахъ — колесомъ ходить дѣло не привычное и нестаточное. Это вотъ въ кургузкахъ-то нѣмецкихъ такъ сподручнѣе...

Всѣ разсмѣялись. Но Петръ вспылилъ — ударилъ кулакомъ по столу, такъ что заплясали на немъ дѣдовскіе кубки и дорогое вино расплескалось па скатерть:

— Какъ смѣешь ты со мною такъ говорить! закричалъ онъ гнѣвно на князя Бориса. — Да если я велю, такъ всѣ вы понадѣнете эти самыя кургузки!

— Великій государь, серьезно и спокойно отвѣтилъ князь Борисъ гнѣвному юношѣ: — Русскому царю такъ говорить негоже. Всѣ мы здѣсь твои вѣрные слуги, а рабами твоими николи не будемъ. Другое дѣло перенять у нѣмцевъ путное, поучиться у нихъ доброму — а скоморошье платье ихъ носить да трубку съ табачищемъ сосать — что проку? Не все у нѣмцевъ хорошо — не все и у насъ худо. Небось изволилъ читать въ статейныхъ-то спискахъ нашихъ пословъ: князь флоренскій принимаетъ посла, а рядомъ съ нимъ его княгиня и всѣ ея боярыни стоятъ словно осы, въ дудку перетянуты, плечи голы, груди на выкатѣ?... Это развѣ можно, по нашему обычаю? Это развѣ нужно перенять?

— А по твоему нашъ теремъ лучше? отвѣчалъ Петръ, уже нѣсколько успокоенный, — и наряды нашихъ боярынь развѣ лучше? Въ тѣлогрѣѣ, въ опашнѣ да въ шубѣ — копной нарядятся, такъ и не разберешь дородства отъ наряда! Я своей женѣ такъ не позволю наряжаться!

— Ты прежде оженись, государь, а тамъ ужь и посмотримъ — что ты запоешь? сказалъ князь Борисъ, смѣясь.

— А ты, видно, такъ же думаешь, какъ матушка, что меня можно опутать женою — и усадить на мѣсто?.. Этого не жди! Вотъ дай только веснѣ прійти: сейчасъ отсюда укачу на стройку кораблей, а тамъ и на море поѣду — и за море, коли прійдется, посмотрѣть, какъ люди за моремъ живутъ. И если увижу, что тамъ лучше—я на васъ не посмотрю: все такъ же у себя устрою.

— Твоя воля, государь, — да и Божья воля! твердо сказалъ князь Борисъ. — Выше Бога и ты не будешь! Нестроеній у насъ точно что много... Но и править ихъ надо тоже умѣючи. А такъ съ розмаху-то — много можно бѣды надѣлать! Припомни, сколько крови пролилось изъ-за одной книжной справки?... *)

— На мѣстѣ сидя не много сдѣлаешь! воскликнулъ Петръ. — Царю все надо самому видѣть, все надо знать! А развѣ ты не вѣришь, князь Борисъ, что я всему сумѣю научиться — вездѣ поспѣю! Недоѣмъ и недосплю — а съ дѣломъ управлюсь?

— Сумѣешь—этому я вѣрю! Боюсь я только одного, великій государь, что ужь до нѣмцевъ ты больно охочь! А нѣмцы льстивы... Изъ-за хлѣба станутъ хвалить и то, чего хвалить не слѣдъ. Умъ у тебя большой и воля сильная, государь, да только не дай Богъ тебѣ такихъ совѣтниковъ, чтобы тебя манили да ласкали. Тебѣ такихъ надо, чтобы тебѣ правду-матку рѣзали! Ты осердишься и поблажишь — а когда гнѣвъ пройдетъ — совѣту добраго все же послушаешь!

— Правда, правда! Вѣрно, князь Борисъ! сказали въ одинъ голосъ Нарышкины и Никита Зотовъ, между тѣмъ какъ на лицѣ Петра расцвѣтала самодовольная улыбка.

И вотъ, поднявшись съ мѣста, онъ высоко поднялъ свой кубокъ и звучно, громко произнесъ:

— Пью за тѣхъ совѣтниковъ, что и въ гнѣвѣ моемъ не побоятся мнѣ правду высказать!

И всѣ, въ отвѣтъ ему, громко и весело крикнули:

— Да здравствуетъ государь нашъ Петръ Алексѣевичъ на годы неисчетные!

(Продолженіе будетъ).

За рюмочку.

Картинка будничной жизни.

В. Р. Щиглева.

ЛИЦА:

Ѳедотъ Иванычъ Нерадинъ, лѣтъ 35, состоитъ на частной службѣ.

Любовь Сергѣевна—мать его, еще бодрая старушка.

Капитолина Егоровна Лапочкина—вдова, лѣтъ за 40.

Иларія и Калерія Семеновны—дочери ея, взрослыя дѣвицы.

Парменъ Ефимычъ Безоборотовъ—солидный толстякъ.

Сократъ Петровичъ Урвановъ—лѣтъ подъ 60.

Г. Ивановъ и **Г. Марьинъ**—не первой молодости.

Секлетея—прислуга у Нерадиныхъ, среднихъ лѣтъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

(Осенній сумерки. Гостиная, она же и кабинетъ, въ квартирѣ Нерадина. Обстановка далеко не богатая. Единственная дверь—налѣво отъ зрителей — отворена настежъ въ смежную комнату—столовую. На рабочемъ столѣ, заваленномъ бумагами, горитъ слабо небольшая лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Столовая освѣщена. При поднятіи занавѣса, **Нерадинъ**, *безъ сюртука, въ халатѣ въ накидку, но въ жилеткѣ, ходитъ изъ угла въ уголъ, съ папироской въ рукѣ.* **Любовь Сергѣевна** *сидитъ на кушеткѣ и вяжетъ чулокъ).*

Явленіе I.

Нерадинъ и Любовь Сергѣевна.

Нерадинъ (*остановясь*). Что съ? Вы что-то сказали?

Любовь Серг. Два раза тебя окликала, а ты и не слышалъ...

Нерадинъ. Извините. Задумался и дѣйствительно не слышалъ... (*Ходитъ*). А что?

Любовь Серг. Да что-то ты сегодня какъ будто не въ своей тарелкѣ... А?.. Вареннички любишь, а мало скушалъ ихъ, за обѣдомъ-то...

Нерадинъ (*вздохнувъ*). Варенички?.. Да... Нѣтъ, ѣлъ, какъ всегда... А вы что же послѣ обѣда-то не прилегли?

Любовь Серг. Охоты не было... Ну, и потому тоже, что вижу, что съ тобой что-то неладно...

Нерадинъ (*остановясь*). Эхъ, маменька! Мало ли что не ладится, да вѣдь что же вы-то сдѣлаете? А говорить—только васъ разстраивать... Э, все пустяки! (*Ходитъ*). Вотъ, похожу, покурю, да за работу и сяду. (*Притворно весело что-то напѣваетъ*).

Любовь Серг. Думать-то мнѣ хуже... (*Въ кухнѣ шумъ отъ упавшей посуды*). Экъ ее тамъ! Безрукая! (*Возвысивъ голосъ*). Секлетея! Что тамъ починила? Секлетея!

Явленіе II.

Тѣ же и Секлетея (*въ дверяхъ*).

Секлетея. Цѣлъ чугунчикъ-то, цѣлъ, а (*съ нѣкоторымъ удовольствіемъ*) еще ножикъ съ ложкой... это... упали...

Любовь Серг. Есть чѣмъ хвастаться! Что это у тебя сегодня изъ рукъ все валится?.. Ну, ступай.

Секлетея. Безпремѣнно гости будутъ, ежели ножикъ да ложка сами упадутъ.

Любовь Серг. Сами!.. Ну ступай, ступай.

Секлетея (*уходя*). Нѣшто я балую... Къ гостямъ это.

Любовь Серг. Ну, какіе тамъ гости!.. Которые прежде бывали—давно что-то и носа не показываютъ... Нѣтъ у насъ веселья-то! Вонъ, одинъ только и ходитъ къ намъ гость-то, краснолицый-то, да и тотъ какъ будто не въ своемъ видѣ...

Нерадинъ (*встрепенувшись*). Что вы, маменька, говорите?

Любовь Серг. Да объ Урвановѣ этомъ говорю... Одинъ гость-то! (*Встаетъ и подходитъ къ сыну*). Дотя! ужь сходить, что ли, мнѣ самой къ Капитолинѣ Егоровнѣ?.. А?.. Вижу, что ты... грустишь...

Нерадинъ. Я?.. Нисколько. Да еслибы я захотѣлъ—я бы и самъ пошелъ... (*Идетъ и садится за письменный столъ*). Впрочемъ, я вамъ, маменька, не мѣшаю...

Любовь Серг. Не скрывай отъ матери сердца-то!.. А я бы пошла къ ней-то, да сторонкой все бы и выпытала: либо да, либо—нѣтъ. Разомъ-то, Дотя, лучше. (*Понизивъ голосъ*). Да ты скажи: которая изъ дочекъ-то тебѣ нравится?

Нерадинъ (*обернувшись къ матери*). Ахъ, добрая вы у меня! (*Цѣлуетъ у нея руку*). Только, маменька, это все не то... Если вы думаете... ну, положимъ, насчетъ Иларіи Семеновны, то... я, маменька, давно эту мысль оставилъ. Нѣтъ ужь, гдѣ намъ, бѣднымъ труженикамъ, заводиться семьей! Правда, по сердцу мнѣ эта дѣвушка, а все-таки я ее мало знаю... Съ сердцемъ-то я ужь справился... А еслибы и не совладалъ съ собой — такъ вѣдь Капитолина Егоровна дама практическая: она видитъ, что какой же я женихъ? Какъ она при насъ же ныла о томъ, что нѣтъ *настоящихъ* жениховъ! Понимаете? Да и, наконецъ, я, право, не знаю: интересуется ли мною та или другая дѣвица. И знаете, маменька, право лучше, что мы съ ними все рѣже и рѣ-

*) Здѣсь, подъ общимъ названіемъ „книжной справки“, князь Борисъ разумѣетъ — *исправленіе книгъ*, во времена патріарха Никона, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Литературный альбомъ. „Герой нашего времени“, Лермонтова. „Тамань“.

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А Земцова, грав. Ю. Барановскій.

же видимся... Такъ, безъ ссоры и раззнакомимся...

Любовь Серг. Гм!.. Не могу тебѣ не вѣрить... Да, но вѣдь не новость же это все для тебя, а ты... *сегодня*... скучный... Не болитъ ли что?

Нерадинъ (*перебирая бумаги на столѣ*). Ничего не болитъ. Вѣроятно, усталъ больше.

Любовь Серг. Не хочешь матери сказать—ну, не надо!

Нерадинъ (*обернувшись*). Маменька, вы непремѣнно хотите, чтобы я васъ разстроилъ?

Любовь Серг. (*испуганно*). Ага!.. вотъ, видишь... Значитъ, я не ошиблась! Говори, говори!.. Хуже не знать-то...

Нерадинъ. Ну, извольте. Три мѣсяца тому назадъ поручился я за одного господина, ну, а онъ, попавъ по моей милости на мѣсто, вчера скрылся съ хозяйскими деньгами... Сумма, положимъ, не громадная... триста рублей... Но и такой у насъ нѣтъ, а выплатить надо.

Любовь Серг. Триста! Ахъ, онъ мошенникъ! Какъ выплатить... Ты-то тутъ причемъ?

Нерадинъ. Ужь такіе, маменька, обычаи въ коммерческомъ мірѣ: рекомендовалъ—все равно что поручился—ну, и расплачивайся.

Любовь Серг. И какъ это ты, право, поручился... Вотъ бѣда-то, вотъ бѣда!.. Ахъ, Дотя!.. Третьяго дня вѣдь эта... какъ ее... казенная лотерея была... Хорошо ли ты таблицу-то смотрѣлъ? Вѣдь если пятьсотъ рублей вышло—какъ бы они теперь пригодились!..

Нерадинъ. Хорошо смотрѣлъ. Гдѣ ужь намъ выиграть! Одинъ билетъ, да и тотъ-то заложенъ... А вотъ, вы вѣдь и разстроились...

Любовь Серг. Не плати!

Нерадинъ. Нельзя, маменька.

Любовь Серг. Такъ какъ же тогда? откуда же? Да почему это нельзя? Скажи: нѣтъ у меня—и все тутъ. Экіе, подумаешь, обычаи! Еслибы еще вексель... Не плати, да и конецъ!

Нерадинъ. Не платить невозможно. Я нравственно обязанъ... Это, маменька, покрѣпче векселя. Объ этомъ и говорить больше нечего. Занять, вотъ, надо будетъ: единственный выходъ.

Любовь Серг. Занять, занять... О-хо-хо!.. Ну, а чтобы меньше занимать—заложимъ все серебро, какое есть... Шаль отдамъ, два кольца... Его-то, мошенника, найти... (*Звонятъ въ прихожей*).

Нерадинъ. Сократъ Петровичъ должно-быть.

Любовь Серг. Кому больше! (*Кричитъ въ дверь*) Секлетея! Звонятъ!

Голосъ Секлетеи. Бѣгу!

Нерадинъ. Вы его, маменька, въ столовой задержите хоть на полчасика. Мнѣ нужно позаняться.

Любовь Серг. Давно ли былъ? и чего шляется...

(*Слышно какъ отворяется входная дверь. Женскій голосъ: „Дома?"—Голосъ Секлетеи: „Извѣстно дома. Куда имъ!"*)

Нерадинъ (*прислушиваясь*). Кто это?

Любовь Серг. (*полушепотомъ*). Слышалъ? Она!.. Лапочкина... Да и не одна никакъ... Вотъ некстати!

Нерадинъ (*вскакивая*). Не можетъ быть! Маменька! ахъ, что я хотѣлъ сказать?.. Да!.. Ну, если онѣ—примите ихъ тамъ... да дверь-то, маменька, притворите... Я сейчасъ буду готовъ.

(**Любовь Серг.** *уходитъ въ смежную комнату и притворяетъ дверь, за которою тотчасъ же слышны женскіе голоса.* **Нерадинъ** *снимаетъ халатъ, прячетъ его въ шкафъ, надѣваетъ визитку, увеличиваетъ огонь въ лампѣ, зажигаетъ на столѣ пару стеариновыхъ свѣчей, потомъ подходитъ къ зеркалу, расчесываетъ усы и бороду, вообще прихорашивается, крадется къ двери, прислушивается и, въ волненіи, быстро отходитъ къ столу*).

Голосъ Любови Сергѣевны (*у дверей*). Дотя! Ты занятъ? А?.. Гости у насъ: Капитолина Егоровна, съ барышнями!

Нерадинъ. А-а! Очень радъ!

(*Съ шумомъ отодвигаетъ деревянное кресло, на которомъ будто бы сидѣлъ, идетъ къ дверямъ, растворяетъ ихъ и уходитъ въ смежную комнату, откуда и раздаются обычныя взаимныя привѣтствія*).

Любовь Серг. (*въ дверяхъ*). Да пожалуйте сюда! Тутъ у насъ настоящая-то гостиная. Милости просимъ!

Явленіе III.

Входитъ Любовь Серг., *пропуская впередъ* **Лапочкину, Иларію и Калерію.** *За ними*—**Нерадинъ.**

Нерадинъ. Не настоящая, если съ кабинетомъ. Прошу покорно! Садитесь гдѣ угодно. Да-съ, давненько не видались!

Любовь Серг. (*идя къ дверямъ*). Извините, я сейчасъ вернусь. Секлетея! (*уходитъ и говоритъ за дверями*: „Ставь самоваръ. Да постой, постой..."*).

Лапочкина (*весело ей вслѣдъ*). Извиняю, душечка, извиняю! (*Нерадину*) Мамаша ваша старше меня, но какая бодрая... Прелесть!

Иларія (*кокетливо*). Кажется, мы совсѣмъ нежданные гости...

Калерія (*еще кокетливѣе*). Ѳедотъ Иванычъ какъ будто даже изумленъ...

Нерадинъ (*любезничая*). Прибавьте: пріятно... изумленъ! Да, не думалъ, что... Весьма радъ, весьма радъ! Еще бы: совсѣмъ забыли насъ, Капитолина Егоровна! Садитесь же!

Лапочкина (*усаживается, дѣвицы тоже*). Ужь и забыли!? Никогда!

Иларія. Мы какъ переѣхали на дачу, такъ ни разу въ городѣ не были... Ну, а теперь, только-что вотъ вернулись.

Калерія. Васъ первыхъ и посѣтили!

Лапочкина. Такой сегодня пріятный вечеръ—ну, мы и пошли—наудачу: застанемъ дома—хорошо, нѣтъ—назадъ.

Нерадинъ. Всегда мы дома, по-старому.

Лапочкина. По-ста-ро-му?.. Да, да... конечно... Но вѣдь не все же бываетъ по-старому. Обстоятельства, напримѣръ, измѣняются... Какой-нибудь одинъ счастливый день, даже—часъ... Одна счастливая минута—и жизнь пошла по-новому... И какъ это новое обворожительно!..

Голосъ Любови Серг. До-тя!

Нерадинъ. Что вамъ угодно?

Голосъ Любови Серг. Да поди сюда! Лампу поправь. Огонь какой-то кривой!

Нерадинъ. Иду, иду-съ! Извините... (*Картинно склонясь уходитъ*).

Лапочкина (*вскакиваетъ, дѣлаетъ знакъ дочерямъ и тѣ вскакиваютъ. Она беретъ за руку ту и другую и быстро идетъ къ рампѣ. Говоритъ полушепотомъ*). А?.. что я говорила? А?! они рѣшили скрывать... Замѣтили, какъ притворяются? Илари, смотри же—будь умницей! (*Иларія киваетъ утвердительно*). Ты, Калери—тоже... (*Калерія тоже киваетъ*). Понимаете: тутъ дѣло выбора... Помните одно: у него семьдесятъ пять тысячъ!.. Постарайтесь хоть на нѣсколько минутъ, каждая изъ васъ, побыть съ нимъ здѣсь тэтъ-а-тэтъ... пуръ козери... Карточки захватили?

Иларія. Въ карманѣ.

Калерія. Не безпокойтесь.

Лапочкина (*быстро цѣлуетъ ту и другую и поправляетъ ихъ костюмъ*). У, милашки мои! Ну, по мѣстамъ... (*Садятся на прежнее мѣсто*).

Иларія (*громко*). Ѳедотъ Иванычъ! поправили лампу?

Калерія. Мы соскучились безъ васъ!

Голосъ Нерадина. Что-съ? Я сейчасъ, сейчасъ...

Лапочкина. Ахъ, вы шалуньи! Не мѣшайте Ѳедоту Иванычу!

Нерадинъ (*входя и оборачиваясь*). Маменька, да идите сюда! Она и безъ васъ разставитъ чашки. Ну, лампу поправилъ! (*Въ смежной комнатѣ звукъ чайной посуды*).

Лапочкина. Конечно, старая лампа...

Нерадинъ (*садясь*). Нѣтъ лампа—ничего, но свѣтильня была не хорошо срѣзана, да и керосинъ нынче какой-то дрянной.

Лапочкина. Дѣйствительно дрянной. Впрочемъ, что-жъ... въ большихъ квартирахъ—другое какое-нибудь освѣщеніе, ну, а для такой и это хорошо... Вамъ, Ѳедотъ Иванычъ, я думаю, квартирка эта ужь опротивѣла!

Нерадинъ. Опротивѣла? Нѣтъ, не скажу... Конечно, воздуху въ ней маловато, да что-жъ дѣлать-то? А знаете, я къ этой квартиркѣ такъ привыкъ....

Лапочкина (*перебивая*). Что и разстаться жаль? Ха-ха-ха! Какой вы милый шутникъ!

Нерадинъ. Да я это не въ шутку, право...

Иларія. Ахъ, перестаньте!

Калерія. Ахъ, хитрецъ!

Любовь Серг. (*входя*). О чемъ это у васъ споръ?

Нерадинъ. Да вотъ, Капитолина Егоровна и дѣвицы не вѣрятъ, что мы привыкли къ этой квартиркѣ.

Любовь Серг. Третій годъ тутъ живемъ. Ничего. Скучно только вотъ, что всѣ пять оконъ на дворъ, а не на улицу...

(*Звонокъ*).

Нерадинъ. Вонъ — еще гости, маменька! (*Въ смежной комнатѣ что-то падаетъ*).

Любовь Серг. (*повернувшись къ двери*). Безрукая! Звонятъ! Бѣги отворять.

Секлетея (*въ дверяхъ, съ подносомъ*). Да я, барыня, несла подносъ-то, а онъ самъ и упади!

(*Звонокъ*).

Нерадинъ. Отворять бѣги! Брось подносъ-то (*Секлетея скрывается и слышно, какъ она бросаетъ подносъ*).

Лапочкина. Брось подносъ—она и бросила! Ахъ, какъ все нынче плохо... А ужь кухарки—сущее наказаніе!

(*Мужскіе голоса въ прихожей: „Дома? Ѳедотъ Иванычъ у себя?"—Голосъ Секлетеи: „Извѣстно дома!—Пожалуйте!"*).

Любовь Серг. И то—гости... Какой вечерокъ выдался!

Нерадинъ (*идя къ дверямъ*). Это Сократъ Петровичъ... нѣтъ... Кажется, Ивановъ съ Марьинымъ... (*Заглядываетъ въ смежную комнату*). Они и есть! Здравствуйте, господа! Сюда! Милости просимъ!

Любовь Серг. (*въ сторону*). Экъ ихъ всѣхъ прорвало!

Явленіе IV.

Тѣ-же *и входятъ:* **Ивановъ и Марьинъ.** (*Поклоны и обычныя привѣтствія. У Иванова въ лѣвой рукѣ завернутая въ бумагу бутылка, у Марьина подъ мышкой четыреугольный пакетъ*).

Нерадинъ. А давненько мы не видались!

Любовь Серг. Извольте видѣть, сколько гостей у насъ сегодня!

Нерадинъ. Цѣлое собраніе! Господа, садитесь. Да что это у васъ въ рукахъ?

Ивановъ. Ѳедотъ Иванычъ! Каюсь: давно не былъ у тебя! Ну, стало такъ совѣстно.

Марьинъ (*подхватывая*). Именно — совѣстно! Я и говорю: Миша, надо-же отправиться къ милѣйшему нашему Ѳедоту Иванычу.

Ивановъ (*подхватывая*). Къ милѣйшему и многоуважаемому Ѳедоту Иванычу! А я ему и говорю: такъ пойдемъ, Коля, сегодня — сейчасъ! И пошли. Да!.. Но, вотъ видишь, со мной вчера такой странный случай случился: одинъ господинъ былъ долженъ мнѣ нѣкоторую сумму, да долгъ-то затянулъ... Вдругъ — можешь себѣ вообразить: является посыльный, съ записочкой и корзиночкой... Читаю—и что-же? вмѣсто денегъ, присылаетъ онъ мнѣ въ уплату долга—пять бутылокъ заграничнаго коньяку! И ужь коньякъ! Бархатъ... ананасъ... первая любовь! Вспомнилъ я,

что ты охотникъ до коньяку, ну, и дерзнулъ—одну бутылочку тебѣ въ презентъ... Не разсердишься, а? Прими, сдѣлай милость!

Нерадинъ (*беретъ бутылку*). Ну, спасибо... Почему не взять бутылочки! Но съ чего ты взялъ, что я охотникъ до коньяка?

Ивановъ. Не скромничай!.. А ты, вотъ, попробуй—и будешь охотникомъ.

Любовь Серг. Давай, Дòтя, бутылку-то! Охотникъ не охотникъ, а питье-то лѣкарственное... Пригодится! (*Беретъ бутылку и уходитъ*).

Марьинъ (*подавая пакетъ*). А мнѣ, Ѳедотъ Иванычъ, одинъ морякъ, который былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи и который вчера только вернулся... Э! да что тутъ долго разсказывать: ужь если отъ него принялъ бутылку, то и меня не обидишь — возьмешь ящичекъ манильскихъ сигаръ... Тоже, братъ, въ нѣкоторомъ родѣ бархатъ, атласъ... ананасъ!

Нерадинъ (*принимая ящикъ*). Ну, господа, подарокъ—подаркомъ, а вниманіе дороже всякихъ атласныхъ ананасовъ? (*жметъ руку Иванову и Марьину*).

Лапочкина. Какъ пріятно, какъ сладко видѣть людей въ такой сердечной дружбѣ!

Ивановъ. Дружба постояннѣе любви. Еще Пушкинъ сказалъ: „О, дружба, это—ты!"

Марьинъ. Извиняюсь, но въ присутствіи прекраснаго пола говорю: женщина никогда не замѣнитъ истиннаго друга!

Иларія. Извините, мсьё Марьинъ! Искренно-любящая женщина—вдвойнѣ другъ.

Калерія. И сравнивать нельзя! Помилуйте! Любовь—сильнѣе дружбы.

Ивановъ. Да-съ, но на долго-ли?

Лапочкина. А это ужь отъ васъ, господа кавалеры, зависитъ! Отъ васъ... О, я пожила, я знаю... Умѣйте обновлять это неземное, обворожительное чувство, не давайте огню любви погасать... сдувайте пепелъ...

Явленіе V.

Тѣ-же и Любовь Сергѣевна (*въ лучшемъ чепчикѣ*).

Любовь Серг. А пожалуйте-ка, любезные гости, въ столовую. Сейчасъ чай готовъ. Капитолина Егоровна, прошу васъ! Дѣвицы, господа кавалеры, милости просимъ.

Лапочкина (*вставая*). Душечка, Любовь Сергѣевна! Нѣтъ, я не могу утерпѣть! (*Раскрывая объятія*) Позвольте васъ поцѣловать! (*Цѣлуетъ ее*). Старше меня, а какъ бодра, какъ свѣжа... Прелесть! Я такъ васъ уважаю, такъ люблю... (*Снова обнимаетъ Любовь Сергѣевну и нѣсколько разъ цѣлуетъ ее. Иларія и Калерія тоже цѣлуютъ Нерадину*).

Нерадинъ. Вонъ и подарочекъ на столѣ! Чай съ коньякомъ—соединеніе пріятнаго съ полезнымъ. Идемте въ столовую! (*Всѣ идутъ въ смежную комнату. Нерадинъ и Иларія въ концѣ шествія*).

Иларія (*остановясь*). А мнѣ, право, чаю не хочется, Ѳедотъ Иванычъ... Идите, а я останусь здѣсь... Вѣдь можно?

Лапочкина (*въ дверяхъ*). Ларичка у меня не охотница до чаю! (*Уходитъ*).

Нерадинъ (*сладко*). Какъ угодно... но позвольте, въ такомъ случаѣ, не оставить васъ въ одиночествѣ?

Иларія (*тоже сладко*). Но позвольте... Я не хочу, въ такомъ случаѣ, оставить васъ безъ чаю!

Нерадинъ. Но позвольте... Я могу взять стаканъ сюда...

Иларія. О, это другое дѣло!

(*Нерадинъ уходитъ въ столовую, а Иларія быстро подходитъ къ зеркалу и охорашивается. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ сценъ изъ столовой доносятся по временамъ шумъ разговора, смѣхъ*).

Нерадинъ (*входя со стаканомъ чая*). Вотъ, и я-съ! А вы не хотите-ли, Иларія Семеновна, молока?

Иларія. Ахъ, нѣтъ! Оно мнѣ на дачѣ ужасно надоѣло. Пейте, пейте чай. Я вамъ не буду мѣшать. Я похожу.

Нерадинъ (*ставитъ стаканъ на столъ*). Пусть постынетъ. И я похожу... съ вами-съ. (*Ходятъ*).

Иларія. Скажите... Вы ничего горячаго не любите?

Нерадинъ. Да... то есть, нѣтъ: смотря что...

Иларія. Какой вы хитрый!

Нерадинъ. Почему-же я хитрый?

Иларія. Да потому...

Нерадинъ. Почему-же: потому?.. Но какъ вы на меня—извините, Иларія Семеновна — интересно взглянули! Даже какъ-то пріятно...

Иларія. Неужели? Такъ я отвернусь... (*Отвертывается*).

Нерадинъ. Ну, вотъ... Зачѣмъ-же? (*Заглядывая ей въ лицо*). А теперь у васъ печальное выраженіе... Отчего?

Иларія (*въ потолокъ*). Такъ... Отъ нѣкоторыхъ мыслей... и еще потому, что скучно жить на свѣтѣ... (*Подходитъ къ столу и беретъ альбомъ съ фотографическими карточками*). „И скучно, и грустно, и некому руку подать..."

Нерадинъ. (*Напѣвая*) „Я вновь предъ тобою стою очарованъ"... (*Вздохнувъ*) Много карточекъ въ этомъ альбомѣ, а одной—нѣтъ!...

Иларія (*не отрываясь отъ альбома*). Я загадала: отвѣчайте—да или нѣтъ?

Нерадинъ. Пусть будетъ „да".

Иларія. Ну, ваше счастье! (*Вынимаетъ пакетикъ изъ кармана*). Вотъ, берите!

Нерадинъ (*беретъ пакетъ и развертываетъ*). Вашъ... портретъ!? О, благодарю васъ! (*Ловитъ ея руку и цѣлуетъ*) А я ужь думалъ, что никогда, никогда... Въ альбомъ! сюда, сюда! (*Вставляетъ карточку въ альбомъ*).

Иларія. А вашъ...?

Нерадинъ. Мою карточку? Неужели вы... желаете...

Иларія (*передразнивая*). Неужели? У!.. противный... (*Закрываетъ лицо руками*).

Нерадинъ (*тихо*). Ужь и противный... Зачѣмъ-же вы, Иларія Семеновна, закрылись? Послушайте... (*беретъ ея руку*).

Иларія (*отвертываясь*). Оставьте меня... Не мучьте!

Нерадинъ (*въ сторону*). Ничего не понимаю!.. (*Тихо ей*). Милая... Ларичка...

Иларія (*мѣняя тонъ, весело*). А теперь я захотѣла и чаю, и молока!(*Отходитъ и, вытягиваясь къ Нерадину, говоритъ рѣзкимъ голосомъ*). Не про-тив-ный, а сим-па-ти-чный! (*Подпрыгивая, уходитъ въ столовую*).

Нерадинъ (*оторопѣвъ, беретъ стаканъ и обжигается*). Фу-ты, дьяволъ! Еще не остылъ... (*Ставитъ стаканъ*). Гм!.. Что такое? Ничего не понимаю... Все это... гм!.. на сонъ похоже... Сим-па-тичный?.. (*Дѣлаетъ легкій пируэтъ и идетъ въ столовую, тоже подпрыгивая, но въ дверяхъ сталкивается съ Калеріей*).

Явленіе VI.

Нерадинъ и Калерія.

Калерія (*входя*). Ахъ-ахъ! Вы меня испугали... Я уступила мѣсто сестрѣ. (*Обмахивается платкомъ*). Тамъ такъ жарко!.. А вы туда шли? Идите, идите!

Нерадинъ (*идя за ней*). Зачѣмъ-же туда-съ, если тамъ жарко? Позвольте ужь съ вами остаться... (*Въ сторону*). Тоже, чортъ возьми, пре-миленькая! (*Мурлыча*). „Я вновь предъ тобою стою очарованъ"... Ну-съ, какъ вы, Калерія Семеновна, на дачѣ пожили: весело, пріятно?

Калерія. Такъ себѣ. Скорѣе — скучно. А знаете, Ѳедотъ Иванычъ, я васъ во снѣ три раза видѣла... и такъ странно... Представьте: каждый разъ вы были въ костюмѣ Париса...

(*Звонокъ*).

Нерадинъ. Еще гость! Да ужь не имениннникъ-ли я сегодня? Въ костюмѣ Париса, говорите?

Калерія. Да, да! И какъ это вамъ было къ лицу! И вы... нѣтъ, я не скажу.

Нерадинъ. Ужь начали, такъ доканчивайте... Умоляю!

Калерія. И... вы взяли и поцѣловали у меня руку...

Нерадинъ. Неужели?

(*Звонокъ сильнѣе*).

Калерія. Не вѣрите? Да вотъ, такъ взяли... эту руку... (*Протягивая руку*). Да берите-же!

Нерадинъ (*беретъ ея руку и цѣлуетъ*). Теперь вѣрю-съ! Ну-съ, а потомъ я исчезъ?

Калерія. Не угадали! Потомъ я вамъ карточку свою дала...

Нерадинъ. Ужь это неправда!

Калерія (*вынувъ изъ кармана пакетикъ*). Нѣтъ-съ, правда! А это—что?.. Гдѣ вашъ альбомъ? А вонъ—на столѣ. (*Подбѣгаетъ къ столу, Нерадинъ за ней*). Я сама карточку вставлю. (*Наклоняется надъ альбомомъ*).

Нерадинъ. Милліонъ мерси! (*Въ сторону*). Удивительно!..

Явленіе VII.

Тѣ-же и Парменъ Ефимычъ Безоборотовъ.

Безоборотовъ (*въ дверяхъ*). Нѣтъ, благодарю васъ, Любовь Сергѣевна! Право, чаю не хочется... (*Входя*). А! Вотъ онъ — Ѳедотъ Иванычъ! Вотъ онъ гдѣ!.. И не одинъ... Съ барышней! Ахъ, разбойникъ! (*Кланяется Калеріи*). Мое почтеніе, мадемуазель.

Нерадинъ. Кого я вижу?!.

Калерія (*захлопывая альбомъ*). Здравствуйте. (*Присѣдаетъ и уходитъ въ столовую*).

Нерадинъ. Парменъ Ефимычъ! Вотъ удивили!..

Безоборотовъ (*раскрывая объятія*). Дайже обнять тебя! (*Обнимаются и цѣлуются*).

Нерадинъ. Ужь вотъ никакъ не ожидалъ! Садитесь-ка! (*Въ сторону*). Что за дьявольщина! (*Вслухъ*). На кушеточку, Парменъ Ефимычъ, вотъ сюда-съ... (*Въ сторону*). Это не спроста...

Безоборотовъ. Сяду, сяду! Не безпокойся. Правда, давненько не былъ у тебя... Да все, братецъ, эти проклятыя дѣла! Рыскаю изъ одного комитета въ другой, изъ комиссіи въ комиссію—просто передышки нѣтъ!.. Ну, а ужь сегодня-то—нѣтъ, думаю, шалишь! Рѣшилъ къ тебѣ всенепремѣнно... Хе, хе, хе!.. И вѣдь засталъ дòма!

Нерадинъ. Очень радъ, очень радъ!

Безоборотовъ. А сейчасъ, вотъ, маменьку поздравилъ. Только и шепнулъ ей: „поздравляю!" а она сдѣлала... удивленный видъ... Будто и не понимаетъ... Ладно!.. Такого шила въ ридикюлѣ не утаишь... Хе, хе!..

Нерадинъ. Какое-же это шило въ ридикюлѣ?

Безоборотовъ. Что?..

Нерадинъ. Да маменьку-то вы съ чѣмъ-же поздравили?

Безоборотовъ. Какъ... съ чѣмъ?.. (*Отступая на шагъ*). Ну, и ты за маменькой... Полно, Ѳедотъ Иванычъ!.. Нѣтъ, постой: дай обнять тебя еще разъ... на радостяхъ!.. (*Обнимаетъ его*). Н-ну, голубчикъ, то есть отъ всего сердца поздравляю!

Нерадинъ. Да шило-то какое?.. Не понимаю...

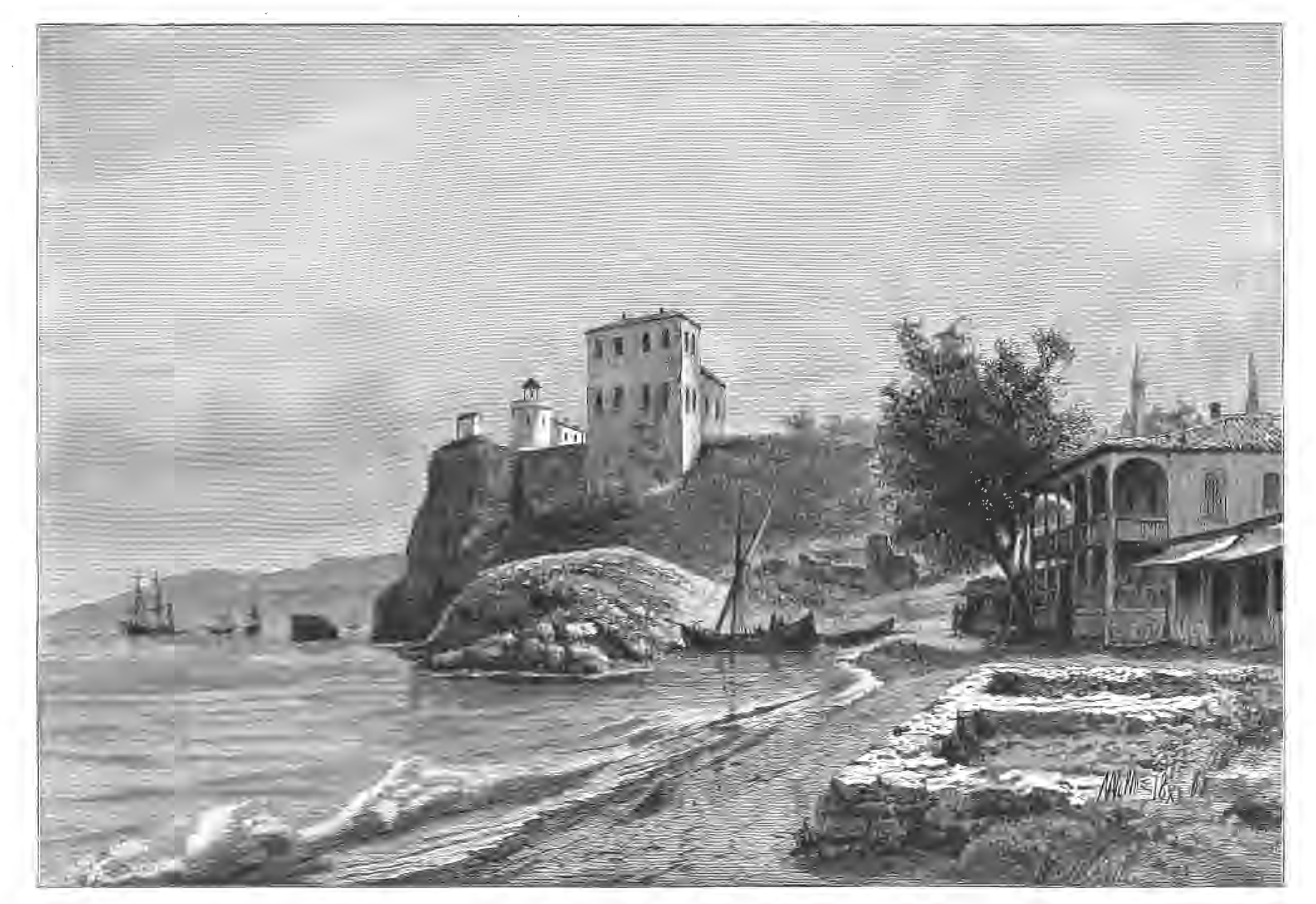
Явленіе VIII.

Тѣ-же *и входятъ:* **Лапочкина, Иларія, Калерія, Любовь Сергѣевна, Ивановъ и Марьинъ.**

Безоборотовъ. Ха, ха, ха!.. Онъ—не понимаетъ?!.. А?.. господа! Ужь говори лучше: скрываю, секретничаю!.. А то „не понимаю..." Не даромъ собрались тутъ друзья-пріятели!

Любовь Серг. Дòтичка! Да что такое? Въ чемъ дѣло? Что ты скрываешь?..

Нерадинъ. Маменька! Хоть убейте—ничего не знаю! Дѣйствительно, сегодня у



Видъ на окраинѣ Трапезунда. Ориг. рис. (собственность „Нивы") проф. Лагоріо, грав. М. Рашевскій.

Охота съ балабанами на зайцевъ въ Киргизской степи. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **В. Полякова**, грав. Ю. Барановскій.

насъ пріятное собраніе... Но... но... тутъ какое-то недоразумѣніе! Какой-то... водевиль!

Безоборотовъ. Скажите, какой актеръ! Не-до-ра-зу-мѣніе! Водевиль!.. Гм!.. Желалъ-бы я, чортъ возьми, такого для себя водевиля! Однако-жь, и кремень-же ты, Ѳедотъ Иванычъ... Кремень!.. Ужь вотъ никакъ не думалъ... Да-ну, полно шалить! Все равно: всѣ знаютъ!

Ивановъ. Всѣмъ, всѣмъ извѣстно, Кремень Иванычъ!

Марьинъ. Ха, ха, ха!... Да ужь позволь, какъ слѣдуетъ поздравить-то!

Лапочкина. Люблю такіе характеры! Браво, браво, Ѳедотъ Иванычъ! (*Слегка хлопаетъ въ ладоши*). Любовь Сергѣевна! Душечка вы моя! (*Неожиданно обнимаетъ ее и цѣлуетъ*).

Иларія. Сдайтесь, Ѳедотъ Иванычъ!

Калерія. Не скромничайте! (*Тихо*). Парисъ!..

Любовь Серг. Дотя!..

Безоборотовъ. Ну, поигралъ роль—и довольно!

Нерадинъ (*разставивъ ноги и руки*). Господа!.. Да объясните-же, наконецъ, что такое?.. а? ужь не попалъ-ли я въ китайскіе богдыханы?

Безоборотовъ. Ну, богдыханъ—не богдыханъ, а около того... Нѣтъ, какъ хотите, господа, а кушъ — хорошій! Семьдесятъ пять тысячъ цараннуть сразу—не дурно.

Нерадинъ (*въ изумленіи*). Семьдесятъ пять тысячъ... цараннуть?.. Вонъ оно что! Да что-жь я—съ неба ихъ, что-ли, цараннулъ?.. Слышите, маменька?

Любовь Серг. Охъ, у меня голова кругомъ пошла...

Безоборотовъ. Да-ну, перестань, Ѳедотъ Иванычъ! Что ты это въ самомъ дѣлѣ! Самъ на другой день тиража былъ въ банкѣ, заявилъ что на его билетъ палъ второй выигрышъ, просилъ до времени держать въ секретѣ и... ломается теперь! Секретъ-то выдали... Ха, ха!..

Ивановъ. Ха, ха! Да-съ, выдали!..

Марьинъ. Да ужь, братъ, заказывай обѣдъ-то!

Любовь Серг. (*бросается къ сыну*). И ты... ты отъ меня... А-ахъ, Дотя! (*Обнимаетъ его*).

Безоборотовъ. Каковъ? Отъ родной старушки-матери скрывалъ!?.. Р-р-разбойникъ!..

Нерадинъ (*освобождаясь изъ объятій матери*). Маменька! неужели вы...

Лапочкина. Отъ старушки-матери!?.. Нѣтъ, я не могу! Душечка! (*Обнимаетъ Любовь Сергѣевну*).

Всѣ. Поздравляемъ! Поздравляемъ васъ! Отъ души!..

Нерадинъ (*смѣясь*). Да—нѣтъ... Позвольте, позвольте, господа! Ахъ, маменька, успокойтесь! Это, право-же, во снѣ всѣмъ приснилось!

Безоборотовъ. Ну, ладно, ладно... Пусть во снѣ! Ну, сонъ—такъ сонъ... Чортъ съ нимъ! А вотъ что, другъ любезный, Ѳедотъ Иванычъ, скажу я тебѣ: не надо-ли тебѣ пока аржановъ-то? а? Ссужу съ удовольствіемъ, безъ процентовъ!

Нерадинъ (*встрепенувшись*). Аржановъ? Представьте, Парменъ Ефимычъ, вѣдь мнѣ до зарѣзу нужно на завтра, къ десяти часамъ утра... нѣтъ, лучше сегодня, вотъ сейчасъ—рублей триста... Крайне нужно, а не знаю, гдѣ достать!

Безоборотовъ. Да я тебѣ пять-шесть тысячъ дамъ, только у меня съ собой, извини, нѣтъ чековой книжки...

Нерадинъ. Да мнѣ-бы только триста... Съ собой-то у васъ сколько-нибудь есть?

Безоборотовъ (*вынимая бумажникъ*). Да парочка радужныхъ всегда найдется... (*Достаетъ двѣ радужныя*). На, бери, сдѣлай милость!

Ивановъ (*вынимая бумажникъ*). Значитъ, сотни не хватаетъ?.. Ну, у меня двѣ бѣленькія есть... (*Подаетъ*). Прошу!

Марьинъ (*вынувъ бумажникъ*). Не откажи!.. (*Доставъ деньги, подаетъ ихъ Нерадину*). Парочку красненькихъ—отъ меня!

Лапочкина (*вынувъ портмонэ*). Сколько найду... не знаю... (*Подаетъ деньги Нерадину*). Три синенькія, Ѳедотъ Иванычъ! Прошу васъ... Мало, но отъ всего сердца!

Нерадинъ (*каждому, принимая деньги*). Чувствительно благодарю васъ! Отлично... Превосходно!.. Спасибо! Мерси! (*Пожимаетъ всѣмъ руку*). Отдамъ съ благодарностью при первой возможности. И такъ... всего пятнадцати рублей недостаетъ... Ну, это не бѣда! Еще разъ, господа—благодарю! (*Прячетъ деньги въ карманъ*). Ну, маменька, гора съ плечъ долой!..

Любовь Серг. Ахъ, Дотя, Дотя!.. Ну, вотъ, гости дорогіе, сколько лѣтъ съ нимъ прожила, а не знала, что онъ такой скрытный!.. Ахъ, ты... баловникъ!.. (*Звонокъ*). Еще гость!

Нерадинъ. Ужь теперь навѣрно Сократъ Петровичъ. Господа! Mesdames! Да что-же никто не садится? Садитесь, пожалуйста! (*Всѣ разсаживаются*).

Безоборотовъ (*садясь*). Сядемъ, сядемъ! Такъ такъ-то, любезнѣйшій Ѳедотъ Иванычъ!.. Сонъ... Ну, пусть сонъ!.. Заѣзжай завтра ко мнѣ, въ правленіе, знаешь?.. Чекъ я тебѣ и выпишу. (*За сценой мужской голосъ: „Хо-хо! Гдѣ ты, Ѳедотъ Иванычъ?“*)

Нерадинъ. Это, господа, мой недавній знакомый.

Явленіе IX.

Тѣ-же и Урвановъ (*не пьянъ, а подъ хмѣлькомъ*).

Урвановъ (*входя*). Вонъ онъ—старый Ѳедотъ! Здравствуй! Э! да тутъ публика у тебя... Мое почтеніе, госпожа публика!

Нерадинъ. Здравствуй, здравствуй, Сократъ Петровичъ! (*Гостямъ*). Рекомендую: Сократъ Петровичъ Урвановъ.

Урвановъ. Погоди! Я самъ люблю рекомендоваться незнакомой публикѣ. Урвановъ! Артистъ-комикъ въ отставкѣ, или сама отставка въ видѣ комика... Все равно! Но не думайте, что я бросилъ сцену—нѣтъ! Я ежедневно играю, пою, выхожу... Антрепренеръ—это нутрò мое, вся моя подоплёка; режиссеръ — собственные мозги; суфлеръ—сердце горячее; публика—сегодня вы, завтра—другіе; оркестръ—оркестръ невидимый! Играй ритурнель, невидимый оркестръ! Урвановъ споетъ свою рекомендательную пѣсенку—собственнаго изготовленія!.. (*Поетъ съ декламаціей, съ аккомпаниментомъ оркестра, послѣ ритурнеля*).

Подъ счастливою звѣздой
Много-ли родится?
А несчастненькихъ считать—
Значитъ, въ счетѣ сбиться...
На одну улыбку—сто
Слезныхъ воздыханій!..
Не коснулись и меня
Доброй феи длани...
Не пришла она ко мнѣ
Съ золотой коробкой—
Но за тò—родился я
Подъ счастливой... пробкой!

* * *

Горе сердце защемитъ—
Рюмочку полынной!
Если что не по душѣ—
Мятной или тминной...
Измѣнилъ предметъ любви—
Триста капель рома!
Другъ по дружбѣ насолилъ—
Нѣтъ-ли водки дома?..
Не была моя душа
У бѣды холопкой!..
И я бариномъ живу
Подъ счастливой пробкой!

Всѣ (*апплодируя*). Браво! Браво!..

Урвановъ (*раскланиваясь*). Ужь не взыщите-съ! (*Нерадину*). А вѣдь какъ я, Ѳедотъ Иванычъ, за тебя было порадовался, когда услышалъ, что старая карга́ — фортуна-то—тебѣ комплиментъ сдѣлала! Ну, думаю, съ этакой уймой деньжищъ, вотъ-то заживетъ онъ теперь, припѣваючи! И вотъ, поди-жь ты... проскочило!.. Жаль, дружище, жаль!..

Нерадинъ (*смѣясь*). Слышалъ я это, слышалъ! должно-быть однофамилецъ... Что, господа?..

Безоборотовъ (*вскочивъ*). Какъ „проскочило?..“ Да вѣдь онъ—Ѳедотъ Иванычъ—выигралъ! (*Урванову*). Что вы путаете?..

Лапочкина (*вставая*). Сама, сама слышала... отъ одного чиновника!.. Помилуйте! Не только фамилію—имя назвали!

Ивановъ (*Урванову*). Что такое? Какъ?

Марьинъ (*Урванову*). Объяснитесь!

Любовь Серг. Да не слушайте вы его! Хмѣльной человѣкъ... (*Урванову*). Пробка ты, батюшка, и больше ничего!

Нерадинъ. Маменька! (*Урванову*). Вотъ, не вѣрятъ мнѣ, да и баста! Господа! Позвольте Сократу Петровичу разсказать...

Урвановъ. Господа! Второй выигрышъ, какъ я нарочно и доподлинно узналъ, палъ на билетъ одного приказчика—по имени и фамиліи Ѳедота Не-ла-ди-на. И дѣйствительно, самъ этотъ приказчикъ былъ въ банкѣ и заявилъ... Мнѣ это сегодня его хозяинъ сказалъ, мой пріятель...

Безоборотовъ. Такъ вонъ оно что!

Лапочкина (*садясь*). Но это... это просто насмѣшка судьбы!..

(*Иларія и Калерія незамѣтно придвигаются къ тому мѣсту стола, гдѣ лежитъ альбомъ*).

Любовь Серг. (*почти со слезами*). Ахъ, мы несчастные! Ой, не вѣрится...

Ивановъ. Вотъ когда по усамъ текло, а въ ротъ не попало!..

Марьинъ. Ѳедотъ, да не тотъ! (*Въ смежной комнатѣ шумъ отъ убираемой чайной посуды*).

Безоборотовъ. Да, да! Совершенно вѣрно: Ѳедотъ, да не тотъ.. Удивительно, какъ это иногда... Гм! Нерадинъ... Не-ла-динъ... Оба Ѳедота! Чисто водевиль!.. Повѣрь, Ѳедотъ Иванычъ, я за тебя такъ былъ радъ, такъ былъ радъ, что... ну, просто. (*Въ столовой что-то падаетъ и разбивается. Голосъ Секлетеи: „Ай!“*)

Любовь Серг. Ахъ, варварка! Разбила... (*Бѣжитъ къ дверямъ и заглядываетъ въ столовую*). Что ты—а?.. (*Возвращается*). Дареная бутылочка-то, съ коньякомъ—приказала долго жить!..

Урвановъ. Съ коньякомъ?.. Эхъ!.. Ну, вѣчная память!..

Безоборотовъ (*вынимая часы*). Разбила?.. Какая неловкая... Однако... Ну, братъ, Ѳедотъ Иванычъ, ужь ты извини меня: мнѣ пора. Совсѣмъ было забылъ, что у меня сегодня въ клубѣ партія... Вѣдь сегодня вторникъ? Да, да—вторникъ. Шляпа моя тамъ?.. Ну, до свиданья, Любовь Сергѣевна! Прощай, братецъ! (*Дѣлаетъ общій поклонъ*). Прощайте-съ! (*Въ сторону*). Чортъ знаетъ что такое!.. (*Нерадину, нѣсколько понизивъ голосъ*). Да, послушай, Ѳедотъ Иванычъ, я... мм!.. касательно этихъ денегъ... Вотъ, видишь-ли...

Нерадинъ. Двѣсти рублей?

Безоборотовъ. Да, видишь-ли, я совсѣмъ забылъ, что сегодня я въ клубѣ... А никакъ нельзя... Проклятый клубъ! Мы, знаешь, вѣдь по большой... Ну, а я съ собой только и захватилъ... Такая досада!..

Нерадинъ (*вынимая кредитки*). Извольте, извольте... Вотъ онѣ — ваши радужныя! (*Съ улыбкой*). Вѣдь я... пошутилъ! (*Отдаетъ деньги*).

Безоборотовъ (*беретъ и прячетъ бумажки*). Пошутилъ? Ну, это другое дѣло... Ахъ, ты какой! Ну, будь здоровъ! До свиданья! (*Въ сторону*). Фу!.. (*Быстро уходитъ*).

Ивановъ. Такъ это ты пошутилъ?

Марьинъ. Значитъ и моихъ денегъ тебѣ не надо?

Нерадинъ (*вынимая остальныя*). Теперь

не надо, не надо... Вотъ ваши деньги! (*Отсчитываетъ и отдаетъ имъ бумажки*). Да, да... Пошутилъ!.. Ха, ха, ха!..

Лапочкина (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Какой шутникъ!.. А мои, Ѳедотъ Иванычъ, синенькія... три...

Нерадинъ (*подаетъ ей бумажки*). Онѣ самыя-съ!

Лапочкина (*пряча деньги*). Но какъ все это... мило... обворожительно!..

Ивановъ (*перемигнувшись съ Марьинымъ*). Ну, и намъ тоже—пора. Извини, Ѳедотъ Иванычъ!

Марьинъ. Да, ужь извини!.. Мы сегодня приглашены на одинъ танцовальный вечеръ... Охъ, ужь эти танцовальные вечера! Ну, до свиданья!

Ивановъ. Переодѣться надо... То да се... Дали слово. Не сердись, голубчикъ! До свиданья! (*Дѣлаютъ общій поклонъ и идутъ*).

Нерадинъ (*не провожая ихъ*). Не задерживаю, не задерживаю... Прощайте-съ! (*Ивановъ уходитъ*).

Марьинъ (*въ дверяхъ*). Ахъ-да! Да ты, кажется, сигаръ не куришь?

Нерадинъ. Дорогихъ—не курю... А эти—дорогія?

Марьинъ. Рублей на пятнадцать... Впрочемъ, кури!..

Нерадинъ. Нѣтъ, нѣтъ... Погоди!.. (*Беретъ ящикъ и несетъ его къ Марьину*). Не по карману мнѣ такія... Получай!

Марьинъ (*принимая ящикъ*). Ну, какъ знаешь... Давай, пожалуй. До свиданья! Не забывай насъ, сдѣлай милость! (*Уходитъ*).

Нерадинъ. Не забуду, не забуду!

Лапочкина. Ахъ, и мы засидѣлись!.. Что-жъ вы насъ не гоните? (*Встаетъ*). Мы боимся поздно ходить... Илари! Калери! Надѣвайте шляпки. Пора, пора домой... Прощайте, Любовь Сергѣевна! Если вздумаете—заверните къ намъ... До свиданья, Ѳедотъ Иванычъ! Не забывайте насъ. До свиданья, мсье У...лановъ.

Иларія и Калерія. До свиданья. Не забывайте насъ.

Любовь Сергѣевна и Нерадинъ. Не забудемъ, не забудемъ! Прощайте.

(*Кромѣ Урванова, всѣ уходятъ въ смежную комнату. Голосъ Любовь Сергѣевны: „Секлетея, проводи!"*).

Урвановъ (*одинъ*). Гм!.. Не дурно... Но какая-же это шутка съ ихними-то деньгами? Что сей сонъ значитъ? А ужь видно—добрые знакомые!.. Добрые!

Явленіе X и послѣднее.

Урвановъ *и входятъ*: **Любовь Сергѣевна и Нерадинъ**.

Любовь Серг. Добрыхъ знакомыхъ и проводили! Небось, и ты сейчасъ убѣжишь? Ужь нечего сказать... сердце радуется!.. И деньги отобрали, и подарки отобрали... Ай-ай, какъ люди-то испортились! Не разбей Секлетейка бутылки—и початую взяли-бы! А я-то, дура, думала...

Урвановъ (*перебивая*). Эхъ, Любовь Сергѣевна! Богъ съ ними!.. А вотъ бутылочкито жаль!.. Ахъ, какъ жаль!..

Нерадинъ. Ну, нѣтъ-съ, маменька, не все отобрали! Позвольте-съ, я вамъ что-то покажу... (*Беретъ альбомъ*). Иларія Семеновна и Калерія Семеновна... (*перелистываетъ альбомъ*) были такъ... любезны... что... что... изволили мнѣ... Что за чортъ! Да гдѣ-жъ карточки?! Не-уже-ли?!..

Урвановъ. Чего тутъ „неужели?"... Вытащили, братъ, и унесли... То-то я видѣлъ, какъ эти дѣвицы что-то около альбома этого возились... подъ шумокъ-то!

Нерадинъ (*бросая альбомъ*). Маменька! Каковы барышни-то?..

Урвановъ. Другаго Ѳедота найдутъ! Да ну ихъ!.. А вотъ, скажи мнѣ, дружище, какія это ты имъ деньги отдавалъ?..

Любовь Сергѣевна. Ахъ, Дотя! Я-бы сейчасъ-то не отдала... Подождали-бы!.. Какъ-ты завтра-то... безъ денегъ?..

Нерадинъ (*ходитъ въ волненіи*). Ахъ, маменька... Оставьте это!

Урвановъ. Нѣтъ, ты погоди! (*Любови Сергѣевнѣ*). Что завтра? Почему завтра безъ денегъ? Что случилось? (*Нерадину*). Деньги тебѣ нужны?..

Нерадинъ. Ну-да... Милліонъ семьсотъ девяносто тысячъ! Да что толковать попустому... Нечего разсказывать.

Урвановъ (*заступая ему дорогу*). Говори, несчастный!

Любовь Серг. Видите-ли, поручился онъ за одного, ну, а тотъ...

Урвановъ. Все понимаю! Много-ли?

Нерадинъ (*остановясь*). Ты что егозишь? Много-ли, мало-ли—тебѣ-то что? Не хватитъ твоего двугривеннаго, все равно.

Урвановъ. Врешь! Считалъ ты мои двугривенные? (*Идетъ къ столу*).

Любовь Серг. Много, батюшка, Сократъ Петровичъ! Охъ, триста рублей...

Урвановъ. Триста?.. Триста! (*Начинаетъ выкладывать на столъ изъ всѣхъ кармановъ кредитки, серебро и даже мѣдь*). Нате, считайте! На-те, считайте! Ѳедотъ, подходи къ разгнѣванному змѣю!

Нерадинъ (*радостно*). Откуда? Кого убилъ—говори!

Урвановъ. Считайте, несчастные! (*Роется въ карманахъ, но больше ничего не находитъ*). Ну, все—больше нѣтъ! Убилъ?.. Убилъ, да не я... Была, братецъ, у меня, въ городѣ Сапожкѣ — есть такой Сапожокъ!—шестиюродная—не то кузина, не то тетка, вдова, бездѣтная... Вотъ, ее-то и убилъ—никѣмъ до сихъ поръ не арестованный—разбойникъ Кондрашка, а я получилъ только вчера, въ наслѣдство, небывалую для меня прорву денегъ... Ну, кое-что ужь растратилъ, кое-какіе должишки уплатилъ, а остальное—все тутъ! Триста для тебя наберется... Считайте!

Нерадинъ (*обнимая его*). Даешь мнѣ?! Другъ! Голубчикъ!

Любовь Серг. Батюшка! Дай и я тебя обниму! (*Обнимаетъ*).

Урвановъ. Ага! Счастливая, не-бось, пробка-то?..

Нерадинъ. Маменька, считайте деньги-то! (*Урванову*). Постой, Сократъ Петровичъ... Взять-то я возьму, съ отдачей, а ты-то какъ же...

Урвановъ. А на кой онѣ мнѣ прахъ? Никогда денегъ у меня много не бывало—ну, и не хочу! Мѣшаютъ только, даже... развращаютъ!.. Отъ нихъ, подлыхъ, глупыя мысли въ голову лѣзутъ... Не хочу!

Нерадинъ. Полно, что ты!..

Урвановъ. Вѣрно! Вообрази: чуть было ананаса не купилъ! Ну, куда мнѣ этотъ фруктъ?.. Къ лицу-ли? А потомъ — вижу стоитъ на резинахъ атласная коляска... И стало, братецъ ты мой, подмывать меня залѣзть въ нее и прокатиться по Невскому!.. Нѣтъ, бери, бери! Боюсь я ихъ!.. Я, братъ, теперь на одномъ частномъ театрикѣ играю и разовыя получаю... За глаза довольно! Ну, а въ минуту жизни трудную пригрѣешь ты меня... Дашь мнѣ одну... одну... рюмочку водки?.. Дашь?

Нерадинъ. Во всякую минуту! Но позволь, милый-ты человѣкъ, для порядку хоть векселекъ или росписочку съ меня?

Любовь Серг. Сосчитала! Триста семьдесятъ семь рублей, да мелочью шестьдесятъ пять копѣекъ.

Нерадинъ. Ну, отсчитывайте триста, а остальныя—ему.

Урвановъ. Ты говоришь—векселекъ? Ладно! Есть вексельная бумажка?

Нерадинъ (*садится къ столу*). Есть, есть. (*Достаетъ бумагу*). Сейчасъ напишу.

Урвановъ. Валяй подъ мою диктовку. Пиши! Ну, городъ Санктъ-Петербургъ... годъ... мѣсяцъ... число...

Нерадинъ (*пишетъ*). Отъ сего тысяча восемьсотъ...

Урвановъ. Написалъ? Дальше: срокомъ каждый разъ по предъявленію...

Нерадинъ. Какъ такъ? Это—неправильно...

Урвановъ (*топнувъ*). Пиши! Срокомъ каждый разъ по предъявленію по сему моему векселю повиненъ я платить Сократу Петровичу Урванову...

Нерадинъ (*пишетъ*). Урванову, или кому онъ прикажетъ...

Урвановъ. Стой! Врешь, врешь! Никому не прикажу! Пиши: Урванову... платить одною рюмкою водки... Пиши, пиши! Одною рюмкою водки, за которыя — не за „которую", а за „которыя"—я отъ него наличными деньгами получилъ сполна триста рублей. Ну, званіе, имя... Самъ знаешь. Готово?

Нерадинъ (*дописывая*). Готово! Ха, ха, ха!.. Слышали, маменька?

Урвановъ. Засыпай песочкомъ и давай мнѣ сей строгій документъ!

Любовь Серг. Вотъ, господа, тутъ ровнехонько триста, а вотъ остальныя.

(*Нерадинъ встаетъ, беретъ деньги, кладетъ одну пачку на столъ, а другую съ мелочью и векселемъ отдаетъ Урванову*).

Урвановъ (*пряча деньги и вексель*). И дѣло въ шляпѣ! А жаль, жаль все-таки, что другой Ѳедотъ выигралъ, а не ты!

Нерадинъ. Я не жалѣю. Сегодня я не въ проигрышѣ! Видѣлъ моихъ знакомыхъ-то?! А ты—мой крупный выигрышъ!

(*Обнимаетъ его, Нерадина — тоже, но Урвановъ освобождается изъ объятій, отходитъ шага на два, выхватываетъ вексель изъ кармана и, держа его обѣими руками надъ головой, дѣлаетъ шагъ къ Нерадину*).

Урвановъ. Предъ-яв-ляю!

Нерадинъ. Маменька! Предъявилъ!

Любовь Серг. Такъ пожалуйте въ столовую—за полученіемъ!

Занавѣсъ.

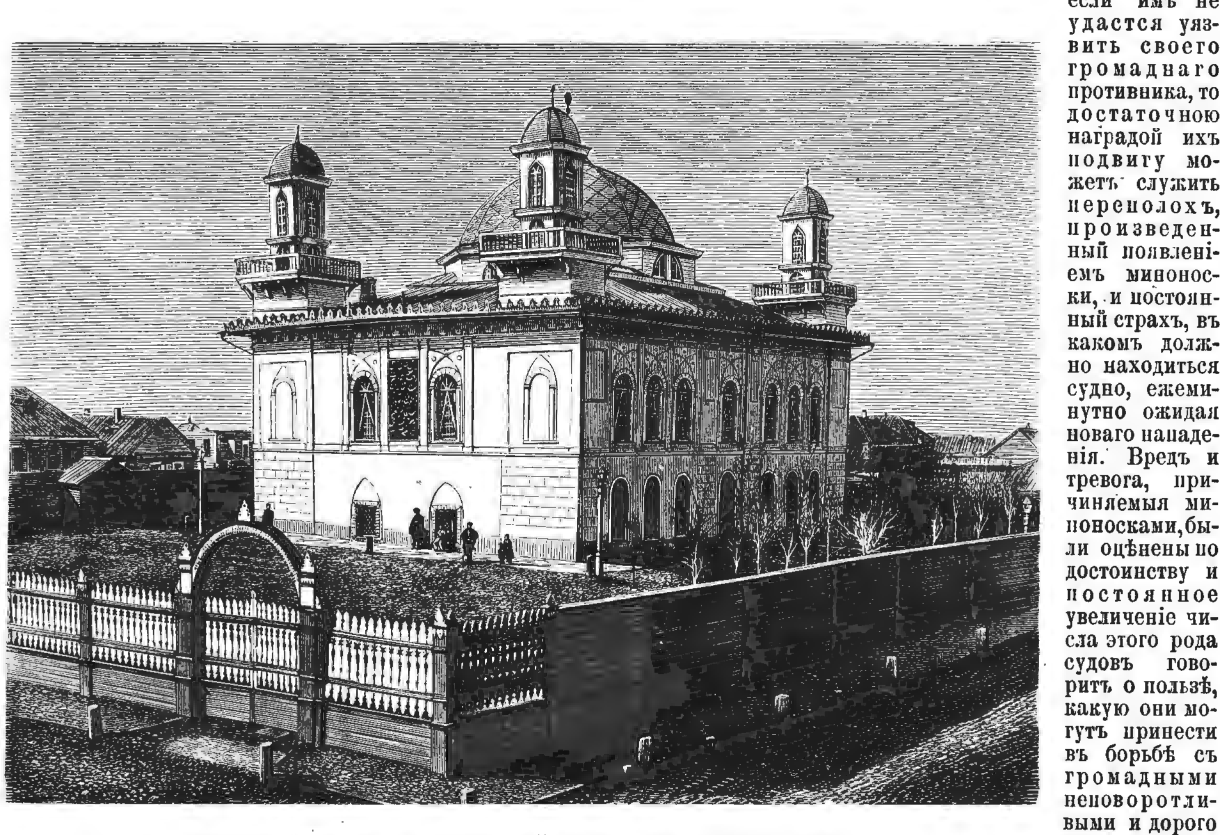
Къ рисункамъ.

Иноки Троице-Сергіевой обители, защищающіе монастырь отъ поляковъ, въ 1608—9 гг.

(Рис. на стр. 380).

„Была та смутная пора"... когда древней Руси, всколебленной мятежниками и борьбою съ Самозванцами, съ Литвою и собственными измѣнниками, приходилось напрягать всѣ силы, чтобы отстоять самостоятельность родины, спасти вѣру и обычаи предковъ. Тушинскій воръ сидѣлъ въ Тушинѣ и разсылалъ оттуда то милостивыя грамоты, то неистовыя толпы грабителей по русскимъ областямъ и городамъ. Царь Василій Ивановичъ (Шуйскій) сидѣлъ въ Москвѣ, отовсюду окруженный враждебными ратями, обезсиленный измѣною. Поляки и Литва, подъ начальствомъ наглаго Рожинскаго, хищнаго Сапѣги и кровожаднаго Лисовскаго, прикидываясь союзниками Тушинскаго вора, заботились только о томъ, чтобы разорять и грабить ненавистную имъ Русь. Въ началѣ осени 1608 года Сапѣга и Лисовскій, прослышавъ о томъ, что и король Польскій собирается объявить войну Московскому царю, вдругъ отдѣлились отъ Тушинскаго вора и двинулись со своими полчищами по Ярославской дорогѣ. Сапѣга, хотѣвшій дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, пошелъ къ Троицкому монастырю, который обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями. Узнавъ о движеніи Сапѣги, Шуйскій послалъ брата своего, Ивана, перехватить ему дорогу; но московское войско было на голову разбито подъ Рахмановымъ, и

Шуйскій явился въ Москву съ очень немногими людьми. Поразивъ Шуйскаго, Сапѣга вмѣстѣ съ Лисовскимъ, приступили къ Троицкому монастырю. 23 сентября 1608 года тридцатитысячное войско Сапѣги обступило Троице-Сергіеву обитель, надѣясь легко овладѣть ею и вынудить къ сдачѣ. Поляки заранѣе точили зубы на богатства и сокровища монастырской казны. Но они совершенно неожиданно встрѣтили страшный отпоръ. Силы осажденныхъ трудно опредѣлить съ точностью, по недостатку свидѣтельствъ. По сохранившейся современной записи о сидѣвшихъ въ осадѣ оказывается, что дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ было тамъ 609 человѣкъ; если мы должны приложить сюда еще 700 разныхъ людей, надъ которыми начальствовали головы изъ дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, да если приложить сюда еще монаховъ, способныхъ нести воинскіе труды, то выйдетъ около 1,500 человѣкъ, кромѣ монастырскихъ слугъ и крестьянъ; при опредѣленіи числа послѣднихъ должно сообразоваться съ возможностію помѣщенія внутри монастыря, гдѣ было еще много женщинъ и дѣтей: толпы окольныхъ жителей съ семействами собрались въ монастырь, и тѣснота была страшная. Воеводами монастырской заставы или гарнизона были: окольничій князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ. Архимандритомъ монастыря былъ въ это время Іосафъ, о характерѣ котораго трудно сказать что-нибудь рѣшительное; гораздо рѣзче выдавался келарь монастыря Авраамій Палицынъ, свидѣтель и историкъ событій осады. Есть основаніе полагать, что Палицынъ былъ близкимъ человѣкомъ семейству Шуйскихъ. Подвергшись опалѣ въ 1588 г., т. е. спустя годъ, послѣ того какъ такое-же наказаніе постигло Шуйскихъ, Авраамій становится келаремъ Троицкаго монастыря съ восшествіемъ Шуйскаго на престолъ. Палицынъ, „человѣкъ очень ловкій, дѣловой, уклончивый, начитанный, по тогдашнимъ понятіямъ краснорѣчивый, былъ настоящимъ келаремъ перваго монастыря въ государствѣ, посредникомъ между государемъ и монастыремъ, представителемъ послѣдняго передъ мірскими властями, охранителемъ его выгодъ, ходатаемъ по дѣламъ его..."



Персидская мечеть въ Астрахани. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Сапѣга и Лисовскій думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили сильное сопротивленіе: всѣ приступы были отбиты, осадныя работы уничтожены. Сапѣга съ Лисовскимъ писали къ воеводамъ троицкимъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая къ сдачѣ обѣщаніями богатыхъ наградъ: въ противномъ случаѣ грозили злою смертію. Убѣжденія и угрозы остались тщетными: монахи и ратные люди видѣли предъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича; они видѣли предъ стѣнами обители Св. Сергія толпы иновѣрцевъ, Поляковъ и Литву, пришедшихъ поругать и расхитить церковь и сокровища священныя. Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться-ли царю тушинскому отъ царя московскаго, но о томъ, предать-ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ православной вѣры; троицкіе *сидѣльцы* защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ Св. Сергія, и потому, при господствѣ религіознаго одушевленія, измѣна не могла пересилить вѣрности въ Троицкомъ монастырѣ, хотя измѣна вкралась и сюда. Одушевленіе въ ряды ратныхъ людей вносили суровые иноки троицкіе: между тѣмъ какъ одни отправляли церковныя службы, другіе работали въ хлѣбнѣ и поварнѣ надъ приготовленіемъ пищи для воиновъ, большинство иноковъ день и ночь стояли на стѣнахъ, показывая всѣмъ примѣръ неустрашимости и мужества. Прикрывъ рясу тяжелою кольчугой, а клобукъ замѣнивши шеломомъ, эти подвижники вмѣстѣ съ ратными людьми ходили на вылазки, начальствовали отрядами и съ изумительною твердостью умирали, сражаясь за гробъ Св. Сергія и древнія святыни его обители. Осада затянулась до 12 января 1610 года и окончилась тѣмъ, что Сапѣга и Лисовскій отступили съ позоромъ...

Рисунокъ академика М. П. Клодта представляетъ намъ одинъ изъ эпизодовъ этой достославной осады.

Оборона броненосца отъ миноноски.

(Рис. на стр. 381).

Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ и тревогой ожидаетъ семидесятипятисаженный гигантъ нападенія маленькаго чудовища! Едва на кораблѣ замѣтили приближеніе миноноски, тотчасъ на немъ были приняты всѣ мѣры чтобы помѣшать адскому ея замыслу. Команда судна, вооруженная магазинными ружьями, плотнымъ строемъ размѣстилась вдоль борта корабля и жерла пушекъ направлены на непріятеля. Нападеніе его будетъ встрѣчено градомъ пуль и снарядовъ. Несмотря на такой пріемъ, смѣльчаки, управляющіе миноносками, отважно и беззавѣтно идутъ къ выполненію своей задачи и, если имъ не удастся уязвить своего громаднаго противника, то достаточною наградой ихъ подвигу можетъ служить переполохъ, произведенный появленіемъ миноноски, и постоянный страхъ, въ какомъ должно находиться судно, ежеминутно ожидая новаго нападенія. Вредъ и тревога, причиняемые миноносками, были оцѣнены по достоинству и постоянное увеличеніе числа этого рода судовъ говоритъ о пользѣ, какую они могутъ принести въ борьбѣ съ громадными неповоротливыми и дорого стоющими кораблями. Появившись во время войны въ Сѣверной Америкѣ южныхъ штатовъ съ сѣверными, миноноски причинили не мало вреда и хлопотъ флоту сѣверянъ, а цѣлый рядъ подвиговъ русскихъ моряковъ въ послѣднюю Русско-Турецкую войну служитъ явнымъ доказательствомъ тѣхъ услугъ, какія миноноски могутъ оказать въ борьбѣ съ непріятелемъ на водѣ.

Литературный альбомъ. „Герой нашего времени", Лермонтова. „Тамань". (Рис. на стр. 385).

Въ то время какъ Лермонтовъ принималъ участіе въ трудной экспедиціи въ Чечню, заключившейся кровопролитной схваткой на Валерикѣ, такъ художественно описанной безсмертнымъ поэтомъ, — въ Петербургѣ вышелъ изъ печати отдѣльнымъ изданіемъ его романъ „Герой нашего времени", въ настоящее время хорошо извѣстный всей читающей публикѣ. Въ одномъ изъ очерковъ, изъ которыхъ состоитъ романъ, озаглавленномъ „Тамань", Лермонтовъ передаетъ въ чрезвычайно интересномъ разсказѣ, какъ герой его повѣствованія былъ кинутъ судьбою въ мирный кругъ „честныхъ" контрабандистовъ. „Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!"

Въ шутку пригрозивъ возлюбленной контрабандиста Янко, донести коменданту объ его продѣлкахъ, Печоринъ, тяготившійся своей пустою, безсодержательною жизнію и иногда искавшій приключеній „въ бездѣйствіи досуга", легко былъ увлеченъ обворожительною, по его собственнымъ словамъ, контрабандисткою, на свиданіе. Войдя за дѣвушкой въ лодку, онъ едва не былъ сброшенъ „бѣсомъ-дѣвкой" въ воду, когда лодка не-

Вильгельмъ, наслѣдный принцъ Германскій съ сыномъ. Съ фотогр. грав. Барановскій.

замѣтно отплыла отъ берега. „Хочу оттолкнуть ее отъ себя,— говорится въ разсказѣ,—она какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчекъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы; но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости!.. „Что ты хочешь!" закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала пытку.

„— Ты видѣлъ, отвѣчала она: ты донесешь! и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ...."

Этотъ эпизодъ и воспроизведенъ художникомъ А. Земцовымъ на стр. 385 настоящаго нумера.

Видъ на окраинѣ Трапезунда. (Рис. на стр. 388).

Имя Льва Феликсовича Лагоріо хорошо извѣстно читателямъ „Нивы". Въ № 39 1882 года была помѣщена біографія даровитаго профессора и, кромѣ того, на страницахъ нашего журнала неоднократно помѣщались гравюры съ его выдающихся картинъ и акварелей. Прекрасный колоритъ, чрезвычайная мягкость рисунка и мастерская техника являются отличительнымъ свойствомъ его произведеній. Съ особеннымъ искусствомъ онъ воспроизводитъ каменныя массы и морскіе виды. Помѣщенный на стр. 388 видъ на окраинѣ Трапезунда, отличается всѣми качествами талантливыхъ созданій художника. Вдали на безоблачномъ небѣ рельефно рисуется высокій силуэтъ замка, построеннаго на скалистомъ берегу. Ближе къ зрителю, въ тѣни развѣсистаго дерева, виденъ базаръ, стоящій почти у самаго моря, которое длинною волною набѣгаетъ на прибрежный песокъ. Трапезундъ, или, какъ его называютъ турки, Тирабзонъ, укрѣпленный главный городъ одного изъ вилайетовъ въ Малой Азіи, лежащій среди горъ, у южнаго берега Чернаго моря, представляетъ для художника много интереснаго. Весь утопая въ садахъ, онъ пересѣкается узкими, грязными улицами, на которыхъ часто можно встрѣтить не мало достойнаго кисти живописца. До полусотни тысячъ разноплеменныхъ жителей: турокъ, армянъ, грековъ, персовъ и европейцевъ, населяютъ этотъ городъ, являющійся значительнымъ мѣстомъ въ торговлѣ передней Азіи съ Европой.

Охота киргизовъ съ балабанами. (Рис. на стр. 389).

Охота съ соколами встрѣчается уже въ глубокой древности. За 400 лѣтъ до Рождества Христова Ктезій нашелъ прирученныхъ съ этою цѣлью соколовъ у индійцевъ. У римлянъ, однако, соколиная охота появилась сравнительно поздно, но съ V вѣка пристрастіе къ этой забавѣ быстро распространяется, не смотря на церковныя запрещенія охотиться съ соколами и собаками. Фридрихъ Барбаросса и его сынъ императоръ Генрихъ VI были большими любителями соколиной охоты. Кромѣ нихъ, не мало коронованныхъ особъ и ихъ приближенныхъ предавались съ увлеченіемъ въ разное время этому удовольствію. И на Руси, въ былое время, цари любили тѣшиться охотою съ соколами. Но эта, прежде столь любимая, интересная охота почти совсѣмъ позабыта и въ настоящее время она сохранилась только кое-гдѣ въ Англіи, Голландіи и Россіи, причемъ число любителей ея очень ограничено. Гораздо больше охота съ соколами распространена въ Африкѣ и Азіи. Помѣщенный на стр. 389 рисунокъ изображаетъ охоту киргизовъ съ однимъ видомъ сокола — балабаномъ (Falco lanarius). Эта крупная хищная птица, темно-сѣраго цвѣта съ синевой и темными пятнами, достигаетъ въ длину до 2 футовъ, при 4 футахъ ширины въ крыльяхъ, и приручается безъ особенно большаго труда къ охотѣ на водяную птицу и мелкаго звѣря.

Персидская (шіитская) мечеть въ г. Астрахани.

(Рис. на стр. 392).

Въ числѣ семидесятитысячнаго населенія г. Астрахани, почти десятая часть принадлежитъ къ магометанскому вѣроисповѣданію; а потому и не удивительно, что въ Астрахани, рядомъ съ другими иновѣрческими храмами, видимъ *семь* мечетей. Только одна изъ нихъ, которую и представляетъ рисунокъ, помѣщенный въ нынѣшнемъ № *Нивы*, принадлежитъ *шіитскому* толку магометанскаго вѣроисповѣданія. Къ суннитамъ принадлежатъ всѣ азіатскіе народы, исповѣдающіе магометанство; шіитами оказываются *только Персы*. Разница вѣрованій между первыми и вторыми заключается въ томъ, что первые, кромѣ *Корана*, признаютъ еще *Сунну* — т. е. собраніе правилъ, изреченій и разсказовъ о дѣяніяхъ Магомета — за божественный законъ. Шіиты признаютъ только *Коранъ* и отвергаютъ религіозныя преданія и легенды, собранныя въ *Сунни*. Сверхъ того, они признаютъ четвертаго халифа Али-бен-Абу-Талеба (зятя Магометова) законнымъ наслѣдникомъ и преемникомъ своего вдохновеннаго Пророка, а потому воздаютъ его памяти почести, почти равныя воздаваемымъ Магомету. Мечети шіитовъ и по архитектурѣ отличаются отъ обыкновенныхъ суннитскихъ. Постоянною принадлежностью послѣднихъ является минаретъ—тонкая башенка, заканчивающаяся шпилемъ, съ балкона которой муэззины призываютъ правовѣрныхъ на молитву. У персидскихъ (шіитскихъ) мечетей, минареты замѣняются угловыми башенками, съ которыхъ обыкновенно четыре муэззина возглашаютъ призыванія молиться, обращаясь ко всѣмъ четыремъ странамъ свѣта.

Наслѣдный принцъ Германскій съ сыномъ.

(Портр. на стр. 393).

Фридрихъ-Вильгельмъ-Викторъ-Альбертъ, наслѣдный принцъ Германскій, старшій сынъ императора Фридриха III, родился 15 (27) января 1859 года. Воспитателями его были профессоръ Гинцпетеръ и генералъ-маіоръ фонъ-Стольбергъ. Послѣ конфирмаціи въ 1874 году онъ поступилъ въ Кассельскую гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1877 году. Затѣмъ онъ вступилъ на службу въ I гвардейскій пѣхотный полкъ и въ то же время изучалъ военныя науки подъ руководствомъ нѣкоторыхъ преподавателей Потсдамской военной школы. Затѣмъ принцъ Вильгельмъ, въ чинѣ полковника, командовалъ гвардейскимъ гусарскимъ полкомъ, вторымъ гвардейскимъ полкомъ ландвера и 1-мъ Померанскимъ гренадерскимъ полкомъ. 15 (27) февраля 1881 года принцъ Вильгельмъ сочетался бракомъ съ принцессой Августой-Викторіей, дочерью герцога Фридриха Шлезвигъ-Голштейнъ-Лауэнбургскаго. Отъ этого брака родились три сына: принцы Вильгельмъ (6 мая н. с. 1882), Эйтель-Фридрихъ (7 іюля 1883) и Адальбертъ (14 іюля 1884). На прилагаемомъ портретѣ наслѣдный принцъ изображенъ со старшимъ сыномъ.

В. М. Гаршинъ. (Портр. на стр. 396).

На-дняхъ, въ припадкѣ меланхоліи, окончилъ жизнь самоубійствомъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ молодыхъ беллетристовъ нашихъ, Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. Ему было всего тридцать три года, и онъ не успѣлъ написать такого большаго, цѣльнаго произведенія, въ которомъ могло бы проявиться во всемъ объемѣ его дарованіе. Но и на тѣхъ немногихъ повѣстяхъ и разсказахъ, какіе онъ оставилъ намъ, лежитъ печать несомнѣннаго таланта, свѣжаго, имѣвшаго будущность; въ нихъ виденъ настоящій художникъ, вдумчивый, тонко чувствовавшій поэтъ, порою обнаруживавшій способность къ довольно глубокому и вѣрному анализу психической жизни человѣка. Всеволодъ Михайловичъ работалъ въ изданіяхъ такъ называемаго либеральнаго лагеря, своей узкой партійностью, своими фальшивыми тенденціями испортившаго и погубившаго не мало дарованій. Но вліяніе этого лагеря не подѣйствовало на Гаршина и не заставило его пойти по ложной дорогѣ, принести художественную правду въ жертву тенденціи. Онъ рисовалъ вполнѣ реальные образы, возсоздавалъ разныя картины дѣйствительности, но всегда зналъ чувство мѣры, чутко угадывалъ фальшь доморощеной натуралистической школы и всегда оставался художникомъ, понимавшимъ требованія изящнаго. Разсказы Гаршина правдивы, всегда оригинальны по сюжету и согрѣты искреннимъ, горячимъ чувствомъ; они большею частью чужды аффектаціи и благодаря этой простотѣ, производятъ нерѣдко сильное, глубокое впечатлѣніе. Особенно ярки и исполнены настоящаго драматизма его разсказы, въ которыхъ онъ рисуетъ сцены военно-походной жизни, написанные подъ живымъ впечатлѣніемъ боевой жизни и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ чтенія „Войны и Мира" и другихъ произведеній графа Л. Н. Толстаго, манерѣ котораго Гаршинъ старался подражать. Вообще, покойный писатель учился у великихъ нашихъ художниковъ, его плѣняли образцы старыхъ мастеровъ, а не потуги новѣйшихъ авторовъ „съ направленіемъ", съ идейками до-нельзя заѣзженными

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ происходитъ изъ дворянской семьи и родился 2 февраля 1855 года въ деревнѣ своей бабки, Екатеринославской губерніи, Бахмутскаго уѣзда, гдѣ провелъ и ранніе годы свои. Образованіе онъ получилъ въ Петербургской седьмой гимназіи (преобразованной потомъ въ реальное училище), гдѣ окончилъ курсъ въ 1874 году, послѣ чего поступилъ въ Горный Институтъ. Онъ прошелъ уже два курса, когда появившійся манифестъ о Восточной войнѣ 1877 года заставилъ нервнаго и высшей степени впечатлительнаго юношу бросить ученіе и уѣхать въ дѣйствующую армію, въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Весь походъ отъ Кишинева до Систова Гаршинъ сдѣлалъ пѣшкомъ, былъ раненъ въ ногу въ сраженіи подъ Аясляромъ и вообще испыталъ всѣ неизбѣжные ужасы войны. Въ реляціи по поводу помянутой битвы, между прочимъ, сказано, что „рядовой изъ вольноопредѣляющихся Всеволодъ Гаршинъ примѣромъ личной храбрости увлекъ своихъ товарищей въ аттаку и тѣмъ способствовалъ успѣху дѣла". Получивъ офицерскій чинъ, Гаршинъ уѣхалъ лечиться въ Харьковъ и въ концѣ 1878 года вышелъ въ отставку. Передъ этимъ онъ поступилъ вольнослушателемъ на филологическій факультетъ Петербургскаго университета, пробылъ здѣсь до осени 1879 г., когда почувствовалъ припадки меланхоліи, а затѣмъ и серьозной психической болѣзни, которою страдалъ еще ранѣе, на гимназической скамейкѣ, и вліяніе которой невольно чувствуется въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ. Пролечившись въ психіатрической клиникѣ при Харьковскомъ университетѣ и въ Петербургской лечебницѣ доктора Фрея, Гаршинъ въ 1880 году возвратился къ сознанію, но слѣды тяж-

каго недуга остались въ его организмѣ: безпредметная тоска, удрученное состояніе мѣшали его литературнымъ занятіямъ, ибо повторялись ежегодно, хотя несчастный не терялъ при этомъ сознанія. Это состояніе, наконецъ, свело его въ могилу; утромъ 19 марта, Гаршинъ незамѣтно вышелъ на лѣстницу своей квартиры и бросился въ пролетъ, образующійся поворотами лѣстницы. Со сломанной ногой отнесли его въ хирургическую больницу „Краснаго Креста" на Бронницкой улицѣ, гдѣ въ безсознательномъ состояніи онъ провелъ около пяти сутокъ и скончался 24 марта. На литературное поприще Гаршинъ выступилъ въ 1876 г. съ безыменномъ разсказомъ; но впервые обратилъ на себя всеобщее вниманіе разсказомъ „Четыре дня", появившимся въ 1877 году. Кромѣ этого разсказа онъ въ разное время напечаталъ слѣдующія произведенія: „Происшествіе", „Трусъ", „Встрѣча", „Ночь", „Художники", „Attalea princeps", „То, чего не было", „Записка рядоваго Иванова", „Красный цвѣтокъ", „Медвѣди", „Надежда Николаевна", „Сказаніе о гордомъ Аггеѣ", „Сигналъ" и друг. и рядъ статей о художественныхъ выставкахъ. Сочиненія Гаршина, изданныя въ двухъ частяхъ, выдержали два изданія. Гаршина всѣ любили за его мягкій, симпатичный характеръ, за его незлобивость и горячее, отзывчивое сердце.

Продавцы вина и керосина въ Закаспійской области. (Рис. на стр. 396 и 397).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ восточный берегъ Каспійскаго моря еще представлялъ собою рядъ пустынныхъ бухтъ, въ которыя заглядывали развѣ только рыбачьи лодки, а теперь тамъ-же, въ такихъ пунктахъ, какъ Узунъ-Ада, Красноводскъ, Михайловское и др., происходитъ самое оживленное движеніе. Пароходы снуютъ безпрестанно съ береговъ Кавказскаго перешейка и изъ Астрахани и среди населенія сгруппировавшагося вокругъ расположенныхъ тутъ войскъ, разнаго рода складовъ и конторъ, не мало появилось и торговцевъ прибывшихъ сюда и занимающихся различными мелкими промыслами и профессіями. Торговля большею частью производится разносная; на прилагаемыхъ рисункахъ изображенъ продавецъ керосина и торговецъ виномъ. Подобная торговля очень выгодна для жителей и позволяетъ имъ не выходя изъ дому имѣть все нужное для жизни, но за то и тяжела для торговца, который въ студеную зимнюю пору и въ жаркое лѣто при 50-ти-градусной температурѣ, съ палкой въ рукахъ, переходитъ изъ аула въ аулъ, изъ укрѣпленія въ укрѣпленіе, дѣлая иногда по 50 верстъ въ день. Вино переносится на спинѣ въ бурдюкахъ, т. е въ мѣхахъ изъ бараньей кожи. Хотя бурдюки эти надѣляютъ вино нѣкоторымъ специфическимъ запахомъ, за то гарантируютъ его отъ окисленія и удобны при переноскѣ.

Александръ Попъ. (Портр. на стр. 397).

Ровно два вѣка назадъ въ Англіи родился Александръ Попъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ, представитель дидактико-описательнаго рода въ поэзіи, образовавшій цѣлую школу и породившій многочисленныхъ подражателей. Авторъ знаменитой поэмы „Опытъ о человѣкѣ", классическаго произведенія, переведеннаго на всѣ языки, Попъ пользовался огромной извѣстностью въ цѣлой Европѣ, въ теченіе всего XVIII столѣтія, и многія его стихотворенія, по красотѣ формы, могутъ считаться вполнѣ образцовыми и въ настоящее время. Большая часть произведеній Попа написана тонко, изящно, остроумно; ему удавалось достигать такого искусства въ стихѣ, которое далеко превосходитъ искусство самого Драйдена, чьи мелодичные стихи Попъ во все время своей жизни считалъ высочайшимъ образцомъ. Полная силы, удивительно звучная риѳма Попа составляетъ и понынѣ предметъ гордости въ англійской поэзіи; даже Вольтеръ, для котораго англійскій языкъ былъ ужасенъ, сравниваетъ стихъ Попа со звукомъ флейты. Вотъ почему англичане и называютъ этого поэта „королемъ риѳмы и великимъ поэтомъ разума", опредѣляя какъ нельзя лучше такими словами весь характеръ его поэзіи. Байронъ былъ горячимъ приверженцемъ Попа.

Сынъ купца, нажившаго торговлей изрядное состояніе, Александръ Попъ родился 21 мая 1688 года въ Лондонѣ и вскорѣ со своими родителями переѣхалъ въ небольшое помѣстье близь Виндзора. Сельскій священникъ былъ первымъ его наставникомъ, подготовившимъ Попа въ католическую семинарію, которая находилась близь Винчестера, откуда онъ поступилъ въ одну изъ скромныхъ лондонскихъ школъ, гдѣ и закончилъ свое образованіе. Изъ этой школы онъ, однако, вынесъ весьма мало и пробѣлы въ своемъ образованіи пополнилъ самъ посредствомъ усиленнаго чтенія. Уже въ самомъ раннемъ возрастѣ онъ почувствовалъ въ себѣ поэтическое призваніе. Перечитавъ въ довольно короткое время большую часть англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ, латинскихъ и греческихъ поэтовъ, онъ, будучи двѣнадцати лѣтъ, упражнялся въ версификаціи, подражая сперва Воллеру, а затѣмъ Спенсеру и Драйдену. Его первыми литературными попытками были: ода „Уединеніе", пьеска на тему „Молчаливость" и нѣсколько переводовъ и передѣлокъ, а затѣмъ „Пасторали", появившіяся въ 1709 году, когда поэту минуло двадцать лѣтъ, и имѣвшія значительный успѣхъ, открывшій ему двери большаго свѣта. Послѣ этихъ пастушескихъ стихотвореній, Попъ издалъ дидактическую поэму „О критикѣ" („Essay on criticism"), увеличившую его извѣстность, потомъ комическую эпопею „Похищенный локонъ"—нѣкоторое подражаніе „Le Lutrin" Буало, которое несравненно изящнѣе, граціознѣе и остроумнѣе оригинала. Мотивъ этого стихотворенія, взятый изъ дѣйствительнаго случая, происшедшаго въ высшемъ англійскомъ кругу, разработанъ чрезвычайно удачно. Авторъ выводитъ въ немъ міръ эльфовъ и гномовъ, а рядомъ съ ними франтовъ, кокетокъ и субретокъ тогдашняго общества, отчего получается веселый жанръ въ важномъ стилѣ, остроумная пародія возвышеннаго, отъ которой вѣетъ невыразимой прелестью. „Похищенный локонъ" произвелъ настоящую сенсацію. За нимъ слѣдовали: „Храмъ Славы" (1712), „Лѣсъ въ Виндзорѣ" (1713), описательная поэма, полная дивныхъ картинъ природы, переводъ „Иліады" Гомера (1715—1720), сдѣланный въ тогдашнемъ вкусѣ и доставившій переводчику огромную прибыль, „Письмо Элоизы къ Абеляру" (1717), переводъ „Одиссеи" (1725), „Письмо о вкусѣ" (1731) и друг. Въ 1727—1728 гг. Попъ выпустилъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Свифтомъ, три тома „Литературной Смѣси" („Miscellanies); за это изданіе на авторовъ полились потоки брани, клеветъ, оскорбленій,—и Попъ отмстилъ своимъ врагамъ полемической пѣснью о глупцахъ, „Дунсіадой". Попъ былъ очень высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи, но оно было принято довольно равнодушно. За то его „Опытъ о человѣкѣ",—поэма, составляющая первую часть курса философіи въ стихахъ, изданная въ 1733—1734 гг.—произвелъ прекрасное впечатлѣніе, упрочивъ навсегда славу поэта. Предметъ этой поэмы, написанной превосходными стихами, есть теодицея — божеское оправданіе; авторъ касается въ ней, подобно Мильтону и Лейбницу, знаменитаго вопроса о происхожденіи зла. „Опытъ о человѣкѣ" переведенъ и на русскій языкъ, извѣстнымъ профессоромъ Н. Н. Поповскимъ въ 1757 г. Кромѣ этой поэмы, на русскій языкъ переведены: „Похищенный локонъ", „Опытъ о критикѣ" и „Четыре времени года". Послѣдніе дни Попа были омрачены политическими событіями; вслѣдствіе правительственнаго указа, воспрещавшаго католикамъ показываться ближе десяти миль отъ Лондона, Попъ, будучи католическаго исповѣданія, не выѣзжалъ изъ своего помѣстья въ Твикенгамѣ вплоть до кончины. Здѣсь онъ поселился со своей матерью, еще съ 1717 г., по смерти отца, взявъ въ аренду домъ съ землей, который посѣщали сановники, литераторы, красавицы и въ которомъ поэтъ скончался 30 мая 1744 года. Современники Попа описываютъ его маленькимъ, горбатымъ, болѣзненнымъ, насмѣшливымъ, отличавшимся скупостью и порядочнымъ чревоугодіемъ. Они не хвалятъ его характеръ и особенно ставятъ ему въ вину его ненасытное самолюбіе, заставлявшее поэта дѣлать иногда несчастные промахи.

П. Б—въ.

Политическое обозрѣніе.

Канцлерскій кризисъ. — Генералъ Буланже.

Важнѣйшею новостью минувшей недѣли было извѣстіе о выходѣ князя Бисмарка въ отставку. Въ *Кельнской Газетѣ* появилось извѣстіе, будто-бы въ Вѣнѣ распространился слухъ о томъ, что князь Бисмаркъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе разногласій съ императоромъ. Сообщая это извѣстіе *Correspondance de l'Est* указала, что оно невѣрно. Никакого слуха о выходѣ князя Бисмарка въ отставку въ Вѣнѣ не было. Слухъ этотъ распространился изъ Кельна. Но откуда-бы ни шелъ этотъ слухъ, онъ быстро облетѣлъ всю Европу и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали дальнѣйшихъ сообщеній, которыя и не замедлили послѣдовать. Тотъ же органъ князя Бисмарка, *Кельнская Газета* 24 марта подтвердила этотъ слухъ и передала о причинахъ возможной отставки канцлера. Въ вечернемъ изданіи эта газета сообщила, что въ берлинскихъ дипломатическихъ кругахъ господствуетъ сильное возбужденіе вслѣдствіе возможной въ скоромъ времени отставки князя Бисмарка, что приводится въ связь съ проектируемымъ бракомъ принцессы Викторіи съ принцомъ Баттенбергомъ. Принцъ намѣренъ де прибыть вмѣстѣ съ королевою Викторіей и сдѣлать предложеніе. *Кельнская Газета* полагаетъ, что бракъ этотъ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ болгарскій вопросъ: неугодное Русскому Императору лицо не можетъ сдѣлаться зятемъ Германскаго императора. Невозможно также, чтобы принцъ намѣревался заключить бракъ, который лишилъ бы Германію имперскаго канцлера.

Предположеніе *Кельнской Газеты* заставило призадуматься многихъ. Размолвка князя Бисмарка съ императоромъ Фридрихомъ по вопросу чисто семейнаго свойства и, притомъ, изъ нежеланія совершить непріятное для Россіи дѣйствіе, — казалось прикрывала истинныя причины совсѣмъ инаго свойства. Но *Кельнская Газета* продолжала давать объясненія въ преж-

немъ духѣ. Въ ней была напечатана на слѣдующій день статья изъ Берлина, въ которой говорится: „Въ послѣдніе дни своей жизни императоръ Вильгельмъ употребилъ остатокъ своихъ силъ на то, чтобы передать, въ видѣ долговѣчнаго завѣщанія, носителямъ будущности династіи опытъ своего долгаго и славнаго правленія и сокровеннѣйшія свои мысли. Угасающимъ голосомъ онъ высказалъ совѣтъ принимать во вниманіе интересы Россіи. Умирая, монархъ выразилъ тѣмъ мысль государственнаго человѣка, сопровождавшую его въ теченіе всей жизни и ставшую въ послѣдніе годы общимъ достояніемъ всѣхъ политически образованныхъ германцевъ. Въ заключеніе статьи выражена увѣренность, что и на будущее время, несмотря даже на жертвы, Германія будетъ держаться этой умѣренной, сдержанной политики“.

„Политическія соображенія,“ читаемъ въ той-же газетѣ, „рѣшительно противится бракосочетанію принца Баттенберга съ принцессою Викторіей, такъ какъ это обстоятельство немедленно испортитъ отношенія къ Россіи. Во всякомъ случаѣ, князю Бисмарку, въ виду образа дѣйствій, котораго онъ держался до сихъ поръ въ русско-восточномъ вопросѣ, будетъ невозможно долѣе управлять лично дѣлами, если принцъ Александръ сдѣлается членомъ императорской фамиліи. Узнавъ недавно о проектируемомъ бракѣ, князь Бисмаркъ откровенно высказалъ свое мнѣніе, и если установленіе тѣсной фамильной связи съ принцемъ Баттенбергомъ будетъ высочайше одобрено, то въ такомъ случаѣ онъ подастъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Пока рѣшенія не будетъ принято, канцлерскій кризисъ будетъ продолжаться.“

Какъ бы въ дополненіе къ этимъ сообщеніямъ, *National Zeitung* пишетъ: „Покойный императоръ Вильгельмъ, какъ извѣстно, совершенно отстранился отъ принца Александра; такъ же поступилъ и князь Бисмаркъ.“ „Но,“ прибавляетъ та же газета, „какъ мы узнали навѣрное, возобновившіяся усилія въ пользу принца остались безуспѣшными, а потому не существуетъ и поводовъ къ тайному столкновенію. Согласіе императора на этотъ бракъ, конечно, не могло быть дано съ той минуты, какъ пришлось обсудить политическую сторону дѣла, такъ что имперскому канцлеру вовсе не было надобности думать объ отставкѣ“.

Извѣстіе объ отсутствіи даже желанія у князя Бисмарка выйти въ отставку, встрѣтило, почему-то, со стороны все той-же *Кельнской Газеты* категорическое опроверженіе: „Если *National Zeitung* утверждаетъ, будто имперскій канцлеръ не подавалъ и не намѣревался подавать прошенія объ отставкѣ, о которой не имѣлъ даже и надобности помышлять, то мы, со своей стороны, вынуждены настоятельно и категорически заявить, что означенная газета еще и теперь совершенно незнакома съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ“.

В. М. Гаршинъ. († 24 марта 1888 г.) Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Продавецъ керосина въ Закаспійской области.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Въ дѣйствительности слухи объ отставкѣ канцлера продолжаютъ упорно держаться и канцлерскій кризисъ еще не окончился. Въ газетахъ, преимущественно консервативнаго оттѣнка, встрѣчаются указанія, что этотъ кризисъ былъ вызванъ также и соображеніями относительно внутренней политики.

Но можно думать, что онъ вскорѣ благополучно кончится. Въ Берлинѣ говорятъ, что улаженіе кризиса уже подготовлено благодаря посредничеству герцога Баденскаго. Императоръ Фридрихъ 30 марта принялъ князя Бисмарка и изъ этого выводятъ заключеніе, что канцлеръ остается въ должности. Объ условіяхъ, на которыхъ князь Бисмаркъ согласился остаться, ничего точнаго пока неизвѣстно. Но бракосочетаніе принца Баттенбергскаго съ принцессою Викторіей представляется теперь совершенно невѣроятнымъ.

Въ Вѣнѣ слухи объ отставкѣ князя Бисмарка вызвали газетную бурю и изумили всю Вѣну. Вначалѣ стали распространяться самыя странныя догадки относительно причинъ столкновенія въ Берлинѣ, причемъ подозрѣвали, что причиною были внутреннія дѣла. Но когда стала извѣстна сообщенная *Кельнскою Газетой* причина кризиса, недавніе Бисмаркофилы обрушились на желѣзнаго канцлера рядомъ статей, написанныхъ въ самомъ неблагопріятномъ для него духѣ. И въ дипломатическимъ сферахъ „Бисмарковскій кризисъ“ произвелъ чрезвычайно глубокое впечатлѣніе, гдѣ онъ принятъ за доказательство того, что князь Бисмаркъ попрежнему держится въ болгарскомъ вопросѣ на сторонѣ Россіи. Здѣшніе дипломаты придаютъ берлинскимъ событіямъ величайшее значеніе, находя, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ на Востокѣ отдалять разрѣшеніе болгарскаго вопроса невозможно.

Буланжистская агитація все увеличивается, число его приверженцовъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ и избраніе Буланже въ депутаты сѣвернаго департамента, повидимому, вполнѣ обезпечено. Сторону отставнаго генерала приняли не только часть радикальной партіи, но и бонапартисты сдѣлались открыто его сторонниками. „*Gaulois*“ сообщаетъ бесѣ-

ду одного изъ своихъ сотрудниковъ съ бонапартистомъ Кунео д'Орнано. Послѣдній предсказалъ, что черезъ годъ Буланже будетъ президентомъ республики. Тогда бонапартисты станутъ республиканцами. — Такое превращеніе д'Орнано не считаетъ измѣною наполеонидамъ, такъ какъ въ нихъ бонапартисты видятъ только тотъ принципъ, который они ставятъ выше всего, т. е. плебисцитъ. Впрочемъ, не всѣ бонапартисты присоединятся къ Буланже. Часть ихъ сольется съ умѣренными республиканцами, которыхъ д'Орнано считаетъ только замаскированными орлеанистами. Тогда во Франціи будетъ двѣ большія партіи: стоящіе за парламентаризмъ орлеанисты или республиканцы, и республиканцы или буланжисты, отстаивающіе принципъ плебисцита. Во главѣ первыхъ будетъ графъ Парижскій, вождемъ вторыхъ генералъ Буланже.

Александръ Попъ (по поводу 200-й годовщины его рожденія).
Грав. Шюблеръ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить слѣдующее правило: „Переборы жалованья, столовыхъ и квартирныхъ денегъ, происходящіе вслѣдствіе причисленія служащихъ всѣхъ вообще вѣдомствъ къ управленіямъ или оставленія и зачисленія по войску безъ содержанія—оставляются безъ взысканія и принимаются на счетъ казны".

Промышленность и сельское хозяйство.

— По почину Варшавскаго общества садоводства, предполагается учредить ежегодныя періодическія выставки фруктовъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ Привислинскаго края, съ цѣлью ознакомленія мѣстнаго населенія съ наиболѣе цѣнными и соотвѣтствующими климату данной мѣстности видами плодовыхъ деревьевъ. Первая изъ такихъ выставокъ состоится въ текущемъ году въ Варшавѣ.

— Русское Общество птицеводства, состоящее подъ покровительствомъ Его Имп. Выс. В. Кн. Николая Николаевича Старшаго, предполагаетъ въ концѣ апрѣля (съ 28 апрѣля по 6 мая) устроить въ Михайловскомъ манежѣ вторую очередную выставку домашней, декоративной и пѣвчей птицы.

— 27 марта, происходило первое засѣданіе вновь учреждающагося въ Москвѣ общества распространенія между образованными женщинами практическихъ знаній, необходимыхъ въ домашнемъ быту.

Народное просвѣщеніе.

— Утвержденныя Министромъ Народнаго Просвѣщенія правила и программы испытаній въ коммисіи физико-математической, по отдѣленію естественныхъ наукъ, нынѣ доставлены въ университеты: Петербургскій, Московскій, Харьковскій и Казанскій, Св. Владиміра (въ Кіевѣ) и Новороссійскій (въ Одессѣ) Правила и программы эти продаются также въ книжныхъ магазинахъ по 20 коп. за экземпляръ.

— По примѣру прошлаго академическаго года, на средства университета профессоръ Д. И. Коноваловъ предполагаетъ въ маѣ совершить со студентами - натуралистами научныя поѣздки на петербургскіе фабрики и заводы. Профессоръ В. В. Докучаевъ совершитъ со студентами научныя экскурсіи въ окрестностяхъ Петербурга съ минералогическими и геологическими цѣлями.

— 27 марта, въ Москвѣ, въ театрѣ въ домѣ Бронникова состоялся спектакль на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, данный студентами Лазаревскаго института восточныхъ языковъ съ благотворительною цѣлью. На спектаклѣ присутствовали московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, попечитель московскаго учебнаго округа графъ П. А. Капнистъ и многіе представители ученаго міра.

Продавецъ вина въ Закаспійской области.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Искусства изобразительныя.

— Живописныя работы въ Кіевскомъ Владимірскомъ соборѣ продолжаются безостановочно. Орнаментовку всей средней части храма, равно какъ и хоръ, можно считать уже законченною. На сѣверной стѣнѣ алтаря, на одномъ уровнѣ съ изображеніемъ таинства Евхаристіи, В. М. Васнецовымъ недавно окончена картина, изображающая святителей, вселенскихъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Климента Папы римскаго, и св. Николая Мирликійскаго. Лики святителей писаны съ подлинниковъ, традиціонно сохранявшихъ черты этихъ пастырей вселенской церкви.

Литература и наука.

— Государь Императоръ, Всемилостивѣйше удостоивъ принять изданную, подъ редакціею Барсукова, внуками покойнаго профессора Московскаго университета Погодина, Александромъ и Петромъ Погодиными, книгу подъ заглавіемъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина", Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить гг. Погодиныхъ за сіе подношеніе.

— Профессоръ Д. Кайгородовъ сообщаетъ газетѣ *Новое Время* слѣдующій бюллетень весны Петербурга — отъ 30 марта. Ко вчерашнему вечеру были въ прилетѣ, кромѣ грачей и жаворонковъ (полевыхъ и лѣсныхъ): трясогузки (плистовки), дикіе гуси и зяблики. Въ ночь на сегодня прилетѣли первыя малиновки (Erithacus rubecula). Овсянки разбились на парочки и распѣваютъ у мѣстъ своихъ гнѣздовій. На грядахъ ботаническаго сада Лѣснаго института (подъ открытымъ небомъ) цвѣтетъ морозникъ (Helleborus niger). У ольхи цвѣточныя сережки растрескиваются и вытягиваются.

Изъ губерній и областей.

— У Ярославля, 30 марта, Волга очистилась отъ льда. Навигація открылась.

— У Шлиссельбурга, 31 марта, Нева очистилась отъ льда на пять верстъ отъ истока. Далѣе, на протяженіи двухъ верстъ—ледъ растрескался.

— На Днѣпрѣ, вблизи Радуля, произошло столкновеніе пароходовъ „Скорый" и „Польза". При столкновеніи „Скорый" потерпѣлъ крушеніе и затонулъ. На немъ находилось болѣе 300 пассажировъ. Всѣ спасены. Затонувшій пароходъ принадлежитъ Обществу пароходства по Днѣпру.

— 30 марта, на 132 верстѣ Севастопольской дороги товарный поѣздъ потерпѣлъ крушеніе, свалившись съ насыпи. Разбились въ щепки 33 вагона съ товаромъ; тяжело раненъ главный кондукторъ.

— Туркмены-іомуды, населяющіе Хорасанскую степь, соединившись съ персами, находящимися въ нашихъ предѣлахъ, произвели большой вооруженный набѣгъ съ цѣлью грабежа на пограничную мѣстность Персіи. Со стороны персовъ убито и ранено до 30 человѣкъ. Для защиты своихъ подданныхъ хорасанскій губернаторъ послалъ значи-

тельный отрядъ. Изъ Асхабада на мѣсто происшествія высланъ отрядъ туркменской конной милиціи для поимки аламанщиковъ.

Некрологъ.

— 27 марта, въ Петербургѣ, въ клиникѣ Виллье, скончался, послѣ продолжительной болѣзни, одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ Павелъ Степановичъ Усовъ.

— 30 марта, въ 9 ч. утра, скончался послѣ тяжкой болѣзни одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, Николай Константиновичъ Лебедевъ, извѣстный беллетристъ, писавшій подъ псевдонимомъ Н. Морскаго.

— 31 марта скончался заграницей извѣстный машиностроитель и керосинный заводчикъ, „нефтяной король“ Лудвигъ Нобель.

— 1 апрѣля, въ 7 часовъ утра, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался, на 45 году жизни, одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ музыкантовъ и музыкальныхъ критиковъ, Павелъ Алексѣевичъ Зиновьевъ.

Библіографія.

Альбомъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева, составленный Л. П. Сергѣевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 60 к. Изданіе журнала „Нива“. СПБ. Невскій просп., № 6. 1888.

Около году тому назадъ изданъ былъ альбомъ выпильныхъ рисунковъ предварительно помѣщенныхъ въ ежемѣсячныхъ модныхъ приложеніяхъ къ журналу „Нива“. Успѣхъ этого изданія—альбомъ былъ раскупленъ въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ—указывавшій на большую потребность публики въ такихъ сборникахъ, побудилъ издателя повторить его и одновременно заказать спеціалисту-художнику новый сборникъ выпильныхъ рисунковъ, никогда еще не появлявшихся въ печати, которые и были исполнены г. Сергѣевымъ на 25 листахъ (всего 391 рисунокъ). Въ этомъ нынѣ поступившемъ въ продажу альбомѣ любители выпиливанія найдутъ образцы всевозможныхъ рамокъ, рабочихъ корзинокъ, подчасниковъ, шкатулокъ, люстръ, подсѣчниковъ, кронштейновъ, висячихъ этажерокъ, чернильницъ и т. п., которые, будучи необыкновенно изящны, въ то же время не представляютъ особенныхъ трудностей при выпиливаніи. Желая сдѣлать этотъ *Альбомъ* общедоступнымъ, издатель назначилъ болѣе чѣмъ умѣренную цѣну, едва покрывающую издержки по изданію.

Иллюстрированная Пушкинская библіотека. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1888.

Изданіе это — верхъ дешевизны и соотвѣтственнаго ей изящества — заключаетъ въ себѣ всѣ произведенія Пушкина, каждое отдѣльно (или мелкія группами), въ особой обложкѣ, съ портретомъ поэта и однимъ или нѣсколькими рисунками. Цѣна такой брошюрки — отъ 2 коп. (сказки и т. п.) до 10 коп. (всѣ сказки въ одной брошюркѣ, или Борисъ Годуновъ, Дубровскій и др.). Нельзя не пожелать этому прекрасному изданію обширнаго распространенія въ народѣ, какое вѣроятно и выпадетъ на его долю.

Смѣсь.

Весьма ученому, но находившемуся не въ блестящихъ денежныхъ обстоятельствахъ патеру Каліани, дано было папою Бенедиктомъ XIV порученіе собрать вещества, выбрасываемыя Везувіемъ, научно описать ихъ и препроводить къ нему. Каліани выполнилъ возложенное на него порученіе къ полному удовольствію папы. Но къ ящику, заключавшему въ себѣ плоды его трудовъ, патеръ приложилъ записку, въ которой былъ только евангельскій стихъ: „Повели, чтобы камни сіи были хлѣбомъ“. Папа прекрасно истолковалъ лаконическія слова записки, назначивъ пославшему ее весьма приличную пенсію, и собственноручно написалъ ему слѣдующее письмо: „Никому, болѣе чѣмъ мнѣ, не приличествуетъ истолковывать текстъ Священнаго Писанія. Я долженъ разъяснять истинный смыслъ Писанія, и думаю, что мнѣ никогда не случалось давать ему болѣе удачнаго толкованія, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ.“ (с.)

Какъ много времени тратится иногда въ хозяйствѣ на чистку серебряныхъ вещей, а между тѣмъ существуетъ весьма простое средство, благодаря которому серебро не чернѣетъ вовсе; стоитъ только сохранять его въ листовомъ оловѣ. Средство это тѣмъ болѣе практично, что потребное для сего олово всегда остается въ хозяйствѣ отъ обертки разнаго рода предметовъ, какъ то: мыла, шеколада, чая и т. п. (с.)

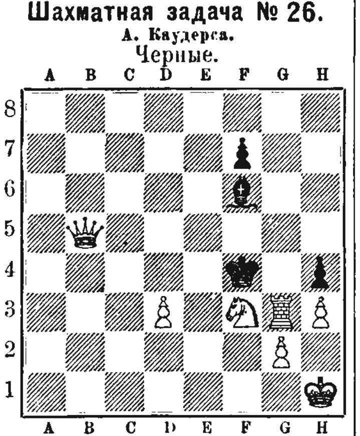
Любителямъ разведенія цвѣтовъ изъ сѣмянъ можно рекомендовать употребленіе яичной скорлупы, вмѣсто мелкихъ цвѣточныхъ горшковъ, которыхъ потомъ некуда дѣвать. Продѣлавъ въ днѣ скорлупокъ небольшое отверстіе, ихъ наполняютъ землею и ставятъ въ ящикъ съ деревянными опилками, причемъ на каждой скорлупѣ пишутъ названіе посѣяннаго растенія. Когда сѣмена взойдутъ и растеніе настолько поднимется что можетъ быть пересажено въ горшокъ требуемой величины, скорлупку осторожно разбиваютъ и растеніе пересаживаютъ вмѣстѣ съ землею. (с.)

Завидное житье. Веніаминъ Франклинъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Англіи имѣлъ при себѣ негра, которому онъ показывалъ всѣ достопримѣчательности страны. Дикарь выражалъ свое безхитростное удивленіе и сначала не могъ прійти въ себя среди шума городской жизни. Черезъ нѣсколько времени Франклинъ спросилъ своего спутника, какое впечатлѣніе произвела на него Англія. „О, масса“, отвѣчалъ дядя Томъ, скаля зубы, „все работалъ въ этой странѣ: вода работалъ, вѣтеръ работалъ, огонь работалъ, дымъ работалъ, собака работалъ, волъ работалъ, лошадь работалъ, оселъ работалъ, мужчина, женщина—все работалъ, только свинья не работалъ. Свинья ѣлъ, пилъ, спалъ и цѣлый день ничего не дѣлалъ. Въ Англіи одинъ только свинья—джентельменъ“. (с.)

Шахматная задача № 26.

А. Каудерса.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 27.

К. О. Ц.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску, которою печатается** иллюстрированный журналъ **„Нива“**. № 2405

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ

Доктора Н. В. Постникова. 32-й сезонъ.

Подробное объявленіе высылается безплатно. Брошюра о кумысѣ 60 к. № 3105

ИНТЕРЕСНЫЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ.

Бразильская муха (металлическая) съ механизм. для летанія, за шт. 2 р. 10 к.

Автоматически-движущаяся черепаха, удивительно дешевая и новая игрушка.

Пересылка не меньше 5 шт. 2 р.

Цѣны съ пересылкой.

Продавцамъ уступка, по желанію съ правомъ исключительной продажи во всѣхъ городахъ. Условіе безплатно.

С.-Петербургъ, Б. Садовая, 12.

Оскаръ Лессеръ, Игрушечная фабрика.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

НОВОСТИ

въ большомъ выборѣ, мужской, дамской и дѣтской обуви

къ весеннему и лѣтнему сезонамъ.

ЛѢТНІЕ БАШМАКИ

матерчатые и кожанные всѣхъ цвѣтовъ.

МУЖСКІЕ ГАМАШИ И БАШМАКИ

съ самыми узкими носками и низкими каблуками.

ДѢТСКАЯ ОБУВЬ

весьма прочная съ широкими носками.

ВЫСОКІЕ САПОГИ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ

для чистки и смазные.

ДАМСКІЕ БАШМАКИ

изъ шевровой кожи и матеріи на деревянныхъ каблукахъ, весьма легкіе!

МУЖСКАЯ ОБУВЬ ВСЯКАГО РОДА

съ круглыми и широкими носками.

САПОГИ ПОЛЬСКІЕ

для дамъ, дѣвочекъ и дѣтей.

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ

въ большомъ выборѣ, собственнаго производства, необыкновенно прочныя, въ Магазинахъ Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви:

Невскій просп. 5.
Невскій просп. 54.
Невскій просп. 110.

Подробный прейсъ-курантъ а также руководство къ снимацію мѣрокъ отпечатаны въ № 50 журнала „Нива“ въ 1887 году.

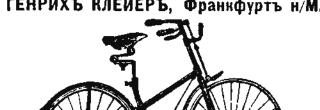
Кромѣ того магазинъ Товарищества:

С.-Петербургъ, Обводный каналъ, 130

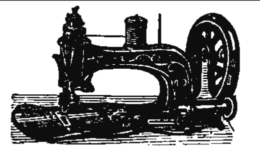
№ 3107 3—2

высылаетъ по первому требованію прейсъ-курантъ и руководство безвозмездно.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ, Франкфуртъ н/М.



Фабрикантъ велосипедовъ „Орелъ“. Составныя части и принадлежности. Илл. катал. за 10 пфен. марками. Р. № 3116 12—1



Прейсъ-курантъ и пробныя работы высылаетъ безплатно Р. № 3114 3—1

А. ШТЕЙНЪ

Большая Морская, д. № 26, С.-Петербургъ. Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящной литографир. обертке 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Недавно изданный нами „Альбомъ рисунковъ для выпиливанія“, въ весьма короткое время выдержалъ два изданія, не смотря на то, что рисунки помѣщенные въ немъ, были уже изданы ранѣе — въ видѣ безплатныхъ приложеній къ „Нивѣ“ за прошлые годы. Такой успѣхъ альбома ясно свидѣтельствуетъ, насколько велика потребность публики въ изданіяхъ подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что ничего другаго въ этомъ родѣ пока издано не было. Это обстоятельство и побудило насъ поручить талантливому художнику-спеціалисту Л. П. Сергѣеву, составить Альбомъ. который заключалъ-бы въ себѣ **исключительно новые, оригинальные рисунки.** Работу свою г. Сергѣевъ выполнилъ безукоризненно: его рисунки отличаются изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; онъ включилъ въ Альбомъ массу превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная, **1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ**, въ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

ПРОШУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНІЕ.

Имѣю честь увѣдомить моихъ почтенныхъ покупателей, что въ настоящее время я высылаю по **желѣзной дорогѣ и по почтѣ** музыкальные инструменты, принадлежности къ нимъ и ноты не только по полученіи полной стоимости и на пересылку, но также и по полученіи приблизительно 1/3 части стоимости заказа, **съ наложеннымъ платежемъ** на остальную сумму.

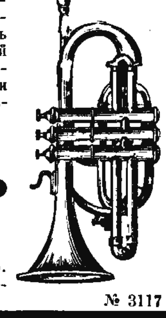
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталоги нотъ **безплатно.**



№ 3117

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (15) № 2946

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ **безплатно.** (4) Ц. № 3077

МОЛЬДАКОТЪ

АНГЛІЙСКАЯ КАРМАННАЯ ДВУХНИТОЧНАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ доступна всѣмъ классамъ самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ **и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей и пригодна къ дорогѣ. „Мольдакотъ“** вѣсомъ меньше фунта, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. **Цѣна въ картонѣ 8 руб. 50 коп., въ полиров. орѣх. ящикѣ 9 руб. 50 к., пересылка 50 к.**

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“**, Моросейка, д. Комитета. № 3099

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

Р. № 2966 4—4

НОВОСТЬ!

Электрическое карманн. огниво, очень удобное, цѣна съ запасомъ и перес. 2 р. П. № 3112 **И. Глазуновъ.**

На Рождественкѣ, въ Москвѣ.

Получены рыболовныя принадлежности. Прейсъ-кур. высыл. безплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ, наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3113 3—1

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Дозвол. цензур., СПБ., 6 апрѣля 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 апрѣля 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Д. М. Княжевичъ.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, основатель Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, попечитель Одесскаго учебнаго округа и писатель, родился 25 апрѣля 1788 года. Онъ посвятилъ всю жизнь свою труду на пользу отечества, которое любилъ страстно. Почти съ дѣтства (съ 16 лѣтъ) служилъ онъ въ министерствѣ финансовъ, начавъ службу въ департаментѣ Государственнаго Казначейства, котораго впослѣдствіи былъ директоромъ. Въ 1837 году онъ оставилъ министерство финансовъ, вызванный волею императора Николая Павловича на новое поприще, а именно на постъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, и скончался 1 октября 1844 г., въ мѣстечкѣ Великой Бураткѣ, Полтавской губерніи, принадлежавшемъ тогда Е. М. Фроловой-Багреевой, дочери графа Сперанскаго, а нынѣ внуку ея, князю М. Р. Кантакузену-Сперанскому.

Отецъ Д. М. Княжевича, родомъ сербъ изъ Герцеговины, гдѣ предки его, получившіе дворянскую грамоту въ 1460 году, достигли высокихъ степеней военными подвигами, еще въ молодыхъ лѣтахъ переселился въ Россію, въ царствованіе императрицы Екатерины II, вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ барономъ Дерліемъ. Оба служили при императрицѣ въ кавалергардахъ. Максимъ Димитріевичъ Княжевичъ вскорѣ женился на дѣвицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Рудневой. У него было четверо сыновей: старшій—Димитрій, заслужившій всеобщую любовь и уваженіе честнымъ и горячимъ отношеніемъ своимъ къ службѣ; второй—Александръ, впослѣдствіи министръ финансовъ; третій—Николай, оставившій по себѣ добрую память въ Рязанской губерніи, гдѣ былъ предсѣдателемъ казенной палаты, и младшій—Владиславъ, въ той же должности въ Симферополѣ, Таврической губерніи, много потрудившійся на пользу ближняго въ страшную годину Крымской войны 1854 и 1855 годовъ.

Д. М. Княжевичъ (по поводу 100-й годовщины его рожденія).
Съ совр. портр. грав. Ю. Шюблеръ.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ уже въ дѣтствѣ отличался умомъ, понятливостью и пылкостью нрава. По вступленіи въ службу, онъ, кромѣ горячаго, ревностнаго занятія ею, такъ же страстно занимался литературою. Изъ сослуживцевъ его и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей составился тѣсный, дружескій кружокъ любителей наукъ и литературы. Съ Княжевичемъ участвовали въ немъ М. В. Милоновъ, А. Е. Измайловъ, А. П. Беницкій, Н. И. Ѳедоровъ и нѣкоторые другіе. Княжевичъ былъ душою этого общества. Онъ занимался литературою не изъ видовъ корысти или тщеславія, онъ находилъ въ этихъ занятіяхъ наслажденіе, отраду, удовлетвореніе душевной потребности въ благородномъ трудѣ.

Кружокъ этотъ участвовалъ сначала въ ежемѣсячномъ журналѣ *Цвѣтникъ*, начатомъ Измайловымъ и Беницкимъ (мѣсто Беницкаго, по смерти его, занялъ Никольскій). Д. М. Княжевичъ издалъ: „Синонимы", а позже „Собраніе Русскихъ пословицъ", былъ усерднымъ и ревностнымъ сотрудникомъ въ издаваемомъ съ января 1812 года журналѣ *Санктпетербургскій Вѣстникъ*. Онъ издавалъ, вмѣстѣ съ братьями своими Александромъ и Владиславомъ, прибавленія къ *Сыну Отечества*, подъ заглавіемъ: „Библіотека для чтенія, составленная изъ повѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній изящной словесности". Въ этомъ сборникѣ помѣщались переводы, большею частью съ нѣмецкаго языка, лучшихъ тогдашнихъ писателей Цшоке и Гофмана, почти неизвѣстныхъ нашей публикѣ, и онъ пользовался весьма благосклоннымъ ея вниманіемъ.

По службѣ въ министерствѣ финансовъ молодой Княжевичъ скоро былъ замѣченъ министромъ Е. Ф. Канкринымъ, который оцѣнилъ его, впослѣдствіи сблизился съ нимъ, назначивъ его директоромъ своей канцеляріи, и съ тѣхъ поръ связь взаимнаго уваженія и довѣрія соединяла ихъ много лѣтъ. По окончаніи войны въ 1814 году надлежало разсчитаться съ двадцатью двумя государствами Европы. Въ ликвидаціонную коммисію, посланную за границу, избраны были отличные молодые люди, свѣдущіе въ иностранныхъ языкахъ. Первымъ въ числѣ ихъ былъ Д. М. Княжевичъ. Онъ оставался въ Вѣнѣ, гдѣ коммисія имѣла свое пребываніе до 1820 года. Тамъ онъ женился на баронессѣ Антоніи Гора (Hora d' Otzellovitz), также славянскаго происхожденія, изъ древняго чешскаго рода. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ вскорѣ назначенъ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, пробылъ въ этой должности три года и, не стѣсняя частныхъ людей, сумѣлъ принести казнѣ огромные вклады (до девяти милліоновъ рублей).

Въ 1837 году, состоя въ должности директора департамента государственнаго казначейства, онъ волею императора былъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Тогдашнее положеніе попечителя давало и Княжевичу возможность дѣйствовать энергично въ своемъ округѣ, который онъ, въ короткое время, поставилъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ преподавательскомъ, на отличную, образцовую ногу.

Труды его по археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ и неизвѣданный еще въ то время наукою южный край Россіи, породили въ немъ мысль основать въ Одессѣ Общество исторіи и древностей, которое, при содѣйствіи любителя древностей М. М. Киріякова, и было открыто на другой годъ пребыванія Княжевича въ Одессѣ. Д. М. Княжевичъ былъ первымъ его президентомъ, которымъ состоялъ до самой кончины своей. Онъ-же издалъ первый томъ Записокъ этого общества.

Литературная дѣятельность Княжевича въ Одессѣ, кромѣ изданія этихъ „Записокъ", была обращена еще на редижированіе „Листковъ Общества Сельскаго Хозяйства" и на изданіе во все пребываніе свое въ Одессѣ „Новороссійскаго календаря" въ пользу бѣдныхъ учениковъ лицея и гимназіи. Для этой-же цѣли издалъ онъ два прекрасные сборника подъ заглавіемъ „Одесскій Альманахъ".

Особенное-же вниманіе обратилъ Княжевичъ на Ришельевскій лицей. Это былъ предметъ самыхъ нѣжныхъ его заботъ. Мысль преобразовать его въ университетъ была самою задушевною его мыслью. Для постепеннаго достиженія этой цѣли онъ умножилъ въ лицеѣ предметы преподаванія и прибавилъ къ двумъ существовавшимъ отдѣленіямъ: юридическому и математическому, еще третье: камеральное, составилъ планъ преобразованія его въ университетъ и уставъ новому университету.

Уже больной Княжевичъ отправился въ Петербургъ, везя съ собою, на утвержденіе императора, уставъ и планъ новаго университета. Къ сожалѣнію, смерть застигла его на дорогѣ, прервавъ дѣятельность его въ то время когда онъ замышлялъ еще такъ много на пользу ввѣреннаго ему округа.

Весьма уже слабый, Княжевичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ семьею своею въ имѣніе Е. Т. Фроловой-Багреевой, дочери графа Сперанскаго, которая любезно предоставила ему бумаги покойнаго отца своего для историческихъ выписокъ. Но болѣзнь шла быстрыми шагами. По кончинѣ Княжевича, Е. М. Фр.-Багреева окружила чисто материнскими заботами осиротѣвшее семейство скончавшагося, до возвращенія его въ Одессу.

Смертные останки Д. М. Княжевича покоятся въ мѣстечкѣ Великой Бураткѣ, въ оградѣ мѣстной церкви Св. Димитрія.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XXVI.

Зима миновала довольно спокойно. Въ концѣ января совершилось бракосочетаніе юнаго царя Петра съ дѣвицей Лопухиной, совершилось тихо, безъ всякаго блеска, въ домовой дворцовой церкви Петра и Павла. Но женитьба не привязала Петра къ мѣсту... Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, онъ уже былъ на Плещеевѣ озерѣ, на стройкѣ своихъ кораблей. Петръ еще могъ тогда спокойно строить суда: князь Борисъ, зорко за всѣмъ слѣдившій и наблюдавшій, не отрывалъ своего царственнаго питомца отъ его любимой забавы, потому что могъ быть спокоенъ до поры до времени.

Шакловитый все еще дулся на царевну за ударъ нанесенный его самолюбію въ минувшую осень, и хотя, по необходимости постоянныхъ дѣловыхъ сношеній, стоялъ къ ней опять очень близко, однако-же не желалъ предпринимать ничего рѣшительнаго.

Царевна Софія всею душою была предана трепетнымъ ожиданіямъ вѣстей изъ похода, въ которомъ уже слишкомъ два мѣсяца находился ея любимецъ.

Царевна переживала тотъ періодъ развитія страсти къ князю Василію, когда женщина ничего не видитъ кругомъ себя въ жизни, кромѣ человѣка которому она предалась, ничего не ищетъ, кромѣ постоянной близости *къ нему*, ни о чемъ иномъ не можетъ ни говорить, ни думать, какъ *о немъ*—и, благодаря этому неудержимому влеченію, забываетъ дѣла, обязанности, отношенія—все на свѣтѣ, даже свое *личное я*, даже заботы о своей внѣшности, нарядахъ и уборахъ... Но говорить о князѣ Василіи, какъ о человѣкѣ дорогомъ и близкомъ, царевна могла лишь съ очень немногими, писать ему могла лишь очень рѣдко, черезъ лично-извѣстныхъ ей посланцевъ, и потому у ней оставался только одинъ общій исходъ всѣхъ любящихъ женщинъ — изліяніе пламенной души въ горячей молитвѣ...

Во время первой разлуки съ княземъ Василіемъ, въ тревожную душу царевны впервые глубоко проникло сознаніе всемогущества какой-то иной, Высшей, Правящей Десницы, передъ которою ничтожными оказывались всѣ земныя могущества. Тогда она, впервые, научилась молиться не заученными словами, — научилась влагать душу въ молитву. Когда князь Василій былъ возвращенъ ей, она отдалась своей страсти съ такимъ ослѣпленіемъ, съ такою безразсудною горячностью, что совершенно подчинилась его взглядамъ, его мнѣніямъ, его желаніямъ, оттолкнула отъ себя преданнаго ей Шакловитаго, забыла о своихъ замыслахъ, готова была-бы, кажется, даже на примиреніе съ Натальей Кириловной и партіею Петра, лишь-бы ей оставили ея сокровище, ея „свѣтъ-Васеньку". Ее тревожило и глубоко огорчало, въ послѣдніе мѣсяцы, только то тяжелое нравственное настроеніе, которое совершенно овладѣло княземъ Васильемъ и, видимо, отравляло ему жизнь. При всемъ своемъ умѣ, царевна никакъ не могла понять того, что въ основѣ этого настроенія лежитъ забота о его будущемъ—*о ихъ общемъ* будущемъ. Она искала объясненія этому настроенію въ настоящемъ, объясняла его кознями враговъ и необходимостью борьбы съ ними, и то осыпала проклятіями князя Бориса, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ и Шереметевыхъ, то горько сѣтовала на самого князя Василія, который оставался молчаливъ и сумраченъ, не

смотря на всѣ расточаемыя ему ласки и нѣжности... Изъ-за этихъ отношеній къ князю Василію, Софья не видѣла и самаго будущаго, не всматривалась въ него внимательно, не сознавала, что оно сегодня или завтра можетъ перейти въ настоящее, не сознавала того, что дни ея дѣйствительно „изочтены...“ И вотъ, когда онъ, сумрачный и убитый своимъ тягостнымъ душевнымъ состояніемъ, еще разъ долженъ былъ уѣхать въ походъ и опять разстаться съ нею на нѣсколько мѣсяцевъ, Софья впала въ такой страстный религіозный экстазъ, что даже всѣ окружающіе были поражены неудержимостью обуявшаго ее порыва. Она почти не выходила изъ церкви, молилась по цѣлымъ днямъ, горячими слезами плакала, то колѣнопреклоненная, то ницъ поверженная передъ иконами своей крестовой палаты. Щедрѣе чѣмъ когда-либо лились изъ рукъ ея пожертвованія и милостыни. А послѣ каждаго письма, полученнаго съ Юга, она ходила по всѣмъ московскимъ монастырямъ, всюду раздавая богатые вклады и приказывая молиться за здоровье и благополучное возвращеніе боярина Василія. Этимъ походамъ по монастырямъ много содѣйствовало и то, что самъ князь Василій, въ послѣднее время, почти въ каждомъ письмѣ просилъ ее „помолиться за его грѣшную душу“.

Но вотъ, съ половины мая, никакихъ вѣстей съ Юга не получалось, а май уже шелъ къ концу. Въ послѣднемъ письмѣ князь Василій писалъ о томъ, что ожидаетъ встрѣчи съ непріятелемъ, ожидаетъ боя... Болѣе двухъ недѣль прошло съ того тревожнаго письма; Софья, печально настроенная, полубольная, рѣшилась на новые подвиги—объявила походъ въ Троице-Сергіевъ монастырь и 30 мая двинулась туда обычнымъ порядкомъ, съ тою-же блестящею и многочисленною свитою.

Подъ вечеръ поѣздъ царевны достигъ села Воздвиженскаго, въ которомъ назначенъ былъ ночлегъ. Истомленная долгимъ и скучнымъ путешествіемъ по пыли и зною, Софья очень была рада представившейся возможности отдохнуть и успокоиться, остаться наединѣ со своими думами. Она отказалась отъ ужина, приготовленнаго ей въ Воздвиженскомъ путевомъ дворцѣ, и удалилась въ свою опочивальню, выходившую окнами въ садъ. Сбросивъ съ себя верхнюю тяжелую одежду, Софья опустилась на колѣни передъ образомъ съ тускло теплившеюся лампадою, и собиралась, прочитавъ краткую молитву, лечь въ постель.

Сотворя крестное знаменіе, она подняла глаза на икону и съ удивленіемъ увидѣла передъ собою въ божницѣ не тотъ образъ Казанской Божіей Матери, который она привыкла тамъ видѣть, при своихъ прежнихъ пріѣздахъ, а образъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи.

И вдругъ, по какому-то совершенно непонятному соотношенію мыслей и ощущеній, Софья вспомнила, что она не останавливалась въ Воздвиженскомъ съ того самаго дня, когда здѣсь, по ея приказанію, были обезглавлены несчастные князья Хованскіе... Въ ея воображеніи вдругъ воскресли всѣ подробности этого страшнаго событія, всѣ тревоги и волненія того дня, въ который событіе совершилось. Споры бояръ поутру— и ея настойчивые доводы въ пользу необходимости казнить несчастнаго „Тараруя“; спѣшное составленіе приговора боярской Думы, собранной въ этомъ самомъ дворцѣ, и спѣшная отправка вооруженныхъ отрядовъ, чтобы захватить князей Хованскихъ, собиравшихся ѣхать на именины къ царевнѣ. Вспомнились ей и трепетныя ожиданія, послѣдовавшія за отправкою этихъ отрядовъ, и безпокойные взгляды перепуганныхъ вельможъ, не-охотно вступавшихъ въ открытую борьбу со „стрѣлецкимъ батькой“. Она, какъ теперь, слышитъ стукъ топоровъ на полянкѣ передъ околицей села, гдѣ плотники сколачивали помостъ для казни, какъ теперь слышитъ и толки окружающихъ, которые вполголоса передаютъ ей, что „плаха-то готова, да заплечнаго мастера нѣтъ подъ руками“ — и вдругъ, среди всѣхъ этихъ треволненій и ожиданій, слышитъ какой-то неясный шумъ, какой-то говоръ, какой-то гулъ толпы...

Сторожа съ колокольни дали знать, что вдали на дорогѣ показались посланные поутру отряды... А гулъ все громче, все ближе, говоръ все явственнѣе, все слышнѣе—и наконецъ ужь можно ясно различить слова: „везутъ, везутъ!..“

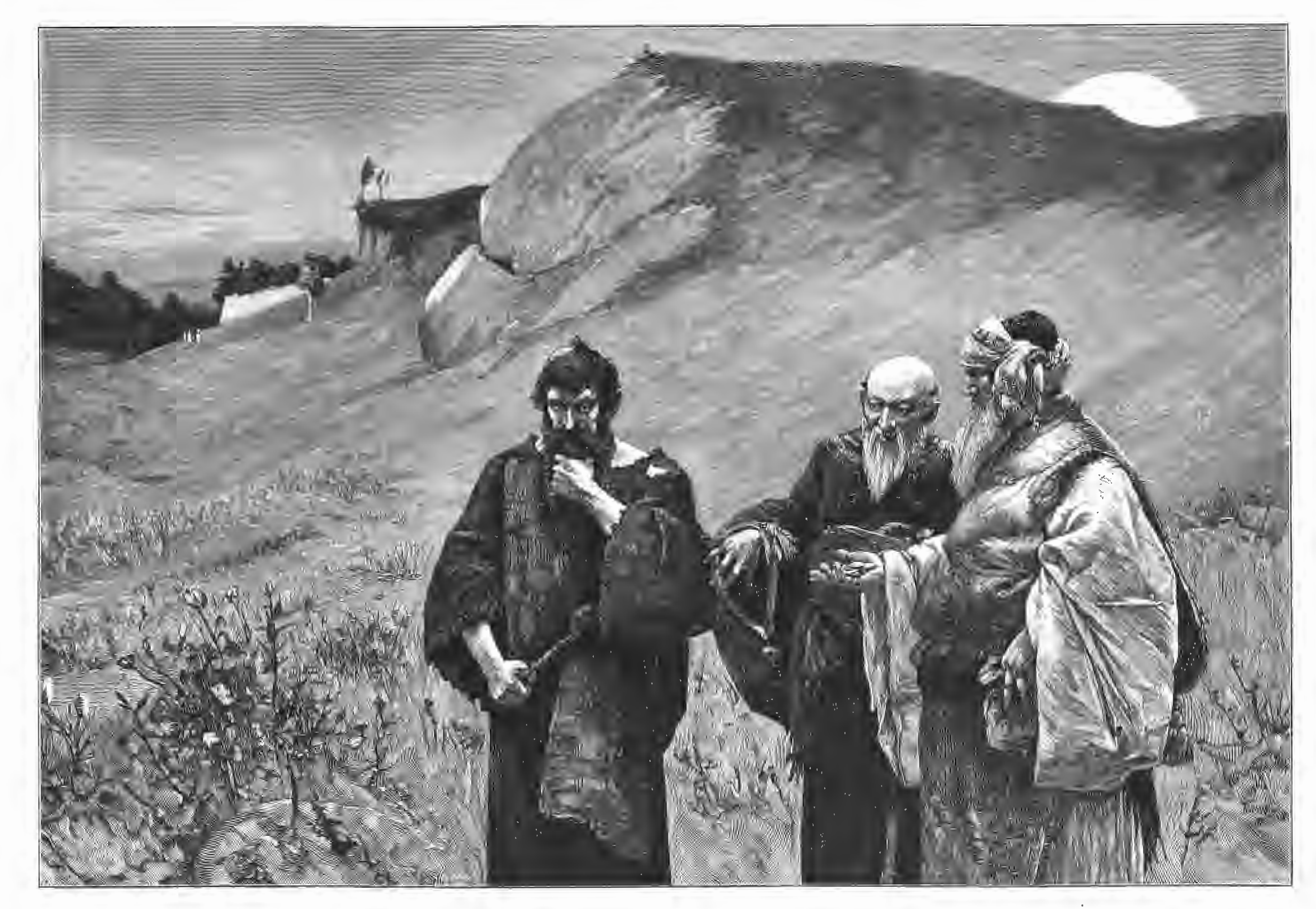
Софья еще разъ попробовала осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, еще разъ возвела очи на икону, но ей уже показалось, что съ усѣкновенной главы Праведника капля за каплей сочится свѣжая, невысыхающая, горячая кровь. Она поднялась въ ужасѣ и, забывъ о молитвѣ, стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь отогнать отъ себя страшныя видѣнія прошлаго, которое вдругъ развернулось передъ ней, какъ свитокъ челобитной, и вынудило ее оглянуться назадъ...

И припомнились ей кровавыя дѣла, страшныя тайны, припомнились неисчислимыя лукавства, несправедливости, жестокости, преступленія, совершенныя ею для достиженія власти и для того, чтобы удержать ее въ своихъ рукахъ. И мысль о покоѣ, объ отдохновеніи, объ усталости — вдругъ смѣнилась другимъ, давно-знакомымъ ей тяжкимъ ощущеніемъ своей виновности и великости совершенныхъ ею прегрѣшеній... Въ первый еще разъ, за послѣднія шесть-семь лѣтъ, Софья почувствовала угрызеніе совѣсти, почувствовала, что она не можетъ молиться, не должна молиться, не смѣетъ молиться! Она не смѣетъ взглянуть на этотъ образъ Угодника Божія, она не въ силахъ возвести очи на эту „усѣкновенную главу“, которая напоминаніемъ ея преступленій налагаетъ печать на ея уста, дерзающія шептать слова молитвы.

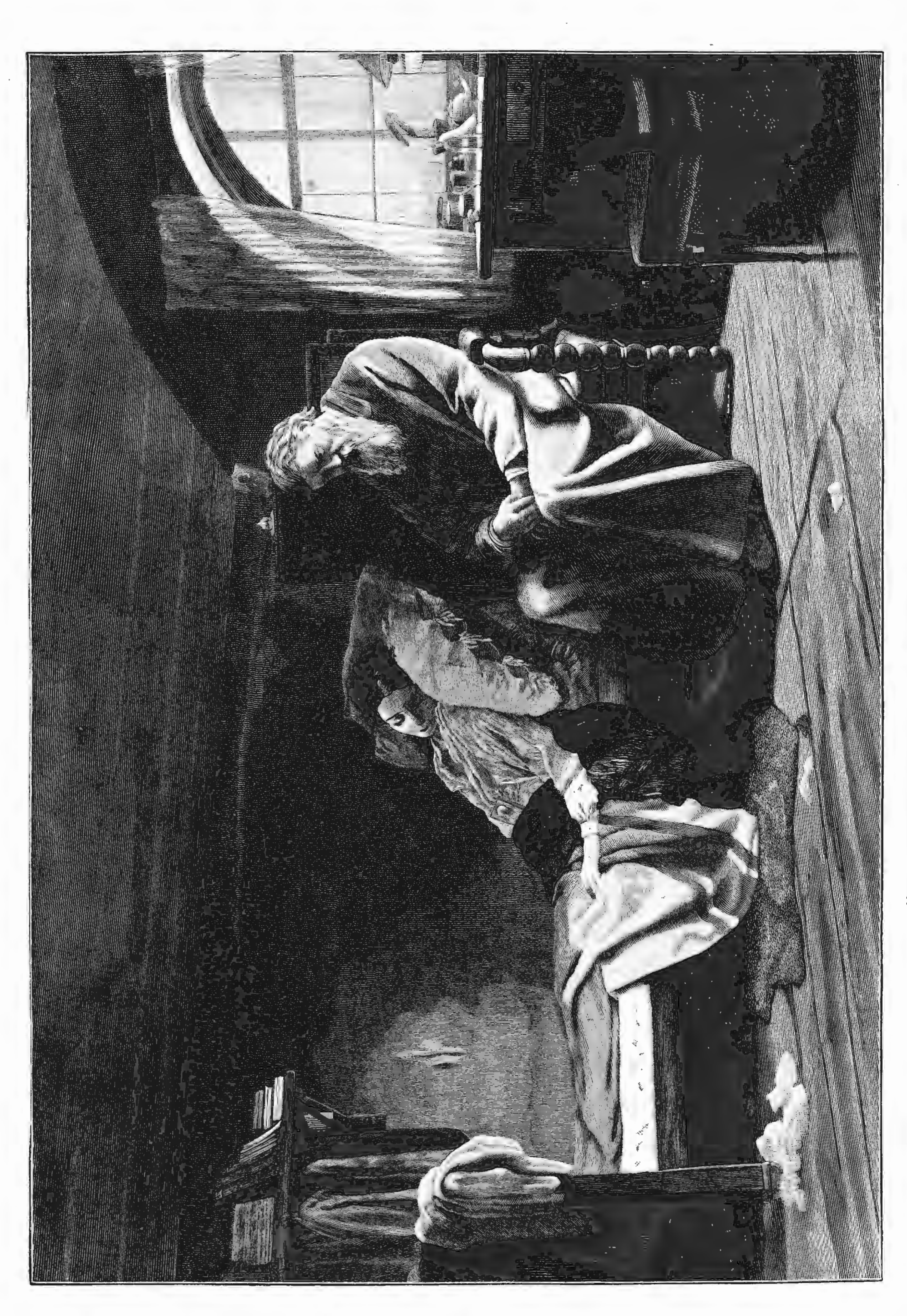
Всѣ спутницы царевны были очень удивлены тѣмъ, что она поднялась съ разсвѣтомъ, и, никого не потревоживъ, съ двумя постельницами своими и съ десяткомъ стрѣльцовъ, пѣшкомъ направилась въ Сергіеву обитель, приказавъ сопровождавшимъ ее стряпчимъ, чтобы ея спутники и весь остальной поѣздъ слѣдовали-бы туда-же въ обычное время, не спѣша и не стараясь нагнать ее.

Измученная своими думами и безсонною ночью, похудѣвшая, поблѣднѣвшая за послѣднее время, царевна Софія показалась всѣмъ своимъ спутникамъ постарѣвшею на пять лѣтъ, когда она, вмѣстѣ съ ними выступила изъ Воздвиженскаго и, опираясь на посохъ, побрела по дорогѣ. Непривычныя къ ходьбѣ ноги ступали неровно и нетвердо, и Софія, пройдя двѣ-три версты, должна была чувствовать страшное утомленіе. При ея полнотѣ не легко было совершить десятиверстный переходъ до Сергіевой обители: когда она прошла двѣ-три версты, потъ уже катилъ градомъ съ ея лица, всѣ члены ломило отъ усталости, но это болѣзненное и томительное ощущеніе какъ-бы облегчало ея внутреннія страданія... И она шла и шла, не останавливаясь, съ трудомъ переводя дыханіе, напрягая свои послѣднія силы. Шла пристально вперяя взоръ въ даль, не видя ничего кругомъ себя, кромѣ лѣса, подернутаго легкой дымкой утренняго тумана.

Вотъ и часовня на дорогѣ, надъ простымъ деревяннымъ крестомъ, по преданію вырубленнымъ и водруженнымъ руками Св. Сергія. Утомленная царевна не смѣетъ остановиться, не смѣетъ зайти въ часовню, опасаясь, что ее покинутъ послѣднія силы. Старый инокъ, сидящій при дорогѣ у часовни, зачерпываетъ въ берестяный корецъ студеной воды изъ святаго ключа при часовнѣ и съ поклономъ подноситъ его царевнѣ. Въ то время какъ она жадно пьетъ студеную воду, старецъ говоритъ ей ласково:



Іуда Искаріотъ. Съ карт. Г. Прелля, грав. Ю. Шюблеръ.



Успокоилась. Съ карт. барона **М. П. Клодта**, грав. Ю. Шюблеръ.

— Пѣша идти изволишь, царевна? Чай, измучилась? Такъ тутъ-же ужъ и недалечко отсюда: вонъ и крестъ обительскій виденъ!

И вытянувъ сухую, желтую, старческую руку, перстомъ указываетъ ей вдали, среди тумана, ярко-сверкающую точку.

Низко кланяется ему царевна и спѣшитъ далѣе—съ пригорка на пригорокъ, отъ перелѣска къ перелѣску... Вотъ наконецъ, съ одной изъ высотъ, открывается обширная долина, вся еще закутанная бѣлымъ пологомъ тумана, и на краю ея, на холмѣ, зубчатыя стѣны башни и величавые храмы обители Св. Сергія, возносящіе къ небу свои позлащенныя главы. Утренній вѣтерокъ доноситъ издали громкій и величавый благовѣстъ...

„Матерь Божія! Преподобный Сергій, Чудотворецъ милостивый! Сжальтесь надо мною, грѣшною, преступною — пошлите мнѣ утѣшеніе въ лютой скорби моей! Сохраните мнѣ *его*—радость мою, свѣтъ очей моихъ! Пусть я одна поплачу́сь за всѣ мои прегрѣшенія — лишь бы онъ былъ передъ вами и чистъ, и правъ! Лишь бы его не коснулась карающая Десница!“

И вотъ, напрягая послѣднія усилія, царевна спѣшитъ спуститься съ пригорка и подходитъ къ мосту, перекинутому черезъ глубокій оврагъ подъ самыми стѣнами обители, на срединѣ разсыпаннаго около нея посада.

А навстрѣчу ей, отъ Святыхъ воротъ, отъѣзжаетъ всадникъ, окутанный въ охабень и сопровождаемый десяткомъ конныхъ, вооруженныхъ слугъ. Завидѣвъ царевну, всадникъ быстро соскакиваетъ съ лошади, бросаетъ поводья на руки слугамъ, и спѣшитъ навстрѣчу Софіи.

— Отъ ближняго боярина и Оберегателя князя Василья Васильевича Голицына съ грамоткой къ тебѣ, благовѣрная царевна! громко восклицаетъ онъ, подымая надъ головою письмо и низко кланяясь царевнѣ.

— Многолѣтняго тебѣ здравія желаю и поздравляю съ побѣдой надъ злочестивыми бусурманами! весело говоритъ посланецъ, подавая письмо въ руки царевнѣ.

Но царевна уже не слышитъ словъ его; съ широкораскрытыми глазами, блѣдная, растерянная, она беретъ трепетными руками письмо, развертываетъ его и поспѣшно, на ходу, не уменьшая шагу, пробѣгаетъ строки, исписанныя мудреными крюками... Потомъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ, съ просіявшимъ лицомъ, восклицаетъ:

— Побѣда! побѣда! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ черезъ князя Василія Васильевича!

— Честь и слава князю Василію Васильевичу! въ одинъ голосъ восклицаютъ всѣ спутники царевны.

— Побѣда, побѣда! восклицаетъ внѣ себя царевна, входя въ Святыя врата обители, забывая даже перекреститься и показывая издали письмо вышедшему ей навстрѣчу игумну и братіи.

— Побѣда! побѣда! Звоните въ колокола, служите молебны! еле слышно лепечетъ она окружившимъ ее инокамъ, въ изнеможеніи упадая на ступени паперти и заливаясь горячими, благодарными слезами...

XXVII.

Недѣлю спустя послѣ торжественныхъ молебновъ о побѣдахъ, одержанныхъ княземъ Васильемъ надъ „злочестивыми Агаряны“, князь Борисъ Алексѣевичъ также получилъ письма съ Юга, отъ иноземцевъ, принимавшихъ участіе въ походѣ, и эти письма представили ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Побѣды князя Василія оказались простыми стычками съ непріятелемъ, на этотъ разъ успѣшно-отраженнымъ сильною артиллеріею, бывшею при войскѣ князя Василія. Послѣ этихъ стычекъ, войско русское подошло къ Перекопи и стало подъ стѣнами этой ничтожной крѣпостцы, между тѣмъ какъ князь Василій вступилъ съ ханомъ въ переговоры. Переговоры затянуты были ханомъ преднамѣренно; онъ зналъ, что имѣетъ дѣло съ вождемъ нерѣшительнымъ и слишкомъ осторожнымъ... И дѣйствительно, князь Василій вдругъ испугался того, что войско его будетъ терпѣть нужду въ водѣ и кормѣ, если долѣе простоитъ на мѣстѣ — нежданно отступилъ отъ Перекопа и быстро сталъ удаляться отъ предѣловъ Крыма, лишь издали преслѣдуемый озадаченными его отступленіемъ татарами. Сообщая объ этомъ, иноземцы негодовали, писали, что и войско ропщетъ на князь-Василія, что всѣ имъ недовольны и даже поговариваютъ о томъ, будто бы онъ подкупленъ ханомъ.

— Враки! воскликнулъ князь Борисъ, бросая письмо на столъ. — Не подкупленъ онъ! Измѣнникомъ и не былъ, и не будетъ! А бѣда вся въ томъ, что онъ не воинъ. Не за свое дѣло взялся! Съ перомъ въ рукѣ, въ Посольскомъ Приказѣ, его не замѣнишь, и не собьешь и не опутаешь! А въ поле вышелъ — и растерялся! Нѣтъ взгляда орлинаго, нѣтъ ухватки молодецкой... А тутъ еще, чай, отсюда письмо за письмомъ шлютъ: „свѣтъ-Васенька, пріѣзжай скорѣй!“ Да и у самого мурашки за спиной бѣгаютъ, какъ бы тутъ Шакловитый чего не напрокудилъ! Только ты, Левъ Кириловичъ, сдѣлай милость, покамѣстъ эти вѣсти про себя храни, и никому — ни-ни!..

— Будь спокоенъ, Борисъ Алексѣевичъ! Ты знаешь, умѣю-ли я хранить тайны? Да кстати, ты не забылъ-ли, что насъ ждетъ тамъ „богомолецъ“-то твой съ докладомъ?

— Спасибо что напомнилъ! Я тутъ, зарывшись въ письмахъ, и точно позабылъ о немъ... Эй, люди! кто тамъ есть?

Въ комнату вошли двое слугъ.

— Ввести сюда монаха, что пришелъ въ обѣдъ изъ-подъ Симонова.

Слуги вышли и, нѣсколько времени спустя, вернулись съ монахомъ, въ потертой и засаленной свиткѣ, перетянутой широкимъ порыжѣлымъ кожанымъ поясомъ; ноги его были обуты въ лапти съ оборами; на головѣ была дрянная скуфейка, надвинутая на самыя брови, а въ рукахъ суковатая палка, вмѣсто посоха.

„Богомолецъ“ князя Бориса низко ему поклонился и сталъ молча у притолки двери. Когда слуги удалились, притворивъ за собою дверь, князь Борисъ и Левъ Кириловичъ указали монаху налѣво, на дверь моленной палаты, и, между тѣмъ какъ Левъ Кириловичъ остался на прежнемъ мѣстѣ у стола, князь Борисъ съ „богомольцемъ“ ушли въ моленную.

— Ну, что̀ новенькаго? спросилъ князь Борисъ, усаживаясь въ спокойное кресло.

— Да не што... все побѣдамъ радуемся, князь Борисъ Алексѣевичъ! сказалъ съ улыбкою Ларіонъ Елизарьевъ, снимая съ себя скуфейку и проводя рукой по густымъ волосамъ. — Вчера государыня-царевна изволила насъ жаловать. Всѣмъ строевымъ стрѣльцамъ, что̀ эти дни на стѣнномъ караулѣ въ Кремлѣ да въ Китаѣ были, изволила жаловать по рублю на человѣка, а намъ, начальнымъ людямъ, по пяти рублевъ. По всѣмъ московскимъ монастырямъ вклады богатѣйшіе разосланы, а Ѳедору Леонтьевичу приказано на-дняхъ готовиться въ походъ — везти въ Троицкій монастырь богомольную царскую грамоту, по случаю побѣдъ, одержанныхъ надъ Крымцами, да кулекъ денегъ настоятелю лавры, архимандриту Викентію.

— Царскую грамоту? произнесъ медленно князь Борисъ. — Какъ же это такъ — коли она обоими царями должна быть подписана, а одинъ-то царь отсюда за сто за двадцать верстъ? Ну кто-жь за него-то подпишетъ?

— Это, князь Борисъ Алексѣевичъ, не нашего ума дѣло и намъ не вѣдомо. Что̀ знаю, то и сказываю.

— Ну, да ладно! Недолго ужь теперь ей мутить! какъ-бы про себя проворчалъ князь Борисъ. — А какъ на счетъ денщиковъ у Шакловитаго? Уладилъ все, какъ было приказано?

— Все, батюшка-князь, улажено, по твоему приказу. Изъ пятерыхъ, что были у Өедора Леонтьевича въ денщикахъ, по моему совѣту, онъ четверыхъ смѣнилъ, и я ему подставилъ все изъ нашихъ молодцовъ: Өедора Турку, да Ивана Троицкаго, да Капранова Михайлу. И какъ ему сказалъ, что на него потѣшные конюхи зубы точатъ, такъ онъ, по моему уговору, никуда безъ тѣхъ своихъ денщиковъ и носу не показываетъ.

— Ну и ладно! Значитъ каждый его шагъ будетъ вѣдомъ... Никуда отъ насъ не увернется.

Затѣмъ князь Борисъ поднялся съ кресла, подошелъ къ углу подъ иконами, гдѣ на особомъ рундукѣ стоялъ у него окованный желѣзомъ ларецъ съ вышкой, отперъ вышку маленькимъ ключикомъ съ органною игрою и вынулъ оттуда тетрадь на четырехъ листахъ, писанную полууставомъ, да письмо, писанное другимъ почеркомъ.

— Вотъ возьми это письмо и эту тетрадь и припрячь ихъ подальше, до времени, сказалъ князь Борисъ Ларіону Елизарьеву. — И каждый день, подъ вечеръ, ходи мимо Нарышкинскихъ хоромъ, что̀ на Варваркѣ. Какъ увидишь на крайнемъ окнѣ въ саду шанданъ со свѣчою, такъ тотчасъ пробирайся задами черезъ садъ, къ прудочку — тамъ свидимся и тамъ получишь отъ меня послѣдніе наказы.

— А съ докладами сюда быть больше не прикажешь? спросилъ Ларіонъ, взглядывая съ недоумѣніемъ на князя Бориса.

— Повремени́ докладами. Дамъ знать, коли мнѣ нужны будутъ вѣсти. Въ томъ только случаѣ самъ приходи, коли что̀ будетъ зѣло потребно знать... И такъ-то тѣсно держись съ Өедькой, чтобы всегда у него быть подъ руками — чтобы ты не проронилъ ни слова его или царевнина. И чуть что̀ — если сборы какіе въ Кремлѣ или между стрѣльцами смута какая — сейчасъ чтобы скакалъ сюда кто ни-на-есть изъ нашихъ молодцовъ!.. Тѣ кони, что̀ я тебѣ пожаловалъ, но вся дни у тебя на стойлѣ должны стоять осѣдланы... Слышишь?

— Слышу, батюшка-князь! Будь благонадеженъ...

— Ну, такъ можешь идти.

Ларіонъ Елизарьевичъ въ поясъ поклонился князю, досталъ изъ-подъ мышки свою засаленную скуфейку, надѣлъ ее на голову и, надвинувъ на самыя брови, выбрался изъ моленной.

Часа два спустя, гонецъ, пріѣхавшій отъ Переяславля-Залѣсскаго, вручилъ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ письмецо отъ царя Петра Алексѣевича, писанное на лоскуткѣ грязной бумаги, такимъ неразборчивымъ почеркомъ, что даже привычный глазъ любящей матери не сразу могъ разобрать дорогихъ и давно-ожиданныхъ строкъ. Петръ писалъ царицѣ:

„Вселюбезнѣйшей и дражайшей моей матушкѣ, государынѣ-царицѣ Натальѣ Кириловнѣ недостойный сынишка твой Петрушка о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что̀ изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть къ Москвѣ, и я быть готовъ; только, гей, гей, дѣло есть. И то присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе; а мы молитвами твоими во всякой цѣлости пребываемъ. О бытіи моемъ пространнѣе писалъ я ко Льву Кириловичу, и онъ тебѣ, государыня, донесетъ. По семъ и наипокорственно предаюся въ волю вашу. Аминь.“

Дочитавъ это нехитрое посланіе, Наталья Кириловна долго еще не могла оторвать глазъ отъ его кривыхъ и неровныхъ строкъ, написанныхъ тѣсно-сбитыми и спѣшно набросанными каракульками, которыя, видимо, съ большимъ усиліемъ выводила рука Петра, утомленная трудною физическою работой цѣлаго дня. И оторвавшись наконецъ отъ письма любимаго сына, Наталья Кириловна все еще не могла отъ него отрѣшиться мыслью и заочно ласкала своего богатыря, думая про себя: „пусть потѣшится, пока можно, пусть погуляетъ на волѣ, пока забота не гложетъ сердца.“

Вошедшіе въ комнату царицы Левъ Кириловичъ и князь Борисъ прервали нить мечтаній матери.

— Ну, Лёвушка, разсказывай скорѣе, что тебѣ Петруша пишетъ? живо обратилась царица къ брату; — изъ моего письма только и видно, что онъ здоровъ тѣломъ и веселъ духомъ... А о пріѣздѣ своемъ ни словечкомъ не обмолвился.

— И въ моемъ письмѣ все тоже больше о корабляхъ, какъ-то нерѣшительно проговорилъ Левъ Кириловичъ, видимо не желая вдаваться въ подробности при бывшихъ въ комнатѣ постороннихъ лицахъ и при молодой царицѣ Евдокіи Өедоровнѣ, которая скромно и почтительно сидѣла около своей свекровушки и, не поднимая глазъ, вышивала золотомъ какой-то мудреный узоръ въ пяльцахъ.

Наталья Кириловна поняла въ чемъ дѣло: медленно поднялась она со своего мѣста и попросила брата и князя Бориса войти въ ея Крестовую Палату. Тамъ, запершись, они и повели бесѣду вполголоса:

— Ну, говори же скорѣй, что̀ онъ тамъ пишетъ? нетерпѣливо допрашивала царица своего брата.

— Пишетъ все о корабляхъ — какъ ихъ онъ съ нѣмцами отдѣлывалъ: только ими и голова набита. А онъ здѣсь нуженъ...

Царица вопросительно посмотрѣла на брата и на князя Бориса.

— Ты, благовѣрная царица, не изволила забыть, что на 8 число іюня, царь Петръ здѣсь долженъ быть на панихидѣ, въ память тезоименитства блаженной памяти царя Өедора Алексѣевича? сказалъ князь Борисъ.

— Ну, да! Я и звала его, да вижу — онъ тамъ такъ занятъ, что едва-ли сюда къ 8 іюня будетъ... Да и жаль мнѣ понуждать его... Пусть тамъ потѣшится...

— Великая государыня! серьезно и строго замѣтилъ князь Борисъ. — Блаженной памяти твой царственный супругъ недаромъ изволилъ написать на книгѣ о любимой своей забавѣ: „дѣлу время — а потѣхѣ часъ“. Такъ вотъ и я теперь скажу: часъ потѣхи для государя Петра Алексѣевича миновалъ — настало время великаго дѣла государскаго.

— Ты меня пугаешь, князь Борисъ! тревожно проговорила царица Наталья Кириловна. — Вѣрно, ты что-нибудь узналъ недоброе? Скажи скорѣе...

— Нѣтъ, государыня, никакихъ недобрыхъ вѣстей я не принесъ тебѣ... Но изволишь-ли ты помнить, какъ, минувшимъ лѣтомъ, я говорилъ тебѣ и брату твоему Льву Кирилычу, что еще *не время*, что мы должны быть только на-сторожѣ и на-готовѣ, что выжидать должны? Ну, такъ теперь я-же говорю тебѣ, великая государыня: зови немедля сына своего сюда! Настало время для *дѣла*.

Царица набожно сложила руки на груди и молча подняла очи къ иконѣ Богоматери, какъ бы творя про себя молитву и предавая сына своего, вступающаго въ жизнь, Ея милостивому покровительству.

— Не медли и не волнуйся, государыня! Теперь надо приготовить царя Петра Алексѣевича къ дѣлу. Ему пора вступиться за свои права — пора напомнить сестрѣ своей, что *онъ Русскій царь!* Пора подавить крамолу, пока она еще не подняла главы своей...

— Я напишу севечеръ и прикажу ему быть къ Москвѣ не медля, сказала царица. — Но изъясни мнѣ — какъ думаешь ты ввести его въ дѣла правленія? Вѣдь

Софья не выпуститъ власти изъ рукъ, вѣдь она опять подниметъ противъ насъ злодѣевъ!

— Нѣтъ, государыня, ей не поднять ихъ! Проучены — не поддадутся больше на обманъ. Одно твердятъ и ей, и Шакловитому: „по указу великихъ государей все сдѣлаемъ, а самовластно дѣйствовать не будемъ, хоть многажды бей въ набатъ“...

— О, Боже Праведный! благодарю Тебя! Видно не даромъ пролита была кровь столькихъ невинныхъ страдальцевъ! прошептала царица, и слезы крупными каплями закапали изъ глазъ ея.

— При томъ-же, государыня, у насъ все такъ налажено, что имъ ужь никому шагу ступить нельзя, чтобы мы не знали... А чуть зашевелятся, мы ужь и вѣдаемъ, что̀ намъ дѣлать: сейчасъ, отсюда, въ обитель Сергіеву! Засядемъ въ ея святыхъ стѣнахъ и на всю Русь кликнемъ кличъ, всю землю вокругъ себя соберемъ — тогда посмотримъ, за кого всѣ станутъ?

— Но вѣдь это опять смута, кровь, казни, пытки, ужасы!.. терзанія! проговорила царица, устремляя вопрошающій и тревожный взглядъ на князя Бориса.

— Если царь Петръ Алексѣевичъ выкажетъ твердость и не колеблясь вырветъ власть изъ рукъ царевниныхъ — всѣ станутъ за него... И ни смуты не будетъ, ни крови никакой не прольется. Вотъ если онъ чуть поколеблется, или забудетъ о дѣлѣ для потѣхи... Да нѣтъ—онъ не таковъ! Онъ сразу пойметъ, что ужь теперь не время медлить!.. Пролиться можетъ только кровь измѣнниковъ, такъ можемъ-ли о нихъ жалѣть, государыня? Развѣ они давно уже не заслужили плахи?

Царица Наталья Кириловна вдругъ взглянула въ глаза князю Борису, и быстро схвативъ его за руку, проговорила:

— И если даже... если даже твой братъ двоюродный... если князь Василій Голицынъ окажется измѣнникомъ и дерзнетъ... Ты и его осудишь на плаху?

Князь Борисъ вздрогнулъ невольно при этихъ словахъ, и проговорилъ глухо:

— Голицыны всегда служили вѣрою и правдою своимъ законнымъ государямъ!

Царица опустилась въ кресло, оперлась рукою на одинъ изъ поручней, и глубоко задумалась. И въ глубокомъ, почтительномъ молчаніи долго стояли около царицы ея вѣрные друзья, понимая, какъ тяжело ей было принять окончательное рѣшеніе.

— Князь Борисъ Алексѣевичъ! Братъ Левушка! тихо проговорила наконецъ Наталья Кириловна. — Оставьте меня на часъ одну — дайте мнѣ подумать! Дайте прибѣгнуть за совѣтомъ и помощью къ общей Заступницѣ всѣхъ матерей, къ общей Матери всѣхъ дѣтей, отдавшей Сына Своего Единороднаго на страданіе и муку крестную ради спасенія всѣхъ насъ грѣшныхъ!

И когда Левъ Кириловичъ и князь Борисъ тихо вышли изъ крестовой палаты, царица пала на колѣни передъ образомъ Смоленской Божіей Матери и до̀лго, долго молилась, припадая челомъ къ полу; молилась такъ усердно, что и не чувствовала, какъ по щекамъ у ней текли горячія слезы, ключемъ закипавшія на сердцѣ. Среди вздоховъ и неудержимыхъ рыданій слышны были только шепотомъ произносимыя слова: „Спаси его, Царица Небесная!.. вразуми его... научи его ходить путями праведными...“

Въ тотъ же вечеръ, спѣшный гонецъ поскакалъ изъ Преображенскаго въ Переяславль-Залѣсскій и повезъ царю Петру Алексѣевичу строгій приказъ царицы Натальи Кириловны, немедля и безъ всякихъ отговорокъ, прибыть въ Москву къ 8 іюня.

(Продолженіе будетъ).

Василекъ.

Бретонская легенда. Изъ Коппе.

П. И. Вейнберга.

Давно, давно на Рейнѣ жилъ баронъ,
Несмѣтными богатствами владѣвшій,
Но скупости жестокой; за нее
Его кляли и слуги, и вассалы,
И весь народъ. Когда-то у него
Была жена, изъ рукъ которой щедро
Лились дары на бѣдныхъ, и больныхъ,
И страждущихъ. Но ангелы не долго
Гостятъ у насъ: ихъ Богъ даетъ взаймы
На нѣсколько прекрасныхъ дней—и снова
Беретъ къ себѣ... Баронова жена
Оставила послѣ себя однако
Свидѣтеля своихъ прекрасныхъ дѣлъ
И яркое о нихъ воспоминанье —
Ребенка-дочь. Теперь ужь Васильку —
Такъ прозвали красавицу—минуло
Пятнадцать лѣтъ, и молодость ея,
Какъ маленькій колибри, залетѣвшій
Въ гнѣздо совы, вносила свѣтъ и жизнь
Въ холодное и мрачное жилище.

Старикъ-баронъ, пока была жива
Его жена, себя еще немного
Удерживалъ; а умерла—онъ сталъ
Еще мрачнѣй, еще жестокосердѣй,
И каждый день съ разсвѣтомъ уѣзжалъ
Въ дремучій лѣсъ, въ сопровожденьи только
Конюшаго, на соколиный ловъ.
Дочь-Василекъ, любя отца, не смѣла
Его винить; но очень грустны ей
Казались дни въ стѣнахъ суровыхъ замка
Пустыннаго, гдѣ даже въ Рождество
Ничья рука огня не разводила.
По временамъ, чтобъ коротать часы,
Она себѣ выкраивала платье
Изъ выцвѣтшихъ матерчатыхъ кусковъ,
Въ которые рядилась баронесса
Въ былые дни,—затѣмъ что не давалъ
Скупой отецъ бѣдняжкѣ ни копѣйки
На туалетъ. Онъ даже, вопреки
Торжественнымъ обѣтамъ при кончинѣ
Своей жены, въ храмъ Божій пересталъ
Совсѣмъ ходить, увѣренный, что встрѣтитъ
На паперти страшилище свое—
Пять-шесть калѣкъ, просящихъ подаянья...
А Василекъ ихъ тоже не могла
Ничѣмъ дарить, въ глаза не видя даже
Монеточки малѣйшей... И у ней
Такъ тяжело на сердцѣ становилось,
И вздохъ такой болѣзненный летѣлъ
На небеса, когда ей предстояло
Передъ рукой простертою пройти—
И ничего не положить въ ту руку!..

Особенно по воскресеньямъ. Тутъ,
На всемъ пути изъ церкви въ старый замокъ,
Встрѣчались съ ней, бѣжали вслѣдъ за ней
Лишь старики, да женщины съ грудными
Младенцами, да бѣдные слѣпцы,
Увѣчные, калѣки. И кричало
Все это ей о болѣстяхъ своихъ,
О нищетѣ... Старухи присѣдали
Предъ барышней, ребята поцѣлуй
Ей дѣлали ручонкой,— и бѣдняжка,
На языкѣ своемъ не находя
Отказа словъ, поспѣшно проходила,

Видѣніе Козьмы Минина. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **М Нестерова**, грав. Ю. Шюблеръ.

Потупивъ взоръ, краснѣя отъ стыда,
И дома ужь давала волю горькимъ
Своимъ слезамъ...
Въ одинъ изъ дней такихъ,
Красавица — то было время жатвы—
Увидѣла, изъ церкви выходя,
На паперти такъ много всякихъ нищихъ,
И все такихъ истерзанныхъ, больныхъ,
Пришибленныхъ, что не хватило духу
У Василька—не только мимо нихъ
Направиться, но даже взглядъ ихъ встрѣтить.
И вспомнила она, что выходъ есть
Еще одинъ—калитка прямо въ поле
Изъ ризницы. Смущенная, въ слезахъ,
Она уже порогъ переступила
И двинулась по новому пути,—
Когда предъ ней явилась вдругъ старушка,
Въ холстинковомъ нарядѣ, въ башмакахъ
Изъ дерева и въ чепчикѣ высокомъ
Прабабушекъ, рукою опершись
На посошокъ.—„Дитя мое", сказала
Привѣтно незнакомка, „воротись
На прежній путь, и что-бы ни попалось
Тебѣ на немъ, все нищимъ подавай,
Не совѣстясь. Даянья, вѣрь мнѣ, краситъ
Не самый даръ, а ласка, доброта,
Съ какой даютъ; радушнымъ, нѣжнымъ словомъ,
Участливой улыбкой много золъ
Смягчаемъ мы и много осушаемъ
Горючихъ слезъ. Преодолѣй свой стыдъ—
И не одно благословенье бѣдныхъ
Услышишь ты." Старушкѣ Василекъ,
Понявшая тотчасъ же что предъ нею
Волшебница, отвѣтила, присѣвъ
Почтительно, что пренебречь такими
Хорошими совѣтами грѣшно,—
И повернувъ, обычною дорогой
Пошла домой. Тѣмъ временемъ, уже
Всѣ нищіе и остальные люди
Поразбрелись — и Василекъ была
Совсѣмъ одна...
Съ какой-то безотчетной
И сладкою надеждой, на ходу
Она цвѣты степные собирала
Въ большой букетъ,—когда на встрѣчу ей
Направилась смиренно, боязливо
И вся въ слезахъ, крестьянка, до того
Сидѣвшая на камнѣ у дороги.
„Ахъ, барышня-красавица!" она
Промолвила, протягивая руку,
„Вы сжалитесь надъ бѣдною вдовой!..
Уже давно я въ жатвенную пору
Питаюсь тѣмъ, что собираю хлѣбъ,
Какой въ поляхъ не сжатымъ побросаютъ
Баронскіе вассалы .. Нынче-жъ я
Была больна—и вотъ сюда добралась
Послѣднею, когда ужь въ полѣ нѣтъ
Ни зернышка... Подайте, ради Бога,
Хоть что нибудь!.."—„Увы!" ей Василекъ
Отвѣтила, „ни гроша не имѣю
Я въ сумочкѣ, но вотъ вамъ мой букетъ,
И добраго навѣрно человѣка
Найдете вы, который за него
Поможетъ вамъ." Съ печальнымъ недовѣрьемъ
Крестьянка улыбнулась, но взяла
Убогій даръ,—и вдругъ букетъ—о чудо
Волшебное!—громаднымъ сталъ снопомъ
Чудеснѣйшихъ колосьевъ, заблестѣвшихъ,
Какъ золото, на солнышкѣ... Вдова,
Оторопѣвъ отъ изумленья, счастья,
Дрожащими руками въ фартукъ свой
Сбираетъ хлѣбъ,— а Василекъ, понявши,
Что это все конечно—дѣло рукъ
Волшебницы, и радостью сіяя,
Спѣшитъ впередъ лѣсною чащей. Здѣсь
Она опять изъ полевыхъ цвѣточковъ
Плела вѣнокъ, въ мечтанья погрузясь
О матушкѣ-покойницѣ, о доброй
Волшебницѣ, о чудѣ, передъ ней
Свершившемся,—и видитъ: бѣдный мальчикъ,
Весь въ рубищѣ, испуганно дрожа,
Стоитъ въ кустахъ... И шепчетъ онъ чуть слышно:
„Ахъ, барышня-красавица! Съ зимы
Я сирота... Остался только съ бабкой
Старухою... Работалъ-бы — никто
Не хочетъ брать: „„ужь больно малъ ты"" всюду
Мнѣ говорятъ... И бабушка моя
Теперь лежитъ больная и безъ хлѣба
Въ разрушенной избушкѣ"...—„У меня
Нѣтъ ничего," сироткѣ отвѣчала
Красавица; „но вотъ тебѣ вѣнокъ —
Отдай его тому, кто вамъ поможетъ".
Ребенокъ взялъ,—и вдругъ въ его рукахъ
Огромный хлѣбъ, горячій, сдобный, мягкій,
Ну, просто объядѣнье!.. Мальчикъ весь
Ошеломленъ, а Василекъ скорѣе
Опять впередъ, и видя на пути
Кустъ чудныхъ розъ, одну изъ нихъ срываетъ
Себѣ въ нарядъ... Чрезъ нѣсколько минутъ
Вновь встрѣча ей: подъ деревомъ, на камнѣ
Сидитъ солдатъ, на саблю опершись,
Измученный, страдающій, съ повязкой
На головѣ, и сквозь нее порой
Сочится кровь... Онъ раненъ и плетется
Съ войны домой... И говоритъ старикъ:
„Ахъ, барышня-красавица! Былъ длиненъ
Мой переходъ... я до смерти усталъ,
А путь далекъ... Стаканъ вина, я знаю,
Вновь на ноги поставилъ бы... Но пустъ
Кувшинчикъ мой. Коли-бъ его наполнить
Вы сбѣгали въ сосѣднее село —
Трудъ не великъ!—за васъ бы помолился
Старикъ-солдатъ"...—„Сейчасъ-же побѣгу;
Но до села далёко... вы, пожалуй,
Соскучитесь—такъ вотъ товарищъ вамъ!"
И воину даетъ малютка розу.
Съ улыбкой онъ цвѣтокъ роскошный взялъ
Мозолистой и черною рукою;
Но въ тотъ же мигъ не роза передъ нимъ,
А влагою янтарной, искрометной
Наполненная чаша...
Въ этотъ день
Подобныхъ встрѣчъ ужь не случилось больше
У Василька; но диво-ль, что молва
Стоустая тотчасъ-же протрубила
О чудесахъ и что узналъ о нихъ
Старикъ-баронъ?.. Съ охоты возвратившись,
Вассаловъ всѣхъ засталъ онъ въ сборѣ здѣсь,
И всѣ ему съ волненіемъ спѣшили
Поразсказать о чудѣ со снопомъ,
И съ чашею, и съ булкой... Сомнѣваться
Не можетъ онъ: не сказка это, нѣтъ —
Всѣ говорятъ... И скаредная жадность
Взыграла въ немъ... Убогій ужинъ свой
Кой-какъ доѣвъ и съ дочерью оставшись
Наединѣ, онъ ласково ее
Привлекъ къ себѣ и началъ: „Поздравляю,
Голубчикъ мой: какъ видно, родилась
Въ сорочкѣ ты. Извѣстно мнѣ, какою
Чудесною способностью тебя
Волшебница сегодня наградила,
И хочется мнѣ въ этомъ самому
Увѣриться: какой-нибудь подарокъ
Ты сдѣлай мнѣ, и мы увидимъ, чѣмъ

Въ моей рукѣ онъ станетъ“. Испугалась
Дочь этихъ словъ. „Отецъ мой!“—говоритъ —
„Не гнѣвайтесь... но, право, это дѣло
Опасное: чудесный даръ мнѣ данъ
Лишь для того, чтобъ помогать несчастнымъ,
Отнюдь не съ тѣмъ, чтобъ пополнять добро
Фамильное“...—„Пустыя возраженья!
Ребячество! Вѣдь только испытать
Хотѣлъ бы я... Вотъ у тебя на шеѣ
Свинцовая медалька—дай ее.
Тутъ худшее, чѣмъ мы съ тобой рискуемъ —
Что все-таки останется она
Такою же ничтожною вещицей.
Но ежели вдругъ выйдетъ изъ нея
Какой-нибудь уборецъ полновѣсный
Изъ золота, коли еще притомъ
И съ цѣнными камнями,—значитъ, сила
Твоихъ чудесъ пригодна можетъ быть
И намъ съ тобой“...
Боясь перечить дольше,
Свинцовую медальку Василекъ
Даетъ ему; но въ ту-жь минуту вскрикнулъ
Отъ ужаса корыстный скряга: онъ
Держалъ въ рукѣ чудовищную жабу,
Поганую и злющую; впилась
Она въ него, какъ пьявка-кровопійца,
И умеръ бы отъ страха въ битвѣ съ ней
Сѣдой глупецъ, когда-бъ не поспѣшила
На помощь дочь: въ ея рукѣ опять
Чудовище вещицей прежней стало.

Задумался надъ этимъ всѣмъ баронъ —
И Васильку на утро далъ въ подарокъ
Наполненный монетой кошелекъ.
Но чудеса красавицы на этомъ
Не кончились, и сохранился въ ней
Волшебный даръ: по воскресеньямъ, съ церкви,
Копѣечка изъ рукъ ея тотчасъ
Серебряной монетой становилась,
Изъ серебра червонецъ выходилъ,
А золото въ брильянтъ преображалось...

И по̀ свѣту широ̀ко разнеслась
Молва о ней, о добромъ, миломъ сердцѣ
Красавицы. Провѣдалъ это все
И государь, и захотѣлъ въ невѣстки
Ее себѣ. Отправилъ онъ сперва
Своихъ пословъ, а тамъ и самолично,
Съ наслѣдникомъ своимъ, къ барону въ домъ
Пожаловалъ. Женихъ, мужчина бравый,
Понравился тотчасъ же Васильку,—
И свадебку сыграли имъ такую
Веселую и пышную, что вотъ
Ужь сколько лѣтъ и сотенъ лѣтъ минуло
Отъ той поры, а въ тамошнемъ краю
Еще теперь текутъ у многихъ слюнки
При ро̀сказняхъ о свадьбѣ Василька.

Рекогносцировка.

(Разсказъ моего пріятеля).

К. В. Тхоржевскаго.

Былъ періодъ второй осады Карса.

Стоялъ конецъ октября 1877 г. Погода была отвратительная: то шелъ дождь и разводилъ страшную грязь, то падалъ снѣгъ и ударялъ морозецъ. Теплой ясной погоды вовсе не было. Жить въ палаткахъ при такихъ условіяхъ было не особенно весело, но мы были еще всѣ свѣжи, здоровы, продовольствіе у солдатъ было отличное и мы легко переносили эти маленькія непріятности, заставлявшія насъ только желать скорѣйшаго овладѣнія проклятымъ Карсомъ, который торчалъ передъ носомъ, а не давался въ руки.

Я командовалъ партіей охотниковъ, палатки которыхъ пріютились на самомъ краю лагеря, нѣсколько на отшибѣ; моя палатка — собственная (турецкая), стояла на бугоркѣ, надъ самымъ обрывомъ къ Карсъ-чаю.

Съ моего бугорка отлично были видны Арабъ, Карадагъ, Мухлисъ и Шорахскія высоты; въ ясный день они казались почти рядомъ, хотя на самомъ дѣлѣ до нихъ было около восьми верстъ.

Цѣлую ночь мы прошлялись около Мухлиса на развѣдкахъ и только утромъ возвратились назадъ, провожаемые пушечными выстрѣлами съ Мухлиса. Снарядовъ турки не жалѣли и стрѣляли даже въ одиночныхъ людей. Я сильно утомился, проведя на сѣдлѣ, не слѣзая, около двѣнадцати часовъ, и какъ только возвратился, наскоро закусилъ и завалился спать.

Проспалъ я, должно быть, долго, потому что когда всталъ и вышелъ изъ палатки, то солнце было уже низко; косые лучи его, прорѣзывая тяжелыя свинцовыя тучи, насѣвшія надъ землей, полосами освѣщали мѣстность и, ударяя въ мѣдныя орудія турецкихъ фортовъ, горѣли на нихъ яркими звѣздочками.

На Карадагѣ пыхнулъ клубъ бѣлаго какъ молоко дыма и точно паръ медленно началъ расплываться по воздуху, черезъ нѣсколько секундъ тяжело грохнулъ и выстрѣлъ крѣпостнаго орудія. На вершинѣ небольшаго бугра, удостоившагося тѣмъ не менѣе особаго названія — Кабахъ-Тапа, торчала конная фигура часоваго-казака. Въ палаткахъ моихъ охотниковъ было тихо: они еще спали; на линейкѣ виднѣлся только дневальный, повидимому погрузившійся въ какую-то думу, — вѣроятно вспоминалъ о какой-нибудь своей Сосновкѣ; да жалонеръ съ помощью барабанщика обдиралъ барана, которыхъ нѣсколько штукъ добыли въ сегодняшнемъ поискѣ. Было сыро и холодно.

„Все то же самое!.. Экая тощища какая!..“ подумалъ я съ досадой и невольно зѣвнулъ.

— Вашимъ благородіямъ, барашкамъ на ужинъ прикажешь жарить? подошелъ мой денщикъ-татаринъ.

— Сжарь.

— Грудинкамъ прикажешь?

— Грудинку.

— Слушаемъ!.. Вашимъ благородіямъ, лошадей подковкамъ потеряли — ковать надыть...

— Отведи въ 3-ю батарею, скажи, что я прошу подковать.

— Слушаемъ, вашимъ благородіямъ!

И Ахметка отправился на линейку за бараниной.

Ахметка этотъ страстно любилъ лошадей и нянчился съ ними какъ съ дѣтьми: мылъ, чистилъ, скоблилъ, заплеталъ гривы; доставалъ кормъ тамъ, гдѣ казалось это положительно невозможнымъ. Слово *лошадь* онъ считалъ не подлежащимъ никакимъ измѣненіямъ ни по числамъ, ни по падежамъ, и употреблялъ его всегда въ родительномъ падежѣ множественнаго числа: говорилъ-ли онъ про одну лошадь или про нѣсколькихъ — у него все было — *лошадей*. Какъ бы лошадь ни была бѣшена, онъ называлъ ее смирною и преспокойно лазилъ у ней подъ брюхомъ и обчищалъ копыта. Однажды, отправившись съ нами въ набѣгъ на аулъ Чахмахъ, лежавшій на подошвѣ Мухлиса, онъ принесъ оттуда ангорскаго кота и я слышалъ, какъ онъ, расхваливая солдатамъ свою добычу, говорилъ:

— Хорошимъ кошкамъ!.. Смирный — точно лошадей... настоящимъ дамскій!..

Потомъ оказалось, что онъ досталъ этого кота для моей матери, которая такъ же любила кошекъ, какъ Ахметка лошадей.

— Старій баринямъ отвезу!.. Онъ кошкамъ любитъ, а такихъ у насъ никакъ нѣтъ, доложилъ онъ мнѣ когда я спросилъ: зачѣмъ онъ взялъ эту дрянь.

Но кошкѣ этой не суждено было увидать Россію: Ахметка нянчился съ ней и таскалъ ее за собой всюду въ мѣшкѣ мѣсяца два. Кошка привыкла къ такому способу передвиженія и спокойно давала сажать себя въ сухарный мѣшокъ. Во время перехода черезъ Маслагадъ верблюдъ, къ которому между прочимъ былъ привязанъ и мѣшокъ съ котомъ, оборвался и слетѣлъ въ пропасть. Ахметка долго бѣгалъ по краю обрыва, ахалъ, причмокивалъ сожалительно губами и отчаянно всплескивалъ руками къ великому удовольствію солдатъ, которыхъ обозлившійся Ахметка назвалъ за это почему-то коровами.

Постоявъ немного, я сѣлъ на скамеечку, сложенную изъ камней заботливостью Ахметки, и безцѣльно слѣдилъ какъ поперемѣнно выскакивали клубы дыма то на нашихъ осадныхъ батареяхъ, то на Карскихъ фортахъ.

Мнѣ почему-то сдѣлалось грустно.

Кто-то ударилъ меня по плечу, я оглянулся,—предо мной стоялъ въ черномъ дубленомъ полушубкѣ одинъ изъ моихъ офицеровъ — прапорщикъ Деляновскій, мальчикъ лѣтъ 17-ти, безконечно веселая и беззаботная натура.

— Что вы какой скучный сидите? воскликнулъ онъ.

— Да веселаго-то ничего нѣтъ — скверно! отвѣчалъ я.

— Пойдемте съ турками перестрѣливаться *).

— Ну ихъ къ чорту — надоѣло!

*) Иногда отъ скуки, мы брали турецкія ружья Пибоди, выходили за наши аванпосты и заводили съ турецкими пикетами перестрѣлку.

Страстная недѣля. На Голгоѳѣ. Картина Хозе Экена, грав. Флюгель.

— Ну такъ позовемте кого-нибудь и давайте играть въ карты...

— На это, пожалуй, согласенъ!..

— Вотъ и отлично!.. такъ пойдемте сейчасъ къ маркитанту, закупимъ приличное угощеніе, а потомъ пошлемъ за кѣмъ-нибудь...

Я всталъ и мы отправились къ маркитанту. Палатка его помѣщалась за серединой лагеря и въ ней обыкновенно толпилась цѣлая куча солдатъ и офицеровъ.

На этотъ разъ палатка была пуста.

— Ну, monsieur Курицынъ-Сынъ, je vous en prie de nous donnez quelque chose de piquant... началъ Деляновскій.

Маркитантъ изъ новенькихъ, но много обѣщающихъ; неизвѣстной національности, но выдававшій себя за француза — вѣроятно, вслѣдствіе того, что умѣлъ объясняться на этомъ діалектѣ, попробовалъ было обидѣться, но Деляновскій какъ бы невзначай взялся за плеть, и французъ изъ Ахалкалаки мгновенно сдѣлался любезенъ и началъ подавать намъ сардинокъ, маринованную осетрину и т. п.; вдругъ полы палатки распахнулись и появился молоденькій офицеръ-саперъ въ полной формѣ съ иголочки. Онъ былъ замѣчательно красивъ: невысокаго роста, хорошо сложенъ, брюнетъ съ необыкновенно правильными чертами и дѣвическою свѣжестью лица. Всякій, съ перваго взгляда, могъ прямо сказать: этотъ молодой человѣкъ принадлежитъ къ хорошей фамиліи, родители его имѣютъ средства, онъ только что соскочилъ со школьной скамьи, горитъ желаніемъ обнять весь міръ и совершить что-нибудь необыкновенное; онъ бросится въ самую жарню съ обнаженной шашкой, но заплачетъ если увидитъ какъ сѣкутъ солдата. Вѣритъ, что всѣ люди — братья; готовъ на самую отчаянную выходку и пишетъ домой письма, начинающіяся: „милая мама“.

Онъ очевидно не думалъ встрѣтить здѣсь кого-нибудь и смутился, увидѣвъ насъ, но оправился, вошелъ въ палатку и сталъ въ сторонѣ, ожидая когда мы окончимъ свои покупки.

Деляновскій, выбирая какую-то закуску, обратился ко мнѣ, назвавъ меня по фамиліи; вдругъ прапорщикъ встрепенулся, глаза его какъ-то необыкновенно раскрылись и онъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ.

— Извините, пожалуйста, говорилъ онъ, краснѣя, — это вы начальникъ охотниковъ?

— Да, я.

— Позвольте вамъ представиться — прапорщикъ Стояновъ... я давно, еще по дорогѣ сюда, слышалъ о вашихъ подвигахъ... Мнѣ такъ хотѣлось съ вами познакомиться...

Я протянулъ ему руку, онъ схватилъ ее и съ жаромъ крѣпко пожалъ; я познакомилъ его съ Деляновскимъ.

— А вамъ что угодно, сударь? обратился меркитантъ къ Стоянову...

— Мнѣ дайте, пожалуйста, коробку монпансье... есть у васъ?..

— Есть, съ улыбкой отвѣчалъ тотъ и подалъ ему требуемое.

Стояновъ поспѣшно взялъ ее, сунулъ въ карманъ, очень сконфузился, сообразивъ вдругъ, что идетъ-ли боевому офицеру покупать конфекты, со страхомъ посмотрѣлъ на насъ — не смѣемся-ли мы надъ нимъ.

Я пригласилъ его идти къ намъ; онъ согласился съ видимой радостью и мы отправились въ нашъ лагерь.

— Вы какъ же попали къ намъ въ отрядъ? — вѣдь у насъ тутъ саперовъ нѣтъ, спросилъ я его.

— Видите-ли, я только что пріѣхалъ изъ России и заѣхалъ сюда случайно и такъ какъ очень усталъ, то явился къ генералу и просилъ позволенія остаться до завтрашняго дня. Онъ позволилъ.

— Такъ что вы еще ни съ кѣмъ не успѣли здѣсь познакомиться?

— Съ вами съ первыми!..

— Вотъ и отлично! воскликнулъ Деляновскій, — мы съ командиромъ сейчасъ балъ устраиваемъ — значитъ вы скучать не будете.

Разговаривая такимъ образомъ, мы дошли до нашей палатки, кликнули Ахметку и приказали ему приготовить все къ „балу“, а денщика Деляновскаго послали за товарищами.

Стояновъ рѣшительно восхищался всѣмъ; ему все понравилось: и наша палатка, обвѣшанная турецкими коврами, и наши постели изъ бараньихъ шкуръ, и наши костюмы: я былъ въ чухѣ, а Деляновскій въ полушубкѣ.

— Вы часто ходите въ набѣги? спрашивалъ онъ.

— Да, почти каждую ночь!.. отвѣчалъ Деляновскій, откупоривая жестянку съ сардинками.

— Какіе счастливцы!.. Я, знаете-ли, всю дорогу, когда сюда ѣхалъ, мучился, что не попаду въ дѣло... Да, кажется, и теперь опоздалъ... какъ вы думаете: Карсъ скоро сдастся?

— Онъ вовсе не сдастся!.. Всѣ языки единогласно показываютъ, что у турокъ и продовольствія, и боевыхъ припасовъ хватитъ на цѣлый годъ!.. буркнулъ Деляновскій.

— Значитъ его штурмовать будутъ!..

— Безъ этого не обойдется!..

— Ахъ, какъ это было бы хорошо!.. Я бы непремѣнно въ охотники пошелъ!.. А какъ вы думаете — возьмемъ-ли его?

— Разумѣется, возьмемъ!..

— А говорятъ, что его штурмомъ нельзя взять...

— Мало-ли что говорятъ!.. Говорятъ, что куръ доятъ!..

— Это у васъ Владиміръ? спрашивалъ онъ черезъ минуту, разсматривая орденъ на полушубкѣ Деляновскаго.

— Владиміръ!

— Вы его за что получили?..

— За 21 сентября...

— Знаете что, — вы когда опять въ набѣгъ пойдете?..

— Дня черезъ два вѣроятно...

— Возьмите меня съ собой, пожалуйста!.. А?.. обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, если позволитъ генералъ.

— Ахъ, онъ позволитъ!.. Отчего же ему не позволить!..

— Ну, все готово! воскликнулъ Деляновскій, открывъ послѣднюю коробку, — давайте-ка выпьемте по одной пока!..

— Постойте на минуту, я сейчасъ къ себѣ сбѣгаю; я вамъ принесу копченаго мяса!.. Его у насъ дома приготовляютъ! Мнѣ большой кусокъ на дорогу дали, а я его почти не ѣлъ!.. Вы никогда не пробовали копченаго мяса? Это отличная вещь — гораздо лучше ветчины — не такъ жирно, знаете!.. Я сейчасъ его принесу!.. и онъ выскочилъ изъ палатки.

— Вотъ чудакъ-то!.. произнесъ Деляновскій.

— Чѣмъ?.. По-моему славный мальчикъ!..

— Славный-то славный, но ужь очень мальчикъ!..

А Деляновскому самому было восемнадцать лѣтъ, но держалъ онъ себя очень солидно.

Вскорѣ стали собираться приглашенные; всего набралось насъ человѣкъ десять, такъ что въ палаткѣ было трудно повернуться; однимъ изъ послѣднихъ прибѣжалъ Стояновъ и притащилъ свое копченое мясо; я его познакомилъ со всѣми и онъ сейчасъ же сталъ болтать, смѣяться, пѣть куплеты изъ оперетокъ и потчивать мясомъ.

Водки онъ повидимому не пилъ, потому что когда ему дали рюмку, онъ выпилъ ее съ видимымъ принужденіемъ.

Только было мы стали входить во вкусъ и кто-то затянулъ хоровую пѣсню, какъ появился Ахметка и провозгласилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вашемъ благородіямъ, енарала ординарецъ пріѣхалъ, тебя къ сибѣ требуетъ...

— Фьюю!.. вотъ тебѣ и балъ!.. трагически воскликнулъ Деляновскій.

— А что?.. А что?.. развѣ это что-нибудь означаетъ? заговорилъ Стояновъ, даже приподнявшись на своемъ мѣстѣ.

— А то и значитъ, что сейчасъ куда-нибудь погонятъ!.. Ахъ ты жизнь распроклятая!.. комически добавилъ онъ.

Я поспѣшно всталъ, надѣлъ черезъ плечо кавказскую шашку — что означало, что я очутился въ полной формѣ для явленія начальству, и отправился къ генералу.

Погода совсѣмъ испортилась: моросилъ мелкій дождь; тучи заволокли весь небосклонъ и темень стояла непроглядная, а налетавшій вѣтеръ, забиравшійся въ малѣйшія скважины одежды, портилъ самое хорошее расположеніе духа.

Я шелъ шлепая по грязи напрямикъ, отлично зная гдѣ находится палатка генерала, какъ вдругъ позади себя услышалъ поспѣшные шаги и запыхавшійся голосъ Стоянова.

— Г. поручикъ!.. Г. поручикъ!

— Что вамъ? остановился я, повертываясь спиною къ вѣтру.

— Гдѣ вы?

— Здѣсь!..

Онъ, скользя по грязи, наконецъ, поровнялся со мной.

— Вы что? спросилъ я опять.

— Я васъ хотѣлъ просить... спросить у генерала позволенія взять меня съ собой!

— Эхъ, батюшка, и охота вамъ въ этакую погоду! возразилъ я съ неудовольствіемъ, — точно не успѣете еще сорокъ разъ!

— Нѣтъ, пожалуйста! Это ничего не значитъ!

— Извольте!.. Только я бы вамъ не совѣтовалъ!

— Пожалуйста!.. Мнѣ такъ хочется!..

— Извольте, извольте! идите въ мою палатку и ждите меня.

Я повернулся и пошелъ дальше.

Палатка, или какъ у насъ называлось — ставка генерала, ничѣмъ, собственно говоря, не отличалась отъ обыкновеннаго офицерскаго жилья; вся разница заключалась въ томъ, что ставка эта была устроена изъ двухъ палатокъ и изнутри была подшита верблюжьимъ сукномъ, что нѣсколько спасало отъ вѣтра, но не отъ дождя. Приближенные генерала неоднократно настаивали чтобы онъ перебрался въ саклю, но почтенный начальникъ и думать объ этомъ не хотѣлъ, прекрасно сознавая, что его житье въ палаткѣ даетъ хорошій примѣръ солдатамъ и ободряетъ ихъ въ перенесеніи лишеній.

Я въ буквальномъ смыслѣ слова наткнулся на палатку и чуть не сшибъ одинъ изъ кольевъ укрѣпляющихъ ее. Ординарецъ, торчавшій у входа, подскочилъ ко мнѣ.

— Сюда пожалуйте! проговорилъ онъ и подвелъ меня ко входу.

— Доложи генералу, что начальникъ охотниковъ пришелъ.

Ординарецъ юркнулъ въ палатку.

— Пожалуйте, говорилъ онъ, появляясь черезъ секунду.

Я согнулся и влѣзъ въ палатку.

Въ длинномъ мѣховомъ „кавказскомъ“ сюртукѣ генералъ си-

дѣлъ на складномъ стулѣ за такимъ же складнымъ столомъ, на которомъ было разбросано нѣсколько топографическихъ плановъ, бумагъ, и курилъ папиросу. Это былъ типичный русскій генералъ богатырскаго сложенія, громаднаго роста, въ буквальномъ смыслѣ слова посѣдѣвшій въ бояхъ.

— Здравствуйте! встрѣтилъ меня генералъ.

Я поклонился.

— Сегодня опять вамъ идти придется... что, люди очень утомлены?

— Немного устали, ваше превосходительство!..

— Ну, скоро отдохнете... много трудились... еще поработаете немного, а потомъ и отдохнете — на-дняхъ, вѣроятно, штурмъ будетъ.

Генералъ замолчалъ.

— Сегодня отправитесь въ послѣдній разъ осмотрѣть дорогу къ Карскимъ высотамъ, чтобы узнать ее какъ свои пять пальцевъ... я нарочно посылаю васъ въ такую темноту: если теперь не собьетесь съ пути, то значитъ знаете его. Постарайтесь подойти по возможности ближе къ самымъ высотамъ, но помните, чтобы никакого шума не было; стрѣлять только въ самомъ крайнемъ случаѣ... Поняли?

— Понялъ, ваше превосходительство!

— Ну, такъ до свиданія, можете идти.

— Ваше превосходительство, у меня въ палаткѣ сидитъ саперный прапорщикъ Стояновъ — онъ просится со мной...

— Нѣтъ, нѣтъ! нечего ему тамъ дѣлать — онъ и вамъ помѣшаетъ, да и себя подведетъ, пожалуй!.. Не берите его.

— Слушаю, ваше превосходительство.

Я поклонился и вышелъ.

— Пошлите его ко мнѣ!.. крикнулъ мнѣ генералъ вслѣдъ.

— Слушаю! отвѣтилъ я ему еще разъ и очутился опять на слякоти, подъ пронизывающимъ вѣтромъ.

— Ну, что?.. воскликнули нѣсколько голосовъ разомъ, когда я появился въ своей палаткѣ.

— Карадагскую дорогу осматривать посылаютъ опять!.. отвѣчалъ я и, крикнувъ Ахметку, велѣлъ ему приказать охотникамъ строиться.

— А васъ, обратился я къ Стоянову,—генералъ къ себѣ требуетъ.

— А позволилъ онъ мнѣ идти?

— Нѣтъ!.. Положительно запретилъ.

Стояновъ такъ и выскочилъ изъ палатки.

Деляновскій приподнялся съ мѣста и хотѣлъ было одѣваться, но я остановилъ его.

— Да вы оставайтесь здѣсь хозяиномъ,—сказалъ я ему,—сегодня дѣла не предвидится, только ночь промаемся... оставайтесь!..

— Если позволите, я съ удовольствіемъ! отвѣтилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Ну, такъ въ такомъ случаѣ: за ваше здоровье и желаю вамъ всякаго успѣха!.. произнесъ онъ и началъ наливать рюмки, а я сталъ собираться: подтянулъ ремень съ кинжаломъ и принялся заряжать револьверъ.

Черезъ четверть часа, закутавшись въ бурку, надвинувъ оренбургскую папаху на самые глаза, я ѣхалъ верхомъ впереди моего маленькаго отряда въ 200 человѣкъ.

Дождь кончился, но вѣтеръ дулъ съ прежнею силой; тучи начинали расходиться; изрѣдка онѣ разрывались и тогда среди обрывковъ облаковъ на нѣсколько секундъ выглядывала яркая луна. Лошадь ежеминутно скользила, люди позади меня тяжело дышали и звучно шлепали по грязи.

Увѣренно, почти машинально тяну я уздечку то вправо, то влѣво, направляясь къ дорогѣ, ведущей къ грознымъ Карадагскимъ высотамъ: много ужъ разъ приходилось намъ ходить по ней и каждый изъ моихъ охотниковъ изучилъ ее такъ, что съ завязанными глазами найдетъ ее на-ощупь.

Вотъ и аванпосты.

— Стой, кто идетъ? раздается окликъ часоваго, учуявшаго что кто-то идетъ сзади и подозрѣвающаго, что его бдительность контролируетъ начальникъ, поэтому голосъ его звучитъ какой-то фальшивой ноткой.

— Охотники! отвѣчаю я.

— Стой, охотники, — что есть пропускъ?

— Фитиль!

Мы уже на дорогѣ. Проходимъ сквозь цѣпь и двигаемся дальше; теперь надо идти осторожно, чтобы не наткнуться внезапно на непріятеля: у турокъ тоже есть партизаны и начальникъ ихъ Михеръ-Али — молодчина.

— Патрули, впередъ! Остальные, стой! командую я, когда вся колонна вытягивается за аванпосты.

Три патруля, каждый въ три человѣка изъ самыхъ ловкихъ, смѣтливыхъ и испытанныхъ людей отдѣляются впередъ и беззвучно, какъ тѣни, исчезаютъ въ темнотѣ. Я закуриваю папиросу и съ наслажденіемъ втягиваю въ себя табачный дымъ: курить больше не придется до самаго возвращенія, а то огонекъ отъ папироски можетъ выдать насъ непріятелю.

— Покури, кто хочетъ! обращаюсь я къ людямъ.

Многіе видимо уже заранѣе приготовили „свои цыгарки", ибо вслѣдъ за моимъ разрѣшеніемъ сразу зажглось нѣсколько спичекъ.

Папиросы выкурены.

— Ружья вольно!.. Идти тише—не шумѣть, не кашлять, ногами не шлепать!.. Шагомъ маршъ!

Опять двигаемся, а вѣтеръ такъ и налетаетъ, такъ и рвется, точно хочетъ не пустить насъ; кутаешься плотнѣе въ бурку и испытываешь на кого-то страшную досаду.

Проходитъ часъ, а изъ патрулей все нѣтъ никакихъ свѣдѣній; будь тамъ новички, а не надежные испытанные люди — ужъ я навѣрно разъ десять началъ бы тревожиться и окликать ихъ условными сигналами, но тутъ надобности въ этомъ не представляется: не доносятъ—значитъ ничего особеннаго нѣтъ.

Еще проходитъ нѣсколько минутъ и вдругъ передо мной, точно изъ-подъ земли, выростаетъ фигура человѣка.

Я затягиваю поводья.

— Ваше благородіе, турки не далеко, докладываетъ солдатъ шепотомъ.

Я нагибаюсь къ ближайшему ко мнѣ охотнику и шепчу ему: „стой." Онъ останавливается, беззвучно снимаетъ ружье и шепотомъ же передаетъ команду остальнымъ.

Колонна останавливается.

— Турки недалеко? спрашиваю я подошедшаго ко мнѣ патрульнаго.

— Совсѣмъ близко, ваше благородіе — шаговъ 400.

— Цѣпь или пикетъ?

— Пикетъ должно: не успѣлъ осмотрѣть...

— А далеко они отъ укрѣпленій?

— У самой горы стоятъ.

Я приказалъ безъ шума разсыпаться первой полуротѣ въ цѣпь, залечь и стоять тамъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ приказаній; самъ же слѣзъ съ лошади, отдалъ ее солдатамъ и только было хотѣлъ идти впередъ, какъ вдругъ передо мной появился Стояновъ.

— Позвольте и мнѣ съ вами идти, г. поручикъ!..

Я такъ и обомлѣлъ.

— Вы какъ здѣсь очутились? воскликнулъ я вслухъ, забывъ о близости непріятеля.

— Извините... видите-ли... генералъ не узнаетъ... мнѣ такъ хотѣлось... извините меня, пожалуйста!!. зашепталъ онъ смущенно.

Тонъ его голоса былъ такой умоляющій, что я поневолѣ смягчился и отложилъ свое первое намѣреніе — отправить его въ лагерь.

— Какъ же вамъ не стыдно!.. заговорилъ я: — вѣдь вы меня подвести можете: ну, не дай Богъ васъ ранятъ или еще того хуже — убьютъ — что тогда я скажу генералу.

— Г. поручикъ, простите меня... Но ей Богу это ничего не значитъ... если меня ранятъ, я скажу, что вы и не видѣли меня; только позвольте мнѣ идти съ вами!..

Я подумалъ съ минуту: если его не взять — онъ, пожалуй, одинъ удеретъ и влопается хуже, такъ ужъ лучше взять и не спускать съ глазъ.

— Хорошо, я васъ беру, только съ условіемъ — не отходить отъ меня ни на шагъ!

— Благодарю васъ, г. поручикъ!.. я ни на шагъ не отойду отъ васъ.

— Ну и отлично, идемте!.. Я пошелъ впередъ по дорогѣ, за мной Стояновъ и патрульный рядовой Козихинъ.

— Козихинъ, позвалъ я шепотомъ, когда мы отошли шаговъ на двѣсти, — патруль на дорогѣ лежитъ?

— Такъ точно!

— А далеко еще отсюда?..

— Еще шаговъ двѣсти будетъ, ваше благородіе.

Я пригнулся къ землѣ, вынулъ на всякій случай кинжалъ и осторожно продолжалъ подаваться впередъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Іуда Искаріотъ. (Рис. на стр. 404).

Въ средѣ берлинскихъ художниковъ Германъ Прелль занимаетъ своеобразное мѣсто между незначительнымъ числомъ стилистовъ и болѣе многочисленною группою реалистовъ. Воспроизводя при посредствѣ живописи возвышенные образы свободнотворящей, поэтической фантазіи, онъ, въ то-же время, ревностно стремится передать ихъ блестяще и мастерски, во всей силѣ красокъ и техники, что не всегда встрѣчается въ произведеніяхъ нѣмецкихъ стилистовъ прежняго времени. Уроженецъ Лейпцига, Прелль занимался живописью подъ руководствомъ Т. Гроссе, въ Дрезденѣ, и Карла Гуссова, въ Берлинѣ. Громадныя работы по фресковой живописи, снова вызванной художникомъ къ жизни, доставили 34-лѣтнему Преллю почетное мѣсто среди нѣмецкихъ живописцевъ.—Помѣщенная на стр. 404, картина его Іуда Искаріотскій, также имѣетъ характеръ фрески. Простая, но въ то-же время глубоко обдуманная группа изъ трехъ лицъ: рыжаго Іуды „со скрытнымъ

лицомъ и мрачными изподлобья сверкающими глазами" и двухъ евреевъ изъ книжниковъ и первосвященниковъ, вечерній ландшафтъ, пустынная тихая мѣстность безлюдной долины у подножія обнаженныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ медленно подымается тусклый мѣсяцъ—чрезвычайно удались художнику и производятъ удручающее впечатлѣніе изображеннымъ на картинѣ поступкомъ Іуды Искаріота, которому діаволъ вложилъ въ сердце предать Сына Божія.

Успокоилась. Картина бар. М. П. Клодта.

(Рис. на стр. 405).

Тяжелая утрата совершилась. Долго отстаивала это молодое тѣло отъ тлѣнія наука, средствами которой заставлено почти все окно; долго отмаливала эту юную душу у Неба безграничная родственная привязанность, въ безсонныя ночи, при свѣтѣ той же лампады, что и теперь еще теплится среди бѣла дня, забытая предъ иконой; долго терпѣла страдалица—и вотъ успокоилась, на-вѣки смеживъ усталые глаза. Пути Всевышняго неисповѣдимы. Кроткая покорность Его волѣ, какъ бы свѣтящая сквозь безысходное горе, на старческомъ лицѣ понесшаго утрату, въ совершенствѣ передана кистью хорошо извѣстнаго нашимъ читателямъ М. П. Клодта.

Видѣніе Козьмы Минича Сухорукаго.

(Рис. на стр. 409).

Преданіе играетъ въ исторіи видную роль, и тамъ, гдѣ иногда молчитъ исторія, преданіе выступаетъ на ея мѣсто и смѣло связываетъ разрозненные листы исторической хроники, то пополняя пробѣлы, то выясняя поводы событій.

О Козьмѣ Миничѣ (или проще: о *Мининѣ*)—этомъ знаменитомъ *простецѣ*, избранномъ всею Русскою землею на тяжкій подвигъ освобожденія Москвы отъ поляковъ—сохранилось преданіе, которое гласитъ, что онъ не по собственному почину и побужденію взялся за свое достославное дѣло... Современники его утверждали, что онъ былъ „введенъ въ свой подвигъ" троекратно повторявшимся видѣніемъ. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ старинное сказаніе.

Мининъ, какъ человѣкъ весьма благочестивый, имѣлъ обычай удаляться въ особый покой своего дома, на молитву. Однажды, во время молитвы, ему явился Преподобный Сергій и повелѣлъ собирать казну для ратныхъ и созывать сограждапъ, чтобы идти съ ними на очищеніе Москвы отъ враговъ. Когда видѣніе исчезло, Мининъ, въ великомъ страхѣ и сомнѣніи, ни на что не рѣшился, полагая, что устроеніе рати совсѣмъ не его дѣло. На другой и на третій день видѣніе повторилось и Преподобный Сергій открылъ Минину, что „есть Божіе изволеніе помиловать православныхъ христіанъ и отъ великаго смятенія привести въ тишину". Тогда уже Мининъ отложилъ въ сторону всякое сомнѣніе, и явясь въ Земскую Избу, сталъ молить своихъ согражданъ о томъ, чтобы они поднялись на помощь Москвы и около своего ополченія собрали рати всѣхъ городовъ русскихъ. Онъ прямо говорилъ всѣмъ, что Преподобный Сергій являлся ему и повелѣлъ „разбудить уснувшихъ". Около того-же времени, въ Нижній-Новгородъ дошли вдохновенныя воззванія архимандрита Троице-Сергіевой обители Діонисія, всѣхъ призывавшія къ Москвѣ, на гибель поляковъ и измѣнниковъ—и всѣ нижегородцы поднялись какъ одинъ человѣкъ, послѣ того какъ эти Діонисіевы грамоты были прочтены во всеуслышаніе на соборной паперти, по настоянію Минина.

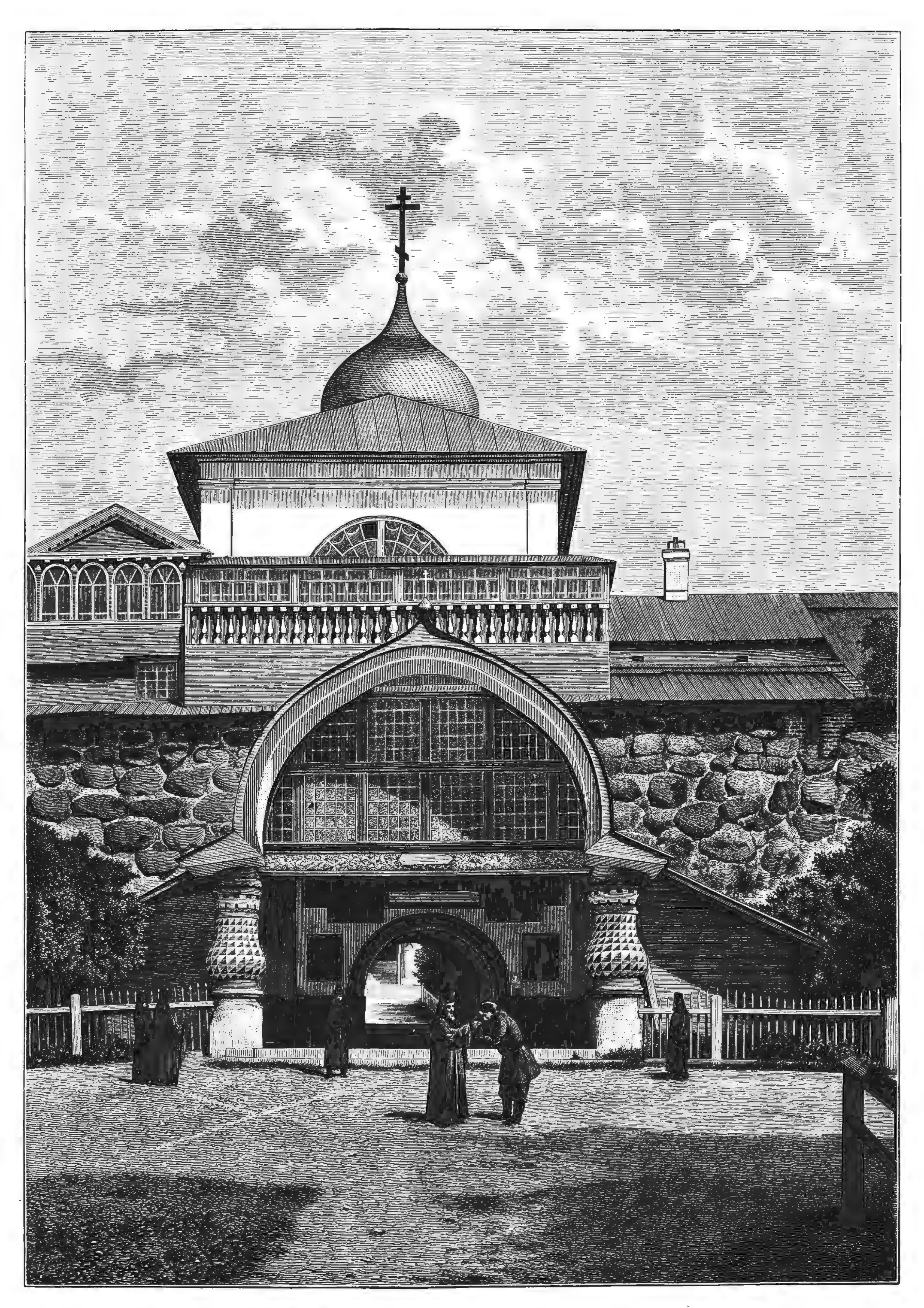
Сохранилось любопытное извѣстіе, будто-бы самъ Мининъ, во время похода къ Москвѣ, при ополченіи Пожарскаго, разсказывалъ потомъ архимандриту Діонисію о бывшихъ ему явленіяхъ Преподобнаго Сергія.

Церковь въ мѣстечкѣ Великой Бураткѣ, Полтавской губ., и могила Д. М. Княжевича. Съ фотогр. грав. М. Рашевскія.

На Голгоѳѣ. (Рис. на стр. 412 и 413).

Большая гравюра на двухъ страницахъ настоящаго нумера воспроизводитъ картину испанскаго художника Хозе Экена, „На Голгоѳѣ". Спаситель міра и несмѣтная толпа воиновъ, евреевъ и женщинъ только что пришли къ Лобному мѣсту. Два разбойника, которые должны быть распяты со Христомъ, уже тутъ. Одинъ изъ нихъ, пожилой, со связанными на спинѣ руками, безропотно ожидаетъ своей участи, другой—молодой, съ отчаяніемъ припалъ лицомъ къ землѣ. Нѣсколько лицъ заняты приготовленіями къ ужасной крестной казни. Римскіе воины едва сдерживаютъ разъяренную толпу фанатически-озлобленныхъ евреевъ. На многихъ лицахъ можно прочесть ненависть, насмѣшку и глумленіе надъ страданіями Сына Божія. Невольно приходятъ на память слова: „Разрушающій храмъ и въ три дня его созидающій, спаси Себя Самого! Если Ты Сынъ Божій, сойди со креста!" съ которыми обращались прохожіе къ распятому Іисусу... Вдали на гору, окруженный воинами, поднимается киринеяпинъ Симонъ, которому велѣли нести крестъ Спасителя. Посрединѣ стоитъ въ свѣтлой одеждѣ Іисусъ Христосъ, покорно творящій волю Отца Своего Небеснаго. Окружающія его плачущія жены тщетно умоляютъ солдатъ...

Громадная картина, со множествомъ дѣйствующихъ лицъ, написана художникомъ съ большимъ талантомъ и силою. Значительное число фигуръ на картинѣ, видимо, нисколько не стѣснило художника. Всѣ онѣ прекрасно выполнены и обду-



Святыя врата въ Соловецкомъ монастырѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

маны. Свѣтлый образъ Христа, окруженный Святыми женами, въ бѣлыхъ одеждахъ, является въ какомъ-то дивномъ, неземномъ свѣтѣ, окруженный рамкою мастерски сгруппированныхъ вокругъ него лицъ. При этомъ самыя группы переданы безъ вреда отдѣльнымъ фигурамъ, изъ которыхъ многія заслуживаютъ вниманія и похвалы. Картина „На Голгоѳѣ“ по справедливости даетъ право Х. Экена считаться однимъ изъ лучшихъ испанскихъ живописцевъ.

Древности Соловецкой обители.

(Рис. на стр. 417 и 420).

На дальнемъ Сѣверѣ, съ половины XV столѣтія возникла на группѣ островов Бѣлаго моря обитель, по имени этихъ острововъ названная Соловецкою. Четыре вѣка пережиты обителью не даромъ. Она сдѣлалась уже съ XVI вѣка центромъ Бѣломорской культуры и благодѣтельницею, питательницею бѣднаго поморскаго населенія, постоянно страдающаго отъ недостатка хлѣба, такъ какъ и въ лучшіе годы оно не можетъ прокормиться отъ урожая. Умѣлая рука домовитыхъ иноковъ совершила чуть не чудеса по разведенію огородныхъ овощей на Соловецкомъ островѣ. Экономическія устройства еще со временъ игуменства Св. Филиппа (Колычева), т. е. со дней Грознаго, сдѣлали Соловецкую обитель образцомъ въ хозяйственномъ отношеніи. При обиліи средствъ къ жизни, процвѣли въ Соловкахъ строительное дѣло вообще и судостроеніе въ частности. Вѣковыя твердыни-стѣны обители съ 7-ю воротами и 8-ю башнями стоятъ почти три вѣка—и на нашей памяти, при нападеніи англійской эскадры, охранили смиренный пріютъ отшельниковъ отъ иноплеменнаго вторженія.

Стѣны Соловецкой обители возводилъ на средства данныя царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ съ 1582 по 1594 годъ мѣстный архитекторъ-самоучка, монахъ соловецкій Трифонъ „съ Неноксы“, т. е. уроженецъ прибрежнаго солеварнаго поселенія Ненокса. Матеріаломъ служили громаднаго размѣра булыжные камни, погружаемые въ известковый жидкій растворъ, который наливался въ закладываемыя съ боковъ стѣны на ребро доски, представлявшія какъ бы ящикъ надъ каждымъ отдѣльнымъ и отвердѣвшимъ поясомъ стѣны. Оттого этотъ собственно византійскій способъ сооруженій въ нашихъ лѣтописяхъ монастырскихъ и называется „обложеніемъ“. Закладывали доски, оставляя для будущей стѣны страшную толщину, конечно нѣсколько суживающуюся кверху; основою же или дномъ ящика въ который вливался растворъ служили твердые камни. Отвердѣвъ, масса плотно сжатыхъ булыжниковъ и щебенки получила несокрушимую твердость. Въ этихъ-то стѣнахъ, на западномъ фасѣ, ближе къ восточному углу и находятся изображенныя на стр. 420 „Святыя ворота“. Ихъ проемъ получилъ настоящій видъ въ 1744 году, съ устройствомъ крытой паперти, на столбахъ. Паперть эта ведетъ къ церкви Благовѣщенія, устроенной надъ Святыми вратами въ началѣ XVII вѣка, а именно при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Время основанія самаго храма, приводитъ на память рѣзной деревянный иконостасъ, также нами помѣщаемый. Иконостасъ этотъ представляетъ замѣчательный памятникъ художественной рѣзьбы русской XVII вѣка. Это—сплошной орнаментъ изъ виноградныхъ листьевъ, такъ-называемое „виноградье“. Работалъ его, въ 1633 г., мастеръ Троицко-Сергіевской лавры, Левъ Ивановъ, по ремеслу рѣзецъ (рѣзчикъ), по заказу бывшаго келаремъ Лавры, монаха Александра Булатникова. Булатниковъ пожертвовалъ этотъ иконостасъ, или, что вѣрнѣе, однѣ царскія двери, вкладомъ по своимъ родителямъ.

Шарль Флоке. (Портр. на стр. 420).

Министерство Тирара во Франціи смѣнилось въ концѣ прошлаго мѣсяца новымъ кабинетомъ, во главѣ котораго сталъ Флоке, какъ о томъ уже было сообщено въ „Политическомъ обозрѣніи“ нашего журнала, въ № 14. Шарль Тома Флоке, портретъ котораго помѣщенъ на стр. 420, родился 23 сентября 1828 года въ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ въ Сенъ-Жанъ-де-Люсѣ. Окончивъ свое образованіе въ Парижѣ, въ лицеѣ св. Лудовика, онъ посѣщалъ курсы административной школы. Занявшись въ 1851 г. адвокатурой, Флоке, благодаря нѣсколькимъ громкимъ политическимъ процессамъ, вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность талантливаго адвоката. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался журналистикою, сотрудничая въ газетахъ *Temps* и *Siècle*. 27 января 1871 г. онъ былъ избранъ въ члены національнаго собранія 93,579 голосами, по немного спустя, былъ арестованъ, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ коммунниками, что, однако, не было доказано. Ставъ въ апрѣлѣ 1872 г. городскимъ совѣтникомъ въ одиннадцатомъ округѣ Парижа, онъ былъ избранъ въ 1876 г. 21,889 голосами того-же округа въ палату депутатовъ. Въ ней онъ занялъ мѣсто на скамьяхъ крайней лѣвой и въ 1885 г. былъ выбранъ президентомъ палаты. Съ того времени, въ теченіе трехъ лѣтъ Флоке исполнялъ эту нелегкую обязанность съ большимъ безпристрастіемъ и съ замѣчательнымъ тактомъ и умомъ. Призванный, по выходѣ въ отставку министерства Тирара, составить новый кабинетъ, онъ образовалъ его изъ членовъ радикальной партіи, впрочемъ довольно умѣреннаго оттѣнка. Принявъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ, Флоке выступаетъ въ роли министра въ первый разъ.

Н. К. Лебедевъ. (Портр. на стр. 421).

Нынѣшній годъ особенно несчастливъ для литературы и науки. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу болѣе или менѣе видные писатели и ученые. 30 марта, въ Петербургѣ, скончался отъ брюшнаго тифа Николай Константиновичъ Лебедевъ, одинъ изъ талантливыхъ беллетристовъ и сотрудникъ *Нивы*, болѣе извѣстный читающей публикѣ подъ псевдонимомъ *Н. Морскаго*. Н. К. Лебедевъ участвовалъ въ литературѣ лѣтъ двѣнадцать слишкомъ и за это время написалъ очень много; изъ молодыхъ беллетристовъ онъ былъ самый плодовитый. Большая часть его произведеній согрѣта неподдѣльнымъ чувствомъ, блещетъ нерѣдко яркими красками; интрига у него всегда ведется искусно, разсказъ отличается живостью и бойкостью, слогъ прекрасно выработанъ и у него есть вещи написанныя весьма удачно.

Николай Константиновичъ Лебедевъ, сынъ учителя гимназіи, родился 25 сентября 1846 года, въ Симбирскѣ, а воспитаніе получилъ въ саратовской гимназіи, куда былъ отданъ на одиннадцатомъ году. По окончаніи гимназическаго курса, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на физико-математическій факультетъ здѣшняго университета, изъ котораго выпущенъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Сперва онъ думалъ пойти по ученой дорогѣ, но любовь къ литературѣ взяла перевѣсъ и Лебедевъ сдѣлался беллетристомъ. Однако первыя свои статьи онъ помѣщалъ въ журналѣ „Знаніе“ и въ то-же время занимался педагогическою дѣятельностью. Давая частные уроки преимущественно въ средѣ крупнаго петербургскаго купечества, Николай Константиновичъ имѣлъ возможность всесторонне изучить этотъ въ высшей степени интересный бытъ, эту замкнутую сферу стараго и молодаго поколѣнія гостинодворцевъ. Результатомъ этого изученія явился его романъ „Аристократія Гостинаго двора“, напечатанный въ *Новомъ Времени* 1879 года и заставившій о себѣ говорить много, такъ какъ въ немъ выведены были живыя лица. Романъ былъ не безъ недостатковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ не поскупился на рѣзкія краски, порою впадалъ въ шаржъ, и растянулъ свое произведеніе. Но въ общемъ „Аристократія Гостинаго двора“ представляетъ не мало интереса, какъ картина нравовъ, и поучительна въ томъ отношеніи, что въ этомъ произведеніи довольно ясно намѣчена та перестройка, которая нынѣ совершается въ нѣдрахъ *темнаго царства*. Другое произведеніе Лебедева, имѣвшее не меньшій успѣхъ — былъ романъ „Содомъ“, появившійся также въ *Новомъ Времени*. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что послѣ появленія перваго романа Лебедева, съ молодымъ авторомъ пожелалъ познакомиться Ѳ. М. Достоевскій, который ободрилъ его, далъ совѣтъ продолжать и не разъ упоминалъ, что въ Лебедевѣ-Морскомъ онъ предвидитъ прямаго себѣ преемника. Николай Константиновичъ сотрудничалъ преимущественно въ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а также въ *Нови*, *Новороссійскомъ Телеграфѣ*, *Правдѣ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*; въ послѣдней газетѣ онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и помѣстилъ множество очерковъ подъ рубрикою „разговоровъ“, нѣсколько святочныхъ разсказовъ и проч. Больше всего повѣстей и разсказовъ Лебедевъ напечаталъ въ нашемъ журналѣ.

Переносная, складная спасательная лѣстница Блока. (Рис. на стр. 421).

Ужасъ и паника, наводимые пожаромъ, хуже самаго пожара. Хладнокровіе при этомъ бѣдствіи есть уже полуспасеніе. Новоизобрѣтенная, скатывающаяся въ трубку, лѣстница В. Блока тѣмъ и драгоцѣнна, что даетъ намъ нѣкоторую увѣренность въ себѣ, а слѣдовательно и хладнокровіе.

Посредствомъ универсальнаго крюка лѣстница захватываетъ подоконникъ любаго окна и слегка привинчивается къ нему однимъ или двумя поворотами винта. Отъ легкаго толчка весь катокъ моментально развертывается, не зацѣпляясь нигдѣ.

Стоитъ только взяться за рукоятку изъ проволоки (которая на нашемъ рисункѣ не показана) чтобы захватить удобно ногою первую ступеньку и спускаться безъ опасности и затрудненія.

Пропущенныя также въ чертежѣ маленькія стойки, сохраняютъ разстояніе между лѣстницею и стѣною. Время, нужное для скрѣпленія лѣстницы съ подоконникомъ—нѣсколько секундъ.

Лѣстницы сдѣланы такъ крѣпко и прочно, что въ случаѣ надобности можно спускаться, не ожидая, пока спускающійся передъ вами совсѣмъ сойдетъ, такъ какъ каждая лѣстница, въ 8 верш. шириною, испытывается на 16 пудовъ, а въ 16 верш.— на 24 пуда.

Лѣстницы въ скатанномъ видѣ могутъ храниться подъ кроватью, на стѣнѣ или гдѣ угодно. Вѣсъ лѣстницы, въ 6 арш. длиною и въ 8 верш. шириною (для дачъ и вообще для двухъэтажныхъ домовъ) всего 15 фунтовъ; а лѣстницы для фабрикъ, школъ и проч., въ 16 верш. шириною и 5½ саж. длиною, всего 55 фунтовъ.

Цѣны весьма умѣренныя: 15 руб. за лѣстницу въ 6 арш. длиною и 8 верш. шириною, и 57 р. 50 коп. за лѣстницу въ 5½ саж. длиною и 16 верш. шириною.

На Страстной недѣлѣ.

Стихотвореніе К. Р.

Женихъ въ полуночи грядетъ...
Но гдѣ-же рабъ Его блаженный,
Кого Онъ бдящаго найдетъ?
И кто съ лампадою возженной
На брачный пиръ войдетъ за Нимъ?
Въ комъ свѣта тьма не поглотила?
О! да исправится, какъ дымъ
Благоуханнаго кадила
Моя молитва предъ Тобой.
Я съ безутѣшною тоской,
Въ слезахъ, взираю издалека
И своего не смѣю ока
Поднять къ чертогу Твоему.
Гдѣ одѣяніе возьму?
О, Боже! просвѣти одежду
Души истерзанной моей;
Дай на спасенье мнѣ надежду
Во дни святыхъ Твоихъ Страстей.
Услышь, Господь, мое моленье
И тайной вечери Твоей
И всечестнаго омовенья
Прими причастника меня.
Врагамъ не выдамъ тайны я,
Воспомянуть не дамъ Іуду
Тебѣ въ лобзаніи моемъ.
Но за разбойникомъ я буду
Передъ святымъ Твоимъ крестомъ
Взывать колѣнопреклоненно:
О, помяни, Творецъ вселенной,
Меня во царствіи Твоемъ!

1 апрѣля 1887.

Политическое обозрѣніе.

Болѣзнь императора Фридриха. — Канцлерскій кризисъ. — Избраніе Буланже въ депутаты.

Въ четвергъ 31 марта въ здоровьѣ императора Фридриха произошла печальная перемѣна къ худшему. Въ ночь со среды на четвергъ императоръ нѣсколько разъ чувствовалъ приступы удушья. Бывшій при немъ докторъ Гауэль нашелъ, что дыхательная трубочка уклонилась отъ надлежащаго положенія. Только на разсвѣтѣ Гауэлю удалось перемѣстить ее; но въ теченіе дня, съ императоромъ вновь было нѣсколько припадковъ удушенія, вызванныхъ проникновеніемъ въ легкія частицъ тканей и гноя. Припадки эти настолько усилились, что докторъ Мекензи счелъ необходимымъ послать за профессоромъ Бергманомъ, такъ какъ жизни императора грозила опасность. Прибывъ въ 4 часа въ Шарлоттенбургъ, Бергманъ при осмотрѣ августѣйшаго больнаго нашелъ, что дыхательная трубочка не доходила до дыхательнаго горла, которое было переполнено гнойною матеріей. Профессоръ Бергманъ удалилъ непригодную трубочку и вставилъ новую, послѣ чего императоръ почувствовалъ облегченіе. Общее состояніе здоровья въ это время не нарушилось, хотя остальную часть дня императоръ провелъ въ постели. На другой день императоръ чувствовалъ себя настолько хорошо, что ѣздилъ съ императрицею въ коляскѣ въ Берлинъ. Ночь на 3 апрѣля императоръ провелъ безпокойно, вслѣдствіе неоднократныхъ приступовъ кашля, а 4 апрѣля, въ *Имперскомъ Указателѣ* опубликованъ слѣдующій бюллетень изъ Шарлоттенбурга, за подписью д-ровъ Мекензи, Вегнера, Краузе и Гауэля: „Вчера, послѣ обнаружившагося у императора бронхита, сопровождавшагося сильной лихорадкой и ускореннымъ дыханіемъ, его величество провелъ ночь нехорошо". Все семейство императора находилось близь больнаго. Въ Шарлоттенбургъ пріѣзжало много высокопоставленныхъ лицъ. Въ 11 часовъ пріѣзжалъ князь Бисмаркъ; онъ прошелъ прямо въ покой императора и пробылъ полчаса наединѣ съ его величествомъ, а потомъ долго еще оставался тамъ вмѣстѣ съ вызваннымъ туда наслѣднымъ принцемъ. Шарлоттенбургъ наводненъ толпами народа, который стоитъ вокругъ дворца. Послѣ полудня императоръ всталъ съ постели и просидѣлъ нѣкоторое время въ креслахъ, а въ $3^1/_2$ ч. показался ненадолго у окна. Вечеромъ императора посѣтили императрица Августа и великая герцогиня Баденская. 5 апрѣля въ острыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ у императора наступилъ рѣшительный поворотъ къ лучшему. Непосредственная опасность устранена и хотя общее состояніе здоровья попрежнему вызываетъ опасенія, все-таки существуетъ надежда, что нынѣшній кризисъ пройдетъ благополучно. Императоръ слушалъ, какъ всегда, доклады, работалъ, сидя за письменнымъ столомъ, и неоднократно показывался у окна. Народъ собравшійся передъ дворцомъ восторженно привѣтствовалъ императора. 6 апрѣля состояніе здоровья императора было такое же, но съ 7 числа не прекращалось лихорадочное состояніе. Послѣднія телеграммы, отъ 8 (20) апрѣля, весьма неутѣшительны.

Эти событія послѣдняго времени нѣсколько ослабили интересъ съ какимъ всѣ слѣдили за разрѣшеніемъ канцлерскаго кризиса, который все еще нельзя считать оконченнымъ. Но можно думать, что послѣ совѣщанія князя Бисмарка съ императрицею и доклада его у императора, канцлерскій кризисъ улаженъ и бракосочетаніе принцессы Викторіи съ принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ надо считать дѣломъ не состоявшимся. Этотъ матримоніальный проектъ, какъ сообщаютъ нѣкоторыя прогрессистскія газеты, занималъ императрицу Викторію, въ то время кронпринцессу, еще въ 1884 г., и надо полагать, не безъ вліянія въ этомъ дѣлѣ ея родительницы, королевы Англійской. Нынѣ эти планы и вмѣстѣ съ ними и возможныя перемѣны въ политикѣ Германіи, надо считать несбыточными. Хотя *Correspondance de l'Est* и утверждаетъ изъ „авторитетнаго источника", что немыслимо допустить, вслѣдствіе этой женитьбы—перемѣны въ политикѣ Германіи, и въ Петербургѣ де знаютъ, что женитьба эта исключаетъ всякую возможность одобренія болгарскихъ вожделѣній со стороны Германіи, „но" замѣчаетъ *Journal de St. Pétersbourg* „мы не знаемъ, изъ какого это „„авторитетнаго источника"" *Correspondance de l'Est* почерпнула свое извѣстіе и какимъ это образомъ ей извѣстно, что знаютъ или чего не знаютъ въ Петербургѣ.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что есть факты, которыхъ нельзя вычеркнуть изъ исторіи. Дѣйствительно, всѣ знаютъ причины, вслѣдствіе которыхъ принцъ Баттенбергскій лишился довѣрія и милости своего Августѣйшаго Покровителя и которыя въ концѣ концовъ навлекли на него осужденіе. Извѣстно также строгое осужденіе самимъ императоромъ Вильгельмомъ дѣйствій, которыя, помимо присущаго имъ явнаго характера неблагодарности, повергли Болгарію въ бездну революціи и анархіи, откуда она по сіе время не можетъ выбраться и которыя чуть было не распространили безпорядковъ на весь Балканскій полуостровъ и не нарушили европейскаго мира.

„Кто въ состояніи утверждать, что слѣды этого прошлаго исчезли и что высокое положеніе, которое пріобрѣлъ бы принцъ Баттенбергскій, не возбудитъ вновь въ корифеяхъ болгарской революціи надежды на возстановленіе его княжеской власти? Кто поручится, что не смотря на всѣ завѣренія въ противномъ, изъ этого не явится агитація такого рода, что болгарскій кризисъ, который стараются успокоить, усложнится и существующіе трактаты, спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ и миролюбивыя отношенія между державами вновь станутъ спорными и сомнительными?

„Возможно-ли оспаривать политическій характеръ вѣроятныхъ послѣдствій всего этого? Какъ согласовать ихъ съ программою начертанною княземъ Бисмаркомъ для германской политики, и со столь возвышенными, миролюбивыми взглядами и дружественными увѣреніями, высказанными императоромъ Фридрихомъ III при его воцареніи?

„Мы увѣрены въ томъ, что мысль, которая руководитъ германскою политикою, съумѣетъ принять во вниманіе всѣ эти послѣдствія, взвѣсить ихъ и предотвратить опасности, коими они могли бы угрожать добрымъ отношеніямъ между обоими государствами и сохраненію общаго мира".

Рядомъ съ этимъ, брюссельская *Nord*, обсуждая проектъ женитьбы принца Баттенбергскаго, говоритъ, что собственно въ настоящее время для интересовъ Россіи эта женитьба безразлична. Удаленіе Баттенбергскаго въ частную жизнь ослабило гнѣвъ, возбужденный въ Россіи его поступками, но будущее болгарскаго вопроса покрыто непроницаемымъ мракомъ и такъ какъ надѣются, что вскорѣ принцъ Кобургскій вынужденъ будетъ оставить Болгарію, то необходимость подыскать ему преемника вызоветъ различныя кандидатуры, причемъ, конечно, кандидатура Баттенбергскаго будетъ выставлена его сторонниками. Мудрая политика требуетъ, чтобы все предвидѣлось, а потому князь Бисмаркъ безспорно поступилъ предусмотрительно, противясь женитьбѣ. Князь Бисмаркъ предвидѣлъ что произойдетъ, если принцъ Александръ сдѣлается членомъ Гогенцоллернскаго дома. Очевидно, что коль скоро принцъ сдѣлается зятемъ императора Фридриха, софійскіе воротилы, которыми при избраніи Кобургскаго руководили соображенія о династическихъ его связяхъ, найдутъ, конечно, предлогъ къ реставраціи Александра. Даже если не принимать въ соображеніе всѣхъ возможныхъ послѣдствій этого маневра, то и въ

такомъ случаѣ элементарная дальновидность даетъ возможность предвидѣть тѣ приключенія и компрометирующія дѣла, съ которыми придется считаться германской политикѣ. А потому понятно, говоритъ въ заключеніе *Nord*, что князь Бисмаркъ не соглашается мириться съ подобными перспективами и старается избавить себя передъ страною и Австріей отъ отвѣтственности за событія, которыя явятся за уклоненіемъ отъ политики непоколебимаго патріотизма, руководившей до сего времени создателей германскаго единства.

Буланже избранъ въ Сѣверномъ департаментѣ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Этому избранію предшествовала ожесточенная борьба. Были бурныя сходки, сопровождавшіяся такимъ шумомъ и гамомъ, что ораторовъ не было слышно, и кончавшіяся нерѣдко общею свалкою. Хотя избраніе уже совершилось и за Буланже изъ числа 267,530 участниковъ въ выборахъ, подали свои голоса 172,528, волненія до сихъ поръ не улеглись. Оппортунистскія газеты признаютъ, что партіи ихъ нанесено пораженіе, но ни одна изъ газетъ не придаетъ успѣху Буланже иного значенія, кромѣ протеста противъ внутренней политики.

Шарль Флоке, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ и глава новаго кабинета. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 1 апрѣля, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили своимъ посѣщеніемъ выставку картинъ современныхъ французскихъ художниковъ, устроенную въ пользу комитета попеченія о сестрахъ „Краснаго Креста“, состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Принцессы Евгеніи Максиміліановны Ольденбургской.

Правительственныя распоряженія.

— Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ постановлено: 1) Голуби всякаго рода, привозимые изъ-за границы, пропускаются не иначе, какъ съ особаго, каждый разъ, разрѣшенія Министра Финансовъ. 2) Посуда съ двойнымъ дномъ запрещена къ привозу.

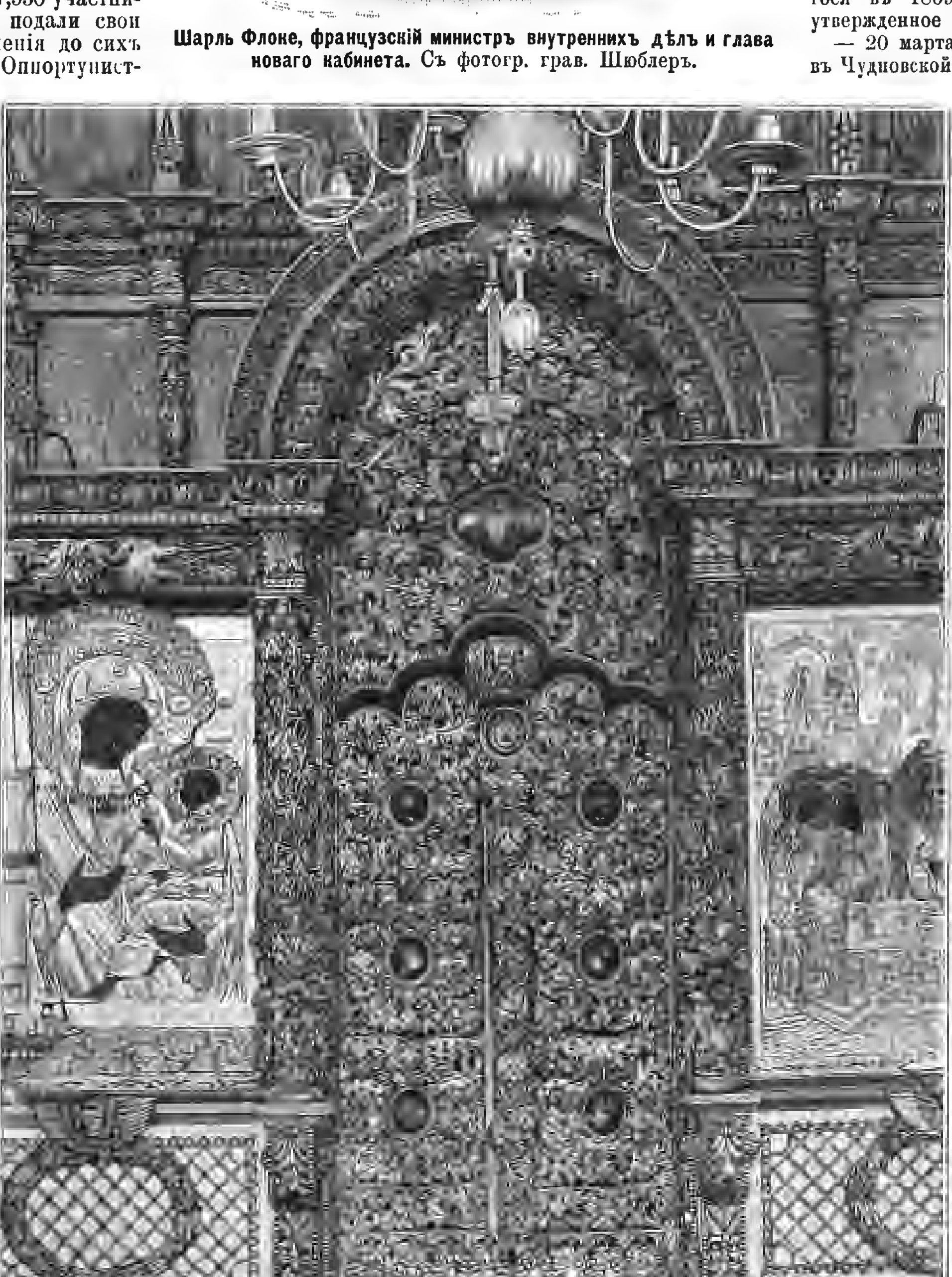
— Статья 77 устава о гербовомъ сборѣ, изд. 1886 г., дополнена слѣдующимъ третьимъ примѣчаніемъ: „Оплата пропорціональнымъ гербовымъ сборомъ условій о наймѣ квартиръ можетъ быть производима посредствомъ пріобщенія къ печатному или литографированному на простой бумагѣ бланку условій листа соотвѣтствующей актовой гербовой бумаги, съ тѣмъ чтобы на упомянутомъ листѣ при самомъ заключеніи условія была дѣлаема надпись съ точнымъ означеніемъ, когда и къ какому именно условію онъ пріобщенъ“.

Дѣла церкви.

— 8 апрѣля, въ Петербургѣ, въ музеѣ Морскаго Министерства, что въ Главномъ Адмиралтействѣ, происходило общее собраніе общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи. Въ этотъ день исполнилось ровно 25 лѣтъ со дня перваго собранія „кружка“ для распространенія Св. Писанія, преобразовавшагося въ 1869 году въ Высочайше утвержденное Общество.

— 20 марта, въ гор. Житомірѣ, въ Чудновской Воскресенской церкви, въ присутствіи недавно присоединеннаго къ православію бывшаго чешскаго священника Іоанна Саско, приняли православіе: сынъ владѣльца пивоваренпаго завода чешскаго поселка Ольшанки — полякъ Вячеславъ, мѣстный учитель Антонъ Янса и жена его Марья. 13-го, одновременно съ принятіемъ православія І. Саско, въ с. Глинскѣ приняло православіе 57 человѣкъ, бывшихъ прихожанъ Саско; а 25 марта тамъ же — 88 человѣкъ. Въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, изъ гульчанскихъ чеховъ приняли православіе 6 человѣкъ. Въ Луцкомъ уѣздѣ приняли православіе 90 чеховъ д. Кончи, и кромѣ того, какъ сообщается въ газетѣ *Волынь*, въ Луцкомъ соборѣ присоединились къ православію 112 чеховъ изъ разныхъ чешскихъ поселковъ Луцкаго уѣзда.

— По почину экзарха Грузіи, архіепископа Палладія, вскорѣ будетъ приступлено къ реставраціи храмовъ Кавказа, которые замѣчательны по своей древности, религіознымъ преданіямъ, архитектурному стилю и остаткамъ живописи, каковы,



Царскія двери въ соборѣ Соловецкаго монастыря. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

напр., Мцхетскій соборъ, алавердская церковь Св. Нины, гелатскій, никазскій, самтависскій и другіе храмы.

Военное и морское дѣло.

— 13 апрѣля, въ двѣнадцать часовъ дня, въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи, состоится въ Петербургѣ, на разводной площадкѣ, церковный парадъ лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку и лейбъ-гвардіи Уральскому казачьему эскадрону, по случаю ихъ праздниковъ.

— 30 марта, въ морскомъ училищѣ, въ присутствіи Ихъ И. В. Вел. Князей Алексѣя Александровича и Михаила Николаевича, была прочитана капитаномъ 1-го ранга Дубасовымъ лекція „О миноносной войнѣ“.

— Количество судовъ, приходящихъ съ моря въ Николаевскъ, съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ истекшемъ году здѣсь было 26 судовъ.

Торговля.

— На недѣлѣ 21—27 марта (ст. ст.) существенная перемѣна произошла лишь въ положеніи германскихъ хлѣбныхъ рынковъ и, главнымъ образомъ,—берлинскаго. Эта перемѣна выразилась давно уже не замѣчавшимся оживленіемъ спроса и значительнымъ повышеніемъ цѣнъ и была преимущественно обусловлена извѣстіями о потеряхъ, причиненныхъ сельскому хозяйству наводненіями въ сѣверной Германіи. На русскихъ рынкахъ преобладающее настроеніе — тихое; лишь въ нѣкоторыхъ балтійскихъ портахъ, въ ожиданіи навигаціи, оно нѣсколько тверже. Поступленіе хлѣбныхъ товаровъ изъ уѣздовъ,—по случаю порчи дорогъ, не велико; притомъ-же и запасы тамъ остались уже небольшіе. Вниманіемъ повсемѣстно пользуется сѣмя льняное; затѣмъ, сравнительно лучше идутъ рожь и овесъ.

— Въ послѣднее время замѣчается оживленіе хлѣбной торговли въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Харьково-Николаевской желѣзной дорогѣ. Агенты николаевскихъ хлѣбныхъ конторъ дѣлаютъ крупныя закупки. Массы хлѣба, лежавшія на станціяхъ, теперь погружены и отправляются на Николаевъ и Одессу.

— Съ открытіемъ навигаціи въ Астрахани и Царицынѣ начался усиленный перевозъ грузовъ. Одного средне-азіятскаго хлопка для отправки въ Москву въ Узунъ-Ада сложено 52,300 пуд.

— Въ непродолжительномъ времени предполагается провести телефонъ между Новочеркаскомъ и недавно присоединеннымъ къ Донской области Ростовомъ-на-Дону. Ростовская городская дума ассигновала средства на телефонъ, который долженъ принести большую пользу торговцамъ и административнымъ учрежденіямъ города, имѣющимъ частыя сношенія съ Новочеркаскомъ.

Искусства изобразительныя.

— Дочь генералъ-маіора Е. З. Краснушкина имѣла счастіе поднести Его Императорскому Величеству альбомъ рисунковъ собственной работы. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ объявить г-жѣ Краснушкиной за такое поднесеніе Высочайшую благодарность.

— 3 апрѣля, происходило годовое собраніе членовъ Императорскаго Общества поощренія художествъ. Предсѣдательствовала въ собраніи Е. И. В. Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская. Отчетъ за минувшій годъ былъ повергнутъ на Всемилостивѣйшее усмотрѣніе Государя Императора, причемъ Его Величеству благоугодно было начертать: „Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ; отъ души желаю обществу и впредь процвѣтать на пользу отечественнаго искусства и художества“.

— 2 апрѣля, въ Одессѣ открылась выставка произведеній искусствъ и рѣдкихъ вещей, на которую собрано много драгоцѣнныхъ и интересныхъ предметовъ.

Литература и наука.

— Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію Министра Государственныхъ Имуществъ объ отлично усердной службѣ и ревностныхъ трудахъ члена совѣта Министра Государств. Имуществъ, т. с. Арнольда — Всемилостивѣйше пожаловалъ ему, по случаю исполнившагося, 3 апрѣля сего года, пятидесятилѣтія его служебной и ученой дѣятельности, денежную аренду въ 2,000 рублей на шесть лѣтъ.

— Профессоръ лѣснаго института Д. Н. Кайгородовъ сообщаетъ въ *Нов. Время* слѣдующія свѣдѣнія о началѣ весны въ Петербургѣ. 2 апрѣля прилетѣли чайки, а 5 апрѣля—дрозды-рябинники. 4 апрѣля показались на солнцепрiекахъ первые цвѣты мать-и-мачихи (Tussilago Farfara) и голубой перелѣски (Hepatica triloba). На грядахъ ботаническаго сада лѣснаго института цвѣтетъ камчатская сарана (Fritillaria Kamtschatkensis. Rgl.). Въ березѣ началось движеніе сока.

Некрологъ.

— 2 апрѣля скончался въ Петербургѣ извѣстный путешественникъ, Николай Николаевичъ Миклухо-Маклай, портретъ и біографія котораго были нами помѣщены въ прошломъ году.

Николай Константиновичъ Лебедевъ (Н. Морской). († 30 марта 1888).
Съ фотогр. Лоренца, грав. Шюблеръ.

Переносная складная спасательная лѣстница Елока.

Смѣсь.

Пожелавшій остаться пока неизвѣстнымъ, какой-то греческій крезъ, недавно передалъ въ распоряженіе перваго министра Трикупи милліонъ франковъ, для сооруженія величественнаго зданія археологическаго музея. Извѣстный архитекторъ баронъ Ганзенъ уже прибылъ въ Аѳины для изслѣдованія мѣстности и имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ совѣщаній съ Трикупи по поводу этой постройки. (С.)

Мороженое мясо. Изъ Новой Зеландіи въ настоящее время привозится ежегодно въ Европу до 700,000 тушъ битаго замороженаго скота. (С.)

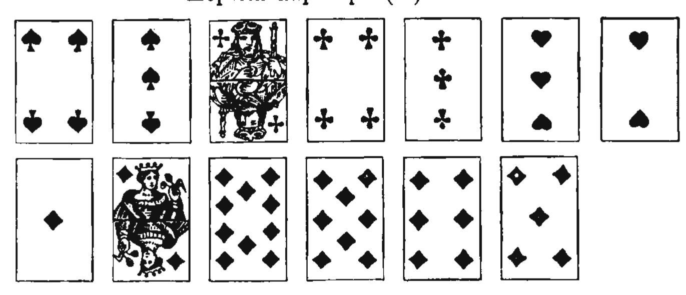
Изъ Лондона сообщаютъ о слѣдующемъ граціозномъ эпизодѣ. При входѣ въ Гайдпаркъ стояла, нѣсколько времени тому назадъ, дряхлая, согбенная старушка и предлагала проходящимъ травку для корма птицъ. Никто не обращалъ на нее вниманія; старуха дрожала отъ холода, сидя на землѣ, возлѣ своей корзинки. Между гуляющими находились и дочери принца Уэльскаго. Замѣтивъ бѣдную женщину, молодыя дѣвушки стали совѣщаться чѣмъ-бы ей помочь. Не долго думая, принцесса Модъ подошла къ старухѣ, взяла у нея корзинку и, ставъ рядомъ съ ней, начала предлагать свой товаръ проходящимъ. Торговля пошла бойко и вскорѣ весь запасъ истощился. Посыпались даже монеты въ задатокъ на поставку травы за нѣсколько дней впередъ. Когда собралась уже порядочная сумма, принцесса положила въ корзинку банковый билетъ отъ себя и весело присоединилась къ своимъ сестрамъ. (с.)

Послѣднимъ словомъ инженернаго искусства является перенесеніе моста въ Америкѣ. Мостъ, имѣющій 1600 тоннъ (96,000 пудовъ) вѣса, былъ поднятъ и перенесенъ на нѣкоторое разстояніе вверхъ по рѣкѣ, гдѣ и установленъ вновь. (с.)

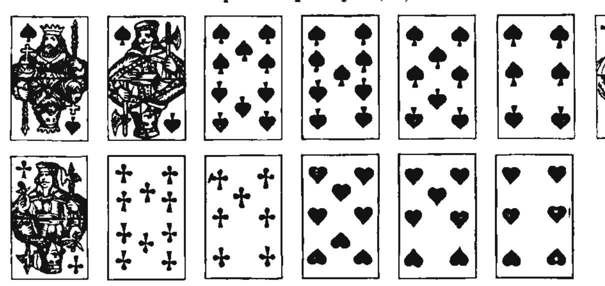
Задача игры въ винтъ № 28.

(составл. г. **Д. Е. Р—мъ**).

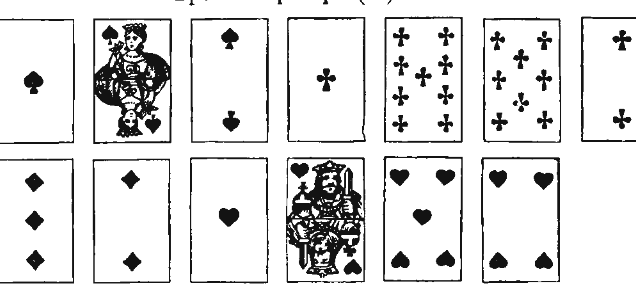
Первый партнеръ (*A*) имѣетъ:



Второй партнеръ (*X*) имѣетъ:



Третій партнеръ (*B*) имѣетъ:



Четвертый партнеръ (*Y*) имѣетъ остальныя.

Игра открытая; *A* назначилъ малый шлемъ въ бубнахъ. *Какъ слѣдуетъ играть, чтобы выиграть?*

Рѣшеніе задачи буквъ (Ходъ коня) № 19

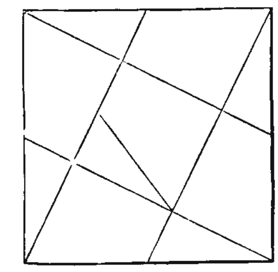
(помѣщ. въ № 10 „Нивы").

12 ъ	33 ж				31 т	6 з
3 д	40 н	11 л	32 ѣ	5 я	38 д	43 о
34 и	13 д	4 у	39 и	42 к	7 а	30 ѣ
	2 я	41 о	10 о	37 о	44 м	
	35 т	14 а	1 с	8 с	29 в	
		9 т	36 ь	45 у		
	17 д	24 к	15 и	28 с	21 ю	
		19 м	26 п	23 а		
18 у	25 ъ	16 о		20 а	27 а	22 к

1. Микадо.
2. Косуля.
3. Западъ.
4. Жито.
5. Дюма.
6. Ядъ.
7. Тѣнь.
8. Су.
9. Сѣно.
10. Утка.
11. Во.

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?
Кольцовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — М. Захарова, В. В. Бронштадтъ, Н. Панкова, А. и И. Казачковыхъ, М. В. Ильина, С. Шубина, А. А. Поспѣева, М. Косоварова, Ф. Михель, Новицкаго, Гринченко, Э. А. Мартиновскаго, Смоликовыхъ, И. Сытина, А. Юфимцева, **Москва**— X. Y. Z. **Бѣжецкъ**—С. П. Вейцъ, **Бобруйскъ**—Е. Мольской, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Винница**—С. Рабиновича, **Ефремовъ**—М. Рыжикова, **Кіевъ**—Л. Е. Шилохвастова, Н. Савкина, Л. Аринштейнъ, Я. Шефтель, А. Н. Шульженко, **Кагызманъ**— Грековой, **Кишиневъ**— Д. С. Савельева, **Керчь**— А. Томазини, **Минскъ**— Н. Сліозбергъ, А. Лебедевой, **Межирѣчье**— Л. Лесневской, **Маріуполь**— М. Н. Шапошникова, **Мышинское**— А. П. Поморцева, **Николаевъ**— К. Прокофьева, **Одесса**— П. Н. Стефани. **Саратовъ**— А. Григорьевой, **Таруса**— П. Е. Введенскаго, **Шавли**—К. Коваленко, **Шацкъ**—С. П. Вдовецъ, **Юрьевъ**— М. Пашкова.



Рѣшеніе геометрической задачи № 20 (помѣщенной въ № 11).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 1294 лицъ, а потому, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ не могутъ быть помѣщены.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ К. И. Фреландтъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 13 апрѣля 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XIX г. г. XIX
№ 17 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 апрѣля 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Н. П. Семеновъ.

Сенаторъ, тайный совѣтникъ, Николай Петровичъ Семеновъ принадлежитъ къ числу немногихъ дѣятельныхъ участниковъ въ освобожденіи крестьянъ въ Россіи и извѣстенъ въ нашей литературѣ рядомъ ученыхъ статей и стихотворными переводами польскаго поэта Мицкевича.

Отецъ его, Петръ Николаевичъ (изъ стараго дворянскаго рода Ряз. губ.), участникъ Бородинской битвы, уцѣлѣвшій въ числѣ двухъ не раненыхъ офицеровъ Измайловскаго полка, былъ взятъ послѣ Кульмскаго сраженія въ плѣнъ, гдѣ пробылъ два года и считался погибшимъ. Онъ родился въ 1791 г. 22 окт. и скончался 28 мая 1832 года. Дѣдъ Н. П., тоже Николай Петровичъ, совершалъ подъ начальствомъ Суворова его турецкіе походы.

Н. П. родился 22 апрѣля 1823 года, дѣтство провелъ въ деревнѣ, и рано потерявъ отца, остался съ сестрою Наталіей (въ замужествѣ за академикомъ Я. К. Гротомъ) и братомъ Петромъ на попеченіи матери и дядей, помѣстившихъ его въ Царскосельскій лицей, такъ какъ онъ былъ зачисленъ пажемъ, но вышелъ изъ лѣтъ для поступленія. Выпущенный оттуда 12 дек. 1842 года съ IX классомъ и вслѣдъ затѣмъ зачисленный на службу въ 1843 году въ м-во Юстиціи, Н. П. прослушалъ курсъ естественныхъ наукъ въ СПБ. университетѣ, а въ концѣ 1846 г. назначенъ въ Ярославль исправлять должность товарища предсѣдателя Уголовной Палаты, а потомъ губернскаго прокурора. 5 дек. 1849 г. пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера; въ январѣ 1850 г. переведенъ въ Вильно на должность губернскаго-же прокурора, а въ маѣ 1853 г. назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ Правительствующій Сенатъ, и затѣмъ съ іюля 1857 года, въ теченіе болѣе 11 лѣтъ, занималъ должность оберъ-прокурора. Въ февралѣ 1862 г. Н. П. былъ командированъ въ Тверь при генералъ-адъютантѣ Анненковѣ для производства слѣдствія о про-

Н. П. Семеновъ. Съ фотогр. Классена, грав. Шюблеръ.

тивузаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ. Нынѣ уже 20 лѣтъ (съ 21 авг. 1868 г.) онъ состоитъ сенаторомъ и въ послѣднее время присутствуетъ въ 1-мъ общемъ собраніи. Юридическая подготовка Н. П. въ лицеѣ и долгая служба въ провинціи, а потомъ въ Сенатѣ сдѣлали изъ него хорошаго и опытнаго юриста; любовь къ чтенію, знакомство съ извѣстнѣйшими представителями науки и литературы разносторонне развили его умъ, а поѣздки и командировки въ различные края Россіи и жизнь въ деревнѣ сдѣлали изъ него человѣка ясно и вѣрно понимающаго бытъ русскаго народа. Вотъ почему Я. И. Ростовцовъ, избранный императоромъ Александромъ II въ руководители великаго дѣла освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, пожелалъ имѣть Н. П. членомъ Редакціонныхъ Коммисій. Здѣсь Н. П., съ нѣкоторыми другими членами коммисій, трудился по составленію докладовъ, въ числѣ коихъ имъ былъ составленъ проектъ учрежденія мировыхъ посредниковъ, сослужившаго большую службу приведеніемъ реформы 1861 года въ дѣйствіе и къ сожалѣнію упраздненнаго рановременно. Въ то же время, по порученію ген.-ад. Ростовцова, Н. П. велъ дневникъ Коммисій, въ который записывалъ все, что происходило и говорилось въ засѣданіяхъ и что не вносилось въ печатные и оффиціальные журналы. Объ этомъ трудѣ Н. П. Ростовцовъ неоднократно докладывалъ Государю, и Его Величество, поощряя этотъ трудъ, выразилъ желаніе, чтобы Н. П. довелъ свои записки до конца; поэтому Н. П. продолжалъ ихъ и по смерти Ростовцова, при предсѣдателѣ Коммисій гр. В. Н. Панинѣ, до самаго закрытія Коммисій. Само собой разумѣется, что эти Записки, заключая въ себѣ почти стенографически переданныя рѣчи членовъ коммисій, должны имѣть значеніе не только, какъ неоцѣнимый матеріалъ для исторіи уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи, но и какъ характеристика дѣятелей этой великой реформы. Отрывки изъ этихъ записокъ были въ разное время печатаемы въ *Русск. Вѣстн.* и оцѣнены по достоинству въ отзывахъ *Моск. Вѣд.* (1885, № 256). Не состоя членомъ коммисій для начертанія проектовъ судебной реформы, Н. П. тѣмъ не менѣе принималъ въ ней оффиціальное участіе, давая заключенія, требовавшіяся отъ лицъ судебнаго вѣдомства, и сверхъ того составилъ проектъ о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, которымъ правительство руководилось при распредѣленіи судебныхъ округовъ. Свои взгляды на судъ, адвокатуру, земство и администрацію Н. П. прекрасно изложилъ въ своихъ статьяхъ: „Адвокатура въ гражданскомъ процессѣ" (*Русск. Вѣстн.* янв. 1859), и „Наши реформы" (тамъ-же, янв. 1884). Посвящая свои досуги занятіямъ ботаникой и изучивъ флору Виленской, Московской, Ярославской и Рязанской губерній, Н. П. собралъ большой гербарій, который вошелъ въ число источниковъ для составленія проф. Цингеромъ „Сборника свѣдѣній о флорѣ средней Россіи" (Москва 1886 г.) Въ 1876 г. въ своемъ чтеніи въ Обществѣ Садоводства: „О значеніи и задачахъ ботаническаго словаря, каталоговъ и прейскурантовъ", Н. П. возбудилъ вопросъ о необходимости создать русскую ботаническую номенклатуру, установивъ родовыя и видовыя названія растеній на русскомъ языкѣ, и задуманную задачу осуществилъ изданіемъ въ 1878 г. большаго труда: „Русская номенклатура наиболѣе извѣстныхъ въ нашей флорѣ и культурѣ и нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ растеній" (изд. Имп. Росс. Общ. Садов. СПБ. 1878). Въ чтеніяхъ своихъ въ 1881 г. онъ сообщилъ объ интересныхъ наблюденіяхъ въ своемъ имѣніи, въ южной части Рязанской губ., надъ выносливостью различныхъ видовъ деревъ и кустовъ, произрастающихъ на открытомъ воздухѣ (*Журн. Общ. Сад.*). Чтеніе Н. П. въ Обществѣ Садоводства по поводу появившейся на Южномъ Берегу Крыма филлоксеры и критическія замѣчанія на теорію Дарвина (*Вѣстн. Садов.*, 1878, № 3 и 1879, № 2) побудили связаннаго съ Н. П. узами дружбы Н. Я. Данилевскаго, нашего извѣстнаго изслѣдователя рыболовства, натуралиста и автора сочиненія „Россія и Европа", предпринять огромный трудъ — серіозную и глубокую критику ученія Дарвина и посвятить Н. П. свое сочиненіе: „Дарвинизмъ" (СПБ. 1885).

Въ бытность свою въ Вильнѣ губернскимъ прокуроромъ Н. П. изучилъ польскій языкъ и въ часы досуга занимался переводами изъ Мицкевича. Первые его поэтическіе опыты—переводъ „Крымскихъ сонетовъ" были напечатаны въ журналѣ *Заря* за 1869 г., тамъ же первыя 4 главы поэмы „Конрадъ Валленродъ", другіе въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, а въ 1885 г. имъ былъ напечатанъ сборникъ переводовъ изъ Мицкевича, удостоенный въ 1886 году Академіей Наукъ Пушкинской преміи за близкую, точную, поэтическую и художественную передачу подлинника.

Нынѣ Н. П. занятъ приготовленіемъ своего обширнаго труда по освобожденію крестьянъ и въ непродолжительномъ времени приступаетъ къ печатанію его.

Сверхъ указанныхъ выше трудовъ, имъ напечатаны еще: 1) Въ *Русск. Вѣстникѣ:* „Отвѣтъ на статью *Биржев. Вѣдомостей*: Нѣчто объ адвокатурѣ". 1875, марта 10, № 67. „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи и Пруссіи". 1862. № 8. „Еще о крестьянскомъ дѣлѣ" (отвѣтъ на статью г. Ржевскаго „Да или нѣтъ"). 1863. № 4. „Дѣятельность Я. И. Ростовцова въ редакціонныхъ коммисіяхъ по крестьянскому дѣлу". 1864. №№ 10—12. „Болѣзнь и кончина ген.-ад. Ростовцова". 1866. № 2. „Дѣятельность коммисіи по крестьянскому дѣлу въ общихъ присутствіяхъ". 1885. №№ 5, 6, 7 и 8. О трудѣ Н. Я. Данилевскаго: „Дарвинизмъ". 1886. № 12. 2) *Въ Русск. Архивѣ*: „Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу Я. И. Ростовцова". 1868. (1214 стр.). Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время (всеподд. Зап. Мин. Вн. Дѣлъ Ланскаго, 1859 г., авг.) 1869, стр. 1362. „Нелѣпые толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ" (записки именовавшаго себя Корибутъ-Дашкевичемъ) 1874. № 2. Рецензія сочиненія А. Скребицкаго: „Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II". 3) Отч. Акад. Наукъ, 14 т., о присужденіи наградъ гр. Уварова. 1872, и *Заря*. 1871. № 1 и т. д. **И. П.**

Старый Дожъ.

„Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходитъ Весперъ золотой,
Старый Дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ Догарессой молодой...." *)

Занимаетъ Догарессу
Умной рѣчью Дожъ сѣдой...
Слово каждое по вѣсу—
Что червонецъ дорогой...

Тѣшитъ онъ ее картиной,
Какъ Венеція, тишкомъ,
Весь, какъ тонкой паутиной,
Міръ опутала кругомъ:

„Кто сказалъ-бы въ дни Атиллы,
Чтобъ изъ хижинъ рыбарей
Всплылъ на отмели унылой
Этотъ чудный перлъ морей!

„Чтобъ укрывшійся въ лагунѣ,
Левъ святаго Марка сталъ
Выше всѣхъ владыкъ—и втунѣ
Ревъ его не пропадалъ!

„Чтобъ его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султанъ, и короли?

„Подалъ знакъ—гремятъ перуны,
Всюду смута настаетъ,
А къ нему—въ его лагуны—
Только золото плыветъ!.."

Кончилъ онъ—полусмѣяся—
Ждетъ улыбки—но—глядитъ—
На плечо его склоняся,
Догаресса—мирно спитъ!..

„Все дитя еще!" съ укоромъ
Полнымъ ласки молвилъ онъ—
Только слышитъ—вскипулъ взоромъ—
Чье-то пѣнье... цитры звонъ...

И все ближе это пѣнье
Къ нимъ несется надъ водой,
Разсыпаясь въ отдаленьѣ
Въ голубой просторъ морской....

Дожу вспомнилось былое....
Море зыбилось едва....
Тотъ-же Весперъ.... „Что такое?
Что за глупыя слова!"—

Вздрогнулъ онъ, какъ отъ укола
Прямо въ сердце... Глядь: плыветъ,

*) Эти четыре строчки найдены въ бумагахъ Пушкина, какъ начало чего-то. Да проститъ мнѣ тѣнь великаго поэта попытку угадать: что же дальше было?...

Обгоняя ихъ, гондола,
Кто-то въ маскѣ тамъ поетъ:

„Съ старымъ Дожемъ плыть въ гондолѣ....
Быть—его и—не любить....
И къ другому, въ злой неволѣ,
Тайный помыслъ стремить....

„Тотъ *другой*—о, Догаресса!...
Самый адъ не сладитъ съ нимъ!
Онъ безумецъ, онъ повѣса,—
Но онъ—любитъ и—любимъ!...“

Дожъ рванулъ усы сѣдые....
Мысль за мыслью, цѣлый адъ,
Словно молній стрѣлы злыя,
Душу мрачную браздятъ....

А она—такъ ровно дышетъ,
На плечѣ его лежитъ...
„Что же?.. Слышитъ иль не слышитъ?
Спитъ она—или не спитъ?!..“

1883. **А. Майковъ.**

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XXVIII.

Іюнь мѣсяцъ прошелъ совершенно спокойно. Петръ жилъ почти безвыѣздно въ Преображенскомъ; Софія никуда не выѣзжала изъ Москвы и готовилась къ торжественной встрѣчѣ побѣдителей, которые должны были вернуться въ Бѣлокаменную въ началѣ осени. Но въ самый день праздества чудотворной иконы Казанской Божіей Матери (8 іюля), между Петромъ и Софіей произошло первое столкновеніе, ясно указывавшее на близость и возможность полнаго разрыва. Передъ самымъ началомъ крестнаго хода, когда все царское семейство собралось въ Успенскій соборъ, Петръ вдругъ потребовалъ, чтобы Софія не шествовала въ крестномъ ходѣ вмѣстѣ съ царями (какъ это бывало въ послѣдніе годы): по издавна-установившемуся въ Москвѣ дворскому обычаю, царицы и царевны не могли принимать участіе въ торжественныхъ выходахъ и показываться въ народѣ. Софія рѣзко отвѣтила на требованіе Петра, взяла въ руки икону „О Тебѣ радуется“, и вмѣстѣ съ братомъ Іоанномъ Алексѣевичемъ пошла за крестами. Петръ разгнѣвался, не захотѣлъ участвовать въ крестномъ ходѣ, и тотчасъ уѣхалъ изъ дворца за-городъ.

Но эта первая вспышка давно-тлѣвшей вражды, возбудившая на другой день тревожные толки на „площадкѣ“, повидимому, не имѣла никакихъ послѣдствій. Все какъ-будто вошло въ прежнюю колею... Толковали только, что Петръ, въ своемъ кружкѣ, громко порицаетъ дѣйствія князя Василія, какъ полководца, и не соглашается на тѣ щедрыя награды, которыя назначены Софіею ея любимцу и его товарищамъ-воеводамъ. Но и объ этомъ вскорѣ замолчали, потому что, въ одинъ изъ пріѣздовъ Петра въ Москву изъ Преображенскаго, Софіи удалось уговорить, упросить брата, чтобы онъ согласился на обнародованіе этихъ наградъ и подписалъ грамоту, въ которой превозносились подвиги Оберегателя и подручныхъ его воеводъ. Почти никто не обратилъ вниманія на эти первые шаги Петра; большинство относилось къ нимъ, какъ къ капризамъ ребенка. „Блажитъ Преображенскій баловень“, „ломается надъ сестрицей“—говорили на „площадкѣ“.

Но въ воздухѣ уже носилось что-то недоброе, зловѣщее... Всѣ обратили вниманіе на то, что Петръ сталъ наѣзжать въ Москву не иначе, какъ съ весьма многочисленною свитою изъ „потѣшныхъ“; обратили вниманіе и на то, что каждый разъ, когда Петръ долженъ былъ прибыть въ Москву, въ Кремлѣ усиливались караулы, а около Краснаго крыльца ставили въ одномъ изъ помѣщеній нижняго дворцоваго жилья человѣкъ 50 стрѣльцовъ съ ружьемъ. Одинъ изъ этихъ стрѣльцовъ проговорился даже, будто-бы Ѳедоръ Леонтьевичъ сказалъ имъ какъ-то: „смотрите, братцы, не зѣвай! Слушай вѣстоваго набатца, гдѣ часы стоятъ, и какъ услышите колоколецъ — сейчасъ идите въ Верхъ, и кого вамъ укажутъ брать — берите, чтобы надъ государыней какой хитрости не учинилось.“ Правду-ли говорилъ этотъ нескромный стрѣлецъ, или взводилъ на Шакловитаго небывальщину — этого никто не брался рѣшить; но замѣтили, однако-жь, что Шакловитый ободрился и поднялъ голову, и что даже возвращеніе Василія Голицына, повидимому, не измѣнило того прочнаго положенія, которое онъ занялъ при дворѣ Софіи въ послѣднее время. Но Петръ пріѣзжалъ и уѣзжалъ, предосторожности по поводу этихъ пріѣздовъ принимались и отмѣнялись,— и все же не происходило ничего такого, что̀ бы могло служить предвѣстіемъ близкой, надвигающейся бури.

27 іюля, Оберегатель и его ближніе товарищи-воеводы, принимавшіе участіе во второмъ Крымскомъ походѣ, поѣхали въ Преображенское благодарить царя Петра Алексѣевича за дарованныя имъ царскія милости. Но не прошло и трехъ часовъ, какъ блестящій поѣздъ вернулся обратно въ Москву. Петръ не только не принялъ князя Василія и его товарищей, но еще выслалъ къ нимъ боярина — сказать, что онъ „видѣть ихъ не желаетъ“. На другой день опять гудѣла „площадка“ разными недобрыми вѣстями.

— Поѣхалъ орломъ, вернулся мокрой курицей! говорили, пересмѣиваясь между собою, площадные завсегдатаи, намекая на вчерашнюю поѣздку Оберегателя въ Преображенское.

— Ну, это пожалуй что и не сойдетъ даромъ съ рукъ царю Петру Алексѣевичу? добавляли шепотомъ другіе.— Ино бы и простила сестрица, а тутъ ужь гдѣ до сердца дошло — не спуститъ!

— Да что̀ она подѣлаетъ? Вѣдь онъ теперь на возрастѣ! Что̀ хоти́тъ, то и вороти́тъ!

— Полно, такъ-ли, Семенъ Ивановичъ? таинственно добавляли другіе,—царевнина рука все еще посильнѣе будетъ... Ты слышалъ-ли, что сегодня по-утру за всенощной было въ Новодѣвичьемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! отзывались голоса той кучки, въ которой происходила бесѣда; и всѣ головы вытягивались впередъ, наклоняясь къ говорившему, чтобы не проронить ни одного слова.

— А вотъ что̀ было за всенощной, братцы! Царевна, собравъ стрѣльцовъ на паперти, имъ на царицу Наталью Кириловну жалобилась. „Мнѣ съ братомъ Иваномъ, говоритъ, житья отъ нея нѣтъ. Опять, говоритъ, на насъ брата Петра натравляетъ. Такъ вы, молъ, скажите: годны-ли мы вамъ? А коли не годны, мы, говоритъ, въ другихъ государствахъ себѣ пріюта поищемъ“.

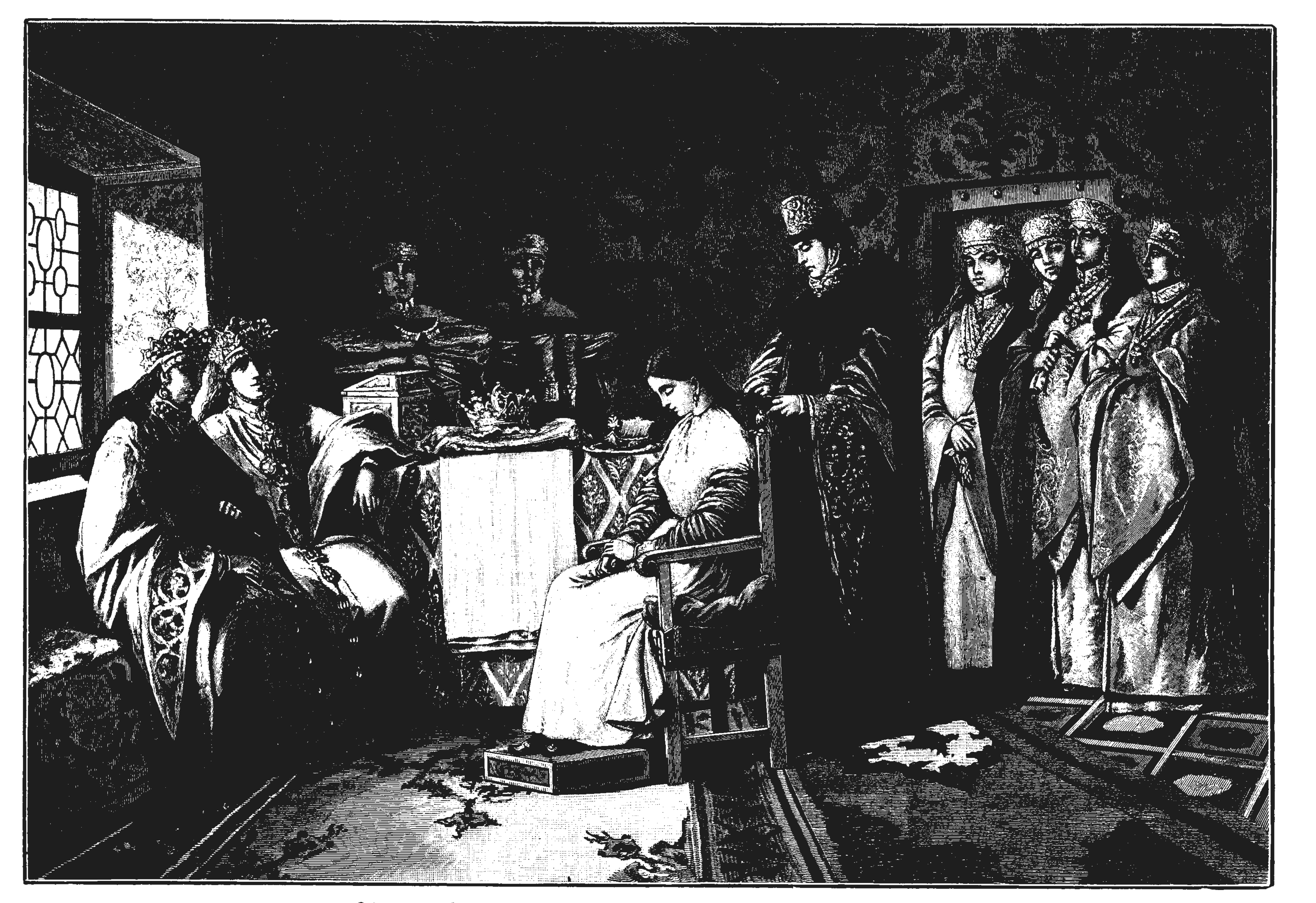
— Ну, ну? А они что̀?

— Тѣ говорятъ ей: „воля твоя! Мы тебѣ служить готовы“. А она-то имъ и говоритъ: „ждите повѣстки“. Разумѣете-ли, братцы, куда дѣло пошло?

— Коли правда, такъ не ладно это дѣло! отозвалось нѣсколько голосовъ.

Въ то же время, въ другой группѣ, одинъ изъ молодыхъ стольниковъ горячился ужасно, передавая пріятелямъ другой странный слухъ:

Сельскіе богоносцы на Св. Недѣлѣ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **А. Муратова**, грав. Флюгель.



Сборы невѣсты къ вѣнцу. Съ карт. барона **М. П. Клодта**, грав. Г. Флюгель.

— Ужь надо-же и правду сказать! говорилъ онъ громко и, видимо, не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ услышать. — Чтò грѣха таить! Хороши и Нарышкины! Вѣдь прямо сами на ножъ лѣзутъ! Слыхали-ль вы, чтò хоть бы тотъ-же Левъ Кириличъ придумалъ на досугѣ?

Окружающіе молча насторожили уши.

— А вотъ чтò: соберетъ человѣкъ двадцать потѣшныхъ, да изъ боярскихъ дѣтей кое-кого съ собой прихватитъ и ѣздитъ по стрѣлецкимъ карауламъ. Подзоветъ къ себѣ караульнаго стрѣльца да и велитъ его плетьми драть; а не то и самъ его колотитъ, увѣчитъ, приговариваетъ: „бейте де гораздо! не то еще имъ будетъ — заплачу де за смерть братьевъ своихъ!“

— Ну, братъ, отзывались на это голоса тѣхъ кто постарше, — ври да мѣру знай!

— Нечего тутъ врать! горячился разсказчикъ. — Вѣдь тѣ стрѣльцы-то изувѣченные да избитые въ Стрѣлецкій Приказъ прихаживали съ просьбами. Имъ Ѳедоръ Леонтьичъ изъ Дворцовой аптеки и лѣкарства выдавать приказывалъ!..

— Пустое! Быть того не можетъ! Нарышкины въ Москву и носу не показываютъ!.. Видно, тутъ шашни чьи-нибудь! кричали разсказчику со всѣхъ сторонъ, и онъ уже собирался было отвѣчать возражателямъ крупною руганью, какъ вдругъ вниманіе всей площадки было привлечено порядочною толпою народа, которая шла по Ивановской площади къ воротамъ Дворцоваго двора. У воротъ толпа остановилась и отъ нея отдѣлилась небольшая кучка людей, во главѣ которой шелъ весь причетъ Казанскаго собора и стрѣлецкій пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ съ нѣсколькими стрѣльцами. Ларіонъ бережно несъ въ рукахъ какое-то письмо и тетрадь, четко исписанную полууставнымъ почеркомъ.

— Чтò такое? Чтó? Откуда? Какое письмо? Какая тетрадь? зажужжали площадные, окружая вошедшихъ во дворъ поповъ и стрѣльцовъ, которые молча остановились у Краснаго крыльца и черезъ придворную служню послали сказать въ Верху, что просятъ выйти къ нимъ ближняго окольничаго Шакловитаго и должны сообщить ему нѣчто важное.

Черезъ нѣсколько времени Шакловитый потребовалъ къ себѣ во Дворецъ Ларіона Елизарьева и причетъ Казанскаго собора. Дневальные жильцы проводили ихъ, мимо площадки, боковымъ крыльцомъ за преграду. Хотя ни Ларіонъ Елизарьевъ, ни попы и дьяки Казанскаго собора никому во дворѣ государевомъ не сказали ни слова, но, немного спустя, на площадкѣ уже перешептывались въ разныхъ углахъ, что „на Лубянкѣ объявилось подметное письмо“, что въ томъ письмѣ указано было заглянуть въ Казанскій соборъ за икону въ правомъ придѣлѣ; и заглянули — и нашли тетрадь, а въ той тетради „про царевну всякія непристойныя и чести ея зазорныя слова написаны“ и указано народу, что слѣдуетъ перебить всѣхъ бояръ, приближенныхъ царевнѣ, начиная съ князя Василія Васильевича Голицына.

— Ну, братцы! зашептали въ разныхъ углахъ площадки, — плохо дѣло! Чай не забыли еще, что какъ нужно было князьямъ Хованскимъ головы снять, тоже подметныя письма на Верху объявились?.. Вотъ и теперь тоже какъ будто Хованщиной запахло... Подметное письмо — Шакловитаго дѣло... Кому же теперь-то отъ его безъ головы быть?

Но всевѣдущая площадка на этотъ разъ ошибалась... На Верху, за преградой, шелъ разговоръ другаго рода. Шакловитый, озадаченный и недоумѣвающій, разспрашивалъ преданнѣйшаго изъ своихъ пріятелей, пятисотнаго Елизарьева, о томъ, какъ онъ нашелъ письмо, и тотъ подробно пояснялъ ему, что онъ то письмо нашелъ на Лубянкѣ, чуть только вышелъ изъ своего дома.

— Поднялъ его, прочелъ, да тотчасъ стрѣльцовъ съ собою человѣкъ десять прихватилъ; говорю: такъ и такъ, идемъ въ соборъ, при попахъ соборныхъ посмотримъ — нѣтъ-ли тутъ какой бѣды? Пришли къ попамъ, и говоримъ...

— Перепугали насъ на смерть, батюшка Ѳедоръ Леонтьевичъ! вступился соборный протопопъ; — показали намъ письмо — а мы такъ и онѣмѣли, другъ на дружку смотримъ и даже *языкъ прильпе къ гортани...*

Подробно допросивъ причетъ и приказавъ подьячимъ записать „сказки“ поповъ и Ларіона Елизарьева, Шакловитый понесъ подметное письмо и тетрадь въ комнату царевны, которая нетерпѣливо ожидала его возвращенія, совѣщаясь о чемъ-то съ княземъ Василіемъ.

Шакловитый вошелъ — и уже по выраженію его лица, по сумрачному блеску его глазъ, царевна и ея любимецъ поняли, что случилось нѣчто важное. Въ нѣсколькихъ словахъ, волнуясь и спѣша, Ѳедоръ Леонтьевичъ объяснилъ главную суть дѣла и добавилъ:

— Государыня-царевна, дерзости враговъ твоихъ нѣсть предѣловъ! Давно бы пора имъ печать на уста положить!

Царевна, между тѣмъ, пробѣгала глазами тетрадку, найденную за иконой, и то блѣднѣла, то краснѣла, то хмурила брови. Наконецъ, она ее положила на столъ и, тяжело дыша отъ волненія, не могла нѣсколько минутъ произнести ни одного слова.

— Злодѣи! прошептала она наконецъ, — они теперь ужь меня и со свѣту сжить хотятъ!..

Водворилось полное молчаніе. Князь Василій взялъ въ руки письмо и тетрадку и, просмотрѣвъ ихъ, сказалъ какъ бы про себя:

— Письмо писано знакомою рукою...

— Какъ? Ты знаешь, кто писалъ письмо! спросила царевна съ удивленіемъ.

— Не знаю, кто писалъ, великая государыня, спокойно отвѣчалъ Оберегатель, — но знаю, что этотъ почеркъ я видалъ не разъ...

— Но чтò-же дѣлать теперь? спросила царевна. — Враги умышляютъ на мою жизнь, на твою жизнь, — я не могу быть спокойною даже и въ Кремлѣ.

— Государыня, сказалъ князь Василій, — кругомъ тебя вѣрные слуги...

— Но ты видишь, что и на моихъ вѣрныхъ слугъ умышляютъ злодѣи, что и на нихъ поднимаютъ народъ!

— Народъ не вѣдаетъ о томъ подметномъ письмѣ, государыня.

Шакловитый, все время мрачно-молчавшій, не вытерпѣлъ и вступилъ въ рѣчь.

— Хотя и не вѣдаетъ — найдутся люди, растолкуютъ. По-моему, пора до злодѣевъ добраться!

Оберегатель взглянулъ на него и готовился рѣзко отвѣчать ему, когда Софья вдругъ отозвалась на слова Шакловитаго:

— Да, я сама такъ думаю! Нечего медлить! Добромъ съ ними не поладишь!

— Великая государыня, но кого же ты хочешь покарать? Кому грозишь ты?

— Какъ кому!? громко воскликнула Софья, вскакивая со своего мѣста и сверкая пламенными очами. — Ты-ли меня объ этомъ спрашиваешь, князь Василій Васильевичъ! *Кому грозить? Кого карать?* Вѣстимо кого—Нарышкиныхъ да Бориску-треклятаго! Онъ всему злу заводчикъ! Да и все это Преображенское гнѣздо — вотъ оно гдѣ у меня сидитъ!

И Софья показала на горло, задыхаясь отъ злобы.

— Невозможное и нестаточное это дѣло, великая государыня! продолжалъ князь Василій, стараясь сохранить спокойствіе и достоинство рѣчи и не обращая вниманія на Шакловитаго, который пожималъ плечами и презрительно улыбался. — Ни Нарышкины, ни князь

Борисъ — не объявились противъ тебя ни въ какой измѣнѣ... Да при томъ же вѣдь и царица Наталья Кириловна теперь уже не выдастъ братьевъ, какъ прежде...

— Не выдастъ! Такъ и ее припять! гнѣвно воскликнулъ Шакловитый, перебивая Оберегателя.

Князь Василій вдругъ выпрямился во весь ростъ — и, насупивъ брови, смѣрялъ Шакловитаго съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ.

— Благовѣрная государыня, произнесъ онъ величаво, — прикажи замолчать твоему черезчуръ-ретивому слугѣ. Въ этихъ стѣнахъ не гоже намъ ни вести, ни слушать его рѣчи... Въ былое время, при блаженной памяти царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, окольничіе не дерзали при боярахъ и рта открыть — а у тебя, государыня, видно иной введенъ обычай?

— Князь Василій Васильевичъ, недовольнымъ тономъ отозвалась Софія, раздосадованная хладнокровіемъ своего любимца, — окольничій Шакловитый быть-можетъ и не въ пору слово молвилъ да отъ души, и я на него не сѣтую. Вѣдь ты все говоришь отъ разума... а тутъ ужь не до разума! Тутъ надо намъ за мечъ браться...

— Благовѣрная государыня, горячо возразилъ ей князь Василій, — припомни слова Писанія: *извлекшіе ножъ — ножемъ и погибнутъ*. Не хватайся первая за мечъ! Еслибы тебѣ грозила неминучая бѣда и надо было-бы точно защищать тебя, я первый бы взялся за мечъ и пошелъ-бы на смерть... Но вѣдь тутъ только подметное письмо, да клеветы, да надругательства, да шипѣніе зависти... Какъ ты отъ нихъ мечемъ-то отобьешься? Кто можетъ ущитить насъ отъ клеветы! Вѣдь ты же слышала, и обо мнѣ кричатъ, что я подкупленъ ханомъ, что отступилъ отъ Перекопи взявши золото татарское!.. Мой совѣтъ: презри, пренебреги этимъ письмомъ и этою тетрадью. Надо, чтобы и слухъ о нихъ заглохъ...

— Государыня-царевна, заговорилъ Шакловитый, задыхаясь отъ злобы, — руби мнѣ голову да дозволь слово молвить! Такой совѣтъ нашимъ лютымъ вòрогамъ на руку! Они, поди, уже готовятся!.. Они, не сегодня-завтра сюда пожалуютъ съ озорниками потѣшными, и всѣхъ насъ переберутъ руками... А мы такъ будемъ сидѣть, сложа руки — шею имъ подъ топоръ подставлять! Только прикажи, государыня—и пока еще есть время, мы съ двадцатью стрѣлецкими полками нагрянемъ на Преображенское...

Не вытерпѣлъ и князь Василій, и забывая достоинство свое и честь боярскаго сана, перебилъ Шакловитаго, обращаясь къ Софіи:

— Государыня, коли ты такъ позволяешь говорить ему, то я скажу тебѣ въ глаза всю правду... какъ по душѣ! Подметное письмо подкинуто „преображенскими сосѣдями" и съ тетрадью дѣло ими-же подстроено. Они вотъ на такихъ безумныхъ, безголовыхъ людей надѣются, какъ дьякъ Шакловитый! Они только и хотятъ того, чтобы *ты начала*,—имъ нужно чтобы вы подняли стрѣльцовъ!.. А чтò *онъ* съ двадцатью полками сдѣлаетъ противъ земской силы? Изволишь помнить, государыня, какъ ты изъ Сергіевой обители тогда стрѣльцовъ пугнула и смирила?.. Насъ ловятъ на мякину „преображенскіе пріятели" — и я имъ не поддамся... Я буду ждать! Но такъ какъ тебѣ, благовѣрная государыня, угодно слушать совѣтовъ Шакловитаго, то мнѣ здѣсь не мѣсто быть. Я удалюсь, и буду ждать, когда тебѣ угодно будетъ выслушать меня спокойно и разумно.

XXIX.

Пріѣхавъ домой, князь Василій Васильевичъ засталъ у себя дьяка Украинцева, который уже давно ожидалъ его, и, послѣ разныхъ обиняковъ и намековъ, высказалъ ему, что у него есть тайное дѣло, о которомъ и переговорить слѣдовало бы втайнѣ и немедля.

Князя Василія не удивили довольно прозрачные намеки Емельяна Игнатьевича—онъ давно зналъ о двойной игрѣ, которую такъ ловко ведетъ этотъ умный дѣлецъ; но онъ не прочь былъ услышать: чтó можетъ сообщить ему Украинцевъ.

Когда они вошли въ Шатровую палату и дверь въ сѣни была плотно притворена, князь Василій опустился въ свое кресло и, вопросительно взглянувъ въ лицо думнаго дьяка, произнесъ:

— Чтò скажешь, Емельянъ Игнатьевичъ?

Украинцевъ откашлялся въ руку, оглянулся направо и налѣво, полѣзъ за пазуху и, на цыпочкахъ подойдя къ столу, подалъ князю Василію какое-то письмо.

— Отъ кого это? тревожно спросилъ князь Василій.

— Изволь вскрыть и прочесть—и буде не любо, не прогнѣвайся на меня.

Князь Василій вскрылъ письмо и, бросивъ на него бѣглый взглядъ, понялъ, отъ кого оно было прислано.. Князь Борисъ писалъ ему, что имъ пора забыть вражду, что слѣдуетъ опять сойтись, что онъ—вѣрный слуга царевны Софіи Алексѣевны—вѣроятно будетъ такъ же точно служить и царю Петру, когда вся власть перейдетъ въ его руки и не будетъ стоять за измѣнниковъ, злоумышляющихъ „на государское здоровье". Словомъ, это было формальное предложеніе перейти на сторону Петра и покинуть царевну *пока еще есть время*.

Князь Василій прочелъ письмо, положилъ его на столъ и глубоко задумался. Въ первую минуту онъ не зналъ, какъ отнестись къ этому письму—съ негодованіемъ, съ удивленіемъ-ли или съ насмѣшкой.

Украинцевъ не спускалъ съ него глазъ и выжидалъ терпѣливо.

— Емельянъ Игнатьевичъ, сказалъ наконецъ Оберегатель,—я давно знаю о твоихъ сношеніяхъ съ княземъ Борисомъ...

Украинцевъ заморгалъ глазами и собралъ бороду въ горсть.

— Давно знаю, что ты двумъ господамъ служишь... И должно-быть теперь точно ужь „преображенскіе пріятели" верхъ берутъ, что ты дерзаешь ко мнѣ съ ихъ стороны подступы вести...

Украинцевъ все слушалъ молча, не измѣнивъ положенія.

— Такъ ты вотъ чтò скажи отъ меня князю Борису, какъ его увидишь: измѣнникомъ великимъ государямъ я не былъ, и не буду; въ крамолу никакую не войду и не дерзну руки поднять на царя Петра Алексѣевича, чтò-бы ни замышляла царевна со своимъ Шакловитымъ; но и царевны я не покину и останусь при ней до конца, пока буду ей нуженъ.

Украинцевъ наклонилъ голову и развелъ руками въ стороны. Но затѣмъ, собравшись съ духомъ, оперся руками на столъ, взглянулъ князю Василію въ глаза и заговорилъ вполголоса, въ величайшемъ волненіи:

— Батюшка князь Василій Васильевичъ, передамъ я твой отвѣтъ, только ужь пусть онъ будетъ не послѣдній... Царевна нашими головами играетъ—не знаетъ она, каковъ братецъ-то ея, великій государь Петръ Алексѣевичъ! Недалекъ тотъ день, какъ онъ на всю Русь кличъ кликнетъ и въ рукахъ своихъ соберетъ всю власть... Куда она тогда со своими стрѣльцами дѣнется! Да вѣдь онъ ее, какъ вихремъ сметётъ—и сметётъ, не помилуетъ... Гдѣ онъ вину найдетъ, тамъ нѣтъ у него милости, даромъ что онъ еще молодъ и не оперился. А сметётъ онъ ее,—куда же мы-то, слуги ея, дѣнемся? Куда голову приклонимъ?..

И Украинцевъ смолкъ, покачивая головою и вопросительно вперяя взоръ въ лицо князя Василія. Молчалъ и князь Василій.

— Да изволишь-ли ты знать, князь-батюшка, чтò злодѣй-то ея, Ѳедька-то Шакловитый, въ послѣдніе

дни затѣялъ? Онъ, видишь-ли, поднималъ-поднималъ стрѣльцовъ—видитъ, что съ ними ничего не подѣлаешь, что дураковъ-то между ними теперь мало осталось, вотъ онъ и задумалъ инымъ путемъ ихъ противъ Нарышкиныхъ подбить. Матюшку Шошина—подьячаго, изволишь знать? Такъ вотъ этого самаго Матюшку бояриномъ нарядитъ, да съ шайкой своихъ головорѣзовъ и подсылаетъ бить стрѣльцовъ по карауламъ: будто бы ихъ Левъ Кириличъ бьетъ! А которыхъ Матюшка изувѣчитъ, тѣхъ Ѳедька сожалѣетъ, велитъ лѣчить на счетъ царевны и всѣмъ имъ говоритъ: „погодите, еще то-ли будетъ! Дождетесь, что и васъ станутъ за ноги съ площади таскать, какъ вы бояръ таскали!...“ Такъ вотъ онъ каковъ—разбойникъ сущій! И ему-то царевна довѣряетъ, съ нимъ затѣваетъ на Петра идти!!. Ну, гдѣ-жъ имъ!..

Князь Василій все это выслушалъ, и, поднявшись съ мѣста, сказалъ:

— Я къ этимъ злодѣйствамъ не причастенъ. Ни въ чьей крови не замараю рукъ; но я сказалъ тебѣ, Емельянъ Игнатьевичъ, что царевны не покину и двоить душой не согласенъ. Когда ея не будетъ, я стану вѣрою и правдою служить царю Петру; но при царевнѣ останусь до конца.

Емельянъ Игнатьевичъ взялъ со стола письмо князя Бориса, спряталъ его за пазуху и, молча поклонившись князю Василію, вышелъ изъ Шатровой палаты.

Послѣ размолвки князя Василія съ царевной Софьей, князь не являлся къ ней въ комнату передъ боярскими сидѣньями, хотя и каждый день, попрежнему, бывалъ во дворцѣ и въ Приказахъ. Онъ ждалъ, что царевна позоветъ его, попроситъ его совѣта, пожелаетъ съ нимъ примириться, оттолкнетъ отъ себя Шакловитаго... Тогда, по мнѣнію князя Василія, еще могъ наступить такой моментъ, когда можно было-бы, болѣе или менѣе удачно, уладить отношенія къ Петру и оградить царевну отъ грозныхъ случайностей... Но царевна гнѣвалась на князя, чувствовала себя обиженною, какъ женщина, которую любимый человѣкъ покинулъ тогда именно, когда долженъ былъ выказать ей всю свою преданность—и она, на зло князю Василію, поощряла Шакловитаго въ его дикихъ и смѣшныхъ затѣяхъ и готова была, съ нимъ вмѣстѣ, на всѣ крайности. Ослѣпленная досадою на любимаго человѣка, она забывала о своемъ положеніи правительницы и о томъ, что она дѣйствительно играла своею головою и головами своихъ приверженцевъ.

Благодаря этому, Шакловитый вдругъ быстро выдвинулся на первый планъ и захватилъ въ свои руки всѣ нити... И онъ торжествовалъ—онъ наслаждался властью, которая досталась ему послѣ стольких щелчковъ судьбы и стольких обманутыхъ ожиданій. „Калифъ на часъ“, онъ воображалъ себѣ, что съумѣетъ упрочить эту власть за собою, съумѣетъ справиться со всѣми врагами царевны, съумѣетъ доказать ей не только преданность свою, но и умѣлость... И въ то же время дѣлалъ ошибки за ошибками, глупости за глупостями—оскорблялъ самолюбія, раздражалъ понапрасну опасныхъ противниковъ, поощрялъ своихъ буйныхъ пособниковъ, стращалъ и грозилъ, хваталъ и сажалъ въ тюрьму совершенно-невинныхъ людей и не замѣчалъ около себя измѣны, которая зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ. Шакловитый, по какому-то странному ослѣпленію, все еще воображалъ себѣ, что ему удастся поднять стрѣльцовъ и всею силою ихъ ударить на Преображенское; онъ все еще думалъ, что *онъ*, а не кто либо другой, *именно онъ* и есть тотъ избранникъ, который призванъ разсѣчь Гордіевъ узелъ, затянутый судьбою надъ Московскимъ государствомъ, и даже умной Софьѣ внушилъ довѣріе къ своимъ фантастическимъ замысламъ. И вотъ, на Верху у себя, на площадкѣ у церкви Ризъ Положенія, царевна Софія каждый день стала собирать стрѣлецкихъ начальныхъ людей и выборныхъ отъ стрѣлецкихъ сотенъ, говорила имъ пламенныя рѣчи, умоляла защитить ее съ братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ отъ царя Петра и Нарышкиныхъ, которые и „царскій вѣнецъ изломали“ и „комнату царя Ивана забросали полѣньями“. Бесѣды со стрѣльцами и рѣчи царевны заканчивались крестнымъ цѣлованьемъ, которымъ пріятели Шакловитаго подтверждали царевнѣ свою преданность, а затѣмъ Степанъ Евдокимовъ выносилъ кульки съ деньгами и щедро одѣлялъ ими стрѣльцовъ отъ имени царевны. И кромѣ этихъ бесѣдъ и рѣчей, ни Софья, ни Шакловитый ничего не предпринимали... Слова оставались словами и не переходили въ дѣла...

Между „площадными“ придворными и по всей Москвѣ ходили какіе-то странные, невѣроятные слухи: одни увѣряли, что царь Петръ долженъ не сегодня завтра нагрянуть на Москву со своими потѣшными, захватить всѣхъ пріятелей и пособниковъ Софьи, а ее заперетъ въ монастырь. Другіе утверждали за вѣрное, что царевна Софья сама готовится выступить изъ Москвы со стрѣльцами и постращать Нарышкиныхъ. Шли толки о томъ, что надо ждать великой смуты, и всѣхъ особенно пугало то равнодушіе, съ какимъ князь Василій относится къ безразсуднымъ выходкамъ Софьи и Шакловитаго.

— Хитрая лиса, говорили одни,—знамо, что всѣмъ руководитъ, а самъ прикидывается, будто и не его дѣло!

— Заварилъ кашу, да увильнутъ въ сторону хочетъ! говорили другіе. — Каково-то ее расхлебывать придется!

Наконецъ, 7 августа, по возвращеніи домой изъ дворца, князь Василій узналъ, что сегодня къ вечеру приказано собраться въ Кремль стрѣльцамъ по сотнѣ отъ каждаго полка да на Лубянкѣ приготовить 300 человѣкъ — въ запасъ и подмогу... Онъ понялъ, что Шакловитый и Софья рѣшились дѣйствовать... Тогда и князь Василій рѣшился сказать свое послѣднее слово.

Послѣ вечеренъ, онъ явился на Верхъ къ государынѣ-царевнѣ и долго бесѣдовалъ съ нею наединѣ — и ни одни, самыя чуткія придворныя уши не могли подслушать и разсказать въ чемъ состояла эта послѣдняя бесѣда князя Василія съ царевной Софьей... Извѣстно только, что поздно вечеромъ князь Голицынъ сошелъ съ Верха, печальный, растерянный, блѣдный. Подозвавъ къ себѣ полковника Нормацкаго, который былъ въ тотъ день съ полкомъ на стѣнномъ караулѣ, князь передалъ ему приказаніе царевны, — всѣ ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ запирать, какъ пробьетъ первый часъ ночи, а отпирать за часъ до свѣта. Когда онъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ себѣ на Большой дворъ, то замѣтилъ, что въ Кремлѣ всѣ дворы были биткомъ набиты стрѣльцами. На выѣздѣ изъ Кремля, онъ опять столкнулся на дорогѣ съ многочисленнымъ стрѣлецкимъ отрядомъ, который, держа ружья на плечѣ, направлялся къ Никольскимъ воротамъ.

Вернувшись домой, князь Василій пришелъ къ себѣ въ моленную палату—и въ совершенномъ изнеможеніи опустился на лавку около стѣны... Строго и сурово смотрѣли на него изъ угловаго кіота лики Спасителя и Угодниковъ Божіихъ, словно негодуя на ту слабость духа, которую онъ выказывалъ въ эту рѣшительную минуту; но онъ не чувствовалъ въ себѣ силъ, не чувствовалъ рѣшимости, не чувствовалъ за собою той правоты, которая могла бы поднять его духъ и побудить его къ дѣйствію. Онъ могъ только сказать себѣ: „не далѣе! довольно!“ — и съ тупою покорностью ожидать ударовъ судьбы, какъ возмездія за свои заблужденія...

(Продолженіе будетъ).

Прачка. Съ карт. Э. Блааса, грав. Кантагалли.

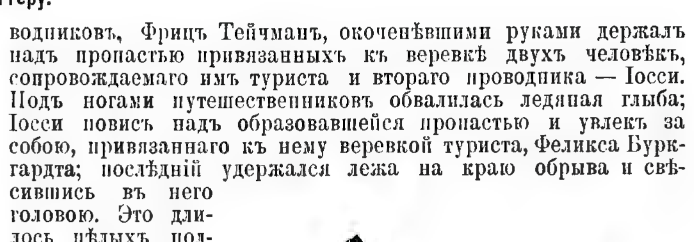
Альпійскія прогулки.

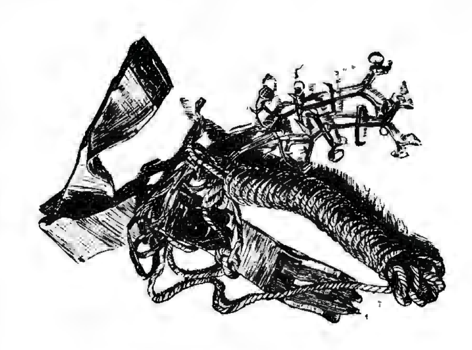
По Феттеру.

Перенесемся въ одинъ изъ уголковъ, затерявшихся среди Альпійскихъ горныхъ вершинъ. Передъ нами гордо высится могучая скалистая стѣна Эйгера; вправо отъ нея Юнгфрау купаетъ въ ясномъ утреннемъ небѣ свою серебристую главу. Влѣво мрачный Шрекгорнъ, съ двумя бѣлоснѣжными остроконечными вершинами, „бѣлыми голубками“, какъ ихъ называютъ; скалистый Веттергорнъ и лучезарная Гасли-Юнгфрау, а между ними, спускаясь до подошвы въ зеленую долину, голубоватыя ледяныя массы глетчеровъ (ледниковъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы увидѣли-бы тамъ, наверху, гдѣ Шрекгорнъ блестящею лентой фирна соединяется съ „Ледянымъ моремъ“, грустную картину. Група людей съ непокрытыми головами печально стояла вокругъ ступени, вырубленной въ свѣжемъ снѣгу лавины и на ней, на развернутомъ одѣялѣ, лежало тѣло еще молодаго человѣка съ двумя зіявшими ранами на головѣ. Это былъ погибшій туристъ Максъ Мунцъ. Прибывшій снизу, съ долины, пасторъ читалъ молитву, и на морщинистыхъ, обвѣтренныхъ щекахъ присутствовавшихъ виднѣлись слезы. Однако долго оставаться здѣсь опасно; сверху слышится зловѣщій трескъ и можетъ быть новая лавина грозитъ паденіемъ. Всѣ спѣшатъ достигнуть заблаговременно Шварценекской хижины, на „Ледяномъ морѣ“, гдѣ лежатъ оба раненые проводника погибшаго, чтобы оттуда, въ ту-же ночь, успѣть спуститься вмѣстѣ съ тѣломъ въ долину, то волоча его на веревкѣ, то неся на шестахъ, то наконецъ везя на розвальняхъ. Нѣсколько дней спустя одинъ изъ проводниковъ погибшаго, Готлибъ Мейеръ, также умеръ отъ полученныхъ ушибовъ, а другой еще лежалъ больной и неизвѣстно было, будетъ-ли онъ въ состояніи вновь приняться за свое опасное ремесло.

Еще двумя мѣсяцами ранѣе, аналогичный несчастный случай едва не произошелъ на Юнгфрау. Англійскій туристъ, взбираясь съ проводникомъ Петромъ Шлегелемъ по леднику Гугги на Юнгфрау, наткнулся на слѣдующую сцену: одинъ изъ извѣстныхъ проводниковъ, Фрицъ Тейчманъ, окоченѣвшими руками держалъ надъ пропастью привязанныхъ къ веревкѣ двухъ человѣкъ, сопровождаемаго имъ туриста и втораго проводника — Іосси. Подъ ногами путешественниковъ обвалилась ледяная глыба; Іосси повисъ надъ образовавшейся пропастью и увлекъ за собою, привязаннаго къ нему веревкой туриста, Феликса Буркгардта; послѣдній удержался лежа на краю обрыва и свѣсившись въ него головою. Это длилось цѣлыхъ полчаса. Іосси уже готовъ былъ обрѣзать веревку, чтобы самому упасть въ пропасть и тѣмъ спасти жизнь путешественнику, но своевременный, случайный приходъ англичанина спасъ ихъ...





Снаряженіе для альпійскихъ прогулокъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ еще болѣе печальная участь постигла путешественника D-ra Галлера, съ двумя его проводниками, Руби и Ротомъ. Всѣ трое пропали безъ вѣсти. На пути къ большой Шейдекъ, тамъ гдѣ дорога поворачиваетъ къ Веттергорну, стоитъ въ тѣни кленовъ скромный памятникъ, на которомъ друзья погибшаго сдѣлали слѣдующую надпись:

Qvem Genvit vatem templo natvra recepit.

И между тѣмъ, въ первый погожій день послѣ такихъ потрясающихъ событій, тянутся одна за другой новыя партіи путешественниковъ, вооруженныхъ кирками и веревками; а на слѣдующее утро изъ горныхъ деревушекъ уже направляются зрительныя трубы на снѣжныя вершины, гдѣ вотъ-вотъ — маленькіе какъ мухи — должны вынырнуть смѣлые путешественники, если только они не лежатъ гдѣ-нибудь въ глубокой, занесенной снѣгомъ, пропасти или не придавлены скатившеюся лавиной.

Конечно, бываютъ безумно смѣлыя восхожденія, безъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, при неблагопріятной по-

Видъ на ледникъ.

Въ долинѣ.

годѣ и недостаточномъ числѣ проводниковъ или въ завѣдомо опасныхъ пунктахъ; но бываютъ и непредвидѣнные несчастные случаи, вслѣдствіе внезапной перемѣны погоды, мороза, снѣжныхъ бурь, неожиданныхъ обваловъ и т. п. Однако, принявъ въ соображеніе многія тысячи ежегодныхъ восхожденій, надо сознаться, что это удовольствіе не опаснѣе всякаго другаго тѣлеснаго упражненія: плаванія, ѣзды верхомъ и т. д., и только большее число погибающихъ одновременно жертвъ заставляетъ серьезнѣе призадумываться, чѣмъ единичные несчастные случаи.

Какъ-бы то ни было, но, на основаніи собственнаго опыта и въ виду того, что число восхожденій съ каждымъ годомъ увеличивается, мы можемъ смѣло утверждать, что изо всѣхъ тѣлесныхъ упражненій, восхожденіе на горныя вершины представляетъ величайшее наслажденіе, соединенное съ необычайнымъ, высокимъ подъемомъ духа.

* * *

Пригласимъ читателя послѣдовать за нами въ одну изъ такихъ экскурсій.

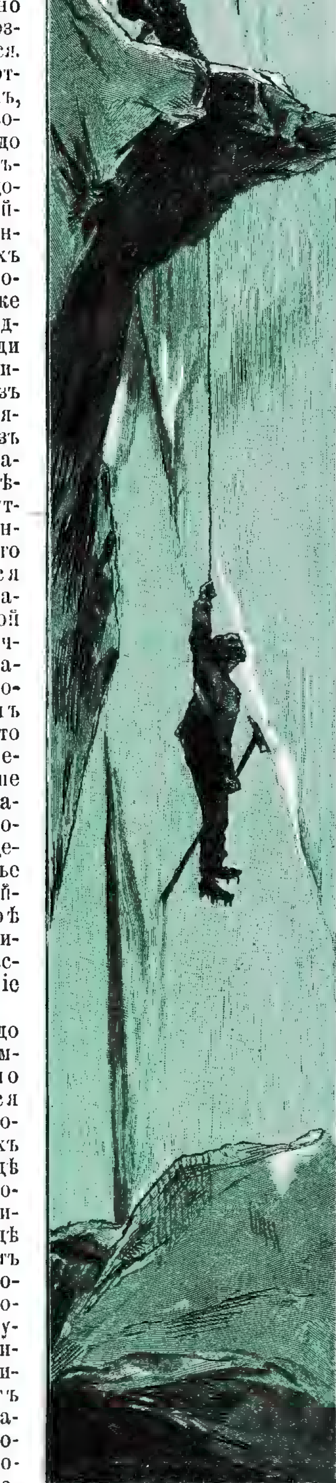
Утренній воздухъ чистъ. Ласточки летаютъ высоко. Бѣлыя вершины горъ смотрятъ внизъ на зеленую равнину, гдѣ, у гремящаго ручья, мирно ютятся ряды деревенскихъ хижинъ. Мы заручились надежнымъ проводникомъ и полнымъ, безупречнымъ снаряженіемъ. Удобнѣе и безопаснѣе всего идти втроемъ. Вдвоемъ можно отважиться только тогда, когда есть вблизи помощь. Съѣстные припасы на два дня упакованы и раздѣлены поровну между путниками. Еще разъ все осмотрѣно: взяты-ли съ собой въ должномъ количествѣ веревки, кирки, очки и вуали, башмаки на шипахъ и гамаши, восковыя или сальныя свѣчи; а затѣмъ, въ путь-дорогу! Надо сегодня-же добраться до возможно высшаго ночлежнаго пункта, чтобы завтра имѣть цѣлый день въ своемъ распоряженіи. Вначалѣ дорога идетъ по крутой тропинкѣ; потомъ мы попадаемъ въ привѣтливую зеленую равнину, съ разбросанными тамъ и сямъ альпійскими хижинами. Жители большею частію въ горахъ и дома стоятъ пустые. Поднявшись еще на одну ступень, мы уже на Альпахъ, окруженные пасущимися стадами. Время года еще раннее; альпійская флора въ первомъ цвѣту. Въ хижинѣ насъ встрѣчаютъ знакомыя по прежнимъ экскурсіямъ лица. Глотокъ молока, кусокъ сыру принимаются охотно и скромно вознаграждаются. Затѣмъ, короткимъ путемъ, хозяева проводятъ насъ до другаго подъема и мы достигаемъ крайнихъ, временно обитаемыхъ жилищъ, находящихся уже въ области ледниковъ. Среди пустыхъ хижинъ мы безъ труда отворяемъ одну изъ дверей и попадаемъ въ помѣщеніе для путниковъ, убранство котораго заключается въ столѣ, скамейкѣ, сѣнной постели и печкѣ, съ достаточнымъ количествомъ дровъ. Все это вполнѣ удовлетворяетъ наше маленькое, радостно настроенное, общество, а купанье въ ближайшемъ озерѣ еще увеличиваетъ прекрасное настроеніе духа.

Но гораздо менѣе комфортабельно устраивается ночлегъ въ болѣе высокихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ уже человѣческихъ жилищъ, или гдѣ не существуетъ горнаго прохода съ устроеннымъ для путешественниковъ убѣжищемъ. Тутъ уже надо заранѣе позаботиться о дровахъ для костра, выбрать мѣсто, защищенное отъ вѣтра какимъ-либо выступомъ скалы, и провести ночь подъ открытымъ небомъ, закутавшись потеплѣе и покрѣпче прижавшись другъ къ другу.

Въ болѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ, альпійскими обществами и клубами устроены для путешественниковъ помѣщенія, гдѣ

На ледникѣ.

Не по той дорогѣ.



При спускѣ.

Вечеркомъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") И. Волкова, грав. К. Ольшевскій.

Первый разъ на охотѣ. Ориг. рис. (собственность „Нивы") Н. Зеньковича, грав. К. Ольшевскій.

могутъ относительно удобно помѣститься отъ шести до двадцати, а въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ до тридцати лицъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ нѣтъ недостатка ни въ кухонной посудѣ, ни въ инструментахъ для колки дровъ, ни въ ведрахъ для воды. Широкія нары, занимающія всю заднюю часть хижины, покрыты достаточнымъ количествомъ сѣна или соломы, и, подъ музыку ледниковъ, спится здѣсь очень хорошо, если только не разбудитъ внезапно наступившая гроза или запоздавшій караванъ англійскихъ туристовъ, которые принимаются съ обычнымъ хладнокровіемъ и обстоятельностью устраивать свой вечерній чай.

Иногда неблагопріятная погода затягиваетъ пребываніе на этихъ пунктахъ на неопредѣленное время и тутъ, чтобы не соскучиться, надо имѣть хорошій запасъ веселости и юмора, если не желаешь прибѣгнуть къ картамъ, которыя всегда имѣются въ этихъ хижинахъ. Но такія неожиданныя задержки могутъ служить источникомъ немалаго наслажденія. Послѣ разразившейся снѣжной бури, лежать у дверей хижины, пока менѣе необходимое платье сохнетъ на крышѣ, и слѣдить за причудливыми формами быстро несущихся облаковъ, пока не появится чистое голубое небо—это принадлежитъ къ числу величайшихъ удовольствій, которыя переживаются въ области вѣчныхъ снѣговъ.

По глубокому снѣгу.

Первымъ дѣломъ по выходѣ съ ночлега, является подъемъ по леднику; обыкновенно пускаются въ путь рано утромъ или тотчасъ послѣ полуночи. Каменистая тропинка слабо освѣщается мѣсяцемъ или тусклымъ свѣтомъ фонаря. Ледникъ на этой высотѣ большею частію покрытъ снѣгомъ, и запорошенныя имъ трещины можетъ отличить по различной окраскѣ снѣга только опытный глазъ. Конецъ веревки, охватывающей грудь и прикрѣпленной на лѣвомъ боку, путникъ держитъ лѣвой рукою. Веревка эта связываетъ судьбу всѣхъ въ одно нераздѣльное цѣлое... Медленно подвигались мы впередъ, осторожно ощупывая острымъ концомъ кирки обманчивую поверхность; если встрѣтится узкая трещина, за которою слѣдуетъ твердый грунтъ, ее просто переступаютъ; но иногда попадаются крупныя расщелины, перерѣзывающія ледяное поле во всю ширину; ихъ нужно или обойти или перейти въ извѣстныхъ уже, безопасныхъ пунктахъ. Но вотъ взошло солнце; необходимо отыскать удобное мѣстечко для завтрака и для дополненія своего путеваго костюма. Разрыхленный снѣгъ дѣлаетъ необходимыми гамаши, яркій рефлексъ солнечныхъ лучей заставляетъ надѣть очки и вуаль, чтобы не вернуться изъ путешествія съ больными глазами и обвѣтреннымъ лицомъ и шеею. Всякая жизнь какъ бы замираетъ здѣсь. Ни одинъ ручеекъ не пробивается сквозь ледъ—какъ у подошвы ледника — ни одна дикая козочка не появляется на этихъ высотахъ, уже не перерѣзанныхъ зелеными лентами луговъ. Только растаявшая на солнцѣ вода стекаетъ беззвучно съ обледенѣвшихъ за ночь скалъ, да отставшій камень съ рѣзкимъ, короткимъ звукомъ падаетъ въ наполненную снѣгомъ глубокую разсѣлину, напоминая намъ, чтобы мы торопились пройти поскорѣе это опасное мѣсто. Мы подымаемся все выше и выше; круто, тяжело, жарко. Наконецъ-то вверху, на ребрѣ горы, показывается замѣтное углубленіе; это должно быть *сѣдло*! Еще сотни двѣ шаговъ и мы дѣйствительно достигаемъ такъ-называемаго сѣдла горы.

Съ послѣдними шагами открывается по ту сторону новый міръ. Наблюдавшіяся издали почтенныя вершины, кажутся теперь совсѣмъ близкими. Ледяные хребты, серебристые ледники и сверкающія озера рисуются въ блескѣ утренняго солнца. Послѣ короткой остановки и необходимаго подкрѣпленія силъ, багажъ оставляется въ безопасномъ мѣстѣ и осторожно, на веревкѣ, начинаютъ подыматся на самую вершину, обледенѣлую и покрытую снѣгомъ. Подъемъ сначала легокъ, но вскорѣ дѣлается круче; приходится нащупывать палкой твердый снѣгъ или ледъ, покрытый легкимъ слоемъ снѣга, и приходится вырубать киркою ступени, чтобы стать на твердую почву. Мы медленно и осторожно подвигаемся другъ за другомъ, карабкаясь руками и ногами по вырубленнымъ ступенямъ. Наконецъ мы наверху!.. Тотъ, кто мысленно переживалъ вмѣстѣ съ нами всѣ наслажденія и трудности пути, пойметъ лучше, чѣмъ могутъ сдѣлать всякія описанія, великое значеніе этого момента. Въ этой торжественной тишинѣ, гдѣ слышно только чиканье часовъ и біеніе собственнаго сердца, всѣ великія идеи Божества, свободы, безсмертія становятся какъ-бы видимыми и осязаемыми въ лицѣ могучей и вѣчно юной природы...

Сорвался.

Но вѣтеръ и холодъ не всегда позволяютъ долго наслаждаться величественнымъ зрѣлищемъ. Къ тому же и пространство на вершинѣ иногда настолько ограничено, что приходится буквально сидѣть верхомъ. На другихъ вершинахъ плоскость нѣсколько больше, но иногда она только кажется таковою, вслѣдствіе примерзшаго къ ней снѣга; а потому, въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ соблюдать величайшую осторожность и не обходиться безъ веревки. Описываемаго въ старыхъ путешествіяхъ затрудненія дыханія и т. п., вслѣдствіе разрѣженнаго воздуха, мы не замѣчали, а напротивъ можемъ констатировать на высотѣ 4,000 метровъ и болѣе повышеніе жизненной энергіи, хотя при первомъ входѣ въ область снѣговъ являются перѣдко симптомы такъ-наз. горной болѣзни. Спускъ съ вершины, по крайней мѣрѣ до сѣдла, есть большею частію не что иное какъ повтореніе подъема по выбитымъ раньше ступенямъ, но для новичка спускъ кажется еще страшнѣе, такъ какъ тутъ измѣняется порядокъ шествія. Съ хвоста колонны, онъ переносится въ голову; самый слабый ходокъ идетъ посрединѣ, а опытный проводникъ замыкаетъ шествіе, какъ-бы составляя якорь для веревки.

Рядомъ съ такими трудностями, спускъ представляетъ иногда значительное облегченіе и сокращеніе пути, сравнительно съ подъемомъ. На не очень отвѣсныхъ мѣстахъ можно катиться внизъ съ быстротою вѣтра, стоя на обѣихъ ногахъ и облокотившись спиною на палку или кирку. Если же не заботиться о вымокшей или разорванной одеждѣ, можно скатиться еще удобнѣе — сидя.

Продолжающіяся цѣлыми днями странствованія по горамъ далеко не такъ монотонны, какъ можетъ казаться со стороны. Уже одни, быстро смѣняющіяся, атмосферныя явленія даютъ весьма разнообразныя впечатлѣнія. Кажущіяся на первый взглядъ мертвыми, скалы, со своею скудною зеленью, оживаютъ при приближеніи къ нимъ. Бѣлыя и сѣрыя куропатки съ громкимъ крикомъ взлетаютъ изъ-подъ ногъ; сурки оглашаютъ воздухъ рѣзкимъ свистомъ, напоминающимъ свистъ паровоза; дикія козы мирно пасутся въ зеленѣющихъ лощинкахъ. Подъ ногами путешественника, начиная съ границы вѣчныхъ снѣговъ, попадаются самые нѣжные и яркіе цвѣты, встрѣчающіеся въ нашемъ поясѣ. А потомъ, возвратившись въ полосу зелени, какъ насъ радуетъ первое дерево, въ тѣни котораго мы отдыхаемъ, первый, поросшій кустарникомъ ручеекъ! Какъ дороги намъ спокойно работающіе въ долинѣ поселяне; какъ просто, непосредственно, съ какимъ, давно непривычнымъ, яснымъ чувствомъ мы смотримъ тогда на Божій міръ!..

***

Удивительно-ли, что человѣка, который разъ вкусилъ отъ прелести горной прогулки, снова тянетъ въ этотъ великій, невѣдомый міръ? Можно-ли назвать легкомысліемъ, суетностію и безумной отвагою съ его стороны, если извѣстія о новыхъ несчастныхъ случаяхъ не останавливаютъ его и производятъ лишь то дѣйствіе, что онъ съ большею осторожностію и разсчетомъ будетъ предпринимать свои послѣдующія путешествія?

А развѣ не стоитъ нѣкоторой опасности и риска то чувство долга, то сознаніе солидарности, которое овладѣваетъ вами относительно вашихъ сотоварищей, и которое должно дѣйствовать въ высшей степени благотворно на подростающее юношество?

Мы отнюдь не считаемъ восхожденія на горы пустою модою и тщеславнымъ спортомъ, который, вслѣдствіе связанныхъ съ нимъ опасностей, долженъ быть ограничиваемъ. Горныя прогулки являются выраженіемъ здоровой физической силы, какъ гребля и ѣзда на велосипедахъ, но имѣютъ передъ другими спортами то неоспоримое преимущество, что преслѣдуютъ болѣе разностороннія и, можно сказать, болѣе высокія, болѣе интересныя задачи. (с.)

Рекогносцировка.

(Разсказъ моего пріятеля).

К. В. Тхоржевскаго.

(Окончаніе).

Не смотря на большую привычку къ ночнымъ похожденіямъ, всетаки чувствуешь себя какъ-то не совсѣмъ ловко въ окружающей тебя темнотѣ: кажется, что кто-то слѣдитъ за тобой, что онъ давно уже замѣтилъ тебя и ждетъ только удобнаго момента, чтобы нанести тебѣ неожиданный ударъ сзади.

Но вотъ и патруль, — мы тогда только его замѣтили, когда я чуть не наступилъ на „старшаго“ — ефрейтора Бородайку.

— Тише, ваше благородіе, шепчетъ онъ мнѣ, не поднимаясь съ земли,—прилягьте—*онъ* недалеко!..

Голосъ его повидимому вполнѣ спокоенъ, но я слышу въ немъ сильное возбужденіе, которое Бородайко старается скрыть.

Бородайко хохолъ; въ частной жизни онъ былъ конокрадомъ, но вслѣдствіе какихъ-то, неизвѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ, раскаялся въ своихъ грѣхахъ, и торжественно далъ клятву жить впередъ честно, передъ чѣмъ двѣ недѣли говѣлъ, и свято держался своего обѣщанія; изо всѣхъ его пороковъ остался только одинъ: любовь къ водкѣ и къ „компаніи“, но страсть эту онъ сдерживалъ и пилъ только во-время.

Въ такой моментъ жизни застала его солдатчина и такимъ онъ попалъ въ войска. Я его зналъ какъ свои пять пальцевъ и любилъ. Въ моемъ отрядѣ онъ былъ необходимѣйшій человѣкъ: обладая какимъ-то собачьимъ чутьемъ, онъ лучше всѣхъ могъ незамѣченный подкрадываться къ непріятелю, могъ доставлять такія свѣдѣнія, какія ни за какія деньги не купишь.

Въ бою онъ всегда былъ нѣсколько взволнованъ, но волненіе это происходило не отъ опасенія за свою шкуру, ибо я глубоко увѣренъ, что ему рѣшительно было все равно убьютъ-ли его, ранятъ-ли, или онъ останется цѣлъ и живъ; настроеніе его въ такія минуты можно скорѣе сравнить съ чувствомъ охотника, волнующагося при видѣ дичи, т. е. съ боязнью чтобы дичь не ушла; вѣдь дрожитъ же охотникъ при видѣ зайца, направляющагося на него; очевидно дрожитъ онъ не отъ страха, а отъ другаго чувства; такое же состояніе испытывалъ приблизительно и Бородайко въ такъ-называемыя „минуты опасности“.

Я прилегъ около Бородайки и сталъ всматриваться впередъ, но ничего не было ни видно, ни слышно.

— Да далеко что-ли? спросилъ я шепотомъ.

— Совсѣмъ рядомъ... сейчасъ мѣсяцъ выйдетъ — видать будетъ...

Прошло съ полминуты; облака нѣсколько разошлись и луна на секунду выскользнула изъ-за нихъ, но этой секунды было вполнѣ достаточно, чтобы я успѣлъ разсмотрѣть шагахъ въ пятидесяти отъ себя турецкаго часоваго, закутавшагося въ свою синюю шинель и неподвижно стоящаго оперщись на ружье; позади него, сбившись въ кучу, лежало еще нѣсколько человѣкъ; стоялъ этотъ пикетъ какъ разъ на самой дорогѣ у подошвы Карадагскихъ высотъ.

Задача на сегодняшнюю ночь была исполнена: мы, не смотря на страшную темноту и непогоду, попали прямо на Карадагъ; слѣдовало возвращаться назадъ, но мнѣ вдругъ почему-то захотѣлось захватить этотъ пикетъ. По правдѣ говоря, въ чемъ теперь сознаться очень неловко, мнѣ хотѣлось щегольнуть передъ Стояновымъ своими людьми и показать ему какія дѣла мы можемъ дѣлать.

— А вѣдь этотъ пикетъ снять можно?.. обратился я къ Бородайко.

— Такъ точно, ваше благородіе, ничего не стоитъ!..

— Только не нашумѣть бы намъ!..

— Никакъ нѣтъ — мы живой рукой съ ними справимся...

— Ну, вали, только стрѣлять не смѣть!..

— Слушаемъ, ваше благородіе! отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ бы говоря: „эко, молъ, что говоритъ—будто я не знаю.“

— Ползите за мной!

Бородайко шепнулъ товарищамъ, и мы впятеромъ поползли по грязи впередъ.

— Боже васъ сохрани стрѣлять! шепнулъ я Стоянову, ползшему рядомъ со мной, видя, что онъ вытащилъ револьверъ.

— Не безпокойтесь — я знаю! отвѣтилъ онъ мнѣ.

Когда, по приблизительному разсчету, до пикета осталось не болѣе десяти шаговъ, мною были сдѣланы слѣдующія распоряженія: я и Стояновъ остались на дорогѣ; а остальные патрульные должны были оцѣпить турецкій пикетъ; Бородайкѣ я приказалъ заползти сзади и, когда онъ это исполнитъ, свистнуть; по этому сигналу всѣ должны были броситься впередъ: я на часоваго, а остальные на группу, находящуюся позади него, и моментально завладѣть всѣми.

Такой маневръ практиковался нами уже неоднократно и всегда съ полнымъ успѣхомъ.

Люди поползли, а я съ Стояновымъ остались на мѣстѣ, ожидая условленнаго сигнала.

Прошла довольно таки томительная минута, въ продолженіе которой луна выглянула изъ-за тучъ и ярко освѣтила всю мѣстность. Фигура полузаснувшаго турецкаго часоваго, облитая яркимъ сіяніемъ, торчала передъ самымъ нашимъ носомъ въ наивномъ спокойствіи; онъ былъ такъ увѣренъ въ отсутствіи всякой опасности, что еслибы мы вовсе не принимали никакихъ мѣръ предосторожности, то и тогда онъ не замѣтилъ бы насъ, а тутъ, мы лежали вплотную съ землей и отличить насъ отъ общаго колорита почвы было очень трудно.

Вдругъ раздался тихій свистъ; часовой быстрымъ поворотомъ обернулся назадъ по направленію свистка и такимъ образомъ очутился къ намъ спиной; въ одинъ прыжокъ я былъ уже около него и ударилъ его кинжаломъ между лопатокъ; онъ, какъ мѣшокъ, безъ звука мягко опустился на землю и вытянулся во весь ростъ. Около спящей группы уже появились три фигуры и все было-бы кончено, но тутъ произошло что-то необыкновенное; что именно—я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета, такъ какъ почти вслѣдъ за этимъ луна скрылась за облака и наступила непроглядная темень: я только видѣлъ, какъ Стояновъ бросился мимо меня съ крикомъ:

— Не бей, не бей!.. Мы ихъ такъ заберемъ!..

Вслѣдъ за этимъ послышался турецкій крикъ, потомъ выстрѣлъ; черезъ секунду треснула винтовка шагахъ въ ста справа отъ насъ, затѣмъ—слѣва; съ Карадага блеснула молнія, загрохоталъ выстрѣлъ изъ орудія, граната зашипѣла надъ нами и пошла потѣха...

Я бросился къ моему мѣсту, гдѣ лежали турки; прежде всего я наткнулся на Стоянова, который стоялъ на колѣняхъ.

— Вы не ранены? крикнулъ я.

залъ отступать, при чемъ строжайше запретилъ стрѣлять.

Турки насъ не преслѣдовали и минутъ черезъ десять прекратили даже и стрѣльбу.

. . . .

Отойдя отъ Карса версты четыре, я приказалъ остановиться для отдыха, собралъ разсыпанную цѣпь, такъ какъ она была уже вполнѣ безопасна, и разрѣшилъ курить; самъ-же отъѣхалъ въ сторону и, усѣвшись на камень, тоже закурилъ папироску.

Св. Недѣля. У заутрени. Ориг. рис. (собственность „Нивы") **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не раненъ!.. воскликнулъ онъ восторженно,— вотъ я въ плѣнъ одного взялъ!..

Тутъ только я разсмотрѣлъ, что подъ нимъ барахтается человѣкъ.

— Помогите мнѣ, пожалуйста!.. продолжалъ Стояновъ прерывающимся голосомъ, такъ какъ турокъ лежавшій подъ нимъ сильно барахтался и употреблялъ всѣ усилія, чтобы высвободиться; въ ту же секунду около меня очутился Бородайко съ магазинкой и турецкой шинелью въ рукахъ.

— Возьми у прапорщика турка, приказалъ я ему.

Бородайко, бросилъ турецкую шинель въ сторону и нагнулся надъ туркомъ.

— Пойдемте!.. дернулъ я за рукавъ Стоянова; онъ выпустилъ свою добычу и мы пошли къ нашимъ; онъ мнѣ что-то оживленно говорилъ, но я не слушалъ.

Поровнявшись съ цѣпью, я сѣлъ на лошадь и прика-

На душѣ у меня было скверно: дождь промочившій насквозь, грязь облѣпившая всего и вдобавокъ ожидаемый выговоръ за произведенную тревогу—все это не могло дѣйствовать успокоительно, къ тому-же въ сердце закрадывалась невольная досада и на себя, и на Стоянова, котораго я считалъ дѣйствительнымъ виновникомъ происшедшей тревоги; на себя-же сердился за то, что выдумалъ это глупое нападеніе.

Стояновъ не замедлилъ явиться ко мнѣ повидимому довольный въ высшей степени.

— Ну, смотрите, обратился я къ нему,—не проболтайтесь кому-нибудь, что вы были со мной.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно!.. Я знаю!.. А можно посмотрѣть турка, котораго я взялъ въ плѣнъ.

Я крикнулъ Бородайку; тотъ явился черезъ секунду и вытянулся передо мной.

— Подай сюда турка! сказалъ я ему.

Русскій павильонъ на международной выставкѣ въ Копенгагенѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") П. Григорьева, грав. М. Рашевскій.

Привели турка, жалкаго, напуганнаго... Стояновъ подошелъ къ нему съ выраженіемъ состраданія и похлопалъ по плечу.

— Ну, убирай! крикнулъ я.

Стояновъ съ грустью посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ и, когда онъ скрылся, дрогнувшимъ голосомъ спросилъ меня:

— А остальныхъ, значитъ, всѣхъ убили?

— Значитъ! отвѣчалъ я рѣзко.

— Боже мой, какъ это ужасно!..

— Тутъ, батюшка, война, а не игра въ городки! отвѣтилъ я недовольнымъ тономъ и всталъ, чтобы садиться на лошадь.

Къ разсвѣту мы были уже дома. Генералъ, какъ и слѣдовало ожидать, высказалъ мнѣ нѣкоторое неудовольствіе по поводу произведенной тревоги, но особеннаго выговора не сдѣлалъ.

О томъ, что со мной былъ Стояновъ, я, конечно, умолчалъ.

Часовъ въ двѣнадцать, когда я, выспавшись, сидѣлъ у своей палатки и пилъ „сгущенный" кофе *) ко мнѣ подошелъ Стояновъ. Онъ былъ такъ-же свѣжъ, какъ и наканунѣ, но лицо его носило выраженіе какой-то грусти.

— Прощайте!.. сказалъ онъ подходя ко мнѣ,—я сейчасъ уѣзжаю въ Чалгаурскій отрядъ. Спасибо вамъ, что вчера не прогнали меня.

— А кажется было-бы лучше еслибы я васъ прогналъ — вы, повидимому, вынесли изъ сегодняшней ночи не особенно пріятное впечатлѣніе... отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, видите-ли... правда... Нѣтъ, мнѣ, по правдѣ говоря, ужасно жаль этихъ несчастныхъ, нѣсколько смѣшавшись и краснѣя произнесъ онъ,—но ваши люди такіе удальцы, такіе!.. добавилъ онъ восторженно.

Я заставилъ его присѣсть со мной рядомъ; онъ выпилъ два стакана кофе и, горячо распрощавшись со мной, уѣхалъ.

Недѣли через двѣ послѣ паденія Карса я былъ въ Александрополѣ и встрѣтилъ тамъ Стоянова; онъ былъ тяжело раненъ; лицо его осунулось и поблѣднѣло, но самъ онъ былъ тѣмъ же веселымъ и беззаботнымъ мальчикомъ, какимъ я видѣлъ его въ первый разъ; онъ страшно мнѣ обрадовался и съ увлеченіемъ сталъ разсказывать о томъ дѣлѣ, въ которомъ былъ раненъ.

Впослѣдствіи онъ совсѣмъ поправился, теперь уже давно женатъ и отецъ семейства.

Къ рисункамъ.

Сельскіе богоносцы на Святой Недѣлѣ.

(Рис. на стр. 428).

Въ просторную избу только что вошли богоносцы. Это сельчане доброхотно сопровождающіе съ иконами и крестомъ священника, въ теченіе Пасхальной Недѣли, когда онъ обходитъ деревню, и славословятъ Христово Воскресеніе по крестьянскимъ домамъ. Среди богоносцевъ виденъ старый, но еще бравый служивый, пожилые крестьяне и молодая дѣвушка, съ любопытствомъ посматривающая на дверь, въ которую входитъ священникъ въ сопровожденіи дьячка.

Сборы невѣсты-боярышни къ вѣнцу.

(Рис. на стр. 429).

Передъ нами одинъ уголокъ той обширной бытовой картины, которую представляетъ наша старинная русская свадьба. Дѣвичникъ уже отпразднованъ съ обычными пѣснями, съ обрядовыми кушаньями и приговорами; приняты мѣры и противъ *порчи*, и противъ *сглазу*, и противъ всякаго *дурна*. Невѣста успѣла побывать съ подруженьками и свашенькой въ банѣ, провожаемая отъ бани до дому также строго обрядовыми пѣснями, плясками и битьемъ въ звонкіе мѣдные тазы, въ сковороды и заслонки — чтобы отогнать нечистую силу. Теперь близится послѣдній актъ свадебной драмы — невѣсту обряжаютъ къ вѣнцу. Въ дѣвичьемъ теремѣ все приготовлено къ тому, чтобы нарядъ новобрачной могъ быть возложенъ на нее съ обычными формами и обычными предосторожностями. На столѣ, накрытомъ камчатою (т. е. изъ шелковой камки) скатертью, положенъ чистый, освященный *убрусъ* (полотенце), а поверхъ убруса *фата* (покрывало) и на немъ лежитъ *кика* (женскій головной уборъ), разукрашенная каменьями и жемчугомъ. Рядомъ съ кикой стоитъ рѣзной ларецъ, съ подарками жениха невѣстѣ, — перстнями, запястьями, ожерельями, серьгами. По другую сторону кики на столѣ стоитъ ковшъ серебряный на серебряномъ блюдѣ, и въ томъ ковшѣ, въ старомъ стояломъ меду, погружена гребенка, подъ которую подберутъ дѣвичью косу, когда станутъ надѣвать кику на *новобрачную княгиню* (т. е. на невѣсту). Позади стола стоятъ двѣ сѣнныя дѣвушки и держатъ на двухъ серебряныхъ блюдахъ *ферезь* и *тѣлогрѣю*, которыя придется подать невѣстѣ когда будетъ оконченъ уборъ ея головы. За стуломъ невѣсты стоитъ сваха и готовится расплетать дѣвичью косу, подъ пѣсню дѣвушекъ, стоящихъ у дверей:

Развернися, развернися,
Камка хрущатая;
Расплетися, расплетися,
Коса трубчатая, и т. д.

Двѣ подружки невѣсты, уже наряженныя и готовыя къ вѣнчальному торжеству, сидятъ въ ожиданіи невѣсты у низенькаго окошка со слюдяными оконницами, вправленными въ фигурный свинцовый переплетъ. И все, до мельчайшей подробности, вѣетъ нашей завѣтной стариной, вѣетъ тѣснымъ теремомъ, изъ котораго собирается вылетѣть воспитанная и взрощенная въ немъ пташка.

Прачка. (Рис. на стр. 433.)

Семейство Блаасъ представляетъ замѣчательный примѣръ наслѣдственности таланта. Карлъ фонъ-Блаасъ, родившійся въ 1815 г. въ Тиролѣ, пользуется заслуженною извѣстностью даровитаго историческаго живописца; два его сына, Евгеній и Юлій, также художники. Старшій изъ нихъ, Евгеній — занимается историческою и жанровою живописью, а Юлій талантливо пишетъ животныхъ, въ особенности лошадей. На стр. 433 помѣщена гравюра съ картины „Прачка", произведенія кисти Евгенія Блааса. Ученикъ своего отца, онъ впослѣдствіи занимался въ Венеціанской и Вѣнской академіяхъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ путешествіяхъ по Италіи, Франціи, Бельгіи и Англіи, Евгеній Блаасъ поселился въ Венеціи. Изъ прошлой и современной жизни этой жемчужины Адріатическаго моря онъ черпаетъ сюжеты для своихъ многочисленныхъ картинъ, всегда простыхъ и граціозныхъ по содержанію и прекрасныхъ по рисунку и колориту.

Вечеркомъ. (Рис. на стр. 436).

Вечеръ давно наступилъ, а ребятишки, разыгравшись на задворкахъ, не замѣчаютъ, что пора и по домамъ. Курчавый бѣлокурый мальчуганъ гдѣ-то раздобылъ гармонику и наигрываетъ на ней, къ несказанному восхищенію маленькой деревенской красавицы, которая, тутъ же облокотясь на бревно, не спускаетъ съ него глазъ. Возлѣ нихъ другой шалунъ, лежа на спинѣ, цѣлитъ изъ самострѣла въ рогатый молодикъ, высоко поднявшійся на тускнѣющемъ вечернемъ небѣ...

Первый разъ на охотѣ. (Рис. на стр. 437).

Кто изъ охотниковъ не помнитъ золотаго времени своихъ дебютовъ, той поры когда по пословицѣ „охота смертная, а участь горькая," и не смотря на всѣ старанія, частенько ягташъ возвращается домой въ первобытной пустотѣ?... Это страстное волненіе, охватывающее молодаго неопытнаго стрѣлка при каждой стойкѣ, крайнее напряженіе всѣхъ силъ и способностей и не смотря на то боязливое предвкушеніе пуделя (промаха) — очень живо переданы въ рисункѣ.

У заутрени. (Рис. на стр. 440).

Семь недѣль Великаго Поста прошли. Настаетъ давно желанный радостный часъ, когда возвѣстятъ „Христосъ Воскресъ!". Начинается заутреня и усердные богомольцы спѣшатъ затеплить свѣчи, иногда сохраненныя съ вербной субботы. Крестьянская дѣвочка торопится засвѣтить свою тоненькую свѣчку у сосѣдки, нетерпѣливо ожидающей начала службы...

Копенгагенская выставка. Русскій отдѣлъ.

(Рис. на стр. 441).

На предстоящей Копенгагенской выставкѣ нашъ русскій отдѣлъ обѣщаетъ быть особенно изящнымъ и интереснымъ, какъ по разнообразію экспонатовъ, такъ и по своему наружному виду и внутреннему убранству. Наше Министерство Финансовъ, видимо, отнеслось къ устройству этой выставки съ большимъ вниманіемъ. Еще вначалѣ нынѣшняго года, по желанію Министра Финансовъ, т. с. Вышнеградскаго, была учреждена коммисія изъ компетентныхъ лицъ, въ предсѣдательствѣ вице-директора департамента мануфактуръ и торговли В. А. Тимирязева. Генеральнымъ-же коммисаромъ былъ назначенъ состоящій нынѣ при Министерствѣ Финансовъ д. с. с. Глуховской. Въ число членовъ коммисіи вошли академикъ М. П. Боткинъ, профессоръ В. И. Якоби и много другихъ лицъ.

Не смотря на незначительность суммы, отпущенной на всѣ расходы по устройству нашего отдѣла, — коммисіи удалось на столько умѣло распорядиться своими средствами, что отдѣлъ нашъ будетъ украшенъ съ лицевой стороны красиво выстроеннымъ фасадомъ въ древне-русскомъ стилѣ, рисунокъ котораго мы прилагаемъ въ этомъ нумерѣ, а также прекрасно декорированъ внутри.

Для составленія рисунковъ фасада рѣшено было пригласить архитектора Ропета, какъ извѣстно, знатока русскаго стиля и уже испытаннаго въ дѣлѣ постройки этого типа, ибо архитекторомъ Ропетомъ однажды былъ уже выстроенъ подобный фасадъ для нашего отдѣла на Парижской выставкѣ въ 1878 году и тогда-же обратилъ на себя вниманіе иностранцевъ. Рисунокъ фасада и на этотъ разъ составленъ имъ весьма изящно и оригинально.

Коммисіи и генеральному коммисару удалось къ этому дѣлу

*) Кофе былъ у насъ только въ консервахъ и назывался сгущеннымъ.

пригласить соучастникомъ нашего извѣстнаго лѣсопромышленника, т. е. Ратькова-Ражнова, который изъявилъ желаніе дать безвозмездно весь лѣсъ на постройку вышеупомянутаго фасада, а также и отвелъ мѣсто на своей лѣсной биржѣ для производства работъ, ибо рѣшено было постройку фасада производить здѣсь, а потомъ уже, разобравъ, перевезти на мѣсто самой выставки; при этомъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду выиграть время, такъ какъ къ 1 мая фасадъ этотъ долженъ быть выстроенъ.

Весь характеръ зданія выдержанъ въ стилѣ нашихъ древнихъ сѣверныхъ деревянныхъ построекъ и напоминаетъ старинныя архангельскія постройки. Средина фасада занята бревенчатымъ порталомъ въ два этажа, съ роскошнымъ фронтономъ въ видѣ кокошника и большимъ гребнемъ, на которомъ ажурная надпись „Россія“. Въ срединѣ фронтона помѣщается нашъ государственный гербъ, писанный масляными красками. Надъ фронтономъ высится башня съ очень оригинальною и своеобразною крышей, съ помѣщающимися на ней 4 башеньками, украшенными пиками съ шестоперами. Самая-же башня вѣнчается нашимъ древнимъ орломъ, крыльями на три стороны, какъ это принято дѣлать на зерцалѣ. Къ средней части зданія примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ флигеля съ оригинальными крышами, напоминающими сохранившіяся на нѣкоторыхъ древне-русскихъ теремахъ.

Внутреннюю отдѣлку всего нашего отдѣла коммисія поручила создать нашему акварелисту Н. А. Григорьеву, подъ руководствомъ котораго нѣсколько декораторовъ написали массу гербовъ, русскихъ полотенецъ, бортовъ съ русскими рисунками и кружевомъ, орловъ древняго русскаго типа и проч.

М. И. Чигоринъ. (Портр. на стр. 444).

Имя Михаила Ивановича Чигорина пользуется громкою извѣстностью не только среди русскихъ шахматистовъ, но и заграницей, гдѣ онъ неоднократно бралъ призы на международныхъ состязаніяхъ въ Лондонѣ и др. Въ прошломъ году онъ, какъ извѣстно читателямъ „Нивы“, руководилъ состязаніемъ на двѣ одновременныя партіи СПБ. шахматнаго клуба съ Лондонскимъ, состязаніемъ окончившимся полною побѣдой русскихъ. Въ нынѣшнемъ году Чигоринъ совершилъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ шахматныхъ подвиговъ, какихъ немного въ лѣтописяхъ этой благородной игры: онъ игралъ одновременно 10 партій (т. е. съ десятью игроками) à l'aveugle (не глядя на доски) изъ другой комнаты, въ растворенную дверь которой ему говорили ходы каждаго изъ противниковъ. Человѣку сколько нибудь знакомому съ шахматами, легко понять до какой степени трудно сохранять въ памяти разнообразныя расположенія шахматныхъ фигуръ на десяти доскахъ, при чемъ малѣйшая ошибка памяти влечетъ за собою по меньшей мѣрѣ потерю фигуры, если не проигрышъ. Для совершенно-же незнакомыхъ съ шахматною игрой можно уяснить дѣло сравненіемъ съ общеизвѣстною шашечною игрой. Попробуйте сыграть партію въ шашки не глядя на доску, удерживая въ памяти какъ докладываемые вамъ ходы противника, такъ и свои собственные. Затѣмъ примите въ соображеніе, что въ шахматахъ есть король и королева, два офицера, конь, тура и пѣшка, фигуры совершенно отличающіяся одна отъ другой по разнообразію ходовъ, тогда какъ шашки всѣ ходятъ одинаково (кромѣ дамки). Стало быть дѣло становится по крайней мѣрѣ въ 7 разъ труднѣе; при десяти же одновременныхъ партіяхъ оно становится труднѣе въ 70 разъ. И это по самой меньшей мѣрѣ, такъ какъ въ шахматной игрѣ, кромѣ вышеупомянутаго разнообразія ходовъ, есть куча правилъ, которыя еще болѣе усложняютъ трудность запоминанія и соображенія.

На этомъ по истинѣ головоломномъ состязаніи, Чигоринъ выигралъ всѣ партіи, за исключеніемъ одной, разрѣшившейся въ ничью.

Рисунокъ нашъ изображаетъ М. И. Чигорина во время состязанія, сидящимъ въ библіотекѣ клуба; въ отворенную дверь видна игорная зала, съ рядомъ составленныхъ столовъ, за которыми передъ десятью шахматными досками сидятъ противники Чигорина и его помощники, играющіе по его командѣ изъ библіотеки. Одинъ изъ членовъ клуба говоритъ Чигорину ходы противниковъ.

Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum).

(Рис. на стр. 445).

Первыми свѣдѣніями объ этой интересной птицѣ мы обязаны Палласу, который въ 1811 году познакомилъ ученыхъ съ однимъ видомъ ушастаго фазана—„маки“ или „синей курицей“ китайцевъ. Отличительный ея признакъ составляютъ длинныя перья на щекахъ, тянущіяся вбокъ и назадъ къ затылку, наподобіе ушей. Цвѣтъ перьевъ голубовато-пепельный, зобъ и уши бѣлыя. Г. Пржевальскій, обогатившій орнитологическую коллекцію музея Академіи Наукъ чучелами этой птицы, наблюдалъ ее въ Алашанѣ и горахъ Ганзу. Монголы называютъ ее „кара-така“, т. е. черною курицей, тангуты—„шарама“. Ушастый фазанъ водится почти исключительно въ лѣсистыхъ горахъ, богатыхъ кустарниками, до 3,800 метровъ абсолютной высоты, и питается только растительною пищей, состоящею изъ молодыхъ зеленыхъ почекъ, листьевъ барбариса, преимущественно же корешками различныхъ растеній. Позднею осенью и зимою фазаны попадаются небольшими стайками на деревьяхъ; весною же и лѣтомъ они цѣлый день бѣгаютъ по землѣ и только къ вечеру избираютъ себѣ ночлегомъ высокія деревья. Въ началѣ весны стайки разбиваются на пары. Въ началѣ мая насѣдки сидятъ уже на яйцахъ, которыхъ кладутъ отъ 5 до 7. Крикъ пѣтуха напоминаетъ павлиній, хотя онъ не такъ громокъ и не столь раздираетъ уши.

Охота за ушастымъ фазаномъ чрезвычайно утомительна. Непролазныя чащи, колючіе кустарники барбариса, шиповника и тому подобныхъ тернистыхъ растеній по сѣвернымъ склонамъ горъ; на южныхъ склонахъ—разсѣлины, провалы съ нависшими обрывами, лѣсныя крѣпи, заваленныя палыми деревьями и кучами перегнившей прошлогодней листвы—таковы мѣстопребыванія этой птицы. Нечего и думать объ охотѣ съ собакой, такъ какъ она была бы не въ состояніи слѣдовать за охотникомъ, карабкающимся по утесамъ. Съ другой стороны, чуткая, осторожная птица издали замѣчаетъ охотника и прячется заблаговременно. Лишь изрѣдка, застигнутый врасплохъ, фазанъ взлетаетъ; большею частью онъ спасается бѣгомъ, съ необычайною быстротой, лишь мелькая на мигъ въ чащѣ, такъ что нѣтъ никакой возможности взять его на прицѣлъ; отыскивать же бѣгущаго фазана по слѣдамъ — напрасный трудъ: птица исчезаетъ какъ камень, брошенный въ воду. Кромѣ того, фазанъ очень крѣпокъ на рану и часто улетаетъ съ зарядомъ крупной дроби съ недалекаго разстоянія, или съ перешибленнымъ крыломъ убѣгаетъ въ самую чащу кустарниковъ. Поднимается онъ безъ всякаго шума, не смотря на свою величину, такъ что и взлетѣвшаго фазана не всякій разъ увидишь. Тангуты убиваютъ фазановъ преимущественно зимою, когда птицы сидятъ на деревьяхъ; но въ гораздо большемъ количествѣ ловятъ ихъ силками.

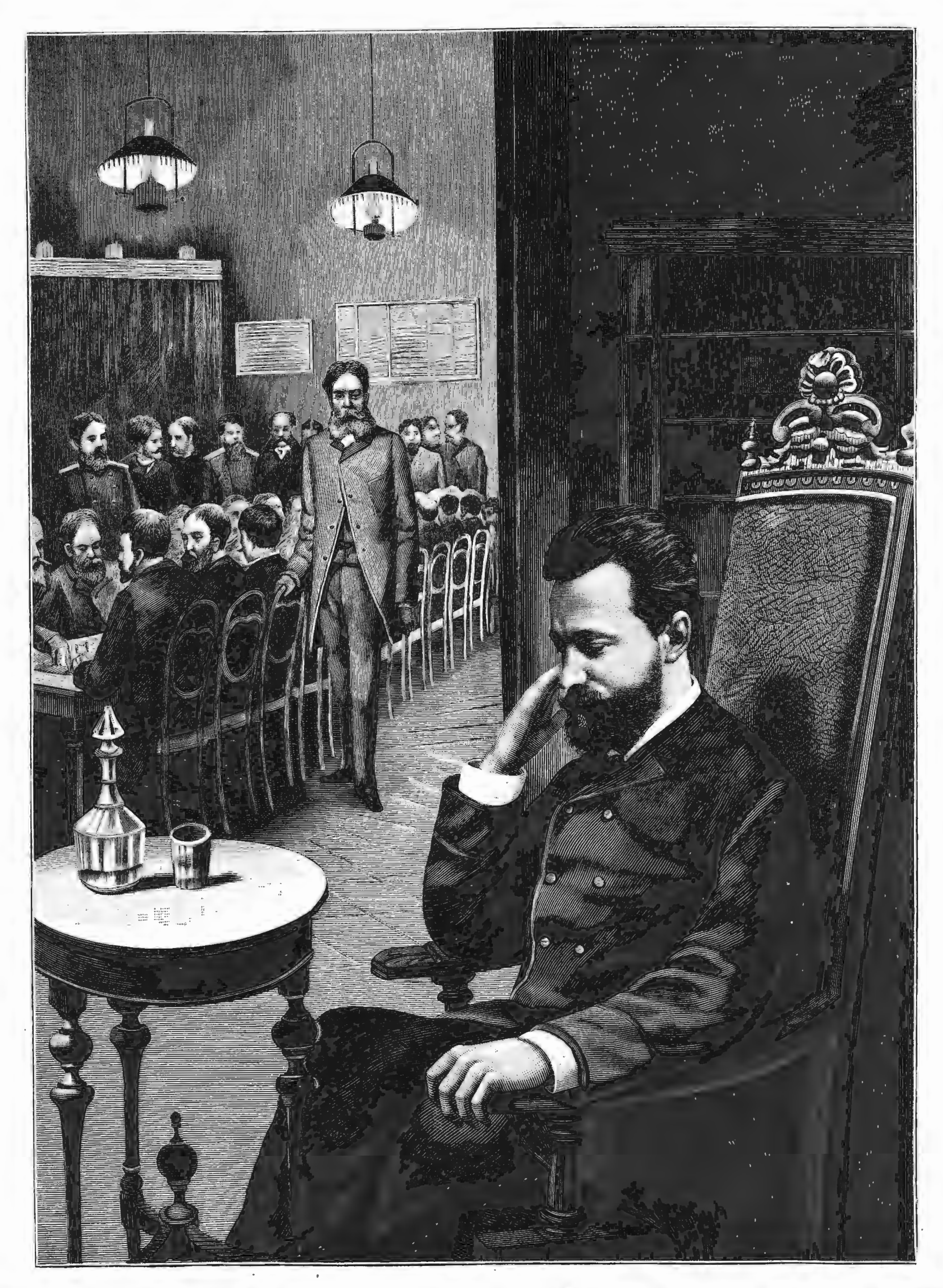
Политическое обозрѣніе.

Болѣзнь императора Фридриха. — Событія во Франціи.

Состояніе здоровья императора Фридриха медленно улучшается. За послѣдніе дни лихорадка ослабѣваетъ и врачи надѣются, что облегченіе будетъ постепенно увеличиваться. Свои надежды они основываютъ главнымъ образомъ на возвращеніи апетита. Страданій и болей какъ въ теченіе всей болѣзни, такъ и теперь нѣтъ. Глотаніе производится безпрепятственно, дыханіе свободно. Въ ночь на 8 апрѣля императору вставили — безо всякихъ затрудненій — вмѣсто серебряной трубочки аллюминіевую, болѣе легкую по вѣсу. Выдѣленіе гноя незначительно. Умственныя способности и желаніе работать не ослабѣли. „Впрочемъ,“ замѣчаетъ *Сѣверо-Германская Газета* „судить о положеніи здоровья императора нужно пока съ осторожностью, такъ какъ полнаго исчезновенія лихорадки еще не замѣчено.“ Болѣе тревожно судятъ о положеніи Августѣйшаго больнаго вѣнскія газеты и считаютъ положеніе его безнадежнымъ, „хотя,“ прибавляетъ *Correspondance de l'Est*, „нынѣшнее состояніе можетъ продлиться нѣсколько недѣль.“ Опасались, что волненіе, вызванное посѣщеніемъ Англійской королевы, окажетъ неблагопріятное вліяніе. Но этого не было, и вообще прибытіе и пребываніе въ Шарлоттенбургѣ королевы Викторіи прошло тише и спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Телеграммы сообщили краткое описаніе пріѣзда ея съ принцессой Беатрисой и принцемъ Генрихомъ Баттенбергскимъ 12 апрѣля въ Шарлоттенбургъ. На вокзалѣ Августѣйшихъ гостей ожидали императрица Викторія, наслѣдный принцъ съ супругой, принцъ Генрихъ Прусскій, наслѣдный принцъ Мейнингенскій съ супругой и три прусскія принцессы. Только-что поѣздъ остановился, они вошли въ салонный вагонъ и привѣтствовали королеву, принцессу Беатрису и ея супруга. Королева поѣхала затѣмъ во дворецъ въ открытомъ экипажѣ, запряженномъ четверкою лошадей. Рядомъ съ королевой сидѣла императрица, а на задней скамейкѣ помѣстились наслѣдный принцъ съ принцессой Беатрисой. На дорогѣ встрѣчались толпы любопытныхъ. На другой день королева Викторія принимала князя Бисмарка, который, пробывъ у ея величества около часа, отправился затѣмъ къ императору. 13 апрѣля королева Англійская отбыла изъ Шарлоттенбурга.

Безпорядки, вызванные кандидатурой Буланже, продолжаются. Въ день появленія отставнаго генерала въ Парижѣ ходили зловѣщіе слухи, ожидали чуть-ли не государственнаго переворота. Поговаривали, что дѣло не обойдется безъ крупныхъ буланжистскихъ демонстрацій, которыя неминуемо вызовутъ контръ-демонстраціи, въ особенности со стороны соціалистовъ и анархистовъ. Были приняты по этому случаю большія мѣры предосторожности. Численность караула въ Бурбонскомъ дворцѣ, гдѣ засѣдаетъ палата, была утроена и въ окрестностяхъ его сосредоточено до 10,000 войскъ. Къ счастію, все прошло гораздо спокойнѣе, чѣмъ опасались.

7 (19) апрѣля, Буланже, въ сопр вожденіи Лагерра, Легерисса



СПБ. Шахматный клубъ. М. И. Чигоринъ играетъ десять партій à l'aveugle (на память, не глядя на доски).

Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **Н. Оболенскаго**, грав. Шюблеръ.

и Деруледа выѣхалъ въ палату изъ Hôtel du Louvre въ открытомъ экипажѣ въ 2 ч. 45 м. и былъ привѣтствованъ по пути восторженными кликами: „да здравствуетъ Буланже!“ Въ 3 часа онъ прибылъ въ палату. Засѣданіе было открыто до его пріѣзда. Многихъ интересовалъ этотъ вновь избранный депутатъ Сѣвернаго департамента, отставной генералъ Буланже, современная знаменитость Франціи. Въ трибунахъ публика, особенно дамы, поднялись съ мѣстъ и лорнетки устремились на Буланже, который спокойнымъ и ровнымъ шагомъ направился къ скамьямъ крайней лѣвой, гдѣ занялъ мѣсто между Лагерромъ и Лезаномъ. Но среди депутатовъ появленіе Буланже особенной сенсаціи не произвело. Подошли къ новому коллегѣ, чтобы пожать ему руку, не болѣе шестнадцати депутатовъ, въ томъ числѣ Кловисъ Гюгъ. Клемансо съ аффектаціей повернулся къ Буланже спиною, а депутаты центра, дѣлая видъ, что не примѣтили его появленія, шумно обступили Жюля Ферри.

Въ это время палата вотировала предложенную Жюмелемъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, высказывающую довѣріе къ правительству и убѣжденіе, что оно своею энергіею обезпечитъ уваженіе къ республиканскимъ учрежденіямъ и съумѣетъ отстоять политику прогресса, реформъ и желаемой страною свободы.

Это предложеніе было принято вслѣдствіе заявленія Флоке, что прежде чѣмъ опредѣлить формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, потребуются необходимыя объясненія между палатою и правительствомъ. Положеніе не такъ опасно, какъ говорятъ, но все-таки оно довольно серьезно. Правительство желаетъ знать, существуетъ-ли въ палатѣ большинство, готовое относиться съ довѣріемъ къ кабинету, склоняющемуся въ сторону лѣвой. Кабинетъ желаетъ пользоваться довѣріемъ палаты для того, чтобы защищать республиканскія учрежденія противъ тѣхъ, кто прикрывается монархическимъ знаменемъ или предлагаетъ странѣ плебисцитарную загадку.

Послѣ вотированія довѣрія къ кабинету Викерсгеймеръ предложилъ назначить въ субботу коммисію для пересмотра конституціи. Предложеніе это было принято большинствомъ 340 голосовъ противъ 215.

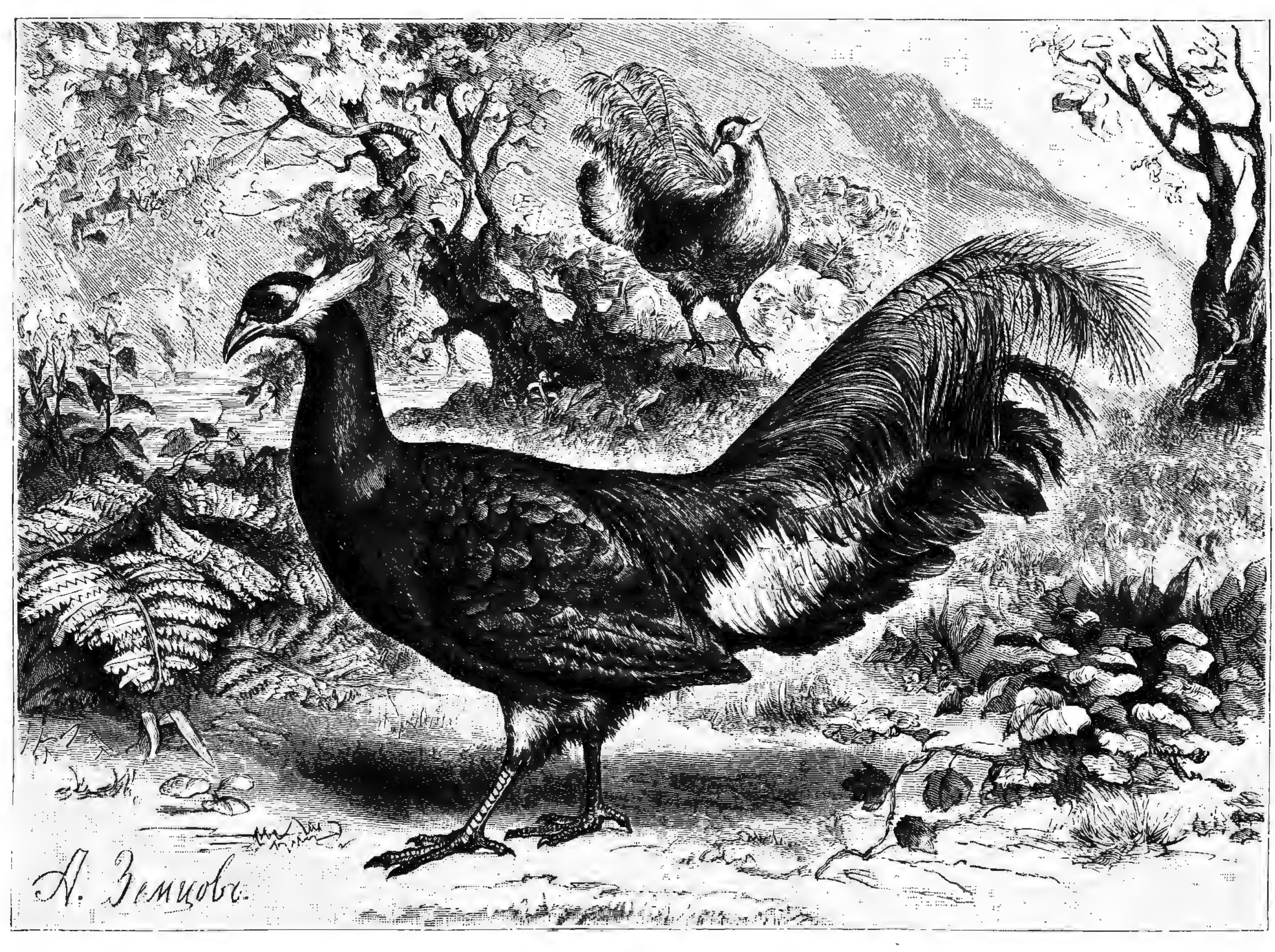
Парижскія газеты находятъ, что эти два голосованія палаты противорѣчатъ одно другому и еще разъ доказываютъ безтолковость палаты, которая сперва выразила кабинету довѣріе, а затѣмъ готовилась одобрить пересмотръ конституціи, отсрочки котораго требовалъ Флоке.

Въ голосованіи палаты генералъ Буланже не участвовалъ. Послѣ засѣданія Буланже возвратился въ Hôtel du Louvre. Площадь Согласія была переполнена громадною толпою, восторженно кричавшею: „да здравствуетъ Буланже! долой Ферри!“

На другой и слѣдующій дни Парижъ былъ ареною антибуланжистскихъ демонстрацій, въ которыхъ главную роль играли студенты.

8 апрѣля, около тысячи студентовъ приняли участіе въ манифестаціи, враждебной Буланже, причемъ встрѣтились съ болѣе многочисленной толпой сторонниковъ Буланже. Произошло столкновеніе, и до двадцати студентовъ было ранено, въ томъ числѣ нѣкоторые довольно серьезно.

Число противниковъ Буланже растетъ, чему отчасти причиною парижская полиція, держащая въ уличныхъ безпорядкахъ сторону буланжистовъ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ причинъ, не мало обстоятельствъ заставляютъ сторонниковъ отставнаго генерала относиться къ нему сдержаннѣе.



Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum). Изъ коллекціи **Пржевальскаго.** Ориг. рис. **А. Земцова,** грав. Шюблеръ.

На-дняхъ графъ Парижскій принималъ многихъ политическихъ дѣятелей и въ бесѣдѣ съ ними сказалъ: „Кризисъ серьезный, но необходимо относиться къ нему хладнокровно. Кризисъ былъ неизбѣженъ и я предсказывалъ его еще въ прошломъ году въ своихъ инструкціяхъ монархической партіи. Событія показали, что я былъ тогда правъ. Внутренніе раздоры обрекаютъ республиканское правительство на безсиліе. Расточительный и тираннический внутри и лишенный кредита и силы въ Европѣ, стоящій у власти радикализмъ грозитъ странѣ окончательною безурядицею. Недавнія блистательныя манифестаціи всеобщаго голосованія являются крикомъ Франціи, утомленной подобнымъ режимомъ и жаждущей освобожденія. Движеніе это есть естественный логическій результатъ насилій и скандаловъ, возмутившихъ общественную совѣсть, злоупотребленій парламентскимъ режимомъ деспотическою партіей и нѣтъ ничего справедливѣе требованія, вмѣстѣ съ распущеніемъ дискредитованной палаты, пересмотра конституціи, лишающей народъ права свободно располагать собственною судьбою. Монархисты еще до нынѣшняго кризиса требовали пересмотра конституціи, я самъ включилъ это требованіе въ ихъ программу и теперь имъ о томъ напоминаю. Но долгъ мой требуетъ тоже заявить, что движеніе это пройдетъ безполезно или подвергнетъ Францію самымъ серьезнымъ опасностямъ, если она вообразитъ, что чье-бы то ни было имя можетъ служить разрѣшеніемъ кризиса, а между тѣмъ разрѣшить его необходимо. Для достиженія этой

цѣли всѣ консервативы должны требовать пересмотра конституціи не отъ разъединенныхъ собраній, гдѣ они составляютъ меньшинство, а отъ самой страны, къ которой слѣдуетъ законнымъ образомъ обратиться и которая въ рѣшительную минуту пойметъ, что разрѣшеніемъ кризиса можетъ быть только монархія, въ томъ видѣ какъ я ее опредѣлилъ и къ возстановленію которой я прилагаю всѣ свои силы. Только это устойчивое правительство можетъ, не конфискуя общественныхъ вольностей, обезпечить нашей трудолюбивой демократіи безопасность, въ которой она нуждается, поставить власть выше собраній и партій и обезпечить такимъ образомъ Франціи порядокъ внутри и миръ извнѣ. Въ тотъ день монархія, принятая всѣми добрыми гражданами, каковы-бы ни были прежнія ихъ предпочтенія, обратится за содѣйствіемъ всѣхъ и каждаго съ тѣмъ, чтобы трудиться съ Божьею помощью надъ возрожденіемъ родины".

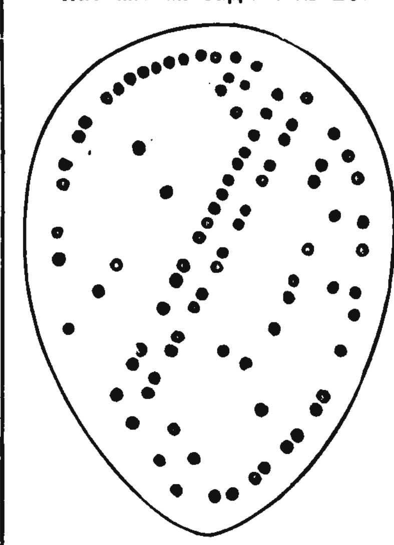
Хотя это заявленіе республиканскія газеты и считаютъ однороднымъ съ заявленіемъ Буланже, но изъ словъ графа Парижскаго ясно—насколько и для чего имъ необходимъ Буланже. Бонапартисты идутъ еще далѣе и откровенно заявляютъ, что коль скоро Буланже будетъ для нихъ не нуженъ, они перестанутъ его поддерживать.

Смѣсь.

Будетъ-ли 1888 г. годомъ мира? На вопросъ этотъ, если довѣрять исторіи, слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Дѣло въ томъ, что всѣ годы послѣ Рождества Христова—въ которыхъ одна и та же цифра повторялась три раза подъ-рядъ, начиная съ 111 до 1777, проходили безъ большихъ войнъ. Кромѣ того, такой великій мирный актъ, какъ заключеніе Аугсбургскаго мира, приходится на 1555 годъ. (с.)

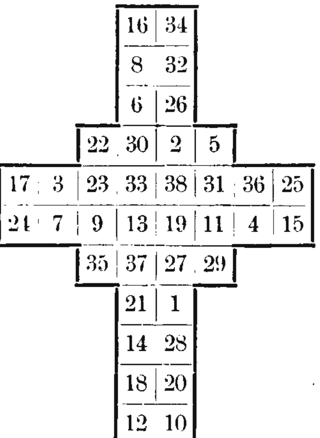
Причиною частыхъ головныхъ болей въ зимнее время является большею частію дурной воздухъ въ комнатахъ. Прекраснымъ средствомъ для очищенія воздуха служитъ хвойный экстрактъ, но онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ дорогъ. Его можно замѣнить гораздо болѣе дешевымъ средствомъ, а именно: въ сосудъ, заключающій въ себѣ полъ-бутылки кипятку, влить по каплѣ столовую ложку скипидару; комната наполнится прекраснѣйшимъ сосновымъ запахомъ. (С.)

Пасхальная задача № 29.



Соединить точки прямыми линіями такъ, чтобы получились буквы словъ одной фразы.

Пасхальная задача № 30.



Найти семь словъ, буквы которыхъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ креста, причемъ должна получиться фраза.

Богиня 1. 2. 3. 4. 5.
Рыбы 6. 7. 8. 9. 10. 11.
Принадлежность плаванія 12. 13. 14. 15. 16.
Музыкальный инструментъ 17. 18. 19. 20. 21. 22.
Монашескій чинъ 23. 24. 25. 26. 27.
Банковая операція 28. 29. 30. 31. 32.
Порода собакъ 33. 34. 35. 36. 37. 38.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

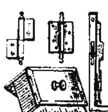
ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ **НОВАЯ КНИГА:**

ПРАКТИЧЕСКІЙ РЫБОЛОВЪ.

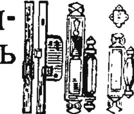
Карманная книжка для удильщиковъ-спортсмэновъ.

Руководство это составлено по лучшимъ источникамъ, русскимъ и иностраннымъ, и содержитъ: 1) Списокъ русскихъ сочиненій по рыболовству; 2) гигіену рыбака; 3) подробное описаніе новѣйшихъ рыболовныхъ принадлежностей съ обозначеніемъ цѣнъ и точнымъ наставленіемъ относительно употребленія и домашняго изготовленія каждаго снаряда отдѣльно; 4) полный сборникъ рецептовъ для приготовленія (по сезону, мѣсту и породѣ) приманокъ и прикормокъ, съ указаніемъ способа насадки; 5) систематическое изложеніе способовъ и пріемовъ ловли каждой отдѣльной породы прѣсноводныхъ рыбъ, характеристика ихъ, опредѣленіе добычливыхъ мѣстъ, сезонъ нереста и клёва; 6) особенности подсѣчки и вываживанія; 7) лучшій способъ приготовленія каждой породы рыбъ въ пищу, и т. д. Съ приложеніемъ: а) нересто-рыболовнаго календаря, б) классификаціонной таблицы, в) алфавитнаго справочника названій рыбъ на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, г) способовъ размноженія и ловли рѣчныхъ раковъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к. Складъ изданія въ магазинѣ **П. Ф. Каратаева**, въ СПБ., Милютинъ рядъ, № 18. Гг. иногородные, выписывающіе изъ склада, за пересылку не платятъ. № 3144

ТУЛЬСКІЙ ФАБРИКАНТЪ



оконныхъ, дверныхъ, печныхъ металлич. приборовъ



ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ

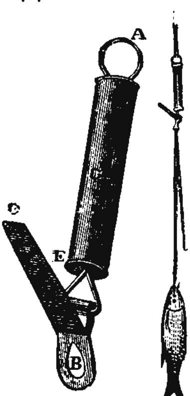
КАМЕНЕВЪ

Продаетъ и принимаетъ на приборы заказы и исполняетъ по рисункамъ и чертежамъ, а также на запросы высылаетъ безплатно иллюстрированный прейсъ-курантъ. П. № 3111 2—2

Адресъ: Тула, фабрикантъ КАМЕНЕВЪ.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ

ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. **П. Ф. Каратаевъ**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к., выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 3145

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ

грязелечебница въ Крыму, въ Керчи, открыта съ 15 мая по 1 сентября. 4—2
Подробности см. № 35 „Нивы“ за 1887 г.

НОВАЯ КНИГА:

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ
ТОКАРНАГО ИСКУССТВА
(по дереву).

Руководство для любит., учил., и професс. школъ. Сост. **М. Нетыкса.**—Выписыв. изъ магаз. **БР. ЛИНДЕМАНЪ**, Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ, за перес. не платятъ. Прод. въ книжн. магаз. обѣихъ столицъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Ц. № 3147 3—1

СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ПЕЧАТНИКЪ
посредствомъ А. 3148 3—1

АВТОКОПИСТА

26,000 экз. продано. 10 медалей золотыхъ и серебряныхъ.

Фабрикантъ: **OTTO LELM, Sureynes**, близъ Парижа. Объявленія и отпечатанія высылаются **безплатно** и **фран о.**

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ
НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Примѣръ: адвокатъ, купецъ, нотаріусъ, священникъ и т. п., лѣтъ 47-ми, заключаетъ въ **Страховомъ Обществѣ „Россія“** страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п., вообще **вездѣ, дома и внѣ дома,** уплачивая страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп. за годъ.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія“ гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. въ случаѣ смерти—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу, **капиталъ въ 6,000 руб.;**
2. въ случаѣ увѣчья или вообще неспособности къ труду на всю жизнь,—самому пострадавшему **пожизненную ежегодную пенсію до 800 руб;**
3. въ случаѣ временной неспособности къ труду—ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Подробныя **брошюры** о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются **безплатно Главною Конторою** въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13), **Главными Агентствами и агентами Общества** въ городахъ Имперіи. № 3121 6—2

УНИВЕРСАЛЬН. КРЕСЛО

кровать, кушетка, кресло и проч.
◆ **все въ одномъ** ◆

Для отправки кресло можетъ быть сложено и упаков. въ небольшой ящикъ. Цѣны отъ 28 до 72 руб. безъ пюпитра. Съ пюпитромъ 6 р. дороже. № 3133 2—2

Нов. изобрѣт. походн. и дорожн.

◆ **КРОВАТИ** ◆

занимающ. въ складн. видѣ эквивал. мѣсто съ чемоданомъ. Вѣсъ 33 фунта.

Прейсъ-куранты безплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЕБЕЛИ
В. ФРИЦЪ И Ко.
С.-Петербургъ,
№ 5, Почтамтскій переулокъ, № 5.

ПО БЛАГОСЛОВЕНІЮ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

Православному Палестинскому Обществу разрѣшенъ сборъ въ церквахъ на всѣхъ службахъ Вербнаго Воскресенія **для помощи православнымъ въ Іерусалимѣ и въ Святой Землѣ.** № 3137

Извѣщая о семъ, Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества покорнѣйше проситъ всѣхъ христолюбцевъ оказать посильную помощь этому благотворительному дѣлу.

ШЕРСТНИЧЕСТВО!

Отлично обезпечиваетъ: зимою отъ холода, а лѣтомъ отъ жары:

проф. медиц. Д-ра ЕГЕРА
настоящее нормальное шерстяное бѣлье
ЮЛІЯ ПАНЦЕРА,

ЕДИНСТВЕННАГО для Россійской Имперіи, Проф. медиц. Д-мъ Егеромъ въ Штутгартѣ концессіонированнаго **ФАБРИКАНТА.**

Эти настоящія шерстяныя издѣлія удостоились на всѣхъ выставкахъ наградами и лестнымъ отзывомъ со стороны гг. врачей и публики.

Фабрика и контора; въ г. Лодзи.
Магазинъ: въ Варшавѣ, Вѣржбовая, № 1. № 3·99 26—3

Подробный каталогъ съ прейсъ-курантомъ высылаю безплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
наискось прежняго помѣщенія.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3113 3—3

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

PILULES
DE
VALLET

ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЯНЫ

Онѣ бѣлыя и имя Валлэ находится на каждой пилюлѣ.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикетѣ не находится мое имя и мой адресъ: **19, RUE JACOB.**
Продается во всѣхъ аптек.

Vallet

А. № 3064 5—4

Ж. БЛОКЪ,
СПБ. Б. Морская, № 21.
Москва, Кузнецк. м., д. Голицына.

НОВОСТЬ!
ПЕРЕНОСНЫЯ, СКЛАДНЫЯ,
ЖЕЛѢЗНЫЯ Р. № 3139
СПАСАТЕЛЬНЫЯ ЛѢСТНИЦЫ

привилегированныя за границею и въ Россіи. 2—1

Эти лѣстницы доступны и необходимы „ВСЯКОМУ“.— ВЕСЬМА ВАЖНЫ **для заводовъ, школъ, казармъ, „ДАЧЪ“** и проч. **для спасенія во время ПОЖАРА.** Прикрѣпляются и опускаются изъ любаго окна **въ 20 секундъ.**

Длина:	Цѣна:	Цѣна:
6 арш.	15.—	27.50
11¼ „	25.—	47.50
16½ „	35.—	57.50

Ширина: 8 вершк. 16 вершк.
Вѣсъ: отъ 15 фунт.— 55 фунт.
Упаковка: 1 руб. узкія.
„ 1 р. 50 к. широкія.

Съ заказами прошу высылать задатокъ. Почтовые расходы или провозъ на счетъ покупателя.

Каждая лѣстница испытывается на 16 пудовъ. Обратите вниманіе на клеймо изобрѣтателя В. Б.

СКРИПКИ

отъ $2^1/_2$ до 800 руб.

Смычки отъ 50 коп. до 60 руб.

Альты, віолончели, контрабасы и пр.

ГИТАРЫ отъ $3^1/_2$ до 125 р. (Отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для струнъ).

А также всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.

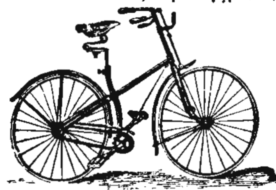
Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 3146

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ, Франкфуртъ н/М.



Фабрикантъ велосипедовъ „Орелъ". Составныя части и принадлежности. Илл. катал. за 10 пфен. марками. Р. № 3116 12—3

ДЕПО ЧАСОВЪ
Ю. ЭРГАРДТЪ

СПБ. Офицерская ул., № 18. № 2871 10—7

Рекомендуетъ **цѣпочки нов. зол.** отъ $1^1/_2$ до 8 р. Спеціалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.

Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ
МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДЪ и УРЛАУБЪ

въ Москвѣ, Красносельская улица, № 601,

строитъ всякія **земледѣльческія орудія и машины, насосы, пожарныя трубы и пр.,** имѣетъ большой выборъ новѣйшихъ машинъ наилучшихъ конструкцій, какъ заграничныхъ, такъ своего издѣлія.

Конторы и склады:

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.

Тамъ же продаются
новые огнегасительные патроны

5—2 **АНТИПИРЪ** № 3122

лучшее средство тушенія пожаровъ.
Цѣна за 1 дюж. 15 руб.

Ищутъ въ провинціи агентовъ. Иллюстрированные каталоги безплатно.

4—1 **НОВОСТЬ!** Р. № 3138

БЕЗОПАСНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ ВИППЕТЪ и СВИФТЪ.

Спеціально для русскихъ дорогъ.

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящной литографир. оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная, 1 р. 25 к.,** а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА ВЗАИМНАГО ПОЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА.

О выдачѣ ссудъ подъ залогъ поземельной собственности.

Ссуды выдаются Обществомъ на 48 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ кредитными закладными листами, причемъ только 1% всей ссуды зачисляется въ металлической валютѣ, а остальные 99% въ кредитной. На выданную ссуду платится: по металлической ея части 7 руб. кредитными билетами на сотню ссуды, на ростъ и погашеніе; а по кредитной части—5% роста, $^1/_2$% погашенія и $^1/_4$% на расходы Общества. На основаніи вышесказаннаго, изъ ссуды напримѣръ въ 10.000 рублей, выдается 100 рублей металлической ссуды и 9.900 рублей кредитной.

Полагая биржевой курсъ кредитныхъ листовъ примѣрно въ 93%, при указанномъ размѣрѣ ссуды, заемщикъ получаетъ кредитныхъ рублей		Р. 9.300.
а за вычетомъ единовременныхъ удержаній при залогѣ имѣнія:		
5% въ спеціально-запасный фондъ на всю сумму кредитной ссуды 9.900 руб.	Р. 495.	
6% въ складочный капиталъ на сумму 100 руб. металлическихъ (Оба эти взноса составляютъ собственность владѣльца; но изъ нихъ послѣдній составляетъ принадлежность имѣнія и не можетъ, какъ первый, переходить изъ рукъ въ руки).	„ 6.	
1% на возмѣщеніе расходовъ по оцѣнкѣ, заготовленію листовъ и проч.	„ 100.	„ 601.
Заемщикъ получаетъ всего на руки		Р. 8.699.

За означенную занятую сумму заемщикъ обязанъ ежегодно платить, за вычетомъ дохода на удержанную при выдачѣ сумму спеціально-запаснаго фонда, 550 руб. 25 коп., что составляетъ на сумму, полученную на руки, 6 руб. 32 коп. со ста рублей.

О подробностяхъ залога можно узнать въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ, во всѣхъ его Окружныхъ Отдѣленіяхъ и Конторахъ и у повѣренныхъ Общества. № 3136

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле.

3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☛ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое, единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова.**

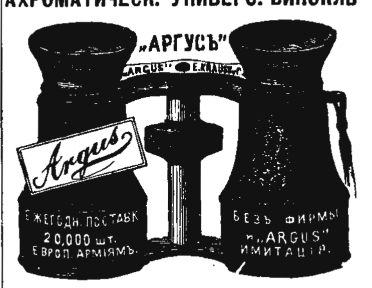
Книгу можно получить въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Нива" (Невскій просп., № 6).

ДЕПО ЧАСОВЪ
Эд. Бурхарда.

1. Гороховая, у Краснаго моста, № 17. № 3123 2—2
2. Вознесенск. пр., уг. Мойки, № 68—3, въ СПБ.

Большой выборъ часовъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

АХРОМАТИЧЕСК. УНИВЕРС. БИНОКЛЬ



Карманн. форматъ съ замшев. кошельк.	8 р. 50 к.
съ упаковкой и пересылк.	9 р. — к.
Больш. форматъ съ кожан. футляр. и ремн.	9 р. 50 к.
съ упаковкой и пересылкой	10 р. 50 к.

„Аргусъ" имѣетъ превосходныя оптическія качества, одинаково годенъ для военныхъ, охоты, путешествія и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названіе: **Универс. Бинокль.**

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальная фабрика биноклей, Парижъ, Avenue d. l. République, 4.

Складъ для Россіи: С.-Петербургъ, Мойка, № 40, у Полицейск. моста (перев. съ Литейн. пр., № 55). Р. № 3135 2—2

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ А. РАЛЛЕ и К°.

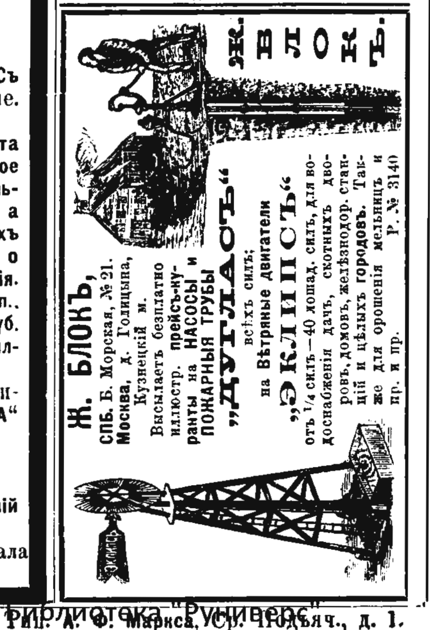
МОСКВА

Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ:
МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ,
изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
НА СКЛАДѢ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ

В. АККЕРМАНА,

СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 3101 4—2



XIX г. № 18 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 апрѣля 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1888 г., съ 39 гравюрами и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 17 рис. рукодѣльныхъ работъ.

А. Н. Майковъ.

Вотъ уже полвѣка звучитъ вѣщій голосъ одного изъ корифеевъ русской поэзіи, Аполлона Николаевича Майкова. Въ ряду поэтовъ, являющихся какъ-бы связующимъ звеномъ нашего времени со школой, во главѣ которой стояли Пушкинъ и Лермонтовъ, Аполлонъ Николаевичъ занимаетъ первенствующее мѣсто. Его первыя стихотворенія въ антологическомъ родѣ обратили на себя вниманіе своею художественною простотою и безукоризненностью формы и обнаружили могучій талантъ поэта, которому съ самыхъ юныхъ лѣтъ стали извѣстны „гармоніи стиха божественныя тайны“. Когда Бенедиктовъ, выпросивъ у А. Н. Майкова одну изъ его антологическихъ пьесъ „Сонъ“, помѣстилъ ее въ сборникѣ Карлгофа за подписью одною буквою *М.*, чуткій Бѣлинскій, не зная кому она принадлежитъ и написалъ-ли авторъ ея еще что-нибудь, перепечаталъ ее въ своей статьѣ при громкой

А. Н. Майковъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея литературной его дѣятельности).
Съ фотогр. грав. Флюгель.

похвалѣ, сказавъ объ этой пьесѣ, что это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. „Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобы признать замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ піесъ“. Въ появившемся затѣмъ собраніи стихотвореній Майкова, критикъ нашелъ у поэта дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и обѣщающее въ будущемъ; онъ указалъ, что въ нѣкоторыхъ піесахъ заключаются глубокія идеи,

и вообще признал у Майкова мастерство стиха, который, по мнѣнію Бѣлинскаго, напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи. Бѣлинскій возлагалъ большія надежды на Майкова, и онѣ вполнѣ оправдались. Талантъ его обнаружился еще рельефнѣе въ послѣдовавшихъ за первымъ сборникомъ стиховъ, „Очеркахъ Рима“. Здѣсь картины классическаго міра и современной Италіи, вмѣстѣ съ воспоминаніями прошлаго и сценами ея настоящаго быта, исполнены такъ правдиво, изображены такими живыми красками, что воображеніе читателя помимо воли переносится въ античную страну славы и искусства. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ росла извѣстность Майкова и его высокохудожественныя вещи производили глубокое впечатлѣніе. Муза Майкова всеобъемлюща: ей равно доступенъ міръ языческій и древне-христіанскій, средніе вѣка и новая исторія Европы, міръ славянства и древней Руси, родная старина и новѣйшая злоба дня въ нашемъ отечествѣ — и все это во всѣхъ трехъ главныхъ формахъ поэзіи: эпосѣ, лирѣ и драмѣ. Достаточно вспомнить такія произведенія, извѣстныя всей читающей Россіи, какъ „Три смерти“, „Два міра“, „Клермонтскій соборъ“, „Савонарола“, Былины, „Слово о полку Игоревѣ“, Отзывы Исторіи, „Странникъ“, „Княжна“ и друг. Картина торжественнаго собора крестоносцевъ, проповѣдь суроваго аскета среди карнавальной сутолоки и шума, судъ надъ Яномъ Гуссомъ, предсмертныя минуты римлянъ, осужденныхъ Нерономъ, — все это блещетъ мѣстнымъ колоритомъ и отличается широкимъ размахомъ поэтической кисти. Природа съ ея живыми и разнообразными впечатлѣніями и классическій міръ преимущественно вдохновляютъ нашего знаменитаго поэта. Богатство образовъ, роскошь красокъ, грація и пластичность формы, даже въ самомъ небольшомъ, незначительномъ произведеніи Майкова, вызываютъ удивленіе и восхищеніе. Въ его изображеніяхъ красотъ природы и ея таинственныхъ, обаятельныхъ явленій ощущается сочная, мягкая и нѣжная кисть живописца. Высокодаровитый поэтъ, по справедливому замѣчанію одного критика, смѣло рѣшается передать словами то, что̀ доступно лишь кисти мастера, и, не взирая на необычайную трудность задачи, всегда выходитъ побѣдителемъ. Замѣчательный лирикъ, въ драмѣ Майковъ можетъ быть сравнимъ развѣ съ Пушкинымъ, надъ которымъ онъ даже имѣетъ одно несомнѣнное преимущество въ этой сферѣ: стихъ его живѣе, отрывочнѣй и такъ-сказать разговорнѣе, что̀ составляетъ одно изъ важныхъ условій въ живомъ развитіи драматическаго дѣйствія. Прелесть и оригинальность античной поэзіи Майковъ передаетъ съ поразительнымъ мастерствомъ. Спокойствіе древнихъ грековъ и римлянъ, полное величія, ихъ крайнее увлеченіе земными наслажденіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, то полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ они относятся къ смерти,—выражены Майковымъ, въ произведеніяхъ подобнаго рода, чрезвычайно картинно и рельефно и, въ этомъ отношеніи, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ между отечественными поэтами. Спокойный, невозмутимый тонъ, при чуткомъ художественномъ созерцаніи, и объективность всегда, въ извѣстной степени, проглядываютъ въ поэзіи Майкова; онъ чуждъ чрезмѣрныхъ, фальшивыхъ восторговъ, онъ никогда не затемняетъ свои образы и ясныя очертанія рефлексіей, и, оставаясь до конца вѣрнымъ своему глубокому спокойствію, творитъ каждое произведеніе свое съ полной осмотрительностью, совершенно заканчивая его; оттого-то всѣ его произведенія такъ строго выдержаны и всегда производятъ впечатлѣніе вполнѣ цѣльнаго, продуманнаго, прочувствованнаго. Его поэма „Два міра“, надъ которою онъ работалъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ и которая составляетъ вѣнецъ всей дѣятельности поэта, такъ безукоризненно прекрасна по мысли и по исполненію, что даже немногіе противники Майкова, судьи пристрастные, придирчивые, и тѣ относятся съ особеннымъ уваженіемъ къ названной поэмѣ и находятъ ее замѣчательною во всѣхъ отношеніяхъ. А кто изъ маломальски образованныхъ людей не восхищался его лирическими піесами, въ которыхъ каждый стихъ словно выточенъ? кто не знаетъ наизустъ его стихотвореній: „Нива“, „Голубенькій, чистый подснѣжникъ цвѣтокъ“, „Весна! Выставляется первая рама“, „Ласточки“, „Зимнее утро“ и разныхъ мѣстъ изъ „Рыбной ловли“, „Послѣднихъ язычниковъ“, изъ пьесы „Бабушка и внучекъ“ и друг.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода; въ числѣ его предковъ значится Св. Нилъ (Майковъ), болѣе извѣстный подъ именемъ Нила Сорскаго, ревностный поборникъ пустынножительства и монашества въ его истинномъ значеніи, основавшій монашескую обитель на рѣкѣ Сорѣ († 1508). Братъ прадѣда Аполлона Николаевича, Василій Ивановичъ Майковъ, славился въ вѣкъ Екатерины, какъ остроумный стихотворецъ, преимущественно своими юмористическими поэмами. Отецъ нашего поэта, Николай Аполлоновичъ Майковъ, былъ извѣстный живописецъ, имѣлъ званіе академика, служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ отечественной войнѣ Двѣнадцатаго Года и былъ раненъ при Бородинѣ. Аполлонъ Николаевичъ родился въ Москвѣ, 23 мая 1821 г.; дѣтство провелъ въ подмосковной своего отца, близъ Троицко-Сергіевской лавры, среди святочтимыхъ семейныхъ преданій, въ самомъ центрѣ исторической жизни, окруженный природой, которую узналъ и полюбилъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Лѣтомъ 1833 года Майковъ былъ отвезенъ въ Петербургъ къ дядѣ, имѣвшему здѣсь пансіонъ для приготовленія молодыхъ людей въ разныя высшія и среднія военно-учебныя заведенія. Благодаря превосходнымъ способностямъ и быстрой памяти, А. Н. Майковъ въ три года подготовился въ университетъ, блистательно сдалъ экзаменъ въ 1836 году (особенно по математикѣ, причемъ обратилъ на себя вниманіе всего математическаго факультета) и былъ зачисленъ студентомъ по юридическому факультету. Окончивъ курсъ въ 1841 г., онъ поступилъ на службу въ департаментъ государственнаго казначейства; прослуживъ здѣсь недолго, онъ занялъ мѣсто библіотекаря при Румянцовскомъ музеѣ, оставаясь библіотекаремъ до 1852 г., т. е. до перевода этого учрежденія въ Москву. Послѣ этого онъ перешелъ на службу въ комитетъ цензуры иностранной, гдѣ служитъ и по настоящее время. Для довершенія своего образованія, Майковъ отправился въ 1843 году, съ братомъ своимъ Валеріаномъ, за-границу, слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collége de France, а также изучалъ памятники искусствъ, для чего прожилъ годъ слишкомъ въ Италіи. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ въ товарищескомъ кружкѣ, состоявшемъ изъ брата его, Валеріана, Цейдлера, Дудышкина, М. Заблоцкаго и др., занимался изученіемъ философскихъ наукъ и этическихъ вопросовъ. Аполлонъ Николаевичъ рано почувствовалъ призваніе къ литературѣ благодаря Владиміру Андреевичу Солоницыну, близкому другу его отца, имѣвшему огромное вліяніе на все образованіе юныхъ Майковыхъ. Собственно русскимъ языкомъ и началами латинскаго занимался съ ними И. А. Гончаровъ, тогда еще юноша, только что кончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ. Тринадцати-четырнадцати лѣтъ Майковъ обнаружилъ значительный литературный талантъ. Изъ его стихотвореній, изъ опытовъ брата его Валеріана и изъ трудовъ друзей дома Майкова, отца нашего поэта, — составлялись цѣлыя книжки, которыя переписывались, переплетались и показывались гостямъ Николая Аполлоновича Майкова. Стихи Майковъ продолжалъ писать и въ университетѣ, но не придавалъ имъ никакого значенія, такъ какъ гораздо болѣе интересовался живописью, занимаясь ею подъ руководствомъ отца. Онъ и позже все еще колебался въ выборѣ того или другаго искусства, но слабость зрѣнія помѣшала ему окончательно избрать поприще живописца. А тотъ рѣшительный и неожиданный успѣхъ, который встрѣтилъ его первыя печатныя произведенія, невольно заставилъ Майкова посвятить всѣ свои силы и помыслы литературѣ. Первое собраніе стихотвореній его появилось въ 1842 г. Съ тѣхъ поръ его произведенія выдержали значительное число изданій, изъ которыхъ послѣднее, самое полное и изящнѣйшее, сдѣлано издателемъ „Нивы“.

Аполлону Николаевичу
Майкову.

Въ день пятидесятилѣтія его поэтической дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ первый звукъ на лирѣ
Ты вызвалъ юною рукой;
Съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтился ты въ мірѣ
Съ твоей подругой и сестрой,
Съ твоею музою правдивой, —
Теперь полъ-вѣка протекло;
И много время унесло
Своей волной нетерпѣливой!
Ты, дядя, сѣдъ; ты, дядя, старъ;
Суровой жизни вынесъ холодъ, —
Но сердцемъ все еще ты молодъ
И сохранилъ душевный жаръ!..
Ты такъ богатъ еще стихами...
Еще цвѣтетъ твой дивный садъ
И ты бросаешь въ насъ цвѣтами, —
Мы ловимъ жадными руками
Ихъ поэтическій каскадъ.
Садовникъ опытный и славный!
Я долго молча наблюдалъ
Твою работу; стихъ твой плавный
Благоговѣйно изучалъ.
И самъ въ минуты вдохновенья,
Тебѣ стараясь подражать,
Мои мечты, мои видѣнья

Въ стихахъ учился излагать.
Но все не то! — огни и краски
Порой лишь блещутъ у меня
И пѣсни вялы, блѣдны сказки,
Не дышетъ силой рѣчь моя!

Открой, прошу тебя, секреты,
Хотя-бы мнѣ, своихъ трудовъ;
Спаси меня, молю, отъ Леты
И научи вязать букеты
Неувядаемыхъ стиховъ!..

М. Майковъ.

Слуги.

(Изъ домашняго архива).

И. А. Гончарова.

IV.

Степанъ съ семьей. *)

Гдѣ вы мои слуги, мои тѣлохранители, и денегъ, и бѣлья моихъ рачители? „Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ далече.“ Но какъ только остановлюсь памятью на которомъ-нибудь изъ нихъ, предо мною изъ тьмы предстанутъ, какъ живыя, лица Михеевъ, Егоровъ, Максимовъ, Павловъ и т. д.

Вотъ я ихъ вижу передъ собой, съ подносомъ или чашками, щетками въ рукахъ, слышу будто ихъ говоръ.

Пропускаю мимо нѣсколько человѣкъ, служившихъ у меня не подолгу: они слишкомъ однообразны.

Ихъ можно свести въ одну группу—пьющихъ. Много портили они у меня крови и отравляли мою холостую жизнь.

Былъ Петръ, который, отслуживъ свой день, запиралъ меня на ночь на ключъ и уходилъ куда-то—пить водку и играть въ карты. Я узналъ объ этомъ случайно отъ старухи, которой давался у меня въ кухнѣ уголъ, чтобы квартира не оставалась совсѣмъ пустою, когда не было меня и слуги дома.

Я вызывалъ его на откровенность, чтобы дознаться, правда-ли это. Онъ упорно отрекался, особенно отрицалъ водку.

— Ни-ни! твердилъ онъ: — я уходилъ раза два, только не водку пить, нѣтъ!

— Зачѣмъ-же? Чтó ты дѣлалъ?

— Не водку пить ходилъ, утверждалъ онъ упорно:— я за другимъ уходилъ.

— Зачѣмъ?

— За другимъ, только не водку пить!

Однажды я хотѣлъ повѣрить, правду-ли говоритъ старуха, и заработавшись долго ночью, вышелъ въ переднюю, хотѣлъ пройти чрезъ его комнату въ кухню. Его не было и дверь оказалась запертой.

Я еще не успѣлъ лечь, какъ услышалъ, что онъ пришелъ и возится у себя въ темнотѣ. Я вышелъ къ нему со свѣчкой. Онъ раздѣвался, готовясь лечь.

— Гдѣ ты былъ? строго спросилъ я.—Скоро три часа.

— А вамъ чтò за дѣло! дерзко отвѣчалъ онъ. Онъ былъ очень въ возбужденномъ состояніи.

— Какъ чтò за дѣло: у меня живешь и бродяжничаешь по ночамъ.

— Какъ вы смѣете называть меня бродягой! вскипнулся онъ на меня съ крикомъ, съ азартомъ, такъ что изъ кухни, услышавъ крикъ, пришла старуха. Онъ продолжалъ кричать и грубить.

— Ну, ложись спать! покойно сказалъ я уходя.

— Лягу и безъ васъ, не дамъ куражиться надъ собой! Я не бродяга, я хожу въ хорошіе люди, не водку пить: нѣтъ, нѣтъ! кричалъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Утромъ я позвонилъ. Онъ какъ ни въ чемъ не бывало принесъ мнѣ чай, газеты. Я отдалъ ему паспортъ, зажитое жалованье и сказалъ, чтобы онъ немедленно уходилъ. Онъ оторопѣлъ немного, переступилъ съ ноги на ногу.

— Помилуйте, за что-же?.. тихо сказалъ онъ.

Я ничего не отвѣчалъ. Онъ взялъ паспортъ, деньги и ушелъ.

— Позвольте только оставить пожитки мои здѣсь на день или на два, пока пріищу мѣсто, сказалъ онъ оборотясь при выходѣ.

— Хорошо, скажи старухѣ, чтобы она поберегла ихъ. Ты понимаешь, что ты не можешь больше оставаться у меня? Если-бы васъ было много въ домѣ, можно-бы еще кое-какъ терпѣть, а ты одинъ.

— Это точно-съ... тихо сказалъ онъ и ушелъ понуря голову. — Простите за вчерашнее! еще тише прибавилъ онъ, отворяя дверь. Я махнулъ рукой и онъ вышелъ.

Старуха сказывала мнѣ, что когда онъ узналъ, чтó и кáкъ онъ говорилъ со мною ночью, то онъ схватилъ себя руками за голову. „Неужели это правда? И я это все сказалъ!“

Онъ былъ очень тихій, приличный и расторопный слуга, представительной наружности, блондинъ лѣтъ тридцати, съ грубоватыми, но правильными чертами лица.

Когда онъ дня черезъ два явился за пожитками, я спросилъ, зачѣмъ онъ уходилъ по ночамъ.

— За какимъ такимъ дѣломъ, котораго упорно назвать ты не хотѣлъ?

— Водку пить-съ! откровенно, со вздохомъ сознался онъ, потупляя глаза.

Послѣ него черезъ день явился другой слуга, Максимъ, рябоватый, здоровый, крѣпко сложенный, мускулистый человѣкъ невысокаго роста.

Этотъ отличился черезъ три мѣсяца. Воротясь однажды поздно домой, я засталъ дверь незапертою. Максимъ не спалъ, но былъ тоже въ возбужденномъ состояніи. Такъ какъ онъ былъ на ногахъ, помогъ мнѣ раздѣться, взялъ платье, сапоги, я не обратилъ на это вниманія. На другое утро онъ заявилъ мнѣ, что мое пальто съ бобровымъ воротникомъ пропало.

— Какъ, куда пропало? Ты дома былъ, или уходилъ со двора? Приходилъ къ тебѣ кто-нибудь?

— Нѣтъ-съ... должно быть я не уходилъ... кажется, что дома былъ... И у меня никого не было... что-то не помню... Кому быть у меня! лепеталъ онъ какъ ребенокъ.

— Отчего-же дверь вчера была не заперта, когда я пришелъ?

— Не помню-съ... была-ли она заперта, или нѣтъ... отговаривался онъ, глядя въ сторону.

— Поищи, спроси, если у тебя кто-нибудь былъ — сходи узнай... Я въ полицію дамъ знать, погрозилъ я.— До завтра даю тебѣ сроку...

Онъ ничего не сказалъ. Утромъ первый мой вопросъ былъ о пальто.

— Никакъ нѣтъ-съ: нигдѣ не могъ отыскать. Спрашивалъ у дворниковъ, не входилъ-ли кто, не выносили-ли пальто?.. Они никого не видали...

— Ну, надо въ полицію объявить: тамъ, можетъ быть, ты вспомнишь, отчего дверь не была заперта... сказалъ я.

— Ваша воля, какъ вамъ угодно! отвѣтилъ онъ равнодушно.

Но полиціи я не объявилъ, зная, по множеству примѣровъ, какъ это бываетъ безполезно, а Максима немедленно уволилъ.

*) „Степанъ съ семьей“ предназначался авторомъ занять третье мѣсто въ ряду этихъ очерковъ, вслѣдъ за главой „Антонъ“, но не былъ еще вполнѣ приготовленъ къ печати въ то время, когда мы, спѣша исполнить наше обѣщаніе, начали печатаніе „Слугъ“ съ перваго январскаго № „Нивы“. Нынѣ, съ полученіемъ его отъ автора, циклъ этихъ типическихъ „слугъ“ стараго времени завершается.

Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. На стойкѣ по бекасу.
Картина А Кившенко, грав М. Рашевскій.

Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Смерть Іоанна Грознаго.
Картина А. Л. Маймана, грав. Ю. Барановскій.

Я рѣшилъ, что одному человѣку „не добро быти“ даже и у одинокаго холостяка. Онъ будетъ скучать и уходить со двора, какъ Петръ, или къ нему заберутся, пожалуй, непрошенные посѣтители, какъ уже и случалось съ моими слугами.

Мнѣ посовѣтовали взять женатаго, такъ какъ въ кухнѣ у меня мѣста было довольно хоть на цѣлую семью.

Мнѣ рекомендовали старика, лѣтъ 65, но еще бодраго, хотя съ нѣсколько помятымъ лицомъ и мелкими морщинами. Онъ былъ отпущенный на волю, жилъ по мѣстамъ поваромъ, но состарѣлся, по словамъ его, для этой службы всегда у огня, въ жару, и предпочелъ другую должность, попрохладнѣе.

Онъ стоялъ передо мною, смотрѣлъ на меня добродушно и зорко своими карими глазами, не смигнувъ, какъ собака, ожидающая приказанія своего хозяина. „Все сдѣлаю, что́ прикажете“, читалъ я въ этихъ глазахъ и его позѣ: „а чего не прикажете — ни за что̀ не стану дѣлать“! дополнилъ я про себя сокровенный смыслъ его взгляда.

Онъ на другой же день переѣхалъ съ женой Матреной, женщиной за пятьдесятъ лѣтъ, съ крѣпкими, точно изъ гуттаперчи щеками, носомъ и подбородкомъ. Глаза у ней глядѣли не прямо, а стороной; губы она поджимала. Она поклонилась мнѣ въ поясъ и подала хранившiйся у нея паспортъ мужа.

Дня черезъ два, заглянувъ въ ихъ помѣщеніе, я изумился множеству навезенной всякой всячины. Постель съ перинами и подушками горой, почти до потолка, множество разной посуды, кастрюль, печныхъ горшковъ и т. п. утвари. Но всего болѣе было иконъ, лампадъ, пасхальныхъ яицъ, сухихъ просфоръ и вѣтокъ вербы въ кіотѣ и около, и т. п.

Матрена была русская, набожная женщина — и заняла кіотомъ со священными предметами, не только весь передній уголъ своей комнаты, но отчасти даже мою гардеробную и комнату съ ванной. Долго я слышалъ стукотню прибиваемыхъ иконъ и картинъ религіознаго содержанія. Это меня нѣсколько успокоивало на счетъ добропорядочности этой четы. У нихъ былъ сынъ, Петруша, лѣтъ 17, обучавшійся слесарному ремеслу и ходившій къ отцу и матери только по большимъ праздникамъ.

Водворились они и все пошло обычнымъ порядкомъ. Но прежняго безмолвія не было. Когда я проходилъ въ свою гардеробную, я постоянно слышалъ молвь: это и натурально, когда живутъ двое вмѣстѣ. Но молвь эта была задорная, съ крикомъ, возгласами — иногда бранью — все со стороны Матрены.

Степанъ — такъ звали новаго слугу, — можетъ-быть Михайловъ, можетъ-быть Петровъ — теперь забылъ. У нашихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ—такъ-называемыхъ „фамилій“ не бывало. Ихъ звали по отцу, или давали „прозванія“, т. е. прозвища. Степанъ, говорю я, все отмалчивался, или отрывисто огрызался на задиранья жены.

— Да ну тебя, замолчишь-ли ты, о, чертовка!

— Нечего молчать-то! Еще лаяться чертовкой! ѣдко пилила она его: — а ты что̀ сидишь, протянулъ ноги-то, ходить негдѣ!

Онъ убиралъ ноги, вставалъ и направлялся въ мои комнаты.

— Куда, куда? ядовито останавливала она:—что̀ дровъ не несешь: мнѣ что-ли идти за дровами? Я стряпай, ты будешь жрать, а самъ ни съ мѣста! Погоди, не такую дуру нашелъ: я не раба тебѣ досталась!

— Господи Боже мой! Что́ это за дьяволъ баба! охая говорилъ Степанъ и шелъ за дровами.

— Я тебѣ дамъ „дьяволомъ“ звать! шипѣла она крестясь:—Господи, спаси меня! навязалъ ты мнѣ эдакій кладъ на шею!

А когда онъ, исполненный усердія, пробовалъ помочь ей:

— Дай-ко сковороду, я картофель поджарю.

Она на него обрушивалась:

— Не суйся, не спрашиваютъ! кричала она.

— Я бы тертымъ сухаремъ посыпалъ, да сметанки подлилъ, да лучку тебѣ поджарю—вотъ какъ вкусно будетъ, пальцы оближешь! договаривалъ онъ.

— Слышишь, я тебя кочергой огрѣю, если будешь соваться—вотъ Пресвятая Матерь, огрѣю! грозила она.

— Ну, чортъ съ тобой, лѣшій тебя дери!

Сидя въ ваннѣ, почти рядомъ съ кухней, одѣваясь и раздѣваясь, я постоянно слыхалъ эти перебранки и другаго не слыхалъ. Она, что называется, „поѣдомъ ѣла его“, а онъ принималъ все это равнодушно, огрызаясь, или встряхнетъ головой, усмѣхнется и идетъ ко мнѣ въ переднюю, если ему становилось уже не въ мочь. Видно было по его равнодушію, что онъ привыкъ.

Между прочимъ она просила меня отдавать жалованье не Степану на руки, а ей.

— Отчего? спросилъ я:—развѣ онъ...

— Мотаетъ, замѣтила она, поджимая губы и косясь на мужа. Онъ небрежно тряхнулъ головой и усмѣхнулся.

— На пустяки тратитъ, прибавила она.

— Я не имѣю права давать никому, кромѣ его: если онъ согласится...

— Пожалуй, извольте ей отдавать: она у меня казначей! охотно согласился онъ, и опять усмѣхнулся.

— У меня цѣлѣе будетъ! вполголоса прибавила она, глядя въ сторону. Я тогда не зналъ, что̀ это значитъ.

Такъ шло дѣло до зимы, до Рождественскихъ праздниковъ, безъ всякихъ особыхъ событій. Были кое-какія неудобства. Напримѣръ, черезъ мѣсяцъ по водвореніи у меня этой четы, появились тараканы. Они наполняли не только кухню, но и мою гардеробную, и ведущій въ нее корридоръ, и переднюю. Наконецъ стали появляться у меня въ комнатахъ. Я указалъ имъ на это.

— Что̀ это такое за гадость? говорю.

— Это... тараканы-съ, почти въ одинъ голосъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, отвѣчали они оба. Степанъ при этомъ сгребалъ ползавшихъ на виду насѣкомыхъ горстью и бросалъ, или въ форточку, или куда-нибудь въ лохань.

— Чтобъ ихъ не было! сказалъ я: — надо вывести. До васъ я никогда ни одного не видалъ!

— Какъ это можно! сказала Матрена, косясь на меня:—мы не съ собой ихъ привезли. Гдѣ ихъ нѣтъ! Гдѣ мы ни жили, вездѣ были—что клопы, что тараканы!

— Не было до васъ, строго подтвердилъ я: — надо вывести: я порошку куплю.

Но порошокъ не помогалъ и тараканы оставались все время, пока они у меня жили. А они жили около двухъ лѣтъ.

Иногда я пробовалъ искусство Степана готовить столъ, такъ какъ онъ хвастался, что былъ хорошимъ поваромъ.

Онъ не даромъ хвастался: въ самомъ дѣлѣ онъ хорошо готовилъ. Я иногда приглашалъ пріятелей отвѣдать его стряпни—и всѣ не могли нахвалиться вкусными русскими блюдами.

Я сталъ было привыкать къ домашнему столу и подумывалъ обратить Степана къ его прежнему ремеслу, сдѣлать своимъ поваромъ, прибавить жалованья и обѣдать у себя, словомъ жить домомъ. Онъ, казалось, и самъ не прочь былъ отъ этого.

— Что же-съ—могу! съ самоувѣренностію говорилъ онъ.—Я все умѣю: и супы—пюрэ, и какіе угодно, и соусъ къ рыбѣ и спаржѣ, пирожное тоже всякое: вафли, кремъ шоколадный или съ ванилью...

Онъ перебралъ цѣлую поваренную книгу.

— Только надо кастрюль, сковородъ и другой посуды купить, прибавилъ онъ.

— Все купимъ.

— Погреба нѣтъ, вдругъ спохватился онъ: — желе,

заливное, тоже что̀ останется отъ стола, въ холодъ некуда поставить...

— И погребъ найму, говорилъ я.

— Что же-съ: я готовъ! Хозяйство у васъ не Богъ знаетъ какое большое, семейства нѣтъ, гости рѣдко: управлюсь...

И жена его поддакивала, но нерѣшительно, и ядовито косилась на него при этихъ переговорахъ. Я не зналъ, отчего это, но потомъ узналъ.

Подходилъ праздникъ Рождества. Я изрѣдка, все еще въ видѣ опыта, обѣдалъ дома—и всегда хорошо, вкусно. Я успѣлъ прикупить столоваго бѣлья, посуды, вилокъ, ножей. Однажды я позвалъ двухъ пріятелей попробовать моего хозяйства, далъ Степану денегъ, заказалъ, что̀ купить и приготовить, и ушелъ со двора до обѣда.

Воротясь домой часовъ въ пять, я узналъ, къ ужасу моему, что печь не топилась, стола не готовили и что Степана—съ утра нѣтъ.

— Какъ ушелъ за провизіей, съ тѣхъ поръ и не бывалъ! прибавила Матрена, не то съ тоской, не то злобно.

— Какъ-же быть: сейчасъ гости придутъ! говорилъ я. — Обѣдъ не поспѣетъ, если онъ и придетъ сейчасъ: когда готовить!

— Онъ не придетъ сегодня: развѣ къ ночи! сказала она въ сторону.

— Что-же это значитъ? спросилъ я.—Куда онъ ушелъ?

— А вы зачѣмъ ему деньги на руки дали? вдругъ ѣдко упрекнула она:—я просила мнѣ отдавать. Я бы сходила съ нимъ на рынокъ и провизіи-бы купила: теперь кушали-бы, и деньги были-бы цѣлы...

— Развѣ онъ всегда такъ дѣлалъ?

— Всегда-съ. Онъ, бывало, когда служилъ поваромъ, получитъ рублей двадцать жалованья, зайдетъ въ трактиръ... и ни копѣйки домой не принесетъ...

— Уже-ли-же всѣ двадцать рублей промотаетъ? Что-жъ онъ, шампанское, что-ли, пьетъ...

— Какое, сударь: онъ съ двухъ рюмокъ ужь пьянъ! А начнетъ угощать всякаго, а что̀ останется — у него вытащатъ...

— Гдѣ-же онъ? Отыскать-бы его да привести! говорилъ я растерянно.

— Гдѣ ему быть: въ кабакѣ, или харчевнѣ! Можно отыскать—да зачѣмъ? Пусть тамъ и остается! Боже оборони, лишь-бы не пришелъ! Я его не пущу! Онъ, пьяный, злющій, презлющій! Пусть ночуетъ хоть на улицѣ, или въ части...

— Такъ онъ пьетъ: вотъ вашъ секретъ!

Она молча косилась въ уголъ.

— Кабы не пилъ запоемъ, развѣ его отпустили бы отъ мѣстовъ! Да его бы обѣими руками держали! У какихъ генераловъ живалъ онъ; въ княжескомъ домѣ жилъ! Поживетъ, поживетъ, мѣсяцъ-другой—и откажутъ. Тогда ко мнѣ опять на шею, сокровище эдакое, явится! Я на старости, горемычная, мыкаюсь-мыкаюсь съ нимъ...

Она пробовала заплакать, но слезъ не было и она утирала сухіе глаза.

— Хоть бы сгинулъ, окаянный! заключила нѣжная супруга.

Такъ кончилась моя иллюзія на счетъ домашняго стола.

Степанъ до ночи не приходилъ, а ночью силою стучался въ дверь кухни, но впущенъ не былъ и провелъ ночь въ дворнической, слѣдующую ночь въ холодномъ сараѣ. И какъ оставался живъ этотъ щедушный старикъ послѣ такихъ ночей, зимой, въ сараѣ, или на сѣновалѣ—понять нельзя!

Онъ не являлся ко мнѣ на глаза пока длились праздники. Прислуживала мнѣ Матрена и пришедшій на праздникъ сынъ ея, Петруша. Этотъ мнѣ подтвердилъ, что „тятенька его запиваетъ, какъ только получитъ деньги. И тогда озорничаетъ, дерется съ мамкой, таскаетъ и его за вихры, бьетъ и ломаетъ что̀ попадетъ подъ руку“. Словомъ, изъ кроткаго, смирнаго старика обращается въ звѣря. „Мы съ мамкой запираемся отъ него на ночь, не пущаемъ!“ добавилъ онъ.

Потомъ онъ, когда пропьетъ деньги, или у него утащатъ ихъ изъ кармана товарищи попойки, мало-по-малу перестаетъ пить, ходитъ дня три какъ шальной, мелетъ про себя несвязный вздоръ, и постепенно приходитъ въ себя, принимаетъ свой кроткій образъ, съ добродушнымъ взглядомъ и улыбкой.

Такимъ онъ и появился ко мнѣ послѣ праздниковъ и принялся за свое дѣло, какъ ни въ чемъ не бывало.

На масляницѣ произошло то же самое. Между прочимъ онъ особенно разбушевался въ послѣдній день, ломился въ дверь кухни, и когда его не пустили, онъ ходилъ по двору, кричалъ, ругался, такъ что дворники кое-какъ увели его силою. Я слышалъ этотъ шумъ.

Когда онъ послѣ того явился ко мнѣ, уже отрезвившійся, я замѣтилъ ему, что я буду искать себѣ другаго слугу, и пригрозилъ, что если онъ будетъ такъ кричать по двору, дѣлать скандалъ—я пошлю за городовымъ и препровожу его въ полицію. Онъ сталъ передо мной на колѣни, скрестилъ руки на груди и голосомъ глубокаго убѣжденія и съ чувствомъ произнесъ:

— Нѣтъ, вы этой низости со мной не сдѣлаете!

Я дѣйствительно не сдѣлалъ этой „низости“, ради его добродушія, — и продолжалъ иногда пользоваться его поварскимъ искусствомъ, обѣдая изрѣдка дома. Денегъ на провизію я конечно уже ему на руки не давалъ—и все шло хорошо.

Были мнѣ иногда досады другаго рода. Когда случалось два-три дня праздника, Степанъ обыкновенно исчезалъ изъ дома, покидая всѣ заботы на жену и сына, Петрушу. Иногда мнѣ случалось не заставать никого дома, кромѣ Петруши, который, или игралъ въ бабки въ углу двора съ мальчишками, или спалъ дома такъ, что его не добудиться и не дозвониться. А однажды онъ сидѣлъ на крыльцѣ и плакалъ.

— Что ты плачешь? спросилъ я.

— Да всѣ ушли, я одинъ... боюсь!

— Гдѣ же отецъ и мать?

— Тятенька въ кабакѣ, а мамка ушла къ обѣднѣ, да вотъ нейдетъ...

Къ вечеру она явилась и, какъ показалось мнѣ, тоже на-веселѣ. Я уже о мужѣ не спрашивалъ, гдѣ онъ.

— Гдѣ ты была, Матрена? Всѣ разошлись: домъ пустой! Какъ же это можно!

— Ныньче Ильинская Пятница: я на Пороховыхъ заводахъ была! обидчиво отозвалась она.—Нельзя же: всѣ люди, какъ люди—я точно не человѣкъ! На мнѣ, чай, крестъ есть!

Это случалось очень часто. То Родительская суббота придетъ, то Троицынъ, Духовъ, или Успеньевъ день, то большая заутреня; то она на Смоленское кладбище пропадетъ на цѣлый день. Великимъ постомъ особенно отсутствія эти были часты.

— Гдѣ была? спросишь бывало.

— На стояніи Маріи Египетской, или ко Кресту ходила: нонче середо-крестная недѣля!

Отлучалась тоже и въ Лазареву субботу, за вербами, и въ Лазарево воскресенье, и ко всенощной съ Двѣнадцатью Евангеліями и т. д.

Всѣ эти праздники служили ей болѣе предлогами къ угожденію „мамонѣ“, какъ я замѣчалъ, а не проявленіемъ благочестія. Когда она приходила домой, отъ нея не святостью пахло. Мужъ и сынъ сидѣли, во время этихъ отлучекъ, не ѣвши — и первый тоже уходилъ въ свою очередь, и я оставался сиротой, безъ прислуги, и квартира пустая.

Послѣдніе три дня передъ большими праздниками меня почти выгоняли вонъ. Начиналась возня, чистка, уборка, печенье куличей, крашенье яицъ—и особенно чистка иконъ. Когда, бывало, зимой или осенью, замѣтишь паутину по угламъ, или соръ какой-нибудь и

пыль на шкапахъ, вообще запущенность и неопрятность, и предложишь поубраться, всегда получишь въ отвѣтъ: „Вотъ ужо̀, къ празднику (иногда мѣсяца за три) станемъ образа чистить, уберемъ все, и паутину снимемъ, и пыль сотремъ“.

Я замѣтилъ, что никто изъ моихъ слугъ, ни одинъ, никогда, по своему почину, безъ положительнаго и настойчиваго моего приказанія, не оботретъ пыли, напримѣръ, съ мебели, съ разныхъ вещей. Полъ еще выметутъ, а затѣмъ уже надо, что называется, носомъ ткнуть, чтобъ русскій слуга увидѣлъ безпорядокъ, пыль, и убралъ.

Наконецъ я сталъ замѣчать, что у Степана съ Матреной начались, вмѣсто перебранокъ, лады. Я заставалъ ихъ всѣхъ троихъ за чаемъ—и тутъ же видѣлъ иногда стаканы и штофъ. Они всѣ трое бывали въ веселомъ настроеніи. Я сталъ чуять что-то недоброе въ этомъ семейномъ согласіи и побаивался. Боязнь моя оправдалась.

Однажды, въ глубокій зимній вечеръ, заглянувъ къ нимъ, я засталъ веселую семейную сцену, какъ будто съ картины Теньера. Степанъ сидѣлъ совсѣмъ пьяный, жестикулировалъ и командовалъ Петрушѣ.

— Пляши, Петька, пляши, собачій сынъ!

— Развѣ мать-то у него собака? Вотъ ты — такъ старый песъ! говорила Матрена.— Постой, я тебя! Не пляши, Петя... не слушай!

— Пляши, подлецъ! командовалъ Степанъ,—я приказываю!

— Не пляши! запрещала она:—на, вотъ, лучше выпей!..

Она дрожащею рукой наливала ему стаканъ.

— И я выпью, и мнѣ дай! говорилъ совсѣмъ осовѣвшій Степанъ.

Она проворно отставила вино въ сторону.

— Будетъ съ тебя, не дамъ: смотри, какъ нагрузился, на недѣлю!...

— Наливай, раба! Ты раба моя! Что̀ сказано въ Писаніи: „прилѣпись къ мужу, повинуйся“. Наливай-же, а то я вотъ тебя...

Онъ всталъ и съ поднятой табуреткой, шатаясь, двигался къ ней, мимоходомъ сшибъ свѣчку со стола на полъ. Мальчишка заревѣлъ:—„Ай, тятька, не трогай мамку!“

Я все это видѣлъ, стоя въ дверяхъ, и поспѣшилъ прекратить безобразную сцену.

Я увидалъ, что всѣ трое были пьяны.

Я скоро послѣ того уволилъ ихъ—и потомъ уже, года черезъ два, слышалъ отъ своихъ пріятелей, знавшихъ Степана въ лицо, что они видали его въ Казанскомъ соборѣ, просящимъ милостыню. Еще черезъ годъ или два зашла ко мнѣ однажды Матрена попросить „на бѣдность“, а затѣмъ вскорѣ и на похороны старика. Она разсказала, что онъ все пилъ, пилъ, наконецъ „ослабъ“, не могъ выходить, руки и ноги стали трястись, потомъ окоченѣли, и онъ умеръ тихо, мирно, принявъ Св. Таинъ, и передъ самой смертью произнесъ: — „Проклятъ тотъ, кто выдумалъ водку пить!“

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

Поздно ночью, Кирилычъ постучался легонько въ дверь моленной и окликнулъ князя.

— Пятидесятникъ Обросимъ Петровъ къ твоей милости отъ окольничаго Шакловитаго присланъ, доложилъ старикъ.

— Что̀ ему нужно?

— Говоритъ, что только твоей милости на словахъ передать приказано...

— Скажи ему, что мнѣ неможется, и я къ нему не выйду.

Кирилычъ ушелъ.

Уже стало свѣтать, когда вновь послышались за дверью шаги Кирилыча и стукъ въ дверь.

— Батюшка-князь, самъ Ѳедоръ Леонтьевичъ къ тебѣ пожаловалъ и говоритъ, что долженъ тебя немедля видѣть.

— Проси его въ шатровую, сказалъ князь Василій, съ трудомъ поднимаясь со своего мѣста.

Шакловитый вошелъ въ Шатровую палату почти одновременно съ княземъ Василіемъ. Они молча поклонились другъ другу. Князь Василій указалъ Шакловитому на кресло, и самъ сѣлъ на свое мѣсто.

— Князь Василій Васильевичъ, сказалъ Шакловитый не садясь и оправляя богатый поясъ на своемъ терликѣ, — я присланъ къ тебѣ царевной, въ послѣдній разъ спросить тебя: готовъ-ли ты принять начальство надъ стрѣльцами и вести ихъ на Преображенское? Стрѣльцы всѣ въ сборѣ — и ждутъ только слова...

— Я вчера сказалъ царевнѣ, что крови не пролью, что крамольникомъ предъ государями не буду. Отъ слова своего не отступаюсь.

— Это твое послѣднее рѣшенье?

— Да, послѣднее... И дальше намъ съ тобою не о чемъ говорить...

Шакловитый принужденно улыбнулся и сложилъ руки па груди.

— Ты, значитъ, князь теперь ужь на покой задумалъ? Покаялся? И больше грѣшить не хочешь! Ха, ха, ха!.. Давно-ли такое смиреніе тебя обуяло? Должно быть послѣ Крымскихъ неудачъ?.. Или уже облюбовалъ себѣ мѣстечко у „преображенскихъ“?.. А мы еще хотимъ попробовать — еще поборемся!

— Ну, и борись! Я не мѣшаю, и не завидую той плахѣ, на которой ты сложишь голову! сказалъ князь Василій.

— Пла́хой задумалъ меня пугать! А самъ-то думаешь, небось, уйти отъ плахи? Нѣтъ!—вмѣстѣ, рядкомъ ляжемъ... Съ пытки буду одно твердить, что ты всему зачинщикъ и заводчикъ, что ты царевну подучалъ противъ великихъ государей — а пыточнымъ рѣчамъ, ты знаешь, вѣрятъ!.. А еще скажу, что ты, какъ подлый трусъ, какъ низкій предатель...

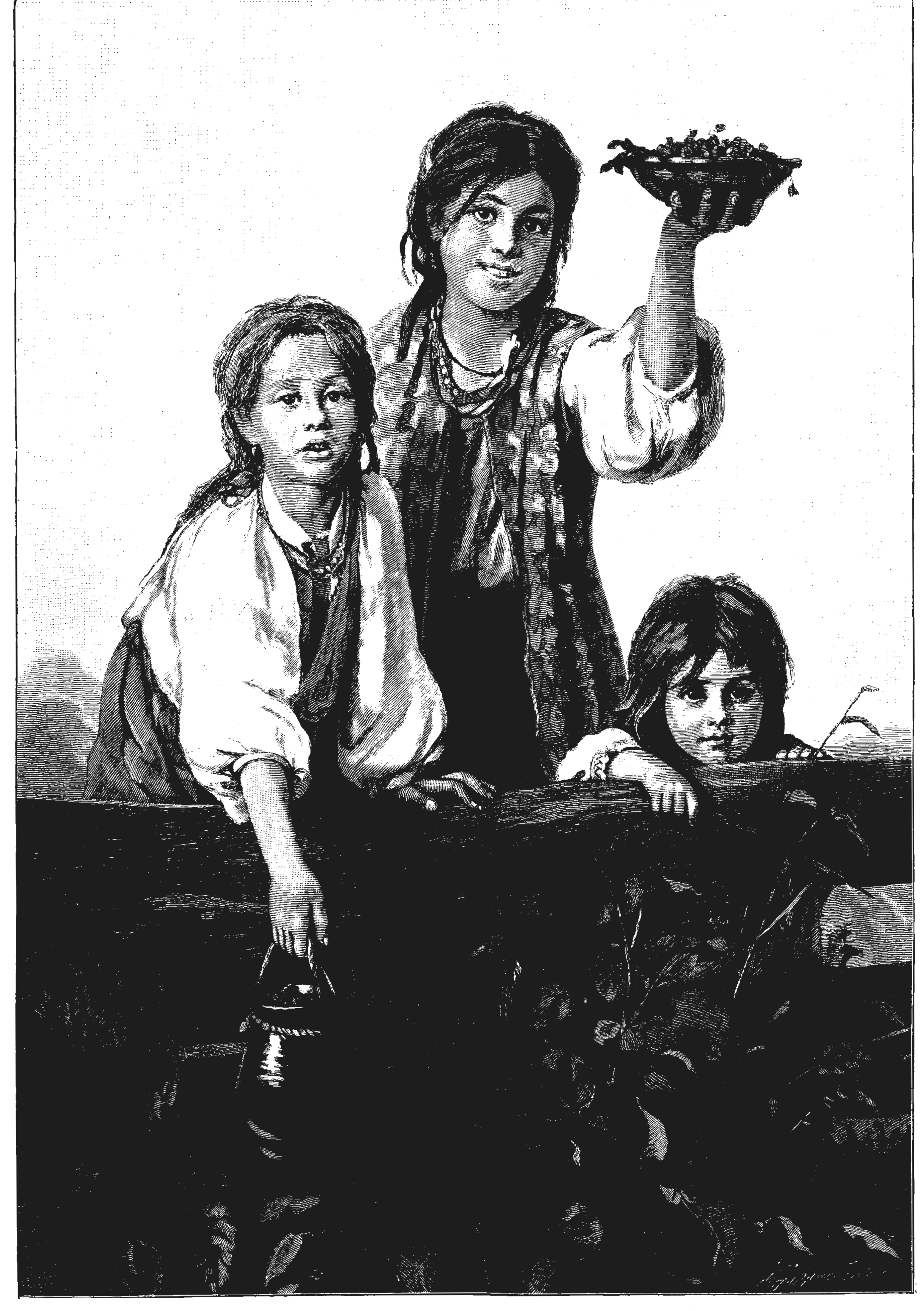
— Уходи, проклятый! завопилъ не своимъ голосомъ князь Василій, схватывая тяжелое кресло и какъ перышкомъ взмахивая имъ надъ головой. — Уходи, или я разможжу тебѣ голову!

Прежде, чѣмъ Шакловитый успѣлъ отвѣтить Голицыну, дверь въ палату распахнулась настежь, и князь Алексѣй съ десяткомъ слугъ ринулся на Шакловитаго. Дюжія руки ухватили дьяка за руки и за плечи, а Кузёмка Крыловъ и князь Алексѣй бросились къ князю Василію. Опустивъ кресло, блѣдный, какъ полотно, онъ трясся всѣмъ тѣломъ и тяжело дышалъ.

— Батюшка! что̀ съ тобою? воскликнулъ князь Алексѣй.

— Пусть онъ уйдетъ! пусть уйдетъ!.. могъ только произнести князь Василій. И Шакловитый былъ мигомъ выведенъ слугами изъ комнаты, между тѣмъ какъ князь Алексѣй и Кирилычъ суетились около князя Василія, который опустился на кресло въ совершенномъ изнеможеніи.

И никому изо всѣхъ этихъ людей — ни князю Василію съ княземъ Алексѣемъ, ни Шакловитому и его пособникамъ, ни царевнѣ Софьѣ, ожидавшей его со стрѣльцами на паперти Казанскаго собора — не приходило въ голову, что въ то самое время, когда они



Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. „Купите ягоды!“

Картина **Х. П. Платонова**, съ фотогр. Демчинскаго, грав. Ю. Барановскій.

волновались и сумасбродили, когда они ссорились и гнѣвались, когда они строили планы и мутили души Москвичей всякими страхами и тревогами, исторія Россіи, слѣдуя указанными свыше, неисповѣдимыми путями, уже вступила въ новый періодъ. Никому не приходило въ голову, что именно въ эту смутную и безпокойную ночь, когда половина Москвы не спала, прослышавъ о сборахъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ и Бѣломъ городѣ — правленіе царевны Софіи кончилось.

Въ 6 часовъ утра 8 августа 1689 года обитель Св. Сергія приняла подъ свой гостепріимный кровъ юнаго царя Петра Алексѣевича, поспѣшно бѣжавшаго изъ Преображенскаго села, подъ защиту сѣдыхъ твердынь, столько разъ уже служившихъ великія службы Русской землѣ. Два часа спустя, въ обитель прибыла Наталья Кириловна и юная супруга Петра, окруженныя свитою ближайшихъ бояръ и надежныхъ слугъ царскихъ. За ними слѣдомъ спѣшили преданные Петру стрѣльцы Сухарева полка, полки потѣшныхъ, артиллерія и обозы съ запасами и царскимъ имуществомъ. Нѣсколько спустя, дорога къ Троицѣ покрылась каретами и колымагами перепуганныхъ и переполошившихся московскихъ бояръ, которые спѣшили заявить о своей преданности царю Петру и предложить свои услуги...

Начиналось новое царствованіе...

XXX.

Рано утромъ 8 августа одинъ изъ деньщиковъ Шакловитаго нагналъ его на пути къ его дому на Знаменкѣ и шепотомъ сообщилъ ему впопыхахъ:

— Государь Петръ Алексѣевичъ изъ Преображенскаго бѣжалъ скорымъ походомъ въ Троицкій монастырь.

— Какъ бѣжалъ? когда бѣжалъ? спросилъ Шакловитый, страшно мѣняясь въ лицѣ.

— Въ ночь бѣжалъ; въ одной рубахѣ изъ дворца въ конюшню выскочилъ, на коня, да въ рощу. Въ рощу ужь ему и одёжу подали...

— Ну, вольно-же ему, взбѣсясь, бѣгать! пробормоталъ Шакловитый, стараясь казаться спокойнымъ; и затѣмъ добавилъ, обращаясь къ деньщику: — смотри, никому ни гу-гу! А не то туда упрячу, куда Макаръ телятъ не загонялъ!

Но предосторожность оказалась совершенно напрасною. Въ то-же самое время, по улицѣ Срѣтенкѣ шли отъ заставы изъ-за города „невѣдомо какого чина люди" и несли грибы, а послѣ ихъ „промчали два человѣка конныхъ, Стремяннаго полка стрѣльцы, и сказывали, что государь изволилъ изъ Преображенскаго пойдтить въ Троицкій монастырь, и идетъ гораздо скоро". Люди съ грибами пришли на торговую площадь и сообщили эту новость торговкамъ, а отъ торговокъ, конечно, новость съ быстротою молніи разнеслась по всему городу, уже съ значительными добавленіями и прикрасами... Новость даже и этому простому люду показалась въ такой степени важною, что многія торговки побросали товаръ на площади, спѣша сообщить слухъ своимъ домашнимъ и предостеречь ихъ на счетъ того, что „на Москвѣ будетъ вскорѣ бунтъ по-прежнему". Какой-то погребщикъ даже совѣтовалъ своимъ сосѣдямъ на-завтра не открывать лавокъ, а торговкамъ не приходить въ городъ „для того, что будетъ худо; а какое будетъ худо — того не сказалъ." Весь городъ заговорилъ разомъ, а притокъ свѣжихъ новостей изъ Преображенскаго всѣхъ поднялъ на ноги; паника распространилась такъ быстро, что нечего было и помышлять о сокрытіи важнаго происшествія. Когда подъ вечеръ забрали въ Стрѣлецкій Приказъ какого-то стрѣлецкаго пріемыша Степана Алексѣева и вдову Маврутку и стали допрашивать ихъ „о смутныхъ рѣчахъ про походъ государя изъ села Преображенскаго" — они имѣли полное право отвѣтить, что они въ тѣхъ рѣчахъ не виноваты и что о томъ говоритъ весь городъ.

На другой-же день обнаружились и явные признаки того, что всѣми была одинаково сознана серьезность положенія: „площадка" опустѣла. Вмѣсто нѣсколькихъ сотъ человѣкъ явилось на ней нѣсколько десятковъ, да и тѣ толкались, какъ растерянные, пошептались между собою и разошлись... На Ивановской площади тоже стояло всего нѣсколько каретъ и колымагъ; бояре сидѣли дома—и тѣ, которые еще не ѣхали по Троицкой дорогѣ, чутко прислушивались къ тому, что̀ говорили въ городѣ, и выжидали у моря погоды. И Шакловитый, и Софья, и послѣдній изъ ихъ пособниковъ—всѣ поняли, что наступилъ конецъ... Но всѣ еще надѣялись на какой-то благопріятный оборотъ дѣлъ, на возможность примиренія, на уловки и хитрости. Петръ сразу отнялъ эти надежды... Уже 9 августа явился изъ Троицкаго монастыря посланный отъ государя съ запросомъ къ царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софьѣ о причинахъ многочисленнаго сбора стрѣльцовъ въ Кремлѣ и на Лубянкѣ на 8 августа. Пришлось отписываться и прикрываться дѣтскою ложью, которой, конечно, никто не могъ повѣрить. На другой день новое требованіе Петра: прислать къ нему полковника Стремяннаго полка Ивана Цыклера съ 50 стрѣльцами. На третій—скрытно бѣжали въ Троицкій монастырь пятисотный Ларіонъ Елизарьевъ, пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ и всѣ денщики Шакловитаго, и вмѣстѣ съ Цыклеромъ, подали извѣты на Шакловитаго и его сообщниковъ въ злоумышленіяхъ на царское здоровье и приготовленіяхъ къ бунту.

Затѣмъ, событія послѣдовали одно за другимъ съ такою быстротою, что за ними почти невозможно было услѣдить. Не дѣлая ни шагу изъ Троицкаго монастыря, разсылая всюду только грамоты, Петръ уже видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возростало его могущество и значеніе, и какъ таяло, уничтожалось, разсыпалось прахомъ мнимое величіе Софьи. Напрасно пыталась она не допустить грамоты Петра въ Москву и въ стрѣлецкіе полки; напрасно старалась всѣхъ увѣрить, что эти грамоты идутъ не отъ царя, а отъ князя Бориса и тѣхъ злыхъ людей, которые хотятъ ее съ братомъ поссорить. Ей не вѣрили, и опасались только ея угрозъ. Но Петръ прислалъ вторыя грамоты прямо въ Стрѣлецкіе полки, и въ гостиныя сотни, и въ дворцовыя слободы, и въ черныя сотни, приказывая тотчасъ прибыть въ Троицкую обитель всѣмъ полковникамъ и урядникамъ съ десяткомъ рядовыхъ стрѣльцовъ отъ каждаго полка, всѣмъ старостамъ изъ сотенъ и выборнымъ изъ слободъ—и изъ Москвы къ Троицѣ двинулись толпы... Ушли всѣ стрѣлецкіе начальные люди, и открыли Петру новыя, неизвѣстныя подробности о замыслахъ и продѣлкахъ Шакловитаго и его сообщниковъ... Заколебались и иноземцы со своими полками и стали проситься въ походъ къ Петру.

Не потерялась только Софья и до послѣдней минуты выказывала себя болѣе мужественною, нежели всѣ ея помощники, совѣтники и преданнѣйшіе слуги. Она говорила, увѣщевала, грозила, приказывала—проявляла неутомимую дѣятельность. Но все было напрасно: въ книгѣ судебъ написано было, что ея правленію наступилъ конецъ... Софья увидѣла себя вынужденною уступить силѣ обстоятельствъ—и попыталась примириться. Но посланныя ею лица къ ней не вернулись. Попыталась сама идти въ Сергіеву обитель съ повинною къ царю Петру — но ее не пустили, и она должна была вернуться въ Москву, пристыженная, потерявшая всякую надежду.

А между тѣмъ въ Москвѣ уже дѣйствовалъ присланный Петромъ полковникъ Нечаевъ и объявлялъ вездѣ по полкамъ, что присланъ отъ государя „для сыску воровъ и измѣнниковъ Ѳедьки Шакловитаго и Селиверстки Медвѣдева съ товарищи" — и стрѣльцы объ-

щали ему оказать въ поискахъ тѣхъ воровъ помощь. Эта присылка навела ужасъ на Шакловитаго и всѣхъ его пріятелей и пособниковъ — всѣ бросились въ разсыпную, кто куда могъ укрыться... Сильвестръ Медвѣдевъ бѣжалъ изъ Москвы съ Алексѣемъ Стрижовымъ и Андреемъ Кондратьевымъ. Кузьма Чермный, Никита Гладкій, Егоръ Романовъ — всѣ попрятались по разнымъ угламъ и норкамъ. Одинъ Обросимъ Петровъ выдержалъ характеръ: не скрывался, и когда на него бросились его однополчане, чтобы его захватить, онъ одинъ отбился сулебою отъ десяти человѣкъ нападавшихъ и ушелъ изъ слободы на виду у всѣхъ.

Шакловитый укрылся въ Теремномъ дворцѣ, въ заднихъ хоромахъ, на половинѣ царевны Софьи. Стрѣльцы это знали и зорко его стерегли, день и ночь; такъ зорко, что его пріятели, подьячіе Семенъ Надѣинъ и Агапъ Петровъ — не могли провести его черезъ Кремль, хотя у нихъ приготовлены были на дворцовой конюшнѣ осѣдланныя лошади, а подъ Новодѣвичьимъ—коляска.

Среди всѣхъ этихъ смутъ, тревогъ и страховъ, среди полнѣйшаго безначалія и разлада, наступило 6 сентября. Съ утра уже распространился въ Теремномъ дворцѣ слухъ о томъ, что и служилые иноземцы поднялись наканунѣ въ ночь со своими полками изъ Нѣмецкой слободы и, не спросясь у Софьи, направились къ Троицѣ. Послѣднія надежды на возможность какого-бы то ни было дальнѣйшаго сопротивленія Петру падали сами собою...

Послѣ вечеренъ, Степанъ Евдокимовъ донесъ государынѣ, что на Дворцовомъ дворѣ и на Ивановской площади что-то много собирается стрѣльцовъ изъ разныхъ полковъ, и отовсюду все еще и еще подходятъ къ нимъ ихъ товарищи и толпы всякаго народа.

— Что̀ имъ нужно? съ притворнымъ равнодушіемъ спросила царевна.

— Да слышно, будто опять за тѣмъ-же...

— Я сказала имъ, что не выдамъ окольничаго Шакловитаго! Чего-же имъ еще надобно! вспылила царевна.

Евдокимовъ развелъ руками.

Въ это время царевнѣ Софьѣ доложили, что стрѣлецкіе полковники Сергѣевъ и Спиридоновъ просятъ ее выйти на Красное крыльцо для сообщенія ей указа государева. Софья, ничего не отвѣчая, поднялась со своего мѣста, оправила на себѣ кармазинную тѣлогрѣю, надвинула на лобъ жемчужную повязку съ пронизями, и, вмѣстѣ съ двумя своими боярынями и двумя спальницами, направилась черезъ Дворцовые покои къ Красному крыльцу. За нею издали послѣдовалъ и Евдокимовъ.

Когда царевна вышла на крыльцо, то увидѣла, что почти половина дворцоваго двора запружена толпою стрѣльцовъ. За рѣшеткою двора видна была на площади порядочная толпа народа. Стрѣльцы стояли безъ шапокъ; полковники и выборные отъ полковъ помѣстились у самаго крыльца.

Какъ только Софья сошла на площадку, полковники и выборные поднялись на нѣсколько ступень и низко поклонились царевнѣ.

— Что̀ вамъ нужно? Зачѣмъ пришли? спросила ихъ царевна строго, почти не отвѣчая на ихъ поклонъ.

— Мы пришли сюда по указу великаго государя царя Петра Алексѣевича—требовать выдачи вора и измѣнника Ѳедьки Шакловитаго, сказалъ почтительно полковникъ Сергѣевъ. — Намъ вѣдомо, государыня, что онъ скрывается у тебя во Дворцѣ, въ заднихъ хоромахъ.

— Какъ смѣешь ты ко мнѣ являться съ твоимъ указомъ? грозно произнесла царевна, притопнувъ ногою.— Я сказала ужь, что не выдамъ вамъ окольничаго Шакловитаго, пока сама не повидаюсь съ братомъ... Ты это слышалъ или нѣтъ!

— Нѣтъ, благовѣрная государыня, смѣло отвѣчалъ Сергѣевъ,—я этого отъ тебя не слышалъ; ты это изволила говорить полковнику Нечаеву да Спиридонову... А я имъ въ подмогу вчера изъ Троицкаго монастыря съ новымъ указомъ присланъ. Изволь сама взглянуть, государыня.

— Что ты мнѣ суешь свой указъ! Развѣ я не знаю, что всѣ эти указы князь Борисъ пишетъ... а государь Петръ Алексѣевичъ о нихъ и не вѣдаетъ...

— Не изволь этого говорить, государыня, рѣзко отвѣчалъ Сергѣевъ. — Указъ мнѣ врученъ самимъ государемъ, и онъ самъ сказать мнѣ изволилъ: „коли де ты по сему указу не исполнишь, безъ всякой оплошки, то быть тебѣ въ смертной казни...“

— Намъ, государыня, наши головы дороже головы твоего Шакловитаго! заговорили въ одинъ голосъ полковникъ Спиридоновъ и стрѣлецкіе выборные. — Прикажи намъ его выдать безъ всякаго мотчанья *), а не то...

— А не то — что̀?! Вы тутъ пришли бунтъ затѣвать, крамольники! закричала Софья, наступая на полковниковъ.—Да вѣдомо-ли вамъ, что̀ тому положено, кто на государевомъ дворѣ шумъ затѣваетъ? А? вѣдомо-ли?..

— Великая государыня, вступился Сергѣевъ, — никакого шума и бунта мы не затѣваемъ — бунтъ затѣваетъ тотъ, кто не дозволяетъ намъ царскаго указа исполнить.

— Вонъ отюда! Вонъ! закричала растерянно Софья.

— Не смѣемъ уйти, государыня! закричали, въ свою очередь, выведенные изъ терпѣнія полковники. — Прикажи намъ выдать Ѳедьку Шакловитаго! Не то ударимъ въ набатъ — и всей Москвой его брать придемъ!

Услышавъ громкія рѣчи полковниковъ, толпа стрѣльцовъ пододвинулась ближе къ крыльцу. Ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по переднимъ рядамъ.

— Чего тамъ ждать! Не отдастъ—силой взять надо! загудѣло нѣсколько голосовъ.

Софья хотѣла еще что-то сказать, но полковники и выборные окружили ее со всѣхъ сторонъ и заговорили всѣ разомъ:

— Прикажи выдать, государыня, — не то сами пойдемъ и разыщемъ! Не проливай напрасной крови — не спасешь его!

— Давай сюда вора и измѣнника Ѳедьку Шакловитаго! Давай его сюда! закричали стрѣльцы около крыльца и на крикъ ихъ толпа народа за воротами вторила ревомъ: — Давай его, злодѣя! Давай сюда!..

Софья поблѣднѣла, какъ полотно, оперлась рукою на поручень крыльца и знакомъ подозвала къ себѣ Степана Евдокимова.

— Сведи ихъ къ Ѳедору Леонтьевичу! сказала она, указывая на полковниковъ.

Полковники и выборные двинулись вслѣдъ за истопникомъ и скрылись за дверью... Стрѣльцы смолкли, угрюмо выжидая... Толпа за рѣшеткою дворцоваго двора все еще продолжала что-то глухо и безсвязно ревѣть...

Но вотъ, дверь на верхней площадкѣ дворца распахнулась настежь и тѣсною кучей вышли изъ дверей стрѣлецкіе выборные и полковники, ведя подъ руки Шакловитаго. Лицо его было покрыто смертною блѣдностью, волосы всклочены, руки крѣпко прикручены кушаками за спину.

— А! а! а! вотъ онъ! Ведутъ, ведутъ! загудѣли стрѣльцы подъ крыльцомъ.

— Ведутъ! голосомъ завопила толпа за рѣшеткою.

Медленно спускался онъ съ крыльца, окруженный стрѣльцами, и дойдя до той площадки, гдѣ стояла Софья, просилъ пріостановиться на минутку. Его желаніе было исполнено.

Тогда онъ вдругъ палъ на колѣни и ударилъ земной поклонъ царевнѣ.

*) Т. е. безъ всякой проволочки.

XVI Передвижная выставка. Просители. Картина Журавлева, грав. Шюблеръ.

Плохо нажитое прахомъ идетъ. Съ карт. итальянскаго художника Боппо, грав. Кремеръ.

— Прости, великая государыня, не поминай лихомъ своего вѣрнаго слугу! произнесъ онъ съ волненіемъ.

— Прощай, Ѳедоръ Леонтьевичъ! чуть слышно проговорила Софья, опираясь на руку одной изъ боярынь, чтобы не упасть.

Шакловитаго подняли и быстро повели съ крыльца. Раздались слова команды. Стрѣльцы построились правильными рядами и вмѣстѣ съ Шакловитымъ двинулись мимо соборовъ къ Приказамъ. Толпа гудѣла и волновалась, расходясь во всѣ стороны по Ивановской площади и повсюду разнося вѣсть о поимкѣ вора и измѣнника Ѳедьки Шакловитаго, который еще такъ недавно казался для всѣхъ и грознымъ, и могущественнымъ.

На разсвѣтѣ, Шакловитаго усадили въ телѣгу и крѣпко привязали его къ грядкѣ; по бокамъ его сѣли два дюжіе стрѣльца, спереди на бесѣдкѣ еще двое такихъ-же молодцовъ. Кругомъ телѣги, съ боковъ, спереди и сзади — ѣхало человѣкъ пятьдесятъ конныхъ стрѣльцовъ, а позади всего поѣзда полковники: Нечаевъ, Сергѣевъ и Спиридоновъ, въ особой колякскѣ. „Вора и измѣнника Ѳедьку“ приказано было „сыскавъ, везти со всякимъ береженьемъ.“ Телѣга запряжена была парой сытыхъ коней, которые трусили мелкой рысцой. Шакловитый сидѣлъ между стрѣльцами, опустивъ голову и закрывъ глаза. Послѣ безсонныхъ и тревожныхъ ночей послѣдней недѣли, послѣ впечатлѣній вчерашняго дня, Ѳедоръ Леонтьевичъ чувствовалъ страшную истому — его клонила непреодолимая дремота, а въ головѣ не было ни заботъ, ни мыслей, ни тревоги о завтрашнемъ днѣ... Онъ чувствовалъ какое-то отупѣніе, какое-то полное оцѣпенѣніе во всемъ своемъ нравственномъ существѣ. По временамъ только, въ его ушахъ, среди шума и постукиванья колесъ, звучали откуда-то доносившіеся крики: „везутъ—везутъ!..“

— Алексѣевское проѣхали! проговорилъ кто-то изъ стрѣльцовъ въ телѣгѣ. И опять непреодолимая дремота налегла тяжелою шапкой на голову Шакловитаго. Онъ не слыхалъ, какъ проѣхали Мытищи, какъ переѣхали черезъ Клязьму, и очнулся уже только при въѣздѣ въ Пушкино, когда телѣга загромыхала по мосту черезъ рѣчку Учу. Здѣсь быстро перепрягли и поѣхали далѣе.

Свѣжій сентябрскій утренникъ пронизывалъ холодомъ. Ѳедоръ Леонтьевичъ почуялъ это только тогда, когда какая-то сострадательная душа накинула ему на плечи овчинный нагольный тулупъ. Мало-по-малу сознаніе вернулось къ нему вполнѣ и прежде всего въ головѣ его съ грозною очевидностью выяснилась мысль:

— „Везутъ на смерть...“

А вслѣдъ затѣмъ воображеніе стало вдругъ усиленно работать, послѣ долгаго усыпленія, и рисовать ему одну картину мрачнѣе другой... Розыскъ, пытка— вотъ подняли на дыбу — хрустятъ суставы... Кровь приливаетъ въ голову, Шакловитый вздрагиваетъ въ ужасѣ, и въ ушахъ его рѣзко звучатъ крики и вопли тѣхъ, кого онъ самъ когда-то поднималъ на дыбу, истязалъ и мучилъ...

Вотъ миновали Братовщину съ церковью и кладбищемъ у самой дороги, съ боярскими хоромами и съ другою небольшою церковкою налѣво, на взгорьѣ; вотъ съ горки на горку, то поднимаясь, то опускаясь, миновали еще два поселка; проѣхали и Рахманово... А въ воображеніи опять цѣлый рядъ странныхъ образовъ: заплечный мастеръ засучиваетъ рукава рубахи, готовясь приняться за свою страшную работу... Дьякъ достаетъ перо изъ-за уха и готовится писать „въ столпъ“ пыточныя рѣчи; а другой, рядомъ съ нимъ, словно дьяконъ съ амвона, возглашаетъ:

„Буде кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло... и про то его злое умышленіе сыщется до̀-пряма... и такого, по сыску, казнить смертью...“

— Слава Богу, къ Воздвиженскому подвигаемся, говоритъ, зѣвая въ руку, одинъ изъ спутниковъ Шакловитаго, и крестится на церковный крестъ.

А Шакловитому, при одномъ взглядѣ на село, на крышу путеваго дворца, виднѣющагося изъ-за деревьевъ, приходитъ въ голову воспоминаніе:

„Семь лѣтъ тому назадъ, такъ же точно, подъѣзжали къ этому селу князья Хованскіе!“

И ему вспомнилось, какъ онъ ихъ ждалъ, какъ взлѣзалъ на колокольню, какъ высматривалъ ихъ издали, и какъ невольно, вмѣстѣ съ другими, восклицалъ: „везутъ! везутъ!“ И тогда ему въ голову не приходило— *кого* везутъ, *зачѣмъ* везутъ. Онъ такъ поспѣшно, такъ охотно готовилъ имъ гибель, такъ торопливо писалъ приговоръ, который ему приходилось читать князьямъ Хованскимъ у смертной казни, такъ спокойно думалъ о томъ, какъ онъ будетъ просить царевну, послѣ казни, пожаловать его дворами и животами казненныхъ „измѣнниковъ“...

„А теперь? Теперь ты и самъ въ измѣнникахъ, и самъ стоишь у плахи — и на твои животы кто-нибудь ужъ точитъ зубы!“

И вотъ въ его воображеніи возникаетъ страшная сцена казни Хованскихъ... Прочитанъ отцу и сыну приговоръ, исчислены ихъ вины, подведены статьи Уложенія. Но старый князь еще не можетъ примириться съ мыслью о смерти. Онъ позабываетъ о своемъ положеніи, о человѣческомъ достоинствѣ, онъ падаетъ на колѣни, ползаетъ въ ногахъ у бояръ, онъ проситъ, молитъ о помилованіи, плачетъ кровавыми слезами, напоминаетъ о своихъ заслугахъ, клянется въ невинности... Приходитъ приказъ ускорить казнь... Несчастнаго старика тащутъ къ плахѣ. Тяжело и глухо ударилъ топоръ: *разъ—два!* И голова покатилась... И тихо склонился надъ трупомъ отца молодой князь, поднялъ эту окровавленную голову, поцѣловалъ ее, и перекрестясь, твердо легъ на плаху...

Но вотъ, наконецъ, и Троицкій монастырь, и полуденное солнце яркими лучами золотитъ его кресты и купола храмовъ. Телѣга, стуча и подпрыгивая, спускается къ оврагу — и Шакловитый припоминаетъ, какъ, два мѣсяца тому назадъ, его торжественно встрѣчали въ Святыхъ воротахъ обители архимандритъ и братія—его, посланника царевны и ближняго окольничаго!

„А теперь?“ горестно думаетъ онъ. „Прошла земная слава — все прахъ и тлѣнъ!“

И вдругъ со стороны дороги налетѣлъ порывъ вихря, крутя и вертя поблеклые листья и желтые стебли травъ, поднялъ на дорогѣ громадный столпъ пыли, погналъ его навстрѣчу поѣзду и скрылъ на мгновенье и посадъ, и обитель изъ глазъ Шакловитаго. И когда это облако пыли пронеслось, обитель Св. Сергія предстала ему во всей своей грозной красѣ, съ пушками на стѣнахъ, съ часовыми на башняхъ, съ протяжно-гудѣвшими колоколами.

— Везутъ! везутъ! раздался вновь навстрѣчу поѣзду звѣриный ревъ толпы, сбѣжавшейся со всего посада взглянуть на „измѣнника и вора Ѳедьку Шакловитаго“.

И вся эта толпа, толкаясь и спѣша, мутною волною приливаетъ къ самой телѣгѣ и бѣжитъ вслѣдъ за нею къ Святымъ воротамъ обители. На Шакловитаго указываютъ пальцами, ему грозятъ кулаками... Среди крика и несвязнаго шума толпы слышатся — и говоръ, и смѣхъ, и ругательства...

Горе тебѣ, побѣжденному!

XXXI.

Шакловитый привезенъ былъ въ Троицкій монастырь около часа пополудни, и тотчасъ сданъ на руки князю Борису Алексѣевичу, который, немедля, началъ допросъ и розыскъ...

Въ тотъ-же день, въ шестомъ часу вечера, изъ посада опять завидѣли на дорогѣ отъ Москвы какой-то большой поѣздъ, состоящій изъ многихъ повозокъ и трехъ каретъ, окруженныхъ гайдуками и большою свитою слугъ.

— Это еще кого Богъ даетъ? заговорили въ толпѣ посадскихъ, собравшихся на дорогѣ.

— Везутъ кого, или самъ идетъ?

— А кто его знаетъ? Отсель и не разберешь. Видно только, что около повозокъ многолюдство: однихъ конныхъ, пожалуй, человѣкъ съ пятьдесятъ наберется?

— А это, братцы, не́кому и быть другому—не самъ-ли царь Иванъ Алексѣевичъ изволитъ жаловать къ брату?

— Пожалуй, что и такъ? Народу множество—и кареты вотъ такъ тебѣ и горятъ на солнцѣ.

А между тѣмъ поѣздъ приближался къ посаду. Отъ передовыхъ конниковъ отдѣлилась кучка, человѣкъ въ пять-шесть, припустила впередъ во всю прыть и подскакала къ толпѣ зѣвакъ. Впереди всѣхъ, на лихомъ поджаромъ аргамакѣ, какъ птица несся, припавъ къ сѣдлу, черный и сухощавый всадникъ въ малиновомъ суконномъ чекменѣ и бархатной шапкѣ, съ саблей черезъ плечо и съ пистолями за поясомъ; подскакавъ къ посадскимъ, онъ крикнулъ:

— Эй, вы, чего глазѣете? Показывай, какіе есть на посадѣ свободные дворы подъ помѣщеніе служни ближняго боярина князя Василія Васильевича Голицына.

— А тебѣ сколько дворовъ надобно? спросили насмѣшливо нѣсколько голосовъ.

— Дворовъ пять, отвѣчалъ имъ нашъ старый знакомецъ Кузёмка Крыловъ.

— Пять! Ха! ха! ха! Пяти курятниковъ не сыщешь! Всѣ подклѣти и чуланы биткомъ набиты народомъ. Столько вашего брата понаѣхало!

— *Вашего брата!* загремѣлъ Кузёмка, замахнувшись плетью для вразумленія,—смѣешь ты всякую боярскую челядь ровнять со служней да съ держальниками ближняго боярина и Оберегателя!

Толпа со смѣхомъ отхлынула въ сторону отъ Кузёмки и его вершниковъ.

— Тутъ, братъ, не то что холоповъ съ холопями, а и бояръ-то съ боярами ровняютъ—не чинятся! Не дорога́ имъ цѣна на здѣшнемъ базарѣ! Вотъ и сегодня отъ васъ изъ Москвы тоже ближняго окольничаго привезли на телѣгѣ къ грядкѣ привязавши... Насмотрѣлись мы на боярство-то—небось, не испужаешь!

Между тѣмъ подвинулся къ посаду и весь блестящій поѣздъ Оберегателя, въ которомъ, въ одной каретѣ ѣхалъ онъ самъ съ думнымъ дьякомъ Украинцевымъ, въ другой—князь Алексѣй Васильевичъ съ думнымъ дворининомъ Косаговскимъ, въ третьей — окольничіе Неплюевъ и Змѣевъ. За третьей каретой слѣдовали двѣ колымаги со всякою комнатною боярскою служней и поварами; а за колымагами—съ десятокъ повозокъ съ перинами, подушками, коврами, сундуками съ платьемъ, коробьями съ бѣльемъ, шкатунами и ящиками, и всякою домашнею утварью. На двухъ повозкахъ навалена была кухонная посуда, котлы и таганы, а на двухъ слѣдующихъ—шатры, наметы и отдѣльныя части калмыцкой войлочной кибитки; на трехъ послѣднихъ всякій хозяйственный запасъ и боченки съ виномъ. Бояринъ ѣхалъ къ Троицѣ, видимо, не на одинъ день, а надолго...

Весь боярскій обозъ остановился посрединѣ посада, пока дворецкій и приказчикъ князя розыскивали помѣщеніе для служни, для кухни и коней, а всѣ экипажи, окруженные блестящей свитой изъ гайдуковъ и боярскихъ слугъ, прослѣдовали далѣе, къ Святымъ воротамъ обители.

Оберегатель и Украинцевъ, сидя въ передней каретѣ, ни единымъ словомъ не перекинулись на пространствѣ всего пути отъ села Медвѣдкова (княжеской подмосковной) и до самаго Троицкаго посада. Оберегатель былъ погруженъ въ глубокую и скорбную думу; на лицѣ его, поблѣднѣвшемъ и осунувшемся за послѣднюю недѣлю, особенно рѣзко обозначались морщины на лбу и между густыми бровями... Когда карета его стала подъѣзжать къ Святымъ воротамъ, онъ волновался до такой степени, что даже не могъ скрыть своего волненія—онъ крестился на икону подъ воротами, а пальцы руки его видимо дрожали... Украинцевъ былъ тоже не совсѣмъ спокоенъ: крестясь и кланяясь на храмы обители, и твердя про себя: „Господи Іисусе Христе!“—дьякъ, то-и-дѣло, выглядывалъ изъ окна кареты, и какъ будто хотѣлъ угадать заранѣе, какъ ихъ встрѣтятъ.

Вотъ наконецъ подъѣхали и къ самымъ воротамъ, на глухо запертымъ подъ вечеръ. Отъ воротнаго караула отдѣлился стрѣлецкій десятникъ и подошелъ къ каретѣ, съ двумя рядовыми.

— Кто ѣдетъ? спросилъ онъ, заглядывая въ окно кареты и не ломая шапки передъ Оберегателемъ.

— Ближній бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, поспѣшилъ сообщить дьякъ Украинцевъ.

— А ты кто будешь? обратился десятникъ съ вопросомъ къ дьяку.

Украинцевъ назвалъ себя.

— А въ тѣхъ каретахъ кто будетъ? продолжалъ, не спѣша, допрашивать десятникъ.

Князь Василій не выдержалъ:

— Пошелъ прочь! Какъ ты смѣешь насъ допрашивать? Кто въ тѣхъ каретахъ ѣдетъ, тотъ самъ за себя скажетъ.

— Не пыли, бояринъ! Обдержишься здѣсь! дерзко замѣтилъ десятникъ, — придется еще тебѣ постоять у воротъ-то!

Однако же отошелъ отъ дверецъ кареты и пошелъ къ другимъ экипажамъ. И долго онъ около нихъ ходилъ, всѣхъ опрашивая и все внимательно осматривая, и затѣмъ ушелъ въ калитку, которая за нимъ плотно захлопнулась. Передъ воротами, заграждая ихъ, попрежнему, остался караулъ изъ стрѣльцовъ и солдатъ, которые стояли молча, на вытяжку, держа ружья на плечо.

Между тѣмъ какъ все это происходило передъ воротами, со всего посада сбѣжалась большая толпа народа, которая окружила экипажи и на почтительномъ разстояніи, съ большимъ любопытствомъ разсматривала великолѣпныя расписныя и раззолоченныя кареты, богатѣйшую упряжь чудныхъ заводскихъ коней Оберегателя, и пестрые наряды его слугъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Академическая выставка 1888 года.

(Рис. на стр. 452, 453 и 457).

16 марта открылась въ зданіи Императорской Академіи Художествъ ежегодная выставка художественныхъ произведеній. Превосходя всѣ предшествовавшія выставки числомъ выставленныхъ предметовъ, она содержитъ не мало выдающихся произведеній по живописи, скульптурѣ и архитектурѣ. Послѣдній отдѣлъ — отдѣлъ архитектурный — чрезвычайно богатъ и очень интересенъ. Рисунки и чертежи, вошедшіе въ составъ этого отдѣла, не попали въ каталогъ, что́ нѣсколько затрудняетъ обстоятельное ознакомленіе съ названнымъ отдѣломъ; но и при бѣгломъ обзорѣ выставленныхъ работъ обращаютъ на себя экспонаты гг. Котова, Чагина, Соловьева, Трамбицкаго, Померанцева. Соловьевымъ выставлены интересные рисунки церкви Св. Григорія Неокесарійскаго, въ Москвѣ, и святыхъ воротъ Рождественскаго монастыря, во Владимірѣ. Остальные архитекторы представили свои работы, исполненныя ими за границей. Особенное вниманіе обращаютъ на себя рисунки Котова и Чагина. Послѣднему, къ прискор-

бію уже умершему въ полномъ разцвѣтѣ своего таланта, принадлежитъ премированный проектъ фасада Миланскаго собора. Остальные два отдѣла выставки содержатъ до 400 нумеровъ.

Какъ на выдающуюся особенность настоящей выставки слѣдуетъ указать на значительное число произведеній дамской кисти, большинство которыхъ должно быть отнесено къ пейзажу, преобладающему среди находящихся на выставкѣ картинъ. До 70 экспонентовъ выставили свои работы по этому роду живописи.

Приступая, по примѣру прежнихъ лѣтъ, къ помѣщенію на страницахъ нашего журнала выдающихся произведеній выставки, мы открываемъ рядъ гравюръ съ нихъ—картиною даровитаго художника А. Д. Кившенка „На стойкѣ по бекасу". Напряженное вниманіе, въ какомъ оба охотника идутъ по трясинѣ, передано замѣчательно жизненно и правдиво. Изъ трехъ другихъ картинъ того-же художника, одна передаетъ еще сцену изъ охотничей жизни, „По тетеревинымъ выводкамъ", а двѣ другія носятъ названія: „Пораженіе арміи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ" и „На берегу озера".

Вторая изъ помѣщенныхъ картинъ принадлежитъ кисти молодаго живописца М. Л. Маймана. 18 марта 1584 года совершилось событіе первостепенной важности — событіе, которое имѣло значеніе не только для Московскаго государства, но и для всѣхъ сосѣднихъ странъ, и даже для тѣхъ странъ европейскихъ, которыя успѣли уже войти въ сношенія съ Московіей... Умеръ первый царь Московскій, Іоаннъ Васильевичъ, прозванный *Грознымъ*. Смерть его не была неожиданностъю: страшный, неизлѣчимый, застарѣлый недугъ давно уже терзалъ царя и подрывалъ его желѣзную натуру, истощенную излишествами всякаго рода. Самъ царь, хотя и недавно еще женившійся на Маріи Нагой (пятой женѣ) и не задолго передъ тѣмъ сватавшійся за племянницу Англійской королевы Елисаветы, сознавалъ однако-же, что дни его изочтены, что смерть близится быстрыми шагами... Но онъ относился къ ея приближенію довольно равнодушно: онъ призывалъ кудесниковъ только для того, чтобы угадать день своей смерти, день *Суда Божія*, какъ говорили современники, а не для того, чтобы рѣшить вопросъ о большей или меньшей близости смерти. Наканунѣ кончины онъ почувствовалъ облегченіе недуга, подъ вліяніемъ принятой имъ теплой ванны, предложенной медиками-иноземцами. Въ самый день смерти также чувствовалъ себя бодрымъ и настолько крѣпкимъ, что послѣ утренняго сна задумалъ даже потѣшиться игрою въ шахматы. Богданъ Бѣльскій, любимецъ царя, незадолго передъ тѣмъ назначенный въ воспитатели къ царевичу Дмитрію, уже разставилъ шахматы на доскѣ, около царской постели... Іоаннъ, въ колпакѣ и халатѣ, сѣлъ на постели и, собираясь начать игру, смѣялся надъ предсказаніями кудесниковъ—и вдругъ закинулся назадъ... Ударилъ часъ его! Поднялась суматоха, сбѣжались приближенные къ царю люди, позванъ былъ митрополитъ съ клиромъ — читать отходную и облекать царя въ схиму. Но обрядъ совершенъ былъ, по свидѣтельству медиковъ, уже надъ безжизненнымъ тѣломъ.

Художникъ избралъ именно этотъ моментъ для своей картины. Іоаннъ Грозный перенесенъ со смертнаго одра на кресло. Около него суетятся два медика-нѣмца: одинъ щупаетъ пульсъ, другой заглядываетъ въ тусклый, застоявшійся взоръ отходящаго въ вѣчность царя... Бѣльскій, со свѣчею въ рукахъ, вдумчиво смотритъ на Іоанна, созерцая ничтожество всего земнаго; Годуновъ, въ трепетномъ волненіи, слѣдитъ за быстрыми успѣхами смерти, покрывающей лицо Іоанна своими тѣнями... Позади его видны еще другія тревожныя, испуганныя лица царедворцевъ. И надъ всѣми этими мірскими тревогами и житейскими треволненіями спокойно и стройно разносятся молитвенные возгласы духовенства, взывающаго о милосердіи ко Всевышнему и готоваго возложить на чело Грознаго „ангельскій образъ"... Минута торжественная и достойная кисти живописца!

Третья гравюра передаетъ картину хорошо извѣстнаго читателямъ *Нивы* художника Х. П. Платонова „Купите ягоды!" Въ прошломъ году были помѣщены въ № 16 „Дѣвочка съ пѣтухомъ" и въ № 17 „Наймичка". Также мастерски выполнены и на этотъ разъ три быстроглазыя крестьянскія дѣвочки, предлагающія проѣзжающимъ ягодъ.

Молодой гиппопотамъ, родившійся въ СПБургскомъ Зоологическомъ саду Роста.
Съ натуры рис. **Н. Оболенскій**, грав. Ангереръ.

XVI передвижная художественная выставка.

(Рис. на стр. 460).

Почти 18 лѣтъ существуетъ Товарищество передвижныхъ выставокъ. Въ настоящемъ году оно въ 16-й разъ выполнило свою задачу, выставивъ картины своихъ членовъ и экспонентовъ въ Академіи Наукъ. Уступая въ количественномъ отношеніи академической выставкѣ, нынѣшняя передвижная выставка и въ качественномъ не удовлетворяетъ привыкшихъ встрѣчать на выставкахъ Товарищества такія произведенія русскаго искусства, которыя надолго вызываютъ толки среди лицъ, интересующихся успѣхами русскихъ художниковъ. На настоящей выставкѣ почти нѣтъ такихъ выходящихъ изъ общаго уровня произведеній. Художникомъ А. К. Бегровымъ прекрасно составленъ иллюстрированный каталогъ картинъ выставки. Онъ не только служитъ подспорьемъ при посѣщеніи выставки, но и остается пріятнымъ воспоминаніемъ для всѣхъ бывшихъ на ней; а тѣхъ, кто лишенъ возможности увидѣть оригиналы выставленныхъ картинъ, каталогъ ознакомляетъ съ ними массою удачныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ немъ.

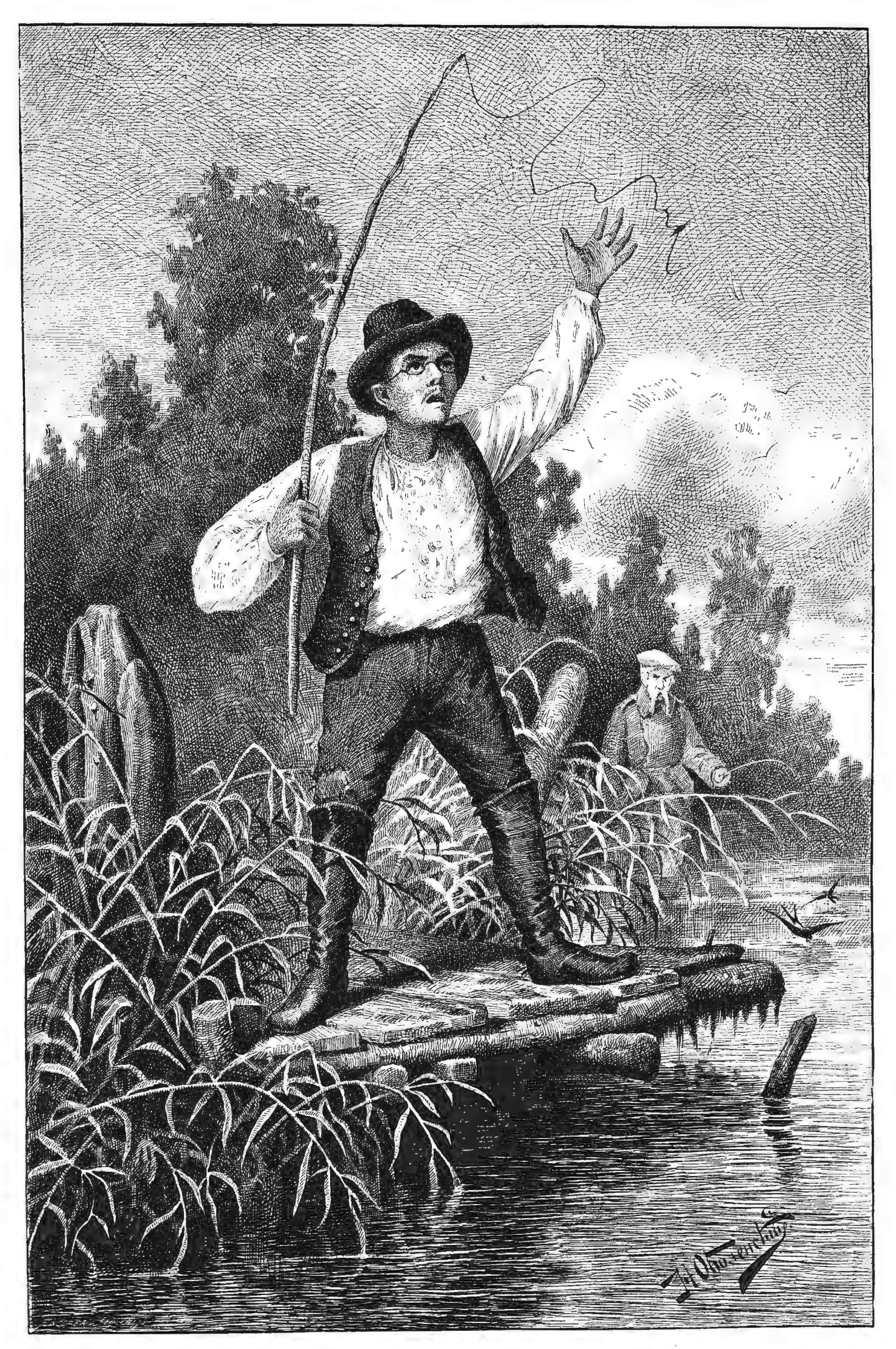
На стр. 460 помѣщена гравюра съ одной изъ картинъ бывшихъ на передвижной выставкѣ. Авторъ картины—академикъ Ф. С. Журавлевъ, извѣстный своими произведеніями „Купеческія поминки" (1876), „Благословеніе невѣсты" и многими другими. Картина называется „Просители" и изображаетъ пріемную должностнаго лица, наполненную разными лицами, пришедшими туда со своими ходатайствами и просьбами. Картина отличается большою наблюдательностью присущею художнику и мѣтко схваченными чертами дѣйствующихъ на ней лицъ.

Плохо нажитое прахомъ идетъ. (Рис. на стр. 461).

Рано утромъ пробирались по безлюднымъ улицамъ два странствующіе музыканта. Медленно шли они, понуря головы. Тяжела имъ жизнь въ послѣднее время: который уже день не было совсѣмъ заработка. Приходилось бросить нетрудное и веселое занятіе странствующаго артиста. Проходя мимо гостиницы, они заглянули въ непритворенную дверь и увидѣли въ полутемной комнатѣ сидѣвшихъ за столомъ посѣтителей. Надежда заработать нѣсколько грошей заставила войти въ нее музыкантовъ. Но приблизясь съ поклонами къ неподвижно сидѣвшимъ гостямъ, они увидѣли, что тѣ спятъ глубокимъ сномъ. По разбросаннымъ на столѣ картамъ и недопитому въ стаканахъ вину легко догадаться, какъ провели ночь безпечные гуляки. Тутъ-же на скамьѣ брошенъ — случайный даръ прихотливой удачи — кошелекъ съ выигранными въ карты деньгами. Какое искушеніе!

Молодой гиппопотамъ, родившійся въ Зоологическомъ саду Роста, въ СПБ. (Рис. на этой стр.).

Громадное (до двухъ саженъ длины), неуклюжее, безобразно-толстое животное, похожее внѣшнимъ видомъ на носорога, съ огромною, тупорылою головой и крошечными глазками, назы-



Литературный альбомъ. „Рыбная ловля“, стихотвореніе А. Н. Майкова.
Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

каемое гиппопотамомъ или бегемотомъ и водящееся въ рѣкахъ и озерахъ средней и южной Африки, слишкомъ извѣстно, для того чтобы его описывать подробнѣе. За послѣднія два десятилѣтія оно мало-по-малу утратило характеръ рѣдкости даже въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ Европы, гдѣ гиппопотамы даже плодились, хотя до сихъ и не удавалось сохранить и воспитать рожденныхъ въ неволѣ дѣтенышей. Заслуга эта выпала на долю г. Роста, содержащаго Зоологическій садъ въ Петербургѣ. Два гиппопотама, принадлежащіе г. Росту, отличаются нѣжнѣйшею взаимною привязанностью. Самецъ ни на минуту не отходитъ отъ самки; ихъ никогда не разлучаютъ, такъ какъ при этомъ онъ немедленно впадаетъ въ неукротимую ярость. Но едва-ли кому приходило въ голову до какой степени простирается его ревность, пока не родился въ началѣ прошлаго года первый дѣтенышъ. Самецъ былъ до того озадаченъ его появленіемъ на свѣтъ въ обширномъ водоемѣ при клѣткѣ, что немедленно бросился на него, поднявъ цѣлую водяную бурю, загрызъ и, несмотря на защиту и оборону матери, въ буквальномъ смыслѣ растерзалъ своего дѣтеныша, окрасивъ его кровью весь водоемъ. Въ нынѣшнемъ году приняты были всѣ мѣры предосторожности, за беременною самкой тщательно слѣдили, и какъ только она разрѣшилась (къ счастію, на сухой окраинѣ водоема) новорожденнаго тотчасъ унесли, прежде чѣмъ бывшій въ это время подъ водою самецъ успѣлъ его замѣтить.

Предстояла трудная задача выкормки дѣтеныша безъ помощи матери. Замѣтили что коровье молоко не нравится ему и дурно на него дѣйствуетъ. Замѣнили козьимъ—и дѣло пошло какъ нельзя успѣшнѣе. Процессъ кормленія изображенъ на нашемъ рисункѣ. Къ горлу громадной бутыли, прикрѣпляется гуттаперчевый сосокъ; сторожъ помѣщаетъ бутыль у себя на колѣняхъ и даетъ маленькому бебе сосокъ изъ руки. Малютка очень привязанъ къ своему кормильцу, знаетъ его голосъ и по своему ласкается. Около сорока козъ необходимо для того, чтобы доставлять ему дневное пропитаніе. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ старанія и тщательнѣйшій уходъ, здоровье его довольно слабо—и выдержитъ ли онъ опасности дѣтскаго возраста — еще вопросъ.

„Рыбная ловля", стих. А. Н. Майкова.

(Рис. на стр. 465).

Щедрою рукою разбросалъ маститый поэтъ въ своихъ произведеніяхъ множество сюжетовъ, такъ и напрашивающихся подъ карандашъ художника. Чудныя картины природы, событія и образы—одни за другими—проходятъ предъ читателемъ сочиненій А. Н. Майкова. Помѣщенный на стр. 465 рисунокъ П. Оболенскаго заимствованъ изъ стихотворенія „Рыбная ловля".

Вчера, чтобъ только сонъ прогнать,
Пошелъ на озеро; смотрю—какая гладь!
Лѣсистыхъ береговъ обрывы и изгибы,
Какъ зеркаломъ, водой повторены. Вездѣ
Полоски свѣтлыя отъ плещущейся рыбы,
Иль ласточекъ, крыломъ коснувшихся къ водѣ....
Смотрю—усачъ-солдатъ сложилъ шинель на травку,
Самъ до колѣнъ въ водѣ, и удитъ на булавку.
„Что, служба?" крикнулъ я.—„Пришли побаловать
Маленько", говоритъ.—„Нѣтъ, клевъ-то какъ, служивый?"
—„А клевъ-то? да такой тутъ вышелъ стихъ счастливый
„Что въ часъ-отъ на уху успѣли натаскать",
Ну, кто-бы устоять тутъ могъ отъ искушенья?..

И рыболовъ, выбравъ удобное мѣстечко, закинулъ удочку. Вдругъ видитъ:

..Поплавокъ мгновенно исчезаетъ!
Тащу—зіяетъ пасть зубастая—и вдругъ
Взвилась моя леса свистя, надъ головою...
Обгрызла!.. Господи!.. Но, зная норовъ щукъ,
Другую удочку предъ тою же травою
Тихонько завожу и жду, едва дыша...

Домашнія игры. (Рис. на стр. 268).

Въ длинные зимніе вечера или лѣтніе, въ ненастную погоду, собравшееся общество не знаетъ иногда, какъ провести время. Устраиваются игры, которыя часто бываютъ незанимательными только за отсутствіемъ новизны. Чтобы освѣжить нѣсколько устарѣлый запасъ игръ, мы помѣщаемъ въ настоящемъ № рисунки и описаніе нѣсколькихъ новыхъ игръ. На первомъ рисункѣ изображено состязаніе при помощи папироски: посрединѣ стола кладутъ папироску и четверо играющихъ, размѣстившись на-крестъ другъ противъ друга, стараются, съ одной стороны, сдунуть ее со стола, а съ другой—помѣшать ей свалиться на полъ съ защищаемой ими части столешницы. Во избѣжаніе спора, съ чьей стороны упала папироса, самое лучшее раздѣлить верхнюю доску стола на четыре равныя части крестообразно проведенными линіями; играющій, помѣстившись посрединѣ доставшейся на его долю четверти, защищаетъ ее, т. е. не даетъ упасть папиросѣ со своей четвертушки на полъ. На второмъ рисункѣ изображены „поиски наперстка", который удобно можетъ быть спрятанъ тамъ, гдѣ многимъ и въ голову не придетъ искать его. На рисункѣ можно видѣть что одинъ изъ играющихъ положилъ его себѣ на темя, а его ищутъ около стола. Чтобы нѣсколько навести на вѣрный слѣдъ въ поискахъ наперстка, можно условно употреблять какія-нибудь слова, напр., „холодно, холоднѣе", когда удаляются отъ наперстка, и наоборотъ, „тепло, теплѣе, жарко", съ приближеніемъ къ нему. На третьемъ, среднемъ рисункѣ представлена игра, требующая отъ принимающихъ въ ней участіе нѣкоторой сноровки и упражненія. Она заключается, какъ это ясно видно изъ рисунка, въ томъ, чтобы бросаемою картой попасть въ поставленную на извѣстномъ разстояніи на столѣ шляпу. Каждый изъ играющихъ бросаетъ опредѣленное число картъ и выигравшимъ считается тотъ, у кого попало въ шляпу наибольшее число картъ или карты высшаго достоинства. Въ разсчетъ также можетъ быть принято и то обстоятельство, упадетъ ли карта лицевою стороною или изнанкой. Четвертый рисунокъ представляетъ „чтеніе чужихъ мыслей". Лицу которое должно отыскать задуманную вещь, или совершить какое-либо дѣйствіе, завязываютъ глаза и оно, держа за руку того, кому поручено мысленно заставить отгадывателя мыслей сдѣлать что-нибудь, старается по невольнымъ движеніямъ „руководителя" сдѣлать задуманное, иначе говоря, „прочесть его мысли". Пятый рисунокъ изображаетъ самую подвижную изо всѣхъ пяти игръ: „комнатный теннисъ". Для игры въ него необходимо обладать ловкостью и онъ требуетъ значительной подвижности, отсутствіемъ которой страдаетъ большинство комнатныхъ игръ. Заключается эта игра въ томъ, что двое, при помощи японскихъ вѣеровъ, вмѣсто ракетокъ, перебрасываютъ другъ другу пузырь, наполненный воздухомъ. По своей легкости послѣдній не представляетъ никакой опасности уронить, сломать или разбить что-нибудь въ комнатѣ. Выигрываетъ тотъ, кто наибольшее число разъ отразитъ брошенный въ его сторону пузырь.

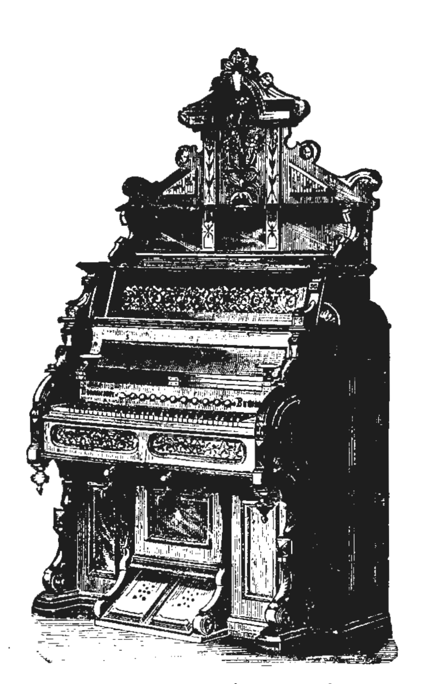
Фридрихъ Геббель. (Портр. на стр. 469).

6 марта исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со дня рожденія нѣмецкаго поэта Фридриха Геббеля, автора цѣлаго ряда драмъ и другихъ произведеній, занимающихъ не послѣднее мѣсто въ нѣмецкой литературѣ. Геббель родился 6 (18) марта 1813 года въ Вессельбуренѣ, небольшомъ городкѣ Дитмаршена въ Голштиніи. Родители его были люди безъ всякихъ средствъ и могли дать своему сыну лишь самое скудное образованіе. Долгое время молодому Геббелю единственное чтеніе доставляли Библія и старинныя книжки, въ которыхъ передавались сказанія о Зигфридѣ и другихъ народныхъ герояхъ. 15-ти лѣтъ онъ поступилъ писцомъ къ судьѣ своего прихода, у котораго занимался 7 лѣтъ, можно сказать, противъ воли, за неимѣніемъ другаго исхода. Нѣсколько стихотвореній молодаго поэта, пересланныхъ извѣстной въ свое время нѣмецкой писательницѣ, Амаліи Шоппе, обратили на Геббеля ея вниманіе и она пригласила его переселиться въ Гамбургъ. Переѣхавъ въ этотъ городъ, Геббель, благодаря средствамъ, которыя доставляли ему нѣсколько лицъ, принявшихъ живое участіе въ начинающемъ писателѣ, прожилъ въ Гамбургѣ нѣкоторое время, старательно подготовляя себя къ университетскому экзамену. Поступивъ въ Гейдельбергскій университетъ, онъ перешелъ изъ него въ Мюнхенскій, гдѣ успѣшно кончилъ курсъ наукъ. По возвращеніи его въ 1841 г. въ Гамбургъ, появилась въ томъ-же году первая трагедія Геббеля „Юдиѳь". Въ 1842 г. онъ переѣхалъ въ Копенгагенъ, гдѣ познакомился съ Торвальдсеномъ и Эйленшлегеромъ и посѣщалъ ихъ общество. Получивъ отъ короля Датскаго Христіана VIII пособіе, Геббель отправился путешествовать, посѣтилъ Парижъ и Италію и собирался уже возвратиться въ Копенгагенъ, думая посвятить себя тамъ ученой дѣятельности. На обратномъ пути онъ встрѣтился въ Вѣнѣ съ актрисою Христиною Энгхаусъ, женился на ней и поселился навсегда въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ 1 (13) декабря 1863 года. Произведенія Геббеля отличаются значительнымъ поэтическимъ талантомъ и полны высокихъ и смѣлыхъ мыслей; несмотря на то, нельзя сказать, чтобы его творенія производили отрадное впечатлѣніе, и причину тому надо искать въ склонности писателя къ странному, чудесному, невѣроятному и ужасному. Самая форма и языкъ его произведеній, а въ особенности стихотвореній, далеко не совершенны. Лучшимъ въ этомъ отношеніи надо считать его изящную идиллію „Мать и дитя", появившуюся въ 1859 году. Но собственно славу Геббеля составляютъ его драмы, изъ которыхъ кромѣ выше названной „Юдиѳь" — „Genoveva" (1843), „Марія Магдалина" (1844), „Юлія" (1851), „Микель-Анджело" (1855), „Агнеса Бернауеръ" (1855) и, главнымъ образомъ, „Нибелунги" (1862), пользуются заслуженною извѣстностью.

Нѣсколько словъ о фисгармоніи.

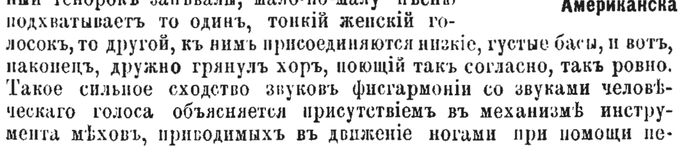
Музыка всегда имѣла и имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка. Она составляетъ его любимое увеселеніе, облагораживаетъ душу, вліяетъ благотворно на самую грубую натуру. Въ каждой мало-мальски достаточной семьѣ непремѣнно найдется тотъ

или другой музыкальный инструментъ, начиная отъ недорогаго дребезжащаго фортепіано и кончая богатѣйшимъ роялемъ. Нерѣдко въ домашнемъ кружкѣ можно услышать и звуки флейты, віолончели, скрипки, но рѣже всего случается слышать фисгармонію. А между тѣмъ этотъ прекрасный, благородный инструментъ, изобрѣтенный еще въ 1821 году Ганкелемъ въ Вѣнѣ и усовершенствованный Дицомъ, по настоящему долженъ былъ бы играть болѣе почтенную роль и получить большее распространеніе. Во-первыхъ, фисгармонія не требуетъ большаго техническаго искусства, и научиться играть на ней довольно легко; во-вторыхъ, благодаря нѣсколькимъ, разнымъ регистрамъ, она даетъ возможность производить замѣчательные музыкальные эффекты; въ-третьихъ, она вполнѣ пригодна и для духовной музыки и для аккомпанимента при домашнемъ концертѣ, при игрѣ на нѣсколькихъ инструментахъ и особенно удобна для тѣхъ, кто любитъ фантазировать; для этой послѣдней цѣли врядъ-ли найдется другой, болѣе подходящій, болѣе благодарный инструментъ. По тону фисгармоніи высшихъ сортовъ очень близко подходятъ къ церковнымъ органамъ и даже до нѣкоторой степени могутъ замѣнить послѣдніе. Играя на фисгармоніи что-нибудь изъ духовной музыки, вы слышите тѣ же торжественные, могучіе звуки и вслѣдъ за ними тихіе, нѣжные тоны, какъ будто вы присутствуете при отправленіи мессы въ католической церкви, гдѣ играетъ большой, дорого стоящій органъ; въ большинствѣ случаевъ при сколько-нибудь искусной игрѣ, иллюзія получается полная. Теперь попробуйте на той же самой фисгармоніи сыграть какую-нибудь русскую пѣсню, хоровую — положимъ. Вотъ явственно слышится мягкій, пріятный тенорокъ запѣвалы, мало-по-малу пѣсню подхватываетъ то одинъ, тонкій женскій голосокъ, то другой, къ нимъ присоединяются низкіе, густые басы, и вотъ, наконецъ, дружно грянулъ хоръ, поющій такъ согласно, такъ ровно. Такое сильное сходство звуковъ фисгармоніи со звуками человѣческаго голоса объясняется присутствіемъ въ механизмѣ инструмента мѣховъ, приводимыхъ въ движеніе ногами при помощи педалей и напоминающихъ собою какъ бы человѣческія легкія, изъ которыхъ выходитъ воздухъ; металлическія пластинки колеблемыя этимъ воздухомъ, даютъ самый тонъ, играя роль голосовыхъ струнъ. Своимъ внѣшнимъ видомъ фисгармонія очень походитъ на піанино: почти такой же деревянный остовъ, такая же клавіатура, съ тѣмъ же размѣромъ клавишей и тѣ же двѣ педали, имѣющія, однако, и другую форму, и другое назначеніе. Но на этомъ и кончается сходство фисгармоніи съ піанино. При осмотрѣ первой прежде всего обращаетъ на себя вниманіе рядъ пуговокъ надъ клавіатурой, называемыхъ регистрами, съ различными названіями, напримѣръ: Flûte, Voix céleste, Dolce, Echo и т. п., они-то и даютъ возможность производить замѣчательные эффекты, ибо каждый регистръ сообщаетъ игрѣ различный характеръ. Благодаря мѣхамъ и регистрамъ, на фисгармоніи можно выдерживать каждый тонъ или аккордъ, сколько угодно времени. Исполнителю на этомъ инструментѣ легко усилить или уменьшить звукъ, смотря по надобности, чего нельзя достигнуть при игрѣ на фортепіано, такъ какъ, не смотря на всѣ самыя послѣднія усовершенствованія инструмента, струна, по которой разъ ударяютъ, не можетъ долго выдерживать тонъ; послѣ удара онъ становится все слабѣе и слабѣе и чтобы выдержать его играющій поневолѣ долженъ прибѣгнуть къ искусственному тремоландо. Этимъ довольно рѣзкимъ контрастомъ между двумя означенными инструментами можно, однако, отлично воспользоваться устроивъ игру на фисгармоніи съ аккомпаниментомъ фортепіано; подобный дуэтъ весьма эффектенъ и можетъ доставить много наслажденія.



Американская фисгармонія.

Въ настоящее время фисгармоніи замѣчательно усовершенствованы и производятся какъ въ Старомъ Свѣтѣ, такъ и въ Новомъ, при чемъ существуетъ двѣ системы: французская, по которой фисгармоніи дѣлаются также и въ Германіи, и американская. Пріѣзжимъ въ Петербургъ, мало-мальски интересующимся этимъ благодарнымъ инструментомъ, не мѣшаетъ заглянуть въ извѣстный магазинъ музыкальныхъ инструментовъ Юлія Генриха Циммермана (Большая Морская, 36 и 42), гдѣ они найдутъ большую выставку фисгармоній.



А. Н. Майкову *).

Стихотвореніе **Д. В. Аверкіева.**

I.

Въ свѣтлый праздникъ Аполлона
Съ голубаго небосклона
 Лучезарно льется свѣтъ.
Пѣньте чашу круговую:
Съ Музой свадьбу золотую
 Нынче празднуетъ поэтъ.

II.

Долго мы ему внимали,
Много съ нимъ переживали
 Думъ, страстей, мечтаній, сновъ;
Восторгалися душою,
Очарованы красою
 Звонкомраморныхъ стиховъ.

III.

Но, спѣша, Сатурнъ суровый
Намъ мѣняетъ, какъ обновы,
 Быстролетные года...
Юность думала лукаво,
Что поэтъ надъ Музой право
 Ужь утратилъ навсегда.

IV.

Вѣрный брачному союзу
Любитъ онъ, какъ прежде, Музу,
 И въ досужіе часы
Поэтическою чарой
Возродилъ намъ Эдды старой
 Мощногрозныя красы.

V.

Скупы боги — и полъ-вѣка
Для дѣянья человѣка
 Положили какъ рубежъ...
Съ Музой вѣчно-молодою
Бардъ нашъ вѣщею душою
 Также молодъ, также свѣжъ.

Политическое обозрѣніе.

Болѣзнь императора Фридриха. — Пребываніе королевы Викторіи въ Шарлоттенбургѣ. — Событія во Франціи. — Новое министерство въ Сербіи.

Здоровье императора Фридриха вновь вызываетъ опасенія. За послѣдніе дни получались, было, успокоительныя извѣстія о ходѣ его болѣзни, не только изъ Берлина, но и изъ Вѣны, откуда шли вначалѣ самые тревожные слухи. Въ *Correspondance de l'Est* телеграфировали изъ Берлина, что „въ ночь на 17 апрѣля у императора въ первый разъ не было лихорадки. Кашель и выдѣленіе гноя уменьшились. Д-ръ Мекензи очень доволенъ общимъ состояніемъ здоровья императора и исчезновеніемъ лихорадки. Аппетитъ у его величества превосходный. Бронхитъ прошелъ совершенно.“ Благодаря исчезновенію лихорадки императоръ сталъ спокойнѣе и веселѣе: онъ читалъ легкія беллетристическія произведенія и занимался просмотромъ журналовъ, такъ какъ вслѣдствіе сильнаго истощенія организма врачи убѣждали больнаго прекратить всякія занятія государственными дѣлами. По причинѣ крайней слабости императоръ почти цѣлый день оставался въ постели и только изрѣдка переходилъ въ кабинетъ на диванъ. Но это относительно удовлетворительное состояніе снова ухудшилось и благопріятныя извѣстія снова уступили мѣсто тревожнымъ извѣщеніямъ, что съ 19 апрѣля возникли серьезныя опасенія. Послѣ дурно проведенной ночи у императора обнаружился упадокъ силъ, отсутствіе аппетита, головная боль и лихорадочное состояніе. Всѣ предположенные доклады были отмѣнены.

*) Стихотвореніе это предназначается для чтенія на юбилеѣ А. Н. Майкова (30 апрѣля); въ IV куплетѣ поэтъ дѣлаетъ аллюзію на *Брингильду*, новую, еще не обнародованную поэму юбиляра, также предназначенную для чтенія на юбилеѣ.

Новѣйшія комнатныя игры въ Англіи. По рис. въ „Graphic", грав. Рашевскій.

По поводу болѣзни императора Фридриха въ брюссельскую *Nord* пишутъ изъ Петербурга: „Здѣсь всѣ желаютъ продленія жизни Германскаго императора, чтобы онъ успѣлъ, за время своего царствованія, создать сколько-нибудь прочную основу для культурной реформы во внутреннемъ германскомъ управленіи, намѣченной въ первыхъ его правительственныхъ актахъ. Впрочемъ, мы смотримъ на будущее безъ опасенія, успокаиваясь мыслью, что, даже въ случаѣ новаго царствованія, у кормила правленія въ Германіи останется имперскій канцлеръ, доказавшій во время недавняго кризиса твердую рѣшимость сохранить дружественныя отношенія съ Россіей.“

Пребываніе Англійской королевы въ Германіи прошло тихо и незамѣтно. Въ кружкахъ сочувствующихъ Англіи—замѣтно нѣкоторое разочарованіе. По мнѣнію лицъ дипломатическаго круга, посѣщеніе Берлина королевою Викторіей получило характеръ исключительно родственнаго свиданія; даже въ бесѣдѣ королевы съ княземъ Бисмаркомъ разговоръ касался преимущественно фамильныхъ интересовъ, о политическихъ же дѣлахъ было упомянуто лишь вообще. Публика постоянно встрѣчала Англійскую королеву почтительнымъ молчаніемъ.

Фридрихъ Геббель (по поводу 75-й годовщины его рожденія). Рис. и грав. Нейманъ.

Совсѣмъ иначе совершилось путешествіе президента французской республики изъ Парижа въ Бордо. На всемъ пути въ этотъ городъ Карно былъ горячо привѣтствуемъ населеніемъ и въ разныхъ мѣстахъ, по которымъ слѣдовалъ президентскій поѣздъ, мѣстныя власти выражали преданность президенту и республиканскимъ учрежденіямъ. Попытки произвести демонстраціи въ честь Буланже оставались безуспѣшными и отдѣльные клики въ честь новаго депутата Сѣвернаго департамента не вызывали отголосковъ. На банкетѣ въ Бордо, данномъ въ честь президента, послѣдній, отвѣчая на тостъ, предложенный мэромъ, сказалъ, что оказываемыя ему сочувственныя оваціи являются протестомъ противъ всего того, что служитъ интересамъ враговъ республики и ободряетъ ихъ надежды. „Клики одобренія—продолжалъ Карно—относятся не только ко мнѣ, какъ къ вѣрному и рѣшительному стражу общественной свободы, но и къ правительству, которое своею твердостью внушило всѣмъ безусловное уваженіе къ республиканскимъ учрежденіямъ. Въ настоящее время величайшая вина падаетъ на тѣхъ, кто размахиваетъ факеломъ поджигателя, сѣетъ раздоры, нарушаетъ трудъ земледѣльческаго и промышленнаго населенія и готовъ помѣшать устройству всемірной выставки. Франціи надо-бы стоять во время выставки спокойно и съ достоинствомъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе. Только единеніемъ можемъ мы поднять наши силы на высоту потребностей; такимъ образомъ мы обезпечимъ рабочему населенію тотъ прогрессъ, котораго оно ожидаетъ. Единеніемъ-же мы дадимъ и нашей храброй арміи случай явить удивительное зрѣлище ея преданности долгу. Я призываю всѣхъ васъ къ единенію въ этомъ великомъ общемъ строѣ, гдѣ мой голосъ будетъ, конечно, услышанъ“.

За это время въ Парижѣ и въ другихъ городахъ жилось довольно безпокойно. Студенческія демонстраціи противъ генерала Буланже вызвали новые безпорядки со стороны его приверженцевъ, и не только въ столицѣ Франціи, но и въ провинціяхъ. Въ Нанси, 13 апрѣля вечеромъ, буланжисты произвели демонстрацію. Они ходили по улицамъ, пѣли пѣсни подъ окнами префектуры и затѣмъ стали бросать камни въ студенческій клубъ, причемъ былъ легко раненъ одинъ полицейскій. Жандармы разогнали толпу.

Въ Тулузѣ буланжистская молодежь, живущая по предмѣстьямъ, устроила манифестацію передъ клубомъ студенческаго общества, гдѣ находилось 300 молодыхъ людей. Изъ оконъ клуба раздались четыре револьверные выстрѣла, причемъ, однако, никто не былъ раненъ. Затѣмъ возникла драка на улицѣ; порядокъ былъ возстановленъ вмѣшавшимися въ дѣло полиціею, жандармами и войсками. Ранены: полицейскій агентъ, жандармъ и студентъ. Населеніе сильно взволновано.

Виновникъ этихъ демонстрацій высказалъ наконецъ подробно свою политическую программу на обѣдѣ данномъ въ часть его въ Café-Riche. Отвѣчая на тостъ Наке, Буланже протестовалъ преимущественно противъ взводимаго на него обвиненія въ стремленіяхъ къ диктатурѣ и присовокупилъ, что онъ готовъ подать голосъ за упраздненіе поста президента республики, если такое предложеніе будетъ внесено въ палаты. Во время обѣда передъ Café-Riche стояла многочисленная толпа, но серьезныхъ манифестацій не было. Въ полночь, когда Буланже вышелъ изъ кафе, толпа восторженно его привѣтствовала. Полиціи пришлось принять энергическія мѣры для того, чтобы не задерживать движенія экипажей. При этомъ были арестованы Деруледъ и нѣсколько депутатовъ, кричавшихъ „долой Ферри!“

Столица Сербіи на этихъ дняхъ пережила министерскій кризисъ. Министерство Груича вышло въ отставку. Крайне напряженныя отношенія между королемъ Миланомъ и министерствомъ Груича вызваны были новымъ военнымъ закономъ, на основаніи котораго людямъ милиціи предоставлялось сохранить на рукахъ оружіе, выдаваемое имъ для воскресныхъ упражненій. Законъ этотъ возбудилъ въ королѣ крайнюю подозрительность: онъ опасался, что тогда легко будетъ подготовить военное возстаніе. Такъ сообщаютъ вѣнскія газеты. На самомъ дѣлѣ министерство отказалось отъ власти по той причинѣ, что король, недовольный скупщиною, потребовалъ отъ министерства ея распущенія, а кабинетъ Груича на это не соглашался и предпочелъ выйти въ отставку. Новое министерство составлено Николой Христичемъ, что особенно радостно привѣтствуется австрійскими газетами.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 9 апрѣля Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими Дѣтьми отбыли по Варшавской желѣзной дорогѣ въ гор. Гатчину.

Правительственныя распоряженія.

— Для ускоренія пересылки страховой и посылочной корреспонденціи въ Приморскую

область, на Сахалинъ, съ апрѣля сего года установлено отправленіе ея въ оба пути на пароходахъ Добровольнаго Флота, совершающихъ рейсы между Одессою и Владивостокомъ, изъ коихъ первый пароходъ съ почтою отправился изъ Одессы во Владивостокъ 10 апрѣля. Пароходы Добровольнаго Флота совершаютъ свои рейсы между Одессою и Владивостокомъ въ каждомъ направленіи приблизительно въ теченіе около 45 дней.

Дѣла церкви.

— Святѣйшій Синодъ 22 марта (5 апрѣля) 1888 года, опредѣлилъ: Яранскую маріинскую женскую общину, въ Вятской епархіи, возвести въ общежительный женскій монастырь, съ наименованіемъ его Знаменско-Маріинскимъ.

— 10 апрѣля, происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія бывшаго члена СПБ. духовно-цензурнаго комитета архимандрита Никона—въ санъ епископа Сарапульскаго, викарія Вятской епархіи.

Военное и морское дѣло.

— 10 апрѣля, въ день празднованія 10 тилѣтія со времени основанія Добровольнаго Флота, бывшимъ первымъ предсѣдателемъ Общества Добровольнаго Флота, д. т. с. К. П. Побѣдоносцевымъ была отправлена привѣтственная телеграмма Государю Императору, на которую былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ отъ Его Императорскаго Величества:

„Прошу передать Мою сердечную благодарность всѣмъ прежнимъ и теперешнимъ дѣятелямъ Добровольнаго Флота. Надѣюсь, что этотъ флотъ на долгое время будетъ существовать на пользу нашей торговли съ отдаленными странами свѣта. Всѣмъ потрудившимся въ это 10-ти-лѣтіе для блага добровольнаго флота передайте Мою искреннюю и душевную признательность“.

Пути сообщенія.

— 17 апрѣля, Закаспійская желѣзная дорога, проведенная чрезъ бухарскія владѣнія на разстояніи 318 верстъ, доведена до перваго города Туркестанскаго края. Дальнѣйшая укладка пути по направленію къ Самарканду будетъ прервана на время Пасхи.

Литература и наука.

— Государь Императоръ всемилостивѣйше назначилъ вдовѣ покойнаго Н. Н. Миклухо-Маклая пенсію въ 2,400 руб.

— Лондонское географическое общество учреждаетъ премію имени своего почетнаго члена, покойнаго Н. Н. Миклухо-Маклая.

Театръ и музыка.

— Бывш. капельмейстеръ Московской Императорской оперы П. А. Щуровскій поѣхалъ въ Берлинъ, Копенгагенъ, Брюссель, Парижъ и Лондонъ въ качествѣ главнаго капельмейстера русской оперной труппы.

Некрологи.

— 7 апрѣля скоропостижно скончался въ Москвѣ владѣлецъ и основатель извѣстной фабрики серебряныхъ издѣлій П. А. Овчинниковъ.

— 10 апрѣля внезапно скончался владѣлецъ Богородско-Глуховской мануфактуры И. З. Морозовъ.

Ребусъ. Задача № 31.

Рис. И. Волковъ

Рѣшеніе шахматной задачи № 22 (помѣщенной въ № 12).

Бѣлыя.	Черныя.
1) Ф g 1 — g 5	1) d 4 — c 4
2) Ф g 5 — d 5+	Куда угодно.
3) C d 1 — f 3 или Ф d 5—f 3 или d 5 — c 5++	
A.	
1)	1) d 5 — d 4
2) К c 4 — e 5	2) C d 8 — c 6 или какъ угодно.
3) C d 1 — f 3	
B.	
1)	1) Кр. e 4—d 3
2) Ф g 5—e 3+	2) Кр. d 3—c 4
3) C d 1—e 2++	
C.	
1)	1) C d 8 — c 6
2) Ф g 5—e 5+	2) Кр. e 4 — d 3
3) К c 4—b 2++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Н. Ляпина, Николаева, **Дисна**—Ф. Іоффе, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, **Свеаборгъ**—Лосева, **Черкассы**—В. Тополянскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 21 (помѣщенной въ № 12).

Бѣлыя.	Черныя.
1) A 3 — B 2	1) D 6 — G 1
2) B 8 — B 4	2) H 4 — F 2
3) B 4 — E 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— В. Н. Шошина, С. О. Фридмана, Николаева, Н. Панкова, **Москва**—Ф. П. Чернышева, А. Бабаносова, **Деражня** — Р. А. Ржевуцкаго, **Егорьевскъ**—Н. И. Матвѣева, **Исады** — В. Н. Кожина, **Тузлы**—Гинзбурга, **Харино**—Ѳ. Н. Кирсанова, **Хоробичи**—З. Г. Дубравскаго.

Рѣшеніе ребуса № 23 (помѣщеннаго въ № 13).

„Не всякаго бьютъ, кто кричитъ; не всякъ и кричитъ, кого бьютъ“.

Библіографія.

Драгоцѣнные камни и ихъ свойства, мѣстонахожденія и употребленіе. М. И. Пыляева. Второе изданіе, значительно дополненное. СПБ. Изданіе А. С. Суворина.

Чрезвычайно интересная книга, украшенная нѣсколькими гравюрами и двумя хромолитографіями. Въ ней изложена исторія ювелирнаго дѣла со временъ глубочайшей древности до нашихъ дней, иллюстрированная множествомъ анекдотическихъ подробностей; далѣе, трудъ этотъ знакомитъ со всѣми родами драгоцѣнныхъ камней, ихъ свойствами и мѣстонахожденіями, преимущественно русскими, способами обработки и цѣнностью.

Le Flâneur. Reiseskizzen. СПБ. 1888.

Подъ этимъ заглавіемъ на-дняхъ вышелъ сборникъ фельетоновъ и корреспонденцій напечатанныхъ въ газетѣ *S. Petersburger Herold* и касающихся поѣздокъ совершенныхъ авторомъ по балтійскимъ губерніямъ, Германіи и Швейцаріи. Очерки эти интересны сами по себѣ, помимо нѣкоторыхъ личныхъ взглядовъ автора.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 24 (помѣщ. въ № 13).

1) a, $\frac{d}{3} = n^2$;	a = 15 = Н	10) k; 4n = f − a;	k = 17 = П
2) b; $\sqrt{p-(b+g)} = 2i$;	b = 1 = А	11) l; z + b = 29;	l = 12 = К
3) c; $f = h + \frac{a}{3}$;	c = 3 = В	12) m; $\sqrt{h-m} = g - n$;	m = 1 = А
4) d; z − y = k − x;	d = 16 = О	13) n; l = cn;	n = 4 = Г
5) e; c + o − m = e;	e = 18 = Р	14) o; bd = oi;	o = 16 = О
6) f; $h + i = \left(\frac{1}{4}\right)^3$;	f = 31 = Ѣ	15) p; a + z = f + l;	p = 18 = Р
7) g; h − g = 17;	g = 9 = И	16) x; $\sqrt{k^2} = \sqrt{(c+a)m}$;	x = 9 = И
8) h; $\frac{f-a}{2} = l - n$;	h = 26 = Ш	17) y; y : a = n : c;	y = 20 = Т
9) i; e + d = o + p;	i = 1 = А	18) z; d : g = o : x;	z = 28 = Ъ

„На ворѣ и шапка горитъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Ф. А. Боронина, **Адріанополь**—Г. Раева, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ**—Ф. З. Мазуръ, **Вологда**—А. В. Васильева, **Винница** — С. Рабиновича, **Ефремовъ** — М. Рыжикова, **Кіевъ** — С. Я. Ноткина, **Одесса**— Н. Стефани, **Петрозаводскъ**— А. Е. Надеждина, **Подсолнечная**—Н. Гагмана, **Самара**—Протопопова, **Тверь**—С. Малинникова, Н. Постникова.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

☛ НЕФТЯНАЯ ☚
ТОПОЧНАЯ ГОРѢЛКА
3—2 СИСТЕМЫ №3124
А. Л. Рожественскаго и В. И. Калашникова
для отопленія нефтяными остатками комнатныхъ печей и кухонныхъ плитъ.

БЕЗОПАСНА и въ 3—10 разъ и болѣе, смотря по мѣстности, экономичнѣе дровъ. Одной горѣлкой можно истопить послѣдовательно всѣ печи въ домѣ. Подробное описаніе высылается за одну семикопѣечную почтовую марку. ЦѢНА со всѣми принадлежностями **25** руб. сер. Пересылка за счетъ покупателей. АДРЕСОВАТЬСЯ: Ст. Горбатовка, Москов. Нижегород. жел. дор. А. Л. Рожественскому.

НОВАЯ КНИГА:

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ТОКАРНАГО ИСКУССТВА
(по дереву).

Руководство для любит., учил., и професс. школъ. Сост. **М. Нетыкса.**—Выписыв. изъ магаз. **БР. ЛИНДЕМАНЪ**, Москва, Мясницкая, д. Ферстеръ, за перес. не платятъ. Прод. въ книжн. **магаз.** обѣихъ столицъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Ц. № 3147 3—2

ЗАИКАНІЕ
вылечивается въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,
W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается
Р. № 2691 **безплатно.** 26—21

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част., соч. **Вс. Соловьева.** Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., **съ** пер. 3 р. 25 к.

СЛАБИТЕЛЬНОЕ **СЛАБИТЕЛЬНОЕ**

ПОРОШОКЪ РОЖЕ

Флаконы, содержащіе ПОРОШОКЪ РОЖЕ закрыты съ каждой стороны здѣсь приложенною печатью обозначенною 4 цвѣтами.

НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ПОРОШОКЪ РОЖЕ пріятное изъ слабительныхъ.

ПРОИЗВОДСТВО
Maison L. FRÈRE
19, rue Jacob, ПАРИЖЪ.

А. № 3071 5—5

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ $3^1/_2$, 4, 5 и 8 руб. **со школой и нот.**, на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ** всѣмъ инструментамъ **безплатно.**

П. № 3078 (5)

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (18) № 2946

М. № 3120 3—2

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ **КОМПЛЕКТЪ**
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ КНИГЪ
по русской тройной системѣ Езерскаго.

Въ комплектъ входятъ книги:

1. Капитальная (кассовая и меморіалъ). 2. Недвижимаго и движимаго инвентаря. 3. Посѣвъ. 4. Работъ и рабочихъ. 5. Заборщиковъ. 6. Табель рабочихъ. 7. Продуктовъ и матеріаловъ. 8. Общихъ издержекъ. Къ комплекту приложена десть бланокъ для Своднаго отчета.

Всѣ книги изданы въ удобномъ кабинетномъ форматѣ почтоваго листа. Въ началѣ каждой книги напечатано наставленіе о веденіи ихъ.

Цѣна 6 р. 50 к. за полный комплектъ; пересылка за 15 фунтовъ по разстоянію. Адресъ: Товарищество Счетоводъ, С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, д. 34—1 (возлѣ Государственнаго Банка).

Такіе же комплекты въ писчій форматъ на полубѣлой бумагѣ 5 р. 30 к. за полный комплектъ. № 3153

№ 3152

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ
НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Примѣръ: адвокатъ, купецъ, нотаріусъ, священникъ и т. п., лѣтъ 47-ми, заключаетъ въ **Страховомъ Обществѣ „Россія“** страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п., вообще **вездѣ, дома и внѣ дома**, уплачивая страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп. за годъ.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія“ гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. въ случаѣ смерти—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу, **капиталъ въ 6,000 руб.**;
2. въ случаѣ увѣчья или вообще неспособности къ труду на всю жизнь,—самому пострадавшему **пожизненную ежегодную пенсію до 800 руб;**
3. въ случаѣ временной неспособности къ труду—ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Подробныя **брошюры** о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются **безплатно Главною Конторою** въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13), **Главными Агентствами** и **агентами Общества** въ городахъ Имперіи. № 3121 6—3

Дозвол. цензур., СПБ., 27 апрѣля 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** [illegible] ч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 7 мая 1888 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКIЙ ПР., Д. № 6.
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Литературный альбомъ. „Мужичокъ съ ноготокъ“, Некрасова. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) **Н. Кравченко**, грав. Ангереръ.

Братья-соперники

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

Прошло болѣе часа съ тѣхъ поръ, какъ поѣздъ подъѣхалъ къ монастырскимъ воротамъ—и никто не думалъ ихъ отворять... Уже стемнѣло... Сумрачный сентябрскій вечеръ надвинулся незамѣтно и прикрылъ своимъ темнымъ покровомъ всю окрестность. И еще суровѣе, еще строже, еще мрачнѣе показались князю Василію эти столь знакомыя ему стѣны и крѣпкія ворота, и еще тяжеле стало его давить царившее кругомъ молчаніе, прерываемое только окликами часовыхъ на стѣнахъ да фырканьемъ коней, нетерпѣливо перебиравшихъ ногами и потряхивавшихъ звонкими гремячими цѣпями сбруи.

Наконецъ, застучали, завизжали засовы и задвижки воротъ, брякнули какія-то цѣпи, и одна изъ половинокъ, скрыпя, пріотворилась. Изъ нея вышло человѣкъ двадцать солдатъ съ ружьями и офицеръ, повидимому изъ иноземцевъ, со шпагою.

Нѣсколько стрѣльцовъ, съ тѣмъ-же десятникомъ впереди, несли фонари, а сзади ихъ шествовала высокая сановитая фигура, въ широкомъ опашнѣ со стоячимъ воротникомъ и въ высокой шапкѣ.

Эта фигура остановилась въ воротахъ, а десятникъ пошелъ по каретамъ, громко возглашая:

— Князья, бояре и окольничіе, выходите изъ каретъ.

Оберегатель и его спутники вышли изъ экипажей и подошли къ высокой фигурѣ, въ опашнѣ и шапкѣ, около которой стояли стрѣльцы съ фонарями. Князь Василій съ перваго взгляда узналъ дьяка Деревнина, и тутъ-же замѣтилъ у него въ рукахъ какую-то бумагу.

— Шапки долой! скомандовалъ десятникъ, глядя въ упоръ на Оберегателя. — Указъ государевъ читать будутъ!

Всѣ молча обнажили головы, кромѣ того дьяка Деревнина, который прочелъ въ своей бумагѣ:

„По указу благовѣрнаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, повелѣвается тебѣ, князь Василью и сыну твоему князь Алексѣю и окольничимъ Леонтію Неплюеву и Венедихту Змѣеву и думному дворянину Григорію Косагову, въ монастырь Троицкій не входя, стать на посадѣ и не съѣзжать отселѣ безъ указу. А тебѣ, думному дьяку Емельяну Украинцеву, указано явиться въ монастырь къ кравчему князю Борису Алексѣевичу Голицыну“.

Едва успѣлъ дьякъ Деревнинъ произнести эти слова, какъ уже Емельянъ Игнатьевичъ, согнувшись въ три погибели, юркнулъ изъ-за спины Оберегателя за спину десятника и, продолжая раскланиваться со всѣми, исчезъ за массивною фигурою дьяка Деревнина, который бережно свернулъ прочитанный указъ, важно повернулся къ воротамъ, и направился къ калиткѣ. За нимъ повернули туда-же и стрѣльцы съ фонарями и солдаты.

А князь Василій все еще стоялъ на мѣстѣ, не двигаясь и даже не надѣвая шапки.

— Батюшка! шепнулъ ему на ухо князь Алексѣй, легонько касаясь его руки, — накройся, поѣдемъ — на насъ всѣ смотрятъ.

Князь Василій встряхнулъ головою, надѣлъ шапку и машинально послѣдовалъ за сыномъ въ карету. Неплюевъ отдалъ приказаніе слугамъ, чтобы ѣхали къ дому попа Варсонофія, гдѣ ему уже заранѣе приготовлено было помѣщеніе. Между тѣмъ какъ грузныя кареты поворачивали отъ воротъ монастыря и слуги едва сдерживали горячихъ коней, въ толпѣ народа послышался говоръ и насмѣшки.

— Вотъ это ужь точно что не солоно хлебавши бояринъ отъѣзжаетъ...

— Ни дать, ни взять какъ въ загадкѣ сказывается: летѣлъ панъ, на воду палъ—воды не возмутилъ...

— Повороти, значитъ, оглобли, поѣзжай на постоялый дворъ щи съ тараканами кушать!

И толпа съ шутками и смѣхомъ разбрелась по всему посаду, между тѣмъ какъ князя Василія подвезли къ дому попа Варсонофія, гдѣ онъ долженъ былъ помѣститься въ двухъ приготовленныхъ для Неплюева комнаткахъ. Во всемъ домѣ поднялась суматоха страшная. Хозяева засуетились, вынося какую-то свою рухлядишку, а слуги княжескіе забѣгали взадъ и впередъ, внося въ комнаты и разставляя необходимую утварь, увѣшивая стѣны коврами, укрывая лавки пестрыми полазами, прибивая къ окнамъ тяжелыя занавѣси, разставляя въ переднемъ углу походную божницу, раскладывая по полу мягкіе войлоки и устанавливая всюду ларцы, поставцы, погребцы и шкатулки. За слугами дѣятельно наблюдали и князь Алексѣй, и окольничіе, указывая имъ то одно, то другое, и всѣми мѣрами заботясь о томъ, чтобы покрасивѣе и поудобнѣе устроить князю Василію его временное жилье.

А самъ князь Василій, какъ вошелъ въ скромный поповскій домикъ, какъ переступилъ черезъ порогъ отведеннаго ему покойчика, такъ сѣлъ на лавку подъ окномъ, оперся руками на колѣни и не ворохнулся.

Мимо него ходили, сновали взадъ и впередъ люди, распоряжались вполголоса, то сынъ его, то окольничіе — онъ даже и не слыхалъ ничего. Только уже когда все было приведено въ порядокъ и ужинъ накрытъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣстился князь Алексѣй, Кириличъ рѣшился подойти къ князю Василію и почтительно доложить, что его ожидаютъ къ ужину.

— Не пойду; пусть безъ меня садятся. А вмѣсто ужина ты дай мнѣ сюда на столъ дорожную чернильницу, перья и бумагу...

Кириличъ тотчасъ исполнилъ приказаніе князя: — положилъ на столъ кожаный подшанданникъ, расшитый золотомъ, поставилъ на него серебряный шанданъ съ двумя свѣчами, рядомъ съ шандапомъ поставилъ нѣмецкаго дѣла красный сафьянный сундучекъ съ серебрянымъ дорожнымъ письменнымъ приборомъ, положилъ бумагу и перья, раскинулъ подъ столомъ бабровую кожу и поставилъ на нее дорожный складной ременчатый стулъ.

Когда всѣ эти приготовленія были окончены, князь Василій поднялся со своего мѣста, скинулъ съ себя, при помощи слуги, все дорожное платье, надѣлъ легкій татарскій бешметъ, и сѣлъ къ столу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже писалъ что-то, очень быстро и четко выводя строку за строкою...

Онъ писалъ челобитную великимъ государямъ—пространную, подробную; чувствуя потребность оправдать свой образъ дѣйствій и съ полною ясностью указать на то, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ Шакловитымъ и его пособниками. Князь Василій начиналъ издалека: вспоминалъ о томъ, что онъ уже служилъ „отцу государеву, блаженныя памяти царю Алексѣю Михайловичу и милость его государеву носилъ паче сверстникъ своихъ“; вспоминалъ и о службѣ своей при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и затѣмъ переходилъ къ исчисленію своихъ заслугъ и дѣлъ со времени вступленія на престолъ великихъ государей-братьевъ... И голова его напряженно работала, а рука неутомимо писала строку за строкою.

Въ сосѣдней комнатѣ, между тѣмъ, князь Алексѣй сидѣлъ за ужиномъ съ Неплюевымъ и Змѣевымъ и съ попомъ Варсонофіемъ, котораго онъ пригласилъ раздѣлить съ собою вечернюю трапезу.

Отецъ Варсонофій, добродушный старичокъ, очень польщенный ласкою и радушіемъ молодаго князя, ничего не ѣлъ и не пилъ за ужиномъ и, думая разсѣять мрачное настроеніе своихъ собесѣдниковъ, сообщалъ имъ всѣ мѣстныя новости, со своими замѣчаніями и добавленіями, чрезвычайно наивными.

— Всѣ эти дни, государи мои, къ намъ изъ Москвы, то и дѣло, злодѣевъ и воровъ привозили, говорилъ старичекъ, пришепетывая, — то Демку Лаврентьева, то Егорку Романова, то Кузьку Чермнаго, то Ивашку Муромцева. А вчера, въ желѣзахъ, на телѣгѣ, сáмаго страшнаго злодѣя предоставили — Оброську Петрова. Говорятъ, много дней въ погребу сидѣлъ у приходскаго попа, что въ церкви Филиппа-апостола служитъ,—укрывался, значитъ, да не вытерпѣлъ, вышелъ въ Лѣсной рядъ, къ знакомцу... Его тутъ и сграбастали... Ужь этотъ и съ рожи такъ точно что злодѣй—сразу видно!.. Рыжій весь и бородища-то рыжая, а глазами-то, глазами-то, такъ и водитъ, такъ и высматриваетъ... Не даромъ въ народѣ у насъ говорятъ: „рыжій, красный — человѣкъ опасный...“

Собесѣдники молчали насупившись; а словоохотливый старичекъ продолжалъ:

— Тѣхъ—какъ привезутъ, такъ сей-часъ къ допросу... Вотъ и Оброську тоже: какъ привезли, сей-часъ передъ бояръ поставили въ переднюю палату и онъ, этта, все какъ есть имъ разсказалъ... Дьяки, говорятъ, записывать не поспѣвали... Такъ и сыплетъ, и сыплетъ. И вотъ какъ нòнечь поутру Шакловитаго-то сюда привезли — прежде всего ему, по этимъ Оброськинымъ рѣчамъ, допросъ учинили... У меня тамъ племянничекъ въ подьячихъ служитъ — это онъ-то и сказывалъ. А теперь, говорятъ, на очную ставку его со всѣми злодѣями поставили... И вотъ служка монастырскій ко мнѣ забѣгалъ, передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ — сказывалъ, что тамъ, на воловьемъ дворѣ застѣночекъ этакой устраиваютъ—пытать злодѣевъ ладятъ...

— Не пора-ли, князь, и на боковую? Отдохнуть съ дороги? перебилъ попа Неплюевъ, переглянувшись съ товарищами, и поспѣшно поднялся изъ-за стола... Всѣмъ имъ былъ сòлоно отъ свѣжихъ новостей, занимавшихъ населеніе Троицкаго посада.

XXXII.

Емельянъ Игнатьевичъ былъ прямо проведенъ дьякомъ Деревнинымъ къ тому корпусу монастырскихъ келій, гдѣ въ двухъ кельяхъ помѣщался князь Борисъ. Отъ этихъ келій, въ нѣсколькихъ шагахъ по коридору, находилась передняя палата, въ которой допрашивали Шакловитаго и его пособниковъ; а шагахъ въ пятидесяти отъ этого корпуса келій видно было и зданіе, извѣстное подъ названіемъ „дворца государскаго“, потому что въ немъ находились покои для временнаго пребыванія великихъ государей въ обители. Пройдя отъ воротъ дворомъ обители и убѣдившись въ томъ, что она представляла собою настоящій воинскій станъ и биткомъ была набита всякимъ военнымъ людомъ, Украинцевъ, вмѣстѣ съ Деревнинымъ, вступилъ въ кельи князя Бориса. Князь еще не возвращался отъ государя, къ которому онъ былъ призванъ послѣ перваго допроса Шакловитаго, и Емельянъ Игнатьевичъ имѣлъ полнѣйшую возможность черезъ пріятеля-дьяка разузнать о томъ, чтò творилось у Троицы.

— Тутъ всѣмъ у насъ орудуетъ князь Борисъ Алексѣевичъ, сказалъ Деревнинъ Украинцеву.—Царь Петръ ему во всемъ вѣритъ и безъ его совѣта шагу не ступитъ. Только вотъ сегодня, изъ-за князя Василья, у него схватка и съ царицей, и съ братьями царицыными вышла... Тѣ требовали, чтобы князя-то Василія къ допросу притянуть да къ розыску, а князь Борисъ уперся на томъ, что Оберегателя нельзя на одну лавку съ ворами да съ измѣнниками посадить... Спорили, спорили, при самомъ царѣ, а тотъ все только слушалъ да хмурился; наконецъ, говоритъ: „я подумаю — пусть на посадѣ станетъ, и безъ указу никуда не съѣзжаетъ“. Такъ и написали.

— А Нарышкины, значитъ, грибъ съѣли? сказалъ почти шепотомъ Украинцевъ.

— Еще-бы? Гдѣ-же имъ съ князь-Борисомъ тягаться? Онъ ихъ проведетъ и выведетъ... Все вѣдь на немъ держится! Да вотъ, кажется, и онъ самъ...

Дѣйствительно, дверь отворилась и князь Борисъ переступилъ порогъ кельи. Деревнинъ явилъ дьяка Украинцева, а Емельянъ Игнатьевичъ отвѣсилъ низкій и официальный поклонъ.

— Ты теперь ступай, обратился князь Борисъ къ Деревнину,—и ложись спать, пока есть время. За часъ до свѣта приказано Шакловитаго пытать—тебѣ тамъ придется быть и его пыточныя рѣчи писать, при бояринѣ Тихонѣ Никитичѣ Стрѣшневѣ, да при Никитѣ Моисѣевичѣ Зотовѣ. А мы тутъ, покамѣстъ, съ дьякомъ Украинцевымъ въ сказкахъ стрѣлецкихъ да въ докладныхъ записяхъ пороемся... Намъ тутъ тоже на всю ночь работы хватитъ.

Когда Гаврило Деревнинъ ушелъ, Украинцевъ, пристально слѣдившій за княземъ Борисомъ, замѣтилъ, что тотъ сильно чѣмъ-то встревоженъ и озабоченъ. Долго молчалъ онъ и хмурился и все про себя какія-то думы обдумывалъ, видимо, что-то разсчитывая и взвѣшивая. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ этой молчаливой внутренней работы и сказалъ съ досадой:

— Врутъ они! Не дамъ я имъ съѣсть его! Пусть онъ на мою долю достанется... Безъ меня они, небось, проспали-бы случай-то! Имъ, безроднымъ, все равно чужую славу пятнать. А тутъ, если князь Василья въ измѣнѣ обвинятъ да къ плахѣ приведутъ,—весь нашъ родъ на вѣки позоромъ покроютъ. Нѣтъ! Не уступлю!

Украинцевъ почтительно слушалъ эти рѣчи, не смѣя проронить ни слова: ему еще никогда не случалось видѣть князя Бориса въ такомъ сильномъ волненіи...

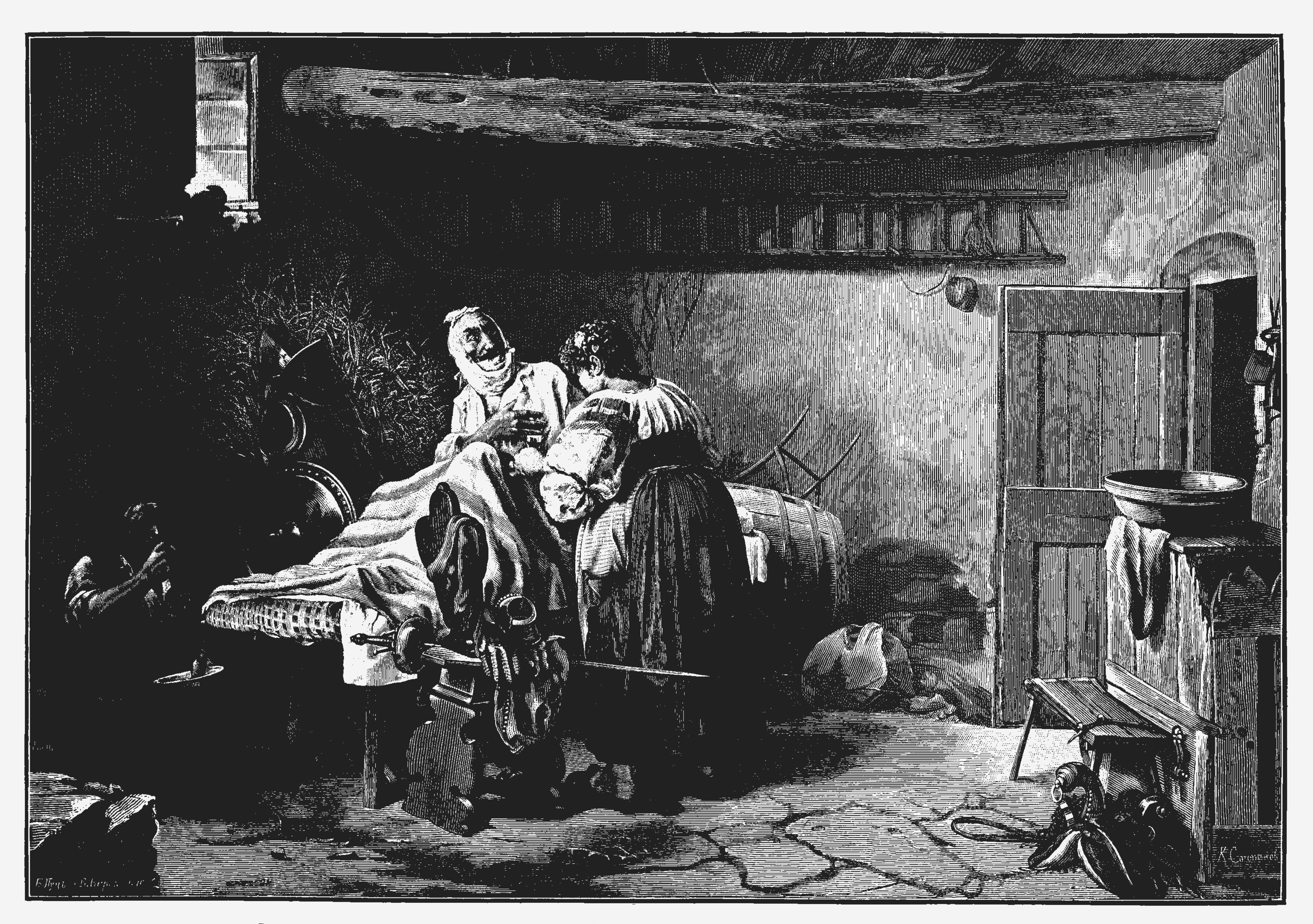
— Послушай, Емельянъ Игнатьевичъ, ты человѣкъ умный и въ дѣлахъ бывалый! Разсуди, какъ тутъ быть. Да помни, что тутъ не объ одной головѣ князя Василья дѣло идетъ—а о чести всѣхъ Голицыныхъ! Научи, какъ мнѣ поступить... Озолочу тебя—послѣднюю рубашку съ тобою раздѣлю...

— Готовъ и такъ все для тебя сдѣлать, князь Борисъ Алексѣевичъ,—живота не пожалѣю! Ты меня изъ потёмокъ на свѣтъ Божій вывелъ... Разскажи, государь, какъ тутъ поведено все дѣло?.. Авось одинъ умъ хорошо, а два лучше!

— Такъ слушай-же! Да поклянись мнѣ, что ты меня и на пыткѣ не выдашь! сказалъ князь Борисъ, хватая Украинцева за руку.

Затѣмъ князь Борисъ заглянулъ за дверь, убѣдился, что никто ихъ не подслушиваетъ, и, вернувшись къ столу, сѣлъ и Емельяна Игнатьевича возлѣ себя посадилъ. И повелъ онъ съ нимъ вполголоса тайную бесѣду, которая затянулась далеко за полночь. Въ этой бесѣдѣ Борисъ изложилъ Украинцеву свой планъ борьбы за князя Василья противъ Нарышкиныхъ—и Украинцевъ вполнѣ одобрилъ его планъ, обѣщая содѣйствовать ему своею дьяческою работою, своимъ знаніемъ законовъ и юридическихъ формъ, своею долгою дипломатическою опытностію. Князь Борисъ закончилъ свою бесѣду словами:

— Участь князя Василья все равно рѣшена... Ему теперь ужь не подняться... И пусть поплатится опалой и разореньемъ за всѣ свои затѣи, за то что покрасовался да попраздновалъ, за то что лукавилъ и кривыми путями шелъ... Пусть его и въ ссылку ушлютъ—



Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. Донъ-Кихотъ послѣ сраженія съ мельницами.
Картина К. П. Степанова, съ фотогр. Демчинскаго, грав. Пуцъ и Бергъ.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. Праздничная бесѣда. (Малороссійская сцена).

Съ картины академика К. А. Трутовскаго, грав. Пуцъ и Бергъ.

изъ всякой ссылки, рано-ли, поздно-ли, воротить его можно. А вѣдь ужь изъ той дальной сторонушки, куда дорожка ельничкомъ западала—его не вернешь! Да при томъ, если въ Розрядѣ отмѣтятъ, въ боярской книгѣ, подъ именемъ князя Василья, что онъ казненъ за измѣну великимъ государямъ—тутъ ужь всему роду позоръ вѣковѣчный... Всякій тебѣ этимъ глаза колоть станетъ. За что-же мы-то всѣ изъ-за него страдать будемъ неповинно?.. Такъ вотъ, Емельянъ Игнатьевичъ, ты такъ ухитрись о немъ указъ заготовить, чтобы въ немъ объ измѣнѣ—ни, ни!.. Ты и самъ не хуже меня знаешь—измѣнникъ-ли онъ?

На другое утро стало извѣстно, что Шакловитый съ первой пытки не сознался въ тѣхъ обвиненіяхъ, какія на него взводили его-же сообщники, Обросимъ Петровъ и Кузьма Чермный, а между тѣмъ они, и съ пытки, не измѣнили ни единаго слова въ своихъ первоначальныхъ показаніяхъ. На боярскомъ совѣтѣ рѣшено было подвергнуть Шакловитаго вторичной и жестокой пыткѣ; но когда ему это было объявлено, онъ молилъ избавить его отъ мученій, обѣщая представить царю самое полное и самое откровенное признаніе во всемъ, не щадя *ни себя, ни другихъ*. Онъ зналъ, что его участь уже рѣшена, и все равно ему не избѣгнуть плахи... Но около юнаго царя вновь загорѣлся споръ между княземъ Борисомъ и Нарышкиными. Спорили еще разъ о томъ—не слѣдуетъ-ли привлечь и князя Василія къ допросу и къ очной ставкѣ съ Шакловитымъ, прежде чѣмъ Шакловитый напишетъ свое послѣднее, предсмертное показаніе. Споръ длился почти весь день, и распря шла сильная... Но князь Борисъ, хорошо зная благородный характеръ своего царственнаго питомца, настаивалъ на одномъ: князь Василій въ измѣнѣ не виновенъ и съ Шакловитымъ жилъ въ постоянныхъ неладахъ, и ужь если его впутать въ дѣло Шакловитаго, то придется къ этому дѣлу привязать и *еще одну особу, близкую великимъ государямъ*. Во избѣжаніе этого, князь Борисъ предлагалъ наказать князя Василія опалою и разореніемъ и немедленно отправить его съ семействомъ въ ссылку; а если-бы изъ дальнѣйшаго розыска оказалось, что князь Василій также причастенъ къ дѣлу Шакловитаго, то допросить его и усилить ему наказанье можно и позднѣе.

Петру понравилось такое рѣшеніе затруднительнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что въ ту пору онъ хотѣлъ еще пощадить и сестру свою, и ея любимца. Онъ сказалъ Борису Алексѣевичу:

— Я съ тобой согласенъ; пусть такъ и будетъ, какъ ты говоришь... Тебѣ-же я поручаю снять показанье съ Шакловитаго; пусть при тебѣ напишетъ, а ты, не медля, принеси ко мнѣ, и мы тогда рѣшимъ, какъ поступить съ княземъ Васильемъ.

— Теперь ужь дѣло къ вечеру... Не отложить-ли, государь? Пожалуй онъ и за полночь пропишетъ?

— Такъ что-же? отозвался Петръ.—И ночью прійдешь ко мнѣ—авось еще не буду спать!

— Дозволишь-ли мнѣ взять дьяка съ собою порасторопнѣе? спросилъ князь Борисъ.

— Да, да! Вотъ хоть бы Украинцева... Наши то здѣшніе всѣ уже съ ногъ сбились.

Не прошло и получаса послѣ этой бесѣды, какъ застучали засовы темницы Шакловитаго, заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ тяжелая дверь ея и распахнулась настежь. Черезъ порогъ темницы переступили сначала стрѣльцы съ фонарями, потомъ слуги внесли простой деревянный столъ и скамью, а около стола поставили два кресла. Другіе слуги внесли шанданы со свѣчами и поставили ихъ на столъ. Слѣдомъ за слугами вошли въ темницу князь Борисъ и дьякъ Украинцевъ. Князь приказалъ тюремнымъ приставамъ снять желѣза съ Шакловитаго, который съ трудомъ поднялся съ соломы, кучею набросанной въ углу.

— Окольничій Шакловитый, громко произнесъ князь Борисъ, обращаясь къ Ѳедору Леонтьевичу,—великій государь царь Петръ Алексѣевичъ, по твоему слезному моленію, тебя изволилъ пожаловать — не приказалъ вторично пытать, если ты, по обѣщанію своему, признаешься ему во всѣхъ твоихъ воровствахъ безо всякой утайки. Садись къ столу и пиши свое показаніе. Емельянъ Игнатьевичъ, дай ему все потребное для письма.

Украинцевъ поставилъ на столъ чернильницу, положилъ перо и бумагу и сѣлъ рядомъ съ княземъ Борисомъ. Шакловитый, медленно, еле волоча ноги, подошелъ къ столу и опустился на лавку. Въ немъ нельзя было узнать прежняго гордеца и самоуправца — онъ совсѣмъ опустился за послѣдніе два дня, утратилъ всякую бодрость духа, всякое сознаніе собственнаго достоинства. Блѣдный, какъ полотно, изнуренный физическими и нравственными страданіями, потерявшій всякое самообладаніе, онъ влачился какъ тѣнь, и никакъ не могъ примириться съ мыслію о неизбѣжности ожидавшей его казни. Малодушная робость, все болѣе и болѣе имъ овладѣвавшая за послѣднюю недѣлю и окончательно обуявшая имъ послѣ пытки, побуждала его изыскивать всякихъ средствъ къ достиженію одной главной цѣли — сохраненію жизни... Ради этого, онъ готовъ былъ рѣшиться на всякую низость, готовъ былъ обречь себя на вѣчное страданіе, готовъ былъ съ радостію подвергнуться самой ужасной ссылкѣ—лишь-бы отъ него отдалили страшный призракъ смерти. Малодушіе Шакловитаго было такъ велико, что когда князь Борисъ, обратясь къ нему съ рѣчью, произнесъ обычныя слова: „царь изволилъ тебя пожаловать“—въ душѣ его блеснулъ на мгновеніе лучъ какой-то отдаленной надежды. Но, услышавъ, что его только избавляютъ отъ вторичной пытки, онъ опустилъ голову на грудь и впалъ въ такое оцѣпенѣніе, что князь Борисъ долженъ былъ ему напомнить о недосугѣ:

— Ужь поздно! Берись за дѣло, и пиши скорѣе — еще сегодня должны мы довести до государя то, что ты напишешь... А если не станешь сейчасъ писать, приказано тебя не медля опять на воловій дворъ отправить...

Шакловитый вскинулъ на князя Бориса глазами, въ которыхъ выражался нѣмой, холодный ужасъ, и поспѣшно принялся за перо и бумагу.

Подъ низкими сводами темницы водворилось такое полное, такое глубокое молчаніе, что слышно было скрипѣніе пера о бумагу и шелестъ ея листковъ, откладываемыхъ въ сторону. Молчалъ, углубившись въ свои думы, князь Борисъ; молчалъ, опустивъ глаза долу, дьякъ Украинцевъ; молчали, недвижно стоя у стѣны, тюремные приставы и стрѣльцы съ фонарями, какъ-бы притаившіе дыханіе.

А перо въ рукѣ Шакловитаго все живѣе и живѣе бѣгало по бумагѣ, выводя строку за строкою, и, по мѣрѣ того какъ привычная рука покрывала этими строками листъ за листомъ, мертвенная блѣдность на лицѣ Шакловитаго смѣнялась болѣзненнымъ румянцемъ, потухшій взоръ загорался лихорадочнымъ блескомъ, а засохшія уста шевелились, неслышно нашептывая послѣдніе завѣты злобы и мщенія,—послѣднія проклятія. Шакловитый писалъ свою откровенную исповѣдь, и не щадилъ въ ней князя Василія... Съ ужасною мыслью о позорной казни его примиряла мысль о томъ, что онъ готовитъ такую-же казнь и Оберегателю.

Было уже далеко за полночь, когда Шакловитый кончилъ, истомленный внутреннимъ волненіемъ... Его руки дрожали, когда онъ отложилъ перо въ сторону, но глаза его горѣли недобрымъ блескомъ... Онъ всталъ изъ-за стола и указывая князю Борису на исписанные листы, сказалъ:

— Я здѣсь все сказалъ... Мнѣ больше нечего писать.

Украинцевъ собралъ листки, пересмотрѣлъ ихъ, просушилъ около свѣчи послѣдній росчеркъ подписи и взялъ со стола перо и чернилицу. Князь Борисъ поднялся съ своего мѣста и направился къ двери. За нимъ вышли всѣ, кромѣ двоихъ приставовъ, которые опять надѣли желѣза на Шакловитаго. Вотъ ушли и они, захлопнувъ за собою тяжелую дверь и задвинувъ ее крѣпкими засовами. Стукъ шаговъ ихъ замеръ въ отдаленіи и подъ сводомъ темницы водворилось по-прежнему царство мрака и отчаянія.

Князь Борисъ едва успѣлъ пробѣжать показаніе Шакловитаго, едва успѣлъ вынуть изъ него и уничтожить тотъ листокъ, въ которомъ на князя Василія взводились несправедливыя и тяжкія обвиненія, а Емельянъ Игнатьевичъ только что склеилъ отдѣльные листки столбца, сгладилъ пропускъ и проставилъ на склейкахъ свою подпись, какъ прибѣжалъ впопыхахъ одинъ изъ приказныхъ дьяковъ и объявилъ, что государь изволилъ проснуться и уже спрашивалъ о князѣ Борисѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Борисъ Алексѣевичъ уже входилъ въ комнату Петра, который сидѣлъ за столомъ мрачнѣе ночи: нашлись добрые люди, которые успѣли разбудить царя и намекнули ему, что князь Борисъ уже вышелъ отъ Шакловитаго, а къ нему съ докладомъ нейдетъ, не исполняетъ его приказанія...

Едва князь Борисъ переступилъ порогъ, Петръ грозно глянулъ на него и крикнулъ:

— Какъ ты смѣлъ не подать мнѣ сказку Шакловитаго тотчасъ?

— Не смѣлъ тебя тревожить въ такой поздній часъ ночи, смѣло и твердо отвѣчалъ князь Борисъ.—А какъ услыхалъ, что ты изволилъ проснуться, вотъ несу тебѣ бумаги.

Петръ почти вырвалъ у него изъ рукъ столбецъ съ показаніемъ Шакловитаго и сталъ быстро пробѣгать его глазами.

Два часа спустя, государь послалъ за дьякомъ Украинцевымъ, и когда тотъ явился къ Петру, то увидѣлъ, что участь князя Василья рѣшена окончательно. Князь Борисъ съумѣлъ отстоять и спасти честь всего своего рода.

XXXIII.

Князь Василій, между тѣмъ, сидѣлъ въ домѣ попа Варсонофія, не выходя изъ своего покойчика, не показываясь даже у окна, почти не сносясь со своими домашними. Онъ переживалъ то тягостное состояніе тревожнаго ожиданія, которое такъ страшно изнуряетъ человѣка, когда онъ знаетъ, что одинъ изъ ближайшихъ дней долженъ принести съ собою рѣшеніе его участи. Ожиданіе волновало его до такой степени, что онъ не могъ ни о чемъ думать, не могъ даже долго писать, не смотря на свой навыкъ. Отрываясь отъ письма, онъ вдругъ вскакивалъ, начиналъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь угадать тотъ приговоръ судьбы, который можетъ-быть уже произнесенъ, и неизвѣстенъ только ему одному...

Но та борьба, которая происходила изъ-за князя Василья въ стѣнахъ государскаго дворца въ Троицкомъ монастырѣ, хранилась въ такой глубокой тайнѣ, что никто не могъ о ней ничего сообщить Оберегателю, и онъ, подъчасъ, начиналъ уже радоваться тому, что о немъ забыли. Услышавъ на другой день своего пріѣзда къ Троицѣ, что Шакловитаго, Петрова и Чермнаго подвергли пыткѣ, князь Василій ожидалъ съ большою тревогою, что и его привлекутъ къ допросу на основаніи данныхъ ими показаній; но день протянулся, нескончаемо-длинный, до вечера, и никто не являлся изъ монастыря, никто не требовалъ князя къ отвѣту...

Онъ начиналъ уже, не безъ основанія, думать, что гнѣвъ государя смѣнится на милость, что его заслуги будутъ приняты во вниманіе для смягченія его вины—начиналъ даже надѣяться, что если не теперь, то со временемъ, онъ будетъ вновь призванъ къ дѣятельности... Поздно ночью, какъ разъ въ то время, когда въ комнатѣ Петра рѣшалась участь князя Василія, онъ снова сѣлъ за свою челобитную великимъ государямъ и продолжалъ добавлять въ ней статью за статьею, пока сонъ не одолѣлъ его и не напомнилъ ему о необходимости отдохновенія.

Но сонъ князя Василія былъ тревоженъ и полонъ мрачныхъ, зловѣщихъ видѣній. То представлялся ему Шакловитый, подъ пыткою взводящій на него страшныя обвиненія; то являлся волхвъ Митька Силинъ, грозилъ ему пальцемъ и говорилъ: „бойся сентемврія!“

Рано проснувшись, Оберегатель опять почувствовалъ себя до такой степени ослабѣвшимъ нравственно, до такой степени изнуреннымъ неизвѣстностью и ожиданіемъ, что не зналъ, гдѣ найти себѣ мѣсто — куда голову преклонить. Сотворивъ утреннюю молитву передъ иконою, князь Василій не почувствовалъ себя ни бодрѣе, ни спокойнѣе, и взявъ со стола „Апостолъ“, разогнулъ его, задавшись мыслію — поискать себѣ въ немъ пророческаго указанія на то, чтò его ожидаетъ... Въ глаза ему бросилось то мѣсто изъ посланія къ Евреямъ, въ которомъ апостолъ Павелъ говоритъ: „*Его же любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (XII, 6)“. И онъ много, много разъ долженъ былъ перечитать эти слова, чтобы вникнуть въ ихъ глубокій и прекрасный смыслъ...

Но вотъ насталъ и потянулся третій день у Троицы, а о князѣ Васильѣ какъ будто совсѣмъ забыли... „Что-бы это значило? Къ добру или къ худу такое забвеніе?“ думалъ князь Василій, вновь усаживаясь за свою челобитную, которую наконецъ ему удалось окончить, какъ разъ передъ обѣдомъ. Къ обѣду, князь Василій вышелъ въ смежную комнату и былъ, видимо, тверже всѣхъ своихъ спутниковъ, которые страшно упали духомъ и страдали отъ неизвѣстности.

Чуть только князья успѣли отобѣдать и поднялись изъ-за стола, къ нимъ прибѣжалъ изъ монастыря стольникъ государевъ и передалъ князю Василью приказъ—явиться послѣ вечеренъ во дворецъ съ сыномъ и съ окольничими Неплюевымъ и Змѣевымъ, и съ дворяниномъ Косоговымъ.

Передавъ приказъ, стольникъ такъ быстро повернулся и ушелъ, что ни князь Василій, ни князь Алексѣй не успѣли задать ему вопроса: зачѣмъ ихъ зовутъ во дворецъ. А между тѣмъ, волненіе князя Василія и его спутниковъ достигло крайнихъ предѣловъ. Неплюеву наканунѣ привидѣлся дурной сонъ и онъ ждалъ всего недобраго. Змѣевъ относился совершенно равнодушно къ тому, чтò могло его ожидать во дворцѣ государевѣ; князь Алексѣй, какъ юноша, не вѣдавшій за собою никакихъ провинностей, ожидалъ только всего хорошаго — ожидалъ, что юный царь приблизитъ его къ себѣ и будетъ такъ же ласкать и баловать, какъ покойный братъ его, царь Өедоръ Алексѣевичъ.

Князь Василій ничего не ожидалъ, ни на чтó не надѣялся: онъ пугался только того, что не могъ себѣ составить никакого понятія объ ожидавшей его участи. Одно было несомнѣнно и ясно — ихъ требовали не на судъ и не къ розыску... Но зачѣмъ все это облекалось такою таинственностью? Отчего никто изъ прежнихъ друзей, пріятелей и знакомцевъ, теперь толпившихся въ передней Петра, ни единымъ словомъ не извѣстилъ князя Василія о томъ, чтò его ожидаетъ. Или и они тоже ничего не знали о принятыхъ царемъ рѣшеніяхъ?.. Но, какъ бы то ни было и чтò бы его ни ожидало впереди, князь Василій рѣшился встрѣтить ударъ судьбы съ достоинствомъ и твердостью...

За часъ до вечеренъ начались сборы во дворецъ. Вскры-

ты были сундуки и короби, отворены ларцы и шкатуны; вынуты были всѣ захваченныя съ собою одежды—опашни и шубы, чуги и кафтаны, шапки съ запанами и безъ запанъ, пояса, оплечья и застежки. Князь Василій велѣлъ сыну одѣться въ атласный лазоревый кафтанъ съ финифтяными пуговицами, въ которыхъ горѣло по яхонтовой искоркѣ. Поясъ изъ золотой чешуи подтягивалъ его тонкій и стройный станъ и застегнутъ былъ богатой пряжкой, усыпанной изумрудами и яхонтами. Поверхъ кафтана на плечи накинута была бѣлая суконная шуба, обшитая широкимъ золотнымъ кружевомъ и обшитая спереди собольими пластинами. На бѣлой шапкѣ, опушенной соболемъ, горѣла большая запона, усыпанная рубинами. Самъ князь Василій облекся въ алый кафтанъ, обшитый широкимъ, тяжелымъ золотымъ галуномъ, а на плечи накинулъ шубу такого-же цвѣта, виницейскаго бархата, съ „золотыми травами и рѣками по черватой землѣ.“ На шубѣ, въ два ряда были нашиты большія пуговицы, усаженныя драгоцѣнными камнями, и около каждой изъ нихъ были нашиты застежки съ кистями изъ тяжелаго золотаго плетенья, прекрасно дополнявшія великолѣпный нарядъ боярина.

Вотъ наконецъ раздался благовѣстъ къ вечернѣ, и князь Василій въ безмолвіи опустился на колѣни передъ своею дорожною божницей; волненіе его было такъ сильно, что онъ не могъ припомнить ни одной молитвы и, крестясь, все только вперялъ взоръ въ ликъ Спасителя, отъ котораго ему какъ бы слышался утѣшающій гласъ: „его же любитъ Господь — наказуетъ...“ Но за то рядомъ съ отцомъ, на томъ же коврѣ стоялъ князь Алексѣй, и спѣшно, порывисто, почти не переводя духа, читалъ нараспѣвъ всѣ извѣстныя ему молитвы, прерывая ихъ возгласами „Господи помилуй!“ и частыми земными поклонами. Наконецъ, князь Василій поднялся съ колѣнъ, положилъ на себя послѣдній крестъ и отвѣсилъ послѣдній поклонъ... Обернувшись къ сыну, онъ былъ пораженъ блѣдностью его лица. Князь Алексѣй вопрошающимъ взоромъ смотрѣлъ въ глаза отцу, и, читая въ нихъ тревогу, говорилъ:

— Батюшка, мнѣ страшно...

— Пойдемъ, Алёшенька! Пора! отходятъ вечерни.

Кареты были давно поданы и застоявшіеся кони плясали на мѣстѣ, едва сдерживаемые конюхами.

Князья усѣлись въ кареты, усѣлись ихъ спутники, и экипажи, сопровождаемые пѣшими гайдуками, двинулись къ Святымъ воротамъ обители. Народъ побѣжалъ за ними слѣдомъ; а когда бояре вышли изъ экипажей, и вмѣстѣ со всею свитою, крестясь вошли въ ворота обители, за ними повалила въ обитель и толпа народа. Къ этой толпѣ присоединилось и то народное множество, которое выходило изъ собора послѣ вечеренъ.

Князей Голицыныхъ встрѣтилъ у собора тотъ самый стольникъ, который приходилъ къ нимъ сегодня съ приказомъ; онъ пригласилъ ихъ за собою и повелъ ко дворцу.

Еще издали, князь Василій увидѣлъ около низкаго, одноэтажнаго зданія государскаго дворца пеструю толпу людей всевозможныхъ сословій, чиновъ и званій; передъ самымъ дворцомъ выстроенъ былъ полкъ потѣшныхъ, подъ ружьемъ, и Сухаревъ стрѣлецкій полкъ съ бердышами и пищалями. Подъ навѣсомъ крытаго крыльца тѣснились бояре и окольничіе, въ нарядныхъ шубахъ и кафтанахъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ. По обѣ стороны лѣстницы, двумя тѣсными кучами стояли стольники, стряпчіе, дворяне и гости. Какъ только завидѣли съ крыльца стольника и князей Голицыныхъ съ ихъ свитою, — все смолкло въ ожиданіи. Слышно было, какъ стрѣлецкіе десятники разгоняли толпу, очищая дорогу Оберегателю и его сыну...

Съ перваго взгляда на бояръ и вельможъ, стоявшихъ подъ навѣсомъ, и на младшій придворный чинъ, тѣснившійся около крыльца, князь Василій понялъ, что его ожидаетъ недоброе. Никто изъ старыхъ знакомцевъ его не узнавалъ; никто даже не смотрѣлъ въ его сторону...

Но вотъ стольникъ поднимается на ступеньки крыльца, — поднимается за нимъ и князь Василій, съ трудомъ переводя дыханіе, еле передвигая ноги и чувствуя устремленный на него взглядъ всенароднаго множества... Эта лѣстница въ десять-двѣнадцать ступеней показалась ему чуть не горою Голгоѳою. И еще двѣ ступени... Но стольникъ остановился и остановилъ князей. На верхней ступени являются четыре думныхъ дьяка и въ числѣ ихъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. Впередъ тѣхъ дьяковъ выступаетъ дьякъ Автамонъ Ивановичъ съ бумагою и громко произноситъ:

— Указъ государевъ!

Князья и ихъ свита снимаютъ шапки и почтительно наклоняютъ головы. Налетѣвшій откуда-то вѣтерокъ шаловливо играетъ золотистыми кудрями князя Алексѣя. Среди наступившей мертвой тишины слышно, какъ воробьи чиликаютъ и прыгаютъ по желобу подъ крышею...

— Князь Василій и князь Алексѣй Голицыны! раздается вдругъ словно мѣдная труба, рѣзкій и звонкій голосъ дьяка. — Великіе государи и великіе князи, Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, велѣли вамъ сказать: какъ они великіе государи, изволили содержать прародительскій престолъ, и сестра ихъ великихъ государей, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, безъ ихъ великихъ государей совѣту, во всякое самодержавіе вступила, и вы, князь Василій и князь Алексѣй, отставя ихъ великихъ государей и угождая сестрѣ ихъ государевой и доброхотствуя, о всякихъ дѣлахъ мимо ихъ великихъ государей докладывали, а имъ великимъ государямъ въ то время было невѣдомо. Да ты жъ, князь Василій, посылалъ въ малороссійскіе городы ихъ, великихъ государей, грамоты, велѣлъ печатать въ нихъ имя сестры ихъ, великихъ государей, великія государыни благовѣрныя царевны, безъ ихъ великихъ государей, указу. Да ты жъ, князь Василій, прошлаго 197 году, ходилъ съ ихъ великихъ государей ратными людьми въ Крымъ, и дошедъ до Перекопи, промыслу никакого не учинилъ и отступилъ прочь, и тѣмъ своимъ нерадѣньемъ ихъ государской казнѣ учинилъ великіе убытки, а государству разореніе и людямъ тягость. И за то указали великіе государи отнять у васъ честь, боярство, а помѣстья ваши и вотчины отписать на себя великихъ государей, и послать васъ въ ссылку въ Каргополь; а въ приставахъ указали великіе государи быть Ѳедору Мартемьяновичу Бредихину.

Дьякъ окончилъ чтеніе и отошелъ въ сторону.

Князь Василій поднялъ голову и вынимая изъ-за пазухи свою объемистую челобитную, обратился къ стоявшимъ на верхней ступени думнымъ дьякамъ.

— Молю великихъ государей о томъ, чтобы они приняли и милостиво изволили прочесть мою челобитную, прерывающимся отъ волненія голосомъ произнесъ князь Василій.

— Великіе государи ничего принимать отъ тебя не указали, пробасилъ князю въ отвѣтъ Никита Зотовъ.— Дьякъ Ивановъ, читай слѣдующій указъ!

— Значитъ, мнѣ не даютъ даже и оправдаться! съ горечью сказалъ князь Василій, между тѣмъ какъ стольникъ указывалъ князьямъ, что имъ слѣдуетъ сойти со ступени, и выдвигалъ впередъ окольничаго Неплюева.

Произошла нѣкоторая тѣснота на крыльцѣ и въ то время, какъ Голицыны сходили съ крыльца, а дьякъ начиналъ вверху читать указъ объ опалѣ и ссылкѣ Неплюева въ Пустозерскъ, кто-то дернулъ сзади князя

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. Невѣста посвящаетъ предъ свадьбой свои дѣтскія игрушки домашнимъ богамъ (пенатамъ). Картина Н. Д. Лосева, съ фотогр. Демчинскаго, грав. Пуцъ и Бергъ.

Василія за рукавъ и быстро сунулъ ему въ руку записку, шепнувъ:

— Прочти, какъ сядешь въ карету.

Князь Василій взглянулъ искоса въ сторону, и увидѣлъ около себя одного изъ дворянъ, постоянно жившихъ въ домѣ князя Бориса.

Отуманенный всѣмъ, что происходило кругомъ, озадаченный опалою и ссылкою въ отдаленный Каргополь, постигавшею его одновременно съ отнятіемъ всего состоянія, князь Василій не слыхалъ ни одного слова изъ того, что дьякъ прочелъ Неплюеву. Только въ концѣ, стоя уже на одной изъ нижнихъ ступенекъ крыльца, князь Василій услышалъ, что въ указѣ Змѣеву повелѣно было ему жить въ его Костромскомъ имѣніи — и позавидовалъ ему.

Но вотъ уже чтеніе указовъ окончено; стольникъ выступаетъ впередъ и указываетъ опальнымъ князьямъ и окольничимъ путь изъ ограды монастыря. Одинъ князь Василій идетъ твердо и спокойно — всѣ остальные повѣсили головы и еле бредутъ вслѣдъ за бывшимъ Оберегателемъ.

Толпа, пораженная зрѣлищемъ паденія могущественнѣйшаго временщика, стоитъ молча и слѣдитъ глазами за удаляющимися вельможами, которые подошли къ крыльцу государскаго дворца въ полномъ блескѣ и сознаніи своего достоинства, своей силы и богатства, и теперь отходили приниженные, лишенные всего, нищіе духомъ.

Выйдя за ворота, князь Василій сѣлъ въ карету и посадилъ съ собою сына; слуги, и то при помощи Змѣева и Косагова, едва могли усадить въ другую карету Неплюева, который, выйдя изъ воротъ обители, вдругъ залился горькими слезами и все только твердилъ:

— Вотъ до чего дожилъ! Тридцать семь лѣтъ не сходилъ съ поля ратнаго—служилъ вѣрой и правдой!..

Когда кареты тронулись съ мѣста, князь Василій вынулъ изъ рукава записку. Князь Борисъ писалъ ему: „Не медли ни часа въ посадѣ. Съѣзжай со двора тотчасъ. Жди бѣды, если не уѣдешь. Встрѣчу тебя на ярославской дорогѣ—въ селѣ Присынковѣ. Тамъ побесѣдуемъ на прощанье. Но помни — чтобы ночь тебя здѣсь не застала.“

Князь Василій понялъ смыслъ этого предупрежденія... По возвращеніи въ домъ отца Варсонофія, онъ велѣлъ немедленно сбираться въ дорогу, а затѣмъ позвалъ къ себѣ Кузёмку Крылова, заперся съ нимъ въ своемъ покоѣ и съ полчаса отдавалъ ему какія-то тайныя приказанія. Два часа спустя, толпа народа, собравшаяся на улицѣ посада, съ любопытствомъ смотрѣла на блестящій поѣздъ опальныхъ бояръ, отъѣзжавшихъ въ дальнюю ссылку. Никто и не замѣтилъ, какъ въ то же самое время, среди общихъ сборовъ и суматохи, Кузёмка Крыловъ съѣхалъ съ попова двора задними воротами въ поле, а по немъ пробрался къ перелѣску, и, оглянувшись на посадъ, вдругъ пустилъ коня вскачь и во весь духъ помчался къ Москвѣ.

(Продолженіе будетъ).

Онъ-же...

Разсказъ

графа Е. А. Саліаса.

I.

При сліяніи двухъ извилистыхъ и быстрыхъ рѣкъ, несущихся между лѣсистыми берегами, на высокомъ холмѣ смѣлыхъ и причудливыхъ очертаній отчетливо рисовался на синемъ небѣ старинный вѣковой замокъ. Эти двѣ рѣки видали на берегахъ своихъ лихое казачество и лыцарство, когда иныя страны на сѣверъ и востокъ пребывали еще въ полномъ варварствѣ.

По краю крутаго холма надъ пропастью шла высокая стѣна съ башнями на углахъ и обходила зигзагами весь холмъ. Издали холмъ этотъ казался съ большой сѣрой короной на вѣковѣчномъ и суровомъ челѣ. Посрединѣ, за стѣнами, на довольно просторной площади высился средневѣковой замокъ, еще древнѣе и темнѣе стѣны, его окружавшей. Кой-гдѣ очертанія зàмка исчезали за густою темною зеленью вѣковыхъ дубовъ огромныхъ размѣровъ.

Доступъ къ зàмку былъ только со стороны противоположной отъ Днѣпра.

Зàмокъ этотъ, по имени Чамборъ, былъ давно и хорошо извѣстенъ во всей Польшѣ и Украйнѣ. Онъ принадлежалъ сначала, переходя изъ рода въ родъ, польскому магнату, затѣмъ перешелъ во владѣніе любимца короля Станислава Понятовскаго, а послѣ перваго раздѣла Польши, принадлежалъ полурусскому, полупольскому роду графовъ Зарѣцкихъ.

Въ самые послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ замкѣ Чамборъ жилъ нелюдимъ, суровый и странный нравомъ и привычками богатый магнатъ, графъ Зарѣцкій. Зàмокъ за послѣдніе года совершенно обратился въ монастырь со строгимъ уставомъ. Ворота рѣдко отворялись и рѣдко опускался висячій мостъ на глубокій оврагъ, отдѣлявшій замокъ отъ окрестности.

Владѣтель замка уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ, не выѣзжалъ и никуда не отлучался изъ своего гранитнаго гнѣзда.

Обитателямъ замка, которыхъ было до сотни человѣкъ, тоже съ большимъ трудомъ давалось разрѣшенье сноситься съ остальнымъ міромъ.

У шестидесятилѣтняго угрюмаго и сумрачнаго старика графа Зарѣцкаго было два племянника въ рядахъ русской арміи. Молодые люди ничѣмъ дурнымъ не заявили себя, напротивъ, оба считались отличными, храбрыми офицерами, оба были лично извѣстны императору Павлу. А между тѣмъ чудакъ и бирюкъ дядя изгналъ обоихъ изъ замка, уже лѣтъ съ пять, и не пускалъ къ себѣ на глаза. Говорили, что патріотъ полякъ не хотѣлъ простить имъ ихъ поступленья въ ряды русской гвардіи.

Молодые люди знали, что они будутъ лишены наслѣдства своего дяди. Вмѣстѣ съ тѣмъ они недавно узнали, что въ замкѣ старика графа появился и живетъ безвыѣздно, подлаживаясь подъ всѣ привычки и странности старика-нелюдима, сынъ его двоюроднаго брата, генерала австрійскихъ войскъ, убитаго въ одномъ изъ сраженій съ пруссаками.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Лоренцъ Охотскій, носившій титулъ барона послѣ смерти своего отца.

Лоренцъ, которому было только двадцать три года когда онъ явился въ замокъ къ дядѣ, былъ тоже офицеръ австрійскаго кавалерійскаго полка. Вслѣдствіе замѣчательной отваги и многихъ подвиговъ, Лоренцъ, хотя былъ лѣтъ на десять моложе своихъ троюродныхъ братьевъ, былъ уже выше ихъ чиномъ.

Отличившись особенною храбростью въ одномъ изъ послѣднихъ сраженій австрійцевъ съ пруссаками, баронъ Лоренцъ Охотскій получилъ чинъ капитана, но тотчасъ покинулъ свой полкъ и явился въ замокъ Чамборъ.

Вызвалъ-ли его чудакъ-дядя, или самъ онъ рѣшилъ сойтись съ нелюдимомъ и поселиться у него—никто не зналъ.

Молодые Зарѣцкіе, бывшіе со своимъ полкомъ въ Петербургѣ, узнали о появленіи въ замкѣ троюроднаго брата, когда молодой капитанъ успѣлъ уже окончательно обворожить ихъ общаго дядю. Дѣло наслѣдства было повидимому окончательно проиграно.

Для всѣхъ обитателей замка было уже не тайной, что будущій владѣтель Чамбора не кто иной, какъ баронъ Лоренцъ.

Племянникъ и дядя, не смотря на громадную разницу лѣтъ, не мало походили другъ на друга и внѣшностью, и нравомъ. Если графъ Зарѣцкій въ свои годы сталъ нелюдимомъ, то Лоренцъ, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, не отличался общительностью и открытымъ характеромъ. Напротивъ, это былъ человѣкъ сосредоточенный, вѣчно задумчивый, вѣчно смотрѣвшій на все и на всѣхъ исподлобья. Несмотря на его красивую внѣшность, изящество всей фигуры, спокойный характеръ и только странный пронизывающій взглядъ черныхъ глазъ, никто въ Чамборѣ его не любилъ.

Съ тѣхъ поръ что Лоренцъ былъ въ замкѣ и жилъ затворническою жизнью вмѣстѣ съ дядей, прошло уже около двухъ лѣтъ и между тѣмъ никто изъ обитателей замка не могъ похвастаться, что онъ знаетъ барона, что онъ сблизился съ нимъ. Напротивъ, баронъ, державшійся всегда въ сторонѣ отъ всѣхъ, былъ и остался для всѣхъ загадкой. Всѣ даже боялись его безсознательно.

II.

Наступилъ 1799 годъ. Пошелъ третій годъ пребыванія Лоренца въ Чамборѣ, когда старикъ-графъ изъ бодраго старика сдѣлался хворымъ, началъ видимо слабѣть.

Вскорѣ онъ уже не выходилъ совершенно изъ небольшой горницы, помѣщавшейся въ отдѣльной отъ замка башнѣ. Къ нему же—за исключеніемъ племянника--имѣлъ доступъ лишь одинъ любимецъ его, лакей Захеръ.

Графъ проводилъ цѣлые дни въ креслѣ у окна, выходившаго на Днѣпръ.

Изъ этой горницы въ башнѣ, прилѣпившейся надъ обрывомъ,

открывался видъ на сотню верстъ кругомъ. Тутъ у окна и подъ окномъ была такая кручь и высь, что часто предъ отворенными рамами парилъ орелъ и злобно взглядывалъ на сидящаго у окна феодала, будто досадуя, что человѣкъ отнялъ у него, по закону ему принадлежащее, мѣсто для гнѣзда.

Однажды, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ ясный и теплый весенній день, старикъ Захеръ, камердинеръ и наперсникъ графа, прибѣжалъ въ большую залу въ нижнемъ этажѣ замка, гдѣ собирались всегда къ обѣду всѣ люди.

На немъ лица не было, а руки дрожали...

Оглянувъ за столомъ болѣе полусотни различныхъ служителей, камердинеръ взволнованно заявилъ, что графъ очень плохъ, лежитъ безъ движенія, или умираетъ или уже умеръ.

— А баронъ? отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе.

— Его нигдѣ нѣтъ. Искалъ по всему замку и не нашелъ... Но графъ-то... Охъ, страшно вымолвить...

И Захеръ, махнувъ рукой, зарыдалъ.

Всѣ поднялись изъ-за стола и тотчасъ разсыпались по всему замку и по внутреннему двору, разыскивая молодаго барина наслѣдника.

Наконецъ одному изъ служителей удалось увидѣть Охотскаго въ маленькой угловой башенкѣ близъ подъемнаго моста. Съ трудомъ добравшись до него по ступенямъ полуразрушенной каменной лѣстницы, онъ передалъ извѣстіе.

Молодой Лоренцъ, стоявшій среди площадки, съ которой открывался громадный видъ на всю окрестность, не шелохнулся, не сказалъ ни слова, даже не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, а только страннымъ взоромъ смѣрилъ молодца съ головы до пятъ.

— Графъ умираетъ, а можетъ уже и кончился, повторилъ тотъ.

— Странно, тихо отозвался баронъ.—Всякому свой чередъ... И ты умрешь, и я умру, и все это очередное! онъ указалъ рукой кругомъ себя.—Но странно... Я сейчасъ видѣлъ графа. Онъ былъ слабъ, но совершенно здоровъ. Ступай... Я сейчасъ за тобой... Не думаю, чтобы графъ-дядя былъ при смерти.

Служитель, отъ котораго баронъ умышленно отвернулся, спустился снова внизъ и вернулся въ ту-же залу, недоумѣвая. Но черезъ нѣсколько мгновеній послѣ того, Лоренцъ вздохнулъ, оглянулся еще разъ кругомъ на равнины, долы и лѣса, а затѣмъ тихо и задумчиво сталъ спускаться во дворъ замка.

Нѣсколько человѣкъ уже бѣжали съ извѣстіемъ къ нему.

— Графъ скончался, воскликнулъ одинъ.—Холодный, не дышетъ. И будто... будто задушенъ...

И вся гурьба обступила молодаго барина, вопросительно глядя на него, какъ-бы ожидая его мнѣнія.

— Задушенъ? Какой вздоръ! Кѣмъ? Какія выдумки бабьи! Пошлите за пасторомъ, заговорилъ Лоренцъ повелительно и холодно.—Разошлите сейчасъ повсюду нарочныхъ гонцовъ къ сосѣднимъ дворянамъ съ извѣстіемъ и приглашеніемъ на похороны. И помните, вдругъ возвысилъ голосъ баронъ,—помните подъ страхомъ жестокаго наказанія слѣдующій мой первый приказъ. Опустивъ подъемный мостъ, ведущій изъ этого одичалаго гнѣзда въ остальной веселый и прекрасный міръ Божій, оставьте его такъ. Прикрѣпите желѣзными цѣпями къ противоположному краю и чтобы никто не трогалъ. Всякій обитающій въ Чамборѣ съ этой минуты воленъ выходить, выѣзжать и возвращаться, однимъ словомъ, сноситься со всѣмъ міромъ, когда пожелаетъ, безъ всякаго на то съ моей стороны разрѣшенія. Желѣзныя ворота передъ мостомъ снять съ петель и перенести на край, къ той угловой башнѣ надъ пропастью. И завтра мы всѣ вмѣстѣ соберемся и сбросимъ ихъ въ волны Днѣпра. Входныя желѣзныя двери самаго зàмка растворить настежь и не запирать даже ночью. Теперь здѣсь начнется иная жизнь, веселая, счастливая и радостная.

И баронъ двинулся въ горницу къ покойнику.

Зàмокъ сразу ожилъ. За послѣдніе годы въ немъ было всегда такъ мертво-тихо, былъ онъ какъ еслибы покинутъ людьми и въ немъ не было ни единаго живаго существа. Теперь-же, когда въ стѣнахъ его оказался мертвецъ, въ замокъ будто вселилась душа, онъ будто вздохнулъ свободно, ожилъ и сразу зажилъ кипучей и шумной жизнью.

Черезъ два дня послѣ смерти владѣтеля, дворъ замка переполнился экипажами разныхъ магнатовъ и дворянъ изъ сосѣднихъ замковъ и даже издалека, изъ-за сотни верстъ. Всѣ горницы замка переполнились семействами пріѣзжихъ на похороны.

Такъ какъ покойникъ былъ собственно ни для кого не дорогъ, то прибывшіе явились, чтобы отдать лишь долгъ приличія. Говоръ беззаботныхъ голосовъ раздавался повсюду. Въ числѣ пріѣзжихъ были и старики, и молодежь. И тамъ, гдѣ за двое сутокъ передъ тѣмъ уныло высились стѣны и башни, уподобляясь какой-нибудь крѣпости или монастырю, теперь мелькали пестрые, яркіе костюмы мужчинъ и женщинъ. Десятки красивыхъ женщинъ придавали замку такой блескъ и оживленіе, какихъ быть-можетъ никогда не бывало въ немъ.

Трудно было предположить или повѣрить, что все это общество съѣхалось для похоронъ. Съѣздъ казался скорѣе свадебнымъ или праздничнымъ.

Въ большой залѣ замка, на возвышеніи, покрытомъ чернымъ сукномъ, стоялъ гробъ съ покойникомъ, подъ такимъ-же чернымъ бархатнымъ балдахиномъ.

Предметомъ общаго вниманія и общей но холодной любезности былъ, конечно, молодой, изящный баронъ Лоренцъ. Всѣ относились къ нему съ оттѣнкомъ какой-то сдержанности въ обращеніи. Въ его отсутствіи, за глаза, всѣ тихо перешептывались, въ особенности старики.

Всѣ прибывшіе толковали только объ одномъ вопросѣ... конечно, ужасаясь, но не рѣшаясь обратиться съ нимъ къ барону. Вмѣстѣ съ тѣмъ равно всѣхъ занималъ вопросъ, будетъ-ли наслѣдникомъ замка и всего имущества Лоренцъ. Правъ онъ не имѣлъ собственно никакихъ, такъ какъ оба племянника покойнаго графа были прямыми наслѣдниками. А между тѣмъ все съѣхавшееся общество слышало уже давно, что старикъ-графъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу двоюроднаго племянника, устранивъ родныхъ.

Нѣкоторые увѣряли, что завѣщаніе совершенно незаконно и не можетъ имѣть никакой силы; но на это отвѣчали другіе, посвященные въ дѣло ближе самимъ покойнымъ графомъ задолго до смерти, что завѣщаніе было давно санкціонировано мѣстною судебною властью.

Многіе этому не вѣрили. Вслѣдствіе-же страннаго слуха ходившаго въ замкѣ о внезапной, загадочной смерти графа, отношенія съѣхавшихся на похороны знакомыхъ къ самому Лоренцу были неестественныя, натянутыя.

Баронъ, между тѣмъ, дѣйствовалъ какъ полный хозяинъ, отдавалъ приказанія по самымъ существеннымъ вопросамъ. Онъ назначилъ по собственному усмотрѣнію мѣсто погребенія своего дяди въ дальнемъ монастырѣ, а не въ ближайшемъ городѣ, гдѣ была похоронена вся его родня. Онъ разчелъ и отпустилъ всѣхъ стариковъ—служителей покойнаго, не только предлагая имъ воспользоваться полной свободой, но приказывая вскорѣ послѣ похоронъ покинуть замокъ. Единственный человѣкъ изъ стариковъ, которому онъ тотчасъ-же приказалъ покинуть замокъ, былъ Захеръ.

Если все собравшееся общество шумливо и чуть не весело проводило день, то самъ Лоренцъ почти не выходилъ изъ комнатъ покойнаго, въ которыхъ онъ уже поселился, былъ угрюмъ на видъ, задумчивъ, будто озабоченъ. Онъ только выходилъ принимать гостей, когда они пріѣзжали и послѣ нѣсколькихъ холодныхъ словъ привѣтствія снова удалялся къ себѣ.

III.

Наканунѣ дня, въ который были назначены похороны, ввечеру, трое изъ самыхъ важныхъ и знатныхъ магнатовъ округа, послѣ совѣщанія между собою о чемъ-то сугубо важномъ и неотложномъ, порѣшили отправиться къ молодому барону.

Часовъ въ девять вечера, когда всѣ пріѣзжіе уже начинали расходиться по своимъ горницамъ и ложились спать, трое аристократовъ направились къ кабинету покойнаго графа, гдѣ пребывалъ занятый всякими неотложными дѣлами его наслѣдникъ. Они велѣли доложить о себѣ.

Молодой Лоренцъ, удивленный, приказалъ человѣку ввести гостей и встрѣтилъ ихъ у дверей съ волненьемъ и недоумѣніемъ, написанными на лицѣ.

Когда они вошли и приблизились къ хозяину, то Лоренцъ, взглянувъ имъ въ лицо, едва замѣтно смутился. Люди эти были важно и холодно оффиціальны, они явились не для простой бесѣды. Самый молодой изъ трехъ аристократовъ, человѣкъ уже лѣтъ пятидесяти, графъ Красинскій заявилъ, что они имѣютъ нѣчто важное сообщить барону отъ себя и отъ лица своихъ товарищей и друзей пріѣхавшихъ въ замокъ.

Лоренцъ предложилъ гостямъ сѣсть и когда всѣ усѣлись вокругъ большаго стола, молодой человѣкъ, глядѣвшій все время исподлобья, опустилъ глаза на бумаги, лежавшія передъ нимъ.

— Я приступлю прямо къ дѣлу, короче, яснѣе. Да и времени тратить не приходится, вымолвилъ Красинскій.—Мы рѣшили сообща, что не можемъ допустить похоронъ покойнаго. Смерть его настолько удивила всѣхъ, настолько таинственна, что это дѣло должно быть разслѣдовано.

— Чтò такое? вымолвилъ изумляясь Лоренцъ и на одно мгновеніе поднялъ взглядъ на говорившаго.

Глаза его сверкнули въ полусумракѣ комнаты, на лицо набѣжала какая-то тѣнь. Но въ одно мгновеніе онъ овладѣлъ собою и прибавилъ уже тихо:

— Объяснитесь, я совершенно ничего не понимаю.

— Мы, господинъ баронъ, друзья покойнаго, а одинъ изъ насъ даже дальній родственникъ, рѣшили сообща, что нужно тотчасъ-же отправить гонца въ городъ просить сюда судъ, а равно и врачей, дабы они могли успокоить общество, разсѣять всеобщее недоумѣніе, однимъ словомъ, разслѣдовать дѣло.

— Чтò-же разслѣдовать? выговорилъ чуть слышно Лоренцъ.

— Причину смерти графа. Въ замкѣ всѣ утверждаютъ, что графъ былъ совершенно здоровъ за нѣсколько минутъ до кончины. Его любимецъ, почему то изгнанный вами, старикъ-камердинеръ Захеръ утверждаетъ, что графъ скончался насильственною смертью. Наконецъ лицо покойнаго таково, что мы не узнали его.

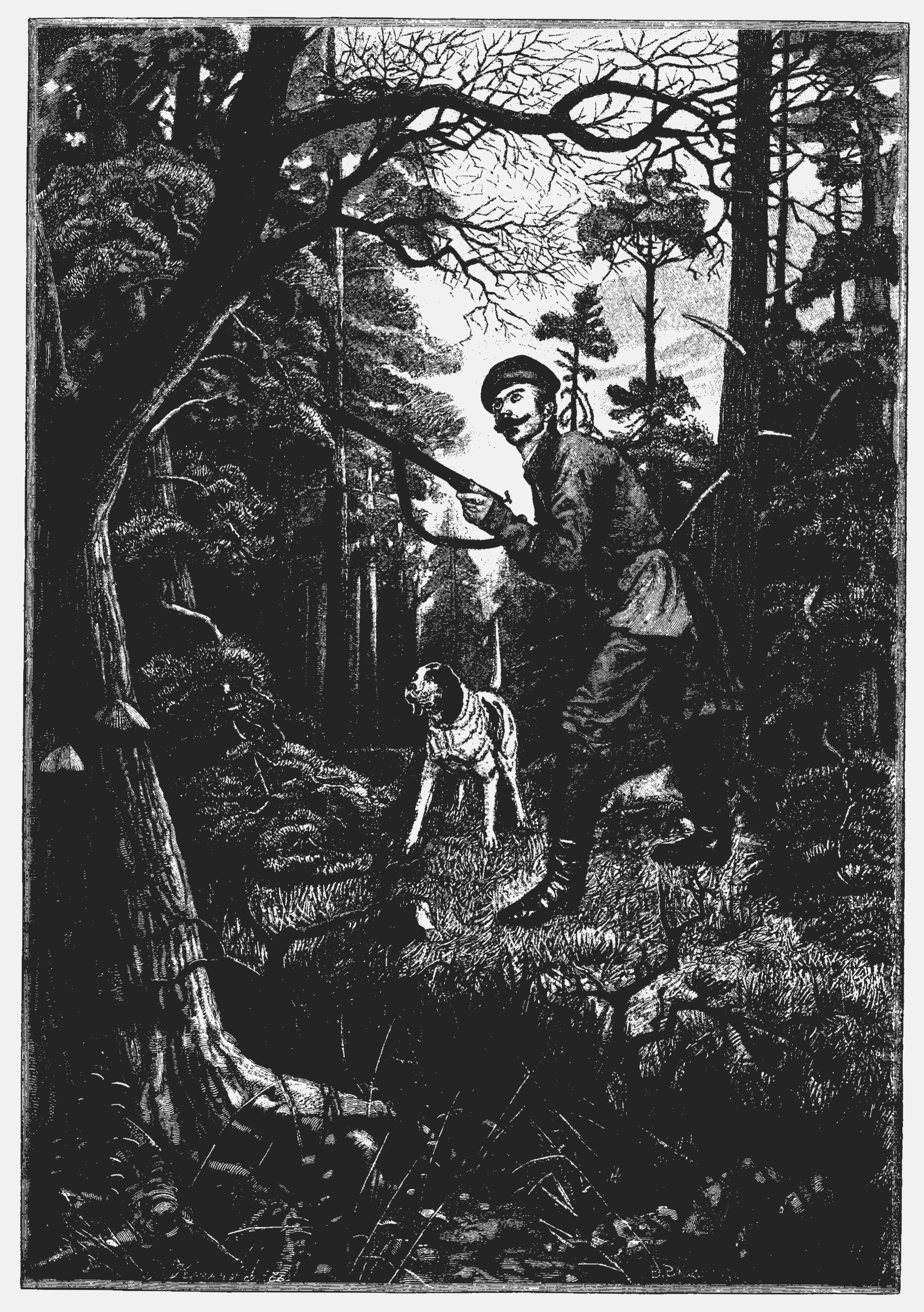
— Не узнали! вымолвилъ Лоренцъ.—А когда вы видѣли дядю?

— Правда, давно. Года три или четыре онъ не пускалъ къ себѣ никого.

— Даже служители въ замкѣ не видали дядю въ глаза уже

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. Русскій бояринъ.

Картина **С. Крамской**, съ фотогр. Демчинскаго, грав. К. Ольшевскій.



Стрѣльба рябчиковъ на пищикъ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **В. Казановскаго**, грав. Беноа-Балинтъ.

мѣсяца три! улыбнулся грустно Лоренцъ.—Я одинъ, да еще этотъ враль Захеръ, видали его.

— Все это совершенно вѣрно, баронъ, возразилъ Красинскій,— но мы являемся здѣсь не обвинителями кого-бы то ни было. Мы являемся заявить вамъ, что такъ какъ вы не прямой наслѣдникъ и у покойнаго живы двое родныхъ племянниковъ, которые должны явиться сюда хотя и не въ скоромъ времени, то мы считаемъ себя въ правѣ, въ качествѣ друзей покойнаго, требовать, чтобы погребеніе было отложено. Вы сами, ради собственнаго личнаго достоинства, чтобы избѣгнуть какихъ-либо подозрѣній, какой-либо клеветы, должны содѣйствовать намъ въ нашемъ рѣшеніи, а не противодѣйствовать.

Красинскій кончилъ и всѣ трое явившіеся съ объясненіемъ вопросительно смотрѣли на молодаго барона. Лоренцъ сидѣлъ какъ истуканъ, не двигаясь; ни одна черта его лица не дрогнула. Лицо казалось, правда, блѣдно, но спокойно; глаза-же были попрежнему опущены на столъ.

— Согласны-ли вы съ нами? проговорилъ старшій изъ явившихся, человѣкъ лѣтъ уже семидесяти.

— Нѣтъ, кратко и сухо отозвался Лоренцъ.

— Вы не пошлете тотчасъ-же гонца къ властямъ? спросилъ Красинскій.

— Нѣтъ...

— Позвольте, похороны не могутъ... началъ старшій изъ гостей.

Но Лоренцъ перебилъ его словами, сказанными отчетливо, холодно и сильно:

— Похороны будутъ завтра утромъ, какъ обычай велитъ!

— Господинъ баронъ, громче произнесъ Красинскій, поднимаясь,— покойный былъ задушенъ. Достаточно взглянуть на него теперь, чтобы, не будучи врачемъ, убѣдится въ этомъ. Лицо его черно, какъ еслибы покойный былъ не полякъ, а негръ. Наконецъ въ этомъ самомъ замкѣ все пожилое, всѣ старики-лакеи убѣждены въ этомъ. Они требуютъ разслѣдованія дѣла, желая быть свидѣтелями въ этомъ странномъ происшествіи. Мы не можемъ допустить похоронъ.

Баронъ дернулъ плечомъ и бросилъ на столъ карандашъ, который держалъ въ рукѣ. Усмѣшка, скорѣе грустная, чѣмъ злая, скользнула по его губамъ.

— Я этого ожидалъ, вымолвилъ онъ,— и не удивляюсь. Когда у врага нѣту оружія для борьбы, онъ прибѣгаетъ къ клеветѣ, ко лжи. Я понимаю, что нѣкоторые изъ стариковъ замка не желаютъ меня видѣть владѣльцемъ Чамбора. Но мнѣ грустно видѣть, что аристократы, цвѣтъ польской аристократіи, коей вы служите представителями, вторятъ клеветѣ холоповъ. Это поступокъ съ вашей стороны совершенно непристойный. Впрочемъ, мнѣ нечего васъ, людей преклонныхъ лѣтъ, учить приличіямъ и обычаямъ которые обязательны аристократу. Очень сожалѣю, что вы явились ко мнѣ съ этимъ нелѣпымъ объясненіемъ. Надѣюсь, что и вы сами сожалѣете объ этомъ.

Лоренцъ всталъ и какъ бы ждалъ, что гости выйдутъ изъ горницы.

— Вы отказываете наотрѣзъ? вымолвилъ Красинскій.

— Я уже имѣлъ честь два раза отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ, сухо отозвался Лоренцъ.

— Въ такомъ случаѣ, выговорилъ Красинскій,—я тотчасъ посылаю двухъ гонцовъ въ два мѣста. Но вы знаете сами, баронъ, что если похороны не будутъ отложены, то власти пріѣдутъ слишкомъ поздно, онѣ могутъ только встрѣтить похоронное шествіе на дорогѣ.

— Конечно, отозвался Лоренцъ.

— Тогда произойдетъ неслыханный въ краѣ соблазнъ. Погребальное шествіе должно будетъ возвратиться назадъ въ замокъ. Неужели вы пойдете на этотъ соблазнъ всѣхъ окрестныхъ жителей?

— Нѣтъ, графъ, если власти, вами высланныя, встрѣтятъ погребальное шествіе, то я приглашу ихъ сопровождать его въ монастырь и присутствовать при погребеніи. Мы двинемся отсюда съ разсвѣтомъ, и къ сумеркамъ будемъ уже въ монастырѣ, гдѣ немедленно произойдетъ преданіе тѣла землѣ.

— Позвольте, мы не допустимъ, громко и гнѣвно произнесли всѣ трое собесѣдниковъ.

— Полноте, никто здѣсь ничего кромѣ меня допускать или не допускать не можетъ. Я здѣсь полный хозяинъ, я владѣтель замка по завѣщанію дяди, законъ на моей сторонѣ. Если же явятся нарушители обычаевъ, то я не допущу и не позволю никакого соблазна. Вотъ пистолеты. Они будутъ заряжены, они будутъ при мнѣ завтра, и я даю честное слово барона Лоренца Охотскаго въ томъ, что если кто будетъ завтра мнѣ въ чемъ-либо дерзко противорѣчить, я тому размозжу голову пулей. Кажется, я объяснился просто и ясно, а теперь покорнѣйше прошу васъ меня оставить. Пора всѣмъ на покой, такъ какъ надо вставать съ разсвѣтомъ.

Старики-магнаты были настолько поражены словами барона, что, совершенно растерявшись, нелѣпо и глупо, толкая другъ дружку, вышли изъ кабинета какъ бы не сами собой, а выгоняемые вонъ.

Когда они исчезли за дверями, Лоренцъ вернулся, остановился среди горницы, взялъ себя за голову и простоялъ нѣсколько мгновеній недвижно и задумчиво.

— Какой ужасъ! проговорилъ онъ наконецъ.—Я не допущу, прибавилъ онъ тише.—Я не могу ручаться за господъ судей. Все возможно! Могутъ обвинить меня. Тогда я погибъ. И въ тотъ день, когда я думалъ, что я достигъ всего, къ чему стремился, я могу, напротивъ, пасть въ страшную пропасть, глубже и страшнѣе той, которая разверзается подъ замкомъ надъ темными волнами Днѣпра. Погибнуть въ ту минуту, когда думалъ, что только начинаешь жить! Нѣтъ, я не позволю. Я всегда все бралъ дерзкой отвагой, игралъ въ игру называемую „на жизнь и на смерть“. И всегда выигрывалъ. Теперь будетъ то же, я это чувствую, предвижу. Я побѣждалъ болѣе сильныхъ чѣмъ враль-лакей.

Лоренцъ двинулся къ столу, гдѣ былъ ящикъ съ пистолетами, вынулъ ихъ и быстрою, привычною рукой, зарядилъ. Затѣмъ онъ, тотчасъ же, оставивъ горящую свѣчу на столѣ, не раздѣваясь, легъ на диванъ въ глубинѣ кабинета покойнаго дяди.

Въ то же самое время въ одной изъ горницъ замка сидѣли трое магнатовъ, вышедшихъ отъ барона, а передъ ними стоялъ старикъ Захеръ и выслушивалъ второй разъ краткое, толковое приказаніе Красинскаго. Онъ наказывалъ камердинеру покойнаго графа немедленно снарядить двухъ гонцовъ и передалъ ему два письма, которыя были уже написаны. Захеръ вышелъ изъ комнаты, лукаво, но грустно улыбаясь, и пройдя въ угольную башню, отворилъ окно и выбросилъ письма въ Днѣпръ.

IV.

Лоренцу долго не спалось и бесѣда съ панами-гостями не выходила изъ головы. Ихъ позорныя подозрѣнья и намѣренія тревожили его.

„Что-то будетъ завтра?“ думалось ему.

Внезапная смерть дяди его самого удивила. Графъ былъ хворъ и слабъ, но отъ смерти былъ, казалось, очень далекъ. Странныя багровыя пятна вокругъ шеи, съ которыми Лоренцъ нашелъ покойнаго тотчасъ же какъ былъ позванъ — его тоже удивляли.

Равно замѣтилъ онъ еще другое, чего ужь конечно не замѣтилъ старый лакей Захеръ. Его поразило выраженье глазъ покойника, въ которыхъ ясно какъ бы сказывался страшный предсмертный испугъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ, когда черты лица быстро измѣнились, выраженье это исчезло, но Лоренцъ ясно помнилъ теперь это загадочное для него явленье.

А между тѣмъ графъ положительно не могъ умереть насильственной смертью. Его никто не посѣщалъ, а люди и не имѣли вовсе къ нему доступа за послѣдніе мѣсяцы. Единственные два человѣка, входившіе къ нему въ горницу, были—онъ, Лоренцъ, и Захеръ. Если будетъ подозрѣніе въ насильственной смерти хвораго старика, то кого же обвинять?.. Доказать конечно ничего нельзя, но опозорить подозрѣніемъ, клеветой и судомъ — совершенно возможно. А этого и боялся баронъ Охотскій.

Долго-ли пролежалъ Лоренцъ съ тревожными думами и не смыкая глазъ — онъ хорошо не помнилъ наконецъ легкая; дремота стала смыкать вѣки.

Но въ тѣ же самыя минуты ему сквозь эту дремоту почудился легкій шорохъ и онъ оглядѣлся въ полусумракѣ большаго кабинета, освѣщеннаго одною свѣчей...

Оглядѣлся... и застылъ отъ ужаса...

Въ противоположномъ углу отъ него, у самаго стола гдѣ горѣла свѣча, отчетливо освѣщенный лучами огня, стоялъ слегка нагнувшись къ свѣчѣ и разглядывая что-то въ рукахъ, самъ покойникъ... Самъ старый графъ Зарѣцкій.

Лоренцъ, лежа на спинѣ и подложивъ руки подъ голову, глядѣлъ на фигуру дяди безумными глазами и отъ трепета и ужаса не могъ не только двинуться, но даже крикъ испуга замеръ у него въ горлѣ.

Много-ли такъ прошло времени, онъ не сознавалъ...

Но вотъ покойникъ двинулся отъ стола къ нему, приблизился вплотную, нагнулся и наложилъ руки ему на горло...

Лоренцъ внутренно помертвѣлъ отъ ужаса, сердце затрепетало и сжалось. Онъ лишился чувствъ...

За окнами уже брезжилъ свѣтъ начинающейся зари и кабинетъ былъ освѣщенъ сѣроватымъ свѣтомъ когда Охотскій пришелъ въ себя.

Очнувшись, онъ сразу вспомнилъ невѣроятное видѣнье и, вскочивъ на ноги, перекрестился.

— Что это было? Господи!.. Бредъ? Сонъ?

Измятый воротъ его рубашки, сбитый галстухъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ странное ощущеніе отъ насилія на шеѣ и въ горлѣ — могли служить отвѣтомъ.

Онъ чувствовалъ на себѣ ясно слѣды чего-то или кого-то. Его положительно пробовали душить во время обморока слабыя и дряхлыя руки. Но дѣло оказалось не подъ силу. Въ этомъ не могло быть сомнѣнья.

Лоренцъ быстро вышелъ изъ кабинета и среди полутьмы направился въ большую залу гдѣ стоялъ гробъ. Онъ поднялъ полотно скрывавшее лицо покойника и поглядѣлъ на него съ замираньемъ сердца. Лицо графа Зарѣцкаго еще болѣе измѣнилось, представляло всѣ слѣды разложенія и сильно опухло. А ночной пришелецъ былъ на видъ еще худощавѣе чѣмъ графъ при жизни!

„Просто бредъ отъ усталости,“ подумалъ про себя Лоренцъ,

тихо возвращаясь обратно въ кабинетъ.—„Говорятъ, бываетъ такой обманъ чувствъ. Полный обманъ. А воротъ рубашки? А ссадины на шеѣ? Кто-нибудь другой... Вѣдь не могъ же покойникъ придти меня душить. Вѣдь это глупо!"

И Лоренцъ, всегда отличавшійся смѣлостью и даже особой отвагой, улыбнулся...

— Объясненья этой глупости нѣтъ... Но тѣмъ не менѣе все-таки это — глупость! прошепталъ онъ, снова ложась.

Часа чрезъ полтора поднялось солнце и замокъ ожилъ и зашевелился. Люди уже проснулись и всѣ были на ногахъ, гости тоже поднимались и собирались... Вскорѣ зала, парадная лѣстница и весь большой дворъ замка были переполнены обывателями и гостями. Начался выносъ тѣла. Любимые пожилые слуги покойнаго графа, за исключеніемъ Захера, понесли гробъ на плечахъ... На крыльцѣ ксёндзъ прочелъ молитву и похоронное шествіе двинулось черезъ дворъ на подъемный мостъ. Люди и вся челядь пошли пѣшкомъ, дворяне двинулись на коняхъ, а за ними потянулась цѣлая вереница экипажей, въ которыхъ ѣхали дамы и старики.

Замокъ опустѣлъ, и шествіе, спустившись въ долину, протянулось длинною змѣйкой между зеленѣющихъ луговъ. Вскорѣ поѣздъ исчезъ на горизонтѣ изъ глазъ единственнаго существа— помимо привратниковъ, которое оставалось въ замкѣ не участвуя въ похоронахъ. Это былъ Захеръ.

— Молокососъ! вымолвилъ онъ злобно, когда шествіе скрылось.—Ты даже не обратилъ вниманія, кто и когда заколотилъ крышку гроба. И теперь самъ не знаешь, что хоронишь, что везешь на погостъ. Дуракъ!

Между тѣмъ баронъ Охотскій ѣхалъ тоже верхомъ, но не за гробомъ, а впереди, открывая шествіе. Многіе изъ гостей качали головами и порицали это отступленіе отъ обычая. Старушки говорили, что это дурная примѣта. Тотъ, кто опережаетъ покойника, за исключеніемъ духовенства и тѣхъ кому всегда надлежитъ быть впереди, по вѣрному замѣчанію отцовъ и дѣдовъ, самъ долго не проживетъ.

Лоренцъ, которому при выѣздѣ изъ замка напомнилъ о примѣтѣ молодой слуга, его любимецъ, отвѣчалъ только улыбкой:

— Не хорошо, баронъ, сказалъ слуга. — Можешь въ теченіе года самъ умереть.

— Жизнь дорога, отозвался Лоренцъ,—если хороша. А какова моя будетъ—я еще не знаю.

Похоронное шествіе двигалось медленно. Монастырь, въ которомъ должны были произойти похороны, былъ въ сорока пяти верстахъ отъ замка.

Все время, что Лоренцъ двигался впереди шествія, онъ не спускалъ глазъ съ горизонта, какъ бы ожидая чего-то. Дѣйствительно, зная, что вчера Красинскій грозился послать гонцовъ изъ замка, онъ ожидалъ встрѣчи людей которые облечены властью остановить похороны и вернуть гробъ съ тѣломъ обратно въ замокъ.

Все время баронъ Охотскій ни разу не обернулся назадъ и почти ни разу не опустилъ глазъ на окружавшее его. Онъ не отрывалъ ни на минуту взора отъ дороги и дали.

Болѣе половины пути было уже пройдено, солнце уже начинало спускаться. Погребальное шествіе свернуло съ большой дороги на проселочную, которая вела въ монастырь.

Лоренцъ, сворачивая, вздохнулъ нѣсколько свободнѣе. Если власти, вызванныя изъ города, уже двинулись, то онѣ, по всей вѣроятности, разъѣдутся, ибо проѣдутъ прямо въ замокъ. Встрѣтить ихъ уже было невозможно.

Въ сумерки шествіе было уже въ монастырѣ. Сошедшіеся монахи съ настоятелемъ тотчасъ приступили къ обряду похоронъ. Гробъ былъ опущенъ въ приготовленную заранѣе могилу. Черезъ нѣсколько мгновеній она была уже засыпана и яма сравнялась съ землею. Обрядъ кончился. Многочисленное общество, явившееся на проводы покойнаго, уже двинулось, расходилось, собираясь уѣзжать.

Прямо изъ монастыря баронъ отправился въ ближайшій городъ, въ округѣ котораго былъ замокъ. На утро онъ посвятилъ цѣлый день на объѣздъ властей и сановниковъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ уже знакомъ, такъ какъ иногда исполнялъ порученія своего дяди.

Исключительная цѣль Лоренца была въ томъ, чтобы сблизиться съ главными властями округа. Важнѣе же всего было познакомиться съ намѣстникомъ края, отъ котораго все зависѣло.

Сановникъ этотъ, по имени Викторъ Павловичъ Праксинъ, былъ мѣстный сатрапъ. Онъ не былъ ни стариннымъ дворяниномъ, ни магнатомъ; напротивъ, это былъ человѣкъ темнаго происхожденія, сдѣлавшій блестящую карьеру своими личными качествами, а равно и недостатками, т. е. благодаря своей хитрости, двоедушію и особенной ловкости. Онъ пользовался не совсѣмъ чистою и благовидною репутаціей, но былъ силенъ при дворѣ, опирался на своихъ невскихъ друзей и, конечно, въ мѣстности его безразлично всѣ боялись.

Лоренцъ зналъ, что если онъ расположитъ въ свою пользу господина Праксина, то все остальное уже будетъ не страшно и на другихъ онъ можетъ не обращать никакого вниманія.

Сановникъ принялъ Охотскаго холодно и сурово. Съ первыхъ же словъ объясненія барона насчетъ распространившагося нелѣпаго слуха о смерти его дяди, Праксинъ заявилъ, что дѣло разслѣдовать будетъ очень легко, а слѣдовательно и легко разсѣять клевету. И наоборотъ, если подозрѣніе относительно странной смерти графа оправдается, то останется только разыскать виновныхъ. Но и это, по словамъ господина Праксина, было тоже дѣломъ очень не мудренымъ.

— У меня, сказалъ онъ, — очень хорошіе, дѣятельные и умные помощники. Они выходили съ побѣдой изъ болѣе мудреныхъ и запутанныхъ обстоятельствъ.

Лоренцъ сталъ было объяснять Праксину, что самое слѣдствіе можетъ покрыть имя его позоромъ, такъ какъ онъ не допускаетъ и мысли быть хотя бы нѣсколько дней чѣмъ-то въ родѣ подсудимаго... заподозрѣннаго въ убійствѣ.

Охотскій доказывалъ сановнику, что, за исключеніемъ ни на чемъ неоснованнаго подозрѣнія нѣсколькихъ дворянъ, ему нѣтъ даже достаточнаго основанія начинать дѣло.

Праксинъ холодно отозвался, что вопросъ „объ основаніи" уже не касается господина барона.

Лоренцъ вернулся въ гостиницу, гдѣ остановился, темнѣе ночи. Онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ одинъ, обдумывая свое положеніе со всѣхъ сторонъ. Исхода не было. Черезъ нѣсколько дней власти и судьи должны стало быть отправиться слѣдственной коммисіей въ монастырь чтобы отрывать тѣло и начинать дознаніе о причинахъ смерти покойнаго.

Вечеромъ Лоренцъ вспомнилъ, что у одного изъ мѣстныхъ дворянъ, бывшаго тоже на похоронахъ, назначенъ въ этотъ день большой балъ. Этотъ магнатъ, человѣкъ добродушный, веселый, былъ изъ числа тѣхъ которые относились къ Лоренцу наиболѣе сердечно и ласково со времени его пріѣзда въ замокъ къ дядѣ.

Лоренцъ рѣшилъ, что ему во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ показывать вида, что онъ смущенъ и озабоченъ, а напротивъ, не смотря на трауръ, появляться какъ можно болѣе въ обществѣ. Онъ тотчасъ же собрался и явился на балъ въ числѣ первыхъ гостей.

И здѣсь тотчасъ колесо фортуны обернулось.

Черезъ сутки послѣ бесѣды съ Праксинымъ, Охотскій снова входилъ въ кабинетъ намѣстника для новыхъ переговоровъ. Но на этотъ разъ господинъ Праксинъ встрѣтилъ барона Охотскаго уже совершенно иначе. Разговоръ зашелъ, конечно, о томъ же предметѣ и продолжался очень недолго. Бесѣда шла странная, полусловами, полунамеками. Мимика играла большую роль. Господинъ Праксинъ заявилъ, что во всякомъ случаѣ все дѣло не спѣшное.

„Если оно не спѣшное," подумалъ про себя Лоренцъ, „то будетъ откладываться, отложится въ долгій ящикъ, а затѣмъ и навсегда!"

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Мужичекъ съ ноготокъ. (Рис. на стр. 473).

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу, поднимается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ.
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ,
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичекъ:
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ — съ ноготокъ!
— „Здорово, парнище?" — „Ступай себѣ мимо!"
— „Ужь больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки?" — „Изъ лѣсу, вѣстимо,
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу."
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— „А что, у отца-то большая семья?" —
„Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я..."
— „Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя?"—„Власомъ."
— „А кой тебѣ годикъ?" — „Шестой миновалъ...
„Ну, мертвая!" крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ-уздцы и быстрѣй зашагалъ...

Некрасовъ.

Донъ-Кихотъ послѣ сраженія съ мельницами.

(Рис. на стр. 476).

Нѣтъ книги, которая пользовалась бы такою извѣстностью, какъ „Донъ-Кихотъ" Мигуэля Сервантеса. Ни одно произведеніе не имѣло столькихъ читателей, какъ безсмертная исторія послѣдняго странствующаго рыцаря. Но на ряду со всемірной распространенностью, славное твореніе Сервантеса замѣчательно также по тому вліянію, какое оно имѣло на тогдашнюю литературу.

Излюбленнымъ чтеніемъ того времени были рыцарскіе ро-

маны. То не были правдивые разсказы о рыцаряхъ, всю жизнь свою посвящавшихъ воинскимъ подвигамъ и любви, или описанія нравовъ и обычаевъ, турнировъ, праздниковъ, походовъ и путешествій къ Святымъ мѣстамъ, но, какъ замѣчаетъ одинъ изъ переводчиковъ Сервантеса и критикъ его, Віардо, сочинители рыцарскихъ романовъ наполняли свои произведенія грубыми погрѣшностями противъ исторіи, географіи, физики, и даже опасными нравственными заблужденіями: они ничего не могли придумать кромѣ ломанія копій, ударовъ мечей, кромѣ безпрерывныхъ сраженій, невѣроятныхъ подвиговъ, безсвязныхъ и нелѣпыхъ приключеній; они смѣшали нѣжность съ жестокостью, порокъ съ суевѣріемъ, помогали скудости своего воображенія, вымышляя великановъ, чудовищъ, волшебниковъ, однимъ словомъ старались превзойти одинъ другаго преувеличеніемъ невозможнаго и чудеснаго. Невѣжественная толпа, не находя сочиненій, которыя были-бы ей по силамъ и заставляли-бы ее жертвовать досугомъ, съ жадностью читала такія книги. Пристрастіе къ рыцарскимъ романамъ не замедлило принести плоды, какихъ можно было ожидать. Читатели ихъ начали подражать не только языку, но и дѣйствіямъ любимыхъ романическихъ героевъ. Повиновеніе женскимъ капризамъ, ложное понятіе о чести, кровавое мщеніе за малѣйшія обиды, неограниченная роскошь, презрѣніе къ общественному порядку, все это проявлялось на самомъ дѣлѣ, и рыцарскіе романы имѣли одинаково вредное вліяніе на чистоту и нравовъ, и вкуса. Умные и благочестивые люди наперерывъ возвышали голосъ негодованія противъ вреда, производимаго этими книгами, а государи и правители неоднократно запрещали печатаніе, продажу и чтеніе ихъ. Но ни краснорѣчіе ораторовъ и моралистовъ, ни запрещенія законодателей не прекращали заразы. Противъ этой стоглавой гидры, попиравшей и разумъ, и законы, выступилъ Сервантесъ, бѣдный, безвѣстный, безъ имени и покровительства, при одной помощи своего генія и пера. Побѣда была полная. Съ появленіемъ „Донъ-Кихота", безсмертной сатиры на рыцарскіе романы, не только не выходило новыхъ, но и старые не перепечатывались и нынѣ считаются библіографическою рѣдкостью.

Первая часть романа „Донъ-Кихотъ" появилась въ 1605 году, когда его автору было 58 лѣтъ. Спустя десять лѣтъ была напечатана вторая часть. Въ молодости Сервантесъ, увлеченный военною славой, былъ солдатомъ. Не мало несчастій пережилъ онъ въ то время. Въ Лепантской битвѣ онъ лишился лѣвой руки, а въ 1575 г., возвращаясь на родину, онъ былъ взятъ алжирскими пиратами въ плѣнъ, изъ котораго освободился только въ 1580 году. Спустя четыре года, послѣ женитьбы, Сервантесъ все-цѣло отдается литературѣ. Большинство его твореній посвящено сценѣ, но его драматическія произведенія меркнутъ въ лучахъ славы великаго драматурга — плодовитаго Лопе-де-Вега. Громкая извѣстность Сервантеса начинается съ „Донъ-Кихота". Романъ этотъ сопровождался такимъ успѣхомъ, какого не встрѣчалось до него въ литературахъ прежняго времени. „Съ появленіемъ этой книги, говоритъ біографъ Сервантеса Эмиль Шаль, рыцарство умерло и Сервантесъ сталъ безсмертнымъ".

Въ этомъ романѣ передается „истинная", по словамъ автора, исторія Донъ-Кихота, дворянина изъ испанской деревни Ламанчи, который, начитавшись рыцарскихъ романовъ, задумалъ выполнить на дѣлѣ вычитанное изъ книгъ. Его воображеніе, разстроенное ими, представляетъ Донъ-Кихоту самые обыкновенные предметы волшебными, сказочными...

Помѣщенная на стр. 476 гравюра съ прелестной картины К. П. Степанова изображаетъ Донъ-Кихота послѣ одного изъ его приключеній — сраженія съ вѣтряными мельницами, которыя онъ принялъ за великановъ.

Артуръ Шопенгауэръ. Грав. Шюблеръ.

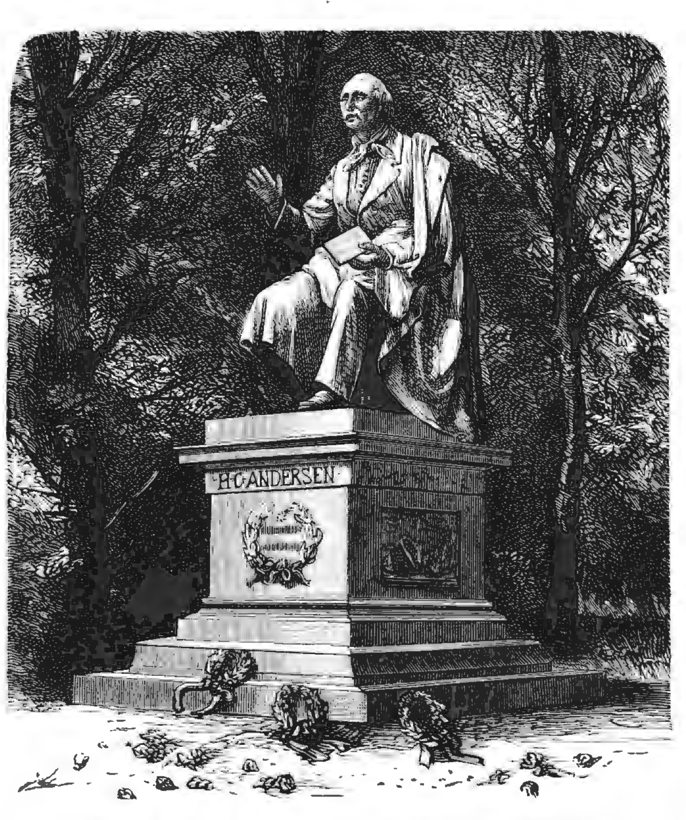
Праздничная бесѣда.

(Рис. на стр. 477).

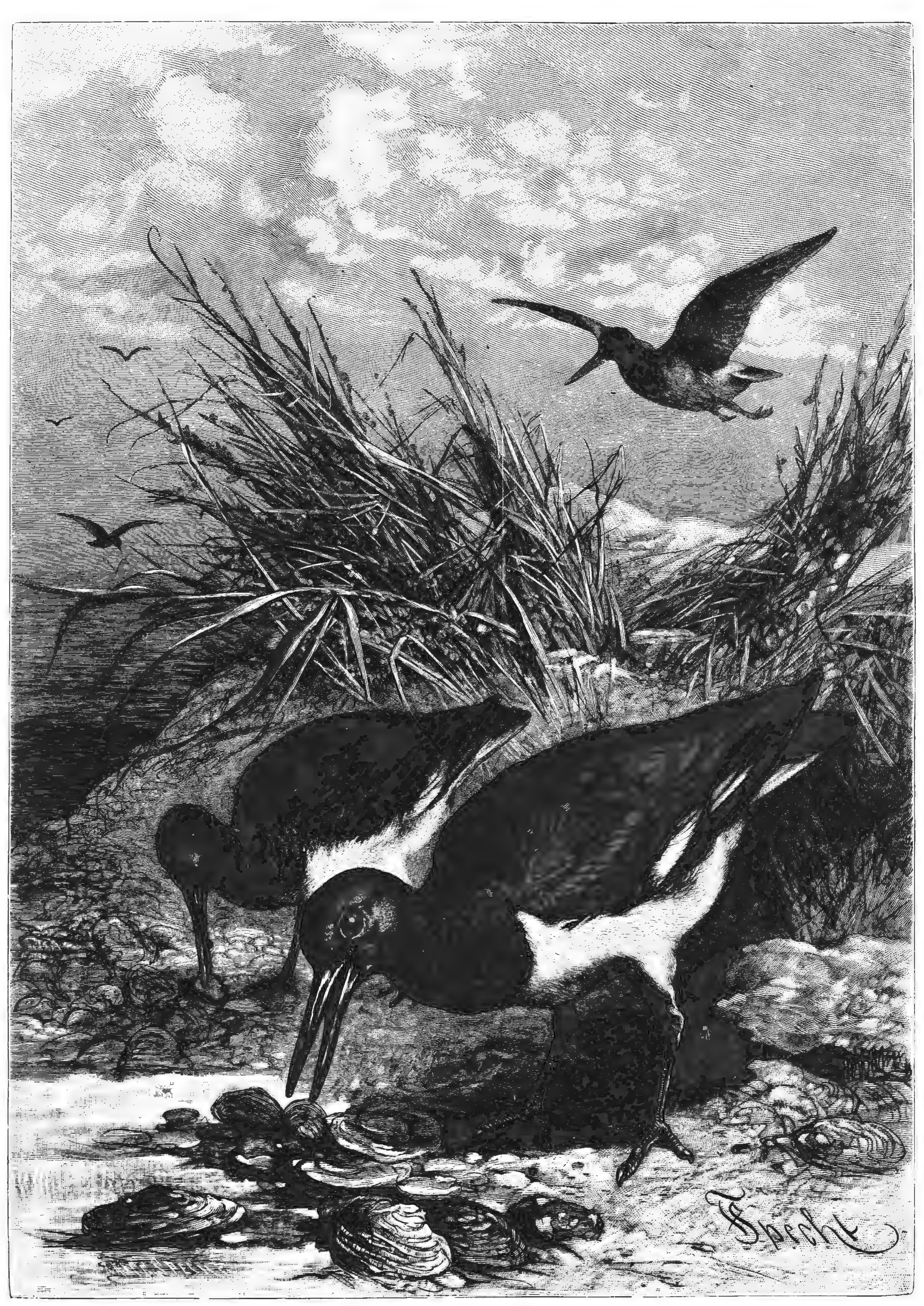
Украйна—этотъ уголокъ, „гдѣ все обильемъ дышетъ", съ ея чудесною природою, красивыми жителями, своеобразными нравами и обычаями, нашла въ лицѣ академика Константина Александровича Трутовскаго своего правдиваго и даровитаго бытописателя красками. Находящаяся на академической выставкѣ его картина передаетъ праздничную бесѣду двухъ хохлушекъ. Съ какимъ оживленіемъ одна изъ нихъ, повидимому гостья, разсказываетъ деревенскія новости, и съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ ее хлѣбосольная хозяйка, не забывая угощать свою болтливую собесѣдницу.

Невѣста передъ свадьбой посвящаетъ свои дѣтскія игрушки домашнимъ богамъ (пенатамъ). (Рис., стр. 481).

Дѣтскій возрастъ у древнихъ римлянъ считался подъ покровительствомъ особыхъ божествъ, которыя, подобно всѣмъ прочимъ римскимъ богамъ, были или олицетвореніемъ силъ природы въ ихъ отношеніяхъ ко всему существующему, или же олицетвореніемъ отвлеченныхъ понятій добра или зла, ниспосланіе или отвращеніе коего зависѣло отъ боговъ. Такимъ образомъ, напр., чествовались: Оссипага, богиня укрѣплявшая кости дѣтей; Статилинъ и Статина, божественная чета научавшая дѣтей стоять и держаться на ногахъ; Фабулинъ, учившій ихъ говорить, и наконецъ Югатинъ—богъ замужества. Кромѣ этихъ общихъ всему римскому народу божествъ, въ каждомъ домѣ были такъ-называемые пенаты, добрые геніи или божества домашняго очага, поддерживавшіе единство рода и заботившіеся о насущныхъ потребностяхъ семьи. Ихъ святилищемъ былъ домашній очагъ, какъ средоточіе дома; на этомъ очагѣ, въ честь имъ и Вестѣ, горѣлъ неугасимый огонь, а близъ него выставлялись самыя изображенія пенатовъ, большею частію незначительныхъ размѣровъ, наподобіе куколъ. Сюда-же приходила невѣста передъ свадьбой и приносила домашнимъ богамъ свои дѣтскія игрушки (въ знакъ того что она вышла уже изъ дѣтскаго возраста), развѣшивая ихъ у подножія пенатовъ, наканунѣ оставленія отчей кровли и вступленія въ другой родъ, въ другую семью. Прилагаемая при семъ картина Лосева изображаетъ такую невѣсту совершающую свое жертвоприношеніе въ облакѣ



Памятникъ Андерсену въ Копенгагенѣ. Грав. Шюблеръ.



Кривокъ, морская сорока (Haematopus ostralegus). Рис. Ф. Шпехтъ, грав. К. Шпехтъ.

ѳиміама, курящагося предъ алтаремъ, между тѣмъ какъ подруги смотрятъ завистливымъ взоромъ на будущую матрону, опередившую ихъ на пути къ брачному алтарю.

Русскій бояринъ. (Рис. на стр. 484).

Извѣстный художникъ-портретистъ И. Н. Крамской, умершій 24 марта прошлаго года, въ одномъ изъ своихъ писемъ конца 1885 г. (напечатанномъ въ недавно вышедшемъ изданіи А. С. Суворина „И. Н. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи 1837—1887") говоритъ: „дочка моя начинаетъ подавать мнѣ серьезныя надежды, что уже есть нѣкоторый живописный талантъ". Черезъ два года ожиданія эти оправдались. Выставленныя на академической выставки работы С. И. Крамской: портретъ г-жи Ковалевской, этюды старика и боярина, ясно говорятъ о несомнѣнномъ дарованіи молодой художницы. Въ особенности хорошъ послѣдній этюдъ—бояринъ, въ желтомъ кафтанѣ, помѣщенный на стр. 484 и написанный съ блескомъ и живостью расцвѣтающаго таланта.

Стрѣльба рябчиковъ на пищикъ. (Рис. на стр. 485).

Охота на рябчика съ такъ-называемымъ пищикомъ производится съ самой ранней весны, съ марта, до половины лѣта. *Пищикъ* дѣлается изъ липоваго прута, толщиной въ гусиное перо и длиной вершка въ полтора. Этою дудочкой подражаютъ голосу самки рябчика. Съ весны рябчикъ не только откликается, но и спѣшно летитъ на этотъ пискъ, садится на близкія къ охотнику деревья или бѣжитъ по низу. Но и прилетѣвшаго рябчика взять не легко. Онъ обыкновенно садится въ частомъ переплетѣ вѣтвей, прилегаетъ грудью къ суку и вытягиваетъ шею, плотно прижавшись, такъ что разсмотрѣть его чрезвычайно трудно. Иногда приходится подходить вплоть къ дереву чтобы спугнуть его; но и на лету онъ большею частью только мелькнетъ въ густой сѣткѣ вѣтвей и исчезнетъ.

Артуръ Шопенгауеръ. (Портр. на стр. 488).

Въ настоящемъ году, 22 февраля, исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Шопенгауера. Имя его успѣло пріобрѣсти большую популярность, между прочимъ, и у насъ, въ Россіи, а между тѣмъ, въ сознаніи нашихъ современниковъ, онъ все еще остается какою-то полумиѳической личностью. Попробуемъ-же разсѣять окружающій его туманъ и дать о немъ болѣе вѣрное и ясное представленіе, какъ о человѣкѣ, писателѣ и философѣ.

Бюстъ Елизаветы Ней представляетъ намъ Шопенгауера семидесятилѣтнимъ старикомъ. Худое, морщинистое лицо, ввалившіяся щеки, поблекшіе, впалые глаза, костлявый, выдающійся носъ съ широкими, тонкими ноздрями, вотъ характерныя черты его лица. Рѣдкіе волосы и бакенбарды торчатъ въ безпорядкѣ по обѣимъ сторонамъ головы. Всѣ черты носятъ отпечатокъ недовольства, нелюдимости и сознанія собственнаго превосходства, вполнѣ соотвѣтствуя сложившемуся понятію о Шопенгауерѣ, какъ о человѣкѣ выдающагося ума, съ желчнымъ, эгоистичнымъ и непріятнымъ характеромъ.

Посмотримъ-же насколько вѣрно подобное представленіе.

О жизни Шопенгауера мы не будемъ много распространяться; она настолько-же однообразна, какъ жизнь большинства философовъ. Шопенгауеръ родился въ Данцигѣ. Отецъ его, Генрихъ Флорисъ Шопенгауеръ, былъ состоятельный купецъ; мать, урожденная Трозинеръ,—довольно извѣстная писательница, романы которой много читались въ свое время. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ быстроту и мѣткость сужденія и умѣнье излагать мысли, словомъ интеллектуальную сторону своего *я*; отъ отца — горячность темперамента, энергію воли, гордый и непреклонный умъ, иначе сказать — характеръ.

Такимъ образомъ, на самомъ Шопенгауерѣ подтвердилась выраженная имъ мысль, что человѣкъ наслѣдуетъ отъ отца волю и характеръ, а отъ матери силу и направленіе ума.

Воспитаніе Шопенгауера представляетъ ту особенность, что онъ не получилъ правильнаго школьнаго образованія. Отецъ его былъ большой любитель путешествій; онъ объѣхалъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію и сынъ вездѣ сопровождалъ его. Правда, мальчикъ пробылъ нѣкоторое время въ учебныхъ заведеніяхъ въ Гамбургѣ и Лондонѣ, но весьма недолго. Дольше всего, а именно два года, онъ оставался въ Гаврѣ. Здѣсь онъ провелъ счастливѣйшіе годы своей дѣтской жизни и, когда возвратился въ Германію, настолько забылъ свой родной языкъ, что съ трудомъ могъ объясняться на немъ. Гораздо важнѣе школьнаго обученія было для развитія Шопенгауера непосредственное изученіе природы и человѣческихъ учрежденій, съ которыми онъ знакомился во время своихъ путешествій.

Любовь къ путешествіямъ была такъ сильна въ мальчикѣ, что когда отецъ предложилъ ему на выборъ — отказаться отъ путешествій и послѣдовать своему влеченію къ наукѣ, или странствовать по свѣту, сдѣлавшись купцомъ — будущій философъ избралъ послѣднее и, пятнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ въ торговый домъ, гдѣ пробылъ четыре года. Только по смерти отца, Артуръ Шопенгауеръ могъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту о занятіи наукой и, въ самое короткое время, пополнилъ имѣвшійся у него недостатокъ школьнаго образованія. Уже въ 1809 году, 21 года отъ роду, онъ поступилъ въ Геттингенскій университетъ, но два года спустя перешелъ въ Берлинскій. Въ 1814 году онъ началъ въ Дрезденѣ разработку своего главнаго философскаго труда: „Міръ, какъ воля и представленіе", который появился въ печати въ 1819 году, но сначала не имѣлъ успѣха. Проведя нѣкоторое время въ Италіи, Шопенгауеръ, въ 1820 году, поступилъ доцентомъ философіи въ Берлинскій университетъ, но и здѣсь, состоя въ открытой оппозиціи съ господствовавшимъ направленіемъ, имѣлъ мало успѣха и въ 1822 году снова удалился въ Италію. Поселившись затѣмъ, въ 1830 году, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Шопенгауеръ прожилъ тамъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 21 января 1860 года — въ горькомъ уединеніи, одинъ, съ пуделемъ и экономкой, занимаясь разработкой собственныхъ произведеній и переводами иностранныхъ философовъ и располагая свою жизнь по строгимъ правиламъ гигіены.

При имени Шопенгауера, невольно приходитъ на мысль пессимистическое ученіе, доведенное имъ до высшей степени развитія, т. е. такое міросозерцаніе, которое называетъ міръ худшимъ изъ міровъ, жизнь непрерывною цѣпью лишеній и страданій и рѣшительно предпочитаетъ бытію — небытіе.

Надо замѣтить, однако, что съ одной стороны пессимизмъ, введенный въ моду Шопенгауеромъ, не составляетъ собственно ядра его философіи, но лишь ядро того что знаетъ толпа о самомъ философѣ; а съ другой стороны, что пессимизмъ потерялъ уже прежнее значеніе. Когда-то утверждали, что міръ есть лучшій изъ міровъ—то было царство оптимизма; потомъ явился пессимизмъ и стали говорить, что міръ есть худшій изъ міровъ; въ настоящее время наука не признаетъ ни того, ни другаго и объявляетъ, что существующій міръ есть единственно возможный. Къ тому-же какъ пессимизмъ, такъ и оптимизмъ не представляютъ чего-либо самостоятельно выработавшагося, а являются лишь слѣдствіемъ личнаго субъективнаго настроенія и взгляда.

„Міръ есть наше представленіе о немъ", говоритъ Шопенгауеръ въ главномъ своемъ философскомъ сочиненіи „Міръ, какъ воля и представленіе". Чтобы уяснить себѣ эту мысль, служащую краеугольнымъ камнемъ ученія Шопенгауера, приведемъ простой физіологическій примѣръ. Громъ гремитъ; эта истина, которую мы познаемъ нашимъ слухомъ. Если-бы не было слуха, не было-бы и понятія о громѣ, хотя гроза оставалась-бы та же самая. Слѣдовательно, понятіе о звукѣ есть явленіе субъективное, т. е. наше представленіе о названномъ явленіи. Обобщая эту мысль, мы можемъ сказать, что звукъ, свѣтъ и другія свойства предметовъ, какъ напр. твердость, непроницаемость, дѣлимость, матерія, форма и проч., суть не что иное какъ наши представленія. Еслибы не было видящихъ и слышащихъ существъ, міръ былъ-бы нѣмъ, не имѣлъ-бы ни красокъ, ни свѣта.

Аргументація Шопенгауера о томъ, что *міръ* есть *воля*, гораздо болѣе натянута и туманна: „сущность человѣка есть воля; воля или желаніе жить есть единственная побудительная причина воли. Нужда и бѣдствія, лишенія и страданія составляютъ сущность желанія жить; слѣдовательно, сама жизнь есть непрерывное страданіе и тяжелый сонъ на яву; такъ-называемыя радости жизни суть не что иное, какъ отсутствіе страданія и новыя побудительныя причины къ страданію".

Но ученіе это не выдерживаетъ строгой критики. Желаніе жить тогда только можетъ быть страданіемъ, когда оно не удовлетворено.

Во всякомъ случаѣ теоретическая основа Шопенгауеровскаго пессимизма играетъ второстепенную роль; главную-же роль играютъ причины физіологическія—какъ у него, такъ и у всѣхъ другихъ пессимистовъ. Пессимизмъ есть сумма настроеній, а настроеніе, дурное или хорошее, зависитъ частію отъ душевнаго, частію отъ физическаго состоянія здоровья.

Вильгельмъ Іорданъ, въ своемъ романѣ „Двѣ колыбели", прямо называетъ причиной пессимизма Шопенгауера его узкую грудь и слабое тѣло, которое не въ состояніи было въ достаточной мѣрѣ питать его исполинскій мозгъ. Во всякомъ случаѣ Шопенгауеръ съ ранней юности страдалъ глубокою меланхоліей и нельзя упускать изъ виду, что отецъ его въ припадкѣ меланхоліи лишилъ себя жизни...

Не говоря уже о многихъ другихъ заслугахъ Шопенгауера, должно упомянуть объ его *этикѣ*, вытекающей изъ его ученія о *волѣ*. Всѣ называющіе ученіе Шопенгауера эгоистичнымъ и несостоятельнымъ, обращаютъ вниманіе лишь на мелочи, въ которыхъ выражается брюзгливое недовольство удалившагося отъ свѣта, непризнаннаго философа. Наиболѣе-же существенная заслуга нравственнаго ученія Шопенгауера заключается въ томъ, что онъ ставитъ *сердечную доброту* единственною нормою въ дѣлѣ оцѣнки людей.

„Какъ факелы и фейерверкъ блѣднѣютъ при свѣтѣ солнца, такъ умъ, геній и красота меркнутъ передъ добротою сердца. Даже самый ограниченный умъ, самое поразительное безобразіе при сердечной добротѣ какъ-бы просвѣтляются, осѣненныя красотою высшаго порядка и мудростью, передъ которою нѣмѣетъ всякая другая мудрость.

„Тамъ гдѣ доброта является въ высшей своей степени, сердце становится настолько великимъ, что можетъ обнять весь міръ;

иначе сказать, все будетъ лежать въ немъ, а не внѣ его, такъ какъ оно отождествляетъ собою все живущее... Что въ сравненіи съ такою добротою умъ и геній?"

Могъ-ли тотъ, кто положилъ эти слова въ основаніе своего ученія о добродѣтели, проповѣдывать эгоистическую этику, — предоставляемъ судить каждому.

Въ заключеніе упомянемъ еще о двухъ свойствахъ Шопенгауера, которыя сдѣлали его образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ философовъ — эмпиризмѣ философскаго метода и классическомъ слогѣ. Даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о самыхъ отвлеченныхъ понятіяхъ, въ которыхъ прежніе и современные ему философы были темны до невозможности, превосходное изложеніе Шопенгауера уясняетъ и освѣщаетъ его мысль.

Потомство оцѣнило Шопенгауера лучше его современниковъ. Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ будетъ воздвигнутъ ему памятникъ, первый камень котораго заложенъ въ день его юбилея, 22 февраля 1888 года. (С).

Памятникъ Андерсену въ Копенгагенѣ.

(Рис. на стр. 488).

Немногимъ изъ датскихъ писателей выпала завидная доля быть извѣстными за предѣлами своего отечества. Исключеніемъ является Гансъ Андерсенъ, имя котораго извѣстно всему читающему міру. Нѣтъ, кажется, на бѣломъ свѣтѣ грамотнаго уголка, гдѣ-бы не читали или не слыхали про сказки Андерсона; не только дѣтямъ, этимъ горячимъ поклонникамъ и любителямъ всего фантастическаго и сверхъестественнаго, но и взрослымъ сказки Андерсена доставляютъ большое наслажденіе и въ памяти у многихъ сохраняется, среди дорогихъ воспоминаній счастливаго дѣтства, то неописуемо чарующее впечатлѣніе, какое производятъ разсказы датскаго поэта про соловья, гадкаго утенка, свинопаса, оловяннаго солдатика и множество другихъ особъ и вещей, являющихся дѣйствующими лицами его сказокъ. Гансъ Христіанъ Андерсенъ родился 21 марта 1805 г. въ Одензе, на островѣ Фюненѣ, въ семьѣ небогатаго сапожника. Страсть къ сочинительству развилась очень рано въ ребенкѣ и десяти лѣтъ онъ уже писалъ комедіи. Одновременно съ этимъ у него росла любовь къ театру и сдѣлаться актеромъ было его горячею мечтою. Лишившись отца, Андерсенъ съ нѣсколькими талерами въ карманѣ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ думалъ поступить на сцену. Но это ему не удалось. Счастливая звѣзда поэта свела его съ нѣсколькими добрыми людьми, которые, обративъ вниманіе на даровитаго мальчика, дали ему хорошее образованіе. Въ ученическіе годы Андерсенъ не переставалъ писать и двадцати пяти лѣтъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній. Въ 1833 г. Андерсенъ отправился путешествовать и съ этого времени почти вся жизнь поэта прошла въ скитаніяхъ по разнымъ мѣстамъ Европы, Азіи и Африки. Продолжая постоянно заниматься своимъ образованіемъ, Андерсенъ безъ устали работалъ надъ своими произведеніями и пробовалъ свои силы почти во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы. Наименьшимъ успѣхомъ пользуются его драматическія произведенія, въ которыхъ недостаетъ силы и сценическаго движенія. Гораздо лучше его стихотворенія и романы. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. „О. Т.", „Импровизаторъ", „Быть или не быть", пользуются заслуженною извѣстностью. Но верхомъ совершенства и прелести являются его великолѣпныя сказки, полныя нѣжности, глубокаго чувства и богатой фантазіи.

Подробная біографія и портретъ датскаго писателя были помѣщены въ № 16 „Нивы" за 1875 г., по случаю семидесятой годовщины дня его рожденія, когда никто не могъ предвидѣть, что менѣе чѣмъ чрезъ полгода не станетъ знаменитаго сочинителя сказокъ. Андерсенъ умеръ 6 августа 1875 г. Благодарные соотечественники, гордые своимъ поэтомъ, поставили ему памятникъ, изображеніе котораго помѣщено на стр. 488. Памятникъ Андерсену, большому любимцу дѣтей, подобно памятнику дѣдушки Крылова, находится въ великолѣпномъ саду замка Розенборгъ, въ Копенгагенѣ, всегда наполненномъ множествомъ гуляющихъ дѣтей датской столицы. На невысокомъ каменномъ пьедесталѣ возвышается бронзовая статуя поэта, въ сидячемъ положеніи. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ свертокъ своихъ сказокъ, правая немного приподнята, какъ-бы приглашая къ молчанію, а лицо и вся фигура производятъ впечатлѣніе точно поэтъ разсказываетъ одну изъ своихъ очаровательныхъ сказокъ играющимъ около него дѣтямъ.

Кривокъ, морская сорока (Haematopus ostralegus).

(Рис. на стр. 489).

Всякій охотившійся по берегамъ Балтійскаго моря конечно видалъ эту птицу, которая довольно часто тамъ встрѣчается и до такой степени отличается отъ прочихъ своимъ поведеніемъ, что не замѣтить ее рѣшительно невозможно. Морской кривокъ, морской куликъ, морская сорока отличается плотнымъ тѣломъ, короткою шеей, большою головой, снабженною длиннымъ, прямымъ, твердымъ клювомъ сурикого-краснаго цвѣта и ярко-красными глазами; ноги темно-тѣлеснаго цвѣта. Опереніе верхней половины тѣла и передней части шеи черное съ металлическимъ отливомъ, остальной части — бѣлое. Самецъ достигаетъ 16 дюймовъ длины; самка нѣсколько меньше.

Птица эта выказываетъ замѣчательную подвижность. Бѣгаетъ она порывами, рысью, въ случаѣ нужды чрезвычайно быстро; плаваетъ превосходно; летаетъ очень хорошо, дѣлая смѣлые повороты и дуги и паритъ болѣе всѣхъ другихъ береговыхъ птицъ. Поведеніе ея вполнѣ оправдываетъ то вниманіе, какимъ она пользуется всюду благодаря своей непосѣдливости, драчливости и постоянно веселому нраву. Наѣвшись вплотную и нѣсколько отдохнувъ, она гоняется за другими птицами или себѣ подобными, преслѣдуетъ и дразнитъ ихъ. Каждая маленькая береговая птичка, прилетающая къ нимъ или отлетающая прочь, осматривается внимательно; каждая крупная привѣтствуется громкимъ крикомъ, причемъ кривокъ не пропускаетъ ни одной утки, ни одного гуся. Но какъ только покажется воронъ, ворона, большая хищная птица или крупная чайка, словомъ, одинъ изъ враговъ, завидѣвшій ихъ кривокъ подаетъ сигналъ къ нападенію; остальные поднимаются, вслѣдъ за нимъ летятъ на врага, громко кричатъ и яростно бросаются съ вытянутыми клювами на этого нарушителя спокойствія. Человѣка морскія сороки избѣгаютъ весьма тщательно: онѣ знаютъ пастуховъ и рыбаковъ и не боятся ихъ, но охотника развѣ одинъ разъ, не болѣе, подпустятъ на выстрѣлъ. Впрочемъ, за ними охотятся только „воскресные егери", такъ какъ мясо этой птицы отвратительно. Питается кривокъ подбирая на берегу мелкихъ слизняковъ, червей, мелкихъ раковъ и рыбешку, а также насѣкомыхъ неподалеку отъ берега. Вынутыя изъ гнѣзда кривки легко ручнѣютъ и на птичномъ дворѣ являются самыми вѣрными сторожами отъ ястребовъ и коршуновъ, чѣмъ пріобрѣтаютъ большое расположеніе со стороны куръ.

Крестьянскій домъ въ Швеціи.

(Рис. на стр. 492).

Жилища шведскихъ крестьянъ, смотря по мѣстности, бываютъ чрезвычайно разнообразны. Въ Смаландѣ, т. е. въ „маленькой землѣ" (такъ называется одна изъ самыхъ неплодородныхъ и бѣдно населенныхъ провинцій южной части страны) крестьянскіе дома плохи и невзрачны. Въ Вестерготландѣ, западной части южной Швеціи, они гораздо лучше; но самые обширные и удобные дома встрѣчаются на сѣверѣ, въ Норландѣ. Въ большинствѣ случаевъ, подобно русскимъ избамъ, крестьянскіе дома въ Швеціи построены изъ бревенъ. Стѣны у домовъ довольно высокія и въ нихъ продѣланы большія окна. Крыша дѣлается изъ досокъ, гонта или соломы. Иногда деревянную крышу покрываютъ слоемъ бересты, поверхъ которой кладутъ дернъ. Лѣтомъ такая крыша покрывается травой и на нее пускаютъ пастись козъ. Характерною чертою шведскихъ построекъ является ихъ темно-красный цвѣтъ. Какъ бы желая оживить свою невзрачную, бѣдную красками природу, шведъ окрашиваетъ свое жилище въ красный цвѣтъ и въ такомъ видѣ домики чрезвычайно привѣтливо обрисовываются на сѣромъ фонѣ скалъ, среди темной зелени лѣса, у береговъ голубыхъ озеръ. На прилагаемомъ рисункѣ представленъ внутренній видъ крестьянской избы изъ общины Дельсбо въ мѣстности Гельсингландъ. Вся внутренняя отдѣлка и устройство комнатъ чрезвычайно своеобразны и отличаются стариною, которой до сихъ поръ любятъ придерживаться шведы въ своихъ постройкахъ, одеждѣ, нравахъ и обычаяхъ. Жилыя комнаты дома изукрашены на потолкѣ и по стѣнамъ фантастическою живописью, работы какого-нибудь бродячаго художника. Также всѣ деревянныя издѣлія въ комнатѣ, столы, скамьи и проч., украшены цвѣтами и изреченіями изъ Библіи. Въ другихъ мѣстностяхъ стѣны оклеиваются обоями, а двери, потолокъ и окна окрашиваются масляною бѣлою краскою. На окнахъ повѣшены бѣлыя занавѣски и полосатыя шторы. Въ домѣ и вокругъ него чистота и опрятность.

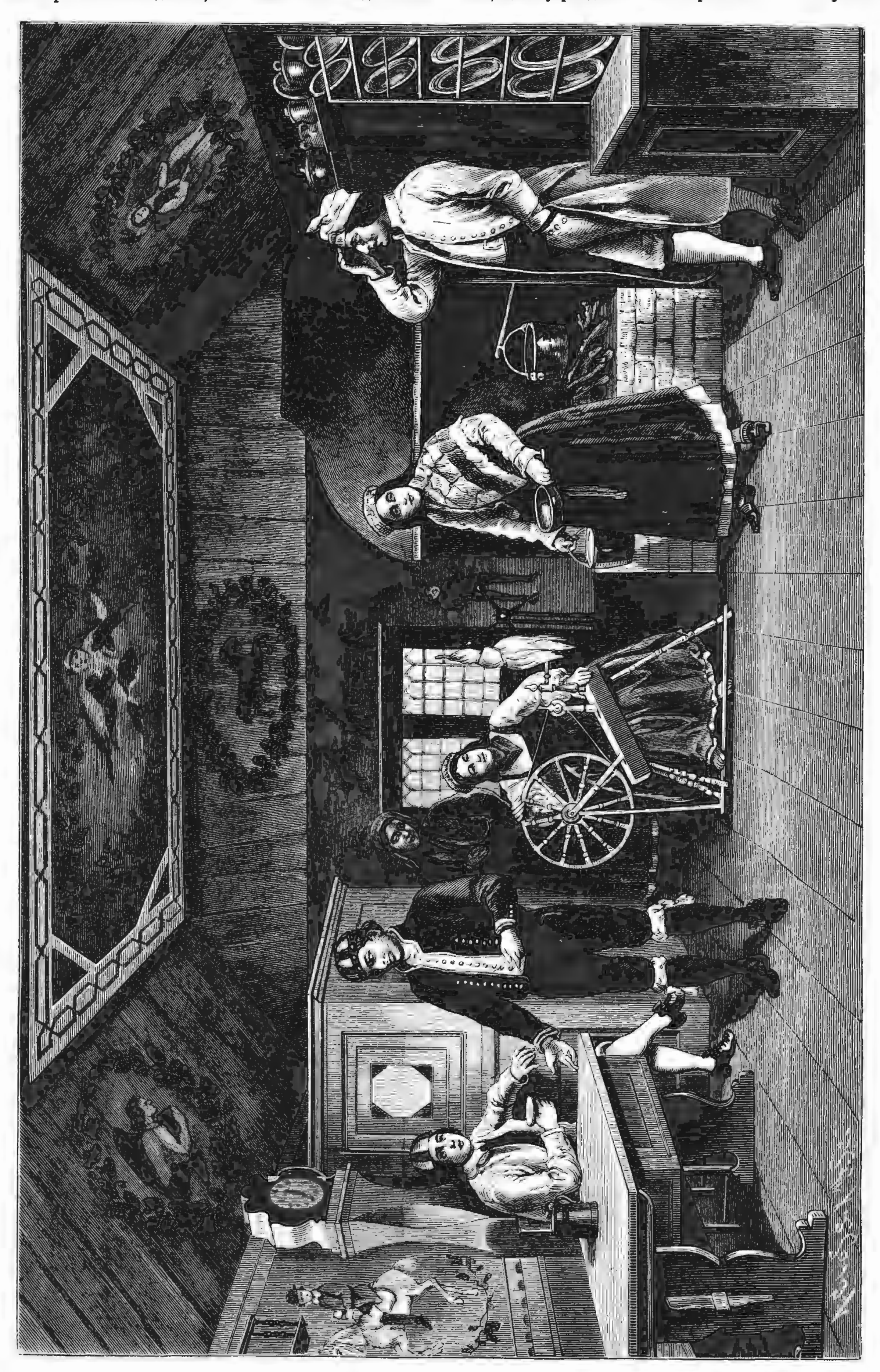
Такъ какъ шведы вообще любятъ имѣть много комнатъ, то нерѣдко въ простыхъ крестьянскихъ жилищахъ можно встрѣтить по двѣ и болѣе. Нашъ рисунокъ также передаетъ своеобразный старинный костюмъ жителей той мѣстности. Но вообще нарядъ шведскихъ крестьянъ чрезвычайно разнообразенъ и значительно отличается въ каждой провинціи, и въ разныхъ приходахъ.

Н. Ѳ. Здекауеръ.

(Портр. на стр. 493).

7 мая текущаго года празднуется юбилей полувѣковой ученой дѣятельности одного изъ популярнѣйшихъ у насъ врачей, лейбъ-медика, заслуженнаго профессора Императорской Медико-Хирургической Академіи, д. т. с. Здекауера, который пріобрѣлъ себѣ и въ Россіи, и за-границей весьма почетную извѣстность, не только какъ человѣкъ науки, но и какъ докторъ-практикъ по внутреннимъ болѣзнямъ. Профессоръ Здекауеръ первый сталъ лечить грудныя болѣзни новыми средствами и ввелъ при леченіи чахотки фосфорно-кислую соду, а при кровохарканьи — полуторахлористое желѣзо; имъ указанъ также путь для разработки вопроса о золотухѣ въ связи съ другою ужасною болѣзнью и преподано не мало самыхъ разнообразныхъ способовъ для излеченія первой болѣзни. Съ 1848 года онъ принималъ живое и весьма дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ всѣхъ холерныхъ эпидемій, свирѣпствовавшихъ въ нашей столицѣ. Обыкновенно эпидемія начиналась лѣтомъ, когда большинство врачей, пользуясь каникулярнымъ временемъ, покидало Петербургъ, и Здекауеру приходи-

лось стоять на-стражѣ почти одному. Онъ преподавалъ врачамъ способы леченія этой болѣзни и вообще высказалъ много энергіи въ борьбѣ съ эпидеміей; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ съ этой цѣлью имъ былъ организованъ, по его же иниціативѣ, Главный Холерный Комитетъ, дѣйствовавшій весьма успѣшно. Съ неменьшею энергіей дѣйствовалъ профессоръ Здекауеръ и во время появленія осенной эпидеміи, въ 1866 году, въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Когда гигіеническая наука впервые получила у насъ примѣненіе, едва, такъ-сказать, зарождалась, Здекауеръ достаточно поработалъ въ интересахъ ея развитія въ Россіи. За все время своей, достойной глубокаго уваженія, дѣятельности, онъ совершилъ болѣе десяти заграничныхъ путешествій ради научныхъ цѣлей и вдоль и поперекъ изъѣздилъ всю Европу. Изъ многочисленныхъ печатныхъ трудовъ



Внутренній видъ шведскаго крестьянскаго дома. Рис. Янсенъ, грав. Клоссъ.

профессора видно, что онъ постоянно заботился объ ознакомленіи иностранцевъ съ Россіей, къ которой онъ всегда питалъ искреннюю любовь.

Сынъ статскаго совѣтника, Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ родился 17 марта 1815 года, въ Свеаборгѣ, гдѣ отецъ его, чехъ по происхожденію и уроженецъ Праги, занималъ мѣсто главнаго доктора морскаго госпиталя и врачебнаго инспектора Свеаборгскаго порта. Получивъ первоначальное воспитаніе въ частномъ пансіонѣ пастора Муральта, гдѣ онъ пробылъ съ 1825 по 1830 годъ, Здекауеръ выдержалъ экзаменъ въ петербургскій университетъ и въ 1831 году зачисленъ студентомъ физико-математическаго факультета. Осенью 1833 года онъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію и окончилъ въ ней курсъ, 7 мая 1838 года, со степенью лекаря перваго cum eximio (съ отличіемъ) отдѣленія, получивъ за успѣхи золотую медаль. Не смотря на свои молодые годы, Здекауеръ всецѣло предался служенію наукѣ и въ томъ же году, когда окончилъ курсъ, отправился заграницу. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ онъ слушалъ лекціи и посѣщалъ клиники знаменитыхъ тогдашнихъ профессоровъ: Іоганна Мюллера, извѣстнаго своими зоотомическими работами; хирурга Яна Непомука Руста; Іоганна Юнгкена, извѣстнаго офтальміатрика; Іосифа Скоды, основателя новой діагностической школы въ медицинѣ; Карла Рокитанскаго, знаменитаго патолога; Дитриха Буша, Ромберга, Бара и друг. Въ 1839 году Здекауеръ получилъ мѣсто ординатора во 2-мъ сухопутномъ, такъ-называемомъ Академическомъ (нынѣ Клиническомъ) госпиталѣ и состоялъ ассистентомъ при клиникѣ профессора Зейдлица. Прочитанная имъ пробная лекція, съ предъявленіемъ препаратовъ, о патологической анатоміи брюшнаго тифа явилась открытіемъ (едва-ли не перваго) курса патологической анатоміи.

Н. Ѳ. Здекауеръ. (По поводу 50-лѣтняго юбилея его ученой дѣятельности).
Съ фотогр. Денберга, грав. Шюблеръ.

Обширныя ученыя познанія и изслѣдованія Здекауера быстро выдвинули его впередъ; въ апрѣлѣ 1842 года онъ имѣлъ уже званіе адъюнкт-профессора, и читалъ, при терапевтической клиникѣ того же профессора Зейдлица, студентамъ третьяго курса лекціи общей терапіи. Впослѣдствіи къ нимъ онъ присоединилъ лекціи общей патологіи и преподаваніе, съ практическими упражненіями, въ діагностической клиникѣ. Когда эти три предмета были соединены въ одной каѳедрѣ, Здекауеръ въ званіи ординарнаго профессора занялъ, въ 1848 году, эту каѳедру. Диссертацію на полученіе степени доктора медицины онъ защитилъ въ 1842 году, а въ слѣдующемъ году сопровождалъ Великую Княгиню Елену Павловну во время ея заграничной поѣздки, получивъ назначеніе состоять при ней и при дочеряхъ въ качествѣ главнаго врача. Съ 1861 года профессоръ Здекауеръ получилъ званіе лейбъ-медика консультанта, въ которомъ состоитъ и по настоящее время. Клиническимъ профессоромъ онъ оставался до 7 мая 1863 года, въ званіи заслуженнаго профессора и почетнаго члена академіи, и затѣмъ вышелъ изъ нея, по собственному желанію. Съ 1864 года онъ послѣдовательно былъ избираемъ въ члены: Медицинскаго Совѣта, Главнаго Управленія Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ (нынѣ Общество Краснаго Креста), совѣта Человѣколюбиваго Общества, Главнаго Госпитальнаго Комитета, въ почетные и непремѣнные члены Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, въ консультанты Максимиліановской лечебницы и въ члены всевозможныхъ врачебныхъ обществъ Петербурга. Въ 1876 г. Здекауеръ былъ назначенъ предсѣдателемъ русскаго отдѣла на брюссельской гигіенической выставкѣ и выполнилъ съ честью свое назначеніе, будучи весьма строгъ въ выборѣ экспонатовъ; вслѣдствіе чего нашъ отдѣлъ получилъ наибольшее число премій. Вслѣдъ за этимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами организаціонной коммисіи той-же выставки, онъ основалъ и устроилъ „Русское Общество охраненія народнаго здравія“ (уставъ его утвержденъ въ 1877 г.) и сталъ его предсѣдателемъ, каковымъ состоитъ, вслѣдствіе повторенныхъ выборовъ, и до сихъ поръ. Въ 1884 году онъ избранъ предсѣдателемъ Медицинскаго Совѣта и съ того же времени, въ теченіе трехъ лѣтъ, состоялъ предсѣдателемъ санитарныхъ коммисій, уѣздной въ Царскомъ Селѣ и губернской въ Петербургѣ.

Кромѣ своей докторской диссертаціи „De Scrophulosi“ (О золотухѣ), Здекауеръ въ разное время напечаталъ много ученыхъ трудовъ по своимъ спеціальностямъ. Ученая и практическая дѣятельность Здекауера достаточно награждена почетными отличіями. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ Медико-Хирургической Академіи, Московскаго и Виленскаго общества врачей и естествоиспытателей, Казанскаго университета, Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, Академіи Наукъ и друг.; кромѣ того, Нижнерейнское, Шведское и Неаполитанское врачебныя общества и Парижское гигіеническое также считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ. Профессоръ Здекауеръ пользуется уваженіемъ не только какъ ученый дѣятель, но и какъ симпатичный человѣкъ, сдѣлавшій на своемъ вѣку много добра. Для всѣхъ врачей, по словамъ профессора В. А. Манассеина, Здекауеръ всегда былъ настоящимъ, честнымъ товарищемъ. Добрую память хранятъ о немъ и студенты бывшіе его слушателями.

Политическое обозрѣніе.

Поѣздка королевы Викторіи въ Берлинъ. — Событія на Балканскомъ полуостровѣ и во Франціи.

Свиданію Англійской королевы Викторіи съ Австрійскимъ императоромъ въ Инспрукѣ, на пути изъ Италіи въ Германію, и пребыванію ея въ Берлинѣ и Шарлоттенбургѣ нѣкоторыя заграничныя газеты придаютъ больше значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ на самомъ дѣлѣ. Венгерскіе публицисты поспѣшили увѣрить, что „инспрукское свиданіе“ имѣетъ важное политическое значеніе во враждебномъ Россіи отношеніи. Но эти завѣренія тотчасъ встрѣтили возраженіе среди своихъ же болѣе благоразумныхъ собратьевъ по перу. *Венгерская Корреспонденція* полагаетъ, что мадьярскимъ шовинистамъ придется разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, во-первыхъ потому, что маркизъ Солсбери противъ войны съ Россіей изъ-за Балканскихъ государствъ, и во-вторыхъ по той причинѣ, что газета считаетъ для Австро-Венгріи единственно возможною политикою — политику воздержанія отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Балканскаго полуострова. Въ Берлинѣ, послѣ отъѣзда королевы Викторіи, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* помѣстила по этому поводу статью, въ коей между прочимъ полагала, что „пріѣздъ королевы и находящіяся съ нимъ въ связи личныя заявленія, впечатлѣнія и воспоминанія могутъ оказать лишь самое благопріятное дѣйствіе и на политическія отношенія между Германіей и Англіей“. Другія газеты пошли нѣсколько дальше въ своихъ предположеніяхъ и пророчили скорую перемѣну въ германской политикѣ вслѣдствіе измѣнившихся взгля-

довъ князя Бисмарка на Россію. Но и этимъ предположеніямъ не долго пришлось остаться не опровергнутыми. 7 мая телеграфъ сообщилъ о напечатанной въ германскихъ газетахъ бесѣдѣ канцлера съ двумя „иностранцами", причемъ онъ высказалъ де свое мнѣніе о данномъ положеніи, чтобъ урезонить агитаторовъ, забившихъ тревогу въ австрійской печати и въ нѣкоторыхъ германскихъ газетахъ. Князь Бисмаркъ сказалъ де, что онъ довѣряетъ Россіи, спокоенъ на счетъ мира и полагаетъ, что австрійскіе дипломаты воздержатся отъ нервозной раздражительности, если даже на Востокѣ произойдутъ событія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ.

Вѣнскія газеты раздосадованы заявленіями германскаго канцлера; здѣсь радовались новѣйшему походу германской печати противъ русской политики и теперь разочарованы отреченіемъ князя Бисмарка отъ этой агитаціи. Мадьярскіе политики, по словамъ другой депеши изъ Вѣны, бѣснуются; ихъ раздражаетъ особенно, что на Балканскомъ полуостровѣ событія принимаютъ оборотъ, для нихъ далеко не благопріятный. *Пештскій Ллойдъ* помѣстилъ передовую статью, написанную въ воинственномъ азартѣ. Мадьярскій оффиціозъ совѣтуетъ Австріи не ограничиваться однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ Россіи. Австріи будто бы невыгодно оставаться въ лигѣ мира со связанными руками, она должна приступить къ дѣйствіямъ и увлечь за собою союзниковъ. Въ другомъ правительственномъ органѣ *Nemzet* напечатана статья въ томъ же духѣ.

Это сильное возбужденіе австро-венгерскихъ политиковъ легко объясняется непрочностью положенія дѣлъ въ Сербіи и все увеличивающимся броженіемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ Македоніи, нѣкоторыхъ мѣстностей Болгаріи и сосѣднихъ съ нею земель, замѣтно сильное движеніе и на островѣ Критѣ. Зато въ маленькой Черногоріи на-дняхъ совершилось событіе важное для мира и благоденствія этой страны. 25 апрѣля утромъ, при торжественной обстановкѣ, князь Николай обнародовалъ новый кодексъ законовъ, составленный профессоромъ Богишичемъ. Послѣ благодарственнаго молебствія и пушечныхъ салютовъ президентъ государственнаго совѣта Божо Петровичъ прочелъ касающійся кодекса указъ. Чтеніе происходило въ присутствіи всѣхъ членовъ Княжеской фамиліи, дипломатическаго корпуса и сановниковъ. Въ указѣ высказаны благодарное воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ II и признательность Императору Александру III, покровителю всѣхъ славянъ. Затѣмъ князь Николай произнесъ длинную рѣчь, встрѣченную восторженными кликами „живіо". Торжество завершилось поднесеніемъ поздравленій въ княжескомъ дворцѣ.

19 апрѣля президентъ Карно возвратился въ Парижъ изъ своей поѣздки въ Бордо. По этому поводу *Journal de St. Pétersbourg* говоритъ, что всѣ друзья мира и порядка могутъ порадоваться результатамъ этой поѣздки, которые, если оставить въ сторонѣ нѣсколько мелкихъ буланжистскихъ манифестацій, неизбѣжныхъ среди нынѣшняго возбужденія, были весьма удовлетворительны. Вездѣ президенту Карно сдѣланы были весьма радушные встрѣчи.

30 апрѣля 1888 года.

(Къ юбилею Аполлона Николаевича Майкова).

Аполлонъ смущенный ходитъ
Въ Елисейской сторонѣ:
„Что̀ за диво! Мнѣ казалось,
Что совсѣмъ ужь обо мнѣ

На землѣ забыли люди—
А межъ тѣмъ со всѣхъ сторонъ
Слышу я оттуда клики:
Аполлонъ да *Аполлонъ*!

И въ такомъ еще хвалебномъ,
Пиндаричномъ тонѣ!.. Эй,
Музы! Что̀ тамъ приключилось?
Разузнайте поскорѣй!"

И докладываетъ муза:
„Намъ ужь, ваше божество,
Донесли корреспонденты
Все про это торжество!

На землѣ, извольте видѣть,
Полстолѣтія назадъ,
Появился пѣснотворецъ,
И неопытенъ, и младъ,

Но дерзнувшій называться
Вашимъ тёзкой,—и дары
Онъ принесъ съ собой такіе,
Что, представьте, съ той поры,

Каждый разъ, какъ только пѣсню
Запоетъ на лирѣ онъ,
Родъ людской кричитъ: „„Конечно
„Этотъ *Майковъ* Аполлонъ—

„Аполлона *Олимпійца*
„Несомнѣнный псевдонимъ!""
Близоруко это племя —
Что̀ ты станешь дѣлать съ нимъ!

Вотъ за трудъ полустолѣтній
Свѣтъ и чествуетъ того,
Кто сыгралъ такую штуку
Съ вами, ваше божество!"

И нахмурилъ гнѣвно брови
Олимпійскій свѣтлый богъ
И, соперникомъ безсильнымъ,
Удалился въ свой чертогъ,

Предоставивъ человѣку
„Въ близорукости его"
Чтить за *бога* Аполлона —
Аполлона *своего*.

Петръ Вейнбергъ.

Задача буквъ (Ходъ короля) № 32.

Н. С. Даржана.

Найти слѣдующія 14 словъ:
1) Жена Пріама 1. 49. 24. 54. 48. 25.
2) Родъ змѣй 2. 3. 4.
3) Городъ въ Италіи 35. 19. 16. 6. 23. 9.
4) Изъ отряда грызуновъ 40. 38. 21. 26.
5) Древнѣйшій германскій народъ 47. 14. 11. 50.
6) Украшеніе лица мужчины 36. 31. 13.
7) Губернскій городъ на р. Упѣ 51. 15. 39. 10.
8) Воръ 17. 30. 8. 27.
9) Рыба 32. 44. 34.
10) Центръ Лондона 45. 37. 33. 43.
11) Мѣста для выгрузки товаровъ 18. 5. 46. 29. 12.
12) Глаза 42. 53. 41.
13) Рѣка, впадающая въ Байкалъ 28. 7. 20.
14) Нота 22. 52.

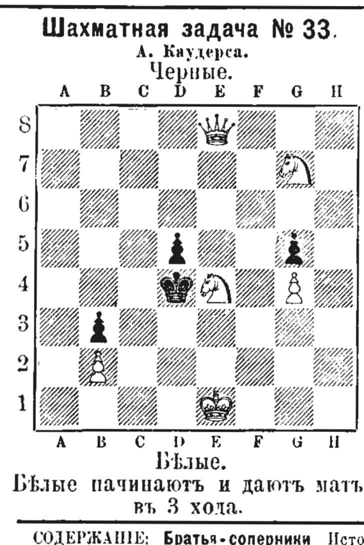
			1			
		2	3	4		
	5	6	7	8	9	
10	11		12		13	14
15	16		17		18	19
20	21				22	23
24	25		26		27	28
29	30		31		32	33
	34	35	36	37	38	
		39		40		
		41		42		
	43	44	45	46	47	
48	49	50	51	52	53	54

Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, но такъ, чтобы можно было прочитать, *посредствомъ хода короля*, отрывокъ изъ извѣстнаго произведенія Некрасова.

Шахматная задача № 33.

А. Каудерса.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 34.

К. О. Ц.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 4 мая 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 14 мая 1888 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

В. Ѳ. Грубе.

17 января сего года происходило въ Харьковѣ чествованіе тридцати-пяти-лѣтія научно-педагогической дѣятельности заслуженнаго ординарнаго профессора хирургіи, директора хирургической факультетской клиники, тайнаго совѣтника Вильгельма Ѳедоровича Грубе.

В. Ѳ. Грубе родился въ Курляндской губерніи, въ селѣ Нейгутъ, въ маѣ 1827 года, и одиннадцати лѣтъ поступилъ въ Рижскую гимназію, откуда по окончаніи курса перешелъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета. Здѣсь, въ теченіе шести лѣтъ онъ занимался изученіемъ медицинскихъ наукъ и, защитивъ въ 1850 году свою диссертацію: „De tumoribus quibusdam benignis in nasi superficie obviis eumque deformantibus“, былъ удостоенъ степени доктора медицины, а въ 1851 г., послѣ диссертаціи „De hernia ischiatica“,—степени доктора медицины и хирургіи. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ ординаторомъ при хирургической и офтальмологической клиникѣ профессора Каруса и нынѣ проживающаго на покоѣ въ Берлинѣ, заслуженнаго ординарнаго профессора Адельмана. Вслѣдъ затѣмъ, Грубе поступилъ въ морскую службу и находился въ двухлѣтнемъ плаваніи на пароходѣ „Камчатка“. За это время онъ побывалъ почти во всѣхъ выдающихся центрахъ Европы. По возвращеніи въ Кронштадтъ онъ былъ сначала назначенъ штатнымъ ординаторомъ, а черезъ полгода помощникомъ главнаго врача Кронштадтской морской больницы. Въ то же время ему было поручено руководить практическими занятіями морскихъ врачей по оперативной хирургіи. Это обстоятельство имѣло рѣшающее вліяніе на всю послѣдующую карьеру Грубе: занимаясь съ морскими врачами въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ почувствовалъ свое призваніе; эти занятія до того плѣнили его, что у него явилось непреодолимое влеченіе къ научно-педагогической дѣятельности, и онъ задумалъ рано или поздно добиться столь страстно

Проф. Вильгельмъ Ѳедоровичъ Грубе (по поводу 35-лѣтія научной и педагогической дѣятельности). Съ фотогр. Ѳедецкаго, грав. Ю. Шюблеръ.

желанной цѣли. Сначала обстоятельства не благопріятствовали Грубе. Началась Крымская кампанія, нужно было энергично работать, а работы было въ то время не мало, въ особенности, когда онъ былъ назначенъ главнымъ хирургомъ для Кронштадта, Ревеля и Свеаборга; вскорѣ, въ виду невозможности исполнять такую трудную и многосложную обязанность, по просьбѣ Грубе, ему поручили лишь Кронштадтъ; въ Ревель былъ приглашенъ его бывшій учитель, дерптскій профессоръ Адельманъ, а въ Свеаборгъ — покойный профессоръ Гейфельдеръ. Но вотъ война кончилась, а въ 1858 году, въ Харьковскомъ университетѣ открылась вакансія на каѳедру клинической хирургіи и былъ назначенъ конкурсъ. Среди явившихся на соисканіе многочисленныхъ конкурентовъ (въ числѣ которыхъ былъ и покойный профессоръ Кіевскаго университета Шимановскій, въ то время проф. въ Гельсингфорсѣ), предпочтеніе было отдано Грубе, такъ какъ онъ имѣлъ званіе доктора медицины и хирургіи, имѣлъ за собою громадную практическую опытность (въ теченіе пяти лѣтъ, въ качествѣ помощника главнаго врача при шестиклассномъ госпиталѣ, онъ завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ въ 1,200 кроватей), и представилъ фактическія доказательства, что имъ уже было сдѣлано до 10,000 самостоятельныхъ большихъ операцій. Послѣ представленія на конкурсъ своей работы: „Объ удаленіи кусковъ костей изо всего объема послѣднихъ“ и по прочтеніи, согласно требованію, трехъ лекцій по хирургіи при Медико-хирургической академіи, В. Ѳ. Грубе, 30 марта 1859 года былъ единогласно избранъ ординарнымъ профессоромъ хирургической клиники Харьковскаго университета и съ 23 августа того-же года вступилъ въ должность директора хирургической и офтальмологической (до 1872 г.) клиники. Цѣль была достигнута, старая мечта осуществилась; но Грубе не успокоился. Совершенствуясь самъ, работая безпрерывно, онъ пробуждалъ къ труду и цѣлые ряды поколѣній своихъ учениковъ; появленіемъ многихъ работъ мы обязаны ему или какъ иниціатору, или какъ дѣятельному сотруднику и руководителю. По порученію медицинскаго факультета Грубе исполнялъ около полугода обязанности директора акушерской (за выбытіемъ профессора Гана въ 1862 г.) и около года (за выбытіемъ профессора Маровскаго въ 1872 году) терапевтической клиникъ. Въ теченіе этого времени онъ совершилъ до десяти путешествій за границу съ ученой цѣлью,—въ послѣдній разъ въ 1887 году на конгрессъ германскихъ хирурговъ въ Берлинѣ. Между прочимъ, по взятіи Седана, онъ принималъ участіе въ трудахъ англійскаго отдѣла Краснаго Креста, которымъ тогда завѣдывалъ профессоръ Макъ-Корманъ; былъ въ арміи принца Фридриха-Карла при обложеніи Меца; посѣтилъ почти всѣ резервные лазареты и ознакомился со всѣми подробностями тогдашняго ухода и транспортировки раненыхъ, со всѣми деталями устройства тогдашнихъ лазаретовъ. Во время послѣдней Русско-турецкой войны В. Ѳ. Грубе, въ 1877 году, сначала посѣтилъ Кавказъ, затѣмъ переѣхалъ за Дунай и принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ дѣлѣ подъ Плевной, завѣдуя дивизіоннымъ лазаретомъ 31-й пѣхотной дивизіи. Во время дѣла 30 августа подъ Плевной, онъ завѣдывалъ перевязочнымъ пунктомъ въ Радышовѣ, послѣ чего былъ назначенъ завѣдующимъ 60-мъ временнымъ госпиталемъ въ Систовѣ. По возвращеніи въ Харьковъ, онъ завѣдывалъ 25-ю кроватями для тяжело-раненыхъ больныхъ, учрежденными мѣстнымъ отдѣломъ Краснаго Креста.

Съ 1865 г. В. Ѳ. Грубе состоитъ консультантомъ при Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; съ 1867 года—членомъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета; съ 1870 года—членомъ Харьковскаго благотворительнаго общества; съ 1875 года—товарищемъ предсѣдателя мѣстнаго отдѣла Краснаго Креста. По иниціативѣ его возникло въ Харьковѣ медицинское общество, въ президенты коего онъ былъ избираемъ съ 1864 по 1867 годъ и съ 1869 понынѣ; кромѣ того, онъ состоитъ почетнымъ членомъ многихъ медицинскихъ обществъ.

Помимо вышеупомянутыхъ двухъ диссертацій и конкурснаго сочиненія, В. Ѳ. Грубе написалъ цѣлый рядъ работъ, разсѣянныхъ въ заграничной и отечественной періодической медицинской печати. Кромѣ того, имъ помѣщенъ цѣлый рядъ рефератовъ (до 200) о русской хирургіи въ иностранной медицинской печати, сдѣлано 45 сообщеній въ мѣстномъ медицинскомъ обществѣ. Далѣе, подъ его руководствомъ написано не мало работъ и диссертацій.

В. Ѳ. Грубе имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника, звѣзды Св. Станислава и Св. Анны, медаль за Русско-турецкую войну и знакъ Краснаго Креста.

Благодаря безпристрастному отношенію къ своимъ ученикамъ, благодаря рѣдкой привѣтливости, рѣдкому умѣнью входить въ положеніе больнаго и его окружающихъ, Грубе, пользуясь за свои ученые труды не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и за границей его обширною извѣстностью,— въ то-же время съумѣлъ пріобрѣсти уваженіе и любовь какъ среди своихъ товарищей и учениковъ, такъ и у всѣхъ, съ кѣмъ только ему приходилось встрѣчаться.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XXXIV.

Ясный сентябрьскій день смѣнился сырымъ и холоднымъ вечеромъ, и совсѣмъ уже стемнѣло, когда около дворца въ Троицкомъ монастырѣ собралась порядочная толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ и стала требовать, чтобы государю было доложено ихъ челобитье.

— Да въ чемъ-же ваше челобитье? спросилъ ихъ князь Троекуровъ, принявъ отъ нихъ бумагу.

— А въ томъ, отвѣчали выборные изъ толпы,—чтобы государь приказалъ строже розыскать воровство и измѣну Ѳедьки Шакловитаго и всѣхъ его соумышленниковъ! Мы государю вѣрные слуги и злыхъ умысловъ на государское здоровье терпѣть не хотимъ...

— Злодѣи и такъ всѣ переиманы и пытаны, и въ воровствахъ своихъ повинились, отвѣтилъ имъ Троекуровъ. — Чего-же еще вамъ надобно?

— Мы слышали, что государь по неизреченному своему милосердію приказалъ избавить Ѳедьку Шакловитаго отъ вторичной пытки; а мы знаемъ, что съ первой пытки онъ во всѣхъ своихъ воровствахъ заперся... Да вотъ и князей-то Голицыныхъ, что съ злодѣемъ дружили, надо-бы также не выпускать изъ рукъ, а допросить, да съ Ѳедькою на очную ставку поставить!

— Не въ свое вы дѣло путаетесь... Государь надъ этимъ дѣломъ поставилъ судей строгихъ и опытныхъ, и тѣ судьи сумѣютъ и безъ васъ все розыскать и разсудить по закону...

— Великій государь младъ возрастомъ и къ злодѣямъ милостивъ: а вы, бояре, ему на своего брата не совѣтуете, закричало нѣсколько голосовъ изъ толпы.

— Да между судей есть и такіе, что злодѣевъ покрыть норовятъ, подхватили другіе.

Толпа загудѣла; раздались возгласы:

— Безпремѣнно Ѳедьку пытать вторично надобно!.. Надо до всѣхъ добраться, кто на великихъ государей умышлялъ!

Троекуровъ сказалъ, что передастъ государю челобитную и ушелъ во дворецъ.

Толпа продолжала шумѣть и волноваться.

— Гдѣ-же это видано, и когда-же это бывало, чтобы безъ сыску ссылать измѣнниковъ!

— Какихъ-же измѣнниковъ? Измѣнники въ желѣзахъ сидятъ посажены...

— А Голицыныхъ-то? Вѣдь, чай, самъ слышалъ, что въ указѣ о нихъ читали, „какъ они великихъ государей оставя, сестрѣ ихъ доброхотствовали и помимо государей о всякихъ дѣлахъ докладывали“. Это развѣ не измѣна?

— А кто Ѳедькѣ поблажалъ? Все они-же!

— Они все знали, да не доносили—ясное дѣло, что и сами Ѳедькѣ норовили! Измѣнники!

— Надо ихъ въ тюрьму! Къ допросу!

— Держи карманъ! Ихъ ужь и въ посадѣ-то нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?! Гдѣ-же они?

— Самъ видѣлъ! Съѣхали невѣдомо куда!..

— Бѣжали? Слышите-ли, братцы? Бѣжали измѣнники? Каковы?

— Бѣжали! загалдѣла толпа. Кто-же ихъ выпустилъ? Кто позволилъ? Чьимъ попущеніемъ? Слышь— бѣжали измѣнники!

Въ это время Троекуровъ вышелъ опять на крыльцо, и сказалъ, обращаясь къ толпѣ:

— Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ, приказалъ благодарить васъ за усердіе, и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы не мѣшались не въ свое дѣло,— онъ де и самъ знаетъ, кого казнить, кого миловать.

Толпа выслушала эту отповѣдь молча, но не расходилась. Въ переднихъ рядахъ слышался глухой ропотъ; а въ заднихъ кто-то вдругъ закричалъ:

— А вѣдомо-ли государю, что измѣнники его самовольно съ посаду сбѣжали?

— Какіе измѣнники? спросилъ съ удивленіемъ Троекуровъ.

— Вѣстимо какіе! князья Голицыны! Сбѣжали невѣдомо куда! Кто имъ это дозволилъ? раздались голоса въ толпѣ.

— Когда-же сбѣжали? Кто это сказалъ? спросилъ Троекуровъ, смутившись.

— Чего тамъ — кто сказалъ! Всѣ знаютъ! Это вы только, бояре, не знаете! Это сдѣлалось вашимъ несмотрѣніемъ! Вашей поноровкой! загудѣла толпа.

— Коли бѣжали, такъ пошлютъ за ними погоню! съ досадою сказалъ Троекуровъ. — А вы все-же ступайте по домамъ и не въ свое дѣло не суйтесь!

Толпа разошлась съ ропотомъ недовольства; но сообщенная Троекурову вѣсть о мнимомъ побѣгѣ Голицыныхъ все-же смутила его и другихъ бояръ. Послали узнать въ домъ къ отцу Варсонофію, и тотъ могъ сообщить только, что по возвращеніи изъ монастыря, князь Василій тотчасъ приказалъ холопямъ собираться и укладываться въ дорогу и выѣхалъ со всѣмъ своимъ обозомъ по Ярославской дорогѣ.

— Какъ выѣхалъ? Да онъ долженъ-бы подождать пристава! къ нему приставъ и стрѣльцы назначены... А онъ и безъ пристава и безъ стрѣльцовъ укатилъ!.. Неужели точно бѣжалъ?

Тревога распространилась по всему боярству у Троицы. „Бѣжалъ,—бѣжали князья Голицыны!“ повторяли всѣ съ безпокойствомъ, даже не соображая того, что бѣжать и скрыться съ княжимъ обозомъ было невозможно. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тревога мѣшала здравому обсужденію дѣла и сбивала съ толку. Вѣсть о побѣгѣ опальныхъ князей не рѣшились даже и сообщить государю Петру Алексѣевичу; но за то, посовѣтовавшись между собою, бояре, по настоянію Нарышкиныхъ, рѣшили немедленно принять свои мѣры—послать погоню за бѣжавшими князьями Голицыными, нагнать, возвратить ихъ къ Троицѣ и отправить отсюда въ ссылку не иначе, какъ съ приставомъ и стрѣльцами въ провожатыхъ.

Задумано — сдѣлано. Такъ какъ ни стрѣльцовъ, ни рейтаръ нельзя было послать въ погоню безъ указа государева, то рѣшили возложить это порученіе на охочихъ боярскихъ дѣтей и дворянъ и придать имъ въ помощь съ полсотни боярскихъ слугъ. Побѣжали пріятели Нарышкиныхъ, Долгорукихъ и Шереметевыхъ на посадъ, и пошла суматоха.

Всполошился весь посадъ. Вездѣ, во всѣхъ дворахъ замелькали фонари, забѣгали и засуетились темныя фигуры людей, которыя поспѣшно сѣдлали и взнуздывали коней, поспѣшно закидывали ружья за спину или подтягивали поясъ, съ висѣвшею на немъ саблею. Звяканье уздечекъ и оружія, топотъ и фырканье коней на улицѣ, суетливая бѣготня и крики, безтолковое скаканіе взадъ и впередъ по посаду какихъ-то всадниковъ—перетревожили все населеніе Троицы.

— Куда это? за кѣмъ погоня? спрашивали въ толпѣ, собравшейся на улицѣ.

— За бѣглыми князьями! пояснялъ кто-нибудь.

— За которыми-же князьями? Не слыхать было бѣглыхъ-то?

— А вотъ за тѣми, что у попа въ домѣ стояли. Чай и попу достанется за то, что упустилъ.

— Да что вы, братцы? Какіе-же они бѣглые? Они собрались, какъ добрые, да шагомъ по Ярославской дорогѣ поѣхали! Съ ними обозъ-то никакъ лошадей въ пятьдесятъ идетъ? Гдѣ-же имъ бѣжать?

— Я-жъ тебѣ говорю: бѣжали! Ихъ завтра было на площадь выводить — приговоръ надъ ними ссылочный читать — а они взяли, да не спросясь уѣхали...

— Полно врать-то?! Видно хлебнулъ подъ вечеръ лишнюю!..

Поднялся споръ, смѣхъ и ругань. Но въ это время весь разношерстный, сборный отрядъ, назначенный въ погоню за Голицыными, собравшись на улицѣ, сбился въ кучу около дома отца Варсонофія. Вотъ и предводитель его, дворянинъ Хвостовъ, сѣлъ въ сѣдло, перекрестился на обитель, крикнулъ: „Гайда, за измѣнниками!“—и пустилъ коня вскачь по улицѣ. За нимъ, тѣснясь и перегоняя другъ друга, поскакали остальные дворяне и слуги боярскіе, бренча оружіемъ и неуклюже подпрыгивая на сытыхъ коняхъ.

Князья Голицыны, между тѣмъ, добрались до Присынкова. Здѣсь, у самой околицы, встрѣтилъ ихъ князь Борисъ со своими псарями и ловчими, отпросившійся у Петра на этотъ день въ отъѣзжее поле, чтобы не присутствовать при чтеніи указа объ опалѣ князей Голицыныхъ.

Весь поѣздъ остановился у той избы, въ которой князь Борисъ отдыхалъ послѣ охоты. Князь Василій вышелъ изъ кареты съ сыномъ — и братья-соперники встрѣтились на порогѣ избы.

— Вотъ гдѣ пришлось свидѣться, князь Василій! сказалъ Борисъ Алексѣевичъ.

— Не даромъ говорятъ, что отъ сумы да отъ тюрьмы никуда не уйдешь, отвѣчалъ князь Василій, протягивая руку брату.

И оба князя вошли въ избу; за ними молча послѣдовалъ и князь Алексѣй.

Печальна и поучительна была эта бесѣда — послѣдняя прощальная бесѣда двухъ людей, которые такъ долго боролись, стоя во главѣ двухъ различныхъ партій, и такъ усердно старались другъ другу вредить и подставлять ногу. И вотъ, цѣль достигнута, борьба окончилась побѣдою князя Бориса и гибелью его противника... Но побѣда не радуетъ побѣдителя...

— Въ полѣ съѣзжаются — родней не считаются, говорилъ князь Борисъ князю Василію, послѣ первыхъ объясненій: — чай, самъ это знаешь? Такъ ужь не сѣтуй на меня...

— Поздно сѣтовать, князь Борисъ. Отъ своей судьбы не уйдешь. Видно, моя судьба такая.

— Благодарю Бога, что удалось мнѣ тебя отъ розыска вызволить. Нарышкины все на тебя точили зубы — все хотѣли тебя да Шакловитаго однимъ узломъ связать. И мнѣ пришлось не мало государя уламывать... Пришлось и грѣха на душу взять... И если бы не Емельянъ Украинцевъ, пожалуй не спасти бы тебя...

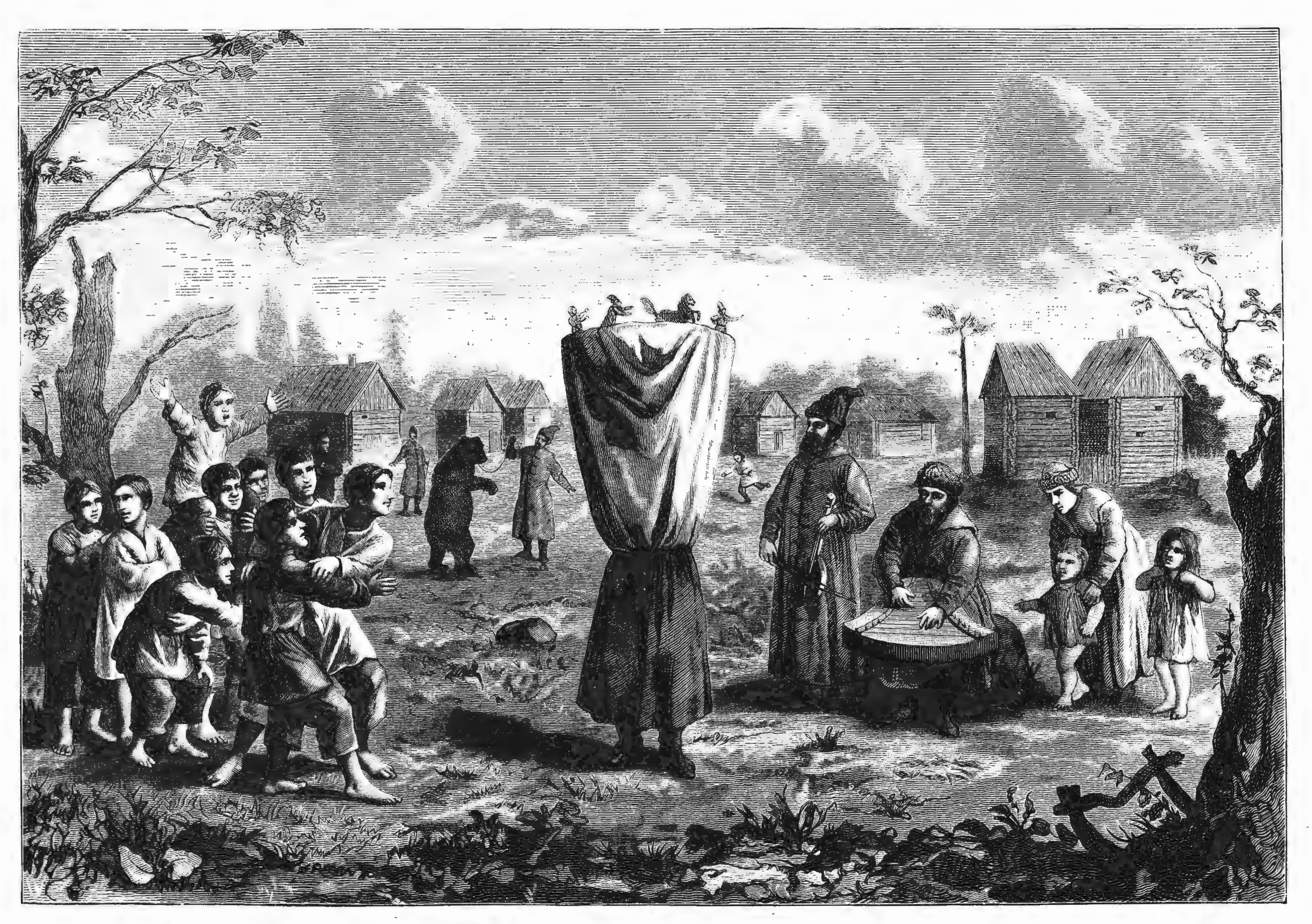
— Спасибо всѣмъ вамъ, сказалъ князь Василій, опуская голову.

— Ну, а теперь и далекъ твой путь, князь Василій, да все же не таковъ, чтобы изъ него возврату не было...

— На все воля Божія, князь Борисъ; я на скорый возвратъ не надѣюсь. Ужь больно у меня пріятелей-то много. Видно, моя пѣсенка спѣта!

— Пока еще ни за одинъ день ручаться нельзя... Не мудрено теперь каждому съ утра на коня взмоститься, а подъ вечеръ подъ конемъ очутиться... Вотъ почему я тебя и спугнулъ поскорѣе съ посада. Будь ты тамъ подъ рукою, за тебя всегда-бы опять твои недруги могли приняться; а тутъ поѣхалъ въ ссылку — авось и забудутъ.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худ. „Петрушка идетъ!“ Картина академика **А. Корзухина**, грав. Г. Флюгель.



Кукольная комедія на Руси въ XVII вѣкѣ. По современному рис. изъ путешествія Олеарія, рис. А. Земцовъ, грав. Ю. Барановскій.

— Пусть-бы забыли меня... Вотъ только дѣтокъ жалѣю! За что они изъ-за меня страдать будутъ?

— Князь Василій, дай грозѣ пройти... Авось, какъ опять проглянетъ солнышко, мы о тебѣ вспомнимъ... Слышишь, Алёшенька! Бодрись да молись — еще свидимся!

Юноша поднялъ на дядю признательный взоръ; но глаза его отуманились слезами и онъ поспѣшно отвернулся въ сторону.

Въ это время на улицѣ раздался какой-то неопредѣленный шумъ и гулъ, потомъ приближающійся топотъ скачущихъ по дорогѣ коней и громкіе крики:

— Гайда! Держи, хватай ихъ! Оцѣпляй обозъ! Руби гужи!..

— Что это такое? Кто смѣетъ?.. воскликнулъ князь Борисъ, быстро вскакивая со своего мѣста и тревожно оглядываясь кругомъ. — Эй, люди!

Но никто не отзывался. А шумъ на улицѣ перешелъ въ совершенную бурю... Слышались призывы на помощь, ругательства, стукъ оружія и вопли. Кириличъ вбѣжалъ въ комнату блѣдный, перепуганный, и только могъ проговорить:

— Государевы люди нападаютъ! Всѣхъ бьютъ! Отбиваютъ обозъ!

Но князь Борисъ уже не слушалъ его и бросился изъ избы на улицу.

Князь Алексѣй ухватилъ отца за руку и спросилъ его тревожно:

— Батюшка, не за нами-ли эта погоня? Не за нашими-ли головами?..

Князь Василій ничего не отвѣчалъ и не двинулся съ мѣста, приготовившись твердо встрѣтить новые, грозившіе ему удары судьбы.

Когда князь Борисъ выскочилъ на улицу, то увидѣлъ, что около обоза и экипажей князя Василія происходитъ въ темнотѣ какая-то ожесточенная свалка.

Въ темнотѣ можно было только различить, что на на людей и на обозъ князя Василія нападаютъ какіе-то конные люди, отъ которыхъ гайдуки и слуги князя Василія отчаянно отбиваются; но среди шума, криковъ ругани и стука оружія, никакой не было возможности различить, кто были нападающіе, и откуда они явились. Князю Борису пришла въ голову счастливая мысль — затрубить что есть мочи въ охотничій рогъ. И этотъ громкій звукъ, на который по всей деревнѣ отозвались воемъ и лаемъ его своры, — озадачилъ нападающихъ и вынудилъ ихъ на мгновеніе пріостановить свалку.

— Люди! закричалъ громовымъ голосомъ князь Борисъ. — Огня! Огня! Гей, псари! Собакъ сюда! Арапниковъ! гремѣлъ онъ среди мрака и общей сумятицы.— Кто смѣетъ нападать на обозъ князей Голицыныхъ, тотъ мнѣ головою отвѣтитъ!

Заслышавъ гнѣвный окрикъ грознаго боярина, люди опрометью сбѣжались къ нему. Явились и крестьяне съ фонарями и съ пучками горящей лучины. Сила оказалась на сторонѣ Голицыныхъ и нападающіе увидали себя въ положеніи довольно затруднительномъ. Приходилось, волей-неволею, вступить въ переговоры. Хвостовъ и нѣсколько сопровождавшихъ его дворянъ, еще не успѣвъ вложить сабель въ ножны, подошли къ крыльцу избы, на которомъ стоялъ князь Борисъ, окруженный своими псарями.

— Кто вы? грозно крикнулъ на нихъ Борисъ Алексѣевичъ. — Какъ смѣете вы здѣсь разбойничать?

— Мы не разбойничаемъ, рѣзко отвѣчалъ князю Хвостовъ.—Мы посланы ловить государевыхъ измѣнниковъ, князей Голицыныхъ, что изъ-подъ Троицы бѣжали.

— А есть-ли у тебя съ собою указъ государевъ, по которому тебѣ ихъ ловить велѣно? грозно крикнулъ князь Борисъ, наступая на Хвостова.

— Мнѣ указа не дано никакого... А послали меня бояре... приказали... ихъ пагнать, заговорилъ, растерявшись, Хвостовъ, пятясь назадъ отъ гнѣвнаго Бориса Алексѣевича.

— А какъ они смѣли посылать тебя безъ указа государева?! заревѣлъ въ изступленіи князь, хватая Хвостова за грудь и встряхивая его съ такою силою, что шапка у него слетѣла съ головы и сабля выпала изъ рукъ. — Да я тебя запорю здѣсь до смерти, разбойника! Затравлю собаками, вмѣстѣ съ твоими асаулами!

И онъ, бросивъ Хвостова на земь, наступилъ ему на грудь сапожищемъ, а руками ухватилъ за шиворотъ двухъ ближайшихъ его сотоварищей.

— Что вы зѣваете?! крикнулъ онъ своимъ людямъ.— Вяжи ихъ! Крути имъ руки за спину! Я научу ихъ, каково разбойничать по дорогамъ.

Приказаніе было исполнено такъ быстро, что несчастные предводители отряда, перепуганные на смерть гнѣвнымъ княземъ Борисомъ, не успѣли и слова промолвить.

— А вы всѣ, тамъ! гаркнулъ князь Борисъ на озадаченныхъ и перетрусившихъ боярскихъ слугъ, пріѣхавшихъ съ Хвостовымъ, — убирайтесь отсюда подобру, по-здорову, да разскажите всѣмъ у Троицы, каково не въ свое дѣло вступаться, да ловить измѣнниковъ безъ государева указа!

Вся эта сбродная братія не заставила себѣ повторять приказанія, а повернула коней и вразсыпную пустилась обратно по Троицкой дорогѣ.

— А ихъ поберегите, покамѣстъ! сказалъ князь Борисъ людямъ, указывая на Хвостова съ товарищами. — Завтра они мнѣ сами укажутъ у Троицы, какіе бояре ихъ за князьями Голицыными въ погоню посылать осмѣлились, когда князья свято волю государеву исполнили и тотчасъ послѣ указа сами въ ссылку поѣхали.

Хвостова и его товарищей увели.

Князь Борисъ вернулся въ избу и сказалъ князю Василію:

— Изволишь видѣть, какъ ты въ пору отъ Троицы уѣхалъ? Видно твоимъ пріятелямъ жалко, что имъ твоей головы не удалось отъ государя добиться! Теперь поѣзжай съ Богомъ, и жди въ Ярославлѣ своего пристава. Да молись усерднѣе Богу, чтобы онъ умягчилъ сердце царево! Ну, и мнѣ пора во-свояси... Прощай, князь Василій, не поминай брата лихомъ!

— Прощай, князь Борисъ Алексѣевичъ! Дай Богъ тебѣ никогда не извѣдать, какъ счастье измѣнчиво!

И братья обнялись крѣпко-крѣпко... Имъ и въ голову не приходило, что они уже никогда болѣе не свидятся въ жизни.

XXXV.

Спѣшно отъѣзжая отъ Троицы къ Ярославлю, князь Василій поручилъ Кузёмкѣ мчать что есть духу къ Москвѣ, передать грамотку княгинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ, и все то исполнить, что она ему прикажетъ; а затѣмъ помочь ей собраться въ дорогу настолько скоро, чтобы вѣсть объ опалѣ и описи имущества, достигнувъ Москвы, не успѣла уже ее застать въ бѣлокаменной.

— Хоть коня загнать, а быть въ Москвѣ надо еще до разсвѣта! сказалъ князь Василій Кузёмкѣ, отпуская его въ дорогу и самъ собираясь садиться въ карету.

Кузёмка исполнилъ приказъ князя съ удивительною точностью. Какъ отличный ѣздокъ, онъ зналъ своего коня превосходно, и добрый степной аргамакъ, подаренный Кузёмкѣ княземъ, сослужилъ своему хозяину хорошую службу. Окольными тропинками, не выѣзжая на прямоѣзжую Троицкую дорогу, Кузёмка въ шесть часовъ съ небольшимъ доѣхалъ до Москвы, сдѣлавъ верстъ двѣнадцать крюку, пробрался въ городъ мимо заставъ и карауловъ,—и начинало чуть разсвѣтать когда онъ подъѣхалъ къ Большому двору князя Васи-

лія со стороны Дмитровки, а не со стороны Тверской, чтобы не надѣлать излишней тревоги.

Но наши дѣды жили крѣпко: и со стороны Дмитровки дворъ князя Василія былъ обнесенъ такимъ-же высокимъ заборомъ, какъ и со стороны Тверской, съ тою только разницей, что тамъ была каменная стѣна, а здѣсь деревянный заборъ. Кузёмка попробовалъ постучаться въ ворота, надѣясь, что стукъ будетъ услышанъ сторожемъ, который спалъ въ сторожкѣ около самыхъ воротъ. Но на стукъ его отозвались громкимъ лаемъ только собаки, спущенныя на ночь съ цѣпи.

— Урвайка, Бѣлка, Арапка—цыцъ, подлыя! Развѣ не чуете, что свой пріѣхалъ?

Собаки, узнавъ знакомый голосъ, стали визжать и подлаивать, прыгая около воротъ и скребясь въ нихъ своими сильными лапами.

— Ишь, спитъ дьяволъ, словно на печь завалился— а тоже сторожъ называется! пробурчалъ съ досадою Кузёмка, попытавшись еще разъ постучаться въ ворота.

Потомъ, не думая долго, онъ свернулъ бурку, положилъ ее на сѣдло, подвелъ свою потную и усталую лошадь вплотную къ самымъ воротамъ, ступилъ ногою въ стремя, потомъ обѣими ногами всталъ на бурку, ухватился за верхнюю перекладину воротъ, поднялся на своихъ сильныхъ рукахъ, сѣлъ на перекладину верхомъ и какъ кошка спустился на другую сторону. Черезъ минуту, воротный сторожъ, крѣпко заснувшій въ сторожкѣ, былъ разбуженъ здоровеннымъ тумакомъ въ шею и окрикомъ Кузёмки:

— Такъ-то ты, лѣшій, боярское добро бережешь! Я на конѣ подъѣхалъ, всѣхъ собакъ переполошилъ, черезъ ворота перелѣзъ, а ты все дрыхнешь?

— Виноватъ, Кузьма Гаврилычъ, не дослышалъ!.. извинился сторожъ, помогая Кузёмкѣ отпереть ворота, между тѣмъ какъ пять огромныхъ лохматыхъ дворнягъ ластились къ ловчему и, привѣтливо помахивая хвостами, радостно визжали.

Прибравъ коня, Кузёмка пошелъ будить тѣхъ лицъ изъ дворни, которыя были ему нужны для облегченія доступа къ княгинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ. Всѣ были очень удивлены, когда услышали, что Кузёмка прискакалъ прямо отъ Троицы съ порученіемъ къ княгинѣ, и можетъ передать его только лично.

Пошли будить княгиню и порядкомъ ее напугали. Спѣшно поднявшись съ постели, она торопилась одѣваться и мыться, разспрашивая свою старую постельницу: не слыхала-ли она отъ Кузёмки, здоровъ-ли ея князь, и не случилось-ли съ нимъ бѣды какой у Троицы.

— Сама знаешь, Аганьевна, близко царя, близко смерти! говорила княгиня, вздыхая и спѣша надѣть на голову теплый каптуръ.—Ты Кузёмку о князѣ Василіи Васильевичѣ не спрашивала?

— И спрашивала, матушка-княгиня, да развѣ съ нимъ сговоришь? отвѣчала Аганьевна.—Молчитъ, какъ колода, да глазищами по сторонамъ водитъ. Только и сказалъ, что тебя наединѣ видѣть долженъ.

Наконецъ княгиня вышла въ моленную, помолилась передъ иконами, и велѣла позвать Кузёмку. Это была женщина подъ сорокъ лѣтъ, бѣлая, полная, еще не утратившая нѣкоторой привлекательности въ лицѣ; особенно пріятно было выраженіе ея большихъ, спокойныхъ голубыхъ глазъ, не выражавшихъ большаго ума, но за то свѣтившихся удивительной добротой и мягкосердечіемъ.

Кузёмка, введенный Аганьевной, отвѣсилъ низкій поклонъ боярынѣ, перекрестился на иконы, и сталъ молча у притолки, косясь на Аганьевну, которая притворила за собою дверь и видимо желала присутствовать при тайной бесѣдѣ княгини съ Кузёмкой.

— Здоровъ-ли князь-то мой, соколъ мой ясный? спросила торопливо княгиня.

— По вчерашній день, по вечеръ здравствовать изволилъ, отвѣчалъ Кузёмка и опять замолкъ.

Разспросивъ еще о здоровьѣ сына и получивъ такой-же краткій отвѣтъ, княгиня сказала Кузёмкѣ:

— Что-же у тебя—грамотка, что-ли, есть? Такъ давай ее сюда, и говори, съ чѣмъ ты присланъ такъ спѣшно?

— Не смѣю, государыня. Мнѣ при другихъ говорить не приказано.

— Да что ты? Въ умѣ-ли? Аганьевна свой человѣкъ— при ней все говорить можно.

— Не приказано, твердо отвѣчалъ Кузёмка, закладывая руку за пазуху и пощупывая княжую грамотку.

— Ну, дѣлать нечего! Выйди, Аганьевна, кротко сказала княгиня.

Старая постельница вышла изъ моленной, хлопнувъ дверью и ворча себѣ подъ носъ: „у-у-у! разбойникъ, всѣ и ухватки таковскія!“

Кузёмка вынулъ письмо изъ-за пазухи и сказалъ:

— Прежде, чѣмъ тебѣ грамотку отдать, государыня, приказалъ князь тебѣ сказать, чтобы ты его бѣдой не печалилась и не пугалась, и никому о ней не сказывала; а сказала-бы всѣмъ, что князю Василію Васильевичу приказано ѣхать въ ростовское имѣнье, и ты туда-же молъ должна выѣхать сегодня-же, еще до вечера.

Княгиня очень перепугалась этого предварительнаго заявленія и рука ея дрожала, когда она приняла отъ Кузёмки письмо князя Василья и стала его вскрывать.

Въ письмѣ князь Василій писалъ ей откровенно, что его постигло большое несчастіе — опала и полное разореніе, что онъ, впрочемъ, надѣется еще склонить государя на милость и можетъ-быть избѣгнетъ далекой ссылки; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказывалъ княгинѣ спасти изъ громаднаго имущества то, что поцѣннѣе, раздавъ кое-что въ вѣрныя руки, а кое-что и припрятавъ въ надежномъ мѣстѣ. Все это исполнить, снарядить громадный обозъ и выѣхать изъ Москвы — по приказу князя — слѣдовало въ нѣсколько часовъ, пока вѣсть объ опалѣ не достигла Москвы и не наѣхали на дворъ къ князю царскіе приставы для описи княжихъ животовъ.

Княгиня, прочитавъ письмо мужа, разспросила Кузёмку, который разсказалъ ей всю сцену опалы и чтеніе указа на государевомъ крыльцѣ въ Троицкомъ монастырѣ. Но Авдотья Ивановна ни изъ его разсказа, ни изъ письма мужа, не могла уразумѣть всей громадности постигнувшаго ея семью несчастія. Бѣдствіе представлялось ей большимъ и тяжелымъ, но ее ни на минуту не покидала надежда на то, что это бѣдствіе минуетъ очень скоро, что всемогущій князь Василій съумѣетъ отклонить отъ себя ужасную грозу, а главное, что юный царь, конечно, не въ силахъ будетъ обойтись безъ помощи такого совѣтника и дѣльца, какъ князь Василій.

Когда зазвонили въ церкви къ заутрени, весь княжескій дворъ былъ уже въ движеніи и волненіи. Приказано было приготовить къ дорогѣ два рыдвана, три кареты, шесть колымагъ для служни и пятьдесятъ телѣгъ для обоза. Людямъ объявлено было, что княгиня ѣдетъ на житье въ ростовское имѣнье со всѣмъ домомъ, и что князья пріѣдутъ туда-же отъ Троицы. Всѣ ключники и ключницы были призваны въ княжескія хоромы и, получивъ приказаніе, засуетились въ кладовыхъ и амбарахъ. Княгиня, домовитая хозяйка, сама слѣдила за укладкой всего необходимаго для нея, для мужа, для сыновей и невѣстки, для маленькаго внука; сама ходила по амбарамъ и кладовымъ, наблюдая, чтобы не были забыты съѣстные припасы, вино, лакомства, фрукты; сама озаботилась о людяхъ, чтобы захватили съ собою все зимнее платье и побольше одѣялъ, ковровъ и войлоковъ. Видя какъ спокойно и толково все это дѣлалось, никому изъ людей и въ голову не приходило, чтобы княгиня собиралась въ дальнюю ссылку; всѣ твердо были увѣрены, что ѣдутъ зимовать въ ростовское имѣнье князя, прославленное своими обширными

фруктовыми садами и огородами. И самой княгинѣ казалось, что ей не придется ѣхать далѣе Ярославля, и—самое большее — провести въ деревнѣ годъ или даже менѣе, „пока уляжется вся эта смута“ (такъ рисовались въ воображеніи простодушной Авдотьи Ивановны первые шаги Преобразователя!). Вотъ почему она заботилась не только о томъ, чтобы захватить необходимое, но и то, чтó составляло ненужную прикрасу жизни или излишнюю роскошь.

Агапьевна, вмѣстѣ съ двумя старыми горничными княгини, разбиравшая бѣлье и платье княгини, то и дѣло прибѣгала къ ней и спрашивала:

— Матушка-княгиня, не прикинуть-ли кстати въ твою коробью и кисейныя рубахи князя Алексѣя Васильевича?

— Вѣстимо, прикинь, пригодятся.

— А куда прикажешь изъ князь-Алексѣевыхъ животовъ бумажники со взголовьями атласныя алыя положить?

— Положи ихъ вмѣстѣ съ князь-Васильевыми подушками, съ рудожелтыми, въ одинъ сундукъ; да не забудь туда-же приложить наволоки камчатыя, жаркаго цвѣта.

— Приложила, матушка, приложила! Тамъ-же, съ бочкỳ положила подушечки цвѣтныя атласныя, обшитыя кружевомъ золотнымъ, еще съ духами травъ-то нѣмецкихъ... Знаю, что ихъ батюшка князь Василій Васильевичъ очень любитъ.

Уложивъ все необходимое, княгиня Авдотья Ивановна свято исполнила приказъ мужа; сама обошла всѣ кладовыя съ платьемъ мужа и сыновей, спорола съ нихъ золотые аламы *), запаны и пуговицы—усыпанныя драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, приложила къ нимъ изъ своего запаса перстни, серьги, запястья, ожерелья, монисты и четки изъ самоцвѣтныхъ камней, сложила все это въ сундучокъ, окованный желѣзомъ, заперла висячимъ замкомъ и запечатала княжескою печатью. Кузёмка Крыловъ отвезъ этотъ сундучокъ въ Чудовъ монастырь и сдалъ тамъ на руки келарю Герману и казначею Пиканору, давнимъ пріятелямъ князя, на храненіе. Затѣмъ княгиня приказала отобрать изъ оружейной палаты наиболѣе цѣнное оружіе. Два воза нагрузили саблями, кончарами, кинжалами, саадаками и доспѣхами, съ золотой и серебряной насѣчкой, съ рукоятями и ножнами, сплошь усыпанными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а на другіе два воза, въ простыхъ рогожныхъ кулькахъ, навалили самыя дорогія и рѣдкія изъ золотыхъ и серебряныхъ утварей и посуды. Все это было отправлено на храненіе къ отцу княгини—боярину Стрѣшневу.

Когда все было уложено и увязано и даже лошади впряжены въ кареты и телѣги, оказалось, что забыли о двухъ важныхъ дѣлахъ: не поставили въ карету княгини Марьи Исаевны клѣтку съ ея любимымъ попугаемъ, а въ колымагахъ для прислуги не отвели мѣста для двухъ карликовъ. Дениски да Ѳедьки Вахрамѣевыхъ, присланныхъ гетманомъ Мазепою въ подарокъ князю Василію. Карлики были очень обижены, и жаловались княгинѣ, которая обратилась къ Агапьевнѣ съ упрекомъ и сказала:

— Скажи, чтобы имъ сейчасъ нашлось мѣсто! Не оставлять-же ихъ здѣсь: свѣтъ-Алешенька любитъ съ ними поиграть на досугѣ. Да присмотри, чтобы и коробьи съ ихъ потѣшнымъ платьемъ не забыли прихватить.

Наконецъ, все было готово, прилажено, приспособлено и уложено. Отслуженъ былъ въ церкви долгій напутственный молебенъ, всѣ экипажи и повозки окроплены святою водою. Княгиня Авдотья Ивановна, вмѣстѣ съ невѣсткою, княгинею Марьей Исаевной, съ младшимъ сыномъ Михайломъ и съ внукомъ, еще груднымъ ребенкомъ, вошла въ домъ и въ столовой палатѣ князя Алексѣя стала прощаться со всѣми собравшимися родными и съ дочерью своею, Ириною, бывшею въ замужествѣ за стольникомъ Одоевскимъ. Всѣ, по русскому обычаю, передъ прощаньемъ присѣли не надолго на кресла и лавки „въ поперекъ половицы“, потомъ поднялись, помолились на иконы, и стали прощаться. Княгиня никому, ни единымъ словомъ не обмолвилась, что она съ мужемъ и сыномъ ѣдетъ въ дальнюю ссылку; потому и проводы вовсе не были печальны. Плакала только Ирина Васильевна, цѣлуя и обнимая свою дорогую матушку.

Спокойно и твердо сошла княгиня со двора, простилась со всѣми людьми, наказала всѣмъ ключникамъ и начальнымъ людямъ, чтобы зорко смотрѣли за боярскимъ добромъ, безъ всякаго упущенія и оплошки, и слушались главнаго управителя, Матвѣя Ивановича, на рукахъ котораго оставались ключи отъ всѣхъ богатствъ и неистощимыхъ запасовъ княжескихъ. Затѣмъ княгиня еще разъ приложилась ко кресту, поднесенному ей священникомъ, который не упустилъ случая пожелать матушкѣ княгинѣ „безпакостнаго путешествія“ и просилъ о присылкѣ ему „запасца“ изъ деревни, перекрестилась на крестъ своей придворной церкви и сѣла въ карету, напутствуемая поклонами и пожеланіями всей родни, знакомцевъ и дворни.

— Съ Богомъ! проговорила она едва слышно, едва сдерживая слезы.

— Съ Богомъ! Миръ дорогой! подхватили кругомъ нѣсколько голосовъ—и тяжелая карета, цѣлый Ноевъ ковчегъ, всколыхнувшись, двинулась съ мѣста и покатила изъ воротъ налѣво. За нею тронулись, тѣмъ-же порядкомъ, еще восемь повозокъ и колымагъ. За ними потянулся обозъ изъ тридцати огромныхъ черкасскихъ телѣгъ съ кровлями, запряженныхъ четвернями коней, да двадцать простыхъ телѣгъ, запряженныхъ тройками. Около экипажей и обоза шла густая толпа провожатыхъ, ѣхали па коняхъ вооруженные слуги, бѣжали мальчишки и досужіе зѣваки, плелись нищіе, выпрашивая подаяніе и желая щедрымъ боярамъ счастливаго пути.

На поворотѣ къ Лубянкѣ, въ одной изъ кучекъ, собравшихся на углу улицы, двѣ какія-то ветхія старухи долго смотрѣли на поѣздъ Голицыныхъ и провожали глазами каждую отдѣльную телѣгу, словно хотѣли запомнить все, чтò на нихъ было погружено, навалено и увязано.

— Господи, Боже мой! Добра-то, добра-то чтò! прошамкала одна изъ старухъ, опираясь желтыми, исхудалыми руками на посохъ.—Однихъ коней, мать моя, насчитала я двѣсти и пятьдесятъ!

— Чтó и говорить, Антипьевна,—боярамъ не житье, а рай пресвѣтлый! Умирать не надо!

(Продолженіе будетъ).

Онъ-же...

Разсказъ

графа Е. А. Саліаса.

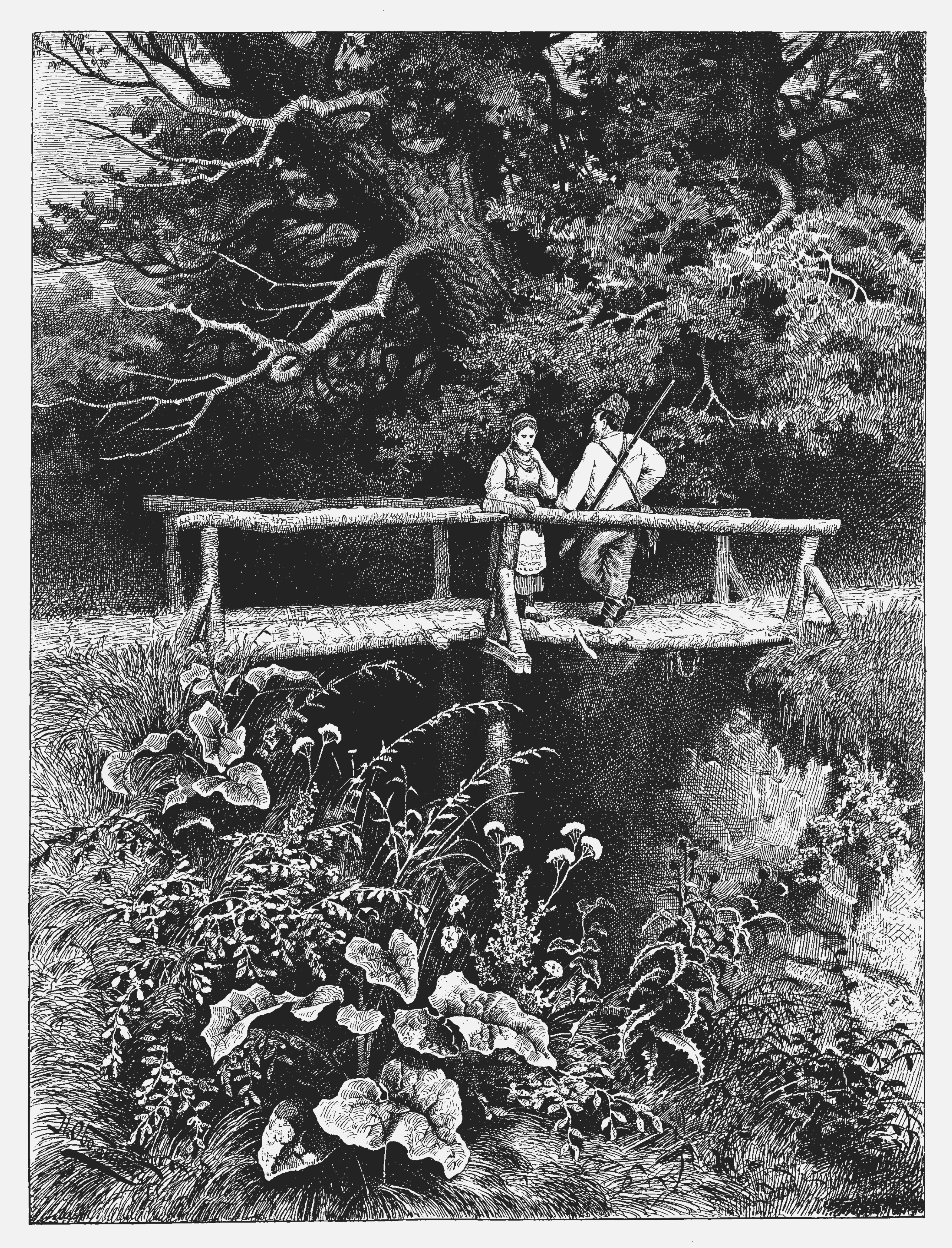
(Продолженіе).

V.

Метаморфоза, происшедшая съ господиномъ намѣстникомъ, была въ зависимости отъ очень простаго обстоятельства.

Баронъ Лоренцъ встрѣтилъ наканунѣ очень красивую молодую дѣвушку, которая, при своемъ появленіи на балѣ, произвела на него дѣйствительно впечатлѣніе. Когда же онъ узналъ, кто эта красавица, то немедленно пожелалъ быть ей представ-

*) *Аламы*—драгоцѣнныя застежки изъ золотаго плетенья, съ жемчугомъ и каменьями.



Завѣтный мостикъ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.

вленнымъ, а затѣмъ цѣлый вечеръ почти не отходилъ отъ нея, и хотя не танцовалъ съ нею, но бесѣдовалъ много. Въ полночь молодые люди уже уговорились, на какомъ вечерѣ, въ чьемъ домѣ они могутъ вновь свидѣться.

Красавица была единственная дочь господина намѣстника, обожаемая имъ, безо всякаго состоянія и, конечно, единственною же мечтой его было—выгодно и даже блестящимъ образомъ выдать свою Елену замужъ.

И въ этотъ вечеръ на балѣ Охотскій далъ понять умной и бойкой кокеткѣ-дѣвушкѣ, что въ ея рукахъ все. Если она спасетъ его, то, слѣдовательно, спасетъ и „свое будущее имя" незапятнаннымъ, а состояніе не отнятымъ.

Утромъ Елена Праксина переговорила со своимъ отцомъ, и приходила въ ужасъ отъ той клеветы, которая ходитъ насчетъ этого блестящаго и изящнаго молодаго человѣка.

Но затѣмъ господинъ Праксинъ, дотолѣ улыбавшійся хитро, спросилъ дочь рѣзко и прямо:

— Стало быть, ты надѣешься быть баронессой Охотскою, то есть, вѣрнѣе сказать, графиней Зарѣцкою, такъ какъ вмѣстѣ съ состояніемъ господинъ Лоренцъ долженъ наслѣдовать имя и титулъ дяди. Ты надѣешься?

— Почти, отозвалась дочь. — Я не льщу себя надеждой, что онъ въ одинъ вечеръ безъ ума влюбился въ меня; но я думаю, что просто для него это вѣрное и единственное средство спасенія. Ну что же, любовь придетъ послѣ. Онъ мнѣ нравится.

— А не обманетъ онъ насъ?

— Нѣтъ, батюшка. Да наконецъ, если обманетъ, то въ вашей власти всегда получить, произнесла Елена улыбаясь,—какое-нибудь новое сообщеніе, болѣе серьезное,—и начать дѣло о смерти графа.

— Это по вашему, разсмѣялся Праксинъ. — Дѣвицы такъ разсуждаютъ. А если онъ протянетъ сватовство полгода, тогда мы выроемъ изъ-подъ земли уже нѣчто такое, съ чѣмъ никакіе врачи ничего сдѣлать не смогутъ. Тогда, пожалуй, отъ графа останутся однѣ кости.

— Все равно, батюшка, онъ не пойдетъ на самое слѣдствіе. Во всякомъ случаѣ отложите его теперь...

— А если явятся настоящіе наслѣдники, моя милая дочь, тогда что̀?

— Завѣщаніе въ его пользу... Тѣ тоже племянники, а не сыновья.

— А если они затѣятъ процессъ.

— Опять-таки все дѣло въ вашихъ рукахъ. Станьте на его сторону. Завѣщаніе законно и это всѣмъ извѣстно. Стало-быть тѣмъ племянникамъ графа надо судиться. А судиться они будутъ гдѣ, у кого? У васъ же. Зачѣмъ вы заставляете меня повторять и объяснять вамъ то что̀ вы сами хорошо знаете?

Праксинъ разсмѣялся, поцѣловалъ дочь и вымолвилъ весело:

— Ты у меня юрисконсультъ.

— Вы все это сами даже думаете, покуда я говорю.

— Я люблю, чтобы ты повторяла вслухъ то, что̀ я знаю и думаю. Я люблю слушать тебя, когда ты разсуждаешь съ такимъ видомъ и голосомъ, какъ еслибы ты сама была окружнымъ намѣстникомъ и судьей.

Послѣдствіемъ этой бесѣды отца съ дочерью и былъ ласковый пріемъ, оказанный Лоренцу.

Черезъ день всѣ въ городѣ, да и въ околоткѣ, уже говорили громко, что про барона Лоренца Охотскаго была пущена возмутительная клевета, но что она столь же быстро разсѣялась, какъ быстро возникла.

Лоренцъ продолжалъ нѣсколько дней жить въ городѣ, бывалъ повсюду въ гостяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ занимался приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ для ввода себя во владѣніе. Наконецъ, на вечерѣ у того же господина Праксина всѣ присутствующіе начали обращаться къ нему, уже называя его въ бесѣдѣ графомъ. Со вводомъ во владѣніе Лоренцъ становился по закону графомъ Зарѣцкимъ.

Между намѣстникомъ, его дочерью и Лоренцомъ возникли полуясныя отношенія. Прямо не было сказано ничего, не было ничего обѣщано, опредѣлено; но всѣ трое, оставаясь наединѣ, бесѣдовали намеками, ясно понимаемыми, а при постороннихъ переглядывались какъ авгуры.

Наконецъ, черезъ недѣлю по пріѣздѣ Лоренца въ городъ господинъ Праксинъ заявилъ „графу", что ему слѣдуетъ уѣхать къ себѣ въ за̀мокъ, изрѣдка навѣщать ихъ, но не часто, а затѣмъ, когда пройдетъ мѣсяца полтора-два, всякіе толки и пересуды улягутся, можно будетъ имъ уже не стѣсняться.

— Тогда милости просимъ къ намъ, сказалъ Праксинъ. — Живите здѣсь въ городѣ, бывайте у насъ хоть всякій день, а когда найдете удобнымъ, скажите мнѣ или дочери прямо то о чемъ вы намекаете и что̀ мы поняли.

Такимъ образомъ, не называя вещей по имени, молодой человѣкъ и хитрый сановникъ почти заключили условіе. Оба отлично знали, что инаго исхода въ этомъ дѣлѣ нѣтъ. Праксинъ не боялся обмана, а будущій графъ Зарѣцкій не зналъ и не имѣлъ инаго пути спасенія.

Лоренцъ однако не поѣхалъ въ за̀мокъ. При воспоминаніи о ночномъ приключеніи, о привидѣніи, которое душило его, онъ невольно изъ-за суевѣрнаго страха откладывалъ свое возвращеніе въ за̀мокъ. Поэтому онъ нанялъ домъ въ городѣ и, противно обычаямъ, не соблюдая никакого траура, началъ жить шумно и весело. Онъ всякій день ѣздилъ по сосѣдямъ, звалъ къ себѣ въ гости, дѣлалъ обѣды и вечера; но вмѣстѣ съ тѣмъ, всякими способами старался расположить всю окрестную аристократію въ свою пользу. Не прошло мѣсяца какъ всѣ аристократы были уже друзья и яростные защитники графа Зарѣцкаго.

Прошелъ слухъ, что вскорѣ будутъ въ Чамборѣ большіе обѣды и балы и что вообще пированье продлится нѣсколько сутокъ, такъ какъ послѣ ввода во владѣнье молодой графъ объявитъ о своей женитьбѣ и въ за̀мкѣ послѣдуетъ тотчасъ обрученіе.

Кто была намѣченная невѣста, никто однако не зналъ. Лоренцъ за все время ухаживалъ усиленно за столькими красавицами околотка, что каждая изъ нихъ могла смѣло разсчитывать, что она избранница, каждая могла думать, что Лоренцъ отчаянно влюбленъ въ нее.

Въ дѣйствительности Лоренцъ уже объяснился съ Праксинымъ прямо и оба они рѣшили не откладывать свадьбы, а спѣшить. До нихъ дошелъ слухъ, что родные племянники покойнаго графа, при первомъ извѣстіи о его смерти, уже начали хлопотать объ уничтоженіи завѣщанія дяди. Лоренцу слѣдовательно нужно было скорѣе заручиться поддержкою намѣстника. Ему пришло на умъ, что одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ можетъ поступить буквально такъ же, какъ и онъ, т. е. явившись на судъ оспаривать завѣщаніе, въ то же время предложить руку и сердце той же дочери господина намѣстника.

Лоренцъ былъ готовъ вѣнчаться тотчасъ же, но Праксинъ желалъ обождать законнаго ввода во владѣніе. Кромѣ того, Лоренцъ по обычаю долженъ былъ за̀ново отдѣлать передъ свадьбой весь замокъ, даже подновить внѣшность древняго аристократическаго обиталища. Приходилось отсрочить поневолѣ свадебныя празднества на цѣлый мѣсяцъ.

VI.

Наконецъ, однажды, Лоренцъ рѣшился отправиться въ за̀мокъ; но передъ отъѣздомъ онъ отвезъ своей нареченной великолѣпный подарокъ въ нѣсколько тысячъ. Это была семейная брилліантовая ривьера, красовавшаяся когда-то на женѣ и на матери покойнаго графа. Баронъ еще до похоронъ взялъ ее къ себѣ и увезъ изъ за̀мка съ собой на всякій случай. При бѣдѣ она все-таки осталась бы въ его рукахъ.

Пробывъ вечеръ у Праксиныхъ, Лоренцъ ночью, верхомъ, въ сопровожденіи шести всадниковъ, пустился въ дальній путь домой. Около шести часовъ утра онъ уже въѣзжалъ шагомъ въ кручь по дорогѣ, которая зигзагомъ поднималась на высокій холмъ, гдѣ въ вышинѣ, на ясномъ утреннемъ небѣ причудливыми узорами рисовался Чамборъ, подобный средневѣковой крѣпости.

Приблизившись къ широкой разсѣлинѣ, черезъ которую былъ въѣздъ въ за̀мокъ по подъемному мосту, Лоренцъ, а равно и спутники его остановились въ изумленіи.

— Какъ они смѣли? Кто позволилъ? Кто распорядился? крикнулъ Лоренцъ внѣ себя.

Мостъ былъ поднятъ, плотно вошелъ въ стѣны за̀мка, а передъ ними зіяла пропасть сажени въ три ширины и сажень въ десять глубины.

Охотскій велѣлъ своимъ всадникамъ звать привратника.

По приказанію Охотскаго верховые приблизились къ краю рва и громко выкрикнули:

— Опускай мостъ!

Раза три повторили они крикъ. Не скоро съ противоположной стороны на стѣнѣ показалась фигура и отозвалась:

— Кто такіе?.. Чего вамъ?..

— Опускай мостъ! Баронъ здѣсь...

— Я здѣсь... безумный! крикнулъ Лоренцъ сердито. — Кто посмѣлъ поднять мостъ, когда я не приказалъ?.. Опускай живо!

— Сейчасъ велю доложить, отозвался привратникъ.

— Кому доложить, болванъ?.. Опускай!..

Но фигура исчезла, и на гнѣвный крикъ Охотскаго снова никто не откликался.

Прошло много времени, около получасу. Ожиданье показалось барону цѣлою вѣчностью отъ нетерпѣнья, гнѣва, но отчасти и отъ смущенья...

Подозрѣнье закралось въ его голову, что покуда онъ сидѣлъ въ городѣ изъ-за суевѣрнаго страха и терялъ время — его петербургскіе кузены могли явиться прямо въ за̀мокъ и засѣсть въ немъ въ ожиданіи чѣмъ рѣшитъ судъ вопросъ о завѣщаніи и наслѣдствѣ.

Наконецъ, на стѣнѣ за поднятымъ мостомъ снова появились двѣ фигуры. Одна изъ нихъ громко крикнула:

— Это вы, господинъ баронъ?

Лоренцъ узналъ сразу голосъ Захера и взбѣсился.

— Я... старый грибъ! крикнулъ онъ.—Я самъ. И сейчасъ же посажу тебя на цѣпь въ подвалѣ, коли ты посмѣлъ снова явиться въ за̀мкѣ. Это ты велѣлъ поднять мостъ?

— Мостъ поднятъ по указу самого графа, громко отозвался Захеръ,—а теперь по его разрѣшенью сейчасъ и спустятъ.

— Графа? Какого графа? Сумасшедшій!.. крикнулъ Лоренцъ, но тотчасъ же опять смутился.

Было очевидно, что именно одинъ изъ кузеновъ Зарѣцкихъ, явившись въ замокъ, уже титулуетъ себя графомъ по праву наслѣдія.

Цѣпи загремѣли и тяжелый мостъ, дубовый и кованый желѣзомъ, отдѣлившись отъ противоположной стѣны, началъ медленно опускаться чрезъ ровъ, приближаясь верхнимъ концомъ къ краю обрыва гдѣ стояли всадники съ барономъ впереди. Наконецъ мостъ стукнулъ грузно объ землю и верховые въѣхали. Частая трель конскихъ копытъ по деревяннымъ доскамъ гулко огласила окрестность.

Миновавъ ворота, Лоренцъ не двинулся верхомъ черезъ большой дворъ и тотчасъ же слѣзъ. Ему нетерпѣлось узнать объясненье загадочныхъ словъ Захера.

— Ты, старый мухоморъ! Что ты болтаешь, какой тутъ графъ проявился? Изъ Петербурга?

Захеръ, спустившійся къ барону со стѣны, сталъ предъ нимъ спокойно, отчасти важно и холодно произнесъ:

— Нашъ графъ... Не понимаю я вашихъ рѣчей, г. баронъ. Пожалуйте. Графъ самъ скорѣе желаетъ васъ видѣть, чтобы имѣть отъ васъ объясненіе всей комедіи вами устроенной...

— Что? что?.. Что ты болтаешь?

— Такъ. Самъ графъ называетъ этимъ словомъ похороны, которыя вы устроили... Пожалуйте.

Лоренцъ молчалъ, не понимая словъ Захера.

Наконецъ онъ взбѣсился, ухватилъ старика за воротъ и вскрикнулъ:

— Говори толкомъ, или я тебя, клянусь Богомъ, убью на мѣстѣ...

— Позвольте... Чѣмъ же я-то виноватъ!.. живо воскликнулъ Захеръ. — Пустите! Что вы!

— Говори, какой тутъ графъ завелся?..

— Да пожалуйте въ замокъ. Сами съ нимъ обо всемъ объяснитесь... Я-то чѣмъ же виноватъ... Пожалуйте.

Лоренцъ быстро двинулся черезъ дворъ. Въ головѣ его была полная путаница. Онъ понималъ только, что происходитъ какая-то подстроенная исторія. Очевидно петербургскіе кузены не дремали пока онъ веселился въ городѣ.

Захеръ шелъ по пятамъ барона и молчалъ, но когда Лоренцъ вдругъ обернулся къ старику-лакею съ какимъ-то вопросомъ, то настолько изумился злорадству написанному на лицѣ Захера, что забылъ свой вопросъ.

— Я ихъ сейчасъ вышвырну вонъ, вмѣстѣ съ тобой. Я по закону наслѣдникъ! воскликнулъ онъ.

— Наслѣдникъ? Чей? пробурчалъ Захеръ за его спиной. — Дайте прежде умереть...

— Что ты бормочешь, безумный! обернулся баронъ останавливаясь.

— Пожалуйте... иронически настойчиво отозвался Захеръ, протягивая руку къ крыльцу.

Быстро поднялись они оба по парадной лѣстницѣ и, пройдя нѣсколько горницъ, вошли въ кабинетъ, а затѣмъ въ угловую горницу.

У окна на креслѣ, гдѣ всегда сиживалъ покойный графъ Зарѣцкій, сидѣлъ теперь съ книгой въ рукахъ... онъ же!..

Лоренцъ вскрикнулъ, попятился и какъ малый ребенокъ прячется за няню, ухватился за Захера, выдвигая его и какъ бы загораживаясь имъ отъ привидѣнья.

„Онъ“ поднялъ глаза и сурово, холодно поглядѣлъ на вошедшихъ.

— Полноте... глупить! паясничать! выговорилъ онъ строго.— Не изображайте испуга какъ бы при видѣ воскресшаго мертвеца. Подойдите и объясните мнѣ всю преступную комедію, которую вы разыграли въ мое отсутствіе изъ замка.

Баронъ оцѣпенѣлъ и стоялъ какъ истуканъ. Если страхъ прошелъ въ немъ, то несказанное изумленье связало его члены, сковывало языкъ.

Лоренцъ глядѣлъ на „него“ не спуская глазъ и чувствовалъ что разсудокъ въ немъ помутился.

— Подойдите, вымолвилъ тотъ холодно, но мягче. — Садитесь и объясняйтесь.

VII.

Лоренцъ машинально подвинулся впередъ, не отрывая взгляда отъ лица сидѣвшаго передъ нимъ пришельца съ того свѣта и, не сознавая вполнѣ что онъ дѣлаетъ, опустился на стулъ противъ него. Захеръ сталъ невдалекѣ отъ нихъ.

— Ну-съ, извольте мнѣ разсказывать, кого или что хоронили вы со всѣми подобающими почестями. Слугу умершаго, чурбанъ или просто пустой гробъ зарыли вы въ монастырѣ?.. Отвѣчайте же...

Лоренцъ хотѣлъ было заговорить, но слова не сходили съ языка. Наконецъ онъ вымолвилъ какъ бы самъ себѣ:

— Не понимаю... ничего... Ничего...

— И я не понимаю. Даже не знаю, какъ могло произойти подобное лицедѣйство. Вотъ, Захеръ разсказалъ мнѣ все когда я возвратился изъ моего путешествія. Но все мною слышанное отъ него, признаюсь, кажется совершенно невѣроятнымъ... Это неслыханная дерзость!.. И безсмысленная! Безцѣльная! Цѣли нѣтъ..

Охотскій перевелъ глаза на Захера и увидѣлъ на лицѣ камердинера такую злорадную и презрительную усмѣшку, что страхъ сразу смѣнился въ немъ гнѣвомъ. Смущенье прошло, онъ какъ бы встрепенулся вдругъ и стряхнулъ съ себя свое оцѣпенѣніе.

„Тутъ что-то есть,“ подумалъ онъ. „Но не дьявольское навожденье, а что-то болѣе загадочное, болѣе хитрое и ловкое... Тутъ человѣческихъ, а не дьявольскихъ рукъ ухищренье.“

И приглядѣвшись пристальнѣе и спокойнѣе къ сидѣвшему передъ нимъ графу Зарѣцкому, онъ внимательно разглядѣлъ всю его фигуру и все лицо.

Тотъ замѣтно похудѣлъ, глаза его стали больше и будто темнѣе... Руки меньше и бѣлѣе... Въ плечахъ онъ съузился. А голосъ его? Голосъ положительно не тотъ... Не голосъ дяди графа...

Слишкомъ былъ смѣлъ и дерзокъ Лоренцъ чтобы тотчасъ не освободиться совсѣмъ отъ очарованія первыхъ мгновеній.

„Да наконецъ же... я видѣлъ его въ гробу... Его разложившійся трупъ! А тотъ, который явился ночью и душилъ меня? Хотѣлъ задушить на смерть и почему-то бросилъ. Это обманъ, подлогъ!“ внутренно воскликнулъ Лоренцъ. „Я не поддамся! Я разъясню все это навожденье.“

И мысленно разсуждая, Охотскій не спускалъ глазъ съ лица сидѣвшаго предъ нимъ старика. Но затѣмъ, когда онъ вдругъ перевелъ взоръ на стоявшаго съ боку камердинера, вся фигура и лицо Захера поразили его.

Захеръ стоялъ заложивъ руки за спину, слегка понуривъ голову и глубоко задумавшись. На лицѣ его ясно и отчетливо сказывалась глубокая грусть...

Это было то же самое выраженіе, то же чувство, которое Лоренцъ видѣлъ на лицѣ старика въ первый день смерти любимаго имъ барина.

„Захеръ грустить по дядѣ!“ подумалъ Охотскій. „Да. Это не *онъ*! Это другой! Тотъ умеръ. Но кто же это?“ повторялъ про себя Лоренцъ. И уже бодрѣе, отчасти даже весело, онъ обернулся къ сидѣвшему передъ нимъ старику.

— Кто вы? Скажите... Разъясните мнѣ эту невѣроятную загадку, произнесъ Охотскій рѣшительно и вызывающе.—Кто вы?..

— Что это... Глупость или дерзость? отозвался тотъ спокойно.

— Я спрашиваю: кто вы? снова вызывающимъ голосомъ выговорилъ Лоренцъ. — Вы говорите, я разыгралъ преступную комедію похоронивъ дядю... Я начинаю думать, что дѣйствительно произошло преступленіе въ стѣнахъ этого замка, но отчасти загадочное... Разъяснить все это будетъ однако не очень трудно... Надо отрыть трупъ дяди, покуда трупъ не разложился вполнѣ, и засвидѣтельствовать, что онъ мертвъ... А вы?.. Кто вы? Откуда?.. Не забудьте, что дядя умеръ съ признаками насильственной смерти. Вспомните тоже, что благодаря моему ребяческому малодушію, бабьему обмороку отъ суевѣрнаго страха, я тоже едва не былъ задушенъ. И задушенъ вѣдь... Лоренцъ запнулся было было на мгновенье, но вдругъ прибавилъ рѣшительно:—вами...

Наступило молчаніе, такъ какъ старикъ не отвѣчалъ ни слова, а Захеръ, снова пріййдя въ себя, снова угрюмо и злобно оглядывалъ обоихъ сидящихъ предъ нимъ.

— Что это за дерзкая игра?.. выговорилъ наконецъ тотъ.—Вмѣсто объясненья вашихъ преступныхъ, по истинѣ невѣроятныхъ поступковъ, вы что-то сочиняете... Вы наконецъ говорите мнѣ въ лицо, что я умеръ... Что вы, безумный, сумасшедшій?..

— Надо отрыть тѣло дяди, грозно вымолвилъ баронъ.—И тогда...

— Не безпокойтесь. Мною уже послана жалоба на васъ въ городъ... Вѣроятно завтра-же явятся сюда власти мной вызванныя и приступятъ къ разъясненію всей этой невѣроятной махинаціи. И прежде всего по моей просьбѣ выроютъ гробъ, въ которомъ вы кого-то или что-то похоронили. А теперь я объявляю вамъ, что вы можете удалиться. Вы должны быть въ замкѣ до пріѣзда суда. Васъ не выпустятъ! Но я не желаю, чтобы вы показывались мнѣ на глаза. Послѣ разъясненья всего — вы отправитесь куда хотите. Вы покинете мой замокъ навсегда... если... Если васъ не возьмутъ и не заключатъ въ тюрьму за ваши преступныя дѣйствія.

Лоренцъ быстро всталъ и хотѣлъ выдти, но вдругъ, осѣненный внезапною мыслью, остановился и вымолвилъ:

— Слушаю-съ... Я останусь здѣсь въ ожиданіи суда и разъясненія... Но позвольте мнѣ теперь-же спросить у васъ только одно... Дѣйствительно, произошло нѣчто преступное. Я вижу и вѣрю, конечно, что вы живы. Но вы гнѣваетесь на меня?.. Хотя я ни въ чемъ не виновенъ... Простирается-ли вашъ гнѣвъ до того, что вы захотите мстить мнѣ, наказать меня?.. Однимъ словомъ, я хочу узнать... та сумма денегъ, которую я отвезъ въ Кіевъ на храненіе по вашему указу полгода тому назадъ и которую вы обѣщали мнѣ со временемъ подарить, если вы будете довольны мною въ продолженіе года... Что съ ней будетъ?

— Я объ этомъ подумаю... Не знаю... нерѣшительно отозвался старикъ.

— Теперь вы это отнимете у меня?.. Эта сумма для васъ не имѣетъ никакого значенія, а для меня, человѣка неимущаго, это очень большое состоянье. Лишите-ли вы меня этого?..

— Не знаю.

— Вы помните по крайней мѣрѣ ваше обѣщаніе, помните что говорили?.. Или вы отказываетесь теперь отъ вашего честнаго слова? Свидѣтелей вѣдь не было, улыбнулся Лоренцъ,—и вы можете отказаться теперь...

Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Отвѣтъ милому. Картина Н. Д. Лосева, грав. Ю. Барановскій.

XVI передвижная выставка. Новоселье. Картина **В. М. Максимова.** грав. Ю. Барановскій.

— Нѣтъ, не отказываюсь... Но вѣдь было сказано, если я буду доволенъ вами... а развѣ теперь...

— Понимаю... Вы хотите отомстить... Вы обвиняете меня въ томъ, въ чемъ я столько-же виновенъ, какъ и всѣ обитатели зáмка видѣвшіе васъ въ гробу. Вы не отдадите мнѣ этихъ денегъ?..

— Хорошо. Согласенъ. Онѣ будутъ ваши...

— Благодарю. Помните-ли вы сколько тамъ?..

— Нѣтъ.. плохо помню... Кажется что... нѣтъ, не помню.

— Тамъ сто тысячъ... Помните-ли вы у кого они на сохраненіи и какія условія поставлены по вашему приказанію для полученія ихъ обратно? Все это пустяки, но пожелаете-ли вы все это исполнить теперь, при недовольствѣ мной? Согласны-ли вы будете?

— Да. Помню все. Согласенъ. На все... Но вы послѣ слѣдствія покинете зáмокъ и никогда не покажетесь мнѣ на глаза.

— Въ такомъ случаѣ напишите мнѣ письмо къ стряпчему для полученія этихъ денегъ... Вы помните его имя и званіе.

— Не помню хорошенько...

Наступила пауза... Старикъ говорившій все время съ опущенными глазами, поднялъ взглядъ на Охотскаго.

Лоренцъ улыбался дерзко и насмѣшливо.

— Изволите-ли видѣть, вдругъ выговорилъ онъ рѣзко, уже другимъ голосомъ и свысока,—трудно вспомнить то, чего никогда не говорилъ и не дѣлалъ. А еще мудренѣе помнить или знать то, что̀ дѣлалъ или не дѣлалъ другой. Никакихъ денегъ я по указу покойнаго дядюшки въ Кіевъ не возилъ и никакихъ денегъ онъ мнѣ не обѣщалъ... Я это выдумалъ сейчасъ. Вотъ на этомъ, то есть на такихъ вещахъ, я и осную мои доказательства суду, что вы — не *вы*... Я занимался всѣми дѣлами по зáмку Чамборъ два года... Вотъ я и буду просить у васъ отчета въ томъ, что̀ вы изволили мнѣ приказывать и что̀ я исполнялъ... Да кромѣ того... уже разсмѣялся Лоренцъ, — я попрошу разслѣдовать основательно кто задушилъ дядю и душилъ меня...

VIII.

Лоренцъ вышелъ изъ кабинета, прошелъ во дворъ и съ наслажденьемъ сталъ дышать свѣжимъ воздухомъ. Волненье и тревога снова овладѣли имъ.

„Странное, поразительное сходство“, думалъ онъ. „Но это не онъ!.. Мертвецы не приходятъ обратно... Но кто-же это? Какъ разгадать загадку... Кто разгадаетъ?“

И вдругъ Лоренцъ почти вскричалъ:

— Захеръ! Захеръ знаетъ все...

Подумавъ нѣсколько минутъ, Охотскій пришелъ къ полному убѣжденію, что старикъ-камердинеръ непремѣнно знаетъ — и онъ одинъ—тайную пружину этого невѣроятнаго приключенія.

„Онъ мнѣ мститъ за то, что я приказалъ ему покинуть зáмокъ. Но вѣдь я отвѣчалъ этимъ на возмутительное его обвиненіе меня въ смерти дяди. А если онъ былъ задушенъ... то кѣмъ-же, если не этимъ двойникомъ, который и меня пробовалъ душить?.. Когда Захеръ обвинялъ меня, онъ стало быть не зналъ о существованіи... этого загадочнаго двойника... Или они вмѣстѣ совершили преступленіе и хотѣли взвалить на меня... Отдѣлаться за-разъ отъ двухъ человѣкъ, чтобы остаться хозяевами въ замкѣ!.. А слезы, отчаяніе Захера при смерти дяди? Это что-же?.. Это была не игра. Онъ ходилъ убитый горемъ и только оживлялся при взглядѣ на меня, полномъ злобы и ненависти... Нѣтъ, онъ не могъ быть участникомъ преступленія. Боже мой! Голова кругомъ идетъ. Все путается... Это истинное дьявольское наважденье!“

Какое-то внутреннее чувство подсказывало барону идти тотчасъ-же прямо къ Захеру и кротко объясниться съ нимъ, попросить у него извиненія, примириться съ нимъ и умолять его объяснить все это невѣроятное приключеніе.

Но прирожденная гордость Лоренца не допустила его идти первому на мировую съ простымъ слугой, съ лакеемъ.

Почти весь зáмокъ перебралъ баронъ Охотскій, призывая и разспрашивая всѣхъ людей какъ произошло загадочное приключеніе, какимъ образомъ умершій и похороненный графъ оказался якобы живъ.

И баронъ узналъ, что на утро послѣ похоронъ всѣмъ обитателямъ было объявлено Захеромъ о происшедшемъ въ зáмкѣ неслыханномъ приключеніи. Въ преступномъ и дерзкомъ дѣяніи обвиняли конечно его, барона. По словамъ Захера, графъ, не сказавшись никому, выѣхалъ вдругъ ночью изъ замка послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безотлучнаго пребыванія. Этимъ отсутствіемъ и воспользовался баронъ, чтобы объявить его умершимъ и похоронить кого-то вмѣсто него.

— Съ ума вы сходите! восклицалъ Лоренцъ.—Да развѣ вы всѣ не видѣли графа мертвымъ? Развѣ вы не прощались съ нимъ, не видѣли его въ гробу? Развѣ самъ Захеръ не рыдалъ какъ ребенокъ, цѣлыя сутки не отходя отъ тѣла ни на шагъ?

Всѣ обитатели зáмка по-очереди соглашались съ барономъ, что дѣло крайне загадочно, невѣроятно, странно. Они видѣли всѣ покойника въ гробу, но такъ какъ предъ тѣмъ они долго не видали его, недопускаемые къ нему, то почти не могли признать черноватое лицо мертвеца за лицо ихъ владѣльца. Этотъ-же „нынѣшній“ графъ дѣйствительно очень похожъ на „прежняго“, но „что-то“ есть въ немъ „особенное“. Они всѣ только разъ были допущены къ нему, всѣ вмѣстѣ и вечеромъ... Графъ объяснилъ имъ дерзкое дѣяніе, жертвой котораго былъ онъ, и обѣщалъ, что власти разсудятъ все дѣло и накажутъ виновнаго... Имъ показалось всѣмъ, что графъ измѣнился. Голосъ у него былъ другой, даже ростомъ онъ какъ будто сталъ меньше... А главное, что̀ замѣтили всѣ, была новая манера его говорить съ людьми. „Тотъ“ графъ говорилъ всегда свысока, держался величественно, а „этотъ“ объяснялся просто, не важно, добродушно.

— Совсѣмъ другой сталъ! рѣшили всѣ они, когда вернулись къ себѣ.

Изо всѣхъ людей опрошенныхъ Лоренцомъ только одинъ, по имени Богданъ, сообщилъ ему наивно нѣчто, что̀ было лучемъ свѣта во тьмѣ, но конечно только для барона.

Этотъ человѣкъ, крайне глупый, почти дуракъ, но добрый и усердный, служившій въ зáмкѣ въ качествѣ помощника буфетчика, разсказалъ барону нѣчто, конечно не имѣвшее, по его мнѣнію, никакого соотношенія къ загадочному приключенію.

На вопросъ барона, помнитъ-ли онъ какъ Захеръ рыдалъ и убивался надъ трупомъ барина, Богданъ отозвался, что господинъ Захеръ и теперь горюетъ и часто плачетъ.

— Какъ и теперь? воскликнулъ баронъ.—Ты почемъ знаешь?

— Я прислуживаю ему и постоянно бываю въ его горницахъ. Онъ при мнѣ не стѣсняется потому, что я, какъ вамъ извѣстно, дуракъ. Я ничего не понимаю...

— Ну, ты вовсе не такъ глупъ! сказалъ баронъ. „Плохой тотъ дуракъ, который понимаетъ, что онъ дуракъ“, невольно подумалъ Охотскій и прибавилъ:—Почему-же ты полагаешь, что Захеръ и теперь горюетъ, плачетъ?..

— Я часто вижу какъ онъ сидитъ, вздыхаетъ и слезы утираетъ... Разъ я его спросилъ, объ чемъ онъ плачетъ. Онъ сказалъ мнѣ сердито: „Вамъ, скотамъ неблагодарнымъ, все ни по чемъ... А у меня сердце есть. Что̀ мнѣ теперь жить! Мнѣ тоже умирать пора...“

— *Тоже*? воскликнулъ Лоренцъ.—Онъ сказалъ это слово? Ты хорошо помнишь?

— Какое слово?

— *Тоже*...

— Онъ, стало быть, послѣ графа жить не хочетъ, потому что...

— Такъ по-твоему этотъ графъ не тотъ?.. Это другой?

— Какъ другой?.. глупо отозвался Богданъ.—Всѣ говорятъ вѣдь, что графъ никогда не помиралъ... А вотъ только господинъ Захеръ считаетъ, что графъ померъ, а этотъ тоже графъ, да не его...

— Какъ не его?.. нетерпѣливо, горя какъ на угольяхъ, спросилъ баронъ.

— Не знаю... Такъ онъ мнѣ сказалъ.

— Тебѣ сказалъ? Какъ онъ сказалъ? Какими словами?

— Сказалъ: „Онъ графъ, да не мой.“

Лоренцъ перестал разспрашивать Богдана, замолчалъ и задумался, но буфетчикъ самъ продолжалъ что-то разсказывать, къ чему Лоренцъ разсѣянно прислушивался. Наконецъ онъ явственно разслышалъ заключеніе рѣчи лакея:

— Какъ-же привыкнувши этакъ кушать, да вдругъ перестать. Непремѣнно помретъ и скоро помретъ.

— Кто помретъ? спросилъ Лоренцъ, придя въ себя.

— А господинъ Захеръ.

— Почему?

— Съ голоду.

— Что̀ ты врешь! Какъ съ голоду?

— Вѣрьте, баронъ. Я хоть и дуракъ, но это понимаю. Если завтра мнѣ перестанутъ давать пить и ѣсть, вѣдь я непремѣнно помру.

— Да развѣ Захеръ ничего не ѣстъ?

— Ѣстъ, но мало. Со всѣми людьми обѣдаетъ и ужинаетъ какъ и прежде, но отдѣльныхъ обѣдовъ и ужиновъ съ барскаго стола я уже больше ему въ горницу не ношу. Какъ-же послѣ долгой привычки кушать все вдвое, да вдругъ довольствоваться людскимъ столомъ?

— Объяснись! Я не понимаю! вскрикнулъ баронъ, у котораго сердце встрепенулось.

Богданъ подробно объяснилъ, что онъ со дня поступленія на службу въ зáмокъ, уже лѣтъ съ пять, ежедневно носилъ въ горницу Захера всѣ блюда съ барскаго стола: завтраки, обѣды и ужины.

— И все это съѣдалъ Захеръ?

— Да-съ.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ ѣлъ и съ людьми?

— Да-съ. Удивительно много ѣлъ... Мы всѣ всегда дивились. Снесу я ему цѣлый обѣдъ, онъ съѣстъ, а тамъ черезъ часъ времени идетъ съ нами ѣсть... А вѣдь какой худой!

— При тебѣ онъ ѣлъ?.. При тебѣ съѣдалъ барскій обѣдъ?

— Нѣтъ-съ. Почему же... Я уходилъ и приходилъ потомъ за посудой. Вотъ за людскимъ столомъ онъ при мнѣ и при всѣхъ ѣлъ.

— А графъ зналъ или нѣтъ про отпускъ кушаній Захеру съ его стола?

— Конечно зналъ-съ. Какъ же было не знать... Онъ самъ...

— Вѣрно-ли это?

— Вѣрно-съ. Онъ самъ иногда накладывалъ много кушанья, хорошаго, а г. Захеръ уносилъ къ себѣ и съѣдалъ.

Лоренцъ стоялъ какъ пораженный той мыслью или тѣмъ предположеніемъ, которое сразу проникло въ его голову.

— Такъ! Такъ! выговорилъ онъ вслухъ.—Этотъ дуракъ окажется умнѣе всѣхъ, полезнѣе всѣхъ.

Богданъ разсмѣялся добродушно.

IX.

Заявленіе загадочной личности, выдавшей себя за графа Зарѣцкаго, что уже послана жалоба городскимъ властямъ, было не угрозой.

Черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ барона Охотскаго, явилась цѣлая коммисія чиновниковъ. Баронъ невольно смутился... Все кругомъ казалось ему страшнымъ сномъ и вдобавокъ безсмысленнымъ сномъ.

Очевидно онъ, и онъ одинъ, является подсудимымъ, обвиняемымъ въ преступленіи.

И въ какомъ? Въ чемъ онъ былъ виновенъ? Въ томъ, что похоронилъ умершаго человѣка и хотѣлъ наслѣдовать по его законному завѣщанію.

Дворъ наполнился экипажами. Господа властители и судьи уже были въ большой залѣ за̀мка и ожидали выхода самого владѣльца для объясненій.

Баронъ Охотскій не зналъ что̀ ему дѣлать: идти-ли въ залу, или оставаться у себя и ждать вызова... на судъ и расправу...

Онъ рѣшилъ ждать.

Дѣйствительно, чрезъ часъ послѣ прибытія слѣдственной коммисіи, одинъ изъ служителей явился къ нему, прося его пожаловать въ гостиную по приглашенію господъ судей.

Лоренцъ двинулся въ парадныя комнаты и нашелъ въ гостиной семь городскихъ чиновниковъ.

Трое изъ нихъ сидѣли за столомъ, двое стояли около нихъ, а остальные двое были поодаль у окна.

Самого графа не было въ горницѣ.

Только одного изъ всѣхъ пріѣзжихъ зналъ Лоренцъ въ лицо, встрѣтивъ его у Праксина раза два. Охотскій внимательно присмотрѣлся къ его лицу. Что̀ выражаетъ оно? Это было важно для его соображеній.

Лицо и вся фигура этого чиновника, по фамиліи Бахмутскаго, а по происхожденію—еврея, изображало лишь одно веселое настроеніе. Его очевидно забавляло курьезное дѣло.

Бахмутскій оказался главнымъ въ этой присланной изъ города коммисіи. Любезность и предупредительность, съ которыми онъ обратился къ барону прося его сѣсть, ободрили Охотскаго.

— Я отряженъ его превосходительствомъ Викторомъ Павловичемъ Праксинымъ, разслѣдовать это странное приключеніе, сказалъ онъ.—Посланный отъ графа явился въ городъ чрезъ часъ послѣ вашего выѣзда. Господинъ Праксинъ посылалъ за вами нарочнаго, догнать васъ и вернуть, чтобы лично переговорить съ вами. Но посланный не нагналъ васъ. Потрудитесь теперь изложить намъ какимъ образомъ произошло все это странное приключеніе? Главное, позвольте узнать: согласитесь-ли вы тотчасъ объяснить намъ откровенно, кто былъ похороненъ вмѣсто графа?

— Позвольте мнѣ начать сначала, выговорилъ Охотскій и подробно сталъ разсказывать о кончинѣ дяди, слѣдахъ насильственной смерти, а затѣмъ перешелъ и къ своимъ собственнымъ подозрѣніямъ. Разумѣется, онъ не забылъ разсказать и приключеніе съ нимъ ночью въ кабинетѣ дяди, равно и показаніе Богдана.

Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, но наконецъ одинъ изъ господъ судей вдругъ началъ смѣяться.

Всѣ обернулись на него.

— Что вы? спросилъ Бахмутскій.

— Извините. Не утерпѣлъ. Господинъ баронъ такъ увлекательно и интересно разсказываетъ цѣлую исторію собственнаго измышленія, что я сначала дивился его способностямъ къ сочинительству, а затѣмъ ужь невольно и разсмѣялся.

— Вы не вѣрите? выговорилъ Охотскій.

— Ни слову. Извините: ни полслову. Да и какъ-же повѣрить? Былъ графъ Зарѣцкій на свѣтѣ, извѣстный на весь округъ, и есть теперь, вотъ тутъ рядомъ... Вы-же, извините, самымъ отчаяннымъ, дерзкимъ образомъ разсказываете намъ нелѣпѣйшія небылицы въ лицахъ и увѣряете, что живой человѣкъ сейчасъ съ нами говорившій—не живъ, а умеръ... и похороненъ... Согласитесь что...

Чиновникъ не договорилъ и началъ снова смѣяться.

— Извините меня, господинъ... не имѣю чести знать вашего имени...

— Завадскій, секретарь прокурора... къ вашимъ услугамъ.

— Извините, господинъ Завадскій. Я не утверждаю, что живой умеръ или мертвецъ живъ. Я утверждаю, что теперешній графъ... выдающій себя за графа-дядю и признанный за него прислугой за̀мка—не дядя графъ Зарѣцкій, а иной, изумительно на него похожій человѣкъ, его двойникъ.

— А графъ умеръ и похороненъ вами?

— Да-съ.

— Откуда-же взялся этотъ... ну этотъ по вашему самозванецъ?

— Не знаю... Я только утверждаю, что...

— А! господинъ баронъ, это не объясненіе! вспыльчиво выговорилъ Завадскій.—Можно дерзко утверждать, что на небѣ не одна луна, а двѣ... И на предложеніе указать вторую луну—отвѣчать: „я не знаю гдѣ вторая... Я только утверждаю, что она есть“.

— Но позвольте, вспылилъ наконецъ и Охотскій,—что̀ скажете вы, при отрытіи гроба, когда вы найдете тѣло покойнаго графа? Положимъ, что за это время трупъ его вѣроятно успѣлъ сильно разложиться, но тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, его можно будетъ узнать. Наконецъ... Стойте!.. Стойте!.. вскрикнулъ вдругъ Лоренцъ.—Какое счастье! Я вспомнилъ... Дядя всегда всю жизнь носилъ большой перстень съ двумя крупными рубинами замѣчательной красоты. Всѣ знали этотъ перстень... Я не рѣшился снять его съ пальца дяди и похоронилъ его съ нимъ... Спросите у людей, спросите у этого... выдающаго себя за дядю, человѣка, гдѣ теперь его всѣмъ извѣстный перстень?..

— Онъ у него на рукѣ, выговорилъ Бахмутскій.—Я его сейчасъ видѣлъ, ибо его нельзя не замѣтить...

— Не можетъ этого быть! воскликнулъ Охотскій.—Вы найдете его на тѣлѣ, когда мы выроемъ гробъ. Если у него есть перстень, то это подражаніе тому, настоящему. Я его оставилъ на дядѣ...

— Изволите видѣть, заговорилъ Бахмутскій.—Мнѣ кажется, что мы напрасно тратимъ слова. Пойдемте всѣ на отдыхъ. А завтра утромъ отправимтесь въ монастырь и тамъ при вскрытіи гроба—все и объяснится. Трупъ не могъ за все это время такъ измѣниться, чтобы прислуга не признала въ немъ хотя-бы малое сходство съ графомъ. Если найдется такое сходство—останется рѣшить вопросъ... И самый мудреный вопросъ!.. Который изъ двухъ графовъ подлинный графъ Зарѣцкій? Если есть двойникъ, то который изъ нихъ оригиналъ и который копія?

— Вѣрнѣе сказать: поддѣлка! вымолвилъ Охотскій.

— Завтра рѣшится въ монастырѣ первый вопросъ: есть ли между двумя людьми, живымъ и мертвымъ, такое поразительное сходство, какъ вы утверждаете, или-же нѣтъ ни малѣйшаго. Люди, правда, увѣряютъ, что видѣли мертвеца похожаго на графа, но вѣдь они не видали самого его три мѣсяца до его смерти.

— Не забудьте, господинъ баронъ, заговорилъ Завадскій,—что самъ графъ настаиваетъ на вырытіи тѣла. Онъ самъ началъ это дѣло, увѣряя, что гробъ или пустъ или въ немъ бревно, чурбанъ, а не трупъ.

— А мертвое тѣло, которое видѣли всѣ люди за̀мка? Что-жъ, оно было поддѣльное? воскликнулъ Охотскій.—Вѣдь всѣ они прощались съ дядей... Три дня они видѣли его, какъ и я... Это все шутка! Загадочная, невѣроятная, безобразная... Но всетаки, право, шутка.

— До завтра, господа. Пора на отдыхъ, сказалъ Бахмутскій.—А завтра утромъ кой-что разъяснится. Я, признаюсь, вѣрю господину барону... Во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ преступленія, а есть какая-то загадка. Авось мы съумѣемъ оправдать довѣріе Виктора Павловича и распутать дѣло.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Петрушка идетъ! (Рис. на стр. 500).

На стр. 500 помѣщена гравюра съ картины академика Алексѣя Ивановича Корзухина „Петрушка идетъ!“, представляющей одно изъ неприхотливыхъ развлеченій дачной жизни въ окрестностяхъ столицы. Чрезвычайно жизненно и правдиво передана вся сцена, притомъ очень мягко и пріятно написанная талантливымъ художникомъ.

Небольшія деревянныя или картонныя куклы, приводимыя въ движеніе непосредственно пальцами рукъ, на которыя онѣ надѣваются, или при помощи снурковъ, проволоки и даже особаго механизма, были извѣстны еще въ глубокой древности. Греки и римляне забавлялись кукольными представленіями. Во Франціи онѣ появляются подъ названіемъ маріонетокъ въ царствованіе Карла IX изъ Италіи, гдѣ и до настоящаго времени burattini, puppi, считаются однимъ изъ любимыхъ развлеченій всѣхъ классовъ общества. У насъ маріонетки, попросту называемыя *Петрушкой*, являются въ видѣ хорошо извѣстнаго, незатѣйливаго представленія даваемаго подъ открытымъ небомъ, подъ звуки охриплой шарманки.

Скоморохи, потѣшающіе народъ кукольной комедіей. (Рис. на стр. 501).

(Рисунокъ заимствованъ изъ путешествія Олеарія по Россіи, въ 1634 и 1636 гг.).

Предлагаемый нами рисунокъ помѣщенъ въ описаніи извѣстнаго путешественника, голштинскаго ученаго Адама Олеарія, дважды посѣтившаго „Московію“ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, по порученію своего правительства. Олеарій оставилъ намъ чрезвычайно любопытное и весьма важное въ историческомъ отношеніи описаніе своего проѣзда черезъ все Мо-

сковское государство, отъ рубежа и до Москвы, и подробный разсказъ о пребываніи въ Москвѣ. Этотъ разсказъ, довольно безпристрастный, пріобрѣтаетъ для насъ очень важное значеніе еще и потому, что Олеарій приложилъ къ своему путешествію очень много рисунковъ, изображающихъ бытъ, обычаи, одежды, жилища и народныя сцены изъ русской жизни XVII вѣка. Многіе изъ этихъ рисунковъ живо передаютъ русскую дѣйствительность той отдаленной эпохи; многіе другіе довольно вѣрно знакомятъ насъ съ общимъ видомъ русскаго города и русской деревни того времени.

Настоящій рисунокъ представляетъ намъ группу *скомороховъ* (потѣшниковъ), зашедшихъ въ деревню. Между тѣмъ какъ одни изъ нихъ потѣшаютъ толпу крестьянъ и крестьянскихъ ребятишекъ пляскою ручнаго медвѣдя, другіе играютъ на гусляхъ и на домрѣ (инструментъ, въ родѣ скрипки, но съ металлическими струнами), еще одинъ изумляетъ своихъ неприхотливыхъ зрителей кукольною комедіею, которую представляетъ на чрезвычайно оригинальной сценѣ. Сцена эта устроена такимъ образомъ: обручъ, укрѣпленный на двухъ жердяхъ, заткнутыхъ за поясъ скомороха, обшитъ по окружности холщевымъ полотнищемъ, которое скрываетъ всю верхнюю половину фигуры скомороха; нижняя часть этого полотнища также заткнута за поясъ скомороха, который, вынимая изъ-за пазухи то ту, то другую куклу и надѣвая ихъ на пальцы рукъ, выставляетъ ихъ изъ-за края обруча или даже сажаетъ ихъ на этотъ край, смотря по надобности.

Къ этому описанію рисунка, сохранившагося въ путешествіи Олеарія, добавимъ, что въ описываемое имъ время, скоморохи бродили по Руси цѣлыми ватагами, человѣкъ въ двадцать - тридцать и болѣе. Они водили съ собою ученыхъ собакъ, медвѣдей и другихъ разныхъ звѣрей. Въ мѣшкахъ за спиною они носили всякіе шутовскіе костюмы, берестяныя шапки, рогожные кафтаны и *личйны* или *хари* (т. е. маски). Начиная свое представленіе, они разстилали на землѣ платъ, вскрывали свои мѣшки и коробьи съ одеждой, и затѣмъ плясали, кувыркались и разыгрывали передъ зрителями небольшія сценки весьма неприличнаго содержанія. Сценки эти сопровождались музыкой и пѣніемъ пѣсенъ, которыя, по содержанію, были очень близки къ остальнымъ скоморошьимъ играмъ. По окончаніи представленія, одинъ изъ скомороховъ обходилъ зрителей, собирая съ съ нихъ подачки деньгами, холстомъ, провизіей и т. п. Являясь на приходскіе праздники, скоморохи требовали себѣ угощенія пивомъ, такъ какъ обычай варить пиво въ праздникъ мѣстнаго Святаго (сохранившійся и доселѣ) былъ въ XVII вѣкѣ повсемѣстнымъ. Случалось, что крестьяне не хотѣли допускать у себя скоморошьихъ игръ, чтобы не угощать скомороховъ; но скоморохи, пользуясь численностью своей ватаги, начинали *„играть сильно“* (т. е. насильно, противъ желанія крестьянъ) и заставляли себя угостить пивомъ. Противъ такихъ насилій, какъ и вообще противъ буйства и неприличія скоморошьихъ ватагъ, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича были приняты такія суровыя мѣры, что скоморошество мало-по-малу стало исчезать и наконецъ вывелось безслѣдно. Послѣдніе потомки древнихъ скомороховъ — поводари ученыхъ ручныхъ медвѣдей, бродившіе по Россіи еще въ началѣ прошлаго царствованія, — исчезли недавно, послѣ того какъ ихъ промыселъ былъ воспрещенъ и подвергся преслѣдованіямъ со стороны полицейскихъ властей и обществъ покровительства животнымъ.

„Завѣтный мостикъ“, Н. Оболенскаго.

(Рис. на стр. 505).

Молодой художникъ, долго прожившій на Кавказѣ, воспроизвелъ въ прилагаемомъ рисункѣ одну изъ живописныхъ мѣстностей, которыми тамъ богата древняя Колхида. Глухое ущелье съ перекинутымъ чрезъ него животрепещущимъ мостикомъ, оживляется четою влюбленныхъ, которые избрали этотъ тихій уголокъ для своихъ свиданій. Казацкіе нравы отличаются большою свободой, но истинная любовь всегда стыдлива и робко прячетъ до свадьбы отъ нескромнаго взора весеннюю свѣжесть перваго чувства...

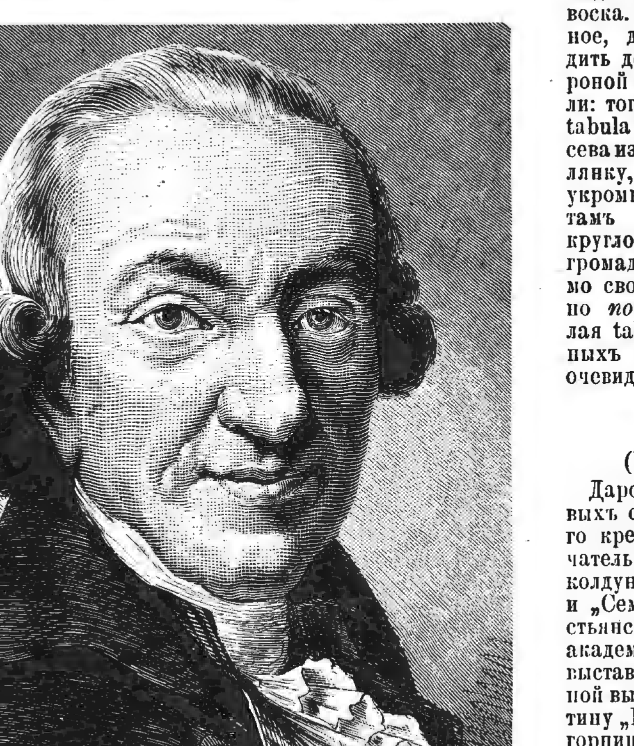
Отвѣтъ милому. (Рис. на стр. 508.)

Древніе римляне писали, какъ извѣстно, на деревянныхъ дощечкахъ, называемыхъ таблицами и покрытыхъ воскомъ, употребляя вмѣсто пера грифель (стиль), остріемъ котораго они выдавливали буквы на мякоти воска. Чтобы стереть написанное, достаточно было погладить дощечку оборотною стороной стиля и буквы исчезали: тогда дощечка называлась tabula rasa. Картина Н. Д. Лосева изображаетъ молодую римлянку, которая, удалясь въ укромный уголокъ террасы и тамъ уютно примостясь на круглой скамьѣ, у подножія громадной урны, пишетъ письмо своему милому, безпрестанно *поправляя стиль*, т. е. дѣлая tabula rasa изъ написанныхъ строкъ, которыми она очевидно недовольна.

Новоселье.

(Рис. на стр. 509).

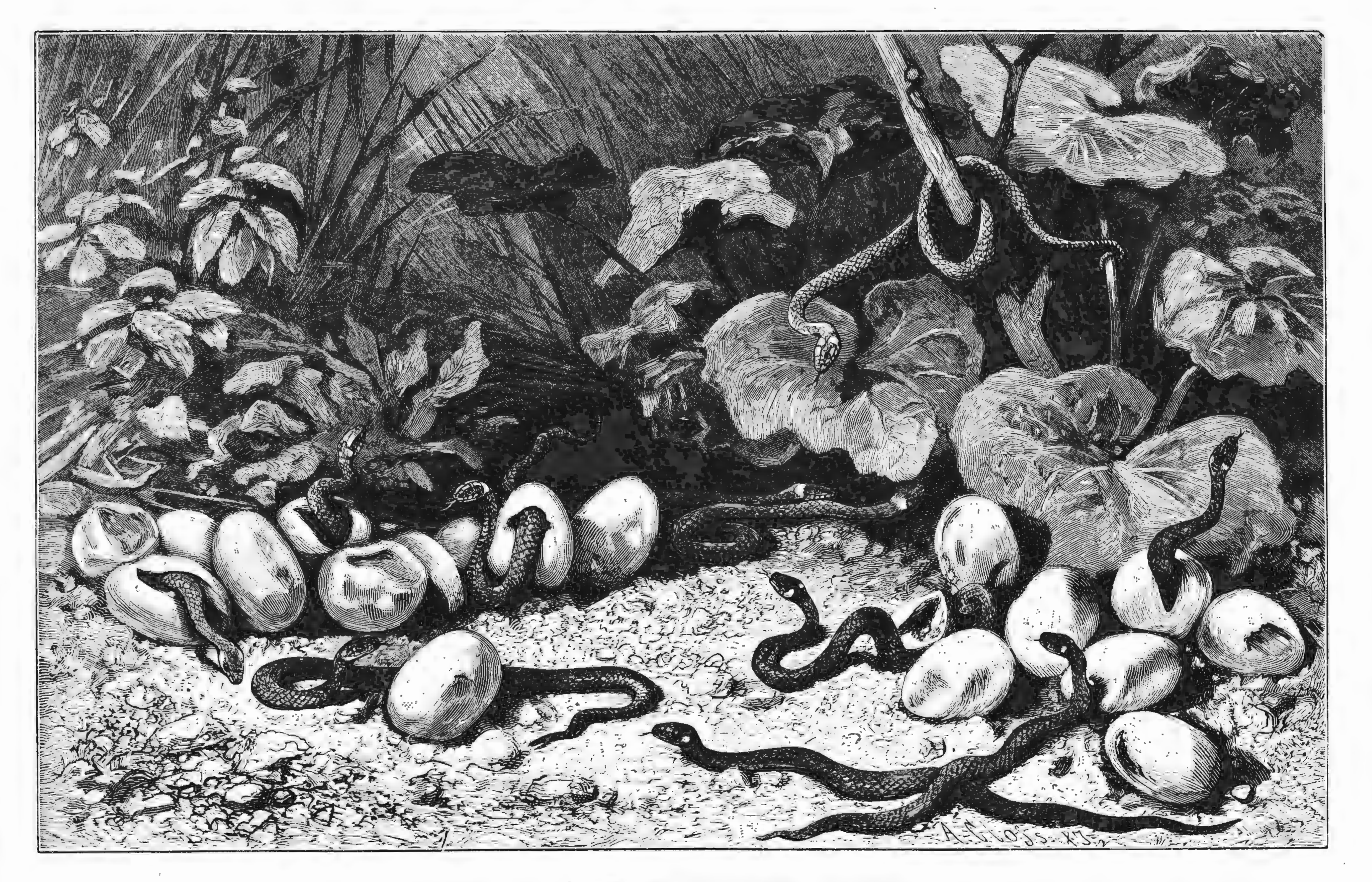
Даровитый живописецъ бытовыхъ сценъ изъ жизни русскаго крестьянства, авторъ замѣчательныхъ картинъ „Приходъ колдуна на свадьбу“ (1875 г.) и „Семейный раздѣлъ въ крестьянскомъ быту“ (1876 г.), академикъ В. М. Максимовъ выставилъ на XVI передвижной выставкѣ прекрасную картину „Новоселье“. Въ свѣтлой горницѣ новаго дома хозяинъ привѣтливо встрѣчаетъ гостей, пришедшихъ поздравить его съ новосельемъ. Въ переднемъ углу, подъ образами, у стола, на которомъ все приготовлено для молебна, съ одной стороны помѣстился батюшка, а по другую сторону присѣлъ дьячекъ, раздувающій угольки въ кадилѣ.



К. М. Виландъ (по поводу 75-й годовщины со дня смерти).
По современ. портр. рис. и грав. А. Нейманъ.

Виландъ. (Портр. на этой стр.).

Германія вступила въ XVIII вѣкъ при полномъ порабощеніи образованныхъ классовъ французскому вліянію. Только съ половины XVIII ст. зародилось въ нѣмецкой литературѣ стремленіе стряхнуть псевдоклассицизмъ и создать противодѣйствіе французскому „просвѣщенію“. Главный представитель новаго направленія, Кристофъ-Мартинъ Виландъ, род. 5 сент. 1733 г., въ Обергольцеймѣ, близь Бибераха въ Швабіи. Первоначально онъ воспитывался дома, подъ руководствомъ отца, знатока древнихъ языковъ. Въ 1750 г. онъ поступилъ въ Тюбингенскій университетъ и предпочтительно занимался словесными науками. Еще въ университетѣ онъ издалъ „Анти-Овидія“, библейскую поэму „Испытаніе Авраама“ и рядъ другихъ произведеній въ духѣ „христіанской поэзіи“ Клопштока. Второй періодъ его литературной дѣятельности начался съ переѣздомъ въ родной Биберахъ, гдѣ онъ занялъ служебную должность. Здѣсь онъ перевелъ и издалъ Шекспира. Благодаря легкости стиля Виланда, онъ сдѣлалъ популярною нѣмецкую литературу. Отличаясь неутомимою производительностью, онъ стремился привить свои новыя воззрѣнія ко всѣмъ отраслямъ нѣмецкой литературы. Въ 1769 г. Виланда назначили профессоромъ философіи въ Эрфуртскій университетъ, а въ 1772 г. онъ назначенъ въ наставники Веймарскаго принца. Здѣсь, въ Веймарѣ, онъ прожилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ тѣсной дружбѣ съ Шиллеромъ, Гёте и Гердеромъ. Переѣхавъ въ Веймаръ вмѣстѣ съ женою, онъ занялся изданіемъ журнала „Нѣмецкій Меркурій“ и въ своихъ произведеніяхъ продолжалъ проводить то реально-ясное воззрѣніе на жизнь, крайности котораго смягчались здравымъ смысломъ и граціозностью. Сдѣлавшись издателемъ „Меркурія“, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался средоточіемъ литературнаго движенія и, будучи однимъ изъ соучастниковъ Веймарскаго классическаго періода, Виландъ, вопреки всѣмъ нападкамъ, до конца жизни пользовался любовью всего нѣмецкаго народа. Наибольшимъ успѣхомъ Виландъ обязанъ произведеніямъ третьяго періода, въ которыхъ онъ проявилъ свои лучшія свойства. Здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить:



Ужи выходящіе изъ яицъ. Рис. Дерингъ, грав. Клостъ.

романъ „Абдеритяне“, въ которомъ онъ выводитъ смѣшныя стороны нѣмецкаго мѣщанства; богатую красками романтическую поэму „Оберонъ“, сюжетомъ для которой послужилъ старый французскій романъ „Huon de Bordeaux“, и рядъ поэтическихъ превосходныхъ разсказовъ.

Слишкомъ 40 лѣтъ прожилъ Виландъ въ Веймарѣ. Затѣмъ купилъ близь Веймара имѣніе, но по обстоятельствамъ долженъ былъ опять переѣхать въ городъ, гдѣ имѣлъ несчастіе пережить жену, друга и покровительницу герцогиню Амалію, Гердера, Шиллера и другихъ близкихъ ему людей. Виландъ скончался 20 января 1813 г., на 81 году жизни, оставивъ 14 дѣтей. На русскій языкъ переведены многія изъ его произведеній.

Молодые ужи. (Рис. на стр. 513).

Одною изъ самыхъ распространенныхъ змѣй въ Европѣ является обыкновенный или кольчатый ужъ, часто называемый также плавающимъ или водянымъ ужомъ (Tropidonotus natrix). Длиною онъ бываетъ не болѣе 4 футовъ, причемъ самцы всегда меньше самокъ. Отличительными признаками ужа служатъ два бѣлыя или оранжевыя полулунныя пятна позади висковъ и два ряда идущихъ вдоль хребта темныхъ пятенъ, которыя ясно выступаютъ на темной синевато-сѣрой кожѣ; по обоимъ бокамъ идутъ бѣловатыя пятна, а брюхо ужа черное. Обыкновенный ужъ любитъ покрытые кустарникомъ берега болотъ, овраговъ, медленно текущихъ ручьевъ и рѣкъ, а также сырые лѣса, хотя ужа можно встрѣтить и на высокихъ горахъ, вдали ото всякой воды. Нерѣдко онъ приближается къ человѣческому жилью и тамъ поселяется подъ щебневыми, сорными или навозными кучами, въ погребахъ и курятникахъ. Лучше всего онъ уживается съ утками. Эти всеядныя птицы не трогаютъ ужа, вслѣдствіе свойственнаго ему особаго запаха. Питается ужъ, главнымъ образомъ, лягушками и маленькими рыбками, которыхъ проглатываетъ цѣликомъ. Сильно проголодавшись, ужъ не брезгаетъ ящерицами, кротами, тритонами и саламандрами, но послѣднія ему не по вкусу. Какъ ужъ пожираетъ свою добычу — противно видѣть. Онъ не убиваетъ свою жертву, но хоронитъ ее живою въ нѣдрахъ своего желудка. Лягушку онъ обыкновенно старается схватить за голову, но если это не удается сразу, онъ хватаетъ ее какъ попало и медленно втягиваетъ въ широко раскрытую глотку, причемъ лягушка кричитъ, карабкается и напрягаетъ всѣ силы, чтобы спастись, что ей, однако, рѣдко удается. При сильномъ голодѣ, ужъ можетъ пожрать за одинъ разъ до полудюжины большихъ лягушекъ, около 15 маленькихъ или сотню головастиковъ, но послѣ того онъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ живетъ безъ пищи, что наблюдалось у пойманныхъ ужей. По описаніямъ естествоиспытателей, обыкновенный ужъ очень интересное и граціозное животное, въ особенности когда онъ рѣзвится въ водѣ. На поросшихъ кустарникомъ берегахъ тихихъ водъ можно безъ труда наблюдать за его подвижностью и живостью. Часто съ того мѣста, гдѣ онъ грѣлся на солнцѣ, онъ соскальзываетъ въ воду, чтобы покупаться. Большею частью держа голову на поверхности воды, ужъ, извиваясь, движется впередъ, притомъ постоянно шевеля языкомъ. Иногда онъ плыветъ подъ водою, причемъ выбрасываетъ пузыри воздуха. Если его преслѣдуютъ или испугаютъ, онъ спасается обыкновенно по дну рѣки или озера, и тогда только показывается на поверхность, когда считаетъ себя вполнѣ въ безопасности. Если ужу надо переплыть большое разстояніе, онъ наполняетъ, насколько можетъ, свои легкія воздухомъ, отчего его тѣло дѣлается значительно легче; напротивъ, при нырянiи, онъ совершенно опоражниваетъ ихъ. По достовѣрнымъ наблюденіямъ, ужъ можетъ находиться часами подъ водою, переплывать широкія рѣки и озера и вообще проплывать большія пространства: его неоднократно встрѣчали въ морѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Убивать ужей изъ ненависти, отвращенія или шалости нѣтъ никакого основанія. Они вполнѣ безвредны и ихъ неядовитый укусъ наноситъ совсѣмъ незначительную ранку, подобную уколу или царапинѣ булавки. Поймать его руками вообще легко, такъ какъ по землѣ онъ ползетъ не особенно скоро. Но на крутыхъ склонахъ, гдѣ онъ сползаетъ съ быстротою молніи, пастичь его нѣтъ никакой возможности. Кромѣ того ужъ ловко лазаетъ и нерѣдко забирается на довольно высокія деревья. Когда онъ видитъ, что его преслѣдуютъ и онъ не можетъ ползти далѣе, онъ перескальзываетъ съ высокихъ вѣтвей внизъ на сосѣднее дерево, или попросту падаетъ на землю и убѣгаетъ безъ вреда. Зиму ужъ проводитъ въ спячкѣ: къ ноябрю забирается въ свою норку и свертывается тамъ для спячки, отъ которой просыпается въ концѣ марта или началѣ апрѣля, и вскорѣ затѣмъ линяетъ. Съ конца іюля и до сентября самка кладетъ въ сыроватомъ, мягкомъ и защищенномъ мѣстѣ отъ 15 до 36 яицъ, соединенныхъ одно съ другимъ, подобно бусамъ, студенистою массою и похожихъ по величинѣ и виду на голубиныя яйца, но гораздо мягче послѣднихъ. Три недѣли спустя изъ нихъ вылупляются вполнѣ развитые молодые ужи. Они достигаютъ въ то время до полуфута и тотчасъ начинаютъ вести образъ жизни такой же, какъ и взрослые. Если тогда стоитъ холодная и суровая погода, они отыскиваютъ себѣ убѣжище и въ немъ проводятъ время до слѣдующей весны; если же погода благопріятна, они тотчасъ принимаются за охоту на маленькихъ лягушекъ, головастиковъ и т. п. Они всецѣло предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ самка послѣ кладки яицъ не заботится болѣе о потомствѣ. Рисунокъ на стр. 513 изображаетъ ящикъ террарiума, въ которомъ только что вылупились изъ яицъ молодые ужи. Въ неволѣ, при хорошемъ уходѣ, ужи проживаютъ по нѣскольку лѣтъ.

Ноги и обувь. (Рис. на стр. 516).

Сдѣлать обувь строго соотвѣтственную данной ногѣ — дѣло не легкое, о трудности котораго большинство публики пребываетъ въ полномъ невѣдѣніи. Кто дастъ себѣ трудъ внимательно разсмотрѣть нѣсколько паръ человѣческихъ ногъ, тотъ пойметъ, какъ разнообразны могутъ и должны быть тѣ требованія, которыя предъявляются къ хорошему сапогу. Тутъ дѣло идетъ не только о сооруженіи прочнаго, сшитаго по модѣ футляра для ноги, но, главнымъ образомъ, о созданіи такой части одежды, которая должна содѣйствовать возможно продолжительному служенію одной изъ важнѣйшихъ частей человѣческаго тѣла,— которая не наносила-бы вреда сложному механизму человѣческой ноги, служила-бы защитою отъ непогоды, особенно противъ сырости и въ то же время не препятствовала-бы выдѣленію испарины. А исполненію всѣхъ этихъ условій прежде всего противится уже то обстоятельство, что двѣ совершенно схожія между собою пары ногъ составляютъ такую-же рѣдкость, какъ и двѣ совершенно одинаковыя физіономіи.

Наши невзыскательные предки, да и большая часть нынѣшняго простонародья, въ этомъ отношеніи куда счастливѣе насъ. При простомъ и суровомъ образѣ жизни нога часто въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не знаетъ никакой обуви, и этимъ путемъ пріобрѣтаетъ несравненно рѣзче выраженную способность сопротивляться неблагопріятнымъ условіямъ, чѣмъ ноги культурнаго человѣка. Развивающаяся цивилизація не только способствуетъ утонченности нравовъ, но изнѣживаетъ и всю организацію человѣка; такимъ-то путемъ современная публика и дошла до нынѣшняго уровня требованій, предъявляемыхъ къ обуви.

Нужно замѣтить, что простое копированіе внѣшней формы ноги, при изготовленіи обуви, ни къ чему не ведетъ. Скорѣе здѣсь можетъ имѣть значеніе строеніе скелета ноги, который представляетъ собою сложную рессору, несущую на себѣ весь грузъ человѣческаго тѣла и смягчающую при каждомъ шагѣ напоръ этого груза на основаніе ноги. Правильное-же выполненіе такой задачи возможно только при томъ условіи, чтобы всякій сгибъ и сдвигъ этой рессоры совершался безъ малѣйшей помѣхи. Разъ обувь не удовлетворяетъ этому основному требованію,—послѣдствіемъ является быстрое утомленіе, неспособность къ продолжительной ходьбѣ, а съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени такая несоотвѣтственная обувь доведетъ до слабости и болѣзней ногъ, которыя могутъ сдѣлаться истинною отравою существованія.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ было сдѣлано не мало попытокъ ввести въ Россіи механическое производство обуви. Заграницею это производство уже давно поставлено на высокую степень развитія и снабжено разнообразными, остроумно приспособленными къ дѣлу машинами. Такъ какъ при этихъ машинахъ крайне затруднительна обработка плохаго, непрочнаго товара, то фабричное производство обуви представляетъ весьма важную выгоду для потребителя: оно гарантируетъ ему обязательно прочный продуктъ. Далѣе, на фабрикахъ сапожный товаръ обрабатывается на желѣзныхъ колодкахъ, причемъ кожа тщательно пригоняется на разнообразныя модели ногъ. Фабрика, заготовляющая ежегодно сотни тысячъ паръ обуви, конечно, должна затрачивать большія средства на заготовку хорошихъ, разнообразныхъ формъ колодокъ.

Механическое производство даетъ возможность создать типъ обуви соотвѣтствующій во всѣхъ отношеніяхъ потребностямъ недостаточнаго класса, что является новымъ доказательствомъ того положенія, что успѣхи промышленности всегда служатъ на пользу массѣ населенія.

На такихъ-то основаніяхъ было открыто механическое производство обуви и въ Петербургѣ, Товариществомъ, возникшимъ въ 1882 году. Обувь этой фабрики быстро проникла во всѣ уголки обширной Русской земли. Товарищество обладаетъ собственнымъ кожевеннымъ заводомъ, тремя магазинами для розничной продажи въ Петербургѣ, двумя въ Москвѣ и однимъ въ Одессѣ, и, кромѣ того, складами обуви во всѣхъ большихъ городахъ. Съ самаго своего основанія, Товарищество держалось правила: давать прочную, изготовленную на цѣлесообразной колодкѣ обувь по возможно дешевой цѣнѣ. Этому основному правилу, строго примѣненному на дѣлѣ, Товарищество и обязано своимъ успѣхомъ, несмотря на упорную борьбу, которую приходится вести противъ уродливыхъ капризовъ господствующей моды. Товарищество держитъ на фабрикѣ обуви около 400 и на кожевенномъ заводѣ около 190 рабочихъ, значительное число искусныхъ, опытныхъ мастеровъ, нѣсколько техниковъ, и множество прикащиковъ и конторщиковъ. Оно выпускаетъ въ продажу около 200 разнообразнѣйшихъ фасоновъ башмаковъ и сапогъ, начиная отъ туфелекъ груднаго ребенка до кавалергардскихъ ботфортъ. Уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Товарищество служитъ поставщикомъ сапогъ для квартирующихъ въ Петербургѣ казачьихъ полковъ—свидѣтельство въ пользу широкаго распро-

страненія его товара. Фабрика перерабатываетъ ежегодно на 400,000 рублей сырого матерьяла, почти исключительно русскаго производства; плата рабочимъ достигаетъ въ годъ 100—120,000 рублей; сумма жалованья служащимъ превосходитъ 50,000 руб. Многочисленныя машины, приспособленныя къ производству обуви, почти всѣ выписаны изъ Америки; однѣ изъ нихъ предназначены для выкраиванія подошвъ и прочихъ частей обуви, другія для сшиванія, для выкройки, набивки и отдѣлки каблуковъ; есть особыя машины для отдѣлки подошвъ и даже для выбиванія фабричнаго клейма, которымъ снабжается каждая, выдержавшая браковку, пара обуви. Машины приводятся въ движеніе 20-сильнымъ паровымъ двигателемъ, котелъ котораго служитъ также источникомъ пара, коимъ согрѣвается обширное, хорошо провѣтриваемое помѣщеніе фабрики. Освѣщеніе производится газомъ, добываемымъ изъ нефтяныхъ остатковъ въ особой пристройкѣ.

Фабрика ежедневно изготовляетъ отъ 700 до 800 паръ обуви, которая расходится по всей Россіи, проникая въ далекія сѣверныя окраины Финляндіи, въ Сибирь, въ Закавказье; даже славившіяся своею обувью привислинскія губерніи и тѣ стали потреблять товаръ Петербургской фабрики механической обуви. На югѣ Россіи, любимая тамъ австрійская обувь также постепенно вытѣсняется петербургскою механическою.

Прилагаемые рисунки представляютъ зданіе фабрики на Обводномъ каналѣ и то ея отдѣленіе, въ которомъ около 100 женщинъ и дѣвушекъ занимаются сшивкою обуви на машинахъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ.

Интересная вертушка. (Рис. на стр. 517).

Опытъ, изображенный на рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 517, продѣлывается чрезвычайно просто. Для этого нужны пробка съ иголкой, воткнутою въ нее ушкомъ, и кусочекъ бумажки. Надо взять обыкновенную писчую бумагу, вырѣзать изъ нея небольшую полоску, длиною дюйма въ 2 съ небольшимъ и шириною менѣе ½ дюйма. Сложивъ ее вчетверо, чтобы опредѣлить центръ ея, надо затѣмъ развернуть ее и слегка приподнять противоположные углы по діагонали прямоугольника. Приготовивъ бумажку такимъ образомъ, ее кладутъ въ равновѣсіи на острiѣ иглы. Когда она будетъ лежать на немъ совершенно покойно, къ ней осторожно придвигаютъ руку или еще лучше обѣ, стараясь не прикоснуться до бумажки и не нарушить ея покоя; тотчасъ она начнетъ вертѣться. Нѣкоторые приписываютъ появленіе движенія въ бумажкѣ животному магнетизму, но это невѣрно; явленіе гораздо проще объясняется физически: воздухъ нагрѣвается отъ прикосновенія съ руками, подымается и заставляетъ вращаться полоску бумажки, дѣйствуя на косо приподнятые углы ея.

Плотность жидкостей. (Рис. на стр. 517).

Возьмите двѣ рюмки одинаковой величины, наполните одну изъ нихъ виномъ (фиг. 1, рис. на стр. 517), а другую — водой (фиг. 2). Покройте вторую рюмку листкомъ бумаги. Затѣмъ безъ особеннаго труда осторожно переверните ее и поставьте на рюмку съ виномъ, какъ это изображено на фиг. 3. Послѣ того постарайтесь вытащить бумажку одною рукой, въ то время какъ другая придерживаетъ рюмку надъ рюмкой. Какъ только бумажка немного отойдетъ отъ внутренняго края рюмокъ, она изогнется и приметъ форму лежащаго S (∽), образуя два жолобка, по которымъ жидкости устремятся: вино, какъ болѣе легкое, въ верхнюю рюмку, а вода въ нижнюю (фиг. 4), причемъ жидкости въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не смѣшаются, пока содержимое верхней рюмки не займетъ мѣсто содержимаго нижней.

Къ юбилею А. Н. Майкова

30 апрѣля 1888 года.

Въ той странѣ волшебной, гдѣ малютка-фея
Съ чашечки фіалки медъ душистый пьетъ,
Гдѣ къ стыдливой розѣ страстью пламенѣя,
Соловей рокочетъ ночь всю напролетъ.

Гдѣ въ цвѣтахъ душистыхъ, сынъ веселый Мая,
Крылышками блещетъ рѣзвый мотылекъ, —
Изъ-подъ корня дуба, серебромъ сверкая,
Выбѣжалъ игриво свѣтлый ручеекъ,

И помчался въ поле... тамъ онъ развернулся...
Шире... глубже... струйка стала ужь волной,
Небосводъ прозрачный въ волны окунулся
И глядитъ оттуда чудной синевой.

А рѣка все шире... Царственнымъ потокомъ
Мчится, раздвигая каменистый брегъ,
Вотъ ужь *полстолѣтья* восхищеннымъ окомъ
Мы слѣдимъ рѣки той величавый бѣгъ.

Погляди какъ властно, міръ весь отражая,
Волны всепобѣдно рвутся въ небеса...
Преклони колѣна, чуешь—неземная
Въ тѣхъ волнахъ таится сила и краса.

Ѳ. Ѳ Тютчевъ.

Политическое обозрѣніе.

Здоровья Германскаго и Бразильскаго императоровъ и короля Голландскаго.—Событія въ Сербіи, Италіи и Франціи.

Въ то время какъ состояніе здоровья императора Фридриха постоянно улучшается, нездоровье короля Голландскаго и императора Бразильскаго внушаетъ серьезныя опасенія. Первый изъ нихъ серьезно и давно боленъ почками, а у Бразильскаго императора, 28 апрѣля, наканунѣ того дня, когда телеграфъ принесъ радостное извѣстіе объ единодушномъ постановленіи палаты депутатовъ — немедленно отмѣнить рабство безъ всякихъ условій, что было также одобрено сенатомъ, появились серьезные признаки воспаленія мозга, сопровождавшіеся лихорадкой. Д-ръ Семола считаетъ положеніе его величества серьезнымъ и вызвалъ въ Миланъ по телеграфу на консультацію профессоровъ Шарко изъ Парижа и Де-Джованни изъ Падуи. Опасность увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что императоръ Дом-Педро страдалъ въ это время плевритомъ. Впрочемъ, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, лихорадка у Бразильскаго императора стала слабѣе и упадокъ силъ прекратился. — Что касается состоянія здоровья императора Фридриха, то лихорадка и кашель почти прекратились и силы увеличиваются. 1 мая, вставъ съ постели, его величество безъ посторонней помощи прошелъ въ свою рабочую комнату и со времени кризиса надѣлъ въ первый разъ гражданское платье. 4 мая, императоръ сдѣлалъ первую прогулку въ экипажѣ по шарлоттенбургскому парку.

Король Миланъ, не удовлетворившись распущеніемъ министерства Груича, уволилъ послѣдняго въ отставку съ пенсіею за то, что тотъ подтвердилъ сдѣланное имъ заявленіе, якобы австрійскій посланникъ открыто стремился къ ниспроверженію радикальнаго кабинета. Въ связи съ этимъ, телеграфируютъ изъ Вѣны: „Генгельмюллеръ вызванъ въ Вѣну для объясненія причинъ увольненія Груича". Черезъ 4 дня послѣ того и самъ король Миланъ отправился, 2 мая, въ Вѣну, въ сопровожденіи небольшой свиты, на нѣсколько дней, дабы повидаться съ королевой Наталіей, во время пребыванія которой въ этомъ городѣ, ее посѣтилъ императоръ Францъ-Іосифъ и пробылъ у нея четверть часа. Королева принимала также графа Кальноки, аудіенція котораго длилась часъ.

Сообщая объ этихъ свиданіяхъ, депеша добавляла, что королева Наталія навѣрное отправится обратно въ Бѣлградъ. Но, какъ теперь извѣстно, этого не случится, и королева Наталія поѣдетъ съ наслѣднымъ принцемъ въ Висбаденъ.

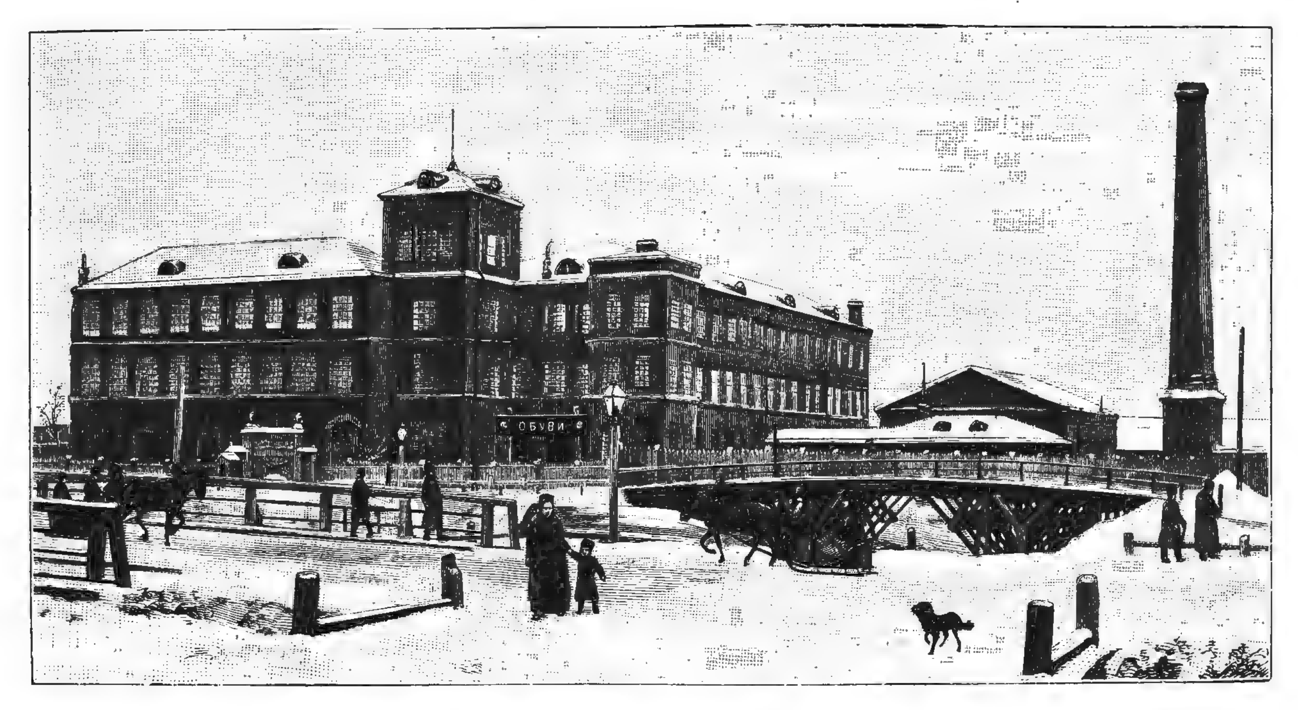
Въ Италіи за это время палата депутатовъ была занята преніями о политикѣ итальянскаго правительства въ Африкѣ. Безкровную и спокойную экспедицію генерала Санъ-Марцано можно считать оконченною и притомъ оконченною ничѣмъ, хотя палата еще не приняла предложенія объ отозваніи войскъ изъ Африки. Во время преній Криспи заявилъ, что правительству слѣдуетъ ограничиться занятою территоріею и воздержаться отъ нападеній. Криспи увѣренъ въ заключеніи почетнаго мира, чего желаютъ тоже Англія и негусъ. Отъ прежнихъ завоеваніяхъ итальянскихъ республикъ не осталось де и слѣда и въ этомъ отношеніи возрожденной Италіи приходится начинать все сызнова. Колоніальное распространеніе есть жизненный элементъ современныхъ народовъ. Въ заключеніе Криспи сказалъ: „Мы находимся въ Массовѣ — и должны тамъ оставаться".

Съ большимъ шумомъ и трескомъ совершается экспедиція буланжистовъ во Франціи противъ палаты и конституціи. „Бравый генералъ" только что совершилъ поѣздку по Сѣверному департаменту, сопровождавшуюся оваціями буланжистовъ и побіеніемъ ихъ противниковъ. Выѣхалъ Буланже изъ Парижа довольно тихо, но, начиная съ Арраса, началось настоящее тріумфальное шествіе. Повсюду восторженныя встрѣчи, оваціи, банкеты, рѣчи и проч. Въ Дуэ Буланже произнесъ рѣчь, въ которой нападаетъ на нынѣшнюю конституцію.

На банкетѣ въ Лиллѣ Буланже сказалъ, между прочимъ, что программа его дѣйствій: „распущеніе палаты, пересмотръ конституціи и созывъ учредительнаго собранія", заставила палату очнуться отъ летаргическаго сна. Спокойная реформа и установленіе прочнаго правленія невозможны при существованіи конституціи ставящей министерства въ зависимость отъ ми-

лости безнравственныхъ коалицій. Вы де избираете депутатовъ для того, чтобы они заботились о васъ, а они заботятся о самихъ себѣ; обманъ этотъ продолжаться не можетъ.

А палата, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ о своей неспособности проявить серьезную дѣятельность, 3 мая, вотировавъ въ принципѣ установленіе таможенной пошлины съ кукурузы и принявъ затѣмъ предложеніе объ освобожденіи отъ сбора различныхъ видовъ этого продукта, отвергла, въ заключеніе, весь проектъ въ совокупности. Депутатъ Морисъ замѣтилъ, что палата, дѣйствуя такъ, представила новый аргументъ въ пользу ея распущенія. Бывшій министръ Рувье не постѣснился возразить, что покровительственныя пошлины были вотированы съ цѣлью благопріятствовать сѣверной полосѣ, а между тѣмъ извѣстно, какъ населеніе ея отвѣтило на это.

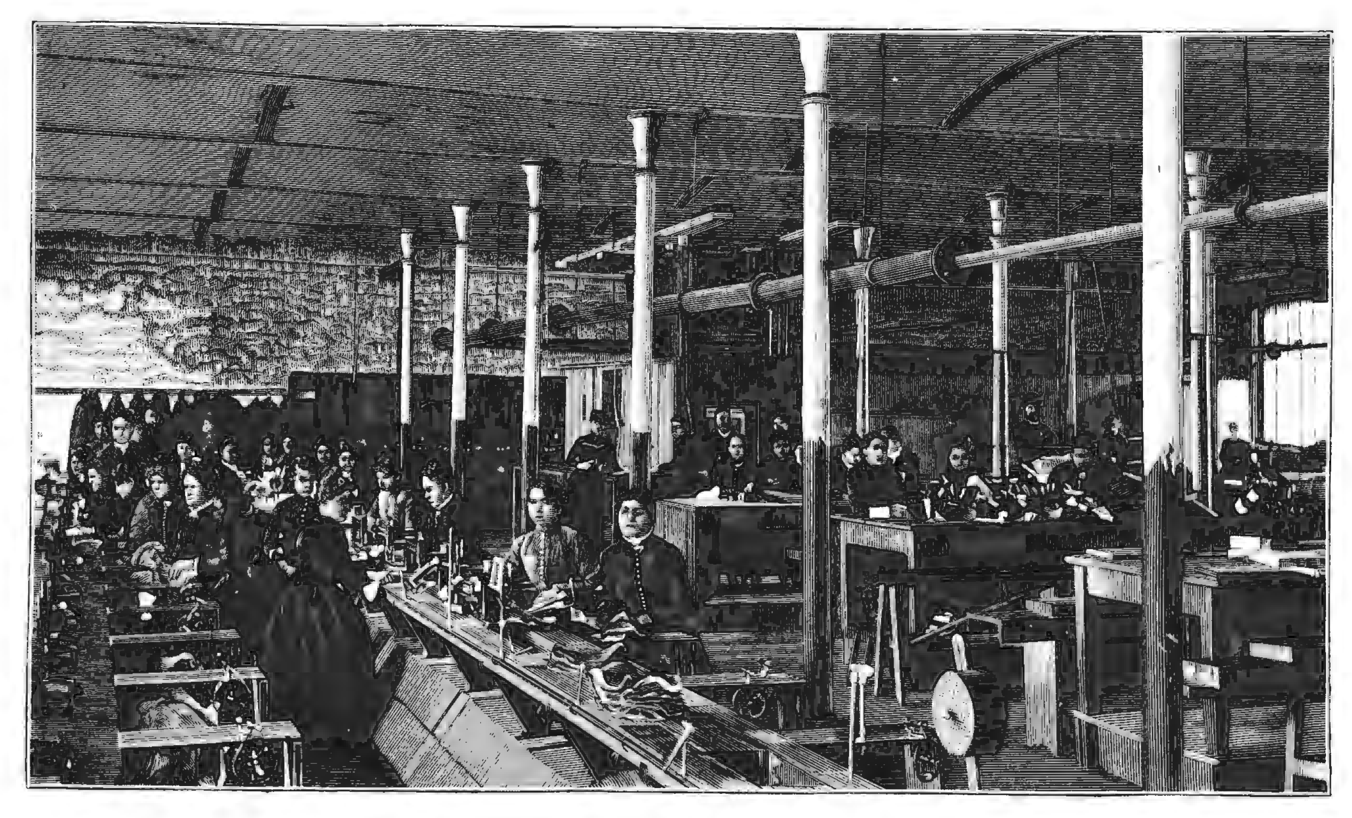


Видъ зданія Товарищества Спб. Механическаго производства обуви.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: I. Командующему войсками Кавказскаго военнаго округа присвоить званіе войсковаго наказнаго атамана кавказскихъ казачьихъ войскъ. II. Главное мѣстное управленіе Кубанскою и Терскою областями, вмѣстѣ съ входящими въ составъ оныхъ казачьими войсками, городами и гражданскимъ населеніемъ, за исключеніемъ горскихъ племенъ, ввѣрить войсковому наказному атаману кавказскихъ казачьихъ войскъ, а такое же управленіе Черноморскимъ округомъ, равно какъ обитающими въ предѣлахъ Терской и Кубанской областей горскими племенами,—командующему войсками Кавказскаго военнаго округа.



Одна изъ мастерскихъ Товарищества. Съ фотогр. грав. Флюгель.

— Высочайше повелѣно: Третій департаментъ Правительствующаго Сената упразднить въ теченіе 1888 года, въ срокъ по ближайшему усмотрѣнію Министра Юстиціи.

— Высочайше повелѣно: разъяснить, что

переходъ евреевъ изъ селеній, гдѣ они проживали до 3 мая 1882 года, въ другія селенія долженъ считаться безусловно воспрещеннымъ, и 2) евреевъ, переселившихся послѣ 3 мая 1882 года по день обнародованія настоящаго разъясненія изъ однѣхъ сельскихъ мѣстностей въ другія, находящіяся въ чертѣ постоянной еврейской осѣдлости, оставить на постоянномъ жительствѣ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ застаетъ ихъ упомянутое разъясненіе.

— Просверленные двугривенные будутъ теперь приниматься въ казначействѣ по 16 к., пятіалтынные по 12 коп., а гривенники по 8 коп.

Торговля.

— Настроеніе международнаго хлѣбнаго рынка продолжаетъ улучшаться; извѣстія, поступившія за недѣлю къ 24 апрѣля (ст. ст.), свидѣтельствуютъ объ усиливающейся твердости, соотвѣтственно чему повышаются и цѣны. До сихъ поръ, однако, все еще нельзя опредѣленно судить о характерѣ обнаруживающагося улучшенія, а слѣдовательно—и о возможной его устойчивости.

Литература.

— 30 апрѣля, праздновалось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности маститаго нашего поэта Аполлона Николаевича Майкова.

Въ день юбилея, утромъ, почтеннаго юбиляра лично поздравилъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Константиновичъ. И. И. В. Великія Княгини Александра Іосифовна и Елисавета Маврикіевна прислали А. Н. Майкову свои фотографическія карточки и лавровый вѣнокъ. Е. И. В. Великая Княгиня Екатерина Михаиловна поздравила юбиляра черезъ д. ст. с. П. Х. Шванебаха.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ прислалъ юбиляру письмо.

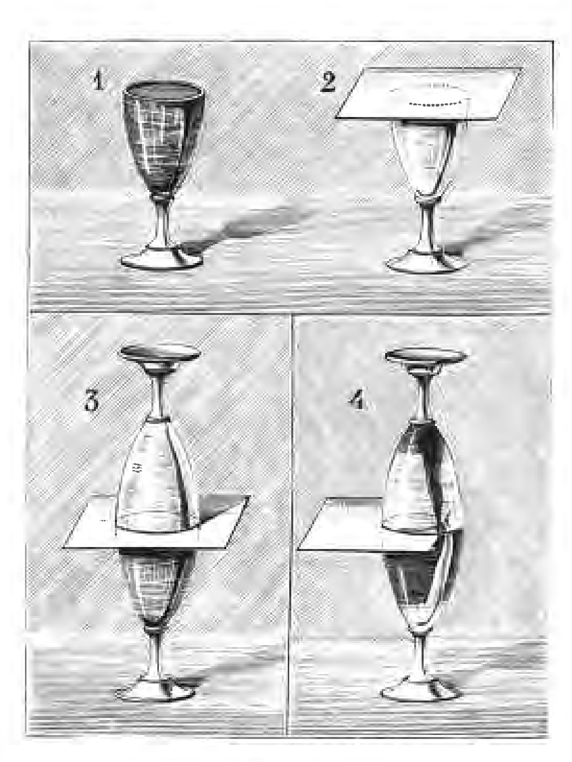
Чествованіе юбилея А. Н. Майкова происходило въ помѣщеніи Литературно-Драматическаго Общества. Къ двумъ часамъ дня, театральная зала Общества, роскошно декорированная на сценѣ тропическими растеніями, среди коихъ стоялъ бюстъ юбиляра, наполнилась многочисленною публикою. Въ числѣ присутствовавшихъ на торжествѣ были представители ученаго міра, администраціи, литературы, искусствъ и поклонники таланта юбиляра. Въ первыхъ рядахъ кресел видѣли министровъ Финансовъ, И. А. Вышнеградскаго, и Государственныхъ Имуществъ, М. Н. Островскаго, управляющаго Морскимъ Министерствомъ И. А. Шестакова, товарища министра Народнаго Просвѣщенія князя Волконскаго, главнаго начальника Тюремнаго Управленія М. Н. Галкина-Враскаго и члена Государственнаго Совѣта П. П. Стояновскаго.

Около двухъ часовъ пополудни въ залѣ появился юбиляръ, сопровождаемый Я. П. Полонскимъ и предсѣдателемъ Литературно-Драматическаго Общества П. Н. Исаковымъ. Всѣ присутствовавшіе привѣтствовали юбиляра шумными и долго не умолкавшими рукоплесканіями.

Начальникъ Гл. Управленія по дѣламъ печати, Е. М. Ѳеоктистовъ прочелъ письмо Министра Внутреннихъ Дѣлъ, извѣщавшее юбиляра о томъ, что Его Величество Государь Императоръ Высочайше соизволилъ, въ уваженіе плодотворной литературной дѣятельности А. Н. Майкова, а также немаловажныхъ заслугъ на государственной службѣ, произвести его въ тайные совѣтники и получаемую имъ ежегодно въ размѣрѣ 1,750 руб. пенсію увеличить до 3,500 руб. Послѣ кликовъ *Ура!* и гимна слѣдовали: адресъ отъ Академіи Наукъ, прочтенный Я. К. Гротомъ, привѣтствія отъ Думы, Имп. Академіи Художествъ въ лицѣ П. Ѳ. Исѣева и мн. др. учрежденій. Университеты — С.-Петербургскій, Казанскій Кіевскій избрали юбиляра въ свои почетные члены. Было прочтано привѣтственное письмо къ юбиляру отъ маститаго русскаго писателя И. А. Гончарова. Затѣмъ возобновилось подношеніе адресовъ, которые были присланы:

Интересная вертушка.

отъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (депутаты: предсѣдатель—тайный совѣтникъ А. И. Георгіевскій, П. А. Любимовъ, гг. Галаховъ и Радонежскій), отъ комитета иностранной цензуры, отъ коммиссіи народныхъ чтеній (роскошный адресъ-бюваръ съ серебрянымъ орнаментомъ работы Грачева), отъ собранія преподавателей русс. языка и словесности, отъ Слав. благотворительнаго общества, Общества любителей древней письменности и проч. Отъ редакцій газетъ и журналовъ: *Новое Время*, *Русскій Вѣстникъ*, *Нива* (съ поднесеніемъ серебрянаго бювара, въ видѣ переплета *Нивы*, на верхней доскѣ котораго между вычеканенными 1838 и 1888 годами поставленъ и 1870—годъ выхода въ свѣтъ перваго № *Нивы*, начатаго на первой страницѣ стихотвореніемъ А. Н. Майкова). *Родникъ* и др. Адресъ журнала *Русская Старина* представлялъ длинный древній свитокъ со стильными орнаментами художника Солнцева.



Опыты надъ плотностью жидкостей.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе телеграммъ: отъ князя Николая Черногорскаго и отъ наслѣдника Черногорскаго престола, князя Даніила, отъ князя и княгини Карагеоргіевичей, отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, отъ университетовъ Харьковскаго и Варшавскаго, и историко-филологическихъ факультетовъ Московскаго и Новороссійскаго университетовъ, лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, Румянцевскаго музея и проч.

Вслѣдъ затѣмъ началось чтеніе привѣтственныхъ стихотвореній, присланныхъ юбиляру. Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочелъ стихотвореніе Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича. Затѣмъ было прочтено стихотвореніе А. Фета. Послѣ этого читали свои стихотворенія Я. П. Полонскій, К. К. Случевскій, Ѳ. Н. Бергъ, П. А. Козловъ, П. А. Кусковъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, князь Э. Э. Ухтомскій и прочтено было стихотвореніе кн. Д. Н. Цертелева.

Растроганный юбиляръ въ теплой рѣчи благодарилъ всѣхъ за привѣтствія и затѣмъ прочелъ только что написанную имъ поэму „Брунгильда", взятую изъ скандинавской „Эдды". Чтеніе этого поэтическаго произведенія было покрыто общими рукоплесканіями. Закрывая собраніе, предсѣдатель Литературно-Драматическаго общества П. Н. Исаковъ поднесъ юбиляру книгу со всѣми привѣтственными стихотвореніями, присланными на праздникъ, изданную для юбиляра въ единственномъ экземплярѣ (unicum). Въ семь часовъ вечера, въ той же залѣ состоялся обѣдъ въ честь юбиляра, на которомъ присутствовало до 200 человѣкъ.

Пути сообщенія.

— Въ Чарджуй прибыла изъ Ташкента коммисія для осмотра построеннаго участка Бухаро-Самаркандской дороги и для открытія пассажирскаго и товарнаго движенія отъ Аму-Дарьи до Катты-Кургана. Послѣ праздничнаго перерыва, укладка пути до Самарканда вновь началась. Укладывается ежедневно по шести верстъ.

— 1 мая вечеромъ, на станціи Голицыно, Московско-Брестской дороги, на уклонѣ оторвалось 29 вагоновъ товаро-пассажирскаго поѣзда, направлявшагося въ Москву. Пройдя двѣ версты, вагоны столкнулись съ подходившимъ товарнымъ поѣздомъ, причемъ убито 11 человѣкъ, изъ нихъ три женщины и одинъ ребенокъ, ранено 27, между ними 18 тяжело. Раненые доставлены сегодня утромъ въ Москву и помѣщены въ больницѣ Брестской дороги. Убитые остались на станціи Голицыно.

Изъ губерній и областей.

— Нѣсколько кибитокъ семействъ салоровъ, населяющихъ юго-западную Туркменскую степь, перекочевывая изъ нашихъ предѣловъ въ афганскіе и обратно, въ послѣднее время были задержаны афганскими властями, требовавшими отъ салоровъ дани. 12 апрѣля на пограничной чертѣ произошла между салорами и афганцами вооруженная схватка, причемъ съ каждой стороны убито по четыре человѣка. Прибывшій на мѣсто происшествія полковникъ Алихановъ засталъ салоровъ возвратившимися въ наши предѣлы. Спокойствіе возстановлено.

— Начата постройка телеграфа до Карки. 1 мая начальникъ Аму-Дарьинской флотиліи выѣхалъ на паровомъ катерѣ въ Карки. Это первый пароходный рейсъ вверхъ по Аму-Дарьѣ.

Смѣсь.

Въ законодательное собраніе территоріи Утаха внесенъ однимъ изъ мормоновъ билль, запрещающій двоеженство и многоженство. Этимъ желаютъ вѣроятно доказать, что граждане Утаха совершенно серьезно относятся къ принятому ими въ прошломъ году параграфу противъ полигаміи. Такъ какъ мормоны употребляютъ всевозможныя старанія, чтобы территорія ихъ была включена въ союзъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что названный билль будетъ принятъ. (с.)

Д-ръ К. Келлеръ въ Цюрихѣ утверждаетъ, что пауки приносятъ большую пользу въ дѣлѣ сохраненія лѣсовъ, уничтожая древесныхъ вшей и другихъ насѣкомыхъ. Келлеръ изслѣдовалъ большое количество пауковъ, вскрывая ихъ внутренности, и нашелъ что они по своей прожорливости самые опасные враги насѣкомыхъ. По мнѣнію д-ра Келлера, пауки приносятъ больше пользы деревьямъ, чѣмъ всѣ питающіяся насѣкомыми птицы, вмѣстѣ взятыя. (с.)

Ѣзда на велосипедахъ чрезвычайно распространена въ Англіи. Тамъ насчитываютъ около 400,000 велосипедистовъ и 18,000 лицъ, занимающихся изготовленіемъ и починкою велосипедовъ. (с.)

Пресловутое прилежаніе и трудолюбіе пчелы, какъ оказывается, далеко не заслуживаетъ тѣхъ преувеличенныхъ похвалъ, какія ей до сего времени воздаются. Въ дѣйствительности „трудолюбивая пчела" работаетъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки; во все же остальное время дня она ничего не дѣлаетъ, предаваясь отдохновенію и лѣни. (с.)

Особый видъ отшельничества. Немалыхъ трудовъ стоитъ найти человѣка, который согласился-бы провести зиму на высшей метеорологической станціи въ Европѣ, а именно Зонненбликской, лежащей на 3100 метровъ надъ уровнемъ моря. Прошлую зиму, съ геройскимъ самоотверженіемъ, провелъ тамъ рудокопъ Неймайеръ, но когда онъ весною спустился внизъ, то былъ такъ пораженъ кипѣвшею здѣсь жизнью, что воскликнулъ: „Ни за какія блага въ мірѣ не пойду опять туда". И дѣйствительно, онъ не согласился въ эту зиму снова поселиться на Зонненбликѣ, точно также какъ всѣ попытки привлечь туда кого-либо другаго долго оставались тщетными. Съ конца ноября, на страшныхъ ледяныхъ высотахъ, поселился новый смѣльчакъ, Петръ Лехнеръ. Когда, 6 января, справились по телефону о состояніи его здоровья, Лехнеръ отвѣчалъ: „Благодарю за вниманіе; я здоровъ. Въ наблюдательной комнатѣ 13° морозу. Minimum температуры было 33°; вечеромъ, наблюдая погоду, я отморозилъ себѣ пальцы и радъ былъ вернуться въ комнату. Печка топится хорошо. Дровъ у меня довольно, но по утрамъ бываетъ въ комнатѣ 1° тепла. Окна покрыты толстымъ слоемъ льда. Табаку я курю очень много, пока онъ у меня есть. Ѣмъ большею частью мясо, пью ледяную воду и иногда немного вина. Работать приходится очень мало, но много читать. Вѣтеръ смелъ весь снѣгъ съ Зонненблика; трещины на глетчерѣ всѣ затянулись и на лыжахъ отличный путь. 14 декабря я былъ внизу, на сторожевомъ посту, чтобы получить табакъ къ Рождественскому празднику. Поднимаясь обратно, отморозилъ себѣ пальцы ногъ. Праздники прошли очень грустно, но теперь мнѣ лучше. Рождественскіе подарки меня очень порадовали: 40 гульденовъ отъ Метеорологическаго общества, отъ неизвѣстнаго — 15 гульденовъ и еще отъ трехъ неизвѣстныхъ—табакъ и сигары. Въ день Новаго года былъ здѣсь г-нъ ф. Арльтъ, который 2 января возвратился въ Кульмъ. Домъ въ хорошемъ состояніи, стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Бури проносятся мимо него, только иногда по ночамъ его сильно *встряхиваетъ*". (с.)

Слѣпыя рыбы. Новѣйшія изслѣдованія морской пучины констатировали существованіе слѣпыхъ рыбъ. Солнечные лучи проникаютъ въ глубину моря лишь на 350 метровъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя породы рыбъ живутъ на гораздо болѣе значительной глубинѣ. Слѣпая рыба снабжена множествомъ щупальцевъ, которыя даютъ ей возможность ощущать малѣйшее движеніе вблизи ея, а инстинктъ уже подсказываетъ ей, годенъ-ли двигающійся предметъ въ пищу или нѣтъ. (с.)

Лучшимъ средствомъ при мытьѣ цвѣтныхъ, шелковыхъ платковъ, чулокъ и т. п., служитъ сырой картофель; онъ не только сохраняетъ краски, но и придаетъ предметамъ блескъ совершенно новыхъ вещей. Картофель трутъ на рѣшетѣ и выжатый сокъ смѣшиваютъ съ теплою водою. Мыло при этомъ не употребляется. (с.)

Новѣйшее изобрѣтеніе американской промышленности составляютъ бумажныя шляпы, которыя существенно отличаются отъ встрѣчавшихся на рынкахъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ головныхъ уборовъ изъ твердаго картона. Бумажная масса, изъ которой приготовляются теперешнія шляпы, очень тонка, эластична и непроницаема для воды. (С.)

Рѣшеніе задачи (Ходъ коня) № 25 (помѣщ. въ № 14).

90	55	82	57	2	69	80	71
83	4	1	68	81	72	77	74
54	89	56	3	58	75	70	79
5	84	53	88	67	78	73	76
52	87	66	59		19	16	
85	6	41	20	17	60	63	
40	51	86	65	62	15	18	
7	42	26	14		64	61	
50	39	8	43	22	33	28	31
9	44	11	48	13	30	25	34
38	49	46	23	36	27	32	29
45	10	37	12	47	24	35	26

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

А. Пушкинъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— А. Н. Охлобыстина, Смоликовыхъ. В. В. Брошадтъ, Н. Стропскаго, М. Nilli, А. Поспѣева, Гриченко, Новицкаго, Н. В. Григорьева, А. Петрова, А. Е. Промышленникова, В. Смыковой, Ф. Михель, В. Годзиковскаго, В. Пиккель. А. М. Стрижевой. А. Ѳ. Шамрай. Н. Панкова, А. Алексѣева, Н. Писягина, З. Лаптевой. Герценштейнъ, С. Шубина, **Москва**— А Терентьева, А. Головина, кн. Г...на, Е. Ж. Глѣбовой, С. Алабина, Н. В. Алтухова, В. В. Попова, Вилькенъ. М. В. Двинянпновой, **Астрахань** — С. Растокина, М. Н. Шлевина, М. В. Черкасова, Бендерскихъ, **Алатырь**— Н. Еремина, **Брянскъ**— Извѣкова, Крестникова, **Бѣлостокъ**— Н. Зубъ, **Болховъ**— М. И. Спурницына, **Богатое**—А. Алфеева, **Бѣлгородъ**—Ф. З. Мазуръ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Вильно**— А. А. Мальковича, Р. Ф. Галецкаго, **Вязьма** — М. С. Чарнаго, **Витебскъ**— Каганъ, **Винница**— С. Рабиновичъ, **Варшава** — А. Н. Шведеръ, **Величка** — Н. В. Фандѣева, **Дерптъ**— Л. Л. Полонскаго, **Елисаветградъ** —А. Привутенко, **Ефремовъ**— М. Гущина, **Ереминская**—З. А. Жуковской, **Ив. Вознесенскъ**— М. Л—ой, **Кіевъ**— Рейнъ, Н. и Б. Солтаны, С. Штильманъ, Г. Я. Галаховскаго, А. Н. Шульженко, Е. Левковецъ, **Козловъ**— М. Я. Иванова, **Казань**— А. В. Лаптева, **Кельмы** — Д. И. Обновленскаго, **Кинешма**— И. Ф. Лосева, В. А. Дубровскаго, **Льговъ**— М. М. Кусакова, **Лебедянь**—Чурилина, **Лепель**—А. Н. Новицкаго, **Минскъ**—Н. М. Сомова, А. А. Лебедева, **Мышкинъ**—А. И. Комарова, **Медвѣдево**— Лейцингеръ, **Николаевъ**— С. Беклешова, **Новогрудокъ**—Г. М. М., **Н. Новгородъ**—И. Б. Пестова, **Одесса**—М. Руковичникова, П. Н. Стефани, Я. Бараца, Р. Енкуватовой, **Орелъ** — Чаликова, **Петропавловка** — И. И. Кравченко, **Пыщугъ**— Е. Пурлевской, **Поляны**— А. Урбанскаго, **Ростовъ** — С. Рабиновича, **Рыбинскъ**— кн. X. Y. Z., **Свеаборгъ** — Лосева, **Сурскій Майдамъ**—М. Невской, **Сапожокъ**—Г. Щекина, **Смоленскъ**— О. Новиковой, **Тула**— Н. Щеминой, **Таруса** — П. Введенскаго, **Тифлисъ** — В. Мириминовой. К. Соловьева, **Троица**—Н. Соловьева, **Тамбовъ**—И. Ананьева, **Торжокъ**—А. Бакунова, **Харьковъ**— А. Свитальскаго, **Черниговъ**— П. Жигмонтъ, **Шацкъ** — А. Тюменева, А. Филимоновича, **Шавли**—Е. Коваленко.

Рѣшеніе шахматной задачи № 26 (помѣщенной въ № 15).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф B 5 — C 5	4) H 4 — G 3
2) Ф C 5 — A 5	2) Куда угодно.
3) Ф A 5 — D 2, E 5, G 3 †+	

Если черные 1) Кр. G 3, тогда 2) Ф. E 3.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Л. Фащевскаго, Н. Щегловой, **Гомель** — І. Ф. Новакъ, **Дисна** — Ф. Іоффе, **Жмеринка** — В. К. Шнейдеръ, **Льговъ**— М. М. Кусакова, **Стар. Рязань**— В. Н. Кожина, **Свеаборгъ**—Лосева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 27 (помѣщенной въ № 15).

Бѣлыя.	Черныя.
1) G 5 — F 6	1) E 7 — G 5
2) C 3 — D 4	2) E 5 — C 3
3) E 1 — F 2	3) C 3 — E 1
4) A 5 — B 6	4) C 7 — C 3
5) A 7 — C 5	5) F 8 — B 4
6) A 3 — D 2	6) C 3 — B 2
7) A 1 — C 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** —Н. Мосальскаго, **Москва**— Ф. Н. Чернышева, **Егорьевскъ**—Н. Н. Матвѣева, **Дмитровъ**— Куходаева.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Руководство къ изученію практической

ФОТОГРАФІИ

И. Карпова. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Одобрено „Фотографическимъ Вѣстникомъ". СПБ. Загородный, 12, кв. 2. И. И. Карпову.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ, Франкфуртъ н/М.

Фабрикантъ велосипедовъ „Орелъ". Составныя части и принадлежности. Илл. катал. за 10 пфен. марками. Р. № 3116 12—6

НЕФТЯНАЯ

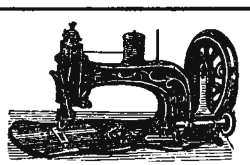
ТОПОЧНАЯ ГОРѢЛКА

3—3 СИСТЕМЫ №3121

А. Л. Рожественскаго и В. И. Калашникова

для отопленія нефтяными остатками комнатныхъ печей и кухонныхъ плитъ.

БЕЗОПАСНА и въ 3—10 разъ и болѣе, смотря по мѣстности, экономичнѣе дровъ. Одной горѣлкой можно истопить послѣдовательно всѣ печи въ домѣ. Подробное описаніе высылается за одну семикопѣечную почтовую марку. ЦѢНА со всѣми принадлежностями 25 руб. сер. Пересылка за счетъ покупателей. АДРЕСОВАТЬСЯ: Ст. Горбатовка, Москов. Нижегород. жел. дор. А. Л. Рожественскому.



Прейсъ-курантъ и пробныя работы высылаетъ безплатно Р. № 3114 3—3

А. ШТЕЙНЪ

Большая Морская, д. № 26, С.-Петербургъ. Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи

РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,

W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается безплатно. Р. № 2691 26—22

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3162 8—2

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ДРУСКЕНИКСКІЯ

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

(Русскій Крейцнахъ)

Гродненской губерніи и уѣзда, отъ ст. Порѣчье С.-Петербургско-Варшавской ж. д. въ 17-ти верстахъ. Сообщеніе почтовыми лошадьми въ колясахъ, омнибусахъ, бричкахъ и другихъ экипажахъ. Лечебное заведеніе расположено въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу, на берегу рѣки Нѣмана; въ тѣнистомъ паркѣ воксалъ, музыка ежедневно утромъ и вечеромъ.

Лечебный сезонъ съ 5-го мая по 15-е сентября, а послѣ смотря по состоянію погоды.

Воды солено-бромо-іодистыя.

Употребленіе воды показано при слѣдующихъ болѣзняхъ: **ревматизмѣ, артритизмѣ, англійской болѣзни, золотухѣ** во всѣхъ **ея** проявленіяхъ и во всякомъ возрастѣ, **параличѣ, разнаго рода онѣмѣніяхъ, нервныхъ страданіяхъ, хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, хроническихъ воспаленіяхъ мочевыхъ путей, катаррѣ желудка и кишекъ, сухихъ лишаяхъ и мокнущихъ обусловливаемыхъ золотухой.** Въ Друскеникахъ имѣется гимнастическій врачебный залъ и массажъ; **три раза въ день парное молоко, кумысъ натуральный, приготовляемый татарами, нефиръ,** всѣ натуральныя иностранныя воды. Пріѣзжающихъ до найма квартиръ, приглашаютъ останавливаться въ меблированныхъ комнатахъ **и** гостинницѣ, принадлежащихъ Управленію водъ. Кромѣ постоянно практикующихъ на Друскеникскихъ Минеральныхъ Водахъ, Гг. врачей: **Беркмана, Буяковскаго, Ибянскаго, Маркевича и Фина,** Правленіемъ приглашены на сезонъ 1888 г. по женскимъ болѣзнямъ, **профессоръ Военно-Медицинской Академіи К. Ѳ. СЛАВЯНСКІЙ,** и по внутреннимъ болѣзнямъ **профессоръ Варшавскаго Университета Я. Я. СТОЛЬНИКОВЪ.** Штатнымъ врачемъ водъ состоитъ докторъ медицины **Д. А. Каменскій,** къ которому, до 20-го апрѣля, просятъ обращаться за свѣдѣніями въ Петербургъ, Преображенская улица, **д. № 52,** кв. 9, ежедневно отъ 3 до 5 часовъ. За справками обращаться письменно въ **м.** Друскеники, контора Минеральныхъ Водъ, ст. Порѣчье, С.-Петербургско-Варшавской **ж. д.,** словесно: С.-Петербургъ, Фонтанка, **д. № 35, у** Аничкова Дворца, домовая контора, отъ 10 до 3 час.

ДРУСКЕНИКСКАЯ СОЛЬ И МАТОЧНЫЙ РАЗСОЛЪ

продаются въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмитъ; въ Складѣ Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами и у Рульковіусъ и Гольмъ. Въ Варшавѣ у Гейнриха и въ Москвѣ у Феррейна.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ" 10—5

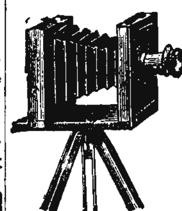
предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову.**

УРОКИ

по предметамъ мужск. и женск. гимназій (особенно математ. и естеств. науки); Фурштадтская, № 30, кв. № 11. А. К. О.

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

и принадлежности.



Этими аппарат. можетъ всякій безъ особенной подготовки снимать вполнѣ хорошія фотографіи. 2—1

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Р. № 3170

Цѣна: 24 р., 30 р., 35 р., 50 р. и дор.

Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ, Avenue d. l. Republ. 4.

Складъ для Россіи:

С.-Петербургъ, Мойка, 40.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. И. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. **Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ изящн. литограф. обертке 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **СПБ.,** въ контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

СТРАХОВАНІЕ

ОТЪ

НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Примѣръ: адвокатъ, купецъ, нотаріусъ, священникъ и т. п., лѣтъ 47-ми, заключаетъ въ **Страховомъ Обществѣ „Россія"** страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п., вообще **вездѣ, дома и внѣ дома,** уплачивая страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп. за годъ.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія" гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. въ случаѣ смерти—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу, **капиталъ въ 6,000 руб.;**
2. въ случаѣ увѣчья или вообще неспособности къ труду на всю жизнь,—самому пострадавшему **пожизненную ежегодную пенсію до 800 руб;**
3. въ случаѣ временной неспособности **къ** труду— ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Подробныя **брошюры** о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются **безплатно Главною Конторою** въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13), **Главными Агентствами и агентами Общества** въ городахъ Имперіи. № 3121 6—5

Іодисто-разсольныя воды BAD HALL

въ Верхней Австріи. Р. № 3166 4—2

Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ.

Леченіе при золотухѣ, а также при болѣзняхъ половыхъ органовъ и ихъ послѣдствіяхъ. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція жел. дорогъ. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ. **Сезонъ съ 15-го мая до 30-го сентября.** Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ дирекція водъ въ **Bad Hall.**

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (20) № 2946

ВИННЫЙ СКЛАДЪ

„КАХЕТІЯ"

ШАХЪ-БУДАГОВА.

Въ С.-Петербургѣ, Большая Конюшенная, № 27.

Отдѣленія: 1) Невскій пр., № 86. 2) Псковъ, д. Лоховыхъ. 3) Брестъ, д. Ительда.

Можно получать: въ Москвѣ, Смоленскѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Витебскѣ, Динабургѣ, Вильнѣ и во многихъ другихъ городахъ Россіи.

Представитель заграницей для оптовой продажи **В. Ѳ. Зензиновъ** въ Парижѣ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что всѣ вина, выпускаемыя въ продажу изъ склада „Кахетія", по личному желанію моего довѣрителя, подвергаются предварительно химическому анализу на Санитарной станціи СПБ. Врачебной Общины. Разливка вина и укупорка бутылокъ происходитъ въ присутствіи врачей отъ Санитарной станціи, которые оклеиваютъ каждую бутылку бандеролью съ надписью „изслѣдовано", почему, при покупкѣ винъ, прошу обращать вниманіе на бандероль станціи и этикетъ фирмы съ факсимиле г-на Шахъ-Будагова. Торговцамъ и оптовымъ покупателямъ скидка. Прейсъ-куранты высылаются по присылкѣ 7 коп. марки.

Mt. № 3178 **Управляющій складомъ Айвазовъ.**

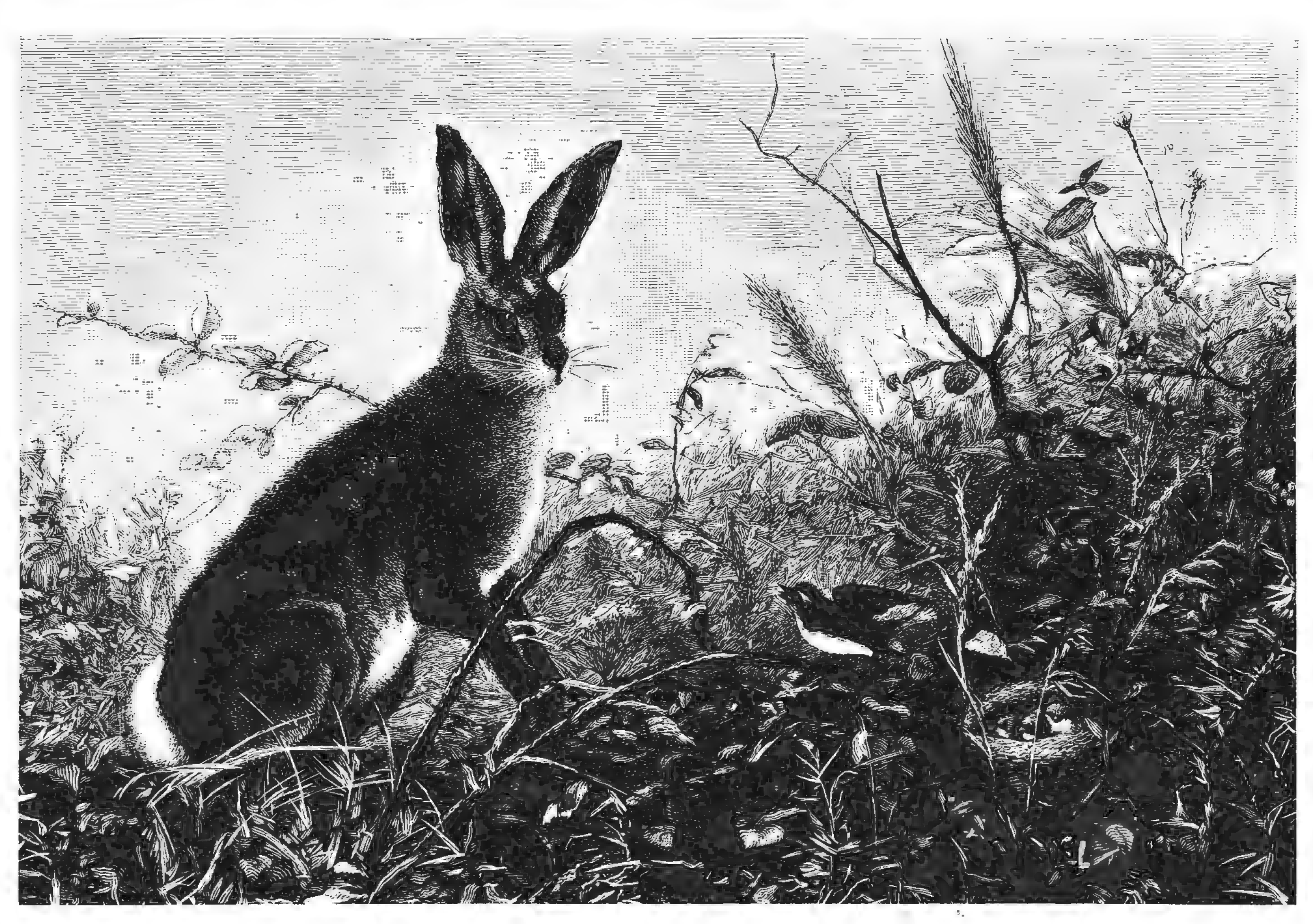
Дозвол. цензур., СПБ., 11 мая 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса ... д. 1.

XIX г. — г. XIX

№ 21 — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 мая 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



Напрасная тревога. Съ картины Ю. Матушки, грав. Клоссъ.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

XXXVI.

Приставъ Ѳедоръ Мартемьяновичъ Бредихинъ, назначенный для присмотра за князьями Голицыными и препровожденія ихъ въ Каргополь, считалъ это порученіе великимъ для себя бѣдствіемъ. Онъ, тотчасъ послѣ назначенія, бросился во всѣ стороны, къ разнымъ своимъ знакомцамъ и милостивцамъ, и слезно молилъ ихъ „не оставить его убогаго въ такихъ его напастяхъ“.

— Призри, государь, милостью своею, говорилъ онъ каждому изъ нихъ въ особицу.

— Кромѣ Бога и тебя защитника у меня нѣтъ! повторялъ онъ, кланяясь каждому въ поясъ.

И милостивцы обѣщали его не забыть.

— Порадѣй, государь, чтобы мнѣ тамъ не зажиться, хлопоталъ Бредихинъ у своихъ пріятелей, приказныхъ дьяковъ, поднося имъ „барашка въ бумажкѣ“. И дьяки обѣщали порадѣть.

Дѣйствительно, положеніе пристава при знатныхъ ссыльныхъ было очень трудно. Если онъ не исполнялъ даннаго ему строгаго предписанія, то подвергался суровымъ взысканіямъ и тяжелой отвѣтственности передъ начальствомъ; если исполнялъ предписаніе и относился сурово къ ссыльному вельможѣ, то возбуждалъ противъ себя всѣхъ его родственниковъ и друзей, что̀ могло быть очень опасно, въ случаѣ, еслибы опальному удалось получить прощенье и изъ ссылки возвратиться.

Ѳедоръ Мартемьяновичъ это понималъ и заранѣе принималъ мѣры къ избавленію себя „отъ злаго сего тартара“, какъ онъ величалъ свое назначеніе. Надѣясь на то, что это избавленіе не замедлитъ, онъ даже и относился къ своимъ обязанностямъ спустя рукава. Да и мудрено было отнестись къ нимъ иначе. Приставъ и данная въ его распоряженіе команда, состоявшая изъ капитана и двадцати стрѣльцовъ, нагнавъ около Ростова громадный поѣздъ князей Голицыныхъ, уже съѣхавшихся съ женами, оказались, среди всей свиты и вооруженныхъ слугъ князя, также чѣмъ-то въ родѣ почетной служни княжеской. Что̀ могли сдѣлать эти двадцать два человѣка, когда князья, ихъ семейство и сопровождавшая ихъ челядь, занимали при остановкѣ въ деревняхъ по пятнадцать дворовъ, а при роздыхѣ въ мѣстахъ пустыхъ, нежилыхъ, раскидывались цѣлымъ станомъ, въ нѣсколько десятковъ палатокъ? Притомъ, отъ самой Троицы и до Ярославля князья ѣхали почти сплошь по своимъ вотчинамъ, гдѣ все населеніе выходило имъ навстрѣчу и при проѣздѣ княжескаго поѣзда отвѣшивало своимъ боярамъ земные поклоны...

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, князья и княгини ѣхали почти до Ярославля очень спокойно и свободно, даже не замѣчая того, что они ѣдутъ въ ссылку, и все болѣе и болѣе свыкались съ мыслью о томъ, что это путешествіе должно будетъ, вѣроятно, благополучно окончиться, и въ ихъ судьбѣ несомнѣнно произойдетъ въ скоромъ времени благопріятный оборотъ. Не вѣрилъ этому только князь Василій, хорошо понимавшій современное положеніе дѣлъ и характеръ лицъ окружавшихъ Петра; но онъ, мрачно настроенный и молчаливый, никому не сообщалъ о своихъ тяжелыхъ сомнѣніяхъ. Судьба, впрочемъ, не замедлила со своими ударами...

23 сентября, какъ разъ въ то время, когда князья Голицыны, переночевавъ въ слободкѣ Гавшинкѣ, вотчинѣ Толгскаго монастыря, собрались ѣхать далѣе, къ Ярославлю,—на дорогѣ показались десятка два ямскихъ подводъ со стрѣльцами, ѣхавшими очень бойко. Завидѣвъ княжескій обозъ, изготовлявшійся въ дорогу, ямскія подводы остановились и бывшіе при стрѣльцахъ начальные люди, отыскавъ пристава Бредихина, передали ему какія-то бумаги. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ пріѣхавшихъ со стрѣльцами капитановъ отдалъ имъ приказаніе — остановить княжескій поѣздъ и никого изъ поѣзда не выпускать, впредь до новаго приказанія.

Вскорѣ къ князьямъ, уже собиравшимся садиться въ экипажи, явился Ѳедоръ Мартемьяновичъ, въ сопровожденіи какого-то высокаго, худощаваго, носастаго мужчины, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ жиденькой бородкой и карими глазами, смотрѣвшими исподлобья. Ѳедоръ Мартемьяныч не могъ скрыть своего удовольствія, когда сталъ заявлять князю Василію, что онъ получилъ приказъ—воротиться къ Москвѣ, а князей Голицыныхъ повелѣно отъ него принять спальнику Павлу Михайловичу Скрябину (при этомъ онъ указалъ на своего путника).

Скрябинъ поклонился князьямъ и, не теряя ни минуты, заявилъ имъ, что привезъ съ собою указъ государевъ, который и долженъ имъ прочесть немедля.

— Читай, мы готовы слушать, спокойно сказалъ князь Василій, поднимаясь со своего мѣста вмѣстѣ съ сыномъ.

Скрябинъ развернулъ указъ и прочелъ въ немъ слѣдующее:

„198 г., сентября въ 18 день, великіе государи, цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали: князь Василья и сына его князь Алексѣя Голицыныхъ послать въ ссылку съ женами и съ дѣтьми въ Яренскъ, а въ Каргополѣ быть имъ не указали...“

— Господи! невольно вырвалось у князя Василія, безпомощно опустившаго голову.

Скрябинъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на это восклицаніе, продолжалъ чтеніе весьма длиннаго указа, въ которомъ далѣе значилось, что стольнику Скрябину повелѣвается отобрать у князей Голицыныхъ всѣхъ „служилыхъ, поваренныхъ и иныхъ работныхъ людей и конюховъ“, и оставить при нихъ только пятнадцать человѣкъ съ женами; всѣхъ остальныхъ отпустить или прислать къ Москвѣ, а человѣка ихъ Кузёмку Крылова „прислать къ Москвѣ-же за карауломъ“.

Сверхъ того, стольнику Скрябину приказывалось у князей „осмотрѣть и переписать имянно“, сколько у нихъ захвачено съ собою „золотыхъ и ефимковъ, и денегъ, и каменья, и жемчугу, и низанья, и всякихъ вещей, и платья, и посуды золотой, и серебряной, и всякаго служилаго заводу, и конскихъ нарядовъ, и лошадей, и каретъ, и рыдваны, и коляски, и служилыя телѣги, и шоры, и иные всякіе припасы, и поваренную посуду“. Изъ всего добра, какое окажется у князей, приказывалось имъ оставить „на пропитанье“ денегъ и движимости всего на двѣ тысячи рублей, включая въ это число и двѣ кареты для княгинь, и лошадей, необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія.

— А васъ, князья, обратился Скрябинъ къ опальнымъ, — приказано мнѣ изъ каретъ высадить и везти въ Яренскъ на простыхъ ямскихъ подводахъ.

— Ну, что-жъ? сказалъ князь Василій, уже успѣвшій совладать съ собою, — исполняй волю пославшаго тебя.

Начался рядъ тяжелыхъ сценъ, къ которымъ не были

приготовлены ни князья, ни ихъ жены. Скрябинъ приказалъ стрѣльцамъ разгрузить весь княжескій обозъ, открыть всѣ шкатуны, сундуки и баулы; затѣмъ онъ обыскалъ самихъ князей, а княгинь выслалъ изъ избы въ сѣни въ однѣхъ тѣлогрѣяхъ, пока онъ со стрѣльцами рылся въ ихъ бѣльѣ, платьѣ и дѣтскихъ нарядахъ. Всему имуществу князей составлена была подробная опись, а на другой день призваны были изъ Ярославля цѣновщики и на каждый предметъ ими установлена цѣна. По этой цѣнѣ Павелъ Скрябинъ отдѣлилъ князьямъ изъ ихъ имущества только существенно необходимое, старательно отобравъ въ казну все, что̀ было получше. Недаромъ писалъ онъ потомъ своему начальнику боярину Тихону Стрѣшневу, что „противъ великихъ государей указу все учинилъ и оставилъ князьямъ только самое не корыстное“.

Трудно передать, что̀ должны были вынести князья и княгини при этомъ осмотрѣ и оцѣнкѣ ихъ имущества. Но ни князья, ни княгиня Авдотья Ивановна не высказали внутренняго состоянія своей души ни единымъ словомъ. Только княгиня Марья Исаевна, беременная на сносяхъ, не могла перенести всей этой тяжелой передряги, и разрыдалась. Но невозмутимый дѣлецъ Скрябинъ какъ будто даже и не видѣлъ, и не замѣчалъ того, что̀ кругомъ его происходило: онъ считалъ, пересматривалъ, записывалъ, взвѣшивалъ, измѣрялъ, и успокоился только тогда, когда все отобранное у Голицыныхъ имущество было навалено на ихъ-же телѣги, крѣпко увязано и сдано по описи возвращавшемуся къ Москвѣ Ѳедору Бредихину.

На другой день послѣ оцѣнки и разбора имущества, Скрябинъ занялся переписью людей, выѣхавшихъ изъ Москвы съ князьями и княгинями. Отобравъ изъ числа ихъ пятнадцать человѣкъ, приставъ заперъ ихъ въ двухъ избахъ и приставилъ къ нимъ караулъ. Всѣхъ остальныхъ онъ сдалъ на руки Бредихину и не дозволилъ имъ проститься съ опальными князьями.

— Павелъ Михайловичъ, обратился Бредихинъ къ Скрябину, пересматривая списокъ людей, отпускаемыхъ къ Москвѣ,—тутъ у тебя записанъ еще Кузёмка Крыловъ, котораго приказано вести подъ карауломъ. Гдѣ же онъ?

— А онъ еще третьяго дня въ клѣти у старосты посаженъ за сто̀рожи. Пошли туда стрѣльцовъ, чтобы его взяли.

Послали стрѣльцовъ и стрѣльцы прибѣжали оттуда перепуганные.

— Бѣда! кричали они еще издали.

— Что̀ тамъ такое? спросили ихъ приставы.

— Человѣкъ-то князей Голицыныхъ повѣсился!

— Что̀ вы врете?

— Чего тамъ врать! Поди самъ посмотри коли не вѣришь! И самъ—на гвоздѣ, и языкъ—на губѣ!

Побѣжали приставы — посмотрѣли: и точно. Вбилъ Кузёмка въ стѣну гвоздь, да на гашникѣ и повѣсился... Вѣрный княжой холопъ не выдержалъ опалы и униженія своего князя.

Всѣ эти описи, оцѣнки и возня съ людьми—заняли болѣе двухъ дней. На третій, Скрябинъ явился къ князьямъ рано утромъ и заявилъ имъ, что имѣетъ относительно ихъ предписаніе—учредить надъ ними строжайшій надзоръ, а потому никуда изъ избы не дозволитъ имъ выходить безъ караула и ни съ кѣмъ не допуститъ входить ни въ какія сношенія, ни письменныя, ни личныя.

— Дѣлай, что̀ приказано! сумрачно отвѣчалъ князь Василій.—Да мнѣ сдается, что ужь, чѣмъ такъ-то насъ караулить—лучше-бы сразу посадить на замо̀къ, за рѣшетку.

— Будетъ указъ, такъ и посадимъ! отвѣчалъ, осклаблясь, Скрябинъ.—А теперича указа нѣтъ.

Князей развели въ двѣ разныя избы, и къ каждому изъ нихъ посадили по капитану, который выходилъ изъ избы только тогда, когда къ князьямъ приходили ихъ жены.

Еще день промедлили въ Гавшинкѣ; Скрябинъ, видимо, чего-то выжидалъ — и не тщетно. Въ ночь на четвертый день къ нему привезены были какія-то бумаги, и рано утромъ онъ явился къ князю Василію съ Ѳедоромъ Бредихинымъ и, потирая руки, заявилъ, что присланъ указъ государевъ, который обоимъ князьямъ прійдется выслушать вмѣстѣ.

— О чемъ-же указъ государевъ? спросилъ князь Василій.

— А вотъ какъ изволишь выслушать, такъ узнаешь! сказалъ Скрябинъ, съ улыбкой. Ему видимо доставляла большое удовольствіе тревога князя Василія, на которомъ онъ хотѣлъ выместить всю досаду за ту тяжелую и невыгодную службу, которая ему самому выпала на долю при князьяхъ.

Привели князя Алексѣя; заперли избу на крюкъ. Затѣмъ, при двухъ стрѣлецкихъ капитанахъ и при Ѳедорѣ Бредихинѣ, Скрябинъ громогласно прочелъ указъ о томъ, чтобы князья Василій и Алексѣй Голицыны были приставами допрошены по двѣнадцати статьямъ, извлеченнымъ изъ послѣдняго показанія Шакловитаго.

„А у разспросу указали мы, великіе государи — такъ значилось въ указѣ, — имъ, князь Василью и князь Алексѣю сказать, чтобы они противъ тѣхъ вышепоименованныхъ статей сказали обо всемъ подлинно. Да и то имъ сказать, что въ тѣхъ статьяхъ о томъ о всемъ Ѳедька Шакловитый сказалъ у смертной казни. А по нашему великихъ государей указу, такимъ ворамъ, которые у смертной казни на кого учнутъ говорить, вѣрятъ...“

Скрябинъ взглянулъ изъ-за указа на князя Василья и продолжалъ съ особеннымъ удареніемъ:

...„А буде тѣ люди, на которыхъ языки у смертной казни говорятъ, въ чемъ учнутъ запираться, и *такихъ оговорныхъ людей велѣно и пытать*...“

И Скрябинъ опять взглянулъ на князя Василія, какъ-бы желая удостовѣриться въ томъ впечатлѣніи, которое на него производитъ чтеніе указа. Но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ такой рѣшительный и твердый взглядъ и въ немъ прочелъ такой суровый отвѣтъ на свои взгляды, что поспѣшилъ уткнуть носъ въ бумагу и дочитать указъ.

— Воля великихъ государей, сказалъ князь Василій,— на разспросныя рѣчи будемъ отвѣчать вправду. А если и пытать насъ укажутъ—ничего иного не скажемъ.

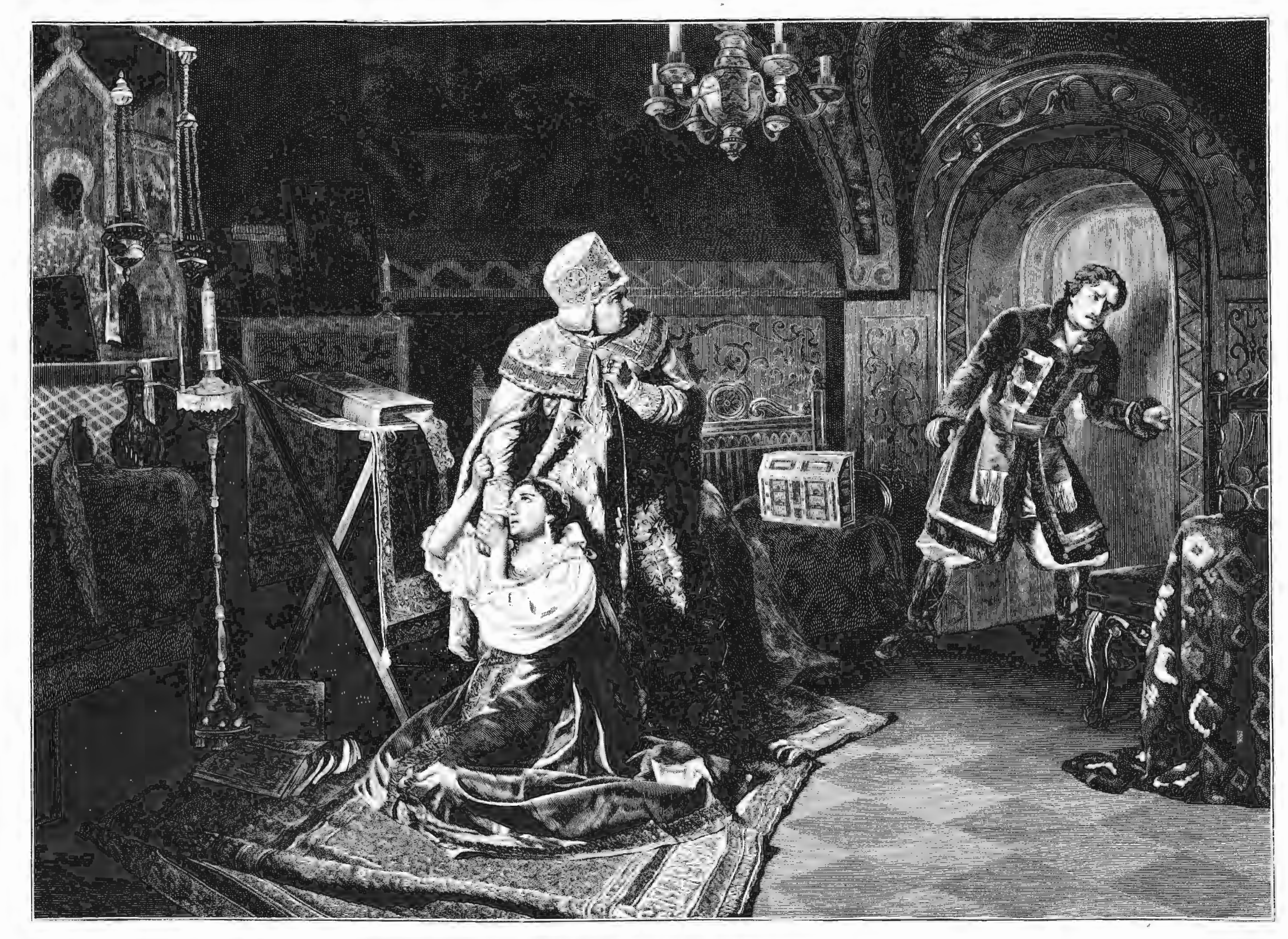
Князей разсадили въ разныя избы, и распечатавъ разспросныя рѣчи, приступили къ допросу. Ѳедоръ Бредихинъ, вмѣстѣ со Скрябинымъ, допрашивали сначала князя Василія по двѣнадцати статьямъ, прочитывая ему статью громко и на особомъ листѣ бумаги записывая его отвѣты. Къ этимъ отвѣтамъ князь Василій долженъ былъ приложить руку. Допросъ длился нѣсколько часовъ сряду, но отвѣтчикъ давалъ такіе сжатые и точные отвѣты, такъ умѣло и тонко разсчитывалъ каждое слово, что приставамъ приходилось удовлетворяться и записывать отвѣты сразу. Къ высказанному князь Василій не прибавлялъ потомъ, не смотря на всѣ крючки и уловки Скрябина, ни единаго слова.

Затѣмъ былъ въ другой избѣ допрошенъ князь Алексѣй по одной статьѣ, и къ вечеру разспросныя рѣчи были запечатаны и отправлены въ Москву съ Ѳедоромъ Бредихинымъ, который былъ внѣ себя отъ радости, что могъ свалить опальныхъ князей на руки Павлу Скрябину. Милостивцы и пріятели оказали Бредихину истинную услугу.

Вслѣдъ за отъѣзжавшимъ приставомъ потянулся обратно громадный обозъ съ животами князей Голицы-

Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Греческій невольникъ.

Картина С. В. Бакаловича, грав. Пааръ.



Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Семейство Годуновыхъ.
Картина Н. П. Шаховскаго. грав. Шюблеръ.

пыхъ, захваченными въ дорогу изъ Москвы и отъ Троицы. Не забыты были даже и карлы Вахромѣевы; о нихъ была даже прислана особая бумага къ приставамъ, въ которой указывалось, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Мазепы, что князь Василій самовольно присвоилъ себѣ этихъ карловъ, которыхъ гетманъ будто-бы подарилъ не ему, а только просилъ его довезти до Москвы, для передачи въ даръ великимъ государямъ.

На другое утро, чѣмъ свѣтъ, Скрябинъ приказалъ разбудить князей и семейства ихъ. Ему указано было везти ихъ нàскоро, безъ всякихъ остановокъ и „мотчанья", и онъ, видимо, собирался это выполнить въ точности.

Сырой и холодный туманъ заволакивалъ окрестность, когда изъ слободки двинулся въ путь маленькій поѣздъ князей Голицыныхъ, состоявшій теперь уже только изъ двухъ небольшихъ каретъ и десяти троечныхъ телѣгъ... Въ одной изъ нихъ, на простомъ коврѣ, положенномъ сверхъ веревочнаго переплета, сидѣли князья Голицыны. Позади ихъ на двадцати парныхъ подводахъ ѣхали караульные стрѣльцы и Павелъ Скрябинъ со своею рухлядишкою, занимавшею пять подводъ.

И отецъ, и сынъ молчали, грустно устремляя взоръ въ туманную и нѣмую даль.

XXXVII.

Павелъ Михайловичъ Скрябинъ, имѣвшій въ Москвѣ кое-какія связи и знакомства, отправляясь изъ Гавшинки, питалъ нѣкоторую надежду на то, что и ему тоже не придется везти князей до самаго Яренска. Ему, почему-то, представлялось, что его покровители и заступники съумѣютъ о немъ озаботиться не хуже, чѣмъ о Бредихинѣ озаботились его милостивцы. „Доѣду до Вологды", мечталъ суровый приставъ, „а тамъ ужь вѣрно пришлютъ на мое мѣсто кого-нибудь другаго." И вотъ, въ виду этихъ ни на чемъ не основанныхъ предположеній, Скрябинъ спѣшилъ и погонялъ къ Вологдѣ, ѣхалъ почти безостановочно, ни мало не обращая вниманія на то, что князья и ихъ семьи не были привычны къ такой тяжелой и утомительной ѣздѣ и должны были, при своей изнѣженности и привычкѣ къ роскоши, съ большимъ трудомъ переносить неудобства пути и недостатокъ въ здоровой и свѣжей пищѣ. Обѣ княгини и грудной внукъ князя Василія, конечно, простудились и расхворались дорогою и ѣхали полубольные. Князья страдали не менѣе женъ, въ первый разъ въ жизни испытывая прелести осенняго переѣзда по русскимъ проселочнымъ дорогамъ въ тряской телѣгѣ. Но Скрябинъ прикидывался, что ничего этого не знаетъ и не замѣчаетъ: ему нужно было поскорѣе добраться до Вологды. „Изъ Вологды пошлю докладъ великимъ государямъ, что далѣе по бездорожью нельзя ѣхать до зимняго первопутка; а тѣмъ временемъ, авось, меня и замѣнятъ... Нечего мнѣ отъ Москвы далеко-то забираться".

По странному и совершенно случайному соотношенію положеній, князь Василій и князь Алексѣй тоже мечтали объ остановкѣ въ Вологдѣ и о возможности отдохнуть отъ тяжелаго и непривычнаго путешествія, какъ о чемъ-то весьма желанномъ и пріятномъ. Князю Алексѣю приходило въ голову даже и то, что можетъ быть ихъ только припугнули Яренскомъ, а дальше Вологды и не повезутъ... Князь Василій, мрачно-настроенный, озлобленный мелкими придирками пристава и непривычными условіями жизни, ни о чемъ не мечталъ, ни на что не надѣялся; но и надъ нимъ еще разъ собиралась подшутить шалунья-судьба, и подшутить очень злобно, пробудивъ какіе-то проблески упованій на возможность улучшенія участи...

По пріѣздѣ въ Вологду, Скрябинъ остановился съ князьями на Соловецкомъ подворьѣ, и, думая здѣсь остаться довольно долго, озаботился о томъ, чтобы устроиться поудобнѣе. Самъ занялъ онъ на подворьѣ большую избу на срединѣ двора, изъ которой во всякое время могъ, сидя подъ окномъ, наблюдать, что дѣлалось въ двухъ мелкихъ избахъ, отведенныхъ подъ помѣщеніе князей съ ихъ семействами и ихъ прислуги. Стрѣлецкій караулъ поставленъ былъ у воротъ подворья и на входномъ крыльцѣ къ княжеской избѣ, и сверхъ того, капитаны по нѣскольку разъ въ день заходили къ князьямъ для ближайшаго за ними надзора.

Казалось, что всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ были прерваны... „Къ нимъ и муха безъ моего вѣдома не пролетитъ!" утѣшалъ себя Скрябинъ и совершенно погрузился въ сочиненіе доклада великимъ государямъ и письма къ боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. Но Скрябинъ совсѣмъ упустилъ изъ виду, что одно изъ оконъ княжеской избы выходило въ огородъ подворья, обнесенный частоколомъ, и что именно это окно облюбовалъ князь Василій и просиживалъ около него бо̀льшую часть дня, потому что изъ него не было видно ни Скрябинской, ни капитанской избы, ни стрѣльцовъ, ни сторожей. По цѣлымъ днямъ, сумрачный, унылый, онъ просиживалъ въ глубокомъ молчаніи у этого окна, безъ всякой мысли устремивъ взглядъ на тянувшіяся передъ нимъ пустыя гряды огорода, которыя начинало порошить первымъ осеннимъ снѣжкомъ. Совершенно безучастно относился онъ къ совершавшейся около него жизни, не замѣчая ни заботъ жены, ни устремленныхъ на него съ любовью и надеждою взоровъ сына, и почти тяготясь невольною близостью къ полубольной снохѣ и къ маленькому внуку. Полное и вынужденное бездѣйствіе умственное и неподвижность физическая наводили на него какое-то отупѣніе, погружали его мысль въ состояніе нравственной дремоты.

Въ одинъ изъ тѣхъ сентябрскихъ дней, которые князь Василій просиживалъ подъ окномъ, онъ досидѣлъ до сумерекъ и уже собирался сойти съ насиженнаго мѣста, какъ вдругъ увидѣлъ, что черезъ частоколъ огорода перелѣзаютъ два какіе-то человѣка... Въ одномъ изъ нихъ князь узналъ своего конюха Микитку; другой, закутанный въ охабень, былъ ему совершенно неизвѣстенъ. Каково-же было его удивленіе, когда Микитка подвелъ этого человѣка къ окошку и сказалъ князю вполголоса:

— Къ тебѣ, князь-батюшка, съ вѣстями изъ Москвы...

Князь отскочилъ отъ окошка, какъ ужаленный.

— Что̀ съ тобою? спросила его жена, подходя къ нему и хватая его руку.

— Кто-то съ вѣстями изъ Москвы! могъ только отвѣтить ей князь; а черезъ минуту незнакомецъ переступалъ уже порогъ избы, прокрадываясь въ нее какъ воръ, боясь скрипнуть дверью.

Опустивъ воротникъ охабня и перекрестившись на икону, вошедшій поклонился князю Василію и сказалъ вполголоса:

— Чай не узналъ меня, государь?

Князь вглядѣлся въ гостя и призналъ въ немъ Михайлу Кропоткина, ближняго стольника царя Іоанна Алексѣевича.

— Узнать-то узналъ, да не знаю—пугаться-ли мнѣ, или радоваться твоему приходу?

— Ужь и не говори, князь! Душа не на мѣстѣ! Коли я у тебя попадусь твоимъ караульнымъ на глаза—пропала моя головушка! Возьми ты отъ меня, Христа ради, письмо и посылку да пиши поскорѣе отвѣтъ, а меня припрячь куда-нибудь покамѣстъ...

И онъ вытащилъ изъ-за пазухи холщевой мѣшечекъ, завязанный и запечатанный, и записку, писанную знакомымъ крюкомъ; положивъ все это на столъ передъ княземъ Васильемъ онъ заговорилъ скороговоркой, наклоняясь къ самому его уху:

— Призвала меня на Верхъ, въ церковь Воскресенья

(изволила быть у обѣдни), въ церковныхъ дверяхъ остановила, и говоритъ: „слышала, что ты въ свою Вологодскую деревню ѣдешь, такъ буде можно, посмотри, какъ везутъ князя Василья? Вѣдомо мнѣ учинилось, что везутъ его скованнаго въ телѣгѣ, и сказываютъ де которая у него была рухлядь—и то де взяли на великаго государя. Вотъ, говоритъ, отвези ему... что̀ могу!..“ Я было попробовалъ ей челомъ ударить, чтобы меня отъ того освободила: „опасаюсь-де я гнѣву государскаго“... Такъ куда тебѣ! Изволила прогнѣваться; говоритъ: „если ты непослушенъ учинишься—и за Сибирью мѣста не сыщешь!“ Видя я такую напасть, ужъ не смѣлъ ей и перечить, а только челомъ ей билъ, чтобы мнѣ какого бѣдства не было... „Ничего, говоритъ, и не будетъ; отдай князю Василью золотые, что въ мѣшкѣ, и пусть на меня не обижается. А еще ему скажи, что, какъ увижусь съ братомъ Петромъ Алексѣевичемъ, стану просить, чтобы надъ княземъ Васильемъ милость показалъ.“

Но князь Василій его уже почти не слышалъ; онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, не вѣрилъ глазамъ... Ему казалось, что онъ видитъ во снѣ и этого человѣка, занесеннаго случаемъ изъ Москвы въ Вологду, и этотъ посильный даръ царевны Софьи, и теплый привѣтъ, присланный ею далекому другу, забытому всѣми.

Князь Алексѣй увелъ Крапоткина въ чуланъ, въ которомъ сидѣли его мать и жена—а самъ сталъ у двери на сторожѣ, пока отецъ его вздувалъ огонь, читалъ письмо царевны и писалъ на него отвѣтъ условнымъ крюкомъ.

Стоя у двери и прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ сѣняхъ, князь Алексѣй не спускалъ глазъ съ отца и дивился той перемѣнѣ, которая въ немъ произошла: щеки его горѣли румянцемъ, взоръ оживился и заблисталъ, рука быстро бѣгала, набрасывая строку за строкою...

— Охъ, Господи! Да кончитъ-ли онъ? шепталъ между тѣмъ князь Крапоткинъ, сидя въ чуланѣ.—Князь Алексѣй, попроси ты отца, чтобы отпустилъ мою душу на покаянье!..

Но вотъ князь Василій окончилъ письмо и, вручая его Крапоткину, могъ только сказать:

— Кланяйся... Разскажи, что̀ самъ видѣлъ...

Минуту спустя, князь Алексѣй и Микитка, тѣмъ-же путемъ, черезъ сѣни, проводили Крапоткина въ огородъ и помогли ему перебраться черезъ частоколъ.

А между тѣмъ, князь Василій ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, съ отвращеніемъ заглядывая въ ея темные и грязные углы... Ему вспоминалась его роскошная палата, ему мерещились толпы народа, встрѣчающія его на улицахъ Бѣлокаменной радостными кликами, ему чудились въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ картины дворской жизни, блескъ и почетъ и раболѣпное преклоненіе передъ нимъ, „великихъ посольскихъ дѣлъ и царственной печати Оберегателемъ...“ И онъ съ отвращеніемъ и злобою возвращался отъ своихъ золотыхъ грёзъ къ окружавшей его дѣйствительности и клялъ свою судьбу и дерзалъ роптать, забывая о томъ, какихъ бѣдъ онъ избѣгъ, забывая о грядущихъ бѣдствіяхъ.

А грядущее готовило новые удары... Скрябинъ, ожидавшій со дня на день отвѣтовъ на свои письма въ Москву, медлилъ отъѣздомъ изъ Вологды и прожилъ на подворьѣ еще двѣ недѣли. Между тѣмъ наступила глухая осень, со слякотью, съ холодными, рѣзкими вѣтрами. И вдругъ, вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія выждать зимняго пути, изъ Москвы былъ присланъ строгій выговоръ Скрябину за остановку въ пути и строгое приказаніе везти опальныхъ князей, несмотря ни на что̀, къ мѣсту ссылки.

Приходилось ѣхать на Тотьму Сухоною, которая къ осени обыкновенно мелѣетъ, такъ что плаванье по ней становится очень затруднительнымъ. Пришлось всю рухлядь князей и ихъ экипажи и телѣги нагрузить на небольшія суда и бичевою тащить ихъ по рѣкѣ, перегружать на перекатахъ и безпрестанно стаскивать суда съ безчисленныхъ мелей. На бѣду вдругъ завернули легкіе морозцы, рѣки затянуло тонкимъ ледкомъ, а потомъ повалилъ снѣгъ, — суда пришлось бросить, и ждать возможности ѣхать рѣкою въ повозкахъ, поставленныхъ на зимній ходъ. Мѣстные жители остерегали Скрябина:—„Выжди“, говорили они, „дороги еще нѣтъ, ледъ тонокъ, потому снѣги упали великіе, а подъ снѣгомъ мерзнетъ ледъ мало и вашихъ тяжелыхъ возовъ не подыметъ.“ Но Скрябинъ спѣшилъ, опасаясь новаго выговора. 18 октября выѣхалъ онъ изъ села Турантьева, прокладывая дорогу по такимъ мѣстамъ, гдѣ никто еще до него не ѣздилъ. Подвигались впередъ всего на пять-шесть верстъ въ день; а черезъ рѣчки и ручьи, пересѣкавшіе путь, приходилось брести мужчинамъ пѣшкомъ, перетаскивая на плечахъ сани и возки, перенося дѣтей и женщинъ на рукахъ.

„Господи Боже!“ думалъ опять князь Василій, совершенно изможженный труднымъ путемъ, „хоть-бы до какого нибудь крова поскорѣе добраться!“

— А вотъ и Тотьма! сказалъ оборачиваясь къ нему ямщикъ, указывая вдаль и какъ-бы отвѣчая на его мысль.—Тутотка не больше трехъ верстъ будетъ. Какъ за рѣку Сухону переѣдемъ да на горку вздымемся — тутъ и есть!

Вотъ уже и на рѣку спустились и не больше версты до городка осталось, и привѣтливо въ туманѣ замерцали огоньки въ окнахъ домовъ, и воображенію путниковъ сталъ въ самомъ привлекательномъ видѣ представляться и теплый уголъ, и горшокъ горячихъ щей... Но что̀ это? Сзади раздается пронзительный, раздирающій душу крикъ! Десятокъ голосовъ разомъ зоветъ на помощь;

— Батюшки, тонемъ! Помогите! Спасите!

Всѣ выскакиваютъ изъ саней, бросаются на крики и съ ужасомъ видятъ, что оба возка княгинь и повозка съ женской прислугой медленно опускаются въ широкую полынью... и вода, выступившая изъ-подъ тонкаго слоя льда, заливаетъ несчастныхъ, съ ужасомъ видящихъ передъ собою неминуемую, неизбѣжную гибель...

Вопль ужаса вырывается у всѣхъ разомъ и на мгновенье всѣми овладѣваетъ только одна мысль, одно побужденіе: спасти погибающаго ближняго. Всѣ—князья и слуги, стрѣльцы и самъ Скрябинъ устремляются на помощь, забываютъ о себѣ, бросаются къ полыньѣ, лѣзутъ въ воду, забывая о личной опасности!

По счастью, оказывается, что возки обломились не на глубокомъ мѣстѣ и всѣхъ женщинъ и дѣтей, обезумѣвшихъ отъ страха, удалось вытащить изъ воды и кое-какъ привести въ чувство.

И вотъ когда послѣ этого смертнаго страха, продрогнувшіе, иззябшіе, мокрые князья пришли въ отведенную имъ дрянную избенку съ закоптѣлыми стѣнами и спертымъ, затхлымъ, смраднымъ воздухомъ; когда они внесли въ эту избу своихъ полузамерзшихъ женъ и дѣтей, еще не оправившихся отъ перепуга — князь Василій впервые убѣдился въ томъ, что у него есть въ сердцѣ привязанности, не имѣющія ничего общаго ни съ внѣшнимъ блескомъ, ни съ мірскою суетною славою, ни съ богатствомъ, ни съ соблазнительною роскошью и удобствами жизни.

Проводя безсонную ночь надъ изголовьемъ жены и молодой снохи, метавшихся въ бреду на жесткой лавкѣ, онъ въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Троицкаго посада, позабылъ о себѣ, о своемъ прошломъ и будущемъ.— и не роптал, и не сокрушался, поглощенный заботою о ближнемъ и кровномъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Онъ же...

Разсказъ

графа Е. А. Саліаса.

(Окончаніе).

X.

На другой-же день около полудня, послѣ быстрой ѣзды, вся коммисія вмѣстѣ съ барономъ Охотскимъ была уже въ монастырѣ. Человѣкъ десять изъ прислуги были привезены тоже.

Лоренцъ былъ спокоенъ всю дорогу, слегка насмѣшливо озирался на господъ судей и думалъ:

„Сейчасъ дѣло покажется вамъ гораздо мудренѣе нежели вы думаете. Окажется, что есть два графа Зарѣцкихъ. Одинъ живой, а другой мертвый. Но я докажу, что настоящій въ гробу, а въ замкѣ его двойникъ и Богъ вѣсть кто...“

Тотчасъ по пріѣздѣ было приступлено, въ присутствіи всѣхъ монаховъ и игумена, къ разрытію еще свѣжей могилы, и скоро гробъ былъ снова вынутъ изъ ямы.

Крышку подняли и всѣ присутствовавшіе ахнули въ одинъ голосъ... Но сильнѣе всѣхъ вскрикнулъ баронъ Охотскій. Въ гробу была большая колода... чурбанъ.

Послѣ паузы отъ неожиданнаго и невѣроятнаго приключенія, кто-то вымолвилъ:

— Славно! И „это“ отпѣвали... Стало быть кощунствовали, насмѣялись даже надъ религіей.

Говорилъ это Завадскій, не обращаясь ни къ кому.

Лоренцъ стоялъ какъ пораженный громомъ.

— Что скажете, баронъ? обратился къ нему Бахмутскій.

Лоренцъ молчалъ.

— Я не понимаю одного и сомнѣваюсь, продолжалъ тотъ.— И сомнѣніе мое, баронъ, въ вашу пользу... Зачѣмъ вы требовали открытія гроба... Графъ могъ требовать, но вы...

— Очень просто... заговорилъ презрительно Завадскій.—Онъ надѣялся, что мы не поѣдемъ и ничего не будетъ... Теперь-же онъ что-нибудь новое выдумаетъ...

— Я вспомнилъ одно... глухо выговорилъ Лоренцъ.—Передъ выносомъ тѣла изъ замка и выѣздомъ, кто-то безъ моего приказанія заколотилъ гробъ... Тогда я не обратилъ на это вниманія... Теперь я понимаю, что это было не даромъ. Это была неслыханная дерзость. И она удалась. Прикажи я тогда снять крышку до похоронъ, дерзость была-бы конечно раскрыта еще въ замкѣ... Я все-таки буду требовать строгаго разслѣдованія дѣла... Это все невѣроятно...

— Извините, баронъ, вспыльчиво произнесъ Завадскій.—Все очень и очень просто. Невѣроятно одно — ваше нахальство! Гробъ пустъ, а графъ живехонекъ въ замкѣ! А вы желаете чтобы мы продолжали что-то разслѣдовать.

— Позвольте!.. воскликнулъ Лоренцъ.— Кого-же видѣли въ гробу вся прислуга замка и съѣхавшіеся гости? Они видѣли наконецъ... если не дядю по вашему, то все-таки видѣли мертвеца, а не чурбанъ.

— Такого мертвеца, котораго вамъ понадобилось потомъ спрятать! сказалъ Завадскій.

— Я ничего... ничего не понимаю... произнесъ разводя руками Бахмутскій.

— Мы сдѣлаемъ постановленіе, что гробъ пустъ, что было совершено кощунство, вымолвилъ Завадскій строго.—А затѣмъ вернемтесь въ замокъ, допросимъ всѣхъ людей. Надо послать тотчасъ гонцовъ въ городъ и просить пріѣхать для слѣдствія и дознанія всѣхъ тѣхъ, кто былъ на похоронахъ и былъ невольнымъ соучастникомъ кощунства..

— Да... И я заявляю.. заговорилъ Лоренцъ,—я требую чтобы строго былъ допрошенъ любимый камердинеръ дяди, Захеръ, о томъ куда дѣвалось тѣло покойнаго. Я ѣду тотчасъ въ городъ и буду умолять господина Праксина прибыть лично въ Чамборъ для слѣдствія. Дѣло это слишкомъ серьезно и загадочно. Тутъ цѣлый рядъ преступленій и всѣ они взваливаются на меня.

— На кого-же, позвольте, намъ ихъ взваливать? вымолвилъ нетерпѣливо и Бахмутскій.

— Я ѣду къ господину Праксину...

— Извините, баронъ. Мы этого допустить не имѣемъ права, сказалъ Завадскій.—Вы можете ошибиться дорогой и проѣхать нечаянно въ Австрію. Вы послѣдуете за нами въ замокъ, а за господиномъ Праксинымъ, по вашему желанію, мы пошлемъ гонца.

Баронъ презрительно и злобно разсмѣялся и вымолвилъ:

— Извольте... Но стерегите теперь тоже и Захера съ самозваннымъ графомъ, чтобы они не бѣжали въ Австрію.

XI.

На другой-же день главный начальникъ края былъ въ замкѣ. Поспѣшность съ которой онъ явился была удивительна для чиновниковъ, но была совершенно понятна барону Охотскому.

Дѣло шло не о похороненномъ чурбанѣ, а о судьбѣ родной дочери, которая вдругъ, вслѣдствіе невѣроятнаго приключенія, переставала быть невѣстой богатаго человѣка.

„Его превосходительство“ господинъ Праксинъ, котораго всѣ боялись, всѣ считали умнѣйшимъ и который сдѣлалъ блестящую карьеру благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ судьи и администратора — здѣсь въ Чамборѣ, тотчасъ показалъ себя.

Праксинъ привезъ съ собой еще четырехъ человѣкъ изъ своей канцеляріи и въ томъ числѣ одного маленькаго старичка, сѣденькаго, сгорбленнаго, молчаливаго, съ мышиными глазками. Этотъ старичекъ, родомъ хохолъ и по фамиліи Файко, былъ пожалуй извѣстнѣе самого Праксина во всемъ округѣ.

Праксинъ прежде всего познакомился съ графомъ. Онъ уже зналъ по слухамъ все приключеніе въ общихъ чертахъ, и теперь, опросивъ Бахмутскаго и Завадскаго, строго сверкая глазами, гнѣвно отозвался:

— Вы не слѣдователи, вы мальчишки! Вы не дѣло дѣлали, вы шалили, срамили себя и правительство. Я вамъ покажу, что такое слѣдствіе!

Въ залѣ за большимъ столомъ было открыто засѣданіе и начался снова допросъ. Только на этотъ разъ г. Завадскій уже отсутствовалъ, отосланный намѣстникомъ въ городъ съ тайнымъ порученіемъ. Первымъ попросили явиться самого владѣльца. Посланный чиновникъ вернулся и доложилъ, что графъ не желаетъ идти на допросъ, который считаетъ для себя унизительнымъ и совершенно излишнимъ.

— Въ такомъ случаѣ, холодно произнесъ Праксинъ,—я тотчасъ опишу все въ замкѣ, а его отправлю въ городъ и заключу подъ стражу, впредь до выясненія всего дѣла. Подите и скажите это ему.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ явился и усѣлся на показанное ему Праксинымъ кресло. Всѣ чиновники ожидали увидѣть владѣльца замка гнѣвнымъ и увидѣли человѣка сильно смущеннаго.

— Извольте меня выслушать внимательно, господинъ... имени, отечества и фамиліи вашей не знаю... строго, рѣзко и громогласно заговорилъ Праксинъ.—Вы изволите выдавать себя за покойнаго графа... Господинъ баронъ Охотскій говоритъ, что дядя его скончался, что онъ видѣлъ его мертвымъ въ гробу еще за часъ или два до выноса тѣла изъ замка. Я вѣрю господину барону. Слѣдовательно, мнѣ надлежитъ теперь доказать господамъ чиновникамъ и вамъ самому, что вы не графъ Зарѣцкій, а нѣкто чрезвычайно на него похожій. Вотъ я и постараюсь это сдѣлать.

Прежде всего Праксинъ вызвалъ всѣхъ людей по-очереди и спросилъ ихъ видѣли-ли они графа или вообще мертвеца въ гробу похожаго на ихъ графа.

Всѣ люди по-очереди подтвердили все, что говорили Охотскому. Они видѣли мертвымъ своего графа или кого-то очень на него похожаго. Въ нынѣшнемъ графѣ они находятъ всѣ что-то другое, чего прежде никогда не замѣчали, чего въ томъ графѣ не было... ростъ, худоба, другой голосъ, мягкость въ обращеніи...

Затѣмъ былъ позванъ причетникъ, читавшій у гроба послѣднимъ, предъ выносомъ.

— Вы не отлучались отъ гроба до самой минуты выноса? спросилъ его Праксинъ.

— Нѣтъ-съ. Всю половину ночи я читалъ, и до самаго выноса, отвѣчалъ тотъ.

— Когда баронъ приходилъ на зарѣ и смотрѣлъ покойника— вы были въ залѣ?

— Былъ-съ.

— И затѣмъ читали до тѣхъ поръ покуда не сошлись всѣ гости?

— Да-съ.

— Кто заколотилъ крышку гроба?

— Не знаю-съ.

— Какъ не знаете?.. Если вы не отлучались...

Наступило молчаніе. Причетникъ стоялъ смущенный...

— Я васъ сейчасъ-же за ложное показаніе отправлю въ острогъ. Или вы отлучались, или вы видѣли кто заколачивалъ гробъ... Ну-съ...

— Я отлучался... глухо проговорилъ причетникъ.—И когда я вернулся, крышка была уже на гробу.

— Сами-ли вы вышли, или васъ выслалъ кто-нибудь изъ залы? Отъ этого вашего отвѣта зависитъ ваша судьба: быть вамъ на свободѣ или не быть. Ну-съ?

— Самъ-съ...

— Вы лжете и я вамъ сейчасъ это докажу. А затѣмъ возьму подъ стражу! крикнулъ Праксинъ.

— Меня выслали... Приказали уйти... едва слышно проговорилъ причетникъ.

— Кто?

— Господинъ Захеръ.

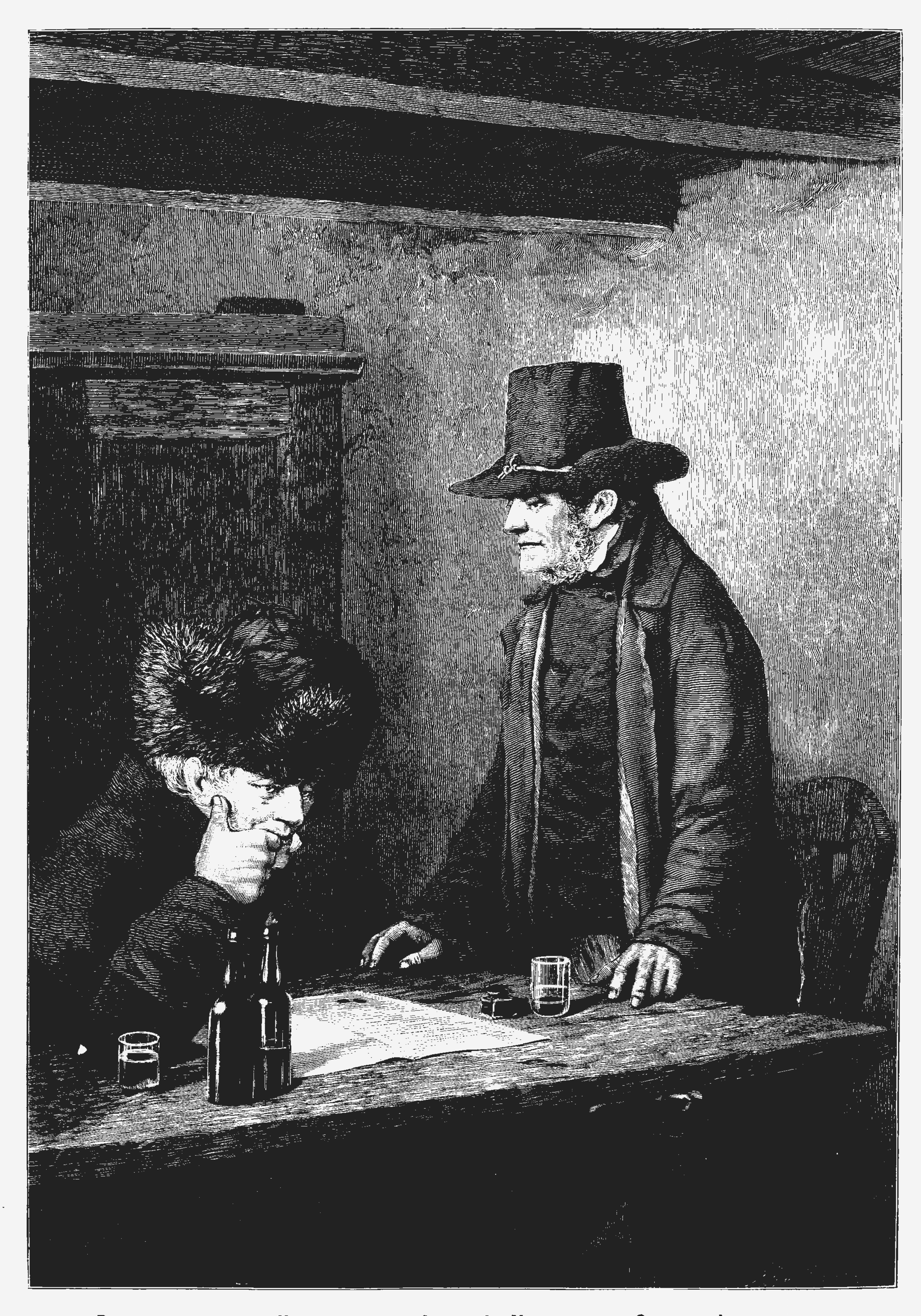
— Когда, послѣ того что входилъ баронъ?

— Да-съ.

— Долго-ли вы отсутствовали?

— Около часу.

— Отчего вы не вернулись ранѣе?..



Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Заключеніе контракта.

Картина **О. А. Гофмана**, грав. Барановскій.

— Я вернулся, но...
— Говорите. Не губите себя...
— Двери были заперты...
— Довольно... Для меня ясно, что тѣло было вынуто и замѣнено чурбаномъ при участіи камердинера Захера.

Праксинъ вызвалъ старика дворецкаго и попросилъ его назвать того человѣка, который-бы за время всего происшествія умеръ или хотя-бы пропалъ безъ вѣсти.

Дворецкій объяснилъ, что всѣ обитатели зàмка на лицо, никто не умиралъ и не исчезъ.

— Кто-же лежалъ въ гробу, если не графъ... Откуда достали другаго мертвеца?
— Этого я не знаю-съ.
— Прекрасно. Теперь позовите сюда Захера.

Когда въ залу вошелъ камердинеръ, всѣ съ особеннымъ вниманіемъ обернулись на него. Захеръ былъ совершенно спокоенъ и даже дерзко и смѣло глянулъ на всѣхъ. Праксинъ холодно и твердо допросилъ его о мелочахъ происшествія и затѣмъ прибавилъ вдругъ:

— Скажите, Захеръ, зачѣмъ вы выслали причетника и заперли двери?
— Онъ лжетъ. Я этого не дѣлалъ! спокойно выговорилъ Захеръ.
— Хорошо... Но я ему вѣрю, а не вамъ... Вы закрыли гробъ и заколотили?
— Нѣтъ.
— Кто-же?
— Не знаю-съ.
— Хорошо... вымолвилъ Праксинъ.—Прикажите созвать сюда за-разъ всѣхъ живущихъ въ зàмкѣ до единаго человѣка...

Когда зала переполнилась народомъ, Праксинъ громко спросилъ:

— Кто заколачивалъ гробъ?

Общее молчаніе было отвѣтомъ.

— Стало быть, никто. Странно, что въ такомъ простомъ поступкѣ никто не хочетъ сознаться... Такъ и положимъ, что крышку никто не принесъ и гробъ не заколачивалъ, что все это само сдѣлалось... Прекрасно... Теперь вы всѣ, обернулся Праксинъ къ прислугѣ,—подходите по-очереди сюда...

Люди двинулись вереницей.

— Становитесь предъ господиномъ графомъ... улыбнулся Праксинъ.—А вы, ваше сіятельство, извольте мнѣ сказать какъ имя вотъ этого человѣка?..

Старикъ смутился и глухо произнесъ:

— Не помню.
— Давно-ли ты въ зàмкѣ на службѣ?.. обернулся Праксинъ къ дворовому.
— Семь лѣтъ, отозвался слуга.
— Ну, далѣе... Вотъ этотъ. Его имя, ваше сіятельство?..
— Не помню... было отвѣтомъ.—Я ихъ именъ хорошо никогда не зналъ. Я ихъ рѣдко видалъ...
— Прекрасно. Но изо всѣхъ-то вы, надѣюсь, можете назвать хоть десятокъ... Кто изъ васъ тутъ лѣтъ двадцать въ услуженіи? громко спросилъ Праксинъ.
— Я-съ! отозвался подходя одинъ изъ кучеровъ.—Я уже двадцать два года въ зàмкѣ.
— Какъ его имя? спросилъ снова Праксинъ.
— Павелъ... тихо отозвался этотъ.
— Нѣтъ-съ. Павелъ вотъ... А я Андрей...
— Выйдите сюда впередъ всѣ, кто болѣе десяти лѣтъ на службѣ, сказалъ Праксинъ.

Нѣсколько человѣкъ выдвинулись.

— Извольте мнѣ назвать изъ нихъ по имени хотя-бы двухъ, сказалъ Праксинъ.
— Не желаю, глухо, но отчасти гнѣвно произнесъ старикъ.
— Не желаете... Это другое дѣло... разсмѣялся Праксинъ.—Но позвольте вамъ объяснить, что я лично пришелъ къ убѣжденію, что вы должны быть чрезвычайно похожи лицомъ на покойнаго графа, но что сами вы все-таки нѣкто иной. Вы со мной конечно несогласны?
— Ваше положеніе начальника края, отозвался тотъ, — заставляетъ меня поневолѣ молчать, хотя вы и позволяете себѣ совершенно нелѣпыя выходки. Вмѣсто того чтобы допрашивать господина Охотскаго и обвинять въ дерзкомъ поступкѣ, обманѣ и кощунствѣ—вы дѣлаете меня подсудимымъ. Во всякомъ случаѣ, предъ закономъ и людьми я графъ Зарѣцкій, былъ, есть и буду. И ваши козни не приведутъ ни къ чему. Сдѣлать живаго мертвымъ не въ вашей власти!
— Вотъ это мы увидимъ! строго и гнѣвно произнесъ Праксинъ.—Допросъ оконченъ, такъ какъ я не считаю нужнымъ добавить большее количество уликъ. Такъ, напримѣръ, показаніе служителя Богдана, относительно обѣдовъ и ужиновъ, которые онъ носилъ до дня смерти графа въ комнату Захера — говоритъ ясно, что кто-то жилъ тайно въ зàмкѣ, скрываясь ото всѣхъ. Теперь намъ остается только заняться осмотромъ всего зàмка. Не посчастливится-ли намъ найти трупъ графа зарытый гдѣ-либо въ нижнихъ подвальныхъ помѣщеніяхъ зàмка. Если мы ничего не найдемъ, то, вернувшись въ городъ, я усердно займусь вопросомъ: кому была необходимость долго и тайно скрываться въ зàмкѣ; кто и откуда могъ явиться въ качествѣ двойника покойнаго графа; не было ли у графа Зарѣцкаго—родственника преступника, скрывавшагося во избѣжаніе кары закона. Прикажите отрядить десятокъ людей съ лопатами, приказалъ Праксинъ, обращаясь къ Бахмутскому. — Двинемтесь внизъ для подробнаго осмотра всего зàмка...

Всѣ поднялись съ мѣстъ, но въ эту минуту Праксинъ обернулся къ загадочной личности и вымолвилъ по-нѣмецки:

— Если мы найдемъ трупъ графа — вы пойдете въ каторгу. Если вы сознаетесь сейчасъ добровольно во всемъ — я выхлопочу вамъ помилованіе. Ну-съ?

Старикъ молчалъ.

— Вы меня поняли? спросилъ Праксинъ по-русски.
— Нѣтъ.
— Вы не говорите по-нѣмецки?
— Нѣтъ.
— Баронъ? обернулся Праксинъ вопросительно.—Вы слышите?
— Я заявляю, ссылаясь на двухъ людей помимо Захера, заговорилъ громко Охотскій,—что дядя отлично говорилъ по-нѣмецки, что мы часто по вечерамъ бесѣдовали и читали книги на этомъ языкѣ. Андрей, обернулся баронъ къ старику-кучеру,—скажи, что̀ знаешь...
— Точно такъ-съ, выступилъ кучеръ изъ толпы служителей.—Я немного маракую по-нѣмецки и графъ, случалось, со мной ради шутки заговаривалъ.
— Угодно-ли вамъ со мной заговорить на этомъ языкѣ? началъ Праксинъ снова по-нѣмецки обращаясь къ старику.

Тотъ угрюмо и злобно молчалъ.

— Вы не знаете ни слова! произнесъ по-русски Праксинъ.—Вотъ еще одно лишнее случайное доказательство, что вы не графъ Зарѣцкій.

Старикъ упорно молчалъ и холодно глядѣлъ на всѣхъ, какъ еслибы дѣло шло не о немъ.

XII.

Власти въ полномъ составѣ, при помощи всѣхъ служителей зàмка, до самыхъ сумерекъ обшаривали весь Чамборъ, подробно оглядывали каждую горницу, стѣны ея, полы, печи и вообще изслѣдуя всякій уголокъ. Зàмокъ былъ очень обширенъ и пришлось отложить дѣло до слѣдующаго дня. За этотъ разъ успѣли освидѣтельствовать лишь одну треть всего зàмка.

Вечеръ и часть ночи, когда повсюду всѣ уже спали, въ горницѣ отведенной намѣстнику края долго горѣлъ огонь. У Праксина сидѣлъ баронъ и оба они обсуждали невѣроятное приключеніе, разстроившее всѣ ихъ планы и надежды.

— Въ томъ, что это не графъ — для меня нѣтъ конечно ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ же какъ и для васъ, говорилъ Праксинъ. — Но вотъ что̀ ужасно, что онъ правъ! Правъ передъ закономъ. Пока не найдено и не признано всѣми тѣло графа или не сознался во всемъ Захеръ, до тѣхъ поръ самозванецъ — графъ Зарѣцкій предъ закономъ, а умеръ кто-то другой, походившій лицомъ на него и вдобавокъ скрытый послѣ смерти.
— Стало быть, говорилъ баронъ Охотскій, — я принужденъ уступить свои права на состояніе и на все проходимцу, Богъ вѣсть кому! Долженъ потерять все счастье жизни... Покориться какой-то неизвѣстной личности, не имѣющей никакихъ правъ на наслѣдство, а имѣющей только сходство съ дядей въ чертахъ лица.
— Вѣроятно, что онъ графу не чужой. Родственникъ или даже побочный братъ. Иначе откуда же быть такому сходству, которое всѣхъ вводитъ въ обманъ...
— Но вѣдь завѣщаніе въ мою пользу! воскликнулъ Лоренцъ.
— Что̀ дѣлать!.. Все такъ произошло, что слѣдствіе, доказавъ намъ всѣмъ, что онъ самозванецъ, ни къ какому результату не приведетъ. Онъ останется до своей смерти графомъ Зарѣцкимъ.
— Но вѣдь это ужасно!.. снова отчаянно воскликнулъ баронъ.
— Да.
— Мнѣ кажется, что я убилъ бы его, еслибъ...
— Еслибъ могли?..
— Да, еслибъ это было возможно...
— Но оно невозможно, потому что вы не способны на такое дѣло!.. холодно сказалъ Праксинъ.
— Онъ же убилъ дядю, задушилъ... И меня хотѣлъ задушить... Но Захеръ!.. Захеръ! Онъ тоже загадка. Вѣдь онъ оплакивалъ дядю не притворно... Неужели же и онъ участникъ убійства?
— Никогда! вымолвилъ Праксинъ. — Вотъ какъ дѣло произошло по моему мнѣнію. Этотъ двойникъ давно жилъ въ Чамборѣ, никому никогда не показывались. По всей вѣроятности надъ нимъ тяготѣло огромное, страшное преступленіе. Захеръ одинъ зналъ объ его присутствіи въ зàмкѣ и даже лично передавалъ ему пищу, которую посылалъ графъ или приносилъ Богданъ. Затѣмъ, когда Захеръ первый нашелъ графа задушеннымъ, онъ заподозрилъ васъ, а не этого... двойника... Вы, возмущенные подозрѣніемъ, обошлись съ нимъ жестоко, приказали немедленно покинуть зàмокъ... Захеръ вамъ отвѣчалъ мщеньемъ, скрывъ тѣло графа и признавъ за графа этого же двойника...
— Но какъ же, искренно и сильно любя дядю, онъ примирился съ его убійцей?.. Вѣдь это невѣроятно!
— Быть-можетъ, замѣтилъ Праксинъ, — онъ думаетъ и те-

перь, что вы убійца ради наслѣдства. Вы съ нимъ не объяснились... кротко, ласково... чистосердечно...

— Нѣтъ. Я съ нимъ почти совсѣмъ не говорилъ ни слова.

— Это была огромная ошибка; надо было поклясться Захеру, что не вы убійца.

— Завтра же я это сдѣлаю...

— Немного поздно... Захеру придется сознаваться въ сокрытіи тѣла, въ кощунствѣ. Онъ побоится отвѣтственности предъ закономъ.

— Все-таки я попробую... завтра же утромъ пойду къ нему, обѣщаю ему большія деньги и буду умолять раскрыть всю эту ужасную тайну. Я надѣюсь на успѣхъ.

— Давай Богъ, заключилъ рѣчь Праксинъ. — А теперь пора спать...

На утро рано весь зàмокъ былъ на ногахъ и баронъ Охотскій проснулся отъ шума, ходьбы и голосовъ.

Первая мысль барона была взглянуть на часы, такъ какъ ему показалось, что все въ замкѣ поднялось ранѣе обыкновеннаго. Дѣйствительно было еще только часовъ семь утра... Баронъ хотѣлъ снова лечь и заснуть, но затѣмъ передумалъ и вымолвилъ вслухъ:

— Не надо времени терять. Пойду прямо къ Захеру, и къ тому времени какъ встанетъ Праксинъ, будетъ авось что-нибудь новое и хорошее.

Баронъ быстро одѣлся и вышелъ изъ своей комнаты. Шумъ и бѣготня во всемъ зàмкѣ совершенно необычайные удивили его. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу ему попался глупый Богданъ, бѣжавшій изо всей мочи.

— Чтò ты? Куда? удивился баронъ. — Чтò за суетня вездѣ?

— Ничего не дѣйствуетъ!.. воскликнулъ Богданъ.

— Что?

— Ничего не помогаетъ. Ужъ бросили...

— Чтò бросили?

— Да все бросили. Чего ни перепробовали... Совсѣмъ конецъ! Мертвый совсѣмъ.

— Кто мертвый? вскрикнулъ Лоренцъ.

— Онъ...

— Кто онъ?

— Какъ кто? Онъ-же...

— Графъ померъ... Праксинъ что-ли?

— Нешто и графъ тоже померъ? ахнулъ Богданъ.

Лоренцъ ухватилъ глупаго буфетчика за горло и крикнулъ внѣ себя:

— Говори, кто померъ, разбойникъ? Кому вы помогали?..

— Да господину же Захеру.

— Захеръ? Захеръ умеръ?!

— Повѣсился... Я думалъ вы знаете...

Лоренцъ бросилъ Богдана и пустился бѣгомъ въ ту часть зàмка, откуда слышались шумъ и гулъ голосовъ.

Въ горницѣ, гдѣ жилъ Захеръ, была толпа народу. Здѣсь же былъ и Бахмутскій полуодѣтый, а съ нимъ подьячій Файко.

На диванѣ лежалъ протянувшись Захеръ безъ признаковъ жизни съ багровымъ лицомъ и слегка высунутымъ языкомъ.

— Чтò это? воскликнулъ баронъ.

— Мертвъ, отозвался Бахмутскій.

— Повѣсился?

— Да. Висѣлъ. Вотъ на гвоздѣ у кровати. Люди его сняли еще теплымъ изъ петли. Возились... Думали оттереть, но видно нельзя. Поздно.

— Уже утромъ повѣсили! отозвался Файко. — Недавно...

— Повѣсили? спросилъ баронъ.

— Да-съ. Я такъ полагаю... Вотъ пожалуетъ Викторъ Павловичъ. Самъ рѣшитъ. А я въ этихъ дѣлахъ тоже кой-что смыслю.

— Онъ не самъ повѣсился. А его повѣсили, по мнѣнію г. Файко, сказалъ Бахмутскій. — Хоть онъ и висѣлъ на гвоздѣ, но на немъ слѣды чьи-то... Слѣды борьбы съ другимъ. Руки исцарапаны, голова пробита... Да и ножка у кровати сломана... Вонъ посуда разбита... Ничего не поймешь! Чертовщина творится въ этомъ зàмкѣ. Тутъ даже жить и спать страшно... прибавилъ Бахмутскій смѣясь.

— Чтò такое? раздался голосъ Праксина. — Захеръ мертвый?

— Точно такъ-съ! Извольте посмотрѣть... заговорилъ Файко.— Извольте тоже замѣтить, что повѣситься на этомъ гвоздѣ самому нельзя. И вотъ почему...

И Файко подробно и толково сталъ объяснять Праксину все дѣло, какъ онъ понималъ. Когда онъ кончилъ, Праксинъ выговорилъ тихо:

— Совершенно вѣрно. Онъ задушенъ, а затѣмъ повѣшенъ. Ну-съ. А кто его уходилъ по вашему мнѣнію?

Файко улыбнулся двусмысленно.

— Кому понадобилось избавиться отъ Захера? продолжалъ Праксинъ. — Кто убійца?

— Да-съ, отозвался Файко. — Все это понятно, и доказать это конечно совершенно...

— Будетъ невозможно, перебилъ Праксинъ, какъ бы продолжая рѣчь.

— Нѣтъ-съ. Можетъ быть даже совершенно легко.

— Какъ?

— Больно шибко тутъ двое дрались. Если на тѣлѣ Захера такіе синяки, то и на немъ, на томъ... тоже окажется не мало колотушекъ да синяковъ.

— Идемте сейчасъ! воскликнулъ Праксинъ. — Обернувшись онъ увидѣлъ Лоренца и прибавилъ весело: — Ну, баронъ... Дѣло ладится... Будь онъ хоть стократы самъ графъ Зарѣцкій, а убивать людей мы ему не позволимъ... За это судятъ и ссылаютъ въ Сибирь.

XIII.

Намѣстникъ, сопутствуемый Лоренцомъ, Бахмутскимъ и нѣсколькими людьми, двинулся къ кабинету графа. Дверь оказалась заперта... Долго звали они. Праксинъ, теряя терпѣнье, приказалъ стучать изо всѣхъ силъ.

Отвѣта не было.

— Съ ума онъ сходитъ. Ломай двери! приказалъ Праксинъ. Гулкій грохотъ пошелъ по всему зàмку отъ топоровъ и лома, которыми рубили и ломали дверь.

Наконецъ толстая дубовая дверь была вся въ щепахъ и всѣ вошли въ кабинетъ, затѣмъ прошли въ спальню графа и въ другія смежныя горницы...

Старика нигдѣ не было. Нѣсколько разъ всѣ обошли снова горницы графа, но его не было.

— Ищите его... вскрикнулъ Праксинъ сердито. — Чтò онъ думаетъ, отдѣлается отъ меня прятками какъ виноватый младенецъ отъ няньки. Что онъ—шутовствуетъ, или съ ума сошелъ! Ищите!

Прошелъ часъ... Прошло нѣсколько часовъ. Вся прислуга зàмка съ недоумѣньемъ, но и съ суевѣрнымъ страхомъ обшарила уже весь зàмокъ.

Старика выдававшаго себя за графа Зарѣцкаго не было нигдѣ.

— Онъ умнѣе, нежели я думалъ! шутилъ Праксинъ. — Но вотъ будетъ куріозъ какъ мы его совсѣмъ не найдемъ. Придется вамъ, баронъ, вступать снова въ ваши права наслѣдства.

Около сумерокъ появился въ верхнихъ горницахъ зàмка садовникъ жившій въ маленькомъ домикѣ около оранжерей и просилъ доложить о себѣ господину главному судьѣ изъ города или же барону Охотскому.

Праксинъ велѣлъ позвать его къ себѣ.

Садовникъ, пожилой и умный крестьянинъ, вошелъ степенно въ горницу и низко поклонился.

— Чего тебѣ? спросилъ Праксинъ.

— Въ бесѣдкѣ, въ саду, тѣло лежитъ, холодно проговорилъ онъ.

— Опять мертвое тѣло?!. Еще кого задушили! воскликнулъ Праксинъ. — Да это человѣческая бойня здѣсь...

— Мертвое тѣло, но ужъ куда страшное. За ночь кто-нибудь принесъ туда и положилъ.

— Почему ты такъ полагаешь?

— Притàщено въ простынѣ. Да его и не было. Я вчера въ бесѣдкѣ дверку починялъ и тѣла не было. Нынѣ за ночь его притащили.

Праксинъ, баронъ, чиновники и люди—всѣ двинулись тотчасъ въ садъ, и пройдя саженъ триста, не успѣли еще дойти до большой бесѣдки, стоявшей среди густой чащи зелени, какъ до нихъ уже достигъ страшный смрадный запахъ.

На полу бесѣдки, на простынѣ оказался трупъ, уже сильно разложившійся. Безобразное лицо было конечно безформенно и неузнаваемо. Однако баронъ тотчасъ вскрикнулъ:

— Дядя! Это онъ! Онъ!

Баронъ узналъ трупъ по платью... Двое изъ людей, одѣвавшіе мертваго графа въ день смерти чтобы класть въ гробъ, тотчасъ подтвердили мнѣніе барона.

При осмотрѣ трупа, Файко замѣтилъ первый и указалъ другимъ на одно загадочное обстоятельство. Указательный палецъ правой руки былъ отрѣзанъ.

— Онъ не могъ снять кольца и отрѣзалъ палецъ! догадался баронъ сразу.

— Да, это часто бываетъ... сказалъ Праксинъ.—Ему нуженъ былъ перстень, а снять его съ мертваго было невозможно. Ну, слава Богу! Вотъ и тѣло графа... Стало быть настоящій графъ Зарѣцкій предъ нами и покойникъ. Но... Кто же тотъ? И гдѣ же тотъ?!

Общее молчаніе было отвѣтомъ. Всѣ задумчиво вышли изъ бесѣдки и вернулись въ зàмокъ. Дѣло было кончено, но не совсѣмъ...

— Кто онъ — мнѣ все равно! весело заговорилъ баронъ уже въ гостиной, оставшись съ Праксинымъ, Бахмутскимъ и Файко для составленія протокола. — Но гдѣ онъ? Это, по правдѣ говоря, мнѣ далеко не все равно. Жить въ зàмкѣ вмѣстѣ съ нимъ я бы не желалъ...

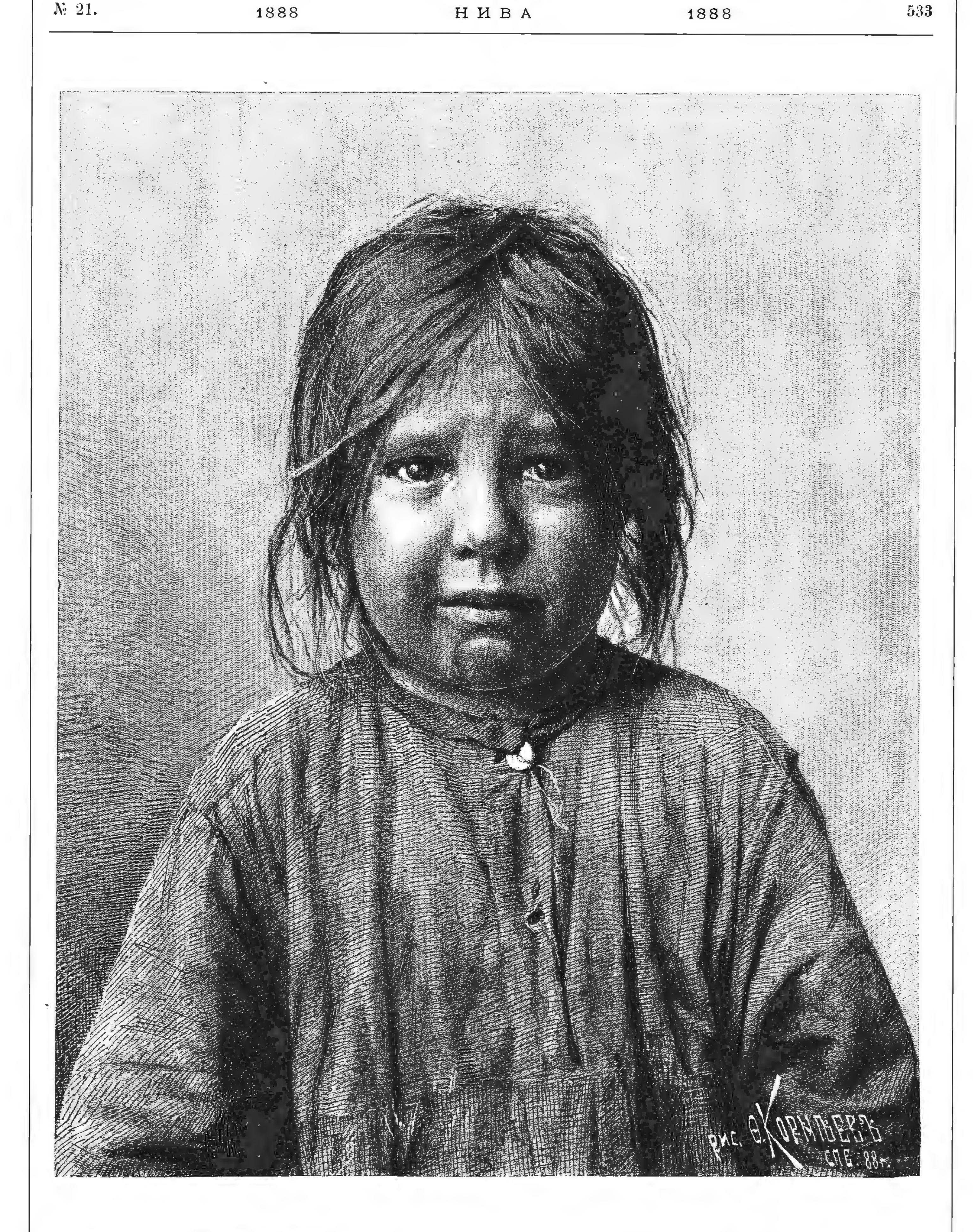
— Я и Чамбора вашего не возьму въ награду, чтобы жить здѣсь! разсмѣялся Бахмутскій.

— Съ нимъ жить опасно. Задушитъ и пропадетъ... замѣтилъ и Файко.

— Жить... Онъ теперь жить не можетъ! сказалъ Праксинъ.— Кто же его кормить будетъ? А не ѣвши онъ болѣе недѣли не проживетъ.

— А все-таки какъ-то жутко! заговорилъ Лоренцъ. — Знать, что онъ прежде какъ бы не существовалъ, потомъ проявился тотчасъ послѣ преступленья, заявивъ имъ о себѣ, былъ, жилъ,

Машутка смѣется. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) **Ѳ. Корнѣева**, грав. Ангереръ.



Машутка плачетъ. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **Ѳ. Корнѣева**, грав. Ангереръ.

затѣмъ вторично другое преступленіе совершилъ и снова исчезъ безъ слѣда.

— Да. Это загадка, которую намъ разрѣшить нельзя, отозвался Праксинъ. — Будь живъ Захеръ, все объяснилось бы просто. Очевидно только, что двойникъ графа пожелалъ вдругъ самъ сдѣлаться графомъ Зарѣцкимъ.

— Но взялся за дѣло глупо, прибавилъ Файко.

— Вы бы умнѣе взялись? пошутилъ Праксинъ.—Очевидно, что тотъ же Захеръ былъ дважды помѣхой въ дѣлѣ. Быть-можетъ двойникъ хотѣлъ, убивъ графа, тотчасъ спрятать его и явиться вмѣсто него предъ всѣми. Но Захеръ помѣшалъ, пожелавъ хоронить графа. Затѣмъ изъ мести барону онъ согласился на обманъ, но поздно, глупо, ребячески не разсчетливо. А въ эту ночь тотъ же Захеръ, предъявивъ такимъ образомъ тѣло графа, опять сталъ помѣхой для его плановъ—и поплатился жизнію.

— Но однако, неужели же его нельзя найти! воскликнулъ Лоренцъ. — Безъ этого я право не рѣшусь поселиться здѣсь изъ-за какого-то необъяснимаго страха.

— Сколько всѣхъ горницъ, переходовъ, подваловъ и т. д. въ Чамборѣ? спросилъ Файко.

— Болѣе двухсотъ, конечно...

— Я берусь въ два мѣсяца найти его... или его трупъ... Только я поселюсь здѣсь съ тремя солдатами, а всякую обысканную комнату буду запирать и запечатывать.

— Очень вамъ благодаренъ. Всѣ будутъ въ замкѣ помогать вамъ... сказалъ баронъ. — Я же поѣду въ городъ и вернусь сюда только тогда, когда вы найдете его живымъ или мертвымъ.

XIV.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ страшнаго происшествія въ округѣ было много толковъ о блестящей и веселой свадьбѣ богача и магната графа Зарѣцкаго-Охотскаго съ дочерью намѣстника въ краѣ, красавицей Еленой Праксиной.

Молодые однако въ Чамборъ не поѣхали...

Замокъ стоялъ совершенно опустѣлый... Причина была простая...

Послѣ вторичныхъ, настоящихъ похоронъ стараго графа Зарѣцкаго и отъѣзда новаго владѣльца въ городъ вмѣстѣ съ Праксинымъ — остался въ замкѣ добровольно для розысковъ одинъ лишь чиновникъ Файко. Чрезъ недѣлю онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей постели... Слѣдовъ преступленія и насильственной смерти не было. Но въ замкѣ поразила всѣхъ участь слѣдователя, всѣ говорили и твердо вѣрили, что это дѣло „его“ рукъ, что это „онъ-же“ задушилъ врага.

И многіе люди потрусливѣе покинули замокъ тотчасъ же.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, буфетчикъ Богданъ, котораго видѣли всѣ поздно вечеромъ, на утро рано не оказался нигдѣ и пропалъ безслѣдно. Кой-кто увѣрялъ, что Богданъ самъ бѣжалъ изъ замка, но привратники его не видали, а мостъ за всю эту ночь былъ попрежнему поднятъ.

Послѣ участи Богдана, всѣ храбрецы оставшіеся еще въ замкѣ, тотчасъ покинули его, не соглашаясь жить въ немъ ни за какія деньги.

Остались лишь два привратника въ башнѣ у подъемнаго моста.

Замокъ стоялъ пустъ, угрюмъ, мертвъ... Обиталъ-ли въ немъ „онъ-же“, одинъ, свободный въ предѣлахъ замка, уже не обязанный скрываться, настоящимъ владѣльцемъ?..

Многіе въ это вѣрили...

Черезъ три года послѣ своей женитьбы, графъ Лоренцъ Зарѣцкій продалъ Чамборъ одному польскому магнату. Новый владѣлецъ переѣхалъ въ замокъ, поселился въ немъ со всей семьей и челядью и зажилъ мирно и счастливо...

„Онъ-же“ не являлся, очевидно исчезнувъ навсегда.

КОНЕЦЪ.

Что мы знаемъ объ обитаемости планетъ?

Есть вопросы, принадлежащіе собственно къ области спеціально научныхъ знаній, но въ то же время живо интересующіе и все человѣчество. Однимъ изъ такихъ вопросовъ безспорно является вопросъ о жизни на другихъ планетахъ. Но на этотъ счетъ можно встрѣтить самыя разнообразныя мнѣнія. Одни, напр., безусловно признаютъ жизнь на другихъ планетахъ и притомъ въ той же формѣ какъ и на землѣ; другіе, наоборотъ, такъ же безусловно отрицаютъ самую возможность какой-нибудь жизни. Интереснѣе всего въ этомъ то обстоятельство, что какъ тѣ, такъ и другіе ссылаются будто бы на строго-научныя изслѣдованія астрономіи. Кто правъ, кто виноватъ? Попробуемъ разобраться.

Давно уже прошло и прошло безвозвратно то время, когда человѣкъ считалъ землю центромъ мірозданія, центромъ для котораго созданы и солнце, посылающее свѣтъ, тепло и жизнь, и тѣ милліарды небесныхъ тѣлъ, которыя неизмѣримо больше нашей крошки земли и удалены отъ насъ на такія разстоянія, что нужны цѣлыя тысячелѣтія, дабы хотя одинъ лучъ отъ нихъ дошелъ до нашей земли, затерявшейся гдѣ-то въ глубинѣ небеснаго пространства. Безвозвратно прошло то время, когда человѣкъ думалъ, что весь міръ созданъ только для декораціи *его* жизни, *его* существованія или *имъ* населенной планеты. Оказалось, что не для насъ движутся эти миріады міровъ, забрасывая къ намъ свои лучи изъ глубины небеснаго пространства; не для насъ гармонія ихъ движенія: наша планета въ общей системѣ мірозданія является такимъ ничтожествомъ, что полное исчезновеніе ея даже временно не нарушило бы общей гармоніи цѣлаго. Человѣкъ, этотъ гордый вѣнецъ мірозданія, думалъ, что земля есть неподвижный центръ вселенной, вокругъ котораго въ строгомъ порядкѣ движутся и солнце, и планеты, и кометы, и наконецъ цѣлыя тучи звѣздъ, разсыпанныхъ во вселенной. Но съ того времени кругозоръ человѣчества значительно расширился. Мы знаемъ теперь, что этотъ воображаемый центръ вселенной со страшной быстротой несется въ пространствѣ, описывая свой путь вокругъ солнца, какъ камень, привязанный на тонкую нитку и вращаемый рукой ребенка. Даже солнце, такъ самовластно распоряжающееся нашимъ земнымъ шаромъ, само не независимо: оно, въ свою очередь, вмѣстѣ со всѣми планетами и ихъ спутниками, несется куда-то, описывая путь вокругъ другаго центральнаго свѣтила, и нѣтъ конца этому непрерывному движенію. Только по относительному расположенію звѣздъ въ той части небеснаго пространства, куда мы несемся (созв. Геркулеса), и той части, откуда удаляемся, мы можемъ судить приблизительно о томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ находиться этотъ центръ притяженія. Но независимъ ли онъ самъ? Не составляетъ ли и онъ какого-нибудь привѣска въ другой системѣ движенія? Наши знанія не идутъ дальше этого, но и извѣстнаго намъ уже болѣе чѣмъ достаточно, чтобы судить, какъ ничтоженъ въ дѣйствительности нашъ прославленный центръ мірозданія, наша земля въ общей системѣ міровъ.

Когда человѣкъ созналъ ничтожество обитаемой имъ планеты среди другихъ міровыхъ тѣлъ; когда оказалось, что вокругъ солнца обращаются и другія планеты, которыя съ такимъ же правомъ, какъ и наша земля, могутъ играть роль центровъ вселенной; когда наконецъ оказалось, что кромѣ нашей солнечной системы существуютъ и другія, въ которыхъ планеты съ ихъ спутниками группируются около другихъ центральныхъ свѣтилъ-солнцъ;—тогда человѣкъ естественно долженъ былъ задаться вопросомъ: одни ли мы въ мірѣ любуемся гармоніей свѣтилъ? Нѣтъ-ли и другихъ небесныхъ тѣлъ, также населенныхъ живыми существами, а можетъ-быть даже и существами разумными, которые также напрягаютъ всѣ свои духовныя силы, чтобы постигнуть безконечное, объять необъятное и найти предѣлы для того, что уже само выходитъ за предѣлы нашего мышленія? Если у насъ, при извѣстныхъ условіяхъ свѣта, температуры, воздуха, химическихъ соединеній, плотности, силы тяготѣнія, временъ года и пр., существуютъ живыя существа, окружающія насъ, то нѣтъ-ли ихъ и на другихъ планетахъ, хотя бы только нашей солнечной системы? Какія странныя формы, какія фантастическія существа могутъ населять обширныя области этихъ невѣдомыхъ для насъ странъ? Если существуетъ такое страшное различіе между европейцемъ и готтентотомъ, при одной только разности обитаемыхъ ими географическихъ широтъ, то какъ же велика должна быть разница между земными существами и живыми формами отдаленнѣйшихъ отъ насъ міровъ? Тамъ свѣтитъ другое солнце; тамъ цвѣтутъ другія растенія, не похожія на наши; тамъ моря и рѣки не такой воды какъ у насъ... Что совершается тамъ, на этихъ далекихъ мірахъ, кажущихся намъ въ видѣ блестящихъ точекъ только благодаря громаднымъ разстояніямъ, отдѣляющимъ ихъ отъ насъ? Вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ пытливый человѣческій умъ, не ограничивающій своего міросозерцанія тѣмъ клубкомъ космической матеріи, къ которому онъ физически прикованъ, и который онъ, въ своемъ самообольщеніи, возвелъ было въ незыблемый центръ вселенной.

Но къ вопросамъ подобнаго рода надо относиться крайне осторожно, такъ какъ малѣйшее отклоненіе отъ строго-научнаго метода открываетъ здѣсь такое широкое поле для самой необузданной фантазіи, что самый нелѣпый, самый чудовищный выводъ одного фантазера все-таки не можетъ считаться „послѣднимъ словомъ *науки*“, ибо непремѣнно найдется другой фантазеръ, который превзойдетъ перваго въ своемъ умѣньи не стѣсняться рамками извѣстнаго, дѣйствительнаго. Кому не приходилось читать, или, по крайней мѣрѣ, слышать о чудовищныхъ пресмыкающихся, которыя будто бы ползаютъ въ горячей почвѣ и водѣ планеты Венеры? Надо-ли говорить, что единственнымъ основаніемъ для подобнаго вывода послужило то обстоятельство, что Венера ближе къ солнцу, чѣмъ Земля, и потому подвержена болѣе интенсивному нагрѣванію, въ сравненіи съ нашей планетой. Кто не удивлялся необузданности человѣческой фантазіи по поводу проекта телеграфнаго сообщенія съ Марсомъ при помощи свѣтовыхъ сигналовъ, въ формѣ геометрическихъ фигуръ, на томъ лишь основаніи, что если есть на этой планетѣ люди, то они должны же имѣть понятіе о геометріи и геометрическихъ формахъ. Въ Америкѣ нашли аэролитъ, въ который была вплавлена будто-бы металлическая дощечка. По разслѣдованіи этой дощеч-

ки оказалось, что на ней выгравированы кружки, расположеніе которыхъ соотвѣтствуетъ расположенію планетъ нашей солнечной системы, если смотрѣть на нихъ съ Марса. Изъ этихъ данныхъ, сравнительно при небольшой долѣ воображенія, легко было догадаться, откуда упалъ къ намъ этотъ аэролитъ, а отсюда уже сдѣлать смѣлое предположеніе объ астрономахъ, обитающихъ на Марсѣ. Наконецъ, какой-то нѣмецкій *ученый* недавно еще тщательно изслѣдовалъ фантастическихъ жителей луны, такъ-называемыхъ *селенитовъ*, и даже нашелъ возможность, на основаніи теоретическихъ соображеній, получить рисунки наиболѣе типичныхъ представителей этихъ существъ. Полученныя имъ фигурки, состоящія изъ кружковъ и прямыхъ линій, въ общемъ представляютъ нѣкоторое подобіе человѣка съ громадной головой и чудовищныхъ размѣровъ животомъ и до нѣкоторой степени напоминаютъ первые эскизы двухлѣтнихъ художниковъ; видимо, нѣмецкій ученый не обладалъ достаточно блестящею фантазіей, иначе онъ придумалъ бы что-нибудь болѣе оригинальное.

Но оставимъ эту анекдотическую сторону дѣла. Мы привели эти курьезы, какъ примѣры, до чего можно договориться, если за предѣлами точныхъ знаній что̀-называется „закусить удила“ и дать волю фантазіи. А между тѣмъ, мысль лежащая въ основаніи вопроса объ обитаемости планетъ, вполнѣ правильна и разумна. Въ самомъ дѣлѣ, наша планета слишкомъ незначительна для того, чтобы вмѣстить всевозможныя проявленія жизни. Не можетъ быть, чтобы творческой силы достало только на то, что̀ мы видимъ у насъ на землѣ. На другихъ планетахъ, при другихъ условіяхъ, она могла создать и другіе организмы, отличные отъ нашихъ, но все же имѣющіе съ ними нѣкоторые общіе основные признаки, по которымъ мы отличаемъ живое, чувствующее существо отъ міра неорганическаго. Эти живыя существа могутъ значительно разниться отъ обитателей земли, но вѣдь и внѣшній видъ этихъ послѣднихъ не остается безъ измѣненія. Можетъ-быть пройдутъ десятки тысячелѣтій, и родъ людской сдѣлается неузнаваемъ: tempora mutantur et nos in illis. Если это приложимо къ мгновенной жизни человѣка, то еще болѣе конечно къ періодамъ тысячелѣтій. Для того чтобы на какой-нибудь планетѣ была точно такая же человѣческая жизнь, какъ и у насъ на землѣ, она должна быть въ такихъ же условіяхъ, какъ и наша планета. Это conditio sine qua non. Если же говорить вообще о живомъ существѣ, то условія его жизни могутъ существенно отличаться отъ земныхъ. Этому можно привести примѣры даже и у насъ на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не прошло еще и десяти лѣтъ, какъ ученые отрицали всякую возможность жизни въ темной глубинѣ морей, доказывая, что ничто живое не можетъ существовать при томъ громадномъ давленіи, которое должно̀ быть на днѣ океановъ. Но изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ какъ нельзя лучше доказали полную несостоятельность такого вывода: болѣе совершенные инструменты принесли намъ со дна моря множество невиданныхъ нами, самыхъ нѣжныхъ, самыхъ хрупкихъ существъ, которыя, напротивъ, не могутъ жить внѣ сферы этого громаднаго давленія. При большомъ различіи въ частностяхъ, во всей системѣ мірозданія тѣмъ не менѣе замѣчается большое однообразіе въ основныхъ силахъ и свойствахъ. Признавая это, мы должны признать и нѣкоторое однообразіе въ проявленіи этихъ основныхъ силъ, т. е. нѣкоторую органическую жизнь и на другихъ небесныхъ тѣлахъ, подходящихъ по своимъ условіямъ къ обитаемой нами планетѣ. Таковъ логическій, умозрительный выводъ. Посмотримъ теперь, что̀ дастъ намъ астрономія и изслѣдованіе физической природы небесныхъ свѣтилъ, строго придерживаясь границы, отдѣляющей область точныхъ знаній отъ неизмѣримой области чистыхъ фантазій.

Изученіе физической природы небесныхъ тѣлъ, позволяющее сдѣлать хоть какіе-нибудь положительные выводы, началось очень недавно, а именно, съ начала шестидесятыхъ годовъ этого столѣтія. До этого времени, единственнымъ средствомъ, которымъ обладалъ астрономъ для изученія физическаго строенія небесныхъ свѣтилъ, былъ телескопъ. Но, строго говоря, при помощи телескопа, даже самаго сильнаго, можно изслѣдовать физическія свойства одной только луны, какъ тѣла настолько близкаго къ намъ, что мы можемъ довольно ясно разсмотрѣть устройство его поверхности. Что же касается планетъ нашей солнечной системы, самаго солнца, а тѣмъ болѣе неподвижныхъ звѣздъ, удаленныхъ отъ насъ на громадныя разстоянія, то телескопъ оказывается почти совершенно безсильнымъ въ дѣлѣ изслѣдованія ихъ физическихъ свойствъ и особенностей. Мы видимъ только свѣтъ, идущій отъ нихъ къ намъ, иногда темныя пятна на планетахъ и солнцѣ, и больше рѣшительно ничего. Этого слишкомъ недостаточно, чтобы судить о физической природѣ этихъ свѣтилъ. Вѣдь одно и то же свѣтовое впечатлѣніе можетъ быть вызвано крайне различными причинами; вслѣдствіе чего и явленія, наблюдаемыя нами на планетахъ, хотя и сходныя съ земными, могутъ зависѣть совершенно отъ другихъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нашими. Не удивительно поэтому, что въ то время являлись иногда крайне дикія гипотезы о физическомъ составѣ солнца, неподвижныхъ звѣздъ и планетъ, — гипотезы, которыя однако такъ же трудно было опровергнуть, какъ и доказать. Только съ открытіемъ спектральнаго анализа для астрофизики настала новая эра. Полною разработкой этого новаго метода изслѣдованій, давшаго намъ возможность изучать химическій составъ тѣлъ, удаленныхъ отъ насъ на милліарды верстъ, мы обязаны знаменитому нѣмецкому физику Кирхгофу, скончавшемуся въ Берлинѣ 5 октября прошлаго года. Спектральный анализъ обнаружилъ передъ нами то, что̀ ранѣе казалось непостижимымъ для человѣческаго ума, и хотя отчасти открылъ завѣсу, скрывающую отъ насъ великія тайны мірозданія. Спектроскопъ далъ намъ возможность узнать, что̀ такое солнце и изъ какихъ элементовъ оно состоитъ; тѣмъ же путемъ опредѣленъ химическій составъ неподвижныхъ звѣздъ, туманностей и вообще тѣлъ, свѣтящихъ своимъ собственнымъ тѣломъ. При этомъ оказалось, что и на солнцѣ, и на звѣздахъ мы находимъ тѣ же элементы, которые входятъ въ составъ и нашей планеты. Къ опредѣленію химическаго состава планетъ этотъ методъ неприменимъ, такъ какъ онѣ свѣтятъ не своимъ собственнымъ свѣтомъ, а отраженнымъ солнечнымъ; но по сходству химическаго состава земли и солнца мы съ полной достовѣрностью можемъ заключить о сходствѣ и даже полной идентичности состава земли и остальныхъ планетъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и метеоры, залетающіе къ намъ изъ междупланетнаго пространства, не приносятъ на землю ничего новаго: они состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, которые входятъ и въ составъ земли. Установивъ такимъ образомъ общность химическаго состава небесныхъ тѣлъ, мы переходимъ теперь къ изложенію тѣхъ, въ сущности, немногихъ фактовъ, которые мы знаемъ отдѣльно о каждой планетѣ и ея физическихъ условіяхъ, что̀ такъ или иначе даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ объ обитаемости міровъ въ предѣлахъ точныхъ знаній.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Напрасная тревога. (Рис. на стр. 521.)

Какъ просто и правдиво написана картина Юліи Матушки! Молодой зайчишка, пробѣгая по полю, случайно приблизился къ гнѣздышку пичужки, укромно скрытому въ низкомъ кустарникѣ. Встревоженная самка съ чириканьемъ неустрашимо бросилась на появившееся чудовище, которое, кажется, само въ недоумѣніи, что̀ нужно отъ него разгнѣванной птичкѣ? Приподнявшись немного на заднія лапки и шевеля своими длинными ушами, трусливый зайчикъ испуганно смотритъ на птичку, порывисто перепархивающую съ вѣтки на вѣтку и тѣмъ старающуюся отвлечь вниманіе мнимаго врага отъ ея гнѣздышка, въ которомъ, плотно прижавшись другъ къ другу, сидитъ едва оперившееся потомство.

Греческій невольникъ. (Рис. на стр. 524).

За послѣдніе годы на академическихъ выставкахъ появляются все чаще и чаще картины, передающія сцены и событія изъ античной жизни. Интересныя по сюжету и часто замѣчательныя по исполненію, онѣ постоянно пользуются вниманіемъ и успѣхомъ у публики посѣщающей наши выставки. Имена Семирадскаго и Свѣдомскаго хорошо ей извѣстны. Къ нимъ за послѣднее время прибавились еще два: Бакаловича и Лосева. Двѣ картины послѣдняго уже воспроизведены на стр. 481 и 508 нашего журнала въ №№ 19 и 20, а гравюра съ одной изъ картинъ перваго изъ нихъ помѣщается на стр. 524 нынѣшняго нумера.

Степанъ Владиславовичъ Бакаловичъ принадлежитъ къ числу нашихъ молодыхъ художниковъ работающихъ за-границей. Въ 1881 году онъ былъ награжденъ отъ академіи большою золотою медалью за картину изображавшую преподобнаго Сергія благословляющаго великаго князя Дмитрія Донскаго предъ походомъ противъ Мамая. Работа эта тогда же обратила на себя вниманіе и вмѣстѣ съ другою картиною на ту же тему, принадлежавшею кисти А. Н. Новоскольцева, — была послана на Московскую всероссійскую выставку 1882 года. Но по этой первой работѣ Бакаловича трудно было предвидѣть ту силу таланта, которую проявляетъ молодой художникъ въ своихъ теперешнихъ произведеніяхъ. Пріѣхавъ въ Италію, — въ Римъ, эту колыбель древней римской жизни,—онъ увлекся послѣднею и счастливо попалъ на истинный путь своего дарованія. Въ 1885 г. на академической выставкѣ было выставлено двѣ картины Бакаловича „Весна“ и „Римлянка у восточнаго купца и колдуна“. Интересныя по исполненію,—въ особенности вторая, благодаря нѣкоторымъ деталямъ, прекрасно въ ней написаннымъ, — онѣ прошли однако почти незамѣченными критикой. За то на слѣдующій годъ всѣ посѣщавшіе выставку только и говорили что о Бакаловичѣ. Сравненіямъ и похваламъ не было конца. Изъ выставленныхъ имъ четырехъ картинъ три: „Вечерній разговоръ“, „Сосѣдки“ и „Поэтъ Катуллъ“ были пріобрѣтены еще до выставки г.г. Третьяковымъ и Солдатенковымъ,

а четвертая—„Посланіе“—куплена Е. И. В. Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ. Всѣ онѣ отличались изящнымъ и тонкимъ письмомъ, доходившимъ до виртуозности въ мелочахъ и неодушевленныхъ предметахъ. Эта выписка, не уступавшая иногда тщательности староголландскихъ мастеровъ, не вредитъ, однако, общему впечатлѣнію, которое нисколько не утрачивается послѣ близкаго разсмотрѣнія всѣхъ деталей картины. Такими же особенностями отличаются картины, появившіяся въ нынѣшнемъ году на академической выставкѣ. Ихъ четыре: „Сказки“, „Кліенты, ожидающіе утренняго выхода патрона“, „Помпеянская лавка“ и „Греческій невольникъ“, воспроизведенный на стр. 524 и представляющій красиваго греческаго раба, который услаждаетъ слухъ своей молодой госпожи пѣніемъ, подъ акомпаниментъ девятиструнной лиры.

Семейство Годуновыхъ. Картина художника Н. П. Шаховскаго.

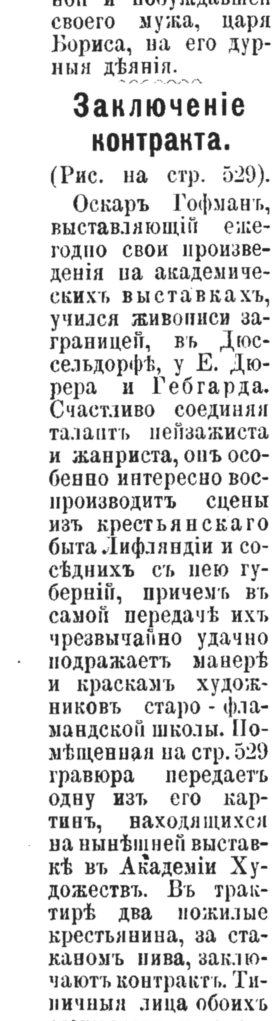
(Рис. на стр. 525).

Художникъ избралъ для своей картины тотъ страшный моментъ, когда вдова Годунова и ея несчастныя дѣти, Ѳеодоръ Борисовичъ и Ксенія Борисовна—слышатъ приближеніе лицъ, посланныхъ сторонниками Лжедимитрія, и предвидя свою страшную участь, переживаютъ ужасныя минуты ожиданія.

Дѣйствіе картины происходитъ 10 іюня 1605 г. Десять дней тому назадъ, Ѳеодоръ Борисовичъ былъ сведенъ съ престола возмутившеюся чернью, руководимою посланными Самозванцемъ дворянами Пушкинымъ и Плещеевымъ. И царя Ѳеодора Борисовича, и его мать, и его сестру вывели изъ дворца, посадили на простую водовозную телѣгу и перевезли въ тотъ домъ, въ которомъ Борисъ Годуновъ жилъ когда-то въ Кремлѣ, когда еще не былъ избранъ въ цари, послѣ смерти царя Ѳеодора Іоанновича. Въ этомъ домѣ Годуновыхъ заперли подъ стражу. Сюда-то и явились 10 іюня передавшіеся на сторону Самозванца бояре—князь Василій Рубецъ-Масальскій и князь Василій Голицынъ *), съ дворянами Молчановымъ и Шерефединовымъ и съ четырьмя стрѣльцами. Ксенію отвели въ одну изъ заднихъ комнатъ обширнаго дома и заперли отдѣльно. Вдову Годунова задушили, а затѣмъ взялись и за юнаго Ѳеодора. Но этотъ юноша, одаренный отъ природы большою физическою силою, возбужденный гнѣвомъ и отчаяніемъ, такъ страшно боролся съ своими злодѣями, что четверо стрѣльцовъ не могли съ нимъ справиться; онъ сдался только тогда, когда Шерефединовъ прибѣгнулъ къ варварскому истязанію, совершенно обезсилившему несчастнаго юношу. Ѳеодоръ молилъ о томъ, чтобы его поскорѣе прикончили, и одинъ изъ стрѣльцовъ добилъ его дубиною. Несчастная Ксенія была отведена въ домъ къ князю Масальскому и впослѣдствіи сдѣлалась жертвою сластолюбія Самозванца...

По отзывамъ современниковъ, Ѳеодоръ былъ юноша прекрасный и лицомъ, и душою; если-бы ему удалось царствовать, онъ вѣроятно правилъ-бы Московскимъ Государствомъ разумно и твердо, потому что зналъ толкъ въ дѣлахъ государственныхъ и былъ по тому времени очень образованъ. Намъ сохранилась даже карта Русской земли, начертанная этимъ несчастнымъ царевичемъ. Не менѣе сочувственно отзываются современники и о сестрѣ Ѳеодора, Ксеніи Борисовнѣ, дѣвушкѣ умной и начитанной. Съ особеннымъ восторгомъ и удивленіемъ говорятъ современники о чудной красотѣ Ксеніи, о ея стройномъ станѣ, нѣжномъ цвѣтѣ лица и необычайно-густыхъ, длинныхъ волосахъ, которыя, когда бывали заплетены въ косы, то лежали по плечамъ Ксеніи *„какъ трубы“*. Разсказываютъ, что она любила „гласы воспѣваемые и пѣсни духовныя“. Ученый путешественникъ Колманъ, посѣтившій Москву въ концѣ XVII в., сохранилъ намъ нѣсколько пѣсенъ, сложенныхъ Ксеніей. О женѣ Бориса, царицѣ Маріи, дочери извѣстнаго Малюты Скуратова, всѣ свидѣтельства и русскія, и иноземныя отзываются одинаково съ большою непріязнью, какъ о женщинѣ злой, мстительной и побуждавшей своего мужа, царя Бориса, на его дурныя дѣянія.

Янычаръ XVIII вѣка. Картина К. Боппо, грав. Бренд'амуръ.



Заключеніе контракта.

(Рис. на стр. 529).

Оскаръ Гофманъ, выставляющій ежегодно свои произведенія на академическихъ выставкахъ, учился живописи заграницей, въ Дюссельдорфѣ, у Е. Дюрера и Гебгарда. Счастливо соединяя талантъ пейзажиста и жанриста, онъ особенно интересно воспроизводитъ сцены изъ крестьянскаго быта Лифляндіи и сосѣднихъ съ нею губерній, причемъ въ самой передачѣ ихъ чрезвычайно удачно подражаетъ манерѣ и краскамъ художниковъ старо-фламандской школы. Помѣщенная на стр. 529 гравюра передаетъ одну изъ его картинъ, находящихся на нынѣшней выставкѣ въ Академіи Художествъ. Въ трактирѣ два пожилые крестьянина, за стаканомъ пива, заключаютъ контрактъ. Типичныя лица обоихъ старичковъ и характерная обстановка всей сцены переданы художникомъ очень правдиво и талантливо.

Машутка смѣется, Машутка плачетъ.

(Рис. на стр. 532 и 533).

Прилагаемые рисунки молодаго художника, Ѳ. Корнѣева, талантливо передаютъ два наичаще встрѣчающіяся выраженія дѣтскихъ лицъ. Много-ли нужно для того чтобы развеселить ребенка, много-ли нужно чтобъ огорчить его до самой глубины его сердечка?.. Вотъ передъ нами миловидная въ самой неряшливости своей, крестьянская дѣвочка. Представьте себѣ, что кто-нибудь изъ подростковъ постарше вдругъ осѣнится шальною мыслью подразнить ее. „Машутка, хочешь гостинца?“ спрашиваетъ подружка, показывая пряничнаго пѣтушка съ золоченымъ гребешкомъ и крылышками—Машутка радостно улыбается, любуясь сказочною жаръ-птицей и предвкушая наслажденіе, протягиваетъ ручонку... „Ну, какже! такъ и дамъ тебѣ, слюнявой—сама съѣмъ!“ хохочетъ подростокъ, и шлепнувъ Машутку пѣтушкомъ по носу, пускается отъ нея въ припрыжку на одной ногѣ. Вотъ тебѣ и пѣтушокъ—только обидѣли! Губенки у Машутки дрожатъ и опускаются, крупныя слезы

*) Предокъ князя В. В. Голицына, любимца Софьи Алексѣевны.

Московскіе стрѣльцы XVII вѣка. Съ современнаго рисунка грав. Флюгель.

застилаютъ глаза—еще мигъ и онѣ хлынутъ градомъ и все личико исказится неодолимымъ горемъ... къ счастію не надолго: малѣйшаго пустячка достаточно для того, чтобы незлобивый ребенокъ опять засіялъ улыбками, какъ майскій день, чередующійся дождемъ и солнышкомъ.

Янычаръ XVIII столѣтія. (Рис. на стр. 536).

Янычарами, или правильнѣе *ени-чери*, что значитъ новые воины, называлось въ Турціи особое войско, навербованное въ первый разъ османскимъ султаномъ Орханомъ въ 1328 году изъ христіанскихъ дѣтей, воспитанныхъ въ исламѣ. Султанъ Мурадъ I далъ янычарамъ болѣе правильную организацію и повелѣлъ святому дервишу Хаджи-Бекташу благословить новое войско. Послѣдній возложилъ на голову одного изъ янычарскихъ начальниковъ рукава своей бѣлой одежды, послѣ чего все войско носило высокія, отнадавшія назадъ шапки, напоминавшія своимъ видомъ рукавъ. Войско это постоянно пополнялось христіанскими дѣтьми. Съ этою цѣлью былъ изданъ приказъ брать по одному изъ каждаго десятка христіанскихъ мальчиковъ, жившихъ въ Турціи. Отличаясь храбростію, янычары играли въ исторіи этой страны роль, сходственную съ ролью римскихъ преторіанцевъ. Постоянно возмущаясь и отличаясь неповиновеніемъ, они вынудили Махмуда II издать 29 мая 1826 года хаттишерифъ, учреждавшій регулярное войско. 14 іюня въ томъ-же году вспыхнуло страшное возстаніе янычаръ, во время котораго они почти всѣ были истреблены и „новое войско" перестало существовать.

Московскіе стрѣльцы. (Рис. на стр. 537).

Впервые *стрѣльцы*, какъ постоянное войско, упоминаются подъ именемъ *пищальниковъ* въ числѣ той многочисленной рати, которую Іоаннъ Грозный двинулъ къ стѣнамъ Казани въ 1550 г. При Борисѣ Годуновѣ число ихъ, въ Москвѣ, было доведено до 7 или 8 тысячъ человѣкъ. Очевидно, что ихъ служба была признана полезною въ смыслѣ городской стражи, исправлявшей обязанности полиціи въ такомъ обширномъ и многолюдномъ центрѣ, какъ Москва. Съ теченіемъ времени, стрѣльцы окончательно приняли на себя обязанности службы гарнизонной и полицейской. Они не только занимали посты около воротъ Кремля, Бѣлаго города и Китая-города, но и располагались, по особому, каждодневному наряду, въ особыхъ караульныхъ избахъ, среди наиболѣе людныхъ кварталовъ города. Оберегая городъ отъ пожаровъ и отъ „всякаго инаго лиха", стрѣльцы забирали съ улицъ въ свои караульныя избы всякихъ бродягъ, опоицъ, всякихъ нарушителей общественнаго спокойствія и слишкомъ дерзкихъ охотниковъ до чужой собственности. Отсюда, всѣ арестованные стрѣльцами въ теченіе дня или всѣ захваченные ночью стрѣлецкимъ дозоромъ, препровождались въ Стрѣлецкій приказъ, завѣдывавшій всѣми стрѣльцами и въ то-же время представлявшій собою нѣчто въ родѣ главнаго полицейскаго управленія.

Во второй половинѣ XVII вѣка количество стрѣльцовъ возрасло въ Москвѣ до двадцати полковъ; въ каждомъ изъ нихъ насчитывалось около тысячи человѣкъ. Полки назывались обыкновенно по именамъ своихъ командировъ, т. е. полковниковъ, напр. такъ: Лухмановъ полкъ, Нормацкій полкъ, Цыклеровъ полкъ, Сухаревъ полкъ *). Полковники стрѣлецкіе считались въ званіи стольниковъ; имъ подчинены были головы и полуголовы стрѣлецкіе, начальствовавшіе 500 и 250 человѣкъ стрѣльцовъ. Отличительнымъ знакомъ полковничьяго чина были трости съ серебряными наболдашниками, которыя они постоянно носили, какъ форменную принадлежность.

Рисунокъ нашъ представляетъ стрѣльцовъ въ ихъ будничной форменной одеждѣ, состоявшей изъ длинныхъ кафтановъ темно-коричнагo, темно-масаковаго и темно-зеленаго цвѣта, съ нашивками изъ цвѣтнаго сукна на груди, и изъ колпака, также цвѣтнаго сукна опушеннаго мѣхомъ. На поясѣ у каждаго стрѣльца висѣла сабля, черезъ плечо повѣшена была перевязь съ особыми деревянными *балберками*, въ которыхъ хранились заряды ихъ длинныхъ и тяжелыхъ фитильныхъ ружей. Сверхъ ружья и сабли, необходимою частью стрѣлецкаго вооруженія былъ еще *бердышъ*, топоръ съ очень широкимъ, размашистымъ лезвіемъ и острыми концами, насаженный на древко, длиною въ 2 аршина; это древко заканчивалось металлическимъ остріемъ, въ родѣ тупой пики. Во время стрѣльбы, стрѣльцы втыкали передъ собою бердыши въ землю, обращая ихъ лезвіями въ одну сторону, и, для вѣрности прицѣла, опирали стволъ ружья на выемку между древкомъ и остріемъ бердыша. При передвиженіяхъ стрѣльцы носили ружья на одномъ плечѣ, а бердышъ на другомъ, и концомъ бердыша поддерживали свою тяжелую *фузею* (какъ оно показано на нашемъ рисункѣ).

При участіи въ придворныхъ церемоніяхъ и церковныхъ торжествахъ, а также во время караула при Дворѣ Государевомъ, стрѣльцы надѣвали парадные красные кафтаны и малиновыя бархатныя шапки, которыя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣнялись легкими шеломцами съ сѣткой, прикрывавшей шею и плечи. Стрѣльцы располагались въ Москвѣ въ особыхъ слободахъ, по окраинамъ города, и жили очень зажиточно, даже богато. Въ свободное отъ службы время они занимались различными ремеслами и промыслами, а ихъ жены-стрѣльчихи мелкимъ торгомъ въ разносъ и на базарѣ.

*) Исключеніе составлялъ только *Стременной* стрѣлецкій полкъ, который былъ коннымъ и составлялъ постоянную свиту государей во всѣхъ ихъ загородныхъ поѣздкахъ.

Добываніе и приготовленіе индиго въ Остъ-Индіи.

(Рис. на стр. 540).

Несмотря на то, что минеральныя краски вытѣсняютъ все болѣе растительныя красильныя вещества, индиго сохранило значительное распространеніе въ промышленности и живописи, вслѣдствіе своего особаго красиваго и прочнаго синяго цвѣта. Самое названіе показываетъ, что эта краска происходитъ изъ Индіи, гдѣ цѣлыя поля на громадномъ протяженіи воздѣлываются подъ растеніе индигоноски (Indigofera tinctoria) изъ семейства бобовыхъ; изъ этого растенія получается краска самымъ простымъ, первобытнымъ способомъ. Она не находится готовою въ растеніяхъ, но получается путемъ окисленія. Для полученія и приготовленія индиго, приходится однако не мало похлопотать, какъ это можно видѣть изъ восьми иллюстрацій, помѣщенныхъ на стр. 540. Послѣ того какъ земля, назначенная для засѣва сѣменами этого красящаго растенія, достаточно обработана заступомъ или лопатою, она еще разъ вспахивается простымъ индійскимъ плугомъ и затѣмъ засѣвается, обыкновенно при помощи сѣялокъ. Далѣе земля укатывается посредствомъ „*хенгахъ*", — большаго ствола дерева, которое прокатывается по полю быками. Это происходитъ въ началѣ марта, при наступленіи теплой погоды. Тамъ, гдѣ ощущается недостатокъ во влагѣ, поля орошаются цѣлою сѣтью канавъ, которыя наполняются водою простыми водочерпальными колесами или паровыми машинами. Вообще, несмотря на дешевыя рабочія руки, машины начинаютъ входить въ употребленіе, вытѣсняя старинный персидскій способъ зубчатыхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе зебу. Въ іюнѣ индиго цвѣтетъ — тогда его срѣзаютъ серпообразными ножами и доставляютъ въ ручныхъ тачкахъ на фабрику. Тамъ рабочіе кладутъ его связанный снопами, какъ у насъ хлѣбъ, въ наполненныя водою вмѣстилища, гдѣ индиго подвергается броженію въ теченіе 12—14 часовъ. Тутъ оно совершенно выщелачивается и отдаетъ водѣ свой сокъ. Эта вода, принявшая свѣтлозеленый цвѣтъ, спускается въ ниже лежащіе водоемы, и при помощи рабочихъ, снабженныхъ особыми палками или лопаточками, или посредствомъ особаго механизма, взбивается до тѣхъ поръ, пока не окрасится въ темно-синій цвѣтъ. Дѣлается это для того, чтобы привести окрашенную воду въ соприкосновеніе съ воздухомъ, при чемъ отъ соединенія сока растеній съ кислородомъ воздуха образуется индиго. Послѣ того какъ красильное вещество осядетъ, даютъ стечь излишней водѣ и оставшееся густое индиго выкачиваютъ въ большіе кипятильники, гдѣ оно нѣсколько часовъ варится, затѣмъ просѣивается сквозь куски сукна и наконецъ остается 12 часовъ подъ большимъ давленіемъ ручныхъ прессовъ. Затѣмъ разрѣзаются полученныя такимъ образомъ плитки на кубики, ихъ высушиваютъ на деревянныхъ подставкахъ и обращаютъ въ продажу. Лучшими сортами считается бенгальское и яванское индиго.

Фридрихъ Рюккертъ. (Портр. на стр. 541).

Въ началѣ марта нынѣшняго года нѣмецкая литература отпраздновала столѣтнюю годовщину дня рожденія „послѣдняго рыцаря романтизма", Іосифа Эйхендорфа, и менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца справляетъ новый подобный юбилей, Фридриха Рюккерта, котораго вышеназванный поэтъ, въ своей исторіи поэтической литературы Германіи, называетъ „бѣглецомъ романтизма". Фридрихъ Рюккертъ родился 4 мая 1788 года въ Швейнфуртѣ, на Майнѣ. Когда ему было 4 года, отецъ его, юристъ-чиновникъ, былъ переведенъ на службу въ село Оберлаурингенъ, куда переѣхало все семейство Рюккерта. Въ „Воспоминаніяхъ дѣтства сына сельскаго чиновника" Фридрихъ Рюккертъ съ простодушнымъ юморомъ описываетъ счастливое время, прожитое имъ въ этой деревнѣ. Хорошо подготовленный мѣстнымъ священникомъ, онъ поступилъ въ 1802 году въ гимназію своего роднаго города. Тамъ онъ съ любовью занимался древними языками, которые давались ему очень легко. 17 лѣтъ молодой Рюккертъ переѣхалъ въ Вюрцбургъ и, по желанію отца, записался въ число студентовъ-юристовъ тамошняго университета. Но не долго онъ занимался юридическими науками. Филологія, къ которой онъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе, а также поэзія, постоянно отрывають его отъ обычныхъ занятій. Въ свободное время онъ съ жаромъ изучаетъ саги своей родины. Наступившія военныя событія оторвали Фридриха Рюккерта отъ занятій: онъ покидаетъ университетъ и отправляется въ Австрію, чтобы тамъ поступить въ солдаты и сражаться противъ Наполеона. Въ Дрезденѣ его настигла печальная мысль о Ваграмскомъ погромѣ и паденіи Австріи. Удрученный этимъ извѣстіемъ, онъ возвращается на родину. Въ родительскомъ домѣ, усиленно занимаясь науками и поэзіей, онъ старается позабыть пережитую неудачу и приготовляеть себя къ педагогической дѣятельности. Въ 1811 г., когда ему не было еще 23 лѣтъ, мы уже видимъ его въ Іенскомъ Университетѣ, читающимъ лекціи о восточной и греческой мифо-

логіи и о произведеніяхъ Эсхила и Аристофана. Не долго продолжалась лекторская дѣятельность Фридриха; вскорѣ онъ возвратился въ родительскій домъ, гдѣ принялся изучать свой родной языкъ, который онъ считалъ самымъ обработаннымъ и богатымъ языкомъ изо всѣхъ, и творилъ одну пѣснь за другою. Сердечное увлеченіе сперва миловидною Агнесой Мюллеръ, умершею въ юности, и вскорѣ затѣмъ веселою дочерью одного трактирщика, Маріей Гейсъ, вылилось въ рядѣ стихотвореній, появившихся впослѣдствіи въ двухъ сборникахъ: „Agnes“ и „Amaryllis“. Надо замѣтить, что Рюккертъ не особенно стремился увидѣть свои произведенія въ печати, да и вообще не придавалъ имъ большаго значенія, чтò подтверждается сохранившимся разсказомъ о томъ, что онъ хотѣлъ подписать свои первыя печатныя стихотворенія псевдонимомъ Freimund Reimer, т. е. рифмачъ. Только послѣ просьбъ своего друга Фосса, онъ измѣнилъ Reimer на Reimar. Въ концѣ 1812 года онъ занималъ мѣсто учителя въ Ганау. Война за освобожденіе снова вызвала въ немъ стремленіе на поле битвы. Но физически слабый и утомленный постоянными усиленными занятіями, онъ, уступая убѣжденіямъ родныхъ, не рѣшился вступить въ ряды войскъ. Вмѣсто того онъ отдалъ на служеніе родинѣ свою лиру. Въ 1813 году появились его 52 „Geharnischte Sonette“, въ 1814 году „Deutsche Gedichte“ и въ 1815 году сатирико-политическая комедія „Napoleon und der Drache“. „Нѣмецкія стихотворенія“ обратили на себя вниманіе критики и въ ноябрѣ 1815 года молодой поэтъ былъ приглашенъ въ Штутгардтъ принять участіе въ изданіи выходившаго тамъ журнала „Morgenblatt“. Въ это время Рюккертъ, по словамъ Густава Шваба, былъ „высокимъ блѣднолицымъ юношей, одѣтымъ въ черное платье стариннаго нѣмецкаго покроя, съ длинными черными волосами, ниспадавшими локонами на плеча, и съ небольшими, но глубоко впалыми, сверкающими глазами“. Въ 1817 году Рюккертъ переѣхалъ въ Римъ, гдѣ въ то время жили художники Шноръ, Корнеліусъ, Овербекъ, скульпторъ Торвальдсенъ, историкъ Нибуръ и его секретарь Бунзенъ, наслѣдный принцъ и поэтъ Лудвигъ Баварскій и др. Въ этой блестящей средѣ ума и таланта воспріимчивый Рюккертъ быстро изучилъ итальянскій языкъ и основательно ознакомился съ итальянскою поэзіей. Послѣ годоваго пребыванія онъ переѣхалъ въ Вѣну. Въ этомъ городѣ, подъ руководствомъ знаменитаго оріенталиста Гаммеръ-Пургшталя, онъ занялся изученіемъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, а благодаря Фридриху Шлегелю, усвоилъ себѣ санскритскій языкъ и увлекся индійскою поэзіей. Въ 1820 году Рюккертъ переселился въ Кобургъ и вскорѣ появились первые плоды его знакомства съ восточными языками—сборники переводовъ и подражаній персидскому поэту Гафизу, подъ заглавіемъ „Восточныя розы“; въ слѣдующемъ году было напечатано его произведеніе „Liebesfrühling“, гдѣ онъ является пѣвцомъ любви и супружества. Въ 1825 году онъ былъ призванъ въ качествѣ профессора восточныхъ языковъ въ Эрлангенъ, гдѣ и оставался до 1841 года. Къ этому времени относятся его переводы изъ Магабгараты, отрывки „Наль и Дамаянти“ и эпизоды изъ „Шахъ-Наме“, Фирдуси, подъ заглавіемъ „Рустемъ и Зорабъ“, хорошо извѣстныхъ въ прекрасныхъ переводахъ В. Жуковскаго. Призванный затѣмъ въ Берлинъ, онъ оставался тамъ до 1848 года, послѣ чего онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни вдали отъ городскаго шума, почти въ уединеніи, работая и творя до самой смерти, которая послѣдовала 19 января 1866 года. Все написанное Фридрихомъ Рюккертомъ, съ трудомъ поддается перечисленію, не говоря о полномъ собраніи всѣхъ его твореній. По словамъ Мизесъ-Фехнера, Рюккертъ былъ подобенъ виноградной лозѣ, которая приноситъ не отдѣльные плоды, а цѣлыя грозди ягодъ. Собраніе его сочиненій въ стихахъ, въ 12 томахъ, далеко не полно. Къ этому надо присоединить его „Поэтическій дневникъ“ въ 35 выпускахъ, изданный его дочерью къ сотой годовщинѣ дня рожденія Рюккерта и являющійся, по словамъ предисловія, только третью того, чтò осталось послѣ его смерти неизданнымъ. Кромѣ того, Конрадъ Бейеръ собралъ до 740 его стихотвореній, которыя онъ издастъ только спустя 30 лѣтъ послѣ смерти этого плодовитаго поэта и замѣчательнаго оріенталиста.

Политическое обозрѣніе.

Состояніе здоровья императоровъ Германскаго и Бразильскаго. — Папская энциклика. — Франко-германскіе инциденты.

Здоровье императора Фридриха вполнѣ удовлетворительно. Лихорадка совсѣмъ исчезла и силы видимо возрастаютъ. Августѣйшій больной въ хорошую погоду проводитъ время на воздухѣ, въ паркѣ, для чего тамъ раскинутъ шатеръ. 6 мая онъ написалъ врачамъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ дышу свѣжимъ воздухомъ, я чувствую себя возрожденнымъ“. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ газетахъ, каждый разъ какъ императору становится лучше, появляются нападки на англійскаго доктора Мекензи. По этому поводу берлинскій корреспондентъ вѣнской *Correspondance de l'Est* задается вопросомъ, чтò должно скрываться подъ этимъ озлобленіемъ. Есть люди, которые ненавидятъ все иноземное, но причину, по словамъ газеты, надо искать не въ томъ. Докторомъ многіе недовольны уже за его отказъ въ Санъ-Ремо объявить, что наслѣдный принцъ, а нынѣшній благополучно правящій императоръ и король, не въ состояніи управлять государствомъ и что болѣзнь его неизлѣчима. „Но главное его преступленіе“, говоритъ корреспондентъ названной газеты, „заключается въ томъ, что онъ сохранилъ жизнь императору и восшествіемъ на престолъ Фридриха III разстроилъ эгоистическіе планы нѣкоторыхъ лицъ“.

О здоровьѣ императора Бразильскаго получаются изъ Милана тревожныя извѣстія. Съ нимъ былъ новый апоплексическій ударъ и онъ причастился уже Св. Тайнъ. За день до этого печальнаго извѣстія, 9 мая, появилась папская энциклика къ бразильскимъ епископамъ по поводу отмѣны въ Бразиліи невольничества, о чемъ упоминалось въ прошедшемъ обозрѣніи. Въ энцикликѣ этой, занимающей 27 страницъ, папа напоминаетъ о постепенномъ уничтоженіи рабства церковью и требуетъ, чтобы невольничество было упразднено также въ Африкѣ. Папа требуетъ покровительства миссіонерамъ, трудящимся на пользу свободы чернокожихъ, и въ заключеніе высказываетъ высокую похвалу Бразильскому императору.

Во Франціи за шумными событіями послѣднихъ недѣль наступило затишье. Бравый генералъ Буланже теперь готовится произнести въ палатѣ депутатовъ большую рѣчь, какъ только представится къ тому удобный случай. Въ это время бонапартистская группа палаты депутатовъ, собравшись на сходку, приняла резолюцію высказывающуюся въ пользу соглашенія съ другими группами правой о надлежащихъ парламентскихъ и внѣпарламентскихъ средствахъ, направленныхъ къ распущенію палаты. Газета *Correspondance Nationale*, органъ графа Парижскаго, одобряетъ это рѣшеніе домогаться всякими мѣрами распущенія палаты, причемъ заявляетъ, что распущеніе подготовитъ пересмотръ конституціи, благодаря чему Франціи будетъ возвращена свобода рѣшенія собственныхъ судебъ.

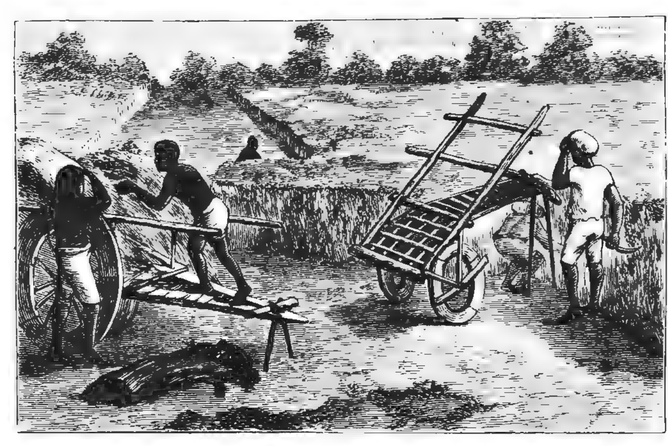
Политическое затишье внутри страны недавно было встревожено двумя инцидентами близъ германской границы. Нѣсколько времени тому назадъ нѣмецкіе студенты пріѣхали погулять въ Бельфоръ. Уличная толпа, узнавъ въ нихъ германскихъ подданныхъ, набросилась на нихъ и они должны были искать спасенія на вокзалѣ желѣзной дороги. Оттуда, благодаря желѣзнодорожнымъ агентамъ, имъ удалось благополучно уѣхать изъ города. Это событіе прошло однако почти незамѣченнымъ со стороны германскихъ газетъ, очень чувствительныхъ въ дѣлахъ подобнаго рода. Другое событіе, болѣе незначительное, имѣло совсѣмъ иныя послѣдствія. Оно заключалось въ слѣдующемъ. 12 апрѣля прибылъ на французскую пограничную станцію Аврикуръ плохо одѣтый человѣкъ, называвшій себя германскимъ подданнымъ, по фамиліи Литтауеръ, и заявившій что онъ разносчикъ и собирается на церковный праздникъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ. Такъ какъ у Литтауера не оказалось требуемаго французскими законами для иностранныхъ разносчиковъ билета, то пограничныя власти отказали ему въ пропускѣ на французскую территорію. Префектъ департамента Мерты-и-Мозеля, узнавъ о случившемся, приказалъ пропустить Литтауера, такъ какъ означенное постановленіе было неправильно истолковано пограничными властями: билетъ разносчики должны имѣть для того, чтобы имѣть право заниматься своимъ промысломъ, а не для свободнаго пропуска на французскую территорію. Передавая объ этомъ, нѣмецкія газеты заявили, что подобнаго рода дѣйствія французскихъ властей могутъ вызвать репрессаліи, которыя дѣйствительно не заставили себя долго ждать. 10 мая получена изъ Страсбурга телеграмма, сообщающая, что наканунѣ издано министерское распоряженіе, въ силу котораго съ 19 (31) мая отъ всѣхъ иностранцевъ, прибывающихъ черезъ французскую границу — все равно, проѣздомъ-ли или для пребыванія въ имперской области — требуется предъявленіе паспортовъ, визированныхъ въ германскомъ посольствѣ въ Парижѣ; лицъ, на паспортахъ которыхъ не окажется посольской визы, предписывается не пропускать черезъ границу. Ремесленныя свидѣтельства приказано не считать замѣною паспортовъ. Изъятію изъ дѣйствія означенной мѣры подлежатъ жители французскихъ пограничныхъ общинъ, которые могутъ представить доказательства того, что ѣдутъ въ германскія пограничныя общины по дѣламъ.

Разныя извѣстія.

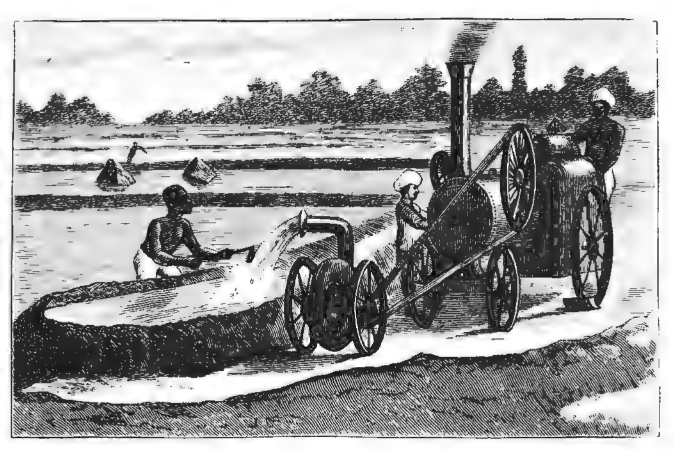
Правительственныя распоряженія.

— Введено въ дѣйствіе (съ нѣкоторыми ограниченіями) во всей Европейской Россіи Высочайше утвержденное 4 апрѣля 1888 г. Положеніе о сбереженіи лѣсовъ.

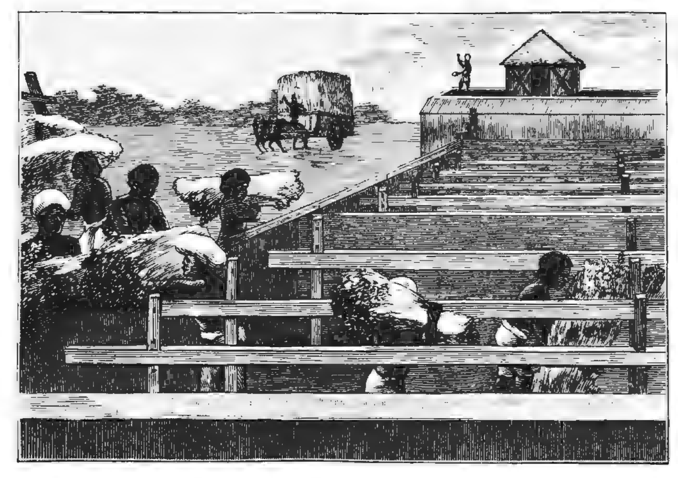
— Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1 мая 1888 г. совѣтомъ банка разсмотрѣно 6,037 дѣло о



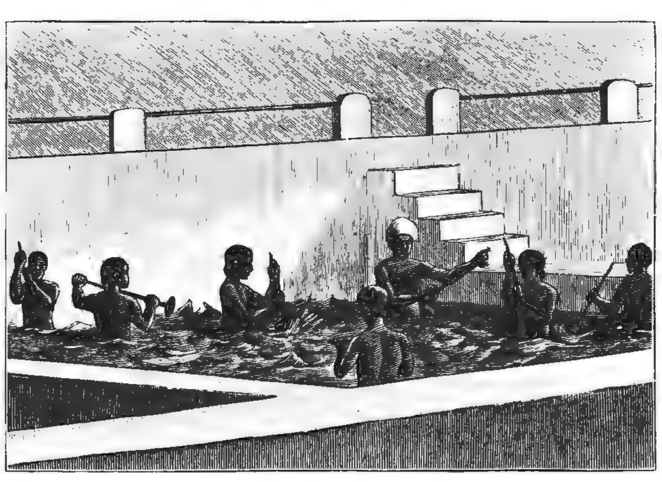
Жатва индиго.



Искусственное орошеніе полей.

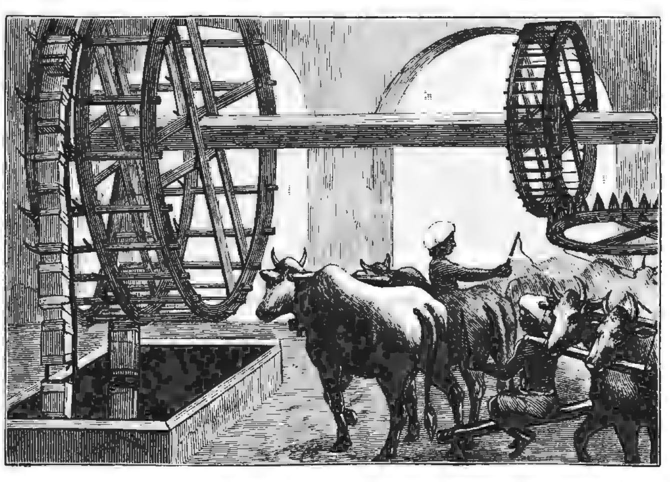


Переноска къ водянымъ резервуарамъ.

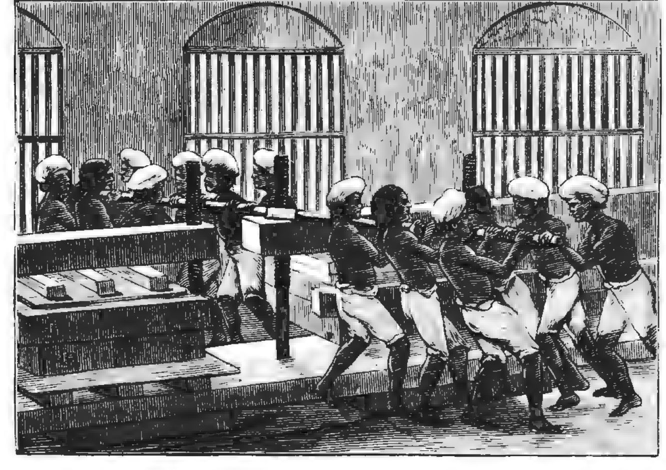


Толченіе лопатками.

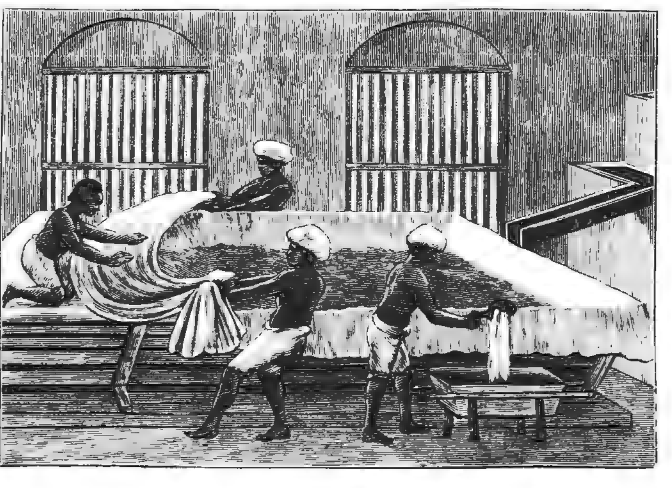
Толченіе машинами.



Староперсидская система зубчатыхъ колесъ.



Прессъ.



Просѣиваніе.

Добываніе и обработка индиго. Грав. Ю. Шюблеръ.

ссудахъ. Изъ сего числа по 5,460 разрѣшено ссудъ на сумму 51.122,304 руб.

Военное и морское дѣло.

— 9 мая, въ Гатчинѣ происходилъ церковный парадъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка. Послѣ парада къ Высочайшему завтраку были приглашены присутствовавшія на парадѣ лица. Въ 8 часовъ вечера въ офицерскомъ собраніи состоялся товарищескій обѣдъ, на которомъ присутствовалъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, впервые въ этотъ день надѣвшій мундиръ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка.

— Высочайше утверждены представленныя управляющимъ Морскимъ Министерствомъ, разработанныя въ Морскомъ Министерствѣ книги свода морскихъ постановленій, въ коемъ дѣйствующія по морскому вѣдомству узаконенія сведены въ одинъ составъ и распредѣлены по предметамъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ.

— Строющійся въ настоящее время Батумскій портъ будетъ оконченъ къ началу будущаго 1889 г.

Промышленность.

— Уловъ сельди въ нынѣшнемъ году на каспійскихъ промыслахъ крайне плохой, противъ улова прошлаго года меньше, въ среднемъ, на 25 — 30%. Ловъ былъ хорошъ въ Бузанѣ и Тягачѣ. На Волгѣ поймано сельди тоже очень мало вслѣдствіе того, что вода затопила почти всѣ тони. По величинѣ, сельдь нынѣшняго года крупнѣе прошлогодней. Цѣна на сельдь въ Астрахани пока не установилась. Уловъ воблы почти одинаковъ съ прошлогоднимъ. Судака въ Астрахань доставлено очень много.

— Весенній уловъ рыбы на Волгѣ, близъ Царицына, въ настоящемъ году средній. Въ первое время по открытіи навигаціи хорошо ловился судакъ, сазанъ, лещъ и другіе сорты частиковой рыбы, но какъ только вода въ Волгѣ поднялась высоко и разлилась по лугамъ, ловъ этой рыбы прекратился. Весенній уловъ стерляди тоже посредственный и не отличается отъ прошлогодняго.

Торговля.

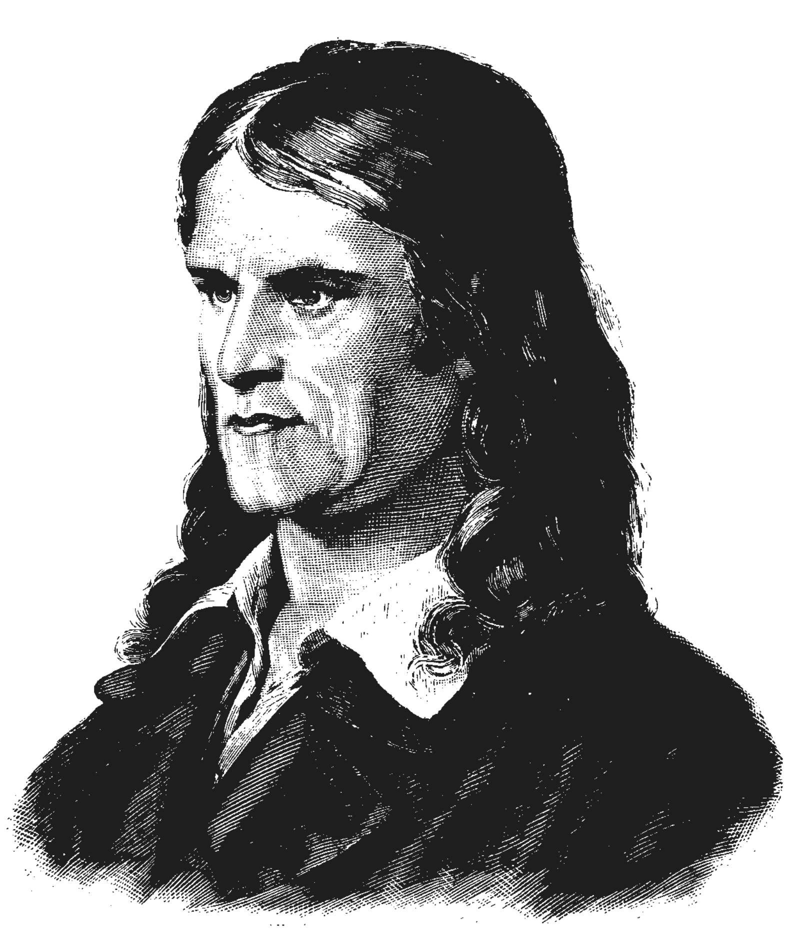
— Въ теченіе недѣли къ 1 мая (ст. ст.) въ положеніи международной хлѣбной торговли произошли нѣкоторыя перемѣны, выразившіяся, вообще, ослабленіемъ настроенія и отчасти цѣнъ, хотя и не въ одинаковой степени повсемѣстно. Что касается сѣверо-американскихъ рынковъ, то на нихъ повышеніе цѣнъ сдѣлало, наоборотъ, новые успѣхи, и въ то же время отпускъ хлѣба въ зернѣ и мукѣ изъ Америки въ Европу принялъ значительно большіе размѣры. Однако, преимущественно спекулятивный характеръ этого движенія не внушаетъ, повидимому, довѣрія европейскимъ биржамъ. Русскіе рынки не обнаруживаютъ слабости и держатъ цѣны твердо: поправка же цѣнъ, по обыкновенію, отражается нѣкоторымъ затрудненіемъ продажъ за границу.

Литература и наука.

— Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси, СПБ. Славянское Благотворительное Общество издало въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ житіе Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, составленное профессоромъ Кіевской Духовной Академіи Н. И. Малышевскимъ.

— Въ засѣданіи общаго собранія Имнер. Академіи Наукъ, 7 мая, читано письмо г. президента Академіи, графа Д. А. Толстаго, который письменно поздравилъ вице-президента, дѣйств. тайн. совѣтн. Виктора Яковлевича Буняковскаго съ исполнившимся 7 мая 60-ти-лѣтіемъ со времени его избранія въ дѣйствительные члены Академіи.

— Празднованіе юбилея лейбъ-медика-консультанта Двора Его Величества, предсѣдателя Медицинскаго Совѣта, почетнаго члена Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета, заслуженнаго профессора, дѣйств. тайн. сов. Николая Ѳедоровича Здекауера, происходило 7 мая съ большою торжественностью въ зданіи Городской Думы въ СПБ.



Фридрихъ Рюккертъ (по поводу 100-й годовщины со дня его рожденія).
Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Изобрѣтенія.

— Взамѣнъ существующихъ поѣздныхъ телеграфныхъ аппаратовъ, г. Голубицкимъ устроенъ удобный и сильный по дѣйствію переносный микротелефонный аппаратъ для сигнализаціи и разговора съ любаго мѣста остановки въ пути желѣзнодорожнаго поѣзда со станціями.

Изъ губерній и областей.

— Въ Астрахани, 10 мая, вечеромъ, сильное теченіе на яристомъ мѣстѣ оборвало городской берегъ. Каменныя и фашинныя укрѣпленія частью уничтожены; часть портоваго берега также размыта; дебаркадеръ Меркурьевской пристани подмытъ водою. Низменная прибрежная часть города въ опасности. Мѣстный батальонъ работаетъ у берега днемъ и ночью.

— На открытіе желѣзнодорожной станціи въ Самаркандѣ прибыли тайный совѣтникъ П. П. Семеновъ и художникъ Каразинъ, а также корреспондентъ *Times*, Добсонъ.

— Въ Ригѣ, 11 мая, около 7 час. утра, въ „Park-Hôtel" арестованъ надв. сов. Ивановъ, похитившій изъ тифлисскаго казначейства 313,000 руб. Арестованіе произведено начальникомъ сыскнаго отдѣленія и агентами сыскной полиціи, въ присутствіи старшинъ, полиціймейстера и чиновниковъ полицейскаго надзора. При Ивановѣ найдены изъ денегъ—216,629 р. 20 к., а также двѣ почтовыя росписки на сумму болѣе 101,000 руб., два фальшивыхъ паспорта, пара револьверовъ и нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей. По словамъ *Rigasche-Zeitung*, чиновникъ Ивановъ пріѣхалъ сюда 8 мая черезъ Царицынъ, и остановился, подъ именемъ барона Мюллера, въ „Park-Hôtel". Швейцаръ гостиницы узналъ его по примѣтамъ, описаніе которыхъ было прислано въ Ригу ранѣе. Затѣмъ полиціею былъ установленъ надзоръ за гостиницей, и 11 мая утромъ Иванова арестовали, когда онъ потребовалъ счетъ, собираясь выѣхать черезъ два часа. Въ совершеніи кражи Ивановъ сознался.

Новыя книги.

— *Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева*, въ 6 томахъ, съ портретомъ автора. Цѣна 12 р. 50 к., съ пер. 14 р., отдѣльно кажд. томъ 3 р. СПБ. 1888. Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова.

— *Сочиненія А. С. Пушкина*, изданныя для юношества подъ редакціей В. П. Авенаріуса, въ трехъ томахъ. Съ біографіей поэта, портретами и снимками съ почерка его, картинами и политипажами въ текстѣ. М. 1888. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. Ц. 1 р. 80 к.

— *Островскій въ его произведеніяхъ.* Первый періодъ дѣятельности (до историческихъ хроникъ). Соч. Незеленова. Ц. 1 руб. 50 коп. СПБ. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова.

— *Всеобщая исторія литературы*, подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXII. СПБ. 1888. Изданіе Карла Риккера.

— *Волынь.* Историческія судьбы Юго-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія, издано при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Н. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями и 69 гравюрами. СПБ. 1888.

— *1887—1888. Ежегодникъ Бленджини* Путеводитель историческій, статистическій, географическій, промышленный и коммерческій по Россійской Имперіи. Одесса. 1888. Цѣна 3 руб.

— *Сибирскіе разсказы изъ жизни пріисковаго люда.* СПБ. Типографія М. М. Стасюлевича. 1888. Цѣна 1 руб.

Некрологъ.

— 15 апрѣля, въ гор. Бѣловодскѣ, Харьковской губерніи, скончался одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ ветеринаровъ, д. с. с. Петръ Матвѣевичъ Медвѣдскій.

— 1 мая скончался въ Саратовѣ генералъ-лейтенантъ Аркадій Александровичъ Хрущевъ.

— 10 мая, утромъ, въ Казани, скончался отъ крупознаго воспаленія легкихъ, артистъ В. Н. Андреевъ-Бурлакъ.

Смѣсь.

Слонамъ, находящимся въ циркахъ, производятъ обыкновенно чистку ногъ отъ двухъ до трехъ разъ въ годъ. Недавно въ Бриджнортѣ (Коннектикутъ), надъ очисткою ногъ двумъ слонамъ, работали пять человѣкъ въ теченіе цѣлаго дня. Подошва ноги слона покрыта толстой, рогообразной оболочкой, которая, разростаясь, трескается, и животное начинаетъ хромать. Во время операціи слонъ стоитъ на трехъ ногахъ, положивъ четвертую на большую кадку. Два человѣка держатъ эту ногу; третій стоитъ у головы слона, не давая ему обернуться; четвертый при помощи скобеля срѣзываетъ съ подошвы большие роговые наросты. Слонъ охотно подвергается операціи, какъ-бы понимая, что люди оказываютъ ему услугу, и по окончаніи чистки съ довольнымъ видомъ машетъ хоботомъ, топаетъ ногами и вообще выражаетъ живѣйшее удовольствіе. (с.)

Проектъ моста через Ла-Маншъ. Извѣстная предпринимательская фирма Герсентъ, участвующая также въ постройкѣ Панамскаго канала, снова выдвинула проектъ моста черезъ Ла-Маншъ и такимъ образомъ перенесла дѣло на практическую почву. Употребленіе стали при постройкѣ мостовъ—какъ доказали мосты Бруклинскій и Фортскій — допускаетъ пролеты въ 500 метровъ и болѣе, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не считалось возможнымъ. Первый изъ помянутыхъ мостовъ имѣетъ устои въ 84 метра высоты, фундаменты которыхъ входятъ въ землю на 20 метровъ. При такихъ условіяхъ постройка моста въ 14,000 метровъ длины надъ каналомъ, глубина котораго не превосходитъ 55 метровъ, вовсе не представляется утопіей.

Пролеты моста предполагается сдѣлать на болѣе глубокихъ мѣстахъ въ 500 метровъ, въ болѣе-же мелкихъ отъ 300 до 400. Герсентъ предлагаетъ ставить по два быка на разстояніи 100 метровъ и соединять ихъ стальною рѣшеткою; на полученномъ такимъ образомъ основаніи—какъ и въ мостѣ черезъ Фортъ—возводить стальную постройку, пока части не встрѣтятся. Работы эти не представляютъ большихъ трудностей; наиболѣе затруднительна постановка устоевъ, которую можно производить только при спокойномъ морѣ. Герсентъ надѣется, впрочемъ, преодолѣть и эту трудность. Онъ считаетъ постановку устоевъ посредствомъ опускныхъ колодцевъ (кесоновъ) и посредствомъ сжатаго воздуха возможною и безопасною для здоровья рабочихъ, даже на глубинѣ 55 метровъ. Кесоны заполняются каменною кладкою, служащею балластомъ, и опускаются на дно. Затѣмъ производится дальнѣйшая каменная кладка, чтобы укрѣпить кесоны. Это составляетъ опаснѣйшій моментъ работы: внезапная буря на морѣ можетъ разрушить труды нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мостъ, по предположенію, будетъ имѣть 72 устоя и вмѣстѣ съ обѣими соединительными линіями обойдется въ скромную сумму 400 милліоновъ рублей,—сумма, которая едва-ли дастъ соотвѣтственный ей доходъ. (с.)

Въ Лондонѣ, благодаря високосному году, очень много баловъ, не смотря на плохія времена; это потому что балы въ високосномъ году предоставляютъ англійскимъ красавицамъ большія преимущества. На этихъ балахъ дамы сами приглашаютъ кавалеровъ на танцы и послѣдніе собственнымъ опытомъ познаютъ то чувство, которое испытывается, когда приходится „сидѣть". Въ столовую мужчины тоже не смѣютъ войти, пока дама не предложитъ имъ руки. Кромѣ того, дамы имѣютъ право свободно пользоваться другимъ преимуществомъ високоснаго года, такъ-называемымъ на англійскомъ жаргонѣ „*popping the question*". Нѣкая миссъ Лулу А. Тёксбери, мѣстопребываніемъ которой называютъ Грандъ-Рапидсъ въ штатѣ Мичиганѣ, первая воспользовалась преимуществомъ „*popping*". Она гостила въ Спрингфильдѣ, въ Миссури, и пригласила на високоносный балъ своего бывшаго поклонника, Іосифа Макъ-Гаргера. Сконфуженный поклонникъ явился, и въ одинъ изъ промежутковъ между танцами, миссъ Тёксбери отвела раскраснѣвшагося юношу въ отдаленный, укромный уголокъ и предложила ему руку и сердце. Іосифъ, повидимому, ничего не имѣлъ противъ такого предложенія, потому что, какъ слышно, свадьба была сыграна въ слѣдующую-же субботу. (С).

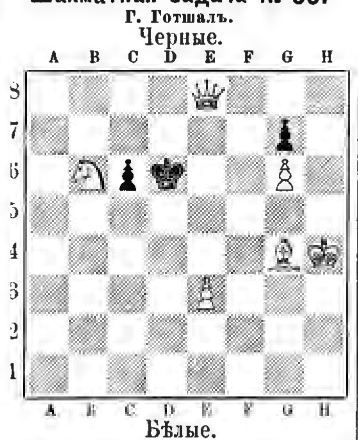
Человѣческая семья, населяющая въ настоящее время земной шаръ, насчитываетъ приблизительно 1.450.000,000 душъ. Двѣ противуположности—бѣлые и черные составляютъ пятую и третью часть всего населенія; остальные имѣютъ коричневый или красный цвѣтъ кожи. 500.000,000 изъ нихъ хорошо одѣты; 700.000,000—полуодѣты и 250.000,000—такъ сказать совсѣмъ неодѣты. 500.000,000 живутъ въ домахъ, устроенныхъ сообразно требованіямъ цивилизаціи; 700.000,000—въ хижинахъ и пещерахъ, безъ всякихъ, требуемыхъ культурною жизнью, приспособленій, и наконецъ 250.000,000 вовсе не имѣютъ жилищъ, которыя заслуживали бы этого названія. Къ послѣднимъ относятся дикари, живущіе въ первобытномъ состояніи. (С.)

Въ Китаѣ школьные учителя имѣютъ бо̀льшія права надъ учениками, чѣмъ сами родители. Если, по прошествіи трехъ лѣтъ, ребенокъ не оказываетъ желаемыхъ успѣховъ, учитель имѣетъ право, не спрашивая согласія родителей, перевести его въ другую школу. (с.)

Шахматная задача № 35.

Г. Готшалъ.

Черные.



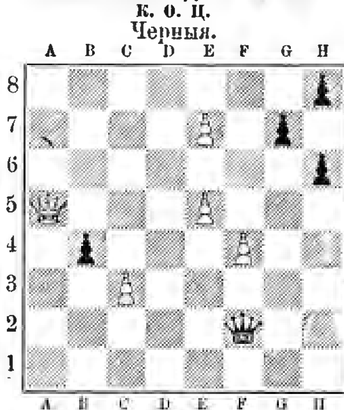
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 36.

К. О. Ц.

Черныя.



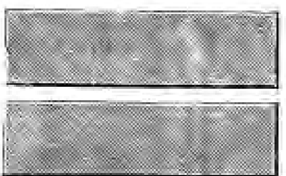
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Ребусъ. Задача № 37.

Геометрическая задача № 38.

Требуется раздѣлить каждый изъ этихъ двухъ четыреугольниковъ двумя прямыми линіями на три части и изъ полученныхъ частей сложить квадратъ.



Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ПАРОВАЯ БИСКВИТНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургъ. 129, Обводный каналъ, 129.

Поставщики Его Императорскаго Высочества Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА Младшаго, Императорской Охоты, **Ея Величества Королевы Великобританіи, Принца Уэльскаго,** а также: Kennel Club, Birmingham National Dog Show Society, Crystal Palace, Dog's Home Battersea, Société St. Hubert, Cercle de la Chasse и многихъ другихъ обществъ охоты и спорта.

СПРАТТСЪ ПАТЕНТЪ
БИСКВИТЫ для СОБАКЪ

съ мясомъ и овощами.

Цѣна за пудъ 3 руб.

КОРМЪ ДЛЯ ДОМАШНЕЙ ПТИЦЫ.

Самый питательный и удобоваримый кормъ (вполнѣ выпеченный) для откармливанія и приготовленія птицъ къ выставкамъ; неоцѣнимъ для цыплятъ, молодыхъ индюковъ и гусей. **Цѣна за пудъ 3 руб.**

Бисквиты и кормъ для куръ можно получать:

Въ Москвѣ: у агента **Ф. ЛІОНЪ**, въ Архангельскомъ пер., близъ Меньшиковой башни, д. бр. Кудрявцевыхъ. Мt. № 3188 2—1

НЕПРОМОКАЕМЫЯ

резиновыя и матерчатыя пальто

для мужчинъ, дамъ и дѣтей, изъ разныхъ новыхъ англійскихъ матерій, всякаго фасона.

Шведскія кожаныя куртки и брюки

ВЪ АМЕРИКАНСК. РЕЗИНОВ. МАГАЗИНѢ № 1

ЭДУАРДА КИНЕ,

Уголъ Гороховой ул. и Адмиралтейства, № 1—8.

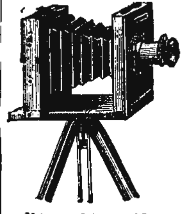
Телефонъ № 230. № 3184

№ 3181 **ГЛУХОТА.** 2—1

Избавившись отъ глухоты посредствомъ простаго и безвреднаго средства, могу выслать безплатно каждому желающему объясненія, касающіяся моего излеченія. **И. Г. Никольсонъ,** 4, Rue Drouot, Парижъ (Франція).

ФОТОГРАФИЧ. АППАРАТЫ

и принадлежности.



Этими аппарат. можетъ всякій безъ особенной подготовки снимать вполнѣ хорошія фотографіи. 2—2

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Р. № 3170

Цѣна: **24 р., 30 р., 35 р., 50 р.** и дор.

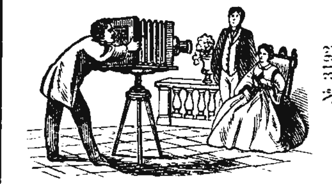
Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ. Avenue d. l. Republ. 4.

Складъ для Россіи:

С.-Петербургъ, Мойка, 40.

НОВОСТЬ ДЛЯ ЛѢТА!



№ 3192

Только 10 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и проч., съ пробными снимками и руководствомъ. Пересылка за 15 фунт. **С.-Петербургъ.** Складъ новыхъ изобрѣтеній, **4, Невскій просп., 4,** рядомъ съ Главн. Штабомъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.

Ссуды подъ всѣ % бумаги.

Страхованіе выигрышныхъ займовъ.

Переводы на всѣ города.

Оплата купоновъ. № 3162 8—3

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

СТРАХОВАНІЕ
ОТЪ
НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Примѣръ: адвокатъ, купецъ, нотаріусъ, священникъ и т. п., лѣтъ 47-ми, заключаетъ въ **Страховомъ Обществѣ „Россія“** страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ, на водѣ, на льду, при пожарахъ и т. п., вообще **вездѣ, дома и внѣ дома,** уплачивая страховой взносъ въ 37 руб. 50 коп. за годъ.

За такой взносъ Страховое Общество „Россія“ гарантируетъ при несчастномъ происшествіи:

1. въ случаѣ смерти—семьѣ умершаго или другому ранѣе указанному лицу, **капиталъ въ 6,000 руб.**;
2. въ случаѣ увѣчья или вообще неспособности къ труду на всю жизнь,—самому пострадавшему **пожизненную ежегодную пенсію до 800 руб**;
3. въ случаѣ временной неспособности къ труду—ему же **суточное вознагражденіе до 6 руб.**

Подробныя **брошюры** о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, по требованію, выдаются и высылаются **безплатно Главною Конторою** въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13), **Главными Агентствами и агентами Общества** въ городахъ Имперіи. № 3121 6—6

КЪ СВѢДѢНІЮ ГОСПОДЪ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ
ОТЪ УБЫТКОВЪ, ПРИЧИНЯЕМЫХЪ ГРАДОБИТІЯМИ.

ОБЩЕСТВО ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ ПОСѢВОВЪ ОТЪ ГРАДОБИТІЯ (учр. 1877 г.) принимаетъ къ страхованію всякаго рода посѣвы и **ЗА ПРОИСШЕДШІЕ ОТЪ ГРАДОБИТІЙ УБЫТКИ ВОЗНАГРАЖДАЕТЪ ПОТЕРПѢВШИХЪ НЕ ДАЛѢЕ КАКЪ ВЪ 30-ДНЕВНЫЙ СРОКЪ** послѣ соглашенія съ страхователемъ относительно оцѣнки убытка.

Оцѣнка убытковъ совершается чрезъ опытныхъ агрономовъ-таксаторовъ, избираемыхъ преимущественно изъ числа членовъ Общества. Членами Общества, согласно Устава, считаются всѣ страхователи. Извлекаемая изъ операцій Общества прибыль поступаетъ въ пользу страхователей и служитъ какъ для увеличенія запаснаго капитала Общества, такъ и для удешевленія страховыхъ платежей.

На текущій 1888 годъ установлены **особо льготныя условія.**

Уставъ и всѣ правила относительно заключенія страхованій по первому требованію высылаются Правленіемъ Общества: Москва. Мясницкая, д. Куманина—или изъ Агентствъ, учрежденныхъ во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи. Р. № 3172 2—2

Іодисто-разсольныя воды BAD HALL

въ Верхней Австріи. Р. № 3166 4—3

Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ.

Леченіе при золотухѣ, а также при болѣзняхъ половыхъ органовъ и ихъ послѣдствіяхъ. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція жел. дорогъ. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ. **Сезонъ съ 15-го мая до 30-го сентября.** Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ дирекція водъ въ **Bad Hall.**

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Люблинская губ., 4 версты отъ ст. Привислянской ж. дор. Наленчовъ.

ВОДОЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ „НАЛЕНЧОВЪ“

Аптека. Почта. Телеграфъ

а также домъ здравія для хроническихъ больныхъ, съ примѣненіемъ электричества, массажа, минеральныхъ водъ, кумыса, молока и т. п., подъ управленіемъ Д-ра Конрада Хмѣлевскаго, **открытое весь годъ.** — Подробности сообщаетъ **Администрація заведенія.** Р. № 3115 3—3

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ
А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА

Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

ДЕПО ЧАСОВЪ

Ю. ЭРГАРДТЪ

СПБ. Офицерская ул., № 18. 10—8

№ 2871

Рекомендуетъ **цѣпочки нов. зол.** отъ **1½** до **8** р.

Спеціалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.

Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

Полные фотографическіе приборы разн., складн. и легкіе, вмѣщающіе отъ 4 до 12 пласт. для сниманія портр., группъ, видовъ и пр., новымъ момент. сух. способомъ, отъ 30 р. и дороже. **Секретный аппаратъ** съ пласт. на 36 снимковъ, съ перес. 25 руб. 5—1

Р. № 3165 8—2

XIX г. № 22 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 мая 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Изъ древне-римской жизни. Наставленія домоправителя рабамъ. Съ карт. А. Баура, грав. О. Ротъ.

Братья-соперники.

Историческій романъ

П. Н. Полевого.

(Окончаніе).

XXXVIII.

Княгиня Авдотья Ивановна поплатилась за испугъ и жестокую простуду только легкою горячкою: но ея молодая невѣстка заболѣла жестоко, раньше времени разрѣшилась двумя дѣвочками (изъ которыхъ одна тотчасъ послѣ родовъ и умерла), и пять недѣль сряду была на волосокъ отъ смерти. Едва только она начала немного оправляться, суровый приставъ потребовалъ. чтобы князья собирались въ дорогу, и двинулся на Сольвычегодскъ къ Яренску. Каково было это путешествіе, можно судить по тому письму, которое Скрябинъ. по прибытіи князей на мѣсто ссылки, отправилъ къ боярину Стрѣшневу. Заявляя своему начальнику и покровителю о томъ, что онъ прибылъ „въ Еренской городокъ Января въ 6-мъ числѣ, совсѣмъ въ цѣлости“, приставъ при этомъ добавляетъ: „а ѣзда, государь, моя была такая: лучше-бы, государь, я болѣзнею какою лежалъ, или въ полону былъ, а нежели-бы, государь, въ такомъ мученіи единъ день былъ.“ Можно судить по этому отзыву, каково было путешествіе князей и княгинь съ ихъ малолѣтними и грудными дѣтьми.

Яренскъ и теперь не великъ городъ, — и теперь въ немъ немного болѣе тысячи жителей; а двѣсти лѣтъ тому назадъ, по описанію самого Скрябина, это было, „городишко самое убогое, — всего и съ церковниками, и съ подьячими, и съ приставами тридцать дворишекъ.“ Съ величайшимъ трудомъ отыскалось помѣщеніе для несчастныхъ князей съ семействами: имъ отвели двѣ нежилыя, черныя (курныя) избы, составлявшія дворъ умершаго протопопа. Въ одной избѣ помѣщались князья съ женами и дѣтьми; въ другой—ихъ люди. При этой тѣснотѣ постоянно ощущался недостатокъ въ запасахъ для насущнаго пропитанія и въ дровахъ, которые приставъ чуть не съ бою бралъ у Яренцевъ, потому что они не соглашались давать ему дровъ безъ указу, а въ наказѣ, данномъ ему, этотъ пунктъ не былъ предусмотрѣнъ. Житье князей было такое, что князь Василій не разъ вспоминалъ о тѣхъ горицкихъ мужикахъ, у которыхъ отнята была послѣдняя одеженка и деньжонки, но по крайней мѣрѣ не отнята была теплая изба... „Имъ, чай, получше нашего жилось,“ думалъ князь, глядя на свое горемычное жилье.

Но все же, припоминая свое пребываніе въ Тотьмѣ, гдѣ почти пять недѣль, непрерывно, пришлось провести у изголовья больной и безпомощной снохи, слушать ея стоны и вопли, видѣть отчаянье сына, трепетавшаго за жизнь жены—князь почти отдыхалъ въ Яренскѣ. Не могъ онъ надивиться и на свою княгиню. Эта женщина, съ дѣтства воспитанная въ роскоши, избалованная, изнѣженная, привыкшая сладко ѣсть и мягко спать, переносила всѣ бѣдствія ссылки съ такимъ мужествомъ и такою готовностью ко всякимъ напастямъ и бѣдствіямъ, что князь даже не могъ понять, откуда бралась въ ней эта замѣчательная сила духа. И это мужество было вовсе не похоже на ту напускную твердость и равнодушіе, которыя нерѣдко выказывалъ князь, не желая унизиться и уронить своего достоинства передъ Скрябинымъ, и, въ то же время, внутренно отчаиваясь, проклиная и ропща на судьбу... Нѣтъ! это мужество исходило прямо изъ того безропотнаго покорства судьбѣ, къ которому съ дѣтства пріучала русскую женщину ея скромная и горькая доля—горькая даже и въ раззолоченномъ боярскомъ теремѣ, среди раболѣпной прислуги, среди забавъ и роскоши. Сознавая это, князь Василій, впервые сблизившійся со своею женою, впервые узнавшій ее, начиналъ чувствовать и всю свою виновность передъ нею, начиналъ цѣнить ея голубиную незлобивость, начиналъ понимать, насколько она выше его—прекрасными качествами своего женскаго сердца. Нерѣдко, окруженный ея заботами, онъ уже стѣснялся ея услугами и хлопотами о его спокойствіи.

Послѣ двухъ-трехъ недѣль житья въ Яренскѣ, въ этихъ ужасныхъ черныхъ избахъ, въ которыхъ въ былое время онъ не позволилъ-бы поставить рабочей лошади, князь Василій настолько успѣлъ окрѣпнуть духомъ, что сталъ каждый воскресный и праздничный день ходить съ княземъ Алексѣемъ и приставомъ въ церковь и находить большое наслажденіе въ богослуженіи, которое совершалось въ жалкой церковкѣ, едва вмѣщавшей въ себѣ тридцать-сорокъ прихожанъ. Его умиляла эта несказанная бѣдность, которую онъ видѣлъ около себя въ храмѣ Божіемъ — эти оловянные сосуды, эти крашенинныя облаченія съ нашитыми на нихъ кумачными крестами, эти почернѣвшія и облупившіяся иконы, передъ которыми еле теплились грошевыя свѣчечки — усердный даръ полудикаря-зырянина. Творецъ являлся ему Великимъ, Всемогущимъ, Всемилостивымъ и въ этомъ убогомъ храмѣ, и князь молился здѣсь спокойнѣе, теплѣе, усерднѣе, чѣмъ въ обширныхъ московскихъ храмахъ, блиставшихъ золотомъ, узорочьями и каменьями, залитыхъ лучами солнца, игравшаго на богатомъ облаченіи, полныхъ благоуханія и дивной гармоніи стройныхъ пѣвческихъ хоровъ.

Въ то время, когда князь Василій только еще начиналъ понемногу оправляться въ Яренскѣ отъ постигшихъ его тяжкихъ невзгодъ — судьба готовила ему новые, страшные удары.

Въ Москвѣ о князѣ Василіи не забывали его друзья и князь Борисъ, но не забывали и враги его. Розыскъ надъ сообщниками и единомышленниками Шакловитаго все еще продолжался и приводилъ къ новымъ открытіямъ. Въ „животахъ“ казненнаго вора и измѣнника, тщательно разобранныхъ и пересмотрѣнныхъ, была отыскана обширная переписка, которую князь Василій велъ съ Өедоромъ Леонтьевичемъ во время Крымскихъ походовъ.

Въ письмахъ князя Василія нашлись намеки, не совсѣмъ понятные, нашлись и цѣлыя строки, писанныя крюками. Рѣшено было въ нихъ потребовать объясненія у князя Василія. Мало того: пойманъ и привезенъ былъ въ Москву Сильвестръ Медвѣдевъ и, подвергнутый пыткѣ, сознался на допросѣ въ своихъ сношеніяхъ съ волхвами, которые, какъ оказалось, бывали и у царевны Софіи, и у князя Василія. Являлся, слѣдовательно, цѣлый рядъ новыхъ обвиненій противъ князя Василія, и, въ виду этихъ обвиненій, особенное вниманіе Розыскнаго Приказа обращено было на совершенно невинное письмо князя Алексѣя къ отцу, писанное также во время одного изъ Крымскихъ походовъ. Въ этомъ письмѣ сынъ писалъ къ отцу на условномъ языкѣ о дворскихъ дѣлахъ вообще и выражался такъ: „Вѣтры у насъ тихи; дай Богъ и впредь такъ.“ И вотъ въ разспросныхъ рѣчахъ приказано было дознаться подробно: „что тѣмъ вѣтрамъ тишина, кто ему такимъ скрытнымъ письмомъ писать приказывалъ, и для чего, и почему онъ о тѣхъ вѣтрахъ дознавался и какимъ гаданіемъ, и съ котораго и по которое число такіе тихіе вѣтры были, и что въ тѣхъ вѣтрахъ какихъ причинъ было?“

Въ довершеніе всего, когда уже новые слѣдователи готовились выѣхать изъ Москвы въ Яренскъ, разыгралась несчастная исторія съ какимъ-то плутомъ, который называлъ себя старцемъ Іосифомъ (а впослѣдствіи по розыску оказался растрига Ивашка), и заявилъ въ Москвѣ, будто онъ былъ въ Яренскѣ, видѣлся съ княземъ Василіемъ, и будто-бы тотъ просилъ его зайти князю Борису Алексѣевичу и сказать ему, „что государю Петру Алексѣевичу жить еще только годъ.“ И вотъ, ко всѣмъ новымъ обвиненіямъ противъ князя Василія прибавлялось еще одно тяжкое обвиненіе въ „умыслѣ на государево здоровье“— обвиненіе, которое, если-бы подтвердилось, должно было привести обвиняемаго на плаху. Для разслѣдованія всѣхъ этихъ дѣлъ и важныхъ вопросовъ, въ февралѣ 1691 года, отправлены были въ Яренскъ люди надежные и сановитые, окольничій Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ и думный дьякъ Автомонъ Ивановъ, и съ ними отправленъ былъ чернецъ Іосифъ для очной ставки съ княземъ Василіемъ и допроса его на мѣстѣ: окольничему Чаадаеву даны были громадныя полномочія и строжайшія приказанія. Онъ долженъ былъ не только самихъ князей допросить съ пристрастіемъ, но и людей ихъ пытать, и перебрать всѣхъ поочередно поставленныхъ караулить Голицына, начиная отъ пристава Скрябина до послѣдняго стрѣльца. Мало того: въ случаѣ нужды, приказано было о томъ чернецѣ Іосифѣ допросить всѣхъ жителей города Яренска. Поѣхали къ Яренску грозные послы и повезли грамоты немилостивыя...

Князья Голицыны только вернулись изъ церкви, отъ обѣдни, только что усѣлись за столъ, готовясь хлебать уху изъ свѣжей рыбы, купленной поутру княгиней у рыбака-зырянина, какъ дверь въ избу отворилась и вошелъ одинъ изъ капитановъ.

— Ну, князья, сказалъ онъ, переступая порогъ, — недобрыя вѣсти я вамъ принесъ. Пріѣхали отъ Москвы думный дьякъ да окольничій и колодника сюда привезли, на очную ставку съ вами...

Ложки выпали изъ рукъ у князей, а княгиня Авдотья Ивановна, державшая горшокъ съ горячею ухою, такъ задрожала отъ страха, что должна была поставить горшокъ на столъ.

— Господи! взмолилась она, обращая взоръ къ иконѣ, — опять допросы! опять мученія! Смилуйся, смилуйся надъ нами грѣшными...

— Я затѣмъ забѣжалъ, чтобы васъ обо всемъ предувѣдомить, продолжалъ капитанъ тревожно,—не было-бы обыску какого... Если что у васъ есть — смотрите, поберегите себя и насъ! Чтобы и намъ за васъ не быть въ отвѣтѣ.

— Пусть придутъ — обыщутъ! Нѣтъ ничего зазорнаго, сказалъ князь Василій, стараясь казаться спокойнымъ.

— Да будьте готовы, князья! Того и гляди, не потребовали бы васъ въ Приказную избу, сказалъ капитанъ, подходя къ двери и готовясь переступить порогъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, князья были точно призваны въ Приказную избу къ отвѣту на разспросныя рѣчи, а въ ихъ избѣ и въ избѣ ихъ людей обыскано и перерыто все до послѣдней тряпки. Князей разсадили по разнымъ избамъ, допрашивали ихъ и вмѣстѣ, и порознь... Допросъ и записыванье ихъ отвѣтовъ по двадцати девяти статьямъ, имѣвшимъ отношеніе къ дѣлу Шакловитаго и къ сношеніямъ съ волхвами, длился нѣсколько дней сряду. Въ теченіе этого времени — этой долгой нравственной пытки — князьямъ не дозволено было даже видѣться съ женами, и несчастныя женщины, томясь неизвѣстностью объ участи мужей, утѣшались только долгою, горячею, слезною молитвою о спасеніи несчастныхъ.

Князь Василій, при этихъ допросахъ, страдалъ ужасно. Предъ нимъ вдругъ, во всей полнотѣ, воскресла вся прошлая жизнь его и дѣятельность, раскрылись ухищренія и лукавства, которыми онъ добивался славы, почестей, богатствъ, виднаго положенія въ свѣтѣ. И онъ, сознавая всю свою „мерзость предъ Господомъ“, долженъ былъ опять лукавить, чтобы избѣгнуть отвѣтственности — спасти отъ гибели себя и сына.

Наконецъ долгій, мучительный допросъ былъ оконченъ. Князь Василій надѣялся, что ему дадутъ возможность вздохнуть свободно, хотя и недоумѣвалъ, какого колодника держатъ въ запасѣ его строгіе судьи и слѣдователи. Тогда-то именно и былъ выведенъ на сцену наглый обманщикъ, именовавшій себя старцемъ Іосифомъ. Князю Василью предъявленъ былъ запросъ о страшномъ извѣтѣ, который взводилъ на него мнимый чернецъ.

— Государи мои, сказалъ князь Василій, съ полнымъ сознаніемъ своей невиновности, — заклинаюсь въ томъ Всемогущимъ Богомъ, что никакой старецъ Іосифъ не бывалъ у меня здѣсь въ Яренскѣ, ни въ прошломъ 198, ни въ нынѣшнемъ 199 году; что ни здѣсь, ни въ Москвѣ я никогда не слыхалъ его имени, а тѣ слова, которыя онъ на меня въ разспросѣ сказалъ, никогда и въ мысль мою не вмѣщались. Богъ свидѣтель мнѣ и въ томъ, что я никого изъ Яренска ни съ письмами, ни съ словеснымъ приказомъ не посылывалъ.

Тогда ввели въ Приказную избу чернеца Іосифа и дали ему очную ставку съ княземъ Василіемъ. Наглый чернецъ настойчиво утверждалъ и въ глаза князю Василію, что онъ его знаетъ, что онъ былъ отъ него къ князю Борису посланъ съ рѣчами и даже получилъ сорокъ алтынъ на дорогу. Въ доказательство своихъ словъ чернецъ говорилъ, что онъ узнаетъ того человѣка, который его къ князю проводилъ, что укажетъ и домъ, въ которомъ ту ночь ночевалъ, и хозяина того дома узнаетъ въ лицо.

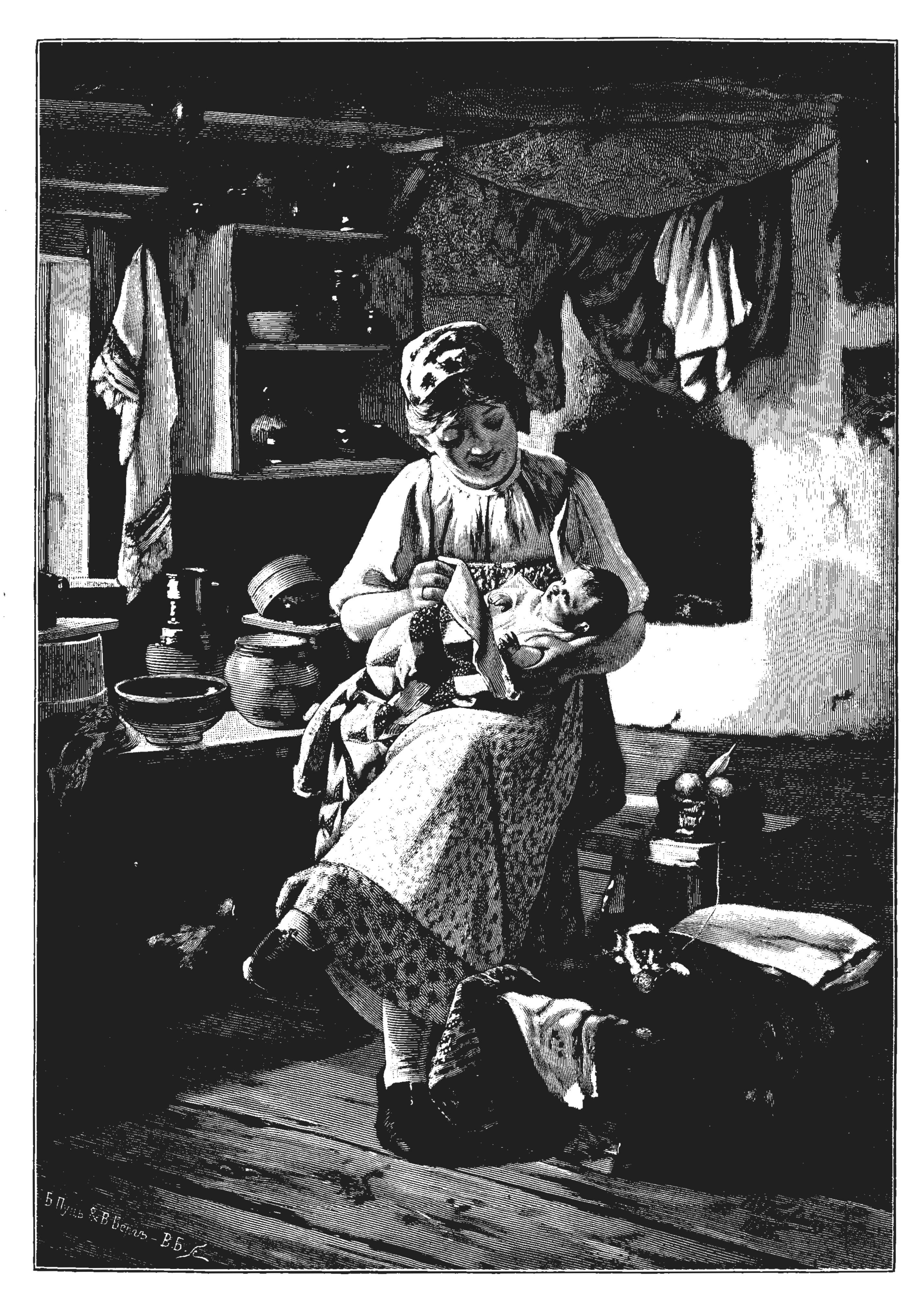
Князь Василій слушалъ нахальное вранье и ушамъ своимъ не вѣрилъ. Ему представлялось, что самъ адъ выслалъ противъ него бѣса въ извѣтчики и грозитъ ему гибелью... „Если этотъ обманщикъ и клеветникъ былъ когда-нибудь въ Яренскѣ и съумѣетъ свои клеветы подтвердить, хотя подобіемъ истины — мнѣ придется сложить голову на плахѣ, какъ измѣннику и злодѣю!“ думалъ князь Василій, холодѣя отъ ужаса.

— Что ты скажешь на рѣчи извѣтчика, князь Василій? сурово обратился къ Голицыну окольничій Чаадаевъ, вперяя пристальный взглядъ ему въ очи.

Князь Василій собирался ему освѣтить съ достоинствомъ и разсужденіемъ, и вдругъ почувствовалъ, что въ немъ что-то оборвалось, что въ сердцѣ его рушился послѣдній оплотъ его гордыни и самомнѣнія. Слезы градомъ покатились изъ глазъ его. Позабывая о сохраненіи приличій и собственнаго достоинства, позабывая о людскомъ мнѣніи, князь разрыдался, какъ ребенокъ, и, ломая въ отчаяньи руки, воскликнулъ, упавъ на колѣни:

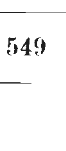
— Государи-судьи! Бью челомъ великимъ государямъ, чтобы они меня пожаловали — велѣли бы милостиво разыскать всѣми городскими жителями, и священниками, и церковниками: откуда этотъ чернецъ сюда пришелъ, у кого здѣсь ночевалъ, и какою дорогою сюда попалъ. И если его извѣтъ подкрѣпятъ, пусть погибну я на плахѣ лютою и позорною смертью! Но не выдайте же меня, государи, лжецу и обманщику на посмѣяніе!

Несчастный князь долго не могъ успокоиться. Чернеца отправили по городу съ полковникомъ Кровковымъ да съ подьячимъ Кузьминымъ, да со стрѣльцами и понятыми — требуя отъ него подтвержденія его указаній на мѣста и лица. Ложь его выяснилась вполнѣ: онъ сбился и спутался, сталъ ссылаться на запамято-



Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Первенецъ.

Картина академика И. Пелевина, грав. Пуцъ и Бергъ.



XVI передвижная выставка. За кипяткомъ. Картина Н. Богданова, грав. Ю. Шюблеръ.

ваніе и даже на умоизступленіе, и сведенный поочередно на очныя ставки со стрѣльцами, со священниками и мѣстными жителями, вынужденъ былъ наконецъ сознаться, что онъ никогда въ Яренскѣ не былъ и взвелъ на князя Василія небывальщину...

Невиновность князя Василія по этому страшному извѣту была доказана, и всѣ отвѣты по всѣмъ разспроснымъ рѣчамъ отправлены къ Москвѣ, вмѣстѣ съ донесеніями окольничаго Чаадаева и дьяка Иванова, которые должны были въ Яренскѣ выжидать отвѣта на ихъ доклады изъ Розыскнаго Приказа. Князья Голицыны были возвращены своимъ семействамъ; но князь Василій былъ такъ потрясенъ послѣдними событіями, что не могъ оправиться, не могъ прійти въ себя. Онъ безпрестанно плакалъ и безъ всякой причины всего пугался, вздрагивалъ отъ каждаго стука или шороха. Чуть только скрипнетъ дверь — онъ уже поднимался съ лавки и тревожно спрашивалъ:

— Ужь не за мной-ли? Не опять-ли къ допросу?

Въ этомъ тяжеломъ состояніи трепетныхъ ожиданій, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, которые показались князю Василію цѣлою вѣчностью. Въ одну изъ безсонныхъ ночей, подъ утро, князь вдругъ заснулъ такъ сладко, такъ хорошо, какъ не спалъ ни разу съ самаго отъѣзда изъ Москвы. Ему снилось, что онъ гуляетъ по какой-то чудной кленовой рощѣ, вкось освѣщенной красноватыми лучами заходящаго солнца, и бесѣдуетъ съ какимъ-то маститымъ старцемъ-отшельникомъ, жалуясь на свою горькую долю, на переживаемые имъ напасти и смертные страхи. Старецъ слушалъ его участливо, внимательно, ласково, а потомъ погладилъ его по головѣ, какъ ребенка, и сказалъ ему въ утѣшеніе:

— Ничего, соколикъ! Все обойдется, уладится; а ты не отчаявайся, Бога не забывай, и помни: „его-же любитъ Господь, наказуетъ!“

Съ этимъ князь Василій и проснулся.

Въ тотъ же день призваны были князья въ Приказную избу и сказанъ былъ имъ только что полученный изъ Москвы указъ великихъ государей о томъ, чтобы „ихъ, князь Василья и князь Алексѣя съ женами и дѣтьми послать изъ Яренска въ Пустозерскій острогъ на вѣчное житье...“

Князь Василій, выслушавъ длинный указъ, перекрестился на икону и сказалъ твердо:

— Господи! Да будетъ воля Твоя!

По какой-то странной случайности, только въ эту минуту окольничій Чаадаевъ и самъ Скрябинъ замѣтили, что князь Василій въ послѣдніе два мѣсяца совсѣмъ посѣдѣлъ... И было отъ чего.

XXXIX.

Эпилогъ.

Минуло пятнадцать лѣтъ со времени описанныхъ нами событій. Много воды утекло, много крови пролилось съ тѣхъ поръ... Царственный юноша, котораго мы видѣли вступающимъ нетвердою ногою на престолъ, успѣлъ уже выказать себя Великимъ Царемъ и могучимъ вождемъ своего народа. Сокрушивъ крамолу, вступивъ въ борьбу съ ненавистнымъ невѣжествомъ и вѣковымъ застоемъ, онъ смѣло велъ Россію впередъ тернистымъ путемъ преобразованій, смѣло и твердо боролся съ Карломъ и въ то же время строилъ, созидалъ, изобрѣталъ, неутомимо работая на пользу своего возлюбленнаго отечества. Въ Европѣ Петру изумлялись и много о немъ говорили, особенно послѣ того, какъ онъ прорубилъ знаменитое „окно“, создавъ свой „парадизъ“ на болотѣ; въ Россіи—особенно на дальнихъ ея окраинахъ—Петра мало знали, не очень любили и очень боялись.

Около Петра не осталось почти никого изъ старыхъ бояръ, съ которыми онъ начиналъ царствовать. Одни изъ нихъ почили сномъ праведныхъ; другіе сошли со сцены и удалились на покой; третьи навлекли на себя гнѣвъ пылкаго царя и были замѣнены новыми людьми. Умерли братья Нарышкины и царица Наталья Кириловна. Весною 1705 года, въ кельѣ Новодѣвичьяго монастыря, скончалась всѣми забытая царевна Софья, постриженная подъ именемъ инокини Сусанны... А братья-соперники все еще были живы! Князь Борисъ Алексѣевичъ даже стоялъ еще у дѣлъ и пользовался попрежнему расположеніемъ своего царственнаго питомца, который посѣщалъ его и даже изъ походовъ писалъ ему дружескія письма; князь Василій все еще былъ въ ссылкѣ, и тоже давно былъ забытъ всѣми.

Въ половинѣ іюня 1705 года, когда скудная и скупая на ласки сѣверная природа наконецъ побаловала тепломъ даже такую дальнюю и непривѣтную окраину, какъ Пинежскій Волокъ (нынѣ уѣздный городъ Пинега) Архангельской губерніи, ближайшій къ этому городку Красногорскій монастырь готовился къ храмовому празднику. Игуменъ и казначей осматривали братскія кельи, дворъ и холодную церковь монастырскую и разсуждали о томъ, что на поновленія и поправку зданій потребуется порядочная сумма денегъ, до которой не хватало многаго въ монастырской казнѣ.

— Авось, Богъ милостивъ — прихожане поусердствуютъ, какъ соберутся на праздникъ? сказалъ игуменъ, добродушный, сѣденькій старичекъ лѣтъ семидесяти.

— Ну, этимъ усердіемъ, отецъ игуменъ, крыши на храмѣ не перекроешь! Здѣсь народъ-то все — голь съ бѣднотою!

— Ну, что̀ Бога гнѣвить! Жертвуютъ, по возможности, перебилъ казначея игуменъ.—Да и впередъ не забѣгай—больше Бога не будешь... Вѣдь, ужь, Онъ, Милосердый, коли дастъ, то и въ окошко подастъ.

— Что̀ говорить! У Бога всего много—не даромъ это говорится. Вотъ вѣдь посмотри, отецъ игуменъ, какой денёкъ Богъ далъ красный! Не нарадуешься и не надивишься... Все холода стояли — и вдругъ благодать какая!

Бесѣдуя такимъ образомъ, оба старика подошли къ воротамъ обители, и почти одновременно увидѣли вдали, на дорогѣ отъ села Кологоръ, фигуру человѣка, который довольно быстро шелъ, опираясь на палку и видимо направляясь къ обители.

— А вотъ, кажется, и богомолецъ-то нашъ къ намъ жалуетъ? сказалъ игуменъ.—Посмотри, отецъ Антоній, у тебя глаза помоложе моихъ—должно быть, не князь-ли?

— Кому-же другому быть? Вѣстимо, князь Василій!

— Должно быть, соскучился, голубчикъ, по насъ! За распутицей дней десять и у службы не былъ... Такъ вотъ, по первой просухѣ къ намъ и поспѣшаетъ?..

Между тѣмъ, человѣкъ, шедшій по дорогѣ, подошелъ уже на такое разстояніе, что его не трудно было разсмотрѣть. Это былъ высокій, сухощавый, но чрезвычайно благообразный старикъ лѣтъ шестидесяти-пяти, съ бѣлыми какъ снѣгъ кудрями и окладистою сѣдою бородою. Прекрасное, умное и выразительное лицо старика было изрѣзано глубокими морщинами, но онъ былъ свѣжъ и бодръ и въ его глазахъ еще было много блеску и жизни. Однако же, въ этомъ старцѣ, одѣтомъ въ простой, суконный темный кафтанъ на олешкахъ и въ поношенную шапку съ лисьей опушкою, трудно было-бы узнать князя Василія — былаго Оберегателя и первостепеннаго вельможу. Такъ измѣнили его годы и тяжкія испытанія.

— Отцу игумну и отцу казначею низкій поклонъ правлю! сказалъ князь Василій, подходя подъ благословеніе игумна и дружелюбно здороваясь съ монахами.

— Ты-ли по насъ больше встосковался, или мы по тебѣ больше соскучились, князь,—ужь, право, не знаю!

сказалъ Голицыну игуменъ.

— Всѣ эти дни къ вамъ порывался, отцы, да старуха моя все что-то недомогала, да притомъ... и вѣсти пришли недобрыя... на душѣ было неспокойно—а ужь тогда какая-же молитва!

— Что-же у тебя за горе, князь? Въ семьѣ—что-ли? Съ дѣтьми или со внуками что-нибудь не ладно?

— Нѣтъ, отецъ игуменъ, не то... А вотъ что: умеръ человѣкъ близкій, дорогой! Въ былое время хороши съ нимъ были—и пострадали вмѣстѣ... Такъ вотъ, отецъ-игуменъ, просьба до тебя... Нельзя-ли теперь-же отслужить панихидку, а потомъ и сорокоустъ назначимъ...

— Рады служить тебѣ, князь. Пойдемъ во храмъ. Отецъ Антоній, прикажи отпереть, да созови братью, сказалъ игуменъ.

Вскорѣ раздались удары въ звонкое било и братья стала собираться въ церковь.

— По комъ-же, князь, прикажешь служить панихиду? спросилъ игуменъ у князя Василія.

— По усопшей рабѣ Божіей Софіи, отвѣчалъ князь Василій, печально наклоняя голову.

— Бояринѣ?.. какъ-то нерѣшительно переспросилъ старый инокъ, дѣлая видъ, что не дослышалъ.

— Нѣтъ! По рабѣ Божіей, отецъ игуменъ... Что за бояринъ? Былъ бояринъ—и нѣтъ боярина; а былъ рабъ Божій—и остался рабомъ Божіимъ; и останусь пока Богу угодно...

Когда началась панихида, князь сталъ за столбомъ на клиросѣ, опустился на колѣни и все время усердно молился за упокой той пламенной и гордой души, которая такъ горячо его любила и такъ неколебимо осталась ему вѣрна до конца... Онъ молился, и самъ не замѣчалъ, какъ обильныя слезы текли изъ его глазъ и катились по серебристой бородѣ. Когда панихида окончилась, князь Василій отеръ слезы и подошелъ къ игумну.

— Вотъ, отецъ-игуменъ, примите вкладъ за сорокоустъ по усопшей рабѣ Софіи, сказалъ князь Василій, подавая иноку свертокъ въ десять червонцевъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, она мнѣ эти золотые прислала въ милостыню, наслышавшись о моей горькой нуждѣ... И думалъ-ли я, что изъ нихъ сохраню это ей на поминъ души!.. Зналъ-ли я, что переживу ее?

И князь Василій смолкъ, поникнувъ головою.

Игуменъ подозвалъ казначея, который изумился, когда ему былъ переданъ богатый вкладъ князя Василія.

— Вотъ видишь-ли, отецъ Антоній, какова благодать-то Божія! Ты былъ въ сомнѣніи, что нечѣмъ намъ поновить обители... Теперь что скажешь?

— Ничего сказать не дерзаю, отецъ игуменъ! Одно только и можно—благодарить Его Всеблагаго!

По выходѣ изъ храма, князь Василій сказалъ казначею:

— Да, велика благость Божія! И пути ея точно неисповѣдимы! Въ то время, когда я находился на краю гибели, и всѣ мои дорогіе и близкіе видѣли передъ собою уже наступавшій часъ смертный—Господь черезъ пучину морскую велъ насъ ко спасенію и къ успокоенію... Давно это было, еще въ 199 году, какъ постигла насъ царская немилость и были мы посланы изъ Яренска въ Пустозерскій острогъ на вѣчное житье... И вздумалось приставу сдуру везти насъ моремъ, черезъ Архангельскій городъ. Чего мы тамъ натерпѣлись, горемычные! Истинно, говорю вамъ, отцы,—кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался!

— Что-же это? Погодой васъ било — что-ли?

— Изъ Двинскаго устья не пускала насъ встрѣчная погода, побольше трехъ недѣль, и сутки слишкомъ такъ била, что на силу мы отъ смерти избавились. Потомъ повезли насъ моремъ и пришла опять погода встрѣчная, съ туманомъ, и кинуло насъ на песокъ, и насилу спаслись. Чуть поотдохнули, опять настигла насъ погода съ великою бурею, и захватила парусъ, и ладью совсѣмъ стало грузить въ море. Работные люди еле успѣли сорвать парусъ, и било насъ великимъ боемъ, и всѣ наши лодьи разнесло врозь по морю. Подъ конецъ, у Моржевскаго острова ладью нашу на берегъ кинуло и раздробило, и всѣ мы лежали долгое время какъ мертвы,—и насъ, и женъ нашихъ, и дѣтишекъ одолѣла лютая болѣзнь... И лица наши, и все тѣло опухло... Не чаяли быть живыми... И что-же? Этими-то мученьями мы и спаслись отъ вѣчной ссылки въ Пустозерскій острогъ!

— Какъ-же такъ, князь Василій?

— А такъ, что мы великимъ государямъ въ пространной челобитнѣ, разсказали, какія терзанія намъ пришлось перенести на морѣ и просили ихъ именемъ Божіимъ надъ нами смиловаться... Ну, и смиловались — дозволили жить сначала на Мезени, а потомъ и сюда переселиться; и здѣсь-то, наконецъ, нашелъ я тихое пристанище... Здѣсь, у васъ въ оградѣ и могилу себѣ облюбовалъ...

Князь Василій смолкъ и задумался.

— И вотъ эти самые червонцы, что я вамъ сегодня вкладомъ вложилъ, были со мною и на морѣ, въ шапкѣ зашиты... И сколько мы тамъ добра утеряли, сколько всякой рухляди и запасовъ пучина морская поглотила, а шапка цѣла осталась... На все воля Божія!

И распрощавшись съ иноками, князь пошелъ обратно по дорогѣ, къ селу Кологорамъ, погруженный въ глубокую думу...

„Меня смирилъ Господь“, думалъ онъ на пути домой, „я давно успокоился, и не тянетъ меня мое прошлое! Здѣсь я въ душу свою заглянулъ, здѣсь нашелъ время о ней позаботиться, — а тамъ вѣдь недосугъ все было! Дѣла да соблазны, вражда да злоба! Смирилась-ли *она*—хоть передъ смертью-то? Нашла-ли себѣ упокоеніе отъ мірскихъ тревогъ? Простила-ли брату и всѣмъ ненавидѣвшимъ ее? Трудно спастись въ тамошней кельѣ... Упокой, Господи, ея тревожную душу!..“

И дѣйствительно, князь Василій нашелъ здѣсь, на далекомъ Сѣверѣ, полное успокоеніе души, при здоровой и простой жизни тѣла — единственное прочное счастье, какого можно желать человѣку! Давно забытый и врагами, и друзьями, князь Василій уже года три жилъ въ селѣ Кологорахъ, близь Красноярскаго монастыря, гдѣ у него былъ выстроенъ небольшой домикъ. Жилъ онъ только съ женою своею, княгинею Авдотьей Ивановной, потому что сынъ его Алексѣй лѣтъ пять тому назадъ „помрачился разумомъ“ и впалъ въ дѣтство, при чемъ и ему, и его женѣ, Мароѣ Исаевнѣ, разрѣшено было вернуться, вмѣстѣ съ ея дѣтьми, въ Москву, въ домъ отца ея, боярина Квашнина. Младшій сынъ, Михаилъ, потребованъ былъ на службу царскую и служилъ во флотѣ... Старики доживали свой вѣкъ одиноко, сносясь изрѣдка только со Стрѣшневыми, родней Авдотьи Ивановны, да съ Одоевскими — дочь Ирина Васильевна не забывала отца и матери, и при ея помощи они жили въ своей глуши безбѣдно, ни въ чемъ не нуждаясь, тѣмъ болѣе что научились ограничивать свои потребности только существенно необходимымъ. Шумъ, блескъ, слава и ослѣпительная роскошь прежней жизни въ Москвѣ, иногда мерещились князю во снѣ и давили его тяжелымъ кошмаромъ; но на яву онъ уже не вспоминалъ объ этомъ прошломъ и отвращался отъ него „безъ зависти и гнѣва“.

Домъ князя Василія стоялъ на самомъ въѣздѣ въ село Кологоры, направо отъ дороги. Эти „княжія хоромы“, какъ называли ихъ Кологорцы, состояли изъ чистой и просторной избы въ два жилья, съ крытымъ дворомъ и клѣтью около воротъ. Въ верхнемъ жильѣ жилъ князь съ княгинею, а въ нижнемъ помѣщалась

кухня и жили двое слугъ,— старикъ и старуха — единственные представители всей многочисленной Голицынской дворни, выѣхавшей съ опальными боярами изъ Москвы. Когда, по указу великихъ государей, рѣшено было отправить князей изъ Яренска въ Пустозерскъ, то всѣмъ ихъ людямъ предложено было или остаться при нихъ, или получить отпускныя и вернуться къ Москвѣ.

Изъ пятнадцати человѣкъ шестеро не рѣшились покинуть господъ своихъ въ страшной ссылкѣ и перенесли всѣ ужасы странствованія по морю, всѣ бѣдствія житья на Мезени и въ Кевролѣ, гдѣ Голицыны жили, пока имъ не было разрѣшено поселиться въ Пинежскомъ Волокѣ. Изъ этихъ шести человѣкъ четверо отъѣхали къ Москвѣ съ княземъ Алексѣемъ и его семьею, а двое остались доживать свой вѣкъ въ Кологорахъ.

На порогѣ дома, у калитки, князь былъ встрѣченъ старымъ слугою, который, сидя на заваленкѣ, грѣлся на солнцѣ.

— Что, Василій, небось, старыя кости распарить вышелъ? Любо? ласково окликнулъ слугу князь Василій.

— Какъ не любо, батюшка-князь, одна благодать!

На крыльцѣ ожидала князя видная, свѣжая и бодрая старушка-княгиня, закутавшись въ старенькую тѣлогрѣю коришнаго цвѣта, на сильно потертомъ собольемъ мѣху — то былъ единственный остатокъ ея роскошнаго гардероба, отъ котораго когда-то ломились высокіе сундуки и пузатыя скрыни.

Князь поцѣловался съ женою и присѣлъ на лавочку крыльца, любуясь солнечнымъ днемъ и оживающею зеленью.

— Что-жъ? Отслужилъ панихидку-то? спросила мужа княгиня.

— Отслужилъ, тихо и спокойно сказалъ князь, отворачиваясь въ сторону.

— Ну, и дай ей Богъ на томъ свѣтѣ такой-же покой, какого мы съ тобой на этомъ свѣтѣ дожили!

Старики посидѣли на лавочкѣ и вошли въ свою просторную, свѣтлую комнату, ничѣмъ въ убранствѣ не отличавшуюся отъ избы зажиточнаго мужика-сѣверянина.

Въ углу накрытъ былъ бѣлою скатертью столъ. Княгиня ожидала мужа къ обѣду.

— Чѣмъ это, Дунюшка, такъ хорошо сегодня у насъ пахнетъ? спросилъ князь Василій, снимая кафтанъ и усаживаясь къ столу на лавку.

— А это я безъ тебя подушки твои перебивала, смѣясь сказала княгиня, — да вздумала тебѣ въ нихъ душистыхъ здѣшнихъ травъ положить. Вспомнила, какъ ты прежде любилъ нѣмецкіе духи, и какъ я о твоихъ подушкахъ хлопотала, какъ мы изъ Москвы выѣзжали... Чай, на тѣхъ подушкахъ и теперь еще тотъ приставъ спитъ, который у насъ ихъ отобралъ при описи!

И оба старика добродушно разсмѣялись, принимаясь за свою скромную трапезу.

Въ одномъ изъ темныхъ придѣловъ главнаго храма во Флорищевой пустыни, есть скромная могила. Надпись на полуистертой каменной плитѣ гласитъ, что подъ нею погребенъ инокъ Боголѣпъ, въ мірѣ носившій громкое имя князя Бориса Алексѣевича Голицына. Воспитатель Петра, достигнувъ глубокой старости, за годъ до смерти удалился въ ту дремучую лѣсную глушь, которая и теперь еще окружаетъ Флорищеву пустынь, и скончался здѣсь 18 октября 1714 года. Вѣроятно и онъ также пришелъ сюда искать единственнаго возможнаго въ жизни счастья — покоя и забвенія.

КОНЕЦЪ.

Заповѣдный лѣсъ.

Поэма въ прозѣ

I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго).

Солнце встало въ багровомъ туманѣ. Оно прогнало ночныя тѣни и озарило стройный лѣсъ, воздушныя вершины котораго тихо шумѣли.

Этотъ лѣсъ былъ заповѣдный. Насадить его и потомъ много лѣтъ сохранять въ неприкосновенности стоило огромныхъ денегъ. Особый чиновникъ съ двумя подчиненными ему лѣсниками ежедневно совершалъ осмотръ лѣса; и если ревнивый глазъ его замѣчалъ какой-нибудь изъянъ, производилось дознаніе, разыскивался виновный и подвергался наказанію.

Лѣсъ былъ невеликъ. Онъ росъ на берегу быстрой рѣки, стѣсненной скалистыми берегами; весь остальной край представлялъ собою невоздѣланную степь. Въ чудный лѣсъ пріѣзжали въ опредѣленные часы изъ сосѣдняго города любители природы и чинно гуляли подъ зелеными сводами казенныхъ деревьевъ. На землѣ никто не смѣлъ садиться — нельзя было мять траву. И даже влюбленные, являвшіеся сюда сказать другъ другу свои непрочныя клятвы, должны были вести себя съ большою осмотрительностью.

Багровый туманъ медленно расплывался. Солнце подымалось и бросало на землю свой ослѣпительный свѣтъ, отражаясь въ желтыхъ струяхъ мутной рѣки, золотя края гордыхъ облаковъ, блистая въ росинкахъ, которыми ночь, какъ бриліантами, убрала степные цвѣты.

На встрѣчу солнцу, словно изъ маленькихъ кадильницъ, возносился ароматъ изъ вѣнчиковъ бѣлыхъ махровыхъ гвоздикъ, жемчужнаго донника, пестрыхъ фіалокъ, богородичной травы, крупныхъ звѣздистыхъ ромашекъ. Хоры птицъ привѣтствовали царя жизни; жаворонокъ взлеталъ къ поднебесью и тамъ въ восторгѣ выдѣлывалъ горлышкомъ свои звенящія серебристыя трели, а внизу стрекотали кузнечики, замирая въ душистомъ знoѣ травъ.

Въ лѣсу царила торжественная тишина, какъ въ храмѣ; стволы деревьевъ были ровны, какъ колоннада, и косые лучи золотаго свѣта пронизывали его зеленый сумракъ.

На лужайкѣ, гдѣ росла сочная, яркая трава, бѣгалъ вороной трехлѣтній жеребчикъ съ чернымъ, лоснящимся на солнцѣ, красивымъ хвостомъ, длинной гривой и сухой мордой съ бурыми возлѣ рта и широкихъ ноздрей подпалинами.

Онъ чутко настораживалъ маленькія острыя уши; а когда подходили къ нему люди съ уздечкой и арканомъ, онъ кидалъ задними ногами и, какъ стрѣла, пролеталъ съ одного конца лужайки на другой; или на нѣсколько минутъ совсѣмъ исчезалъ въ чащѣ заповѣднаго лѣса.

— Надо непремѣнно поймать жеребчика, сказалъ чиновникъ въ форменномъ мундирѣ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ.— Негодяй портитъ мнѣ кровь, повадился каждое утро на лужайку неизвѣстно откуда! Когда мы его загонимъ въ конюшню, прійдетъ хозяинъ, и мы узнаемъ, чей это жеребчикъ. Тогда я составлю протоколъ, и казна получитъ хорошій штрафъ.

Лѣсники манили жеребчика на овесъ, показывали ему ломти хлѣба, посыпанные крупной солью, и ласковыми голосами кричали:

— Кось, кось, кось!

Жеребчикъ выставлялъ изъ-за опушки свою красивую сухую головку, раздувалъ ноздри, втягивалъ въ себя воздухъ, который пахнулъ овсомъ и печенымъ хлѣбомъ, но не вѣрилъ людямъ. Какъ только приближался къ нему человѣкъ съ медовой улыбкой на устахъ, онъ встряхивалъ роскошной гривой своей и пропадалъ съ глазъ, описавъ по лужайкѣ кругъ и оскорбивъ еще разъ своимъ дерзкимъ и вольнымъ бѣгомъ ретиваго чиновника.

— Жеребчикъ должно-быть прибѣгаетъ сюда изъ сосѣдней степи, гдѣ пасутся табуны помѣщика Иванова, сдѣлалъ предположеніе младшій лѣсникъ.

Ивановъ былъ богатъ, высокомѣренъ, и его не любили чиновники.

— Хорошо, сказалъ начальникъ:— если это жеребчикъ Иванова, то его тѣмъ болѣе слѣдуетъ поймать.

Онъ вспомнилъ, какъ онъ сдѣлалъ въ прошломъ году визитъ Иванову, а тотъ принялъ его въ халатѣ и не представилъ своей дочери, которая была писаная красавица—съ золотыми волосами и длинной лебединой шеей.

— Непремѣнно поймать! повторилъ начальникъ и отправился въ свой хорошенькій домикъ, построенный на берегу рѣки и окруженный заповѣднымъ лѣсомъ.

Какъ только ушелъ начальникъ, лѣсники перестали ловить жеребчика и тоже ушли. Жеребчикъ осторожно выбѣжалъ на лужайку, сталъ щипать траву и, опрокинувшись на спину, пе-

XVI передвижная выставка. Мыльные пузыри. Картина **А. А. Харламова,** грав. Ю. Шюблеръ.

реваливался съ боку на бокъ, играя, какъ ребенокъ, и перебирая въ воздухѣ тонкими ногами. Онъ ржалъ, бѣгалъ, или погружался въ задумчивость, похожую на сонъ, отмахиваясь отъ оводовъ длиннымъ, почти земли касающимся хвостомъ.

Солнце поднималось все выше и выше. Оно разсѣяло гордыя облака, растопило и обратило въ незримый паръ ихъ холодныя массы, и только немногія изъ нихъ уцѣлѣли, удалившись въ безконечную лазурную высь, въ царство вѣчной стужи; тамъ они чуть виднѣлись, словно стая пернатыхъ жильцовъ неба, ослѣпленныхъ блескомъ торжествующаго свѣтила и застывшихъ недвижно въ своемъ полетѣ.

Послѣ полудня, когда жара спала и отъ деревьевъ мало-помалу потянулись тѣни, на лужайку опять пришелъ чиновникъ и видѣлъ, какъ жеребчикъ во мгновеніе ока скрылся за лѣсной опушкой.

Онъ нахмурилъ брови и далъ себѣ слово наказать лѣсниковъ, если завтра жеребчикъ не будетъ пойманъ.

А жеребчикъ бѣжалъ рысью по берегу рѣки, наслаждаясь просторомъ степнаго океана, и вскорѣ присоединился къ своему табуну.

Заходило солнце. Ивановъ и его дочь поѣхали верхомъ въ степь посмотрѣть на свой табунъ. Жеребчикъ, услышавъ ласковый призывъ дѣвушки, подбѣжалъ къ ней и позволилъ, чтобы ея маленькая ручка дотронулась до его косматой челки и до нѣжныхъ ушей.

— Папа, мнѣ очень нравится этотъ жеребчикъ. Я беру его себѣ, слышишь? сказала дѣвушка.

Быстро вечерѣло. По мѣрѣ того какъ умирало солнце, оживали и словно наливались кровью облака. Они спустились съ недосягаемой высоты и клубились на мѣстѣ заката, лиловыя и алыя, убранныя въ золото и драгоцѣнные каменья.

Наконецъ, совсѣмъ погасло солнце. Розовыя тѣни померкли въ раскаленномъ за день воздухѣ. Душистою влагой повѣяло отъ травъ—запахло росой; и одна за другой загорѣлись на синемъ небѣ крупныя и мелкія звѣзды.

Начальникъ заповѣднаго лѣса только что напился чаю и, сидя у раскрытаго окошечка, перебиралъ струны гитары. Нѣжные аккорды звенѣли въ сонномъ воздухѣ и будили въ душѣ музыканта неопредѣленныя сладкія чувства. Ему казалось, что гдѣ-то въ Россіи въ эту самую пору у такого-же окошечка сидитъ прекрасная молодая женщина и грустить; она одинока, и никто не приходитъ къ ней, достойный ея любви. Чиновникъ былъ еще молодъ; онъ думалъ объ этой воображаемой женщинѣ, и его пальцы съ большимъ искусствомъ бѣгали по струнамъ.

Было тихо. Темный лѣсъ былъ полонъ какихъ-то затаенныхъ мечтаній. Косматыя воздушныя тѣни сплетались подъ его грозными сводами. Было жутко смотрѣть на лѣсъ, но пріятно. И все лучше и лучше игралъ на гитарѣ чиновникъ, и все темнѣе и душистѣе становилась роскошная южная ночь.

Но вотъ уже луна поднялась изъ-за лѣса и, какъ призракъ, смотрѣла на міръ. Бѣлый серебряный свѣтъ луны постепенно залилъ собою лѣсъ и степь, и прибрежныя скалы, и молчаливую лужайку. Чиновникъ, играя на гитарѣ, увидѣлъ, какъ мелькнулъ за изгородью силуэтъ лошади, и въ то же время раздалось радостное ржанье. Въ отвѣтъ, въ конюшнѣ послышался топотъ.

Лѣсничій бросилъ гитару и вышелъ за ворота. Никого нигдѣ не было видно. У него мелькнуло подозрѣніе, что воръ тихонько подкрался на лошади къ его одинокому домику. Онъ осмотрѣлъ замокъ конюшни. Потомъ, не довѣряя замку, онъ вошелъ съ фонаремъ въ конюшню. Гнѣдая кобылка, которую лѣсничій назвалъ Птичкой и которую онъ только недавно объѣздилъ, пугливо посмотрѣла на хозяина. Онъ потрепалъ ее по крупу, взялъ за холку и, убѣдившись, что все благополучно, снова заперъ конюшню. Прійдя въ комнаты, онъ осмотрѣлъ револьверъ и заснулъ.

На зарѣ его разбудило лошадиное ржанье. Лѣсничій вскочилъ и, при блѣдномъ свѣтѣ побѣлѣвшей луны и потухающихъ звѣздъ, онъ опять увидѣлъ силуэтъ лошади и, къ удивленію своему и досадѣ, узналъ жеребчика.

— Вѣдь вотъ присталъ! вскричалъ лѣсничій въ негодованіи.— Ну, подожди, голубчикъ, мы тебя поймаемъ! А я думалъ, что воръ. Впрочемъ, ужь и впрямь не воръ-ли ты, голубчикъ?

Чтобъ провѣрить это предположеніе, которое казалось ему смѣшнымъ, лѣсничій осторожно растворилъ настежъ конюшню и ворота, а самъ спрятался.

Жеребчикъ, нюхая воздухъ горячими ноздрями, на каждомъ шагу останавливаясь и дрожа всѣмъ своимъ благороднымъ тѣломъ, вошелъ во дворъ. Тогда лѣсничій вдругъ захлопнулъ ворота. Но жеребчикъ понялъ, что онъ въ западнѣ. Онъ сталъ неистово метаться по двору, раскидалъ задними ногами кучу дровъ, какъ-бы желая показать врагу, какой онъ сильный и страшный, и съ глазами, налитыми кровью, остановился противъ крыльца и смотрѣлъ на лѣсничаго, вооруженнаго уздечкой, готовясь дать ему смертельный отпоръ. Лѣсничій боялся подойти къ жеребчику. Птичка повернула голову и, тяжело дыша, глядѣла изъ своего стойла на то, что происходитъ на дворѣ.

Кучеръ лѣсничаго проснулся, услыхавъ шумъ, и вышелъ изъ сѣней кухни. Жеребчикъ приложилъ уши, осѣлъ на заднія ноги, потомъ вытянулся въ струну и перескочилъ заборъ. Черезъ минуту лѣсъ огласился ржаніемъ жеребчика. Птичка одобрительно заржала въ отвѣтъ. Лѣсничій поблѣднѣлъ отъ гнѣва и сталъ ссориться съ кучеромъ, какъ будто кучеръ былъ виноватъ, что жеребчикъ такъ удивительно прыгаетъ.

Съ этихъ поръ онъ рѣшилъ, что средство поймать жеребчика у него въ рукахъ—надо только умѣло воспользоваться имъ — это Птичка.

Но жеребчикъ сдѣлался особенно остороженъ. Онъ не подпускалъ къ себѣ людей на сто шаговъ и, не смотря на соблазнъ, который представляла для него конюшня, не приближался къ изгороди.

— Ну, я, братъ, тебя заставлю! сказалъ лѣсничій и велѣлъ выпустить Птичку на лужайку.

Онъ притаился за деревомъ съ арканомъ и тутъ-же поставилъ небольшое корыто съ овсомъ, до котораго Птичка была большая охотница. Птичка, побѣгавши съ жеребчикомъ по лужайкѣ, подошла къ овсу, и вмѣстѣ съ нею подошелъ жеребчикъ. За другими деревьями тоже съ арканами стояли лѣсники. Какъ только лошади принялись за ѣду, со всѣхъ сторонъ выскочили люди, и прежде всѣхъ выскочилъ лѣсничій. Жеребчикъ не далъ ему опомниться: онъ кинулся на него, взвившись на дыбы, и лѣсничій, въ страхѣ за свою жизнь, выстрѣлилъ изъ револьвера. Тогда жеребчикъ грохнулся на землю и сталъ биться въ предсмертныхъ судорогахъ. Птичка убѣжала.

Лѣсничій молча пошелъ составлять протоколъ и приказалъ опять запереть Птичку въ конюшню.

Въ этотъ день, какъ и вчера, взошла чудесная серебряная луна и залила лѣсъ своимъ волшебнымъ, задумчивымъ свѣтомъ. Какъ и вчера, сидѣлъ у раскрытаго окна молодой лѣсничій; но гитара праздно лежала у него на колѣняхъ. Тихіе аккорды фальшиво звучали сегодня, и онъ не могъ больше играть. Деревья хмурились, и по небу бѣжали, застилая собою звѣзды, прозрачныя облака.

Романъ Жанны.

(Новый разсказъ **Ф. Коппе**).

Сочувствуя душой всѣмъ жизнью побѣжденнымъ,
Смиреннымъ бѣднякамъ отъ счастья отлученнымъ —
Я передать хочу безхитростный разсказъ
О сердцѣ женщины, согрѣтомъ только разъ,
На мигъ лучомъ любви, угасшей безъ отвѣта.
Такъ узникъ, съ дѣтскихъ лѣтъ томящійся въ плѣну,
Порою видитъ лучъ мерцающаго свѣта,
Скользящій по его тюремному окну —
И имъ любуется изъ стѣнъ темницы тѣсныхъ:
Для заключеннаго, который никогда
Лазури не видалъ — изъ всѣхъ свѣтилъ небесныхъ
Сіяетъ лишь одна знакомая звѣзда!

Ф. Коппе.

I.

Ее звали Жанной, ей было 18 лѣтъ. Отца ея уже не было на свѣтѣ и она поселилась съ полуслѣпою матерью въ старинной живописной улицѣ, въ концѣ Латинскаго квартала, гдѣ обитаютъ студенты и мелкіе рантье — между Пантеономъ и Jardin des Plantes. Дни тяпутся тамъ медленно и спокойно. Это— провинція, со свойственнымъ ей очарованіемъ простоты, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ просвѣщенія; тамъ нерѣдко можно встрѣтить фланёра съ книгою въ рукѣ, и это единственный уголокъ, въ современномъ Парижѣ, готовомъ превратиться въ Чикаго—гдѣ еще водятся мечтатели. Какая тишина! Шумъ шаговъ пробуждаетъ эхо. Тамъ есть уголки, полные меланхоліи, гдѣ еще уцѣлѣли старинные фонари съ рефлекторами, и на маленькой улицѣ, гдѣ мнѣ часто случалось бродить, я видѣлъ въ калитку священничьяго дома садикъ, въ глубинѣ котораго красуется, вся обвитая зеленью, статуя Наполеона I, сдѣланная изъ раковинъ.

Обѣ женщины жили въ этомъ забытомъ кварталѣ въ 5-мъ этажѣ, наравнѣ съ крышами, и ухаживали за висячимъ садикомъ, устроеннымъ на балконѣ, надъ которымъ пролетала по вечерамъ цѣлая стая ласточекъ. Это была та приличная бѣдность когда люди имѣютъ какъ разъ настолько, чтобъ не умереть съ голоду; но въ квартиркѣ 5-го этажа чувствовалась теплота семейныхъ очаговъ, согрѣтыхъ любовью. Старомодная, полинявшая мебель напоминала о роскоши прежнихъ, болѣе счастливыхъ дней. На каминѣ, въ которомъ тлѣли куски торфа — стояли пастухъ съ пастушкою изъ саксонскаго фарфора, немного поломанные, но посылавшіе другъ другу поцѣлуй кончиками пальцевъ. За обѣдомъ подавались самыя скромныя кушанья, но столъ накрывался скатертью и приборы были серебряные. Послѣднимъ остаткомъ былой роскоши являлся портретъ пастелью въ рѣзной рамѣ, изображавшій какую-то прабабушку во дни ея юности, съ наивнымъ взглядомъ, съ напудренными волосами и съ открытою шеей; красавица въ те-

ченіе полутораста лѣтъ хранила ту же позу и улыбалась тою же улыбкой, повернувъ голову en trois quarts и держа розу въ рукѣ...

Въ этомъ меланхолическомъ и гордомъ уединеніи жили двѣ женщины, горячо привязанныя другъ къ другу, и подъ свинцовымъ гнетомъ однообразно тянувшихся часовъ, почти не замѣчали, какъ лѣто смѣнялось осенью, а зима — весною. Сидя въ маѣ на балконѣ, зимою — у камина, онѣ почти не выходили изъ дому; только по воскресеньямъ, среди оживленія кварталовъ, кишѣвшихъ народомъ, онѣ отправлялись къ обѣднѣ въ Сенъ-Медаръ — печальную церковь, подъ мрачными сводами которой собираются немногочисленные, жалкой наружности прихожане: сироты-дѣвочки изъ пріюта, въ своихъ круглыхъ шляпкахъ, бѣдныя женщины съ ребятишками на рукахъ, отворачивающія голову при приближеніи причетника съ кружкою для сбора, какіе-то старики, молящіеся на колѣняхъ... Мать и дочь становились посерединѣ церкви и иногда Жанна примѣшивала свой свѣжій голосокъ къ церковному пѣнію, раздиравшему уши. Затѣмъ, подавъ милостыню нищимъ на паперти, онѣ медленно возвращались домой.

Иногда, довольно рѣдко впрочемъ, когда жара становилась невыносимою, ихъ можно было видѣть въ уединенномъ уголкѣ Jardin des Plantes, гдѣ онѣ садились подъ большимъ каштановымъ деревомъ. Мать машинально шевелила спицами, а Жанна склонялась надъ какимъ-нибудь вышиваньемъ. Порой со стороны звѣринца раздавались рѣзкіе голоса птицъ, и въ ароматѣ цвѣтовъ доносившемся къ нимъ съ вѣтеркомъ — чувствовалось что-то острое, опьяняющее... Жанна, почти не казавшаяся хорошенькою, любила это уединеніе, любила дышать ароматомъ цвѣтовъ и рѣдкіе прохожіе почти не глядѣли на нее. Это были бѣдняки, пришибленные жизнью, какъ и она сама: мать съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, два солдата, дремлющіе на ходу отъ скуки, или какой-нибудь рабочій безъ занятій, съ выраженіемъ тоскливой тревоги въ глазахъ, ослѣпленный просторомъ и солнечнымъ сіяніемъ и машинально посасывающій давно потухшую трубку.

II.

Но болѣе чѣмъ бѣдную церковь квартала съ ея внутренностью въ готическомъ стилѣ, болѣе чѣмъ паркъ съ запахомъ чужестранныхъ цвѣтовъ—любили обѣ женщины уединеніе своей квартиры. Въ чудные лѣтніе вечера, послѣ скромнаго обѣда, Жанна усаживала мать свою въ широкое кресло и, задумчиво облокотясь на балконѣ, любовалась Парижемъ, глухо шумѣвшимъ тамъ внизу, въ туманѣ. Солнце закатывалось. Подъ его косыми лучами соборъ Парижской Богоматери казался какою-то колоссальною двуглавою громадой, а далѣе, у залитой пурпуромъ рѣки, поднималась стройная, ажурная стрѣла Палэ, похожая на драгоцѣнное ювелирное украшеніе. На закатѣ все утопало въ золотистой пыли, а со стороны востока, вырисовывались на блѣдно опаловомъ фонѣ горизонта темные профили далекихъ холмовъ. Отовсюду поднимался какой-то смутный гулъ и надъ черепицей кровель, залитыхъ багрянымъ отблескомъ, вился кое-гдѣ бѣлый дымъ.

Замечтавшаяся Жанна была на своемъ балконѣ когда любовь застала ее врасплохъ. Съ балкона были видны сосѣднія мансарды; въ одной изъ нихъ, обрамленной чахлыми настурціями, какой-то молодой человѣкъ, сидя на окнѣ, читалъ книгу, и Жанна, безо всякой видимой причины, заинтересовалась вдругъ этимъ спокойнымъ чтецомъ съ печатью серьезной мысли на челѣ. Возлѣ него стояла на окнѣ скромная трапеза: фрукты, хлѣбъ и стаканъ воды. Книга совершенно приковала къ себѣ его вниманіе. Позади него, въ глубинѣ комнаты, виднѣлась постель на ремняхъ и полка съ книгами — символы бѣдности, труда и науки. Жанна инстинктивно угадывала въ незнакомцѣ чистаго сердцемъ и гордаго мечтателя, ведущаго затворническую жизнь, труженика поглощеннаго своимъ дѣломъ — и сердце ея было тронуто. Когда наступившія сумерки принудили его оставить чтеніе, онъ медленно принялся за свой жалкій обѣдъ, и покончивъ раскрошилъ воробьямъ остатки хлѣба, жестомъ исполненнымъ изящества. Затѣмъ, ни разу не поднявъ глазъ на Жанну и бросивъ по направленію къ Парижу взглядъ, въ которомъ сверкалъ какой-то надменный вызовъ, какое-то желаніе власти и силы — молодой человѣкъ рѣзко поднялся съ мѣста и удалился въ глубину комнаты. Еще на одно мгновеніе Жанна видѣла мансарду съ ея бѣдной обстановкою, освѣщенную зажженной лампой, и когда окно наконецъ затворилось и штора скользнула на вздержкахъ — молодая дѣвушка вздрогнула всѣмъ тѣломъ... Она уже любила.

Она видѣла его на прежнемъ мѣстѣ много вечеровъ подърядъ. О, эти муки ожиданія! Когда онъ показывался — какое волненіе овладѣвало ею и какъ она бывала счастлива! Зато какъ горевала она, когда наступавшая ночь принуждала ее уходить съ балкона! Сознавала-ли она, что любила его? Кто знаетъ? Но видѣть его — было ея единственнымъ желаніемъ и у Жанны, сердившейся на то что дни тянутся такъ медленно, не было другаго интереса въ жизни, какъ только ожидать этого часа и вспоминать о немъ. Притомъ, храня про себя свою химеру, она не сказала о ней даже матери и жизнь ихъ текла попрежнему. По вечерамъ, открывъ старый Эраровскій рояль, Жанна пѣла матери какой-нибудь романсъ изъ временъ блаженной памяти трубадуровъ, и оставивъ свое вѣчное вязанье, старушка улыбалась ей, гордясь своей дочкой и постукивая въ тактъ музыки большою вязальною иглой...

III.

Старухѣ-поденщицѣ, ходившей къ нимъ заниматься хозяйствомъ, были извѣстны дѣла всего околотка, и Жанна узнала отъ нея, кто былъ незнакомецъ. Пріѣхавъ въ Парижъ года два тому назадъ, онъ изрѣдка получалъ кое-какія деньги изъ дому, но, не смотря на крайнюю бѣдность, имѣлъ видъ принца въ изгнаніи.

Онъ жилъ уединенно и въ немъ было что-то таинственное. Его молодость, его суровый видъ, его чудные глаза и длинные, какъ у артистовъ, волосы — вскружили головы модисткамъ изъ лавочки на перекресткѣ. Онѣ бомбардировали его влюбленными улыбками, но онъ проходилъ мимо, съ опущенными глазами, неприступный. Привратникъ его, которому случалось видѣть на столѣ молодаго человѣка кучу исписанныхъ бумагъ, увѣрялъ, что это былъ писатель и что онъ сочиняетъ стихи. Извѣстно было также, что по ночамъ онъ ходитъ большими шагами по своей, часто нетопленой комнатѣ, декламируя при этомъ какія-то непонятныя слова.

Поэтъ! О, какимъ праздникомъ было это открытіе для Жанны! Тотъ къ кому безумно летѣли ея мечты—былъ поэтомъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала она той счастливой минуты когда молодой человѣкъ обыкновенно появлялся въ окнѣ! Какое глубокое и наивное волненіе овладѣло ею при видѣ его! Незнакомецъ показался ей въ этотъ день еще привлекательнѣе: лицо его, поблѣднѣвшее отъ безсонницы и усиленнаго труда, показалось ей озареннымъ лучами генія. Почитавъ немного, онъ принялся за свой обѣдъ, разбросавъ по обыкновенію крошки хлѣба весело чиликавшимъ воробьямъ, и затѣмъ, облокотясь на подоконникъ со свойственнымъ ему видомъ надменнаго изящества, погрузился въ задумчивость, устремивъ взглядъ на небо.

Тогда только въ головѣ Жанны мелькнула впервые безотрадная мысль: она вспомнила, что онъ ни разу не взглянулъ на нее. Увы! только тогда ей припомнились многочисленные вечера, проведенные ею на балконѣ подъ вліяніемъ непреодолимаго очарованія, и ни разу, за все это время, глаза одинокаго мечтателя не обратились въ ея сторону. И вспомнивъ вдругъ, что она не хороша собой, что прохожіе не заглядывались никогда на ея блѣдное, нѣжное личико, бѣдная дѣвушка поняла впервые съ тихими слезами, что она любитъ и — не любима... Тогда она узнала страданіе. Но что дѣлать? Зеркало дало ей суровый отвѣтъ—и какимъ безотраднымъ взглядомъ она размѣнялась съ нимъ! Жанна угадывала заранѣе свою участь, она была обречена состарѣться преждевременно возлѣ больной матери. Надо покориться неизбѣжному. Она забудетъ его, это рѣшено... А какъ бы она могла любить его, если бы онъ только захотѣлъ! Въ надеждѣ изгладить послѣдніе слѣды своего безумія, Жанна запрещала себѣ выходить на балконъ и показывалась на немъ только поздно вечеромъ. Но тамъ воспоминанія еще сильнѣе преслѣдовали ее. Грустно облокотясь на перила, она видѣла свѣтъ лампы въ комнатѣ поэта, сидѣвшаго за работой. Ахъ, если бы онъ только захотѣлъ, какъ бы она могла любить его! Тогда сознаніе своего несчастія еще сильнѣе терзало ее и ея кроткіе глаза блистали слезой при свѣтѣ мѣсяца.

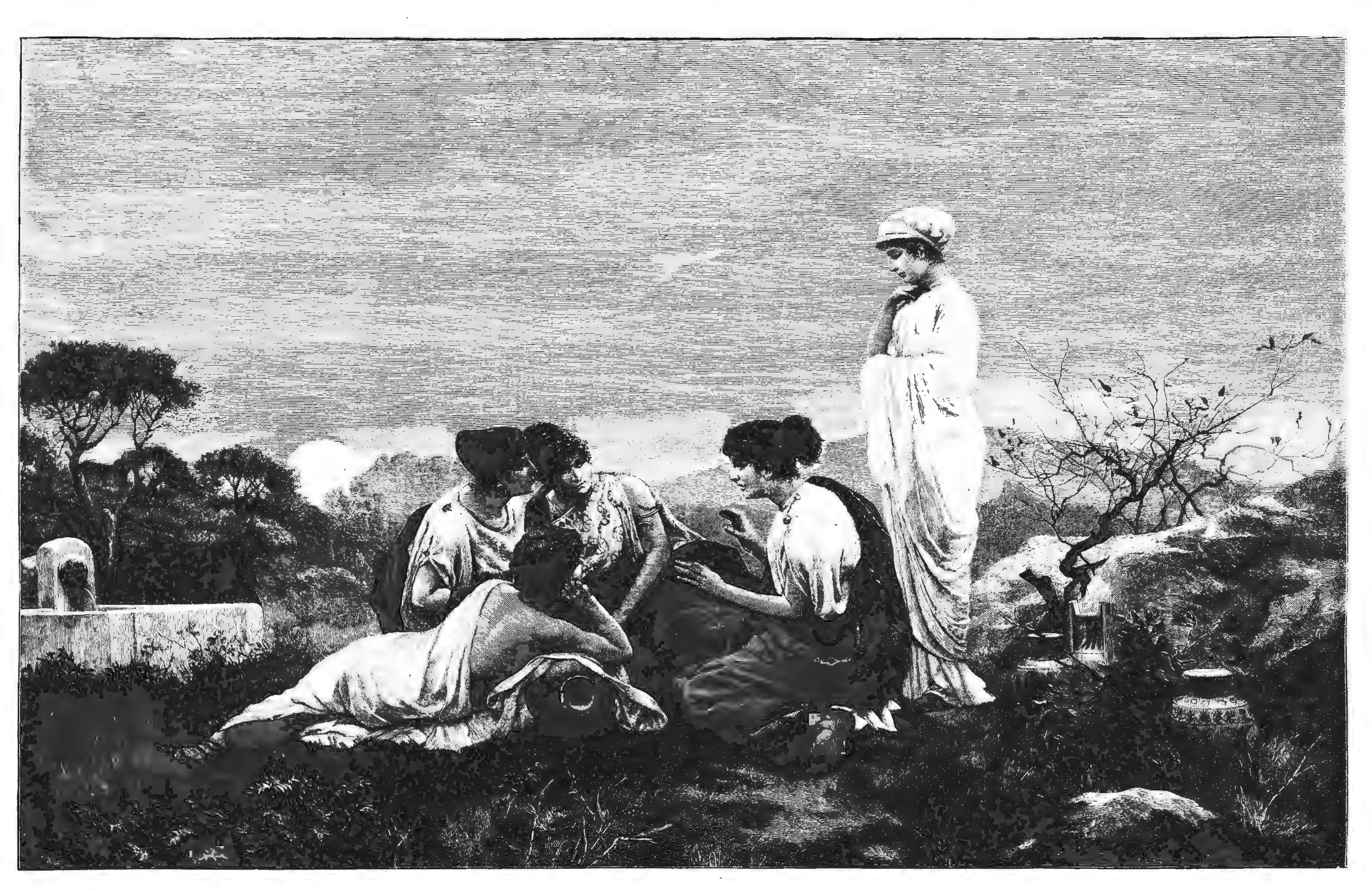
IV.

Время проходило, не облегчая ея страданій. Жанна, желая сдѣлать доброе дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ немного развлечься, давала уроки сыну одной бѣдной женщины, своей сосѣдки. Благодаря этому ребенку, хорошенькому мальчику съ умнымъ личикомъ, она находила дни менѣе длинными. Она любила играть его бѣлокурыми волосами въ то время, какъ онъ отвѣчалъ ей урокъ изъ катехизиса или изъ грамматики. Когда же молодая дѣвушка выходила съ матерью погулять, онѣ брали съ собой и ребенка. Жанна была такъ же кротка и добра, какъ и въ то время когда это новое бурное чувство любви не овладѣло еще ея душой...

Однажды утромъ она узнала отъ поденщицы, которую однако не хотѣла болѣе разспрашивать, что ихъ молодой сосѣдъ скоро переѣдетъ и совершенно измѣнитъ свой образъ жизни, что онъ издалъ книгу, доставившую ему извѣстность, и имя его упоминается во всѣхъ газетахъ.

„Онъ не будетъ больше бросать крошекъ воробьямъ," подумала бѣдная дѣвушка, „и я не увижу больше свѣта лампы въ его мансардѣ... Тѣмъ лучше. Пусть онъ будетъ счастливъ!.. Я должна забыть его".

Два дня спустя, въ жаркое іюньское послѣ-обѣда Жанна съ матерью и со своимъ маленькимъ ученикомъ сидѣла въ Jardin des Plantes подъ каштановымъ деревомъ. Счастливый своей свободой, ребенокъ весело забавлялся возлѣ нихъ со своимъ волчкомъ; слѣпая, усыпленная жарой, оставила на минуту свое вязанье, а Жанна нервно вышивала. Вдругъ она остановилась. Молодая дѣвушка сломала иголку и напрасно искала возлѣ себя игольника, когда въ концѣ аллеи показался какой-то человѣкъ. Это былъ онъ... Она узнала его издали... Это былъ



Весенняя выставка Императорской Академіи Художествъ. Сказки. Картина **С. В. Бакаловича**, грав. Паарь.

XVI передвижная выставка. Волостной судъ. Картина **М. Зощенко**, грав. Ю. Шюблеръ.

поэтъ. Онъ шелъ, задумчивый, разсѣянный, опустивъ голову и повторяя можетъ-быть про себя какія-нибудь строфы. Онъ подходилъ все ближе и былъ уже шагахъ въ десяти... Сердце Жанны такъ замерло отъ волненія, что она едва не лишилась чувствъ. Когда онъ былъ уже совсѣмъ близко отъ нея, ему бросился въ глаза какой-то предметъ, лежавшій на землѣ и оказавшійся игольникомъ Жанны. Молодой человѣкъ поднялъ его и ища взоромъ кому бы возвратить свою находку, онъ увидѣлъ Жанну и хотѣлъ подойти къ ней. Тогда у бѣдной дѣвушки явилась безумная надежда... Онъ заговоритъ съ ней, узнаетъ ее, увидитъ, угадаетъ ея чувство, полюбитъ ее можетъ быть... О, счастливый случай! Но въ это время мальчикъ, желая оказать услугу, подбѣжалъ къ молодому человѣку, протягивая къ нему руку... Поэтъ отдалъ ему свою находку и восхищенный прелестными золотистыми волосами ребенка, поцѣловалъ его въ лобъ и прошелъ своей дорогой... Увы! надежда бѣдной Жанны исчезла, но когда ребенокъ, принеся игольникъ, подставилъ ей свою кудрявую головку — молодая дѣвушка крѣпко сжала его въ объятіяхъ и съ рыданіемъ, напоминавшимъ стонъ раненой горлицы, прильнула губами къ его лбу, чтобы принять этотъ случайный поцѣлуй, предназначавшійся не для нея...

V.

Молодой человѣкъ покинулъ свою комнату подъ кровлею. Прошли дни, недѣли, мѣсяцы, и та, которая полюбила его, лишь изрѣдка имѣетъ о немъ извѣстія. Подобно тому, какъ бѣднякамъ, стоящимъ на улицѣ во время карнавала, слышатся урывками звуки музыки изъ освѣщенныхъ домовъ — такъ и къ Жаннѣ страдающей отъ своихъ воспоминаній, къ Жаннѣ обреченной на жизнь безъ радостей и безъ любви, долетаютъ по временамъ отголоски его славы... Жизнь ея безцвѣтна и мрачна, но она пытается примириться съ ней. Портниха, сидящая весь день за швейной машиной, занимаетъ теперь мансарду, въ которой Жанна видѣла когда-то поэта, мечтавшаго въ лѣтнія сумерки передъ вечернимъ небомъ... Со спокойною скукой порожденною привычкой, она исполняетъ свой дочерній долгъ, ухаживая за матерью. Она начинаетъ уже забывать, и когда маленькій сынъ сосѣдки приходитъ къ нимъ и наивно подставляетъ ей свой лобъ, Жанна, упрекая себя за краткій мигъ увлеченія и не желая опьянить себя воспоминаніемъ о тѣни поцѣлуя — отказываетъ себѣ въ удовольствіи прикоснуться губами къ невинному лбу ребенка.

Вѣдь въ этомъ поцѣлуѣ заключался весь романъ Жанны.

О. Ч.

Что мы знаемъ объ обитаемости планетъ?

(Окончаніе).

Изъ нашего обзора планетъ солнечной системы мы по необходимости должны исключить всю группу малыхъ планетъ, или такъ-называемыхъ астероидовъ: всѣ они настолько малы, что совсѣмъ не имѣютъ видимаго діаметра, вслѣдствіе чего всякое телескопическое изслѣдованіе ихъ физическаго строенія невозможно. Кромѣ того, приходится исключить изъ разсмотрѣнія также и нѣкоторыя изъ большихъ планетъ, а именно: Меркурія, Урана и Нептуна. Первая изъ этихъ планетъ слишкомъ близка къ солнцу, вслѣдствіе чего телескопическія изслѣдованія ея крайне затруднительны. На существованіе около Меркурія атмосферы есть только одно указаніе, сдѣланное Фогелемъ въ 1873 г. на основаніи его изслѣдованій спектра этой планеты. Но до сихъ поръ это еще ничѣмъ не подтвердилось, и въ настоящее время намъ приходится пока сознаться, что объ атмосферѣ Меркурія и объ его физическомъ строеніи мы ровно ничего не знаемъ. Не болѣе того мы знаемъ о физикѣ Урана и Нептуна, этихъ отдаленнѣйшихъ планетъ солнечной системы, но уже по совершенно другой причинѣ: ихъ громадное удаленіе отъ земли исключаетъ всякую возможность какихъ-либо положительныхъ наблюденій. Такимъ образомъ кругъ нашихъ изслѣдованій ограничивается четырьмя планетами: Венерой, Марсомъ, Юпитеромъ и Сатурномъ; сюда надо прибавить еще спутника земли Луну, какъ тоже до нѣкоторой степени имѣющую претензіи на обитаемость. Съ нея мы и начнемъ свой обзоръ.

Луна—ближайшее къ намъ небесное тѣло, такъ что въ телескопъ мы можемъ разсмотрѣть ее до мельчайшихъ подробностей. По новѣйшимъ измѣреніямъ, среднее разстояніе ея отъ земли опредѣлено въ 362.334 версты. Объемъ ея въ 49 разъ меньше объема земли, а поверхность равна площади Африки сложенной съ Австраліей. Въ телескопъ мы различаемъ на лунѣ глубокія долины, которыя еще Кеплеръ окрестилъ морями, подъ какимъ названіемъ онѣ извѣстны и теперь. Такъ въ селенографіи различаютъ: Море Кризисовъ, Море Облаковъ, Океанъ Бурь и пр. Но въ настоящее время намъ достовѣрно извѣстно, что съ морями они ничего общаго не имѣютъ: это просто равнины на поверхности луны. Кромѣ того, мы ясно различаемъ цѣпи горъ, каковы лунныя Аппенины, лунныя Альпы и т. п., и наконецъ отдѣльные кратеры, которые на лунѣ достигаютъ громадныхъ размѣровъ; такъ кратеръ Clavius имѣетъ въ діаметрѣ до 200 верстъ. Абсолютная высота лунныхъ горъ такая-же какъ и у насъ на землѣ; отдѣльные пики, какъ напр. гора Лейбницъ, достигаютъ семи верстъ. Если-же мы примемъ въ разсчетъ величину луны, то легко понять, что относительная высота лунныхъ горъ гораздо больше нашихъ. Мы имѣемъ самыя убѣдительныя доказательства, что луна совершенно лишена атмосферы, или, по крайней мѣрѣ, ея атмосфера находится въ состояніи крайняго разрѣженія. На это указываютъ: одинаковая яркость лунной поверхности въ центрѣ диска и на краяхъ, рѣзкость тѣней на лунѣ и отсутствіе явленія сумерокъ, мгновенное исчезновеніе и такое-же мгновенное появленіе звѣздъ при покрытіяхъ луной, безо всякаго предварительнаго ослабленія ихъ свѣта вблизи луннаго диска, вслѣдствіе прохожденія черезъ болѣе или менѣе плотный слой атмосферы; наконецъ, непосредственныя спектральныя изслѣдованія не обнаруживаютъ ни малѣйшихъ признаковъ атмосферы на лунѣ. Отсутствіе атмосферы, а слѣдовательно и воды, обусловливаютъ полную безжизненность нашего спутника. Никакихъ измѣненій, обусловливаемыхъ у насъ на землѣ водой, на лунѣ быть не можетъ. Отсутствіе атмосферы обусловливаетъ также крайнюю рѣзкость колебаній температуры. У насъ на землѣ атмосфера препятствуетъ слишкомъ сильному нагрѣванію солнечными лучами днемъ и слишкомъ сильному охлажденію черезъ лучеиспусканіе ночью. На лунѣ совсѣмъ другое. Въ теченіе луннаго дня солнечные лучи, не ослабляемые облаками или слоемъ атмосферы, нагрѣваютъ поверхность луны до 190° по Цельсію; ночью теплота быстро излучается въ міровое пространство и температура падаетъ болѣе чѣмъ до 200° ниже нуля. Такимъ образомъ въ теченіе однѣхъ лунныхъ сутокъ (приблизительно 4 недѣли) температура на лунѣ проходитъ шкалу въ 400°. При такихъ условіяхъ, при отсутствіи воды, атмосферы и умѣренныхъ колебаній температуры, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь органической жизни на лунѣ. Она пустынна и мертва. Она могила можетъ-быть нѣкогда живаго тѣла.

Переходимъ теперь къ Венерѣ и посмотримъ, что даютъ намъ точныя астрофизическія изслѣдованія этой планеты. Близость Венеры къ солнцу и необыкновенно сильный блескъ ея въ значительной степени затрудняютъ наблюденія. Разстояніе ея отъ земли колеблется въ предѣлахъ 35 милліоновъ и 252 милліоновъ верстъ. Ея объемъ составляетъ 0,9 объема земли, а діаметръ всего только на 100 верстъ меньше діаметра нашей планеты. Сутки только на 39 минутъ короче нашихъ. Присутствіе на Венерѣ атмосферы и притомъ болѣе плотной, чѣмъ наша земная, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы видимъ въ телескопъ тѣни, пробѣгающія по поверхности Венеры, которыя несомнѣнно происходятъ отъ облаковъ. На присутствіе очень плотной атмосферы у Венеры указываютъ явленіе сумерокъ, ослабленіе свѣта звѣздъ при ихъ покрытіи планетой и непосредственныя спектральныя изслѣдованія. Составъ атмосферы такой-же, какъ и у насъ на землѣ. Вотъ все, что мы знаемъ *положительнаго* о физическихъ свойствахъ Венеры.

Обратимся теперь къ другимъ планетамъ и посмотримъ, что намъ извѣстно о величайшей изъ планетъ нашей солнечной системы—о Юпитерѣ. По своему объему Юпитеръ въ 1330 разъ превосходитъ нашу землю. Среднее его разстояніе отъ солнца достигаетъ 752 милліоновъ верстъ. Масса Юпитера почти въ три раза превосходитъ сумму массъ всѣхъ остальныхъ планетъ нашей солнечной системы. Въ телескопъ Юпитеръ представляется блестящимъ дискомъ съ ясно выраженными темными полосами на экваторѣ, причемъ очертанія этихъ полосъ измѣняются очень быстро. Есть полное основаніе думать, что мы никогда собственно не наблюдаемъ самой поверхности планетъ, а видимъ только различныя измѣненія въ его атмосферѣ. Облака на Юпитерѣ по большей части имѣютъ розоватый оттѣнокъ, а въ 1878 на немъ открыто даже совершенно красное пятно, которое съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени остается все въ томъ-же видѣ, какъ девять лѣтъ тому назадъ впервые наблюдалъ его аѳинскій астрономъ Юлій Шмидтъ.

Это интересное пятно пока еще ничего не объяснило астрономамъ, а скорѣе внесло новую загадку въ физическую природу этой планеты. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что Юпитеръ покрытъ густою и чрезвычайно плотною атмосферой, и что планета эта скорѣе имѣетъ сходство съ солнцемъ, чѣмъ съ землей. Благодаря вліянію этой атмосферы, свѣтъ въ центральной части диска почти втрое ярче, чѣмъ у краевъ. На основаніи изслѣдованій Цельнера и Бонда, мы можемъ съ большою вѣроятностью утверждать, что Юпитеръ отчасти свѣтитъ и своимъ собственнымъ свѣтомъ, помимо отраженнаго солнечнаго. Изъ всего того, что мы знаемъ въ настоящее время объ Юпитерѣ, приходится заключить, что планета эта еще не покрылась твердою корою и что ея раскаленное ядро окружено плотною оболочкой паровъ и газовъ, вырывающихся изъ центральныхъ частей планеты въ видѣ чудовищныхъ изверженій. Причина того обстоятельства, что Юпитеръ до сихъ поръ не охладился настолько чтобы покрыться корой (хотя, по ко-

смогонической теоріи, онъ и старше земли), заключается въ слишкомъ большой массѣ его.

Все сказанное нами объ Юпитерѣ, въ общихъ чертахъ приложимо и къ Сатурну, удаленному отъ солнца на 1316 милліоновъ верстъ: по своимъ физическимъ свойствамъ, эта планета скорѣе имѣетъ сходство съ солнцемъ, чѣмъ съ землею. Его кольца представляютъ только новую загадку для человѣчества. Намъ остается еще разсмотрѣть послѣднюю планету, которую люди съ пылкой фантазіей чаще всего населяютъ живыми организмами. Мы говоримъ о Марсѣ, который по своимъ физическимъ свойствамъ ближе всего походитъ на нашу землю. При этомъ надо замѣтить, что Марсъ, благодаря своему положенію въ отношеніи земли, изслѣдованъ тщательнѣе, чѣмъ какая-либо другая планета. Но прежде чѣмъ говорить о физической природѣ Марса, приведемъ его sui generis формулярный списокъ. Среднее разстояніе его отъ солнца достигаетъ 217 милліоновъ верстъ, а разстояніе отъ земли колеблется въ предѣлахъ 52 мил. и 378 милл. верстъ. Діаметръ Марса составляетъ немного болѣе половины діаметра земли; плотность $= 0.74$ плотности земли, а время обращенія около оси $= 24^{ч.}\ 37^{м.}\ 22.6^{сек.}$, т. е. сутки на Марсѣ всего только на полчаса больше нашихъ. На вечернемъ небѣ Марсъ легко узнается по его красноватому цвѣту; этотъ характерный цвѣтъ безъ сомнѣнія зависитъ отъ его атмосферы, которая, по изслѣдованіямъ Фогеля, *рѣшительно ничѣмъ не отличается* отъ нашей земной атмосферы, какъ по составу, такъ и по количеству водяныхъ паровъ. Когда на Марсѣ бываетъ ясная погода и когда самъ онъ находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ по отношенію земли, мы можемъ разсмотрѣть на его поверхности темныя и свѣтлыя пятна—моря и континенты. Кромѣ того, на полюсахъ планеты обыкновенно видны бѣлыя блестящія пятна, которыя измѣняютъ свои размѣры въ зависимости отъ временъ года на Марсѣ: они достигаютъ своего максимума послѣ зимы, а минимума послѣ лѣта на соотвѣтствующемъ полушаріи, и строго чередуются при этомъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что эти блестящія пятна не что иное, какъ льды и снѣга, покрывающіе ближайшія къ полюсамъ части планеты въ теченіе долгой зимы въ томъ или другомъ полушаріи. Замѣчательно, что размѣры этого ледянаго пятна всегда бываютъ больше въ южномъ полушаріи, чѣмъ въ сѣверномъ. Это обстоятельство какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость догадки о причинѣ появленія этихъ пятенъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ разсмотрѣнія эксцентриситета орбиты Марса мы находимъ, что продолжительность лѣта въ сѣверномъ полушаріи должна быть 372 дня, а зимы — 296 дней; въ южномъ же наоборотъ, — зима должна быть настолько же продолжительнѣе лѣта. Отсюда понятно, что въ южномъ полушаріи всегда должно быть болѣе значительное скопленіе снѣговъ и льдовъ, чѣмъ въ сѣверномъ. Благодаря изслѣдованіямъ Кайзера, Локьера, Грина, Гаркнеса, Лозе и особенно миланскаго астронома Скіапарелли въ настоящее время получилась возможность составить довольно подробную карту Марса. При этомъ оказалось, что въ противоположность землѣ, гдѣ около трехъ четвертей всей поверхности занято морями, на Марсѣ нѣсколько преобладаютъ материки. Есть указанія на измѣненія цвѣта материковъ въ зависимости отъ временъ года. Наконецъ упомянемъ о такъ-называемыхъ *каналахъ* на Марсѣ, которые изслѣдованы главнымъ образомъ Скіапарелли. Подъ этимъ названіемъ извѣстны длинныя темныя полосы, пересѣкающія материки во всевозможныхъ направленіяхъ и всегда упирающіяся или въ моря, или въ такіе же каналы, но никогда не теряющіяся среди континентовъ. Длина этихъ каналовъ бываетъ до 5,000 верстъ, при ширинѣ до 1000 верстъ. Въ настоящее время можно только констатировать существованіе этихъ полосъ, извѣстныхъ подъ названіемъ каналовъ; но что это за каналы? откуда они взялись? и что они представляютъ въ дѣйствительности? — все это вопросы, на которые пока еще нѣтъ отвѣта въ области точныхъ знаній.

И такъ, вотъ все то, что мы *положительно знаемъ* о физической природѣ планетъ. Луна мертва, безжизненна. Меркурія наблюдать почти не можемъ. О Венерѣ знаемъ только, что у нея есть атмосфера, но что за ней, за этой атмосферой—можно дополнить только фантазіей. Уранъ и Нептунъ не досягаемы для насъ. Юпитеръ и Сатурнъ еще не покрылись даже корой. Остается одинъ только Марсъ, про котораго мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, что *жизнь на немъ возможна*, такъ какъ всѣ его физическія условія очень сходны съ земными, но есть-ли на немъ дѣйствительно жизнь — это столько же извѣстно астроному, сколько и каждому изъ простыхъ смертныхъ. Во всякомъ случаѣ, зная изъ геологіи, какъ медленно развиваются условія, необходимыя для органической жизни, и какіе громадные періоды времени нужны для этого развитія, крайне невѣроятно, чтобы сосѣдняя съ землей планета достигла этихъ условій одновременно съ ней.

Но наша солнечная система не единственная во вселенной. Есть милліоны другихъ такихъ же солнцъ, а при нихъ милліоны планетъ. Неужели всѣ онѣ безжизненны? Неужели не найдется ни одной, которая была бы въ точно такихъ же условіяхъ для развитія жизни, какъ наша земля? Безъ сомнѣнія такія планеты могутъ быть. Надо однако помнить, что выводъ этотъ опирается только на теорію вѣроятности, а не на положительныя знанія.

К. Горбуновъ.

Къ рисункамъ.

Изъ древне-римской жизни. (Рис. на стр. 545 и 560).

Въ жилищѣ богатаго римлянина Руфа шли спѣшныя приготовленія къ торжеству. Хотя это было довольно обыкновеннымъ явленіемъ въ домѣ этого гостепріимнаго хозяина и стѣны его столовой часто оглашались веселыми кликами пировавшихъ но на этотъ разъ очевидно затѣвалось что-то выдающееся. Въ городѣ ходили слухи, что у Руфа будетъ обѣдать входившій въ славу поэтъ Овидій, до того ни разу у него не бывавшій.

Большая толпа рабовъ занималась убранствомъ столовой. Воздухъ ея былъ полонъ благоуханіями курильницъ и въ открытыя высокія окна, кромѣ того, вливался изъ тѣнистаго сада—ароматъ цвѣтущихъ померанцевыхъ деревьевъ. Рядомъ со столовой были приготовлены ванны на случай, если кто изъ гостей вздумаетъ искупаться до пиршества или во время его. Кромѣ того, для омовенія рукъ и ногъ стояли большіе тазы съ водою. Въ людской нѣсколько рабынь плели вѣнки изъ розъ и винограда. Въ сосѣднемъ со столовой помѣщеніи слуги разставляли сосуды для питья различной величины и формы. Тутъ были и громадные греческіе горшки, вмѣщавшіе въ себѣ до 10 ведеръ виноградного сока, и узкогорлыя амфоры, и сосуды для смѣшиванія вина съ водою, и плоскія чаши, и кубки, и множество другихъ. Римляне любили изрядно выпить во время пиршества и послѣ обѣда; они, подобно грекамъ, засиживались по долгу за бокаломъ вина. До обѣда пить считалось долгое время неприличнымъ, и Плиній, жившій нѣсколько позже описываемаго времени, называя питье вина натощакъ и не во время ѣды „новымъ изобрѣтеніемъ", считаетъ его вреднымъ для здоровья. Въ томъ-же смыслѣ высказывается и философъ Сенека. Во время ѣды римляне предпочитали привозному вину свое итальянское, котораго было у нихъ нѣсколькихъ сортовъ. Лучшимъ и любимѣйшимъ считалось вино изъ окрестности Гаэта и янтарное фалернское, выдѣланное на Массикійскихъ горахъ въ Кампаніи. Похуже считалось суррентинское вино, которое императоръ Тиверій называлъ благороднымъ „уксусомъ". У Руфа этого вина, не говоря о плохомъ ватиканскомъ, никогда не подавалось. Вино пили смѣшивая съ водою, теплою или холодною, смотря по времени года. Пиршество въ честь Овидія происходило позднею весною и, кромѣ холодной воды, были приготовлены еще снѣгъ и ледъ. Въ него ставили сосуды съ виномъ или просто клали снѣгъ или кусочки льда въ напитокъ. Притомъ въ ледъ была заморожена отварная вода, такъ какъ такой ледъ считался болѣе лакомымъ. На кухнѣ происходила невѣроятная суматоха. Главный поваръ, купленный Руфомъ за большія деньги, давая своимъ подручнымъ совѣты и затрещины, выбивался изъ силъ, чтобы блестящимъ образомъ доказать свое искусство. А искусства надо было проявить не мало—и хорошій поваръ долженъ былъ приготовлять кушанья не только хорошо и вкусно, но и остроумно. Особенно цѣнились такіе повара, которые умѣли измѣнять первоначальный вкусъ вещей и придавать имъ вкусъ по своему усмотрѣнію. У Марціала упоминается въ одной изъ эпиграммъ о какомъ-то Цециліи, который забавлялся, угощая своихъ гостей различными кушаньями, даже рыбой и колбасами, приготовленными изъ тыквы. У другаго римлянина былъ поданъ откормленный гусь, обложенный кругомъ рыбами и птицами, и все было сдѣлано изъ свинины. Не даромъ Плиній упоминаетъ, что свиное мясо можетъ быть приготовлено на 50 вкусовъ. Однимъ словомъ, какъ замѣчаетъ извѣстный любитель поѣсть — Апицій, отвѣдавъ поданное на столъ кушанье, никто не долженъ знать, что у него во рту. Поваръ Руфа былъ занятъ еще и другимъ. Онъ изготовилъ на подставкѣ изъ сдобнаго тѣста курицу и обложилъ ее жареными устрицами, подъ которыми были спрятаны различныя украшенія, предназначенныя каждому изъ пирующихъ на память о пиршествѣ. Кромѣ того, онъ приготовилъ кабанью голову такимъ образомъ, что верхняя часть черепа подымалась, какъ крышка, и внутри была положена цѣлая куча зажаренныхъ маленькихъ птичекъ.

Дабы особенно почтить знаменитаго стихотворца, радушный хозяинъ приказалъ, чтобы всѣ слуги и танцовщицы были одѣты, какъ одѣвались во время праздника Діонисія. Когда гости возлегли за столъ, имъ была подана для возбужденія апетита закуска (gustatio), подобная той какую нѣкогда предложилъ своимъ гостямъ тесть великаго Помпея, Метеллъ Пій, и описаніе которой сохранилъ для потомства Макробій. Тутъ были и откормленныя куры со спаржею, и майонезъ изъ устрицъ, и множество другихъ тонкостей. Въ это время въ комнатѣ рядомъ со столовой толстый домоправитель давалъ свои наставленія, что должны дѣлать прислужники, когда появится зна-

менитая кабанья голова, которую, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, поваръ прихорашиваетъ въ послѣдній разъ.

Первенецъ. Картина И. Пелевина.

(Рис. на стр. 548).

Академикъ И. А. Пелевинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ художниковъ, которые умѣютъ изображать жизнь и бытъ нашего крестьянина не прибѣгая къ непозволительной утрировкѣ, т. е. не изображая какихъ-то гориллъ вмѣсто русскихъ мужиковъ или троглодитскихъ пещеръ вмѣсто избъ, а рисуя то и другое такимъ каково оно на самомъ дѣлѣ. Посмотрите сколько свѣжести и реальной красоты въ этой молодой крестьянкѣ, любующейся на своего ненаглядного первенца и какою богиней домашняго очага сидитъ онъ среди бѣдной, но своеобразно приглядной обстановки, забывъ обо всемъ на свѣтѣ въ эту минуту, даже о своемъ рукодѣльѣ, которымъ невозбранно тѣшится котенокъ.

За кипяткомъ. Картина Н. Г. Богданова.

(Рис. на стр. 549).

Мальчика изъ такъ-называемыхъ *учениковъ* послалъ подмастерье въ трактиръ за кипяточкомъ; громадный мѣдный чайникъ тяжелъ, да и нести его надо умѣючи, осторожно, чтобъ не ошпарить себѣ ногъ; пересмѣшники всегда найдутся—и вотъ уже кто-то подтруниваетъ надъ пареньkомъ изъ окна. Мальчикъ поднялъ голову и отвѣчаетъ бойкой шуткой, доказывая что и онъ за словомъ въ карманъ не ходитъ. Таково содержаніе характернаго жанра, выставленнаго Н. Г. Богдановымъ на XVI передвижной выставкѣ.

Мыльные пузыри. Картина А. А. Харламова.

(Рис. на стр. 553).

Картинка не требующая поясненій—вся прелесть ея въ сосредоточенности наслажденія, при видѣ радужныхъ оттѣнковъ и переливовъ, выражающейся на всѣхъ дѣтскихъ лицахъ, начиная отъ подростка-нянюшки и кончая меньшою дѣвчуркой, которая сама еще совершенный пузырь.

Сказки. (Рис. на стр. 556).

Помѣстивъ въ № 21 нашего журнала гравюру съ одного изъ произведеній С. Бакаловича, мы упомянули, что на академической выставкѣ текущаго года всѣхъ работъ молодаго художника было четыре. На стр. 556 нынѣшняго нумера „Нивы“ помѣщена другая его картина „Сказки“, самый граціозный и поэтическій холстъ послѣдней выставки.

У водоема нѣсколько лицъ, три женщины и юноша, красиво прилегшій на урну, слушаютъ розсказни молодой римлянки. Наступающая ночь медленно опускается на землю, покрывая предметы темноватою дымкой, сквозь которую, изъ-за далекихъ деревьевъ, тихо подымается красноватая луна. Вечерній воздухъ тихъ и спокоенъ и, кажется, сама природа прислушивается къ словамъ разсказа. Расписные кувшины давно наполнены водою, но слушатели, поставивъ ихъ въ сторонѣ, увлечены сказками—и въ живописныхъ позахъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдятъ за всѣми подробностями интереснаго повѣствованія.

Волостной судъ. Картина М. Зощенко.

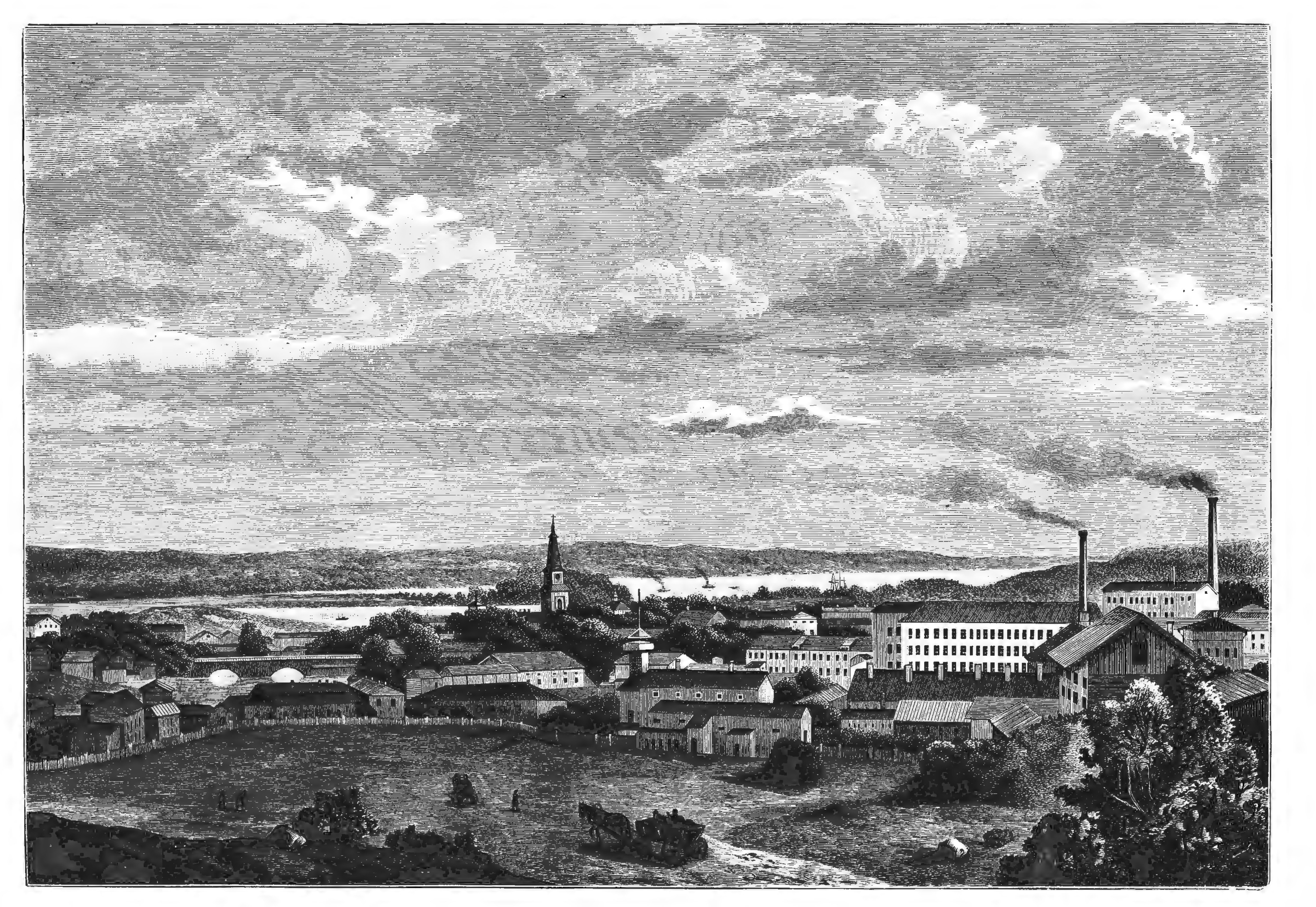
(Рис. на стр. 557).

Очень характерный жанръ, совмѣщающій какъ бы въ одномъ фокусѣ домашній и общественный бытъ крестьянина. Какъ извѣстно, источникомъ всякаго зла и несогласій крестьянской семьи, въ большинствѣ случаевъ, являются бабы. Поссорились двѣ невѣстки за какой-нибудь горшокъ—тотчасъ раздѣлъ между братьями; не угодила молодуха свекрови—судъ и т. д., и т. д. Порой возникаютъ такія мудреныя дѣла, что праваго отъ виноватаго не разберетъ и самый просвѣщенный юрисконсультъ. Очевидно съ такимъ затрудненіемъ столкнулись и четверо сельскихъ судей, засѣдающихъ въ почетномъ углу волостнаго правленія. Лица всѣхъ четверыхъ чрезвычайно типичны. Крайній слѣва, не полагаясь на себя, старается почерпнуть мудрости изъ разспросовъ свидѣтеля. За нимъ слѣдуетъ грозный судья, готовый, не разбирая дѣла, перепороть всѣхъ бабъ, чтобы никому потачки не было; третій, довольно равнодушный къ каждому изъ тяжущихся порознь, повидимому скорбитъ вообще объ суетѣ мірской; а послѣдній, наиболѣе разумный изо всѣхъ, явно тщится вникнуть въ дѣло, изслѣдуя психическую сторону каждаго изъ тяжущихся по выраженію ихъ лицъ. За столомъ строчитъ волостной писарь—эта неизбѣжная язва нашихъ вѣсей.

Изъ древне-римской жизни. Смѣшиваніе вина съ водой. Съ карт. А. Баура, грав. О. Ротъ

Таммерфорсъ. (Рис. на стр. 561).

Городъ Таммерфорсъ (по-фински Tamperi) былъ основанъ 1 октября 1779 г., въ царствованіе Густава III, и сразу занялъ выдающееся мѣсто въ фабричной промышленности Финляндіи, такъ что его можно назвать „финляндскимъ Манчестеромъ“. Въ 1821 и 1824 г. Таммерфорсъ получилъ права вольнаго города, что еще болѣе дало возможность развиться производству. Городъ расположенъ близь озера Несіярви, на берегу горнаго потока, спускающагося стремнинами и водопадами, и воды этой быстрой рѣчки приводятъ въ движеніе колеса многочисленныхъ заводовъ, ткацкихъ, обойныхъ и др. фабрикъ. Большая часть издѣлій идетъ въ Россію. Производство и городъ развиваются замѣчательно быстро; въ настоящее время въ немъ до 15.000 жит. и изъ нихъ большинство работающихъ на фабрикахъ. Желѣзная дорога соединяетъ Таммерфорсъ съ Гельсингфорсомъ и Петербургомъ и связываетъ его даже съ болѣе отдаленными городами Финляндіи, какъ напр. Ваза, Улеаборгъ. Городъ и его



Видъ города Таммерфорса (съ сѣверной стороны) въ Финляндіи. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

окрестности принадлежатъ къ живописнѣйшимъ мѣстностямъ внутренней Финляндіи и туда ежегодно съѣзжается множество путешественниковъ чтобы полюбоваться однимъ изъ лучшихъ озеръ.

Весенніе способы рыбной ловли. (Рис. на стр. 564).

Весенніе способы рыбной ловли въ рѣкахъ и озерахъ средней полосы Россіи чрезвычайно разнообразны. Громадное обиліе рыбы, переполняющее воды приволжскаго бассейна въ началѣ весны и во время весеннихъ разливовъ, побудило мѣстныхъ жителей въ различныхъ уголкахъ Россіи къ изобрѣтенію множества чрезвычайно остроумныхъ и весьма дешевыхъ приспособленій для ловли рыбы въ большомъ количествѣ. Простѣйшимъ изъ этихъ приспособленій является, конечно, рыболовный *заборъ* (иначе — *езъ, заезъ*), который устраивается такъ: небольшіе затоны или заливчики отдѣляются отъ русла рѣки рядомъ кольевъ вбитыхъ въ дно; промежутки между кольевъ переплетаются ивовыми вѣтвями или вѣтвями хвойныхъ деревьевъ; а въ серединѣ забора оставляютъ отверстіе шириною въ квадратный аршинъ, которое заставляется сѣтью съ переборами. Рыба, поднимаясь для метанія икры вверхъ по рѣкѣ, ищетъ возможности пробраться въ узкіе протоки, въ укромные затоны и прибрежные омуты, натыкается на заборъ, отыскиваетъ въ немъ проходъ — и попадаетъ въ сѣть. Но эти же самые заборы осложняются иногда чрезвычайно остроумными приспособленіями и представляютъ собою такую остроумную ловушку для рыбы, въ которой рыбакъ можетъ свободно обойтись и безъ сѣти. Такъ напр., на рис. 3 нашего чертежа мы видимъ именно такое сооруженіе. Толстые, здоровые колья вбиты въ дно рѣки, не поперекъ теченія, а вкось, противъ теченія (рис. 4); колья вбиты рѣдко, на $2^1/_2$—3 аршина одинъ отъ другаго и линія ихъ перегораживаетъ рѣку до одной трети ея ширины; пролеты между кольями забраны частымъ заборчикомъ изъ крѣпко-связанныхъ тонкихъ жердей (см. рис. 6). Въ концѣ забора колья набиты по круговой линіи и пролеты между ними забраны болѣе рѣдкимъ заборчикомъ, но изъ жердей довольно толстыхъ; только въ одномъ мѣстѣ оставлены узкія ворота (e), черезъ которыя рыба, поднимаясь противъ теченія, можетъ проникнуть внутрь устроенной для нея клѣтки, изъ которой потомъ никакъ не можетъ найти выхода. Такъ какъ подобные заборы (или *забойки*) устраиваются на мѣстахъ не глубокихъ, не болѣе сажени глубиною, то верхняя часть забора высится надъ водою и все сооруженіе представляется живорыбнымъ садкомъ, къ которому два-три раза въ день подъѣзжаетъ на лодкѣ рыбакъ и вычерпываетъ изъ него рыбу большимъ сачкомъ. По той же самой системѣ и совершенно подобныя же сооруженія на рѣкахъ Кавказскихъ, на Днѣпрѣ и на Дону устраиваются въ болѣе обширномъ и болѣе сложномъ видѣ (см. рис. 1 и планъ на рис. 2). Забойки, подобныя изображенной нами, устанавливаются на отлогихъ и неглубокихъ мѣстахъ рѣчнаго дна, въ протокахъ, между камышами и въ такъ-называемыхъ *ерикахъ* (извилистыхъ прибрежныхъ озерахъ), которые кишатъ рыбой. Такія забойки захватываютъ иногда площадь дна въ нѣсколько десятковъ саженъ и почти въ каждомъ изгибѣ своей ломаной линіи загражденія имѣютъ входныя ворота, устроенныя такъ, что рыба легко можетъ войти внутрь ограды; но не легко ей оттуда выйти, тѣмъ болѣе, что на двухъ противоположныхъ концахъ всего загражденія устроены двѣ очень заманчивыя клѣтки, въ которыя вся рыба забивается и держится въ кучѣ до пріѣзда рыбака съ сачкомъ или съ крюкомъ, которымъ онъ вытаскиваетъ на лодку болѣе крупную рыбу.

Лудвигъ Нобель. (Портр. на стр. 565).

31 марта настоящаго года, въ Южной Франціи, въ Каннахъ скончался Л. Э. Нобель, занимавшій видное и почетное мѣсто въ средѣ русскихъ промышленниковъ.

Лудвигъ Нобель родился въ Швеціи, въ Стокгольмѣ, 27 іюля 1831 года. 11-ти-лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ его отецъ, Эмануилъ Нобель, открылъ еще въ 1836 году механическій заводъ. Благодаря усовершенствованіямъ, которыми послѣдній былъ снабженъ, и цѣлому ряду изобрѣтеній, онъ скоро достигъ высокаго положенія. На заводѣ, между прочимъ, изготовлялись подводныя мины или торпеды, которыя впервые сослужили службу въ Крымскую войну, когда англійскій флотъ собирался форсировать Кронштадтъ, но долженъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ, имѣя въ виду разрушительныя дѣйствія торпедъ.

Послѣ войны дѣла завода пошли хуже и въ 1859 году старикъ Нобель оказался несостоятельнымъ. Лудвигу Нобелю, ревностному сотруднику своего отца, было поручено кредиторами управленіе заводомъ. Послѣ 1862 года, когда все предпріятіе было ликвидировано, онъ арендовалъ на Выборгской сторонѣ небольшую механическую фабрику, которую впослѣдствіи купилъ. Эта фабрика подъ даровитымъ руководствомъ Лудвига Нобеля развилась въ одинъ изъ самыхъ значительныхъ желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ. Правительство заказывало на немъ машины для выдѣлыванія пороха и пушечныя ядра изъ твердой стали, которыя наше артиллерійское вѣдомство ставило выше Крупповскихъ. Кромѣ названныхъ заказовъ, заводъ изготовлялъ многіе другіе для военныхъ нуждъ. Сверхъ того, съ 1873 по 1878 годъ Нобель принималъ участіе въ арендѣ Ижевскаго оружейнаго завода, гдѣ съ 1876 года, благодаря его иниціативѣ, необходимая для работъ сталь не привозилась изъ-за границы, но изготовлялась на мѣстѣ.

Хотя вышеперечисленнаго достаточно, чтобы доставить умершему почетное мѣсто среди лицъ оказавшихъ немалыя услуги отечественной металлической промышленности, но онъ стяжалъ еще большую извѣстность въ области добыванія и разработки русской нефти, чѣмъ занялся на склонѣ своей жизни.

Русская нефть разрабатывалась задолго до американской, еще въ первыхъ годахъ настоящаго вѣка, тогда какъ въ Америкѣ разработка началась только съ 1859 года. За то она была поставлена въ Новомъ Свѣтѣ сразу въ громадныхъ размѣрахъ: уже въ 1862 году было добыто 24 милл. пудовъ нефти при 16 милл. пудовъ петролея, а въ началѣ текущаго десятка лѣтъ — 290 милл. пудовъ нефти при 210 милл. пудовъ петролея. Напротивъ у насъ, несмотря на богатые нефтяные источники не только въ Баку, но и въ другихъ мѣстахъ государства, до Нобеля добываніе и разработка не превышала 5 милл. пудовъ сырой нефти и $1^1/_2$ милл. пудовъ керосина; при этомъ послѣдній былъ чрезвычайно дурнаго качества и отнюдь не могъ конкурировать съ американскимъ.

Въ 1874 году братъ умершаго, Робертъ Нобель, отправился въ Баку и на мѣстѣ убѣдился, что при правильной и раціональной организаціи русское нефтяное дѣло можетъ имѣть громадное развитіе. Такъ какъ онъ самъ не имѣлъ достаточныхъ къ тому матеріальныхъ средствъ, то и обратился къ своему брату, Лудвигу, и оба горячо принялись за дѣло. Первымъ значительнымъ нововведеніемъ было устройство нефтепровода. До того времени сырая нефть доставлялась изъ буровыхъ скважинъ до такъ-называемаго Чернаго Города въ Баку, гдѣ находятся фабрики, на повозкахъ, причемъ провозъ на разстояніи 11—14 верстъ обходился до 9 копѣекъ съ пуда. При устройствѣ нефтепровода расходъ этотъ уменьшился по крайней мѣрѣ на четверть. Рядомъ съ этимъ братья Нобель обратили серьезное вниманіе на улучшеніе продукта, такъ какъ только при этихъ условіяхъ могла возникнуть конкуренція русскаго керосина съ американскимъ. Далѣе недостатокъ и трудность въ доставкѣ бочекъ для керосина навели Лудвига Нобеля на мысль устроить суда, на которыхъ нефть и керосинъ перевозились-бы безъ бочекъ до ближайшихъ волжскихъ пристаней. Въ 1879 году появилось въ Бакинской гавани первое наливное судно съ цистернами „Зороастръ“, которое въ нѣсколько часовъ было наполнено прямо изъ фабричныхъ резервуаровъ керосиномъ, въ количествѣ 43,000 пудовъ. На мѣстѣ назначенія керосинъ выкачали изъ судна съ тою-же быстротою. Вслѣдствіе этого нововведенія стоимость доставки пуда керосина изъ Баку до Царицына уменьшилась съ 27—30 коп. до 13—15 коп. Точно также и на сухомъ пути перевозка керосина также стала дешевле, благодаря введенію Нобелемъ вагоновъ-цистернъ, въ которыхъ развозился керосинъ по всему государству. Во многихъ значительныхъ городахъ были устроены склады съ резервуарами. Благодаря вышеизложенному, русскій керосинъ, въ разработкѣ Нобеля и другихъ промышленниковъ, не отставшихъ отъ него въ содѣйствіи развитію нефтянаго дѣла,—въ настоящее время не только вытѣснилъ американскій керосинъ изъ Россіи, но и за предѣлами ея является опаснымъ и единственнымъ его конкурентомъ.

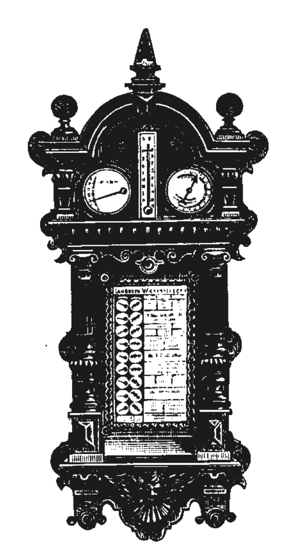
У многихъ петербуржцевъ еще въ памяти, какъ пудъ петролея стоилъ въ оптовой продажѣ около $6^1/_2$ руб.; въ розничной цѣна его доходила до 15 руб. А теперь, благодаря трудамъ и энергіи Нобеля, можно купить въ розничной продажѣ пудъ товара лучшаго качества за 1 рубль. Еще въ 1876 году количество ввозимаго изъ Америки петролея доходило до 2.700,000 пудовъ, а черезъ десять лѣтъ оно уменьшилось въ шесть разъ и изъ Америки было ввезено всего 46,407 пудовъ. Рядомъ съ этимъ возрасталъ нашъ вывозъ и съ 72,933 пудовъ 1876 года онъ возросъ въ 1886 году до 4.000,000 пудовъ, изъ которыхъ свыше $^3/_4$ вывезено фирмою Нобель. Изъ 16 — 17 милліоновъ пудовъ, потребляемыхъ внутри государства, на долю Нобелей приходится 8 милл. пудовъ (1886 г.). Нефтяное дѣло братьевъ Нобель обладаетъ недвижимостью на сумму около 12 милл. рублей; кромѣ того, 12 кораблей, 12 рѣчныхъ пароходовъ, 2 парохода для перевозки рабочихъ, 10 желѣзныхъ и 8 деревянныхъ судовъ съ желѣзными цистернами, свыше 60 барокъ на Волгѣ, болѣе 1,500 вагоновъ-цистернъ и 2 локомотива, что составитъ сумму около 8 милл. рублей. Такія цифры красноречиво говорятъ о громадности дѣла, которое создано предпріимчивостью и энергіей одного человѣка въ какія-нибудь 10 — 12 лѣтъ.

На чужбинѣ родился Лудвигъ Нобель и умеръ также далеко за предѣлами Россіи, но вся его жизнь и дѣятельность посвящена Русской землѣ, гдѣ и погребенъ этотъ замѣчательный человѣкъ.

Погодоуказатель Ламбрехта.

Новое изобрѣтеніе.

Долгое время единственными инструментами, при помощи коихъ можно было до извѣстной (слабой) степени предсказывать погоду, являлись обыкновенный флюгеръ опредѣлявшій направленіе вѣтра и барометръ указывавшій напряженіе атмосферическаго давленія. Недавно г. Ламбрехту въ Геттингенѣ удалось не то чтобы изобрѣсти какіе-либо новые инструменты, а найти такую комбинацію уже извѣстныхъ, при которой они показываютъ всевозможные оттѣнки въ измѣненіяхъ погоды. Погодоуказатель г. Ламбрехта состоитъ изъ термометра, барометра и термогигроскопа, соединенныхъ въ одномъ снарядѣ, какъ показано на прилагаемомъ рисункѣ: слѣва термогигроскопъ, въ срединѣ термометръ, справа барометръ. Этотъ метеорологическій инструментъ неоцѣнимъ для сельскаго хозяина, моряка или начальника желѣзнодорожной станціи, такъ какъ онъ за цѣлыя сутки точно предсказываетъ малѣйшую перемѣну, смотря по тому, какое положеніе принимаютъ стрѣлки термогигроскопа и барометра одна относительно другой, т. е. находятся-ли обѣ стрѣлки на одной горизонтальной линіи, или образуя уголъ, поднялись обѣ кверху, или-же опустились обѣ внизъ, или одна поднялась, а другая опустилась. Подъ инструментами, какъ видно на рисункѣ, помѣщена печатная таблица всевозможныхъ положеній принимаемыхъ стрѣлками — съ объясненіемъ какую именно перемѣну погоды предсказываетъ то или другое положеніе. Такимъ образомъ погодоуказатель весною и осенью предсказываетъ наступленіе ночныхъ и утреннихъ заморозковъ, тумана при безвѣтріи, зимою — снѣжной мятели, лѣтомъ—засухи, грозы и бури, а также выпаденіе града и дождя. Кромѣ того, онъ указываетъ все, что могутъ указать самые лучшіе анероидные и ртутные барометры, не считая температуры воздуха, которая опредѣляется по термометру. Весь снарядъ помѣщается въ изящномъ орѣховаго дерева шкапикѣ, который вѣшается на стѣну и служитъ украшеніемъ комнаты.


Погодоуказатель Ламбрехта.

Оптическій магазинъ Рихтера въ Петербургѣ (уголъ Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади) имѣетъ большой запасъ погодоуказателей Ламбрехта, которымъ безъ сомнѣнія предстоитъ широкое распространеніе въ средѣ нашихъ сельскихъ хозяевъ и вообще тѣхъ лицъ, коихъ дѣятельность зависитъ болѣе или менѣе отъ погоды. При отправкѣ снаряда высылается наставленіе какъ съ нимъ обращаться.

Политическое обозрѣніе.

Открытіе Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги. - Италія и Франція.

15 мая, въ годовщину священнаго коронованія Русскаго Царя, происходило торжественное открытіе только что оконченнаго постройкою Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги. Замыселъ не такъ давно казавшійся невыполнимымъ и считавшійся чуть не безумнымъ—осуществленъ на дѣлѣ. Рельсовый путь проведенъ по мѣстамъ населеннымъ разбойничьими полудикими народами, чрезъ сыпучіе пески безводной пустыни, считавшейся даже у туземцевъ трудно проходимою, переброшенъ черезъ Аму-Дарью, и, пройдя владѣнія Бухарскаго эмира, доходитъ до Самарканда, въ 1350 верстахъ отъ Каспійскаго моря. Конечно, на этомъ дорога не остановится и будетъ проложена далѣе, въ Ташкентъ, въ Фергану, наши богатѣйшія средне-азіатскія владѣнія, обильныя водою и богато одаренныя природою. Будучи дорогою на первомъ планѣ стратегическою, она въ то же время имѣетъ безспорно и промышленное, экономическое и культурное значеніе. Чрезъ нее обильно польется просвѣщеніе въ эту полудикую страну и, благодаря этому пути, отдаленный, заброшенный и забытый уголокъ Азіатскаго материка будетъ связанъ съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ. Этотъ подвигъ на всеобщее благо есть дѣло русскаго солдата, рядомъ безконечныхъ жертвъ, кровью и потомъ проложившаго дорогу черезъ пустыню. Благодаря ему, Россіи принадлежитъ теперь на Востокѣ то, что ей должно принадлежать въ силу естественныхъ условій, и это ею достигнуто безъ насилія, мирнымъ и упорнымъ трудомъ. И не только на Востокѣ, но и на Западѣ упрочится положеніе Россіи, благодаря построенію этой дороги, какъ то замѣчаетъ брюссельскій *Nord*: „Теперь, когда Англія пришла къ убѣжденію, что ея усилія помѣшать водворенію Россіи въ Азіи оказались тщетными, она быть-можетъ станетъ искать въ лояльномъ соглашеніи съ Россіей залогъ безопасности своихъ индійскихъ владѣній.“

Постоянное тяготѣніе въ политикѣ Италіи и Австро-Венгріи къ Германіи не могло остаться безъ послѣдствій. Въ Италіи за послѣдніе мѣсяцы нерасположеніе ко Франціи проявлялось неоднократно. Но это легче объяснить искусными и искусственными дѣйствіями Криспи, чѣмъ дѣйствительно существующею розною между этими двумя народами. Французы во всякомъ случаѣ болѣе по сердцу итальянцу, чѣмъ нѣмцы. Этому мы находимъ подтвержденіе въ происходившемъ 15 мая франко-итальянскомъ митингѣ въ Марсели. Для участія на немъ прибыли сюда главный редакторъ римской *Emancipazione* Альбани и нѣсколько другихъ представителей итальянской демократіи. Въ вокзалѣ они были встрѣчены толпою, оглашавшею воздухъ криками: „Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Италія!“ Альбани обратился къ толпѣ съ рѣчью, въ которой распространился о симпатіяхъ Италіи къ Франціи и въ заключеніе сказалъ: „Союзъ Италіи съ Германіей антинаціоналенъ, потому что Италіи нужно требовать возвращенія Тріеста и Тріента, подобно тому какъ Франція требуетъ возвращенія Эльзаса-Лотарингіи“. Слова эти были покрыты оживленными рукоплесканіями.

Въ Венгріи не мало шуму надѣлала рѣчь Коломана Тиссы, произнесенная имъ въ палатѣ депутатовъ 14 мая. Въ дипломатическихъ кружкахъ не думаютъ, чтобы Тисса руководился при произнесеніи ея внушеніями изъ Берлина. Въ Пештѣ и безъ того за послѣднее время выказываютъ чрезвычайную предупредительность по отношенію къ Берлину, въ надеждѣ побудить князя Бисмарка къ окончательному отказу отъ всякихъ попытокъ пріобрѣсти дружбу Россіи. Особенное вниманіе эта рѣчь обратила на себя тѣми мрачными политическими толкованіями, въ которыя Тисса вдался дабы подтвердить свой рѣшительный совѣтъ, чтобы венгерскіе промышленники не участвовали частнымъ образомъ въ парижской всемірной выставкѣ. Всякій де воленъ принимать въ ней участіе, но совѣтовать онъ этого не станетъ. Не въ интересахъ венгерской промышленности, чтобы представителями ея были лишь немногіе венгерскіе экспоненты. „Кромѣ того“, присовокупилъ министръ, „правительство должно принять въ соображеніе, что будетъ, если обстоятельства, помимо нашей воли, еще болѣе осложнятся. Во Франціи проявляется отъ времени до времени возбужденное настроеніе, что, противъ воли французскаго правительства и французскаго народа, можетъ привести къ покушенію на собственность или къ оскорбленію національнаго флага. Къ факту неучастія Венгріи на выставкѣ Франція не отнесется, конечно, какъ къ оскорбленію“. Затѣмъ министръ торговли заявилъ, что во избѣжаніе недоразумѣній онъ счелъ долгомъ объявить промышленникамъ, что участіе въ выставкѣ никому не возбраняется, но такъ какъ выставка имѣетъ политическую подкладку, то каждый долженъ принять это въ соображеніе прежде чѣмъ рѣшиться участвовать на выставкѣ.

Въ австрійскихъ газетахъ, богатыхъ фантазіей, уже появились по этому поводу передовыя статьи, въ которыхъ изображается, какъ Парижъ снова окруженъ непріятелемъ и какъ бомбардированіемъ разрушается помѣщеніе выставки. Но въ дипломатическихъ кружкахъ говорятъ, что графъ Кальноки все-таки представитъ французскому послу Декре объясненія по поводу заявленій сдѣланныхъ Тиссой въ Венгерскомъ сеймѣ, и положительно отклонитъ всякую мысль о намѣреніи нанести оскорбленіе Франціи.

Въ оффиціальныхъ газетахъ утверждается, будто единственно лишь историческое значеніе Парижской выставки, въ связи съ ненадежностью политическаго положенія, обусловливаетъ въ данномъ случаѣ нежеланіе участвовать въ выставкѣ. Однако это нежеланіе нельзя считать общевенгерскимъ. Рѣчь Тиссы вызвала уже не мало протестовъ, въ особенности со стороны мадьярской „независимой“ партіи, стоящей въ оппозиціи министерству Тиссы. Эта партія въ Пештѣ уже совѣщалась по вопросу объ устройству демонстраціи сочувственной французамъ. Въ Парижѣ въ газетахъ напечатанъ подписанный 50-ю проживающими тамъ венгерцами протестъ противъ рѣчи Тиссы. Члены венгерской колоніи въ томъ же городѣ обратились къ австро-венгерскому послу графу Гойосу съ письмомъ, требуя, чтобы онъ ихъ принялъ въ субботу и выслушалъ протестъ ихъ противъ произнесенныхъ Тиссою словъ.

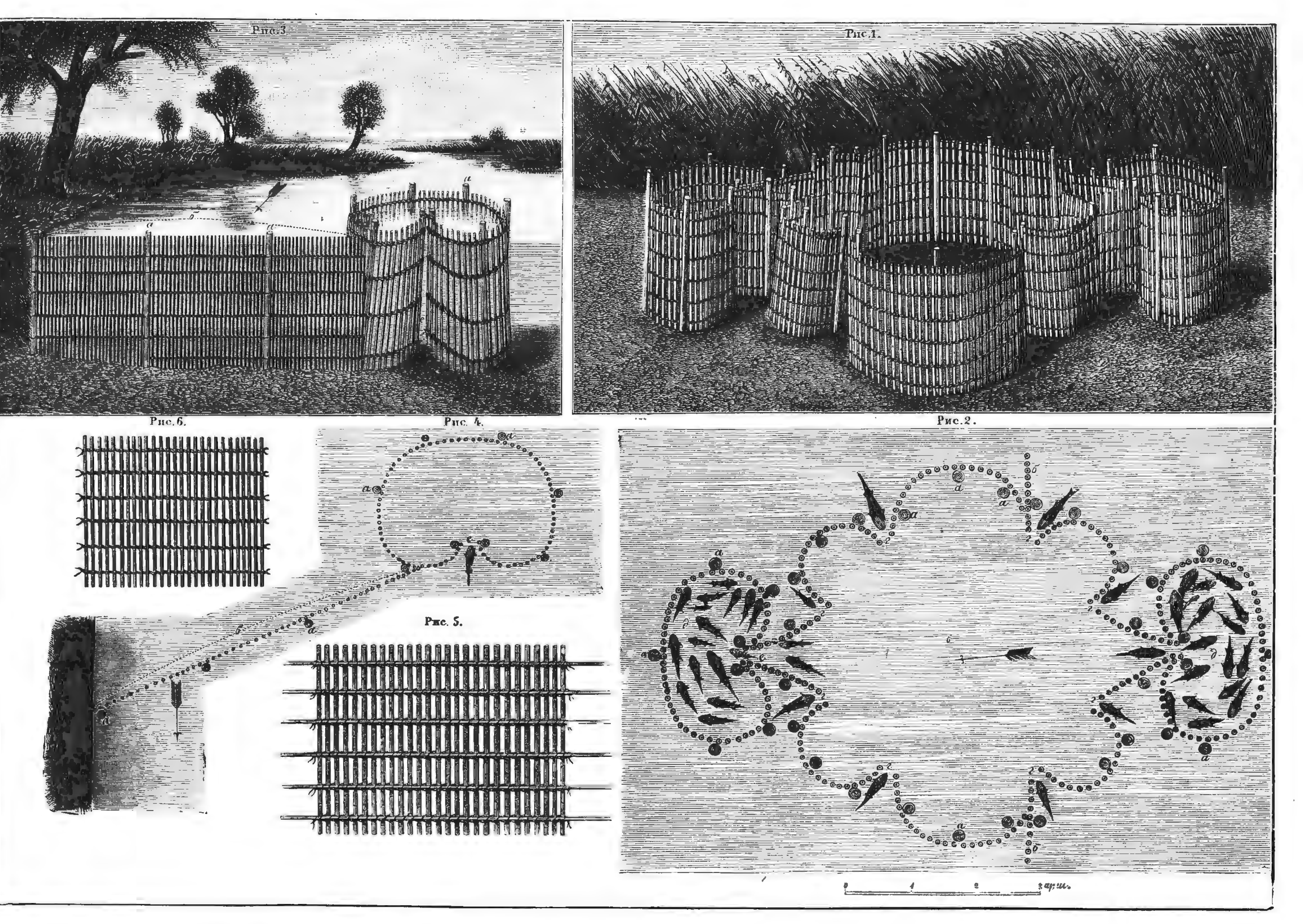
Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 16 мая, Королева Греческая прибыла на своей яхтѣ „Псара“ въ Одессу въ $4^{3}/_{4}$ часа вечера, и тотчасъ отправилась на станцію Одесса-главная для свиданія съ Августѣйшею Родительницею. 17 мая вечеромъ Королева выѣхала въ Петербургъ.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 2 апрѣля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ открытіи повсемѣст-



Русское рыболовство. Заборы употребляемые на Кубани и въ Днѣпровскихъ плавняхъ.

По рис. къ изслѣдованію рыболовства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, грав. М. Рашевскій.

1. Заборъ или забойка, устраиваемая на рѣкахъ Чернаго моря. 2. Планъ этой забойки. 3. Забойка приволжскаго бассейна. 4. Планъ ея. 5 и 6. Заборчики изъ тонкихъ жердей въ пролетахъ между кольями.

наго въ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе новаго православнаго соборнаго храма въ городѣ Ревелѣ.

— Учреждено викаріатство въ Ярославской епархіи съ тѣмъ, чтобы викарію онаго именоваться епископомъ Угличскимъ, а мѣстопребываніе имѣть въ ростовскомъ Спасо-Яковлевскомъ Димитріевомъ монастырѣ; епископомъ Угличскимъ, викаріемъ Ярославской епархіи быть настоятелю московскаго Данилова монастыря архимандриту Амфилохію.

— Головчинскій Преображенскій мужской монастырь въ Подольской епархіи обращенъ въ женскій, съ оставленіемъ при немъ капитала, угодій и производимаго нынѣ пособія въ 130 руб.

— 16 апрѣля, въ Москвѣ преосвященнымъ Александромъ, епископомъ Можайскимъ, въ сослуженіи съ нѣсколькими священниками, было совершено малое освященіе возобновленнаго храма Св. Ильи Обыденнаго, въ Ильинскомъ переулкѣ, на Остоженкѣ.

— 15 мая, Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви праздновало восьмую годовщину своей дѣятельности.

Финансы.

— Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ нынѣшняго года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 122.526,000 руб., сравнительно съ соотвѣтственнымъ поступленіемъ въ 1887 году — 120.045,000 руб.—болѣе на 2.481,000 руб. Присоединяя доходы льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, общее поступленіе доходовъ къ 1 марта 1888 и 1887 годовъ опредѣляется соотвѣтственно въ 135.666,000 и 134.827,000 рублей, или въ настоящемъ году болѣе на 839,000 рублей.

Морское дѣло.

— 20 мая, въ 11 часовъ утра, въ Петербургѣ, на Балтійскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ, что въ Чекушахъ, послѣдовали въ Высочайшемъ присутствіи закладка Императорской яхты „Полярная Звѣзда“ и спускъ на воду броненоснаго фрегата „Память Азова“.

Къ торжеству прибыла изъ Кронштадта въ рѣку эскадра, подъ флагомъ главнаго командира Кронштадтскаго порта, вице-адмирала Шварца, изъ башенныхъ броненосныхъ фрегатовъ: „Адмиралъ Лазаревъ“, „Адмиралъ Чичаговъ“, клиперовъ: „Пластунъ“, „Опричникъ“ и „Стрѣлокъ“, крейсера „Азія“ и яхты „Царевна“.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Нѣмцы, жители с. Ягодной Поляны, Саратовскаго уѣзда, уже нѣсколько лѣтъ пользуются чаемъ своего производства. Получивъ отъ кого-то чайныя (или, по крайней мѣрѣ, выдаваемыя за таковыя) сѣмена, они стали ихъ сѣять. Приготовленный ими чай отличается довольно пріятнымъ запахомъ, и на вкусъ, кажется, не уступаетъ продаваемому по 1 р. 20 к. за фунтъ. Отъ нѣмцевъ этотъ чай уже перешелъ къ ихъ сосѣдямъ — русскимъ, мордвѣ и проч., которые также начали сѣять чай.

Торговля.

— На недѣлѣ къ 8 мая (ст. ст.) настроеніе хлѣбныхъ рынковъ вновь нѣсколько окрѣпло. Главною причиной послѣдовавшаго улучшенія попрежнему остаются менѣе благопріятные, сравнительно съ прошлымъ годомъ, виды на урожай. На ожидаемомъ недоборѣ пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки — недоборѣ, несомнѣнно, преувеличиваемомъ, — основано цѣлое спекулятивное движеніе, которое уже нѣсколько недѣль кряду ведетъ цѣны къ повышенію. На отчетной недѣлѣ оно также успѣло добиться повышенія, хотя и сопровождавшагося сильными колебаніями. Настроеніе русскихъ внутреннихъ хлѣбныхъ рынковъ за послѣднее время становится все крѣпче. Требовались попрежнему, главнымъ образомъ, рожь и овесъ. Цѣны на большинствѣ рынковъ замѣтно поправились.

— Съ марта мѣсяца, вслѣдствіе большаго спроса на хлѣбъ въ Ростовѣ-на-Дону, хлѣбная торговля въ Терской области сильно оживилась, особенно же въ ближайшихъ къ линіи желѣзной дороги станицахъ и селеніяхъ.

Пути сообщенія.

— 15 мая Самаркандъ соединенъ рельсовымъ путемъ съ Каспійскимъ моремъ. Первый поѣздъ съ генераломъ Анненковымъ и его сотрудниками, съ депутаціями ученыхъ обществъ и проч. былъ встрѣченъ начальникомъ Туркестанскаго края, генералъ-адъютантомъ Розенбахомъ, посольствомъ отъ Бухарскаго эмира, мѣстными административными властями, массою русскихъ и туземцевъ. При громѣ изъ орудій первый поѣздъ остановился у гробницы Тамерлана. Затѣмъ состоялся у генерала Розенбаха завтракъ, на коемъ тостъ за здоровье Государя Императора, провозглашенный генераломъ Розенбахомъ, былъ встрѣченъ общимъ единодушнымъ „ура“. Назначенная генералъ-адъютантомъ Розенбахомъ спеціальная коммисія для осмотра вновь сооруженнаго Самаркандскаго участка нашла его совершенно годнымъ въ техническомъ отношеніи. Съ 15 мая открыто движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ отъ Самарканда до Чарджуя и до остальныхъ участковъ дороги.

Изъ губерній и областей.

— 3 мая, въ гор. Нахичевани произошло сильное землетрясеніе. При первомъ подземномъ толчкѣ вся находящаяся въ домахъ мебель сдвинулась и стеклянная посуда перебилась, а нѣкоторыя ветхія зданія обрушились. Жильцы въ паническомъ страхѣ выбѣжали въ чемъ попало изъ домовъ. Чрезъ 3/4 часа послѣ перваго удара, произошелъ второй, слабѣе перваго.

— 14 мая, послѣ дождей въ горахъ, опять пошла вода по улицамъ Асхабада, только въ гораздо слабѣйшей степени. Кромѣ прежняго района, были залиты Ставропольская улица, базаръ и часть Скобелевской площади. Вода появилась на улицахъ въ 9 часовъ вечера; начала спадать къ 12-ти. Несчастій и убытковъ нѣтъ.

Лудвигъ Нобель († 31 марта 1888 г.). Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Смѣсь.

Императоръ Рудольфъ Габсбургскій, видя однажды, какъ кожевникъ развѣшивалъ для просушки сильно пахнувшія кожи, спросилъ его шутя: „Ты не отказался бы, я думаю, имѣть сто марокъ годоваго дохода и вкусный обѣдъ вмѣсто того, чтобы ежедневно нюхать запахъ кожъ!“—„Посѣтите меня, государь, и вы измѣните свое мнѣніе“, возразилъ кожевникъ. Рудольфъ не придавалъ особаго значенія этимъ словамъ, но обѣщалъ посѣтить рабочаго на другой-же день. Удивленію императора не было границъ, когда кожевникъ и его красивая жена встрѣтили своего высокаго гостя въ великолѣпныхъ одеждахъ и повели его къ столу, уставленному драгоцѣнными винами и кушаньями въ серебряныхъ сосудахъ. Рудольфъ не могъ скрыть своего удивленія, что такой богатый человѣкъ занимается столь грубою, черною работой; но кожевникъ отвѣчалъ: „Всѣмъ что вы здѣсь видите, государь, я обязанъ именно этой черной работѣ и богатство мое вскорѣ бы исчезло, еслибъ я не захотѣлъ больше нюхать запаха кожъ“. (С.)

До сихъ поръ древнѣйшимъ еврейскомъ могильнымъ памятникомъ считался камень, находящійся на еврейскомъ кладбищѣ въ Вормсѣ; на немъ значится 4660 г., т. е. 900 годъ по Рожд. Христ. Въ настоящее время, благодаря простой случайности, найденъ въ Майнцѣ другой камень, еще болѣе древній. Въ деревушкѣ Цальбахѣ, лежащей въ ближайшихъ окрестностяхъ Майнца, замѣчено было, что камень, служащій для перехода черезъ ручей, имѣетъ еврейскія письмена. По очищеніи камня, раввинъ, докторъ Леманъ, успѣлъ разобрать на немъ надпись и годъ—4566, т. е. 806 годъ нашей эры. Камень препровожденъ въ городской музей. (С.)

Американскіе электротехники заняты въ послѣднее время изобрѣтеніемъ электрическихъ аппаратовъ для казни преступниковъ. Ньюйоркская государственная коммисія разсматривала недавно аппараты электротехниковъ Гайса-Гаррисона и Мендера. Аппаратъ Гайса-Гаррисона состоитъ изъ цинковой пластинки, на которую становится осужденный. На шею преступника одѣвается мѣдный ошейникъ. Одинъ изъ полюсовъ соединяется съ затылкомъ казнимаго, другой — съ цинковой пластинкой, на которой онъ стоитъ. Достаточно нажать электрическую пуговку, чтобы мгновенно послѣдовала смерть преступника. Система Мендера, сходная съ только что описанною, отличается тѣмъ, что обѣ проволоки, заключенныя въ каучуковую оболочку, обходятъ вокругъ головы и соприкасаются съ висками. Кромѣ этихъ аппаратовъ были еще представлены электрическія машины Яблочкова и Пэджета. Первая состоитъ изъ особаго рода электрическаго кресла, которое также убиваетъ преступника электрическимъ токомъ. На счетъ силы тока, потребной для умерщвленія человѣка, мнѣнія названныхъ электротехниковъ расходятся. На разсмотрѣніе вышеупомянутой коммисіи, занятой изысканіемъ новыхъ способовъ казни, было доставлено еще два аппарата, о которыхъ слѣдуетъ упомянуть только потому, что въ основѣ ихъ лежитъ чисто американская фантазія. Одинъ изъ нихъ — шампанская бутылка, которую подносятъ ничего не подозрѣвающему преступнику, чтобы онъ полакомился пѣнистымъ напиткомъ. Бутылка заряжена и убиваетъ его. Другой — ванна, къ которой придѣлана электрическая пуговка (для зова купальщика). Осужденному предлагаютъ взять теплую ванну. Ему объясняютъ, что когда онъ захочетъ выйти изъ ванны, то можетъ позвонить купальщика, и затѣмъ оставляютъ его одного. Преступникъ, взявъ ванну, начинаетъ оглядывать комнату, — какъ говорится въ пояснительной запискѣ „геніальнаго“ изобрѣтателя—чтобы узнать не виситъ-ли гдѣ купальный плащъ. Конечно, онъ ничего не находитъ и вынужденъ позвонить „купальщика“ посредствомъ вышеупомянутаго электрическаго звонка; онъ нажимаетъ пуговку и — правосудіе совершается. Коммисія, вѣдающая эти дѣла, сдѣлала распоряженіе, чтобы впредь тѣла казненныхъ не отдавались родственникамъ или друзьямъ, а чтобы они или предоставлялись врачамъ для анатомическихъ цѣлей, или же попросту зарывались на тюремныхъ кладбищахъ, какъ это дѣлается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Кромѣ того, коммисія предполагаетъ воспретить обстоятельныя описанія послѣднихъ минутъ жизни приговореннаго къ смерти и подробностей казни. Какъ извѣстно, присутствующіе при казни газетные репортеры стараются превзойти другъ друга въ подробномъ изложеніи отвратительныхъ сценъ, разыгрывающихся до, во время и послѣ исполненія смертнаго приговора, и чѣмъ страшнѣе и ужаснѣе подобное описаніе, тѣмъ оно пріятнѣе щекочетъ нервы тѣхъ изъ читателей, которые падки до сильныхъ ощущеній. Слѣдовало-бы безусловно воспретить наполнять газетные столбцы подобными статьями, способствующими извращенію нравственнаго чувства читателей. (с.)

Керосиновыя пятна на матовыхъ ламповыхъ шарахъ легко смываются холодною водою съ мыломъ. Гораздо труднѣе удалить восковыя пятна. Для этого лучше всего нагрѣть осторожно шаръ и тереть запачканное мѣсто кускомъ ваты или шерстянымъ лоскуткомъ, намоченнымъ въ бензинѣ. Чтобы удалить непріятный запахъ, достаточно выставить шаръ на нѣсколько часовъ на воздухъ. (с.)

Г. Галлигеръ, одинъ изъ живущихъ въ Барселонѣ нѣмцевъ, сообщаетъ въ *Ежемѣсячныя извѣстія изъ области естествознанія* о вредномъ дѣйствіи платановъ на здоровье человѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ, какъ у него, такъ и у всѣхъ живущихъ съ нимъ, регулярно, каждую весну, появлялся сильнѣйшій кашель. При микроскопическомъ изслѣдованіи мокроты, онъ открылъ въ ней замѣчательныя звѣздообразныя тѣльца, и вслѣдъ за тѣмъ убѣдился, что таковыя находятся и въ пыли, лежащей на подоконникахъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало ему, что эти тѣльца тождественны со звѣздчатыми волосками, сидящими на молодыхъ листьяхъ платановъ и представляющимися для невооруженнаго глаза въ видѣ тонкой пыли. А потому эта „платановая пыль“ — происходящая отъ деревьевъ, окружающихъ жилище г. Галлигера двойной аллеей, — и должна быть разсматриваема какъ настоящая причина кашля.

На это *Ежемѣсячныя Извѣстія* замѣчаютъ, что хотя вредное дѣйствіе платановъ на здоровье намъ мало извѣстно, но что древніе ученые имѣли о немъ весьма опредѣленное понятіе. Уже Діоскоридъ упоминаетъ объ этомъ фактѣ, а Галенъ прямо говоритъ, что пыль платановыхъ листьевъ поражаетъ и сушитъ гортань, и что, кромѣ того, она вредна для глазъ и слуховыхъ органовъ. Къ этому вышеупомянутая газета присовокупляетъ: „Было-бы конечно весьма желательно, чтобы наступающей весной были произведены наблюденія надъ эпидеміей кашля и предприняты изслѣдованія во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ принято разводить платаны“.

Справедливость всего этого подтверждается и мнѣніями обоихъ древнихъ врачей. Галенъ говоритъ: „Слѣдуетъ остерегаться пыли платановыхъ листьевъ, такъ какъ она, проникая, посредствомъ дыханія, въ дыхательное горло, раздражаетъ его, вызываетъ сухость и хрипоту и повреждаетъ голосъ. Точно также она вредна для зрѣнія и слуха, если попадаетъ въ глаза или уши“. Діоскоридъ въ 107 главѣ первой книги своей „Materia medica“ говоритъ: „Пыль листьевъ и почекъ повреждаетъ органы зрѣнія и слуха, если попадаетъ въ нихъ“. Точно также и Карлъ Кохъ въ своей книгѣ „Деревья и кустарники древней Греціи“ упоминаетъ, что въ „Федрѣ“ Платона, при описаніи платановаго дерева, подъ которымъ бесѣдовали Сократъ и Федръ, говорится о вредныхъ испареніяхъ, исходящихъ изъ платана. На это Кохъ замѣчаетъ: „Эти испаренія, по всей вѣроятности, суть не что иное какъ тонкіе волоски, отпадающіе, при распусканіи листьевъ, съ ихъ нижней стороны; весьма возможно, что волоски эти вредны для глазъ и вызываютъ въ пищепріемномъ каналѣ непріятное ощущеніе зуда“.

Впрочемъ и въ настоящее время вредное дѣйствіе платановъ на здоровье людей не можетъ считаться совершенно неизвѣстнымъ; такъ напр. года три тому назадъ въ Эльзасъ-Лотарингіи было воспрещено разводить платаны вблизи училищныхъ зданій.

Оба вида платановъ: такъ-называемый восточный, который преимущественно разводится на Югѣ, и болѣе грубый, западный, происходящій изъ Америки и чаще разводимый у насъ, на Сѣверѣ, — снабжены этими звѣздчатыми волосками, которые вначалѣ покрываютъ листья и черешки, а потомъ отпадаютъ, исполнивъ свое назначеніе: защищать неокрѣпшіе органы отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, отъ мороза и солнца. Нѣкоторыя другія лиственныя деревья точно также покрываются весною подобными волосками, напр. липы и нѣкоторые виды дубовъ. Въ особенности такъ-называемые янтарные дубы обладали этимъ свойствомъ, такъ что тамъ, гдѣ они росли, воздухъ весною былъ временно переполненъ подобными звѣздчатыми волосками. Масса этихъ волосковъ попадала въ янтарь и такимъ образомъ сохранилась до насъ. (с.)

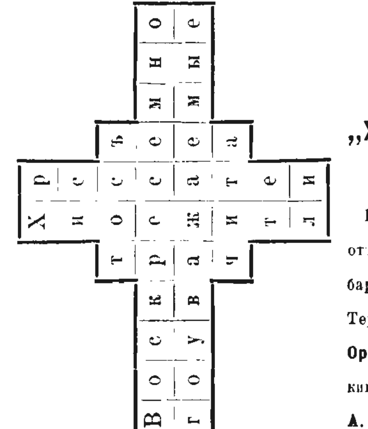
Удивительный плодъ растетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то были Содомъ и Гоморра. По словамъ іудейскаго историка Іозефуса, „какъ постоянное напоминаніе гибели этихъ городовъ, плоды многихъ деревьевъ, которые по цвѣту и формѣ кажутся обыкновенными, превращаются въ золу и пыль, лишь только до нихъ коснется рука человѣческая.“ Разсказъ этотъ впослѣдствіи распространился на всѣ растущія въ этой мѣстности плодовыя деревья. Линней также упоминаетъ въ своей „Флорѣ Св. Земли“ о содомской яблонѣ (Solanum sodomacum), желтые плоды которой, съѣденные внутри червями вмѣстѣ съ мелкими черными зернышками, сохраняютъ снаружи полный, цвѣтущій видъ. Только въ новѣйшее время дознано, что удивительный плодъ этотъ растетъ на весьма распространенномъ въ Азіи и Африкѣ Opferstrauch (Calotropis gigantea). Семена его покрыты шелковидною оболочкой, которая при прикосновеніи лопается, а содержимое разносится по воздуху въ видѣ пыли. Желтые плоды этого растенія, заманчиво просвѣчивающіе сквозь блестящую листву, напоминаютъ крупную айву или лимонъ. Восточная фантазія надѣляетъ всѣ деревья растущія на берегахъ Мертваго моря такими-же обманчивыми плодами. (с.)

Рѣшеніе пасхальной задачи № 29 (помѣщ. въ № 17).

„Христосъ Воскресе!“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Н. К. Синягина, А. А. Поспѣева, Н. Б. Панкова, В. В. Брошадтъ, **Москва**—Д. В. Степанова, Н. М. Холмина, С. Н. Бабстъ, **Воронежъ**—В. В. Веретенникова, Н. Н. Карендова, **Каргополь** — В. Вешнякова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Кукарка**— Н. Н. Стрижева, **Кузнецы** — Ф. Перова, **Орелъ** — А. Протасова, **Одесса**—Н. Н. Стефани, **Стар. Русса**—А. Успинной, **Старица** — Ф. К. Симонова, Черкизова, А. Е. Рещикова.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 30 (помѣщ. въ № 17).



Веста.	Схима
Миноги.	Учеты.
Весло.	Сетера.
Рожокъ.	

„Христосъ Воскрсе, многоуважаемые читатели!“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—А. Пулло, **Москва**—А. Зубаревой, А. Гиппъ, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Кѣльцы** — П. Д. Гудлинскаго, **Орелъ**—М. Сиротиной, **Полтава**— А. Лукина, **Судогда**—С. Голубева, **Сапоцкинъ**—А. Эпштейнъ, **Уральскъ** — М. А. Попова.

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 28 (помѣщ. въ № 16).

В можетъ заручаться 5 разъ, слѣдовательно можетъ провести два раза козыря и дать *А* укрыть двѣ черви; послѣ этого *А*, отходивъ для 10-той взятки короля трефъ, будетъ имѣть туза и даму козырей и одну трефу; IV-й партнеръ же будетъ имѣть трехъ козырей. *А* ходитъ въ трефу, *У* бьетъ козыремъ и выходитъ въ козыря подъ сюркупъ къ *А*.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Н. Санникова, П. Рязанцева, Панько Максимовича, А. Доріанъ, К. Губое, А. Кяхъ, И. Кауфельдъ, А. Глинкина, А. Л. Вѣкшина, **Москва**—С. Н. Яковлева, **Бѣла**—В. Шишкевича, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Баку**—М. Маркозовой, **Вознесенскъ**—Судьбина, **Витебскъ**—Каганъ, **Лида**—Л. И. Пупко, **Молодой Тудъ**—К. Козочкина, **Майкопъ**—М. С. Федорова, **Полтава**—Л. А. Холминской, Р. Каменскаго, **Спасскъ**—Н. Д. Васильева, **Станиславчикъ**—Л. Я. Линшица, **Фатежъ**—А. Е. Ярыгиной, **Шавли**—К. Коваленко.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ**—поторопиться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Врачебное Управленіе разрѣшило ввозъ и продажу

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Ланшанъ, Нью Іоркъ. Р. № 3185 5—2

Эта превосходная цвѣточно-благовонная вода продается въ главныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани и Харькова. Агентъ для всей Россіи **К. Ф. Гейсслеръ**, В. О. 2-я лин. № 15, С.-Петербургъ.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ и ХИМИЧЕСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ

И. Ф. БИЛЬ

С.-Петербургъ, Невскій, 21, въ бель-этажѣ

рекомендуетъ гг. фотографамъ и любителямъ фотографій свой большой выборъ камеръ новѣйшихъ конструкцій собственнаго и заграничнаго изготовленія, новые видовые объективы и вообще всѣ принадлежности по части свѣтописи, по умѣреннымъ цѣнамъ.—**Каталогъ безплатно.** (1) Mt. № 3205

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—1

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр., и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ, **въ популярномъ изложеніи**

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій пр., № 6.

Іодисто-разсольныя воды BAD HALL

въ Верхней Австріи. Р. № 3166 4—

Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ.

Леченіе при золотухѣ, а также при болѣзняхъ половыхъ органовъ и ихъ послѣдствіяхъ. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія станція жел. дорогъ. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ. **Сезонъ съ 15-го мая до 30-го сентября.** Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ дирекція водъ въ **Bad Hall**

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

УЧРЕЖДЕННОЕ

ИВАНОМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ ХАЙНОВСКИМЪ

переводится въ домъ князя Сергія Михайловича Голицына на Волхонкѣ, противъ храма Христа Спасителя, въ Москвѣ.

Училище состоитъ изъ шести классовъ **основнаго** отдѣленія, двухъ классовъ V и VI **коммерческаго** отдѣленія и VII **дополнительнаго** класса, съ отдѣленіями общимъ и химико-техническимъ.

Училище пользуется всѣми правами казенныхъ реальныхъ училищъ. Желающіе поступить въ дополнительный классъ должны подать прошеніе объ этомъ заблаговременно съ приложеніемъ аттестата объ окончаніи курса шести классовъ реальнаго училища по основному отдѣленію. П. № 319

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

А. Я. ПАНАФИДИНА,

С.-Петербургъ, Б. Итальянская, № 8,

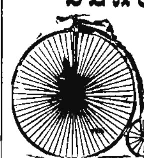
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА.

Первая книжка разсказовъ. СПБ. 1888 г. Изд. 3-е. Цѣна съ перес. 1 руб. Оглавленіе: Четыре дня.—Происшествіе.—Трусъ.—Встрѣча.—Художники.—Ночь.—Attalea princeps.—То, чего не было.

Вторая книжка разсказовъ. СПБ. 1888 г. Изд. 2-е. Цѣна съ перес. 1 руб. Оглавленіе: Деньщикъ и офицеръ.—Изъ воспоминаній рядоваго.—Красный цвѣтокъ.—Медвѣди.—Сказка о жабѣ и розѣ.—Надежда Николаевна.

ВЕЛОСИПЕДЫ



и принадлежности къ нимъ по умѣреннымъ цѣнамъ.—Принимается починка и высылается прейсъ-курантъ.

Г. ЖЕМЛИЧКА, въ Москвѣ, Стар. Газетный пер., д. Толмачева.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками

Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. **Вс. Соловьева.** Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозвол. ценз., СПБ., 25 мая 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. д. 1.

XIX г. — г. XIX

№ 23 — 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 іюня 1888 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1888 г., съ 34 гравюрами и отд. листъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 22 рис. выпильныхъ работъ.

П. П. Семеновъ.

Сенаторъ, тайный совѣтникъ Петръ Петровичъ Семеновъ, предсѣдатель Статистическаго Совѣта, вице-предсѣдатель Императ. Русскаго Географическаго Общества, принадлежитъ къ старому дворянскому роду Рязанской губерніи. Родился 2 января 1827 года, въ родовомъ имѣніи отца, Петра Николаевича Семенова. Въ 1834 году пожалованъ пажемъ Двора Его Величества. По окончаніи курса наукъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ въ 1845 году, причемъ записанъ на мраморную доску и наименованъ отличнѣйшимъ, поступилъ вольнослушающимъ въ Импер. СПБ. Университетъ на физико - математическій факультетъ. Прослушавъ въ 3 года полный курсъ наукъ по естественному отдѣленію, получилъ степень кандидата въ 1848 году. Съ 1849 года, избранный дѣйствительнымъ членомъ Импер. Русск. Географическаго Общества, началъ принимать самое дѣятельное участіе въ трудахъ названнаго Общества, сперва въ качествѣ секретаря отдѣленія физической географіи, затѣмъ помощника предсѣдателя и предсѣдателя этого отдѣленія, а съ 1873 года въ качествѣ вице-предсѣдателя Общества. Послѣ обширныхъ экскурсій въ бассейнѣ рѣкъ Дона и Оки, написалъ сочиненіе: „Придонская флора“, по представленіи котораго въ качествѣ магистерской диссертаціи и по защитѣ ея, удостоенъ Совѣтомъ СПБ. Университета степени магистра естественныхъ наукъ, въ 1851 году. Съ 1851 года предпринялъ, по порученію Географическаго Общества, переводъ и обширныя дополненія къ „Землевѣдѣнію Азіи“ Риттера. Овдовѣвъ послѣ непродолжительнаго перваго брака въ 1852 году, отправился за границу; поселившись въ Берлинѣ, слушалъ въ теченіе четырехъ семестровъ лекціи въ Берлинскомъ Университетѣ преимущественно по геологіи и географіи и сдѣлался тамъ ближайшимъ ученикомъ профессоровъ Карла Риттера.

П. П. Семеновъ, вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
Съ фотогр. Классена, грав. Ю. Барановскій.

Бейриха, Густава Розе, Дове и Эренберга. Въ качествѣ члена Германскаго Геологическаго Общества принималъ участіе въ дѣятельности этого Общества и напечаталъ въ Берлинѣ геологическую работу объ окаменѣлостяхъ силезскаго горнаго известняка. Свое пребываніе за границей закончилъ научными работами въ Гарцѣ, Швейцарскихъ и Тирольскихъ Альпахъ и на Везувіи. Возвратясь въ концѣ 1855 года въ Россію, издалъ переводъ I-го тома Риттеровой „Азіи“ съ обширными къ нему дополненіями. Весною 1856 года отправился по порученію Географич. Общества въ Центральную Азію во главѣ экспедиціи, имѣвшей цѣлью достигнуть бывшей до того времени совершенно недоступной для научныхъ изслѣдованій, горной системы Тянь-Шань. Употребивъ на это обширное путешествіе почти 2 года, посѣтилъ Алтай, Тарбагатай, Семирѣченскій и Заилійскій Алатау, озеро Иссыкъ-Куль, проникъ въ самую глубину Тянь-Шанскаго хребта до верховья р. Нарына (Сыръ-Дарья), ледниковъ Сары-Джаза и границы вѣчнаго снѣга у подножья группы Ханъ-Тенгри. Въ исходѣ 1857 г. вернулся въ Петербургъ. Помѣстивъ первыя свѣдѣнія о результатахъ своего путешествія въ географическомъ журналѣ Петермана (Petermann's Mittheilungen) и въ *Запискахъ Географическаго Общества,* былъ привлеченъ въ началѣ 1858 г., какъ помѣщикъ, глубоко сочувствующій освобожденію крестьянъ и изучавшій это дѣло во время своего пребыванія за границей, къ участію въ занятіяхъ по крестьянскому дѣлу. Въ началѣ 1859 года приглашенъ членомъ-экспертомъ Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу и назначенъ завѣдующимъ дѣлами названныхъ коммисій, гдѣ онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Я. И. Ростовцева, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ по крестьянскому дѣлу, вплоть до обнародованія Положеній 19 февраля 1861 года. Въ 1861 году принималъ также дѣятельное участіе въ качествѣ члена-завѣдующаго дѣлами въ коммисіи замѣнившей откупную систему акцизною — и вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ членомъ коммисіи для преобразованія податной системы, а также принималъ участіе въ трудахъ касавшихся преобразованія судебной части. Не оставляя своихъ научныхъ работъ, издалъ въ 1859 году II-й томъ Риттеровой „Азіи“, въ 1863 напечаталъ геологическое изслѣдованіе переходныхъ пластовъ отъ девонской къ каменноугольной формаціи въ Средней Россіи и началъ, по порученію Географическаго Общества, составленіе „Географическо-статистическаго Словаря Россійской Имперіи“, капитальнаго изданія, выходившаго въ свѣтъ отдѣльными томами съ 1863 года и законченнаго въ 1885 году. Въ 1863 году былъ отправленъ за-границу въ качествѣ главнаго представителя Россіи на международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Берлинѣ. 1 января 1864 года назначенъ директоромъ Центральнаго Статистическаго Комитета, въ каковомъ званіи оставался и по назначеніи своемъ (въ 1875 г.) предсѣдателемъ Статистическаго Совѣта. Стоя въ продолженіе 17 лѣтъ во главѣ статистическаго дѣла въ Россіи, ознаменовалъ свою дѣятельность не только цѣлымъ рядомъ статистическихъ работъ, но и правильною организаціей оффиціальной русской статистики, участіемъ во всѣхъ международныхъ конгрессахъ, устройствомъ въ Петербургѣ блестящей сессіи международнаго статистическаго конгресса въ 1872 году и приготовительныхъ къ нему работъ, затѣмъ предсѣдательствомъ въ международной статистической коммисіи, наконецъ организаціей цѣлаго ряда произведенныхъ въ Россіи опытныхъ переписей. Въ теченіе всего этого періода своей дѣятельности принималъ участіе почти во всѣхъ коммисіяхъ, составлявшихъ законодательные проекты реформъ прошлаго царствованія, какъ напримѣръ особенно въ коммисіяхъ о личной воинской повинности (1870 г.), тарифной, о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и мн. др. Избранный въ 1873 г. вице-предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ теченіе 15 лѣтъ руководитъ въ этомъ званіи полезною и блестящею дѣятельностью этого Общества, оказавшаго въ этотъ періодъ времени несомнѣнныя услуги географической наукѣ. Въ 1874 году избранъ почетнымъ членомъ Императ. Академіи Наукъ; а въ различные періоды своей дѣятельности избранъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ цѣлаго ряда какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и корпорацій. Въ 1882 году Всемилостивѣйше назначенъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ въ должности предсѣдателя Статистическаго Совѣта.

Независимо отъ своихъ служебныхъ занятій и научныхъ работъ въ области ботаники, геологіи, географіи и статистики, П. П. Семеновъ занимается изслѣдованіями по исторіи искусства, пособіемъ къ чему ему служитъ собранная имъ прекрасная галлерея картинъ голландскихъ и фламандскихъ художниковъ XVI и XVII вѣка и спеціальное изученіе большинства европейскихъ общественныхъ и частныхъ картинныхъ галлерей. Результатами этого изученія являются его: „Этюды по исторіи Нидерландской живописи“, выходящіе съ 1885 г. особымъ приложеніемъ къ *Вѣстнику изящныхъ искусствъ.* Съ 1874 г. П. П. Семеновъ состоитъ почетнымъ членомъ Имп. Акад. Художествъ. Наконецъ, не менѣе обширна дѣятельность его по части общественной благотворительности. Участвуя въ учрежденіи въ 1869 году одного изъ первыхъ въ Петербургѣ приходскихъ благотворительныхъ обществъ и состоя въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ двухъ изъ нихъ, а также предсѣдателемъ съѣзда всѣхъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ, онъ много содѣйствовалъ какъ уясненію задачъ общественной благотворительности, такъ и ея осуществленію. При этомъ часть своего времени посвящалъ и другимъ формамъ благотворительности, состоя въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ обществъ: Вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Петербургскаго университета и Народныхъ столовыхъ; вице-предсѣдателемъ обществъ: попеченія о семействахъ воиновъ (во время войны) и попеченія о слѣпыхъ.

П. П. Семеновъ имѣетъ всѣ высшіе русскіе гражданскіе ордена до Св. Александра Невскаго включительно и большое количество различныхъ иностранныхъ орденовъ высшихъ степеней.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

Отъ автора.

Я охотно озаглавилъ бы предлагаемое сочиненіе „историческимъ романомъ“, еслибъ въ наши дни не злоупотребляли порой этимъ названіемъ. Нынѣ для писанія такого рода произведеній иногда полагается достаточнымъ прочесть два-три изслѣдованія о данномъ времени и затѣмъ изложить прочитанное своими словами съ добавленіемъ приключеній обще-романтическаго свойства. Встрѣтивъ у историка описаніе тѣхъ или иныхъ обычаевъ или забавъ нашихъ предковъ, романистъ, ничто же сумняся, переноситъ его цѣликомъ въ свое произведеніе, замѣнивъ изъ приличія неопредѣленное „предки“ собственными именами дѣйствующихъ лицъ. Вмѣсто живаго изображенія эпохи предлагается взглядъ на нее, взятый на прокатъ у того или инаго ученаго; недостатокъ фантазіи восполняется тенденціей, которая въ описываемое время никому не снилась.

Историческій романъ, достойный этого имени, не можетъ ограничиваться отвлеченнымъ описаніемъ быта даннаго времени, онъ долженъ нарисовать его въ живомъ дѣйствіи; онъ не довольствуется изложеніемъ теоретическихъ соображеній о взглядахъ, мнѣніяхъ и думахъ старинныхъ людей, а даетъ ихъ вѣроятное изображеніе; самая фабула должна носить на себѣ характеръ возможнаго въ данную эпоху дѣйствія, свободно укладывающагося въ ея своеобычную обстановку.

Всѣ орудія повѣствователя въ языкѣ. Не угадавъ языка эпохи, онъ будетъ не въ состояніи дать ея наглядное изображеніе. Конечно, люди всѣхъ временъ имѣютъ нѣчто общее, то что̀ зовется — человѣческимъ; старинные люди, какъ и нынѣшніе, мыслили, испытывали различныя волненія и страсти, страдали и радовались, оказывали доблести и впадали въ пороки, — но вся ихъ жизнь носила на себѣ особый отпечатокъ, являлась не въ томъ обличьи и выражалась не тѣмъ языкомъ что̀ нынѣ.

Говоря вообще, языкъ въ старину былъ образнѣе нашего; отвлеченныя выраженія встрѣчались гораздо рѣже по той причинѣ, что отвлеченныя понятія входили только въ слабой степени въ умственный обиходъ; воля и воображеніе первенствовали, умъ выражался преимущественно практически, являясь не столько умозрѣніемъ, сколько умѣлою дѣловитостью. Самая ученость носила характеръ религіозный. Языкъ былъ болѣе поэтическимъ; рѣчь звучала болѣе метрически. И донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Заонежьи, деревенскій людъ сохранилъ эту особенность рѣчи, столь ярко обнаруживающуюся въ заплачкахъ. Въ старину такое явленіе было общимъ. Объ этомъ

непререкаемо свидѣтельствуютъ даже документы столь мало поэтическіе, какъ кабальныя записи—и въ нихъ слышенъ пѣсенный складъ.

Мнѣ казалось необходимымъ сохранить такой складъ рѣчи; быть можетъ, онъ кое-гдѣ отразился и на самомъ повѣствованіи, — обстоятельство неизбѣжное не только для художника, но и для историка, невольно вводящаго въ свой слогъ архаическіе обороты, слова и рѣченія.

Эпическій складъ рѣчи, болѣе или менѣе общій для всей допетровской старины, не исчерпывалъ задачи мнѣ предстоявшей по отношенію къ языку.

Новгородское нарѣчіе, близкое къ древнеполянскому, съ которымъ не слѣдуетъ смѣшивать однако нынѣшняго малороссійскаго, отличается весьма значительными особенностями, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились въ нашемъ правописаніи, напримѣръ окончаніе родительнаго падежа именъ прилагательныхъ, согласно которому произносятся только нѣкоторыя фамиліи, какъ-то Веселаго, Живаго, или сохраненіе въ письмѣ буквы *о* тамъ, гдѣ она выговаривается какъ *а*, и т. п. Эти и подобныя особенности не суть архаическія; онѣ сохранились донынѣ, какъ живой языкъ милліоновъ русскихъ людей, ибо новгородскіе славяне, племя подвижное и предпріимчивое, далеко разбросало свои поселенія; эти особенности, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, слышатся на всемъ Сѣверѣ, на Волгѣ, въ Перми, въ Сибири. Стоитъ отъѣхать сто, даже семьдесятъ верстъ отъ Петербурга, и свернуть въ сторону отъ большака, чтобъ подивиться ихъ живучести: здѣсь, на мѣстѣ своей давней осѣдлости, не подвергаясь постороннимъ вліяніямъ, онѣ сохранились чуть-ли не въ большей цѣлости [1]). Наблюдательный петербуржецъ, пройдясь во время навигаціи вдоль Фонтанки, изъ устъ пришлаго на баркахъ народа услышитъ тѣ же особенности. Къ сказанному слѣдуетъ добавить что лучшіе образцы нашихъ эпическихъ пѣсенъ сохранились на Сѣверѣ, и особенности ихъ языка — особенности новгородскаго нарѣчія.

Вопросъ не въ томъ, можно-ли пользоваться такими особенностями языка при изображеніи жизни Великаго Новгорода, а только въ томъ, насколько именно онѣ должны быть сохранены въ повѣсти. Какой художникъ пренебрежетъ красками, какъ скоро онѣ находятся въ его распоряженіи? ему слѣдуетъ только озаботиться чтобъ эти краски не рѣзали глазъ, и не отвлекали вниманія отъ того, что̀ составляетъ сущность картины.

Я не считалъ необходимымъ такъ-сказать настаивать на особенностяхъ выговора и ударенія всякій разъ, какъ онѣ встрѣчаются въ рѣчи дѣйствующихъ; быть можетъ, найдутся любители точности, которые назовутъ такое обстоятельство невыдержанностію языка, — но по моему подобныя особенности говора должны играть роль того, что̀ въ живописи зовется „бликами“. Бо̀льшую заботу я прилагалъ относительно строя рѣчи, ибо рѣчь современнаго строя была бы нестерпимою фальшью въ устахъ стариннаго новгородца, и только черезчуръ наивный читатель повѣрилъ бы что дѣйствіе происходитъ въ Великомъ Новгородѣ, еслибъ я заставилъ дѣйствующихъ говорить современнымъ языкомъ, уснащеннымъ отдѣльными архаическими или эпическими выраженіями.

Предлагаемая повѣсть посвящена изображенію быта отъ насъ далекаго и не похожаго на нашъ; нѣкоторыя его особенности требуютъ разъясненій. Дѣлать ихъ въ самомъ текстѣ разсказа мнѣ казалось неудобнымъ: они прерывали бы плавность его теченія. Поэтому я счелъ за лучшее ограничиться краткими подстрочными примѣчаніями. Сверхъ того, считаю не лишнимъ напомнить читателю, въ самыхъ общихъ чертахъ, главнѣйшія отличія новгородскаго общественнаго строя.

Новгородскія владѣнія состояли изъ самаго города, или Господина Великаго Новгорода, новгородской земли и новгородскихъ волостей. Городъ дѣлился Волховомъ на двѣ части: лѣвую, или Софійскую, и правую, или Торговую (Знаменскую). На Софійской сторонѣ [1]) находился кремль, или Дѣтинецъ, и въ немъ соборъ Св. Софіи, премудрости Божіей, символъ новгородской самостоятельности и свободы; въ Софіи на полатяхъ (хорахъ) хранилась общественная казна и всякіе грамоты и договоры. На Торговой сторонѣ находился Ярославовъ дворъ [2]), гдѣ собиралось вѣче; на этой же сторонѣ стояла на главной Торговой площади церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ, при которой производился торговый судъ; тутъ же находились торговые дворы иностранныхъ купцовъ на Варяжской, или Варецкой улицѣ.

Каждая сторона дѣлилась на части, называвшіяся *концами*: три на Софійской сторонѣ и два на Торговой. Вотъ ихъ названія: 1) Неревскій, на сѣверъ отъ Дѣтинца; 2) Людинъ или Гончарскій, на югъ отъ Дѣтинца; 3) Загородскій, на западъ отъ Дѣтинца, между двумя названными; 4) Словенскій и 5) Плотницкій. Два послѣдніе конца занимали первый южную, а второй сѣверную половину праваго берега Волхова. Людинъ и Славянскій концы соединялись мостомъ, именовавшимся Великимъ.

Каждый конецъ представлялъ собою какъ бы особую общину, со своимъ отдѣльнымъ выборнымъ управленіемъ: житель конца могъ быть позванъ на судъ только въ своемъ концѣ и только въ немъ могъ заключать договоры. Главною выборною властью въ концѣ являлся кончанскій староста. Представители концовъ засѣдали въ общемъ новгородскомъ судѣ. Концы, въ свою очередь, дѣлились на улицы, во главѣ коихъ стояли уличанскіе старосты.

Новгородской *землей* называлась болѣе близкая къ городу часть новгородскихъ владѣній, гдѣ вполнѣ господствовали новгородскіе порядки. Она простиралась на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива [3]), рѣки Наровы, Чудскаго и Псковскаго озеръ, на сѣверъ до Ладожскаго озера и на югъ до Великихъ Лукъ. Въ Новгородской землѣ было до тридцати *пригородовъ*, то-есть городовъ зависѣвшихъ отъ Новгорода и подчинявшихся въ государственныхъ дѣлахъ рѣшенію тамошняго вѣча. Главнѣйшими изъ нихъ были Псковъ, впослѣдствіи ставшій независимымъ владѣніемъ, Ладога, Руса, Великія Луки и Орѣховъ, при истокѣ Невы. Пригороды свои городскія дѣла вели самостоятельно; въ нихъ были свои выборные посадники. Въ важныхъ случаяхъ жизни Господина Великаго Новгорода, пригороды, по крайности наиболѣе значительные, присылали въ городъ своихъ представителей на вѣчѣ. Вообще же политическая (градская) жизнь сосредоточивалась въ Новѣгородѣ, по исконному правилу: „что̀ городъ сдумаетъ, на томъ и пригороды станутъ“.

Волостями назывались болѣе зависимыя отъ города части новгородскихъ владѣній, гдѣ самоуправленіе было развито въ болѣе слабой степени. Между ними обширный край, простиравшійся отъ Онеги до Мезени и Бѣлаго Моря, назывался Заволочьемъ, то есть мѣстностью за Волокомъ (нынѣшній Волоколамскъ). Къ волостямъ новгородскимъ принадлежали также Новый Торгъ (Торжокъ), Бѣжецкъ, Вологда, Тьрѣ или Терскій берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печора и Югра.

Сами новгородцы, властные граждане республики, дѣлились на бояръ, житьихъ, купцовъ и черныхъ лю-

[1]) Тутъ вы услышите: ѐны (они), сѐ-утро (сегодня утромъ), сѐвечеръ, ушодцись (ушодши), и не только сиверко, но и лисъ, хлибъ, мисто и т. п.

[1]) Софійская сторона являлась болѣе аристократическою и правительственною; самая боярская улица звалась Прусскою.

[2]) Собственно „Дворище“, скорѣе площадь, чѣмъ дворъ.

[3]) Нынѣшній Васильевскій островъ былъ приморскою гаванью Новгорода.

За водяною мельницей (изъ малороссійскаго быта). Ориг рис. (собственность „Нивы“) **Н. Оболенскаго**, грав. Лигерерь.

дей. Бояре назывались также вящшими, передними, большими людьми. То были люди выдавшіеся издавна изъ среды гражданъ по своему богатству и значенію. Они были крупными землевладѣльцами; они дѣлали порой походы за добычей въ отдаленные края; являлись основателями колоній; снаряжали „ватаги“ для морскихъ промысловъ на Терскомъ берегу. Въ своихъ имѣніяхъ или волостяхъ, называвшихся обычно по имени владѣльца, бояринъ былъ полнымъ распорядителемъ; онъ заводилъ села и деревни, устраивалъ торжки; на земляхъ боярскихъ поселялись, на извѣстныхъ условіяхъ, порою подчиняясь суду владѣльца, вольные охочіе люди. Особенно богатыя боярскія имѣнія были въ Заволочьѣ, по Двинѣ, Вагѣ и Онегѣ.

Вторымъ, важнѣйшимъ послѣ бояръ, классомъ новгородскаго общества были *житьи*. Доселѣ существуетъ слово *житочный* [1]), то есть богатый, зажиточный. Быть-можетъ, то были разбогатѣвшіе купцы, переставшіе заниматься непосредственно торговлей и, подобно боярамъ, отдававшіе свои деньги въ ростъ (на проценты) купцамъ. Житьи имѣли право участвовать наравнѣ съ боярами въ высшемъ судѣ или, какъ говорилось, быть „у докладу во владычнѣ (епископской) комнатѣ“.

Въ Новѣгородѣ всякій имѣлъ право торговать, но для того чтобъ именоваться купцомъ—слѣдовало принадлежать къ какой-нибудь купеческой общинѣ, или сотнѣ. Для поступленія въ общину требовалось сдѣлать единовременный опредѣленный вносъ, именно не менѣе 50 гривенъ (около 40 фунтовъ на нынѣшній вѣсъ) серебра. Такіе купцы назывались „пошлыми“, то есть внесшими пошлину. Купцы, какъ показываетъ самое имя, были преимущественно скупщиками естественныхъ произведеній страны и поставщиками ихъ на Варяжскій дворъ. Купцы участвовали нерѣдко въ посольствахъ, какъ къ русскимъ князьямъ, такъ и къ нѣмцамъ, особенно если имѣлось въ виду заключеніе торговаго договора.

За купцами слѣдовали черные или молодшіе люди, городскіе обыватели низшихъ слоевъ. Сюда принадлежали торговцы, не записанные въ купеческую общину, занимавшіеся мелочной торговлей (продавцы, а не купцы въ указанномъ смыслѣ), ремесленники, чернорабочіе. Изъ нихъ домохозяева имѣли право голоса на вѣчѣ. Достойно вниманія, что всѣ безъ исключенія новгородцы звались *мужами*, имя которое въ другихъ русскихъ земляхъ прилагалось только къ высшему классу: *мужъ* противополагался мужику, или смерду.

Правительство новгородское состояло изъ двухъ элементовъ, своего и пришлаго: изъ вѣча и князя. Изслѣдователи справедливо замѣчаютъ, что эти два правительственные элемента были во всѣхъ старинныхъ русскихъ земляхъ, но нигдѣ они не были столь равноправны, какъ въ Новгородѣ. Великій Новгородъ эпитетомъ „господинъ“ выражалъ, съ одной стороны, свое политическое главенство и свою государственную самостоятельность, съ другой — свое равенство съ княземъ, которому было усвоено тоже именованіе „господина“.

Князь былъ въ Новѣгородѣ властью пришлою, приглашенною со стороны. Съ 1126 года, съ того времени какъ въ Новѣгородѣ явились выборные посадники, Новгородцы стали требовать отъ избранныхъ князей присяги, чтобъ они не оставляли Новгорода и управляли согласно новгородскимъ порядкамъ (пошлинѣ). Съ 1136 г., новгородцы стали судить князей въ ихъ неправдахъ, и изгонять по приговору вѣча; съ 1156 епископы, дотолѣ назначаемые князьями, стали выбираться вѣчемъ. Въ 1196 г. съѣздъ русскихъ князей призналъ, что новгородцы вольны брать князей гдѣ имъ любо. Подъ 1218 г. въ лѣтопись занесено извѣстіе, что князья лишились права безъ суда и вины смѣщать посадниковъ; съ 1228 г. новгородцы стали заключать съ князьями договоры, въ коихъ обозначалось, на какихъ условіяхъ князь принимаетъ новгородскій престолъ. Такія договорныя грамоты съ 1265 по 1471 г. дошли до насъ. Общій ихъ характеръ таковъ: князь цѣловалъ крестъ, чтобъ держать Новгородъ по старинѣ и пошлинѣ; князь обязывался не посылать въ новгородскія волости своихъ мужей для управленія; притомъ, при назначеніи новгородцевъ въ эти мѣста намѣстниками, князь обязанъ былъ совѣщаться съ посадникомъ; князь или его намѣстникъ не могъ судить безъ участія посадника; не могъ лишать мужей волости безъ вины, то есть по произволу. Для суда князь имѣлъ право ѣздить по новгородскимъ владѣніямъ только въ извѣстное время года, или позже, въ московскій періодъ, когда князь не жилъ въ Новгородѣ, черезъ извѣстное число лѣтъ; такое обстоятельство называлось „приходомъ (князя) на миру“. Князь не могъ поселять своихъ людей въ новгородскихъ волостяхъ; ни онъ, ни его княгиня, ни бояре, ни слуги не могли покупать селъ въ новгородской землѣ, ни ставить слободъ и мытовъ (таможень) на свое имя; князь не имѣлъ права затворять для торговли нѣмецкій дворъ. Онъ обязывался дать новгородскимъ гостямъ полную свободу торговли въ своихъ владѣніяхъ; не имѣлъ также права прибавлять пошлинъ.

Верховной властью въ Новѣгородѣ было вѣче; оно было вольно (властно) въ туземной и въ приглашенной правительственной власти, и въ посадникахъ, и въ князьяхъ. Вѣче приглашало князей и указывало имъ путь, когда они становились неугодны новгородской волѣ; наряжало судъ надъ всѣми другими имъ избранными властями, иногда даже судило самихъ князей. Оно издавало законы, объявляло войну и заключало миръ, налагало подати и пошлины. Во время борьбы партій нерѣдко собиралось нѣсколько вѣчей. Обычнымъ сборнымъ мѣстомъ вѣча были Ярославовъ дворъ, на Торговой сторонѣ, и площадь Софійскаго собора; неправильныя вѣча собирались гдѣ пришлось. Обычно собиралось вѣче княземъ, или посадникомъ. Духовенство въ вѣчѣ не участвовало.

Вѣче назначало посадниковъ, тысяцкихъ и другія власти. Посадники избирались изъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ; изслѣдователи насчитываютъ, съ 1126 по 1400 г., до сорока такихъ родовъ. Избирались-ли посадники на извѣстный срокъ или безсрочно — не извѣстно съ точностію; послѣднее, впрочемъ, вѣроятнѣе. Были посадники, которые посадничали по нѣскольку лѣтъ, другіе оставались въ должности лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣкоторые по нѣскольку разъ выбирались въ посадники. Посадники раздѣлялись на старыхъ и степенныхъ. Степеннымъ назывался тотъ, кто въ данное время правилъ городомъ (республикой); старыми же назывались бывшіе посадники. Степенный посадникъ былъ первымъ лицомъ въ городѣ; всѣ грамоты писались отъ его имени. Иностранцы въ договорныхъ грамотахъ именовали его бургравомъ.

Тысяцкіе выбирались также вѣчемъ изъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ. Тысяцкій былъ представителемъ и начальникомъ черныхъ людей; посадникъ же всего Великаго Новагорода. Тысяцкіе также были степенные и старые. У иностранцевъ они именовались дуками (dux) и герцогами, то-есть военачальниками, полководцами. Посадникъ и тысяцкій имѣли свои печати и пользовались извѣстными доходами.

Собраніе степенныхъ и старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ образовало правительство въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ послѣднее время новгородской независимости упоминаются также посадничьи сыновья и внуки, и малое вѣче (боярское) въ противоположность большому, или народному.

[1]) Его легко услышать въ Лужскомъ уѣздѣ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Великая боярыня.

Старая матёрая боярыня, по платью судя вдовая, сидѣла на широкой лавкѣ у окна. Смотря въ окошко, она досадовала что топольцы, которыми была обсажена улица, мѣшаютъ ей видѣть вдаль, проѣзжихъ разглядывать. Подъ рукой у боярыни стоялъ небольшой столикъ, а на немъ два небольшія-же блюда, оба оловяныя. Одно блюдо — винныя ягоды, другое — меледа, орѣшки кедровые въ меду: было-бъ чѣмъ боярынѣ со скуки позабавиться.

Чтобъ не вовсе безъ дѣла сидѣть, приказала боярыня кликнуть своего ключника посельскаго Зиновея, которому у нея были приказаны богатыя двинскія вотчины. Зиновей по зимѣ еще привелъ въ Новгородъ большой обозъ съ мерзлой рыбою и птицей битою, съ пухомъ гусинымъ и гагачьимъ, съ мѣхами бѣличьими, лисьими и песцовыми и съ дорогимъ рыбьимъ зубомъ [1]). Навесну Зиновей въ городѣ не по своей волѣ остался: хворь его въ постель уложила, заставила дожидать тепла на Волховѣ.

Сейчасъ онъ у дверей стоялъ, думая скоро-ли его боярыня отпуститъ домой, въ Двинскую землю, и не смѣя заговорить о томъ самъ безъ ея перваго господарскаго слова.

— Что-й-то не видать еще, проронила словцо боярыня, досадливо отворачиваясь отъ окна. И она заговорила съ ключникомъ: — Что-жь, Зиновеюшко, вовсе оправился?

— Слава Тебѣ, Господи! здоровъ нунь [2]) хожу.

— Поди, и домовь [3]) собираешься?

— Какъ, матушка боярыня, не собираться-то; по мнѣ-бы хоть завтра въ путь.

— Аль соскучился?

— Безъ семеюшки-то любименькой, безъ дѣтушекъ, внучатушекъ, какò веселье живетъ! отвѣчалъ со вздохомъ старикъ, а у самого лицо просвѣтлѣло, какъ вспомнилось про далёкую семеюшку.—А думаютъ, гляди: померъ де старый, преставился, добавилъ онъ, задирая боярыню на дальнѣйшій разговоръ о своемъ отпускѣ домой.

— Развѣ по семьѣ встосковалося, а то у насъ въ Великомъ Новѣгородѣ гдѣ-бы скучать! Однихъ рѣчей за день чтò наслушаешься; домовь пріѣхавъ, за годъ не пересказать буде.

— Оно точно, Двина наша рѣка тихая, малолюдная; опять-же всякъ у насъ при своемъ дѣлѣ живетъ, и разговору у насъ этого мало.

— А много наслушался? спросила боярыня, въ свой чередъ задирая ключника на любопытный для нея разговоръ о новгородскихъ толкахъ.

— И-и, матушка! простодушно отвѣчалъ старикъ,— всего не переслушаешь. Одинъ вѣдь одно, новой [4])—ино опять; сегодня молва сюды пошла, на завтра повернетъ, гляди, въ другу сторону. Слушаю я, матушка, эти рѣчи людски, слушаю да и на мысль вспадетъ: истинно молъ оно сказано: чтò людска молва, чтò морска волна. Куды вѣтеръ потурить, туды и волна бѣжитъ.

Старикъ остановился, опасаясь не чрезмѣрно-ли разговорился: не докучить-бы боярынѣ своими рѣчами неумными; но боярыня уже не слушала его и попрежнему глядѣла въ окно.

„Аль мнѣ осмѣлиться, да про свое опять?“ подумалъ старикъ.

— Такъ вотъ, господарыня-матушка, снова, съ опаской заговорилъ онъ,—про вѣтеръ я... А и мнѣ повѣтерь-то [1]) скоро-ль задуе...

И старикъ вдругъ остановился. Ему показалось, что боярыня будто съ сердцемъ повернулась къ нему отъ окна.

— Полно-ко, старинушко, не гнѣвайся! невольно улыбаясь его невинной хитрости и пустому испугу, ласково сказала боярыня.—Не держу вѣдь я тебя, поѣзжай съ Богомъ, какъ управишься. Не отпускала дòсель, тебяже жалѣючи: пусть молъ старенькій вовсе оправится, а то, неровёнъ де часъ, въ дорогѣ гдѣ еще пуще разнеможется. Тутъ и ходить-то за нимъ, а и накормить его будетъ некому.

До слезъ былъ тронутъ старикъ такой великой о себѣ заботливостью, и благодарствовалъ боярынѣ на ласковомъ словѣ, челомъ ей ударилъ.

— Инъ спасибо-же тебѣ, матушка-господарыня великая, что обо мнѣ, холопишкѣ своёмъ послѣдніемъ, такъ милосердствовала. А я, матушка, со всѣми дѣлами вѣдь управился: вечоръ, какъ обѣщался въ Хỳтынь [2]), къ Варламу чудотворцу сходилъ—хоть завтра Зиновей изъ Новагорода прочь плови. А и сказать тебѣ, матушка нè-могу, сколь хòрошо молился-то я. А какъ сталъ къ образу прикладываться, къ чудотворцеву, что въ серебрѣ при его гробѣ изваянъ стоитъ, а не повѣришь, рòдненька, такъ слезы у меня въ три ручья изъ глазъ и брызнули, аки источники-бы водные. Истинно, его чудотворцевыми молитвами меня Господь простилъ [3]) и здравъ ими-же хожу. Какъ тогды, хворымъ еще лежучи, помолился значитъ: „помози молъ мнѣ, угодникъ святый Божій, Варламъ чудотворецъ Хỳтынскій“, а съ того вѣдь часу мнѣ и полѣгчало.

Боярыня, слушая Зиновеевы рѣчи, въ ладъ имъ одобрительно покачивала головой, и словоохотливый старикъ счелъ долгомъ доложить ей, чтò вчера онъ видѣлъ и слышалъ въ Хутынѣ.

— И былъ тутъ, матушка-господарыня, странничекъ нѣкакій, не старъ ощё да сухорукъ: правая ручушка у него вовсе высохла; калика перехожа, такъ назвать надоть. Ну вотъ, матушка, пока мы попа дожидаючись, чтобъ молебено-тъ пѣть, на лавочкѣ сидѣли, сказывалъ тутъ онъ, калика-та, объ отрокѣ князевомъ [4]) о Григорѣ, какъ его чудотворецъ исцѣлилъ.

Зиновей пересказалъ боярынѣ и дивную повѣсть о Григорьевомъ исцѣленіи, какъ долго и трудно болѣвшій отрокъ возымѣлъ великую вѣру къ Хутынскому чудотворцу и, пуще разболясь, приказалъ вести себя въ монастырь, ко гробу чудотворцеву.

— Не дòвезли вѣдь его до монастыря-то; трехъ верстъ, сказывалъ, не доѣзжаючи померъ. И только на монастырь въѣжжать имъ, ожилъ вдругъ. И рече: „не вашъ де я“. Извѣстно кому гòворилъ: имъ, треисподнимъ мучителямъ. Самъ послѣ сказывалъ: молъ стояли тутъ, у погỳ его, души его жаждучи, а въ рукахъ де у нихъ списокъ всѣхъ дѣлъ его злыхъ, а сами зракомъ черны а страховидны; да Варламъ чудотворецъ отогналъ-же ихъ. И ощё, матушка, чернецъ тутъ къ намъ подошелъ, такъ сказывалъ: „все молъ вѣрно повѣствуетъ калика-та, и въ житіи молъ его, чудотворцевомъ, дословечно этакъ-же писано, да и самъ отрокъ де про то-же доподлино всему нарòдушку сказывалъ“.

Врядъ-ли боярыня внимательно слушала давно ей извѣстную дивную повѣсть; по крайней мѣрѣ, когда ключникъ, окончивъ разсказъ, полюбопытствовалъ узнать: у котораго князя Григорей служилъ въ отрокахъ, у нынѣшняго иль у прежняго, она не сразу поняла вопросъ.

— У стараго еще, у Василей Васильевича, отвѣчала она, уразумѣвъ чего добивается посельскій.

[1]) Моржевыми клыками.
[2]) Нунь и нынь—нынче, теперь, сейчасъ.
[3]) Домовь—домой.
[4]) Новой—другой.

[1]) Повѣтерь—попутный вѣтеръ.
[2]) Хутынскій монастырь въ 10 верстахъ отъ Новгорода, внизъ по Волхову.
[3]) Простилъ—исцѣлилъ, отпустивъ грѣхъ.
[4]) Князевъ отрокъ — родъ пажа; позже при царяхъ назывались они рындами.

— Та акъ, со вздохомъ протянулъ старикъ.—Дивны во истину дѣла Твои, Господи!

— А про нынѣшняго князя великаго, про Ивана Васильевича, какъ онъ къ Спасу на Хутынѣ пріѣзжалъ, небось, не сказывали?

— Ни.

— То-то. Страха ради московскаго молчатъ и о чудесѣхъ святыхъ. Знать на блѣдны уста у нихъ (боярыня разумѣла хутыньскихъ чернецовъ) великокняжеска печать навѣшана. Слушай-же, добавила она сухимъ, какъ-бы неохотнымъ голосомъ.

Посельникъ насторожился.

— Какъ приходилъ на Новгородъ князь великій... Эти первыя слова боярыня не сказала, а пробросила, ровно съ ними у нея была связана горькая память.— Ну, и къ Спасу на Хутынѣ пріѣхалъ-же. И сталъ онъ игумну выговаривати: „зачѣмъ де у васъ чудотворцева рака не вскрыта стоитъ, чтобъ можно было къ мощамъ его всѣмъ прикладываться, какъ у насъ де на Москвѣ къ Сергіевымъ мощамъ, и къ Петра, а и къ Алексѣя, митрополитовъ?“ Игуменъ ему въ отвѣтъ: „не вѣдаемъ молъ мы мощей чудотворцевыхъ, и того не знаемъ-же какъ онъ положенъ-то былъ: на верху-ли земли, въ землѣ-ли. Искони молъ никто, сколько ни было владыкъ, и князей благовѣрныхъ, и бояръ великихъ, а не смѣли дерзнуть зрѣть мощей чудотворцевыхъ. И мы молъ потому-же не смѣемъ, развѣ Богъ благословитъ, или чудотворецъ самъ явленьемъ своимъ и повелѣньемъ кому извѣститъ“. Не удовольствовался вѣдь, опять свое завелъ, и со властью сталъ говорить, а и съ яростью. И приказываетъ вскрыть доску каменну отъ гроба чудотворцева. Стали тутъ во гробѣ [1]) землю копать, а изъ гроба дымъ великъ, а тамъ полымя: церковны стѣны попалило вѣдь. Тутъ и на *него* (боярыня видимо избѣгала Московскаго государя не только по имени звать, но и княземъ великимъ величать) страхъ и ужасъ напалъ. Приказалъ перестали-бы копать, а самъ со всѣми князи, что было съ нимъ, и со бояры своими прочь изъ церкви пошелъ. Идетъ, идетъ да жезломъ о-земь и ударитъ. И гдѣ только ударитъ, не токма въ церкви, а и на монастырѣ-то, тутъ огнь изъ земли и объявится. И смятенъ, въ ужасѣ великомъ, бѣжалъ, и жезлъ свой бросилъ: съ пустыми руками изъ обители ушелъ [2]).

Со страхомъ и трепетомъ слушалъ Зиновей разсказъ боярыни. А какъ дошло до того мѣста, что гдѣ ни ударитъ князь жезломъ о-земь, тамъ полымя метнетъ,— тутъ старику огонь сталъ явственно передъ очами видѣться и онъ невольно вплотную прижался къ стѣнѣ, пятясь отъ того негасимаго огня.

— И съ чего эта Москва власть таку забрала, что на все-то руку свою наложить хочетъ? много времени спустя, раздумчиво спросилъ онъ.

Боярыня ни слова. Зиновей глянулъ на нее, и не узналъ было. Сурово и строго глядѣло ея лицо; она вся точно помолодѣла и окрѣпла вдругъ; зорко устремленныя вдаль очи кому-то грозили и какъ-бы сжечь его хотѣли своимъ, и въ матёрой старости неугасшимъ, огнемъ. Зиновей невольно отвелъ глаза въ сторону, и потомъ робко, съ боку заглядывая ей въ лицо, робкимъ-же голосомъ заикнулся было: „Аль Москва?..“ да и не посмѣлъ выговорить вертѣвшагося на языкѣ вопроса.

По долгомъ молчаніи, точно очнувшись отъ соннаго мечтанія на яву, заговорила боярыня.

— Вотъ о монастырѣ-то... И неспрошу вѣдь я тебя, у Николы-то въ Корельскомъ, все-ль ладно у васъ?

И голосъ ея дрогнулъ при этомъ вопросѣ.

— Все, далъ Богъ, ладнёхонько. И попъ тамъ у насъ хорошъ-же. Удался намъ попикъ-то: и не лѣнивъ, и не пьющій. Самъ всѣ требы правитъ: и заупокойны, и панафиды, и сорокоусты; ни понукать, ни подгонять его не надобѣть: ладный попикъ.

[1]) Гробъ—могила.
[2]) Жезлъ, оброненный великимъ княземъ, и опаленная южная дверь иконостаса доселѣ хранятся въ монастырской ризницѣ.

— Пріѣдешь, отъ моего имени о спасеньи [1]) его спроси, да челомъ ему отъ меня ударь. И поминокъ [2]), ужо напомни-ко-сь, пошлю-же ему. И впредь, накажи, чтобъ по старинѣ всѣ требы правилъ, а ни я, ни внукъ мой своей милостью его не оставимъ.

По этому разговору о Николѣ что въ Корельскомъ можно было признать, что боярыня не иная кто была, какъ Мароа, посадничья Исакова вдова, Борецкаго [3]).

— Слушаю, и о спасеньи спрошу, и челомъ ударю, и о поминкѣ напомню-же, и наказъ твой натолкую ему: попико-тъ больнё ладенъ живе, обстоятельно повторилъ Зиновей слова господарыни чтобъ самому ихъ потверже удержать въ памяти.

— Охъ, сыны мои, сыночки миленьки! тяжело вздохнула Мароа и, поникнувъ старой головой, запечалилась. Ея скорбныя думы сами собою слагались въ жалобную заплачку:

Охъ, сыны мои, сыночушки вы родненькіе,
Ужь какъ ваши-ли головушки побѣдненькія! [4])
Не на радость-то себѣ я васъ спородила,
А и вамъ, милымъ сынамъ, вѣдь не на счастьицо.
Что спородила себѣ я добрыхъ молодцовъ
На кручинушку тоскливо-вѣковѣчную,
На немолчныя тѣ слёзы на горючія.
А и васъ-то, ясныхъ соколовъ, спородила
Ужь на ту-ли люту бѣдушку злосчастную
Да на то-ли горе горькое безвременье.

Боярыня не выкликивала голосомъ своей заплачки; тихо шептались въ душевной глубинѣ жалобныя словечушки, и сама собою, въ ладъ имъ, покачивалась старая, подпертая локоткомъ, головушка многоразумная. Зиновей, глядя на боярыню, понималъ о чемъ ея тоска несносная, и самъ онъ, старый, закручинился, запечалился, вспоминаючи свою далекую семеюшку.

II.

Пашко Иванькович.

Долго-ли, коротко сидѣла пригорюнясь боярыня, долго-ли, коротко посельскій вспоминалъ свою семеюшку любезную, только оба они сразу очнулися, заслышавъ съ улицы шумъ и крикъ и мощный стукъ въ ворота, и звонкій брякъ прикалитнаго кольца.

— Что тамъ еще? спросила посадница.

— А знать ребятки новгородьскіе на улушкѣ, въ палки играючись, разодралися, аль твои-же паробки, у воротъ сидя, разгалдѣлися [5]).

Зиновеева догадка не оправдалася.

— Отворяй, что-ль, холопина боярьска, ворота-те! донесся съ улицы чей-то дюжій голосъ.

— Э, да что тутъ! зарычалъ другой.—Выпирай, знай, робя, калитку-ту. Эй, Губанъ кафтанникъ да Василій сермяжникъ, слышьте, наваливайся! Ты, Михаль, чего стоишь? Нутка, робя, не плошай, а я васъ подопру.

Послышался трескъ.

— Что взяли? со смѣхомъ кричали имъ со двора.—

[1]) Мірскихъ въ старину о здоровьѣ спрашивали, духовныхъ — о спасеніи.
[2]) Поминокъ—подарокъ въ знакъ памяти.
[3]) Никольскій Корельскій монастырь находится у Никольскаго устья Двины, въ 34 верстахъ отъ Архангельска. По преданію, сыновья Мароы отъ перваго мужа Филиппа, Антонъ и Феликсъ, были посланы матерью осмотрѣть ея поморскія вотчины. Осмотрѣвъ дальнія отъ Двины вотчины, они осматривали ближнія на Лѣтнемъ берегу и плыли уже на Холмогоры къ Никольскому устью, какъ потонули. Ихъ тѣла были выброшены на двѣнадцатыя сутки на берегъ. Мароа на ихъ гробахъ (могилахъ) поставила церковь во имя святителя Николая, подаривъ при томъ монастырю луга, тони и соловарницы. Позже, въ 1553 г., къ Корельскому монастырю присталъ Ченслеръ (см. С. В. Максимова „Годъ на Сѣверѣ“, стр. 530 и слѣд.).
[4]) Побѣдный—бѣдный, несчастный.
[5]) Примѣрное битье на палкахъ было любимой забавой новгородскихъ молодцовъ. Паробокъ- слуга, холопъ, рабъ.

XVI передвижная выставка. Съ прошеніемъ. Картина Н. Г. Богданова, грав. Ю. Барановскій.

То-то, не гораздо попархивай, не высоко взлетишь: у насъ запоры крѣпкіе: нѣмецько дѣло.

— А вотъ мы дубину, да дубинушкой-то, подъ пѣсенку! Не бось, ворота изъ петель повыскочатъ.

— Сходи, Зиновей, догляди что̀-й тамъ, приказала боярыня.

Не успѣлъ посельскій ключникъ повернуться къ дверямъ, какъ изъ сѣней впопыхахъ вбѣжалъ дворецкій ключникъ.

— Что̀ у тебя тамъ, Кузьма? строго спросила боярыня.

— А не виноватъ, матушка, сй-же вотъ Богу нѣтъ, залопоталъ Кузьма.

— Толкомъ сказывай. Что́ за ребята таки въ ворота ломятся?

— А незнаемы, матушка, людишки, невѣдомы...

— Чего-жъ имъ?

— Дѣвку, слышь, ищутъ.

— Каку дѣвку еще?

— А скрылъ, вишь, крйчатъ. А я—стрѣльё имъ въ бокъ!—хоть-бы слыхо́мъ слыхалъ. Лгутъ все шильники. Быдто, лаютъ, Василій Арбузьевъ велѣлъ.

— И въ толкъ ничего взять нельзя. Стой-ко я къ нимъ сама на крылечушко выйду.

— Какъ изволишь, государыня. А по моему, въ ножи-бы ихъ...

— А ну тѣ съ ножами! сердито оговорила боярыня его бранное слово.—Слышь, бѣги-ко да моимъ именёмъ приворотнику скричи, чтобъ всѣхъ во дворъ впустилъ. Да съ вѣжествомъ, скажи, чтобъ впускалъ, а то, знаю я васъ, всякого облаете. „Милости молъ, господо̀ [1], прошу; боярыня молъ во дворъ приказала звать“. Бѣги-же, Кузьма, поворачивайся: ишь разшумѣлись какъ.

Кузьма заспѣшилъ.

— Ѳенька! крикнула боярыня, не спѣшно подымаясь съ лавки, — захвати-ко креселыцо: за мной на крылѐчушко вынесешь.

Шустрая дѣвчонка, съ чулкомъ въ рукахъ, проворно выскочила изъ сѣней, подхватила складное кожаное креселыце, что̀ стояло въ углу къ печкѣ прислонено, и живо, раньше чѣмъ боярыня дошла до половины горницы, юркнула назадъ въ сѣни. Слѣдомъ и боярыня, переваливаясь, въ дверь проплыла. Зиновей постоялъ да махнувъ рукой на крыльцо-же вышелъ, а оттуда сошелъ во дворъ.

Выйдя на высокое крылечко перёное [2]) и усаживаясь на креселыцо, причемъ Ѳенька ей скамеечку подъ ноги подставила, боярыня слышала, какъ приворотникъ, суетливо отодвигая запоръ, уговаривалъ толпу „пообождать маленечько“.

— Ну, чего ломились-то? Идите ужъ во дворъ-то: боярыня, слышь, приказыватъ, отворивъ калитку пробурчалъ онъ, нельзя сказать чтобъ съ вѣжествомъ.

Ребята гурьбой, не безъ тисканья въ узкой калиткѣ и не безъ побранки, ввалились во дворъ.

— Аль глаза-те про̀пили, не видите: посадница на крыльцѣ сидитъ, закричалъ имъ ключникъ Кузьма, сбѣгая во дворъ по крутой и узкой каменной лѣстницѣ.

Передніе стали, глаза кверху подняли, и одинъ за другимъ заломали ребята шапки.

— Здраствуйте, доро̀дни [3]) добры мо̀лодцы, привѣтствовала ихъ съ крыльца посадница.—Съ чего-жъ вызто, господо̀, безобсылочно, бездокладочно ко мнѣ въ ворота ломиться затѣяли?

Не сердито, хотя и не привѣтливо выговорила эти слова боярыня; голоса она при томъ не подымала, а ребята смирно стояли, слушали; которые еще въ шапкахъ были, и тѣ теперь пекли маковки на солнышкѣ.

[1]) Господо̀—собирательное отъ „господинъ“, звательный отъ „госпо́да“, или „оспода“.

[2]) Перёное—обнесенное перилами.

[3]) Доро̀дній—родовитый, хорошаго рода.

Какъ кончила боярыня свою рѣчь, ребята зашевелились, стали съ ноги на ногу переминаться и разводить руками въ стороны, какъ-бы самихъ себя спрашивая: „а и впрямь съ чего-жь молъ мы бездокладочно въ ворота заломилися?“

— А въ задоръ вошли, повиннымъ голосомъ сказалъ Губанъ кафтанникъ.

Тутъ всѣ загалдѣли, а что̀ галдятъ—разобрать нельзя.

— Этакъ-то мы вѣкъ не столкуемся, заговорила боярыня.

Опять она голоса не подымала, а всѣмъ слышно было, и ребята, затихнувъ, стали слушать.

— Такъ-то вотъ господо̀, не ладнѣе-ль буде, опросила боярыня,—вы одного кого выкрикните, а я съ нимъ ужь и разговоръ поведу.

Ребята межь собой пошепталися и потомъ, все громче, выкрикивать стали.

— Пашку̀ идти, кричали. — Его вѣдь дѣло. Иди, что-ль, Пашко̀. Ты вѣдь привелъ, по твоему слову вылѣзли... [1]) Пашко̀!.. Не ему—некому.

Пашко̀ выступилъ впередъ.

— Ты, что-ль, Пашко̀? опросила боярыня.

— Я буду.

— Инъ лѣзь-же вверхъ ко мнѣ. А вы, господо̀, обратилась она къ остальнымъ,—не погнѣвайтесь: пока мы съ Пашко̀мъ побесѣдуемъ, обождите ужь... за воротечками. Гости-то вы вѣдь пе́званы, немолённые.

Ребята не знали какъ быть.

— Ничего, слышьте, господо̀, закричалъ имъ Пашко̀ съ лѣстницы, — тута за воротечками обождите не со множечко. Я живо вѣдь, только жалобу положу. Что̀-жь стали-то? громче прикрикнулъ онъ, — иди, знай: она, вишь, ласковая; не съѣстъ-же меня.

Ребята кто усмѣхнулся, кто въ затылкѣ почесалъ, и поплелись себѣ тихонько, пролазя гуськомъ въ невысокую калитку. И каждый, какъ нагибалъ голову, чтобъ пролѣзть въ калитку, тогда не раньше и шапку надѣвалъ.

Пашко̀, тѣмъ временемъ, на лѣстницу взобрался и не дойдя ступени на три до крылечнаго рундука, остановился.

— Здраствуешь, боярыня великая! сказалъ онъ, кланяясь въ поясъ и сталъ шапку въ рукахъ мять.

— Здраствуй-же и ты, мо́лодецъ! отвѣчала посадница.—Какъ-же тебя, удаленькій, по имени-то звать?

— А Пашко̀ вѣдь я! отвѣчалъ парень, не мало дивясь, что боярыня столь скоро забыла его имя.

— По отечеству какъ величать прикажешь?

— А Иванькович буду.—И помолчавъ немного, обстоятельно добавилъ: — Лежнемъ ощё уличана кличутъ.

— Нашей-ли стороны Софійской, аль опипо̀лчанинъ [2]) будешь?

— Ни, не вашей. Съ Торговой вѣдь я, со Знаменьской.

Затѣмъ боярыня освѣдомилась котораго онъ конца [3]) будетъ, коей улицы и при какомъ дѣлѣ состоитъ. Пашко̀ отвѣчалъ, что „конца онъ Плотницькаго, а улицы Славковой, у Микулы было у Микифоровича, у кожевника, въ ихъ-же Плотницькомъ концѣ, въ улицѣ Рогатицѣ, въ подручныхъ жилъ, а нынь прочь пошелъ: свой чанъ [4]) завести ладитъ“.

— Батюшко-тъ у меня о Святой померши вѣдь; теперь я самъ большо̀й, хозяинъ, сталъ; домовладыко, значитъ, съ гордостью добавилъ Пашко̀.—А вотъ чанъ заведу, и жениться хочу.

— Давай Богъ, дѣло хорошее. Теперь, скажи-жь ты

[1]) Вылѣзли—вышли изъ дому; дома были, по большей части, въ два жилья (двухъ-этажные).

[2]) Онипо̀лчанинъ—житель другаго берега, зарѣченскій.

[3]) См. вступленіе.

[4]) Въ которомъ кожи дубятъ.

мнѣ, съ чего-жь это ты робятъ-то привелъ, съ чего вы во дворъ ко мнѣ заломилися?

— А задоръ. Это вѣрно тебѣ Губанъ сказалъ, что въ задоръ. Тихо вѣдь мы пришли, смирнёхонько, вѣжеству тожь обучены. Ключника этта твоего за ворота вызывать стали, Кузьмой его, что-ль, звать; о дѣлѣ ему говоримъ. А онъ насъ, замѣсто того, лаять сталъ; бродниками вѣдь да шильниками охлёскивалъ [1]). А не къ лицу намъ пришло, за досаду стало, за великую. Съ того и въ задоръ.

— Како-жь у васъ до ключника моего дѣло стало?

— А на ключника вѣдь твоего, боярыня великая, жалобу предъ тобой положить приходится. Такъ сказать надо.

— Чѣмъ-же Кузьма предъ тобой провинился?

— А дѣвку скрылъ.

У боярыни брови сдвинулись.

— Каку дѣвку опять? Вдругорядь про нее слышу, а все не въ толкъ мнѣ.

— А Маврушеньку вѣдь, Лукерьину дочи̂ [2]), швецовой вдовы Михайловой; невѣста моя богоданная. Родители вѣдь насъ на Пестрой еще образовали [3]), а о Красной горкѣ и свадьбѣ-бы у насъ быть, да какъ сказывалъ я тебѣ, батюшко у меня о Святой преставился: затѣмъ и не вѣнчаны. А отъ попа мы тогда-жъ обручены и кольцами у насъ было перемѣняносъ.

— Кузьма-то тутъ при чемъ-же?

— А скрылъ вѣдь, скрылъ, горячо и безсвязно залопоталъ Пашко̀, — ужь это вѣрно что онъ, больше некому...

— Постой-ко ты!.. перебила посадница.—Сядь сперва.

— И постоялъ-бы...

— Садись, говорю. Въ ногахъ, стары люди скажутъ, правды нѣтъ. Вотъ тута, на верхней ступенечькѣ и присядь себѣ.

Пашко̀ поднялся до верхней ступеньки и оглядѣвъ то мѣсто, куда наровилъ сѣсть, грузно опустился.

— Сказывай теперь, только сгадавши, сдумавши, поряду все какъ было докладывай; да не спѣшкою, смирнёхонько, пословечно рѣчь выговаривай, чтобъ я въ полный розумъ ее взять могла.

— А, вишь ты, дѣвка пропала у насъ, съ конца началъ Пашко̀.—Искать, по̀искать, а нѐ-найдемъ нигдѣ. Да спасибо бабѣ Меркулихѣ: она, вишь ты, на Великомъ мосту колачиками [4]) поторговыватъ, такъ надоумила. „А вид'ла", говоритъ. И выходитъ твой-же Кузьма ее по мосту провелъ, Маврушеньку-ту, на̀-сю сторону; а дѣло-тъ, го̀воритъ, было подъ-вечеръ, а она сама вся закутана.

— Гляди, эта Меркулиха-то твоя не подслѣпа-ль живетъ?

— Ни, не слѣпа, кривая только. Одинъ глазъ у нея вовсе не видитъ, закрытъ, да вѣдь лѣвый же. А правымъ она пора́то [5]) хорошо глядитъ.

— Знать, слѣва-жь отъ нея Кузьма прошелъ. Ты и самъ Иванькович умомъ пораскинь: Кузьма у меня, гляди, посѣдатѣлъ весь, внуки у него по двору ужь лѣтъ семь какъ бѣгаютъ, да и смолоду строго же жилъ: затѣмъ и ключи ему приказаны. На̀-что жь ему Мавруша занадобилась?

— Не говорю: скралъ, а скрылъ вѣдь только. Скралъ-то мы знаемъ кто: Арбузьевъ же, говорю, Василій Селифонтьевичъ. По его жъ велѣнью, по Васильеву, и Кузьма твой орудовалъ.

— Инъ къ Василью-бъ и шли, коль Арбузьевъ скралъ, досадливо сказала посадница.

— И пошли бы; небось, того не устрашились бы, что у него паробковъ полонъ дворъ, и того не поглядѣли бы, что за него мало не полъ-Микитьской улицы встанетъ, — да коли ее у него во дворѣ нѣту-ти. У Губана братанъ [1]) ѐ, въ конюхахъ у Арбузьева живетъ, такъ разбожился вѣдь что нѣтъ да и нѣтъ. „Оно точно, батъ [2]), грѣха таить нечего, много де ихъ у нашего перемѣнилося, а только такой, чтобъ Маврушеньки, какъ ты описывалъ, и не слыхать было. Божиться молъ не стану, може и нашъ сманилъ, да только на сторонѣ гдѣ держитъ, у бабы молъ какой непутящей на хлѣбахъ живетъ, аль въ волость которунибудь, въ подгородню у него заслана". Ну, а нѣтъ ее во дворѣ, по̀-что жъ намъ къ Арбузьеву идти? А тутъ и Меркулиха, слышь...

— А мнѣ и подавно ее негдѣ взять, сказала посадница и зашевелилась, какъ бы думая встать.

— Нѣтъ, ужь ты сдѣлай милость, прикажи отдать, крикливо и задорливо затвердилъ Пашко̀, порывисто взмахивая руками. — Меркулихѣ вѣдь тоже лгать не съ чего. Онъ, онъ, Кузьма; больше некому. Опять же Арбузьевъ сродственникъ тебѣ. У тебя во дворѣ гдѣ запрятана...

Марѳа строго на него глянула.

— Оно точно, сдержано и степенно начала она, — съ Васильемъ мы Селифонтьичемъ хоть и крестовымъ, а все жъ родствомъ считаемся. А и въ томъ таиться мнѣ нечего что въ любви его держу, довольно [3]) жалую. А только чтобъ у меня во дворѣ полюбовницъ своихъ хоронить сталъ, того ни Кузьмѣ, а ни самому Арбузьеву твоему мало не дерзало въ мысль придти, а и во сняхъ, поди, не мечталося. Да ты самъ съ товарищи, свысока оглядѣвъ Пашко̀ продолжала посадница, и голосъ ея съ этихъ мѣстъ тверже и строже сталъ, — самъ-то ты со товарищи, спрашиваю, аль вечоръ вы на свѣтъ народилися, что про Марѳу-посадницу отъ родителей не наказаны [4])? Ты подумай-ко, что̀ взвелъ на меня? Вѣдь мало что не къ тоѣй бабѣ непутящей меня приравнялъ, про котору тебѣ Арбузьевскій конюхъ сказывалъ? Аль отощала я, одряхлѣла вовсе, что Славковски уличана...—Тутъ Марѳа запнулась: хотѣла покрѣпче слово ввернуть, да сдержалася. — Что уличане-те Славковскіи, сказываю, что ни на есть молодшіи, а и тѣ, гляди, помыкать мной задумали? И откуда жъ вы смѣлости этой набрались необузданной? Аль за меня и стать некому, а у васъ заступы крѣпкія? Аль напоилъ, накормилъ васъ кто?..

Какъ послѣ самъ Пашко́ разсказывалъ товарищамъ, только стала молъ посадница эту рѣчь говорить, такъ его „ни̂ кто сверху за могутныя плечушки потянулъ, ни̂ снизу сталъ подталкивать, а вѣрно, что какъ очнулся онъ, въ память значитъ пришелъ, видитъ: не сидитъ ужь, на ноги всталъ." И рѣчи боярынѣ кончить не далъ: сами собой у него ноги подломилися, въ ноги онъ ей палъ, земно челомъ ударилъ.

— Ужь прости ты, вскричалъ, — Христа ради, прости ты меня, парня глупаго, неразумнаго. Ужь и самъ я не придумаю, съ чего мнѣ эта грубость въ голову втемяшилась, съ дуру-ли, со тоски-ли, со кручинушки несносныя, что отняли у меня злодѣи Маврушеньку, богоданну мою невѣстушку. Ужь прости ты меня, Христа ради, помилуй-ко, честна боярыня великая. Помилосердуй обо мнѣ, горюнѣ, а тебя-ко Господь не оставитъ своей милостью.

И Пашко̀ навзрыдъ рыдалъ.

— Охъ, ужь встань ты... полно-ко. Господь ужь съ

[1]) Охлескивать—бранно называть, хаять.
[2]) Дочи̂—дочь.
[3]) Образовать—благословить образомъ.
[4]) Калачики—баранки.
[5]) Пора́то — по-правдѣ, истинно.

[1]) Братанъ — братъ двоюродный.
[2]) Батъ — сокращенное баетъ, говоритъ.
[3]) Довольно: въ старину, да и сейчасъ нерѣдко, значило весьма, въ превосходной степени, больше нельзя.
[4]) Не наказаны — не обучены.

Головка дѣвочки. Съ картины Е. Блааса, грав. Брендамуръ.

Головка мальчика. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) **В. Томашевича**, грав. Ю. Шюблеръ.

тобой!.. Не сержусь вѣдь я... Полно же... не то вдосталь меня разжалобишь, еще расплачуся, приговаривала боярыня, судорожно перебирая на пухлыхъ перстахъ жукòвины [1]) самоцвѣтныя.

— До конца ужь помилосердуй, помоги ты мнѣ, честнà вдова посадничья: вызволь ты изъ бѣды мою Маврушеньку. Сама посуди: какà ей судьба готовится. Надокучитъ она боярину скоро, прогонитъ онъ ее со двора доловь [2]): дѣваться-то ей будетъ некуды, къ матушкѣ вернуться сорòмъ [3]) не велитъ, одна ей тогды дороженька — въ Волхово. А не то, какъ у нихъ же, у бòяръ, повелось: помѣняется онъ ею со своимъ же братомъ, бояриномъ, и пошла наша дурочка съ рукъ а на-руки, безталанна, изъ-за хлѣба куска...

Еще пуще пожалѣла боярыня Пашкò.

— Встань-ко а ты на ноги; сядь опять на старомъ на мѣстечкѣ. Потолкуемъ вотъ, подумаемъ.

Пашкò покорно всталъ на ноги и сѣлъ попрежнему на ступеньку.

— Чѣмъ же бы намъ да бѣдѣ помочь?.. Вотъ чтò па-перво скажи ты мнѣ: вѣрно-ль что Арбузьевъ сманилъ-то ее? Аль опять подслѣпа баба „вид'ла“?

— Ну, ужь это чтò ни è само вѣрное. Шабёрки [4]) всѣ скажутъ, а онѣ на эти дѣла, сама знашь, куды зорки; такъ скажутъ вѣдь, что онъ мимо Лукерьина дома почасту поѣзживалъ и опять съ нею, съ Маврушенькой, въ проулчепушкѣ не рѣдко же стаивалъ: а ужь это вѣра [5]) необманная. Ощё сама разсуди, долго-ли дѣвчонку этаку молоденьку съ толку сбить да на грѣхъ сманить: только самъ ты будь разбезсовѣстный, а онѣ къ тебѣ, чтò мотыли на огонь, сами налетятъ. Арбузьевъ же на эти дѣла, гляди слышала, пребѣдовый самый чортъ: всяку обойти сумѣетъ. Такъ этакому-то дьяволу долго-ль дѣвчонку совратить? Бабы-те глупы скажутъ, а и дѣвки не умнѣй живутъ.

Такъ-то Пашкò Василья Селифонтьевича расписывалъ, а у самого слезы съ лица капали.

— Охъ, ужь ты, и смѣхъ, и горе съ тобой! улыбаясь затуманившимися очами сказала боярыня. — Слушай же чтò я придумала. Пошлю я завтра же за Васильемъ за Арбузьевымъ. Коль его дѣло да сознается, такъ крѣпко ему поговорю: отпустилъ бы твою обручѐнную. Може, онъ меня и послушаетъ.

— Ты прикажи только, ужь послушатъ. Тебя всякій послушатъ: ослушаться-то никакъ нельзя, съ простодушной увѣренностью сказалъ Пашкò, покорно и любовно глядя въ очи посадницѣ; такъ добрые сыновья глядятъ на своихъ родителей-матушекъ. — А ужь я за тебя, добавилъ онъ, вставая на ноги, — денно-нощно молиться стану, въ ножки тебѣ поклонюсь.

У Пашкà и колѣни было подогнулися.

— Полно-ко; какъ дѣло сдѣлаю, тогда поклонишься, а этакъ-то, безъ-толку предо мной бухаться нечего: нѝ я болванъ [6]), нѝ ты Лопь некрещеная. А ты вотъ чтò скажи-тко мнѣ, какъ же вы этакъ оплошилися? Мòлодцы вы, я вижу, смѣлые, никому обиды не спустите, какъ же вы дѣвку промигали-то? что изъ-подъ носу ее у васъ выхватили? Аль она вольнёй волей шла и не вскрикнула?

— Да вѣдь меня-жъ на тотъ часъ въ Новѣгородѣ не случилося, отвѣчалъ Пашкò, удивленный и даже какъ будто обиженный, что посадница не знаетъ такой простой, всѣмъ вѣдомой вещи.

— Гдѣ-жъ ты былъ?

— А повольничалъ, въ повольникахъ ходилъ.

— Съ кѣ-ѣмъ? удивилась Марѳа.

[1]) Жукòвины, или жиковины — перстни.
[2]) Доловь — долой.
[3]) Сорòмъ — срамъ; соромить — срамить.
[4]) Шабёръ — сосѣдъ.
[5]) Вѣра — примѣта.
[6]) Болванъ — идолъ, кумиръ.

— А вотъ, вишь ты, довѣрчиво разсказывалъ парень, — Сковоротка такой будетъ, Максимомъ звать; тутъ вотъ у васъ же въ Неревскомъ концѣ, въ Холопьемъ городкѣ [1]) живетъ. Онъ, слышь-ко, въ голодный годъ òдерень [2]) задался, въ ключникахъ жилъ, а нунько повыкупился. Вотъ и сталъ подговаривать: „я де со своимъ господаремъ во походѣ былъ, а онъ, батъ, воеводой былъ на Заволочьи, съ московскими полки билися, и я де всякое дѣло ратное по тому жъ у него пèренялъ.“ Ну, и сманилися.

— Куда жъ вы ходили-то?

— А на Псковьской рубежъ, па Гостятино, Псковичей щипать.

— Ништо имъ, Псковичамъ, одобрила Марѳа. — Съ Москвой единачить [3]) стали, а крестно цѣлованье къ Господину Великому Новгороду забыли, а хлѣба брата своего старѣйшаго не попомнили... И много ходило васъ?

— А съ полъ-семà десятка [4]).

— И всѣ, далъ Богъ, добры-здоровы воротилися?

— Коли-же всѣ! Многихъ не досчиталися. На послѣдяхъ на самыхъ оплошилися. Намъ бы до своего рубежа добѣжать [5]), а мы, вишь, опозднилися да на ночь глядя поужинать въ полѣ придумали. А ощe, коль правду сказать, и выпито довольнё же было́; съ радости значитъ, что много награбили. Сторожей у насъ не поставлено, апъ сугона въ ночь. Ну, тутъ мы на кòнь скорѣй да бурушекъ, сивушекъ постегивать. Кто чтò въ торопяхъ, каку суму захватилъ, значитъ, свое-ли, чужо-ль грàбленье, тотъ съ тѣмъ и плеща показалъ [6]). А которы дюже пьяны были, не прочухались, тѣхъ псковичи, своихъ братьевъ мстя, коихъ посѣкли, а коихъ и повѣсили. Человѣкъ съ двадцать, считаемъ, повѣсили.

— Легко-ли! вздохнула Марѳа.

— А я вотъ, Бога благодарить надо, вовсе цѣлъ ушелъ; ну и добра приволокъ: буде чѣмъ чанъ, а не то и два сладить, прибавилъ Пашкò съ ребячьей хвастливостью, различающею не добро отъ зла, а удачу отъ неудачи.

— А которы сейчасъ съ тобой пришли, вмѣстяхъ же повольничали?

— Ни, мало кто изъ нихъ въ походъ ходилъ, а уличана, знашь, мы, съ одной улицы; ну и одначимъ во всемъ.

— Всею улицей?

— Кабы да всей, въ тѣ поры сильнѣе нашей улицы не то въ концѣ, а во всемъ Новѣгородѣ не было-бъ. Много у насъ тоже и за Полинарьевыхъ бòяръ станутъ; тѣхъ-то ощe не по болѣ-ли будетъ.

При имени Полинарьевыхъ у Марѳы межь бровей морщинка скользнула.

— Ладно-ко, сказала она, бѣгло сообразивъ что-то. — Скажешь вотъ своимъ, кому въ повольи неудача была, да и достальнимъ тожь не мѣшаетъ знать, что молъ скоро и въ Новѣгородѣ работы не оберешься. Московьски послы намедни съ чѣмъ пріѣхали, гляди, слышалъ же?

— Ни, гдѣ слыхать-то! Коли третьего дни вернумшись всего, а ощe бѣда такà. А съ чѣмъ òны ощe? съ любопытнымъ недовольствомъ спросилъ Пашко.

— Послѣ о томъ. А теперь, гляди, уличана заждалися, соскучились. Слѣзь-ко внизъ да во дворъ ихъ моимъ именёмъ проси. А слѣзешь, погляди: Кузьма недалече гдѣ во дворѣ стоитъ, такъ скричишь его, ко мнѣ бы шелъ.

[1]) Холопій городокъ — часть, гдѣ жили вольноотпущенные или выкупившіеся холопи.
[2]) Задаться одерень — продаться въ рабство; холопи звались одерноватыми.
[3]) Единачить или одиночить — дѣйствовать или стоять за одно.
[4]) То есть около 65 человѣкъ.
[5]) Бѣжать — на конѣ скакать.
[6]) Показать плеща — бѣжать съ поля сраженія. показать тылъ.

Какъ Кузьма на крыльцо взошелъ, преподозрительно онъ свою господарыню оглядѣлъ, словно она, по его мысли, затѣвала нѣчто непутное.

— Слышь-ко, Кузьма, мо̀лодцовъ-те чѣмъ Богъ послалъ угостить надоть: нельзя-же имъ голоднымъ по дворамъ идти. Не поскупись ужь моимъ добромъ: поставь имъ всякихъ ѣствушекъ и питьецовъ.

„Меду малиноваго ощё не прикажешь-ли?“ подумалъ Кузьма съ исконной ненавистью всякихъ холопьевъ къ простому люду.

Славковскіе уличапа, тѣмъ временемъ, у крыльца стали.

— Не погнѣвайтесь, дородпи [1]) добры мо̀лодцы, что долго столь дожидать васъ заставила. А и часы ужь не ранніе, подошли обѣды поздніе: инъ, милости прошу, ко мнѣ въ избу мою людьскую, во столовую, хлѣба-соли откушати.

— Ой-же ты, боярыня честна̀я да ласковая! весело вскричали ребята.

— Исполать тебѣ, честна́ вдова посадничья, важно добавилъ Василей сермяжникъ (постарѣ другихъ онъ былъ),—что нами, наро̀душкомъ чернымъ, не брезговаешь.

— Грѣхъ крестьянами [2]) брезговать. И сама я Новгородка-же, а и всѣ мы мужы вольніи, одинъ Господинъ Великій Новгородъ.

Загалдѣли тутъ ребята, славя боярыню.

— А вѣкъ тебѣ, кричали,—посадница честная здравствовать. Ой, живи-же, боярынюшка наша а ласковая!

— Кузьма, полушопотомъ сказала Мароа, какъ ребята поотошли отъ крыльца, — не забудь-же имъ про вѣсти про московьски сказать, все доподлинно, какъ учила я тебя всѣмъ сказывать: не знаютъ вѣдь еще. Да умненько, гляди. А въ полъ стола, и сама я къ нимъ сойду, аль внука пришлю.

— Покойна будь, матушка господарыня, отвѣчалъ Кузьма, презрительно махнувъ рукой, точно ему пустяшную вещь за невидаль показывали, — все какъ слѣдъ оборудую: не впервой мнѣ тожь ихняго брата наускивать.

— Кто говоритъ: „наускивать?“ строго оговорила боярыня.—Мужы они вольніи: свой розумъ у нихъ и воля своя-жь. Поспѣшай-ко, Кузьма.

— Ишь, ворчалъ Кузьма, неспѣшно сходя съ лѣстницы,—тоже вольніи зовутся. А я-то кто-жъ буду? Одерноватый, вишь, „холопинаде боярска“.—Тутъ Кузьма мысленно передразнилъ какъ его ребята, стоя за воротами, бранили.—Не бось, даровое ѣсть-пить—на это дѣло немудрое у всякаго розума хватитъ. А какъ домовь пойдутъ, ощё тутъ имъ поминки давай. А и я бы съ того на вѣчѣ глотку дралъ. А о чемъ драться, а онъ-же все васъ Кузьма, холопина бо̀ярска, наськивать.

(Продолженіе будетъ).

Поющія рыбы.

Глава изъ естественной исторіи Генриха Теэна.

До самаго послѣдняго времени значительное большинство естествоиспытателей примыкало къ мнѣнію, высказанному Кювье и Линнеемъ, что рыбы глухи, нѣмы и жизнь ихъ вполнѣ однообразна. Мнѣніе это могло установиться какъ вслѣдствіе трудности наблюденій надъ жизнью рыбъ, такъ и потому, что по внѣшнему виду онѣ лишены тѣхъ органовъ, которые служатъ людямъ и высшимъ животнымъ для проявленія душевныхъ движеній. Однако современная наука совершенно опровергла установившіяся раньше мнѣнія на этотъ счетъ. Намъ извѣстно теперь, что рыбы не глухи и не лишены органовъ для обмѣна мыслей и пониманія другъ друга; а потому старая поговорка „нѣмъ какъ рыба“, должна выйти изъ употребленія. Мало того, у рыбъ замѣчены и другія, поражающія своей сложностью, способности.

Достаточно сказать, что подобно тому какъ въ царствѣ насѣкомыхъ, такъ и между рыбами, встрѣчаются особи, которыя положительно проявляютъ довольно развитой музыкальный слухъ... Еще древніе естествоиспытатели утверждали, что птицы суть тѣ-же рыбы, которыя съ теченіемъ времени научились плавать въ воздухѣ, вмѣсто воды, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если эти будущія птицы щебечутъ. Вѣдь строютъ-же рыбы гнѣзда, такъ почему-же имъ не пѣть во время постройки гнѣздъ, подобно птицамъ-самцамъ. Можемъ-ли мы сказать съ увѣренностью, какого рода впечатлѣнія восприняль-бы нашъ слухъ и другіе органы, еслибы мы могли пользоваться ими безпрепятственно подъ водою? Можетъ-быть тамъ существуетъ цѣлый міръ звуковъ, о которыхъ мы едва можемъ составить себѣ понятіе. Въ то время какъ высшія позвоночныя животныя производятъ звуки почти исключительно грудною клѣткой, рыбы употребляютъ въ дѣло другіе органы и воспроизводятъ самые разнообразнѣйшіе звуки,—можно почти сказать: цѣлый оркестръ звуковъ.

Весьма возможно, что рыбы въ минуты страстнаго возбужденія передаютъ свои ощущенія другимъ себѣ подобнымъ посредствомъ произвольно вызываемыхъ колебаній воды, хотя колебанія эти настолько слабы, что не могутъ достигнуть воздушнаго пространства. Но подъ водяными сводами моря можетъ быть слышится неумолкаемое пѣніе—цѣлая симфонія.

Называющіе рыбъ глухими, вѣроятно, забываютъ, что нѣкоторыя породы рыбъ, какъ напримѣръ карпы, собираются на звонъ колокольчика. Это одно уже доказываетъ присутствіе весьма тонкаго слуха, тѣмъ болѣе, что изъ воздушныхъ звуковыхъ волнъ лишь немногія передаются водой; большинство-же отражается ея поверхностью. Уже древнимъ были извѣстны многія рыбы производящія весьма отчетливые звуки. Такъ напр. Эліанъ (180 г. по Р. Х.) говоритъ въ своихъ „Разсказахъ о животныхъ“: „Тѣ, которые осуждаютъ всѣхъ рыбъ на вѣчное безмолвіе и называютъ ихъ нѣмыми, очень мало знакомы съ ихъ природой. Мы знаемъ, что *лира, chronis и aper*—хрюкаютъ, *кузнецъ*—свиститъ, *морская кукушка*—напоминаетъ голосомъ птицу того-же имени.“ О тѣхъ-же рыбахъ совершенно основательно выразился Аристотель: „Нельзя говорить о голосѣ рыбъ, въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ рыбы не имѣютъ ни легкихъ, ни дыхательныхъ путей, ни гортани. Онѣ производятъ звуки или подобно кузнечикамъ, треніемъ шероховатыхъ поверхностей органовъ, или, какъ нѣкоторыя летучія рыбы, шумомъ и шелестомъ плавательныхъ перьевъ, или наконецъ выдыхаемымъ воздухомъ“.

Одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи породъ рыбъ есть *Карча (Cottus scorpius)* Сѣвернаго моря и Атлантическаго океана. Благодаря издаваемымъ ею своеобразнымъ звукамъ и крылоподобной формѣ ея грудныхъ плавниковъ, ей присвоиваютъ названія различныхъ птицъ, какъ-то: морской ласточки, вороны, морской кукушки, морскаго ворона. То-же самое можно сказать и о другой, принадлежащей къ семейству щитоносныхъ, морской ласточкѣ, встрѣчающейся въ болѣе теплыхъ водахъ. Такъ напр., въ Мессинѣ и въ другихъ городахъ Сициліи уличные мальчишки показываютъ морскихъ ласточекъ путешественникамъ, обращая вниманіе на то, какъ эти удивительныя рыбы громко *ворчатъ,* при каждомъ поднятіи жаберной крышки.

Къ числу рыбъ, издающихъ свистящіе звуки, принадлежитъ и пескарь или пискарь, котораго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, задолго до появленія аквариумовъ, держали въ комнатахъ, въ стеклянныхъ сосудахъ, какъ предсказывающаго погоду. Кромѣ клохчущихъ звуковъ, производимыхъ при выдыханіи большаго количества воздуха, пискарь издаетъ еще довольно высокій свистящій звукъ, напоминающій собою свистъ дрозда.

Но наибольшаго вниманія заслуживаетъ, по силѣ и разнообразію звуковъ, такъ-называемый морской орелъ. Онъ имѣетъ отъ 1 до 1,70 метровъ длины, вѣситъ до 60 фунтовъ, серебристо-сѣраго цвѣта; водится въ Средиземномъ морѣ. Прикладывая ухо къ краю ладьи, рыбаки слышатъ его музыкальный ревъ на глубинѣ 10—12 метровъ. Въ особенности, во время метанія икры, морскіе орлы собираются большими стаями въ устьяхъ итальянскихъ рѣкъ и производятъ громкую, хотя однообразную мелодію, которая вѣроятно и подала поводъ къ древнимъ сказаніямъ о сиренахъ.

Какимъ-же образомъ могутъ рыбы производить звукъ, не имѣя ни легкихъ, ни гортани? Многіе выдающіеся зоологи производили изслѣдованія по этому вопросу и пришли къ заключенію, что звуки рыбами издаются различными способами. Такъ напр., вышеупомянутый пискарь обладаетъ способностью функціонировать кишечнымъ каналомъ какъ дыхательнымъ органомъ. Съ этою цѣлью онъ по временамъ выходитъ на поверхность воды, чтобы вдохнуть сразу большее количество воздуха. Звуки происходятъ какъ при втягиваніи, такъ и при выпусканіи воздуха, такъ что, собственно говоря, здѣсь

[1]) Дородній—хорошаго рода, родовитый.
[2]) Крестьянинъ—христіанинъ.

нѣтъ аналогіи съ грудными звуками высшихъ животныхъ. Наименѣе выразительные звуки производятся скрежетаніемъ зубовъ, какъ напр. у луны-рыбы, или треніемъ *горловыхъ косточекъ*, жаберныхъ крышекъ, головы и плечъ, что замѣчается въ особенности въ семействѣ упомянутыхъ выше щитоносныхъ рыбъ. Звуки эти не лишены нѣкоторой доли музыкальности и напоминаютъ стрекотаніе кузнечиковъ и саранчи.

Наиболѣе удивительный изъ аппаратовъ производящихъ звукъ открытъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ англійскимъ естествоиспытателемъ у рыбы принадлежащей къ породѣ сомовъ. Аппаратъ этотъ помѣщается недалеко отъ головы, въ болѣе гибкой части становаго хребта, и состоитъ изъ выдающейся косточки, имѣющей съ обѣихъ сторонъ мелкіе зубцы. Косточка эта движется между двумя другими, также зубчатыми костяными пластинками и при каждомъ движеніи этой части становаго хребта, производитъ рѣзкій звукъ.

Французскій зоологъ Валансьенъ высказываетъ мнѣніе, что нѣкоторые звуки, производимые карпами, сомами, чебаками, ершами, угрями и другими, живущими въ прѣсной водѣ, рыбами, — когда ихъ чѣмъ-либо потревожатъ, — происходятъ отъ передвиженія воздуха изъ плавательнаго пузыря въ глотку. Если такое предположеніе вѣрно, то мы видимъ здѣсь нѣкоторое подобіе грудныхъ звуковъ, такъ какъ плавательный пузырь есть какъ-бы зачатокъ легкаго высшихъ позвоночныхъ животныхъ; впрочемъ, онъ лишь въ незначительной степени служитъ для обмѣна воздуха, и главнымъ дыхательнымъ органомъ рыбъ являются жабры.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ у многихъ рыбъ плавательный пузырь совершенно отдѣленъ отъ глотки, то надо предположить, что существуетъ и другой способъ воспроизведенія звуковъ. Дюфоссе и другіе естествоиспытатели объясняютъ происхожденіе звуковъ вибраціею нѣкоторыхъ мускуловъ, причемъ плавательный пузырь усиливаетъ звукъ.

И такъ мнѣніе Кювье и Линнея о томъ, что рыбы глухи, нѣмы и ведутъ однообразную жизнь, въ настоящее время совершенно должно быть оставлено. Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что жизнь рыбъ гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ это предполагалось до сихъ поръ, и нѣдра моря заключаютъ въ себѣ многое, о чемъ мы не имѣемъ пока никакого понятія... (С.)

Соловей. Рис. Мюллера, грав. Брендамуръ.

Къ рисункамъ.

За водяною мельницей. (Рис. на стр. 572 и 573).

Гуси, вообще неприхотливые на пищу, очень любятъ свѣжую траву, особенно растущую по берегамъ рѣкъ и прудовъ или на болотистыхъ мѣстностяхъ, а также и большую часть такъ-называемыхъ фуражныхъ травъ: клеверъ и проч. Пасти ихъ, водить на воду—въ деревняхъ поручается обыкновенно дѣвочкамъ постарше. И вотъ, гдѣ-нибудь —

За мельницей, въ тѣни дубовъ,
Сверкая змѣйкой межъ корнями,
Бѣжитъ ручей, вдоль береговъ
Поросшихъ мохомъ и цвѣтами.
То звонко скачетъ по камнямъ,
То, молча, на пескѣ сверкаетъ...
Въ полдневный зной къ его струямъ
Подпасокъ стадо пригоняетъ
Гусей крикливыхъ, и въ водѣ
Медлительны и величавы,
Они полощутся въ ручьѣ
За мельницей, въ тѣни дубравы.

Съ прошеніемъ. (Рис. на стр. 577).

Даровитый жанристъ Н. Г. Богдановъ, еще въ бытность свою ученикомъ Академіи Художествъ, обратилъ на себя вниманіе какъ талантливый изобразитель бытовыхъ сценокъ. На стр. 577 помѣщена вторая изъ его картинъ, бывшихъ на XVI передвижной выставкѣ „Съ прошеніемъ". Она передаетъ, какъ въ присутственномъ мѣстѣ старичекъ-сторожъ учитъ уму-разуму „деревенскую необразованность", кому подать прошеніе.

Н. Г. Богдановъ извѣстенъ также какъ прекрасный иллюстраторъ. Еще недавно вышла отдѣльнымъ изданіемъ увлекательная повѣсть В. Немировича-Данченко „Всесвѣтный бродяга", прекрасно иллюстрированная молодымъ художникомъ.

Женская головка. (Рис. на стр. 580).

Евгеній фонъ-Блаасъ мастерски изображаетъ женскія головки. Въ особенности ему удаются лица прелестныхъ обитательницъ Венеціи, гдѣ онъ уже давно поселился. Про помѣщенный на стр. 580 рисунокъ можно сказать словами поэта, что въ немъ художникъ передалъ:

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной —
И взоры самой красоты.

Голова мальчика. Этюдъ Томашевича.

(Рис. на стр. 581).

Задумчивый, не по лѣтамъ умный взглядъ, освѣщающій и безъ того пріятные черты—одно изъ славныхъ дѣтскихъ лицъ, нерѣдко встрѣчающихся въ средѣ русскаго простонародья, мастерски схваченное карандашемъ талантливаго художника, котораго произведенія не разъ появлялись на страницахъ нашего журнала.

Соловей (Luscinia philomela). (Рис. на стр. 584).

Первое мѣсто между пернатыми пѣвцами безспорно принадлежитъ соловью. Щелканье, которымъ больше всего привлекаютъ соловьи, отличается такою оригинальностью, въ немъ выражается такая полнота звуковъ и такое пріятное разнообразіе, такая увлекательная гармонія, какихъ мы далеко не находимъ въ пѣніи другихъ птицъ. Съ удивительною гибкостью мягкія, какъ бы флейтовыя ноты смѣняются дребезжащими, жалобныя—веселыми, тающія—трескучими; одна строфа начинается нѣжно, понемногу становится сильнѣе и потомъ постепенно замираетъ, сходя на-нѣтъ; въ другой, напротивъ, рядъ нотъ выстукивается съ изящною жесткостью. Паузы между строфами возвышаютъ дѣйствіе этихъ чарующихъ мелодій, и го-

Алжирскій еврей за пряжей шерсти. Съ фотогр. грав. Тиріа.

сподствующій въ нихъ умѣренный темпъ даетъ возможность вполнѣ уловить ихъ красоту. Мы дивимся то разнообразію этихъ звуковъ, то ихъ полнотѣ и необыкновенной силѣ, считая почти чудомъ, что такая маленькая птица способна производить такіе сильные звуки. Нѣкоторыя строфы въ самомъ дѣлѣ выбрасываются съ такою силой, что ихъ пронзительные звуки въ буквальномъ смыслѣ „рѣжутъ" ухо, причиняя физическую боль.

Пѣсни лучшихъ соловьевъ заключаютъ въ себѣ 20—24 разнообразныхъ строфъ, такъ-называемыхъ *колѣнъ*, на языкѣ русскихъ любителей. Каждое колѣно имѣетъ еще особое названіе, какъ напр. *Лѣшева дудка, Кукушкинъ перелетъ, тенькавіе, раскатъ* и проч. У большинства же соловьевъ разнообразіе не такъ велико. Мѣстность имѣетъ огромное вліяніе на пѣсню, а такъ какъ молодой соловей выучивается и образуется старыми птицами того же вида, живущими въ той мѣстности, то и понятно, почему въ одной рощѣ живутъ исключительно превосходные, въ другой — лишь посредственные пѣвцы. Старые самцы щелкають обыкновенно лучше молодыхъ, потому что и у птицъ благородное искусство требуетъ большаго упражненія: съ неба не сваливается и имъ ничего.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соловей увѣренъ въ защитѣ человѣка, онъ селится непосредственно близь жилищъ. Въ этомъ случаѣ онъ далеко не выказываетъ робости, напротивъ, проявляетъ извѣстнаго рода смѣлость и позволяетъ наблюдать свой образъ жизни. Въ поведеніи соловья обнаруживается серьезный нравъ, движенія его какъ бы обдуманны и полны достоинства. Относительно другихъ птицъ онъ отличается чрезвычайнымъ миролюбіемъ. Соловьи живутъ въ садахъ и въ лиственныхъ лѣсахъ, никогда не встрѣчаясь въ хвойныхъ. Эта перелетная птичка появляется въ средней Европѣ во второй половинѣ апрѣля, при чемъ самцы прилетаютъ раньше самокъ. Каждый изъ нихъ отыскиваетъ ту часть лѣса, тотъ садъ и даже тотъ кустъ, гдѣ онъ жилъ прошлымъ лѣтомъ; молодые стараются поселиться возлѣ того мѣста, гдѣ находилась ихъ колыбель.

Алжирскій еврей. (Рис. на стр. 585).

Случайно попавъ въ одну изъ старыхъ улицъ Алжира, кривую, узкую, темную, — путешественникъ невольно поражается цѣлымъ рядомъ полу-закрытыхъ, грязныхъ лавченокъ. Зайдите въ одну изъ нихъ и вы не раскаетесь въ своемъ поступкѣ. Въ ней можно увидѣть много интереснаго. Сидѣвшій до вашего прихода торговецъ, увидя покупателя, назойливо начнетъ предлагать разныя мѣстныя рѣдкости. Не трудно узнать національность этихъ торгашей. Горбатый носъ и черные, глубоко сидящіе глаза сразу говорятъ съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Не смотря на восточный костюмъ, въ нихъ легко узнаются евреи. Они ловко и настойчиво навязываютъ различные сосуды, якобы древняго происхожденія, но на дѣлѣ очень сомнительнаго вида, ящички и шкатулки изъ розоваго дерева съ перламутровыми инкрустаціями и множество другихъ разностей. Но среди всего этого товара заслуживаютъ особеннаго вниманія ткани и другія подобныя произведенія, приготовляемыя самими евреями чрезвычайно красиво и искусно. По сѣверному побережью Африки, въ Алжирѣ, Тунисѣ и другихъ мѣстахъ, они усердно занимаются выдѣлкою очень прочныхъ шерстяныхъ тканей восточной окраски, шарфовъ, поясовъ, шелковыхъ и бумажныхъ матерій, пестро вышитыхъ многоцвѣтными шерстями, галуновъ, вышивокъ и т. п. Всѣ эти произведенія, носящія общее названіе Algériennes, очень красивы. Тутъ же въ лавкѣ иногда можно познакомиться съ процессомъ изготовленія этихъ тканей. Гдѣ-нибудь въ углу можно замѣтить стараго еврея, прядущаго шерсть, подобно женщинѣ, при помощи страннаго инструмента (см. рис.). Это одинъ изъ терпѣливыхъ и искусныхъ ремесленниковъ, который по старости лѣтъ лѣтъ и слабому зрѣнію долженъ былъ уступить болѣе тонкую и сложную работу своимъ потомкамъ. Время искусныхъ работъ миновало для этого патріарха. Онъ молчаливо прядетъ шерсть своимъ дѣтямъ. Они же, окрасивъ ее въ яркіе цвѣта, выводятъ потомъ арабески, тайну которыхъ передалъ имъ престарѣлый глава семьи.

Музей и библіотека въ Греноблѣ.

(Рис. на стр. 588 и 589).

Въ числѣ различныхъ достопримѣчательностей Гренобля, главнаго города французскаго департамента Изеры, бывшей провинціи Дофине, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ музей и библіотека, помѣщающіеся въ прекрасномъ зданіи, построенномъ по рисункамъ и подъ наблюденіемъ талантливаго современнаго архитектора Шарля Кетеля (Questel). Въ музей и библіотеку ведетъ общій входъ чрезъ роскошный вестибюль (сѣни), внутренній видъ котораго помѣщенъ на стр. 588. Въ большой нишѣ, противъ входныхъ дверей помѣщена копія съ Аѳины Паллады, работы Веллетри, находящейся въ Луврѣ. По обѣимъ сторонамъ ея помѣщаются входныя двери въ библіотеку и музей; 4 двери поменьше, находящіяся въ полукругахъ, которыми оканчивается вестибюль, ведутъ въ другія части зданія. Потолокъ вестибюля, окрашеннаго въ желтый цвѣтъ, покрытъ арабесками, а нижняя часть обшита мраморомъ; надъ большими дверями изображены аллегорическія фигуры наукъ и искусствъ. Въ стѣнѣ вдѣланы доски изъ бѣлаго камня, на которыхъ высѣчены имена основателей и главнѣйшихъ жертвователей въ музей и библіотеку. Полъ выстланъ разноцвѣтнымъ мраморомъ и, кромѣ того, вдоль стѣнъ поставлены мраморныя колонны, на которыхъ помѣщены античные бюсты.

Южная часть зданія, приспособленная для библіотеки, представляетъ большой залъ, вмѣщающій до 80,000 томовъ. Длина его простирается до 29 саженъ, а ширина равняется 19¼ аршинамъ. Онъ раздѣляется на пять частей, увѣнчанныхъ плоскими куполами. Въ серединѣ куполовъ помѣщаются окна, чрезъ которыя по всему помѣщенію разливается ровный свѣтъ. Передъ колоннами, раздѣляющими залъ на части, устроены витрины. Въ нихъ выставлены манускрипты, украшенные миніатюрами, дорогіе переплеты и другія рѣдкости. Рядомъ съ большою библіотечною залою помѣщается читальная комната, гдѣ одновременно могутъ заниматься 52 человѣка за 10 столами.

Музей открытъ для публики съ 1869 года. До того картины находились въ залахъ епископскаго дома, позже въ лицеѣ, гдѣ они оставались 70 лѣтъ. Коллекція ихъ состояла въ 1840 году всего изъ 160 произведеній, кромѣ того было еще 16 статуй; въ 1878 году, благодаря правительственнымъ пожертвованіямъ и пріобрѣтеніямъ на средства города и частныхъ лицъ, картинъ уже насчитывалось до 367, а число статуй возрасло до 182. Среди нихъ находится не мало замѣчательнаго, такъ напримѣръ: *Св. Севастіанъ* и *Св. Аполлинарія* кисти Перуджино, написанные около 1512 г. для церкви августинскихъ монаховъ въ Перуджѣ и перенесенные въ Парижъ въ 1797 году; *Чудесное исцѣленіе*, Паоло Веронезе, громадная картина *Св. Григорій*, одна изъ работъ юноши-Рубенса, пейзажъ Клода Лоррена и мн. др. Кромѣ того, музей обладаетъ прекраснымъ собраніемъ рисунковъ и гравюръ, эпиграфовъ, мебели, рѣдкостей и медалей.

Политическое обозрѣніе.

Рѣчи Гобле и Буланже. — Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.

Бестактная и оскорбительная для Франціи рѣчь Коломана Тиссы, о которой мы упоминали въ прошломъ „Политическомъ обозрѣніи", вызвала горячую и прекрасную отповѣдь со стороны французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гобле. Какъ ни старались австрійскіе и германскіе оффиціозы ослабить непріятное впечатлѣніе, произведенное словами венгерскаго министра, отрицая намѣреніе оскорбить Францію и указывая что воздержанію отъ участія въ выставкѣ никогда и нигдѣ не приписывали значенія, вліяющаго на политическія отношенія между державами, тѣмъ не менѣе многіе видятъ связь между Буда-Пештскимъ инцидентомъ и дѣятельностью князя Бисмарка, направленною къ тому, чтобы изолировать Францію въ правственномъ и политическомъ отношеніяхъ.

По полученіи заявленій, представленныхъ графомъ Кальноки французскому послу Декре, относительно рѣчи Тиссы, 19 мая, Гобле, отвѣчая въ палатѣ на запросъ Жервиль-Реаша объ этой рѣчи, сказалъ, что правительство раздѣляло общее по поводу этой рѣчи волненіе, котораго, однако, преувеличивать не слѣдуетъ. Министръ призналъ, что рѣшеніе устроить всемірную выставку въ 1889 году могло вызвать возраженія со стороны другихъ націй. „Французское правительство—продолжалъ Гоблэ — принимаетъ съ признательностью заявленія о желаніи участвовать въ выставкѣ, но оно не можетъ сѣтовать на тѣ иностранныя правительства, которыя считаютъ необходимымъ воздержаться отъ участія въ этой международной манифестаціи. Для участія Австро-Венгерской имперіи въ выставкѣ образовался комитетъ съ согласія австро-венгерскаго правительства, которое, однако, впослѣдствіи отказалось отъ этой мысли. Оно пользовалось не только своимъ правомъ, но даже исполнило свой долгъ, отговаривая венгерскихъ промышленниковъ участвовать въ выставкѣ, но оно не имѣло права заявлять, будто событія принимаютъ такой оборотъ, что можно опасаться нарушенія мира во время выставки. Оно не имѣло права заявлять, что французское правительство лишено возможности обезпечить безопасность своихъ гостей. Обвиненія эти несправедливы и нельзя было ожидать ихъ отъ страны, къ которой мы всегда питали горячія симпатіи. Подобныя слова такого лица не могли пройти незамѣченными, вслѣдствіе чего министерство предложило г. Декре переговорить по этому случаю съ графомъ Кальноки. Графъ Кальноки выразилъ глубокое сожалѣніе по поводу этихъ инцидентовъ, причемъ заявилъ, что ни правительство, ни онъ самъ не имѣли намѣренія оскорблять Францію, съ которою, напротивъ, они желаютъ поддерживать наилучшія отношенія. Впослѣдствіи и г. Тисса заявилъ, что онъ раздѣляетъ эти чувства и что онъ не имѣлъ оскорбительныхъ для Франціи намѣреній." Гобле воспользовался случаемъ для того, чтобы представить объясненія объ иностранной политикѣ

Франціи. „Франція — сказалъ министръ — желаетъ мира, не ищетъ приключеній, занимается домашними дѣлами. Ей чужды какъ всякіе агрессивные замыслы, такъ и всякая слабость. Выставка служитъ лучшимъ доказательствомъ ея намѣреній и твердой воли не нарушать мира по ея вызову.“

Эта рѣчь произвела повсюду самое благопріятное впечатлѣніе и имѣла громадный успѣхъ. Всѣми воздается должное патріотизму и политическому такту французскаго министра, который знаетъ цѣну каждаго слова, произнесеннаго публично. Гобле, какъ справедливо замѣчаетъ *Figaro*, съумѣлъ съ честью не только для себя, но и для всей Франціи выйти изъ чрезвычайно затруднительнаго положенія, и въ то же время трудно было бы вѣрнѣе и лучше отвѣтить, говоритъ *Temps*, на своекорыстныя клеветы, давно уже распространяемыя, съ цѣлью выставить Францію какъ главную виновницу господствующаго нынѣ въ Европѣ тревожнаго положенія. Рѣчь Гобле оцѣнена по достоинству и въ венгерской палатѣ, гдѣ графъ Аппоньи констатировалъ, что нельзя было отнестись къ непріятному инциденту съ бо̀льшимъ тактомъ и предупредительностью, чѣмъ то сдѣлалъ Гобле, и въ Венгріи всѣ пламенно желаютъ сохраненія дружественныхъ отношеній съ Франціей. „Чувства эти — присовокупилъ ораторъ — не находятся въ противорѣчіи съ союзами, на которыхъ основана внѣшняя политика монархіи. Если Франція когда-либо увлечется стремленіями противоположными интересамъ и безопасности нашихъ союзниковъ, то и намъ нельзя будетъ отнестись къ этимъ стремленіямъ ни поощрительно, ни сочувственно; могутъ даже произойти случаи, при которыхъ мы, въ силу союзнаго договора, можемъ быть вынуждены принять относительно Франціи серьезное положеніе. Но пока Франція слѣдуетъ мудрой и миролюбивой политикѣ, которая изложена была г. Гобле, до тѣхъ поръ лига мира не можетъ служить помѣхою къ поддержанію съ Франціей соотвѣтственныхъ нашимъ интересамъ отношеній“.

Французское министерство, вслѣдъ за благополучнымъ разрѣшеніемъ пештскаго инцидента, одержало спустя нѣсколько дней новую побѣду въ палатѣ депутатовъ, и на этотъ разъ надъ своимъ ярымъ противникомъ, генераломъ Буланже. Долго жданная рѣчь браваго генерала была имъ произнесена 23 мая и нисколько не оправдала ожиданій. Какъ по времени, такъ и по высказаннымъ въ ней предложеніямъ и формѣ, ее надо назвать вполнѣ неудачною. Кажется, успѣхъ у генерала Буланже вѣрнѣе и больше въ томъ случаѣ, когда дѣйствуютъ за него и во имя его другіе, чѣмъ когда онъ самъ куетъ свое счастье. Предложеніе Буланже о неотложности пересмотра конституціи и распущеніи палаты, при чемъ онъ слишкомъ много говорилъ о своихъ успѣхахъ, а также неумѣстно заявилъ о ненадобности вообще президента республики, не было принято палатой, послѣ рѣчи Флоке, отъ котораго Буланже пришлось выслушать прозванія „диктатора тунеядца“ и „Сіеса мертворожденной конституціи“.

Современное положеніе дѣлъ въ Болгаріи живо рисуется въ письмѣ, напечатанномъ въ *Correspondance de l'Est*. Въ немъ говорится: „Въ настоящее время въ Болгаріи нѣтъ больше политическаго вопроса, а есть вопросъ финансовый. Это общее мнѣніе. Положеніе принца Кобургскаго и его правительства, а также политическая будущность Болгаріи сводятся къ вопросу о деньгахъ; матеріальное положеніе Болгаріи безнадежное и денегъ нужно ей достать во что̀ бы то ни стало. Единственнымъ препятствіемъ заключенію займа и экономическому подъему края является незаконное положеніе принца и его правительства. Какъ только истина эта проникнетъ въ народъ, принцъ Кобургскій будетъ компрометированъ навсегда и оставаться въ Болгаріи ему будетъ уже нельзя. Такой оборотъ, котораго дипломатія не предвидѣла, можетъ повести къ неожиданному разрѣшенію болгарскаго вопроса, гораздо болѣе простому и скорѣйшему, чѣмъ полагали“.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 20 мая, изволила прибыть въ Павловскъ Королева Эллиновъ Ольга Константиновна. Одновременно съ прибытіемъ ея величества возвратились въ Павловскъ П. Имп. Выс. Великія Княгини Александра Іосифовна и Елисавета Маврикіевна, выѣзжавшія въ Одессу для встрѣчи ея величества.

Дѣла церкви.

— Въ московской синодальной типографіи напечатано пасхальное Евангеліе на 8 языкахъ: греческомъ, латинскомъ, славянскомъ, русскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, чешскомъ и польскомъ. На всѣхъ этихъ языкахъ означенное Евангеліе напечатано отдѣльными, открытыми листами и будетъ продаваться въ полномъ составѣ всѣхъ 8 листовъ, въ особо изготовленныхъ папкахъ.

Финансы.

— Государственный банкъ будетъ взимать, впредь до измѣненія, по ссудамъ подъ процентныя бумаги 6½%, по спеціальнымъ счетамъ, обезпеченнымъ процентными бумагами, 7½%, и по учету ассигновокъ на полуимперіалы и золотые слитки 2% годовыхъ. Размѣры процентовъ по ссудамъ подъ облигаціи 4% внутренняго займа 1887 г., а также по другимъ операціямъ банка остаются безъ измѣненія.

Промышленность.

— Русское Общество Пароходства признало необходимымъ приступить къ постройкѣ новыхъ резервуаровъ для керосина въ Одессѣ и начало уже строить на наливной станціи резервуаръ большихъ размѣровъ, ёмкостью въ 200 тыс. пуд., такъ что съ нынѣшняго лѣта наливная станція можетъ имѣть запасъ керосина въ 920 тыс. пудовъ.

— По словамъ *Волжско-Донскаго Листка*, Ротшильдъ подрядилъ фирму Буніятовыхъ перевести изъ Баку въ царицынскіе резервуары милліонъ пудовъ керосина.

Торговля.

— За недѣлю съ 9 по 15 мая (ст. ст.) положеніе международнаго хлѣбнаго рынка ослабѣло. Въ Америкѣ цѣны колебались и заключились противъ предшествовавшей недѣли пониженіемъ. На европейскихъ рынкахъ слабость обнаружилась почти повсемѣстно, хотя и въ различной степени. За ничтожными исключеніями, дѣла проходили очень тихо; что касается цѣнъ, то онѣ еще держались, имѣя, однако, въ большинствѣ случаевъ лишь номинальный характеръ. На русскихъ рынкахъ общее ослабленіе отразилось, главнымъ образомъ, въ портахъ, какъ балтійскихъ, такъ и черноморскихъ; внутренніе же рынки продолжали держаться твердо, не обнаруживая склонности къ пониженію.

Народное просвѣщеніе.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія считаетъ долгомъ заявить, что сообщаемые въ разныхъ газетахъ слухи о предстоящихъ новыхъ назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ, подвѣдомственныхъ сему Министерству, — не имѣютъ никакого основанія.

Пути сообщенія.

— На Ивангородско-Домбровской желѣзной дорогѣ открыто прямое сообщеніе съ австрійскими дорогами отъ станціи Граница.

— 21 мая вечеромъ, на станціи Бараново Московско-Курской дороги, рабочій поѣздъ, нагруженный камнемъ, сошелъ съ рельсовъ. Сидѣвшіе на платформѣ 12 рабочихъ ранены, нѣкоторые тяжело, одинъ умеръ.

Некрологъ.

— Въ ночь на 12 мая въ Тифлисѣ скончался генералъ-лейтенантъ князь Леванъ Давидовичъ Гуріель.

— Въ Харьковѣ 17 мая скончался помощникъ главнаго военнаго прокурора т. с. Неѣловъ, возвращавшійся въ Петербургъ съ юга.

Смѣсь.

Извѣстный городокъ Тиволи, близъ Рима, принадлежитъ къ такимъ городамъ, муниципалитетъ которыхъ рѣшился отказаться отъ газа, керосина и т. п. и освѣщать улицы исключительно электричествомъ. Двигательною силой, при устройствѣ электрическаго освѣщенія, служатъ знаменитые Теверинскіе водопады. Въ настоящее время работа ихъ равна 100 лошадинымъ силамъ; но думаютъ довести ее до 1000 силъ — если только художники и туристы не заявятъ протеста, — и въ такомъ случаѣ электрическимъ освѣщеніемъ будутъ пользоваться и частныя лица. Даже существуетъ предположеніе освѣщать изъ Тиволи весь городъ Римъ. При освѣщеніи принята система *трансформаторовъ*. Горятъ 350 лампочекъ накаливанія, 6 сименскихъ дугообразныхъ и одно очень сильное электрическое солнце, служащее для освѣщенія храма Сивиллы, гротовъ, водопадовъ и даже мостовъ. Жалкое керосиновое освѣщеніе со 130 лампами обходилось городу въ 11,000 марокъ ежегодно; теперь городъ платитъ 8000 марокъ и кромѣ того 6400 марокъ погашенія, благодаря чему черезъ 20 лѣтъ все устройство перейдетъ въ собственность города. (с.)

Et cetera. Въ 1654 году король Шведскій Карлъ-Густавъ сдѣлалъ нашествіе на Польшу. Ожесточенная война прекратилась лишь черезъ шесть лѣтъ и окончилась миромъ, подписаннымъ въ полночь 1 мая 1660 года въ м. Оливѣ, близъ Данцига. Причиною этой длинной, кровопролитной войны послужилъ слѣдующій эпизодъ: Одинъ польскій дворянинъ, совершившій противузаконный проступокъ, желая избавиться отъ грозившаго ему наказанія, бѣжалъ въ Швецію. Польскій король Янъ-Казиміръ потребовалъ выдачи преступника. Въ написанномъ имъ по этому поводу письмѣ къ Шведскому королю онъ прибавилъ, послѣ своей подписи три раза et cetera (и проч.), въ титулѣ же Карла-Густава онъ написалъ лишь два раза et cetera. Это недостающее et cetera такъ взбѣсило Шведскаго короля, что онъ тотчасъ-же объявилъ войну Польшѣ. Историкъ, повѣствующій о современныхъ ему событіяхъ этой войны, присовокупляетъ: „Какъ дорого обошлось намъ это et cetera! Сколькими тысячами человѣческихъ жизней уплатили два монарха за недостающія восемь буквъ! Какими потоками пролитой крови были замѣнены эти нѣсколько капель чернилъ!“ Въ статьѣ третьей мирнаго договора прямо говорилось, что „хотя употреблявшееся до сихъ поръ сокращеніе титула посредствомъ et cetera будетъ сохранено и впредь, но каждая изъ договаривающихся сторонъ обязана употреблять на будущее время по три et cetera!“ (с.)

Капитанъ Муръ, начальникъ британскаго парохода „Sibirian“, сообщаетъ о слѣдующемъ любопытномъ атмосферномъ явленіи: „12-го ноября прошлаго года, около полуночи, въ то время какъ я находился въ 10 миляхъ къ С.-З. отъ мыса Ресъ, въ Ньюфаундлендѣ, мы замѣтили большой огненный шаръ, который при сильномъ Ю.-З. вѣтрѣ, казалось, поднялся на высоту около 15 футовъ надъ водою и двигался противъ вѣтра, прямо на наше судно. Вскорѣ онъ измѣнилъ направленіе и шелъ около $1^{1}/_{2}$ морскихъ миль вмѣстѣ съ судномъ. По прошествіи двухъ минутъ онъ снова повернулъ

Вестибюль Гренобльскаго музея во Франціи. Рис. г-жи Ласло, грав. Бертранъ.

на Ю.-З., и черезъ нѣсколько времени скрылся изъ виду. Мнѣ уже раньше приходилось наблюдать подобное явленіе недалеко отъ мыса Ресъ; оно какъ бы предвѣщало надвигавшуюся съ юга и Ю.-В. бурю“. Гидрографическое бюро въ Вашингтонѣ сопровождаетъ это сообщеніе слѣдующей замѣткой: „Описанное выше явленіе есть одинъ изъ видовъ молніи, наиболѣе рѣдкій и труднѣе всего поддающійся объясненію. Огненный шаръ описываетъ медленно въ воздухѣ неправильную траекторію, иногда съ силой разрываясь на мелкія части, иногда пропадая безслѣдно. Замѣчали, что, достигнувъ берега, шаръ этотъ врывается въ землю, потомъ на нѣкоторомъ разстояніи появляется снова, причемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вошелъ въ землю, остается отверстіе съ разорванными краями, около 20 футовъ въ діаметрѣ. Хотя существованіе этого явленія не подлежитъ никакому сомнѣнію, но до сихъ поръ еще не удавалось дать ему сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія. Явленіе это по характеру своему существенно отличается отъ извѣстныхъ *огней Св. Эльма*, которые во время грозы такъ часто наблюдаются на судахъ. Огни эти неподвижны; они появляются обыкновенно на вершинахъ рей и мачтъ и напоминаютъ собою снопъ лучей электрической машины“. (с.)

Новый шлемъ водолазовъ. Этотъ новый шлемъ представляетъ нѣсколько усовершенствованій; онъ приготовленъ въ Лондонѣ г. М. Апплегартомъ и находится въ настоящее время на выставкѣ въ Ньюкаслѣ. Онъ снабженъ электрическою лампой, силою въ 50 свѣчей. Лампа находится передъ сильнымъ рефлекторомъ, утвержденнымъ на вершинѣ шлема и нѣсколько наклоннымъ впередъ, такъ чтобы направлять лучи свѣта по направленію взоровъ водолаза на разсматриваемые имъ предметы. Это усовершенствованіе очень просто и въ то-же время значительно облегчаетъ подводныя морскія работы, такъ какъ имѣетъ двойную выгоду: даетъ сильное освѣщеніе и дѣлаетъ свободными руки водолаза. (Св.)

Человѣческое тѣло имѣетъ приблизительно 3.381,248 поръ. На каждый квадратный дюймъ поверхности тѣла приходится: на лбу 1258, на щекахъ 548, на шеѣ 1303, на груди 1136, на затылкѣ 417, на ладони 2736, на кисти рукъ 1740, на подошвѣ ноги 2685 поръ. Въ жаркій лѣтній день человѣческое тѣло выдѣляетъ посредствомъ ихъ отъ пятнадцати до двадцати килограммовъ воды. (с.)

Сахаринъ. Мучительная сахарная болѣзнь (diabetes) гораздо болѣе распространена, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Многіе, сами того не подозрѣвая, страдаютъ ею уже въ лучшую пору жизни; ощущаемыя при этомъ слабость и утомленіе бо̀льшею частью приписываютъ чрезмѣрной работѣ, а томящее чувство жажды объясняютъ также чѣмъ-либо другимъ. Такимъ образомъ болѣзни даютъ укорениться, хотя въ началѣ ея развитія борьба была-бы еще возможна. Не будучи во̀ время захвачена, она или ведетъ къ смерти медленнымъ разрушеніемъ организма, или требуетъ систематической харъ и даже превосходя его въ сладости, сахаринъ по составу своему не имѣетъ ничего общаго съ сахаромъ и можетъ быть употребляемъ больными безъ всякаго вреда для здоровья. Научное названіе сахарина — *Anhydro-Ortho-Sulfamin-Benzoesäure* или *Ortho-Sulfamin-Benzoesäure-Anhydrit.* Онъ представляетъ чистый, бѣлый, специфически легкій порошокъ, сладость котораго превосходитъ въ 280 разъ обыкновенный тростниковый сахаръ. Эта чрезмѣрная сладость дѣлаетъ частое употребленіе сахарина въ кушаньяхъ невозможнымъ, такъ какъ нѣсколько крупинокъ произво-

Библіотека Гренобльскаго музея во Франціи. Рис. г-жи Лансло, грав. Бертранъ.

мучительной діэты. По разъ болѣзнь опредѣлена посредствомъ химическаго разложенія мочи—она уже не такъ страшна. Строго-послѣдовательная діэта настолько сдерживаетъ ея развитіе, что она почти не оказываетъ вреднаго вліянія на организмъ; но больной долженъ вооружиться силой воли и обречь себя на строгое воздержаніе. Такъ напр. онъ долженъ отказаться отъ всякой мучной и содержащей сахаръ пищи. Запрещается хлѣбъ, картофель, рисъ, всѣ мучныя кушанья, всѣ стручковые плоды, горохъ и т. п.; молоко, рѣпа, фрукты,—какъ вещества содержащія сахаръ; затѣмъ пиво, вино, ликеры, все это строго возбраняется. Страшное однообразіе пищи лишаетъ больныхъ аппетита и ведетъ къ разстройству пищеваренія. Поэтому громадное значеніе для діабетиковъ имѣетъ употребленіе *сахарина,* замѣняющаго недостатокъ сахара въ принимаемой больнымъ однообразной пищѣ. Напоминая по вкусу сахаръ

дятъ уже непріятную сладость. Поэтому употребляются лишь сахариновые *препараты,* допускающіе большую дѣлимость и способствующіе раствореню сахарина въ водѣ.

Химически сахаринъ имѣетъ свойства кислоты, не смотря на свой чрезмѣрно сладкій вкусъ. Въ соединеніи со щелочами, онъ даетъ соли, имѣющія тотъ-же сладкій вкусъ и легко растворимыя въ водѣ. Соли эти употребляются на практикѣ въ видѣ небольшихъ лепешекъ или сахариновой эссенціи.

Имѣющіяся въ каждой аптекѣ лепешки или облатки, такъ разсчитаны, что одной штуки достаточно на чашку кофе.

По еще удобнѣе для употребленія—сахариновая эссенція, такъ какъ ее можно прибавлять къ каждому кушанью въ желаемомъ количествѣ капель. (с.)

Законы противъ самоубійствъ. Какъ извѣстно, въ Англіи

существуетъ законная кара за попытки къ самоубійству; тѣмъ не менѣе, законы эти не приводятъ ни къ чему, такъ какъ факты показываютъ, что именно въ Англіи встрѣчается наибольшее число самоубійствъ. Во Франціи, а именно въ Парижѣ, случаи самоубійства также часто повторяются, но никогда они не доходили до такого огромнаго числа, какъ во время революціи. Можно сказать съ увѣренностію, что многихъ заставлялъ лишить себя жизни страхъ передъ кровавыми неистовствами террора. Многочисленныя самоубійства побудили одного изъ членовъ законодательнаго собранія поднять вопросъ о нихъ въ національномъ конвентѣ и предложить заняться изысканіемъ средствъ для предотвращенія этого зла. Конвентъ дѣйствительно занялся обсужденіемъ этого вопроса и предложилъ слѣдующую задачу на общественное рѣшеніе: „Какое самое дѣйствительное средство противъ самоубійствъ?“ На слѣдующее утро секретарь, на обязанности котораго лежало вскрывать поступающія въ конвентъ письма и отвѣчать на нихъ, получилъ запечатанный пакетъ съ надписью: „Патріотическій отвѣтъ на обнародованный вчера вопросъ относительно самоубійствъ“. Когда секретарь вскрылъ конвертъ, оттуда выпала узкая полоска бумаги, заключавшая слѣдующія слова: „Докажите французскому народу, что и по ту сторону могилы будетъ такой-же національный конвентъ, и вы найдете лучшее средство противъ самоубійствъ; если разъ будетъ доказано, что и на томъ свѣтѣ предстоитъ встрѣтиться съ такимъ-же учрежденіемъ, никто больше не пожелаетъ лишать себя жизни“. Конвентъ удержался отъ дальнѣйшихъ попытокъ разрѣшить поднятый вопросъ, но подъ рукой старался, хотя тщетно, разыскать автора этихъ строкъ. Только много лѣтъ спустя, когда революція была уже окончательно подавлена, узнали, что авторъ письма былъ генералъ Лафайетъ. (с.)

Живущія въ пустынѣ арабскія племена, не признающія корана Магомета, высказываютъ различныя логически-религіозныя сомнѣнія. Они утверждаютъ, что религія Пророка установлена не для нихъ и приводятъ слѣдующіе доводы: „Какъ можемъ мы производить омовенія, когда и безъ того страдаемъ отъ недостатка воды? Какъ мы будемъ давать милостыню, когда сами ничего не имѣемъ? Зачѣмъ намъ идти въ Мекку, когда Богъ вездѣ? И зачѣмъ мы будемъ поститься въ Рамазанъ, когда намъ цѣлый годъ нечего ѣсть?“ (с.)

Задача „Вѣеръ“ № 39.

Пластинки вѣера не связаны и свободно передвигаются. Требуется передвинуть и размѣстить ихъ такъ, чтобы на раскрытомъ вѣерѣ можно было прочитать пословицу.

Шахматный курьезъ.

Партія съ дачей ладьи впередъ.

Бѣлые. Г. Гельбакъ.	Черные. N. N.
1. e2—e4	1. e7—e5
2. d2—d4	2. e5 : d4
3. C f1—c4	3. K g8—f6
4. K g1—f3	4. c7—c6
5. e4—e5	5. K f6—g4
6. C c4 : f7+	6. Кр. e8 : f7
7. K f3—g5+	7. Кр. f7—g8
8. Ф d1 : g4	8. d7—d6
9. e5—e6	9. Ф d8—e7
10. Ф g4—f5	10. h7—h6
11. Ф f5—f7+	11. Ф e7 : f7
12. e6 : f7×	

Черные.

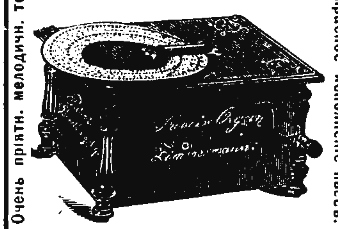
Бѣлые.

Ребусъ. Задача № 40.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НОВОСТЬ.

Очень пріятн. мелодичн. тонъ.



Прекрасное исполненіе пьесъ.

ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ.

Новый ручной органъ, **превосходящій**, по конструкціи, **всѣ до сихъ поръ бывшіе въ продажѣ подобные инструменты.**

Играетъ посредствомъ металлическихъ нотныхъ листовъ всевозможныя пьесы, русскія, салонныя, оперныя, и всѣ танцы. Имѣетъ механизмъ для игры Forte, Piano и Tremolando. Пьесы разнаго размѣра и значительно длиннѣе, чѣмъ у другихъ ручныхъ органовъ.

Цѣна фениксъ-органа съ 10-ю пьесами **40 руб.** Добавочныя пьесы, безъ различія какого размѣра, по **80 коп.** Списокъ пьесъ для фениксъ-органа, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3217
музыкальныхъ инструментовъ и струнъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

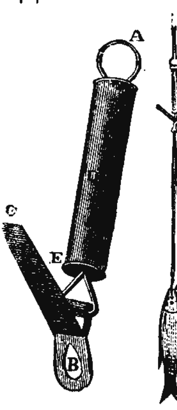
Совѣты по косметикѣ согласованные съ требованіями науки.

Сост. **М. Боголюбовъ**, докт. медиц.

Цѣна 75 коп.

Выписывающіе изъ склада изданія (Москва, Мясницкая, д. Музея, кв. Боголюбова) за пересылку не платятъ. Ц. № 3213 2—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. **П. Ф. Каратаевъ,** Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к., выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 3210

Безопасные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

„Безопасн. вел. Свифтъ"

Ж. БЛОКЪ.

Единственный представитель для всей Россіи
Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3198 4—2

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, СПБ.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу:

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
составл. ко дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности, 30 апрѣля 1888 г.,
М. Л. ЗЛАТКОВСКИМЪ.
(Съ портретомъ юбиляра гравированнымъ на стали).
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива"; а также можно получить у всѣхъ книгопродавцевъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ

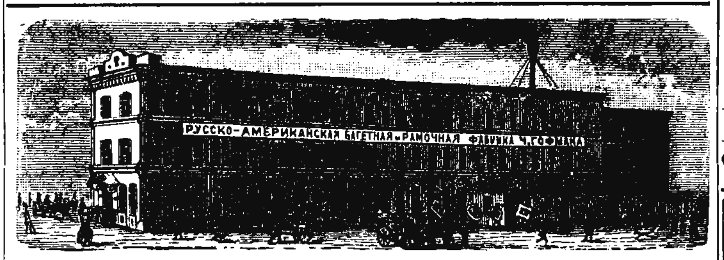
П. П. ГНѢДИЧА.

ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** Комед. въ 2 дѣйств.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйст.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенный виньетками. Цѣна этому изящному изданію **2 р.**, съ пересылкою **2 р. 30 к.**

Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Нива", Невскій, № 6.



РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3208 (1)

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—2

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (23) № 2946

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ДОМЪ ПРОДАЕТСЯ

не имѣющій сосѣднихъ строеній, барское помѣщеніе и садъ, земли 568 саж. Близь Петерб. час., уголъ Спасской и Малаго пр., № 7—20, отъ 11 до 6 ч. ежедневно. № 3215

КРАСОЧНЫЙ заводъ. ТОЛЕВЫЙ заводъ.

СІЙ и ЛООКЪ

Преемники В. П. Франке.

12—5 **Москва.** М. № 3003
Контора: Маросѣйка, д. Кайсарова.

ПАРФЮМЕРНЫЕ ТОВАРЫ

А. РАЛЛЕ и К°.

МОСКВА
Кузнецкій мостъ, домъ Солодовникова.

ДЛЯ **СЕЛЬСКИХЪ** ХОЗЯЕВЪ:
МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ,
изобрѣтенія В. Аккермана,
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ машины,
МУКОМОЛЬНЫЕ ПОСТАВЫ
НА СКЛАДѢ ПРИ МЕХАНИЧЕСКОМЪ ЗАВОДѢ

В. АККЕРМАНА,

СПБургъ, Пески, Больш. Болотная улица, домъ № 6. № 3101 4—1

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ

ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.

ПОСРЕДСТВОМЪ **ЛЕКЦІЙ И ПЕРЕПИСКИ,** СОВЕРШЕННО ЗАМѢНЯЮЩЕЙ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. **ПОЛНѢЙШЕЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА УСПѢХЪ.** ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ **БЕЗПЛАТНО.**

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ, ВЪ МОСКВѢ.

адресъ:
Москва, Арбатъ, Мал. Песковскій пер., д. Адамовича.

Ц. № 3212 1—1

КЛИШЕ

Гравированіе на деревѣ (клише) для иллюстр. изданій, Прейсъ-куранты, Объявленія и пр.
КСИЛОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛЪ РИХТЕРЪ
Троицкая улица, д. № 27а.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

КЛИШЕ

Р. № 3165 8—3

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
наискось прежняго помѣщенія.

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3162 8—5

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 11 іюня 1888 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Павелъ Яковлевичъ Пясецкій.

Имя П. Я. Пясецкаго*) пріобрѣтаетъ впервые громкую извѣстность въ началѣ 80-хъ годовъ, съ выходомъ въ свѣтъ его двухъ томовъ „Путешествія по Китаю“, о достоинствахъ и глубокомъ интересѣ котораго много говорилось въ нашей періодической печати и которое вскорѣ послѣ его появленія было переведено на французскій и англійскій языки.

Уроженецъ города Орла, П. Я. Пясецкій получилъ первоначальное образованіе въ мѣстной гимназіи и уже здѣсь обращалъ на себя вниманіе, какъ вообще своими выдающимися способностями, такъ и большимъ рисовальнымъ талантомъ, которому однако трудно было развиться при данныхъ средствахъ нашихъ провинціальныхъ городовъ. По окончаніи курса въ гимназіи, первымъ, Пясецкій былъ принятъ въ Московскій Университетъ безъ экзамена, на какой бы факультетъ онъ ни пожелалъ поступить. Художникъ и поэтъ по натурѣ, смотрѣвшій на міръ и на свое будущее служеніе родному обществу съ идеальной точки зрѣнія, онъ избралъ себѣ ту дѣятельность, которая казалась ему самою высокою изо всѣхъ доступныхъ человѣку — дѣятельность избавителя другихъ отъ страданій, т. е. врача. Окончивъ курсъ по медицинскому факультету, потомъ, сдавъ новый экзаменъ на высшую ученую степень и защитивъ диссертацію („О возрожденіи эпителія“), Пясецкій получилъ званіе доктора медицины, въ 1871 г. Но еще будучи студентомъ старшихъ курсовъ, онъ начиналъ чувствовать, что при современномъ состояніи науки, практическій врачъ можетъ стоять лишь очень далеко отъ идеала, т. е. отъ того, чтобы быть всегда могущественнымъ помощникомъ больному человѣку, и потому онъ тогда же избралъ для своей будущей дѣятельности

Павелъ Яковлевичъ Пясецкій. Съ фотогр. Пазетти, грав. Ю. Шюблеръ.

*) Полная фамилія П. Я. двойная — Пясецкій-Козелецкій, но эта вторая ея часть уже дѣдомъ П. Я. была постепенно оставлена. Родители П. Я. — православные и происходятъ изъ Черниговской губерніи.

всѣ тѣ отдѣлы медицины, въ которыхъ на помощь является хирургія, не исключая акушерства и глазныхъ болѣзней. Завѣтною же мечтою Пясецкаго было самому сдѣлаться профессоромъ, такъ какъ онъ всегда чувствовалъ гораздо болѣе склонности къ научной дѣятельности, чѣмъ къ практической.

Потерявъ однако надежды на профессорскую каѳедру, Пясецкій, въ 1872 г., оставилъ Москву и перешелъ въ Петербургъ на службу по военному вѣдомству, съ намѣреніемъ потомъ поступить во флотъ и уйти въ кругосвѣтное плаваніе. Какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь онъ не искалъ частной практики, а, продолжая жить по-студенчески, употреблялъ все свободное отъ службы время на подготовленіе себя къ путешествію вокругъ свѣта, которое теперь стало его мечтою. Съ этою цѣлью онъ изучалъ географію, этнографію, антропологію и совершенствовалъ себя въ иностранныхъ языкахъ, при чемъ овладѣлъ и англійскимъ. Кромѣ того, никогда не переставая любить живопись и понимая всю важность ея для путешественника, онъ поступилъ вольноприходящимъ ученикомъ въ Академію Художествъ, въ 1873 году, и въ короткое время сдѣлалъ быстрые успѣхи. Но ему пришлось пробыть въ ней недолго: весною слѣдующаго года Пясецкій былъ прикомандированъ Военнымъ министерствомъ къ русской экспедиціи отправлявшейся въ Китай, куда онъ и уѣхалъ. Вотъ этотъ-то первый опытъ своихъ силъ и приложенія своихъ знаній, въ качествѣ изслѣдователя чужихъ странъ, и создалъ Пясецкому сразу громкое имя въ ряду современныхъ путешественниковъ. Не смотря на краткость времени и на самыя неблагопріятныя условія путешествія, результаты трудовъ его превзошли всякія ожиданія: богатыя естественно-историческія и этнографическія коллекціи, подробное и живое описаніе всего видѣннаго въ Китаѣ и невиданное по громадности собраніе рисунковъ красками, исполненныхъ имъ въ дорогѣ, съ натуры, сразу обратили на него вниманіе какъ ученыхъ учрежденій и обществъ, такъ и печати, и имя доктора Пясецкаго стало извѣстнымъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Разныя отличія, почетныя званія и большая золотая медаль Импер. Русск. Географическаго Общества были наградою его талантливыхъ трудовъ. Докторъ П. Я. Пясецкій былъ осчастливленъ Высочайшимъ вниманіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, пожаловавшихъ ему за поднесенныя сочиненія и рисунки брилліантовый перстень.

Напечатавъ свой оффиціальный отчетъ подъ заглавіемъ „О санитарныхъ условіяхъ и медицинѣ Китая“ *), Пясецкій продолжалъ заниматься разработкою привезеннаго матеріала и весною 1877 г. окончилъ одну замѣчательную работу, представлявшую непрерывное и панорамическое изображеніе въ краскахъ всего пройденнаго имъ пути изъ средины Китая до русской границы. Эта панорама, имѣющая 100 слишкомъ аршинъ длины, въ высшей степени наглядно представляетъ характеръ посѣщенныхъ путешественникомъ мѣстностей.

Весною того же года, по представленіи этой работы императору Александру II, Пясецкій отправился въ дѣйствующую армію, въ Европейскую Турцію, гдѣ и оставался за все время кампаніи, находясь большую часть военнаго года въ Шипкинскомъ отрядѣ, въ качествѣ врача-хирурга, и также обратилъ на себя вниманіе своими неутомимыми трудами, а въ опасные моменты войны — храбростью, благодаря которой онъ остался на своемъ посту въ Габровѣ, когда послѣднему угрожала гибель отъ арміи Сулеймана въ памятные августовскіе дни на Шипкѣ. Вскорѣ послѣ этого Пясецкій заболѣлъ тифомъ и нѣкоторое время былъ при смерти. Во время выздоровленія онъ написалъ часть своихъ военныхъ воспоминаній, напечатанныхъ потомъ въ *Вѣстникѣ Европы* (1878 г. IX и X) подъ заглавіемъ „Два мѣсяца въ Габрово“, тотчасъ переведенныхъ на болгарскій языкъ. Затѣмъ, въ 1880 г. вышли въ свѣтъ помянутые два тома его „Путешествія по Китаю,“ извѣстнаго читающей публикѣ по увлекательному изложенію и спокойной, безпристрастной наблюдательности, съ какою авторъ относится къ описываемымъ народамъ. Въ предисловіи же къ французскому переводу говорится, что „по свидѣтельству лицъ, долгое время жившихъ въ Китаѣ, до сихъ поръ никто еще не проникалъ такъ глубоко въ нравы и обычаи Китайцевъ, какъ докторъ Пясецкій.“

По окончаніи разработки всего остальнаго матеріала, Пясецкій глубоко заинтересованный своеобразною культурой во многомъ симпатичнаго ему китайскаго народа, задумалъ предпринять новое путешествіе въ эту страну, и сталъ готовиться къ нему, твердо надѣясь дождаться времени, когда наконецъ сдѣлается возможнымъ новое, столь же усердное и плодотворное служеніе родинѣ своими способностями, знаніями и замѣчательнымъ трудолюбіемъ.

Пясецкимъ пожертвованы: нѣсколько сотъ большихъ рисунковъ на картонахъ, по анатоміи и хирургіи, — Московскому университету, въ бытность его студентомъ; собранныя въ Китаѣ зоологическая, ботаническая и минералогическая коллекціи — музеямъ Академіи Наукъ и Петербургскаго университета; этнографическая коллекція, представляющая цѣлый китайскій музей, а также всѣ собственноручные рисунки и панорама — И. Р. Географическому Обществу.

Не имѣя возможности входить здѣсь въ обзоръ дѣятельности Пясецкаго, какъ врача, упомянемъ только, что случайной и кратковременной поѣздкѣ его на Кавказъ мы обязаны введеніемъ въ медицинскую практику во всей Россіи кефира, на который онъ первый обратилъ вниманіе и, привезя его съ собою, сдѣлалъ о немъ докладъ въ Обществѣ Русскихъ врачей въ Петербургѣ, въ 1883 году. Раньше этого кефиръ совсѣмъ не былъ извѣстенъ въ Россіи.

*) Второе изданіе, популярное, напечатано подъ заглавіемъ „Какъ живутъ и лечатся Китайцы“. 1882.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

III.

Внучекъ.

Какъ посадница вошла въ комнату, у окна на лавкѣ, гдѣ она прежде сидѣла, теперь помѣщалась молодая Марья Александровна, жена ея внука, Василья Ѳедоровича. Василій былъ отъ младшаго сына посадницына, покойнаго Ѳедора Исаковича.

— Что, Марьюшка, муженька знать выглядываешь? входя спросила боярыня.—Опозднился онъ у насъ сегодня, запропалъ гдѣ-то.

— А у Настасьи, видно, сидитъ, у Григорьевичевой, сказала Марьюшка и при этомъ имени у нея уста слегка передернуло.

— Нечего ему у нея сидѣть. По дѣлу отъ меня посланъ.

— Развѣ по дѣлу, смирно отвѣтила Марья Александровна, а сама бабкѣ не повѣрила.

— Ну, вотъ и я! заждалися, чай? весело, отворяя дверь, затараторилъ молодой Василій Ѳедоровичъ. — А бабушка меня, гляди, не разъ бранить прималася, смѣялся онъ, цѣлуя бабку въ руку, а молодую жену въ уста.

— Ужь побранила-бы вдосталь, да полно [1]) было некогда, любовно трепля внука по щекѣ отвѣчала бабка.— Да ладно-ко, добавила она, легонько отстраняя его отъ себя рукой,—сказывай ужь: у всѣхъ-ли побывалъ, толкомъ-ли все, какъ я приказывала, справилъ?

— По безтолковымъ послала, да съ меня-же толку спрашиваешь. Гдѣ! и дома вѣдь никого не засталъ.

— Гдѣ-жь ты о сю пору пропадалъ?

Марья ревниво встрепенулася въ ожиданьи мужнина отвѣта.

— А у владычня ключника [1]) сидѣлъ. Не одинъ вѣдь я, много насъ понабралося. Порастрясли-таки владычне добро: въ кладовой икры, рыбки поубавилось, а и въ погребахъ вина, меду не прибыло-жъ.

— Я тебя за дѣломъ слала, а не съ ключникомъ владычнимъ бражничать! И послать-то никуда нельзя. Ни дать, ни взять, что батько твой покойный: того люди дурнемъ не мимо-же звали.

— Ну, вотъ бабушка и разсердилась, внука пріобидѣла! прихлопывая въ ладони, нараспѣвъ говорилъ Василій, а самъ на мѣстѣ даже затопоталъ, словно съ радости, что дождался-таки журьбы отъ бабки.—А теперь, бабушка, слушай-ко да внука-дурня за умъ похваливай.

— Да сядь-же а ты! что ровно конь у крыльца на мѣстѣ топочешься, бранчливымъ еще голосомъ, но ужь съ улыбкой въ очахъ промолвила бабка.

Василій въ одинъ прыжокъ очутился въ углу комнаты и подхвативъ съ лавки, за цвѣтную семишелковую кисть, тугую и длинную подушку рытаго бархата, что клались по лавкамъ, бросилъ ее на полъ и смир-

[1]) *Полно* въ смыслѣ *только*.

[1]) Владычень ключникъ — секретарь и казначей владыки (архіепископа Новгородскаго).

ненько усѣлся на ней, какъ пай-мальчикъ, напротивъ жены и бабки.

— Вотъ и сижу, бабушка; слушай-же. Какъ выѣхалъ я давече въ объѣздъ по твоему приказу, по старѣйшинамъ грâдскимъ, — подъѣзжаю къ однимъ воротечкамъ, въ други толкнулся; вездѣ одинъ отвѣтъ: „у Владыки де на сѣняхъ“ [1]). Кто молъ сейчасъ лишь поѣхалъ, а кого и съ полчаса времени не засталъ. Что-жь, думаю, мнѣ-ко-ва [2]) этакъ по-пусту, по напрасному по городу слоняться-то, коней томить. Поползли молъ мои раки стары къ Владыкѣ на сѣни, и я за ними-жъ въ Дѣтинецъ [3]) махну. Пригонилъ, спрашиваю—„въ палатѣ молъ всѣ, и степенны тутъ, и старые, и отъ житьихъ [4]) по два человѣка съ конца. А и весь докладъ, скажи. И владыка молъ съ ними-же, замкнувшись, сидитъ. А пускать де никого не велѣно: не мѣшали-бы дума думати“. Постоялъ я у дверей, слышу: шамкаютъ, шепчатся; ну, думаю, скоро-ль они еще все прошамкаютъ да перешепчатся. Давай-ко молъ я къ ключнику зайду, со святымъ отцомъ за чарой поспасаюся. А у ключника народу довольно ужь; за тѣмъ-же видно, за чѣмъ и я, пригнали. А далѣ еще подъѣзжать: всѣмъ любопытно вѣдь: что̀ они тамъ, въ палатѣ-то, сдумаютъ. Я какъ вошелъ, первымъ дѣломъ ключника попросилъ чтобъ служку какого побойчѣе къ палатнымъ дверямъ отрядилъ. А самъ ему, служкѣ, наказывалъ: „молъ какъ зашевелятся тамъ, станутъ шапки да посохи разбирать, тутъ ты во всю прыть ко мнѣ спѣши и на-крикъ кричи, а денежка, вотъ молъ она серебряна, для тебя-же припасена“. Вишь, бабушка, какой я розумный да заботливый.

— Съ кѣмъ-же ты у ключника-то сидѣлъ?

— А народу было много всякого: и Хревковъ Микула, и Селезневыхъ двое, Лука да Ермола, и Дмитръ Якуновичъ, и Кюръ Даниловичъ и Киріакъ Андреевичъ, и Сидорушка Божинъ внукъ, и Лука Аввакумовичъ, и Разсохинъ Петръ, и Буйносовъ кривой, и бородатый Буйносовъ тутъ-же. И... и не перечесть мнѣ всѣхъ... Охъ, его было и забылъ, вѣху-тъ новгородьскую...

— Кого ещё?

— А Юрья Рѣпехова.

Обѣ боярыни засмѣялися. „И впрямь молъ вѣха онъ новгородьская: всюду торчитъ“.

— Какже, продолжалъ Василій,—ужь гдѣ увидишь, что конёкъ его лохматенькій, со Святой до Святой нечищенный, у крыльца стоитъ, вѣрно молъ тутъ вино пьютъ. Да ладно... Ну, вотъ сидимъ мы себѣ, угощаемся; виномъ, медами забавляемся, и разговоръ у насъ,—ну, малое вѣче [5]), скажи.

— О чемъ-же бесѣда шла?

— О нихъ-же все, о послахъ московьскихъ анаѳемьскихъ.

— Шибко бранятъ, знать?

— Не скажи, бабушка. А какъ-бы тебѣ не солгать, вѣрнѣй сдоложить-то?.. Хвалить-то, знамо дѣло, никто не отваживается, да и на умъ, поди, никому хвала нейдетъ, а и бранить-то тоже будто опасаются, ровно-бы другъ дружки сторо̀жатся. А и молвитъ кто словечушко покруче, такъ вѣдь не то чтобъ слово крутое прибралъ, слово-то онъ скажетъ мягкое, а голосомъ больше упираетъ, имъ свою рѣчь прикручиваетъ. Го̀воритъ-то онъ: „а и дай Богъ ему господину князю нашему здоровьица“, а въ ушахъ звенитъ, ровно-бы молвлено: „а и черти-бъ тебя поро̀зорвали“. Въ душѣ, понимаешь, злобу таятъ, въ явь-то злобиться не смѣютъ еще.

[1]) У Владыки на сѣняхъ или въ палатѣ собирались для суда и совѣщаній (доклада). Сѣни были самая просторная комната, а потому самая удобная для пріема гостей.

[2]) Ва—прибавочная частица, ради усиленія рѣчи.

[3]) Тоже что̀ Кремль въ Москвѣ.

[4]) См. вступленіе.

[5]) Малое вѣче—боярское, въ противоположность большому, народному.

— И ладно что въ душѣ, тыча внизъ, словно что-то вглубь вколачивая перстомъ, молвила Марѳа.—Выкричись они теперь, къ дѣлу и поостыли-бы. А злоба, вдумчивымъ шопотомъ, будто про себя говоря, продолжала она,—та злоба хороша, говорю, котора въ сердцѣ выношена, въ тёмны ночи долгія безо сна выхожена да выпестована, слезами вспоена, вздохи повивана. Эта вотъ вѣкъ проживетъ; негасимая она, безсмёртная... Что-жь, Васильюшко, замолчалъ-то? дальше сказывай...

Васильюшко, весело усмѣхаясь, подмигнулъ своей Марьюшкѣ: „гляди молъ бабушка какова: сама шепчетъ, а меня-же, зачѣмъ замолчалъ, журитъ, а перебей-ко молъ я мысли ея, ужь задала-бы“. Марьюшка поняла къ чему ей Васильюшко мигалъ и весело ему улыбнулась въ отвѣтъ. И радостно ей было, что мужъ столь дружески подмигнулъ ей, побесѣдовалъ съ нею безъ словъ и не будь на нея страха, что бабка осердится, такъ-бы сейчасъ и бросилась къ нему, обняла-бы его за шею бѣлую.

— Слушай-же, бабушка, вотъ такимъ бытомъ сидимъ мы себѣ, бесѣдуемъ, и ровно меня кто въ бокъ толкнулъ: „а выглянь молъ въ оконушко“. Гляжу, анъ служка мой, языкъ высуня, отъ палаты спѣшитъ. Тутъ я скорёхонько за шапочку да къ палатѣ. Вбѣгаю на лѣстницу, а изъ дверей посадникъ степенный, самъ Ѳома Андреевичъ, шествуетъ. Подошелъ къ нему, низко кланяюсь, отъ тебя, бабушка, поклонъ отдалъ, о здоровьицѣ спрашивалъ. Благодарствовалъ и поклонъ тебѣ отдалъ-же. Сталъ онъ съ лѣстницы внизъ лѣзть, а я съ лѣваго бока отъ него забѣжалъ, подъ локотокъ его поддерживаю. И радъ онъ, вижу, радёхонекъ, что Борецкаго внукъ таково̀ ласковъ къ нему. Ну, разговоръ пошелъ. „Что̀-жь“, спрашиваю, „Ѳома Андреевичъ, стали-ли на чемъ?“ [1])— „А на чемъ стать-то?“ отвѣтилъ. „Самъ знашь, дѣло вѣдь не бывалое и опять-же великое“. И въ глаза мнѣ заглянулъ: и вижу я что вовсе-то они ростерялися, какъ къ дѣлу приступить, того не вѣдаютъ. И говорю ему, этакъ, знаешь, осторожненько рѣчь-то повелъ: „точно молъ, дѣло-то будто и не по старинѣ затѣяно и опять-же истинное твое, Ѳома Андреевичъ, словечушко что дѣло оно великое; а безъ новгородьскаго, говорю, слова [2]) ничего не сдумаешь“. Онъ даже встрепенулся весь: вотъ оно молъ что̀ сдѣлать надо, понялъ. „И бабка твоя“, спрашиваетъ, „этакъ-же толкуетъ?“—„Точно“, говорю.—„И самъ я“, въ отвѣтъ мнѣ молвилъ, „тоже сейчасъ толковалъ, что вѣче де безпремѣнно большое созвать надо-ть. Только когда вотъ?“ —„А спѣшить-бы“, я ему толкую, „кажись, не къ чему; какъ и въ долгій ящикъ класть не для чего-жь: пусть молъ слухъ по всему городу поразойдется, съ чѣмъ именно послы отъ князя пріѣхали; чтобъ всѣ знали, зачѣмъ вѣче созвано. А если больно скоро де, такъ вѣсть на народъ падетъ, ровно снѣгъ на голову, и тутъ неравно, говорю, народо-тъ сгоряча-то... А медлить, говорю, чрезмѣрно станете, опять-же бѣда: скрываютъ молъ, скажутъ, да того гляди, что сами вѣче созвонятъ“. И замолчалъ. „И эта бабкина-же мысль?“ спрашиваетъ.—„Ея-же“, въ отвѣтъ.—„Такъ, такъ“, прошамкалъ, „я и самъ де тоже мекаю. Только никакъ, говоритъ, не удумаю: въ который-бы день вѣче-то созвать?“ —„А лучше всего“, говорю, „въ Вознесеньевъ день. А то въ будни немноги люди придутъ и говоръ еще пойдетъ, что̀ нарокомъ въ будни созывали, чтобъ народу поменѣе, а бояръ поболѣ. Тутъ тоже не вышло-бы чего: черне-ть кричать учнетъ: „„мы де о томъ были несвѣдомы и того не приказывали““, и до мятежа не далече“...—„И эта, спрашиваетъ, бабкина-же мысль?“ Ну, тутъ я, бабушка, солгать научился: „ея-же“, отвѣтилъ, потому: какъ о днѣ у насъ съ тобой, бабушка, гово̀рено не было... Ладно-ль, бабушка, солгалъ-то я?

[1]) Стать на чемъ—придти къ какому-нибудь рѣшенію.

[2]) Новгородское слово—приговоръ вѣча.

Канунъ Троицына дня. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Ю. Шюблеръ.

Встрѣча царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославскою.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Нестерова. грав. Пунъ и Баргъ.

— Ладно, внучатушко, ладнёхонько, молвила посадница ласково гладя его желтыя кудри.

— Что̀-жь за умъ меня не хвалишь-то?

— А хвалю ужь, хвалю.

— Слушай-же: не все вѣдь еще. Ну, вотъ мы, этакъ-то бесѣдуя, давно ужь съ лѣстницы сползли, во дворѣ стоимъ. А всѣ-то на насъ смотрятъ, дивуются, не расходятся. Наконецъ, и коня велѣлъ степенный подавать. Ну, на прощаньи поклоны тебѣ опять, и Марьи моей не забылъ, — слышь, Марьюшка?.. Расцѣловались мы съ нимъ, а я ему въ особину честь воздалъ, въ плѐчушко его чмокнулъ. Это ладно-ль, что чмокнулъ-то?

— Ладнёхонько: а старикъ вѣдь онъ, а и степенный къ тому.

— Ну, тронулъ онъ, а меня со всѣхъ сторонъ что̀ мухи облѣпили, спрашиваютъ: „о чемъ молъ столь долго бесѣдовали?“ Я имъ тоже, что̀ тебѣ, только покороче, да еще на такую стать вывернулъ, что будто самъ посадникъ своимъ умомъ до всего дошелъ. И пошелъ тутъ слухъ: „на Вознесеньевъ день посадникъ большо вѣче удумалъ созвать“. Теперь, гляди, полъ-города про то знаетъ. И биричей оповѣщать не надо слать; сами сойдутся. То-то же: умны старѣйшины-те наши, а не подвернись я, дурень самъ да и дурпевъ-же сынъ, они-бы дней съ пять еще жевали, какъ съ дѣломъ-то повернуть, да ничего-бы и не выжевали.

— Хвастай, Васильюшко, да не больно захвастывай, строго молвила бабка.—Вотъ и отца-то твоего за это-же хвастовство не одобряли: „я де да я все“; за то и прозвали такъ, какъ давече въ сердцахъ я тебѣ сказывала.

— Охъ, бабушка, и забылъ я, заминая бабкинъ выговоръ сказалъ Василей.—А ужь смѣху подобно. Какъ его, Ѳому-то, въ разговорѣ я маленько пристращалъ, вотъ что про чернь молвилъ да „до мятежа де не далече“ и опять-же что „народъ съ горяча-то“, — такъ онъ тутъ, повѣришь-ли? за голову все прихватывался: „ужь цѣла-ли молъ моя головушка умная на плѐчушкахъ сидитъ“.

— Ну, ужь Богъ съ нимъ! видимо недовольная Васильевой шутливостью, вставая перебила его бабка, — тебѣ легко разговаривать-то, у ключника-тъ наугощамшись, а мы вѣдь съ Марьюшкой не ѣвши ходимъ. А за обѣдомъ напомни-ко: мо̀лодцы у меня тебѣ для вѣча припасены...

— Каки таки молодцы?

— А хо̀роши, смѣлый народъ. За обѣдомъ вотъ...

IV.

Московскіе послы.

Народное множество стояло на Ярославлѣ дворищѣ [1]). Всюду, до самаго Волхова, густо было народу просыпано. Люди толкали и жали другъ дружку у Вѣчьной [2]) избы; живой изгородью остѣнили обширный помостъ, что̀ былъ срубленъ въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди избы; тѣсно стояли и на Муроносицкой паперти, и у Святого Николы на крыльцѣ; не мало ихъ взлѣзло и на колокольни. Которымъ подалѣ мѣста доставались, тѣ были догадливы: прикатили бочекъ пустыхъ да натащили скамеекъ старыхъ. Оно и сейчасъ виднѣе, и слушать потомъ будетъ явственнѣй.

Часъ еще не поздній былъ; ранніе обѣды только что отошли; подкрѣпилъ тоже себя народъ, придя изъ церкви, и ѣдой, и питьемъ, собираясь на долгое стояніе Вѣчьное. Денекъ выдался ясный; солнышко сильно-бы пекло, не будь вѣтерка съ озера.

По степенямъ [3]) что̀ на помостъ вели, то и дѣло всходили бояре и житьи, и молодые, и старые. Было ихъ съ триста человѣкъ; всѣ золотыми поясами подпоясаны. Кто стоялъ самъ-одинъ; другіе сбилися въ кучу; иные ходили, а которые позаботливѣй, благовременно приказали своимъ паробкамъ принесть изъ дому кто столѐцъ, [1]) кто скамеечку.

На томъ-же рундукѣ [2]), недалеко отъ края и слѣва, стоялъ немалый столъ, а на немъ тетради бумажныя и чернилица. Столъ хотя и ладно былъ сколоченъ да нынче больно ужь не нарядeнъ стоялъ; былъ онъ весь чернилами забрызганъ и изрѣзанъ по краямъ перочинными ножичками. Мало того, на доскѣ молодые подьячьи Вѣчьные со скуки да съ баловства вырѣзали разныя надписи. Въ одномъ мѣстѣ ножемъ было рѣзано, что Степанко дурень, а въ другомъ Гуся „жилой трианаѳемской“ лаяли. Сами подьячьи Вѣчьные сиротливо ютились у стола; у каждаго подьячаго за-ухомъ торчало по перу лебединому, „того лебедя бѣлаго“. Хоть подьячьи и знали, что врядъ-ли имъ нынче придется строчить, все-жь ради красы и важности позатыкали перья за-ухо. Сиротливо-же они оттого стояли, что ихъ начальнаго человѣка Захарія, Дьяка Вѣчьнаго [3]), сейчасъ въ Новѣгородѣ не было, въ Москву къ господину князю великому съѣхалъ. Уѣзжая, Дьякъ никому не приказывалъ ключа отъ ларя, гдѣ лежало сукно, чѣмъ столъ наряжать. Если-бъ не эта дьякова забывчивость, въ уборѣ-бы столъ стоялъ, покрытый зеленымъ Ипскимъ сукномъ. И оттого еще подьячьи, особенно молодые, совѣстливо нынче глядѣли, что сильно опасались, какъ бы не замѣтилъ какой озорникъ ихъ столового неубранства да не скричалъ-бы на все вѣче: „а гляньте-ко молъ, господо̀, отчего нунь столъ ненаряженъ стоитъ? А оттого де, что подьячьи молодшіи то суконцё Ипское, чѣмъ столъ наряжать, къ Дарьюшкѣ вѣдь, къ бѣлой харчевницѣ, въ закладъ сволокли“. Опасаясь такого озорного слова, молодые подьячьи стояли прислонясь къ столу и даже полы отъ кафтанцевъ пошире распустили, чтобъ закрыть столъ отъ шутливаго глаза.

Напрасно, однако, они опасалися: и самымъ зубастымъ нынче не до нихъ было; народъ молча стоялъ, и понуривъ голову хмуро изподлобья поглядывалъ; развѣ гдѣ-гдѣ изрѣдка перебросятся словцомъ. Какъ тучный подвойскій [4]), вбѣгая по лѣстницѣ въ избу, поскользнулся да со всего маху столь крѣпко хватилъ головой о дверь, что чуть не звонъ по Дворищу прошелъ, словно въ колоколъ ударили, и тутъ никто не усмѣхнулся. А въ иное время здорово-бы вышутили звонкоголоваго подвойскаго.

Всякій разъ, какъ дверь изъ избы растворялась пошире, пропуская великаго боярина, народъ зашевеливался: подымались головы бородатыя, вытягивались шеи загорѣлыя. И слѣдомъ вновь народъ понуривался.

Въ который-то разъ дверь раскрылась, и теперь точно по праздничному. Легкій гулъ по Дворищу прошелъ: „идутъ, гляди“. Двое биричей [5]) вышли изъ избы и сойдя съ крыльца стали вѣжливо расталкивать народъ, прося привычно громкимъ густымъ голосомъ дать дорогу степенному посаднику и великокняжескимъ посламъ. За биричами подвойскіе прошли, а тамъ на порогѣ сталъ и самъ степенный посадникъ: Курятникъ, Ѳома Андреевичъ. И только онъ ступилъ на высокій порогъ, на Вѣчьной башнѣ въ колоколъ ударили. Рядомъ съ посадникомъ шелъ степенный тысяцкой, Василей Есиповичъ. Оба степенные шли не торопливо, плавномѣрною походкою, и оба прикидывались, что ни на кого не глядятъ, и оба же искоса зорко

[1]) См. вступленіе.

[2]) Старинное прилагательное отъ *вѣче* будетъ не вѣчевой, нынѣ употребляемое, а вѣчьный.

[3]) Степень—ступень.

[1]) Столецъ—табуретка.

[2]) Рундукъ—помостъ.

[3]) Вѣчьный Дьякъ—секретарь вѣча; государственный секретарь Новгородской республики.

[4]) Подвойскіе—выборные чиновники, приводившіе въ исполненіе рѣшенія и приказанія, какъ вѣча, такъ и поставленныхъ вѣчемъ властей.

[5]) Биричъ, отъ глагола брать, чиновникъ, бравшій подъ стражу; приставъ.

подсматривали: каковъ нынѣ народъ съ лица? Спустя шага три отъ степенныхъ, выступали московскіе послы; трое ихъ было: два боярина, дьякъ въ третьихъ. Еще отступя шага на три, валили гурьбой старые посадники и тысяцкіе, выборные житьи по два отъ конца, сотскіе, кончанскіе и уличанскіе старосты.

Ходъ не торопливо, плавномѣрною походкою взошелъ на помостъ, и все время, пока они шли, немолчно звонилъ колоколъ. Всѣ стали по мѣстамъ. Посадникъ снялъ шапку, помолился на Святого Николу угодника и поклонился на всѣ на три, на четыре стороны, московскимъ посламъ въ особину. Какъ вновь степенный шапку надѣлъ, перестали бить въ колоколъ. Вѣче было созвонено. Тишь стояла мертвая.

Степенный посадникъ, часто и низко приклаиваясь на ходу, тихо пододвинулся къ посламъ, шепнулъ имъ что-то и опять сталъ на свое мѣсто.

Первый посолъ, бояринъ Ѳедоръ Давыдовичъ, роду Акинфіевыхъ, выступилъ впередъ, помолился на Святого Николу, чудотворца мирликійскаго, и поклонился на всѣ стороны, отдавъ особый поклонъ степенному посаднику. Затѣмъ посолъ сказывалъ Новугороду поклонъ отъ государей великихъ князей Владимірскихъ и Великаго Новагорода и всея Руси, отъ князя великаго Ивана Васильевича и отъ сына его великаго же князя Ивана Ивановича: добавивъ къ тому, что государи князи великіе, какъ досель отчину свою, Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, жаловали, такъ де и впредь, еще пуще прежняго, будутъ жаловать.

При имени своего государя посолъ приподнялъ шапку и Господинъ Новгородъ Великій, мужи вольные, съ непокрытой же головой слушали поклонъ отъ господина своего князя великаго. Сдержавъ рѣчь, посолъ отступилъ назадъ и не поворачивая головы, слегка кивнулъ второму послу: „Твой молъ чередъ."

Второй посолъ, Тучковъ Иванъ Борисовичъ, вышелъ впередъ и, помолясь Святому Николѣ угоднику, Миръ ликійскихъ чудотворцу, повелъ обычный поклонъ всему Господину Великому Новугороду, мужамъ вольнымъ и ихъ степенному посаднику.

— Такъ повѣствуетъ князь великій отчинѣ своей Великому Новугороду, сказалъ Тучковъ, и поперхнулся: точно то слово, что̀ онъ хотѣлъ вслѣдъ вымолвить „мужамъ вольнымъ" стало у него поперекъ горла.

„Ну, ну", откашливаясь торопилъ себя Тучковъ, — „не молчать же Москвѣ предъ мужики Новгородскими."

Всѣ знали, зачѣмъ созвано вѣче, у всѣхъ какъ бы въ ушахъ звенѣли тѣ слова, что̀ Тучковъ намѣревался выговорить, и всѣ тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ и напряженіемъ ждали ихъ, желательно не вѣруя, что они могутъ быть вымолвлены вслухъ.

— Такъ повѣствуютъ государи князи великіе, погромче и веселѣе, справясь съ голосомъ, заговорилъ Тучковъ: — посылали есте, отчина наша, Великій Новгородъ, мужы вольные къ намъ пословъ своихъ, подвойскаго Назара да Захарія, Дьяка Вѣчьнаго, а называя насъ своими государи...

— Николи съ тѣмъ не посыловали! Лжа ѐ! пронеслось по Дворищу.

Тучковъ такъ и ждалъ, напередъ думалъ, что не дадутъ ему кончить рѣчи, но зная все же побаивался; не за себя, понятно, страшился, а не вышло бы при томъ порухи чести государевой. И еще зная свой крутой нравъ, того опасался Тучковъ, чтобъ не сцѣпиться ему за честь государеву съ мужиками новгородскими, а такое дѣло было бъ для посла неподобное. Однако, далъ Богъ, благополучно все сошло: вскрикъ новгородскій мятежный (такимъ его понималъ Тучковъ) только духъ ему приободрилъ.

— И послали насъ государи князи великіе... твердо заговорилъ Тучковъ, перебивая крики.

— Тише, что-ль, господо̀! успокоивали другъ друга, еще не до глубины взволнованные мужи вольные. Дайте послу скончать.

— И послали насъ государи князи великіе, намѣренно не спѣша и отбивая каждое слово продолжалъ Тучковъ, — того слова вашего новгородскаго покрѣпити, что звали ихъ есте государи своими... Тутъ Тучковъ пріостановился на самую на чуточку, ожидая что опять мужики кричать начнутъ, но вѣче эти знакомыя ужь слова мимо ушей пустило. — И приказали государи князи великіе спросить отчину свою Великій Новгородъ, мужей вольныхъ: какова де они государства хотятъ.

Тучковъ замолчалъ, и обвелъ вѣче глазами, какъ бы приглашая къ отвѣту.

— Какого ощё государства похотѣлъ? глухо спросилъ чей-то недоумѣнный голосъ и слѣдомъ, все громче и громче, но не бурно еще, заговорили со всѣхъ сторонъ: — Господами извѣка своихъ князей зовемъ. И Великій Новгородъ господинъ же. Ровно, кажись, чествуемъ. Въ старинѣ пусть держитъ, по пошлинѣ [1]) новгородскія! Какъ искони пошло! На чемъ крестъ у насъ съ нимъ цѣлованъ. Искони мы мужи вольніи...

Степенный посадникъ Ѳома Андреевичъ тревожно глянулъ на степеннаго тысяцкаго Василья Есиповича, и безъ словъ пошевелилъ губами; точно тѣ слова, что̀ онъ хотѣлъ выговорить, давно ужь и не разъ межь ними были сказаны, и теперь повторять ихъ, даже шепотомъ, было бы дѣло лишнее.

— Не замай, галдятъ! небрежно отвѣтилъ тысяцкій и забравъ въ широкую ладонь свою бороду лопатою, подвинулъ ее въ сторону къ посаднику.

— Грубости какой противъ госу... ой, бишь! противъ господина князя великаго не скричали бы, шепотомъ промолвилъ посадникъ, наклоняясь къ тысяцкому.

— Не замай, говорю, дай выкричаться, небрежно отвѣчалъ тысяцкій съ важнымъ видомъ глубокаго знатока Вѣчьныхъ дѣлъ.

— Казимера [2]) опять выкликать не стали бы, еще тише прошепталъ посадникъ.

— Не дураки тожь стоятъ, презрительно отвѣчалъ Василей Есиповичъ, и забравъ въ широкую ладонь свою бороду лопатою, подвинулъ ее, только теперь въ другую сторону, прочь отъ посадника.

Московскіе послы не столько крики новгородскіе слушали, сколько совѣтовались межь собой: то̀ ихъ заботило, все ли ладно, „точно ли противъ [3]) наказа государева" они посольство справили. Чтобъ и малой видимости не дать, будто ихъ смутилъ мужичій крикъ и они съ того стали говорить шепотомъ, — послы стояли откинувъ назадъ головы, со спокойной важностью, и говорили межь собой не тихо и не громко, среднимъ голосомъ.

— Аль появственнѣй имъ то жъ втолковать, сказать тоись попонятливѣе? спросилъ первый посолъ своихъ товарищей.

— Протри имъ очи, Ѳедоръ Давыдовичъ, на-чисто протри, а то прахомъ литовскимъ, знать, запорошилися, что отъ своего же слова новгородскаго отпираются, посовѣтовалъ третій посолъ, дьякъ Василей Далматовъ.

— А ты, Иванъ Борисычъ, такъ-ли же скажешь?

— И по моему, Ѳедоръ Давыдовичъ, они на государя какъ бы лжу кладутъ.

Первый посолъ снова выступилъ впередъ и подалъ рукою знакъ, что хочетъ говорить.

— А слышу я, господо́... промолвилъ онъ.

— Аль ощё что́ сказывать будешь? съ удивленіемъ опросили его передніе.

[1]) Пошлина—отъ пойти, какъ что̀ изстари пошло, повелось, или въ другомъ смыслѣ: сколько съ чего пошло.

[2]) То есть князя Литовскаго великаго и короля Польскаго Казиміра, за котораго новгородцы хотѣли задаться въ 1471 г.

[3]) *Противъ—согласно съ чѣмъ-нибудь*, слово въ слово, *черта въ черту*. Отсюда *противень* — копія, списокъ.

— А слышу я, господо́.., повторилъ посолъ, упирая на послѣднее слово: на него онъ пуще чѣмъ на отца роднаго надѣялся; назову де ихъ „господо“ по ихнему, по новгородскому, тутъ они и слушать меня станутъ.

Вѣренъ-ли оказался пословъ разсчетъ, или иначе то случилося, только отъ переднихъ къ заднимъ въ передачу пошло, что не все еще послы сказали, такъ слушали бы ихъ, пословъ, люди вольные.

— А слышу я, господо́... въ третій уже разъ сказалъ посолъ и оглядѣлъ вѣче: на всѣхъ лицахъ, на сколько онъ могъ досмотрѣть, словно было написано: „чего молъ еще тебѣ? а ну молъ, чтобъ у тебя въ головѣ тамъ ни было, выкладывай, что-ль, скорѣй.“

— Слышу я, говорилъ Ѳедоръ Давыдовичъ, — что разговоръ у васъ межь собой пошелъ: како̀ва де государьства великимъ князьямъ похотѣлося? Ино, господо̀, не государево то́ хотѣнье есть, а вы же, великихъ князей отчина, Великій Новгородъ, мужи вольные, съ тѣмъ словомъ къ великимъ князьямъ посыловали, за нихъ задавалися, а звали ихъ своими государи...

Посолъ невольно примолкнулъ на часокъ: ни вскрика, только встряхнулся весь народъ и шумъ какой-то сухой по Дворищу прошелъ; такъ шумитъ, когда вѣтеръ бурнымъ порывомъ налетитъ на боръ, пошелестывая сосновой хвоей. Посолъ глазами по вѣчу повелъ: сухо горѣло и непріязненно глядѣло на него зоркое око новгородское.

— А еще слышу, господо̀, опять заговорилъ посолъ,— что въ разумъ вы взять никакъ не можете: како̀ва государьства намолвляли ваши же послы, великихъ князей отчины, Великаго Новагорода, людей вольныхъ. Ино, господо̀, потолкую вамъ то̀. А государьство таково живетъ: по улицамъ у васъ въ Новѣгородѣ великихъ князей тіунамъ [1]) сидѣть, а Ярославле дворище вамъ бы, мужамъ вольнымъ, очистити, а въ великихъ князей судъ не вступатися.

Говорятъ: скоро сказка сказывается, да дѣло творится мѣшкотно. А бываетъ и такъ, что слову за дѣломъ не угнаться. Тоже и сейчасъ вышло.

Степенный Ѳома и уши насторожилъ было: чѣмъ де люди на послову рѣчь откликнутся? Ни вскрика опять; люди ровно вымерли. Словно у всего Великаго Новагорода горло перехватило и душить стало. И въ правду не одинъ, какъ бы въ защиту, заслонилъ горло рукою.

Тутъ Ѳомѣ на мысль вспало: „а сдержу ко молъ я рѣчь теперь, да той рѣчью въ свои руки вѣче заберу.“ Въ тотъ же мигъ, какъ это мелькало у Ѳомы въ головѣ, услышалъ онъ, что кто-то ему въ ухо кричитъ: „Говори, что-ль, скорѣй! забирай вѣче въ руки.“ Повернулся, а то тысяцкій его же мыслью его торопитъ. Степенный посадникъ пріосанился и ротъ уже раскрылъ, да только не услышало вѣче его слова, и даже слово изъ его устъ посадничьихъ не вылетѣло. Нежданная помѣха случилася.

Жилъ Курила [2]), Трябловъ сынъ, мясникъ съ Розважи улицы, парень дюжій, и росту не малаго: черезъ многіе головы видѣть могъ. Только былъ онъ туговатъ на ухо, и чтобъ дослышать все, забрался на вѣче чуть не раньше всѣхъ и сидѣлъ, дожидаясь, на рундучной ступенькѣ. Какъ вѣче было созвонено, онъ сталъ у самаго помоста. Слушая пословъ, Курила все вверхъ лѣзъ, чтобъ ни слова не проронить. Теперь онъ стоялъ уже на третьей ступени снизу, въ виду всего Господина Великаго Новагорода. Выпятя крутой лобъ, вылупя воловьи глаза и склонивъ на бокъ голову, Трябловъ сынъ точно все еще прислушивался къ рѣчи посла. И когда все затихло, онъ заговорилъ, перехватывая безъ умысла слово у посадника. Говорилъ-то Курила самъ съ собой, но громко, самъ того не зная, что вслухъ говоритъ.

— А въ толкъ не возьму, что̀ оно значитъ-то „за государя де задавалися“? недоумѣнно спрашивалъ Курила, а вѣче ужь слушало его. — Такъ-ли вотъ, какъ съ нужды да бѣдности люди за бояръ да житьихъ задаю̀тся, аль иначе какъ?

Отвѣта не было; впрочемъ, Курила на него и не расчитывалъ.

— Ну, какъ-то вдругъ, своимъ умомъ дошелъ Трябловъ сынъ, — а и вышло, поди, что писался до̀сель Господинъ Великій Новгородъ, а нунько, знать, Холопій Городокъ пиши!..

Мѣткое слово не мимо летитъ. Шумъ всталъ какой-то неслыханный. Былъ-ли то всхлипъ задержанный, или смѣхъ придушенный, — то Богъ вѣсть. Только отъ шума у самихъ пословъ мурашки по спинѣ забѣгали, и Курила, очнувшись, затрясся со страху, не подозрѣвая, что самъ же всѣхъ всполошилъ.

— Вотъ оно, государьство-то: Холопій городокъ, знать, пиши! А нѣтъ же ему государьства и не буде вѣкъ! какъ буря, сорвалось съ тысячи устъ и прокатилось по Дворищу. Другіе кричали: — Не мы доканчанье-то [1]) рушимъ, а онъ!

И какъ бы въ отвѣтъ имъ, съ другаго конца доносилося:—На начинающаго Богъ.

— Вотъ тѣ „и не замай, галдятъ!“ съ укоризной сказалъ степенный Ѳома Василью тысяцкому.

— А ты зналъ молчать, какъ я тебѣ вѣче въ руки забирать велѣлъ, съ укоризной же отвѣчалъ Василей, отворачиваясь отъ посадника.

— Пусть онъ глаза протретъ да миродокончальню вычитаетъ, что на Шолони была писана. А что̀ тамъ о судѣ писано? кричали въ одномъ концѣ, и какъ бы на перекличку дѣло пошло, съ другаго отвѣтили: — А судъ по старинѣ, по по̀шлинѣ новгородьскія! А безъ посадника князю не судити, а на Низу [2]) новгородьца не судити же.

И слѣдомъ ужь нельзя было разобрать словъ; гулъ глухой стоялъ. Такъ море рыдаетъ по осени. И вновь слова̀ явственно послышались.

— Отъ вѣка насилья такого не слыхано! Отъ перваго князя отъ Рюрика, отъ святого отъ Володимера! А Захарья съ Назаромъ не посыловали. А на Низу новгородьца не судити. Вотъ оно, его пуще прежняго жа̀лованьё! А нѣтъ ему...

И опять глухо, что море осенью, зарыдало вѣче.

— А пословъ лучше въ избу убрать: чего имъ тута торчать-то? сообразилъ Ѳома.

— Добраго не вы̀торчатъ! какъ бы въ гайку вгоняя бороду въ кулакъ, отозвался Василей.

Пошептавшись съ послами, Ѳома вздумалъ было сдержать рѣчь къ Великому Нову̀городу. Но сколько онъ самъ ни кричалъ, чтобъ его, посадника своего степеннаго, послушали, сколько биричей про то кричать не заставлялъ, оспо̀да не унималася. Долго бъ еще степенный Ѳома промучался, еслибъ биричь одинъ не былъ догадливъ. Выждавъ время, когда вѣче, передъ новымъ бурнымъ порывомъ, слегка притихло, закричалъ онъ во всю мочь:

— Микула, слышь, а Микулушка! голосилъ биричь,— тебѣ вѣдь кричу.

Микулъ на вѣчѣ не мало стояло; нѣкоторые прислушались, а съ десятокъ ихъ и откликнулись: „чего молъ тебѣ?“

— А тебѣ вѣдь, Микула, кричу: полно-ко горло драть, накри̂чишься ужо, а теперь-ко дай посаднику степенному рѣчь сдержать.

Никто не обидѣлся на бирича за шутку. Разсмѣя-

[1]) Тіунъ — судья.
[2]) Курила — Кирилла.

[1]) Доканчанье — мирный договоръ.
[2]) На Низу или въ Низовской землѣ — то есть въ Москвѣ, въ Московскомъ государствѣ.

Первые полевые цвѣты. Карт. Копа, грав. Пинкеръ.

лись; даже съ радостью набросились на шутку, что есть на чемъ тоску отвести.

— А вотъ, господо̀, что̀ удумалъ-то я, сталъ посадникъ рѣчь держать, а ужь вѣче его слушало, — отвѣто-тъ посламъ опосля мы дадимъ, а сгадавши межь собой, сдумавши. А нунько посламъ на вѣчѣ за чѣмъ-же стоять, не ладнѣй-ли буде, коль мы съ честью отпустимъ ихъ?

Въ отвѣтъ ему только рукой махнули: „а веди моль ихъ; не молиться же намъ на нихъ стать.“ Многіе даже отворотилися.

Посадникъ съ тысяцкимъ повели пословъ. Не успѣлъ Ѳома двухъ шаговъ ступить, какъ на дорогѣ ему сталъ бояринъ. Этакаго въ лѣсу встрѣтя, „не лѣшій-ли самъ объявился“, подумалось бы. То былъ самъ Юрьи [1]) Репеховъ, вѣха новгородская. Одеженка на Юрьѣ была засаленная, голова у него со Святой до Святой не чесалася, какъ и конекъ же его, лохматенькій, съ Покрова до Покрова не чищенъ бѣгалъ. Борода у него была всклокочена, и самъ онъ будто вѣкъ не мытъ.

— Ладно, Ѳома Андреевичъ, удумалъ ты, ей же Богу ладнёхонько, одобрилъ Юрьи посадника, прихлопывая его по плечу,—одни-то вольнѣй сдумаемъ.

Неподалеку стояли два боярина, одинъ молодой еще, Киріакъ Андреевичъ, внукъ посадничій, а другой въ лѣтахъ ужь, Лука Аввакумовичъ.

— А и посадникъ съ вѣча не безъ хвалы ушелъ, сказалъ Киріакъ и кивнулъ головой на Юрья.

— Нашъ Репешокъ ко всему прицѣпится, Лука въ отвѣтъ.

(Продолженіе будетъ).

¹) Старинный именительный падежъ имени Юрій.

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (авторъ романа *Три страны свѣта*).

Какъ говоритъ пословица: „человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ“, такъ и со мной случилось: я отнюдь не разсчитывалъ очутиться лѣтомъ въ деревнѣ К. губерніи. У меня были родственники, люди очень хорошіе и образованные, но до смѣшнаго заботливые о здоровьи своихъ маленькихъ дѣтей. Всѣ знаменитые петербургскіе врачи перелѣчили ихъ малютокъ, каждогодно семья отправлялась заграницу на купанья, но толку было мало — дѣти росли хилыя. Наконецъ, по рекомендаціи знакомыхъ, мои родственники пригласили одного изъ самыхъ зауряднныхъ докторовъ, который безцеремонно объявилъ родителямъ, что они изнѣжили и залѣчили дѣтей; что самое лучшее не пичкать дѣтей аптекарскою кухней, а взять ихъ года на два въ деревню, пусть себѣ побольше бѣгаютъ на чистомъ воздухѣ. Новый образъ лѣченія очень понравился моимъ родственникамъ и они, какъ люди со средствами, рѣшили купить недорогое имѣніе. Я былъ убѣжденъ, что мои родственники никогда не купятъ этого имѣнія, потому что требованія у нихъ были огромныя. Но бываютъ такіе счастливые люди, что имъ все удается въ жизни. Одинъ ихъ хорошій знакомый уѣхалъ въ командировку въ К. губернію и написалъ имъ, что продается отъ казны очень дешево имѣніе, какъ-бы нарочно для нихъ устроенное: барскій домъ большой, выстроенный прочно, полный мебели, посуды, даже съ роялемъ и экипажами. При домѣ садъ тѣнистый, въ саду рѣчка и не судоходная; поля сданы на аренду, такъ что съ сельскимъ хозяйствомъ не предстоитъ возиться, и барскій домъ стоитъ за двѣ версты отъ деревень, а потому не представлялось опасности, чтобъ крестьянскія дѣти могли занести какую-нибудь дѣтскую болѣзнь въ домъ. При покупкѣ имѣнія родственникамъ моимъ даже не было никакихъ хлопотъ: все за нихъ устроилъ ихъ знакомый.

Родственники мои пригласили меня провести лѣто въ ихъ новомъ имѣніи. По плану домъ оказывался такъ великъ, что я могъ жить не стѣсняя ни себя, ни хозяевъ.

Начались сборы по переѣзду въ имѣніе, хотя нужно было собрать лишь бѣлье и платье, потому что все остальное имѣлось въ домѣ; но родственники мои были въ такихъ хлопотахъ, что, я думаю, любая экспедиція на Ледовитый океанъ потребовала бы менѣе сборовъ.

Мнѣ очень хотѣлось поскорѣй уѣхать изъ Петербурга и засѣсть за работу, которую я долженъ былъ приготовить къ осени, а между тѣмъ приходилось поджидать моихъ родственниковъ. Я схитрилъ и началъ имъ доказывать, что надо въ имѣніе послать кого-нибудь чтобы провѣтрить домъ и все приготовить къ ихъ пріѣзду, разсчитывая, что въ такомъ случаѣ и мнѣ можно будетъ скорѣе выѣхать, такъ какъ въ домѣ будетъ прислуга.

Выборъ палъ на старушку Филипповну, типъ хорошей дворовой прислуги временъ крѣпостнаго права, и ея силача-внука, коренастаго парня 19-ти лѣтъ. Филипповна, не смотря на свои 60 лѣтъ, на худобу и маленькій ростъ, была необыкновенно подвижная особа; она все умѣла сдѣлать безъ всякой суеты, а ужь насчетъ соленья и варенья была что̀ называется мастерица. Она очень была довольна, что наконецъ-то выберутся изъ „этого Питера“ молодые ея господа; такъ Филипповна называла моихъ родственниковъ, потому что лишь по смерти своихъ старыхъ господъ переселилась изъ деревни въ Петербургъ къ дѣтямъ умершихъ. Тутъ она отъ всего приходила въ ужасъ: какъ это жить въ домѣ, гдѣ есть другіе жильцы, гдѣ нѣтъ при квартирѣ ни кладовыхъ, ни чулановъ? На петербургскую прислугу она смотрѣла съ негодованіемъ: „точно цыгане: сегодня у однихъ господъ служатъ, завтра у другихъ; барское добро готовы все расхитить!“ ворчала Филипповна. Внука своего она любила до безумія, но почему-то считала стыдомъ выказывать свою любовь къ нему; напротивъ, всегда была очень сурова съ нимъ. Такъ какъ отецъ ея внука поплатился жизнью за свою страсть къ лошадямъ, которыхъ онъ умѣлъ объѣзжать и изъ бѣшеныхъ дѣлалъ кроткими, то Филипповна ни за что̀ не хотѣла, чтобъ ея внукъ, оставшійся съ дѣтства сиротой на ея рукахъ, тоже сдѣлался кучеромъ, а избрала ему лакейскую карьеру. Но внукъ, Петръ, унаслѣдовалъ отъ отца страсть къ лошадямъ и необычайную силу. Его высокая плечистая фигура съ огромными ногами и руками протестовала противъ должности комнатнаго лакея. Въ кучерскомъ нарядѣ и на козлахъ Петръ былъ-бы красивъ, но въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ являлся до смѣшнаго неуклюжимъ. Голосъ у него былъ зычный и бабушка приходила въ отчаяніе, когда онъ смѣялся. „Что ты ржешь-то!“ говорила она внуку. „Съ дѣтства учишь тебя какъ слѣдуетъ комнатному лакею держать себя, а ты мужланъ-мужланомъ. Срамишь меня передъ господами!“

Бабушка сама каждый день приглаживала внуку волосы, которые были необыкновенно густы и торчали дыбомъ, много помадила ему голову, но все было безуспѣшно, и Филипповна чуть не со слезами говорила:

— Хоть цѣлый пудъ смажь помады на его волосы, а они все какъ иглы у ёжа стоятъ.

Но смѣшнѣе всего было, когда бабушка таскала своего внука за вихры, за то что тотъ бѣгалъ въ конюшню. Бабушка приказывала внуку стать на колѣни, иначе она не могла достать до его волосъ, и дѣлала видъ, что больно его теребитъ, а внукъ гримасничалъ, будто-бы и въ самомъ дѣлѣ ему больно.

Я пробовалъ урезонивать Филипповну, чтобъ она бросила расправляться со внукомъ, что у него ужь усы и борода растутъ; на это Филипповна мнѣ отвѣчала:

— Это онъ бородастый въ отца. И кому-же взыскивать съ мальчишки, какъ не мнѣ? вѣдь онъ сирота. Въ прежнее-то время какихъ бородачей наказывали господа, за то и имѣли настоящую прислугу; а теперь пальцемъ никого не трогаютъ, а какой толкъ—пьяницъ да воровъ развели.

Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Филипповны со внукомъ, и я отправился въ Порошково, такъ называлось купленное имѣніе моихъ родственниковъ.

Я прибылъ въ городъ К. подъ вечеръ и съ вокзала поѣхалъ на телѣгѣ парой съ ямщикомъ; всего было 6 верстъ отъ города это имѣніе. Ямщикъ, вообразивъ, что меня очень интересуютъ бывшіе жители Порошкова, началъ мнѣ разсказывать про ихъ житье:

— Объ эту пору бывало изъ городу что̀ гостей ѣдетъ туда, говорилъ ямщикъ. — Прытко жили господа Крутовы, анъ вышло имъ какое разореніе отъ ихъ сусѣда, Полиновскаго барина: посватался за ихъ дочку, а ему отказъ отъ отца; вотъ въ отместку Полиновскій баринъ такой фортель подвелъ подъ него, что казна отобрала отъ Крутова Порошково и домъ въ городѣ—въ прахъ разорилъ!

Я зналъ уже, что помѣщикъ Крутовъ, занимая какую-то должность въ городѣ, затратилъ казенныя деньги и казна отобрала его имущество. Я пояснилъ ямщику, что казна взяла у Крутова его имущество за растрату денегъ.

— А развѣ онъ одинъ затрачиваетъ казенныя деньги, отчего-же съ другихъ-то не взыскиваютъ?.. Нѣтъ, всѣ въ городѣ знаютъ, что Полиновскій баринъ по злобѣ своей его въ прахъ разорилъ, отвѣтилъ мнѣ ямщикъ такъ самоувѣренно, что я нашелъ лишнимъ его разувѣрять.

Мы съѣхали съ шоссе и повернули въ сторону по проѣзжей дорогѣ, довольно холмистой; съ одного изъ холмовъ былъ крутой спускъ въ оврагъ и на узкомъ мосту виднѣлась сломанная телѣга, а въ ней стояла женская фигура и махала намъ платкомъ, вѣроятно желая предупредить насъ, чтобъ мы были осторожнѣе.

— Проѣдемъ! съ самоувѣренностью отвѣтилъ ямщикъ, когда я ему совѣтовалъ остановиться,—ишь ты гдѣ угораздило телѣгу сломаться, добавилъ онъ.

Мы точно проѣхали, но дали такой толчокъ телѣгѣ, что стоявшую въ ней женщину сшибли съ ногъ.

Я остановилъ ямщика, выпрыгнулъ и подбѣжалъ къ мосту взглянуть не ушиблась-ли женщина; но, къ моей радости, она уже стояла на мосту и поправляла смятую соломенную шляпку.

Мы такъ быстро проѣхали, что я не успѣлъ замѣтить лица женщины, но, подойдя къ ней, увидѣлъ, что это была очень молоденькая, высокая, худенькая дѣвушка, одѣтая бѣдновато, а рукава драповой черной кофточки были до смѣшнаго коротки, какъ у дѣтей, когда они выростутъ изъ своихъ платьевъ.

— Не ушиблись-ли вы? спросилъ я дѣвушку.

— Нѣтъ! спокойно отвѣтила она мнѣ, смотря на меня своими большими, строгими глазами, съ такимъ открытымъ выраженіемъ, какое тоже бываетъ только у дѣтей. Черты лица были не особенно правильны, но необыкновенно выразительны.

— Гдѣ-же ваша лошадь? спросилъ я.

— Я послала за другой телѣгой въ деревню.

— Не угодно-ли сѣсть въ мою, я подожду вашу, а то скоро совсѣмъ стемнѣетъ, сказалъ я.

— Я не боюсь темноты, отвѣтила дѣвушка и пошла въ гору.

Я стоялъ въ нерѣшимости; она повернула голову и произнесла:

— Поѣзжайте!

Я пошелъ къ своей телѣгѣ и нѣсколько разъ оборачивался посмотрѣть на дѣвушку, которая быстро поднималась по крутой дорогѣ. Невольно обращали вниманіе ея длинныя и толстыя косы каштановаго цвѣта.

Я сталъ разспрашивать своего ямщика, не знаетъ-ли онъ, что̀ это за дѣвушка; но ямщикъ самъ дивился, откуда она появилась въ здѣшнихъ мѣстахъ, такъ какъ зналъ наперечетъ всѣхъ помѣщиковъ въ окрестностяхъ города и порѣшилъ такъ, что вѣроятно, во время его отлучки въ деревню, она поселилась у помѣщицы Онуфріевой.

— Да деревня Вистовка далече! въ недоумѣніи проговорилъ ямщикъ.

Мы не проѣхали и съ полъ-версты, какъ навстрѣчу намъ показалась телѣга, которою правилъ мальчуганъ лѣтъ 13-ти. Я рѣшилъ, что, вѣроятно, эта телѣга ѣдетъ за дѣвушкой, велѣлъ ямщику пріостановить лошадей и спросилъ мальчика:

— Ты ѣдешь за барышней?

Мальчикъ ничего мнѣ не отвѣтилъ.

Ямщикъ крикнулъ:

— Отколева?

— Изъ Грязева! тоже крикнулъ мальчуганъ и хлестнулъ свою лошаденку.

Ямщикъ увѣрялъ меня, что въ Грязевѣ нѣтъ даже барскаго дома.

Встрѣть я эту дѣвушку при другой обстановкѣ, я вѣроятно не полюбопытствовалъ-бы узнавать, кто она такая.

Ямщикъ счелъ нужнымъ предупредить меня, что мы подъѣзжаемъ къ Порошкову, когда мы свернули съ дороги въ широкую аллею, обсаженную большими деревьями: съ одной стороны виднѣлся расчищенный лѣсъ, съ другой онъ былъ сплошь вырубленъ. Ямщикъ сказалъ мнѣ, что при старой барынѣ, матери Крутова, кругомъ усадьбы росъ большущій лѣсъ, но сынъ по частямъ распродалъ его на срубъ.

— А вотъ и домъ! сказалъ ямщикъ.

Совсѣмъ почти смерклось и я не могъ его хорошо разглядѣть. Не доѣзжая до воротъ, ямщикъ придержалъ лошадей и сказалъ мнѣ:

— А если Антипыча нѣтъ дома, да его собаки спущены, такъ намъ не попасть во дворъ. Такія лютыя у него собаки! Слышишь? ишь, какъ залаяли! Хоть ползкомъ ползи и то почуютъ!

И точно, глухой лай раздался въ вечерней тишинѣ.

— Заперты—собаки-то! радостно произнесъ ямщикъ.

Мы подъѣхали къ воротамъ, онъ соскочилъ съ облучка, сталъ стучать въ единственное окно маленькой сторожки.

— Нѣту Антипыча дома! А кто-то бѣжитъ по двору.

Ямщикъ сѣлъ на облучекъ и гаркнулъ:

— Живѣе, отворяй барину ворота!

Узнавъ мой голосъ, Петръ выразилъ свою радость обычнымъ своимъ ржаніемъ. Онъ бѣжалъ за телѣгой, пока ямщикъ лихо катилъ къ подъѣзду и во весь свой зычный голосъ звалъ бабушку, а собаки откуда-то акомпанировали ему своимъ лаемъ.

Дворъ былъ большой, съ лужайкой, посреди которой красовалась большая гипсовая ваза для цвѣтовъ; подъѣздъ обитъ полосатою парусиной, по бокамъ съ фонарными столбами. Весь дворъ окруженъ стриженными кустами акаціи, мѣстами изображавшими арки; изъ одной арки явилась Филипповна, едва переводя духъ отъ скорой ходьбы, и съ ужасомъ спросила меня:

— Неужто и господа ѣдутъ?

Этотъ вопросъ меня очень поразилъ; я зналъ, какъ она любила своихъ господъ и меня, какъ ихъ родственника, а между тѣмъ старуха повидимому недовольна моимъ пріѣздомъ.

Она стала охать, говоря, что ужь ночь, и домъ у нея запертъ, а съ огнемъ опасно расхаживать по комнатамъ.

— Да пріютите меня на одну ночь куда-нибудь, сказалъ я Филипповнѣ.

Она точно обрадовалась и пригласила меня въ свою комнату; я послѣдовалъ за старушкой, которая прикрикнувъ по привычкѣ на своего внука, уже осматривавшаго зубы и ноги у лошадей, привела меня въ сѣни, сбѣгала въ кухню за ручной лампой и мы начали подниматься по деревянной лѣстницѣ. Я замѣтилъ ей, что, кажется, домъ хорошій.

— Такъ хорошъ, что хоть вонъ бѣги! отвѣтила Филипповна.

— Сыръ?

— Что̀ сырость!

— Клоповникъ?

— И клоповникъ ничего, чистотой всѣхъ можно клоповъ вывести. Да что̀ разговаривать, какъ изволите переночевать, такъ сами увидите, что̀ это за домъ!.. Господи, что̀ будетъ, когда господа пріѣдутъ!..

И старушка торопила меня скорѣй уйти съ площадки втораго этажа, на которой я остановился.

— Идите сюда, сказала она, указывая на узенькую лѣсенку, забранную досками.—Дверь не заперта, а я сейчасъ посмотрю, что̀ мой лошадникъ дѣлаетъ!

Я очутился въ маленькой, низенькой комнаткѣ съ однимъ окошечкомъ; это помѣщеніе было сдѣлано на чердакѣ; комната освѣщалась лампадой, горѣвшею у образовъ.

Филипповна отличалась чистоплотностью, и въ новомъ ея жилищѣ все было устроено хорошо. Въ углу стояла кровать съ периной и кучей подушекъ; возлѣ огромный сундукъ съ ея добромъ; столъ, покрытый скатертью.

Я нетерпѣливо ждалъ возвращенія Филипповны, чтобы потребовать объясненій относительно ея загадочныхъ выраженій о домѣ. Она явилась съ лампочкой.

— Ахъ, Господи, безъ огня сидите! воскликнула она, — я совсѣмъ потеряла голову здѣсь.

— Что̀ это съ вами? спросилъ я Филипповну, — какъ вы похудѣли!

— Похудѣешь въ такомъ домѣ, если и святая вода не помогла, взволнованнымъ голосомъ отвѣчала мнѣ Филипповна. — Третьяго дня и молебенъ отслужила, всѣ комнаты окропила святой водой, а все то же внизу по ночамъ творится.

— Привидѣнія расхаживаютъ? улыбнулся я.

— Смѣйтесь! а я, вотъ, посмотрю, какъ ночь настанетъ, что̀ тогда вы изволите сказать!

— Садитесь и разсказывайте.

Филипповна никогда не дозволяла себѣ сидѣть въ присутствіи господъ, но тутъ сѣла на сундукъ, проговоривъ въ свое оправданіе:

— Вѣрно испугъ въ ноги бросился, не могу долго стоять. Я вамъ все по порядку разскажу, Николай Николаевичъ... Вотъ мы пріѣхали сюда, сами знаете, во всемъ домѣ имѣлся только одинъ сторожъ, да и тотъ пасъ встрѣтилъ какъ сущихъ татаръ. Чего ни спросишь, только одинъ отвѣтъ: „не знаю“. И рожа-то у него, какъ есть у колдуна. Я по христіански позвала его въ кухню поѣсть съ нами, а онъ и спасибо не сказалъ, только пробурчалъ: „свой хлѣбъ есть!“ Вѣрите-ли, до сихъ поръ людскаго порога не переступилъ, вѣрно боится образа, который я повѣсила въ кухнѣ... Грязи что̀ было накоплено въ людской — цѣлый возъ! А ужъ здѣшнія бабы одно мученіе: только отвернись, мочалки въ стороны и около Петра такъ и юлятъ!..

Я зналъ, какъ бабушка ревниво оберегала внука отъ женскаго пола, и вѣрилъ ей, что она должна была много вытерпѣть мукъ съ бабами.

Филипповна продолжала:

— Перекрестилась, какъ мытье въ домѣ кончилось и спровадила всѣхъ бабъ со двора... Какъ было приказано господами, такъ я и дѣлала: печки протапливала, растворяла на день всѣ окна, а къ вечеру сама съ Петромъ всѣ окна и двери запру, а ключи положу къ себѣ подъ подушку... Петръ спитъ въ кухнѣ, потому посуда у меня разставлена по полкамъ.—Филипповна пріостановилась, какъ бы собираясь съ силами, и заговорила таинственнымъ голосомъ: — Дня четыре тому назадъ, просыпаюсь около одиннадцати часовъ ночи—вдругъ слышу внизу перебираютъ клавишами... Я перекрестилась; прислушиваюсь— нѣтъ, перебираютъ! Меня то въ дрожь, то въ жаръ...

— Это вамъ почудилось.

— Все одно и то же каждую ночь будетъ чудиться?

— Крысы можетъ-быть бѣгаютъ по клавишамъ.

— Въ запертомъ-то инструментѣ, да по цѣлому часу? а какъ двѣнадцать часовъ, такъ все и стихнетъ! воскликнула Филипповна.

— Сами посудите: кто можетъ войти, если всѣ двери заперты? да еще ямщикъ говоритъ, что у сторожа страшно злыя собаки, урезонивалъ я Филипповну.—На гармоникѣ можетъ быть играютъ около дома? замѣтилъ я ей.

— Слава Богу! Выросла въ барскихъ комнатахъ, а не могу отличить, что̀ мужицкая гармоника, что̀ инструментъ, обидчиво сказала Филипповна.—И кому играть? никакого жилья вокругъ дома нѣтъ!

— Можетъ-быть сторожъ забавляется?

— Господи! Да вы выслушайте меня до конца! Вчера къ вечеру все небо обложило тучами, я себѣ думаю, что послѣ святой воды всему конецъ... улеглась, а все уснуть не могу, при-

Обновки. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Шаховскаго, грав. К. Ольшевскій.

Видъ шахты и разработки траншей у восточнаго входа въ главный тоннель Сурамскаго перевала.

По фот. Германа, грав. М. Рашевскій.

слушиваюсь... и что же вы думаете, ровно въ одиннадцатомъ часу...

— Перебираетъ? подсказалъ я.

— Да-съ! А тутъ еще молнія, такъ вотъ и освѣтитъ небо, какъ днемъ свѣтло станетъ. Я это подошла къ окну, чтобъ его платкомъ завѣсить, а молнія какъ освѣтитъ садъ—гляжу—а на скамейкѣ кто-то сидитъ!

Голосъ Филипповны оборвался, лицо было блѣдное и она вся дрожала.

— Вѣрно сторожъ сидѣлъ?

— Въ женскомъ-то платьѣ?

— Это вамъ показалось отъ страху.

— Да, точно у меня отъ страху ноги и руки отнялись, двинуться отъ окна не могу, стояла какъ истуканъ... Молнія опять освѣтила садъ и я какъ на ладони увидѣла: сидитъ женщина и собаки около нея!

— Ужь вы такія чудеса разсказываете, что трудно и повѣрить. Можетъ у сторожа какая-нибудь родственница живетъ?

— У колдуна-то? Онъ самъ сказывалъ—кромѣ одной дѣвчонки-внучки нѣтъ и родныхъ, и живетъ эта внучка за четыре версты отсюда, по другую сторону рѣки... Повѣрите, когда сами ночь здѣсь переночуете! я васъ разбужу, какъ начнетъ она перебирать.

— Непремѣнно разбудите! А сторожа не спрашивали, не былъ-ли онъ въ саду въ это время?

— Это я съ колдуномъ-то буду разговаривать объ этомъ? Благодарю васъ!.. Да и онъ завсегда выпуститъ своихъ собакъ изъ сарая, обойдетъ съ ними около дома и завалится спать.

— А теперь сторожъ дома?

— Нѣтъ, сегодня что-то запоздалъ.

Филипповна, заслышавъ шаги Петра на лѣстницѣ, шепотомъ и торопливо сказала мнѣ:

— Ничего не говорите при немъ, пусть меня одну она изводитъ.

Петръ явился съ самоваромъ, а бабушка очень скоро спровадила его изъ комнаты. Я такъ усталъ, что, выпивъ чаю, съ наслажденіемъ легъ въ чистую постель; хотя меня и заинтересовали нелѣпые разсказы Филипповны о привидѣніи, но я быстро заснулъ и такъ крѣпко, что когда открылъ глаза, то не могъ сообразить, гдѣ я и кто будитъ меня; но мгновенно встрепенулся, когда услышалъ слово: „перебираетъ".

Филипповна стояла передо мною, ее била лихорадка и она бормотала задыхающимся голосомъ: „Слышите — перебираетъ!"

Я сталъ прислушиваться и, къ моему удивленію, при глубокой ночной тишинѣ до меня долетали слабые звуки рояля.

— Слышите, слышите? шептала въ ужасѣ Филипповна.

— Да, слышу, сказалъ я, вставая.

Филипповна опустилась на сундукъ, схватила себя за голову и сказала:

— Господи! сподобь меня покаяться въ грѣхахъ моихъ, прежде чѣмъ она мою душу возьметъ! Ахъ ты, злосчастный мой Петрушенька, останешься ты одинъ на свѣтѣ!

Я попросилъ Филипповну замолчать. Тихонько отворилъ окно и сталъ прислушиваться; не было сомнѣнія, внизу играли. Сначала я подумалъ, что это вѣроятно сторожъ пугаетъ старуху; но прислушиваясь, я убѣдился изъ отрывочныхъ звуковъ, долетавшихъ до меня, что это умѣлыя руки перебирали клавиши. Я долго смотрѣлъ въ садъ и напрягалъ свое зрѣніе и слухъ; я сталъ различать дорожку въ саду противъ окна. Мое сердце ёкнуло, когда послѣ долгой игры настала тишина, гдѣ-то щелкнулъ замокъ и я увидѣлъ по дорожкѣ движущуюся фигуру и бѣгающихъ вокругъ нея собакъ.

Наконецъ фигура исчезла, но я все продолжалъ смотрѣть въ окно и очень обрадовался, когда до слуха моего долетѣлъ плескъ воды отъ весла.

— Ваше привидѣніе является въ домъ на лодкѣ, сказалъ я Филипповнѣ, запирая окно. — Успокойтесь, это живой человѣкъ перебираетъ клавишами. Завтра я подстерегу призракъ и мы узнаемъ кто она такая; только надо скрыть мой пріѣздъ отъ сторожа, который явно знаетъ, кто является по ночамъ въ домъ, потому что его злыя собаки молчатъ. Идите-ка спать, съ завтрашняго дня никто не будетъ перебирать клавишами.

Филипповна едва передвигала ноги, уходя изъ комнаты, и убитымъ голосомъ произносила:

— Такъ и изловите ее: если отъ святой воды она не сгинула, такъ ужъ людямъ въ руки не дастся.

Я былъ въ полной увѣренности, что снова засну, но не могъ; меня это даже разсердило: ночная посѣтительница не выходила у меня изъ головы и я началъ составлять планъ, какъ мнѣ завтра устроить засаду и узнать, кто она такая...

Какъ только я проснулся на другое утро, первымъ дѣломъ открылъ окно и сталъ обозрѣвать садъ. Я зналъ по плану, что садъ на берегу рѣки: широкая дорожка, обставленная гипсовыми статуями и вазами для цвѣтовъ, была противъ окна и, вѣроятно, вела къ рѣкѣ, которую я видѣлъ мѣстами между вѣтвями высокихъ деревъ. Желѣзные диванчики были разставлены по дорожкѣ и я безошибочно могъ бы указать, на которомъ изъ нихъ Филипповна видѣла сидящее привидѣніе. Филипповна, услышавъ, что я всталъ, явилась ко мнѣ съ кофе, и такое у нея было убитое лицо, что мнѣ стало жаль старуху. Я спросилъ у нея о сторожѣ.

— На рыбную ловлю ушелъ; мы ему ничего не сказывали о вашемъ пріѣздѣ.

— И не надо говорить до завтра, а теперь я пойду осматривать комнаты; прикажите Петру всѣ двери отворить...

Я пошелъ осматривать залу съ роялемъ и походилъ на судебнаго слѣдователя, изучающаго мѣсто, гдѣ было совершено преступленіе. Дѣйствительно, рояль былъ запертъ. Я нашелъ только свѣжее стеариновое пятнышко на полу у рояля, какъ знакъ, что тутъ кто-то былъ съ огнемъ. Изъ залы стеклянная дверь вела на террасу и ночная посѣтительница съ поддѣльнымъ ключомъ могла являться въ нее. Комнатъ было много, по убранству можно было отличить назначеніе каждой. Меблировка ихъ отличалась больше претензіями на роскошь, чѣмъ вкусомъ и солидностью; особенно въ двухъ комнатахъ около гостиной: чего тутъ не было, и статуэтки, и корзиночки для цвѣтовъ, и разныя кушеточки. Я заключилъ, что тутъ проживала красавица-дочь Крутовыхъ. Другая половина дома, вѣроятно, была мужская. Кабинетъ былъ небольшой и въ немъ все старинная мебель; изъ этого кабинета были двѣ двери: въ залу и въ коридоръ, гдѣ лѣстница вела во второй этажъ, по ней-то я и взобрался на чердакъ къ Филипповнѣ. Столовая была окнами во дворъ и тоже имѣла двѣ двери: въ залу и въ переднюю, изъ которой можно было пройти въ верхній этажъ. Верхній этажъ не отличался меблировкой; въ немъ былъ собранъ весь старый хламъ. Послѣ осмотра комнатъ я съ террасы вышелъ въ садъ и пошелъ по главной дорожкѣ, которая привела меня къ рѣкѣ; на ней была устроена маленькая пристань со скамеечками; я усѣлся на одну изъ нихъ и залюбовался мирнымъ пейзажемъ. Кругомъ не было видно никакого жилья, все одна зелень; рѣчка не широкая, но извилистая; противоположный берегъ холмистый и густо поросшій кустарникомъ, только противъ сада холмъ вѣроятно былъ очищенъ отъ кустовъ и покрытъ густой травой, испещренной полевыми цвѣтами. Дальней перспективы не имѣлось: холмы, крутые и извилистые берега заслоняли ее. Я обошелъ садъ, который былъ окруженъ заборами, замаскированными кустами и большими деревьями. Какъ водится, въ саду имѣлась крытая аллея изъ акацій и бесѣдочка; на главной дорожкѣ были разбиты клумбы для цвѣтовъ. Со двора можно было попасть въ садъ черезъ дверь, которая была въ сѣняхъ, соединяющихъ флигель для прислуги съ домомъ. Сторожъ на ночь отворялъ эту дверь, чтобы его собаки могли бѣгать по саду. Осматривая садъ, я соображалъ о засадѣ, которую намѣревался устроить ночной посѣтительницѣ.

Я приказалъ, къ ужасу Филипповны, перенести всѣ мои вещи въ кабинетъ. Я придумалъ предлогъ удалить сторожа къ ночи изъ дому. Онъ съ Петромъ долженъ былъ ѣхать въ городъ къ вечернему поѣзду за господскими вещами, которыя, будто-бы, должны прійти изъ Петербурга. Петръ обязанъ былъ задержать свой отъѣздъ изъ города до двѣнадцати часовъ, такъ что не ранѣе часу ночи сторожъ могъ выпустить своихъ собакъ въ садъ.

Филипповна все устроила по моему приказанію и пришла доложить объ отъѣздѣ сторожа и Петра. Она съ негодованіемъ говорила мнѣ:

— Колдунъ-то вздумалъ артачиться: „Какъ, говоритъ, я на ночь домъ оставлю." А я ему говорю: „намъ съ тобой не слѣдъ разсуждать, а дѣлать что велятъ наши господа! Можетъ большой убытокъ имъ выйти изъ-за твоего непослушанія".

Мнѣ смѣшно было смотрѣть, какъ Филипповна умоляла меня, чуть не со слезами, чтобы я не ночевалъ внизу, и приготовляя мнѣ постель на диванѣ въ кабинетѣ, безъ конца осѣняла каждую вещь крестными знаменіями. Принесла свой образъ въ кабинетъ, потерявъ вѣру въ образа дома, и какимъ-то особеннымъ грустнымъ голосомъ распрощалась со мной.

Только въ молодости можно придавать такое значеніе какой-нибудь сумасшедшей женщинѣ, которая являлась по ночамъ заниматься музыкой въ пустомъ домѣ. Не было сомнѣнія, что она хорошо знала сторожа и собакъ. Я самъ подсмѣивался надъ собой, что найду въ ночной посѣтительницѣ старую фигуру, которая, чего добраго, еще выругаетъ меня и побьетъ. Я лежалъ въ темнотѣ на диванѣ, ожидая приближенія одиннадцати часовъ.

Отъ нетерпѣнія я засѣлъ въ кустахъ у пристани еще за полчаса и не безъ волненія прислушивался не ѣдетъ-ли лодка по рѣкѣ. Темнота была страшная — тучами обложено было все небо; я боялся, чтобы не пошелъ дождь и не помѣшалъ явиться ночной музыкантшѣ.

Глубокая тишина царила вокругъ, ни одинъ листокъ не шевелился, и я страшно обрадовался плеску веселъ и стуку лодки о пристань, потомъ услышалъ легкіе и твердые шаги по дорожкѣ. Я далъ пройти подальше ночной гостьѣ, вошелъ на пристань, ощупью нашелъ веревку отъ привязанной къ периламъ лодки и оттолкнулъ ее къ серединѣ рѣки. Потомъ тихонько пошелъ по задней аллеѣ, чтобъ пробраться къ террасѣ, но остановился, заслышавъ тихій зовъ: „Фингалъ! Жучка!.." Голосъ былъ необыкновенно пріятный и, къ моему ужасу, шаги направились обратно къ пристани: вѣроятно, отсутствіе собакъ

въ саду испугало ночную посѣтительницу. Моя программа засады неожиданно измѣнилась, но я успокоился, потому что выхода ей другаго не было, какъ черезъ дверь во дворъ. Но вдругъ мнѣ послышалось, какъ будто весло упало въ воду; я поспѣшилъ къ пристани и тутъ уже явственно раздался скрипъ отъ дѣйствія веселъ. Мнѣ сдѣлалось стыдно — за что я заставилъ бѣдную женщину выкупаться ночью; какъ я ни прислушивался, какъ ни вглядывался, ничего не могъ замѣтить—лодка точно потонула.

Эта неудача заставила меня вынытать у сторожа объясненія о ночныхъ посѣщеніяхъ эксцентричной особы. Я легъ въ постель, но не могъ заснуть и слышалъ, какъ вернулась телѣга съ Петромъ, какъ сторожъ явился со своими собаками въ садъ и разсуждалъ съ ними подъ моимъ окномъ:

— Ну, что нюхаете землю-то, да рычите, словно чужой кто былъ!

„Однако,“ подумалъ я, „хорошее же чутье у собакъ.“

(Продолженіе будетъ).

Телектроскопъ.

Новое изобрѣтеніе.

При помощи таинственной силы, называемой электричествомъ, стало въ настоящее время возможнымъ многое, что ранѣе считалось недостижимымъ даже между извѣстными учеными. Такимъ образомъ, на ряду съ телефономъ, аппаратомъ передающимъ на дальнее разстояніе звукъ, возникаетъ телектроскопъ, аппаратъ дающій отраженіе предметовъ на большое разстояніе. Телектроскопъ будетъ играть такую-же роль относительно органа зрѣнія, какую играетъ телефонъ относительно слуха. Хотя и существуютъ приборы—телескопъ, зрительныя трубы,—посредствомъ которыхъ можно наблюдать предметы съ дальнихъ разстояній, но въ нихъ нельзя видѣть изъ-за угла и сквозь стѣны, что становится возможнымъ благодаря новому аппарату. При употребленіи телектроскопа, можно будетъ созерцать ту особу, съ которою-мы разговариваемъ по телефону, и передавать свое собственное отраженіе на разстояніе многихъ миль. Мы говоримъ совершенно серьезно. И если новый аппаратъ въ настоящее время еще не можетъ вполнѣ удовлетворить требованіямъ нашихъ уважаемыхъ читательницъ при передачѣ ихъ прекрасныхъ чертъ, то онъ во всякомъ случаѣ основанъ на точныхъ физическихъ законахъ и для болѣе скромныхъ цѣлей теперь уже вполнѣ пригоденъ. Имѣющіеся же въ немъ недостатки электротехника съумѣетъ конечно со временемъ устранить. Позволимъ себѣ дать краткое описаніе аппарата.

Телектроскопъ не совсѣмъ новое изобрѣтеніе.

Въ 1880 году американскія газеты сообщали, что нѣкимъ Кери изъ Бостона получена привилегія на изобрѣтенную имъ систему электрической передачи свѣтовыхъ волнъ, на подобіе телефона, передающаго звуковыя волны. Извѣстіе это было сочтено за одну изъ часто появляющихся въ Америкѣ газетныхъ утокъ и принято съ недовѣрчивымъ пожиманіемъ плечъ. А между тѣмъ слѣдовало бы припомнить, какъ за 4 года передъ тѣмъ, изобрѣтеніе телефона Белля было сочтено за такую-же газетную выдумку. Нѣсколько серьезнѣе отнеслись къ новому открытію спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда появился фотофонъ Белля, передающій звуковыя волны посредствомъ свѣтовыхъ лучей.

Первый телектроскопъ былъ основанъ на употребленіи селена, довольно рѣдкаго, серебристо-бѣлаго металла, обладающаго удивительнымъ свойствомъ сильной чувствительности къ свѣту и электричеству, дѣйствующимъ попеременно. Эта чувствительность выражается въ томъ, что селенъ, при дѣйствіи на него свѣта различной силы—неодинаково электризуется; точно также при электризаціи различными источниками электричества—пріобрѣтаетъ различныя степени отражаемости свѣтовыхъ лучей. Чтобъ утилизовать такое свойство селена, Кери изготовилъ зеркала, составленныя изъ маленькихъ отражающихъ кусочковъ селена и, поставивъ два такія зеркала на извѣстномъ разстояніи, соединилъ соотвѣтственныя пластинки селена электрическими проволоками; такъ что разнообразныя электрическія состоянія селеновыхъ пластинокъ одного зеркала передавались въ точности другому зеркалу. Когда однимъ зеркаломъ воспринималось сильно освѣщенное изображеніе предмета, оно повторялось, хотя и не совершеннымъ образомъ, и въ другомъ зеркалѣ. Изображеніе втораго зеркала можно было получить и отпечатаннымъ, для чего слѣдовало только наложить на него химически приготовленный листокъ бумаги. Лучше всего удавалась передача простыхъ, грубо исполненныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ дѣйствіе аппарата Кери было довольно несовершенно, и устройство его, вслѣдствіе большаго числа проводниковъ, черезчуръ сложное. Гораздо остроумнѣе и цѣлесообразнѣе вновь изготовленный въ Берлинѣ фирмой П. Нипковъ телектроскопъ, въ которомъ изображенія передаются посредствомъ телефона и селенъ замѣняется, особаго устройства, микрофономъ. Мы ограничимся здѣсь самымъ поверхностнымъ описаніемъ этого аппарата.

Телектроскопъ или телефотографъ Нипкова состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ, при помощи электричества, весьма быстро и равномѣрно колеблющихся пластинокъ, изъ которыхъ одна находится на станціи отправленія, другая на станціи пріема. Эти станціи могутъ находиться на произвольномъ, но извѣстномъ предѣльномъ разстояніи другъ отъ друга. Каждая изъ названныхъ пластинокъ снабжена большимъ количествомъ, расположенныхъ спиралью, отверстій. На пріемную пластинку, посредствомъ собирательной линзы (двояко-выпуклаго стекла), бросается сильно освѣщенное изображеніе какого-либо предмета, лица или фотографическаго снимка. Изображеніе, проходя черезъ спирально расположенныя отверстія быстро двигающейся пластинки, падаетъ, — мозаикообразно раздѣленное,—на чувствительный къ свѣту микрофонъ и, подобно тому какъ въ микрофонѣ возбуждаются звуковыя волны, такъ и здѣсь свѣтовыя волны, въ видѣ электрическихъ, передаются телефону.

Телефонъ этотъ, вмѣсто обыкновенной звучащей пластинки, снабженъ пластинкой, способной къ отраженію и колебанію, и находится въ соотвѣтственномъ разстояніи отъ пріемной пластинки, которая точно такъ же колеблется какъ и передаточная, и подобно ей снабжена спирально расположенными отверстіями. Колеблющаяся, отражающая пластинка телефона освѣщается и отражаетъ свѣтъ на свою колеблющуюся пластинку, которая находится въ фотографической камерѣ за матовой стеклянной пластинкой. На этой стеклянной пластинкѣ получается переданное изображеніе и можетъ быть видимо глазомъ и даже фотографировано. Такъ какъ микрофонъ чувствителенъ и къ темнымъ тепловымъ лучамъ, то, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ передавать и изображенія предметовъ находящихся въ темнотѣ.

Если говорить въ микрофонъ на станціи передачи, то телефонъ пріемной станціи преобразуетъ звуковыя волны въ свѣтовыя, которыя можно фотографировать. Такимъ образомъ при этомъ аппаратѣ можно фотографировать звуки и при нѣкоторомъ навыкѣ научиться ихъ читать. (с.)

Къ рисункамъ.

Канунъ Троицына дня. (Рис. на стр. 596).

Обычай убирать березками дома и комнаты наканунѣ и въ день Св. Троицы распространенъ по всей Россіи, а потому рисунокъ г. Ижакевича не требуетъ поясненій. Вся деревня, старый и малый, спѣшитъ приукрасить избы къ весеннему празднику на 8-е воскресенье послѣ Пасхи. Еще древніе іудеи черезъ 7 недѣль или 50 дней послѣ своей пасхи, праздновали память синайскаго законодательства во время окончанія жатвъ, почему приносили въ жертву снопы жита и украшали храмы древесными вѣтвями и зеленью.

Встрѣча царя Алексѣя Михайловича съ его невѣстой, Марьей Ильиничною Милославскою.

(Рис. на стр. 597).

Въ іюнѣ 1645 года, шестнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Михайловичъ вступилъ, по смерти отца своего, на престолъ. Онъ не успѣлъ еще осмотрѣться, не успѣлъ свыкнуться со своимъ положеніемъ, не успѣлъ очнуться отъ своего горя, какъ его постигла новая утрата—въ августѣ 1645 года, юный царь лишился и матери своей, царицы Евдокіи Лукьяновны. Нѣжный, добрый, живой и воспріимчивый по характеру, царь Алексѣй остался одинокимъ среди Двора, и на первыхъ порахъ никого не видѣлъ кругомъ себя, кому бы могъ довѣриться, съ кѣмъ бы могъ подѣлиться сердцемъ. Въ это время и удалось его воспитателю, боярину Морозову, овладѣть душою царя Алексѣя настолько, что онъ совершенно лишился своей личной воли. Бояринъ Морозовъ зналъ, чѣмъ угодить молодому царю—онъ угадалъ тайныя думы его и уговорилъ подумать о женитьбѣ.

Въ 1647 году (царю Алексѣю было тогда восемнадцать лѣтъ) о намѣреніи царя было объявлено во всеобщее свѣдѣніе и со всего Московскаго государства стали собирать самыхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ въ Москву, на царскій смотръ и выборъ. Съѣздъ въ Москву былъ огромный: *двѣсти* красавицъ изъ боярскихъ и дворянскихъ семействъ съѣхались въ Бѣлокаменную со своими матерями, сестрами, тетками и родственницами. Можно себѣ представить, сколько тутъ было сплетенъ, интригъ, слезъ, опасеній и трепетныхъ надеждъ на недостижимое счастье! Долго продолжался осмотръ дѣвицъ старыми придворными боярынями и знахарками; наконецъ изъ числа двухсотъ дѣвицъ было выбрано *только шесть*, достой-

ныхъ явиться предъ свѣтлыя очи царя-красавца. Царь увидѣлъ ихъ — и выборъ его палъ на дочь боярина Всеволожскаго... Но, на бѣду, когда боярышня узнала о счастіи, которое ей выпало на долю—она не выдержала сильнаго нравственнаго потрясенія и упала въ обморокъ... Этимъ тотчасъ поспѣшили воспользоваться матери и сестры остальныхъ пяти дѣвицъ и несчастную Всеволожскую не только устранили, но обвинили въ томъ, что она страдаетъ падучей болѣзнью, а родителей ея—въ томъ, что они, зная о ея недугѣ, хотѣли обмануть царя *)... Хитрый Морозовъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и обратилъ вниманіе царя на двухъ сестеръ Милославскихъ, Марію и Анну. Юному царю приглянулась старшая—сильная и энергическая брюнетка — и онъ избралъ ее себѣ въ жены. 16 января 1648 года царь женился на Марьѣ Ильиничнѣ Милославской, а десять дней спустя, его любимецъ, бояринъ Морозовъ, женился на сестрѣ царицыной, Аннѣ Ильиничнѣ.

Хитрый царедворецъ спѣшилъ этимъ бракомъ скрѣпить свои отношенія къ царю и отстранить всякую опасность вліянія со стороны новой царской родни, которая становилась и его роднею.

Художникъ избралъ для своей картины тотъ моментъ, когда юный царь, въ смущеніи и даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ, вступаетъ въ ту палату, гдѣ ему предстоитъ встрѣтить свою будущую избранницу. Марія Милославская, еще болѣе смущенная, стоитъ на пути, по которому царь долженъ пройти черезъ палату... Она опустила взоры и замерла въ трепетномъ ожиданіи, между тѣмъ какъ всѣ остальные присутствующіе впились въ царя глазами и стараются прочесть на молодомъ лицѣ созрѣвающее рѣшеніе.

Первые цвѣты. (Рис. на стр. 601).

Пахнуло вдругъ дыханьемъ мая,
Блеснуло солнце вешнихъ дней,
И мнилось — гостья дорогая
Мнѣ принесла, благоухая,
Привѣтъ изъ юности моей...

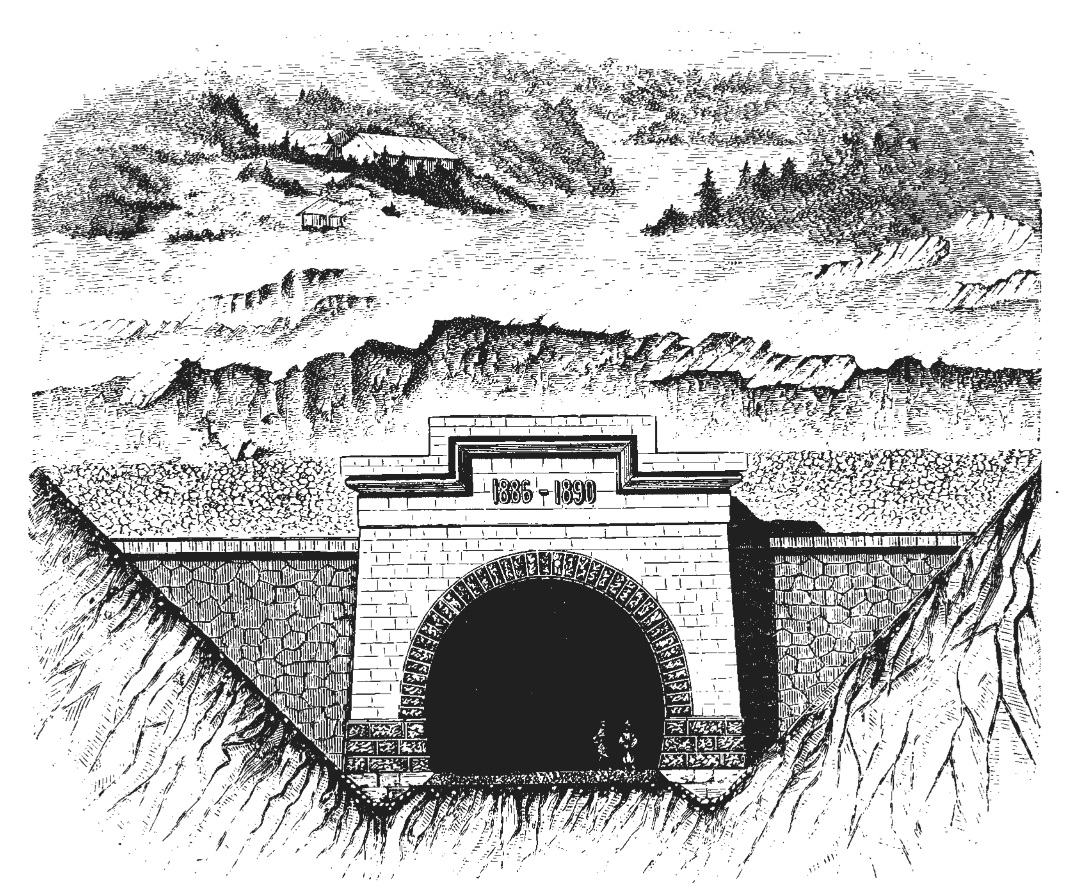
И. Аксаковъ.

Обновки. (Рис. на стр. 604).

Рисунокъ г. Шаховскаго переноситъ насъ на набережную Васильевскаго острова въ Петербургѣ, гдѣ вокругъ торговки старымъ платьемъ въ разноску, собрался случайный базаръ. Торговали подходящую вещь собственно судовщики съ барокъ, но мало-по-малу присоединились и кое-кто изъ прохожихъ, подошелъ и дворникъ съ лопатой и тоже подаетъ свое мнѣніе относительно цѣны товара, мнѣніе компетентное, въ качествѣ горожанина знающаго всѣ столичные порядки... Но, какъ извѣстно, русскій человѣкъ за цѣной долго не стоитъ. „Ладно ужъ, дядя Яковъ, что тамъ толковать“, говоритъ паренекъ, почесывая въ затылкѣ, „бери штоль, да и къ сторонѣ!“...

Сурамскій тоннель. (Рис. на стр. 605 и 608).

Къ числу самыхъ замѣчательныхъ желѣзно-дорожныхъ путей обширнаго Русскаго государства, безспорно принадлежитъ Закавказская желѣзная дорога. Въ то время какъ большинство другихъ дорогъ пробѣгаютъ по громаднымъ равнинамъ нашего отечества, она построена во всю свою длину по южному склону Кавказскихъ горъ, отъ Батума чрезъ Тифлисъ до Баку, на разстояніи 844 верстъ. Нынѣ на ней строится обходная линія отъ станціи Михайлово до предполагаемой новой станціи Малита, длиною въ 22 версты, для замѣны крутаго перевальнаго участка болѣе пологимъ. На послѣднемъ будетъ устроенъ тоннель у Сурама, длиною въ 3 версты 358 саженъ, который явится однимъ изъ грандіозныхъ сооруженій инженернаго искусства. Осенью 1886 года были произведены необходимыя изысканія и тогда же приступили къ подготовительнымъ работамъ для новаго пути, такъ что 6 іюля прошлаго года можно было приступить къ машинному буренію тоннеля съ западной стороны его, а 13 января настоящаго года началось буреніе его со стороны Тифлиса. Изо всего протяженія съ западной стороны предполагается провести до 1008 саженъ туннеля, а съ восточной 850. Для этой громадной работы потребуется до 11.500 куб. саженъ разнаго камня, 75.000 бочекъ цемента, 2.500 куб. саженъ песку, 10.000 пуд. динамита, 605,000 кубич. фут. лѣса для крѣпей внутри тоннеля. Все это составляетъ до 17.000.000 пудовъ; прибавивъ къ этому 33.000 кубическихъ саженъ или 40.000.000 пудовъ грунта, который нужно выломать и перевезти съ мѣста прорытія тоннеля, получимъ почтенную цифру въ 57.000,000 пудовъ, убѣдительно говорящую о томъ трудѣ, съ какимъ сопряжено устройство этого тоннеля. Устройство тоннеля должно быть окончено, согласно назначенному правительствомъ сроку, 1 іюля 1890 года, но, судя по настоящему успѣшному ходу работъ, можно предполагать, что открытіе тоннеля можетъ состояться гораздо раньше, въ концѣ будущаго года.

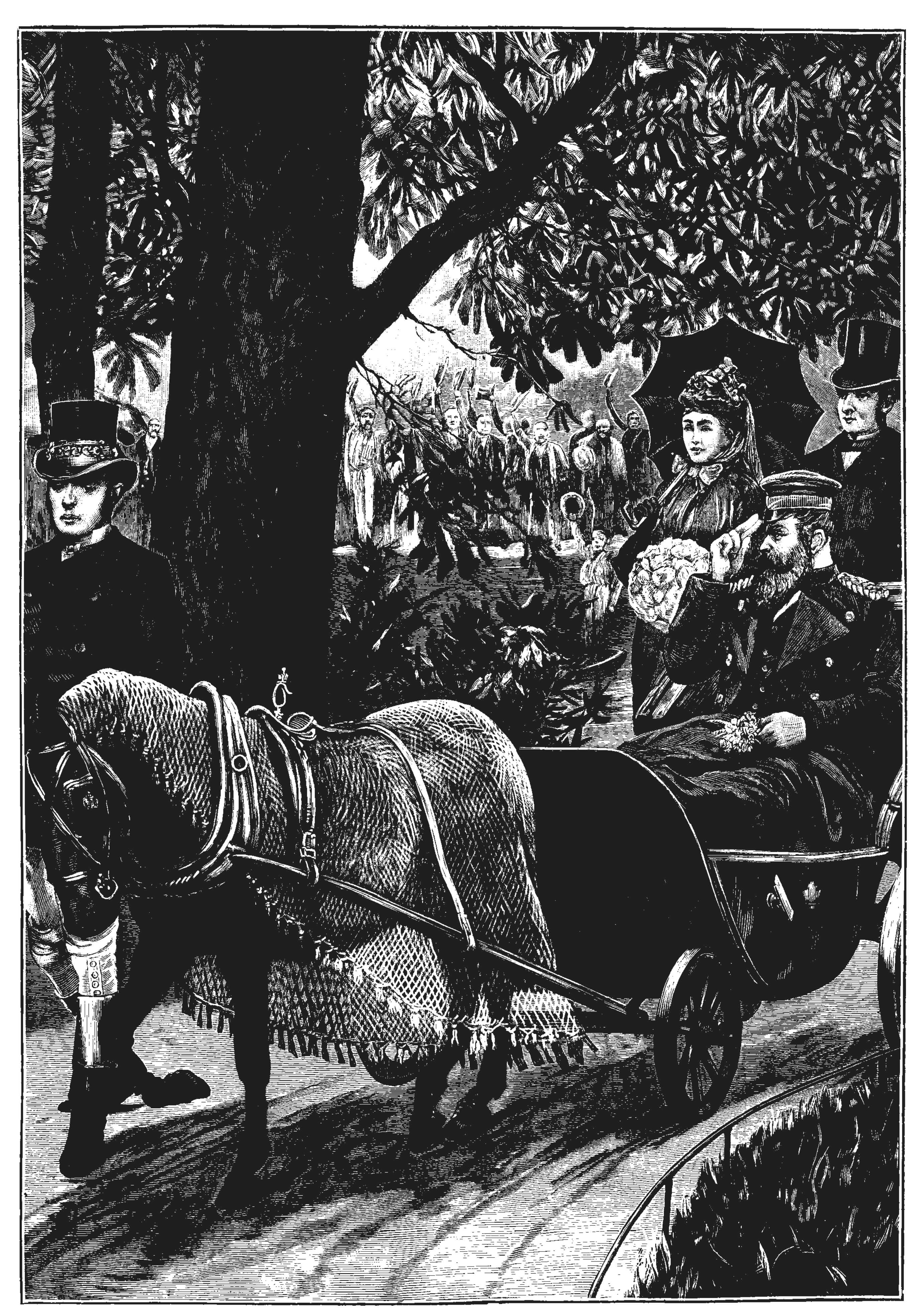


Порталъ тоннеля въ Сурамскомъ перевалѣ на Кавказѣ. По наброску Пестевскаго, грав. М. Рашевскій.

Постройка новой обходной линіи производится подъ руководствомъ начальника работъ, инженера путей сообщенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. Д. Рыдзевскаго, извѣстнаго строителя севастопольскихъ тоннелей. Въ настоящее время работы по постройкѣ тоннеля находятся въ слѣдующемъ положеніи: на западной сторонѣ главная направляющая галерея пробита на длину 720 погонныхъ саженъ, а въ полной разработкѣ—350 ног. саж., изъ которыхъ на 120 саж. частью окончена, а частью еще производится кладка обдѣлки стѣнъ и сводовъ. Съ восточной стороны тоннель пробитъ на длину 100 саж., а въ полной разработкѣ находится 32 пог. саж. Галерея тоннеля пробивается гидравлическими сверлильными машинами системы Брандта. Среднимъ числомъ въ сутки проходится около 2_5 саженъ, вмѣсто предполагавшихся вначалѣ 1_{33} саж. Это объясняется тѣмъ, что породы грунта, состоящія по преимуществу изъ рыхляковъ и глинистыхъ сланцевъ, въ которыхъ производится прорытіе тоннеля, въ дѣйствительности болѣе благопріятны для работъ, чѣмъ предполагалось ранѣе. Главными препятствіями являются воспламеняющіеся болотные газы, сильные притоки грунтовыхъ водъ, составляющіе ежедневно отъ 2 до 40 тысячъ ведеръ, переломы и сдвиги грунта; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, весь тоннель потребуетъ искусственной каменной отдѣлки верхняго свода и боковыхъ стѣнъ.

Самымъ интереснымъ мѣстомъ работъ въ тоннелѣ представляется, по словамъ газеты *Кавказъ*, конецъ главной галереи, или такъ-называемый „забой“. Въ немъ безпрерывно, днемъ и

*) Несчастная невѣста и ея родители были сосланы въ Сибирь и возвращены оттуда шесть лѣтъ спустя, въ 1653 году.



Болѣзнь Императора Германскаго Фридриха III. На прогулкѣ въ паркѣ.
Съ наброска Э. Гозанга, въ „Ill. London. N.“, грав. Шюблеръ.

ночью, производятся работы съ помощью буровыхъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе водою. Въ полумракѣ видны темныя фигуры машинистовъ и минеровъ. Шумъ производимый машинами и скрипѣніе буравовъ настолько сильны, что невозможно слышать человѣческаго голоса, даже на близкомъ разстояніи. Но вдругъ, по данному сигналу, шумъ этотъ сразу прекращается. Машины снимаются, кладутся на лафеты и отвозятся на нѣсколько саженъ отъ забоя. На ихъ мѣстѣ появляется мрачная фигура фейерверкера съ сумкою, въ которой хранятся динамитные патроны для заряженія просверленныхъ скважинъ. Наступившая тишина длится не долго. Черезъ нѣсколько минутъ раздается оглушительный выстрѣлъ, затѣмъ другой, третій—всего обыкновенно 9. Невольная дрожь пробѣгаетъ у посѣтителя, лампы гаснутъ, наступаетъ непроницаемая тьма; кажется, что цѣлая гора рушится и всѣ погребены за-живо подъ ея обломками. Снова наступаетъ тишина. Наконецъ гдѣ-то блеснулъ огонекъ, за нимъ другой и черезъ нѣсколько времени подземная жизнь снова вступаетъ въ свои права...

Открытіе Барселонской выставки. (Рис. на стр. 613).

Никто изъ присутствовавшихъ не позабудетъ зрѣлища, которое представлялъ большой залъ празднествъ въ Барселонскомъ дворцѣ изящныхъ искусствъ въ день открытія тамъ всемірной выставки. Двухлѣтній король Альфонсъ XIII, котораго по испанскому обычаю еще не отымаютъ отъ груди, окруженный почетомъ, какой долженствуетъ быть оказанъ его высокому положенію, присутствовалъ при торжествѣ и велъ себя съ замѣчательнымъ для своего возраста терпѣніемъ. Онъ сидѣлъ, какъ это видно на рисункѣ, въ большомъ креслѣ, обитомъ чернымъ бархатомъ, одѣтый въ бѣлое, съ большою круглою шляпой на головѣ. По правую сторону отъ него стояла его кормилица, — красивая галиційская крестьянка, — одѣтая въ красное платье, обшитое золотыми кружевами. Налѣво отъ короля сидѣла его мать, королева-регентша, Марія-Христина, одѣтая чрезвычайно просто, но съ большимъ вкусомъ, въ полутрауръ. Строгіе и красивые глаза обличаютъ въ ней женщину замѣчательнаго ума и твердаго характера. Вдова покойнаго короля, слабаго и болѣзненнаго Альфонса XII, Марія-Христина напротивъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для правленія. Она чрезвычайно много читаетъ и изучаетъ все до мелочей, удивляя близкихъ себѣ людей своими обширными познаніями. Желаніе управлять страною внѣ всякаго придворнаго вліянія и твердая настойчивость въ разрѣшеніи государственныхъ дѣлъ, радостно привѣтствуются всѣми испанцами. У подножія кресла малолѣтняго короля на подушкахъ помѣстились его двѣ сестры, принцесса Астурійская, 8-ми лѣтъ, и инфантита Марія-Терезія, 5-ти лѣтъ, одѣтыя также чрезвычайно просто въ бѣлыя платья. Во время торжества, старшая изъ нихъ, отъ времени до времени вставала и играла съ маленькимъ королемъ, трогая его за щечки, чтобы онъ сидѣлъ смирно и не плакалъ. Сзади и сбоку находились герцоги Эдинбургскій и Генуэзскій, члены королевской фамиліи, министры, послы, придворныя, высокопоставленныя и другія лица приглашенныя на открытіе. Приглашенія исходили отъ маленькаго короля и королевы-регентши и самое торжество состояло въ произнесеніи привѣтственныхъ рѣчей и объявленіи первымъ министромъ Сагастой выставки открытою.

Политическое обозрѣніе.

Кончина Императора Фридриха III. — Отставка г. Путкаммера. — Рѣчь императора Франца-Іосифа. — Событія въ Болгаріи.

Германія снова переживаетъ скорбные дни. 3 іюня, въ 20 минутъ двѣнадцатаго, скончался Императоръ Фридрихъ III. Мучительная и долгая болѣзнь, казалось, должна была подготовить къ этой тяжкой развязкѣ, но смерть подкралась въ то время, когда ее совсѣмъ не ожидали. Состояніе здоровья Императора было чрезвычайно благопріятно за послѣднее время, и вдругъ произошло ухудшеніе, какъ разъ въ то время, когда всѣ силы и воля Августѣйшаго больнаго были необходимы для Пруссіи, переживающей перемѣны въ министерствѣ, и когда грозные призраки войны совсѣмъ было исчезли съ наступленіемъ свѣтлыхъ дней при улучшеніи болѣзненнаго состоянія миролюбиваго Императора и напряженное, тревожное чувство предъ неизвѣстнымъ, тяготѣвшее надъ Европой, ослабѣло.

26 мая было получено извѣстіе, что ночью у Императора снова появился кашель; но послѣдующія телеграммы увѣдомляли, что состояніе больнаго вновь улучшилось, онъ прогуливался въ паркѣ и принималъ нѣсколькихъ лицъ съ докладами, и вдругъ 31 мая пришла вѣсть, что у Императора Фридриха затрудненія, ощущаемыя при глотаніи, усилились, пріемъ пищи сталъ чрезвычайно затруднительнымъ, почти невозможнымъ, образовалось соединеніе гортани съ пищепріемникомъ, лихорадка возобновилась. Такъ какъ при тогдашнемъ состояніи Императора введеніе питающаго зонда сопряжено было съ нѣкоторою опасностью, то Мекензи далъ согласіе на примѣненіе этого инструмента лишь послѣ того, какъ всѣ врачи выразили мнѣніе, что ввести зондъ необходимо для продленія жизни Императора. Пища Императора состояла изъ концентрированнаго молока со сливками и виски, для чего д-ръ Мекензи по нѣскольку разъ въ день приготовлялъ эту смѣсь.

Опубликованный 2 іюня въ 10 часовъ утра въ Потсдамѣ бюллетень передавалъ, что съ вечера 1 іюня состояніе здоровья Императора весьма ухудшилось и что обнаруживается упадокъ силъ.

По поводу состоянія здоровья Императора сообщеннаго бюллетенемъ, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣтила, что какія горестныя мысли ни вызывало-бы содержаніе бюллетеня, но приходится принимать въ соображеніе фактъ предстоящей катастрофы. По свѣдѣніямъ газеты, у Императора обнаружились явленія весьма угрожающаго свойства, дыханіе у больнаго было затруднено и врачи полагали, что болѣзненный процессъ распространился на легкія. Силы Императора замѣтно падали и самочувствіе уменьшалось.

Съ 4 час. утра императрица не отходила отъ постели Императора, которому съ 10½ час. утра стало нѣсколько лучше.

Въ бюллетенѣ, обнародованномъ 2 іюня, въ Потсдамѣ, въ половинѣ седьмаго вечеромъ, сообщалось, что въ теченіе дня въ состояніи здоровья Императора Фридриха не послѣдовало никакого существеннаго измѣненія, но продолжающаяся общая слабость возбуждала серьезныя опасенія.

Утромъ 3 числа, бюллетень сообщилъ, что Императоръ Фридрихъ лежитъ въ легкомъ забытьи, которое прерывается ясными признаками сознанія больнаго. Императоръ не обнаруживаетъ никакихъ болѣзненныхъ ощущеній; пульсъ и дыханіе очень слабы.

Въ полдень, въ выпущенномъ прибавленіи къ *Имперскому Указателю* напечатано было объявленіе отъ министерства о томъ, что Императоръ Фридрихъ, послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, перенесенныхъ имъ съ удивительною твердостью и покорностью волѣ Божіей—скончался вскорѣ послѣ 11 часовъ. „Прусскій королевскій домъ — говорилось въ объявленіи—и вторично осиротѣвшій народъ оплакиваютъ кончину глубоко любимаго монарха". Императоръ Фридрихъ скончался безъ борьбы со смертью. Тѣло Императора Фридриха покоится на смертномъ одрѣ, подъ бѣлымъ одѣяломъ. Черты лица почившаго ясны и мирны. При кончинѣ присутствовала вся семья почившаго.

Въ два часа пополудни начался колокольный звонъ и были подняты траурные флаги. Въ городѣ преобладало глубоко-серьезное настроеніе. Императоръ былъ пріобщенъ Св. Таинъ придворнымъ проповѣдникомъ Перзіусомъ. Художникъ Антонъ Вернеръ набросалъ рисунокъ, относящійся къ послѣднимъ минутамъ жизни Фридриха III. По распоряженію высшаго евангелическаго церковнаго совѣта, во всѣхъ евангелическихъ церквахъ будетъ производиться колокольный звонъ, въ продолженіе двухъ недѣль. Отъ царствующихъ особъ поступали запросы о состояніи Императора въ то время, когда онъ уже умеръ. Въ теченіе послѣднихъ дней поступило нѣсколько такихъ же запросовъ и отъ Президента Французской республики Карно. Вдовствующая Императрица заперлась въ своихъ покояхъ, чтобы отдаться скорби. Сегодня состоится составленіе протокола о томъ, въ какомъ видѣ найдено тѣло покойнаго. Завѣщаніе Императора хранится въ министерствѣ двора и будетъ вскрыто въ присутствіи министра юстиціи. Всѣ министры, а также и князь Бисмаркъ — поклонились праху Императора въ той комнатѣ, гдѣ онъ скончался; то же было сдѣлано присутствовавшими адъютантами и офицерами. Потомъ въ комнату покойнаго были допущены дворцовая прислуга и чины учебнаго батальона. Говорятъ, что погребеніе состоится въ Friedenskirche, въ Потсдамѣ. Провозглашеніе Императора Вильгельма II послѣдуетъ, вѣроятно, лишь послѣ погребенія.

Событіе, котораго давно ожидали съ опасеніемъ и тревогой — совершилось. Умеръ одинъ изъ благороднѣйшихъ государей, великодушнѣйшій и миролюбивый правитель, которымъ можетъ гордиться Германія. Несмотря на всю кратковременность царствованія Императора Фридриха, продолжавшагося всего 99 дней, оно составитъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи послѣдней четверти настоящаго вѣка.

Правительственный Вѣстникъ, помѣстивъ біографію покойнаго Императора, заключаетъ ее слѣдующими словами: „Искренность, прямодушіе и человѣколюбіе усопшаго Монарха стяжали ему не только любовь и привязанность его прусскихъ и и германскихъ подданныхъ, но и сочувствіе всѣхъ друзей мира, въ переживаемую нынѣ Германіею тяжкую минуту воспоминаніе о нихъ соединитъ народы, въ какихъ-бы отношеніяхъ они ни стояли къ ея внѣшней политикѣ — въ одномъ общемъ чувствѣ сердечнаго соболѣзнованія горю германской націи и благоговѣнія къ памяти въ Бозѣ почившаго Императора Фридриха."

Эти тягостныя извѣстія отвлекли вниманіе отъ послѣдовавшей 28 мая отставки прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ и вице-президента совѣта министровъ, Путкаммера. Отставка эта несомнѣнно является знаменательнымъ событіемъ, такъ какъ, по мнѣнію многихъ, она служитъ доказательствомъ твердой воли и самостоятельности почившаго Императора Фридриха въ государственныхъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой отставкѣ видятъ умаленіе всемогущества князя Бисмарка и существова-

пія въ прусскихъ придворныхъ кружкахъ посторонняго желѣзному канцлеру вліянія. Подтвержденіемъ этому служатъ статьи, появившіяся въ газетахъ близкихъ канцлеру, во главѣ съ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, и направленныя противъ вольномыслящей партіи вообще, и въ отдѣльности противъ органа г. Рихтера *Freisinnige Zeitung*, сообщившей, будто-бы причиной увольненія г.Путкаммера были отчасти обвиненія, взведенныя на администрацію въ давленіяхъ, производимыхъ ею на избирателей.

Въ Буда-Пештѣ 29 мая открылась сессія австро-венгерскихъ делегацій. Президентъ австрійской делегаціи Смолка и президентъ венгерской — Тиса въ своихъ рѣчахъ какъ при избраніи въ президенты, такъ и на представленіи делегацій императору, указывали безусловно миролюбивое настроеніе, при коемъ открываются сессіи, но при этомъ заявили о „необходимости быть могущественными" и продолженіи развитія боевыхъ силъ. На обращеніе президентовъ делегацій императоръ Францъ Іосифъ отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: „За нѣсколько мѣсяцевъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ васъ собравшимися вокругъ меня, въ политическомъ положеніи не послѣдовало существенной перемѣны. Кончина моего долголѣтняго друга и союзника, императора Вильгельма, глубоко меня опечалила. Я успокоиваюсь на мысли, что не менѣе тѣсныя отношенія, соединяющія меня съ императоромъ Фридрихомъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ существующимъ между обѣими сосѣдними имперіями узамъ дружбы и мира. Отношенія моей монархіи къ иностраннымъ державамъ продолжаютъ сохранять дружественный характеръ и Европа, попрежнему, пользуется благами мира. Если, не смотря на то, правительство мое вынуждено, согласно возлагаемой на него долгомъ заботѣ объ обезпеченіи нашихъ границъ и упроченіи нашихъ боевыхъ силъ, требовать значительныхъ кредитовъ, — то главною причиною тому продолжающаяся необезпеченность политическаго положенія Европы и непрерывное увеличеніе военной силы и боевой готовности во всѣхъ другихъ государствахъ. Австро-Венгрія, также обнаруживая рѣшимость защищать равными силами и съ традиціоннымъ патріотизмомъ свои интересы и интересы всеобщаго мира, тѣмъ самымъ исполняетъ высокую задачу."

Исходящія изъ высоко-оффиціозныхъ сферъ заявленія о мирномъ характерѣ тронной рѣчи императора Франца-Іосифа возбудили въ Вѣнѣ большія ожиданія. По толкованію газетъ, въ тронной рѣчи выставлено полное противорѣчій европейское положеніе; тѣмъ не менѣе газеты находятъ, что рѣчь производитъ успокоительное впечатлѣніе и что опасаться войны нѣтъ теперь никакихъ поводовъ. Императоръ далъ увѣреніе въ этомъ въ частной бесѣдѣ съ нѣсколькими делегатами. Во время бывшаго у императора собранія, императоръ, бесѣдуя съ графомъ Андраши о внѣшнихъ дѣлахъ, сказалъ: „Слава Богу, положеніе улучшилось и есть надежда, что миръ, обезпеченный въ настоящее время, сохранится и впредь".

Въ *Neue Freie Presse* сообщаютъ изъ Софіи: „По свѣдѣніямъ изъ компетентныхъ источниковъ, неизбѣжно предстоитъ выходъ въ отставку или консервативной, или же либеральной фракціи министерства". *Свобода* говоритъ: „Если принцъ Фердинандъ не утвердитъ приговора по дѣлу Попова, то ему придется искать себѣ другихъ совѣтниковъ, такъ какъ Стамбуловъ никогда не позволялъ и не позволитъ играть собою, какъ мячикомъ. Отставка Стамбулова повлечетъ за собой выходъ въ отставку двадцати пяти высшихъ офицеровъ. Большинство народнаго представительства станетъ относиться тогда къ Фердинанду съ недовѣріемъ и нелюбовью, колеблющееся уже и теперь положеніе принца еще болѣе пошатнется, вслѣдствіе чего возникнутъ новыя опасныя усложненія".

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 29 мая, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Н. Н. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великими Князьями Георгіемъ и Михаиломъ Александровичами и Великими Княжнами Ксеніею и Ольгою Александровнами переѣхали изъ Гатчины, на лѣтнее пребываніе, въ Петергофъ.

Правительственныя распоряженія.

— Срокомъ упраздненія III департамента Сената назначено 30 іюня 1888 года.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Министру Финансовъ, въ виду необходимости возобновить постройки Верхнихъ торговыхъ рядовъ на Красной площади въ Москвѣ, повелѣно: сдѣлать надлежащія распоряженія къ отчужденію въ пользу города Москвы тѣхъ находящихся подъ названными рядами участковъ, которые въ теченіе одного мѣсяца со дня публикаціи объ окончательномъ образованіи особаго для возобновленія построекъ акціонернаго общества не будутъ добровольно ему уступлены владѣльцами, путемъ особыхъ о томъ заявленій на имя московской городской управы.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Морскимъ промысломъ въ Золотицкой волости, Архангельскаго уѣзда, занималось минувшею зимою 220 чел. (хозяевъ — 85 и покрутчениковъ — 135), на 55 лодкахъ. Было добыто звѣрей и изъ нихъ сала на 860 руб. Затраты на организацію промысла равнялись, по показанію золотицкаго волостнаго старшины — 3,315 руб., и слѣдовательно промыселъ оказался весьма неудачнымъ, такъ какъ на каждаго хозяина пришлось около 30 р. убытка.

— Въ гор. Симферополѣ предположено открыть съ 15 октября по 1 ноября сельскохозяйственную выставку. Экспоненты допускаются не только изъ Таврической губерніи, но и изъ другихъ областей и губерній, а по машинному отдѣленію—и иностранные.

Торговля.

— Въ хлѣбной торговлѣ недѣля съ 16 по 22 мая (ст. ст.) отмѣчена дальнѣйшимъ ослабленіемъ, которое главнымъ образомъ распространилось на сѣверо-американскіе рынки. На русскихъ рынкахъ весенній хлѣботорговый сезонъ окончился быстро, но далъ хорошіе результаты. Теперь, въ виду повышенія курса и одновременно ослабленія хлѣбныхъ цѣнъ заграницей, на экспортныхъ рынкахъ естественно произошло нѣкоторое затишье, тогда какъ во внутреннихъ губерніяхъ настроеніе поддерживается.

Народное просвѣщеніе.

— Для соисканія премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, ученымъ комитетомъ, къ 1 ноября 1888 года назначена группа „Русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика, съ дидактикою и методикою, примѣнительно къ гимназіямъ", съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ.

По настоятельной потребности въ учебникахъ „по всеобщей географіи для низшихъ трехъ классовъ гимназій и прогимназій и по всеобщей исторіи"—срокъ для представленія таковыхъ на соисканіе премій Императора Петра Великаго продолженъ также до 1 ноября 1888 года.

Литература и наука.

— Государь Императоръ, соизволивъ благосклонно принять экземпляръ составленной д. с. с. Вейнбергомъ книги подъ заглавіемъ „Русская исторія въ русской поэзіи", на всеподданнѣйшемъ докладѣ главноуправляющаго вѣдомствомъ учрежденій Императрицы Маріи о цѣли этого изданія, Собственноручно начертать изволилъ: „*Весьма похвально*".

— Въ нынѣшнемъ году Имп. Рус. Географическое Общество устраиваетъ цѣлый рядъ экспедицій для изслѣдованія въ различныхъ отношеніяхъ Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Наибольшій интересъ представляетъ новая, по счету пятая, экспедиція Н. М. Пржевальскаго на Высочайше дарованныя Географическому Обществу средства. Затѣмъ, членъ-сотрудникъ Ю. А. Листовъ командируется въ Крымъ для продолженія географическаго изслѣдованія пещеръ-ледниковъ Крыма. Членъ-сотрудникъ г. Россиковъ командируется на сѣверо-западную часть Кавказскаго хребта для зоо-географическихъ изслѣдованій, а членъ-сотрудникъ Н. И. Кузнецовъ — на сѣверо-западные склоны Кавказскаго хребта для изслѣдованій ихъ гео-ботаническаго характера. Члены-сотрудники Куликовскій и Романовъ командируются для этнографическихъ изслѣдованій, первый—въ Олонецкую, а второй — въ Могилевскую губерніи. Дѣйствительный членъ Фауссекъ отправляется для зоо-географическихъ изслѣдованій на Бѣлое море, а г. Катановъ—для этнографическихъ изслѣдованій въ Западную Сибирь и Монголію.

Изъ губерній и областей.

— Въ окрестностяхъ Тифлиса, послѣдніе проливные дожди и разливъ Куры причинили много бѣдъ. У Мцхета каменный и желѣзнодорожный мостъ повреждены, въ Гори новый желѣзнодорожный мостъ въ безнадежномъ состояніи, полотно Закавказской дороги и ея мосты повреждены, поѣзды запаздываютъ. По военно-грузинской дорогѣ, вслѣдствіе размывовъ и обваловъ, во многихъ мѣстахъ прекращалось сообщеніе, по два дня не получалось въ Тифлисѣ почты. 30 мая, Кура выступила изъ береговъ и затопила станцію Евлахъ Закавказской дороги, находившіеся близъ нея караванъ-сараи и лавки. Во многихъ мѣстахъ полотно дороги размыто.

— 29 мая сгорѣла половина посада Новый Дворъ, при крѣпости Новогеоргіевскъ.

— Въ Вѣрномъ, 27 мая, въ годовщину землетрясенія, былъ крестный ходъ и всенародное молебствіе передъ новоустроенною часовней. Ночью произошло довольно сильное землетрясеніе съ подземнымъ гуломъ, напугавшее жителей; оно повторилось нѣсколько разъ днемъ.

— Въ виду расширенія торговли съ Хивой, Хивинскій ханъ обратился съ ходатайствомъ о проведеніи телеграфа между Чарджуемъ и Хивой.

Некрологъ.

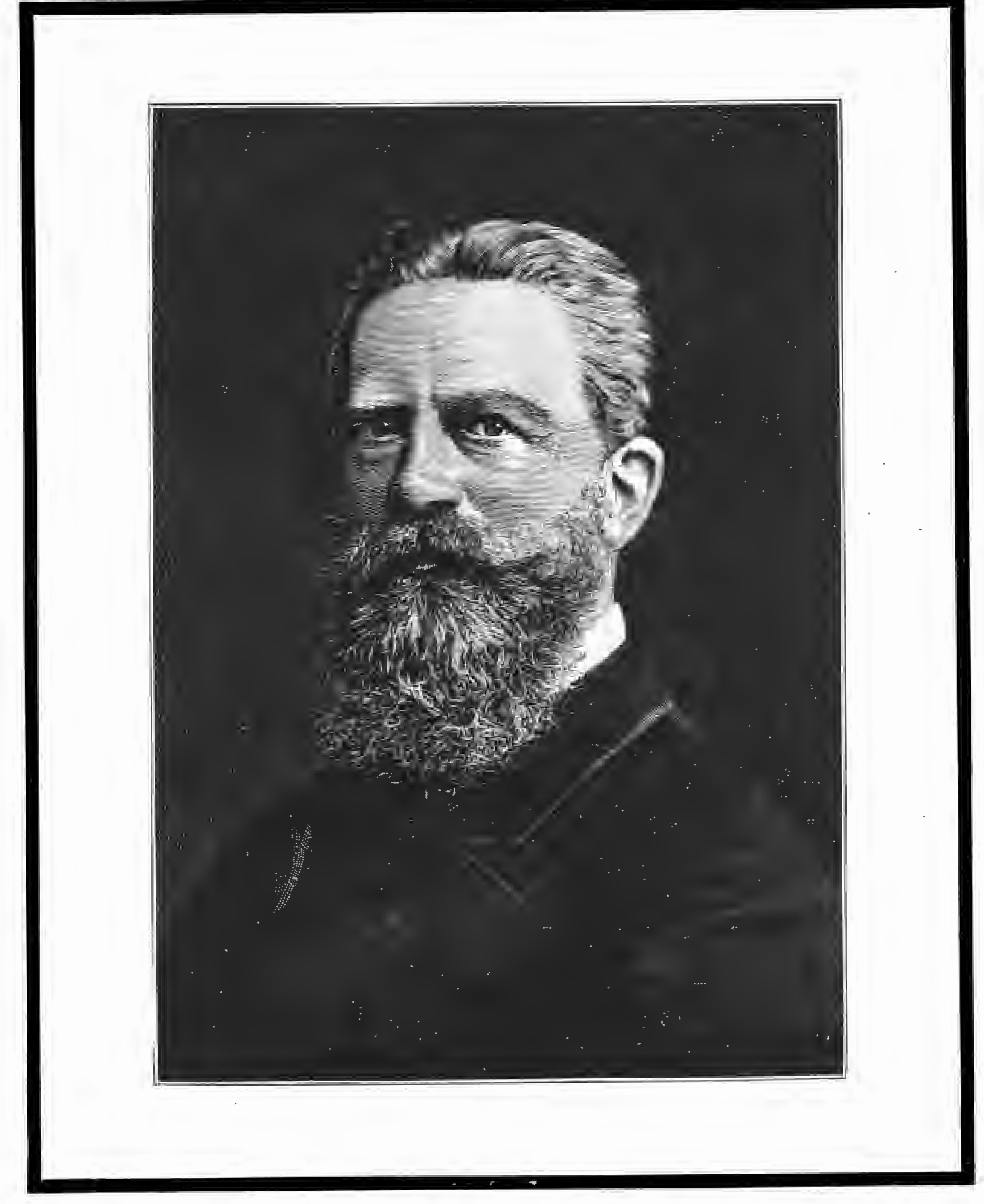
— Въ ночь на 1 мая скончался въ Ташкентѣ помощникъ военно-медицинскаго инспектора Туркестанскаго военнаго округа, тайн. совѣтн., докторъ медицины Герардъ Францовичъ Логиновичъ.

— 20 мая скончался въ городѣ Рязани, на 81 году отъ рожденія, одинъ изъ послѣднихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ Наваринской битвы, отставной капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Рыкачевъ, раненый во время сраженія и служившій на кораблѣ „Гангутъ" мичманомъ.

— 26 мая, въ Петербургѣ скончался извѣстный адвокатъ и литераторъ Леонидъ Петровичъ Блюммеръ.

— 28 мая скончался въ Петербургѣ цензоръ драматическихъ сочиненій при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, Егоръ Ивановичъ Кейзеръ-фонъ-Нилькгеймъ.

— 29 мая, въ церкви Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, происходило отпѣваніе тѣла скончавшагося въ Кёнигсбергѣ профессора хирургіи Нестора Дмитріевича Монастырскаго.



Императоръ Фридрихъ III † 3 (15) іюня 1888 г. Съ фот. грав. Флюгель.

Императоръ Германскій Фридрихъ III.

† 3 (15) іюня 1888.

Не стало императора, коему, безпримѣрно въ исторіи, волею неисповѣдимаго Промысла, суждено было почти въ преклонныхъ лѣтахъ страдальцемъ вступить на престолъ, прострадать все свое краткое царствованіе и мученически окончить дни. А между тѣмъ едва-ли многимъ правителямъ выпадало на долю такъ много задатковъ славнаго царствованія. Обожаемый народомъ, замѣчательный полководецъ и не смотря на то рѣшительный другъ мира, серіозный ученый, чуждый однако увлеченія ходячими доктринами,— Фридрихъ III болѣе кого либо изъ государей западной Европы способенъ былъ обезпечить своей странѣ мирное развитіе, въ которомъ такъ нуждается современная Германія.

Невозможно было безъ чувствъ глубокаго соболѣзнованія читать изо дня въ день скорбную лѣтопись его страданій. Еще такъ недавно чуть не возникли надежды на спасеніе его жизни. Императоръ сталъ выходить на воздухъ и прогуливался по своему парку въ колясочкѣ, везомой маленькимъ пони, въ сопровожденіи императрицы и Dr. Мекензи (рис. на стр. 609). И однако дни его были уже изочтены. 2 іюня телеграфъ извѣстилъ о безнадежности его положенія, а на другой день пришла вѣсть о кончинѣ державнаго страдальца.

Отецъ Фридриха III, въ 1829 году женился на принцессѣ Августѣ, дочери великой княгини Маріи Павловны, бывшей въ замужествѣ за Саксенъ-Веймарскимъ великимъ герцогомъ. Такимъ образомъ Фридрихъ III приходится, такъ сказать, вдвойнѣ родственникомъ Русскому Государю — по отцу черезъ тетку свою, покойную императрицу Александру Θеодоровну, и по матери Августѣ—какъ внучкѣ императора Павла I.

На этой стр. читатели найдутъ одинъ изъ послѣднихъ портретовъ почившаго, снятый до смертельнаго развитія болѣзни.

Церемоніалъ открытія Барселонской выставки королемъ Альфонсомъ XIII.
Съ наброска Клеръ-Гюіо въ „Monde Illustré“, грав. Шюблеръ.

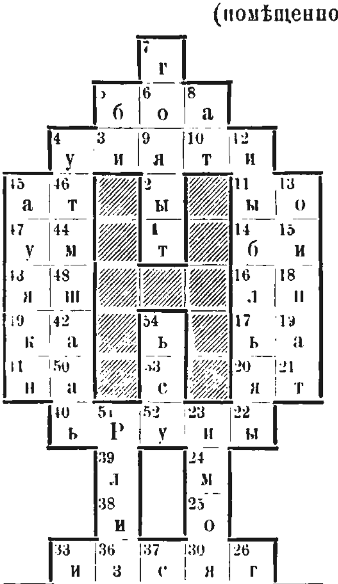
Смѣсь.

Браки въ Персіи. Обыкновенно представляютъ себѣ персидскую женщину ничтожнымъ, немощнымъ существомъ, увѣшаннымъ драгоцѣнностями и закутаннымъ въ покрывало; рабыней и игрушкой своего ревниваго господина, которой въ концѣ концовъ грозитъ мѣшокъ и веревка или одинокая, презрѣнная старость. Но это большое заблужденіе. Въ Персіи жена является другомъ, повѣреннымъ своего мужа и полноправною воспитательницею своихъ дѣтей. Браки въ богатыхъ семьяхъ заключаются въ Персіи, какъ и вездѣ, по разсчету; въ среднихъ и низшихъ классахъ—по взаимному соглашенію родителей, которые конечно устраиваютъ свадьбы, считаемыя ими выгодными для своихъ дѣтей. Браки по любви составляютъ рѣдкое исключеніе. Многоженство является также исключительнымъ явленіемъ и при двухъ и нѣсколькихъ женахъ имѣется столько же отдѣльныхъ хозяйствъ. Ни жилище, ни имущество, ни касса, ни прислуга, ни платье, ни драгоцѣнности не составляютъ общаго достоянія, а потому и не являются яблокомъ раздора между женами; единственнымъ источникомъ ссоръ служатъ претензіи на общество мужа. Тѣмъ не менѣе, жены относятся одна къ другой не какъ ревнивыя соперницы, а напротивъ живутъ очень дружно. Хотя по закону каждый персіянинъ легко можетъ расторгнуть свой бракъ, для чего достаточно произнести при свидѣтеляхъ: „Ты разведена со мною"; но на дѣлѣ добиться развода не менѣе трудно, чѣмъ въ Европѣ. Въ Персіи, при выходѣ замужъ даже самыхъ беднѣйшихъ дѣвушекъ, заключается контрактъ, имѣющій силу и при разводѣ и въ который, по требованію родственниковъ невѣсты, вносится иногда большая сумма, чѣмъ дѣйствительно была дана въ приданое. Необходимость выплатить обратно этотъ „излишекъ" большею частію удерживаетъ мужа отъ развода, за исключеніемъ какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ. Если-же взаимная антипатія настолько сильна, что обѣимъ сторонамъ желателенъ разводъ, тогда конечно не трудно придти къ соглашенію; жена нерѣдко отказывается отъ возврата ей слѣдуемой части или всего приданаго. Чаще всего браки заключаются между дѣтьми близкихъ родственниковъ. Причина этого заключается въ томъ, что персидская дѣвушка для всѣхъ постороннихъ составляетъ непроницаемую тайну и имѣетъ сношенія лишь съ братьями, сестрами и ближайшими родственниками. Такимъ образомъ, сближаясь съ дѣтства, молодой персъ привыкаетъ видѣть въ „дочери своего дяди" свою будущую жену, если только нѣтъ особой взаимной антипатіи или черезчуръ большой разницы въ лѣтахъ. Поэтому персидская молодежь уже въ раннемъ возрастѣ бываетъ нерѣдко обручена между собою. (с.)

Положеніе газетнаго дѣла въ различныхъ государствахъ. Въ одной Японіи издается 2000 газетъ, половина того числа, которое насчитываетъ Англія и Ирландія вмѣстѣ взятыя. Всего на всего издается на земномъ шарѣ 35,000 газетъ, такъ что на каждыя 28,000 человѣкъ приходится одна газета. Европа имѣетъ 20,000 газетъ и періодическихъ изданій; въ Германіи, опередившей въ этомъ отношеніи всѣ другія страны, выходитъ 5,500 изданій, изъ нихъ 800 ежедневныхъ. Затѣмъ идутъ Франція, имѣющая 4002 изданія, и Англія—одной сотней меньше. Кромѣ Японіи, газеты издаются и въ другихъ странахъ Азіи, главнымъ образомъ въ Индіи. Африка имѣетъ 206 газетъ, Австралія 700. Что касается до количества экземпляровъ, то въ Парижѣ находится въ обращеніи 1.100.000,000, а въ Лондонѣ, въ которомъ жителей вдвое болѣе чѣмъ въ Парижѣ, 1.017.000,000 экземпляровъ различныхъ газетъ и журналовъ. (с.)

Рѣшеніе задачи буквъ (Ходъ короля) № 32

(помѣщенной въ № 19).



1) Гекуба.
2) Боа.
3) Римини.
4) Мышь.
5) Готы.
6) Усы.
7) Тула.
8) Тать.
9) Язь.
10) Сити.
11) Буяны.
12) Очи.
13) Аяя.
14) Ла.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная,
Матушка-Русь!

Некрасовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Э. Мартиновскаго, Ф. Михель, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, **Москва**—М. Гиллишъ, Л. Ю. Жилиной-Кахновой, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Винница**—С. Рабиновича, **Гатчино**—А. Львова, **Казань**—Гаврилова, **Судогда**—С. Н. Голубева, В. Н. Голубева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 33 (помѣщенной въ № 19).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф e 8 — b 5	1) Кр. d 4 — e 5
2) К g 7 — e 6	2) Куда угодно.
3) Ф b 5 — e 8, e 2 + +	

Если черные 1) Кр. е 4; тогда 2) Ф e 2 +, 3) К g 7 — e 6, Н 5 + +

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Л. Фацевскаго, Кн. К. Голицына, **Бѣла**—В. Шимкевича, **Болховъ**—В. И. Кроткова, **Дисна**—Ф. Іоффе, **Исады**—В. Н. Кожина, **Кіевъ**—А. Охоцкаго, **Кременчугъ**—Ю. Галацкаго, **Николаевъ**—Н. Н—ской, **Софія**—Найденова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 34 (помѣщенной въ № 19).

Бѣлыя.	Черныя.
1) D f 4 — c 7	1) c 7 : g 5
2) D h 6 : c 1 : a 3	2) b 6 — c 5 (A)
3) D a 3 : d 6	3) a 7 — b 6 (B)
4) D d 6 — c 5	4) a 5 — b 4
5) c 3 : a 5	и шашка черныхъ заперта.

(A)

2)	2) a 5 — b 4
3) c 3 : a 5	3) b 6 — c 5
4) D a 3 : d 6	4) a 7 — b 6
5) D d 6 — c 5	и шашка черныхъ заперта.

(B)

3)	3) a 5 — b 4
4) c 3 : a 5	4) a 7 — b 6
5) D d 6 — c 5	и шашка черныхъ заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—В. И. Шошина, Н. И. Итинскаго, Н. В. Панкова, С. Т. Грибова, Ф. А. Боронина, **Москва**—Ф. П. Черныщева, Н. Чеснокова-Смирнова, **Болховъ**—Н. В. Панина, **Діевка**—Дидковскаго, **Егорьевскъ**—Н. Н. Матвѣева, **Краснослободскъ**—Н. С. Дубровскаго, **Окуловка**—Д. Аниханова, **Середа**—М. В. Лундышева, А. В. Альминитумскаго.

Рѣшеніе ребуса № 31

(помѣщеннаго въ № 18).

„Правда въ лаптяхъ стоитъ, а кривда въ сапогахъ сидитъ".

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1887 года,

заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой историч. романъ гр. **Е. А. Саліаса**—**„Яун-Кундзе“**, большую повѣсть **В. И. Немировича-Данченко**—**„Патмосъ“**, разсказъ **Вс. Крестовскаго**—**„Мой собрать“**, разсказъ **А. Я. Максимова**—**„Скиталецъ“**, большую повѣсть **Н. Д. Ахшарумова**—**„Темная карта“** и его же разсказъ **„Ванзамія“**, разсказы **К. Тхоржевскаго**—**„За дупелями“** и **„Неожиданный случай“**, сцену **Виктора Крылова**—**„Секретное предписаніе“**, разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева)**—**„Въ пансіонѣ“**, большую повѣсть **В. Желиховской**—**„Кавказскій легіонъ“**, разсказы **Е. Валова, К. Бороздина, Кирилова,** князя **Д. Н. Цертелева, Эвальда, Захеръ-Мазоха** и разн. друг., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., и кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„БАБУШКИНА СКАЗКА“.

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р.	Въ каленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . . **6** „	Съ пересылкою. . **7** „ **50** „

Открыта полугодовая подписка

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ 4 РУБ. — ЦѢНА ЗА ПОЛГОДА 2 РУБ.

Съ 1-го іюня газета выходитъ **ПЯТЬ** разъ въ недѣлю, не исключая дней послѣ праздничныхъ, большими листами обычнаго формата ежедневныхъ изданій по 5 столбцовъ въ страницѣ.

№ 3219 2—1

Программа заключаетъ въ себѣ всѣ отдѣлы ежедневныхъ изданій. При недорогой цѣнѣ изданію придана серьезная постановка. **Сотрудники: М. П. Альбовъ, В. В. Бирюковичъ, В. Л. Величко, К. Говоровъ, В. Крестовскій** (псевдонимъ), **А. В. Кругловъ, Н. С. Лѣсковъ, К. П. Медвѣдскій, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, А. Г. Сахарова, Н. Северинъ, В. В. Стасовъ, К. М. Фофановъ, М. К. Цебрикова** и др. **Цѣна:** за полгода съ 1-го іюля 2 руб.; съ приложеніемъ особаго еженедѣльнаго литературно-научнаго журнала за полгода 4 р.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, д. 4.

Редакторъ **И. В. Скворцовъ.** Издатель **А. А. Греве.**

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи.

№ 3206 14—3

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“ 10—9

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. **1** р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову.**

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ, Франкфуртъ н/М.

Фабрикантъ велосипедовъ „Орелъ“. Составныя части и принадлежности. Илл. катал. за 10 пфен. марками. Р. № 3116 12—10

Ц. № 3078 (8)

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. произвед., по **удешевл. цѣнамъ** въ $3^1/_2$, 4, 5 и 8 руб. **со школой и нот.**, на которыхъ **самоучкой** въ теч. 1 часа вполнѣ можно выучиться играть, прод. въ музыкальн. инструментальной торговлѣ **І. Ф. МЮЛЛЕРЪ.** Москва, Петровка, д. Волкова.

За перес. по почтѣ прилаг. за мал. за 10 ф., за больш. за 15 ф. Полный **прейсъ-курантъ** всѣмъ инструментамъ **безплатно.**

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер 2 р. 50 к.

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи
РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,
W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается безплатно.

Р. № 2691 26—24

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Совѣты по косметикѣ согласованные съ требованіями науки.

Сост. **М. Боголюбовъ**, докт. медиц.

Цѣна 75 коп.

Выписывающіе изъ склада изданія (Москва, Мясницкая, д. Музея, кв. Боголюбова) за пересылку не платятъ.

Ц. № 3213 2—2

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ
Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)
съ 118 рисунками и виньетками
Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

!! ДЛЯ ГЛУХИХЪ !!

№ 3196

Искусственныя ушныя барабанныя перепонки Никольсона. Миніатюрный этотъ приборъ, невидимый въ ухѣ, дозволяетъ **глухимъ слушать** и принимать участіе въ общемъ разговорѣ. Цѣна за пару съ наставленіемъ и перес. **5** р. с. Главное депо **въ ВАРШАВѢ**, улица Бѣлянская, № 6, у **Северина Пикъ.**

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (24) № 2946

М. № 3225 5—1

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, противъ больш. театра.

ДРАПИРОВКА ВСЯК. РОДА

Имѣютъ постоянный и разнообразный выборъ ***мебельныхъ и драпировочныхъ матерій, готовыхъ драпри, гардинъ и ковровъ,*** *всевозможн. качествъ, рисунковъ и цѣнъ отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ. Для удобства публики высылаются по требованію* ***прейсъ-куранты и образцы.***

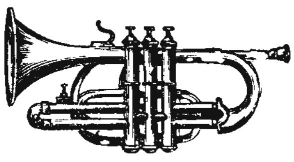
Гг. иногороднихъ покупателей *имѣемъ честь извѣстить, что мы беремъ на себя выполненіе всевозможныхъ* ***заказовъ на драпировку*** *и по сообщеніи размѣровъ комнаты, оконъ, дверей и проч., а также если возможно, цвѣта мебели и обоевъ,* ***высыл. подходящіе образцы матерій*** *и* ***приблизител. смѣту стоимости заказа.*** *Съ нашей стороны будутъ приложены всѣ старанія и усилія, чтобы удовлетворить г.г. покупателей наилучшимъ выполненіемъ заказовъ.*

Прейсъ-Куранты и образцы высылаются безплатно.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *II. Петрова* и *В. Клюшникова.* Ц. 1 р.

КВАРТЕТЪ
ИЗЪ МѢДНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.



КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

въ 22, 30, 35, 50, 60, 75, 100 р. и дор.
Альтгорнъ въ 40, 50 р. и дор.
Теноргорнъ въ 50, 60 р. и дор.
Баритонъ въ 50, 70 р. и дор.

Для вышесказанныхъ инструментовъ: Школа Самоучит. Баганца по 1½ и 3 р. 77 легкихъ квартетовъ для любителей, Цибарта, 6 р.

Всѣ остальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ. **Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.** № 3224

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

для **гувернантокъ** рекомендуетъ **наставницъ** и гувернантокъ русскихъ, **французскихъ,** нѣмецкихъ и англійскихъ. За справками просятъ обращаться отъ 1 часа до 4-хъ часовъ пополудни, въ Торговую, домъ 15, кв. 58.
№ 3197 15 2 **Комитетъ.**

Безопасные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

„Безопасн. вел. Свифтъ"

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3223 4—1

Изданіе А. Ф. МАРКСА, СПБ.
Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу:

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,
составл. ко дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности, 30 апрѣля 1888 г.,
М. Л. ЗЛАТКОВСКИМЪ.
(Съ портретомъ юбиляра гравированнымъ на стали).
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 30 к.
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива"; а также можно получить у всѣхъ книгопродавцевъ.

LIEBIG Company's Fleisch-Extract

Nur aecht wenn jeder Topf den Namenszug *J. v. Liebig* *in BLAUER FARBE trägt.*

Главное агентство для Россіи братья Фохтсъ. В. О., 1-я лин., № 4.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ и ХИМИЧЕСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ

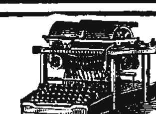
И. Ф. БИЛЬ

С.-Петербургъ, Невскій, 21, въ бель-этажѣ

рекомендуетъ гг. фотографамъ и любителямъ фотографіи свой большой выборъ камеръ новѣйшихъ конструкцій собственнаго и заграничнаго изготовленія, новые видовые объективы и вообще всѣ принадлежности по части свѣтописи, по умѣреннымъ цѣнамъ.—**Каталогъ безплатно.** (3) Mt. № 3205

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3208 (2)

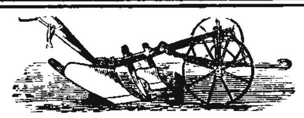


ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.

Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.

Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3222 3—1



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°, СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ,** приводовъ, **вѣялокъ,** сортировокъ, **плуговъ,** боронъ, **сѣялокъ,** непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ,** механическихъ **зерносушилокъ,** предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика,** сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ,** Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ,** Рыбная улица. (11) № 3041

Иллюстрированные каталоги безплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
наискось прежняго помѣщенія.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3162 8—6
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

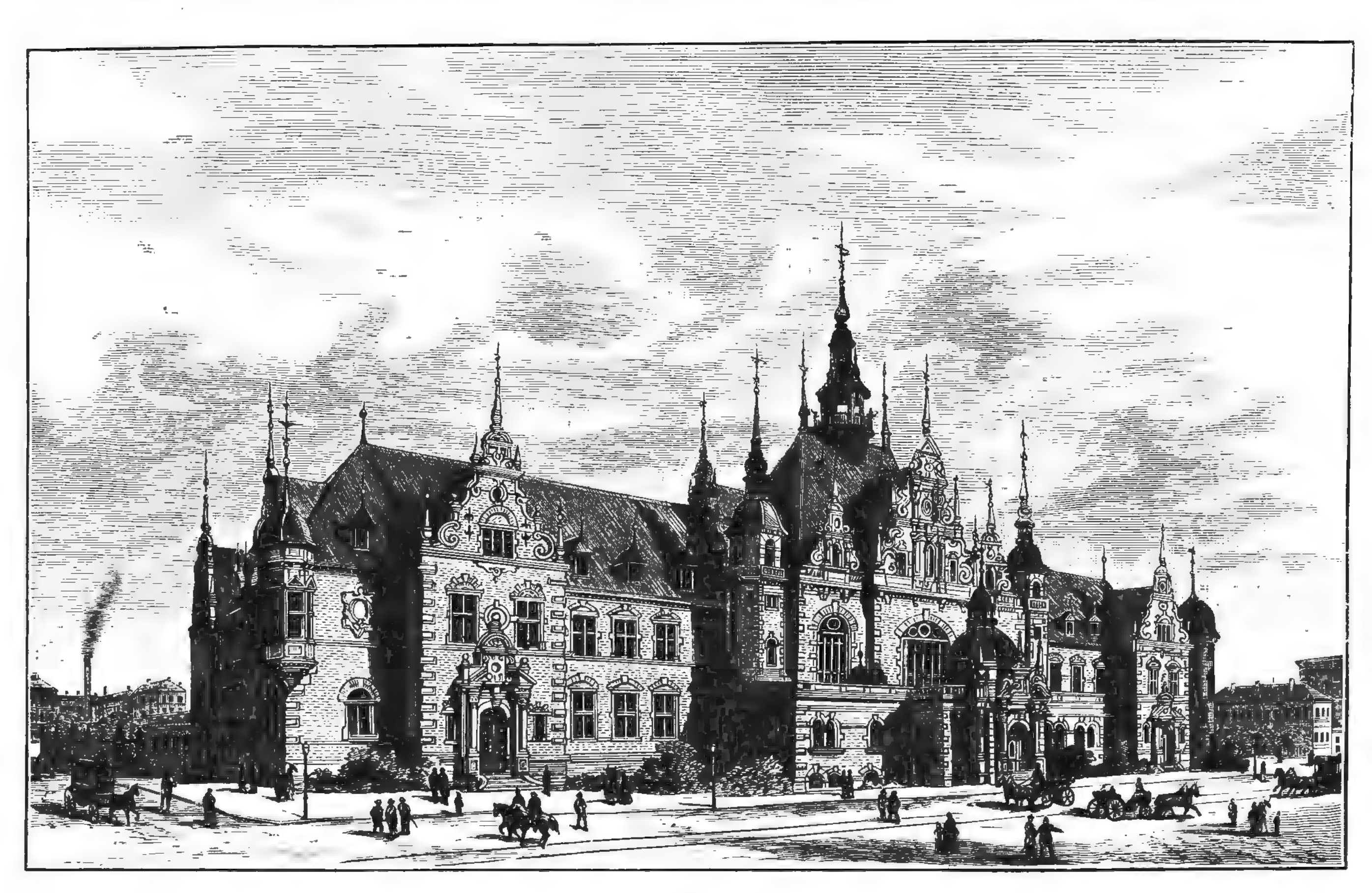
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Дозвол. ценз., СПБ., 8 іюня 1888 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XIX г. | № 25 | г. XIX | 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 іюня 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



Новая палата книгопродавцевъ въ Лейпцигѣ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

V.

„И въ князѣхъ".

Съ уходомъ пословъ вѣче точно на-двое разорвалося: мохры висятъ, а концы не сходятся. Отъ одного берега вѣче откачнулось, къ другому еще не причалило. Шумно было на Дворищѣ, и говору не мало, а все безтолочь, ровно слово новгородское топталось на одномъ мѣстѣ. Плетутся кони какъ бы и свѣжіе еще, а стегнуть ихъ некому.

Старый посадникъ Яковъ Кóробъ хитро обдумывалъ какъ бы ему столь умнешко рѣчь сдержать, чтобъ и ему самому было на-руку, и Москвѣ не слишкомъ досадливо, да и людямъ не слишкомъ било въ голову. Хорошо была рѣчь у Кóроба обдумана, а все у Якова слова съ языка не шли. Только какъ завидѣлъ онъ, что оба степенные изъ избы вышли да назадъ на вѣче межъ народомъ пробираются, тутъ его словно бѣсъ въ бокъ толкнулъ.

— Аль мнѣ? подмигнулъ Кòробъ старому своему пріятелю Грузу, тысяцкому.

— А ну! подбодрилъ его Ѳедоръ Грузъ.

— Оно точно, сталъ Яковъ къ вѣчу рѣчь держать,— какъ я, господò, подумаю, такъ дѣло-тъ это вышло великое, а и то сказать не грѣхъ, что и не бывалое. И посадникъ степенный нашъ, Ѳома Андреевичъ, розумно же сказывалъ, что отвѣтъ посламъ надо дать сгадамши да сдумамши. А каковъ же отвѣтъ, господò, дадимъ мы господамъ князьямъ нашимъ? А надоть чтобъ отвѣтъ былъ безъ грубости, потому какъ у всѣхъ у насъ, всѣмъ Великимъ Новымгородомъ крестъ на Шолони цѣлованъ былъ, чтобъ держать намъ ихъ, великихъ князей, княженье честно и грозно, а и они, князи наши великіе, къ намъ крестъ цѣловали же, чтобъ держать имъ Великій Новгородъ въ старинѣ, по пòшлинѣ, безъ обиды. А теперь, господо, вернемся на прежнее. Слово-тъ что послы сказывали, оно какъ бы и обидное, какъ бы не въ старинѣ, не по пошлинѣ насъ князи держать хотятъ...

— А ладно, Яковъ Ѳедосѣевичъ, сказалъ: а и вѣрно къ тому что слово-тъ это обидное, крякнулъ на все вѣче Юрьи Репеховъ.

— А не такъ вѣдь, не такъ, не въ укоръ тебѣ Юрьи свѣтъ Сергѣевичъ будь сказано, мягонько сталъ Коробъ замасливать Юрьево кряканье, — оно точно, сразу-то слово какъ бы и обиднымъ оказыватъ, а вѣдь оно, слово-тъ, вовсе не обидное, а ей же ей вотъ не обидное, какъ разсудишь-то, умомъ-то пораскинешь ежели. А въ старинѣ князи держатъ насъ, по пошлинѣ.

— Чего онъ путаетъ? громко спросилъ Киріакъ Луку.

— А по лисьи слѣды хвостомъ призамётываетъ, громко же Лука отвѣчалъ.

— А я, господо, отвѣчалъ Яковъ, стропотно глянувъ въ ихъ сторону, — не путаю, а слѣдовъ хвостомъ по лисьему не замётываю. А и хвоста у меня лисьяго и съ молоду не было: простецомъ роди мя мати моя, точно ссылаясь на Писаніе пропѣлъ Яковъ. — А къ тому, господо, я рѣчь веду, чтобъ знать намъ да вѣдати доподлинно: на кого намъ нынь вину положить, а съ кого намъ лжу сложить. Поставимъ-ли князей въ виноватые, аль оправимъ ихъ? А я вотъ вамъ теперичь-ко къ примѣру притчу, какъ бы про себя, скажу. Сижу я будто сегодни, чтоль, у себя въ комнатѣ, у окóнушка, у створчата, а чтò на вѣчѣ творится не вѣдаю. И быдто прибѣжали тутъ ко моимъ воротечкамъ какъ бы уличанъ, хоть бы двое ихъ. И стали бъ тыи уличана въ ворота ко мнѣ стукаться, а далѣ бъ и скрикнули: „а тебя молъ, Яковъ Ѳедосѣевичъ, вѣчемъ вѣдь на степень поставили [1]); подь-ко молъ скорѣе, чтоль, на Дворище-то." Какъ же бы мнѣ да тута быть? Повѣровать, аль не вѣровать? А повѣруй я—дуракомъ мнѣ слыть; не повѣруй я — не того-ль глупѣй. А мнѣ тутъ знамо изъ шабровъ [2]) кого попрошать, аль ощё вотъ лучше на внуковъ скричать: „а подьте-ко молъ вы, внучáтушка, на вѣчушко молъ теперечь-ко вы сбѣгайте: а правду-ль ощё уличана-те сказываютъ: покрѣпите молъ мнѣ того слова новгородьскаго."

— Ишь, на степень старый какъ намолвляется, громко сказалъ Киріакъ Андреевичъ.

Услыхали ближніе, и дальніе не мимо ушей пустили, разсмѣялися, и пошло словцо Киріаково гулять по Дворищу.

— А ни на что я, господо, не намолвляюся, медовымъ голосомъ Коробъ рѣчь повелъ, а самъ грозно прегрозно на Киріака глянулъ, — а говорю я, господо, чтò Господь кладè мнѣ на душу, а безо всякія безъ хитрости, а смéртный часъ свой памятуя. Про посадничество-то я къ примѣру вѣдь сказывалъ. А теперь-ко вернемся, вдругорядь ужь, на прежнее. Такъ же вотъ, какъ и я въ притчѣ сидѣлъ у оконушка, и князи велики въ Москвѣ сидятъ, а дѣлъ новгородьскихъ не вѣдаютъ. И приходятъ, какъ уличана же ко мнѣ, Назаръ да Захарій, двое ихъ, а сказываются послы новгородьскими, а повѣствуютъ слово новгородьско же, а зовутъ князей великихъ *государи* собѣ, а отъ имени всего Великаго Новагорода. Какъ же тута князямъ быть? Вѣровать имъ, аль не вѣровать? И какъ же я въ притчѣ, что вотъ сказывалъ, внучатушекъ на вѣче слалъ, такъ и князи-те велики на вѣче къ намъ пословъ посыловали, покрѣпити того слова новгородьскаго. А и вышло знать, что слово-тъ чтò послы намъ сказывали, не обидно оно, какъ вотъ Юрьи Сергѣичъ быдто думаетъ, а ни мало вѣдь оно не обидное, а и é оно, это слово-то, покрѣпительно.

— Эко словечушко московьско выворотилъ! со смѣхомъ молвилъ Лука Аввакумовичъ.

И опять хохотъ по Дворищу прошелъ. Коробъ сильно нахмурился.

— Ну, Коробу на степень не взлѣзть теперь, весело сказалъ тысяцкой Ѳомѣ степенному.

— Осадилъ его на степени-то Лука Аввакумовичъ, усмѣхаясь отвѣтилъ посадникъ Василью степенному.

И слѣдомъ Ѳомѣ подумалось: „а Коробъ вѣдь не страшенъ мнѣ сталъ, а говоритъ-то вѣдь онъ умнёхонько: и князю не въ укоръ, а и людямъ всѣмъ на тѝшину; инъ похвалю я его".

— Что жь, Яковъ Ѳедосѣевичъ, замолчалъ-то ты? ласково сталъ Ѳома похваливать Короба,—а и дальше бы сказывалъ: скончавай-ко рѣчь свою розумную.

— Тебѣ-то, Ѳома Андреевичъ, розумна моя рѣчь оказалася, низко кланяясь посаднику, отвѣчалъ Кòробъ,—а вотъ другимъ будто и не по норову. А впрочемъ какъ вы, господò, прикажете, обратился онъ къ вѣчу,—скончавàть-ли рѣче-тъ мнѣ?

— Ладно ужь, сказывай! лѣниво прокричало съ десятокъ голосовъ.

„Не-ймутъ, лѣшій ихъ дери, рѣчи-то моей вовсе неймутъ", думалъ Кòробъ, „да, чу, я васъ сейчасъ, порòзойму [3])".

---

[1]) Поставить на степень—избрать во степеннаго посадника, возвести по степенямъ на помостъ.

[2]) Шаберъ — сосѣдъ.

[3]) То есть разберу, расшевелю.

— А и вѣча мнѣ-ко не ослушаться, а дальше знать сказывать, началъ Коробъ вслухъ. — А сейчасъ вѣдь, господо̀, я великихъ князей какъ-бы оправливалъ, вотъ что го̀ворилъ-то, будто имъ не вѣровать нельзя было̀. А кто-жь ихъ вѣровать-то, опричь Захарья да Назара, заставливалъ? Никого-ли нѣтъ, аль и найдутся? А такъ вѣдь сказать надобѣть: наши-же, новгородьцы-же, на ту вѣру князей натаскивали. Какъ-же князямъ было не вѣровать, коли, диви-бы люди молодшiи, а то старѣйшiи вѣдь, са̀мы лучшiи, житьи да бо̀яре, стали въ Москвѣ дружка на дружку челомъ бить, а того не памятуя, что на Низу новгородцу суда нѣтъ. Аль князь великiй ихъ тѣмъ судомъ насиловалъ? Не сами-ль что̀ гуси въ сѣть полѣзли-то? Не сами-ль на Москву заѣздили? Не сами-ль тащили съ собой и послуховъ? Вѣрно-ль, господо̀, я слово сказываю?

— Вѣрное, Яковъ Ѳедосѣичъ, вѣрное! не утерпѣли, заговорили со всѣхъ сторонъ.

Важно и побѣдительно глянулъ Яковъ на Кирiака съ Лукой: „что, молъ, похитрѣй я васъ", а слѣдомъ искоса сморгнулъ и на Ѳому: „а и тебя молъ не похвалю сейчасъ".

— А коль слово мое ѐ вѣрное, говорилъ Яковъ вслухъ, — вѣрное оно, словечушко нелицемѣрное и нелестное [1]), а и вамъ, господѣ моей, всему Государю Великому Новугороду, угодное, такъ и дальше я, старичекъ, стану сказывати, а вы ужь, господо̀, на рѣчь мою на долгую не посѣтуйте: болтливы вѣдь старики живутъ, а и охъ, бѣды!

Всѣ разсмѣялися, а Яковъ въ сердцѣ радуется: „и я де умѣю молвить словечушко шутливое".

— А то была, господо̀, присказка, а нунь-ко былинка по̀йде, заговорилъ Яковъ вслухъ.—Такъ-то вотъ, наши-же, го̀ворю, новгородьцы-же и докончанье Шолоньско, а и старинку свою новогородьску порушили. На Низу безъ князева насилья судиться стали, а и безъ слова новгородьскаго. А кто на Москву по судъ ѣжжалъ, называть мнѣ-ко не приходится: у всѣхъ вѣдь о̀ны на памяти.

— Не забыли вѣдь, рявкнулъ Юрьи Репеховъ.

— Эка голосина у Юрья здоровенная, сказалъ Кирiакъ Лукѣ.

— Да вѣдь такимъ-то голосомъ, развѣ „грабятъ!" кричать, Лука въ отвѣтъ.

Чуткiй Яковъ глянулъ въ ихъ сторону, „не затѣваютъ-ли де опять чего", но видя что они тихо межь собой разговариваютъ, опять рѣчь затянулъ.

— Слышьте, господо̀, послушайте-ко, сказалъ онъ,— вотъ и Юрьи Сергѣичъ противъ меня шелъ, а нынь-ко и онъ за меня-же сталъ. То-то вотъ: а и рѣчь, что̀ дѣло, концомъ красна.

— Ладно ужь, скончавай скорѣй! Послѣ похвасташь! крикнулъ въ толпѣ чей-то нетерпѣливый голосъ.

— А не хвастаю, дороднiй добрый мо̀лодецъ, а какъ тебя по имени-то зовутъ не знаю вѣдь, а ужь вовсе вотъ я не прихвастываю. А правду сущую сказываю. А оцё я васъ, оспо̀да моя, о томъ спрошу: стали-ль-бы молодшi на Москву ходить, кабы наши старѣйшины ихъ удерживали да словомъ новгородьскимъ наказывали? А и стали-ли-бы, еще спрошу, и старѣйши наши, люди вящшiи, на Низу межь собою судитися, кабы за ними блюли, да на вѣче ихъ, предъ народъ весь, за то ставили? То-то вотъ подумайте; разгадайте-ко-сь мою загадочку.

Коробъ на чуточку замолчалъ, не потому чтобъ ждалъ разгадки на свою загадку, а съ расчетомъ, что его-же отвѣтъ да задержанный выйдетъ забористѣе.

— На насъ вѣдь, подлая его душа, всю вину взложить хо̀че, тысяцкой Василей Ѳомѣ шепнулъ.

— Охъ, пронеси Господь тучу-ту! вздохнулъ степенный Ѳома.

— А не стали-бы, злорадно вскричалъ Яковъ и, выпятя большой палецъ, правою рукой какъ-то снизу вверхъ и вправо ковырнулъ.—А не стали-бъ, го̀ворю, о̀ны по судъ на Низо-тъ шествовать, коли-бъ за ними блюденье было̀. А кому блюсти за тѣмъ надобѣть, сами вы о томъ свѣдомы. А и рѣче-тъ моя къ концу пришла. И болѣ ужь я не скажу ни словечушка... Аль развѣ помнить мнѣ слово старинное, доброе слово, не свое вѣдь, а отнее и дѣднее [1]), Твердиславово словечушко хорошее, того-ли славнаго посадника Новгородьскаго. А сказалъ Твердиславъ на вѣчушкѣ, вотъ какъ-бы и я вамъ го̀ворю: „а вы молъ, господо̀, вольни есте и въ по... по... по..."

Вдругъ запнулся Коробъ, какъ вспомнилось ему полное слово Твердислава, и сталъ онъ въ мысляхъ самого себя ругать: „и старый де дурень, а прорвался сколь!"

— Что̀-жь замолчалъ-то, аль слово Твердиславле запамятовалъ? спросилъ Лука Аввакумовичъ, — такъ я напомню. А слышьте, оспо̀да и братiя, вскричалъ онъ, хоть и хриплымъ да всюду слышнымъ и къ тому душевнымъ голосомъ,—а слышьте что̀ Твердиславъ сказалъ: „А вольни де вы, молвилъ, братiя, и въ посадничествѣ, и въ князѣхъ!"

— И въ князѣхъ! какъ едиными устами повторилъ весь Господинъ Великiй Новгородъ.

Тутъ Яковъ проскочилъ межь бояръ и спрятался за Груза, дружка своего любезнаго.

— Не въ степенны-ль Лука норовитъ? Грузъ шепнулъ.

— Куды ему, гусляру плѣшатому! огрызнулся Коробъ.—Охъ, кабы не память моя дырявая, да не этотъ хрипкiй чортъ, свелъ-бы я Ѳому со степени, призвдохнувъ добавилъ онъ.

— Да и Василья-бъ туда-жъ! молвилъ Ѳедоръ Грузъ: самъ онъ мѣтилъ было въ степенные тысяцкiе.

— А и то оцё сказать надобѣть, схвативъ рукой за руку, продолжалъ Лука,—хоть и вѣрно мы съ Яковомъ Ѳедосѣичемъ Твердиславле слово упомнили, да не вовсе. А „вольни" де Твердиславъ вѣдь не го̀ворилъ, а сказалъ онъ просто: „а вы молъ, братiя, и въ посадничествѣ, и въ князѣхъ". А что̀ оно, въ князѣхъ-то, домовлять было̀, знать, не къ чему: во ту пору, въ тоё времячко наро̀душко смышленый жилъ. А жевали они нежеванно, безъ добавки поняли.

— Ой-же ты, Лука Аввакумовичъ! радостно вскричалъ народъ. — А и вѣкъ-бы тебѣ жить да здравствовать! До внучатушекъ, до правнуковъ!

У Луки слезы въ три ручья брызнули и снявъ шапку, благодарствовалъ онъ свою госпо̀ду и братiю.

— Ну, слава Тѣ! полегче вздохнулъ Ѳома, отирая со лба крупный потъ, — пронесло тучу-ту: цѣлы наши головы.

Василей ни слова въ отвѣтъ, а только глянулъ на Ѳому: „ой молъ, цѣлы-ль еще?"

— А и въ князьяхъ, слышь! неугомонно Пашко̀ твердилъ, взобравшись на сороковую бочку. Въ первый разъ онъ на вѣчѣ стоялъ, и изо всего, что̀ было говорено, эти лишь слова и понялъ.

— А вѣстимо въ князяхъ, чего галдишь! гордымъ окрикомъ отвѣчали ему съ середины толпы. И слѣдомъ какъ-то весело и молодо встряхнулся весь народъ, да со всѣхъ концовъ какъ крикнули...

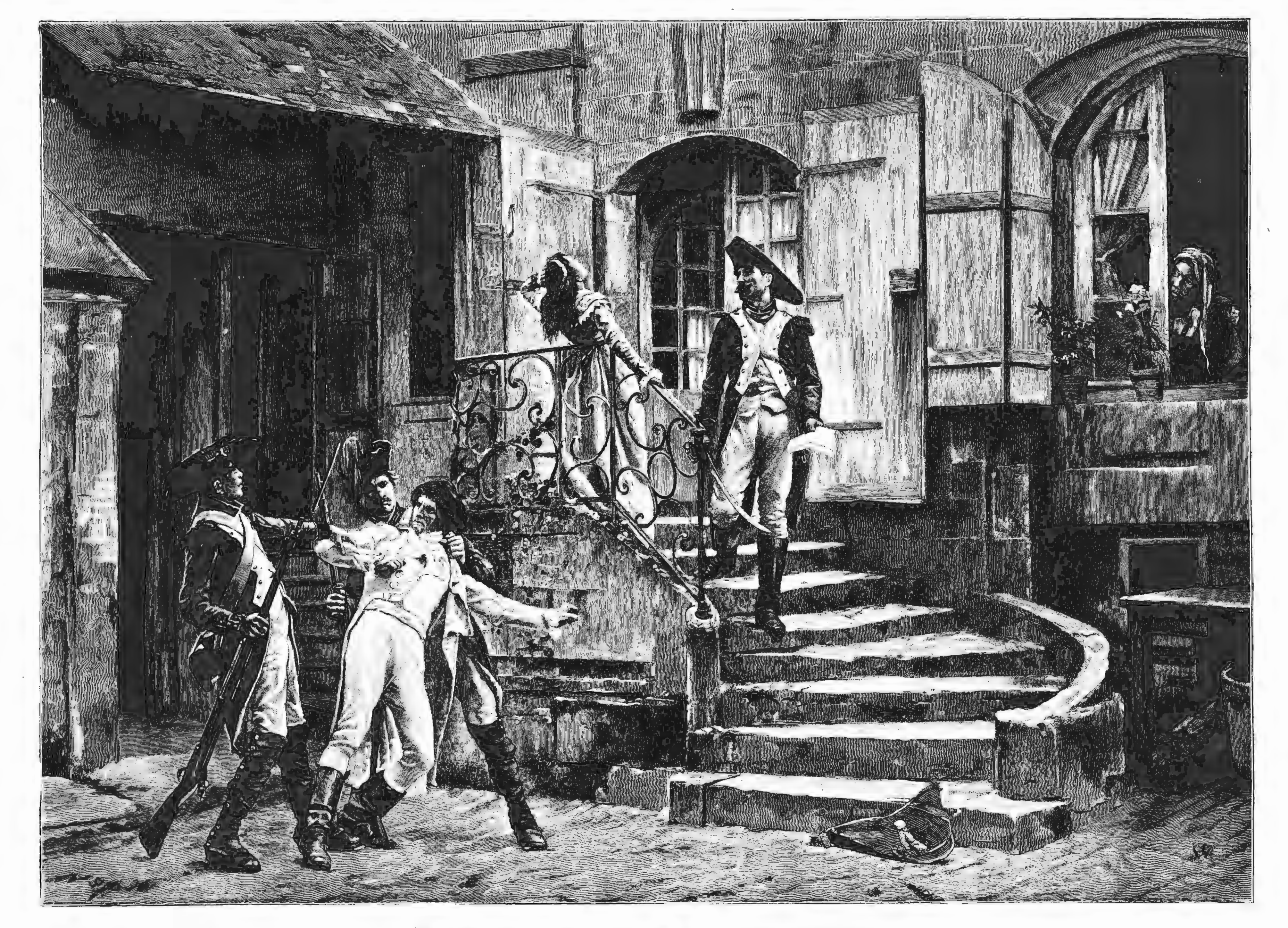
— А станемъ, братья, за едино всѣ! А постоимъ за старину, братья, новгородьскую! А умремъ за Господина Великiй Новгородъ! А сложимъ свои головы за Святую Со̀фею, премудрость Божiю! А не можемъ, братья, терпѣти насилья сего отъ господина князя нашего!..

То былъ завѣтный новгордскiй кличъ, отнiй и дѣднiй; какъ святыня передавался онъ изъ рода въ родъ и какъ святыня не по часту слышался: имъ сказывалась душа новгородская. Заслышавъ его, всѣ бояра и житьи—

[1]) Нелестное — въ которомъ нѣтъ лести, никакой прелести или хитрости, сказанное отъ сердца.

[1]) Отнiй—отцовскiй, дѣднiй—дѣдовъ.

Залъ въ новой палатѣ книгопродавцевъ въ Лейпцигѣ. Съ фотогр. грав. Флюгель.



Во времена террора. Карт. Ж. Жираде, грав. Брендамуръ.

которые къ Литвѣ тянули, и которые рады были московскихъ князей государями себѣ звать, и тѣ чтó и туда и сюда шаталися, и тѣ чтó прямили одному Господину Великому Новугороду;—всѣ сразу поняли, что притужно пришло Господину Великому Новугороду, безъ того не кликнуть-бы онъ своего завѣтнаго, никѣмъ не подсказаннаго слова.

Тутъ многіе и молодые, и старые, и бояра, и житьи, бросились къ Лукѣ, стали цѣловать и обнимать его, какъ вызывателя того клича. А тамъ и межь собой цѣловались-же и обнимались. Лука Аввакумовичъ навзрыдъ рыдалъ, самъ себя не помня. И мало кто насупясь стоялъ: кому и въ пору было супиться, и тѣ улыбалися.

Въ народѣ также плакали и цѣловались другъ съ другомъ, будто христосуясь о Великъ день; иные тутъ крестами помѣнялися.

VI.

Другой Ѳома.

Ѳома Андреевичъ, посадникъ степенный, изъ первыхъ подходилъ къ Лукѣ Аввакумовичу и подводилъ съ собой Василья, степеннаго тысяцкаго, и оба степенные трижды на крестъ цѣловались съ Лукой.

— Такъ-то, такъ, да опять-бы тучи не нàнесло, молвилъ Василей, какъ они съ посадникомъ къ сторонѣ отошли.

— Теперь не нàнесе! да и я сейчасъ вотъ ихъ! пріосанясь Ѳома сказалъ.

Подивился Василей на посадника: „откуда молъ у него прыть взялась и опять: *ихъ*-то кого?“

Ѳома, тѣмъ временемъ, кивнулъ биричамъ, чтобъ шли къ нему, и отдалъ приказъ шепотомъ. Шума большого на вѣчѣ не было, а только стоялъ тихій и радостный гомонъ.

— А слўшайте, послушàйте-ко, мужи вольніи, своего посадника степеннаго, крикнулъ Ѳома.

И слѣдомъ биричи, сколько ихъ ни было, какъ одна труба золоченная, въ одинъ голосъ завопили:

— А слўшайте, послушàйте-ко, мужи вольніи, своего посадничька степеннаго.

И какъ замолчали биричи, тишь на Дворищѣ была.

— А не взыщите ужь, отцы и братья, сказалъ Ѳома,—коль не ладно чтó скажется. А и самъ вѣдь я во слезахъ стою: подмыло и меня стараго. А вотъ о насильѣ-то какъ рѣчь зашла, тутъ Коробъ всѣмъ вамъ высказывалъ, чтó не блюли мы старины новгородскія, а и всю-то вину, скрывать нечего, на меня взваливалъ да на степеннаго вотъ ощё, на Василья, на Есиповича, на тысяцкаго...

„Про меня поминать какъ-бы и не къ чему“, подумалось Василью тысяцкому.

— А коль мы съ Васильемъ передъ вами, госпóда наша и братія, чѣмъ провинилися, аль вамъ стали чѣмъ не-любы, ино и сами вы, Государь Великій Новгородъ, знаете, что не въ однихъ вы посадникахъ...

— И, полно-ко! А чтó ты да Господь съ тобой, Ѳома Андреевичъ! А живи, вѣкъ тебѣ посадничать! отвѣчалъ растроганный и размягченный народъ.

— А оправливать мнѣ-ко себя не къ чему, снова заговорилъ Ѳома Андреевичъ, — може, я и не гораздо хòрошо, какъ Яковъ Ѳедосѣевичъ сказывалъ, блюлъ старину новгородьскую. А правду сказать, и всё то вы, госпóда моя и братія, а и съ Яковомъ, на ту-же стать чтó и я, позѣвывали. И кто зналъ перевѣтъ, мнѣ не сказывалъ, а про судъ на Низу на вѣчѣ никто не объявливалъ. А я за тѣхъ перевѣтниковъ вѣкъ не стоялъ, а и нунь-ко мнѣ за нихъ стоять нечего. А вы, госпóда моя и братія, весь Господинъ Великій Новгородъ, мужи вольніи, а казните вѣдь и милуете кого похочете.

— А глянь-ко-сь, господó, у кого этта, какъ посадникъ про перевѣтъ помянулъ, изъ бояръ во лбу зачесалося?

То закричалъ Пашкó: столь смѣлъ парень сталъ, какъ къ его крику разъ какъ-бы и прислушались.

— Ого, го, го! грозно по Дворищу прогукнуло,— знать и на перевѣтникахъ шапки загораются.

— А каковъ, слышь, эй ты, мóлодецъ... со Славковски уличана, кажись, стоишь... каковъ онъ, слышь ты, съ лица-то этотъ лобочёсъ твой?

— А поземистой такой, отвѣчалъ Пашкó,—а и широкой къ тому, а волосья на головѣ ровно-бы солома прѣлая.

— А вѣдь это, братцы, Овинъ буде! со всѣхъ сторонъ грянули.

Заслышавъ то, старый посадникъ Захарій Овинъ выскакивалъ изъ-за бояръ и ломаясь, какъ плохой скоморохъ, повертывался на всѣ стороны, гнусливо прихихикивая и перескакивая съ ноги на ногу.

— А лобо-тъ, господó, къ тому, скажутъ, чешется, что прйдется, вишь ты, клапяться, тоненькимъ голоскомъ запищалъ Овинъ, — а вотъ я вамъ, господья моя, и клапяюсь.—И Овинъ сталъ низко кланяться, по нѣскольку разъ въ каждую сторону.—А ощё съ того я во лбу почесалъ, что сейчасъ мнѣ одинъ перевѣтничекъ, вишь ты, припомнился. Только онъ, знать, куды позапрятался, оглядываясь по сторонамъ, но смотря внизъ, ровно ища чего па полу, добавилъ Овинъ.—А про Василья, вишь ты, гóворю, про Микифоровича, про Пенкова вѣдь.

— А и гдѣ-жь это онъ? спросило нѣсколько голосовъ.

— Это кто, я, что-ль, запрятался? спросилъ Пенковъ громкимъ голосомъ, расправляя свои могучія плечи.

Какъ взглянули на Пенкова, подивились: какъ молъ мы богатыря такого не примѣтили? Издали виднѣлась его голова, вся сѣдая, словно изъ серебра изваянная.

— Нѣтъ, ты сюда ужь поди, милости прошу, пододвинься ко мнѣ, запищалъ Овинъ.

— А зачѣмъ я тебѣ надобенъ?

— А вотъ отвѣтъ держи: не ты-ли первый по-судъ въ Москву поѣхалъ, а того не памятуя, что на Низу новгородьца не судити, да не ты-ли ощё великому князю, вишь, мало на свою братію челомъ билъ, а и крестъ на нихъ цѣловалъ?

— А не ты-ль меня до того суда довелъ? Пенковъ сказалъ.—Припомнико-ва.

— А лжа ѐ! Ѣжжалъ и я, вишь ты, въ Москву, въ томъ не запираюся, да для-того, ѣжжалъ-то я, что великому князю въ судъ безъ посадника вступати нельзя. Какъ посадникъ, вишь ты, ѣжжалъ.

— Ощё своимъ посадничествомъ хвастать не станешь-ли? Пенковъ въ отвѣтъ. — Тогда вѣдь, очнись, тебя на степень поставили, какъ великій князь на миру въ Великій Новгородъ приходилъ да степеннаго Василья посадника Онаньина въ Москву за приставы поималъ [1]). Тутъ-то тебя и поставили, какъ московьского похлѣбника свѣдомаго, да и ставили таки-жъ какъ и ты московьски похлѣбники.

Правду Пенковъ сказывалъ.

— Знать, въ ту пору таковъ какъ я Великому Новугороду посадникъ былъ надобенъ, нагло похвастался Овинъ.—А ты-то коришь меня тѣмъ похлѣбствомъ московьскимъ свѣдомымъ, мою рѣчь, вишь ты, заминаючи, что вотъ про тебя-то я, вишь, сказывалъ, какъ ты государю московьскому крестъ цѣловалъ на свою братію, на Господина Великій Новгородъ.

Ропотъ по Дворищу прошелъ: „какъ молъ на свою братію крестъ цѣловать: измѣна тò великая“.

— А я правду вамъ, господò, скажу, а вы слушайте, молвилъ Пенковъ Господину Великому Новугороду, поворотясь задомъ къ Овину,—отъ батюшка съ матушкой не наученъ лгать. Цѣловалъ я государю великому крестъ, въ томъ не зарекаюся; чтобъ мнѣ ему, государю, во всемъ прямити и правдой служити, и добра ему во

[1]) Поимать за приставы—взять подъ арестъ.

всемъ хотѣти, а не па Государя-же моего, не на Великій Новгородъ, и не на васъ, мою госпо́ду и братію.

Въ пору было Овину у Пенкова изъ-за спины не выглядывать.

— Ты что-жъ это, Овинъ, а не правда вѣдь! заговорили со многихъ сторонъ, невольно вѣря слову Василья.

— Какъ-же, вишь ты, служити-то? съ провизгомъ вскричалъ Овинъ, выставляясь бокомъ изъ-за спины Пенкова.—А не такъ-ли вотъ кресто-тъ цѣлованъ былъ: „а что молъ услышу у брата своего Новогородьца о великихъ князѣхъ о добрѣ и о лихѣ, а то вамъ буду сказывати своимъ государямъ, а еще: что учнутъ де велики князи со мной говорити, которое дѣло свое, а мнѣ того дѣла государскаго не проносити [1])“.

— Не ты-ль этакъ-то крестъ цѣловалъ, что крестову запись пословечно помнишь? спросилъ Пенковъ.

— Ой, гляди, Овинъ, постращали Захарья, — не быть бы тебѣ по бревнышку растащеннымъ!..

— А служба моя, говорилъ Пенковъ, — Государю моему Великому Новугороду вѣдома. А бился я въ семь ли десять девятоемъ году [2]), а былъ Заволоцкимъ воеводою, а стоялъ супротивъ силы московской съ Заволочане, и съ Печоране, и со Двиняне на Шиленгѣ рѣкѣ что́ въ Двину надетъ. А правдой-ли я въ томъ бою за Святую Со́фею стоялъ, Премудрость Божію, — йно вашъ же князь кормлёный [3]) Господина Великаго Новагорода, Шуйскій Василій Васильевичъ, Гребенка, со мною же былъ, а и сейчасъ онъ въ Новѣгородѣ: его ставлю послухомъ. А мнѣ-ко теперь...

— То-то москвичи васъ и измогли [4]) въ тотъ часъ, что ты воеводой Заволоцкимъ былъ!

Кто прокричалъ эти слова не извѣстно; послышались они позади Пенкова, изъ той толпы что тѣснилась у Вѣчьной избы. Пробивало то слово клеветное каленной стрѣлой гордое сердце Васильево; руки у Пенкова опустилися, грузно ударили о полы. Понурилъ онъ свою голову посѣдѣлую, будто въ серебрѣ изваянную.

— А зришь-ли ты, Господи сердцевѣдче? прошепталъ онъ, и слѣдомъ про себя какъ бы сталъ къ смерти готовиться, прося грѣховъ своихъ вольнихъ и невольнихъ отпущенія.

— А замолчалъ, вишь ты, Пенковъ-то, какъ про Заволочье ему вспомнили, побѣдительно взвизгнулъ Овинъ. — Правда-тъ глаза заколола, а и въ горлѣ, вишь, стала.

Грозныя очи вскинулъ Пенковъ на Овина, словно взглядомъ своимъ его въ землю вбить хотѣлъ. Захарій скорчился даже.

Мигъ бы еще, и плохо бы ему пришлось: растащили бы его, Овина, по бревнушкамъ, да какъ бы въ помочь ему просвисталъ надъ головами камень. Кѣмъ былъ тотъ камень пущенъ и въ кого брошенъ, то́ Богъ вѣсть. Только угодилъ онъ въ широкую мясникову грудь. Тяжело вздохнувъ, потянулъ въ себя воздухъ Трябловъ сынъ.

— И-и! о-ухъ! выговорилъ онъ черезъ силу.—Что́ жь это, господо? аль московьски перевѣтники за камни примаются?

— А не бось, мясникъ, у насъ топоры съ собой позахвачены! утѣшая Курилу крикнули.

— А въ меня вѣдь злодѣи умѣтили, ей же Богу въ меня! запищалъ Овинъ, торопливо крестясь. — За то, вишь ты, что перевѣтъ Пенкова являлъ, да уберегъ Господь. Мнѣ вѣдь прямо бы въ голову...

— Что жъ, Пенковъ-то молчитъ? закричали многіе.— Отвѣчай что-ль, Василей Микифоровичъ!

— А что жъ мнѣ отвѣчать-то вамъ? А все у меня, далъ Богъ, сказано, на все у меня вамъ отвѣчено. Аль мало вамъ? Аль не поняли, умныя головушки, не втямили? отозвался Пенковъ съ великой нескрытой гордостью.

Вѣче шатнулося.

— Аль низко тебѣ Господину Великому Новугороду отвѣтъ держать? Ахъ онъ, дьяволъ гордый, Пру̀шанинъ [1])!

— А вотъ какъ на Заволочьи перевѣтъ держалъ, о томъ го́вори! громче другихъ тѣ выкрикивали, которые вѣрили Овиновой божьбѣ.

— О томъ, каковъ я на Заволочьи воевода былъ, и въ лѣтописцѣ, гляди, буде писано. А о васъ, смерды горластые, что́ доброе еще напишутъ-ли? свою ратную честь бороня, не дрогнувъ вскричалъ Пенковъ. И тѣ бы слова ему еще даромъ прошли, укороти онъ тутъ свое сердце гордое. Да не сдержался Пенковъ, со злостью добавилъ: — Не тѣмъ-ли ужь, молвилъ, — мнѣ смердьимъ заугольникамъ [2]) отвѣтъ держать что́ на Шолони хребетъ Москвѣ показывали, а тѣмъ имя новгородьско на-вѣкъ соромили? Аль тѣмъ еще, что съ поля бѣжавъ, въ Новѣгородѣ съ боярами споръ затѣяли да въ бой идти отказывалися? Такъ не только на тѣхъ смердьихъ заугольниковъ, а и на самихъ смердовичей [3]) плевать я хотѣлъ.

— Ахъ ты, Пру̀шанинъ загребистый! аль мало мы учили васъ? кричали одни.

— Отвѣчай, что-ль, Пенковъ! Не то въ топоры вѣдь! другіе грозили.

— А вотъ вамъ отвѣтъ! плюнулъ Пенковъ въ гнѣвномъ безпамятствѣ. — Инъ, примайте, смердьи дѣти въ топоры меня за то что волость Святой Со́феи одинъ боронилъ.

Только заслышали вновь „смердьи дѣти“ — взревѣли что́ звѣрь. Съ полтретья десятка ихъ на помостъ кипулось; передниxъ Пенковъ такъ толкнулъ что прочь отлетѣли, а сколько-то ихъ, падая, запутались у него въ ногахъ. А какъ другихъ Пенковъ толкнуть хотѣлъ, тутъ оступился самъ, споткнувшись о прежде павшихъ. Поволокли его съ помоста внизъ. На помостѣ только взвизгнули, какъ первый топоръ сверкнулъ.

— Уведи ты меня, уведи скорѣй! схвативъ Луку за руку и припавъ головой къ нему на плечо, завопилъ Киріакъ Андреевичъ. — Человѣка видѣлъ, звѣря глядѣть не хочу.

А самъ какъ дѣвчонка безсильная всхлипывалъ.

— Охъ ужь ты мнѣ, нѣженка! Знать, что у матушки одинъ сынокъ! и сердито, и дружески приговаривалъ Лука, а тамъ шепнулъ: — А молчи, слышь, а и самъ вѣдь ты Пру̀шанинъ.

Изрубивъ Пенкова въ куски, народъ испуганно глядѣлъ. Самъ, видно, устрашился, сотворивъ дѣло страшное и безповоротное: проливъ во гнѣвѣ кровь храбраго Святой Софіи волостей боронителя.

— А Овина по́что-жъ вы жалѣете? вскричалитѣ что́ жалѣли Пенкова и были неповинны въ его крови.

— А впрямь вѣдь его московьски похлѣбники на степень ставили! стали припоминать теперь слова покойнаго Пенкова. — А и въ Москву по судъ онъ же ѣжживалъ! А бери его!..

Струсилъ Овинъ: глазенки его подлые, ни на кого не глядя, забѣгали что мышата въ западнѣ, какъ у вора поймана́го съ поличнымъ. Можетъ-быть Овинъ и на этотъ разъ вывернулся бы, проскочилъ бы какъ мыло межь новгородскихъ рукъ, еслибъ ему на бѣду не стали шибко у берега шумѣть.

[1]) Проносить—пускать слухъ, разглашать.
[2]) Въ 6979=1471.
[3]) Кормленными князьями назывались служилые князья Господина Великаго Новагорода. Взамѣнъ жалованья, по общему въ древней Руси обычаю, они получали въ кормленье волости, то есть опредѣленные съ нихъ доходы.
[4]) Измочь — пересилить.

[1]) Пру̀шанинъ — обыватель Прусской улицы въ Загородскомъ концѣ, одной изъ самыхъ древнихъ и самой аристократической въ Новѣгородѣ. На Прушанъ, случалось, народъ вставалъ.
[2]) Заугольникъ — незаконный сынъ.
[3]) Смердовичъ — сынъ смерда, сельскаго мужика, слово обидное для новгородца, *мужа* вольнаго.

— А и что́ тамъ у васъ оцё? спросили ихъ.

— А, слышьте, Овинова брата Кузьму вид'ли: крадучись съ вѣча пробирался. На коня вскочилъ, да на мостъ на Великій [1]) гналъ.

— А вы чего жь глазѣете? а въ ло́дьяхъ черезъ Волхово, да въ Дѣтинецъ съ Неревскаго побережья-то. Авось-ли его перейметe.

Этимъ крикомъ смерть Овинова была сказана. Правда-ль то было, или нѣтъ, Богъ вѣсть, только многимъ подумалось: не Кузьма-ли, пробираясь съ вѣча, про Пенкова скричалъ, что онъ на Заволочьи перевѣтничалъ, да не онъ-ли молъ и камнемъ въ Василья пустилъ. Кого эта мысль за сердце хватала, тѣ пуще злобились на Овина, и хотѣли мстить на немъ Васильеву смерть неповинную.

— Овинъ, гляди, за Кузьмой во слѣдъ!..

— А не пустимъ мы, съ помоста послышалось.

Оглянулся Овинъ, а молодые бояре за нимъ стѣной стоятъ. А на помостѣ народу и половины противъ прежняго нѣтъ, а которые остались, злыми очами на него глядятъ.

— Чего-жъ ты, чортовъ мясникъ, ротъ розиня стоишь? А подвинь-ко Овина сюды!

Курила запустилъ руку Овину за шиворотъ и приподнявъ его съ полу, встряхнулъ, а тамъ какъ швырнетъ въ народъ...

— А и всѣмъ имъ перевѣтникамъ одинъ конецъ! вопила толпа. — Въ топоры ихъ всѣхъ да дворы грабь.

— А кого оцё?

— А и мало-ль ихъ!

И стали одно за другимъ выкликать имена боярскія.

— Эй, со Славковой кто, съ помоста крикнули, — не минуйте дворовъ Полинарьевыхъ.

— Ужь минуемъ-ли!

И полъ-вѣча, съ крикомъ да гикомъ, выкликая имена боярскія, грянуло во всѣ пять концовъ, бить и грабить дворы перевѣтничьи. А другое полъ-вѣча тихо да скорбно по домамъ пошло: было оно ни въ чьей крови не повинное.

* * *

Московскіе послы тѣмъ временемъ, па Городище [2]) къ себѣ не поѣхали, а сидѣли въ Вѣчной избѣ, дожидая часа, какъ вѣче отойдетъ, чтобъ ѣхать на пиръ къ степенному посаднику.

— А ладнехонько, кажись, мы посольство-то справили? спросилъ первый посолъ, Ѳедоръ Давыдовичъ, своихъ товарищей. — Теперь, небось, въ затылкѣ почесавъ, подумаютъ: есть о чемъ.

— А ужь и народишко озорно́й живётъ! промолвилъ Иванъ Борисовичъ. — Такъ бы вотъ рубить ихъ, смердовъ, пошелъ! А какъ съ вѣча-то пошли мы, а этотъ лохматый чортъ, — Юрьемъ, что-ль, звать-то его? — на дорогѣ сталъ, тутъ, — вѣришь-ли? — чуть я ему въ вихры не вцѣпился. Покажися мнѣ будто въ немъ одномъ засѣла вся ихъ воля мятежная. А ужь повытрясъ бы изъ него!..

— Экой у тебя норовъ крутой! разсмѣялся Ѳедоръ Давыдовичъ. — А я та́къ чаю, что еслибъ съ полтретья ста дѣтей боярскихъ нашихъ пустить — живо бы Дворище очистили.

— Не мѣшало-бы татаръ еще сотенки двѣ накинуть, чтобъ нагайками да нагайками, а по чему бьютъ — глядѣть некогда, а шлёпанья отъ оханья не отличить-же, сказалъ Тучковъ.

— И того не надобѣть, мудро придумалъ дьякъ, — а поставить съ полсотни молодцо́въ погорластѣе позадь избы да благовременно скричать имъ велѣть: „Москва-молъ, Москва!“ То-то-бы дергача задали, любо дорого глядѣть какъ пятки сверкаютъ. Сказываютъ-же, что въ Шалонскомъ бою этого ясака [1]) нашего установленнаго до того испугалися, что иной верстъ пять пробѣжалъ да въ болото по поясъ угрязъ, аль подъ кустъ во темномъ лѣсу заползалъ, а все то ему ровно въ уши кто ясакъ нашъ трубитъ: „Москва да Москва!“

И послы разсмѣялися.

— Ну, а скажи, Василей, сколько-то времени спустя спросилъ первый посолъ у третьяго, у дьяка Далматова,—какъ тебѣ рѣчь-то моя что̀ была послѣдняя показалася.

— А изрядна [2]) вельми, и то въ ней хорошо, что явственно всѣ статьи выговорилъ: теперь имъ ни туды, ни сюды, и гадать много нечего, а пой „аминь“. Развѣ въ томъ бѣда, что по русскимъ лѣтописцамъ говорить ты не гораздъ. Доведись на меня, я-бъ имъ вычиталъ.

— О чемъ такомъ?

— А о судѣ. Что великій государь не во́ленъ будто ихъ какъ похочетъ и гдѣ похочетъ судить: мы де искони люди вольные. Съ Рюрика, слышь, кричатъ, со Святаго Владиміра такого де насилья отъ князей великихъ не было. А я бы имъ лѣтописцемъ глаза протеръ.

— На вѣчѣ о томъ не годилось-бы, да и было-бъ не противъ наказа государева, важно сказалъ Ѳедоръ Давыдовичъ.—А на пиру вотъ, хоть-бы сегодня-же, и по лѣтописцамъ говорить можно; тутъ тебѣ и книги въ руки: на то и изъ Москвы взятъ.

— Ужь и отчитаю-же я, потирая руки сказалъ дьякъ,— протру я имъ глаза ажъ до-красна: ни единой пылиночки не останется. Первымъ-бы дѣломъ на то указалъ, какъ Мономахъ еще, Владиміръ Всеволодовичъ, всѣхъ ихнихъ бояръ въ Кіевъ забралъ да ко кресту тамъ приводилъ, не измѣничали-бъ; а которыхъ изъ нихъ, хоть-бы Ставра̀ взять соцкаго, и „затоци“,—говорилъ дьякъ безуспѣшно стараясь дразнить новгородскій говоръ.—А далѣ-бы въ лѣто 6648 прочелъ, какъ ихъ Кстянтина-то Микульцица да иныхъ шесть мужъ „оковаше“ поволокли въ Кіевъ ко Всеволоду. Ну, а потомъ, лѣтъ съ пятъ-десятъ перевернулъ-бы да опять въ лѣтописцѣ вычелъ-бы, какъ въ лѣто 6704, Всеволодъ, ужь Юрьевичъ, великій князь Суздальскій, ихъ посадника Мирошку силòмъ за собой водилъ. А тамъ не то-ли ужь сказать, что подъ лѣтомъ-то 6716 писано и „повелѣ молъ убить Олексу Сбыславицъ на Ярославли двори, и убиша и̂ безъ вины“, а было то, — дай Богъ память-то, — истинно такъ: въ субботу, марта 17, на Святого Алексѣя, порекломъ Теплаго...

— Каково, и дни всѣ на память валяетъ! сказалъ Ѳедоръ Давыдовичъ, дивясь Далматовой мудрости и его великому по лѣтописцамъ теченію [3]).

— А мало имъ что сейчасъ было сказано, войдя въ задоръ толковалъ дьякъ,—такъ еще хоть про...

— А ну тѣ, надоѣлъ ужь, прервалъ Тучковъ, — на пиру ужо̀ скажешь.

Но дьякъ не унялся, и долго еще высчитывалъ насилья, что чинили Великому Новугороду великіе князья кіевскіе, того не вѣдая, что пришелъ ужь часъ, какъ скричали новгородцы: „а не можемъ терпѣти сего насилья отъ господина князя нашего“.

Такъ-то бесѣдуя, скучное время коротали послы. И вдругъ какъ-бы дикій ревъ послышался.

— А это, вѣрьте вы слову моему, сказалъ Ѳедоръ Давыдовичъ,—они кого-нибудь укокошили.

И быстро къ окну подошелъ.

— Ой-ли? блѣднѣя воскликнулъ дьякъ, и къ другому окну бросился.

Вскорѣ опять ревъ звѣриный послышался.

[1]) Великій мостъ черезъ Волховъ велъ изъ Словенскаго въ Людинъ конецъ.

[2]) Городище — посадъ въ двухъ верстахъ отъ города; тамъ былъ княжій дворъ, гдѣ жили намѣстники великихъ князей и они сами останавливались. Въ Новгородѣ ни князья, ни ихъ намѣстники никогда постоянно не жили.

[1]) Ясакъ—кличъ военный (татарское).

[2]) Изрядный—превосходный, изъ ряду выходящій.

[3]) Великое теченіе—большая эрудиція (буквальный переводъ).

Первый зубокъ. Карт. Бонье, грав. Кезебергъ.

— Еще одного, прошепталъ дьякъ.

— Помяни Господи во царствіи Твоемъ души успшихъ рабъ Твоихъ! крестясь промолвилъ Тучковъ.

Двое остальныхъ помолились-же.

Немного спустя и посадникъ степенный, Ѳома Андреевичъ, вошелъ въ избу вести пословъ къ себѣ на пиръ.

— Что̀ у васъ тамъ за убійство случилося? спросилъ его Ѳедоръ Давыдовичъ.

— Никакого убойства у насъ не было, со строгой и степенной важностью отвѣчалъ Ѳома, — а Господинъ Великій Новгородъ двоихъ бояръ за перевѣтъ сказнилъ.

Послы переглянулися: тотъ-ли молъ это Ѳома стоитъ, что давече намъ низёхонько да частёхонько приклянивался?

— Да этимъ вѣдь не кончится, еще спокойнѣй добавилъ Ѳома,—многи̂хъ ощё намѣтили: денъ на пять мятежа хватитъ.

— А вы бы унимали ихъ, черне-ты! сказалъ Ѳедоръ Давыдовичъ.

— Кого-же унимать-то, Ѳедоръ Давыдовичъ, и кѣмъ? Ѳома въ отвѣтъ.—Великій Новгородъ самъ себѣ господинъ: казнитъ и милуетъ кого хочетъ. Затѣмъ и зовемся мы люди вольніи. А и вашъ государь, а нашъ господинъ князь великій по тому-жъ отчину свою, Великій Новгородъ, мужами вольними чествуе.

— Да этакъ, сказалъ Тучковъ, — они у васъ всѣхъ бо̂яръ, гляди, какъ барановъ повырѣжутъ.

— Зачѣмъ же какъ борановъ-те? разсмѣялся Ѳома.— А и бо̀яра у насъ мужи живутъ вольніи, а ощё и ратные, скажи. Дворы-же у нихъ полны одерноватыми. Ну, а паробки, бывать, въ ножи пойдутъ. Аль и два, и три двора, цѣла-ль улица, вмѣстѣ скопятся да и вдарятъ въ ножи на народо-тъ: придется, и ото̀бьются. А чтобъ бо̀яръ-те, зря, какъ борановъ рѣзати, николи не бывать того: крестьяна мы тожь, на воротѣ крестъ у всѣхъ виситъ. А си̂льнё какъ поразо̀йдутся, тутъ Владыка крестомъ смиритъ.

(Продолженіе будетъ).

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (автора романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

На другой день Филипповна ничего и слушать не хотѣла изъ моихъ разсказовъ о ночной гостьѣ.

— Я такъ и знала напередъ, говорила она, — что увидите ее и руками схватите, а она исчезнетъ; а если она не перебирала сегодня клавишами, такъ испугалась моего образа, который стоялъ у васъ... Ужь извѣстно — господа ни во что̀ не вѣрятъ: ни въ колдуновъ, ни въ оборотней.

— А вы когда-нибудь видѣли оборотня? спросилъ я, смѣясь.

— Всего видѣла, и вы сами можете видѣть. Я вамъ скажу, что собаки сторожа не похожи на обыкновенныхъ собакъ; какъ онѣ сторожатъ домъ-то! одна сидитъ у воротъ, другая побѣжитъ въ садъ, третья на задніе дворы; чуть одна тявкнетъ, ми̂гомъ всѣ къ ней летятъ на помощь... Вѣрьте, не вѣрьте, а ужь сторожъ колдунъ и надо его до пріѣзда господъ съ собаками спровадить подальше отсюда... И что̀ это за шляпье такое! Вонъ мой Петръ пріѣхалъ, такъ я насилу могла его добудиться сегодня, а колдунъ, какъ стало свѣтать, рыбу ушелъ ловить, а теперь къ внучкѣ отправился. Какъ хотите, а въ его года нельзя такія ноги имѣть!

Я велѣлъ объявить сторожу о моемъ прибытіи, которое будто бы произошло въ его отсутствіе. И, когда онъ возвратился, я вышелъ во дворъ и позвалъ его. По разсказамъ Филипповны я ждалъ, что увижу коренастую, мрачную фигуру, но оказалось, что Антипычъ былъ сухопарый небольшаго роста старикъ, съ желтовато-мѣдными волосами и такого же цвѣта бородой. Его армячишка былъ изъ посконной дерюги, весь въ заплатахъ; сапоги тоже были плохіе. Антипычъ поклонился мнѣ и стоялъ понуря голову.

— Что-жь ты останешься служить у новыхъ господъ? — они добрые, спросилъ я старика.

Антипычъ равнодушно принялъ мое заявленіе о добротѣ его будущихъ господъ и ничего мнѣ не отвѣчалъ.

— А который тебѣ годъ?

— Седьмой десятокъ, выговорилъ онъ, продолжая стоять понуривъ голову.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы Антипычу было такъ много лѣтъ; онъ былъ хотя сухопарый, но бодрый... Мнѣ не удивительно, что лорды въ Англіи сохраняютъ физическую силу до глубокой старости, но какъ ухитряется русскій мужикъ это дѣлать — всегда для меня было загадкой.

— Говорятъ, у тебя злыя собаки? спросилъ я Антипыча.

— Лютыя!

— А новые господа, знаешь-ли, боятся собакъ.

— Чего имъ бояться моихъ собакъ? онѣ лютыя для дурнаго человѣка, а хорошаго чуютъ и не тронутъ.

— Ну, да все-таки тебѣ придется или подарить своихъ собакъ, или ихъ продать, а тебѣ не дозволятъ ихъ держать, потому что дѣти пріѣдутъ.

— Безъ собакъ не останусь жить.

— Да вѣдь ты привыкъ къ Порошкову? и говорятъ тебѣ — господа добрые.

— Коли добрые, такъ для чего имъ моихъ собакъ гнать со двора? Нешто собаки тоже къ мѣсту не привыкаютъ?.. Фингалка и Волчекъ родились здѣсь, въ Госпожинскій постъ седьмой годокъ имъ пойдетъ, а Жучкѣ къ Покрову три года будетъ.

Я вспомнилъ, что ночная гостья знала прозвище собакъ. Какъ только рѣчь зашла о собакахъ, лицо сторожа одушевилось, онъ прямо глядѣлъ на меня своими зеленоватыми добрыми глазами, но съ твердостью произнесъ:

— Дня не останусь въ Порошковѣ безъ собакъ.

— Полно, Антипычъ, ты старъ, гдѣ же тебѣ мѣнять мѣста! замѣтилъ я.

— Хоть родился здѣсь, а не останусь! Работы не боюсь — прокормлюсь со своими собаками.

— Ты бобыль?

— Нѣтъ, у меня есть дѣвчурка-внучка.

— Съ тобой живетъ? спросилъ я, будто бы ничего не зная.

— Нѣтъ, въ услуженіи у господъ, ей тамъ хорошо—сыта будетъ.

— А далеко она живетъ?

— Близехонько!

Для сторожа четыре версты казалось близехонько.

— Ты, какъ сторожилъ, вѣрно хорошо знаешь дичинныя мѣста около Порошкова?

— Я не охотникъ, а знаю, гдѣ водится птица.

— Я вотъ тоже люблю рыбную ловлю. Есть-ли рыба здѣсь въ рѣкѣ?

Антипычъ пристально поглядѣлъ на меня и протяжно произнесъ:

— Любишь!.. Ну, такъ по этой части я тебѣ всѣ мѣста могу указать на рѣкѣ.

— Отлично! завтра же утромъ идемъ ловить рыбу.

— Да, вѣдь надо ранымъ-ранешенько встать, замѣтилъ мнѣ Антипычъ.

— Встану!.. А вотъ ты мнѣ сказалъ, что твои собаки чуютъ хорошаго человѣка...

— Чуютъ; обнюхаютъ, да не зарычатъ: иди безъ опаски, не тронутъ.

— Такъ выпускай своихъ собакъ!

— На что̀ это? съ удивленіемъ спросилъ меня Антипычъ.

— А мнѣ самому хочется узнать, хорошій-ли я человѣкъ, или дурной.

Антипычъ улыбнулся, а я продолжалъ:

— Да и мнѣ жаль, когда собаки сидятъ взаперти; выпускай-ка собакъ!

Антипычъ, уходя, произнесъ:

— Ишь ты, жалѣетъ собакъ!

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ—и едва лишь Антипычъ сталъ приближаться къ сараю на заднемъ дворѣ, какъ оттуда его привѣтствовалъ радостный собачій лай. Антипычъ крикнулъ мнѣ: „Стой смирно!" и отворилъ сарай.

При видѣ громадныхъ псовъ, я, конечно, стоялъ какъ вкопаный. Собаки было бросились ко мнѣ, но Антипычъ удержалъ ихъ; онъ каждую изъ нихъ по-очереди посылалъ меня обнюхивать. Я возгордился: ни одна не зарычала, но этимъ еще не кончилось мое знакомство съ собаками. Антипычъ нашелъ нужнымъ, чтобы его собаки познакомились съ моимъ голосомъ, а я съ ихъ именами. Я выкликивалъ каждую изъ нихъ къ себѣ; собаки являлись на мой зовъ, виляли хвостомъ въ знакъ привѣтствія.

— Гладь ихъ теперь — не тронутъ.

Я не безъ страху клалъ свою руку на лохмотья спины собакъ, но все обошлось благополучно. Я приготовилъ заранѣе хлѣба, чтобы задобрить собакъ, но ни одна не взяла куска изъ моихъ рукъ.

— Думалъ — возьмутъ? подходя ко мнѣ, сказалъ съ гордостью Антипычъ: — ты испробуй, баринъ; положи куски мяса по двору на ночь, а по утру найдешь ихъ на своемъ мѣстѣ... Сторожевая собака безъ дозволенія своего хозяина не должна принимать, потому что лихой человѣкъ и зельемъ ихъ попотчуетъ.

И обратясь къ своимъ собакамъ, Антипычъ приказалъ имъ

откусывать хлѣбъ по кусочку изъ моихъ рукъ: собаки исполнили его приказаніе.

Петръ издали смотрѣлъ на это представленіе и восхищался дресировкой собакъ. Мнѣ захотѣлось, чтобы собаки Антипыча и Петру выдали аттестатъ хорошаго человѣка, но только что началась рекомендація, какъ бабушка гнѣвно позвала внука въ кухню, а мнѣ потомъ сдѣлала выговоръ: зачѣмъ де я бесѣдовалъ съ колдуномъ и съ его оборотнями...

Я поѣхалъ съ Петромъ въ городъ покупать лошадей. Петръ, какъ настоящій ветеринаръ, осматривалъ зубы, ноги, копыта у лошадей, и съ какой гордостью онъ возвратился домой на своихъ собственныхъ лошадяхъ, а не на крестьянскихъ!

Филипповна должна была покориться волѣ своихъ господъ, чтобы внукъ временно исполнялъ кучерскую должность. Когда же я объявилъ ей, что надо взять чернорабочую женщину для коровъ, то она въ отчаяніи воскликнула:

— Господи, лошади, бабы, подъ бокомъ колдунъ, — просто хоть ложись заживо въ гробъ!..

Мнѣ захотѣлось познакомиться съ окрестностями Порошкова, и я, не смотря на полуденный жаръ, отправился бродить. Я вышелъ на дорогу и повернулъ въ противоположную сторону отъ города. Пройдя версты двѣ, я увидѣлъ мальчика, сидѣвшаго подъ деревомъ; я его узналъ по веснушкамъ, которыя были такъ черны, точно его лицо было посыпано толченымъ перцемъ, и спросилъ его:

— Ты изъ Грязева?

Мальчикъ кивнулъ головой.

— А гдѣ Грязево?

Мальчикъ указалъ рукой въ сторону.

— Откуда ты идешь?

— Изъ города.

— Далеконько; а теперь куда?

— Въ Горушки.

— А гдѣ это Горушки?

— Иди все прямо, спустишься съ горы, поверни въ лѣсокъ и иди себѣ — вотъ и будешь въ Горушкахъ.

— Ты третьяго дня вечеромъ везъ телѣгу къ мосту, гдѣ тебя ждала дѣвушка?

— Я.

— Откуда она?

— Изъ Горушекъ, я тамъ на огородѣ работаю.

— Кто же она?

— Барышня.

— У кого живетъ?

— Съ отцомъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

— А дляче тебѣ въ Горушки?

— Да такъ, посмотрѣть, что за деревня.

— Не пойду, меня подвезетъ докторъ, онъ поѣдетъ въ Горушки.

— Такъ ты это за докторомъ ходилъ въ городъ?.. Барышня захворала?

— Баринъ, онъ всегда боленъ... барышня меня и посылала за докторомъ въ городъ.

Я остался очень доволенъ, что случайно мое любопытство было удовлетворено, и что встрѣченная мною на мосту дѣвушка оказалась моей сосѣдкой. Я простился съ мальчикомъ, давъ ему на пряники. Спустясь съ горы, я повернулъ въ лѣсокъ; дорога шла между мелкимъ и частымъ лѣсомъ; грязь, ухабы и трясины были ужасны. Ноги мои вязли, но я продолжалъ путь и прошелъ добрую версту, наконецъ показался заборъ; приблизясь къ нему, я услышалъ дѣтскій голосъ, пѣвшій какую-то пѣсню. Заглянувъ въ щель забора, я увидѣлъ дѣвочку лѣтъ тринадцати, половшую гряды клубники, а поодаль отъ нея взрослую дѣвушку за тою же работой; хотя лицо взрослой дѣвушки было полузакрыто платкомъ, повязаннымъ подъ подбородокъ, но я сейчасъ же узналъ по распущеннымъ косамъ, что это та самая, которую я встрѣтилъ на мосту. Я только что сталъ придумывать предлогъ что бы заговорить съ дѣвочкой, какъ раздался откуда-то старческій голосъ:

— Барышня, баринъ проснулся!

Дѣвушка быстро вскочила и на бѣгу крикнула:

— Дуняша, бѣги, ставь скорѣй самоваръ.

Я отложилъ свое намѣреніе зайти въ домъ, чтобы спросить о дорогѣ, какъ будто бы я заблудился. Я обошелъ заборъ и очутился на небольшой луговинѣ, которая возвышалась отлогимъ пригоркомъ; поднявшись на него, я былъ изумленъ: Порошковскій садъ у меня былъ какъ на ладони, на противоположномъ берегу рѣки; будь лодка, я черезъ минуту очутился бы у пристани. Я видѣлъ съ возвышенія и всю усадьбу Горушекъ, она была очень невзрачная: домишка маленькій, окруженный полуразвалившимися хозяйскими строеніями; кругомъ все мелкій лѣсокъ, а вдали виднѣлась деревушка, тоже печальнаго вида. Я пожалѣлъ мою незнакомку, что ея усадьба закинута въ такую трущобу. Боясь заблудиться, я пошелъ домой по старой дорогѣ, а не берегомъ рѣки. Выйдя изъ лѣсу, поднявшись на гору, я увидѣлъ ѣхавшую мнѣ навстрѣчу бричку. По мальчику, сидѣвшему на козлахъ возлѣ кучера, я догадался, что это ѣдетъ докторъ въ Горушки. Когда бричка поровнялась со мной, я невольно вскрикнулъ:

— Размотовъ!

Докторъ посмотрѣлъ на меня, остановилъ кучера и выскочилъ изъ экипажа, радостно восклицая:

— Вотъ неожиданная встрѣча! Какими судьбами вы здѣсь?..

Я зналъ Размотова когда онъ только что кончилъ курсъ въ Медицинской академіи и мы часто видались у нашихъ общихъ знакомыхъ, гдѣ было много барышень — въ одну изъ нихъ онъ былъ безнадежно влюбленъ. Тогда Размотовъ былъ скромнымъ молодымъ человѣкомъ, сантиментальнымъ, и порывался быть полезнымъ страждущему человѣчеству. Въ качествѣ стипендіата, онъ по окончаніи курса уѣхалъ въ полкъ—въ провинцію. Признаюсь, я забылъ о его существованіи. Теперь передо мною стоялъ тучный мужчина съ развязными манерами, съ самодовольнымъ выраженіемъ лица, одѣтый франтовски въ военную докторскую форму; на его пухлой и холеной рукѣ сверкало цѣнное бриліантовое кольцо. Черты лица какъ-то расплылись; кожа лоснилась, бѣлокурые усики были скручены и намазаны венгерскою помадой. Глаза были какіе-то масляные. Размотовъ наговорилъ мнѣ много лестныхъ вещей о нашемъ бывшемъ знакомствѣ, разспросилъ, какъ я очутился въ К—ской губ.

— Я часто васъ вспоминалъ въ моихъ скитаніяхъ съ полкомъ, сказалъ Размотовъ.

— Однако ваше скитаніе не изнурило васъ, замѣтилъ я.

— Да я уже два года какъ имѣю осѣдлую службу здѣсь въ городѣ, и могу безъ хвастовства сказать, такую пріобрѣлъ практику, что другимъ докторамъ и въ десять лѣтъ такой не добиться. Занятъ по горло; мои даровыя поѣздки въ Горушки—это недалеко отсюда—отнимаютъ у меня много времени.

И докторъ сдѣлалъ сильное удареніе на „даровыя поѣздки", потомъ продолжалъ:

— А знаете-ли кто мой паціентъ?—бывшій владѣтель Порошкова — Крутовъ! Я вамъ подробно все разскажу о немъ и его семействѣ, а теперь мнѣ надо поторопиться, чтобы поспѣть въ городъ на именинный пирогъ къ одной изъ моихъ паціентокъ... Когда же мы увидимся?.. Вы свободный человѣкъ, обѣдайте у меня завтра... Слышать ничего не хочу! не сяду безъ васъ за столъ... Вспомнимъ старое время, побесѣдуемъ по душѣ. Я васъ жду къ пяти часамъ; раньше не могу окончить своихъ визитовъ въ городѣ...

И онъ такъ сталъ приставать, что я далъ слово.

— Вы вотъ познакомьте меня съ бывшимъ помѣщикомъ Порошкова, сказалъ я доктору.

Почему-то мое желаніе поразило Размотова и онъ воскликнулъ:

— Что за фантазія вамъ пришла? Какое удовольствіе вы можете получить въ обществѣ больнаго и раздражительнаго человѣка? онъ всѣхъ и все бранитъ, даже настолько не деликатенъ, что ругаетъ докторовъ, пользуясь между тѣмъ моими даровыми визитами.

— Говорятъ, у Крутова есть дочь-красавица?

Размотовъ разсмѣялся и отвѣчалъ:

— А, такъ вотъ почему вы желаете познакомиться съ Крутовымъ? но я васъ долженъ огорчить: дочь-красавица вышла замужъ, живетъ за-границей съ мужемъ и своей матерью; говорятъ, на всѣхъ водахъ блистаетъ своей красотой и дорогимъ туалетомъ.

— Такъ бѣдный Крутовъ живетъ совсѣмъ одинъ?

— Младшая дочь съ нимъ, скороговоркой произнесъ Размотовъ. — Я васъ лучше познакомлю въ городѣ съ нашей аристократіей; есть очень хорошія дамы и барышни.

И онъ опять возобновилъ свои приглашенія.

Мнѣ показалось страннымъ, что Размотовъ отказался познакомить меня съ Крутовымъ и не распространялся о его младшей дочери. Хотя я и далъ честное слово обѣдать у него, но мнѣ вовсе не хотѣлось возобновлять знакомства. Какое-то непріятное впечатлѣніе онъ произвелъ на меня своей ожирѣвшею наружностью и развязностью манеръ.

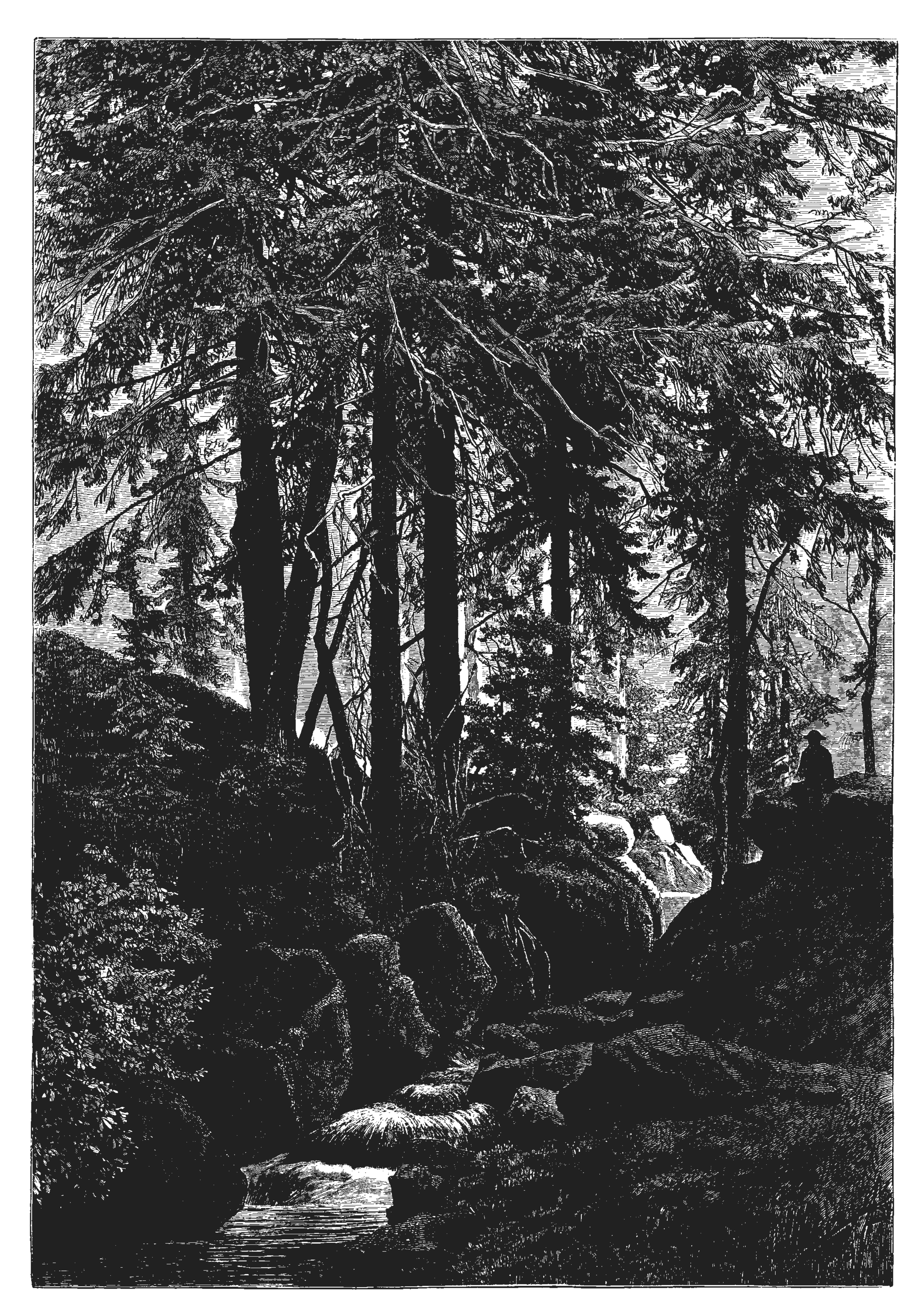
Отдохнувъ отъ прогулки, я сталъ приводить въ порядокъ свои бумаги и отодвинулъ ящикъ письменнаго стола, чтобы уложить ихъ; но ящики были наполнены визитными карточками, счетами изъ магазиновъ и лавокъ и письмами. Все это я вывалилъ въ корзину для бумагъ. Какая-то тетрадь упала на полъ, я машинально взялъ ее въ руки, перевернулъ нѣсколько листовъ и увидѣлъ, что это былъ дневникъ. Предположивъ, что это принадлежитъ красавицѣ-дочери Крутова, я сталъ читать его.

Онъ начинался такъ:

„Завтра мнѣ минетъ 16 лѣтъ; я буду вести свой дневникъ самымъ акуратнымъ образомъ. Я хочу провѣрить: точно ли я такая злая и завистливая, какъ меня всѣ находятъ; но какъ мнѣ не быть завистливою и злою, когда съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, всѣ меня злятъ? Ни разу еще меня не приласкала мама, да и никто въ семьѣ. Ну, положимъ, я могу теперь возбуждать отвращеніе дурнымъ характеромъ, но когда я была ребенкомъ, за что меня гоняла мама отъ себя? По недосмотру няньки я прибѣгала къ ней за ласками, которыя она расточала моей старшей сестрѣ и братьямъ... Неужели можно любить только однихъ красивыхъ дѣтей? Да, большое несчастіе родиться въ семьѣ, въ которой есть красавица-сестра! Меня маленькую всѣ звали уродомъ — это прозвище мнѣ дала мама въ день моего появленія на свѣтъ; мнѣ разсказывала нянька, что когда меня показали ей, она воскликнула:

Литературный альбомъ. „Гроза“, драма Островскаго. Борисъ и Катерина.

Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Нейманъ.



Лѣсной ручей. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**“) **А. Шильдера,** грав. М. Рашевскій.

„Унесите этого урода и не показывайте мнѣ!“ И стали меня всѣ звать уродомъ... Пока я была мала — не понимала значенія этого слова; но когда стала подростать, сколькихъ слезъ стоило мнѣ это прозвище! Впрочемъ, если вспомнить все мое дѣтство, то выйдутъ только однѣ слезы и слезы. Должно быть хорошо мнѣ жилось, если десятилѣтней дѣвочкѣ могла прійти мысль о смерти? Какъ живо помню этотъ эпизодъ изъ своего дѣтства, точно вчера все это происходило: всю обстановку комнатъ, злыя лица братьевъ и сестеръ, которые такъ меня раздразнили, что я бросилась на брата Аркадія — больше всѣхъ дразнилъ меня — и хотѣла его ударить, но подвернулась сестра и ударъ достался ей. Всѣ побѣжали жаловаться къ матери. До сихъ поръ моихъ оправданій никогда не слушаютъ и я всегда остаюсь виноватою... Меня заперли въ темный уголъ на хлѣбъ и воду; братья и сестры подходили къ двери и насмѣхались надо мной. Сидя въ чуланѣ, я все думала о смерти; такъ какъ мама сказала, запирая меня въ чуланъ: „Я тебя заморю голодомъ,“ то я рѣшилась сама себя уморить голодомъ. Я даже не дотронулась ни до хлѣба, ни до воды, которую мнѣ поставили. Сначала я ощущала жажду, но потомъ все прошло; у меня страшно горѣла голова и мнѣ представлялись какія-то огненныя фигуры со страшными зубами, которыми онѣ будто-бы стучали и хотѣли меня съѣсть... Послѣ ночи проведенной въ темномъ чуланѣ меня нашли въ безсознательномъ состояніи. Я долго прохворала—у меня сдѣлалась горячка. Весной меня отправили въ Порошково съ одною прислугой, ранѣе чѣмъ весь домъ переѣхалъ. Я быстро поправилась отъ спокойной жизни. Я вообще люблю деревню и всегда жду не дождусь весны; здѣсь у меня отдѣльная комната, въ теченіе цѣлаго дня я вижу всѣхъ только за столомъ. Меня никогда не вывозили на дѣтскіе балы, и не дозволяли показывать носа, если у насъ въ домѣ бывали гости. Я такъ привыкла къ одиночеству, что если бы вдругъ мнѣ приказали сидѣть вмѣстѣ со всѣми — я бы считала это за большое наказаніе. Я увѣрена, что никто и не знаетъ о моемъ существованіи; всѣ знакомые, вѣроятно, думаютъ, что у матери только одна дочь-красавица... А какія я терпѣла тиранства отъ няньки, которая, вынянчивъ красивую сестру и братьевъ, считала за кровную обиду, что должна нянчиться съ такимъ уродомъ! Теперь наши отношенія перемѣнились. Изъ перваго лица въ домѣ нянька сдѣлалась послѣднимъ, и при встрѣчѣ со мной, постоянно жалуется мнѣ на грубость сестры и братьевъ, а также и на маму. Гувернантки у насъ мѣнялись поминутно: стоило только сестрѣ пожаловаться на нихъ мамѣ, ихъ грубо выгоняли изъ дому. Только одна гувернантка и ужилась у насъ три года, но она скорѣй была учительница: дастъ дѣтямъ уроки и сидитъ себѣ въ своей комнатѣ. Мама ея побаивалась, потому что у ней въ городѣ было много общихъ знакомыхъ, да и выгодно было ее держать: она хорошо знала музыку и языки; ей-то я и обязана, что стали меня учить музыкѣ. Я съ дѣтства очень любила пѣть; оставаясь одна въ комнатѣ, я всегда распѣвала; гувернантка нашла, что у меня очень вѣрный слухъ, и занялась мною. Я была совершенно счастлива; давно я мечтала учиться музыкѣ, которую страстно любила. Вообще я училась очень прилежно, но единственно только для того, чтобы позлить лѣнивыхъ братьевъ и сестру; впрочемъ, имъ было некогда учиться: они были слишкомъ заняты нарядами, выѣздами и всѣ ужь были влюблены. Сестра съ 15-ти лѣтъ покончила свое образованіе; гувернантокъ больше не пожелала имѣть; оканчивать же мое образованіе никто и не подумалъ, а тутъ только мнѣ и захотѣлось учиться настоящимъ образомъ.

„Григорій Семеновичъ изъ жалости ко мнѣ даромъ мнѣ даетъ уроки, а то бы я такъ и осталась безграмотною, какъ моя сестра. Если бы не его несчастная любовь, онъ бы непремѣнно приготовилъ Ѳедю снова поступить въ гимназію въ предпослѣдній классъ... Ужасно подумать, что я выросла съ сестрой и съ братьями, а между тѣмъ мы питаемъ одну ненависть другъ къ другу. Я пробовала дружелюбнѣй относиться къ сестрѣ, и что жь выходило?—я еще сильнѣе чувствовала враждебность, когда она за мою попытку осыпала меня оскорбленіями и презрѣніемъ. Объ Аркадіи нечего и говорить; съ каждымъ разомъ что онъ является изъ училища на лѣто домой, въ немъ все больше и больше проявляется лицемѣріе и безчеловѣчность. Ненавидитъ сестру за то, что мама на нее много тратитъ, а какъ льститъ ей въ глаза! А что онъ дѣлаетъ съ Ѳедей? Научилъ его также пить вино, возитъ его потихоньку по ночамъ въ городъ, кутятъ въ гостиницѣ, занимаетъ вездѣ деньги, даже у прислуги, никому не отдаетъ, и дошелъ до того, что отрекается отъ долга.

„Бѣдный отецъ, онъ ничего не знаетъ — какіе у него сыновья... Обо мнѣ мама наговорила отцу, что во мнѣ чуть-ли не со дня рожденія воплощены всѣ семь смертныхъ грѣховъ, а о братьяхъ ни слова не скажетъ... Странно: я люблю отца, хотя и онъ тоже никогда меня не ласкалъ. Впрочемъ, когда же онъ меня видитъ! Вѣдь я постоянно сидѣла въ дѣтской, а лѣтомъ на своемъ чердакѣ, куда меня перевели по желанію Аркадія, который не захотѣлъ, чтобы я была возлѣ его комнаты; единственное доброе дѣло сдѣлалъ для меня. Но если я отъ отца и не видѣла ласки, то онъ меня никогда и не обижалъ. Мама дѣлаетъ все что хочетъ, — никогда не дозволяла отцу вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей. Послѣднее время отецъ какой-то скучный; никогда не улыбается за столомъ; должно-быть опять денегъ нѣтъ... Прошлаго года продали послѣдній лѣсъ на срубку, небольшой кусочекъ остался отъ нашего парка... А какія великолѣпныя были деревья! На меня произвело подавляющее впечатлѣніе, когда я увидала эти деревья, полныя жизни, лежащими на землѣ; изъ ихъ стволовъ сочился сокъ... Мнѣ казалось, что я очутилась на мѣстѣ сраженія, вокругъ меня лежатъ убитые люди и изъ ранъ сочится кровь...

„Ѳедя не выдержалъ экзамена, а между тѣмъ ему уже 17 лѣтъ. Все сестра виновата! Досадно ей стало, что Григорій Семенычъ не обращалъ вниманія на ея красоту; вотъ она и начала кокетничать съ нимъ, добилась, что онъ потерялъ голову, а теперь смѣется и вмѣстѣ съ братьями дѣлаетъ ему всевозможныя дерзости. Просто не могу понять, какъ Григорій Семенычъ могъ полюбить мою сестру. Третье лѣто занимается съ братьями, возмущался ея кокетствомъ, праздностью и тщеславіемъ, — и вдругъ теперь для него ничего не существуетъ кромѣ нея! Онъ все позабылъ: и свой университетъ, и уроки съ Ѳедей и со мной... Хоть бы скорѣй сестра вышла замужъ! Давно она выѣзжаетъ по театрамъ, по баламъ, хвастаетъ своими побѣдами, а женихи не сватаются; впрочемъ, она такъ гордо себя держитъ, что развѣ принцъ какой осмѣлится просить ея руки... Чѣмъ мнѣ объяснить ихъ ухаживанья за Сивцовымъ, когда онъ у насъ обѣдаетъ? За глаза онѣ его бранятъ. Развѣ онъ очень богатъ и мама съ сестрой приберегаютъ его, какъ жениха на всякій случай?.. Отцу онъ явно нравится—для другихъ гостей никогда онъ не остается дома послѣ обѣда, а ѣдетъ въ городъ, въ клубъ... Теперь одинъ только Сивцовъ обѣдаетъ у насъ запросто. Отецъ потребовалъ для уменьшенія расходовъ, чтобы только по воскресеньямъ обѣдали гости изъ города. Хороша экономія! Каждый вечеръ наѣдутъ обожатели сестры и партнеры мамы, съ которыми она играетъ въ карты; ихъ угощаютъ фруктами и ужиномъ... Къ чему Сивцовъ выдумалъ разговаривать со мной за обѣдомъ? Если бы мама знала, что онъ пріѣдетъ, мнѣ бы не было дозволено явиться къ обѣду. И что мудренаго, что я не умѣю разговаривать съ гостями! Мама, кажется, хорошо знаетъ, что я сижу одна-одинешенька; гдѣ же мнѣ выучиться ихъ свѣтскости?.. Однако свѣтаетъ, а я не замѣтила, какъ прошла ночь. Какъ будто легче стало, точно я близкому человѣку передала все что у меня накипѣло на сердцѣ со дня моего рожденія; такъ и роятся въ головѣ воспоминанія о дѣтствѣ; такъ мнѣ хочется уяснить себѣ самоѣ себя и всѣхъ окружающихъ... Я увѣрена —сегодня никто не вспомнитъ, что мнѣ минуло 16 лѣтъ? А какой балъ задали въ день шестнадцатилѣтія моей сестры! какъ меблировали ей двѣ комнаты, сколько сдѣлали ей подарковъ!.. Одинъ Антипычъ всегда помнитъ день моего рожденія и поднесетъ мнѣ огромный пучекъ полевыхъ цвѣтовъ съ пожеланіями мнѣ счастья. Да, если бы отъ него это зависѣло, то онъ сдѣлалъ бы меня счастливою; онъ съ дѣтства меня любилъ и я одному ему довѣряла всѣ мои лишенія и горести. Онъ увѣряетъ, будто я какъ двѣ капли воды похожа на бабушку; говоритъ, что она была добрая и что мама, какъ только вышла замужъ, такъ и выжила ее изъ дому. Бабушка умерла на чужой сторонѣ, не успѣвъ даже проститься съ моимъ отцомъ, котораго, говорятъ, она страстно любила. Зачѣмъ она умерла, можетъ-быть она меня и полюбила бы! Вѣроятно, я мамѣ напоминаю бабушку, и она оттого такъ не любитъ меня. Антипычъ хвалитъ Сивцова; его отецъ былъ очень друженъ съ бабушкой; Сивцовъ мальчикомъ ѣздилъ въ Порошково, съ Антипычемъ постоянно удилъ рыбу...

„Я заранѣе знаю, что мой дневникъ будетъ очень однообразенъ, но буду записывать: Сегодня опять мама бранила меня, сестра кокетничала, безобразничала со своей горничной во время своего туалета; братья дѣлаютъ мнѣ всякія дерзости, а я злюсь, злюсь до того, что сама себѣ дѣлаюсь противною! И неужели я всю жизнь просижу одна въ этой комнатѣ? Глупая! чего мнѣ ждать? ясно, что меня ненавидятъ! но за что? Нѣтъ! — лучше не думать объ этомъ; я не хочу въ день моего рожденія быть злою; я теперь чувствую какое-то мирное настроеніе; мнѣ даже какъ-то особенно нравится сегодня щебетаніе птичекъ, которыя, я знаю, недавно еще выпорхнули изъ гнѣздышка; счастливыя!“

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Новыя палаты книгопродавцевъ въ Лейпцигѣ.

(Рис. на стр. 617 и 620).

Лейпцигъ, второй городъ Саксонскаго королевства и первый по книжной торговлѣ во всей Германіи, въ половинѣ апрѣля обогатился зданіемъ, которому нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ. Сосредоточивая въ себѣ торговлю всей средней Германіи, Лейпцигъ достигъ этого положенія главнымъ образомъ благодаря своимъ

3 ярмаркамъ, на Новый Годъ, Пасху и Михайловъ день, въ теченіе которыхъ совершаются въ немъ сдѣлки на многіе десятки милліоновъ. Особенно замѣчательна изъ нихъ пасхальная ярмарка, на которую съѣзжаются преимущественно книгопродавцы. Послѣ перенесенія этой ярмарки изъ Франкфурта-на-Майнѣ въ Лейпцигъ и учрежденія въ немъ въ 1836 году первой нѣмецкой книгопродавческой биржи, книжное дѣло получило въ этомъ городѣ замѣчательное развитіе. Достаточно упомянуть, что въ 1886 г. въ Лейпцигѣ насчитывалось до 500 книготорговыхъ фирмъ, а число изданій, не считая географическихъ картъ, доходило въ 1885 году до 2664. Живущіе въ Лейпцигѣ и съѣзжавшіеся туда книгопродавцы, въ былое время собирались въ особомъ зданіи, носившемъ названіе дома книгопродавцевъ (Buchhändlerhaus).

Но громадное развитіе, какого достигла книжная торговля въ Лейпцигѣ и постоянно увеличивающееся общеніе лицъ ведущихъ ее, вызвали необходимость въ постройкѣ новаго зданія, новыхъ палатъ, которыя бы соотвѣтствовали требованіямъ дѣла и времени. Въ 1884 г. распорядительный комитетъ изъ книгопродавцевъ вошелъ на общемъ собраніи послѣднихъ съ предложеніемъ, и послѣ того какъ 13 марта 1885 г. Лейпцигское городское управленіе единогласно постановило пожертвовать для необходимой постройки мѣсто, цѣною въ 225,000 рублей — особый комитетъ по сооруженію палаты объявилъ 5 архитекторамъ конкурсъ на составленіе проектовъ будущаго зданія. Послѣ тщательнаго выбора, комитетъ остановился на проектѣ постройки нижнегерманской архитектуры XVI столѣтія, представленномъ Кайзеромъ фонъ-Гроссгеймомъ изъ Берлина. Проектированную постройку обязалась выстроить лейпцигская фирма Бауеръ и Россбахъ въ теченіе двухъ лѣтъ за 400 000 рублей. 11 мая 1886 года происходила закладка, а нынѣ уже возвышается на томъ мѣстѣ величественное зданіе новой палаты. Она занимаетъ площадь болѣе чѣмъ въ 575 квадратныхъ саженъ, при длинѣ передняго фасада почти въ 50 саженъ. Середину зданія занимаетъ большой биржевой залъ, вышиною въ $7^1/_2$ саженъ, на протяженіи въ 110 квадратныхъ саженъ. Съ обѣихъ сторонъ его тянутся боковые залы. Передъ ними находится, занимая всю длину средней постройки, переднее зданіе съ главнымъ входомъ, увѣнчаннымъ куполомъ, а на противоположной сторонѣ расположено помѣщеніе для буфета съ выходомъ въ садъ. На лѣвой сторонѣ находится залъ засѣданія комитета и въ первомъ этажѣ надъ боковымъ заломъ помѣщены библіотека съ читальною комнатою и рабочимъ кабинетомъ для библіотекаря. Подъ заломъ засѣданія комитета, въ самомъ низу, расположено помѣщеніе для засѣданій особыхъ коммиссій. Въ прилегающемъ къ общему зданію лѣвомъ флигелѣ находятся, кромѣ квартиры управляющаго домомъ и комнаты засѣданій депутаціи обществъ лейпцигскихъ книгопродавцевъ, — помѣщеніе для заказовъ и порученій (контора, въ которой ежедневно получается отъ 50,000 до 80,000 заказовъ отъ всѣхъ книгопродавцевъ изо всѣхъ частей свѣта; отсюда эти заказы передаются тѣмъ книгопродавцамъ-коммисіонерамъ, у которыхъ находятся склады требуемыхъ изданій). Далѣе, въ первомъ этажѣ устроены редакція и контора книгопродавческаго *Биржеваго Листка* и контора биржеваго собранія, а второй этажъ отданъ въ наемъ обществу печатниковъ. На правой сторонѣ главнаго зданія расположена, кромѣ вышеупомянутаго боковаго зала, длинная постройка, предназначенная, главнымъ образомъ, для выставокъ. Библіотекѣ, расположенной по другую сторону, здѣсь соотвѣтствуетъ музей книгопечатнаго дѣла и собраніе Клемма старинныхъ оттисковъ.

Отдѣльныя украшенія новыхъ палатъ чрезвычайно разнообразны и роскошны. Въ нишѣ средняго фронтона помѣщается художественно-выполненная профессоромъ Цуръ-Штрассеномъ аллегорическая фигура, вышиною почти въ сажень, представляющая книжную торговлю, а на боковыхъ порталахъ находятся бюсты Гутенберга и Дюрера — все это пожертвованія лейпцигскихъ книгопродавцевъ. Въ особенности великолѣпно украшенъ большой залъ (рис. на стр. 620). Потолокъ расписанъ подъ личнымъ наблюденіемъ художника Макса Коха изъ Берлина. На немъ изображена книготорговля и ея отношенія къ искусству и наукѣ. Вокругъ всего зала идутъ гербы Базеля, Франкфурта, Майнца и Нюрнберга, Лейдена, Вѣны и Берлина, исполненные по эскизамъ того же художника и заполняющіе круглыя части надъ окнами. Среднее окно со стороны сада сооружено средствами фирмы Фр. Карлъ Флейшеръ въ Лейпцигѣ, въ воспоминаніе заслугъ на поприщѣ книготорговли Фридриха Флейшера. Оно воспроизведено по эскизамъ художника Германа Шапера въ Ганноверѣ и на немъ представленъ городъ Лейпцигъ, окруженный другими городами, имѣющими къ нему историческое отношеніе по развитію книжной торговли: это Франкфуртъ-на-Майнѣ, нѣкогда бывшій центромъ книгопродавческой дѣятельности, Штутгартъ, Вѣна и Берлинъ. Всѣ эти города изображены въ видѣ женщинъ, величественнаго вида. 4 ниши въ стѣнахъ служатъ помѣщеніемъ для статуй, представляющихъ поэзію, музыку, искусство и науку. Кромѣ того, въ большомъ залѣ помѣщается мраморный бюстъ покойнаго императора Вильгельма, работы Франца Окса изъ Берлина, пожертвованный книгопродавцами этого города. Подобный же бюстъ короля Альберта Саксонскаго изготовляется въ настоящее время Вернеромъ Штейномъ въ Лейпцигѣ, по заказу лейпцигскихъ книгопродавцевъ. Но всего замѣчательнаго въ новыхъ палатахъ невозможно перечислить. Несмотря на то, пожертвованія постоянно поступаютъ и это единственное въ своемъ родѣ зданіе нѣкогда совмѣститъ въ себѣ все относящееся до книгопечатнаго и торговаго дѣла.

Во времена террора. (Рис. на стр. 621).

Ужасное время наступило для Франціи послѣ 19 мая 1793 года. Въ этотъ злопамятный день члены конвента, извѣстные подъ названіемъ горы (montagne), такъ какъ занимали въ палатѣ мѣста расположенныя на верху, восторжествовали надъ своими противниками, жирондистами. Послѣдніе составляли знаменитую въ исторіи французской революціи партію, состоявшую преимущественно изъ депутатовъ Жиронды, вначалѣ были сторонниками провозглашенія республики, но послѣ сентябрскихъ убійствъ 1792 года, жирондисты — люди высокаго ума и развитія — не могли не отнестись съ ужасомъ къ наступившимъ неистовствамъ и требовали болѣе умѣреннаго управленія. Такой образъ дѣйствій вызвалъ только ненависть и озлобленіе ихъ противниковъ, которые 19 мая 1793 года, схвативъ 29 человѣкъ изъ партіи жирондистовъ, заключили подъ стражу. Спустя пять мѣсяцевъ, 20 изъ нихъ погибли на эшафотѣ. Во Франціи наступила година ужасовъ, такъ и названная *терроромъ*. Эта мрачная эпоха, во время которой неистовствовалъ во главѣ своей партіи Робеспьеръ, была рядомъ убійствъ, насилія, пытокъ и грабежа. Ежедневно сотни людей, безъ различія пола, возраста и состоянія, заключались въ темницы, имущество ихъ расхищалось и истерзанные невѣроятными пытками они погибали отъ руки палача или умирали замученные въ темницахъ. Никто не былъ спокоенъ насчетъ своего существованія. Оставшійся на свободѣ, дорожа своею жизнью, не рѣшался заступиться за своего ближняго. Постоянный страхъ за самого себя, дѣлалъ людей черствыми эгоистами, видѣвшими только себя, мѣсто и время, гдѣ и когда они живутъ. „Въ сотняхъ мѣстностей совершаются убійства“, пишетъ де-Метръ, „но французу мало до этого дѣла. Это не его убили или ограбили — и онъ пока достаточно счастливъ, что это случилось съ другимъ“. Въ эти ужасные дни, провозглашавшіе поклоненіе чистому разуму, были безумно осуждены несчастная королева Марія-Антуанета, и мужественная сестра Людовика XVI, Елизавета. Кромѣ вышеупомянутыхъ 20 жирондистовъ, въ числѣ которыхъ были Бриссо и Верньо, погибли отъ руки палача герцогъ Орлеанскій Филиппъ-Эгалите, Дантонъ, Камилъ Демуленъ, поэтъ Андре Шенье и множество другихъ. И такъ продолжалось болѣе года, до паденія Робеспьера. Управляя тиранически страною, онъ, для достиженія своихъ цѣлей, не щадилъ ни противниковъ, ни сторонниковъ. Доведенные до негодованія его угрозами и высокомѣріемъ, они сплотились и по предложенію Тальена рѣшились вырвать власть изъ рукъ этого человѣка.

Робеспьеръ долженъ былъ искать спасенія среди оставшихся вѣрныхъ ему людей, въ городской ратушѣ; тяжело раненый въ челюсть, онъ на другой день, 16 іюля 1794 года, съ 22 изъ своихъ единомышленниковъ, окончилъ свои печальные дни на эшафотѣ. Но и послѣ его смерти Франція долго не могла оправиться отъ тѣхъ бѣдствій, какимъ она подверглась въ это недолгое но ужасное время.

Помѣщенная на стр. 621 гравюра съ картины французскаго художника Жюля Жирарде, краснорѣчиво передаетъ одну изъ сценъ описаннаго времени. Понятны сопротивленіе арестованнаго и отчаяніе его жены, когда арестъ былъ едва-ли не равнозначущъ смертному приговору.

Первый зубокъ. (Рис. на стр. 625).

Въ 1885 году, среди нѣсколькихъ тысячъ картинъ Салона, выставляемыхъ въ немъ каждую весну, обращала на себя всеобщее вниманіе работа художника Бонье. Незатѣйливая по содержанію, она, благодаря прекрасному исполненію и интересной эпохѣ, въ которую перенесъ художникъ изображенную имъ сцену, постоянно привлекала къ себѣ не мало посѣтителей французской выставки. Просто и правдиво переданы въ ней спокойная радость, съ какою привѣтствуется появленіе перваго зубка у ребенка.

Литературный альбомъ. „Гроза“, драма Островскаго. (Рис. на стр. 628).

Дѣйствіе этой драмы, какъ извѣстно, происходитъ въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги, лѣтомъ. Художникъ выбралъ тотъ моментъ 2-й сцены III акта, когда молодой Борисъ Дикой, племянникъ богатаго и вліятельнаго мѣстнаго купца, получившій нѣкоторое образованіе, приходитъ ночью къ покрытому кустами оврагу подъ заборомъ сада Кабановыхъ, другой купеческой семьи, состоящей изъ богатой вдовы прозванной въ городѣ Кабанихой, ея дочери Варвары и сына Тихона, женатаго на героинѣ драмы, Катеринѣ. Здѣсь Борисъ встрѣчаетъ одного изъ дядиныхъ конторщиковъ, который, сидя съ гитарой, напѣваетъ пѣсенку.

Борисъ. Кудряшъ, это ты?

Кудряшъ. Я, Борисъ Григорьичъ.

Бор. Зачѣмъ ты здѣсь?

Кудр. Я-то? Стало быть, мнѣ нужно, Борисъ Григорьичъ, коли я здѣсь. Безъ надобности-бъ не пошелъ. Васъ куда Богъ несетъ?

Бор. *(оглядывая мѣстность.)* Вотъ что, Кудряшъ: мнѣ бы нужно здѣсь остаться, а тебѣ, вѣдь, я думаю, все равно, ты можешь идти и въ другое мѣсто.

Кудр. Нѣтъ, Борисъ Григорьичъ, вы, я вижу, здѣсь еще въ первый разъ, а у меня ужь тутъ мѣсто насиженное и дорожка-то мной протоптана. Я васъ люблю, сударь, и на всякую вамъ услугу готовъ, а на этой дорожкѣ вы со мной ночью не встрѣчайтесь, чтобы, сохрани Господи, грѣха какого не вышло. Уговоръ лучше денегъ.

Бор. Что съ тобой, Ваня?

Кудр. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вотъ и все... А чужихъ не трогай! У насъ такъ не водится, а то парни ноги переломаютъ. Я за свою... да я и не знаю, что сдѣлаю! Горло перерву!

Бор. Напрасно ты сердишься; у меня и на умѣ-то нѣтъ отбивать у тебя. Я-бы и не пришелъ сюда, кабы мнѣ не велѣли.

Кудр. Кто-жъ велѣлъ?

Бор. Я не разобралъ, темно было. Дѣвушка какая-то остановила меня на улицѣ и сказала, чтобы я именно сюда пришелъ, сзади сада Кабановыхъ, гдѣ тропинка.

Кудр. Кто-жъ бы это такая?

Бор. Послушай, Кудряшъ. Можно съ тобой по душѣ, ты не разболтаешь?

Кудр. Говорите, не бойтесь! У меня все одно, что умерло.

Бор. Я здѣсь ничего не знаю, ни порядковъ вашихъ, ни обычаевъ, а дѣло-то такое...

Кудр. Полюбили, что-ль, кого?

Бор. Да, Кудряшъ.

Кудр. Ну что-жъ, это ничего. У насъ на счетъ этого слободно... Только бабы взаперти сидятъ.

Бор. То-то и горе мое.

Кудр. Такъ неужто-жъ замужнюю полюбили?

Бор. Замужнюю, Кудряшъ.

Кудр. Эхъ, Борисъ Григорьичъ, бросить надо-ть!

Бор. Легко сказать — бросить! Тебѣ это, можетъ быть, все равно: ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Ужь я коли полюбилъ...

Кудр. Вѣдь, это, значитъ, вы ее совсѣмъ загубить хотите, Борисъ Григорьичъ!

Бор. Сохрани Господи! Сохрани меня Господи! Нѣтъ, Кудряшъ, какъ можно! Захочу-ли я ее погубить! Мнѣ только-бы видѣть ее гдѣ-нибудь, мнѣ больше ничего не надо.

Подъ конецъ этого разговора въ калитку сада Кабановыхъ выходитъ Варвара.

Варвара *(у калитки поетъ).*

За рѣкою, за быстрою
Мой Ваня гуляетъ.
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ...

Кудр. *(продолжаетъ).*

Товаръ закупаетъ. *(Свищетъ.)*

Варв. *(сходитъ по тропинкѣ и, закрывъ лицо платкомъ, подходитъ къ Борису).* Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдемъ на Волгу.

Кудр. Ты что-жь такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю! *(Уходятъ.)*

Бор. Точно я сонъ какой вижу! Эта ночь, пѣсни, свиданія!.. Это такъ ново для меня, такъ хорошо, такъ весело! Вотъ я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце, да дрожитъ каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, духъ захватываетъ, подгибаются колѣни! Вотъ пока у меня сердце глупое раскипится вдругъ, ничѣмъ не унять. Вотъ идетъ. *(Катерина тихо сходитъ по тропинкѣ, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, потупивъ глаза въ землю. Молчаніе.)* Это вы, Катерина Петровна? *(Молчаніе.)* Ужь какъ мнѣ благодарить васъ, я и не знаю. *(Молчаніе.)* Кабы вы знали, Катерина Петровна, какъ я люблю васъ! *(Хочетъ взять ее за руку).*

Катер. *(съ испугомъ, но не подымая глазъ.)* Не трогай, не трогай меня!

Бор. Не сердитесь!

Катер. Поди отъ меня! Поди прочь, окаянный человѣкъ! Ты знаешь-ли: вѣдь мнѣ не замолить этого грѣха, не замолить никогда! Вѣдь онъ камнемъ ляжетъ на душу, камнемъ...

Литературный альбомъ. „Зимняя сказка", Шекспира. Принцесса Сицилійская.

„Зимняя сказка", Шекспира. Принцесса Сицилійская.

(Рис. на этой стр.).

„Зимняя сказка" Шекспира по содержанію своему составляетъ какъ бы *pendant* трагедіи „Отелло": въ той и другой піесѣ главною пружиной дѣйствія является ревнивый мужъ; но если „Отелло" есть трагедія ревности и мести, то „Зимняя сказка" является зрѣлищемъ ревности и раскаянія. Въ этой послѣдней піесѣ изображается торжество полагающейся на себя добродѣтели надъ судьбой, преимущество врожденнаго изящества надъ заученнымъ свѣтскимъ лоскомъ и побѣда благородной души въ борьбѣ съ превратностями жизни. Главная идея піесы та, что на истинное, внутреннее человѣческое достоинство, по природѣ своей независимое отъ мнѣнія толпы, можетъ быть временно наброшена тѣнь, но что оно тѣмъ не менѣе найдетъ себѣ сочувствіе во всѣхъ лучшихъ людяхъ и вскорѣ засіяетъ еще ослѣпительнѣе.

Содержаніе „Зимней сказки" слѣдующее. Поликсенъ, король Чешскій, гоститъ у своего друга съ дѣтскихъ лѣтъ, короля Сициліи, Леонта, и послѣ девяти-мѣсячнаго пребыванія у него, собирается домой. Леонтъ уговариваетъ друга погостить еще, и послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ обращается къ своей

Первые крестоносцы на Клермонтскомъ соборѣ. Рис. Мертѐ, грав. Клоссъ.

женѣ Герміонѣ съ просьбой испытать въ свою очередь, не удастся ли ей убѣдить Поликсена; той въ самомъ дѣлѣ удается: Поликсенъ соглашается отложить свой отъѣздъ на недѣлю. При этомъ въ душѣ Леонта внезапно вспыхиваетъ яростная ревность къ его другу, онъ заподазриваетъ жену въ невѣрности и поручаетъ одному изъ своихъ приближенныхъ отомстить Поликсену; но честный царедворецъ помогаетъ послѣднему спастись. Королеву же Леонтъ приказываетъ заключить въ темницу, а рожденную ею тамъ дочь завезти подальше и подкинуть кому-нибудь. Оракулъ объявляетъ королеву невиновною и предсказываетъ, что корона Сициліи останется безъ наслѣдника, пока не найдется подкинутый ребенокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ приходитъ вѣсть о смерти наслѣднаго принца, причемъ королева падаетъ въ такой глубокій обморокъ, что ее считаютъ мертвою. Этимъ оканчиваются первые три акта. Четвертый актъ, открывающійся прологомъ, начинается шестнадцать лѣтъ спустя. Сынъ короля Чешскаго влюбляется въ прекрасную, воспитанную пастухами принцессу, которая, будучи завезена въ Чехію, не могла быть отыскана, такъ какъ исполнители королевскаго приказанія, погибли на возвратномъ пути въ отечество. Дѣвушка выросла и считалась дочерью пастуха. Отецъ принца въ гнѣвѣ насильно разлучаетъ влюбленныхъ, и принцъ, по совѣту сицилійскаго дворянина Камилла, бѣжитъ со своею возлюбленною въ Сицилію къ Леонту, который между тѣмъ глубокою скорбью и раскаяніемъ искупаетъ свое увлеченіе. Поликсенъ слѣдуетъ за сыномъ. Старый пастухъ, воспитавшій принцессу, и сынъ его также попадаютъ въ Сицилію. Здѣсь все происшедшее разъясняется благодаря особой примѣтѣ, оказавшейся на подкинутомъ ребенкѣ. Считавшаяся умершею королева также выходитъ изъ своего тайнаго убѣжища на свѣтъ Божій и все улаживается къ общему благополучію.

Вотъ эту-то принцессу, по имени Пэрдиту (утраченную), и изображаетъ прилагаемый рисунокъ англійскаго художника.

Лѣсной ручей. (Рис. на стр. 629).

Изъ родного утеса источникъ
Выбивается тихо журча,
И бѣгутъ по песку золотому
Серебристыя ножки ключа....

П. Вейнбергъ.

Клермонтскій соборъ. (Рис. на стр. 633.)

Въ началѣ VII вѣка краснорѣчивая проповѣдь Магомета соединила разсѣянныя толпы аравійскихъ кочевниковъ въ одно цѣлое и менѣе чѣмъ во сто лѣтъ незначительное вначалѣ скопище людей превратилось въ грозное мусульманское владычество на громадномъ пространствѣ отъ индійскихъ предѣловъ до половины Испаніи. Восточная римская имперія понемногу утратила всѣ свои владѣнія въ Африкѣ и Азіи, по прибрежью Средиземнаго моря, чему не мало способствовали постепенное разложеніе правительства и общества въ Византіи. Вмѣстѣ съ другими землями и Палестина, составлявшая провинцію Византійской имперіи, была отторгнута отъ нея арабами въ 637 году и калифъ Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ. Послѣ того, не смотря на всѣ усилія византійскихъ императоровъ возвратить христіанскому міру его главную святыню, Палестина болѣе 300 лѣтъ оставалась подъ игомъ мусульманъ. Только при Іоаннѣ Цимисхіи, и то не надолго, удалось освободить Іерусалимъ, въ числѣ другихъ городовъ Сиріи и Іудеи, изъ рукъ невѣрныхъ. Внезапная смерть Іоанна отъ яда возвратила исламу утраченныя имъ владѣнія: Іерусалимъ и всѣ отвоеванныя земли снова подпали владычеству Фатимидовъ, утвердившихся на берегахъ Нила. „Вначалѣ новые владѣтели Іудеи,“ пишетъ Мишо въ своей исторіи Крестовыхъ походовъ, „обращались съ христіанами, какъ съ союзниками: въ надеждѣ обогатить свою казну, они покровительствовали торговлѣ и паломничеству къ Святымъ Мѣстамъ; подобно рабу, котораго облегчаетъ простая перемѣна господина, христіане были рады подчиняться новымъ законамъ повелителей Каира и уже начинали вѣрить въ окончаніе своихъ бѣдствій. Но Богъ, по выраженію современниковъ, хотѣлъ испытать доблесть вѣрныхъ и, сдѣлавъ тщетными ихъ надежды, подвергъ ихъ новымъ гоненіямъ.“

Начиная съ Гакема, третьяго изъ фатимидскихъ калифовъ, странствованіе къ Святымъ Мѣстамъ и поклоненіе гробу Господню было рядомъ мученій и терзаній для христіанъ. Не смотря на то, сильные вѣрою и любовью, христіане отправлялись несмѣтными толпами въ Палестину, перенося, по словамъ архіепископа Вильгельма Тирскаго, все терпѣливо и прося Господа пощадить тѣхъ которые исправятся, и отклонить отъ нихъ бичъ гнѣва своего. Молитва праведниковъ была услышана Тѣмъ, Кто есть Богъ всякаго утѣшенія. И Господь положилъ предѣлъ ихъ несчастіямъ, пославъ помощь, коей они ожидали. Въ числѣ приходившихъ въ Іерусалимъ по обѣту и для молитвы въ Святыхъ Мѣстахъ, явился одинъ священникъ, по имени Петръ, изъ королевства франковъ, изъ Амьенскаго абатства, по прозванію *пустынникъ*. Небольшаго роста и жалкой наружности, онъ одаренъ былъ въ маломъ тѣлѣ великою доблестью, быстрымъ умомъ и проницательнымъ взглядомъ. Кромѣ того, онъ умѣлъ пріятно и увлекательно говорить. Видя на другихъ и испытавъ на себѣ всѣ тягости, выносимыя христіанами въ Палестинѣ, Петръ Амьенскій, „горя огнемъ благочестія, любя Бога и ближняго“, рѣшился помочь и облегчить трудность положенія своихъ единовѣрцевъ. Возвратясь въ Италію, онъ передалъ папѣ Урбану II о всѣхъ бѣдствіяхъ причиняемыхъ мусульманами. Затѣмъ, сожигаемый ревностью о Богѣ, онъ проходитъ всю Италію, отправляется за Альпы, и переходя отъ одного владѣтеля къ другому, повсюду краснорѣчиво проповѣдуетъ о помощи христіанамъ среди невѣрныхъ. Воодушевленіе, любовь къ своимъ несчастнымъ единовѣрцамъ, и ненависть къ ихъ притѣснителямъ скоро достигли необычайной силы. Въ это время папа Урбанъ и созвалъ знаменитый соборъ въ Овернскомъ городѣ Клермонтѣ (Clarus mons) въ 1095 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, куда „притекли“, по словамъ прекрасной поэмы А. Н. Майкова:

Богатыри со всей земли.
Что лучъ усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ
Средь духовенства властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ.
У трона—герцоги, бароны,
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ нихъ—сирыхъ обороны—
Толпою рыцари стоятъ....

Собравшимся — папа Урбанъ и Петръ-Пустынникъ повѣдали о всѣхъ бѣдствіяхъ христіанъ въ Палестинѣ... „Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ“, говорилъ Петръ

„Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я“.

....Но мученія Петра ничтожны въ сравненіи съ страданіями другихъ.

„А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой...“

Неслыханныя бѣдствія несчастныхъ страдальцевъ такъ растрогали присутствовавшихъ, что всѣ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнули: „Такъ хочетъ Богъ!“ и рѣшились отправиться въ Палестину, чтобы войною освободиться отъ владычества невѣрныхъ. Такъ начались Крестовые походы.

Сложные портреты. (Рис. на стр. 636).

Сходство чертъ лица встрѣчается не исключительно между родителями и дѣтьми. Въ ряду человѣческихъ существъ, составляющихъ одну генеалогическую линію или вѣтвь родословнаго дерева, замѣчается нѣчто общее, а именно типъ болѣе или менѣе точно повторяющійся чрезъ нѣкоторые промежутки времени, весьма разнообразные. Человѣкъ далеко не изолированное существо: онъ наслѣдуетъ свойства и недостатки своихъ предковъ и передаетъ ихъ своимъ потомкамъ, вѣрнѣе, наслѣдуетъ и передаетъ предрасположенія, зачатки и т. п. Иногда всѣ хорошія качества рода соединяются въ одномъ изъ потомковъ и этотъ послѣдній становится выдающеюся личностью; иногда же въ немъ соединяются всѣ недостатки—въ такомъ случаѣ линія близка къ пресѣченію, вѣтвь изсохла.

Герберту Спенсеру и Френсису Галтону, членамъ Лондонскаго Королевскаго Общества, пришла мысль воспроизвести среднюю физіономію цѣлой человѣческой группы, а затѣмъ и типы различныхъ расъ, наподобіе того какъ вычисляется средняя годовая температура или средняя доходность имѣнія за нѣсколько лѣтъ. Этимъ ученымъ удалось произвести какъ бы сплавы нѣсколькихъ лицъ имѣвшихъ между собою сходство, посредствомъ наложенія ихъ одно на другое, черта въ черту, подобно тому какъ накладываются другъ на друга геометрическія фигуры при доказательствѣ ихъ равенства.

Съ этою цѣлью Спенсеръ и Галтонъ выбрали нѣсколько человѣкъ отличавшихся нѣкоторымъ сходствомъ между собою; затѣмъ фотографировали ихъ порознь, но въ одну и ту же величину, въ одной и той-же позѣ и т. д., словомъ, при соблюденіи совершенно одинаковыхъ условій. Позитивные оттиски (т. е. окончательные портреты) сдѣланы были на чрезвычайно

прозрачной бумагѣ; а затѣмъ ихъ сложили другъ на друга какъ колоду картъ, наблюдая чтобы абрисы чертъ лица совпадали. Если смотрѣть на такую колоду, держа ее между глазомъ и сильнымъ свѣтомъ, то виденъ *слитный* портретъ или *средняя* физіономія. Еще лучше снимать всѣ портреты на одну и ту-же стеклянную пластинку. Тогда различныя физіономіи отбиваются другъ на друга, нисколько не измѣняя одна другую. Затѣмъ при переводѣ на бумагу получится средній портретъ всей группы.

Приложимъ этотъ способъ къ фотографированію цѣлаго семейства. Взявъ братьевъ и сестеръ, ихъ двоюродныхъ братьевъ, родителей и дѣдовъ, мы получимъ настоящій *фамильный* портретъ. Не думайте что такой портретъ будетъ неясенъ, что контуры чертъ лица будутъ смутны и не отчетливы. Ничуть не бывало; если васъ не предупредятъ заранѣе, портретъ покажется вамъ такимъ же какъ и всякій другой; если же васъ и предупредятъ, то вы все-таки не найдете большихъ неправильностей, а только такія какія встрѣчаются на большей части фотографическихъ снимковъ.

Затѣмъ, эти портреты можно различнымъ образомъ комбинировать. Отбивъ ихъ на прозрачной бумагѣ, накладывайте ихъ другъ на друга по два, по три и т. д. Вы не можете себѣ представить, какіе сюрпризы васъ ожидаютъ: другъ за другомъ появляются всѣ предки—то съ материнской, то съ отцовской стороны. Если въ семьѣ утраченъ или не былъ своевременно снятъ портретъ какого-либо родственника, у васъ есть почти всѣ шансы на то чтобы возстановить его черты посредствомъ такихъ комбинацій съ портретами другихъ родственниковъ.

Артюръ Батю нашелъ другой способъ производить эти портреты-типы. Представимъ себѣ, что для снятія фотографическаго портрета надо просидѣть передъ камера-обскурой 60 секундъ и что мы хотимъ снять портретъ-типъ съ шести особъ. Каждую изъ этихъ особъ мы будемъ усаживать одну за другой въ той-же самой позѣ, но каждый изъ снимающихся долженъ просидѣть лишь 10 секундъ (число это получилось отъ дѣленія 60 на 6, и слѣдовательно будетъ измѣняться смотря по числу снимающихся). Такъ какъ для полученія отчетливаго снимка необходимо 60 секундъ, то въ 10 секундъ нельзя получить рѣзкаго, яснаго изображенія. Но если у шести снимающихся есть хоть одна общая черта лица, то ея шесть снимковъ лягутъ одинъ на другой, и для этой черты время фотографированія будетъ вшестеро больше, т. е. потребныя 60 секундъ, и эта общая всѣмъ черта будетъ снята вполнѣ отчетливо. Если она найдется лишь у четверыхъ изъ снимающихся, она будетъ фотографироваться всего 40 секундъ; наконецъ, необщія черты не дадутъ почти никакого снимка. Полученный такимъ образомъ портретъ передастъ стало быть лишь общія черты и не передастъ индивидуальныхъ, т. е. возсоздастъ идеальный типъ этихъ шести лицъ, ибо настоящій способъ идеализовать состоитъ въ томъ чтобъ изглаживать особенности и выставлять на первый планъ общее.

Вотъ такимъ-то способомъ и получилъ г. Батю изъ семи женскихъ и шести мужскихъ лицъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ, центральный—идеальный типъ жителей Черной горы въ Пиренеяхъ.

Гротъ Требичіано (гидрографическая загадка).

(Чертежъ на стр. 637).

Въ Истріи есть одна мало извѣстная публикѣ пещера, которая имѣетъ видъ вертикальнаго колодца, глубиною въ 300 метровъ, внизу расширяющагося въ подземное озеро. Всего страннѣе, что озеро это не имѣетъ видимыхъ истоковъ. Это такъ-называемый Требичіанскій или Требичскій гротъ, открывающійся на поверхность земли въ получасовомъ пути отъ деревни того же имени, на известняковомъ плоскогорьи истріотскаго Карста, въ пяти верстахъ отъ Тріеста.

Извѣстно, что къ юго-западу отъ Адельсберга, недалеко отъ желѣзно-дорожной станціи Дивакка, небольшая рѣчка, по имени *Рѣка*, теряется въ дивныхъ пещерахъ Сентъ-Канціана (соперничающихъ съ Адельсбергскими), откуда уже нѣтъ возможности прослѣдить ея теченіе. Съ другой стороны, полагаютъ, что Тимаво, мощный потокъ, вытекающій изъ утеса между Набрезиной и Монфальконе (въ Санъ-Джованни-ди-Дуино, къ с.-з. отъ Тріеста) и впадающій въ Адріатическое море, послѣ $2^1/_2$ верстъ теченія, есть не что иное, какъ Рѣка, выглянувшая на свѣтъ Божій послѣ 35-верстнаго (по прямой линіи) подземнаго теченія. Требичіанскій гротъ находится какъ разъ между этими двумя пунктами, Диваккой и Санъ-Джованни, такъ что его подземное озеро можетъ быть частью подземной Рѣки.

Открылъ эту пещеру въ 1840 году нѣкто Линднеръ, отыскивая источники прѣсной воды для проведенія ея въ Тріестъ. Въ гротъ проникаютъ спускаясь въ настоящій колодезь, стѣнки котораго состоятъ изъ скалистой горной породы, при посредствѣ 76 лѣстницъ. Вся шахта состоитъ собственно изъ 12 колодцевъ, отъ одного до семи метровъ въ поперечникѣ и отдѣленныхъ другъ отъ друга двумя небольшими камерами и нѣсколькими короткими наклонными корридорами, какъ это видно на рисункѣ. Спустившись на 258 метровъ, выходятъ на известняковый холмъ, покрытый пескомъ, у подошвы коего шумно струится вода. Съ холма виденъ весь гротъ, ромбоидальной формы, имѣющій 280 метровъ длины, 80 метровъ ширины и 75 метровъ высоты, дно котораго занято настоящимъ озеромъ; уровень воды въ дождливое время поднимается до различной высоты, иногда подъ самый сводъ пещеры. Изслѣдованія на лодкѣ показали, что вода входитъ въ озеро чрезъ небольшую трещину подъ его уровнемъ и выходитъ изъ него такимъ-же невидимымъ отверстіемъ. Нѣтъ никакой возможности выйти въ верховья или въ низовья Рѣки изъ этого скалистаго мѣшка, въ которомъ она на мигъ появляется. Такимъ образомъ Требичіанская пещера представляетъ какъ-бы громадный куполъ съ выводящею трубой для снабженія его воздухомъ. Чтобы рѣшить, точно-ли Тимаво составляетъ продолженіе Рѣки, пробовали бросать въ озеро мелкіе легкоплавающіе предметы, но ни одинъ изъ нихъ не появился въ Санъ-Джованни, и теперь всѣ попытки въ этомъ направленіи оставлены.

Рисунокъ огнемъ. (Рис. на стр. 637).

Недавно въ продажѣ появилась *Живопись огнемъ,* очень любопытный и въ то же время простой опытъ, который не трудно приготовить каждому у себя дома. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: Небольшой листокъ бумаги поджигаютъ въ отмѣченныхъ карандашомъ мѣстахъ тлѣющею спичкою или веревочкою и пламя, перебѣгая по бумагѣ, выжигаетъ на ней какую-нибудь фигуру. Чтобы приготовить самому такой листокъ, надо взять густой растворъ селитры (азотнокислаго кали) и при помощи гусинаго пера, палочки или кисти нарисовать имъ любую фигурку на бумагѣ. Послѣдняя должна быть не толстою, въ родѣ афишной. По просушкѣ, на бумагѣ не остается слѣда отъ нарисованнаго, и появленіе того или другаго рисунка при опытѣ, доставляетъ не мало удовольствія производящему его.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 8 іюня, въ Петербургѣ, въ лютеранской церкви Свв. апостоловъ Петра и Павла (на Невскомъ проспектѣ), въ 2 часа дня, происходило торжественное заупокойное богослуженіе по почившемъ Императорѣ Германскомъ, Королѣ Прусскомъ Фридрихѣ III. Къ началу богослуженія прибыли И. Имп. В. Великія Княгини: Марія Павловна, Елисавета Маврикіевна, Екатерина Михаиловна съ дочерью Герцогинею Еленою Георгіевною Мекленбургъ-Стерлицкою, Великій Князь Генералъ-Фельдмаршалъ Николай Николаевичъ Старшій съ сыномъ Петромъ Николаевичемъ, Князь Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій Георгій Максиміліановичъ и Герцоги Мекленбургъ-Стрелицкіе. Литургію совершалъ генералъ-суперъ-интендентъ пасторъ Лааландъ; проповѣдь произнесъ мѣстный пасторъ Кейслеръ.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: въ измѣненіе подлежащихъ статей воен. угол. уст., 1859 года, постановить слѣдующія правила: 1. Приговоры по уголовнымъ дѣламъ должны быть основаны на точномъ разумѣ законовъ и на существѣ собранныхъ по дѣлу доказательствъ и уликъ, сила и значеніе коихъ опредѣляются по внутреннему убѣжденію судей. 2. Приговоры постановляются: а) или объ оправданіи подсудимаго; б) или объ освобожденіи его отъ суда, когда преступное его дѣяніе покрывается давностью, милостивымъ манифестомъ или другою законною причиною прекращенія дѣла; в) или же, наконецъ, о наказаніи признаннаго виновнымъ подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи и очистительная присяга не допускаются.

— Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено: евреямъ, переселившимся въ Туркестанскій край изъ внутреннихъ губерній Имперіи, воспрещается производство въ ономъ винокуренія и торговли крѣпкими напитками; евреи же туземцы пользуются въ семъ отношеніи правами, одинаковыми съ прочими туземцами.

Военное и морское дѣло.

— По случаю кончины Императора Фридриха III, полкамъ: с.-петербургскому гренадерскому Короля Фридриха-Вильгельма III, 5-му пѣхотному калужскому Императора Вильгельма I и 33-му драгунскому изюмскому Императора Германскаго Короля Прусскаго Фридриха III — наложенъ трауръ на четыре недѣли, причемъ первые три дня носится полный трауръ и при отданіи чести въ теченіе этого времени музыка не играетъ, барабаны не бьютъ и въ трубы не трубятъ.

Императоръ Германскій Король Прусскій Вильгельмъ II — назначается Шефомъ с.-петербургскаго гренадерскаго Короля Фридриха-Вильгельма III полка. 85-му пѣхотному выборгскому Наслѣднаго Принца Германскаго и Прусскаго полку повелѣно именоваться 85-мъ пѣхотнымъ выборгскимъ Императора Германскаго Короля Прусскаго Вильгельма II полкомъ.

— 2 іюня, послѣ церковнаго парада лейбъ-гвардіи гренадерскаго и лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полковъ, имѣли счастіе быть представленными Государю Императору офицеры, окончившіе курсъ наукъ въ Военно-Юридической академіи. Всего окончило курсъ 26 офицеровъ. Въ тотъ-же день, вмѣстѣ съ офицерами, выпущенными изъ академій Артиллерійской, Инженерной и Военно-Юридической, имѣли счастіе быть представленными Государю Императору и четыре офицера, окон-

чившіе курсъ восточныхъ языковъ. Офицерскій курсъ восточныхъ языковъ состоитъ въ вѣдѣніи тайнаго совѣтника М. А. Гамазова и учрежденъ въ 1883 году при учебномъ отдѣленіи Азіатскаго департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ видѣ опыта; въ 1885 году положеніе о семъ курсѣ удостоилось Высочайшаго утвержденія.

— На тульскомъ оружейномъ заводѣ была проба первой приготовленной въ Россіи револьверной пушки системы Гочкиса, употребляемой во флотѣ, а также и снарядовъ къ ней. Самая пушка и снаряды къ ней приготовлены на мѣстномъ Императорскомъ оружейномъ заводѣ. При произведенной пробѣ пушка и снаряды превзошли ожиданія и оказались гораздо лучше заграничныхъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Нынѣшнею весною, въ мѣстечкѣ Триполье, Кіевскаго уѣзда, и окрестныхъ селахъ: Жуковцахъ, Веремьи, Стаекахъ и Черняховѣ — особенно усердно принялись во многихъ крестьянскихъ семьяхъ за разведеніе шелковичныхъ червей.

— Недавно, на судахъ, прибывшихъ въ Баку изъ Узунъ-Ада, было привезено изъ Бухары значительное количество экземпляровъ финиковыхъ деревьевъ, которыя предполагается направить въ Ленкорань съ цѣлью производства опытовъ надъ ихъ посадкою. Довольно значительное количество этихъ же деревьевъ было отправлено изъ Бухары чрезъ Узунъ-Ада въ Персію.

— Супруга фабриканта Морозова въ Москвѣ пожертвовала по 30,000 руб. московской земледѣльческой школѣ и Императорскому техническому училищу, всего 60,000 руб., на ежегодную командировку заграницу для практическаго усовершенствованія одного изъ окончившихъ курсъ по сельскому хозяйству и одного по практической механикѣ.

Изъ губерній и областей.

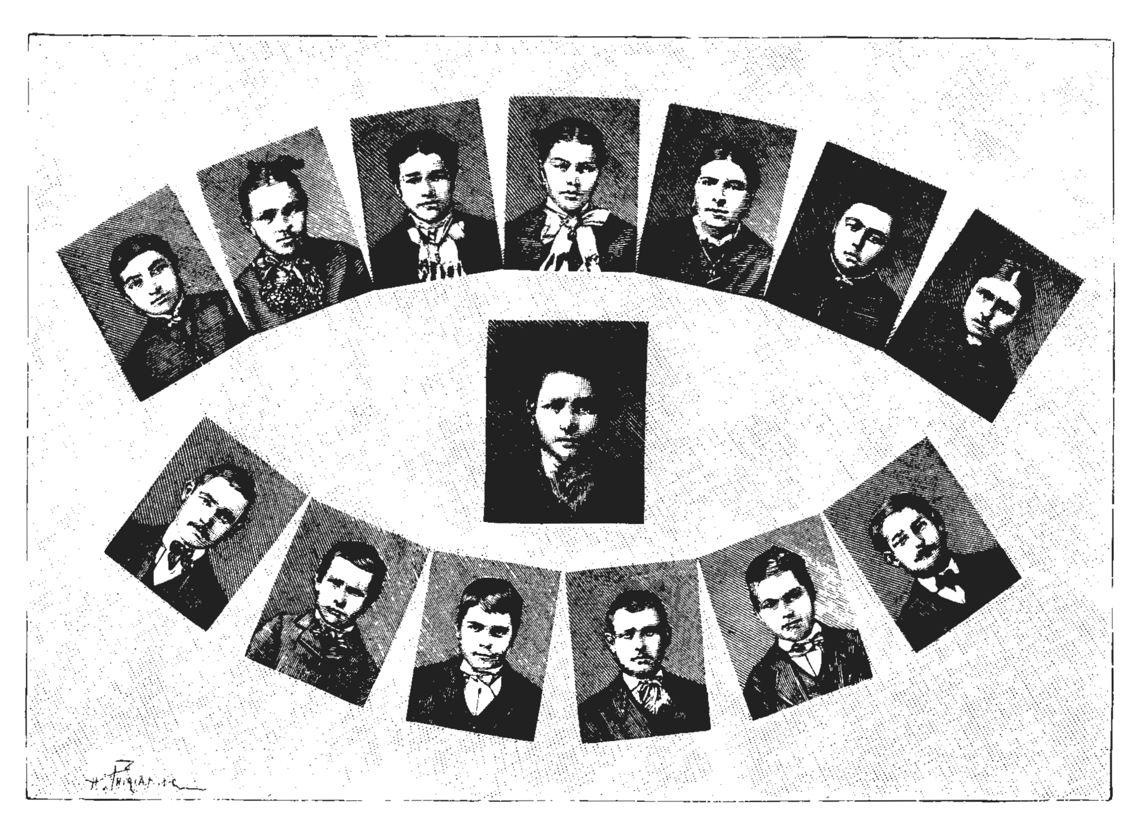
— 25 минувшаго мая, городъ Новоузенскъ, Самарской губерніи, постигло ужасное бѣдствіе: лучшая часть города сдѣлалась жертвою пламени. Пожаръ начался въ 3 часа дня, во время сильной бури, на площади, гдѣ въ числѣ прочихъ строеній сгорѣлъ соборный храмъ. Отсюда огонь перебросило на Московскую улицу, которая была вся уничтожена пожаромъ. Всего сгорѣло: церковь и 140 домовъ съ надворными постройками.

— 29 минувшаго мая, около 6 часовъ вечера, вспыхнулъ пожаръ въ посадѣ „Новый Дворъ“, расположенномъ верстахъ въ 4 отъ Новогеоргіевской крѣпости. Всего, по сообщенію „Кіевлянина“, уничтожено 138 дворовъ (всѣхъ дворовъ 265), застрахованныхъ въ 86,870 руб. Весь убытокъ отъ пожара превышаетъ 250 тысячъ рублей. Пожаръ лишилъ крова 730 семействъ или около 3 тысячъ человѣкъ.

— Въ Севастополѣ, 5 іюня, температура воды 17° Р. Грязелѣчебный сезонъ начался; больныхъ пока немного.

— Въ Баку, въ ночь на 5 іюня, горѣли деревянныя постройки на ярмаркѣ; огонь угрожалъ городу. Часть товара посуднаго и галантерейнаго погибла.

— Изслѣдовано цѣлебное соленое озеро Акъ-Сыкентъ въ 70 верстахъ отъ Коканда.



Образчикъ сложнаго портрета. Вверху семь туземокъ съ подножія Черной горы въ Пиренеяхъ. Внизу 6 мужчинъ мѣстной расы. Въ центрѣ портретъ-типъ, снятый со всѣхъ 13 лицъ. Съ фотогр. А. Батю, грав. Тиріа.

Политическое обозрѣніе.

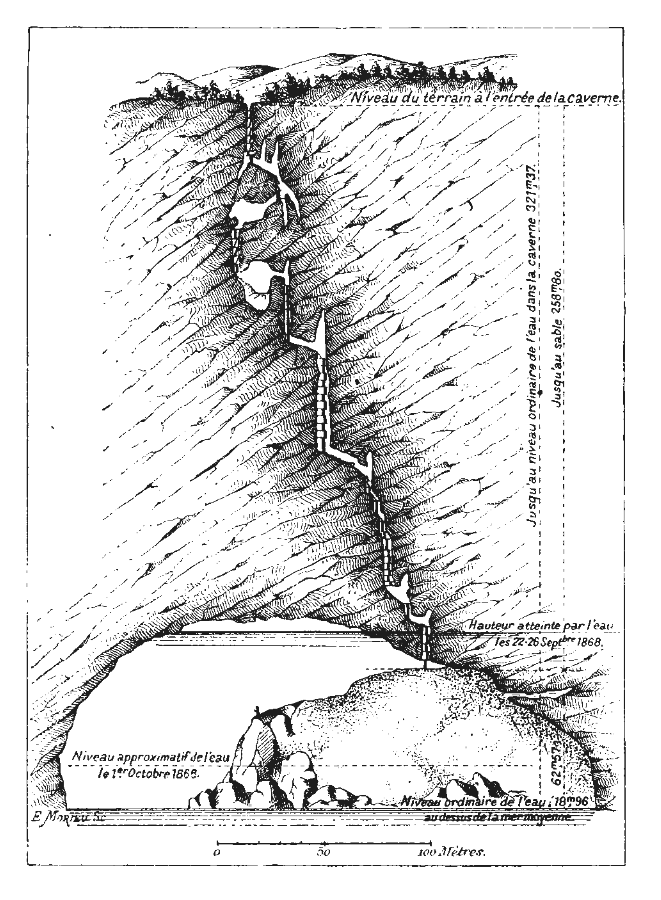
Кончина императора Фридриха произвела повсюду потрясающее впечатлѣніе, вызвавъ чувство искренняго, глубокаго сожалѣнія. Вся Европа сознавала, что этотъ миролюбивый государь, несмотря на тяжелыя страданія, до послѣднихъ дней обратитъ всю свою волю и энергію на охраненіе всеобщаго мира. Оно такъ и было. Всѣ видѣвшіе державнаго страдальца въ его недолгое царствованіе, невольно изумлялись его необычайной силѣ воли, добротѣ и миролюбію. Такимъ онъ оставался до самой кончины. Наканунѣ своей смерти, 2 іюня, Августѣйшій больной, какъ только приходилъ въ себя, требовалъ бумагу и карандашъ, и бесѣдовалъ съ окружающими какъ добрый правитель и семьянинъ. Этотъ день былъ днемъ рожденія второй его дочери, принцессы Софіи, которой исполнилось 18 лѣтъ. Императоръ вспомнилъ объ этомъ, приказалъ позвать дочь и поздравилъ ее со днемъ рожденія. При этомъ онъ написалъ ей на листкѣ бумаги: „Оставайся и впредь такою доброю и богобоязненною, какою ты была до сихъ поръ. Это послѣднее желаніе твоего умирающаго отца“. Принцесса упала на колѣни, поцѣловала руку родителя и разразилась громкими рыданіями. Сцена эта произвела на присутствующихъ потрясающее и неизгладимое впечатлѣніе.

По словамъ берлинскаго корреспондента *New-York-Herald* почившимъ императоромъ были написаны, между прочимъ, слѣдующія записки: „Я сознаю, что Мекензи сдѣлалъ все, что могли сдѣлать наука и преданность для продленія моей жизни, и благодарю его за это отъ всего сердца“. Императоръ передалъ эту записку императрицѣ, бросивъ милостивый взоръ на Мекензи. Потомъ онъ взялъ другой листокъ и написалъ на немъ: „Я сдѣлалъ все, что было моимъ долгомъ передъ Богомъ и страною. Чувствую, что конецъ мой близокъ, но да будетъ воля Божія“. Прочитавъ этотъ листокъ, императрица горько зарыдала.

Замѣтно хуже больному государю стало только къ разсвѣту. До того чрезвычайно выносливая, крѣпкая натура императора возбуждала надежду, что если только силы нѣсколько возстановятся, больной выйдетъ опять побѣдителемъ въ борьбѣ со страшнымъ недугомъ, какъ онъ уже выходилъ неоднократно. Но около 4 часовъ утра страданія его замѣтно усилились и д-ръ Гауелль увѣдомилъ о томъ императрицу. Она подошла къ постели и уже не отходила отъ нея до самой кончины своего Августѣйшаго супруга. Такъ какъ императору становилось все хуже и силы замѣтно падали, то въ 6 часовъ утра посланы были ординарцы за членами императорской фамиліи. Къ 8 часамъ утра, когда уже вся императорская фамилія

собралась вокругъ умирающаго, императоръ впалъ въ забытье и былъ такъ слабъ, что стали ожидать кончины ежеминутно. Отъ времени до времени, однако, императоръ приходилъ въ себя и тогда онъ узнавалъ окружавшихъ его лицъ. Къ 10 часамъ утра всѣ вышли изъ комнаты умирающаго, исключая императрицы, которая ни на минуту отъ него не отходила. Въ моментъ кончины въ комнатѣ умирающаго находились императрица, всѣ ея дѣти, наслѣдный принцъ Саксенъ-Мейнингенскій и принцъ Леопольдъ-Фридрихъ, которые расположились вокругъ постели. Правая рука монарха покоилась на лѣвой рукѣ императрицы; по лѣвую сторону постели стоялъ наслѣдный принцъ. Въ послѣдній разъ императоръ Фридрихъ раскрылъ глаза, обвелъ ими свою супругу и дѣтей и затѣмъ закрылъ ихъ навѣки. Скончался онъ тихо, безъ страданій.

Императоръ скончался въ 11 ч. 20 минутъ утра. Замѣчательно, что онъ умеръ въ тотъ же день недѣли, какъ его родитель императоръ Вильгельмъ I, и въ то же число іюня мѣсяца, какъ его двоюродный братъ и соратникъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, который скончался 15 іюня 1885 г.



Гротъ Требичіано съ Истріи, геологическій разрѣзъ.

Еще до наступленія вечера тѣло усопшаго монарха было бальзамировано докторомъ Викерсгеймеромъ. Бальзамированіе произведено было слѣдующимъ образомъ: вскрыта была большая шейная артерія, оказавшаяся, впрочемъ, совершенно здоровою, и накачено въ нее посредствомъ ирригатора два литра изобрѣтенной Викерсгеймеромъ жидкости для сохраненія труповъ. Операція бальзамированія, продолжавшаяся полчаса, произведена была въ присутствіи главнаго военнаго врача Вегнера, профессора Барделебена и одного лейбъ-егеря. По разсказамъ лицъ, видѣвшихъ усопшаго еще въ пятницу, послѣ бальзамированія, черты императора Фридриха мало измѣнились и не отражали слѣдовъ ужасныхъ страданій. Голова только казалась какъ будто меньшихъ размѣровъ, нежели при жизни, и лицо приняло темнобронзовый оттѣнокъ, напоминающій бронзовыя головы на средневѣковыхъ намогильныхъ памятникахъ. Волосы и борода посѣдѣли. По груди тѣло было покрыто темнокраснымъ одѣяломъ, правая рука покоилась на почетной кавалерійской саблѣ, на шеѣ рельефно выступала черно-бѣлая лента ордена „Pour le merite“, а на груди лежалъ вѣнокъ изъ давно завядшихъ лавровыхъ листовъ, сплетенный собственноручно принцессою Викторіею и посланный ею мужу послѣ его блистательной побѣды надъ французами подъ Вёртомъ.

Химические опыты. Рисунокъ огнемъ.

Въ субботу, 5 іюня, было произведено вскрытіе тѣла императора Фридриха профессоромъ Вирховымъ, тогда какъ профессоръ Вальдейеръ занимался микроскопическими препаратами, а докторъ Лангергансъ, ассистентъ профессора Вирхова, составлялъ протоколъ. Полнаго вскрытія произведено однако не было. Дѣло ограничилось лишь обнаженіемъ и изслѣдованіемъ органовъ, непосредственно тронутыхъ недугомъ, т. е. горла, гортани и легкихъ. Тотчасъ былъ обнаруженъ ракъ, который произвелъ страшныя опустошенія. Гортань была совершенно разрушена ракомъ и гнилымъ бронхитомъ, т. е. воспаленіемъ тончайшихъ развѣтвленій дыхательнаго горла, вслѣдствіе проникновенія гнойной матеріи. Вся гортань была разрушена гніеніемъ и на мѣстѣ ея оказалась каверна, величиною въ два кулака, въ которой обнаружены были лишь кое-какіе остатки хрящей. Къ вящшему своему изумленію, врачи констатировали, что никакихъ отверстій въ пищеводѣ не образовалось и никакого непосредственнаго сообщенія, какъ то предполагали, между пищеводомъ и дыхательнымъ горломъ не существовало. Если въ послѣдніе дни своей жизни императоръ „давился“ (sich verschluckte) при пріемѣ пищи, то это происходило не отъ предполагаемой врачами причины, т. е. не отъ образованія отверстій въ пищеводѣ, а отъ того, что въ гортани, не будучи болѣе удерживаемой хрящами, часть жидкой пищи проникала въ дыхательное горло и вливалась въ бронхіи и легкія. Вскрытіе подтвердило мнѣніе врачей, что окончательною причиной смерти былъ параличъ легкихъ.

По распоряженію императора Вильгельма II, докторъ Мекензи представилъ отчетъ о ходѣ болѣзни покойнаго императора. Въ отчетѣ этомъ заявляется, что сущность болѣзни теперь не подлежитъ уже сомнѣнію. У императора Фридриха былъ ракъ гортани, но діагнозу весьма затрудняло то обстоятельство, что гортанный хрящъ былъ затронутъ въ самомъ началѣ болѣзни и что болѣзненный процессъ протекалъ преимущественно въ глубокихъ слояхъ хрящевой ткани. Это весьма усложняло видъ болѣзни и затрудняло правильное ея распознаваніе.

Согласно послѣдней волѣ императора Фридриха и по желанію вдовствующей императрицы, погребеніе состоялось въ понедѣльникъ утромъ, безъ всякой помпы, въ тѣсномъ семейномъ кругу.

Въ субботу, въ 6 часовъ вечера, пасторъ Кегель отслужилъ въ Фридрихскронскомъ дворцѣ панихиду, на которой присутствовали: германская императорская чета, обѣ вдовствующія императрицы, всѣ члены королевской прусской фамиліи, прибывшія сюда иностранныя Августѣйшія особы и придворные чины. Послѣ панихиды гробъ со смертными останками императора Фридриха былъ закрытъ, запаянъ и поставленъ въ парадный гробъ. Затѣмъ приставленъ былъ къ тѣлу императора Фридриха почетный караулъ изъ генераловъ и штабъ-офицеровъ.

Въ понедѣльникъ весь Потсдамъ облекся въ глубокій трауръ, особенно мѣста, гдѣ проходила погребальная процессія. На всемъ пути слѣдованія ея установлены высокія черныя мачты съ флагами и зажжены траурные факелы.

Печальная церемонія совершилась во всемъ согласно опубликованному церемоніалу. Когда окончился хоралъ „Jesus meine Zuversicht“, главный придворный проповѣдникъ Кегель прочелъ молитву, въ которой упомянулъ о тяжкой двойной утратѣ императорскаго дома и германскаго народа, принесъ Господу Богу благодареніе за все совершенное Имъ почившему, и вознесъ мольбу о дарованіи утѣшенія императорскому дому и народу. Затѣмъ, при звукахъ церковнаго пѣнія, гробъ поставили на печальную колесницу и шествіе тронулось. Въ гарнизонной церкви (Friedenskirche) совершена только литургія и главнымъ придворнымъ

проповѣдникомъ дано было благословеніе тѣлу. Проповѣди произнесено не было. При ружейныхъ и пушечныхъ салютахъ сопутствовавшіе тѣлу императора стали выходить изъ церкви. Императрица Викторія подошла къ гробу и, преклонившись передъ нимъ, простилась съ прахомъ своего супруга. Придворный проповѣдникъ Перзіусъ прочиталъ молитву и хоръ пропѣлъ въ послѣдній разъ.

Въ погребальномъ шествіи Великій Князь Владиміръ Александровичъ шелъ рядомъ съ принцемъ Генрихомъ, который предшествовалъ семьѣ почившаго императора. Изъ иностранныхъ высокихъ гостей здѣсь находились: король Саксонскій, великій герцогъ Баденскій съ супругою, великій герцогъ Шверинскій, герцогъ Саксенъ-Кобургскій, герцогъ Ангальтскій, великій герцогъ Гессенскій, принцъ Вельскій съ супругою, великій герцогъ и наслѣдный великій герцогъ Саксонскіе, князь Рейссъ младшей линіи, наслѣдный принцъ Шведскій, принцъ Леопольдъ Баварскій, герцогъ Павелъ Шверинскій, принцъ Христіанъ Шлезвигъ-Гольштинскій, принцесса Марія Саксенъ-Мейнингенская, ландграфиня Гессенская, князь Гогенцоллернъ и наслѣдный принцъ Вальдекъ-Пирмонтскій.

Со стороны русскихъ войскъ въ сопровожденіи тѣла императора Фридриха участвовали депутаціи отъ драгунскаго № 33 и отъ С.-Петербургскаго гренадерскаго имени императора Фридриха полковъ.

Вступившій на германскій и прусскій престолы молодой императоръ Вильгельмъ II, прежде всего отдалъ приказъ по арміи и флоту. Въ обнародованномъ приказѣ по арміи императоръ, упоминая о непоколебимой преданности арміи своему вождю-государю и заявляя, что будетъ слѣдовать примѣру достославнаго дѣда и дорогаго отца, говоритъ: „Такимъ образомъ мы съ арміей принадлежимъ другъ другу, другъ для друга родились мы и будемъ неразрывно держаться вмѣстѣ и во время мира, и въ бурю“. Въ приказѣ военному флоту императоръ заявляетъ: „Флоту извѣстно, что меня не только преисполняетъ великой радости внѣшняя принадлежность моя къ нему, но что съ самой ранней моей юности, меня, какъ и моего брата принца Генриха, соединяетъ съ флотомъ пламенное чувство“.

Въ этихъ приказахъ достаточно ясно выражается влеченіе молодаго императора къ военному дѣлу.

6 іюня была обнародована „Прокламація къ моему народу“, въ которой императоръ Вильгельмъ II, между прочимъ, говоритъ: „Призванный на прародительскій престолъ, я принялъ управленіе въ надеждѣ на Бога и далъ обѣтъ, по примѣру предковъ, быть государемъ справедливымъ и милостивымъ, соблюдать кротость, быть богобоязненнымъ, охранять миръ, содѣйствовать благополучію страны, оказывать помощь бѣднымъ и угнетеннымъ и быть вѣрнымъ стражемъ права“. Далѣе императоръ выражаетъ довѣріе къ испытанной вѣрности прусскаго народа и говоритъ, что въ сознаніи взаимной любви между королемъ и народомъ онъ почерпаетъ надежду на то, что Богъ даруетъ ему силу и мудрость.

Заграничныя, въ особенности англійскія, газеты, по поводу вступленія на престолъ императора Вильгельма, выражаютъ увѣренность, что отношенія между Германіей и другими державами не измѣнятся. *Daily News* говоритъ, что несомнѣнное вліяніе перваго изъ совѣтниковъ дѣда и отца новаго императора служитъ достаточнымъ ручательствомъ за миръ.

Смѣсь.

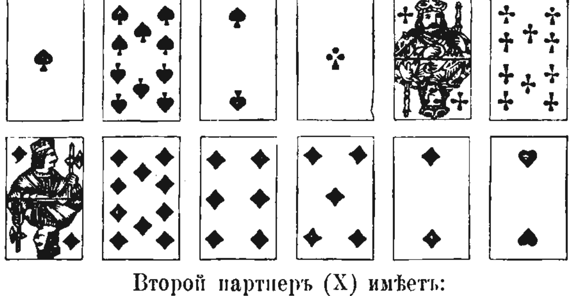
Орудіемъ пытки въ Персіи служитъ, между прочимъ, кошка. Животное привязываютъ на обнаженную спину преступника, отъ котораго хотятъ вынудить сознаніе въ винѣ. Затѣмъ начинаютъ колотить кошку, которая, само собою, царапаясь и кусаясь, передаетъ несчастному ту боль, которую ощущаетъ сама. Через нѣкоторое время подозрѣваемаго спрашиваютъ, сознается-ли онъ въ своей винѣ, и если онъ продолжаетъ отрекаться, страшная процедура повторяется снова, пока пытаемый не сознается въ томъ, чего отъ него требуютъ. Почти никто не выдерживаетъ этой пытки и каждый предпочитаетъ подвергнуть себя наказанію за преступленіе иногда дѣйствительно совершенное, иногда только предполагаемое. (с.)

Желѣзная дорога въ Палестинѣ. Всепоглощающій паръ до сихъ поръ не проникалъ еще въ Святую Землю, какъ-бы не дерзая нарушить святыню страны, съ которой связаны столь неизгладимыя воспоминанія. Въ скоромъ времени все это измѣнится: въ Палестинѣ появятся рельсы, сторожки, телеграфные столбы и изъ устъ кондуктора послышится: „станція Виѳлеемъ!“ Прежде всего будетъ построена дорога между Іерусалимомъ и Яффой. Банкирскій домъ І. Фрутигеръ въ Іерусалимѣ принимаетъ главное участіе въ этомъ предпріятіи, совмѣстно съ парижскимъ домомъ Ротшильда. (с.)

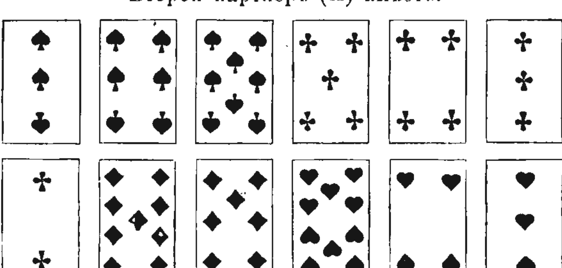
Здача игры въ винтъ № 41.

„съ прикупкой“.

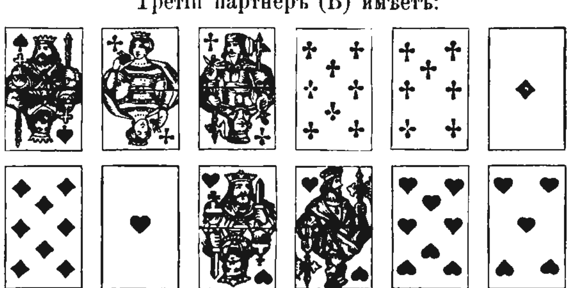
Первый партнеръ (А) имѣетъ:



Второй партнеръ (Х) имѣетъ:



Третій партнеръ (В) имѣетъ:



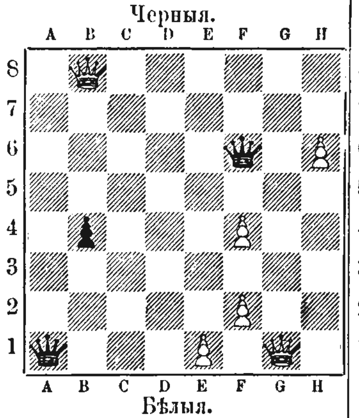
Въ прикупкѣ 5 и 7 пикъ и 3 и 4 бубенъ; четвертый партнеръ (Y) имѣетъ остальныя карты.

Купилъ первый партнеръ. Какія три карты онъ долженъ раздать остальнымъ партнерамъ, чтобы выиграть *6. шлемъ на трефахъ,* и какъ игра должна быть разыграна?—Розыгрышъ предполагается открытымъ.

Шашечная задача № 42.

К. О. Ц.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ

Шахматная задача № 43.

Г. Готшалъ.

Черные.

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Поступило въ продажу самое ПОЛНОЕ и ДЕШЕВОЕ изданіе книги:

ЖИЗНЬ ІИСУСА ХРИСТА.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. В. ФАРРАРА,

доктора богословія, члена Королевскаго Общества, бывшаго члена св. Троицы въ Кембриджѣ, архидіакона и каноника Вестминстерскаго и ординарнаго капеллана Королевы Англійской.

Переводъ съ англійскаго Л. А. ФЕЙГИНА.

Въ 2-хъ частяхъ (500 страницъ, плотной красивой печати). М. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., въ красивомъ переплетѣ 2 р. 50 к.

Сочиненіе Фаррара „Жизнь Іисуса Христа" составляетъ такую книгу, чтеніе которой служитъ человѣку убѣжищемъ и утѣшеніемъ въ печали: она вселяетъ бодрость робкому, даетъ крѣпость упавшему духомъ, въ уныніи возрождаетъ радостную надежду, успокоиваетъ мятежное волненіе, безпокойному вноситъ спокойствіе, больному уменьшаетъ страданіе, въ озлобленную душу насаждаетъ миръ и смиряетъ человѣческую гордыню.

Среди массы изданныхъ книгъ о земной жизни Спасителя, нѣтъ ни одной, въ которой бы до такихъ мельчайшихъ подробностей была изображена жизнь Богочеловѣка, какъ она изображена Фарраромъ. Это возможно было воспроизвести только при помощи того необъятнаго матеріала, какимъ пользовался авторъ, и личнымъ его обозрѣніемъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилъ, странствовалъ, поучалъ и пострадалъ Тотъ, въ Кого мы вѣруемъ и на Кого возлагаемъ все свое упованіе.

Это сочиненіе, со дня своего появленія на свѣтъ, въ очень короткій промежутокъ времени, разошлось чуть ли не въ милліонномъ количествѣ экземпляровъ, облетѣло весь христіанскій міръ и переведено почти на всѣ европейскіе языки. Такой неслыханный успѣхъ, намъ думается, служитъ лучшимъ ручательствомъ его внутреннихъ достоинствъ, какъ въ учено-богословскомъ отношеніи, такъ и въ нравственно-назидательномъ. Въ литературно-художественномъ отношеніи оно представляетъ рядъ картинъ, живописующихъ въ нашемъ умѣ божественное шествіе Іисуса Христа отъ Виѳлеема до Голгоѳы..

„Жизнь Іисуса Христа", Фаррара, должна имѣть мѣсто въ каждой семьѣ и сдѣлаться ручной книгой всѣхъ, носящихъ христіанское имя.

Вотъ перечень главъ, помѣщенныхъ въ книгѣ: **Часть первая.** Рождество Христово.— Принесеніе во храмъ.—Поклоненіе волхвовъ.—Бѣгство въ Египетъ и избіеніе младенцевъ.—Дѣтство Спасителя.— Іисусъ въ храмѣ.— Жизнь въ Назаретѣ.— Крещеніе Іоанново.— Искушеніе.—Первые апостолы.— Первое чудо.— Мѣсто дѣятельности Христа.— Праздникъ Пасхи. — Никодимъ.— Самарянка. — Христосъ, отверженный назарянами. — Начало служенія въ Галилеѣ. — Двѣнадцать апостоловъ и нагорная проповѣдь. — Чудеса.— Іисусъ въ Наинѣ.— Грѣшница и фарисеи. — Жизнь Христа въ Галилеѣ. -- Замѣчательный день въ жизни Іисуса. —Праздникъ у ев. Матѳея. —Посѣщеніе Іерусалима.— Виѳезда.—Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.—Насыщеніе пяти тысячъ народа и хожденіе по озеру. — Поученіе въ Капернаумѣ. — Начало непріязни народныхъ вождей. — Усиленіе непріязни.— День разрыва. — Среди язычниковъ.

Часть вторая: Великое исповѣданіе. — Преображеніе. — Бѣсноватый отрокъ. — Пребываніе въ Капернаумѣ.--Іисусъ на праздникѣ кущей. — Женщина, взятая за прелюбодѣяніе.— Слѣпой отъ рожденія.— Послѣднее посѣщеніе Галилеи. — Послѣднее путешествіе.--Поученіе во время путешествія.—Праздникъ обновленія.—Послѣднее пребываніе въ Переѣ.— Воскрешеніе Лазаря.— Іерихонъ и Виѳанія.— Входъ Господень во Іерусалимъ. — Понедѣльникъ Страстной недѣли: день притчъ. — День искушеній и послѣдній величайшій день общественнаго служенія Христа. — Обличеніе. — Прощаніе съ храмомъ.—Начало конца.— Тайная вечеря.— Послѣднее поученіе.-- Геѳсиманія.— Моленіе о чашѣ и взятіе подъ стражу.— Іисусъ передъ священниками и синедріономъ.— Между допросами. — Іисусъ передъ Пилатомъ. — Распятіе. — Воскресеніе.

Съ требованіями на книгу просимъ обращаться въ книжный магазинъ И. А. Морозова, на Никольской улицѣ, въ церковномъ домѣ церкви Владимірской Божіей Матери, въ Москвѣ. № 3236

Врачебное Управленіе разрѣшило ввозъ и продажу

ФЛОРИДСКОЙ ВОДЫ

Муррей и Ланманъ, Нью Іоркъ. Р. № 3185 5—5

Эта превосходная цвѣточно-благовонная вода продается въ главныхъ антекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Казани и Харькова.

Агентъ для всей Россіи **К. Ф. Гейслеръ**, В. О. 2-я лин. № 15, С.-Петербургъ.

Открыта полугодовая подписка

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

ЦѢНА ЗА ГОДЪ 4 РУБ. — ЦѢНА ЗА ПОЛГОДА 2 РУБ.

Съ 1-го іюня газета выходитъ **ПЯТЬ** разъ въ недѣлю, не исключая дней послѣ праздничныхъ, большими листами обычнаго формата ежедневныхъ изданій по 5 столбцовъ въ страницѣ.

№ 3219 2—2

Программа заключаетъ въ себѣ всѣ отдѣлы ежедневныхъ изданій. При недорогой цѣнѣ изданію придана серьезная постановка. **Сотрудники: М. П. Альбовъ, В. В. Бирюковичъ, В. Л. Величко, К. Говоровъ, В. Крестовскій** (псевдонимъ), **А. В. Кругловъ, Н. С. Лѣсковъ, Н. П. Медвѣдскій, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, А. Г. Сахарова, Н. Северинъ, В. В. Стасовъ, К. М. Фофановъ, М. К. Цебрикова** и др.

Цѣна: за полгода съ 1-го іюля 2 руб.: съ приложеніемъ особаго еженедѣльнаго литературно-научнаго журнала за полгода **4** р.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, д. 4.

Редакторъ **И. В. Скворцовъ.** Издатель **А. А. Греве.**

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЛЕШИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива".** № 2405

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ" 10

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову.**

КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

ДЛЯ ИЗГОРОДЕЙ

К. ВАХТЕРЪ и К°.

СПБургъ, Почтамтская, 13.

ДЛЯ СБЫТА НАШИХЪ

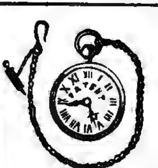
„ПРОЗРАЧНЫХЪ КАРТИНЪ"

(великолѣпная замѣна живописи на стеклѣ и многими предпочитаемая) мы ищемъ для **Россіи** опытныхъ, способныхъ главныхъ представителей и просимъ присылать предложенія, на которыя будутъ отвѣчать подробно.

Лейпцигъ (королевство Саксонія)

ГРИММЕ и ГЕМПЕЛЬ

Единственные фабриканты прозрачныхъ картинъ и литографич., искусств. заведеніе для изящн. плакатовъ. Р. № 3232



ДЕПО ЧАСОВЪ

Ю. ЭРГАРДТЪ

СПБ. Офицерская ул., № 18. 10—10

№ 2871

Рекомендуетъ **золотые мужск. часы** отъ **50** р. Специалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.

Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3208 (3)

СКЛАДЪ

ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

и

ХИМИЧЕСКИХЪ ПРОДУКТОВЪ

И. Ф. БИЛЬ

С.-Петербургъ, Невскій, 21, въ бель-этажѣ

рекомендуетъ гг. фотографамъ и любителямъ фотографій свой большой выборъ камеръ новѣйшихъ конструкцій собственнаго и заграничнаго изготовленія, новые видовые объективы и вообще всѣ принадлежности по части свѣтописи, по умѣреннымъ цѣнамъ.—**Каталогъ безплатно.** (4) Ml. № 3205

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (25) № 2946

КУПАНЬЕ СОДЕНЪ У ТАУНУСА

ОТЕЛЬ КОЛЛОЗЕУСЪ

ВЛАДѢЛЕЦЪ: ФРИДР. ХРИСТІАНЪ.

Давно извѣстная первоклассная гостинница съ большимъ тѣнистымъ садомъ, въ превосходной мѣстности, противъ парка, купальни и заведен. минеральн. водъ. Извѣстна своей хорошей кухней и хорошими винами. Очень удобна и рекомендуется специально для болѣе долгаго прожитія пріѣзжающихъ на воды. Внимательный уходъ, умѣренныя цѣны. Поѣздки въ собственныхъ экипажахъ въ окрестности. Р. № 3231 3—1

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дозвол. ценз., СПБ., 15 іюня 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, С.-Пб., Полтавск., д. 1.

XIX г. № 26 — г. XIX 1888

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 іюня 1888 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Николай Николаевичъ Страховъ.

Нарождается въ Россіи типъ писателя, справедливою гордостью считающаго не количество написанныхъ имъ книгъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, но качество. Каждая такая книга — этотъ долго зрѣвшій и наконецъ вызрѣвшій спѣлый плодъ, — научаетъ васъ, проясняетъ ваше сознаніе; разставаясь съ нею, вы разстаетесь съ ея авторомъ какъ съ человѣкомъ уже вамъ близкимъ. У васъ уже завязалось таинственное соотношеніе съ нимъ; вы это такъ порой чувствуете. Припомните, читатель, былые дни вашего развитія, вашего духовнаго насыщенія и просвѣщенія. Съ какимъ неизъяснимымъ восторгомъ вы вспоминаете тѣхъ авторовъ, которые увлекали васъ, бесѣдовали съ вами, будили въ васъ лучшія стороны души, научили васъ высокому, открывали вамъ горизонты дотолѣ невѣдомаго, плѣнительнаго, лучезарнаго, и припомните сложившееся въ васъ убѣжденіе, что писатель въ Россіи дѣйствительно учитель. Къ такому типу писателя и принадлежитъ Н. Н. Страховъ. Сынъ протоіерея настоятеля одной изъ многихъ церквей Бѣлгорода и профессора словесности въ семинаріи, онъ родился 16 октября 1828 года въ Бѣлгородѣ. Рано потерялъ отца и въ 1837 г. былъ отвезенъ къ дядѣ, ректору семинаріи въ Каменецъ-Подольскѣ; отсюда вмѣстѣ съ дядей въ 1839 г. переселился въ Кострому и поступилъ въ семинарію. Окончивъ курсъ философскаго отдѣленія въ 1844 г., онъ въ слѣдующемъ году поступилъ въ Петербургскій университетъ на физико-математическій факультетъ — 17-ти лѣтъ. Перейдя на второй курсъ, молодой студентъ-математикъ очутился въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи, слѣдствіемъ чего было поступленіе его въ концѣ 1847 г. на казенный счетъ въ Главный Педагогическій Институтъ. Въ 1851 г., осенью, онъ окончилъ курсъ въ институтѣ и поѣхалъ въ

Николай Николаевичъ Страховъ. Съ фотогр. Елкина, грав. Ю. Шюблеръ.

Одессу учителемъ гимназіи по физикѣ и математикѣ. Черезъ годъ былъ переведенъ въ Петербургъ учителемъ естественной исторіи. Въ 1857 году Страховъ защитилъ диссертацію „О костяхъ запястья млекопитающихъ“ и получилъ степень магистра зоологіи. Но чувствуя влеченіе къ литературѣ, очевидно переданное отцомъ, онъ въ томъ-же году оставляетъ мысль объ ученой карьерѣ, сохранивъ однако любовь къ естественнымъ наукамъ, и въ 1859 г. выступаетъ на литературное поприще рядомъ статей естественно-научнаго характера, именно „Писемъ объ органической жизни“, легшихъ основнымъ матеріаломъ въ трудъ его „Міръ какъ цѣлое“. Эти письма обратили на себя вниманіе Ап. Григорьева, и тѣмъ началась долгая дружба Страхова съ этимъ необыкновенно даровитымъ человѣкомъ. Вскорѣ онъ окончательно покидаетъ педагогическое поприще и въ 1861 г. выходитъ въ отставку, а въ слѣдующемъ году ѣдетъ за границу на 1½ мѣсяца. Основная черта его личности — любознательность, проявлявшаяся, когда онъ былъ еще ребенкомъ и о которой онъ говоритъ „Во вздохѣ на могилѣ Карамзина“, къ этому времени получила свое наибольшее развитіе. Любознательность эта пріучила его къ мысли, что онъ другъ знанія, мысли и истины, и поэтому—свобода прежде всего. Чтобъ душевнѣе предаться любимымъ думамъ и влеченіямъ, чтобъ по завѣту великаго поэта „дорогою свободною идти, куда влечетъ тебя свободный умъ, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ, не требуя наградъ за подвигъ благородный“,—онъ оставляетъ педагогическое и оффиціальное ученое поприще, и отдается своимъ дорогимъ влеченіямъ; окружаетъ себя книгами, работаетъ въ журналахъ М. Достоевскаго и окончательно отдается ученымъ и литературнымъ занятіямъ у себя дома. Въ 1865 году *Эпоха*, журналъ въ которомъ Н. Н. Страховъ былъ сотрудникомъ по отдѣлу критики, прекратилась за недостаткомъ средствъ, Страховъ принялся за переводы, а въ 1867 году, по приглашенію А. А. Краевскаго, завѣдывалъ *Отечественными Записками*, въ которыхъ годомъ раньше — еще при жизни прежняго редактора Дудышкина — печаталъ свои статьи. Здѣсь появилась его „Бѣдность нашей литературы“. Въ слѣдующемъ году *Отечественныя Записки* перешли въ распоряженіе Некрасова — и Страховъ отказался отъ сотрудничества. Въ 1869 г. основался журналъ *Заря* и Страхова пригласили быть соредакторомъ его. Къ этой порѣ относятся его извѣстныя статьи о гр. Л. Н. Толстомъ, впервые раскрывшія русской публикѣ во всей полнотѣ значеніе одного изъ геніальнѣйшихъ писателей нашего времени. Журналъ просуществовалъ до февраля 1872 г. Въ августѣ 1873 г. Страховъ поступаетъ библіотекаремъ въ Публичную Библіотеку. Заманчивая мечта его — близость къ книгамъ, къ этой закрѣпленной мудрости вѣковыхъ трудовъ — осуществилась: онъ среди этого поразительнаго зрѣлища — массы книгъ нашей драгоцѣннѣйшей національной сокровищницы — Публичной Библіотеки. Въ 1875 г. онъ издаетъ соч. Ап. Григорьева (къ стыду нашему, еще не разошлось это изданіе!), съ 1882 года — собственныя статьи отдѣльными книгами; такъ, къ этому времени относится первая книжка „Борьбы съ Западомъ“; въ слѣдующемъ году — вторая книжка ея; въ 1885 г. вышли „Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ“; въ слѣдующемъ — „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“ (центральная и основная книга въ смыслѣ философскихъ воззрѣній автора), въ тѣсной логической связи съ которой стоитъ книга „О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ)“, вышедшая въ 1887 г.; въ прошломъ-же году Страховъ издалъ вторично первую книгу „Борьбы съ Западомъ“, прибавивъ двѣ статьи: „Историки безъ принциповъ“ (замѣтки о Ренанѣ и Тэнѣ) и „Поминки по И. С. Аксаковѣ“. Въ 1885 г. онъ оставилъ службу въ Библіотекѣ. Въ настоящее время онъ издалъ капитальный трудъ своего друга Н. Я. Данилевскаго „Россія и Европа“, блистательно покончивъ ученую полемику, на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, съ профессоромъ Московскаго университета К. А. Тимирязевымъ по поводу „Дарвинизма“ (другое сочиненіе Данилевскаго).

Таковъ далеко не полный очеркъ своеобразной жизни этого русскаго писателя, отданной мысли и знанію. Онъ не искалъ внѣшнихъ почестей или видной служебной роли. Онъ служилъ, онъ служитъ духу. Жизнь его была посвящена тому, что вѣчно и нетлѣнно. Въ самой его личности есть то, что составляетъ достоинство и красоту глубокаго, философски-настроеннаго ума: это необыкновенное спокойствіе, мирный тонъ его духовнаго настроенія; печать величія въ смиреніи, глубина въ простотѣ. Вотъ отчего самое общество его, вліяніе его личности—дѣйствуетъ на васъ какъ-то благодатно. Подкупаетъ самая рѣчь его. Она—медленная, порой ищущая словъ, простая—вполнѣ отвѣчаетъ общему настроенію его внутренняго міра. Пробиться въ этотъ умственный міръ чему-нибудь будничному, какой-нибудь ходячей мелкой монетѣ мысли, какой-нибудь „общепринятой“ доктринѣ, не признанной высшимъ, строгимъ судомъ знанія — не легко. Вотъ чѣмъ объясняется эта—на первый взглядъ—нѣкоторая отчужденность его отъ современной нашей литературы. Его какъ будто нѣтъ съ нами, онъ какъ будто не живетъ въ наши дни, хотя въ сущности ни одно современное литературное явленіе не ускользнуло отъ его вниманія. Точно также и недавній походъ профессора Тимирязева на трудъ Данилевскаго по поводу теоріи Дарвина, тотчасъ задѣлъ Страхова за живое и вызвалъ на ученый поединокъ съ профессоромъ только потому, что тяжело было Страхову сознавать, какъ извращена основная мысль его покойнаго друга, автора „Дарвинизма“ — этого истиннаго перла русской ученой литературы. По строгости, ясности мышленію Страховъ — несравненный писатель. Только ясностью созерцанія объясняется эта необыкновенная простота теченія его мысли; легко, свободно и граціозно развивается она — глубокая, правдивая, заманчивая своей красотой. Во всѣхъ его писаніяхъ разъ навсегда изгнано суетное чувство порисоваться передъ читателемъ. Своимъ отношеніемъ къ чужой мысли, въ борьбѣ съ покойнымъ Бутлеровымъ и недавней борьбѣ съ г. Тимирязевымъ, онъ далъ прекрасный образецъ того, сколько въ немъ терпимости, вниманія и деликатности къ чужому взгляду. Самый ожесточенный противникъ не можетъ отрицать благородства, истиннаго, духовнаго аристократизма полемики.

Д. М—овъ.

Вѣчу не быть.

Старинная повѣсть.

Д. В. Аверкіева.

(Продолженіе).

VII.

Крестовый племянничекъ.

— Что-жъ, дозвались-ли хоть сегодня? спрашивала Марѳа у своего дворецкаго.

— А безпремѣнно, скажи молъ, буду, докладывалъ Кузьма.—Самъ вѣдь нунь ко мнѣ выходилъ. И скажи де, Кузьма, великій а низкій отъ меня поклонъ тетушкѣ моей крестовенькой, да челомъ еще ей, бабушкѣ, отъ меня ударь, да примолви еще, не забудь, Кузьма: „самъ де сегодни, безъ перемѣны ужь, съ повинной къ тетушкѣ своей крестовенькой явится“.—Кузьма помолчалъ.— И этакъ-то онъ все, господарыня, въ перемежку, то бабушкой тебя, то тетушкой своей крестовенькой чествовалъ.

— И всегда вѣдь такъ, улыбаясь сказала боярыня.— Инъ ладно, Кузьма, что придетъ, а тебѣ за послугу благодарствую.

— И что ты, матушка!..

И боярыня отпустила ключника.

— А ты, Марьюшка, что-то опять не весела, обратилась Марѳа къ своей богоданной внукѣ, Марьѣ Олександровнѣ.

— А съ чего-жъ мнѣ-ко, бабушка, веселой быть? отвѣтила Марья Олександровна. — Думала: вотъ вѣче молъ отойдетъ, хоть денечекъ-то мой Васильюшко дома посидитъ, анъ его опять до обѣда не жди, а не то и до ужины. Не одной-то выти [1]) дома не кушаетъ.

— Тако ужь дѣло ихнее, Марьюшка, мужеское: всѣ вѣдь они такъ, не одинъ твой. Купецъ на торгу весь день торчитъ, аль на побережьи у Нѣмецкаго двора толкается; бояринъ у Владыки-ль на сѣняхъ у доклада сидѣть, аль въ своемъ концѣ старостой, аль суды судитъ: кто сидитъ судьей посадничьимъ, а кто тысяцкаго, кто инымъ какимъ. Ну, да всѣхъ дѣлъ ихнихъ и не перечесть мнѣ. А у кого дѣла, тому дома мѣшкать нечего. Дома-то, видно, какъ скажутъ, бабамъ да кошкамъ сидѣть.

„Кабы и мой при дѣлѣ былъ“, думалося Марьюшкѣ, „не было-бъ и мнѣ гореваньица. А знаю вѣдь гдѣ пропадаетъ: день деньской, у Настасьи у этой Григоровичевой сидя, бездѣльничаетъ“.

[1]) Выть — всякое отдѣльное кушанье, какъ-то обѣдъ, полдникъ, ужинъ и т. д. Вообще *выть* означаетъ отдѣльное очередное дѣло въ ряду другихъ.

Этихъ мыслей своихъ Марьюшка бабушкѣ не высказывала, а въ себѣ таила, даже вздохомъ не выдала.

— И кака эта, какъ подумаешь, Настасья Григорьевичева счастливая, много времени спустя сказала Марья Олександровна.

— Чѣмъ-же такъ ужь счастливая? оглянулась на нее бабушка.

— А коли-же нѣтъ! [1]) У другихъ у всѣхъ мужья со двора бѣгутъ, а къ ней-то всё во дворъ да во дворъ. Коней у нея у крыльца—проѣзду вѣдь нѣтъ, а гостей сѣни полнымъ полны, анъ и весело.

— Эхъ, Марьюшка, потише сказала боярыня,—и мы этакъ-же сумѣли-бы жить. Не правду-же я сказываю, что будто послѣ пожара третьёгоднишняго не вовсе еще справилась, не совсѣмъ отстроилась, и посадить-то гостей мнѣ некуда, а и палата у меня стоитъ дòсель не подписана [2]). Было-бы, внучушка, и гдѣ, и чѣмъ мало не весь Новгородъ угостить; да всѣхъ сыновъ истерявши, остатнего внучёнушка поболѣ жаль: вотъ смирненько жить и научилася.

Марьюшка поближе подвинулась къ бабушкѣ и, ластясь, прижалась къ ней.

— Такъ-то, Марьюшка, трепля ее по щекѣ молвила бабка.—Самой-то мнѣ запершись, видно, сидѣть, а и все-то доподлинно знать мнѣ требовается. Вотъ въ гонцы твоего Васильюшка и приставила: съ утра гоняю его по Новугороду а до-вечера. А ты на меня не сердись. А и то молвить: не посадничать-же ему; молодёшенекъ вѣдь онъ еще у насъ съ тобой, Марьюшка. А ему, глупому, и лестно: на чужи глаза, будто и съ нимъ всё совѣтуютъ. А этакъ-то, подумай, онъ у насъ въ гонцахъ, дастъ Богъ, ко всякому грàдскому дѣлу пріобыкнетъ. А ты не горюй-ко, Марьюшка, да и меня-то не очень брани, а потерпи еще, милая, со немножечко. А тебѣ и не трудно вѣдь: бабочка ты у меня умненька, а и сердце у тебя любительно.

— Я, бабушка, и не горюю, а только нынь что-то стало мнѣ таковò скучнёхонько, да и то на малый часокъ на саменькій: гляди ужь и смѣюсь опять.

И Марьюшка улыбнулася.

— А Настасьину-то житью вдовьему была тебѣ нужда завидовать: молодой-то вдовѣ житьё горькое: приласкаться-то ей не къ кому. А намъ за нее Бога молить надобѣть: женщина она розумная и къ старымъ людямъ почтительная.

Какъ назвала посадница Настасью розумной, Марьюшка очи на нее подняла и про себя подумала: „будто ужь и розумная?“ И слѣдомъ Марья Олександровна насупилась, въ лицѣ даже вся перемѣнилась, точно перемогая незапную острую боль, и затѣмъ, спохватясь, встала.

— Ну, я по хозяйству пойду.

Не по хозяйству однако пошла Марья Олександровна, а къ себѣ въ верхъ, въ свою горенку, приказавъ по дорогѣ чтобъ кликнули къ ней Ѳедорушку.

Придя на зовъ, увидала Ѳедора, что ея Марья Олександровна въ уголку прижавшись сидитъ, и широко раскрывъ глаза, смотритъ на муравчатую печку, и все-то на одинъ и тотъ-же кирпичикъ глядитъ, съ него глазъ не сводитъ. Ставъ въ дверяхъ, Ѳедора подперла щеку локоткомъ и покачивая головой любовалась на свою боярышню. Нянюшкой была старая у Марьи Олександровны, на рукахъ ее выносила, за ней и въ приданое шла; оттого и доселѣ звала ее боярышней.

Наглядясь вдоволь на боярышню и сморгнувъ со старыхъ очей слезу, другую, о горѣ ей, нянюшкѣ, хоть и невѣдомомъ, да близкомъ, хотѣла было Ѳедорушка окликнуть Марью Олександровну, какъ та заговорила сама. Нянюшкина прихода она не видѣла и не слышала, а только какъ-то почуяла, что тутъ молъ она, въ горницѣ, ея старая Ѳедорушка: на нее глядитъ и въ ладъ ея горю головой покачиваетъ.

— И чтò это за пѣсня есть, старинная, досельная, говорила Марья Олександровна,—ты вотъ, Ѳедорушка, не помнишь-ли? Дѣвчина будто нѣкая, аль жена она была мужняя, забыла ужь, а только вѣрно, что ревновала она молодца къ дѣвчинѣ-ль другой, аль къ чужемужней женѣ, аль ко вдовѣ молодой... А убивала она съ ревности... Марья Олександровна помолчала.—Скажемъ, хоть ту-же вдовку, разлучницу, кровь изъ нея точила горючую, а изъ костей ея кроватушку смащивала. А потомъ, кровью той поила молодца, милòго-то своего угащивала, а сама надъ нимъ насмѣхалася, страшную ему загадку загадывала, что молъ оно, миленькій, значитъ-то... И Марья Олександровна повела голосомъ:

На милòй сижу, милòй подчиваю.

— Чтò ты, чтò ты! А Христосъ надъ тобой! замахала на нее руками нянюшка, трясясь со страху всѣмъ старымъ тѣломъ.—И гдѣ ты только эту пѣсню неладную да ужасную подслушала? Вспоминать то ее, охъ! грѣхъ великъ. Окрестись, окрестись сейчасъ! строго прикрикнула Ѳедора на свою боярышню.

Марья Олександровна, не двигаясь съ мѣста, покорно перекрестилась.

— Да нè два, а три раза! добавила нянюшка, и сама перекрестилася.

Окрестясь и въ третій разъ, Марья Олександровна точно свѣяла съ сердца свое видѣнье кровавое.

— Ну, такъ-то вотъ, окрестясь, ладнѣй буде, спокойнѣе продолжала Ѳедора,—а то вѣдь еще во сняхъ стàне треклятая видѣться. Оно точно, пѣсня-то она старинная, да только больнё ужь неладная, какъ-бы дьявольска. Сложили-то видно ее люди не нынѣшни, а досюльніи, некщенный [1]) народъ, когды вотъ, скажутъ, бѣсу Перунищу поклонялися.

— Вотъ еще когда! задумчиво прошептала Марья Олександровна и шевельнулась, какъ будто пробуждаясь отъ долгаго сна.

— А не въ первый вѣдь разъ на тебя, какъ погляжу, такое находитъ, задумчивымъ голосомъ сказала Ѳедорушка.—Съ маленькой ещё бывало; также вотъ, помню, въ уголку гдѣ забившись, приткнешься да задумаешся, а òчушки свои широки, изъ сѣра бѣлесовы, этакъ-же вылупишь, ровно козелъ на воду уставишься. И всегда-то тебѣ страшно тако притчалось, и вслухъ-же, бывало, чтò видится сказывала. Вотъ какъ и нынь-же кровь точила горючую...

— Молчи ужь, молчи, дай забыть-то мнѣ! вскричала Марья Олександровна такимъ голосомъ, что старая нянька съ перепугу шатнулася.—Ничего ужь, ничего! тихимъ и просящимъ голосомъ прибавила молодая боярыня, а у самой слезы по щекамъ крупныя бѣгутъ, словно жемчугъ катятся.

— Ну, вотъ я и вовсе оправилась! весело сказала Марья Олександровна, и быстро вскочила на ноги.

Она подбѣжала къ нянюшкѣ и прижимаясь обвила ее по шеѣ рукою, какъ дѣлала маленькою, показывая много-ль ее любитъ. Ѳедора, взявъ ея бѣлую ручку въ свою морщинистую, тихо къ устамъ поднесла и бережно поцѣловала.

И такъ-то, обнявшись, по хозяйству пошли.

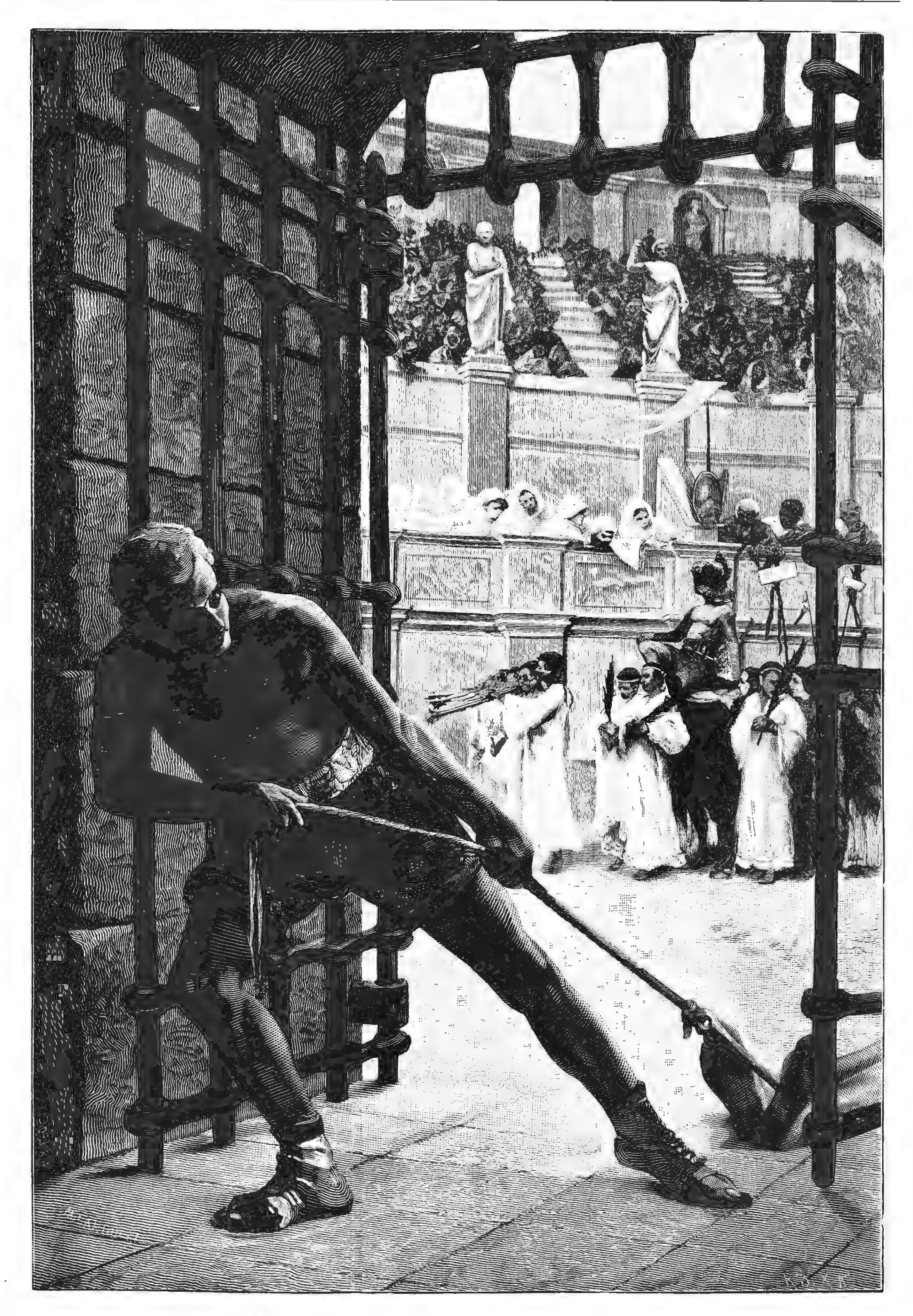
Тѣмъ временемъ какъ Ѳедорушка въ горницѣ у своей боярыни была, Кузьма докладывалъ господарынѣ, что пріѣхалъ молъ Василій Селифонтьевичъ. Арбузьевъ, войдя въ комнату, шутливо изобразилъ, будто онъ тетушкѣ своей крестовенькой земно челомъ бьетъ.

— Ну, повинна будто и принèсена, смѣясь и цѣлуя боярыню въ руку сказалъ онъ,—а и прощеньицѣ вѣрно сказано, только вотъ не дослышалъ я.

[1]) Коли-же нѣтъ—еще-бы нѣтъ! да.

[2]) Подписывать палату или церковь — украшать ее стѣнною живописью.

[1]) Некщенный—некрещенный.



Post ludum (конецъ игръ). Картина Марко Ландуччи, грав. Пейнс.

Московскіе рынды XVII вѣка. Съ современнаго рисунка, грав. К. Ольшевскій.

— Охъ, слѣдовало-бы, Василей, пожурить тебя: у меня дѣло къ нему, а онъ—на!—на который ужь зовъ не является.

— Нельзя было, тетушка крестовенька, а никакъ вѣдь нельзя: дѣла все.

— У тебя-то каки дѣла?

— Ощё, бабушка, спрашивашь! Нупь-ко дѣловъ у кого ихъ нѣтъ? Къ тебѣ сегодня ѣдучи, мало не съ полъ Новагорода объѣхалъ, а и всюду-то гдѣ прислушивался, только и словъ, что „дѣла. да дѣла охъ! молъ!"

— Ну, до тебя, кажись, дѣло Новгородьско мало касающее, молвила посадница, махнувъ на Арбузьева рукой какъ на отпѣтаго.

— Истинно, тетушка крестовенька, сказывашь: какъ бы вовсе мнѣ до него дѣла нѣтъ.

— То-то; на вѣчѣ, знать, не былъ же, а то мнѣ про тако диво сдоложили бы.

— Какъ поди, бабушка, не сдоложить бы. А всѣ бы сдивовалися, гляньте-ко молъ: аль Арбузьевъ это Василей на вѣчье [1]) пришелъ? Нѣтъ, тетушка крестовенька, не по мнѣ оно на вѣчьи-то стояньё. Лѣтомъ оно какъ бы и знойно, а въ зимній день гораздо ужь холодно. Опять же и ноги у меня затекаютъ. А душѣ вѣдь оно нельзя сказать, чтобъ было спасительно: не Марьино же стоянье [2]) что о великомъ говѣньи бывать, да и на томъ, правду сказать, я лѣтъ пять не маливался, а вѣрнѣй молвить и вовсе не бывалъ. А съ тѣхъ поръ какъ мнѣ на Дворищѣ мозоль надавили да я три недѣли прохромалъ, и мимо-то Николы ѣздить закаялся.

Посадница, неодобрительно покачавъ головой, улыбнулась.

— Тебѣ-то, бабушка, смѣшки, а мнѣ-то каково было въ тоё времячко. Всѣ съ вѣчья идутъ веселы, а я „охъ!" да прихрамливаю да сквозь слёзы приговариваю: „кому молъ вѣчье, а мнѣ увѣчье".

— Дивлюсь, Василей, на самоё себя, улыбаясь и неодобрительно, попрежнему, покачивая головой, сказала посадница, — что не браню вотъ тебя за шутки твои негожія. А другому отъ меня доставалось-бы.

— Какъ же тебѣ, тетенька крестовенька, бранить-то меня: было вѣдь у дѣда моего съ отцомъ твоимъ, бабушка, крестами купельными помѣнянось, братцы вѣдь о̀ны звались крестовыми. Съ того вѣдь любъ я тебѣ, съ того вѣдь и прощашь ты мнѣ молоньё мое безобидное; да развѣ съ того вотъ еще что до̀сель я не придумаю: бабкой-ли мнѣ тебя, тетушка крестовенька, звать, аль тетушкой крестовенькой тебя, бабушка, величать.

— Ладно ужь. А теперь скажи-т-ко мнѣ, что̀ у тебя тамъ за дѣла такі̀ заводилися что на зовъ мой сколько дёнъ не шелъ?

— А бражничалъ вѣдь я, спокойно отвѣчалъ Арбузьевъ.

— Дѣло это твое, поди, и не ладное? спросила боярыня, взглядывая съ боку на Василья.

— Не ладно, прахъ его возьми, вовсе оно дѣло не ладное, привздохнулъ даже въ отвѣтъ Арбузьевъ. — Сама подумай, чего хорошаго? Глаза станутъ ровно щелочки, на свѣтъ не глядятъ, все слипаются, а рожа-то вся въ о̀пухоли: хоть кто ни раззовись тутъ, въ люди показаться грѣхъ.

— А пора бы тебѣ, Василей, за умъ взяться да бросить житьё это безобразное.

— Охъ, бабушка, и самъ я вижу, что давно пора, да вотъ: а поди же ты!

И Арбузьевъ руки недоумѣнно разставилъ.

— Узда на тебя, говорю. нужна крѣпкая.

— И ощё какъ, тетушка крестовенька, надобна. Самъ вѣдь я ее давно ищу, да не одна, подумай, по мнѣ не приходится. А будь-ко на меня узда, не таковъ бы я жилъ, баловень уродливый!

И Арбузьевъ отъ полнаго сердца вздохнулъ.

— Охъ, отцовска-та цѣпь драгоцѣнная, видно, опять въ закладъ пошла? молвила посадница, не столько сердясь на племянничка, сколько думая, что кромѣ ея некому будетъ выручить Василья изъ его обычной бѣды.

— Не отгадала, бабушка: цѣнь-то жива у меня, весело Арбузьевъ въ отвѣтъ, и языкомъ даже прищелкнулъ. — Нупь-ко при деньгахъ вѣдь я, хоть Кузьму спроси.

— Кузьмѣ-то почемъ же знать?

— А припомни-ко, тетушка крестовенька, какъ у меня о масляной бѣда эта солучилася, что отцовская цѣпь драгоцѣнная самовольно у меня со двора ушла да у Мошки жида въ чуланѣ схоронилася. Не Кузьма-ли твой, а безъ моего, слушай, вѣдома, изъ полону жидовскаго ее повыкупилъ да не онъ-ли же и во дворъ ко мнѣ привелъ ту цѣнь мою забѣглую? Надо жь мнѣ было Кузьмѣ выкупо-тъ отдать: долгъ, сама вѣдаешь, платежомъ красится. А больше я тебѣ, бабушка, ничего не скажу, потому какъ не любишь ты чтобъ твоего Кузьму за доброту похваляли. А что̀ Кузьма не сдоложилъ тебѣ, въ томъ моя вина: хотѣлось мнѣ, тетушка крестовенька, самому предъ тобой похвастаться. И за то мое хвастанье прощеньица у тебя прошу.

И Арбузьевъ поцѣловалъ бабушку въ руку.

— За это вотъ хвалю, Василей, тебя что завѣщанное добро отцовское тебѣ дорого, и рада же что честно держишь память отца своего покойнаго.

— А я, бабушка, и вдвое радъ! отъ полнаго сердца Арбузьевъ сказалъ. — А безъ тебя, крестовенька...

— Буде о томъ, строго перебила его посадница. — Ты вотъ скажи-т-ко мнѣ, откуда у тебя деньги заводилися? Аль бился о великъ закладъ да выигралъ?

— Ни, тетушка крестовенька, а нупь-ко сталъ я хозяиномъ, какъ слѣдоватъ.

Не повѣрила тому тетушка.

— Такъ вотъ и зналъ, что не повѣруешь, а не лгу вѣдь я. Слушай-ко какъ дѣло было̀: занятно вѣдь. Лѣтось, надо тебѣ сказать, бабушка, у меня въ волостяхъ дюже много ржи уродилося: такого года богатаго старики не запомнятъ вѣдь. Я-то, дурень, обрадовался: „и-и, думаю, денегъ каку кучу заграбастую." Анъ не по моему хотѣньицу вышло. Подвернулся одинъ купецъ, а и другій за нимъ, а цѣну даютъ не схожую: что лучше, думаю, рожь на дымъ пустить чѣмъ быть мнѣ, боярину, отъ купцовъ этакъ обижену. А съ третьимъ купцомъ и до ссоры у насъ дошло; маленечко мы съ нимъ и поругалися, а вѣрнѣй сказать я же его жилой да подлецомъ звалъ, а и то не лжа, что и вздулъ я его, поучилъ таки порядочно. И не дай Боже какъ обидѣлся! Къ самому, слышь, посаднику меня на судъ звать хотѣлъ. Тутъ ужь добромъ я его, бабушка, уговаривалъ: опричь де холопей моихъ у тебя на битьё мое нѣту послуховъ, а ты, гляди, самъ нашу старину и по̀шлину новгородьскую вѣдаешь, что „на господина де холопу вѣры не дать." А о томъ молъ, что мои паробки и не скажутъ на меня, и рѣчи пока нѣтъ. И ощё я его добромъ же наказывалъ: „на судѣ молъ забожусь вѣдь я, что тебя отъ роду не только не учивалъ, а и не видывалъ. А молъ тебя и на-поле [1]) позову, а на полѣ буду бить тебя не жалу̀хою и убью тебя до смерти." Ну, тутъ купецъ мой надъ собою сжалился и на томъ мы за виномъ съ нимъ и мирилися, а я ему за науку свою кубокъ серебрянъ жаловалъ, позолоченный, на чешую битъ; потому какъ я, тетушка крестовенька, никого обижать не люблю.

— Оно и видно, смѣясь сказала боярыня, а сама неодобрительно, попрежнему, покачала головой.

[1]) Писалось: и вѣче, и вѣчье, безразлично.

[2]) Марьино стоянье, когда канонъ Св. Андрея Критскаго читаютъ, на пятой недѣлѣ великаго поста.

[1]) Поле — судебный поединокъ.

— А вотъ, порáто же нѣтъ! отъ искренняго сердца отвѣчалъ Василей. — Развѣ ненарокомъ кого, аль вотъ своей обиды мстя, какъ купца-то училъ, а то и побожиться не грѣхъ: никто отъ меня обиды не видывалъ. Обижу-ли — вдвое пожалую. Вотъ я каковъ, тетушка крестовенька, въ себѣ живу, вѣрь ты моему слову не лестному. Только ты съ меня моёй воли не сымай, а я всякому, ей-ей, уважить радъ. Съ тѣмъ и бери меня.

— Все-ли, Василей, про себя выхвасталъ, аль еще осталося? спросила тетушка.

— Коли же все! спокойно отвѣтилъ Арбузьевъ. — А деньги-те какъ дóбылъ, и не сказывалъ, а статья-то вѣдь нарочитая. И такъ-то я осенью тогда на того купца осéрдился, что и ржи никому продавать не сталъ: опять де мнѣ одно безпокойство буде да разореньицѣ, а имъ отъ науки моёй пользы никоёй же нѣтъ. А время спустя, и вовсе про рожь ту думать забылъ, а тутъ чуть было и цѣпи отцовской не рѣшился. А намедни, слышь, бабушка, напомнилъ мнѣ про рожь ключникъ мой посельскій: подобралась она, гòворитъ, на торгу-то, а цѣну молъ за нее дадутъ теперь хòрошу: мало де ее, ржи-то, въ Новѣгородѣ стало. Тутъ-то и я догадливъ былъ, за тѣмъ поучёнымъ купцомъ своимъ слалъ, рожь ему продавалъ и денежки сполна получалъ.

— Половину не на вино-ль вымѣнялъ?

— Ни, ни, бабушка, вино у меня еще старо осталося; все-то вѣдь на денежки мѣнялъ, на зóлоты корабленики да на серебряну деньгу новгородьскую. А деньги, бабушка, тому же купцу поучёному въ ростъ отдавалъ, а и ростъ не малый бралъ. Ну, а бражничалъ-то я съ радости, что отцовску цѣпь вовсе очистилъ, а съ того ощё что прибытокъ великъ съ купца получилъ. А теперь я, тетушка крестовенька, все про себя сдоложилъ, ничего не утаилъ.

— Про себя-то, Василей, ты мнѣ все сдоложилъ, а меня спросить и не догадался: пòшто де ты за мной, бабушка, столько разъ посыловала?

— Хотѣлъ вѣдь, тетушка крестовенька, трижды хотѣлъ, еще какъ вошелъ хотѣлъ, и потомъ дважды же хотѣлъ, да ты же, бабушка, меня кажинный разъ разговаривала.

— Смѣшки, Василей, оставь: дѣло немалое, важно сказала посадница.

Арбузьевъ подивился, что и до него у бабушки нашлось дѣло немалое, однако насторóжился.

— Скажи-тко мнѣ, только гляди всю правду гòвори, истинную: какà у тебя во дворѣ Маврушенька объявилася?

— Маврушенька? защуривъ правый глазъ, а лѣвымъ глядя въ потолокъ, будто вспоминая что-то, переспросилъ Арбузьевъ. — Кажись послѣдню мою Катюшенькой звали, помолчавъ добавилъ онъ.

Арбузьевъ далъ такой отвѣтъ на всякій случай: „всегда молъ успѣю въ томъ покаяться, что лжу сказалъ.“

— Не о послѣдней, а о нынѣшней спрашиваю.

— А нынѣшней у меня, бабушка, и вовсе нѣтъ.

— Ой ли?

— Право же, тетенька крестовенька, нѣтъ. Хочу, бабушка, вовсе это бàловство бросить, съ искреннимъ вздохомъ Арбузьевъ сказалъ и слѣдомъ добавилъ хитренько: — А только вотъ дивно мнѣ: съ чего тебѣ Маврушенька, а не ѝно имячко како вздумалося?

— А вотъ послушай-ко.

И посадница разсказала ему какъ Пашкó съ товарищами къ ней, ломясь, во дворъ приходилъ, и чтó онъ ей разсказалъ, и какъ онъ ее своимъ горемъ чуть не до слезъ довелъ. Услышавъ про слезы, Арбузьевъ въ умѣ рѣшилъ что до конца ему слѣдуетъ отъ Маврушеньки открещиваться: „не то молъ самому бы въ такò дѣло не влетѣть что до слезъ дойдешь.“

— Ты сдумай-ко, Василей, какà ему, Пашку-то, обида отъ нея была, а вѣдь не позлопамятовалъ, прощаетъ ее, дивчѝну глупеньку; о сю пору невѣстой своей зоветъ, жениться на ней радъ. То-то парень добросердый да любительный!

„Экой дурень вышелъ уродливый!“ подумалъ Василей Селифонтьевичъ.

— Нѣтъ, Василей, ты умнёхонько да хорошохонько сдумай-ко: какó ему, бѣдовому, горе доставалося.

Василей умнехонько и хорошохонько, какъ казалось ему, сдумалъ, только не о томъ, о чемъ крестовая приказывала.

„А коль жениться дурень хòче,“ думалъ онъ, „такъ по времени, какъ самому понадоѣстъ, и сбыть ее ему можно; только рано теперь ощё, да и время, вишь, не свадебное: Петровки у-воротъ.“

— Такъ вѣрное твое слово, Василей, что ее у тебя во дворѣ нѣтъ? немного погодя еще разъ спросила посадница.

— Сàмо ужь нелестное, вѣрнѣй и не быватъ, не сморгнувъ отвѣчалъ племянничекъ. — И самъ же парень, какъ бишь звать-то его?.. самъ же онъ тебѣ, тетушка крестовенька, докладывалъ что молъ у Арбузьева во дворѣ ее нѣтути. А съ чего онъ гдѣ нѣтъ ее, тамъ искать сталъ, ужь и не придумаю. А гадаю что съ дурости да со дерзости.

— Не дуракъ онъ, Василей, розумно о всемъ гòворитъ, а только съ горя какъ бы потерянный. А на тебя съ того ему сдумалось что, пѐрво, слава про тебя нехороша бѣжитъ: бѣдовый, вишь, ты, на эти дѣла нехвальныя; а опять и шабѐрки ему тожь сказывали, будто ты у нея мимо оконъ ѣжжалъ да въ проулочкѣ съ ней стаивалъ.

Тутъ у Арбузьева ноздри точно съ судороги задергало, и онъ, закрывая глаза отъ тетушки, спѣшно сталъ почесывать носъ всею ладонью.

— Коли бъ во дворѣ была, съ чего бы скрывать-то мнѣ? Эка, подумашь, невидаль! Много вѣдь этого товару нунь въ Новѣгородѣ, уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Гляди, Василей, не скрывай, а меня не обманывай. Я этого дѣла, прямо тебѣ гòворю, не оставлю: весь Новгородъ Великій, коли на то пойдетъ, на ноги поставлю, а ужь своего дòбьюся, медленно и явственно выговорила посадница.

Сердце у Арбузьева въ груди досадливо закопошилося, и показалось ему что вся кровь въ лицо ему ударила; при этомъ у него въ головѣ никакой ясной мысли не было. Самъ ужь не зная зачѣмъ, сталъ онъ всею ладонью носъ почесывать.

— Охъ, и носъ бѣда какъ чешется; знать, опять мнѣ по неволѣ пьяному быть, со смѣхомъ сказалъ онъ, думая все дѣло повернуть на шутку.

Тетушка крестовая при томъ, какъ Василей ждалъ, не покачала, улыбаясь, головою, и это еще больше раздосадовало Арбузьева. На прощаньи еще разъ пришлось ему отъ бабушки совѣтъ выслушать, что коли онъ нынче солгать научился, такъ лучше бъ, сдумавъ, покаялся и съ тою же опять прибавкою, что дѣло это не шуточное, и она весь Новгородъ скорѣй на ноги поставитъ, чѣмъ отъ своей мысли отступится. Опять у Василья въ груди сердце досадливо завозилося, а какъ улеглося, стало такое тяжелое да крутое, словно каменное.

Какъ уходить Арбузьеву, Кузьма пошелъ его съ лѣстницы провожать.

— И чтó у тебя, Кузьма, за пòшлина така, досадливо молвилъ Арбузьевъ,—всякого-то шильника до тетушки допускашь, а òны, слышь, свару заварить затѣяли.

— Пошлина-то таковà у насъ живé, Василей Селифонтьевичъ, да не моя, гляди, она. А и самъ ты вѣдашь какова она у насъ *сама* ласковая да во все-то вникательна, а во всяко дѣло, а въ сàмо нестоющее. А на мою бы волю, я бы въ ножи ихъ.

— Хоть впредь-то Пашку триклятаго со двора гони.

— И это дѣло не моей же, Василей Селифонтьевичъ, смѣлости.

— Не вовсе, Кузьма, гони, а только отваживай чтобъ во дворъ къ вамъ не учащивалъ. Нупь-ко скажи что дома пѣтъ, а на завтра — ўдневать молъ прилегла, а тамъ прихворнула, чтоль. Разное придумать можно, а ему-то кажинный день и не повадно буде шлятися. Хоть черезъ разо-тъ отказывай.

— А это и на мою смѣлость, Василей Селифонтьичъ, дѣло статочное.

Съ крутымъ и тяжелымъ сердцемъ съѣхалъ Арбузьевъ со двора отъ своей тетушки. И самъ себѣ Василей Селифонтьевичъ хорошенько растолковать не могъ, съ чего и на кого онъ злобится. Двѣ улицы проѣхалъ, а все тупо глядѣлъ. Какъ въ третью поворачивать, тутъ только понялъ свою досаду.

„Ахъ ты, дьявольщина жь вышла кака!“ подумалъ онъ. „И то вѣдь обидушка немалая, что смердъ подлый у бояршна дѣвицу вздумалъ оттягивать, а коль силóмъ-то ощё... А все вѣдь смиренство мое оканное... Ну, да ладно молъ! А и смирéнъ я до времени! А этого, шалишь, и въ заводѣ нѣтъ чтобъ кто съ Арбузьева волю его посмѣлъ снимать. А Пашкà бы этого на конюшнѣ попарить не грѣхъ, кабы вотъ... не тетушка моя крестовенька!“

И слѣдомъ Арбузьевъ, присвистнувъ слегка, назадъ черезъ плечо поглядѣлъ. Конюхъ Буянъ, любимый и вѣрный его паробокъ, подъѣхалъ справа къ его стремени.

— Пашкà со Славковой не слыхалъ-ли? спросилъ Арбузьевъ.

— Какже не знать-то! со смѣху прыская, отвѣчалъ Буянъ. — Губану пріятель вѣдь.

— Какой Губанъ ощё?

— А братъ мнѣ двуродный [1]); Слàвчапинъ же, кафтанникъ.

Арбузьевъ прищурился.

— Такъ это ужь не ты-ли, спросилъ,—разболталъ-то имъ, что никоёй молъ Маврушеньки у насъ во дворѣ пѣтъ?

— А то кто же придумывалъ?

„А бабушка умна жь живе“, подумалъ Арбузьевъ.

— За эту выдумку твою умную да ладную, вслухъ прибавилъ онъ, — не грѣхъ тебя и пожаловать. А коль и Меркулихѣ ты же совралъ, такъ и вздуть тебя не грѣхъ.

— Чего ощё Меркулихѣ? не безъ дерзости огрызнулся вѣрный паробокъ.

Арбузьевъ сказалъ.

— Ну, эта дурь съ воли [1]) видно ему въ пусту голову влетѣла, а тебѣ, Василей Селифонтьевичъ, пора бы, кажись, знать-то меня; ничего еще глупаго съ роду Буянъ не придумывалъ.

— Ну, ну, ну! пригрозилъ Арбузьевъ. — А тебѣ пора бы тоже, Буянъ, знать что никто изъ васъ обиды отъ меня не видывалъ. А ты вотъ придумай-ко: куды бы намъ Пашкà, хоть на времячко, изъ Новагорода сбыть.

— А и это дѣло не мудрое. Я, слышь Василей Селифонтьевичъ, Губану тожь сказывалъ, что развѣ гдѣ, говорю, ваша Маврушенька въ волости у него, у твоей значитъ, милости запрятана. А теперь прибавлю: а и впрямь вѣдь молъ óна въ волости: пусть де поспѣшаетъ Пашкó, а не то нашъ самъ туда собирается да только за продажей — чтó рожь вотъ продавалъ — да за пьянствомъ позамѣшкался. А на будущей молъ недѣлѣ безъ перемѣны ужь поѣде къ ней.

— А и то ладно. Въ каку жь ты волость мою его сослать задумалъ?

— А въ Порховьску, въ новокупленну, не думая отвѣчалъ Буянъ.

Арбузьевъ даже опѣшилъ. „Аль я, пьянствуя, подумалъ, волость тамъ у кого купилъ, да заспалъ потомъ?“

— Кака жь у меня тамъ волость-то? рѣшился онъ вслухъ спросить.

— А Нѣтова, Василей Селифонтьевичъ, коль не запамятовалъ. Да нйшто ему, Пашку, пущай прогуляется.

Оба посмѣялись.

— А Пашку по дорогѣ ощё, добавилъ Буянъ.

— Куда по дорогѣ-то? опять опѣшилъ Арбузьевъ.

— А вишь грабить онъ на Псковьской рубежъ въ поволье ходилъ, съ того и Маврушку прозѣвалъ.

— Такъ онъ и этимъ займуется?

— Грабёжчикъ, какъ è, увѣренно Буянъ сказалъ.

Арбузьевъ себѣ это слово на усъ замоталъ.

— Инъ ладно, подумавъ сказалъ онъ, — пускай ужь Пашкó въ прогулъ къ Пóрхову иде, а мы Маврушеньку тѣмъ временемъ припрячемъ куды. А чтó далѣ — тамъ виднѣй буде.

(Продолженіе будетъ).

[1]) Двуродный — двоюродный.

[1]) Съ воли — откуда-нибудь со стороны, съ вѣтра, не съ нашего только двора.

Исторія одного таланта.

Повѣсть **Н. Станицкаго** (авторъ романа *Три страны свѣта*).

(Продолженіе).

2 іюля. „Боже мой, не знаю — съ чего начать записывать. Антипычъ поздравилъ меня и пожелалъ хорошаго жениха — вотъ насмѣшникъ! По словамъ мамы, у меня: ростъ, лицо, манеры — все мужицкое. Кто же захочетъ имѣть такую невѣсту? да я вовсе и не думаю о женихахъ... Сошла къ завтраку, конечно, никто не вспомнилъ, что сегодня день моего рожденія; если я избавилась отъ брани, то только потому, что у мамы опять вышла сцена съ отцомъ изъ-за денегъ. Шкапы ломятся у сестры отъ платьевъ, а ей подавай еще новыхъ. Никогда я не видала, чтобы отецъ былъ такъ раздраженъ, какъ сегодня: „Откуда мнѣ взять денегъ на ваши наряды — фальшивыя ассигнаціи прикажете мнѣ начать дѣлать?“ отвѣтилъ онъ матери; а она не привыкла, чтобы отецъ разговаривалъ съ ней такимъ тономъ; начала кричать, упрекать отца. Такъ мнѣ было жаль его, когда онъ зажалъ уши, облокотился локтями о столъ, а потомъ ушелъ въ кабинетъ, не успѣвъ прикоснуться къ завтраку!.. И сестра хороша: чѣмъ бы успокоить маму, а она подливала масла, какъ на раскаленную сковороду. Ей-то ужь было бы совѣстно упрекать отца—столько на нее онъ тратилъ денегъ. Прежде на меня не производили такого тяжелаго впечатлѣнія эти сцены, а теперь онѣ меня страшно коробятъ.

Только что всѣ собрались въ столовую къ обѣду, какъ въѣхалъ во дворъ Сивцовъ съ огромнымъ букетомъ; мама многозначительно посмотрѣла на сестру, а та ей отвѣчала самодовольною улыбкой. Отецъ пошелъ встрѣтить гостя, а Аркадій сказалъ сестрѣ:

„— Поздравляю, Лиля, съ новою побѣдой!

„— Есть съ чѣмъ поздравлять! презрительнымъ тономъ произнесла сестра.

„Мама совѣтовала сестрѣ принять полюбезнѣй букетъ отъ Сивцова, а онъ вошелъ въ столовую и прямо направился ко мнѣ — поздравилъ меня съ днемъ рожденія и подалъ мнѣ букетъ. Я до такой степени потерялась, что не брала.

Мама прикрикнула на меня:

„— Поблагодари же! потомъ обратилась къ Сивцову и продолжала: — Вы, пожалуйста, будьте снисходительны къ ея невѣжливости; къ моему прискорбію, всѣ мои старанія сдѣлать ее приличною были напрасны!

„Отецъ постарался замять разговоръ обо мнѣ. Мною овладѣло нехорошее чувство; я, улыбаясь, смотрѣла на взбѣшенную сестру, которая начала шептать что-то съ братьями и всѣ стали смѣяться. Сивцовъ опять разсердилъ маму; отецъ налилъ ему вина, а онъ, взявъ рюмку, сказалъ:

„— Пью за здоровье новорожденной, и чокнулся съ отцомъ.

„Я была рада, что кончился обѣдъ. По обыкновенію поцѣловала руку мамѣ, а когда подошла къ отцу, то онъ тихо сказалъ мнѣ:

„— Оставайся.

„Меня это удивило и огорчило; мнѣ хотѣлось быть поскорѣй одной, но я не смѣла ослушаться отца и пошла въ залу послѣ всѣхъ.

За урокомъ. Картина испанскаго художника Л. Альвареса, грав. Б[illegible]

„Сивцовъ въ это время разсматривалъ ноты, лежавшія на роялѣ; ужь не знаю, что онъ сказалъ отцу, только тотъ потребовалъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ сѣлъ за рояль. Мать велѣла сѣсть сестрѣ. Я молила Бога, чтобы Сивцовъ былъ тугъ на ухо, потому что сестра была самоувѣренна во всемъ. Она знала наизусть одну бравурную піесу, которую постоянно играла гостямъ и врала безбожно. Послѣ ея игры Сивцовъ поблагодарилъ ее, и взявъ сонату Бетховена въ четыре руки, попросилъ ее сыграть съ нимъ. Конечно, сестра отказалась; тогда отецъ велѣлъ сѣсть мнѣ. Если бы я не знала наизусть этой сонаты, то не могла бы разглядѣть ни одной ноты, такъ онѣ прыгали у меня въ глазахъ. Руки у меня дрожали, но Сивцовъ не обращалъ на это вниманія. Подъ конецъ я овладѣла собой, и играла лучше; онъ попросилъ меня еще разъ проиграть піесу. Изъ залы всѣ ушли въ гостиную, какъ только мы сѣли играть. Сивцовъ тихо сказалъ мнѣ:

„— Я отъ Антипыча узналъ о днѣ вашего рожденія.

„Это меня ужасно сконфузило; онъ замолчалъ. Отецъ вошелъ, сталъ за моимъ стуломъ, и слушалъ насъ, а когда мы кончили, то Сивцовъ сказалъ ему, что у меня положительно есть музыкальный талантъ и что грѣшно будетъ не разработать его. Отецъ погладилъ меня по головѣ. Это такъ меня взволновало, что у меня потекли слезы; вѣрно Сивцовъ это замѣтилъ, потому что онъ быстро всталъ изъ-за рояля, а я убѣжала къ себѣ... И отчего я такъ плакала? мнѣ весело, хорошо, я счастлива! Только объ одномъ я жалѣю, что отецъ меня приласкалъ при чужихъ, мнѣ стыдно было при немъ броситься къ нему на грудь, продлить мою радость, и сказать ему, какъ я счастлива. Мнѣ теперь все равно; пусть всѣ меня ненавидятъ! Я постараюсь доказать отцу, что я не такой звѣрь, какимъ меня съ дѣтства ему выставляли..."

---

4 іюля. „Что это значитъ, какъ долго не возвращается изъ города Григорій Семеновичъ, ужь не боленъ-ли онъ? Онъ такъ измѣнился, что его узнать нельзя: исхудалъ, такимъ сдѣлался разсѣяннымъ; спросишь его что-нибудь за урокомъ, а онъ точно не понимаетъ вопроса, глядитъ на тебя и ничего не отвѣчаетъ. Ему теперь ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ сестры! Только напрасно онъ посматриваетъ на дверь — она больше не придетъ присутствовать при нашихъ урокахъ. Прошли тѣ времена, когда она являлась и кокетничала съ нимъ".

---

5 іюля. „Слава Богу, образумился Григорій Семенычъ, прислалъ мнѣ записку, чтобы я тихонько отъ всѣхъ собрала всѣ книги и бумаги въ его комнатѣ и прислала ихъ съ кучеромъ, когда отецъ поѣдетъ въ городъ. Должно быть сестра чѣмъ-нибудь его сильно оскорбила, потому что онъ пишетъ: „болѣе моей ноги не будетъ въ Порошковѣ; собираюсь уѣхать въ Петербургъ." Давно пора было бы ему понять, что сестра дурачила его... Вотъ мои уроки и прекратились... Ахъ, какая я эгоистка! Я должна радоваться, что онъ уѣдетъ... Значитъ я его болѣе не увижу, даже не прощусь съ нимъ?.. А какъ всѣ злобно на меня смотрятъ за обѣдомъ, но при отцѣ Аркадій не смѣетъ дѣлать мнѣ дерзостей. Отцу, кажется, очень грустно, что такой разладъ въ семьѣ..."

---

6 іюля. „Рано порадовалась за Григорія Семеныча, — сошла къ обѣду, а ужь онъ расхаживаетъ по столовой, самъ блѣдный, худой, а глаза такъ и блестятъ. Должно быть пришелъ пѣшкомъ изъ города: весь въ пыли, волосы растрепаны; здороваясь со мной, онъ сказалъ мнѣ:

„— Вообразите, какое затменіе на меня нашло: мучился, мучился столько времени и только сегодня ночью для меня сдѣлалось все ясно. Какой простой вещи не могъ разгадать,— не спалъ, не ѣлъ, приходилъ въ отчаяніе!.. Приходите въ паркъ, я вамъ все разскажу.

„И онъ радостно поспѣшилъ навстрѣчу къ сестрѣ, которая вышла въ столовую; та съ презрѣніемъ оглядѣла его съ ногъ до головы и даже не подала руки, а онъ улыбнулся на это и, проходя мимо меня, шепнулъ:

„— Видѣли?

„Я только удивлялась, смотря на него. За обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, смотрѣлъ на всѣхъ и улыбался; какъ эта улыбка нейдетъ къ его блѣдному, исхудалому лицу!..

„Я его долго ждала въ паркѣ, наконецъ онъ появился, и шелъ до того задумавшись, что я должна была его окликнуть, а то прошелъ бы мимо; онъ вздрогнулъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, точно не узналъ.

„— Я васъ давно жду, сказала я ему.

„— Она... ушла отъ меня! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ; закрылъ лицо руками, прислонился къ дереву и зарыдалъ.

„Я въ первый разъ видѣла, какъ мужчина плачетъ — это ужасно. Но вдругъ онъ засмѣялся, и смѣхъ этотъ былъ еще ужаснѣе. Торопливо вынувъ изъ жилетнаго кармана кольцо, онъ спросилъ меня:

„— Чье это?

„Кольцо было сестрино.

„— Что, узнали кому оно принадлежитъ? она сама надѣла мнѣ на палецъ, и какъ только я получу степень магистра, она выйдетъ за меня замужъ; а теперь она васъ всѣхъ дурачитъ, нарочно со мной не хочетъ разговаривать, потому что вы всѣ замучили бы ее. А вамъ стыдно клеветать на свою сестру; вы завидуете ей, что она красива и хотите очернить ее въ моихъ глазахъ, но напрасно стараетесь, я ей вѣрю: она выйдетъ за меня замужъ.

„Онъ повернулся ко мнѣ спиной, и пошелъ прочь по направленію къ дому.

„Я долго стояла, смотря ему вслѣдъ, не зная, что и думать... Это невозможно, невозможно, чтобы моя сестра серьезно дала ему слово! Но, какъ же съ ея стороны дурно поступать такимъ образомъ?.. И какъ онъ могъ повѣрить такой нелѣпости, что сестра пойдетъ замужъ за бѣдняка? онъ положительно потерялъ голову!..

„Возвратилась къ себѣ въ комнату — и каково-же было мое удивленіе: Григорій Семенычъ расхаживалъ въ ней и съ какой-то торжественностью объявилъ мнѣ, что ему приказали здѣсь ждать. Я спросила:

„— Кто?

„Онъ отвѣчалъ:

„— Ваша сестра. Я сидѣлъ въ саду, пріѣхали гости, а она меня и послала къ вамъ; она сейчасъ придетъ сюда.

„Онъ опять началъ расхаживать.

„Я сѣла къ столу — взяла книгу, но читать не могла: все думала о томъ, что Григорій Семенычъ сидитъ у меня; неужели сестра явится ко мнѣ? Сестра никогда не заглядывала ко мнѣ, съ тѣхъ поръ какъ я поселилась въ этой комнатѣ.

„Григорій Семенычъ сталъ смотрѣть въ окно, я заслышала голоса въ саду. Онъ залился нервнымъ смѣхомъ и сказалъ:

„— Посмотрите, посмотрите, какъ это забавно! первый бальный танцоръ въ городѣ идетъ подъ ручку съ вашей сестрой, любезничаетъ съ ней и не подозрѣваетъ, что она—моя невѣста!

„— Да перестаньте смѣяться и отойдите отъ окна, могутъ васъ замѣтить, съ досадой сказала я.

„Онъ послушался меня и опять началъ ходить по комнатѣ, бормоча:

„— Это такъ смѣшно! воображаю, что съ нимъ будетъ, когда онъ узнаетъ, что она вышла за меня замужъ; да и всѣ переполошатся. И какъ мнѣ будутъ завидовать всѣ ея поклонники!..

„Мы оба съ большимъ волненіемъ ожидали прихода сестры; я сидѣла молча, а онъ метался, какъ звѣрь въ клѣткѣ, но временамъ восклицая:

„— Что же она нейдетъ?

„Потомъ произнесъ:—А, понимаю! давно бы мнѣ догадаться!

„Онъ быстро вышелъ отъ меня... Мнѣ что-то страшно за него...

„Антипычъ сказывалъ, что мама прислала ему приказаніе не пускать Григорія Семеныча даже въ ворота.

„Я чувствую къ сестрѣ просто отвращеніе! Но какъ мнѣ предупредить Григорія Семеныча, чтобы онъ не пытался увидѣть свою мнимую невѣсту?.."

8-го. „Ну, выдался денекъ! пошла по обыкновенію рано утромъ купаться, вдругъ Антипычъ объявляетъ мнѣ, что Григорій Семенычъ ночью былъ въ саду — изъ парка перелѣзъ черезъ заборъ. Я слышала лай собакъ, но могло-ли мнѣ прійти въ голову, что онъ выкинетъ такую дикую штуку? Антипычъ грозится, что если онъ и сегодня явится въ садъ, то не станетъ удерживать собакъ, пусть его искусаютъ. Я упросила Антипыча никому не говорить въ домѣ объ этомъ. Я не буду спать сегодня ночью; если только онъ прійдетъ, я должна его видѣть и растолковать ему всю опасность, чтобъ онъ выкинулъ совсѣмъ изъ головы мою сестру. Я и такъ была взволнована этимъ происшествіемъ, а тутъ еще Сивцова встрѣтила на своемъ любимомъ мѣстѣ: на берегу рѣки. Я до того перепугалась, что даже не могла встать съ мѣста; онъ мнѣ объявилъ, что уже второй вечеръ поджидаетъ меня, чтобы дать мнѣ совѣтъ — обратиться къ отцу и требовать у него защиты и равныхъ правъ, какими пользуются въ семьѣ сестра и братья. Потомъ заговорилъ о моихъ способностяхъ къ музыкѣ, о томъ что я должна серьезно заняться ею.

„— Будемъ друзьями, не удивляйтесь, что я принимаю въ васъ большое участіе — это обязанность каждаго порядочнаго человѣка, если онъ видитъ, какъ угнетаютъ кого-нибудь. Вы молоды, одиноки въ своей семьѣ. Я васъ прошу, обращайтесь ко мнѣ за совѣтомъ, какъ къ вашему другу; я искренно желаю вамъ всего хорошаго.

„Сказавъ это, Сивцовъ торопливо ушелъ.

„Ни отъ кого я ничего подобнаго не слыхала, но я не рѣшусь съ нимъ быть откровенною; я горю отъ стыда, что онъ знаетъ, что у насъ творится въ семьѣ. И какой онъ странный: совѣтуетъ просить защиты у отца; онъ бы посмотрѣлъ какъ мама разсердилась на отца за то, что онъ приласкалъ меня.

„И какъ я займусь серьезно музыкой, когда и часу утромъ мнѣ не даютъ поиграть: мама сейчасъ пришлетъ сказать, чтобы я убиралась въ свою комнату.

„Я не ожидала, что Антипычъ такой болтунъ; это онъ все про меня разсказалъ. Теперь я буду бояться ходить на свое любимое мѣсто: все мнѣ будетъ казаться, что Сивцовъ явится.

9-го. „Надо разсудокъ потерять, чтобы вообразить себѣ будто бы моя сестра тоскуетъ о Григоріи Семеновичѣ и ждетъ его по ночамъ въ саду!.. Хорошо, что я уговорила Антипыча не спускать собакъ въ садъ, и поджидала Григорія Семеновича; онъ явился черезъ заборъ, и прямо пошелъ къ окнамъ сестры. Какъ я его ни убѣждала, что ему нечего ждать, какъ ни умоляла уйти, онъ меня не послушался, а еще страшно перепугалъ, сказавъ, „что онъ меня задушитъ, если я ему опять помѣшаю увидѣть сестру". Винитъ меня, что я шпіоню за ними и все пересказала мамѣ. Пришелъ Антипычъ и выпроводилъ его черезъ заборъ. Антипычъ увѣряетъ, что онъ такъ припугнулъ Григорія Семеныча, что ужъ онъ больше не придетъ въ садъ... Дай-то Богъ! Вотъ что значитъ быть одинокимъ! Григорій Семенычъ навѣрно боленъ, у него горячечный бредъ, его надо было бы положить въ постель, позвать доктора, а его оставляютъ безъ всякой помощи!.."

10-го. „Ужъ солнце взошло, а я еще и глазъ не смыкала, до сихъ поръ вся дрожу...

„Совсѣмъ была спокойна, съ наслажденіемъ читала біографію Бетховена; вдругъ раздался лай собакъ въ саду и крикъ; у меня сердце такъ и замерло. Я бросилась изъ комнаты и на площадкѣ натолкнулась на Аркадія; онъ со свѣчей вышелъ изъ своей комнаты, вѣроятно тоже услышалъ крикъ. Онъ схватилъ меня за руку и сказалъ: „Это что-нибудь да значитъ," и хотѣлъ меня втолкнуть въ свою комнату и запереть. Я выбила у него свѣчку, это заставило его выпустить мою руку; я убѣжала въ садъ. Аркадій трусишка, онъ знаетъ, что собаки разорвутъ его, если онъ до меня дотронется. Я потребовала отъ Антипыча, чтобъ онъ все мнѣ разсказалъ. Въ первый разъ я на него страшно разсердилась, когда онъ мнѣ отвѣтилъ съ какой-то радостью, „что собаки тяпнули за ногу Григорія Семеныча и что онъ упалъ кувыркомъ въ паркъ." Боже мой, Боже мой! какъ онъ доберется до города ночью, да еще съ укушенною ногой? А что предстоитъ мнѣ завтра? Аркадій постарается отмстить мнѣ...

„Угадала: какъ вошла въ столовую къ завтраку, такъ на меня и накинулись, благо отца не было; мучили меня, какъ хотѣли. Конечно, я ничего не сказала, зачѣмъ я бѣгала въ садъ. Мама объявила мнѣ, что я одинъ позоръ для нея; чтобы я не смѣла садиться за столъ вмѣстѣ со всѣми; что она меня сошлетъ въ сторожку къ Антипычу, съ которымъ мнѣ сдѣлала очную ставку; но онъ не выдалъ Григорія Семеныча, твердилъ одно, что, должно быть, воръ хотѣлъ перелѣзть черезъ заборъ, а что меня не видалъ въ саду. Когда я выходила изъ столовой, то слышала, какъ мама сказала:

„— Это казакъ какой-то!

„Что вызвало общій смѣхъ остальныхъ..."

11-го. „Какъ меня безпокоитъ, почему отецъ вчера не вернулся изъ города ночевать домой? Никогда съ нимъ этого не бывало! Да и братья поскакали въ городъ, вѣрно отецъ боленъ, — онъ все это время былъ такой мрачный. Неужели этому я виною? Что мнѣ дѣлать, чтобы не разстраивать отца?"

12-го. „Бѣдный Григорій Семенычъ! сейчасъ только узнала отъ Антипыча, что его отвезли въ госпиталь. Григорій Семенычъ явился вчера въ клубъ жаловаться отцу, что его травятъ собаками, и мучаютъ за то, что сестра его любитъ, что онъ проситъ руки ея. Бушевалъ тамъ и полиція отвезла его въ больницу. И сестра все это знала за обѣдомъ, а между тѣмъ совсѣмъ была спокойна и ѣла съ аппетитомъ. Просто невѣроятно! Насколько надо быть каменною, чтобы равнодушно относиться къ несчастному человѣку, пострадавшему изъ-за ея кокетства?.. Впрочемъ, его вылѣчатъ — вѣдь это горячка. Но какъ мнѣ узнать, что думаютъ доктора о его болѣзни? — попрошу узнать Сивцова."

13-го. „У меня не достало духу огорчить отца, когда онъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я шла обѣдать; — я хотѣла выдержать характеръ и болѣе не являться къ столу. По лицу видно, что отецъ очень огорченъ всею этой исторіей... Сегодня вечеромъ особенно много наѣхало гостей; сестра танцы устроила. А какую чувствительную корчитъ изъ себя, при видѣ лягушки чуть въ обморокъ не падаетъ и со слезами на глазахъ разсказывала при гостяхъ, что видѣла мертвую птичку въ саду... Когда нужно, Сивцовъ не пріѣхалъ.

„Вѣрно въ городѣ много толкуютъ о сумасшествіи Григорія Семеныча. Мама сегодня доказывала отцу за обѣдомъ, что надо сдѣлать танцовальный вечеръ, чтобы всѣ убѣдились, что сестра весела и покойна; но отецъ не хочетъ. Я съ нетерпѣніемъ ждала пріѣзда Сивцова. Какая я глупая! не съумѣла скрыть, что хочу его о чемъ-то просить. По обыкновенію поигравъ со мною въ четыре руки, онъ предложилъ мнѣ пройтись по саду, гдѣ сестра гуляла со своимъ кавалеромъ; впрочемъ, увидавъ насъ, они сейчасъ же ушли въ комнаты. Сивцовъ довелъ меня до пристани, предложилъ посидѣть на скамейкѣ и замѣтилъ, что я, кажется, желаю ему что-то сообщить. Я просила узнать о Григоріи Семенычѣ. Сивцовъ разспрашивалъ: давно-ли я его знаю и что онъ за человѣкъ; извѣстно-ли мнѣ, что онъ влюбился въ мою сестру, сватался за нее и по ночамъ являлся въ садъ? Потомъ уже разсказалъ, что Григорій Семенычъ цѣлый день спокоенъ, а какъ наступитъ вечеръ, то начинаетъ волноваться, хочетъ идти въ Порошково — будто бы его невѣста ждетъ; умоляетъ сторожей, плачетъ, потомъ приходитъ въ бѣшенство, такъ что принуждены были надѣть на него горячешную рубаху. Я не могла пересилить себя, расплакалась и убѣжала къ себѣ."

15-го. „Настояли таки на своемъ, — послѣ-завтра у насъ будетъ балъ; мама съ сестрой ѣдутъ въ городъ дѣлать пригласительные визиты и покупать лентъ и цвѣтовъ на платье сестрѣ. За хлопотами забыли о моемъ исчезновеніи. И какъ это мама можетъ думать о новыхъ тратахъ, когда нѣтъ утра, чтобы кто-нибудь не пріѣхалъ изъ города къ ней за долгомъ? Еще готовится непріятность бѣдному отцу: хозяинъ гостиницы, гдѣ изволилъ кутить Аркадій, грозитъ, что явится въ Порошково требовать денегъ. Антипычъ никогда ничего не скажетъ попустому."

16-го. „Передъ обѣдомъ черезъ Ѳедю я получила приказаніе сказать отцу, будто бы и мнѣ шьютъ платье къ балу. Ѳедя все поддразнивалъ, что я напрасно размечталась танцовать съ Сивцовымъ; такъ и не повѣрилъ, что я очень довольна приказаніемъ сидѣть въ своей комнатѣ. За обѣдомъ отецъ спросилъ меня о платьѣ, но сестра, вѣрно боясь, что я не съумѣю солгать, поспѣшила за меня отвѣтить, что платье для меня заказано, и даже пустилась въ подробности моего туалета...

„Неужели во всѣхъ семьяхъ то же дѣлается, что у насъ? Мнѣ не приходилось видѣть, какъ живутъ другіе люди; но я читала о дружбѣ между братьями и сестрами, о согласіи между отцомъ и матерью. Значитъ есть же на свѣтѣ такія счастливыя дѣти!"

17-го. „Какъ весело! приказано мнѣ лежать въ постели, значитъ отцу объявили, что я больна. Но каково было бы мое положеніе, если бы отцу вздумалось посмотрѣть на мнимо-больную? Слава Богу, что хоть такъ все обошлось. Я не вытерпѣла, сбѣгала въ садъ посмотрѣть, что дѣлается у насъ. Музыка гремитъ, домъ ярко освѣщенъ, гостей наѣхало множество, прислуга суетится; сестра, разряженная, величавая, танцуетъ.

„А что еслибы явилась фея ко мнѣ въ комнату и своей волшебной палочкой, какъ въ сказкѣ о Сандрильонѣ, сдѣлала превращеніе? Только я не хочу ни дорогаго платья, ни танцовать на балу, а чтобы вся семья сидѣла за столомъ, отецъ бы намъ читалъ, на всѣхъ лицахъ не было бы и тѣни злобы... Боже мой! хоть бы одинъ день испытать такую жизнь!..

„Думала, что день окончился безъ всякихъ особенныхъ для меня сюрпризовъ, но явился Ѳедя ко мнѣ въ комнату и принесъ конфетъ. Я удивилась его вниманію, и замѣтила, что онъ взволнованъ. Я спросила его, что ему нужно отъ меня; онъ заставилъ меня прежде перекреститься на образъ, что я никому не скажу, о чемъ онъ меня будетъ просить, потомъ вынулъ изъ кармана продолговатую бумагу и потребовалъ, чтобы я написала вексель въ 300 р. отъ его имени хозяину гостиницы. Я, конечно, не согласилась, но онъ доказывалъ, что только надо время оттянуть, что Аркадій достанетъ денегъ; когда же я ему возразила: что негдѣ ихъ достать Аркадію, то Ѳедя мнѣ на это отвѣтилъ, что по этому векселю онъ имѣетъ право ничего не заплатить, потому что вексель будетъ написанъ не его рукою, да онъ и не совершеннолѣтній. Я пришла въ ужасъ, а Ѳедя еще надсмѣхаться сталъ, доказывая, что „Аркадій умнѣе меня—изучаетъ законы въ своемъ училищѣ, а я дура!"

„— Ну, и пусть пишетъ самъ, отвѣтила я.

„Ѳедя ушелъ, выбранивъ меня, и погрозилъ мнѣ, что Аркадій отплатитъ мнѣ за то, что я такихъ пустяковъ не хочу сдѣлать... Что же это такое, — со дня моего рожденія каждый день какое-нибудь горе или приключеніе?"

18-го. „Я очень довольна, что отецъ сегодня не обѣдалъ дома; не было разспросовъ, чѣмъ я была больна. Весь обѣдъ перемывали косточки гостямъ, а Аркадій сказалъ:

„— Какой хамскій видъ у Сивцова во фракѣ, такъ и хочется сказать: „подай стаканъ воды."

А сестра на это отвѣчала:

„— Алина еще вздумала меня поздравлять съ побѣдой, говоритъ, весь городъ уже знаетъ, что Сивцовъ влюбленъ въ меня, но я постараюсь высказать ей свое мнѣніе о немъ, пусть дойдетъ до него, и онъ избавитъ меня отъ своего ухаживанія.

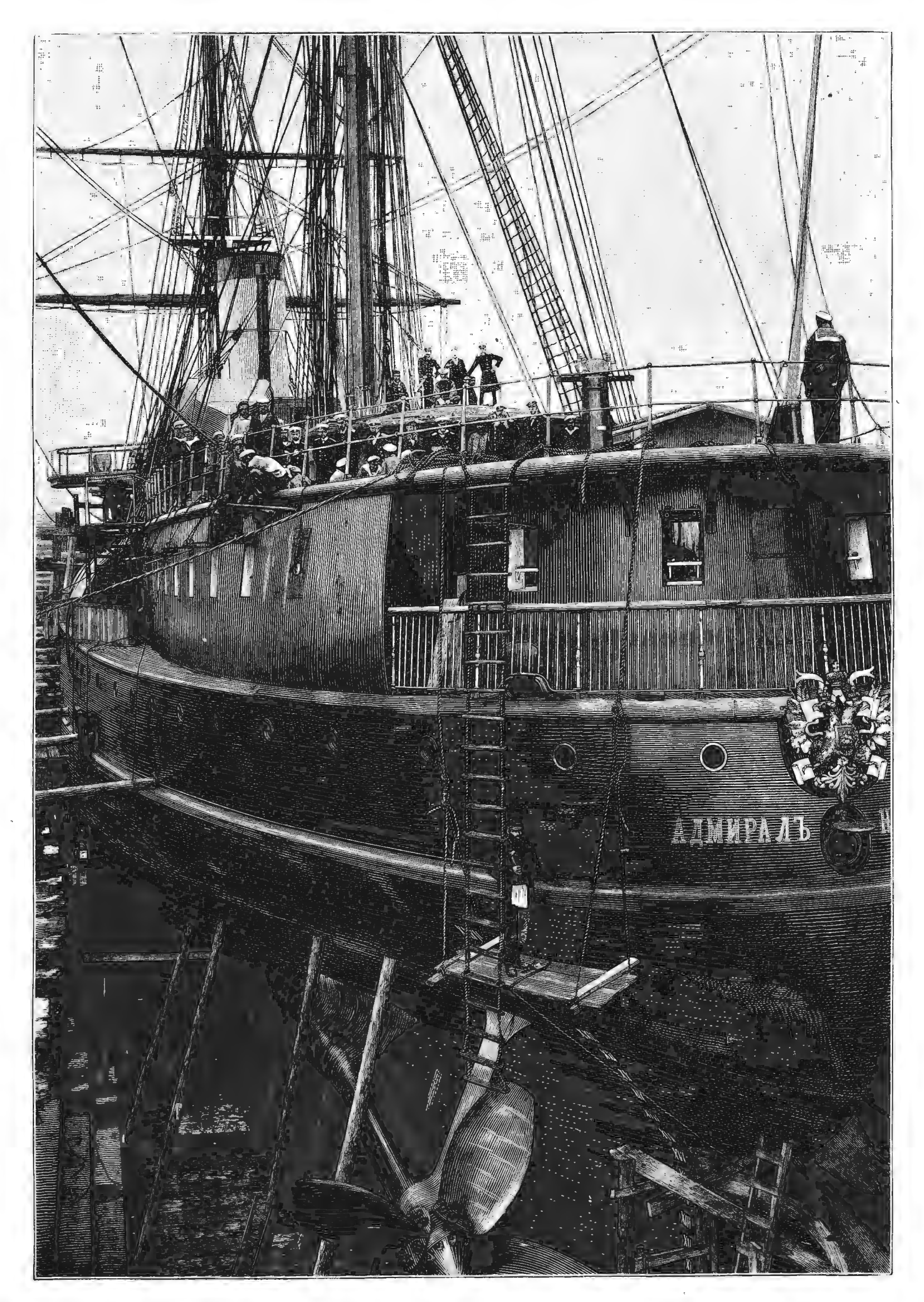
„Явно, все это говорилось, чтобы позлить меня; но какое мнѣ дѣло въ кого влюбился Сивцовъ?..

„Низкій, злой Аркадій! вернулась съ прогулки и нашла въ своей комнатѣ все перевернутое вверхъ дномъ; книги Сивцова исчезли. Пойдутъ теперь разспросы, крики, брань. Хорошо еще, что я прячу свой дневникъ такъ, что его никто не отыщетъ. Ѳедя явился парламентеромъ отъ Аркадія, говоря что мнѣ возвратятъ книги, если я напишу вексель; но я наотрѣзъ отказалась... Что мнѣ дѣлать, чтобы выгородить Антипыча? мама выгонитъ его изъ Порошкова; одно средство — скажу только одному отцу черезъ кого получала всѣ книги: онъ не выгонитъ Антипыча."

19-го. „Настоящій былъ инквизиторскій допросъ. Мама была въ ярости отъ моего упрямства, что я только отцу скажу: кто мнѣ далъ книги. Она потащила меня въ кабинетъ, сказавъ отцу:

„— Полюбуйтесь до чего дошла дерзость этой дѣвчонки: она

Литературный альбомъ. „Герой нашего времени“, Лермонтова. „Бэла и Казбичъ“.
Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Земцова, грав. Г. Флюгель.



Видъ кормовой части броненоснаго крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, въ кронштадтскомъ Константиновскомъ докѣ.

Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

осмѣливается не отвѣчать мнѣ, — кто ей далъ книги, которыя были спрятаны у ней подъ тюфякомъ! Вотъ плоды вашего вмѣшательства! Я лучше васъ знаю, какъ надо обращаться съ этимъ звѣремъ.

„Отецъ сердитымъ голосомъ сдѣлалъ вопросъ:

„— Кто тебѣ далъ книги?“

„Я отвѣчала:

„— Сивцовъ.

„Это показалось такъ обидно мамѣ, что она сдѣлала гнѣвное движеніе ко мнѣ, но я кинулась на грудь къ отцу и очнулась, когда лежала уже на диванѣ, а отецъ мочилъ мнѣ голову водой. Я схватила его руку и стала цѣловать; его рука дрожала, но онъ строго приказалъ мнѣ идти въ свою комнату... Я докажу отцу, что его люблю, я буду молча переносить, какъ бы меня ни мучали. Онъ возвратилъ мнѣ книги.“

20-го. „Отецъ печаленъ, воображаю, какую мама сдѣлала ему сцену изъ-за меня. Хоть бы Аркадій скорѣй уѣхалъ въ свое училище, — покойнѣе было бы въ домѣ. Какъ я рада, что всѣ они завтра уѣзжаютъ на два дня!“

24-го. „Кажется все дѣлала, чтобы не подать повода къ новымъ исторіямъ. Хоть бы Сивцовъ пересталъ къ намъ ѣздить! Сидѣла бы я попрежнему у себя въ комнатѣ!.. Послѣ игры я сѣла на террасѣ; отецъ походилъ немного и ушелъ въ гостиную, гдѣ мама по обыкновенію играла въ карты съ гостями. Сестра съ первымъ бальнымъ танцоромъ явилась въ залу, стала у рояля и оба взапуски другъ передъ другомъ ломались. Сивцовъ замѣтилъ, что напрасно моя сестра портитъ свою красоту вычурными прическами и пудрой, потомъ заговорилъ объ Италіи такъ, что я его заслушалась. Вдругъ на террасу изъ сада вошла мама; у меня такъ сердце и ёкнуло. Она даже днемъ никогда не ходитъ по саду, а тутъ должна была пройти черезъ дворъ. Она притворилась испуганною и окликнула:

„— Кто тутъ?

„Сивцовъ ей отвѣчалъ. Мама прошла въ залу. Я вскочила и побѣжала въ садъ. Аркадій, какъ змѣя, прошипѣлъ изъ-за кустовъ:

„— Попалась?

„Ахъ, что̀ будетъ завтра!“

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Post ludum (конецъ игръ). (Рис. на стр. 644).

Трудно себѣ представить то увлеченіе, съ какимъ относились народы древности, греки и римляне, къ публичнымъ играмъ, и значеніе ихъ для строя общественной жизни этихъ народовъ Самыя краснорѣчивыя описанія не могутъ передать чувствъ, овладѣвавшихъ эллинами, когда они отправлялись на олимпійскія или истмійскія игры, или того что̀ происходило съ римскимъ населеніемъ, во время кровавыхъ игръ въ ихъ амфитеатрахъ и циркахъ.

Въ публичныхъ играхъ этихъ двухъ народовъ, нѣсколько сходныхъ по тому распространенію и любви, какими онѣ пользовались среди населенія, рѣзко выражается въ устройствѣ и содержаніи самыхъ игръ различіе характеровъ обѣихъ народностей. Болѣе подвижный и пылкій эллинъ искалъ въ нихъ не только наслажденія и отдохновенія отъ работъ и тягостей повседневной жизни, но и самъ охотно принималъ въ играхъ живое участіе, являясь предъ своими божествами и согражданами во всей красотѣ силы и ловкости. Суровый римлянинъ придалъ игрищамъ совсѣмъ другой видъ и значеніе. Вначалѣ простыя и мрачныя, какъ самъ римскій народъ, игры мало-по-малу развились въ своемъ разнообразіи и наконецъ праздновались при постоянно увеличивающейся роскоши съ невѣроятнымъ великолѣпіемъ. Составляя въ началѣ исторической жизни этого народа часть богослуженія во время большихъ праздниковъ и будучи тѣсно связаны съ жертвоприношеніями и разными церемоніями, онѣ понемногу приняли характеръ мірскихъ развлеченій, и кровавыя жертвы приносились на аренѣ уже не богамъ, а грубой и неутолимой жаждѣ зрѣлищъ римскаго народа. По своему содержанію римскія игры распадаются на три рода: сценическія представленія и игры въ циркахъ и амфитеатрахъ. Значительную часть игръ въ циркахъ составляли состязанія колесницъ, въ которыя запрягались два, три или четыре коня. Число зрителей при такихъ состязаніяхъ доходило до 380 тысячъ и увлеченіе ихъ было такъ велико, что они, по словамъ одного отца церкви, являлись болѣе интереснымъ зрѣлищемъ, чѣмъ сами зрѣлища. Головоломное искусство управлять колесницею во время бѣга награждалось очень щедро. Нѣкто Эвтихій получилъ отъ императора Калигулы въ даръ за свое искусство въ такихъ состязаніяхъ 2 милліона сестерцій, т. е. болѣе 200.000 рублей.

Сценическія или театральныя представленія, заимствованныя отъ грековъ, во многомъ походили на представленія у этого народа. Первый каменный театръ былъ построенъ въ Римѣ Помпеемъ въ 55 году до Р. Х. и охотно посѣщался жителями этого города. Актеры также бывали нерѣдко осыпаны милостями и дарами. Комикъ Росцій заработалъ въ 10 лѣтъ около 60 милліоновъ сестерцій.

Третій, самый значительный родъ публичныхъ представленій, происходилъ въ циркахъ или на форумѣ, позже въ амфитеатрахъ, и состоялъ въ бояхъ гладіаторовъ. Первоначально они устраивались при погребеніяхъ усопшихъ и являлись какъ бы остаткомъ человѣческихъ жертвъ, приносимыхъ подземнымъ богамъ и манамъ. Въ 264 году до Р. Х., Маркъ и Децимъ Брутъ дали въ честь своего умершаго отца первыя большія битвы гладіаторовъ на бычачьемъ рынкѣ (forum boarium). Съ тѣхъ поръ мы встрѣчаемся все чаще съ подобными играми и въ 42 году до Р. Х. такія битвы стали уже самостоятельнымъ публичнымъ представленіемъ. Съ этого времени онѣ занимаютъ первенствующее мѣсто. Вмѣсто деревянныхъ подмостковъ, устраиваемыхъ для каждаго представленія на форумѣ, Статилій Тавръ построилъ первый каменный амфитеатръ. Впослѣдствіи императоръ Веспасіанъ воздвигъ громадный Amphitheatrum Flavium, Колизей, вмѣщавшій въ себѣ до 87,000 зрителей. Величественные остатки его до настоящаго времени служатъ предметомъ удивленія путешественниковъ и любознательныхъ туристовъ.

Дѣйствующими лицами въ представленіяхъ послѣдняго рода были гладіаторы. Они набирались среди рабовъ, военноплѣнныхъ и преступниковъ, а въ позднѣйшее время и среди свободныхъ людей, за плату. Прежде чѣмъ появиться публично, гладіаторы обучались въ особыхъ школахъ владѣть оружіемъ. По вооруженію и роду боя, гладіаторы распадались на много разрядовъ (familiae). На арену выступали гладіаторы съ обнаженною грудью и обыкновенно вооруженные различно. Изъ фамилій одно изъ выдающихся мѣстъ занимали самниты. По вооруженію эти гладіаторы походили на своихъ соименниковъ, послѣ войнъ съ которыми кампанцы называли самнитами гладіаторовъ изъ ненависти къ этому народу. Они были снабжены большимъ продолговатымъ щитомъ, сѣтчатымъ шлемомъ съ личникомъ, гребнемъ и перьями, наколѣнникомъ на лѣвой ногѣ, металлическимъ или кожанымъ нарукавникомъ на правой рукѣ и короткимъ мечомъ. Сражались самниты съ фракійцами или ретіаріями. Первые имѣли небольшой фракійскій щитъ, серпообразно согнутый мечъ и наколѣнники на обѣихъ ногахъ. Вторые вступали въ бой съ непокрытою головою и были вооружены трезубцемъ и сѣтью (rete), которою они старались опутать противника. Противниками ретіаріевъ также были секуторы, вооруженные шлемомъ, щитомъ и мечомъ. Кромѣ того, на играхъ появлялись галлы и мирмиллоны, носившіе гальское вооруженіе, димахеры сражавшіеся двумя ножами, эсседаріи на британскихъ колесницахъ, тяжело вооруженные гопломахи и конные аудабаты.

Наканунѣ боя гладіаторы пировали, часто въ послѣдній разъ. Въ день представленія они вначалѣ обходили арену подъ предводительствомъ своихъ учителей (lanistae) и затѣмъ приступали къ бою. Побѣжденный противникъ обращался къ зрителямъ съ мольбою даровать ему жизнь. Если присутствующіе протягивали руки съ обращеннымъ книзу большимъ пальцемъ (pollice verso), то побѣдитель перерѣзалъ горло своему сопернику. Одержавшій побѣду щедро награждался, его при громкихъ крикахъ носили на рукахъ по аренѣ, а тѣло несчастнаго побѣжденнаго сволакивалось въ мрачный погребъ для труповъ, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Рынды. (Рис. на стр. 645).

Рындами назывались въ старинномъ русскомъ придворномъ быту тѣ оруженосцы Московскихъ царей, которые, при всѣхъ церемоніяхъ, составляли нѣчто въ родѣ почетныхъ тѣлохранителей и ставились около самаго трона — по̀-двое и по̀-трое съ каждой его стороны. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ рынды всегда бывали одѣты одинаково и чрезвычайно роскошно; ихъ одежда состояла изъ бѣлаго атласнаго или бѣлаго бархатнаго кафтана, который спускался немного ниже колѣнъ и, спереди, на груди, застегивался богатыми серебряными или золотыми застежками. Воротники у кафтановъ были высокіе, стоячіе и низаны въ клѣтку (или узорами) крупнымъ жемчугомъ. Черезъ оба плеча, наискось, по груди и спинѣ, висѣли у рындъ тяжелыя золотыя цѣпи, которыя скрещивались и спереди, и сзади, и звонко бряцали при каждомъ движеніи рынды. На головѣ у рынды была надѣта высокая соболья шапка изъ самыхъ дорогихъ, почти черныхъ соболей; ноги рынды были обуты въ высокіе сафьяные сапоги золотисто-желтаго или ярко-краснаго цвѣта. Въ правой рукѣ рында держалъ серебряный топоръ съ золотою насѣчкою и съ рукоятью, также украшенной серебромъ и золотомъ или обвитой бархатомъ и усаженной золотыми гвоздями.

Въ рынды выбирались молодые люди изъ самыхъ знатныхъ, самыхъ родовитыхъ боярскихъ семействъ, при чемъ обращалось вниманіе на то, чтобы эти избранники были высоки ростомъ, статны и красивы. Присутствуя на торжественныхъ засѣданіяхъ думы, на пріемахъ и отпускахъ пословъ, рынды, становясь у трона, должны были во все время церемоніи или

аудіенціи стоять неподвижно, какъ статуи, не измѣняя позы и держа свои топорики на плечахъ. Такъ какъ при этомъ двое рындъ стояли въ непосредственной близости къ трону, двое другихъ подальше, а третья пара еще дальше, то молодые боярченки, исправлявшіе должность рындъ, *мѣстничались* между собою и нерѣдко вступали въ споры о томъ, кому изъ нихъ, по ихъ роду и по заслугамъ отцовъ и дѣдовъ, слѣдовало занимать около трона первое, второе или третье мѣсто.

Рынды должны были сопровождать царя и въ походъ; но тамъ они уже смѣняли свой парадный нарядъ на обычное боярское платье и обращались въ простыхъ оруженосцевъ царскихъ, которымъ поручалось смотрѣть за царской броней и оружіемъ—чистить ихъ, беречь отъ всякой порчи и постоянно возить за царемъ. Въ этомъ случаѣ рынды получали наименованіе не отъ мѣстъ, которыя они занимали, а отъ того рода оружія, къ которому они бывали приставлены. Такъ напримѣръ, тотъ, которому было поручено возить копье царское, получалъ названіе *рынды у большаго копья*; тотъ, кто носилъ царскій щитъ, назывался *рындой у большаго щита*; кто приставленъ былъ къ саадаку *), назывался *рындой у большаго саадака*. Всѣ эти рынды, во всѣхъ походахъ, должны были ѣхать верхомъ, около самаго коня царскаго, и, по первому приказу царя, подавать ему или принимать отъ него то или другое оружіе.

За урокомъ. (Рис. на стр. 649).

Тонкая, изящная гравюра эта съ картины испанскаго художника Л. Альвареса, говоритъ сама за себя безъ поясненій. Молодой преподаватель очевидно увлекся не одними успѣхами своей ученицы, и выступивъ изъ роли серіознаго педагога, повидимому готовъ промѣнять ее на болѣе пріятную роль жениха.

Литературный альбомъ. „Герой нашего времени", Лермонтова. Бэла и Казбичъ. (Рис. на стр. 652).

„Герой нашего времени" такъ извѣстенъ, что нѣтъ надобности подробно напоминать, какъ родной братъ горской княжны Бэлы привезъ ее Печорину, для того чтобы вымѣнять сестру на знаменитую лошадь полумирнаго черкеса Казбича—и даже не на самую лошадь, а лишь на удобный случай украсть ее у Казбича. Послѣдній, потерявъ такимъ образомъ своего Карагеза, отомстилъ, похитивъ у Печорина Бэлу во время прогулки ея за крѣпостью. Печоринъ и старый маіоръ, Максимъ Максимычъ, возвращавшіеся съ охоты верхомъ, кинулись въ погоню...

„Смотрю, разсказываетъ Максимъ Максимычъ, Печоринъ на скаку приложился изъ ружья. „Не стрѣляйте!" крикнулъ я ему, „берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ". Ужъ эта молодежь! вѣчно не кстати горячится... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣни!" Казбичъ соскочилъ, держа на рукахъ Бэлу, что-то закричалъ имъ по своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; пуля вѣроятно попала Казбичу въ плечо, потому что онъ вдругъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь, а возлѣ нея Бэла, пораженная на смерть; Казбичъ бѣжалъ...

Новый броненосный крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ". (Рис. на стр. 653 и 656).

Со времени вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра III численность судовъ нашего Балтійскаго военнаго флота значительно пополнилась постройкою многихъ новыхъ испытанныхъ типовъ кораблей и большихъ миноносокъ 1-го класса. Изъ большихъ судовъ вошедшихъ съ 1881 г. въ составъ флота отмѣтимъ: полуброненосные казематированные фрегаты „Владиміръ Мономахъ" и „Дмитрій Донской", броненосные корабли „Память Азова", „Императоръ Александръ II" и „Цесаревичъ Николай", стальные корветы „Рында" и „Витязь" и полуброненосные крейсеры „Адмиралъ Корниловъ" (строившійся во Франціи, теперь уже спущенный; онъ прибудетъ лѣтомъ текущаго года) и „Адмиралъ Нахимовъ". Послѣдній крейсеръ, какъ единственный по своему типу, особенно интересенъ, и поэтому помѣщая въ настоящемъ нумерѣ его изображеніе въ нѣсколькихъ видахъ, присоединяемъ и нѣсколько объяснительныхъ о немъ словъ.

Полуброненосный крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ", постройка котораго въ принципѣ рѣшена была только въ 1883 году, созданъ по образцу англійскаго крейсера „Impérieuse". 12 іюля 1884 г. въ присутствіи Императорской Фамиліи въ трюмѣ его совершена была закладка, а 21 окт. 1885 г. торжественный спускъ. Въ 1886 году произведенная проба машины дала среднюю скорость 17 узловъ, составляющую 30 в. въ час. Водоизмѣщеніе его 8000 тоннъ. Корпусъ построенъ на Балтійскомъ заводѣ изъ Путиловской стали и стоитъ 2.620,000 р. Части обоихъ бортовъ, облегающія мѣсто машины, обшиты 8-ми-дюймовою броней, прокатанною въ Колпинѣ и спускающеюся на нѣсколько футовъ подъ водой. Машина трехъ-цилиндровая, смѣшанной системы, вращающая два винта, построена на Балтійскомъ заводѣ и стоитъ 1.280,000 р. Разные вспомогательные механизмы, какъ пожарныя помпы, насосы, паровые шпили, штурвалъ, динамо-электрическія машины и мн. др. обошлись 50,000 р., такъ что общая сумма стоимости всего судна, не считая мачтъ, снастей, парусовъ, орудій, станковъ, шлюпокъ, освѣщенія (т. е. ламиъ, фонарей и люстръ), доходитъ до 3.950,000 р. Строителемъ его былъ штабсъ-капитанъ Титовъ. Крейсеръ имѣетъ 5 палубъ, изъ которыхъ третья, считая сверху, броневая и защищаетъ подводную часть судна отъ навѣсныхъ выстрѣловъ. Длина его 333 ф., а ширина 62. На верхней палубѣ построены четыре броневыя башни, расположенныя на-крестъ: двѣ по бокамъ (у трубы) и по одной въ носу и въ кормѣ. Каждая изъ нихъ вооружена вращающимися дальнобойными орудіями большаго калибра, дающими легкую возможность обстрѣливать весь горизонтъ. Кромѣ того, во второй палубѣ помѣщена внушительная батарея также дальнобойныхъ орудій, по 5 на каждый бортъ, а наверху и на мостикахъ помѣщена масса скорострѣльныхъ антиторпедныхъ пушекъ, защищающихъ судно отъ нападенія миноносокъ. Въ минномъ отношеніи судно вооружено также блестяще, имѣетъ нѣсколько подводныхъ и надводныхъ минныхъ аппаратовъ, легко выпускающихъ во всѣ направленія ту адски разрушительную силу, какою обладаютъ самодвижущіяся мины. Для развѣдочной и ночной службы крейсеръ располагаетъ двумя электрическими Манженовскими фонарями, ярко освѣщающими горизонтъ на нѣсколько миль. Палубное освѣщеніе, также электрическое, состоитъ изъ 300 лампочекъ накаливанія — Яблочкова, свѣтомъ которыхъ пользуются всѣ внутреннія помѣщенія, начиная съ трюмовъ и кончая адмиральскими каютами. Въ этомъ отношеніи крейсеръ первое судно у насъ во флотѣ освѣщающееся цѣликомъ электричествомъ. На многихъ корабляхъ, гдѣ электричество введено было и прежде, его свѣтомъ пользовались лишь офицерскія и адмиральскія помѣщенія, всѣ же остальныя судовыя помѣщенія имѣли лишь масляные фонари. Угля „Нахимовъ" беретъ болѣе 1000 тоннъ, чего при 9-ти-узловомъ ходѣ хватаетъ приблизительно на мѣсяцъ ходу. Имѣя громадныя помѣщенія для угольныхъ и провизіонныхъ запасовъ, онъ предназначается спеціально для веденія крейсерской войны, направленной, какъ извѣстно, къ уничтоженію непріятельскаго преимущественно коммерческаго флота. Носъ крейсера снабженъ стальнымъ подводнымъ тараномъ, верхняя часть котораго украшена бронзовой грудной фигурой нашего славнаго героя, Павла Степановича Нахимова. Имя этого героя-моряка, столь неразрывно связанное съ воспоминаніями о нашей геройской защитѣ Севастополя и достойно носимое этимъ броненосцемъ, можно сказать, и теперь живетъ среди флота, постоянно ставя ему въ примѣръ его славное прошлое и тѣ неувядаемые лавры, которыми щедро покрыта вся его славная исторія. Корма крейсера обвивается мѣднымъ балкономъ съ дверью ведущей въ адмиральскія каюты, освѣщаемая снаружи большими четыреугольными окнами съ приподнятыми на цѣпочкахъ ставнями, а подъ балкономъ виденъ большой морской двуглавый орелъ съ картами въ лапахъ и клювахъ и бронзовая надпись „Адмиралъ Нахимовъ". На верхней палубѣ стоятъ двѣ громадныя фрегатскія мачты съ колоссальною желтаго цвѣта трубой посреди. Послѣдняя окружена мостиками съ цѣлымъ рядомъ въ сѣтки вложенныхъ бѣлыхъ коекъ, рубками (каютами стоящими на палубѣ или на мостикѣ), компасами, приподнятыми минными паровыми катерами, барказами и вельботами, что придаетъ судну въ высшей степени красивый и боевой видъ. Вы легко изъ этого убѣждаетесь, какъ обдуманно и предусмотрительно употреблено каждое свободное мѣстечко вашего владѣнія для размѣщенія тѣхъ необходимыхъ принадлежностей, надобность въ которыхъ должна предвидѣться морскою опытностью для того труднаго положенія, когда вы часто надолго отрѣзаны отъ всего земнаго и боретесь своими ничтожными, но достойными изобрѣтательности человѣческаго ума средствами съ грозной и часто безпощадной стихіей. Экипажъ крейсера состоитъ изъ 500 ч. матросовъ и 29 офицеровъ.

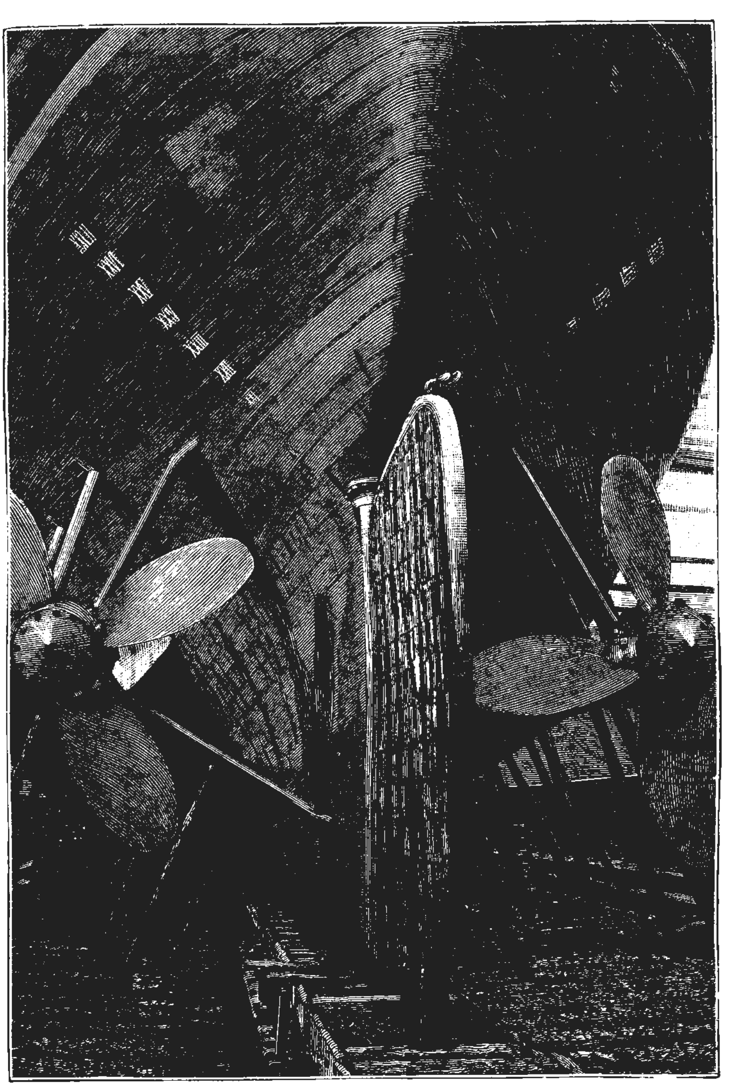
Постройкою этого судна флотъ нашъ пріобрѣлъ грознаго и сильнаго бойца, во многихъ отношеніяхъ ставшаго образцомъ для другихъ большихъ кораблей. Крайне желательно было-бы чтобы наше Морское Министерство и впредь не отвлекалось отъ разъ заданной себѣ цѣли наискорѣйшаго увеличенія нашихъ морскихъ боевыхъ силъ, которыя, сократившись за послѣднія 10, 15 лѣтъ, понизились со своего третьяго мѣста среди европейскихъ флотовъ на пятое, къ сожалѣнію, уступивъ по своей численности молодому флоту Германіи.

Помѣщенные нами два рисунка, относящіеся къ крейсеру „Адмиралъ Нахимовъ", изображаютъ: одинъ — крейсеръ введенный въ кронштадтскій Константиновскій докъ, видъ съ кормы; а другой — подводную кормовую часть броненосца, его руль и два четырехлопастные винта, при вращеніи которыхъ онъ получаетъ ходъ.

Крейсеръ „Нахимовъ", которому первое плаваніе выпало

*) *Саадакъ*—лукъ, вложенный въ *налучно* или особый футляръ, и колчанъ со стрѣлами.

лишь въ 1887 году, когда онъ новымъ и блестящимъ посланъ былъ въ Данію для присоединенія къ судамъ, ожидавшимъ возвращенія Государя Императора въ Россію и для конвоированія при обратномъ слѣдованіи Императорской яхты „Державы“, передъ уходомъ заграницу, войдя въ докъ, долженъ былъ осмотрѣть свою подводную часть, прорѣзать въ ней нѣкоторые машинные кинстоны и удлинить добавочные кили. Грандіозный Константиновскій докъ, строившійся около 15 лѣтъ и оконченный въ 1875 году, спеціально предназначенъ для ввода въ него громадныхъ океанскихъ судовъ и, весь обложенный гранитомъ, имѣетъ длину около 500 футовъ. Чтобы вообще уяснить себѣ дѣйствіе каменныхъ доковъ называемыхъ сухими (въ отличіе отъ плавучихъ) и введеніе въ нихъ судовъ, представьте себѣ, что сухой докъ есть не что иное, какъ часть канала, шириною футовъ въ 80, длиной смотря по судамъ для которыхъ онъ предназначенъ, и глубиной около 30 футовъ. Стѣны и дно канала гранитныя. Одинъ его конецъ также на-глухо задѣланъ гранитной стѣной, а другой герметически притворяется толстой желѣзной дверью, называемой батопортомъ, съ открывающимися въ ней отверстіями для впуска въ докъ наружной воды. Теперь наполните вашъ продолговатый гранитный бассейнъ водой, отворивъ для этого отверстія батопорта, прямо изъ гавани или рѣки, около которыхъ обыкновенно устраиваются доки. Очевидно, пущенная вода сейчасъ же съ шумомъ наполнитъ его и, ставъ на одинъ уровень съ уровнемъ наружной воды, при открытіи батопорта дастъ возможность всякому судну осторожно войти въ бассейнъ. Закройте послѣ этого батопортъ, выкачайте паровыми помпами воду изъ бассейна и вы получите ваше введенное судно, сѣвшее теперь своимъ килемъ на дно бассейна; если вы его подопрете со всѣхъ сторонъ балками, оно у васъ будетъ стоять прямо и надежно, совсѣмъ открытое для всякихъ работъ. Впустивъ въ бассейнъ воду и открывъ батопортъ, вы снова легко можете вывести ваше судно. Подобный бассейнъ и называется докомъ—и вотъ въ краткихъ словахъ его простое и легкое употребленіе. Въ каждомъ хорошемъ портѣ есть обязательно сухой докъ, а у насъ въ Кронштадтѣ ихъ имѣется три. Приложенный здѣсь рисунокъ снятъ съ высоты батопорта, раскрывая вамъ продольный видъ всего крейсера, кормой обращеннаго къ вамъ. Все судно проектируется въ перспективѣ, вдали видна его труба и передняя мачта, а съ лѣвой стороны рядъ горизонтальныхъ балокъ поддерживающихъ его въ нормальномъ положеніи. На первомъ планѣ адмиральскій балконъ, а надъ нимъ на верхней палубѣ спиной къ вамъ стоитъ часовой у флага. Между часовымъ и заднею мачтой видиѣтся крыша кормовой башни съ нѣсколькими стоящими на ней офицерами. На крейсерѣ идутъ обычныя работы.



Подводная кормовая часть крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, его руль и два четырехлопастные винта. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Второй нашъ рисунокъ снятъ со дна дока, подъ самой кормой гигантскаго „Нахимова“, и ясно представляетъ, какъ крейсеръ своимъ килемъ сидитъ на деревянныхъ подставахъ, называемыхъ блоками и разставленныхъ въ большомъ количествѣ подъ всю длину киля. Балансирный руль своимъ перомъ обращенъ къ зрителю, а по бокамъ его видны два четырехлопастные винта. Каждый изъ нихъ приводится въ вращеніе своею собственной машиной и можетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно. Лопасти винтовъ расположены подъ угломъ къ оси вращенія (винтовъ), какъ крылья вѣтряной мельницы, и дѣйствуютъ совершенно подобно послѣднимъ, но только съ тою разницей, что въ мельницѣ отъ движенія воздуха вращаются крылья, причемъ мельница остается на мѣстѣ, а въ корабляхъ, наоборотъ, отъ вращенія винтовъ, вода остается на мѣстѣ, но получается движеніе оси винтовъ или самого корабля. Винты, вращаясь, отталкиваютъ упругую воду, давая этимъ судну ходъ, причемъ чѣмъ быстрѣе вращеніе, тѣмъ быстрѣе и ходъ. Вращательное движеніе винтовъ въ одну сторону, даетъ судну ходъ впередъ, въ другую сторону — ходъ назадъ. Удобство двухъ винтовъ, помимо силы отъ нихъ получаемой, заключается еще и въ легкой возможности поворачивать ими судно, облегчая дѣйствіе не всегда послушнаго руля. Это достигается вращеніемъ винтовъ въ разныя стороны: одного для хода впередъ, а другаго для хода назадъ. Есть много судовъ имѣющихъ всего одинъ винтъ впереди руля и не съ четырьмя лопастями, а съ тремя и съ двумя. Для судовъ ходящихъ и подъ парами и подъ парусами, чтобы винтъ въ послѣднемъ случаѣ не мѣшалъ тормозя ходъ, устраиваютъ его подъемнымъ или разобщающимся отъ его вала. При разобщеніи онъ вращается лишь отъ хода судна, не придавая ему ни вспомогательной, ни противной силы. Вообще винтовыя суда значительно удобнѣе колесныхъ, которые почти совсѣмъ ими вытѣснены, и представляютъ неоспоримыя преимущества въ морскихъ переходахъ при буряхъ и штормахъ.

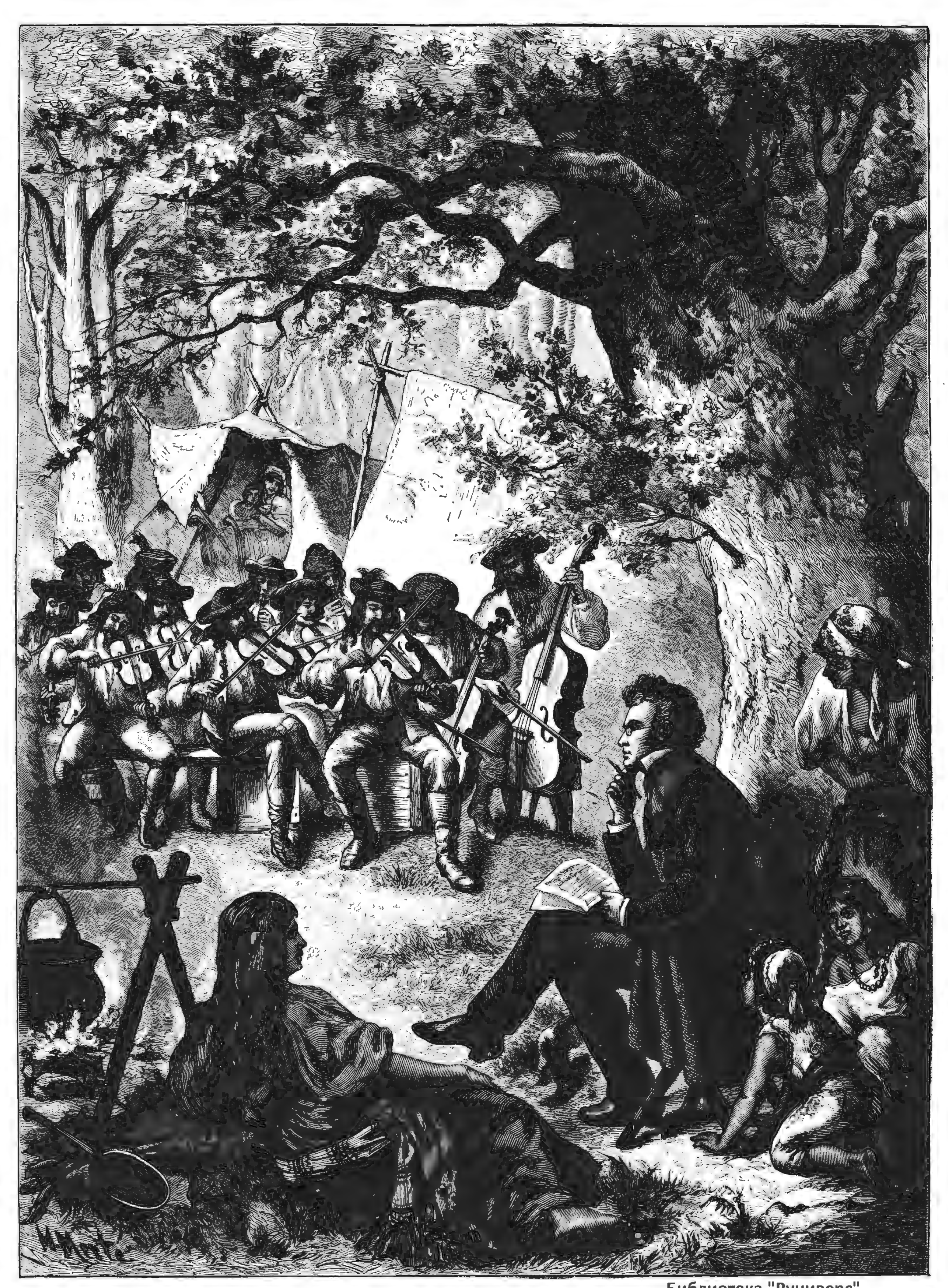
П. Д.

Францъ Шубертъ.

(Рис. на стр. 657).

Францъ Шубертъ, знаменитый нѣмецкій композиторъ, авторъ превосходныхъ пѣсенъ и множества другихъ музыкальныхъ произведеній, родился въ Вѣнѣ въ январѣ 1797 года, гдѣ и умеръ 6 ноября 1828 г.

Девяти лѣтъ принятый пѣвчимъ въ императорскую капеллу, благодаря своему прекрасному голосу, онъ получилъ тамъ прекрасное музыкальное образованіе. 16-ти лѣтъ оставивъ капеллу, Шубертъ всю свою недолгую жизнь посвятилъ музыкѣ, какъ композиторъ и преподаватель. Въ имѣніи Зельесъ, въ Венгріи, впервые познакомился Францъ Шубертъ съ мадьярскими мелодіями, которыя онъ впослѣдствіи чрезвычайно удачно примѣнялъ въ своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Учитель музыки и близкій человѣкъ въ семействѣ графа И. Эстергази, Шубертъ дважды сопровождалъ семью этого покровителя искусствъ въ Венгрію, гдѣ ему и приходилось слышать своеобразную и прелестную музыку кочующихъ тамъ цыганъ, которые горячо и неподражаемо передаютъ національныя венгерскія мелодіи. Помѣщенный на стр. 657 рис. изображаетъ Шуберта, встрѣтившаго на прогулкѣ въ лѣсу цыганскій таборъ и внимательно слушающаго импровизованный оркестръ смуглыхъ кочевниковъ. Усѣвшись подъ вѣтвями развѣсистаго дуба, онъ съ увлеченіемъ слѣдитъ за звуками, несущимися то нѣжно и тоскливо, то бурно и звонко изъ-подъ смычковъ исполнителей, и старается ихъ перенести на бумагу. Нѣсколько загорѣлыхъ женщинъ и дѣтей съ любопытствомъ смотрятъ на блѣднолицаго друга щедраго Эстергази. Свое знакомство съ національною венгерскою музыкой Шубертъ проявилъ главнымъ образомъ въ „Divertissement hongrois“, затѣмъ вліяніе тѣхъ же мелодій замѣтно въ его F—moll'номъ „Moment musical“ (№ 3) и другихъ вещахъ. Въ массѣ публики Шубертъ преимущественно славится какъ авторъ знаменитыхъ пѣсенъ, изъ коихъ всемірную извѣстность пріобрѣли „Лѣсной царь“, „Странникъ“, „Серенада“ и многія другія. Кромѣ того, онъ писалъ симфоніи, мессы и другія духовныя піесы, оперы и проч.



Композиторъ Францъ Шубертъ, записывающій мелодіи венгерскихъ цыганъ. Рис. Мерте, грав. Бонгъ.

Погребеніе императора Фридриха III.

(Рис. на стр. 660).

Похороны почившаго Германскаго императора совершились, согласно волѣ покойнаго, безъ особенной торжественности. Въ понедѣльникъ, 6 іюня, послѣ отпѣванія, при громѣ пушечныхъ салютовъ и тихомъ перебоѣ погребальной молитвы, которую исполняли всѣ оркестры, рожки и барабаны собранныхъ на похороны войскъ, гробъ съ тѣломъ императора Фридриха III былъ вынесенъ изъ Фридрихскронскаго дворца, поставленъ на высокія дроги, обитыя траурною матеріею, посреди громадныхъ вѣнковъ и пальмовыхъ вѣтвей, и перевезенъ по главной аллеѣ густаго парка Санъ-Суси въ постдамскую гарнизонную церковь, гдѣ и преданъ землѣ. За гробомъ слѣдовали императоръ Вильгельмъ II, принцы, генералитетъ и другія лица. Вслѣдъ за императоромъ шествовалъ принцъ Вельскій съ Саксонскимъ королемъ и за ними Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ прусскомъ мундирѣ.

Комната, въ которой умеръ императоръ Фридрихъ III.

(Рис. на стр. 661).

Комната, въ которой скончался 3 іюня настоящаго года Германскій императоръ Фридрихъ III, представляетъ высокій, богатоубранный покой. Мягкіе смирнскіе ковры покрываютъ полъ и сквозь дорогія занавѣски высокихъ оконъ пробивается ровный полусвѣтъ въ комнату. Посреди роскошной обстановки у средней стѣны, нѣсколько придвинутая къ серединѣ покоя, стоитъ простая желѣзная кровать, на которой державный страдалецъ почилъ на-вѣки. Черныя колонки ея украшены небольшими изваяніями изъ латуни. Это походная кровать императора; она покрыта бѣлымъ одѣяломъ. У изголовья, въ стѣнѣ виднѣются 5 кнопокъ электрическихъ звонковъ, надъ которыми придѣланы небольшія дощечки съ именами: Мэкензи, Гоуэль, Вегнеръ, Краузе и Барделебенъ. На противуположной сторонѣ кровати помѣщается маленькій четыреугольный столъ, съ нѣсколькими букетами цвѣтовъ.

Политическое обозрѣніе.

Выдающимся и знаменательнымъ событіемъ послѣдняго времени являются открытіе императоромъ Германскимъ Вильгельмомъ II имперскаго парламента и произнесенная имъ по этому случаю рѣчь. Уже первые правительственные акты новаго царствованія произвели самое благопріятное впечатлѣніе въ Германіи и за предѣлами ея, и разсѣяли пессимистическіе слухи о предстоящей политикѣ молодаго монарха. Съ особеннымъ удовольствіемъ и единодушіемъ отзывается германская печать о благородствѣ и искренней сердечности, съ какою молодой императоръ чествуетъ добродѣтели своего отца, героическую силу его воли, его христіанское смиреніе, строгость въ соблюденіи обязанностей своихъ этимъ „царственнымъ мученикомъ“, сердце котораго всегда откликалось на все величественное и прекрасное. Далѣе нѣмецкія газеты встрѣчаютъ съ самымъ живымъ и глубокимъ сочувствіемъ программу царствованія молодаго императора, который, по примѣру своихъ предшественниковъ, стремится быть монархомъ справедливымъ и милостивымъ, блюсти богобоязненность и пребывать въ страхѣ Божіемъ, защищать миръ, способствовать благосостоянію страны, оказывать помощь бѣднымъ и униженнымъ и быть вѣрнымъ стражемъ закона. Въ особенности органы печати привѣтствуютъ выраженіе тѣснѣйшаго сближенія монарха съ своимъ народомъ и довѣрія, которое онъ питаетъ къ нему, и заявляютъ торжественно, что довѣріе это вполнѣ взаимно. Равнымъ образомъ и миролюбивый тонъ прокламаціи не остался незамѣченнымъ. Въ такомъ-же тонѣ произнесена и рѣчь юнаго императора, чего можно было ожидать по нѣкоторымъ предшествовавшимъ событіямъ. Такъ еще 9 іюня въ засѣданіи Союзнаго Совѣта имперскій канцлеръ особенно настаивалъ на мирномъ характерѣ нынѣшняго политическаго положенія и указывалъ, что какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика Германіи будетъ руководиться прежними принципами.

Кромѣ того, нѣмецкія газеты указывали, что въ предстоящей тронной рѣчи къ рейхстагу положеніе Европы будетъ, вѣроятно, изображено въ такомъ благопріятномъ свѣтѣ, въ какомъ давно уже не изображалось, и что оплотомъ мира, помимо союзовъ, должно считать благопріятный характеръ международныхъ отношеній, — какого они давно уже не имѣли. Послѣднее, по словамъ *National Zeitung*, относится, повидимому, къ Россіи. Это предположеніе подтверждается сообщеніемъ *Boersencourier'a*, напечатавшаго, что императоръ, принимая Великаго Князя Владиміра Александровича, выразилъ горячее желаніе, чтобы Германія въ его правленіе поддерживала съ русскимъ правительствомъ и Русскимъ народомъ такія-же дружественныя отношенія, какъ въ правленія его дѣда и родителя. Императоръ присовокупилъ, что онъ надѣется найти случай выразить оффиціальнымъ образомъ чувства, питаемыя имъ къ Императору Александру.

Открытіе германскаго рейхстага послѣдовало 13 іюня въ Бѣлой залѣ королевскаго дворца въ Берлинѣ. Когда императоръ вошелъ въ залу, имѣя около себя по одну сторону короля Саксонскаго, а по другую принца-регента Баварскаго и въ сопровожденіи другихъ германскихъ союзныхъ государей, президентъ рейхстага Ведель провозгласилъ „Hoch!“ въ честь императора и союзныхъ германскихъ государей. Затѣмъ юный Германскій императоръ приступилъ къ чтенію тронной рѣчи. Въ этой рѣчи императоръ Вильгельмъ II прежде всего указалъ на глубокое горе, постигшее всѣхъ германцевъ. „Подъ гнетомъ этого горя,“ говорится въ рѣчи, „я молю Бога даровать мнѣ силы для исполненія тѣхъ высокихъ обязанностей, къ которымъ я призванъ Его волею. Слѣдуя этому призыву, я имѣю передъ глазами образецъ, оставленный преемникамъ императоромъ Вильгельмомъ, послѣ тяжелыхъ войнъ, въ миролюбивомъ управленіи, которому соотвѣтствовало также и управленіе моего родителя, насколько въ осуществленіи его намѣреній не воспрепятствовали ему недугъ и смерть. Я созвалъ васъ для того, чтобы въ вашемъ присутствіи объявить Германскому народу, что я рѣшилъ, въ качествѣ императора и короля, идти тѣмъ же путемъ, на которомъ мой почившій дѣдъ пріобрѣлъ довѣріе участниковъ Германскаго союза, любовь Германскаго народа и доброжелательную признательность иностранныхъ государствъ.“ Высшею своею задачею юный императоръ считаетъ сохраненіе въ силѣ имперской конституціи. Въ области внѣшней политики онъ твердо рѣшилъ жить въ мирѣ со всѣми, насколько это отъ него зависитъ. „Любовь къ германской арміи и мое положеніе относительно ея никогда не введутъ меня въ искушеніе омрачить странѣ блага мира, если только война не станетъ необходимостью, вслѣдствіе нападенія на нашу имперію или ея союзниковъ. Нашъ союзъ съ Австро-Венгріей — дѣло гласное, извѣстное. Я держусь его съ германскою вѣрностью не только потому, что онъ заключенъ, но и потому, что усматриваю въ этомъ оборонительномъ союзѣ основу европейскаго равновѣсія, а также завѣтъ германской исторіи, содержаніе котораго поддерживается теперь общественнымъ мнѣніемъ всего германскаго народа и который соотвѣтствуетъ старинному европейскому международному праву, какимъ оно неоспоримо дѣйствовало до 1866 года. Такія же историческія отношенія, такія же національныя потребности соединяютъ насъ и съ Италіей. Наши существующія соглашенія съ Австро-Венгріей и Италіей, къ удовольствію моему, позволяютъ мнѣ заботливо поддерживать личную мою дружбу съ Русскимъ Императоромъ и существующія уже сто лѣтъ мирныя отношенія къ сосѣднему намъ Русскому царству, что отвѣчаетъ какъ моимъ личнымъ чувствамъ, такъ и интересамъ Германіи.“ Прочитавъ тронную рѣчь, императоръ пожалъ руку князю Бисмарку, который въ отвѣтъ поцѣловалъ у императора руку.

Черезъ два дня императоръ Вильгельмъ II открылъ, въ качествѣ короля Прусскаго, — сеймъ торжественною рѣчью, въ которой съ особенною подробностью остановился на внутренней политикѣ королевства. „Подобно тому“, сказано въ этой рѣчи, „какъ отецъ усвоилъ себѣ политику моего дѣда, и я поступлю такъ же; съ тою же добросовѣстностью буду и я уважать права народнаго представительства и охранять права предоставленныя конституціею коронѣ.“ Въ заключеніе король упомянулъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ недавними наводненіями, и кончилъ свою рѣчь словами Фридриха Великаго: „Король — первый слуга государства“.

Положеніе дѣлъ въ Болгаріи, по словамъ *Correspondance de l'Est*, становится невыносимымъ. Большая партія, сформировавшаяся во время отреченія принца Баттенбергскаго отъ престола, распалась теперь на четыре фракціи, которыя съ ожесточеніемъ враждуютъ между собою. Начевичъ выйдетъ изъ состава министерства. Личное правленіе Стамбулова рѣшительно всѣмъ надоѣло и опротивѣло, а несправедливое осужденіе Попова возмутило армію. Стамбуловъ опасается, чтобы Поповъ не замѣстилъ его зятя, военнаго министра. Армія распущена и деморализована. Такое положеніе дѣлъ осложняется еще совершеннымъ безденежьемъ казны и недовольствомъ народа по поводу неслыханной жестокости, съ которою взыскиваются недоимки въ податяхъ. Дѣла всюду совсѣмъ остановились и общее утомленіе и недовольство ростутъ съ каждымъ днемъ. За исключеніемъ личныхъ друзей Стамбулова, никто не вѣритъ въ возможность продленія нынѣшнихъ порядковъ на продолжительное время. Съ другой стороны, приверженцы принца Кобургскаго не смѣютъ даже подумать о послѣдствіяхъ паденія кабинета.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 14 іюня, Его Величество Государь Императоръ изволилъ принимать въ торжественной аудіенціи, въ Петергофскомъ Дворцѣ, чрезвычайнаго посла его величества императора Германскаго короля Прусскаго, генерала фонъ-Папе. Въ тотъ-же день генералъ фонъ-Папе имѣлъ честь быть представленнымъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ и Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу. Посолъ прибылъ изъ Берлина 12 іюня, съ курьерскимъ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги.

— Государь Императоръ изволилъ повелѣть: наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на *четыре дня*, по случаю кончины принцессы Паулины-Викторіи-Анны Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зонденбургъ-Августенбургской.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Пр. Сенату, повелѣно: Въ виду достигнутыхъ въ послѣднее время усовершенствованій въ способахъ выдѣлки цѣнныхъ бумагъ, замѣнить кредитные билеты 25 руб., 10 руб., 5 руб., 3 руб. и 1 руб. достоинствъ билетами новыхъ образцовъ.

Обязательный срокъ обмѣна кредитныхъ билетовъ нынѣшняго образца на новые назначается трехгодичный, съ 1 января 1890 года по 1 января 1893 года, съ тѣмъ чтобы, по истеченіи этого срока, кредитные билеты нынѣшняго образца не принимались въ казенные платежи и не были обязательны къ обращенію между частными лицами.

— Высочайше повелѣно: Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 18 мая 1882 года положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ распространить на губерніи Царства Польскаго съ дополненіями и измѣненіями.

Финансы.

— Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1 іюня 1888 г. совѣтомъ банка разсмотрѣно 6,158 дѣлъ о ссудахъ.

Изъ сего числа совѣтомъ разрѣшено 5,564 ссуды, на сумму 51.540,126 руб.

Военное и морское дѣло.

— 12 іюня, въ день Святыя Троицы, въ Красномъ Селѣ состоялся въ Высочайшемъ присутствіи церковный парадъ лейбъ-гвардіи Измайловскому полку, празднующему въ этотъ день свой полковой праздникъ.

— Въ тотъ-же день, въ Усть-Ижорскомъ лагерѣ праздновалъ свой полковой праздникъ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ. На праздникѣ присутствовалъ Е. И. В. Генералъ-Инспекторъ по инженерной части, Генералъ-Фельдмаршалъ Вел. Кн. Николай Николаевичъ Старшій.

— По случаю кончины императора Германскаго Фридриха III, бывшаго шефомъ 5-го Калужскаго пѣхотнаго полка, командиромъ полка была отправлена въ Берлинъ императору Вильгельму II слѣдующая телеграмма: „Калужскій полкъ, съ великою скорбію узнавъ о кончинѣ своего возлюбленнаго шефа, еще такъ недавно милостиво принимавшаго депутацію, шлетъ наилучшія пожеланія вашему величеству“.

Его величество императоръ Вильгельмъ II соблаговолилъ почтить командира полка, полковника Коробка, слѣдующимъ отвѣтомъ:

„Благодарю васъ и полкъ за сочувствіе при тяжкой потерѣ, меня постигшей, за выраженныя мнѣ благопожеланія, а также за то расположеніе, которое полкъ имѣлъ къ своему покойному шефу, чѣмъ я глубоко тронутъ“.

„Вильгельмъ II“.

— 11 іюня, въ $2^3/_4$ часа пополудни, со двора газоваго завода общества столичнаго освѣщенія состоялось поднятіе шара, принадлежащаго военному вѣдомству, при участіи двухъ воздухоплавателей: штабсъ-капитана Романова и поручика Кованько. Какъ только были отданы веревки, шаръ быстро нанесло на сосѣднее зданіе и ударило о стѣнку: тотчасъ-же штабсъ-капитаномъ Романовымъ былъ выброшенъ балластъ, но шаръ ударился вторично о карнизъ зданія, причемъ сила удара была настолько велика, что ударомъ отбило болѣе аршина кирпичной кладки и отворотило желѣзную крышу; къ довершенію опасности, якорь оторвался, поволочился по землѣ и шаръ могъ подвергнуться новому удару, но поручикъ Кованько отрѣзалъ канатъ, шаръ освободился и быстро поднялся. Шаръ опустился въ $6^1/_2$ часовъ, въ 15 верстахъ отъ Новгорода, близъ дер. Слуцкой.

— Въ Севастополѣ, 9 іюня, начались морскіе маневры, въ которыхъ принимаетъ участіе броненосный корабль „Чесма“.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Недавно, въ гор. Баку доставлено изъ Закаспійской области около 10 пудовъ селитры, добытой въ мѣстности у Аннау, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Асхабада. Залежи селитры въ названной мѣстности еще весьма мало изслѣдованы. По словамъ газеты *Кавказъ*, можно ожидать, что въ скоромъ времени начнется разработка залежей селитры, тѣмъ болѣе, что эти залежи находятся всего въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ линіи Закаспійской желѣзной дороги.

— Въ русскомъ отдѣлѣ Копенгагенской выставки ихъ величества король и королева Датскіе особенно заинтересовались прекраснымъ роялемъ Шредера и пожелали услышать его звуки. За отсутствіемъ когольбо изъ артистовъ, за рояль сѣла дочь одного изъ коммисаровъ, г-жа Добронизская, за что и удостоилась получить много милостивыхъ словъ отъ короля, королевы и наслѣдной принцессы. Въ три четверти перваго ихъ величества простились съ русскими коммисарами и подъ звуки шведскаго національнаго гимна, который былъ сыгранъ на роялѣ Шредера русской экспоненткой О. В. Лоренцъ, прошли въ другіе отделы.

— Ярославское общество сельскаго хозяйства, съ разрѣшенія Министра Государственныхъ Имуществъ, устраиваетъ въ сентябрѣ текущаго года сельско-хозяйственную выставку.

Торговля.

— При благопріятной погодѣ, установившейся въ послѣднее время и вызвавшей надежды на исправленіе хлѣбныхъ полей, хлѣбная торговля на недѣлѣ къ 5-му іюня (ст. ст.) проходила тихо. На большинствѣ заграничныхъ рынковъ предложеніе въ значительной степени превышало спросъ, чѣмъ и обусловливалось почти повсемѣстное пониженіе цѣнъ. Русскіе портовые рынки, находясь подъ вліяніемъ слабыхъ извѣстій изъ-за границы, не отличались оживленіемъ, тѣмъ болѣе, что продолжающееся повышеніе нашего курса временно усиливаетъ несоотвѣтствіе цѣнъ. Виды хлѣбной торговли остаются, однако, благопріятными. На внутреннихъ рынкахъ, въ ожиданіи лучшихъ цѣнъ, продавцы воздерживаются отъ сдѣлокъ.

Народное просвѣщеніе.

— Высочайше повелѣно: открыть, съ начала 1888—89 учебнаго года, въ составѣ Высочайше разрѣшеннаго къ учрежденію въ городѣ Томскѣ Императорскаго Томскаго университета одинъ медицинскій факультетъ.

Изъ губерній и областей.

— Въ селѣ Медвѣдь (Новгородской губ.), сгорѣло 17 каменныхъ и 20 деревянныхъ домовъ. Бѣдняки, потерявшіе послѣдній кровъ, размѣщены въ саперныхъ казармахъ; изъ полковой пекарни раздается печеный хлѣбъ.

— Въ Севастополѣ купальный сезонъ въ полномъ разгарѣ. 13 іюня на Приморскомъ бульварѣ открыты новыя городскія купальни. Температура воды 19° Р.

— Изъ Карса сообщаютъ, что тамъ, при постройкѣ дома, пятеро рабочихъ, роя фундаментъ, нашли кувшинъ съ турецкими и англійскими золотыми монетами, на 40,000 р.

— 12 іюня вечеромъ въ Ташкентѣ былъ сильный ударъ, сопровождавшійся явственно слышнымъ гуломъ.

Дѣла церкви.

— 5 іюня, Волынской губ., Дубенскаго уѣзда, въ с. Малыхъ Дорогостаяхъ, имѣніи г. Грессера, присоединилось къ православію свыше 200 чеховъ, отъ малолѣтокъ и до сѣдины, разныхъ вѣроисповѣданій, преимущественно римско-католическаго,—изъ Новинъ, Подгаецъ и другихъ селеній. Присоединеніе совершалъ викарный епископъ Александръ. Торжество было необычайное, — и церковь, и погостъ были переполнены постороннимъ людомъ.

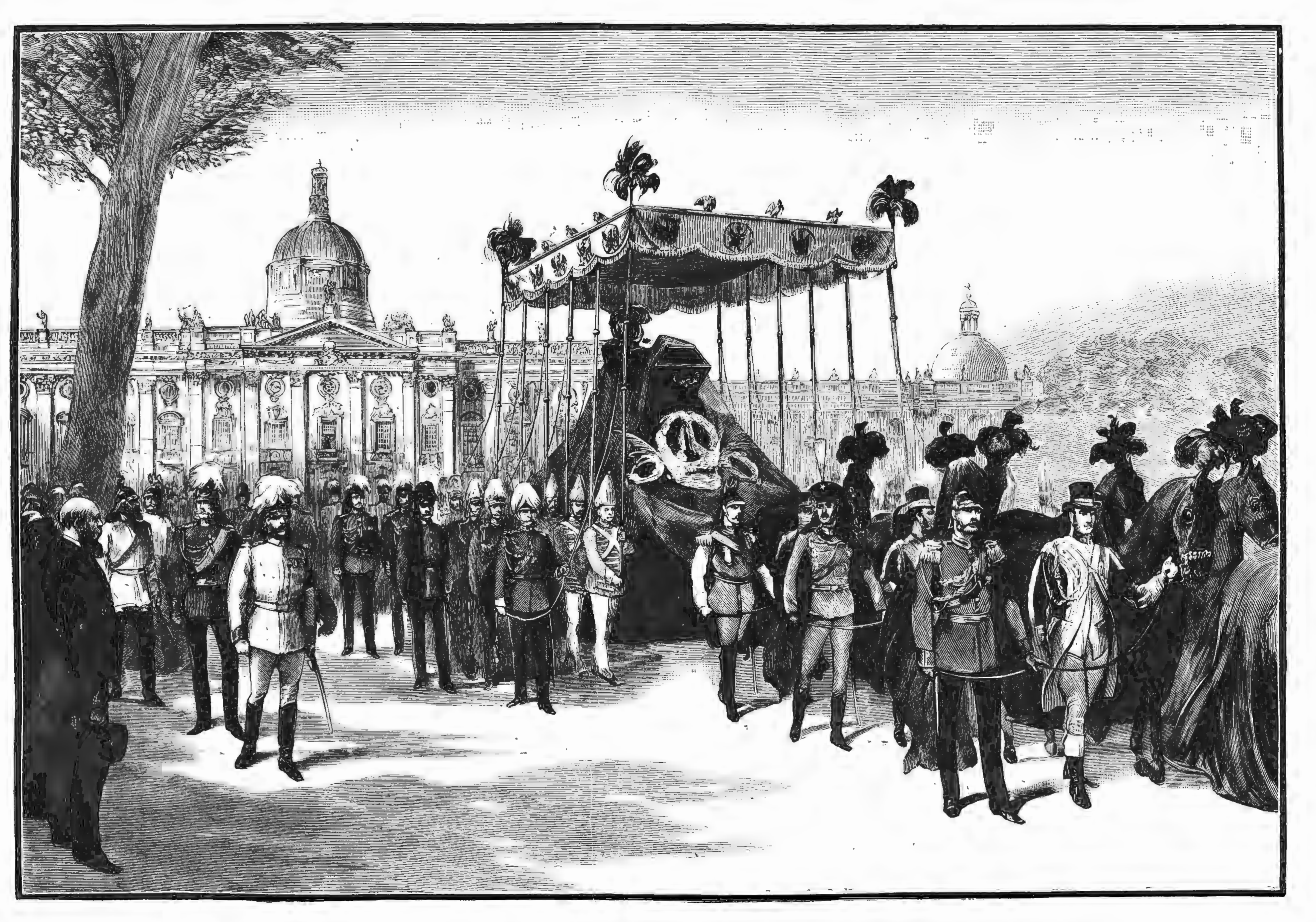
Смѣсь.

Черты изъ жизни покойнаго императора Фридриха III. Крупныя событія въ жизни почившаго императора и его дѣянія какъ полководца слишкомъ извѣстны для того чтобы нужно было напоминать о нихъ въ особомъ некрологѣ. Но съ кончиной державнаго страдальца появляются въ различныхъ нѣмецкихъ журналахъ драгоцѣнныя черты его внутренняго міра и разныя мелочи характеризующія его нравственный обликъ. Воспользуемся нѣкоторыми изъ нихъ, до сихъ поръ не появлявшимися въ печати.

Подобно своему отцу, императоръ Фридрихъ, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, ежегодно по нѣскольку разъ и всегда безъ предварительнаго увѣдомленія осматривалъ двѣ школы въ своихъ имѣніяхъ, селахъ Борнштедтѣ и Эйхе. При этомъ онъ не пропускалъ случая самоличнымъ экзаменомъ „пощупать зубы учителей“, какъ онъ выражался. Такъ 22 (10) декабря 1881 года кронпринцъ долго сидѣлъ въ третьемъ классѣ Борнштедтской школы на урокѣ новоприглашеннаго учителя, дабы ознакомиться съ его преподаваніемъ. Высокій посѣтитель собирался уже заглянуть въ первый классъ, какъ вдругъ учителю (г. Матіасу) подали телеграмму извѣщавшую, что его престарѣлая мать умираетъ въ селеніи близъ Шпандау. Кронпринцъ, спросивъ о содержаніи телеграммы, заявилъ учителю что тотъ долженъ немедленно ѣхать чтобы доставить послѣднее утѣшеніе своей матери. — „А классъ... А дѣти...“ пробормоталъ преподаватель. — „Ступайте, ступайте,“ отвѣчалъ кронпринцъ, „классъ я беру на себя до 11 часовъ, когда придетъ пасторъ на урокъ Закона Божія. Спѣшите чтобы застать матушку вашу въ живыхъ.“ Кронпринцъ замѣнилъ учителя и цѣлый часъ экзаменовалъ учениковъ перваго класса изъ исторіи реформаціи. Въ 11 часовъ онъ распустилъ учениковъ, поѣхалъ къ ничего не чаявшему пастору (вмѣстѣ съ тѣмъ инспектору школы), сообщилъ ему объ отъѣздѣ учителя и въ заключеніе просилъ позволенія присутствовать на урокѣ Закона Божія. Три четверти часа провелъ онъ на этомъ урокѣ и остался имъ очень доволенъ; однако, найдя у воспитанниковъ экземпляры Библіи довольно ветхими, тотчасъ приказалъ купить новые на свой счетъ.

Однажды, при посѣщеніи кронпринцемъ Эрфурта, тамошняя молодежь, особенно любившая принца, шумно его привѣтствовала. Онъ высунулся изъ коляски и крикнулъ: „Ребята, за мной ѣдетъ Мольтке — кричите громче!“

Въ мартѣ 1873 года, только что оправясь послѣ тяжкой болѣзни, кронпринцъ вернулся въ Берлинъ, гдѣ его особенно радостно и



Кончина Германскаго императора Фридриха III. Похоронная процессія на пути изъ Фридрихскронскаго замка.

По рис. Graphic, грав. Ю. Шюблеръ.

торжественно привѣтствовали. Одна изъ депутацій поднесла ему ново-учрежденную стипендію въ любимомъ его учрежденіи, Художественно-ремесленномъ музеѣ. Когда шедшій во главѣ депутаціи подошелъ къ принцу, слегка закинувъ голову и выставивъ грудь впередъ, принцъ спросилъ: „Что, вѣрно рѣчь сказать хотите?“ — „Если ваше императорское высочество дозволите...“ — Принцъ улыбнулся: „Ну, катайте!“

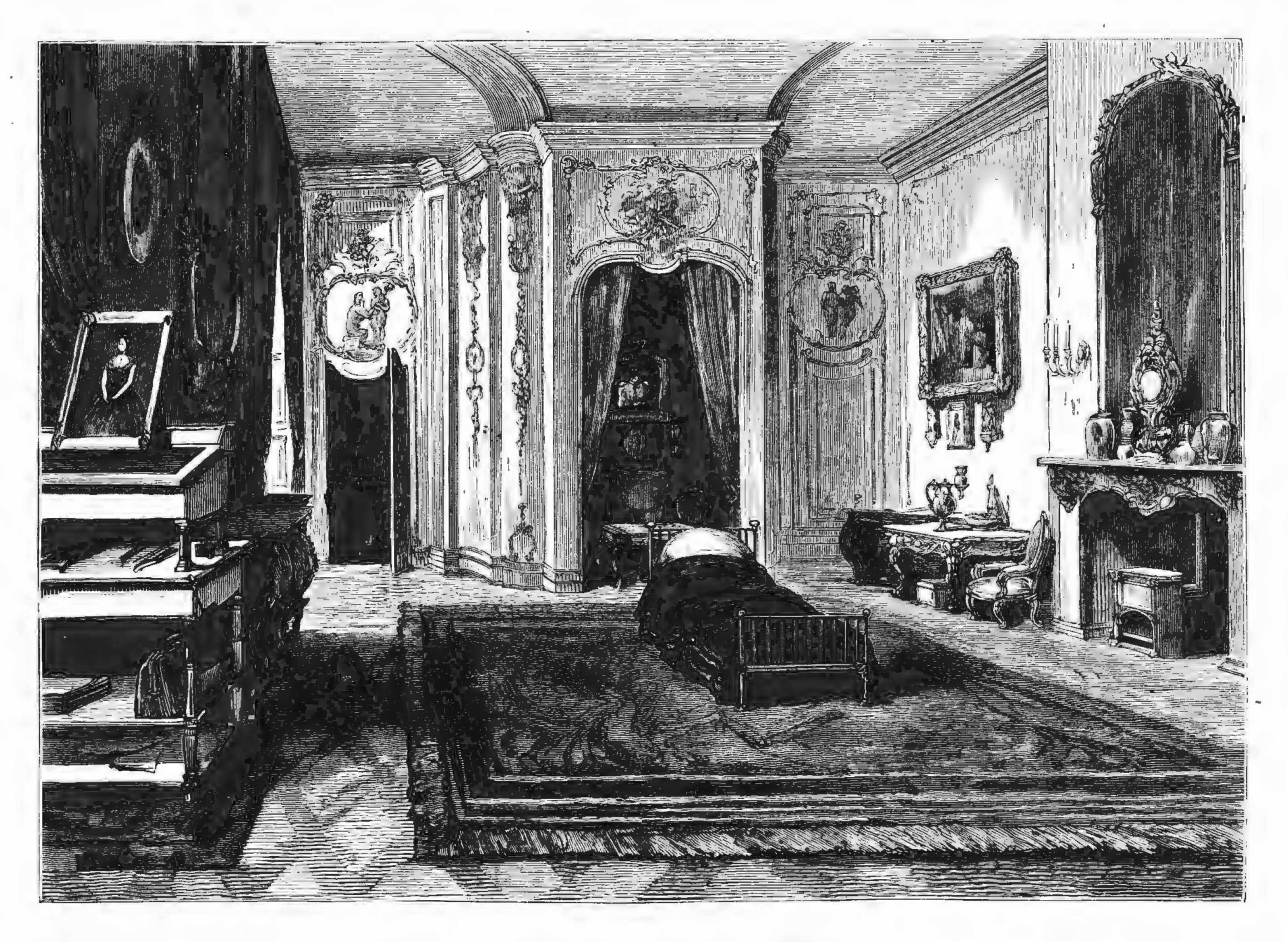
Однажды, проѣздомъ чрезъ Кюстринъ, принцъ былъ встрѣченъ всѣми штабъ-офицерами мѣстнаго гарнизона и высшими гражданскими властями. Три маленькія дѣвочки поднесли принцу букетъ изъ бѣлыхъ розъ и миртъ со слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Даримъ твоей женѣ букетъ,
Ея милѣй на свѣтѣ нѣтъ.
Когда воротишься домой,
Смотри-жъ, вручи ты ей самой.

Принцъ былъ очень доволенъ и обѣщалъ передать букетъ въ точности по назначенію.

нѣйшаго движенія, дѣлаютъ среднимъ числомъ отъ 20—36 миллиметровъ въ часъ, такъ что ледяная частица, заключающаяся въ одномъ изъ значительнѣйшихъ альпійскихъ глетчеровъ, потребуетъ для своего передвиженія съ фирноваго поля до глетчера отъ 60 до 100, а при нѣкоторыхъ условіяхъ отъ 200 до 400 лѣтъ. По сообщенію извѣстнаго гренландскаго изслѣдователя Стеенструпа, глетчеры находящіеся на сѣверо-западѣ Гренландіи, движутся съ гораздо большею быстротою. По новѣйшимъ измѣреніямъ констатировано передвиженіе гренландскихъ глетчеровъ не менѣе какъ на 99 футовъ въ теченіе лѣтняго дня и отъ 30—35 футовъ въ зимній день. Фактъ этотъ могъ бы имѣть большое значеніе для опредѣленія ледяного періода въ другихъ мѣстахъ земнаго шара. (с.)

Дождевой зонтикъ есть изобрѣтеніе китайцевъ. Изъ Китая онъ перешелъ въ Индію, изъ Индіи въ Грецію, гдѣ, по преданію, уже Пиѳагоръ, во время своихъ поученій, закрывалъ голову зонтикомъ отъ палящихъ лучей солнца. Діодоръ Сицилійскій разсказываетъ, что знаменитая Аспазія имѣла роскошные лѣтніе и зимніе скіадіоны (зонтики). У римлянъ зонтикъ былъ принадлежностью богатыхъ патриціевъ. Онъ составлялъ также цѣнную часть приданаго дѣвушекъ и сохранялся ими до глубокой старости. Въ числѣ подарковъ, которые предложилъ Антоній Клеопатрѣ, находился также дождевой зонтикъ. Изъ Африки и Индіи зонтикъ былъ перенесенъ португальцами въ Европу; изъ Португаліи перешелъ въ Англію; оттуда съ половины XVII столѣтія—въ Германію и Францію. Зонтикъ нашихъ предковъ представлялъ собою объемистое, весьма сложнаго устройства, сооруженіе отъ 5—6 фунтовъ вѣсомъ. Во время первой французской революціи онъ былъ отличительнымъ признакомъ протестующихъ. Въ 1788 году была мода на бѣлые зонтики, въ 1789 на зеленые, въ 1791 вошли въ употребленіе красные, а въ 1804—синіе. Въ настоящее время снова появляются въ отдѣльныхъ случаяхъ яркіе цвѣта, въ общемъ же современный дождевой зонтикъ отличается обыкновенно темнымъ цвѣтомъ. (с.)



Комната, въ которой умеръ императоръ Фридрихъ III.

Своеобразное наказаніе. О римскомъ императорѣ Галліенѣ, погибшемъ въ 268 году по Р. Х. отъ стрѣлы, пущенной неизвѣстною рукою, разсказываютъ слѣдующее. Супруга императора жаловалась ему однажды на ювелира, который продалъ ей за большую сумму фальшивыя украшенія, и требовала, чтобы онъ былъ наказанъ. Галліенъ, хотя не вполнѣ увѣренный въ обманѣ, но желавшій съ другой стороны исполнить просьбу супруги, приказалъ заключить ювелира въ тюрьму и присудилъ его къ публичному растерзанію дикими звѣрями. На эту страшную казнь собрались безчисленныя массы народа. Среди мертвой тишины и напряженнаго ожиданія собравшихся зрителей, дрожа отъ страха, несчастный осужденный стоялъ на колѣняхъ на аренѣ. Смертельный ужасъ охватывалъ его, и холодный потъ каплями выступалъ у него на лбу. Но вотъ съ шумомъ поднялась желѣзная дверь ужасной львиной клѣтки. Тысячи глазъ устремились на нее, и стоявшій на колѣняхъ ювелиръ упалъ почти безъ чувствъ на землю... Какъ вдругъ раздался хохотъ и веселые крики. Изъ клѣтки съ рѣзкимъ крикомъ вылетѣлъ индѣйскій пѣтухъ. Глашатай взошелъ на возвышеніе и, когда толпа умолкла, объявилъ: „Онъ обманулъ и былъ обманутъ; смертельный страхъ послужилъ ему наказаніемъ“. (с.)

Уже полтора вѣка тому назадъ было дознано, что ледяныя массы глетчеровъ, несмотря на свою кажущуюся неподвижность, въ сущности находятся въ постоянномъ движеніи внизъ; но только 60 лѣтъ тому назадъ это движеніе было изслѣдовано подробнѣе. Изслѣдованія эти показали, что глетчеры, въ періодъ своего сильнѣйшаго движенія, дѣлаютъ ... (продолженіе выше)

Стеклянные глаза. Въ Германіи и Швейцаріи изготовляется ежегодно до 2.000,000 стеклянныхъ глазъ, а одинъ французскій торговый домъ выдѣлываетъ ихъ до 300,000 штукъ. (с.)

Въ 1886 году на англійскомъ книжномъ рынкѣ появилось 5640 изданій, въ Америкѣ же только 4030. Изъ изданныхъ въ 1885 году въ Америкѣ 934 романовъ, по крайней мѣрѣ 600 были перепечатаны съ англійскихъ изданій. (с.)

Куропатка — самая плодовитая птица. Самка кладетъ отъ 14 до 18 яицъ и почти всѣ высиживаетъ. (с.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 36 (помѣщенной въ № 21).

Бѣлыя.	Черныя.
1. e 7 — f 8 D	1. b 4 : d 2
2. Da5:e1:h4	2. g 7 — f 6 (A)
3. D h 4 : e 7	3. h8 — g7 (B)
4. D e 7 — f 6	4. h 6 — g 5
5. f 4 : h 6	и шашка черныхъ заперта.

(A)

2.	2. h 6 — g 5
3. f 4 : h 6	3. g 7 — f 6
4. D h 4 : e 7	4. h 8 — g 7
5. D e 7 — f 6	и шашка черныхъ заперга.

(B)

3.	3. h 6 — g 5
4. D h 4 : e 7	4. h 8 — g 7
5. D e 7 — f 6	и шашка черныхъ заперта.

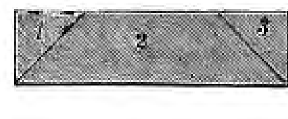
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—В. И. Шошина, И. И. Мосолова, Н. В. Панкова, Н. Люхина, Ф. А. Боронина, С. Т. Грибова, А. А. Поспѣева, **Москва**—В. С., Ф. Чернышева, Н. Н. Смирнова, Музылева, Хромова, **Астрахань**—Е. З. Косова. **Болховъ**—Н. В. Панина, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Діевка**—М. Диковскаго, **Завидово**—Ѳ. И. Чурилина, **Медвѣдево**—М. Лейцингеръ, **Новгородъ**—А. Ѳ. С., **Ново-Серпуховъ**—В. Дукина, **Семеновская**—Н. Малиновскаго, **Тверь**—И. Мамкина, **Харино** Ѳ. И. Кирсанова, **Ярославль**—Н. А. Курочкина.

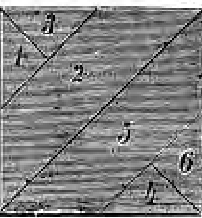
Рѣшеніе шахматной задачи № 35 (помѣщенной въ № 21).

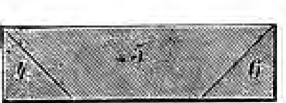
Бѣлые.	Черные.
1) Ф e8 — a8	c 6 — c 5
2) Ф a8 — b8+	Кр. куда угодн.
3) C g4 — d7 или К b6 — d5++	
1)	Кр. d 6 — c 5
2) Ф a8 — a5+	Кр. c 5 — d 6
3) К b6 — c8++	
1)	Кр. d 6 — c 7
2) К b6 — c4	Кр. c 6 — c 5
3) Ф a8 — c8++	
1)	Кр. d 6 — e 7
2) Ф a8 — b8	Куда угодно.
3) Ф b8 — d6 или К b6 — d5++	
1)	Кр. d 6 — e 5
2) Ф a8 — d8	
3) Ф d8 — e7 или Ф d8 — d4++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** М. Заборовскаго, А. Маснеръ, **Исады**—В. Н. Кожина, **Дисна**—Ф. Іоффе, **Курскъ**—Э. Спроге, **Кіевъ**—А. Охоцкаго, **Россіены**—И. Маня.

Рѣшеніе геометрической задачи № 38 (помѣщ. въ № 21).







Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг: **Спб.** Н. Е. Александрова, Н. М. Переворина, А. А. Поспѣева, К. Штейнъ, Ф. А. Боронина, В. Хонъ, М. Косоварова, Мартиновскаго, М. Новоселова; **Москва**—А. Безиковича, А. Н. Трегубова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Боровскъ**—Е. Е. Шевелева, **Божедаровка**—Н. Кречуновичъ, **Витебскъ**—П. Х. Дыжгальвисъ, **Вологда**—Н. Миролюбова, **Динабургъ**—М. Загера, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, **Коломна**—В. В. Симоновскаго, **Кудрунюла**—Н. Яксъ, **Касимовъ**—Г. Д. Воскресенскаго, **Каменская**—В. Е. Севрюгова, **Казань**—М. Изосимова, **Лисино**—А. Мелешкевича, **Медвѣдево**—М. Лейцингеръ, **Николаевъ**—Г. Х. Фрумкина, **Одесса**—П. Н. Стефани, **Ромны**—М. Куржанскаго, **Севастополь**—Н. Сычева, **Судогда**—В. Н. Голубева, **Уральскъ**—М. А. Попова, **Шацкъ**—А. Филимоновича, П. Г. Крутько, **Ярославль**—К. Мосягина.

Партія

(съ дачей пѣшки f 7 и двухъ ходовъ).
Играна въ помѣщеніи СПБ. Общества любителей шахматной игры, 31 мая 1888 г.

Бѣлые. N. N.	Черные. С. Синицынъ.	Бѣлые. N. N.	Черные. С. Синицынъ.
1. e 2 — e 4 d 2 — d 4	1. c 7 — c 5	11. Ф a 4 : a 8	11. К e5 : c4
2. Ф d 1 — h5+	2. g 7 — g 6	12. b 2 — b 3	12. К c4 — b6
3. Ф h 5 : c 5	3. К b 8 — c 6	13. Ф a 8 — a 3	13. К f6 : e4
4. Ф c 5 — c 4	4. e 7 — e 5	14. С c 1 — b 2	14. С g 7 : b 2
5. d 4 : e 5	5. К c 6 : e 5	15. Ф a 3 : b 2	15. 0 — 0.
6. Ф c 4 — b 5	6. С f 8 — g 7	16. К g 1 — f 3	16. С c8 — b7
7. К b 1 — c 3	7. a 7 — a 6	17. Л a 1 — d 1	17. Ф d8 — e7
8. Ф b 5 — a 4	8. К g 8 — f 6	18. 0 — 0	18. Л f 8 : f 3!
9. С f 1 — c 4	9. b 7 — b 5	19. g 2 : f 3	19. Ф e7 — g5+
10. К c 3 : b 5	10. a 6 : b 5	20. Кр. g1 — h1	20. К e4 — d 2
		Сдаются.	

Рѣшеніе ребуса № 37 (помѣщеннаго въ № 21).

„Кто старое помянетъ — тому глазъ вонъ“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ**—поторопиться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПАРОВАЯ БИСКВИТНАЯ ФАБРИКА

С.-Петербургъ. 129, Обводный каналъ, 129.

Поставщики Его Императорскаго Высочества Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА Младшаго, Императорской Охоты, **Ея Величества Королевы Великобританіи, Принца Уэльскаго**, а также: Kennel Club, Birmingham National Dog Show Society, Crystal Palace, Dog's Home Battersea, Société St. Hubert, Cercle de la Chasse и многихъ другихъ обществъ охоты и спорта.

СПРАТТСЪ ПАТЕНТЪ

БИСКВИТЫ для СОБАКЪ

съ мясомъ и овощами.

Цѣна за пудъ 3 руб.

КОРМЪ для ДОМАШНЕЙ ПТИЦЫ.

Самый питательный и удобоваримый кормъ (вполнѣ выпеченный) для откармливанія и приготовленія птицъ къ выставкамъ; неоцѣнимъ для цыплятъ, молодыхъ индюковъ и гусей. **Цѣна за пудъ 3 руб.**

Бисквиты и **кормъ** для **куръ** можно получать:

Въ Москвѣ: у агента **Ф. ЛІОНЪ**, въ Архангельскомъ пер., близъ Меньшиковой башни, д. бр. Кудрявцевыхъ. Mt. № 3248 2—1

ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА
А. Д. СТУПИНА
поступили НОВЫЯ КНИГИ въ продажу:

ВЕСНА и ЛѢТО лучшая пора излѣченія тяжкихъ, застарѣлыхъ болѣзней: ревматизма, геморроя, подагры, одышки, упорнаго кашля, золотухи и пр. и пр. декоктами, травами, растительными соками, минеральными водами, ваннами и другими лѣчебными способами, подробно изложенными въ предлагаемомъ лечебникѣ.

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ (домашній лѣчебникъ), практическое руководство къ самосохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости: Предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней: наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыхъ и заразительныхъ и ихъ лѣченіе испытанными простыми, домашними и врачебными средствами, безъ помощи врача и аптеки, по правиламъ аллопатіи, гомеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Болѣе **3000** рецептовъ лѣкарствъ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). **Полный популярный курсъ медицины,** 4-е изданіе, въ 2-хъ частяхъ, съ **137** рисун., общедоступно изложен. д-ромъ **Андреевскимъ.** 1,120 стр. убористаго шрифта, М. 1887 г., ц., 3 р. съ пересылкой 3 р. 30 к., въ переплетѣ 4 р. съ пересылкой. Предлагаемая книга (еще 1-е изданіе) удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ, которые помѣщены на 1-й стр. этой книги.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ для народа и всѣхъ нуждающихся во врачебной помощи. **Самопомощь** въ несчастныхъ случаяхъ и различныхъ болѣзняхъ: наружныхъ и внутреннихъ, простыхъ и заразныхъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыми домашними и общедоступными средствами, которыя всякій можетъ имѣть подъ рукою и употребленіе которыхъ нимало не опасно. Съ краткимъ описаніемъ строенія человѣческаго тѣла и съ **27** общепонятными рисунками. Составилъ д-ръ **Андреевскій**. Москва, 1886 г. 200 стр. убористой печати. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к., въ переп. кореш. съ перес. 1 руб.

Особенно весной, лѣтомъ и осенью домашній скотъ страдаетъ и гибнетъ отъ разныхъ заразныхъ и повальныхъ болѣзней, насѣкомыхъ и пр. Разумныя и своевременныя мѣры спасаютъ его отъ гибели. Эти мѣры указаны въ предлагаемой книгѣ, которая можетъ вполнѣ замѣнить опытнаго ветеринара, какъ для предупрежденія, такъ и для излѣченія всѣхъ болѣзней домашняго скота.

ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА (полный ското-лѣчебникъ). Всѣ болѣзни домашнихъ животныхъ, лѣченіе простыми, домашними и врачебными средствами. Домашняя аптека, дѣйствіе и употребленіе различныхъ лѣкарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ. Холощеніе, ковка и проч. операціи надъ домашними животными. Болѣе **1000** рецептовъ испытанныхъ лѣкарствъ (на русск. языкѣ), съ 172 рисунками. Въ 2 частяхъ. Общепонятно изложено ветеринаромъ-практикомъ **П. Павловскимъ.** 2-е дополн. изд. М. 1888 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к., въ коленкор. пер. 4 р. съ перес. Предлагаемая книга (еще 1-е изданіе) удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ, которые помѣщены на 1-й стр. этой книги.

АЛЬБОМЪ ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНЫХЪ и СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ. Приспособленіе къ простому изученію всевозможн. сооруженій въ современномъ вкусѣ. **Фасады и планы**, съ детальными чертежами на **50** лист. на александрійск. бумагѣ, печатаны въ краскахъ, съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и смѣтнаго исчисленія на количество матеріаловъ и рабочихъ, потребныхъ на каждое строеніе. Сост. инженеры-архитекторы **В. Г. Залѣсскій, А. Поповъ, Гр. де-Рошфоръ, М. Геппенеръ, К. Быковскій** и др. Изданіе 2-е. Москва, 1887 г. Цѣна въ папкѣ 10 р., въ коленк. перепл. 12 р., въ роскошномъ перепл. съ золот. обрѣз. 15 р. съ пересылкой. Московское Архитектурное Общество, по разсмотрѣніи настоящей книги, признало, что „Альбомъ" очень полезенъ какъ для архитекторовъ, такъ и вообще для строителей. Цѣль альбома дать строителямъ пособіе при выборѣ и составленіи проектовъ означенныхъ построекъ, причемъ многія изъ помѣщенныхъ въ альбомѣ уже исполнены въ натурѣ.

СТОЛЯРНОЕ и ПЛОТНИЧНОЕ ИСКУССТВО, состоящее изъ **165** рисунковъ: образцовъ и манеровъ оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетныхъ половъ, глухихъ и рѣшетчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодцевъ. Изданіе большаго формата, въ 4-ю долю листа. Москва, 1887 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

Соч. А. С. ПУШКИНА, изданныя для юношества, подъ редакціею В. П. Авенаріуса. Съ біографіею поэта, портретами и снимками съ почерка его, картинами и политипажами. **Томъ I.** Стихотворенія и сказки. **Томъ II.** Поэмы и драматическія произведенія. **Томъ III** Проза. Въ него вошло изъ сочиненій Пушкина все доступное и соотвѣтствующее юношескому возрасту. Всѣ миѳологическіе, историческіе и другіе научные имена и термины, намеки на мало извѣстныя личности и частные случаи, а также ближайшіе поводы къ созданію наиболѣе замѣчательныхъ произведеній объяснены въ примѣчаніяхъ къ каждому тому. Москва. 1888 г. Цѣна за три тома 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к., въ корешк. перепл. съ перес. 2 р., въ коленк. перепл. съ перес. 2 р. 50 к. № 3243

Сказки А. С. ПУШКИНА. Подъ редакціею В. П. Авенаріуса. Изящное иллюстрированное изданіе, отпечатанное въ большую 8-ю долю листа, крупнымъ шрифтомъ. Москва. 1888 г. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к., на роскошной бумагѣ 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., тоже въ изящной папкѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., въ изящномъ коленк. перепл. съ перес. 2 р.

☞ **Прошу гг. иногородныхъ адресоваться за вышеознач. книгами въ контору ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСѢЯ ДМ. СТУПИНА, Москва, Никольская, рядомъ съ Ремесленной Управой**. Вмѣсто мелочи могутъ прикладывать почтовыми марками.

Въ концѣ Іюня поступитъ въ продажу **новый историческій романъ**

ВЛАДИМІРЪ
КРАСНОЕ СОЛНЫШКО
или
900 ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Ф. В. Доброва. С.-Петербургъ, 1888 г. Цѣна **1** р. **50** к.

За честь и свободу. Историческій романъ изъ временъ освобожденія Малороссіи, въ 2-хъ частяхъ, **Александра Соколова**. Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Роковая тайна. Романъ **Чарльса Рида**. Перев. съ англійск. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Князь Соломорѣцкій. Современный романъ въ двухъ частяхъ. **І. И. Крашевскаго.** Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Наслѣдница. Сочиненіе **Коломбъ.** Переводъ съ французскаго. Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Безъ вѣсти пропавшій. Романъ въ 2-хъ частяхъ, **Ив. Кашкарова.** Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Обновленная жизнь. Посвящается русскому дворянству. Романъ въ 4-хъ частяхъ, **И. Д. Кашкарова.** Спб. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣтка черемухи или Богъ пути кажетъ. Оригинальный романъ въ 3-хъ частяхъ, **Ек. Соколовой.** Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Перстъ Божій. Романъ въ двухъ частяхъ, изъ архивной хроники недавняго прошлаго въ Бѣлоруссіи, **Ф. Домбровскаго.** Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дочь сельскаго священника. Повѣсть **Ф. В. Бѣлорусса-Домбровскаго.** Спб. 1888 г. Ц. 75 к.

Д. Д. Минаевъ (сынъ). I. ЛИШНІЯ ЧУВСТВА. Повѣсть въ двухъ частяхъ. II. ПОНЕВОЛѢ. Разск. Спб. 1888 г. Ц. 1 руб.

Надя. Повѣсть **Н. Л.** Спб. Ц. 1 р.

Александръ Плещеевъ. За кулисами и въ публикѣ. Оч. и разск. Спб. Ц. 1 р.

Докт. Мед. Месснеръ. Какъ предохранить себя отъ заразныхъ (инфекціонныхъ) болѣзней? Спб. Ц. 30 к.

Нашъ нервный вѣкъ. Популярное сочиненіе профессора **Крафтъ-Эбинга** о здоровыхъ и больныхъ нервахъ. Изданіе второе. Ц. 1 руб.

ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ:

ЛОРДЪ ЧЕСТЕРФИЛЬДЪ.

Хорошій тонъ или житейская мудрость и знаніе свѣта. Сборникъ правилъ и совѣтовъ общественной жизни, какъ для высшаго, такъ и для средняго и торговаго классовъ. Спб. 1887 г. Цѣна въ красивомъ переплетѣ 1 р. 50 к. № 324[illegible]

Выписывающіе вышеозначенныя книги изъ книжнаго склада иллюстрированнаго журнала „РОДИНА", **Спб., Невскій просп., № 80,** за пересылку не платятъ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 21,

предлагаетъ свои услуги по банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ со всею аккуратностью за умѣренное вознагражденіе. Условія операцій, необходимыя свѣдѣнія и справки выдаются по первому требованію Конторою, какъ равно ея агентами въ провинціи.

Благонадежныя лица въ провинціальныхъ городахъ Имперіи приглашаются въ качествѣ агентовъ. При предложеніи указать на рекомендаціи. № 3206 14—5

КУПАНЬЕ СОДЕНЪ У ТАУНУСА
ОТЕЛЬ КОЛЛОЗЕУСЪ
ВЛАДѢЛЕЦЪ: ФРИДР. ХРИСТІАНЪ.

Давно извѣстная первоклассная гостинница съ большимъ тѣнистымъ садомъ, въ превосходной мѣстности, противъ парка, купальни и заведен. минеральн. водъ. Извѣстна своей хорошей кухней и хорошими винами. Очень удобна и рекомендуется спеціально для болѣе долгаго прожитія пріѣзжающихъ на воды. Внимательный уходъ, умѣренныя цѣны. Поѣздки въ собственныхъ экипажахъ въ окрестности. Р. № 3231 3—2

ОТЪ
ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

Съ 20 Іюня сего года Государственный Банкъ приступитъ къ обмѣну облигацій 2-го восточнаго займа на новыя съ купонами на 2-е десятилѣтіе.

Обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Облигаціи могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣ Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы облигацій, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ облигаціи въ 5% Отдѣленіе Банка при объявленіяхъ установленныхъ формъ (для именныхъ и предъявительскихъ), вписывая въ нихъ №№ облигацій по достоинствамъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Новыя облигаціи будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинствъ и за тѣми же нумерами, какъ облигаціи 1-го десятилѣтія.

4) При пріемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка облигацій для обмѣна съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за коммиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждаго листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ облигацій) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу. За обмѣнъ облигацій чрезъ посредство Московской, Варшавской, Кіевской, Харьковской, Одесской или Рижской Конторъ Банка, если облигаціи будутъ представлены къ обмѣну не позже 1 Октября 1888 года, взамѣнъ почтовыхъ и коммиссіонныхъ сборовъ будетъ взимаемо по 15 к. за каждую 100 рублевую облигацію или куп. листъ и по 75 к. за каждую 1000 рублевую облигацію или куп. листъ.

5) Облигаціи, находящіяся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, какъ выданныя на предъявителя, такъ и написанныя на имена вкладчиковъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ. За коммиссію по такому обмѣну будетъ взято по 10 коп. съ каждаго листа, а съ вкладчиковъ Конторъ и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы согласно п. 4.

6) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ облигаціи чрезъ посредство Отдѣленія вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ Конторъ и Отдѣленій Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ— до 1 Августа, а въ Конторы и Отдѣленія Банка – до 1 Сентября текущаго года.

7) Для полученія новыхъ купонныхъ листовъ съ талонами на 2-е десятилѣтіе могутъ быть представляемы также одни талоны (безъ облигацій). Выдача новыхъ купонныхъ листовъ будетъ производима предъявителямъ талоновъ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что для уплаты страховаго сбора при пересылкѣ купонные листы будутъ оцѣниваемы въ половину номинальной стоимости облигацій.

8) Владѣльцы именныхъ облигацій, желающіе получить новыя облигаціи на предъявителя или на другое имя, а также поручающіе высылку своихъ облигацій по адресу другихъ лицъ, присылаютъ объявленія о семъ съ засвидѣтельствованіемъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ. Отъ постороннихъ лицъ именныя облигаціи, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда новыя потребуются на прежнія имена, представляются въ Банкъ съ законными довѣренностями владѣльцевъ.

9) При именныхъ облигаціяхъ, перешедшихъ къ настоящимъ владѣльцамъ по наслѣдству, судебнымъ постановленіямъ или другимъ актамъ, должны быть представляемы сіи документы, а также удостовѣреніе объ уплатѣ пошлинъ, установленныхъ закономъ 15 іюня 1882 года.

10) Совершеннолѣтніе владѣльцы именныхъ облигацій, названные въ надписи на облигаціяхъ малолѣтними, должны представить при обмѣниваемыхъ облигаціяхъ метрическія свидѣтельства о своемъ рожденіи въ удостовѣреніе того, что они достигли совершеннолѣтія.

11) Владѣльцы именныхъ облигацій къ своимъ заявленіямъ, подаваемымъ лично въ Государственный Банкъ, должны прилагать полицейскія или нотаріальныя свидѣтельства о личности.

12) При именныхъ облигаціяхъ, представляемыхъ къ обмѣну по порученію владѣльцевъ банками и банкирскими конторами, должны быть прилагаемы заявленія владѣльцевъ на имя Государственнаго Банка съ засвидѣтельствованіемъ подписи владѣльцевъ нотаріальнымъ порядкомъ.

13) Облигаціи, находящіяся въ Дворянскихъ Опекахъ, Сиротскихъ Судахъ или въ казенныхъ установленіяхъ на храненіи, въ залогѣ по подрядамъ, поставкамъ и проч., будутъ обмѣниваемы на общемъ основаніи.

14) Облигаціи, написанныя на имя лицъ, состоящихъ подъ опекою, для обмѣна съ написаніемъ на то же имя могутъ быть представляемы опекунами, съ приложеніемъ указовъ опекунскихъ учрежденій о назначеніи ихъ опекунами.

15) Въ тѣхъ случаяхъ, когда приложенные подлинные документы требуются обратно должны быть представляемы, для оставленія при дѣлахъ Банка, засвидѣтельствованныя нотаріальнымъ порядкомъ копіи.

При этомъ Государственный Банкъ имѣетъ честь присовокупить:

а) пріемъ къ обмѣну облигацій и талоновъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ облигацій и купонныхъ листовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новыя облигаціи или купонные листы будутъ выдаваемы чрезъ 14 дней по представленіи старыхъ облигацій или талоновъ: если окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ;

б) въ пріемѣ облигацій и талоновъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ;

в) за обмѣнъ облигацій или талоновъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается, почтовые-же расходы по высылкѣ новыхъ облигацій или купонныхъ листовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ присылать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочные купоны. Тѣмъ владѣльцамъ, которые пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ предъявительскія облигаціи 1-го десятилѣтія безотносительно къ нумерамъ, но въ кратчайшій срокъ, могутъ быть выдаваемы новыя облигаціи изъ числа принадлежащихъ Банку (насколько это будетъ возможно по соображенію съ количествомъ сихъ облигацій). Такимъ лицамъ будутъ выдаваемы новыя облигаціи немедленно по предъявленіи старыхъ при особыхъ объявленіяхъ по установленной формѣ, причемъ за производство обмѣна внѣ общаго порядка будетъ взимаемо 10 коп. съ каждой облигаціи 100 руб. достоинства и 25 к. съ облигаціи 1000 р. достоинства;

г) въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ облигацій или талоновъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ; такія порученія будутъ оставляемы безъ исполненія;

и д) во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ облигацій, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адреса, такъ и ближайшія почтовыя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Іюня 1888 года. Подписалъ **Управляющій А. Цимсенъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 22 іюня 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, С. Подъяч., д. 1.